

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

*QCA

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

INDEXED

...ский

Угледовск

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

Знаменитый

ЖУРНАЛЪ

литературный и политический

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

20

— 20 —

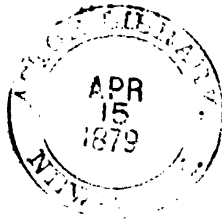
ТОМЪ ДВАДЦАТЫЙ

— —

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАТКОВА И К^о.

—
1859.
—

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 15-го марта 1859 года.

Ценсоръ А. Драшуровъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДВАДЦАТАГО ТОМА.

МАРТЪ: КНИЖКА ПЕРВАЯ.

	Стр.
Историческія письма. <i>С. М. Соловьева.</i>	5
Путешествіе по Америкѣ. II. Флорида. <i>Э. Р. Циммермана.</i> 23 ✓	23
Изъ провинціальной галереи портретовъ. Выдержка на пробу. <i>Кохановской.</i>	61
Проклятыя деньги. Изъ Фредерика Бастіа.	158
Бальныя грезы. (Октавы.) <i>Н. О. Щербины.</i>	181

МАРТЪ: КНИЖКА ВТОРАЯ.

О необходимыхъ гарантіяхъ уголовного суда. <i>С. И. Баршева.</i>	185
Вклады въ банкахъ или билеты непрерывнаго дохода? <i>Е. Н. Ламапскаго.</i>	221
Гарць. Изъ Гейне. <i>М. Л. Михайлова.</i>	245
Двѣ Маменьки. Повѣсть <i>Н. Николаенко.</i>	299
Къ... (Изъ лорда Байрона) <i>К. К. Павловой.</i>	347

АПРѢЛЬ: КНИЖКА ПЕРВАЯ.

Западная Европа въ дофеодальную эпоху. Очерки сравнительной исторіи политическихъ учрежденій и сословныхъ отношеній во Франціи, Англіи и Германіи. XXIII.—XXXIII. <i>Г. В. Вызинскаго.</i>	349
Преданія и пѣсни уральскихъ козаковъ. I.—II. <i>И. И. Жельзнова.</i>	407
Тоска по родинѣ. Стихотвореніе (изъ Эйхендорфа). <i>М. Л. Михайлова.</i>	434
Семейное счастье. Часть первая. <i>Гр. Л. П. Толстаго.</i>	435
Уильямъ Чаннингъ о трезвости.	474
Сонетъ. Стихотвореніе (изъ Филикайя). <i>Н. В. Берга.</i>	508

АПРѢЛЬ: КНИЖКА ВТОРАЯ.

Объ измѣненіи существующей системы снабженія войскъ вещами.—I. II.— <i>Д. Н. Каменскаго</i>	509
Записки Гизо. Водвореніе іюльской монархіи.—I.— <i>Е. М. Обокистова</i>	547
✓ Преданія и пѣсни Уральскихъ козаковъ. III.—V. <i>І. И. Жельзнова</i>	572
✓ Семейное счастье. Часть вторая. (Окончаніе). Гр. <i>Л. Н. Толстаю</i>	595
Последнее слово о полиціи <i>С. С. Громеки</i>	635
Весна. Изъ Гейне <i>М. Л. Михайлова</i>	654

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПИСЬМА

Ты меня спрашиваешь, любезный другъ, откуда происходитъ то явленіе, что Нѣмцы и Славяне одинаково сильно хлопочуть объ общинѣ, и каждое изъ этихъ племенъ хочетъ присвоить себѣ общину какъ произведеніе своей національности? гдѣ взять новаго Соломона, говоришь ты, который бы рѣшилъ этотъ споръ о дорогомъ дѣтищѣ? Я не думаю, любезный другъ, чтобы нужна была мудрость Соломонова при рѣшеніи этихъ вопросовъ. Въ одномъ изъ прежнихъ писемъ моихъ къ тебѣ (1) я старался показать, что вопросы о частныхъ союзахъ стали главными вопросами настоящаго времени; исторію же вопроса объ общинѣ ты знаешь хорошо: сначала поднялся вопросъ о городской общинѣ вслѣдствіе того, что среднее сословіе въ Европѣ приобрьло такое важное значеніе съ конца прошлаго вѣка; это сословіе хотѣло знать свою исторію; ты знаешь заслуги знаменитыхъ французскихъ историковъ въ этомъ отношеніи для ихъ исторіи; знаешь, какъ нѣмецкіе ученые обработали этотъ предметъ, помнишь споръ, поднятый о томъ, какого происхожденія городова я европейская община, римскаго или германскаго?—споръ, нашедшій отголосокъ въ книгѣ нашего Кудрявцева (*Судьбы Италіи*). Но къ вопросу объ исторіи средняго сословія скоро присоединился вопросъ о судьбахъ сельскаго народонаселенія, важный вопросъ о землевладѣніи, поднятый страшилищемъ пролетаріата; такимъ образомъ выдвинулся вопросъ и о сельской общинѣ. Русская жизнь и русская наука не могли остаться чуж-

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* 1858 года № 5.

дыми этихъ вопросовъ. Здѣсь дѣло не въ подражаніи; дѣло въ томъ, что волею, неволею мы вошли въ семью европейскихъ народовъ, живемъ общою съ ними жизнію: «Мы Европейцы, и ничто европейское не можетъ быть намъ чуждо». Но при этомъ мое положеніе будетъ всегда одно и то же: нѣтъ пользы, взявши вопросъ изъ жизни, насильно навязывать его наукѣ. Жизнь имѣетъ полное право предлагать вопросы наукѣ; наука имѣетъ обязанность отвѣчать на вопросы жизни; но польза отъ этого рѣшенія для жизни будетъ только тогда, когда, во-первыхъ, жизнь не будетъ торопить науку рѣшить дѣло какъ можно скорѣе, ибо у науки сборы долги, и бѣда если она ускоритъ эти сборы; и, во-вторыхъ, когда жизнь не будетъ навязывать наукѣ рѣшеніе вопроса, заранѣе уже составленное, вслѣдствіе господства того или другаго взгляда; жизнь своими движеніями и требованіями должна возбуждать науку, но не должна учить науку, а должна учиться у нея.

Что же касается вопроса, составляетъ ли община явленіе германской или славянской народности, то объ этомъ говорить много не нужно: всякій, кто хотя сколько-нибудь знакомъ съ сравнительнымъ изученіемъ исторіи общественныхъ формъ и явленій у разныхъ народовъ, знаетъ хорошо, что общинный бытъ есть столько же національное явленіе и у Славянъ, какъ у Германцевъ. Вопросъ можетъ идти только объ особенностяхъ и степени развитія. Рѣшеніемъ этого-то вопроса я и хочу теперь занять тебя.

Съ половины IX вѣка черезъ внесеніе новыхъ общественныхъ элементовъ, вслѣдствіе появленія князей варяжскихъ, произошло между нашими восточными Славянами движеніе, поведшее необходимо къ ослабленію первоначальнаго родоваго быта и къ развитію быта общиннаго. Передъ нами община новорожденная, община первобытная, со всею простотою и неопредѣленностію отношеній. Опредѣленіе было впереди. Опредѣленіе болѣе или менѣе точное есть слѣдствіе болѣе или менѣе яснаго сознанія отношеній, правъ и обязанностей; сознаніе въ послѣдующія времена является какъ результатъ науки, но въ древнія времена, о которыхъ идетъ рѣчь, болѣе или менѣе ясное сознаніе есть слѣдствіе болѣе или менѣе рѣзкихъ столкновеній, рѣзкихъ сопоставленій общественныхъ элементовъ и равномѣрно сильнаго ихъ развитія; сознаніе добывается тутъ путемъ факта. Завоеватель и завоеванный лицомъ къ лицу въ ежедневной жизни: вотъ рѣзкое сопоставленіе, и

отсюда рѣзкое опредѣленіе отношеній; у одного всѣ права, у другого однѣ обязанности, сознание этихъ отношеній ясно и у того, и у другого. Если завоеванный съ теченіемъ времени пріобрѣтаетъ силы для борьбы съ завоевателемъ, то оба вступаютъ въ борьбу при ясномъ опредѣленіи своихъ отношеній, и измѣненіе въ этихъ отношеніяхъ происходитъ также сознательно и потому рѣзко опредѣленно; все происходитъ выпукло и крѣпко. Кто осилилъ окончательно въ борьбѣ—это другой вопросъ; иногда осиливаетъ третій элементъ, не вступавшій первоначально въ борьбу; иногда между борющимися сторонами заключаются сдѣлки, мировыя относительно третьей стороны, съ яснымъ опредѣленіемъ отношеній къ послѣдней и другъ къ другу: во всякомъ случаѣ борьба не остается безъ вліянія на окрѣпленіе общественнаго организма. Иначе бываетъ, когда въ первоначальномъ, неразвитомъ обществѣ элементы общественные находятся въ неопредѣленномъ, мягкомъ отношеніи другъ къ другу. При такихъ условіяхъ, опредѣленіе отношеній идетъ очень медленно, перерывчиво, нетвердо; сознание общественнаго челоука не ясно. Это медленное, безъ яснаго сознанія, ошущью идущее внутреннее движеніе еще болѣе затрудняется, останавливается, когда происходитъ сильное внѣшнее государственное движеніе, когда внутреннее движеніе не уравнивается со внѣшнимъ, общественное съ государственнымъ; отсюда при неразвитости формъ общество готово принять чужія формы, выработанныя чужою жизнію. Здѣсь, разумѣется, спасеніе въ просвѣщеніи: наука даетъ ясность сознанію; но теорія не такъ спора безъ практики.

Но обратимся къ древней русской общинѣ, посмотримъ, какъ были опредѣлены отношенія къ князю и намѣстнику? Говорили ли славянскіе послы Рюрику, что его призываютъ для ~~правды~~, или не говорили, для насъ это все равно; для насъ важно то, что въ словахъ лѣтописца высказалось сознание современнаго ему общества объ отношеніяхъ князя къ подвластному народонаселенію. Дѣйствительно, какъ бы князь или посадникъ его сами ни смотрѣли на свои отношенія къ общинѣ, община видѣла въ нихъ людей, призванныхъ для правды. Но какъ производилась правда, какое участіе, какое значеніе имѣлъ здѣсь князь или его посадникъ? Это было лицо постороннее, чужое, обязанное смотрѣть, чтобы въ общинѣ была правда; чтобы всѣ споры и столкновенія рѣшались по правдѣ, чтобы лихимъ людямъ не было воли дѣлать дурно, чтобы вредъ, ими

причиненный, былъ вознагражденъ; но это лицо должно было смотрѣть, чтобы сама община, самъ міръ судилъ и рядилъ по правдѣ, чтобъ община не держала у себя лихихъ людей безнаказанными, чтобъ община хлопотала о сохраненіи порядка. Князь или посадникъ вовсе не хотѣли брать на себя обязанности или присвоивать себѣ право самимъ все судить и рядить, не имѣли понятія о необходимости этой обязанности, о выгодѣ этого права для себя, наконецъ не имѣли матеріальныхъ средствъ пользоваться этимъ правомъ. Ложность современныхъ взглядовъ на древнее состояніе общества происходитъ отъ того, что мы никакъ не можемъ отрѣшиться отъ своихъ понятій, отъ своихъ привычекъ къ опредѣленности, къ рѣзкому разграниченію между правами и обязанностями; тогда какъ въ древнемъ обществѣ этой опредѣленности, этого разграниченія вовсе не было: что теперь считается правомъ, то прежде считалось обязанностію и обязанностію тяжелою. Первоначально судъ принадлежалъ міру, общинѣ; когда община не могла рѣшить дѣла, когда являлась жалоба на неправду, на насиліе сильныхъ, тогда рѣшалъ дѣло намѣстникъ или самъ князь. Первоначальный видъ мірскихъ или общинныхъ судовъ представляютъ намъ суды сельскихъ общинъ западной Россіи, какъ они существовали еще въ XVI вѣкѣ: на *вльче*, *куну*, *копу* или *громаду* сходились всѣ домохозяева; ихъ сыновья и братья, не имѣвшіе отдѣльныхъ хозяйствъ, также женщины, являлись на сходку только по особому требованію копы и не для совѣщанія, а только для свидѣтельскихъ показаній. Между домохозяевами, сходатаями или судьями копными отличались старцы, которыхъ мнѣніе пользовалось уваженіемъ особенно въ такихъ случаяхъ, когда нужно было постановить приговоръ на основаніи давнихъ рѣшеній. Въ древности, когда родовой бытъ былъ крѣпче, роды были обширнѣе, родоначальники, старцы имѣли все представительство, и въ совѣтахъ первыхъ князей нашихъ подлѣ бояръ мы находимъ этихъ старцевъ городскихъ, представителей міра, общины; послѣ, съ ослабленіемъ родоваго быта, съ размельченіемъ родовъ, представителями общины являются домохозяева, многочисленнѣйшіе прежнихъ родоначальниковъ, и совѣтъ ихъ принимаетъ необходимо видъ вѣча, купы, громады, скупчины, особенно въ большихъ общинахъ; отсюда мы видимъ естественный, незамѣтный переходъ отъ рѣшенія дѣлъ княземъ въ совѣтъ съ боярами и старцами къ рѣшенію дѣлъ на вѣчѣ. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ общинъ мѣсто старцевъ, имѣющихъ пре-

восходство по естеству, по возрасту, заступаютъ лучшіе люди, имѣющіе превосходство не по одному возрасту; съ появленіемъ этого аристократическаго элемента въ общинѣ; лучшіе люди являются представителями общины, безъ нихъ нѣтъ суда. Что было сказано относительно суда, то же самое соблюдалось и относительно всѣхъ важныхъ дѣлъ, касавшихся одной общины и цѣлой волости княжеской: сперва эти дѣла рѣшались княземъ въ совѣтъ съ боярами и старцами, потомъ на вѣчѣ.

Таковы были первоначальныя отношенія дѣйствующихъ силъ въ древней русской общинѣ. Но теперь рождается самый важный вопросъ: подобныя отношенія служили ли ручательствомъ за благосостояніе общины, были ли они въ состояніи препятствовать той или другой силѣ уклониться отъ правды, отъ насилія? Очень рано слышатся уже жалобы на несправедливыя поступки посадниковъ и тиуновъ: при Всеволодѣ I, слышатся жалобы, что до людей церестала доходить княжая правда, слышатся жалобы, что посадники своими неправдами опустошили цѣлыя волости; при Всеволодѣ II Ольговичѣ тиуны княжескіе—одинъ разорилъ Кіевъ, другой Вышгородъ. Откуда же происходили такія явленія? Человѣкъ, посылаемый княземъ въ общину для правды, былъ членъ дружины княжеской; князь давалъ ему это названіе вмѣсто жалованья, какъ кормленіе; отсюда естественное стремленіе въ этомъ человѣкѣ кормиться какъ можно сытнѣе, вмѣсто соблюденія правды потворствовать кривдѣ, притягивать невиннаго къ суду, чтобы заставить его заплатить штрафъ. Что же община? Какія у нея были средства освободиться отъ подобнаго блюстителя правды? Для уясненія дѣла сравнимъ или противоположимъ западныя общины. Тамъ, вслѣдствіе хорошо извѣстныхъ тебѣ явленій, вельможа духовный или свѣтскій, какое бы названіе ни носилъ онъ, владѣлъ общиною наследственно или пожизненно, имѣлъ силу, власть самъ по себѣ, имѣлъ извѣстное право владѣть общиною; надъ нимъ былъ верховный повелитель, глава государства; но власть этого главы государства была очень слаба, именно вслѣдствіе большой власти, самостоятельности вельможъ, номинально ему подчиненныхъ, номинально зависимыхъ; между главою государства и этими вельможами, которые были сильны сами по себѣ, при первомъ случаѣ, при первомъ столкновеніи—открытая борьба. Община, выведенная изъ терпѣнія насиліями своего непосредственнаго владѣльца, возстаетъ на него, обращаясь къ главѣ государства, верховному блюстителю правды, и опираясь на его

высокое право, съ его согласія опредѣляетъ въ свою пользу отношеніе къ непосредственному владѣльцу, опредѣляетъ крѣпко, точно, ибо эти отношенія постоянныя, тутъ нѣтъ ничего личнаго, случайнаго. Въ древней Россіи лучшія, богатѣйшія, болѣе развитыя общины были подъ непосредственнымъ управленіемъ князей, совершенно самостоятельныхъ въ дѣлахъ внутренняго управленія, безъ всякой зависимости, даже и номинальной, отъ старшаго въ родѣ, или великаго князя; чиновники княжескіе были слуги князя, или лучше сказать, товарищи, дружинники; интересы князя не находились въ противоположности съ ихъ интересами, напротивъ были тѣсно соединены, князь нуждался въ нихъ, какъ въ защитникахъ, людяхъ, съ которыми могъ пріобрѣсть серебро и золото. По словамъ Св. Владиміра, князь содержалъ этихъ нужныхъ, близкихъ ему людей насчетъ общинъ, и потому послѣднимъ, въ своихъ столкновеніяхъ съ ними, трудно было найти себѣ управу, если князь не обладалъ такимъ широкимъ нравственнымъ взглядомъ, какъ на примѣръ Владиміръ Мономахъ. Возможность однако выйдти изъ этого положенія представилась для общины въ соперничествѣ князей другъ съ другомъ, въ усобицахъ между ними. Вслѣдствіе появленія многихъ князей-соперниковъ, изъ которыхъ каждый предъявлялъ свое право, общины получили возможность выбора между князьями, не возставая нисколько противъ власти княжеской, противъ князя вообще. Общины (кіевская и новгородская, ибо о другихъ намъ ничего не извѣстно по неизмѣнню полныхъ лѣтописей ихъ) вслѣдствіе соперничества, усобицы князей, пріобрѣли себѣ право выбора правительственныхъ лицъ: Игорь Ольговичъ, слыша неудовольствія Кіевлянъ на тиуновъ и грозимый движеніями Изяслава Мстиславича, къ которому Кіевляне обнаруживали расположеніе, — Игорь Ольговичъ далъ имъ право выбирать тиуновъ; послѣ видимъ, что Кіевляне заключаютъ ряды съ новыми князьями; Новгородцы, возставшіе противъ князя своего Всеволода Мстиславича за то, между прочимъ, что онъ не блюдетъ смердовъ, благодаря соперничеству князей, возможности находить у одного помощь противъ другаго, утвердили за собою право выбора правительственныхъ лицъ, право сажать въ судѣ подлѣ самого князя своего выборнаго посадника, наконецъ право выбирать самихъ князей, право, которое потомъ было отнесено какъ пожалованіе ко временамъ Ярослава I. Такимъ образомъ древнія русскія общины опредѣлили свои отношенія выборомъ правитель-

ственныхъ лицъ. Что касается другихъ подробностей общиннаго быта въ старыхъ русскихъ городахъ, то онѣ намъ извѣстнѣе въ Новгородѣ и Псковѣ. Извѣстны также и причины паденія этихъ общинъ: неумѣнье уладить отношенія между лучшими и меньшими людьми къ выгодѣ обоихъ, причемъ большинство легко отказалось отъ тѣхъ формъ быта, которыя были выгодны только для меньшинства. Что же касается до формъ общиннаго быта въ другихъ городахъ, то мы не имѣемъ права предполагать здѣсь сильное развитіе. Не надобно забывать продолжительности особнаго существованія Новгорода и Пскова, тогда какъ Кіевъ, Черниговъ и другіе города юго-западной Руси были разрушены Татарами еще въ XIII вѣкѣ, да и тѣ старые города, которые избѣгли этого разрушенія, напримѣръ Полоцкъ съ своими бѣлорусскими собратіями, принимаютъ чужое нѣмецкое общинное устройство, такъ-называемое магдебургское право; но дѣло очень хорошо извѣстное, что чужія формы, чужія опредѣленія принимаются только тогда, когда нѣтъ своихъ формъ и опредѣленій, выработавшихся самостоятельно: чужія формы и опредѣленія могутъ быть даны насильственно; но дѣло также очень хорошо извѣстное, что магдебургское право не было насильственно дано русскимъ городамъ.

Такъ было въ древней западной Россіи, отошедшей къ Литвѣ, и въ обломкахъ древней Россіи, сохранившихъ связь съ новою, восточною Россіей, въ Новгородѣ и Псковѣ. Теперь обратимся къ общинному быту въ восточной Россіи, въ которой совершилось дѣло собранія земли и дѣло централизаціи. Сказавши это, я уже опредѣлилъ значеніе общиннаго быта въ восточной Россіи, ибо здѣсь на очереди другое начало, которое усиливается безпрестанно и позволяетъ присутствіе при себѣ другихъ началъ только въ той степени, въ какой они не мѣшаютъ ему усиливаться. Возникновеніе и усиленіе одного какого-нибудь начала необходимо предполагаетъ слабость другихъ началъ, не могущихъ ему препятствовать, не могущихъ заявить свою силу, свою способность къ единовременному и одноправному съ нимъ существованію. Какія же были причины усиленія централизаціи и причины слабости другихъ началъ? Причины, могшія замедлять централизацію, могли заключаться или въ географическихъ, или въ этнографическихъ, или въ политическихъ особенностяхъ частей, при чемъ должно замѣтить, что эти причины особенности обыкновенно соединяются. Кто знакомъ

хотя сколько-нибудь съ географіею областей, составивших Московское государство, тотъ знаетъ, что здѣсь нѣтъ природныхъ препятствій къ централизаціи: нѣтъ высокихъ горъ, нѣтъ степей, столько же раздѣляющихъ народы, какъ и горы, нѣтъ рѣзкихъ переходовъ; здѣсь одна рѣчная область, область верхней Волги. Особность большихъ, издавна самостоятельныхъ племенъ, могла препятствовать централизаціи: такъ на особность большихъ племенъ въ Германіи указываютъ какъ на условіе, помѣшавшее государственному соединенію этой страны. Но въ восточной Россіи и этого условія, препятствовавшаго централизаціи, не было. Въ древней западной Россіи видимъ отдѣльныя племена, изъ которыхъ составила Русь; но и здѣсь, безъ натяжки, мы не можемъ указать значеніе этихъ племенъ въ исторіи; ибо для того, чтобъ особность племенъ имѣла вліяніе въ исторіи, надобны еще другія условія: надобно, чтобъ эти племена изначала имѣли особое свое правительство, чтобъ эти правители племенъ только насильственно подчинялись общему правительству и стремились къ независимости при первомъ удобномъ случаѣ; надобно, чтобы стремленія правителей совпадали съ стремленіями самихъ племенъ, изъ которыхъ ни одно не хотѣло бы подчиниться другому. Но ничего подобнаго не было у насъ въ древней Россіи, гдѣ плѣмена одновременно получили правителей изъ чужаго народа, гдѣ не Поляне завоевали Сѣверянъ и Древлянъ, гдѣ въ Черниговѣ, напримѣръ, сидѣлъ не князь изъ племени Сѣверянъ и не вельможа Варягъ, который, изъ стремленія къ самостоятельности, тѣсно соединилъ бы свои интересы съ интересами Сѣверянъ. Мы знаемъ, что въ Черниговѣ сидѣлъ князь, который очень мало обращалъ вниманія на единство своихъ интересовъ съ интересами Черниговцевъ или Сѣверянъ, который постоянно думалъ, какъ бы поскорѣе бросить Черниговъ и перебраться въ Кіевъ. Полная независимость младшихъ княжествъ отъ старшаго, относительно внутренняго управленія, уничтожала враждебное столкновеніе между ними. Но если и на юго-западѣ, гдѣ видимъ въ началѣ отдѣльныя племена, невозможно указать вліянія этихъ племенъ на судьбу страны, то на сѣверовостокѣ и племень-то вовсе не было. Здѣсь въ началѣ были племена Финскія; но напоръ славянской колонизаціи, совершившейся уже въ историческія времена, или отодвинулъ Финновъ, или ослабилъ ихъ; движеніе же Славянъ происходило не цѣлыми отдѣльными племенами, но въ разбродъ; да и поселившись въ новой странѣ, Славяне

не могли развить здѣсь племеннаго быта, ибо условія общества были уже иныя: здѣсь владѣли князья, которые строили города, куда приглашали насельниковъ. Племенную противоположность нельзя даже положить одною изъ причинъ вражды между старымъ городомъ Ростовомъ и молодыми городами, которыхъ Ростовъ былъ представителемъ, ибо нельзя предположить Ростовъ во времена Андрея Боголюбскаго финскимъ городомъ въ противоположность новымъ славянскимъ городамъ—Владиміру, Переяславлю и другимъ. Причина вражды прямо указана въ источникахъ, причина политическая, а не племенная: Ростовцы говорятъ: «Сожжемъ Владиміръ или посадимъ въ немъ своихъ посадниковъ, потому что Владимірцы наши холопы каменщики». Новые города слѣдовательно принимали въ себя ту часть народонаселенія старыхъ городовъ, которая называлась меньшими, младшими людьми въ противоположность лучшимъ людямъ. Этотъ выводъ колоній изъ меньшихъ людей не всегда происходилъ съ согласія лучшихъ людей, ибо не всегда уходили въ новые города только свободные меньшіе люди, уходили и несвободные, желавшіе этимъ уходомъ достать себѣ свободу. Вспомни, любезный другъ, преданіе о Холопьемъ городкѣ, преданіе, которое ясно произошло отъ названія города, но это названіе не нуждается ни въ какомъ преданіи для своего объясненія, ибо намъ извѣстенъ общій законъ переселеній, и въ частности намъ извѣстно происхожденіе вятскаго народонаселенія, происхожденіе козачества; наконецъ слова Ростовцевъ, что Владимірцы ихъ холопы, не оставляютъ никакого сомнѣнія насчетъ того, какъ образовывалось народонаселеніе новыхъ городовъ, хотя отчасти, ибо не принимать словъ, сказанныхъ Ростовцами, буквально будетъ уже натяжка съ нашей стороны. Андрей Боголюбскій и братья его утвердились въ новыхъ городахъ, въ пригородахъ, дали имъ первенство, и Ростовъ Великій не устоялъ въ борьбѣ съ ними. Паль городъ старій, вѣчевой, остались города, не привыкшіе къ вѣчу, къ самостоятельности. Что же насъ останавливаетъ въ этой борьбѣ Ростова съ Владиміромъ, Переяславемъ? Что представляютъ Ростовцы и что Владимірцы? Первые представляютъ лучшихъ людей, вторые—меньшихъ. Ростовцы вмѣстѣ съ боярами противятся централизаціи, начинаемой Боголюбскимъ и братьями его; Владимірцы съ братією, не имѣя никакихъ выгодъ поддерживать тѣ формы быта, которыя выгодны только для Ростовцевъ, даютъ поддержку централизующей силѣ,

ибо все выпуклое мѣшаетъ централизаціи, равное же представляетъ самый крѣпкій фундаментъ для нея. То же самое случилось послѣ въ XV вѣкѣ: Новгородъ потерялъ свои особенности, приравнялся къ другимъ городамъ, къ городамъ низовымъ: лучшіе люди, выпуклая часть новгородскаго народонаселенія, стояли за особность, но большинство, ровная часть народонаселенія, тянула къ прировненію, ибо не видала для себя въ особности тѣхъ выгодъ, какія имѣло меньшинство, выпуклая часть народонаселенія.

Не знаю, любезный другъ, какое впечатлѣніе производимо было на тебя возраженіями, направленными будто бы противъ моей гипотезы объ отношеніяхъ между старыми и новыми городами и важномъ значеніи этихъ отношеній. Никогда не думалъ я строить гипотезу, указывая на ясную, въ глаза бросающуюся связь судебъ Новгорода Великаго съ судьбами другихъ русскихъ общинъ, указывая въ XII вѣкѣ на начало борьбы, которая кончилась въ XV; никогда не думалъ я строить гипотезу, рѣшившись на живой борьбѣ общественныхъ отношеній, рѣшившись показать, какъ подлѣ междукняжескихъ отношеній образовывалась почва, складывался внизу фундаментъ, на которомъ построилось зданіе Московскаго государства. Ты помнишь, какъ возстали на меня за это перенесеніе исторіи изъ воздушныхъ пространствъ на твердую почву, за это обращеніе вниманія на другія явленія, безъ которыхъ отъ смѣны начала родового вотчиннымъ или семейнымъ рѣшительно ничего бы не вышло. Ты помнишь, какъ упрекали меня за то, что у меня между родовымъ и государственнымъ началомъ цѣлая пропасть; возражатели, исключительно носясь въ высокихъ воздушныхъ сферахъ началъ, не хотѣли замѣтить, что эта пропасть наполнена щебнемъ изъ развалинъ Ростова и Новгорода. Теперь взглядъ переѣнился; но теперь новыя странности въ нашемъ незрѣломъ, зеленомъ обществѣ: слышится голосъ капризнаго ребенка, который кричитъ на весь домъ, требуетъ у няньки, чтобъ она дала ему то, чего нѣтъ. «Ступай, нянька, зимою въ садъ и сорви яблоко!» Ловкая нянька вынимаетъ изъ кармана сухую заморскую сливу: «Ахъ, душенька, какая добрая сестрица! сбѣгала въ садъ и вотъ что сорвала! ахъ, что выросло у насъ въ садикѣ, ахъ, какая вкусная ягодка!» Честь и слава ловкой нянькѣ! она хорошо знаетъ, что съ ребенкомъ нельзя разсуждать о томъ, что зимою яблоки не растутъ. Такъ нечего противопоставлять разнымъ

крикамъ серьезныхъ разсужденія о томъ, что если одно начало усиливается, то это происходитъ необходимо вслѣдствіе слабости другихъ началъ, которыя все болѣе и болѣе ослабляются вслѣдствіе ббльшаго и ббльшаго усиленія одного начала; что, ослабляясь все болѣе и болѣе, они тѣмъ самымъ уходятъ на задній планъ, все менѣе и менѣе дѣйствуютъ, слѣдовательно все менѣе и менѣе заявляютъ себя передъ исторіею, и если дѣйствуютъ, то по отношенію къ господствующему началу; что ихъ развитіе, если оно происходитъ, подчиняется вліянію господствующаго начала, вліянію того хода событій, который условливается движеніемъ господствующаго начала; что историкъ не имѣетъ права, бросивши то, что дѣйствуетъ, и своимъ дѣйствіемъ объясняетъ намъ все въ прошедшемъ и настоящемъ, обратить свое вниманіе преимущественно на то, что находится въ бездѣйствіи или дѣйствуетъ слабо, развивается медленно; что обязанность историка показать причины, почему одно начало дѣйствуетъ на первомъ планѣ, а другія дѣйствуютъ слабо, медленно; что здѣсь обязанность его оканчивается, ибо этимъ онъ вполне освѣщаетъ настоящее, какъ результатъ прошедшаго; что историкъ, увлекшись какимъ-нибудь сочувствіемъ, не смѣетъ переищивать явленія по произволу, не смѣетъ выставить на первомъ планѣ то, что на немъ не находится, ибо настоящее сейчасъ же обнаружитъ фальшь: настоящее есть такая же повѣрка прошедшаго и на оборотъ, какъ въ ариметикѣ вычитаніе повѣряется сложеніемъ, сложеніе вычитаніемъ.

Но возвратимся къ нашему дѣлу. Главное явленіе, которое останавливаетъ насъ на сѣверѣ, это неразвитость городовыхъ общинъ вслѣдствіе неразвитости промышленности и торговли, вслѣдствіе бѣдности городовъ. Фактъ неоспоримый, что развитіе общиннаго быта вездѣ и у насъ въ Россіи основывалось на матеріальномъ благосостояніи, на развитіи промышленности и торговли. Почему Новгородъ, Псковъ, Кіевъ, Полоцкъ, Смоленскъ вписали свое имя въ исторію общиннаго быта въ Россіи? Потому что это были самые богатые, самые торговые города. Путь изъ Варягъ въ Греки, западная полоса Россіи отъ Балтійскаго до Чернаго моря, это главный торговый путь и главная историческая сцена въ нашей древней исторіи, на ней богатые торговые города и сильныя городовыя общины, обнаруживающія свою самостоятельность. Чѣмъ далѣе къ востоку, тѣмъ страна дичѣе и бѣднѣе, торговля и промышленность слабѣе, народонаселеніе рѣже. Отсюда необходимое слѣд-

ствіе, что когда историческая сцена перенесется на этотъ востокъ, то здѣсь ходъ исторіи будетъ иной, чѣмъ на западѣ, что на востокѣ мы не встрѣтимъ тѣхъ явленій, которыя характеризовали намъ древнѣйшую исторію, исторію западной Россіи, новое начало необходимо должно было явиться и усиливаться тамъ, гдѣ старое было слабо, и потому не могло выставить новому сильныхъ препятствій. Новгородъ отбилъ отъ Андрея Боголюбскаго, отъ Всеволода III и сына его Ярослава, и до половины XV вѣка могъ сохранить свою самостоятельность; Ростовъ же палъ скоро передъ Юрьевичами, знакъ того, какъ лучший, старшій городъ на востокѣ былъ бѣднѣе, слабѣе лучшаго города на западѣ. Послѣ паденія Ростова востокъ не представляетъ намъ вовсе такихъ выпуклыхъ явленій въ городской жизни, какія представляетъ западъ; здѣсь бѣдность развитія промышленнаго и торговаго провела уровень между городами и даже между городами и селами. Судьба городовъ въ Московскомъ государствѣ одинакова съ судьбою дружины: для силы какъ дружины, такъ и городовъ необходимо было одно и то же условіе — богатство, а его-то и не было. Когда начало слагаться государство, мы не видимъ членовъ дружины, вельможъ, богатыхъ, имѣющихъ обширныя земельныя владѣнія, имѣющихъ въ своей наслѣдственной власти цѣлыя области и города, могущихъ приобрести многочисленныхъ подручниковъ, которые бы получали отъ нихъ земли, недвижимое, такъ могущественно содѣйствующее скрѣпленію всякихъ связей и отношеній. Не было большихъ частныхъ союзовъ, не было того, чтобы множество малыхъ силъ группировались около большихъ силъ. Не забудь, любезный другъ, что я говорю: не было *большихъ* частныхъ союзовъ, ибо частные союзы были и у насъ въ древней Россіи, въ разныхъ видахъ, а именно на первомъ планѣ союзъ родовой, самый могущественный въ старину частный союзъ во всѣхъ слояхъ народонаселенія. О силѣ родоваго союза между людьми высшихъ чиновъ не нужно распространяться, эта сила слишкомъ рѣзко отмѣтила себя въ исторіи, укажу только на самыя характеристичныя черты родоваго союза даже въ XVII вѣкѣ: знаменитый Шеинъ, въ то время, когда шло дѣло объ освобожденіи его изъ польскаго плѣна, желая сообщить боярамъ важныя извѣстія, прислалъ въ русскій станъ спросить ихъ, нѣтъ ли съ ними какого-нибудь его Шеинскаго человѣка, или человѣка родичей (*повинныхъ*) его, Салтыковыхъ или Морозовыхъ, ибо только такому онъ можетъ повѣрять тайну. Въ XVII

же вѣкъ Милюковъ, женившійся на рабѣ князя Сонцева-Засѣкина, долженъ былъ заплатить за это сто рублей, и эти сто рублей были разложены на весь многочисленный родъ Милюковыхъ. На силу родового союза вообще во всѣхъ слояхъ народонаселенія ясно указываетъ то, что государство смотритъ на гражданина не иначе какъ на родоначальника, представителя своего рода, обязаннаго отвѣчать за своихъ младшихъ родичей: всякій N. N. не представлялся одинъ съ своею семьей, но съ братьями и племянниками, и князь Пожарскій, жалуясь государю на дурное поведеніе своего взрослого племянника, описывая, что никакія строгости и наказанія, употребленныя дядьями, не помогаютъ, обнаруживаетъ въ концѣ жалобы боязнь, чтобы государь не положилъ на него опалы за дурное поведеніе племянника. Но кромѣ родового союза существовали и другіе частные союзы, необходимые при государственной неразвитости, когда правительство, законъ не имѣютъ достаточно силы, чтобы дать каждому защиту, вслѣдствіе чего слабый стремится пріютить себя подъ защиту ближайшаго сильнаго: таково происхожденіе нашихъ старинныхъ *закладниковъ*, *сосѣдей*, *подсосѣдниковъ* и *зазрѣбетниковъ*. Все это начало тѣхъ самыхъ отношеній, которыя на Западѣ развились въ феодализмъ; у насъ же не развились именно потому, что у насъ сильные не были достаточно сильны для содѣланія себя центрами большихъ частныхъ союзовъ, что эта сила сильныхъ ослаблялась постоянно присутствіемъ и непосредственнымъ вліяніемъ централизующей силы, начавшей развиваться очень рано.

Дружинники были бѣдны своими вотчинами; самыми богатыми землевладѣльцами должны были быть князья, вступившіе въ службу къ государямъ московскимъ; но они вступили въ московскую службу не какъ владѣльцы своихъ прежнихъ княжествъ, своихъ прежнихъ городовъ, отъ которыхъ удержали только одно прозваніе; ихъ города, ихъ княжества отошли къ московскому государю; у нихъ оставалась только частная княжеская собственность; но эта собственность дробилась и умалаялась, вслѣдствіе сильнаго распложенія членовъ княжескихъ родовъ, вслѣдствіе отсутствія майората и вслѣдствіе обычая давать вотчинныя земли монастырямъ на поминъ души.

Но дружинники составляли войско. Въ старину на югозападѣ дружинники говорили князю при началѣ предпріятія: «Ты это, князь, самъ по себѣ задумалъ, мы объ этомъ не знали; такъ не идемъ за тобою.» Князь, покинутый дружиною, лишался

средствъ дѣйствовать и поддерживать свое значеніе. На сѣверо-востокѣ централизирующая сила скоро нашла возможность освободиться изъ-подъ вліянія старой дружины, и эта возможность, разумѣется, нанесла окончательный ударъ старымъ дружиннымъ княжескимъ и боярскимъ притязаніямъ. Централизирующая сила имѣла возможность создать большое войско, вполне отъ нея зависящее. Эту возможность доставило огромное количество земель, находившихся въ полномъ распоряженіи централизирующей власти, и вотъ явилась *помѣстная система*, имѣвшая такое могущественное вліяніе на судьбы Московскаго государства. Дружинники были бѣдны, не могли выдѣлять изъ своихъ вотчинъ участковъ другимъ съ условіемъ подручныхескихъ, вассальныхъ обязанностей; одинъ только московскій государь былъ такъ богатъ землею, что могъ выдѣлять изъ нея многочисленныя участки желавшимъ служить у него, съ полною и непосредственною зависимоścią отъ него. Охотниковъ нашлось много. Іоаннъ III, приведши Новгородъ въ свою волю, сказалъ его жителямъ: «Великій Новгородъ долженъ намъ дать волости и села, безъ того намъ нельзя держать государства своего въ Великомъ Новгородѣ», и взялъ волости владычни и монастырскія; эти земли были розданы дѣтямъ боярскимъ въ помѣстья: Іоаннъ показалъ, что значило, по его выраженію, держать государство. Іоаннъ не былъ брезгливъ въ выборѣ тѣхъ людей, посредствомъ которыхъ хотѣлъ держать государство: онъ велѣлъ распустить изъ княжескихъ и боярскихъ дворовъ служилыхъ людей, *послужильцевъ*, и далъ имъ помѣстья; такимъ образомъ у князей и бояръ отнималось средство быть самостоятельными чрезъ своихъ *послужильцевъ*; великій князь переводилъ, посредствомъ раздачи помѣстій, этихъ *послужильцевъ* въ непосредственную зависимость отъ себя, дѣлалъ ихъ своими *послужильцами*. Польскіе вельможи, пріобрѣтшіе самостоятельность и силу именно чрезъ земельное богатство, чрезъ возможность сосредоточивать около себя большое количество *послужильцевъ*, польскіе вельможи ясно понимали различіе положенія своего отъ положенія вельможъ московскихъ, и однимъ изъ препятствій къ избранію московскаго царя въ короли польскіе представляли то, что царь богатъ, и потому будетъ имѣть возможность отвлечь отъ нихъ всю бѣдную шляхту и превратить ее въ своихъ непосредственныхъ *послужильцевъ*.

Вопросъ о землѣ, о владѣннн ею сдѣлался господствующимъ вопросомъ въ Московскомъ государствѣ, начиная съ половины

XV вѣка, начиная именно съ образованія государства. Послѣ хаотической эпохи движеній, переходовъ, когда *недвижимое*, земля была далеко не на первомъ планѣ, наступила эпоха оспѣлости, и земля получаетъ важное значеніе, цѣна ея начинаетъ сильно чувствоваться. Вспомни, любезный другъ, какой вопросъ могущественно занимаетъ русское общество съ половины XV вѣка до конца XVI вѣка, съ какимъ вопросомъ встрѣчаешься ты постоянно при всѣхъ важныхъ спорахъ, при всѣхъ движеніяхъ, въ которыхъ сказывалась умственная жизнь русскихъ людей, при всѣхъ движеніяхъ, въ которыхъ принимали участіе самыя живыя, самыя выпуклыя личности: это вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли владѣть монастырямъ селами? Неужели одинъ чистый вопросъ монастырской дисциплины и нравственности могъ такъ сильно волновать общество? Дѣло въ томъ, что теперь и централизирующая сила, и люди, желающіе воспрепятствовать централизаціи, понимаютъ силу землевладѣнія. За землю начинается споръ. Съ одной стороны, московскіе государи видятъ, какое могущественное средство доставляетъ возможность распоряжаться большимъ количествомъ земли, приобрѣтать черезъ нее непосредственныхъ послужильцевъ; но количество земель, которыми могло располагать правительство, могло уменьшиться; государство владѣло и приобрѣтало все болѣе и болѣе земель на югѣ, юго-и сѣверо-востокѣ, но эти громадные пространства были ненаселены, тогда какъ для испомѣщенія послужильцевъ необходимы были земли ближайшія къ государственному центру, способныя имѣть населеніе, ибо только эта способность давала помѣщику ередства нести службу; но такими именно землями были архіерейскія и монастырскія вотчины, расположенныя въ старыхъ областяхъ, а не въ степной украинѣ и не въ безлюдныхъ пустыняхъ вятскихъ и пермскихъ. И монастырскія вотчины продолжали увеличиваться подобными же землями, вслѣдствіе отказа по душѣ старинныхъ вотчинъ землевладѣльцами разнаго званія. Такимъ образомъ, правительству чрезвычайно выгодно было бы имѣть въ своихъ рукахъ монастырскія земли для цѣли испомѣщенія служилыхъ людей, и потому не могло оно равнодушно смотрѣть на то, что служилые люди, черезъ отказъ вотчинъ въ монастыри, все болѣе и болѣе оскудѣвали наследственными землями, слѣдовательно все болѣе и болѣе нуждались въ помѣстьяхъ; и эти требованія переходили наконецъ уже границу выгодъ, происходившихъ для правительства отъ нужды служилыхъ людей въ помѣстьяхъ:

ибо вотчина не очень крупная не могла быть опасна, а служила только подспорьемъ для помѣстья, и ея исчезновеніе изъ рукъ служилаго человѣка было только вредно для правительства.

Съ другой стороны, самые видные представители вельможныхъ родовъ, яснѣе другихъ понимавшіе въ чемъ дѣло, князь Патрикѣвъ съ товарищи, также вооружились противъ права монастырей владѣть селами, ибо хорошо видѣли, какой ущербъ проистекаетъ для знатныхъ родовъ отъ обычая отказывать вотчины монастырскія и отъ права монастырей покупать вотчины; при чемъ монастыри, не дѣлившіе своихъ имѣній и постоянно богатѣвшіе, разумѣется, имѣли важное преимущество передъ бѣднѣвшими, вслѣдствіе раздѣленія имѣній, свѣтскими вотчинниками. Такимъ образомъ, противъ монастырскихъ вотчинъ былъ интересъ централизующаго начала вмѣстѣ съ интересомъ людей, вовсе не сочувствовавшихъ централизаціи. Іоаннъ III прямо вооружился противъ монастырскихъ вотчинъ, но счелъ за нужное уступить сильному сопротивленію, встрѣченному въ духовенствѣ. При сынѣ Іоанна III, Василіѣ, вопросъ былъ поднять съ новою силою княземъ Патрикѣвымъ (Вассіаномъ Косымъ) и Максимомъ Грекомъ, но не получилъ окончательной поддержки отъ великаго князя, вслѣдствіе вражды, которую сталъ питать Василій къ Патрикѣву и Максиму по дѣлу о разводѣ. Іоаннъ IV, вслѣдствіе ожесточенной вражды своей къ вельможамъ и вслѣдствіе непрерывныхъ и тяжелыхъ войнъ, имъ веденныхъ во все царствованіе, рѣшительно выдвинулъ на первый планъ землевладѣльческій интересъ служилыхъ людей, войсковой массы. Отбирая вотчины у богатыхъ князей, объявляя себя наследникомъ вотчинъ послѣ бездѣтныхъ князей, съ исключеніемъ дочерей, сестеръ и родственниковъ, Іоаннъ въ то же время вооружился и противъ увеличенія монастырскихъ вотчинъ въ ущербъ служилымъ людямъ: въ 1551 году запрещено было архіереямъ и монастырямъ покупать вотчины безъ царскаго позволенія; въ 1573 запрещено давать вотчины по душѣ въ большіе монастыри, велѣно отдавать ихъ роду и племени служилыхъ людей, чтобы въ службѣ убытку не было, и земля изъ службы не выходила бы; позволено было давать вотчины только монастырямъ малымъ съ позволенія государева; въ 1580 году запрещено было вовсе отказывать вотчины по душамъ въ монастыри, велѣно брать ихъ наследникамъ, хотя бы кто и далеко былъ въ роду. Наконецъ при сынѣ Грознаго, вслѣдствіе того, что какъ указано выше, былъ выдвинуть интересъ служилыхъ людей на

первый плакъ, послѣдовало прикрѣпленіе сельскаго народонаселенія, опять по поводу столкновенія этого интереса съ интересами церкви по вотчинамъ: «Земли митрополичьи, архіерейскія, владычни и монастырскія въ тарханахъ, никакой царской дани и земскихъ разметовъ не платять, а воинство, служилые люди эти земли оплачиваютъ; оттого большое запустѣніе за воинскими людьми въ отчинахъ ихъ и помѣстьяхъ; а крестьяне, вышедши изъ-за служилыхъ людей, живутъ за тарханами въ льготѣ, и отъ того великая тощета воинскимъ людямъ пришла», говорилось на соборѣ 20 іюля 1584 года.

Но въ то время, какъ помѣстье, это могущественное средство централизаціи въ Московскомъ государствѣ, сыграло такую важную роль на верху и внизу, въ судьбахъ старшихъ членовъ дружины съ одной стороны, и въ судьбахъ сельскаго народонаселенія съ другой, въ то же время оно сыграло не менѣе важную роль и въ судьбахъ городовъ, ибо уничтожило необходимость въ городскомъ войскѣ или необходимость обращаться къ городамъ за деньгами для содержанія наемнаго войска. Въ древней Руси князь имѣлъ нужду, впервыхъ, въ дружинѣ, съ которою могъ приобрѣсть серебро и золото, и которая уходила, если съ нею не спрашивались; но дружина не была многочисленна: для большихъ походовъ противъ внѣшняго врага или противъ родича-соперника князь нуждался въ городскомъ ополченіи: извѣстно, напримѣръ, какую помощь оказывалъ любимымъ князьямъ *сильный полкъ* кievскій. Главнымъ содержаніемъ обращеній князя къ городскому вѣчу былъ призывъ къ походу, на что, по разнымъ обстоятельствамъ и отношеніямъ, слѣдовало согласіе или несогласіе. На сѣверѣ же возможность создать войсковую массу посредствомъ помѣстья уничтожила необходимость въ городскихъ полкахъ. Въ началѣ княженія Іоанна III мы встрѣчаемъ послѣднее извѣстіе о походѣ московской городской рати, съ особеннымъ воеводою, ибо званіе тысяцкаго, постоянного воеводы городскихъ полковъ, было еще прежде уничтожено прадѣдомъ Іоанна III. Возможность имѣть свое войско посредствомъ помѣстья уничтожила необходимость въ наемномъ войскѣ. Такимъ образомъ въ Московскомъ государствѣ въ XV вѣкѣ мы видимъ то же явленіе, тѣ же отношенія по землевладѣнію между государемъ и служилыми людьми, какія видимъ въ западныхъ европейскихъ государствахъ въ первомъ вѣкѣ ихъ существованія, то-есть отношенія бенефициальныя или помѣстныя. Но разница въ томъ,

что на Западѣ отношенія по землевладѣнію выдвигаются на первый планъ при самомъ образованіи государствъ; послѣ того, въ силу столкновенія разныхъ началъ въ новорожденномъ государствѣ, отношенія по землевладѣнію проходятъ разныя фазы и содѣйствуютъ образованію разныхъ новыхъ отношеній, пока государство, выходя изъ среднихъ вѣковъ, окончательно складывается. Но у насъ первые вѣка послѣ рожденія государства проходятъ въ броженіи и передвижкѣ князей и дружинъ ихъ, при чемъ отношенія по землевладѣнію на первый планъ не выдвигаются; получаютъ они важное значеніе только тогда, когда передвижка прекращается, Московское государство слагается окончательно съ громаднымъ перевѣсомъ централизующей силы, которая теперь имѣетъ возможность всѣ отношенія употребить въ свою пользу. «У васъ войска чужія, наемныя, говорятъ московскіе послы посламъ западныхъ сосѣднихъ государствъ, а у нашего государства свои безчисленныя рати.» Печальный опытъ показалъ, что эта безчисленность не помогла: малочисленные, но искусные отряды западныхъ наемниковъ разбивали московскіе полки почти при каждой встрѣчѣ. Видя это, начали принимать въ службу иноземцевъ, но старались и ихъ ввести въ помѣстныя отношенія.

Въ слѣдующемъ письмѣ позволю занять твое вниманіе, любезный другъ, нѣкоторыми подробностями въ судьбахъ русскаго города и села въ Московскомъ государствѣ и Россійской имперіи.

С. Соловьевъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО АМЕРИКѢ¹

ФЛОРИДА

Города сѣверныхъ штатовъ утомляютъ взоръ правильностью своихъ улицъ, однообразіемъ своихъ кирпичныхъ домовъ. На югѣ та же правильность, то же однообразіе въ постройкахъ; но все это скрыто здѣсь подъ густою сѣнью пышныхъ деревьевъ. Городъ Саванна, въ штатѣ Георгіи, куда мы переѣхали изъ Чарльстоуна, весь погруженъ въ зелени разросшихся магнолій высокихъ орѣховыхъ деревьевъ и сикаморъ. Забравъ въ этотъ городъ, мы пересѣли на новый пароходъ. Капитанъ медлилъ отъѣздомъ, хотя все уже было готово: онъ ждалъ, чтобы тронулся другой пароходъ, стоявшій у пристани и также готовый къ отплытію. Капитану нашему хотѣлось обогнать его, чего повидимому опасался соперникъ. Наконецъ, наскучивъ выжиданіемъ, нашъ шкиперъ далъ знакъ отчаливать и, проѣзжая мимо другаго парохода, знаками вызывалъ несговорчиваго соперника на состязаніе. Американцы пускаются на такія состязанія не только для потѣхи, но и для того, чтобы упрочить славу быстрѣйшаго за своимъ пароходомъ и тѣмъ привлечь къ себѣ большее число пассажировъ, а потомъ повысить цѣны на мѣста. Если такія состязанія совершаются публично, то побѣдитель получаетъ вызолоченные олени рога, которые прикрѣпляются обыкновенно впереди парохода. Вслѣдствіе такихъ задорныхъ скачекъ иногда случаются большія несчастія отъ раз-

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 3.

рыва котла, что впрочемъ нисколько не уменьшаетъ въ Американцѣ страсти во что бы то ни стало обогнать соперника.

Счастье наше, что на этотъ разъ не состоялась скачка; потому что нашъ пароходъ, отплывъ недалеко, сѣлъ на мель. Онъ уже нѣсколько времени работалъ на одномъ мѣстѣ, стараясь съѣхать съ мели. Хоть бы какимъ-нибудь знакомъ обнаружилъ капитанъ если не опасеніе, то по крайней мѣрѣ безпокойство о своемъ пароходѣ! Какъ будто ничего не случилось, стоялъ онъ около рулевого и почти шопотомъ передавалъ ему свои приказанія. Рулевой, черный какъ смоль негръ съ курчавою бородкой, казалось, не обращалъ вовсе вниманія на капитана и неподвижно смотрѣлъ въ даль по гладкой поверхности водъ. Никому и не вдогадъ бы, что мы на мели, еслибы не вздумалось посмотреть на колеса, которыя, взрывая со дна песокъ, мутили морскую воду. Наконецъ пароходъ благополучно съѣхалъ съ мели и пошелъ впередъ. Мы не удалялись далеко въ море, такъ что почти во все время плаванья земля не пропадала изъ виду.

Къ ночи пароходъ подходилъ уже къ низкимъ, песчанымъ берегамъ Флориды и направился въ устье Сентъ-Джонсъ-Ривера. Эта рѣка, начинаясь въ южной части полуострова и протекая къ сѣверу, изливается въ океанъ чистыми синими водами. При нашемъ вѣздѣ въ нее, ночное небо на югѣ въ разныхъ мѣстахъ освѣщалось яркимъ заревомъ: это горѣли сосновые, легко вспыхивающіе лѣса песчаной Флориды. Утромъ во всей южной краѣ своей открылась намъ картина рѣки. Лазуревыя воды ея спокойно текли между низкими берегами. Лѣса, освѣщенные яркимъ солнцемъ, переливались во всѣхъ оттѣнкахъ свѣта и тѣней: лучи то отражались съ блескомъ отъ свѣтлой поверхности померанцеваго листа, то, упавъ на свѣсившуюся съ верху дуба сѣть дикаго виноградника, погружали въ глубокую тѣнь густую зелень кипариса. А когда кончался лѣсъ, открывались топкія низменности, покрытыя камышами, изъ которыхъ тамъ и сямъ торчали невысокіе пни пальметто; вѣтеръ, шелестя по верхушкамъ, производилъ легкій шорохъ въ ихъ трепетавшихъ листьяхъ.

Въ предѣлахъ Штатовъ, рѣки, впадающія въ Атлантическій океанъ и Мексиканскій заливъ, протекая по глинистой почвѣ, вообще отличаются мутностью своихъ водъ. Но въ струяхъ Джонсъ-Ривера, протекающаго по песчаному дну, во всей чистотѣ отражалось свѣтлое южное небо. Впереди нашего парохода

то и дѣло вспархивали дикія утки. Въмѣсто того, чтобъ отлетѣть въ сторону, онѣ, по странной недогадливости, неслись далѣе, шелестя крыльями, по поверхности воды, и спускались опять на пути парохода, который снова и снова спугивалъ ихъ. По краю берега иногда проворно пробѣгала темнубурая выдра и опять скрывалась въ густой травѣ. На берегу показывались двухъ-аршинные аллигаторы; испуганные шумомъ подходящаго парохода, бросались они въ воду и высовывали оттуда длинное суживающееся рыло свое, выказывая два ряда клинообразныхъ острыхъ зубовъ. Съ палубы кидали имъ куски сыраго мяса, на которое они съ жадностью бросались и, схвативъ его зубами, спѣшили къ берегу.

Наше плаванье вверхъ по рѣкѣ замедлялось частыми остановками: пароходъ приставалъ то къ маленькому городу, то къ одинокому домику на берегу или къ пыльной мельницѣ, изготовляющей доски. Въ этихъ мѣстахъ высаживались пассажиры или принимались новые; съ парохода выгружали на берегъ привезенные съ сѣвера припасы для жителей. Разъ на рѣкѣ показалась лодка, съ которой махали бѣлымъ платкомъ: капитанъ приостановилъ пароходъ среди рѣки и принялъ съ лодки нежданнаго пассажира.... Наконецъ пароходъ остановился въ мѣстечкѣ Пилаткѣ, на лѣвомъ берегу рѣки, верстахъ во ста отъ устья. Тутъ хватились мы нашего чемодана. Туда, сюда, вѣтъ его да и только! Мы къ мулату, который присматривалъ за выгрузкой багажа; просимъ поискать чемодана и объясняемъ фигуру и величину его. «А знаю! воскликнулъ радостно мулатъ: будьте покойны: вашъ чемоданъ выгрузили въ Пиколато, вотъ въ послѣднемъ городѣ, гдѣ мы приставали. Да, да, онъ тамъ! будьте покойны.» Съ этимъ извѣстіемъ онъ обратился къ кассиру, который также принялъ участіе въ дѣлѣ. Кассиръ съ истинно-американскою невозмутимостью сказалъ: «завтра утромъ пароходъ идетъ назадъ: вы можете доѣхать до Пиколато и получить чемоданъ.» Хорошо! отвѣтили мы, хотя, правду сказать, ничего хорошаго не предвидѣлось; потому что въ Пиколато всего три домишка и не было надежды на пристанище, а до слѣдующаго парохода пришлось бы прождать съ недѣлю. Но дѣлать было нечего: на другое утро мы воротились на томъ же пароходѣ назадъ верстѣ тридцать по теченію рѣки; за переѣздъ съ насъ не взяли ничего. Прибывъ въ Пиколато, узнаемъ, что чемоданъ наканунѣ препроводили съ почтовою каретой въ Сентъ-Августинъ, верстахъ въ тридцати къ вос-

току при Атлантическомъ океанѣ. Такъ пришлось намъ, волей неволей, проѣхаться въ почтовой каретѣ. По проложенной сквозь лѣса дорогѣ, мѣстами песчаной, мѣстами топкой, привезла она насъ часа черезъ четыре въ Сентъ-Августинъ, гдѣ наконецъ отыскался чемоданъ.

Такимъ образомъ не миновали мы и этого города, который на югѣ заканчиваетъ собою рядъ значительныхъ приморскихъ городовъ Сѣверной Америки вдоль Атлантическаго океана. Этотъ путь отъ Нью-Йорка, слишкомъ въ полторы тысячи верстъ, совершили мы, при всѣхъ нашихъ остановкахъ по городамъ, въ шестнадцать дней времени, кажется немного, и мы, проѣзжая по новымъ для насъ мѣстамъ, населеннымъ разнаго цвѣта людьми, по рѣкамъ, лѣсамъ и полямъ, окруженнымъ новою для насъ природою, не замѣчали какъ уходили часы и дни; а между тѣмъ намъ казалось, будто мы уже давнымъ-давно въ Америкѣ. Обиліе впечатлѣній заставляетъ путешественника совершать богатый свѣжими ощущеніями періодъ жизни, которая мѣряется уже не часами и днями, а прожитыми впечатлѣніями.

Сентъ-Августинъ, 17 апрѣля нов. ст.

Другаго такого стараго города какъ Сентъ-Августинъ нѣтъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Онъ основанъ прежними владѣтелями Флориды, Испанцами, въ срединѣ шестнадцатаго вѣка. Тогда на сѣверѣ Англичане не приступали еще къ колонизаціи. На Сентъ-Августинѣ лежитъ характеръ испанскаго способа построения городовъ въ тѣ безпокойныя времена, когда всѣ прибрежья здѣшнихъ водъ были угрожаемы смѣлыми флибустьерами. Гавань очень просторна, но мелка для большихъ судовъ: исключая нѣсколько лодокъ, въ бытность нашу въ ней не было ни одного судна. Старые каменные дома стоятъ вдоль узкихъ улицъ, упирающихся концами своими въ гавань, для того чтобы въ случаѣ нападенія съ моря жителямъ удобнѣе было отстрѣливаться. Только со стороны противоположной отъ гавани развалившіяся старыя строенія замѣнены легкими деревянными домами. Сады при нихъ ограждены бѣлыми заборчиками, изъза которыхъ на песчаную улицу пышною зеленью перегибаются кусты цвѣтущихъ розановъ, лозы винограда, вѣтви бѣлой акаціи или американской оливы. На возвышеніи, въ концѣ города стоитъ древняя крѣпость. Цѣль ея была защищать входъ въ гавань. Теперь она стоитъ, всѣми оставленная, какъ бесполезное хранилище старыхъ чугунныхъ пушекъ, ядеръ, по-

юманных лафетовъ и всего прочаго, чего Американецъ не могъ примѣнить къ дѣлу. Разъ впрочемъ, лѣтъ шесть тому назадъ, крѣпость послужила въ дѣло: въ городъ привели плѣннаго Индѣйца; не зная куда дѣвать краснокожаго врага, начальство рѣшило запереть его въ одинъ изъ казематовъ крѣпости. На другой день Индѣецъ исчезъ ко всеобщему изумленію, и Американецъ, показывая путешественникамъ заплесневѣлыя стѣны каземата, какъ на чудо, обращаетъ ихъ вниманіе на узкое отверстіе въ стѣнѣ, сажени на три отъ земли: это единственное мѣсто, въ которое могъ пролѣзть ловкій дикарь.

Городъ не оживленъ ни торговою, ни промышленною дѣятельностью, и вмѣстѣ съ крѣпостью былъ бы вѣроятно заброшенъ Американцами, еслибы доктора не посылали сюда больныхъ съ сѣвера. Въ этомъ нѣжномъ климатѣ, въ домахъ, подобныхъ дачамъ, окруженныхъ роскошною растительностью, они если не всегда выздоравливаютъ, то находятъ облегченіе своимъ недугамъ. Въ этомъ отношеніи Сентъ-Августинъ для сѣверной Америки то же, что Ницца для жителей сѣверной Европы. Странно, что Флорида съ самаго начала привлекла къ себѣ поселенцевъ своими врачующими свойствами; говорятъ, поводомъ къ открытію ея была ходившая между Испанцами сказка о цѣлебномъ ключѣ. Понсъ-де-Леонъ, проважавшій Колумба во второе его путешествіе въ неизвѣстные края, слышалъ о существованіи волшебнаго ключа, который возвращалъ молодость тому, кто купался въ его струяхъ, и даровалъ вѣчноцвѣтущую юность молодымъ, пившимъ изъ неизсякаемаго источника. Выѣхавъ изъ Порто-Рико, онъ въ Вербное воскресенье, называемое у Испанцевъ Pascua Florida, завидѣлъ съ корабля землю, которую принялъ за островъ. Онъ назвалъ его Флоридой столько же въ честь дня открытія, сколько и вслѣдствіе прекрасныхъ цвѣтущихъ лѣсовъ по побережью. Мѣсто, гдѣ онъ вышелъ на берегъ, находится въ нѣсколькихъ верстахъ къ сѣверу отъ Сентъ-Августина. Понсъ-де-Леонъ не нашелъ чудодѣйнаго ключа, за то Испанія пріобрѣла новую область и владѣла ею до 1821 года. Въ этомъ году Сѣверо-Американскіе Штаты купили ее у испанскаго правительства за пять милліоновъ долларовъ.

Въ послѣдній день нашего пребыванія въ Сентъ-Августинѣ мы выѣхали на лодкѣ ко взморью. Набѣгая на песчаную косу, морскія волны выбрасывали на песокъ крупныя и мелкія раковины чудныхъ формъ и цвѣтовъ, или шестилучевую звѣздчат-

ку, или морской студенистый грибокъ съ фиолетовымъ отливомъ; надъ волнами съ крикомъ носились морскіе кулики и чайки; на слегка взволнованной поверхности водъ качалась сѣрая баба-птица.... Во время плаванья на пароходѣ море никогда не являлось намъ въ такой поэтической красѣ.

Возвратившись въ городъ, мы окончательно снарядились въ путь черезъ Флориду. Намѣреваясь пройти пѣшкомъ до другаго берега, омываемаго Мексиканскимъ заливомъ, мы съ вечера заготовили болотные сапоги, привели въ порядокъ ружья, уложили въ шерстяное одѣяло по двѣ смѣны бѣлья; изъ сѣстнаго взяли съ собой фунта три американскихъ пшеничныхъ сухарей.

Хозяйка гостиницы и жильцы ея не могли понять, что тянетъ насъ въ необитаемый край? что заставляетъ насъ, несмотря на всѣ ихъ предостереженія на счетъ враждебныхъ Индейцевъ и другихъ непредвидимыхъ опасностей, подвергаться лишеніямъ и неудобствамъ? И какъ въ самомъ дѣлѣ было объяснить то влеченіе, слѣдуя которому мореходъ направляетъ корабль между льдовъ, пробиваясь къ полюсу и наполняя тѣмъ дневникъ свой вѣчно-повторяющимися извѣстіями о жестокой стужѣ, о напирającychъ льдахъ, о скорбутѣ, и изрѣдка разнообразя записки радостною вѣстью о появленіи бѣлаго медвѣдя или оленя. Не легко было бы объяснить нашимъ Американцамъ желаніе прослѣдить постепенное развитіе жизни въ краѣ, во всѣхъ ея переходахъ отъ первобытнаго лѣса, отъ перваго наживо-сколоченнаго домика переселенца и до основанія городовъ. Имъ понятнѣе было бы, еслибы мы подобно Понсъ-де-Леону отправились на поиски чуждаго ключа, дающаго молодость. Нѣкоторые не шутя спрашивали, не хотимъ ли мы, высмотрѣвъ край, поселиться въ немъ?

Подробныхъ свѣдѣній о внутренности страны, о дорогахъ, населенности и т. п. намъ не могли сообщить; мы узнали только, что на другой сторонѣ полуострова, въ водахъ Мексиканскаго залива ходитъ пароходъ, который пристаетъ къ острову Седеръ-Кизъ. Сообразно этому мы и распредѣлили нашъ походъ, держась вообще между 29° и 30° сѣверной широты.

Подробности нашего пути описываю по дневнику.

Первый день, 18 апрѣля нов. ст.

Хозяйка гостиницы не хотѣла отпустить насъ натошакъ: вопреки американскому обыкновенію, гораздо раньше назначен-

ваго часа распорядилась она завтракомъ и угостила насъ на-
послѣдяхъ американскими *flanell-cakes*, или русскими блинами.
Взявъ по ружью на плечо, мы распростились съ заботливою
хозяйкой и вышли изъ города вмѣстѣ съ стадомъ, которое два
молодца верхомъ выгоняли въ ближайшіе лѣса. Американцы
указали намъ тропинку, которая вела прямо въ Пилатку на
Джонсъ-Риверъ. Идти по ней было легче чѣмъ по песчаной
дорогѣ. Пройдя верстъ съ десять по сосновому лѣсу, мы за-
видѣли въ сторонѣ домикъ, сколоченный изъ тесу, но безъ
оконъ, какъ обыкновенно строятъ здѣсь эти избенки, потому
что сквозъ двери и щели и безъ того проникаетъ много днев-
наго свѣта. Дверь была заколочена снаружи гвоздемъ; ни въ
домикѣ, ни около него не было ни одного живаго существа.
Наружи, поблизости валялись на землѣ сломанное колесо, раз-
битый котелокъ; а заглянувъ въ щель во внутрь домика, мы
увидѣли на полу опрокинутую скамью, какія-то тряпки и нѣ-
сколько завядшихъ головокъ кукурузы. Далеко кругомъ чернѣли
сосны; у ихъ обгорѣлыхъ пней желтѣли опаленныя огнемъ
вѣрообразныя пальметто. Солнце обливало все кругомъ ярки-
ми лучами.... Вѣроятно избенка, уже не новая судя по тесу,
навсегда была покинута своимъ хозяиномъ; потому что нигдѣ
не было признаковъ недавняго присутствія человѣка.

Продолжая нашъ путь, верстъ за пять увидѣли мы среди лѣсу
другой такой же домикъ. Недалеко отъ полуотворенныхъ дверей,
передъ маленькимъ костромъ, сидѣла худая дѣвочка лѣтъ
восьми. Она жарила кофе на сковородѣ. Подходя къ ней меж-
ду соснами, мы тихо окликнули ее. Вздрогнувъ, вскочила она
на ноги и смотрѣла на насъ перепуганная. Мы попросили на-
питься, и вслѣдъ за дѣвочкой, ушедшею въ комнату, заглянули
во внутрь избенки; тамъ на кровати лежала больная женщина:
ее трясла лихорадка. На вопросъ нашъ дѣвочка, нѣсколько обо-
дрившись, отвѣчала: отецъ ушелъ въ городъ, а когда вернется,
Богъ знаетъ! Уже второй день ждуть его и не дождутся.
Больная, услышавъ голоса, встревожилась и безпокойно заво-
рочалась на постели.... Мы поспѣшили уйти, помышляя о
томъ, что могло этихъ людей заставить поселиться вдали отъ
жилыхъ мѣстъ, среди пустыннаго лѣса. Нужда? но они и
здѣсь не избѣгли ея. Развѣ надежда на большій прибытокъ?
Врядъ ли: они въ бѣдственномъ положеніи питаютъ только на-
дежду на силу рукъ своихъ, какъ на единственное средство къ
пропитанію. Одна аячность къ прибытку врядъ ли побудить

поселянина бросить родное мѣсто, переѣхать океанъ, для того чтобы подвергаться лишениямъ и бѣдствіямъ. Сильнѣе всякой алчности влечетъ сюда людей легкость пріобрѣтенія земли. Землевладѣніе, которое такъ трудно достается въ Европѣ, оно то привлекаетъ поселенцевъ, несмотря на всѣ лишенія, опасности и на тяжкіе труды, съ которыми и здѣсь, при всемъ избыткѣ земли, добывается насущный хлѣбъ.

Мы шли далѣе по лѣсной тропинкѣ, и намъ еще сильнѣе представлялось беспомощное положеніе поселившихся здѣсь. Въ сторонѣ отъ дороги, промежъ обгорѣлыхъ сосенъ, изрѣдка показывался лиственный лѣсъ; тамъ значитъ мѣсто ниже и сырѣе: тамъ влага сохранилась отъ дождей, которые идутъ здѣсь ежедневно отъ мая до октября. Завернувъ послѣ полудня въ такой лѣсъ, мы стали искать воды и нашли ее наконецъ въ ямѣ, между обнаженными корнями обвалившихся дубовъ. Комары стаями напали на насъ; дымъ отъ разведеннаго костра разогналъ ихъ однако. Мы изжарили застрѣленныхъ по пути сырыхъ куропатокъ. Онѣ гораздо меньше нашихъ и попадались стадами на опушкѣ лиственнаго лѣса

Величаво-дикое было мѣсто нашего отдыха: все кругомъ поросло густою листвою, а надъ нами, выше и могуче другихъ деревьевъ, живые дубы (*Quercus vivens*) во всѣ стороны разметали свои толстые сучья; они сверху до низу обросли длинными испанскими бородами пепельно-зеленоватаго цвѣта. Эти чужездныя мхи кудреватými космами висѣли надъ нами подобно ветхой античной драпировкѣ. Дуновеніемъ вѣтра они косвенно отклонялись въ сторону, облекая въ угрюмую торжественность дремучій лѣсъ съ его разнохарактерною зеленью... Тутъ во время отдыха вспомнили мы, что теперь на дальней родинѣ, гдѣ солнце почти восьмью часами восходитъ раньше, уже наступаетъ праздникъ Пасхи...

День клонился уже къ закату, когда мы опять вышли на дорогу. Вскорѣ солнце закатилось и вдругъ стемнѣло: зари почти вовсе не было, какъ не бываетъ ея тамъ, гдѣ воздухъ чистъ и сухъ. На небѣ засверкали звѣзды; но ярче даже звѣздъ сверкали жучки, летавшіе по всѣмъ направленіямъ, то внизу, то вверху, — выше самыхъ сосенъ, такъ что иногда казалось, будто сверкнула на небѣ звѣздочка и потухла. Яркій свѣтъ у этихъ насѣкомыхъ является при каждомъ взмахѣ ихъ крыльевъ, такъ что по немъ можно слѣдить за направленіемъ полета невидимаго жучка. Захваченные такъ неожиданно темною ночью,

мы наконецъ остановились и расположились подъ сосной близъ дороги на ночлегѣ.

2 день, 19 апрѣля.

Проснувшись со свѣтомъ, мы пошли по той же дорогѣ. Но вскорѣ стали замѣчать, что направленіе ея изъ западнаго переходить все болѣе и болѣе въ южное. Наконецъ она совсѣмъ своротила на югъ. Мы шли однако далѣе, не встрѣчая ни жилья, ни души. Сама дорога казалась давно покинутою. Около полудня мы наконецъ остановились передъ рѣчкою, преградившею намъ дальнѣйшій путь. На днѣ подъ водой торчали и валялись бревна бывшаго когда-то здѣсь моста. По другую сторону рѣчки дорога совершенно заросла колючимъ кустарникомъ, такъ что идти по ней далѣе было невозможно. Мы рѣшили покинуть ее и пойти цѣликомъ, направляя нашъ путь по картѣ и по компасу.

Въ послѣдствіи оказалось, что мы попали на военную дорогу, по которой лѣтъ двадцать тому назадъ во время войны Американцевъ съ краснокожими возили провіантъ для войска. Индійцы, оттѣсняемые на южный край полуострова, принуждены были наконецъ уступить силѣ и выселиться въ мѣста, отведенныя для нихъ американскимъ правительствомъ къ западу за рѣкой Миссиссипи. Но человекъ до пяти сотъ краснокожихъ не захотѣли покинуть край своихъ отцовъ; подъ начальствомъ хитраго Билле-Боллека скрываются они до сихъ поръ въ хорошо знакомыхъ имъ болотахъ Эвергладъ, занимающихъ огромныя пространства на югѣ и недоступныхъ для американскихъ отрядовъ. Доведенная до крайней степени отчаянія, эта толпа Индійцевъ всѣми средствами мститъ бѣлокожимъ, и въ случаѣ удачнаго нападенія на поселенцевъ не щадитъ ни женъ, ни дѣтей. Здѣшнихъ краснокожихъ зовутъ Семинолами, что въ переводѣ значитъ изгнанники. Грустно-удачное прозвище не только въ отношеніи флоридскихъ Индійцевъ, но и всего племени краснокожихъ въ сѣверной Америкѣ: всѣ они *семинолы*, — изгнанники съ лица нашей земли!

Вовсе не желая наткнуться на шайку раздраженныхъ дикарей, мы тѣмъ болѣе должны были своротить съ дороги, шедшей на югъ; почему и рѣшили держаться направленія на западъ съ небольшимъ отклоненіемъ къ сѣверу. Такимъ образомъ, во всякомъ случаѣ, еслибъ и произошла небольшая ошибка, мы должны были попасть или на дорогу изъ Сентъ-Августина въ Пилатку или къ Джонсъ-Риверу, ибо мы находились между рѣкой и дорогой въ углѣ.

Порѣшивъ это дѣло, мы стали купаться, и вскорѣ вниманіе наше было поглощено картиной дикой природы. И точно на такую картину можно попасть развѣ только случайно, пускаясь на удачу внутрь еще ненаселеннаго края. Притомъ въ здѣшнихъ лиственныхъ лѣсахъ рѣдко выдаются подобные виды, оттого что изъ-за ихъ густой поросли не отдѣляются для взора формы одного дерева отъ другаго: всѣ растенія, тѣсняясь, перемѣшиваются, заслоняютъ другъ друга. Иное дѣло, когда рѣчка, проникнувъ сквозь чащу, откроетъ въ ней просторъ для взгляда, такъ что растительность по берегамъ выступаетъ въ видѣ боковыхъ кулисъ лѣсной декораціи. Такъ было и здѣсь: темно-бурыя воды рѣчки струились между крутыми берегами; скаты ихъ вплоть до воды густо-густо заросли разнообразною листвою. Сучья и вѣтви могучаго дуба и пышной магноліи, достигая другъ друга съ одного берега до другаго, сдвинулись высоко надъ поверхностью воды, образовавъ темно-лиственный сводъ, непроницаемый для солнечныхъ лучей. Ліаны какъ змѣи опутывали стволы и извивались вверху съ одного дерева на другое; вьющіяся по нимъ бигоніи мѣстами висѣли надъ водою длинными вѣтками. Внизу, у края, въ самую воду спустились листья дикаго бальзамина. Поодаль, надъ лавроподобнымъ сассафрасомъ выглядывала макушка дерева пальметто съ лучистообразными листьями; и тутъ же другое пальметто, стройно изогнувъ свой станъ наискось черезъ рѣчку, смѣло вскинуло свою увѣнчанную верхушку подъ сучья длинно-иглистой сосны. Въ глубинѣ этой картины была густая зелень. Наверху кое-гдѣ сквозь листву голубѣло небо; на лазурной его основѣ еще рѣзче очерчивались формы листьевъ или остро-конечныя иглы сосны. Подъ густо-заросшею сѣнью мы и не замѣтили, какъ съ востока подкралась громовая туча; крупныя капли дождя обратили на нее наше вниманіе. Взбѣжавъ по спуску наверхъ, мы укрылись въ полуразвалившемся шалашѣ. Дождь усилился и застучалъ дробью по изсохшимъ листьямъ пальметто, покрывавшимъ шалашъ. Сверкнула молнія; перекаты грома съ протяжнымъ грохотомъ замирали вдали.

Вскорѣ туча прошла, небо очистилось, и, довѣрясь магнитной стрѣлкѣ, мы пошли цѣликомъ по сосновому лѣсу. Часъ спустя, вдали показался домикъ съ сараемъ, огородомъ и колодезѣмъ. Полные надеждъ спѣшимъ туда; подходимъ къ двери; тутъ только увидали мы, что она снаружи заколочена гвоздемъ. Замокъ былъ бы здѣсь лишнимъ: еслибы кому вздумалось проникнуть

внутри, то безъ труда можно было выдернуть доски, изъ которыхъ состояла стѣна. Сквозь щели видны были внутри широкой каминъ, разбросанныя по полу кадочки, горшечки, сковорода и другая домашняя утварь. Свиньи съ поросятами рылись около дому въ землѣ. По всему было видно, что хозяинъ недавно выбылъ отсюда; но какъ было знать, когда онъ вернется? Можетъ-быть онъ уже выбралъ для себя другое болѣе выгодное мѣсто? Не разчетъ было намъ ждать его возвращенія, и мы продолжали путь по компасу.

Подъ вечеръ, замѣтивъ на приторкѣ два полуразвалившися шалаша, мы рѣшились переночевать въ нихъ. Возлѣ шалашей грудями валялись раковины, остатки съѣденныхъ устрицъ, и нѣсколько расколотыхъ полѣньевъ красной сосны; на палкѣ висѣлъ коровій рогъ съ остатками дегтя внутри: въ шалашѣ валялись черенки кукурузы и пустая бутылка. Шагахъ въ тридцати, въ низинѣ, обросшей болотною травой, оказалась врытая въ землю кадка съ накопившеюся водою. Далѣе начинался лиственный лѣсъ: отъ него вѣяло сырою свѣжестью... Въ запасѣ у насъ были, кромѣ пшеничныхъ сухарей, дроздъ и бѣлка, застрѣленные по пути. Въ такихъ обстоятельствахъ все идетъ въ снѣдь, но во всякомъ случаѣ не должно судить о здѣшней бѣлкѣ по тѣмъ, чтò водятся въ Россіи: здѣшняя крупнѣе, изжелта-бурого цвѣта, а мясо ея нѣжно и бѣло. Послѣ мы узнали, что здѣшніе жители почитаютъ бѣлку наравнѣ съ куропатками за лакомую дичину.

3-й день, 20 апрѣля.

Послѣ росистой ночи, утро до восхода солнца было холодно-вато. По внимательномъ осмотрѣ мѣстности при разсвѣтѣ оказалось, что попережъ нашего пути на западѣ тянулася лиственный лѣсъ, обозначая собою низменныя, сырыя мѣста. Вообще этотъ край, довольно ровный, низкій, представляетъ на своей поверхности двоякаго рода видоизмѣненія. На болѣе возвышенныхъ мѣстахъ песчаный грунтъ въ сухое время года едва покрытъ дерномъ. По немъ безъ конца тянутся сосновые лѣса. Большею частью подгорѣлые, они представляютъ унылый видъ обширныхъ пожарницъ. Подлѣсокъ состоитъ единственно изъ пальметто, какъ называютъ жители здѣшнюю низкорослую породу пальмъ. Отъ ихъ опаленныхъ листьевъ мѣстами остаются одни обугленные черенки, которые въ видѣ щетины кучами торчатъ надъ почвой. Въ болѣе низменныхъ, отчасти болотистыхъ мѣстахъ, подобно оазисамъ среди иссохшей пустыни,

растеть листовенный лѣсъ, неудобный въ своемъ первобытномъ видѣ для переселенцевъ. Они разводятъ свои поля на песчаныхъ сухихъ мѣстахъ среди сосновыхъ лѣсовъ. Здѣшнія сосны легко рубятся, хороши для построекъ и даютъ отличное топливо: онѣ составляютъ благодѣтельный матеріалъ для поселенцевъ. Даже Индійцы-семинолы дорожили этимъ лѣсомъ: вождь ихъ, отстаивая землю своихъ предковъ, говорилъ Американцамъ: «мой народъ не можетъ жить безъ легкаго смолистаго лѣса, дающаго ему богатые свѣтильники». Народъ его, переведенный въ дубовые лѣса за Миссиссипи, лишился своихъ богатыхъ свѣтильниковъ, а вождь лишился свѣтильника своей жизни: онъ, говорятъ, умеръ въ Чарльстоунѣ, съ тоски и печали.

По основнымъ лѣсамъ пролагаются здѣсь дороги. Иногда по необходимости спускаются онѣ и въ сырые мѣста сквозь листовенный лѣсъ. Въ такомъ случаѣ приходится прорубать просѣки и укрѣплять болотистый грунтъ наваленными сучьями. Мы, разумѣется, старались обходить листовенные лѣса, придерживаясь сухихъ мѣстъ. Но на этотъ разъ не представлялось возможности обогнуть растянувшійся передъ нами густой лѣсъ; а потому мы воспользовались старою проторенною дорожкой и стали по ней проникать въ чащу.

Оказалось, что эта дорога проторена по случаю порубки, произведенной здѣсь за нѣсколько лѣтъ; а шалаши, въ которыхъ мы ночевали, вѣроятно, были поставлены работавшими въ лѣсу. По дорогѣ и около нея валялись щепы и сучья, объемистые пни и обрубки дубовъ, черезъ которые приходилось намъ перелѣзать, потому что по обѣ стороны возвышался густой нескончаемый лѣсъ. Здѣшніе дубы разныхъ породъ по твердости древесины и по росту доставляютъ лучшій матеріалъ для кораблестроенія, особенно же такъ-называемый живой дубъ, главный представитель здѣшнихъ лѣсовъ между всѣми ихъ патриархами. Версты за двѣ наша дорога совершенно пропала: порубка далѣе не производилась. Пришлось продираться цѣликомъ сквозь чащу. Здѣсь это не такъ легко: кусты усажены острыми шипами, колючками, и надо было осторожно раздвигать вѣтви; сверхъ того все тѣло опутывалось цѣпкими, вьющимися стеблями, точно веревками. Пробираясь понемногу разными извилинами, мы выбрались наконецъ на опушку, обросшую высокою травой. Далѣе, на мѣстности, нѣсколько приподнятой, начинались опять неизмѣнныя смолистыя сосны. Изъ-подъ куста, шагахъ въ двадцати отъ насъ, шархнуло что-то въ сторону: въ высо-

ной травѣ мелькнула раза два рыжеватая спина и длинный хвост пантеры. Мой товарищ не успѣлъ вскинуть штуцера, какъ звѣрь пропалъ уже изъ виду.

Этотъ флоридскій тигръ, или пантера, какъ называютъ его здѣшніе поселенцы, величиною почти съ барана; но очень трусливъ и всегда бѣжитъ отъ человѣка. Здѣсь за нимъ охотятся съ собаками: онѣ взгоняютъ пантеру на дерево; на ихъ лай подоспѣваетъ охотникъ и снимаетъ сверху звѣря пулей или картечью. Кромѣ пантеръ въ здѣшнемъ краѣ опасны для стада черные медвѣди; за ними охотятся такимъ же образомъ, взгоня ихъ съ помощью собакъ на деревья.

Держась своего направленія, мы шли соснякомъ, огибая попросія болота. Въ сторонѣ показывались сторожкія дикія козы съ своими козлятами. Послѣ полудня стали попадаться коровьи тропинки. Но скотина забѣгаетъ здѣсь отъ жилыхъ мѣстъ верстѣ за тридцать и болѣе; а потому такія тропинки не всегда означаютъ близость жилья. Придерживаться ихъ можно было только тогда, когда онѣ не отводили насъ отъ принятаго направленія.

Послѣ короткаго привала, мы спѣшили впередъ, чтобы скорѣе выйдти изъ сомнительнаго положенія въ необитаемомъ краѣ. У насъ въ запасѣ оставалось по одному сухарю. Подъ вечеръ показалось вдали стадо коровъ. Онѣ съ дикимъ изумленіемъ озирали подходящихъ къ нимъ неожиданныхъ путниковъ, а потомъ побѣжали и совершенно пропали изъ виду. Солнце близялось уже къ закату. Тутъ наконецъ мы вышли на дорогу! Направленіе ея было почти къ западу. Пройдя по ней верстѣ съ пять, мы сошли по отлогому спуску къ ручью, густо заросшему деревьями. Солнце уже закатилось, и подъ сводами листвы было совершенно темно. Ступая осторожно шагъ за шагомъ, по колѣно въ водѣ, пробирались мы на другую сторону. Выбравшись на берегъ, мы пустились было далѣе по дорогѣ, но, вышедъ изъ чащи, вдругъ невольнo остановились: передъ нами на пригоркѣ шагахъ въ пятидесяти пылали костры; вокругъ нихъ двигались человѣческія, полуобнаженные фигуры; освѣщенные, пламенемъ, онѣ казались красными. Думать долго было нечего: мы окликнули ихъ, чтобы насъ не приняли за враговъ, и пошли прямо къ кострамъ. Это была, какъ оказалось, артель, состоящая изъ шести негровъ-невольниковъ; они шли въ Пилатку, до которой оставалось всего верстѣ пятнадцать. Обрадованные этою встрѣчей, мы расположились въ ихъ кружкѣ, около ко-

стровъ; добыли у нихъ нѣсколько сухарей и провели ночь подъ открытымъ небомъ, согрѣваемые пламенемъ костра, который поддерживался до самаго разсвѣта.

4-й день, 21-го апрѣля.

Разбудивъ насъ рано утромъ, добродушные негры предложили дойти съ ними вмѣстѣ до города. Дорогой наши спутники рассказали, что они отъ разныхъ господъ, живущихъ въ Пилаткѣ, и были посланы въ Сентъ-Августинъ на заработки. Теперь же возвращаются домой къ своимъ господамъ, которымъ обязаны доставить заработанные деньги. Для большей безопасности они пошли артелью. Негры, наперерывъ другъ передъ другомъ, старались удовлетворить нашему любопытству, рассказывая все такъ радушно весело, какъ будто сообщали самыя интересныя, пріятныя новости. Какъ будто всему этому такъ и слѣдовало быть, и ничего нѣтъ страннаго въ томъ, что господа отбираютъ у нихъ выработанные деньги. Насъ не мало удивляла наивная веселость разкащиковъ. Мы дошли до берега рѣки, и опять передъ нами разливались чистыя воды Джонсъ-Ривера. На другомъ берегу бѣлѣли домики уже знакомаго намъ города Пилатки. Большая плоскодонная лодка переѣхала на крикъ негровъ съ того берега и перевезла насъ въ городъ. Распростившись съ нашими пріятелями, мы поспѣшили въ гостиницу отдохнуть послѣ трехъ-дневнаго странствія.

Содержатель гостиницы, узнавъ, что мы изъ Россіи, обрадовался несказанно, называлъ насъ своими земляками и къ нашему удивленію заговорилъ даже порусски, коверкая слова и мѣшая ихъ съ польскими, англійскими и нѣмецкими. На этомъ смѣшанномъ нарѣчій онъ объяснилъ, что родина его въ Подольской губерніи, что онъ переѣхалъ въ Америку послѣ 1832 года. Пускаясь здѣсь въ разныя спекуляціи, онъ было разбогатѣлъ, женился на Американкѣ; потомъ потерялъ все состояніе, теперь надѣется снова поправить свои дѣла. Его здѣсь одолеваетъ однако тоска по родинѣ, и еслибы не жена и дѣти, онъ постарался бы вернуться въ Россію. Въ продолженіи цѣлаго дня, пока мы у него отдыхали, онъ то и дѣло прибѣгалъ въ нашъ номеръ поговорить съ своими земляками порусски, конечно съ примѣсью другихъ нарѣчій.

5-й день, 22-го апрѣля.

Собравъ въ Пилаткѣ нѣкоторыя свѣдѣнія касательно дороги, мы рѣшились идти къ Оринджъ-озеру (Orange lake), съ тѣмъ чтобы, обогнувъ его съ юга, пройти къ водамъ Мексиканскаго

залива. Нашъ хозяинъ проводилъ насъ по дорогѣ довольно далеко. Ему, какъ видно, трудно было оторваться отъ своихъ земляковъ, отъ удовольствія поговорить своимъ смѣшаннымъ диалектомъ. Встрѣтившись по пути съ знакомымъ изъ города, онъ, на вопросъ его, махнувъ рукою, воскликнулъ: «иду въ Россію! прощайте!» Однако мы распростились съ нимъ наконецъ и разошлись въ разныя стороны.

По песчаной дорогѣ вскорѣ нагналъ насъ негръ, одинъ изъ той артели, съ которою мы переночевали въ лѣсу. Онъ возвращался къ своему господину, содержателю станціи по той же дорогѣ. Статный малый, въ коротенькомъ сюртучкѣ, въ сѣрой шляпѣ, надѣтой набекрень, онъ бойко выступалъ рядомъ съ нами, весело разговаривая. Онъ съ любопытствомъ разспрашивалъ о нашей дальней сторонѣ, о холодной Россіи... Послѣ короткаго молчанія негръ вдругъ обратился къ моему товарищу съ вопросомъ: «А что у васъ въ Россіи есть невольники?» Въ отвѣтъ на это товарищъ мой объяснилъ, что Россія съ Англіей и Франціей заключили договоръ, по которому не дозволяется болѣе вывозъ чернокожихъ изъ Африки.

— Это хорошо! сказалъ негръ:—а то что дѣлають съ нами здѣсь! и надтреснутымъ отъ сильнаго волненія голосомъ онъ сталъ говорить о томъ, какъ жестоко обращаются съ его собратьями, какъ, отрывая отъ женъ и дѣтей, продають ихъ, точно какихъ-нибудь рабочихъ лошадей. Своего господина онъ хвалилъ и говорилъ, что ему самому не на что жаловаться, но каково-то его товарищамъ. Бѣлки зрачковъ его свѣтились, нижняя губа дрожала, когда промвнесъ онъ: «Мы вѣдь люди! развѣ не все равно—бѣлые или черные!.. Жаль, что Англичане, прибавилъ онъ, понизивъ голосъ, не начали войны; намъ можетъ быть и удалосъ бы освободиться.»

Въ это время подошли мы къ домику поселенца: «Погодите немного, сказалъ услужливый негръ: я вамъ сейчасъ вынесу воды».

Потомъ, когда мы пошли далѣе, нашъ чернокожій пріятель забылъ прежній разговоръ и снова сталъ веселъ и словоохотливъ.

Несмотря на песчаный грунтъ и на сосны, которымъ все еще не было конца, мѣстность здѣсь казалась оживленнѣе отъ молодого дуба: своимъ свѣтлымъ листомъ освѣжалъ онъ мрачный видъ сосняка. Къ обѣду дошли мы до станціи (Post house): здѣсь почтовая карета, перевозящая письма и пассажировъ

изъ Пилатки, кѣняетъ лошадей. Домъ построенъ былъ изъ сосновыхъ бревенъ. Возлѣ него стоялъ бревенчатый сарай, въ которомъ помѣщались почтовые лошади. По приглашенію хозяина, мы вошли въ комнату. Средина задней стѣны въ ней занята была просторнымъ каминомъ: онъ состоялъ изъ кирпичнаго очага, вровень съ поломъ, и изъ трубы, которая прямо поднималась кверху, торча концомъ своимъ наружи въ углѣ надъ крышей. Посреди комнаты накрытъ былъ столъ. Хозяйка разливала кофе и, указавъ на разставленные по столу блюда, состоявшія изъ поджареннаго свиного сала, ветчины и яичницы, сказала любимое американское изреченіе: *help yourself!* (распоряжайтесь сами!) Эти три словечка въ высшей степени знаменательны въ жизни Американца. Отецъ при каждомъ удобномъ случаѣ говоритъ ихъ своему сыну, и сынъ съ малолѣтства привыкаетъ полагаться единственно на самого себя, на свои силы, сметливость и ловкость. Разставаясь надолго съ семействомъ, мужъ оставляетъ женѣ деньги на домашнія издержки, и всѣ его распоряженія по хозяйству ограничиваются лаконическимъ: *help yourself!* Правительство, не препятствуя никому селиться въ краѣ, еще не защищенномъ отъ Индійцевъ, говоритъ въ такомъ случаѣ: *help yourself!* Изъ этого-то и развилась та самостоятельность личности, которая выражается въ словѣ *self-government* (самоуправленіе). Здѣсь за обѣдомъ лаконическое приглашеніе хозяйки значило почти то же, что русское *одолжайтесь!*

Послѣ обѣда торопились мы въ путь, имѣя въ виду къ вечеру поспѣть въ городъ Оринджъ-Спрингъ (Orange-Spring), названный такъ по ручейку съ кристальною водою, втекающему въ Оринджъ-озеро. Погорѣлыхъ мѣстъ не встрѣчалось почти вовсе: вообще край былъ болѣе населенъ, такъ что на каждыя пять-шесть верстъ попадались домики поселенцевъ. Изрѣдка показывались стада коровъ. Къ дорогѣ иногда подбѣгали свиньи и увязывались за нами, какъ будто обрадованныя встрѣчею съ людьми. Хотя ихъ никогда не загоняютъ домой, но онѣ здѣсь не дичають, и сами подбѣгаютъ къ человѣку. Такимъ образомъ поселенцамъ не трудно отыскивать ихъ въ случаѣ надобности.

Уже темнѣло, когда мы подошли къ чистымъ струямъ Оринджъ-Спринга, обросшаго, какъ всѣ здѣшнія ручейки и рѣчки, съ обѣихъ сторонъ густою листвою. Ступая въ бродъ въ темнотѣ, мы изъ предосторожности взвели курки ружей. Взойдя на пригорокъ противоположнаго берега, мы въ изумленіи остановились

какъ въ тотъ разъ, когда наткнулись на артель негровъ. Но здѣсь передъ нами были не костры какъ тогда, а привѣтные огоньки: они свѣтились между соснами по обѣ стороны дороги, шагахъ въ пятидесяти отъ нея. «Какъ бы не просмотрѣть и не пройти намъ города!» предостерегаль я моего товарища. Но въ томъ убѣжденіи, что городъ начинается тамъ, гдѣ стоитъ домъ, освѣщенный ярче другихъ, мы направились туда. Подошедъ къ дому, къ удивленію нашему увидѣли, что это уже другой конецъ города. Американецъ, проходившій мимо, на вопросъ нашъ о гостиницѣ, послалъ насъ назадъ. Мы вернулись, и завидѣвъ въ сторонѣ два костра, подошли къ нимъ. На лай собакъ изъ ближайшаго дому вышелъ джентльменъ. Мы просили его указать намъ гостиницу. Онъ протянулъ правую руку въ лѣсную темноту и сказалъ: «по этой улицѣ направо найдете отель». Мы въ недоумѣніи смотрѣли, куда указывалъ джентльменъ, и думали про себя, не шутитъ ли онъ? Костры далеко кругомъ освѣщали мракъ, но не освѣтили передъ нами никакой улицы; однѣ сосны безучастно и безпріютно чернѣли въ темномъ пространствѣ передъ нами... Мы однако пошли по указанному направленію и наконецъ, по свѣтящимся издали огонькамъ, набрали точно на гостиницу.

6-й день, 23 апрѣля.

Утреннее солнце освѣтило передъ намъ юный городъ: ему было всего годъ отъ дня его заложения. До двадцати деревянныхъ домовъ стояли тамъ и сямъ, сообщаясь между собою протоптанными въ лѣсу тропинками. Сосновый лѣсъ, въ томъ состояніи, какъ онъ вышелъ изъ рукъ Создателя, такъ и стоялъ, осыпая собою дома. Кое-гдѣ только были вырублены двѣ-три сосны, тутъ же расколотыя въ дрова для камина.

Въ гостиницѣ сказали намъ, что къ обѣду можно дойти до Оринджъ-озера. Около полудня мы точно подошли къ тому мѣсту, гдѣ слѣдовало быть восточному краю его. Сосновый лѣсъ навремя прекратился, и передъ нами открылось обширное топкое болото, поросшее мѣстами осокой и камышомъ, а нидѣ низкими кипарисами. Направо и налѣво чернѣли береговые лѣса, а далеко впереди простиралось все то же болото, обозначая собою дно высохшаго здѣсь озера: чистой воды нигдѣ не было видно. Ноги вязли какъ въ толпой грязи. Возвратившись назадъ на дорогу, мы повстрѣчались съ двумя поселенцами, выходящими изъ болота съ ружьями и съ тремя

застрѣленными утками. Отъ нихъ узнали мы, что озеро здѣсь высохло въ продолженіи сужаго времени, а вода осталась только на западномъ его концѣ. Они разназывали, что видѣли въ болотѣ аллигатора. Утки, ими застрѣленныя, величиною съ нашихъ чирковъ, были изъ холостыхъ, отсталыхъ; теперь ихъ мало здѣсь: всѣ улетѣли на сѣверъ.

Указанная ими дорога огибала озеро съ южной стороны. Вправо сквозь соснякъ виднѣлся лиственный лѣсъ, обозначая собою берегъ. Пройдя такимъ образомъ около часу, мы остановились передъ легкимъ досчатымъ сарайчикомъ. Онъ снаружи былъ заколоченъ гвоздями. Сквозъ щели можно было удобно рассмотреть стоящую внутри городскую колясочку и сбрую. Воалѣ сарая былъ вырытъ колодезь. Кромѣ этого не нашлось никакихъ другихъ признаковъ обитаемости! Гдѣ хозяинъ этой коляски, и для чего стоитъ она здѣсь, среди пустынного лѣса? Это для насъ осталось загадкой. Мы развели поблизости костеръ, употребивъ на подтопку изсохшія листья пальметто, и зажарили пару голубей и куропатку. Здѣшніе голуби величиною съ нашихъ горлицъ, розово-пепельнаго цвѣта; они очень похожи на такъ-называемыхъ египетскихъ, и попадались большею частью попарно.

Поднявшись съ привала, мы пустились далѣе, не вѣдая и не гадая, куда приведетъ насъ наша дорога. Большая доля заманчивости въ странствіяхъ и заключается въ этой тайнѣ непредвидимыхъ встрѣчъ и случаевъ, въ неизвѣстности ожидающихъ васъ впереди живыхъ, свѣжихъ впечатлѣній. Какъ встрепется бывало чувства при появленіи какого-нибудь предмета, воее даже значительнаго, но тогда для насъ полного интереса! Совсѣмъ иное дѣло—воспоминанія пройденнаго пути: они лишены свѣжести и подстрекающей впереди живости. За то, совершаясь въ покоѣ и на досугѣ, они отличаются ясностью и полнотою представленій.

Мы снѣшили однако впередъ, разчитывая если не сегодня вечеромъ, то завтра утромъ навѣрное дойти до цѣли. Не болѣе часу оставалось до заката, и мы приглядывались уже къ мѣстности, помышляя о ночлегѣ, какъ взоры наши поразила новая случайность: въ лѣсу къ толстой соснѣ, видимъ, прибита доска. На ней четкими буквами надпись: New-Charleston.

— Здѣсь городъ! воскликнули мы оба разомъ.

Подходимъ ближе къ соснѣ: подъ доской прибита исписан-

ная четвертушка бумаги; на ней значится, что къ такому-то числу приглашаются сосѣди для выбора судьи.

Рышительно городъ! да гдѣ же строенія? Но на этотъ вопросъ и на смѣхъ нашъ, послѣдовавшій за нечаяннымъ открытїемъ, не было отвѣта. Чтобъ еще до темноты выйдти изъ недоумѣнія, мы поспѣшили по дорогѣ впередъ. Тутъ только, на поворотѣ, увидали мы, если не цѣлое строеніе, то по крайней мѣрѣ начатки его. Среди огороженнаго тыномъ мѣста въ лѣсу стоялъ бревенчатый срубъ, ничѣмъ не покрытый сверху. Къ нему подходила дѣвушка, просто, но опрятно одѣтая; лицо ея было совершенно скрыто подъ шляпкой, такъ что она замѣтила насъ только тогда, когда мы ее окликнули. Робко остановясь передъ домомъ, она застѣнчиво сказала, что здѣсь точно городъ Нью-Чарльстонъ, и что далѣе, по дорогѣ, есть даже совсѣмъ готовый домъ. Мы разсудили, если самый городъ и существуетъ развѣ только въ чьемъ-нибудь воображеніи, то въ немъ непременно должна быть гостиница. Поэтому, встрѣтившись съ Американцемъ и сдерживая смѣхъ, прямо обратились къ нему съ вопросомъ: «гдѣ тутъ гостиница?» Онъ молча указалъ на бревенчатый домъ влѣвъ отъ дороги. Подошедъ къ нему, мы спросили хозяина, стоявшаго въ сѣняхъ, можно ли тутъ остановиться на ночь? «Войдите», былъ короткій отвѣтъ Американца.

Немного повыше средняго роста, онъ былъ сухаго, но мускулистаго сложенія; на немъ не было ни жилета, ни сюртука: вообще въ эти принадлежности туалета поселенцы облакаются только тогда, когда отправляются въ городъ или по случаю праздника. Широкополая черная шляпа покрывала его темно-русые, слегка кудреватые волосы; нижняя часть лица обросла небольшою, но довольно густою бородкой. Въ бойкомъ взглядѣ выражались доброта и самоувѣренность; разговоривая съ нимъ, невольно смотришь ему въ глаза, и они какъ будто улыбаются, тогда какъ на сухомъ лицѣ ни одною чертой не измѣняется строгое выраженіе.

Мистеръ Риддингъ, такъ звали хозяина, сталъ еще привѣтливѣе къ намъ, когда узналъ, что мы изъ Россіи. Собираясь идти по хозяйству, онъ пригласилъ и насъ съ собою. Мы вышли въ сопровожденіи двухъ большихъ бѣлыхъ собакъ на дорогу, и тутъ сразу обозрѣли младенческій городъ. Состоялъ онъ изъ дому нашего хозяина и изъ другаго только-что построеннаго домика, куда лишь на дняхъ перѣехали владѣльцы

его. Кромѣ того строилось еще три жилища. Въ огородѣ мистера Риддинга зеленѣли отпрыски хлопчатника. Неподалеку въ лѣсу небольшое мѣсто окружено было заборомъ изъ расколотыхъ вдоль сосновыхъ бревенъ: это былъ скотный дворъ подъ открытымъ небомъ. Онъ раздѣлялся перегородкой на двѣ неравныя части. Въ большемъ отдѣленіи вмѣщалось около двухъ сотъ коровъ; въ точности и самъ хозяинъ не зналъ, сколько ихъ у него. Въ другомъ меньшемъ отдѣленіи находилось до тридцати телокъ. Около нихъ уже хлопотала молодая хозяйка. Коровы же не пришли еще съ пастбища: ихъ поджидали изъ лѣсу со стороны озера. Вскорѣ показалось приближавшееся въ разбродъ стадо. За нимъ верхомъ на большой лошади гарцовалъ мальчикъ лѣтъ десяти. Мелькая то тамъ, то здѣсь, онъ заставлялъ коровъ направляться къ огороженному мѣсту. Самыхъ упрямыхъ мальчикъ гонялъ до тѣхъ поръ, пока онъ не вбѣгали туда, перемахивая черезъ бревна какъ лошади черезъ барьеръ. Собаки, вилая хвостами, съ горячимъ участіемъ слѣдили за этою гонкой и раза два хотѣли было пуститься на помощь мальчику; но усмирялись по жесту хозяина. Одна только черная корова никакъ не давалась, ловко увертываясь отъ нагоняющаго ее мальчика. Риддингъ укнулъ своимъ собакамъ; съ лаемъ понеслись онъ за бѣжавшею обратно въ лѣсъ чернавкой, духомъ нагнали ее, и съ разбѣга, вцѣпившись зубами въ ухо коровы, повергли ее на землю. Чернавка замычала, вскочила мигомъ и безъ оглядки помчалась прямо къ оградѣ, гдѣ и спаслась отъ неотвязчивыхъ собакъ. Хозяинъ окликнулъ ихъ, и онѣ легли у ногъ его, весело махая хвостомъ. Мальчуганъ между тѣмъ соскочилъ съ лошади и пошелъ помогать хозяйкѣ. Матокъ поочередно впускали въ отдѣленіе телятъ. Давъ каждому изъ нихъ понемногу отсосать свою матку, хозяйка остальное выдаивала. Послѣ этого телятъ на ночь выпустили въ лѣсъ, а коровы оставались въ оградѣ. Мычаніемъ матки призывали телятъ, а эти, отвѣчая тоже мычаніемъ, не уходили далеко отъ своего двора. Такимъ образомъ здѣсь стада безъ пастуха бродятъ по лѣсамъ, не отбиваясь далеко отъ дому. Тотъ же мальчуганъ каждый день отправляется на поиски за стадомъ и находитъ его версты за двѣ, за три. Мальчика звали Литль-Генри, Маленькій Генри, для отличія отъ другаго Генри, жившаго у Риддинга по найму.

Было уже темно, когда мы возвратились домой. На просторномъ очагѣ камина пылали сосновые бревна. По приглашенію

хозяина мы на старыхъ стульяхъ размѣстились близъ огня, а Литль-Генри сѣлъ на корточки чуть не въ самомъ каминѣ. Обратившись къ намъ лицомъ, онъ смотрѣлъ на насъ изъ-подъ нахлобученной на голову шляпенки. Большой Генри, родомъ Ирландецъ, также придвинулъ свой стулъ и съ любопытствомъ прислушивался къ нашей бесѣдѣ. Риддингъ разказывалъ, какъ онъ, два года тому назадъ, съ своею молодою женою пріѣхалъ сюда изъ штата Георгіи; какъ выбралъ это мѣсто для города; какъ обстроился здѣсь и обзавелся стадомъ. Потомъ черезъ годъ пріѣхалъ другой Американецъ съ женою, взрослою дочерью и сыномъ, съ тѣмъ самымъ Литль-Генри, который теперь, грѣя свою спину, глазѣлъ на насъ изъ камина. Сторговавъ у Риддинга участокъ земли, новый поселенецъ отдалъ ему своего десятилѣтняго сына, съ тѣмъ чтобъ этотъ, гоняя стада, заработалъ часть долга. Потомъ наѣхало еще два семейства: они купили себѣ также участки и теперь обстраиваются. Пока еще туго подвигается населеніе; но когда Флориду пересѣчетъ желѣзная дорога, то Риддингъ надѣется, что городъ его быстро населится. Если оправдаются его надежды, то цѣны на участки значительно повысятся, и за землю, за которую самъ Риддингъ заплатилъ казенную цѣну, по одному доллару съ четвертью за акръ, онъ соберетъ большіе капиталы. Капиталы пойдутъ на постройки желѣзныхъ дорогъ, на заведеніе гостиницъ въ большихъ размѣрахъ, и всѣ будутъ уважать Риддинга какъ истиннаго благодѣтеля края, который вызвалъ имъ изъ состоянія безпріютности и первобытнаго затишья къ жизни дѣятельной, промышленной.

Хорошъ этотъ Американецъ, этотъ основатель города! Весь онъ чистый, безыскусственный самородокъ; весь исполненный стойкой энергіи. При всемъ томъ онъ нисколько не грозенъ, никого не заставляетъ трепетать передъ своею силой. Ни мало не стѣсняя правъ личности, онъ могуществомъ своего внутренняго достоинства подчиняетъ все окружающее своему вліянію. Риддингъ не нуждается во власти; но власть, необходимая при устройствѣ всякой общины, нуждается въ немъ. И какое бы народонаселеніе ни вошло теперь въ составъ жителей края, германское, ирландское или другое, оно уже необходимо должно сообразоваться съ личностью этого Американца. Онъ налагаетъ свой отпечатокъ на все общество. Риддингъ кровный Американецъ, то-есть рожденъ въ Америкѣ. Такихъ здѣсь меньше чѣмъ переселившихся Европейцевъ. Но разноплемен-

ные переселенцы невольно подчиняются преобладающему духу американскихъ уроженцевъ.

Послѣ не разъ встрѣчались мы въ Штатахъ съ Американцами этого типа; но Риддингъ сильнѣе другихъ привлекъ къ себѣ наше вниманіе, потому что былъ первый, съ которымъ мы познакомились.

Онъ въ свою очередь разспрашивалъ насъ о нашей холодной зимѣ, о пахотныхъ работахъ въ Россіи, причѣмъ добродушно шутилъ съ Литль-Генри. Узнавъ отъ насъ русское слово *корова*, онъ то и дѣло повторялъ его съ мальчуганомъ, и опирь, кто изъ нихъ лучше выговариваетъ.

Къ ужину пришли остальные жители города, человекъ три: они еще не успѣли обзавестись своимъ хозяйствомъ. Послѣ того хозяинъ отвелъ насъ въ особую горенку; въ ней приготовлена была опрятная постель. Мы вдвоемъ должны были, разумѣется, довольствоваться одною кроватью.

7-й день, 24 апрѣля.

На другое утро послѣ ранняго завтрака, товарищъ мой обратился къ хозяину съ вопросомъ, сколько мы ему должны? Риддингъ посмотрѣлъ на него съ безмолвнымъ строгимъ упрекомъ; мой товарищъ поспѣшилъ оговориться, представляя, что онъ насъ, какъ путешественниковъ, ставить въ затруднительное положеніе, что мы надѣлали ему хлопотъ своимъ приходомъ и т. п. «Правда!» сказалъ Американецъ и взялъ одинъ долларъ съ обоихъ. Все это конечно мелочи; но въ такихъ повторяющихся повседневныхъ мелочахъ высказывается немелочная черта народа. Не въ первый разъ пришлось намъ узнавать на дѣлѣ безкорыстіе Американцевъ. Эта черта тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что изъ Европы выѣзжаешь съ превратными понятіями о промышленномъ народѣ, вѣчно занятомъ спекулятивными затѣями. Даже здѣсь въ Америкѣ одинъ Нѣмецъ увѣрялъ насъ: «деньги у Американцевъ значатъ все: деньги—ихъ Богъ, деньги ихъ вѣра, деньги ихъ законъ!» Германецъ, конечно, смотрѣлъ на американскія промышленныя дѣла съ точки зрѣнія европейскаго спекулятора, для котораго деньги—главная цѣль торговыхъ операцій. Другое дѣло Американецъ: для него вся жизнь заключается въ спекуляціяхъ, а деньги служатъ средствомъ для нихъ. Такъ для ученаго математическіе условные знаки и формулы служатъ средствомъ къ развитію многосложныхъ выкладокъ, которыми онъ способенъ

увлечься до самозабвения. Въ такомъ смыслѣ Американецъ—спекуляторъ, а Европейецъ—болѣе пріобрѣтатель. Оттого Американцы въ торговыхъ операціяхъ отважнѣе Европейцевъ; оттого для нихъ ни почему убить капиталъ на какое-нибудь рискованное предпріятіе и послѣ неудачи снова собрать денегъ на другую спекуляцію. Въ этомъ отношеніи Нѣмцы въ Штатахъ осторожнѣе; они пускаются только въ самыя вѣрныя дѣла; оттого и богатѣютъ не такъ быстро, за то надежнѣе. Разбогатѣвъ, Германецъ иногда бросаетъ свои торговые обороты: такъ разчетливый игрокъ, взявъ нѣсколько удачныхъ ставокъ, перестаетъ играть, довольный своимъ выигрышемъ. Американецъ же скорѣй похожъ на игрока, который чѣмъ больше выигрываетъ, тѣмъ болѣе увлекается, такъ что съ увеличеніемъ богатства увеличиваются и дѣла его. Вотъ въ какомъ смыслѣ промышленность для Американца все: это его поэзія, его честь и слава.

Мы увѣрены, не корысть заставила Риддинга переселиться изъ одного штата въ другой и основывать новые города; не корысть заставляетъ его теперь непрестанно расширять кругъ своей дѣятельности, а скорѣе всего жажда самой дѣятельности!

Мы наконецъ распростились съ хозяиномъ и его домочадцами какъ съ старыми знакомыми, и онъ заранѣе уже приглашалъ насъ къ себѣ, если опять случится быть въ здѣшнихъ мѣстахъ, обѣщая пріютить насъ тогда съ большимъ комфортомъ. Мы, шутя, дали слово, но не шутя думали, почему знать? можетъ статься черезъ нѣсколько лѣтъ опять побываемъ здѣсь и встрѣтимся съ старыми знакомыми. Но узнаемъ ли мы сами эти мѣста? Сколько переменъ совершится здѣсь въ продолженіи немногихъ лѣтъ? По пустыннымъ лѣсамъ пройдутъ желѣзные дороги, возникнутъ новые города, обширныя плантаціи!

Если на дальнемъ Востокѣ путникъ, среди окружающихъ его остатковъ древности, весь переселяется въ жизнь прошедшихъ вѣковъ, то здѣсь, на западномъ полушаріи, онъ невольно отдается мыслямъ о быстро-наступающемъ будущемъ. И это будущее, не омраченное еще никакими бѣдами дѣйствительности, представляется воображенію чистымъ и яснымъ, какъ разсвѣтъ безоблачнаго дня.

Разсвѣтъ наступалъ уже для здѣшняго края, когда мы проходили по немъ: почти на каждой верстѣ попадались обширныя плантаціи, какъ видно, очень недавно здѣсь заложенныя. Мы узнавали ихъ издали по обнаженнымъ отъ коры пепельнаго

цѣта пнямъ съ корявыми сучьями: они высоко торчали надъ сѣро-песчаною почвой, приготовленною подъ хлопчатникъ. Чтобы не вырывать изъ земли сосны съ корнями для очистки новины подъ плантацію, поселенцы слегка надрубаютъ внизу пня древесину, подпаливаютъ надрубленное мѣсто огнемъ, и дерево убито: сухость, солнечный жаръ довершаютъ дѣло, и отъ вымершихъ сосенъ остаются голые остовы, посѣрѣвшіе и какъ будто покоробившіеся отъ зноя.

Къ одной изъ такихъ плантацій подошли мы около полудня. Большой домъ былъ почему-то оставленъ самимъ плантаторомъ. Въ его отсутствіе тамъ распорядилась негритянка. Она предложила намъ молока, мансоваго хлѣба, свиного сала, сожалея, что кромѣ этого ничего не нашлось въ домѣ для неожиданныхъ гостей. Потомъ указала намъ тропинку сквозь лиственный лѣсъ къ Оринджъ-озеру. Между прочими разнообразными породами здѣсь въ большомъ числѣ росли померанцовыя деревья. На нихъ во множествѣ краснѣли крупные плоды; также много валялось ихъ на землѣ. Но отъ ночныхъ холодовъ въ послѣднее время всѣ померанцы были попорчены, такъ что, прекрасные на видъ, они были совсѣмъ безсочны. Подъ сѣнью этихъ деревьевъ, какъ по аллеѣ, подошли мы къ краю озера, и передъ нами открылось водное пространство, верстъ двадцать въ окружности, окаймленное пышною растительностію. Яркая зелень, казалось, еще ярче выступала надъ свѣтлою поверхностью чистой воды. На берегу противъ насъ густой лѣсъ, отступивъ отъ края берега, оставилъ передъ собою зеленѣющую площадку; среди нея возвышались четыре статныя пальметто, касаясь между собою своими вершинными листьями; подобныя опахаламъ, они, поддуваемые вѣтромъ, ударили другъ друга, производя едва слышный, таинственный шорохъ. Надъ водой перелетывали холостыя утки, чайки, бѣлыя цапли. У берега въ тростникѣ перепархивали дрозды. Несмотря на полуденный зной, здѣсь дышалось свободно, легко. Упоенныя чувства безмятежно отдались тихому свѣтлому наслажденію... Мы разстались съ озеромъ, какъ послѣ задушевной бесѣды расстаются съ друзьями: еще многое хочется сказать и услышать недоговоренныхъ рѣчей; быть-можетъ никогда болѣе не сойдемся на такую бесѣду, а разстаться надо...

Отсюда по дорогѣ чаще стали попадаться лиственные лѣса. Въ нихъ показывались черныя коршуны. Голая кожа на головѣ и шеѣ съ фіолетовымъ отливомъ придавали имъ сходство съ

молодыми индюками. Стаями, штукъ до десяти, налетали они обыкновенно на пададь. Къ вечеру прошли мы мимо небольшого озера, которое синѣло среди открытой поляны. Вслѣдъ за тѣмъ показался городокъ Миканопе. Мы вошли въ него въ то самое время, когда съ крыши гостиницы раздавался пригласительный трезвонъ, съзывавшій жителей къ позднему ужину.

8-й день, 25-го апрѣля.

Верстахъ въ трехъ къ сѣверу отъ Миканопе находится небольшое озеро, скрытое въ густомъ лѣсу. Вообще въ здѣшнемъ краѣ много большихъ и малыхъ озеръ. Они образовались въ углубленіяхъ поверхности, которая по всему полуострову весьма немного поднята надъ уровнемъ моря. Orange-Lake самое большое изъ этихъ внутреннихъ водъ. Ближнее озеро, къ которому мы пришли,—не болѣе двухъ верстъ въ поперечникѣ. Обойти его кругомъ не было возможности: по топкому берегу мѣстами просачивались ручейки, питая своими водами самое озеро; а въ густомъ лѣсу до того переплелись ліаны и выющіяся растенія, что мы путались въ нихъ какъ въ тенетахъ. Обозрѣвая гладкую поверхность воды, мы здѣсь, точно такъ же какъ у Оринджъ-озера, нигдѣ не могли открыть какихъ бы то ни было признаковъ обитаемости или по крайней мѣрѣ остатковъ отъ пребыванія людей въ прежнія времена: кругомъ по краю росъ лиственный лѣсъ, глядѣлся въ зеркальную гладь воды, и кто знаетъ, сколько вѣковъ онъ въ величавомъ уединеніи любовался такимъ образомъ самимъ собою?

Около рѣкъ и озеръ любить селиться человѣкъ; но здѣсь во всемъ краѣ нигдѣ не осталось слѣда отъ жившихъ тутъ еще на нашу память краснокожихъ племенъ. Такъ прежніе владѣтели страны вышли отсюда, не оставивъ по себѣ ничего на память будущимъ временамъ.

Испанцы же, присвоившіе себѣ Флориду по праву перваго открытія, искали внутри полуострова чудодѣйныхъ источниковъ и несмѣтныхъ сокровищъ. Лѣтъ двадцать спустя послѣ Понсе-де-Леона, открывшаго Флориду, то-есть въ 1539 году, другой предприимчивый завоеватель Фернандо-де-Сото снарядилъ въ Гаваннѣ новую экспедицію. И когда въ Европѣ, пробужденной идеями реформациі, съ изобрѣтеніемъ огнестрѣльныхъ орудій пришелъ къ концу вѣкъ доблестнаго рыцарства, тогда еще разъ блеснуло оно во всей своей красѣ въ этихъ пустынныхъ лѣсахъ: до шестисотъ рыцарей сопровождали Фернандо-де-

Сото. Блестяя латами въ лучахъ жужнаго солнца, красуясь въ одеждахъ цвѣтистаго шелку, они собрались точно на праздникъ, на турниръ. Обобщенные пышною растительностію по берегамъ, испанскіе рыцари пустились внутрь нескончаемыхъ лѣсовъ. Нападая на краснокожихъ, они подвергали ихъ мученіямъ и пытывали, гдѣ находятся горы съ золотою рудою и драгоценными камнями. Чтобъ отдѣлаться отъ жестокихъ пришельцевъ, Индійцы отсылали ихъ далѣе на сѣверъ и на западъ, увѣряя, что тамъ находятся несмѣтные сокровища. Такимъ образомъ, вводимые въ обманъ соблазнительными разказами смѣтливыхъ дикарей, Испанцы переходили отъ одного племени къ другому. вмѣсто сокровищъ они находили только безплодные смолистые лѣса: войско терпѣло нужду въ самомъ необходимомъ; лошади падали отъ недостатка корма. Сподвижники Фернанда, упавъ духомъ, не разъ умоляли его возвратиться; но терзаемый самолюбіемъ, де-Сото не хотѣлъ послѣ такихъ блестящихъ сборовъ явиться домой съ сознаниемъ неудачи: онъ упорно шелъ далѣе, пока не дошелъ наконецъ до великой рѣки, Миссиссипи. Смерть положила здѣсь конецъ настойчивости гордаго Испанца. Товарищи опустили тѣло де-Сото въ мутныя воды открытой имъ рѣки.

Послѣ такихъ бѣдственныхъ неудачъ Испанцы на время отказались отъ завоеванія Флориды. Въ 1562 году адмиралъ Коллинъ, намѣреваясь основать во Флоридѣ французско-протестантское государство, послалъ туда эскадру, которая открыла Джонсъ-Риверъ. Эта колонія погибла отъ несогласія; но черезъ два года гугеноты построили новый фортъ на той же рѣкѣ.

Годъ спустя вновь явились Испанцы подъ предводительствомъ Мелендеса. Онъ присталъ къ берегу въ день Святаго Августина, и тутъ же заложилъ городъ, названный въ честь этого Святаго.

Именемъ своего короля Филиппа II Мелендесъ вступилъ во владѣніе Флоридой и напалъ врасплохъ на безпечныхъ гугенотовъ. Онъ перевѣшалъ двѣсти Французовъ и поставилъ на мѣстѣ разрушеннаго форта памятникъ съ надписью: «не какъ Французовъ, а какъ еретиковъ». Узнавъ объ этомъ кровавомъ подвигѣ Мелендеса, Гасконецъ Доминикъ де-Горгесъ, пылая местию, вооружилъ три корабля, прибылъ во Флориду, и напалъ на Испанцевъ въ Сентъ-Августинѣ. Перебивъ безъ пощады всѣхъ, онъ развѣшалъ тѣла враговъ въ лѣсу по деревьямъ и написалъ: «не какъ Испанцевъ, а какъ убійцъ».

Французамъ не удалось однако утвердиться во Флоридѣ, и, не встрѣчая препятствія со стороны другихъ державъ, Испанцы объявили ее своею колоніей. Селясь по близости береговъ, и то не въ большомъ числѣ, они основали здѣсь нѣсколько городовъ; но внутренность полуострова оставалась необитаемою. Наконецъ, уже въ наше время, туда проникли Американцы съ своими топорами и сохами, и оживили безлюдные края духомъ своей вѣчно-подвижной спекуляціи. Отъ прежнихъ обладателей страны не осталось и слѣда. И теперь, когда на нашихъ глазахъ совершается здѣсь неотразимый натискъ прочной цивилизаціи, теперь разказы о походахъ испанскихъ рыцарей представляются уму миѳическими сказаніями: современная здѣшняя жизнь не имѣетъ съ ними ничего общаго, никакой связи. Прошедшаго здѣсь какъ будто и не было, и напрасны были наши старанія открыть у озера или въ другихъ мѣстахъ что-нибудь напоминающее о быломъ: передъ нами спокойно синѣла гладкая поверхность воды; густая листва окаймляла ее все тою же пышною зеленью, и только пухлыя облака съ бѣлыми полными блеска краями, отражаясь въ глубинѣ озера, заводили тамъ живую, безсвязную игру перемѣнчивыхъ причудливыхъ формъ и очерковъ.

Мы вернулись въ городъ, и американская цивилизація опять предстала передъ нами во всей своей недостроенности. Въ городкѣ была аптека. Мы зашли въ нее изъ любопытства. Съ перваго взгляда намъ показалось, что мы ошиблись и попали не въ аптеку, а въ косметическій магазинъ: направо отъ дверей разставлены были щегольскія тросточки; на окнѣ стояли двѣ стеклянныя банки съ губками и съ щеточками для зубовъ; на прилавкахъ подъ стекломъ содержалась всякая мелочь: кошельки, гребенки, запонки и т. п.; въ шкапахъ, занимавшихъ три стѣны, за стекломъ разставлены были разнаго рода запечатанные флакончики съ разноцвѣтными жидкостями. Мы спросили: можно ли здѣсь получить лѣкарство по рецепту? Американецъ-аптекарь объяснилъ, что если понадобится лѣкарство, то слѣдуетъ сперва обратиться къ доктору, который живетъ въ томъ же домѣ на верху. Докторъ, разспросивъ о болѣзни, дастъ отъ себя нумерокъ; по немъ уже аптекарь отпуститъ одинъ изъ запечатанныхъ флаконовъ.

Такимъ образомъ врачъ распорядился, чтобы помимо него нельзя было получить никакого лѣкарства.

Воротившись въ гостиницу, мы, въ ожиданіи обѣда, сѣли на

скамью въ палисадникѣ передъ окнами дома. Тутъ по цвѣткамъ мимозы весело перепархивали колибри, блистая на солнцѣ темносиними и рубиновыми цвѣтами; птички, подлетѣвъ къ цвѣтку, трепетали надъ нимъ своими крылышками, потомъ опять улетали, рѣзвась и живо догоняя другъ друга. Они вовсе не пугались людей и близко влились около насъ. Кому въ первый разъ случается видѣть эту рѣзвую птицу-муху, тотъ не сразу догадается, что это точно птица: чучелы колибри въ музеумахъ не могутъ дать настоящаго понятія о живой, бойкой пташкѣ, всегда или порхающей, или трепещущей надъ цвѣткомъ. Опуская свой тоненькій носикъ въ вѣнчикъ его, она переноситъ цвѣточную пыль съ одного растенія на другое и, подобно насѣкомымъ, помогаетъ оплодотворенію въ томъ случаѣ, когда по устройству растенія оно не могло бы совершиться само собою.

Послѣ обѣда мы опять двинулись по нашей дорогѣ на западъ. Уже со вчерашняго перехода отъ самаго Ориндж-озера она видимо становилась оживленнѣе. Не только чаще попадались домики поселенцевъ, но и виды мѣстности были уже не такъ однообразны: съ одного пригорка всходили мы на другой. Сама дорога была менѣе песчана: грунтъ мѣстами былъ хрящеватый. Попадались небольшіе камни ноздреватаго известняка, составляющаго подпочву здѣшняго края. Хвойный лѣсъ часто смѣнялся лиственнымъ. Но болѣе всего возбуждали здѣсь наше любопытство круглыя ямы, правильныя какъ котлы кашеваровъ. Онѣ попадались всегда на высокихъ мѣстахъ, иногда по одиначкѣ, а иногда и по двѣ, по три не въ дальнемъ другъ отъ друга разстояніи. Величина ихъ мѣнялась отъ трехъ до восьми сажени въ поперечникѣ, и отъ одной до четырехъ сажени въ глубину. Никто здѣсь не знаетъ о ихъ происхожденіи: на всѣ наши разспросы жители могли только сообщить, что въ дождливое время, ямы наполняются водой, которая довольно долго сохраняется въ время, наступающее послѣ этой засухи. Намъ самимъ случалось въ нѣкоторыхъ находить воду, еще годную для питья, хотя періодъ засухи подходилъ уже къ концу. Въ глубинѣ иныхъ ямъ росъ кустарникъ. Со дна другихъ подымались сосны на одну высоту съ тѣми, что росли по всему лѣсу. Во всякомъ случаѣ котлообразныя, одинаковой формы, ямы вырыты очень давно. Иныя можетъ быть въ тѣ времена, когда здѣсь не было еще сосноваго лѣса. Вообще чѣмъ болѣе приглядывались мы къ характеру самой

мѣстности, почти ровной и песчаной, тѣмъ болѣе намъ казалось вѣроятнымъ, что этотъ край въ давнія времена былъ песчаною пустыней. Мѣстами только въ видѣ оазисовъ зеленѣли тогда лиственные лѣса. Быть-можетъ до открытія Америки здѣсь существовала своя Сахара, конечно въ меньшихъ размѣрахъ.

Вечеромъ при сильномъ сверканіи жучковъ въ лиственномъ лѣсу дошли мы до плантаціи Вокахобты.

9-й день, 26 апрѣля.

Справляясь на плантаціи о дальнѣйшей дорогѣ, мы узнали, что отсюда она пролегаетъ опять по совершенно безлюднымъ мѣстамъ; въ этомъ краѣ никто даже не хочетъ селиться по причинѣ голыхъ песковъ, и до мѣстечка, верстахъ въ сорока отъ Вокахобты, не было надежды набрести на жилище. Настоящаго названія этого мѣстечка никто изъ жителей не могъ припомнить; всѣ называли его Содомомъ, думая этимъ именемъ характеризовать пустынность мѣстности.

Не прошли мы четырехъ верстъ отъ Вокахобты, какъ начались голые пески: до сихъ поръ вездѣ былъ хоть признакъ дерна; хотя не густо, но все-таки росла травка въ лѣсу; а здѣсь и послѣдній слѣдъ травы на почвѣ пропалъ. Вездѣ одинъ сыпучій изжелта-бѣлый песокъ: онъ былъ и по дорогѣ, и по обѣ стороны ея, на сколько можно было видѣть почву сквозь далеко отстоящія другъ отъ друга подпаленныя сосны. Между ними для оживленія пустынной картины весело зеленѣли молодые дубки. Но сколько ни смотрѣли мы въ прозрачныя лѣса, нигдѣ не могли открыть ни одного стараго дуба. Судя по величинѣ и толщинѣ ствола, молодые деревца начали расти не далѣе какъ лѣтъ двадцать или тридцать тому назадъ. Замѣчательно, что около того же времени этотъ край былъ покинутъ Индійцами: какъ будто растительная сила, сохраняясь въ почвѣ, ждала только удаленія краснокожаго племени. Можетъ-быть дикіе истребили здѣсь болѣшую часть сосенъ; между оставшимися на просторѣ разросся дубнякъ. Теперь онъ еще не великъ, но въ послѣдствіи обѣщаетъ развернуться въ болѣе густой высокій лѣсъ; тогда подъ тѣнью его самая почва успѣетъ покрыться живительнымъ дерномъ.

Шествіе наше еще болѣе затруднялось отъ слегка всхолмленной мѣстности, такъ что мы, взрывая ногами песокъ, съ трудомъ всходили съ одного пригорка на другой. Но даже среди

этой песчаной пустыни, вовсе не чая встрѣтить и слѣда населенія, нашли мы досчатый домикъ; онъ былъ окруженъ большимъ огороженнымъ и перепаханнымъ полемъ. Въ домикѣ застали женщину съ пятью дѣтьми: старшему изъ нихъ было не болѣе семи лѣтъ. Самъ хозяинъ куда-то отлучился. Миска молока, какъ нельзя болѣе кстати предложенная намъ хозяйкой, освѣжила насъ въ знойную погоду среди этой сухмени. Американка не хотѣла брать денегъ за молоко, такъ что товарищъ мой безъ ея вѣдома принудилъ старшаго мальчугана взять долларъ. На вопросъ о дорогѣ намъ сказали, что она прямо приведетъ въ Содомъ: такъ другаго названія никто и не зналъ. И даже когда подъ вечеръ среди лѣсу показались пять-шесть домиковъ, и мы спросили возвращавшагося съ плантаціи негра, чтѣ это за мѣсто? онъ отвѣчалъ: «Содомъ!»

Любопытно, какое-то имя утвердится наконецъ за мѣстечкомъ. То ли, которое дано ему при zaloженіи самимъ основателемъ, или придуманное сосѣдями? Если второе, то современемъ, вслѣдъ за топоромъ и сохой, появится здѣсь сила пара, пески покроются хлопчато-бумажными плантаціями, тогда одно лишь названіе Содомъ напомнитъ недоумѣвающему потому, какую пустыню оживили его отцы!

10-й день, 27 апрѣля.

За Содомомъ дорога стала менѣе песчана. Около полудня увидели мы въ первый разъ совершенно открытые зеленѣющіе луга, называемые *прери*. Кто не проводилъ въ лѣсахъ безвыходно нѣсколькихъ дней къ ряду, тотъ не легко пойметъ отрадное чувство, которое наполняетъ весь организмъ нашъ при выходѣ на открытую зеленую поляну. Тамъ кругозоръ суживается столпившимися со всѣхъ сторонъ деревьями; вѣтвями ихъ заслоняется сводъ неба. А тутъ взоръ нѣжится на просторѣ; надъ головою такъ чисто и далеко небесное пространство; душа изъ угрюмой замкнутости переходитъ къ кроткому, веселому раздолью... Такія разнородныя впечатлѣнія лѣсныхъ и открытыхъ пространствъ должны глубоко-типично отражаться въ характерахъ какъ каждой отдѣльной личности, такъ и цѣлаго племени.

Прери, черезъ которыя мы проходили, были не велики: не болѣе двухъ верстъ въ длину, и столько же въ ширину. Мѣстами среди зеленѣющихъ луговъ, точно на днѣ круглаго блюда, гола сохранившаяся дождевая вода. Во время полуденнаго

привала у одного изъ маленькихъ озеръ мимо насъ проѣхала одноколка въ одну лошадь, на которой верхомъ подамски сидѣла негритянка; бѣлая широкая рубашка, перехваченная поясомъ, свободными складками ложилась вокругъ ея тѣла; изъ-подъ рубашки чернѣли босыя ноги; бѣлый платокъ съ красною каймой, въ видѣ тюрбана, украшалъ ея курчавую голову. Этотъ нарядъ при свободной позѣ негритянки, управлявшей лошадью, какъ нельзя болѣе шелъ къ бѣлымъ зрачкамъ ея глазъ и выдавшимся впередъ пухлымъ губамъ. Въ одноколкѣ сидѣла миссъ въ простомъ ситцевомъ платьѣ и въ глубокой шляпкѣ, совершенно защищавшей ея лицо отъ солнца. Она спросила насъ, далеко ли до Содома? жаловалась на жару и несносную песчаную дорогу, какъ жалуются наши дамы, выѣзжающія лѣтомъ на дачное гулянье. Ей, казалось, и въ голову не приходило, что она находится въ необитаемомъ краѣ, и что въ случаѣ бѣды, обѣ женщины не дождутся помощи. Правда, здѣсь имъ нечего было опасаться ни краснокожихъ, ни звѣрей; притомъ всякій мужчина считаетъ за долгъ охранять женщину отъ неприятностей. Оттого вообще, какъ въ населенныхъ, такъ и въ малолюдныхъ краяхъ Соединенныхъ Штатовъ, леди смѣло пускаются въ дальнѣйшій путь. Это слѣдствіе того высокаго уваженія, которое Американецъ питаетъ къ женщинѣ, превознося ее выше мужчины. Иная фашонабельная леди въ Нью-Йоркѣ, желая навѣстить родныхъ въ Нью-Орлеанѣ, отправляется одна съ своимъ дорожнымъ мѣщечкомъ на желѣзную дорогу, препроводивъ туда съ экспрессомъ чемоданы, наполненные новѣйшими модами, и спокойно садится въ вагонъ, назначенный исключительно для леди. Она увѣрена, что въ первомъ городѣ, гдѣ вздумаетъ остановиться, найдетъ джентльменъ, который поможетъ ей безъ хлопотъ доѣхать до гостиницы. Потомъ при содѣйствіи другаго джентльмена, также вовсе ей незнакомаго, леди переходитъ на пароходъ. Она не заботится вовсе о благодарности за причиняемыя хлопоты. Джентльмены не считаютъ себя даже въ правѣ вступать съ нею по поводу оказанныхъ услугъ въ ближайшее знакомство. Исполнивъ свой долгъ съ рыцарскимъ безкорыстіемъ, они тотчасъ почтительно удаляются. Такимъ образомъ, проѣхавъ тысячи верстъ изъ одного конца Штатовъ въ другой, она безъ проводника благополучно прибываетъ къ назначенному мѣсту. Врядъ ли кто изъ нашихъ дамъ рѣшится такимъ образомъ проѣхаться по Европѣ. Здѣсь же это вещь весьма обыкновенная, и наша встрѣча съ миссъ, среди безлюдныхъ

пустынь, въ сопровожденіи негритянки, замѣнявшей кучера, не удивила бы Американца.

Въ продолженіи цѣлаго дня мы не встрѣчали болѣе никого. Лѣсная тишина нарушалась иногда только стукомъ неутомимаго дятла. Величиною съ дрозда, онъ такой же крапчатый какъ и нашъ, но бѣлѣе перомъ: грудь и брюшко почти совершенно бѣлыя; на головѣ его ярко-пунцовая шапочка.

Еще до заката увидали мы въ сторонѣ отъ дороги строеніе, совсѣмъ не похожее на обыкновенный домикъ поселенца. Высокій частоколь ограждалъ ровное мѣсто саженей десять въ квадратъ. Среди двора стоялъ бревенчатый домъ, выстроенный гораздо прочнѣе другихъ видѣнныхъ нами. Это былъ одинъ изъ покинутыхъ фортовъ, назначенныхъ для защиты края отъ Индійцевъ. Чтобы убѣдиться, живетъ ли кто въ фортѣ, мы отворили тяжелыя ворота и вступили на довольно просторный дворъ. Насъ встрѣтилъ неистовый лай собакъ, но ни души не нашлось въ самомъ домѣ. По осмотрѣ четырехъ комнатъ, расположенныхъ крестообразно, оказалось, что онъ обитаемъ, и жители его, должно быть, не надолго куда-нибудь отлучились. На вспаханномъ полѣ, примыкавшемъ къ форту, тоже никого не было. Мы перелѣзли черезъ тынъ и направились въ лѣсъ по тропинкѣ. Вскорѣ по стуку топора отыскали Американца пожилыхъ лѣтъ, занятаго раскалываніемъ надвое сосноваго бревна; два мальчика, десяти и восьми лѣтъ, сыновья его, казалось, съ любопытствомъ слѣдили за дѣйствіемъ тяжелаго топора. Всѣ трое только тогда замѣтили насъ, когда мы, окликнувъ ихъ, пожелали имъ добраго дня. На вопросъ нашъ, можно ли остановиться на ночь въ его домѣ, Американецъ, заминаясь, какъ-то сухо отвѣчалъ, что не знаетъ, какъ бы это сдѣлать, и т. п.

Полагая, что онъ опасается впустить къ себѣ пришедшихъ Богъ знаетъ откуда незнакомцевъ, я было достала уже письмо отъ президента; но Американецъ, подошедъ къ намъ, остановилъ меня словами: «No, sir! дѣло не въ томъ, оставьте письмо: я сомнѣваюсь только, будете ли вы довольны тѣмъ, что найдете у меня? Я не въ состояніи помѣстить васъ такъ комфортабельно, какъ бы слѣдовало; да и къ ужину не могу предложить ничего кромѣ ветчины, чашки кофе и яицъ». Мы просили его не беспокоиться на этотъ счетъ и позволить намъ только остановиться у него. Онъ пригласилъ насъ войти въ домъ. Въ сопровожденіи его сына мы вернулись въ фортъ, а вскорѣ пришелъ и самъ хозяинъ. Отъ него узнали мы, что по

причинѣ совершеннаго удаленія краснокожихъ фортъ оставленъ гдѣ двадцать тому назадъ стоявшимъ здѣсь американскимъ отрядомъ. Нашъ хозяинъ купилъ у правительства и фортъ, и сорокъ акровъ земли, къ нему принадлежащей, за восемьсотъ долларовъ. Эта цѣна выше той, которая назначена правительствомъ за новыя земли (по $1\frac{1}{4}$ доллара за акръ); но если взять въ разчетъ просторное строеніе и при немъ готовое поле, то такое пріобрѣтеніе оказывается весьма выгоднымъ.

11-й день, 28 апрѣля.

Еще день ходьбы осталось намъ до берега Мексиканскаго залива. Намъ говорили, что на берегу живетъ лодочникъ, который перевезетъ насъ на островъ Седеръ-Кизъ, гдѣ вѣроятно застанемъ пароходъ для дальнѣйшаго переѣзда. Еще день пришлось намъ взрывать ногами глубокой песокъ, и чѣмъ ближе подходили мы къ заливу, тѣмъ песчанѣе становилась дорога, то спускавшаяся съ горки, то поднимающаяся на пригорокъ. За то мѣстность стала разнообразнѣе: съ высотъ, покрытыхъ все еще соснами, открывались широкіе виды на долины: по нимъ купами и даже цѣлыми рошицами росли статныя пальметто, увѣчанныя листьями, подобными опахалу: а въ мѣстахъ болѣе сырыхъ возвышался болотный кипарисъ, легко узнаваемый по странной формѣ пня: довольно толстый снизу, онъ на подобіе конуса суживался къ верху, оканчиваясь остріемъ. Эти деревья разсыпаны были по низменной мѣстности, не образуя одного сплошнаго лѣса, а оставляя между собою прогалины; такъ что между ихъ красивыми группами взоръ достигалъ до самого горизонта: какъ будто артистъ-садовникъ обдуманно устроилъ здѣсь паркъ, пользуясь каждымъ пригорокомъ, съ котораго открывался свободный видъ на далекую мѣстность. Такими-то картинами обольщены были первые Испанцы, когда пускались внутрь въ надеждѣ найти тамъ цвѣтущій край съ роскошною растительностью. Послѣ полудня сосновый лѣсъ пропалъ наконецъ совсѣмъ изъ виду. Вправо и влѣво отъ дороги, на сколько могъ видѣть глазъ, по холмамъ и долинамъ, росъ невысокой кустарникъ, большею частью мелкій кипарисъ и миртъ.

Мы взошли еще на одинъ пригорокъ, и передъ нами вдали засіяла густо-синія воды; по ихъ поверхности темными пятнами чернѣли разсыпанные въ разныя стороны мелкіе острова. Одинъ изъ нихъ, ближайшій къ берегу, соединился съ нимъ

гатью изъ пней пальметто, наваленныхъ на узкую насыпь. По ней прошли мы къ единственному досчатому домику на островкѣ, покрытомъ обломками раковинъ. Въ домѣ застали мы старуху съ двумя взрослыми дочерьми и маленькимъ сыномъ. Она встрѣтила насъ съ коротенькою трубкою въ зубахъ и съ неприятною вѣстью, что рыбакъ, мужъ ея, отлучился на материкъ и пробудетъ тамъ съ недѣлю; а кромѣ его некому было перевезти насъ въ Седеръ-Кизъ. Такого обстоятельства мы вовсе не ожидали и намѣревались уже пуститься наутро пѣшкомъ по матерiku къ сѣверу, придерживаясь по возможности ближайшей къ морю дороги; но сдѣлали еще одну попытку и спросили старуху, нельзя ли достать хоть какую-нибудь лодку; тогда мы сами доѣхали бы до Седеръ-Киза. «Oh, yes! отвѣтила она весело; лодку я вамъ дамъ нашу, если вы только рѣшитесь ѣхать одни!» — И отлично! воскликнули мы въ одинъ голосъ: только какъ же? кто-нибудь долженъ же ѣхать съ нами, чтобы было кому сдать лодку. «О, это ничего не значить, возразила старуха, выковыривая пальцемъ золу изъ своей трубочки: вы тамъ скажете лодочнику, что пріѣхали въ лодкѣ моего мужа, и ее ужъ доставятъ намъ какъ-нибудь.» Такимъ образомъ ко всеобщему удовольствію рѣшено было на слѣдующее утро, съ наступающимъ отливомъ, и при береговомъ вѣтрѣ, плыть къ Седеръ-Кизу, до котораго оставалось около восьми верстъ.

12-й день, 29 апрѣля.

Что за ночь провели мы подъ кровлею рыбацкаго домика! Нестерпимая ночь! Вереница москито, какъ называютъ здѣсь комаровъ и вообще жалящихъ насѣкомыхъ, беспощадно кусали насъ. Мы съ нетерпѣніемъ ждали наступленія утра. Наконецъ разсвѣло. Позавтракавъ, мы при помощи старухи стаянули съ берега двухъ-весельную лодку и приладили къ ней маленькій парусъ.

Тутъ вышло было новое затрудненіе: при расплатѣ за ночлегъ и за лодку оказалось, что у старухи не было сдачи, а у насъ не было монеты мельче десяти долларовъ. Какъ же быть? спросилъ мой товарищъ. Старуха сначала не поняла, въ чемъ дѣло, но узнавъ, что у насъ нѣтъ мелочи, воскликнула: «Ну чтожь такое! Вы отдайте полтора доллара лодочнику, а ужъ онъ мнѣ доставитъ ихъ вмѣстѣ съ лодкой.» Насъ поразила такая довѣрчивость Американки. Пора бы однако намъ было знать, что подозрительность не въ натурѣ Американцевъ. Но въ

этомъ отношеніи вообще затруднительно положеніе путешественника, мѣняющаго мѣсто за мѣстомъ; въ одномъ — нѣтъ никакого довѣрія, а въ другомъ — обидишь, пожалуй, сомнѣваясь въ немъ. Здѣсь же въ Америкѣ, вслѣдствіе разнохарактерности населенія, это еще затруднительнѣе. Не разъ приходилось намъ испытывать на себѣ разные роды довѣрчивости. Вотъ, напримеръ, одинъ изъ случаевъ. Изъ Нью-Йорка мы были снабжены именными американскими векселями, и въ другомъ городѣ обратились съ ними къ нѣмецкому банкиру. Онъ однако объявилъ намъ, что денегъ выдать не можетъ, потому что не знаетъ насъ, и что намъ слѣдуетъ представить за себя поручителей. Мы ничего болѣе не могли представить какъ свои паспорта и письмо президента. Но Германецъ, смягчая свои выраженія, сказалъ, что билеты могли быть у насъ отняты бродягами. Удалившись ни съ чѣмъ, мы на удачу зашли къ американскому банкиру. Объяснивъ ему дѣло и наше затруднительное положеніе, мы показали письмо президента. Американецъ молча выслушалъ насъ, прочелъ съ улыбкою письмо, и сказалъ: «распишитесь и получите деньги». Для пополненія народной характеристики приведемъ еще подобный случай въ другомъ городѣ. На нашемъ кредитномъ билетѣ не было означено ни одного банкирскаго дома въ этомъ городѣ. Нуждаясь въ деньгахъ, мы наудачу обратились къ банкиру и къ счастью попали на Француза! Осмотрѣвъ кредитный билетъ, онъ сказалъ: «по порядку вещей слѣдовало бы снести сперва съ нью-йоркскимъ домомъ, но это задержало бы васъ въ городѣ; а потому извольте получить деньги.» Мы благодарили за такое довѣріе; въ отвѣтъ на это банкиръ смутилъ насъ совершенно, сказавъ такой комплиментъ, какой можно услышать только отъ Француза; смыслъ былъ тотъ, что физиономіи наши болѣе всякихъ векселей внушаютъ довѣріе...

Въ морѣ наступило наконецъ время отлива. Мы распустили парусъ, и при дувшемъ съ берега вѣтрѣ поплыли между островами и обнаженными полями по направленію, указанному женой рыбака. Вскорѣ изъ темносиней поверхности водъ стали выступать бѣлые домики и послѣ полутора-часоваго плаванія мы причалили къ острову Седеръ-Кизъ. Отыскавъ Американца, работавшаго на берегу надъ новою баркой, мы попросили его принять нашу лодочку и доставить ее рыбаку вмѣстѣ съ полутора долларами. «All right!» отвѣчалъ онъ, кивнувъ головой и снова принимаясь за работу. Мы ушли безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, зная по опыту, что послѣ этого лаконическаго «al

right» излишни всякія дальнѣйшія объясненія. Равносильное русскому «ладно», это all right звучитъ во всѣхъ концахъ Соединенныхъ Штатовъ.

Итакъ мы достигли наконецъ цѣли нашего похода. Мы прошли изъ Сентъ-Августина слишкомъ двѣсти верстъ, считая, разумѣется, всѣ изгибы пути.

Седерь Кизъ, апрѣля 30.

Флоридѣ рѣшительно суждено замѣнить собою Италію для Сѣверной Америки; разумѣется не въ отношеніи искусствъ и памятниковъ древности, а только въ медицинскомъ отношеніи. На берегу Атлантическаго океана мы распростились съ пріѣхавшими въ Сентъ-Августинъ для поправленія своего здоровья; здѣсь же на водахъ Мексиканскаго залива опять попали въ новенькій городъ, состоявшій изъ двадцати домовъ и посѣщаемый Американцами съ тою же цѣлью.

На небольшомъ не болѣе трехъ верстъ въ окружности островѣ, не нашлось ни одного кедра, какъ бы слѣдовало ожидать по названію. Говорятъ, впрочемъ, что прежде, во времена владычества Индійцевъ, здѣсь точно росли кедры, но ихъ истребили. Теперь же на песчаномъ грунтѣ, усыпанномъ обломками раковинъ, растетъ мелкій кустарникъ; кое-гдѣ подымаются невысокія пальметто и возвышаются осиротѣлые дубы и магноліи. Мѣстами росъ низенькій кактусъ, едва поднимаясь отъ земли; листь, усѣянный колючками, былъ величиною съ большую ладонь. Этого рода кактусы встрѣчали мы даже въ окрестностяхъ Ричмонда (штатъ Виргинія, подъ 30° сѣв. шир.).

Ни одной бухты, удобной для пристанища кораблей, не образовало здѣсь море, и пароходъ, заѣзжающій сюда по пути раза два въ мѣсяцъ, пристаётъ на короткое время къ городу, высаживаетъ больныхъ и захватываетъ съ собою исцѣлившихся пассажировъ. Жители не нахвалятся благораствореніемъ воздуха и здоровымъ климатомъ на островѣ, а пріѣзжающіе сюда для поправленія своего здоровья съ надеждою вслушиваются въ заманчивые панегирики. Въ этомъ отношеніи помимо климата многое слѣдуетъ приписать жизни на островѣ, и притомъ на такомъ маленькомъ, что въ два-три дня можно узнать обо всемъ, что на немъ есть и чего нѣтъ. Ощущеніе спокойствія, уединенія, увѣренность въ разьединеніи со свѣтомъ, съ его тревогами и неожиданностями, въ виду вѣчно-неизмѣнной, вѣчно-холодной стихіи, разстилающейся одинаково во всѣ стороны горизонта, все настраиваетъ душу островнаго обитателя къ той

безмятежности, которую не дано испытывать жителю материка, хотя бы онъ даже вздумалъ удалиться въ необитаемыя пустыни.

Младшій изъ прибрежныхъ штатовъ, Флорида, имѣетъ однако весьма важное значеніе для Сѣверо-Американской республики. Южный конецъ полуострова съ примыкающими къ нему островами владѣетъ ключомъ морскаго плаванія изъ океана въ заливъ. Самое важное мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ островъ Кей-Вестъ (Key-West) съ укрѣпленною гаванью. Она расположена почти посрединѣ флоридскаго пролива между оконечностью полуострова и Кубою, такъ что городъ Гаванна лежитъ почти противъ самаго мыса Сабля. Вотъ причина, почему вашингтонское правительство старалось сперва приобрести Флориду, а теперь такъ добивается Кубы.

Но помимо торговаго и военнаго значенія тутъ заключается другой, болѣе частный интересъ, важный исключительно для южныхъ штатовъ Сѣверной Америки. Несмотря на свое весьма рѣдкое населеніе, южные штаты, или собственно плантаторы, настойчиво домогаются расширенія земель на югъ, съ цѣлью распространенія своихъ плантацій, а вмѣстѣ съ ними и невольничества. Такимъ замысламъ рабовладѣльцевъ немало споспѣшествуетъ подвижная натура Американца, у котораго переселеніе съ одного мѣста на другое обратилось въ привычку. Хлопчатая же бумага, этотъ сильнѣйшій союзникъ плантаторовъ, истощающая въ одно десятилѣтіе никогда неудобряемую почву и требующая поэтому перенесенія плантаціи на свѣжую землю, поддерживаетъ это сильное влеченіе къ переменѣ мѣсть. Передъ такою хозяйственною необходимостью безсильны челоуколюбивые порывы сѣверныхъ аболиціонистовъ. И въ состояніи ли поколебать убѣжденіе южнаго плантатора слова нравственной истины, когда, не говоря уже о хозяйственныхъ выгодахъ, рабовладѣлецъ вслѣдствіе своего воспитанія освоился съ мыслию, что невольничество—благо для негровъ, что только этимъ путемъ возможно вывести чернокожее племя изъ дикаго состоянія, ввести его въ лоно христіанской церкви и сдѣлать участникомъ высшей цивилизаціи? Въ подобныхъ доводахъ плантаторы убѣждены до того искренно, что во имя челоуколюбія и цивилизаціи явно требуютъ даже расширенія невольничества, возстановленія продажи негровъ въ Африкѣ; такой торгъ людьми они называютъ по своему переселеніемъ чернаго племени въ Америку. Съ другой стороны они оправдываютъ необхо-

димость невольничества, основываясь на своемъ пониманіи слова свобода: только тотъ вполне пользуется свободой, говорить они, кто не принужденъ работать. По уставу же природы низшее всегда должно быть подчинено высшему. А чернокожее племя, какъ утверждаютъ даже ученые, по своей организаціи, стоитъ ниже блага, и вовсе не способно къ умственному развитію. Поэтому, говорятъ они, сама природа назначила негровъ быть нашими рабами. И никакіе доводы не убѣдятъ плантатора въ томъ, что невольничество самое безнравственное явленіе, какое когда-либо существовало въ мірѣ.

Лучшіе представители аболиціонистовъ не теряютъ надежды на будущее. Вотъ слова одного изъ Американцевъ, кончившаго свою рѣчь, читанную въ Нью-Йоркѣ такимъ воззваніемъ: «Испанія хотѣла чернокожихъ обратить въ машины; посмотрите, какъ жалка испанская Америка! Пусть же это послужитъ намъ урокомъ. Наступитъ день, когда съверъ уничтожитъ невольничество, и тогда Божья благодать прольется на благороднѣйшій народъ.»

Э. ЦИММЕРМАНЪ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ИЗЪ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ГАЛЛЕРІИ ПОРТРЕТОВЪ

(ВЫДЕРЖКИ НА ПРОБУ)

Кому изъ насъ не случалось когда-нибудь и какъ-нибудь заняться старинными портретами дѣдушекъ и бабушекъ, которые попадаютъ въ заднихъ комнатахъ барскихъ провинціальныхъ домовъ, и иногда чудно глядятъ на васъ, когда вы, сопровождаемые любезностію внимательной хозяйки, или просто сами, входите въ комнату, назначенную вамъ для ночлега и остаетесь одни подъ безмолвно-устремленными на васъ взорами прежнихъ хозяевъ? Екатерининскія пудренныя головы, широкіе обшлага мундировъ императора Павла—что-то не наше, что-то отъменно-другое, отъменноѣ широчайшихъ обшлаговъ и пудренныхъ головъ,—глядитъ на васъ въ неизобразимомъ значеніи отжившаго взора, и говорить вамъ, если вы немного умѣете слушать.

Но я смѣло говорю, что едва ли кого-нибудь занималъ старинный портретъ такъ, какъ занималъ меня портретъ бабушки нашего предводителя. Я, конечно, обязана хотя нѣсколько пояснить, что то была за бабушка и что за портретъ? И прекрасная бабушка, и прекрасный портретъ, можно съ удовольствіемъ сказать (хотя судить вообще о портретахъ я не могу, потому что ни на снѣгъ-порохъ, какъ говорится, не разумѣю въ живописи). Но здѣсь и разума никакого не требовалось. Все было

поразительно просто; живѣе живаго смотрѣло въ глаза. Сидѣла старушка въ большомъ креслѣ, по старинной модѣ важныхъ благородныхъ старушекъ, повязанная платочкомъ сверхъ чепца такъ, что вокругъ одна оборочка оставалась видною, и чуть улыбалась старушка. На колѣняхъ у нея сидѣлъ сѣренькій котикъ. Подъ рукой сейчасъ находился менѣе тарелки величиною, круглый точеный столикъ на витой колонкѣ, и на немъ лежала работа старушки: слоновой кости рогулечка, на которой, встарь, плетались особаго рода снурки; связка этихъ снурковъ свѣсилась со столика и клубокъ синихъ нитокъ на столикѣ—болѣе ничего. Но мнѣ казалось, что въ этомъ-то *ничего* и заключалось все. Цѣлый отдѣльный міръ прожитой жизни засѣлъ себѣ въ закопченную рамку и тихонько улыбался оттуда чудною улыбочкой своей старушки... Именно *чудною*, безъ преувеличенія можно сказать. Улыбка была до того легка и едва уловима, что она являлася какъ бы очарованіемъ. Когда вы только взглядывали на портретъ, вы видѣли улыбку, именно видѣли, и потомъ вдругъ вы ее переставали видѣть, и тѣмъ болѣе вы всматривались въ старушку, тѣмъ менѣе она улыбалась вамъ. Котикъ занималъ ее совершенно. Старушка оставила для него свою рогулечку съ снуркомъ и, только немного смотря на васъ изъ-подъ оборочки, кажется, она говорила вамъ: «А поглядите, моя радость, каковъ мой котикъ? Прекрасный котикъ.» Чтобы вамъ опять уловить милую прелесть этой улыбочки, вамъ слѣдовало или совсѣмъ отойти отъ портрета и нѣсколько времени не смотрѣть на него, или же закрыть себѣ глаза рукою, а потомъ, когда вы отнимали руку отъ глазъ, — какъ же мило вамъ опять улыбалась старушка!

Но чтобы живо интересоваться и потретомъ, и улыбкою старушки, надобно было знать и много разъ слышать тѣ старинно-искренніе, задушевно-простые разказы о ней, которые сами вызывали едва не такую же улыбку.

Вопервыхъ, Анна Гавриловна III* известна была тѣмъ, что она умерла *своею смертію*. Мы всѣ, умирающіе отъ простудъ, горячекъ, холеры и отъ всѣхъ нашихъ лихихъ немочей, въ коренныхъ понятіяхъ нашего народа умираемъ не своею смертію; а такова намъ напасть отъ чего-либо приключается. А умираетъ своею смертію тотъ, кто поживетъ лѣтъ со сто и не помнитъ того, чтобъ онъ болѣлъ когда, и вотъ, ни съ того, ни съ другаго, онъ вдругъ не много разнеможется, скажетъ: «дѣти, моя смерть пришла», и къ вечеру умереть, за-

снотъ какъ дитя. Вотъ это называется *умереть своею смертію*: не отъ какой-либо болѣзни, а такъ, выжить челоуѣку своей вѣкъ и умереть ему отъ старости, оттого что смерть пришла. Такою рѣдкою смертію умерла и Анна Гавриловна. Богъ ее знаетъ: сполна ли она выжила вѣкъ, или не дожила чего, а можетъ-быть старушка и пережила что, только всѣ самые старые люди, какіе помнили ее, помнили Анну Гавриловну Ш* точно такою старушкою, какъ она сидитъ на портретѣ, не старѣе и не моложе того. Но одна смерть не вызвала бы въ такой степени вниманія живыхъ, которые менѣе всего расположены думать о смерти, еслибы самая жизнь Анны Гавриловны не побуждала къ тому. А она именно побуждала. Позабыть образецъ благодушной старости, пережившей все, чѣмъ живутъ люди, и не охладѣвшей, а всему искренно улыбающейся чудно-кроткою, полудѣтскою улыбкою, позабыть это не такъ легко и для легкой памяти людей.

Анна Гавриловна Ш*, и по отцу, и по мужу, принадлежала къ лучшимъ домамъ мѣстнаго дворянства. Назвать ея фамилію, значило назвать все, что было почетнаго и уважаемаго въ губерніи. Когда сѣла на свое кресло Анна Гавриловна, когда она взяла въ руки свою рогулечку съ снуркомъ и занялась своимъ котикомъ, этого никто не помнилъ; а всѣ знали Анну Гавриловну уже въ этой полной картинѣ ея жизни, какъ она жила у меньшаго изъ четырехъ сыновей, ея друга милаго Федора Марковича. У Федора Марковича не было дѣтей, то есть они были да померли, и эта старѣющая семья благородныхъ супруговъ, не оживляемая смѣхомъ роднаго дитяти, съ какою-то умилительною теплотою освѣщалась кроткимъ лучемъ благодушной старости Анны Гавриловны. «Вотъ, другъ ты мой милый, Федоръ Марковичъ! у тебя ворота на запорѣ. И былъ бы гость, да не будетъ», рассуждала Анна Гавриловна, сидя ранымъ-рано подъ окномъ у себя въ маленькой гостиной и не замѣчая того, что Федоръ Марковичъ еще почивать изволилъ. «Не будетъ... Скажетъ: дома нѣтъ Федора Марковича; а Анна Гавриловна принимать не изволитъ». Вслѣдствіе чего ворота у Федора Марковича никогда не бывали на запорѣ. Имъ предоставлено было стоять настежь и не возбуждать малѣйшаго опасенія, что Анна Гавриловна принимать не изволитъ. «День мой—вѣкъ мой», говорила Анна Гавриловна, и точно, настоящий день казался ея вѣкомъ: такъ она ничего не вносила въ него изъ своей прошлой жизни, никакихъ старческихъ разказовъ, ни

сожалѣній. Но въ замѣнъ того вся приливающая жизнь дневнаго дня, во всѣхъ ея видоизмѣненіяхъ радости и неизбѣжнаго жизненнаго горя, сходилась къ креслу Анны Гавриловны и словно возлагалась на маленькій столикъ ея. Были ли по соудству родины, крестины, именины—вмѣстѣ съ лучшею частью имениннаго пирога—Анна Гавриловна принимала полную долю ея хлопотливаго участія во всѣхъ этихъ событіяхъ. Новорожденному посылала шапочку, или фуфаячку; самой родильницѣ какихъ-нибудь крендельковъ и булочекъ особаго рода; умершему — свѣчку, имениннику — подарочекъ; новокрещенному—своей работы снурочекъ на крестикъ... Именно, Анна Гавриловна, если не была всѣмъ для всѣхъ, то она была тѣмъ-нибудь для каждаго. Нельзя было доставить ей большаго удовольствія, какъ сохраняя озабоченное выраженіе лица, попросить Анну Гавриловну: не можетъ ли она удѣлить нѣсколько аршиновъ своихъ снурочковъ, что они такъ чрезвычайно нужны. «Почему нельзя, моя радость! Можно», приступала развязывать свою связку снурочковъ Анна Гавриловна. «Удѣлить всегда можно». И удѣляя всегда двумя и тремя аршинами болѣе просимаго, Анна Гавриловна улыбалась, говоря, что и она, на старости лѣтъ, не даромъ хлѣбъ у сына ѣсть. И ея работа пригодилась. Такъужь оно изстари говорится: старый что сработалъ его, а что съѣлъ, то пропало.

..... «Другъ ты мой милый, Ѳеодоръ Марковичъ! тамъ уже твоя воля и воля друга милаго, Елены Ильинишны, какъ вы себѣ совѣтъ положите: быть ли, не быть у васъ праздникамъ? А въ день моего ангела чтобы балъ былъ. Я старый человѣкъ, да пусть молодые повеселятся.» И пока жива была Анна Гавриловна, ежегодно третьяго февраля, въ день Симеона Богопримца и Анны Пророчицы, въ домѣ у Ѳеодора Марковича давался балъ. Музыка своя, гости, съѣхавшіеся изо всей округи на сто верстъ, и кресло Анны Гавриловны, вынесенное въ танцевальную залу, и сама Анна Гавриловна сидитъ въ креслѣ далеко за-полночь, и даже не дремлетъ старушка; но гдѣ болѣе раздается веселаго шума и слышится смѣхъ, тамъ и глаза ея, и туда она улыбается своею кроткою чудною улыбкою. Но болѣе всего любила Анна Гавриловна, когда къ ней привозили на показъ жениха и невѣсту. Она осматривала молодыхъ людей съ чрезвычайнымъ вниманіемъ, какъ бы она видѣла ихъ въ первый разъ. «Какъ же вы находите, Анна Гавриловна? спрашивала мать. Будутъ они счастливы?»—Постой, моя радость!

поглядимъ еще. Пусть они потанцуютъ. И для дальнѣйшаго осмотра молодой четы устраивались танцы. Жениха и невесту въ парѣ ставили такимъ образомъ, чтобъ имъ находилась подъ наблюдательнымъ взоромъ Анны Гавриловны. Молодые люди, смѣясь и рука въ руку, помѣщались на самомъ виду передъ Анной Гавриловною. Скоро танцы совершенно увлекали ихъ; но повременамъ молодая чета оглядывалась на Анну Гавриловну и своими улыбками какъ бы просила положить выгодное рѣшеніе ея счастью. И Анна Гавриловна съ большимъ разсужденіемъ клала его. «Нѣтъ, другъ ты мой милый, моя радость! не печаль сердца, давала она отвѣтъ матери, они будутъ счастливы. Сомнѣнія нѣтъ. Посмотри: они любятъ другъ друга. Вишь какъ онъ передъ нею выфантываетъ!» По окончаніи выфантыванья, Анна Гавриловна подзывала къ себѣ жениха и невесту, и ихъ изустнымъ признаніемъ подтверждала свое рѣшеніе. «Вѣдь ты ее любишь, батюшка?» спрашивала она, и получая живое увѣреніе: «ну, то-то же: люби, мой батюшка!» увѣщавала Анна Гавриловна. Увѣщанія невестѣ бывали нѣсколько пространнѣе. «И ты любишь, матушка? Люби, моя радость и слушайся мужа. Его слушаться надобно». —Слушаю-съ, Анна Гавриловна, съ лукавою покорностію иногда отвѣчала слушательница, взглядывая на предстоявшаго повелителя. Но лукавый тонъ ея смиренія успѣвалъ разжалобить Анну Гавриловну, и она смягчала свой приговоръ. «Слушаться-таки надобно, дитя мое! повторяла она. А ты умѣючи дѣло дѣлай: разъ послушай и другой послушай, а въ третій таки поставь на своемъ». Затѣмъ Анна Гавриловна опускала руку въ свои потайные карманы, которые у нея были не при платьѣ, а по старинной модѣ, украшенные зубцами и вырѣзами, надѣвались особо. Оттуда Анна Гавриловна доставала какую-нибудь мелочь серебра, что ей первое попадалось въ руку, и подавала невестѣ, говоря: «Возьми, моя радость! Такъ оно изстари ведется: дѣвушка невестѣ даритъ на ленты!» Такъ Анна Гавриловна подарила пяточокъ серебра на ленты дѣвушка-невестѣ, за которою шло въ приданое четыреста душъ. Но не однихъ жениха и невесту возили на показъ къ Аннѣ Гавриловнѣ. Къ ней ѣхали дѣти показать свои новыя игрушки, и нерѣдко дѣвочка, рядомъ съ котикомъ, усаживалась на колѣнахъ Анны Гавриловны свою новую куклу и разказывала вслухъ бабушкѣ все то, что маленькія дѣвочки разказываютъ своимъ кукламъ; а неугомонный молодецъ вертѣлся по сторонамъ бабушки и въ то же время приставалъ по-

слушать, какъ бьеть его новый барабанъ, пока молодецъ и съ его барабаномъ не отправляли барабанить куда-нибудь подалѣе.

Такъ жила Анна Гавриловна, когда въ одно утро; проснувшись по обыкновенію очень рано, она, сверхъ всякаго обыкновенія, послала просить къ себѣ ея друга милаго, Федора Марковича. Когда Федоръ Марковичъ, довольно удивленный неожиданностію этого приглашенія, явился къ Аннѣ Гавриловнѣ, она находилась еще въ постели и къ обычному наименованію ея друга милаго, прибавляя: «свѣтъ ты мой, моя радость!» Анна Гавриловна сказала: «не изволь печалиться, а посылай за попомъ. Я сегодня умру».—Богъ съ вами, матушка! говорилъ встревоженный и удивленный Федоръ Марковичъ, посылая звать Елену Ильинишну.—Развѣ вы чувствуете себя нездоровою? «Ничего я не чувствую, мои други милые! отвѣчала Анна Гавриловна: а я сегодня умру. Посылай за попомъ и посылай мнѣ сосѣдей звать. Я съ людьми жила, съ людьми и умирать хочу.» Вслѣдъ за тѣмъ Анна Гавриловна призвала своего любимаго Кирюшу, который всегда подавалъ ей кофе и отправила его съ словеснымъ порученіемъ къ двумъ самымъ близкимъ ей особамъ. «Ступай, моя радость, не медли. И моимъ словомъ скажи: что приказала-моль Анна Гавриловна кланяться и приказала васъ на смерть къ себѣ звать.» Послѣ чего Анна Гавриловна встала съ постели, тщательно умылась, одѣлась въ приготовленное на смерть платьѣ, надѣла бѣленькій чепчикъ, и сама передъ зеркаломъ повязала сверхъ него темный шелковый платокъ и еще спросила свою женщину: «а, что скажешь: хорошо, Анна?» Пришелъ священникъ. Анна Гавриловна пожелала отслужить молебенъ Варварѣ Великомученицѣ, какъ избавляющей отъ внезапной смерти, и за тѣмъ приступила къ исповѣди и къ святому причащенію «И отходную прочитай мнѣ, батюшка!» сказала она. И отходную прочитали Аннѣ Гавриловнѣ. Тѣмъ временемъ все сосѣдство, поднятое страннымъ увѣдомленіемъ и еще болѣе странною загадочностію всего,—что Анна Гавриловна, слава Богу, здорова и приказала на смерть къ себѣ звать,—все сосѣдство съѣзжалось, и дворъ Федора Марковича наполнился разнородными экипажами отъ кареты до простой кибиточки. Можно было подумать, что пирь какой шель. «Что Анна Гавриловна?» спрашивалъ всякій, едва ступая на порогъ дома.—Ничего, слава Богу, въ гостиной сидятъ, было единственнымъ отвѣтомъ. И точно Анна Гавриловна сидѣла въ своей маленькой

гостиной, на своемъ креслѣ и передъ своимъ маленькимъ столикомъ. «Умру, мои други милые!» говорила она на привѣтствія и выраженія грустнаго удивленія гостей, что Анна Гавриловна не пожалѣла перепугать такъ всѣхъ, но въ самомъ дѣлѣ можно было замѣтить, что лицо у Анны Гавриловны какъ-то странно осунулось, и рука была мертвенно блѣдна; хотя Анна Гавриловна, повидимому, оставалась здоровою. «Ну, дайте же мнѣ кофею, сказала она. Я съ вами, мои други, кофею напьюсь.» И кофе напилась Анна Гавриловна, по своему обыкновенію, съ крендельками и съ сдобною булочкой. Приняли кофе. Но Анна Гавриловна все будто немного задумывалась. Желая развлечь ее и зная вообще, какое живое участіе любила принимать Анна Гавриловна во всѣхъ устраивающихся свадьбахъ, одна изъ гостей начала разказывать объ очень близкихъ вѣроятностяхъ слаживающагося сватовства. «Дай Богъ! хорошее дѣло», сказала Анна Гавриловна. Но кажется, она не совсѣмъ понимала, и пожелала, чтобы ей повторили разказъ. «А я то что безъ дѣла? замѣтила она. Дайте мнѣ мой снурочекъ?» Подали рогулечку съ снуркомъ, и Анна Гавриловна немного повязала его. Но у нея будто руки ослабѣли. Она скоро положила работу на столъ. Котикъ вспрыгнулъ къ ней на колѣна. Въ это время гостя, старавшаяся занять ее своимъ разказомъ, остановилась на минутку и вдругъ всѣ услышали: «Прощай, котикъ!.. Господи Іисусе Христе». Анна Гавриловна отклонилась на спинку кресла и скончалась.

Невѣроятно было бы ожидать, чтобы смерть столѣтней старушки могла оставить по себѣ такую ощутительную пустоту въ домѣ. А между тѣмъ оно было такъ. Домъ оставался все тотъ же, и тѣ же жили въ немъ, добрые и ласковые попрежнему, Фѣдоръ Марковичъ и Елена Ильинишна; а между тѣмъ все было то, да не то. У этого свѣта какъ будто не стало его грѣющаго тепла; у привѣтливости хозяевъ словно отнята была ихъ ласковая улыбка. Комнаты Анны Гавриловны оставались въ томъ же порядкѣ, какъ онѣ были при ея жизни; никто не занималъ ихъ. Въ спальнѣ горѣла неугасимая лампадка передъ образами; а въ гостиной стоялъ портретъ Анны Гавриловны надъ ея кресломъ и ея маленькимъ столикомъ, съ положенною тутъ рогулечкою и неоконченнымъ снуркомъ. Гости не забывали Анны Гавриловны и, прїѣзжая къ Фѣдору Марковичу и Еленѣ Ильинишнѣ, почти всегда говорили: «а пойдите же къ Аннѣ Гавриловнѣ». Съ страннымъ чувствомъ какого-то неизъ-

яснимаго любопытства смотрѣли они на давно-знакомые всѣмъ предметы; молились передъ образами за упокой души Анны Гавриловны, и нерѣдко, остановясь передъ портретомъ, многіе кланялись и говорили: «здравствуйте, Анна Гавриловна!» Но умеръ Ѳедоръ Марковичъ; умерла скоро за нимъ и Елена Ильинишна. Наслѣдникомъ своимъ Ѳедоръ Марковичъ назначилъ одного изъ племянниковъ, который служилъ во флотѣ. Домъ запустѣлъ. Засорились неметеныя крыльца; забились наглухо никогда не затворявшіяся ворота. Я не знаю ничего сиротливѣе, ничего печальнѣе нашихъ запущенныхъ барскихъ домовъ! Чего не бываетъ съ ними? Въ залы загоняютъ испанскихъ овецъ; въ побитыя окна влетаютъ куры и, кудахтая, расхаживаютъ по сдвинутымъ столамъ и кресламъ; въ пыли и въ паутинѣ, большія зеркала съ тусклою неподвижностію отражаютъ всю эту мерзость запустѣнія! Наслѣдникъ Ѳедора Марковича едва ли посѣтилъ когда свое наслѣдство; подвижность изъ него была вывезена, и все заглохло и опустѣло на много лѣтъ.

Я не умѣю сказать, не женатъ былъ племянникъ Ѳедора Марковича, или послѣ него дѣтей не осталось, но только нашъ предводитель, баснословно счастливый наслѣдникъ всѣхъ своихъ родныхъ, получилъ и это имѣніе въ наслѣдство. Получать имѣнія и не проживать ихъ, зачѣмъ бы онъ былъ тогда предводителемъ? Разумѣется, старый домъ найденъ былъ неуклюжею махиною, которая не представляла ни малѣйшей возможности хотя бы только три лѣтніе мѣсяца въ году прожить въ ней. Воздвигнуть былъ новый домъ съ прекрасными бельведерами, заданъ прекрасный пиръ на новосельѣ, и когда гости, сопровождаемые хозяиномъ, обошли все и налюбовались всѣмъ: «Ба!» припомнило одно значащее лицо, «а портретъ-то вашей бабушки? Дайте намъ взглянуть на него, вспомнить старину. Гдѣ онъ у васъ?» Но его нигдѣ не было.—Какой бабушки? какой портретъ? спрашивалъ, нѣсколько озадаченный, предводитель. «Ваша бабушка, еще съ котикомъ, Анна Гавриловна. Вѣдь это, батюшка, Боровиковскаго. Chef d'oeuvre, можно сказать.» По крайней мѣрѣ, громкій возгласъ значащаго лица сказалъ достаточно. Какъ! Боровиковскаго? бабушка съ котикомъ!.. Гдѣ это? какъ? Искать. И нашли бабушку съ котикомъ у ключницы. Ключница, одолеваемая крысами, вѣроятно, попала на счастливую мысль—извлечь возможно практическую пользу изъ произведенія искусства и котикомъ Боровиковскаго пугать своихъ крысъ. Для этого она ставила симметрически четвероуголь-

никомъ кувшины съ молокомъ и накрывала ихъ бабушкою съ котикомъ.

Бабушку почистили, помыли и вынесли ее на показъ гостямъ. Вообще дѣятельность возбужденнаго участія была такова, что даже отыскали маленькій столикъ Анны Гавриловны, который, какими-то судьбами, очутился въ церкви, въ ризницѣ, и только кресла никакъ не могли найдти, хотя велѣно было перерыть всѣ мыши норки. При моемъ неумѣньи судить о художественныхъ достоинствахъ картины, я съ грѣхомъ пополамъ должна была участвовать въ общемъ увлеченіи: какъ это прекрасно! превосходно! Мнѣ хотѣлось пошире и посвободнѣе дать себѣ почувствовать вѣянье чего-то тихо-плѣнительнаго, чего-то такого, что я не умѣла назвать, и что легкою улыбкою Анны Гавриловны какъ будто улыбалось мнѣ отъ портрета. Но для этого не было ни мѣста, ни времени. Мы уѣхали, и я увезла съ собою представленіе о портретѣ Анны Гавриловны какъ словно какую-то заданную мнѣ задачу, которую я должна была потрудиться рѣшить. Ахъ, Боже мой! эта задача не давала мнѣ покоя. Что бы я ни дѣлала, она не шла мнѣ съ ума. Я ее чувствовала какъ грѣхъ какой на душѣ. Напрасно я старалась увѣрить себя, что и не къ чему это, и не за чѣмъ, и какая въ томъ необходимость, чтобы я, ничего не понимая въ картинѣ, непременно старалась понять ее, что-то такое прочувствовать въ ней страннымъ чувствомъ, которое вмѣстѣ томило и манило меня. Нѣтъ! не было мнѣ покоя. Наконъ ещѣ я вышла изъ предѣловъ томленья и нерѣшительности двумя словами:

— Ыдемте, татап.

Мы поѣхали и пріѣхали.

Предводителя не было дома, а предводительша была немножко, для тона, не здорова, однакоже принимала въ угольной маленькой гостиной, не вставая съ диванчика, съ стаканомъ какого-то розоваго питья на столикѣ, съ докторомъ, который сидѣлъ возлѣ столика и, положа свою руку, замѣтно любовался тонкими и длинными пальцами своей прекрасной руки, и была еще дѣвочка съ большимъ прекраснымъ опахаломъ изъ павлиньихъ перьевъ. Имъ она опахивала больную и навѣвала ей маленькую свѣжесть. По счастью, кромѣ насъ, были еще другіе пріѣзжіе. Но разговоръ о болѣзни, о нервныхъ страданіяхъ хозяйки былъ разговоръ такого рода, что не принимать въ немъ участія гостѣ было дѣломъ невозможнымъ. А

между тѣмъ портретъ бабушки предводителя, портретъ Анны Гавриловны уголочкомъ своей тусклой рамки манилъ меня изъ маленькой гостиной въ большую. Но ускользнуть туда подъ какимъ-либо благовиднымъ предлогомъ рѣшительно не находилось предлога. Вдругъ, въ растворенное окно, жужжа влетѣла пчела. Ощувивъ тонкимъ обоняньемъ присутствіе сладости, она начала все больше и больше кружиться и спускаться къ стакану. Это было такъ близко возлѣ предводительши: докторъ поднялъ на воздухъ свою прекрасную бѣлую руку; дѣвочка сильно махнула пернатымъ опахаломъ, всѣ глаза обратились на бѣдную изгоняемую царицу насѣкомыхъ, которая, сильно жужжа, вѣроятно негодуя, потянула изъ маленькой гостиной въ большую. Я обрадовалась и вышла за пчелю.

— Здравствуйте, Анна Гавриловна! почти сказала я, становясь передъ портретомъ.

(Видно, въ новомъ нарядномъ домѣ не совсѣмъ находилось мѣсто для стараго портрета бабушки съ котикомъ. По крайней мѣрѣ, онъ оставался въ томъ же положеніи, какъ я видѣла его недѣли двѣ назадъ, въ первую минуту его обрѣтенія. Портретъ былъ наудачу прислоненъ къ стѣнѣ, имѣя подставкою тотъ самый столикъ Анны Гавриловны, который написанъ на ея портретѣ.

Я сѣла напротивъ. Надобно было нѣсколько минутъ внутренняго усилія надъ собою, чтобы въ долетающихъ звукахъ ясно-слышимыхъ голосовъ, создать для себя родъ маленькаго уединенія. Наконецъ я достигла того.

Я не скажу, чтобы тусклая рамка портрета Анны Гавриловны раздвинулась передо мною, и Анна Гавриловна, какъ живая, выступила изъ нея подъ моимъ внимательнымъ взглядомъ. Такихъ чудесъ живаго воображенія со мною не было. Тусклая рамка съ своею излѣвшеюся позолотой оставалась тою же тусклою рамкой, и Анна Гавриловна не выступала изъ нея; но тѣмъ не менѣе я живо почувствовала, какъ немного нужно ноть, чтобы создать гармонію, и какъ мало требуется сыраго жизненнаго матеріяла для высоко-художественнаго произведенія, то-есть для такого, которое собою наполняетъ душу и пробуждаетъ въ ней тѣ завѣтно-святыя человѣческія инстинкты, которыми богатѣетъ наша душа. *Душъ есть иже оживляетъ; плоть не пользуетъ ничтоже.*

Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь не являлся ни расцвѣтъ красоты, ни полнота жизненной силы молодости, — сидѣла старушка

почти съ опущенными глазами, съ едва мерцающею улыбкою, и, кажется, выразиться многому здѣсь было не въ чемъ; а между тѣмъ такова была кроткая сила чего-то обаятельно вѣющаго отъ холста, какой-то мирной тишины и тихой святости, напоющей душу сладостно-мирнымъ, тихо пробуждающимся чувствомъ,—что даже та важная особа, которая своимъ громкимъ голосомъ истребовала появленіе Анны Гавриловны съ ея котикомъ, стала тогда передъ портретомъ и съ минуту стояла передъ нимъ ногу впередъ, заложа обѣ руки назадъ и всею своею выступающею фигурой объявляя гласно: «разступитесь вы, мелкіе господа, мнѣ тѣсно.» Я слѣдила глазами за этимъ крупнымъ господиномъ. Его самодовольная грубая улыбка становилась тонѣе, чище; онъ нечувствительно придвинулъ къ себѣ побѣдоносную, выступившую ногу, и грудь подъ генеральскими звѣздами шевельнулась простымъ человеческимъ чувствомъ. «Помнишь, Сонечка!» сказалъ онъ, подходя къ женѣ. «Мы съ тобою, кажется, послѣдніе выфантажили передъ Анной Гавриловною?..» и онъ поцѣловалъ жену въ голову.

... Я не могла отвести глазъ отъ Анны Гавриловны. Вотъ она, наша старосвѣтская старушка, въ чепцѣ и въ повязанномъ сверху платочкѣ, улыбающаяся кроткою, почти дѣтскою улыбкою и съ яснымъ запечатлѣніемъ въ чертахъ благодати простой мирной жизни и христіанской мирной кончины! И какъ оно истинно было, что портрету Анны Гавриловны не находилось настоящаго мѣста въ этой парадной гостиной съ сверкающими подъ потолокъ окнами, со всею заимствованною роскошью новаго времени. Анна Гавриловна съ ея рогулечкою, съ ея синими снурочками и сѣрымъ котикомъ являлась почти нелѣпостію, ни съ чѣмъ несообразною, ничему не отвѣчающею здѣсь. Нѣтъ! чтобы найдти смыслъ въ этомъ живомъ представленіи, надобно было, хотя мысленно, перенести его въ среду той простой прожитой жизни, изъ которой исторгла Анну Гавриловну родная кисть художника и теперь поставила на позоръ другихъ отношеній, мнѣній, другой блестящей внѣшности! Жалко было Анны Гавриловны. Не она, а другая старушка, въ ея типическомъ представленіи зрѣлыхъ плодовъ нашей европейской цивилизаціи, займетъ здѣсь мѣсто по праву, и дай Богъ только сохранить ей теплоту благодушнаго сердца Анны Гавриловны и живую силу ея простой благодатной вѣры!

« Поступитесь, родная », кажется, сказала я Аннѣ Гаври-

ловнѣ, вполнѣ довѣряя той высокой жизненной мудрости, которая говорить намъ :

... на жизненныхъ браздахъ,
 Мгновенной жатвой, поколѣнья,
 По тайной волѣ Провидѣнья,
 Восходить, зрѣють и падутъ,
 Другія имъ во слѣдъ идуть.

Но мудрость мудрствуетъ, а сердце глубоко чтить живыя родныя впечатлѣнья, которыя съ кровью приливають къ нему. Я невольно переносила Анну Гавриловну изъ этой пышной гостиной въ тѣ наши простыя старинныя комнатки, гдѣ блистало золото только на святыхъ иконахъ, гдѣ по праздникамъ пахло ладномъ, и молилась эта старушка, тепля свѣчку предъ святымъ угодникомъ. Единственные древлепредставители нашего скульптурнаго художества, висѣли на гвоздочкахъ во святомъ углу странные рѣзные херувимы, съ слишкомъ полными щечками и слишкомъ щедро надѣленные сусальнымъ золотомъ и синею краскою. Но за этими грубыми изображеніями отсутствующаго эстетическаго чувства, живо вставало чувство глубокой религіозности, въ простотѣ сердца находившей усладу и въ этихъ такъ грустно неудовлетворительныхъ попыткахъ жалкаго дѣтскаго искусства... Мнѣ становилось грустно. А между тѣмъ, я бы Богъ знаетъ что дала, чтобы только вырвать Анну Гавриловну изъ сантиментальной обстановки ни вѣсть какихъ тропическихъ растений (удивительно шли къ Аннѣ Гавриловнѣ тропическія растенія! И всѣ то они, своимъ щедушнымъ видомъ, не стоили чудной зелени нашего разросшагося лѣснаго папоротника), я бы Богъ знаетъ что дала, только бы на одинъ вечеръ завладѣть Анной Гавриловною, оставить ее въ простой тихой комнаткѣ! вмѣсто этихъ цвѣтовъ, чтобы въ окна гула и билась снѣговая вьюга, разыгрывая всѣ тѣ таинства метели, которыя видѣлъ нашъ великій поэтъ, и свѣчка бы нагара, и, въ мерцающей полутѣни, чудная улыбка Анны Гавриловны являлась живою...

И подъ такимъ озареньемъ этого живаго луча отжившей жизни, пусть бы лишь сказывалась наша сказка-быль не объ Иванѣ Царевичѣ, а о сильномъ-могучемъ богатырѣ, Гаврилѣ Михайловичѣ.

СКАЗКА.

У отца Анны Гавриловны не было сыновей; а было только двѣ дочери. «Наказалъ меня Богъ дѣвками», говорилъ онъ и любилъ дочерей не то чтобы безъ памяти—Гаврила Михайловичъ крѣпокъ былъ на память и на свое слово,—а любилъ ихъ такъ, что оставшись вдовцомъ, не женился въ другой разъ, и не принялъ себѣ въ сестры генеральши, которая, соболѣзнуя о сиротахъ, хотѣла было поселиться въ домѣ брата, чтобы имѣть надзоръ надъ ними. «Матушка сестрица! разбираешь это дѣло Гаврила Михайловичъ, сидя въ своемъ зеленомъ штофномъ шлафортѣ и качая на ногѣ стоптанную сафьянную туфлю. Намъ это дѣло, сестрица матушка, не приходится. Вы вольны думать, что окажете милость моимъ дѣвкамъ; а дѣвки мои, милостию Божіею, сами взростутъ.» И онѣ выросли здоровыя, свѣжія, румяныя—полновластныя хозяйки въ отцовскомъ дому и настоящія хозяйки, не бѣлоручки; а знавшія все, какъ что приказать и что сдѣлать. Отдалъ старшую дочь замужъ Гаврила Михайловичъ и остался съ младшею, Анной Гавриловною. Но и Анна Гавриловна смотрѣла уже въ невѣсты; тринадцатый годъ ей на исходѣ былъ, и уже къ Гаврилѣ Михайловичу начинали стороною подъѣзжать свахи. Онъ слушалъ эти турысы на колесахъ повидимому такъ, что впускалъ ихъ въ одно ухо, а выпускалъ въ другое. Не измѣняя своей любимой позы, покачивая сафьянную туфлю на ногѣ, Гаврила Михайловичъ возвышалъ голосъ и, вмѣсто всякаго отвѣта, говорилъ, смотря къ дверямъ: «А ну ты, братецъ мой Комариная Сила! выступи къ намъ.» Комариная Сила былъ щедушный, самый плохой добѣзжачій Гаврила Михайловича и съ тѣмъ вмѣстѣ постельничій его, изрядный чтецъ и сказочникъ, слуга неотступный, который, съ самаго ранняго утра и до поздней ночи, присѣдѣлъ на скамеечкѣ по ту сторону дверей кабинета и былъ готовъ во всякое время и на всякій возгласъ Гаврила Михайловича отвѣчать своимъ рабскимъ отвѣтомъ:—А что милости вашей угодно, батюшка баринъ? приказу какому быть? «Таковому, братецъ ты мой, Комариная Сила! держалъ рѣчь Гаврила Михайловичъ при присутствующихъ свахахъ. Не упомяну я заподлинно, какъ далеко Ястребиное Рыло на угонку

гналъ? — Не далеко-съ, батюшка Гаврила Михайловичъ! отвѣчала подобострастно Комариная Сила. Вотъ-съ какъ до милости вашей Рыло-то не угналъ. «Вотъ то-то и есть, братецъ ты мой Комариная Сила! отвѣчалъ Гаврила Михайловичъ. *Далеко куцому до зайца мать.*» Или вдругъ Гаврила Михайловичъ вспоминалъ посреди намековъ и недомеровъ свахи, какъ его Комариная Сила въ задоръ однажды вошелъ и что изъ того вышло? «А выходить-то, братецъ мой Комариная Сила! добавлялъ Гаврила Михайловичъ:—*Если ты не пошь, то и не суйся въ рызы.*» Послѣ такихъ разговоровъ съ Комариною Силою, подѣзжія свахи перестали соваться къ Гаврилу Михайловичу. И Анна Гавриловна, богатѣйшая невѣста, красавица писанная собой, досидѣла до шестнадцати лѣтъ и была еще не замужемъ. «Сударь-то мой братецъ, отъ великаго его разума, съ ума спятилъ! говорила втихомолку матушка-сестрица генеральша. Держить Аннушку, не выдаетъ замужъ. Словно она безприданница какая, у отца на вороту виснетъ.» Гаврила Михайловичъ зналъ про эти рѣчи и даже въ особенно веселую ласку любилъ говорить Аннѣ Гавриловнѣ: «А поди ты ко мнѣ, безприданница моя!» Но внимать этимъ рѣчамъ, какъ и всѣмъ прочимъ, Гаврила Михайловичъ не внималъ. Домъ у него былъ то, что при меньшемъ порядкѣ называется «толченая труба», то-есть что ни отъѣзда, ни выѣзда гостямъ изъ него не было. Гости Гаврилы Михайловича, гости Анны Гавриловны, и одни прѣзжаютъ, другіе отъѣзжаютъ; а домъ всегда полонъ. У Гаврилы Михайловича, какъ у богатаго барина екатерининскихъ временъ, была своя музыка, хоръ пѣсенниковъ съ рогами и бубнами; охота его была извѣстна на три намѣстничества подъ именемъ «знатной охоты». Богатая и тунеядная дворянка, едва ли не превышавшая въ числѣ трехъ сотъ душъ, облѣпливала, какъ пчелы сотъ, барскую милость Гаврилы Михайловича, и кто бы могъ подумать, что маткою этого шумнаго, рабочаго и гулливаго улья была шестнадцатилѣтняя хозяйка, Анна Гавриловна? Еще молодая ея подруги, вчера вмѣстѣ съ нею присѣдавшія въ чинныхъ минуэтахъ и потомъ въ разгарѣ веселья переодѣтыя въ повязки и въ сарафаны и заплясывавшія до упада въ хороводахъ подъ русскія пѣсни, еще подруги Анны Гавриловны спали молодымъ крѣпкимъ сномъ, а изъ ряда ихъ поднималась бодрая головка едва шестнадцатилѣтней хозяйки, и Анна Гавриловна, въ темнотѣ часто не попавъ въ свои собственные туфли, тихо и осторожно пробиралась, чтобы не раз-

будить милыхъ своихъ гостей и ускользала въ дверь. Сейчасъ за дверьми уже сидѣла, дожидаясь Анну Гавриловну, ея старая няня, съ чулкомъ въ рукахъ и въ платкѣ, нахлобученномъ на самыя брови. Рѣдко она привѣтствовала свою питомицу ласковымъ словомъ «ранней пташечки» и почти всегда говорила: «Заспалась ты, матушка. Читай скорѣй свою молитовку; тебя полночь домъ людей ждетъ». Анна Гавриловна читала молитовку; повязывала наскоро голову бѣлою косыночкой и часто въ туфляхъ на босую ножку, накинувъ на себя атласный матерининъ салопъ, спѣшила въ свою дѣвичью. Няня слѣдовала за нею и, становясь въ дверяхъ, повидимому, бормотала, не досчитываясь петель своего чулка; а между тѣмъ слышала и видѣла, и понимала все, что происходило вокругъ. Три повара уже дожидались Анны Гавриловны и, призвавъ на совѣтъ четвертаго дворецкаго, Анна Гавриловна заказывала обѣдъ, отдѣляла кушанья на завтракъ; придумывала сообща, что бы лучше и какъ бы лучше? Вспоминала любимыя блюда Гаврилы Михайловича и просила ласковымъ словомъ, чтобы кухарки не осрамили ея передъ гостями. Чуть что будетъ не такъ или покажется не хорошо, уже Гаврила Михайловичъ ни на кого не посмотритъ, а прямо скажетъ: «Стыдно тебѣ, молодая хозяйюшка, что гости мои дорогіе не уподчиваны. При матери не было такъ.» Не успѣла Анна Гавриловна покончить съ кухарками, какъ должна была начинать съ хлѣбопеками. Въ домѣ у Гаврилы Михайловича былъ изстари заведенный порядокъ, чтобы къ чаю подавались ежедневно мягкія булки и крендели, и вообще сдобныя печенья всѣхъ сортовъ; а къ обѣденному столу, приказано былъ разъ и навсегда, чтобы одинъ день былъ мягкій хлѣбъ ситный, а на другой—мягкія булки. И вотъ груды новопеченнаго хлѣба, въ корзинахъ, покрытыхъ бѣлыми салфетками, представлялись на показъ молодой хозяйкѣ, и она должна была сама все видѣть и сказать свое милостивое слово, свое дорогое барское «спасибо» людямъ, которые съ любовью и рвеніемъ ожидали того. Отступали пекарки и хлѣбопеки отъ Анны Гавриловны, и съ низкимъ поклономъ приступали къ ней очередныя застольныя кухарки, держа на деревянной тарелкѣ ломоть житнаго застольнаго хлѣба и въ такихъ же чашкахъ щи и кашу, и все остальное, изъ чего могъ состоять обѣдъ для дворни. На кашѣ обыкновенно лежала деревянная красная ложка и Анна Гавриловна мало того что видѣла, она должна была отвѣдать и настояще по вкусу знать: какой обѣдъ

ѣсть ея застольная? хорошо ли испечень хлѣбъ? вкусны ли щи, и солонны ли они? и какова каша?.. Коренною основой нашего стариннаго хозяйственнаго домоводства было простое крѣпкое правило: «обуй, одѣнь человѣка, накорми его до-сыта и тогда спрашивай на немъ, что хочешь.» Этому правила крѣпко и неизмѣнно держалась наша старина, выкупая имъ, по мѣрѣ возможности, дикій произволь и прихоти необузданнаго барства. У барина самаго крутаго, у котораго всякая вина бывала виновата, который цѣнилъ любого борзаго пса едва ли не въ примѣръ выше своего крѣпостнаго человѣка, и у этого барина дворня бывала обута и одѣта, какъ слѣдуетъ и уже сыта на отвалъ. Анну Гавриловну еще ребенкомъ начали приучать къ этой основѣ хозяйственнаго домоводства. Ей не было еще полныхъ десяти лѣтъ, какъ уже няня являлась къ ней съ деревянными тарелками и говорила своей питомицѣ: «Покушай, сударыня, нашего холопскаго ѣства. И матушка твоя откушивала. Коли оно милости твоей не по вкусу, такъ Богъ дастъ милости, вырастешь и хозяйшкою станешь: тогда и окажи свою великую милость, чтобы наше ѣство холопское со вкусомъ было.» И еслибы, выросши, Анна Гавриловна захотѣла нерадѣть объ этой части своего молодаго домоводства, это могло бы ей, при случаѣ, дорого стоить. Гаврила Михайловичъ нѣтъ-нѣтъ да, возвращаясь со псарни, и заглянетъ въ застольную. «А покажите мнѣ, что у васъ люди ѣдятъ?» И когда однажды Гаврила Михайловичу не показались вкусными людскіе щи, онъ пришелъ въ такой гнѣвъ, что толчкомъ ноги опрокинулъ ихъ, вылилъ на землю; перебилъ и перетопталъ ногами горшки съ кашею. Велѣлъ сейчасъ же зарѣзать двухъ барановъ и готовить обѣдъ въ котлахъ среди двора, и съ тѣмъ вмѣстѣ задать такого феферу кухаркамъ, чтобы онѣ сами знали и другимъ заказали: что по лѣни, да по дури двухъ-трехъ не слѣдъ голодать сорока человѣкамъ. И даже любимой дочери не пощадилъ Гаврила Михайловичъ. «Не по старинному хозяйничаешь, молодая хозяйшка! сказалъ онъ, распаленный входя въ домъ. Люди у тебя, почитай, что мои борзые—еще хуже собакъ ѣдятъ.» И даже въ вечеру, на сонъ грядущій, Гаврила Михайловичъ не далъ поцѣловать своей руки Аннѣ Гавриловнѣ, таково изволилъ прогнѣваться.

Но заботою о застольной не ограничивались всѣ хозяйственныя заботы молодой хозяйшки. И кромѣ того, именно полонъ домъ людей ожидалъ ея приказа и слова. Ключникъ приносилъ

на пробу новоставленный медъ и новоуваренный квасъ, потому что прежде чѣмъ подать ихъ на столъ гостямъ, хозяйка сама должна опробовать ихъ. Пряничница ожидала приказа, какіе пряники печь: имбирные, или анисовые? Случалось, что птичница являлась съ жалобнымъ докладомъ и съ поличнымъ гусемъ въ рукахъ, и докладъ гласилъ печально и со многими всхлищиваньями: что несмотря на «знатную охоту» Гаврила Михайловича, волкъ вотъ столько-то и столько-то гусей задралъ. Даже староста, побывавъ на переднемъ крыльцѣ и принявши у дверей кабинета хозяйственныя распоряженія Гаврилы Михайловича, заботливо пробирался къ заднему крыльцу и входилъ въ дѣвичью къ Аннѣ Гавриловнѣ. «Матушка, Анна Гавриловна! что будемъ дѣлать? говорилъ онъ. Батюшка Гаврила Михайловичъ вотъ то и то своимъ словомъ приказать изволилъ; а вотъ это-то бы лучше по всѣмъ статямъ выходило для насъ и по всему хозяйливѣе было. И тожъ Фильку, матушка, приказываютъ снарядить въ вотчинный объѣздъ, чтобъ ѣхать ему недѣли на три; а дуракъ Филька молится, значить, чтобъ ему, матушка, остаться, дураку. Вишь жонка у него на порѣ часа Божьяго, собирается родить, первенькаго, матушка: такъ чтобъ ему, неумытому дураку, Филькѣ, съ жонкой побыть». И Анна Гавриловна входила въ обстоятельныя разсужденія со старостою: какъ бы это изловчиться такъ, чтобъ и слово Гаврилы Михайловича въ его великой непорухѣ оставалось, да и должному бы дѣлу не несдѣлану быть? И опытность шестидесятилѣтняго старика и ловкость шестнадцатилѣтней матушки-барышни почти всегда успѣвали въ томъ, что и козы были сыты, и сѣно цѣло. И этого мало: главный псарь, въ экстренныхъ случаяхъ, являлся къ Аннѣ Гавриловнѣ. «Матушка сударыня! бѣда надъ нами стряслась». Какъ докладъ ѣсть къ батюшкѣ Гаврилѣ Михайловичу, что какой-нибудь борзой песь или любимая ищейка искалѣчилась? И Анна Гавриловна находила пору и время, умѣла найти такое слово, чтобы бѣда эта растряслась безъ грозы и погрома, и чтобы Филька остался съ жонкой и не ѣхать въ вотчинный объѣздъ.

Но и здѣсь даже не всегда оканчивалось дѣятельное, хлопотливое утро Анны Гавриловны. Переговоривъ со всѣми и обо всемъ, она оглядывалась вокругъ и видѣла, что къ ней приближалась ея безмолвная няня, доселѣ не оставлявшая чулка, ни своего мѣста на дверяхъ комнаты. «Покончила ты, матушка, съ домашними дѣлами, теперь тебя Божье дѣло зоветъ, говори-

ла няня. Изволишь знать старуху Евпраксію? На святой дорогѣ, смерти ждетъ. Поди, родная. Присылала тебя проститься звать.» И вотъ Анна Гавриловна, иногда въ тѣхъ же самыхъ туфляхъ, на босу ножку и только сверхъ своей бѣлой косыночки накинувъ на голову турецкую шаль, поспѣшно переходила черезъ широкій дворъ, оставляя позади себя плетущуюся няню и цѣлая группы всевозможнаго двороваго люду, оставившагося съ открытыми головами и въ недоумѣніи: куда изволишь идти матушка-барышня, поспѣвая такъ? Барышня входила въ какое-нибудь отдѣленіе многочисленныхъ дворовыхъ пристроекъ; двери передъ нею отворялись, какъ по волшебному мановенію, явившимися многочисленными прислужниками, и Анна Гавриловна, въ сопровожденіи почтительной и безмолвной толпы, приступала къ постели умирающей. Невольнымъ, неотразимымъ умиленіемъ звучалъ ея молодой голосъ, когда она произносила самыя простыя слова: «Вотъ я пришла къ тебѣ, Евпраксія! И здоровья тебѣ, Евпраксія, принесла». Большая открывала глаза; послѣднимъ предсмертнымъ усиліемъ ловила руку своей молодой госпожи и, прильнувъ къ ней запекшимися устами, изливала непонятную намъ, невообразимую для насъ, но оттого не менѣе существующую на дѣлѣ любовь изумительной рабской преданности, поглотившей всю жизнь и на краю гроба еще изливающейся поцѣлuyами и лепетомъ невнятныхъ благословеній! Слезы проступали въ молодые глаза Анны Гавриловны, и она тихо и медленно оставала умирающую. Но на возвратномъ пути другое явленіе очень часто останавливало Анну Гавриловну. Какая-нибудь изъ дворовыхъ женщинъ представляла ей на перепутьѣ: «Сударыня-барышня, солнышко наше ненаглядное! не погнѣвайся, о чемъ я буду просить—не побрезгай нами...» И женщина начинала просить, чтобъ Анна Гавриловна зашла къ ней и отвѣдала ея блинчиковъ или пирожковъ, которые та, по случаю поминокъ, или чего-либо другаго, пекла, что у нея и сметанка и масло, по милости барской, все у нея есть. И Анна Гавриловна заходила, и не только не брезгала, а вставши такъ рано и такъ много хлопотавши, она съ настоящимъ аппетитомъ кушала предлагаемые ей блинны и пирожки. И еслибы Анна Гавриловна рублемъ подарила эту женщину, и тогда не заставила бы ее съ большею радостію пересказывать всякому: «что вотъ матушка-барышня, пошли ей, Господи, здоровья и сто лѣтъ на свѣтѣ

пожить,—какъ она изволила зайти и скушала пирожочекъ и два блинна.»

Но уже скушавши ихъ, Анна Гавриловна спѣхомъ-спѣшила домой. «Поспѣшай, моя сударыня! подговаривала ей сзади няня, повидимому отставшая; а между тѣмъ старуха всегда поспѣвала быть тамъ, гдѣ была барышня. Батюшка чай уже изволилъ ото сна востать и скоро милость твою ожидать станетъ». А между тѣмъ Анну Гавриловну, уже совсѣмъ наготовѣ, ожидалъ парикмахеръ, стоя передъ зеркаломъ и съ гребнемъ въ рукѣ. Не теряя ни минуты, Анна Гавриловна умывалась студеною *непочатою* водою, которую припасала няня, и отъ которой воды дѣвичья краса цвѣтомъ-цвѣтеть, и всякій призоръ дурнаго глаза смываетъ эта вода, и потому няня, никому не довѣряя, сама подавала барышня въ умываться. Умывшись, Анна Гавриловна садилась къ овальному, въ золоченой рамѣ зеркалу, и могла бы, не шутя, перемолвиться съ нимъ:

Свѣтъ мой, зеркальце! скажи
И всю правду доложи:
Я ль на свѣтъ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румяній и бѣлѣе?

Но Анна Гавриловна слишкомъ нетерпѣливо сидѣла передъ своимъ зеркальцемъ, чтобы входить въ такіе разговоры съ нимъ. Крѣпостной парикмахеръ, изволеніемъ барской власти и ловкостію русскаго человека, позаимствовавшій свое искусство у столичнаго Нѣмца (разумѣя подъ этимъ именемъ и Француза), Аверька Савичъ, какъ звали парикмахера, отлично подбивалъ и сглаживалъ шиньонъ Аннѣ Гавриловнѣ. И прекрасна была Анна Гавриловна, свѣжая русская красавица, въ полномъ роскошномъ нарядѣ французской маркизы! На соблазнъ старой няни, обнажены за локоть руки, бѣлая шейка и стыдливыя дѣвичьи плечи, только прикрытыя жемчужнымъ ожерельемъ, и Анна Гавриловна въ фиксмахъ, искусно поддерживающихъ большіе широкіе склады великолѣпно ниспадающей юбки, и драгоценныя *суниры* и *сувениры* на рукахъ и груди, волнуемой несмѣлымъ ожиданіемъ и дѣтскою робостію, какъ идти въ кабинетъ желать добраго дня государю-батюшкѣ. И прежде чѣмъ идти туда, Анна Гавриловна сама внимательно осматривалась передъ зеркаломъ, и осматривали ее со всѣхъ сторонъ няня и ближнія сѣнныя дѣвушки: все ли богато и хорошо на ней? Не равенъ часъ, приглянется ли нарядъ Гаврилѣ

Михайловичу? И когда онъ однажды не приглянулся ему, Гаврила Михайловичъ подозвалъ къ себѣ дочь и своею барскою рукою, снявъ со стѣны турецкій кинжалъ, которымъ на охотѣ прикалывалъ зайцевъ, Гаврила Михайловичъ искромсалъ и изрѣзалъ имъ все платье на дочери. «Что ты, матушка, отца страмишь? сказалъ онъ. Изволила нацѣпить платье на плечи, почитай, тебѣ надѣтъ нечего, что ты день третій не сымаешь его?» Затѣмъ Гаврила Михайловичъ отодвинулъ одинъ изъ ящичковъ тѣхъ причудливо-тяжелыхъ комодовъ, которые завѣщала намъ екатерининская старина, и въ которыхъ запасливыя бабушки и дѣдушки наши хранили цѣлыя штуки дорогихъ штофовъ и матерій, припасенныхъ на случай въ какую-либо изъ барскихъ поѣздокъ въ Москву. Гаврила Михайловичъ велѣлъ дочери вынуть изъ ящика до дюжины разнородныхъ обьярей и атласовъ, затканыхъ мелкими серебряными и золотыми цвѣтками и травками, и которые потому назывались «травчатыми» атласами, и повелѣлъ Гаврила Михайловичъ дочери своей, Аннѣ Гавриловнѣ, за ущербъ ея одного платья, истыканнаго кинжаломъ, выбрать любыхъ матерій на три новыя платья. Да, если Гаврила Михайловичъ, съ барскимъ цинизмомъ, любилъ выставлять напоказъ гостямъ свою стоптанную туфлю, то взамѣнъ этой туфли онъ гордо хотѣлъ, чтобъ его дочь каждый день была одѣта такъ, какъ бы этотъ день былъ Свѣтлый праздникъ.

Окончательно увѣрившись въ своемъ туалетѣ, Анна Гавриловна наскоро прилѣпливала крохотную, треугольничкомъ, бархатную мушку пониже лѣваго виска и другую сердечкомъ, съ правой стороны, на подбородкѣ, что на языкѣ французскихъ бархатныхъ мушекъ означало *влюбленная* и *я страдаю*; хотя Анна Гавриловна вовсе не была влюблена и не страдала; а спѣшила въ кабинетъ къ отцу, слегка постукивая высокимъ сафьяннымъ каблучкомъ и провожаемая сзади неотступною няней. Но у дверей кабинета отступала старая няня, не осмѣливаясь безъ особаго милостиваго зва явиться передъ лицо Гаврилы Михайловича, и Анна Гавриловна, напутствуемая сзади крестнымъ знаменемъ, входила одна. «Здравствуй, дочь! Хорошо ли почивала?» громко говорилъ и милостиво протягивалъ руку дочери Гаврила Михайловичъ въ милостивомъ расположеніи духа. Анна Гавриловна цѣловала почтительно руку, отвѣчала еще почтительнѣе на вопросъ, и, провожаемая пытливымъ взглядомъ отца, который осматривалъ ее съ головы до ногъ, Анна Гавриловна ступала нѣсколько шаговъ по комнатѣ къ кивоту

съ образами, брала тамъ святцы и въ своемъ полномъ костюмѣ французской маркизы, въ фижахъ и мушкахъ, становилась передъ лицомъ Гаврилы Михайловича и читала ему имена святыхъ, которыхъ церковь праздновала въ тотъ день, и величальныя пѣсни имъ, извѣстныя подъ именемъ «тропарей» и «кондаковъ». «Гмъ!» произносилъ Гаврила Михайловичъ, довольный обзоромъ костюма дочери, и выслушавъ чтеніе церковныхъ пѣсень. И, въ чувствѣ зтого довольства, онъ ласкалъ и теребилъ пушистый хвостъ доморослой заповоленной лисы, которая сжилась съ своимъ хозяиномъ, какъ домашняя кошка. И Гаврила Михайловичъ входилъ въ разсужденіе съ дочерью: когда бы имъ, примѣрно, поѣхать въ гости вотъ къ тому-то и тому-то, или отдавалъ приказъ ѣхать одной Аннѣ Гавриловнѣ въ общемъ поѣздѣ гостей, или ждать къ себѣ тѣхъ-то и тѣхъ-то въ гости. За тѣмъ утреннее представленіе Анны Гавриловны благополучно оканчивалось. Она выходила изъ кабинета; а ея мѣсто занималъ Комариная Сила, который по зову, или безъ зова, слушалъ ли его Гаврила Михайловичъ, или не слушалъ, сердился ли онъ на кого, толковалъ ли со старостою, со псаремъ, разсуждалъ ли съ новоприбывшимъ гостемъ,—ко всѣмъ этимъ голосамъ Комариная Сила присоединялъ свой монотонный голосъ, сидя на скамеечкѣ возлѣ печки и опредѣленный однажды навсегда читать вслухъ ушей Гаврилы Михайловича *жизніе* сегоднешняго святаго. А тѣмъ временемъ Анна Гавриловна исполняла завѣтный этикетъ молодой внимательной хозяйки дома. А именно: она отправлялась по очереди въ комнаты почетныхъ уважаемыхъ дамъ, которыя ночевали у нея, и тамъ спрашивала ихъ о здоровьѣ и желала имъ добраго утра, предупреждая такимъ образомъ то общее здравствованіе, которымъ хозяйка обязана своимъ гостямъ.

Но уже избывши съ себя всю эту обузу хозяйственныхъ заботъ, распорядженій, оставленная даже неотступною нянею, съ какииъ дѣтскимъ весельемъ начинала свой молодой день Анна Гавриловна! Вотъ когда ея тяжелыя заботы ранняго утра приносили свой сладкій плодъ! Анна Гавриловна являлась настоящимъ, полною, неограниченною хозяйкою. Гаврила Михайловичъ почти не оставлялъ своего кабинета, и только изрѣдка вносилъ свои стоптанныя туфли въ гостиную, являясь въ ней болѣе рѣдкимъ гостемъ чѣмъ самый рѣдкій изъ его гостей. Анна Гавриловна надъ всѣмъ властвовала, принимала почетъ;

слуги слушались ея мановенія. Она затѣвала и исполняла всѣ затѣи, какія могли придти въ ея молодую голову. Гаврила Михайловичъ одного хотѣлъ: чтобы было шумно и весело въ его барскомъ домѣ, чтобы у него «не дрему дремали», какъ выражался онъ. И намъ теперь непонятенъ этотъ непрестающій съѣздъ ближнихъ и дальнихъ знакомыхъ, свободное домоѣдство въ чужомъ дому на мѣсяць и на два: отъ именинъ Гаврила Михайловича до дня рожденія Анны Гавриловны; отъ господскаго праздника до престольнаго, отъ пира до охоты, отъ охоты до пира. Понятно ли намъ, чтобы можно было изъ цѣлой округи съѣзжаться въ одинъ домъ съ няньками, мамками, съ грудными младенцами, пріѣзжать старымъ и молодымъ и всякому за своимъ: попить и поѣсть, и Богу помолиться (потому что церковь была у воротъ дома Гаврилы Михайловича), повеселиться такъ, чтобы звонъ стоялъ въ головѣ и долго еще въ просонкахъ мерещилось бы это веселье? Поймемъ ли мы, чтобы въ этотъ барскій домъ недремлющаго веселья можно было привозить больного на смерть небогатаго сосѣда на томъ-де основніи, что все равно, гдѣ ни умирать, а на людяхъ и смерть красна?.. И больной умиралъ этою красною смертію въ домѣ Гаврилы Михайловича. Мгновенно все измѣнялось. Въ залѣ выставлялся гробъ; на столикѣ, покрытомъ до земли бѣлою скатертью, стояла кутья подъ образами. Выработывая себѣ полтину мѣди и цвѣтной бумажный платокъ, Комариная Сила читалъ заунывно псалтырь надъ покойникомъ. Самъ Гаврила Михайловичъ выходилъ изъ кабинета и лично производилъ распоряженія по такому чрезвычайному случаю, принимая, конечно, погребеніе покойника на свой счетъ. Еще, казалось, углы большаго зала стояли полны вчерашнихъ перепѣтыхъ пѣсень и готовы были вотъ-вотъ грянуть какимъ-либо заливнымъ припѣвомъ ихъ; а середина комнаты наполнялась уже полами въ черныхъ ризахъ, дьяконами съ восковыми зелеными свѣчами въ рукахъ. «Со святыми упокой!» пѣло протяжное пѣніе, и волны кадильнаго еиміама облакомъ сгущались надъ головами людей. Гаврила Михайловичъ, въ христіанскомъ смиреніи, стоя позади всѣхъ и подпоясанный по своему шлафроку чернымъ шелковымъ платкомъ, клалъ земные поклоны и подпѣвалъ духовному хору: *Надѣробное рыданіе творяще пѣснь...* Затѣмъ слѣдовалъ поминальный обѣдъ, и послѣ *вѣчной памяти*, пропѣтой покойнику между жаркимъ и пирожнымъ, начинали пить

за упокой души его горячіе тосты особеннаго рода питьемъ, которое употреблялось только на заупокойныхъ обѣдахъ и было подаваемо въ чайныхъ чашкахъ. Питье это называлось «варенуха», и варилось оно изъ бѣлаго вина или французской водки, густо разсыропленной медомъ, съ небольшимъ количествомъ воды. Этимъ сиропомъ наливались разныя сухія ягоды и пряности. Большой кубганъ замазывался тѣстомъ и задвигался въ печь на цѣлыя сутки. Его-то выдвигали для заупокойныхъ тостовъ, и горячее спиртуозное питье сильно разгорячало присутствующихъ въ пожеланіи усопшему небеснаго царства. «За царство!» возглашалъ тостъ Гаврила Михайловичъ, и мало-по-малу заупокойный обѣдъ входилъ въ общую колею другихъ обѣдовъ. За нимъ еще пѣлось: «*Отъ юности моя мнози борють мя страсти*»; но по тому самому, что эти страсти мнози, едва гости вставали изъ-за обѣда, какъ духовное пѣніе быстро смѣнялось другимъ. Какъ вихорь, все закруживая въ себѣ, проносился припѣвъ какой-нибудь плясовой пѣсни:

Ты коровушку
Подой да подой!
Подоевичекъ
Помой да помой!

И пиръ разгуливался звонче и веселѣе, еще гулливѣе обыкновеннаго порывалась въ хорорыды молодежь...

Повѣримъ ли мы теперь, чтобъ этой молодежи, молодыхъ дѣвушекъ, болѣе десятка собиралось къ Аннѣ Гавриловнѣ, и онѣ гасцивали не по недѣлямъ двумъ-тремъ, а веселая компанія, собравшись, не хотѣла разставаться по цѣлымъ мѣсяцамъ? Молодой народъ сживался душа въ душу; все между ними было общее, начиная отъ общихъ дѣвичьихъ проказъ до богатыхъ нарядовъ Анны Гавриловны. Приходилъ какой-нибудь нарочитый праздникъ, и небогатой подругѣ Анны Гавриловны нечего было задумываться, что! она надѣнетъ въ этотъ праздникъ. Прежде нея объ этомъ подумали. Когда-нибудь поздно вечеромъ, когда весельемъ и шумомъ неумолкаемо наполнялся домъ, и вся комнатная челядь, приступивши къ дверямъ и къ окнамъ, прильнувши къ малѣйшей скважинкѣ, глазѣла на веселье господъ, въ то время няня Анны Гавриловны знакомъ подзывала къ себѣ какую-нибудь Машку или Палашку, брала свѣчу изъ дѣвичьей и отправлялась въ пространныя кладовыя, гдѣ въ огром-

ныхъ сундукахъ, движущихся на колесахъ, и въ неподвижныхъ баулахъ бережно хранилось господское добро и всѣ богатые и небогатые наряды гостящихъ барышень. Тамъ, имѣя всѣ ключи у себя, старуха начинала перебирать и пересматривать всѣ платья барышень. Молча, внимательно подносила она каждую вещь къ свѣту и разсматривала ее со всѣхъ сторонъ. Также молча, не смѣя заговорить, свѣтила ей какая-нибудь молодая, быстроглазая Машка или Палашка, и безмолвный обзоръ оканчивался пересмотромъ платьевъ Анны Гавриловны. Послѣ чего няня замыкала кладовую, молча задувала свѣчу и отправлялась къ себѣ на теплую лежанку. Но еще прежде чѣмъ встать солнцу и започивать Гаврилъ Михайловичу, няня докладывала ему: «что какъ угодно будетъ ихней барской милости, а она свою холопскую службу исполняетъ. Вѣдомо, что праздникъ идетъ. У сударины Анны Гавриловны капуциновой объяри платье разъ было надѣто, да въ другой гостиная барышня принадлеѣла. Мелко-травчатое платье атласное, чѣмъ розоваго цвѣту, о Покровѣ изволила выражаться барышня и газетовое съ помпадурою тожь оно принадлевано; да у гостинной барышни (называла по имени и отчеству няня) ничего то-есть пригляднаго и показнаго къ празднику нѣтъ».—Коли нѣтъ, такъ надобно, чтобъ было, произносилъ Гаврила Махайловичъ и выдвигалъ ящикъ своего комода. Затѣмъ обо всемъ остальномъ, до поры до времени, знали только портные да закройщики, которые кроили и шили въ особомъ флигелѣ, подъ надзоромъ няни. Наступалъ праздникъ; приходило время выражаться барышнямъ, и велико бывало изумленіе которой-либо изъ нихъ, когда недуманно-негаданно, совершенно какъ въ сказкахъ говорится, по щучьему велѣнью, являлось ей платье, сшитое прекрасно по ней. Не зная, какому приписать все случаю, къ кому обратиться благодарить за то, барышня естественно обращалась къ Аннѣ Гавриловнѣ; но та ей Христомъ Богомъ божилась и крестилась, что она не знала и не вѣдала ни про чтѣ. Стѣнные дѣвушки хотя, можетъ-быть, и знали стороною, да молчали, пока няня не останавливала дальнѣйшихъ разспросовъ своимъ простымъ словомъ: «Кушай, матушка, кусъ да не спрашивай: отколева онъ? Сзаже того не будетъ». И молодая барышня, разодѣтая по щучьему велѣнью, терялась въ своихъ догадкахъ и почти не подозрѣвала того, что эта волшебная щука былъ самъ Гаврила Михайловичъ, его барское изволенье, вовсе не искавшее благодарности, а единственно хотѣвшее того, чтобы, какъ выйдетъ Гаврила Михайловичъ

въ праздникъ, и глядеть онъ по своимъ по милымъ гостямъ, чтобы все передъ нимъ блистало и утѣшало его барскія свѣтлыя очи.

Но мы не будемъ имѣть настоящаго понятія ни о барскихъ утѣшеніяхъ Гаврилы Михайловича, ни о шумной веселости Анны Гавриловны и подругъ ея, если мы позабудемъ припомнить, что лежало въ основѣ ихъ. Лежала русская пѣсня. Родной напѣвъ ея, сильный и могучій, былъ еще совершенно близокъ людямъ, которые по одной внѣшности—только по своему французскому кафтану и исподнему платью—тщились вступить на общечеловѣческій путь европейскаго развитія, а на самомъ дѣлѣ они оставались все тѣми же простыми русскими людьми.

Фиолетовый кафтанъ,
Парчевой камзолъ,
Чулки шелковые
Пряжки съ искорками

не перерождали, а только переряжали русскаго барина. И чтобы видѣть, какъ это заморское переряженъе русскаго барина было не много чѣмъ болѣе маскерадной шутки, надобно было только заливному напѣву простой русской пѣсни коснуться его барскаго слуха. Какъ конь боевой, индѣ почувявъ звуки кавалерійской рыси, въ минуту весь перерождается, уши сторожатъ, глазъ горитъ; онъ будто осѣдаетъ на заднихъ ногахъ и вытягиваетъ передними, еще минута, и уже онъ, хвостъ и гриву на разметъ, несется, давая слышать вокругъ свой полуйсуганный храпъ и веселое ржанье: такъ точно, безъ натяжки можно сказать, звуки русской пѣсни перерождали нашего барина, по всему будто офранцузившагося; и коса сзади виситъ, и лавержетъ взбитъ; но что значить коса и парикмахерскій лавержетъ, когда всю душу насквозь пронимаетъ живая сила роднаго напѣва? Баринъ, какъ конь, чуть не вставалъ на дыбы; онъ истинно ржалъ отвѣтнымъ чувствомъ своей богатырской груди, послышавшей могучіе звуки, въ которыхъ вольною волею могла разгуляться душа. Синій кафтанъ на плеча, сапоги съ серебряными подковами, черная шляпа пуховая со павлиньимъ перомъ, и вотъ бурно, неистово вносился онъ въ хороводъ. Онъ заплясывалъ до упада, и могло ли что-либо хотя нѣсколько прививное удержаться здѣсь, не осыпаться, какъ осыпались бы всѣ до одной блестящей французскаго кафтана въ этомъ разметѣ дебелии силы, въ этомъ топотѣ и свистѣ, который прорѣзывалъ воздухъ какъ

стрѣла, а подь могучими ногами трещалъ и подавался дубовый полъ, и земля выбивалась на полчетверти?

Бабушки наши не отставали отъ дѣдушекъ. Сбросить фижмы и неповоротливый робронъ, нарядиться въ сарафанъ, или, еще чаще того, въ болѣе способную для пляски, короткую паневу, всю въ клѣтки затканную шемахинскими шелками, и, вмѣсто передника, со шитою штофною или газетовою прошвой напереди; кокошникъ, или дѣвчья повязка на головѣ, какъ жаръ горитъ, и пуки разноцвѣтныхъ лентъ, падающихъ сзади, чуть не достигають до пятъ и перемѣшаны съ разцвѣченными мохрами и кистями отъ шелковыхъ снурковъ,—нарядиться такъ на задоръ молодецкимъ глазамъ и заплясываться въ пляскахъ и хоровахъ было непремѣннымъ условіемъ праздничнаго веселья, безъ чего и пиръ былъ бы не въ пиръ. И этотъ обычай перодѣванья въ русскіе костюмы былъ въ такой силѣ, что молодой дѣвушкѣ не имѣть паневы и сарафана, или наконецъ старинной шелковой юбки съ цыганскимъ приборомъ дурыхъ бусъ, алой шали черезъ плечо и большихъ серебряныхъ колецъ въ уши, не имѣть чего-либо изъ этого было зазорно. Даже при замужествахъ, въ счетъ приданаго, свахи, выговаривая то и другое для невѣсты, не забывали прибавить: «И праздничныхъ нарядцевъ тожь не поскупитесь, матушка, и ты, отецъ родной, чтобы наша молодая, на красу да на похвальбу, въ хороводъ вошла и, что есть, безъ зазору танокъ повела.»

Этихъ праздничныхъ нарядцевъ было у Анны Гавриловны безъ счета. Она могла нарядить ими цѣлый хороводъ—и наряжала. Съ утра еще барышни не чаяли дожидаться вечера праздника и именно того часа, когда балъ, чинно начатый гавотами и минуэтами, принадлеѣсть всѣмъ. Гаврила Михайловичъ сидитъ у себя въ кабинетѣ съ обычными, избранными собесѣдниками, и нѣтъ ему ни малѣйшаго дѣла, какъ себѣ тамъ хотять, забавляются его гости. И вдругъ двери изъ внутреннихъ комнатъ растворяются настезь, и въ большую залу вносится хороводъ, яркій до ослѣпленія. Короткія, пестрыя паневки выше щиколки показываютъ ножку; кокошники и повязки горять, ленты вихремъ выются и кружатся по комнатѣ; барышни и сѣнныя дѣвушки перемѣшались въ хороводѣ, и вы развѣ сердцемъ скажете, что вотъ та изъ нихъ лучше; а на глаза онѣ всѣ хороши вамъ. У васъ духъ занялся отъ заливной пѣсни, и разбѣжались глаза... «Матушка! утѣшь сударя батюшку,» попадетъ за кисейный рукавъ Анну Гавриловну няня и шепнетъ ей на ушко.

Та будто ничего не слышитъ и не внимаетъ нянѣ. Но чуть допѣли пѣсню, молодая грудь высоко поднялась и опала подъ кисейною рубашкою, едва только однимъ вольнымъ вздохомъ вздохнула Анна Гавриловна, и она громко хлопаетъ въ ладони. Хороводъ смыкается рука въ руку; нетерпѣливый коблучекъ Анны Гавриловны не то въ полъ бьетъ, не то музыку даетъ, и вдругъ всѣ голоса подхватываютъ:

У воротъ мурава
Зеленымъ-зелена;
Ужь и я ль молода
Веселымъ-весела.

Хороводъ разрывается на двѣ равныя стороны, и Анна Гавриловна одна остается посреди зала. Но русская пляска не идетъ въ одну. Анна Гавриловна выводитъ за руку изъ хоровода избранную любимую подругу, и онѣ вмѣстѣ начинаютъ пѣть и плясать.

Всѣ домой, всѣ домой,
А я домой не хочу.
Съ кѣмъ гуляю не скажу.
Пойду, я млада, въ темный лѣсъ,
Сорву, млада, клиновъ листь;
Напишу, млада, грамоту,
Что по бѣлому бархату;
Пошлю тое грамоту,
Изъ города на городъ,
Я къ батюшкѣ въ Бѣлгородъ:
«Государь ты мой батюшка!
«Изволь письмо прочитать.
«Велишь ли мнѣ поиграть
«И шуточки пошутить?»
—«Играй, мое дитятко,
«Шути шутики, милое!
«Какъ старость-то пришибеть,
«Игра на умъ не пойдетъ,
«И шуточка пропадетъ,
«Состаришься, дитятко,
«За люлькою сидючи,
«На дѣтище глядючи.»
—«Я старость-то пришибу
«Своимъ малымъ башмачкомъ,
«Сафьяненькимъ коблучкомъ ..

И самымъ дѣломъ повершая слова своей заливной пѣсни, Анна Гавриловна именно пристукивала, уносясь въ пляскѣ, своимъ малымъ башмачкомъ и сафьяненькимъ коблучкомъ.

Хороводъ мгновенно окружалъ ее и опять подхватывалъ:

У воротъ мурава
Зеленымъ-зелена;
Ужь и я ль молода
Веселымъ-весела.

Съ первыми звуками этой пѣсни, что бы ни дѣлалъ Гаврила Михайловичъ, игралъ ли въ карты, въ шашки, или разговаривалъ объ охотѣ, онъ поднимался какъ бы не своею силою; на пяти-шести шагахъ ронялъ съ ноги туфлю и, не замѣчая того, въ одномъ чулкѣ становился въ дверяхъ залы. Онъ не могъ слышать, что бы ни говорили ему, и, уважая его, никто съ нимъ не заговаривалъ; Камариная Сила стоялъ безмолвно, держа въ рукахъ оброненную туфлю... И все, что мощно-нѣжнаго, что любящаго затаилось въ сильной душѣ подъ кровомъ величаваго барства и какого-то *стыда чувства*, принимавшаго всякое проявленіе его за слабость въ мужинѣ, все то неудержимо проступало наружу; Гаврила Михайловичъ приковывался глазами къ дочери и отвратить силу этого любящаго отцовскаго взора—нѣтъ! кажется, еслибы ножомъ сверкнули въ глазахъ Гаврилы Михайловича и наставили конецъ его къ груди, онъ бы сказалъ: «Постой! дай доглядѣть пляску дочери. Чего тебя нетерпячее беретъ?» И когда дочь, словами своей простодушной пѣсни, будто заглядывала ему въ душу и выносила оттуда собственный отвѣтъ его:

Играй, мое дитятко,
Шути шутики, милое!

у Гаврилы Михайловича слезами туманились глаза, и грудь его, распахнутая до сорочки, подымалась и опускалась, какъ грузная волна.

Но пѣсня оканчивалась; хороводъ заливымъ припѣвомъ покрывалъ ее, и цѣлыя десятки лицъ, съ похвалами и привѣтствіями, обступали Гаврилу Михайловича. Еще борясь съ осилвшимся его чувствомъ, онъ первыя минуты бывалъ грубъ и неуклюжъ; точно будто всѣ эти лица, хваля его дочь, чѣмъ-то оскорбляли его самого. Но Гаврила Михайловичъ скоро становился обычнымъ Гаврилою Михайловичемъ. «Кто пляшетъ? Аннушка. А кто хвалить? Мать да бабушка,» лукаво произносилъ онъ и обарачивался идти въ кабинетъ. На дорогѣ Комариная Сила подавалъ ему туфлю. «Давай, братецъ!» говорилъ Гаврила Ми-

хайловичъ, и снова принимался за шашки и карты, или за живые споры и разсужденія объ охотѣ. Но что бы ни дѣлалъ Гаврила Михайловичъ, съ устъ его не сходила мелькающая улыбка, которая не принадлежала ни шашкамъ, ни картамъ, ни даже псовой охотѣ...

Такъ жила Анна Гавриловна у государя своего батюшки, когда неожиданно съ нею случилось маленькое обстоятельство такого рода.

На Свѣтлыхъ праздникахъ, подъ качелями, барышни пѣли весеннія пѣсни, *пашеньку пашали* и *просо съли*, разумѣется, въ приличныхъ костюмахъ, и имъ помогали добрые мѣлодцы въ зеленыхъ и синихъ кафтанахъ; полы, подбитыя красною шелковою обьярью, у кого были обѣ отворочены и заткнуты за поясъ; у кого одна пола поднята за колѣно, а черная шляпа сдвинута на ухо. Сомкнулся хороводъ, и послѣ многихъ другихъ пѣсень, запѣли въ хороводѣ вотъ эту:

Я по сѣнюшкамъ хожу, млада, хожу;
Сквозь стеколушко на милаго гляжу,
Мой милый другъ и хорошъ, и пригожъ;
Душа моя, чернобровъ, черноглазъ.
Я не знаю, къ чему друга примѣнить.
Примѣню друга къ золотому перстеньку:
Золотъ перстень на рукѣ, на рукѣ,
Мой милый другъ на умѣ, на умѣ.

У Анны Гавриловны какъ-то странно занѣмѣла эта пѣсня на губахъ. Когда другія пѣли, она безъ пѣсни двигалась въ хороводѣ, и молодые глаза, невѣдомо ей, приковались къ одному молодцу, который былъ и хорошъ, и пригожъ, и ужь именно чернобровъ и черноглазъ. Пѣсня лилась какъ звонкая, заливающая душу струя; а Анна Гавриловна все смотрѣла; а вечерняя заря все больше румянила на ея щекахъ. Случилось страннымъ ненарокомъ, когда разносились слова пѣсни:

Золотъ перстень на рукѣ, на рукѣ,
Мой милый другъ на умѣ, на умѣ...

молодые глаза Анны Гавриловны до того задумались засмотрѣлись, что тотъ удалой добрый мѣлодецъ, на кого глядѣли они, снялъ свою черную шляпу и будто бы пускаясь въ пляску, низко поклонился молодымъ глазамъ. Анна Гавриловна ахнула и убѣжала изъ хоровода.

Молодецъ этотъ былъ Марка Петровичъ Ш***, съ пеленокъ

записанный сержантомъ на службу и служившій капитаномъ въ гвардіи, живя у себя въ деревнѣ.

Но небольшому обстоятельству съ молодыми глазами Анны Гавриловны не суждено было окончиться такъ. Прошла ли полная недѣля, или не прошла она послѣ того хоровода, какъ вдругъ совершенно неожиданно, подъ вечеръ вбѣгаетъ лакей со двора, и даже минуя Комариную Силу, докладываетъ Гаврилѣ Михайловичу; что ея превосходительство, матушка генеральша жалуютъ. «Гмъ!» произнесъ Гаврила Михайловичъ, выразившій такъ иногда свое довольство, иногда и недовольство. (Матушка сестрица-генеральша жила за семьдесятъ слишкомъ верстъ.) Подождавъ пока ея карета съ рѣзными, золочеными тюльпанами на кузовѣ и запряженная осьмерикомъ, выравнялась и остановилась подъ крыльцомъ,—«стала», доложилъ Комариная Сила.

Гаврила Михайловичъ всталъ, подтянувъ нѣсколько спущенный поясъ на шлафоркѣ, и шаркая своими туфлями, отправился на встрѣчу неожиданному пріѣзду матушки сестрицы генеральши. Уже весь домъ съ Анной Гавриловною во главѣ—няня, комнатныя дѣвушки, гости и пожилицы,—столпившись въ залѣ, готовились принять почетную нежданную гостью, когда Гаврила Михайловичъ, своимъ появленіемъ раздвигая толпу, принялъ сестрицу генеральшу на порогѣ залы и тутъ же они сначала родственно обнялись и поцѣловались трижды; а потомъ Гаврила Михайловичъ поцѣловалъ ручку матушки сестрицы, а она назвала его: «свѣтъ мой сударь братецъ!» «Тьфу ты, пропасть! ворчала няня. Малъ домъ имъ. Нашли мѣсто: на порогѣ цѣлуются! Тутъ-то быть добру.» По понятіямъ няни, да и всѣхъ старыхъ людей, цѣлованье и обниманье на порогѣ вело къ неминуемой ссорѣ.

— Здравствуй, Анютушка! особенно милостиво говорила тетушка-генеральша къ подступавшей Аннѣ Гавриловнѣ.—Посмотри, другъ сердечный на меня, и подняла она голову Анны Гавриловны, спѣшившей наклониться къ тетушкиной рукѣ.—Она у васъ, батюшка братецъ, изо дня въ день хоропѣеть. Тьфу! сплунула немножковъ сторону генеральша,—чтобы не сглазить. Затѣмъ началось дальнѣйшее допущеніе къ рукѣ, и вечеръ прошелъ совершенно благопріятно.

На утро, еще сидя въ опочивальной кофѣ и подвязывая кругомъ себя бѣлые канифасные карманы, сестрица Гаврилы Михайловича изволила потребовать къ себѣ няню. «Ну, какъ? что у васъ дѣется хорошаго? Старая! ты мнѣ все доложи, не

потай.» Старая докладывала; что, слава Богу, все у нихъ, по какой часъ, дѣется хорошее. «Чтò Аннушка свѣтъ утѣшаетъ батюшку братца?»—Утѣшаетъ, матушка. «Ну, то-то же, смотри. Я вѣдь не безъ дѣла пріѣхала.» Затѣмъ матушка генеральша опустила свою ручку въ карманъ, вынула оттуда гривенку и пожаловала гривенкою няню. «Ступай себѣ на лежанку, Богу молись. Я сейчасъ къ батюшкѣ братцу иду.» И накинувъ, сверхъ своего опочивальнаго костюма, эпанечку шелковую съ воротниками, сестрица генеральша вошла къ сударю братцу. «Здорово живешь, Комарушка?» сказала она мимоходомъ Комариной Силѣ, растворявшей передъ нею дверь. Гаврила Михайловичъ поздоровался, всталъ съ своего почти просиженнаго дивана, спросилъ сестрицу генеральшу: «каково почивали?» и оиать сѣлъ. «Силушка! ты себѣ другое время найдешь,» выслала генеральша изъ кабинета Комариную Силу, который было предполагался у печки читать житіе. «И дверь-то за собою, Силушка, припри...»—Не надо! возвысилъ голосъ Гаврила Михайловичъ. —Матушка сестрица! начиналъ хмуриться онъ:—домъ мой не есть канцелярія тайныхъ дѣлъ, и въ домѣ у меня тайностей не имѣется. Я скорѣй глотки и уши заткну; а уже ото всякой дряни хоронясь, дверей моихъ запирать не стану. Слышишь, Комариная Сила? Чтобы ты у меня слухомъ не слыхалъ и видомъ не видалъ! «Слушаю, батюшка Гаврила Михайловичъ!» отвѣчалъ изъ-за дверей Комариная Сила.—И я васъ, матушка сестрица, слушаю. Извольте говорить, коли вы мнѣ сказать что пришли. Кажется, Гаврила Михайловичъ догадывался о предметъ разговора.

Приступъ былъ такой рѣшительный и, можно сказать, неожиданный; сударь братецъ, приготовляясь слушать, такъ настойчиво заложилъ нога за ногу и свѣсилъ свою стоптанную туфлю, что сестрицѣ генеральшѣ ничего болѣе не оставалось, какъ объявить прямо:

— Я, батюшка, братецъ объ Аннушкѣ говорить пріѣхала.

— Что такое Аннушка?

— Взыскалъ ее Господь милостію. Женихъ ей хорошій находится.

Судя по бровямъ Гаврилы Михайловича, совершенно наежившамся, можно было ожидать, что и сестрицу генеральшу не встрѣтитъ ли одинъ изъ тѣхъ лаконическихъ отвѣтовъ, которыми Гаврила Михайловичъ встрѣчалъ и провожалъ свахъ. Но нѣтъ!

— Какой женихъ? спросилъ онъ.

— Такой, сударь мой братецъ! что и Бога моля, не вымолить намъ лучшаго. Самъ ты изволишь судить своимъ разумомъ. Дружкой княгинѣ свойственникъ, Трубецкаго князя Илью дядей зоветъ; Ширинскіе ему своя семья, да и бабушка тожь двоюродная, Анфиса Петровна, человекъ въ случаѣ. Вельможъ за уши дереть.

Гаврило Михайловичъ молчалъ. Сестрица генеральша продолжала говорить далѣе.

— И достаткомъ тожь, какъ сами вы, сударь братецъ, свѣдомы, не обидѣлъ Господь. Родовыя вотчины не за горами, и богатство его отцовское не на водѣ писано, четыре тысячи душъ.

Гаврила Михайловичъ молчалъ. Матушка сестрица генеральша посмотрѣла немножко со стороны, и сама помолчала.

— Такъ вотъ, свѣтъ вы мой батюшка братецъ! начала она, — (въ добрый часъ молвить а въ худой помолчать) какъ вы этому дѣлу, что скажете и что прикажете?

Гаврила Михайловичъ всталъ и, отвѣчая своею полною грудью, сказалъ:

— Не отдамъ!

— За Марка Петровича? всплеснула руками генеральша.

— И за Марка не отдамъ.... Комариная Сила! иди житіе читать.

— Да что жъ ты, батюшка! изъ себя вышла сестрица генеральша. — Ума ты, сударь, отступилъ? Чего ты дѣвкой мудруешь? Какого еще жениха желать? Иль ты ей генерала съ лентою чаешь?

— Довольно съ насъ, матушка сестрица, одной генеральши, замѣтилъ Гаврила Михайловичъ.

— Такъ мнѣ не довольно, сударь вы братецъ! Развѣ она тебѣ одному дочь, а мнѣ не племянница? Осталось дите безъ матери, сирота голубиная, клюй ее, батюшка, сизой орелъ! Велики когти, защиты нѣтъ.

— Сестра! грозно сказалъ Гаврила Михайловичъ. — Говори да думай!

— Что тутъ думать? Дѣвкѣ семнадцать лѣтъ. Ей во снѣ женихи снятся; а отецъ родной на яву женихамъ отказы даетъ. Ты, батюшка, лучше бы ее въ монастырь сослалъ: такъ бы она черницей слыла, лбомъ въ землю стучала и, на радость тебѣ, черную рясу волочила.

— Не отдамъ! стукнулъ по собственному колѣну Гаврила Михайловичъ и двинулъ ногою такъ, что туфля летомъ вылетѣла за дверь кабинета.

Въ ту же дверь сестрица генеральша вышла, не сказавши болѣе ни слова. Но она сейчасъ велѣла своимъ людямъ собираться въ дорогу, и, когда у Гаврилы Михайловича обѣденный столъ былъ накрытъ, и уже несли серебряную мису съ супомъ, сестрица генеральша извоили выѣхать, нанося тѣмъ чувствительное, великое оскорбленіе братниной хлѣбъ-соли. «Вотъ тебѣ и поздравствовались на порогѣ!» заключила няня.

Другое заключеніе едва ли можно было вывести какое изъ отказа Гаврилы Михайловича. Женихъ былъ по всѣмъ статьямъ женихъ для Анны Гавриловны. По свойству его, по родству, по богатству, и самъ-то Марка Петровичъ молодецъ молодцомъ былъ! Умно слово сказать и шутку пошутить, и уже бариномъ себя показать такимъ, какъ есть настоящій тысячный баринъ, не у другихъ спрашивалъ; а самъ умѣлъ Марка Петровичъ. У него одного «половинчатая» коляска была, то-есть такъ она называлась, что верхъ у нея откидывался на двѣ половины: напередъ и назадъ. И какъ ѣдетъ Марка Петровичъ, народъ старый и малый за ворота выбѣгаютъ: «Марка Петровичъ ѣдетъ! Марка Петровичъ ѣдетъ!» а барышни къ окнамъ бросаются. Оно и было чего, не одной половинчатой коляски, посмотрѣть. Истинно сказать, на славу себѣ подобралъ Марка Петровичъ четырехъ въ маслѣ бурыхъ жеребцовъ (благо, что отцовскіе табуны степи крыли), и то-есть какъ подобралъ? Ни примѣтинки, ни отмѣтинки, ну вотъ какъ въ сказкахъ говорится: и голосъ въ голосъ, и волосъ въ волосъ, и ногами ровно ступаютъ, и нога въ ногу высоко поднимаютъ! И такихъ молодецковъ нечего было думать на поводахъ сдержать: такъ вмѣсто ремней, они серебряными цѣпями скованы были, настоящими серебряными, и серебряныя удила грызли въ прахъ. И вотъ уже страхъ и любо было посмотрѣть, какъ четверкой въ рядъ неся въ своей половинчатой коляскѣ Марка Петровичъ, ахти мнѣ! Стоишь за нимъ и передъ нимъ на двѣ версты по землѣ шель. Ни мостовъ, ни переправъ Марка Петровичъ не держалъ изъ благоразумной осторожности, что тогдашніе мосты и переправы не сдержали бы наступа его силачей и безопаснѣе было махнуть рукою и поискать броду. «Черти бурые!» говорилъ Гаврила Михайловичъ, когда эти бурые, испытавши броду у него подъ садомъ, подносились къ крыльцу и, остановясь, мо-

гуче встряхивались такъ, что серебряныя цѣпи звономъ звенѣли, и вода струями сочилась съ длинныхъ гривъ и отекающихъ хвостовъ: «черти бурые!» повторялъ онъ. Но даже Гаврила Михайловичъ поднимался съ своего дивана, чтобы взглянуть на этихъ бурыхъ чертей. И при всемъ этомъ отказать Марку Петровичу? Недѣлю, другую бурые пронеслись мимо, и только окна въ домѣ отъ ихъ могучаго топота слегка сотрясались, да еще, можетъ-быть, вздрагивало молодое сердце. Па третью недѣлю только-что сѣли за столъ, Гаврила Михайловичъ не успѣлъ еще заложить салфетки подъ свой подборокъ, какъ вдругъ Марка Петровичъ, сію минуту проѣхавшій мимо, явился неожиданнымъ гостемъ. «Извините меня, Гаврила Михайловичъ! развязно говорилъ онъ. Я совсѣмъ было не думалъ заѣзжать къ вамъ и, сами вы знаете, не съ руки мнѣ; да вотъ проѣзжая, увидѣлъ въ окно Анну Гавриловну, и какъ я самъ здѣсь, вы меня не спрашивайте.» — Приборъ! сказалъ Гаврила Михайловичъ, не спрашивая и сажая за обѣдъ гостя. И Марка Петровичъ опять сталъ бывать, не скрываясь ни мало и во всеуслышаніе говоря Гаврилѣ Михайловичу во время веселыхъ застольныхъ бесѣдъ, что онъ, Марка Петровичъ, не самъ здѣсь сидитъ и не своя его воля посадила здѣсь, не ѣства дорогія и не питья медвяныя Гаврилы Михайловича, а засадили его, посадили очи голубыя Анны Гавриловны, да своя зазноба сердечная. Анна Гавриловна краснѣла, какъ жаръ, и не знала, куда дѣтъ свои очи голубыя; а Гаврила Михайловичъ молчалъ и только немного самодовольно улыбался въ тарелку.

Такимъ путемъ шли дѣла, когда скоро подошелъ праздникъ вешняго Николы, который былъ престольнымъ праздникомъ одного изъ придѣловъ въ церкви Гаврилы Михайловича. Гаврила Михайловичъ обыкновенно праздновалъ этотъ праздникъ на пасѣкѣ. Прямо отъ обѣдни, онъ со всѣмъ домомъ, со всѣми гостями и всѣмъ народомъ, который сходился на праздникъ, шествовалъ съ образами и хоругвями версты за четыре на пасѣку. Тамъ служили молебень; кормили и виномъ поили народъ, лакомили его разсыченнымъ медомъ, и здѣсь же Гаврила Михайловичъ имѣлъ у себя большое столованье и пированье. Мѣсто было славное. Долина глубокая между горами, и дѣсь кругомъ. По взгорьямъ разставлена тысячная пасѣка; а внизу, въ самой роцѣ, выстроены были амшеники для зимовки пчель, и въ боку глинистаго обрыва, у самаго ключа живой воды, выстроена была кухня съ очагами на случай празднествъ Гав-

рилы Михайловича и временнаго посѣщенія господъ. Въ самой рошѣ, подѣ кленами да подѣ липами, вдоволь было мѣста: гдѣ хочешь, затѣвай пирь.

И пирь былъ, какъ должно было быть пиру: и пѣсельники пѣли, и лица румянѣли. Гаврила Михайловичъ, прося своихъ дорогихъ гостей извинить его, что онъ старыи конь и къ нарядной збруѣ не обыкъ, вышелъ изъ-за стола и уже смѣнилъ свой парадный костюмъ на обычный шлафрокъ и привычныя туфли, и по этому случаю, еще довольнѣе и веселѣе, возсѣдалъ на почетномъ хозяйскомъ мѣстѣ въ концѣ стола. Говорили много и шумно; но вмѣсто того чтобы къ концу пира болѣе разговариваться, одинъ изъ гостей Гаврилы Михайловича все больше задумывался и не пилъ вина. Гость этотъ былъ Марка Петровичъ. Замѣтилъ ли бойкій и смышленный народъ пѣсельниковъ, зорко выглядывавшій изъ-за куста и получавшій частыя подачки отъ пирующихъ гостей, замѣтилъ ли онъ эту особенность грусти замѣтнаго гостя Марка Петровича, или оно вышло совершенно случайно, только хоръ пѣсельниковъ запѣлъ:

Не туманъ въ полѣ разстилается;
 Добрыи молодець во бесѣдушку,
 Онъ во пирь идти собирается.
 На пиру сидитъ, голова болитъ;
 Во бесѣдушкѣ не слышать рѣчей.

Ой, чѣмъ соколу
 Лѣчить голову?
 Ой, чѣмъ ясному
 Ретиво сердце?
 Лѣчить голову
 Перепелкою,
 Ретиво сердце
 Корастелкою,
 Добра молодца ль
 Красною дѣвкою.

— Знатно. ребята! хлопнулъ въ ладони одинъ изъ повеселѣвшихъ гостей.—А за пѣсню-то платитъ милости вашей, Марка Петровичъ!

— Да, да! подхватило нѣсколько голосовъ.

— Коли на пиру не пить и хозяина не веселить...

— Такъ чтѣ дѣлать? спросилъ Марка Петровичъ.

— Добраго молодца кручину лѣчить, отозвался одинъ изъ ближнихъ сосѣдей хозяина.

— Батюшка Гаврила Михайловичъ! для ради праздника большаго будь во отца, полѣчи молодца!

— Не Нѣмецъ, замѣтно похмурился Гаврила Михайловичъ.— Скоморошествомъ отъ родителей, батюшка, не занимаемся.

— Къ чорту нѣмецкое скоморошество! продолжалъ сосѣдь.— Мы на чистоту россійскую идемъ. У васъ, батюшка, товаръ, а у насъ купецъ-молодецъ.

— Не отдамъ, ударилъ по столу кулакомъ Гаврила Михайловичъ, и весь столъ, какъ осиновый листъ, задрожалъ.— Комариная Сила! вина! запилъ широкимъ глоткомъ свое слово Гаврила Михайловичъ.

— Коли на то пошло, поднялся съ мѣста Марка Петровичъ,—такъ почему бы вы, государь мой Гаврила Михайловичъ, не изволили отдать за меня? Ни я ошельмованный какой, зазорнаго дѣла за мной нѣтъ, и моя дворянская амбиція, сударь мой, по всему равна вашей амбиціи. Коли вы мнѣ конфузъ такой даете, говорилъ Марка Петровичъ,—въ чемъ сей есть конфузъ, благоволите отвѣтствовать?

Гаврила Михайловичъ, довольно разгоряченный виномъ, кажется, готовъ былъ опять ударить кулакомъ по столу, но удержался.

— Эй! крикнулъ онъ, внезапно обращаясь къ пѣсельникамъ:— *Смердова сына!* Большая часть гостей переглянулась между собою, Марка Петровичъ съѣлъ. Уныло затянули пѣсельники:

Отдалъ меня батюшка
 За смердова сына,
 Далъ мнѣ батюшка
 Приданого много:
 Село съ крестьянами,
 Церковь съ колокольнею,
 Сокола съ сокольнею,
 Коня съ конюшнею.
 Не умѣть смердовъ сынъ
 Онъ мною владати,
 Крестьянами посылати.
 Назвалъ онъ, смердовъ сынъ,
 Мене—нѣмкиною,
 Село—пустынею,
 Церковь—часовнею,
 Сокола—вороною,
 Коня—коровою.

— Такъ вотъ, чтобы не было другаго смердова сына, не отдамъ! сказалъ Гаврила Михайловичъ и на этотъ разъ не удержался.

жался, а ударилъ по своей тарелкѣ, и она разлетѣлась вдребезги.

И здѣсь только всѣмъ гостямъ и Марку Петровичу пришло на память, что у Гаврилы Михайловича была другая дочь замужемъ и именно за *смердовымъ сыномъ*, какъ пѣлось въ пѣснѣ. Недовольный богатою долей приданого, которую Гаврила Михайловичъ далъ за свою дочь, зять его, завистливый и злобный, сталъ угнетать и тиранить жену, чтобъ она вымстала все больше и больше у отца. Въ полтора года онъ до того разорилъ приданія вотчины жены, что Гаврила Михайловичъ, рѣшившись замѣнить ихъ другими, принужденъ былъ дать крестьянамъ на другіе полтора года льготы, чтобы хотя нѣсколько поправить ихъ. Но когда, и этимъ недовольный, зять опять направилъ жену съ новыми требованіями, Гаврила Михайловичъ сказалъ ей: «матушка! у меня есть другая дочь, а у тебя сестра, скажи мужу». И мужъ за этотъ отвѣтъ избилъ жену и, въ отмщеніе тестю, прервалъ съ нимъ всё сношенія и запретилъ дочери Гаврилы Михайловича видѣться съ отцомъ и съ сестрою, на двадцать верстъ ближе не подъѣзжать къ отцовскому дому. И проходилъ третій годъ, какъ дочь не видала отца, Гаврила Михайловичъ не видѣлъ лица любимой дочери! У него родились и умирали внуки, и дѣдъ ни одного не благословилъ изъ нихъ; ни однимъ ему не дали порадоваться, онъ почти не зналъ, какъ зовутъ ихъ. Близорукіе сосѣди и гости, видя, какъ скрѣпился могучій старикъ, и не слыша отъ него ни пеней, ни жалобъ на зятя, ни даже имени дочери, чтобъ онъ часто поминалъ его, эти близорукіе судьи рѣшили, что зять таково прогнѣвалъ Гаврилу Михайловича, что онъ, батюшка, и отъ дочери со всѣмъ отступился, какъ есть, то-есть избылъ ее изъ памяти вонъ. А между тѣмъ какъ болѣло о ней отцовское сердце, и какъ память этой, повидимому забытой дочери, жива была въ глубокомъ нѣдрѣ родительскаго чувства Гаврилы Михайловича, это можно было видѣть теперь, когда старикъ, опуствя руки и съ наклоненною головою, сидѣлъ передъ своими гостями, и слезы у него капали на черепки разбитой тарелки, лежавшіе на его колѣняхъ.

—Не отдамъ, шепталъ онъ, съ каждымъ слогомъ произносимыхъ далѣе словъ выявляя все больше и больше несокрушимой силы.—Покаралъ меня Господь Богъ на одной дочери, не отдамъ другую! Пусть она себѣ дѣвкой свѣкуеть у отца: и

уже ни одинъ смердовъ сынъ не будетъ больше величаться да наругаться надъ моею дочерью! Слышишь, Марка Петровичъ?

— Слышу. Коли, значить, отъ одной падали смердь пошла, ужь-ли и соколу не клевать свѣжаго мяса?

— Ключи себѣ, Марка Петровичъ, да не у моего гнѣзда. Я самъ съ клевомя.

— А я молодець съ летомя, сказалъ Марка Петровичъ.— Коли вы не отдаете, Гаврила Михайловичъ, такъ я украду.

— Что?.. будто съ улыбкою остановилъ глаза Гаврила Михайловичъ на Маркѣ Петровичѣ.

— Я украду, Анну Гавриловну, вотъ что! рѣшительно проговорилъ тотъ.

— Молодецъ! сложилъ на груди руки Гаврила Михайловичъ.— А послѣ что?

— А послѣ ничего.

— Такъ я милости вашей покажу, что... Сила! крикнулъ Гаврила Михайловичъ такимъ голосомъ, какъ бы его Комариная Сила находился за полверсты; а онъ стоялъ за самымъ его стуломъ.— Сюда! показалъ головою Гаврила Михайловичъ, что онъ хочетъ говорить на ухо и пошепталъ что-то Комариной Силѣ. Тотъ выслушавши, быстро отошелъ; а Гаврила Михайловичъ взглядомъ подозвалъ къ себѣ запѣвала изъ ряда пѣсельниковъ и тому сказалъ что-то на ухо. Такъ вотъ, сударь мой, Маркѣ Петровичъ, попытка не шутка, а спросъ не бѣда! говорилъ повеселѣвшій Гаврила Михайловичъ. И Марка Петровичъ тоже очень веселъ сталъ.

— Смѣлость города беретъ, молвилъ онъ.

— И кандалы третъ, домолвилъ Гаврила Михайловичъ.

Комариная Сила показался передъ гостями. Въ обѣихъ рукахъ онъ несъ большой серебряный подносъ, на которомъ стояла серебряная золоченая стопа, видимо не пустая, а съ медомъ или виномъ; а далѣе ея, на подносѣ, лежало что-то покрытое бѣлою салфеткой. Когда Комариная Сила приблизился, хоръ пѣсельниковъ грянулъ извѣстную застольную пѣсню:

Чара моя
Серебряная,
На золотомъ блюдѣ
Поставленная!
Кому чару пить?
Кому выпивать?
Пить чару Марку-свѣтъ,
Пить Петровичу...

Комариная Сила сталъ передъ Маркомъ Петровичемъ и въ то время, какъ онъ подносилъ ему серебряную чару, другой лакей сдернулъ салфетку и, вмѣстѣ съ чарою, на подносѣ открылся связанный пукъ розогъ! А хоръ пѣсельниковъ, заливаясь, твердилъ:

На здоровье,
 На здоровье —
 На здоровьеце ему!
 Чтобъ головушка не болѣла,
 А сердечушко не щемѣло.

Защемѣло ли сердечушко у Марка Петровича? Но онъ всталъ, взявъ съ подноса серебряную стопу въ руки, поклонился на обѣ стороны хозяину и хозяйкѣ, какъ того требовалъ долгъ, и Марка Петровичъ молодецки осушилъ стопу; а остатокъ ея плеснулъ на тотъ связанный пукъ.

— Посла не бьютъ не казнятъ—лаской жалуютъ, сказалъ Марка Петровичъ, ставя стопу на подносъ и бросая Комариной Силѣ три или четыре золотыхъ.—Спасибо вамъ, ребята, за величанье! обратился онъ къ пѣсельникамъ и, опустя руку въ одинъ карманъ и въ другой, Марка Петровичъ дважды сыпнулъ пѣсельникамъ чистымъ золотомъ.

— Теперъ милость вашу, ласковый хозяинъ, благодаримъ на сладкомъ медѣ да на привѣтливомъ словѣ, сказалъ Марка Петровичъ.

— Просимъ не погнѣваться, отвѣчалъ Гаврила Михайловичъ.—Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады; только въ другой разъ ужъ извините, батюшка, подчивать васъ будетъ не Комариная Сила.

— Хоть самъ чертъ! тихонько сказалъ Марка Петровичъ...—Извините, Анна Гавриловна! а я васъ украду, громко подтвердилъ онъ. Съ тѣмъ словомъ Марка Петровичъ всталъ изъ-за стола, сѣлъ въ свою половинчатую коляску и уѣхалъ.

— Вотъ не было печали, такъ черти накачали! говорилъ Гаврила Михайловичъ, приступая, нельзя сказать, чтобы безъ нѣкотораго удовольствія, къ приведенію въ исполненіе мѣръ необходимой предосторожности вслѣдствіе объявленнаго замысла Марка Петровича. «Держи Анну, какъ соловья въ клѣткѣ», и Гаврила Михайловичъ приказалъ вставить зимнія двойныя рамы въ комнаты Анны Гавриловны и даже въ гостиную. Тѣмъ строгимъ, неизмѣннымъ словомъ, котораго послушаться не было можно, онъ повелѣлъ держать караулъ съ вечера до бѣла свѣта по двору, у околицы; вокругъ всего дома ходить до-

зору, и чтобы птица не перелетѣла и мышь не выбѣжала изъ дому! Но принимая мѣры внѣшней охраны, Гаврила Михайловичъ хорошо понималъ, что при томъ внутреннемъ содомѣ, который постоянно праздновался у него, не было ничего легче, какъ среди бѣлаго дня взять за руку Анну Гавриловну и, подъ шумокъ, увести ее. Крѣпко не хотѣлось старику и постѣснить дочь, и показать Марку Петровичу, что вотъ онъ таково напугалъ своимъ молодецкимъ словомъ, что-молъ Гаврила Михайловичъ свѣта отступился, людей открестился, монастырь-отъ у себя во двору завелъ, и служки по ночамъ ходятъ, въ било бьютъ... Крѣпко не хотѣлось старику; но дѣлать было нечего. «Съ Маркомъ шутить нельзя», качалъ головою онъ. И Гаврила Михайловичъ потребовалъ къ себѣ отцовъ тѣхъ подругъ Анны Гавриловны, которыя почти постоянно гостили или жили у нея.

— Ну, судари вы мои! сказалъ онъ: не безызвѣстно вамъ, чѣмъ на ширу похвалялся тотъ названный воръ, Марка Петровичъ? Хоть я его похвалю въ алтынъ не чту; но береженаго и Богъ бережетъ. Дочки ваши пососѣдски живутъ съ Анной Гавриловною. Она пьетъ, ѣстъ, встаетъ и ложится съ ними; думка у нихъ дѣвичья одна... Такъ вотъ, судари мои! поминаючи мою хлѣбъ-соль и ласку, вы мнѣ отвѣчаете за вашихъ дочерей, коли какая-либо изъ нихъ вздумаетъ услугою подслужиться Марку Петровичу.

— Батюшка, Гаврила Михайловичъ! подняли руки отцы, и только-что не становились наколѣни передъ Гаврилою Михайловичемъ. — Не вскладывай на насъ бѣды такой! почти въ одинъ голосъ говорили они.—Статочное ли дѣло, чтобъ отцу ручаться и отвѣчать, что на умѣ его взрослой дѣвки? Скорѣй можно чѣмъ хочешь по водѣ писать.

— Извѣстное дѣло: гдѣ чертъ не сможетъ, тамъ баба поможетъ, говорилъ одинъ изъ отцовъ.—Онѣ, батюшка, Гаврила Михайловичъ, всѣ разомъ готовы выскочить за Марка Петровича; а то, чтобъ онѣ любимицу свою, Анну Гавриловну, да онѣ ее руками выдадутъ! Это такой народъ. Одна моя быстроглазая этимъ дѣломъ какъ разъ смекнетъ.

— Коли оно такъ, сказалъ Гаврила Михайловичъ:—берите ихъ всѣхъ по домамъ.

И Анна Гавриловна осталась одна. Гаврила Михайловичъ потребовалъ къ себѣ няню.

— Ты слышала, старая Емельяниха? сказалъ онъ.

— Слышала, батюшка Гаврила Михайловичъ, грѣхъ такой.

— Смотри въ оба, чтобъ у меня было безъ грѣха! Возьми Настю Подбритую къ себѣ. Она баба крѣпкая, смотрѣть будетъ, да чтобъ и всѣ смотрѣли! Праваго и виноватаго, всѣхъ овиню.

Принявши такія мѣры предосторожности, Гаврила Михайловичъ могъ быть довольно покойнымъ. Но бѣдная Анна Гавриловна свѣта не взвидѣла. Остаться одной безъ шума, безъ веселья, безъ пѣсенъ, безъ ея милыхъ подругъ съ Подбритою Настей, которая не давала ей шагу ступить безъ себя, и спала поперекъ дверей комнаты Анны Гавриловны. Если Анна Гавриловна выпрашивала себѣ черезъ няню позволеніе идти въ садъ погулять, ее сопровождала цѣлая гурьба дѣвокъ, которыя не спускали съ нея глазъ, заглядывали во всякій кустикъ и, кажется, въ травѣ-то искали Марка Петровича, словно иголку. Всякій разъ, когда Анна Гавриловна думала пройти нѣсколько далѣе, заглянуть въ рощу, Настя Подбритая падала ницъ передъ нею на дорогѣ и вопила, что развѣ, наступивши на нее, пройдетъ сударыня Анна Гавриловна! Пусть она раздавить ее своею ножкою сахарною; а поколева жива Настя Подбритая, не сойдетъ она, не встанетъ, не подвинется съ мѣста того по приказу батюшки Гаврилы Михайловича! Анна Гавриловна, разсерженная, возвращалась въ домъ; давала себѣ зарокъ надолго не проситься въ садъ и назавтра же просилась опять. И Анна Гавриловна была бы не живой человѣкъ съ плотью и кровью, еслибъ она не возненавидѣла Нasti Подбритой. И не была бы женщиной Анна Гавриловна, еслибъ она всѣми силами души не желала, чтобъ ее украсть Марка Петровичъ; хотя бы потому только, чтобы насолить Подбритой, чтобы та со всѣми ея приглядками съѣла, какъ ракъ на мели! Но сидѣть-то на мели приходилось не Настѣ, а самой Аннѣ Гавриловнѣ.

Какъ ни долго шель, а уже мѣсяцъ прошелъ заключенію. Уже минула и половина втораго; уже и третій мѣсяцъ наступилъ и прошелъ, и лѣтнія ночи стали уже замѣтно длиннѣе и холодѣть; а Анна Гавриловна ждала и все напрасно ждала, что именно вотъ этою-то ночью и украдетъ ее Марка Петровичъ. Но эта желанная ночь все была впереди и не приходила. Тщетно Анна Гавриловна гадала на четъ и нечетъ, и держала у себя бобы подъ подушкой, чтобы ночью раскидывать свою думку на бобахъ. Думка была все одна и та же, а бобы сказывали розно: выходило то хорошо, то дурно. Спать не спала Анна Гаври-

ловна, и подь шелковымъ пологомъ вспоминался ей Змѣй Горынычъ и Вихорь Вихорычъ, которые уносили Настасью премудрую и Елену прекрасную, и Анна Гавриловна совсѣмъ чаяла засыпать на той самой кровати хрустальной, по бокамъ которой сидѣли-ворковали голуби и говорили: «полетимъ, полетимъ! понесемъ, понесемъ нашу царевну прекрасную!» Но никто не уносилъ Анну Гавриловну: ни сизые воркующіе голуби, ни Змѣй Горынычъ, ни Вихорь Вихорычъ, ни даже Марка Петровичъ. . . Кажись бы, совсѣмъ изныла въ своей тоскѣ-одиночествѣ Анна Гавриловна,

Тебя мой другъ дожидаячи,
Свое горе проклинаячи,

еслибы Аннѣ Гавриловнѣ не помогаль коротать ея горе тотъ же самый кругъ хозяйственныхъ заботъ, который не думаль покидать ее въ заключеніи. Плоды въ саду окончательно дозрѣвали. Надобно было сушить и солить, въ прокъ откладывать и варенье тоже варить. И хотя Анна Гавриловна два таза совсѣмъ испортила варенья; но прохлопотавъ въ саду почти цѣлый день, перебравъ съ Настей Подбритою болѣе тысячи яблокъ, Анна Гавриловна скорѣе и крѣпче засыпала, и сонъ ей снился веселый.

— Няня! а вѣдь я сегодня видѣла, что меня Марка Петровичъ совсѣмъ укралъ! краснѣла и улыбалась Анна Гавриловна.

— Христось съ тобой, моя утенушка! качала головою няня.— Куда ночь, туда и сонъ. А ты Богу молись и батюшку не гнѣви. Знаешь, кто на землѣ чудеса творить? Тотъ, Кто высоко сидитъ, изъ-подъ солнца глядитъ. . . Умывайся, моя утенушка! Анна Гавриловна умывалась; а солнце глядѣло ей въ серебряный тазъ и серебряный рукомойникъ съ непочатою водою, и въ умѣ Анны Гавриловны, невнятно, какъ отголосокъ далеко слышимаго пѣнія, проносились слова:

На что бѣло умываться,
Когда не съ кѣмъ цѣловаться?
На что хорошо ходить,
Когда некого любить?

Наконецъ Анна Гавриловна, собственноручно съ дѣвушками обобрала послѣднія румяныя яблоки на саду; наступилъ сентябрь.

О Маркѣ Петровичѣ ни слуху, ни духу не было. Хотя бы

онъ ради того слова, какимъ похвалялся на пиру, отвѣдочку малую, какую оказалъ, хоть не сдѣлалъ, да попробовалъ! Нѣтъ даже и не пробовалъ. Пропалъ безъ вѣсти, и черти его бурные, пропали съ нимъ, и домъ, окна и двери заколочены, стоитъ; даже тропки по двору заросли травой. «Поминай, какъ звали нашего Марка Петровича! говорили сосѣди. Дать маху молодцу. Видно, зеленая закуска не по вкусу пришлась. И слово сказалъ, да отъ дѣла бѣжалъ.» Гаврила Михайловичъ недовѣрчиво качалъ головою. «Знаю я Марка, говорилъ онъ, онъ не побѣжить. Ему хоть и лозана отвѣдать; а уже онъ не заспитъ и не задумаетъ этого дѣла.» И Гаврила Михайловичъ даже къ церкви не пускалъ Анну Гавриловну и, какъ мы видѣли, ни мало не послаблялъ мѣрь принятой предосторожности. Но наконецъ четыре мѣсяца прошло и, какъ говорится, ни одна дворяшка не таякнула на Марка Петровича, ни даже на тѣнь его. Гаврила Михайловичъ внутренно началъ немного колебаться; но наружу онъ не выдавалъ того. Сентябрь шелъ своимъ чередомъ, и домъ Гаврилы Михайловича все также хмурился и смотрѣлъ сентябремъ. Начались по сосѣдству охоты.

— Батюшка, Гаврила Михайловичъ! наѣзжали изъ поля охотники и говорили: — что дѣлать изволите? Богъ волюшку и погодушку далъ. Душу на просторъ вывелъ.

— Хорошо вамъ, что на просторъ, отвѣчалъ шутливо Гаврила Михайловичъ, — а я вотъ въ тѣснотѣ сижу; своего краснаго звѣря берегу.

— Да что это вамъ, батюшка, снится? говорилъ одинъ изъ любимыхъ собесѣдниковъ Гаврилы Михайловича. — Сболтнулъ молодецъ на пиру: въ головкѣ шумѣло; а вы Богъ вѣсть какую напасть вывели. Сами вы сидите, не въ обиду сказать вашей чести, какъ жучка на привязи и голубушку Анну Гавриловну въ тенета загнали.

— А языкъ-то тебѣ не привязали? спросилъ Гаврила Михайловичъ. — Вотъ то-то и есть, что *сболтнулъ*, говорилъ онъ. — Да Марка-то болтаетъ не по нашему съ тобой: не на вѣтеръ лаетъ. У него и батюшка былъ таковъ: что спяну сказалъ, то тверезый исполнить.

— Такъ ищите же вы *Марка по неклу!* отвѣчалъ собесѣдникъ малороссійскою поговоркой. — Вы его теперь, батюшка, и съ борзыми не отыщете.

— Да Марка и не надо искать. Онъ самъ найдется, коли на что пойдетъ....

Но Гаврила Михайловичъ болѣе говорилъ, нежели самъ вѣрилъ своимъ словамъ; по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, чтобы рѣшиться выѣхать на охоту, онъ считалъ это дѣломъ крайне опаснымъ. Вовсе нѣтъ. Гаврила Михайловичъ зналъ хорошо, что онъ можетъ выѣхать и можетъ приказать, чтобы оно было такъ, какъ при немъ было, и оно непременно будетъ. Но Гаврила Михайловичъ сидѣлъ и не выѣзжалъ по завѣтнымъ преданьямъ своей «знатной» охоты. Выѣхать въ поле до Покрова, у Гаврила Михайловича послѣдній доважачій считалъ это дѣломъ позорнымъ: ерышковъ ловить да матераго звѣря губить! И Гаврила Михайловичъ таковыхъ охотниковъ величалъ не охотниками, а *кошкодавами*.

— Вамъ бы, господа, только кошекъ давить, говорилъ онъ. — По листопаду взрыскались на охоту съ Сѣмина дня! Звѣрь не выцвѣлъ, не вылинялъ; еще по немъ ость не пошла, холодъ не уматерилъ его... И что то за звѣрь, хоть бы какой русакъ, коли онъ разъ, другой не отряхнулся въ молодомъ снѣжку? Лисица хвостомъ пороши не помела; а объ волкъ и помолвка нейдетъ! махалъ рукою Гаврила Михайловичъ. И можно судить, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ Покрова и особенно теперь, когда Гаврила Михайловичъ засидѣлся на привязи, какъ говорилъ его собесѣдникъ, и когда время удивительно благопріятствовало его охотничьимъ повѣрьямъ. Лисица уже съ недѣлю и больше того, какъ пушистымъ хвостомъ порошу помела, и заяцъ могъ не однажды отряхнуться въ молодомъ снѣжку. И здѣсь еще надобно замѣтить, что Покровъ былъ вдвойнѣ великимъ днемъ и большимъ праздникомъ для Гаврилы Михайловича. Это былъ главный престольный праздникъ его церкви, и уже отпраздновавши праздникъ, Гаврила Михайловичъ обыкновенно на другой день поднимался и недѣли на три, всѣмъ огуломъ, съѣзжалъ въ отъѣзжее поле. Но на этотъ разъ нетерпѣніе Гаврилы Михайловича было до того велико, что онъ рѣшилъ послѣ обѣдни и обѣда, на самый праздникъ, выѣхать этакъ немножко поразмять собаку. Гости тоже съ вечера начали понемножку съѣзжаться, преимущественно охотники. О томъ, какова будетъ погода для праздника, они не думали; но что охота должна была быть отличною, много толковали.

— Сударь мой, Гаврила Михайловичъ! говорилъ собесѣдникъ, прѣхавшій послѣднимъ изъ гостей. — На дворѣ, батюшка, рай земной. Мжица мжить; передъ носомъ пальца своего не ви-

дать, и вѣтеръ только не тѣкаетъ, а то, какъ пѣсть удамой, на всѣ вои воетъ.

— Хорошо, говорилъ Гаврила Михайловичъ.—Повидимъ, что завтра будетъ. Но при этихъ ожиданьяхъ и разговорахъ, Гаврила Михайловичъ не могъ забыть того, что завтра престольный праздникъ, и не быть Аннѣ Гавриловнѣ у заутрени, этого нельзя. Гаврила Михайловичъ, хотя поздно вечеромъ, а послалъ сказать Аннѣ Гавриловнѣ, что она должна быть.

Няня Анны Гавриловны, почти съ недѣлю лежала больна, распаривала свои старыя кости на горячей лежанкѣ, и приказъ Гаврилы Михайловича приняла въ свое вѣдѣніе Настя Подбритая. Ранехонько Анна Гавриловна поднялась и начала снаряжаться къ заутренѣ. Чуть перезвонили во всѣ колокола, она уже была готова: Зеленая бархатная шапочка съ напускными ушками и съ розовою лентой у подбородка, греческая шубка съ перехватомъ на золотыхъ застежкахъ, крытая бѣлымъ атласомъ и опущенная чернымъ соболемъ, — просто, красавицею въ красавицъ дѣлали Анну Гавриловну. Гаврила Михайловичъ съ своими гостями уже поспѣшилъ въ церковь; а Анна Гавриловна топала ножкой въ нетерпѣніи, дожидаясь послѣднихъ распоряженій Подбритой Насти: кому идти впереди съ фонаремъ дорогу свѣтить, кому по бокамъ шествовать, подъ ручки вести Анну Гавриловну (это Настя оставляла себѣ и другой такой же если не бритой, то Мазаной Софьѣ); кому наконецъ оберегать сзади греческую шубку и приподнимать длинное платье Анны Гавриловны. Лакей долженъ былъ замыкать шествіе, какъ и открывать его съ фонаремъ въ рукѣ. Наконецъ шествіе появилось на крыльцѣ. Церковь прямо въ глазахъ ярко горѣла своими огнями, и шумъ отъ прибывающаго народа разливался на подобіе глухаго шума, въ полноводѣ, выступающей изъ береговъ рѣки. На всѣ престольныя праздники у Гаврилы Михайловича кормили и угощали приходящій народъ, и народу приходило видимо-невидимо. Живо перешла Анна Гавриловна небольшое пространство отъ крыльца до своей барской калитки въ церковную ограду. Но за оградой толпа народа была страшная. Отъ сильнаго вѣтра боковыя двери были заперты, и весь народъ смурою тѣснящеюся волною приступомъ бралъ одни растворенныя западныя врата. «Подайся, пусти, разступись!» не замолкала передовой лакей, свѣтя фонаремъ и расталкивая народъ во всѣ стороны. Настя ему усердно помогала, и шествіе счастливо поднялось до третьей ступени крыльца.

Здѣсь что-то случилось съ заднимъ лакеемъ. Онъ поскользнулся или споткнулся на чью-то ногу и полетѣлъ внизъ, т.-е. упасть за народомъ онъ не могъ; но его отшатнуло, отбросило назадъ, и прикрывать шествія онъ уже болѣе не могъ. Волна народа залила, закрыла и стѣной дюжихъ, неподатливыхъ мужиковъ заступила шествіе Анны Гавриловны. Скоро послышался пискъ оберегательницы греческой шубки и хранительницы коротенькаго шлейфа Анны Гавриловны. Анна выпустила его изъ рукъ и сама, затертая и замаятая, осталась назади. Съ тѣмъ вмѣстѣ толпа вышибла фонарь изъ рукъ передоваго лакея; но онъ и не нуженъ былъ болѣе. Волны исходящаго изъ церкви свѣта уже освѣщали Анну Гавриловну. Она стояла на площадкѣ крыльца передъ распахнутыми дверями и, немножко оправляясь и крестясь, готовилась вступить въ самую церковь. И она вступила. Здѣсь народъ (безъ сомнѣнія вида, кто идетъ), всѣми мѣрами тѣснясь и разступаясь, давалъ дорогу лакею и идущей за нимъ Аннѣ Гавриловнѣ. Но съ перваго шага толпа смурыхъ мужиковъ не думала оказывать той же чести ни Софьѣ Мазаной, ни Настѣ Подбритой. Эти охреяны тѣснились и напирали съ такою силою, что Настя, волею и неволею, выпустила руку Анны Гавриловны и оборотилась, чтобы свободными локтями постоять за себя.... Въ ту жъ минуту Софью Мазаную какъ будто что отдернуло въ сторону.... Лакей оглянулся и не увидѣлъ болѣе Анны Гавриловны! Бя не стало.... «Ахъ, ахъ!... Ахъ, батюшки! ахъ, родные мои!...» металась въ толпѣ Настя Подбритая, не видя ни за собою, ни передъ собою Анны Гавриловны, ни бѣлой атласной шубки ея. На Анну Гавриловну мгновенно накинули мужицкій сѣремяжный кафтанъ; толпа такихъ же сѣрыхъ мужиковъ окружила ее и одинъ изъ нихъ, торопливо опуская ей на голову простую мужицкую шапку, шепталъ на ухо Аннѣ Гавриловнѣ: «Ахъ, моя желанная! на силу-то я дождался такого часу....» Въ ту жъ минуту Анну Гавриловну вывели изъ дверей церкви.

Между тѣмъ лакей, также быстро ища глазами кругомъ и не встрѣчая Анны Гавриловны, прорвался къ Настѣ Подбритой. «Гдѣ барышня?» глядѣлъ онъ какъ безумный, видя передъ собою однихъ сѣрыхъ мужиковъ. И вдругъ вопль пронесся по церкви: «украли Анну Гавриловну!» Гаврила Михайловичъ услышалъ крикъ, но это было далеко отъ него, и онъ не могъ разобрать словъ; пока гуломъ шепчущей толпы дошло до него и въ самомъ алтарѣ повторилось слово: «Анну Гавриловну украли!»

Служба почти приостановилась. Гаврила Михайловичъ рванулся въ боковыя двери; но онъ не зналъ и не видѣлъ ничего и опять воротился въ церковь. «Гдѣ украли? какъ украли?» бросился онъ въ середину толпы, не видя лицъ, не замѣчая никого. Настя Подбритая ухватилась ему за руку.

— Батюшка, Гаврила Михайловичъ! здѣсь, здѣсь! на этомъ самомъ мѣстѣ съ глазъ украли ее!

— Гаврила Михайловичъ, какъ щепку, отряхнулъ Настю съ рукава, повидимому, не узнавая, кто она, и былъ уже на крыльцѣ, въ оградѣ, среди своего широкаго двора Гаврила Михайловичъ.

— Розогъ! прежде нежели закричать лошадей! крикнулъ, Гаврила Михайловичъ, и самыя лошади въ стойлахъ затопотали отъ этого крика.—Пуки розогъ со мной! лошадей, лошадей, повторилъ онъ. И десятки ихъ, дрожа на уздахъ и поводахъ, подъ сѣдлами и безъ сѣделъ, высыпали на дворъ. И прежде, чѣмъ Гаврила Михайловичъ успѣлъ машинально надѣть шапку, поданную ему Комариною Силой, и которую онъ совершенно позабылъ въ церкви, тройка лошадей съ тележкой подкатила къ Гаврилѣ Михайловичу. Но здѣсь Гаврила Михайловичъ приостановился. Куда въ догоню гнать? Вору одна дорога, а сыщику ихъ десять. Никто изъ окружающихъ Гаврилы Михайловича не зналъ, не видалъ и, что называется, духомъ не чуялъ! И къ тому еще на дворѣ рай земной. Мжица мжить и морозить, передъ носомъ пальца своего не видать и мало того, что вѣтеръ на всѣ вои воетъ, къ тому еще пономарь, въ общемъ смятеніи, вскочилъ на колокольню и, что есть силы, билъ и трезвонилъ въ колокола, какъ на пожаръ. Народъ, почитай какъ улей разбитыхъ пчелъ, сыпалъ во всѣ стороны; шумѣлъ, толкался куда зря. Ни дознать чего-либо, ни доспроситься: какъ? куда? не видалъ ли кто? ничего было нельзя.

— На плотину! крикнулъ Гаврила Михайловичъ и понесся туда.

Проскакавъ плотину, онъ велѣлъ приостановить лошадей и подождалъ, пока другія тройки и охотники его верхами съ пугами розогъ въ торокахъ окружили Гаврилу Михайловича. Собесѣдникъ его и двое-трое изъ гостей были также между ними. Гаврила Михайловичъ быстро, сообразительно роздалъ свои распоряженія. Хотя нельзя было ожидать, чтобы воръ осмѣлился къ бѣлому дню прямо въ свое логовище тащить добычу; но какъ этотъ воръ былъ Марка Петровичъ, то можно было полагать, что онъ, разчитывая на это самое, что нельзя

же предположить, чтобъ онъ увезъ Анну Гавриловну прямо къ себѣ и держалъ ее въ десяти верстахъ отъ отца, именно то и повезетъ ее туда. Гаврила Михайловичъ отрядилъ чело-вѣкъ десять верховыхъ скакать полями и ярами на переемъ той прямой дорогѣ, по которой одной могъ ѣхать Марка Петровичъ, засѣсть въ извѣстномъ лѣску и дѣлать, что Богъ укажетъ, только взять руками и не выпускать вора.

— Ребята! сказалъ Гаврила Михайловичъ: — слышишь мое барское слово: по сту рублей каждому и по синему кафтану всѣмъ. Съ Богомъ! во всѣ стороны.

Самъ Гаврила Михайловичъ поскакалъ съ плотины прямо въ гору. Его неотступный Комариная Сила торчалъ на облучкѣ, и чело-вѣкъ пятнадцать лучшихъ охотниковъ неслись при Гаврилѣ Михайловичѣ. Другія тройки онъ направилъ по дорогѣ къ селенію, гдѣ былъ заштатный попъ, извѣст-ный на сто верстъ кругомъ тѣмъ, что онъ вѣнчалъ встрѣч-наго и поперечнаго, и при томъ также мало соображаясь со временемъ, узаконеннымъ церковью.

Но самого Гаврилу Михайловича какъ что-то тянуло по этой прямой дорогѣ въ гору. Просновавъ верстъ десять полями, дорожка эта выбѣгала на большую проѣзжую дорогу, и тамъ вольно было кинуться или налѣво къ городу, или направо по дорогѣ къ матушкѣ сестрицѣ-генеральшѣ. А Гаврила Михай-ловичъ не безъ вѣроятностей могъ предполагать, что, укравши, Марка Петровичъ наостритъ лыжи къ тетушкѣ генеральшѣ, какъ къ своей свахѣ, и что та, на радостяхъ, только бы учи-нить сопротивное батюшкѣ братцу, повелитъ мигомъ обвѣн-чать ихъ своему попу. И Гаврила Михайловичъ, вставъ на ко-лѣни и выхвативъ кнутъ у своего кучера, самъ во всю руку погонялъ лошадей. Начинало свѣтать, когда они прискакали на большую дорогу.

— Эй, вы, хохлы безмозглые! крикнулъ Гаврила Михайло-вичъ, увидя поднимающійся съ ночлега воловій обозъ. — Не ви-дали вы, чтобъ проскакалъ кто мимо?

Хохлы, самимъ дѣломъ отвѣчая на свое названіе «безмозг-лыхъ», даже слова не сказали, а только махнули рукой, показы-вая къ сторонѣ тетушки генеральши. И когда всѣ глаза устреми-лись туда, и лошади съ новою силой ринулись впередъ, даже старый, нѣсколько притупленный, взоръ Гаврилы Михайловича скоро замѣтилъ во мглѣ сѣрѣющаго разсвѣта какой-то черный отдѣляющійся предметъ.

— Пошелъ! пошелъ! крикнулъ Гаврила Михайловичъ, погоня еще довольно свѣжихъ, неусталыхъ лошадей. Охотники его сыпнули, какъ мухи, и понеслись вскачь. Но и тотъ предметъ не стоялъ на мѣстѣ. Онъ уходилъ съ такою же быстротою, съ какою Гаврила Михайловичъ хотѣлъ настичь его. Вѣтеръ, было притихшій немного къ разсвѣту, началъ проноситься сильными порывами. Однимъ изъ этихъ порывовъ вѣтеръ рванулъ ползучую массу сѣраго тумана; она за клубилась и потянула вверхъ. Вся дорога, какъ слитая, сверкнула изморозью подъ низкимъ лучомъ восходящаго солнца, и чьи глаза, видѣвшіе хотя однажды, не узнали бы на этой дорогѣ несущуюся половинчатую коляску Марка Петровича и отлетныхъ бурыхъ, разметавшихъ по вѣтру гривы, какъ крылья?

— Розги, повидимому совершенно спокойно проговорилъ Гаврила Михайловичъ и тронулъ ихъ рукою. Ему не нужно было кричать и понуждать. То, что явилось открыто передъ глазами всѣхъ, воодушевило не только людей, но кажется, самихъ лошадей. Погоня ринулась со всѣмъ пыломъ погони, наступающей врага. Половинчатая коляска все больше и больше высклалась. Кажется, можно было уловить мелкій раздробленный блескъ безчисленнаго множества сіяющихъ мѣдныхъ гвоздиковъ, которыми коляска была усыпана для красоты и прочности.

— Ребята! закричалъ Гаврила Михайловичъ и остановился, не кончивъ. Онъ, повидимому, хотѣлъ указать на эту близость коляски, что-нибудь окончательное повелѣтъ въ отношеніе ея, но въ то самое мгновеніе, когда онъ бросилъ въ воздухъ мощные звуки своего *ребятамъ*, половинчатая коляска встрепенулась, какъ птица, ринулась впередъ и мгновенно сокрыла блескъ своихъ гвоздиковъ и почти видъ самой себя. Изумленіе, горе обманувшагося ожиданія было общее.— Не отставай, впередъ! замахалъ шапкою Гаврила Михайловичъ. Но сказать это было легче, нежели исполнить. Лошади уже начинали приставать. Ихъ замысленные бока часто и тяжело подымались; пѣна, клубомъ набившаяся у рта, падала шматками по дорогѣ, а дорога подтаявала и становилась, что дальше, то тяжеле. Между тѣмъ коляска, пронесшись верстъ пять и почти исчезнувши изъ вида, опять начинала показываться. Она ѣхала почти шагомъ.— Пошелъ! крикнулъ Гаврила Михайловичъ, и у коренной лошади, на бѣлую пѣну у рта, кровь брызнула изъ ноздрей. Коляска дала себя настичь еще ближе прежняго; но она опять рванулась впередъ и понеслась на своихъ могучихъ коняхъ.

—Онъ дразнить меня! проговорилъ Гаврила Михайловичъ, и гнѣвъ у него загорѣлся и задрожалъ, какъ полымя, въ глазахъ. —Пошелъ, пошелъ! кричалъ внѣ себя распаленный старикъ. Лошади, собравшись съ послѣдними силами, рванулись и вдругъ стали какъ вкопаныя. Гаврила Михайловичъ во весь ростъ поднялся на своей телѣжкѣ и стоялъ въ изумленіи, едва вѣря своимъ глазамъ. Коляска Марка Петровича поворотила назадъ и неслась прямо на Гаврилу Михайловича. —Стой, стой! повторялъ тотъ, хотя и безъ того всѣ стояли въ удивленіи и не двигались съ мѣста. — Черти! шепталъ Гаврила Михайловичъ, всѣми силами души глядя, какимъ мощнымъ махомъ шла коляска. У пристяжныхъ гривы стлались по землѣ, и густая грязь шапками летѣла изъ-подъ копытъ. Приближаясь, кучеръ видимо сдерживалъ бурныхъ коней. Ихъ могучее порсканье и бряцанье не натянутыхъ серебряныхъ цѣпей долетали до слуха; коляска вотъ-вотъ должна была остановиться. Она поравнялась съ Гаврилой Михайловичемъ, обѣ полы ея боковыхъ фартуковъ были отстегнуты и въ ней никого не было. Въ коляскѣ не было никого, ни одной души! Охотники Гаврилы Михайловича бросились подъ передъ, чтобы задержать коляску, но это былъ напрасный трудъ. Страшно было видѣть, какъ кучеръ поднялъ всю четверню бурныхъ на дыбы, и они ринулись. По невольному движенію, кучеръ Гаврилы Михайловича вскочилъ и пустилъ за коляскою своихъ добрыхъ, вздохнувшихъ лошадей.

— Какого черта? осадилъ его за воротъ Гаврила Михайловичъ. —Стой!

И въ самомъ дѣлѣ надобно было постоять и раздумать, что это могло значить? Лошади и коляска здѣсь, гдѣ же онъ самъ? Гаврила Михайловичъ отрядилъ трехъ охотниковъ слѣдить за коляскою и провожать ее, куда она поѣдетъ. Самъ онъ слишкомъ много времени убилъ на преслѣдованіе, отскакалъ отъ дома на тридцать верстъ и возвращаться назадъ, оставить пунктъ матушки сестрицы-генеральши не обследованнымъ, нѣтъ! Гаврила Михайловичъ принялъ коляску и лошадей за отводъ Марка: что онъ именно ѣдетъ этою дорогою, но чтобы отвести глаза Гаврилѣ Михайловичу, оставилъ коляску и своихъ бурныхъ назади въ томъ чаяніи, что когда увидятъ, какъ половинчатая коляска ѣхала, ѣхала и пустая назадъ поѣхала, не поѣдутъ больше этою дорогою.

— Пошелъ! крикнулъ Гаврила Михайловичъ, и лошади, довольно отдохнувшія, помчались крупною рысью.

Какъ разъ на половинѣ пути къ сестрицѣ-генеральшѣ, жилъ хорошій знакомый Гаврилы Михайловича. Велико было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ подъ крыльцомъ у себя остановившуюся загрязненную телѣжку, на тройкѣ загнанныхъ лошадей, въ этой телѣжкѣ кого же?—Гаврилу Михайловича.

— Съ нами крестная сила! батюшка Гаврила Михайловичъ! что съ вами? выскочилъ онъ на крыльцо.

— Давай лошадей. Марка дочь укралъ.

— Марка Петровичъ? спрашивалъ знакомый.

— Онъ, собака. Лошадей.

— Сейчасъ, батюшка, родной мой! звалъ людей и суетился знакомый.—Вѣдь это вы значить съ до свѣта? Что жъ вы это сидите? Выйдите, пока лошадей запрягутъ. У меня объденный столъ идетъ, Гаврила Михайловичъ! милости просимъ.

— Не надо. Лошадей, братъ, лошадей! повторялъ Гаврила Михайловичъ.

— Лошади лошадьми, да вотъ люди! показывалъ знакомый на кучера и охотниковъ, провожавшихъ по двору лошадей.—Вѣдь имъ надобно по куску съѣсть. Вѣдь они чай не ѣли. Ыли, ребята? громко крикнулъ онъ чужимъ людямъ.

— Богъ дастъ, отвѣчали охотники этимъ чуднымъ отвѣтомъ русскаго челоуѣка, которымъ онъ покрываетъ свою нужду.

— Вели накормить ихъ, скорѣе! отрывисто проговорилъ Гаврила Михайловичъ.

— Эй вы, люди! ключница! кучера! мальчишекъ сюда. Водить лошадей, кричалъ, топая ногами на крыльцѣ и распоряжаясь, знакомецъ.—Вы, ребята, живѣе на кухню. Ысть въ два рта, не спѣсивитесь. Ключница! праздничнаго имъ, водки. По стакану съ придачею. Живѣе, народъ!

И не прошло трехъ четвертей часа, какъ люди были накормлены, подвеселились; лошади перемѣнены, осѣдланы, взнузданы, запряжены въ телѣжку, и Гаврила Михайловичъ съѣхалъ со двора, говоря своему знакомцу суровое *спасибо*.

До матушки сестрицы-генеральши было вѣрныхъ сорокъ версть, и ихъ надобно было проѣхать *прязью*, во всемъ значеніи этого сильнаго слова русской природы. На половинѣ пути Гаврилы Михайловичъ бросилъ телѣжку и, верхомъ, только около одиннадцати часовъ ночи прибылъ въ большое село и на барское большое жилище сестрицы генеральши.

— Отворяй! крикнулъ онъ сторожу, и по могучему звуку этого слова, кажется, сами собою упали крѣпкіе затворы, и

ворота распахнулись передъ Гаврилой Михайловичемъ. Въ домѣ уже спали.

— Отворяй! ударилъ онъ кулакомъ въ наружную дверь, и дверь, не запертая на желѣзные крюки и задвижки, растворилась. Гаврила Михайловичъ вошелъ.— Огня! свѣти! шелъ онъ въ темнотѣ, какъ буря, опрокидывая попадающіеся на встрѣчу стулья, ударомъ ноги сбивая все съ своего пути.

У самыхъ дверей матушки сестрицы предсталъ Гаврилъ Михайловичу бѣлѣющій призракъ съ растрепанными волосами, съ костлявыми поднятыми руками... Это была старая прислужница генеральши, въ ужасѣ и въ безпамятствѣ страха, все еще считавшая своею обязанностію до конца живота защищать дверь своей госпожи.

— Прочь, вѣдьма! сказалъ Гаврила Михайловичъ, не ударомъ, а однимъ взмахомъ руки, сдувая ее, какъ пыль, съ своего пути.

— Мать Пресвятая Богородица! защити, заступи и покрой Своимъ покровомъ...

— Послѣ, матушка-сестрица, изволите молитву прочесть. Гдѣ Аннушка? Выдавай мнѣ головой Марка! Куда ты его, сударыня, въ свои бабьи юбки запрятала? сжималъ кулаки и топалъ ногами Гаврила Михайловичъ. Предъ образами горѣла лампадка и довольно видно показывала все. Гаврила Михайловичъ, какъ звѣрь какой въ клѣткѣ, озирался по спальнѣ...

— Ищи, мой батюшка! сказала генеральша, уже имѣвшая время придти въ себя и понять, что оно значить. — Ищи, родной мой! съла она на постели въ кофѣ и въ своемъ спальномъ чепцѣ.

— Дочь не иголочка, какъ не найди?

— И Марка тожъ показанъ молодецъ, не скоронится, рѣшилась показать генеральша своему батюшкѣ-братцу, что она его сестрица.—Такъ это значить, сударь мой Гаврила Михайловичъ! вы проберегли дочку, и похвальба Марка въ прокъ пошла? Слава Тебѣ Господи, Царю мой! набожно перекрестилась сестрица генеральша.—Услыхалъ Ты мою грѣшную молитву: призрѣлъ на сироту... А когда же это, батюшка-братецъ! въ пору какого часа Божьяго спомогся-то Марка Петровичъ? Позову завтра попа, велю молебень пѣть... А старая-то Емельяниха и Подбритая ваша, сударь мой братецъ, чего жъ они смотрѣли?.. Надобно было смотрѣть и удивляться, какъ распаленный Гаврила Михайловичъ, съ сжатыми кулаками, оставался недвижимъ и не поднималъ руки... Но это было невозможно. Матушка-сестрица

генеральша, вся въ бѣломъ, въ своей широкой кофтѣ, въ большихъ оборкахъ ея спальнаго чепца, съ выбившимися сѣдыми волосами и немного трясая старою головою, сидѣла въ такомъ неподвижномъ величіи, подъ подозромъ штофнаго полога ея кровати, что принять ее за божество какого-нибудь богдыханскаго капища было легче и вѣрнѣе всего. Гаврила Михайловичъ, кажется, принялъ ее за вѣдму. Онъ разразился такимъ страшнымъ ударомъ по шифоньерѣ матушки сестрицы, что дорогая саксонскаго фарфора чашка подпрыгнула на своемъ блюдечкѣ, съѣѣла внизъ и рассыпалась въ куски. Гаврила Михайловичъ хлопнулъ за собою дверь и опять потребовалъ огня. Огонь былъ поданъ. Оставляя сестрицу матушку въ покоѣ, сударь братецъ, какъ медвѣдь въ лѣсу, сталъ ломить все и ворочать по ея дому. Онъ передвигалъ мебель, переставлялъ диваны, растворялъ шкапы; шелъ въ кладовыя, крича: «отвори! а то замки собью». Поднималъ крыши на сундукахъ; ощупывалъ ощупью шубы сестрицы-генеральши. Не было такого темнаго застѣнка, уголка, притаеннаго мѣстечка, куда бы не заглянулъ Гаврила Михайловичъ. Гдѣ только могла спрятаться кошка, тамъ онъ искалъ дочь и вора Марка. Вспомнилъ Гаврила Михайловичъ, что у сестрицы-генеральши была вышка въ саду, гдѣ обыкновенно на жердяхъ сушилось бѣлье. Гаврила Михайловичъ полѣзъ на вышку. Слѣзши съ вышки, онъ еще вспомнилъ про баню и въ темнотѣ ночью, по грязи, отправился къ банѣ подъ довольно крутую гору; поскользнувшись, чуть не упалъ въ прудъ и опять воротился къ дому. Начинало уже свѣтать. Гаврила Михайловичъ осмотрѣлъ всѣ флигеля, всѣ пристройки. Послалъ къ попу за ключами, велѣлъ себѣ отворить церковь и даже въ алтарь заглянулъ Гаврила Михайловичъ. Но нигдѣ ничего, ни вида, ни какой-либо примѣты, чтобы здѣсь были бѣглецы.

— Лошадей! крикнулъ Гаврила Михайловичъ, повелѣвая взять для себя лошадей съ конюшни сестрицы-генеральши. Ихъ взяли; запрягли шестерикъ въ колымагу, и Гаврила Михайловичъ сѣхалъ съ сестрина двора, оставляя позади себя разоръ и сумятицу, какъ послѣ татарскаго погрома.

Что Гаврила Михайловичъ не жалѣлъ лошадей сестрицы-генеральши—это правда; но что онъ прибылъ къ своему знакомцу уже очень спустя послѣ обѣда—и то была истина. Еще скорѣе прежняго раза, давъ перекусить людямъ и въ чужую крашеную телѣжку запрягши своихъ лошадей, Гаврила Михайло-

вичь прямо изъ колымаги пересѣлъ въ нее, не ступивши ногой на порогъ дружескаго дома, не попросивши для себя стакана квасу! По счастью для людей и лошадей Гаврилы Михайловича, дома у него не звали. Подстава тому и другому выставлена была версть за двадцать на постояломъ дворѣ, и самъ старикъ староста, съ шапкою въ одной рукѣ и съ фонаремъ въ другой, перестрѣлъ Гаврилу Михайловича въ глухую ночь среди большой дороги и доложилъ, что вотъ онъ такъ и такъ распорядился.

— Умно! сказалъ Гаврила Михайловичъ.—А люди гдѣ? Какія вѣсти. Подавай сюда!... Эй вы!... кричалъ Гаврила Михайловичъ, подѣзжая къ постоялому двору, и человекъ больше двадцати высыпало на голосъ барина. Собесѣдникъ Гаврилы Михайловича былъ также здѣсь. Онъ тѣмъ случаемъ травилъ зайчишекъ, какъ говорилъ онъ, чтобы не попусту пропадало время.

— Вѣсти какія? спрашивалъ Гаврила Михайловичъ, становясь въ сѣняхъ и на одномъ мѣстѣ разминая ноги, отерпшія отъ долгаго сидѣнья.

Но вѣсти, видно, были не радостныя, потому что всякій искалъ схорониться за спину другаго и не вызывался отвѣчать.

— Да что, батюшка Гаврила Михайловичъ! сказалъ собесѣдникъ: — тутъ такія вѣсти, что просто чудеса въ очію совершаются. Не въ томъ дѣло, что укралъ; а въ томъ дѣло, какъ концы схоронилъ. А Марка Петровичъ, просто, аль въ огнѣ ихъ сжегъ, что и попелу не оставилъ, или въ морѣ потопилъ; а на землѣ слѣду нѣтъ. Какъ ты изволишь, батюшка: нѣтъ слѣду!

— Говори! отрывисто, сказалъ Гаврила Михайловичъ.

— Я-то говорить буду, продолжалъ собесѣдникъ, говорившій вообще довольно флегматически. — Да что говорить, Гаврила Михайловичъ? Нечего говорить. Пріѣхали къ попу. Попъ дома, безъ ряски сидитъ и въ обѣднѣ, значить, не былъ, потому что сапогъ нѣтъ. И празднику не радъ, по той самой, изволите знать, поговоркѣ: кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ. А нашъ попъ свѣтелъ, какъ стеклушко. Только увидѣлъ насъ, обрадовался. «А что, молодцы! говорить: ай повѣнчать кого? Можно. Только, говорить, сейчасъ снимай, ребята, кто-нибудь сапоги и давай мнѣ. Попу безъ сапогъ вѣнчать нельзя.» Ну, такъ сами вы судите, батюшка! говорилъ собесѣдникъ. Былъ ли бы попъ безъ сапогъ, и усидѣлъ ли бы онъ безъ радости въ

праздникъ, коли бѣ Марка Петровичъ только однимъ глазомъ заглянулъ къ нему?

— Не былъ... не усидѣлъ бы погѣ! рѣшительно говорилъ про себя Гаврила Михайловичъ.

— А чтобы дѣло было безъ всякаго опасства, продолжалъ собесѣдникъ:—мы и на томъ не стали; а попа къ себѣ и безъ сапогъ взяли. Онъ и теперъ у васъ на радостяхъ безъ горя въ флигель сидитъ.

— Дать попу сапоги, обратился Гаврила Михайловичъ къ старостѣ, отдавая приказъ, — и другаго прочаго, что дается: муки, крупы, сала. Отправить его на подводѣ и сказать: буду ѣхать, нарочно заѣду посмотрѣть, чтобы онъ не пропивалъ сапогъ, или пусть больше не прогнѣвается, сухаря не дамъ. Дальше что? Говори! обратился Гаврила Михайловичъ къ собесѣднику.

— И дальше говорить нечего. Засѣли ребята въ лѣску. Ждать-пождать, ѣдетъ тройка рысью; сѣдоковъ нѣтъ, и кучеръ завалился подъ полость на сѣно, спитъ. Оступили ребята—кучеръ Марка Петровича, что второй по конюшнѣ. Начали его будить; а онъ съ просонья набранилъ ихъ — и только.

— А коляска? спросилъ Гаврила Михайловичъ.

— А что въ коляскѣ, коли она вамъ пустая? немножко разгорячался собесѣдникъ. — И коляска пріѣхала во дворъ прямо къ сараю. Кучеръ выпрягъ бурыхъ чертей и почалъ ими дивить людей: по два человекъ каждого демона стали проваживать. Вотъ вамъ, батюшка, и коляска! И oprичъ того во всѣ стороны рыскали: ни слуху, ни духу... Ни птица не перелетала, ни звѣрь не перебѣгалъ; а овинъ между глазъ сгорѣлъ, и кучера нѣтъ!

— Къ чорту! топнулъ ногою Гаврила Михайловичъ.—Что жъ Марка оборотнемъ сталъ?.. Идетъ у тебя выше лѣсу стоячаго?.. Давай! внезапно сказалъ онъ хозяйкѣ, проносившей мимо его кувшинъ съ молокомъ. И Гаврила Михайловичъ, не отрываясь, выпилъ кувшинъ отъ верху до dna.—Ѣдемъ, сказалъ онъ своему собесѣднику.

— Да куда же мы, батюшка, Гаврила Михайловичъ, ѣдемъ?

— А тебѣ не вдомекъ стало? надвигая себѣ низко шапку на уши, сказалъ Гаврила Михайловичъ. — Ко Власу Никандровичу ѣдемъ.

— А! теперъ вдомекъ, батюшка! отвѣчалъ собесѣдникъ, и они поѣхали.

Но чтобы и намъ было вдомекъ, куда и за чѣмъ ѣхалъ Гаврила Михайловичъ — для этого надобно знать и сказать: кто и что такое былъ этотъ Власъ Никандровичъ?

Былъ онъ лицо чрезвычайно занимательное само по себѣ — по роду поповичъ и по чину своему «съ приписью подъячій» въ отставкѣ. Власъ Никандровичъ былъ бездѣтенъ, холостъ-неженатъ; пріютился къ семьѣ своего единственнаго крѣпостнаго, или даренаго ему за какое дѣльце, человѣка и жилъ въ этой семьѣ не то старшимъ, не то наимладшимъ членомъ, ея. Жилъ онъ въ собственномъ домикѣ при огородѣ. Домикъ и огородъ, обои вмѣстѣ, выходили на одну и ту же улицу, которая была большою проѣзжею дорогой къ уѣздному городу и единственною улицей пригородной слободки Погорѣловки. Худъ былъ Власъ Никандровичъ какъ щепка; ничѣмъ пьющимъ не занимался; ходилъ въ пестрядиномъ халатѣ; копалъ гряды вмѣстѣ съ своею бабою на огородѣ, и баба, то и дѣло, кричала на Власа Никандровича, что онъ вовсе грядъ не копаешь, а только воронъ по сторонамъ оглядаешь! И права баба. Власъ Никандровичъ совершенно наклоненъ былъ къ созерцательной жизни, а того не понимала баба и, подпослѣдокъ, вырывала заступъ изъ рукъ у Власа Никандровича и едва не тѣмъ же заступомъ выпроваживала его изъ огорода вонъ. Власъ Никандровичъ шелъ, нахмурясь, въ виду своей бабы, какъ бы глубоко огорченный своимъ изгнаніемъ; но едва только онъ поворачивалъ за уголъ (что баба съ заступомъ не могла болѣе видѣть своего барина), лицо у Власа Никандровича мгновенно прояснялось. Онъ былъ остръ носомъ, какъ пиголица, и этотъ невелико-острый носъ Власа Никандровича тотчасъ вздергивался къ верху и начиналъ нюхать на всѣ стороны: не горитъ ли что? не палятъ ли чего? А живые, разбѣгающіеся глазки Власа Никандровича созерцали все, рѣшительно все. Власъ Никандровичъ видѣлъ и тучку на небѣ, и встающую пыль на дорогѣ, и что дѣлала его сосѣдка, пригнувшись у себя въ сѣняхъ, видѣлъ онъ свою курицу хохлатую у ногъ и чужихъ дѣтей, плескавшихся далеко въ лужѣ, какъ плещутся молодые утята. Власъ Никандровичъ настоящее зналъ, въ какой день какая изъ его сосѣдокъ хлѣбъ пекла и въ какой праздникъ поросенка жарила. Онъ только выходилъ на вѣтеръ и по вѣтру чуялъ Власъ Никандровичъ, съ какой стороны какіе ему запахи шли.

Но чего не могли дознать всѣ сосѣди міромъ,—это: съ какой стороны шли вѣсти къ Власу Никандровичу? Полагали даже,

что едва ли не сороки служили на вѣстяхъ у Власа Накандровича. И это предположеніе было тѣмъ вѣроятнѣе, что на углу домика Власа Накандровича, въ огородѣ, стояла большая дупластая верба, и не было того часа времени, чтобъ одна-двѣ и больше того рябоперыхъ сорокъ не прыгало и не щебетало на вербѣ. А Власъ Накандровичъ все больше сидѣлъ въ своей свѣтелкѣ подѣ окошечкомъ и сторожилъ дорогу, какъ ласый котъ сторожитъ пронюханную мышь. Кто бы ни шелъ, ни ѣхалъ, Власъ Накандровичъ никого не пропускалъ даромъ. Въ окошечко обзоветъ, за ворота на встрѣчу выйдеть; человѣка своего отправить, даже бабу въ догонку пошлетъ; а уже Власъ Накандровичъ достоительно узнаеть: кто это ѣдетъ и за чѣмъ? куда и откуда? Чтò слышалъ? не видѣлъ ли чего? Правда ли, какъ чумаки говорили, что земля горить?...

«...Стала она горѣть что отъ берега моря, со чумацкаго вольнаго поста. Разложили чумаки огонь кашу варить. Кашу сварили, пообѣдали; Богу милосердому помолились; солнцу высокому на небѣ поклонились. Пошли чумаки, зацѣпи про долю свою, про волю. Послыхалъ ихъ Огонекъ въ уголечкѣ и потухъ-было совсѣмъ, да разгорѣлся. Говорить онъ мелкими искрами Вѣтру: «Ты подуй на меня, братецъ вѣтеръ! Обоймемся мы, схватимся и пойдемъ слѣдомъ за ними, за нашими братьями родными, что за козацкими головами удалыми! Степь-сестрица намъ постелюшку стелеть, постилаеть намъ сухой ковылой.» Обнялись они, Вѣтръ съ Огнемъ схватились. Пришли они къ матери-Сѣчи поклониться, на вольную волю отпроситься. А Сѣчь-мать сгорѣла, стоитъ; высокая шапка запорожская у ногъ лежитъ. «Не проходите вы, хлопцы, не майтесь! Попусту по свѣту не шатайтесь. Не пройди вамъ бѣлаго свѣту по-вдоль его: конца-краю нѣтъ Божьему. Не пройди его и впоперекъ... Поперекъ, хлопцы, Москва стоитъ; Москалемъ грозить. Ворочайтесь, козаки, ворочайтесь! вольную волю понимаючи, мене мать-Сѣчь забываючи.»

Къ этому чумаки добавляли, что огонь съ вѣтромъ, завязтые козаки, не послушались, и идутъ они путемъ-дорогою, земля за ними горить, и такъ оно жарко, что *изъ воды раками печеными пахнетъ*... Власъ Накандровичъ вздергивалъ свой короткий носъ и тутъ же нюхалъ по вѣтру: не пахнетъ ли уже печеными раками?

Но этого мало, что онъ нюхалъ, зналъ всѣ эти вѣсти и подробно слышалъ о нихъ, Власъ Накандровичъ еще писалъ ихъ:

записывалъ всё такіе важныя и неважныя слухи въ свои годовыя книги. Къ календарямъ подшивалъ онъ помѣсячно листы синей бумаги и подъ однимъ общимъ названіемъ: «Описаніе житію, дѣлъ, бѣдствій и разныхъ приключеній», Власть Никандровичъ вносилъ сюда всё происшествія, все, чѣмъ малѣйше шевелилась сосѣдская жизнь. Въ книгахъ у Власа Никандровича достовѣрнѣйше значилось: кто когда по сосѣдству умиралъ, женился, родился, крестился, кто воспріемниками были и даже что попу за крестины заплатили. Власть Никандровичъ обстоятельно велъ метеорологическія наблюденія. Записывалъ дожди, грозы, бури, метели, небесныя явленія, какія были, мертвыя тѣла, какія находили; въ какой цѣнѣ хлѣбъ стоялъ, что во снѣ видѣлъ Власть Никандровичъ, и что, проснувшись, онъ видѣлъ на яву. Случались такія происшествія, что, казалось бы, никоимъ путемъ не дойти имъ до Власа Никандровича! А они доходили, и Власть Никандровичъ зналъ ихъ, и записывалъ въ свое «Описаніе житію, дѣлъ, бѣдствій и разныхъ приключеній».

Теперь понятно, почему Гаврила Михайловичъ, не встрѣтя никакихъ слѣдовъ Марка Петровича и получа донесеніе, что и розыски другихъ въ той же степени не нашли ихъ, сказалъ собесѣднику: «Ко Власу Никандровичу ѣдемъ».

Было еще рано, только начинало свѣтать, и Власть Никандровичъ стоялъ на утренней молитвѣ, когда, поклонясь за крестнымъ знаменіемъ, онъ вдругъ, привычнымъ взглядомъ, перехватилъ что-то движущееся на дорогѣ. При такихъ случаяхъ искушенія, Власть Никандровичъ обыкновенно крѣпко жмурилъ глаза, поднималъ свое незрячее лицо къ образамъ и старался какъ можно внятнѣе и громче, на церковный распѣвъ, читать молитвы, чтобы тѣмъ предохранить себя отъ разсѣянности. Но это обыкновенное, очень вѣрное средство оказывалось теперь не дѣйствительнымъ. Искушеніе не отставало. Власть Никандровичъ если не видѣлъ, то явственно слышалъ, какъ подѣхали лошади; стали онъ у его воротъ, отворили имъ ворота; зашлепали лошади въ дворѣ по лужамъ, и чей-то голосъ, котораго не узнавалъ Власть Никандровичъ, громко спрашивалъ: «Дома Власть Никандровичъ?» И Власть Никандровичъ напрасно затыкалъ себѣ уши и клалъ земные поклоны: онъ вдругъ услышалъ пронзительный визгъ и причитыванье своей бабы.

Баба Власа Никандровича терпѣть не могла гостей своего барина и называла ихъ довольно громко «дармоѣдами». И вотъ не успѣлъ еще путемъ день бѣлый объявиться, какъ несетъ не-

легкая одного и двухъ еще! Баба, съ ухватомъ въ рукахъ, стала на самомъ порогѣ сѣней и рѣшилась, коли не дѣломъ не пустить гостей, то хоть своимъ видомъ показать имъ, какъ бы она ихъ ухватомъ выпроводила, коли бы на то ея воля бабья была! Но взглянувъшись попристальнѣе въ одного гостя, баба вдругъ увидѣла, что это былъ не только не дармоѣдъ, а самъ Гаврила Михайловичъ, который его барскою милостію кормилъ бабу, и дѣтей ея, и мужа ея, въ лицѣ ея барина, отставнаго съ приписью подъячаго, которому Гаврила Михайловичъ, какъ и заштатному пропившемуся попу, только-что не посылалъ сапогъ, а давалъ все прочее, что дается: муку, сало, пшено, крупу, и даже къ празднику присылалъ московской синей выбоочки на халать. Баба съ ревомъ повалилась въ ноги Гаврилѣ Михайловичу. «Кормилецъ ты нашъ, милостивецъ! завопила она. Жалуй въ сѣни... Гдѣ ему, родимый, дѣться, коли съ голоду не помретъ безъ твоей, кормилецъ, милости?» отвѣчала баба на вопросъ, дома ли Власъ Никандровичъ.

И Власъ Никандровичъ все это слышалъ съ зажмуренными глазами, съ заткнутымъ однимъ лѣвымъ ухомъ, потому что правою рукою онъ крестился и спѣшилъ всемирно докончить свою молитву. Наконецъ Власъ Никандровичъ, кладя на себя послѣднее крестное знаменіе, оборотился къ дверямъ и въ эту самую минуту Гаврила Михайловичъ, отворяя, вошелъ въ двери.

— Что ты это, Власъ Никандровичъ, отъ меня отрещиваться сталъ?

— Сумнѣніе взяло, отвѣчалъ съ робостію Власъ Никандровичъ.

И точно могло взять сумнѣніе: былъ ли это Гаврила Михайловичъ передъ глазами? Такъ онъ былъ малоузнаваемъ, въ грязи весь, два дня не умытый, не спавшій, не ѣвшій; даже голосъ его былъ не его, и осипъ, какъ отъ перепоя.

— Ну, шагаль по свѣтелкѣ Гаврила Михайловичъ:—сослужи службу, Власъ Никандровичъ. По вѣкъ того не забуду.... Чай тебѣ разказывать нечего. Ты самъ знаешь.

Власъ Никандровичъ отвѣчалъ смиренно, что онъ точно знаетъ.

— И записалъ?

— И записалъ, отвѣчалъ Власъ Никандровичъ.

— Чтобы тебѣ руки отсохли!.. Не погнѣвайся, братецъ! добавилъ Гаврила Михайловичъ.—Такъ помогай бѣдѣ, Власъ Ни-

кандровичъ. Слѣду нѣтъ. Воръ, Марка слѣдъ затаилъ... Не въ примѣту ли тебѣ: не проѣзжалъ ли, не минулъ ли кто? Не прослышалъ ли ты чего? Вѣдь говорятъ же, что тебѣ сороки на хвостахъ вѣсти носятъ!

— Оно, пожалуй и говорятъ, въ смущеніи соглашался Власть Никандровичъ.

— Такъ, ну же ты говори! наступалъ Гаврила Михайловичъ.

Власть Никандровичъ подался къ своему окошечку, и, почти припертый къ стѣнѣ, ухватился за свое «Описаніе житію, дѣлъ, бѣдствій и разныхъ приключеній».

— Ну, читай, что написано... Что тебя лихорадка бьетъ? доступалъ еще ближе Гаврила Михайловичъ.

Власа Никандровича истинно была лихорадка. Дрожащею рукою онъ перевернулъ два листа плотно исписанной синей бумаги и спросилъ:

— Съ Покрова читать?

— Съ Покрова читай. Что тамъ у тебя настрочено?

Власть Никандровичъ зажужжалъ, какъ муха жужжить, пойманная большимъ паукомъ:

«Мѣсяць октомбрій, пословенски именуемый «паздерникъ», полагаеть изначала своего праздникъ Пресвятыя Богородицы «Покрова, нынѣ, попущеніемъ Божиимъ за грѣхи наши, не «погожь есть: мгла съ небесъ и зѣльное вѣтра устремленіе.»

— Ну, дальше! установилъ Гаврила Михайловичъ.—Что тамъ еще за устремленіе?

«Искушеніе найде на мя», жужжалъ дальше Власть Никандровичъ. «Ворочающуся изъ заутрени, промчалась Танька-Ванька: сіе есть дѣвка, мчущаяся на лошади, простоволоса и про-«дерза...»

Власть Никандровичъ поднялъ глаза на Гаврилу Михайловича и оставилъ ихъ съ полуоткрытымъ ртомъ.

— Что? глянулъ на него Гаврила Михайловичъ, и у Власа Никандровича душа въ пятки ушла...—Ума ты рехнулся, чтобъ моя дочь была *простоволоса* и *продерза!* ударилъ по столу кулакомъ Гаврилу Михайловичъ.—Читай дальше.

«Воротившуся изъ обѣдни,» читалъ Власть Никандровичъ: «и «вкушающу праздничное учрежденіе, пироги именуемое, «узрѣлъ я на дорогѣ чумацкій обозъ, и, изшедъ во срѣтеніе тѣмъ «чумацкимъ людямъ, испытывалъ первѣе о горѣннй земли и по-«лучилъ подтвержденіе. Есть горѣніе, якоже и въ Писаніи го-«ворится: «земля и вся яже на ней дѣла сгорять». Потомъ во-

«просившу ми: что везуть сіи чумацкіе люди хохлы (они же и Малороссы по странѣ своей Малороссійстѣй нарицаются), «одинъ изъ сихъ малоросскихъ людей, яко бы посмѣваясь мнѣ, «отвѣтствовалъ: *А хто его знае, пане! Може борошно, а може «и барышню. Сіе есть: яко бы они везуть или муку, или ба- «рышню...»*

— Что?... спросилъ Гаврила Михайловичъ, и въ воспомина- ній его мгновенно предсталъ тотъ чумацкій обозъ и тѣ хохлы, которыхъ онъ опросилъ, выѣзжая на большую дорогу, и вспо- мнилъ Гаврила Михайловичъ, какъ хохлы, молча, показали ему слѣдъ пустой коляски Марка Петровича.—Такъ вотъ гдѣ угро- раздило его спрятать концы: въ куляхъ съ мукою!

Гаврила Михайловичъ тремя шагами ступилъ, а четвертымъ уже былъ на крыльцѣ. Баба Власа Никандровича вела его ло- шадь съ водопою. Гаврила Михайловичъ вырвалъ у нея поводъ, вскочилъ на лошадь и поскакалъ къ городу. Тамъ онъ скоро отыскалъ постоялый дворъ, гдѣ преимущественно останавли- вались обозы.

— Въ обѣдъ на Покровъ былъ у тебя чумацкій обозъ? спра- шивалъ Гаврила Михайловичъ.

— Былъ, отвѣчалъ дворникъ.

— Съ чѣмъ былъ?

— Съ мукою.

— Не замѣтилъ ли чего особеннаго? Не былъ ли кто другой при обозѣ?

Дворникъ отвѣчалъ, что быть никто не былъ и особеннаго онъ ничего не замѣтилъ, кромѣ развѣ того, что пить чумаки много пили, и онъ имъ сдачу давалъ: золотомъ платили... Чумаки пла- тили золотомъ! Ббольшаго удостовѣренія не требовалъ Гаврила Михайловичъ. «Гдѣ Марка, тамъ золото, чортовъ слѣды!» уда- рилъ онъ кулакомъ по веревѣ воротъ. Но Гаврила Михайловичъ хорошо понималъ, что не станеть же Марка Петровичъ все на водахъ везти свою покражу, и потому, оставивъ въ покоѣ чу- мацкій обозъ, Гаврила Михайловичъ бросился разыскивать по городу: не видалъ ли кто, не встрѣтилъ, не зналъ ли чего? Все было безотвѣтно на вопросы Гаврила Михайловича.

Да и какъ было отвѣчать? Кому бы пришло въ голову слѣ- дить: зачѣмъ и для чего одинъ возъ выдѣлился изъ чумацкаго обоза и, не въѣзжая на постоялый дворъ, поѣхалъ глухою улицей между садами и огородами, на самый конецъ города. Два мужика шли возлѣ воза. Одинъ погонялъ воловъ—хохолъ

съ своимъ чумацкимъ батожкомъ въ рукѣ; другой—русскій молодецъ, видно, купилъ эти кули съ мукою и провожалъ козку къ своему двору, держась неотступно за край широкаго воза. А далѣе и видѣть было некому, въ глуши совершенно пустынныхъ, облетѣлыхъ садовъ и высокихъ пригородныхъ ветлъ, хлеставшихъ по вѣтру голыми вершинами,—какъ этотъ возъ въѣхалъ на дворъ къ молочному брату Марка Петровича, отпущенному на волю, и крѣпкія ворота затворились за нимъ. Черезъ часъ мѣста они опять отворились и изъ воротъ выѣхала добродѣтельная кибитка парю, съ опущенною бѣлою полостью. На облучкѣ сидѣлъ русскій молодецъ и слегка подгонялъ пристяжную, между тѣмъ какъ коренной конь забиралъ крупною рысью, и ветлы, огороды, галки сновали, какъ основу въ глазахъ. Кибитка своротила на перерѣзъ пахатныхъ полей и, оставивъ позади себя большую дорогу, быстро скатила въ оврагъ. Тамъ она понеслась невидимкою по окрѣпшему песчаному руслу нѣкогда бывшей, безыменной рѣчки, теперь только сочившейся дождевыми ручьями и кой-гдѣ изрѣдка стоявшей лужами. Версты на четыре ниже, кибитка вынырнула, какъ утка, изъ оврага; метнулась, какъ заяцъ, въ густую опушку лѣса, и только ее видѣли. Въ лѣсу, на опустѣлой пасѣкѣ стонъ стоялъ: отъ вѣтра, ходившаго вверху хѳденемъ по голымъ вершинамъ, и внизу отъ топота не стоявшихъ на мѣстѣ восьмерика коней, запряженныхъ въ карету. Простой молодецъ въ мужицкой сѣремагѣ суетился вокругъ кареты и кого-то усаживалъ въ нее; за тѣмъ, самъ бросившись въ середину кареты, онъ закричалъ не мужицкимъ, а прямо барскимъ голосомъ: «пошелъ!»

А Гаврила Михайловичъ, съ своихъ безуспѣшныхъ розысковъ, воротился къ Власу Никандровичу. Онъ видѣлъ, что искать было больше нечего. Третій день уже былъ...

— Домой, сказалъ онъ своимъ людямъ, хлопотавшимъ вокругъ лошадей.—Власъ Никандровичъ, какъ изволишь? Самъ пріѣзжай, или свою бабу пришли: что тамъ тебѣ нужно на зиму?... Съѣзжай! что по сторонамъ воронъ ловишь, какъ баба? замѣтилъ своему кучеру Гаврила Михайловичъ и съѣхалъ со двора Власа Никандровича.

— Баню! сказалъ онъ, ступая на первую ступень своего барскаго крыльца, и за тѣмъ вошелъ въ опустѣлый домъ. — Обѣдать! сказалъ онъ точно такимъ голосомъ, какъ всегда говорилъ: обѣдать! возвращаясь съ осмотра конюшни, хо-

зайтвенныхъ работъ, псарни или лѣтомъ, воротившись съ объѣзда полей. Въ домѣ всѣ, отъ перваго до послѣдняго, со страхомъ и недоумѣніемъ ожидали пріѣзда Гаврилы Михайловича, и столъ былъ накрытъ; объѣдать тотчасъ подано. По обыкновенію выпивъ серебряный стаканчикъ водки и закусивъ коркой ржанаго хлѣба, Гаврила Михайловичъ почти не объѣдалъ. — Что жъ баня? спросилъ онъ. По счастью это была суббота: слѣдовательно баня съ утра топилась, и Комариная Сила доложилъ немедленно, что баня готова. Тотчасъ изъ-за объѣда Гаврила Михайловичъ отправился въ баню и часа два съ половиною онъ пробылъ въ ней; наконецъ показался Гаврила Михайловичъ изъ бани. Паръ клубомъ валилъ съ его распахнутой груди, и Гаврила Михайловичъ въ своихъ туфляхъ на босу ногу, шествовалъ поперекъ двора. — Объѣдать! сказалъ онъ такимъ голосомъ, какимъ царь звѣрей даетъ знать, что онъ голоденъ. — Народы, объѣдать! повторилъ Гаврила Михайловичъ, и всѣ подвластные ему народы пришли въ неописанный ужасъ. Можно ли было ожидать такого требованія: объѣдать! пообѣдавши уже разъ. Гдѣ взять объѣда? Щи холодные, жаркое простылое, ничто не разогрѣтое... Но дожидаться третьяго рыканія льва было невозможно. И передъ Гаврилу Михайловича несли и ставили что попало—различныя приливныя холодныя: индѣйку и осетрину, ветчину и жаренаго гуся. Гаврила Михайловичъ ѣлъ, какъ долженъ былъ ѣсть человекъ, двое сутокъ съ половиною ничего не ѣвшій и въ теченіи этого времени только залпомъ выпившій кувшинъ молока, позабывъ даже, что то была пятница. — Принимать! сказалъ Гаврила Михайловичъ:—да поставитъ квасу, добавилъ онъ, отправляясь въ кабинетъ, и едва только склонился къ подушкѣ крѣпкій старикъ, какъ уже спалъ непробуднымъ сномъ.

И долго спалъ Гаврила Михайловичъ. Комариная Сила, няня Анны Гавриловны, староста и еще нѣсколько почетныхъ лицъ, столпившись у дверей кабинета и притаивъ дыханіе, смотрѣли на Гаврилу Михайловича, а онъ спалъ. Въ домѣ не было ни шелеста, ни звука; словно все мертво затихло, занѣмѣло, и одно богатырское дыханіе Гаврилы Михайловича, какъ съ прибоемъ морская волна, ходило и отдавалось по комнатамъ.

— Эй, Комариная Сила! воззвалъ, пробуждаясь, Гаврила Михайловичъ и, какъ въ окоддованномъ замкѣ, все вмѣстѣ съ нимъ ожило и пробудилось. Няня, крестясь и читая молитву, пошла отъ дверей; староста вошелъ въ кабинетъ за приказаніями;

дворецкій поспѣшилъ готовить чай. Въ лакейской и дѣвичьей слышно было одно и то же обрадованное слово: «баринъ проснулся! баринъ проснулся!»

Гаврила Михайловичъ спалъ безпробудно двадцать четыре часа! Какъ заснулъ въ субботу передъ вечернями, и только проснулся въ воскресенье, когда къ вечернямъ пора была звонить. Всѣ домашніе его находились въ неопisanномъ страхѣ. И разбудить Гаврилу Михайловича никто не смѣлъ, и всѣхъ приводилъ въ ужасъ и недоумѣніе этотъ богатырскій сонъ.

— Кой лядъ! сказалъ Гаврила Михайловичъ, отряхивая, какъ левъ гриву, крѣпкое забвеніе своего суточного сна.— Чтò это на дворѣ дѣется? Не то свѣтаетъ, не то смеркается?

— Смеркается, батюшка, Гаврила Михайловичъ! отвѣчалъ Комариная Сила.— Вчера объ эту пору милость ваша започивать изволили.

— Чтò?... своимъ обычнымъ короткимъ вопросомъ спросилъ Гаврила Михайловичъ, поднимая брови.— Ну, значить, хорошо спалъ, коли сутки проспалъ. Обѣдать давай, и пора значить опять спать.

Гаврила Михайловичъ всталъ, умылся, Богу помолился, подали обѣдать. Онъ побѣдалъ совершенно одинъ (собесѣдникъ его вчера уѣхалъ послѣ обѣда), и опять легъ Гаврила Михайловичъ. Спалъ ли онъ, или цѣлую осеннюю ночь пролежалъ въ темнотѣ съ открытыми глазами, этого никто не могъ знать. Только въ обычное время своего пробужденія, Гаврила Михайловичъ кашлянулъ, какъ онъ всегда кашлялъ, и на вопросъ появившейся Комариной Силы: — Чтò прикажете, батюшка Гаврила Михайловичъ? онъ отвѣчалъ другимъ вопросомъ: — Чтò жь охота? Точно какъ бы между приказаніемъ объ охотѣ не прошло ничего другаго, и самое это приказаніе отдано было вчера.— Сборъ! прибавилъ Гаврила Михайловичъ, и въ большомъ охотничьемъ сборѣ съѣхалъ съ своего широкаго двора.

Удивительно сиротливъ и пустыненъ остался его барскій дворъ! Мелкій дождикъ кропилъ его, пометала молодая пороша; зяблики стадами слетались на широкую площадь его, и только двѣ-три искалѣченные собаки блуждали въ опустѣломъ подворьѣ. Домашняя челядь забилась по своимъ теплымъ угламъ, спасаясь отъ осенней непогоды. Не для кого было сѣннымъ дѣвушкамъ выбѣгать постоять на крылечкѣ и помахать дѣвичьимъ передникомъ въ сизую мглу прохваченнаго морозомъ ве-

чера. Все мужское народонаселеніе скочевало за Гаврилой Михайловичемъ. Остались однѣ женщины, и веретена прилежно жужжали по всѣмъ тихимъ угламъ, и въ этой тиши, въ жужжаніи рабочаго веретена, кто развѣ не хотѣлъ, тотъ бы только не услышалъ, какъ часто поминалось здѣсь все одно и то же, всѣмъ милое, всѣмъ равно дорогое: Анна Гавриловна! Анна Гавриловна!

Гаврила Михайловичъ только наканунѣ Михайлова дня изволилъ пожаловать домой, пробывъ въ отъѣздѣмъ полѣ мѣсяцъ и со днями. Съ нимъ наѣхали охотники, собесѣдники; прибыли на вечеръ старухи помолиться въ праздникъ въ церкви Гаврилы Михайловича; со старухами наѣхали молодыя, и домъ попрежнему зашумѣлъ и наполнился по всѣмъ угламъ и закоулкамъ. Гаврила Михайловичъ былъ все тотъ же величавый баринъ, оставлявшій своимъ гостямъ хлѣбосольное право: жить и веселиться у него въ домѣ, какъ кому угодно. Музыка и пѣсельники являлись по первому востребованію; но самъ Гаврила Михайловичъ только къ обѣду и ужину переступалъ за порогъ своего кабинета, и далѣе не дѣлалъ ни одного шагу въ своемъ барскомъ домѣ. И къ чести нашего стариннаго домоводства стѣбитъ сказать, такова была крѣпко поставленная, незыблемая основа однажды заведеннаго порядка въ домѣ, что даже такой случай, какъ внезапное исчезновеніе хозяйки и полное отчужденіе хозяина отъ всего, что внутренно происходило въ его барскомъ домѣ, не измѣнили ни въ чемъ обычнаго теченія дѣлъ! Ни на волосъ не произвели разстройства въ заведенныхъ порядкахъ и однажды установленномъ чинѣ богатаго, наполненнаго гостями, дома! Безъ чьихъ-либо повелѣній и распоряженій, няня вступила въ полное завѣдываніе всѣмъ; сама себя опредѣлила помощницей свою племянницу. Весь этотъ людъ, который по утрамъ являлся къ Аннѣ Гавриловнѣ со всѣми его разными дѣлами, точно такъ же продолжалъ являться къ нянѣ. И мало было нужды, что барскій хозяйскій глазъ цѣлые мѣсяцы не заглядывалъ далѣе условеннаго порога; но тѣмъ не менѣе комнаты оставались все въ той же холѣ и въ томъ же призорѣ; ни одна лишняя порошинка не заводилась въ нихъ. Платье Анны Гавриловны, которое было приготовлено надѣть ей въ обѣдню на праздникъ, будто сейчасъ вынутое, лежало на ея кровати, прикрытое кисейною занавѣской. Анна Гавриловна, въ ея поспѣшныхъ сборахъ къ завтраку, обронила алый бантикъ, которымъ подкалывалась буфа

ея рукава, и этотъ бантикъ оставался нетронутымъ. Онъ ли- нялъ, терялъ свой цвѣтъ, становился никуда негоднымъ; но прошла осень и зима, проходили весенніе и лѣтніе мѣ- сяцы; а бантикъ все лежалъ на комодѣ и оставался какою-то святынею, къ которой не дерзала касаться ничья рука. Вся комнатная прислуга, правые и немногіе виноватые съ Настей Подбритой во главѣ, переживши всѣ ужасы томительнаго ожиданія — что будетъ? чѣмъ и какъ разразится гнѣвъ Гав- рилы Михайловича? — наконецъ успокоидись. «Заспалъ», го- ворили они, и точно, видя, какъ Гаврила Михайловичъ ни сло- вомъ, ни дѣломъ не поминалъ ничего того, что было прежде, можно было подумать, что онъ именно заспалъ все въ своемъ суточномъ снѣ. Объ Аннѣ Гавриловнѣ не доходило никакого слуха. Можетъ-быть сосѣди и успѣли по времени перехватить кой-какія вѣсти; но сообщать эти вѣсти Гаврилѣ Михайловичу, когда онъ извоилъ молчать и не спрашивать, — такихъ смѣ- лыхъ охотниковъ до переносу вѣстей не находилось. А самому Гаврилѣ Михайловичу между тѣмъ нашлось, для развлеченія, небольшое дѣльце.

Матушка сестрица-генеральша подала челобитную самому намѣстнику о ночномъ погромѣ сударя-братца, въ коей вла- стно требовала, по ея вдовству и сиротству, защиты отъ ко- нечнаго разоренія и законнаго себѣ удовлетворенія за понесен- ные убытки: за разбитую чашку, за поломанную колымагу, за двухъ загнанныхъ лошадей и, по своему высокому чину, за оскорбленіе ея генеральской чести.

— Самодуръ-баба! сказалъ Гаврила Михайловичъ, получа из- вѣстіе о томъ. — Нарядить подводу и послать за Власомъ, чтобы былъ ко мнѣ.

Власъ этотъ былъ Власъ Никандровичъ, и онъ часто сталъ бывать въ кабинетѣ у Гаврилы Михайловича и строчить ему отвѣты на челобитную самодуръ-бабы. И кромѣ этихъ отвѣтовъ, никакихъ перемѣнъ не послѣдовало въ быту Гаврилы Михайло- вича. Онъ такъ же бывалъ веселъ и шутку шутилъ съ пріятелями; только къ концу года усы и брови у Гаврилы Михайло- вича совершенно побѣлѣли... И еслибы Комариная Сила не наученъ былъ слухомъ не слышать и видомъ не видать, онъ, можетъ-быть, сказалъ бы кому: что онъ по ночамъ видалъ и слыхалъ за дверью кабинета? А видалъ Комариная Сила, какъ этотъ крѣпкій, на видъ не податливый старикъ, въ смертельной тоскѣ вставалъ съ своего барскаго ложа и, падая ницъ, повто-

рль: «Боже, милостивъ буди ми грѣшнику! Боже, очисти мя грѣшнаго и помилуй мя!» И шепотъ повторяемой молитвы, разгораясь до вопля терзаемой души, покрывался рыданіемъ, и слышно было: «Господи, помилуй ея! Господи, не остави ея Господи! Царю мой! что съ нею? Помилуй ея!..» Комариная Сила именно желалъ бы, чтобъ ему слухомъ не слышать и видомъ не видать! Онъ зарывался въ свою постель у дверей кабинета, пряталъ голову подъ подушку; но и подъ подушку Комариная Сила слышалъ мольбы и земные поклоны своего барина, открывавшаго свою душу только передъ однимъ Богомъ.

На другой день Въздвиженья, когда всякій гадъ земной, какъ гласить повѣрье, подвинулся на зимовлю, въ это замѣчательное время Гаврила Михайловичъ изволилъ опочивать послѣ обѣда, и вдругъ онъ слышитъ во снѣ, будто Марка Петровичъ говорить ему: «Что это вы, батюшка, заспались такъ? Вставайте внука Гавриила крестить. Попъ въ ризахъ ждетъ». Не опаматовшись, въ полуснѣ Гаврила Михайловичъ поднялся и сѣлъ на кровати; но когда онъ открылъ глаза—сонъ у него былъ въ рукахъ. На колѣняхъ у Гаврилы Михайловича, на розовой атласной подушкѣ, въ кисей и кружевахъ, лежалъ младенецъ и копался маленькими ножками и ручонками, какъ майскій жукъ, перекинутый на спинку. Еслибы земля разступилась и издала мертвецовъ своихъ, Гаврила Михайловичъ не удивился бы болѣе, какъ онъ удивился явленію этого младенца. Его пораженная мысль остановилась на одномъ: украдена Анна Гавриловна! Къ этой мысли приливалъ вся горечь тоскующаго отцовскаго чувства и вся оскорбленная гордость Гаврилы Михайловича. Но далѣе, что должно было слѣдовать за этою кражею, о томъ Гаврила Михайловичъ никогда не думалъ, и, въ совершенномъ пораженіи, онъ неподвижно глядѣлъ на это явное доказательство, что Анна Гавриловна была не только украдена, а что она была жена и мать, и это ея первенецъ копошился на колѣняхъ у Гаврилы Михайловича и морщился собираясь заплакать! Гаврила Михайловичъ неподвижно глядѣлъ и не слышалъ, что въ залѣ уже священникъ возгласилъ: «Господу помолимся». Онъ неотступнымъ взоромъ разсматривалъ младенца и его густые темные волосенки, и теперь уже замѣтно очерченные брови и смуглота ребенка явственно убѣждали Гаврилу Михайловича, что это именно сынъ того вора, Марка Петровича...

— Пожалуйте младенца ко оглашенію, сказалъ священникъ, показываясь во всемъ облаченіи въ дверяхъ кабинета.

Гаврила Михайловичъ смутился, какъ онъ смущался развѣ тогда, когда въ дѣтствѣ могли застать его надъ банкой варенья, не выпрошеннаго у ключницы: такъ теперь смутился могучій старикъ, что его застали въ прилежномъ разсматриваніи его внука.

— Сейчасъ, батюшка! послушно и робко, какъ женщина, отвѣчалъ Гаврила Михайловичъ.—Сила! сказалъ онъ...

И Комариная Сила держалъ уже наготовѣ новый богатый шлафрокъ, привезенный вмѣстѣ съ младенцемъ; но Гаврила Михайловичъ не замѣчалъ того.

Поспѣшая одѣться, онъ хотѣлъ было ребенка положить на постель, потомъ думалъ было передать его Комариной Силѣ; но никому не передалъ, никуда съ своихъ рукъ не сложилъ.

— Давай! протянулъ онъ одну руку Комариной Силѣ, чтобы всадить ее въ рукавъ шлафрока; а другою рукою Гаврила Михайловичъ придерживалъ у груди своей младенца. Натянувъ рукавъ на одну руку, Гаврила Михайловичъ перемѣнился ребенкомъ на другую; потомъ приподнялъ обѣ свои руки и далъ Комариной Силѣ запахнуть шлафрокъ и подпоясать себя. Гаврила Михайловичъ не зналъ, въ какія туфли вступалъ онъ, и неся свою драгоценную ношу, онъ выступилъ въ залу. Тамъ, разнаряженная, въ высококомъ чепцѣ и въ желтой робѣ венеціанскаго атласа, предстала передъ святою купелью кума Гаврилы Михайловича, и кума эта была не кто иная, а матушка сестрица-генеральша; но Гаврила Михайловичъ, кажется, и этого не замѣтилъ... Или, нѣтъ! Когда, послѣ погруженія младенца, совершивъ уже крещеніе и готоваясь ко Св. миропомазанію, священникъ отъ купели передалъ дитя на руки кумѣ:

— Сестра, дай мнѣ! задыхающимся шепотомъ сказалъ Гаврила Михайловичъ.

— Возьмите, батюшка-братецъ, съ умиленнымъ вздохомъ передала братцу младенца матушка-сестрица.—Возьмите, Богъ съ вами! добавила и прослезилась она.

Но гдѣ надобно было посмотрѣть слезъ и улыбокъ, и послушать этого лепета радости, высказывающагося прерывистыми, несвязными словами, — это въ комнатѣ Анны Гавриловны. Подъѣхавъ осторожно къ заднему крыльцу и передавъ на руки мужу ребенка, чтобы нести его къ спящему дѣду въ кабинетъ, Анна Гавриловна не помнила, какъ она вошла въ свою комнату. Первымъ ея невольнымъ, почти безсознательнымъ движеніемъ было упасть на колѣни передъ кивотомъ

образовъ и помолиться черезъ годъ времени тамъ, гдѣ она каждый день читала свою молитву. Въ первомъ еще успѣла Анна Гавриловна: она стала на колѣни; но помолиться ей нельзя было. Вся комната наполнилась женщинами, сѣнными дѣвушками, жакетами. Руку, которую Анна Гавриловна подняла для крестнаго знаменія, схватили у нея и покрывали поцѣлуями. Въ забвеніи радости, Аннѣ Гавриловнѣ не давали подняться съ колѣнъ; величали ее *барышнею*, цѣловали ей голову, цѣловали рукава ея платья. Няни не было въ домѣ, когда пріѣхала Анна Гавриловна, и, прибѣжавъ, старуха бросилась сзади обнимать свою питомицу. Обняла ее, духъ нянѣ захватило, и она сама зашаталась, упала и едва было не уронила Анны Гавриловны. Няню подняли, усадили на маломъ сундучкѣ; старуха раскшлялась и расплакалась. Анна Гавриловна цѣловала свою няню; повязывала ей платокъ, спавшій съ головы, и сама тоже расплакалась. Маркъ Петровичъ, бодрый и веселый, явился на эту сцену слезъ и сладкаго смущенія.

— Вотъ на то-то я привезъ вамъ молодую барыню, чтобы вы тутъ съ тяжкаго горя расплакались, да и ее въ слезы ввели? сказалъ онъ, весело приговаривая: — послѣ, послѣ! и на всѣ стороны отмахиваясь руками, которыя было бросились цѣловать у него. Марка Петровичъ опустил свои руки въ карманы и, по своему обычаю, началъ посыпать деньгами на ту и другую сторону. — Ну, голубушка моя, старая Емельяновна! сказалъ онъ, обращаясь къ нянѣ и осаживая ее рукою, чтобы она не силилась встать. — Дай мы съ тобою во уста поцѣлуемся, и Марка Петровичъ поцѣловался разъ и въ другой съ нянею во уста. — Спасибо тебѣ, нянюшка! сказалъ онъ, отступая и кланяясь нянѣ въ поясъ: — что ты мнѣ взростила и взлелѣяла жену молодую и вишь какую, что я годъ скоро, гляжу на нее и будто сегодня впервой вижу. Спасибо тебѣ, нянюшка! низкій поклонъ. Вынянчила мнѣ жену, понянчи и моего сына! въ другой разъ поклонился нянѣ Марка Петровичъ и положилъ ей въ колѣна не одинъ червонецъ... — Скоро окончатъ крестить, сказалъ онъ Аннѣ Гавриловнѣ, между тѣмъ какъ она силилась своей нѣжной рукою достать черноволосую высокую голову Марка Петровича и наклонить ее передъ кивотомъ съ образами. — Да будетъ же, Анята! говорилъ онъ. — Вѣдь это хоть въ монахи идти. Ты и такъ меня сегодня цѣлую дорогу все только заставляла Богу молиться! а все таки крестился Марка

Петровичъ и наклонилъ свою гордую высокую голову къ образамъ. Намъ уже пора и въ гостиную быть, сказалъ онъ, и повелъ Анну Гавриловну въ гостиную.

И они пришли въ самую пору. Крещеніе только-что окончилось. Принявъ послѣднее благословеніе на младенца и усердное поздравленіе своего священника съ духовнымъ сыномъ и со внукомъ, Гаврила Михайловичъ оборотился и искалъ глазами вокругъ.

— Она же гдѣ? Гдѣ она?.. Анюта! позвалъ Гаврила Михайловичъ вырывающимся крикомъ отцовскаго сердца.

Анна Гавриловна себя не помнила: какъ она рванулась впередъ, быстро распахнула дверь, упала къ ногамъ отца и обняла ихъ съ поцѣлуями и слезами.

— Аннушка! Анюта! самъ плакалъ Гаврила Михайловичъ и не могъ отереть слезъ. Онѣ одна по одной быстро скатывались на присутствующаго дитя. — Встань, Анюта. Изъ какой тебѣ вины лежать въ ногахъ? задыхаясь выговаривалъ Гаврила Михайловичъ. — Я не вижу тебя... Дай мнѣ взглянуть. Анюта, встань.

Анна Гавриловна поднялась; съ рыданіемъ протянула руки и вмѣстѣ припала головою къ груди отца и къ своему ребенку. Какъ ни былъ глубоко взволнованъ Гаврила Михайловичъ; но онъ былъ мужъ силы и воли, и почти пришелъ въ себя.

— Возьми свое сокровище, бери его! передалъ онъ на руки дочери дитя, и когда Анна Гавриловна приняла ребенка, Гаврила Михайловичъ съ чудною нѣжностію отклонилъ ей лицо и, взявъ въ обѣ руки ея голову, онъ на цѣлую минуту приникнулъ надъ Анной Гавриловною и поцѣловалъ ее въ лицо. — Христось съ тобою! сказалъ онъ, поднимаясь и осѣняя однимъ крестомъ мать и младенца...

— Ну, а молодецъ нашъ гдѣ? ступилъ шагъ впередъ Гаврила Михайловичъ.

— Здѣсь молодецъ, отвѣчалъ Марка Петровичъ и выступилъ передъ Гаврилу Михайловича.

— Вижу молодца... Что жъ? Ты укралъ у меня дочь, и еще за жену не хочешь поклониться отцу?

— Отчего не хотѣть, батюшка? сказалъ Марка Петровичъ. — Голова не отпадетъ, подступилъ онъ ближе, чтобы поклониться Гаврилѣ Михайловичу въ ноги. — За такую жену не грѣхъ челомъ бить.

Но Анна Гавриловна, съ невыразимымъ безпокойствомъ слу-

шавшая отца и смотрѣвшая на мужа, когда увидѣла, что тотъ готовится ударить челомъ, она сама бросилась къ нему и съ нимъ вмѣстѣ поклонилась отцу.

— Поди, Анюта! отступилъ шагъ назадъ Гаврила Михайловичъ. — Чтѣ ты съ младенцемъ валяешься у ногъ? Ай ты боишься, что онъ безъ тебя не сумѣетъ головы нагнуть? показывалъ рукою на зятя Гаврила Михайловичъ. — Пусть поучится.

— Ученаго учить только портить, батюшка! отвѣчалъ Марка Петровичъ. — А эту науку мы хорошо знаемъ, и онъ поклонился въ ноги Гаврилѣ Михайловичу въ другой разъ и въ третій. Гаврила Михайловичъ смотрѣлъ на него.

— Ну, такъ какъ же? сказалъ онъ.

— Да вотъ такъ же, батюшка, отвѣтилъ Марка Петровичъ. — Внука вы перекрестили, а стопой вина не запили его. Чай и отцу Алексѣю *по трудѣхъ* сухая ложка ротъ дереть.

— Это истинно такъ, подтвердилъ отецъ Алексѣй, хорошо понявшій о чемъ старается Марка Петровичъ.

— Давай! сказалъ Гаврила Михайловичъ.

Въ ожиданіи этой минуты, лакей Марка Петровича держалъ наготовѣ серебряный подносъ и серебряный бокалъ на немъ съ чеканными родовыми гербами Марка Петровича и съ вензелемъ Екатерины II, осыпаннымъ брилліантами, — жалованный бокалъ. Марка Петровичъ принялъ подносъ въ свои руки, и тогда еще очень рѣдкое въ провинціяхъ шампанское брызнуло, зашипѣло въ золотой глубинѣ бокала и перелилось черезъ край.

— Полно наливать, замѣтилъ Гаврила Михайловичъ.

— Не жалѣючи, батюшка, съ поклономъ подалъ вино Марка Петровичъ.

— Это значить, чтобы нашему новорожденному въ чинахъ и въ богатствѣ, и во всякомъ то-есть пріятствѣ ему такъ полно было! пояснила сударыня сестрица-генеральша.

— И тожь, матушка, ваше высокопревосходительство! дерзаю замѣтить, не смѣло отозвался дьяконъ: — много лѣтъ-съ будутъ здравствовать-съ. Примѣта такая-съ есть, что вино черезъ край пошло...

— Ну, сказалъ Гаврила Михайловичъ, принимая бокалъ, — здравствуйте! наклонилъ онъ голову и повелъ глазами вокругъ, и такова была всеобщность этого поклона, что лакеи, комнатныя дѣвушки, женщины, столпившіяся въ дверяхъ, всѣ поклонились Гаврилѣ Михайловичу, всѣ они почувствовали, что величавый

старикъ всѣхъ ихъ привѣтствовалъ въ своей сердечной радости.—Во здравіе моему внуку, моему сыну крещеному и вашему порожденному! обращаясь къ отцу и матери, выпилъ бокаль Гаврила Михайловичъ и остатками вина плеснулъ въ потолокъ. — Здравствуйте! повторилъ онъ, и все, что могло явиться радости и веселья, все оно объявилось и просіяло въ всѣхъ глазахъ.

Выпивши за виновника этой радости, новорожденного и новопросвѣщенного, слѣдовало, по долгу и по обычаю, выпить въ честь и во здравіе воспріемниковъ и еще такихъ почетныхъ, какъ самъ Гаврила Михайловичъ и матушка сестрица-генеральша, и за ихъ здравіе выпили.

— Марка! наливай еще! сказалъ Гаврила Михайловичъ. — Богъ любить троицу... Коли ты думаешь, что за твое здоровье не слѣдъ пить (какъ оно и не слѣдъ есть, воръ ты такой окаанный, святотатецъ! изъ церкви укралъ), такъ вотъ я за мое дитя порожденное выпью! обнялъ Гаврила Михайловичъ голову Анны Гавриловны и опять приникъ къ ней, почти въ слезахъ и повторяя шепотомъ слова Евангелія: *изибъ блъ и обрѣтеса*. Гаврила Михайловичъ становился пьянъ и отъ непривычнаго вина, и отъ сердечной радости. Но, то-есть, какъ пьянъ? Не забвеніемъ, не потереею ума и памяти, а блескомъ глазъ подъ нависшими бѣлыми бровями, огнемъ разливагося румянца въ лицѣ и жаромъ сердечнаго чувства, которое безъ того было бы захоронено, а виномъ вызвано наружу, и Гаврила Михайловичъ склонялся на голову дочери, и приникалъ къ ней почти съ тою же страстною нѣжностію, какъ она сама приникала къ своему первенцу и дышала на него всѣмъ дыханіемъ любви ея материнскаго сердца.

— Хорошо вино, Марка, отецкій сынъ! сказалъ Гаврила Михайловичъ, отрываясь отъ дочери и выпивъ бокаль, поданный ему Маркомъ Петровичемъ. — А что ты, молодецъ, думаешь?

— А что я, батюшка, думаю? спросилъ Марка Петровичъ.

— Да ты чай совсѣмъ думать забылъ, о чемъ я говорилъ тебѣ?

— Не погнѣвайтесь, батюшка. Давно было.

— Да что было?

— Да что бы ни было.

Гаврила Михайловичъ поднялъ голову и запрокинулъ ее назадъ.

— Да ты, я вижу, со мной въ слова, какъ въ свайку играешь? сказалъ онъ. — Помнишь тѣ рѣчи, что шли у меня съ тобою на пиру?

— Помнить все рѣчи, батюшка, которыя ведутся на пиру, отвѣчалъ Марка Петровичъ, — долгую память надобно имѣть.

— А у тебя она знать не выросла? Такъ если ты молодъ, да память у тебя коротка, то я хоть и старъ, а память долга у меня. Похвалялся ты, Марка, что украдешь дочь у меня — и укралъ; а я на твою похвальбу показалъ все, что тебя выскъ, — и что жь ты думаешь не выскъ?

На этотъ вопросъ сестрица-генеральша поднялась со стула, всплеснувъ руками:

— Ахъ, сударь мой братецъ!

Анна Гавриловна безъ словъ подошла къ отцу и склонила ему на плечо свою головку. Эта безмолвная просьба могла быть дѣйствительнѣе всякихъ словъ. Гаврила Михайловичъ это чувствовалъ.

— Прочь, бабье! сказалъ онъ, отводя рукою дочь. — Вы, матушка-сестрица, извольте идти отдыхать съ пути; а ты, дочка, ступай, дитя колыши! Да не учишь вязнуть на слѣду мужа: а дѣлай такъ, чтобы мужъ къ тебѣ шелъ, а не ты у него на глазахъ торчала. Ступайте обѣ; а мы вотъ съ зятькомъ побесѣдуемъ.

Анна Гавриловна и пошла было за тетушкою генеральшею; но переступая за порогъ залы, она остановилась.

— Анюта! сказалъ Марка Петровичъ и показалъ ей рукою на дверь.

Анна Гавриловна скрылась.

— Такъ вотъ, дорогой зятекъ, оставшись на салютѣ, сказалъ Гаврила Михайловичъ: — позабылъ ты это?

— Да и вы-то, батюшка, вспомнили: спустя пору, въ лѣсъ по малину идти, сказалъ Марка Петровичъ.

— Какъ такъ?

— И конечно такъ, говорилъ Марка Петровичъ. — Коли бы вы меня въ ту пору да поймали — не гдѣ дѣться? Ваша воля бы была. Укралъ да поймался, не проси милости. По дѣломъ вору и мука. А теперь какой я вамъ воръ? Я честный мужъ вашей честной дочери и вамъ, честному отцу, полагать на меня безчестье нельзя.

— Ой ли? сказалъ Гаврила Михайловичъ и немного задумался. — Марка!

— Что, батюшка?

— Я тебя высѣку.

— Ну, это еще бабушка на двое ворожила, сказалъ Марка Петровичъ.

— Да вѣдь ты понимай меня, Марка! съ жаромъ говорилъ Гаврила Михайловичъ. — Вѣдь я тебя вовсе не хочу сѣчь: ты теперь, почитай, моя плоть и кровь — сынъ мой по дочери; а все-таки я тебя высѣку, Марка!

— Да что же это за напасть такая? сказалъ Марка Петровичъ. — Вы меня, батюшка, не хотите сѣчь, а добиваетесь высѣчь?

— Марка! говорилъ Гаврила Михайловичъ, подступая къ Марку Петровичу. — Сынъ мой, понимай меня, Марка! говорилъ онъ. — Я не хочу тебя сѣчь, чтобы тебя высѣчь, Марка; а я тебя высѣку, Марка, потому что я сказалъ, что высѣку тебя, Марка!

— Э, э, э! тоже сказалъ Марка Петровичъ: — Раскуткудахта-лась курица, прежде чѣмъ яйца снесла... Нѣтъ, ужь извините, батюшка: своя кожа не чужая одежда. Выпьемте-ка лучше вина.

— Нѣтъ, Марка! отводилъ рукою подаваемый бокаль Гаврила Михайловичъ. — Не хочу я вина. Ты взгляни на мою старость, Марка. Ты молодой человекъ, только-что нарекаешься на свѣтъ жить, и ты, Марка, сказалъ свое слово и исполнилъ. А я дѣдъ побѣлѣлый; глянь ты на меня, Марка! и чтобы я вѣкъ свой изжилъ и не научился тому, Марка: коли я слово свое говорю, то значить, не на вѣтеръ лаю.

Даже заплакалъ Гаврила Михайловичъ.

— Но вѣдь это, Богъ знаетъ, что такое, батюшка! говорилъ Марка Петровичъ, въ странной нерѣшительности глядя вокругъ и на плачущаго старика. — Чтобъ я даль себя высѣчь вамъ...

Всталъ съ мѣста Марка Петровичъ.

— Дай я тебя высѣку, Марка, сынъ мой! просилъ Гаврила Михайловичъ. — Коли ты укралъ мою дочь, и она тебѣ по сердцу жена, дай я тебя высѣку, Марка!

Марка Петровичъ топнулъ ногой. На столѣ стоялъ бокаль не выпитый вина. Марка Петровичъ взялъ его и выпилъ до дна.

— Сѣки, отецъ! сказалъ онъ. — Больно сѣки. Пусть же все люди знаютъ и поминаютъ, что я укралъ твою дочь, и что она есть мнѣ по сердцу размилая жена! Сѣки меня.

Гаврила Михайловичъ всталъ, какъ выросъ.

— Господи, Царю мой! воздѣлъ онъ руки къ образамъ, — благодарю Тебя, что Ты меня создалъ, что Ты меня воспиталъ, человѣкомъ межъ людьми поставилъ, и что Ты, мой Господи, на старости лѣтъ не посрамилъ меня! положилъ земной поклонъ Гаврила Михайловичъ. — Марка, сынъ мой, иди за мной.

— Некуда идти, отецъ. Сѣки меня здѣсь... Но сѣки меня самъ, отецъ: чтобъ меня не касалась холопская рука!

— Правда твоя, сынъ мой. Пожди меня.

Вышелъ Гаврила Михайловичъ изъ дому, и самъ нарѣзалъ прутьевъ.

И воровтившись отхлесталъ Гаврила Михайловичъ сына не шутя, такъ, какъ бы онъ отхлесталъ за провинность какую Фильку или Оомку какого, только не своею барскою рукой..

Крѣпко обнялись послѣ этого и поцѣловались отецъ съ сыномъ.

— Теперь ты мой, Марка; а я твой на вѣки вѣчные, въ верхъ твоей головы цѣлую тебя. И Гаврила Михайловичъ поцѣловалъ въ голову Марка Петровича. — Пусть тебя твой сынъ, а мой внукъ Гаврила утѣшить такъ, какъ ты утѣшилъ меня, не посрамилъ старика! Отступилъ Гаврила Михайловичъ и поклонился низкимъ поклономъ въ поясъ Марку Петровичу. — Сокрушилъ ты было меня совсѣмъ, сынъ мой родной! Ну, да и утѣшилъ, Марка! Опять братски обнялись и поцѣловались отецъ съ сыномъ. — Пойдемъ же теперь вмѣстѣ.

И Гаврила Михайловичъ, взявши подъ руку нареченнаго сына, шелъ съ нимъ вмѣстѣ по барскимъ покоямъ своего дома, въ которыхъ покояхъ Гаврила Михайловичъ самъ больше семи лѣтъ какъ не былъ, со свадьбы своей старшей дочери. Анну Гавриловну они нашли въ самой послѣдней комнатѣ.

Тревожно и грустно пріютившись въ молельнѣ матери, она во всей точности исполняла завѣтъ отца и качала свое дитя на своихъ колѣнахъ, когда отецъ и мужъ, широко растворяя двери, явились передъ нею, довольные собою въ высшей степени.

— Анна! сказалъ Гаврила Михайловичъ; — я взялъ отъ тебя зятя, а теперь привожу сына, — слышишь, Анна? моего роднаго сына.

— Слышу, батюшка!

Хотѣла подняться Анна Гавриловна и не могла за своимъ сыномъ, который лежалъ у нея на колѣняхъ. Анна Гавриловна

протянула руку къ отцу, и гордый старикъ, ни передъ кѣмъ не гнувшій своей шеи, теперь низко нагнулъ ее, чтобы дать дочерниной рукѣ обвиться вокругъ нея.

— Хорошо, Анна! сказалъ Гаврила Михайловичъ, принявъ третій, четвертый и пятый поцѣлуй дочерниной нѣжности, радости и благодарности. — Слушайте, дѣти! сказалъ онъ съ глубокою грустію:—порѣшимъ все дѣло за одинъ разъ. Что жъ вы это пріѣхали да и опять покинете меня одного? Тяжело жить одному, дѣти. Я бы и самъ перебрался къ вамъ, да не хорошо, дѣти, старому пѣтуху свою насѣсть бросать.

— Подлинно не хорошо, батюшка, сказалъ Марка Петровичъ.—Такъ мы, молодые, возлѣ васъ гнѣздо соведемъ.

— Ой ли? Правда твоя, Марка?

— Истинная, подтвердилъ Марка Петровичъ.

— Ну, а ты, дочка, не станешь перечить мужу?

— Батюшка! батюшка!.. сказала Анна Гавриловна.

— Ну, хорошо, дѣти! спасибо, дѣти! тихо повторялъ Гаврила Михайловичъ, глубоко умиленный и растроганный, наклонивъ къ груди свою старую голову.

Но не такъ былъ могучъ сидюу, и волей, и привычками своего барства Гаврила Михайловичъ, чтобы ему можно было удовольствоваться этою тихою отрадой умиленного сердца и на радостяхъ не распахнуться душою во всю вольную волю широкаго чувства.

— Старосту! сказалъ Гаврила Михайловичъ, выходя отъ дѣтей и своимъ шествиѣмъ озаряя дѣвичью, чайную и другія переходныя комнаты, которыя, еще долѣ парадныхъ покоевъ, не зрѣли въ себѣ господскаго присутствія. И едва вступилъ въ свой кабинетъ Гаврила Михайловичъ, какъ уже староста стоялъ передъ нимъ.

— Ефремъ ты мой братецъ! господа молодые пожаловали.

Хотя Гаврила Михайловичъ могъ быть совершенно увѣренъ, что Ефремъ уже знаетъ о томъ; но съ его стороны, со стороны Гаврилы Михайловича, эти слова были точно такимъ же изъявленіемъ его барской милости, какъ и царскій спросъ о здоровьѣ въ нашей древней до-петровской Руси. Ефремъ это хорошо чувствовалъ и низкимъ поклономъ отвѣчалъ Гаврилѣ Михайловичу.

— Господа молодые пожаловали, повторилъ Гаврила Михайловичъ: — и что привелъ намъ Богъ здорово принять ихъ и

окрестить нашего внука и наследника, а вашего барина, Ефремъ, дай знать во всё вотчины: подушное за нынѣшній годъ я плачу, недоимки какия есть по казнѣ—нѣтъ ихъ: я плачу.

Ефремъ повалился въ ноги Гаврилѣ Михайловичу.

— Подожди, пока все услышишь, тогда поклонись, оставилъ Гаврила Михайловичъ.—Кто забиралъ хлѣбъ и не отдавъ, простить ему; кто чѣмъ виненъ по барщинѣ, простить барщину; дворовымъ выдать, отъ стараго до малаго, по пуду пшеничной муки на душу; въ застольную кабана убить и всёмъ сказать, что я жалую всёхъ своею барскою милостію и великимъ пиромъ черезъ десять дней.

Ефремъ въ ноги поклонился Гаврилѣ Михайловичу, и сказалъ ему своимъ словомъ:

— Спасибо тебѣ, батюшка Гаврила Михайловичъ! Вели намъ съ хлѣбомъ-солью на поклонъ къ молодымъ господамъ быть.

— На малый поклонъ, опредѣлилъ Гаврила Михайловичъ.— Пусть дворовые съ поклономъ придутъ, а крестьянамъ ждать дня великаго пира.

Затѣмъ Гаврила Михайловичъ вошелъ въ хозяйскія распоряженія по случаю великаго пира. Повелѣлъ пшеничные корованъ печь, пиво варить, медъ варить, вино ужь курилось у Гаврилы Михайловича, и велѣлъ онъ позвать къ себѣ Фильку, который часто былъ отправляемъ въ вотчинный объѣздъ.— Филька ты, Филимонъ Антоновъ! сказалъ Гаврила Михайловичъ представшему Филькѣ,—слышалъ ты чай, что я жалую васъ отсель десятымъ днемъ моимъ великимъ пиромъ, чтобы вы похвалялись барскою милостію, а я Божьимъ милосердіемъ. Собрать мнѣ нищихъ три ста, чтобы въ десятый день во дворъ ко мнѣ были. Вотъ тебѣ приказъ, Филька. Ступай.

Нельзя сомнѣваться, чтобы довѣренный слуга Гаврилы Михайловича не употребилъ всего своего старанія и всёхъ своихъ служебныхъ мѣръ во исполненіе барской воли, но треста нищихъ не могъ насобирать Филька. Онъ собралъ по дорогамъ всёхъ калѣкъ переходящихъ, позабиралъ отъ церкви хромыхъ, слѣпыхъ, присѣдящихъ старухъ, завербовалъ, какихъ могъ, богомолкъ, по пути просившихъ милостыню; но все еще далеко не восполнялось число, означенное Гаврилою Михайловичемъ. Филька изъ кожи лѣзь. Гдѣ встрѣчалъ старика и старуху, Христомъ-Богомъ молилъ ихъ, чтобъ они пошли въ старцы на великій пиръ къ

Гаврилъ Михайловичу, но старики и старухи, въ свою очередь, крестились и молились, чтобы сохранилъ ихъ Богъ и Богородица Матерь идти заѣдать кусокъ Христовой братіи. Такимъ образомъ Филька, въ страхъ и въ великомъ сумнѣніи, явился передъ Гаврилу Михайловича и, чуть не кланяясь ему въ ноги, объявилъ:

— Батюшка Гаврила Михайловичъ! не положите великаго гнѣва: нѣту нищихъ, чтобы ихъ три ста было.

— Нѣту? спросилъ Гаврила Михайловичъ, оборачиваясь всѣмъ лицомъ къ Филькѣ.—Хоть роди, а чтобъ у меня были!

И родилъ Филька. Отправившись отъ лица барина съ такимъ положительнымъ повелѣніемъ, онъ опять бросился по всѣмъ дорогамъ, и на одной изъ нихъ, къ своему великому благополучію, Филька увидѣлъ цѣлый таборъ цыганъ, отправлявшихся на ярмарку съ медвѣдями и съ своими цыганятами, которые въ той самой одеждѣ, въ какой родила ихъ мать, грѣлись, выплясывая, противъ осенняго солнышка. Филька предложилъ отцамъ табора явиться, подъ извѣстнымъ условіемъ, всѣмъ имъ, со всѣми ихъ цыганятами на великій пиръ къ Гаврилѣ Михайловичу, и Филька не встрѣтилъ ни малѣйшаго затрудненія. Весь таборъ запѣлъ, заплясалъ, заговорилъ радостно на своемъ гортанномъ непонятномъ нарѣчьи, и вслѣдъ за Филькою таборъ прихлынулъ къ деревнѣ Гаврилы Михайловича. Это было какъ разъ наканунѣ великаго пира; а въ самый день его Гаврила Михайловичъ имѣлъ свое барское удовольствіе видѣть, что заповѣданное имъ число не умалилось, и три ста нищихъ сидѣло на Христовой трапезѣ у него.

Говорить о гомерическихъ пропорціяхъ всего, что было съѣдено, выпито и пролито на великомъ пиру у Гаврилы Михайловича, покажется немножко баснословнымъ. Довольно сказать: четыре жареныхъ быка стояли по сторонамъ четырехугольнаго двора Гаврилы Михайловича, а посрединѣ возвышался помостъ, устланный красными кумачами, и на помостѣ стоялъ пятый быкъ, золотые рога и посеребрянныя копыта. Вокругъ быка цѣлымъ стадомъ столпилось пятьдесятъ жареныхъ барановъ и восемь кормленныхъ кабановъ подняты были на заднія ноги и, разодѣтые въ шапки и въ длинные сѣремяжные кафтаны, подпоясанные поясами, они, на потѣху крещенаго міра, являли изъ себя пастуховъ и стерегли свое стадо, опершись на толстыя суковатыя палки. И это былъ еще не

настоящій пирь, а было оно только добавленіе къ пиру. Годовая дворянская пропорція вина, которую тогдашнее правительство дозволяло выкуривать владѣльцамъ, вся была выпита въ одинъ тотъ день у Гаврилы Михайловича, и еще потребовалось добавленіе, кромѣ добавленій меду и пива, и еще другаго меду извѣстнаго подъ именемъ «воронца», самаго крѣпкаго и пьянаго питья, заповѣданнаго издревле русскому міру. «Пей и лей, душа, сколько хоч! Батюшка Гаврила Михайловичъ всѣхъ жалуетъ себѣ на барскую честь, а вамъ на веселіе!» восклицали распорядители пира, ходя между народомъ и перевязанные крестъ-на-крестъ длинными расшитыми полотенцами и помахивая краснымъ платкомъ въ рукахъ. «Пей и лей!» подхватывали сотни голосовъ, и медъ-пиво пилось, и вино лилось на честь-хвалу батюшкѣ Гаврилѣ Михайловичу и на веселіе разгулявшемуся русскому люду.

Въ одно время съ этимъ надворнымъ людскимъ пиромъ, въ домѣ у Гаврилы Михайловича шелъ его собственный барскій пирь. И таковъ былъ этотъ пирь, что многія молодыя барыни, которыя были на немъ, по самый конецъ своей жизни, ставши уже старыми старухами, все еще поминали о немъ и ставили мѣриломъ всякаго выходящаго изъ ряда прѣзднества. «Почитай какъ на великомъ пиру у Гаврилы Михайловича!» говорили въ величайшую похвалу. И самъ Гаврила Михайловичъ былъ чрезвычайно веселъ и доволенъ самъ собой и своими гостями на своемъ великомъ пиру. Усадивъ своихъ дѣтей, какъ виновниковъ прѣзднества на первомъ почетномъ мѣстѣ, Гаврила Михайловичъ не садился за столъ и исполнялъ обязанность самаго внимательнаго и любезнаго хозяина, ходя вокругъ своихъ гостей и подчюя ихъ. Но хотя Гаврила Михайловичъ не садился за обѣденный столъ, и приборъ его оставался не занятымъ, а когда, подъ конецъ стола, Гаврила Михайловичъ присѣлъ къ своему прибору и спросилъ себѣ непочатую стопу вина, гости все поднялись съ своихъ мѣстъ и поклонились Гаврилѣ Михайловичу, желая ему здорово пить, здорово подчивать. И подчиванье началось.

Въ старину и не великій прѣздникъ не могъ оканчиваться однимъ днемъ; а великое пированье Гаврилы Михайловита продолжалось вплоть до Покрова. И отпраздновавши подрядъ престошный прѣздникъ и годовщину похищенія Анны Гавриловны, на другой день, въ шумномъ и многолюдномъ сборѣ, какъ никогда, съѣзжала со двора охота Гаврилы Михайловича.

За нею тянулись десятки гостиныхъ экипажей, позади ѣхала Анна Гавриловна съ нянками, мамками и со своимъ сыномъ Гаврилой, и все это направлялось переѣздомъ въ главную вотчину Марка Петровича, отстоявшую, какъ говорено было, верстѣ на десять. Тамъ дѣля время межъ охотою и пирами, между отъѣзжавшими и новоприбывавшими гостями, хозяева, такимъ образомъ, слѣдовали переѣздами изъ одной своей вотчины въ другую, давая вездѣ праздники людямъ, какъ этого непремѣнно требовалъ старинный обычай, чтобы молодые господа обдаривали подарками и деньгами дворовыхъ, и никогда не забывали привѣтить крестьянъ привѣтомъ ихъ барской хлѣбъ-соли. И только за три дня до Рождества Христова Гаврила Михайловичъ и его молодая семья воротились со своего вотчиннаго объѣзда и сѣли на домосѣдство въ ихъ обычномъ барскомъ жильѣ.

Но что же новаго оказалось въ этомъ новомъ гнѣздѣ, которое прикрывалъ своими крыльями такой старый и могучій кокошъ, какъ былъ Гаврила Михайловичъ? Много новаго. Кто зналъ Гаврилу Михайловича только вдовцомъ, не выходящимъ изъ своего кабинета, который только за столомъ почетно исполнялъ должность хозяина, тотъ весьма бы удивился, встрѣтя въ гостиной, расписанной вѣнками и амурами, сѣдаго балагура, все съ тою же болтающеюся туфлей на ногѣ, который, однажды занявъ себѣ избранное мѣстечко, глядѣлъ оттуда показнымъ орломъ и, играючи, шутилъ шутку здоровымъ словомъ. Не менѣе интересенъ былъ Гаврила Михайловичъ, когда онъ молчалъ и принимался за то, что онъ на своемъ нарѣчїи называлъ «жечь деньги». Это значило курить табакъ. На китайскомъ подносикѣ, возлѣ Гаврилы Михайловича всегда былъ насыпанъ отличный турецкій табакъ, искрошенный въ самыя тончайшія ниточки. И Гаврила Михайловичъ самъ набивалъ свою короткую трубочку и поворачивая голову къ дверямъ, обыкновенно весело произносилъ: «Комариная Сила, деньги жечь!» Являлся Комариная Сила, выкресалъ огня, зажигалъ немножко трута, и Гаврила Михайловичъ закуривалъ свою маленькую трубочку. Но когда Гаврила Михайловичъ курилъ ее? Задавъ тему разговора и умѣючи затронувъ живыя струны своихъ собесѣдниковъ, Гаврила Михайловичъ оставалъ ихъ, какъ пѣтуховъ на бою, отодвигался поглубже въ свое кресло и закуривалъ трубочку. И здѣсь-то, вдыхая въ себя тонкій ароматный табакъ, Гаврила Михайловичъ

наслаждался не менѣе тонкимъ, лукавымъ удовольствіемъ стариннаго русскаго человѣка: «не любо не слушай, а лгать не мѣшай». И Гаврила Михайловичъ никакъ не мѣшалъ. Онъ курилъ и покуривалъ свою маленькую трубочку, и только иногда сильное пуфъ вылетало изъ устъ Гаврилы Михайловича, и въ тонкомъ ароматномъ дыму, огнемъ лукавой веселости, свѣтились его глаза подъ поблѣвшими бровями.

Очень любилъ это свое покуриванье Гаврила Михайловичъ. Почти столько же, какъ онъ любилъ, въ довольствѣ своего сердечнаго чувства и въ удовлетвореніи своей не малой гордости, понимать то, что Марка Петровичъ какъ бы находился въ пріймахъ у него. Зять Гаврилы Михайловича, который былъ едва ли не въ подтора побогаче тестя, и онъ былъ принятъ къ тестю во дворъ, жилъ, что-называется, на хлѣбахъ у него. Очень любилъ на этотъ счетъ пошучивать Гаврила Михайловичъ.

— Слыхали ль вы, господа, про коня такого, спрашивалъ онъ: — что изъ рѣки воды не пьеть, а въ колодезь копытомъ бьеть?

— Слыхать-то не слыхали, а видать, можетъ-быть, и видали. Значить, хорошій конь, отвѣчалъ любимый собесѣдникъ Гаврилы Михайловича. — По рѣкѣ всякая дрянъ идетъ; а изъ колодезя человѣкъ пьеть, и хорошему коню того надобно.

И Гаврила Михайловичъ и Марка Петровичъ бывали очень довольны подобнымъ отвѣтомъ.

Но то, о чемъ говорилъ и по самую смерть свою не могъ вѣдаться наговориться Гаврила Михайловичъ, не могъ вдоволь наслушаться всѣхъ малѣйшихъ подробностей, это было разказыванье объ обстоятельствахъ похищенія Анны Гавриловны.

— А ну, Марка, разказывай, какъ ты кралъ? спрашивалъ Гаврила Михайловичъ. — Какъ твоя мудрость перемудрила мою премудрость?

И Марка Петровичъ начиналъ разказывать со всѣми мельчайшими подробностями. Какъ, ѣхавши съ пира, онъ уже положилъ на томъ: коли взялся за гужъ, то и не говори, что не дюжъ, хоть огонь и воду пройди, а уже выкрасть Анну Гавриловну! Десять разъ попасться, да хоть въ одиннадцатый дать себя знать!

— Вишь ты какой въ батюшку роднаго зародился! замѣчалъ Гаврила Михайловичъ.

— Да и въ тестя-батюшку отлился, отвѣчалъ Марка Петровичъ.

— Ну, ну! разказывай дѣяс.

И Марка Петровичъ продолжалъ разказывать свое дѣло:

— Что рано пробовать, все одно, что съ жару рвать: не наѣшься, только губы пожжешь. И потому онъ вовсе не хотѣлъ изъ самаго начала пробовать, и уѣхалъ въ Москву и въ Петербургъ на службу, чтобъ дать по себѣ и слѣду простыть, чтобъ всякая вѣсть о немъ запропала.

— И запропала, подтверждалъ Гаврила Михайловичъ.

— Вотъ какъ она запропала, говорилъ Марка Петровичъ:— а я, молодецъ, и явился тутъ днемъ съ огнемъ и вечеромъ безъ свѣту.

То-есть Марка Петровичъ явился съ чрезвычайною осторожностью. Уже въ имѣніе свое, находившееся версть за сто отъ Гаврилы Михайловича, онъ пріѣхалъ тайно; оставилъ тамъ коляску, лошадей, и, переодѣвшись въ мужицкое платье, онъ, вдвоемъ на повозкѣ, прикатилъ сюда. Да вѣдь куда? Въ старые кирпичные сараи, которые у Марка Петровича, запущенные и заброшенные, стояли за деревней подъ лѣсомъ. Отсюда Марка Петровичъ принялся за развѣдки, и увидѣлъ, что дѣло крѣпко. Гаврила Михайловичъ, какъ старый воробей, не поддается на мякину. И цѣлый сентябрь мѣсяцъ Марка Петровичъ, въ армякѣ и въ мужицкой шапкѣ, прожилъ въ кирпичныхъ ямахъ. «Смерть тошно станеть, говорилъ онъ. Валяюсь по соломѣ, какъ медвѣдь въ берлогѣ; да еще какъ вспомню, что желанная моя Анна Гавриловна пятый мѣсяцъ въ затворѣ сидитъ и самый свѣтъ ей дневной, почитай, черезъ глаза Насти Подбритой проходитъ, просто душа разрывается. Кажется бы, я желѣзные ворота на себѣ вынесъ и одинъ на сто человекъ пошелъ, да—ба! И пойдешь да ничего не возьмешь. Ну, да уже крѣпись-некрѣпись старый волкъ на сторожѣ, говорилъ Марка Петровичъ въ лицо старому волку, а ужъ на Покровъ будетъ въ заутренѣ Анна Гавриловна! Нельзя тому, чтобъ не быть.»

И въ этой совершенной увѣренности, Марка Петровичъ за три дня до Покрова, отправился тайно въ то свое имѣніе, куда онъ прибылъ изъ Петербурга, и гдѣ оставилъ свою коляску и своихъ бурыхъ, и перерядился въ сѣраго мужика. Тамъ Марка Петровичъ распорядился всѣмъ. Осыпавъ золотомъ попа и дьякона, и дьячка и самого пономаря, онъ предоставилъ имъ праздновать праздникъ Покрова, какъ они знаютъ; только послѣ обѣдни отслужить занего молебенъ, поминая и Анну. Но чтобъ съ полуночи праздника и до обѣда другаго дня, попъ въ ризахъ и весь причетъ при немъ безысходно были въ церкви! Чтобъ

вѣнцы на налоѣ лежали, свѣчи горѣли и ни малѣйшей остановки чтобъ не могло къ вѣнчанію быть! Какъ только покажется въ церковь Марка Петровичъ, чтобъ попъ тотчасъ начиналъ, не дожидаясь приказа. Дальше Марка Петровичъ занялся распоряженіями въ своемъ барскомъ домѣ. Комнаты были отоплены, убраны; груды серебра вынесены изъ кладовыхъ; обѣдъ заказанъ свадебный. Старыя фрейлины, служившія матери Марка Петровича помолодѣли, суется и готовясь послужить новой своей, молодой барынѣ. За тѣмъ Марка Петровичъ назначилъ мѣста для подставочныхъ лошадей; велѣлъ извѣстными путями и глухими деревнями быть къ нему въ кирпичные сараи половинчатой коляскѣ и бурымъ въ маслѣ. И за день до Покрова все было исполнено, какъ по писанному: лошади и люди, все находилось по своимъ мѣстамъ, и Марка Петровичъ подъ вечеръ прибылъ изъ города, условясь тамъ съ своимъ молочнымъ братомъ. Только-что гораздо свечерѣло, любимый доѣзжачій Марка Петровича прошелся по барскому красному двору и свиснулъ онъ разъ; но сгода немного, свиснулъ въ другой... Охотники, кто ужиналъ, кто съ бабой бранился, кто чтобъ ни дѣлалъ, бросили ложки, утирались полой и, не добранившись съ бабой, по третьему свисту лѣзли, какъ сѣрые волки, вонъ изъ дверей. «Куда васъ нелегкая несетъ? напрасно допрашивались.— Въ такую непогодъ собаки не выгонешь изъ сѣней». Но охотники шли и шли, и, проходя по деревнѣ, еще свиснули разъ и другой. На молодецкій свистъ со многихъ сторонъ слышались отзывные посвисты, и челоуѣкъ болѣе полутораэта нагрянуло къ кирпичнымъ сараямъ. «Ребята! молодую барыню добывать», объявилъ имъ Марка Петровичъ, и разказалъ что дѣлать и какъ дѣлать. Ребята рады бы были на ножи идти. На тройкахъ, верхами и пѣшкомъ, они съ разныхъ сторонъ наступили въ деревню Гаврилы Михайловича, и, по первому удару колокола къ заутренѣ, заняли свои мѣста въ церкви. Цѣлая улица ихъ, по два въ рядъ, сходила по всѣмъ ступенямъ церковнаго крыльца и смыкалась и разступалась, какъ они того хотѣли. Оттереть заднихъ провожатыхъ Анны Гавриловны было дѣло «крылечныхъ»; а «церковные» должны были повершить дѣло, и такъ ли, сякъ ли, а вырвать Анну Гавриловну изъ когтей Насти Подбритой и Софьи Мазаной. Первую даже велѣно было придушить немощно, еслибъ она не въ пору принялась горланить. Но все совершилось такъ быстро и ловко, что не для чего было прибѣгать къ этому по-

слѣднему средству. Анна Гавриловна, мгновенно скрытая подъ армякомъ и мужицкою шапкою, была выведена изъ церкви, посажена на простую тройку, и уже Марка Петровичъ самъ схватилъ вожжи въ руки, когда Настя Подбитая еще металась по церкви, восклицая: «ахъ, батюшки! ахъ, родные мои!» и не могла высвободиться изъ живой сѣти сѣрыхъ мужиковъ, которые окружали ее со всѣхъ сторонъ.

— Стой! очень часто на этомъ мѣстѣ разказа останавливалъ Гаврила Михайловичъ Марка Петровича. — Что ты, нарядилъ мою дочь въ армякъ и въ мужицкую шапку, развѣ она тебѣ мужичка далась? Какъ ты смѣлъ, Марка, ее на простой телѣжкѣ везти?

— Э-э, батюшка! отвѣчалъ Марка Петровичъ.—Нужда измѣняетъ законъ. Да и Анна Гавриловна не гнѣвалась. А вамъ чего бы хотѣлось? Чтобъ я въ своей половинчатой коляскѣ, да на моихъ бурыхъ явился къ вамъ? Не на такого напали, говорилъ Марка Петровичъ. Гдѣ—волчій ротъ, а гдѣ лисій хвостъ, мы, батюшка, этому уму-разуму учились. Бурые ждали насъ, да только верстъ на десять подальше отъ вашей деревни. А то, чтобъ я очертя голову и съ бараньимъ мозгомъ во лбу, внесся къ вамъ въ середину деревни, пусть оно и ночь была; да бурые-то мои задали бы вамъ разсвѣту! говорилъ Марка Петровичъ.—Вся деревня бы всполохнулась, да и вамъ, батюшка, померещился бы вѣщій сонъ, какъ мои бурые о полночи заржали бы, заготовали на деревнѣ у васъ, и серебряныя-то цѣпи ихъ звякнули позвонче того, какъ у васъ въ било колотили ваши сторожа!

— Ну, дальше, произносилъ Гаврила Михайловичъ, убѣдившись, что не было нанесено безчестье его дочери; а такъ оно по дѣлу приходилось, чтобъ ее на простой телѣжкѣ везти.

— А дальше еще вамъ хуже покажется, батюшка! говорилъ Марка Петровичъ.—Какъ вамъ это покажется? Что едва мы успѣли въ коляску пересѣсть, увидѣлъ я на большой дорогѣ обозъ, и вижу, что хохлы съ обозомъ не отъ города, а къ городу идутъ. «Стой! говорю... Хохлы Максимовичи! снѣлъ я шапку, кланяюсь имъ. Вотъ такъ и такъ, говорю: укралъ дочь у отца, да боюсь погони. Дайте схорониться къ обозу у васъ; а отецъ пусть себѣ догоняетъ вѣтра въ полѣ. Могарычъ мой, хохлы Максимовичи.»

— Только одинъ могарычъ? началъ головою Гаврила Михайловичъ.

Тамъ ужь моя рука-владыка была, отвѣчалъ Марка Пётровичъ.—Только какъ вамъ это, батюшка, покажется? Приступилъ я къ Аннѣ Гавриловнѣ. «Желанная моя, несравненная! говорю: потрудитесь, не погнѣвайтесь! Дайте я васъ въ обозѣ схо-роно.»

— Анна! звалъ къ себѣ передъ лицо дочь Гаврила Михайловичъ.... — И ты, позабывши, какого ты отца рожденіе, Анна, дала себя въ хохлацкомъ обозѣ захоронить! Своею ты вольною волею дала?

— Батюшка! нашли чтѣ спрашивать? отвѣчала улыбаясь Анна Гавриловна.—Я себя самое не помнила; не знала день ли, ночь ли у меня въ глазахъ.... Вѣрно своею волею, когда полдня пролежала, какъ убитая, на куляхъ съ мукою, прикрытая сверху рогожей.

— Дѣвка! восклицалъ Гаврила Михайловичъ, ударяя по воздуху рукою.—Родится и умретъ дѣвкой! Ей ли у меня не житье было? Нѣтъ! ты сколь волка ни корми, а онъ все тебѣ въ дѣсъ глядитъ.

— И мы, батюшка, подтверждалъ Марка Петровичъ,—ничего столько не хотѣли, какъ поскорѣе добраться до дѣсу. И какъ добрались мы милостию Божіею, какъ моя карета тронула съ мѣста, и я увидѣлъ себя, что сижу съ Анною Гавриловной въ каретѣ, вотъ только когда у меня отъ сердца отлегло! Стала я на оба колѣна въ каретѣ, сѣрымъ мужикомъ передъ Анной Гавриловною стою, и только этимъ часомъ началъ просить, чтобъ Анна Гавриловна простила мнѣ, отпустила, дала свою ручку поцѣловать, что я протомилъ ее: пять мѣсяцевъ не крагъ, и теперь, укравши, обезпокоилъ ее, мою желанную, не-ваглядную!

— И чай Анна Гавриловна великаго гнѣву не положила на тебя? замѣчалъ Гаврила Михайловичъ.

— Про то мы знаемъ, батюшка, съ Анной Гавриловною, отвѣчалъ Марка Петровичъ.

— Ну, ну, дальше! улыбался старикъ.

И Марка Петровичъ смотрѣлъ на Гаврилу Михайловича и улыбался.

— Дальше мы летомъ перелетѣли, говорилъ онъ. — Еще свѣтъ на зарю не занимался, гляжу я съ горы: вся въ огняхъ видна моя церковь. Пошелъ! крикнулъ я... И спасибо батюшкѣ-шопу! говорилъ Марка Петровичъ.—Не успѣли мы на порогъ

церкви стать, какъ уже онъ' на встрѣчу намъ: «гряди, гряди, невѣста!...»

— И такъ какъ былъ мужикомъ, такъ ты и подъ вѣнецъ сталъ сивымъ мужикомъ? не скрывалъ своего изумленія Гаврила Михайловичъ.—Ну, счастливъ ты, братъ, что я не дѣвка, говорилъ онъ:—что моя дочь не въ отца пошла: она бы тебя, мужика сиваго, не поцѣловала!

Марка Петровичъ чрезвычайно весело смѣялся и приводилъ пословицу: полюби меня вчернѣ, а вбѣлѣ-то меня всякъ полюбить.

— За то какимъ я щеголемъ явился къ Аннѣ Гавриловнѣ послѣ вѣнца, вы спросите, батюшка! въ утѣшеніе Гаврилъ Михайловичу говорилъ Марка Петровичъ.—Хоть бы и вы, такъ заплѣли бы мнѣ пѣсню:

У него ль кудри,
Кудри русыя,
Порасчесаны,
Разбумажены,
По плечамъ лежать,
Полюбить велать!

— Да гдѣ жъ они *русыя*-то у тебя? спрашивалъ Гаврила Михайловичъ.

— Батюшка! вступалась Анна Гавриловна:—еще лучше, чѣмъ *русыя*, коли онѣ какъ смоль черныя.

— Ну, бабій толкъ! говорилъ Гаврила Михайловичъ, и требовалъ себѣ продолженія разказа.

Конецъ разказа былъ менѣе интересенъ по своимъ подробностямъ и заключалъ въ себѣ увѣдомленіе о томъ, что съ большимъ опасствомъ перебивши тотъ день въ имѣніи, Марка Петровичъ и Анна Гавриловна на утро, едва допустя самую почетную дворню къ цѣлованію руки, извоили отправиться по пути къ Москвѣ и Петербургу. Въ Москвѣ у Марка Петровича былъ свой домъ, и жила его богатая знатная родня. Анну Гавриловну всѣ душой полюбили и на совѣтѣ родственномъ положили такъ: что не писать, не являться къ отцу; а ждать, чѣмъ подъ конецъ года благословить Господь? И въ общемъ желаніи, чтобъ это благословеніе было сынъ, а не дочь, Анну Гавриловну напутствовали со всѣхъ сторонъ старушки благими совѣтами. Особенно одинъ изъ нихъ заповѣдывался крѣпко-накрѣпко Аннѣ Гавриловнѣ: чтобъ она по понедѣльникамъ на веходъ солнца по три поклона клала; а по пятницамъ по три

корочки ржаного хлѣба съ солью бѣла, да не нижнихъ корочекъ, а верхнихъ. И вотъ, когда дѣйствіе корочекъ такъ блистательно оправдалось, и родился сынъ у молодыхъ супруговъ, тотъ же самый родственникъ хоръ опредѣлилъ имъ: вѣхать крестить сына къ старому упрямому отцу. Авось онъ рога свои сломить?

Но съ окончаніемъ разказа не все оканчивалось для Гаврилы Михайловича. Онъ входилъ въ разсужденія и въ предположенія, что еслибы вотъ такъ оно было, не вышло бы оно этакъ.

— Не повстрѣчайся хохлацкій безмозглый обозъ, не укралъ бы ты, Марка, дочь у меня. А теперь хоть ты и укралъ, да смѣхъ курамъ сказать: на волахъ ты жену себѣ кралъ!

— А вы и на лошадяхъ гнали да не догнали.

— Что?.. почти съ мѣста поднимался Гаврила Михайловичъ.

— Коли бѣ ты честно, на открытую руку кралъ, такъ я бы тебя догналъ и хорошаго тебѣ перцу задалъ!

У Марка Петровича тоже загорались глаза.

— Коли правду говорить, такъ вамъ, батюшка, самимъ придется перець кушать, говорилъ онъ.

Но Анна Гавриловна, обыкновенно зорко слѣдившая за докончаньемъ разказа о своемъ похищеніи, умѣла найдти способъ быть именно, какъ говорится въ поговоркѣ, мужъ съ огнемъ, а жена съ водою, хотя Аннѣ Гавриловнѣ предстоялъ вдвойнѣ трудъ запастись водою и для отца и для мужа. Но Анна Гавриловна умѣла самыя простыя средства до того разнообразить и предлагать то отцу, то мужу, что мужъ и отецъ, какъ два рыные пѣтуха и совсѣмъ нахлобучившись, чтобы подраться, нвогда не могли сдѣлаться.

Впрочемъ, надобно сказать, что приведенный примѣръ пѣтушиной драки былъ единственный, бросавшій искры между отцомъ и сыномъ. А кромѣ того, зять и тестъ не знали, что такое ссора. «Ты мой, Марка, а я твой на вѣки вѣчные», какъ сказала Гаврила Михайловичъ, такъ оно и исполнялось на самомъ дѣлѣ. Въ простой открытой любви отца къ сыну, у Гаврилы Михайловича проявлялась, можетъ-быть, недовѣдомо ему самому, какая-то уважительная нѣжность къ Марку Петровичу, которая давала себя слышать въ самомъ голосѣ, какимъ Гаврила Михайловичъ произносилъ: «Марка, сынъ мой!» Но что неразрывнѣе всего соединяло отца съ сыномъ, это была та крѣпкая связь двухъ людей между собою, когда глубокая нѣжность одного и вся сила любви другаго покоятся на одномъ и томъ же предметѣ.

И этимъ предметомъ была Анна Гавриловна.

Вынося на себѣ всю глубину отцовской нѣжности и одаренная всею полнотою любви своего мужа, Анна Гавриловна, кажется, должна бы была покоиться на розахъ; а между тѣмъ за Анною Гавриловной покоился мужъ и отецъ. Съ дѣтства приучаемая къ обязанностямъ своего барскаго хозяйства, она выросла въ нихъ, не замѣчая, что это могло быть бременемъ. Для наслѣдницы столбового дворянства и стариннаго русскаго барства не могло быть бременемъ то, что дѣлало Анна Гавриловну настоящею русскою барынею и полновластною госпожею, несмотря на ея шестнадцать лѣтъ. И потому очень понятно, съ какимъ новымъ рвеніемъ Анна Гавриловна вступила въ привычный кругъ ея барскихъ распоряженій, когда этотъ кругъ еще шире передъ нею раздвинулся. Имѣнія отца и мужа слились подъ одно общее управленіе, и обоимъ имъ Анна Гавриловна была одною полною, самостоятельною хозяйкой. Марка Петровичъ до женитьбы мало занимался хозяйствомъ, а послѣ женитьбы, вышедши въ отставку и поселясь у тестя, онъ такъ былъ гордъ своею молодою женою и такъ искалъ выказать передъ всѣми эту свою гордость, что когда къ Марку Петровичу относились съ чѣмъ-нибудь, даже совершенно принадлежавшимъ къ его мужскому хозяйству, онъ и тогда отвѣчалъ: «Этого я не знаю. Это какъ хозяйка знаетъ.» И не прошло полныхъ пяти-шести лѣтъ отъ замужства Анны Гавриловны, какъ въ огромныхъ имѣніяхъ ея отца и мужа, и въ домѣ, въ которомъ было двое мужчинъ, была надо всѣмъ одна хозяйка-женщина. «И, мой голубчикъ дорогой! говорила первоначально Анна Гавриловна, когда еще Марка Петровичъ думалъ иногда самъ поѣхать похозяйничать.—Чего ты, мой свѣтъ, поѣдешь? Я это дѣло лучше тебя знаю. Мнѣ не привыкать стать; а тебѣ по что, мой свѣтъ дорогой, маяться?» И Марка Петровичъ тѣмъ скорѣе соглашался съ доброю волей Анны Гавриловны, что въ послѣдній пріѣздъ изъ Москвы онъ навезъ съ собою большіе короба книгъ и прилежно читалъ ихъ. Но Гаврила Михайловичъ былъ такой человекъ, который умѣлъ крѣпко держать въ рукахъ все, что относилось къ его барской власти, и передать свое управленіе имѣніемъ дочери, ему и въ умъ этого не приходило. Но какъ дочь нечувствительно стала завѣдывать всѣмъ полнымъ хозяйствомъ мужа, и какъ это хозяйство, въ общемъ, соприкасалось съ частными распоряженіями Гаврилы Михайловича, то сдѣлавъ эти распоряженія, Гаврила Михайло-

вичь своимъ словомъ приказывалъ старостѣ: «Поди-молъ, Ефремъ, къ Аннѣ Гавриловнѣ. Что она еще, сударыня, скажетъ?» И Ефремъ привычною дорогой отправлялся къ Аннѣ Гавриловнѣ. И привычка этихъ хозяйственныхъ отношеній Гаврилы Михайловича къ дочери, все больше и больше укореняясь, наконецъ расцвѣла въ полночь чувствѣ отцовской гордости и сознаваемомъ достоинствѣ видѣть свою молодую дочь, едва двадцати-пятилѣтнюю женщину, и стоящую такъ высоко въ ея умѣньи знать все и распорядиться всѣмъ, какъ другія хозяйки и въ двадцать пять лѣтъ замужства не выучивались! Гаврила Михайловичъ, незамѣтно для него самого, не только съ любовью и съ нѣжностію обращался къ Аннѣ Гавриловнѣ; онъ сталъ обращаться къ ней съ уваженіемъ. «Дочка моя, Анна Гавриловна», иначе не называлъ, какъ полнымъ именемъ, Гаврила Михайловичъ.

И когда Анна Гавриловна, обыкновенно вставъ до зари, обойдя и объѣзда поля и работы, побывавши за десять верстъ въ имѣніи мужа, наконецъ около девяти часовъ утра возвращалась къ дому и, побѣждаемая усталостію, склонялась ко сну и засыпала, что дѣлали мужъ и отецъ? Они ходили нацыпочкахъ. Гаврила Михайловичъ даже снималъ свои туфли, чтобы не шаркать ими. «Тише, сыны! мать наша пріуснула», тихо наказывалъ пальцемъ Марка Петровичъ и садился въ дѣтской комнатѣ съ книгою, чтобы дѣти не шумѣли. Домъ весь погружался въ какое-то сладкое онѣмѣніе. Няня, пока жива была, садилась на скамеечкѣ у дверей спальни, гдѣ почивала Анна Гавриловна, и берегла сонъ своей питомицы, какъ нѣкогда берегла его, когда та была еще малымъ ребенкомъ. Пріѣзжали гости, и первое слово, которымъ встрѣчалъ ихъ лакей, отворяя двери: «матушка, Анна Гавриловна, изволятъ быть пріуснувши», тихо докладывалъ онъ. Гости входили осторожно, чтобы не зашумѣть, не стукнуть чѣмъ, и на порогъ своего кабинета, подаваясь въ залу, встрѣчалъ ихъ высокій старикъ, въ шлафоркѣ и безъ туфель. «Просимъ милости вашей, не погнѣвайтесь! говорилъ онъ почти шепотомъ. Хозяюшка наша, дочка моя Анна Гавриловна, пріуснула.» И не то, чтобы Анна Гавриловна малѣйше требовала такихъ заботъ и попеченій о своемъ снѣ. Совершенно нѣтъ. Она почти не знала о нихъ. Неутомимо-дѣятельная, свѣжая, здоровая, она, прохлопотавъ пять и шесть часовъ на воздухѣ, засыпала такимъ крѣпкимъ

здоровымъ сномъ, что можно было играть хоть на трубахъ чуть не у самого ея изголовья и почти не потревожить ея.

Обыкновенно, заснувъ не болѣе часа, Анна Гавриловна весело просыпалась, и это былъ именно сказочный мигъ, когда все, дремавшее въ непробудномъ снѣ очарованно-спящей красавицы, мгновенно вмѣстѣ съ нею просыпалось и начинало ходить и говорить, и одинъ передъ другимъ поспѣвая, всякій принимался за свое дѣло. «Проснулась! Анна Гавриловна проснулась», переходило изъ комнаты въ комнату. «Проснулась?» спрашивалъ Марка Петровичъ, закрывая книгу. «Мать наша, дѣти, проснулась, говорилъ онъ. Пойдемъ къ матери.» Между тѣмъ радостная вѣсть успѣвала достигнуть и до кабинета Гаврилы Михайловича. Гаврила Михайловичъ вступалъ въ свои туфли и почти въ то же самое время, какъ въ одну дверь входилъ Марка Петровичъ съ дѣтми, въ другую дверь изъ гостиной, широко распахнувъ ее, вводилъ Гаврила Михайловичъ гостей къ дочкѣ своей, Аннѣ Гавриловнѣ.

Анна Гавриловна, въ пудромантелѣ, сидѣла передъ туалетомъ, и Аверкій Саввичъ, самъ напудренный, въ косѣ и въ пукляхъ, въ чистѣйшемъ бѣломъ передникѣ, приступалъ къ чесанію волосъ. И это былъ едва ли не самый пріятный, почти царственный часъ изъ цѣлаго дня Анны Гавриловны. Только-что возставъ отъ освѣжительнаго, крѣпкаго сна, умытая студеною водою, свѣжая, прекрасная, съ блистающими веселыми глазами, Анна Гавриловна, казалось, вдвойнѣ царила надъ собравшимся вокругъ нея обществомъ веселыхъ гостей, отца, мужа, дѣтей ея, царила Анна Гавриловна и своимъ живымъ лицомъ, и своимъ отраженіемъ въ свѣтломъ зеркалѣ, которое оттуда улыбалось всѣмъ. Попросивъ отца подъ какимъ-нибудь предлогомъ удалиться, Анна Гавриловна, съ веселою безцеремонностію замужней и молодой прекрасной женщины екатерининскихъ временъ, обращалась къ другимъ мужчинамъ и спрашивала свѣтовъ дорогихъ. «Развѣ они думаютъ, что она, почитай, при нихъ юбки надѣвать станетъ? Чего они сидятъ, когда чесаніе волосъ кончилось?» Затѣмъ Анна Гавриловна движеніемъ руки выпроваживала всѣхъ за дверь, и когда Марка Петровичъ, въ томъ же счету, выходилъ со всѣми, Анна Гавриловна громкою веселою шуткою ворочала его, и затѣмъ почти часъ до самаго обѣда проходилъ въ томъ, что Анна Гавриловна передавала мужу, что и что сдѣлано по хозяйству, какіе она порядки и безо-

рядки нашла, что видѣла... Словомъ, все, о чемъ хорошая хозяйка находить нужнымъ передать мужу и хозяину.

Послѣ чего дверь передъ Анною Гавриловною широко распахивалась, и Анна Гавриловна, величавая какъ лебедь на тихой водѣ, въ полномъ туалетѣ, котораго богатство и дорогой блескъ вполне отвѣчали барству и достоинству дочери Гаврилы Михайловича и жены Марка Петровича, входила въ гостиную къ своимъ гостямъ. Говорили, что Анна Гавриловна, какъ взглянетъ, словно рублемъ подарить, и она какъ серебряными рублями дарила и сыпала, обдѣляя всѣхъ и не забывая никого своею щедрою хозяйскою лаской и привѣтнымъ словомъ, отъ котораго сладко было тому, кто слышалъ его. «Вотъ хозяйка, такъ хозяйка! Надѣлилъ Господь Марка Петровича по разуму его», говорили всѣ и каждый. И въ самомъ дѣлѣ Анна Гавриловна была удивительною хозяйкою. Ни одна ея поѣздка въ Москву не обходилась безъ того, чтобъ она не нашла тамъ и не отыскала чего-нибудь необходимо-нужнаго и полезнаго, и не позаимствовала бы его. Анна Гавриловна завела всѣ ремесла по своимъ имѣніямъ: отъ кузнеца до золотаря, отъ плотника до каретника. Задумала строить церковь и отдала учиться рѣщиковъ и иконописцевъ; въ пѣвческую къ митрополиту помѣстила учиться регента для своихъ пѣвчихъ. Анна Гавриловна первая завела у себя въ имѣніяхъ прялки. Сама, на верху своей кареты, привезла изъ Тулы двѣ прялки, это величайшее благодѣяніе для простой женщины, которая своими пальцами и веретеномъ должна все выработывать для себя и для своей семьи. Сейчасъ Анна Гавриловна призвала лучшаго токаря и лучшаго столяра; съ общаніемъ награды отдала имъ на руки одну прялку, сказала имъ, чтобъ они осмотрѣли ее, разобрали, дѣлали, какъ знаютъ; но чтобъ Аннѣ Гавриловнѣ представлена была точно такая сдѣланная прялка. Во времена Анны Гавриловны, въ Москвѣ (вѣроятно, полагая первую основу нынѣшнимъ знаменитымъ ситцевымъ фабрикамъ) выдѣлывались лощенныя выбоечки: по льняной жиденькой холстинѣ разсыпался желтый и красный горошекъ иногда по бѣлому полю, а иногда по синему и коричневому. Что жъ? Анна Гавриловна и эти выбоечки переняла у Москвы. Цѣлыми дюжинами она посылала дѣвокъ учиться шить, мыть, гладить, а Анна Гавриловна, преимущественно хлопотала о томъ, чтобы научить отличнымъ и прочнымъ образомъ красить шерсть. И Анна Гавриловна достигла того. Съ понятною гордостію хозяйки она водила своихъ гостей

въ ткацкую показать имъ, какими ярко-подобранными радужными полосами ткались у нея шерстяныя юбки для дворовыхъ чернорабочихъ бабъ и дѣвокъ. И уже давно умерла Анна Гавриловна; имѣнія ея перешли во вторыя и третьи руки; а эти радужныя юбки остались въ нихъ, и отличное крашеніе шерсти, введенное Анною Гавриловною, образовало родъ торговогого производства. Досужія бабы цѣлыми семьями ткуть высшаго сорта пестрые мужицкіе пояса и въ Коренной ярмаркѣ сбываютъ ихъ тысячъ на десять серебромъ, если не болѣе. Такова была отличная, домовитая хозяйка Анна Гавриловна.

А между тѣмъ былъ Михайловъ день.

День этотъ былъ днемъ Ангела отца Гаврилы Михайловича, и Гаврила Михайловичъ, každогодно въ память отца, праздновалъ этотъ день поминальнымъ обѣдомъ. Обыкновенно и духовные, которыхъ бывало не мало, и свѣтскіе люди въ одинъ голосъ говорили: «что Гаврила Михайловичъ, дай Богъ здоровья ему, хорошо поминаетъ родителя.» И на этотъ разъ, о которомъ говорю я, тоже не худо помянулъ родителя Гаврила Михайловичъ. Встали изъ-за стола; но за «царство» горячая варенуха продолжала разноситься въ чашкахъ, «душепарочка», какъ въ шутливую ласку называлъ ее Гаврила Михайловичъ и приглашалъ гостей попарить душики. «Да что, сударь мой, Гаврила Михайловичъ! отвѣчалъ любимый собесѣдникъ. Душа не того меду просить.»—А какого же твоя душа изволить? «А такого, батюшка, чтобы въ голову вступало и до сердца пронимало... А ну, матушка Анна Гавриловна! вели *трушья наломать*», обратился собесѣдникъ съ просьбою къ Аннѣ Гавриловнѣ. Анна Гавриловна вняла просьбѣ и велѣла сѣннымъ дѣвушкамъ появиться въ дверяхъ залы «Трушье, дѣвушкаи, трушье!» прихлопывалъ въ ладони и заранѣе приплясывалъ веселый собесѣдникъ. И дѣвушки запѣли *трушье*:

Велѣла мнѣ матушка,
Велѣла сударыня
Киселя намочить,
Киселя намочить.

А я, моя матушка,
А я, государыня,
Намочила, намочила,
Намочила молода!

Велѣла мнѣ матушка,
Велѣла сударыня
Трушья наломать,
Трушья наломать.

А я, моя матушка,
А я, государыня,
Наломала, наломала,
Наломала молодца!

И такъ далѣе: *киселя наварить, гостей созывать и гостей подчивать...*

И едва ли чѣмъ-либо лучшимъ, послѣ всякаго другаго подчиванія, можно было до конца уподчивать гостей, какъ не этою пѣснею. Она была до того плясучая, до того живо-забирающая за все, что было живаго въ русскомъ баринѣ, что собесѣдникъ Гаврилы Михайловича со споромъ увѣрялъ всѣхъ:

— Только, помилуй Богъ, этого нельзя! А коли бъ его можно было: пропой *трушье* надъ мертвецомъ, что въ гробу лежитъ, и мертвецъ бы всталъ! «Живъ, молодець, не умеръ!» вотъ бы вамъ словомъ сказалъ!

Но слово словомъ, а дѣло дѣломъ. Къ хору сѣнныхъ дѣвухекъ всечасно подбывали то та, то другая изъ дворовыхъ бабъ и дѣвокъ, которыя особенно славились хорошими голосами. И скоро хоръ въ тридцать слишкомъ голосовъ загремѣлъ, какъ кованыя трубы; явился хоръ пѣсельниковъ, и пошелъ пиръ разливаннымъ моремъ.

— Стой! выхватился одинъ изъ гостей...

На средину залы явилась Анна Гавриловна. Желая своимъ примѣромъ, какъ хозяйка, поощрить общую веселость гостей, она появилась переодѣтою. Въмѣсто коротенькой паневки, которую такъ любила въ дѣвкахъ Анна Гавриловна, на ней былъ алый штофный сарафанъ, спереди и внизу по подолу выложенный серебряною сѣтью и серебрянымъ позументомъ; еще пониже позумента пристегнуты были гремучіе серебряные колокольчики. Свои пудренные волосы Анна Гавриловна подобрала подъ шитую золотомъ сороку, и чего не вмѣщала она, то прикрывала низанный подзатылень и извѣстные махры шелкомъ накищенныхъ сзади снурковъ. Дорогой персидскій поясъ, по узору затканный сученымъ золотомъ, спускался напередѣ концами и бахромой, и въ такомъ нарядѣ Анна Гавриловна выступила посерединѣ залы. Всѣ пѣсни и голоса замолкли. Какъ ни тихо и плавно она ступала, но ея серебряные гремучіе коло-

кольчики встряхивались по слѣду и вызванивали. Анна Гавриловна прошла немного и запѣла, медленно одушевляясь подъ слова своего припѣва:

Колокольчики мои бряцнули,
А бубенчики мои звяцнули,
Колокольчики мои бьютъ, гудутъ;
А бубенчики сами въ плясъ идутъ...

И подъ ладъ своимъ гремучимъ колокольчикамъ, Анна Гавриловна звонко ударила въ ладони, повела бѣлыми руками, и этимъ движеніемъ вызвала любимаго собесѣдника Гаврилы Михайловича на плясъ съ ней идти. Хоръ пѣсельниковъ и хоръ сѣнныхъ дѣвушекъ слился вмѣстѣ и грянулъ плавную плясовую:

Ой, по снѣжамъ-снѣжюшкамъ,
По новымъ, стеколычатымъ,
Тамъ ходила погуливала
Молодая боярыня,
Молодая, хорошая.
Она будила-побуживала
Своего друга милаго,
Своего друга сердечнаго.

«Ты устань, мой милый другъ!
Пробудися, надежа моя!
Оторвался твой воронъ конь
Отъ столба точенаго,
Отъ кольца злаченаго.
Узыгрался твой воронъ конь
То съ горы, то на гору,
То по бѣломъ каменю.
Поломалъ плетневый тынъ,
Потопталъ зеленый садъ,
Вишенье, орѣшенье,
Калину и малину,
Черную смородину.
— Не печалься, умная!
Не тужи, разумная...

Анна Гавриловна, живо расплясавшаяся съ своимъ отличнымъ плясуномъ, остановилась здѣсь, вопреки всѣхъ узаконеній, никакъ не позволявшихъ и думать о томъ, чтобъ окончить пляску прежде конца пѣсни. «Не тужи и ты, кумъ! повела руками Анна Гавриловна. Споможетъ Богъ, допляшу въ другой разъ; а теперь не время мое, несчастье твое», сказала словами пѣсни Анна Гавриловна и вышла.

Марка Петровичъ посидѣлъ, посмотрѣлъ вслѣдъ вышедшей Анны Гавриловны и себѣ вышелъ и уже не возвращался болѣе. Гаврила Михайловичъ тоже посмотрѣлъ-посмотрѣлъ, поискалъ глазами вокругъ и, не видя ни зятя, ни дочери, тоже всталъ и вышелъ. Безъ хозяевъ и пиръ зашѣмѣлъ. Въ хорѣ между сѣнныхъ дѣвушекъ слышался тревожный шопоть. Многія дамы начинали припоминать обстоятельства и догадываться; одни мужчины удивлялись: почему Анна Гавриловна назвала собесѣдника кумомъ? когда всеѣмъ извѣстно, что они въ кумовствѣ межъ собою не были...

Но разрѣшая все догадки и недоумѣнія, въ дверяхъ залы показался Гаврила Михайловичъ, очень встревоженный и, начиная говорить, онъ перекрестился: «Не положите вины на насъ, гости наши дорогіе. Подоспѣлъ часъ воли Господней, великій часъ живота и смерти... Дочка моя, Анна Гавриловна, началъ Гаврила Михайловичъ и не кончилъ... Чьимъ насъ Господь порѣшитъ, у Святой Богородицѣ знаемо». Во всю свою широкую грудь опять перекрестился могучій старикъ, одолюваемый сокрушеніемъ тоски и неизвѣстности ожидаемаго исхода. Гости хорошо поняли, что теперь ни хозяйкѣ, ни хозяевамъ не до нихъ было, и съ самыми искренними пожеланіями добра и молитвами спѣшили разѣхаться. Но время было осеннее, дорога тяжелая и къ тому же всеѣмъ темный вечеръ. Пока собрались, пока выѣхали; не успѣли трехъ верстъ отѣхать, какъ скачутъ гонцы отъ Гаврилы Михайловича, отъ Марка Петровича, отъ сударыни Анны Гавриловны, и просятъ гостей честнымъ словомъ и великимъ прошеніемъ, чтобъ изволили гости воротиться. Гости не заставили себя долго просить, и все возвратились. Входятъ они въ залу, а посреди залы стоитъ Анна Гавриловна въ томъ самомъ нарядѣ, какъ она плясала, и держитъ въ рукахъ серебряный подносъ; а Марка Петровичъ, рядомъ съ нею, наливаетъ въ серебряную стопу вино... То есть совершенно такъ, какъ чинъ повелѣваетъ: жена подносить, мужъ подчуетъ.

— Гости наши милые, гости наши дорогіе, любимые! начала, кланяясь, Анна Гавриловна.—Не взыщите на такомъ часѣ, что мы васъ привѣтомъ не привѣтили, а безпокойствомъ обезпокоили.

— Поздравьте батюшку со внукомъ, продолжалъ Марка Петровичъ:—а насъ съ сыномъ, съ четвертымъ угломъ въ дому... Четыре сына и самъ въ силѣ! въ радости и въ отцовскомъ

удовольствіи говорилъ Марка Петровичъ, широко обнимался и цѣлуясь за поздравленіями.

Когда они окончились, и всѣ гости изъ рукъ отца и матери вышли за здоровье новорожденнаго, Анна Гавриловна отдала мужу серебряный поднось; а сама обратилась къ своему названному куму:

— А что же, кумъ? сказала она: — вѣдь наша пѣсенка не допѣтая. А ну-те вы, сѣнныя красныя дѣвушки! допойте намъ, ударила три раза въ ладони Анна Гавриловна, и, по этому призывному звуку, сѣнныя дѣвушки появились въ дверяхъ...—Пойдемъ, кумъ! На починъ моему и твоему сыну не бросимъ концовъ. И Анна Гавриловна, звеня своими серебряными колокольчиками, пощелкивая и поводя руками, прошла съ нимъ подъ конецъ пѣсни:

— Не печалься, умная,
Не тужи разумная!
Заплету плетневый тынъ,
Насажу зеленый садъ,
Вишенье, орѣшенье,
Калину и малину,
Черную смородину.

Окончивши, Анна Гавриловна обнялась и поцѣловалась съ своимъ будущимъ кумомъ, поклонилась на всѣ стороны гостямъ и разсталась съ ними. Гости, затворивши наглухо двери, остались въ залѣ пировать до бѣлаго дня, чтобы новорожденный былъ не сонливый и не дремливый; а Анна Гавриловна легла въ парадно-убранную постель, не столько по собственному желанію, сколько по убѣжденію и настоянію няни и всѣхъ важныхъ лицъ, которые всѣ заодно боялись, чтобы Анну Гавриловну не сглазили.

Какъ водится, новорожденнаго окрестили въ девятый день, и онъ сталъ неизреченною утѣхою дѣда.

— Малъ да удалъ! бралъ его къ себѣ на колѣна Гаврила Михайловичъ и прозвалъ внука *поспѣшнымъ*.—Вишь ты поспѣшной какой! говорилъ онъ.—Не далъ матери и пѣсни допѣть. И по этому случаю Гаврила Михайловичъ самъ начиналъ припѣвать внуку пѣсню:

Меня мати пласучи родила,
А бабушка бѣгучи повила;
Кумъ былъ кампанейщикъ молодой,
Кума была винокурова жена...
Ай ти-ли-ли калинка моя,
Въ саду ягода малинка моя!

Высоко поднималъ внука Гаврила Михайловичъ и поворачи-
валъ его на рукѣ.

И этотъ внукъ, этотъ *посыльный*, какъ дѣдъ называлъ его, былъ не кто другой, какъ Федоръ Марковичъ, тотъ самый сынъ, у котораго доживала свой замедлившійся вѣкъ Анна Гавриловна. Пройшла сила, прошла дѣятельность; синіе снурочки съ рогулечкою и сѣрый котикъ Анны Гавриловны стали ея блженною заботой и попеченіемъ. Но когда все, что было ея, умирало вокругъ нея, сердце Анны Гавриловны жило. Исполняясь благодушіемъ старости, оно вызвало эту чудную улыбку на поблекшія уста и расцвѣтило ихъ плѣнительнѣе и благоуханнѣе самой свѣжей розы. Оно одно, это благодушіе въ простотѣ мудраго сердца, не думано, не гадано, перенесло Анну Гавриловну изъ ея забытой, пережитой среды во всевоскрешающую жизнь свѣтлаго искусства, и все то же благодушное простое сердце дало Аннѣ Гавриловнѣ силу ея простой животворной вѣры, и дало ей тихую благодать заснуть вѣчнымъ сномъ, какъ засыпають усталыя дѣти.

Кохановская.

ПРОКЛЯТЫЯ ДЕНЬГИ

ИЗЪ ФРЕДЕРИКА БАСТІА

— Проклятыя деньги! проклятыя деньги! повторялъ съ отчаяннымъ видомъ экономистъ Ф**^{*}, выходя изъ финансоваго комитета, гдѣ обсуживался проектъ о бумажныхъ деньгахъ.

— Чтѣ съ вами, сказалъ я ему, — откуда вдругъ такое отвращеніе къ божеству, которому всѣ поклоняются?

— Проклятыя деньги, проклятыя деньги!

— Вы пугаете меня. Всему на свѣтѣ случилось мнѣ слышать проклятiя, и миру, и свободѣ, и жизни. Брутъ даже сказалъ: добродѣтель, ты — пустое слово! И если до сихъ поръ еще щадили что-нибудь...

— Проклятыя, проклятыя деньги!

— Полноте, будьте хладнокровнѣе. Скажите, чтѣ съ вами? Ужъ не Крезъ ли забрызгалъ васъ грязью, или Мондоръ лишилъ васъ любви вашей милой, или Зоилъ подкупилъ противъ васъ критика?

— Я не завидую колесницѣ Креза; имя мое такъ ничтожно, что не попадетъ на языкъ Зоилу; чтѣ же до моеймилой, то никогда, ни въ чемъ и тѣнь пятна...

— Ахъ, угадалъ! Куда дѣвался у меня умъ! Вы вѣрно тоже реформаторъ, и по своей собственной системѣ. Вы создаете общество совершеннѣе спартанскаго, и для этого хотѣли бы

строго изгнать оттуда всякую монету. Затрудненіе только въ томъ, какъ убѣдить послѣдователей вашихъ опростать свои кошельки. Чтѣ дѣлать! вѣдь это камень преткновенія всѣхъ реформаторовъ. Каждый изъ нихъ надѣлалъ бы тѣмъ чудесь, еслибъ только удалось ему побѣдить всѣ препятствія, еслибъ челоувѣчество согласилось обратиться въ воскъ для него; но оно упрямитя и не хочетъ этого, слушаетъ, рукоплещетъ или не обращаетъ никакого вниманія, и—идетъ своею дорогой.

— Слава Богу, я устоялъ еще покуда противъ этой всеобщей страсти, не выдумываю новыхъ общественныхъ законовъ, но изучаю тѣ, которые угодно было постановить Богу, и удивляюсь имъ въ непрерывномъ ихъ развитіи. Потому-то я и повторяю: проклятыя деньги, проклятыя деньги!

— Ахъ, такъ вы прудонистъ? Ну если такъ, то очень простое средство можетъ вполнѣ удовлетворить васъ. Бросьте всѣ деньги въ Сену, и оставьте себѣ только пять франковъ на покупку акціи разнѣннаго банка.

— Если ужъ я проклинаю деньги, то какъ же не проклинать мнѣ и ихъ обманчиваго знака?

— Въ такомъ случаѣ мнѣ остается только одно предположеніе. Въ новый Діогенъ, и угостите меня сенековскою тирадой о презрѣннн къ богатству.

— Сохрани Богъ отъ этого! Богатство, по моему, это не только большая или меньшая сумма денегъ, это хлѣбъ для голодныхъ, одежда для нагихъ, топливо для тѣхъ, кому холодно; это лампа, даящая день, открытая карьера вашему сыну, обезпеченное приданое вашей дочери; богатство—это день отдыха для усталаго, лѣкарство для больнаго, тайная помощь совѣстливому бѣдняку; это кровъ отъ непогоды, крылья сближающимся друзьямъ, развлеченіе усталой головѣ труженика, ни съ чѣмъ не сравнимая радость—окружить счастьемъ людей намъ милыхъ; богатство—это образованіе, независимость, достоинство, довѣріе, милосердіе, все, чтѣ развитіе нашихъ способностей можетъ доставить потребностямъ тѣла и духа, это прогрессъ, это цивилизачія. Богатство—удивительный цивилизующій результатъ двухъ чудесныхъ дѣятелей, одаренныхъ еще большею цивилизующею силой,—труда и мѣны.

— Вотъ теперь вы поете дионирамбъ богатству, когда нѣсколько минутъ тому назадъ осыпали золото проклятіями!

— Да какъ же вы не хотите понять, что это была вспышка экономиста! Я проклинаю деньги именно потому, что ихъ всегда

смѣшиваютъ, какъ вы это дѣлаете теперь, съ богатствомъ, а смѣшеніе это поражаетъ безчисленныя заблужденія и несчастія. Я проклинаю деньги, потому что ихъ назначеніе въ обществѣ дурно понято, и не легко растолковать его. Я проклинаю ихъ, потому что онѣ перепутываютъ всѣ понятія, заставляютъ принимать средство за цѣль, препятствіе за причину, альфу за омегу; потому что ихъ присутствіе въ мірѣ, само по себѣ благодѣтельное, сдѣлалось причиною гибельныхъ и ложныхъ понятій, извращенной теоріи, которая въ своихъ многосложныхъ проявленіяхъ разорила людей и кровью затопила землю. Я проклинаю деньги, потому что чувствую себя не способнымъ бороться съ заблужденіемъ, ими порожденнымъ, иначе какъ посредствомъ длиннаго и скучнаго разсужденія, котораго никто и не станетъ слушать. Ахъ, еслибы попался мнѣ хоть одинъ терпѣливый и снисходительный слушатель!

— Пусть же нельзя будетъ сказать, что за недостаткомъ жертвы вы останетесь въ такомъ раздражительномъ состояніи. Я слушаю: говорите, разсуждайте, не стѣсняйтесь, пожалуста.

— Вы мнѣ общаете вниманіе?

— Я общаю вамъ терпѣніе...

— Этого мало.

— Тутъ все; чтò въ моей власти. Начинайте же и растолкуйте мнѣ сперва, какимъ образомъ отъ ошибочнаго, по вашему, взгляда на деньги, произошли всѣ экономическія заблужденія.

— Скажите же мнѣ откровенно и по совѣсти, вамъ никогда не случалось смѣшивать деньги съ богатствомъ?

— Не знаю право, я никогда не ломалъ себѣ головы надъ политико-экономическими вопросами, но еслибъ и такъ, чтò же изъ этого?

— Конечно, немного важнаго. Заблужденіе вашего ума, безъ всякаго вліянія на ваши дѣйствія. Какъ вамъ очень хорошо извѣстно, всякій по своему думаетъ, чтò такое трудъ и мѣна, а дѣйствуемъ всѣ мы одинаково.

— Почти такъ же, какъ всѣ ходимъ мы одинаково, хотя бы не были согласны насчетъ теоріи равновѣсія и тяготѣнія.

— Именно такъ. Человѣкъ, своими выводами дошедшій до убѣжденія, что ночью голова у насъ внизу, а ноги вверху, могъ бы написать объ этомъ прекрасныя книги, но самъ продолжалъ бы ходить, какъ и всѣ другіе.

— Думаю, что такъ, а не то онъ скоро былъ бы наказанъ за свою вѣрность логикѣ.

— Точно такъ же, какъ человѣкъ, убѣжденный въ томъ, что истинное богатство въ деньгахъ, скоро умерь бы съ голоду, еслибъ оставался послѣдовательнымъ до конца. И вотъ почему это теорія ложная; истинная же вытекаетъ изъ самихъ фактовъ, которые представляются намъ во всѣ времена и повсюду.

— Я понимаю, что, на практикѣ и подъ вліяніемъ личнаго интереса, гибельное слѣдствіе ошибки всегда ведетъ къ исправленію ея. Но если заблужденіе, о которомъ вы говорите, имѣетъ такъ мало вліянія, то отчего же оно такъ раздражаетъ васъ?

— Оттого, что когда человѣкъ не самъ дѣйствуетъ, а разсуждаетъ и рѣшаетъ за другихъ, то личный интересъ—этотъ бдительный и чуткій стражъ—перестаетъ предостерегать его. Правый терпитъ за виноватаго: ошибка Петра вымѣщается на Иванѣ; законодательство заблуждается, и заблужденіе свое навязываетъ цѣлому обществу. Посмотрите, какая разница, когда дѣло касается вашихъ собственныхъ интересовъ: какой бы теоріи о деньгахъ вы ни придерживались, что вы дѣлаете, когда вы голодны, и у васъ есть деньги?

— Иду къ булочнику и покупаю хлѣбъ.

— Вы, не колеблясь, рѣшаетесь разстаться съ деньгами?

— Да я и держу ихъ только для этого.

— А что дѣлаетъ булочникъ, въ свою очередь, когда захочетъ пить?

— Идетъ къ виноторговцу и пьетъ кружку вина на тѣ деньги, которыя получилъ отъ меня.

— Какъ! онъ не боится стать нищимъ?

— Какая же можетъ быть хуже нищета какъ не ѣсть и не пить?

— Не такъ ли дѣйствуютъ и всѣ люди на свѣтѣ, когда они дѣйствуютъ свободно?

— Безъ всякаго сомнѣнія. Ужь не хотите ли вы, чтобъ они, копя деньги, умирали съ голоду?

— Напротивъ, я нахожу, что они поступаютъ весьма благо-разумно, и хотѣлъ бы, чтобы теорія была не что иное, какъ вѣрный снимокъ со всеобщей практики. Но предположимъ, что вы законодатель, неограниченный властелинъ огромнаго государства, въ которомъ нѣтъ золотыхъ рудниковъ.

— Это было бы очень пріятно.

— Допустимъ также, что твердое ваше убѣжденіе таково: «богатство единственно и исключительно состоитъ въ деньгахъ». Какое же заключеніе выведете вы изъ этого для вашего образа дѣйствій?

— Такое, что для меня нѣтъ другаго средства обогатить мой народъ, а для него нѣтъ другаго средства обогатиться, какъ повытянуть денегъ у другихъ народовъ.

— То-есть разорить ихъ. Итакъ, вотъ первое слѣдствіе вашего убѣжденія: «одинъ народъ можетъ прибрѣтать только то, что теряетъ другой».

— Аксиома эта имѣетъ за себя авторитеты Бакона и Монтаня.

— Тѣмъ не менѣе она очень не утѣшительна, потому что это все равно что сказать: прогрессъ невозможенъ. Два народа, такъ же какъ и два человѣка, не могутъ благоденствовать вмѣстѣ.

— Кажется, это дѣйствительно вытекаетъ изъ моего положенія.

— А такъ какъ обогатиться хочется всѣмъ, то должно сказать, что въ силу законовъ Провидѣнія, всѣ люди стремятся разорять своихъ ближнихъ.

— Это не христіанское, а политико-экономическое ученіе.

— Самое отвратительное, но будемъ продолжать. Я сдѣлалъ васъ полновластнымъ монархомъ, конечно, не для того, чтобы разсуждать, а для того, чтобы дѣйствовать. Нѣтъ предѣловъ вашему могуществу. Что станете вы дѣлать въ силу ученія: богатство—это деньги?

— Всѣ мои старанія будутъ стремиться къ увеличенію массы денегъ въ моемъ народѣ.

— Но вѣдь рудниковъ нѣтъ въ вашемъ государствѣ. Какъ же вы приметесь за это? что вы повелите?

— Я ничего не повелю, я буду запрещать напротивъ. Подъ страхомъ смертной казни запрещу вывезти хоть одинъ червонецъ изъ моего государства.

— А если народъ вашъ и съ деньгами будетъ голодать?

— Что нужды! По нашей системѣ дозволить вывозъ денегъ, значитъ допустить народъ разориться.

— Такъ вы признаетесь, что принудили бы народъ вашъ держаться началъ, противоположныхъ тѣмъ, которыми вы сами руководствуетесь въ подобныхъ обстоятельствахъ? Почему же это?

— Пожалуй потому, что мой голодъ мучитъ меня, а голодъ народа не мучитъ законодателей.

— Ну, такъ я могу вамъ сказать, что планъ вашъ не удался, потому что никакой надзоръ, какъ бы ни былъ онъ строгъ, не помѣшаетъ, когда народъ голоденъ, уходить деньгамъ, если ввозъ хлѣба свободенъ.

— Въ такомъ случаѣ, все равно ошибочный ли это планъ или нѣтъ, онъ недѣйствителенъ, и нечего болѣе толковать о немъ.

— Вы забываете, что вы законодатель, развѣ законодатели такъ легко отказываются отъ своихъ опытовъ, особенно когда эти опыты дѣлаются на чужой кожѣ? Не удался вамъ первый декретъ; неужели же вы не поищете другаго средства, къ достиженію вашей цѣли?

— Какой цѣли?

— Вы ничего не помните, цѣль ваша—увеличить въ народѣ сумму денегъ, которыя вы считаете единственнымъ истиннымъ богатствомъ.

— Ахъ, точно, виноватъ. Вотъ видите ли, пословица говоритъ: хорошаго понемногу. Я думаю, она въ особенности идетъ къ политической экономіи. Но дѣлать нечего, примемъ опять за нее, хотя, право, я не, знаю, что придумать.

— Подумайте хорошенько. Но сначала я замѣчу вамъ, что первое ваше постановленіе рѣшало задачу только съ отрицательной стороны. Запретить вывозъ денегъ, это значить не давать богатству уменьшаться, но это еще не средство увеличить его.

— Погодите, дайте подумать... Этотъ свободный ввозъ хлѣба... Мнѣ приходитъ блестящая мысль. Да, уловка будетъ замыслювата и средство вѣрное, я достигаю цѣли.

— Теперь моя очередь спросить васъ—какой цѣли?

— Какъ какой! увеличить массу звонкой монеты.

— Какъ же вы приметесь за это, скажите?

— Не правда ли, первое условіе для того, чтобы моя кучка денегъ росла постоянно, оставить ее неприкосновенною?

— Хорошо.

— А второе, постоянно прибавлять къ ней?

— Очень хорошо.

— Итакъ задача будетъ рѣшена и отрицательно, и положительно, если съ одной стороны я не выпущу къ иностранцамъ ни копѣйки изъ денегъ моего народа, а съ другой, этихъ же иностранцевъ заставлю еще увеличивать сумму этихъ денегъ.

— Прекрасно!

— И для этого достаточно двухъ простыхъ декретовъ, гдѣ о деньгахъ и рѣчи не будетъ. Однимъ изъ нихъ я запрещаю моимъ подданнымъ покупать что-либо за границей, другимъ повелѣваю имъ какъ можно болѣе продавать туда.

— Вашъ планъ придуманъ превосходно.

— Ужь не мнѣ ли первому онъ пришелъ въ голову? если такъ, я бѣгу доставать патентъ на изобрѣтеніе.

— Не трудитесь напрасно, первенство у васъ оспорятъ; но остерегитесь однако....

— Чего же?

— Я сдѣлалъ васъ всемогущимъ государемъ. Понятно, что вы можете запретить своимъ подданнымъ покупку иностранныхъ произведеній; для этого достаточно запретить ввозъ ихъ. Тысячъ тридцать, или сорокъ таможенной стражи, и дѣло сдѣлано.

— Это дорогонько будетъ стоить, но чтò за бѣда! Деньги, которыя пойдутъ на нихъ, не выйдутъ изъ государства.

— Конечно, а въ нашей системѣ вѣдь это главное. Но чтò вы станете дѣлать для того, чтобы способствовать продажѣ за границу?

— Я стану поощрять ее преміями, средства же для этого дасть какой-нибудь небольшой налогъ.

— Въ такомъ случаѣ соперничество заставитъ купцовъ понизить цѣны и выйдетъ, что вы иностранцамъ подарили эти преміи и налоги.

— Все же деньги не уйдутъ изъ государства.

— Правда, это отвѣтъ на все; но если ваша система такъ выгодна, то и сосѣдніе государи послѣдуютъ ей. Они станутъ издавать такіе же указы, тоже заведутъ таможенную стражу и не впустятъ къ себѣ вашихъ произведеній, чтобы не уменьшить суммы денегъ своего народа.

— Я заведу армію и войду къ нимъ силою.

— У нихъ тоже будетъ армія, и они тоже вторгнутся въ ваши предѣлы.

— Я снаряжу флотъ, побѣдами приобрѣту колоніи и создамъ моему народу потребителей, которые по неволѣ станутъ ѣсть его хлѣбъ и пить его вино.

— Другіе государи сдѣлаютъ то же. Они будутъ оспаривать у васъ ваши приобрѣтенія, колоніи и потребителей вашихъ; загорится всеобщая война.

— Чтобы побороть ихъ, я увеличу налоги, стражу, флотъ и армію.

— Прочіе станутъ подражать вамъ.

— Я удвою усилія.

— И они тоже. А пока будетъ продолжаться борьба, у

насть съ вами уже не будетъ никакихъ видовъ на то, чтобы намъ удалось много продать въ это время.

— Увы! это правда. Хорошо еще, если торговля потери враждующихъ уравновѣсятъ мою потерю.

— Да, и военныя также. Скажите же, эта таможенная стража, войско, корабли, эти тягостные налоги, это вѣчное стремление къ невозможной цѣли, безконечная война, открытая или тайная, съ цѣлымъ міромъ, все это не есть ли прямое и необходимое слѣдствіе одной мысли законодателя (мысли, которой ни одинъ частный человекъ, въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ мы уже видѣли не предерживается), что богатство состоитъ въ деньгахъ, и что увеличить ихъ количество значитъ увеличить богатство?

— Согласенъ. Или аксіома истинна, и въ такомъ случаѣ законодатель обязанъ дѣйствовать такъ, какъ я сказалъ, хотя бы послѣдствіемъ этого была всеобщая война; или же она ложна, и тогда можно вывести заключеніе, что, стараясь вредить другъ другу, люди разоряютъ и самихъ себя.

— Припомните же, что прежде еще чѣмъ вы стали государемъ, самая эта аксіома привела васъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: «что одинъ приобретаетъ, то теряетъ другой; выгода одного убытокъ другому», а изъ этого слѣдуетъ неизбѣжный и вѣчный антагонизмъ между людьми.

— Къ сожалѣнію, это совершенная правда. Философъ ли я, или законодатель, разсуждаю ли или дѣйствую, слѣдуя основному положенію, что «богатство въ деньгахъ», я всегда приду къ одному заключенію, къ одному результату—*всеобщая война*. Вы очень хорошо сдѣлали, что, не оспаривая самаго положенія, указали мнѣ на его послѣдствія, иначе у меня никакъ бы не хватило духу дослушать до конца ваши экономическія разсужденія, въ которыхъ, говоря откровенно, немного веселаго.

— Вотъ объ этомъ-то именно я и думалъ, когда ворчалъ: проклятыя деньги! Я сокрушался о томъ, что у моихъ соотечественниковъ не достаетъ терпѣнія изучить то, что знать имъ такъ крайне необходимо.

— Однакожь послѣдствія въ самомъ дѣлѣ ужасны.

— Послѣдствія! я назвалъ только одно изъ нихъ, а могъ бы указать вамъ на болѣе гибельныя еще.

— У меня волосы становятся дыбомъ! Какія же еще бѣды могло навлечь на людей это смѣшеніе денегъ съ богатствомъ?

— Исчислять ихъ долго. У этого ученія многочисленное по-

томство. Старшій сынъ его, съ которымъ мы сейчасъ познакомились, называется *запретительною системою* второй *системою колоніальною*, третій *ненавистью къ капиталу*, а меньшой и любимѣйшій *бумажныя деньги*.

— Какъ, и бумажныя деньги происходятъ отъ того же заблужденія!

— По прямой линіи. Когда вы разорите своихъ людей войною и налогами, и все еще будете упорствовать въ своемъ убѣжденіи насчетъ денегъ, вы скажете себѣ: «Народъ страдаетъ оттого, что у него мало денегъ; надо сдѣлать ихъ». А такъ какъ увеличить количество драгоценныхъ металловъ не легко, особенно когда истощены уже мнимыя средства, доставляемыя запретительною системою, то вы принуждены будете прибавить про себя еще пару словечекъ: «мы введемъ деньги воображаемыя (номинальныя); это очень легко, и у всякаго ихъ будетъ вдоволь, всѣ разбогатѣютъ».

— Въ самомъ дѣлѣ это средство дѣйствительнѣе перваго и при такимъ не ведетъ къ войнѣ съ сосѣдями.

— Да, но приведетъ внутри къ такимъ же послѣдствіямъ.

— Вы большой пессимистъ. Разберите лучше вопросъ этотъ основательно. Я съ удивленіемъ въ первый разъ замѣчаю въ себѣ желаніе узнать, точно ли богатство состоитъ въ деньгахъ!

— Вы согласитесь конечно, что деньги сами по себѣ не могутъ удовлетворить ни одной изъ человѣческихъ потребностей. Если люди голодны, имъ нуженъ хлѣбъ; если наги — одежда; больны — лѣкарства; если имъ холодно — убѣжище, тепло; хотятъ учиться — книги; хотятъ переѣхать съ одного мѣста на другое — экипажи и т. д. Богатство страны познается по обилію и хорошему распредѣленію всѣхъ этихъ благъ. Уже отсюда вы можете извлечь утѣшительное убѣжденіе въ ложности печальнаго положенія Бакона: *что пріобрѣтаетъ одинъ народъ, то неизбежно теряетъ другой*; положенія, которое Монтанъ выразилъ еще безотраднѣе этими словами: *выгода одного — убытокъ другому*. Когда Симъ, Хамъ и Іафетъ раздѣлили между собой обширныя пространства земли, вѣрно каждый изъ нихъ могъ строить, осушать землю, сѣять, собирать жатву, стараться лучше устроить свое жилище, улучшать свою пищу, свою одежду, совершенствовать свои познанія, словомъ, обогащать себя всѣми благами, не отнимая тѣмъ доли счастья у братьевъ своихъ. Тѣ же отношенія существуютъ и между народами.

— Безъ сомнѣнія два народа, какъ и два человѣка, не имѣющіе отношеній между собою, могутъ жить счастливо другъ подѣ друга, не вреда и не мѣшая одинъ другому, если при томъ каждый изъ нихъ станетъ болѣе и усерднѣе трудиться. Не это отвергали Монтанъ и Баконъ своими аксіомами. Ихъ аксіомы отначаютъ только, что въ торговыхъ сношеніяхъ между двумя народами или двумя людьми, когда пріобрѣтаетъ одинъ, другой теряетъ. И это само собою очевидно; такъ какъ мѣна не можетъ увеличить число полезныхъ вещей, о которыхъ вы говорили, то если, по совершеніи обмѣна, у одной стороны окажется ихъ болѣе, у другой по необходимости будетъ ихъ менѣе.

— Вы составили себѣ о мѣнѣ понятіе до того не полное, что оно становится наконецъ совершенно ложнымъ. Еслибы Сивъ поселился въ обильной хлѣбомъ долинѣ, Іафетъ на скатѣ горы, удобной для разведенія винограда, Хамъ на тучныхъ пастбищахъ, то могло случиться, что раздѣленіе занятій не только не повредило бы никому изъ нихъ, но увеличило бы благосостояніе всѣхъ трехъ. Это даже необходимо должно было случиться, потому что отъ введеннаго мѣною раздѣленія труда, масса хлѣба, вина и мяса, идущая въ раздѣлъ, увеличится. Да и можетъ ли быть иначе, если только допустить полную свободу въ сдѣлкахъ? Какъ только одинъ изъ братьевъ замѣтилъ бы, что трудъ, такъ сказать компанейскій, приноситъ ему постоянный убытокъ сравнительно съ трудомъ на одного себя, онъ отказался бы отъ мѣны. Въ самой мѣнѣ заключается уже и заслуга ея; если она совершается, стало-быть она полезна и выгодна.

— Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы аксіома Бакона не была справедлива, когда дѣло идетъ о серебрѣ и золотѣ. Если допустить, что въ определенное время существуетъ на землѣ данное количество этихъ металловъ, то ясно, что одинъ кошелекъ не можетъ наполниться, если не опростается другой.

— Принимая золото за богатство, необходимо придти къ заключенію, что богатство можетъ только перемѣщаться, но что общаго увеличенія богатства, общаго прогресса, распространяющагося на всѣхъ людей, никогда быть не можетъ. Это я и говорилъ вамъ въ началѣ. Напротивъ того, если вы видите истинное богатство въ изобиліи всего, что служитъ къ удовлетворенію нашихъ потребностей и вкусовъ, вы поймете возможность прогресса въ общемъ благосостояніи. Деньги только облегчаютъ передачу полезныхъ вещей, изъ рукъ въ

руки, а для этого одинаково удобна и унція такого рѣдкаго металла какъ золото, и фунтъ металла менѣе рѣдкаго, каково на примѣръ серебро, и полуцентнеръ мѣди. По этому будь у Французовъ вдвое болѣе такихъ полезныхъ вещей, Франція стала бы вдвое богаче, хотя бы число денегъ оставалось то же самое; но не такъ бы было, если бы деньги умножились вдвое, а число полезныхъ вещей не увеличилось.

— Вопросъ въ томъ, не увеличивается ли число полезныхъ вещей самымъ присутствіемъ большаго числа денегъ?

— Чтѣ же между ними общаго? Пища, одежда, дома, топливо, все дается природою и трудомъ, трудомъ болѣе или менѣе искуснымъ, дѣйствующимъ на болѣе или менѣе щедрую природу.

— Вы забываете великую силу—мѣну. Признавая ее силой, вы тѣмъ самымъ признаете, что деньги облегчаютъ ея дѣйствіе, и потому должны согласиться, что и онѣ одарены нѣкоторою производительною способностію.

— Но вѣдь я уже сказалъ, что частица рѣдкаго металла на столько же облегчаетъ сношенія, какъ и большее количество другихъ не рѣдкихъ металловъ, а изъ этого слѣдуетъ, что, заставляя народъ отдавать полезныя вещи для пріобрѣтенія денегъ, вы далеко не обогащаете его. Вы достигнете только того, что металлъ, прежде рѣдкій, сдѣлается менѣе рѣдокъ, но большее количество менѣе рѣдкаго металла будетъ какъ разъ столько же облегчать сношенія, какъ облегчало прежде меньшее количество болѣе рѣдкаго металла.

— Итакъ, по вашему, общее богатство не возрастетъ отъ всѣхъ сокровищъ Калифорніи?

— Не думаю, чтобъ они много прибавили къ массѣ дѣйствительныхъ наслажденій и довольства всего человѣчества. Если золото Калифорніи замѣнитъ только то, которое пропадаетъ и истребляется съ теченіемъ времени, оно принесетъ свою долю пользы; если же оно увеличитъ вообще массу драгоцѣннаго металла, находящагося въ обращеніи, то понизитъ цѣну его. Золотопромышленники обогатятся, но люди, въ рукахъ которыхъ будетъ находиться нынѣшнее золото во время пониженія цѣны, получатъ за то же количество его меньшее количество благъ. Въ этомъ я вижу не увеличеніе, а только перемѣщеніе истиннаго богатства, какъ я опредѣлилъ его.

— Все это очень тонко и замысловато, но вамъ все-таки

трудно будетъ убѣдить меня, что, при одинаковыхъ условіяхъ, я не богаче, когда у меня два золотыхъ вмѣсто одного.

— Да я и не говорю этого.

— Но что справедливо обо мнѣ, справедливо также о сосѣдѣ моемъ, о сосѣдѣ моего сосѣда и т. д. обо всякомъ человѣкѣ въ нашемъ отечествѣ. Итакъ если у каждаго Француза будетъ болѣе золотыхъ, то и Франція станетъ богаче.

— Въ томъ-то именно и состоитъ ваше, раздѣляемое многими, заблужденіе, что по одному вы заключаете обо всѣхъ, по частному объ общемъ.

— Какъ, неужели по вашему это не самое убѣдительное изъ всѣхъ заключеній? Что справедливо о каждомъ, можетъ ли небыть справедливо обо всѣхъ? И что же такое всѣ, если не тѣ же *каждые*, названные вмѣстѣ? Это все равно какъ еслибы вы сказали мнѣ: каждый Французъ можетъ вырасти на цѣлый дюймъ, и стали бы потомъ увѣрять, что оттого нисколько не измѣнится средній ростъ всѣхъ Французовъ.

— Разсужденіе это довольно правдоподобно, согласенъ съ вами; и вотъ почему такъ часто встрѣчается скрывающееся въ немъ заблужденіе. Разберемъ однакожь хорошенько

Въ одну игорную залу собиралось десять игроковъ. Для облегченія разчетовъ, они обыкновенно брали каждый по десяти марокъ, а сто франковъ прятали подъ подсвѣчникъ такъ, что всякая марка соотвѣтствовала десяти франкамъ. По окончаніи партіи игроки сводили счеты и вынимали изъ-подъ подсвѣчника столько десяти-франковыхъ монетъ, сколько у каждаго изъ нихъ было марокъ. Видя это, одинъ изъ нихъ, великій можетъ-быть счетчикъ, но плохой логикъ, сказалъ: милостивые государи, неизмѣнный опытъ убѣдилъ меня, что по окончаніи партіи чѣмъ болѣе у меня марокъ, тѣмъ я богаче. Не то ли же самое замѣтили и вы о себѣ? И такъ что справедливо въ отношеніи ко мнѣ, точно также справедливо въ отношеніи къ каждому изъ васъ поодиначкѣ, а то, *что справедливо о каждомъ, справедливо и обо всѣхъ*. Такимъ образомъ всѣ мы были бы богаче по окончаніи игры, еслибъ имѣли болѣе марокъ, а это очень легко сдѣлать, стбитъ только раздать ихъ двойное количество. Такъ они и поступили, но когда по окончаніи партіи стали разчитываться, то увидѣли, что количество франковъ, лежавшихъ подъ подсвѣчникомъ, не умножилось какимъ-нибудь чудеснымъ образомъ, по общему ожиданію. Надо было дѣлить ихъ по разчету, и единственный результатъ, ко-

тораго достигли они, былъ слѣдующій: у каждаго точно было вдвое болѣе марокъ, но всякая марка соответствовала уже не десяти, а пяти франкамъ. Тогда-то все въполнѣ убѣдились, что то, что справедливо о каждомъ отдѣльно, не всегда справедливо о всѣхъ вмѣстѣ.

— Конечно, если вы предполагаете увеличеніе числа марокъ безъ соответствующаго увеличенія денегъ подъ подсвѣчникомъ.

— А вы предполагаете умноженіе денегъ безъ соответствующаго умноженія вещей, которыхъ обмѣнъ облегчается ими.

— Неужели же вы деньги уподобляете маркамъ?

— Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ конечно нѣтъ,—но въ отношеніи къ вашему разсужденію, которое я долженъ былъ оспаривать, я дѣйствительно уподобляю ихъ маркамъ. Замѣтьте одно. Для того, чтобы въ какой-нибудь странѣ произошло общее умноженіе денегъ, она должна или владѣть рудниками, или вести торговлю такую, которая бы, взамѣнъ полезныхъ вещей, доставляла ей золото. Кромѣ этихъ двухъ предположеній, общее умноженіе денегъ не возможно, такъ какъ онѣ только переходили бы изъ однихъ рукъ въ другія. Даже совершенно допуская справедливость того, что каждый человекъ отдѣльно тѣмъ богаче, чѣмъ у него болѣе золота, все-таки невозможно вывести изъ этого обобщеніе, которое вы сейчасъ вывели, потому что лишній червонецъ въ кошелекъ одного необходимо предполагаетъ червонцемъ меньше въ кошелекъ другаго. Вѣдь червонцы, за исключеніемъ двухъ предположенныхъ мною случаевъ, только и дѣлаютъ, что переходятъ изъ рукъ въ руки. Точно то же относилось бы и къ вашему сравненію о среднемъ ростѣ, еслибы каждый изъ насъ росъ насчетъ другаго: тогда о каждомъ отдѣльно можно было бы заключить очень вѣрно, что онъ можетъ сдѣлаться красивѣе и виднѣе, если ему выпадетъ эта счастливая доля, но обо всѣхъ вообще это никогда не могло бы быть справедливо.

— Положимъ такъ, но въ обоихъ вами предположенныхъ случаяхъ увеличеніе дѣйствительно, и вы должны сознаться, что я правъ.

— Да, до извѣстной степени. Золото и серебро имѣютъ цѣнность. За нихъ люди отдають полезныя вещи, которыя также имѣютъ цѣнность. Итакъ, когда въ какой-нибудь странѣ есть рудники, и страна эта добываетъ изъ нихъ количество золота, достаточное для покупки въ другой землѣ полезной

вещи, напримѣръ паровоза, то она обогащается всѣми удобствами, какія паровозъ можетъ доставить, точно такъ же какъ если бы сама произвела его. Вопросъ только въ томъ, что выгодноѣ для этой страны, вымѣнить ли его на свое золото или сдѣлать дома? Но если золото не будетъ вывозимо, оно упадетъ въ цѣнѣ, и тогда положеніе дѣлъ будетъ еще хуже, чѣмъ въ Калифорніи. Тамъ драгоцѣнные металлы идутъ по крайней мѣрѣ на покупку полезныхъ вещей въ другихъ земляхъ, и несмотря на то, тамъ едва не умираютъ съ голода на кучахъ золота; что же было бы, еслибы законъ запрещалъ еще вывозъ его? Что касается до втораго предположенія, то-есть о золотѣ, доставляемомъ намъ торговлею, то оно можетъ быть и въвыгоду и въ невыгоду, смотря потому, какъ велика потребность въ немъ сравнительно съ потребностью въ другихъ полезныхъ вещахъ, которыхъ страна должна лишиться для его пріобрѣтенія. Судить объ этомъ долженъ не законъ, а тѣ люди, чьи личныя выгоды тутъ замѣшаны, потому что если законъ приметъ за основаніе, что золото предпочтительнѣе всѣхъ другихъ полезныхъ вещей, и будетъ успѣшно дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, то сдѣлаетъ изъ Франціи ту же Калифорнію, гдѣ денегъ будетъ много, а покупать нечего. Это все та же система, которой символъ—*Мидасъ*.

— Ввозъ золота предполагаетъ вывозъ полезныхъ вещей,— согласенъ съ этимъ, и въ этомъ отношеніи страна лишается извѣстныхъ благъ; но развѣ не съ выгодой замѣняются они? и сколько новаго довольства доставить это золото, переходя изъ рукъ въ руки, поощряя трудъ и промышленность, покуда наконецъ, выходя въ свою очередь изъ страны, замѣнится пріобрѣтеніемъ полезной вещи?

— Вотъ мы теперь дошли до самой сущности вопроса. Справедливо ли, что деньги суть главное начало, производящее всѣ вещи, которыхъ мѣну онѣ облегчаютъ? Всѣ согласны, что пяти-франковая монета *стоитъ* только пять франковъ; но этой цѣнности приписываютъ особенное свойство: думаютъ, что она не уничтожается подобно другимъ или по крайней мѣрѣ очень долго не теряетъ своей цѣны, что она обновляется, такъ-сказать, при каждой передачѣ, и что въ сущности въ этой монетѣ столько разъ повторяются пять франковъ, сколько сдѣлокъ состоялось при ея содѣйствіи, что она *стоитъ* столько же какъ всѣ вмѣстѣ взятыя вещи, которыя одна за другою вымѣнивались на нее, и думаютъ такъ, предполагая, что не будь этой монеты,

вещи эти тоже не были бы произведены. Говорятъ: безъ нея башмачникъ продалъ бы парой башмаковъ менѣе и потому купилъ бы менѣе мяса, а мясникъ рѣже бывалъ бы у мелочнаго лавочника, лавочникъ у доктора, докторъ у адвоката и т. д.

— Мнѣ кажется это неопровержимо.

— Теперь время намъ разобрать истинное значеніе денегъ, оставляя въ сторонѣ рудники и ввозъ изъ другихъ странъ.

У васъ есть пятифранковикъ. Что же означаетъ онъ въ вашихъ рукахъ? Онъ какъ бы свидѣтель и вмѣстѣ доказательство, что въ какое бы то ни было время вы совершили трудъ и, не воспользовавшись имъ сами, предоставили его обществу въ лицѣ того человѣка, которому оказали какую-нибудь послугу или что-нибудь продали. Эта монета свидѣлствуетъ, что вы оказали обществу *услугу*, и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляетъ цѣну этой услуги. Кромѣ того она доказываетъ, что отъ общества вы еще не получили равноѣрной *дѣйствительной* услуги, на какую имѣли право. Чтобы вы могли пользоваться, когда и какъ вамъ вздумается, общество, черезъ кліента вашего, даетъ вамъ *рописку, документъ, марку*, или наконецъ *пятифранковую монету*, отличающуюся отъ кредитныхъ документовъ только тѣмъ, что имѣетъ цѣнность въ самой себѣ, и если вы умѣете читать умственнымъ взоромъ, то прочтете на ней слѣдующія слова: *окажите подателю услугу равноѣрную той, которую онъ оказалъ обществу, цѣнность ея опредѣляется, доказывается и измѣряется цѣнностью, во мнѣ заключенною* (1).

Теперь вы отдаете мнѣ вашъ золотой или даромъ или съ возмездіемъ. Если вы даете мнѣ его какъ плату за услугу, то счетъ вашъ съ обществомъ сведень, повѣренъ и поконченъ.

(1) *Взаимность услугъ*. По всему выше изложенному, на общество можно смотрѣть, какъ на огромный рынокъ, гдѣ всякій сначала складываетъ свои произведенія, для того чтобъ они тамъ подверглись оцѣнкѣ. Потомъ производитель получаетъ право выбирать изъ всего, что тамъ находится, вещей на равную сумму. Но какъ же измѣряется эта цѣнность? Услугою, оказанною и услугою, полученною взаменъ. Итакъ у людей уже существуетъ именно то, чего требовалъ г. Прудонъ. У насъ уже есть этотъ *мѣновой рынокъ*, надъ которымъ столько смѣялись, и общество одаренное большою изобрѣтательностію чѣмъ г. Прудонъ, доставляетъ его намъ, не требуя отъ насъ хлопотъ о перевозѣ товаровъ нашихъ на этотъ рынокъ. Для этого изобрѣло оно монету, посредствомъ которой и осуществляется рынокъ на дому.

(Изъ неизданнаго очерка автора.)

Вы оказали ему услугу и получили за то золотой, теперь вы возвращаете ему этот золотой и получаете услугу; итакъ съ вами оно квитъ. Я же нахожусь именно въ такомъ положеніи, въ какомъ вы сейчасъ были. Общество должникъ мой за услугу, которую я оказалъ ему въ вашемъ лицѣ. Я кредиторъ его на цѣнность труда, который предоставилъ вамъ, и который могъ бы употребить для себя, и потому въ мои руки должно перейти это право на уплату, этотъ свидѣтель и доказательство общественнаго долга. Нельзя сказать, что я сталъ богаче, потому что если мнѣ и предстоитъ получать, то это взамѣнъ того, что я отдалъ. И еще менѣе можно сказать, что общество обогатилось одною монетою, ибо если одинъ изъ его членовъ и имѣеть одною монетою больше, за то у другаго одною меньше.

Если же вы даромъ отдаете мнѣ эту монету, въ такомъ случаѣ конечно я становлюсь богаче, но вы за то бѣднѣе, а богатство общественное въ цѣлой массѣ не измѣняется; потому что богатство, какъ я уже сказалъ, состоитъ изъ дѣйствительныхъ услугъ, довольства и полезныхъ вещей. Вы были кредиторомъ общества и передали мнѣ права свои, а обществу, на которомъ лежитъ долгъ за услугу, все равно, отдавать ли этотъ долгъ вамъ или мнѣ. Оно расплачивается, оказывая услугу подателю знака.

— Но еслибъ у всѣхъ насъ было побольше золотыхъ, и общество всѣмъ платило множествомъ услугъ, согласитесь, что это было бы очень пріятно?

— Вы забываете, что въ порядкѣ вещей, который я сейчасъ описывалъ вамъ, и который есть не что иное, какъ вѣрный снимокъ съ дѣйствительности, отъ общества получаютъ услуги только потому, что сами ихъ ему оказываютъ. Въ этомъ случаѣ подъ словомъ услуга мы разумѣемъ услугу, *оказанную* и *отпаченную*; выраженія эти подразумѣваютъ одно другое, такъ что между ними должно всегда сохраняться равновѣсіе. Вы не можете же думать, чтобъ общество моглооказывать болѣе услугъ, чѣмъ само получаетъ, а между тѣмъ за этою-то химерой и гоняются посредствомъ умноженія денегъ, переделки монетъ, введенія бумажныхъ денегъ и пр.

— Все это кажется мнѣ очень основательнымъ *въ теоріи*, но на практикѣ, смотря на обыкновенный порядокъ вещей, я никакъ не могу выбить себѣ изъ головы, что еслибы какимъ-нибудь чудомъ число денегъ увеличилось такъ, чтобы запасецъ каждаго изъ насъ удвоился, то всѣ мы были бы довольнѣе, вся-

нѣй дѣлалъ бы больше покупокъ, и для промышленности это послужило бы большимъ поощреніемъ.

— Больше покупокъ! Но что же покупать-то? Конечно—предметы полезные, способные доставить дѣйствительныя удовольствія, жизненные припасы, матеріи, дома, книги, картины. Такъ вы сначала докажите, что эти вещи поражаются сами собою, только потому что на монетномъ дворѣ плавятъ золотыя слитки, упавшіе къ намъ съ луны, да еще потому, что въ государственной типографіи приводится въ движеніе доска, печатающая ассигнаціи. Не можете же вы серьезно думать, что когда количество хлѣба, сукна, кораблей, шляпъ, башмаковъ остается прежнее, доля каждаго изъ насъ можетъ увеличиться оттого, что всѣ мы явимся на рынокъ съ большимъ количествомъ металлическихъ или вымышленныхъ франковъ. Припомните нашихъ игроковъ. Въ общественномъ порядкѣ, полезныя вещи представляютъ то, что сами производители кладутъ подъ подсвѣчникъ, а монеты, переходящія изъ рукъ въ руки, не что иное какъ марки. Если вы умножите число монетъ, не умножая числа полезныхъ вещей, изъ этого выйдетъ то, что потребуются болѣе монетъ для каждой мѣны, также какъ игрокамъ надо было употреблять болѣе марокъ на каждую ставку. Доказательствомъ служатъ вамъ цѣны на золото, серебро и мѣдь. Почему одинъ и тотъ же обмѣнъ требуетъ большаго количества мѣди чѣмъ серебра, большаго количества серебра чѣмъ золота? Не потому ли, что металлы эти разсѣяны по свѣту въ различныхъ пропорціяхъ? Какое же имѣете вы основаніе предполагать, что еслибъ золото стало вдругъ такъ обильно какъ серебро, то не потребовалось бы одинаковое количество золота, какъ и серебра, на покупку какого-нибудь дома?

— Вы можетъ-быть и правы, но я лучше желаю, чтобы вы ошибались: посреди страданій, окружающихъ насъ со всѣхъ сторонъ, жестокихъ и опасныхъ по своимъ послѣдствіямъ, мнѣ отраднo было думать, что легко сдѣлать счастливыми всѣхъ членовъ общества.

— Еслибы даже золото и серебро были истиннымъ богатствомъ, то и тогда довольно трудно было бы увеличить массу ихъ въ странѣ, гдѣ нѣтъ рудниковъ.

— Да, но ихъ легко замѣнить. Я согласенъ съ вами, что золото и серебро полезны только какъ орудія мѣны, но такъ же точно полезны и бумажныя деньги, банковые билеты и пр. И такъ, еслибъ у насъ было много этихъ денегъ, которыя такъ легко

сдѣлать, то мы могли бы много покупать и ни въ чемъ не нуждались бы. Ваша безжалостная теорія разсѣиваетъ надежды, положимъ мечтательныя, но которыхъ основаніе все-таки самое филантропическое.

— Да, на столько же, какъ и основаніе всѣхъ бесплодныхъ желаній на пользу блага общаго. Одной чрезвычайной легкости средства, которое вы восхваляете, достаточно для того, чтобы доказать его безуспѣшность. Неужели вы думаете, что, еслибы для удовлетворенія всѣхъ нашихъ потребностей, желаній и вкусовъ достаточно было печатанія банковыхъ билетовъ, люди до сихъ поръ не прибѣгли бы къ этому средству? Согласенъ, что открытіе это заманчиво, оно тотчасъ же согнало бы со свѣта не только грабежъ во всѣхъ его ужасныхъ видахъ, но и самый трудъ, кромѣ работы необходимой для производства бумажныхъ денегъ. Остается понять, какимъ образомъ на бумажныя деньги покупались бы дома, которыхъ никто не строилъ бы, хлѣбъ, котораго никто не сѣялъ бы, ткани, которыхъ никто не ткалъ бы.

— Одна вещь поражаетъ меня въ вашей логикѣ. По вашимъ же словамъ, если не выгодно, то и не вредно размножать орудія мѣны, что видно изъ примѣра вашихъ игроковъ, которымъ урокъ стоилъ только пустаго разочарованія. Въ такомъ случаѣ, къ чему же отвергать философскій камень, могущій наконецъ открыть намъ тайну обращать въ золото если не камни, то покуда хоть бумажныя деньги? Неужели вы такъ упрямы въ своей логикѣ, что откажетесь отъ опыта, въ которомъ нѣтъ риска? Если вы ошибаетесь, то цѣлый народъ, по словамъ вашихъ многочисленныхъ противниковъ, лишается черезъ то великаго блага; если же заблужденіе съ ихъ стороны, то, какъ сами вы находите, все дѣло кончится лишь обманутою надеждой. Мѣраэта, превосходная по ихъ понятіямъ, по вашимъ не можетъ сдѣлать ни добра, ни зла. Пусть же испробуютъ ее: вѣдь худшее, что можетъ случиться, будетъ только неосуществленіе ожидаемаго блага.

— Начну съ того, что для народа обманутая надежда сама по себѣ уже большое зло, другое же будетъ состоять въ томъ, что правительство отсрочить установленіе необходимыхъ налоговъ, полагаясь на средство совершенно несбыточное. Но, несмотря на все это, замѣчаніе ваше имѣло бы силу, еслибы послѣ выпуска бумажныхъ денегъ и упадка цѣны цѣхъ, равновѣсіе цѣнъ могло мгновенно и одновременно возстановиться во всемъ, и на всемъ пространствѣ государства. Мѣра эта привела

бы насъ тогда, какъ въ моей игорной залѣ, къ общей мистификаціи, надъ которою оставалось бы похохотать, глядя другъ на друга. Но не такъ бываетъ на дѣлѣ. Опытъ былъ уже сдѣланъ, но всякій разъ когда искажали монету....

— Да кто же вамъ говорить объ искаженіи монеты?

— Э, Боже мой! заставлять людей брать въ уплату клочки бумаги, которые офиціально окрестили именемъ франковъ, или давать людямъ серебряную монету вѣсомъ въ два грамма съ половиной вмѣсто пяти, попрежнему офиціально называя ее *франкомъ*, это одно и то же, что исказить монету, если еще не хуже. Всѣ разсужденія, какія только возможны въ оправданіе бумажныхъ денегъ, повторялись также и относительно легковѣсной монеты. Конечно, съ той точки зрѣнія, съ которой вы смотрѣли и, кажется, еще смотрите, воображая, что умножать орудія мѣны значить тѣмъ самымъ размножать и случаи мѣны, и мѣняемые вещи, вы должны безъ сомнѣнія считать самымъ простымъ средствомъ для всеобщаго обогащенія дѣлать два золотыхъ изъ одного и посредствомъ закона давать каждой половинѣ названіе и цѣнность цѣлой монеты. Но, увы, въ обоихъ случаяхъ упадокъ цѣны вашей монеты неизбѣженъ: я, кажется, объяснилъ уже вамъ причину. Остается показать вамъ, что упадокъ этотъ, который въ бумажныхъ деньгахъ можетъ дойти до нуля, во время осуществленія своего обманываетъ многихъ, въ особенности людей бѣдныхъ, простыхъ работниковъ и сельскихъ жителей.

— Я слушаю, говорите; только пожалуста покороче; доза политической экономіи уже слишкомъ велика для меня на первый разъ.

— Будь по вашему. Итакъ, намъ теперь уже хорошо известно, что богатство не что иное, какъ собраніе полезныхъ вещей, производимыхъ трудомъ, или, скорѣе, результатъ всѣхъ усилій для удовлетворенія нашихъ потребностей и вкусовъ. Эти полезные вещи мѣняются однѣ на другія, по желанію тѣхъ, кому принадлежать. Есть два вида такихъ сдѣлокъ: одинъ называется *обмѣномъ* или *мѣной простою* (trac): это, когда за услугу вы непосредственно получаете другую, равносильную ей. Но, въ такомъ видѣ, сдѣлки были бы слишкомъ ограничены. Для того чтобъ онѣ могли размножаться и совершаться, несмотря на время и разстояніе, между людьми незнакомыми и въ безконечно дробныхъ количествахъ, нужно было еще средство другаго дѣятеля: дѣятель этотъ—монета. Она дѣлаетъ

нѣту сложную (échange). Вотъ это-то должны вы замѣтить и понять. *Мѣна сложная* разлагается на два акта: *продажу* и *покупку*, которыхъ соединеніе необходимо при совершеніи ея. За золотой вы *продаете* услугу, потомъ на этотъ золотой *покупаете* услугу. Тогда только законченъ обмѣнъ (trac), тогда только за вашимъ усиліемъ послѣдовало дѣйствительное удовлетвореніе. Очевидно, что вы трудитесь для удовлетворенія чужихъ потребностей только съ тѣмъ, чтобъ и другіе также трудились для удовлетворенія вашихъ. Покуда у васъ въ рукахъ золотой, который вы получили за свою работу, вы въ правѣ требовать себѣ чужаго труда, и только по исполненіи этого требованія, для васъ совершится экономическій оборотъ, потому что только тогда вы получите дѣйствительное удовлетвореніе, дѣйствительное вознагражденіе за вашъ трудъ. Понятіе *обмѣна* (trac) вмѣщаетъ въ себѣ оказанную и оплаченную услугу, какъ же могло бы быть иначе съ *мѣной* усложненной, производящейся посредствомъ монеты и представляющей тотъ же обмѣнъ, только усложненный.

Здѣсь должно сдѣлать два замѣчанія: во-первыхъ, то обстоятельство, что много или мало денегъ на свѣтѣ, само по себѣ не важно; если мало, то и нужно мало для всякой сдѣлки, вотъ и все. Другое же замѣчаніе слѣдующее: такъ какъ деньги участвуютъ во всякой мѣнѣ, то наконецъ привыкли считать ихъ *знакомъ* и *мѣриломъ* обмѣниваемыхъ вещей.

— Меня беретъ ужъ страхъ, что вы вздумаете отвергать и то, что деньги *знакъ* полезныхъ вещей, о которыхъ вы говорите.

— Луидоръ на столько же знакъ куля хлѣба, на сколько куля хлѣба знакъ луидора.

— Но въ такомъ случаѣ что же за бѣда, если монету считают *знакомъ* богатства?

— Бѣда въ томъ, что воображаютъ, будто достаточно увеличить количество этихъ знаковъ, чтобъ увеличить и число означаемыхъ ими вещей, и на этомъ основаніи принимаютъ ложныя мѣры, которыя принимали и вы, когда я васъ сдѣлалъ неограниченнымъ государемъ. Заходятъ даже далѣе: такъ же какъ монету принимаютъ за знакъ богатства, такъ и въ бумажныхъ деньгахъ видятъ знакъ настоящихъ денегъ, то-есть монеты, а изъ этого заключаютъ, что существуетъ очень простое и легко исполнимое средство доставить всѣмъ блага, даваемая богатствомъ.

— Но вы не станете по крайней мѣрѣ отвергать, что деньги *мѣрило цѣнностей*?

— Напротивъ, отвергаю и это, и думаю, что здѣсь-то и гнѣздится корень заблужденія.

Вошло въ употребленіе измѣрять всякую цѣнность цѣною денегъ. Говорятъ: это стобитъ пять, десять, двадцать франковъ, точно такъ же, какъ сказали бы въ этомъ пять, десять, двадцать золотниковъ вѣсу, или 5, 10, 20 аршинъ длины, или земля эта заключаетъ въ себѣ 5, 10, 20 десятинъ и проч. Отсюда заключили, что монета есть *мѣрило цѣнностей*.

— Повидимому, это совершенно справедливо.

— Да, повидимому; вотъ то-то и жаль, что только повидимому, а не дѣйствительно. Мѣра длины, емкости, тяжести, поверхности есть хотя и *условное*, но неизмѣнное количество. Но не такъ бываетъ съ цѣной золота и серебра; она такъ же измѣняется, какъ и цѣна хлѣба, вина, сукна, труда, и по тѣмъ же самымъ причинамъ, потому что одинъ источникъ и одни законы этихъ измѣненій. Золото доставляется намъ точно такъ же, какъ и желѣзо, трудомъ рудокоповъ, затратой капиталистовъ и содѣйствіемъ моряковъ и негоціантовъ. Цѣна его возвышается или понижается, смотря по тому, во чтѣ обходится производство его, по количеству его на рынкѣ, по ббльшей или меньшей въ немъ надобности, однимъ словомъ, въ своихъ колебаніяхъ она подлежитъ одной участи со всеми произведеніями людей. Но вотъ чтѣ странно, и чтѣ причиняетъ многія заблужденія. По милости нашего способа выраженія, когда измѣняется цѣна денегъ, это измѣненіе приписывается не деньгамъ, а произведеніямъ, которыя вымѣниваются на деньги. Такъ напримѣръ, положимъ, что производство золота не сдѣлалось ни дороже, ни дешевле, но случился неурожай хлѣба; хлѣбъ вздорожалъ. Въ такомъ случаѣ скажутъ: гектолитръ хлѣба, стоившій прежде 20 франковъ, теперь 30, и будутъ правы, потому что измѣнилась точно цѣна хлѣба, и здѣсь слова согласны съ дѣломъ. Но допустимъ обратное предположеніе, положимъ, что всѣ обстоятельства, касающіяся хлѣба, не измѣняются, а половина золота всего свѣта потонетъ, въ этомъ случаѣ возвысится цѣна золота. Кажется надо бы сказать: наполеондоръ, *стоившій* прежде 20 франковъ, теперь стобитъ 40, а между тѣмъ скажутъ: хлѣбъ, стоившій прежде 20 франковъ, теперь стобитъ только 10, какъ будто хлѣбъ понизился въ цѣнѣ.

— Да вѣдь результатъ одинъ и тотъ же.

— Конечно, но представьте себѣ всѣ смуты, всѣ обманы, которые произойдутъ при мѣновыхъ сдѣлкахъ, когда цѣнность денегъ измѣнится, а вы не предварены пережвѣной ихъ наименованія. Выпускаютъ монету или билеты, подъ названіемъ *двадцати франковъ*, и названіе это останется за ними при всѣхъ послѣдующихъ пониженіяхъ ихъ цѣнности. Уменьшится она на четверть, на половину, а они все-таки будутъ называться *двадцати-франковою монетою или двадцати-франковыми билетами*. Люди искусные постараются получить за свои прозвѣденія бѣльшее количество этихъ билетовъ, другими словами, они запросятъ сорокъ франковъ за то, что прежде отдавали за двадцать. Но люди простые поддадутся обману, и много лѣтъ пройдетъ, покуда переворотъ совершится для всѣхъ цѣнностей. Подъ вліяніемъ невѣднія и *обычая* поденная плата работника въ нашихъ деревняхъ долго еще будетъ оставаться по прежнему одинъ *франкъ*, между тѣмъ какъ продажная цѣна всѣхъ предметовъ потребленія возвысится уже вокругъ рабочаго. Онъ впадетъ въ ужасную нищету, не понимая самъ ея причины. Наконецъ я прошу васъ обратить все вниманіе на слѣдующее существенное обстоятельство. Когда искаженная монета, въ какомъ бы то ни было видѣ, пускается въ оборотъ, то пониженіе цѣны денегъ неизбежно, и оно выражается повышеніемъ цѣны всего, что только можетъ продаваться. Но повышеніе это совершается не мгновенно и не одинаково для всѣхъ вещей. Люди смысленные, мѣнялы, дѣловые люди сводятъ хорошо свои счета, потому что ихъ дѣло замѣчать измѣненіе цѣны, узнавать причину этого измѣненія и даже спекулировать на него. Но мелкіе торговцы, сельскіе жители, работники несутъ всю тяжесть переворота. Богатый не становится отъ него богаче, а бѣдный дѣлается еще бѣднѣе. Слѣдовательно, такого рода средства увеличиваютъ разстояніе, отдѣляющее богатство отъ нищеты; останавливаются естественныя стремленія общества, непрерывно приближающія людей къ одному уровню, и потому проходятъ вѣка, покуда пострадавшіе отъ этого переворота сословія опять подвинутся на столько впередъ, на сколько отступили назадъ.

— Прощайте, я оставляю васъ, чтобы на досугѣ обдумать то, что вы мнѣ изложили съ такою снисходительностью.

— А, ваша снисходительность уже истощилась? Жаль, я только еще началъ: я не говорилъ вамъ ни о *ненависти къ капиталу*, этомъ пагубномъ чувствѣ, — ни о *даровомъ кредитѣ*,

этих жалких заблужденіяхъ, которыя оба вытекають изъ одного источника.

— Какъ! это ужасное возстаніе пролетаріевъ на капиталистовъ происходитъ тоже оттого, что деньги смѣшиваютъ съ богатствомъ!

— Произвели его разныя причины. Къ несчастію нѣкоторые капиталисты присвоили себѣ монополіи и привилегіи, которыхъ однихъ достаточно для объясненія этого чувства ненависти. Но когда теоретики демагогіи захотѣли оправдать его, привести въ систему, придать ему видъ основательно обдуманнаго мнѣнія и обратить его противъ самой природы капитала, они прибѣгнули къ той ложной политической экономіи, въ которой всюду встрѣчается это смѣшеніе. Люди эти сказали народу: «Возьми червонецъ, положи его подъ стекло, оставь его тамъ въ продолженіи года, потомъ посмотри, и ты убѣдишься, что онъ не произвелъ ни десяти, ни пяти копѣекъ, ни даже доли копѣйки. Слѣдовательно, деньги не производятъ процентовъ». Потомъ, замѣнивъ слово *деньги* мнимымъ его синонимомъ, *капиталомъ*, они видоизмѣнили и свое заключеніе слѣдующимъ образомъ: «Слѣдовательно капиталъ не производитъ процентовъ». Отсюда у нихъ послѣдовалъ цѣлый рядъ выводовъ: «Слѣдовательно тотъ, кто даетъ займы капиталъ, не долженъ получать съ него никакой выгоды, слѣдовательно тотъ, кто, давая тебѣ капиталъ займы, беретъ съ тебя что-нибудь за это, обкрадываетъ тебя; слѣдовательно всѣ капиталисты воры; слѣдовательно богатства, долженствующія безвозмездно служить тѣмъ, кто беретъ ихъ займы, въ сущности принадлежатъ тѣмъ, кому они *не принадлежатъ*; слѣдовательно собственности нѣтъ; слѣдовательно все принадлежитъ всѣмъ; слѣдовательно...»

— Это очень важно, тѣмъ болѣе, что признаюсь вамъ, силлогизмъ по моему построень удивительно хитро. Мнѣ очень хотѣлось разяснить вопросъ; но, увы, я не въ силахъ теперь сосредоточить свое вниманіе на чемъ-нибудь; въ головѣ у меня вертятся въ беспорядкѣ слова: *монета, деньги, услуги, капиталы, проценты*, такъ что ужъ я право совсѣмъ потерялся. Пожалуста отложимъ этотъ разговоръ до другаго дня.

БАЛЬНЫЯ ГРЕЗЫ

(ОКТАВЫ)

Посвящаются Аннѣ Федоровнѣ Ковалевской.

I.

Всегда я лишній гость на вашемъ свѣтскомъ балѣ,
И тьмою кажется мнѣ вашъ блестящій свѣтъ....
Давно гремѣлъ оркестръ въ благоуханной залѣ,
Облитой блескомъ люстръ, брилльянтовъ, эполетъ:
Лишь я да милая моя не раздѣляли
Веселья общаго: у насъ былъ свой предметъ,
Свой теплый разговоръ, исполненный отрады,
И невниманію другихъ мы были рады....

II.

Но я разстался съ ней: она, увлечена
Паркетнымъ рыцаремъ, смѣшалася съ толпою;
Ей не сочувствуя, —она была одна, —
Остался я одинъ въ бесѣдѣ самъ съ собою.
Мелькая предо мной, скрывалася она....
Изъ залы вышелъ я съ холодною тоскою;
Покоевъ и гостей минуя длинный строй,
Вошелъ я, наконецъ, въ незанятый покой.

III.

Въ окно широкое передо мной открыты
 Ряды роскошныхъ дачъ средь зелени садовъ,
 Лучами мѣсяца таинственно облиты,
 И городской погостъ мнѣ кажется лѣсъ крестовъ;
 У мраморовъ гробницъ березы да ракиты,
 Какъ тѣни легкія встающихъ мертвецовъ.
 Мой взоръ задумчивый на немъ остановился,
 И нечувствительно я въ грезы погрузился.

IV.

Въ могилѣ я лежу, заброшенный землей,
 Забытый, какъ и всѣ, незнаемый своими;
 Проносится метель свободно надо мной,
 И вѣтеръ споръ ведетъ съ березами моими....
 Невыносимъ мнѣ мой безжизненный покой:
 Я вышелъ бы страдать съ собратьями живыми,
 И имъ завидовать, смотря на ихъ борьбу,
 На вѣковѣчную тяжелую судьбу.

V.

Морозно и темно въ могилѣ безотвѣтной —
 А тамъ... въ палатахъ пирь и музыка гремить,
 Часы въ веселіи проходятъ незамѣтно,
 И жизни дивирамбъ торжественно звучить;
 Ведется разговоръ съ улыбкою привѣтной,
 И старость съ юностью, какъ юность, говорить....
 Зачѣмъ я не живу, зачѣмъ теперь не съ ними,
 Зачѣмъ не слышенъ я межъ братьями моими!

VI.

Тамъ милая моя, цвѣтущая красой,
 Пльняетъ музыкой рѣчей своихъ другаго,
 О прошломъ говоритъ съ сердечной полнотою,
 Но обо мнѣ одномъ въ поминѣ нѣтъ ни слова...
 Иль, можетъ-быть, она, осеннею порой
 Колѣни преклонивъ у праха дорогаго,
 Слезой животворитъ могильный мой цвѣтокъ...
 О, еслибъ я тогда откликнуться ей могъ!

VII.

И всѣ завѣтныя души моей творенья,
 О чемъ я только смѣлъ когда-то пометать,
 Нежданно облеклись въ вѣнецъ осуществленья.
 Что винуло въ мой вѣкъ, о чемъ я могъ страдать, —
 То будетъ, укрѣпясь въ роскошномъ обновленьѣ,
 Плоды свои другимъ обильно расточать!
 А я не чувствую, а я въ могилѣ тлѣю,
 И ихъ привѣтствовать я силы не имѣю!

VIII.

Но эти образы, мелькнувши предо мной,
 Уже заслонены картиною иною —
 Невѣждъ безмысленныхъ сіяющей толпой,
 Ласкаемыхъ въ нашъ вѣкъ ихъ старческой судьбою, —
 А разумъ съ знаніемъ и съ силой молодой
 Во прахъ повержены подъ дряхлой ихъ стопою, —
 И задыхается въ вертепахъ нищеты
 Все, полное надеждъ добра и красоты.

IX.

Я вижу въ этотъ часъ прозрѣвшими глазами,
 Чѣмъ перлы куплены красавицъ молодыхъ:
 Мнѣ кажутся они застывшими слезами,
 Пролитыми въ трудахъ работавшихъ на нихъ.
 Вы освѣтили пиръ своей яркими огнями,
 Отнявъ послѣдній свѣтъ у слабыхъ и меньшихъ,
 И въ каждомъ музыки ласкающемъ мотивѣ
 Я слышу скрипъ серпа и плачъ дѣтей на нивѣ...

X.

Своекорыстіемъ все дышитъ и живетъ,
 Всякъ, заблужденіемъ обмануть, веселится,
 Проматывая жизнь, какой-то жизни ждетъ...
 О, еслибы я могъ нежданно къ нимъ явиться,
 Чтобъ ихъ веселіе нарушилъ мой приходъ,
 Чтобъ истиной могилъ съ живыми подѣлиться,
 Отъ сердца скорбнаго съ одними говорить,
 Другихъ насмѣшкою презрительной язвить...

XI.

Нѣтъ! Наслаждайтесь всѣ въ своемъ житейскомъ пирѣ!
 Есть счастье и въ трудѣ, и въ мысли, и въ борьбѣ:
 Вездѣ разлита жизнь въ прекрасномъ вашѣмъ мѣрѣ;
 И тайна, скрытая отъ васъ въ моей судьбѣ,
 Вамъ не откроется ни въ помыслахъ, ни въ лирѣ.
 Я вашего сюда не захватилъ себѣ, —
 И даже зависть къ вамъ меня не утѣшаетъ,
 Что васъ ликующихъ мой жребій ожидаетъ...

XII.

И много я грустилъ, и долго я мечталъ;
 А время за-полночь тянулось полусонно,
 И шумно, какъ всегда, оканчивался балъ.
 Мнѣ вѣяло въ лицо прохладой благовонной;
 Звукъ бальной музыки въ покой мой долеталъ,
 Но онъ звучалъ, какъ маршъ печально-похоронный,
 Тому, кто чувствуетъ и мыслию живетъ,
 Чей рвется къ доблестямъ окованный полетъ.

Н. ЩЕРБИНА.

С.-Петербургъ.
 1858 года.

О НЕОБХОДИМЫХ ГАРАНТИЯХЪ

УГОЛОВНАГО СУДА

Уголовно-судебная власть есть мечъ обоюдоострый. Смотри по употребленію, которое дѣлается изъ этой власти, она или уничтожаетъ зло, или и сама бываетъ источникомъ страшнаго зла. Служительница правды, власть уголовно-судебная, ограждаетъ общество отъ злодѣевъ, охраняетъ святость и неприкосновенность правъ, поддерживаесть въ народѣ должное уваженіе къ законамъ и служитъ самымъ крѣпкимъ щитомъ общественнаго и частнаго спокойствія и безопасности; орудіе произвола, она напротивъ открыто потворствуетъ злодѣямъ и злодѣяніямъ, сама нарушаетъ права и законы, своимъ примѣромъ, произвольностію и несправедливостію наказаній поощряетъ къ тому и другихъ и становится истиннымъ бичомъ народа.

Поэтому въ высшей степени необходимо, чтобъ осуществленіе этой страшной власти въ уголовныхъ судебныхъ мѣстахъ совершалось при такихъ гарантіяхъ, которыя бы предохраняли судей отъ ошибокъ, и тѣмъ болѣе ограничивали ихъ произволь и препятствовали злоупотребленіямъ. Къ числу такихъ гарантій, кромѣ устности и гласности уголовного суда, о которыхъ мы уже имѣли случай говорить, принадлежать еще слѣдующія: формальное обвиненіе, формальное защищеніе, судъ по внутреннему убѣжденію, но не безотчетный, а на основаніи извѣст.

ныхъ установленныхъ обычаемъ или закономъ правилъ, и пересмотръ уголовныхъ дѣлъ, рѣшенныхъ въ одномъ судѣ, другимъ судомъ.

І. ФОРМАЛЬНОЕ ОБВИНЕНІЕ.

Безспорно одинъ изъ самыхъ важныхъ недостатковъ слѣдственнаго процесса состоитъ во томъ, что въ немъ обвиненіе не имѣетъ своего особеннаго представителя. Въ этой формѣ уголовного суда, всякое дѣло по преступленію начинается, какъ извѣстно, безъ всякаго особеннаго обвиненія, самимъ слѣдователемъ ex officio, по долгу званія и по его собственному усмотрѣнію. Онъ долженъ не только производить слѣдствія по преступленіямъ, но и начинать и даже возбуждать ихъ самъ собою, по своему собственному усмотрѣнію, какъ скоро то находитъ нужнымъ, не дожидаясь никакого сторонняго требованія или предложенія. Такое смѣшеніе совершенно разнородныхъ обязанностей въ одномъ лицѣ прямо ведетъ къ тому, что въ слѣдственномъ процессѣ ни роли обвинителя, ни роли слѣдователя не выполняются, какъ должно: слѣдствія по преступленіямъ и начинаются, по большей части, крайне поспѣшно и произвольно, и производятся почти всегда пристрастно.

Соединяя въ себѣ обѣ роли, слѣдователь обязанъ бдительно слѣдить за всѣми преступленіями, которыя совершаются, или за преступниками, которые скрываются въ предѣлахъ его вѣдомства, употреблять всѣ зависящія отъ него средства для открытія первыхъ и изобличенія послѣднихъ, и для этого не пренебрегать никакими слухами и никакими свѣдѣніями о нихъ, но всегда тщательно развѣдывать, въ какой степени эти слухи и свѣдѣнія справедливы, и затѣмъ, когда они оказываются справедливыми, приступать и къ самому слѣдствію, въ противномъ случаѣ оставлять ихъ безъ всякаго уваженія. Но спрашивается, возможно ли такое хладнокровіе? Въ слѣдственномъ процессѣ слѣдователь всегда хочетъ нагрянуть, накрыть и застать преступника врасплохъ, чтобы не дать ему времени ни скрыть слѣдовъ преступления, ни приготовиться къ отвѣту или скрыться. Поэтому какъ скоро доходитъ до него слухъ или свѣдѣніе, что въ такомъ-то мѣстѣ совершено преступленіе, или скрываются преступники, его всегда сильно беспокоитъ мысль, какъ бы не опоздать слѣдствіемъ, не пропустить благоприятнаго времени

для его начатія, и уже отъ одного этого не сдѣлать его совершенно бесполезнымъ. Изъ опасенія, чтобы не начать слѣдствіе слишкомъ поздно, онъ обыкновенно тотчасъ же и отправляется на мѣсто преступленія и прямо приступаетъ къ слѣдствію, нимало не развѣдывая, есть ли дѣйствительно какой-либо поводъ къ нему. Начавши же слѣдствіе, слѣдователь-обвинитель обыкновенно и продолжаетъ его во всякомъ случаѣ. Если слѣдствіе не доставляетъ ему никакого удовлетворительнаго результата въ самомъ началѣ, то онъ всегда надѣется открыть имъ что-нибудь въ послѣдствіи. Поступать такъ слѣдователь-обвинитель долженъ уже и потому, что въ слѣдственномъ процессѣ самъ законъ велитъ ему производить всякое слѣдствіе по горячимъ слѣдамъ и подвергаетъ его замѣчаніямъ, выговорамъ и даже высканію за медленность и нерадѣніе въ исполненіи обязанностей его званія, если онъ приступаетъ къ слѣдствію не тотчасъ, а по истеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени отъ совершенія преступленія, и если оно отъ этого только не удается. Но часто заставляетъ слѣдователя-обвинителя спѣшить слѣдствіемъ и ревность не по разуму, которой только и одолжено новѣйшее время въ западныхъ государствахъ всѣмъ множествомъ политическихъ процессовъ, окончательно подорвавшихъ всякое довѣріе къ слѣдственному процессу, а весьма нерѣдко и своекорыстное, особенно свойственное молодымъ, только-что начинающимъ служебную карьеру слѣдователя, желаніе отличиться, выйдти въ люди, составить себѣ громкое имя, чего всегда скорѣе можно достигнуть быстрымъ и безпощаднымъ преслѣдованіемъ преступленій и преступниковъ, чѣмъ добросовѣстнымъ исполненіемъ скромныхъ обязанностей слѣдователя. Въ слѣдственномъ процессѣ желаніе это потому особенно соблазнительно и опасно, что въ немъ оно не находитъ почти никакого препятствія для своего исполненія. Въ слѣдственной формѣ суда слѣдователь производитъ слѣдствіе почти безъ всякой повѣрки и контроля, и потому всегда имѣетъ полную возможность самому незаконному слѣдствію придать законный видъ или даже затянуть дѣло такъ, чтобы и самая память о немъ исчезла. Бывали случаи, что слѣдователи-обвинители, томимые жаждою отличій и наградъ, чтобы обратить на себя вниманіе начальства своимъ особеннымъ усердіемъ къ пользамъ службы, даже выдумывали совершенно небывалыя преступленія и довольно успѣшно оканчивали слѣдствія по нимъ.

Самое малѣйшее зло, которое происходитъ отсюда, состоитъ въ томъ, что въ слѣдственномъ процессѣ слѣдствія поспѣшныя, произвольныя и неосновательныя принадлежать къ самымъ обыкновеннымъ явленіямъ, а нѣкоторыя даже продолжаются по нѣскольку лѣтъ сряду. Не имѣя никакого определеннаго подозрѣнія въ началѣ слѣдствія, слѣдователь естественно бродитъ какъ слѣпой въ потемкахъ и не зная, за что собственно взялся, по необходимости берется то за то, то за другое, бросается то въ ту, то въ другую сторону, производить слѣдствіе то по тому, то по другому преступленію, а иногда вдругъ по многимъ преступленіямъ вмѣстѣ, съ которыми случайно встрѣчается при самомъ производствѣ слѣдствія, и притягиваетъ къ нему то тѣхъ, то другихъ. Слѣдствіе запутывается все болѣе и болѣе, чѣмъ долѣе продолжается, и часто совершенно уклоняется отъ своего первоначальнаго предмета; бумаги тратятся бездна, томъ нарастаетъ на томъ, а дѣло впередъ не подвигается ни на шагъ. Подобныя процессы увеличиваютъ издержки государства на уголовное судопроизводство безъ всякой нужды и пользы, вовсе напрасно причиняютъ безпокойство, оскорбленіе, а иногда и значительныя матеріальныя убытки; людямъ, совершенно невиннымъ; а когда повторяются часто, дѣлаютъ ненавистною и самую уголовную юстицію, которая становится тогда истиннымъ бичомъ народа. Слыша о нихъ, нельзя не подумать, ужь не для того ли они ведутся, чтобы слѣдователи могли практически изучать свое искусство надъ живыми людьми, подобно тому какъ врачи учатся своей науцѣ надъ трупами.

Но есть еще и другое большое зло, которое необходимо возникаетъ изъ двойственнаго положенія слѣдователей въ слѣдственной формѣ суда: оно дѣлаетъ слѣдователей совершенно неспособными и къ исполненію ихъ собственныхъ обязанностей. Прямая обязанность слѣдователя, какъ слѣдователя, состоитъ въ томъ, чтобы спокойно и безпристрастно изыскивать истину, и потому съ равнымъ вниманіемъ слѣдить, какъ за тѣми обстоятельствами, которыя говорятъ во вредъ обвиняемыхъ, такъ и за тѣми, которыя служатъ въ ихъ пользу. Но можетъ ли быть способенъ къ такому безпристрастію слѣдователь, когда онъ самъ же и начинаетъ слѣдствіе? Заподозривъ извѣстное лицо въ преступленіи и подвергнувъ его слѣдствію по поводу этого подозрѣнія, въ состояніи ли онъ заботиться объ его оправданіи, когда производить слѣдствіе? Трудиться надъ

уничтоженіемъ своего собственнаго дѣла не въ натурѣ чело-
вѣка, и кто приступаетъ къ изслѣдованію какого-либо пред-
мета съ взглядомъ уже готовымъ, тотъ всегда старается по-
средствомъ его не разувѣриться, а лишь еще болѣе убѣдиться
въ справедливости своего взгляда. Такъ и слѣдователь, когда
самъ начинаетъ слѣдствіе противъ извѣстнаго лица, естественно
долженъ наклонять его лишь къ обвиненію этого лица. Черезъ
это онъ всегда становится прямо во враждебное отношеніе къ
подсудимому. Посему уже въ самомъ началѣ слѣдствія, когда
слѣдователь кого вызываетъ къ отвѣту, онъ тщательно скрываетъ
отъ него причину вызова, съ тою цѣлю, чтобъ обвиняемый,
не зная, въ чемъ собственно его обвиняютъ, не могъ пригото-
виться къ отвѣту, и тѣмъ легче проговорился на допросѣ. А
допросъ обвиняемому всегда начинается увѣщаніемъ, чтобъ
онъ на вопросы, которые имѣютъ быть предложены ему, пока-
зываетъ сущую правду, и для поощренія къ тому, ему объяв-
ляется, что чистосердечное раскаяніе и добровольное призна-
ніе могутъ уменьшить мѣру его наказанія. Если увѣщанія оста-
ются недѣйствительными, и подсудимый, вмѣсто того чтобы
сознаться, отрицаетъ справедливость обвиненія, что бываетъ
почти всегда; тогда слѣдователь старается довести его до при-
знанія. Но подсудимый не показываетъ ни малѣйшей наклон-
ности къ тому иногда и отъ того, что дѣйствительно не знаетъ
за собою никакой вины, и продолжаетъ оправдываться. Следова-
тель считаетъ всѣ его слова явною ложью. Разъ признавши
гражданина виновнымъ въ преступленіи, онъ уже не можетъ
вѣрить ничему тому, что онъ приводитъ въ свое оправданіе, и
тѣмъ сильнѣе домогается признанія отъ него. Между нимъ и
подсудимымъ завязывается борьба; чѣмъ упорнѣе она ведется
со стороны подсудимаго, тѣмъ настойчивѣе старается слѣдова-
тель низложить своего противника и употребляетъ для этого
всѣ средства, какими только можетъ располагать. Отсюда раж-
дается самъ собою цѣлый рядъ дѣйствій, частію низкихъ, пред-
осудительныхъ, а частію даже насильственныхъ и возмутитель-
ныхъ, которыми такъ обезображивается свѣтлый ликъ уголовной
юстиціи, и глубоко унижается почтенное званіе слѣдовате-
лей въ слѣдственномъ процесѣ. Домогаясь признанія отъ под-
судимаго, слѣдователь старается или перехитрить его, или за-
путать въ противорѣчіяхъ, или какъ-нибудь обмануть, или за-
страшать. Когда же всѣ эти средства оказываются недѣйстви-
тельными, тогда онъ вырываетъ у обвиняемаго признаніе или

тѣмъ, что ставить его вдругъ съ очей на очи съ предметами или лицами, съ которыми онъ никакъ не ожидалъ встрѣтиться, такимъ образомъ производить въ немъ страшное душевное потрясеніе; или же подвергаетъ его не менѣе ужасной пыткѣ нескончаемыхъ допросовъ, которые начинается съ ранняго утра, намѣренно натоцакъ, и продолжая до поздней ночи, не даетъ подсудимому, все это время, ни пищи, ни питья, чтобы голодомъ и жаждой сломить его упорство. Чья же крѣпкая натура не преломляется и объѣту муку, того иной слѣдователь открыто бьетъ, вяжетъ и моритъ въ тюрьмѣ, злоупотребляя правомъ, которое предоставляли ему на примѣръ всѣ германскія законодательства на тотъ случай, когда обвиняемый въ преступленіи не даетъ надлежащихъ отвѣтовъ и затрудняетъ слѣдствіе лживыми показаніями. На этомъ обыкновенно и сосредоточивается вся дѣятельность слѣдователей въ слѣдственномъ процессѣ. Не дать же въ самомъ дѣлѣ перехитрить или переупрямить себя! Вызвавъ подсудимаго на битву самъ собой, неужели слѣдователь долженъ сознаться, что вступилъ въ нее опрометчиво, не справившись съ своими силами и не приготовившись надлежащимъ образомъ, и тѣмъ уронить себя и свое званіе въ глазахъ его и другихъ, да и чтѣ за нужда церемониться съ мошенниками? Они всѣ обыкновенно клянутся въ своей невинности и употребляютъ всѣ средства, чтобы избавиться отъ заслуженнаго наказанія. Чтобы вынудить у нихъ признаніе, всегда необходимо бороться съ ними ихъ же собственнымъ оружіемъ, и гдѣ нужно, употреблять и силу, чтобы заставить ихъ сознаться. Какъ же иначе дѣйствовать на грубую натуру, которая совершенно недоступна для всякаго другаго болѣе благороднаго воздѣйствія? Добиваясь же отъ подсудимыхъ признанія и ведя изъ-за него болѣе или менѣе упорную битву, слѣдователи по большей части забываютъ даже и о собраніи другихъ доказательствъ помимо признанія, отчего и бываетъ нерѣдко, что, когда имъ не удастся получить отъ подсудимаго признаніе, слѣдствіе нисколько не разъясняетъ дѣла.

Поступая такимъ образомъ съ подсудимыми, слѣдователи и не рискуютъ ничѣмъ. Законъ, правда, и въ слѣдственномъ процессѣ, велитъ приводить обвиняемыхъ къ признанію болѣе кротостію, чѣмъ строгостію, и предписываетъ не только отнюдь не подвергать ихъ истязаніямъ и жестокостямъ, но и не дѣлать при- страстныхъ допросовъ, даже и признанія не требуетъ, какъ необходимаго условія для обличенія подсудимыхъ, дозволяетъ доволь-

ствоваться и другими доказательствами, когда его нельзя получить добровольно. Но зачѣмъ же законъ прямо объявляетъ, что признаніе есть самое важное доказательство, *regina probationum*, лучшее свидѣтельство на свѣтѣ? Для чего позволяетъ слѣдователямъ самопроизвольно наказывать подсудимыхъ, когда они не даютъ надлежащихъ отвѣтовъ на предлагаемые имъ вопросы или затрудняютъ слѣдствіе лживыми отвѣтами? На какой конецъ, вообще, предоставляетъ онъ имъ такую безотчетную власть надъ подсудимыми? Если признаніе есть самое важное доказательство, то можетъ ли слѣдователь не добиваться его и считать слѣдствіе вполне удавшимся, когда не получаетъ признанія отъ подсудимыхъ? И съ какою цѣлью онъ долженъ тогда бить, вязать и морить подсудимыхъ въ тюрьмѣ за то, что они не даютъ ему надлежащихъ отвѣтовъ или стараются оправдаться хотя бы то ложью? Развѣ обвиняемый обязанъ помогать слѣдователю обвинить себя? Естественно ли это? Если и въ гражданскомъ судопроизводствѣ отвѣтчикъ не обязывается способствовать истцу въ выигрышѣ его дѣла, и не отвѣчаетъ и за то, когда не представляетъ къ дѣлу документовъ, которые находятся у него въ рукахъ и могутъ вредить ему, то почему же, должно быть иначе въ уголовномъ судопроизводствѣ? Обязанность доказывать должна лежать всею своею тяжестью всегда на истцѣ и никогда на отвѣтчикѣ. Это коренное начало всякаго суда.

Для того чтобъ обвиняемый зналъ, что наказаніе за заперательство и ложь не должно служить понудительною мѣрой къ признанію, баварское законодательство узаконяетъ, чтобы передъ исполненіемъ этого наказанія было ему объяснено, за что оно назначается, и чтобы доказать ему на самомъ дѣлѣ, что оно не имѣетъ цѣлью полученіе признанія отъ него силою, не велитъ дѣлать никакого употребленія изъ того, въ чемъ онъ признается во время наказанія, если онъ не захочетъ подтвердить того добровольно по прошествіи по крайней мѣрѣ 34 часовъ отъ исполненія наказанія. Вся эта церемонія не есть ли самая горькая насмѣшка надъ подсудимымъ? Подобная вѣжливость оказывалась подсудимому и тогда, когда его пытали добросовѣстно, но она и въ то время дорого обходилась ему. Если онъ, пользуясь даннымъ ему дозволеніемъ, отказывался отъ признанія, даннаго во время пытки, когда проходила боль, причиненная ею; то они его опять пытали и еще сильнѣе, чтобы при-

нудить къ признанію. Но тогда по крайней мѣрѣ поступали съ нимъ откровенно и не смѣялись надъ нимъ!

Трудно понять, какъ такой несправедливый законъ могъ дѣйствовать такъ долго въ образованныхъ государствахъ, гдѣ уже давно, и по суду, тѣлесному наказанію подвергаются лишь одни бродяги и малолѣтніе. Но и еще непонятнѣе, какъ этотъ законъ могъ ужиться съ другимъ закономъ, который вездѣ признается краеугольнымъ камнемъ личной гражданской свободы и неприкосновенности, что никто безъ суда не только не можетъ быть наказанъ, но и лишенъ имущества. Если безъ суда не можетъ быть отнято ни у кого и имущество, то какимъ же образомъ слѣдователь можетъ свободно располагать самимъ тѣломъ подсудимаго по поводу лишь одного подозрѣнія въ преступленіи, которое легко можетъ оказаться совершенно несправедливымъ? Есть конечно люди, для которыхъ розги и палочные удары ничего не значатъ; но какъ невыносимо ужасна должна быть для человѣка болѣе образованнаго и самая мысль о томъ, что его могутъ подвергнуть подобной экзекуціи? Кто можетъ быть увѣренъ въ томъ, что онъ никогда не попадетъ подъ уголовное слѣдствіе? Мало ли есть обстоятельство и случаевъ въ жизни, которые и самаго невиннаго человѣка могутъ запутать въ уголовное дѣло? Успокоивать себя при этой мысли тѣмъ, что съ нимъ слѣдователь не посмѣетъ поступить такимъ образомъ, никто не можетъ.

Но дѣйствуя прямо противозаконно, при слѣдственной формѣ суда слѣдователи почти всегда имѣютъ возможность избѣжать ответственности за свои дѣйствія. Производя слѣдствіе, они дѣйствуютъ почти совершенно одни; а самого подсудимаго вовсе не имѣютъ никакой причины опасаться. Жалобы его на слѣдователя частію не уважаются, частію ему же самому обращаются во вредъ, и всегда легко могутъ быть предупреждены слѣдователемъ. Понятно, что дѣйствія слѣдователя никому не могутъ нравиться, и чѣмъ усерднѣе онъ исполняетъ свой долгъ, тѣмъ болѣе неудовольствія и ропота возбуждаетъ противъ себя; да и мало ли что могутъ наказать на него хитрые мошенники, съ которыми онъ почти всегда имѣетъ дѣло, и для того только, чтобы сдѣлать ему неудовольствіе или избавиться отъ него? Вѣрить всѣмъ извѣтамъ и жалобамъ подсудимыхъ на слѣдователей значило бы совершенно связать имъ руки къ явному вреду службы. Если же бы обвиняемому тѣмъ

не менѣе удалось заставить себя выслушать и обратить вниманіе на свою жалобу, и тогда слѣдователю не трудно сложить всю вину на него самого. Что значитъ жалоба лица чуть не безправнаго на лицо, облеченное полною довѣренностію государства? Слѣдователю стѣбитъ только описать обвиняемаго, какъ самаго наглаго и строптиваго злодѣя, чтобъ оправдать крутыя мѣры, которыя онъ употребилъ противъ него, и на которыя тотъ жалуется. Но слѣдователь всегда можетъ и предупредить жалобу, заставивъ подсудимаго тѣми же средствами, которыми оскорбилъ его, собственною рукою скрѣпить по листамъ самооскверненіе, подписавшись подъ актами слѣдствія, что во время допроса пристрастныхъ вопросовъ и вообще никакого притѣсненія и насилія ему чинимо не было.

Но бывають, говорятъ, и при слѣдственномъ процессѣ вполне добросовѣстные слѣдователи. Можетъ-быть, но тогда они плохіе обвинители. Притомъ здѣсь идетъ дѣло не о лицахъ, а о самомъ учрежденіи, которое, налагая на слѣдователей совершенно разнородныя обязанности, поневолѣ заставляетъ нарушать одну какую-нибудь изъ нихъ.

Въ обвинительномъ судопроизводствѣ напротивъ одно лицо обвиняетъ, а другія производятъ слѣдствіе,—предварительно мирныя, или полицейскіе, или слѣдственные судьи, на сколько то нужно для объясненія внѣшняго состава преступленія и обоснованія обвиненія противъ извѣстнаго лица; а доказательства собираются, и дѣло окончательно разъясняется въ самомъ засѣданіи уголовного суда, и какъ тамъ, такъ и тутъ, всякій дѣлаетъ лишь свое дѣло совершенно спокойно и безпристрастно.

Слѣдователь не спѣшитъ слѣдствіемъ, потому что онъ и не начинаетъ его самъ; а обвинитель не торопится обвиненіемъ, потому что знаетъ, что производить слѣдствіе и повѣрять посредствомъ его справедливость обвиненія будетъ не онъ самъ, и что, поэтому, только отъ обвиненія основательнаго и вполне правильнаго онъ можетъ ожидать удовлетворительнаго результата, а необдуманное и неосновательное доставить ему лишь совершенно бесполезныя хлопоты и непріятности. Оттого-то, получивъ свѣдѣніе о преступленіи, обвинитель прежде тщательно удостовѣряется въ справедливости полученнаго имъ свѣдѣнія, и только когда видитъ, что слѣдствіе можетъ быть начато съ успѣхомъ, приступаетъ къ обвиненію или даетъ слѣдователю предложеніе о началіи слѣдствія, смотря потому,

есть ли обвинитель частное лицо, какъ напримѣръ въ Англіи, или государственный чиновникъ, какъ напримѣръ во Франціи и во многихъ другихъ государствахъ. Отсюда происходитъ, что въ обвинительной формѣ суда многія слѣдствія, которыя бы непремѣнно были ведены при слѣдственной формѣ, вовсе и не возбуждаются. Но и бывъ начаты въ обвинительномъ процессѣ, слѣдствія никогда не бывають слишкомъ продолжительны. Обвиняя, обвинитель всегда точно объясняетъ, въ чемъ и кого обвиняетъ. Чрезъ это, всякое слѣдствіе съ самаго начала получаетъ опредѣленное содержаніе, и задача слѣдователя становится легка. Между тѣмъ какъ въ слѣдственномъ процессѣ онъ по необходимости распространяетъ слѣдствіе на разныя преступленія и подвергаетъ ему то тѣхъ, то другихъ, въ обвинительномъ онъ всегда производитъ его по одному преступленію и противъ извѣстнаго лица. Распространять его на другія преступленія собственною властію онъ не имѣетъ права даже и тогда, когда другія преступленія и другіе преступники сами собой открываются по слѣдствію. Такимъ образомъ слѣдствія всегда удерживаются въ должныхъ предѣлахъ и никогда не могутъ быть ни такъ вредны, ни такъ продолжительны, какъ въ слѣдственномъ процессѣ, гдѣ слѣдователь имѣетъ право притягивать къ слѣдствію и заирать всѣхъ, на кого падаетъ его подозрѣніе. Въ Англіи скорость слѣдствія почти превосходитъ всякое вѣроятіе. Но скорость эта имѣетъ также своею причиною и то, что обвинитель, прежде чѣмъ вчинаетъ искъ, обыкновенно, при помощи полиціи, доводитъ дѣло до возможной ясности и собираетъ всѣ нужныя доказательства, а иногда и то, что обвиняемый самъ желаетъ, чтобъ его дѣло поскорѣе передано было въ судъ ассизовъ, и потому въ предварительномъ слѣдствіи вовсе и не защищается. Это бываетъ тогда, когда онъ надѣется оправдаться и хочетъ достигнуть этого болѣе гласнымъ образомъ.

Еще болѣе благотворное влияніе оказываетъ строгое отдѣленіе роли обвинителя отъ роли слѣдователя на самое производство слѣдствій. Въ самомъ дѣлѣ, какую причину можетъ имѣть слѣдователь поступать пристрастно при исполненіи своего долга, когда онъ самъ не обвиняетъ никого? Въ подобныхъ случаяхъ развѣ только низкое челоуѣкоугодіе, простирающееся до забвенія собственной личности, можетъ заставить его служить цѣлямъ совершенно чуждымъ для него. Будучи лишь простымъ посредникомъ между обвинителемъ и обвиняемымъ въ

дѣла, которое лично ни въ какомъ отношеніи не касается его, онъ напротивъ въ томъ только и долженъ поставять свою честь и славу, чтобы добросовѣстно исполнять свой долгъ безпристрастнаго изыскателя истины, не потворствуя ни обвинителю, ни обвиняемому. Такъ обыкновенно и поступаютъ лучшіе слѣдователи во Франціи, гдѣ предварительное слѣдствіе производится болѣе слѣдственнымъ, чѣмъ обвинительнымъ порядкомъ, но еще болѣе въ Англіи, гдѣ только и дѣйствуетъ обвинительный процессъ въ его чистомъ видѣ. Въ Англіи, говоритъ Миттермайеръ, мирный и полицейскій судья всегда считаютъ себя настоящими судьями; всѣ они живо чувствуютъ обязанность быть безпристрастными и заботиться, чтобы каждый обвинитель и обвиняемый имѣли одинаковыя права при обвиненіи и защищеніи, и при собираніи доказательствъ. Дѣйствительно, едвали гдѣ, кромѣ Англіи, слѣдствіе производится такъ безпристрастно. Англійскіе мирные и полицейскіе судьи и по закону не болѣе какъ наблюдатели и посредники между обвинителемъ и обвиняемымъ. Они лишь управляютъ ходомъ слѣдствій и наблюдаютъ за правильностію ихъ; а дѣла всегда разъясняютъ сами партіи и при этомъ пользуются совершенно одинаковыми правами. Слѣдствіе обыкновенно начинается показаніемъ обвинителя или констабля, который арестовалъ обвиняемаго; потомъ отбираются показанія у свидѣтелей обвинителя, почти всегда имъ самимъ или его адвокатомъ и въ присутствіи обвиняемаго. Выслушавъ обвинителя и его свидѣтелей, слѣдователь обращается къ обвиняемому и спрашиваетъ его: что онъ можетъ сказать противъ ихъ показаній? Но тотчасъ же присовокупляетъ, что по закону онъ не долженъ отвѣчать, но всякое объясненіе его будетъ записано и употреблено противъ него въ засѣданіи уголовного суда. Равно если обвиняемый показываетъ готовность дать признаніе, то ему должно быть замѣчено, что онъ не долженъ бояться угрозъ, ни надѣяться на обѣщанія, которыя могли быть сдѣланы ему, чтобы склонить его къ признанію; но что если онъ дастъ признаніе, то уже, несмотря ни на что, оно будетъ принято въ соображеніе въ судѣ ассизовъ. Все это пунктуально исполняется, и настоящаго допроса, подобно тому, какъ въ слѣдственномъ процессѣ, обвиняемому никогда не дѣлается. Въ большей части случаевъ, на вышеозначенный вопросъ, обвиняемый не отвѣчаетъ ничего, но и тогда имѣетъ право допросить каждого свидѣтеля, представленнаго обвинителемъ, посредствомъ такъ-называемаго

перекрестнаго допроса, и при этомъ, чтобы сбить его и ввести въ противорѣчія, можетъ употреблять всё, даже и не совсѣмъ благовидныя средства, какъ напримѣръ суггестивныя (внушительныя) и двусмысленныя вопросы. Перекрестный допросъ обыкновенно производится защитникомъ подсудимаго, который дается ему, уже и въ предварительномъ слѣдствіи, по его просьбѣ. Когда же обвиняемый не молчитъ противъ обвиненія, а оправдывается, тогда и онъ приводитъ своихъ свидѣтелей, которыхъ допрашиваетъ или его защитникъ, или въ случаѣ, если онъ не имѣетъ его, что случается очень рѣдко, самъ судья, который тогда заступаетъ мѣсто защитника. Но и во Франціи, хотя слѣдствіе тамъ производится самимъ слѣдователемъ, и допросъ обвиняемому и свидѣтелямъ дѣлается тѣмъ же самымъ порядкомъ, какъ и въ слѣдственномъ процессѣ, употребляются иногда даже и не совсѣмъ законныя средства для полученія признанія (*feinte* и *surprises*), всегда однакоже дается подсудимому полная возможность къ немедленному оправданію: ему при самомъ началѣ слѣдствія открываются обвиненіе и доказательства, на которыхъ оно основывается; сверхъ того, всѣми лучшими юристами порицается не только то, когда слѣдователи добиваются отъ обвиняемыхъ признанія, но и то, когда они при допросѣ вступаютъ въ пренія съ ними. Наконецъ и во Франціи, такъ же какъ и въ Англіи, обвиняемый можетъ и не отвѣчать ничего противъ обвиненія.

Еще болѣе благопріятно положеніе подсудимыхъ въ судѣ ассизовъ. Пренія, говоритъ Ф. Орелли объ англійскомъ судопроизводствѣ, производятся съ величайшимъ спокойствіемъ и достоинствомъ; всѣ лица, участвующія въ нихъ, преслѣдуютъ лишь одну цѣль, открытіе истины. Соперничества между ними не видно никакого, и непримѣтно, чтобы судьи хотѣли какъ-нибудь перехитрить подсудимаго. И кто хоть разъ имѣлъ случай присутствовать въ засѣданіи въ *Old-Bailey*, тотъ конечно оставилъ залу присутствія съ полнымъ убѣжденіемъ, что строгость законовъ и авторитетъ ихъ блюстителей легко могутъ быть соединены съ уваженіемъ къ достоинству человѣческой природы и въ самомъ преступникѣ. А вотъ какія обязанности налагаетъ на президентовъ въ ассизахъ англійскій старинный обычай, образовавшійся еще тогда, когда и въ Англіи подсудимые не всѣ получали защитниковъ, но которыя и теперь, когда уже никто не остается безъ защитниковъ, выполняются ими добросовѣстно: они должны за-

ботаться о томъ: 1) чтобы обвиняемый непременно получил защитника; 2) чтобы защищенію была предоставляема полная свобода; 3) чтобы никакое доказательство, не признанное обычаемъ, которое можетъ имѣть вредное для обвиняемаго вліяніе на присяжныхъ, не было допускаемо; 4) чтобы обвиняемому были объясняемы всѣ его права; 5) чтобы присяжнымъ были даваемы нужныя наставленія относительно оцѣнки доказательствъ; и 6) чтобы они постановляли приговоры согласно съ утвержденными обычаями правилами. Вездѣ, гдѣ президентъ замѣчаетъ какой-либо недостатокъ въ этомъ отношеніи, онъ обязанъ отвращать его и, если видитъ, что, на основаніи существующихъ правилъ, осужденіе въ данномъ случаѣ невозможно, и что пренія не поведутъ ни къ чему, прекращать процессъ и предлагать присяжнымъ объ очистительномъ приговорѣ.

Во Франціи судебныя пренія, хотя и производятся, по большей части, совсѣмъ не такъ спокойно, какъ въ Англіи, отчасти вслѣдствіе чрезвычайной живости характера Французовъ, которые за всякое дѣло обыкновенно берутся слишкомъ горячо, но и французскій кодексъ вмѣняетъ президентамъ въ непремѣнную обязанность заботиться о томъ, чтобы пренія производились безпристрастно, и чтобы обвиняемому были предоставляемы всѣ способы къ защищенію. По большей части обязанность эта исполняется ими вполне добросовѣстно; только въ политическихъ процессахъ, отъ излишней ревности; французскіе президенты иногда забываютъ свой долгъ, но и тогда они вредятъ болѣе самимъ себѣ, чѣмъ обвиняемымъ. Въ подобныхъ случаяхъ общественное мнѣніе тотчасъ же возстаетъ противъ нихъ и становится на сторонѣ обвиняемыхъ; присяжные прислушиваются къ нему, и тѣмъ снисходительнѣе смотрятъ на обвиняемыхъ, чѣмъ съ болѣшимъ ожесточеніемъ преслѣдуютъ ихъ президенты.

II. Формальное защищеніе.

Если слѣдователи и судьи добросовѣстно исполняютъ свой долгъ, то подсудимый уже и самъ получаетъ возможность защищаться противъ возводимаго на него обвиненія. Но какъ бы обширны ни были его права при томъ, этого одного такъ-называемаго матеріальнаго защищенія никогда не можетъ быть достаточно для того, чтобы онъ могъ съ полнымъ успѣхомъ бороться съ об-

винителемъ, будетъ ли это лицо офиціальное, самъ слѣдователь, или особенный публичный обвинитель, или лицо частное. Всякая битва только тогда и бываетъ успѣшна, когда она происходитъ между равными бойцами и съ одинаковымъ оружіемъ; а на сторонѣ обвинителя всегда находится болѣе или менѣе значительный перевѣсъ противъ обвиняемаго. Обвинитель обыкновенно приступаетъ къ обвиненію, не прежде какъ приготовившись къ нему, а обвиняемаго часто берутъ къ отвѣту, когда онъ вовсе не готовъ къ тому; тотъ всегда заранѣе запасается всѣми нужными для успѣха его дѣла средствами, а этотъ весьма нерѣдко не знаетъ и того, въ чемъ его обвиняютъ; наконецъ первый, если это чиновникъ, обладаетъ всѣми знаніями и опытностію, необходимыми для борьбы, и имѣетъ въ своемъ распоряженіи множество помощниковъ, которые, по первому слову его, готовы спѣшить къ нему на помощь; а послѣдній иногда не располагаетъ и своею собственною свободою, которая намѣренно отнимается у него для того, чтобъ онъ не могъ вступать ни съ кѣмъ въ сношенія и получать откуда бы то ни было помощь или совѣты. При такомъ неравенствѣ внѣшняго положенія и душевное состояніе обвиняемаго несравненно менѣе благоприятно благополучному исходу его дѣла, чѣмъ то, въ которомъ находится обвинитель. Обвинитель борется за чужое дѣло, и въ случаѣ проигрыша теряетъ несравненно менѣе, чѣмъ обвиняемый, который отстаиваетъ всегда или свою честь, или свободу, или свою жизнь, и потому никогда не можетъ дѣйствовать такъ спокойно и обдуманно, какъ его противники. Для восстановленія равновѣсія между защищеніемъ и обвиненіемъ, необходимо, чтобъ и защищеніе имѣло также своего особеннаго представителя, какъ и обвиненіе, чтобы, слѣдовательно, защищеніе было не только матеріальное, но и формальное.

Необходимость формальнаго защищенія признаетъ и слѣдственный процессъ, но въ немъ оно не приноситъ почти никакой пользы обвиняемому.

Формальное защищеніе можетъ быть дѣйствительно полезно обвиняемымъ, лишь въ томъ случаѣ, если защитники будутъ даваемы при самомъ началѣ процесса и будутъ имѣть совершенно одинаковыя права съ обвинителемъ. Всякая борьба тогда только и бываетъ успѣшна, когда уже и въ самомъ началѣ ея нѣтъ никакого перевѣса ни на одной сторонѣ. Въ слѣдственномъ процессѣ не выполняется ни одно изъ вышеозначенныхъ условій.

Въ слѣдственной формѣ суда, если защитникъ дается обвиняе-

ному, то лишь по окончаніи слѣдствія, слѣдовательно когда всякая борьба между нимъ и слѣдователемъ прекращается. Пока слѣдствіе производится, онъ предоставляется своимъ собственнымъ силамъ, которыя направлять долженъ слѣдователь. Участіе же защитника въ самомъ слѣдствіи считается опаснымъ вотъ по какимъ причинамъ: слѣдствіе, говорятъ, есть безспорно канцелярская тайна, пока оно не окончено совершенно. Въ немъ многія дѣйствія тогда только и удаются, когда совершаются врасплохъ, чего быть не можетъ, если приготовленія къ нимъ дѣлаются какъ-нибудь извѣстными. Поэтому ни адвокатамъ, ни кому-либо другому, кто не имѣетъ на то права по своему общественному положенію, нельзя позволять просматривать акты слѣдствія, до тѣхъ поръ пока оно не заключено окончательно. Легко вообразить, къ какимъ злоупотребленіямъ могло бы повести подобное дозволеніе. Тогда бы не стоило никакого труда сдѣлать совершенно бесполезнымъ всякій розыскъ, посредствомъ обыска въ домахъ или допроса свидѣтелей, или сношенія съ мѣстами и лицами; начались бы разныя интриги, проволочки, поддѣлки, подговоръ свидѣтелей, хотя бы для этого и понадобились значительныя путевыя издержки на разъѣзды по другимъ судебнымъ округамъ. Когда же бы и это не повело ни къ чему, то адвокаты все-таки имѣли бы полную свободу надѣдаться слѣдователю преждевременными протестами и разными другими способами. слѣдователь, который не иначе можетъ достигнуть предполагаемой цѣли, какъ спокойно выполняя имъ самимъ придуманный планъ, долженъ бы былъ если не останавливаться на каждомъ шагу, то по крайней мѣрѣ беспокоиться, что ему тотчасъ же сдѣлана будетъ какая-либо непріятность; онъ долженъ бы былъ имѣть дѣло не съ однимъ обвиняемымъ, но вести формальную войну съ его родными, со всѣмъ его семействомъ, чего было бы достаточно, чтобы сломить самый крѣпкій характеръ. Часто подають слѣдователю просьбы, оправдательныя и защитительныя письма и родные и друзья обвиняемаго. слѣдственный процессъ, дѣйствительно, по самому существу своему, не терпитъ никакого вмѣшательства третьяго лица въ производствѣ слѣдствія. Если слѣдователь долженъ отвѣчать и за успѣхъ слѣдствія, то ему уже конечно никто не долженъ мѣшать, когда онъ производитъ его. Но на чтѣ же тогда давать обвиняемому защитника? Какую пользу онъ можетъ принести ему по заключеніи слѣдствія? Всякая помощь хороша, когда подается вовремя. Приходя на помощь

къ обвиняемому по заключеніи слѣдствія, защитникъ въ большей части случаевъ приходитъ поздно, и потому не приноситъ обвиняемому ровно никакой пользы. Зло всегда легче предупредить, чѣмъ исправлять, а бывъ допущено въ слѣдствіе, оно часто вовсе не можетъ быть исправлено. Какимъ образомъ, напримѣръ, исправить или дополнить личный осмотръ, который сдѣланъ былъ за нѣсколько мѣсяцевъ, а иногда и лѣтъ? Какъ опровергнуть признаніе, данное по ошибкѣ, или полученное обманомъ, или вырванное силой, когда самъ обвиняемый подписался подъ актами, что ему во время слѣдствія не было чинимо никакого притѣсненія? Какъ отвести по подозрѣнію или неспособности свидѣтелей, которые не были отведены самимъ подсудимымъ и спрошены подъ присягой, привести свидѣтелей, которые не были приведены въ свое время? разрушить силу уликъ, которыя уже подобраны и обработаны согласно съ взглядомъ слѣдователя на дѣло?

Все это сопряжено въ слѣдственномъ процессѣ тѣмъ съ бѣльшими трудностями, что въ немъ защитники подсудимыхъ не пользуются почти никакимъ довѣріемъ. Недовѣрчивость, которую питаютъ къ первымъ, обыкновенно, переходитъ и на послѣднихъ. Въ защитникахъ видятъ сообщниковъ подсудимаго, которымъ ничего не стѣбитъ избавить отъ наказанія и дѣйствительно виновныхъ. Посему, допуская ихъ къ защитенію обвиняемыхъ, дозволяютъ вступать въ сношеніе и переговоры съ ними не иначе, какъ при свидѣтеляхъ, даютъ акты слѣдствія для прочтенія съ разными болѣе или менѣе оскорбительными предосторожностями, и тому, что они говорятъ и приводятъ въ защитительномъ актѣ въ пользу своихъ клиентовъ, всегда несравненно менѣе вѣрятъ, чѣмъ протоколамъ слѣдователей. Но и вообще обходятся съ ними крайне оскорбительно и даже подвергаютъ формальнымъ выговорамъ и замѣчаніямъ тѣхъ изъ нихъ, которые слишкомъ горячо вступаются за обвиняемыхъ. Все это и было причиною того, что слѣдственный процессъ въ теченіе своего продолжительнаго существованія нигдѣ не произвелъ почти ни одного особенно замѣчательнаго адвоката, и что защитительные акты въ этой формѣ суда по большей части отличаются крайнею небрежностію, а нѣкоторые и изумительною бездарностію. Человѣкъ съ талантомъ никогда не возьметъ на себя должности, на которой онъ можетъ лишь опозорить себя, не принеся пользы и другимъ. На подобныя должности кидаются лишь дюжинные люди, которые

нцуютъ общественныхъ званій и должностей изъ насущнаго хлеба, а потомъ и отправляютъ ихъ какъ поденщики.

Совершенно другое видимъ въ обвинительномъ процессѣ. Уже и во Франціи защитники даются подсудимымъ довольно благовременно и пользуются при исполненіи обязанностей своего званія весьма обширными правами, а въ Англіи и во всѣхъ отношеніяхъ совершенно уравниваются съ обвинителями.

Во Франціи защитники даются обвиняемымъ тотчасъ по поступленіи дѣла въ судъ ассизовъ, обыкновенно за 24 часа передъ открытіемъ судебныхъ преній. По назначеніи они немедленно вступаютъ въ непосредственное сношеніе съ своими клиентами; имѣютъ право безпрепятственно и безъ свидѣтелей входить къ нимъ для нужныхъ объясненій по дѣлу, и получаютъ для прочтенія и, если нужно, то и для снятія копій, всѣ акты слѣдствія. Во время же преній адвокаты постоянно находятся при обвиняемыхъ, помогаютъ имъ своими совѣтами и вообще принимаютъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ судебныхъ дѣйствіяхъ, точно такъ же какъ и обвинители, съ тѣмъ только различіемъ, что послѣдніе непосредственно участвуютъ въ нихъ, а тѣ лишь при посредничествѣ президентовъ. Но и это различіе между ними исчезаетъ, когда пренія оканчиваются. По заключеніи преній какъ обвинитель говоритъ рѣчь для доказательства справедливости своего обвиненія, такъ и защитникъ въ опроверженіе его; какъ тотъ имѣетъ право пользоваться всѣми средствами, для того чтобы возстановить присяжныхъ противъ обвиняемаго, такъ и этотъ, чтобы расположить ихъ въ его пользу, и какъ бы далеко онъ ни заходилъ притомъ, никто не можетъ ни препятствовать ему въ томъ, ни еще менѣе подвергать какой-либо отвѣтственности за то. При такой почти неограниченной свободѣ защищенія не удивительно, если рѣчи французскихъ адвокатовъ почти всегда отличаются самою тщательною обработкой, и что въ рядахъ ихъ стоятъ по большей части самые даровитые люди, которымъ адвокатура открываетъ иногда прямой путь къ важнѣйшимъ государственнымъ должностямъ.

Еще болѣе благопріятно положеніе защитниковъ въ Англіи. Въ этой странѣ они даются подсудимымъ уже въ предварительномъ слѣдствіи, и совершенно уравниваются во всѣхъ отношеніяхъ не только съ частными обвинителями, но и съ коронными адвокатами. Самъ генераль-атторней, когда онъ защищаетъ въ какомъ-либо дѣлѣ интересы короны, не пользуется ни-

какими привилегіями передъ ними: на что имѣеть право она, то могутъ дѣлать и всѣ вообще адвокаты; при какихъ обстоятельствахъ могутъ прерывать пренія и предлагать вопросы коронные адвокаты, при тѣхъ же обстоятельствахъ имѣють право дѣлать то же самое и защитники. Даже и по внѣшности коронные адвокаты ничѣмъ не различаются отъ частныхъ. И они носятъ такую же одежду, какъ и всѣ другіе, сидятъ съ защитниками около одного стола, показываютъ при каждомъ случаѣ, что они на того, кто выступаетъ противъ нихъ какъ противникъ, смотрятъ какъ на товарища, и всегда сражаются съ нимъ одинаковымъ оружіемъ, избѣгая всего того, что могло бы произвести неблагопріятное впечатлѣніе на присяжныхъ и возстановить противъ нихъ самихъ общественное мнѣніе. Само правительство имѣеть такое глубокое довѣріе къ частнымъ адвокатамъ, что въ особенно щекотливыхъ случаяхъ не своимъ адвокатамъ, а имъ повѣряетъ и должность обвинителей.

Но въ Англіи и обвинители смотрятъ на свою должность совершенно иначе, чѣмъ во Франціи. «Я порицаю, и рѣшительно ложнымъ считаю то представленіе, говоритъ одинъ изъ англійскихъ юристовъ, что офиціальный обвинитель, исполняя свою обязанность, долженъ преступать всѣ границы, которые полагаетъ себѣ всякій благородно-мыслящій изыскатель истины: еслибъ отъ меня потребовали этого, то я бы ни на одну минуту не остался на своемъ мѣстѣ. Находясь на немъ, я заступаю государство и долженъ, сколько отъ меня зависитъ, заботиться о томъ, чтобъ и оно получало справедливое удовлетвореніе, и чтобы право обвиняемаго было въ такой же степени защищаемо.» А другой англійскій юристъ говоритъ: «Обвинитель долженъ заботиться о томъ, чтобы все, что законно и честно можетъ быть приведено противъ подсудимаго, было приводимо въ присутствіи присяжныхъ законнымъ и честнымъ образомъ, а напротивъ оставляемо все, что не можетъ быть законнымъ доказательствомъ. Для чего, говоритъ онъ, сбивать съ пути и вводить въ заблужденіе присяжныхъ? Обвинитель долженъ оставлять все, что не можетъ служить доказательствомъ по закону и обычаю.» Этимъ объясняется чрезвычайная простота англійскихъ преній, которая облегчаетъ приговоръ присяжныхъ. Въ Англіи обвинитель никогда не старается подѣйствовать на присяжныхъ описаніемъ дурнаго характера обвиняемаго, разказами о его прежней жизни, объясненіемъ его намѣреній и цѣлей. Онъ знаетъ, что все это не мо-

жетъ быть принято, какъ очевидное доказательство, и даже легко замечеть на него замѣчанія со стороны судьи и возстановить присяжныхъ противъ него самого. Чрезвычайно замѣчательны уже и первыя рѣчи, которыми обвинитель открываетъ обвиненіе и вводитъ въ дѣло присяжныхъ. Въ Англіи они обыкновенно бываютъ кратки, просты и ясны; не дѣлая никакихъ умо-заключеній и нисколько не стараясь расположить въ свою пользу присяжныхъ, обвинитель излагаетъ поводы къ обвиненію и обращаетъ ихъ вниманіе на главные пункты, которые хочетъ доказать. Онъ строго держится притомъ законныхъ правилъ доказательства и тщательно избѣгаетъ всѣхъ общихъ мѣстъ и пустыхъ декламаций. Англичане обыкновенно-и здѣсь строго держатся пословицы: «время — тѣ же деньги».

Французы, къ сожалѣнію, вовсе не подражаютъ въ этомъ отношеніи своимъ сосѣдямъ. Ихъ обвинители по большей части съ явнымъ ожесточеніемъ нападаютъ на обвиняемыхъ, и чтобы застрашать ихъ, съ самаго начала процесса, стараются дать имъ почувствовать свое превосходство надъ ними, и для того весьма нерѣдко говорятъ и ведутъ себя съ ними надменно. Произнося же рѣчи, они обыкновенно вносятъ въ нихъ много посторонняго, вовсе къ дѣлу не принадлежащаго, и имѣя въ виду лишь одну цѣль — обвиненіе подсудимыхъ, когда не видятъ возможности достигнуть ея простымъ изложеніемъ обстоятельствъ дѣла и его доказательствъ, расточаютъ всѣ возможныя блестящія краснорѣчія, прибѣгаютъ къ декламациямъ, намеренно увеличиваютъ тяжесть преступленія, о которомъ идетъ рѣчь, и степень существующаго противу подсудимаго подозрѣнія, и для этого искажаютъ и группируютъ по своему факты и событія. Забвеніе долга обвинителями естественно заставляетъ и защитниковъ, чтобъ уравновѣсить съ нападеніемъ защитеніе, прибѣгать къ искусственнымъ же средствамъ: подобно обвинителямъ и защитники обыкновенно не гнушаются ничѣмъ, чтобъ опровергнуть обвиненіе и ослабить его дѣйствіе на присяжныхъ.

Все это противозаконно и не согласно ни съ духомъ, ни съ началами обвинительнаго процесса, но объясняется достаточно тѣмъ, что офиціальное положеніе публичныхъ обвинителей совершенно иное во Франціи, чѣмъ въ Англіи. Въ Англіи обвинители не составляютъ никакого отдѣльнаго сословія, и не рѣдко берутся изъ защитниковъ обвиняемыхъ; напротивъ во Франціи они образуютъ особенное, совершенно противополо-

жное защитникамъ сословіе, и какъ защитники предназначаются лишь для защищенія, такъ обвинители для обвиненія. Черезъ это они прямо ставятся въ отношеніе соперничества между собою, и всякій уголовный процессъ необходимо обращается въ личный бой между ними, въ дѣло личной чести, которое каждая сторона старается выиграть во что бы то ни стало. Но много значить здѣсь и то, что во Франціи генераль-прокуроры и ихъ помощники состоятъ въ полной зависимости отъ правительства, и что сіе послѣднее постоянно питаетъ сильную недовѣрчивость къ защитникамъ и вообще къ институту присяжныхъ, и предполагая въ тѣхъ и другихъ наклонность къ потворству обвиняемымъ, противодействуетъ ей вліяніемъ на обвинителей, какъ на своихъ агентовъ, которымъ и законъ предоставляетъ гораздо обширнѣйшія права, чѣмъ защитникамъ.

III. Судъ по внутреннему убѣжденію, но не везотчетный, а на основаніи извѣстныхъ опредѣленныхъ закономъ или обычаемъ правилъ.

Хорошо произведенное слѣдствіе есть, конечно, самое прочное основаніе, на которомъ безопасно можно строить и судъ и приговоръ; необходимо однакоже, чтобъ и судьи не поступали произвольно и не злоупотребляли предоставленною имъ властію.

Чтобъ уничтожить произволъ въ области уголовного суда и отнять у судей возможность злоупотреблять предоставленною имъ властію, слѣдственный процессъ предписываетъ, чтобъ уголовные судьи, производя судъ по преступленіямъ, основывали его лишь на доказательствахъ и строго держались установленныхъ закономъ правилъ относительно оцѣнки силы доказательствъ и уликъ, которыми опредѣляется, какія доказательства и улики и при какихъ условіяхъ должны имѣть для нихъ полную силу, и когда они не могутъ имѣть такой силы, и совершенно ничего не предоставляетъ ихъ собственному внутреннему убѣжденію. Такимъ образомъ произволъ въ области уголовного суда конечно уничтожается, и злоупотребленія становятся довольно трудными; но за то судъ обратился въ чисто-механическое занятіе, а судьи унижаются до машинъ, и сверхъ

того допускается самимъ закономъ такое зло, противъ котораго и самый личный произволъ ничего не значить. Всѣ правила о силѣ доказательствъ и уликъ, которыми въ слѣдственномъ процесѣ ограничивается судейскій произволъ, основываются на опытѣ, а опытъ, даже самый продолжительный, никогда не можетъ имѣть силы всеобщаго закона, и тогда въ особенности довольно не рѣдко оказывается несостоятельнымъ, когда его наблюденія прилагаются къ такимъ явленіямъ, которыя зависятъ отъ воли человѣка и потому не подчиняются никакимъ непреложнымъ правиламъ. Поэтому въ жизни всегда могутъ встрѣтиться и дѣйствительно встрѣчаются такіе случаи, въ которыхъ судъ, происходящій по непреложно-установленнымъ развѣ навсегда правиламъ, легко можетъ быть ошибоченъ. Собственное признаніе, свидѣтельскія показанія, личный осмотръ, когда соединяютъ въ себѣ всѣ требуемыя закономъ условія, служатъ конечно по большей части неопровержимымъ доказательствомъ того, противъ чего они приводятся; но бываютъ и такіе случаи, когда, несмотря на всѣ условія, доказательства эти вводятъ въ заблужденіе; а въ другихъ случаяхъ, напротивъ, и при отсутствіи нѣкоторыхъ изъ законныхъ условій, не только они, но и улики одною своею совокупностію производятъ въ душѣ судящаго такое состояніе убѣжденія, которое не оставляетъ въ немъ ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ того, что ими доказывається. Что можетъ придумать и на что въ состояніи рѣшиться опрометчивость, легкомысліе и злонамѣренность человѣческая, то не подчиняется никакимъ правиламъ; а связь событій и обстоятельствъ такъ разнообразна, что исчерпать всевозможные виды ея не въ состояніи никакой опытъ. Мало ли есть причинъ, которыя могутъ заставить невиннаго поклепать на себя преступленіе, свидѣтелей самыхъ добросовѣстныхъ солгать, личный осмотръ произвестъ ошибочно и даже намѣренно ложно? А чтобы придать всему этому видъ истины, на это достаесть часто довольно ума и у самаго простаго человѣка. Но и обстоятельства, самая повидимому ничтожныя, иногда такъ сплетаются между собою, что и для самаго непривычнаго глаза становится ясно, что это сплетеніе не случайно, что есть какая-нибудь особенная причина, подавшая поводъ къ тому. Послѣ этого какъ же требовать отъ уголовныхъ судей, чтобъ они всегда судили лишь по извѣстнымъ правиламъ и никогда и ни въ чемъ не слѣдовали своему внутреннему убѣжденію? Не значить ли это заставлятъ ихъ противъ совѣсти обвинять тамъ,

гдѣ бы на самомъ дѣлѣ слѣдовало оправдывать, и наоборотъ; оправдывать, гдѣ бы должно было обвинять? Такой безжизненный формализмъ не можетъ не быть крайне убійственъ и для самихъ судей, но и для общества онъ необходимо долженъ быть чрезвычайно вреденъ. Что можетъ быть ужаснѣе для судьи, какъ изъ одного послушанія закону приговаривать къ наказанію, особенно тяжкому, человѣка, въ невинности котораго онъ убѣжденъ? Но не легко и освободить виновнаго человѣку добросовѣстному, какимъ и долженъ быть всякій уголовный судья. Подобный судъ есть такое бремя, которое легко можетъ подавить своею тяжестью и самихъ уголовныхъ судей и сдѣлать для нихъ невыносимымъ ихъ общественное служеніе. Но и на общество онъ не можетъ не имѣть самага вреднаго вліянія. Карая невинныхъ во имя закона, этотъ чисто формальный судъ подрываетъ всякое довѣріе и уваженіе къ закону и къ уголовнымъ судебнымъ мѣстамъ, а освобождая виновныхъ отъ наказанія, онъ наводняетъ общество злодѣями, снимая съ нихъ и послѣднюю узду противъ преступленія, спасительный страхъ наказанія.

Чтобъ освободить уголовныхъ судей отъ оковъ, которыя налагаетъ на нихъ законная теорія доказательствъ въ слѣдственномъ судопроизводствѣ, французскій уголовный процессъ впадаетъ въ другую, хотя и менѣе вредную и опасную крайность. Онъ уже вовсе не предписываетъ никакихъ правилъ, которыми бы присяжные должны были руководствоваться при оцѣнкѣ силы доказательствъ и уликъ, считаетъ эти правила совершенно ненужными, и признавая единственнымъ источникомъ истины въ уголовныхъ дѣлахъ внутреннее убѣжденіе, требуетъ, чтобъ и оно было основываемо присяжными лишь на томъ впечатлѣніи, которое производятъ на ихъ душу судебныя пренія всею своею совокупностію. А чтобъ они не поступали произвольно при исполненіи обязанностей своего званія и не злоупотребляли предоставленною имъ властію, законодатель отдаетъ весь судъ на ихъ честь и совѣсть.

Облекая присяжныхъ такою страшною и совершенно безотчетною властію, французскій законодатель прямо вводитъ въ область уголовного суда, вмѣсто разумной свободы сужденія, безграничный произволъ: присяжныхъ онъ дѣлаетъ полными властелинами судьбы подсудимыхъ, а уголовный судъ низводитъ на степень чисто личной расправы.

Пользуясь предоставленною имъ властію, французскіе присяж-

ные, уже и сами довольно произвольно распоряжаются участію подсудимых и, увлекаясь минутною прихотью, случайнымъ капризомъ, весьма нерѣдко основываютъ свой судъ о ихъ винѣ или невинности на такихъ обстоятельствахъ, которыя не имѣютъ ничего общаго ни съ преступленіемъ, ни вообще съ уголовною юстиціей, какъ напримѣръ отталкивающая или привлекательная наружность обвиняемаго, его хорошія или дурныя манеры, даже покрой платья. Въ этомъ обвиняють французскихъ присяжныхъ уже и въ самой Франціи; но основательно ли это обвиненіе? Не имѣя никакого другаго болѣе твердаго основанія для своего суда, кромѣ своихъ личныхъ впечатлѣній, виноваты ли они, что ихъ прихоти и капризы сильнѣе дѣйствуютъ на ихъ душу, чѣмъ судебныя пренія? Присяжные такіе же люди, и обстоятельство, что они даютъ судъ не отъ своего имени и не своею властію, но именемъ и властію того общества, представителями котораго они служатъ, нисколько не избавляетъ ихъ отъ общихъ всѣмъ людямъ слабостей, недостатковъ и страстей. Во Франціи же присяжныхъ даже намѣренно вводятъ въ промахи и ошибки, пользуясь ихъ слабостями и недостатками и распаяя ихъ страсти. Въ этой странѣ всякій уголовный процессъ, особенно сколько-нибудь важный, на то только и разчитывается, къ тому только и направляется, чтобы возбудить въ присяжныхъ извѣстную прихоть или капризъ, или расшевелить какую-либо страсть, и тѣмъ увлечь ихъ къ извѣстному приговору. Зная, что исходъ всякаго дѣла совершенно зависитъ отъ ихъ воли, на нихъ стараются дѣйствовать и журналисты, и, чтобы навязать имъ свое мнѣніе, или зываютъ къ ихъ патриотизму, или льстятъ ихъ суетности, самолюбію, или же прославляютъ ихъ мудрость и всемогущество; чтобы снискать ихъ благосклонность, и подсудимые употребляютъ все средства, и для этого нѣкоторые изъ нихъ, особенно женщины, преимущества своей наружности возвышаютъ даже разными искусственными средствами; родные, друзья, знакомые и сообщники подсудимыхъ прибѣгаютъ то къ просьбамъ, то къ угрозамъ, чтобы задобрить или застрашать присяжныхъ; даже и тѣ, которые приставлены къ французскимъ присяжнымъ для помощи и совѣта, прокуроры, адвокаты, а отчасти и президенты, ни о чемъ больше не думаютъ, кромѣ того, какъ бы заставить ихъ рѣшить дѣло, какъ имъ хочется, и для достиженія этой цѣли, вмѣсто того чтобы излагать имъ дѣло языкомъ простымъ и яснымъ и предлагать истину,

и одну только истину, во всей ея широтѣ, злоупотребляютъ и преимуществами своего званія, и знаніями, и опытностію, и даромъ слова. Каждый старается выиграть лишь свое дѣло, а о дѣлѣ юстиціи обыкновенно никто и не подумаетъ. Уголовный судъ, вмѣсто того чтобы быть безстрастнымъ и равнодушнымъ, какъ законъ, превращается въ арену, на которой свободно разыгрываются всѣ, часто самыя низкія и предосудительныя, страсти.

Крайности, допущенныя въ процессахъ слѣдственномъ и французскомъ, совершенно примиряются въ англійскомъ судопроизводствѣ. Практическій смыслъ Англичанъ, съ рѣдкимъ, имъ свойственнымъ, тактомъ, отыскалъ средній между ними, вполне безопасный путь. Подобно слѣдственному процессу, и англійскій процессъ предписываетъ присяжнымъ, чтобы они основывали свой судъ на доказательствахъ и при оцѣнкѣ ихъ силы держались извѣстныхъ, установленныхъ вѣковымъ обычаемъ, а отчасти и закономъ, правилъ; но не считаетъ эти правила безусловно обязательными для нихъ и дозволяетъ не вѣрить доказательствамъ, если къ нимъ не присоединяется внутреннее убѣжденіе въ винѣ или невинности подсудимыхъ, въ чемъ и сходствуетъ въ нѣкоторомъ отношеніи съ французскимъ судопроизводствомъ. При такомъ устройствѣ суда, англійскіе присяжные находятся именно въ такомъ положеніи, которое необходимо для того, чтобы уголовные судьи могли дѣлать свое дѣло вполне честно и добросовѣстно.

Имѣя право не вѣрить доказательствамъ, когда они не представляются имъ вполне убѣдительными, англійскіе присяжные перестаютъ быть машинами и никогда не могутъ быть поставлены въ печальную необходимость обвинять или оправдывать въ противность своему лучшему убѣжденію; а производя судъ по доказательствамъ и оцѣнивая ихъ силу, на основаніи апробованныхъ вѣковымъ опытомъ правилъ они всегда находятъ въ нихъ твердую опору и противъ собственнаго произвола, и противъ противозаконнаго вліянія на нихъ со стороны другихъ. Въ этомъ случаѣ уже не можетъ быть и рѣчи объ увлеченіи, а возможно только нехотѣніе исполнять свой долгъ вполне честно и добросовѣстно. Прихоти, капризы, личныя страсти и стороннія обстоятельства легко отличить отъ настоящихъ доказательствъ, особенно когда для оцѣнки ихъ есть вполне надежное руководство; да и возбуждать первыя и развлекать вниманіе присяжныхъ совершенно посторонними, къ дѣлу не принадлежащими,

обстоятельствами, когда судъ производится лишь по доказательствамъ, значило бы совершенно напрасно тратить время, тѣмъ болѣе, что при такомъ устройствѣ суда всегда возможна его повѣрка. Имѣя определенное основаніе для своего сужденія, англійскіе присяжные никого не могутъ ни обвинить, ни оправдать совершенно произвольно. Все это вполне понимаютъ обвинители и адвокаты, и поэтому именно никогда и не занимаютъ присяжныхъ пустяками, и тѣмъ менѣе стараются дѣйствовать на нихъ декламациями, но всегда говорятъ имъ лишь одно дѣло просто и ясно, а судьи не только сами не позволяютъ себѣ ничего подобнаго; но всегда строго наблюдаютъ за другими, чтобъ они не дѣлали того. Судъ производится спокойно, серьезно и является истиннымъ храмомъ правосудія, въ который дозволяется входить не иначе, какъ оставивши за порогомъ его всѣ личныя страсти. Черезъ это, и дѣло присяжныхъ значительно облегчается, и участь подсудимаго обезпечивается противъ произвола и злоупотребленій.

IV. Пересмотръ дѣлъ, рѣшенныхъ въ одномъ судѣ, другими судами.

Судъ по доказательствамъ и на основаніи извѣстныхъ, установленныхъ обычаемъ или закономъ правилъ необходимъ и потому, что только онъ допускаетъ возможность пересмотра уголовныхъ дѣлъ, рѣшенныхъ въ одномъ судѣ, другими судебными мѣстами и лицами, что также составляетъ одну изъ важныхъ гарантій справедливости уголовныхъ приговоровъ и даже такую принадлежность уголовной юстиціи, безъ которой не всегда можно вполне успокоиваться на ея приговорахъ.

Дѣйствительно, каково бы ни было устройство уголовного суда, и какъ бы ни были многочисленны, обширны и значительны тѣ гарантіи, которыми уже во время самаго производства уголовныхъ процессовъ, обезпечиваются безпристрастіе и справедливость уголовныхъ приговоровъ, для полного убѣжденія въ ихъ дѣйствительномъ безпристрастіи и справедливости, для совершеннаго примиренія съ ними осужденныхъ, и для вящаго утвержденія общаго довѣрія къ уголовной юстиціи необходимо, чтобы каждый осужденный могъ безпрепятственно

опровергать данный против него приговоръ и просить о пересмотрѣ его дѣла другимъ судомъ, когда онъ находитъ рѣшеніе перваго суда несправедливымъ или незаконнымъ.

Такъ и было дѣйствительно вездѣ, пока дѣйствовала слѣдственный процессъ. При господствѣ этой формы суда, никакое дѣло не рѣшалось окончательно въ одномъ и томъ же судѣ. Недовольный рѣшеніемъ одного суда всегда имѣлъ полную свободу переносить свое дѣло на рѣшеніе другаго суда. Если осужденный считалъ себя обиженнымъ самымъ содержаніемъ приговора, то онъ могъ или брать дѣло на апелляцію, требовать дальнѣйшаго защищенія, ревизіи или просить о возобновленіи процесса, (*Appellation, Berufung, weitere Vertheidigung, Recurs, freiwillige Revision, Wiederaufnahme der Untersuchung*); когда же приговоръ казался ему неправильнымъ по несоблюденію предписанныхъ закономъ формальностей или по причинѣ ненадлежащаго примѣненія или истолкованія законовъ, то средствомъ защиты противъ такого приговора служила просьба объ уничтоженіи его (*Nichtigkeitsbeschwerde*). Сверхъ сего въ слѣдственномъ процессѣ особенно-важныя дѣла могутъ поступать на пересмотръ въ другія судебныя мѣста и сами собой, по распоряженію закона, хотя бы осужденный и не требовалъ того и даже не желалъ (*nothwendige Revision*). Необходимая ревизія производится впрочемъ не только въ интересѣ подсудимаго, но и въ интересѣ самого государства, и можетъ имѣть своимъ результатомъ не только облегченіе, но и отягченіе участи подсудимаго. Вслѣдствіе ея приговоръ перваго суда вторымъ судомъ можетъ быть не только усиленъ, измѣненъ, но даже вовсе отмѣненъ, и вмѣсто очистительнаго приговора можетъ-быть данъ обвинительный. Поэтому необходимая ревизія должна быть разсматриваема скорѣе какъ мѣра отягчительная для подсудимаго, чѣмъ какъ средство защиты. Въ пользу ея приводить, правда, что если необходимо, чтобы частные интересы не страдали отъ несправедливыхъ приговоровъ, то справедливость требуетъ, чтобы отъ нихъ достаточно были ограждены и общественные интересы. Но въ слѣдственномъ процессѣ они уже и безъ того вездѣ стоятъ на первомъ планѣ, и если, несмотря на это, все еще плохо охраняются, то лучше бы было позаботиться с радикальной реформѣ до такой степени несостоятельнаго процесса, чѣмъ поправлять его недостатки такимъ явно несправедливымъ и безчеловѣчнымъ способомъ. Въ самомъ дѣлѣ не несправедливо ли, не безчеловѣчно

ли вновь подвергать подсудимаго всѣмъ непріятностямъ уголовного процесса, опять томить неизвѣстностію насчетъ ожидающей его участи, а можетъ-быть и продолжать содержаніе его въ оковахъ, для того только чтобъ убѣдиться, не слишкомъ ли легко обсуждено его дѣло, и не оказано ли ему какой-либо поноровки во время слѣдствія или суда? Не лучше ли уже напередъ окружить судъ и судей такими гарантіями, которыя бы возбуждали къ нимъ полную довѣренность государства? Да и что за бѣда для государства, если тотъ или другой преступникъ будетъ наказанъ нѣсколько легче или даже вовсе останется безъ наказанія, что почти и несбыточно при хорошемъ устройствѣ суда и осмотрительномъ выборѣ судей, и противъ чего можетъ служить вполне достаточнымъ средствомъ уже и то, когда необходимая ревизія, въ случаѣ нужды, будетъ дѣлаема, лишь въ интересѣ закона, безъ всякаго предосужденія для подсудимаго?

Несравненно лучше, гуманнѣе и справедливѣе въ этомъ послѣднемъ отношеніи процессы смѣшанный и обвинительный. Въ обѣихъ формахъ не дозволяется ни въ какомъ случаѣ не только измѣнять, но и отягчать уже состоявшійся уголовный приговоръ. *Non bis in idem,—pas au même fait,*—вотъ коренное начало французскаго и англійскаго уголовного процессовъ, и оба до такой степени уважаютъ его, что и совершенно освобожденнаго отъ суда неправильнымъ приговоромъ никогда не подвергаютъ новому суду по тому же самому дѣлу. Странно бы было требовать отъ подсудимаго, говорятъ англійскіе юристы, толкуя это начало, чтобъ онъ дважды подвергалъ опасности свою жизнь и честь по одному и тому же дѣлу. Но за то и обвинительный приговоръ не легко опровергается и въ Англии и во Франціи. Впервыхъ, что касается до самаго внутренняго содержанія, до матеріи обвинительныхъ приговоровъ, то главнымъ препятствіемъ къ опроверженію въ этомъ отношеніи служитъ то, что судъ присяжныхъ, по самому своему свойству, можетъ судить лишь въ первой и послѣдней инстанціи. Какъ представители общества, присяжные выражаютъ въ своихъ приговорахъ не только свое полнѣйшее внутреннее убѣжденіе о винѣ или невинности подсудимыхъ, но и общественное мнѣніе о нихъ, и потому никакого высшаго суда надъ собою признавать не могутъ. По этому аппелляція на нихъ ни во французскомъ ни въ англійскомъ судопроизводствѣ не допускается ни въ какомъ случаѣ. Но она признается,

кроме того, совершенно не совместно и съ началами уступости, даже и вовсе ненужною при тѣхъ важныхъ гарантіяхъ справедливости уголовныхъ приговоровъ, которыя даны въ смѣшанной и обвинительной формахъ, въ гласности суда и въ почти неограниченномъ правѣ подсудимыхъ отводить судей. По тѣмъ же причинамъ и возобновленіе процессовъ въ обѣихъ формахъ дозволяется лишь въ видахъ челоѵколюбія, какъ исключеніе изъ общаго правила, въ нѣкоторыхъ немногихъ, чрезвычайныхъ, вопіющихъ случаяхъ. Но и просьба объ уничтоженіи уголовныхъ приговоровъ по причинѣ формальныхъ недостатковъ допускается и во Франціи и въ Англіи совсѣмъ не такъ легко, какъ въ слѣдственномъ процессѣ. Въ особенноти изъ опасенія, чтобъ и этимъ косвеннымъ путемъ не былъ слишкомъ часто опровергаемъ приговоръ присяжныхъ, и тутъ установлены нѣкоторыя ограниченія и отягченія.

Во Франціи просьба объ уничтоженіи уголовныхъ приговоровъ по причинамъ формальнымъ подается въ кассационный судъ. Она дозволяется въ слѣдующихъ случаяхъ:

- 1) Когда дѣло не было подсудно суду, которымъ оно рѣшено;
- 2) когда имъ преышлена власть;
- 3) когда не соблюдены или нарушены какія-либо формальности, предписанныя закономъ подъ страхомъ неѣйствительности всего процесса, и не только во время самаго процесса, или въ окончательномъ приговорѣ, но и въ приговорѣ обвинительной камеры;
- 4) когда послѣдовало нарушеніе, неправильное приложеніе или ложное истолкованіе закона.

По этимъ же причинамъ дозволено было просить объ уничтоженіи уголовныхъ приговоровъ и въ слѣдственномъ процессѣ, но въ немъ не было положено никакихъ сроковъ для подачи просьбы о томъ. Напротивъ, во Франціи она должна быть подана непременно въ трехдневный срокъ со времени объявленія приговора. Просьба о кассации можетъ быть подаваема не только подсудимымъ, но и гражданскою партією и государственнымъ прокуроромъ. Послѣдній имѣетъ право требовать кассации: 1) по причинѣ неправильнаго примѣненія закона въ случаѣ обвинительнаго приговора; 2) противъ приговора, которымъ признанный виновнымъ присяжными, освобожденъ судьями отъ наказанія, по неимѣнію закона, подъ который бы можно было подвести его дѣйствіе; и 3) противъ приговора присяж-

ныхъ, которымъ подсудимый признается невиннымъ, но только въ интересъ закона, такъ что если приговоръ и уничтожается, то это нисколько не вредитъ освобожденному. Этотъ послѣдній родъ кассации не ограничивается никакимъ срокомъ и можетъ быть направленъ и противъ обвинительнаго приговора, который государственный прокуроръ объявляетъ противозаконнымъ; въ этомъ случаѣ уничтоженіе приговора служить уже только въ пользу осужденнаго.

Судъ кассационный, какъ только *cour regulatrice*, которому принадлежитъ лишь надзоръ за правильнымъ теченіемъ дѣлъ въ судахъ того округа, гдѣ онъ находится, самъ не даетъ рѣшенія ни по одному дѣлу; но признавши просьбу о кассации удовлетворительною и уничтоживши приговоръ, отсылаетъ дѣло для рѣшенія въ другой судъ съ присяжными или безъ присяжныхъ, смотря потому, вредитъ ли нарушеніе законной формальности всему приговору, какъ на примѣръ тогда, когда онъ основывается на ложномъ пониманіи юридическаго свойства дѣйствія, или когда судъ составленъ былъ незаконно, если же только приговору судей, какъ на примѣръ въ случаѣ, когда нарушеніе законной формальности послѣдуетъ уже послѣ формально-даннаго приговора присяжныхъ, или когда судьи приговариваютъ къ наказанію подсудимаго, оправданнаго присяжными. Судъ можетъ согласиться и не согласиться съ мнѣніемъ кассационнаго суда, которое онъ высказываетъ, признавая основательность просьбы о кассации и уничтожая приговоръ. Въ случаѣ несогласія приговоръ опять можетъ быть кассированъ. Тогда дѣло относительно спорнаго пункта снова пересматривается въ полномъ собраніи кассационнаго суда и передается на рѣшеніе въ третій судъ, который уже долженъ безусловно держаться мнѣнія кассационнаго суда. Процедура довольно длинная. Посему французскіе подсудимые нерѣдко пользуются правомъ кассации лишь какъ предлогомъ для проволочки дѣла и для отбытія, хоть на нѣкоторое время, отъ заслуженнаго наказанія, и для этого всего чаще жалуются на нарушеніе какой-либо формальности или на какую-либо неправильность процедуры. Чтобъ отвратить это зло, которое необходимо ведетъ къ умноженію издержекъ на уголовные процессы, и замедляя ходъ ихъ, покровительствуетъ ненаказанности преступниковъ, французскій кассационный судъ обыкновенно чрезвычайно строго разсматриваетъ просьбы о кассации и оставляетъ большую часть ихъ безъ уваженія. На примѣръ въ 1857 году подано было

1456 просьбъ, а уважено только 548, слѣдовательно почти только третья часть. Особенно рѣдко подвергаются кассация приговоры присяжныхъ. Считаютъ, что на 1000 случаевъ кассации приходится всего 60 приговоровъ присяжныхъ.

Еще рѣже опровергаются приговоры присяжныхъ по причинѣ матеріальныхъ недостатковъ. Во Франціи главнымъ средствомъ служить для подобныхъ случаевъ ревизія. Она дозволяется только въ слѣдующихъ трехъ случаяхъ:

1) Когда два разные лица двумя разными приговорами осуждаются въ убійствѣ третьяго, и оба приговора не могутъ быть соединены между собою, такъ что одинъ изъ осужденныхъ непременно долженъ быть невиненъ.

2) Когда по осужденіи кого-либо за убійство оказывается, что убитый живъ, или представляются письменные документы, изъ которыхъ открывается, что убитый живъ или былъ живъ послѣ того, когда убійство должно было совершиться надъ нимъ.

3) Когда свидѣтели, показывавшіе противъ осужденнаго, подверглись потомъ уголовному слѣдствію за лжесвидѣтельство и обличены въ томъ.

Что эти случаи не основываются ни на какомъ опредѣленномъ началѣ, взяты на выдержку изъ жизни и не принадлежатъ къ самымъ обыкновеннымъ, это прямо бросается въ глаза. Но законодатели, подарившіе Франціи институтъ присяжныхъ, вовсе не имѣли въ виду дать въ ревизіи радикальное средство противъ нихъ; они были глубоко убѣждены въ ихъ непогрѣшительности, а потому именно и дозволили ревизію только въ такихъ случаяхъ, гдѣ несправедливость ихъ приговоровъ явно очевидна. Законъ 1793 года перешелъ безъ измѣненій и въ кодексъ Наполеоновъ. Но на практикѣ никогда не были довольны этимъ закономъ, и убѣжденіе, что онъ не удовлетворяетъ самымъ справедливымъ требованіямъ, было не одинъ разъ открыто высказываемо лучшими французскими юристами, особенно при нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ по поводу дѣлъ Лесуржа и Нея. Въ этихъ случаяхъ самымъ поразительнымъ образомъ высказывалась вся несостоятельность французской ревизіи. Потомкамъ осужденнаго она не даетъ никакого средства очистить отъ посрамленія невинно поруганную честь ихъ предковъ. Во второмъ случаѣ и самому осужденному не легко доказать, что убитый живъ, когда онъ находится далеко за границей; въ третьемъ же ревизія и вовсе не дозволяется, когда

жесвидѣтель умираеть, прежде чѣмъ попадаетъ подъ судъ, или вследствие давности не можетъ быть наказанъ, или осужденіе послѣдуетъ на основаніи фальшивыхъ актовъ, ложнаго толкованія переводчика, или показаній свѣдущаго лица.

По поводу встрѣтившихся случаевъ, въ 1851 году, былъ посланъ въ національное собраніе проектъ закона о расширеніи ревизіи, но вмѣсто того чтобы предложить радикальную реформу ея, онъ имѣлъ въ виду лишь дать средство родственникамъ невинно осужденныхъ очищать память ихъ отъ поруганія, когда ихъ невинность можетъ быть доказана лишь по смерти. Много замѣчательнаго о недостаточности закона сказано было во время тогдашнихъ преній; но они, какъ и многія другія французскія пренія, къ сожалѣнію остались совершенно безплодными. Страхъ злоупотребленій, въ особенности опасеніе, чтобы не сдѣлались вдругъ общеизвѣстными многіе несправедливые приговоры, послужили сильнымъ препятствіемъ для свободнаго развитія вопроса. Страхъ и опасенія совершенно напрасны! Злоупотребленій ни въ какомъ человѣческомъ учрежденіи совершенно избѣжать нельзя; а открытіе старыхъ грѣховъ французской юстиціи легко бы можно было предотвратить, не давъ новому закону и здѣсь, какъ и вездѣ, обратной силы.

Замѣчательно, что между тѣмъ какъ во Франціи и доселѣ остаются при прежнемъ законѣ о ревизіи, въ Бернѣ уже въ 1850 году сдѣлали въ немъ значительныя дополненія. Третій случай, въ которомъ разрѣшается ревизія, безспорно самый важный въ практическомъ отношеніи, какъ наиболѣе обыкновенный. Бернскій законъ дозволяетъ ревизію въ этомъ случаѣ не только, когда осужденіе основано на ложномъ показаніи свидѣтеля, но и тогда, когда такое показаніе дано свѣдущимъ лицомъ, или представленъ, какъ доказательство, фальшивый актъ, и сверхъ того онъ присовокупляетъ, что ревизіи можно требовать тогда, когда присяжный или судья будутъ признаны судебнымъ приговоромъ виновными въ подкупѣ, и притомъ такъ, что въ обоихъ случаяхъ ревизіи можетъ быть подвергнутъ и очистительный приговоръ, если въ фальши или подкупѣ виновенъ самъ оправданный.

Какъ средство, восполняющее недостаточность ревизіи, можетъ быть разсматриваемо во французскомъ судопроизводствѣ постановленіе кодекса въ ст. 352. Статья эта говоритъ: «Если судъ ассизовъ единогласно (а по закону 1853 года и боль-

шинство его) будетъ того мнѣнія, что присяжные ошиблись въ самой матеріи приговора (au fond), то приговоръ можетъ быть приостановленъ, и случай отложенъ до ближайшаго засѣданія ассизовъ, и предложенъ тогда на рѣшеніе другихъ присяжныхъ, которое уже должно безусловно обязывать судей. Передавать же дѣло на рѣшеніе другихъ присяжныхъ можно не только тогда, когда приговоръ первыхъ присяжныхъ весь вообще, но когда онъ и въ отдѣльныхъ частяхъ, напримѣръ относительно отягчающихъ обстоятельствъ, неблагопріятенъ для подсудимаго.»

Это постановленіе кодекса не пользуется, впрочемъ, большимъ сочувствіемъ французскихъ юристовъ. Его не одобряютъ особенно потому, что имъ дается слишкомъ большая власть судьямъ; въ силу его судьи могутъ отмѣнять приговоры присяжныхъ, не приводя никакихъ причинъ своего несогласія съ ними, и слѣдовательно получаютъ законное право произвольно распоряжаться ими. Подобное право судей можетъ быть крайне опасно, если они, какъ во Франціи, не довольно независимы отъ вліянія начальства.

По настоянію судей, приговоры французскихъ присяжныхъ могутъ быть измѣняемы еще и тогда, когда они не дадутъ отвѣтовъ на всѣ предложенные имъ вопросы, или впадаютъ притомъ въ противорѣчія. Въ подобныхъ случаяхъ судьи имѣютъ право отсылать присяжныхъ назадъ въ камеру совѣщанія. Предлагая вопросы, они въ правѣ требовать и удовлетворительныхъ отвѣтовъ на нихъ и заботиться о разрѣшеніи противорѣчій.

Средства защиты противъ уголовныхъ приговоровъ въ англійскомъ судопроизводствѣ суть слѣдующія:

Вопервыхъ осужденный, когда онъ недоволенъ приговоромъ присяжныхъ имѣетъ право просить судей приостановиться окончательнымъ рѣшеніемъ его дѣла (arrest of judgement).

Въ Англій, прежде чѣмъ приговоры присяжныхъ подводятся подъ законы, осужденнаго всегда спрашиваютъ: не имѣетъ ли онъ еще что-нибудь присовокупить въ свое оправданіе? Въ этотъ моментъ онъ и долженъ предложить судѣ повременить окончательнымъ осужденіемъ его, разумѣется, если имѣетъ какое-либо законное основаніе къ опроверженію приговора, даннаго присяжными. Законно же этимъ способомъ осужденный можетъ опровергать приговоръ присяжныхъ всегда, когда изъ самаго протокола открывается, что или въ обвинительномъ актѣ, или при собраніи доказательствъ, или въ порядкѣ суда, или же и въ самомъ приговорѣ присяжныхъ не соблюдены какія

либо формальности, или допущена какая-либо ошибка или не-правильность, и это имѣло вредное вліяніе на приговоръ. Если приведенныя возраженія оказываются справедливыми, и осужденный не имѣлъ случая представить ихъ уже и при самомъ защищеніи, то весь произведенный судъ уничтожается. То же бываетъ и тогда, когда самъ судъ усмотритъ что-либо подобное при производствѣ процесса, и самъ собою пріостановится своимъ рѣшеніемъ.

Право дѣлать это предоставляется англійскимъ судьямъ еще и въ томъ случаѣ, когда они сами сомнѣваются, согласно ли съ законами рѣшенъ юридическій вопросъ, на которомъ основали свое убѣжденіе присяжные. Въ этомъ случаѣ спорный вопросъ переносится на рѣшеніе учрежденнаго въ 1848 году апелляціоннаго суда. Истолкованіе законовъ и объясненіе условій очевидности (evidence), вотъ главнѣйшіе вопросы, которые служатъ предметомъ обсужденія этого суда. Членами апелляціоннаго суда считаются всѣ 15 англійскихъ судей, но обыкновенное присутствіе его составляетъ лишь изъ 5 членовъ, и только въ случаѣ несогласія или особенной важности дѣла, принимаютъ участіе въ рѣшеніи его всѣ 15. Пренія между адвокатами и судъ происходятъ публично, но подсудимый не допускается въ засѣданіе суда; самое дѣло его уже считается порѣшеннымъ, и рѣчь идетъ лишь о формальныхъ недостаткахъ приговора. Судьи даютъ рѣшенія по большинству голосовъ и, подавая ихъ, высказываютъ часто самыя замѣчательныя мнѣнія. Ассизный судья, перенесшій вопросъ въ апелляціонный судъ, всегда принимаетъ участіе въ обсужденіи его; онъ обыкновенно даетъ нужныя объясненія о фактической сторонѣ дѣла. Апелляціонному суду предоставляется полная свобода уничтожать, измѣнять или утверждать данный приговоръ, или передавать дѣло на рѣшеніе другихъ присяжныхъ. Судъ апелляціонный пользуется большимъ сочувствіемъ въ Англій.

Но самое важное средство есть, третьихъ, просьба о назначеніи новаго разбирательства (new trial). Оно дозволяется впрочемъ лишь въ случаѣ менѣ важныхъ преступленій (misdemeanors), и когда это можетъ быть полезно для самой юстиціи. Это же бываетъ:

1. Когда есть вѣроятность, что приговоръ не согласенъ съ принятою теоріею доказательствъ (evidence).

2. Присяжные поступали не позволительнымъ образомъ (misconduct of jurors).

3. Обвинитель старался противозаконно дѣйствовать на присяжныхъ.

4. Судьи не исполняли своего долга по отношенію къ присяжнымъ: въ заключительной рѣчи неправильно объясняли дѣло или ввели присяжныхъ въ ошибку (*misdirection of the judge*).

5. Наконецъ въ случаѣ открытія новыхъ доказательствъ невинности, которыхъ прежде не было въ виду у осужденнаго. Когда просьба признается уважительною, то дѣло пересматривается снова, какъ бы вовсе не было дано никакого приговора относительно его, и по требованію подсудимаго можетъ быть даже передано другимъ присяжнымъ (*a writ of venire facias de novo*), если обвиненный можетъ привести основательныя возраженія противъ выбора первыхъ. Новаго суда можетъ просить и обвинитель, если можетъ доказать, что его противникъ позволилъ себѣ грубый обманъ, напримѣръ подкупъ свидѣтелей или присяжныхъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ просьба подается въ судъ королевской скамьи (*Queensbench*).

Между тѣмъ какъ въ менѣе важныхъ случаяхъ, по неудовольствію на приговоръ, можно требовать новаго суда; въ болѣе важныхъ (*treason and felony*) служить средствомъ защиты нѣчто похожее на французскую кассацию, такъ-называемый *writ of error*. Недовольный рѣшеніемъ суда обращается въ верхній парламентъ и, принося жалобу на неправильное рѣшеніе его дѣла, проситъ уничтожить рѣшеніе. Это средство дозволяется, когда можетъ быть доказано, что 1) при производствѣ дѣла или постановленіи приговора нарушена какая-либо существенно необходимая формальность, или 2) сдѣлано неправильное примѣненіе закона: назначено наказаніе, а дѣйствіе вовсе не подлежитъ наказанію, или наказаніе незаконно. Этотъ искъ можетъ быть вчиняемъ лишь съ дозволенія генеральнаго атторнея. Когда онъ дастъ согласіе на него, то пренія по дѣлу производятся въ верхнемъ парламентѣ между адвокатомъ осужденнаго, который опровергаетъ приговоръ, и адвокатомъ короннымъ, который отстаиваетъ его. Парламентъ сперва отбираетъ мнѣнія у 15 судей, которые, когда даютъ ихъ, объясняютъ и основанія. Часто тутъ бываетъ и большинство и меньшинство. Но судьи лишь совѣтники парламента. Уважить просьбу подсудимаго и уничтожить приговоръ или отказать въ ней можетъ только палата лордовъ, составляющая верховное судилище Великобританіи, также по большинству голосовъ, которое иногда

соглашается съ меньшинствомъ судей. Въ силу новѣйшаго закона палата можетъ постановлять рѣшенія и о самомъ фактѣ.

Всѣ нечисленныя средства направляются главнымъ образомъ противъ формальныхъ недостатковъ уголовныхъ приговоровъ и поправляютъ лишь юридическіе промахи и ошибки; приговоры присяжныхъ, по отношенію къ самому содержанію ихъ, они касаются, лишь постольку правильное рѣшеніе юридическихъ вопросовъ имѣетъ вліяніе и на фактическую сторону дѣла. Только одно средство существуетъ въ Англіи, которымъ можно защищаться противъ матеріально-несправедливыхъ уголовныхъ приговоровъ. Средство это монаршее помилованіе, особенно употребительное въ случаѣ осужденія на смертную казнь. О помилованіи можетъ просить и самъ осужденный, и ходатайствовать судья, предсѣдательствующій въ ассизахъ. Если судья находитъ, что приговоръ присяжныхъ недостаточенъ или ошибоченъ, то можетъ замѣтить о томъ присяжнымъ и отослать ихъ въ камеру совѣщанія для новаго обсужденія дѣла. Но если и по второмъ совѣщаніи присяжные упорно будутъ стоять на своемъ приговорѣ, то хотя приговоръ и долженъ быть занесенъ въ протоколъ, но судья, постановивши свой приговоръ согласно съ рѣшеніемъ присяжныхъ, можетъ не приводить его въ исполненіе и представить дѣло отъ себя министру внутреннихъ дѣлъ, съ тѣмъ чтобъ осужденному оказана была помощь путемъ монаршаго помилованія.

Впрочемъ въ Англіи весьма многіе прямо высказываютъ, что переносъ дѣла въ новый апелляціонный судъ долженъ быть дозволенъ и по неудовольствію осужденнаго на самое содержаніе уголовныхъ приговоровъ, и что *new trial*, новый процессъ не долженъ ограничиваться одними неважными преступленіями.

Въ заключеніе должно сказать, что въ смѣшанномъ и обвинительномъ процессахъ подсудимые достаточно ограждаются отъ несправедливыхъ приговоровъ уже и тѣмъ, что они сами избираютъ себѣ судей почти съ неограниченною свободой, и судъ производится не въ углу и не тайкомъ, а открыто, торжественно и гласно.

Впрочемъ аппелляція, въ своемъ истинномъ значеніи, въ какомъ принимаютъ ее и всѣ положительныя законодательства также легко можетъ быть соединена и съ судомъ присяжныхъ. Какъ представители общества, они, конечно, не знаютъ никакого высшаго суда надъ собой, но высшій судъ нуженъ лишь для контроля и повѣрки дѣйствій одного суда другимъ су-

домъ; вторичное же болѣе прилежное разсмотрѣніе дѣла, а и тѣмъ болѣе совершенно новый судъ по тому же дѣлу, безъ всякой несообразности, могутъ быть произвомы равнымъ судомъ какъ-то и дѣлается и въ Англіи и во Франціи въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, въ которыхъ, въ видѣ исключенія изъ общаго правила, дозволяется передавать дѣло, рѣшенное однимъ присяжными, на разсмотрѣніе другихъ. А чтобъ апелляціи не могла служить лишь пустымъ предлогомъ для проволочки дѣла, она должна быть допускаема еще съ болѣею осмотрительностію, тѣмъ просьба о кассациіи.

Наконецъ просить о возобновленіи процесса, должно быть дозволено не только самому осужденному, но и его потомкамъ, когда, по прошествіи срока апелляціи или по исполненіи приговора, при жизни или по смерти осужденнаго, открываются новыя обстоятельства, которыми можетъ быть доказана его невинность. Не только самъ осужденный, но и его потомки имѣютъ полное право требовать, чтобы несправедливый приговоръ былъ отмѣненъ, и честь невинно поруганная восстановлена столь же гласно, какъ гласно она была поругана: для общества возобновленіе процесса есть единственно возможное средство сколько-нибудь поправить свою ошибку, а вмѣстѣ и священный долгъ по отношенію къ осужденному.

С. БАРШЕВЪ.

24 февраля
1859 года.

ВКЛАДЫ ВЪ БАНКАХЪ

ИЛИ

БИЛЕТЫ НЕПРЕРЫВНАГО ДОХОДА?

ВИДЫ НА УСОВЕРШЕНСТВОВАНІЯ КРЕДИТНЫХЪ УСТАНОВЛЕНІЙ.

Пониженіе процентовъ на вклады въ кредитныхъ учрежденіяхъ привѣтствуемо было радостными ожиданіями. Дѣйствительно, нельзя было, съ точки зрѣнія частной предпріимчивости, не радоваться быстрому пониженію процентовъ до такой нормы (3%), при которой капиталы должны были искать себѣ болѣе выгоднаго помѣщенія внѣ банковъ, принявшихъ столь дѣйствительныя мѣры къ искусственному изгнанію капиталовъ. Три процента въ годъ на капиталъ, естественно, не могли соответствовать общей средней платѣ за наемъ капиталовъ въ Россіи. Ни въ частныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, ни въ займахъ подъ самое вѣрное обезпеченіе нельзя найти примѣровъ столь дешеваго помѣщенія денегъ; наконецъ въ самыхъ правительственныхыхъ бумагахъ, помѣщеніи, столь же вѣрномъ какъ и вклады въ банкъ, процентъ на капиталъ стоялъ гораздо выше; шестипроцентныя бумаги, по этому размѣру, должны были стоить до 200 р., 5% до 166 р., 4½% до 150 р., 4% до 130 р.; но, между тѣмъ, на биржахъ, вездѣ они продавались среднимъ числомъ въ размѣрѣ отъ 4% до

5 % за сто. Мы говоримъ про время, когда принята была упомянутая мѣра. Незадолго передъ тѣмъ само правительство обезпечило доходъ складочному капиталу главнаго общества желѣзныхъ дорогъ не менѣе 5 %, въ той увѣренности, что всякое меньшее обезпеченіе было бы недостаточно для привлеченія частныхъ капиталовъ. Изъ всѣхъ этихъ соображеній становится очевиднымъ, что пониженіе процентовъ на вклады произошло не вслѣдствіе общаго удешевленія найма капиталовъ, но рѣшено было съ цѣлью нѣсколько принудительною выемки капиталовъ изъ банковъ.

Такое насильственное направленіе, сообщенное капиталамъ къ выходу изъ кредитныхъ установленій, не могло остаться безъ вліянія на распространеніе частныхъ промышленныхъ компаній и на возвышеніе курса процентныхъ бумагъ.

Понизивъ проценты на вклады, банки въ то же время уменьшили проценты въ ссудахъ, и вмѣсто 5 % отдавали сами заемщикамъ деньги за 4 %.

Мѣры эти въ совокупности ясно показываютъ, что кредитныя учрежденія были обременены наличными капиталами, и что слѣдовало найдти симъ послѣднимъ другое употребленіе. Удешевленіе ссудъ изъ банковъ и отклоненіе излишнихъ капиталовъ отъ прилива въ кассы, казалось бы, должно было удовлетворить ожидаемой цѣли. Вотъ почему мѣры эти нашли столько защитниковъ, и встрѣтили почти единодушное одобреніе экономистовъ. Въ самомъ дѣлѣ нельзя оспаривать права у кредитныхъ установленій понижать проценты, по мѣрѣ ненадобности въ свободныхъ капиталахъ, или привлекать ихъ предоставленіемъ большихъ выгодъ капиталистамъ, то есть возвышать проценты, въ случаѣ необходимости располагать свободными суммами. Право cadaго заемщика — платить за капиталъ, смотря по надобности въ займѣ, то болѣе, то менѣе. Нельзя также не признавать за публичными банками обязанности ссуждать капиталами за большіе или меньшіе проценты, смотря по тому, за сколько эти капиталы были приобрѣтены ими самими, и облегчать ссуды до предѣловъ возможности.

Между тѣмъ, эти мѣры, столь справедливыя въ отвѣченномъ своемъ значеніи, не соотвѣтствовали, кажется, ни устройству нашихъ банковъ, ни дѣйствительнымъ потребностямъ. Посмотримъ, вслѣдствіе чего могло обнаружиться такое накопленіе капиталовъ въ нашихъ банкахъ?

Во время военныхъ дѣйствій, въ 1855 и 1856 годахъ, обыкновенные государственные доходы не могли покрыть чрезвычайныхъ расходовъ, вызванныхъ войною. Необходимость въ чрезвычайныхъ средствахъ не могла, какъ говорятъ, удовлетворена быть естественными къ этимъ случаямъ способами—займами. Заграничный рынокъ былъ для насъ закрытъ; въ самой Имперіи свободныхъ капиталовъ не предполагали: обыкновенный резервуаръ ихъ, банки, затрестили принятые вклады на долгие сроки и не могли оказать помощи. Въ этихъ обстоятельствахъ признано было наиболѣе полезнымъ выпустить, для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ, бумажные деньги. Способъ этотъ, безспорно, соблазнялъ своею дешевизною, такъ какъ, повидимому, онъ ничего не стоилъ правительству, не требуя отъ него ни платежа процентовъ, ни хлопотъ по взысканію, къ чему привели бы непременно всякій правильный заемъ и всякій правильный налогъ. Масса кредитныхъ билетовъ, размѣнъ которыхъ былъ приостановленъ, и которыя сдѣлались по сему бумажными деньгами, быстро увеличилась, и съ 330 милліоновъ рублей (въ 1853) достигла къ 1-му января 1858 года до 735 милліоновъ рублей. Слишкомъ 400 милл. рублей бумажныхъ денегъ переполнили собою рынки. Часть ихъ обратилась въ банки, гдѣ изъ безпроцентнаго долга правительства преобразовалась тотчасъ жѣ въ процентный вкладъ, а часть излишка осталась въ обращеніи и легла налогомъ на потребителей, поднимая цѣну на вещи и послуживъ къ урону вексельнаго курса, въ невыгоду русскаго купечества и капиталистовъ, имѣвшихъ расходы за границей.

Такимъ-то образомъ, по окончаніи войны, въ кассахъ банковъ оказалось изобиліе капиталовъ, которые искали помѣщенія за проценты. Сумма таковыхъ капиталовъ достигала до 150 милліоновъ рублей. Это положеніе было совершенно исключительное при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ дѣйствуютъ наши банки.

Принимая вклады съ обязанностію платить на нихъ со дня взноса проценты и увеличивать капиталы за все время пролежанія сложными процентами, банки должны были всегда заботиться о немедленномъ помѣщеніи принятыхъ капиталовъ на проценты и о постоянномъ, сверхъ того, употребленіи всякой возвращающейся изъ ссуды суммы снова въ ссуду, для того чтобы не прекратилось теченіе сложныхъ процентовъ, которыми они обязались передъ вкладчиками.

Всякая сумма, лежащая въ кассѣ безъ процентовъ, падала чистымъ убыткомъ на собственный капиталъ банка или на барышъ его отъ разности между процентами вкладовъ и ссудъ. Такимъ образомъ, по самому существу своего устройства, банки должны были главнѣйше заботиться о возможно-полномъ и непрерывномъ употребленіи довѣренныхъ имъ суммъ. Но не ограничиваясь этими условіями пріема вкладовъ, банки, въ то же время, приняли на себя обязанность возвращать вклады по первому востребованію вкладчиковъ, почти безъ срока. Казалось бы, что при этомъ послѣднемъ условіи они могли бы раздавать деньги въ ссуды, также на короткій срокъ, чтобы капиталы имѣли возможность быстрѣе возвращаться, на случай удовлетворенія вкладчиковъ. Дѣйствительно, наши банки начинали свои операціи съ ссудъ на короткіе сроки, на три года (1754 г.), затѣмъ на 6 и на 9 лѣтъ, потомъ уже стали выдавать ссуды на 12, 15, на 22 года (1823 г.), потомъ на 26 и 37 лѣтъ (1830). Съ теченіемъ времени, по способу употребленія капиталовъ, банки сдѣлались преимущественно банками земскими, т. е. выдавали ссуды на долгіе сроки, съ постепеннымъ возвратомъ капитала или съ погашеніемъ сложными процентами. Краткосрочныя ссуды, при медленности торговыхъ оборотовъ въ Россіи, составляли ничтожную часть изъ всѣхъ банковыхъ операцій. Большинство вкладовъ роздано было на сроки, совершенно не соответствовавшіе безсрочному праву востребованія ихъ. Въ этихъ обстоятельствахъ, нельзя было не заботиться объ удаленіи отъ банковъ опасности внезапнаго востребованія значительной части вкладовъ. При неудобствахъ помѣщенія капиталовъ внѣ банковъ, при допущеніи къ вносу мелкихъ суммъ, банки сдѣлались главными пріемниками всѣхъ свободныхъ капиталовъ и сбереженій. Съ умноженіемъ вкладовъ возникала необходимость для банковъ распространять свои ссуды, и такимъ-то образомъ постепенно, для облегченія заемщиковъ, сроки ссудъ были увеличиваемы. Ограничиваясь между тѣмъ производствомъ ссудъ главнѣйше въ пользу одного дворянскаго сословія, подъ залогъ населенныхъ имѣній, и частію лишь подъ учетъ векселей и подъ залогъ торговыхъ цѣнностей, кредитныя учрежденія не могли не дойти съ теченіемъ времени до извѣстныхъ предѣловъ, далѣе которыхъ распространеніе операцій становилось затруднительнымъ. Число и тѣхъ и другихъ залоговъ ограничено, какъ самою природою ихъ, такъ и потреб-

нестени владѣльцовъ ихъ въ займахъ изъ банковъ. Словомъ, возможность помѣщенія зависѣла не только отъ самихъ банковъ, но и отъ заемщиковъ; между тѣмъ какъ пріемъ вкладовъ зависѣлъ отъ однихъ вкладчиковъ, оставаясь для банковъ обязательнымъ. Неудобство это, заключавшееся въ самомъ устройствѣ банковъ, не замедлило вскорѣ обнаружиться, и уже въ двадцатыхъ годахъ вклады начинали обременять кассы кредитныхъ установленій. Съ этого времени, правительство рѣшилось дать другое направленіе накопившимся капиталамъ, и открыло государственному казначейству кредитъ въ банкахъ. Сначала оно употребляло на общественныя и казенныя надобности суммы, оставшіяся свободными и обременявшія собою кассы банковъ, но затѣмъ, при удобствѣ этого способа для казначейства, казенные займы имѣли даже вліяніе на сокращеніе ссудъ подъ залоги частныя, и сдѣлались преобладающими. При такомъ обезпеченіи въ постоянныхъ ссудахъ казначейству, банкамъ нечего было заботиться о частныхъ заемщикахъ и о распространеніи своихъ операцій облегченіями кредита въ пользу частныхъ лицъ. Коммерческія операціи были даже сокращаемы, ссуды подъ залоги недвижимыхъ имѣній оставались почти безъ увеличенія и ограничивались лишь только пересрочкою прежнихъ займовъ съ новыхъ сроковъ; средства банковъ получили обширное помѣщеніе въ ссудахъ казначейству, которое занимало деньги на тѣхъ же условіяхъ, какъ и частныя заемщики подъ залогъ недвижимыхъ населенныхъ имѣній. Банки обезпечили себя со стороны возможности платить проценты на вклады и, связавъ съ собою интересы финансоваго управленія, насчетъ котораго они зарабатывали проценты, заинтересовали его къ удаленію отъ банковъ опасностей отъ предоставленныхъ вкладчикамъ правъ безсрочнаго востребованія капиталовъ. Въ случаѣ совершеннаго истощенія кассъ, казначейство оказывало даже помощь банкамъ, предоставляя имъ запасный капиталъ посредствомъ выпуска въ ихъ пользу кредитныхъ билетовъ.

Между тѣмъ при этомъ устройствѣ, недостатки его, удаляемые на время, продолжали усиливаться и достигать все большихъ и большихъ размѣровъ. Такое непрерывное помѣщеніе капиталовъ въ обороты непродуцибельныя имѣло вліяніе въ свою очередь на увеличеніе вкладовъ и на правильное возрастаніе казенныхъ займовъ, или что одно и то же, долговъ казначейства.

Обязанность платить сложные проценты и постоянно принимать вклады поставила кредитныя установленія въ такое положеніе, изъ котораго не было иного исхода, какъ совершенное ихъ переустройство. Пониженіемъ процентовъ на вклады не могло быть удалено это неудобство, которое остается совершенно одинаковымъ, платятъ ли банки на вклады 4% и берутъ за ссуды 5%, или даютъ на первые только 3%, а взимаютъ со вторыхъ 4%. Вся разница состоитъ лишь въ большей или меньшей соразмѣрности процента на вклады съ выгодами вкладчиковъ и въ большей или меньшей опасности востребованія, котораго банки не въ состояніи удовлетворить ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, потому что для полученія сложныхъ процентовъ на вклады капиталы должны находиться въ постоянномъ оборотѣ и къ тому же на сроки, не соответствующіе условіямъ востребованія.

Поясимъ примѣромъ, до какой степени согласны между собою обязанности банковъ передъ вкладчиками съ правами банковъ надъ заемщиками. Являются въ банкъ въ одинъ и тотъ же день вкладчикъ съ капиталомъ въ 10.000 р. и заемщикъ на ту же сумму. Положимъ, что первый рѣшился оставить свой капиталъ на 33 года и не брать въ теченіе этого времени процентовъ. Послѣдній занимаетъ капиталъ на 33-лѣтнихъ правилахъ, то-есть съ обязанностію платить 4% интересовъ и 1½% на погашеніе, всего 5½% въ годъ. Въ теченіе 33 съ небольшимъ лѣтъ онъ заплатитъ, считая по 550 р. въ годъ, 18.218 р. 90 к. и разчитается съ банкомъ, уплативъ изъ этой суммы постепенно, по частямъ, занятой капиталъ (10.000 р.) и проценты (8.218 р. 90 к.) на сумму, остававшуюся къ началу каждаго года въ долгу, за предыдущею уплатою части капитала.

Совершенно въ иныхъ условіяхъ находится банкъ передъ вкладчикомъ. Предоставляя себѣ востребованіе капитала и процентовъ, по своему усмотрѣнію, вкладчикъ, не объявляя даже заранѣе своего намѣренія, является черезъ тридцать три года и требуетъ, вмѣсто 10.000, отданныхъ въ банкъ, 26.523 р., то-есть сумму, равняющуюся его вкладу и выросшимъ сложнымъ процентамъ. Для того, чтобы заработать эту сумму въ пользу вкладчика, банкъ долженъ былъ, по мѣрѣ ежегоднаго полученія процентовъ и частей капитала съ заемщика, отдавать ихъ тотчасъ же снова въ заемъ съ новаго срока и, если

даже онъ успѣвалъ въ такомъ непрерывномъ помѣщеніи капитала, то во всякомъ случаѣ въ данный моментъ востребованія вклада капиталъ этотъ находился еще въ ссудѣ, и моментъ возврата его вкладчику никакъ и никогда не могъ совпадать съ возвращеніемъ капитала изъ ссуды, потому что возвращеніе это происходитъ по частямъ, и каждая изъ нихъ, для доставленія сложныхъ процентовъ, должна быть снова тотчасъ же обращена въ ссуду на отдаленный срокъ.

Возьмемъ еще въ примѣръ балансъ банковъ къ 1 января 1858 г. Вклады въ это время составляли примѣрно 1.012 милл. руб. Ссуды равнялись 1.037 милл. руб. Но вклады эти суть дѣйствительный долгъ банковъ къ 1 января 1858 года, и при томъ такой, который можетъ быть потребованъ въ тотъ же день, по крайней мѣрѣ банки признаютъ за собою долгъ въ эту сумму къ означенному сроку. Между тѣмъ обезпеченіе этого долга или сумму розданныхъ ссудъ банки имѣютъ получить не въ тотъ день, а черезъ 15, 28, лѣтъ, 33 года и даже 56 лѣтъ. Очевидно, что ликвидація банка можетъ послѣдовать не ранѣе, какъ черезъ 56 лѣтъ, и то лишь въ томъ случаѣ, когда онъ въ состояніи будетъ побудить вкладчиковъ, по мѣрѣ поступленія съ заемщиковъ платежей (arrivés), то-есть процентовъ и части капитала, принимать равныя имъ суммы изъ банка. Иначе, всякое оставленіе вклада далѣе срока возвращенія ссуды будетъ требовать новаго помѣщенія капитала и новаго отдаленія возможности возвратитъ вкладъ на 15, 28, 33 и 56 лѣтъ.

Самое возрастаніе вкладовъ, при этомъ устройствѣ банковъ, было въ значительной мѣрѣ искусственно и происходило только по счетамъ. Для вкладчиковъ оно было дѣйствительнымъ приобрѣтеніемъ; но для самихъ банковъ и для правительства, взявшаго на себя отвѣтственность за банки, чистою потерей. Наростаніе процентовъ на капиталъ зависитъ отъ производительности оборота, совершаемаго капиталомъ. Употребивъ деньги на коммерческую операцію или на улучшеніе сельскаго своего хозяйства, купецъ или землевладелецъ получаютъ изъ оборота процентъ и возвращаютъ самый капиталъ, вслѣдствіе увеличившагося производства. Въ случаѣ же растраты занятаго капитала на непроизводительныя издержки, они должны уплатить и тѣ и другія изъ постороннихъ, принадлежащихъ имъ источниковъ, или насчетъ самого залога, предоставленнаго въ обезпеченіе ссуды. При достаточной цѣнности залога, банкъ ни-

чего не терять отъ расточительности заемщика, покрывая продажей залога сумму, должную вкладчикамъ; но эти послѣдніе приобретаютъ проценты тѣмъ не менѣе не насчетъ возвысившейся отъ употребленія займовъ производительности, а насчетъ существовавшаго капитала, перешедшаго только въ руки заемщика въ руки заимодавца. Въ томъ и другомъ случаѣ права вкладчиковъ обезпечены, и проценты ограждены отъ потерь. Но при исключительномъ этомъ способѣ употребленія капиталовъ, принятыхъ съ обязанностію непрерывнаго помѣщенія въ новыя ссуды, предѣлы возможнаго производства ссудъ подъ залоги обнаружались бы сами собою. Пролежаніе вкладовъ праздно въ кассахъ банка, упавъ всею невыгодою на собственные капиталы и на барыши его, непремѣнно заставило бы его обратить вниманіе на несоответственность между развитіемъ операций принятыми имъ на себя обязанностями въ отношеніи къ вкладчикамъ. Съ того же времени, какъ банки могли безпрепятственно находить истокъ капиталамъ въ постоянно готовыхъ предложеніяхъ казначейства занимать деньги на общественныя и казенныя надобности, затрудненія въ помѣщеніи суммъ исчезли. Не только вновь-поступавшіе вклады по большей части находили себѣ употребленіе въ этихъ оборотахъ, но и розданные уже въ ссуды, по мѣрѣ возвращенія въ платежахъ отъ заемщиковъ, снова поступали на займы казначейству. Такимъ образомъ, понятно, что непрерывность нарастанія вкладовъ сложными процентами совершалась насчетъ долговъ сего послѣдняго, которые не переставали расти въ пользу вкладчиковъ. Самая уплата платежей по нимъ, сопровождаясь новыми займами, равнялась правильному возрастанію долговъ по счетамъ, соразмѣрному съ возрастаніемъ вкладовъ сложными процентами (1).

Но были ли эти обороты производительными въ экономическомъ смыслѣ? Теченіе процентовъ на вклады, ничѣмъ непрерыв-

(1) Лучшій примѣръ сему мы видимъ на коммерческомъ банкѣ, который помѣстилъ часть изъ довѣренныхъ ему капиталовъ въ заемный банкъ въ видѣ вклада. Послѣдній долженъ былъ 1 янв. 1858 г. первому болѣе 229 м. р.; но въ это число заемный банкъ получилъ въ разное время съ 1823 по 1855 г. и по частямъ до 99¼ м. р., а остальная сумма, то-есть 130 м. р., составляетъ сложные проценты (по 4½ со ста), въ пользу коммерческаго банка, которому заемный банкъ не выдавалъ оныхъ, а только причислялъ по счетамъ къ капитальной суммѣ.

всѣмъ, не переставало увеличивать вклады сложными процентами, и все, что составило дѣйствительное пріобрѣтеніе вкладчиковъ, лежало долгомъ на средства казначейства, которое становилось общимъ заемщикомъ всего, чего банки не могли пустить въ другіе болѣе производительные обороты, и чего банки не имѣли права возратить вкладчикамъ, не желавшимъ тревожить свои капиталы. Такимъ-то образомъ происходило увеличеніе вкладовъ, главнѣйше отъ непрерывнаго помѣщенія ихъ за проценты насчетъ казначейства, безъ постоянныхъ займовъ котораго правильное возрастаніе вкладовъ было бы совершенно невозможно. Притомъ же, оно происходило не насчетъ увеличенія производительности, а насчетъ увеличенія долговъ казначейства и уменьшенія единственныхъ его способовъ, бюджетныхъ средствъ, которыя покрывали собою ежегодныя пріобрѣтенія вкладчиковъ отъ пролежанія вкладовъ въ банкахъ, и на которыхъ оставался сверхъ того на будущее время долгъ, ничѣмъ не обезпеченный въ срокахъ его востребованія изъ банковъ.

Этотъ видъ устройства нашихъ кредитныхъ устройствъ поставилъ ихъ въ такое положеніе, въ которомъ они находились всегда между двухъ опасностей. Или въ кассахъ оставалось мало денегъ, и тогда они не могли удовлетворять обязанностямъ возврата капиталовъ; или у нихъ накоплялось множество праздныхъ суммъ, и тогда они не могли выручать процентовъ и несли убытки. Избѣгая преимущественно послѣдняго и ограждаясь отъ перваго разными палліативными мѣрами, банки продолжали долговременное существованіе, не измѣняя своего устройства, недостатки котораго выяснялись тѣмъ разительнѣе, тѣмъ значительнѣе становились численные размѣры ихъ вкладовъ и ссудъ. Понятно, что при 1.000 милл. вкладовъ возможность востребованія довольно велика и требуетъ удержанія значительныхъ суммъ въ кассахъ, на случай удовлетворенія вкладчиковъ. Но пролежаніе суммъ приноситъ убытки и убытки тѣмъ большіе, тѣмъ значительнѣе сумма наличныхъ денегъ, остающихся въ кассѣ. Положеніе становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ, но устройство банковъ не измѣнялось. При существовавшемъ въ прежнее время огражденіи частной предпримчивости отъ развитія, кредитныя учрежденія, казалось, не опасались востребованій вкладовъ, тѣмъ болѣе, что въ случаѣ надобности, видѣли себѣ спасеніе

въ правительствѣ, располагавшемъ возможностью выпустить кредитные билеты для спасенія банковъ.

Въ одномъ изъ с.-петербургскихъ банковъ, напримѣръ, вклады или долги его, возможные по большей части къ востребованію, составляли :

Къ 1-му января 1848 г.	152.073.000	р.
—	1849 —	156.986.000 —
—	1850 —	162.498.000 —
—	1851 —	167.079.000 —
—	1852 —	170.973.000 —
—	1853 —	173.728.000 —
—	1854 —	186.571.000 —

но въ то же время средства къ удовлетворенію востребованій, или наличное состояніе кассы, простиралось до слѣдующихъ крайнихъ предѣловъ :

	Maximum.		Minimum.
Въ 1847 г. 22 декабря	2.796.272	р. 30	января 682.615
— 1848 — 7 декабря	4 197.632	— 2	апрѣля 2.018.209
— 1849 — 15 февраля	6.671.890	— 31	августа 491.257
— 1850 — 18 декабря	4.150.000	— 2	января 986.000
— 1851 — 3 іюля	5.745.000	— 22	декабря 2.100.000
— 1852 — 14 іюня	4.154.929	— 23	декабря 1.711.860
— 1853 — 8 декабря	4.226.942	— 18	октября 1.412.436

До 1855 года, какъ видно изъ этихъ цифръ, положеніе нашихъ кредитныхъ установленій было таково, что опасность для нихъ предстояла скорѣе отъ невозможности удовлетворенія вкладчиковъ, нежели отъ празднаго накопленія капиталовъ. Впрочемъ къ устраненію послѣдней опасности казначейство принимало дѣятельныя мѣры. Но во время войны, какъ мы видѣли, казначейству предоставлено было воспользоваться болѣе дешевыми средствами выпуска кредитныхъ билетовъ и прекратить даже самый размѣнъ ихъ на звонкую монету. Разумѣется, что необходимость для него въ займахъ изъ банковъ оказалась при этомъ лишнею, а между тѣмъ изъ массы выпущенныхъ бумажныхъ денегъ значительная часть пришла въ банки въ видѣ вкладовъ. Эта часть естественно составила собою процентный долгъ, который, выйдя изъ денежнаго обращенія, какъ бы указывалъ собою на количество билетовъ, которые необходимо было уничтожить, для того чтобы возстановить, хоть частію, нарушенное равно-

всѣе въ орудіяхъ мѣны. Если во время войны и нельзя было прибѣгнуть къ займамъ, то по ея окончаніи, праздное накопленіе суммъ въ банкахъ болѣе 150 м. р. указывало на возможность заключенія займа какъ для извлеченія бумажныхъ денегъ, на эту сумму изъ обращенія такъ и для возможности открыть свободный обмѣнъ остальнымъ бумажкамъ и снова возстановить тѣмъ кредитное ихъ достоинство. Но позволяли ли, намъ скажутъ, средства казначейства принять на себя платежъ процентовъ по этому займу? Разумѣется, не только позволяли, но и налагали на него обязанность, ибо тѣмъ не менѣе на плательщикова упала, вслѣдствіе выпуска бумажныхъ денегъ, не менѣй, хотя и невидимый, налогъ, выразившійся дороговизною на всѣ предметы потребленія и упадкомъ вексельнаго курса.

Вмѣсто этого, банки, тяготившіеся массою денегъ и оставленные въ этомъ случаѣ безъ помощи постоянного своего заимателя, рѣшились избавиться отъ этой обузы и вытиснуть снова этотъ резервъ дороговизны въ народное обращеніе.

Обезпеченные такимъ значительнымъ и непривычнымъ для нихъ скопленіемъ суммъ, кредитныя установленія рѣшились понизить проценты на вклады и на ссуды. Дѣйствуя такимъ образомъ, они справедливо разчитывали на невозможность быстрого размѣщенія этой массы денегъ въ частныхъ рукахъ. Частные заемщики не представляютъ у насъ довольно обезпеченій для капиталистовъ; частныя компаніи немногочисленны; государственныя бумаги обращаются преимущественно за границей; покупка ихъ требуетъ перевода денегъ, который, за прекращеніемъ размѣна билетовъ на звонкую монету, не могъ имѣть мѣста иначе, какъ въ векселяхъ, съ потерей по курсу до шести и болѣе процентовъ; наконецъ большинство вкладчиковъ и не знаетъ, какъ пріобрѣсти акціи или облигаціи, и какъ продать ихъ, въ случаѣ надобности.

Такимъ образомъ, пониженіе процентовъ на вклады съ 4 на 3 было принято добровольно только небольшимъ числомъ вкладчиковъ, умѣющихъ пользоваться капиталами, и тѣми изъ нихъ, которые и при 4 % не затруднились бы болѣе выгоднымъ для себя помѣщеніемъ нежели оставленіе капитала въ банкѣ. Для всѣхъ прочихъ, оно стало принудительнымъ. Чтò въ томъ пользы, что мѣщанину или солдаткѣ, или помѣщичьему крестьянину, живущимъ процентами съ своего вклада, банкъ великодушно, за нѣсколько мѣсяцевъ впередъ, даетъ знать, что, въ

случаѣ несогласія на пониженіе процента, они имѣютъ право взять капиталъ назадъ? Они невольно должны согласиться не только на три, но хоть бы и на два процента, потому что помѣстить свой капиталъ имъ негдѣ. Сами же банки и данное имъ устройство лишили большинство публики возможности употреблять свои капиталы иначе. Съ другой стороны, спросимъ, была ли для банковъ настоящая нужда облегчать ссуды и производить оныя не за 5, а за 4 % въ годъ. Въ Россіи 5 % за наемъ капитала весьма незначительная плата, и врядъ ли гдѣ, кромѣ банковъ, можно было занимать столь дешево деньги. Если при болѣе значительныхъ процентахъ въ частныхъ предпріятіяхъ и государственныхъ бумагахъ, капиталисты предпочитали отдавать деньги въ банки, то это не зависѣло нисколько отъ того, что назначенный процентъ на вклады самъ по себѣ привлекалъ свободныя суммы въ банки; но отъ другихъ выгодъ, которыя были предоставлены исключительно банкамъ, и которыхъ лишены были всѣ прочія частныя и государственный бумаги. Вклады принимались на имя неизвѣстнаго; акціи же *au porteur* были запрещены. Первые возвращались по требованію вкладчика безъ большихъ формальностей, приносили сложные проценты, пріемъ ихъ былъ открытъ во всякое время и на малыя суммы, они принимались въ залогъ въ полной цѣнѣ; тогда какъ покупка и продажа акцій и облигацій у насъ довольно затруднительны, особенно внутри имперіи, требуютъ нѣкоторыхъ расходовъ и большихъ формальностей; полученіе процентовъ сопряжено для иногородныхъ съ расходами; учрежденіе и устройство компаній не зависитъ отъ однихъ учредителей, но отъ разрѣшенія правительства, и количество процентныхъ бумагъ, по желанію сего послѣдняго, довольно ограничено и преимущественно сосредоточено въ столицѣ; мелкія акціи не допускаются, наконецъ и самая цѣна ихъ измѣнчивѣе, по недостатку полной свободы выраженію спроса и предложенія.

Несмотря однакоже на эти справедливыя разчеты на невозможность внезапнаго сильнаго востребованія вкладовъ, кредитныя установленія ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ. Они позабыли, что не величина платимаго процента на вклады, но самое устройство ставило банки въ ложное положеніе. Оставшіеся за 3% въ банкахъ, вклады сохранили тѣмъ не менѣе за собою право постояннаго выхода, по требованію вкладчика, и покор-

лись только временно своей судьбѣ, выжидая болѣе благоприятнаго случая. Пониженіе процентовъ могло бы еще имѣть значеніе какъ способъ переустройства банковъ и какъ мѣра къ обращенію подвижныхъ вкладовъ, столь опасныхъ для кредитныхъ установленій, въ болѣе прочное и постоянное помѣщеніе, которое оставалось создать для капиталовъ. Такъ, напримѣръ, еслибы правительство рѣшилось отвергнуть свои и дворянскіе займы изъ банковъ, отстранивъ отъ нихъ опасность востребованія суммъ, занятыхъ на долгіе сроки, оно могло бы, рядомъ съ пониженіемъ процентовъ на вклады, открыть обширное помѣщеніе, срочное или даже безсрочное, въ облигаціяхъ, которыя приносили бы проценты хотя большіе, чѣмъ сколько приносили вклады, но все же меньшіе, нежели сколько заемщики платили банкамъ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что подвижные вклады банковъ, обреченные на пониженіе процентовъ, не замедлили бы тогда обратиться, почти безъ исключенія, въ постоянныя или временныя процентныя бумаги, болѣе выгодныя по величинѣ доставляемыхъ процентовъ. Консолидація произошла бы безъ всякаго обремененія рынка, потому что сумма новыхъ бумагъ равнялась бы существующей суммѣ билетовъ. Этимъ способомъ легко совершилось бы и общее преобразование банковъ и отверженіе долга казначейства и наконецъ естественнымъ путемъ, безъ искусственнаго усиленія, явились бы для частной предпримчивости свободные капиталы, по мѣрѣ поступленія отъ заемщиковъ ежегодныхъ платежей по ссудамъ. При пониженіи процентовъ на вклады съ 4 на 3 и при предложеніи въ то же время $4\frac{1}{2}$ или $4\frac{1}{4}$ и можетъ-быть четырехъ-процентныхъ бумагъ, смотря по курсу того времени, банки не встрѣтили бы тогда затрудненій, безъ всякой помощи отъ казначейства, при консолидаціи вкладовъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ даже заемщики могли бы получить нѣкоторое облегченіе или въ сбавкѣ процентовъ на $\frac{1}{4}$ на или $\frac{1}{2}$, или въ разсрочкѣ займовъ на болѣе длинный срокъ, и слѣдовательно въ уменьшеніи ежегодныхъ платежей.

Между тѣмъ, при сужденіяхъ о затруднительномъ положеніи, въ которомъ находились наши кредитныя установленія, самыя основанія устройства банковъ были оставлены въ сторонѣ. Въ виду имѣлось только временное облегченіе банковъ и желаніе вызвать капиталы въ частныя предпріятія. Но для достиженія одной послѣдней цѣли, достаточно было бы облегчить учрежденіе новыхъ компаній и обращеніе акцій или обезпечить права частныхъ заимодавцевъ болѣе строгими законами относительно

взысканія. При начинавшемся промышленномъ движеніи, вклады и безъ того направились бы въ частныя предпріятія скорѣе, нежели банки могли бы съ ними разстаться. Но состояніе наличной кассы болѣе озабочивало въ это время наши банки, нежели самыя основанія ихъ устройства и свойства ихъ операцій. Ни то, ни другое не было измѣнено, а, напротивъ еще, съ пониженіемъ процентовъ на ссуды сроки займовъ продолжены съ 26 на 28, и хотя съ 37 они сокращены на 33 года, но за то на казенные займы сроки продолжены впервые на 56 лѣтъ. И прежніе сроки, какъ мы видѣли, не соответствовали условіямъ владовъ; какъ же съ сохраненіемъ всѣхъ этихъ условій подвижности вкладовъ можно было разчитывать на возможность 56 лѣтняго срока? Слѣдствіемъ всего этого было, что вклады пріобрѣли только большее побужденіе къ выходу, между тѣмъ какъ банки стали еще менѣе способными къ своевременному удовлетворенію вкладчиковъ. Что же касается до обязанности находить всѣмъ остающимся вкладамъ постоянное и непрерывное помѣщеніе въ ссудахъ и слѣдовательно не задерживать напрасно денегъ въ кассахъ, то она, а съ нею и способности къ покрытію убытковъ отъ празднаго пролежанія суммъ, остались совершенно одинаковыми при 3, какъ и при 4 процентахъ, потому что банки и теперь пользуются насчетъ займовъ однимъ лишь процентомъ въ свою пользу.

Не задолго передъ тѣмъ состоялась компанія желѣзныхъ дорогъ съ гарантіей отъ правительства по 5 на сто, на складочный капиталъ, простирающійся почти до 300 милл. руб. Въ число этой суммы надѣялись привлечь иностранные капиталы. Акціи компаніи пользовались большими преимуществами и всѣми облегченіями, въ которыхъ всегда отказывали русскимъ компаніямъ. Постоянный курсъ, назначенный на разную монету для платежа процентовъ здѣсь и за границей, свободное обращеніе ихъ на всѣхъ биржахъ и другія преимущества не замедлили обнаружить выгоду и возможность ихъ пріобрѣтенія въ Россіи, тѣмъ болѣе, что за вкладчиками банковъ осталось право располагать своими капиталами, переставшими приносить прежніе проценты. Акціи пользовались, правда, преміей, и стоили дороже номинальной цѣны; но тѣмъ не менѣе русскіе капиталы устремились на нихъ, будучи привлекаемы значительно большею выгодною этихъ бумагъ сравнительно съ вкладами. Очевидно, что выгоднѣе было заплатить 130 р. и даже 135 р. и болѣе за акцію, которая на 125 р.

приноситъ 6 р. 25 к. (5%) дохода, обезпеченнаго правительствомъ, нежели оставлять эту же сумму въ банкѣ, который давалъ на нее 3 р. 90 к. и 4 р. 5 к. въ годъ.

Мало-по-малу образовались новыя частныя компаніи; составились значительныя складочныя капиталы; вышли на сцену выпуски облигацій. Свободные капиталы наперерывъ спѣшили найти себѣ помѣщеніе, болѣе выгодное, чѣмъ въ банкахъ. Пока еще требовались незначительныя первоначальныя взносы на акціи, пока движеніе капиталовъ сосредоточивалось еще въ столицахъ, банки наши обезпечены были въ удовлетвореніи вкладчиковъ милліонами, лежавшими праздно въ кассахъ; но скоро и казенныя мѣста послѣдовали примѣру всеобщаго движенія. Приказы общественнаго призрѣнія вытребовали свои вклады и помѣстили въ облигаціяхъ желѣзныхъ дорогъ; многіе капиталы ушли тѣмъ не менѣе за границу, рѣшившись на одновременную потерю въ курсѣ, и обратились къ пріобрѣтенію тамъ русскихъ бумагъ или даже иностранныхъ акцій. Значительныя, сравнительно, спросы въ 1857 и 1858 годахъ на русскіе фонды и на акціи желѣзныхъ дорогъ, за границей, объясняются только этимъ передвиженіемъ капиталовъ. Наконецъ, остальная часть пустилась на покупку акцій въ Россіи и на образованіе новыхъ компаній.

Только тѣ изъ вкладчиковъ, которые и по своему общественному положенію и по степени образованія, или наконецъ по надобности въ внезапной реализаціи капиталовъ не знаютъ какъ, или не могутъ, помѣстить свои деньги иначе, оставляютъ еще ихъ пока въ видѣ вкладовъ. Хоть и немного прошло времени отъ принятія разсматриваемыхъ мѣръ, но естественно, что наличное состояніе кассъ въ банкахъ должно было значительно убавиться. Къ тому же заемщики перезаложили имѣнія съ новыхъ сроковъ; многія изъ свободныхъ помѣстій поспѣшили, подругимъ причинамъ, явиться залогомъ подъ ссуды, и наконецъ нѣкоторыя новыя операціи, допущенныя въ банкахъ, распространили займы, какъ на примѣръ принятіе въ залогъ въ коммерческомъ банкѣ гарантированныхъ акцій желѣзныхъ дорогъ и нѣкоторыя другія. Вслѣдствіе возросшаго востребованія и расширенія операцій, наличность должна была уменьшиться, и нѣтъ причины предполагать, чтобы движеніе это остановилось.

Несмотря на значительный запросъ на всѣ государственныя процентныя бумаги и сравнительно малое ихъ количество на

биржѣ, цѣна, по которой онѣ покупаются и нынѣ, доставляетъ тѣмъ не менѣ помѣщеніе капитала за проценты отъ $4\frac{1}{4}$ до $4\frac{1}{2}$ % въ годъ. 6%-ыя государственныя облигаціи стбятъ не болѣе 134 р., 5%-ыя продаются по 110 и 112, 4%-ыя цѣнятся, сравнительно нѣсколько выше, по 98 р. за сто; но эта послѣдняя цѣна во всякомъ случаѣ не нормальная и можетъ объяснена быть только болѣе значительнымъ, нежели на прочія, требованіемъ на эти именно бумаги и рѣдкостію ихъ на нашей биржѣ.

Допустимъ поэтому, что наличность кассъ пришла къ прежнему положенію, какъ она была въ 1854 году. Между тѣмъ, спросъ на капиталы не остановился и наконецъ можетъ же онѣ превысить наличность банковъ. Чтѣ дѣлать имъ въ такомъ случаѣ? Отказать въ возвращеніи вкладовъ нельзя; а возвратить ихъ нѣтъ возможности, за ненаступленіемъ сроковъ къ возврату капиталовъ изъ займовъ. Затрудненія остаются прежнія, и тѣ самыя, которыя лежатъ въ устройствѣ банковъ, оставленномъ на старыхъ основаніяхъ. Возвратиться къ поднятію процентовъ на вклады, до прежняго размѣра, чтобъ остановить движеніе и привлечь новыя вклады также нельзя, безъ возвышенія въ то же время процента на ссуды, а между тѣмъ съ заемщиками уже сдѣланы условія на 33 года и на 56 лѣтъ. Возвысить же одни первые, не увеличивая вторыхъ, было бы тягостно для банковъ, ибо они лишились бы процента и барыша, и не могли бы содержать себя и получать прибыли, которыя имѣютъ свое назначеніе. Для удовлетворенія нуждамъ частной предприимчивости, столь полезной для государства, и согласованія съ ними средствъ банковъ необходимо тронуть самыя основанія кредитныхъ учрежденій и дать имъ твердую точку опоры. Въ рукахъ правительства отличный случай открыть теперь новую эру кредитной системы, не потрясая ничего, кромѣ предразсудковъ, и обезпечить навѣки блистательное развитіе промышленности. Средство это и есть та самая консолидація вкладовъ, которая одна въ состояніи доставить банкамъ и частнымъ вкладчикамъ обоюдныя выгоды, несмотря даже на то, что въ настоящее время она не имѣетъ всѣхъ прежнихъ условій успѣха, которыя были упущены при пониженіи процентовъ въ 1857 году.

Банки не могутъ предложить въ обмѣнъ на вклады $4\frac{1}{2}$ % ренты или срочныя облигаціи, потому что сами они не получаютъ теперь болѣе 4%; предложеніе же 4%-хъ рентъ или

облигацій во всякомъ случаѣ будетъ сопровождаться успѣхомъ, хотя и не столь быстрымъ, до тѣхъ поръ пока средній процентъ, при покупкѣ прочихъ правительственныхъ бумагъ, не достигнетъ до этого размѣра, и пока публика не успѣетъ достойно оцѣнить всю выгоду такого помѣщенія для своихъ капиталовъ. Тѣмъ не менѣе для исполненія этой мѣры необходимо нѣкоторое пожертвованіе со стороны правительства. Оно должно будетъ, отдавая капиталистамъ всѣ проценты, получаемые банками отъ заемщиковъ, и предоставляя вкладчикамъ столь значительное увеличеніе дохода (25%), лишить себя всѣхъ прибылей, которыя оно могло бы сохранить въ прошломъ году, еслибы вмѣсто уменьшенія и безъ того незначительныхъ процентовъ на ссуды, ограничилось разсрочкою ссудъ на болѣе продолжительное время, не представляющую опасностей при консолидаціи и столь же выгодною для заемщиковъ, какъ и пониженіе процентовъ. (1)

Кромѣ этого средства, мы не знаемъ другаго. Приостановить начавшееся движеніе частныхъ капиталовъ и противодѣйствовать образованію новыхъ промышленныхъ компаній не принѣсло бы никакой общественной пользы, а между тѣмъ, не прибѣгая къ консолидаціи вкладовъ, врядъ ли можно сдѣлать что другое, какъ не снова стѣснить развитіе народной промышленности и подавить всякую возможность къ употребленію капиталовъ внѣ банковъ. Безъ подобныхъ стѣсненій капиталы ни въ какомъ случаѣ не удержатся при 3% тамъ, гдѣ всякое другое употребленіе доставляетъ 4 и болѣе, и гдѣ само же правительство обезпечило отъ себя на значительную сумму бумагъ по 5%.

Изъ всего изложеннаго усматривается, что ожиданія промышленнаго развитія, по случаю пониженія процентовъ на вклады, не имѣли твердаго основанія. Смотри на отчеты банковъ и удивляясь огромности вкладовъ, которые такъ легко могутъ быть переносимы изъ банковъ въ другія помѣщенія, читающая публика видѣла въ нихъ какую-то могущественную силу, полагая, что они могли оживить собою весьма быстро всѣ лежащія втунѣ природныя богатства Россіи и вызвать къ жизни дремлющія производительныя силы народа. Но рѣдко

(1) Эта мѣра можетъ еще быть принята относительно новыхъ и даже относительно старыхъ, но не пересроченныхъ ссудъ. *Ред.*

кто обращался при этомъ къ мысли о совершенной невозможности ликвидаціи и о ложныхъ основаніяхъ самаго устройства банковъ въ Россіи. Вся эта масса капиталовъ затрачена на долгіе сроки, которые еще болѣе продолжены въ послѣднее время. Погашеніе ихъ по частямъ сложными процентами послѣдуетъ черезъ отдаленное время и спишетъ только долгъ заемщика передъ банкомъ, равняющійся суммѣ уже нынѣ существующаго долга вкладчикамъ, а не того, который оказался бы ко времени уплаты нынѣ розданныхъ займовъ.

Соразмѣрить суммы возвращенія займовъ съ востребованіемъ вкладовъ, то-есть съ уничтоженіемъ долговъ банка передъ вкладчиками, или пріуроченіе вкладовъ и ссудъ къ одному сроку—вотъ главная задача, которая предстоитъ нашимъ кредитнымъ установленіямъ, выдающимъ ссуды на долгіе сроки. Только разрѣшеніе этой задачи поведетъ къ устройству банковъ на правильныхъ основаніяхъ, упрочить финансовое положеніе казначейства и сдѣлаетъ возможными безопасность и прочность промышленнаго развитія, распространеніе кредитныхъ операцій на облегченіе крестьянамъ пріобрѣтенія земли и, словомъ, всѣ тѣ ожидаемыя отъ кредита услуги, которыхъ онъ не въ состояніи подать безъ этой радикальной реформы въ устройствѣ нашихъ банковъ.

Къ счастью Россіи, правительстворѣшилось на эту спасительную реформу, отверженіе вкладовъ. Мѣра эта преимущественно относится до кредитныхъ установленій, производящихъ ссуды на сроки отдаленные, подобно земскимъ банкамъ. Цѣль ея заключается въ устройствѣ нашихъ банковъ на тѣхъ же прочныхъ началахъ, какъ они существуютъ за границей. Для достиженія сего необходимо замѣнить безсрочные билеты на вклады такими же срочными обязательствами, какъ и ссуды, которыя произведены этими капиталами. При продажѣ такихъ обязательствъ банки не обязывались бы ни болѣе ни менѣе какъ тѣмъ, въ чемъ они обезпечены со стороны заемщиковъ, а именно: исправнымъ платежомъ процентовъ и обязательнымъ для владѣльца облигаціи пріемомъ обратно своего капитала. Такимъ образомъ банки не будутъ находиться въ необходимости принимать вклады, не имѣя въ нихъ надобности, и присчитывать на нихъ сложные проценты, несмотря на невозможность употребить капиталы. Съ другой стороны, выдавая облигаціи на извѣстный, впередъ опредѣленный срокъ, вмѣсто пріема

вклада на безсрочное время, банки не принимали бы на себя неисполнимыхъ условій насчетъ его возврата, безусловно зависѣвшаго отъ вкладчика, а спокойно обязывались бы уплачивать проценты и возратить капиталъ сообразно съ сроками, на которые они сами ссудили его своимъ заемщикамъ. Для частныхъ капиталовъ подобныя облигаціи или билеты непрерывнаго дохода представлятъ болѣе удобствъ, нежели нынѣшніе билеты на вклады. Вкладчики должны теперь обращаться за капиталомъ и процентами въ тѣ же банки, куда были внесены вклады. По облигаціямъ, полученіе процентовъ можетъ имѣть мѣсто въ губернскихъ казначействахъ, по соглашенію съ правительствомъ; капиталъ же, представляемый билетомъ, можетъ быть погашенъ по тиражу и полученъ владѣльцемъ безъ всякихъ хлопотъ. Наконецъ онъ же можетъ во всякое время и во всякомъ мѣстѣ и безъ всякихъ формальностей проданъ быть по вольной цѣнѣ. При достаточномъ и соразмѣрномъ, сравнительно съ прочими государственными бумагами процентѣ¹ на эти обязательства, цѣна на нихъ будетъ скорѣе выше, нежели ниже *пары*, и спросъ на нихъ, за прекращеніемъ открытаго приѣма вкладовъ и платежа сложныхъ процентовъ въ банкахъ, значительно увеличится, потому что всѣ, даже мелочныя, сбереженія суммъ, остающіяся праздными въ рукахъ частныхъ лицъ, будутъ искать процентныхъ бумагъ. Если вкладчики лишатся спокойнаго для нихъ полученія сложныхъ процентовъ, какъ нынѣ, и нѣсколько страннаго права обязывать банкъ приѣмомъ вкладовъ на безсрочное время, съ предоставленіемъ себѣ еще другаго права, требовать во всякое время возврата капитала, то потеря эта вознаградится возвышеніемъ процента и другими облегченіями къ самостоятельному распоряженію своими капиталами. При собственномъ трудѣ и просторѣ его приложения въ Россіи, трудолюбивые предприниматели не затруднятся, по мѣрѣ полученія процентовъ на новые билеты и даже капитала, въ случаѣ его погашенія, найти имъ тотчасъ же болѣе дѣйствительное производительное употребленіе.

Наконецъ для народной промышленности выгоды отъ этого преобразованія едва ли могутъ быть исчислены. Проценты на эти обязательства (1) не будутъ, подобно процентамъ на не-

(1) Билеты непрерывнаго дохода суть не что иное какъ облигаціи или обязательства платить проценты; поэтому мы и называемъ ихъ этимъ именемъ.

востребованные вклады, оставаться сами собою ни въ малѣйшей части своей въ банкахъ, но, поступая сполна въ частныя руки, будутъ искать себѣ новаго помѣщенія. Тѣ же, которые употреблялись и прежде на расходъ и содержаніе вкладчика, останутся безъ измѣненія въ своемъ употребленіи и не будутъ имѣть худшихъ послѣдствій. Напротивъ того, увеличивъ доходъ капиталиста, ибо проценты на билеты непрерывнаго дохода будутъ выше нынѣшнихъ процентовъ на вклады, они дадутъ ему болѣе способовъ къ жизни или послужатъ основаніемъ къ сбереженію нѣкоторой суммы. Часть капитала, которая по мѣрѣ возвращенія изъ ссудъ отъ нынѣшнихъ заемщиковъ, обращена будетъ на погашеніе соответствующей суммы обязательствъ, сдѣлается непрерывнымъ достояніемъ промышленной предпримчивости. При этомъ оборотѣ или возвратѣ капиталовъ изъ займовъ, болшею частію непроизводительныхъ, возникнутъ новыя потребности къ производительному помѣщенію, и предпримчивость вѣрнѣе будетъ оцѣнять силы денежныхъ свободныхъ средствъ съ размѣрами своего развитія. Въ облегченіе ея развитія, не будетъ уже существующихъ нынѣ затрудненій къ устройству частныхъ банковъ, къ приведенію въ порядокъ денежнаго обращенія и къ основанію настоящихъ земскихъ банковъ, съ правомъ выпуска срочныхъ облигацій или обязательствъ, вмѣсто обязанности какъ нынѣ принимать постоянно подвижные вклады. При существованіи такихъ банковъ подъ управленіемъ частныхъ землевладѣльцевъ, кредитъ могъ бы оказать дѣйствительную услугу въ облегченіи способовъ крестьянамъ къ приобрѣтенію земли въ собственность, а прочимъ землевладѣльцамъ къ дешевымъ и удобнымъ займамъ подъ залогъ ихъ собственности.

Государственное хозяйство, видя передъ собою столько общественныхъ выгодъ отъ этого преобразованія, не должно останавливаться передъ нѣкоторыми кажушимися неудобствами и пристрастіями къ вѣковой привычкѣ. Вѣковое поддерживаніе неестественныхъ условій привело къ неестественному развитію, требовавшему столько уклоненій отъ здравыхъ основаній экономической жизни, и поставило банки въ затруднительное положеніе, изъ котораго нѣтъ другаго выхода.

Движеніе капиталовъ уже началось, и потому теперь не останавливать, а только облегчать слѣдуетъ переходъ и укрѣплять подвижные долги, открытіемъ для вкладовъ помѣщенія въ про-

центныхъ бумагахъ, болѣе соответствующихъ условіямъ произведенныхъ ссудъ, нежели нынѣшніе процентные билеты на вклады.

Успѣхъ этой операціи зависитъ отъ правительства, ибо не тѣ, такъ другія выгоды непременно должны соответствовать общему согласію вкладчиковъ. Рѣшившись на консолидацію, рядомъ съ освобожденіемъ банковъ отъ обязанности принимать вклады и платить сложные проценты, правительство не должно быть боязливымъ въ предложеніи условій вкладчикамъ, потому что, начавъ преобразование, нельзя уже будетъ остановиться и удержать вклады отъ востребованія, лишивъ ихъ принадлежащихъ имъ преимуществъ въ банкахъ. Въ самой части ему же принадлежащихъ капиталовъ, правительство отыщетъ способы къ перенесенію пожертвованій, на которыя, въ видахъ этой мѣры, оно должно было рѣшиться послѣ сдѣланныхъ въ 1857 году измѣненій въ процентахъ вкладовъ и ссудъ.

Мы предвидимъ возраженія насчетъ достаточности назначенія 4% по новымъ билетамъ, которые должны будутъ замѣнить собою прежніе билеты на вклады. Средняя биржевая цѣна процентныхъ бумагъ, скажутъ намъ, въ настоящее время доказываетъ основательность этого возраженія. Нѣтъ причины думать, чтобы вкладчикъ принялъ добровольно за свой, для него всегда наличный, капиталъ въ 100 р. 4% срочное обязательство или ренту, когда онъ имѣетъ возможность теперь же купить по вольной цѣнѣ за 100 р. $4\frac{1}{4}$ или $4\frac{1}{2}$ дохода въ годъ. Но вспомнимъ, что количество этихъ бумагъ ограничено, и не всѣ же вкладчики могутъ приобрести ихъ на биржѣ въ С.-Петербургѣ, тѣмъ болѣе, что и теперь они предпочитаютъ этимъ бумагамъ даже трехъ-процентные вклады. По нашему мнѣнію, нельзя, кажется, вывести одного заключенія обо всѣхъ вкладахъ, но нельзя и не предвидѣть случаевъ, когда консолидація за 4% окажется для нѣкоторыхъ изъ нихъ недостаточною.

Поэтому, еще разъ повторяемъ, успѣхъ консолидаціи въ рукахъ финансоваго управленія, и успѣхъ этотъ тѣмъ болѣе необходимъ, что отъ его послѣдствій зависитъ устройство частнаго кредита и общественныхъ банковъ, коммерческихъ и земскихъ, существованіе которыхъ есть теперь жизненный вопросъ крестьянскаго дѣла.

Размѣры вкладовъ не должны пугать воображенія. Часть изъ

нихъ, которая помѣщена изъ пользованія одними процентами, или въ видѣ постоянной ренты, найдетъ для себя и безъ того достаточное вознагражденіе въ возвышеніи процента на обязательства противъ нынѣшняго процента на вклады. Такіе капиталы довольно значительны; и, если владѣльцы ихъ не располагали ими до сего времени иначе, или по недостатку соображенія, или по безопасности, или наконецъ по ограниченію правъ своихъ на распоряженіе капиталомъ (а этихъ случаевъ не мало), то и теперь они не бросятся на отыскиваніе своимъ капиталамъ болѣе выгоднаго помѣщенія, а вполне удовольствуются сдѣланнымъ предложеніемъ.

Другая часть, которая оставалась въ банкахъ для накопленія сложными процентами и вообще съ цѣлю возрастанія до извѣстнаго времени и до благопріятнаго случая къ выгоднѣйшему употребленію, будетъ наиболѣе озабочена возможностью реализаціи. Изъ этой части иногородные капиталы, удаленные отъ биржевыхъ цѣнностей, найдутъ также выгоду обратиться въ четырехъ-процентныя бумаги, которыя будутъ у нихъ подъ рукою. Столичные капиталы напротивъ того скорѣе предпочтутъ выждать случай къ приобрѣтенію бумагъ, приносящихъ болѣе процентовъ и повидимому болѣе обезпечивающихъ реализацію капитала, нежели четырехъ-процентныя облигаціи. Послѣдствія, которыя можетъ имѣть разсматриваемая мѣра на возвышеніе курса облигацій, приносящихъ высшіе проценты, будутъ въ свою очередь имѣть вліяніе на рѣшимость и этихъ капиталовъ (1). Впрочемъ, очень можетъ-быть, что, надежды на возвы-

(1) Достаточно замѣтить, что постоянный тиражъ для погашенія обязательствъ на сумму, равную количеству погашенія, поступающаго ежегодно въ банки отъ заемщиковъ по ссудамъ, не позволитъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, упасть обязательствамъ ниже пари. Но еслибы даже и были случаи, когда обязательства продавались ниже номинальной цѣны, то этотъ упадокъ означалъ бы собою только общую дороговизну капиталовъ, при которой и выроченный за нихъ капиталъ воротилъ бы, при всякомъ другомъ помѣщеніи, столь же выгодные проценты. Предвидимая потеря не болѣе какъ кажущаяся въ этомъ случаѣ и пугаетъ только воображеніе. Въ самомъ дѣлѣ, если курсъ на эти обязательства ниже пари, то это значитъ, что и всѣ прочіе капиталы приносятъ болѣе четырехъ процентовъ на сто. Слѣдовательно доходность капитала, помѣщеннаго въ обязательства, не измѣняется и въ случаѣ продажи его для другаго помѣщенія. Между тѣмъ предъ всѣми прочими процентными бумагами, какъ-то акціями компаній и другими помѣщеніями, они имѣютъ то преимуще-

меніекурсане оправдаются при значительномъ выпускѣ облигаций, которыя болѣе способны къ оборотамъ и къ приливу на биржи, нежели билеты по вкладамъ, совершенно удаленные отъ рынка. Все будетъ зависѣть отъ того, какъ размѣстятся облигации или обязательства, и въ настоящее время предположенія объ этомъ могутъ быть только гадательны.

При общемъ пересмотрѣ вкладовъ, безъ всякаго сомнѣнія, найдутся между ними и такіе, которые окажутся *res nullius*, или выморочными, и такъ какъ они оставались весьма долгое время безъ востребованія и безъ взиманія по нимъ процентовъ, то сумма ихъ, по правиламъ сложныхъ процентовъ, не должна быть маловажна. Наконецъ найдутся, быть-можетъ, подъ иными названіями и вклады, составляющіеся изъ сбереженій отъ суммъ, ассигнованныхъ казначействомъ, которые, какъ принадлежность сего послѣдняго, при ликвидаціи долговъ его, разумѣется, обратятся немедленно на погашеніе.

Все это относится къ вкладамъ, которые могутъ быть обращены въ облигации или употреблены въ дѣло при консолидаціи; но въ числѣ ихъ будутъ тѣмъ не менѣе и такіе, которые останутся безъ измѣненія и сохранять за собою свое специальное назначеніе, какъ вклады.

Часть вкладовъ ни при какихъ условіяхъ не пожелаетъ консолидаціи. Она останется естественнымъ достояніемъ коммерческаго банка, котораго не могутъ тревожить подвижные вклады, и которому необходимы наличные капиталы.

При нынѣшнемъ своемъ устройствѣ, этотъ банкъ не могъ впрочемъ дойти до желаемого развитія и дать обширное помѣщеніе вкладамъ въ коммерческихъ предпріятіяхъ, такъ что и

ство, что обезпечены самыми прочными залогами, недвижимою собственностію и кредитомъ правительства и срочнымъ правильнымъ погашеніемъ. За погашеніемъ долга казначейства, и въ то время, когда подобныя обязательства станутъ бумагами земскихъ банковъ, выпускаемыми на сроки подъ залогъ цѣнности земли, онѣ не замедлятъ у насъ, подобно заграничнымъ заставнымъ листамъ (Pfandbriefe) пользоваться даже большимъ кредитомъ, нежели сами государственныя бумаги. Что же касается вообще до возможности измѣненій въ цѣнѣ, то это есть общее свойство всѣхъ капиталовъ. Самое пониженіе процентовъ, съ 4 на 3, на вклады равнялось для тѣхъ изъ нихъ, которые остались въ банкахъ, уменьшенію капитала на $\frac{1}{4}$ его прежней цѣны. При свободной продажѣ, четырехъ-процентныя обязательства не подвергнутся никогда такому значительному упадку въ цѣнѣ.

отверженіе (консолидація) вкладовъ въ прочихъ банкахъ не останется безъ вліянія на проявленіе болѣе постоянной потребности въ его преобразованіи, на основаніяхъ частнаго публичнаго банка.

Довольствуясь заявленіемъ этой мысли, мы не можемъ, въ заключеніе, не пожелать успѣха предпринятой мѣрѣ и не выразить радостныхъ надеждъ на совершеніе дѣла, котораго столь долго ожидали въ Россіи вопившіе въ пустынь финансисты.

Е. Ламанскій.

ГАРЦЪ

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Все непрочно, кромѣ измѣяемости; все непостоянно, кромѣ смерти. Каждый ударъ сердца наноситъ намъ по ранѣ, и жизнь была бы вѣчнымъ измираньемъ, еслибы не существовало поэзи. Поэзи дарятъ намъ то, въ чемъ отказываетъ вамъ природа: нержавящій золотой вѣкъ, неувядающую весну, безоблачное счастье и вѣчную юность.

БЕРНЕ.

Фраки, бѣлые жилеты,
Тали, стянутыя мило,
Комплименты, поцѣлуи...
Еслибъ въ васъ да сердце было!

И любви хотя немножко
Было бъ въ сердцѣ! Тошны, право,
Ваши вопли и стenanья:
Развѣ жизнь вамъ не забава?

Ухожу отъ васъ я въ горы,
Гдѣ живутъ простые люди,
Гдѣ свободный вѣетъ воздухъ,
И дышать просторно груди...

Въ горы, гдѣ темнѣютъ ели —
Шумны, зелены, могучи,
Воды плещутъ, птицы свищутъ,
И по волѣ мчатся тучи.

Полированные залы...
Полированные гости...
Въ горы! въ горы! я оттуда
Улыбнуса вамъ безъ злости.

Городъ Геттингенъ, знаменитый своими колбасами и университетомъ, принадлежитъ ганноверскому королю, и состоитъ изъ девятисотъ девяноста девяти домовъ, разныхъ церквей, родильнаго заведенія, обсерваторіи, карцера, библіотеки и городского погребка, гдѣ очень хорошее пиво. Протекающій здѣсь ручей именуется Лейной и лѣтомъ годится для купанья. Вода въ немъ очень холодна, и мѣстами онъ такъ широкъ, что Людерь дѣйствительно долженъ былъ хорошенько разбѣжаться, чтобы перепрыгнуть черезъ него. Самый городъ красивъ, и всего лучше тогда, какъ обратиться къ нему спиной. Онъ вѣроятно стоитъ уже очень давно. Помнится, и пять лѣтъ тому назадъ, когда меня внесли въ списокъ студентовъ и вскорѣ потомъ исключили, у города былъ тотъ же сѣрый важный видъ, и онъ уже былъ вполне снабженъ полицейскими, пуделями, диссертациями, *thés dansants*, прачками, компендіями, жареными голубями, орденомъ Гельфовъ, церемоніальными каретами, трубками, гофратами, юстицратами, релегационсратами, профессорами и другими прелестями. Нѣкоторые утверждаютъ даже, что городъ построенъ во времена переселенія народовъ, что каждое нѣмецкое племя оставило тогда въ немъ по одному растрепанному экземпляру своихъ членовъ, и что отъ нихъ-то происходятъ всѣ эти Вандалы, Фризы, Швабы, Тевтоны, Саксонцы, Тюрингенцы (1) и т. д., которые и до сего дня кочуютъ ордами по Вендской улицѣ Геттингена, и отличаются другъ отъ друга цвѣтомъ шапокъ и трубочныхъ кисточекъ. На кровавыхъ поляхъ при Разенмюле, Риченкругъ и Бовденъ происходятъ ихъ вѣчныя побоища. Нравы и обычаи ихъ остались тѣ же, что были въ эпоху переселенія народовъ. Управляютъ ими частію вожди, *duces*, именуемые боевыми пѣтухами, частію древніе ихъ законы, называемые *Comment* и достойные помѣщенія *in legibus barbarorum*.

Вообще жители Геттингена подраздѣляются на студентовъ, профессоровъ, филистеровъ и скотовъ. Эти четыре сословія, впрочемъ, не строго разграничены между собою. Самое значительное — сословіе скотовъ. Долго было бы исчислять здѣсь имена всѣхъ студентовъ и всѣхъ заслуженныхъ и незаслуженныхъ профессоровъ; да кромѣ того, студенческія имена я теперь уже не всѣ помню, а у нѣкоторыхъ изъ профессоровъ и вовсе еще нѣтъ имени. Число геттингенскихъ филистеровъ дол-

(1) Такъ называются корпораціи студентовъ. *Comment* называются законы, которые устанавливаютъ между собою студенты, *Перев.*

жно быть очень значительно: ихъ тамъ какъ песку морскаго, или, лучше сказать, какъ грязи морской. Признаюсь, когда я видѣлъ, сколько ихъ торчитъ по утрамъ съ грязными лицами и былыми счетами у дверей академическаго суда, я не могъ постичь, какъ это могло народиться столько сволочи.

Болѣе подробныя свѣдѣнія о городѣ желающій можетъ очень удобно почерпнуть изъ топографіи Гетингена, составленной К. Ф. Г. Марксомъ. Впрочемъ, несмотря на священное чувство благодарности, питаемое мною къ автору, который былъ мною врачомъ и оказывалъ мнѣ много сочувствія, я не могу безусловно рекомендовать его сочиненіе. Нельзя не замѣтить, что онъ безъ достаточной строгости опровергаетъ ложное мнѣніе, будто у гетингенскихъ женщинъ слишкомъ большія ноги. Я даже употребилъ немалое время на серьезное опроверженіе этого мнѣнія: слушалъ по этому поводу лекціи сравнительной анатоміи, дѣлалъ извлеченія изъ самыхъ рѣдкихъ книгъ библіотеки, и по цѣлымъ часамъ изучалъ на Вендской улицѣ ноги проходящихъ дамъ. Въ глубоко-ученой диссертации, которая вмѣститъ въ себѣ результаты этого изученія, я буду говорить, вопервыхъ, о ногахъ вообще, вовторыхъ, о ногахъ у древнихъ, втретьихъ, о ногахъ у слоновъ, вчетвертыхъ, о ногахъ гетингенскихъ женщинъ, затѣмъ, впятыхъ, представлю сводъ всего, что было уже сказано объ этихъ ногахъ въ Ульрихскомъ саду, вшестыхъ, разсмотрю эти ноги въ ихъ общесвязи, при чемъ войду также въ нѣкоторыя подробности, на вкраяхъ, о колѣняхъ и т. д., и наконецъ, вседьмыхъ, на только добуду достаточнаго размѣра бумагу, приложу таблицъ съ факсимиле гетингенскихъ дамскихъ ногъ, о которыхъ

Я отправился изъ Гетингена въ Эйхгорнъ, вѣроятно, покоился ещѣ одна, составляла совер-обычный сонъ, а именно: что онъ только-что описанной. Если тамъ гдѣ на грядкахъ растутъ, пріятнѣе, аоновыхъ коровъ, то эта непремажки, исписанныя цитатами, что онъ ротъ до ушей; грудь безнѣкоторыя изъ нихъ и старате-ская равнина. Вся вареная эи-гряды; а соловьи тѣшатъ его дароваго стола для бѣдныхъ теонными звуками.

У Вендскихъ воротъ *Hotel de Brühbach*. Я по совѣсти отвѣчалъ ковь-школьниковъ. Откуда это милое тріо отъѣзжало, еще разъ и водиться съ Теомми въ окно. Трактирщикъ Солнца улыбался родительный падежъ: онъ вѣроятно зналъ, что у гетингенскихъ объ этихъ с. *Hotel de Brühbach* значить—карцеръ.

можу, ихъ слѣдовало бы даже написать, какъ городской девизъ, надъ воротами. Вѣдь каковы батьки, таковы и дѣтки. Слова школьника вполне характеризуютъ узкое и сухое буквѣдство высоко-ученаго града, гдѣ обрѣтается университетъ *Georgia Augusta*.

За городомъ вѣялъ свѣжій утренній воздухъ, и весело пѣли птицы; мало-по-малу и у меня на сердцѣ стало опять свѣжо и весело. Да и пора было мнѣ освѣжиться! Я не выходилъ въ последнее время изъ хлѣва пандектовъ; римскіе казуисты окутали мнѣ мозгъ какою-то сѣрою паутиной; сердце мое томилось, какъ въ колоткахъ, въ желѣзныхъ параграфахъ своекорыстныхъ юридическихъ системъ; постоянно раздавались у меня въ ушахъ звуки въ родѣ: Требоніанъ, Юстиніанъ, Гермогеніанъ и Глупый-Янъ... Большая дорога начала оживляться. Проходили дѣвушки молочницы и ослиные погонщики со своими сѣрыми питомцами. За Вендою мнѣ повстрѣчались Шеферъ и Дорисъ, не идиллическая чета, воспѣтая Геснеромъ (1), а два педеля, тепло пристроенные въ университетскихъ стойлахъ. На ихъ обязанности лежитъ строго наблюдать, чтобы не было студенческихъ дуэлей на Бовденъ, и чтобы какой-нибудь пронырливый приватъ-доцентъ не распространялъ новыхъ идей, которыя попрежнему должны выдерживать нѣсколько десятилѣтій карантина передъ Гетингеномъ. Шеферъ поклонился мнѣ очень почтительно, потому что и самъ онъ сочинитель, и часто упоминать обо мнѣ въ своихъ полугодныхъ твореніяхъ. Кромѣ Разена, который часто и цитировалъ меня въ университетскій судъ, побоища, заставлялъ дома, былъ всегда такъ любезенъ, что эпоху переселеніи мѣломъ у меня на дверяхъ. Повременамъ *produses*, именуемые *Comment* и *barbarorum*, и нагруженные студентами, которые увѣжали навсегда изъ Гетингенахъ постоянный прїездъ профессоровъ, филистеровъ, въ Гетингенъ, гдѣ одна семестровая волна профессорская остаются неподвижны тельное — сословіе скотовъ. Дѣла, непоколебимо-тверды, какъ имена всѣхъ студентовъ и всѣхъ профессоровъ; да кромѣ того, игра словъ: *Schäfer* по-прежнему уже не всѣ помню, а у нѣкоторыхъ — обыкновенное имя павовсе еще нѣтъ имени. Число гетингенскихъ студентовъ зовутъ университетскаго судьи.

Вообще жители Гетингена

(1) Такъ называются корпораціи студентовъ. *Comm.* законы, которые устанавливаютъ между собою студенты, *и.*

пирамиды египетскія, съ тою разницею, что въ этихъ универси-
тетскихъ пирамидахъ не скрывается никакой премудрости.

За Нертеномъ солнце стояло въ небѣ уже высоко, и ярко сіяло. Оно оказалось очень благосклонно ко мнѣ, и такъ грѣло мнѣ голову, что всѣ неспѣлыя мысли въ ней вполне созрѣли. Нельзя такъ же пренебрегать и ласковымъ солнцемъ на вывѣскѣ трактира въ Нордгеймѣ. Я зашелъ туда и какъ разъ поспѣлъ къ обѣду. Всѣ кушанья были приготовлены хорошо, и понравились мнѣ гораздо больше безвкусной академической стряпни, несоленой и тверже кожи трески съ приправой старой капусты, которою подчивали меня въ Гетингенѣ. Заморивши червячка, я замѣтилъ въ этой же комнатѣ трактира господина и двухъ дамъ, собиравшихся ѣхать. Господинъ былъ весь въ зеленомъ, даже въ зеленыхъ очкахъ, которыя бросали отбѣнокъ зеленой яри на его мѣдно-красный носъ. Онъ былъ похожъ на царя Навуходоносора въ послѣдніе его годы, когда онъ, какъ говоритъ преданіе, питался, подобно звѣрю лѣсному, однимъ салатомъ. Зеленый господинъ просилъ меня отрекомендовать ему, ~~хоро-~~шую гостиницу въ Гетингенѣ, и я посоветовалъ ему спросить тамъ у перваго встрѣчнаго студента, гдѣ *Hotel de Brühbach*. Одна изъ дамъ, супруга зеленого господина, была рослая, обширная барыня, съ краснымъ лицомъ въ квадратную милю, съ ямками на щекахъ въ родѣ плевалницъ для божковъ любви, съ мясистымъ отвисшимъ подбородкомъ, составлявшимъ какъ будто плохое продолженіе лица, и съ высоко поднятою грудью, оруженною жесткими кружевами и зубчатыми воротничками, на подобіе обстроенной башнями и бастионами крѣпости; но крѣпость эта навѣрное нисколько не больше тѣхъ крѣпостей, о которыхъ говоритъ Филиппъ Македонскій, могла бы противиться навьюченному золотомъ ослу. Другая дама, сестра, составляла совершенную противоположность только-что описанной. Если та происходила отъ жирныхъ фараоновыхъ коровъ, то эта непременно отъ тощихъ. Въмѣсто лица—ротъ до ушей; грудь безутышно-плоская, какъ Люнебургская равнина. Вся вареная фигура ея представляла подобіе дароваго стола для бѣдныхъ теологовъ. Обѣ дамы спросили меня разомъ, порядочные ли люди останавливаются въ *Hotel de Brühbach*. Я по совѣсти отвѣчалъ утвердительно, и когда это милое тріо отбѣзжало, еще разъ раскланялся съ ними въ окно. Трактирщикъ *Солнца* улыбался очень плаутовато: онъ вѣроятно зналъ, что у гетингенскихъ студентовъ *Hotel de Brühbach* значитъ—карцеръ.

За Нордгеймомъ дорога идетъ уже въ гору; тамъ и сямъ виднѣются красивыя возвышенности. На встрѣчу попадались мнѣ большею частію торгаши, отправлявшіеся на брауншвейгскую ярмарку, да встрѣтился цѣлый рой женщинъ, каждая съ большою, чуть не съ домъ, обтянутою бѣлымъ холстомъ клѣткою за спиной. Въ этихъ клѣткахъ были заключены разнаго рода пѣвчія птицы, которыя безъ умолку чирикали и щебетали; носильщицы же весело подпрыгивали и болтали. Мнѣ показалось очень смѣшно, что птица птицу продавать несетъ.

Черною ночью пришелъ я въ Остероде. Бѣсть мнѣ не хотѣлось, и я тотчасъ же улегся въ постель. Я изусталъ какъ собака и спалъ какъ Юпитеръ. Мнѣ приснилось, что я опять въ Геттингенѣ, и именно въ тамошней библіотекѣ: стою въ углу юридическаго отдѣленія, перелистываю старыя диссертациі, и весь погрузился въ чтеніе. Переставши читать, я съ удивленіемъ замѣтилъ, что уже ночь, и зала озарена хрустальными люстрами. На ближайшей колокольнѣ пробило двѣнадцать часовъ; дверь тихо растворилась, и въ залу горделиво вошла гигантская женщина, въ почтительномъ сопровожденіи членовъ и общниковъ юридическаго факультета. Лицо исполинши, несмотря на ея почтенный возрастъ, хранило еще черты строгой красоты; каждый взглядъ ея обличалъ высокую дочь титановъ, могучую Θεמידу. Въ одной рукѣ она небрежно держала мечъ и вѣсы, въ другой—свитокъ пергамена. Два юные *doctores juris* несли шлейфъ ея сѣраго полинявшаго платья. Справа порхалъ около нея зефиромъ тощій гофратъ Рустикусъ, гановверскій Диккуртъ, и декламировалъ что-то изъ своего новаго проекта законовъ. Слева ковылялъ ея *cavalier serviente*, тайный юстицратъ Каяціусъ Гуго, очень любезный и веселый, и безпрестанно отпускалъ юридическія остроты, которымъ самъ такъ искренно смѣялся, что даже строгая богиня нѣсколько разъ склонялась къ нему съ улыбкой, похлопывала его по плечу большимъ пергаменнымъ свиткомъ, и дружелюбно шептала: «Плутиска! ты все сверху деревья стрижешь». И остальные господа подступали тогда ближе: каждый дѣлалъ свои замѣчанія и, улыбаясь, предлагалъ какую-нибудь новоизобрѣтенную системочку, гипотезочку или иного подобнаго недоносочка собственной своей головки. Въ отворенную дверь залы набралось много и постороннихъ гостей, отрекомендовавшихъ себя тоже великими людьми знаменитаго ордена: большею частію угловатыя, хитраго вида господа, которые съ необъятнымъ самоодо-

вольствомъ сразу начинали дефинировать, классифицировать и диспутировать о каждой кавычкѣ на заглавномъ листѣ Пандектовъ. И все продолжали сходиться въ залу новые гости: старые ученые правовѣды въ полинявшей одеждѣ, въ бѣлыхъ и длинныхъ парикахъ, давно забытыя лица; они очень изумлялись, что на нихъ, высокоименитыхъ ученыхъ прошедшаго столѣтія, не обращаютъ особеннаго вниманія. И эти господа принялись вторить на своей ладъ всеобщей болтовнѣ, крику и гаму, которые, какъ морской прибой, все смутнѣе и громче раздавались вокругъ высокой богини, пока она не потеряла терпѣнія и не воскликнула вдругъ тономъ ужаснѣйшаго, исполинскаго отчаянія: «Молчать! молчать! Я слышу голосъ моего дорогаго Прометея: позорная сила и нѣмой произволъ приковали безвиннаго къ роковой скалѣ, и ваши крики и перебранки не освѣжаютъ его ранъ и не разобьютъ его оковы!» Такъ воскликнула богиня, и слезы ручьями потекли изъ глазъ ея. Все собраніе взвыло какъ въ предсмертномъ ужасѣ; потолокъ залы затрещалъ; книги покатались съ полокъ. Тщетно выступилъ изъ своей рамы старый Мюнхгаузенъ, (1), чтобы прокричать: *смирно!* Шумъ и вопли становились все неистовѣе. Я убѣжалъ отъ несноснаго бѣшеннаго гама въ историческое отдѣленіе, въ то благодатное мѣсто, гдѣ стоятъ рядомъ священныя изображенія Аполлона Бельведерскаго и Венеры Медицейской, и припалъ къ ногамъ богини красоты. Глядя на нее, я забылъ дикую свалку, изъ которой вырвался; глаза мои восторженно упивались стройностью и вѣчною прелестью ея благороднаго тѣла; греческое спокойствіе низошло ко мнѣ въ душу; а надъ головою моею, какъ благословеніе неба, сладостно звучала лира Феба-Аполлона.

И проснувшись, я еще слышалъ пріятный звонъ: стада шли на пастбище и звенѣли своими колокольчиками. Ласковое, золотое солнце смотрѣло въ окно и освѣщало изображенія на стѣнахъ комнаты. Это были картины изъ войны за независимость, которыя представляли въ точности, какіе всѣ мы были тогда герои, и сцены казней изъ временъ революціи: Лудовикъ XVI на гильйотинѣ, и тому подобные страхи, глядя на которые, нельзя не благодарить Бога, что спокойно лежишь въ постели, пьешь хорошій кофе, и голова еще очень крѣпко сидитъ на плечахъ.

(1) Знаменитый и либеральный попечитель геттингенскаго университета въ эпоху его основанія. *перев.*

Напившись кофе, одѣвшись, прочитавши надписи на окнахъ и расплатившись съ содержателемъ гостиницы, я отправился изъ Остероде.

Въ этомъ городѣ столько-то и столько-то домовъ, и различные жители, въ числѣ которыхъ много и душъ, какъ значитса подробнѣе у Готшалка, въ его *Карманной книжкѣ для путешественниковъ по Гарцу*. Еще не выходя на большую дорогу, взобрался я осмотрѣть развалины древняго зѣмка Остероде. Отъ него осталась только половина большой башни, толстыя стѣны которой какъ будто изъѣдены проказой. Дорога къ Клаусталу повела меня опять въ гору, и съ одной изъ первыхъ возвышенностей взглянулъ я еще разъ въ долину, гдѣ Остероде со своими красными кровлями выглядываетъ изъ зелени елей, какъ мохъ-роза. Солнце освѣщало его нѣжно, кротко. Отъ уцѣлѣвшей половины башни виднѣлся только величавый профиль.

Пройдя нѣсколько шаговъ, сошелся я съ странствующимъ мастеровымъ, который шелъ изъ Брауншвейга. Онъ разказалъ мнѣ тамошній слухъ, что молодой герцогъ, на пути въ Святую Землю, попалъ въ плѣнъ къ Туркамъ, и Турки не иначе хотятъ дать ему свободу, какъ за огромный выкупъ. Вѣроятно, большое путешествіе герцога дало поводъ къ этой сказкѣ. У народа все еще есть тотъ традиціонно-сказочный ходъ мыслей, который такъ прелестно выразился въ его *Герцогъ Эрнстъ*. Разказчикъ мой былъ подмастерье портнаго, красивенькій, маленький парень, но такой жиденькій, что сквозь него можно было бы видѣть звѣзды, какъ сквозь туманныхъ духовъ Оссіана. Вообще онъ представлялъ странное, но часто встрѣчающееся въ народѣ смѣшеніе веселости съ грустью. Это качество проявилось особенно, когда онъ какъ-то и смѣшно и вмѣстѣ трогательно запѣлъ чудесную народную пѣсню: «Сидѣлъ на тынѣ пестрый жукъ—зумм! зумм!» Это прекрасная черта у насъ Нѣмцевъ, что нѣтъ такого сумашедшаго, который не нашелъ бы челоуѣка еще сумашедшѣе себя, чтобы понимать его. Только Нѣмецъ можетъ сочувствовать этой пѣснѣ, и до смерти смѣяться и до смерти плакать надъ нею. Тутъ же увидѣлъ я, какъ глубоко проникло слово Гете въ жизнь народную. Мой тоненькій спутникъ напѣвалъ также по временамъ про себя:

«Радостно
И тягостно;
Думай свободно» (1)!

(1) Пѣвецъ переимчивалъ стихъ Гете изъ *Пѣсни Клары*, вмѣсто:

Такая испорченность текста — вещь обыкновенная у народа. Портняга пѣлъ также пѣсню, въ которой «Лотхенъ горюетъ надъ могилою своего. Вертера». Онъ весь расплылся въ сентиментальности при словахъ:

«Я сижу, рыдая и тоскуя,
На лугу, гдѣ мѣсяцъ насъ видалъ,
И одинъ съ тоской своей брожу я
У ручья, что сладко намъ журчалъ!»

Но вскорѣ потомъ онъ оказался недовольнымъ пѣсней, и сказалъ мнѣ: «У насъ на постояломъ дворѣ въ Касселѣ есть Прусакъ, который и самъ сочиняетъ этакія-то пѣсни. Стежка не успѣетъ сдѣлать; въ карманѣ грошъ, а выпить хочется на два, ну, а попадетъ въ голову—небо ему все-то съ голубой камзолъ; самъ плачетъ-разливается, что твой дождевой жолобъ, да пѣсни примется пѣть—съ двойною поэзіей!» Мнѣ хотѣлось узнать, что значить послѣднее выраженіе; но портняга мой скакалъ на своихъ тоненькихъ козлиныхъ ножкахъ и говорилъ только: «Двойная поэзія? это—двойная поэзія!» Наконецъ-то добрался я, что подъ этимъ онъ разумѣлъ пьесы съ двойными рѣзками, именно стансы. Между тѣмъ усиленное движеніе и встрѣчный вѣтеръ очень утомили рыцаря иглы, хоть онъ и бодрился, и хвастливо восклицалъ: «У меня дорога между ногъ побѣжитъ!» Но скоро сталъ онъ жаловаться, что натеръ себѣ мозоли на подошвахъ, и что свѣтъ слишкомъ ужъ обширенъ; наконецъ тихо опустился у древеснаго пня, помахалъ своею нѣжною головкою, какъ огорченная овца хвостикомъ, и воскликнулъ, грустно улыбаясь: «Охъ! укатали же сивку крутыя горки!»

«Gedankenvoll sein», онъ пѣлъ: «Gedanken sind frei». Вотъ эта пѣсня, на сколько можно передать въ переводѣ ея оригинальный характеръ:

Радостныхъ
И тягостныхъ
Думъ такъ много!
Томишься
И боишься;
И счастье, и тревога!
Небесно ликуешь
И смертно тоскуешь...
Жизнь лишь тогда хороша,
Какъ полюбить душу!

Перев.

Горы становились все круче; еловые лѣса волновались внизу, какъ зеленое море, а по голубому небу плыли бѣлыя облака. Дикій видъ мѣстности умѣрялся ея однообразіемъ и простотою. Природа, какъ хорошій поэтъ, не любитъ крутыхъ переходовъ. У облаковъ, какъ ни странны кажутся порой ихъ очертанія, бѣлый или нѣжный колоритъ, гармонически соответствующій и голубому небу, и зеленой землѣ; всѣ краски любой мѣстности сливаются во едино, какъ звуки тихой музыки, и созерцаніе природы утоляетъ въ насъ скорбь и успокоиваетъ духъ. Покойникъ Гофманъ вѣрно разрисовалъ бы облака пестрыми красками... Но, какъ великій поэтъ, природа и самыми малыми средствами умѣетъ производить высочайшіе эффекты. У нея только солнце, да деревья, да цвѣты, да вода, да любовь. Впрочемъ, если нѣтъ послѣдняго качества въ душѣ созерцателя, плохую картиною покажется ему все: и у солнца будетъ для него лишь столько-то миль въ поперечникѣ, и деревья годны лишь на топливо, и цвѣты раздѣляются по тычинкамъ на такіе-то и такіе-то классы, и вода мокра.

Небольшой мальчикъ, собиравшій въ лѣсу хворостъ для своего больнаго дяди, показалъ мнѣ деревню Лербахъ, маленькія избушки которой, съ сѣрыми кровлями, тянутся на полмилю въ долину. «Тамъ, сказалъ онъ, живутъ глупые люди съ зобами и бѣлые Арапы». Бѣлыми Арапами народъ называетъ Альбиносовъ. Мальчуганъ былъ въ самой искренней пріязни съ деревьями: онъ кланялся имъ какъ добрымъ знакомымъ, и они, казалось, отвѣчали шелестомъ своимъ на его поклоны. Онъ свисталъ, какъ чижикъ, и вокругъ откликались ему щебетаньемъ другія птицы; но я не успѣлъ оглянуться, какъ онъ однимъ прыжкомъ исчезъ со своими голыми ноженками и со связкою хвороста въ лѣсной чащѣ. «Дѣти, подумалъ я, моложе насъ, могутъ еще помнить, какъ и они были деревьями или птицами; а нашъ братъ ужъ старъ, да и много въ головѣ заботъ, юриспруденціи и плохихъ стиховъ.» Пора, когда было иначе, опять живо воскресла въ моей памяти при входѣ моемъ въ Клаусталь. Въ этотъ чистенькій горный городокъ, котораго не видать, пока не уткнешься въ него, я вошелъ, когда било двѣнадцать часовъ, и изъ школы веселою толпой выходили дѣти. Милые мальчуганы, всѣ почти краснощекіе, голубоглазые и русые какъ лень, прыгали и рѣзвились, и пробудили во мнѣ грустно-свѣтлое воспоминаніе о томъ, какъ когда-то и я, маленькимъ ребенкомъ, не смѣлъ цѣлое божіе утро встать съ деревянной

самойки въ сурово-католической школѣ дюссельдорфскаго монастыря, какъ и мнѣ приходилось выдерживать столько же латыни, розогъ и географіи, и я тоже радовался и ликовалъ, когда старый францисканскій колоколъ пробьетъ наконецъ двѣнадцать. Дѣти по котомкѣ моей узнали, что я прохожій, и очень радушно здоровались со мною. Одинъ изъ ребятишекъ сообщилъ мнѣ, что у нихъ былъ сейчасъ урокъ изъ закона Божія; онъ показалъ мнѣ и катихизисъ королевства ГанOVERскаго, по которому спрашиваютъ у нихъ христіанство. Книжечка была напечатана очень дурно.

Въ Клаустагѣ, въ гостиницѣ *Короны*, я пообѣдалъ. Мнѣ подали весенній зеленый супъ изъ петрушки, подали синей капусты, огромный кусокъ жареной телятины—цѣлое Чимборасо въ миниатюрѣ, и родъ копченыхъ сельдей, называемыхъ *бюкингами*, по имени изобрѣтателя ихъ, Вильгельма Бюкинга, скончавшагося въ 1447 году. Карлъ V такъ уважалъ его за это открытіе, что ѣздилъ *алю* 1556 изъ Миддельбурга въ Бивлидъ, въ Зеландіи, только чтобы взглянуть на могилу этого великаго мужа. И какъ вкусно кажется блюдо, когда знаешь историческое его происхожденіе! Только послѣобѣденный кофе былъ для меня противенъ, потому что тутъ подсылъ ко мнѣ съ разговоромъ одинъ молодой человекъ, и понесъ такую адскую чухъ, что молоко на столѣ скисло. Это былъ юный, начинающій торговецъ, въ двадцати пяти пестрыхъ жилетахъ и со столькими же печатками, перстнями, золотыми булавами и т. п. Онъ походилъ на обезьяну, которая нарядилась въ красную куртку и думаетъ: «по платью встрѣчаютъ». Онъ зналъ наизусть пропасть шарадъ и анекдотовъ, и приводилъ ихъ обыкновенно, когда они были всего менѣе кстати. Онъ спросилъ меня, что новаго въ Геттингенѣ, и я разказалъ ему, что передъ отправленіемъ моимъ оттуда появился декретъ академическаго сената, коимъ, подъ опасеніемъ пени въ три талера, воспрещается обрѣзывать хвосты собакамъ, такъ какъ бѣшенныя собаки въ жаркіе лѣтніе дни ущемляютъ хвостъ между ногъ и тѣмъ отличаются отъ небѣшеныхъ, а не будь у нихъ вовсе хвоста, и отличить было бы невозможно. Послѣ обѣда собрался я въ путь осмотрѣть рудники, серебряные заводы и монетный дворъ.

На серебряныхъ заводахъ, какъ часто бываетъ въ жизни, серебра-то я и не видалъ. На монетномъ дворѣ мнѣ больше

посчастливилось: я могъ полюбоваться, какъ дѣлаютъ деньги. Дальше я никогда не шелъ; всегда въ подобныхъ случаяхъ игралъ роль зрителя. Мнѣ кажется, падай талеры съ неба дождемъ, они только пробили бы мнѣ голову, тогда какъ сыны Израиля стали бы радостно собирать серебряную манну. Я чувствовалъ какую-то комическую смѣсь благоговѣнія и жалости, глядя на новорожденные, свѣтленькіе талеры. Я взялъ одинъ, только-что вышедшій изъ-подъ штемпеля, и говорилъ ему: «Юный талеръ! какія судьбы ждуть тебя! сколько добра и сколько зла совершишь ты! сколько разъ будешь ты защищать порокъ и починять добродѣтель! какъ будутъ любить тебя, и какъ потомъ проклинать! какъ часто будешь ты помогать развратничать, сводничать, лгать и убивать! сколько придется тебѣ странствовать безъ отдыха по чистымъ и грязнымъ рукамъ! Столѣтія будешь ты странствовать, пока наконецъ, обремененный преступленіями и утомленный грѣхами, не присоединишься къ собратіямъ своимъ въ лонѣ Авраама, которое растопитъ тебя, очиститъ и возродитъ къ новому лучшему бытію.»

Обозрѣніе двухъ главнѣйшихъ клаустальскихъ рудниковъ, *Доротей* и *Каролины*, очень меня заинтересовало, и я разкажу о нихъ подробно.

За полмили отъ города стоятъ два большія черноватыя строенія. Тамъ васъ тотчасъ же встрѣчаютъ рудокопы. Всѣ они въ темныхъ, обыкновенно изсѣра-синихъ широкихъ, спускающихся ниже живота курткахъ, въ такого же цвѣта штанахъ, въ кожаныхъ фартукахъ, повязанныхъ сзади, и въ маленькихъ зеленыхъ войлочныхъ шляпахъ, совсѣмъ безъ полей, въ родѣ усѣченного конуса. Посѣтитель облачается въ такой же нарядъ, только безъ кожаного назадника, и одинъ изъ рудокоповъ, штейгеръ, засвѣтивши рудничную площадку, ведетъ его къ темному отверстию, похожему на печную трубу, спускается туда по поясъ, даетъ наставленія, какъ держаться на лѣстницахъ, и проситъ слѣдовать за нимъ безъ боязни. Дѣло вовсе не опасное, но этому сначала не вѣрится, если не имѣешь никакого понятія о рудникахъ. Ужь и то возбуждаетъ особенное чувство, что надо раздѣться и облачиться въ эту мрачную, каторжничью одежду. Затѣмъ приходится ползти внизъ начетверенькахъ; а темная дыра такъ темна, и Богъ вѣсть какой длины лѣстница! Скоро, впрочемъ, замѣчаешь, что не одна безконеч-

ная лѣстница спускается въ черную бездну, что ихъ много, каждая въ пятнадцать и двадцать ступенекъ, и каждая кончается дощечкой, на которой можно постоять, прежде чѣмъ лѣзть новою дырой на новую лѣстницу. Я спустился сначала въ *Каролину*. Изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ Каролинъ это самая грязная и самая непривѣтливая. Ступеньки лѣстницъ обляплены мокрою грязью. И по нимъ-то приходится спускаться съ лѣстницы на лѣстницу; впереди идетъ штейгеръ, и постоянно увѣряетъ, что нѣтъ никакой опасности: только надо покрѣпче держаться руками за ступеньки, да не смотрѣть на ноги, да стараться, чтобы голова не кружилась, да ни подъ какимъ видомъ не становиться на боковую доску, гдѣ какъ разъ проходятъ жужжа толстый канатъ, и откуда, двѣ недѣли тому, свалился внизъ одинъ неосторожный человѣкъ и, къ сожалѣнію, сломилъ себѣ шею. Снизу слышится смутный рокоть и гулъ; то и дѣло натыкаешься на движущіяся бревна и канаты, которые поднимаютъ бочки съ рудой и накопившеюся внизу водой. Мѣстами попадаешь и въ прокопанные ходы, называемые штольнями, гдѣ виденъ ростъ руды, и гдѣ цѣлый Божій день сидитъ съ молотомъ одинокій рудокопъ, тщательно выколачивая изъ стѣны куски руды. Въ самую глубь, гдѣ, какъ увѣряютъ нѣкоторые, слышно уже, какъ кричить въ Америкѣ народъ: *Hourrah Lafayette!* я не спускался. Между нами будь сказано, мнѣ казалось достаточно глубоко и то мѣсто, до котораго я добрался: вокругъ немолчный рокоть и гулъ, грозное движеніе машинъ, журчанье подземныхъ источниковъ, со всѣхъ сторонъ каплетъ вода, и поднимаются удушливыя земныя испаренія; и все блѣднѣе теплится рудничная плашка въ этой пустынной ночи. Я былъ какъ оглушенъ, дышать становилось тяжело, и съ трудомъ держался я на скользкихъ ступенькахъ лѣстницы. Собственно страха я не чувствовалъ; но мнѣ припомнилась почему-то внизу, въ этой глубинѣ, буря, которая застала меня, въ прошломъ году, почти объ эту же пору, на Нѣмецкомъ морѣ, и мнѣ думалось, что очень пріятно качаться на кораблѣ и слушать духовую музыку вѣтра, а въ промежуткахъ веселый шумъ матросовъ, потому что все это объемлетъ свѣжимъ трепетомъ своимъ вольный Божій воздухъ. Да, воздухъ! Воздуха хотѣлось мнѣ, и я снова взобрался на нѣсколько дюжинъ лѣстницъ, и штейгеръ мой провелъ меня узкимъ, очень длиннымъ, высѣченнымъ въ горѣ ходомъ въ рудникъ *Доротю*. Здѣсь воздуха

больше, и свѣжѣе, и лѣстницы чище, но за то еще длиннѣе и круче, чѣмъ въ *Каролинъ*. Тутъ стало у меня и на душѣ полегче, особенно когда я увидалъ слѣды живыхъ людей. Во глубинѣ виднѣлись движущіеся огоньки: рудокопы со своими площадками поднимались другъ за другомъ, и здоровались съ нами словами: «Богъ на помочь!» Мы отвѣчали имъ тѣмъ же, и они поднимались мимо насъ выше. Какъ родное и мирное, но въ то же время мучительно-загадочное воспоминаніе, западали мнѣ въ душу задумчиво ясныя взоры этихъ строго кроткихъ, нѣсколько блѣдныхъ лицъ, таинственно озаренныхъ мерцаньемъ рудничныхъ плашекъ. Всѣ они, и молодые и старыя, проработали цѣлый день въ своихъ темныхъ, одинокихъ горныхъ шахтахъ, и сердце просилось у нихъ теперь къ бѣлому дневному свѣту, къ очамъ жены и дитяти.

Проводникъ мой былъ тоже добрый, честный Нѣмецъ, вѣрный, какъ пудель. Съ искреннимъ благодушіемъ показывалъ онъ мнѣ штольню, гдѣ обѣдалъ, послѣ обозрѣнія рудниковъ, герцога Кембриджскій со всею своею свитой, и гдѣ стоитъ еще большой деревянный обѣденный столъ и большой стулъ изъ мѣстной руды, на которомъ сидѣлъ герцогъ. «Стулъ останется тутъ памятью о немъ на вѣчныя времена», замѣтилъ добрый рудокопъ, и съ жаромъ разказалъ мнѣ, сколько было тогда празднествъ, какъ вся штольня была изукрашена свѣчами, цвѣтами и зеленью, какъ одинъ изъ молодыхъ рудокоповъ игралъ на лютнѣ и пѣлъ, какъ былъ доволенъ добрый толстый герцогъ, сколько онъ выпилъ, и какъ всѣ почти рудокопы, а онъ первый, готовы головы свои положить за добраго толстаго герцога и за весь Гановерскій домъ. Я всегда бываю глубоко тронуть, когда мнѣ случается видѣть такое простое, естественное выраженіе чувства вѣрности... Еслибъ я не зналъ, что вѣрность стара какъ міръ, я считалъ бы ее изобрѣтеніемъ нѣмецкаго сердца. Нѣмецкая вѣрность! это не то, что какой-нибудь современный адресъ.

Какъ нѣмецкая вѣрность, прямо и безопасно вела насъ по лабиринту шахтъ и штоленъ маленькая плашка, хоть свѣтила и не особенно ярко. Мы выбрались изъ глухой черной ночи, Солнце сіяло. Богъ на помочь!

Большая часть горныхъ работниковъ живетъ въ Клаусталѣ и въ примыкающемъ къ нему горномъ городкѣ Целлерфельдѣ. Я заходилъ ко многимъ изъ этихъ добрыхъ людей посмотрѣть на

ить маленькое хозяйство, и слышалъ нѣсколько ихъ пѣсень, которыми они очень мило аккомпанируютъ на лютнѣ, любимомъ своемъ инструментѣ; я заставлялъ ихъ также разказывать старинныя горныя сказки и произносить молитвы, которыя они читаютъ обыкновенно вѣсть передъ тѣмъ, какъ спускаться въ темную шахту, и не одну прекрасную молитву повторялъ я вслѣдъ за ними. Одинъ старый штейгеръ совѣтовалъ мнѣ даже остаться у нихъ и пойдти въ рудокопы; когда же я тѣмъ не менѣе сталъ прощаться съ нимъ, онъ поручилъ мнѣ кланяться брату своему, живущему неподалеку отъ Гослара, и расцѣловать за него милую племянницу.

Какъ ни неподвижна, какъ ни спокойна кажется жизнь этихъ людей, все же это истинная, живая жизнь. Дряхлая, дрожащая старушка, сидѣвшая за печкой, противъ большаго шкапа, можетъ-быть просидѣла тутъ уже четверть вѣка, и мысли и чувства ея вѣрно тѣсно срослись съ каждымъ уголкомъ этой печи и съ каждымъ рѣзнымъ завиткомъ шкапа. И шкапъ и печь живутъ, потому что человекъ въ нихъ влилъ часть души своей.

Только изъ такой глубокой созерцательной жизни, изъ такой непосредственности могла возникнуть нѣмецкая сказка, въ которой говорятъ и дѣйствуютъ не только животныя и растенія, но и предметы, повидимому, совсѣмъ безжизненные. Вдумчивому и смиренному народу, въ тихомъ и спокойномъ уютѣ его низенькихъ горныхъ и лѣсныхъ избышекъ разоблачилась внутренняя жизнь этихъ предметовъ, давшая каждому изъ нихъ свой характеръ, стройно слитый изъ фантастическихъ прихотей и чисто человѣческихъ чувствъ. Поэтому и все чудесное въ сказкѣ кажется намъ совершенно понятно: и какъ иголка съ булавкой ушли изъ швальни и заплутались впотъмахъ; и какъ соломенка съ уголькомъ пустилась плыть черезъ ручеекъ и утонули; и какъ лопатка съ метлой стояли на лѣстницѣ, и бранились, и дрались; и какъ спрошенное зеркало показало красавицу изъ красавицъ; и какъ даже капли крови промолвили темное вѣщее слово мольбы и жажды. Оттого же полно такого безконечнаго значенія наше дѣтство. Въ дѣтствѣ для насъ все одинаково важно, мы слышимъ все и видимъ все, и всѣ впечатлѣнія наши равносильны, тогда какъ въ послѣдствіи мы становимся все преднамѣреннѣе, все исключительнѣе занимаемся чѣмъ-нибудь однимъ, все больше стараемся развѣивать чистое золото созерцанія на ассигнаціи

книжныхъ дефиницій и по мѣрѣ того, какъ расширяемъ нашу жизнь, теряемъ ея глубину. Мы уже взрослые, важные люди; мы часто переѣзжаемъ съ квартиры на квартиру; служанка каждый день прибираетъ у насъ и переставляетъ, какъ ей заблагоразсудится, нашу мебель, которая мало насъ интересуетъ, потому что или нова, или сегодня она у Петра, а завтра у Ивана. Даже платье наше намъ какъ чужое: мы едва знаемъ, сколько пуговиць у сюртука, что на насъ... Вѣдь мы мѣняемъ платье сколько можно чаще, и у него не остается никакой связи съ нашею внутреннею и внѣшнею исторіей. Мы едва можемъ припомнить, какого узора была коричневая жилетка, которая когда-то навлекла на насъ столько насмѣшекъ, но на широкихъ полосахъ которой такъ ласково лежала милая ручка милой!

На старушкѣ, сидѣвшей за печкой, противу большаго шкапа, было полинявшее платье съ цвѣточками — подвѣчное платье ея покойной матери. Правнукъ ея, одѣтый рудокопомъ, русый, быстроглазый мальчикъ, сидѣлъ у нея въ ногахъ и считалъ цвѣточки на платьѣ. И вѣрно много уже исторій разказала она ему про это платье, много важныхъ и хорошихъ исторій, которыя мальчикъ нескоро позабудетъ и часто еще станетъ припоминать, когда вырастетъ и будетъ одиноко работать въ сумрачныхъ штольняхъ *Каролины*. Можетъ-быть онъ станетъ пересказывать эти исторіи и долго послѣ того, какъ добрая прабабушка его ляжетъ въ могилу, когда онъ и самъ, бѣлый и дряхлый старикъ, будетъ сидѣть, окруженный внучатами, на ея мѣстѣ, за печкой, противу большаго шкапа.

Я переночевалъ въ гостиницѣ *Короны*, куда между тѣмъ прибылъ изъ Геттингена и гофратъ Бутервекъ. Я былъ очень радъ засвидѣтельствовать свое почтеніе этому старцу. Расписываясь въ книгѣ посѣтителей и перелистывая страницы за июль, я нашелъ и дорогое имя Адальберта Шамиссо, біографа безсмертнаго Петра Шлемиля. Хозяинъ сообщилъ мнѣ про него, что онъ прибылъ въ неописанно-скверную погоду и въ такую же скверную погоду отправился.

На другое утро я долженъ былъ еще немного облегчить свою котомку: уложенную туда пару сапогъ выкинулъ я за бортъ, поднялъ ноги и пошелъ въ Госларъ. Какъ дошелъ я туда, не знаю. Помню только, что опять плелся то на гору, то подъ гору, то любовался порой сверху красивыми луговыми долинами; шумѣли серебряныя воды, щебетали голосистыя лѣсныя птички, стада звенѣли колокольчиками, ласковое солнце обливало золо-

тыми лучами разнообразную зелень деревьевъ, а голубой шелковый покровъ неба надо мной былъ такъ прозраченъ, что глубоко проникали туда взоры.

Но я былъ все еще во власти вчерашняго сна, котораго не могъ прогнать изъ сердца. Есть старая сказка о томъ, какъ витязь спускается въ глубокой колодезь, гдѣ лежитъ на днѣ, очарована, раскрасавица царевна, и спитъ мертвымъ волшебнымъ сномъ. Самъ я былъ витяземъ, а темный клаустальскій рудникъ — колодецъ. Вдругъ засверкало множество свѣтъ, и изъ всѣхъ боковыхъ щелей повыскакали чуткіе карлики; они корчили сердитыя рожи, замахивались на меня своими коротенькими мечами, оглушительно трубили въ рогъ, и ихъ собиралось все больше и больше, и страшно качались ихъ широкія головы. Какъ ударилъ я по нимъ и потекла ихъ кровь, тутъ только я увидалъ, что это были красноцвѣтныя, бородатыя головы репейника, которыя я сбилъ наканунѣ палкой у дороги. Они тотчасъ же исчезли, и я очутился въ свѣтлой, роскошной палатѣ. Посерединѣ стояла, подъ бѣлымъ покрываломъ, мертвая и неподвижная, какъ изваяніе, моя милая, и я поцѣловалъ ее въ уста, и—клянусь Богомъ живымъ!—почувствовалъ благодатное дыханіе души ея и сладкій трепетъ милыхъ устъ. Мнѣ было такъ отраднo, какъ будто я слышалъ голосъ: «Да будетъ свѣтъ!» Ослѣпительною струей прорвался сверху лучъ вѣчнаго свѣта. Но въ ту же минуту опять наступила ночь, и все хаотически смѣшалось въ одно дикое, пустынное море. Дикое, пустынное море! Надъ кипучими водами пугливо мчались призраки мертвецовъ; бѣлые саваны ихъ развивались по вѣтру. За ними гнался, чьякая и щелкая бичомъ, пестрый арлекинъ, и этотъ арлекинъ былъ я самъ. Вдругъ изъ темныхъ волнъ высунули свои безобразныя головы морскія чудовища; они потянулись ко мнѣ съ распущенными когтями, и я пробудился отъ страха.

Какъ, однако, бываютъ иногда испорчены самыя прелестныя сказки! По настоящему, витязь, найдя спящую царевну, долженъ вырѣзать кусокъ изъ ея драгоцѣннаго покрывала, а когда отвага его прерветъ ея волшебный сонъ, и она будетъ опять сидѣть у себя во дворцѣ, на золотомъ стулѣ, витязь долженъ подойти къ ней и сказать: «Распрекрасная царевна, знаешь ли меня?» А она отвѣтитъ: «Храбрый-прехрабрый витязь, не знаю тебя». И покажетъ онъ ей тогда вырѣзанный изъ ея по-

крывала кусокъ, который какъ разъ придется, и оба нѣжно обнимутся, и загремятъ трубы, и начнется свадебный пиръ.

Меня особенно преслѣдуетъ судьба: любовные сны мои рѣдко кончаются такъ хорошо.

Названіе *Госларь* такъ пріятно слуху, и съ нимъ связывается столько древнихъ имперскихъ воспоминаній, что я ожидалъ почтеннаго, виднаго города. Но такъ вѣчно случается, какъ подходишь поближе къ знаменитостямъ! Я увидалъ жалкое гнѣздо, съ улицами по большей части узкими и кривыми, какъ лабиринты; посрединѣ течетъ небольшая рѣчка, вѣроятно Гоца; все развалилось и заплесневѣло; а о мостовую можно ногу сломать, какъ о берлинскій гексаметръ. Только окружающіе городъ остатки древнихъ стѣнъ, башенъ и зубцовъ придаютъ ему нѣкоторую оригинальность. У одной изъ этихъ башенъ, называемой *Тюремною*, стѣны такъ толсты, что въ нихъ вырублены цѣлыя комнаты. Мѣсто за городомъ, гдѣ бываетъ знаменитое собраніе стрѣлковъ, прекрасный, большой лугъ, окруженный высокими горами. Рынокъ невеликъ; посрединѣ фонтанъ, и вода его падаетъ въ большой металлическій тазъ. Въ случаѣ пожара въ тазъ ударяютъ нѣсколько разъ, и онъ издаетъ громкій, далеко слышный звонъ. О происхожденіи этого таза ничего не извѣстно. Нѣкоторые утверждаютъ, что его поставилъ когда-то на рынокъ, въ ночное время, чортъ. Люди были тогда еще глупы, да и чортъ былъ тоже глупъ, и они дѣлали другъ другу подарки.

Ратуша въ Госларѣ, просто выѣденная караульня. Гильдейскій домъ, рядомъ съ нею, немножко получше. Почти на равномъ разстояніи отъ земли и отъ кровли стоятъ тутъ изваянія древнихъ германскихъ императоровъ, во весь ростъ, закованные, черныя и частью позолоченныя; въ одной рукѣ скипетръ, въ другой держава; точно жареные университетскіе педали. У одного изъ императоровъ, вмѣсто скипетра, мечъ въ рукѣ. Я не могъ придумать, чтѣ бы значило это отличие; а оно значить же что-нибудь: ужъ Нѣмецъ тѣмъ отличается, что ничего не сдѣлаетъ не подумавши.

О древностяхъ Гослара, о соборѣ и о знаменитомъ императорскомъ стулѣ я много читалъ у Готшалка, въ его *Карманной книжкѣ*; но когда вздумалъ осмотрѣть ихъ, мнѣ сказали, что соборъ сломанъ, а императорскій стулъ перевезенъ въ Берлинъ.

Нѣкоторыя достопримѣчательности покойнаго собора постав-

лены теперь въ церкви Св. Стефана: чудно расписанныя стекла, да нѣсколько плохихъ картинъ, и между ними одна будто бы Луки Кранаха, да языческій жертвенникъ изъ неизвѣстнаго металла. Жертвенникъ имѣеть форму продолговатаго четырехугольнаго ящика, и поддерживается четырьмя каріатидами, которыя стоятъ, согнувшись и поднявъ руки вверхъ, и строятъ отчаянно скверныя рожи.

Я квартировалъ въ гостиницѣ близъ рынка. Обѣдъ показался бы мнѣ еще вкуснѣе, еслибы ко мнѣ не подсѣлъ хозяинъ со своимъ длиннымъ, излишнимъ лицомъ и со своими скучными вопросами. Къ счастью, меня скоро выручилъ одинъ вновь прибывшій путешественникъ, которому пришлось выслушать тѣ же вопросы и въ томъ же порядкѣ: *Quis? Quid? Ubi? Quibus amicis? Cur? Quomodo? Quando?* Этотъ пріѣзжій былъ старшій, истомленный, изнеможенный господинъ. Изъ словъ его оказалось, что онъ объѣхалъ весь свѣтъ, особенно долго жилъ въ Батавіи, нажилъ много денегъ и потомъ снова все потерялъ, и теперь, послѣ тридцатилѣтней отлучки, возвращается въ родной свой городъ Кведлинбургъ. «Тамъ схоронены, прибавилъ онъ, всѣ члены нашей фамиліи». Хозяинъ гостиницы очень дѣльно замѣтилъ на это, что для души нашей все равно, гдѣ бы ни схоронили наше тѣло. «А гдѣ это сказано?» спросилъ старикъ, и при этомъ вокругъ жалкихъ губъ его и потухшихъ глазъ показались неприятыя, лукавыя морщины. «Но, прибавилъ онъ, робко соглашаясь: тѣмъ не менѣе я вѣдь не порицаю чужихъ могилъ... Турки хоронятъ своихъ покойниковъ еще гораздо лучше нашего. Кладбища у нихъ настоящіе сады, и они сидятъ тамъ, на бѣлыхъ, чалмообразныхъ памятникахъ, въ тѣни кипарисовъ, и поглаживаютъ свои почтенныя бороды, и спокойно покуриваютъ свой турецкій табакъ изъ своихъ длинныхъ турецкихъ чубуковъ. Даже и Китайцы, любо посмотрѣть, какъ они ловко выплясываютъ на могилахъ своихъ покойниковъ, и молятся, и пьютъ чай, и играютъ на скрипкѣ; а какъ красиво умѣютъ они убирать дорогія свои могилы разными золочеными рѣшетками, фарфоровыми фигурками, кусками пестрыхъ шелковыхъ матерій, искусственными цвѣтами цвѣтными фонарями! Очень, очень мило! Далеко ли мнѣ еще до Кведлинбурга?»

Госларское кладбище не очень мнѣ понравилось. За то очень понравилась прелестная кудрявая головка, которая съ улыбкой

выглянула изъ довольно высокаго окна нижняго этажа, когда я входилъ въ городъ. Послѣ обѣда я опять отыскалъ милое окно; но тамъ стоялъ только стаканъ съ бѣлыми колокольчиками. Я векарабсался съ улицы, вынулъ изъ стакана миловидные цвѣточки, спокойно приколовъ ихъ къ своей шапкѣ, и не обращалъ никакого вниманія на разинутые рты, окаменѣвшіе носы и вытаращенные глаза уличнаго народа, и особенно старыхъ бабъ, которыя видѣли упомянутую покражу. Черезъ часъ я проходилъ опять мимо этого дома. Красавица стояла уже у окна, и только что увидала колокольчики у меня на шапкѣ, вся вспыхнула и убѣжала отъ окна. Тутъ я еще лучше рассмотрѣлъ ея прекрасное лицо: это было сладостное, прозрачное воплощеніе лѣтняго вечерняго дуновенья, луннаго свѣта, соловьиного напѣва и благоуханія розъ. Позже, когда совсѣмъ стемнѣло, она вышла за дверь. Я подхожу, приближаюсь къ ней... Она тихо отступаетъ въ темныя сѣни... Я беру ее за руку и говорю: «Я любитель красивыхъ цвѣтовъ и поцѣлуевъ, и чего мнѣ не даютъ добровольно, то я краду.» И я быстро поцѣловалъ ее. Она хотѣла убѣжать; я торопливо прошепталъ ей: «завтра я уѣзжаю и вѣрно никогда не вернусь». И я почувствовалъ тихій отвѣтный поцѣлуй ея прелестныхъ губъ и отвѣтное пожатіе ея маленькихъ ручекъ и, смѣясь, удалился. Да, я поневолѣ смѣюсь, какъ подумаю, что бессознательно выговаривалъ волшебную формулу, которою наши красные и синіе кафтаны покоряютъ женскія сердца чаще, нежели своими усатыми нѣжностями: «завтра я уѣзжаю и можетъ-быть никогда не вернусь».

Изъ квартиры своей я могъ любоваться великолѣпнымъ видомъ горы Раммель. Былъ прекрасный вечеръ. Ночь мчалась на своихъ черныхъ коняхъ, и длинныя гривы ихъ развѣвались по вѣтру. Я стоялъ у окна и смотрѣлъ на мѣсяцъ. Неужто въ самомъ дѣлѣ на мѣсяцъ есть человѣкъ? Славяне говорятъ, что его зовутъ Клотаріемъ, и что отъ его подивки зависитъ ростъ мѣсяца. Я слышалъ въ дѣтствѣ, что мѣсяцъ — плодъ, и что, когда онъ поспѣваетъ, Господь Богъ срываетъ его и кладетъ къ другимъ полнымъ мѣсяцамъ въ большой шкафъ; а шкафъ стоитъ на краю свѣта, гдѣ свѣтъ досками заколоченъ. Сталъ я побольше и замѣтилъ, что вовсе не такія тѣсныя у свѣта границы, и что духъ человѣческій пробилъ деревянную загородку, и отперъ все до седьмаго неба исполинскимъ Петровымъ ключомъ—идею безсмертія. Безсмертіе! прекрасная мысль! кому

первому явилась ты? Не нюрнбергскому ли старожилу, когда теплымъ лѣтнимъ вечеромъ сидѣлъ онъ у себя на крылечкѣ, въ бѣломъ ночномъ колпакѣ, съ бѣлою глиняною трубкой въ зубахъ, и думалъ себѣ да подумывалъ: «То-то бы хорошо, кабы вотъ и трубочка не гасла, и дыханьеце не прерывалось, и прозябалъ бы такъ нескончаемые вѣки!» Или родилась эта идея безсмертія у юнаго любовника, въ объятіяхъ его милой, и думалъ онъ объ этой идеѣ, потому что чувствовалъ ее, и ничего другаго не могъ ни думать, ни чувствовать! Любовь! безсмертіе! У меня въ груди стало вдругъ такъ жарко, что я поневолю подумалъ: ужь не промахнулись ли географы, и не пролегаетъ ли экваторъ прямехонько черезъ мое сердце. И изъ сердца моего изливались чувства любви, страстно изливались въ ночную даль. Въ саду, подъ моимъ окномъ, сильнѣе благоухали цвѣты. Благоуханіе—чувство цвѣтка: какъ человѣческое сердце чувствуетъ себя сильнѣе ночью, когда думаетъ, что оно одиноко, и никто его не слышитъ, такъ, кажется, и цвѣты, скромны и стыдливы, ждутъ только всеобъемлющаго мрака, чтобы предаться вполне своимъ чувствамъ и выдохнуть ихъ въ сладкомъ благоуханіи. Изливайтесь же, благоуханія моего сердца! и отыщите за этими горами возлюбленную моихъ грезъ!.. Она уже лежитъ теперь и спать. У ногъ ея стоятъ, преломивъ колѣна, ангелы; сонная улыбка ея—молитва, и ангелы повторяютъ за нею эту молитву. У нея въ груди—небо со всеми его блаженствами, и отъ cadaго дыханья ея содрогается вдали мое сердце, За шелковыя рѣсницы ея глазъ зашло солнце; а откроетъ она глаза, опять день, и птицы поютъ, и стадо гремитъ колокольчиками, и горы сверкаютъ въ своихъ изумрудныхъ одеждахъ, и я стягиваю ремни своей котомки и иду въ путь.

Когда я ночевалъ въ Госларѣ, со мной случилось нѣчто въ высшей степени странное. И теперь не могу вспомнить безъ ужаса эту ночь! Отъ природы я не трусливъ; но привидѣній боюсь, чуть ли не такъ же какъ *Австрійскій Нблюдатель*. Что такое страхъ? гдѣ его начало—въ разумѣ, или въ чувствѣ? Частенько случалось мнѣ спорить объ этомъ вопросѣ съ докторомъ Сауломъ Ашеромъ, когда мы сталкивались ненарокомъ въ Берлинѣ, въ *Café Royal*, куда я долго ходилъ обѣдать. Онъ всегда утверждалъ, что мы оттого боимся чего-нибудь, что разумъ нашъ признаетъ это *что-нибудь* страшнымъ. Только

разумъ есть сила, а никакъ не чувство. Пока я славно ѣлъ и славно пилъ, онъ постоянно доказывалъ мнѣ преимущества разума. Къ концу своихъ доказательствъ взглядывалъ онъ обыкновенно на часы; и всегда говорилъ въ заключеніе: «разумъ есть высшій принципъ!» Разумъ! когда слышу теперь это слово, какъ живаго вижу передъ собой доктора Саула Алпера: его абстрактныя ноги, его узкій, трансцендентальный фракъ, его угловатое, холодное, застывшее лицо, которое годилось бы какъ чертежъ въ учебникъ геометріи. Этотъ человекъ, считавшій себя далеко за пятьдесятъ, былъ воплощенная прямая линия. Въ стремленіи своемъ къ позитиву, бѣднякъ вымудрилъ изъ жизни все прекрасное, всѣ солнечныя лучи, всѣ вѣрованія и всѣ цвѣты, и не осталось ему ничего, кромѣ холодной, позитивной могилы. Онъ написалъ цѣлую груду книгъ, въ которыхъ разумъ постоянно выхваляетъ свое собственное совершенство. Вѣроятно бѣдный докторъ рассуждалъ очень серьезно, и потому достоинъ въ этомъ отношеніи всякаго уваженія. Но въ томъ-то и былъ главный комизмъ, что онъ строилъ всегда такую глупо-серіозную фізіономію, когда не могъ понять того, что понимаетъ каждый малый ребенокъ, именно потому, что онъ малый ребенокъ. Нѣсколько разъ былъ я и въ домѣ у доктора разума, и всегда находилъ у него хорошенькихъ дѣвушекъ, ибо разумъ не воспрещаетъ чувственности. Однажды, когда я такимъ образомъ вздумалъ посѣтить доктора, слуга его сказалъ мнѣ: «господинъ докторъ только-что скончался». Это на меня подѣйствовало такъ же, какъ еслибъ онъ сказалъ: «господинъ докторъ съѣхалъ».

Но возвратимся въ Госларъ. «Высшій принципъ—разумъ!» успокоивалъ я себя, ложась въ постель. Это, однакожь, не помогло. Изъ Клаусталъ взялъ я съ собой *Нѣмецкія повѣсти* Фарнгагена фонъ-Энзе, и только-что прочиталъ въ нихъ страшную исторію о томъ, какъ сыну, котораго хотѣлъ убить его родной отецъ, явился ночью съ предостереженіемъ призракъ его покойной матери. Прекрасный разказъ этого происшествія заставилъ меня чувствовать во время чтенія и ознобъ и трепеть. Къ тому жь разказы о привидѣніяхъ возбуждаютъ еще больше страха, когда ихъ читаешь въ дорогѣ, да притомъ ночью, въ чужомъ городѣ, въ чужомъ домѣ, въ комнатѣ, въ которой никогда прежде не бывалъ. Сколько ужасовъ случилось уже можетъ-быть на этомъ именно мѣстѣ, гдѣ теперь лежишь! Не-

вольно приходить въ голову такая мысль. А тутъ еще и мѣсяцъ заглядывалъ въ комнату такъ двусмысленно; на стѣнахъ двигались разныя незваныя тѣни, и когда я приподнялся съ постели, чтобы посмотреть на нихъ, я увидалъ...

Нѣтъ ничего страшнѣе, какъ увидать случайно, въ зеркалѣ, при свѣтѣ мѣсяца, свое собственное лицо! Въ эту же минуту принялся тяжело и протяжно, будто зѣвая, бить колоколъ, и билъ такъ долго и такъ медленно! Послѣ двѣнадцатаго удара я былъ убѣжденъ, что между тѣмъ успѣли пройти цѣлыя двѣнадцать часовъ, и колоколу надо сызнова бить двѣнадцать. Между послѣднимъ и предпослѣднимъ ударомъ слышался бой другихъ часовъ, очень быстрый, почти бранчиво-рѣзкій: можетъ-быть часы досадовали на медленность ихъ собрата. Когда смолкли оба желѣзные языка, и во всемъ домѣ воцарилась глубокая и мертвая тишина, мнѣ вдругъ почудилось, что въ корридорѣ, около моей комнаты, что-то шлепаетъ и шамкаетъ, словно невѣрный шагъ старика. Наконецъ дверь ко мнѣ отворилась, и тихо вошелъ покойный докторъ Сауль Ашеръ. Лихорадочный ознобъ пробѣжалъ по моимъ костямъ и жиламъ; я дрожалъ, какъ осиновый листъ, и боялся взглянуть въ лицо привидѣнiю. Наружность доктора не измѣнилась: тотъ же трансцендентально-сѣрый фракъ, тѣ же абстрактныя ноги, и то же математическое лицо, только лицо стало немного желтѣе прежняго, и губы, образовавшія прежде два угла въ $22\frac{1}{2}$ градуса, были стиснуты, и у окружностей глазъ стали длиннѣе радиусы. Пошатываясь и, какъ прежде, опираясь на свою тросточку, приблизился онъ ко мнѣ и дружелюбно сказалъ мнѣ, со своимъ обычнымъ мямляньемъ: «Не бойтесь, и не думайте, что я привидѣнiе. Если вы думаете, что видите привидѣнiе, васъ обманываетъ воображенiе. Что такое привидѣнiе? Определите это. Выведите мнѣ условiя возможности привидѣнiя. Какую разумную связь могло бы имѣть подобное явленiе съ разумомъ? Разумъ, говорю я, разумъ...» И призракъ приступилъ къ анализу разума, цитировалъ *Критику чистаго разума* Канта, часть II, отдѣлъ I, книга II, параграфъ III, о различii между феноменами и нуменами, потомъ конструировалъ проблематическую вѣру въ привидѣнiя, громоздилъ силлогизмы на силлогизмы, и заключилъ логическимъ доказательствомъ, что привидѣнiй нѣтъ и быть не можетъ. А у меня между тѣмъ проступилъ на спинѣ холодный потъ; зубы щелкали, какъ кастаньеты; отъ страха кивалъ

я головой въ знакъ безусловнаго согласія, при всѣхъ положеніяхъ, которыми призрачный докторъ доказывалъ нелѣпость всякаго страха привидѣній. Онъ доказывалъ съ такимъ жаромъ, что разъ въ разсѣяніи, вмѣсто золотыхъ своихъ часовъ, вытаскивалъ изъ жилетнаго кармана цѣлую горсть червей и, замѣтивъ свою ошибку, сунулъ ихъ обратно въ карманъ съ забавною и боязливою поспѣшностію. «Разумъ есть высшій...» Тутъ колоколь ударилъ часъ, и призракъ исчезъ.

Изъ Гослара пошелъ я на другое утро дальше, частію куда глаза глядятъ, частію съ намѣреніемъ отыскать брата клауустальскаго рудокопа. Опять прекрасная, ласковая, праздничная погода. Я всходилъ на холмы и горы, смотрѣлъ, какъ солнце старалось разогнать туманъ, весело бродилъ по трепетнымъ лѣсамъ, и вокругъ мечтательной головы моей звенѣли госларскіе цвѣты-колокольчики. Въ бѣлыхъ ночныхъ покровкахъ своихъ стояли горы; ели отряхали сонъ со своихъ членовъ; свѣжій утренній вѣтеръ завивалъ имъ поникшія зеленыя кудри; птички были на молитвѣ; лугъ сверкалъ, какъ усѣянная алмазами золотая скатерть, и по лугу шель пастухъ со своимъ звенящимъ стадомъ. Пожалуй, что я и заблудился. Идешь стороною да обходишь, потому что думаешь: такъ ближе къ цѣли. Какъ вообще въ жизни, такъ и на Гарцѣ. Но есть вездѣ добрыя души, которыя наводятъ насъ опять на путь истинный. Онѣ дѣлаютъ это охотно, и вдобавокъ, имъ доставляетъ особенное удовольствіе объяснять намъ съ самодовольнымъ видомъ и отеческимъ тономъ: какой большой крюкъ мы сдѣлали, въ какихъ пропастяхъ и болотахъ могли засѣсть, и какое это счастье, что мы еще вовремя встрѣтились съ такими, какъ они, знатоками дороги. Такого путеводителя нашелъ я не подалеку отъ Гарцбурга. Это былъ упитанный госларскій мѣщанинъ, съ сіяющимъ, одутловатымъ, глупо-умнымъ лицомъ; онъ имѣлъ видъ человѣка; изобрѣтшаго коровью чуму. Мы прошли съ нимъ вмѣстѣ нѣсколько шаговъ, и онъ разказывалъ мнѣ разныя исторіи о привидѣніяхъ. Онѣ были бы не дурны, еслибы дѣло не кончалось обыкновенно тѣмъ, что привидѣніе было вовсе не настоящее привидѣніе: бѣлый призракъ сказывался просто воромъ, а таинственные вопли происходили отъ новорожденныхъ дикихъ поросятъ, а шорохъ по полу отъ домашней кошки. «Только когда боленъ человѣкъ, прибавилъ онъ: только тогда чудятся ему привидѣнія». Что же касается

его милости, онъ рѣдко бываетъ боленъ; только иногда страдаетъ сыпью, и тогда лѣчится обыкновенно слюною на тощій желудокъ. Онъ обратилъ также мое вниманіе на то, какъ все въ природѣ создано съ извѣстною цѣлью и полезно. «Деревья зелены, потому что зеленый цвѣтъ полезенъ для глазъ». Я согласился съ нимъ и прибавилъ, что рогатый скотъ существуетъ потому, что говяжій супъ укрѣпляетъ человѣка, а ослы существуютъ, чтобы служить людямъ для сравненія, самъ же человѣкъ существуетъ, чтобъ ѣсть супъ и не быть осломъ. Спутникъ мой былъ въ восхищеніи, что нашелъ себѣ единомышленника; лицо его засіяло еще радостнѣе, и, прощаясь со мной, онъ былъ тронуть.

Пока онъ шелъ около меня, вся природа, казалось, утратила свои чары. Но только что я разстался съ нимъ, деревья опять начали говорить, и зазвучали солнечные лучи, и заплескали полевые цвѣты, и голубое небо обняло зеленую землю. Да! я это лучше знаю: человѣкъ существуетъ, чтобы дивиться величію вселенной.

Послѣ долгаго скитанья достигъ я до жилища брата моего клаустальскаго пріятеля, переночевалъ тутъ и прожилъ слѣдующую прекрасную поэму:

I.

На горѣ, въ избушкѣ скромной,
Рудокопъ живетъ старикъ.
Шумны темны тамъ ели;
Кротко свѣтелъ лунный ликъ.

Средь избушки стулъ высокій,
Весь рѣзной; у ногъ скамья;
И сидитъ на немъ счастливецъ,
И счастливецъ этотъ—я.

На скамьѣ сидитъ малютка,
Оперлась на локотокъ;
Глазки—звѣзды голубыя,
Губки—розовый цвѣтокъ.

Мнѣ сіяютъ эти звѣзды,
 Чистой радостью блестя;
 Къ алымъ губкамъ приложила
 Бѣлый пальчикъ свой дитя.

Ни отецъ, ни мать не слышать;
 Не до насъ имъ: мать прядеть,
 А отецъ, брэнча на лютнѣ,
 Пѣсню старую поеть.

И малютка шепчетъ тихо;
 Рѣчь ея едва слышна;
 Важныхъ тайнъ своихъ не мало
 Мнѣ повѣдала она.

«Вотъ, какъ тетушка скончалась,
 И сиди тутъ круглый годъ;
 Съ ней пойдешь, бывало, въ городъ,
 Хоть посмотришь на народъ.

«Здѣсь и пусто такъ, и глухо,
 И такъ холодно въ горахъ;
 А зима придетъ лихая,
 Всѣ скоронимся въ снѣгахъ.

«Я жъ трусливая такая:
 Какъ дитя, меня страшать
 Злые духи горъ, что бродятъ
 Темной ночью и шалать.»

Вдругъ малютка умолкаетъ,
 Будто словъ боясь своихъ,
 И руками закрываетъ
 Звѣзды глазокъ голубыхъ.

И шумнѣ шелестъ елей,
 Громче гулъ веретена,
 И яснѣй со звономъ лютни
 Пѣсня старая слышна:

«Не страшись, моя малютка,
 Навожденья силы злой!
 Божьи ангелы на стражѣ
 Днемъ и ночью надъ тобой.»

II.

Къ нзмъ въ окно стучить тихонько
Ель зеленою рукой,
И сквозь вѣтокъ съ любопытствомъ
Смотрить мѣсяцъ золотой. .

Крѣпко въ горенкѣ сосѣдней
Спать давно отецъ и мать;
Мы не можемъ нашептаться,
И не хочется намъ спать.

«Нѣтъ, не вѣрю я, чтобъ часто
Ты молился: шопоть твой
Чѣмъ-то кажется мнѣ страннымъ,
Не молитвою святой.

«Этотъ злой, холодный шопоть
Ужъ не разъ меня пугалъ;
Только кроткимъ, свѣтлымъ взглядомъ
Ты испугъ мой отгонялъ.

«Да и вѣришь ли ты, полно,
Что есть въ небѣ надъ тобой
Богъ-Отецъ, Богъ-Сынъ, распятый
На крестѣ, и Духъ Святой?»

Ахъ, дитя, еще малюткой
Вѣрилъ я, что въ небесахъ
Богъ-Отецъ живетъ надъ нами,
Что великъ Онъ, святъ и благъ,

Создалъ землю, человѣку
Бытiе и душу далъ,
Солнцу, мѣсяцу и звѣздамъ
Путь ихъ вѣчный указалъ.

Сталъ я старше и умнѣе,
Сталъ побольше понимать,
И узналъ я свѣтлой вѣры
Въ Бога-Сына благодать.

Онъ принесъ намъ, воплотившись,
Откровенiе любви;
Но народъ безумный руки
Обагрилъ въ его крови.

Возмужалъ я, много видѣлъ,
Много странствовалъ, читалъ.

И теперь въ Святаго Духа,
Жаркимъ сердцемъ вѣрить сталъ.

Чудеса его исчислить
Не достанетъ нашихъ словъ!
Онъ сломилъ твердыни злобы
И оковы снялъ съ рабовъ.

Нашимъ явзвѣмъ онъ цѣленье,
Въ немъ и право и законъ,
Передъ нимъ съ богатымъ нищій,
Рабъ съ владыкой уравненъ.

Гонить онъ туманъ тяжелый,
Что окутывалъ намъ тьмой
Умъ и сердце, и предъ нами
Шелъ какъ призракъ гробовой...

III.

За вѣтвями темной ели
Прячетъ мѣсяцъ свѣтлый ликъ;
Въ нашей горенкѣ чуть свѣтитъ
Догорающій ночникъ.

Но въ звѣздахъ моихъ лазурныхъ
Свѣтъ мнѣ радостный горитъ;
Пышутъ розы устъ румяныхъ,
И малютка говоритъ:

«Домовые наши злые:
Хлѣбъ воруютъ по ночамъ;
Въ ящикъ съ вечера положишь,
По утру ужъ пусто тамъ.

«Съ молока сѣдятъ всѣ сливки,
Не покروютъ и горшка;
Кошка вылизетъ остатки,
И сиди безъ молока!

«А вѣдь кошка наша вѣдьма:
Ночью буря на дворѣ,
А она идетъ тихонько
Къ старой башнѣ на горѣ.

«Тамъ стоялъ когда-то замокъ;
Весь сиялъ онъ по ночамъ:
Въ яркихъ залахъ танцовало
Много рыцарей и дамъ.

«Но волшебницей лихою
Проклятъ замокъ и народъ;
И остались лишь обломки,
И сова гнѣздо тамъ вѣсть.

«Помню, тетка говорила:
Лишь такое слово знать
И его въ такомъ лишь мѣстѣ
И въ такой лишь часъ сказать,—

«Снова въ замокъ превратятся
Всѣ обломки эти тамъ,
И зашляшеть въ яркихъ залахъ
Много рыцарей и дамъ.

«Будеть тотъ, кто молвить слово,
Обладателемъ всего;
Стануть трубы и литавры
Славить молодость его!»

Такъ живутъ и дышать сказки
У малютки на устахъ;
Вѣра теплится живая
Въ голубыхъ ея глазахъ.

Локонъ шелковый на пальцы
Навиваешь мнѣ она;
И цѣлуешь, и смѣется,
И даетъ мнѣ имена.

И глядятъ все такъ привѣтно
Въ тихой горенкѣ кругомъ:
Столъ и шкафъ, какъ будто съ ними
Я съ младенчества знакомъ.

Тихо маятникъ лепечеть,
Тихо лютя на стѣнѣ
Прозвучитъ порой струнами,
И сяжу я какъ во снѣ.

Не такое ль надо мѣсто,
Не такой ли надо мигъ,
Чтобъ отъ слова замокъ снова
Въ блескѣ царственномъ возникъ?

Да, дитя! Смотри: свѣтлѣть
Ночи темная пора.
Чу! шумнѣй ручьи и ели;
Пробуждается гора.

Пѣсня гномовъ съ струннымъ звономъ
Межъ утесами слышна;

По камнямъ ковры цвѣтныя
Стелеть знойная весна.

А цвѣты — пестры и чудны,
Въ благовонныхъ завиткахъ,
И трепещутъ слезы страсти
На широкихъ ихъ листахъ.

Вождельнѣемъ пышутъ розы,
Разгораясь все краснѣй;
На стебляхъ стоятъ хрустальныхъ
Чаши свѣжныя лилей.

Звѣзды съ неба, словно солнцы,
Смотрятъ, страстно горячи;
И лиляемъ въ чаши льются
Ихъ влюбленные лучи.

Да и мы съ тобой, малютка,
Мы какъ будто ужь не тѣ...
Посмотри: огни зажглись,
Шелкъ и золото вездѣ!

И избушка стала замкомъ,
И принцессой стала ты;
Вкругъ все рыцари и дамы:
Сколько пышной суеты!

Все мое — и ты, и замокъ!
Пирь вѣнчальный я даю!
Трубы, флейты и литавры
Славять молодость мою!

Взошло солнце. Туманы бѣжали, какъ призраки при третьемъ крикѣ пѣтуха. Я опять шелъ то въ гору, то подъ гору, и передо мною плыло прекрасное солнце, освѣщая все новыя и новыя красоты. Духъ горъ видимо покровительствовалъ мнѣ: онъ конечно зналъ, что поэтъ можетъ поразказать потомъ много хорошенькаго, и въ это утро показалъ мнѣ свой Гарць такимъ, какъ вѣрно не всякій видалъ его. За то и Гарць видѣлъ меня, какимъ видали меня не многіе. На рѣсницахъ моихъ сверкали такіе же драгоценныя перлы, какъ на муравѣ долины; утренняя роса любви увлажжала мои щеки. Шумящія ели понимали меня; онѣ разводили и махали вѣтвями, какъ нѣмые люди, выражающіе руками свою радость. А вдали что-то звучало таинственно и чудно, словно благовѣсть затерянной въ лѣсу церкви. Говорятъ, это колокольчики стада, у нихъ здѣсь такой милый, чистый и ясный строй.

Суди по солнцу, былъ уже полдень, когда я набрелъ на одно изъ такихъ стадъ. Пастухъ, ласковый бѣлокурый парень, сказалъ мнѣ, что большая гора, у подножія которой я стою, старый пресловутый Броккенъ. На нѣсколько миль въ окружности нѣтъ ни одной избушки, и я былъ очень радъ предложению парня — поѣсть съ нимъ. Мы съѣли за *déjeuner dinatoire*, состоявшій изъ сыра и хлѣба. Овечки подхватывали крошки; гладенькія, чистенькія коровки прыгали вокругъ насъ, и плутовски гремѣли своими колокольчиками, и улыбались намъ своими большими довольными глазами. Мы обѣдали покорольски. Хозяинъ мой казался мнѣ настоящимъ королемъ, и такъ какъ онъ до сихъ поръ единственный король, давшій мнѣ хлѣба, то я и воспою его покорольски.

Ты—король, пастухъ—красавецъ!
 Этотъ холмъ—не тронъ ли твой?
 Это солнце надъ тобою —
 Не вѣнецъ ли золотой?
 Лѣстиво овцы въ алыхъ лентахъ
 Улеглись предъ королемъ;
 Камергерами телята
 Важно шествуютъ кругомъ.
 Изъ козлятъ придворной труппы
 Каждый—чудо, не актеръ;
 Колокольчики коровокъ,
 Флейты птицъ—придворный хоръ.
 Чудный звонъ, игра и пѣнье!
 И порой имъ вторить гулъ
 Темныхъ елей, водопада —
 И король, глядишь, заснулъ.
 Той порой бразды правленья
 Принимаетъ вѣрный пѣсъ;
 Всѣмъ явѣстенъ нравъ министра,
 Громкій лай и чуткій носъ.
 А король во снѣ лепечеть:
 «Тяжело быть королемъ!
 Отдохнуть хотѣлъ бы дома —
 Съ королевою вдвоемъ!
 Головой бы легъ державной
 На груди я у нее...
 Вѣдь въ глазахъ ея прекрасныхъ
 Все и царство-то мое!»

Мы дружески простились, и весело сталъ я взбираться на гору. Скоро пріютилъ меня лѣсъ высокихъ елей, къ которымъ нельзя не питать уваженія. Этимъ деревьямъ расти было не

такъ-то легко, и горько приходилось имъ въ молодости. Гора усѣяна здѣсь множествомъ большихъ гранитныхъ глыбъ, и деревья большею частію должны были оплестать или разламывать эти камни своими корнями, съ трудомъ отыскивая почву, которая могла бы питать ихъ. Мѣстами камни лежатъ другъ надъ другомъ, образуя какъ будто ворота, а сверху стоятъ на нихъ деревья. Обнаженные корни ихъ тянутся по этимъ каменнымъ воротамъ внизъ, и только у подножья ихъ достигаютъ земли, такъ что кажется, будто деревья растутъ на воздухѣ. А все-таки поднялись они очень высоко и, какъ бы сросшись съ опутанными ими камнями, стоятъ тверже, нежели ихъ спокойные товарищи на обработанной лѣсной почвѣ плоскихъ мѣстностей. Не таковы ли и въ жизни тѣ великіе люди, которые, преодолевая раннія препятствія и затрудненія, только мужаютъ и крѣпнутъ? По вѣтвямъ елей карабкались бѣлки, а подъ ними гуляли желтые олени. Любуясь этимъ милымъ, благороднымъ животнымъ, я не могу понять, какъ это образованные люди находятъ удовольствіе гоняться за нимъ и убивать его. Это животное было сострадательнѣе людей, и вскормило умирающаго сына святой Геновевы.

Золотые лучи солнца такъ картинно пронзали густую зелень. Древесные корни образовали натуральную лѣстницу. Повсюду пушистыя скамьи мха: камни обросли на цѣлый футъ красивѣйшими моховыми породами, словно покрыты свѣтло-зелеными бархатными подушками. Ласкающая прохлада и задумчивый лепетъ ручьевъ! Тамъ и сямъ видишь, какъ вода, серебрясь и журча, бѣжитъ подъ камнями и омываетъ обнаженные древесные корни и волокна. Когда наклонишься полюбоваться всѣмъ этимъ, чуешь и таинственный ходъ развитія растений и спокойное біеніе сердца горы. Мѣстами вода пробивается сильнѣе сквозь корни и каменья, и образуетъ маленькіе каскады. Хорошо тутъ посидѣть. Чтѣ за чудный шорохъ и лепетъ! Птицы поютъ прерывисто и заунывно свои грезы; деревья шепчутся, будто тысячью дѣвичьихъ языковъ, и будто тысячью дѣвичьихъ глазъ смотрятъ на тебя странные горные цвѣты; они тянутся къ тебѣ своими чудно-широкими, затѣйливо-зубчатыми листьями; играя. сверкаютъ то здѣсь, то тамъ веселые солнечные лучи; умницы-травки разказываютъ другъ дружкѣ зеленыя сказки; все словно околдовано; все становится таинственнѣе и таинственнѣе; стародавній сонъ воскресаетъ; милая является... О! зачѣмъ такъ скоро опять исчезаетъ она!

Тѣмъ выше въ гору, тѣмъ приземистѣе и малорослѣе становятся ели; они какъ будто стараются все больше и больше съжиться, и наконецъ передъ вами остаются одни кусты ежевики и черники да горныя травы. Здѣсь и значительно холоднѣе. Затѣйливыя группы гранитныхъ глыбъ только тутъ видны вполнѣ; нѣкоторыя глыбы изумительной величины. Не мячи ли это, которыми кидаютъ другъ въ друга злые духи, въ вальпургіеву ночь, когда сюда являются вѣдьмы верхомъ на метлахъ и вилахъ, и начинается странная, проклятая потѣха, какъ рассказываетъ легковѣрная нянька, и какъ можно видѣть на прекрасныхъ рисункахъ мастера Реча къ *Фаусту*? Одинъ молодой поэтъ, на пути изъ Берлина въ Геттингенъ, проѣзжая верхомъ въ ночь на первое мая мимо Броккена, замѣтилъ даже, какъ нѣсколько беллетристическихъ дамъ соединились на одномъ углу горы въ эстетическій кружокъ за чайнымъ столомъ, съ наслажденіемъ читали *Abendzeitung*, восхваляли, какъ всемірныхъ гениевъ, своихъ поэтическихъ козелковъ, бляевшихъ и прыгавшихъ вокругъ стола, и произносили окончательный судъ надъ всѣми явленіями германской литературы; но когда дошли онѣ до *Ратклифа* и *Альмансора* (1) и сказали, что у автора нѣтъ ни малѣйшаго благочестія, у молодаго челоуѣка дыбомъ стали волосы, страхъ пронялъ его... я пришпорилъ коня и промчался поскорѣе мимо.

Въ самомъ дѣлѣ, взбираясь на верхнюю половину Броккена, нельзя не припомнить забавныхъ блокбергскихъ сказокъ, особенно великой мистической народной германской трагедіи о докторѣ Фаустѣ. Мнѣ все казалось, что около меня карабкается на гору рыцарь съ лошадиною ногой, и кто-то юмористически переводитъ дыханіе. Я думаю, и Мефистофель долженъ съ трудомъ переводить духъ, когда взбирается на свою любимую гору: это самая утомительная дорога, и я былъ очень радъ, когда увидѣлъ наконецъ давно-желанный броккенскій домъ.

Этотъ домъ, какъ извѣстно по множеству гравюръ, всего объ одномъ этажѣ и стоитъ на самой верхушкѣ горы. Его выстроилъ въ 1800 году графъ Штольбергъ-Вернигероде, и на его счетъ содержится тутъ трактиръ. Стѣны, въ предохраненіе отъ вѣтра и зимнихъ холодовъ, изумительной толщины; кровля низенькая, и посреди ея башнеобразная каланча; при домѣ есть еще

(1) Двѣ трагедіи, которыми Гейне началъ свое литературное поприще. *Переводч.*

два небольшихъ флегеля: одинъ изъ нихъ служилъ прежде убѣжищемъ для посѣтителей Броккена.

При входѣ въ броккенскій домъ, во мнѣ пробудилось какое-то необыкновенное, сказочное чувство. Послѣ долгихъ, одинокихъ скитаній между елей и утесовъ, вдругъ попадаешь въ заоблачный домъ. Города, горы и лѣса остались внизу; а на верху ты застаешь странно составленное, чуждое тебѣ общество; но общество это (что очень естественно въ подобномъ мѣстѣ) принимаетъ тебя чуть ли не какъ жданнаго товарища, на половину съ любопытствомъ, на половину равнодушно. Домъ былъ полонъ гостей, и я, какъ подобаетъ смышленному человѣку, подумалъ тотчасъ о ночи и о неудобствѣ спать на соломѣ. Немедленно потребовалъ я себѣ замирающимъ голосомъ чаю, и броккенскій трактирщикъ прозорливо рѣшилъ, что я человѣкъ больной, и что на ночь мнѣ нужно дать порядочную постель. Онъ отвелъ мнѣ ночлегъ въ узенькой комнаткѣ, гдѣ пріютился уже молодой купчикъ, нѣчто въ родѣ длиннаго рвотнаго порошка въ коричневомъ сюртукѣ.

Въ залѣ трактира кипѣли жизнь и движеніе. Тутъ были студенты разныхъ университетовъ. Одни только-что прибыли и подкрѣплялись; другіе собирались въ путь, завязывали свои котомки, вписывали свои имена въ книгу для путешественниковъ, принимали отъ служанокъ на память броккенскіе букеты. Тутъ было не мало и щипковъ, и пѣсень, и прыганья, и свисту, и вопросовъ, и отвѣтовъ, и желаній хорошей погоды, счастливаго пути, барышей и прощаній. Нѣкоторые изъ уходящихъ подпили немного, и вдвойнѣ наслаждались прекраснымъ видомъ, потому что у пьяныхъ двойтся въ глазахъ.

Подарѣпившись порядкомъ, вышелъ я на каланчу, и встрѣтилъ тамъ маленькаго господина съ двумя дамами, молодою и пожилою. Молодая дама была очень хороша и чудно сложена. Кудрявая голова ея была прикрыта шлемообразною черною атласною шляпой съ бѣлыми перьями, которыми игралъ вѣтеръ. Черный шелковый плащъ такъ плотно окутывалъ ея стройные члены, что благородныя формы кидались въ глаза. Свободные, большіе глаза ея спокойно смотрѣли на свободный, большой міръ.

Когда я былъ еще ребенкомъ, только и думалъ я, что о волшебныхъ и чудесныхъ сказкахъ, и каждая прекрасная дама, у которой были на головѣ страусовыя перья, казалась мнѣ царичею эльфовъ; а если я замѣчалъ, что шлейфъ у ея платья мо-

рый, то считалъ ее водою ниссой. Теперь думаю я иначе, съ тѣхъ поръ, какъ узналъ изъ натуральной исторіи, что эти символическія перья принадлежать глупѣйшей птицѣ. Еслибъ я увидалъ этими дѣтскими глазами поманутую молодую красавицу въ поманутомъ положеніи на Броккенѣ, я навѣрное подумалъ бы: это фея горы, и она-то произнесла волшебное слово, отъ котораго все внизу кажется такъ чудно-хорошо, Да; въ высшей степени чудно кажется намъ все при первомъ взглядѣ съ Броккена! Всѣ стороны нашего духа принимаютъ новыя впечатлѣнія, и эти впечатлѣнія, большею частію разнообразныя, даже противорѣчащія другъ другу, сливаются у насъ въ душѣ въ одно великое, еще смутное, необъяснимое чувство. Если удастся намъ уловить это чувство въ самомъ его зачатіи, мы узнаемъ характеръ горы. Этотъ характеръ—вполнѣ нѣмецкій, какъ въ недостаткахъ, такъ и въ достоинствахъ своихъ. Броккенъ—Нѣмецъ. Ясно и отчетливо, съ нѣмецкою точностью показываетъ онъ намъ, какъ въ исполинской панорамѣ, многія сотни городовъ, городковъ и деревень, которые лежатъ большею частію къ сѣверу, и вокругъ всѣ горы, лѣса, рѣки, равнины—на безконечную даль. Но именно отъ этого все представляется рѣзко начерченной, чисто иллюминированною спеціальною картой: нигдѣ не порадуешь глаза собственно красивый ландшафтъ. Вообще такое ужъ заведеніе у насъ, нѣмецкихъ компиляторовъ: со своею честною аккуратностью, стараясь не пропустить ничего, мы и не подумаемъ о томъ, чтобы поэтически передать частности. Въ горѣ есть также что-то нѣмецки-спокойное, разсудительное, толерантное, потому именно, что она такъ далеко и такъ ясно можетъ все обозрѣть. А какъ откроетъ такая гора свои исполинскіе глаза, такъ увидитъ конечно вобольше насъ, карликовъ съ жалкими глазенками, ползающихъ по ней. Многіе утверждаютъ даже, что Броккенъ очень смахиваетъ на филистера, и Клаудіусъ пѣлъ: «Блоксбергъ—долговязый филистеръ!» Но это несправедливо. Правда, лысая голова его, которую онъ покрываетъ иногда бѣлымъ колпакомъ тумана, придаетъ ему нѣкоторый оттѣнокъ филистерства; но это чистѣйшая иронія, какъ и у другихъ великихъ Нѣмцевъ. Достоверно даже, что у Броккена есть своя студенческая фантастическая пора, на примѣръ первая майская ночь. Тогда весело взбрасываетъ онъ на воздухъ свой туманный колпакъ, и не хуже насъ грѣшныхъ становится истымъ нѣмецкимъ, вѣбалмошнымъ романтикомъ.

Я постарался тотчасъ же завязать разговоръ съ прекрасной дамой: красоты природы тогда только доставляютъ намъ истинное наслажденіе, когда о нихъ тотчасъ же можно высказаться. Она была не особенно умна, но очень разсудительна. И какія изящно-порядочныя манеры! Я говорю не о той обыкновенной, холодной, отрицательной порядочности, которая хорошо знаетъ, чего не должно быть, но о той болѣе рѣдкой, свободной, положительной порядочности, которая ясно говоритъ намъ, что мы можемъ дѣлать, и даетъ намъ при всей кажущейся строгости, полную увѣренность. Къ собственному изумленію моему, я обнаружилъ обширныя познанія въ географіи: назвалъ любознательной красавицѣ по именамъ всѣ города, лежавшіе передъ нами, и отыскалъ и указалъ ихъ ей на своей ландкартѣ, которую съ самымъ докторскимъ видомъ разложилъ на каменномъ столѣ посерединѣ башенной площадки. Нѣкоторыхъ городовъ я не могъ отыскать, можетъ-быть оттого, что искалъ больше пальцами, нежели глазами: глаза мои изучали между тѣмъ лицо прекрасной дамы, и находили въ немъ мѣстечки получше *Ширке* и *Эленда*. Это лицо было изъ числа тѣхъ, которыя никогда не раздражаютъ, рѣдко восхищаютъ, и всегда нравятся. Я люблю такія лица: улыбка ихъ навѣваетъ миръ на мое вѣчно-тревожное сердце.

Въ какихъ отношеніяхъ къ дамамъ состоялъ маленькій господинъ, сопровождавшій ихъ, я не могъ угадать. Это была тоненькая, замѣчательная фигурка. Головка скудно покрыта сѣдыми волосами, которые спадали на узкій лобъ до самыхъ глазъ, зеленоватыхъ какъ у стрекозы; круглый носъ далеко выдавался впередъ; напротивъ, губы и подбородокъ были какъ-то жалостно стянуты къ ушамъ. Казалось, личико это сдѣлано было изъ нѣжной, желтоватой глины, изъ которой ваятели дѣлаютъ свои первыя модели. Когда господинъ этотъ стискивалъ свои тонкія губы, по щекамъ у него протягивалось нѣсколько тысячъ тонкихъ полукруглыхъ морщинокъ. Маленькій человѣчекъ не говорилъ ни слова; только по временамъ, когда старшая дама шептала ему что-нибудь любезное, улыбался какъ моська, у которой насморкъ.

Старшая дама была мать младшей. Она отличалась тоже изящнѣйшими манерами. Глаза обличали болѣзненно-мечтательную задумчивость, губы—строгое благочестіе. Но мнѣ казалось, что губы эти были когда-то очень хороши, и много смѣялись, и много цѣловали ихъ, и сами онѣ цѣловались много. Лицо ея

было похоже на палимпсестъ, гдѣ изъ-подъ новой черной монашеской рукописи проглядываютъ полуслинявшіе стихи древне-греческаго любовнаго поэта. Обѣ дамы со спутникомъ своимъ были въ этомъ году въ Италиі, и поразказали мнѣ немало хорошаго о Римѣ, о Флоренціи, о Венеціи. Мать много толковала о Рафаэлевыхъ картинахъ въ соборѣ св. Петра; дочь говорила больше объ оперѣ въ театрѣ *Fenice*.

Пока мы бесѣдовали, начало смеркаться. Воздухъ сталъ еще холоднѣе, солнце опускалось все ниже, и на башенную площадку набралось довольно студентовъ и мастеровыхъ и нѣсколько почтенныхъ гражданъ со своими супружницами и дочерьми. Всѣмъ хотѣлось посмотрѣть на закатъ солнца. Это умиленное зрѣлище настраиваетъ душу къ молитвѣ. Съ четверть часа стояли всѣ въ благоговѣйномъ молчаніи и смотрѣли, какъ прекрасный огненный шаръ постепенно склонялся къ западу. На лицахъ лежали лучи вечерней зари, и руки невольно скрещивались на молитву. Казалось, мы присутствуемъ, какъ тихая община, въ исполинскомъ храмѣ, и священникъ возносить тѣло Христово, и органъ звучитъ сверху безсмертнымъ хораломъ Палестрины.

Посреди благоговѣйнаго созерцанія моего я вдругъ услыхалъ за стѣной своей восклицаніе: «Какъ природа-то вообще прекрасна!»

Эти слова вырвались изъ чувствительной груди моего товарища по ночлегу, молодаго купчика. Они возвратили мнѣ мое будничное настроеніе, и я могъ уже сказать дамамъ много пріятнаго о солнечномъ закатѣ, и спокойно, какъ ни въ чемъ не бывало, сопутствовать имъ до ихъ комнаты. Онѣ позволили мнѣ побесѣдовать съ ними еще съ часъ. Какъ земля, разговоръ нашъ вертѣлся вокругъ солнца. Маменька выразилась, что солнце, погружаясь въ туманъ, было похоже на пламенную розу, которую влюбленное небо бросило на широкое бѣлое вѣнчалное покрывало своей возлюбленной земли. Дочь улыбнулась, и замѣтила, что частый взглядъ на подобныя явленія природы ослабляетъ ихъ впечатлѣніе. Маменька опровергла это ложное мнѣніе однимъ мѣстомъ изъ путевыхъ писемъ Гете, и спросила меня, читалъ ли я *Вертера*. Чуть ли не говорили мы также объ ангорскихъ кошкахъ, этрусскихъ вазахъ, турецкихъ шальяхъ, макаронахъ и лордѣ Байронѣ, изъ стихотвореній котораго старшая дама прочла наизусть, очень пріятно захлебываясь и вздыхая, нѣсколько отрывковъ о захожденіи солнца. Младшей дамѣ,

не знавшей поанглійски и желавшей познакомиться съ этими стихотвореніями, рекомендовалъ я переводы моей прекрасной, даровитой землячки баронессы Элизы Гогенгаузенъ. При сей вѣрной оказіи не преминулъ я побранить Байрона за его безвѣріе, бездушіе, разочарованіе и Богъ-вѣсть за чтò еще: такъ ужь я дѣйствую всегда въ отношеніи къ молодымъ дамамъ.

Послѣ этихъ разговоровъ я еще отправился гулять по Брокену, потому что совершенно темно тамъ никогда не бываетъ. Туманъ былъ не густъ, и я любовался очертаніями двухъ холмовъ, извѣстныхъ подъ названіями *Жертвенника Влдьмы* и *Каоедры Дявола*. Я выстрѣлилъ изъ пистолета; но отголоска не было. Вдругъ, однакожь, послышались мнѣ знакомые голоса, и я очутился въ тѣсныхъ объятіяхъ. Это были мои земляки, вышедшіе изъ Геттингена черезъ четыре дня послѣ меня. Они не мало удивились, встрѣтивъ меня одного на Блоксбергѣ. То-то пошли разказы, возгласы, переговоры, смѣхъ и воспоминанія! И снова очутились мы душой въ нашей ученой Сибири, гдѣ просвѣщеніе такъ распространено, что медвѣдей привязываютъ въ трактирахъ, а соболи желаютъ добраго вечера охотникамъ.

Въ большой комнатѣ устроился ужинъ. За длиннымъ столомъ усѣлись съ обѣихъ сторонъ голодные студенты. Сначала шель обычный университетскій разговоръ: дуэли, дуэли и дуэли.

Общество большею частію состояло изъ галльцевъ, и потому Галле былъ главнымъ предметомъ бесѣды. Сначала былъ брошенъ экзегетическій свѣтъ на окна надворнаго совѣтника Шюца. Потомъ слѣдовали разказы о томъ, что послѣдній выходъ короля кипрскаго былъ блистателенъ, что король призналъ своего побочнаго сына, что онъ обручился лѣвою ногой съ одною лихтенштейнскою принцессой, что государственная любовница получила отставку, и что растроганное министерство все плакало согласно предписанію. Едва ли нужно объяснять, что дѣло шло о галльскихъ пивныхъ компаніяхъ. Потомъ всѣ занялись двумя Китайцами, которые показывали себя года два тому назадъ въ Берлинѣ, а теперъ опредѣлены привать-доцентами китайской эстетики въ Галле. Тутъ-то посыпались остроты. Кто-то сдѣлалъ предположеніе: чтò, еслибы Нѣмецъ вздумалъ показывать себя за деньги въ Китаѣ? И тотчасъ же была сочинена афиша, въ которой, за удостовѣреніемъ мандариновъ Чинъ-Чанъ-Чуна и Ги-Га-Го, что это настоящій Нѣмецъ, слѣдовало исчи-

сленіе всѣхъ его фокусовъ, состоявшихъ преимущественно въ философствованіи, въ куреніи табаку и въ терпѣніи; въ заключеніе была обращена къ публикѣ просьба — въ двѣнадцать часовъ, время кормленія Нѣмца, не приводить съ собой собакъ, такъ какъ онѣ обыкновенно отнимаютъ у бѣднаго Нѣмца всѣ лакомые кусочки.

Одинъ юный буршъ, бывшій недавно въ Берлинѣ, говорилъ много объ этомъ городѣ, но очень односторонно. Онъ бывалъ у Визоцкаго и въ театрѣ, и о томъ, и о другомъ судилъ превратно. «Въ сужденьяхъ юность тороплива», и т. д. Онъ толковалъ о пышности гардероба, о скандалахъ актеровъ и актрисъ, и т. п. Молодой человекъ не зналъ, что такъ какъ въ Берлинѣ главнымъ образомъ цѣнится во всемъ блестящая сторона, то гдѣ же и процвѣтаетъ этому направленію, какъ не на сценѣ? Поэтому-то театральное начальство и хлопочетъ болѣе всего о *цѣлтъ борода для той или другой роли*, о вѣрности костюмовъ, какъ описаны они у присяжныхъ историковъ, и какъ ихъ шьютъ научно-образованные портные. И это необходимо. Попробуй Марія Стюартъ надѣтъ такой передникъ, какіе были въ модѣ при королевѣ Аннѣ, вѣдь навѣрное банкиръ Христіанъ Гумпель будетъ справедливо негодовать, что этимъ убита для него всякая иллюзія. А пусть-ка лордъ Борлей надѣнетъ по недосмотру штаны Генриха IV, да военная совѣтница фонъ Штейнцопфъ, урожденная Лиліенталь, цѣлый вечеръ не выпуститъ изъ глазъ этого анахронизма. Впрочемъ эта обольстительная заботливость главной дирекціи простирается не только на передники и штаны, но и на надѣвающія ихъ лица. Такимъ образомъ вскорѣ роль Отелло будетъ исполнять настоящій арабъ, котораго профессоръ Лихтенштейнъ уже выписалъ для этой цѣли изъ Африки. Въ *Ненависти къ людямъ и раскаяніи* Эйлалию будетъ впредь играть дѣйствительно бѣжавшая женщина, Петра — дѣйствительный дуракъ, а неизвѣстнаго — дѣйствительный тайный роконосець. Этихъ троихъ нечего выписывать изъ Африки. Вышеупомянутый молодой человекъ, понимая такъ плохо отношенія берлинскаго театра, вовсе не замѣтилъ и того, что янычарская опера Спонтини со своими литаврами, слонами, трубами и тамтамами—есть героическое средство для возбужденія воинственной отваги въ нашемъ разслабленномъ народѣ, средство, которое еще Платонъ и Цицеронъ рекомендовали для государственныхъ цѣлей. Дипломатическаго значенія балета молодой человекъ тоже совсѣмъ не постигъ. Я едва могъ растол-

ковать ему, что въ ногахъ у Гоке гораздо больше политики, чѣмъ въ головѣ у Бухгольца, что всѣ его па выражаютъ различныя дипломатическіе переговоры, что въ каждомъ движеніи его заключается политическій намекъ. Такъ, напримѣръ, когда онъ, тоскливо поникнувъ впередъ, далеко протягиваетъ руки — дѣло идетъ о нашемъ кабинетѣ; когда вертится сто разъ на одной ногѣ, не двигаясь съ мѣста, у него на умѣ союзное собраніе; когда семенить ногами, будто онъ связаны — у него въ виду мелкіе владѣтели. Европейское равновѣсіе изображаетъ онъ, шатаясь, какъ пьяный: конгрессъ — переплетая руки узломъ.

Повязка спала съ глазъ молодого человѣка, и онъ понялъ, почему танцовщики получаютъ больше денегъ, чѣмъ великіе поэты, почему балетъ служить неисчерпаемымъ предметомъ разговора для дипломатическаго корпуса, и почему иная хорошенькая танцовщица состоитъ еще *privatim* на содержаніи у иного министра, который навѣрное денно и нощно старается пріурочить ее къ своей политической системочкѣ. Праведный Аписъ! какое множество экзотерическихъ зрителей бываетъ въ театрѣ, и какъ мало эзотерическихъ! Стоитъ глупый народъ и смотреть, разиня ротъ, и дивится прыжкамъ и поворотамъ, и изучаетъ анатомію по позамъ Лемьеръ, и аплодируетъ, когда Реншль сдѣлаетъ антраша, и толкуетъ о граціи, о гармоніи, о бедрахъ, а того и не понимаетъ, что въ этихъ выплясываемыхъ знакахъ у него передъ глазами судьба его нѣмецкаго отечества.

Такого рода разговоры, облетая столъ, не помѣшали намъ, однакожь, заняться и существеннымъ: мы обратили должное вниманіе на большія блюда, честно наполненныя мясомъ, картофелемъ и проч. Впрочемъ ѣда была плохая. Я замѣтилъ это мелькомъ своему сосѣду; но онъ отвѣчалъ мнѣ очень невѣжливо, съ акцентомъ, обличавшимъ Швейцарца, что мы, Нѣмцы, такъ же незнакомы съ истинною умѣренностью, какъ и съ истинною свободой. Я пожалъ плечами, и отвѣчалъ, что Швейцарцы-то и есть вездѣ настоящіе холопы и изготовители разныхъ сладостей, и называются преимущественно швейцарами, и что вообще нынѣшніе швейцарскіе герои свободы, говорящіе передъ публикой такъ много политически-смѣлаго, кажутся мнѣ всегда зайцами: они стрѣляютъ на ярмарочныхъ площадяхъ изъ пистолетовъ, изумляютъ своею смѣлостью всѣхъ дѣтей и мужиковъ, и все-таки остаются зайцами.

Сынъ Альповъ вѣроятно не желалъ меня обидѣть. «Это былъ толстякъ, стало-быть добрякъ», говоритъ Сервантесъ. Но сосѣда моего съ другой стороны, Грейфсвальдца, замѣчаніе его очень задѣло. Онъ сталъ увѣрять, что германская сила и простота еще не угасли, крѣпко ударялъ себя въ грудь, и опорожнилъ огромный стаканъ бѣлаго пива. Швейцарецъ говорилъ: «Ну, ну!» Но чѣмъ успокоительнѣе говорилъ онъ это, тѣмъ больше пѣтушился Грейфсвальдецъ. Это былъ мужъ изъ тѣхъ временъ, когда вшамъ хорошо было жить на свѣтѣ, а парикмахеры чуть не ходили по міру. Длинные волосы его падали на плечи. На немъ былъ рыцарскій беретъ, черный древне-германскій кафтанъ, грязная рубашка, исполнявшая въ то же время должность жилета, и подъ нею медальйонъ съ клочкомъ волосъ блюхеровой лошади. Съ виду былъ онъ дурачина во весь ростъ. Я люблю нѣкоторое движеніе за ужиномъ, и потому завелъ съ нимъ политическое преніе. По его мнѣнію, Германію слѣдовало раздѣлить на тридцать три округа. Я, напротивъ, утверждалъ, что округовъ должно быть сорокъ восемь, потому что тогда можно написать болѣе систематическій указатель Германіи, и что жизнь необходимо соединять съ наукой. Грейфсвальдскій пріятель мой былъ тоже германскій бардъ. Онъ признался мнѣ, что трудится надъ національною героическою поэмой въ честь Германа и его битвы. Я далъ ему нѣсколько полезныхъ совѣтовъ для его эпоса. Я замѣтилъ ему, что болота и труппы Тевтобургскаго лѣса онъ можетъ очень ономатопеически выразить водянистыми и кочковатыми стихами, и что было бы патріотическою тонкостью заставить Вара и прочихъ Римлянъ говорить постоянно бессмыслицу. Надѣюсь, что этотъ художническій пріемъ удастся ему, какъ и другимъ берлинскимъ поэтамъ, и будетъ производить самую обманчивую иллюзію.

За нашимъ столомъ становилось все громче и задушевнѣе. Вино вытѣснило пиво, задымились пуншевыя чаши, началось питье и пѣнье. Загремѣли старый *Landesvater* и чудныя пѣсни В. Мюллера, Рюккерта, Уланда и проч., и прекрасныя мелодіи Метфесселя. Слаще всего звучали нѣмецкія слова нашего Арндта

«На то желѣзо создалъ Богъ,
Чтобъ намъ не быть рабами!» (1)

(1) Der Gott, der Eisen wachsen liess,
Der wollte keine Knechte!

за стѣнами тоже раздавался шумъ, словно вмѣстѣ съ нами пѣла старая гора, и нѣкоторые изъ охмѣлѣвшихъ товарищей увѣряли даже, что она радостно покачиваетъ своею лысою головою! и оттого комната наша колеблется. Бутылки пустѣли, головы, становились полнѣе. Одинъ ревѣлъ, другой пѣлъ фистулой, третій декламировалъ тирады изъ *Schuld*, четвертый говорилъ полатыни, пятый проповѣдывалъ воздержаніе, а шестой всталъ на стулъ и держалъ слѣдующую рѣчь: «Милостивые государи, земля есть круглый валъ, люди—шпенъки, разсаженные на немъ, повидимому безъ всякой цѣли; но валъ вертится, шпенъки тамъ и сямъ зацѣпляются и звучать, одни часто, другіе рѣдко; это производитъ чудную, сложную музыку, и музыка эта именуется всемірною исторіей. Итакъ, станемъ говорить сначала о музыкѣ, потомъ о мірѣ и наконецъ объ исторіи; послѣднюю раздѣлимъ мы на позитивъ и шпанскія мушки...» И такъ далѣе мысль мѣшался съ безсмыслицей.

Одинъ добродушный господинъ изъ Мекленбурга, державшій свой носъ въ стаканѣ пунша и съ довольною улыбкой выдохавшій его паръ, замѣтилъ, что ему чудится, будто онъ опять стоитъ въ театральномъ буфетѣ въ Шверинѣ! Другой держалъ стаканъ какъ зрительную трубку передъ глазами и, казалось, внимательно смотрѣлъ сквозь него на насъ, между тѣмъ какъ красное вино текло у него по щекамъ за оттопыренную губу. Грейфсвальдецъ вдругъ воодушевился, бросился ко мнѣ на грудь и возопилъ: «О, еслибы ты могъ понять меня! Я люблю, я счастливъ, я любимъ... И чтѣ это, чортъ меня возьми! чтѣ это за образованная дѣвушка! Грудки полненькія, платьице бѣленькое, и на фортепіанѣхъ играетъ!» Швейцарецъ между тѣмъ плакалъ, нѣжно цѣловалъ мнѣ руку и постоянно всхлипывалъ: «О Бебели! о Бебели!»

Я много-таки могу выдержать (скромность не позволяетъ мнѣ назвать числа бутылокъ) и добрался до своей спальни при довольно благоприятныхъ условіяхъ. Молодой купчикъ лежалъ уже въ постели, въ бѣломъ, какъ мѣлъ, ночномъ колпакѣ, и въ желтой, какъ шафранъ, фланелевой фуфайкѣ. Онъ еще не спалъ и старался завести со мною разговоръ. Онъ былъ изъ Франкфурта на Майнѣ, и потому тотчасъ же заговорилъ о Жидахъ, которые утратили всякое чувство изящнаго и высокаго, и продаютъ англійскіе товары двадцатью пятью процентами ниже фабричной цѣны. Мнѣ пришла охота помистифицировать его, и

я сказалъ ему, что я лунатикъ, и потому заранѣе прошу его прощенія, если мнѣ случится потревожить его сонъ. Бѣдняга признался мнѣ на другой день, что не спалъ поэтому всю ночь, боясь, какъ бы въ лунатизмѣ я не произвелъ какого несчастія своими пистолетами, лежавшими у меня около постели.

По правдѣ сказать, я не былъ счастливѣе его: я спалъ очень дурно. Мнѣ грезились дикія и страшныя картины, нѣчто въ родѣ извлеченія для фортепіанъ изъ Дантова *Ада*. Подъ конецъ приснилось мнѣ даже представленіе юридической оперы, подъ названіемъ: *Falcidia*, текстъ Ганса, а музыка Спонтини. Безумная греза! Римскій форумъ пышно сіялъ. Сервилиусъ Азиніусъ Гетенусъ сидѣлъ, какъ преторъ, на своемъ сѣдалищѣ, горделиво драпируясь тогой, и разливался въ шумныхъ речитативахъ: Маркусъ Туллиусъ Эльверзусъ, какъ *prima donna legalia*, во всей красѣ своей женственности, пѣлъ страстную бравурную арію *quicumque civis romanus*. Нарумяненные какъ кирпичь референдаріи выли словно хоръ безсловесныхъ. Приват-доценты, одѣтые геніями, въ трико тѣлеснаго цвѣта, танцовали до-юстиніановскій балетъ и вѣнчали цвѣтами двѣнадцать таблицъ. Въ громѣ и молніи поднялся изъ земли оскорбленный духъ римскаго законодательства, потомъ трубы, литавры, огненный дождь, *sunt omni sausa*.

Изъ этого шума извлекъ меня броккенскій трактирщикъ: онъ разбудилъ меня посмотрѣть на восхожденіе солнца. На башнѣ засталъ я уже нѣсколько человѣкъ, потиравшихъ иззябшими руками; другіе поднимались снизу пошатываясь, съ сонными глазами. Наконецъ собралась вся вчерашняя тихая община, и мы смотрѣли въ безмолвіи, какъ тихо вскапывалось на небо-склонѣ небольшое багровое ядро, какъ распространялся какой-то мерцающій зимній свѣтъ, и горы словно потонули въ бѣломъ волнующемся морѣ, и изъ него проглядывали только ихъ верхи, такъ что казалось, стоишь на небольшомъ холмѣ, посреди затопленной равнины, на которой лишь тамъ и сямъ виднѣются сухія глыбы земли. Чтобъ утвердить словомъ все видѣнное и почувствованное, я сложилъ слѣдующую пѣсню:

Солнце близко; на востокѣ
Небо ярко и румяно.
Вправо, влѣво тонуть горы
Въ морѣ бѣлаго туманѣ.

Сапоги бы скороходы!
Я бы въ нихъ съ волшебной сплой

Зашагалъ черезъ эти горы,
И примчался къ дому милой.

Спать: я тихо распахнулъ бы
Бѣлый пологъ надъ кроваткой,
Цѣловать бы сталъ ей тихо
Глазки, щечки, ротикъ сладкой...

И еще бы тише молвилъ
На ушко: «Не вѣрь обману!
Я съ тобой, съ тобой, какъ прежде,
И любить не перестану!»

Впрочемъ, тоска по завтраку была во мнѣ также сильна, и сказавъ моимъ дамамъ нѣсколько вѣжливыхъ словъ, я поспѣшилъ внизъ выпить въ теплой комнатѣ кофе. вмѣстѣ съ арабскимъ напиткомъ по членамъ моимъ разлилась восточная теплота; на меня повѣяли ароматомъ восточныя розы; зазвучали сладкія пѣсни восточнаго соловья; студенты превратились въ верблюдовъ, броккенскія служанки съ своими конгревовскими взглядами—въ гурій, носы филистеровъ—въ минареты, и т. д.

Книга, лежавшая передо мной, была, впрочемъ, не коранъ, хотя чепухи было въ ней и не мало. Это была такъ называемая *Броккенская книга*, въ которую всѣ путешественники, взобравшіеся на гору, вписываютъ свои имена, и большая часть присоединяетъ къ тати нѣкоторыя мысли, а за неимѣніемъ ихъ—свои чувства. Многіе выражаются даже въ стихахъ. Изъ этой книги можно видѣть, что за ужасъ происходитъ, когда филистеры, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, какъ напри- мѣръ здѣсь, на Броккенѣ, рѣшаются во что бы то ни стало удариться въ поэзію. Такихъ крупныхъ пошлостей, какъ въ этой книгѣ, нѣтъ и во дворцѣ паллагонскаго принца. Особенно ярко выдаются господа сборщики пошлинъ съ своими запле- сневѣлыми чувствованіями, конторскіе юноши съ патетиче- скими изліяніями, древне-германскіе дилеттанты революціи со своими общими мѣстами, берлинскіе школьные учителя съ не удавшимися восторженными фразами, и проч. Господинъ Іога- нисъ Гагель хочетъ показать, что и онъ сочинитель. Тутъ описывается царственное велелѣпіе восходящаго солнца; тамъ жалобы на дурную погоду, на несбывшіяся надежды, на ту- манъ, скрывающій всѣ виды. «Взобрался въ туманъ и спус- каться сталъ въ туманъ», это стоячая острота, повторяемая здѣсь сотнями.

Отъ всей книги несетъ сыромъ, пивомъ и табакомъ; точно читаешь романъ Клаурена.

Когда я, какъ сказано, пилъ кофе и перелистывалъ *Броккенскую книгу*, въ комнату вошелъ Швейцарецъ съ ярко раскраснѣвшими щеками и сталъ съ чрезвычайнымъ одушевленіемъ разказывать о великолѣпномъ зрѣлищѣ, которымъ онъ восхищался съ башни: чистый, спокойный свѣтъ солнца, эмблема истины, боролся съ сумрачными массами тумана, и казалось, видишь сраженіе духовъ; гнѣвные исполины потрясаютъ длинными мечами, и мчатся рыцари въ доспѣхахъ, на бурныхъ коняхъ, и изъ дикой сумятицы этой возникаютъ боевыя колесницы, развѣвающіяся знамена, странные звѣриныя образы, и наконецъ все свивается въ бѣшеное движеніи, потомъ блѣднѣетъ, блѣднѣетъ и исчезаетъ безъ слѣда. Я прозѣвалъ это демагогическое явленіе природы и, еслибы дѣло дошло до слѣдствія, могъ бы присягнуть, что ничего не знаю, кромѣ того, что черныи кофе мой былъ очень вкусенъ. Ахъ! этотъ кофе былъ виной и тому, что я позабылъ о моей прекрасной дамѣ, и она стояла уже въ дверяхъ съ маменькой и спутникомъ своимъ, готовясь сѣсть въ экипажъ. Я едва успѣлъ подбѣжать къ ней и увѣрить ее, что на дворѣ холодно. Она, казалось, была недовольна, что я не подошелъ раньше; но я скоро разглядилъ морщинки неудовольствія на ея прекрасномъ челѣ: я поднесъ ей чудный цвѣтокъ, сорванный мною наканунѣ, съ опасностію сломить шею, на кручѣ утеса. Маменька пожелала знать названіе цвѣтка, какъ бы находя неприличнымъ, чтобы дочь ея приколола себѣ на грудь чужой, незнакомый цвѣтокъ. А цвѣтокъ точно занялъ это завидное мѣсто, чего, разумѣется, и не снилось ему вчера на его одинокой вышкѣ. Тутъ молчаливый спутникъ вдругъ неожиданно открылъ ротъ, сосчиталъ тычинки цвѣтка и очень равнодушно сказалъ: «Онъ принадлежитъ къ восьмому классу».

Меня всякій разъ беретъ злость, когда я вижу, что и милые Божіи цвѣточки дѣлятъ, какъ и насъ грѣшныхъ, на касты, и по такимъ же внѣшнимъ признакамъ, именно по тычинкамъ. Ужъ если дѣлить, такъ послѣдовать бы Теофрасту, который хотѣлъ раздѣлить цвѣты на основаніи ихъ духовныхъ качествъ, именно по запаху, Чтò касается до меня, я въ естественной исторіи руководствуюсь своею системой; для меня все раздѣляется на два класса: къ одному принадлежитъ все, чтò можно ѣсть, къ другому все, чего нельзя ѣсть.

Впрочемъ, таинственная природа цвѣтовъ вовсе не была чужда старшей дамѣ, и она невольно высказала, что цвѣты очень радуютъ ее, когда еще растутъ въ саду или въ горшкахъ, но что, напротивъ, грудь ея содрогается отъ тихаго чувства скорби, томительнаго какъ греза, когда она видитъ сорванный цвѣтокъ: вѣдь это ужь, собственно говоря, только трупъ цвѣтка, и какъ печально опускаетъ этотъ сокрушенный, нѣжный трупъ свою блеклую головку, словно мертвый младенецъ! Даму почти испугалъ мрачный колоритъ ея замѣчанія; моею обязанностію было успокоить ее нѣсколькими стихами Вольтера. Какъ быстро возвращаютъ насъ нѣсколько французскихъ словъ къ обычному приличному настроенію! Мы засмѣялись; я расцѣловалъ ручки и удостоился милостивой улыбки. Лошади заржали, и экипажъ тихо и тяжело сталъ спускаться подъ гору.

Студенты тоже стали собираться въ путь. Они завязывали свои котомки и расплачивались по счетамъ, которые казались, противъ всякаго ожиданія, невысокими. Податливыя служанки со слѣдами счастливой любви на лицахъ принесли, по обыкновенію, броккенскихъ букетовъ, помогали студентамъ прикалывать ихъ на шапки и получали за это въ награду по нѣсколькимъ поцѣлуевъ или по нѣсколькимъ грошей. За тѣмъ всѣ мы пошли съ горы. Одни, между прочимъ Швейцарецъ и Грейфсвальдецъ, направились по дорогѣ къ Ширке; другіе, человекъ двадцать, въ томъ числѣ земляки мои и я, пошли съ проводникомъ, чрезъ такъ-называемыя *снѣговыя ямы*, къ Ильзенбургу.

За нами трудно было поспѣть. Галльскіе студенты маршировали быстрѣе австрійскаго гарнизона. Я и осмотрѣться не успѣлъ, какъ обнаженная часть горы съ разсѣянными по ней группами камней была уже позади, и мы очутились въ еловомъ лѣсу, въ которомъ я былъ день тому назадъ. Солнце обдавало уже все своими праздничными лучами, и освѣщало юмористически-пестро одѣтыхъ молодцовъ, которые такъ отважно пробивались сквозь чащу, то пропадали, то опять появлялись, то перебѣгали по сваленнымъ деревьямъ болотистыя мѣста, то цѣплялись за узловатые корни на отвѣсныхъ крутизнахъ, и постоянно пѣли на всевозможные лады. Весело отвѣчали имъ щебечущія лѣсныя пташки, шумные или незримо журчащія ручьи и раскатистое эхо. Ясная молодость и прекрасная природа—какъ было имъ не радоваться другъ другомъ!

Чѣмъ ниже спускались мы, тѣмъ пріятнѣе журчали подземныя воды. Лишь изрѣдка, тамъ и сямъ, проглядывали онѣ

изъ-подъ каменьевъ и тернистаго кустарника, какъ будто тихо прислушиваясь, выходить ли имъ на свѣтъ, и наконецъ вдругъ рѣшительно выскакивала маленькая струйка. Тутъ происходило обыкновенное явленіе: смѣльчакъ сдѣлалъ начало, и цѣлая толпа нерѣшительныхъ вдругъ, къ собственному своему удивленію, оживляется отвагой и спѣшитъ соединиться съ первымъ товарищемъ. Множество другихъ ручьевъ поспѣшно выбѣгло наружу изъ своихъ потаенныхъ убѣжищъ и соединилось съ первымъ рѣшившимся появиться на свѣтъ. Скоро они составили уже значительный потокъ, который съ журчаньемъ сбѣгалъ въ горную долину, образуя по пути безчисленные водопады и чудные извивы. Это Ильза, милая, прелестная Ильза. Она протекаетъ по благословенной Ильзской долинѣ, съ обѣихъ сторонъ которой идутъ, постепенно возвышаясь, горы, сверху до низу покрытыя преимущественно буками, дубами и обыкновенными лиственными кустами, а уже не елями и другимъ хвойнымъ лѣсомъ. Лиственные породы преобладаютъ на *Нижнемъ Гарцѣ*, какъ называютъ обыкновенно восточную сторону Брокена, въ противоположность западной его сторонѣ, которая называется *Верхнимъ Гарцемъ*, и дѣйствительно гораздо выше, стало-быть и гораздо свойственнѣе хвойнымъ породамъ.

Невозможно описать, съ какою наивностію, веселостію и прелестію перебрасывается Ильза черезъ причудливыя изваянія скалъ, встрѣчаемая ею въ пути. Вода ея то дико шипитъ или пѣнится и вздувается, то чистыми дугами льется изъ трещинъ утесовъ, какъ изъ полныхъ кувшиновъ, а внизу опять осторожно бѣжитъ по мелкимъ камешкамъ, словно бойкая дѣвушка. Да, справедливо сказаніе, что Ильза—принцесса, въ пышномъ уборѣ и со смѣхомъ бѣгущая по горамъ. Какъ блеститъ на солнцѣ ея бѣлая пѣнистая одежда! Какъ развѣваются по вѣтру серебряныя ленты на ея груди! Какъ искрятся и горятъ ея алмазы! Высокіе буки стоятъ около нея точно почтенные отцы, и, кажется, украдкой улыбаются, любуясь рѣзвостію милой дочери. Бѣлыя березы смотрятъ съ самодовольствомъ тетокъ, хотя и опасаются по временамъ, глядя на смѣлые прыжки племянницы. Гордый дубъ глядитъ строптивымъ дядей, которому приходится платить за хорошую погоду. Пташки въ воздухѣ поютъ ей хвалу. Цвѣты на берегу умильно лепечуть: «Возьми насъ, возьми съ собой, милая сестрица!» Но веселая дѣвушка бѣжитъ, не останавливаясь, дальше, и

внезапно охватываетъ она мечтающаго поэта, и струится на меня цвѣтной дождь звучащихъ лучей и лучистыхъ звуковъ, и кружится голова моя отъ блаженства, и я слышу только сладостный, какъ флейта, голось:

Зовусь я принцессою Ильзой,
Живу въ Ильзенштейнѣ своемъ.
Зайди ты въ хрустальный мой замокъ!
Блаженно мы въ немъ заживемъ.

Своею прозрачной волною
Я вымою кудри твои;
Со мною, угрюмый страдалецъ,
Забудешь ты скорби свои.

На бѣлой груди моей ляжешь,
Уснешь въ моихъ бѣлыхъ рукахъ,
И страстной душою потонешь
Въ чарующихъ, сказочныхъ снахъ.

Ласкать, цѣловать тебя стану
Безъ устали: Въ нѣгѣ такой
Не таялъ и царственный Генрихъ,
Покойный возлюбленный мой.

Пусть мертвые тлѣютъ въ могилахъ!
Живому дай жизни исполнѣ!
А я и свѣжа, и прекрасна,
И сердце играетъ во мнѣ.

Зайди же, прохожій, въ мой замокъ!
Въ мой замокъ хрустальный зайди!
Тамъ рыцари пляшутъ и дамы...
На пышный мой пиръ погляди!

Шумятъ тамъ парчевыя платья,
Желѣзныя шпоры звенятъ,
И карлы на скрипкахъ играютъ,
Бьютъ въ субны и въ трубы трубятъ.

Какъ нѣкогда Генриха, крѣпко
Тебя ко груди я прижму.
Бывало, труба зарокочетъ,
Я уши закрою ему.

Чувство безпредѣльнаго блаженства охватываетъ душу, когда мѣръ явленій сливается съ нашимъ внутреннимъ міромъ; когда и зеленыя деревья, и мысли, и пѣніе птицъ, и грусть, и небесная синева, и воспоминанія, и благоуханіе травъ сплетаются въ одинъ нѣжный арабескъ. Лучше всего извѣстно

это чувство женщинамъ, и вѣроятно оттого-то порхааетъ на губахъ ихъ такая мило-недовѣрчивая улыбка, когда мы съ схоластическою гордостью восхваляемъ свои логическіе подвиги, какъ славно раздѣлили мы все на объективное и субъективное, какъ снабдили свои головы, на подобіе аптекъ, тысячею ящичковъ, и въ одномъ ящичкѣ помѣстили разумъ, а въ другомъ разумокъ, а въ третьемъ остроуміе, а въ четвертомъ плохое остроуміе, а въ пятомъ ровно ничего, именно идею.

Я шелъ впередъ какъ во снѣ и почти не замѣтилъ, какъ мы покинули глубокую долину Ильзы и снова стали подниматься въ гору. Выходъ былъ крутъ и труденъ, и многіе изъ насъ едва переводили духъ. Но, какъ покойный дядюшка нашъ, схироненный въ Мельнѣ, мы заранѣе мечтали о спускѣ подъ гору и не унывали. Наконецъ добрались мы до Ильзенштейна.

Это огромная гранитная скала, высоко и смѣло поднимающаяся изъ глубины. Съ трехъ сторонъ замыкають ее высокія, лѣсистыя горы, а четвертая, сѣверная сторона открыта, и отсюда видны лежащій внизу Ильзенбургъ и далеко убѣгающая Ильза. На башнеобразной оконечности скалы стоитъ большой желѣзный крестъ, и около есть при нуждѣ мѣсто для четырехъ человѣческихъ ногъ.

Какъ природа, давшая Ильзенштейну такое положеніе и такую форму, украсила его фантастическою прелестью, такъ и преданіе пролило на него свой розовый свѣтъ. Готшалкъ говорить: «Разказываютъ, что здѣсь стоялъ заколдованный замокъ, гдѣ жила богатая, прекрасная принцесса Ильза, которая будто бы и до сихъ поръ каждое утро купается въ Ильзѣ, и кому посчастливится угодить сюда въ эту пору, того она уводитъ въ скалу, гдѣ ея замокъ, и награждаетъ покоролевски». Другіе разказываютъ прелестную исторію о любви дѣвицы Ильзы и рыцаря Вестенберга. Эту исторію романтически воспѣлъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ поэтовъ нашихъ въ *Abendzeitung*. Есть и иные разказы. Такъ, говорятъ, будто древне-саксонскій императоръ Генрихъ императорски наслаждался съ Ильзой, прекрасною водяною феей, въ ея заколдованномъ замкѣ-утесѣ. Одинъ новѣйшій писатель, нѣкто господинъ Ниманъ (его благородіе), сочинившій *Руководство для путешественниковъ по Гарцу*, гдѣ съ похвальнымъ трудолюбіемъ и математическою точностію исчислилъ горныя возвышенности, отклоненія магнитной стрѣлки, городскіе долги и т. п., господинъ Ниманъ, напротивъ, говорить: «Все, что разказываютъ о прекрасной принцессѣ

Ильзѣ, принадлежить къ области вымысла». Такъ говорятъ всѣ эти люди, которымъ никогда не являлись такія принцессы; но мы пользуемся особеннымъ расположеніемъ прекрасныхъ дамъ и знаемъ дѣло лучше. Зналъ и императоръ Генрихъ. Не даромъ такъ дорого цѣнили свой родимый Гарцъ древне-саксонскіе императоры. Стбитъ только раскрыть прекрасную *Люнебургскую хронику*, гдѣ въ удивительно добродушныхъ гравюрахъ изображены эти добрые старинные государи, въ крѣпкихъ доспѣхахъ, на своихъ боевыхъ коняхъ, со священною императорскою короной на драгоценной главѣ, со скипетромъ и мечомъ въ твердой рукѣ: на ихъ милыхъ бородатыхъ лицахъ ясно видно, какъ часто тосковали они по сладостнымъ сердцамъ своихъ гарцскихъ принцессъ и по привѣтному шуму гарцскихъ лѣсовъ, когда бывали на чужбинѣ, даже въ богатой лимонами и отравами Италиі, куда такъ часто увлекало ихъ и ихъ преемниковъ желаніе именоваться римскими императорами, чисто-нѣмецкая страсть къ титуламъ, губившая и императора, и государство.

Совѣтую, однакожъ, всякому, стоящему на окраинѣ Ильзенштейна, думать не о старыхъ германскихъ императорахъ и имперіи, не о прекрасной Ильзѣ, а только о собственныхъ своихъ ногахъ. Когда я стоялъ тамъ, теряясь въ думахъ, вдругъ послышалась мнѣ подземная музыка волшебнаго зѣмка, окрестныя горы стали на головы, красныя черепичныя кровли въ Ильзенбургѣ заплясали, зеленыя деревья закружились въ синемъ воздухѣ. У меня самого позеленѣло въ глазахъ, и я навѣрное полетѣлъ бы, съ отуманенною головой, въ пропасть, еслибы крѣпко не ухватился со страху за желѣзный крестъ.

Гарцъ — отрывокъ; отрывкомъ и останется. Пестрыя нити, такъ красиво вплетенныя въ него, чтобы гармонически потонуть въ цѣломъ, вдругъ обрѣзаны, будто ножницами неумолимой парки. Можетъ-быть я еще вплету ихъ современемъ въ свои будущія пѣсни, и тогда вполнѣ выскажу то, о чемъ теперь скупю умолчалъ. Не все ли равно, когда и гдѣ высказаться, лишь бы высказаться. Пусть отдѣльныя сочиненія остаются отрывками: только бы въ совокупности-то образовали они цѣлое. Этою совокупностью пополняется мѣстами все недоста-

точное, выравнивается угловатое и смягчается все слишком жесткое. Так были бы смягчены можетъ-быть и первые страницы *Гарца* и производили бы менѣе кислое впечатлѣніе, еслибъ изъ какого-нибудь другаго мѣста моихъ сочиненій читатель узналъ, что злоба, которую я питаю вообще къ Гетингену, и притомъ даже въ большей степени, нежели высказалъ, все-таки не такъ велика, какъ мое уваженіе къ нѣкоторымъ геттингенскимъ личностямъ. Мнѣ не для чего скрывать, что я разумѣю въ особенности того дорогаго мнѣ человѣка, который на самыхъ первыхъ порахъ такъ дружественно принялъ меня, тогда же внушилъ мнѣ глубокую любовь къ изученію исторіи, утвердилъ меня въ послѣдствіи въ занятіяхъ ею и этимъ вывелъ мой духъ на болѣе спокойные пути, указалъ жизненной силѣ моей лучшее направленіе и приготовилъ мнѣ тѣ историческія утѣшенія, безъ которыхъ мнѣ никакъ бы не вынести мучительныхъ явленій современности. Я говорю о Георгѣ Сарториусѣ, великомъ бытописателѣ и человѣкѣ, глазъ котораго свѣтлая звѣзда въ наше темное время, гостепріимное сердце котораго открыто всѣмъ чужимъ скорбямъ и радостямъ, заботамъ нищаго и короля, и послѣднимъ вздохамъ исчезающихъ народовъ и ихъ боговъ.

Считаю необходимымъ упомянуть здѣсь и о томъ, что Верхній Гарцъ, то-есть та часть Гарца, которую я описалъ до начала долины Ильзы, далеко не представляетъ такого плѣнительнаго вида, какъ романтически живописный Нижній Гарцъ, и даже составляетъ совершенную противоположность съ нимъ своею дико-утесистою, темно-лѣсистою красотой. Такъ же мило противоположны одна другой три долины Нижняго Гарца, образуемая Ильзою, Бодою и Зелькою, когда сумѣешь олицетворить характеръ каждой долины. Это три женскіе образа, и не легко рѣшить, который изъ нихъ прекраснѣе.

Я уже говорилъ и пѣлъ о милой, ласковой Ильзѣ и о милomъ, ласковомъ ея привѣтѣ. Не такъ милостиво приняла меня сумрачная красавица Бода, и когда я увидѣлъ ее въ первый разъ, среди темной зелени рѣпнаго поля, она, казалось, была очень сердита и закуталась въ серебристо-сѣрый дождевой покровъ. Но съ быстротой любви сбросила она его съ себя, когда я добрался до вершины Ростраппе. Лицо ея обратилось ко мнѣ, все облитое солнечнымъ блескомъ; всѣ черты дышали колоссальною нѣжностью, — и изъ стѣсненной груди утеса вырывались какъ будто грустные вздохи и тающіе звуки печали. Не такъ

нѣжно, но веселѣе смотрѣла на меня красавица Зелька, милая, привѣтливая дама, благородная простота и ясное спокойствіе которой отдаляютъ отъ нея всякую сентиментальную фамилярность, хотя полускрытая улыбка и обличаетъ ея кокетливый нравъ. Кажется, ему надо приписать нѣсколько маленькихъ неудачъ, постигшихъ меня въ долину Зельки: вздумавъ перескочить черезъ воду, я попалъ какъ-разъ въ середину; потомъ, когда перебѣнилъ мокрые сапоги на туфли, одна изъ нихъ вдругъ потерялась; потомъ порывъ вѣтра умчалъ съ меня шапку; потомъ лѣсныя тернія изранили мнѣ ноги, и прочее под. Но всѣ эти бѣдствія прощаю я прекрасной дамѣ, за то, что она прекрасна. И теперь возстаетъ она въ моемъ воображеніи во всей кроткой прелести своей, и какъ будто говоритъ: «Я хоть и смѣюсь, а расположена къ вамъ. Пожалуйста, воспойте меня!» Въ воспоминаніи моемъ является и пышная Бода, и говорятъ мнѣ ея темныя очи: «Ты похожъ на меня гордостью и страданіями, и я хочу, чтобъ ты любилъ меня». Прибѣгаетъ и прелестная Ильза, нѣжна и очаровательна станомъ, взглядами и движеніями. Она такъ похожа на прекрасное существо, которымъ блаженны мои грезы, и, точь въ точь какъ она, смотритъ на меня съ недолимымъ равнодушіемъ и въ то же время съ такою глубокою, такою вѣчною, такою прозрачною правдой. Я Парисъ; передо мной стоятъ три богини,—и я вручаю яблоко красавицѣ Ильзѣ.

Сегодня первое мая. Весна проливается на землю моремъ жизни; бѣлая пѣна цвѣтовъ виситъ на деревьяхъ; широкій, теплый туманный блескъ обнимаетъ все. Въ городѣ весело еверкаютъ окна домовъ; воробы опять выютъ гнѣздышки подъ кровлями; по улицамъ гуляетъ народъ, и удивляется, отчего воздухъ такъ заразителенъ, и отчего такъ чудно становится на душѣ. Пестрыя продавщицы носятъ букеты фіалокъ; сиротки въ голубыхъ кофточкахъ, съ милыми безбрачными личиками, проходятъ по Юнгфернстигу (1) и радуются, какъ будто имъ суждено найти сегодня отца; нищій на мосту смотритъ съ такимъ довольствомъ, словно выигралъ главный призъ въ лотерею; даже чернаго, еще неповѣшеннаго маклера съ мощенническимъ, мануфактурно-товарнымъ лицомъ, освѣщаетъ солнце толерантнѣйшими лучами. Я хочу пойти за городъ.

(1) *Jungfernstieg*, набережная Альстера въ Гамбургѣ, обыкновенное гулянье жителей города. *Перев.*

Сегодня первое мая, и я думаю о тебѣ, красавица Ильза (или назвать тебя *Анессой*, моимъ любимымъ именемъ?)... я думаю о тебѣ, и хотѣлось бы мнѣ опять взглянуть, какъ обѣжишь ты, оія, съ горь. Но больше всего хотѣлось бы мнѣ стоять внизу, въ долинѣ, и принять тебя въ объятіи. Какой прекрасный день! Повсюду зеленый цвѣтъ, цвѣтъ надежды. Повсюду, какъ сладостныя чары, распускаются цвѣты, и сердце мое тоже собирается опять расцвѣсть. Вѣдь и это сердце — цвѣтокъ, чудный цвѣтокъ. Это не скромная фіалка, не смѣющаяся роза, но чистая лилія, или какой другой цвѣтокъ, радующій дѣвушекъ скромною красотой, цвѣтокъ, который хорошо приколотъ къ хорошенькой груди, который сегодня свянетъ, а завтра опять расцвѣтетъ. Сердце это похоже больше на тотъ тяжелый и странный цвѣтъ лѣсовъ Бразиліи, что цвѣтеть, по словамъ преданія, только разъ въ столѣтіе. Помню, ребенкомъ видѣлъ я такой цвѣтокъ. Ночью услышали мы выстрѣлъ, какъ будто изъ пистолета, и на слѣдующее утро сосѣдскія дѣти разказали мнѣ, что это ихъ *алоз* распустился съ такимъ трескомъ. Они повели меня къ себѣ въ садъ, и тамъ, къ изумленію своему, я увидѣлъ, что приземистое, жесткое растеніе съ глупо-широкими, острозубчатыми листьями, которыми легко было оцарапаться, вдругъ поднялось теперь высоко, и верхушка его была увѣнчана, словно золотою короной, великолѣпнѣйшимъ цвѣтомъ. Мы, ребятишки, не могли видѣть такъ высоко, и старый, ухмыляющійся Христіанъ, очень любившій насъ, построилъ вокругъ цвѣтка деревянную лѣстницу, и мы стали, какъ кошки, вскарабкиваться на нее, и съ любопытствомъ заглядывали въ открытую чашу цвѣтка, откуда съ неслыханною роскошью подымались желтыя лучистыя нити и странно-чуждыя благоуханія.

Да, Агнеса, не часто и не легко расцвѣтаетъ это сердце. Сколько помню, только разъ цвѣло оно, и этому уже очень давно, навѣрное сто лѣтъ. Мнѣ кажется, какъ ни пышно распустился тогда его цвѣтъ, ему пришлось-таки жалко зачахнуть отъ недостатка солнечнаго свѣта и тепла, а пожалуй что его злобно погубила и темная зимняя непогода. Но теперь опять что-то шевелится и тѣснится у меня въ груди, и если ты вдругъ услышишь выстрѣлъ — не бойся, дѣвушка, не думай, что я застрѣлился! Нѣтъ, это любовь моя разрываетъ свою почву и расцвѣтаетъ лучезарными пѣснями, вѣчными диѳирамбами, радостнымъ богатствомъ поэзіи.

Если же эта высокая любовь слишкомъ высока для тебя, ми-

лая, то постарайся вообразиться на деревянную лѣстницу и посмотри съ нея въ мое цвѣтущее сердце!

Еще рано; солнце не прошло и половины своего пути; а сердце мое благоухаетъ уже такъ сильно, что голова у меня кружится, и я ужь не знаю, гдѣ кончается иронія, и начинается небо; я населяю воздухъ своими вздохами, и мнѣ хотѣлось бы самому расплыться въ сладостные атомы, въ несозданное божество. Чтò же будетъ со мною, какъ наступитъ ночь, и засвѣтятся въ небѣ звѣзды, «несчастныя звѣзды, которыя могутъ сказать тебѣ...»

Сегодня первое мая. Всякая дрянь, всякій лавочникъ имѣетъ сегодня право быть сентиментальнымъ. Неужто запретите вы это поэту?

Мих. Михайловъ.

ДВѢ МАМЕНЬКИ

ПОВѢСТЬ

I.

ПЕРЕПИСКА.

25 іюля 185... года.

Видишь ли, какъ я исполняю обѣщаніе свое, ma chère Lise? Не болѣе недѣли, какъ я въ Петербургѣ, и ужь пишу тебѣ, не смотря на всѣ хлопоты, которыя почти не даютъ намъ покоя здѣсь. Представь, до чего мы захлопотались: третьяго дня мы не были у заутрени; а въ прошлую субботу не были у вечерни. Каково! И мама тоже не была, даже не вспомнила о заутренѣ и вечернѣ; вотъ что значитъ Петербургъ! Впрочемъ, по правдѣ сказать, Петербургъ мнѣ не очень нравится; слова нѣтъ—огромный, великолѣпный городъ, да мнѣ здѣсь какъ-то не весело. Вчера... Впрочемъ лучше я разкажу тебѣ все по порядку: прѣхавши сюда, первые четыре дня мы все только ѣздили по магазинамъ, заказывали себѣ платья, шляпки, бурнусы, покупали ленты, перчатки, духи и проч. Тебѣ известно, какой жадкій былъ у насъ гардеробъ! Мама впрочемъ и здѣсь не раскутилась; ты знаешь ея мнѣніе, что слишкомъ хорошо одѣваться грѣшно. Потомъ мы поѣхали съ визитомъ къ М-ше Бѣльской и графинѣ Манатовой, которыя живутъ на дачѣ. М-ше Бѣльская приняла насъ очень любезно, а графиня немного важничала. Не знаю, замѣтила ли ты, что она,

такая добрая и ласковая со всѣми, была всегда не много надменна съ нами; это вѣрно оттого, что татап, правду сказать, очень ужъ важничаетъ, а графиня горда, хоть и обращается со всѣми ласково. Послѣ визитовъ, татап, по обыкновенію, бранила Вареньку за то, что она не ловка, не любезна, ставила ей въ примѣръ М-me Бѣльскую и графиню. Ну скажи, можно ли Варенькѣ, жившей всегда въ глуши, въ уединеніи, вдругъ сдѣлаться свѣтскою женщиной, потому что ее сдѣлали фрейлиной? Слава Богу, что я не фрейлина, и что татап считаетъ меня ребенкомъ, а то и мнѣ доставалось бы также. Потому были въ русскомъ театрѣ; тамъ играли какую-то преуморительную піесу,—забыла какъ называется. Я порядочно поохотала, и Варенька смѣялась, даже татап раза два улыбулась. Въ воскресенье мы были на гуляньѣ въ Павловскѣ.

Ну, чтожь, та сѣге, и говорить нечего какъ хорошъ оркестръ Штрауса; какое множество гуляющихъ, какъ всѣ нарядны etc. Но все-таки мнѣ у насъ въ Кругоборскѣ веселѣе: тамъ всѣхъ знаешь, и тебя всѣ знаютъ, всѣ тебѣ рады, а здѣсь ни одного знакомаго лица... Татап тоже не понравилось гулянье. Ее кажется раздосадовало то, что на насъ, такихъ важныхъ особъ, дочерей кругоборскаго губернатора, никто не обратилъ малѣйшаго вниманія. Чѣмъ подѣлываетъ monsieur T*? Можешь сказать ему, что я объ немъ спрашиваю у тебя. Послѣзавтра Варенька будетъ представляться ко двору, ея платье уже готово, и татапъ всякій день читаетъ ей нотации.

До свиданія, сѣге Lise, пиши и ты ко мнѣ, помни свои объщанія. Je t'embrasse.

Вѣра Озерская.

Р. S. Кланяйся своей татап.

Черезъ недѣлю, это письмо было получено Лизаветою Степановною Бюргеръ, дочерью инспектора врачебной управы въ городѣ Кругоборскѣ.

Лизавета Степановна была дѣвушка лѣтъ девятнадцати, блондинка средняго роста, полная, можно даже сказать, слишкомъ полная, съ крупными довольно красивыми чертами лица; только глаза ея были не много малы, да руки велики и красны; походка ея была лѣнивая, всѣ движенія вялы. Она очень обрадовалась письму своей подруги, которое внесла къ ней горничная распечатаннымъ. Одѣвшись (это было утромъ), Лиза-

вста Степановна вышла изъ своей опрятной, незатѣливой комнаты.

— Здравствуй, папан! сказала она, войдя въ комнату матери и цѣлуя ее.

— Здравствуй, Лиза! быстро проговорила мать, окидывая ее взглядомъ.

Розалія Карловна, мать Лизы, была женщина лѣтъ сорока пяти, очень худая, проворная, съ черными глазами и такими же волосами, и одѣтая не безъ претензій.

— Ты должна поскорѣе отвѣчать Вѣрочкѣ! сказала она дочери.

— Да, папан, я сейчасъ же напишу ей, если позволишь, отвѣчала Лизавета Степановна.

— Напиши и принеси ко мнѣ, проговорила Розалія Карловна.—Пиши порусски: это мове-жанръ, но Вѣрочка порусски пишетъ, такъ и тебѣ нужно.

« Анна Гавриловна не читаетъ писемъ своихъ дочерей, и дурно дѣлаетъ, подумала Розалія Карловна. Дочерей нужно непременно держать въ рукахъ, безпрестанно наблюдать за ними, иначе... Вотъ Вѣрочка ужъ занята какимъ-то Т. вѣрно Толенымъ, Богъ знаетъ кѣмъ. Ну, я не допущу, чтобы моя Лиза интересовалась кѣмъ бы то ни было безъ моего выбора.

— Александра Марковна пріѣхала! доложилъ человекъ.»

— Сейчасъ, отвѣчала Розалія Карловна, оправляясь, и вышла изъ комнаты.

Лиза между тѣмъ сидѣла за своимъ письменнымъ столикомъ.

«Тысячу разъ благодарю тебя, за письмо твое, та снѣге Вѣрочка, писала она; я такъ ему обрадовалась, что и выразить не умѣю; но ты мнѣ очень мало пишешь и умалчиваешь обо многомъ, чтѣ меня очень интересуешь: какъ были одѣты М-ше Б. и графиня М., когда вы у нихъ были, какъ убрано у нихъ въ домѣ? Какъ вы были одѣты на гуляньѣ въ Павловскѣ, какое платье сдѣлали M-lle Varbe для ея представленія ко двору?—Все это меня очень интересуешь. У насъ нѣтъ ничего новаго, большая часть знакомыхъ разъѣхались по деревнямъ или куда-нибудь на воды; въ городѣ очень скучно. Хоть бы скорѣе зима! Ахъ, какъ я жду свиданія съ тобою, та bien снѣге Вѣрочка! Вотъ когда надоѣтъ тебѣ своими разспросами!

Пока до свиданія; больше писать право нечего. Je t'embrasse de tout mon cœur.

Toute à toi, Lise Burger.

P. S. Maman t'embrasse. Кланяйся и отъ нея и отъ меня твоей маман и M-lle Barbe.

Окончивъ письмо, Лиза понесла его показать матери, которая уже выпроводила свою гостью.

— Какъ можно кланяться такой почтенной особѣ, какъ Анна Гавриловна, сказала Розалія Карловна, прочитавши письмо дочери.—Перепиши письмо: скажи, что мы свидетельствуемъ ей свое почтеніе, да не въ P. S., а въ серединѣ письма.

Лиза взяла письмо, переписала и опять показала матери.

— Теперь хорошо, сказала мать;—поди запечатай письмо. Да смотри, не вздумай говорить что бы то ни было Толену объ Вѣрочкѣ. Это неприлично, и чего-добраго, можно неприятностей нажить въ послѣдствіи.

— Нѣтъ, маман, проговорила Лиза, выходя изъ комнаты.

Но прежде чѣмъ запечатать письмо, она схватила карандашъ и живо написала въ концѣ письма къ Вѣрочкѣ: «Будь осторожна, маман распечатываетъ мои письма.»

Стукъ подъѣзжающаго экипажа заставилъ Лизу подойти къ окну.

— Папаша пріѣхалъ! проговорила она, и, запечатавъ письмо и написавши адресъ, побѣжала въ залу.

— Здравствуй, папа! сказала она, кидаясь на шею сѣдому, но бодрому старику, съ добрымъ, веселымъ лицомъ.

— Здравствуй, здравствуй, Лизочка! проговорилъ старикъ, цѣлуя ее.—Ну, что ты подѣлывала сегодня? Играла ли на фортепіано?

— Нѣтъ, папа, некогда было: я получила письмо отъ Вѣрочки Озерской и отвѣчала ей.

— А! ну, тѣмъ лучше: вечеромъ будешь мнѣ играть...

— Вечеромъ мы ѣдемъ къ M-me Сизвиной, замѣтила Лиза.

— Ну такъ послѣ обѣда послушаю тебя. Что жъ ты мнѣ сыграешь: изъ Роберта, или изъ Нормы?

— Все, все сыграю, душечка папаша! Гдѣ ты былъ сегодня?

— Степанъ Андреевичъ! слышался изъ другой комнаты немного рѣзкій голосъ Розаліи Карловны.

— Что, мой другъ? спросилъ ее мужъ, торопливо проходя къ ней.

— Получили ли вы деньги отъ Юдины, исключая тѣ случаи, Карловна, глядя пристально на мужа.

— Нѣтъ, мой другъ, не получала, отвѣчала чужою по русски. принимала нѣкоторымъ замѣшательствомъ.

— Я это знала, вспылчиво замѣтила жена.— Ужь въ ком-такъ, я это знала!

— Да что жь дѣлать, мой другъ! нерѣшительно проговорилъ Степанъ Андреевичъ.

— Да, ужь я знаю, что мнѣ придется учить васъ, что дѣлать.

Степанъ Андреевичъ отправился къ двери, какъ напроказничавшая собачка.

— Степанъ Андреевичъ! Что жь мнѣ отвѣчать сестрѣ? спросила у него жена.— Намѣрены ли вы ѣхать въ Петербургъ?

— Да гдѣ жь деньги, мой другъ, для этой поѣздки?

— Денегъ я вамъ найду для этого, и вы должны непременно ѣхать и непременно выхлопотать себѣ мѣсто, о которомъ пишетъ сестра. Я напишу ей и напишу М-ме Бѣльской: протекція такого человѣка, какъ ея мужъ, много значить. Нужно же намъ наконецъ имѣть средства къ жизни; посмотрите, какъ мы живемъ теперь.

И она показала рукою на незавидное убранство ихъ небольшого опрятнаго домика.

— Да, нужно хлопотать, продолжала Розалія Карловна;— вамъ придется выѣхать не ранѣе какъ мѣсяца черезъ три; а до тѣхъ поръ вы поменьше играли бы въ карты... Давайте объѣдать! крикнула она въ заключеніе.

Степанъ Андреевичъ Бюргеръ былъ уроженецъ Черниговской губерніи, хоть и носилъ нѣмецкую фамилію. Когда и откуда явились его предки, неизвѣстно, а извѣстно, что и самъ Степанъ Андреевичъ и отецъ его не знали ни слова по нѣмецки. Степанъ Андреевичъ былъ добрый старикашка, любил поиграть въ преферансъ, при чемъ постоянно проигрывалъ, любил также иногда прилгнуть и послушать музыку, особенно изъ Нормы или Роберта; боялся жены и обожалъ дочь и сына. Розалія Карловна была изъ польской фамиліи и католичка, но не говорила попольски; она выросла въ Россіи. Говорятъ, что въ молодости она была очень хороша, не разъ украшала мужа своего рогамн; говорятъ, что она и вышла за него, чтобы прикрыть старые грѣшки, да чего не говорятъ на свѣтъ! Какъ бы то ни было, мужъ всегда былъ у нея подъ башмакомъ; въ первое время

Пока до свиданія; бо отсутствіе *comme-il-faut* въ его *regarde de tout mon coeur* за страстишку прилгнуть или, лучше ска-
 не лгать гладко; теперь она бранила его за при-
 ералашу и за то, что онъ, кромѣ жалованья, не

Р. Съ никакой прибыли отъ своей должности. М-ме Бюр-
 твъ имѣла много претензій: и на бонтонность, и на аристокра-
 тическія знакомства, и на модный туалетъ и проч. Она гово-
 рила всегда пофранцузски, хотя ужасно плохо и съ отврати-
 тельнымъ произношеніемъ, выписывала дешевенькій француз-
 скій журналъ модъ, любила щеголять, но по неимѣнію средствъ
 заказывала платья себѣ и дочери у М-ме Федоровой, неиз-
 вѣстной швеи, хоть увѣряла всѣхъ, что ей всегда шьетъ М-ме
 Deville, лучшая модистка Кругоборска. Сынъ ея воспитывался
 въ школѣ правовѣднія, насчетъ сестры ея, бывшей за богатымъ
 откупщикомъ въ Петербургѣ, а на воспитаніе дочери она из-
 держивала большую часть содержанія мужа, съ цѣлю воспи-
 тать ее по аристократически. Она достигла своей цѣли: Лиза
 довольно хорошо болтала пофранцузски и писала безъ грам-
 матическихъ ошибокъ, отчетливо исполняла не очень трудныя
 модныя піесы. Въ обществѣ М-ме Бюргеръ выдавала дочь
 свою за ребенка, постоянно уменьшала ея лѣта и одѣвала въ
 простенькія бѣленькія платьица à l'enfant. Выдать Лизу замужъ
 за выгоднаго жениха, было однимъ изъ ея первыхъ желаній,
 но жениховъ не являлось до сихъ поръ: Лиза муцинамъ не
 нравилась.

II.

Свиданіе.

Въ концѣ октября супруга кругоборскаго губернатора съ
 своими дочерьми возвратилась изъ своей деревни, гдѣ
 прожила два мѣсяца послѣ пріѣзда изъ Петербурга.

Вѣсть о прибытіи этой знаменитой особы мгновенно раз-
 неслась по городу. Розалія Карловна пришла въ нѣкоторое
 волненіе (нѣтъ сомнѣнія, что и нѣкоторыя другія дамы по-
 чувствовали то же самое) и тотчасъ послала свою Лизу по-
 видаться съ пріѣхавшею пріятельницей и засвидѣтельствовать
 почтеніе Аннѣ Гавриловнѣ, если она допуститъ ее къ себѣ.
 Лизѣ дана была подробная инструкція, о чемъ говорить съ Вѣ-
 рочкой, въ какихъ словахъ поздравить съ пріѣздомъ Анну Гав-
 риловну и освѣдомиться о ея здоровьи; ей приказано было

также: говорить постоянно по французски, исключая тѣ случаи, когда Анна Гавриловна заговоритъ сама съ нею по русски.

Анна Гавриловна отдыхала послѣ дороги и не принимала никого, даже своихъ дочерей. Лизу провели прямо въ комнату Вѣрочки въ нижнемъ этажѣ.

Вѣрочка, одѣтая въ пеструю ситцевую блузу, дремала, опершись локтемъ на маленькій столикъ, на которомъ стояли: зеркальце, духи, помада и небольшая шкатулочка. Вокругъ нея ничто не помогало догадаться, что здѣсь живетъ дочь довольно значительнаго сановника и при томъ еще богатаго человѣка.

Приходъ Лизы прервалъ ея дремоту; услыша шумъ отворившейся двери, она открыла глаза и лѣниво взглянула на дверь; но увидя Лизу, Вѣрочка радостно кинулась къ ней.

— Ахъ! какъ я рада! мерсі, вотъ ужъ мерсі тебѣ за то, что ты прѣехала, говорила Вѣрочка, цѣлуя свою приятельницу. — А всю дорогу думала какъ бы намъ поскорѣе увидѣться... И съ обѣихъ сторонъ посыпались вопросы, смѣхъ, восклицанія, разговоры...

Лиза забыла приказаніе матери и весело болтала по русски; она большею частію разспрашивала о томъ же, о чемъ и въ своемъ письмѣ; Вѣрочка иногда затруднялась отвѣчать ей: она, какъ видно, забыла уже, какая мебель у Бѣльской, какія шляпы больше носятъ въ Петербургѣ, какихъ цвѣтовъ матеріи теперь тамъ въ модѣ.

Вѣрочка была не много выше Лизы, не много худѣе ея, но все-таки довольно полна. Свѣжее личико съ неправильными чертами, было гораздо привлекательнѣе красиваго и невыразительнаго лица ея подруги; каріе глазки смотрѣли бойко, весело и умно; искренность и добродушіе проглядывали въ ея непринужденномъ обращеніи.

— Чтожь, будемъ мы веселиться зимою? Что говорятъ на этотъ счетъ? Затѣваютъ ли что-нибудь Башматовы? спрашивала она, пришепетывая чуть замѣтно и очень мило.

— О, да! отвѣчала Лиза. — 8 ноября у нихъ по обыкновенію будетъ вечеръ, потомъ скоро начнутся собранія.

— A la bonne heure! Вотъ ужъ натацуемся! А что, есть здѣсь что-нибудь новенькаго по части молодежи?

— Есть. Недавно сюда прѣехалъ одинъ очень молоденькій офицеръ, Тиботовъ. *Assez comme il faut*, говоритъ пофранцузски очень порядочно, хорошо танцуетъ... *Des cheveux chatain clair, des traits mignons, très joli.*

— А М-г Таленъ? спросила Вѣрочка.

— Здѣсь. Я говорила ему, что ты спрашивала меня о немъ въ своемъ письмѣ, онъ такъ обрадовался; покраснѣлъ, смѣется. Вѣрочка улыбулась и тоже покраснѣла.

— А можно видѣть М-ле Barbe? спросила Лиза, вспоминая одно изъ приказаній матери.

— Я пошлю спросить у нея, отвѣчала Вѣрочка. — Бѣдная Варенька! какъ она похудѣла въ это время! Мамап послѣ представленія ея ко двору, не даетъ ей покоя. Съ чего представилось мамап, что Варенька должна сдѣлать эффектъ при дворѣ, не знаю, но она...

Дверь отворилась, и Вѣрочка замолчала. Вошла горничная и доложила, что Варвара Павловна почиваетъ.

Пріятельницы потолковали еще полчаса и разстались.

На другой день М-ме Бюргеръ поѣхала съ визитомъ къ Аннѣ Гавриловнѣ. Ея не приняли: генеральша имѣла обыкновеніе первыхъ три дня по пріѣздѣ въ городъ посвящать отдыху и никого не принимать. Это дѣлалось *для пущей важности*: въ эти дни генеральша вставала такъ же рано какъ всегда, такъ же ходила три раза въ церковь и неутомимо преслѣдовала старшую дочь свою.

На четвертый день Розалія Карловна пріѣхала вечеромъ съ дочерью. Ихъ приняли. Онѣ поднялись по парадной лѣстницѣ, вошли въ большую залу, тускло освѣщенную горѣвшею на стѣнѣ лампою, убранную двумя дюжинами черныхъ цветныхъ стульевъ, тремя ломберными столами и маленькимъ старымъ фортепіано. Въ одномъ изъ темныхъ угловъ залы слышался шопотъ: тамъ чинно сидѣли три маленькія дочери Анны Гавриловны, дѣтъ семи, девяти и десяти, съ гувернанткой Французенкой, и чуть слышно разговаривали; когда гости проходили мимо ихъ, они встали, сдѣлали книксенъ, и опять усѣлись.

Въ большой гостиной на креслѣ возлѣ стола, стоявшаго передъ большимъ мягкимъ диваномъ, сидѣла Варвара Павловна и что-то вязала. Мебель въ гостиной была удобная и красивая, на столѣ стояла карсельская лампа, большой персидскій коверъ занималъ половину комнаты.

Варвара Павловна встала на встрѣчу гостямъ; она, казалось, хотѣла принять ихъ развязно и любезно, но въ ея манерахъ, во всѣхъ движеніяхъ ея было столько неловкости и принужденности, что и другимъ поневолѣ становилось какъ-то неловко за нее. Она объявила, что мамап сейчасъ выйдетъ, и что

Вѣрочка еще въ своей комнатѣ. Лиза пошла къ ней, а Варвара Павловна стала занимать М-ше Бюргеръ. Она говорила о Петербургѣ, о Царскомъ Селѣ, объ оперѣ и проч., но такъ несладно и несвязно, что Розаліѣ Карловнѣ трудно было притворяться заинтересованною этимъ разговоромъ. Варвара Павловна была выше средняго роста, съ темными волосами и съ болѣзненно-блѣднымъ лицомъ. Сложена она была не хорошо, и темное шерстяное платье ея особенно дурно сидѣло на ней. Черты лица ея были довольно красивы, но несмотря на то, лицо ея не нравилось, оттого что верхняя губа слишкомъ выдавалась впередъ, что придавало лицу неприятное выраженіе. При томъ же ея туалетъ, прическа, все было не къ лицу ей, все дѣлало ее гораздо хуже, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ. Она сидѣла, говорила, вязала, какъ-то принужденно, иногда она вдругъ умолкала, и лицо ея принимало какое-то бессмысленное выраженіе, точь-въ-точь кукла или картина маляра-самоучки, но только на секунду; она тотчасъ же оправлялась и снова начинала говорить. Она тоже прищепывала, замѣтивъ Вѣрочки, но вовсе не такъ мило. Несмотря на все желаніе ея быть любезною, разговоръ ея съ М-ше Бюргеръ не клеился, пока не пришли Вѣрочка и Лиза. Вѣрочка была весела по обыкновенію, и разговоръ оживился въ гостиной съ ея появленіемъ. Розалія Карловна однакожь мало говорила, она не безъ волненія ожидала свиданія съ ея высокопревосходительствомъ.

Наконецъ въ сосѣдней комнатѣ послышался шорохъ шелкового платья, въ гостиную медленно вошла высокая, худая, желтая женщина безъ чепца, въ дешевомъ, темномъ марселиновомъ платьѣ. Она вошла, не поднимая головы и не переставая вязать тшесбургнымъ крючкомъ какую-то косынку; кивнула головой, не глядя ни на кого, и сѣла на диванъ; тогда только она взглянула на своихъ гостей.

— Comment vous va, M-me Burger? спросила она, опять принимаясь вязать.—Et vous, Lise?

Розалія Карловна отвѣчала, что всѣ онѣ совсѣмъ здоровы, но только очень скучали *все это время* и пр.

Появленіе ея высокопревосходительства возвратило въ гостиную скуку, только за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ изгнанную приходомъ Вѣрочки. Варвара Павловна, боясь матери, изъ тѣхъ силъ старалась быть свѣтскою и любезною, что удавалось ей еще меньше чѣмъ прежде. Вѣрочка хотъ и не робѣла

передъ грозною своею родительницею, однакожь тоже чувствовала въ ея присутствіи скуку и стѣсненіе.

Она схватила Лизу за руку и вышла съ ней въ залу, разговаривая шопотомъ. За то М-те Бюргеръ была любезна за десятирьхъ, и своею ловкою лестью успѣла къ концу вечера нѣсколько смягчить и развлечь генеральшу; несмотря на то и ей было смертельно скучно.

Пробило девять часовъ, и дѣвочки, сидѣвшія съ гувернанткой въ залѣ, встали и вошли въ гостиную. Одна за другой онѣ подходили къ матери, присѣдали, произнося: «*Bonne nuit, chère maman!*» цѣловали ея руку и опять присѣдали. Потомъ онѣ дѣлали реверансъ М-те Бюргеръ, Варварѣ Павловнѣ, приговаривая: «*Bonne nuit, madame, bonne nuit, ma chère soeur.*» Проходя по залѣ онѣ крѣпко поцѣловали Вѣрочку и ушли спать.

— *Vous n'avez pas joué du piano ce soir,* сухо проговорила Анна Гавриловна, обращаясь къ Варварѣ Павловнѣ.

Варвара Павловна пошла въ залу и заиграла на дребезжащемъ фортепіано *Соловья* Листа. Она играла плохо, хоть старалась играть съ выраженіемъ; видно было, что она не училась музыкѣ и не имѣла способностей къ ней.

— Вѣрно Варвара Павловна много занималась музыкой въ деревнѣ, проговорила Розалія Карловна, — она очень успѣла.

Генеральша ничего не отвѣчала.

— *Chantez quelque chose,* Вѣрочка, громко сказала она. — *Et vous aussi, Lise.*

Лиза пропѣла французскій романсъ немного хриплымъ контральто, а Вѣрочка *Матушку юлубушку*; у нея было пріятное маленькое *mezzo-soprano*, но Лиза пѣла смѣлѣе: она взяла нѣсколько уроковъ у сеньора Марини, проживавшаго въ Крутоборскѣ въ качествѣ моднаго учителя пѣнія, а Вѣрочка ни у кого не училась. Насладившись музыкой, общество не знало, что дѣлать.

Вѣрочка и Лиза, наговорившись вдоволь, теперь молча сидѣли въ гостиной; М-те Бюргеръ истоцилась въ любезностяхъ и начинала не шутя волноваться, не находя предмета для разговора. Приходъ хозяина вывелъ ее изъ затруднительнаго положенія.

Губернаторъ былъ маленькій, худенькій старикашка. Онъ старался принимать величественный видъ, хотя природа рѣшительно отказала въ величіи его щедурной фигурѣ. Неприступно-важный съ мужчинами, женщинъ онъ удостоивалъ

иногда чести быть любезнымъ съ ними. И теперь онъ поговорилъ съ Розаліей Карловной (при чемъ лицо ея засіяло радостью), пошутить съ Лизой и съ дочерьми. Общество нѣсколько оживилось, но пробило одиннадцать часовъ и Розалія Карловна поспѣшила откланяться, зная, что генеральша только въ экстренныхъ случаяхъ ложится позже одиннадцати часовъ.

— Надѣюсь, что ты ничего не говорила Вѣрочкѣ о Таленѣ, сказала М-ше Бюргеръ дочери, возвратившись домой.

— О нѣтъ, маман. Я все больше разспрашивала о Петербургѣ.

— А она говорила тебѣ что-нибудь о Таленѣ?

— Да, вспомнила о немъ какъ-то мимоходомъ...

Разумѣется, Лиза лгала.

III.

Вечеръ.

Михаилъ Ильичъ Башматовъ былъ предсѣдатель уголовной палаты въ Кругоборскѣ. Эта должность шла къ нему какъ нельзя меньше: онъ былъ человѣкъ добрый, смиренный, любилъ театръ и литературу, въ молодости самъ писалъ стишонки, и по тогдашнимъ понятіямъ прекрасно декламировалъ. Недалекіе люди считали его умнымъ человѣкомъ; люди дѣловые пустымъ; и тѣ и другіе были правы въ известной степени. Михаилъ Ильичъ былъ дѣйствительно не глупъ, но въ службѣ онъ былъ человѣкъ совершенно бесполезный, тоже и для семейства: живя посредственно, получая по службѣ содержаніе, да тысячи двѣ доходу съ имѣнія, онъ прожилъ все состояніе свое и еще надѣлалъ долговъ, что не мѣшало ему давать три бала въ годъ: въ день именинъ своихъ, жены и старшей дочери. Разумѣется, эти балы были только простенькіе танцевальные вечера, о которыхъ М-ше Бюргеръ отзывалась съ пренебреженіемъ, говоря, что *се не па комъ иль-фо*; молодежь однакожь веселилась несравненно болѣе у Башматовыхъ, чѣмъ на вечерахъ губернаторши. Женился Михаилъ Ильичъ по любви лѣтъ двадцати пяти, жена его была теперь крошечная, больная старушонка, которую всѣ единогласно называли дурой; несмотря на то, Михаилъ Ильичъ былъ самый нѣжный и вѣрный супругъ во всемъ Кругоборскѣ, что не мѣшало его супругѣ ревновать очень часто и безъ всякаго повода съ его стороны.

Дочь ихъ, Татьяну Михайловну (имя было ей дано отцомъ въ честь Татьяны Пушкина), женщины называли дѣвущою вѣтренною, пустою и безнравственною; М-ше Бюргеръ запретила своей дочери сближаться съ нею, хоть и безъ того ни Лиза, ни Татьяна Михайловна не показывали къ тому никакого желанія.

Татьяна Михайловна была не хороша собою, у нея были длинныя красныя руки, плоская талія, худая шея, но мушкетажъ она нравилась, потому что обращалась съ ними такъ только, что видѣть не прилично, объясняли нравственные кругоборскія дамы; она прекрасно танцевала и пѣла; ножка у нея была удивительно хороша и всегда прекрасно обута, хотя одѣвалась Татьяна Михайловна очень дурно; чтобы чаще любовались этою ножкою, она носила платья гораздо короче чѣмъ другія дамы. Былъ у нея еще одинъ талантъ: она играла первую роль на домашнихъ театрахъ, до которыхъ ее отецъ былъ страшный охотникъ, и которые, его стараніями, часто устраивались въ Кругоборскѣ. Дома Татьяна Михайловна занималась музыкой, хозяйствомъ, которое мать, по болѣзни своей, передала на ее руки, учила своихъ маленькихъ сестеръ и братьевъ.

8-го ноября у Башматовыхъ былъ вечеръ. Въ восемь часовъ освѣтили залу, гостиную и диванную, въ ихъ просторной и чисто убранной квартирѣ. Жозефина Осиповна и Татьяна принарядились. Гости начали съѣзжаться въ девять часовъ. Явилась и М-ше Бюргеръ съ Лизой, одѣтою по обыкновенію въ бѣлое платьице. Танцы однакожь не начинались, ожидали семейства губернаторскаго. Наконецъ въ девять съ половиною часовъ явилась Анна Гавриловна въ сопровожденіи двухъ дочерей и двухъ воспитанницъ. Вѣрочка была очень мила, Варвара Павловна блѣдна и неловка по всегдашнему, и платье на ней сидѣло какъ нельзя хуже. Двѣ воспитанницы, извѣстныя въ городѣ подъ именемъ Дашеньки и Уленьки, одѣтыя въ перешитыя старыя платья генеральскихъ дочерей, были очень дурны собою; эти бѣдныя дѣвушки, лишившись въ дѣтствѣ родителей и пристанища, были приняты благодѣтельною генеральшею, которая выучила ихъ шить и вязать; по буднямъ онѣ съ утра до ночи обшивали все семейство своей благодѣтельницы, а по праздникамъ она позволяла имъ выходить въ гостиную и даже иногда брала съ собою на вечера.

Проходя залу, Вѣрочка быстро окинула взглядомъ группы мушкетажъ, глава ее остановилась мгновенно на одной, состоя-

мной изъ трехъ офицеровъ, и выраженіе тревожнаго любопытства смѣнилось на ея лицѣ радостною улыбкой. Впрочемъ не была свѣтскою дѣвушкой и не умѣла притворяться.

Начались танцы, пожилые мушоны сѣли за карты, маменьки частію наблюдали за дочерями въ залѣ, и молча сидѣли на стульяхъ у стѣны, частію остались въ гостиной поболтать и посплетничать или поподличать передъ Анною Гавриловной, которая сидѣла на диванѣ съ важностію великаго могола и едва удостоивала отвѣтовъ тѣхъ, кто заговаривалъ съ нею. Дочери ея были въ залѣ.

— Хорошо, я буду танцевать съ вами мазурку, говорила Впрочемъ, улыбаясь и краснѣя, молоденькому высокому кирасиру съ свѣтлорусыми волосами, тоненькою таліей, миниатюрнымъ лицомъ.

Ее пригласили танцевать, кирасиръ поклонился, отошелъ въ сторону и сталъ слѣдить глазами за танцующею Впрочемъ. Окончивъ туръ, она сѣла возлѣ Лизы.

— Qui est ce jeune homme? спросила Впрочемъ у Лизы, показывая на очень молодаго стройнаго гусара.

— Это Тиботовъ; je vous en ai parlé...

— Ah! il est très joli garçon... А тотъ толстякъ?

— Развѣ ты не знаешь его? это новый вицегубернаторъ.

— Нѣтъ, онъ былъ у насъ, когда тата не принимала.

Новый вицегубернаторъ былъ человѣкъ холостой и еще молодой; онъ получилъ назначеніе вицегубернатора по протекціи знатной родни и прослылъ въ Кругоборскѣ богачомъ. Маменьки посматривали на него съ благоговѣніемъ.

— Чтò, если?.. подумала М-ше Бюргеръ, проходя мимо него въ залу, вслѣдъ за Анною Гавриловной, и она взглянула на Лизу, которая танцевала польку. Розалія Карловна не могла не видѣть, что дочь ея неуклюжа, дурно танцуетъ и на балѣ неуклюжести сдѣлать не можетъ. Ей стало досадно. Въ эту самую минуту, мимо нея пронеслась Татьяна Башматова, едва касаясь пола своими маленькими ножками.

«Кель ореръ! повисла на шею своему кавалеру», подумала Розалія Карловна. А между тѣмъ она обрадовалась бы Богъ знаетъ какъ, еслибы дочь ея танцевала такъ легко и хорошо!

Между тѣмъ Анна Гавриловна окинула взглядомъ залу, отыскивая своихъ дочерей. Варвара Павловна сидѣла между дѣвками, и увидѣвъ мать, постаралась придать лицу своему веселое выраженіе. Впрочемъ стояла въ другомъ концѣ залы и весело

болтала съ Таленомъ, тѣмъ кирасиромъ, которому она общала мазурку. Взглянувъ на нее, Анна Гавриловна сдвинула брови, и непріятное лицо ея приняло сердитое выраженіе. Но Вѣрочка не видѣла ея: она разговаривала съ такимъ увлеченіемъ, такъ мило улыбалась своему кавалеру, который смотрѣлъ на нее, какъ смотрятъ молодые люди, въ первый разъ истинно влюбленные! И лицо ея матушки дѣлалось все пасмурнѣе и пасмурнѣе; наконецъ, уловивъ робкій взглядъ старшей дочери, Анна Гавриловна подозвала ее движеніемъ руки. Никто не слышалъ, что она сказала дочери, но по грозному выраженію ея лица, по торопливому взгляду, брошенному Варварой Павловной на сестру, всѣ догадались.

«Варварѣ Павловнѣ въ чужомъ пиру похмѣлье», подумала про себя улыбаясь М-ме Бюргеръ, которая все видѣла, хотя смотрѣла въ другую сторону.

Варвара Павловна, между тѣмъ, подошла, какъ будто невзначай, къ сестрѣ, заговорила съ нею и отвела ее въ сторону. Улыбаясь, она сказала еще нѣсколько словъ Вѣрочкѣ, которая сконфузилась и притихла, но черезъ четверть часа опять развеселилась. Когда же заиграли мазурку, она усѣлась съ Таленомъ, и, убѣдившись, что мать ея опять ушла въ гостиную, стала разговаривать съ тѣмъ же жаромъ и увлеченіемъ, такъ же весело смѣялась и такъ же кокетливо смотрѣла на своего кавалера.

IV.

РЕПЕТИЦИИ.

Черезъ полтора мѣсяца послѣ вечера у Башматовыхъ, Вѣрочка и Лиза сидѣли въ знакомой намъ комнаткѣ, въ нижнемъ этажѣ генеральскаго дома.

— Я очень рада, что ты играешь, а не Варенька, говорила Вѣрочка;—Варенькѣ совсѣмъ не хотѣлось играть. Только мнѣ такъ было ее жаль бѣдненькую, когда она ушиблась.

— А она очень ушиблась? спросила Лиза.

— Очень. Цѣлый день вчера стонала, а она терпѣлива... отвѣчала Вѣрочка. — Вчера утромъ татапа разсердилась, что Дашенька не принесла въ урочный часъ заданной работы, татапа велѣла Варенькѣ позвать Дашеньку. Варенька пошла, но татапа разсердилась на нее, что она тихо идетъ. Варенька хотѣла побѣжать по лѣстницѣ, споткнулась и упала, а татапа

еще больше стала сердиться и кричать на нее. Мнѣ ужасъ какъ жаль было Вареньку бѣдную! Теперь ей немного лучше.

— Слава Богу!.. Ее нельзя видѣть? спросила Лиза.

— Лучше не ходи: въ болѣзни вѣдь только очень близкіе люди не стѣсняють.

— Ну, я не пойду. А когда начинаютъ репетиціи?

— Послѣзавтра, отвѣчала Вѣрочка.

— Я боюсь, что не успѣю выучить свою роль, сказала Лиза.

— Выучишь! Вѣдь твоя роль маленькая, а еще остается завтра цѣлый день да сегодня полдня!.. сказала Вѣрочка.

— Сегодня не считай: я должна писать къ папа.

— А чтѣ, твой папа скоро вернется?

— Нѣтъ не скоро, отвѣчала Лиза, — ему нужно еще ѣхать въ В., это восемьсотъ верстъ отсюда, да шестьсотъ отъ Петербурга, а потомъ ужъ онъ пріѣдетъ за нами.

— Жаль, сказала Вѣрочка.—И тебѣ очень грустно, Лиза, не правда ли? Твой папа такой добрый. Признайся, прибавила она смѣясь, — вѣдь ты его любишь гораздо больше, чѣмъ татапа? Да? Вѣдь ты своей татапа немного боишься?

— Совсѣмъ нѣтъ! И татапа добрая...

— Да я не говорю, что она злая, но признайся, вѣдь ты ее крѣпко побаиваешься?

— Вотъ вздоръ! сказала Лиза.—Скажи лучше, кто съ нами играетъ въ *Барышнѣ-Крестьянкѣ*?

— Берестова играетъ Красинскій; Алексѣя Дмитріевича Муромскаго — Бѣлкинъ... Татапа все подобрала людей солидныхъ или женатыхъ... Куда же ты, Лиза?

— Пора, Вѣрочка! Скоро почта отходитъ.

— Ну, до свиданія! Завтра увидимся?

— Можетъ-быть. До свиданія!

Возвратившись домой, Лиза застала мать не одну: у нея сидѣлъ Иванъ Карловичъ Швиндтъ, правитель губернаторской канцеляріи. Швиндтъ былъ человекъ среднихъ лѣтъ, средняго роста, худой, очень бѣлокурый и моложавый; лицо его было блѣдно, но щеки краснѣли чахоточнымъ румянцемъ. Швиндтъ былъ очень въ милости у всѣхъ пожилыхъ дамъ. Онъ умѣлъ услужить, угодить имъ, не теряя притомъ собственнаго достоинства и даже нѣкоторой важности. Навести ли справку по какому-нибудь важному дѣлу, достать ли какую-нибудь рѣдкую недорогую вещь (Швиндтъ слылъ человекъ бѣднымъ) со всѣми подобными просьбами обращались къ Ивану Карло-

вичу, и онъ никогда не отказывалъ и всегда исполнялъ эти просьбы скоро и хорошо. Даже Анна Гавриловна принимала его довольно благосклонно. Сослуживцы не любили его и подозрѣвали, что онъ наущничаеть своему начальнику. Дѣвушки и молодыя дамы съ нимъ скучали. Онъ былъ лифляндскій уроженецъ и говорилъ съ едва замѣтнымъ нѣмецкимъ произношеніемъ.

— Вы наконецъ, Лизвета Степановна, рѣшились принять участіе въ нашихъ спектакляхъ? раскланиваясь сказалъ Иванъ Карловичъ Лизѣ.

Онъ говорилъ въ *нашихъ* спектакляхъ, потому что былъ однимъ изъ распорядителей по части декорацій, освѣщенія и проч.

— Да, отвѣчала Лиза, проходя въ другую комнату.

— Я очень рада, что она играетъ въ этой піесѣ, сказала М-те Бюргеръ.— Анна Гавриловна сама назначила всѣ роли, сама выбрала людей солидныхъ; а въ тѣхъ піесахъ, въ которыхъ играетъ Башматова, я не позволила бы играть Лизѣ: воображаю, какія вольности будетъ себѣ позволять Татьяна за кулисами. Анна Гавриловна также прекрасно сдѣлала, что назначила нашу репетицію не въ одно время съ *ихнею*.

Иванъ Карловичъ отвѣчалъ, что точно Анна Гавриловна сдѣлала это очень хорошо.

Лиза написала къ отцу и принялась прилежно твердить свою роль. Ей это было не легко: у нея была преплохая память, и, отправляясь на репетицію, она не была совершенно покойна.

Репетиціи начались сперва въ домѣ Анны Гавриловны для той піесы, гдѣ играла Вѣрочка, и въ домѣ Башматовыхъ для другихъ; потомъ эти репетиціи перенесены были въ театръ: но Анна Гавриловна распорядилась такъ, чтобъ и здѣсь *ихъ* репетиція начиналась двумя часами ранѣе *башматовской*. Когда М-те Бюргеръ пріѣхала для этого въ первый разъ въ театръ, она была очень сконфужена, потому что была принуждена ждать Анну Гавриловну часа полтора: у генеральши отставали часы, кромѣ того она хотѣла поважничать и по обыкновенію пріѣхать позже назначеннаго часа, и явилась лишь тогда, когда праздная молодежь, участвующая въ другихъ піесахъ, началъ уже собираться. Разумѣется, вся эта молодежь попряталась при пріѣздѣ грозной генеральши, но когда она, вмѣстѣ съ М-те Бюргеръ, усѣлась важно въ губернаторской ложѣ, въ полной уверенности, что за кулисами, кромѣ солидныхъ людей, нѣтъ ни

кого изъ постороннихъ, тогда всѣ попрятавшіеся молодые люди вышли изъ засады, и за кулисами стало очень весело. Ни Лиза, ни Вѣрочка не заблагодарасудили разказать объ этомъ своимъ снисходительнымъ маменькамъ; солидные люди также, хорошо зная генеральшу и Розалію Карловну, сочли лучшимъ умолчать объ этомъ, а молодымъ людямъ очень понравилась эта проделка, и они повторяли ее при всякой репетиціи. Скоро присоединилось къ нимъ нѣсколько мужчинъ, вовсе не участвовавшихъ въ спектакль, въ томъ числѣ и Таленъ, что было, конечно, не неприятно для Вѣрочки. Когда Вѣрочкѣ не слѣдовало быть на сценѣ, она, взявшись подъ руку съ Лизой, не переставала разговаривать съ Таленомъ; вслѣдствіе этого она иногда опаздывала на сцену или забывала свою роль, и М-ме Бюргеръ стала подозрѣвать, что за кулисами происходитъ что-то недоброе. Она спросила объ этомъ Лизу, которая, не приготовившись отвѣчать на это приличною ложью, очень сконфузилась. Мать прикрикнула на нее, велѣла разказать всю правду, и Лиза призналась, что за кулисы приходятъ иногда молодые люди, играющіе въ другихъ пьесахъ. Розалія Карловна пришла въ ужасъ, хотѣла сейчасъ ѣхать и разказать все Аннѣ Гавриловнѣ, но ѣхать было нельзя, потому что кучеръ напился пьянъ, и Розалія Карловна должна была дожидаться вечера. Между тѣмъ она поуспокоилась, одумалась, и вмѣсто того, чтобы прямо довести до свѣдѣнія Анны Гавриловны о такомъ нарушеніи ея воли и тѣмъ навлечь на себя, чего добраго, гнѣвъ ея превосходительства, она рѣшилась при слѣдующей репетиціи какъ бы невзначай уговорить Анну Гавриловну пойдти съ нею за кулисы.

Насталъ роковой день, когда М-ме Бюргеръ замышляла привести въ исполненіе свой планъ. Какъ только Лиза увидѣла Вѣрочку, она тотчасъ же разказала ей происшедшее между нею и матерью наканунѣ. Потомъ послѣдовали пренія о томъ, какъ бы предотвратить бѣду, собиравшуюся надъ ними, о которой онѣ догадывались. Попросить молодыхъ людей уйдти значило бы признаться имъ, что и онѣ принимаютъ участіе въ ихъ обманѣ. «Что будетъ, то будетъ», рѣшила наконецъ Вѣрочка, когда мать велѣла имъ начинать, — и какъ будто успокоилась. Въ серединѣ пьесы М-ме Бюргеръ дѣйствительно успѣла уговорить Анну Гавриловну пойдти за кулисы, но только-что онѣ поднялись съ мѣстъ, какъ одинъ изъ солидныхъ людей, бывшій на сценѣ, сдѣлалъ знакъ товарищамъ, и молодежь попряталась въ

одно мгновеніе. Розалія Карловна была раздосадована донельзя. Часто потомъ она повторяла ту же попытку, и всегда она ей одинаково не удавалась. Она попробовала было выговаривать за это одному изъ солидныхъ людей, попавшемуся ей наединѣ, но онъ отвѣчалъ ей, что это не его вина, и что выгонять изъ-за кулисъ молодежь было бы неумѣстно и неприлично съ его стороны. М-ме Бюргеръ придумала бы еще какую-нибудь мѣру для искорененія этого злоупотребленія, но настало Рождество, а спектакль назначенъ былъ 26 декабря.

Между тѣмъ какъ М-ме Бюргеръ строила козни противъ нарушителей порядка за кулисами, молодежь продолжала проводить тамъ время превесело, принявъ надлежащія мѣры противъ нечаянныхъ вторженій генеральши и Розаліи Карловны. Конечно, Вѣрочка не безъ нѣкотораго страха ежедневно смотрѣла на самовольное появленіе молодыхъ людей, но самый этотъ страхъ придавалъ еще болѣе интереса ея встрѣчамъ съ тѣмъ, кто интересовалъ ее. И ея разговоры съ Таленомъ становились день ото дня продолжительнѣе, теряли веселый, шуточный тонъ, и дѣлались болѣе задушевными. Этому много помогло и то, что Лиза ужъ не была свидѣтельницею этихъ разговоровъ; за нею сталъ ухаживать Тиботовъ, который очень ей понравился. Этотъ Тиботовъ нравился очень многимъ: такого хорошенькаго личика, стройной фигуры, такихъ граціозныхъ манеръ не было ни у кого изъ кругоборскихъ кавалеровъ. Прибавьте къ этому парижскій выговоръ, репутацію богатаго чело-вѣка, родство съ княземъ З., извѣстнымъ богачомъ и аристократомъ, — и можете себѣ представить, какъ Тиботовъ былъ интересенъ въ глазахъ молодыхъ дамъ и дѣвицъ. Еще одно обстоятельство прибавляло ему шансовъ для такого успѣха. Когда Тиботовъ былъ произведенъ въ офицеры, онъ прожилъ нѣсколько времени въ губернскомъ городѣ, гдѣ отецъ его былъ губернскимъ предводителемъ. Одна очень зрѣлая дѣвица плѣнилась его красотою, молодостью, а болѣе всего пятьюстами душъ, достававшихся на его долю по смерти отца, — и рѣшилась завладѣть его сердцемъ и рукою. Но такъ какъ она не надѣялась на согласіе его отца, то сочла лучшимъ увезти молоденькаго гусара. Ей удалось уговорить его бѣжать съ нею, но когда, отъѣхавъ отъ города верстъ тридцать, она начала убѣждать его немедленно обвѣнчаться, онъ признался ей, что это не входило въ его разчеты, и, уѣхавъ, оставилъ ее одну на постояломъ дворѣ. Онъ чуть не попалъ подъ чѣлъ, по жалобѣ родителей

двушки, но, къ счастью, одинъ землемѣръ рѣшился на ней жениться, потому что у нея было пять тысячъ руб. сереб. приданого, да отецъ Тиботова далъ ему за это три тысячи руб. сереб. Эта исторія доставила Тиботову репутацію Ловеласа и сдѣлала его еще интереснѣе въ глазахъ женщинъ.

V.

Святки.

Настало Рождество. Анна Гавриловна со всѣмъ семействомъ побывала у заутрени, у ранней и поздней обѣдни и разговорѣлась чаемъ съ мѣлокомъ. Супругъ ея также былъ у заутрени и обѣдни (онъ тоже былъ очнь богомоленъ), и еще величественнѣе обыкновеннаго стоялъ на своемъ мѣстѣ, впереди всѣхъ присутствовавшихъ. Возвратившись изъ церкви, Вѣрочка тотчасъ побѣжала въ комнату старшей сестры.

— Здравствуй, Варенька! Поздравляю тебя съ Рождествомъ! проговорила она, цѣлуя сестру.—Какъ твоя нога?

— Мерси, Вѣрочка! Нога еще болитъ: я вчера пробовала пройти по комнатѣ, но не могу.

Варвара Павловна была въ постели. На столикѣ возлѣ нея лежало раскрытое Евангеліе.

— Какъ мнѣ жаль, что я не была сегодня въ церкви, грустно сказала она.—Это въ первый разъ въ моей жизни!

Скоро къ ней пришли меньшія сестры съ гувернаткой, потомъ Уленька и Дашенька, а наконецъ отецъ.

— Сейчасъ придетъ священникъ съ молитвой, сказалъ онъ Варенькѣ, поздравивъ ее.—Я пришлоу его къ тебѣ съ крестомъ.

— Мерси, рара! проговорила Варенька, цѣлуя съ чувствомъ его руку.

Онъ поцѣловалъ ее, погладилъ по головѣ и вышелъ.

Мать не навѣдывалась къ Варварѣ Павловнѣ.

Вѣрочка стала одѣваться: она надѣла клетчатое, канаусовое платье съ вышитымъ по кисей воротничкомъ и рукавчиками, надѣла Уленьки; надѣла новыя прынелевья ботинки, и взглянувъ на себя въ свое маленькое зеркальце, пошла въ гостиную.

Анны Гавриловны еще не было тамъ; она выходила ровно въ часъ; кто пріѣзжалъ минутою раньше часу, не былъ принятъ.

Наконецъ она явилась, и гости наполнили гостиную. Пріѣхалъ между прочими и Таленъ, съ которымъ генеральша обошлась невнимательно до неучтивости; онъ впрочемъ какъ будто не замѣчалъ этого, сказалъ два, три слова съ Вѣрочкой, съ гувернанткой, съ воспитанницами, — и уѣхалъ. Послѣдній пріѣхалъ вице-губернаторъ, который бывалъ довольно часто у Озерскихъ, и котораго Анна Гавриловна принимала такъ любезно, какъ умѣла и могла. Поговоривши съ генеральшей, онъ обратился къ Вѣрочкѣ.

— Avez-vous été à l'église aujourd'hui?

— Oui, monsieur, отвѣчала Вѣрочка.

— Vous êtes bien matinale, замѣтилъ гость.

Вѣрочка молчала.

— Il fait froid aujourd'hui, продолжалъ онъ.

— Oui, monsieur, отвѣчала Вѣрочка.

— Comptez-vous vous amuser demain? спросилъ онъ.

— Oui, monsieur, отвѣчала Вѣрочка.

Вице-губернаторъ всталъ, раскланялся и вышелъ, перевадиваясь.

«Какой дуракъ! Сколько онъ со мной ни говорилъ, все такія же интересныя вещи», подумала Вѣрочка.

— Какою дурочкой ты себя держишь, сказала ей мать. — М-г Волжинскій говоритъ съ тобою, а ты и трехъ словъ не выдумаешь отвѣчать ему.

— Но, маман...

— Je vous prie de ne pas raisonner, сухо перебила ее Анна Гавриловна.

Вѣрочка чуть замѣтно пожала плечами и заговорила съ гувернанткой, а потомъ ушла къ Варенькѣ.

На другой день въ семь часовъ вечера всѣ участники спектакля съѣхались въ театръ, а въ восемь часовъ онъ наполнился зрителями. Началось представленіе. Прежде всего играли *Барышню-Крестьянку*. Вѣрочка выполнила роль свою ни хорошо, ни дурно, какъ обыкновенно молодыя дѣвицы въ благородныхъ спектакляхъ. Лиза была не только неуклюжа и неповоротлива, какъ всегда, но еще не знала твердо своей роли, часто ошибалась и конфузилась. М-те Бюргеръ изъ своей ложи въ бенуарѣ бросала на Лизу такіе гнѣвные взгляды, что ей становилось страшно. Таленъ былъ болѣею частію за кулисами, и когда Вѣрочка не была на сценѣ или въ уборной, она не переставала разговаривать съ нимъ.

— Вы сегодня не въ духѣ, сказала она ему, замѣчая, что его голубые глаза глядѣли серіознѣе и задумчивѣе обыкновеннаго.

— Я? Да, мнѣ сегодня грустно, отвѣчалъ Талень.

— Грустно? Сегодня вамъ грустно? Отчего же это? спросила Вѣрочка.

— Мнѣ жаль, что не будетъ ужъ больше репетицій, сказалъ онъ, взглянувъ какъ бы съ упрекомъ на веселое личико Вѣрочки.

Она опустила головку и стала старательно застегивать перчатку; черты ея мгновенно утратили свое обычное веселое выраженіе; ей тоже стало грустно, ей напомнили то, что никакъ не могло радовать ее, и что до сихъ поръ не приходило ей въ голову: она была еще такъ молода, что жила только настоящею минутою.

— A vous, mademoiselle! , сказалъ ей одинъ изъ ея сотоварищей по спектаклю.

Вѣрочка вышла на сцену.

Піеса кончилась. Всѣ притворились очарованными игрою Вѣрочки, которая скоро явилась въ губернаторской ложѣ; отецъ похвалилъ ее за то, что она нисколько не робѣла, мать ничего не сказала, только осмотрѣла ее въ лорнетъ.

Начался водевиль, въ которомъ Татьяна Башматова должна была нѣсколько разъ переодѣваться, танцовать качучу и тирольку. Она такъ блистательно выполнила свою роль, что молодежь пришла въ неистовый восторгъ, а дамы и пожилые люди объявили, что это Богъ знаетъ что такое, и что Татьяна хуже всякой актрисы. Когда по окончаніи представленія нѣсколько дамъ стали поздравлять Вѣрочку съ успѣхомъ, Анна Гавриловна между прочимъ сказала, что дочь ея играла *comme une demoiselle noble et non comme une actrice*.

Садясь въ карету, Вѣрочка съ грустію оглянулась на зданіе театра, какъ бы прощаясь съ нимъ и благодаря его за тѣ пріятные часы, которые она провела въ немъ. Въ эту ночь она долго не могла заснуть. До тѣхъ поръ ея предпочтеніе къ Талену доставляло ей удовольствіе, развлеченіе да изрѣдка непріятность получить выговоръ матушки за слишкомъ продолжительный, слишкомъ веселый разговоръ съ нимъ. Это было обыкновенное увлеченіе молодой дѣвушки, оно не заставляло еще ее задумываться, мечтать, грустить и страдать; а сегодня, она уже съ ужасомъ вспоминала, что прекратились ея еже-

дневныя свиданія съ нимъ, — свиданія, гдѣ никто не стѣснялъ ея, гдѣ ей было такъ свободно и хорошо смотрѣть на него...

— Талень, поѣдьте съ нами въ *Лондонъ!* поужинаемъ, выпьемъ, цыганъ послушаемъ, говорилъ послѣ спектакля Тиботовъ, окруженный молодежью.

— Нѣтъ, не могу, мнѣ не здоровится, проговорилъ Талень и поѣхалъ домой.

Ему тоже было очень тяжело и не потому только, что кончились репетиціи; онъ понималъ хорошо и другую причину своей тоски, хоть и умолчалъ объ ней, говоря съ Вѣрочкой: онъ видѣлъ, что въ генеральской ложѣ сидѣлъ Волжинскій, что Анна Гавриловна и даже супругъ ея очень любезны съ нимъ, а онъ съ своей стороны старался быть любезнымъ съ Вѣрочкой. Талень заключилъ изъ всего этого, что Волжинскаго прочать Вѣрочкѣ въ женихи, и что самъ онъ, кажется, не прочь отъ этого. «А Вѣрочка?» спрашивалъ себя Талень. Устоитъ ли она противъ тщеславнаго желанія выйдти за человека богатаго и съ блистательными надеждами? Она, кажется, не честолюбива, да Богъ знаетъ! Можетъ-быть это потому только, что она еще ребенокъ! Если же ее не прельститъ богатство и карьера Волжинскаго, найдется ли у нея достаточно твердости, чтобы пойдти противъ воли родителей? Гдѣ ей! Она еще ребенокъ! Да и любить ли она меня? Она меня вовсе не любитъ! Она со мной просто кокетничаетъ, болѣе чѣмъ съ другими, потому что я больше всѣхъ влюбленъ въ нее.»

И ревнивому воображенію его представилось множество молодыхъ людей, съ которыми Вѣрочка будто бы кокетничала. А на самомъ дѣлѣ она была съ ними любезна какъ со всѣми, какъ съ старымъ управителемъ отца, какъ съ М-ше Бюргеръ, какъ съ своею горничной, какъ съ Дашенькой и Улинькой, которыя были несчастнѣе всѣхъ горничныхъ въ мірѣ.

Между тѣмъ святочные удовольствія пошли своимъ чередомъ. Кругоборскіе жители эту зиму очень веселились и на балахъ, и въ собраніяхъ, и въ маскарадахъ, куда впрочемъ порядочныя женщины ѣздили тоже въ бальныхъ платьяхъ, потому что надѣть маску считалось въ Кругоборскѣ величайшимъ преступленіемъ для женщинъ. Одна Татьяна Башматова позволяла себѣ это, что было одною изъ причинъ, по которымъ ее называли безнравственною дѣвицею. Талень и Вѣрочка очень часто встрѣчались въ обществѣ, но это было уже совсѣмъ не то, что на репетиціяхъ. Здѣсь смущали грозныя взгляды маменьки и ея без-

престанные выговоры, огромное общество, болѣею частью смотрящее неприязненно и подозрительно на всякое увлеченіе, на всякую заражающуюся привязанность, наконецъ вниманіе Волжинскаго, который все чаще и чаще разговаривалъ съ Вѣрочкой, хоть разговоры его были все въ одномъ родѣ. Это вниманіе пугало Талена и досаждало Вѣрочкѣ; Волжинскій былъ первый человѣкъ, съ которымъ она не могла быть ласковою, вѣрно потому, что ея свѣтлая душа была безсознательно возмущена смѣсю надменности, глупости и чопорности въ этомъ человѣкѣ. Но несмотря на всѣ эти препятствія и неудовольствія, а можетъ-быть именно по милости ихъ, привязанность молодыхъ людей со дня на день развивалась, дѣлалась глубже, серьезнѣе. Отношенія Вѣрочки къ Лизѣ также измѣнились въ это время: Вѣрочка не такъ ужь искала общества Лизы, не такъ была откровенна съ нею, понимая инстинктивно, что теперь между ними ничего нѣтъ ужь общаго. Лиза не замѣчала этой перемены. Природа вообще не одарила ея проницательностію, и кромѣ того она сама была въ это время заинтересована Тиботовымъ. М-ме Бюргеръ видѣла, что онъ неравнодушенъ къ Лизѣ, и была втайнѣ довольна этимъ, потому что Тиботовъ былъ богатый женихъ, а Лиза держала себя съ нимъ *прилично*, то-есть разговаривала съ нимъ только во время танцевъ, и при этомъ лицо ея ничего не выражало, какъ и всегда.

VI.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ.

Недѣли черезъ три послѣ спектакля, Анна Гавриловна сидѣла однажды вечеромъ въ гостиной съ Варенькой и Вѣрочкой. Всѣ три работали.

— Я тебя тысячу разъ бранила за это и наконецъ устала бранить, говорила генеральша, не глядя ни на кого.—Если я захочу это еще разъ, то приму другія мѣры. И сестрицѣ твоей тоже достанется, чтобъ она умѣла вразумлять меньшую сестру.

Обѣ дѣвушки сидѣли, опустивъ голову и потупивъ глаза.

При послѣднихъ словахъ матери, Вѣрочка взглянула съ состраданіемъ на сестру.

— Матан! Варенька въ чемъ же вин....

— Молчать! Съ какихъ поръ и отъ кого ты научилась разсуждать съ матерью? Помни же, если когда-нибудь ты будешь такъ неприлично вести себя съ этимъ офицеришкою, и если ты не будешь держать себя съ Волжинскимъ такъ, какъ я тебѣ приказала, я тебя запру на цѣлый мѣсяцъ на хлѣбъ и на воду....

Вѣрочка опустила голову еще ниже, въ глазахъ ея блеснули слезы; она ничего не отвѣчала. Нѣсколько минутъ длилось общее молчаніе, наконецъ въ залѣ послышались мужскіе шаги, и въ гостиную ввалился Волжинскій. Анна Гавриловна строго взглянула на Вѣрочку. Раскланявшись съ дамами, Волжинскій началъ свой обычный вялый и пустой разговоръ. Варенька и Анна Гавриловна старались его поддерживать, а Вѣрочка напрасно усиливалась принять въ немъ участіе: она не могла выговорить ни слова, въ головѣ ея не было ни одной мысли, а гнѣвные взгляды матери удвоивали ея смущеніе. Вѣрочка не была упряма, но она не умѣла притворяться, трудно себѣ представить, до чего дѣвушкѣ, съ чистою душою и неиспорченными чувствами, можетъ быть отвратителенъ человѣкъ, который, вовсе не нравясь ей, изъявляетъ претензіи на ея предпочтеніе.

По уходѣ Волжинскаго, Анна Гавриловна посмотрѣла на Вѣрочку съ такою злостью, что у обѣихъ дочерей сердце замерло.

— Отведи сестру твою въ ея комнату, запири ее тамъ и принеси мнѣ ключъ, медленно проговорила Анна Гавриловна, обращаясь къ Варенькѣ.

Дочери повиновались. Войдя въ свою комнату, Вѣрочка схватила руку сестры, поцѣловала ее и бросившись на постель горько зарыдала. Варенька подошла къ ней, и, сквозь слезы, шепнула ей: «Бога ради, слушайся маманъ». Потомъ она заперла комнату, отерла глаза и пошла къ матери.

Вѣрочка долго плакала и всю ночь не сомкнула глазъ. Сначала у ней вовсе не было мыслей въ головѣ, только на душѣ было страшно тяжело; но слезы, благодатныя слезы нѣсколько облегчили ее, и, какъ часто бываетъ съ людьми, постигнутыми горемъ, она начала вспоминать лучшее время, счастливые дни своего дѣтства, проведеннаго ею у тетки, которая взяла ее вмѣсто дочери, и у которой и теперь Вѣрочка проживала большую часть года. Эта тетка, сестра генерала, была вдова, бездѣтна, и послѣ мужа получила 700 душъ, которыя хотѣла завѣщать своей любимицѣ, Вѣрочкѣ. Она была женщина добрая, лелѣяла и ласкала Вѣрочку, какъ нѣжная мать, и если отпускала

ее часто и надолго къ ея отцу, то потому только, что, будучи тоже честолюбива, она воображала, что въ домѣ знатныхъ родителей, ея милая Вѣрочка скорѣе найдетъ себѣ блестящую партію. Отъ природы не только разчетливая, но даже немного скупая, тетка Вѣрочки воспитала свою любимицу далеко не въ роскоши; жила она постоянно въ деревнѣ, зналась только съ немногими сосѣдями, которыхъ принимала впрочемъ очень радушно. Она не нанимала дорогихъ гувернантокъ-Француженокъ, одѣвала племянницу просто, но зато Вѣрочка во всякое время могла найти у нея доброе слово, любящій взглядъ, задушевную ласку. Она научила Вѣрочку говорить всегда правду, обращаться со всѣми ласково и свободно, и *чтобъ не вбить въ голову двѣочки высокаго мнѣнія о себѣ*, тщательно скрывала свои честолюбивыя мечты касательно ея блестящей будущности,—мечты, которымъ сама втайнѣ предавалась съ наслажденіемъ.

И теперь, въ эту горькую минуту, Вѣрочка, со слезами благодарности, вспомнила добрую тетку. Она вспомнила многое и многихъ, но нечего говорить, что высокій юноша, съ блонкурыми волосами, съ любящимъ, кроткимъ взглядомъ, игралъ первую роль въ этихъ воспоминаніяхъ. Вѣрочка заснула не скоро и не надолго: ей приснился Волжинскій, грозныя рѣчи матери, слезы Вареньки, и она проснулась. Какъ ни былъ коротокъ сонъ ея, онъ однакожь подкрѣпилъ и освѣжилъ ее. Мысли Вѣрочки пришли нѣсколько въ порядокъ, и, подумавъ немного, она схватила листокъ бумаги и начала писать:

«Я начинаю вѣрить, что меня хотятъ отдать за Волжинскаго, и болѣе чѣмъ когда-нибудь убѣждена, что татап никогда не согласится на наше желаніе. Чтò мнѣ дѣлать? Отвѣчайте мнѣ.»

В. О.

Запечатавъ эту записку, Вѣрочка спрятала ее и немного успокоилась. Черезъ нѣсколько времени дверь отперли: вошла Таня, горничная, приставленная къ Вѣрочкѣ теткой, и принесла на подносѣ кусокъ чернаго хлѣба и стаканъ воды.

— Таня, любишь ты меня? Хочешь меня осчастливить? шопотомъ сказала Вѣрочка, крѣпко сжимая ея руку.

— А какже, барышня! Я для васъ на все готова....

— Ну такъ узнай, гдѣ живетъ Таленъ, и отошли къ нему эту записку.

Таня хотѣла было отказаться, но взглянувъ на блѣдное личико Вѣрочки, на ея красные, распухшіе отъ слезъ глаза, она согласилась. У нея было пропасть поклонниковъ между квартальными, лавочниками, кучерами и лакеями; одинъ изъ нихъ взялся доставить письмо по адресу.

Таленъ распечаталъ письмо очень равнодушно; онъ не зналъ почерка Вѣрочки, но прочитавъ его, онъ пришелъ въ сильное волненіе. Тысяча плановъ и рѣшеній являлось и мгновенно исчезало въ его головѣ, наконецъ онъ остановился на одномъ рѣшеніи, велѣлъ дать себѣ одѣться, и поѣхалъ.

— Къ Озерскимъ, сказалъ онъ кучеру.

Было половина втораго: генеральша въ это время принимала. Еслибъ ей пришло въ голову, что Таленъ можетъ къ ней пріѣхать, она конечно велѣла бы отказать ему, но ей это не пришло въ голову. Таленъ былъ очень блѣденъ, но лицо его выражало твердую рѣшимость.

— Чтѣ вамъ угодно? грубо спросила его генеральша, взглянувъ съ удивленіемъ на него.

— Я долженъ поговорить съ вашимъ высокопревосходительствомъ объ очень серіозномъ дѣлѣ, сказалъ Таленъ.

— Не могу понять, какія серіозныя дѣла могутъ быть между мною и вами, пресеріозно проговорила Анна Гавриловна.

— Я пріѣхалъ сказать вамъ, что люблю вашу дочь Вѣру Павловну, и просить у васъ ея руки.

— Я удивляюсь вашей дерзости, милостивый государь! перебила генеральша, гордо закинувъ голову.—Въ своемъ ли вы умѣ, что являетесь ко мнѣ съ подобными предложеніями? Совѣтую вамъ ѣхать домой и полѣчиться отъ бѣлой горячки. И она вышла изъ комнаты.

Таленъ прошелъ къ генералу.

— Чтѣ вамъ угодно? величественно и гордо спросилъ генералъ.

Таленъ отвѣчалъ, что былъ у жены его, что она не удостоила выслушать его, и повторилъ свое предложеніе. Генералъ поблагодарилъ молодаго человѣка за сдѣланную честь, но просилъ его прекратить свои исканія, потому что они никогда не увѣнчаются успѣхомъ.

Возвратившись домой, Таленъ написалъ отвѣтъ Вѣрочкѣ:

«Я былъ у вашей маменьки, просилъ у нея вашей руки, она почти выгнала меня. Батюшка вашъ отказалъ мнѣ наотрѣзъ

Я чуть не вышелъ изъ себя и едва не сказалъ дерзости вашей маменькѣ, но вспомнилъ, что вы дочь ея, и перенесъ молча унизительное обращеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что васъ хотятъ отдать за Волжинскаго, но если вы точно любите меня, несмотря на всѣ препятствія, я сумѣю привести въ исполненіе мое лучшее и первое желаніе. Завтра я уѣзжаю дней на пять, но возвратясь, тотчасъ же дамъ вамъ знать.

«В. Т.»

Отправивъ письмо съ тѣмъ-же лавочникомъ, который привесъ ему записку Вѣрочки, Таленъ поѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ стоялъ родной дядя его по матери, гусарскій ремонтеръ, майоръ Бабаковъ. Противъ обыкновенія, майоръ былъ дома; онъ сидѣлъ у окна въ халатѣ изъ термаламы и курилъ трубку. Красное лицо его было заспано, черные, длинныя усы висѣли по обѣимъ сторонамъ рта и спускались на самую грудь; онъ былъ лѣтъ сорока, средняго роста и крѣпкаго мускулистаго сложенія.

— А, Василій! Здравствуй, братецъ! закричалъ майоръ, увидѣвъ племянника.

— Здравствуйте, дядюшка! Чему приписать, что вы дома? Я не смѣлъ надѣяться, что застану васъ, сказалъ Таленъ.

— Да вотъ, братецъ, жду проклятаго Корнюшку-барышника. Обѣщаль трехъ лошадокъ гнѣденькихъ привести; прелесть, говорить, лошадки; да кажись надуль, бестія, чортъ его возьми, не ведетъ: вѣрно другому кому продалъ.

— Дядюшка, я къ вамъ по дѣлу.

— Говори, братецъ. Да чтò съ тобою, Василій? продолжалъ майоръ, всматриваясь въ племянника:—на тебѣ лица нѣтъ.

— Дядюшка, я пріѣхалъ сказать вамъ, что я нуждаюсь въ вашей помощи, въ вашемъ участіи...

— Что жъ? ты проигралъ казенныя деньги или убилъ кого на дуэли?...

— Нѣтъ, дядюшка, вовсе нѣтъ; но я хочу жениться.

— Жениться! произнесъ Бабаковъ, раскрывъ глаза отъ изумленія. — Жениться! Въ двадцать три года жениться! Ну, это хуже чѣмъ проиграть казенныя деньги или убить на дуэли.

И майоръ сталъ съ энергіею выколачивать свою трубку и свистать на весь трактиръ.

— А впрочемъ, глубокомысленно сказалъ онъ, оглянувъ племянника,—впрочемъ какъ подумаю я, такъ изъ тебя все равно

ничего не выйдетъ: ты равнодушенъ и ко вдовѣ Клико, и къ «любить не любить», даже къ лошадямъ, насколько человекъ можетъ быть къ нимъ равнодушенъ; такъ зачѣмъ же тебѣ молодость и свобода? Нечего дѣлать, женись, только по крайней мѣрѣ хоть на хорошенькой. Да чѣмъ же я могу тутъ помочь тебѣ?

— Дядюшка! отецъ и мать особы, которую я люблю, не согласны выдать ее за меня, и я хочу...

— Увезти ее? вскрикнулъ майоръ съ радостнымъ изумленіемъ.— Другъ мой Василій, дай мнѣ руку; до сегодня я не зналъ тебя; я считалъ тебя, извини пожалуйста, этакъ... какою-то бабой... нѣмчурой... А это славно, увезти!.. Можешь надѣяться на меня, какъ на каменную гору, только скажи пожалуйста, кого это мы увозимъ?...

— Послѣ, дядюшка, дня черезъ три, а теперь я поѣду къ себѣ въ Бурьяновку; прикащикъ пишетъ, что у насъ хотятъ купить хлѣбъ по очень выгодной цѣнѣ.

— И то дѣло! Ступай, собери деньжонокъ, да если все-таки тебѣ не будетъ ставать ихъ, я тебѣ займу... изъ ремонтныхъ суммъ. Кому другому я боялся бы отдать казенныя деньги, а тебѣ хоть всѣ отдамъ, и увѣренъ, что получу ихъ до полушки, какъ только слово скажу тебѣ. Куда жь ты?

— Пора, дядюшка!

— Ну, ступай, ступай! Да вернувшись изъ Бурьяновки, сейчасъ ко мнѣ; потолкуемъ!

VII.

Записка.

Вѣрочка цѣлыя сутки была взаперти; въ обѣденное время Таня опять принесла ей хлѣбъ и воду; Вѣрочка ничего не ѣла, потому что хлѣбъ былъ черствый и горьковатый. Она страшно измучилась: ее томилъ голодъ, ей было душно въ маленькой комнаткѣ, а на душѣ тяжелымъ камнемъ лежало воспоминаніе о дурномъ обращеніи матери, и мысль, что ей еще долго придется прожить такъ, какъ сегодня, потому что она рѣшительно не можетъ быть любезною съ Волжинскимъ. Она не надѣялась на то, чтобы вмѣшательство отца измѣнило ея положеніе: она знала, что, въ частыхъ ссорахъ ея родителей, мать всегда одерживала верхъ во всемъ, что касалось домашняго быта. Ей оста-

вазась одна надежда на тетку: она потихоньку написала и отослала черезъ Таню письмо къ теткѣ, въ которомъ умоляла вступить за нее, но было поздно. Мать уже написала къ теткѣ и описала поведеніе Вѣрочки такимъ безразличнымъ и неприличнымъ, Талена такимъ дурнымъ и ничтожнымъ человекомъ, а Волжинскаго такимъ чудомъ совершенства, что добрая тетушка, въ отвѣтъ на письмо Вѣрочки, осыпала ее выговорами и объявила, что сама откажется отъ нея, если она выйдетъ замужъ, не согласно съ волей родителей. Прошло десять тяжелыхъ мучительныхъ дней, въ продолженіи которыхъ Вѣрочка выходила изъ комнаты тогда только, когда пріѣзжалъ Волжинскій; послѣ чего должна была выслушивать каждый разъ отъ матери самую обидную брань. Супругу своему, когда онъ вздумалъ вступить за дочь, Анна Гавриловна наговорила такихъ небывалыхъ ужасовъ о Вѣрочкѣ, что онъ пришелъ въ ея комнату для того только, чтобы тоже избранить ее. Варенька по приказанію матери являлась иногда вразумлять сестру. Вѣрочка всякій разъ плакала, цѣловала сестрѣ руки и клялась употребить всѣ усилія, чтобы исполнить волю матери; но какъ только являлся Волжинскій, у Вѣрочки отнимался языкъ, она молчала, какъ убитая. Волжинскій былъ такъ глупъ, что не замѣчалъ отвращенія, которое Вѣрочка къ нему чувствовала; онъ видѣлъ, что наружность ея страшно измѣнилась, что она поблѣднѣла и похудѣла, и думалъ, что она нездорова. Вѣрочка окончательно упала духомъ.

Въ это время Таленъ, устроивъ дѣла свои, предложилъ ей бѣжать. Она согласилась.

Тогда-то открылось обширное поле для дѣятельности майора Бабакова. Ему чрезвычайно нравились и намѣреніе племянника, и Вѣрочка, и трудность этого предпріятія, а болѣе всего ему нравилось то, что представлялся случай взбѣсить Анну Гавриловну, которую онъ ненавидѣлъ, хотя не былъ знакомъ съ нею. Прежде всего онъ подкупилъ изъ генеральскихъ людей, кого нужно, потомъ подкупилъ попа въ одной казенной деревнѣ, въ 400 верстахъ отъ Кругоборска, потомъ позаботился поддѣлать ключъ къ комнатѣ Вѣрочки, и все это было сдѣлано имъ такъ скоро и осторожно, что Талену оставалось только удивляться дядѣ и благодарить его.

« Все готово, писалъ Таленъ къ Вѣрочкѣ. Завтра ночью, когда всѣ ваши улягутся спать, мы бѣжимъ. Будьте осторожны до тѣхъ поръ.»

Таня, получивъ записку эту, спрятала ее въ карманъ, но карманъ былъ прорванъ, и записка выпала, когда Таня проходила черезъ коридоръ мимо комнаты генеральши. Анна Гавриловна подняла ее. Боже мой! какъ описать ея бѣшенство, когда она прочла записку! Какъ описать все то, что вытерпѣла Вѣрочка, когда мать ворвалась въ ея комнату...

Въ домѣ поднялась страшная суматоха; генералу тотчасъ же донесли о письмѣ; онъ вышелъ изъ себя и такъ же, какъ и его супруга, не ограничился бранью и крикомъ. Варенькѣ тоже досталось отъ матери. Таню жестоко наказали и отправили въ деревню; другихъ людей тоже наказали, не разбирая кто правъ, кто виноватъ. Вся эта исторія мгновенно разнеслась по городу, только Волжинскому никто не разказалъ ея. Онъ былъ такъ недоступенъ, что никто не позволилъ себѣ такой фамилярности, и притомъ всѣ знали, что онъ претендентъ Вѣрочки. Ничего не зная, въ этотъ самый вечеръ онъ попросилъ у Анны Гавриловны руки ея дочери. Генеральша дала полное согласіе и прибавила, что какъ только Вѣрочка выздоровѣетъ, можно будетъ объявить всѣмъ о ихъ помолвкѣ.

Вѣрочка слегла въ постель, но это не обезоружило ея матери. На другой же день она одѣла дочь въ набойчатое платье, придумала для нея самыя грубыя и унижительныя работы, которыя Вѣрочка должна была исполнять подъ личнымъ наблюденіемъ Анны Гавриловны. Несмотря на всѣ эти истязанія, Вѣрочка, одаренная богатымъ запасомъ здоровья, не заболѣла. На третій день, мать велѣла Варенькѣ объявить ей, что она выходитъ за Волжинскаго.

Сильно билось сердце у Вареньки, когда она отпирала дверь Вѣрочкиной комнаты. Ей было тяжело объявить сестрѣ такую ужасную новость; голосъ ея дрожалъ, когда она говорила Вѣрочкѣ о данномъ матерью словѣ.

— Варенька! Я не выйду за Волжинскаго! отвѣчала Вѣрочка, обливаясь слезами.

— Вѣрочка! Мало ты еще перенесла? Не упрямясь, вѣдь на своемъ не поставишь, говорила Варенька, смотря на сестру умоляющимъ взглядомъ.—Богъ велитъ повиноваться родителямъ.

— Но Богъ велитъ также любить мужа, а я ничего, кромѣ отвращенія, не могу чувствовать къ Волжинскому.

— Ты привыкнешь и привяжешься къ нему.

— Нѣтъ, я къ нему не привяжусь. Не знаю, извѣстно ли тебѣ, что мама вышла за рара по принужденію. Я узнала

это случайно, живя у тетеньки. И чтожь? Ты сама видишь, что татап не только ссорится всякій день съ мужемъ, но и дѣтей своихъ не любитъ...

— Дѣти не суди своимъ родителямъ, проговорила Варенька и вышла изъ комнаты.

То, что говорила Вѣрочка, касательно замужства своей матери, была правда. Отецъ Анны Гавриловны, сначала бѣдный чиновникъ, служилъ до чина статскаго совѣтника, разными нечистыми дѣлами нажилъ себѣ огромное состояніе и умеръ, оставивъ дочь полною наследницею своихъ тысячи душъ. Жена его, на которой онъ женился еще въ небольшомъ чинѣ, была женщина грубая и необразованная, что не мѣшало ей быть очень тщеславною, и потому, когда ея дочери сдѣлалъ предложеніе губернской секретарь Писаренко, молодой человекъ страстно влюбленный и пользовавшійся ея взаимностію, она прогнала его и насильно выдала дочь за стараго генерала Озерскаго прельстившагося богатымъ имѣніемъ, которое ловкій чиновникъ оставилъ своей дочери. Первые годы, Анна Гавриловна питала къ мужу сильнѣйшее отвращеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ боялась его, потомъ она попривыкла къ нему, мало-по-малу перестала бояться, и возмутилась противъ его власти надъ нею; слѣдствіемъ этого были ежедневныя ссоры, которыхъ свидѣтелями были всѣ домашніе, дѣти и даже иногда адъютанты его превосходительства. Варенька была первое дитя ихъ; она родилась тогда, когда Анна Гавриловна не могла видѣть своего мужа безъ отвращенія и еще не перестала вздыхать о губернскомъ секретарѣ Писаренко; рожденіе дочери не примирило ея съ своею участію; напротивъ, она возненавидѣла дочь, какъ дитя человека, который навѣки отнял у нея всѣ надежды на счастье. Вѣрочка родилась пятью годами позже, когда мать нѣсколько свыклась съ своимъ положеніемъ.

— Сказала ты ей, что она будетъ видѣться вечеромъ съ женихомъ? спросила генеральша у Вареньки, когда та возвратилась отъ сестры.

— Да, татап, но... проговорила она едва слышно.

— Что такое? сурово спросила ее мать, взглянувъ на нее съ изумленіемъ.

— Она говорить, что не можетъ выйдти за Волжинскаго, потому что онъ ей противенъ, отвѣчала Варенька, собравъ всѣ силы свои.

— Какъ? что? сказала Анна Гавриловна.—И ты смѣешь говорить мнѣ подобныя вещи?

И на Вареньку посыпались брань и ругательства; кончилось тѣмъ, что генеральша велѣла ей приказать сестрѣ принарядиться и принять своего жениха иначе...

— Иначе ей плохо будетъ, грозно заключила генеральша.

Выслушавъ приказаніе матери, переданное сестрой, Вѣрочка не заплакала: она какъ будто ужъ выплакала свои слезы; ея молодая душа была подавлена тяжестью горя, которому она теперь не видѣла конца: ея сношенія съ Таленомъ прекратились, Таню отослали къ теткѣ, хлѣбъ и воду ей приносила Варенька, бумага, перья и карандаши были у нея отобраны. Вѣрочка желала заболѣть и умереть. Это обыкновенное желаніе всѣхъ, кому слишкомъ тяжело жить.

Между тѣмъ въ городѣ всѣ знали о томъ, что дѣлалось въ губернаторскомъ домѣ. М-те Бюргеръ ужасно боялась, чтобъ Анна Гавриловна не стала подозрѣвать Лизу въ участіи въ этомъ дѣлѣ, и потому нѣсколько разъ допрашивала свою дочь, но Лиза ничего не сказала объ отношеніяхъ Вѣрочки и Талена, кромѣ того, что во время репетицій они часто и долго разговаривали вдвоемъ. Генеральша дѣйствительно сначала стала холодно принимать М-те Бюргеръ и Лизу; но Розалія Карловна скоро опять втерлась въ милость; она успѣла очень ловкими намеками убѣдить Анну Гавриловну, что ея дочь—ребенокъ, безъ всякой самостоятельности, что она во всемъ откровенна съ матерью, что на любовь Лиза смотритъ, какъ на величайшее преступленіе.

Майоръ Бабаковъ пришелъ въ бѣшенство, когда узналъ о происшествіи съ запиской. Онъ проклиналъ Озерскихъ, бранилъ Таню и страшно боялся, чтобы Талень, обезкураженный неудачею, не бросилъ своего намѣренія.

— Скъверно, братецъ! сказалъ онъ племяннику, когда тотъ вошелъ къ нему съ чрезвычайно разстроеннымъ лицомъ, изъ чего дядя заключилъ, что и онъ знаетъ о случившемся въ домѣ Озерскихъ.

— Да, дядюшка, не хорошо, отвѣчалъ Талень, — жаль мнѣ Вѣрочку: воображаю, что съ нею дѣлають.

— Да, эта баба-яга не пощадитъ ея, проглатая! Ухъ, попалась бы она мнѣ, эта вѣдьма, наединѣ гдѣ-нибудь, ужъ задалъ бы я ей трезвону!

— Но жъ сожалѣнію она намъ, кажется, не попадется, а Вѣрочка терпитъ теперь страшную муку....

— Чтожь ты намѣренъ теперь дѣлать, Василій? спросилъ майоръ.

— Я намѣренъ, дядюшка, подождать нѣсколько дней, а потомъ опять попытать какъ-нибудь счастья. Еслибы только вы были такъ добры...

— Я-то буду хлопотать, только ты не теряй бодрости. Денегъ у тебя еще много?

— Деньги есть, дядюшка, да кромѣ того мнѣ долженъ еще купецъ Авдюхинъ за пшеницу около тысячи рублей, я къ нему сейчасъ поѣду. До свиданія, дядюшка.

На другой день, Таленъ получилъ предписаніе отъ своего полковаго командира явиться въ полкъ. Этотъ полковой командиръ былъ очень безпечный человекъ: ему, обыкновенно, все равно было, гдѣ живутъ его офицеры, и въ настоящемъ случаѣ понятно было, почему онъ потребовалъ Талена. Таленъ поѣхалъ, поручивъ хлопоты о похищеніи Вѣрочки дядѣ, участіе котораго въ этомъ дѣлѣ очень мало подозревали.

Врядъ ли есть въ мірѣ классъ людей болѣе развращенный, чѣмъ дворовые у очень строгихъ господъ. Они до того привыкають къ дурному обращенію, что имъ кажется пустякомъ самое унижительное наказаніе, но взамѣнъ того, они дѣлаются очень чувствительны къ прибыли, къ деньгамъ. Нѣтъ низости, которой они не сдѣлали бы, нѣтъ риска, на который они не рѣшились бы, чтобы получить нѣсколько десятковъ рублей, и потому не удивительно, что майоръ Бабаковъ успѣлъ опять подкупить генеральскихъ людей. Разъ вечеромъ, когда Вѣрочка была доведена жестокостью матери до такого отчаянія, что охотно бы утопилась или отравилась, одинъ изъ лакеевъ постучалъ къ ней въ комнату, и когда она подошла къ двери, сказалъ ей, что онъ просунулъ подъ дверь записку къ ней. Вѣрочка нашла ее ощупью, потому что у нея не было огня, и уже утромъ прочитала ее, дрожа всѣмъ тѣломъ, и изорвала въ мелкіе кусочки. Въ этой запискѣ Таленъ увѣдомлялъ ее, что въ понедѣльникъ чрезъ три дня въ 11 часовъ ночи онъ увезетъ ее.

VIII.

Повѣгъ.

По понедѣльникамъ бывали вечера у Озерскихъ. Вечера эти были очень незатѣйливы, очень церемонны и очень

скучны, но съѣзжалось много гостей, потому что никто изъ приглашенныхъ ни за что въ свѣтъ не рѣшился бы не поѣхать къ ея высокопревосходительству.

Начали съѣзжаться рано, потому что генеральша не любила, чтобы къ ней пріѣзжали поздно. Жандармы суегились у подъѣзда, пустые экипажи или возвращались домой, или отъѣзжали въ сторону; къ послѣднимъ присоединилась карета, которая не подъѣзжала къ крыльцу и изъ которой никто не выходилъ; никто не обратилъ на нее вниманія; на козлахъ сидѣлъ майоръ Бабаковъ и разыгрывалъ роль кучера удивительно хорошо. Скоро послѣ того Таленъ, переодѣтый въ статское платье, въ парикъ съ наклеенными черными бакенбардами, прошелъ заднимъ крыльцомъ въ генеральскій домъ. Сердце его сильно билось: онъ зналъ, что отъ успѣха его предпріятія зависитъ освобожденіе Вѣрочки, его счастье... онъ зналъ, что предпріятіе это было очень рискованное, но иначе нельзя было сдѣлать: домъ губернатора тщательно стерегла полиція и днемъ и ночью, и потому только во время съѣзда можно было туда проникнуть, а главное вывести Вѣрочку.

Вѣрочка была страшно взволнована. Какъ только наступили сумерки этого роковаго вечера, она потеряла всякое сознаніе, ее бросало то въ жаръ, то въ холодъ, она ничего не понимала, кромѣ того, что ей нужно слышать, когда пробьетъ одиннадцать часовъ. Наконецъ въ сосѣдней классной комнатѣ пробило одиннадцать. Вѣрочка задрожала всѣмъ тѣломъ и бросилась на колѣни, безмолвно моля Бога помочь тому, кто шелъ освободить ее. Въ это время замокъ тихо щелкнулъ, дверь отворилась и опять затворилась; кто-то подошелъ къ ней, судорожно сжалъ ея руку, поднялъ ее, потомъ этотъ кто-то окуталъ ея голову большимъ платкомъ, надѣлъ на нее привезенную шубу и тихо повелъ изъ комнаты. Вѣрочка шла машинально, опираясь на руку своего спутника; они прошли чрезъ коридоръ и вышли на парадное крыльцо, тускло освѣщенное однимъ фонаремъ.

— Карету Бирючева, сказалъ Таленъ жандарму.

— Карету Бирючева! крикнулъ жандармъ въ всю глотку.

Майоръ Бабаковъ лихо подкатилъ къ подъѣзду. Сидѣвшій возлѣ него лакей вскочилъ съ козелъ, ловко подсадилъ барыню, баринъ также сѣлъ въ карету, и поѣхали.

« Незнакомая фамилія », подумалъ жандармъ, когда скрылась карета. « Вѣрно недавно прїѣхавшій помѣщикъ. »

Вечеръ кончился благополучно; гости скрывали скуку какъ всегда, разѣхались поздно и какъ бы нехотя. На другой день генеральша по заведенному порядку отправилась въ церковь со всѣми дѣтьми, исключая Вѣрочки, а по возвращеніи домой, Варенька понесла хлѣбъ и воду своей сестрѣ и страшно испугалась, когда, повернувъ ключъ, замѣтила, что комната не заперта; она подумала, что вчера забыла запереть дверь, но отворивъ дверь и увидя, что комната пуста, Варенька страшно вскрикнула и упала въ обморокъ. Анна Гавриловна, услышавъ этотъ крикъ, послала гувернантку узнать, что это значитъ. Гувернантка вошла въ комнату Вѣрочки и мигомъ поняла въ чемъ дѣло; она бросилась помогать Варенькѣ, позвала горничныхъ; а генеральша, замѣчая, что въ домѣ суетятся, и гувернантка между тѣмъ не возвращается, сама пошла узнать этому причину.

— Гдѣ Вѣра? закричала губернаторша, позеленѣвъ отъ злости.

— Мы не знаемъ, отвѣчали блѣдныя, испуганныя горничныя.

— Я васъ въ Сибирь сошлю, подлыя твари! Я васъ голодомъ заморю! кричала генеральша.

Между тѣмъ на шумъ сбѣжалась остальная прислуга, дочери и воспитанницы. Варенька глухо стонала, гувернантка охала, дѣти, воспитанницы и горничныя рыдали. Генераль, услышавъ это, отпустилъ своихъ посѣтителей и пошелъ внизъ.

— Что это значитъ! спросилъ онъ, войдя въ Вѣрочкину комнату.

— Вѣрочки нѣтъ! Вѣрочки нѣтъ! пропищали дѣти, рыдая.

Пока въ домѣ Озерскихъ происходили самыя возмутительныя сцены, Таленъ съ дядей мчали Вѣрочку на почтовыхъ въ К. губернію, потому что въ странахъ, находившихся подъ вѣдѣніемъ Озерскаго, никто не брался вѣнчать дочь его съ ея похитителемъ. Вѣрочка была счастлива; она была на свѣжемъ воздухѣ, свободна, ей не предстояло выйти за Волжнскаго, ея не бранили, не морили голодомъ, а въ добавокъ ко всему, возлѣ нея былъ любимый человекъ, который отгадывалъ ея желанія, ухаживалъ за нею съ удивительною нѣжностію, а впереди ей предстояло сдѣлаться его женою и цѣлый вѣкъ быть съ нимъ... Только мысль о Варенькѣ смущала счастье

Вѣрочки: ей часто представлялась блѣдная ея сестра, которая въ послѣднее время казалась такою нездоровою и такою несчастною изъ-за нея. Вѣрочка горячо молилась за сестру, она готова была отдать ей полжизни и полсчастія своего, но Варенька не взяла бы ни того, ни другаго; у нея было только два желанія: монастырь и смерть.

Въ среду, Вѣрочка была обвинена, и въ тотъ же день она написала отцу, матери и теткѣ письма, въ которыхъ со всѣмъ жаромъ любящей души просила у нихъ прощенія за свой побѣгъ и общала цѣлою жизнію покорности искупить это единственное непослушаніе. Тетка не отвѣчала, а отецъ и мать возвратили письмо нераспечатаннымъ. При этомъ, генераль сказалъ, что не признаетъ болѣе Вѣрочки своею дочерью, и что теперь ему нѣтъ ужъ до нея дѣла.

— А мнѣ есть дѣло до нея! вскрикнула генеральша. — Я ставлю и ее и этого мерзавца, ея мужа, раскаться въ томъ, что они осмѣлились сдѣлать! Клянусь всѣмъ на свѣтѣ, что они раскаются!..

И она велѣла полицеймейстеру доложить ей, когда въ городъ пріѣдетъ полковникъ Базановъ, командиръ полка, въ которомъ служилъ Талень, и который квартировалъ въ восьмидесяти верстахъ отъ Кругоборска. Базановъ пріѣхалъ черезъ двѣ недѣли послѣ побѣга Вѣрочки, и Анна Гавриловна пригласила его къ себѣ.

— Полковникъ, вы знаете, что вашъ офицеръ увезъ мою дочь, и онъ до сихъ поръ не отданъ подъ судъ? сказала генеральша.

Базановъ взглянулъ на нее съ изумленіемъ.

— Когда же онъ будетъ подъ судомъ? спросила Анна Гавриловна.

Полковникъ былъ человекъ смирный и деликатный, но теперь онъ пришелъ въ сильнѣйшее негодованіе и не на шутку разсердился.

— Если его отдадутъ подъ судъ, то онъ будетъ разжалованъ въ солдаты, и дочь ваша будетъ солдаткой, сударыня, проговорилъ Базановъ.

— Мнѣ плохо вѣрится, чтобы за такое ужасное преступленіе слѣдовало такое ничтожное наказаніе, спокойно отвѣчала генеральша. — Его въ Сибирь сослать — и то мало.

— Въ Сибирь его не за что ссылатъ! отвѣчалъ съ негодованіемъ полковникъ, раскланиваясь.

— Прощайте, полковникъ, и пожалуйста не забывайте, что если этотъ негодяй не будетъ отданъ подъ судъ, я напишу къ вашему корпусному командиру, а если и это не поможетъ, я брошусь къ ногамъ самого государя...

Полковникъ вышелъ, не дослушавъ ея: въ первый разъ въ жизни онъ встрѣчалъ такое злобное созданіе.

— Ахъ, ты фурія! Ахъ, ты мегера! повторялъ онъ про себя, сходя съ лѣстницы; ему было очень досадно: онъ любилъ и уважалъ Талена.

Черезъ нѣсколько дней, Базановъ поѣхалъ къ начальнику дивизіи, упросить его какъ-нибудь замять это дѣло; но тотъ получилъ уже письмо отъ генеральши Озерской, въ которомъ она настоятельно требовала, чтобъ ея зятя отдали подъ судъ, угрожая въ противномъ случаѣ жаловаться самому государю. Дѣлатъ было нечего; Талена отдали подъ судъ.

Таленъ прибылъ въ Кругоборскъ, гдѣ назначена была судная коммиссія, и отправился на гауптвахту. Вѣрочка тоже пріѣхала съ нимъ и наняла недалеко отъ гауптвахты квартиру, гдѣ и поселилась съ майоромъ Бабаковымъ, который чрезвычайно полюбилъ Вѣрочку, да и трудно было не полюбить ея! Кроме того онъ былъ уже въ такихъ лѣтахъ, когда человѣку, лихо проведшему жизнь, начинается крѣпко надоѣдать шумная, бурная жизнь, и все сильнѣе и сильнѣе чувствуется потребность прочныхъ, семейныхъ привязанностей. Какъ ни храбрился майоръ, притворяясь все еще страшнымъ кутилой, а его время прошло уже, и женитьба племянника пришлось какъ нельзя болѣе кстати, представивъ ему случай близко узнать добрую и милую женщину, которую онъ отъ души полюбилъ, и которой, по стеченію обстоятельствъ, остался единственнымъ покровителемъ.

Слѣдователемъ по дѣлу Талена назначенъ былъ полковникъ Коринъ, другъ Базанова и большой пріятель майора Бабакова. Корину страхъ не хотѣлось, чтобы Таленъ былъ разжалованъ, и онъ самъ вызвался производить слѣдствіе, чтобы по возможности помочь выпутаться общему протѣгѣ; онъ еще разъ попытался было усобствитъ генеральшу, представляя ей все неприличіе ея роли, если въ слѣдствіи будетъ выведено, что дочь ея была вынуждена ѣздить изъ дому, по случаю жестокаго обращенія съ нею матери; но генеральша съ величіемъ театральной королевы на провинціальной сценѣ, просила его молчать и не заботиться о томъ, что ей прилично или не прилично. Оставалось только

произвести слѣдствіе, какъ можно слабѣе; такъ и было сдѣлано: многія подробности, какъ-то поддѣлываніе ключа, подкупъ генеральскихъ людей, были опущены, и притомъ Таленъ взялъ все дѣло на себя, не вмѣшавъ ни майора Бабакова, ни другихъ участниковъ похищенія.

Самъ Озерскій не раздѣлялъ зложелательства жены къ зятю и дочери, да онъ и не зналъ, какое участіе она принимала въ дѣлѣ ихъ; впрочемъ хоть бы онъ и зналъ это, то врядъ ли вступился бы за дочь: его гордости нанесель былъ слишкомъ сильный ударъ ея побѣгомъ и замужествомъ.

IX.

Сюрпризъ.

Поведеніе генеральши, относительно дочери и зятя, возбудило сильное негодованіе во всѣхъ жителяхъ Кругоборска; даже М-те Бюргеръ въ душѣ не одобряла поступковъ Анны Гавриловны, хотя при дочери и при гостяхъ говорила, что съ дочерью, рѣшившеюся на подобное преступленіе, иначе поступить не возможно. «Съ дочерьми мало одной строгости, думала Розалія Карловна, за ними должно неусыпно, постоянно наблюдать и при этомъ, конечно, держать ихъ въ рукахъ, не баловать, Анна же Гавриловна никогда не обращала вниманія на дочерей, а потомъ принялась за самыя крутыя мѣры, — вотъ и результатъ всего этого. То ли дѣло, какъ я поставила свою Лизу: только вздумала она заинтересоваться Тиботовымъ, какъ я знала ужъ это. Ну, Таленъ и Тиботовъ—двѣ вещи разныя: Тиботовъ, онъ жѣнъ-омъ дистенге, прекрасной фамиліи, образованный, богатый, а у Талена, говорятъ, всего сто душъ, да и самъ онъ безъ всякаго образованія, не комъ-иль-фо, даже пофранцузски, кажется, не говорить! Да, еслибы Тиботовъ съ позволенія отца сдѣлалъ Лизѣ предложеніе, это была бы отличная, блестящая партія! Съ этою-то цѣлю я и позволяла Лизѣ танцовать съ нимъ чаще, чѣмъ съ другими; но онъ предложенія не дѣлаетъ, а между тѣмъ Лиза начала какъ будто увлекаться имъ; поэтому, я и запретила ей обращать на него особенное вниманіе; и что жъ? этого равнодушія или увлеченія со стороны Лизы какъ ни бывало. Вотъ какъ мать должна поставить себя съ своими дочерьми.»

Размышленіе М-те Бюргеръ было прервано появленіемъ лакея, принесшаго письмо.

— А, отъ Степана Андреевича! проговорила она, поспѣшно распечатывая письмо.

«Другъ мой Розалія Карловна!» прочла она. «Я слава Богу устроился совершенно; пріискалъ квартиру очень порядочную, съ хорошею мебелью и недорого; я нанялъ ее только на полгода, на случай, если она тебѣ не понравится. Пріѣхалъ бы самъ за вами, но что-то не здоровится крѣпко, и дѣла есть, и потому прошу тебя собраться, распродать, что найдешь лишнимъ изъ вещей, и переѣхать сюда съ Лизочкой. Я жду васъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ. До свиданія, мой другъ! Желаю тебѣ всего лучшаго.

«Любящій тебя мужъ С. Бюргеръ.»

Изъ письма выпалъ другой исписанный листокъ. Розалія Карловна прочла и его:

«Милая Лизочка! Какъ ты поживаешь? Спасибо тебѣ, что часто пишешь, а еслибы ты еще чаще писала, я былъ бы еще довольнѣе. Мнѣ очень грустно, что олго не видѣлъ тебя, мое дорогое дитя! Жду не дождусь, когда ты пріѣдешь съ мамашей, съ какою радостью я расцѣлюю тебя тогда! А покуда прощай; Заочно обнимаю тебя, моя радость!

«Отецъ твой С. Бюргеръ.»

— Какія нѣжности! презрительно проговорила М-те Бюргеръ. — Вотъ Степанъ Андреичъ совершенная противоположность мнѣ относительно умѣнія держать себя съ дѣтьми. Еслибы меня не было, воображаю, что бы вышло изъ Лизы! А пора намъ въ лавки.

И она встала, чтобы приказать дочери одѣться, и захватила кстати письмо къ ней отъ отца. На пальчикахъ прошла она въ комнату Лизы. Розалія Карловна всегда ходила на пальчикахъ, находя, что это гораздо граціознѣе, чѣмъ ходить всею ступнею. Ея походка на самомъ дѣлѣ была такъ легка, что ея не было слышно; такъ что появленіе ея въ комнату дочери не только удивило Лизу, но даже испугало ее; она страшно поблѣднѣла и судорожно сжала въ рукѣ какую-то бумажку.

— Чтѣ у тебя за бумажка въ рукѣ? спросила у нея мать.

— Это такъ, ничего, папан, отвѣчала Лиза, какимъ-то робкимъ, умоляющимъ голосомъ, быстро подходя къ окну, съ намѣреніемъ выбросить бумажку въ форточку.

— Подай сюда! закричала Розалія Карловна, вырывая бумажку у дочери.

Мать жадно принялась читать записку. Она была написана въ перемежку порусски и пофранцузски, безъ знаковъ препинанія.

«Я получилъ другое письмо отъ папа, *ma toute belle Lise!* Онъ все-таки не согласенъ на мою просьбу, *mais ne vous désespérez pas, adorable Lise!* я поставлю непременно на своемъ. Но, *selon mon avis,* не слѣдуетъ говорить объ этомъ вашей маман: она не только не согласится на мое предложеніе, но еще откажетъ мнѣ отъ дому, когда узнаетъ, *que j'agis sans avoir reçu la permission de mon père.* Папа пишетъ, что я слишкомъ молодъ для женитьбы; онъ не хочетъ понять, *que je suis amoureux à me brûler la cervelle, mais vous, mon incomparable Lise, vous le savez bien: pourquoi donc ne voulez vous pas adoucir mes souffrances en m'accordant le petit rendez-vous innocent, dont je vous supplie à genoux? Le jour où vous me direz que vous y consentez, sera le plus beau jour dans la vie de votre Léon.»*

Записка эта была не одна, здѣсь же былъ не оконченный отвѣтъ Лизы:

«Ахъ! какое несчастіе, Monsieur Léon, что вашъ папа все еще не соглашается. Я и сама вовсе не желаю, чтобы вы *теперь* дѣлали маман предложеніе. Гораздо лучше отъ нея скрыть это до тѣхъ поръ, когда вамъ папа позволитъ. Когда же будетъ этотъ счастливый день? Ah! comme je l'attends!.. Чтò же касается до *rendez-vous,* я васъ просила нѣсколько разъ не говорить мнѣ объ этомъ. Чтò, еслибы маман напала нась? Я боюсь и подумать объ этомъ. . .

— Такъ вотъ чтò! проговорила Розалія Карловна, бросивъ на дочь такой взглядъ, что ту покорило.

М-те Бюргеръ представилось, что Лиза тоже убѣжить, но что Тиботовъ не женится на ней, какъ Таленъ на Вѣрочкѣ, а бросить ее, какъ онъ бросилъ ту дѣвушку, которая вышла за землемѣра. . . Такой позоръ, такой скандалъ, и съ ея дочерью!..

Розалія Карловна, не помня себя отъ гнѣва, досады и испуга, вздумала ѣхать жаловаться на Тиботова его начальнику дивизіи, не разсудивъ, что, дѣлая гласною эту исторію, она на вѣки губить репутацію своей дочери. Къ несчастію, на этотъ разъ, кучеръ не былъ пьянъ, М-те Бюргеръ не имѣла времени одуматься, и поѣхала къ генералу тотчасъ же. Чувство оскорбленнаго самолюбія говорило въ ней можетъ быть сильнѣе всего: какъ, она,

такая наблюдательная, проницательная женщина, обманута такъ искусно и къмъ же? Вѣтреннымъ мальчишкой и дѣвчонкой, которую, она воображала, что понимаетъ какъ свои пять пальцевъ! Да, недалекая Лиза успѣла отлично перехитрить и надуть свою бывалую маменьку-пройдоху, между тѣмъ какъ умненькая Вѣрочка вовсе не сумѣла скрыть свою склонность къ Талену отъ Анны Гавриловны, которая вовсе не смотрѣла такъ строго за Вѣрочкой, какъ Розалія Карловна за своею дочерью! Но вѣдь всякая способность развивается упражненіемъ Вѣрочка выросла у тетки на свободѣ; Лиза напротивъ находилась подъ постояннымъ, строгимъ надзоромъ матери, которую не любила и которой боялась. Въ какомъ бы подчиненіи ни былъ человѣкъ, въ немъ не можетъ совершенно исчезнуть инстинктъ свободы, и потому, не имѣя достаточно силы и твердости, чтобъ открыто поставить на своемъ, онъ, естественно, прибѣгаетъ къ хитрости и притворству.

Генераль, къ которому поѣхала М-ме Бюргеръ, былъ добрый и очень не далекій старичокъ. Выслушавъ жалобу Розаліи Карловны, онъ пришелъ въ ужасъ и обѣщалъ ей примѣрно взыскать съ Тиботова; въ самомъ дѣлѣ, по отъѣздѣ ея, генераль призвалъ его къ себѣ, разбранилъ и послалъ на гауптвахту на цѣлую недѣлю. Это раздосадовало Тиботова до чрезвычайности: онъ такъ любилъ общество и развлечения, что рѣшительно не могъ жить безъ нихъ; а на этой недѣлѣ въ Кругоборскѣ должны были быть два концерта и два именинныхъ вечера, на которыхъ, по случаю поста, будутъ играть aux petits jeux, чтò, какъ извѣстно, такъ же интересно, какъ и танцы; и онъ не будетъ тамъ, а будетъ сидѣть въ сырой и гадкой гауптвахтѣ, одна мысль о которой приводила въ ужасъ его, изнѣженнаго матушкина сына. При томъ на дняхъ отецъ (которому, мимоходомъ сказать, Тиботовъ ни слова не писалъ о своемъ намѣреніи жениться на Лизѣ), прислалъ ему пару прекрасныхъ вороныхъ лошадей, которыми онъ думалъ пощеголять сегодня на катаньѣ, и вмѣсто всего этого... гауптвахта! При этой мысли онъ проклиналъ не только М-ме Бюргеръ и своего генерала, но даже, самъ не зная почему, и Лизу. Когда Тиботовъ ѣхалъ на гауптвахту, съ нимъ встрѣтились два пріятеля его—офицеръ и штатскій.

— Куда ты ѣдешь? спросилъ у него одинъ изъ нихъ.

— На гауптвахту, на цѣлую недѣлю, отвѣчалъ онъ, притворяясь равнодушнымъ.

— За чѣмъ? отчего? спрашивали пріатели удивляясь.

— Je vous dirai après, отвѣчалъ значительно Тиботовъ.—Приходите ко мнѣ вечеромъ на гауптвахту, а то вѣдь я тамъ со скуки умру.

— Хорошо, пріѣдемъ, отвѣчали они, заинтересованные и неожиданностію случая, и значительно тономъ Тиботова.

Вечеромъ они дѣйствительно пришли на гауптвахту; сюда же явились вино и карты, и Тиботовъ, попивая портеръ съ отвращеніемъ, на силу скрываемымъ (онъ, какъ маменькинъ сынокъ, любилъ только сладенькія и слабенкія вина, точно такъ какъ любилъ всякія сласти, хотъ и скрывалъ тщательно то и другое), объяснилъ слѣдующее о причинѣ своего заключенія:

— Я, какъ вамъ извѣстно, ухаживалъ за Лизе Бюргеръ, сказалъ онъ. Она въ меня и влюбилась, какъ вамъ тоже извѣстно; пошли тутъ разные billets-doux да rendez-vous; старая вѣдьма ничего этого и не подозрѣвала, какъ вдругъ сегодня, не знаю ужъ какъ, дошло до нея,—маршъ къ начальнику дивизіи съ жалобою. Онъ призвалъ меня къ себѣ, началъ увѣщевать жениться, я ему отвѣчалъ, что жениться не намѣренъ, ну, онъ и послалъ меня сюда. Да хорошо, если этимъ и кончится, а какъ подъ судъ идти придется опять!.. экій дьяволъ, эта баба! Спихватилась-таки, хотъ поздно, а спихватилась...

— А неужели она спихватилась *совсѣмъ поздно*? спросилъ штатскій.

— Да, entre nous soit dit, отвѣчалъ Тиботовъ, лукаво улыбаясь и значительно подмигивая своимъ пріателямъ.

— По дѣломъ старой вѣдьмѣ Бюргершѣ, чтобы не важничала, замѣтилъ офицеръ.—Лизу жаль, да впрочемъ вѣдь и она больше ничего, какъ говядина. Я удивляюсь, чѣмъ за охота тебѣ была ухаживать за нею?

— Да за кѣмъ же здѣсь ухаживать? За Вѣрочкою Озерскою? Не хотѣлось отбивать ее у Талена; вижу, человекъ серьезно влюбленъ, жениться хочеть...

— Ну, это ужъ ты привираешь, братъ! За Вѣрочкой ты пріударилъ было крѣпко, да она тебѣ на первыхъ же порахъ носъ наклеила, возразилъ офицеръ.

— Вотъ вздоръ! проговорилъ Тиботовъ, краснѣя.

— Не вздоръ, а сущая правда, сказалъ офицеръ.—Да ты самъ мнѣ повѣрялъ любовь твою къ Вѣрочкѣ, помнишь? Ну, а потомъ ты повернулъ къ Татьянѣ Михайловнѣ...

— Фя! сталъ бы я ухаживать за этимъ уродомъ?..

— Какое ухаживать! ты въ этого урода былъ влюбленъ, проговорилъ офицеръ, вспыхнувъ, потому что самъ былъ изъ обожателей Татьяны Башматовой. — Да и отсталъ отъ нея, когда она, въ отвѣтъ на твои французскіе комплименты и каламбуры, отбрила тебя порусски при всѣхъ, да такъ, что всѣ раскохотались!.. Помнишь, за кулисами, на второй репетиціи?

— Вотъ, Богъ знаетъ, что толкуеть! замѣтилъ сконфуженный Тиботовъ, обращаясь къ штатскому.

— Нѣтъ, вовсе не Богъ знаетъ что, возразилъ неугомонный офицеръ, — а ты ужасный хвастунъ, Тиботовъ! Послѣ этого я начинаю какъ-то плохо вѣрить всѣмъ твоимъ любовнымъ похождениямъ; вотъ и насчетъ Лизы, вѣрно что-нибудь да не такъ.

Штатскій усмѣхнулся: ему пришла въ голову та же мысль, но это не помѣшало обоимъ пріятелямъ на другой же день разгласить въ городѣ исторію о Лизѣ Бюргеръ такъ, какъ разказалъ ее Тиботовъ. Бѣдная Лиза! Пошла молва о ней по всему городу! Всѣ были рады этому скандалу, и потому что явился новый предметъ для разговора, и потому что на свѣтѣ есть много людей, которымъ пріятно растерзать репутацію женщины, кто бы она ни была и какъ бы ни была неправдоподобна взведенная на нее клевета. Былъ однако же человекъ, который обрадовался сплетнямъ, распущеннымъ на счетъ Лизы, не по одной изъ этихъ причинъ; это былъ Иванъ Карловичъ Швиндтъ. Онъ давно ужъ хотѣлъ жениться, но только на слѣдующихъ условіяхъ: 1) невѣста его должна быть надежнаго здоровья; 2) недалекаго ума и слабаго характера, такъ чтобы подчинялась ему безусловно и совершенно; 3) она должна быть не дурна собой; и 4) образована прилично, то-есть знать французскій языкъ и музыку или пѣніе. Еслибы при всемъ этомъ у нея было еще хорошее приданое, было бы еще лучше, но дѣло могло обойтись и безъ этого. Въ Лизѣ было все, чего искалъ Швиндтъ, но онъ видѣлъ, что Розалія Карловна надѣялась, что ея дочь сдѣлаетъ партію гораздо лучше, и держался въ сторонѣ. Теперь же, послѣ этой исторіи, Лиза сдѣлалась для него доступнѣе. Онъ зналъ, что разказы о слишкомъ близкихъ отношеніяхъ Лизы съ Тиботовымъ—вздоръ; зналъ это, потому что ему случилось быть у Розаліи Карловны тотчасъ по возвращеніи ея отъ начальника дивизіи, и она сгоряча разказала ему, какъ вѣрному и преданному другу, обо всемъ случившемся и даже показала письма Лизы и Тиботова; онъ

зналъ тоже, что репутація Лизы потеряна, что теперь ужъ конечно трудно найти человѣка, который рѣшился бы жениться на ней, но, какъ умный человѣкъ, онъ не обращалъ на это вниманія. «Поговорятъ да и перестанутъ» думалъ онъ.

Но Розалія Карловна не такъ думала; она страшно сердилась на себя за сдѣланную ею сгоряча огласку, но утѣшала себя тѣмъ, что скоро переѣдетъ изъ Кругоборска въ другой конецъ Россіи, куда конечно не достигнутъ здѣшнія сплетни; она надѣялась, что тамъ найдетъ для Лизы болѣе выгодную партію, и потому, замѣтивъ намѣренія Швиндта, стала держать себя съ нимъ гораздо осторожнѣе, такъ какъ ей не хотѣлось выдать за него дочь и не хотѣлось разсориться съ нимъ: онъ ей былъ очень нуженъ при предстоящемъ переѣздѣ. По всему этому она съ большимъ нетерпѣніемъ ожидала, чтобы спала полая вода и просохла дорога, намѣреваясь выѣхать по первому весеннему пути.

Разъ, когда М-ме Бюргеръ разчитывала, сколько ей станетъ переѣздъ, что продать изъ вещей и по какой цѣнѣ, и тому подобное, ей принесли съ почты письмо съ черною печатью; адресъ написанъ былъ незнакомою рукою. Розалія Карловна распечатала письмо съ спокойнымъ любопытствомъ, но прочитавъ его, страшно поблѣднѣла: ее увѣдомляли о смерти мужа. Къ стыду ея, я долженъ признаться, что въ эту минуту первымъ чувствомъ ея было вовсе не сожалѣніе о потери мужа; ей тотчасъ пришло въ голову, сколько теряетъ она въ матеріальномъ отношеніи со смертію его, и потому-то она такъ поблѣднѣла. Долго сидѣла она въ глубокомъ размысленіи о томъ, что осталось ей теперь дѣлать и чѣмъ жить; пансіонъ мужа былъ самый ничтожный, вспоможеніе отъ богатой сестры, которая и такъ уже платила за ея сына, не могло превышать какихъ-нибудь 200 или 300 рублей (Розалія Карловна такъ хорошо знала и сестру и ея мужа, что могла разчитывать безошибочно). Чѣмъ же жить? за кого выдать поскорѣе Лизу? спрашивала она у себя. Мысль о Швиндтѣ мелькнула было въ ея головѣ... «Фи! зять—нищій!.. подумала она потомъ. Миѣ нужно зятя такого, чтобъ онъ самъ жилъ прилично и меня устроилъ бы комфортабельно...» Она вспомнила Тиботова и стала страшно проклипать отца его, воображая, что онъ дѣйствительно не позволилъ сыну жениться на Лизѣ.

Потомъ Розалія Карловна подумала, какъ приготовить Лизу къ печальному извѣстію; она исполнила это въ то же утро.

Лиза горько зарыдала, потомъ заплакала еще немного въ продолженіе нѣсколькихъ дней и перестала. Она была изъ тѣхъ натуръ, въ которыхъ ни горѣ, ни радость, и никакое другое чувство не оставляютъ глубокихъ слѣдовъ.

Швиндтъ въ тотъ же вечеръ былъ у Розаліи Карловны, соболѣзновалъ о смерти ея мужа, толковалъ съ нею, какъ устроить ея дѣла; онъ сталъ бывать у М-не Бюргеръ почти ежедневно, и наконецъ попросилъ у нея руки Лизаветы Степановны. Розалія Карловна намекнула ему о средствахъ къ жизни, онъ отвѣчалъ ей, что хоть онъ не богатъ, но можетъ жить прилично, причемъ намекнулъ, что можетъ помочь и ей. М-не Бюргеръ повѣрила ему на слово, но на предложеніе его не согласилась, а просила обождать: ей пришло въ голову, что можетъ-быть доходы его только пожизненные, а онъ вѣроятно долго не проживетъ. Говорятъ, М-не Бюргеръ тогда только рѣшилась дать слово Швиндту, когда успѣла подружиться съ докторомъ, лѣчившимъ Швиндта, и тотъ увѣрилъ ее, что пациентъ его можетъ прожить лѣтъ пятнадцать, если не случится съ нимъ чего-нибудь особеннаго. Впрочемъ этого никто не зналъ положительно; знали только, что въ началѣ лѣта Лиза была помолвлена за Швиндта. Розаліи Карловнѣ не стоило большаго труда заставить дочь согласиться на предложеніе своего protégé. Лиза сначала заплакала, потому что Швиндтъ былъ ей очень противень, а потомъ рѣшилась повиноваться матери, тѣмъ болѣе что съ того времени, какъ попалась она съ запиской Тиботова, ей житья не было.

Х.

О сенью.

Въ концѣ осени жители Кругоборска были очень взволнованы двумя важными, интересными событіями. вопервыхъ полученъ былъ приказъ о разжалованіи Талена въ рядовые. Извѣстіе объ этомъ вмигъ разнеслось по всему городу. Майора Бабакова оно страшно поразило, хоть онъ и не могъ ожидать другаго результата въ этомъ дѣлѣ; ему сейчасъ пришла мысль, какъ скажетъ онъ объ этомъ Вѣрочкѣ? Чтобъ успокоить ее, майоръ часто говорилъ ей, что дѣло ея мужа, можетъ-быть, кончится вовсе не такъ дурно, какъ онъ самъ говорить. Вѣрочка вѣрjala дядѣ, и ожиданія и опасенія мужа приписывала его мни-

тельности и была покойна. Она не знала ни гражданскихъ, ни военныхъ законовъ, но имѣла свою философію наивную, и не совсѣмъ неосновательную: ей казалось, что не за что осуждать человѣка на строгое наказаніе, за то только, что онъ поступилъ противъ воли людей, которые не позволяли своей дочери быть счастливою, и избавилъ любимую дѣвушку отъ страшныхъ притѣсненій.

— Поѣду къ Василию прежде, рѣшилъ майоръ Бабаковъ, и отправился на гауптвахту.

Талень зналъ уже грустную новость; онъ былъ блѣденъ и печаленъ, но лицо его выражало твердую рѣшимость.

— Дядя, я напишу къ Вѣрочкѣ, отвезите ей письмо мое, сказалъ онъ, — пусть она это узнаетъ отъ меня.

— Хорошо, пиши, отвѣчалъ дядя, очень довольный тѣмъ, что не онъ сообщитъ Вѣрочкѣ ужасное извѣстіе.

Талень написалъ, и майоръ поѣхалъ домой.

Вѣрочка была очень грустна все это утро: она знала, что Варенька боьзна при смерти; она нѣсколько разъ посылала просить у матери позволенія повидаться съ сестрою, но мать и слышать не хотѣла объ этомъ. Когда вошелъ дядя, Вѣрочка грустно улыбнулась и поцѣловала его.

— Что вы такъ разстроены, дядя? спросила у него Вѣрочка, всматриваясь въ его лицо.

— Я? ничего! Вотъ тебѣ письмо отъ мужа, проговорилъ онъ скороговоркой.

Вѣрочка опять улыбнулась, но ужъ гораздо веселѣе, и начала читать письмо.

«Милая моя Вѣрочка!» писалъ ей мужъ, «ты узнаешь отъ меня ужасную вѣсть. Слова мои сбылись: я разжалованъ въ солдаты. Не пугайся, Вѣрочка, не отчаивайся. Это большое горе, но не совершенное несчастіе. Дастъ Богъ я еще выслужусь, когда буду живъ; и если попаду подъ начальство честныхъ и хорошихъ людей, то не испытаю никакихъ лишеній и притѣсненій. Я назначенъ на Кавказъ, жизнь тамъ не представляетъ никакихъ удобствъ, напротивъ много лишеній и опасностей; я не смѣю просить тебя послѣдовать туда за мною. Оставайся лучше въ моей Бурьяновкѣ. Дядя вѣрно не откажется жить съ тобою, пока я возвращусь, и это, дастъ Богъ, будетъ скоро.

«Твой В. Талень.»

Пока Вѣрочка читала письмо, майоръ сидѣлъ поодаль и съ грустнымъ участіемъ наблюдалъ за нею: его сердце болѣзненно ждалось, когда выраженіе радости смѣнилось на лицѣ племянницы выраженіемъ ужаса и отчаянія.

— Я не останусь здѣсь, я тоже пойду на Кавказъ, рыдая проговорила Вѣрочка, прочитавъ письмо.

— Ты ангель, Вѣрочка! сказалъ дядя. — Я зналъ, что ты не поступишь иначе...

Но въ эту минуту ему вспомнилось, что когда они уѣдутъ, онъ опять останется бобылемъ. Ему очень взгрустнулось, но не надолго.

«А почему бы мнѣ не перейти въ тотъ же полкъ? Вѣдь тамъ я могу быть имъ еще болѣе полезнымъ!» подумалъ онъ и объявилъ тотчасъ объ этомъ Вѣрочкѣ, которая горячо благодарила дядю за его доброе намѣреніе. Въ тотъ же день майоръ подалъ въ переводъ въ N*** пѣхотный полкъ.

Дня черезъ три Вѣрочка получила эстафету отъ тетки:

«Милая дочь моя, дорогая Вѣрочка! писала тетка. Я много виновата передъ тобою, дитя мое. Я не должна была разставаться съ тобою надолго, должна была потомъ вѣрить не другимъ, а тебѣ. Только теперь узнала я въ настоящемъ видѣ все, что съ тобою было въ это время: и притѣсненія, которыя ты вытерпѣла передъ замужствомъ твоимъ, и участіе, которое принимала мать твоя въ судьбѣ своего зятя. Богъ ей судья за все и за то, какъ она мучила тебя и чернила передо мною, и за то, что она жестоко добивалась вашего общаго несчастія! Отецъ твой, какъ онъ ни гордъ, а простилъ наконецъ васъ, жалился надъ вами: онъ поѣхалъ въ Петербургъ хлопотать, чтобы мужа твоего не разжаловали, да видно поздно ужъ одумался и не успѣлъ сдѣлать ничего въ его пользу. Прости меня, Вѣрочка! Я болѣе всѣхъ виновата: мнѣ слѣдовало самой пріѣхать къ вамъ и разобрать дѣло, но я была тогда нездорова и не знала еще хорошо твоей матери. А бѣгство твое, признаюсь, огорчило и разсердило меня... Я вѣдь не знала еще, что ты передъ тѣмъ вытерпѣла. Я теперь опять нездорова, что-то часто хворать стала, но на дняхъ пріѣду сама въ Кругоборскъ повидаться съ тобой и съ твоимъ мужемъ. Надѣюсь, что вы простите меня.

«Твой другъ К. П.»

Около этого же времени случилось другое важное событіе: дня черезъ два умерла Варенька Озерская. Когда тѣло ея вы-

несли въ церковь, туда съѣхалось и сошлось пропасть народа: одни изъ любопытства, другіе отъ нечего дѣлать, третьи, чтобъ угодить генеральшѣ, а четвертые и очень немногіе, нужно сказать, изъ какого-то безсознательнаго участія къ усопшей. Многіе плакали, Анна Гавриловна молилась съ своимъ обыкновеннымъ безстрастнымъ и нѣсколько суровымъ выраженіемъ лица: маленькія дочери ея безпрестанно всхлипывали, несмотря на строгіе взгляды матери, которая уже объяснила имъ, что печалиться и плакать объ умершихъ грѣшно. М-те Бургеръ стояла съ грустнымъ лицомъ и разчитывала, сколько у нея соберется денегъ, когда она продастъ все свое имущество, такъ какъ она намѣрена была поселиться у дочери. Лиза, тоже бывшая здѣсь, ничего не чувствовала, кромѣ скуки, тѣмъ болѣе, что женихъ ея стоялъ возлѣ нея. А въ углу церкви слышались тихія рыданія: тамъ на колѣняхъ передъ образомъ горячо молилась Вѣрочка, у которой нельзя было отнять права увидѣть сестру въ послѣдній разъ здѣсь, куда открытъ доступъ каждому...

Вѣрочка съ мужемъ не долго были на Кавказѣ; онъ былъ произведенъ ранѣе, чѣмъ черезъ годъ, и вышелъ въ отставку. Въ полку они не бѣдствовали: начальники и товарищи любил и Талена, и жену его, и дядю. Деньгами имъ много помогала Вѣрочкина тетка. Вѣрочка часто писала къ своимъ родителямъ; отецъ изрѣдка отвѣчалъ ей, никогда не упоминая объ ея мужѣ, а мать и не вспомнила о ней. Майоръ Бабаковъ тоже вышелъ въ отставку и поселился не далеко отъ Бурьяновки, въ крошечномъ хуторкѣ своемъ, котораго не успѣлъ промотать.

Лиза Швиндтъ скоро привыкла къ мужу и стала бояться его, какъ прежде боялась матери. Оказалось, что у Швиндта есть пятьдесятъ тысячъ, не извѣстно откуда явившіяся; М-те Бургеръ не нашла въ немъ покорнаго зятя; онъ рѣшительно не позволялъ ей распоряжаться собой и своимъ домомъ, и поэтому Розалія Карловна хоть и живетъ у дочери, но постоянно говорить, что на дняхъ она уѣзжаетъ въ Петербургъ, потому что въ Кругоборскѣ, въ этомъ захолустьи, можно умереть со скуки.

Тиботовъ попрежнему компрометируетъ каждую женщину, которая имѣетъ глупость увлечься его смазливымъ личикомъ.

Н. Николаенко.

КЪ . . .

(Изъ лорда Байрона.)

Хоть гроза непріязни и горя
Надо мной разразилась вполнѣ,
Умъ твой мягкій, упрекамъ не вторя,
Не искалъ прегрѣшеній во мнѣ;
Онъ страданья души уязвленной
Раздѣлилъ и усвоилъ себѣ,
И мечта о любви неизмѣнной
Для меня лишь сбылася въ *тебѣ*.

Мнѣ улыбкой своею природа
Объ улыбкѣ напомнить твоей;
И когда зашумитъ непогода
Вкругъ меня надъ пучиной морей,
И столкнутся, какъ люди со мною,
Вьюга съ валомъ, въ жестокой борьбѣ,
Буду только я думать съ тоскою,
Что едва ль мнѣ вернуться къ *тебѣ*.

Хоть послѣднихъ моихъ упованій
Потряслась и разбилась скала,
Хоть тяжелыхъ я жду истязаній,
Не склоню я подъ ними чела.
Не потѣшится свѣтъ безпощадный
Надо мною, въ своей похвальбѣ;
Грудь мою, средь вражды этой жадной,
Наполняетъ лишь мысль о *тебѣ*.

.

О быломъ вспоминая уныло,
Я скажу про одно существо,
Что не даромъ душѣ оно было
Въ этой жизни милѣе всего.
Есть въ степи ключъ мнѣ свѣжій и нынѣ,
Лучъ мнѣ ясный есть въ темной судьбѣ,
Есть волшебная птица въ пустынѣ,
И поеть мнѣ она о *тебѣ*.

КАРОЛИНА ПАВЛОВА.

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА

ВЪ ДО-ФЕОДАЛЬНУЮ ЭПОХУ¹

ОЧЕРКИ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ И СОСЛОВ-
НЫХЪ ОТНОШЕНІЙ ВО ФРАНЦІИ, АНГЛІИ И ГЕРМАНИИ.

XXIII.

Изучивъ политическія учрежденія до-феодальной эпохи во Франціи и Германіи и переходъ ихъ въ феодальное устройство, мы обратимся теперь ко второй половинѣ нашей задачи, — къ изученію сословныхъ отношеній (*). И въ той, и въ другой странѣ мы прослѣдимъ начало и постепенное образованіе сословій, укажемъ на составные ихъ элементы, рассмотримъ права и особенности ихъ, и представимъ характеристику каждого изъ нихъ во время перехода въ чисто-феодальную эпоху. Изученіе это чрезвычайно важно, потому что оно даетъ твердую точку опоры для дальнѣйшаго обзорѣнія исторіи

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 4.

(*) Англію мы оставляемъ пока въ сторонѣ и обратимся къ ней тогда, когда изучимъ во всѣхъ отношеніяхъ Францію и Германію въ до-феодальную эпоху. Этимъ путемъ легче уяснятся намъ сходства и различія въ развитіи этихъ трехъ странъ.

сословіи въ среднее и новое время. Во Франціи въ концѣ X и началѣ XI столѣтія, всѣ сословія, кромѣ городского, получаютъ уже тотъ характеръ, то значеніе и тѣ особенности, которыя остаются за ними въ продолженіи всей средневѣковой исторіи. Образование городского сословія принадлежитъ позднему времени, относится къ XII и XIII столѣтію; но феодальная аристократія, духовенство и крестьянское сословіе являлись уже съ опредѣленною физиономіею въ концѣ эпохи, о которой идетъ рѣчь. Съ утвержденіемъ феодальнаго порядка вещей развиваются и феодальныя сословія; феодализмъ кладетъ печать на ихъ права и взаимныя отношенія. Въ концѣ X и началѣ XI столѣтія крестьянское сословіе во Франціи вступаетъ уже въ ту фазу своего развитія, въ которой оно остается болѣе или менѣе неподвижно до самой революціи 1789 года. Въ Германіи, въ это время, сословія не имѣютъ еще феодальнаго характера и стоятъ въ связи съ первоначальнымъ общиннымъ и волостнымъ устройствомъ; но уже ясно обозначаются черты дальнѣйшей фазы развитія. Прежде чѣмъ однакожь будемъ говорить о правахъ и отношеніяхъ сословіи, намъ слѣдуетъ предпослать нѣсколько словъ о самихъ народностяхъ, въ которыхъ онѣ развивались, потомъ сказать о характерѣ права вообще въ эпоху, которую изучаемъ, и представить вкратцѣ внѣшнюю исторію права до начала XI столѣтія.

Изъ чрезвычайно разнородныхъ элементовъ сложилась французская народность. Первоначальное кельтическое народонаселеніе Галліи до такой степени подчинилось римскому вліянію, что во время переселенія Германцевъ, оно имѣло совершенно римскій характеръ, говорило римскимъ языкомъ, жило по римскимъ обычаямъ, и римское право считало своимъ правомъ. Въ большей части страны туземный кельтическій элементъ былъ совершенно поглощенъ римскимъ элементомъ; въ чистотѣ онъ сохранился только въ сѣверо-западной части Галліи, въ Арморикѣ, теперешней Бретани и Вандеѣ, гдѣ въ V столѣтіи значительно подкрѣпили его кельтическіе выходцы изъ Британіи, вытѣсненные оттуда Англосаксами. Посреди оримляниваго галльскаго народонаселенія селились одно за другимъ племена общаго германскаго происхожденія, но отличавшіяся между собою характеромъ и рѣзкими особенностями быта. На югозападѣ поселились Вестготы, на юговостокѣ Бургунды; средняя и сѣвосточная полоса занята была Франками Салійскими и Франками Рипуарскими. Когда впоследствии власть

Франкскихъ королей распространилась, то въ Галлію перешло въ разныя времена много Германцевъ другихъ племенъ, Аллемановъ, Тюринговъ, Саксовъ, Баваровъ, либо въ качествѣ плѣнныхъ и заложниковъ, либо въ качествѣ добровольныхъ выселенцевъ. Долгое время всѣ эти разнородные элементы жили рядомъ, чуждаясь другъ друга и сохраняя оригинальный племенной типъ свой; но мало-по-малу произошло неизбежное смѣшеніе. Уже въ IX столѣтіи изъ различныхъ племенъ, нагроможденныхъ на галльской почвѣ, образуется одна болѣе или менѣе однородная масса, которую нельзя еще назвать французскою націею, но которая обыкновенно называется романскимъ народонаселеніемъ. Въ IX столѣтіи въ первый разъ мы открываемъ слѣдъ романскаго нарѣчія, которымъ говорило это народонаселеніе, нарѣчія, создавшагося изъ латинскаго языка, видоизмѣненнаго подѣ влияніемъ Германцевъ. Въ X столѣтіи романская народность получаетъ еще болѣе опредѣленный характеръ. Въ X столѣтіи существуетъ уже Франція, хотя нѣтъ еще настоящей французской націи. Не принимая въ разчетъ множества мѣстныхъ, областныхъ оттѣнковъ, романское народонаселеніе Франціи представляетъ собою, при переходѣ въ чисто-феодальную эпоху, двѣ большія группы, замѣтно отличающіяся другъ отъ друга: одна группа занимаетъ южную половину страны, другая сѣверную. На югѣ римскій элементъ былъ чрезвычайно силенъ; поселившіеся тамъ Вестготы и Бургунды были изъ всѣхъ германскихъ племенъ наиболѣе доступны римскому влиянію; натура ихъ болѣе мягкая, болѣе уступчивая и воспримчивая, чѣмъ натура другихъ Германцевъ, скоро подчинилась окружающей ихъ римской средѣ; Франки были очень немногочисленны на югѣ. При такихъ условіяхъ въ скоромъ времени произошло смѣшеніе, и образовалось среднее, романское народонаселеніе съ преобладающимъ римскимъ оттѣнкомъ. Народонаселеніе это сохранило нѣкоторый наружный лоскъ римской цивилизаціи, нѣкоторыя преданія прежней эпохи и отличалось, особенно по городамъ, болѣе утонченными общежительными формами, чѣмъ жители сѣверной половины Франціи. Въ сѣверной половинѣ римскій элементъ уже съ самаго начала былъ слабѣе; франкскіе завоеватели поселились здѣсь въ значительномъ количествѣ, и число ихъ возрастало постоянно съ теченіемъ времени вслѣдствіе новыхъ наплывовъ. Эта крѣпкая, здоровая, энергическая нація сохранила лучше, чѣмъ другія германскія племена, коренныя черты германскаго характера, осо-

бенно живое чувство личной свободы, могущественную личную энергію, воинственный, непреклонный духъ. Франки не такъ были доступны римскому вліянію, какъ Бургунды и Вестготы; они сами, съ теченіемъ времени, сильно подѣйствовали на галло-римское народонаселеніе, передали ему особенности своего характера, вдохнули въ него живыя силы своей свѣжей, неиспорченной римскимъ гнетомъ природы. И въ сѣверной половинѣ произошло также мало-по-малу смѣшеніе, и образовалось среднее, романское народонаселеніе, но съ преобладающимъ германскимъ отпечаткомъ. Это народонаселеніе отличалось болѣе грубыми формами жизни, болѣе воинственными обычаями, но вмѣстѣ съ этимъ и болѣе сильнымъ развитіемъ личности, чѣмъ южные жители. Согласно съ этимъ, германскія начала, формы жизни и учрежденія, вытекавшія изъ природы германскаго духа, простыя личныя и частныя отношенія развились гораздо раньше и полнѣе на сѣверѣ, чѣмъ на югѣ. На югъ все это было перенесено съ сѣвера въ послѣдствіи. Разнясь характеромъ, обычаями и формами жизни, двѣ большія группы романскаго народонаселенія во Франціи разнились нѣсколько между собою и самимъ языкомъ: южная Франція была страна такъ-называемаго языка *d'oc* (pays de la langue d'oc, откуда названіе области Лангдокъ), сѣверная Франція — страна языка *d'oïl* (pays de la langue d'oïl). Языкъ *d'oïl*—это было позднѣйшее французское нарѣчіе, языкъ *d'oc*—провансальское. Собственно французская народность образовалась на сѣверѣ, въ центрѣ сѣверной половины страны, въ Иль-де-Франсѣ, гдѣ была резиденція королевской власти. Оттуда въ послѣдствіи народность эта, французскій народный типъ распространялся дальше, по мѣрѣ усиленія и распространенія королевской власти, и со времянь альбигойскихъ войнъ, онъ охватилъ собою и южную половину Франціи. Въ концѣ IX и началѣ X столѣтія къ составнымъ элементамъ французской народности прибавилась еще одна новая стихія, это были Норманны, жители скандинавскаго сѣвера, дѣти скандинавской отрасли большой германской семьи. Уже въ послѣдніе годы царствованія Карла Великаго, они стали нападать на сѣверныя области Франціи; слабые наслѣдники Карла не въ силахъ были сопротивляться этому храброму, въ высшей степени воинственному племени. Нашествія Нормановъ повторялись ежегодно, и ежегодно возрастало ихъ число и ихъ силы. Карлъ Простой принужденъ былъ наконецъ уступить имъ сѣверную область, которая отъ ихъ име-

ни и называется Нормандією. Съ удивительною скоростью Норманны подчинились романскому вліянію, приняли языкъ, обычаи, учрежденія страны, въ которой поселились. Они срослись съ развившеюся французскою націею, и во второй половинѣ XI столѣтія норманскіе рыцари, которые съ Вильгельмомъ Завоевателемъ покорили Англію, были уже такіе же Французы, какъ и жители Иль-де-Франса. Масса народонаселенія Бретани сохранила кельтическій характеръ, языкъ и обычаи (какъ извѣстно, она сохранила ихъ до нашихъ дней), но феодальный порядокъ вещей утвердился въ Бретани точно такъ же, какъ и въ другихъ частяхъ страны. Замѣтимъ, что хотя вездѣ во Франціи изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ развивалась болѣе или менѣе одинаковая народность, но до тѣхъ поръ пока господствовала безусловно строгая феодальная система, пока существовало множество самостоятельныхъ, замкнутыхъ феодальныхъ территорій, множество частныхъ государствъ, совершенно чуждыхъ другъ другу, до тѣхъ поръ въ массахъ не было и не могло быть яснаго и живаго сознанія единой, общей французской народности. Феодализмъ, основанный по преимуществу на территориальномъ началѣ, былъ отрицаніемъ племеннаго начала. Сознаніе единой, общей народности, сознаніе національнаго единства является только тогда, когда феодализмъ теряетъ свою силу и начинаетъ уступать мѣсто иному порядку вещей.

Что касается Германіи, то народонаселеніе ея представляло собою однородную массу чистаго, не смѣшаннаго германскаго происхожденія. Въ этой массѣ выдѣлялись отдѣльныя германскія племена, отличавшіяся между собою фizioноміею, нарѣчіемъ, оттѣнками характера и нѣкоторыми особенностями быта; но въ X столѣтіи, при могущественныхъ короляхъ саксонской династіи, пока феодализмъ былъ еще только въ началѣ своего развитія, въ Германіи довольно сильно было сознаніе единой, общей нѣмецкой народности. Безпрестанныя войны съ иноплеменниками, съ Славянами и Венграми, уже въ X столѣтіи начавшіеся походы въ Италію поддерживали это сознаніе. По мѣрѣ того какъ германское племя распространялось на востокъ и покоряло себѣ славянскія земли, славянская стихія прибавлялась къ составу нѣмецкой народности; смѣшеніе обѣихъ породъ происходило мало-по-малу на восточной границѣ.

Посмотримъ теперь, какія понятія о правѣ вообще, какія юридическія начала внесли Германцы въ западную Европу, какой характеръ имѣло право во Франкской монархіи,

и какъ видоизмѣнилось оно съ утверженіемъ феодальнаго порядка вещей во Франціи и вслѣдствіе смѣшенія разнородныхъ племень, соединившихся на галльской почвѣ.

XXIV.

Основное жизненное начало Германцевъ, составляющее сущность ихъ духа и впервые внесенное ими въ исторію, было сильное чувство личной независимости, которое служило какъ бы предопредѣленною стихіей, гдѣ могло развиваться христіанское начало самостоятельной, самоопредѣляющейся, свободной человѣческой личности. Начало личной свободы было чуждо римскому міру; римскій міръ выработалъ только гражданскую свободу; человѣческая личность имѣла въ немъ значеніе только въ качествѣ гражданина; она поглощалась совершенно государствомъ. Во времена Имперіи исчезла и эта гражданская, политическая свобода и обратилась въ рабское, безмолвное, равное для всѣхъ подданство; уничтожена была всякая независимость, и гражданская и человѣческая, и все подчинилось одной всемогущей государственной власти, которая имѣла, правда, всеобщій и публичный характеръ, но сосредоточивалась только въ одной личности, стоявшей на недостижимой высотѣ. Осталась, можно сказать, только одна воля, которая поглотила всѣ прочія и, ставъ надъ всѣми и не видя ничего равнаго себѣ, считала себя выше всего человѣческаго и приписывала себѣ божественное значеніе. Такое значеніе она имѣла и въ глазахъ безличной, безответной массы подданныхъ, которые видѣли во власти императора что-то всемогущее, нечеловѣческое, божественное. Въ этотъ міръ, дошедшій до такихъ результатовъ, Германцы внесли свѣжіе элементы, которые подъ вліяніемъ христіанства развились въ начало свободной человѣческой личности, имѣющей свою автономію, свою собственную сферу дѣйствія и проявленія, независимую отъ государства. Оттого римская безусловная подчиненность государству была совершенно противна германской природѣ. Германцы не понимали и не могли понимать римской всемогущественной государственной власти, поглощающей всякую личную автономію; натура ихъ чуждалась неограниченной, равной для всѣхъ власти одного; они не видѣли въ королѣ ничего несравненно высокаго, недостижимаго, мистическаго, божественнаго.

ственного, а только лицо болѣе сильное, богатое и могущественное, чѣмъ другія лица. Германцы знали только или подчиненіе общинѣ, въ которой имѣли голосъ, которая не уничтожала личной автономіи, или условное, договорное подчиненіе лицу, связанное съ обоюдными обязанностями. Сравнивая время, послѣдовавшее за переселеніемъ Германцевъ, съ предшествующею эпохою, видя постепенное исчезновеніе всѣхъ слѣдовъ римской цивилизаціи и римской гражданственности, всеобщее господство варварства и невѣжества, грубость нравовъ, повсемѣстную анархію, преобладаніе слѣпой физической силы, казалось бы, на первый взглядъ, что человѣчество дѣлаетъ шагъ назадъ. Но вглядываясь глубже и обнимая взоромъ весь ходъ исторіи, мы видимъ, что напротивъ, съ появленіемъ на исторической сценѣ Германцевъ, человѣчество дѣлаетъ огромный шагъ впередъ; Германцы впервые заявляютъ новое высшее историческое начало, начало полной человеческой личности, котораго не было въ древнемъ мірѣ; они посѣваютъ на почвѣ Западной Европы сѣмя, которое принесетъ въ будущемъ богатые плоды, — сѣмя, въ которомъ, какъ въ зародышѣ, лежитъ превосходство новой цивилизаціи, новаго общественнаго развитія надъ древнимъ. Въ этомъ заключается по преимуществу значеніе Германцевъ въ исторіи и значеніе той эпохи, которую изучаемъ.

Согласно съ этимъ основнымъ жизненнымъ началомъ германскаго духа, и всѣ общественныя и политическія формы приняли, какъ мы видѣли, личный и частный характеръ: по мѣрѣ того какъ въ прежнихъ римскихъ областяхъ усиливался элементъ германскій и вытѣснялъ собою римскую стихію, все болѣе и болѣе развивались личныя отношенія, и во всѣхъ сферахъ жизни получало господство начало личной энергіи и частное право. Это начало личной энергіи отразилось въ понятіяхъ Германцевъ о правѣ вообще и преимущественно о публичномъ правѣ, и условило собою его характеръ. Право удержало у Германцевъ по преимуществу субъективное значеніе; они видѣли въ немъ не что иное, какъ право лица, врожденную личную правоспособность (то, что Нѣмцы называютъ *Befugniss*), волю, личную свободу дѣйствовать такъ или иначе. Право во внѣшнемъ своемъ проявленіи было для нихъ формою, въ которой, практически дѣйствуя, выступала идея личной свободы (1).

(1) Согласно съ этимъ нѣмецкое слово *Freiheiten* служило и еще те-

Автономія, легшая въ основаніе новѣйшаго публичнаго права, являлась первоначально у Германцевъ съзначеніемъ личнаго *промавола* (*Willkühr*), то-есть субъективной воли каждой отдѣльной личности, — воли, ограничиваемой только мѣрою личной силы. Свободный человѣкъ видѣлъ основаніе своихъ политическихъ обязанностей только въ своей волѣ и въ своемъ словѣ; только въ немъ онъ находилъ руководное правило для всѣхъ своихъ поступковъ. Оттого древне-германское публичное право имѣло во многихъ отношеніяхъ характеръ правосильнаго. Свободный человѣкъ могъ преслѣдовать лично своего оскорбителя, имѣлъ право самъ себя находить удовлетвореніе за понесенную потерю или обиду, если противникъ отказывался отвѣчать передъ судомъ. *Самоправство* (*Selbsthülfe*), право личной мести, право отплаты равнымъ за равное считалось неотъемлемою принадлежностью свободнаго человѣка. Этотъ первоначальный грубый характеръ сохранился отчасти въ германскомъ правѣ и во все продолженіе среднихъ вѣковъ; онъ проявлялся въ такъ-называемомъ кулачномъ правѣ (*Faustrecht*) и правѣ личной распри (*Fehderecht*); въ связи съ нимъ стоялъ судебный поединокъ.

Общинное устройство, существованіе малыхъ общинныхъ и большихъ племенныхъ союзовъ привело естественно къ тому, что, при недостаткѣ писаннаго права, выработались мало-по-малу нѣкоторыя юридическія нормы, нѣкоторыя обязательныя правила въ видѣ неписаннаго права, *обычая* (*Herkommen*). Въ *обычаяхъ*, образовавшихся въ отдѣльныхъ общинахъ или племенныхъ союзахъ, виденъ первый слѣдъ появленія объективнаго значенія права; но съ другой стороны и это обычное право коренится все-таки преимущественно въ субъективномъ понятіи права, ибо оно есть въ сущности не что иное, какъ выраженіе автономіи сочленовъ общины, волости, племени. Согласно съ этимъ, въ дальнѣйшемъ развитіи, законъ, то-есть положительное право, имѣлъ для Германцевъ значеніе добровольнаго соглашенія, договора, а не чего-то наложеннаго свыше (1). Понятіе эдикта, декрета, имѣющаго силу безусловнаго закона, было столь же чуждо Германцамъ, какъ и понятіе неограниченной сосредото-

перь служить не только между прочимъ для обозначенія городскихъ или сословныхъ вольностей, но и для обозначенія самихъ статутовъ, привилегій, льготныхъ грамотъ (*Freibriefe*), на которыхъ основывались эти вольности.

(1) Что законъ (*lex*) имѣлъ для Германцевъ значеніе добровольнаго

ченной гдѣ либо власти. Это воззрѣніе на государственное право какъ на добровольное соглашеніе и договоръ, Германцы вносятъ съ собою въ исторію и водворяютъ черезъ это въ Европѣ начало чрезвычайно важное по своимъ дальнѣйшимъ послѣдствіямъ. Изъ понятія Германцевъ о публичномъ правѣ, изъ свойственнаго имъ воззрѣнія на политическій законъ, какъ на добровольное соглашеніе и договоръ, вытекало другое начало, внесенное ими въ Европу, столь же богатое результатами и получившее въ послѣдствіи обширное примѣненіе въ феодальномъ и позднѣйшемъ конституціонномъ правѣ. Согласно съ первоначальнымъ субъективнымъ значеніемъ права, никто не былъ обязанъ подчиняться постановленію и закону, въ созданіи коего посредственно или непосредственно не участвовалъ самъ, и никто не былъ обязанъ и не могъ быть принужденъ исполнять повинности и нести тяжести, на которыя посредственно или непосредственно не согласился самъ.

Чтобы характеризовать еще лучше понятіе Германцевъ о правѣ, замѣтимъ, что самая этимологія слова *Recht* (право) указываетъ на преобладаніе личнаго, субъективнаго момента, на преобладаніе понятія свободы въ первоначальномъ германскомъ правосознаніи (*Rechtsbewusstsein*). Грамматически сродное съ *rächen*, мстить, и *richten*, ровнять, выпрямлять, улаживать, слово *Recht* содержитъ въ себѣ понятіе отплаты за предшествовавшее оскорбленіе (*Rache* (месть) и *Recht* (право) различаются между собою только безмѣрностью или опредѣленностью отплаты), и вмѣстѣ съ тѣмъ, съ другой стороны, оно заключаетъ въ себѣ понятіе объ уравненіи, то-есть возстановленіи нарушеннаго законнаго порядка, понятіе о добровольномъ улаженіи, о полюбовной сдѣлкѣ. Согласно съ преобладаніемъ понятія договора въ германскомъ правѣ, всѣ первоначальныя наимено-

соглашенія, договора, это видно изъ германскихъ наименованій закона. Такъ, равное значеніе со словомъ *lex* имѣло слово *Ewa*, *Euna*, *Eoa*, теперешнее *Ehe*, въ которомъ первоначально лежалъ смыслъ союза, договора, соглашенія, *foedus*, *factum*. Отсюда: *Euna Francorum Chatarorum*, *Ewa Bajuvariorum* значить: законы Франковъ, Баваровъ. Только въ послѣдствіи слово *Ehe* обозначаетъ исключительно бракъ (*matrimonium*). Подобнымъ образомъ одинаковое значеніе со словомъ *lex* имѣло слово *Phahte*, *Phaht*, латинское *factus* или *factum*, теперешнее нѣмецкое *Pacht*, которое первоначально имѣло смыслъ договора, контракта вообще. То же понятіе проявляется и въ позднѣйшемъ словѣ *Gesetz* (*Satz*, *Setzen*). Законы, статуты называются также *Willkühren*.

ванія суда и судебного дѣлопроизводства, какъ напр. *thing, ding, thingare* и т. д. (1), указываютъ на то, что Германцы видѣли въ судѣ преимущественно учрежденіе для мирнаго, полюбовнаго, договорнаго рѣшенія споровъ, для мировой сдѣлки между тяжущимися сторонами. Судъ, въ такомъ первоначальномъ третейскомъ значеніи, имѣлъ мѣсто только тогда, когда стороны не прибѣгали къ *самоуправству* (*Selbsthülfe*), а предпочитали кончить дѣло мирнымъ образомъ. Судъ считался частнымъ дѣломъ; ему первоначально не доставало характера публичной власти, къ которой необходимо нужно было обращаться, которая выступала и дѣйствовала вездѣ, гдѣ только происходило нарушеніе права; такой характеръ судъ получалъ постепенно въ послѣдствіи, по мѣрѣ развитія публичнаго элемента и идеи государства. Первобытное третейское значеніе суда сохранилось въ позднѣйшихъ нѣмецкихъ *Austrägalgerichte*.

Начало личности, субъективный моментъ отражается на всѣхъ составныхъ элементахъ германскаго права. Вся германская юридическая жизнь вращается и движется въ кругу различныхъ ступеней двухъ противоположныхъ понятій свободы и несвободы: съ одной стороны можетъ быть увеличеніе, расширеніе свободы и вмѣстѣ съ тѣмъ расширеніе права, которое можетъ дойти до господства, до верховной власти; съ другой стороны—уменьшеніе свободы и права, которое можетъ низойти до совершеннаго уничтоженія того и другаго. Въ отношеніи къ политическому праву и праву лицъ, эта противоположность свободы и несвободы рождаетъ съ одной стороны политическую или гражданскую правоспособность, съ другой политическое или гражданское правоограниченіе, то-есть или господство, или подданство, право свободнаго сословія или право несвободнаго сословія. Въ отношеніи къ вещному праву та же противоположность свободы и несвободы выступаетъ съ одной стороны въ видѣ аллодіальной, то-есть свободной, чистой, независимой собственности, съ другой въ видѣ зависимой, производной, обремененной,

(1) Слово *Thing, Ding, forum, judicium* первоначально означаетъ, такъ какъ и упомянутое прежде слово *Ewa*, договоръ; еще теперь слѣдъ этого смысла виденъ въ формахъ *Geding, dingen*, условливаться. И *Ewa*, и *Thing* въ переносномъ смыслѣ означаютъ и судъ (*Gericht*), и самое право (*Recht*). Чрезвычайно замѣчательно и характеристично это преобладаніе понятія о договорѣ въ германскихъ юридическихъ терминахъ.

ленной или оброчной собственности. Такъ какъ свобода вообще имѣеть одно значеніе съ правомъ въ субъективномъ смыслѣ, то въ особенности, въ практическомъ отношеніи, она является преимущественно въ видѣ права личной защиты, права самообороны, которое естественнымъ образомъ обнаруживается въ двоякой формѣ какъ право защиты лицъ и какъ право защиты вещей. Въ первой формѣ оно называется *mundium*, во второй — *Genere* (пофранцузски *zaisine*), сложное юридическое понятіе, которое содержитъ въ себѣ и владѣніе вещью, какъ фактъ, и право владѣнія въ двоякомъ значеніи, *jus possessionis* и *jus possidendi*, и наконецъ право защиты вещи противъ третьяго, соединенное съ правомъ наслѣдства. Такимъ образомъ *mundium* есть высшее понятіе германскаго личнаго права, *Genere* высшее понятіе вещнаго права.

XXV.

Послѣ перехода Германцевъ на галльскую почву, въ періодъ существованія Франкской монархіи, мы замѣчаемъ въ ихъ юридической жизни два факта: *вопервыхъ*, у всѣхъ германскихъ племенъ, поступившихъ подъ власть франкскихъ королей, являются писанные законы, такъ-называемые *Leges Barbarorum*; *во вторыхъ*, во Франкскомъ государствѣ не существуетъ общаго земскаго права; примѣняемость, дѣйствіе права не обуславливается границами территоріи, а господствуетъ такъ-называемая *личность права*, существуетъ система личныхъ или, лучше, племенныхъ правъ. Остановимся на томъ и другомъ фактѣ для объясненія ихъ.

Подъ именемъ *Leges Barbarorum* (законы варваровъ) разумѣются писанные законы разныхъ германскихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ Франкской монархіи, законы, редакція которыхъ относится къ періоду отъ V до XI столѣтія. Одни изъ нихъ записаны были еще при меровингскихъ короляхъ, другіе принадлежать къ каролингской эпохѣ. Считается десять кодексовъ *варварскихъ законовъ*, имѣвшихъ силу во Франкскомъ государствѣ: *Lex Salica* или *Lex Francorum*, *Lex Ripuariorum* вмѣстѣ съ *Euna Francorum Chamavorum*, *Lex Visigothorum*, *Lex Burgundionum*, *Lex Alamannorum*, *Lex Bajuvariorum*, *Lex Ve-*

rinorum или Thuringorum, Lex Frisionum, Lex Saxonum и Leges Langobardorum. Законы эти содержатъ въ себѣ древнее обычное право разныхъ германскихъ племенъ, выработавшееся мало-по-малу изъ судебной практики и сохранившееся въ памяти и изустномъ преданіи. Но не надобно думать, чтобы въ нихъ находились всѣ племенные обычаи, и исконныя юридическія нормы вполнѣ и притомъ въ ихъ первобытной чистотѣ. Древнее германское обычное право существуетъ въ *законахъ варваровъ* большею частью отрывочно, обломками, и притомъ многое видоизмѣнено въ немъ; вслѣдствіе новыхъ законодательныхъ вліяній и новыхъ политическихъ и общественныхъ условій, многое даже перемѣшано съ понятіями римскаго права. Мысль о редакціи этихъ законовъ принадлежала германскимъ королямъ, но исполненіе ея было дѣломъ народнымъ. Какъ видно изъ прологовъ нѣкоторыхъ изъ поименованныхъ племенныхъ законовъ, для этого избирались мудрѣйшіе люди племени (*sapientes*), люди свѣдущіе въ правѣ, такіе, которые обыкновенно бывали *скабинами*; и по ихъ показаніямъ записывались племенные обычаи, освященные преданіемъ. Потомъ записанное обнародовалось цѣлому племени и утверждалось его согласіемъ. Такимъ образомъ и въ этой объективной своей формѣ законъ сохранялъ характеръ добровольнаго взаимнаго соглашенія и договора.

Всѣ *Leges Barbarorum* по преимуществу заключаютъ въ себѣ уголовное право, такъ что это есть собственно законы земскаго мира (*Landfriedengesetze*); политическое и гражданское право и судебное дѣлопроизводство помѣщены въ нихъ въ очень скудныхъ размѣрахъ. Только въ тѣхъ законахъ, которые, какъ напримѣръ *Lex Ripuariorum*, *Lex Alamannorum* и *Lex Bajuvariorum*, подвергались частымъ пересмотрамъ, больше обращается вниманія на политическія отношенія и излагаются права франкскаго короля, племеннаго герцога и христіанскаго духовенства.

Спрашивается, какія причины были побужденіемъ къ редакціи племенныхъ законовъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надобно различать племена, которыя переселились изъ Германіи въ прежнія римскія области, и племена, которыя остались въ Германіи въ прежнихъ своихъ жилищахъ. У тѣхъ и у другихъ причины были разныя. Что касается переселившихся племенъ, то для нихъ побужденіемъ къ редакціи законовъ могло быть рано обнаружившееся опасеніе, чтобы обычное право родины не пришло въ забвеніе на чужой землѣ,

посреди чужаго народонаселенія и при новыхъ условіяхъ жизни. Съ другой стороны оказалось необходимою сдѣлать и нѣкоторыя новыя постановленія, вынужденныя мѣстными обстоятельствами. При томъ у народовъ, поселившихся въ прежнихъ римскихъ областяхъ, могло присоединиться къ этому и опасеніе, чтобы германское племенное неписанное право не пострадало въ этихъ областяхъ отъ вліянія гораздо болѣе развитаго, болѣе тонкаго и притомъ писаннаго римскаго права. Особенно же необходимо у установить отношенія завоевателей къ побѣжденному римскому народонаселенію побуждала къ редакціи племенныхъ законовъ, и къ внесенію въ эти законы положеній, опредѣляющихъ такого рода отношенія. Германцы, дѣйствуя совершенно противоположно политикѣ Римлянъ, ничуть не думали запрещать побѣжденнымъ дальнѣйшее употребленіе ихъ римскаго права и силою навязывать имъ германское право; они, напротивъ, видѣли въ своемъ природномъ племенномъ правѣ что-то такъ высокое и особенное, что не считали побѣжденныхъ достойными участія въ ономъ; они допустили Галло-Римлянъ до участія въ своемъ правѣ только въ немногихъ, самыхъ необходимыхъ, неизбѣжныхъ отношеніяхъ, какъ напримѣръ въ уголовномъ судопроизводствѣ. Замѣтимъ, что Германцы дозволили побѣжденнымъ продолжать употребленіе римскаго права, вовсе не изъ особенной мягкости, но потому, что нужно же было оставить имъ какое-нибудь право для сношеній между собою; племенная гордость не позволяла допустить Галло-Римлянъ до участія въ германскомъ правѣ, а на мѣсто римскаго Германцы не умѣли бы и не могли поставить ничего новаго; римское право сохранилось само собою, за недостаткомъ другаго. Гдѣ Германцы дѣйствительно хотѣли поступить съ Римлянами мягко, тамъ это обнаруживалось тѣмъ, что Римляне допущены были къ участію въ нѣкоторыхъ германскихъ юридическихъ институтахъ: именно, назначалась за нихъ вира, дозволялась имъ очистительная клятва соприсяжниковъ, судебный поединокъ и т. д. Но и въ этомъ случаѣ Галло-Римляне поставлены были ниже Германцевъ: за свободнаго Галло-Римлянина платилась вира вдвое меньше чѣмъ за свободнаго Германца, и присяга его пользовалась вдвое меньшею доказательною силою, требовалось отъ него двойное число соприсяжниковъ. Не нужно также упускать изъ виду, что самая политика Франкскихъ королей, которые сочли за нужное опираться по преимуществу на галло-

римское народонаселеніе, заставляла ихъ сохранить за нимъ употребленіе римскаго права.

Въ редакціи нѣкоторыхъ германскихъ племенныхъ законовъ (*Leges Barbarorum*) проявляется отчасти и гуманное желаніе германскихъ королей оградить побѣжденное народонаселеніе отъ своеволія побѣдителей, обезпечить его положеніе и охранить его отъ угнетенія и совершеннаго порабощенія германскими завоевателями. Притомъ въ эту первоначальную эпоху, когда гордость побѣдителей требовала строгаго разграниченія народностей, и германское народонаселеніе еще не смѣшалось съ галло-римскимъ и не составило одного цѣлаго, существовала рѣшительная необходимость въ нѣкотораго рода посредствующемъ, какъ бы международномъ правѣ, которое могло бы быть примѣняемо въ спорахъ между Римлянами и Германцами. Такая тенденція обнаруживается между прочимъ въ *Бургундской Правдѣ* (*Lex Burgundionum*.)

Другія причины дѣйствовали при редакціи законовъ тѣхъ германскихъ племенъ, которыя не переселялись, а оставались въ прежнихъ своихъ жилищахъ въ Германіи. Здѣсь цѣль ея была, можно сказать, такая какъ цѣль жалованныхъ политическихъ конституцій въ новое время. Редакція германскихъ законовъ этого разряда состояла въ связи съ расширеніемъ Франкской монархіи и распространеніемъ ея на другія германскія племена. Франкскіе короли держались въ отношеніи къ новопокореннымъ племенамъ разумной политики, которая состояла въ томъ, чтобы, присоединяя ихъ къ монархіи, оставлять имъ ихъ обычное право и даже торжественно гарантировать его. Для этой цѣли выше-упомянутымъ образомъ записывались племенные обычаи и соединялись въ одинъ кодексъ, который служилъ какъ бы хартіею для народности, признавшей власть франкскаго короля. Въ такой кодификаціи древнихъ обычаевъ, производимой при участіи народа, заключалась со стороны королевской власти уступка, цѣлью которой было успокоеніе присоединеннаго племени насчетъ его народной самостоятельности и независимости во внутреннихъ отношеніяхъ. Кромѣ того франкскіе короли пользовались представлявшимся при этомъ случаемъ, чтобы договорнымъ образомъ произвести въ обычномъ правѣ подчиненнаго племени измѣненія, которыя казались имъ необходимыми въ интересъ королевской власти, и внести въ писанные законы нѣкоторыя политическія, конституціонныя постановленія, именно, о правахъ

племеннаго герцога, объ отношеніи къ Франкскому королю, о правахъ христіанской церкви и духовенства и пр.

Кромѣ законовъ варваровъ, основанныхъ на народныхъ обычаяхъ, во Франкской монархіи дѣйствовали *капитуляріи* Каролинговъ, постановленія, вышедшія прямо изъ королевской власти. Но капитуляріи не имѣли собственно значенія закона, а только значеніе распоряженія, регламента высшей исполнительной власти. Они содержали въ себѣ по преимуществу политическія, административныя и полицейскія постановленія. Каролинги старались придать капитуляріямъ силу и характеръ законовъ, но это было возможно только при участіи народа въ ихъ составленіи. Потому особенно важные общіе капитуляріи составлялись на государственныхъ сеймахъ; они обсуживались свѣтскою и духовною знатью, утверждались народною аккламаціею, и такимъ образомъ имѣли также отчасти характеръ договора. Только такимъ путемъ могли имѣть мѣсто пересмотры племенныхъ законовъ и дополненія къ нимъ, составляющія предметъ нѣкоторыхъ капитулярій. Многіе капитуляріи имѣли только временное, переходное или мѣстное значеніе; иные содержали въ себѣ инструкціи для разныхъ королевскихъ сановниковъ.

XXVI.

Итакъ, во Франкской монархіи не существовало одного общаго для всѣхъ права, а было нѣсколько различныхъ племенныхъ правъ. Притомъ ни одно изъ этихъ племенныхъ правъ не имѣло земскаго характера, но каждое было личнымъ, индивидуальнымъ, природнымъ правомъ племени. Дѣйствіе и признаніе права не обуславливались территоріею, извѣстными границами, а народностью лицъ. Салійское или бургундское право дѣйствовало не только въ той части территоріи, въ тѣхъ границахъ, гдѣ жили Салійскіе Франки или Бургунды, но каждый Франкъ или Бургундецъ жилъ, дѣйствовалъ и судился по своему природному племенному праву вездѣ, въ какомъ бы мѣстѣ ни находился. Въ одной и той же части территоріи имѣли дѣйствіе нѣсколько правъ, то-есть столько, сколько въ ней было лицъ разныхъ народностей. Эта особенность и называется *личностью права*. Она была практическимъ послѣдствіемъ свойственнаго Германцамъ субъективнаго воззрѣнія на право. Личность, сво-

бода, право—всѣ эти три понятія совпадали, связывались и условливались взаимно; одно безъ другаго было не мыслимо. Поэтому, сохраняя личность и свободу, каждый Германецъ хотѣлъ сохранить и свое право, то-есть то право, которое онъ приобрѣталъ вслѣдствіе самаго факта своего рожденія, право племени, къ которому онъ принадлежалъ. Каждое изъ племенныхъ правъ, дѣйствовавшихъ во Франкской монархіи, сохранилось не какъ земское право, а какъ личное право всей массы свободныхъ людей того или другаго племени, и каждаяго свободного чловѣка порознь. Германскіе короли не могли и думать о томъ, чтобы наложить на соплеменниковъ свсихъ какое-нибудь другое не прирожденное имъ право. Меровинги и Каролинги не могли и думать о томъ, чтобы подчинить разныя германскія племена одному общему земскому праву. Такое желаніе стояло бы въ разрѣзъ съ природою германскаго духа. Короли не имѣли бы никакихъ средствъ, никакой возможности достигнуть чего-нибудь подобнаго. Объ этомъ не помышлялъ даже и самъ Карлъ Великій. Напротивъ, собирая письменно древніе племенные обычаи и придавая имъ такимъ образомъ характеръ объективнаго закона, германскіе короли все-таки формально и торжественно высказываютъ и подтверждаютъ въ своемъ законодательствѣ начало личности права.

Мы видѣли, что германскіе короли оставили за галло-римскимъ народонаселеніемъ дальнѣйшее употребленіе римскаго права; но и къ нему примѣнено было германское личное начало. Римское право потеряло характеръ земскаго права и продолжало существовать какъ личное право Галло-Римлянъ. Кромѣ того оно считалось личнымъ правомъ церкви, правомъ всѣхъ духовныхъ лицъ; было правомъ религіозной корпораціи. Римское право приобрѣталось вступленіемъ въ духовное званіе. Посмотримъ теперь, какимъ образомъ происходило практическое примѣненіе начала личности права въ судебныхъ отношеніяхъ, въ дѣлахъ тяжевой и добровольной юрисдикціи.

Передъ началомъ каждаяго процесса и при составленіи юридическихъ актовъ, тяжущіяся или дѣйствующія стороны прежде всего дѣлали такъ-называемую *professio juris*, то-есть объявленіе своего права и, вмѣстѣ съ объявленіемъ своей народности, показывали по какому праву живутъ, дѣйствуютъ и желаютъ быть судимы. Если дѣло происходило между лицами одной народности, то оно рѣшалось по свойственному имъ праву. Для тяжбъ между Римлянами избирались рахимбурги изъ Римлянъ,

для тяжбъ между Франками — изъ Франковъ. Но дѣла могли происходить также съ одной стороны между Римлянами и Германцами, съ другой между Германцами различныхъ племенъ. Въ первомъ случаѣ превосходство было всегда на сторонѣ права господствующей націи. Римлянинъ, который совершилъ преступленіе противъ Франка, былъ наказываемъ *композиціею* (пеніей) по франкскому праву: Франкъ, провинившійся противъ Римлянина, также всегда былъ судимъ по своему праву. Римляне пользовались гражданскимъ и уголовнымъ правомъ только между собою. Если же тяжба происходила между Германцами различныхъ племенъ, напримѣръ между Франкомъ и Алеманномъ, между Бургундцемъ и Вестготомъ, то обыкновенно она рѣшалась по праву отвѣтника. Въ дѣлахъ добровольной юрисдикціи (*inter volentes*), при составленіи юридическихъ актовъ, рѣшало право дѣйствующаго лица, такъ, напримѣръ, въ отношеніи къ присягѣ, контрактамъ, завѣщаніямъ. Наслѣдство опредѣлялось правомъ завѣщателя. Бракъ заключался по праву мужа. Приобрѣтеніе поземельной собственности совершалось по праву приобретающаго, отчужденіе — по праву отчуждающаго. Право лица условливалось его рожденіемъ; дѣти всегда слѣдовали праву отца. Жена, вслѣдствіе брака, приобретаала право своего мужа.

Таковъ былъ характеръ и таково состояніе права во Франкской монархіи. Съ утвержденіемъ феодальнаго порядка вещей во Франціи, все это совершенно измѣняется. Исчезаетъ личность права; оно принимаетъ территоріальный характеръ и опять является въ видѣ *обычая*. Причины такого переворота, который конечно произошелъ не вдругъ, а постепенно, очень ясны. Съ одной стороны, какъ мы видѣли, съ теченіемъ времени сглаживались все болѣе и болѣе народныя отличія различныхъ племенъ, поселившихся въ Галліи; завоеватели смѣшивались съ побѣжденными, и изъ разнородныхъ элементовъ народонаселенія Франкской монархіи образовалась мало-по-малу одна, болѣе или менѣе однородная масса. Понятно, что по мѣрѣ сліянія народностей, должна была также постепенно терять смыслъ и значеніе личность права, основывавшаяся на племенныхъ различіяхъ. Современемъ трудно было уже отличить Франка отъ Бургунда, Бургунда отъ Галло-Римлянина, Галло-Римлянина отъ Вестгота, и приложеніе права не могло уже условливаться происхожденіемъ лицъ. Съ другой стороны мы видѣли, что въ X столѣтіи Франція раздѣлилась на множе-

ство большихъ и малыхъ самостоятельныхъ, замкнутыхъ, феодальныхъ территорій, изъ которыхъ каждая была какъ бы частнымъ государствомъ. Сеніоръ каждой территоріи былъ вмѣстѣ и владѣльцемъ земли, и государемъ всѣхъ людей, на ней жившихъ. Границы замкнутыхъ феодальныхъ территорій пресѣкли связь племеннаго сродства между народонаселеніемъ разныхъ частей страны. Въ предѣлахъ феодальной сеніоріи начало народности должно было потерять всякое значеніе. Всѣ жители ея, Галло-Римляне, Франки, Бургунды, Вестготы, безъ различія были подданными сеніора, были его *людьми*, и вмѣстѣ съ тѣмъ людьми земли, территоріи, которая принадлежала сеніору и его потомству. Теперь уже не племенное различіе раздѣляло людей, а только одна мѣстность, границы отдѣльныхъ территорій. Вся жизнь, всѣ отношенія приняли мѣстный характеръ; власть сдѣлалась мѣстною и срослась съ поземельною собственностью; точно также должно было сдѣлаться мѣстнымъ и право; оно также приняло территоріальный характеръ, оно также срослось съ землею. Мѣсто личнаго, племеннаго права заняло право земли (*loi terrienne*), право той или другой территоріи. Люди жили, дѣйствовали и судились уже не по личному своему племенному праву, а по праву той мѣстности, той земли, той территоріи, въ которой обитали. Спрашивается теперь, каково же было это право? какъ оно развилось, и изъ чего состояло? Съ развитіемъ феодальнаго порядка вещей, исчезъ постепенно во всѣхъ территоріяхъ классъ свободныхъ людей, которые нѣкогда судились передъ графомъ своими ровнями, и каждый по своему природному племенному праву. Законы варваровъ (*Leges Barbarorum*), собранные и записанные германскими королями, существовали именно для этого класса свободныхъ людей. Въ нихъ опредѣлялись ихъ права, обязанности, наказанія, формы судебного дѣлопроизводства. Ясно, что съ исчезновеніемъ свободныхъ людей, потеряли свое формальное дѣйствіе и племенные законы, которые къ нимъ только и относились. Точно также съ утвержденіемъ феодализма, съ развитіемъ земскаго господства сеніоровъ, потеряли свое формальное дѣйствіе и капитуляріи. Они были искусственнымъ произведеніемъ, плодомъ могущества и политики Каролинговъ, и уже при первыхъ изъ нихъ, помимо зендграфовъ, съ трудомъ проникали въ отдѣльные графства. Съ упадкомъ королевской власти, капитуляріи утратили всякую силу. Постановленія ихъ, также большею частію относившіяся къ массѣ свободныхъ людей, непосредствен-

ныхъ подданныхъ короля, не имѣли уже никакого значенія, когда послѣднихъ не стало. Теперь каждый сениоръ, каждый баронъ, большой и малый, сдѣлался законодателемъ въ своей территоріи. Одна часть свободныхъ людей вступила въ вассальный союзъ, въ ряды феодальной іерархіи, въ сословіе ленныхъ владѣльцевъ. Для нихъ образовалось мало-по-малу, путемъ обычая и преданія, особенное такъ-называемое ленное право, которое опредѣляло всѣ юридическія ихъ отношенія. Изъ судебной практики ленныхъ курій, изъ новыхъ личныхъ и поземельныхъ отношеній, изъ новыхъ условій жизни развилось постепенно ленное семейное право, ленное право собственности, ленное право наслѣдства, ленное договорное право, ленныя формы процесса. Это ленное право, возникшее вслѣдствіе вездѣ одинаковыхъ потребностей, вездѣ одинаково дѣйствовавшихъ причинъ и вліяній, основанное на однородныхъ учрежденіяхъ, имѣло во всѣхъ частяхъ Франціи однѣ и тѣ же общія черты, общія начала, но въ частяхъ оно видоизмѣнялось, смотря по различію мѣстностей, областей и отдѣльныхъ территорій. Другіе свободные люди, теряя свободу и дѣлаясь крѣпостными, собственными людьми и оброчниками сениора, или, какъ свободные поселенцы на его землѣ, признавая надъ собою его юрисдикцію, должны были подчиниться праву сениора, праву его двора (*jus cortis*, *Hofrecht*). Съ образованіемъ феодальныхъ территорій, далеко превосходившихъ величиною прежнія, даже большія, аллодіальныя владѣнія, первоначальное дворовое право разрослось и сдѣлалось правомъ земли сениора. Въ каждой феодальной территоріи образовалось мало-по-малу изъ первоначальнаго двороваго права, изъ обычаевъ, искони существовавшихъ въ мѣстности, изъ дѣйствовавшихъ въ ней прежде законовъ, изъ судебной практики чиновниковъ сениора, превотовъ, наконецъ изъ собственныхъ узаконеній сениора, особенное право для несвободныхъ и полусвободныхъ подданныхъ его, для людей, не принадлежавшихъ къ сословію ленныхъ владѣльцевъ, для простолюдиновъ (*roturiers*); образовалось такъ-называемое *простонародное право* (*droit roturier*), которое получило территоріальный характеръ, срослось съ землею. Каждый, кто селся на землѣ сениора, поступалъ подъ его юрисдикцію, дѣлался подданнымъ его, подчинялся праву его земли. Такимъ образомъ въ каждой территоріи развивалось самостоятельно особенное право, въ видѣ мѣстнаго обычая, *кутюмы* (*coutume*), и притомъ въ двоякомъ направленіи, въ одномъ, какъ право

феодалнаго сословія (*droit feodal*), въ другомъ, какъ право простаго народа. И въ томъ и въ другомъ было много общихъ обычаевъ, одинаковыхъ юридическихъ нормъ, потому что простонародное право развивалось подъ вліяніемъ феодализма, и въ образованіи обоихъ участвовали одни и тѣ же элементы; но существовало между ними и рѣзкое раздѣленіе. Въ послѣдствіи, когда города освободились отъ частной власти сѣніоровъ, и когда изъ простонародной массы (*roture*) постепенно выдѣлилось самостоятельное городское сословіе, возникло, въ видѣ городскихъ обычаевъ, и городское право, которое однакожь сущностью своею примыкало къ простонародному, основывалось на одинаковыхъ съ нимъ данныхъ и противопоставалась ленному праву; поэтому въ феодальную эпоху существовала въ каждой территоріи собственно не тройственность, а двойственность права. Мы упускаемъ здѣсь изъ виду особенное право духовнаго сословія,—самостоятельно развивавшееся, основанное на римскихъ началахъ каноническое право, которое, по самой природѣ своей, вездѣ было одно и составляло совершенно отдѣльный міръ. Учрежденія церкви и каноническое право не входятъ въ предѣлы нашей задачи. Мы будемъ въ дальнѣйшемъ изложеніи говорить о духовенствѣ, но только какъ о политическомъ сословіи, обратимъ вниманіе только на отношенія его къ государству и другимъ сословіямъ. Тройственность права въ феодальную эпоху существовала въ томъ смыслѣ, что рядомъ съ леннымъ правомъ и простонародными кутюмами, дѣйствовало еще писанное, каноническое право духовнаго сословія.

Такъ какъ мѣстные обычаи, *кутюмы*, развивались самостоятельно въ каждой феодальной территоріи, въ каждой сѣніоріи, то понятно, какое разнообразіе, какую пестроту они должны были представлять во внѣшнемъ и во внутреннемъ отношеніи. Разнообразіе это условливалось происхожденіемъ народонаселенія каждой мѣстности, преобладаніемъ въ немъ того или другаго племеннаго элемента, его нравами, преданіями, обычаями и различными мѣстными условіями. Произошло смѣшеніе народностей и вмѣстѣ съ нимъ смѣшеніе прежнихъ правъ этихъ народностей, различныя комбинаціи прежде дѣйствовавшихъ законовъ, перешедшихъ теперь въ мѣстные обычаи. Но несмотря на безкончныя видоизмѣненія въ частностяхъ, *обычаи, coutumes*, въ главныхъ группахъ своихъ, представляютъ общія черты, одинаковыя основныя начала, одно-

родныя юридическія нормы, смотря потому, участвовали ли въ образованіи ихъ одни и тѣ же элементы. Итакъ, на югѣ Франціи, гдѣ галло-римская народность составляла базисъ народонаселенія, гдѣ во время Франкской монархіи продолжало дѣйствовать римское право, какъ личное право Галло-Римлянъ, въ *обычномъ правѣ* отдѣльныхъ территорій преобладаютъ начала римскаго права, разумѣется въ испорченномъ, измѣненномъ видѣ, въ смѣшеніи съ чуждыми элементами германскаго происхожденія. Обычное право южной Франціи представляетъ смѣшеніе германскаго, феодальнаго права съ римскими преданіями. Очень вѣроятно, что въ нѣкоторыхъ муниципальныхъ городахъ южной Франціи продолжало имѣть формальное дѣйствіе римское право въ нѣсколько искаженномъ видѣ. Это вопросъ спорный, раздѣляющій ученыхъ на два противоположные лагера—романистовъ и германистовъ. Во всякомъ случаѣ, на югѣ римское писанное право имѣло, на ряду съ обычаями, значеніе вспомогательнаго права; оттого южная Франція и называлась *pays du droit écrit* (страна писаннаго права), въ отличіе отъ сѣверной Франціи, *pays du droit coutumier* (страны обычнаго права). Въ сѣверной Франціи римское право исчезло въ матеріальномъ отношеніи, и вездѣ вытѣснено было германскимъ; въ обычномъ правѣ сѣверной Франціи преобладаютъ начала германскаго права въ разныхъ его видахъ; они свободны отъ римскихъ составныхъ частей, и если въ послѣдствіи въ нѣкоторыхъ изъ нихъ попадаются слѣды вліянія римскаго права, то въ этомъ должно видѣть не доказательство непрерывности существованія послѣдняго въ сѣверной Франціи, но примѣсь, принесенную въ XII и XIII столѣтіи извнѣ, изъ южной Франціи и изъ Италіи, во время научнаго возрожденія римской юриспруденціи. Прежніе племенные *законы варваровъ* (*Leges Varbarorum*), многія положенія которыхъ укоренились въ обычаяхъ народонаселенія разныхъ мѣстностей, перешли изъ состоянія писаннаго права въ состояніе обычнаго, различно притомъ видоизмѣняясь, смѣшиваясь и вступая между собою въ разнообразныя комбинаціи. Точно также и нѣкоторыя постановленія капитулярій, утвердившись въ мѣстныхъ обычаяхъ, срослись съ *кутюмами* разныхъ территорій, вошли въ составъ ихъ. Вообще все ленное право, право феодальнаго сословія, видоизмѣняясь въ отдѣльныхъ кутюмахъ, развилось изъ германскихъ началъ, при содѣйствіи историческихъ причинъ, поведшихъ вообще къ образованію феодализма.

Во всѣ *кутюмы* перешли начала германскаго уголовного права и формы германскаго процесса, судъ перовъ въ ленныхъ куріяхъ, суды Божіе, судебный поединокъ и т. д. Гражданское обычное право въ сѣверной Франціи основывалось по преимуществу на германскихъ, въ южной отчасти на римскихъ началахъ. Разнообразіе и пестрота элементовъ обычнаго права въ значительной мѣрѣ происходила также отъ личнаго вліянія сеніоровъ, сдѣлавшихся законодателями въ своихъ территорияхъ, на мѣстные обычаи. Нѣкоторыя *кутюмы*, какъ это увидимъ въ послѣдствіи, содержатъ въ себѣ положенія, которыя поражаютъ насъ своею странностію, нелѣпностію, своимъ противорѣчіемъ здравому человѣческому смыслу и чувству справедливости; существуютъ въ нѣкоторыхъ *кутюмахъ* обычаи то смѣшные, то чудовищные до невѣроятія, то оскорбляющіе человѣческую природу. Всѣ эти уродливые наросты въ обычномъ правѣ и могутъ быть объяснены только произволомъ феодалныхъ сеніоровъ-законодателей; все это есть не что иное, какъ слѣдствіе необузданнаго своеволія ленныхъ владѣльцевъ, порожденіе мѣстной феодальной тираниі.

XXVII.

Итакъ (повторяя вкратцѣ все сказанное), прежде господствовавшая фізіономія права исчезла, когда такъ-называемыя *nationes* (народности) Франкской монархіи разрѣшились въ отдѣльныя сеніоріи, а въ каждой сеніоріи въ отдѣльныя сословія, и когда прежнее состояніе личной, непосредственной свободы (*gemeine Freiheit*) замѣнилось вассальными отношеніями и частнымъ подданствомъ. Право приняло земскій, территоріальный характеръ; но оно ограничивалось узкимъ пространствомъ феодальныхъ территорій, и въ каждой изъ нихъ существовало не какъ единое, общее право, а было двойственно, различалось по сословіямъ. Примѣненіе права условливалось уже не происхожденіемъ лица, но прежде всего мѣстомъ его жительства, а потомъ сословнымъ его состояніемъ. Въ началѣ феодальной эпохи, право во Франціи находилось опять болѣе или менѣе въ такомъ состояніи, какъ первоначальное германское право до редакціи законовъ варваровъ. Съ упадкомъ каролингской монархіи исчезли положительные, пи-

саннныя племенные законы, и на ихъ мѣсто явилось опять обычное право, съ его шаткимъ, колеблющимся, неопредѣленнымъ, не установившимся характеромъ. Это обычное право вездѣ вытекало изъ однихъ источниковъ, выросло изъ однихъ корней, но оно развѣтвилось на тысячныя отростки мѣстныхъ *кутюмъ*. Опять начался процессъ постепеннаго рожденія права; изъ продолжительнаго броженія разныхъ элементовъ дофеодалной эпохи вышло наконецъ средневѣковое, феодальное государство; вмѣстѣ съ нимъ развилось мало-по-малу и свойственное ему право, которое было вѣрнымъ отраженіемъ новаго порядка вещей. Такъ какъ каждая сеніорія представляла политически замкнутое цѣлое, и всѣ сеніоріи, несмотря на ленный союзъ и феодальную постепенность, стояли болѣе какъ бы другъ подлѣ друга, чѣмъ одна надъ другою, то необходимо должно было раздробиться и право. Явилось столько мѣстныхъ обычныхъ правъ, сколько было ленныхъ владѣній. Но, съ другой стороны, между ними было и много общаго. Подобно языку романскому, который выработался на галльской почвѣ и, несмотря на множество живыхъ мѣстныхъ и областныхъ отбывковъ, представлялъ типъ позднѣйшей французской народности, точно также изъ сходства повсюду существовавшихъ отношеній образовались общія черты права, которыми также обрисовывался типъ рождающейся націи. Вездѣ одинаковыя формы перства, вездѣ одинаковыя отношенія сеніоровъ къ вассаламъ, землевладѣльцевъ къ ихъ *интерзассамъ*, сходство поземельныхъ отношеній, однородное семейное и общественное состояніе, аналогическая власть и юрисдикція всѣхъ сеніоровъ, повсемѣстное господство судебного поединка и условливаемое этимъ сходство формъ процесса, — все это послужило къ образованію юридическихъ нормъ и институтовъ, которые въ сущности, въ главныхъ чертахъ, вездѣ были одни и тѣ же, а только въ подробностяхъ видоизмѣнились по территоріямъ. Притомъ, подобнымъ образомъ какъ надъ мелкими сеніоріями подымались въ ленной постепенности большія сеніоріи, надъ простыми бароніями—графства и герцогства, такъ точно надъ мелкими, мѣстными *кутюмами* господствовали болѣе общія *кутюмы*, которыя соответствовали цѣлымъ областямъ—Нормандіи, Франшконтэ, Бургундіи. Эти общія областныя *кутюмы* имѣли въ отношеніи къ мѣстнымъ обычаямъ вспомогательное, дополнительное, иногда даже, въ случаѣ недостаточности послѣднихъ, рѣшительное, формально дѣйствующее значеніе.

Подобно тому, какъ переходъ отъ правильныхъ формъ каролингской монархіи къ феодальной анархіи, отъ государства, построеннаго по образцу Римской имперіи, къ хаотическому безпорядку феодализма, отъ римской цивилизаціи къ германскому варварству, можетъ казаться, при первомъ взглядѣ, шагомъ назадъ: такъ точно шагомъ назадъ можетъ показаться и переходъ отъ постоянныхъ, положительныхъ, писанныхъ, общихъ, по крайней мѣрѣ для каждаго племени, законовъ къ колеблющемуся, раздробленному, обычному праву *кутюмъ*. Но въ сущности, въ цѣломъ процессѣ развитія, и то и другое есть шагъ впередъ: феодальная безурядица носила въ себѣ сѣмена дальнѣйшаго политическаго развитія болѣе совершеннаго, чѣмъ отжившія, мертвящія формы римскаго императорскаго абсолютизма; обычное право *кутюмъ* было колыбелью позднѣйшаго французскаго права. Замѣтимъ при томъ, что, несмотря на совершившуюся перемѣну во внѣшнемъ характерѣ права, на замѣненіе личности его территоріальнымъ значеніемъ, въ феодальныя кутюмы, въ ленное право, переходятъ всѣ тѣ основныя начала, которыя Германцы внесли съ собою въ исторію и прежде всего преобладающее, все обуславливающее начало личности. Это докажетъ намъ послѣ обзорѣніе чисто-феодальной эпохи.

Вотъ все, что мы считали нужнымъ сказать о состояніи права въ началѣ XI столѣтія во Франціи. Что касается Германіи, замѣтимъ слѣдующее: Такъ какъ здѣсь отдѣльныя племена—Остеранки или Франконцы, Фризы, Саксы, Тюринги, Бавары, Алеманны или Швабы, жили сплошными группами, каждое въ своихъ предѣлахъ и въ строгомъ разграниченіи другъ отъ друга, то вслѣдствіе этого племенные ихъ права, сохраняя личный характеръ, вмѣстѣ съ тѣмъ получили сами собою и значеніе земскихъ, территоріальныхъ правъ. Въ Германіи, въ которой переходъ къ феодальнымъ формамъ устройства совершился гораздо позднѣе и иначе, чѣмъ во Франціи, въ X столѣтіи продолжали дѣйствовать еще, если еще не въ формальномъ, то въ матеріальномъ отношеніи, законы варваровъ, редакція которыхъ относилась къ каролингскому времени. Отдѣльные признаки ихъ существованія и употребленія прослѣдить можно до самаго начала XIII столѣтія. Но скудное ихъ содержаніе, уже недостаточное при большемъ развитіи общества и при возникновеніи множества новыхъ юридическихъ отношеній, пополнялось и развивалось путемъ обычая, судебной практики, законодательства нѣмецкихъ коро-

лей и императоровъ, то-есть такъ-называемыхъ императорскихъ constitutiones и т. д. Въ X столѣтіи въ Германіи классъ свободныхъ людей, жившихъ по племеннымъ правамъ, былъ еще очень многочисленъ; ленное право находилось еще въ самомъ началѣ своего развитія, существовало какъ бы только спорадически, разбросанно, и еще не дѣйствовало разлагающимъ образомъ на общіе племенные законы. Такъ какъ время, послѣдовавшее въ Германіи за окончательнымъ отдѣленіемъ ея отъ монархіи Каролинговъ, то-есть X столѣтіе, стоитъ въ неразрывной связи съ послѣдующимъ временемъ XI, XII и XIII столѣтіями, то, рассматривая въ прежнихъ главахъ ходъ личныхъ и поземельныхъ отношеній и политическія учрежденія, мы ограничивались относительно Германіи одними только общими указаніями и намеками, и предоставили себѣ говорить подробнѣе въ послѣдствіи. Точно также и теперь мы ограничиваемся только этими нѣсколькими замѣчаніями, и будемъ говорить подробнѣе о состояніи и характерѣ права въ Германіи въ X столѣтіи и дальше тогда, когда перейдемъ къ обзорѣнью всего періода ея исторіи съ X до конца XIII столѣтія. Этотъ періодъ исторіи Германіи составляетъ опредѣленное цѣлое, и долженъ быть представленъ въ совокупности.

Теперь, отъ общей характеристики права и внѣшней его исторіи, обратимся къ обзорѣнью правъ и особенностей отдѣльныхъ сословій во Франціи и Германіи. Сначала будемъ говорить объ аристократіи, потомъ о дѣховенствѣ, далѣе о крестьянскомъ сословіи, и наконецъ скажемъ нѣсколько словъ о городахъ въ до-феодалную эпоху.

XXVIII.

Первоначально у Германцевъ были только два сословія—свободные люди и несвободные. Первые пользовались всѣми гражданскими и политическими правами и несли всѣ публичныя обязанности, другіе не имѣли никакихъ правъ и только частныя обязанности. Несвободные составляли сословіе только въ отрицательномъ смыслѣ, то-есть потому, что не принадлежали къ сословію свободныхъ людей. Они раздѣлялись правда на оброчниковъ или лучше урочниковъ (Hörige) и рабовъ (Knechte), но это раздѣленіе не имѣло значенія въ общинѣ, а только въ отношеніи къ господину. И урочники, и рабы стояли внѣ общины, внѣ публичнаго

племеннаго права, и составляли предметъ частнаго права свободныхъ людей. Если первые (урочники) и имѣли кое-какія права, то все-таки только въ отношеніи къ своему господину; если они и могли въ нѣкоторой степени владѣть, отчуждать, наследовать и совершать другія юридическія дѣйствія, то не по племенному, а по дворовому праву господина. На урочникахъ лежали меньшія повинности и тяжести, чѣмъ на рабахъ, но это были частныя повинности, то-есть въ пользу господина. Различаясь правами и обязанностями въ отношеніи къ господину, урочники и рабы образовали, можно сказать, два отдѣльныя сословія, но не въ общинѣ, не въ племени, а во дворѣ, въ землѣ каждаго господина. Въ общинѣ и племени они составляли одно сословіе въ отрицательномъ смыслѣ или лучше не составляли никакого, потому что они не были вовсе политическимъ сословіемъ. Въ настоящемъ, положительномъ смыслѣ было только одно сословіе—свободные люди. Вся сумма политическихъ и гражданскихъ правъ сосредоточивалась въ немъ; на немъ основывалось и имъ держалось общинное устройство; не было высшихъ и большихъ правъ, чѣмъ права свободныхъ людей. Такое преобладающее значеніе свободные люди сохранили въ первое время и во Франкской монархіи; на нихъ основывалось и ими держалось волостное устройство и вслѣдствіе этого и самая монархія; на нихъ лежала вся тяжесть государства; они служили основою франкскому публичному праву. Въ первыя времена Франкской монархіи свободные люди (*liberi, ingenui*) были хотя уже не единственнымъ, но самымъ важнымъ и многочисленнымъ сословіемъ. Они пользовались многочисленными, хотя уже не наибольшими правами и имѣли опредѣленныя обязанности. Свободою называлась независимость ни отъ какой частной власти и прямое (почти только номинальное) подчиненіе королю и его намѣстникамъ. Первымъ признакомъ свободнаго состоянія было обладаніе полною гражданскихъ правъ, гражданская правоспособность. Только свободный человѣкъ имѣлъ право владѣть чистою, независимою, аллодіальною собственностью; только свободный могъ совершать лично за себя и отъ себя юридическія дѣйствія. Каждый свободный человѣкъ пользовался весьма значительною закономъ опредѣленною вирою, имѣлъ право носить оружіе, могъ быть судимъ только другими свободными людьми передъ графомъ или центенаріемъ, могъ свидѣтельствовать въ судѣ и представлять своею особою всѣ неполноправныя лица, состоявшія подъ его *mundium*, не

платилъ никакихъ податей и налоговъ, кромѣ добровольныхъ приношеній, и наконецъ былъ свободенъ отъ всякихъ постыдныхъ наказаній. Всѣми этими правами онъ отличался отъ людей несвободнаго состоянія. Такъ какъ свобода тѣсно связана была съ поземельною собственностью, то послѣднею обуславливались политическія права свободныхъ людей. Только свободные землевладѣльцы имѣли право голоса въ народныхъ собраніяхъ, и изъ нихъ только избирались присяжные, судебные заѣдатели, скабины. Что касается обязанностей, то свободные люди должны были являться по призыву графа въ ассизы для присутствія или судопроизводства, обязаны были къ военной службѣ на свой счетъ въ народномъ ополченіи и несли нѣкоторыя, очень немногія, государственныя повинности, указанныя нами прежде. Одинаковыя права и обязанности съ свободными Германцами имѣли свободные Галло-Римляне, съ тѣмъ различіемъ, что вира послѣднихъ всегда была вдвое меньше виры первыхъ (1).

Хотя первоначально у Германцевъ въ эпоху чисто-общиннаго быта существовало только одно политическое сословіе — свободные люди, изъ массы ихъ выдѣлялись однакожъ не многіе благородные, аристократическіе роды—*Adalingi* (*Adal*, *Adel* означаетъ по Гриму то же, что *genus*, *prosapia*, родъ), пользовавшіеся наследственно нѣкоторымъ отличіемъ и почетомъ, нѣкоторымъ превосходствомъ передъ простыми свободными людьми. Но *адалинги* никакъ не составляли отдѣльнаго высшаго сословія, не имѣли никакихъ особенныхъ правъ, высшихъ чѣмъ права свободныхъ людей, и не отличались отъ нихъ никакими привилегіями ни въ гражданскомъ, ни въ уголовномъ правѣ, ни въ судебномъ отношеніи. Браки между *адалингами* и простыми свободными людьми вовсе не считались неровными браками; *адалинги* не имѣли особеннаго, имъ исключительно при-

(1) Кромѣ латинскихъ терминовъ — *liberi*, *ingenui*, для обозначенія сословія свободныхъ людей, существовало много наименованій германскаго происхожденія, которыя указывали на разныя свойства и права свободнаго состоянія. Какъ свободный по рожденію, *ingenuus* назывался *fulboran*, *bagu fofreal* (*vollfrei*), *amond*: Въ качествѣ поземельнаго собственника, могущаго быть судебнымъ заѣдателемъ, свободный чело-вѣкъ назывался *rachimburgus*, *bonus homo*; въ качествѣ судебного заѣдателя—*scabinus*, *schöffe*; наконецъ въ качествѣ военнаго ополченца—*arimanus*, *heriman*. Собственно только свободные носили имя племени—*Franci*, *Burgundiones* и т. д.

надлежащаго имущественнаго и наслѣдственнаго права, не пользовались вышею вирою чѣмъ простые свободные люди и подлежали наравнѣ съ ними одному и тому же суду. Предпочтеніе, которымъ пользовались адалинги, преимущества ихъ въ политическомъ отношеніи были чисто-фактическаго свойства. Преимущества эти главнымъ образомъ основывались на томъ, что адалинги отличались отъ простыхъ свободныхъ людей своимъ богатствомъ и обширностью своихъ поземельныхъ владѣній. Большія родовыя имѣнія, переходившія по наслѣдству, поддерживали значеніе и блескъ нѣкоторыхъ родовъ и давали имъ вѣсь и авторитетъ, какой вездѣ и всегда доставляетъ большая поземельная собственность. Естественно, что въ тогдашнія времена, когда еще не существовало никакой финансовой системы, никакихъ податей и налоговъ, и люди, облеченные властью, принуждены были удовлетворять требованіямъ своего политическаго положенія изъ собственныхъ средствъ, народъ долженъ былъ выбирать своихъ сановниковъ, военныхъ предводителей и судей, герцоговъ и гауграфовъ, по преимуществу изъ такихъ богатыхъ и могущественныхъ родовъ. Именно этотъ фактъ, что народонаселеніе разныхъ волостей привыкло выбирать волостныхъ правителей изъ однихъ и тѣхъ же родовъ, и былъ причиною того почета, того уваженія, которымъ германскія племена окружали эти роды. Сыновья и внуки, коихъ отцы и дѣды были герцогами и гауграфами, пользовались естественнымъ предпочтеніемъ передъ другими. Обыкновеніе поручать волостныя должности членамъ одного и того же рода сохраняло за этимъ родомъ высокое положеніе и преобладающее политическое значеніе и на будущее время. При томъ слава предковъ, ознаменовавшихъ себя въ качествѣ предводителей племени, высокія качества и великіе подвиги ихъ бросали блескъ на все ихъ потомство. Каждый, кто могъ указать на такихъ предковъ, кто принадлежалъ къ роду, знаменитому своимъ прошедшимъ, считался благороднымъ, такъ какъ Германцамъ врождено было убѣжденіе, что вмѣстѣ съ кровью передаются по наслѣдству и благородныя свойства души. Люди, которые возводили родъ свой къ знаменитымъ героямъ, и притомъ отличались богатствомъ и обширностью поземельныхъ владѣній, считались естественными представителями племени и преимущественно передъ другими избирались въ герцоги и гауграфы; но если и не были герцогами и гауграфами, то все-таки наравнѣ съ ними пользовались

внѣшнимъ почетомъ, первымъ голосомъ и первымъ мѣстомъ въ народномъ собраніи. Такимъ образомъ, подъ именемъ адалинговъ разумѣлись аристократическіе роды, которые соединяли знаменитость происхожденія съ большою поземельною собственностью, и которые на этомъ основаніи фактически пользовались тѣмъ политическимъ преимуществомъ, что изъ нихъ обыкновенно избирались волостные сановники и племенные предводители. Авторитетъ и фактическое превосходство адалинговъ надъ простыми свободными людьми были тѣмъ значительнѣе, что число адалинговъ было очень не велико. У тѣхъ германскихъ племенъ, у которыхъ образовалась мало-помалу наследственная королевская или княжеская власть, короли избирались изъ такихъ аристократическихъ родовъ, и въ такомъ случаѣ (какъ это увидимъ у Англосаксовъ) обыкновенно адалингами считались уже одни только члены королевской семьи, потомки и родственники королевскіе.

Адалинги составляли аристократію, классъ людей по преимуществу способныхъ къ должностямъ, но они вовсе не были кастически замкнутымъ сословіемъ. Наравнѣ съ древними родами и простые свободные люди, отличавшіеся высокими качествами, прославившіеся подвигами, могли при благопріятныхъ обстоятельствахъ достигнуть значенія, могущества и богатства, сдѣлаться герцогами и гауграфами, и въ свою очередь быть основателями новыхъ аристократическихъ родовъ. Адалинги составляли аристократію въ настоящемъ смыслѣ этого слова; это не было привилегированное сословіе, а классъ лучшихъ, первенствующихъ людей племени. Это были старшины представители племени, *principes*, *Fürsten*, въ первоначальномъ значеніи этого слова, сохранившемся въ англійскомъ *first*, то-есть первые, первые между равными. Аристократія адалинговъ была тѣсно связана съ общиннымъ устройствомъ и не нарушала вовсе демократическаго характера его; она выросла органически изъ общиннаго основанія. Такимъ образомъ въ эту первобытную эпоху, на первой степени развитія, аристократія занимала у Германцевъ такое мѣсто, какое она занимать должна во всякомъ полномъ и естественно развитомъ обществѣ. Она приближалась къ тому значенію, которое пріобрѣтаетъ аристократія въ послѣдствіи, освобождаясь отъ феодальныхъ понятій. Здравая и единственно возможная теорія видитъ въ аристократіи не сословіе, выделяющееся изъ среды народа своими исключительными правами и привилегіями, а классъ людей, которымъ большая

поземельная собственность, высокія качества, личныя заслуги, знаменитое происхожденіе даютъ естественное превосходство надъ другими, но превосходство доступное для всякаго, кто имѣеть тѣ или другія условія его. Настоящая аристократія подымается на основаніи одинаго и равнаго для всѣхъ права, но, имѣя больше средствъ, больше досуга, больше опыта и знанія, чѣмъ масса низшихъ классовъ, она стоитъ во главѣ націи, представляетъ ее, занимаетъ первенствующее политическое положеніе, а въ замѣнъ за это несетъ и наибольшія тяжести и имѣеть наибольшія обязанности. Настоящая аристократія не замыкается въ видѣ касты, а постоянно пополняется изъ низшихъ классовъ, вводитъ въ свою среду таланты, знаніе, заслуги, богатство. Къ этому первообразу приближалась отчасти аристократія германскихъ адалинговъ. Въ послѣдствіи въ продолженіи средней и новой исторіи мы видимъ постоянное и повсемѣстное уклоненіе отъ него; аристократія дѣлается привилегированнымъ сословіемъ, отдѣляется отъ народа исключительными правами, и не скоро и не вездѣ, даже въ наше время, достигаетъ того значенія, которое должно заключаться въ ея понятіи. Привилегированнымъ сословіемъ сдѣлала аристократію прежде всего королевская власть, а потомъ феодализмъ.

XXIX.

Съ переселеніемъ Германцевъ на галльскую почву, положеніе аристократіи адалинговъ должно было измѣниться само собою. Во Франкской монархіи адалинги, какъ роды, пользующіея фактически нѣкоторыми политическими преимуществами, теряютъ свое значеніе, исчезаютъ и даютъ мѣсто другому роду аристократіи, основанной на совершенно другихъ началахъ. Эта новая аристократія имѣеть еще весьма неопредѣленный, колеблющійся характеръ, слагается изъ чрезвычайно разнородныхъ элементовъ, не представляетъ еще ничего твердаго и постояннаго, но уже довольно замѣтно обозначается какъ отдѣльное сословіе, отличающееся отъ простыхъ свободныхъ людей нѣкоторыми исключительными правами. Мы видѣли, что положеніе и значеніе германскихъ адалинговъ было тѣсно связано съ общиннымъ устройствомъ, коренилось въ немъ и вытекало изъ него. Съ переселеніемъ на галльскую почву разрѣшились общинныя

союзы, въ права общины вступилъ король, и, подь вліаніемъ римскихъ идей и новыхъ условій жизни, возникла, въ видѣ доселѣ Германцамъ незнакомомъ, монархическая власть. Ясно, что съ появленіемъ этой монархической власти, адалинги потеряли прежнее свое политическое значеніе, тѣсно связанное съ общиннымъ устройствомъ, Политическое значеніе адалинговъ въ германской родинѣ основывалось главнымъ образомъ на обширности ихъ поземельныхъ участковъ; они были единственными крупными землевладѣльцами въ волостяхъ. Теперь на галльской почвѣ, при новомъ распредѣленіи земель, не могло быть рѣчи о такомъ исключительномъ положеніи. Конечно, нѣкоторые адалинги, имѣвшіе довольно средствъ и силъ для этого, присвоили себѣ большія пространства земли въ завоеванной странѣ, но все-таки они не были уже единственными крупными собственниками. Рядомъ съ ними существовали пощаженные завоевателями знатные *romani possessores*, которые сохранили свои *latifundia*; далѣе, первоначальные дружинники короля, которые, какъ мы видѣли, получили отъ него въ полную собственность огромныя земли изъ королевскихъ доменъ; наконецъ церкви и монастыри, которые владѣли также чрезвычайно обширными имѣніями. Другіе адалинги не выиграли ничего при новомъ распредѣленіи земель, а напротивъ потеряли и исчезли въ массѣ простыхъ аллодіальныхъ владѣльцевъ. Въ свою очередь нѣкоторые простые свободные люди завладѣли гораздо большими участками чѣмъ адалинги. Вообще при частномъ занятіи новыхъ земель большую роль игралъ случай, физическая сила, большее или меньшее сопротивление туземцевъ и множество другихъ обстоятельствъ, такъ что все это должно было перепутать первоначальныя отношенія между завоевателями и измѣнить положеніе адалинговъ, тѣсно связанное съ мѣстностью германской родины. Но еще болѣе вліанія на судьбу адалинговъ, чѣмъ переимѣна мѣста, имѣла переимѣна самаго устройства, возникновеніе королевской, монархической власти. Политическое значеніе адалинговъ на родинѣ проявлялось въ томъ, что изъ нихъ по преимуществу избирались народомъ волостные сановники—герцоги и гауграфы. Теперь на мѣсто народного выбора является королевское назначеніе, на мѣсто воли общины—воля короля. Управление новаго государства устраивается въ интересъ королевской власти; король самъ назначаетъ графовъ и притомъ изъ числа своихъ вѣрныхъ, своихъ *антрусііоновъ*, изъ числа людей, которые стоятъ въ близкомъ отношеніи къ

нему, приносятъ присягу вѣрности въ собственныя его руки, находятся въ личной зависимости отъ него. Достоинство герцоговъ и графовъ дѣлается королевскою службою. Чтобы достигнуть этого достоинства нужно стоять въ близкомъ личномъ отношеніи къ королю, быть его *антрусіономъ*. Единственнымъ средствомъ возвышенія, единственнымъ путемъ къ достиженію политическаго значенія является личная, вассальная связь съ королемъ и королевская служба. Нѣкоторые адалинги вѣроятно поступили въ число *антрусіоновъ* короля, и получивъ отъ него должности герцоговъ и графовъ, сохранили прежнее свое первенствующее значеніе, но уже не какъ главы и представители племени, а какъ высшіе королевскіе служители и королевскіе сановники. Это было однакожъ только исключеніе. Рядомъ съ немногими адалингами въ число королевскихъ *антрусіоновъ* поступали знатные римскіе землевладѣльцы, простые свободные люди разнаго происхожденія и даже не свободные—*liti*, *Höfige*. Всѣ королевскіе *антрусіоны*, безъ различія происхожденія, могли получать отъ короля и получать должности графовъ и разныя придворныя достоинства. Франкскіе короли устроили по образцу римскому дворъ свой съ множествомъ разнообразныхъ должностей, которыя исправляли королевскіе министеріалы. Званіе королевскаго *антрусіона* или вассала, независимо отъ личнаго происхожденія, давало большое значеніе и сопряжено было съ большими выгодами. Вассалы получали отъ короля бенефиціи изъ его доменъ, дѣлались черезъ это владѣльцами огромныхъ земель, достигали богатства и высокыхъ почестей. Однимъ изъ нихъ король давалъ бенефиціи вмѣстѣ съ должностями герцоговъ, графовъ и придворныхъ министеріаловъ; другіе получали бенефиціи взамѣнъ за обязанность военной службы. Современемъ званіе королевскаго вассала, близкое отношеніе къ королю, личная служба ему считались уже особенною честью, которая всякаго возвышала надъ уровнемъ простыхъ свободныхъ людей; потому даже большіе аллодіальные собственники добровольно превращали свои свободныя поземельныя вотчины въ жалованныя помѣстья, въ бенефиціи, дѣлались вассалами короля, и обыкновенно при этомъ получали отъ него особыя привилегіи, *иммунитетъ*, въ своихъ владѣніяхъ. Теперь уже не знаменитое происхожденіе и даже не обширность поземельныхъ участковъ возвышали челоуѣка и давали ему преобладающее политическое значеніе, а одна только близость къ королю и личная служба королю. Изъ самыхъ раз-

народныхъ элементовъ, изъ нѣкоторыхъ адалинговъ, изъ знатныхъ Галло-Римлянъ, изъ свободныхъ Германцевъ разныхъ племенъ и даже изъ несвободныхъ людей разнаго происхожденія образовалась постепенно, вслѣдствіе вассальнаго отношенія къ королю, новаго рода знать, классъ высшихъ должностныхъ лицъ, придворныхъ министеріаловъ, герцоговъ, графовъ, королевскихъ бенефіціантовъ и вассаловъ, сеніоровъ съ иммунитетомъ. — служебная аристократія, совершенно зависящая отъ королевской власти, которой она была произведеніемъ, личная, а не потомственная аристократія, потому что должности и бенефіціи еще не переходили по наслѣдству отъ отца къ сыну, а король могъ поставить въ ея ряды всякаго, кого хотѣлъ, и раба и урочника и свободнаго человѣка, и Германца и Галло-Римлянина. Въ массѣ этой служебной, должностной аристократіи исчезли тѣ германскіе адалинги, которые поступили въ число королевскихъ *антруксіомовъ*. Другіе адалинги, которые, гордясь своимъ знаменитымъ происхожденіемъ и своею свободою, считали униженіемъ личную зависимость отъ кого бы то ни было и личную службу кому бы то ни было, и которые поэтому хотѣли сохранить независимое положеніе, были заслонены совершенно и поставлены въ тѣни новою должностною знатью, и мало-помалу исчезли въ массѣ простыхъ свободныхъ людей. Новая служебная аристократія, возникшая во Франкокой монархіи, смѣшанная по своей природѣ, совершенно зависящая отъ королевской власти, шаткая и колеблющаяся въ своемъ составѣ, лишенная твердости, какую даетъ потомственность, представляла однакожь нѣкоторыя черты отдѣльнаго, привилегированнаго сословія, отличалась отъ массы свободныхъ людей нѣкоторыми правами и преимуществами, данными ей королевскою властью.

Въ то время, когда въ Галлію переселились Германцы, въ странѣ этой находились въ значительномъ количествѣ знатные галло-римскіе роды, такъ-называемыя сенаторскія фамиліи. Это были потомки римскихъ придворныхъ сановниковъ, провинціальныхъ правителей, префектовъ, викаріевъ, презесовъ, ректоровъ, римскихъ сенаторовъ, и т. д., которые сами обыкновенно участвовали въ галльскихъ городскихъ сенатахъ и исправляли высшія городскія и провинціальныя должности. Эти сенаторскія фамиліи пользовались нѣкоторыми преимуществами, напримеръ освобожденіемъ отъ налоговъ и пр., и составляли привилегированное сословіе, чиновную, но отчасти также и потом-

ственную аристократію,—аристократію по милости императорской. Какъ скоро Галлія подпала подъ власть Германцевъ и на мѣсто римскаго императора сталъ Франкскій король, тогда знатные Галло-Римляне, съ свойственнымъ всякой чиновной знати раболѣпиемъ, сейчасъ же поспѣшили изъявить свою преданность новому властителю. Они старались наперерывъ стать въ близкое отношеніе къ нему, поступить въ число его *антрукстіоновъ*, занять мѣсто при его дворѣ, снискать себѣ его расположеніе, все это для того, чтобы сохранить по милости Франкскаго короля свои преимущества, свое первенствующее положеніе. Они напоили Франкскаго короля римскими понятіями, внушили ему начала римскаго императорскаго абсолютизма, и старались руководить его дѣйствіями въ смыслѣ этихъ началъ. Съ ними перешло во Франкскую монархію возникшее во времена имперіи римское понятіе, что высшая должность и служба монарху облагораживаетъ (*nobilitat*) человѣка, возвышаетъ его надъ толпою, и потому должна соединяться съ внѣшними отличіями и преимуществами, такъ какъ необходимо, чтобы величіе и блескъ монарха отражались отчасти и на его служителяхъ. Франкскіе короли, проникнутые римскими уроками, дѣйствительно пожелали теперь отличить своихъ приближенныхъ, своихъ вѣрныхъ, и возвысить ихъ надъ массою простыхъ свободныхъ людей, захотѣли придать своимъ графамъ, герцогамъ и придворнымъ министеріаламъ, исполнителямъ королевской воли, болѣе вѣса, болѣе авторитета, болѣе значенія въ глазахъ толпы, и потому надѣлили ихъ привилегіею тройной виры. Всякій, кто находился въ близкомъ отношеніи къ королю, кто былъ его *антрукстіономъ*, его вассаломъ, кто исправлялъ придворную или государственную должность, кто получалъ королевскую бенефицію, былъ ли это урочникъ, или свободный человѣкъ, Германецъ или Галло-Римлянинъ, пользовался втрое большею вирой противъ простаго урочника, простаго свободаго человѣка, Галло-Римлянина или Германца. Тройная вира, какъ королевское нововведеніе, является главнымъ отличіемъ Франкской служебной аристократіи. Она пользовалась еще другими преимуществами, которыя дѣлали изъ нея привилегированное сословіе. Такъ, королевскіе *антрукстіоны*, или вассалы, графы и герцоги не подлежали обыкновенному волостному суду (*mallum comitis*), а судились передъ самимъ королемъ или его пфальцграфомъ въ королевской куріи (*placitum palatii*), въ послѣдствіи также передъ королевскими миссами, зенд-

графами. Есть слѣды, что такіе знатные люди (*optimates*) уже въ тогдашнюю эпоху принимали судебный поединокъ только противъ обвинителей равнаго съ ними состоянія и званія, и что отъ нихъ требовалось меньшее число соприсяжниковъ, чѣмъ отъ простыхъ свободныхъ людей. Въ каролингскую эпоху только эти знатные люди, оптиматы, то-есть придворные министериалы, графы, герцоги, королевскіе вассалы и бенефицианты, сеніоры съ иммунитетомъ и т. д. имѣли голосъ и дѣятельное участіе въ государственныхъ сеймахъ на Марсовомъ полѣ, и выдѣлялись этимъ преимуществомъ изъ массы простыхъ свободныхъ людей, которые тамъ присутствовали и изъявляли свое согласіе аккламаціею.

Такимъ образомъ во Франкской монархіи существовала аристократія, уже совершенно непохожая на германскихъ *адалинговъ*, аристократія, обязанная своимъ происхожденіемъ королевской власти. Она имѣла еще чрезвычайно неопредѣленный, не установившійся характеръ; сыновья, не наслѣдовавшіе отцовскихъ должностей и бенефицій, переставали принадлежать къ ней; съ другой стороны въ ея ряды поступали по милости королевской постоянно новые люди, различнаго происхожденія, часто даже несвободнаго состоянія. Франкская аристократія находилась еще только въ процессѣ своего развитія; ей не доставало еще условія наслѣдственности. Она основывалась только на личномъ исправленіи государственныхъ должностей и на личномъ владѣніи королевскими бенефиціями и иммунитетами; никакого значенія не имѣло еще происхожденіе. Конечно, если иногда должности и бенефиціи, *de facto*, не *de jure*, переходили по наслѣдству отъ отца къ сыну, то возникали такимъ образомъ аристократическіе роды; но это было только исключеніемъ. Неопредѣленный, шаткій, колеблющійся характеръ этой аристократіи проявляется въ томъ, что она не имѣетъ еще одного общаго и постояннаго названія, а носить въ современныхъ источникахъ чрезвычайно разнообразныя наименованія: *optimates*, *proceres*, *potentes*, *fortiores*, *miliores*, *majores natu*, *magnates*, *principes*, *primi*, *primates*, *primores*, *seniores*, *sublimes*, *nobiles* и т. д. Но во всякомъ случаѣ франкская личная, служебная аристократія, пользуясь нѣкоторыми исключительными правами, представляетъ уже черты отдѣльнаго сословія и выдѣляется изъ массы свободныхъ людей.

Согласно со всѣмъ сказаннымъ нами, источники каролингской эпохи представляютъ слѣдующее раздѣленіе всего класса

свободныхъ людей въ отличіе отъ несвободныхъ: Первое мѣсто занимаютъ *optimates*, *potentes*, *nobiles* и т. д., то-есть сановники, вассалы королевскіе, сеніоры съ иммунитетомъ, и называются общимъ именемъ *maiores personae*. Второе мѣсто занимаютъ *mediocres* или *mediani*, названіе, соответствующее позднѣйшему нѣмецкому *Mittelfreie*, или *Schöffenbarfreie*. Это средніе люди, свободные собственники, которые владѣютъ достаточнымъ количествомъ земли, чтобъ имѣть голосъ въ волостномъ собраніи и быть скабинами. Наконецъ третье мѣсто занимаютъ *minores personae*, то-есть такіе свободные люди, которые или не имѣютъ довольно земли, чтобы быть скабинами и членами волостнаго собранія, или вовсе не имѣютъ поземельной собственности и обрабатываютъ участки, предоставленные имъ другими въ видѣ урочной земли (*censiva*), или живутъ на чужой землѣ, подъ юрисдикціею сеніора. Сюда принадлежатъ разнаго рода люди — цензуалы, свободные поселенцы, *saerarii*, *homines ecclesiastici* и пр., которые платятъ оброкъ, несутъ разныя повинности, исполняютъ разныя господскія работы, но сохраняютъ личную свободу (*ingenuitas*). Посмотримъ теперь, что дѣлается съ франкскими оптиматами по наступленіи феодалнаго порядка вещей, и какой характеръ получаетъ аристократія въ концѣ X и началѣ XI столѣтія.

XXX.

До половины IX столѣтія, то-есть пока преобладала чисто-бенефициальная, ненаслѣдственная форма поземельнаго владѣнія; пока должности сохраняли характеръ настоящихъ должностей, поручаемыхъ навремя свыше; пока высшее политическое значеніе человѣка зависѣло отъ личной связи его съ королемъ; и пока вассальныя отношенія имѣли еще чисто-личный характеръ, не получили еще вещественнаго значенія: до тѣхъ поръ состояніе лицъ и земель было чрезвычайно шатко, подвергалось безпрестаннымъ переменамъ и находилось въ постоянномъ движеніи и колебаніи. Одна только аллодіальная поземельная собственность и одно только состояніе простыхъ свободныхъ людей представляли сначала нѣкоторую твердость и неподвижность, но потомъ и то, и другое, какъ мы видѣли, увлечено было въ круговоротъ всеобщаго движенія и колебанія: аллоды

обращались, то въ бенефиціи, то въ урочныя земли (*censiva*) свободные люди дѣлались, то вассалами, то крѣпостными рабами, то урочниками. Особенно шаткими сдѣлались всѣ отношенія въ тотъ переходный моментъ, когда почти всѣ земли приняли бенефиціальныи характеръ, и почти всѣ люди перешли или въ состояніе вассаловъ, или въ состояніе урочниковъ, а между тѣмъ не утвердилась еще окончательно наслѣдственность бенефиціи и существовала только какъ фактъ, а не какъ право, и отношенія вассальныя не перешли еще въ ленныя, не обратились еще изъ личныхъ въ вещественныя. Въ это переходное время, владѣніе землею имѣло необезпеченный характеръ; земли переходили изъ рукъ въ руки, постоянно мѣняя владѣльцевъ; вмѣстѣ съ землями, и люди переходили изъ одного состоянія въ другое: высшее общественное положеніе и политическія преимущества связаны были только съ личностью. Шаткость личныхъ и поземельныхъ отношеній не позволяла установиться аристократическимъ родамъ, основаннымъ на твердой, наслѣдственной большой собственности или на преемствѣ политическихъ правъ; образованіе такихъ родовъ постоянно прерывалось; не существовало родовой аристократіи, а только личная. Но когда мало-по-малу наслѣдственность бенефиціи дѣлается всеобщимъ закономъ, пользование переходитъ въ собственность, должности въ потомственное право, личныя привилегіи въ наслѣдственныя, вассальныя отношенія въ ленныя, чисто-личный характеръ ихъ въ вещественный, тогда постепенно улегается движеніе и колебаніе, землевладѣніе отвердѣваетъ, упрочивается собственность, кристаллизируются сословныя отличія, и вмѣстѣ съ наслѣдственностью ленъ и преемствомъ связанныхъ съ ними политическихъ правъ, возникаютъ твердые аристократическіе роды, родовая аристократія. Мы видѣли, какъ франкскіе административные округа въ цѣломъ или по частямъ дѣлались частною собственностью графовъ и герцоговъ, какъ должности ихъ превращались въ земское господство, и права верховной власти срастались съ землею; мы видѣли дальше, какъ королевскія бенефиціи обращались въ наслѣдственные лены, и какъ распространялись привилегіи иммунитета, сначала только личныя. Слѣдствіемъ всего этого было возникновеніе множества большихъ и малыхъ династовъ — герцоговъ, графовъ, виконтовъ, бароновъ и простыхъ сеніоровъ, которые соединяли съ поземельною собственностью бѣльшую или меньшую сумму правъ верховной власти, бѣли и собственниками и вмѣстѣ съ тѣмъ государями

въ своихъ владѣніяхъ, и передавали земли и связанныя съ ними политическія права по наслѣдству, каждый въ своемъ родѣ. Прежніе франкскіе оптиматы сдѣлались теперь родовою аристократіею. Но эта аристократія феодальныхъ династовъ не можетъ быть еще названа въ концѣ X и началѣ XI столѣтія въ строгомъ смыслѣ, въ политическомъ отношеніи, словомъ. Она не составляла еще одного цѣльнаго сословія въ одномъ государствѣ, потому что не существовало одного государства, а образовалось множество малыхъ частныхъ государствъ на общей французской территоріи. Аристократія феодальныхъ династовъ не была связана никакими общими политическими интересами: каждый членъ ея стоялъ порознь и не заботился о другихъ. Она не составляла одного политическаго тѣла, въ которомъ всѣ члены были бы равны между собою и пользовались бы одинаковыми правами: феодальные династы образовали іерархію высшихъ и низшихъ, и различались между собою политическими правами въ количественномъ отношеніи; одни изъ нихъ имѣли больше этихъ правъ, другіе меньше; мы знаемъ, что были три степени земскаго господства — высшая, средняя и низшая юрисдикція. Феодальные династы не были аристократическимъ сословіемъ, пользующимся совокупно извѣстными политическими правами въ государствѣ, и въ силу этихъ правъ совокупно господствующимъ въ государствѣ: каждый изъ нихъ имѣлъ въ отдѣльности, самъ для себя, всѣ права государства или часть ихъ, и господствовалъ у себя, въ своей землѣ, на свою руку. Это не было еще политическое сословіе и даже не конфедерация, потому что феодальная связь существовала только сверху внизъ и снизу вверхъ, а не горизонтально. Конфедерация образуется тогда, когда внѣ и выше феодальныхъ династовъ является монархическая власть и вступаетъ въ борьбу съ ними; политическое аристократическое сословіе возникаетъ, когда является одно общее государство, которое поднимается надъ малыми частными государствами, обнимаетъ ихъ собою, и мало-по-малу поглощаетъ ихъ въ себѣ. Въ концѣ X и началѣ XI столѣтія феодальные династы не были еще ни тѣмъ, ни другимъ; покаместъ это было не чтò иное, какъ аристократія, разрѣшившаяся въ отдѣльныя личности, аристократія малыхъ частныхъ государей, изъ которыхъ каждый господствовалъ въ своей землѣ и надъ извѣстнымъ числомъ людей, только отъ него зависимыхъ.

Но если нельзя назвать аристократію феодальныхъ династовъ

сословіемъ въ строгомъ смыслѣ, то-есть политическимъ сословіемъ въ государствѣ, потому что не существовало одного государства, и между отдѣльными членами этой аристократіи, кромѣ личныхъ вассальныхъ связей, не было никакой общей связи: то съ другой стороны очевидно, что всѣ феодальные владѣльцы въ массѣ, то-есть не только герцоги, графы, бароны, но вмѣстѣ съ ними и простые ленники, владѣльцы малыхъ лень, составляли особенное сословіе въ гражданскомъ отношеніи, и выдѣлялись, какъ отдѣльное сословіе, изъ массы народонаселенія. Всѣ феодальные владѣльцы, большіе и малые, безъ различія территорій, или, лучше, во всѣхъ территоріяхъ вмѣстѣ, стояли отдѣльно отъ остальной массы народонаселенія, какъ одно общее, феодальное сословіе, которое имѣло свое особенное ленное право, свои исключительныя преимущества, свои занятія, и отличалось этимъ правомъ, этими преимуществами и этими занятіями отъ всего, что не принадлежало къ его сферѣ. Мы видѣли, какимъ образомъ исчезъ постепенно классъ свободныхъ людей, аллодіальныхъ землевладѣльцевъ. Большая часть ихъ перешла или въ состояніе крѣпостнаго рабства, или въ полусвободное состояніе урочниковъ. Малая аллодіальная собственность была или поглощена большою собственностью или обращена въ урочное пользованіе, обремененное повинностями и господскими работами. Другіе, болѣе счастливые свободные люди сохранили личную свободу, но поступили вмѣстѣ съ землями своими въ ленную зависимость отъ большихъ феодальныхъ владѣльцевъ. Только тотъ, кто вступалъ въ ряды ленной іерархіи, кто дѣлался вассаломъ другого, кто получалъ лену или самъ обращалъ въ лену свою аллодіальную собственность, только тотъ оставался свободнымъ. Прежняя непосредственная, независимая свобода (*gemeine Freiheit*) исчезла; теперь свобода была возможна только въ вассальномъ союзѣ, только въ соединеніи съ ленною зависимостью; все, что осталось внѣ ленныхъ отношеній, внѣ феодальной іерархіи, перешло въ несвободное состояніе, въ частное подданство. Подобнымъ образомъ исчезла чистая независимая, аллодіальная собственность, и осталась только одна форма поземельной собственности—ленная. Всѣ земли обратились въ лены; вся поземельная собственность цѣлой страны, вся почва Франціи сосредоточилась въ немногихъ рукахъ, въ рукахъ большихъ и малыхъ ленныхъ владѣльцевъ,— герцоговъ, графовъ, виконтовъ, бароновъ, простыхъ сеніоровъ и мелкихъ ленниковъ. Вслѣдствіе этого возникла въ феодальную

эпоху извѣстная юридическая аксіома: *nulle terre sans seigneur*, то-есть что не могло быть такой земли, которая не принадлежала бы посредственно или непосредственно (какъ *dominium directum* или какъ *dominium utile*) какому-нибудь сениору, ленному владѣльцу. Въ ленной собственности не было никакой другой собственности; было только пользованіе, соединенное съ оброкомъ, или точнѣе съ урокомъ, повинностями и работами. Кромѣ ленныхъ собственниковъ, не было никакихъ другихъ собственниковъ, а только крѣпостные люди и урочники. Такимъ образомъ продолжительное броженіе и колебаніе до-феодалной эпохи привело наконецъ все развитіе къ двумъ простымъ и вездѣ одинаковымъ формамъ. Въ концѣ X и началѣ XI столѣтія все народонаселеніе Франціи раздѣлилось на двѣ группы, одна другой совершенно противоположныя, распалось на два слоя, между которыми проходила рѣзкая черта, безусловно разграничивавшая ихъ между собою. Съ одной стороны стали феодальные владѣльцы разныхъ степеней, начиная отъ герцога до простаго ленника; это было свободное, господствующее сословіе, которое соединяло въ своихъ рукахъ всю поземельную собственность, которое пользовалось всѣми политическими правами, и изъ котораго образовалось позднѣйшее дворянство (*noblesse*). Съ другой стороны, подчиненное, служащее, несвободное сословіе, подданные феодальныхъ владѣльцевъ, крѣпостные и урочники, которые жили на чужой землѣ, обрабатывали ее, и несли все бремя повинностей и господскихъ работъ, которые не имѣли никакихъ политическихъ правъ и находились въ частной власти сениоровъ. Это было простонародное сословіе, которое въ послѣдствіи называлось общимъ именемъ *roture* (отъ слова *rotura, ruptura, terram rupte*). О немъ мы будемъ говорить въ послѣдствіи; теперь намъ нужно остановиться на первой группѣ.

Хотя феодальные владѣльцы образовали іерархію высшихъ и низшихъ, и различались между собою политическими правами въ количественномъ отношеніи, но всѣмъ имъ одинаково принадлежали извѣстные права, преимущества и особенности, которыя связывали ихъ въ однородное цѣлое, и которыми они отдѣлялись отъ простонародной массы. Такъ, всѣ феодальные владѣльцы, и большіе и малые, имѣли одинаковую вотчинную власть надъ крѣпостными, собственными людьми своихъ земель. Владѣлецъ простой лены былъ такой же государь въ своей землѣ, какъ и графъ, и герцогъ. Различіе высшей, средней и низшей юрисдикціи относилось только къ свободнымъ и отчасти также

полусвободнымъ жителямъ феодальныхъ территорій. Всѣмъ феодальнымъ владѣльцамъ было обще одно, исключительно имъ принадлежавшее, ленное право. Всѣ они, безъ различія степеней іерархіи, пользовались одинаковымъ имущественнымъ, наследственнымъ, семейнымъ и договорнымъ правомъ; для всѣхъ существовали однѣ и тѣ же формы процесса. Это ленное право видоизмѣнялось, какъ мы видѣли, въ подробностяхъ по различію территорій, но въ общихъ чертахъ вездѣ было одинаково. Всѣ феодальные владѣльцы были связаны между собою одинаковыми ленными отношеніями; всѣмъ имъ, и высшимъ и низшимъ, были общи одинаковыя обязанности, вытекавшія изъ леннаго союза. Графъ и герцогъ имѣли въ отношеніи къ своему сюзерену такія же обязанности, какъ и простой ленникъ въ отношеніи къ своему ленному господину. Степени іерархіи не имѣли никакого значенія въ частномъ ленномъ правѣ. На основаніи всего этого ясно, что феодальные владѣльцы въ совокупности, то-есть не принимая въ разчетъ различія территорій, составляли въ отношеніи къ простонародной массѣ особенное, рѣзко отдѣляющееся сословіе. Это феодальное сословіе отличалось отъ простонароднаго не только своимъ правомъ, своими обязанностями, поземельною собственностью и политическимъ господствомъ: оно отличалось кромѣ того исключительно свойственными ему занятіями и образомъ жизни.

Основаніемъ леннаго союза была, какъ мы знаемъ, военная служба. Главныя обязанности вассаловъ въ отношеніи къ сюзеренамъ были военныя обязанности; вассалъ долженъ былъ помогать сюзерену своимъ оружіемъ во всѣхъ частныхъ войнахъ и распряхъ его. Но такъ какъ ленный союзъ имѣлъ обоюдный характеръ, то въ свою очередь сюзеренъ обязанъ былъ защищать своего вассала. Обязанность взаимной военной помощи связывала между собою отдѣльных ленныхъ владѣльцевъ. По самой природѣ феодализма, война должна была сдѣлаться основнымъ, жизненнымъ его началомъ. Феодализмъ былъ плодомъ усилій франкскихъ королей примѣнить къ Германцамъ формы и начала римскаго государственнаго быта, плодомъ усилій государственной власти подчинить себѣ непокорные германскіе элементы. Власть принуждена была употребить для этого сподручныя національныя средства; образовалась іерархія степеней личной подчиненности, при чемъ сама центральная власть должна была уступить этой іерархіи значительную часть своего всемогущества. Такимъ образомъ возникли мелкіе

государя, которые пользовались не только полною автономіею, но даже почти самодержавіемъ. Это были уже не простые свободные люди первобытной германской эпохи; а въ каждомъ изъ нихъ была частица раздробившейся власти римскаго императора. Въ этихъ мелкихъ владѣльцахъ раздробилась верховная власть, которая была сосредоточена въ римскомъ императорѣ и теперь въ этихъ формахъ феодальныхъ отношеній прививалась къ новому міру. Самодержавіе немногихъ окупалось уничтоженіемъ личности, рабствомъ большинства. Только сильные, могущественные люди, которые имѣли въ своихъ рукахъ власть и землю, сохранили автономію и свободу, а масса попала въ частное подданство. Съ тѣхъ поръ, какъ раздробилась государственная власть, которую франкскіе короли, подражатели римскихъ императоровъ, хотѣли наложить на германскій міръ, съ тѣхъ поръ каждый, кто остался свободенъ и кто владѣлъ землею, сдѣлался самостоятельнымъ государемъ, и возникло столько государствъ, сколько было частныхъ владѣній. Сношенія между ленными владѣльцами сдѣлались вслѣдствіе этого похожи на сношенія между самостоятельными государями. Пользуясь въ своихъ земляхъ всѣми правами государства, они должны были имѣть и право войны, должны были рѣшать споры между собою оружіемъ. Оружіемъ же они поддерживали свое господство надъ своими частными подданными. Понятно, что когда не существовало одной общей публичной, всѣми признанной власти, власти миротворной, хранящей общественный законъ и порядокъ, гарантирующей жизнь, собственность и безопасность личности, карающей всякое нарушение правъ другаго, тогда единственная гарантія безопасности, единственное обезпеченіе жизни, собственности, семейства и всѣхъ частныхъ правъ, лежало въ частной силѣ каждого. Поэтому каждый ленный владѣлецъ считалъ неотъемлемою своею принадлежностью право оружія, право личной распри, частной войны (*droit de guerre privée*, нѣмецкое кулачное право, *Faustrecht*). Самоуправство (*Selbsthülfe*) было необходимымъ послѣдствіемъ феодальнаго порядка вещей, и война—нормальнымъ состояніемъ феодальнаго общества.

Такія мелкія раздробленныя власти не могутъ разчитывать на свои собственные силы и стоять особнякомъ. Является потребность взаимной помощи, и вслѣдствіе этой потребности, добровольная ассоціація. Большіе феодальные владѣльцы нуждались, для сохраненія своихъ территорій, своего могущества и своихъ правъ,

въ помощи другихъ владѣльцевъ, нуждались въ многочисленной, постоянной всегда готовой военной силѣ. Въ свою очередь малые феодальные владѣльцы, для собственной безопасности, должны были прибѣгать къ покровительству могущественныхъ династовъ. Въ этомъ лежало основаніе ленной іерархіи. Лены давались взамѣнъ военныхъ услугъ; военныя услуги приносились взамѣнъ покровительства и защиты. Всякая ленная земля была неразрывно связана съ военною службою въ пользу того, кто жаловалъ лену; одно необходимо обусловливалось другимъ. Ленная іерархія — это была добровольная ассоціація между отдѣльными феодальными владѣльцами для взаимной вооруженной защиты.

Поэтому война сдѣлалась постояннымъ и притомъ исключительнымъ занятіемъ и призваніемъ всѣхъ ленныхъ владѣльцевъ. Этимъ занятіемъ они отличались отъ простонародной массы, отъ крѣпостныхъ людей и урочниковъ, которые, не имѣя самостоятельной личности, свободы, поземельной собственности и политическихъ правъ, не имѣли и права носить оружіе и употреблять его въ свое имя, но исключительно занимались земледѣліемъ и ремеслами, и обречены были на тяжелые труды полей и служеніе господамъ. Итакъ, всѣ феодальные владѣльцы въ массѣ составляли съ одной стороны сословіе исключительныхъ поземельныхъ собственниковъ, съ другой — сословіе исключительныхъ военныхъ людей. Земля и оружіе, то-есть богатство и сила, вотъ двѣ основы, два начала феодальнаго сословія; — два начала, которыя связываются и обусловливаютъ себя взаимно, ибо, чтобъ имѣть право употреблять оружіе въ свое имя (то-есть пользоваться правомъ частной войны), нужно владѣть землею, а съ другой стороны владѣніе землею влечетъ за собою обязанность употреблять оружіе въ пользу сюзерена и во имя сюзерена, отъ котораго леннымъ образомъ зависитъ земля.

Прибавимъ, что вмѣстѣ съ утвержденіемъ феодальнаго порядка вещей и образованіемъ множества малыхъ самостоятельныхъ феодальныхъ территорій, измѣнился и образъ войны, и родъ вооруженія. Какъ все прочее, такъ и война сдѣлалась мѣстною, размельчала, и приняла личный характеръ. Когда распалась монархія Каролинговъ во Франціи, и исчезъ классъ простыхъ свободныхъ людей, на которомъ основывалась ея военная сила, тогда вмѣстѣ съ тѣмъ исчезло и прежнее народное военное ополченіе, или лучше оно раздробилось точно такъ же,

какъ и территорія, и изъ сплошной массы ополченія выдѣлилась, обособилась личность каждаго воина. Въ мелкихъ расприхъ между феодалными владѣльцами успѣхъ зависѣлъ не столько отъ массы сражающихся, сколько отъ личной храбрости, ловкости и силы каждаго изъ нихъ. Препрежнее народное ополченіе состояло изъ пѣхоты, и сражалось въ густыхъ, сомкнутыхъ колоннахъ. Теперь, когда война размельчала, сдѣлалась мѣстною и велась маленькими отрядами, когда военными людьми были только ленные владѣльцы, то на мѣсто пѣхоты явилась кавалерія, рыцарство, на мѣсто сомкнутыхъ колоннъ,—отдѣльные всадники. Каждый феодалный владѣлецъ велъ на войну отрядъ рыцарей, состоявшій изъ его вассаловъ. Рыцари вступали въ бой порознь; сраженіе было рядомъ отдѣльныхъ поединковъ. Германское начало личной энергіи находило себѣ полный просторъ въ способѣ веденія войны. Рыцарское вооруженіе стоило гораздо больше, чѣмъ препрежнее пѣхотное въ народномъ ополченіи; для него требовалась извѣстная степень богатства. Понятно, что рыцарство явилось тогда, когда война сдѣлалась призваніемъ и занятіемъ однихъ только ленныхъ поземельныхъ владѣльцевъ. Каждый ленникъ съ юности приготавливалъ себя къ военному поприщу, упражнялся постоянно въ рыцарскомъ дѣлѣ, и проводилъ жизнь въ военныхъ играхъ или настоящихъ сраженіяхъ. Этимъ воинственнымъ, рыцарскимъ образомъ жизни сословіе ленныхъ владѣльцевъ отличалось отъ простонародной массы. Рыцарь (chevalier) и простолюдинъ (roturier)—это были два контраста, два противоположныя состоянія тогдашняго общества. Въ послѣдствіи рыцарство (chevalerie) получило значеніе особеннаго института; образовалось рыцарское общество, большая рыцарская корпорація, которая имѣла свои законы, свои правила, свои обряды; развилась цѣлая система рыцарской нравственности, начало рыцарской чести, рыцарской вѣрности, рыцарскихъ доблестей. Явленіе это относится къ позднѣйшей эпохѣ, и потому мы будемъ говорить о немъ подробнѣе въ послѣдствіи. Теперь скажемъ только, что когда рыцарство сдѣлалось особеннаго рода институтомъ, и когда со званіемъ рыцаря соединилось понятіе особеннаго почета, тогда оно получило значеніе уравнивающего, демократическаго элемента въ сферѣ феодалной аристократіи. Оно вносило начало равенства въ ленную іерархію, сглаживало различіе высшихъ и низшихъ степеней ея, равняло герцоговъ, графовъ, бароновъ съ простыми лен-

никами. Рыцарское званіе не было врождено (*not ne nat chevalier*, говорила средневѣковая аксіома); оно пріобрѣталось при извѣстныхъ условіяхъ и посредствомъ особеннаго обряда. Каждый рыцарь имѣлъ право производить въ рыцарское достоинство всякаго, кто соединялъ нужныя для этого условія. Наравнѣ съ простыми ленниками рыцарское званіе пріобрѣтали герцоги и графы. И для тѣхъ, и для другихъ оно было одинаковымъ почетомъ. Самый знатный феодалный династѣ, и даже самъ король долженъ былъ пріобрѣсти его, когда достигалъ до совершеннолѣтія. Часто случалось, что герцоги и графы были производимы въ рыцарское званіе простыми рыцарями. Равняя между собою степени феодалной іерархіи, рыцарство вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣляло еще болѣе ленныхъ владѣльцевъ отъ престонародной массы, связывало ихъ въ одно тѣло и дѣлало изъ нихъ настоящее, опредѣленное, обособленное сословіе.

Занимаясь исключительно войною, отличаясь отъ массы рыцарскимъ образомъ жизни, властвуя въ своихъ земляхъ, какъ полные государи, ленные владѣльцы жили обыкновенно не по городамъ и не посреди сельскаго народонаселенія, а, такъ-сказать, надъ нимъ, надъ подданными своими. Они жили въ укрѣпленныхъ зѣмкахъ, построенныхъ на горахъ, и оттуда господствовали надъ людьми своими, крѣпостными и урочными, которые селились у подошвы горы; оттуда защищали свою гордую независимость противъ всякаго, и изъ-за каменной, недоступной ограды пренебрегали самымъ могущественнымъ противникомъ.

XXXI.

Итакъ, въ концѣ X и началѣ XI столѣтія во Франціи вмѣстѣ съ феодалнымъ устройствомъ образовалась могущественная, воинственная, феодалная аристократія. Эта аристократія основывалась на землѣ и оружіи, сосредоточивала въ своихъ рукахъ всю поземельную собственность страны и всѣ права государства, обнимала собою всѣхъ владѣльцевъ большихъ и малыхъ ленъ, господствовала въ странѣ не совокупно, а по разнѣ, имѣла свое особенное ленное право, считала войну своимъ исключительнымъ занятіемъ, вела рыцарскій образъ жизни и, взятая въ массѣ, составляла отдѣльное сословіе, рѣзкою чертою разграниченное отъ престонароднаго сословія.

Изъ этой феодальной аристократіи образовалось позднѣйшее французское дворянство. Отвлеченное понятіе дворянства (*noblesse*), или лучше *блгородства* (русское слово *дворянство* не выражаетъ вовсе французскаго *noblesse*, нѣмецкаго *Adel*), принадлежитъ позднѣйшей эпохѣ. Оно развивается тогда, когда между составными элементами аристократіи на первомъ планѣ является происхожденіе, когда аристократія дѣлается кровною, условливается по преимуществу происхожденіемъ лица, и становится вслѣдствіе этого почти замкнутымъ сословіемъ. Аристократія и дворянство не есть одно и то же: дворянство есть сословіе по преимуществу, аристократія можетъ не быть сословіемъ; сущность дворянства лежитъ въ крови; въ аристократіи, въ обширномъ смыслѣ, кровь имѣетъ второстепенное значеніе. Въ концѣ X столѣтія понятіе дворянства, понятіе благородства крови (*noblesse de sang*) еще не установилось. На первомъ планѣ стояла поземельная собственность и воинственное занятіе. Тогда еще легко было попасть въ ряды феодальной аристократіи; каждый, кто владѣлъ ленною землею и велъ рыцарскій образъ жизни, находилъ въ нихъ мѣсто; тогда еще немного спрашивалось о происхожденіи, а налегалося главнымъ образомъ на землю и оружіе. У каждаго феодальнаго владѣльца, какъ мы знаемъ, находились министеріалы, большею частію несвободнаго происхожденія, собственные люди и урочники, которые составляли придворную его прислугу, его свиту, служили ему дома или сопровождали его на войну. Когда перемѣнился образъ войны, и, на мѣсто пѣхотной, явилась конная служба, тогда феодальные владѣльцы стали давать нѣкоторымъ министеріаламъ своимъ рыцарское вооруженіе и составлять изъ нихъ отряды всадниковъ. Такіе министеріалы служили своему сеніору на войнѣ наравнѣ и рядомъ съ его ленниками, подобно имъ вели рыцарскій образъ жизни, съ внѣшнимъ видомъ пріобрѣтали и рыцарскіе нравы, пользовались почетнымъ положеніемъ на дворѣ сеніора, и мало-по-малу смѣшивались съ настоящими рыцарями. Многіе изъ нихъ получали лены, достигали богатства и значенія, и вслѣдствіе этого незамѣтно переходили въ ряды ленной іерархіи, занимали низшія ступени феодальной аристократіи и давали начало новымъ воинственнымъ, рыцарскимъ родамъ, которые современемъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, не рѣдко подымались выше, восходили на высшія ступени феодальной лѣстницы. Въ концѣ X столѣтія, феодальная аристо-

кратія, особенно въ низшихъ сферахъ своихъ, находилась еще въ процессѣ своего развитія; она черпала составные свои элементы отсюду; поэтому кровное начало, происхождение, не могло еще имѣть существеннаго значенія. Но когда окончательно устанавливаются всѣ отношенія, когда всѣ общественныя формы, вмѣстѣ съ землевладѣніемъ, приобрѣтаютъ твердость и неподвижность; когда упрочивается наследственность ленной собственности, званія и состоянія; когда время освящаетъ существованіе аристократическихъ, феодальныхъ и рыцарскихъ родовъ: тогда получаетъ силу кровное начало, на первый планъ выступаетъ происхождение, является понятіе о благородствѣ крови; воинственная и поземельная аристократія дѣлается замкнутымъ сословіемъ, дворянствомъ, сословіемъ благородныхъ. Наследственность власти, господства, богатства, воинственнаго призванія, рыцарскаго образа жизни и соединеннаго съ нимъ почета въ одномъ родѣ производитъ благородство. Полагается, что, переходя отъ отца къ сыну вмѣстѣ съ кровью, преимущества эти облагораживаютъ кровь. Возникаетъ понятіе, которое нѣсколько столѣтій потомъ господствуетъ въ Европѣ и даже теперь еще коегдѣ существуетъ въ видѣ общественной язвы,—понятіе о различіи крови, раздѣляющее людей одной націи на высшую и низшую, благородную и неблагородную породу. Раждается убѣжденіе, что въ жилахъ рыцаря, леннаго владѣльца, земскаго господина, феодальнаго династа, течетъ иная, лучшая, болѣе чистая и достойная кровь, чѣмъ въ жилахъ простолюдина. Съ тѣхъ поръ къ сословію феодальной аристократіи принадлежатъ только благородные, то-есть такіе, которыхъ отцы и дѣды были ленными владѣльцами. Рыцарями могутъ быть только благородные, то-есть такіе, которыхъ предки вели рыцарскій образъ жизни. Рыцарь, ленникъ и благородный, то-есть дворянинъ, получаютъ одинаковое значеніе, отождествляются. Всѣ три термина дѣлаются равнозначущими, и служатъ для обозначенія одного и того же состоянія, для обозначенія сословія феодальной аристократіи. Вмѣстѣ съ понятіемъ дворянства рождается понятіе такъ-называемой *лено-способности* (*Lehenfähigkeit*). Только благородный, только дворянинъ способенъ получать лену, имѣть право приобрѣтать ленную собственность. Самая ленная земля дѣлается благородною землею, *terre noble*, и отличается отъ возникшей въ послѣдствіи престонародной поземельной собственности, *terre vilaine*, *terre roturière*. Подобнымъ образомъ и военное занятіе

становится по преимуществу и исключительно благороднымъ занятіемъ, почетнымъ трудомъ, и противопоставляется неблагородному, несвободному, низкому труду ремесла и полевыхъ работъ. До тѣхъ поръ, пока феодальные владѣльцы сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ всю землю страны, и пока не существуетъ никакой другой собственности кромѣ ленной, аристократія сохраняетъ по преимуществу поземельный, территориальный характеръ. Самое благородство, дворянство, срastaется съ землею; оно и лично, и вмѣстѣ съ тѣмъ вещественно. Участвуя, какъ главный моментъ въ образованіи ленной аристократіи, земля остается въ первое время феодализма главнымъ ея основаніемъ. Земля даетъ личность человѣку, доставляетъ ему власть, значеніе и самое благородство. Въ началѣ феодальной эпохи аристократія, можно сказать, есть не что иное, какъ олицетворенная земля. Согласно съ этимъ феодальные аристократическіе роды принимаютъ имена отъ земель своихъ; такимъ образомъ возникаетъ частица *de*, которою дворянство отличается отъ простонародья.

Различіе степеней феодальной іерархіи, большая или меньшая сумма земскаго господства, само собою порождаетъ различіе высшей и низшей аристократіи, высшаго и низшаго дворянства. Высшее дворянство составляютъ герцоги, графы, виконты, бароны, пользующіеся полнымъ земскимъ господствомъ, высшею юрисдикціею; низшее дворянство—меньшіе бароны, простые сениоры (*sires*), мелкіе ленники, владѣльцы обыкновенныхъ рыцарскихъ лень, такъ-называемыхъ *fiefs d'haubert*. Но различіе это, существенное въ политическомъ отношеніи, не имѣетъ во Франціи значенія въ гражданскомъ отношеніи. Въ сферѣ частнаго леннаго права всѣ дворяне, и высшіе и низшіе, равны между собою.

Вмѣстѣ съ понятіемъ благородства крови и дворянства возникаетъ понятіе такъ-называемаго *равнородства* (*Ebenbürtigkeit*), то-есть сообщничества рода, происхожденія, и вслѣдствіе этого равенства правъ, приобретаемыхъ происхожденіемъ. Понятіемъ этимъ завершается обособленіе дворянскаго сословія. Равнородство обнаруживаетъ свое дѣйствіе въ четырехъ отношеніяхъ публичнаго и частнаго права: 1) Въ отношеніи судебного поединка (также и обыкновенной дуэли): благородный можетъ быть принужденъ къ поединку только лицомъ равнымъ ему или высшимъ его по роду и происхожденію, и потому вызывающій долженъ прежде всего доказать свое

равнородство. 2) Въ отношеніи судебнаго свидѣтельства: противъ благороднаго можетъ свидѣтельствовать только благородный; свидѣтельство крѣпостнаго, собственнаго чловѣка, урочника, министеряла не имѣетъ доказательной силы. 3) Въ отношеніи подсудности: благородный можетъ быть судимъ только равнымъ ему по происхожденію и состоянію, то-есть перами или высшими его въ феодальной іерархіи. 4) Въ отношеніи брака: бракъ между благородными и неблагородными считается неравнымъ бракомъ, безчеститъ, унижаетъ родъ, оскверняетъ кровь, и потому дѣти, вышедшіе изъ такого брака, для сохраненія чистоты рода, слѣдуютъ худшей рукѣ, то-есть дѣлаются неблагородными.

Такимъ образомъ феодальная аристократія во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ рѣзко отдѣлилась отъ престонародной массы, возвысилась надъ нею, какъ особенная, лучшая, благородная, господствующая порода, обособилась, какъ привилегированное, кастообразное сословіе, доступъ къ которому былъ чрезвычайно затрудненъ и возможенъ только какъ самое рѣдкое исключеніе. Она стала въ совершенную противоположность съ идеальнымъ понятіемъ аристократіи, то-есть съ понятіемъ несловной, нельготной, непривилегированной, открытой, всякому доступной, естественной аристократіи, которой противорѣчить всякая аристократія, дѣлающаяся дворянствомъ. Замѣтимъ, что эта феодальная французская аристократія, которая считала свою кровь лучше и благороднѣе крови горожанъ и виллановъ, которая смотрѣла на простой народъ, какъ на низшую породу, обреченную на вѣчный трудъ и служеніе, которая чуждалась всякаго соприкосновенія съ нимъ, сама однакожь не могла похвастаться особеннымъ блескомъ и чистотою своего происхожденія. Для этого довольно вспомнить, каково было ея начало, и изъ какихъ элементовъ она сложилась. Французская феодальная аристократія, подобно всѣмъ европейскимъ аристократіямъ, которыя созданы феодализмомъ, представляла собою смѣсь самыхъ разнородныхъ стихій. Она была смѣшана и въ отношеніи національнаго, и въ отношеніи личнаго происхожденія. Совершенно ложно и неосновательно высказываемое многими во Франціи въ XVIII столѣтіи и теперь еще кое-гдѣ повторяемое мнѣніе, что французская аристократія произошла отъ германскихъ завоевателей, а *roture* отъ покореннаго романскаго народонаселенія, что въ жилахъ ея текла германская кровь, въ жилахъ престонародія романская. Феодальная аристократія въ выс-

нихъ своихъ сферахъ образовалась изъ должностной франкской знати, въ которую равнымъ образомъ поступали и Германцы, и Галло-Римляне; но и въ низшихъ сферахъ ея, образовавшихся изъ частныхъ вассальныхъ отношеній, еще въ болѣе значительной мѣрѣ участвовалъ элементъ романскій. Общее начало этой аристократіи было служебное, и даже самыя высшіе ея члены не все могли указать на свободное, благородное происхожденіе; въ числѣ королевскихъ вассаловъ и министеряловъ были и несвободные люди, урочники и даже рабы. Многіе изъ нихъ получали наравнѣ съ свободными людьми придворныя должности и должности графовъ, и въ послѣдствіи давали начало аристократическимъ родамъ. Что касается низшаго французскаго дворянства, то значительная часть его образовалась изъ несвободныхъ министеряловъ посредствомъ рыцарства, которое служило проводникомъ въ ряды ленной аристократіи. Гораздо болѣе первоначальныхъ свободныхъ людей затерялось въ массѣ крѣпостныхъ и урочниковъ, такъ что во многихъ мѣстахъ они отличались гораздо болѣе благороднымъ происхожденіемъ, чѣмъ нѣкоторые господствовавшіе надъ ними благородные.

Въ заключеніе этого очерка французской феодальной аристократіи, прибавимъ слѣдующее замѣчаніе: мы сказали, что высшіе члены ленной іерархіи, разрозненные феодальные династы, герцоги, графы, виконты, жившіе самостоятельными государями въ своихъ земляхъ, не составляли еще въ концѣ X и началѣ XI столѣтія одного цѣльнаго политическаго сословія въ государствѣ; но низшая ленная аристократія, бароны, простые сеніоры и рыцарскіе ленники были уже тогда такимъ политическимъ сословіемъ въ отдѣльныхъ большихъ феодальныхъ территорияхъ. Въ герцогской или графской территоріи все бароны и небольшіе феодальные владѣльцы были равнымъ образомъ ленниками герцога или графа, соединялись въ его ленной куріи, были перами между собою, имѣли въ отношеніи къ своему сюзерену общіе интересы и составляли одно политическое тѣло, цѣльное политическое сословіе территоріи.

Перейдемъ теперь къ Германіи.

XXXII.

Въ земляхъ собственной Германіи, присоединенныхъ мало-по-малу къ Франкской монархіи, сохранились древне-германскіе аристократическіе роды, адалинги; но, подъ вліяніемъ королевской власти и перенесенныхъ изъ Галліи въ Германію вассальныхъ и ленныхъ отношеній, значеніе ихъ много измѣнилось. Теперь и въ собственной Германіи главнымъ источникомъ отличія, главнымъ средствомъ возвышенія сдѣлалась королевская служба. Поэтому древнимъ адалингамъ легко было пріобрѣсть все тѣ отличія и преимущества, которыми пользовались королевскіе *антрусіоны* и вассалы, если только они хотѣли стать въ подобное же отношеніе къ королю и особенно если соглашались принять отъ него бенефиціи. Но именно это служебное, вассальное отношеніе къ королю было чрезвычайно антипатично многимъ адалингамъ, и возбуждало въ нихъ гордое отвращеніе. До самаго распада каролингской монархіи и даже въ послѣдствіи существовали аристократическіе роды, которые, гордясь своимъ древнимъ происхожденіемъ, своею свободою и своею независимостью, чуждались всякаго вассальнаго отношенія къ королю, не соглашались принять отъ него графское званіе, и даже тогда, когда въ Германіи также восторжествовала ленная система, сохранили свою аллодіальную непосредственность.

Между тѣмъ политика Франкскихъ королей въ отношеніи къ Германіи, начиная съ Меровинговъ состояла въ томъ, чтобы снискать расположеніе, привлечь и привязать къ себѣ адалинговъ, которые по своему авторитету имѣли большое вліяніе на остальную массу народонаселенія. Для этой цѣли Франкскіе короли употребили слѣдующее средство. При покореніи германскихъ племенъ, адалинги обыкновенно формально признавали власть Франкскаго короля и, какъ представители племени, прежде остальной массы народонаселенія и лично отъ себя приносили ему присягу въ вѣрности. Пользуясь этимъ, Франкскіе короли прибѣгли къ ловкой политической фикціи, именно придали этой общей присягѣ адалинговъ значеніе и смыслъ болѣе тѣсной вассальной присяги, сочли всѣхъ адалинговъ своими *вѣрными*, своими вассалами, всѣхъ ихъ въ массѣ при-

числили къ своимъ *антрусіонамъ*, и сами отъ себя надѣляли ихъ всѣми преимуществами, которыми пользовались королевскіе *антрусіоны*, не взирая на то, вступали ли они дѣйствительно въ вассальное отношеніе къ королю, или не вступали, принимали ли отъ него бенефиціи и должности, или не принимали. Такимъ образомъ всѣ адалинги получили подобно королевскимъ *антрусіоновъ* возвышеніе виры. Когда Саксы покорились Карлу Великому, саксонскіе адалинги надѣлены были правомъ высшей виры противъ простыхъ свободныхъ людей. То же было и у другихъ германскихъ племенъ, покоренныхъ Франками. Вмѣстѣ съ вирой адалинги приобрѣли и другія преимущества королевскихъ вассаловъ. Королевская власть сама сдѣлала германскіе аристократическіе роды, ничѣмъ прежде не отличавшіеся въ отношеніи права отъ простыхъ свободныхъ людей, отдѣльнымъ привилегированнымъ сословіемъ. Мы видѣли, что прежде главное фактическое преимущество адалинговъ состояло въ томъ, что изъ нихъ обыкновенно избирались волостнымъ собраніемъ волостные старшины, гауграфы: теперь прежнія германскія волости сохранились въ видѣ франкскихъ графствъ, но свободные выборы графовъ замѣнены были королевскимъ назначеніемъ. Считая адалинговъ своими вассалами, короли изъ нихъ по преимуществу назначали графовъ (1). Они давали графскую должность въ видѣ бенефиціи тѣмъ изъ адалинговъ, которые соглашались принимать бенефиціи, то-есть вступали къ нимъ дѣйствительно въ близкое вассальное отношеніе; и обыкновенно адалинги получали отъ короля графскую власть въ тѣхъ волостяхъ, въ которыхъ они были большими собственниками, въ которыхъ лежали ихъ родовыя владѣнія. Въ рѣдкихъ только случаяхъ короли назначали графовъ изъ своихъ министеріаловъ. Что касается тѣхъ адалинговъ, которые по гордости чуждались близкаго вассальнаго отношенія къ королю и не соглашались принимать бенефицій, то короли, желая привлечь ихъ къ себѣ, надѣлили ихъ иммунитетомъ, то-есть освободили ихъ земли отъ власти графа и предоставили имъ самимъ юрисдикцію и земское господство. Точно также и тѣ адалинги, которые были графами, имѣли въ земляхъ, принадлежавшихъ имъ, какъ родовая собственность, не королевскій, а свой собственный судъ.

(1) Тамъ, гдѣ существовали племенные герцоги, графовъ назначали они.

Такимъ образомъ и послѣ франкскаго завоеванія древніе аристократическіе роды Германіи въ сущности удержались въ прежнемъ своемъ положеніи, и сохранили значеніе родовъ, которые господствовали въ волостяхъ, или по крайней мѣрѣ судъ и расправу въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ; но, отличаясь отъ простыхъ свободныхъ людей нѣкоторыми преимуществами, они составляли уже теперь особое, высшее сословіе. Все это были большіе поземельные собственники съ вотчинною властью, *Grundherren* или *Landesherren* въ грамматическомъ смыслѣ. Въ каролингскую эпоху они называются *seniores*, *seniores terrae*, *domini terrae*; въ послѣдствіи возникаетъ названіе *династовъ* (*Dynasten*), *liberi domini*, *liberi barones* (позднѣйшіе *freie Herren*, *Freiherren*). Этимъ графамъ и сеніорамъ, династамъ, принадлежало исключительно право голоса и дѣятельнаго участія въ королевскихъ общихъ государственныхъ сеймахъ, изъ чего образовалась позднѣйшая *Reichsstandtschaft*. Во главѣ этой родовой, поземельной аристократіи стояли племенные герцоги, тамъ гдѣ они были. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли почти королевскую власть и пользовались, какъ напримѣръ герцогъ баварскій, еще высшею властью противъ другихъ адалинговъ.

XXXIII.

Во второй половинѣ IX столѣтія начинаютъ проникать въ Германію вассальныя и ленныя формы личныхъ и поземельныхъ отношеній; но феодализмъ развивается здѣсь гораздо медленнѣе, чѣмъ во Франціи, потому что въ Германіи не существовало всѣхъ тѣхъ мѣстныхъ историческихъ условій, которыя такъ скоро повели во Франціи къ повсемѣстному безусловному господству ленной системы. Условія эти возникаютъ въ Германіи мало-по-малу въ послѣдствіи; но все-таки здѣсь феодализмъ утверждается нѣсколько иначе, другимъ образомъ чѣмъ во Франціи. Во Франціи феодализмъ, начавшись сверху, то-есть отъ королевскихъ бенефицій и королевскихъ *антрусціоновъ*, развивался потомъ главнымъ образомъ снизу, и помимо королевской власти, которая напрасно уже старалась остановить его, и наконецъ сама исчезла, поглощенная ленною системою. Въ Германіи, какъ это увидимъ послѣ, феодализмъ развивается

по преимуществу сверху и при содѣйствіи самой королевской власти, которая думаетъ употребить его какъ средство для своихъ цѣлей. Онъ имѣетъ здѣсь чисто-должностное, іерархическое начало; поземельный моментъ присоединяется въ послѣдствіи. Въ Германіи сначала характеръ лены принимаетъ по преимуществу должность; король или императоръ нѣмецкій раздаетъ государственныя должности герцога, графа, маркграфа, пфальцграфа въ видѣ ленъ; потомъ уже съ должностью соединяется и земля. Во Франціи феодализмъ начинается совершеннымъ упадкомъ королевской власти, частными узурпаціями, земскимъ господствомъ всѣхъ поземельныхъ владѣльцевъ, анархію, запутанностью всѣхъ отношеній; большія и малыя феодальныя сеніоріи стоятъ здѣсь сначала болѣе другъ подлѣ друга, чѣмъ одна надъ другою; только мало-по-малу возникаетъ ленная іерархія. Въ Германіи феодализмъ исходитъ отъ сильной королевской власти и начинается уже ленною іерархією; утвердившись въ высшихъ сферахъ, онъ потомъ проникаетъ въ низшія и распространяется на всѣ земли и на всѣхъ людей. Онъ развивается здѣсь болѣе искусственно, такъ сказать теоретически, и потому болѣе правильно и стройно, чѣмъ во Франціи; но не раньше, какъ черезъ три столѣтія (X, XI, XII), достигаетъ безусловнаго господства. Принесенныя извнѣ, хотя и приспособленныя къ природѣ германскаго духа, ленныя отношенія не могли скоро разрушить искони укоренившіяся въ почвѣ Германіи общинныя основы устройства. Въ X столѣтіи общинное, волостное устройство, основанное на существованіи многочисленнаго класса свободныхъ, независимыхъ поземельныхъ собственниковъ средней руки, было еще очень сильно въ Германіи. Графства сохраняли еще характеръ должностей; королевская власть не допускала наслѣдственности не только графствъ, но и самыхъ племенныхъ герцогствъ, и успѣшно останавливала развитіе земскаго господства знатныхъ господъ. Земскими господами герцоги и графы были только въ своихъ собственныхъ родовыхъ владѣніяхъ, наравнѣ съ прочими большими поземельными собственниками, династами (прежними адалингами), которые пользовались иммунитетомъ, то-есть фохтействомъ (Vogtei) въ своихъ земляхъ. Все сдерживалось еще общими политическими учрежденіями, властью короля (императора) и общимъ государственнымъ сеймомъ (Reichstag). Начатки другаго порядка вещей проявлялись только въ томъ, что должности герцоговъ, графовъ, маркграфовъ получили характеръ

коронныхъ ленъ; что король и подобному ему герцоги и графы имѣли въ своемъ окруженіи воинственныхъ вассаловъ, которымъ давали лены изъ своихъ родовыхъ владѣній; что вассальное рыцарство начинало уже соперничать съ народнымъ пѣхотнымъ ополченіемъ, и рыцари стали уже отличаться отъ простыхъ свободныхъ людей; наконецъ, что фохтейства знатныхъ господъ все болѣе и болѣе распространялись, и мелкіе свободные люди выходили изъ непосредственнаго своего отношенія къ королевской власти, поступали подъ частную юрисдикцію, обращались въ фохтейскихъ людей (*Vogteileute*). Согласно съ этимъ и сословія Германіи въ X столѣтіи стояли еще въ связи съ общиннымъ, волостнымъ устройствомъ: основаніемъ сословныхъ различій еще попрежнему было понятіе свободы, а не ленная связь и не рыцарскій образъ жизни; но съ другой стороны замѣтно уже обозначались черты дальнѣйшей фазы развитія. Сословія Германіи въ X столѣтіи находились въ переходномъ положеніи, на точкѣ перехода въ феодальныя сословія. Попрежнему все народонаселеніе раздѣлялось по преимуществу на свободныхъ и несвободныхъ, но въ массѣ свободныхъ людей образовались три отдѣльныя группы. Различіе между этими тремя группами основывалось на градаціи политическихъ правъ. Степень политическихъ правъ условливалась объемомъ и свойствомъ поземельной собственности. Были три рода поземельной собственности: 1) такъ-называемыя *Herrschaften*, то-есть земли съ иммунитетомъ, съ самосудомъ; 2) поземельные участки, которые давали право на участіе въ народномъ собраніи графства и названіе скабина, и 3) участки, по незначительности своей не давашіе этихъ политическихъ правъ, или обремененные повинностями. Согласно съ этимъ существовали три разряда свободныхъ людей.

Первый разрядъ составляли такъ-называемыя *Höchstfreie* (наисвободнѣйшіе) или *Semperfreie*, собственно *Sendbarfreie* или *Sendfreie*, то-есть посылаемые на сеймъ (*Send*), участвующіе въ сеймѣ, имѣющіе въ немъ свой голосъ (*Reichsstandschaft*), или наконецъ вообще *Edle* благородные. Сюда относились, впервыхъ, *Fürsten*, еще въ первоначальномъ значеніи этого слова, вовторыхъ, *freie Herren*, *Freiherren*, *liberi domini*, *liberi barones*, династы (*Dynasten*). *Fürsten*—это были тѣ династы, прежніе *адалини*, которые съ своими собственными родовыми владѣніями соединяли должность герцоговъ, графовъ въ своемъ округѣ, получали эту должность прямо отъ короля въ видѣ ко-

ронной лены (*Fahnlehen*), и занимали первое мѣсто на государственномъ сеймѣ. *Freie Herren* были тѣ династы, которыя не имѣли ленныхъ государственныхъ должностей, а только владѣли обширными родовыми землями (*Herrschaften*), изъятыми изъ-подъ юрисдикціи герцогствъ и графствъ, пользовались въ своихъ владѣніяхъ собственною юрисдикціею, земскимъ господствомъ, фохтейскою властью надъ мелкими свободными людьми, поступившими подъ ихъ покровительство, и также участвовали, какъ самостоятельные чины государства, въ общемъ сеймѣ. Эти *фрейгеры*, династы въ собственномъ смыслѣ, составляли зерно и основаніе разряда *наисвободнѣйшихъ*; они считались по преимуществу способными получать коронныя лены, то-есть государственныя должности герцоговъ и графовъ; изъ среды ихъ выходили *фюрсты*. Оба составные элемента въ разрядѣ наисвободнѣйшихъ, фюрсты и фрейгеры, исключительно назывались благородными (*Edle, Adel*), и возвышались надъ массою свободныхъ людей. Это была родовая аристократія, изъ которой вышло позднѣйшее нѣмецкое высшее дворянство, раздѣлявшееся также на два разряда — на *Fürstenstand* и *Herrenstand*. Кто не принадлежалъ по рожденію своему къ аристократіи наисвободнѣйшихъ, тотъ очень рѣдко попадалъ въ ея ряды. Для этого нужно было или пріобрѣсти свободное владѣніе съ собственною юрисдикціею (*freie Herrschaft*), или получить коронную лену. Какъ рѣдкое исключеніе король давалъ иногда ленную герцогскую или графскую должность своему вассалу или министеріалу и производилъ его такимъ образомъ въ фюрсты. Преимущества наисвободнѣйшихъ были слѣдующія: 1) имъ исключительно принадлежало право засѣданія и голоса въ государственномъ сеймѣ, то-есть *Reichsstandschaft*; 2) когда въ X столѣтіи королевская власть въ Германіи сдѣлалась избирательною, то они только участвовали въ выборѣ короля, и только изъ нихъ онъ могъ быть избираемъ; 3) только наисвободнѣйшіе считались по рожденію своему способными получать коронныя лены (*Fahnlehen*); 4) они могли быть сами ленными господами и имѣть своихъ ленниковъ, рыцарскихъ вассаловъ; 5) фюрсты и фрейгеры могли быть судимы только королемъ и своими перами; они были скабинами въ судѣ королевскомъ; 6) кромѣ того они пользовались еще нѣкоторыми личными преимуществами въ процессуальномъ отношеніи; могли отказаться отъ судебного поединка, если противникъ не былъ равнаго съ ними происхожденія и состоянія и т. д.

Второй разрядъ свободныхъ людей составляли такъ-называемые *Schöffenbarfreie* (способные къ званію скабина) или *Mittelfreie* (средніе свободные люди). Это были независимые поземельные собственники, которые заставляли въ качествѣ скабиновъ въ судѣ графа и производили расправу подѣ его предсѣдательствомъ. Званіе скабина (*Schöffensstuhl*) было наследственно, переходило отъ отца къ старшему сыну, и условливалось поземельною собственностью въ графствѣ. Нужно было владѣть свободою, то-есть необремененною никакими частными повинностями, землю въ три *Гуфы* (*Schöffengut*), чтобы быть скабиномъ. Эти *Schöffenbarfreie* находились еще, подобно наисвободнѣйшимъ, въ непосредственномъ отношеніи къ королю (*Reichsunmittelbarkeit*), но не участвовали въ государственномъ сеймѣ и не считались благородными. Они составляли зерно сословія свободныхъ людей, главныя силы народнаго ополченія, могли быть судимы только въ своемъ графствѣ, передъ судомъ графа и своими ровнями, и были свободны отъ податей и налоговъ. Въ послѣдствіи, съ развитіемъ ленной системы, бблшая часть ихъ поступила въ вассальныя отношенія къ герцогамъ и графамъ; *Schöffengüter* обратились въ *Ritterlehngüter*, то-есть въ рыцарскія лены, и изъ класса среднихъ свободныхъ людей образовалось ленное рыцарство (*Ritterschaft*), изъ котораго вышло позднѣйшее нѣмецкое низшее дворянство (*niederer Adel*). Когда рыцарское занятіе и рыцарское происхождение (*Ritterbürtigkeit*) сдѣлалось въ Германіи, подобно какъ и во Франціи, главнымъ основаніемъ сословнаго различія, тогда тѣ средніе свободные люди, которые не были въ вассальныхъ отношеніяхъ и не вели рыцарскаго образа жизни, сошли на степенъ свободныхъ крестьянъ (*freie Bauer*).

Наконецъ третій низшій разрядъ составляли тѣ свободные люди, которые не имѣли достаточно земли, чтобы быть скабинами, и поэтому не пользовались никакими политическими, а только одними гражданскими правами; далѣе, тѣ, которые имѣли собственность, обремененную частными повинностями, и стояли подѣ покровительствомъ, подѣ фохтейскою властію знатныхъ господъ, и наконецъ тѣ, которые не имѣли никакой собственности, а были только фермерами, обрабатывали предоставленные имъ участки и платили оброкъ. Такого рода свободные люди носили различныя названія: *Pfleghafte* (то-есть состоящіе подѣ покровительствомъ), *freie Landsassen* (свободные поселенцы), *Vogteileute* (foxтейскіе люди) и т. д. Съ утвержденіемъ

ленной системы, всѣ они почти перешли въ состояніе частной зависимости, частнаго подданства, извѣстнаго подъ именемъ *Hörigkeit*, или даже въ состояніе собственныхъ крѣпостныхъ людей, то-есть *Leibeigenschaft*.

Въ слѣдующей заключительной статьѣ мы обратимся къ другимъ сословіямъ Франціи и Германіи и потомъ представимъ англо-саксонское устройство, сравнительно съ этими двумя странами.

Г. ВЪЗИНСКІЙ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ПРЕДАНЬЯ И ПѢСНИ УРАЛЬСКИХЪ КАЗАКОВЪ

I.

ТРИ ИВАНА (1).

«...Въ стары годы, началъ говорить знакомецъ мой Иванъ Никитичъ Чыкрыгинъ, восьмидесятилѣтній старикъ, уральскій казакъ,—въ стары годы, когда наши праотцы заселяли Яикъ, это было у! какъ давно, старики старожилые не запомнятъ, это было, касатикъ, и прежде Харка, и прежде Марины Кайдаловны, и прежде явленія Алексѣя Митрополита, это было, должно полагать, вскорѣ послѣ того, какъ на Яикѣ былъ Добрыня Никитичъ съ Васильемъ Казберычемъ; да, въ стары годы, когда наши праотцы заселяли Яикъ: вотъ въ то-то, видно, время расейскій царь велъ брань-войну съ невѣрными царями. Въ стары времена Расея была земелька небольшая, слабосильная. Коли устояла она, коли и возвеличилась она надъ всѣми царствами и языками, въ томъ много ей помогли козаки-лыцари, всѣ козаки: и донскіе, и терскіе, и запорожскіе, и волжскіе, и сибирскіе, и лицкіе; они по границамъ расейскимъ «крѣпи держали» и басурмановъ усмиряли. Безъ козаковъ не

(1) Спѣшимъ оговориться. *Преданіе о трехъ Иванахъ* было напечатано въ разказѣ: *Поединицики*, помѣщенномъ въ *Утрѣ (Литер. Сборн. Москва, 1859 г.)*, и здѣсь перепечатывается потому, что стоитъ въ нѣкоторой связи съ другимъ преданіемъ, подъ заглавіемъ: *Рыжечка. Аст.*

знай что бы съ Расеей было... Въ старину басурмановъ было видимо-невидимо, словно саранчи проклятой. Со всѣхъ сторонъ они безперечь врываются въ Расею, и вызывали царей нашихъ на брань-войну. Хошь, бывало, радъ не радъ, а воюй; не то дань плати. Такъ было и въ то время. Напали на Расею заразъ три невѣрные царя: салтанъ турскій, царь казанскій и ханъ крымскій. Ну, нашему-то царю и не въ моготу стало. Онъ и такъ и сякъ, а справиться съ троими не можетъ. Что станешь дѣлать? сила солому ломить. Вотъ онъ, батюшка нашъ, и шлетъ на Яикъ къ козакамъ грамотку, пишетъ: «Такъ и такъ, помогите, православные! нехристи одолѣваютъ. Сколько васъ тамъ на Яикъ есть, всѣ не ходите: будетъ и половиночки.»

«Значить и въ тѣ поры царямъ вѣдомо было, что яцкіе козаки молодцы, настоящіе воины, на руку охулки не положить. Ладно.

«Въ тѣ поры козаковъ на Яикъ было всего-на-все человекъ триста; значить, самая малость. Получили они отъ царя грамотку, сошлись въ козачій кругъ, распустили знамя свое шелковое, позлащенное, и стали думать думу крѣпкую. Что дѣлать? Всѣмъ идти—царь не желаетъ; да и Яикъ бросать опасно; пожалуй еще какъ-нибудь Орда нахлынетъ. Половиночкѣ идти—другой половиночкѣ завидно. Какъ тутъ быть? Думали, думали козаки, да и рѣшили: послать на подмогу къ царю только троихъ козаковъ, что ни самыхъ лучшихъ воиновъ, троихъ лыцарей-поединщиковъ. Помолясь и благословясь, поѣхали наши лыцари на поле Куликово, гдѣ было собраньице воинское. Первому лыцарю имя Иванъ Пыжала, второму—Иванъ Шатала, а третьему—Иванъ Кладъ. И четвертый лыцарь съ ними поѣхалъ, но тотъ такъ поѣхалъ: въ случаѣ какой неустойки, было бы кому на Яикъ вѣсть дать. Этого лыцаря звали Иванъ Бирючьихъ-Лапъ. Ладно. Приѣхали наши лыцари въ армию царя расейскаго, то-ись въ саму пору. Стоитъ на полѣ Куликовомъ расейская армейшкa словно сиротинушкa: всѣ воины не веселы, всѣ воеводы и бояры головы повѣсили; и было, касатикъ, отчего. Супротивъ одной рати царя расейскаго стоятъ три рати трехъ царей невѣрныхъ. Боя они не начинаютъ, а вызываютъ поединщиковъ. Въ старину, вишь, былъ таковъ обычай: супротивныя армии рѣдко въ бой вступали, а рѣшали споръ поединщиками. Такъ было и въ ту пору. Отъ трехъ ратей басурманскихъ выѣхали три богатыря-поединщика, престраш-

вѣющіе. Каждый съ ногъ до головы желѣзомъ покрытъ, точь-въ-точь собака лютый индрикъ-звѣрь.»

- Какой звѣрь? прервалъ я.
- Индрикъ-звѣрь, что въ пѣснѣ поется. Развѣ не слыхалъ?
- Нѣтъ; а желалъ бы послушать, сказалъ я.
- Пожалуй, мнучекъ мой уже пропоетъ.
- Нѣтъ, Иванъ Никитичъ, ты самъ пропой, если можно.
- Экой ты, экой ты какой! на старости-то лѣтъ я буду грѣшить.
- Ну, пожалуй, не пой, Иванъ Никитичъ, а разкажи словами.
- Словами? Словами можно, сказалъ старикъ и началъ:

Не галичья стая подымалася,
 Не звѣриное собраньице собиралося;
 Не галичья стая въ перелетъ летить,
 Не звѣриное собраньице, въ перебѣгъ бѣжить;—
 Напередъ бѣжить собака, лютый *индрикъ-звѣрь*.
 У индричка копыточки булатныя,
 Шерсточка на индричкѣ бумажная,
 Напередъ его щетинушки запрокинулись,
 На спиночкѣ два блюдечка серебряныя,
 На блюдечкахъ два яблочка катаются,
 Жемчугъ-бунчукъ рассыпается.
 Подбѣгаетъ собака къ быстрой рѣкѣ,
 Къ той рѣченькѣ, къ быстру Днѣпру.
 Засвисталъ-то онъ, загаркалъ позвѣриному,
 Зашипѣлъ-то онъ, собака, позмѣиному.
 Оттого-то наша Нѣпречка всколыхалася,
 Оттого-то съ дубьевъ вершины посломалися...

— Вотъ онъ какой собака лютый индрикъ-звѣрь! сказалъ старикъ.—Сунься-ка на него, ожгесся, зубъ скусишь. Побить такого звѣря, касатикъ, не мутовку облизать. Сколько тамъ съ расейской стороны ни было князей и бояръ, а выйдти супротивъ басурманскихъ поединщиковъ ни одного охотника не выискалось. А невѣрные-то цари свое дѣло дѣлають, нудятъ нашего, говорятъ: «высылай поединщиковъ, ильбо самъ выходи: не то, покорись и дань плати». Каково нашему-то царю слушать таковы словеса изъ устъ Орды! Царь, говорятъ, самъ хотѣлъ идти на поединокъ, велѣлъ было коня сѣдлатъ и латы себѣ готовить. А тутъ, какъ разъ, и прилетѣли наши орлы орловичи, сирѣчь наши три Ивана, да четвертый на поддачу. Царь успѣлъ-только вымолвить: «голубчики!» А голубчики уже

вылетѣли въ поле и ударили на басурманскихъ поединщиковъ, даромъ что они похожи на индрика-звѣря. Разъ, два, три: басурманы съ коней долой! Разъ, два, три: басурмански головы торчатъ уже на козачьихъ копьяхъ! Значить, шабашъ!

«Басурманскія рати, извѣстно, послѣ того преклонились передъ нашею. Значить, наша взяла! Царь нашъ возвеличился, и по всей вселенной прославился. Значить: никто же на ны!

«На такихъ великихъ на радостяхъ царь сзываетъ всѣхъ, и князей, и бояръ, и козаковъ нашихъ, въ первопрестольный градъ, въ каменну Москву. Значить, пиръ пировать и награды раздавать! Потуманили гурьбой въ Москву всѣ князья и бояры, другъ друга перегоняють, другъ друга перебивають... Отъ поединка хоша они и отказались, но отъ пира-банкета, а пуще отъ награды, не прочь. Значить, печи бить—нѣтъ насъ, пиво пить—мы не хуже васъ.

«И наши лыцари поѣхали, но не торопятся, и ѣдутъ себѣ, какъ въ старинныхъ пѣсняхъ поется, потихохоньку, посмирнехоньку. Думаютъ про себя: «наше отъ насъ не уйдетъ».

«Много ли, мало ли пировали у царя и князья, и бояры, и козаки яйцкіе, наконецъ пришло время награды раздавать.

«Спрашиваетъ царь князей и бояръ:

«— Чѣмъ мнѣ васъ дарить-жаловать: золотою казной иль драгоценными камнями?

«Отвѣчаютъ князья и бояры:

«— Не надо намъ ни золотой казны, ни драгоценныхъ камней, а пожалуй насъ деревнями да крестьянами.

«И пожаловалъ царь князей и бояръ деревнями да крестьянами.

«Спрашиваетъ теперь царь нашихъ козаковъ:

«— А васъ, атаманы-молодцы, чѣмъ дарить-жаловать: золотою ли казной, самоцвѣтными ли камнями, иль, какъ князей и бояръ, деревнями да крестьянами?

«Отвѣчаютъ наши козаки:

«— Не надо намъ, надежа-царь, ни золотой казны, ни самоцвѣтныхъ камней, не надо намъ ни деревень, ни крестьянъ; а пожалуй насъ рѣкой Яикомъ, отъ вершинъ до устьевъ, съ рыбными ловлями, сѣнными покосами и лѣсными порубами.

«И пожаловалъ насъ царь рѣкой Яикомъ, съ вершинъ до устьевъ, съ рыбными ловлями, сѣнными покосами и лѣсными порубами.

«А князья и бояры слышать, да смѣются. «Вотъ дураки-то,

вотъ дураки-то чего просятъ! говорятъ межъ себя. — Развѣ земля наша клиномъ сошлась: гдѣ нѣтъ воды, гдѣ нѣтъ травы, гдѣ нѣтъ лѣса? Воткни палку, и дерево выростетъ. Прямые дураки, безтолочы!» говорятъ про нашихъ-то казаковъ.

«А наши козаки не дураки, не безтолочы. Они знали честь и совѣсть, помнили заповѣдь Божию: «въ потѣ лица хлѣбъ себѣ добывай», твердо знали и пословицу: «на чужой каравай рта не развѣвай». Нѣтъ, старики наши не дураки, они не о своей одной выгодѣ заботились, а заботились о пользѣ всего своего общества.

«Вотъ нынѣшніе-то козаки, прибавилъ Чакрыгинъ, — можно сказать, тоже не дураки, да, аѣ малымъ дѣло стало, себѣ на умѣ. Стараются только сдѣлать какую-нибудь отлику, выслужить что-нибудь себѣ одному, примѣрно крестъ, а щуще чинъ, чтобы, знаешь, чиновникомъ сдѣлаться, да съ нашего брата, нечиновнаго козака, волокшу драть...»

II.

РЫЖЕЧКА.

Кто бывалъ въ городѣ Уральскѣ, во время лѣтней, петровской ярмарки, тотъ, вѣроятно, видѣлъ на флагѣ, развѣвающимся надъ ярмаркой, изображеніе казака-всадника. Это *гербъ* Уральскаго казачьяго войска, данный ему въ 1776 году, свѣтлѣйшимъ княземъ Потемкинымъ (1).

(1) Роясь въ одномъ изъ нашихъ статистическихъ архивовъ, я встрѣтилъ бумагу, прочетное предписаніе войсковой канцелярїи о пропажѣ войсковой печати. Въ прочетномъ, въ видѣ вступленія, говорилось такъ: «... данную де ему (войсковому атаману), прошлаго 1776 года, отъ его свѣтлости, высокоповелительнаго господина, генераль-аншефа, государственной военной коллегїи вице-президента, ея императорскаго величества генераль-адъютанта, и многихъ орденовъ кавалера, князя Григорїя Александровича Потемкина, на имя Уральскаго войска, войсковую печать, съ назначеніемъ на оной: въ срединѣ *пздохъ на конь*, внизу *гора Уралъ*, а сверху *два рыбы*, что и сочиняетъ *гербъ* сего войска...» Далѣе идетъ рѣчь о томъ, что печать эту у атамана украли. Кстати о гербѣ или печати. До потемкинскаго подарка, у яицкихъ казаковъ была печать слѣдующая: форма печати круглая, немного болѣе нынѣшней 3-хъ-копѣчной и менѣе 5-ти-копѣчной мѣдной монеты; въ срединѣ щитъ; въ щитѣ бородатый во весь ростъ казакъ-рыцарь, въ

Покажите на флагъ и спросите любаго казака, хотя старика, хотя мальчика, кого угодно, все равно: «Что это?» или: «кто это?» И казакъ или казаченокъ вамъ отвѣтитъ: «Рыжечка!» Вы спросите: «Кто такой Рыжечка?» И вамъ скажутъ: «Ярой, старыхъ временъ рыцарь, что Яикъ завоевалъ».

Вы подумаете, что Рыжечка буквально завоевалъ Яикъ, отбивъ его отъ кочевниковъ; но вы ошибетесь въ вашемъ мнѣніи. Если вы полюбѣпытствуете спросить: «Какъ Рыжечка завоевалъ Яикъ?» Вамъ отвѣтятъ: «Заслужилъ у батюшки царя».

Тутъ, конечно, вы придете въ недоумѣніе: предъ вами явятся два положенія, совершенно противоположныя, *завоевалъ* и *заслужилъ*. Если вы человекъ любознательный, вы, разумеется, пожелаете узнать сказаніе о Рыжечкѣ, старыхъ временъ «ярой», и тогда сомнѣнія ваши разъяснятся. Но кому, думаю, изъ прїѣзжающихъ на ярмарки придетъ охота слушать старинныя исторіи и заниматься баснословными героями и ихъ подвигами?

Позвольте, лучше самъ я разкажу, или, точнѣе сказать, попрошу васъ прислушаться къ разговору моему съ Иваномъ Никитичемъ Чакрыгинымъ. Кстати же, преданіе о Рыжечкѣ не больше, не меньше какъ продолженіе уже разказанной выше исторіи о трехъ Иванахъ: Пыжалъ, Шаталъ и Кладъ, *подвизавшихся* на полѣ Куликовомъ. Разница между этими героями только въ томъ, что три Ивана жили и отличались, относительно Уральскихъ козаковъ, во времена сѣдой древности, а герой Рыжечка во времена Петра Перваго. Память о трехъ

шапкѣ, похожей на татарскую, въ кафтанѣ съ петлицами на груди, похожемъ на венгерку, въ шароварахъ, запущенныхъ за сапоги; въ правой рукѣ у рыцаря ружье, а въ лѣвой рогъ; подъ ногами у рыцаря что-то похожее на два хлѣбныхъ снопа, положенныхъ крестъ-на-крестъ. Хорошо разобрать трудно, описаніе это дѣлано по сургучному слѣпку, уцѣлѣвшему не во всей ясности на одной изъ старинныхъ бумагъ; надъ головой у рыцаря, изъ-за щита, торчитъ пукъ копій, изъ 5-ти штукъ, а по сторонамъ этого пука развиваются двѣ хоругви. По сторонамъ рыцаря, внѣ щита, изображены цифры, справа 17, а слѣва 64, что, безъ всякаго сомнѣнія, указываетъ на 1764 годъ (значить, печать эта была или дана войску отъ правительства, или сдѣлана самими козаками въ этомъ году; бумага же, на которой сохранился слѣпокъ печати, относится къ 1770 году). Вокругъ щита, по самому краю печати изображено: *печать Лицкаго войска*. Дѣлая эту замѣтку о печатяхъ, я думаю, что она пригодится кому-нибудь изъ будущихъ историковъ Уральскихъ козаковъ. *Авт.*

Иванахъ тонеть во мракѣ преданій, почти забывается, а память о Рыжечкѣ, какъ о позднѣйшемъ проявителѣ козацкаго героизма, еще свѣжа. Трехъ Ивановъ помнятъ только старики старожилые, «имъ же по девяности лѣтъ», а Рыжечку знаетъ каждый козаченокъ. Короче, Рыжечка популярнѣе своихъ предковъ.

— Умныя рѣчи, Иванъ Никитичъ, и слушать любо, сказалъ я, когда старикъ кончилъ преданіе о трехъ Иванахъ.

— Экой ты, экой ты какой! говорилъ Иванъ Никитичъ Чакрыгинъ, и на лицѣ его сіяло неподдѣльное чувство самодовольствія.

— Но ты назвалъ Ивану Пыжалу, Ивана Шаталу, Ивана Клада, еще Ивана Бирючьихъ-Лапъ. А гдѣ жь Рыжечка? спросилъ я.

— Экой ты, экой ты какой! сказалъ Иванъ Никитичъ.—Тѣ жили прежде Рыжечки, тѣ жили, може-статься, Богъ знаетъ когда (старикъ махнулъ рукою), а Рыжечка почитай что на памяти нашихъ отцовъ. Рыжечка, сударь мой, былъ въ полку у Прохора Митрича.

— Кто такой Прохоръ Дмитричъ?

— Ну, и славно! сказалъ съ удивленіемъ старикъ. — Ты и Прохора Митрича не знаешь. Хорошъ же гусь!... А Прохора Митрича Дурманова все наше войско знало. Съ нимъ я царь Петръ Первый компанію водилъ.

— Будто?

— Не будто, а на самомъ дѣлѣ такъ. Да ты, вижу, ничего не знаешь. Такъ и быть, разкажу тебѣ съ конца. Слушай, ваше благородіе!

Я радъ былъ слушать, хотя на словѣ «ваше благородіе» старикъ и сдѣлалъ удареніе, ясно говорившее: «хоша вы и чиновники, но ни черта не знаете насчетъ житья-бытья козацкаго». Старикъ началъ:

«Петръ Первый, нѣсколько лѣтъ сряду, велъ брань-войну со Шведомъ. Этому, вишь, за досаду и за великую грубу стало, когда Петръ Первый задумалъ отнять у него нѣсколько губерній чухонскихъ. Вотъ изъ-за этого-то самаго дѣла они и дрались нѣсколько лѣтъ сряду не на животь, а на смерть. Испоконъ вѣка, ни одна война не проходила и теперича не проходитъ безъ того, чтобы нашихъ козаковъ не требовали въ армию: безъ козаковъ, словно безъ соли, нельзя обойтись. Такъ было и въ ту пору. Много нашихъ полковъ перебывало въ

расейской арміи: и пятисотенные, и семисотенные, и тысячные, всѣмъ было мѣсто и дѣло. Нигдѣ никогда отъ нашихъ козаковъ прослуги не было, окромя лишь отлики. Прикажутъ ли, бывало, имъ непріятеля скрасть, какъ съ полки сдунуть; пошлютъ ли, бывало, соколицовъ куда, хошабы и за море, примѣрно языка добыть, и языка добудутъ. Такіе ужь были ловчаги, что днемъ съ огнемъ поискать, и то врядъ ли найдешь. А все Богъ имъ помогалъ за ихъ простоту. Вѣдалъ о томъ и самъ царь.

«Разъ, зимнею порой, шведскій городъ *Карантинъ* брали. Вотъ тутъ-то наши козаки оченно себя показали. Въ однихъ легонькихъ, сударь мой, лѣтнихъ кафтанчикахъ да курточкахъ, безъ шапокъ, съ открытыми, иль-бо съ перевязанными платкомъ головами, они, аки львы могучіе, аки звѣри дубравные, рыскали впереди арміи и душили Шведовъ, словно мухъ, а работали, замѣть, косатикъ, одними только пиками, точь-въ-точь какъ въ старинныхъ пѣсняхъ поется, примѣрно о Ермакѣ Тимоеевичѣ, что говорилъ царю Ивану Васильевичу Грозному:

• Возьмемъ-де тебѣ Сибирь городъ безъ свинца, безъ пороха.
Возьмемъ-де бѣлой грудью, съ камчатной съ одною плеточкой... »

«Вишь, какіе были ярои, старинные козаки-лицари, не вынѣшнимъ чета, ученымъ, что папахи умѣютъ съ полу подымать, а отъ киргизскаго копыя, къ примѣру сказать, «мамынька!» кричить...

«Въ тотъ день морозъ былъ лютый, бороды у нашихъ козаковъ заиндѣвѣли, а отъ самихъ отъ нихъ паръ валомъ валить, словно съ каменки, а на пикахъ у нихъ намерзли длинныя-предлинныя кровяныя сосульки: много больно, вишь, Шведовъ-то покололи. Да, истинно такъ было.

«Петръ Первый стоитъ на горѣ, и смотритъ на нихъ въ подзорную трубу.

«— Какіе это козаки? спрашиваетъ царь своихъ приближенныхъ.

«— Яицкіе! говоритъ ему графъ Шереметевъ.

«— Я такъ и думалъ, говоритъ царь.— Позвать, говоритъ, ко мнѣ ихаго походнаго атамана, когда кончится дѣло.

«Ладно. Карантинъ взяли, Шведовъ которыхъ побиили, которыхъ въ полонъ позабрали, а король ихъ бѣжалъ за море, во-свояси. Такъ, значить, и быть должно.

«Собирались у царя, послѣ баталіи, всѣ енаралы и сенаторы. Пришелъ и Прохоръ Митричъ нашъ. Царь спрашиваетъ его:

«— Какъ тебя, козацкій атаманушка, зовутъ по имени и величаютъ по отечеству?»

«Вотъ такъ-то, говоритъ Прохоръ Митричъ.

«— Спасибо, Прохоръ Митричъ, за вашу службу: я ея не забуду, говоритъ Петръ Первый.—Возьми, говоритъ, на первый случай, по золотой на козака: это, говоритъ, отъ меня имъ на водку, а себѣ, на память, вотъ эту вещцу.

«Тутъ царь изъ собственныхъ своихъ ручекъ подалъ Прохору Митричу литую золотую чару съ царскимъ ербечкомъ и имечкомъ.

«— Больше этого, говоритъ Петръ Первый, теперича дать не могу; не безсудьте: казна, вишь, на исходѣ. А вотъ какъ пошабашу совсѣмъ Шведа, возьму съ него контрибуцу, принужу его платить мнѣ дань во вѣки-вѣчные: тогда, говоритъ, расплачусь съ вами, никого не забуду.

«— Много довольны твоею милостію, надежда-царь, отвѣчаетъ Прохоръ Митричъ.—Мы не изъ интереса служимъ, мы, какъ есть рабы твои вѣрные, готовы за тебя кровь проливать до послѣдней капельки...

«— Ладно, ладно! говоритъ царь:—послѣ сочтемся, а теперича, Прохоръ Митричъ, отпрапезуй-ка съ нами, чѣмъ Богъ послалъ.

«Ладно. Съди, какъ въ сказкахъ говорится, за столы дубовые и скатерти браныя, за яствы сахарныя и питья медвяныя; стали пить-ѣсть и прохладяться, и рѣчами хорошими, разумными забавляться. Подъ конецъ честнаго столованья, Петръ Первый и говоритъ Прохору Митричу:

«— Шведа хоша мы и не совсѣмъ добили, однако, врядъ ли онъ, послѣ нынѣшней бани, скоро оправится. Можно, значить, и намъ отдохнуть немного. Ступай, Прохоръ Митричъ, повѣдай своихъ-то молодцовъ на Яикъ,—пускай отдохнуть на родной сторонкѣ, поживуть въ домахъ, въ семействѣ, поисправятъ свое хозяйство и все такое; чай, съ войной-то и они, бѣдняжки, поиздержались, поистратились, а я, говоритъ, не хочу, чтобы козаки мои голодали, и безъ нужды нужду терпѣли...

«Вотъ какой онъ былъ, Петръ-то Первый! прибавилъ старикъ. Все зналъ, до всего самъ доходилъ, обо всемъ самъ заботился, не гнушался допускать до своихъ пресвѣтлыхъ очей...»

— Знаю, знаю, прервалъ я. — Но гдѣ Рыжечка?

— Рыжечка? Ужь ты, этакое дѣло, не соскучился ли слушать? сказалъ старикъ. — Я тебѣ, вѣдь, давнѣе сказалъ, что начну съ конца, ну, и дождайся. Объ Рыжечкѣ рѣчь впереди. Слушай, косатикъ.

«Шведъ пріутихъ, войска расейскія разошлись по своимъ фатерамъ, а Прохоръ Митричъ вернулся съ козаками на Яикъ.

«Годъ спустя, Прохоръ Митричъ пріѣхалъ въ Питеръ въ зимовой станицѣ съ *кусомъ* (1), и явился къ царю. Само-собой, царь обрадовался Прохору Митричу, словно родному, и повелъ его изъ парадныхъ покоевъ въ другіе. Посадилъ его тамъ за столъ, сталъ разспрашивать: что и какъ на Яикѣ, здоровы ли козаки-молодцы, есть ли у нихъ хлѣбъ, одежда, гораздо ли рыба ловится? и все этакое. Потомъ сталъ угощать. Налилъ большую чару зелена вина и поднесъ Прохору Митричу. А Прохоръ Митричъ не принимаетъ чары, говорить:

«— Не подобаешь мнѣ, надежа-царь, рабу твоему, пить прежде тебя, моего осударя и повелителя; вѣдь я чувствую, кто я, и кто ты.

«Ладно. Царь самъ напередъ выпилъ. Налилъ другую чару и поднесъ Прохору Митричу. Прохоръ Митричъ выпилъ, но не всю: на донышкѣ не много осталось.

«Царь спрашиваетъ:

«— Что же не всю?

«Прохоръ Митричъ отвѣчаетъ:

«— Не осилилъ.

«Царь говоритъ:

«— Да какъ же я-то осилилъ?

«Прохоръ Митричъ говоритъ:

«— Да вѣдь ты, надежа-царь, слынешь у насъ за богатыря, а я только за полбогатыря.

«— Ой ли? говоритъ царь.

(1) *Кусъ*, *первый кусъ*, *царскій кусъ*, по старинному, по русскому, или по крайней мѣрѣ, по казацкому, — *презентъ*, по новому, по заморскому: обычай, издавна, безъ сомнѣнія со временъ подданства яцкихъ казаковъ Московскому государству, существующій на Яикѣ, доставлять отъ казацкой общины къ Высочайшему двору предметы произведенія своей страны, именно: рыбу и икру. Нынче доставляютъ съ Яика въ Питеръ только икру и рыбу, а въ старину доставляли и дикихъ кабановъ, разумѣется убитыхъ. Подробности сего будутъ изложены въ особой главѣ, подъ рубрикой: *Кусъ*. *Авт.*

«— Истинно такъ! говорить Прохоръ Митричъ.

«— Хорошо, говорить царь. — Пойдемъ теперича прогуляемся; узнаемъ, кто изъ насъ богатырь, и кто полбогатыря.

«Пошли они съ задняго крыльца на Неву рѣку. Подошли къ лѣстницѣ: надо спускаться внизъ. Царь сдѣлалъ ручкой знакъ, чтобы Прохоръ Митричъ шелъ впередъ, и Прохоръ Митричъ закобенился, сталъ по край лѣстницы, да говорить:

«— Не подобаеъ мнѣ, надежа-царь, рабу твоему, идти впереди тебя, моего осударя и повелителя, вѣдь я чувствую, кто я, и кто ты.

«Царь улыбается и говорить:

«— Не подобало тебѣ, Прохоръ Митричъ, прежде меня пить чару зелена вина—это такъ; а идти впереди меня подобаеъ, даже артикуль военный повелѣваеъ: ты долженъ очищать дорогу, не притаился ли гдѣ ворогъ какой.

«Прохоръ Митричъ сталъ первый спускаться по лѣстницѣ, а Петръ Первый пошелъ за нимъ, да каждый разъ — ей-ей! какой, вѣдь, и царь-то былъ разумникъ, забавникъ,—каженный разъ, какъ спустить ножку-то со ступеньки, ручкой-то, шутки ради извѣстно, ручкой-то и упрется въ плечо Прохору Митричу, и тиснетъ, да такъ тиснетъ, что у Прохора Митрича косточки захрустятъ. Покуда они сошли на низъ, у Прохора Митрича плечо-то отнялось, на-ка-те! а самого-то его на бокъ перекосило, на-ка-те! Думали, что Прохоръ Митричъ послѣ того не *окалшится*, сляжетъ и совсѣмъ изведется. Анъ нѣтъ, не тутъ-то было. На другой день онъ всталъ здоровехонекъ, только немного набокъ перегибался, ну, да это ни почемъ. Старики сказывали, что Прохоръ Митричъ на всю жизнь остался нѣсколько на одинъ бокъ кривъ. Однако былъ здоровъ. Когда поутру, на другой день, онъ пришелъ къ царю, тотъ идно удивился.

«— Ай-ай! молодецъ же ты, Прохоръ Митричъ! говорить царь.—Я думалъ, ты сляжешь и не встанешь, а ты молодецъ-молодцомъ. Вчера ты объявилъ себя полбогатыремъ, а ты, вижу, полный богатырь. Однако, шутки въ сторону, говорить Петръ Первый. — Вчера, какъ мы съ тобой разстались, вчера, слышишь, прибѣжалъ ко мнѣ кульеръ изъ иной земли, привезъ нерадостную вѣсть: Шведъ опять на меня поднимается. Идетъ онъ, слышу, не прямою дорогой, не со своей границы, а пробирается, шельмецъ, обаноломъ, къ польской границѣ, думаетъ отвести у меня глаза, въ распахъ застать. Дудки! Не на того

напаль, не надуешь. Я пойду напереемъ ему, и гдѣ устигну, тутъ и пошабашу! Нечего, говорить, съ нимъ церемониться, много давалъ ему поблажки, не чувствуетъ, шельмецъ... По-ѣзжай, Прохоръ Митричъ, на Яикъ, говоритъ Петръ Первый. — Снаряди полкъ иль-бо два яицкихъ козаковъ, и какъ можно скорѣе являйся съ ними ко мнѣ подъ городъ *Платаву* (1): знаю; Шведъ до Платавы грабится.

« Вотъ онъ какой былъ, Петръ-то Первый! прибавилъ старикъ. Все зналъ, все вѣдалъ, со всеми баилъ... »

— Все это мы давно знаемъ, Иванъ Никитичъ, сказалъ я. — Да гдѣ же Рыжечка?

— Недалеко, недалеко, косатикъ. Потерпи! Вотъ только разкажу тебѣ насчетъ брадобритія.

— Объ этомъ послѣ: ты Рыжечку подай! сказалъ я.

— Нельзя, ваше благородіе; напередъ надо знать, съ чего взялось брадобритіе, а послѣ и о Рыжечкѣ рѣчь поведемъ. Потерпи! заключилъ старикъ.

Нечего дѣлать, буду терпѣть. Кстати и васъ, читатель, прошу запасться маленькимъ терпѣніемъ: «стерпится, слюбится», говоритъ пословица. Можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ Иванъ Никитичъ Чакрыгинъ скажетъ намъ что-нибудь если не новое, не очень интересное, то по крайней мѣрѣ оригинальное.

« Побывалъ царь Петръ Первый въ иныхъ земляхъ, началъ говорить старикъ, полюбились ему тамошнія всѣ манеры, извычай и всякія заведенія. Вотъ онъ вернулся домой да и задумалъ переконовалить Расею на нѣмецкій шкиль (стиль). Ладно. Слушай, чтѣ будетъ дальше. Первымъ долгомъ началъ съ *отечества*, сирѣчь съ бородушки. Однако самъ собой не рѣшился на такой соблазнъ, чтобы не принять осужденія отъ народа; а вызвалъ, для близира, на совѣтъ къ себѣ соловецкихъ иноковъ. Вишь, куда метнуло! Ладно. Явился игумень съ братією. Они напередъ знали, о чемъ ихъ будетъ спрашивать царь, и заранѣе усовѣтовались дать царю отказную. Слушай, чтѣ будетъ. Собрались въ палатахъ царскихъ иноки и стали въ нѣсколько рядовъ: напереди игумень, а за нимъ, чинъ по чину, иноки, — всѣхъ было челоуѣкъ до сорока; соборъ порядочный, хоть куда. Ладно. Въ назначенный часъ вышелъ Петръ Первый, чинъ-чиномъ поздоровался съ братією, и спрашиваетъ:

(1) Полтава.

«— Святые отцы! скажите мнѣ всю правду-истину: подобаетъ ли браду брить?»

«Иноки молчатъ, словно языкъ у нихъ отсохъ. Царь прошелся по комнатѣ, и опять спрашиваетъ:

«— Святые отцы! васъ спрашиваю: подобаетъ ли браду брить?»

«Иноки опять-таки стоятъ, словно истуканы, ничего не говорятъ. Царь опять прошелся по комнатѣ, опять спрашиваетъ, замѣть, въ третій разъ уже:

«— Святые отцы! задумаль я браду обрить и всю Расаю въ то же произвестъ. Скажите, васъ спрашиваю: подобаетъ ли браду брить?»

«Иноки стоятъ себѣ и ни слова не отвѣчаютъ, словно языкъ прильпнулъ къ гортани. Одинъ, одинъ только инокъ, самый младшій, юнѣйшій, вышелъ изъ задняго ряда, и сказалъ:

«— Ваше царское величество! легче главу снять, чѣмъ браду сбрить.

«А игумень и братія все-таки молчатъ, будто оглохли и онемѣли. Такъ, сударь мой, должно быть тому ужъ быть. Окаянный, значить, замстилъ.

«Петръ Первый прошелся по комнатѣ, остановился передъ иноками, посмотрѣлъ, посмотрѣлъ на нихъ, покачалъ головкой, топнулъ ножкой и сказалъ:

«— Да не утвердится на единомъ!

«Сказалъ это и указалъ монахамъ двери, мое почтеніе, значить, а самъ пошелъ къ себѣ въ комнатку, да и скопилъ свою бородушку: только ее и видѣли, голубушку...

«Черезъ сколько-то времени, послѣ такого казуса, игумень съ братією очнулись, пришли было къ царю съ отказною, и книгу съ собой принесли, глаголемую *Цвѣтникъ*, иже сборъ самаго цвѣта изъ всѣхъ богодухновенныхъ книгъ, но Петръ Первый велѣлъ безъ церемоніи прогнать ихъ, чтобъ убирались, покуда цѣлы, въ Поморію, откуда пришли. Такъ-вотъ!

«Такимъ манеромъ лишимши себя *отечества*, сирѣчь бородушки, что Господомъ Богомъ дана на украшеніе человѣку, Петръ Первый сталъ косить бороды и у бояръ, и у князей, и у приказныхъ людей. Иные изъ угожденія царю, иные страха ради, иные изъ мірскихъ выгодъ послѣдовали примѣру царя. Иные стали было за *отечество*, да не выдержали. Такихъ людей царь крѣпко не жаловалъ: тогò чиномъ обойдетъ, того отъ мѣста доходнаго отрѣштитъ, у того помѣстье на казну отниметь,

и все такое. Дулись, дулись бояры, да и перевернулись: пошли, сударь мой, косить другъ другу бороды, только стонъ пошелъ по всей Расеи. Уперлись одни козаки; ни страхъ ихъ не утѣшилъ, ни мзда ихъ не ослѣпила. Чтò хошь дѣлай: хошь ножомъ рѣжь, хоть на огнѣ жги, уперлись и съ *отечествомъ* не расстаются! Петръ Первый повернулъ было крутенько, анъ вышло не такъ:

«Помутился, возмутился славный тихій Донъ...»

— Слыхалъ пѣсенку про Игнатьюшку Иваныча Некрасова? спросилъ меня старикъ.

— Слышать слыхалъ, но всю отъ *конца до конца* не знаю, сказалъ я.

— Вотъ она, сказалъ старикъ.—Слушай!

Я не противорѣчилъ, напротивъ, я радъ былъ прослушать пѣсню. Съ позволенія читателя, я приведу эту пѣсню. Хотя она относится къ Донцамъ, но и Уральцы ее любятъ, и во всякой задушевной компаніи поютъ ее съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой.

Старикъ сталъ не пѣть, а читать на распѣвъ: отъ пѣнія онъ единожды навсегда отказался.

Помутился, возмутился нашъ славный тихій Донъ.
 Помутился, возмутился съ вершинъ вплоть до устьяца,
 До самаго до славнаго до города Черкаскаго.
 Возмутилъ его, помутилъ его, братцы, донской козакъ,
 Чтò Игнатьюшка, сынъ Ивановичъ, Некрасовъ.
 Игнатьюшка, сынъ Ивановичъ, со рѣки ушелъ.
 Онъ ушелъ, увелъ силы-рати сорокъ тысячъ,
 Опречь-де, опречь-де стариковъ старожилыхъ,
 Опречь-де малолѣтчиковъ малолѣтнихъ,
 Отъ умовъ-де, отъ умовъ-де козачьихъ прирощенныхъ.
 Со вечера добры молодцы въ походъ собиралися,
 Во глуху полночь перелазили славный тихій Донъ,
 На бѣлой зарѣ перелазили славну Нѣпречку (Днѣпръ),
 На восходѣ солнца краснаго перелазили Дунай быструю.
 Перелѣземши Дунай быструю, становилися.
 Становились, добры молодцы, въ зеленыхъ лугахъ.
 Расположились, добры молодцы, козачьимъ теплымъ лагеремъ.
 Распускали, добры молодцы, знамечку позлащенную.
 Собирался къ златой знамечкѣ козачій кругъ.
 Во кругу стоитъ хорошенькій раздвиженный стулъ.
 На стулу сидитъ нашъ ласковый атаманушка,
 Чтò Игнатьюшка, сынъ Ивановичъ, Некрасовъ.

Передъ нимъ стоять его сотнички, пятидесятички,
 Да любезные его стоять всѣ хорунжіе.
 Они пишутъ отъ Игнатьюшки скорой липортъ,
 И шлютъ его съ скорымъ послонъ, съ каленой стрѣлой,
 Ко нашему ко батюшкѣ, ко бѣлому царю,
 Какъ ко Пѣтрушкѣ, сыну Алексѣевичу:
 • Спаси-те, батюшка: ты насъ поилъ-кормилъ,
 Ты поилъ-кормилъ насъ, батюшка, берегъ-жаловалъ.
 Ты въ одномъ же на насъ, батюшка, прогнѣвался.
 Ты прислалъ же къ намъ на тихій Донъ разыщика,
 Ты разыщика прислалъ къ намъ Долгорукаго.
 Безъ указа осударева онъ разорять насъ сталъ,
 Безъ московскаго курьера • командировать • насъ сталъ.
 Стариковъ нашихъ старожилыхъ велитъ казнить-вѣшать,
 Молодыхъ козаковъ беретъ онъ во солдаты,
 Молоденькихъ малолѣтчиковъ беретъ онъ во некруты,
 Молодыхъ красныхъ дѣвушекъ беретъ во постелю,
 Онъ маленькихъ младенцевъ кидаетъ за заборы.
 Оттого-то мы бросили житье-бытье свое, богачество,
 Мы пошли-то къ турецкому хану въ подданнице •.
 Довѣдался о томъ батюшка православный царь,
 Выходилъ батюшка на красенъ крылець,
 Возговорилъ батюшка, православный царь, таковы слова:
 • Ужь вы, гой еси, мои слуги вѣрные!
 Вы подайте мнѣ коня рѣзваго, сивогриваго,
 Осѣдлайте его вы сидѣлицемъ черкасскимъ.
 Побѣгу я, православный царь, ко Игнатьюшкѣ,
 Ворочу его я, Игнатьюшку, его со путинушки •.
 Подбѣгалъ нашъ батюшка къ Дунай рѣченькѣ.
 Онъ сымалъ, сымалъ съ себя пухову шляпу,
 Онъ махалъ, махалъ Игнатьюшкѣ, сыну Ивановичу:
 • Воровись-ка ты, Игнатьюшка, назадъ домой! •
 Говорить рѣчь Игнатьюшка царю бѣлому:
 • Прощай, прощай, нашъ батюшка, православный царь!
 Спаси-те, батюшка: ты насъ поилъ-кормилъ,
 Поилъ-кормилъ ты насъ православный царь, берегъ-жаловалъ •.
 Пошелъ гуть нашъ Игнатьюшка во путинушку,
 Во путинушку пошелъ, въ чужу дальнюю земелюшку.

— Да! сказалъ Иванъ Никитичъ, когда кончилъ пѣсню.—
 Петръ Первый самъ, своею персоной, поѣхалъ ворочать Некрасова, но Некрасовъ былъ уже за турецкою границей, за Дунаемъ. Петръ первый съ этого берега вскакалъ въ воду, въ Ду-

най, по самыя тебеньки (1) и махалъ Некрасову, чтобъ онъ вернулся; однако Некрасовъ не вернулся. «Снявши голову надъ волосами не плачуть», сказалъ Игнатьюшка, и тихимъ маршемъ пошелъ къ Турку. — Послѣ этого хоша Петръ Первый и оставилъ козаковъ въ покоѣ, насчетъ бородъ не нудилъ, однако козаки все-таки имѣли опаску. Пуще всего боялись наши Яицкіе козаки, какъ бы царь не добрался до ихъ бородушекъ. Чуешь, какая статья?

— Чую, чую, сказалъ я.—Но гдѣ Рыжечка?

— Сію минуту и Рыжечка явится, отвѣчалъ старикъ. Потомъ продолжалъ:

«Лишь только Прохоръ Митричъ пріѣхалъ на Яикъ и объявилъ царское повелѣніе, какъ въ одну недѣлю снарядили два пятисотенныхъ полка и отправили подъ городъ Платаву. Походнымъ атаманомъ, знамо дѣло, пошелъ Прохоръ Митричъ. За башней, на лугу, служили молебень. Прохоръ Митричъ самъ держалъ войсковую харунку (знамя). На дворѣ было тихо-претихо. Но когда заплѣли: *на супротивныя даруй!* въ тотъ мигъ вдругъ повѣялъ съ западной стороны, сирѣчь оттуда, гдѣ городъ Платавы, повѣялъ, говорю, легонькій вѣтерокъ, зашевелилъ харунку, поднялъ-поднялъ на воздухъ, всполоснулъ раза два, да и обвилъ ее вокругъ Прохора Митрича, да и затихъ. Прохоръ Митричъ и сталъ словно спеленанный. Въ то же самое время, сударь мой, и лошадь Прохора Митрича,—а лошадь Прохора Митрича держалъ Рыжечка, онъ былъ на ту пору вѣстовымъ у него,—и лошадь, сударь мой, заржала... и подала хорошій знакъ. Тутъ все войско возрадовалось и заговорило: «къ добру! къ добру! къ добру!»

«Полки тронулись и пошли. Прохоръ Митричъ остался. Сошлись около него старшины и почтенные старики: извѣстно, выпивку на прощаньи сочинить. Когда Прохоръ Митричъ простился во всеѣмъ и сѣлъ на коня, старшины и все общество говорятъ ему:

«— Есть когда Господь Богъ поможетъ тамъ вамъ сдѣлать какую ни-на-есть отличку, то, говорятъ, главнаго-то, Прохоръ Митричъ, не забудь,—напомни, говорятъ, батюшкѣ нашему, Петру Алексѣевичу, чтобы не нудилъ насъ насчетъ креста и бороды.

«— Будьте благонадежны, атаманы-молодцы: эта мысль у

(1) Сдѣльныя принадлежности.

меня и у самого изъ головы не выходитъ, сказалъ Прохоръ Митричъ, и поѣхалъ къ полкѣмъ.

«— Будьте благонадежны, атаманы-молодцы: эта мысль и у меня изъ головы не выходитъ, сказалъ тоненькимъ голоскомъ и Рыжечка, сѣлъ на лошадь, заломилъ на ухо шапку да и по-скакалъ за Прохоромъ Митричемъ.

«Тутъ всѣ идно засмѣялись.

«— Куда тебѣ, пузырь! кричатъ взадъ Рыжечкѣ. Но Рыжечка махнулъ рукою и удралъ.

«Рыжечка былъ маленькій человекъ, точь-въ-точь самъ съ ноготокъ, а борода съ локотокъ. Оттого и прозвали его въ шутку Рыжечкой, сирѣчь грибокъ-рыжечкѣ. Это имя такъ и осталось за нимъ на всю жизнь. А настоящее его прозваніе было *Замареновъ*, Егоръ Максимовичъ.

«Идутъ полки наши къ городу Платавѣ, идутъ лугами, болотами, идутъ они топятся, къ городу Платавѣ торопятся, точь-въ-точь какъ въ пѣснѣ поется про походъ къ городу Азову. Да, идутъ полки наши къ Платавѣ, а подъ Платавой, сударь мой, чудеса творятся. Шведъ успѣлъ предупредить Петра Перваго и застроилъ что-ни-лучшія мѣста шанцами да бутареями. Поди ты, толкуй что хочешь, а Шведъ успѣлъ предупредить, даромъ что невѣрный. Еще, сударь мой, такъ должно быть тому ужъ быть еще, сударь мой, случилась тутъ казусная оказія: царю нашему сдѣлалъ измѣну хохлацкій атаманъ, Мазепа, и предался съ своими полками Шведу. Отъ этого самаго, рати шведской прибыло, а рати расейской убыло. Чтò тутъ станешь дѣлать? Какъ ни шатай, какъ ни валяй, а приходится сказать: плохо. Петръ Первый было и такъ, и сякъ, а дѣло все-таки выходитъ плохое. Какъ ни кинь, все выходитъ клинъ. Петръ Первый собралъ-было енаралушковъ и всѣхъ думчїихъ своихъ сенаторушковъ, чтобы собча придумать что ни-на-есть къ лучшему, чтобы какъ ни-на-есть не потерять свою армеюшку и не дать Шведу надъ собою возвыситься, а тутъ, сударь мой, какъ разъ, такъ должно-быть тому ужъ быть, тутъ какъ разъ прибѣгаетъ отъ Шведа переговорщикъ: не угодно ли, дескать, кончить споръ поединщиками? Давай Богъ! это намъ на руку. Петръ Первый радъ былъ этому, по той самой причинѣ, что ему жаль было губить понапрасну армію. А Шведъ дѣлалъ это поневолю.»

— Какъ такъ? перервалъ я:—ты же сказалъ, что рати шведской прибыло.

— Оно такъ-то такъ, да тутъ была одна закавыка, что нашему брату и разобрать мудрено, сказалъ старикъ.—Король шведскій, изволишь ли знать, извѣрился у своихъ енарадовъ и думчійхъ сенаторовъ. Когда онъ собирался подъ Платаву, они не хотѣли давать ему ни арміи, ни пушекъ, ни казны. Такой вишь обычай въ невѣрныхъ земляхъ: тамъ, говорятъ, цари-то служатъ заурядъ, словно офицеры въ башкирскомъ войскѣ. Поди да и пойми ихъ тамъ: народъ дикій, несуразный. «Ты, говорятъ шведскіе енаралы своему королю, ты и такъ много погубилъ арміи, много казны поистратилъ, а все понапрасну. Гдѣ тебѣ, говорятъ, тягаться съ Россеей: вѣдь она всѣмъ осударствамъ голова. Оставь, говорятъ, лучше, и не затѣвай больше коловратностей: нашему царству и безъ того жутко.» Но король шведскій былъ лукавъ; прикинулся мелкимъ бѣсомъ, успѣлъ уговорить, омаслить своихъ думчійхъ сенаторовъ; тѣ сжалились надъ нимъ и дали ему армію, пушекъ и все прочее; однако взяли отъ него, по ихнему закону, записъ, чтобъ онъ, ни подъ какимъ видомъ, не смѣлъ вступать съ Петромъ Первымъ въ баталію, а рѣшилъ бы споръ поединщиками; а есть когда осмѣлится преступить эту заповѣдь, то, не прогнѣвайся, съ царства долой. «Лучше-де, говорятъ, двѣ-три головы потерять, чѣмъ всю армію погубить». Хоша и невѣрные они, эти шведскіе енаралы и сенаторы, а разсудили, грѣхъ напрасно сказать, разсудили дѣльно, добавилъ старикъ.

«Стали готовиться къ поединку. Шведъ зналъ, что безъ поединщика ему не обойдтись, поэтому самому загодя еще приготовилъ какого-то силача, съ собою вишь изъ-за моря вывезъ, ростомъ, сударь мой, чуть-чуть не съ колокольню, а въ плечахъ коса сажень. Поилъ-кормилъ его до отвала, нарочно словно на убой, что-ни-лучшими яствами и питьями; а обрядилъ его, собаку, въ кольчугу да въ латы, такъ что и самъ чертъ не добрался бы до его кожи. И конь подъ нимъ былъ не конь, а сущій слонъ, да и тотъ покрытъ панцырною попонкой. Просто, сударь мой, на оказію! Какъ появился этотъ уродина передъ нашею арміей, такъ всѣ съ диву упали. Думали, что это какая-нибудь башня на колесахъ, а не человекъ. Такой былъ этотъ поединщикъ пристрашнѣющій, преогромнѣющій, что и сказать нельзя. На что ужъ агарянскіе поединщики, которыхъ наши Иваны укокошили на Куликовомъ полѣ, на что ужъ, говорю, агарянскіе поединщики походили на *инд-*

рика-эльря, но и тѣ, сударь мой, въ подметки этому не годились. Право слово.

«Петръ Первый видитъ, что вся армейшка его струхнула, что найди такому чудовищу супротивника трудно; однако все-таки велѣлъ кличь кликать: «нѣтъ ли де охотника?» Какъ же! сейчасъ и явились. Разослалъ царь по арміи всѣхъ своихъ адъютантовъ, всѣхъ енаралушковъ, и всѣхъ думчіихъ сенаторушковъ; и всѣ воротились ни съ чѣмъ: нѣтъ охотниковъ, да и на поди! Петръ Первый обратился къ своей свитѣ и спросилъ: «Изъ васъ, господа, нѣтъ ли кого?» Ни гугу! всѣ молчатъ, да старшій за младшаго хоронится.

«Петръ Первый не вытерпѣлъ, самъ поскакалъ по всѣмъ полкамъ своимъ, и сталъ вызывать охотника, а охотника нѣтъ да нѣтъ. Въ это самое время, такъ, сударь мой, должно быть тому ужь быть, въ это самое время подошелъ Прохоръ Митричъ съ нашими козаками, и сталъ подлѣ крайняго армейскаго полка. Царь лишь только узрѣлъ нашихъ, тое жь секунду подскакалъ къ нимъ, разказалъ въ чемъ дѣло, и кликнулъ:

«— Нѣтъ ли охотника?»

«— Я охотникъ! вскричалъ тоненькимъ голдрскомъ Рыжечка, и выскакалъ изъ фрунта.

«Царь взглянулъ на него, покачалъ головой, да и сказалъ:

«— Маль!

«Петръ Первый вдругорядъ ѣдетъ по полкамъ, вдругорядъ кличетъ охотника, а охотника все-таки нѣтъ. Сверстался съ нашими полками и кличетъ:

«— Кто охотникъ?»

«— Я! кричитъ Рыжечка, и выскакиваетъ изъ фрунта.

«Царь опять посмотрѣлъ на него, опять головой покачалъ, опять сказалъ:

«— Маль!

«Въ третій разъ царь объѣхалъ свою армейшку, въ третій разъ кликалъ охотника, а охотника все-таки нѣтъ. Въ третій разъ царь остановился передъ нашими полками, въ третій разъ кликнулъ:

«— Кто охотникъ?»

«— Я! закричалъ Рыжечка, и вылетѣлъ изъ фрунта.

«Царь призадумался, посмотрѣлъ на Рыжечку, посмотрѣлъ и на шведскаго поединщика, покачалъ головкой, всплеснулъ руками, да и говорить своимъ приближеннымъ, чуть-чуть не со слезами:

«— Что буду дѣлать? Отказаться отъ поединка, вся Европія станетъ смѣяться. Пустить этого малыша (царь показалъ на Рыжечку), пустить этого—заранѣе пиши пропало!

«Рыжечка тутъ стоитъ, слышитъ царскія рѣчи, да вдругъ и говорить:

«— А Богъ-то что? При помощи Божіей Давидъ побѣдилъ же Галифа!

«Говорить такъ-то Рыжечка, а самъ идно дрожить: яройское сердце, значить, въ немъ закишло.

«Царь пристально посмотрѣлъ на Рыжечку, да и говорить:

«— Храбрости-то въ тебѣ, молодець, вижу много, да силы-то, може, мало: вотъ въ чемъ бѣда! Ты взгляни хорошенько, супротивъ кого хочешь идти. Вонъ онъ развѣзжаетъ; а потомъ ужъ и скажи: надѣешься ли побѣдить.

«А Рыжечка толкуетъ себѣ одно: Давидъ, дескать, побѣдилъ же Галифа. Такъ отчего бы и ему, за молитвы святыхъ отецъ, не побѣдить этого супостата; надѣюсь, дескать, ваше царское величество. Только-де, говорить, позволь мнѣ коня другаго выбрать изъ всѣхъ полковъ.

«Нечего было дѣлать, другаго охотника нѣтъ, царь согласился и на Рыжечку, а пуще всего царю понравились Рыжечкины рѣчи на счетъ Давида и Галифа; а насчетъ коня царь сказалъ, что дозволяетъ ему выбрать какого угодно, хоша бы и съ царской конюшни. Но Рыжечка отказался отъ царскаго коня, сказалъ:

«— Твои лошади, надежа-царь, только для парада хороши, а для ратнаго дѣла, не прогнѣвайся за слово, никуда не годятся.

«Тое жь секунду Рыжечка бросился къ козачьему фрунту, и выбралъ лошадь у Калмычинина. Стали пересѣдывать. Въ это время Рыжечка успѣлъ перешепнуться съ Калмычинымъ, о чемъ было нужно.

«— Какой обычай у твоей лошади? спросилъ Рыжечка Калмычинина.

«— Знай сиди! говоритъ Калмычининъ. — Водамъ идетъ, огнямъ идетъ.

«— Еще?

«— Вилка даетъ. Бьешь правымъ нога — лѣва идетъ; бьешь лѣвымъ нога—права идетъ. Догадался?

«Рыжечка только кивнулъ головой, вскочилъ на калмыцкую лошадь и выѣхалъ въ поле.

«Тутъ, сударь мой, встрепенулись и заколыхались обѣ арме-

юшки, и расейская и шведская. Распустили всё свои знамечки. Заиграли на трубахъ, литаврахъ и на разныхъ мусикійскихъ органахъ. Потомъ все затихло. Значить, бой скоро будетъ.

«Рыжечка взоткнулъ на пику шапку, замахалъ надъ головой, и подѣхалъ къ шведскому поединщику. Спрашиваетъ его: на чемъ имъ биться, на копейцахъ ли булатныхъ, иль на сабелькахъ вострыхъ.

«Шведъ замычалъ что-то на своемъ телячьемъ языкѣ, и махнулъ рукой своимъ: вишь, онъ не понималъ Рыжечку. И Рыжичка махнулъ рукой своимъ. Тое жъ секунду прискакали въ нимъ два енарама: одинъ съ нашей стороны, а другой съ шведской. Потребовали толмача. Толмачъ выслушалъ Рыжечку и пересказалъ шведскому поединщику. А тотъ, уродина, оперся на копье; оскалилъ зубы-то, да и говорить:

«— По мнѣ на чемъ хошь! Хошь на кулакахъ, я на все согласенъ.

«Толмачъ пересказалъ Рыжечкѣ. Тотъ обидѣлся и говорить:

«— Коли живъ будешь, прѣзжай къ намъ на Яикъ. Тамъ, говорить, на кулачномъ бою можешь пробовать своими только боками наши кулаки; а здѣсь, говорить, не угодно ли помѣряться вотъ этимъ?

«Тутъ Рыжечка потрясъ своимъ копейцемъ.

«Рыжечка опять вернулся къ козачьему фрунту, и перемѣнялся съ однимъ козакомъ пиками. Рыжечку спросили енаралы; зачѣмъ онъ перемѣнилъ копье, а Рыжечка сказалъ:

«— Такъ надо!

«Рыжечка и на переговоры-то къ Шведу ѣздилъ съ подвохомъ, не просто. Сказано, Шведъ былъ весь въ желѣзѣ, и рожа-то, у бестии, завѣшена была желѣзною рѣшеткой. Однако и Рыжечка былъ непромахъ. Покуда переговаривались, онъ успѣлъ осмотрѣть супротивника своего со всѣхъ сторонъ. На башкѣ у Шведа была стальная шлычка, а по щекамъ и по затылку спускались желѣзные дощечки; задняя-то дощечка немного оттарлычилась; а это Рыжечкѣ и на руку. Онъ тотчасъ смекнулъ, что тутъ, не говоря худаго слова, можно запустить пику. А какъ у Рыжечки пика была толстовата, дупестовата, то онъ и отдалъ ее козаку, а у него взялъ его, потоньше. Значить Рыжечка былъ себѣ на умѣ. Ладно.

«Передъ началомъ боя, Рыжечка, какъ подобаетъ християнину и войну, слѣзъ съ коня, воткнулъ въ землю пику, повѣсилъ на нее образъ Михаила Святителя, положилъ семь зем-

ныхъ поклоновъ, и раскланялся на всѣ четыре стороны. Потомъ, сударь мой, оборотился лицомъ къ востоку, сирѣчь въ ту сторону, гдѣ нашъ родной Якишка, оборотился лицомъ къ востоку, да и говорить:

«— И вы, братцы-товарищи, старики наши старожилые, и все общество наше почтенное! помолитесь, чтобы Господь Богъ соблаговолилъ!

«Это ужъ онъ говорилъ заочно къ тѣмъ, что на Яикѣ остались.

« Вишь, присокупилъ старикъ, вишь какъ старые козаки жили другъ съ другомъ: нигдѣ другъ друга не забывали. Поэтому имъ во всемъ Господь Богъ и помогалъ.

«Затѣмъ Рыжечка посбросалъ съ себя всю одежду, остался только въ однихъ шароварахъ, да въ кармазинной безрукавной фуфаячкѣ. Шапка, на что ужъ шапка, онъ и ту бросилъ, и перевязалъ голову барсовымъ платкомъ. Рукава у рубахи засучилъ по локти. Перетянулся шелковымъ пояскомъ, за поясъ заткнулъ длинный хивинскій ножъ, а въ руки взялъ копейцо. Вспрыгнулъ на лошадь; оправился на сѣдельцѣ. Напоследокъ перекрестился и крикнулъ: *держайте, люди: яко съ нами Богъ!* да и полетѣлъ на супротивника, точь-въ-точь какъ маленькій ястребокъ на орла заморскаго, точь-въ-точь какъ, въ ветхо-завѣтное время, Давидъ на Галифа, сирѣчь на Галейку, Татаринна, — все едино.

«И Галифъ помчался на Рыжечку, уставилъ противъ него копыще съ добрую жердь.

«Рыжечка лишь только подскочилъ къ Галифу, сей же мигъ далъ вилка вправо: Галифъ, словно быкъ-дуракъ, пронесся мимо.

«Рыжечка обернулся, да какъ далдыкнетъ его копейцомъ въ затылокъ, гдѣ дощечка-то отъ шлычки оттарлычилась: Галифъ и покатился съ лошади кубаремъ.

«Рыжечка въ одинъ мигъ спрыгнулъ съ своего коня, какъ клещъ наслѣлъ на плеча Галифа, и отляпалъ ему ножомъ голову. Знай нашихъ! Впередъ дуракамъ наука: не хвались, идучи на бой; хвались, идучи съ боя.

«Тутъ армія наша возрадовалась, зашумѣла, словно волна морская заходила, и ура! закричала. А шведская армія, знамо дѣло, приуныла, затихла, харунки свои къ землѣ преклоняла, словно, голубушка, несолоно хлебала. Только одинъ король шведскій закланчилъ, сударь мой; такой безпокойникъ былъ. Не хочеть кориться, кричить:

«— Подвохъ! подвохъ! Русакъ сзади ударилъ нашего! Подвохъ!...

« А енералы и сенаторы его и говорятъ ему:

«— Что, что сзади? У нашего и сзади былъ панцырь. Нечего на зеркало пенять, коли рожа коса. Не клянчай, король. Эй, лучше будетъ, покорись!

«А король и слышать не хочетъ, реветъ въ высточный голосъ, словно кто съ него шкуру дереть, рветъ на себѣ волосы, словно сумашедшій, мечется во всѣ стороны, словно угорь-лый, кричить: «пали!» а его никто не слушаетъ. Самъ побѣждалъ на главную свою бутарею, вырвалъ у канонера фитиль, приставилъ къ пушкѣ и открылъ по нашей арміи огонь.

«Тутъ ужъ и нашего царя взяло за ретивое. Подалъ онъ своимъ енералушкамъ знакъ къ бою, да и скомандовалъ:

«— Катай! Безъ пардона катай! На зачинающаго Богъ.

«Вотъ тутъ-то, сударь мой, наша армеюшка и пошла чесать шведскую,—и пошла, и пошла чесать! дымъ коромысломъ сталъ! всю, сударь мой, доскомъ положили!

«Хошь одинъ ли на одного, стѣнали на стѣну идетъ—все равно, лиха бѣда только одному кому или одной какой сторонѣ струсить; а тамъ смѣло говори: пропалъ. Такъ было и со шведскою арміею. Спервоначала она очень храбрилась, голову очень высоко поднимала, а какъ ярой нашъ Егоръ Максимычъ Замареновъ, сирѣчь Рыжечка, сверзилъ ихняго великана и отляпалъ ему голову: такъ, что и толковать, у шведской арміи душа ушла въ пятки. Ну, нашей-то арміи это и на руку. Пошабашила она армеюшку короля шведскаго, словно пить дала. А король шведскій, самъ-другъ, съ измѣнникомъ Мазепою, еле-еле удралъ въ Турскую землю. Тамъ, говорятъ, оба они съ Мазепою въ кабалу пошли къ Турку; тамъ, говорятъ, и пропали. Туда, значить, дорога...

«А главная статья въ этомъ дѣлѣ, что тамъ ни толкуй, все-таки ярой нашъ Рыжечка: онъ, значить, сдѣлалъ первый начинъ; отъ его, значить, молодецкой руки палъ Галифъ, отъ его, значить, лыцарскаго подвига въ страхъ-ужасъ пришла шведская армія.

«Лишь только немного поуспокоилось, Рыжечка и явился къ Петру Первому съ головой Галифа на копѣ. Царь во слезахъ-то,—съ радости, значить,—царь во слезахъ-то не видитъ его и спрашиваетъ приближенныхъ:

«— А гдѣ нашъ малышь? гдѣ безцѣнный Рыжечка?

«— Здѣсь! пищить Рыжечка.

«— А! голубчикъ мой! сокровище мое! говоритъ царь и цѣлуетъ Рыжечку въ голову.

«Рыжечка поцѣловалъ ручку у царя.

«Когда совсѣмъ поуспокоилось, царь позвалъ Рыжечку въ свою палатку, и при всѣхъ енералахъ и сенаторахъ, при всѣхъ иныхъ земель посланникахъ, спрашиваетъ его:

«— Чѣмъ тебя, друже мой, дарить-жаловать? Говори! Ничего не пожалѣю.

«Рыжечка поклонился царю и говоритъ:

«— Мнѣ, надежа-царь, ничего не надо, а пожалуй, коли на то милость твоя, пожалуй наше обчество.

«Царь спрашиваетъ:

«— Чѣмъ? говори.

«Рыжечка говоритъ:

«— Отъ предковъ твоихъ, благовѣрныхъ царей, мы жалованы рѣкой Яикомъ, съ рыбными ловлями, сѣнными покосами, лѣсными порубами; а *владѣна* (1) у насъ на то пропала. Пожалуй намъ, надежа-царь, за своею высокою рукою, другую «владѣну» на Яикъ рѣку.

«— Съ великою радостью! говоритъ царь.—Секлетарь, бери перо, бумагу и валяй отъ меня Яицкимъ козакамъ «владѣну» на Яикъ рѣку, со всѣми сущими при ней рѣчками и проточками, со всѣми угодыями, на вѣки вѣчные!

«Секлетарь написалъ.

«Царь говоритъ Рыжечкѣ:

«— Этого мало. Еще чтѣ? Проси!

«Рыжечка говоритъ:

«— Еще, надежа-царь, пожалуй, коли милость твоя, пожалуй насъ «крестомъ да бородою».

«Царь говоритъ:

«— Для кого нѣтъ, а для Яицкихъ козаковъ есть! Секлетарь, пиши во владѣной, что я жалую Яицкихъ козаковъ крестомъ и бородою на вѣки вѣчные, чтобъ имъ насчетъ креста и бороды быть невредимыми.

«Секлетарь написалъ.»

— Будто? спросилъ я.

— Не будто, а на самомъ дѣлѣ было такъ, сказалъ старикъ

(1) Грамота на право владѣнія Яикомъ.

такимъ тономъ, который не допускалъ никакихъ сомнѣній.—
Есть когда бѣ мы не были жалованы крестомъ и бороδοю, то
давно бы начальство, съ позволенія сказать вашъ братъ, скося-
ло намъ бороды; а мы, видишь, по милости Божіей да царской,
не лишены еще «отечества». Посмотри на иныхъ прочихъ ко-
заковъ, примѣрно на донскихъ, оренбургскихъ, всѣмъ имъ,
бѣдняжкамъ, оскоблили рыла-то, а наши еще цѣлы. Значить,
правда, что говорю.

— Вѣрю, вѣрю, сказала я.—Что жъ дальше?

— Дальше? Дальше было вотъ что:

«Написавши во владѣнной крестъ и бороду, царь спрашиваетъ
Рыжечку:

— «Это для общества. А тебя-то, Егоръ Максимычъ, чѣмъ да-
рить-жаловать? Проси! ничего не пожалѣю.

«Рыжечка отвѣчаетъ:

«— Есть когда, надежа-царь, на то твоя милость, позволь
мнѣ, съ дюжинкой иль съ полдюжинкой моихъ друзей-това-
рищей! погулять на твой счетъ въ твоихъ царевыхъ кабакахъ,
безданно-безпошлинно, недѣльки двѣ.

«Царь улыбнулся и спрашиваетъ:

«— Развѣ любишь?

«Рыжечка отвѣчаетъ:

«— Грѣшный человѣкъ: люблю!

«— Гуляй во здравіе! говоритъ царь. — Секлетарь, пиши,
говорить, за одно ужъ, во владѣнной, чтобъ *выходъ винный* на
Яикъ отнынѣ на вѣки вѣчные былъ козачій.

«И выходъ винный написали во владѣнной.»

(Подъ словами: *выходъ винный* мы должны разумѣть свобод-
ную продажу вина.)

— Будто? спросилъ я.

— Не будто, а на самомъ дѣлѣ такъ! возразилъ старикъ.—
На моей памяти вино-то продавалось по сорока алтынъ за
ведро, да не такое, какое продаютъ нынче за семнадцать съ
полтиною: старое-то вино позабористѣе было нынѣшняго.

— Однако, замѣтилъ я,—*выхода* у насъ ужъ нѣтъ.

— Ну что что нѣтъ! царю деньги нужны, такъ винный-то
выходъ и отошелъ въ казну. За этимъ козаки не стояли и не
стоятъ. Для батюшки царя мы готовы отдать послѣднюю ру-
баху съ плечъ, лишь бы только не воротили насъ на солдат-
скій шкиль, да не нудили насчетъ креста и бороды. Вотъ въ

чемъ сила, а выходъ дѣло плевое, дѣло мірское, крестъ же и бородушка дѣло душевное...

— Умныя рѣчи, Иванъ Никитичъ, и слушать любо, сказалъ я.

— Экой ты, экой ты какой!

— Что жь дальше?

— Дальше? Дальше вотъ что:

«Шведа, значить, совсѣмъ пошабашили: и память ея пошбе съ шумомъ».

«Петръ Первый возвысился, по всей Европіи прославился, анператоромъ нарекъся: а этого титла, значить, нѣтъ на свѣтѣ больше».

«Нѣсколько недѣль, изо дня въ день, подъ Платавой пировали, изъ ружей, изъ пушекъ палили, на трубахъ, литаврахъ и разныхъ мусикійскихъ органахъ играли, и разными потѣшными огнями забавлялись. На послѣдокъ все затихло. Войска разошлись по своимъ фатерамъ. И Прохоръ Митричъ съ полками нашими вернулся на Яикъ».

«Годъ спустя вернулся на Яикъ и Рыжечка самъ-другъ...»

— Это какъ? Развѣ онъ не съ полками вернулся? спросилъ я.

— Нѣтъ! отвѣчалъ старикъ.—Петръ Первый далъ ему, за своимъ подписомъ и царскою печатью, открытый листъ, «чтобы этому яроу, славному поединцику, сирѣчь Егору Максимычу Замаренову, онъ же и Рыжечка, съ дванадесатью товарищами, пить, безданно, безошлинно, во всѣхъ царевыхъ кабакахъ и трактирныхъ заведеніяхъ, цѣлый годъ». Славно! Забравши въ руки такую бумагу, Рыжечка съ товарищами и оторвался отъ полка, и пошелъ странствовать изъ города въ городъ, изъ села въ село, отъ одного кабака къ другому, и такимъ, сударь мой, манеромъ прображничалъ по Расеи круглый годъ. Вернулся домой ужь тогда, какъ открытый-то листъ, что Петръ Первый далъ, вышелъ изъ срока, потерялъ силу, не сталъ дѣйствовать. Въ компаніи у Рыжечки былъ тотъ самый Калмычининъ, что лошадь давалъ ему на Галифа. Вотъ съ этимъ-то Калмычининомъ Рыжечка и вернулся на Яикъ: оба, вишь, были насчетъ выпивки молодцы, тягущи; а всѣ прочіе, что были въ ихъ компаніи, всѣ прочіе, чтобъ одрало ихъ, дураковъ, не вынесли, перепились и сложили свои головы кто въ кабакъ, кто въ трактиръ, а кто у мамошкоть... Такой ужь народъ былъ беззаботный, базшашный».

— Что же случилось съ Рыжечкой?

— Жилъ онъ послѣ того, сударь мой, на Яикѣ лѣтъ десять благополучно. Правда, вель онъ часто споръ съ киргизскимъ ханомъ Абдуль-Харей (1), да это Рыжечкѣ было за потѣху. Спорилъ онъ съ ханомъ изъ-за луговъ: гонялъ отъ нихъ хана и его орду. Разъ захватилъ въ лугахъ, на бухарской сторонѣ, сорокъ, что-ни-лучшихъ ханскихъ аргамаковъ, да столько же крупныхъ быковъ. Быковъ перерѣзалъ, а аргамаковъ роздалъ по козакамъ. Ханъ вступился. Рыжечка отдѣлался. Онъ и все наше общество сказали хану: «Не пушай въ наши луга. Есть-когда впередъ такъ сдѣлаешь, и впередъ то же будетъ.» Ханъ пожаловался вышнему начальству, и вышнее начальство сказала то же. Значить, что тамъ ни толкуй, а бухарская сторона изъ предковъ наша. Ханъ присмирѣлъ, грызъ зубы на Рыжечку, а ничего не подѣлалъ. Онъ тоже былъ мужикъ славушій по всей ордѣ, и киргизской, и хивиной; однако нашего малыша, сирѣчь Рыжечки, боялся. Случалось, бывало, какъ-нибудь, нечаянно, встрѣтится съ Рыжечкой въ степи, сейчасъ, собака, вилка дастъ въ сторону, обаполомъ объѣдетъ, а Рыжечкѣ въ глаза не смѣетъ взглянуть. Ханъ зналъ, что Рыжечка и Галифа шведскаго свалилъ, такъ куда, думаетъ, тягаться съ такимъ яроемъ. Дулся, дулся ханъ, да и отступился, махнулъ рукой и въ степь удалился.

— А Рыжечка?

— Пошелъ, по указу царя, съ княземъ Бекичемъ въ Хиву и тамъ, голубчикъ, за компанію съ княземъ и всѣмъ честнымъ воинствомъ, сложилъ свою буйную головушку.

І. Желъзновъ.

(1) Абдуль-Хаиръ.

ТОСКА ПО РОДИНѢ.

(Изъ Эйхендорфа.)

На нашихъ дубахъ и березахъ
Старинныя чары лежатъ,
И часто, въ полуночныхъ грезахъ,
Вдругъ пѣть начинаетъ весь садъ.

Порою родное то пѣнье
Я слышу всю ночь до утра,
И сердце въ тоскѣ и томленьѣ
Зоветъ тебя, другъ и сестра!

Другіе мнѣ чужды душою,
И страшно мнѣ въ чуждомъ краю.
Идти бы намъ вмѣстѣ съ тобою...
Дай вѣрную руку свою!

Идти и не вѣдать разлуки,
И вмѣстѣ, окончивши путь,
Подъ эти волшебныя звуки
На отчей могилѣ заснуть!

М. Михайловъ.

СЕМЕЙНОЕ СЧАСТІЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I.

Мы носили трауръ по матери, которая умерла осенью, и жили всю зиму въ деревнѣ, однѣ съ Катей и Соней.

Катя была старый другъ дома, гувернантка, вынянчившая всѣхъ насъ, и которую я помнила и любила съ тѣхъ поръ, какъ себя помнила. Соня была моя меньшая сестра. Мы проводили мрачную и грустную зиму въ нашемъ старомъ покровскомъ домѣ. Погода была холодная, вѣтреная, такъ что сугробы намело выше оконъ; окна почти всегда были замерзлы и тусклы, и почти цѣлую зиму мы никуда не ходили и не ѣздили. Рѣдко кто пріѣзжалъ къ намъ; да кто и пріѣзжалъ, не прибавлялъ веселья и радости въ нашемъ домѣ. У всѣхъ были печальные лица, всѣ говорили тихо, какъ будто боясь разбудить кого-то, не смѣялись, вздыхали и часто плакали, глядя на меня и въ особенности на маленькую Соню въ черномъ платьицѣ. Въ домѣ еще какъ будто чувствовалась смерть; печаль и ужась смерти стояли въ воздухѣ. Комната мамашы была заперта, и мнѣ становилось жутко, и что-то тянуло меня заглянуть въ эту холодную и пустую комнату, когда я проходила спать мимо нея.

Мнѣ было тогда семнадцать лѣтъ, и въ самый годъ своей смерти мамаша хотѣла переѣхать въ городъ, чтобы вывезить меня. Потеря матери была для меня сильнымъ горемъ, но должна признаться, что изъ-за этого горя чувствовалось и то, что я молода, хороша, какъ всѣ мнѣ говорили, а вотъ вторую зиму, даромъ, въ уединеніи убиваю въ деревнѣ. Передъ концомъ зимы это чувство тоски одиночества и просто скуки увеличилось до такой степени, что я не выходила изъ комнаты, не открывала фортепьяно и не брала книги въ руки. Когда Катя уговаривала меня заняться тѣмъ или другимъ, я отвѣчала: не хочется, не могу, а въ душѣ мнѣ говорилось: зачѣмъ? Зачѣмъ что-нибудь дѣлать, когда такъ даромъ пропадаетъ мое лучшее время? Зачѣмъ? А на «зачѣмъ» не было другаго отвѣта, какъ слезы.

Мнѣ говорили, что я похудѣла и подурнѣла въ это время, но это даже не занимало меня. Зачѣмъ? для кого? Мнѣ казалось, что вся моя жизнь такъ и должна пройти въ этой одинокой глуши и безпомощной тоскѣ, изъ которой я сама, одна, не имѣла силы и даже желанья выдти. Катя подъ конецъ зимы стала бояться за меня и рѣшилась, во что бы то ни стало, везти меня за границу. Но для этого нужны были деньги, а мы почти не знали, что у насъ осталось послѣ матери, и съ каждымъ днемъ ждали опекуна, который долженъ былъ пріѣхать и разобрать наши дѣла.

Въ мартѣ пріѣхалъ опекунъ.

— Ну слава Богу! сказала мнѣ разъ Катя, когда я какъ тѣнь безъ дѣла, безъ мысли, безъ желаній, ходила изъ угла въ уголь, —Сергѣй Михайлычъ пріѣхалъ, присылалъ спросить о насъ и хотѣлъ быть къ обѣду. Ты встряхнись, моя Машечка, прибавила она,—а то что онъ о тебѣ подумаетъ? Онъ такъ васъ любилъ всѣхъ.

Сергѣй Михайлычъ былъ близкій сосѣдъ нашъ и другъ покойнаго отца, хотя и гораздо моложе его. Кромѣ того, что его пріѣздъ измѣнялъ наши планы и давалъ возможность уѣхать изъ деревни, я съ дѣтства привыкла любить и уважать его, и Катя, совѣтуя мнѣ встряхнуться, угадала, что изъ всѣхъ знакомыхъ мнѣ бы больше всего было передъ Сергѣемъ Михайлычемъ показаться въ невыгодномъ свѣтѣ. Кромѣ того, что я, какъ и всѣ въ домѣ, начиная отъ Кати и Сони, его крестницы, до послѣдняго кучера, любили его по привычкѣ, онъ для меня имѣлъ особое значеніе по одному слову, сказанному при мнѣ

мамашей. Она сказала, что такого мужа желала бы для меня. Тогда мнѣ это показалось удивительно и даже неприятно; герой мой былъ совсѣмъ другой. Герой мой былъ тонкій, сухощавый, блѣдный и печальный. Сергѣй же Михайлычъ былъ человѣкъ уже не молодой, высокій, плотный и, какъ мнѣ казалось, всегда веселый; но несмотря на то, эти слова мамыши запали мнѣ въ воображеніе, и еще шесть лѣтъ тому назадъ, когда мнѣ было одиннадцать лѣтъ, и онъ говорилъ мнѣ *ты*, игралъ со мной и прозвалъ меня *дѣвочка-фіялка*, я не безъ страха иногда спрашивала себя, что я буду дѣлать, ежели онъ вдругъ захочетъ жениться на мнѣ?

Передъ обѣдомъ, къ которому Катя прибавила пирожное кремъ и соусъ изъ шпината, Сергѣй Михайлычъ пріѣхалъ. Я видѣла въ окно, какъ онъ подѣзжалъ къ дому въ маленькихъ санкахъ, но какъ только онъ заѣхалъ за уголъ, я поспѣшила въ гостиную и хотѣла притвориться, что совсѣмъ не ожидала его. Но заслышавъ въ передней стукъ ногъ, его громкій голосъ и шаги Кати, я не утерпѣла, и сама пошла ему навстрѣчу. Онъ, держа Катю за руку, громко говорилъ и улыбался. Увидѣвъ меня, онъ остановился и нѣсколько времени смотрѣлъ на меня, не кланяясь. Мнѣ стало неловко, и я почувствовала, что покраснѣла.

— Ахъ! неужели это вы? сказалъ онъ съ своею рѣшительною и простою манерой, разводя руками и подходя ко мнѣ.

— Можно-ли такъ перемѣниться! какъ вы выросли! Вотъ-те и фіялка! Вы цѣлой розанъ стали.

Онъ взялъ своею большою рукой меня за руку и пожалъ такъ крѣпко, честно, только что не больно. Я думала, что онъ поцѣлуетъ мою руку и нагнулась было къ нему, но онъ еще разъ пожалъ мнѣ руку и прямо въ глаза посмотрѣлъ своимъ твердымъ и веселымъ взглядомъ.

Я шесть лѣтъ не видала его. Онъ много перемѣнился; постарѣлъ, почернѣлъ и обросъ бакенбардами, что очень не шло къ нему; но тѣ же были простые приемы, открытое честное съ крупными чертами лицо, умные блестящіе глаза и ласковая, какъ будто дѣтская улыбка.

Черезъ пять минутъ онъ пересталъ быть гостемъ, а сдѣлался своимъ человѣкомъ для всѣхъ насъ, даже для людей, которые, видно было по ихъ услужливости, особенно радовались его пріѣзду.

Онъ велъ себя совсѣмъ не такъ, какъ сосѣди, пріѣзжавшіе

послѣ кончины матушки, и считавшіе нужнымъ молчать и плакать, сидя у насъ; онъ напротивъ былъ разговорчивъ, веселъ и ни слова не говорилъ о матушкѣ, такъ что сначала это равнодушіе мнѣ показалось странно и даже неприлично со стороны такого близкаго человѣка. Но потомъ я поняла, что это было не равнодушіе, а искренность, и была благодарна за нее. Вечеромъ Катя сѣла разливать чай, на старое мѣсто въ гостиной, какъ это бывало при мамашѣ; мы съ Соней сѣли около нея; старый Григорій принесъ ему еще бывшую папашину отыскавшуюся трубку, и онъ, какъ и въ старину, сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатамъ.

— Сколько страшныхъ переменъ въ этомъ домѣ, какъ подумаешь! сказалъ онъ, останавливаясь.

— Да, сказала Катя со вздохомъ и, прикрывъ самоваръ крышечкой, посмотрѣла на него, ужъ готовая расплакаться.

— Вы я думаю помните вашего отца? обратился онъ ко мнѣ.

— Мало, отвѣчала я.

— А какъ бы вамъ теперь хорошо было бы съ нимъ! проговорилъ онъ, тихо и задумчиво глядя на мою голову выше моихъ глазъ. — Я очень любилъ вашего отца! прибавилъ онъ еще тише, и мнѣ показалось, что глаза его стали блестяще.

— А тутъ ее Богъ взялъ! проговорила Катя, и тотчасъ же положила салфетку на чайникъ, достала платокъ и заплакала.

— Да, страшныя переменны въ этомъ домѣ, повторилъ онъ, отвернувшись. — Соня, покажи игрушки, прибавилъ онъ черезъ нѣсколько времени и вышелъ въ залу. Полными слезъ глазами я посмотрѣла на Катю, когда онъ вышелъ.

— Это такой славный другъ! сказала она.

И дѣйствительно, какъ-то тепло и хорошо стало мнѣ, отъ сочувствія этого чужаго и хорошаго человѣка.

Изъ гостиной слышался пискъ Сони и его возня съ нею. Я выслала ему чай; и слышно было, какъ онъ сѣлъ за фортепьяно и Сониными ручонками сталъ бить по клавишамъ.

— Марья Александровна! послышался его голосъ. — Подите сюда, сыграйте что-нибудь.

Мнѣ пріятно было, что онъ такъ просто и дружески повелительно обращается ко мнѣ; я встала и подошла къ нему.

— Вотъ это сыграйте, сказалъ онъ раскрывая тетрадь Бетговена на адажіо сонаты quasi una fantasia. Посмотримъ, какъ

то вы играете, прибавилъ онъ и отошелъ съ стаканомъ въ уголь залы.

— Почему-то, я почувствовала, что съ нимъ мнѣ невозможно отказываться и дѣлать предисловія, что я дурно играю; я покорно съѣла за клавикорды и начала играть, какъ умѣла, хотя и боялась суда, зная, что онъ понимаетъ и любитъ музыку. Адажіо было въ тонѣ того чувства воспоминанія, которое было вызвано разговоромъ за чаемъ, и я сыграла, кажется, порядочно. Но *скерцо* онъ мнѣ не далъ играть. «Нѣтъ, это вы нехорошо играете, сказалъ онъ подходя ко мнѣ, это оставьте, а первое не дурно. Вы, кажется, понимаете музыку.» Эта умѣренная похвала такъ обрадовала меня, что я даже покраснѣла. Мнѣ такъ ново и пріятно было, что онъ, другъ и равный моего отца, говорилъ со мной одинъ на одинъ серьезно, а уже не какъ съ ребенкомъ, какъ прежде. Катя пошла на верхъ укладывать Соню и мы вдвоемъ остались въ залѣ.

Онъ разказывалъ мнѣ про моего отца, про то, какъ онъ сошелся съ нимъ, какъ они весело жили когда-то, когда еще я сидѣла за книгами и игрушками; и отецъ мой въ его разказахъ въ первый разъ представлялся мнѣ простымъ и милымъ человекомъ, какимъ я не знала его до сихъ поръ. Онъ разспрашивалъ меня тоже про то, что я люблю, что читаю, что намѣрена дѣлать, и давалъ совѣты. Онъ былъ теперь для меня не шутникъ и весельчакъ, дразнившій меня и дѣлавшій игрушки, а человекъ серьезный, простой и любящій, къ которому я чувствовала невольное уваженіе и симпатію. Мнѣ было легко, пріятно и вмѣстѣ съ тѣмъ я чувствовала невольную напряженность, говоря съ нимъ. Я боялась за каждое свое слово; мнѣ такъ хотѣлось самой заслужить его любовь, которая ужъ была приобрѣтена мною только за то, что я была дочь моего отца.

Уложивъ Соню, Катя присоединилась къ намъ и пожаловалась ему на мою апатію, про которую я ничего не сказала.

— Самаго-то главнаго она и не разказала мнѣ, сказалъ онъ, улыбаясь и укоризненно качая на меня головой.

— Что жъ разказывать! сказала я: — это очень скучно, да и пройдетъ. (Мнѣ дѣйствительно казалось теперь, что не только пройдетъ моя тоска, но что она уже прошла, и что ея никогда не было.)

— Это не хорошо не умѣть переносить одиночества, сказалъ онъ; — неужели вы барышня?

— Разумѣется, барышня, отвѣчала я смѣясь.

— Нѣтъ, дурная барышня, которая только жива, пока на нее любятъ, а какъ только одна осталась, такъ и опустилась, и ничто ей не мило; все только для показу, а для себя ничего.

— Хорошаго вы мнѣнія обо мнѣ, сказала я, чтобы сказать что-нибудь.

— Нѣтъ! проговорилъ онъ, помолчавъ немного:—не даромъ вы похожи на вашего отца, въ васъ *есть*,—и его добрый внимательный взглядъ снова польстилъ мнѣ, и радостно смутилъ меня.

Только теперь я замѣтила изъ-за его, на первое впечатлѣніе, веселаго лица этотъ ему одному принадлежащій взглядъ, сначала ясный, а потомъ все болѣе и болѣе внимательный и нѣсколько грустный.

— Вамъ не должно и нельзя скучать, сказалъ онъ, — у васъ есть музыка, которую вы понимаете, книги, ученье, у васъ цѣлая жизнь впереди, къ которой теперь только и можно готовиться, чтобы потомъ не жалѣть. Черезъ годъ ужъ поздно будетъ.

Онъ говорилъ со мной какъ отецъ или дядя, и я чувствовала, что онъ безпрестанно удерживается, чтобы быть наравнѣ со мною. Мнѣ было и обидно, что онъ считаетъ меня ниже себя, и пріятно, что для одной меня онъ считаетъ нужнымъ стараться быть другимъ.

Остальной вечеръ онъ о дѣлахъ говорилъ съ Катей.

— Ну прощайте, любезные друзья, сказалъ онъ, вставая и подходя ко мнѣ, и взявъ меня за руку.

— Когда же увидимся опять? спросила Катя.

— Весной, отвѣчалъ онъ, продолжая держать меня за руку;—теперь поѣду въ Даниловку (наша другая деревня); узнаю тамъ, устрою, что могу, заѣду въ Москву ужъ по своимъ дѣламъ, а лѣто будемъ видѣться.

— Ну что жъ это вы такъ надолго? сказала я ужасно грустно; и дѣйствительно, я надѣялась уже видѣть его каждый день, и мнѣ такъ вдругъ жалко стало и страшно, что опять вернется моя тоска. Должно-быть это выразилось въ моемъ взглядѣ и тонѣ.

— Да; побольше занимайтесь, не хандрите, сказалъ онъ, какъ мнѣ показалось, слишкомъ холодно-простымъ тономъ.—А весной я васъ проэкзаменую, прибавилъ онъ, выпуская мою руку и не глядя на меня.

Въ передней, гдѣ мы стояли, провожая его, онъ заторопился,

надѣвая шубу и опять обошелъ меня взглядомъ. «Напрасно онъ старается! подумала я. Неужели онъ думаетъ, что мнѣ ужъ такъ пріятно, чтобъ онъ смотрѣлъ на меня? Онъ хорошій человекъ, очень хорошій... но и только.»

Однако въ этотъ вечеръ мы съ Катей долго не засыпали и все говорили, не о немъ, а о томъ, какъ проведемъ нынѣшнее лѣто, гдѣ и какъ будемъ жить зиму. Страшный вопросъ: зачѣмъ? уже не представлялся мнѣ. Мнѣ казалось очень просто и ясно, что жить надо для того, чтобы быть счастливою, и въ будущемъ представлялось много счастья. Какъ будто вдругъ нашъ старый, мрачный покровскій домъ наполнился жизнью и свѣтомъ.

II.

Между тѣмъ пришла весна. Прежняя тоска моя прошла и замѣнилась весеннею мечтательною тоскою непонятныхъ надеждъ и желаній. Хотя я жила не такъ какъ въ началѣ зимы, а занималась и Соней, и музыкой, и чтеніемъ, я часто уходила въ садъ и долго, долго бродила одна по аллеямъ или сидѣла на скамейкѣ, Богъ знаетъ о чемъ думая, чего желая и надѣясь. Иногда и цѣлыя ночи, особенно мѣсячныя, я просиживала до утра у окна своей комнаты, иногда въ одной кофточкѣ, потихоньку отъ Кати, выходила въ садъ и по росѣ бѣгала до пруда, и одинъ разъ вышла даже въ поле, и одна ночью обошла весь садъ кругомъ.

Теперь мнѣ трудно вспомнить и понять тѣ мечты, которыя тогда наполняли мое воображеніе. Даже когда я вспомню, мнѣ не вѣрится, чтобы точно это были мои мечты. Такъ онѣ были странны и далеки отъ жизни.

Въ концѣ мая, Сергѣй Михайлычъ, какъ и обѣщалъ, вернулся изъ своей поѣздки.

Въ первый разъ онъ пріѣхалъ вечеромъ, когда мы совсѣмъ не ожидали его. Мы сидѣли на террасѣ и собирались пить чай. Садъ уже былъ весь въ зелени въ заросшихъ клумбахъ уже поселились соловьи на всѣ Петровки. Кудрявые кусты сирени кое-гдѣ какъ будто посыпаны были сверху тѣмъ-то бѣлымъ и лиловымъ. Это цвѣты готовились распускаться. Листва березовой аллеи была вся прозрачна на заходящемъ солнцѣ. На террасѣ была свѣжая тѣнь. Сильная вечерняя роса должна была

лечь на траву. На дворѣ за садомъ слышались послѣдніе звуки дня, шумъ пригнаннаго стада; дурачокъ Никонъ ѣздилъ съ бочкой передъ террасой по дорожкѣ, и холодная струя воды изъ лейки кругами чернила вскопанную землю около стволовъ георгинъ и подпорокъ. У насъ на террасѣ, на бѣлой скатерти, блестяль и кипѣль свѣтло-вычищенный самоваръ, стояли сливки, крендельки, печенья. Катя пухлыми руками домовито перебивала чашки. Я, не дожидаясь чая и проголодавшись послѣ купанья, ѣла хлѣбъ съ густыми свѣжими сливками. На мнѣ была холстинковая блуза съ открытыми рукавами, и голова была повязана платкомъ по мокрымъ волосамъ. Катя первая, еще черезъ окно, увидала его. «А! Сергѣй Михайлычъ! проговорила она, а мы только-что про васъ говорили.» Я встала и хотѣла уйти, чтобы переодѣться, но онъ засталъ меня въ то время, какъ я была уже въ дверяхъ.

— Ну что за церемоніи въ деревнѣ, сказалъ онъ, глядя на мою голову въ платкѣ и улыбаясь, — вѣдь вамъ не совѣстно Григорія, а я право для васъ Григорій. Но именно теперь мнѣ показалось, что онъ смотритъ на меня совсѣмъ не такъ, какъ могъ смотрѣть Григорій, и мнѣ стало неловко.

— Я сейчасъ приду, сказала я, уходя отъ него.

— Чѣмъ же это дурно! прокричалъ онъ мнѣ вслѣдъ, — точно молодайка крестьянская.

«Какъ онъ странно посмотрѣлъ на меня, думала я, торопливо переодѣваясь наверху. Ну слава Богу, что онъ пріѣхалъ, веселѣй будетъ!» И посмотрѣвшись въ зеркало весело сбѣжала внизъ по лѣстницѣ, и не скрывая того, что торопилась, запыхавшись вошла на террасу. Онъ сидѣлъ за столомъ и разказывалъ Катѣ про наши дѣла. Вглянувъ на меня, онъ улыбнулся и продолжалъ говорить. Дѣла наши по его словамъ были въ отличномъ положеніи. Теперь намъ надо было только лѣто пробывать въ деревнѣ, а потомъ ѣхать или въ Петербургъ для воспитанія Сони, или за границу.

— Да вотъ ежели бы вы съ нами за границу поѣхали, сказала Катя, — а то мы однѣ какъ въ лѣсу тамъ будемъ.

— Ахъ! какъ бы я съ вами вокругъ свѣта поѣхалъ, сказалъ онъ, полушутя, полусерьезно.

— Такъ что жъ, сказала я, — поѣдьте вокругъ свѣта.

Онъ улыбнулся и покачалъ головой.

— А матушка? А дѣла? сказалъ онъ. — Ну да не въ томъ

дѣло, разкажите-ка, какъ вы провели это время? Неужели опять хандрили?

Когда я ему разказала, что безъ него занималась и не скучала, и Катя подтвердила мои слова, онъ похвалилъ меня и словами и взглядомъ обласкалъ, какъ ребенка, какъ будто имѣлъ на то право. Мнѣ казалось необходимо подробно и особенно искренно сообщать ему все, что я дѣлала хорошаго, и признаваться какъ на исповѣди во всемъ, чѣмъ онъ могъ быть недоволенъ. Вечеръ былъ такъ хорошъ, что чай унесли, а мы остались на террасѣ, и разговоръ былъ такъ занимателенъ для меня, что я и не замѣтила, какъ понемногу затихли вокругъ насъ людскіе звуки. Отовсюду сильнѣе запахло цвѣтами, обильная роса облила траву, соловей защелкалъ недалеко въ кустъ сирени и затихъ, услышавъ наши голоса; звѣздное небо какъ будто опустилось надъ нами.

Я замѣтила, что уже смерклось только потому, что летучая мышь вдругъ беззвучно влетѣла подъ парусину террасы и затрепыхалась около моего бѣлаго платка. Я прижалась къ стѣнѣ и хотѣла уже вскрикнуть, но мышь также беззвучно и быстро вынырнула изъ подъ навѣса и скрылась въ полутьмѣ сада.

— Какъ я люблю ваше Покровское, сказалъ онъ, прерывая разговоръ.—Такъ бы всю жизнь и сидѣлъ тутъ на террасѣ.

— Ну что жъ, и сидите, сказала Катя.

— Да, сидите, проговорилъ онъ, — жизнь не сидить.

— Что вы не женитесь? сказала Катя. — Вы бы отличный мужъ были.

— Оттого, что я люблю сидѣть, засмѣялся онъ.—Нѣтъ, Катерина Карловна, намъ съ вами ужъ не жениться. На меня ужъ давно всѣ перестали смотрѣть, какъ на человѣка, котораго женить можно. А я самъ и подавно, и съ тѣхъ поръ мнѣ такъ хорошо стало, право.

Мнѣ показалось, что онъ какъ-то не естественно увлекательно говорить это.

— Вотъ хорошо! тридцать шесть лѣтъ, ужъ и отжилъ, сказала Катя.

— Да еще какъ отжилъ, продолжалъ онъ, — только сидѣть и хочется. А чтобъ жениться надо другое. Вотъ спросите-ка у нея, прибавилъ онъ, головой указывая на меня. — Вотъ этихъ женить надо. А мы съ вами будемъ на нихъ радоваться.

Въ тонѣ его была затаенная грусть и напряженность, не укрывшіяся отъ меня. Онъ помолчалъ немного; ни я, ни Катя ничего не сказали.

— Ну представьте себѣ, продолжалъ онъ, повернувшись на стулѣ, — ежели бы я вдругъ женился, какимъ-нибудь несчастнымъ случаемъ на семнадцати лѣтней дѣвочкѣ, хоть на Маш... на Марьѣ Александровнѣ. Это прекрасный примѣръ, я очень радъ, что это такъ выходитъ... и это самый лучший примѣръ.

Я засмѣялась, и никакъ не понимала, чему онъ такъ радъ, и что такое такъ выходитъ...

— Ну скажите по правдѣ, руку на сердце, сказалъ онъ, шутливо обращаясь ко мнѣ, — развѣ не было бы для васъ счастье, соединить свою жизнь съ человѣкомъ старымъ, отжившимъ, который только сидѣть хочетъ, тогда какъ у васъ тамъ Богъ знаетъ что бродить, чего хочется.

Мнѣ неловко стало, я молчала, не зная что отвѣтить.

— Вѣдь я не дѣлаю вамъ предложенья, сказалъ онъ, смѣясь, — но по правдѣ, скажите, вѣдь не о такомъ мужѣ вы мечтаете, когда по вечерамъ однѣ гуляете по аллеѣ; и вѣдь это было бы несчастье?

— Не несчастье... начала я.

— Ну, а не хорошо, dokonчилъ онъ.

— Да, но вѣдь я могу ошиба... .

Но опять онъ перебилъ меня.

— Ну вотъ видите, и она совершенно права, и я благодаренъ ей за искренность и очень радъ, что у насъ былъ этотъ разговоръ? Да мало этого, для меня бы это было величайшее несчастье, прибавилъ онъ.

— Какой вы чудакъ, ничего не перемѣнились, сказала Катя и вышла съ террасы, чтобы велѣть накрывать ужинъ.

Мы оба затихли послѣ ухода Кати, и вокругъ насъ все было тихо. Только соловей уже не повчерашнему, отрывисто и нерѣшительно, а по ночному, неторопливо, спокойно, заливался на весь садъ, и другой снизу отъ оврага, въ первый разъ нынѣшній вечеръ, издалека откликнулся ему. Ближайшій замолокъ, какъ будто прислушался на минуту и еще рѣзче и напряженнѣе залился пересыпчатою звонкою трелью. И царственно спокойно раздавались эти голоса въ ихнемъ чуждомъ для насъ ночномъ мѣрѣ. Садовникъ прошелъ спать въ оранжерею, шаги его въ толстыхъ сапогахъ, все удаляясь, прозвучали по дорожкѣ. Кто-то пронзительно свистнулъ два раза подъ горой, и все опять затихло. Чуть слышно заколебался листъ, полохнулось полотно террасы, и колеблясь въ воздухѣ донеслось что-то пахучее на террасу и разлилось по ней. Мнѣ неловко было молчать

послѣ того, что было сказано, но что сказать я не знала. Я посмотрѣла на него. Блестящіе глаза въ полутьмѣ оглянулись на меня.

— Отлично жить на свѣтѣ! проговорилъ онъ.

Я вздохнула отчего-то.

— Что?

— Отлично жить на свѣтѣ! повторила я.

И опять мы замолчали, и мнѣ опять стало неловко. Мнѣ все приходило въ голову, что я огорчила его, согласившись съ нимъ, что онъ старъ, и хотѣла утѣшить его, но не знала, какъ сдѣлать это.

— Однако прощайте, сказалъ онъ вставая, — матушка ждетъ меня къ ужину. Я почти не видалъ ея нынче.

— А я хотѣла сыграть вамъ новую сонату, сказала я.

— Въ другой разъ, сказалъ онъ холодно, какъ мнѣ показалось.

— Прощайте.

Мнѣ еще больше показалось теперь, что я огорчила его, и стало жалко. Мы съ Катей проводили его до крыльца и постояли на дворѣ, глядя по дорогѣ, по которой онъ скрылся. Когда затихъ уже топотъ его лошади, я пошла кругомъ на террасу и опять стала смотрѣть въ садъ, и въ росистомъ туманѣ, въ которомъ стояли ночные звуки, долго еще видѣла и слышала все то, что хотѣла видѣть и слышать.

Онъ пріѣхалъ въ другой, въ третій разъ, и неловкость, произшедшая отъ страннаго разговора, бывшаго между нами, совершенно исчезла и больше не возобновлялась. Въ продолженіи всего лѣта, онъ раза два-три въ недѣлю пріѣзжалъ къ намъ; и я привыкла къ нему такъ, что когда онъ долго не пріѣзжалъ, мнѣ казалось неловко жить одной, и я сердилась на него и находила, что онъ дурно поступаетъ, оставляя меня. Онъ обращался со мной, какъ съ молодымъ любимымъ товарищемъ, разспрашивалъ меня, вызывалъ на самую задушевную откровенность, давалъ совѣты, поощрялъ, иногда бранилъ и останавливалъ. Но несмотря на все его старанье постоянно быть наравнѣ со мною, я чувствовала, что за тѣмъ, что я понимала въ немъ, оставался еще цѣлый чужой міръ, въ который онъ не считалъ нужнымъ впускать меня, и это-то сильнѣе всего поддѣрживало во мнѣ уваженіе и притягивало къ нему. Я знала отъ Кати и отъ сосѣдей, что кромѣ заботъ о старой матери, съ которою онъ ж.пл., кромѣ своего хозяйства и нашего опекунства у него были какія-то дворянскія дѣла, за которыя ему дѣлали большія неприятности; но какъ онъ смотрѣлъ на все это, какія

были его убѣжденія, планы, надежды, я никогда ничего не могла узнать отъ него. Какъ только я наводила разговоръ на его дѣла, онъ морщился своимъ особеннымъ манеромъ, какъ будто говоря: «полноте пожалуйста, что вамъ до этого», и переводилъ разговоръ на другое. Сначала это оскорбляло меня, но потомъ я такъ привыкла къ тому, что мы всегда говорили только о вещахъ касающихся меня, что уже находила это естественнымъ.

Что также сначала не нравилось мнѣ, а потомъ напротивъ сдѣлалось приятно, было его совершенное равнодушіе и какъ бы презрѣніе къ моей наружности. Онъ никогда ни взглядомъ, ни словомъ не намекалъ мнѣ на то, что я хороша; а напротивъ морщился и смѣялся, когда при немъ называли меня хорошенькою. Онъ даже любилъ находить во мнѣ наружные недостатки и дразнилъ меня ими. Модныя платья и прически, въ которыя Катя любила наряжать меня по торжественнымъ днямъ, вызывали только его насмѣшки, огорчавшія добрую Катю и сначала сбивавшія меня съ толку. Катя, рѣшившая въ своемъ умѣ, что я ему нравлюсь, никакъ не могла понять, какъ не любить, чтобы нравящаяся женщина выказывалась въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Я же скоро поняла, чего ему было надо. Ему хотѣлось вѣрить, что во мнѣ нѣтъ кокетства. И когда я поняла это, во мнѣ дѣйствительно не осталось и тѣни кокетства нарядовъ, причесокъ, движеній; но за то явилось, бѣлыми нитками шитое, кокетство простоты, въ то время какъ я еще не могла быть проста. Я знала, что онъ любитъ меня, — какъ ребенка, или какъ женщину, я еще не спрашивала себя; я дорожила этою любовью, и чувствуя, что онъ считаетъ меня самою лучшею дѣвушкою въ мірѣ, я не могла не желать, чтобъ этотъ обманъ оставался въ немъ. И я невольно обманывала его. Но обманывая его, и сама становилась лучше. Я чувствовала, какъ лучше и достойнѣе мнѣ было выказывать передъ нимъ лучшія стороны своей души, чѣмъ тѣла. Мои волосы, руки, лицо, привычки, какія бы они ни были, хорошія или дурныя, мнѣ казалось, онъ сразу оцѣнилъ и зналъ такъ, что я ничего, кромѣ желанія обмана, не могла прибавить къ своей наружности. Души же моей онъ не зналъ; потому что любилъ ее, потому что въ то самое время она росла и развивалась, и тутъ-то я могла обманывать и обманывала его. И какъ легко мнѣ стало съ нимъ, когда я ясно поняла это! Эти безпричинныя смущенія, стѣсненность движеній, совершенно исчезли во мнѣ. Я чувствовала,

что спереди ли, сбоку ли, сидя или стоя, онъ видитъ меня, съ волосами сверху или снизу, онъ зналъ всю меня, и мнѣ казалось, быть доволенъ мною, какою я была. Я думаю, что ежели бы онъ, противъ своихъ привычекъ, какъ другіе, вдругъ сказалъ мнѣ, что у меня прекрасное лицо, я бы даже нисколько не была рада. Но зато какъ отрадно и свѣтло на душѣ становилось мнѣ, когда онъ послѣ какого-нибудь моего слова, пристально поглядѣвъ на меня, говорилъ тронутымъ голосомъ, которому старался дать шуточный тонъ :

— Да, да, въ васъ *есть*. Вы славная дѣвушка, это я долженъ сказать вамъ.

И вѣдь за что я получала тогда такія награды, наполнявшія мое сердце гордостью и весельемъ? За то, что я говорила, что сочувствую любви стараго Григорья къ своей внучкѣ, или за то, что до слезъ трогалась прочитаннымъ стихотвореньемъ или романомъ, или за то, что предпочитала Моцарта Шульгофу. И удивительно мнѣ подумалось, какимъ необыкновеннымъ чутьемъ угадывала я тогда все то, что хорошо и что надо бы любить; хотя я тогда еще рѣшительно не знала, что хорошо и что надо любить. Бѣлая часть моихъ прежнихъ привычекъ и вкусовъ не нравились ему, и стоило движеньемъ брови, взглядомъ показать, что ему не нравится то, что я хочу сказать, сдѣлать свою особенную жалкую чуть чуть презрительную мину, какъ мнѣ уже казалось, что я не люблю того, что любила прежде. Бывало онъ только хочетъ посовѣтовать мнѣ что-нибудь, а ужъ мнѣ кажется, что я знаю, что онъ скажетъ. Онъ спроситъ меня, глядя мнѣ въ глаза, и взглядъ его вытягиваетъ изъ меня ту мысль, какую ему хочется. Всѣ мои тогдашнія мысли, всѣ тогдашнія чувства, были не мои, а его мысли и чувства, которыя вдругъ сдѣлались моими, перешли въ мою жизнь и освѣтили ее. Совершенно не замѣтно для себя, я на все стала смотрѣть другими глазами, и на Катю, и на нашихъ людей, и на Соню, и на себя, и на свои занятія. Книги, которыя прежде я читывала, только для того, чтобы убавить скуку, сдѣлались вдругъ для меня однимъ изъ лучшихъ удовольствій въ жизни; и все только отъ того, что мы поговорили съ нимъ о книгахъ, читали съ нимъ вмѣстѣ, и онъ привозилъ мнѣ ихъ. Прежде занятія съ Соней, уроки ей были для меня тяжелою обязанностью, которую я усиливалась исполнять только по сознанию долга; онъ посидѣлъ за урокомъ, и слѣдить за успѣхами Сони сдѣлалось для меня радостью. Выучить цѣлую музыкальную пьесу

прежде казалось мнѣ невозможнымъ; а теперь, зная, что онъ будетъ слушать и похвалить можетъ-быть, я по сорока разъ еряду проигрывала одинъ пассажъ, такъ что бѣдная Катя затыкала уши ватой, а мнѣ все не было скучно. Тѣ же старыя сонаты какъ-то совсѣмъ иначе фразировались теперь и выходили совсѣмъ иначе и гораздо лучше. Даже Катя, которую я знала и любила какъ себя, и та измѣнилась въ моихъ глазахъ. Теперь только я поняла, что она вовсе не была обязана быть матерью, другомъ, рабой, какой она была для насъ. Я поняла все самоотверженіе и преданность этого любящаго созданья, поняла все, чѣмъ я обязана ей; и еще больше стала любить ее. Онъ же научилъ меня смотрѣть на нашихъ людей, крестьянъ, дворовыхъ, дѣвушекъ совсѣмъ иначе, чѣмъ прежде. Смѣшно сказать, а до семнадцати лѣтъ я прожила между этими людьми болѣе чужая для нихъ, чѣмъ для людей, которыхъ никогда не видала; ни разу не подумала, что эти люди такъ же любятъ, желаютъ и сожалеютъ, какъ и я. Нашъ садъ, наши рощи, наши поля, которыя я такъ давно знала, вдругъ сдѣлались новыми и прекрасными для меня. Не даромъ онъ говорилъ, что въ жизни есть только одно несомнѣнное счастье—жить для другаго. Мнѣ тогда это странно казалось, я не понимала этого; но это убѣжденіе, помимо мысли, уже проходило мнѣ въ сердце. Онъ открылъ мнѣ цѣлую жизнь радостей въ настоящемъ, не измѣнивъ ничего въ моей жизни, ничего не прибавивъ, кромѣ себя, къ каждому впечатлѣнію. Все то же съ дѣтства безмолвно было вокругъ меня, а стоило ему только придти, чтобы все то же заговорило, и непрерывно запросилось въ душу, наполняя ее счастьемъ.

Часто въ это лѣто я приходила на верхъ, въ свою комнату, ложилась на постель, и вмѣсто прежней весенней тоски желаній и надеждъ въ будущемъ, тревога счастья въ настоящемъ обхватывала меня. Я не могла засыпать, вставала, садилась на постель къ Катѣ и говорила ей, что я совершенно счастлива, чего, какъ теперь я вспоминаю, совсѣмъ не нужно было говорить ей: она сама могла видѣть это. Но она говорила мнѣ, что и ей ничего не нужно, и что она тоже очень счастлива и цѣловала меня. Я вѣрила ей, мнѣ казалось такъ необходимо и справедливо, чтобы всѣ были счастливы. Но Катя могла тоже думать о снѣ и даже, притворяясь сердитою, прогоняла меня, бывало, съ своей постели и засыпала; а я долго еще перебирала все то, чѣмъ я такъ счастлива. Иногда я вставала и моли-

лась въ другой разъ, своими словами молилась, чтобы поблагодарить Бога за все то счастье, которое Онъ далъ мнѣ.

И въ комнаткѣ было тихо; только сонно и ровно дышала Катя, часы тикали подлѣ нея, и я поворачивалась и шептала слова или крестилась и цѣловала крестъ на шеѣ. Двери были закрыты, ставешки были въ окнахъ, какая-нибудь муха или комаръ колеблясь жужжали на одномъ мѣстѣ. И мнѣ хотѣлось никогда не выходить изъ этой комнатки, не хотѣлось, чтобы приходило утро, не хотѣлось, чтобы разлетѣлась эта моя душевная атмосфера, окружавшая меня. Мнѣ казалось, что мои мечты, мысли и молитвы—живыя существа, тутъ во мракѣ живущія со мной, летающія около моей постели, стоящія надо мной. И каждая мысль была его мысль, и каждое чувство—его чувство. Я тогда еще не знала, что это любовь, я думала, что это такъ всегда можетъ быть, что такъ даромъ дается это чувство.

III.

Одинъ день во время уборки хлѣба, мы съ Катей и Соней послѣ обѣда пошли въ садъ на нашу любимую скамейку въ тѣни липъ надъ оврагомъ, за которымъ открывался видъ лѣса и поля. Сергѣй Михайлычъ уже дня три не былъ у насъ, и въ этотъ день мы ожидали его, тѣмъ болѣе, что нашъ прикащикъ сказалъ, что онъ обѣщалъ пріѣхать на поле. Часу во второмъ мы видѣли, какъ онъ верхомъ проѣхалъ на ржаное поле. Катя велѣла принести персиковъ и вишень, которые онъ очень любилъ, съ улыбкой взглянувъ на меня, прилегла на скамейку и задремала. Я оторвала кривую, плоскую вѣтку липы съ сочными листьями и сочною корой, обмочившею мнѣ руку, и, обмахивая Катю, продолжала читать, безпрестанно отрываясь и глядя на полевую дорогу, по которой онъ долженъ былъ пріѣхать. Соня у корня старой липы строила бесѣдку для куколъ. День былъ жаркій, безвѣтренный, пѣрило, тучи срослись и чернѣли, и съ утра еще собиралась гроза. Я была взволнована, какъ всегда передъ грозой. Но послѣ полудня тучи стали разбираться по краямъ, солнце выплыло на чистое небо, и только на одномъ краю погромыхивало, и по тяжелой тучѣ, стоявшей надъ горизонтомъ и сливавшейся съ пылью на поляхъ, изрѣдка до земли прорѣзались блѣдные зигзаги молніи. Ясно было, что

на нынѣшній день разоидется, у насъ по крайней мѣрѣ. По видѣвшейся мѣстами дорогѣ за садомъ, не прерываясь, то медленно тянулись высокіе скрипящіе воза съ снопами, то быстро, на встрѣчу имъ, постукивали пустыя телѣги, дрожали ноги и развѣвались рубахи. Густая пыль не уносилась и не опускалась, а стояла за плетнемъ между прозрачною листвою деревьевъ сада. Подальше, на гумнѣ слышались тѣ же голоса, тотъ же скрипъ колесъ, и тѣ же желтые снопы, медленно продвигавшіеся мимо забора, тамъ летали по воздуху, и на моихъ глазахъ росли овалыне дома, выдѣлялись ихъ острыя крыши и фигуры мужиковъ копошились на нихъ. Впереди на пыльномъ полѣ тоже двигались телѣги, и тѣ же видѣлись желтые снопы и также звуки телѣгъ, голосовъ и пѣсень доносились издали. Съ одного края все открытѣе и открытѣе становилось жневьѣ, съ полосами полыню поросшей межи. Поправѣ, внизу по некрасиво спутанному, скошенному полю видѣлись яркія одежды вязавшихъ бабъ, нагибающихся, размахивающихъ руками, и спутанное поле очищалось, и красивые снопы часто разставлялись по немъ. Какъ будто вдругъ на моихъ глазахъ изъ лѣта сдѣлалась осень. Пыль и зной стояли вездѣ, исключая нашего любимаго мѣстечка въ саду. Со всѣхъ сторонъ въ этой пыли и зноѣ на горячемъ солнцѣ говорилъ, шумѣлъ и двигался трудовой народъ.

А Катя такъ сладко похрапывала, подъ бѣлымъ батистовымъ платочкомъ, на нашей прохладной скамейкѣ, вишни такъ сочно-глянцовито чернѣли на тарелкѣ, платья наши были такъ свѣжи и чисты, вода въ кружкѣ такъ радужно свѣтло играла на солнцѣ, и мнѣ такъ было хорошо. Чтò же дѣлать? думала я, чѣмъ же я виновата, что я счастлива? Но какъ подѣлиться счастьемъ? какъ и кому отдать всю себя и все свое счастье?..

Солнце уже зашло за макушки березовой аллеи, пыль укладывалась въ полѣ, далѣ видѣлась явственнѣе и свѣтлѣе въ боковомъ освѣщеніи, тучи совсѣмъ разошлись, на гумнѣ изъза деревьевъ видны были три новыя крыши скирдъ, и мужики сошли съ нихъ; телѣги, съ громкими криками, проскакали видно въ послѣдній разъ; бабы съ граблями на плечахъ и связлами на кушакахъ съ громкою пѣсню прошли домой, а Сергѣй Михайлычъ все не пріѣзжалъ, несмотря на то, что я давно видѣла, какъ онъ съѣхалъ подъ гору. Вдругъ по аллеѣ, съ той стороны, съ которой я вовсе не ожидала его, показалась его фигура (онъ обошелъ оврагомъ). Съ веселымъ, сіяю-

щипъ лицомъ и снявъ шляпу, онъ скорыми шагами шель ко мнѣ. Увидавъ, что Катя спитъ, онъ закусилъ губу, закрылъ глаза и пошелъ нацыпочкахъ; я сейчасъ замѣтила, что онъ находился въ томъ особенномъ настроеніи безпричинной веселости, которое я ужасно любила въ немъ, и которое мы называли дикимъ восторгомъ. Онъ былъ точно школьникъ, вырвавшийся отъ ученья; все существо его, отъ лица и до ногъ, дышало довольствомъ, счастьемъ и дѣтскою рѣзвостію.

— Ну, здравствуйте, молодая фіялка, какъ вы? хорошо? сказалъ онъ шопотомъ, подходя ко мнѣ и пожимая мнѣ руку... — А я отлично, отвѣчалъ онъ на мой вопросъ, — мнѣ нынче тринадцать лѣтъ, хочется въ лошадки играть и по деревьямъ лазить.

— Въ дикомъ восторгѣ? сказала я, глядя на его смѣющіеся глаза, и чувствуя, что этотъ *дикій восторгъ* сообщался мнѣ.

— Да, отвѣчалъ онъ, подмигивая однимъ глазомъ и удерживая улыбку. — Только за что же Катерину Карловну по носу бить?

Я и не замѣтила, глядя на него и продолжая махать вѣткой, какъ я сбила платокъ съ Кати и гладила ее по лицу листьями. Я засмѣялась.

— А она скажетъ, что не спала, проговорила я шопотомъ, будто бы для того, чтобы не разбудить Катю; но совсѣмъ не затѣмъ; мнѣ просто пріятно было шопотомъ говорить съ нимъ.

Онъ зашевелилъ губами, передразнивая меня, будто я говорила уже такъ тихо, что ничего нельзя было слышать. Увидѣвъ тарелку съ вишнями, онъ какъ будто украдкой схватилъ ее, пошелъ къ Сонѣ подъ липу и сѣлъ на ея куклы. Соня разсердилась сначала, но онъ скоро помирился съ ней, устроивъ игру, въ которой онъ съ ней на перегонки долженъ былъ съѣдать вишни.

— Хотите, я велю еще принести, сказала я, — или пойдете сами.

Онъ взялъ тарелку, посадилъ на нее куколъ, и мы втроемъ пошли къ сараю. Соня смѣясь бѣжала за нами, дергая его за пальто, чтобы онъ отдалъ куколъ. Онъ отдалъ ихъ и серьезно обратился ко мнѣ.

— Ну, какъ же вы не фіялка, сказалъ онъ мнѣ все еще тихо, хотя некого уже было бояться разбудить: — какъ только подошелъ къ вамъ послѣ всей этой пыли, жару, трудовъ, такъ и запахло фіялкой. И не душистою фіялкой, а знаете, эту первую,

темненькою, которая пахнетъ снѣжкомъ талымъ и травою весеннею.

— Ну, а что, хорошо все идетъ по хозяйству? спросила я его, чтобы скрыть радостное смущеніе, которое произвели во мнѣ его слова.

— Отлично! этотъ народъ вездѣ отличный. Чѣмъ больше его знаешь, тѣмъ больше любишь.

— Да, сказала я, — нынче передъ вами я смотрѣла изъ саду на работы, и такъ мнѣ вдругъ совѣстно стало, что они трудятся, а мнѣ такъ хорошо, что ..

— Не кокетничайте этимъ, мой другъ, перебилъ онъ меня, вдругъ серьезно, но ласково взглянувъ мнѣ въ глаза:—это дѣло свято. Избави васъ Богъ щеголять этимъ.

— Да я *вамъ* только говорю это.

— Ну да, я знаю. Ну, какъ же вишни?

Сарай былъ запертъ и садовниковъ никого не было (онъ ихъ всѣхъ усылалъ на работы). Соня побѣжала за ключомъ, но онъ, не дожидаясь ее, взлѣзъ на уголь, поднялъ сѣтку и спрыгнулъ на другую сторону.

— Хотите, послушался мнѣ оттуда его голосъ, — давайте тарелку.

— Нѣтъ, я сама хочу рвать, я пойду за ключомъ, сказала я, — Соня не найдетъ...

Но въ то же время мнѣ захотѣлось посмотреть, что онъ тамъ дѣлаетъ, какъ смотритъ, какъ движется, полагая, что его никто не видитъ. Да, просто мнѣ въ это время ни на минуту не хотѣлось терять его изъ виду. Я нацыпочкахъ по крапивѣ обѣжала сарай съ другой стороны, гдѣ было ниже и вставъ на пустую кадку, такъ что стѣна мнѣ приходилась ниже груди, перегнулась въ сарай. Я окинула глазами внутренность сарая съ его старыми изогнутыми деревьями и съ зубчатыми широкими листьями, изъ-за которыхъ тяжело и прямо висѣли черныя сочныя ягоды, и подсунувъ голову подъ сѣтку, изъ-подъ коряваго сука старой вишни увидала Сергѣя Михайлыча. Онъ вѣрно думалъ, что я ушла, что никто его не видитъ. Спявъ шляпу и закрывъ глаза, онъ сидѣлъ на развилкѣ старой вишни, и старательно скатывалъ въ шарикъ кусокъ вишневаго клею. Вдругъ онъ пожалъ плечами, открылъ глаза и проговоривъ что-то улыбнулся. Такъ не похоже на него было это слово и эта улыбка, что мнѣ совѣстно стало за то, что я подсматриваю его. Мнѣ показалось, что слово это было: Маша! не мо-

зеть-быть: думала я. «Милая Маша!» повторялъ онъ уже тише и еще вѣжливѣе. Но я уже явственно слышала эти два слова. Сердце забилось у меня такъ сильно, и такая волнующая, какъ будто запрещенная радость вдругъ обхватила меня, что я ухватилась руками за стѣну, чтобы не упасть и не выдать себя. Онъ услышалъ мое движеніе, испуганно оглянулся и, вдругъ опустивъ глаза, покраснѣлъ, побагровѣлъ какъ ребенокъ. Онъ хотѣлъ сказать мнѣ что-то, но не могъ, и еще, и еще такъ и вспыхивало его лицо. Однако онъ улыбнулся, глядя на меня. Я улыбнулась тоже. Все лицо его просіяло радостью. Это былъ уже не старый дядя, ласкающій и поучающій меня, это былъ равный мнѣ человекъ, который любилъ и боялся меня, и котораго я боялась и любила. Мы ничего не говорили и только глядѣли другъ на друга. Но вдругъ онъ нахмурился, улыбка и блескъ въ глазахъ его исчезли, и онъ холодно, опять отечески обратился ко мнѣ, какъ будто мы дѣлали что-нибудь дурное и какъ будто онъ опомнился и мнѣ совѣтовалъ опомниться.

— Однако слѣзайте, ушибетесь, сказалъ онъ. — Да поправьте волосы, посмотрите на чтѣ вы похожи.

«Зачѣмъ онъ притворяется? зачѣмъ хочетъ мнѣ дѣлать больно», съ досадой подумала я. И въ ту же минуту мнѣ пришло непреодолимое желаніе еще разъ смутить его и испытать на немъ мою силу.

— Нѣтъ, я хочу сама рвать, сказала я, и схватившись руками за ближайшій сукъ, ногами вскочила на стѣну. Онъ не успѣлъ поддержать меня, какъ я ужь соскочила въ сарай на землю.

— Какія вы глупости дѣлаете! проговорилъ онъ, снова краснѣя и, подъ видомъ досады, стараясь скрыть свое смущеніе: — вѣдь вы могли ушибиться. И какъ вы выйдете отсюда?

Онъ былъ смущенъ еще больше, чѣмъ прежде, но теперь это смущеніе уже не обрадовало, а испугало меня. Оно сообщилось мнѣ, я покраснѣла, и, избѣгая его взгляда и не зная чтѣ говорить, стала рвать ягоды, которыхъ класть мнѣ было не куда. Я упрекала себя, я раскаивалась, я боялась, и мнѣ казалось, что я навѣки погубила себя въ его глазахъ этимъ поступкомъ. Мы оба молчали, и обоимъ было тяжело. Соня, прибѣжавшая съ ключомъ, вывела насъ изъ этого тяжелаго положенія. Долго послѣ этого мы ничего не говорили другъ съ другомъ, и оба обращались къ Сонѣ. Когда мы вернулись къ Катѣ, которая увѣряла насъ, что не спала, а все слышала, и успокоилась, и онъ снова старался попасть въ свой покрови-

тельственный отеческій тонъ, но тонъ этотъ уже не удавался му и не обманывалъ меня. Мнѣ живо вспомнился теперь разговоръ, бывший нѣсколько дней тому назадъ между нами.

Катя говорила о томъ, какъ легче мужчинѣ любить и выражать любовь, чѣмъ женщинѣ.

— Мущина можетъ сказать, что онъ любитъ, а женщина— нѣтъ, говорила она.

— А мнѣ кажется, что и мущина не долженъ и не можетъ говорить, что онъ любитъ, сказалъ онъ.

— Отчего? спросила я.

— Оттого, что всегда это будетъ ложь. Что такое за открытіе, что человекъ любить? Какъ будто, какъ только онъ это скажетъ, что-то защелкнется, хлопъ—любить. Какъ будто, какъ только онъ произнесетъ это слово, что-то должно произойти необыкновенное, знаменія какія-нибудь, изъ всѣхъ пушекъ сразу выпалать. Мнѣ кажется, продолжалъ онъ,—что люди, которые торжественно произносятъ эти слова: «я васъ люблю», или себя обманываютъ, или что еще хуже, обманываютъ другихъ.

— Такъ какъ же узнаетъ женщина, что ее любятъ, когда ей не скажутъ этого? спросила Катя.

— Этого я не знаю, отвѣчалъ онъ,— у каждого человека есть свои слова. А есть чувство, такъ оно выразится. Когда я читаю романы, мнѣ всегда представляется, какое должно быть озадаченное лицо у поручика Стрѣльскаго, или у Альфреда, когда онъ скажетъ: «я люблю тебя, Элеонора!» и думаетъ, что вдругъ произойдетъ необыкновенное; и ничего не происходитъ ни у ней ни у него, тѣ же самые глаза и носъ и все то же самое.

Я тогда уже въ этой шуткѣ чувствовала что-то серьезное, относящееся ко мнѣ, но Катя не позволяла легко обращаться съ героями романовъ.

— Вѣчно парадоксы, сказала она.—Ну скажите по правдѣ, развѣ вы сами никогда не говорили женщинѣ, что любите ее?

— Никогда не говорилъ и на колѣно на одно не становился, отвѣчалъ онъ смѣясь,—и не буду.

«Да, ему не нужно говорить мнѣ, что онъ меня любитъ, думала я теперь, живо вспоминая этотъ разговоръ. Онъ любить меня, я это знаю. И все стараніе его казаться равнодушнымъ не разувѣрить меня.»

Весь этотъ вечеръ онъ мало говорилъ со мною, но въ каж-

домъ словъ его къ Катѣ, къ Сонѣ, въ каждомъ движеніи и взглядѣ его, я видѣла любовь, и не сомнѣвалась въ ней. Мнѣ только досадно и жалко за него было, зачѣмъ онъ находитъ нужнымъ еще таиться и притворяться холоднымъ, когда все уже такъ ясно, и когда такъ легко и просто можно бы было быть такъ невозможно счастливымъ. Но меня какъ преступленіе мучило то, что я спрыгнула къ нему въ сарай. Мнѣ все казалось, что онъ перестанетъ уважать меня за это и сердить на меня.

Послѣ чаю я пошла къ фортепіано, и онъ пошелъ за мною.

— Сыграйте что-нибудь, давно я васъ не слыхалъ, сказалъ онъ, догоняя меня въ гостиной.

— Я и хотѣла... Сергѣй Михайлычъ! сказала я, вдругъ глядя ему прямо въ глаза.—Вы не сердитесь на меня?

— За чтѣ? спросилъ онъ.

— Что я васъ не послушала послѣ обѣда, сказала я, краснѣя.

Онъ понялъ меня, покачалъ головою, и усмѣхнулся. Взглядъ его говорилъ, что слѣдовало бы побранить, но что онъ не чувствуетъ въ себѣ силы на это.

— Ничего не было, мы опять друзья, сказала я, садясь за фортепіано.

— Еще бы! сказалъ онъ.

Въ большой высокой залѣ было только двѣ свѣчи на фортепіано, остальное пространство было полутемно. Въ отворенныя окна глядѣла свѣтлая лѣтняя ночь. Все было тихо, только Катины шаги, съ перемежкой, поскрипывали въ темной гостиной, и его лошадь, привязанная подъ окномъ, фыркала и била копытомъ по лапуху. Онъ сидѣлъ сзади меня, такъ что мнѣ его не видно было; но вездѣ въ полутьмѣ этой комнаты, въ звукахъ, во мнѣ самой я чувствовала его присутствіе. Каждый взглядъ, каждое движеніе его, которыхъ я не видала, отзывались въ моемъ сердцѣ. Я играла сонату-фантазію Моцарта, которую онъ привезъ мнѣ, и которую я при немъ и для него выучила. Я вовсе не думала о томъ, чтѣ играю, но, кажется, играла хорошо, и мнѣ казалось, что ему нравится. Я чувствовала то наслажденіе, которое онъ испытывалъ, и, не глядя на него, чувствовала взглядъ, который сзади былъ устремленъ на меня. Совершенно невольно, продолжая безсознательно шевелить пальцами, я оглянулась на него. Голова его отдѣлялась на свѣтлѣвшемъ фонѣ ночи. Онъ самъ сидѣлъ, облокотившись головою на руки, и пристально смотрѣлъ на меня блестящими

глазами. Я улыбнулась, увидѣвъ этотъ взглядъ, и перестала играть. Онъ улыбнулся тоже, и укоризненно покачалъ головою на ноты, чтобъ я продолжала. Когда я кончила, мѣсяцъ посвѣтлѣлъ, поднялся высоко, и въ комнату, уже кромѣ слабого свѣта свѣчь, входилъ изъ оконъ другой серебристый свѣтъ, падавшій на полъ. Катя сказала, что ни на что не похоже, какъ я остановилась на лучшемъ мѣстѣ, и что я дурно играла; но онъ сказалъ, что, напротивъ, я никогда такъ хорошо не играла, какъ нынче, и сталъ ходить по комнатамъ, черезъ залу въ темную гостиную и опять въ залу, всякій разъ оглядываясь на меня и улыбаясь. И я улыбалась, мнѣ даже смѣяться хотѣлось безъ всякой причины, такъ я была рада чему-то, нынче только, сейчасъ случившемуся. Какъ только онъ скрывался въ дверь, я обнимала Катю, съ которою мы стояли у фортепьяно, и начинала цѣловать ее въ любимое мое мѣстечко, въ пухлую шею подъ подбородокъ; какъ только онъ возвращался, я дѣлала какъ будто серьезное лицо, и насилу удерживалась отъ смѣха.

— Чтò съ нею сдѣлалось нынче? говорила ему Катя.

Но онъ не отвѣчалъ и только посмѣивался на меня. Онъ зналъ, чтò со мною сдѣлалось.

— Посмотрите, что за ночь! сказалъ онъ изъ гостиной, оставиваясь передъ открытою въ садъ балконною дверью...

Мы подошли къ нему, и точно, это была такая ночь, какой ужъ я никогда не видала послѣ. Полный мѣсяцъ стоялъ надъ домомъ за нами, такъ что его не видно было, и половина тѣни крыши, столбовъ и полотна террасы, наискоски еп гассоугі лежала на песчаной дорожкѣ и газонномъ кругѣ. Остальное все было свѣтло и облито серебромъ росы и мѣсячнаго свѣта. Широкая цвѣточная дорожка, по которой съ одного края косо ложились тѣни георгинъ и подпорокъ, вся свѣтлая и холодная, блестя неровнымъ щебнемъ, уходила въ туманъ и въ даль. Изъ-за деревъ виднѣлась свѣтлая крыша оранжереи и изъ-подъ оврага поднимался растущій туманъ. Уже нѣсколько оголенные кусты сирени всѣ до сучьевъ были свѣтлы. Всѣ увлажненные росой, цвѣты можно было отличать одинъ отъ другаго. Въ аллеяхъ тѣнь и свѣтъ сливались такъ, что аллеи казались не деревьями и дорожками, а прозрачными, колыхающимися и дрожащими домами. Направо въ тѣни дома все было черно, безразлично и страшно. Но за то еще свѣтлѣ выходила изъ этого мрака причудливо-раскидистая макушка тополя, которая почему-то странно остановилась тутъ не далеко отъ дома, наверху въ яр-

комъ свѣтъ, а не улетѣла куда-то, туда далеко, въ уходящее синеватое небо.

— Пойдемте ходить, сказала я.

Катя согласилась, но сказала, чтобъ я надѣла колоши.

— Не надо, Катя, сказала я,—вотъ Сергѣй Михайлычъ дастъ мнѣ руку.

Какъ будто это могло помѣшать мнѣ промочить ноги. Но тогда это все мнѣ намъ троимъ было понятно и ни чуть не странно. Онъ никогда не подавалъ мнѣ руки, но теперь я сама взяла ее, и онъ не нашелъ этого страннымъ. Мы втроемъ сошли съ террасы. Весь этотъ мѣръ, это небо, этотъ садъ, этотъ воздухъ были не тѣ, которые я знала.

Когда я смотрѣла впередъ по аллеѣ, по которой мы шли, мнѣ все казалось, что туда дальше нельзя было идти, что тамъ кончился мѣръ возможнаго, что все это навсегда должно быть заковано въ своей красотѣ. Но мы подвигались, и волшебная стѣна красоты раздвигалась, впускала насъ, и тамъ тоже, казалось, былъ нашъ знакомый садъ, деревья, дорожки, сухія листья. И мы точно ходили по дорожкамъ, наступали на круги свѣта и тѣни, и точно, сухой листъ шуршалъ подъ ногою, и свѣжая вѣтка задѣвала меня по лицу. И это точно былъ онъ, который, ровно и тихо ступая подлѣ меня, бережно несъ мою руку, и это точно была Катя, которая, поскрипывая, шла рядомъ съ нами. И должно-быть это былъ мѣсяцъ на небѣ, который свѣтилъ на насъ, сквозь неподвижныя вѣтви...

Но съ каждымъ шагомъ сзади насъ и спереди снова замыкалась волшебная стѣна, и я переставала вѣрить въ то, что можно еще идти дальше, переставала вѣрить во все, чтѣ было.

— Ахъ! лягушка! проговорила Катя.

«Кто и зачѣмъ это говорить?» подумала я. Но потомъ я вспомнила, что это Катя, что она боится лягушекъ, и я посмотрѣла подъ ноги. Маленькая лягушонка прыгнула и замерла передо мной, и отъ нея маленькая тѣнь виднѣлась на свѣтлой глиняной дорожке.

— А вы не боитесь? сказалъ онъ.

Я оглянулась на него. Одной липы въ аллеѣ не доставало въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы проходили, мнѣ ясно было видно его лицо. Оно было такъ прекрасно и счастливо...

Онъ сказалъ: «вы не боитесь?» а я слышала, что онъ говорилъ: люблю тебя, милая дѣвушка! Люблю! люблю! твердилъ

его взглядъ, его рука; и свѣтъ, и тѣнь, и воздухъ, и все твердило то же самое.

Мы обошли весь садъ. Катя ходила рядомъ съ нами, своими маленькими шажками, и тяжело дышала отъ усталости. Она сказала, что время вернуться, и мнѣ жалко, жалко стало ее, бѣдняжку. «Зачѣмъ она не чувствуетъ того же, что мы? думала я. Зачѣмъ не всѣ молоды, не всѣ счастливы, какъ эта ночь и какъ мы съ нимъ?»

Мы вернулись домой, но онъ еще долго не уѣзжалъ, несмотря на то, что прокричали пѣтухи, что всѣ въ домѣ спали, и лошадь его все чаще и чаще била копытомъ по лопуху и фыркала подъ окномъ. Катя не напоминала намъ, что поздно, и мы, разговаривая о самыхъ пустыхъ вещахъ, просидѣли, сами не зная того, до третьяго часа утра. Ужъ кричали третьи пѣтухи, и заря начала заниматься, когда онъ уѣхалъ. Онъ простился какъ обыкновенно, ничего не сказавъ особеннаго; но я знала, что съ нынѣшняго дня онъ мой, и я уже не потеряю его. Какъ только я призналась себѣ, что люблю его, я все рассказала и Катѣ. Она была рада и тронута тѣмъ, что я ей рассказала, но бѣдняжка могла заснуть въ эту ночь, а я долго, еще долго, ходила по террасѣ, сходила въ садъ, и, припоминая каждое слово, каждое движеніе, прошла по тѣмъ аллеямъ, по которымъ мы прошли съ нимъ. Я не спала всю эту ночь, и въ первый разъ въ жизни видѣла восходъ солнца и раннее утро. И ни такой ночи, ни такого утра, я уже никогда не видала послѣ. Только зачѣмъ онъ не скажетъ мнѣ просто, что любить меня? думала я. Зачѣмъ онъ выдумываетъ какія-то трудности, называетъ себя старикомъ, когда все такъ просто и прекрасно. Зачѣмъ онъ теряетъ золотое время, которое можетъ-быть уже никогда не возвратится? Пускай онъ скажетъ люблю, словами скажетъ люблю, пускай рукой возьметъ мою руку, пригнетъ къ ней голову и скажетъ: люблю. Пускай покраснѣетъ и опуститъ глаза передо мной, и я тогда все скажу ему. И не скажу, а обниму, прижмусь къ нему и заплачу. Но что ежели я ошибаюсь, и ежели онъ не любитъ меня? вдругъ пришло мнѣ въ голову.

Я испугалась своего чувства, Богъ знаетъ куда оно могло повести меня, и его и мое смущеніе въ сараѣ, когда я спрыгнула къ нему, вспомнились мнѣ, и мнѣ стало тяжело, тяжело на сердцѣ. Слезы полились изъ глазъ, я стала молиться. И мнѣ пришла странная успокоившая меня мысль и надежда. Я

рѣшила говѣть съ нынѣшняго дня, причаститься въ день моего рожденія, и въ этотъ самый день сдѣлаться его невѣстою.

Зачѣмъ? почему? какъ это должно случиться? я ничего не знала, но я съ той минуты вѣрила и знала, что это такъ будетъ. Уже совсѣмъ разсвѣло, и народъ сталъ подыматься, когда я вернулась въ свою комнату.

IV.

Былъ успенскій постъ, и потому никого въ домѣ не удивило мое намѣреніе—говѣть въ это время.

Во всю эту недѣлю онъ ни разу не пріѣзжалъ къ намъ, и я не только не удивлялась, не тревожилась и не сердилась на него, но напротивъ была рада, что онъ не ѣздитъ, и ждала его только къ дню моего рожденія. Въ продолженіе этой недѣли я всякій день вставала рано, и покуда мнѣ закладывали лошадей, одна, гуляя по саду, перебирала въ умѣ грѣхи прошлаго дня, и, обдумывала то, что мнѣ нужно было дѣлать нынче, чтобы быть довольною своимъ днемъ и не согрѣшить ни разу. Тогда мнѣ казалось такъ легко быть совершенно безгрѣшною. Казалось, стоило только немножко постараться. Подъѣзжали лошади, я съ Катей или съ дѣвушкой садилась въ линейку, и мы ѣхали за три версты въ церковь. Входя въ церковь, я всякій разъ вспоминала, что молятся за всѣхъ, «со страхомъ Божиимъ входящихъ», и старалась именно съ этимъ чувствомъ всходить на двѣ поросшія травой ступени паперти. Въ церкви бывало въ это время не больше челоуѣкъ десяти, говѣвшихъ крестьянокъ и дворовыхъ; и я съ старательнымъ смиреніемъ старалась отвѣчать на ихъ поклоны, и сама, что мнѣ казалось подвигомъ, ходила къ свѣчному ящичку брать свѣчи у стараго старосты солдата, и ставила ихъ. Сквозь царскія двери виднѣлся покровъ алтаря, вышитый мамашей, надъ иконостасомъ стояли два деревянные ангела съ звѣздами, казавшіеся мнѣ такими большими, когда я была маленькая, и голубокъ съ желтымъ сіяніемъ, тогда занимавшій меня. Изъ-за клироса виднѣлась измятая купель, въ которой столько разъ я крестила дѣтей нашихъ дворовыхъ, и въ которой и меня крестили. Старый священникъ выходилъ въ ризѣ, сдѣланной изъ покрова гроба моего отца, и служилъ тѣмъ самымъ голосомъ, которымъ съ тѣхъ

самыхъ поръ, какъ помню себя, служилась церковная служба въ нашемъ домѣ, и крестины Сони, и панихиды отца, и похороны матери. И тотъ же дребезжащій голосъ дьячка раздавался на клиросѣ, и та же старушка, которую я помню всегда въ церкви, при каждой службѣ согнувшись стояла у стѣны, и плачущими глазами смотрѣла на икону въ клиросѣ и прижимала сложенные персты къ полинялому платку, и беззубымъ ртомъ шептала что-то. И все это уже не любопытно, не по однимъ воспоминаніямъ близко мнѣ было, все это было теперь велико и свято въ моихъ глазахъ, и казалось мнѣ полнымъ глубокаго значенія. Я вслушивалась въ каждое слово читаемой молитвы, чувствомъ старалась отвѣчать на него, и ежели не понимала, то мысленно просила Бога просвѣтить меня, или придумывала на мѣсто не разслышанной свою молитву. Когда читались молитвы раскаянія, я вспоминала свое прошедшее, и это дѣтское, невинное прошедшее казалось мнѣ такъ черно въ сравненіи съ свѣтлымъ состояніемъ моей души, что я плакала и ужасалась надъ собой; но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовала, что все это простится, и что ежели бы и еще больше грѣховъ было на мнѣ, то еще и еще слаще бы было для меня раскаяніе. Когда священникъ въ концѣ службы, говорилъ: «благословеніе Господне на васъ», мнѣ казалось, что я испытывала мгновенно сообщаемое мнѣ физическое чувство благосостоянія. Какъ будто какіе-то свѣтъ и теплота вдругъ входили мнѣ въ сердце. Служба кончалась, батюшка выходилъ ко мнѣ и спрашивалъ, не нужно ли, и когда пріѣхать къ намъ служить всенощную; но я трогательно благодарила его за то, что онъ хотѣлъ, какъ я думала, для меня сдѣлать; и говорила, что я сама приду или пріѣду.

— Самы потрудиться хотите? говаривалъ онъ.

И я не знала что отвѣчать, чтобы не согрѣшить противъ гордости.

Отъ обѣдни я всегда отпускала лошадей, ежели была безъ Кати, возвращалась одна пѣшкомъ, низко со смиреніемъ кланяясь всѣмъ встрѣчавшимся мнѣ, и стараясь найти случай помочь, посоветовать, пожертвовать собой для кого-нибудь, пособить поднять возъ, покачать ребенка, дать дорогу и загрязниться. Одинъ разъ вечеромъ, я слышала, что прикащикъ, докладывая Катѣ, сказалъ, что Семень, мужикъ, приходилъ просить тесину на гробъ дочери и денегъ рубль на поминки, и что онъ далъ ему. — Развѣ они такъ бѣдны? спросила

я. «Очень бѣдны, сударыня, безъ соли сидятъ,» отвѣчалъ прикащикъ. Что-то защемило мнѣ въ сердцѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ я какъ будто обрадовалась, услыхавъ это. Обманувъ Катю, что я пойду гулять, я побѣжала наверхъ, достала всѣ свои деньги (ихъ было очень мало, но все что у меня было), и, перекрестившись, пошла одна черезъ террасу и садъ на деревню, къ избѣ Семена. Она была съ края деревни, и я, никѣмъ не видяемая, подошла къ окну, положила на окно деньги и стукнула въ него. Кто-то вышелъ изъ избы, скрипнуль дверью и окликнуль меня, я, дрожа и холодѣя отъ страха, какъ преступница, прибѣжала домой. Катя спросила меня, гдѣ я была? что со мною? но я не поняла даже того, что она мнѣ говорила, и не отвѣтила ей. Все такъ ничтожно и мелко вдругъ показалось мнѣ. Я заперлась въ своей комнатѣ, и долго ходила одна взадъ и впередъ, не въ состояннн ничего дѣлать, думать, не въ состояннн дать себѣ отчета въ своемъ чувствѣ. Я думала и о радости всего семейства, о словахъ, которыми они назовутъ того, кто положилъ деньги, и мнѣ жалко становилось, что я не сама отдала ихъ. Я думала и о томъ, что бы сказать. Сергей Михайлычъ, узнавъ этотъ поступокъ, и радовалась тому, что никто никогда не узнаетъ его. И такая радость была во мнѣ и такъ дурны казались всѣ, и я сама, и такъ кротко я смотрѣла на себя и на всѣхъ, что мысль о смерти, какъ мечта о счастьи, приходила мнѣ. Я улыбалась, и молилась, и плакала, и всѣхъ на свѣтѣ и себя такъ страстно горячо любила въ эту минуту. Между службами я читала Евангеліе, и все понятнѣе и понятнѣе мнѣ становилась эта книга, и трогательнѣе, и проще исторія этой божественной жизни, и ужаснѣе, и непроницаемѣе тѣ глубины чувства и мысли, которыя я находила въ его ученнн. Но за то какъ ясно и просто мнѣ казалось все, когда я, вставая отъ этой книги, опять вглядывалась и вдумывалась въ жизнь, окружавшую меня. Казалось такъ трудно жить не хорошо, и такъ просто всѣхъ любить и быть любимой. Всѣ такъ добры, и кротки были со мной, даже Соня, которой я продолжала давать уроки, была совсѣмъ другая, старалась понимать, угождать и не огорчать меня. Какою я была, такими и всѣ были со мною. Перебирая тогда своихъ враговъ, у которыхъ мнѣ надо было просить прощеннн передъ исповѣдью, я вспомнила внѣ нашего дома только одну барышню, сосѣдку, надъ которою я посмѣялась годъ тому назадъ, при гостяхъ, и которая за это перестала къ намъ ѣздить. Я написала къ ней

письмо, признавая свою вину и прося ея прощенія. Она отвѣчала мнѣ письмомъ, въ которомъ сама просила прощенія и прощала меня. Я плакала отъ радости, читая эти простыя строки, въ которыхъ тогда мнѣ видѣлось такое глубокое и трогательное чувство. Няня расплакалась, когда я просила ея прощенія. За что они всѣ такъ добры ко мнѣ? чѣмъ я заслужила такую любовь? спрашивала я себя. И я невольно вспоминала Сергѣя Михайлыча и подолгу думала о немъ. Я не могла дѣлать иначе и даже не считала это грѣхомъ. Но я думала теперь о немъ совсѣмъ не такъ, какъ въ ту ночь, когда въ первый разъ узнала, что люблю его, я думала о немъ какъ о себѣ, невольно присоединяя его къ каждой мысли о своемъ будущемъ. Подавляющее вліяніе, которое я испытывала въ его присутствіи, совершенно исчезло въ моемъ воображеніи. Я чувствовала себя теперь равною ему, и съ высоты духовнаго настроенія, въ которомъ находилась, совершенно понимала его. Мнѣ теперь ясно было въ немъ то, что прежде мнѣ казалось страннымъ. Только теперь я понимала, почему онъ говорилъ, что счастье только въ томъ, чтобы жить для другаго, и я теперь совершенно была согласна съ нимъ. Мнѣ казалось, что мы вдвоемъ будемъ такъ безконечно и спокойно счастливы. И мнѣ представлялись не поѣздки за границу, не свѣтъ, не блескъ, а совсѣмъ другая тихая семейная жизнь въ деревнѣ съ вѣчнымъ самопожертвованіемъ, съ вѣчною любовью другъ ко другу и съ вѣчнымъ сознаніемъ во всемъ кроткаго и помогающаго Провидѣнія.

Я причащалась, какъ и предполагала, въ день моего рожденія. Въ груди у меня было такое полное счастье, когда я возвращалась въ этотъ день изъ церкви, что я боялась жизни, боялась всякаго впечатлѣнія, всего того, что могло нарушить это счастье. Но только-что мы вышли изъ линейки на крыльцо, какъ по мосту загремѣлъ знакомый кабріолетъ, и я увидала Сергѣя Михайлыча. Онъ поздравилъ меня, и мы вмѣстѣ вошли въ гостиную. Никогда съ тѣхъ поръ, какъ я его знала, я не была такъ спокойна и самостоятельна съ нимъ, какъ въ это утро. Я чувствовала, что во мнѣ былъ цѣлый новый міръ, котораго онъ не понималъ, и который былъ выше его. Я не чувствовала съ нимъ ни малѣйшаго смущенія. Онъ понималъ, должно-быть, отчего это происходило, и былъ особенно нѣжно кротокъ и набожно уважителенъ со мной. Я подошла было къ фортепяно, но онъ заперъ его и спряталъ ключъ въ карманъ.

— Не портите своего настроенія, сказалъ онъ, — у васъ теперь въ душѣ такая музыка, которая лучше всякой на свѣтѣ.

Я благодарна была ему за это, и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ было немного непріятно, что онъ такъ слишкомъ легко и ясно понималъ все, что тайно для всѣхъ должно было быть въ моей душѣ. За обѣдомъ онъ сказалъ, что пріѣхалъ поздравить меня и вмѣстѣ проститься, потому что завтра ѣдетъ въ Москву. Говоря это, онъ смотрѣлъ на Катю; но потомъ мелькомъ взглянулъ на меня, и я видѣла, какъ онъ боялся, что замѣтитъ волненіе на моемъ лицѣ. Но я не удивилась, не встревожилась, даже не спросила надолго ли? Я знала, что онъ это скажетъ и знала, что онъ не уѣдетъ. Какъ я это знала? Я теперь никакъ не могу объяснить себѣ; но въ этотъ памятный день, мнѣ казалось, что я все знала, что было и что будетъ. Я была какъ въ счастливомъ снѣ, когда все, что ни случится, кажется, что уже было, и все это я давно знаю, и все это еще будетъ, и я знаю, что это будетъ.

Онъ хотѣлъ ѣхать сейчасъ послѣ обѣда, но Катя, уставшая отъ обѣдни, ушла полежать, и онъ долженъ былъ подождать, пока она проснется, чтобы проститься съ ней. Въ залѣ было солнце, мы вышли на террасу. Только-что мы сѣли, какъ я совершенно спокойно начала говорить то, что должно было рѣшить участь моей любви. И начала говорить ни раньше, ни позже, а въ ту самую минуту, какъ мы сѣли, и ничего еще не было сказано, не было еще никакого тона и характера разговора, который бы могъ помѣшать тому, что я хотѣла сказать. Я сама не понимаю, откуда брались у меня такое спокойствіе, рѣшимость и точность въ выраженіяхъ. Какъ будто не я, а что-то такое, независимо отъ моей воли, говорило во мнѣ. Онъ сидѣлъ противъ меня, облокотившись на перилы, и притянувъ къ себѣ вѣтку сирени, обрывалъ съ нея листья. Когда я начала говорить, онъ отпустилъ вѣтку и головой оперся на руку. Это могло быть положеніе человѣка, совершенно спокойнаго или очень взволнованнаго.

— Зачѣмъ вы ѣдете? спросила я, значительно, съ разстановкой, и прямо глядя на него.

Онъ не вдругъ отвѣтилъ.

— Дѣла! проговорилъ онъ, опуская глаза.

Я поняла, какъ трудно ему было лгать передо мной и на вопросъ сдѣланный такъ искренно.

— Послушайте, сказала я, — вы знаете, какой день нынче для

меня. По многому, этотъ день очень важенъ. Ежели я васъ спрашиваю, то не для того, чтобы показать участіе (вы знаете, что я привыкла къ вамъ и люблю васъ), я спрашиваю потому, что мнѣ нужно знать. Зачѣмъ вы ѣдете?

— Очень трудно мнѣ вамъ сказать правду, зачѣмъ я ѣду, сказалъ онъ. — Въ эту недѣлю я много думалъ о васъ и о себѣ, и рѣшилъ, что мнѣ надо ѣхать. Вы понимаете, зачѣмъ? и ежели любите меня, не будете больше спрашивать. Онъ потеръ лобъ рукою и закрылъ ею глаза. — Это мнѣ тяжело... А вамъ понятно.

Сердце начало сильно биться у меня.

— Я не могу понять, сказала я, — *не могу*, а вы скажите мнѣ, ради Бога, ради нынѣшняго дня скажите мнѣ, я все могу спокойно слышать, сказала я.

Онъ перемигнулъ положенье, взглянулъ на меня и снова пригнулъ вѣтку.

— Впрочемъ, сказалъ онъ, помолчавъ немного и голосомъ, который напрасно хотѣлъ казаться твердымъ, — хоть и глупо и невозможно разказывать словами, хоть мнѣ и тяжело, я постараюсь объяснить вамъ, добавилъ онъ морщась, какъ будто отъ физической боли.

— Ну! сказала я.

— Представьте себѣ, что былъ одинъ господинъ, А положимъ, сказалъ онъ, — старый и отжившій, и одна госпожа Б, молодая, счастливая, не выдавшая еще ни людей, ни жизни. По разнымъ семейнымъ отношеніямъ, онъ полюбилъ ее, какъ дочь, и не боялся полюбить иначе.

Онъ замолчалъ, но я не прерывала его.

— Но онъ забылъ, что Б такъ молода, что жизнь для нея еще игрушка, продолжалъ онъ вдругъ скоро и рѣшительно и не глядя на меня, — и что ее легко полюбить иначе, и что ей это весело будетъ. И онъ ошибся и вдругъ почувствовалъ, что другое чувство, тяжелое какъ раскаянье, пробирается въ его душу, и испугался. Испугался, что разстроятся ихъ прежнія дружескія отношенія, и рѣшился уѣхать прежде, чѣмъ разстроятся эти отношенія. Говоря это, онъ опять, какъ будто небрежно, сталъ потирать глаза рукою и закрылъ ихъ.

— Отчего жъ онъ боялся полюбить иначе? чуть слышно сказала я, сдерживая свое волненіе, и голосъ мой былъ ровень; но ему онъ вѣрно показался шутливымъ. Онъ отвѣчалъ какъ будто оскорбленнымъ тономъ.

— Вы молоды, сказалъ онъ, — я не молодъ. Вамъ играть хочется,

а мнѣ другаго нужно. Играйте только не со мной, а то я повѣрю, и мнѣ не хорошо будетъ, и вамъ станеть совѣстно. Это А сказалъ, прибавилъ онъ,—ну да это все вздоръ, но вы понимаете, зачѣмъ я ѣду. И не будемъ-те больше говорить объ этомъ. Пожалуста!

— Нѣтъ! нѣтъ! будемъ говорить! сказала я, и слезы задрожали у меня въ голосъ.—Онъ любилъ ее или нѣтъ?

Онъ не отвѣчалъ.

— А ежели не любилъ, такъ зачѣмъ онъ игралъ съ ней, какъ съ ребенкомъ? проговорила я.

— Да, да, А виноватъ былъ, отвѣчалъ онъ, торопливо перебивая меня,—но все было кончено и они разстались... друзьями.

— Но это ужасно! и развѣ нѣтъ другаго конца, едва проговорила я, и испугалась того, чтò сказала.

— Да, есть, сказалъ онъ, открывая взволнованное лицо и глядя прямо на меня.— Есть два различные конца. Только ради Бога не перебивайте и спокойно поймите меня. Одни говорятъ, началъ онъ, вставая и улыбаясь болѣзненною тяжелою улыбкой,—одни говорятъ, что А сошелъ съ ума, безумно полюбилъ Б и сказалъ ей это... А она только засмѣялась. Для нея это были шутки, а для него дѣло цѣлой жизни.

Я вздрогнула и хотѣла перебить его, сказать, чтобъ онъ не смѣлъ говорить за меня, но онъ, удерживая меня, положилъ свою руку на мою.

— Постоите, сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, другіе говорятъ, будто она сжалилась надъ нимъ, вообразила себѣ, бѣдняжка, не выдавшая людей, что она точно можетъ любить его, и согласилась быть его женой. И онъ сумашедшій повѣрилъ, повѣрилъ, что вся жизнь его начнется снова, но она сама увидала, что обманула его, и что онъ обманулъ ее... Не будемъ-те больше говорить про это, заключилъ онъ, видимо не въ силахъ говорить далѣе, и молча сталъ ходить противъ меня.

Онъ сказалъ: «не будемъ говорить», а я видѣла, что онъ всѣми силами души ждалъ моего слова. Я хотѣла говорить, но не могла, что-то жало мнѣ въ груди. Я взглянула на него, онъ былъ блѣденъ, и нижняя губа его дрожала. Мнѣ стало жалко его. Я сдѣлала усилие и вдругъ, разорвавъ силу молчанія, сковывавшую меня, заговорила голосомъ тихимъ, внутреннимъ, который, я боялась, оборвется каждую секунду.

— А третій конецъ, сказала я, и остановилась, но онъ молчалъ,—а третій конецъ, что онъ не любилъ, а сдѣлалъ ей больно,

больно, и думалъ, что правъ, уѣхалъ и еще гордился чѣмъ-то. Вамъ, а не мнѣ, вамъ шутки, я съ перваго дня полюбила; полюбила васъ, повторила я, и на этомъ словѣ «полюбила», голосъ мой невольно изъ тихаго внутренняго перешелъ въ дикій вскрикъ, испугавшій меня самою.

Онъ блѣдный стоялъ противъ меня, губа его тряслась сильнѣе и сильнѣе, и двѣ слезы выступили на щеки.

— Это дурно! почти прокричала я, чувствуя, что задыхаюсь отъ злыхъ невыплаканныхъ слезъ. — За что? проговорила я и встала, чтобъ уйдти отъ него.

Но онъ не пустилъ меня. Голова его лежала на моихъ коленяхъ, губы его цѣловали еще мои дрожавшія руки, и его слезы мочили ихъ. — Боже мой, ежели бы я зналъ, проговорилъ онъ.

— За что? За что? все еще твердила я, а въ душѣ у меня было счастье, навѣки ушедшее, невозвратившееся счастье.

Черезъ пять минутъ Соня бѣжала навѣрхъ къ Катѣ и на весь домъ кричала, что Маша хочетъ жениться на Сергѣѣ Михайловичѣ.

V.

Не было причинъ откладывать нашу свадьбу, и ни я, ни онъ не желали этого. Правда, Катя хотѣла было ѣхать въ Москву и покупать и заказывать приданое, и его мать требовала было, чтобъ онъ, прежде чѣмъ жениться, обзавелся новою каретой, мебелью, и оклеилъ бы домъ новыми обоями, но мы вдвоемъ настояли на томъ, чтобы сдѣлать все это послѣ, ежели уже это такъ необходимо, а вѣнчаться двѣ недѣли послѣ моего рожденія, тихо, безъ приданаго, безъ гостей, безъ шаферовъ, ужиновъ, шампанскаго и всѣхъ этихъ условныхъ принадлежностей женитьбы. Онъ рассказывалъ мнѣ, какъ его мать была недовольна тѣмъ, что свадьба должна была сдѣлаться безъ музыки, безъ горъ сундуковъ и безъ передѣлки заново всего дома, не такъ какъ ея свадьба, стоявшая тридцать тысячъ, и какъ она серьезно и тайно отъ него, перебирая въ кладовой сундуки, совѣщалась съ экономкой Марьюшкой о какихъ-то необходимыхъ для нашего счастья коврахъ, гардинахъ и подносахъ. Съ моей стороны Катя дѣлала то же съ няней Кузьминишной. И объ этомъ съ ней нельзя было говорить шутя. Она твердо была убѣждена, что мы, говоря между собой о нашемъ будущемъ, только нѣжничаемъ, дѣлаемъ пустяки, какъ и свой-

ственно людямъ въ такомъ положеніи; но что существенное-то наше будущее счастье будетъ зависѣть только отъ правильной кройки и шитья сорочекъ и подрубки скатертей и салфетокъ. Между Покровскимъ и Никольскимъ каждый день по нѣскольکو разъ сообщались тайныя извѣстія, о томъ, что гдѣ заготавливалось, и хотя наружно между Катей и его матерью казались самыя нѣжныя отношенія, между ними чувствовалась уже нѣскольکو враждебная, но тончайшая дипломатія. Татьяна Семеновна, его мать, съ которою я теперь познакомилась ближе, была чопорная, строгая хозяйка дома и стараго вѣка барыня. Онъ любилъ ее не только какъ сынъ по долгу, но какъ человѣкъ по чувству, считая ее самою лучшею, самою умною, доброю и любящею женщиною въ мірѣ.. Татьяна Семеновна всегда была добра къ намъ и ко мнѣ особенно, и рада была, что сынъ ея женится, но когда я какъ невѣста была у нея, мнѣ показалось, что она хотѣла дать почувствовать мнѣ, что, какъ партія для ея сына, я могла бы быть и лучше, и что не мѣшало бы мнѣ всегда помнить это. И я совершенно понимала ее и была согласна съ ней.

Эти двѣ послѣднія недѣли мы видѣлись каждый день. Онъ пріѣзжалъ къ обѣду и просиживалъ до полночи. Но несмотря на то, что онъ говорилъ—и я знала, что говорилъ правду—что безъ меня онъ не живетъ, онъ никогда не проводилъ цѣлаго дня со мной и старался продолжать заниматься своими дѣлами. Внѣшнія отношенія наши до самой свадьбы оставались тѣ же какъ и прежде, мы продолжали говорить другъ другу *вы*, онъ не цѣловалъ даже моей руки и не только не искалъ, но даже избѣгалъ случаевъ оставаться наединѣ со мною. Какъ будто онъ боялся отдаться слишкомъ большой, вредной нѣжности, которая была въ немъ. Не знаю, онъ или я измѣнились, но теперь я чувствовала себя совершенно равною ему, не находила въ немъ больше прежде не нравившагося мнѣ притворства простоты, и часто съ наслажденіемъ видѣла передъ собою, вмѣсто внушающаго уваженіе и страхъ мущины, кроткаго и потеряннаго отъ счастья ребенка. Такъ только то и было въ немъ! Часто думала я, онъ точно такой же человѣкъ какъ и я, не больше. Теперь мнѣ казалось, что онъ весь передо мной, и что я вполне узнала его. И все, что я узнавала, было такъ просто и такъ согласнo со мной. Даже его планы о томъ, какъ мы будемъ жить вмѣстѣ, были тѣ же мои планы, только яснѣе и лучше обозначавшіеся въ его словахъ.

Погода эти дни была дурная, и большую часть времени мы

проводили въ комнатахъ. Самыя лучшія задушевныя бесѣды происходили въ углу между фортепіано и окошкѣмъ. На черномъ окнѣ близко отражался огонь свѣтъ, по глянцовитому стеклу изрѣдка ударяли и текли капли. По крышѣ стучало, въ дужѣ шлепала вода подъ жолобомъ, изъ окна тянуло сыростью. И какъ-то еще свѣтлѣе, теплѣе и радостнѣе казалось въ нашемъ углу.

— А знаете, я давно хотѣлъ вамъ сказать одну вещь, сказалъ онъ разъ, когда мы поздно одни засидѣлись въ этомъ углу. — Я, покуда вы играли, все думалъ объ этомъ.

— Ничего не говорите, я все знаю, сказала я.

Онъ улыбнулся.

— Да, правда, не будемъ говорить.

— Нѣтъ скажите, что? спросила я.

— А вотъ что? Помните, когда я вамъ разказывалъ исторію про А и Б.

— Еще бы не помнить эту глупую исторію. Хорошо, что такъ кончилось...

— Да еще бы немного, и все мое счастье погибло бы отъ меня самого. Вы спасли меня. Но главное, что я все лгалъ тогда, и мнѣ совѣстно, я хочу досказать теперь.

— Ахъ, пожалуста, не надо.

— Не бойтесь, сказалъ онъ улыбаясь. — Мнѣ только оправдаться надо. Когда я началъ говорить, я хотѣлъ разсуждать.

— Зачѣмъ разсуждать! сказала я, — никогда не надо.

— Да, я разсуждалъ плохо. Послѣ всѣхъ моихъ разочарованій, ошибокъ въ жизни, когда я нынче пріѣхалъ въ деревню, я такъ себѣ сказалъ рѣшительно, что любовь для меня кончена, что остаются для меня только обязанности доживанья, что я долго не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что такое мое чувство къ вамъ, и къ чему оно можетъ повести меня. Я надѣялся и не надѣялся, то мнѣ казалось, что вы кокетничаете, то вѣрилось, и самъ не зналъ, что я буду дѣлать. Но послѣ этого вечера, помните, когда мы ночью ходили по саду, я испугался, мое теперешнее счастье показалось мнѣ слишкомъ велико и невозможно. Ну, что бы было, ежели бы я позволилъ себѣ надѣяться, и напрасно? Но, разумѣется, я думалъ только о себѣ; потому что я гадкій эгоистъ.

Онъ помолчалъ, глядя на меня.

— Однако вѣдь и не совсѣмъ вздоръ я говорилъ тогда. Вѣдь можно и должно было мнѣ бояться. Я такъ много беру отъ васъ

и такъ мало могу дать. Вы еще дитя, вы бутонъ, который еще будетъ распускаться, вы въ первый разъ любите, а я...

— Да, скажите мнѣ по правдѣ, сказала я, но вдругъ мнѣ страшно стало за его отвѣтъ.—Нѣтъ, не надо, прибавила я.

— Любилъ ли я прежде? да? сказалъ онъ, тотчасъ угадавъ мою мысль. — Это я могу сказать вамъ. Нѣтъ, не любилъ. Никогда ничего похожего на это чувство... Но вдругъ какъ будто какое-то тяжелое воспоминаніе мелькнуло въ его воображеніи. — Нѣтъ, и тутъ мнѣ нужно ваше сердце, чтобъ имѣть право любить васъ, сказалъ онъ грустно. — Такъ развѣ не нужно было задуматься прежде чѣмъ сказать, что люблю васъ? Что я вамъ даю? Любовь — правда.

— Развѣ это мало? сказала я, глядя ему въ глаза.

— Мало, мой другъ, для васъ мало, продолжалъ онъ. — У васъ красота и молодость! Я часто теперь не сплю по ночамъ отъ счастья и все думаю о томъ, какъ мы будемъ жить вмѣстѣ. Я прожилъ много, и мнѣ кажется, что нашелъ то, что нужно для счастья. Тихая уединенная жизнь въ нашей деревенской глуши, съ возможностью дѣлать добро людямъ, которымъ такъ легко дѣлать добро, къ которому они не привыкли, потому трудъ, трудъ, который, кажется, что приноситъ пользу, потому отдыхъ, природа, книга, музыка, любовь къ близкому человѣку, вотъ мое счастье, выше котораго я не мечталъ. А тутъ сверхъ всего этого, такой другъ какъ вы, семья можетъ-быть, и все, что только можетъ желать человѣкъ.

— Да, сказала я.

— Для меня, который прожилъ молодость, да, но не для васъ, продолжалъ онъ. — Вы еще не жили, вы еще въ другомъ можетъ-быть захотите искать счастья и можетъ-быть въ другомъ найдете его. Вамъ кажется теперь, что это счастье, оттого, что вы меня любите.

— Нѣтъ, я всегда только желала и любила эту тихую семейную жизнь, сказала я.—И вы только говорите то самое, что я думала.

Онъ улыбнулся.

— Это только вамъ кажется, мой другъ. А вамъ мало этого. У васъ красота и молодость, повторилъ онъ задумчиво.

Но я разсердилась за то, что онъ не вѣрилъ мнѣ и какъ будто попрекалъ моею красотой и молодостью.

— Такъ за что же вы любите меня? сказала я сердито: — за молодость или за меня самою?

— Не знаю, но люблю, отвѣчалъ онъ, глядя на меня своимъ внимательнымъ, притягивающимъ взглядомъ.

Я ничего не отвѣчала и невольно смотрѣла ему въ глаза. Вдругъ, что-то странное случилось со мной; сначала я перестала видѣть окружающее, потомъ лицо его исчезло передо мной, только одни его глаза блестяли, казалось, противъ самыхъ моихъ глазъ, потомъ мнѣ показалось, что глаза эти во мнѣ, все помутилось, я ничего не видала и должна была зажмуриться, чтобъ оторваться отъ чувства наслажденія и страха, которые производилъ во мнѣ этотъ взглядъ...

Наканунъ дня, назначеннаго для свадьбы, передъ вечеромъ погода разгулялась. И послѣ дождей, начавшихся лѣтомъ, прояснился первый холодный и блестящій осенній вечеръ. Все было мокро, холодно, свѣтло, и въ саду въ первый разъ замѣчался осенній просторъ, пестрота и оголенность. На небѣ было ясно, холодно и блѣдно. Я пошла спать, счастливая отъ мысли, что завтра въ день нашей свадьбы будетъ хорошая погода. Въ этотъ день проснулась съ солнцемъ, и мысль, что уже нынче... какъ будто испугала и удивила меня. Я вышла въ садъ. Солнце только-что взошло и блестяло раздробленно сквозь облетѣвшія желтѣющія липы аллеи. Дорожка была устлана шуршавшими листьями. Сморщенные яркія кисти рябины краснѣлись на вѣткахъ съ убитыми морозомъ рѣдкими, покоробившимися листьями, георгины сморщились и почернѣли. Морозъ въ первый разъ серебромъ лежалъ на блѣдной зелени травы и на поломанныхъ лапухахъ около дома. На ясномъ, холодномъ небѣ не было и не могло быть ни одного облака.

Неужели нынче? спрашивала я себя, не вѣрся своему счастью. Неужели завтра уже я проснусь не здѣсь, а въ чужомъ нѣкольскомъ домѣ, съ колоннами? Неужели больше не буду ожидать и встрѣчать его, и по вечерамъ и ночамъ говорить о немъ съ Катей? Не буду съ нимъ сидѣть у фортепіано въ покровской залѣ. Не буду провожать и бояться за него въ темныя ночи? Но я вспоминала, что вчера онъ сказалъ, что пріѣзжаетъ въ послѣдній разъ, и Катя заставляла меня примѣривать подвѣчное платье, и сказала: къ завтраму; и я вѣрила на мгновенье и снова сомнѣвалась. Неужели съ нынѣшняго же дня буду жить тамъ съ тещею, безъ Надежи, безъ старика Григорія, безъ Кати? Не буду цѣловать на ночь няню и слышать, какъ она, по старой привычкѣ, перекрестивъ меня, скажетъ: покойной ночи, барышня? Не буду учить Соню и играть

съ нею, и черезъ стѣну стучать къ ней утромъ и слышать ея звонкій хохоть? Неужели нынче я сдѣлаюсь чужою для себя самой, и новая жизнь осуществленія моихъ надеждъ и желаній открывается передо мною? неужели навсегда эта новая жизнь? Я съ нетерпѣніемъ ждала его, мнѣ тяжело было одной съ этими мыслями. Онъ пріѣхалъ рано, и только съ нимъ я вполне повѣрила тому, что нынче буду его женою, и мысль эта перестала быть для меня страшною.

Передъ обѣдомъ мы ходили въ нашу церковь служить панихиду по отцѣ.

«Ежели бы онъ былъ живъ теперь!» думала я, когда мы возвращались домой, и я молча опиралась на руку человѣка, бывшаго лучшимъ другомъ того, о комъ я думала. Во время молитвы, припадая головою къ холодному камню пола часовни, я такъ живо воображала моего отца, такъ вѣрила въ то, что его душа понимаетъ меня и благословляетъ мой выборъ, что и теперь мнѣ казалось, что душа его тутъ летаетъ надъ нами, и что я чувствую на себѣ его благословеніе. И воспоминанія, и надежды, и счастье, и печаль сливались во мнѣ въ одно торжественное и пріятное чувство, къ которому шли этотъ неподвижный, свѣжій воздухъ, тишина, оголенность полей и блѣдное небо, съ котораго на все падали блестящія, но безсильные лучи, пытавшіеся жечь мнѣ щеку. Мнѣ казалось, что тотъ, съ кѣмъ я шла, понималъ и раздѣлялъ мое чувство. Онъ шелъ тихо и молча, и въ его лицѣ, на которое я взглядывала изрѣдка, выражалась та же важная не то печаль, не то радость, которыя были и въ природѣ и въ моемъ сердцѣ.

Вдругъ онъ обернулся ко мнѣ, я видѣла, что онъ хотѣлъ сказать что-то. Что ежели онъ заговоритъ не про то, про что я думаю? пришло мнѣ въ голову. Но онъ заговорилъ про отца, даже не называя его.—А одинъ разъ онъ шутя сказалъ мнѣ: женись на моей Машѣ? сказалъ онъ.

— Какъ бы онъ былъ счастливъ теперь! сказала я, крѣпче прижимая къ себѣ руку, которая несла мою.

— Да, вы еще были дитя, продолжалъ онъ, глядя въ мои глаза,—я цѣловалъ тогда эти глаза и любилъ ихъ только за то, что они на него похожи, и не думалъ, что они будутъ за себя такъ дороги мнѣ. Я звалъ васъ Машею тогда.

— Говорите мнѣ «ты», сказала я.

— Я только что хотѣлъ сказать тебѣ «ты», проговорилъ онъ,—

только теперь мнѣ кажется, что ты совсѣмъ моя, и спокойный, счастливый, притягивающій взглядъ остановился на мнѣ.

И мы все шли тихо по полевой, не проторенной дорожкѣ, черезъ стоптанное, сбитое жневье; и только шаги и голоса наши были намъ слышны. Съ одной стороны черезъ оврагъ до далекой оголенной рощи тянулось буроватое жневье, по которому, въ сторонѣ отъ насъ, мужикъ съ сохою беззвучно прокладывалъ все шире и шире черную полосу. Разсыпанный подъ горою табунъ казался близко. Съ другой стороны и впереди до сада и нашего дома, виднѣвшася изъ-за него, чернѣло и кое-гдѣ полосами уже зеленѣло озимое, оттаявшее поле. На всемъ блестѣло не жаркое солнце, на всемъ лежали длинныя, волокнистыя паутины. Онѣ летали въ воздухѣ вокругъ насъ и ложились на опыхающее отъ мороза жневье, попадали намъ въ глаза, на волосы, на платья. Когда мы говорили, голоса наши звучали и останавливались надъ нами въ неподвижномъ воздухѣ, какъ будто мы одни только и были посреди всего міра и одни подъ этимъ голубымъ сводомъ, на которомъ, вспыхивая и дрожа, играло нежаркое солнце.

Мнѣ тоже хотѣлось назвать его *ты*, но совѣстно было.

— Зачѣмъ ты идешь такъ скоро? сказала я скороговоркою и почти шопотомъ, и невольно покраснѣла.

Онъ пошелъ тише и еще ласкательнѣе, еще веселѣе и счастливѣе смотрѣлъ на меня.

Когда мы вернулись домой, уже тамъ была его мать и гости, безъ которыхъ мы не могли обойтись, и я до самаго того времени, какъ мы изъ церкви сѣли въ карету, чтобъ ѣхать въ Никольское, не была наединѣ съ нимъ.

Церковь была почти пуста, я видѣла однимъ глазомъ только его мать, прямо стоящую на коврикѣ у клироса, Катю въ чепцѣ, съ лиловыми лентами и слезами на щекахъ, и двухъ-трехъ дворовыхъ, любопытно глядѣвшихъ на меня. На него я не смотрѣла, но чувствовала тутъ подлѣ себя его присутствіе. Я вслушивалась въ слова молитвъ, повторяла ихъ, но въ душѣ ничего не отзывалось. Я не могла молиться и тупо смотрѣла на иконы, на свѣчи, на вышитый крестъ ризы на спинѣ священника, на иконостасъ, на окно церкви, и ничего не понимала. Я только чувствовала, что что-то необычайное совершается надо мною. Когда священникъ съ крестомъ обернулся къ намъ, поздравилъ и сказалъ, что онъ крестилъ меня, и вотъ Богъ привелъ и вѣнчать, Катя и его мать поцѣловали насъ и послышался голосъ Григо-

рія, зовущаго карету, я удивилась и испугалась, что все кончено уже, а ничего необыкновеннаго, соответствующаго совершившемуся надо мною таинству, не сдѣлалось въ моей душѣ. Мы поцѣловались съ нимъ, и этотъ поцѣлуй былъ такой странный, чуждый нашему чувству. «И только-то», подумала я. Мы вышли на паперть, звукъ колесъ густо раздался подъ сводомъ церкви, свѣжимъ воздухомъ пахнуло въ лицо, онъ надѣлъ шляпу и за руку посадилъ меня въ карету. Изъ окна кареты я увидѣла морозный съ кругомъ мѣсяцъ. Онъ сѣлъ рядомъ со мною и затворилъ за собою дверцу. Что-то кольнуло меня въ сердце. Какъ будто оскорбительна мнѣ показалась увѣренность, съ которою онъ это сдѣлалъ. Катинъ голосъ прокричалъ, чтобы я закрыла голову, колеса застучали по камню, потомъ по мягкой дорогѣ, и мы поѣхали. Я, прижавшись къ углу, смотрѣла въ окно на далекія свѣтлыя поля и на дорогу, убѣгающую въ холодномъ блескѣ мѣсяца. Ине глядя на него, чувствовала его тутъ рядомъ со мною. «Что жъ и только-то дала мнѣ эта минута, отъ которой я ждала такъ много?» подумала я, и мнѣ все какъ будто унижительно и оскорбительно казалось сидѣть одной такъ близко съ нимъ. Я обернулась къ нему съ намѣреніемъ сказать ему что-нибудь. Но слова не говорились, какъ будто уже не было во мнѣ прежняго чувства нѣжности, а чувства оскорбленія и страха замѣнили его.

— Я до этой минуты все не вѣрилъ, что это можетъ быть, тихо отвѣтилъ онъ на мой взглядъ.

— Да, но мнѣ страшно почему-то, сказала я.

— Меня страшно, мой другъ? сказалъ онъ, взявъ мою руку и опуская къ ней голову.

Моя рука безжизненно лежала въ его рукѣ, и въ сердцѣ становилось больно отъ холода.

— Да, прошептала я.

Но тутъ же сердце вдругъ забилося сильнѣе, рука задрожала и сжала его руку, мнѣ стало жарко, глаза въ полутьмѣ искали его взгляда, и я вдругъ почувствовала, что не боюсь его, что страхъ этотъ—любовь, новая и еще нѣжнѣйшая и сильнѣйшая любовь, чѣмъ прежде. Я почувствовала, что я вся его, и что я счастлива его властью надо мною.

Графъ Л. Толстой.

УИЛЛЯМЪ ЧАННИНГЪ

О ТРЕЗВОСТИ¹

Я вижу передъ собою представителей разныхъ обществъ, учрежденныхъ для распространенія трезвости. Это—великое и прекрасное дѣло, и я долженъ благодарить Бога, если исполненіемъ возложеннаго на меня порученія мнѣ удастся сколько-нибудь помочь вашему предпріятію, или бросить новый лучъ свѣта на путь, который избранъ вами. Настоящій случай весьма способенъ воодушевить служителя Христова. Какъ возвышенно свидѣтельствуетъ это собраніе о духѣ и вліяніи христіанской вѣры! Для чего собралось это множество людей? Не для себялюбиваго удовольствія, не для какой-нибудь суетной, мірской цѣли, а для того, чтобъ общими силами препятствовать распространенію великаго нравственнаго и обще-

(1) Читатели наши уже знакомы съ знаменитымъ американскимъ проповѣдникомъ Уиллямомъ Чаннингомъ по статьѣ Евгенія Туръ, напечатанной въ № 8 *Русскаго Вѣстника* за 1858 годъ. Мы полагаемъ, что они прочтутъ съ интересомъ рѣчь его о трезвости, помѣщаемую нами нынѣ. Эта рѣчь была произнесена Чаннингомъ въ Бостонѣ, по просьбѣ массачусетскаго общества трезвости 28 февраля 1837 года, въ день, назначенный для одновременнаго по всему свѣту собранія друзей трезвости. Она заимствована нами изъ сочиненій Чаннинга, изданныхъ подъ заглавіемъ: *Social Works*. Ред.

ственного зла, и способствовать успѣхамъ человѣческой добродѣтели, человѣческаго достоинства и благосостоянія. Откуда же такое сочувствіе къ падшимъ, къ преступнымъ, къ несчастнымъ людямъ? Научились ли мы ему въ школахъ древней философіи, или въ храмахъ Греціи и Рима? Нѣтъ. Это—наслѣдіе, оставленное намъ Иисусомъ Христомъ. Его уста, Его жизнь, Его крестъ передали намъ это наслѣдіе. Если мы захотимъ отыскать происхожденіе настоящаго собранія, то такое разысканіе приведетъ насъ къ Виелеему и Голгоѣ. Направленіе, данное Иисусомъ Христомъ душѣмъ человѣческой, продолжается уже много вѣковъ, и нынѣ проявляется еще видимѣе въ новыхъ и многочисленныхъ усиліяхъ филантропіи, которая старается освободить міръ отъ зла, подъ какою бы формою оно ни скрывалось. Религія, которая такъ мощно сближаетъ и соединяетъ людей для помощи, для поддержанія, для спасенія своихъ заблуждающихся или гибнущихъ братьевъ, носитъ на челѣ своемъ широкую, сіяющую, очевидную печать божественности! Возблагодаримъ Бога за то, что мы при самомъ рожденіи озарены свѣтомъ этой религіи, и возблагодаримъ еще больше, если ея божественная, святая любовь коснулась нашего сердца и проникла въ него!

Послѣ всего, что было уже сдѣлано друзьями трезвости для поощренія ея въ народѣ, я не могу, конечно, служить нашему дѣлу внесеніемъ въ него новыхъ идей. Тѣмъ не менѣе однако человѣкъ, привыкшій думать своей головою, невольно доходитъ до особенныхъ воззрѣній даже на самый знакомый общественный предметъ; и сосредоточивъ свой умъ, ему удастся иногда представить эти воззрѣнія въ новомъ видѣ, и привлечь къ нимъ то вниманіе, какимъ они прежде не пользовались, и какого между тѣмъ заслуживали.

Мнѣ кажется, можетъ-быть и неосновательно, что люди, писавшіе объ этомъ предметѣ, чаще и яснѣе указывали на второстепенныя бѣдствія, происходящія отъ невоздержанія, нежели на величайшее, на самое существенное заключающееся въ немъ зло, а также, что эти люди недовольно были убѣждены въ глубокости его причинъ и въ обширности средствъ, какія потребны противъ него. Подъ влияніемъ этихъ мыслей, я призываю ваше вниманіе на слѣдующіе пункты: великое, существенное зло, кроющееся въ невоздержаніи, обширность его искушеній, причины его, средства предупредить или остановить его развитіе.

I.

Спрошу прежде всего, какое главное, существенное зло, заключающееся въ невоздержаніи? Вотъ отвѣтъ: невоздержаніе есть *добровольное угашеніе въ себѣ разума*. Главный вредъ его внутренній или духовный. Невоздержный слагаетъ съ себя на нѣкоторое время свою разумную и духовную природу, теряетъ сознаніе того, что онъ есть, и власть надъ самимъ собою, производитъ въ себѣ временное безуміе и, повтореніемъ этого безумія, болѣе и болѣе расслабляетъ свои умственные и нравственные силы. Онъ прямо и непосредственно грѣшитъ противъ разума, этого божественнаго начала, посредствомъ котораго человѣкъ различаетъ истину отъ лжи, благо отъ зла, и которымъ отличается отъ безсловеснаго животнаго. Вотъ въ чемъ сущность этого порока, вотъ въ чемъ его ужасъ и опасность, и вотъ что должно бы прежде всего бросаться въ глаза каждому, одушевлять каждого, кто заботится о его искорененіи. Всѣ прочія бѣдствія, сопряженныя съ невоздержаніемъ, ничто въ сравненіи съ этимъ; почти всѣ они не больше, какъ послѣдствія этого перваго, главнаго бѣдствія; и справедливо, желательно даже, чтобы всѣ прочія бѣдствія присоединялись къ нему и сопровождали его. Да, когда человѣкъ заноситъ преступную руку на то, что въ сущности составляетъ его жизнь, когда онъ погашаетъ въ себѣ разумъ и сознаніе, желательно, чтобы онъ и всѣ другіе были торжественнымъ, грознымъ образомъ извѣщены о безмѣрности такого преступленія; чтобы бѣдствія внѣшнія и ужасающія были доказательствомъ внутренняго саморазрушенія, надъ которымъ онъ трудится; чтобы несчастіе и осужденіе, написанныя на лицѣ его, на тѣлѣ и на всемъ существѣ его свидѣтельствовали, какъ страшно для человѣка, разумной твари Божіей, отказываться отъ разума и уподоблять себя скоту. Говорящіе противъ невоздержанія описываютъ обыкновенно безобразное лицо пьяницы, то багровое, то смертельно-блѣдное, дрожаніе и безсиліе его членовъ, упадокъ его благосостоянія, его нищету, его отчаяніе; изображаютъ его жилище, въ которомъ царствуютъ уныніе и запустѣніе, его холодный очагъ, его жену съ растерзаннымъ сердцемъ, жалкій

СВѢТ

ХУДОЖЕСТВЕ

Свободные искусства, достигнув въ отечествѣ наше

Кто не знаетъ именъ незабвенныхъ Кипренскаго, Ворона изданія «СВѢТОПИСИ» (*). — Но мы, ближе знакомые съ смысломъ сказать: одинъ лишь Брюлловъ и его «Последній д художниковъ, стоящихъ въ главѣ русской школы и ихъ без

Обнародовать все прекрасное и истинно высокое въ с предпринятого въ 1858 году художникомъ Г. Н. Оже изда

Предпріятіе это хотя и было встрѣчено самыми лестн ствиемъ просвѣщенныхъ любителей, — но кругъ читателей с

При томъ всеобщемъ стремленіи къ приобрѣтенію пс характеризуетъ настоящее время, мы объясняемъ себѣ г ступенностию для большинства цѣны (30 р. сер.), объявляе

Тотъ, кто сколько нибудь знакомъ съ производствомъ издержекъ стоитъ не Свѣтописныхъ рисунковъ Свѣтописи и журналъ этотъ по край собственному на нить пользу наше понизить цѣну изда намъ возможность

Журналъ себя, кроме с

чь въ настояш чистовъ текс

І. ОТДѢ
Русскихъ худо
и отечествен
нѣ имъ ос
ТОКСТ

удеть закл

дамы озои
одинских или

для художественных
объ открытияхъ и усю

прежнимъ издателямъ
шев. Г. Каламъ, справе

яны на папкѣ; текстъ

ее изъ 12 номеровъ,
оставки на домъ 20 р.
ср. Г. сгужаши 1
т журналъ СВЯТОИ
въ редакцію журнага

ОДНІСІА

журнала: Въ Горохо

прскаго Почтамта.

чаткина на Невск

Демидова.

Вазунова на Стра

енныхъ конверт

ДУ

1859 года. Ценора

видъ его дѣтей, и мы стенаемъ при этихъ печальныхъ картинахъ. Но справедливость требуетъ, чтобы все это такъ было. Справедливо, чтобы тотъ, кто завѣдомо гаситъ въ себѣ свѣтильникъ разума и сознание, кто покидаетъ свое мѣсто въ ряду тварей, которыхъ Богъ создалъ разумными, и спускается въ рядъ животныхъ, справедливо, чтобы тотъ былъ посреди своихъ собратій живымъ памятникомъ гнѣва Божія, чтобы онъ являлъ всею своею наружностію, каждымъ своимъ движеніемъ, вездѣ, гдѣ только покажется, какъ ужасно преступленіе—уничтожать собственный разумъ! Еслибы мы были устроены такимъ образомъ, что могли бы погашать въ себѣ разумъ, а лицо наше между тѣмъ не теряло бы своей свѣжести, наружность—своей пріятности, тѣло—своей силы, еслибы благосостояніе наше не приходило оттого въ упадокъ, и въ жилищѣ нашемъ не было бы никакой замѣтной перемѣны къ худшему, то мы не только ничего бы этимъ не выиграли, а напротивъ, лишились бы видимыхъ знаковъ отеческой заботливости о насъ Бога. Его любовь къ намъ, Его благодать, также какъ и Его правосудіе, обнаруживаются въ томъ страшномъ клеймѣ, которое Онъ налагаетъ на пьяницу, во всей горечи наслажденій пьянства. Эти внѣшнія бѣдствія, какъ они ни кажутся ужасны, не болѣе какъ слабая эмблема внутренняго разрушенія. Намъ слѣдовало бы видѣть въ нихъ уваженіе, какое Богъ имѣетъ къ своему собственному образу, который Онъ водворилъ въ душѣ нашей, Его отеческое увѣщаніе, стремящееся предупредить преступленіе того, кто лишаетъ самого себя духовной и нравственной жизни.

Мы слишкомъ склонны останавливаться мыслию на послѣдствіяхъ или на наказаніи преступленія, и пренебрегать саміямъ преступленіемъ: это не значитъ извлекать изъ наказанія самую большую пользу, какую можно. Наказаніе есть внѣшній знакъ внутренняго зла; оно назначено для того, чтобы открывать намъ нѣчто болѣе ужасное, нежели оно само. Великость наказанія есть средство олицетворить, сдѣлать видимымъ великость преступленія, за которымъ оно слѣдуетъ. Нищета, сопряженная съ невоздержаніемъ, жалкіи, отталкивающій видъ человѣка, предающагося ему, и тѣлесныя страданія, которыя оно влечетъ за собою, не внушаютъ намъ всего должнаго ужаса, если мы не видимъ во всемъ этомъ знаковъ болѣе страшнаго опустошенія, какое этотъ порокъ производитъ въ душѣ человѣка.

Между бѣдствіями, причиняемыми невоздержаніемъ, припи-

сываютъ большую важность бѣдности, которая обыкновенно слѣдуетъ за нимъ. Но это зло, какъ оно ни велико, ничто въ сравненіи съ тѣмъ существеннымъ зломъ невоздержанія, которое я хотѣлъ бы показать вамъ во всей его наготѣ. Что за важность, что человѣкъ бѣденъ, если при немъ остаются умъ, энергія, воля и добродѣтели, приличныя человѣку? Что за важность, если придется ему прожить нѣсколько лѣтъ, питаюсь однимъ хлѣбомъ и водою? Сколько есть богатѣйшихъ людей, осужденныхъ болѣзнію на лишенія еще болѣе тяжкія? Честная, добродѣтельная, благородная бѣдность есть, сравнительно, легкое зло. Древніе философы считали ее какъ бы условіемъ добродѣтели; она была участью многихъ христіанъ. Все, что есть ужаснаго въ бѣдности пьяницы, заключается въ причинѣ, отъ которой она происходитъ. Человѣкъ, дошедшій до нищенства черезъ то, что онъ сдѣлалъ себя подобнымъ скоту, поистинѣ достоинъ сожалѣнія. Человѣкъ, не имѣющій никакого внутренняго утѣшенія, смотрящій на свой холодный очагъ, на свой пустой столъ, на своихъ дѣтей, покрытыхъ лохмотьями, съ мучительнымъ воспоминаніемъ своей виновности и съ раздражающими угрызениями совѣсти, поистинѣ несетъ безмѣрное бремя скорби. Что онъ страдаетъ, это ничего не значить; что онъ навлекъ на себя это страданіе добровольнымъ угашеніемъ своего разума, вотъ страшная мысль, вотъ невыносимое проклятіе!

Намъ говорятъ, что надобно удержать такого-то или такого-то человѣка отъ пьянства, для того чтобъ онъ не сталъ въ послѣдствіи обращаться за вспоможеніемъ къ городу, и не сдѣлался для него лишнимъ бременемъ. Это побужденіе довольно уважительное; но я не могу ни минуты остановиться мыслию на нѣсколькихъ сотняхъ или тысячахъ долларовъ, которыхъ стѣять городу пьяницы. Когда я прихожу въ домъ призрѣнія нищихъ и вижу нравственное униженіе, слабоуміе, безсмысліе, написанныя на лицѣ пьяницы, то вижу такое разореніе, въ сравненіи съ которымъ расходы на содержаніе нищаго не болѣе какъ песчинка. Я не сожалѣю о томъ, что обществу приходится платиться за пьяницу. Я желалъ бы, чтобъ оно платилось еще дороже. Я желалъ бы, чтобы тяжесть налоговъ по этому предмету принуждала всѣхъ насъ опомниться, и спросить себя, какимъ образомъ можно спасти пьяницу отъ совершенной гибели. Богъ устроилъ такъ, и устроилъ премудро, что грѣхъ простираетъ свое вредное дѣйствіе дальше самого себя, что никакое человѣческое существо не страдаетъ одно, что че-

ловѣкъ, который падаетъ, увлекаетъ другихъ людей, если не въ преступленіе свое, то по крайней мѣрѣ отчасти въ свое бѣдствіе. Если страдаетъ одинъ членъ общественнаго тѣла, то съ нимъ должны страдать и прочіе, и это справедливо: эта-то зависимость и заставляетъ насъ интересоваться нравственнымъ спасеніемъ ближняго и трудиться для возстановленія падшаго.

Пьянство гораздо болѣе жалко и ненавистно само по себѣ, нежели по своимъ внѣшнимъ послѣдствіямъ: эти послѣдствія всею своею горечью обязаны тому преступному источнику, изъ котораго вытекаютъ. Мы говоримъ о томъ, что пьяница дѣлаетъ несчастнымъ свое семейство; но отнимите у пьяницы его звѣрскую грубость, и какъ смягчится несчастье семейства! Мы говоримъ, что жена его и дѣти ходятъ въ лохмотьяхъ; пусть лохмотья остаются, но предположите, что они произошли отъ невинной причины; предположите, что этотъ пьяница человѣкъ добродѣтельный, добрый отецъ, и что болѣзнь, а не порокъ довела его семейство до такой нищеты. Предположите, что жена и дѣти привязаны къ нему глубокою любовью, которую онъ заслужилъ, неутомимо заботясь о нихъ и трудясь для нихъ; предположите, что они знаютъ, что изнуреніе тѣла его происходитъ отъ трудовъ, которые онъ переносилъ для доставленія имъ благосостоянія; предположите наконецъ, что онъ скажетъ имъ: «Мы бѣдны благами земной жизни, но богаты любовью и вѣрою въ Бога. Я васъ покидаю; но я оставляю васъ съ Отцомъ сиротъ, съ Богомъ вдовицъ.» Предположите это, и какъ измѣнятся лохмотья! Какъ измѣнится холодное обнаженное жилище! Теплота сердца можетъ защитить отъ зимней стужи, и въ этой добродѣтельной бѣдности есть надежда, есть честь. Чтò терзаетъ сердце жены пьянаго человѣка? Не то, что мужъ бѣденъ, но то, что онъ пьяница. Еслибы вмѣсто этого отекашаго лица, то обезображеннаго гнѣвомъ, то лишеннаго всякаго проблеска смысла, жена могла увидѣть ласковое лицо, которое въ продолженіи многихъ лѣтъ было зеркаломъ вѣрнаго сердца и души, полной добрыхъ началъ, то какое бремя свалилось бы съ ея сердца! Но нѣтъ, это — супругъ, котораго прикосновеніе не чисто, котораго болѣзни свидѣтельствуютъ о преступленіи, супругъ, который разрушилъ всѣ надежды своей жены, который измѣнилъ данной ей клятвѣ; супругъ, превратившій жилище свое въ адъ, это уже не тотъ, кого прежніе труды, болѣзнь и Провидѣніе поручили попеченіямъ жены и дѣтей.

Мы слишкомъ много думаемъ о послѣдствіяхъ порока, и не довольно о самомъ порокѣ. А между тѣмъ именно порокъ отравляетъ то, что мы называемъ его послѣдствіями, именно онъ и составляетъ горечь въ чашѣ человѣческихъ скорбей.

II.

Теперь я изложу вамъ нѣсколько замѣчаній объ искушеніяхъ, увлекающихъ къ невоздержанію; и для этого я не стану совѣтоваться съ статистиками, не стану пытаться исчислить жертвы пьянства. Я желаю возбудить всеобщую бдительность, показавъ, что искушенія, увлекающія насъ къ этому излишеству, распространены во всѣхъ классахъ общества. Мы часто говоримъ такъ, какъ будто только работники, невѣжды, люди безъ образованія подвергаются этой опасности, и какъ будто мы сами не имѣемъ другаго интереса въ этомъ вопросѣ, кромѣ интереса нашихъ ближнихъ. Но на дѣлѣ оно не такъ, на дѣлѣ опасность существуетъ для всѣхъ классовъ общества. По истинѣ, когда мы вспоминаемъ печальную исторію людей всякаго званія, бывшихъ когда-то самыми твердыми и въ послѣдствіи уступившихъ искушенію, то чувствуемъ, что никто не долженъ считать себя въ безопасности, и что, можетъ-быть, мы сами идемъ на краю пропасти. Молодые люди подвержены невоздержанію потому, что молодость непредусмотрительна, любитъ сильныя ощущенія, полагаетъ счастье въ шумныхъ удовольствіяхъ, охотница до пирушекъ, и слишкомъ часто находитъ въ нихъ или пролагаетъ черезъ нихъ себѣ дорогу къ гибели; но пожилые люди также не безопасны отъ этой склонности, ибо старость расслабляетъ и духъ наравнѣ съ тѣломъ, и незамѣтно похищаетъ у насъ власть надъ самими собою. Праздный человѣкъ подвергается не меньшей опасности, какъ и обремененный чрезмѣрнымъ трудомъ работникъ; ибо въ незанятости умъ рождаются томительныя желанія, и человѣкъ жадно ищетъ возбужденія въ опьяняющихъ напиткахъ, какъ средства избѣгнуть невыносимой скуки ничего-недѣланія. Люди грубые и невоспитанные легко впадаютъ въ невоздержаніе, потому что грубыя удовольствія не возмущаютъ ихъ. Грустнѣе подумать, что и умные и гениальные люди не меньше подвергаются этой опасности. Чрезмѣрная дѣятельность ума изнуряетъ человѣка

еще больше, нежели ручной трудъ. Она изнашиваетъ, если можно такъ выразиться, самыя тонкія частицы духа, и оставляетъ по себѣ или тѣлесное изнуреніе, требующее укрѣпляющихъ средствъ, или продолжительное волненіе крови, ищущее отрады въ обманчивыхъ успокоительныхъ средствахъ. Сверхъ того, умамъ, отличающимся большою энергіей, свойственна жажда сильныхъ ощущеній, и когда они не находятъ такихъ ощущеній въ невинныхъ занятіяхъ и удовольствіяхъ, то слишкомъ часто ищутъ ихъ между преступными наслажденіями.

Эти замѣчанія прилагаются въ особенности къ людямъ, одареннымъ поэтическимъ талантомъ, пламеннымъ воображеніемъ, которое становится еще воспримчивѣе отъ свойственной имъ чрезмѣрной чувствительности. Эти люди, живущіе въ мірѣ, созданномъ ими самими, воспламеняющіеся страстію къ идеальнымъ красотамъ и радостямъ, и слишкомъ часто заблуждающіеся въ мірѣ фантазіи, гдѣ воображеніе служитъ ихъ желанію, гдѣ чувственность торжествуетъ надъ разумомъ, эти люди въ особенности подвергаются опасности потерять равновѣсіе духа, спокойствіе мысли, ясность сужденія и нравственную силу воли, и сдѣлаться рабами прихоти, для которыхъ всякое простое и обыденное удовольствіе вяло и безвкусно, и которыхъ влечетъ къ гибели лихорадочная жажда наслажденій искусственныхъ и опьяняющихъ. У людей съ такимъ характеромъ, эти дурныя склонности часто усиливаются еще отъ чрезвычайной раздражительности нервной системы. Отсюда происходитъ, что самыя яркія свѣтила умственнаго міра слишкомъ часто подвергаются ѳдственнымъ затменіямъ, и что вдохновенный голосъ генія, этотъ благородный, доходящій до сердца голосъ, теряется иногда въ грубомъ и бессмысленномъ крикѣ пьяницы.

Я говорилъ о людяхъ ума первостепеннаго; но можно сказать вообще о всѣхъ благовоспитанныхъ людяхъ, что они не должны считать себя внѣ опасности. Говорятъ, что между людьми одного класса можно насчитать столько же пьяницъ изъ числа кончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ и изъ числа не получившихъ такого образованія. Изъ этого, впрочемъ, не слѣдуетъ заключать, что умственное образованіе не приноситъ никакой нравственной помощи; дѣло въ томъ, что все его благотворное вліяніе бываетъ парализовано. Образованные люди впадаютъ въ искушеніе такъ же часто, какъ и прочіе не потому, что образованіе бесполезно, а потому, что наши школы даютъ образованіе не полное; въ нихъ все стре-

митя къ развитію ума; для нравственнаго же развитія дѣлается очень мало, а для тѣлеснаго—совсѣмъ ничего. Еще одна причина зла заключается въ томъ, что молодые люди, получивъ либеральное образованіе, вступаютъ на такія поприща, гдѣ сначала имъ предстоитъ мало или совсѣмъ не предстоитъ занятій; гдѣ они долго бываютъ подвержены искушеніямъ праздности, искушеніямъ самымъ опаснымъ въ лѣта неопытности и страстей. Вотъ почему невоздержаніе вербуетъ себѣ столько рекрутовъ въ этомъ классѣ, составляющемъ главную надежду общества.

Я желалъ бы на этомъ и остановиться; но невоздержаніе имѣетъ жертву, еще болѣе плачевную, это—женщина. Я не знаю на землѣ болѣе печальнаго зрѣлища, какъ лицо женщины, когда-то не знавшее другой краски, кромѣ той, которая выстѣпаетъ отъ нѣжнаго чувства или святой скромности, теперь побавровѣвшее, обезображенное невоздержаніемъ. Даже и женщина не въ безопасности отъ этого порока! Нѣжность ея физическаго устройства подвергаетъ ее припадкамъ слабости, заставляющимъ ее жадать обманчивой помощи возбудительныхъ напитковъ. Муштина, съ своими желѣзными нервами, мало постигаетъ страданія чувствительной женской натуры; ему неизвѣстны отчаянныя мысли, толпою осаждающія ея уединеніе; онъ не знаетъ, до какого изнуренія доводятъ ее постоянныя заботы, и какъ власть ея надъ собою уменьшается черезъ разстройство, случающіяся въ слабой ея организаци. Надобно сказать правду, въ каждомъ семействѣ, къ какому бы званію оно ни принадлежало, есть члены, подверженные опасности увлечься невоздержаніемъ, и всѣмъ слѣдуетъ быть насторожѣ и смотрѣть за собою.

Не думайте, что я преувеличиваю, говоря о томъ, какъ всѣ мы подвержены опасности увлечься невоздержаніемъ. Пусть никто не говоритъ при видѣ пьяницы, котораго здоровье разрушено, и умъ разстроено: «я никогда не могу упасть такъ низко». И онъ, въ лѣта юности, также мало опасался паденія, какъ и вы. Его молодость подавала такія же блестящія надежды, какъ и ваша, и даже начавши уже падать, онъ также довѣрялъ себѣ, какъ и самые твердые изъ окружавшихъ его, и отвергнувъ бы съ такимъ же негодованіемъ совѣтъ беречься невоздержанія. Этотъ порокъ тѣмъ и опасенъ, что овладѣваетъ нами постепенно, почти незамѣтнымъ образомъ: рѣдко случается, чтобы люди, умирающіе отъ него, сознавали первыя его дѣйствія въ себѣ.

Молодость не подозреваетъ пьянства въ наслажденіи искрометнымъ напиткомъ, который возбуждаетъ и удваиваетъ ея веселость. Больной не видитъ его въ укрѣпляющемъ гѣнарствѣ, которое предписалъ ему врачъ, и которое вливаетъ новую жизнь въ его ослабѣвшіе органы. Человѣкъ мысли, человѣкъ гениальнаго ума не чувствуетъ мертвящаго яда въ напитокѣ, который кажется ему источникомъ вдохновенія для ума и воображенія. Человѣкъ, привязанный къ свѣту и его удовольствіямъ, далекъ отъ мысли, что то вино, которымъ теперь оживляется для него бесѣда, онъ будетъ нѣкогда пить одинъ, и упадетъ такъ низко, что не въ состояніи будетъ уже находить удовольствія въ обществѣ, которое нынче для него такъ привлекательно. Невоздержаніе приходитъ шагъ за шагомъ, безъ шума, и когда оно накидываетъ на насъ первыя узы, рука его бываетъ такъ легка, что мы ея не чувствуемъ. Это истина, извлеченная изъ горькаго опыта, и мы всѣ должны тщательно хранить ее въ сердцѣ, и во всѣхъ классахъ общества она должна имѣть вліяніе на привычки и сношенія домашней и общественной жизни.

Такова-то обширность искушеній, увлекающихъ насъ къ этому пороку. Надобно впрочемъ признаться, что хотя можно прослѣдить опустошенія, какія онъ производитъ во всѣхъ сословіяхъ, однако чаще всего можно встрѣтить его въ рабочемъ классѣ и между бѣдными: тутъ бѣдствія и злодѣянія, которыхъ причиной пьянство, доходятъ до такой степени, что мы съ ужасомъ отступаемъ; тутъ-то болѣе всего слѣдуетъ съ нимъ бороться. Итакъ, въ слѣдующихъ размышленіяхъ, я ограничусь тѣмъ, что укажу причины этого зла и средства противъ него въ рабочихъ классахъ общества.

III.

Между причинами невоздержанія есть много такихъ, которыя связаны съ настоящимъ состояніемъ общества, съ этимъ состояніемъ, которое каждый старается упрочить, и которое даетъ особенныя права большей части изъ насъ. Я настаиваю на этихъ причинахъ, потому что онѣ указываютъ намъ обязанность дѣлать все, отъ насъ зависящее, для искорененія этого порока. Совершенно справедливо, чтобы тѣ, которымъ благопріятствуетъ настоящее устройство общества, подали руку

помощи тѣмъ, для которыхъ оно вредно. Безъ всякаго сомнѣнiя, причина невоздержанiя находится въ самихъ невоздержныхъ, въ ихъ нравственномъ безсилiи, въ слабости ихъ воли, въ ихъ добровольной уступчивости искушенiю. Тѣмъ не менѣе общество, усиливая искушенiе, и уменьшая силу сопротивленiя, должно отвѣчать за пороки, которые въ немъ распространяются, и обязано употребить всю свою энергiю къ искорененiю ихъ. Это приводитъ меня къ разсмотрѣнiю нѣкоторыхъ изъ причинъ невоздержанiя, присущихъ нашему общественному устройству.

Одна изъ причинъ, съ каждымъ днемъ распространяющихся невоздержанiе, это тяжелое бремя труда и заботъ, угнетающее массы народа. Множество людей, для доставленiя себѣ и своимъ семействамъ насущнаго пропитанiя, принуждены работать до того, что силы ихъ истощаются, и здоровье разстраивается; они ищутъ себѣ подкрѣпленiя и отрады въ возбудительныхъ напиткахъ. Цивилизацiя не только не облегчила труда для человѣка, но сдѣлала этотъ трудъ еще тяжелѣе; и я вижу въ этомъ знакъ глубокой уродливости такъ-называемаго прогресса общества. Въ намѣренiя Творца не могло входить, чтобы человѣкъ тратилъ всю жизнь свою въ тяжкомъ трудѣ, съ цѣлю единственно поддержать животное свое существованiе. Та цивилизацiя очень несовершенна, въ которой большинство людей не можетъ отнять даже нѣсколькихъ минутъ у ручнаго труда, чтобы посвятить ихъ на свое умственное, нравственное и гражданственное развитiе. Печальное зрѣлище представляютъ собою толпы людей, низведенныхъ на степень рабочаго скота. Непомѣрный трудъ лишаетъ душу способности противиться искушенiю. Человѣкъ, изнуренный трудомъ и положенiемъ своимъ удаленный отъ возвышенныхъ удовольствiй, поневолѣ ищетъ въ чувственныхъ излишествахъ обманчиваго утѣшенiя. Трудно, конечно, сказать, какъ общество должно быть перестроено для того, чтобы ни одинъ классъ его не подвергался болѣе угнетенiю; ясно одно, слишкомъ ясно, что въ настоящихъ нашихъ учрежденiяхъ и привычкахъ не видно лѣкарства противъ этого недуга. Напротивъ, и богатые и бѣдные, кажется, все больше и больше обременяются непрерывнымъ трудомъ, мучатся изнурительнымъ предвидѣнiемъ, тревожною борьбой, лихорадочною конкуренцiей. Есть люди, ожидающие отъ законодательства облегченiя бремени, тяготящего на рабочихъ сословiяхъ; но законы, равные для всѣхъ, и гражданская

свобода не могут стереть этот возмутительный контрастъ сословій, какой представляютъ намъ теперь всѣ цивилизованныя общества. Внутреннее, духовное улучшение людей есть, мнѣ кажется, единственное вѣрное средство противъ общественныхъ недуговъ. Мы больше всего нуждаемся въ новомъ распространеніи христіанскаго братолюбія для возбужденія сильныхъ и счастливыхъ міра сего къ щедрому вспоможенію несчастнымъ и къ поддержанію слабыхъ; намъ нужно новое разлитіе въ народъ нравственныхъ и умственныхъ силъ, для того чтобъ оны могъ самъ стоять за себя, чтобы привыкъ управлять своими поступками и получилъ духъ независимости, который не позволялъ бы ему просить или принимать помощь, которая сдѣлалась бы ему ненужна.

Другая причина, тѣсно связанная съ предыдущею, это—невѣжество и умственное загробленіе значительнаго числа работниковъ. Люди, проводящіе цѣлый день за тяжелою работою, безъ возможности удѣлать минуту времени на размышленіе, на обработку своего ума, неминуемо имѣютъ способности, виды и наслажденія очень ограниченныя. Тѣло и настоящая минута занимаютъ всѣ ихъ помыслы. Удовольствія ума, воображенія, изящнаго вкуса, чтенія, образованныя бесѣды почти совершенно имъ недоступны. Какое удовольствіе остается на ихъ долю, кромѣ чувственнаго? Безъ размышленія и безъ предусмотрительности, какъ смутны должны быть ихъ понятія о религии и о долгѣ! Какъ они мало приготовлены къ борьбѣ съ искушеніемъ! Въ нашей странѣ, конечно, эта причина невоздержанія дѣйствуетъ менѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ. У насъ менѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было закоснѣлаго невѣжества, но съ другой стороны, у насъ несравненно легче, чѣмъ гдѣ-нибудь, доступъ къ вреднымъ излишествамъ, такъ что для необразованныхъ людей искушеніе порока у насъ, можетъ-быть, сильнѣе, нежели въ государствахъ менѣе просвѣщенныхъ. Внѣшнее благосостояніе, если оно не сопровождается нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ, влечетъ къ невоздержанію, и этому-то влеченію должны мы противиться.

Перейдемъ къ другой причинѣ невоздержанія у бѣдныхъ и у ремесленниковъ: это—всеобщее расположеніе общества къ чувственности и къ разсѣянной жизни. Правда, есть у богатыхъ многія добродѣтели и много ума, но обыкновенно ничего этого не видно; ибо у нихъ еще больше стремленія къ удовольствіямъ и разсѣянію, и это стремленіе заслоняетъ собою все остальное.

Большинство живеть единственно для чувственности. Тамъ, гдѣ не видно воздержанія въ обыкновенномъ значеніи этого слова, тамъ однако много излишествъ. Тысяча людей, никогда не бывающихъ пьяными, полагають верховное свое блаженство въ удовольствіяхъ стола. Сколько можно встрѣтить разслабленныхъ умовъ, отупѣвшихъ лицъ, загдохшихъ дарованій, благодаря этимъ опаснымъ наслажденіямъ! Чему бѣдный можетъ научиться у богатаго? Не самоотреченію, не стремленію къ образованію, не той великой христіанской истинѣ, что счастье чловѣка состоитъ въ торжествѣ духа надъ тѣломъ, во внутренней силѣ, въ жизни души. Всего этого богатый не доказываетъ своимъ примѣромъ. Бѣдный научается отъ него, что величайшее благо здѣшняго міра состоитъ въ удовлетвореніи тѣла. Слова и поступки счастливецъ міра сего противорѣчатъ урокамъ Христа и здравой философіи.

Сластолюбіе тѣхъ, которые даютъ тонъ мнѣнію публики, ихъ страсть къ удовольствіямъ, вотъ что въ высокой степени виновато въ воздержаніи бѣднаго. Какъ онъ можетъ противиться воздержанію? Единственно посредствомъ нравственной силы, энергіи воли, посредствомъ начала самоотреченія, существующаго въ душѣ его. Гдѣ же онъ научится этимъ добродѣтелямъ? Развѣ онъ получилъ болѣе возвышенныя правила, нежели тѣ, которые по своему званію стоятъ выше его? Онъ слышитъ, что людей, получившихъ лучшее, нежели онъ, воспитаніе, занимають вотъ какіе великіе вопросы: что мы будемъ ѣсть, что будемъ пить, какъ одѣнемся? Безпрестанныя усилія пріобрѣсти вещественныя блага, нравиться свѣту, нѣжить чувственность промзводить почти все движеніе, какое онъ видитъ вокругъ себя. Предполагать, что бѣдный будетъ постоянно получать отъ богатаго уроки роскоши и плотоугодія, и при всемъ томъ устоять передъ самыми увлекательными соблазнами, значило бы предполагать въ немъ такую нравственную силу, какой мы, къ сожалѣнію, чувствуемъ полное отсутствіе въ самихъ себѣ. Какъ мало живительной истины, какъ мало великихъ идей или божественнаго вдохновенія могутъ почерпнуть массы народа, посреди своихъ тягостныхъ испытаній у тѣхъ, кого счастье поставило выше ихъ въ обществѣ!

Еще одна изъ причинъ къ воздержанію заключается въ томъ, что въ настоящемъ состояніи общества, работникъ не имѣетъ уваженія къ самому себѣ. Пока богатство будетъ предметомъ поклоненія, мѣрою личнаго значенія, почетнымъ зна-

комъ отличія, до тѣхъ поръ люди, не имѣющіе по своему положенію въ обществѣ никакой надежды къ обогащенію, будутъ склонны презирать самихъ себя, гнушаться самими собою. Они невольно чувствуютъ, что имъ не дано главнаго блага жизни; они видятъ себя отчужденными; ихъ положеніе запрещаетъ имъ имѣть сношеніе съ людьми образованными; они думаютъ, что ихъ ставка въ обществѣ счастья очень незначительна, и что имъ нечего терять. Ничто не напоминаетъ имъ о величій ихъ природы; ничто не говоритъ имъ, что въ своемъ темномъ быту они могутъ усвоить себѣ величайшее благо въ мірѣ. Пропитанные, благодаря общему настроенію общества, пагубною мыслью, что богатство доставляетъ собою и честь и счастье, они не находятъ въ скудной долѣ своей ничего такого, что внушало бы имъ чувство самоуваженія. Въ этомъ заблужденіи они не виновнѣе богатыхъ; они только повторяютъ кликъ всего общества; но для нихъ это заблужденіе ведетъ за собою быстрое и глубокое паденіе. Унижая ихъ въ ихъ собственныхъ глазахъ, оно лишаетъ ихъ могущественной защиты противъ постыдныхъ пороковъ; оно располагаетъ ихъ къ грубымъ привычкамъ, къ грубымъ удовольствіямъ, къ унижительнымъ склонностямъ. Изъ всѣхъ классовъ общества съ бѣдными людьми слѣдовало бы, можетъ-быть, обращаться съ наибольшою деликатностію, чтобы предупредить главную опасность, которая постоянно грозитъ имъ; я говорю о потерѣ уваженія къ самому себѣ. Но ко всѣмъ прочимъ ихъ бѣдствіямъ мы прибавляемъ еще наше пренебреженіе: можно ли удивляться послѣ этого, что бѣдные не выдерживаютъ искушеній и падаютъ?

Я могъ бы указать въ нашемъ общественномъ устройствѣ еще другія причины, благопріятствующія развитію невоздержанія: но оставляю ихъ въ сторонѣ и удовольствуюсь указаніемъ вамъ отличнаго признака нашей эпохи, того, что въ наше время придаетъ силу всѣмъ порочнымъ наклонностямъ. Наша эпоха отличается такъ-называемою потребностью сильныхъ ощущеній. Быть возбужденнымъ, быть разгоряченнымъ, вотъ всеобщее стремленіе. За тихимъ спокойствіемъ, за умѣренностью, за упорнымъ трудолюбіемъ нашихъ отцовъ наступило лихорадочное безпокойство, овладѣвшее всѣми умами. Книги, которыя теперь читаются, не тѣ образцовыя, великія, безсмертныя созданія генія, которыя требуютъ отъ читателя спокойствія мысли и внушаютъ глубокія чувства; но эфемерныя произведенія, которыя пробѣгаются съ быстротою желѣзной дороги и достав-

ляютъ удовольствіе, похожее на опьяненіе. Промышленность сдѣлалась чѣмъ-то въ родѣ скачки; къ ней привлекаетъ сильное ощущеніе, доставляемое большимъ рискомъ и надеждой на огромные барыши. Самая религія имѣетъ свою долю въ этомъ всеобщемъ волненіи умовъ: есть мѣста, гдѣ для распространенія религіи прибѣгаютъ къ обрядамъ, дѣйствующимъ на нервы и доводящимъ впечатлительныхъ людей почти до сумашествія (1). Въ церковь идутъ не для молитвы и поученія, а для сильныхъ ощущеній! Эта жажда сильныхъ ощущеній не можетъ удержаться въ предѣлахъ одного какого-либо сословія; она охватываетъ собою и развращаетъ все общество; ею заразились и тѣ классы, которые, къ несчастію, могутъ доставить себѣ лишь одно сильное ощущеніе,—и у нихъ духъ вѣка выражается пьянствомъ.

IV.

Я представилъ вамъ нѣкоторыя изъ причинъ невоздержанія, коими мы обязаны нашему общественному устройству; я сдѣлалъ это для того, чтобы вы почувствовали, что всѣ классы общества, а особенно самые высшіе, обязаны, по всей справедливости, препятствовать распространенію этого зла; и не только справедливость, но и благотворительность требуетъ, чтобы мы не щадили никакихъ усилій для предупрежденія и для искорененія его. Мысль, что между нами есть множество людей, стоящихъ на краю бездны, безпрестанно подверженныхъ искушенію унижить и убить свою разумную природу, довести себя распутствомъ до состоянія животныхъ, подписать свою погибель и въ здѣшнемъ и въ будущемъ мірѣ,—такая мысль должна бы тревожить насъ больше, чѣмъ приближеніе чумы; да, при одной этой мысли, каждый, кому удалось избѣжать общей заразы, долженъ бы дѣлать все, что только состоитъ въ его власти, для возстановленія падшихъ братьевъ, а особенно для спасенія падающихъ.

Теперь представляется вопросъ: какъ остановить, какъ искоренить это великое зло? Это наша послѣдняя задача, и я от-

(1) Намекъ на методистскіе *ривайвалы*, которые состоятъ въ проповѣдяхъ подъ открытымъ небомъ, при театральнѣй обстановкѣ, сильно дѣйствующей на воображеніе.

вѣчу вотъ что: есть два способа поднять человѣка; надобно дѣйствовать на него или извнѣ или изнутри. Мы должны или дать ему силу противостоять искушеніямъ, или отстранить отъ него искушенія. Мы должны или увеличить силу сопротивленія, или уменьшить силу давленія. Оба способа полезны; но первый несравненно дѣйствительнѣе. Никого нельзя считать совершенно внѣ этой опасности, кромѣ человѣка, вооруженнаго нравственною силой, человѣка съ энергическою душой, твердыми правилами и добродѣтельною волей. Итакъ, главное средство остановить развитіе невоздержанія въ тѣхъ классахъ общества, которые наиболѣе подвергаются опасности увлекаться имъ, состоитъ въ томъ, чтобы внушить имъ или возбудить въ нихъ нравственную силу, умѣренность, болѣе энергическое и болѣе благородное дѣйствіе совѣсти и религіознаго начала. Иначе сказать, чтобы спасти работника и бѣднаго человѣка отъ невоздержанія, надобно расшевелить въ немъ все, что ведетъ къ умственному, нравственному и религіозному развитію. Намъ слѣдуетъ воспитать ихъ, какъ существа нравственные и разумныя, и развить всѣ благороднѣйшіе ихъ инстинкты. Мысль, что народъ, не перемѣнившись въ другихъ отношеніяхъ, можетъ быть вылѣченъ отъ невоздержанія, не что иное какъ химера. Это не случайный порокъ; это часть или признакъ всеобщаго развращенія. Только тогда можно дѣйствительно искоренить его, когда будетъ улучшено положеніе народа и характеръ его. Для излѣченія больнаго члена или органа нужно подкрѣпить и облегчить все тѣло; точно также и съ душою. Еслибы даже мы и желали, мы не можемъ искоренить и у бѣдняка тѣ пороки, которые намъ вредны, оставляя его съ другой стороны такимъ же испорченнымъ, какъ и прежде. Лишь всеобщее нравственное улучшение бѣднаго можетъ защитить его отъ тѣхъ пороковъ, которые дѣлаютъ его бичемъ для самого себя и для ближнихъ.

Но какимъ образомъ вдохнуть нравственную силу въ наименѣе счастливые классы общества? Отвѣчаю не задумываясь, что лучшее средство къ тому—усилить это качество у богатыхъ. Всѣ классы общества связаны между собою взаимными узами, въ каждомъ отзывается настроеніе другаго. Если эгоизмъ и чувственность господствуютъ между людьми богатыми и образованными, тѣ же пороки, только въ болѣе грубой формѣ, отразятся и на бѣдныхъ, и на невѣждахъ. Въ высококомъ ли, въ низкомъ ли званіи, тотъ есть самый лучший другъ трез-

восте, чѣи поступки и вся жизнь ясно, положительно доказываютъ нравственную энергію, умѣренность, побѣду надъ чувственностью и любостяжаніемъ, возвышенность чувствъ и правилъ. Величайшій благодѣтель общества не тотъ, кто служить ему отдѣльными актами, но тотъ, чье все поведеніе свидѣтельствуеетъ о побужденіяхъ болѣе благородныхъ, нежели какимъ руководится толпа. Подобные люди суть соль земли. Вліяніе личной добродѣтели дѣйствительнѣе всѣхъ другихъ вліяній. Размноженіе такихъ людей, обладающихъ истинною силой и истиннымъ величіемъ души, было бы самымъ вѣрнымъ изъ всѣхъ предзнаменованій, что нетрезвость исчезнетъ въ цѣломъ обществѣ.

Другое средство,—это стараніе поддерживать болѣе, чѣмъ нынче дѣлается, братскія отношенія между наиболѣе и наименѣе просвѣщенными классами общества. Наши общественныя преграды и различія должны бы быть отвергнуты, какъ нарушеніе христіанскаго закона, потому что онѣ ограничиваютъ сочувствіе, и ставятъ духъ касты и гордость званія на мѣсто духа человеколюбія и уваженія къ общей нашей природѣ. Сословія, обладающія просвѣщеніемъ, силой и добродѣтелью, обязаны дѣлиться этими благами съ тѣми, которые лишены ихъ. Слабый, невѣжда, падающій и падшій не должны быть исключаемы изъ общества своихъ братьевъ; братья не должны допускать, чтобъ эти несчастные дѣйствовали постоянно и исключительно одни на другихъ, и распространяли такимъ образомъ до безконечности свои бѣдствія и преступленія. Благодѣтельные люди должны бы составить между собою священный союзъ противъ зла, и атаковать его частными и общими силами; они должны бы подойти къ нему ближе, изучить его, плакать и молиться, и всю свою душу положить въ усилія для его устраненія. Друзья мои, вы, которыхъ Богъ одарилъ благами жизни, которыхъ Онъ просвѣтилъ, въ чьемъ сердцѣ Онъ посѣялъ чувство самоуваженія, что вы дѣлаете для тѣхъ, которые готовы упасть, для вашихъ обездоленныхъ братьевъ? Когда истинный христіанинъ подумаетъ о количествѣ преступленій, совершающихся въ этомъ городѣ и не возбуждающихъ ни въ комъ ни жалости, ни состраданія, не будетъ ли онъ пораженъ жестокостью нашихъ сердець? Не всѣ ли мы одной крови, одной природы, одного небснаго происхожденія? и неужели внѣшнія отличія, которыя завтра можетъ быть на вѣки будутъ схоронены въ могилѣ, должны отчуждать насъ

другъ отъ друга и разрушать симпатію и помощь, какими брать обязанъ брату? Въ христіанскомъ обществѣ ни одно человѣческое существо не должно было бы быть допущено до паденія, не получивъ прежде всѣхъ возможныхъ совѣтовъ, увѣщаній, знаковъ участія, помощи отъ тѣхъ, кто просвѣщеннѣе и добродушнѣе его. Не говорите, что это невозможно. Я знаю, что это невозможно безъ важныхъ измѣненій въ нашихъ привычкахъ, нашихъ понятіяхъ, нашихъ чувствахъ; но нужно, чтобъ эти измѣненія совершились. Новыя узы должны соединить разрозненные члены человѣчества. Новое чувство ответственности должно воодушевить людей просвѣщенныхъ, людей достаточныхъ, людей добродушныхъ. Христіанство того требуетъ; благо общества того требуетъ; я замѣчаю радостныя предзнаменованія къ тому, и это одна изъ самыхъ свѣтлыхъ сторонъ нашей эпохи.

Еще разъ, для того, чтобы возвысить и поддержать сословія, подверженныя наибольшимъ опасностямъ, необходимо давать имъ лучшее воспитаніе. Мы гордимся средствами, какія имѣютъ къ воспитанію бѣдные люди нашей страны; но должно признаться, что какъ для богатыхъ, такъ и для бѣдныхъ, средства эти недостаточны. Что касается до нравственнаго образованія, то имъ почти не занимаются въ нашихъ публичныхъ школахъ; однако воспитать человѣка значитъ нѣчто болѣе, нежели дать ему первоначальныя свѣдѣнія, съ помощію которыхъ онъ можетъ зарабатывать себѣ хлѣбъ насущный. Это значитъ развить въ немъ, привести въ дѣйствіе благороднѣйшія его чувства и способности. Воспитаніе не то, что произвольное, насильственное, механическое ученіе, которое навязываютъ уму, остающемуся бездѣтельнымъ, это—свободное, живительное дѣйствіе богато-одаренныхъ душъ на юные умы. Такого воспитанія у насъ почти не встрѣтишь, а его-то намъ и нужно. Къ чему служить, позвольте васъ спросить, все богатство нашей страны, если оно не употребляется на воспитаніе поколѣнія, которое было бы лучше насъ? Къ чему и свобода, если не для развитія благороднѣйшихъ силъ души во всѣхъ сословіяхъ и въ каждомъ гражданинѣ? Какая великая цѣль у общества, если не преуспѣяніе всего человѣчества? Къ чему поддерживать такъ заботливо республиканскія учрежденія, если они не образуютъ лучшей расы и не облагораживаютъ всѣхъ классовъ?

Жалкое и очень распространенное у насъ заблужденіе пола-

гаеть, что работники, по условіямъ, въ какихъ они находятся, никогда не будутъ имѣть возможности умственно развиваться. Они созданы, думаютъ, для того, чтобы работать, а не для того, чтобы стремиться къ великой цѣли каждаго человѣческаго существа, то-есть къ развитію данныхъ ему Богомъ чувствъ и способностей. Нѣтъ, это неправда! Самый бѣдный ребенокъ, и тотъ можетъ и долженъ имѣть въ изобиліи средства къ усовершенствованію себя; и если бы въ насъ было истинное уваженіе къ человѣческой природѣ и къ христіанской религіи, то онъ ни въ чемъ не имѣлъ бы недостатка. Недавно я получилъ письмо отъ одного умнаго человѣка, который путешествуеть по Германіи; онъ пишетъ, что тамъ, въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, въ самыхъ бѣдныхъ классахъ народа можно встрѣтить такую степень умственного образованія, какую обыкновенно не считаютъ совмѣстимою съ ихъ положеніемъ. Чувство изящнаго въ природѣ и въ искусствѣ составляетъ тамъ источникъ наслажденія для людей, которыхъ мы обыкновенно считаемъ неспособными къ этимъ благороднымъ и невиннымъ удовольствіямъ; въ воскресныхъ школахъ преподается тамъ ученіе болѣе разнообразное, нежели у насъ, и въ хижинахъ, далеко уступающихъ домамъ нашихъ земледѣльцевъ, можно найдти книги и научныя познанія. «Словомъ, прибавляетъ мой другъ, передо мною доказательство, что воспитаніе, какое даютъ здѣсь, развиваеть просвѣщеніе и благоденствіе въ сословіи, которое у насъ съ трудомъ существуетъ, или которое считается у насъ слишкомъ низкимъ для того, чтобы получать нѣкоторую степень образованія и употреблять его съ пользой.» Факты этого рода должны внушать новыя надежды филантропамъ, трудящимся надъ нравственнымъ и умственнымъ оживленіемъ всѣхъ слоевъ общества.

Сколько можно сдѣлать въ этомъ городѣ для распространенія знанія, ума, чувства изящнаго, удовольствій воображенія и художествъ, и что важнѣе всего, вліянія религіи! Если бы люди достаточные, люди образованные понимали, что, послѣ доставленія всего нужнаго своимъ семействамъ, они не могутъ дѣлать лучшаго употребленія изъ своихъ богатствъ и своего вліянія, какъ способствуя развитію и облагороженію общества, какъ обновился бы этотъ городъ! Сколько высокихъ умовъ можно бы привлечь къ дѣлу воспитанія ближнихъ, если бы рѣшились употребить при этомъ мудрую щедрость! Можно ли найдти лучшее употребленіе для богатства, какъ облегчать бремя

трудоу и скорбей здѣшной жизни людямъ сильнаго и безкорыстнаго ума, доставлять имъ время и случай учиться, доставлять имъ возможность посвятить всю свою силу, все свое существо духовному улучшенію своихъ братьевъ. Самый вѣрный признакъ цивилизаціи это меньшее и меньшее поглощеніе матеріальнымъ трудомъ способнѣйшихъ людей въ государствѣ, для того чтобы они могли посвятить себя развитію ума, воображенія, совѣсти, добрыхъ чувствъ, нравственной энергіи своихъ согражданъ вообще и молодаго поколѣнія въ особенности. Если бы то, что мы тратимъ теперь на роскошь и пустыя прихоти, было разумно, добросовѣстно употреблено на доставленіе всѣмъ нашимъ согражданамъ средствъ къ благородному умственному развитію, то этотъ городъ былъ бы чудомъ и радостью земли. Того, что мы бросаемъ на вѣтеръ, было бы достаточно, чтобы всѣмъ дать не только хорошее воспитаніе, но еще и внушить любовь къ изящному. Музыка могла бы преподаваться у насъ въ такихъ же широкихъ размѣрахъ, какъ и въ Германіи, и сдѣлаться услажденіемъ труда, удовольствіемъ общества, отрадою одиночества, утѣшеніемъ бѣднѣйшихъ жилищъ. Скажу болѣе, то, что мы теперь бросаемъ на вѣтеръ, могло бы черезъ нѣсколько лѣтъ придать этому городу главныя прелести Парижа: новый Лувръ и новый Ботаническій садъ, гдѣ образованные люди всѣхъ сословій имѣли бы случай развивать въ себѣ любовь къ искусствамъ и къ природѣ. По счастью, дѣло болѣе разумнаго воспитанія начинаетъ находить здѣсь приверженцевъ. Благодареніе за это тому благородному сыну Бостона, чей прахъ покоится на чуждыхъ берегахъ, но который оставилъ родному городу знакъ сыновней любви своимъ щедрымъ пожертвованіемъ въ пользу распространенія здраваго воспитанія. Хвала имени Ловеля, просвѣщеннаго благодѣтеля своей родины! Общество, которое употребило бы всѣ усилія къ лучшему воспитанію юношества, къ благородному развитію человѣческой природы, совершило бы чудеса, какія никому еще не приходили въ голову; и для достиженія этой-то цѣли мы должны бы трудиться. Какъ ничтожны наша роскошь и хвастовство въ сравненіи съ улучшеніемъ нашихъ семействъ, сосѣдей и всѣхъ ближнихъ!

Позвольте мнѣ выразить серіозное желаніе, чтобы наши законодатели, соревнуя успѣхамъ другихъ странъ и заботясь о поддержаніи старой республиканской чести, приняли наконецъ энергическія мѣры къ тому, чтобы подвинуть у насъ воспи-

таніе впередъ. Намъ нужно заведеніе для приготовленія лучшихъ наставниковъ, и пока у насъ не будетъ его, до тѣхъ поръ мы не сдѣлаемъ успѣховъ. Если намъ чего не достаетъ, то именно хорошихъ наставниковъ. Мы хвалимся своими школами, но школы сравнительно мало производятъ добра, если нѣтъ просвѣщенныхъ учителей. Безъ хорошаго преподаванія школа, не болѣе какъ названіе. Заведеніе для приготовленія наставниковъ юношества, было бы источникомъ живой воды, который оплодотворилъ бы и настоящее и будущее. До сихъ поръ наши законодатели отказывали бѣднымъ и работникамъ въ этомъ главномъ средствѣ къ возвышенію: надѣмся, что они не навсегда останутся слѣпы тамъ, гдѣ дѣло идетъ о первомъ государственномъ интересѣ.

Намъ нужны лучшіе учителя, и намъ они нужны въ большемъ количествѣ, для всѣхъ классовъ общества, для богатыхъ и для бѣдныхъ, для дѣтей и для взрослыхъ. Нужно, чтобъ общество сдѣлало все, отъ него зависящее, для доставленія себѣ лучшихъ учителей; это его самый важный интересъ. Возрожденіе не замедлитъ, когда должность преподавателя будетъ считаться на равнѣ съ высшими государственными должностями. Когда народъ пойметъ, что величайшіе его благодѣтели и почтеннѣйшіе его члены суть люди, посвящающіе себя образованію всѣхъ сословій, заботящіеся объ оживленіи оцѣпенѣлыхъ умовъ, тогда передъ этимъ народомъ будетъ открытъ путь къ истинной славѣ. Эта истина идетъ своею дорогою; Сократъ теперь считается величайшимъ человекомъ своего времени, которое изобиловало великими людьми. Учить словомъ и дѣломъ, вотъ самое высокое призваніе человека на землѣ. Обыкновенно думаютъ, будто наставникъ нуженъ только въ первые годы жизни; но развѣ воспитаніе человека прекращается когда-нибудь? Развѣ оно не можетъ постоянно совершенствоваться хорошимъ преподаваніемъ? Нѣкоторые изъ насъ, правда, могутъ обойтись безъ учителя; имъ довольно молчаливой книги; но для значительнаго большинства голосъ живаго учителя необходимъ. Сознаніе и удовлетвореніе этой потребности въ наставникахъ придаде бы обществу новый видъ. Нѣтъ ничего нужнѣе для насъ, какъ видѣть людей превосходныхъ и благонамѣренныхъ, посвящающихъ себя образованію наименѣе развитыхъ классовъ, для того, чтобъ уяснить имъ великую цѣль жизни, величіе ихъ природы, ихъ права и обязанности, отечественную исторію, законы и учрежденія, философію ихъ занятій, строй-

ность и богатство внѣшней природы, и особенно искусство воспитывать своихъ дѣтей въ тѣлесномъ здоровьѣ и во всей чистотѣ и силѣ духа.

Да, мы имѣемъ нужду въ новомъ способѣ преподаванія, который разбудилъ бы умъ въ тѣхъ сферахъ, гдѣ онъ спитъ теперь.

Какъ мучительно думать, что столько божественныхъ силъ, столько даровъ ума и души, остаются въ насъ мертвыми! Неужели мы ничего не сдѣлаемъ для ихъ воскрешенія? Въ ожиданіи того, мы можемъ обрѣзывать вѣтви невоздержанія, но корень его все будетъ жить; и то еще будетъ счастье, если ядовитая тѣнь этого дерева снова не омрачитъ нашей страны.

Пусть не говорятъ, что работники не могутъ найти времени для образованія, о которомъ я говорю: когда человѣкъ того хочетъ, то сумѣетъ найти время, въ какихъ бы условіяхъ онъ ни находился. Пусть не говорятъ также, что въ такомъ свѣтѣ, каковъ нашъ, напрасно искать способныхъ людей, которые согласились бы взять на себя подобное дѣло: христіанство, совершившее столько чудесъ благотворительности, пославшее столько апостоловъ и мучениковъ, столько Говардовъ и Кларксоновъ (1), можетъ создать новыхъ жнецовъ для этой жатвы. Нужно только разлитіе новой волны христіанскаго духа, духа любви, новое уразумѣніе человѣческаго братства для того, чтобы вызвать усилія, которыя кажутся невозможными для вѣка, не видящаго ничего, кромѣ самого себя и своихъ удовольствій.

Средства къ искорененію этого порока, на которыхъ я до сихъ поръ настаивалъ, имѣютъ предметомъ укрѣпленіе и возвышеніе характера классовъ, наиболѣе подвергающихся ему. Теперь я укажу нѣкоторые способы къ достиженію той же цѣли посредствомъ уменьшенія или устраненія искушеній.

Первое средство, на которое я укажу, какъ на могущее избавить народъ отъ искушенія пьянства, это — распространеніе въ народѣ безвредныхъ развлеченій. Мнѣ кажется, что общество мало еще сознаетъ это. Чувствую всю важность этого предмета и намѣреваюсь обозрѣть его вполне, хотя нѣкоторыя подробности, которыхъ мнѣ придется коснуться, покажутся, можетъ-быть, несоотвѣтствующими важности нашего собранія. Но впрочемъ,

(1) Говардъ былъ преобразователь тюремъ и больницъ; Кларксонъ первый началъ требовать освобожденія негровъ и уничтоженія рабства

зачѣмъ намъ заботиться о соблюденіи важности, если она можетъ помѣшать намъ изложить откровенно то, что можетъ быть полезно для нашихъ ближнихъ и послужить къ ихъ улучшенію?

Во всякомъ обществѣ нужны удовольствія, развлеченія и средства къ пріятному возбужденію духа; и если люди не находятъ невинныхъ удовольствій и развлеченій, то будутъ искать предосудительныхъ. Человѣкъ созданъ сколько для труда, столько же и для наслажденія, и устройство общества должно сообразоваться съ этимъ началомъ человѣческой природы. Часто люди пьютъ съ излишествомъ для того, чтобы разсѣять уныніе духа, или для заглушенія неутолимой потребности возбужденія; такія причины не встрѣчаются въ томъ обществѣ, гдѣ всѣ веселы. Общественное устройство, гдѣ мало можно найти невинныхъ развлеченій, неминуемо должно изобиловать пьяницами, если нѣтъ недостатка въ случаяхъ къ пьянству. Дикарь пьетъ безъ мѣры, потому что часы трезвости проходятъ для него скучно и однообразно, потому что, теряя сознаніе своей природы и своего существованія, онъ не теряетъ ничего такого, что было бы ему дорого. Чернорабочіе больше другихъ подвержены невоздержанію, потому что теперь у нихъ мало другихъ наслажденій. Человѣкъ, который послѣ труда находитъ себѣ невинное развлеченіе, меньше другаго бываетъ расположенъ искать самозабвенія: онъ столько имѣетъ человѣческихъ удовольствій, что не можетъ гоняться за скотскими. Поэтому развитіе и распространеніе простыхъ и безвредныхъ удовольствій будетъ хорошимъ средствомъ противъ невоздержности.

Эти замѣчанія показываютъ, какъ кстати будетъ поощрить усилія, которыя предпринимаются къ развитію во всѣхъ сословіяхъ музыкальнаго вкуса. Музыку хотятъ сдѣлать однимъ изъ существенныхъ предметовъ преподаванія въ нашихъ школахъ; и всѣ друзья народа должны желать, чтобъ этотъ опытъ удался. Я теперь не стану говорить о благодѣтельномъ вліяніи музыки на душу, особенно о силѣ, какую она можетъ и должна сообщать религіозному чувству и всѣмъ вообще чистымъ и благороднымъ чувствамъ. Разсматриваемая просто, какъ утонченное удовольствіе, она производитъ благотворное дѣйствіе на народные нравы. Пусть любовь къ этому прекрасному искусству распространится у насъ, и каждое семейство будетъ имѣть новое средство пріятно проводить время. Домаш-

ній очагъ получить новую прелесть: общественная жизнь сдѣлается веселѣе, и народу будетъ доставлено невинное публичное увеселеніе. Публичныя увеселенія, привлекающія большое число людей для возбужденія во всѣхъ одного и того же чувства, или одного и того же невиннаго удовольствія, имѣютъ цивилизующую силу.

Танцы—такая забава, которой многіе строгіе люди не хотѣли одобрить, и не совѣтъ безъ основанія. Въ ихъ понятіи, мысль о танцахъ сливается съ мыслью о балѣ, а балъ есть одно изъ худшихъ удовольствій общества. Время, которое теряется на приготовления, сумасбродство нарядовъ, бессонныя ночи, вредъ для здоровья, утомленіе на другой день, это и еще многое другое, что балъ влечетъ за собой въ послѣдствіи, представляетъ довольно основательныхъ причинъ къ осужденію его. Но изъ этого не слѣдуетъ, что надобно также осудить и танцы. Танцы—одно изъ самыхъ здоровыхъ тѣлесныхъ упражненій: пріятное дѣйствіе ихъ простирается и на душу: нѣтъ забавы, которая была бы натуральнѣе этой. Юношеская живость естественно проявляется въ стройныхъ движеніяхъ. Истинное понятіе о танцахъ должно бы заставить любить ихъ. Цѣль ихъ — выразить изящное посредствомъ движенія; а кому неизвѣстно, что чувство изящнаго есть одно изъ благороднѣйшихъ преимуществъ нашей природы? Было бы желательно, чтобы танцы сдѣлались у насъ такою обыкновенною вещью, что для нихъ не стоило бы дѣлать особенныхъ приготовленій, какъ теперь дѣлаютъ для бала. Было бы желательно, чтобы это искусство распространилось между работниками не только какъ невинное удовольствіе, но и какъ средство къ приобрѣтенію ловкости; почему бы изяществу не распространиться на все общество? Французская нація служитъ доказательствомъ, что нѣкоторая степень изящества и благородства въ манерахъ можетъ встрѣтиться во всякомъ сословіи. Филантропъ и христіанинъ должны желать разрушенія преградъ, раздѣляющихъ въ обществѣ однихъ людей отъ другихъ; и одно изъ средствъ къ достиженію этого, вылѣчить низшія сословія отъ неловкости, той неловкости, которую сообщаетъ мастерская, и которую человекъ самъ сознаетъ въ себѣ. Искусство, доставляющее свободныя и граціозныя движенія, конечно не сближаетъ людей столько, сколько можетъ сблизить умственное и нравственное образованіе, но все-таки способствуетъ къ уравниванію тѣхъ, кто имъ обладаетъ.

Приступаю теперь къ другому предмету, относительно ко-

того мнѣнія еще болѣе расходятся, я говорю о театрѣ. Я постигаю театр, который могъ бы быть благодѣйшимъ изъ всѣхъ удовольствій, и занять первое мѣсто между средствами къ очищенію вкуса и къ возвышенію чувствъ въ народѣ. Глубокая скорбь, сильныя, потрясающія страсти и высокія чувства истинной трагедіи опособны возбуждать въ насъ живое участіе къ ближнимъ, сознание того, что человѣкъ можетъ сдѣлать, на что можетъ отважиться, что можетъ вытерпѣть, и глубокое предчувствіе страшныхъ тайнъ жизни. Душа зрителя бываетъ потрясена до самой глубины, и летаргія, въ которую погружено столько людей, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько минутъ, уступаетъ мѣсто нѣкоторой живости мысли, нѣкоторой степени чувствительности. Драма сообразуется съ высокою цѣлью, когда ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ самыми поразительными, самыми торжественными событіями, и когда, обнажая человѣческое сердце, показываетъ намъ самыя могучія, самыя трогательныя и самыя возвышенныя его движенія. Но какъ мало театръ стремится къ этой цѣли! Какъ часто онъ позоритъ себя уродованіемъ человѣческой природы, и еще болѣе своимъ нечестіемъ, своею грубостью, непристойностью, плоскими остротами, которыхъ женщина, достойная этого имени, не можетъ слышать, не покраснѣвъ отъ стыда, и которыми человѣкъ не можетъ забавляться, не унижая себя! Театръ въ его теперешнемъ состояніи есть стыдъ для общества.

Я говорилъ объ умственномъ образованіи, какъ о средствѣ противъ невоздержанія, потому что оно укрѣпляетъ и возвышаетъ умъ. Оно также очень полезно, какъ источникъ развлеченій, и для этой цѣли заслуживаетъ быть разлитымъ во всеобществѣ. Можно сказать, что образованный человѣкъ имѣетъ подъ рукою неисчислимыя источники невинныхъ удовольствій. Все его занимаетъ, потому что все подаетъ ему поводъ къ размышленію или къ изслѣдованію. Книги, если на нихъ смотрѣть просто, какъ на средство къ развлеченію, стоятъ всей земной роскоши. Любовь къ литературѣ доставляетъ пріятное занятіе въ часы праздности и скуки; а сколько людей въ подобныя минуты увлекаются къ грубымъ и низкимъ удовольствіямъ за недостаткомъ невинныхъ развлеченій! Сколько въ этомъ самомъ городѣ есть молодыхъ людей, которые, не привыкнувъ находить себѣ товарища и собесѣдника въ книгѣ, и будучи незнакомы съ умственною дѣятельностью, увлекаются во время долгихъ и скучныхъ зимнихъ вечеровъ въ притоны

пьянства и разврата. Одинъ изъ самыхъ утѣшительныхъ признаковъ нашего времени есть тотъ, что литературные и научные курсы начинаютъ занимать мѣсто между публичными увеселеніями, и привлекаютъ публику даже больше, нежели театры. Это одинъ изъ первыхъ плодовъ нашего умственного воспитанія. Какой жатвы мы можемъ ожидать современемъ, если оно будетъ сѣяться съ большею щедростью!

Я настаивалъ на необходимости размноженія въ обществѣ невинныхъ удовольствій. Постараемся сдѣлаться націей болѣе веселою, и мы сдѣлаемся націей болѣе трезвою. Для развитія въ насъ вкуса къ невиннымъ удовольствіямъ и для искорененія многихъ недуговъ и страданій, увлекающихъ насъ къ порочнымъ привычкамъ, хорошо было бы обращать больше вниманія на физическое воспитаніе. Мы очень часто бываемъ въ какомъ-то состояніи полу-здоровья, полу-болѣзни, которое производитъ въ насъ меланхолю, безпокойство, ослабляетъ силу воли и увлекаетъ къ употребленію вредныхъ возбудительныхъ средствъ. Часто причина невоздержанія кроется въ немощахъ тѣла. Физическая бодрость хороша не только сама по себѣ, она сверхъ того благопріятствуетъ воздержанію, тѣмъ что открываетъ душу для впечатлѣній веселости и прогоняетъ отъ человѣка то неопредѣленное чувство унынія, безпокойства и упадка духа, которое можетъ быть для васъ понятно не иначе, какъ изъ собственнаго опыта. Я требовалъ воспитанія ума; но мы тѣмъ ничего не выиграемъ, если тѣло будетъ принесено въ жертву. Не станемъ искать умственного развитія въ ущербъ здоровью. Озаботимся, чтобы дѣти наши съ самаго ранняго возраста не учились въ тѣсныхъ залахъ, безъ вентиляціи, гдѣ они дышатъ по нѣскольку часовъ испорченнымъ воздухомъ. Вся наша природа требуетъ нашихъ попеченій. Намъ надобно сдѣлаться народомъ болѣе веселымъ, болѣе оживленнымъ; и для этого мы должны предположить себѣ въ нашихъ системахъ воспитанія укрѣплять вмѣстѣ и тѣло и душу.

Мысли, высказанныя мною, не встрѣтять одинаковой благосклонности у всѣхъ приверженцевъ воздержанія. Для нѣкоторыхъ, можетъ-быть для многихъ, религія и увеселенія кажутся вещами несовмѣстными, и говорящаго въ пользу однихъ могутъ заподозрить въ невѣрности другой. Но насиловать нашу природу не значить служить дѣлу ни религіи, ни здравой нравственности. Не можетъ быть, чтобы Богъ, создавшій насъ такими, какъ мы есть, давшій намъ тѣло и духъ равно неспо-

собные къ непрерывному напряженію, вложившій въ насъ желаніе развлеченія послѣ труда, создавшій насъ скорѣе для улыбки, нежели для слезъ, и сдѣлавшій смѣхъ самымъ заразительнымъ изъ всѣхъ душевныхъ движеній, чтобы Тотъ, чей Сынъ освятилъ своимъ присутствіемъ и своимъ участіемъ брачное пиршество, Тотъ, кто научаетъ младенца, только-что вышедшаго изъ Его творческой руки, развивать свою природу въ играхъ, полныхъ дѣйствія, и кто предрасположилъ и старого и малаго находить живое наслажденіе въ проблескахъ остроумія и веселости; не можетъ быть, чтобы Богъ, создавшій насъ такими, назначилъ насъ къ жизни скучной и однообразной, и не можетъ быть, чтобы удовольствія, доставляющія намъ отдохновеніе отъ нашихъ трудовъ и вливающія въ насъ бодрость къ перенесенію трудовъ дальнѣйшихъ, чтобы эти удовольствія были Ему неугодны. Не только возможно согласить увеселеніе съ обязанностію, но можно изъ него сдѣлать новое средство къ возбужденію усердія, къ укрѣпленію семейныхъ привязанностей и къ развитію болѣе благодушной набожности. Истинная религія носитъ на себѣ печать вѣстѣ и власти и кротости: она велитъ намъ лучше страдать, умереть, чѣмъ на волосъ уклониться отъ того, что заповѣдано Богомъ, какъ справедливое и благое; но она учитъ насъ также, что въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ жизни полезно и справедливо примѣшивать къ труду веселье, принимать даянія Божія съ радостію и облегчать сердце, въ промежуткахъ занятій, удовольствіями, доставляемыми обществомъ. Религія, которая давала бы о Богѣ понятія мрачныя и внушала бы суетвѣрный страхъ къ невиннымъ забавамъ, такая религія, вмѣсто того чтобы благопріятствовать воздержанію, уменьшила бы нравственную силу своихъ послѣдователей, сдѣлавъ ихъ печальными и унылыми, сама побудила бы ихъ прибѣгать къ пьянству отъ унынія и отчаянія.

Остается поговорить о двухъ другихъ средствахъ, могущихъ уничтожить это искушеніе; средства эти въ томъ, чтобы заклеить позоромъ употребленіе и препятствовать продажѣ крѣпкихъ напитковъ.

Вопервыхъ, мы должны принять мѣры для ограниченія продажи крѣпкихъ напитковъ. Еслибы крѣпкіе напитки были изгнаны изъ нашихъ домовъ, съ нашихъ столовъ, изъ нашихъ угощеній; если бы люди, имѣющіе вѣсь и вліяніе въ обществѣ, стали воздерживаться отъ нихъ сами, и уговорили къ

тому же всѣхъ своихъ близкихъ: то случаи напиваться уменьшились бы тотчасъ же, и искушеніе исчезло бы само собою. На это возражать, я знаю, что если мы захотимъ отказываться отъ вещей, подающихъ поводъ къ злоупотребленіямъ, то придется отказаться отъ всего, потому что вѣтъ такой вещи, которой человекъ не могъ бы употребить во зло. Сознаюсь, что не всегда можно въ этомъ отношеніи назначить предѣлы долга. Еслибы намъ приходилось отказаться отъ какой-нибудь изъ главныхъ усладъ жизни, изъ-за того что люди употребляютъ ее во зло и дѣлаютъ ее орудіемъ преступленія и несчастія, то надобно бы поразсмотрѣть и поразмыслить, прежде нежели дѣйствовать. Но въ настоящемъ случаѣ дѣло идетъ не о томъ: спиртные напитки не составляютъ одной изъ главныхъ усладъ жизни; ихъ никакъ нельзя назвать усладой; они не даютъ силы; они ни въ чемъ не способствуютъ здоровью; отъ нихъ можно отказаться безъ малѣйшаго неудобства. Они не помогаютъ ни нести бремени жизни, ни исполнять ея обязанности, и говоря такъ, я еще остаюсь ниже дѣйствительности. Мало сказать, что они не дѣлаютъ никому и никогда добра, они вообще причиняютъ вредъ. Даже и при умѣренномъ употребленіи, они обыкновенно производятъ неблагопріятное дѣйствіе и на тѣло и на душу. По мнѣнію отличныхъ медиковъ, они не перевариваются въ желудкѣ подобно пищѣ, но обращаются вмѣстѣ съ кровью безъ ассимиляціи, какъ ядъ. Какъ всякій ядъ, они могутъ иногда служить лѣкарствомъ; но какъ питье для людей здоровыхъ, они никогда не бываютъ полезны, а вообще вредоносны. Они также мало назначены Провидѣніемъ служить намъ питьемъ, какъ опиумъ пищей.

Замѣтьте притомъ, что даже и при умѣренномъ употребленіи спиртные напитки не только не дѣлаютъ пользы, но еще возбуждаютъ жгучую, лихорадочную жажду, противъ которой множество людей не могутъ устоять; что въ нѣкоторыхъ классахъ общества значительное число жертвъ этихъ напитковъ лишлось ума, разрушило ими здоровье и тѣла и духа и погибло какъ для здѣшней жизни, такъ и для будущей; что они приводятъ съ собой въ семейства горе и разореніе; что по ихъ милости отцы преждевременно сходятъ въ могилу, а дѣти вырастаютъ для преступленія и позора. Ввѣсьте все это, и тогда, какъ бы передъ лицомъ самого Бога, подумайте, не обязаны ли вы употребить все свое вліяніе для изгнанія изъ об-

щества употребленія спиртныхъ напитковъ, какъ одной изъ самыхъ пагубныхъ привычекъ. Еслибы вы видѣли, что эти напитки производятъ во всехъ сословіяхъ какую-нибудь повальную болѣзнь, отвратительную и смертоносную, и уменьшаютъ численность наименѣ счастливыхъ классовъ общества, то развѣ вы не возвысили бы голоса противъ этого яда? А развѣ теперешній, многократно повторенный результатъ употребленія этихъ напитковъ не есть бѣдотвѣе страшнѣе чумы? Вы обязаны воспрепятствовать этому употребленію; а какъ? Собственнымъ полнымъ воздержаніемъ отъ крѣпкихъ напитковъ, изгнаніемъ ихъ съ своего стола и употребленіемъ всего своего вѣса и всего своего авторитета на поддержаніе этого исключенія. Такое торжественное осужденіе, произнесенное благомыслящими, почтенными, порядочными людьми не можетъ не подѣйствовать благотворно на общественное мнѣніе. Это въ особенности наша обязанность теперь, когда столько религіозныхъ людей и филантроповъ соединяютъ свои усилія для сопротивленія этому злу, теперь, когда на общество сдѣлано впечатлѣніе, оставляющее далеко назадъ самую смѣлую надежду. Въ настоящее время тотъ, кто употребляетъ крѣпкіе напитки или предлагаетъ ихъ своимъ гостямъ, становится въ ряды враговъ воздержанія и человѣчества. Онъ не только подаетъ дѣтямъ и слугамъ своимъ примѣръ, въ которомъ когда-нибудь горько раскается; но и противится благонамѣреннымъ людямъ, предпринявшимъ борьбу съ порокомъ въ защиту добродѣтели и счастья рода человѣческаго. Онъ измѣняетъ знамени общественной реформы и перебѣгаетъ въ непріятельскій лагерь.

Изъ этихъ замѣчаній слѣдуетъ, что мы должны ограничивать продажу спиртныхъ напитковъ. То, чего не должно пить, не должно и продаваться какъ питье. Никто не имѣетъ нравственнаго права распространять въ обществѣ то, что для него вредно. Мы знаемъ, что невоздержаніе усилилось въ ужасающихъ размѣрахъ со времени размноженія лавочекъ, въ которыхъ допущена чарочная продажа спиртныхъ напитковъ: каждый благомыслящій человекъ желаетъ закрытія этихъ лавочекъ. Знаю, что законъ можетъ тутъ дѣйствовать лишь до нѣкоторой степени, или только въ нѣкоторыхъ частяхъ страны. У насъ законъ состоитъ въ волѣ народа, и законодатель ничего не можетъ сдѣлать, если голосъ народа не поддерживаетъ его. Поэтому образовывать въ публикѣ просвѣщенное и могуще-

ственное мнѣніе, которое потребовало бы истребленія этихъ патентованныхъ разсадниковъ пьянства, вотъ обязанность каждаго благомыслящаго человѣка и услуга отечеству, въ которой каждый можетъ принять участіе.

Я указалъ на нѣкоторыя изъ средствъ къ уменьшенію въ народѣ невоздержанія. Съ радостью представилъ бы я еще другія размышленія, еслибы позволяло время; но я принужденъ остановиться. Прибавлю тодько, что каждый другъ человѣчества имѣеть много ободряющихъ причинъ къ отважному вступленію въ бой съ невоздержаніемъ. Столь явный успѣхъ обществъ, учрежденныхъ съ этою цѣлю, долженъ возбудить въ немъ мужество и надежду. Но даже еслибъ усилія этихъ обществъ и не имѣли успѣха, то я бы не отчаялся. Изъ самой чрезмѣрности зла мы можемъ почерпнуть силу и надежду на его одолѣніе. Невозможно, чтобы Богъ создалъ разумное существо для того, чтобы оно превращалось въ безсловесное животное, или чтобы Онъ поставилъ его въ такія условія, которыя неудержимо влекутъ его къ полному отреченію отъ блага собственной природы. Есть, должны быть способы къ предупрежденію или излѣченію этой нравственной, этой смертоносной болѣзни. Бѣда въ томъ, что слишкомъ многіе изъ насъ, называющихъ себя поборниками трезвости, не имѣютъ въ себѣ довольно добродѣтели и довольно любви, чтобы съ силою дѣйствовать духовнымъ оружіемъ на помощь искушаемыхъ и падшихъ. Разница между нами и невоздержными такъ мала, что мы не можемъ успѣшно дѣйствовать для ихъ исправленія. Но что есть средства къ борьбѣ съ невоздержаніемъ, что христіанство стремится и можетъ воздвигать людей достойныхъ и способныхъ въ томъ успѣть, и что всегда есть наготовѣ нѣсколько такихъ людей для руководства нашего въ этомъ святомъ дѣлѣ, я не могу сомнѣваться. Правда, я вижу страшную силу страстей и желаній человѣческихъ, но не унываю. Истина сильнѣе заблужденія. Въ борьбѣ противъ невоздержанія, мы имѣемъ на своей сторонѣ Того, кто Всемогущъ. Въ союзѣ съ нами все, что есть чистаго, разумнаго, божественнаго въ душѣ человѣческой, лучшіе умы вѣка, все, что есть высокаго въ народномъ сознаніи, религія, законодательство, философія, заботливость отца, молитвы христіянина, поученія дома Божія, благодать Святаго Духа. Съ такими союзниками, съ такими друзьями, съ такою помощію, благонамѣренные люди не могутъ отчаиваться въ успѣхъ; пусть только вѣра ихъ не слабѣеть, и рано или поздно они дождутся своей жатвы.

V.

Я говорилъ о причинахъ невоздержанія, заключающихся въ нашемъ общественномъ бытѣ. При всемъ томъ было бы съ моей стороны несправедливо оставить васъ въ мнѣніи, что настоящее положеніе нашего общества представляетъ одни только поощренія для этого порока. Въ немъ есть къ тому сколько удобствъ, столько же и препятствій, и это-то должно ободрять насъ въ усиліяхъ, которыя мы обязаны предпринять для искорененія невоздержанія. Успѣхи просвѣщенія сильно помогутъ намъ въ этомъ дѣлѣ. По мѣрѣ того, какъ мы пробуждаемъ и укрѣпляемъ въ человѣкѣ душевныя его способности, мы болѣе и болѣе возвышаемъ его надъ животною жизнью, вырываемъ его изъ-подъ вліянія настоящей минуты, увеличиваемъ его предусмотрительность, доставляемъ ему средства къ удачѣ на пути жизни, открываемъ ему источники невинныхъ удовольствій и приготавливаемъ его къ занятію мѣста въ порядочномъ обществѣ. Правда, что умъ и знаніе еще не добродѣтель. Просвѣщеніе можетъ не одержать побѣды надъ эгоизмомъ; но все-таки оно дѣлаетъ самолюбіе умѣреннѣе и разсудительнѣе; оно заставляеть насъ лучше понимать собственныя выгоды, и внушаетъ намъ если не великодушіе, то по крайней мѣрѣ осторожность; въ этомъ отношеніи оно служитъ сильною защитой противъ губительныхъ крайностей.

Въ свободѣ нашей мы имѣемъ другую защиту противъ крайностей. Свобода поддерживаетъ въ насъ чувство самоуваженія, и устраняя все, что можетъ препятствовать упражненію нашихъ силъ и способностей, доставляя намъ средства къ улучшенію нашего быта, она благопріятствуетъ дѣятельному и производительному труду; этимъ самымъ она спасаетъ народъ отъ унынія, отъ безнадежности, отъ нерадѣнія о себѣ, главныхъ причинъ нравственнаго униженія. Говорятъ, правда, будто свобода влечетъ за собою своевольства всякаго рода, и слѣдовательно невоздержаніе. Но мнѣ кажется неподлежащимъ спору тотъ фактъ, что со времени войны за независимость, порокъ этотъ у насъ уменьшился. Нравы и привычки предшествовавшаго поколѣнія были опаснѣе нашихъ; въ тогдашнемъ обществѣ было больше распущенности. Пожилые люди постоянно

посѣщали таверны, а молодые не могли сойдтись безъ того, чтобы не утопить своего разсудка въ винѣ. Тѣ ошибаются, которые думаютъ, будто всеми своими преобразованіями по этой части мы вполне обязаны обществамъ трезвости. Общества эти сдѣлали много добра и заслуживаютъ великихъ похвалъ; но вліяніе, дѣйствующее на насъ въ этомъ смыслѣ, началось раньше: общества трезвости суть слѣдствія этого вліянія, а не причина. Важная пережѣна ощущалась въ нашихъ привычкахъ раньше учрежденія этихъ обществъ, и это кажется мнѣ обстоятельствомъ весьма замѣчательнымъ, и одною изъ главныхъ причинъ надѣжды на успѣхъ нашихъ отдѣльныхъ или соединенныхъ усилій къ искорененію этого порока. Еслибъ я думалъ, что наше общественное устройство представляетъ условія, благопріятствующія невоздержанію, что противоположныя вліянія исключены изъ него, и что вся наша надежда единственно на общества трезвости, то я былъ бы готовъ отчаяться. Подобныя общества мало имѣютъ дѣйствія, если не совпадаютъ съ общимъ настроеніемъ. Но настроеніе это существуетъ, и одна изъ величайшихъ пользъ, каковую приносятъ эти общества, состоитъ въ поддержаніи и распространеніи его.

Я не настаивалъ на одномъ средствѣ, отъ котораго ожидаютъ большаго успѣха: на вліяніе общественного мнѣнія. Довести общественное мнѣніе до противодѣйствія невоздержанію считается многими главнымъ средствомъ къ преодолѣнію этого зла. Мнѣ кажется, что на этомъ средствѣ основываютъ слишкомъ много надеждъ. Очевидно, что классы, наиболее подверженные невоздержанію, находятся далеко внѣ вліянія общественного мнѣнія. Но не останавливаясь на этомъ, я думаю, что вообще мы требуемъ отъ этой силы больше, нежели сколько она въ состояніи совершить. Мы предполагаемъ въ ней больше вѣсу, нежели сколько она имѣетъ: общественное мнѣніе, когда оно ставится на мѣсто личныхъ усилій каждаго, можетъ подѣйствовать даже противъ того дѣла, для поддержанія котораго назначалось. Кто воздерженъ только потому, что того требуетъ общественное мнѣніе, тотъ не имѣетъ въ себѣ добродѣтели воздержанія, и его умѣренные привычки не имѣютъ надежнаго основанія. Великое дѣло, къ которому на помощь призываются теперь и религія и благотворительность, не состоитъ въ томъ, чтобы приступомъ овладѣть массами, чтобы надѣтъ на людей слабыя и непрочныя цѣпи деспотической моды,

но чтобъ укоренить въ человѣкѣ убѣжденіе глубокое, разумное, пробудить его умъ для вѣчной истины и совѣсть для непреложнаго долга. Мы слишкомъ склонны искать для добродѣтели содѣйствія моды; гораздо лучше будетъ, если мы постараемся доставить ей содѣйствіе убѣжденія. Сущность моды—перемѣнчивость; нѣтъ ничего вѣрнаго кромѣ истины, никакое другое основаніе не поддержитъ реформы, которая должна жить долго. Воздержаніе, основывающееся на чужомъ мнѣніи и примѣрѣ, не есть собственная добродѣтель лица, а только отраженіе того, чтѣ существуетъ вокругъ: она только на поверхности, а не проникла въ душу.

Что общественное мнѣніе можетъ имѣть вліяніе большое и полезное, это неопровержимо, но надобно, чтобъ это было мнѣніе просвѣщенное, которое обращалось бы къ разсудку и къ совѣсти человѣка, а не къ страстямъ его, не къ страху и не къ корысти; мнѣніе, которое не гнало бы всякаго, кто думаетъ иначе. Надобно, чтобъ общественное мнѣніе благопріятствовало трезвости, но надобно, чтобъ оно дѣйствовало разумно и великодушно, безъ страсти, безъ тиранства; людей нельзя насильно принудить къ воздержанію. Если поборники воздержанія превратятся въ партію, если они будутъ дышать духомъ и нетерпимостію партіи, то наживутъ противниковъ такихъ же жесточенныхъ, каковы сами. Друзья истины не должны призывать на помощь себѣ страстей человѣческихъ, потому что у порочныхъ и заблуждающихся запасъ страсти больше, и они лучше умѣютъ владѣть этимъ оружіемъ. Ни многочисленностію, ни воплями добрые люди не возьмутъ верха надъ злыми. Ихъ доброта, ихъ вѣра въ истину, ихъ всемірная любовь должны проявляться въ ясныхъ, прямыхъ, энергическихъ и доброжелательныхъ воззваніяхъ къ разсудку и сердцу. Они должны говорить, какъ прилично друзьямъ человѣчества: такой тонъ будетъ услышанъ гораздо лучше, нежели вопли партіи.

Правственная независимость, могущая, въ случаѣ нужды, идти наперекоръ общественному мнѣнію, есть единственная охрана человѣка. Каждый разъ, какъ общественное мнѣніе будетъ довольно просвѣщено, чтобы благопріятствовать развитію въ отдѣльныхъ лицахъ этой первостепенной силы, сила эта явится благороднѣйшею пружиной въ душѣ человѣческой. Подавлять эту независимость значитъ разрушать единственное основаніе существенной и прочной реформы.

Иногда бываетъ опасно пытаться искоренить какой-нибудь

всеобщій порокъ, налагая на него клеймо безчестія и позора. Еслибъ этотъ порокъ встрѣчался только между людьми бѣдными и незначительными, то, конечно, можно бы безъ труда опозорить его; но какъ скоро онъ проникъ выше, какъ скоро мода взяла его подъ свое покровительство, онъ не только можетъ отражать удары противниковъ и отклонять отъ себя безчестіе, которое они ему готовятъ, но еще можетъ обратить ихъ оружіе противъ нихъ же. Мода необыкновенно ловко владеетъ искусствомъ осмѣивать. Недостатокъ въ дѣльныхъ возраженіяхъ она съ успѣхомъ замѣняетъ шуткою и насмѣшкой. Иногда она покрывается равнодушіемъ, какъ панцыремъ. Въ особенности умѣетъ она доброе дѣло выставить въ пошломъ и тривіальномъ видѣ; а гдѣ та добродѣтель, у которой довольно мужества, чтобы не смутиться этою страшною формою общественнаго мнѣнія?

С О Н Е Т Ъ

Съ италянскаго, изъ Феликкя (1).

Италія, зачѣмъ тебѣ судьбой
Даръ красоты ниспосланъ злополучный?
Когда бѣ, не столь прекрасная собой,
Забыла ты свой говоръ сладковучный,

И грозно всѣхъ умѣла звать на бой:
Тогда бѣ ни Галлъ и ни Германецъ тучный
Не шли къ тебѣ четою неразлучной
И не была бѣ ты вѣчною рабой!

И по твоимъ возвышеннымъ раскатамъ
Стада коней тевтонскихъ не паслись,
И я, взглянувъ съ высокихъ Альповъ внизъ,

Не зрѣлъ бы днесъ тебя съ чужимъ булатомъ, —
И слезы брата надъ погибшимъ братомъ
Кровавою рѣкою не лились.

Н. Бергъ.

(1) Родился въ 1642 году.

ОБЪ ИЗМѢНЕНІИ СУЩЕСТВУЮЩЕЙ СИСТЕМЫ

СНАБЖЕНІЯ ВОЙСКЪ ВЕЩАМИ

Le progrès de la société amène nécessairement le progrès de la moralité; quand la vie extérieure est mieux réglée, la vie intérieure se rectifie et s'épure.

Guizot.

Общая отличительная черта большей части преобразований, совершившихся въ нашихъ законоположеніяхъ и общественномъ быту со времени окончанія бывшей войны, есть безъ сомнѣнія стремленіе къ увеличенію или лучшему употребленію производительныхъ силъ нашего отечества. Для доказательства, что таковъ общій характеръ мѣръ, принятыхъ въ послѣднее время, даже нѣтъ надобности перечислять ихъ. Правительственныя распоряженія совершались передъ нашими глазами такъ недавно, что памяты всѣмъ; легко прослѣдить ихъ въ умѣ и признать за ними указанное нами направленіе, начиная съ главнаго—освобожденія крестьянъ.

Тотъ же характеръ носить на себѣ и указанная правительствомъ мѣра возможнаго уменьшенія числа чиновниковъ въ разныхъ отрасляхъ управленія. Необходимость этой мѣры давно чувствовалась всѣми, кого занимали успѣхи русской гражданственности. Уменьшить число административныхъ дѣятелей значитъ сократить производимые на содержаніе ихъ расходы

казны, облегчить дѣйствія административной машины, избавиться отъ бремени напрасной переписки, уничтожить злоупотребленія, вкравшіяся въ управленіе въ теченіи долгаго времени, доставить болѣе удовлетворенія частнымъ интересамъ, соприкасающимся съ разными частями администраціи; все это значить увеличить производительныя силы народа. Эта задача была неоднократно задаваема нашимъ учрежденіямъ. Нѣкоторыя части ея рѣшались болѣе или менѣе удовлетворительно; однако до сихъ поръ не приобрѣтено положительныхъ, важныхъ, общихъ результатовъ, вліяніе которыхъ можно было бы назвать достаточно ощутительнымъ и вполне благотворнымъ. Задача пока остается еще задачею, ожидающею рѣшенія. Опредѣлительное указаніе способа рѣшенія ея, кажется, можетъ облегчить и достиженіе самой цѣли — уменьшенія числа чиновниковъ и вытекающаго отсюда искорененія недостатковъ, существующихъ въ разныхъ вѣтвяхъ нашей администраціи, а слѣдовательно и увеличенія тѣхъ достоинствъ, какими она должна отличаться для того, чтобъ ея дѣйствія могли назваться совершенно полезными для государства и народа.

До сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, думали рѣшить предложенную задачу пересмотромъ штатовъ, разныхъ управленій, точнымъ опредѣленіемъ занятій, присвоенныхъ каждой должности, исключеніемъ тѣхъ должностей, которыя почему-либо казались ненужными и соединеніемъ нѣсколькихъ въ одну въ тѣхъ случаяхъ, когда присвоенныя имъ занятія представлялись въ отдѣльности слишкомъ ограниченными. Къ этому, такъ сказать, вычеркиванію должностей изъ длиннаго ихъ перечня, присоединялось, въ видѣ дополненія, упрощеніе нѣкоторыхъ формъ дѣлопроизводства. Результаты мѣръ, доселѣ принятыхъ относительно сокращенія числа чиновниковъ, намъ въ точности неизвѣстны, но степень ихъ важности достаточно опредѣляется тѣмъ обстоятельствомъ, что едва прошло пять или шесть лѣтъ со времени обнародованія произведенныхъ сокращеній, какъ признано нужнымъ приступить къ новымъ преобразованіямъ въ администраціи. Значить, послѣдствія бывшаго пересмотра штатовъ не удовлетворили благихъ желаній правительства. Необходимо, стало-быть, обратиться къ иному способу улучшенія администраціи. Его указываетъ намъ опытность странъ, ранѣе насъ начавшихъ развивать свою гражданственность. Во Франціи, напримѣръ, давно уже говорятъ и пишутъ о необходимости уничтоженія недостатковъ ея внутренняго управленія. Въ этой

классической странѣ бюрократіи, по единогласному мнѣнію государственныхъ людей и публицистовъ почти всѣхъ отгѣнковъ, главнѣйшее административное зло составляетъ централизація. Если высшія государственныя учрежденія до того сосредоточиваютъ въ себѣ власть, что не допускаютъ низшихъ инстанцій къ непосредственному разрѣшенію мѣстныхъ потребностей; то и занятія тѣхъ и другихъ увеличиваются почти вдвое, а слѣдовательно, и тамъ и здѣсь, по необходимости должно быть вдвое болѣе чиновниковъ. Естественнымъ послѣдствіемъ чрезмѣрной централизаціи бывають увеличеніе переписки, недоразумѣніе между начальниками и подчиненными; стремленіе послѣднихъ во что бы то ни стало угодить первымъ, вмѣсто того чтобы заботиться объ удовлетвореніи требованій самаго дѣла; боязнь низшихъ не отгадать намѣреній старшаго, напрасно увеличивающая переписку, потому что становится нужнымъ ходатайствовать о разрѣшеніи такихъ мѣръ, которыя могли бы быть приняты безпрепятственно самою младшею инстанціею; необходимость слѣдить за всѣми мелочными дѣйствіями подчиненныхъ лицъ; недовѣрчивость къ нимъ, требующая сложнаго контроля для повѣрки расхода казенныхъ суммъ; потеря времени, тѣмъ болѣе оцутительная, чѣмъ отдаленнѣе разстояніе между центральной и подчиненными властями, чѣмъ болѣе инстанцій, и чѣмъ сложнѣе подлежащее рѣшенію ихъ дѣло; наконецъ даже невозможность рѣшать дѣла соотвѣтственно мѣстнымъ интересамъ, такъ какъ они не могутъ быть извѣстны во всей подробности управленію центральному. Всѣ эти недостатки были давно замѣчены и указаны во Франціи. Сочиненія о французской администраціи изобилуютъ примѣрами несообразностей, неразлучныхъ съ излишествомъ централизаціи. Публицисты утверждаютъ даже, что при ея существованіи подвѣдомственные учрежденія, прикрытыя разрѣшеніями высшаго начальства, часто совершенно ускользаютъ отъ отвѣтственности за неправильное рѣшеніе дѣлъ. Въ то же время, такъ какъ распоряженія исходятъ отъ центральной власти, то и всѣ упреки въ несовершенствѣ управленія приписываются ей, и частные люди, не достигающіе цѣли своихъ законныхъ исканій, къ ней же относятъ причину своего неуспѣха.

Такимъ образомъ частные интересы остаются безъ удовлетворенія, злоупотребленія безъ преслѣдованія, а центральная власть не имѣетъ возможности пріобрѣсть и поддержать полное довѣріе къ себѣ. Централизація, говорятъ публицисты, служить

средствомъ прикрывать злоупотребленія, такъ-сказать дѣлать ихъ законными. Между тѣмъ, такъ какъ они часто происходятъ отъ недостатка свѣдѣній, ошибокъ, недоразумѣній, предубѣжденій самой центральной власти, то не можетъ быть контроля, который бы раскрылъ ихъ, и нѣтъ власти, которая бы ихъ пресѣкла. Агенты центральной власти молчатъ, не желая или не смѣя указать на ошибочность ея дѣйствій; сама же она иногда или вовсе не можетъ замѣтить свои ошибки, или замѣчаетъ слишкомъ поздно. Даже выборъ чиновниковъ, вполне достойныхъ и способныхъ къ занятію должностей, не возможенъ, потому что требуетъ, чтобъ избирающій обладалъ необыкновеннымъ знаніемъ людей и своего дѣла. Отсюда истекаетъ невозможность при избраніи чиновниковъ руководствоваться собственнымъ мнѣніемъ и необходимость полагаться на рекомендацію другихъ, постороннихъ людей, — рекомендацію, давно уже переродившуюся въ самые дурные виды покровительства, кліентизмъ и непотизмъ. Послѣдствіемъ такого образа дѣйствій вышло странное и печальное соединеніе несомнѣнныхъ фактовъ, извѣстныхъ всякому, кто близко знакомъ съ французскою, а также и нашею администраціею: всѣ учрежденія болѣе или менѣе страдаютъ недостаткомъ дѣльныхъ и добросовѣстныхъ чиновниковъ; лицъ, домогающихся назначенія въ должности, страшное множество, и въ то же время полученіе мѣстъ сопряжено съ величайшими трудностями.

Мы не распространяемъ нашего описанія вредныхъ послѣдствій централизаціи, такъ какъ еще не давно на страницахъ *Русскаго Вѣстника* было на нихъ неоднократно указано, и между прочимъ въ политическомъ обзорѣніи по поводу произнесенной въ генеральномъ совѣтѣ рѣчи графа Морни о необходимости ограниченія централизаціи. По словамъ этого государственнаго человѣка, во Франціи нельзя сдвинуть съ мѣста камень, вырыть колодезь, заняться разработкою рудника, основать фабрику, вступить въ товарищество, словомъ, располагать своимъ имуществомъ по собственному усмотрѣнію, безъ позволенія или контроля центральной власти, и часто великіе интересы задерживаются или вовсе погибаютъ на низшихъ ступеняхъ административной лѣстницы. Слова эти принадлежатъ человѣку, не только стоящему въ центрѣ управленія Франціи, но крайне практическому, участвующему во многихъ частныхъ предпріятіяхъ, и стало-быть вдвойнѣ знакомому съ недостатками централизаціи.

Но какъ достигнуть уничтоженія этого зла? Расширеніемъ власти подвѣдомственныхъ инстанцій? Отчасти это возможно. Если онѣ будутъ имѣть право рѣшать многія изъ тѣхъ дѣлъ, которыя теперь зависятъ отъ центральной власти, то само собою разумѣется, переписка о многихъ предметахъ, теперь занимающая столько рукъ и головъ во всей административной іерархіи, прекратится, и слѣдовательно представится возможность уменьшить и число чиновниковъ. Такъ на примѣръ, если мѣстная городская власть будетъ сама собою давать позволеніе на постройку дома въ городѣ; то не будетъ надобности входить о томъ съ представленіемъ въ министерство. Дѣлопроизводство, очевидно, сократится. Такихъ мѣстныхъ интересовъ множество, и предоставленіе ихъ вѣдѣнію благоразумно-устроенной мѣстной власти можетъ повести къ значительному ослабленію централизаціи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и къ уменьшенію чиновниковъ.

Съ другой стороны расширеніе власти мѣсть подвѣдомственныхъ сопряжено и съ нѣкоторыми невыгодными послѣдствіями. Возникаетъ произволъ, требующій мелочнаго контроля, болѣе или менѣе остающагося только на бумагѣ, а потому и мало достигающаго своей цѣли. Произволъ этотъ составляетъ тѣмъ значительнѣйшее зло, чѣмъ труднѣе частному интересу найти противъ него защиту. Кто не знаетъ, что при всякомъ нарушеніи частнаго интереса, несмотря на самую строгую добросовѣстность высшихъ административныхъ управленій, восстановленіе права сопряжено съ хлопотами, побѣздками, издержками, иногда не ведущими къ цѣли, не говоря о затруднительной перепискѣ и потерѣ времени? Всѣ эти неудобства для частныхъ интересовъ увеличиваются, если представителями ихъ являются двѣ противоборствующія стороны, изъ которыхъ каждая добивается всѣми силами того, что называется выиграть дѣло. Здѣсь могущество борющихся не рѣдко колеблетъ законность, и произволъ является на помощь сторонѣ сильнѣйшей. Безъ сомнѣнія, всякому извѣстны дѣла, получавшія нѣсколько противоположныхъ, одно другое уничтожавшихъ рѣшеній. Что же можетъ быть причиною такого противоестественнаго порядка вещей, какъ не произволъ? Потому, при увеличеніи власти какой бы то ни было инстанціи, необходима большая осторожность. Дать мѣсто произволу значить разрушить всякое доброе дѣло, всякую полезную мѣру.

Но если подвѣдомственные административныя инстанціи такъ

затрудняютъ управление, то не полезно ли будетъ доискиваться возможнаго ихъ сокращенія? Не повлечетъ ли это за собою уменьшеніе и числа чиновниковъ, и напрасной переписки, и произвола? Пусть то, чего не можетъ съ успѣхомъ дѣлать администрація, будетъ предоставлено заботливости частныхъ людей; пусть администрація вовсе откажется отъ той дѣятельности, которая не можетъ состязаться съ частною предприимчивостію; пусть частные люди, преслѣдуя собственныя выгоды, исполняютъ то дѣло, которымъ администрація занимается какъ чужимъ, или, что еще хуже, на которое представители ея смотрятъ какъ на свое, служащее имъ источникомъ выгоды, и уничтоженіе многихъ подвѣдомственныхъ инстанцій будетъ достигнуто. Замяна административныхъ силъ силами народными увеличитъ эти послѣднія и облегчитъ дѣйствія центральной власти.

Начало это мы намѣрены приложить къ одному изъ весьма важныхъ предметовъ администраціи—снабженію войскъ нужными имъ вещами.

I.

Удовлетвореніе сухопутныхъ войскъ денежными и вещевыми окладами, заготовленіе мундирныхъ и аммуничныхъ вещей, перевозка ихъ, устройство и содержаніе госпиталей и новѣрка отчетности въ расходѣ употребляемыхъ на все это казенныхъ суммъ, составляютъ предметъ занятій комиссаріатскаго департамента военнаго министерства. Устройство же военнаго хозяйства вообще на основаніяхъ, обеспечивающихъ потребности арміи, выгодныхъ для казны и нестѣснительныхъ для промышленности и торговли, относится къ занятіямъ военнаго совѣта; поэтому онъ окончательно утверждаетъ предполагаемые департаментомъ способы приобрѣтенія предметовъ, нужныхъ для войскъ; опредѣляетъ условія на всякія новыя предпріятія, утверждаетъ торги на всякую сумму и отиѣняетъ произведенные въ подвѣдомственныхъ мѣстахъ. Распоряженія по всѣмъ означеннымъ предметамъ приводятся въ исполненіе посредствомъ комиссаріатскихъ комиссій, число которыхъ въ настоящее время простирается до четырнадцати; всѣ онѣ непосредственно подчинены департаменту.

Обязанности комиссаріатскаго вѣдомства, относительно довольствія войскъ вещами, состоятъ въ устройствѣ заготовленія

вещей, приемъ ихъ отъ заготовителей, хранения и отпускъ войскамъ. Заготовление производится подрядами съ торговъ, коммерческимъ или комиссіонерскимъ способомъ, наличною покупкою и отпускомъ войскамъ денегъ вмѣсто вещей. Всѣ вещи, заготавливаемые для войскъ, принимаются отъ заготовителей не иначе, какъ по высочайше утвержденнымъ образцамъ. Приемщикъ, по освидѣтельствованіи вещей, выдаетъ поставщику квитанцію въ самый день свидѣтельства вещей и тогда же доноситъ о томъ комиссіи. За задержаніе квитанціи поставщикъ имѣетъ право принести жалобу въ теченіи восьмидневнаго срока. Подрядчикамъ и ихъ повѣреннымъ строго запрещается имѣть съ приемщиками противозаконныя связи, а именно давать деньги приемщикамъ вмѣсто вещей, слѣдующихъ къ поставкѣ по договору, получать квитанціи, въ которыхъ количество вещей было бы показано болѣе противъ дѣйствительно сданнаго, покупать или брать въ ссуду у приемщиковъ вещи, хотя бы онѣ принадлежали самимъ приемщикамъ. За приемъ, по неосмотрительности, вещей несходныхъ съ образцами, или въ неопредѣленномъ по договору количествѣ, приемщикъ подвергается взысканію той суммы, какая нужна на переимъ негодныхъ вещей, а за открытыя при этомъ злоупотребленія предается суду. Всѣ вещи, поступающія въ комиссаріатъ, хранятся въ магазинахъ комиссіи особо назначаемыми смотрителями (сортовыми), которые снабжаются шнуровыми книгами для веденія прихода и расхода вещей. Всѣ вещи, хранящіяся въ магазинахъ, кромѣ металлическихъ, должны быть за клеймами комиссій; за содержаніе вещей безъ клеймъ виновные предаются суду. Вещи въ комиссіяхъ подвергаются освидѣтельствованію: ежемѣсячно при повѣркѣ приходныхъ и расходныхъ книгъ, ежегодно, при переимѣ сортовыхъ смотрителей, завѣдывающихъ каждымъ сортомъ вещей, и сверхъ того разновременно—при приемѣ вещей въ магазины, при передачѣ ихъ изъ одной комиссіи въ другую и при отпускѣ войскамъ. Общее свидѣтельство при ежемѣсячной повѣркѣ книгъ и при ежегодной смѣнѣ смотрителей производится общимъ присутствіемъ комиссій. Наконецъ вещи свидѣтельствуются внезапно особыми чиновниками по назначенію военнаго министра или генераль-кригсъ-коммиссара.

Вещевое довольствіе, отпускаемое войскамъ отъ комиссаріата, раздѣляется на срочное и сверхсрочное. Первое основывается на штатахъ, табеляхъ и особыхъ положеніяхъ; по-

слѣднее производится на пополненіе утратъ, если онѣ должны быть приняты по закону насчетъ казны, при перемѣнѣ обмундированія, при рекрутскихъ наборахъ, при увеличеніи состава войскъ и т. п. Полки и вообще воинскія команды составляютъ о слѣдующихъ имъ вещахъ и деньгахъ требовательныя вѣдомости, которыя должны быть основаны также на штатахъ, табеляхъ и особыхъ положеніяхъ и тщательно съ ними повѣрены самими войсками. За излишнее перетребованіе вещей, отпущенныхъ комиссаріатомъ по такимъ вѣдомостямъ, командиры, подписавшіе требованія, подвергаются взысканію вдвое болѣе противъ того, чего стоятъ излишне отпущенныя вещи съ провозомъ. При этомъ даже писарскія ошибки въ вѣдомостяхъ не принимаются въ уваженіе. Но если какая-нибудь часть войскъ пропуститъ что-нибудь въ своихъ требованіяхъ, то не можетъ уже вторично требовать, и командиръ, подписавшій требованіе, самъ пополняетъ пропущенное, потому что самъ былъ причиною недопуска.

Вещи принимаются полковыми казначеями, которые ежегодно должны быть избираемы всѣми наличными штабъ- и оберъ-офицерами полка. Такъ какъ при представленіи объ утвержденіи въ должности казначея должно быть приложено свидѣтельство, подписанное всѣми упомянутыми офицерами, то они ручаются за точное исполненіе имъ своихъ обязанностей, а потому, въ случаѣ утраты казенныхъ суммъ или имущества, утраченное пополняется всѣми офицерами, подписавшими свидѣтельство о выборѣ казначея. Казначей отнюдь не долженъ принимать недобротныхъ вещей, и въ случаѣ какого-либо затрудненія доносить мѣстному военному и своему начальству, испрашивая разрѣшенія. По доставленіи приѣмщикомъ въ полкъ мундирныхъ и аммуничныхъ вещей, командиръ свидѣтельствуется ихъ. Онъ обязанъ заботиться, чтобы ни въ какихъ вещахъ въ полку недостатка не было, и чтобы вещи были самага добротнаго качества, не ниже утвержденныхъ образцовъ; въ противномъ случаѣ отвѣчаетъ за всякую неисправность. Онъ отвѣчаетъ также, если въ полку нѣтъ самой вѣрной табели всѣмъ вообще вещамъ, съ показаніемъ въ ней сроковъ, такъ ясно, чтобы можно было видѣть, какая вещь, когда и откуда принята, и когда срокъ окончится, и наблюдаетъ, чтобы такія же табели непременно были въ ротахъ и эскадронахъ. Онъ не долженъ допускать въ полку никакихъ не позволенныхъ наживъ, обязанъ заботиться о заведеніи хо-

рошей экономіи и накрѣпко смотрѣть, чтобы каждому доходило все положенное, а тѣмъ болѣе нижнимъ чинамъ, безъ малѣйшей удержки изъ надлежащихъ имъ выдать. Батальонные, ротные, дивизионные и эскадронные командиры полковъ, будучи помощниками полковыхъ командировъ, отвѣчаютъ за содержаніе ввѣренныхъ имъ частей въ должномъ устройствѣ, и если откроются какія-либо неисправности или законопротивные поступки, о которыхъ ими не было донесено начальству, то, хотя бы и не участвовали въ этихъ неисправностяхъ и злоупотребленіяхъ, подвергаются равному съ виновными наказанію. Начальникъ дивизіи отвѣчаетъ за исправность дивизіи точно такъ же, какъ полковой командиръ за исправность полка, а главнокомандующій арміею и корпусный командиръ обязаны неослабно заботиться, чтобы ввѣренные имъ войска, по внутреннему устройству и относительно довольствія, находились всегда въ самомъ удовлетворительномъ состояніи.

Независимо отъ постоянного надзора начальниковъ за состояніемъ войскъ установлены инспекторскіе смотры, производимые начальникомъ дивизіи по два, а корпуснымъ командиромъ по одному разу въ годъ. Во время смотровъ каждый изъ нижнихъ чиновъ долженъ имѣть при себѣ тетрадку, по узаконенной формѣ, гдѣ, кромѣ другихъ предметовъ, обозначается, какія именно вещи на немъ состоятъ и какихъ сроковъ. Начальникъ инспектируемой части представляетъ инспектирующему табели о состояніи мундирныхъ, аммуничныхъ и другихъ отъ комиссаріата отпускаемыхъ или на отпускаемыя деньги строящихся вещей, съ означеніемъ, когда приняты, скоро ли сроки кончатся или уже кончились, и что требуется въ добавокъ или полный комплектъ. Также представляются краткія вѣдомости объ отпущенныхъ изъ комиссіи деньгахъ вмѣсто слѣдующихъ по штату вещей. Инспекторъ, получивъ всѣ эти свѣдѣнія, осматриваетъ мундирныя и годовыя вещи: въ исправности ли все содержано, хорошо ли и ловко пригнаны на людяхъ вещи, всѣ ли онѣ противъ образцовъ построены. Инспекторъ, удаливъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, допрашиваетъ рядовыхъ, все ли они получили, что имъ слѣдуетъ, стараясь узнать отъ нихъ правду самымъ обстоятельнымъ образомъ и приобрѣтая ихъ довѣренность ласкою и снисхожденіемъ. Если принесена будетъ жалоба, и она покажется инспектору основательною, то онъ тутъ же обязанъ призвать того, на кого жалуются, и долженъ стараться прекратить и удовлетворить ее тотчасъ; но

если жадоба такого рода, что доказываетъ злоупотребленіе и безпорядокъ, происходящій отъ корыстолюбія командира, то инспекторъ долженъ донести о томъ по начальству. Такимъ же порядкомъ осматриваются потомъ унтеръ-офицеры, нестроевые чины и рекруты. Инспекторъ обязанъ во всей подробности осмотрѣть и внутреннее состояніе инспектируемой части, все, что находится въ ея штабѣ, и для того повѣряетъ деньги и вещи по шнуровымъ приходнымъ и расходнымъ книгамъ. По окончаніи смотра инспекторъ оставляетъ въ инспектируемой части ордеръ, которымъ подробно удостовѣряется, въ какомъ состояніи часть эта найдена, а между прочимъ удовлетворены ли люди всѣмъ слѣдующимъ въ должной добротѣ. Когда инспекторъ замѣтилъ какую-нибудь неисправность, то непременно требуетъ самаго скорого исправленія, и потомъ посѣщаетъ часть въ другой разъ, чтобъ узнать, исполнено ли предписанное имъ, и если оно окажется неисполненнымъ, то дѣлаетъ денежное взысканіе съ виновнаго; въ случаѣ же ослабленія въ наказаніи инспекторъ самъ подвергается отвѣту. Когда въ инспектированной части окажутся безпорядки, о которыхъ инспекторомъ было умолчано; то онъ самъ обязывается исправить все на собственный свой счетъ, если не оправдаетъ себя, доказавъ, что безпорядки произошли послѣ смотра.

Для удостовѣренія въ правильности употребленія казенныхъ денегъ и вещей установлена повѣрка и ревизія книгъ и отчетовъ. Полковыя книги и отчеты повѣряются, по окончаніи года, особыми счетными комиссіями, составляемыми при полкахъ изъ двухъ ротныхъ командировъ по очереди; если же полки расположены вмѣстѣ, то комиссіи составляются при дивизіи или корпусѣ изъ офицеровъ, командируемыхъ изъ каждаго полка. Книги, подлежащія повѣркѣ, представляются въ счетныя комиссіи за подписаніемъ всѣхъ штабъ- и оберъ-офицеровъ, состоящихъ при полку, вмѣстѣ съ документами и разчетами. Послѣ такой повѣрки, книги о мундирныхъ и амшуничныхъ вещахъ и суммахъ, получаемыхъ отъ комиссаріата, отсылаются полками и командами въ комиссаріатскій департаментъ, гдѣ подвергаются ревизіи въ особомъ контрольномъ отдѣленіи, которая разсматривается общимъ присутствіемъ департамента. Въ свою очередь книги, веденныя въ комиссаріатскихъ комиссіяхъ, и разчеты ихъ съ подрядчиками также представляются на ревизію въ департаментъ, а отчеты послѣд-

няго объ употребленіи отпускаемыхъ на военныя потребности суммъ подвергаются ревизіи въ государственномъ контролѣ, изъ чиновниковъ котораго одинъ, оберъ-контролеръ, обязанъ повѣрять производимую въ контрольномъ отдѣленіи комиссариатскаго департамента ревизію, а другой, членъ со стороны государственнаго контроля, участвуетъ вмѣстѣ съ общимъ присутствіемъ того же департамента въ разсмотрѣніи и утвержденіи упомянутой ревизіи.

Въ заключеніе этого обзора сущности военнаго хозяйства, начиная отъ заготовленія потребныхъ войскамъ вещей до ревизіи отчетовъ въ употребленіи ихъ, мы считаемъ нужнымъ прибавить, что за нарушеніе постановленій закона виновные подвергаются весьма строгимъ наказаніямъ.

Вникая во всѣ подробности военно-хозяйственнаго порядка, невольно убѣждаешься, что трудно составить болѣе систематическое, до мелочей обдуманное законодательство, и не можешь довольно надивнуться, какъ можетъ злоупотребленіе найти мѣсто въ столь правильно настроенномъ управленіи, и какъ можетъ пройти безнаказанно похищеніе казенной собственности, обращающейся въ комиссариатѣ и войскахъ. Между тѣмъ не рѣдко случается слышать отзывы, далеко не говорящіе въ пользу того и другихъ. «Общественное мнѣніе, говоритъ г. Аничковъ (1), достаточно уже заклеимило эту отрасль нашей администраціи (комиссариатъ), чтобы мы считали нужнымъ распространяться здѣсь въ обвиненіяхъ противу нея. Да и не у насъ однихъ комиссариатъ обратился въ учрежденіе, служащее проводникомъ злоупотребленія между подрядчиками и войсками. Конечно, въ этомъ случаѣ и войска не могутъ быть свободны отъ обвиненія, напротивъ того, инициатива злоупотребленій комиссариата принадлежитъ имъ самимъ: еслибъ они принимали изъ комиссариата вещи вполнѣ добросовѣстно, это искоренило бы злоупотребленія въ самомъ комиссариатѣ.»

Какая же причина злоупотребленій? Изъ вышеизложеннаго легко замѣтить, что настоящее комиссариатское учрежденіе отличается необыкновенною сложностію и большимъ разнообразіемъ предметовъ, подлежащихъ его вѣдѣнію. Отъ этого ни одинъ начальникъ комиссариата, какими бы свѣдѣніями и спо

(1) См. статью г. Аничкова, помѣщенную въ № 5 *Военнаго Сборника* 1858 года: *О способѣ снабженія войскъ обязательными вещами.*

собностями онъ ни обладалъ, не можетъ слѣдить за правильностію исполненія своихъ распоряженій. Уже одно даже неполное наименованіе этихъ предметовъ можетъ достаточно показать всѣ трудности управленія комиссаріатомъ. Вотъ эти предметы : устройство подрядовъ и другихъ способовъ заготовленія вещей, потребныхъ для войскъ, точно такъ же, какъ и предметовъ нужныхъ для самого департамента и подвѣдомственныхъ ему комиссій и госпиталей; храненіе вещей; наблюденіе за ихъ доброкачественностію; предусмотрительное распределеніе количества ихъ по комиссіямъ, такъ чтобы никогда никакая часть войска не оставалась безъ нужныхъ ей потребностей; завѣдываніе зданіями, гдѣ вещи помѣщаются; отпускъ вещей войскамъ, ведущій за собою переписку не только о массахъ вещей, опредѣляемыхъ къ выдачѣ войскамъ по ежегодно составляемому росписанію, но о мелкихъ дробяхъ этихъ массъ, переписку обременяющую до невѣроятности одно изъ самыхъ большихъ отдѣленій департамента, и еще болѣе тягостную для комиссій; перевозка вещей, крайне затруднительная по младенческому состоянію нашихъ путей сообщенія и представляющая весьма обширное поле для промаховъ и злоупотребленій, замѣтить которыя начальникъ большею частію совершенно не въ состояніи; отпускъ войскамъ денегъ на разныя надобности, сопряженный не только съ ежедневною мелочною и обширною перепиской, но съ составленіемъ огромныхъ исчисленій, требующихъ крайне подробныхъ свѣдѣній о всевозможныхъ табеляхъ, штатахъ и положеніяхъ, и наконецъ съ громаднѣйшею бухгалтеріею, до которой, именно по ея громадности, трудно кому-нибудь прикоснуться кромѣ бухгалтеровъ; разсмотрѣніе претензій войскъ по неправильному или неполному отпуску вещей отъ комиссій; браковка вещей и разсмотрѣніе взаимныхъ по этому случаю претензій войскъ, комиссій и подрядчиковъ, влекущее за собою денежные взысканія; наблюденіе за пополненіемъ забракованнаго, производство слѣдствій и суда; дѣла по самымъ разнообразнымъ взысканіямъ, продолжающіяся довольно часто многіе годы, требующія юридическихъ свѣдѣній, усидчиваго прилежанія и терпѣнія,—дѣла, по которымъ производится переписка между подрядчиками, комиссіями, комиссаріатскимъ департаментомъ, военнымъ совѣтомъ, разными присутственными мѣстами гражданскаго вѣдомства и наконецъ правительствующимъ сенатомъ; повѣрка отчетности, производимая въ комиссіяхъ и департаментѣ, для которой въ одномъ послѣднемъ

находится до 30, а нерѣдко и болѣе, чиновниковъ. Если мы прибавимъ къ этому заботу объ управленіи военными госпиталями, число которыхъ иногда доходить въ мирное время до 175, и которое почти также разнообразно, какъ и завѣдываніе довольствіемъ войскъ, и наконецъ переписку о личномъ составѣ чиновъ, въ числѣ которыхъ считается въ мирное время чиновниковъ до 1500, а нижнихъ чиновъ до 12.000; то мы еще не исчерпаемъ всего разнообразія предметовъ занятій комиссаріатскаго вѣдомства; и въ воображеніи своемъ едва ли нарисуемъ картину чудовищнаго труда, несомато имъ постоянно и увеличивающагося ежегодно вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, зависящихъ и не зависящихъ отъ общаго военно-хозяйственнаго законодательства. Скажемъ короче, что одному управляющему комиссаріатскимъ департаментомъ, состоящимъ изъ семи отдѣленій и канцеляріи, приходится подписать въ день болѣе 200 бумагъ разной величины, а въ иныхъ комиссіяхъ число исходящихъ бумагъ простирается въ годъ до сорока тысячъ при личномъ составѣ, гораздо меньшемъ въ сравненіи съ департаментомъ.

Сверхъ 14 комиссій, посредствомъ которыхъ департаментъ приводитъ въ исполненіе свои распоряженія, онъ ведетъ постоянную переписку съ военнымъ совѣтомъ, канцелярією, какъ центральнымъ управленіемъ военнаго министерства, инспекторскимъ департаментомъ, гдѣ сосредоточиваются свѣдѣнія о численности войскъ и чиновъ военнаго вѣдомства, аудиторіатскимъ департаментомъ, до котораго доходитъ значительная и важнѣйшая часть слѣдственныхъ и военно-судныхъ дѣлъ о преступленіяхъ, совершаемыхъ чинами комиссаріата, медицинскимъ департаментомъ, раздѣляющимъ съ комиссаріатомъ управленіе военными госпиталями, и наконецъ со всѣмъ начальниками войскъ.

Вслѣдствіе такой сложности управленія и обширной переписки теряется возможность слѣдить за сущностью дѣла. Войти въ разсмотрѣніе его подробностей можно только по какой-нибудь особенной случайности; иначе нельзя успѣть своевременно кончить поденную работу, лежащую на каждомъ изъ служащихъ, начиная отъ директоровъ до писарей. Изъ такого порядка вещей сама собою возникаетъ возможность злоупотребленій; но распространяться о нихъ мы не намѣрены, такъ какъ они къ сожалѣнію болѣе или менѣе общи разнымъ учрежденіямъ нашимъ, и потому могутъ быть искоренены только об-

щими государственными мѣрами, а главное, не составляютъ цѣли нашего изслѣдованія.

Гораздо большаго вниманія заслуживаетъ тотъ родъ незаконныхъ наживъ, который получилъ техническое названіе накладки, то-есть части стоимости вещей, удѣляемой подрядчикомъ комиссаріату и черезъ него войскамъ. Независимо отъ убытка, наносимаго казнѣ взиманіемъ накладки, и отъ нравственнаго вреда для служащихъ въ комиссаріатѣ и войскахъ, накладка особенно важна потому, что происходитъ отъ самой сущности комиссаріатскаго дѣла. И потому, чтобы найдти средство къ искорененію зла, необходимо вникнуть въ эту сущность.

Безъ сомнѣнія, законы, которыми опредѣленъ нынѣ существующій порядокъ вещеваго довольствія войскъ, застали уже достаточно вкоренившійся обычай пользованія не только отъ предметовъ довольствія, но и вообще насчетъ казенной собственности. Извѣстно, конечно, по преданію, что обычай взиманія накладки былъ терпимъ, вслѣдствіе существовавшаго убѣжденія, что истребить его невозможно. Убѣжденіе это было такъ сильно, что, какъ можно полагать, оно даже подѣйствовало на самые законы, данные въ руководство военно-хозяйственному управленію. Другими словами, обычай, какъ часто бываетъ, и здѣсь оказалъ вліяніе на законъ. Такъ напримѣръ, при приѣмѣ вещей отъ подрядчиковъ, послѣднимъ строго запрещены противозаконныя связи съ приѣмщиками. Казалось бы, подъ этимъ слѣдовало бы непремѣнно подразумѣвать накладку; но нѣтъ: не только въ постановленіяхъ никогда не было упомянуто самое это слово, но въ нихъ объясняется, какія именно противозаконныя связи между подрядчиками и приѣмщиками не должны быть допускаемы. Въ нихъ сказано, что подрядчикъ не долженъ давать приѣмщику деньги *вмѣсто вещей*, слѣдующихъ къ поставкѣ по договору, но не прибавлено, что денегъ не слѣдуетъ давать *сверхъ вещей*, поставленныхъ подрядчикомъ, тогда какъ такая дача и составляетъ накладку. Точно также подрядчику запрещается получать квитанціи, въ которыхъ количество вещей было бы показано *больше* противъ дѣйствительно сданнаго, но въ то же время умолчано о квитанціяхъ, въ которыхъ означенное количество вещей *меньше* сданнаго, что равнымъ образомъ и есть накладка. Ясно, что въ этихъ постановленіяхъ обойденъ существовавшій уже обычай, обойденъ, конечно не для того, чтобы поощрить и оправдать его, но потому, что превозмочь его казалось невозможнымъ. Не зная же средствъ

уничтожить дурной обычай, лучше было умолчать о немъ совершенно, нежели показать, что онъ неискоренимъ, и уничтожение его, такъ-сказать, предоставить времени.

Но, скажутъ намъ, зачѣмъ же полагаться на дѣйствіе времени, когда можно преслѣдовать злоупотребленіе шагъ за шагомъ, въ частныхъ случаяхъ? Если обычай былъ извѣстенъ и признавался дурнымъ, то можно было стремиться къ его искорененію постоянною дѣятельностью администраціи. Безъ сомнѣнія можно, иначе зачѣмъ же существовали бы цѣлыя управленія и уголовные законы, еслибъ они не преслѣдовали и не наказывали преступленій? Но преслѣдованіе можетъ быть не главнымъ, а только вспомогательнымъ средствомъ въ управленіи; если же прибѣгать къ нему систематически и исключительно, то, какъ показываетъ опытъ, оно очень часто не достигаетъ своей цѣли. Положеніе это особенно вѣрно тамъ, гдѣ управленіе построено на началѣ, которое само подаетъ поводъ къ злоупотребленію. Въ комиссаріатѣ именно и существуетъ такое начало, какъ мы увидимъ ниже. Изгоняя виновныхъ, кого же вмѣсто нихъ можетъ пріобрѣсти администрація?—или людей, также положительно направленныхъ къ преступленію, но отважныхъ, или же благонамѣренныхъ, но неопытныхъ, долженствующихъ непременно разочароваться въ своихъ добрыхъ стремленіяхъ, потому что опытъ не замедлитъ показать имъ, что накладка не только въ обычай не искоренилась, но по сущности комиссаріатскаго дѣла, въ его настоящемъ положеніи, необходима, что корень зла еще не отысканъ, и что средства къ истребленію его остались еще не найденными. Чтѣ же выиграетъ администрація, принявшая характеръ преслѣдовательный, вмѣсто того чтобы заглянуть въ глубь самого дѣла? Она только обманется въ своихъ ожиданіяхъ, увидитъ себя столь же безсильною, какъ и прежде, найдетъ нѣсколько преступниковъ и, все болѣе и болѣе преслѣдуя, смѣшаетъ съ ними нѣсколько невинныхъ, обречетъ ихъ на незаслуженныя страданія. Вотъ необходимыя послѣдствія преслѣдованій систематическихъ. Но главное, на преслѣдованіяхъ остановиться нельзя, а надо стараться найти корень зла.

Взглянемъ же пристальнѣе на это зло, на эту накладку, составляющую такъ давно камень преткновения для тѣхъ, кто покушается искоренить ее. Накладка, какъ мы уже видѣли, есть часть цѣны, платимой казною за вещи, которая удѣляется подрядчиномъ пріемщику, кто бы онъ ни былъ, комиссаріатъ или

войско, или и тотъ и другой вмѣстѣ. Подрядчикъ, выпросивъ у казны за принятую на себя поставку вещей извѣстную плату, предъявляетъ комиссаріатскому пріемщику договоренное количество вещей, и въ то же время даетъ ему, сверхъ того, или нѣкоторую взаимно условленную сумму денегъ, или нѣкоторое взаимно условленное количество вещей. Это количество денегъ или вещей, превышающее то, чего требуетъ отъ подрядчика казна по договору, составляетъ накладку. Пріемщикъ оставляетъ часть накладки у себя, а часть ея удѣлитъ пріемщику, присланному отъ войскъ. Очевидно, подрядчикъ, чтобъ имѣть возможность дать пріемщику накладку, долженъ или включить ее въ цѣну, запрашиваемую имъ за вещи у казны при заключеніи подряда, и стало-быть выпросить у казны болѣе, чѣмъ вещи дѣйствительно стоить, или же поставить вещи худшаго качества, чѣмъ предъявляемый ему при договорѣ законный образецъ. Такъ какъ операція довольствія войскъ состоитъ въ комиссаріатѣ изъ трехъ частей: пріема вещей отъ подрядчика, хранения ихъ въ магазинахъ и сдачи войскамъ, то мы непременно должны принять въ соображеніе, что сбереженіе вещей въ цѣлости и сохранности налагаетъ на комиссаріатъ весьма трудную обязанность и тяжелую отвѣтственность. За заготовленіе вещей казна подрядчику уплачиваетъ деньги; отпуская вещи въ войска, она предоставляетъ послѣднимъ износить ихъ въ извѣстный срокъ, но за сохраненіе вещей ничего не даетъ комиссаріату, какъ бы вовсе не желая знать, что онѣ подвергаются порчѣ, не говоря объ утратахъ. Между тѣмъ извѣстно, что всѣ шерстяныя вещи, сукно, полушубки поѣдаются молью, коженый товаръ, употребляемый на сапоги и аммуничныя вещи, перегораютъ и оттого ломаются; холстъ подгниваетъ не только при отдаленныхъ перевозкахъ въ дурную погоду, но даже въ магазинахъ, гдѣ есть всегда сырость. Даже металлическія вещи, отличающіяся прочностью и считающіяся при употребленіи въ войскахъ безсрочными, не избѣгаютъ порчи отъ ржавчины. Само собою разумѣется, что всѣ эти вещи тѣмъ скорѣе подвергаются порчѣ, чѣмъ ниже ихъ качество, а качество не только заготавливаемыхъ вещей, но даже самыхъ утвержденныхъ образцовъ именно таково, что отнюдь не можетъ быть названо высокимъ. Къ этому необходимо прибавить ошибки въ счетѣ и мѣрѣ вещей, утраты отъ ненадежности нижнихъ чиновъ, употребленіе которыхъ въ комиссаріатѣ такъ обширно, отдаленную транспортировку въ дурную погоду подъ надзоромъ

служителей и извощиковъ и проч. Законъ предвидитъ всѣ эти разнообразныя случайности, и виновные въ нихъ подвергаются наказанію, но назначенъ ли какой бы то ни было процентъ на утрату и порчу? Процентъ полагается на убыль въ тѣхъ управленіяхъ, которымъ поручено храненіе хлѣба, вина и т. п., но не назначается комиссаріату.

Если же отвѣтственность за сбереженіе вещей въ цѣлости и сохранности падаетъ на того, кому поручается храненіе ихъ въ магазинахъ, гдѣ онѣ могутъ портиться; то спрашивается, тѣмъ можетъ быть вознаграждена потеря хранителя отъ неизбежной порчи вещей?—Очевидно, не его личною собственностью, потери которой по справедливости нельзя отъ него требовать; и такъ какъ казна не опредѣляетъ вознагражденія за порчу, то очевидно также, что оно должно быть отнесено на счетъ стоимости самыхъ вещей. Этимъ-то вознагражденіемъ и служить накладка. Въ такомъ значеніи своемъ она составляетъ не что другое, какъ страховую премію, взимаемую хранителемъ за сохраненіе вещей. Зла въ этомъ еще не видно. Но премія въ дѣйствительности произвольна, и вотъ почему она не ограничивается мѣрою необходимости, а опредѣляется взаимнымъ, тайнымъ условіемъ подрядчика и пріемщиковъ. Основаніемъ этому условію служить цѣна, выпрошенная подрядчикомъ у казны при заключеніи договора, необходимая страховая премія, установленная обычаемъ, и тѣ части накладки, изъ которыхъ одну, также по обычаю, оставляетъ у себя пріемщикъ комиссаріатскій, а другую получаетъ пріемщикъ воинскій. Само собою разумѣется, что количество такой преміи зависитъ также и отъ личности хранителя. Чѣмъ онъ менѣе требователенъ, тѣмъ премія ниже, и наоборотъ. Во всякомъ случаѣ въ опредѣленіи ея количества важную роль играетъ произволь; тутъ-то собственно и возникаетъ злоупотребленіе, которое и заставляетъ считать накладку противонравственною наживою. Если бы подобный хранитель былъ человѣкъ *идеальной* честности, то ему слѣдовало бы, при передачѣ храненія другому лицу, объявить, что у него осталось неистраченнымъ такое-то количество преміи, обезпечивавшей цѣлость довѣренныхъ ему вещей, и возвратитъ его въ казну, какъ настоящій источникъ, откуда премія вышла. Но на дѣлѣ такихъ *идеаловъ* не существуетъ; хранитель передаетъ часть этой преміи своему пріемщику, и здѣсь мы встрѣчаемъ другой существующій у насъ обычай, вслѣдствіе котораго предметникъ сдаетъ преемнику

сверхъ казеннаго имущества еще и деньги, или лишнія противъ прихода-расходныхъ книгъ вещи. Эта надбавка на первый разъ обезпечиваетъ цѣлость принятаго имущества, и переходитъ отъ одного преемника къ другому, то увеличиваясь, то уменьшаясь, смотря по обстоятельствамъ. Такимъ образомъ изъ вышеизложеннаго мы видимъ, что комиссаріатская накладка имѣетъ свое основаніе въ самой обязанности комиссаріата хранить вещи, подвергающіяся порчѣ, и только повышается и понижается по произволу; но существованіе ея въ войскахъ не имѣетъ никакого основанія въ сущности военнаго хозяйства, такъ какъ вещи отпускаются имъ для носки въ извѣстное время съ соответствующими свойствами и въ должномъ количествѣ. Она происходитъ тамъ отъ послабленія при приемѣ вещей, допускается по снисходительности приемщика, соглашающагося принять вещи ниже образца. Поэтому правильный приемъ достаточно могъ бы предохранить войска отъ отвѣтственности, и чѣмъ приемъ былъ бы правильнѣе, тѣмъ лучше комиссаріатъ долженъ бы былъ исполнять свои обязанности. Не послужили ли эти обстоятельства причиною, что законъ вмѣняетъ въ положительную обязанность командировъ полковъ и другихъ отдѣльных частей, чтобъ они не допускали никакихъ непозволительныхъ наживъ и накрѣпко смотрѣли, чтобы нижнимъ чинамъ доходило все положенное безъ малѣйшей удержки, между тѣмъ какъ мы видѣли, что въ постановленіяхъ поощренъ обычай взиманія накладки при приемѣ вещей отъ подрядчика комиссаріатомъ? Не съ цѣлю ли не допустить выдачу солдату недоброкачественныхъ вещей, опредѣлена отвѣтственность военнаго начальства за приемъ ихъ такъ, что выданная отъ войскаго приемщика квитанція ограждаетъ комиссаріатъ отъ отвѣтственности? Мы думаемъ, что отвѣчать на эти вопросы отрицательно нельзя, и потому-то совершенно справедливо замѣчено г. Аничковымъ, что если войска не будутъ принимать отъ комиссаріата дурныхъ вещей, то конечно и послѣдній не будетъ въ состояніи принимать ихъ отъ подрядчиковъ и сдавать войскамъ. Выходитъ, что еслибы надзоръ въ войскахъ соответствовалъ требованію закона, то войска были бы одѣты всегда какъ должно, и злоупотребленія ограничились бы въ комиссаріатѣ взиманіемъ только накладки, въ видѣ необходимой страховой преміи, правда произвольной, не дозволяемой закономъ, но въ сущности не обидной подрядчикамъ и необременительной для казны. На уступку же такой преміи казна неминуемо

должна согласиться, если признаетъ нужнымъ содержать посредствующее между подрядчикомъ и войсками вѣдомство, обязанное хранить вещи. Но потому-то произволъ и вреденъ, что предѣлы полагаются ему случаемъ. При существованіи произвола забывается мѣра необходимости. Душа мѣру знаетъ, гласитъ русская поговорка. Довѣряться произволу никогда не должно, а въ администраціи менѣе нежели въ чемъ-нибудь. Дѣйствія ея должны быть строго опредѣлены закономъ, который долженъ оставлять случайностямъ какъ можно менѣе значительную роль въ распоряженіяхъ лицъ, употребляемыхъ для приведенія въ дѣйствіе административной машины.

Поэтому, скажутъ намъ, чтобы лишить накладку характера незаконности и произвольности, слѣдуетъ назначить отъ казны опредѣленную, законную страховую премію, тогда хранитель вещей будетъ въ состояніи пополнять всякую утрату или порчу, для пополненія которыхъ теперь онъ прибѣгаетъ къ произволу, и затѣмъ уже законъ можетъ преслѣдовать всякое произвольное взиманіе накладки, какъ преступленіе. Правда, такая мѣра съ перваго взгляда кажется благоразумною; но недостаточность ея обнаруживается уже въ томъ, что она прямо не уничтожаетъ незаконной накладки. Мѣра эта только *предполагаетъ*, что накладка существовать не будетъ, но никакихъ преградъ ей не ставитъ. И потому можно сказать почти положительно, что такая закономъ опредѣленная страховая премія будетъ подвергнута на практикѣ разнымъ злоухищреніямъ.

Положимъ, что правительство назначить ее хранителю вещей, и притомъ, или вовсе не потребуетъ отъ него никакого отчета въ употребленіи ея, или же введетъ новую отчетность. Въ первомъ случаѣ, при счастливыхъ обстоятельствахъ, преміи частію останутся въ рукахъ хранителя безпрекословно и будутъ только составлять расходъ, добровольно казною принятый на себя. Во второмъ случаѣ отчетность, какъ и всегда случается въ сложной администраціи, поведетъ къ новымъ злоухищреніямъ и обманамъ. Тогда, слѣдовательно, прибавится новый родъ преступленій и причинъ къ развращенію нравственности служащихъ лицъ.

Далѣе, существованіе накладки, взимаемой войсками, не уничтожится, и потому комиссаріатъ или будетъ удѣлять часть своей законной страховой преміи войскамъ, или, что вѣроятнѣе, будетъ по прежнему порядку взимать накладку съ подрядчиковъ, для того чтобы подѣлиться ею съ войсками. Вѣроятность

послѣдняго основывается на томъ, что отъ подрядчиковъ, при такой, добровольно жертвующей казною преміи, будутъ требоваться вещи совершенно сходныя съ утвержденными образцами, а найти такихъ вещей для всей массы войскъ не возможно. Поэтому подрядчики, въ возмездіе за снисхожденіе, охотно будутъ уступать нѣкоторый процентъ съ выпрошенной цѣны за вещи, лишь бы поставки ихъ оканчивались благополучно. Такимъ образомъ пріемщики будутъ еще преступнѣе, чѣмъ теперь, а казна къ своимъ расходамъ прибавитъ еще одинъ, столько же непроизводительный, какъ и тотъ, который существуетъ теперь подъ видомъ тайной накладки. Выходитъ, что новая законная мѣра вмѣсто пользы, принесла бы только больше вреда въ сравненіи съ существующимъ теперь беззаконіемъ. Явная страховая премія и тайная накладка существовали бы въ одно время и лежали бы на казнѣ двойнымъ бременемъ. Полагать, что при введеніи упомянутой мѣры, агенты администраціи будутъ непременно честнѣе, а подрядчики исправнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, есть мечта, которою законодатель не долженъ увлекаться. Напротивъ онъ всегда долженъ стремиться къ укорененію добрыхъ нравовъ помощію справедливыхъ и рационально-задуманныхъ законовъ; такъ какъ законъ тогда только достигаетъ своей цѣли, когда всякій обязанный повиноваться ему видитъ, что неповиновеніе влечетъ за собою не только наказаніе, но и нарушеніе общественныхъ и частныхъ интересовъ самого неповиновающагося.

II.

Общественное мнѣніе, какъ видно, обратило вниманіе на злоупотребленія въ снабженіи войскъ нужными для нихъ предметами, и потому даже въ печати предложены были нѣкоторыя мѣры, клонящіяся къ улучшенію существующаго порядка вещеваго довольствія арміи. Такъ какъ мѣры эти относятся къ предмету настоящей статьи, то мы считаемъ не лишнимъ сказать о нихъ наше мнѣніе.

Въ *Le Nord* (1) была помѣщена слѣдующая статья одного изъ корреспондентовъ этой газеты:

(1) 30 сентября 1858 г. № 273.

«Довольствие нашей армии провiantомъ, фуражомъ и предметами обмундирования, говоритъ корреспондентъ, особенно со времени послѣдней войны, открывшей всѣ его недостатки и злоупотребленія, стало предметомъ заботливости правительства.

«При учрежденіи комиссаріатскаго департамента и подвѣдомственныхъ ему управленій, правительство имѣло двоякую цѣль: доставлять войскамъ предметы обмундирования хорошаго качества и приобретать ихъ какъ можно дешевле. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ ни одна изъ этихъ цѣлей не была достигнута. Напротивъ, доставляемыя вещи всегда были дурнаго качества и въ то же время стоили казнѣ очень дорого. Это объясняется очень просто. Поставка производилась подрядчиками, которые поремѣнялись при ежегодныхъ торгахъ и слѣдовательно заботились выиграть какъ можно болѣе при исполненіи своихъ кратковременныхъ контрактовъ. Кромѣ того, подрядчики обезпечивали передъ казною исполненіе своихъ контрактовъ залогами движимыми и недвижимыми, которые они большею частію получали за очень высокіе проценты; чиновники, съ своей стороны, взимали съ поставляемыхъ вещей налогъ совершенно незаконный и достойный самыхъ притѣснительныхъ эпохъ среднихъ вѣковъ. Итогъ издержекъ, дѣлаемыхъ подрядчиками, простирался среднимъ числомъ до 25%; а слѣдовательно казна платила 25% дороже за вещи, стоившія 25% дешевле вещей, которыя должны были служить образцами при поставкахъ.

«Злоупотребленія чиновниковъ, на которыхъ было основано доставленіе въ армию провiantа и вещей, достигли, особенно въ послѣднюю войну, размѣровъ по истинѣ колоссальныхъ. Правительство должно было преслѣдовать наиболѣе виновныхъ съ похвальною строгостью. Несмотря на то, недостатки самаго учрежденія интендантства армии продолжали существовать, и на нихъ-то устремлено было особенное вниманіе правительства.

«При такомъ положеніи дѣлъ, справедливо ожидать полезныхъ послѣдствій отъ возникшаго нынѣ предположенія объ основаніи акціонернаго общества, долженствующаго замѣнить комиссаріатъ. Это предположеніе представлено военному министру и въ непродолжительномъ времени будетъ подвергнуто разсмотрѣнію въ комитетѣ министровъ (1). Цѣль проекта замѣнить дѣятельность администраціи, всегда разорительную въ дѣлахъ торговыхъ, дѣятельностью торговаго общества, которое предлагаетъ правительству понизить 5-ю и 10-ю% среднія цѣны вещей, бывшія въ предшествующіе годы, съ тѣмъ чтобы поставка была предоставлена обществу на пятнадцать лѣтъ, въ продолженіи которыхъ оно желаетъ пользоваться казенными зданіями и магазинами, находящимися въ вѣдѣніи интендантства. Я не войду во второстепенныя подробности этого предпріятія, существующаго еще только въ проектѣ, но я счелъ нужнымъ сказать вамъ о немъ, потому что оно служить счастливымъ началомъ преобразованій въ этой важной части воен-

(1) Этотъ проектъ, какъ видно изъ напечатанаго въ № 95 *Экономическаго Указателя* за 1858 г. письма г. Арсеньева, представленъ въ военное министерство гг. Арсеньевымъ и Блюмеромъ.

наго управленія и , вмѣстѣ съ уменьшеніемъ численности нашей арміи, составляетъ истинный шагъ впередъ.»

Мы совершенно убѣждены, что корреспондентъ газеты *Le Nord*, сообщая объ упомянутомъ проектѣ, былъ одушевленъ самыми благими намѣреніями; но къ сожалѣнію, въ нѣкоторыхъ изъ соображеній, предпосланныхъ изложенію сущности проекта, вкрались невѣрности, и указать на нихъ мы считаемъ необходимымъ:

1) Правительство, учреждая комиссаріатское управленіе, имѣло цѣлю не только, какъ говорить корреспондентъ, снабжать войска наилучшими вещами и какъ можно дешевле, но имѣть возможность доставлять имъ всѣ потребности вездѣ и всегда, каковы бы ни были политическія обстоятельства государства. Для правительства мало, если войско будетъ обмундировано хорошо и дешево. Это только часть его заботы, ему необходимо сверхъ того обезпеченіе, что армія, на которую возложена обязанность защиты государства отъ внѣшнихъ враговъ, будетъ одѣта съ ногъ до головы при всѣхъ возможныхъ передвиженіяхъ. Къ этому присоединяется естественное желаніе правительства, чтобы такое сложное дѣло, каково снабженіе многочисленной арміи разнообразными предметами обмундированія, производилось съ возможно-меньшими злоупотребленіями; такъ какъ предупрежденіе злоупотребленій въ дѣлѣ, требующемъ траты большихъ суммъ, безъ сомнѣнія должно входить въ виды правительства. Наконецъ, удовлетвореніе войскъ, отъ рядоваго до главнокомандующаго, всѣми денежными выдачами, какого бы рода онѣ ни были, и призрачныя большыхъ военныхъ чиновъ не могли не быть предметами заботливости правительства. Удовлетвореніе всѣхъ этихъ цѣлей, какъ мы видѣли, составляетъ обязанность комиссаріата. Разнообразіе же ихъ служитъ главнѣйшею причиною сложности и огромности этого управленія.

Что касается дешевизны заготовленія вещей, то ея легко достигаютъ посредствомъ торговъ, представляющихъ возможность при соперничествѣ и соревнованіи подрядчиковъ покупать вещи по цѣнѣ, если не дѣйствительной, то ближайшей къ дѣйствительности. Извѣстно притомъ, что утвержденію торговъ служатъ основаніемъ цѣны, заранѣе и секретно определяемыя военнымъ совѣтомъ. Выше этихъ цѣнъ, заготовленія съ торговъ не утверждаются. Цѣны, назначаемыя совѣтомъ, большею частію до того низки, что едва ли частные люди мо-

гутъ дешевле купить вещи, даваемые нашему солдату. Цѣны на комиссаріатскія вещи устанавливаются военнымъ совѣтомъ, съ такою строгою умѣренностію, что даже во время минувшей войны, когда все такъ значительно вздорожало, стоимость предметовъ обмундирования не была возвышена. Такая строгость можетъ быть объяснена только тѣмъ убѣжденіемъ, что при снабженіи войскъ существуютъ злоупотребленія, и что слѣдовательно удешевленіе цѣнъ можетъ и должно служить ограниченіемъ этихъ злоупотребленій. Понятно, что чѣмъ меньше подрядчикъ возьметъ денегъ у казны, тѣмъ меньшую накладку можетъ онъ удѣлить пріемщикамъ. При такихъ мѣрахъ становится возможною дешевизна вещей, нужныхъ войскамъ, и потому мы не раздѣляемъ мнѣнія г. корреспондента, что одна изъ цѣлей, бывшихъ у правительства при учрежденіи комиссаріата, остается недостигнутою. Надзоръ за качествомъ вещей предоставленъ преимущественно начальству войскъ, начиная отъ полковаго до корпуснаго командира. Въ мысли нашего военного законодательства инспекторскіе смотры, производимые періодически, должны служить достаточнымъ обезпеченіемъ правильнаго снабженія войскъ вещами. Въ какой мѣрѣ достигаетъ цѣли такой надзоръ со стороны военного начальства,—вопросъ другой: но если справедливо, что солдатъ одѣтъ не по образцу или не вполне; то основной причины этого должно искать не въ *средневьковомъ поборѣ* чиновниковъ комиссаріата, о которыхъ упоминаетъ корреспондентъ. Очевидно, что если военный пріемщикъ не возьметъ отъ комиссаріата дурныхъ вещей, то и комиссаріатъ не будетъ въ состояніи сдать ихъ пріемщику. Просимъ г. корреспондента повѣрить, что этими соображеніями мы желаемъ не столько защищать комиссаріатъ отъ взводимыхъ на него обвиненій въ наклонности къ злоупотребленіямъ, сколько указать на то мѣсто, гдѣ должно въ больномъ тѣлѣ нашего общества искать настоящей причины болѣзни. Притомъ, такъ какъ мы намѣрены предложить въ настоящей статьѣ наше собственное мнѣніе о способахъ улучшенія комиссаріатскаго управленія; то указаніе этой причины мы считали необходимымъ. Не зная болѣзни, нельзя лѣчить ее, точно такъ же какъ и маскируя язву, нельзя узнать до какой степени страдаетъ весь организмъ больного тѣла. Въместѣ съ тѣмъ мы хотѣли показать, что комиссаріатскія вещи стоѣтъ казнѣ не такъ дорого, какъ думаетъ корреспондентъ. Крайняя дешевизна заготовленія ограждена

достаточно, но достиженія доброкачественности вещей еще слѣдуетъ ожидать отъ дальнѣйшихъ улучшеній.

2) По мнѣнію корреспондента дороговизна и недоброкачественность вещей, даваемыхъ солдату, происходятъ отъ ежегодной перемѣны подрядчиковъ при производствѣ торговъ.

Въ ошибочности этого положенія корреспондентъ легко убѣдится, если возьметъ на себя трудъ справиться, кто именно и сколько времени занимается поставкою вещей въ комиссаріатъ. Онъ узнаетъ, что болѣшая часть подрядчиковъ, поставившихъ вещи до 1858 г., имѣли дѣла съ комиссаріатомъ отъ 5 до 25 лѣтъ; что поставку принимали на себя сперва отцы, а потомъ дѣти ихъ; сперва цѣлыя компаніи, а потомъ компаньоны отдѣльно; сперва купцы, а потомъ ихъ повѣренныя, ставшіе купцами въ свою очередь. Не только перемѣна подрядчиковъ никогда не была грѣхомъ комиссаріата и стало быть не имѣла вліянія на дѣла его, но даже, какъ намъ извѣстно, нѣкоторые лица, напротивъ того, были убѣждены, что продолжительность веденія поставокъ иными подрядчиками составляетъ монополію. Что комиссаріатскіе подрядчики старались, какъ можно болѣе и скорѣе, приобрѣсти выгоды отъ своихъ подрядовъ, это совершенно справедливо; но вѣроятно ихъ примѣру слѣдуютъ и всякаго рода люди, занимающіеся торговлею. На томъ стоитъ всякое коммерческое предпріятіе. Кому же неизвѣстно, что выгода есть идолъ коммерціи?

3) Корреспондентъ утверждаетъ, что расходы подрядчиковъ простираются среднимъ числомъ до 25%. Мы не беремъ опровергать положительнымъ разчетомъ невѣрность этой цифры, за неизмѣнимъ данныхъ. Дѣло это—дѣло темное; объяснить его могутъ только сами же подрядчики, знающіе вѣрно свои приходы и расходы. Но невѣрность этой цифры намъ очевидна. Нѣкоторые значительнѣйшіе подрядчики комиссаріата представляютъ въ залогъ собственные банковые билеты и недвижимыя имущества. Ни тѣ, ни другія нисколько не требуютъ, какъ залого, никакихъ издержекъ, но еще приносятъ доходъ. Затѣмъ казна принимаетъ въ залогъ предметы самой поставки, что также очень выгодно. Нѣкоторые заводчики обезпечиваютъ поставки круговою порукою другъ за друга. Наконецъ, нѣкоторые оборотливые люди могутъ даже приобрѣтать выгоды, которыя и въ голову не придутъ человѣку, непривыкшему къ спекуляціямъ. Укажемъ на одинъ изъ такихъ оборотовъ. Казна, предоставляя подрядчику поставку, позволяетъ

ему взять у нея задаточныя деньги съ обезпеченіемъ ихъ залогомъ рубль за рубль. Положимъ, что подрядчику слѣдуетъ получить такихъ задаточныхъ денегъ 100.000 рублей; но въ залогъ онъ можетъ представить только банковый билетъ въ 25.000 рублей, чего, конечно, недостаточно. Однако онъ отправляется въ департаментъ, отдаетъ тамъ этотъ билетъ, и получаетъ подъ него 25.000 рублей чистыми деньгами; затѣмъ онъ несетъ ихъ въ банкъ, изъ котораго получаетъ билетъ на такую же сумму; съ этимъ билетомъ снова идетъ въ департаментъ и тѣмъ же порядкомъ получаетъ еще 25.000 рублей, и продолжаетъ свои путешествія изъ департамента въ банкъ и обратно до тѣхъ поръ, пока не получитъ всѣхъ задаточныхъ 100.000 рублей. Такимъ образомъ въ департаментъ лежатъ его билеты на 75.000 рублей, приносящіе ему законные банковые проценты, а остальные 25.000 рублей, онъ пускаетъ на покупку вещей, которыя обязался поставить для войскъ, и пріобрѣтаетъ на нихъ выгоду, какую Богъ пошлетъ; если же деньги эти ему для оборота не нужны, то онъ кладетъ ихъ въ банкъ, и тогда проценты у него нарастаютъ на 100.000 рублей. Поставка кончилась благополучно, казна улачиваетъ подрядчику слѣдующія по разчету деньги, и онъ выкупаетъ у нея свои билеты. Конечно въ этомъ случаѣ подрядчикъ не потерпѣлъ убытка, отдавая казнѣ свой залогъ. Такъ иногда дѣйствуютъ коммерческіе люди, а мы соблазнуемъ, что они платятъ дорого за залогомъ. Оборотливость торговыхъ людей безпредѣльна; поэтому а ргіогі судить объ ихъ барышахъ и убыткахъ невозможно. Прибавимъ къ этому, что самая выдача задаточныхъ денегъ, даже подъ залогъ рубль за рубль, составляетъ уже весьма важное вспомошествованіе подрядчикамъ.

Переходимъ къ разсмотрѣнію сущности изложеннаго корреспондентомъ проекта.

Основаніе общества на акціяхъ, съ исключительною привилегіею покупать и продавать продукты, составляющіе предметъ общей торговли и промышленности, есть чистая монополія. Такъ охарактеризованъ былъ этотъ проектъ въ *Экономическомъ Указателѣ*, гдѣ между прочимъ было сказано, что исключительное и продолжительное право въ дѣлахъ и размѣрахъ подобнаго рода необходимо должно произвести разореніе массы народа, на благосостояніи котораго зиждется сила и богатство правительства.

Замѣтка эта вызвала возраженіе г. Леонида Блюмера (1), который не хочет согласиться, что предполагаемое общество есть монополія, потому будто бы, что оно уступаетъ въ пользу казны 5% изъ средняго вывода цѣнъ послѣдняго десятилѣтія и покупаетъ всѣ магазины комиссаріата по ихъ нарицательной цѣнѣ. Мы увидимъ ниже, какое значеніе имѣетъ эта уступка, теперь же скажемъ, что общество проситъ, чтобы правительство предоставило ему магазины сперва только въ пятнадцатилѣтнее пользованіе, а потомъ уже, если дѣйствія общества окажутся полезными для казны, обѣщаетъ купить эти магазины.

Отрицать, что учрежденіе такого общества будетъ монополіею, невозможно. Монополія, по опредѣленію всѣхъ возможныхъ экономистовъ, есть не что иное, какъ право правительства, лица или общества извлекать выгоды изъ какого-либо предпріятія въ свою пользу въ то время, когда никто другой не можетъ заниматься тѣмъ же предпріятіемъ. На той же страницѣ № 232 *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, гдѣ помѣщена Замѣтка г. Блюмера, мы прочли слѣдующее доказательство выгоды учрежденія общества газоваго освѣщенія въ С.-Петербургѣ, получающаго на то *исключительное право* на 50 лѣтъ: «Всѣ обстоятельства въ превосходной степени содѣйствуютъ видамъ блистательнаго успѣха этого важнаго предпріятія. Пользуясь 50-лѣтнею привилегіею, общество ограждено отъ *совмѣстничества* на извѣстныхъ линіяхъ подобныхъ учрежденій.» Не то же ли можно съ такою же справедливою сказать и объ обществѣ снабженія войскъ обмундированіемъ? Не ограждаетъ ли и оно также отъ всякаго свободнаго совмѣстничества въ доставленіи нашей огромной арміи потребной ей одежды, обуви и аммуниціи на 15 лѣтъ, по истеченіи которыхъ оно желаетъ получить то же право на дальнѣйшій, неизвѣстный срокъ?

Понятно, существованіе общества на акціяхъ при неограниченности конкуренціи, которая можетъ, хотя и съ большимъ трудомъ, положить предѣлъ его монопольнымъ дѣйствіямъ.

(1) Въ № 232 *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* 1858 г. Хотя г. Арсеньевъ, въ упомянутомъ выше письмѣ своемъ, признаетъ полемику о своемъ проектѣ несвоевременною, но мы считаемъ себя въ правѣ высказать о немъ наше мнѣніе, несмотря на то что онъ до сего времени не напечатанъ, такъ какъ, согласно съ желаніемъ г. Арсеньева, мы излагаемъ въ нашей статьѣ главныя основанія системы довольствія войскъ безъ участія комиссаріата.

Такъ поняли бы мы основаніе какой бы то ни было компаніи для торговли продуктами, которая, открывая свои дѣйствія, не препятствовала бы никому изъ частныхъ промышленниковъ вести торгъ тѣми же продуктами, а только стремилась бы или къ удешевленію ихъ, или къ улучшенію ихъ качества. Но что сказали бы благомыслящіе люди, еслибы компаніи было предоставлено исключительное право покупать и продавать эти продукты? Не сказали ли бы они, что это монополія; что цѣны на продукты устанавливались бы обществомъ только по соображенію собственныхъ выгодъ его въ ущербъ потребителей и частныхъ производителей; что народу пришлось бы, или не употреблять тѣхъ продуктовъ, или покупать ихъ на вѣсь золота; что конечнымъ результатомъ дѣйствій такого общества было бы уничтоженіе частной промышленности? Мы увѣрены, что такой отзывъ былъ бы общимъ. Заводить привилегированныя общества для торговли предметами, употребляемыми народомъ или требуемыми въ значительномъ количествѣ казною, чрезвычайно выгодно; но потому-то они и допускаются рѣдко. Такъ напримѣръ можно было бы устроить компанію на акціяхъ съ исключительнымъ правомъ отоплять казенныя зданія, строить ихъ, продовольствовать войска, содержать госпитали, почты и т. п. Все это выгодно, но все это было бы монополією въ родѣ того общества, которое предлагаютъ теперь основать для того, чтобы предоставить ему исключительное право продавать казнѣ все, что нужно для одежды войска, тогда какъ подрядчики и промышленники до сихъ поръ могли заниматься этимъ дѣломъ при взаимной конкуренціи. Новое общество совершенно устраняетъ соперничество; всякое пониженіе цѣны, платимой казною, становится невозможнымъ, и въ то же время общество пріобрѣтаетъ власть пожалуй даже притѣснить производителей установленіемъ цѣнъ на произведенія по собственному произволу его. Между тѣмъ по значительной числительности нашей арміи такихъ произведеній требуется весьма большое количество, а многіе изъ нихъ потребляются исключительно ею одною. По этимъ соображеніямъ мы находимъ предлагаемую проектомъ операцію крайне невыгодною для казны и народа, часть котораго занимается производствомъ предметовъ, потребляемыхъ войсками.

Безъ сомнѣнія и общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ есть также монополія; но допущеніе ея оправдывается весьма важными обстоятельствами. Постройка дорогъ требуетъ огром-

ныхъ капиталовъ, которые, при учрежденіи этого общества, не могли довѣряться частной предпринимчивости въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, какіе отличаютъ это предпріятіе. Для постройки дорогъ необходимо единство распоряженій, техническія свѣдѣнія и проч. Однако несмотря на трудность и новостъ этого предпріятія, правительство сочло нужнымъ, во первыхъ, поощрить частныхъ людей назначеніемъ гарантіи въ 5% на внесенные ими капиталы, а во вторыхъ ограничить и права самаго общества собственнымъ правомъ правительства выкупить дороги у общества, когда это признается нужнымъ.

Не таковъ характеръ общества для снабженія войскъ вещами, желающаго исключительно пользоваться правомъ, которымъ пользовались доселѣ частные люди при общемъ соперничествѣ. Характеръ этотъ чисто монополюный, не оправдываемый благоразуміемъ, не вызываемый необходимостью.

Въ проектѣ предполагается, правда, и нѣкоторое уменьшеніе казенныхъ расходовъ, тѣмъ, что понижается на 5% сумма, издерживаемая на обмундированіе войскъ. Выгода эта, однако, болѣе воображаемая, чѣмъ дѣйствительная. Средняя сумма, до которой простирается ежегодный расходъ на заготовленіе нужныхъ войскамъ вещей, составляетъ до 6.500.000 рублей (1); слѣдовательно пониженіе ограничивается на самомъ довольствіи только суммою въ 325.000 р. въ годъ. Такія пониженія возможны и при нынѣ существующей системѣ довольствія войскъ. Если же мы примемъ въ соображеніе, что общество желаетъ получить въ свое пользованіе на 15 лѣтъ казенныя зданія, въ которыхъ теперь комиссаріатъ хранить свои вещи, то важность дѣлаемой обществомъ уступки въ пользу казны становится еще менѣе значительною. Остается, слѣдовательно, дѣйствительною выгодною только уменьшеніе числа чиновниковъ, еслибы могло послѣдовать учрежденіе предполагаемаго общества. Мы увидимъ ниже, нельзя ли достигнуть этого результата, при другихъ, по нашему мнѣнію, болѣе раціональныхъ мѣрахъ.

Въ изложеніи сущности проекта, помѣщенномъ въ газетѣ *Le Nord*, мы не видимъ никакихъ свѣдѣній, чѣмъ именно общество обезпечитъ правильность довольствія войскъ, то-есть что солдатъ будетъ получать вещи хорошаго качества. Между

(1) Мы не включаемъ сюда суконъ, подражаемыхъ министерствомъ финансовъ у фабрикантовъ по особымъ правиламъ, и госпитальныхъ вещей, о которыхъ въ проектѣ ничего не говорится.

тѣмъ, такое ручательство необходимо, такъ какъ мы видѣли выше, что при настоящей системѣ дешевая цѣна подрядовъ обеспечивается конкуренціею при торгахъ и заботливостью высшаго начальства, не допустившаго даже во время послѣдней войны, при всеобщемъ возвышеніи цѣнъ на всѣ продукты, чтобы вздорожали цѣны на комиссаріатскія вещи. Мы сказали, что если войска не будутъ принимать дурныхъ вещей, то и комиссаріатъ не будетъ имѣть возможности сдавать ихъ войскамъ. Если же приемъ такихъ вещей будетъ допускаемъ, то кто и чѣмъ поручится, что агенты общества не воспользуются удобными случаями снабдить войска вещами ниже образцевъ, установленныхъ правительствомъ? Очевидно, что положиться безусловно на общество въ этомъ случаѣ не возможно, несмотря на то, что оно будетъ отдавать отчетъ акціонерамъ и публикѣ; для злоупотребленій останется еще довольно обширное поле. Гласность одна, безъ мѣръ законодательныхъ, хотя и полезна, но недостаточна. Учредивъ особое мѣсто (въ родѣ интендантства), мало прибавимъ пользы дѣлу, потому что не имѣемъ основанія полагать, что оно будетъ лучше, нежели настоящій комиссаріатъ. Если же ограничиться существующею теперь отвѣтственностью начальства войскъ, то опять никакого улучшенія не представляется; такъ какъ за дурныя вещи, въ приемъ которыхъ полковое начальство выдало квитанцію комиссаріату, оно отвѣчаетъ по закону и теперь, и комиссаріатъ отъ отвѣтственности освобождается. Но въ томъ-то и вопросъ: какъ достигнуть, чтобы отвѣтственность, возлагаемая закономъ на полковое начальство, препятствовала существованію злоупотребленій, и чтобы при этомъ не могъ быть допущенъ приемъ дурныхъ вещей? Надъ рѣшеніемъ этого самаго вопроса и останавливаются, сколько намъ извѣстно, всѣ, кто предлагалъ и предлагаетъ мѣры къ улучшенію комиссаріатскаго управленія.

Въ № 89 *Экономическаго Указателя* прошедшаго года, помѣщена статья подъ заглавіемъ: «Что можно бы предпринять, чтобы чиновники нѣкоторыхъ вѣдомствъ не распоряжались сами собой увеличеніемъ своего содержанія?» По мнѣнію автора, называвшаго себя заштатнымъ, «причины зла настоящаго порядка продовольствія войскъ (1) заключаются въ недовѣрїи къ

(1) Авторъ преимущественно имѣетъ въ виду провіантское довольствіе, но такъ какъ оно въ сущности представляетъ тѣже злоупотребленія,

служащимъ, въ недостаточности назначаемаго имъ содержанія, а главное въ томъ, что между производителемъ и потребителемъ существуетъ посредничество; такъ какъ поставщикъ какого-нибудь продукта въ казну всегда беретъ въ расчетъ интересы всѣхъ тѣхъ, черезъ руки которыхъ долженъ проходить этотъ продуктъ, пока дойдетъ по назначенію; слѣдовательно чѣмъ меньше будетъ этихъ рукъ, тѣмъ меньше будетъ этихъ накидокъ». Почти все это совершенно справедливо. Недостаточность содержанія служащихъ и посредничество между подрядчиками и войсками дѣйствительно принадлежать къ числу главныхъ причинъ злоупотребленій при довольствіи войскъ. Что же касается недовѣрія къ служащимъ, то мы считаемъ нужнымъ нѣсколько ограничить смыслъ словъ автора. Недовѣріе, выразившееся въ сложной и запутанной отчетности, за которою такъ бесполезно, по выраженію г. Аничкова, въ упомянутой уже нами статьѣ, «коптятъ чиновники контрольнаго отдѣленія коммиссаріатскаго департамента», когда въ ней «нѣтъ іоты правды», есть величайшее зло; такъ какъ не достигая своей цѣли, повѣрки дѣйствій администраціи, эта отчетность только увеличиваетъ число служащихъ, умножаетъ дѣлопроизводство, лишаетъ самага дѣятельнаго начальника возможности слѣдить за дѣйствіями подчиненныхъ лицъ и наконецъ затемняя эти дѣйствія, даетъ средство скрыть самое злоупотребленіе при малѣйшемъ къ тому поползновеніи контролирующихъ. Сверхъ того предполагается, напримѣръ, что вслѣдствіе недовѣрія къ полковому командиру, дѣйствія его, то-есть приходорасходныя книги, будутъ разсмотрѣны общимъ присутствіемъ коммиссаріатскаго департамента, слѣдовательно учрежденіемъ, стоящимъ іерархически выше полковаго командира; но общее присутствіе не можетъ разсмотрѣть все, что подлежитъ его утвержденію; не только оно, но по многочисленности книгъ, даже старшій контролеръ и начальникъ контрольнаго отдѣленія не могутъ разсмотрѣть ихъ всѣ, и повѣряютъ ихъ, такъ сказать, на выдержку, полагаясь на честность контролера или его помощника. Такимъ образомъ полковой командиръ подчиненъ въ дѣйствительности контролю чиновника, стоящаго ниже его на

какія обнаруживаются и въ прочихъ вѣдомствахъ, имѣющихъ обязанностію снабжать войска разными предметами; то мы считаемъ упомянутую статью тѣсно связанною съ занимающимъ насъ довольствіемъ войскъ вещами.

иерархической лѣствицѣ. Мало того, бываютъ случаи злоупотреблений, которые совершенно ускользаютъ отъ самаго зоркаго и честнаго контролера, ревизующаго назначенныя на его долю книги; злоупотребленія эти или остаются вовсе не раскрытыми или обнаруживаются помимо контролера; случается, что иногда онъ совершенно справедливо признаетъ веденную полкомъ книгу правильною, и ревизія его утверждается; между тѣмъ по жалобѣ или доносу открывается растрата казенныхъ суммъ, подтверждаемая формальнымъ слѣдствіемъ. Вотъ до чего доводитъ недоверіе и основанное на немъ требованіе отчетности. Но и доверіе въ свою очередь бываетъ иногда столь же губительно, какъ и недоверіе. Спрашивается, кому вѣрить начальникъ? Кому заблагоразсудить. Неужели г. «Заштатный» никогда не видѣлъ, что иной начальникъ оказываетъ полное доверіе такому подчиненному, которому не вѣритъ ни одинъ изъ его товарищей-сослуживцевъ? Да еще это хорошо, если такой доверенный только одинъ, а если ихъ цѣлая партія, тѣмъ болѣе опасная, чѣмъ она своекорыстнѣе, хитрѣе, согласнѣе въ своихъ зловредныхъ дѣйствіяхъ, чѣмъ болѣе одна рука моетъ другую? Нѣтъ, много нужно начальнику ума и умѣнья цѣнить людей, чтобъ онъ могъ извлечь пользу изъ личнаго доверія къ избраннымъ имъ подчиненнымъ. Бываютъ начальники, до того ослабленные такимъ доверіемъ, что никакія очевидныя доказательства въ ошибочности ихъ понятій, никакія убѣжденія самыхъ близкихъ, добросовѣстныхъ людей, связанныхъ съ ними узами родства и давней дружбы, не могутъ поколебать ихъ личнаго доверія, однажды пробужденнаго. Къ чему послужить это доверіе и на кого обратится оно? Нѣтъ, не нужно этого доверія нашей администраціи, потому что оно есть также произвольнаго своего рода, а произвола должно избѣгать, въ какую бы одежду онъ ни облакался. Произвольнѣе рѣдко можетъ быть роднею правдѣ, а часто бываетъ отцомъ зла и ошибокъ, столько же пагубныхъ какъ и самое зло. Добро и правда не нуждаются въ произволѣ. Онѣ ищутъ только права, закона.

Вслѣдствіе такихъ-то убѣжденій, мы не можемъ согласиться съ предлагаемою г. Заштатнымъ системою.

«Въ отношеніи доверія къ служащимъ», пишетъ онъ, «можемъ изложить слѣдующее: почему бы, призвавъ своего чиновника, не сказать ему такъ: «нужно закупить (напримѣръ) 10 т. четвертей въ такомъ-то мѣстѣ, доставить туда-то, сдать такому-то; свидѣнія о цѣнахъ у насъ есть, вотъ вамъ деньги, возьмите себѣ по 5 коп. съ

«четверти, постарайтесь купить подешевле и получше, а доставите «казнѣ выгоду значительную, не останетесь безъ Монаршей милости,— «поѣзжайте.» Много ли найдется такъ гнусныхъ чиновниковъ, чтобы послѣ подобной, дышущей полнымъ довѣріемъ рѣчи начальника, кто-нибудь рѣшился взять больше разрѣшеннаго? Вѣрно ни одного! «Помилуйте, скажутъ намъ, позвольте взять по пяти, будутъ брать «по десяти.» Противъ этого легче принять мѣры, чѣмъ противъ дѣйствій, придумываемыхъ чиновниками противъ правилъ, «правилъ — понимай какъ знаешь», настоящаго распорядка.

«Руководствуясь довѣріемъ къ своимъ подчиненнымъ», продолжаетъ г. Заштатный, «можно бы поручить имъ заготовку на весьма простомъ условіи: чѣмъ дешевле купите, тѣмъ больше получите на свою долю и денегъ, и милостей. Такія мѣры и порядки возбуждаютъ въ служащихъ рвеніе, энергію, соревнованіе и пробуждаютъ совѣсть.»

Съ этою системою мы тоже никакъ не можемъ согласиться; признаемся, мы не такъ довѣрчивы, какъ г. Заштатный, и не на всякаго положимся, что онъ возьметъ на свою долю столько, сколько позволить ему совѣсть, а думаемъ, что онъ удѣлитъ себѣ столько, сколько будетъ ему выгоднѣе. Если выгодно положиться на щедрость начальства, онъ на нее положится, а если лучше не сказать ему правды, то скроетъ отъ него свои барыши, и возьметъ не 5, а по 6, 7% и т. д. Что если этому довѣренному чиновнику придутъ въ голову стихи Крылова, этого поэта-практика, въ книжкѣ котораго скрывается такъ много житейской философіи:

Когда у насъ бѣда надъ головой,
То рады мы тому молиться.
Кто вздумаетъ за насъ вступиться;
Но только съ плечъ бѣда долой,
То избавителю отъ насъ же часто худо:
Всѣ въ запуски его цѣнять;
И если онъ у насъ не виноватъ,
Такъ это чудо!

А что если у этого начальника, послѣ перваго заготовленія, порученнаго такому довѣренному чиновнику (совершенно честному), вдругъ, вслѣдствіе крошечной записочки безъ подписи (какихъ принимать не велѣно, и какія все-таки принимаются), записочки съ-едва примѣтной капелькой яду, засосетъ сердце червь сомнѣнія? А что если другой довѣренный чиновникъ (не столько честный, какъ первый, такой, какихъ много въ этомъ мірѣ горестей и бѣдъ), при докладѣ, нечаянно пустить мѣткое словцо о своемъ товарищѣ и заронить въ душу начальника подозрѣніе? Придется-ли, подъ благовиднымъ предлогомъ, ото-

звать отъ операціи того, кто ее производитъ, или послать по слѣдамъ его, инкогнито, третьяго чиновника разузнать, какъ водеть дѣла «довѣренный», или наконецъ оставить въ себѣ подѣржіе на вѣки вѣчныя, заклывшись поручать когда-нибудь заготовленія этому «довѣренному». Да мало-ли можетъ быть случаевъ, которыхъ и не сочтешь? Прибавимъ къ этому и несправедливость слѣдующаго рода: одинъ чиновникъ-мастеръ производитъ заготовленіе, но двухъ словъ не свяжетъ на бумагѣ безъ ошибки, и потому его держать для особыхъ порученій; другой — отлично воспитанный человѣкъ, и сидитъ многіе годы столоначальникомъ; одинъ боекъ на словахъ; другой — скромнень, застычивъ и словоохотливъ только въ составленіи длинныхъ докладовъ; одинъ — бывалый, знакомъ совсѣмъ торгующимъ людямъ; другой знаетъ свою квартиру, мѣсто службы и два три семейства, гдѣ принять какъ родной; одинъ «довѣренный» и командирится на заготовки; другому тоже «вѣрятъ», потому что онъ не способенъ плутовать, но ему ничего нельзя «довѣрить», потому что онъ ничего не сумѣетъ заготовить; поэтому первый въ 15—20 лѣтъ наживетъ, съ дозволенія и по довѣрію начальства, очень порядочный капиталъ, а послѣдній все это время просидитъ столоначальникомъ, получая одно небольшое жалованье, которое онъ, разумѣется, и проживетъ. Вы скажете, что одинъ награжденъ за свои способности, которыхъ нѣтъ у другаго. Правда, но отчего же такъ скудно награжденъ послѣдній за свои таланты, какихъ у перваго также не водится? А что, если «довѣренный», несмотря на оказываемое ему довѣріе, еще и не стоитъ его? Каково будетъ тогда нашему труженику-столоначальнику? Вы, вѣроятно, и не увидите, какъ перевертывается бѣдная душа его. А если еще эту душу будутъ перевертывать жена и дѣти? Нѣтъ, лучше оставьте этихъ несчастныхъ чиновниковъ безъ малѣйшаго довѣрія, да не подливайте яду въ довольно горькую чашу, которую пьютъ многіе изъ нихъ. Не дѣло чиновниковъ торговать; по этому весьма разумно въ нашемъ административномъ хозяйствѣ принято за правило предпочитать торги всѣмъ возможнымъ хозяйственнымъ заготовленіямъ. Если чиновникъ хочетъ торговать, онъ можетъ исполнить свое желаніе и безъ службы. Нечѣмъ? пусть идетъ въ частную торговую службу и наживетъ капиталъ, если есть на то его призваніе. Если онъ точно способенъ къ торговлѣ, торговые люди обратятъ на него вниманіе

и будутъ благодарны, что онъ самъ къ нимъ явился и не заставлялъ искать себя въ углу какого-нибудь департамента.

Г. «Заштатный» предлагаетъ, въ добавокъ къ вышеизложенной системѣ, увеличить содержаніе служащихъ. Конечно, прибавка могла бы послужить въ большую пользу; но какое же правительство, ради недоказанныхъ теорій объ усовершенствованіи администраціи, рѣшится бросать милліоны? Ему нужно прежде увидѣть, точно ли, отъ предполагаемой мѣры, уменьшился государственный расходъ, и тогда уже можетъ оно прибавить содержаніе своимъ агентамъ.

Мы старались только указать на сущность статьи г. «Заштатнаго», не входя въ разборъ второстепенныхъ подробностей, характеризующихъ взглядъ его на существующій у насъ порядокъ довольствія войскъ. Въ числѣ замѣчаній его есть много дѣльныхъ, мѣткихъ, добытыхъ опытомъ; но большею частію они освѣщены свѣтомъ служебнаго довѣрія, которое само по себѣ крайне не практично. Поэтому оставляя г. «Заштатнаго», переходимъ къ указанной нами выше любопытной статьѣ г. Аничкова, помѣщенной въ *Военномъ Сборникѣ*.

Статья эта представляетъ систематическое изслѣдованіе способовъ снабженія войскъ обмундированіемъ, въ нѣкоторыхъ странахъ Европы, и раздѣляется на двѣ части: въ первой разсматриваются способы опредѣленія размѣровъ довольствія; во второй—способы приобрѣтенія вещей казною отъ промышленниковъ, храненія и сдачи въ войска. Къ предмету нашей статьи относится собственно послѣдняя. Изъ всѣхъ организацій комиссаріата, авторъ отдаетъ предпочтеніе порядку, существующему во Франціи. Объяснимъ его словами г. Аничкова:

«Для приѣма вещей отъ подрядчиковъ и храненія неприкосновенныхъ запасовъ, освѣжаемыхъ текущимъ потребленіемъ, учреждены во Франціи двѣнадцать центральныхъ магазиновъ (*magasins d'habillement*).

«Магазины эти состоятъ только изъ одного склада.

«Администрація ихъ состоитъ изъ смотрителя и двухъ или трехъ помощниковъ. На отвѣтственности ихъ лежитъ только храненіе вещей и отчетность по количеству ихъ.

«Въ приѣмъ вещей они не участвуютъ и за качество ихъ не несутъ никакой отвѣтственности, наблюдая только за цѣлостью клеймъ и штемпелей.

«Къ 1 іюля всѣ части войскъ представляютъ въ военное министерство предварительныя требованія на мундирныя и аммуничныя вещи, потребныя имъ по сроку будущаго года.

«Вещи, принадлежащая къ категоріи *petit équipement* (годовыя вещи).

заготовляются хозяйственными совѣтами полковъ и отъ комиссаріата не требуются.

«По этимъ требованіямъ исчисляется *только потребность* каждого магазина, и на поставку вещей производятся торги въ иѣстныхъ префектурахъ смѣшанною комиссіею изъ чиновъ разныхъ вѣдомствъ, при депутатахъ отъ купечества, фабрикантовъ и войскъ, подъ предѣтельствомъ дивизионнаго интенданта.

«Вещи эти доставляются подрядчиками въ магазинъ и принимаются тамъ особо назначенною для каждой приѣмки комиссіею, изъ одного штабъ-офицера и трехъ капитановъ, отъ разныхъ полковъ, въ окрестностяхъ расположенныхъ.

«Къ комиссіи этой присоединяются два эксперта, которые права голоса не имѣютъ, но сообщаютъ только свои замѣчанія о качествахъ вещей по требованію непремѣнныхъ членовъ комиссіи.

«Комиссіа принимаетъ вещи въ магазинъ, не зная, въ какой полкъ онѣ достанутся впоследствии.

«Къ каждой вещи прикладывается клеймо или штемпель, по которому и по книгѣ, гдѣ записываются имена членовъ комиссіи, всегда можно знать, кто именно принялъ ее въ магазинъ.

«Къ 1-му января войска представляютъ въ хозяйственный департаментъ военнаго министерства окончательныя требованія на вещи.

«По этимъ требованіямъ въ министерствѣ составляется росписаніе о томъ, изъ какого магазина сколько вещей и какого рода должно быть опущено въ войска.

«Вещи эти доставляются въ полкъ перевозочнымъ подрядчикомъ и по положенію свидѣлствуются хозяйственнымъ совѣтомъ полка.

«Если же при этомъ окажутся вещи дурнаго качества, то онѣ припечатываются совѣтомъ и откладываются до инспекторскаго смотра, а въ замѣнъ ихъ полкъ требуетъ изъ магазина другія, съ которыми поступаютъ такимъ же образомъ.

«Недоброкачественныя вещи представляются на смотру инспектирующему генералу, и если онъ найдетъ ихъ негодными къ употребленію, онъ доноситъ о томъ министру, а стоимость этихъ вещей взыскивается изъ жалованья и имущества чиновъ той приѣмной комиссіи, которая допустила ихъ въ магазинъ.

«Но если инспекторъ найдетъ на людяхъ или въ полковомъ цейхгаузѣ вещи, построенныя изъ другаго матеріала, то подобной же ответственности подвергается хозяйственный полковой совѣтъ зато, что не заявилъ во-время о недоброкачественности вещей, доставленныхъ изъ магазина.

«Вотъ основаніе французской приѣмки. Выгоды ея передъ нашею очевидны: временныя *приѣмныя комиссіи*, назначаемыя ближайшимъ начальникомъ дивизіи, принимая вещи отъ подрядчика, *не знаютъ, куда эти вещи въ послѣдствіи достанутся и такимъ образомъ разобщаютъ подрядчика съ полкомъ.*

«Смотритель же магазина не имѣетъ никакого участія въ приѣмѣ. Напротивъ того, наши комиссаріатскія комиссіи всегда имѣютъ возможность быть посредниками въ злоупотребленіяхъ между подрядчи-

ками и полками. Имѣя постоянный личный составъ, онѣ легко *смѣшались* и съ подрядчиками и съ войсками, постоянно ими довольствуемыми; между ними устанавливаются интимныя отношенія, проникнуть которыя не возможно никакому контролю, и результатомъ всего этого бываетъ, что часть стоимости вещей, въ видѣ вѣсъ известной денежной и вещевой накладки, остается въ этихъ посредническихъ приемныхъ установленіяхъ, а частію удыляется и войскамъ. Нечего и говорить, что эта накладка, этотъ осадокъ, остающійся въ рукахъ приѣмщиковъ, понижаетъ качество вещей и возвышаетъ цѣну заготовленія ихъ.

«Французскія установленія устраняютъ возможность накладки именно потому, что приемныя коммиссіи не постоянны, что онѣ не успѣваютъ освоиваться съ возможностью злоупотребленія, что, не зная куда достанутся въ послѣдствіи принимаемыя вещи, находятся въ финансовой невозможности подѣлиться съ полкомъ какою-либо незаконною выгодою. Отъ полковъ же въ свою очередь устраненъ даже соблазнъ снисходительнаго освидѣтельствованія вещей, ибо имъ не можетъ быть въ томъ никакой пользы, а между тѣмъ подобною снисходительностію они подвергаютъ себя строгой матеріальной отвѣтственности.

«Этою-то перекрестною отвѣтственностію и устраняется тамъ возможность зла.

«Во французской администраціи мало злоупотребленій не потому, чтобы они были несовмѣстны съ нравами націи, — напротивъ того, при настоящемъ развитіи роскоши, дороговизнѣ жизни и недостаточныхъ оцѣдахъ жалованья, духъ любостыжанія весьма сильно развитъ во Французахъ, но дѣло въ томъ, что въ основѣ законодательства ихъ страны лежитъ мысль, что исполнители закона люди съ страстями и пороками, что единственное средство противъ зла заключается во взаимномъ перекрестномъ контролѣ. Оттого-то французскіе административные законы такъ отзываются макиавеллизмомъ. Но что жъ дѣлать, не лучше ли макиавеллизмъ того безграничнаго довѣрія, вслѣдствіе котораго прекрасные законы оказываются въ примѣненіи совершенно несостоятельными?»

«Словомъ», заключаетъ авторъ, «окончательное наше убѣжденіе, что если нужны между подрядчиками и полками какія-либо посредствующія установленія, то уже конечно должно отдать преимущество временнымъ коммиссіямъ въ родѣ французскихъ.»

Далѣе онъ прибавляетъ:

«Въ Бельгіи, напримѣръ, нѣтъ никакихъ комиссаріатскихъ депо, подрядчики ставятъ вещи прямо въ полки. — и армія одѣта прекрасно.»

Намъ тѣмъ болѣе пріятно было встрѣтить эти послѣднія слова у г. Аничкова, основательно изучившаго теорію способа довольствія войскъ комиссаріатскими вещами въ европейскихъ государствахъ, что мы рѣшительно объявляемъ себя на сторонѣ непосредственнаго снабженія войскъ подрядчиками безъ всякаго участія коммиссій, депо и магазиновъ.

Соглашаясь съ г. Аничковымъ въ томъ, что организація комиссаріата во Франціи имѣетъ преимущество передъ нашею, мы думаемъ однако, что напрасно онъ приписываетъ его самой организаціи. Перекрестная отвѣтственность, на которую онъ указываетъ, не столько содѣйствуетъ честности отношеній между полками и поставщиками, чтобы можно было ей особенно завидовать, и при такихъ временныхъ комиссіяхъ, какія есть во Франціи, нашлось бы мѣсто для накладки въ рукахъ постоянного смотрителя магазиновъ. Хотя онъ не отвѣчаетъ за качество вещей, но не можетъ же онъ оставаться безъ отвѣтственности за сохраненіе ихъ. Намъ кажется, что причинъ честности искать должно глубже, и именно въ гласности, печати и судопроизводствѣ. Помощію этихъ двухъ орудій общество казнить преступленіе гораздо сильнѣе, чѣмъ самыя строгіе уголовныя законы, и раскрываетъ съ большею легкоствію всякое дѣло, чѣмъ самый привязчивый контроль, какими бы правилами отчетности онъ ни руководствовался, сколько бы ни было отдѣльныхъ ревизоровъ или ревизирующихъ инстанцій. При содѣйствіи этихъ двухъ средствъ общественнаго самохраненія, и инспекторскіе смотры производятся во Франціи строго, и полковые совѣты свидѣтельствуютъ отчетливо принимаемая ими вещи. У насъ также есть инспекторскіе смотры, отвѣтственность ротныхъ, батальйонныхъ, полковыхъ и дивизионныхъ начальниковъ за качество принятыхъ вещей, наложеніе клеймъ на вещи, образцы, и наконецъ отчетность, но все это не уничтожаетъ злоупотребленій. Отнимите у Франціи свободу слова (даже въ такой мѣрѣ, въ какой она существуетъ теперь) и гласность судопроизводства, и вы увидите, что корыстолюбіе возьметъ свое, и злоупотребленія водворятся въ комиссаріатъ и въ войскахъ съ не меньшей чѣмъ у насъ силою. Впрочемъ вѣдь это еще вопросъ спорный, точно ли французскій комиссаріатъ не страдаетъ злоупотребленіями. Они преслѣдуются во Франціи административнымъ порядкомъ, такъ какъ извѣстно, что чиновники не предаются тамъ суду безъ разрѣшенія государственнаго совѣта, а хлопотать объ этомъ очень трудно. Поэтому случаи злоупотребленій очень рѣдко доходятъ до открытыхъ судовъ и едвали встрѣчаются въ газетахъ. Для Франціи довольно, что такой судъ *возможенъ*; это одно уже ограждаетъ значительно администрацію отъ вторженія злоупотребленій.

Вотъ однакоже, какой судъ произносить самъ г. Аничковъ надъ изложенною имъ французскою системою:

«Но и подобная организація комиссаріата имѣетъ свои невыгоды: чего стоитъ содержаніе всѣхъ этихъ магазиновъ, жалованье администраціи ихъ, ремонтъ зданій? Едва ли всѣ эти расходы не превзойдутъ того ущерба, который могутъ потерпѣть качество вещей или заготовительныя цѣны ихъ отъ прямой непосредственной сдачи ихъ подрядчиками прямо въ войска, а между тѣмъ въ выигрышѣ будетъ упрощеніе административныхъ операцій, сокращеніе отчетности и уменьшеніе чиновничества, которое должно будетъ обратиться, хотя не въ настоящемъ, то въ будущемъ поколѣніи къ труду болѣе производительному, и перестанетъ гнестя государство расходами, не только не продуктивными, но еще вызывающими новые ущербы казнѣ въ видѣ накладки ит. п.»

Судъ этотъ вполне справедливъ.

Постараемся же изложениемъ главныхъ основаній непосредственнаго снабженія войскъ вещами черезъ подрядчиковъ рѣшить, возможно ли оно въ нашемъ отечествѣ.

Будучи очень далеки отъ самолюбивой мысли считать мнѣніе наше непогрѣшительнымъ, мы льстимъ себя надеждою, что оно будетъ не бесполезно для уясненія этого вопроса, сколько намъ извѣстно, давно занимающаго людей, знакомыхъ съ комиссаріатскимъ дѣломъ, и доселѣ не только не рѣшеннаго, но встрѣчающаго недоувѣрчивость со стороны не однихъ послѣдователей рутины. Мы думаемъ, что установленіе довольствія войскъ необходимыми потребностями черезъ подрядчиковъ безъ участія комиссій, было бы доказательствомъ способности нашего отечества удовлетворить нуждамъ значительной части дѣятелей его безъ ежечаснаго посредничества администраціи. Это было бы важнымъ шагомъ на пути усовершенствованій, требуемыхъ временемъ, желаемыхъ обществомъ, указываемыхъ правительствомъ.

Д. КАМЕНСКІЙ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ЗАПИСКИ ГИЗО

ВОДВОРЕНІЕ ПОЛЬСКОЙ МОНАРХІИ

Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps, par M. Guizot. Tome II.

Ровно годъ тому назадъ имѣли мы случай, на страницахъ *Русскаго Вѣстника*, представить отчетъ о первомъ томѣ воспоминаній г. Гизо, посвященномъ эпохѣ имперіи и реставраціи. Передъ нами лежитъ теперь второй томъ, въ которомъ изображается не менѣе любопытное время первыхъ годовъ монархіи Лудовика-Филиппа. Интересъ растетъ по мѣрѣ того, какъ знаменитый писатель приступаетъ къ изображенію событій, въ которыхъ онъ самъ былъ не только зрителемъ, но и дѣятельнымъ участникомъ. Интересъ этотъ, впрочемъ, вовсе не такого рода, къ какому обыкновенно бываетъ пристрастно большинство публики. Разказъ о подробностяхъ событій, характеристика дѣятелей той эпохи, болѣе или менѣе замѣчательные анекдоты не находятъ себѣ мѣста во второмъ томѣ сочиненія г. Гизо, точно такъ же какъ не было имъ мѣста въ первомъ. Мы не думаемъ сожалѣть о томъ: едва ли можно было бы прибавить что-нибудь новаго къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя мы уже имѣемъ о людяхъ и событіяхъ времени Лудовика-Филиппа. Но если подробности играютъ, въ глазахъ нашихъ, весьма малую роль, то тѣмъ съ болѣшимъ вниманіемъ обращается мысль къ общему

значенію, въ историческихъ судьбахъ Франціи, того политическаго устройства, которое было ея удѣломъ подѣ управленіемъ Орлеанской династіи. Нельзя сомнѣваться, что сужденія объ этомъ періодѣ должны во многомъ измѣниться послѣ поразительныхъ событій послѣднихъ десяти лѣтъ во Франціи, которыя пролили несравненно болѣе свѣта на ея историческія судьбы, чѣмъ всякія политическія теоріи и всякія научныя изслѣдованія. Именно съ этой точки зрѣнія книга г. Гизо удовлетворяетъ самымъ строгимъ требованіямъ: тонъ ея сухъ и не оживленъ ни малѣйшимъ увлеченіемъ; вниманіе не отвлекается ничѣмъ, что не имѣетъ прямаго отношенія къ самому автору или къ партіи, которой служилъ онъ; но за то его собственная дѣятельность и стремленія этой партіи изображены столь мѣткими, ясными чертами, что представляютъ полную возможность произнести о нихъ безпристрастный приговоръ.

Время, къ изображенію котораго приступаетъ г. Гизо въ книгѣ, лежащей теперь предъ нами, было временемъ тяжелаго испытанія для конституціонной партіи, считавшей г. Гизо однимъ изъ блестящихъ своихъ представителей. Мы знаемъ уже, какимъ образомъ составилаь эта партія, тотчасъ послѣ паденія Наполеона; мы знаемъ, какъ старалась она на примиреніи власти и свободы водворить въ странѣ прочный, государственный порядокъ; извѣстны также тѣ неудачи, которыя должна была испытать она среди безкорыстныхъ своихъ усилій. Правительство Бурбоновъ до послѣдняго времени упорствовало видѣть въ людяхъ этой партіи своихъ недоброжелателей, и безразсудно отвергало помощь, которую они ему предлагали. Слѣдуя по тому несчастному пути, который избранъ былъ имъ съ самаго начала, оно разорвало, наконецъ, всякую связь съ приверженцами конституціи, имъ самимъ дарованной Франціи. Людямъ конституціонной партіи не оставалось ничего болѣе, какъ отказаться отъ всѣхъ коренныхъ своихъ убѣжденій, отъ всѣхъ своихъ плановъ и надеждъ, безмолвно слѣдовать за властію, которая вела, можетъ-быть, къ гибели всю страну, или напротивъ, не желая быть участниками въ такой безразсудной политикѣ, выступить съ законнымъ ей противодѣйствіемъ. Послѣдняя роль сдѣлалась единственно возможною, послѣ событій, совершившихся въ исходѣ царствованія Карла X; разрывъ между правительствомъ и людьми, убѣжденными, что государственный порядокъ можетъ держаться только на уваженіи къ свободѣ и конституціоннымъ правамъ, сдѣлался слишкомъ рѣзкимъ, и трудно было думать о

примиреніи между ними. И дѣйствительно, случилось вскорѣ то, что уже давно предвидѣли многіе проникательные, и не обольщавшіе себя надеждами, умы. «Нарушеніе права сверху, какъ выражается г. Гизо, должно было неминуемо повести къ нарушенію права снизу». Борьба, происходившая сначала въ высшихъ сферахъ, должна была перейти на улицу и кончиться народнымъ возстаніемъ. Какую же роль будетъ играть въ этомъ возстаніи конституціонная партія? Опытъ предшествовавшего времени долженъ былъ бы, кажется, убѣдить ее, что нечего ожидать ей отъ Бурбоновъ, онъ долженъ былъ бы заставить ее вмѣшаться въ ряды людей, открыто стремившихся къ сверженію съ престола этой династїи, а между тѣмъ мы замѣчаемъ въ ней, въ рѣшительную минуту, колебанія, сомнѣнія, неувѣренность въ своей роли. Чѣмъ же объяснить это колебаніе, которое, въ послѣдствїи, такъ часто ставили ей въ вину?...

Начать съ того, что мы никакъ не думаемъ искать разгадку этого явленія въ характеръ и личныхъ склонностяхъ тѣхъ или другихъ дѣятелей конституціонной партїи. Люди эти показали въ свое время, что у нихъ не было недостатка ни въ мужествѣ, ни въ энергїи: они умѣли бороться съ королевскою властью, когда она была въ полной силѣ и выдерживали непоколебимо ея удары. Не въ свойствахъ ихъ характера, а въ глубокихъ политическихъ соображеніяхъ надо доискиваться, слѣдовательно, причины того, что, доведши борьбу до послѣднихъ предѣловъ возможности, они вдругъ остановились и задали себѣ вопросъ, идти ли имъ впередъ, или поддерживать то, съ чѣмъ они враждовали такъ упорно. И если вникнемъ пристально въ ихъ образъ дѣйствій, то увидимъ, что онъ способенъ скорѣе возбудить сочувствіе, чѣмъ несправедливые укоры въ непослѣдовательности.

При взглядѣ на французское общество въ эпоху реставраціи не можетъ прежде всего не поразить одно явленіе: это необычайное броженіе всѣхъ его силъ, пробужденіе политическихъ страстей во всѣхъ его слояхъ, даже въ самыхъ низшихъ,—явленіе, которое кажется страннымъ, если сравнимъ его съ мертвеннымъ оцѣпненіемъ, еще такъ не задолго до этого, въ эпоху имперїи, охватившимъ всю Францію. За каждымъ дѣйствіемъ правительства слѣдится ревнивымъ, недоувѣрчивымъ взоромъ, а если общество не умѣетъ законнымъ путемъ склонить власть къ политикѣ, болѣе сообразной съ его потребностями, то всегда

готово, по крайней мѣрѣ, достигнуть этого путемъ мятежа, волстанія. Чѣмъ же объяснить этотъ приливъ политическихъ интересовъ къ тѣлу, которое навсегда, казалось, ихъ утратило? Знаемъ, что въ отвѣтъ на это будутъ указывать на образъ дѣйствія правительства реставраціи, которымъ до глубины оскорблялось національное чувство, на его презрѣніе къ свободѣ, на нарушеніе имъ самыхъ священныхъ правъ личной безопасности гражданъ. Возраженія эти, сами по себѣ, конечно, весьма справедливы, но они теряютъ много своей силы, если сравнимъ внутреннюю политику реставраціи съ политикой перваго Наполеона. Сумма беззаконій, совершенныхъ послѣднимъ изъ нихъ, конечно, превышаетъ далеко сумму беззаконій, запятнавшихъ правительство Бурбоновъ. Личная безопасность гражданъ не имѣла рѣшительно никакихъ гарантій въ правленіе Наполеона, тогда какъ, если она подвергалась оскорбленіямъ во время реставраціи, то у нея, по крайней мѣрѣ, не отнята была возможность громкаго протеста. Печать, при правительствѣ имперіи, не пользовалась даже тѣнью свободы; говорилось только то, что было угодно всемогущему повелителю, и всякая мысль, противная его предначертаніямъ и планамъ, преслѣдовалась какъ неслыханное своеволие: стоить только вспомнить, какимъ языкомъ позволяла себѣ выражаться оппозиція при Бурбонахъ, чтобъ убѣдиться, что и въ этомъ отношеніи перевѣсъ остгется на сторонѣ реставраціи. Наполеонъ достигъ того, что умственное развитіе Франціи какъ бы совершенно замерло при немъ,—естественное слѣдствіе того порядка вещей, въ силу котораго правительство тяготеетъ точно такъ же надъ матеріальнымъ, какъ и надъ нравственнымъ развитіемъ народа. Шатобрианъ считался крамольникомъ, г-жа Сталь проводила свои дни въ изгнаніи, другіе, не столь сильные таланты, не дерзали возвысить свободный голосъ при видѣ несчастной судьбы, постигшей знаменитѣйшихъ представителей литературы. Обращаясь отъ этого времени къ послѣдующимъ годамъ, кто не вспомнить, что съ именемъ реставраціи соединено понятіе о высшемъ блескѣ, до котораго когда-либо достигала французская литература въ нынѣшнемъ столѣтіи? Начиная съ Беранже, въ стихотвореніяхъ своихъ клеймившаго все, что было дорого Бурбонамъ и ихъ приверженцамъ, и кончая Гизо, Кузеномъ, Вильменомъ и Тьерри, уяснившими начала разумной свободы, мы видимъ цѣлый рядъ писателей, которые прославились во всѣхъ отрасляхъ умственной дѣятельности; можно сказать

что, за малыми исключениями, къ этому времени принадлежить появленіе всѣхъ талантовъ, которые подняли когда-то такъ высоко французскую литературу въ общественномъ мнѣніи Европы. Благородныя мысли, высказанныя ими, отличались такою свѣжестью, новизною и, главное, такою смѣлостью, что мы сомнѣваемся, могли ли бы онѣ найти себѣ публичный доступъ, даже теперь, въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ. Въ довершеніе всего, потребности, желанія націи находили себѣ законное выраженіе въ представительныхъ палатахъ, значеніе которыхъ становится понятнымъ особенно тогда, когда мы сравнимъ ихъ съ жалкими и оскорбительными пародіями на палаты, существовавшими при Наполеонѣ. Нація имѣла въ нихъ настоящую школу, въ которой она могла начать и завершить свое политическое образованіе, прислушиваясь къ голосу засѣдателей, во всеуслышаніе и безъ утайки разсуждавшихъ о драгоцѣннѣйшихъ интересахъ страны. Вотъ, въ краткомъ перечнѣ, тѣ блага, которыя принесло съ собою правительство Бурбоновъ для Франціи; мы говоримъ, что оно принесло ихъ съ собою, ибо еслибы не внѣшнія, грозныя обстоятельства, вѣроятно еще долго страна съ покорностью и апатіею преклонялась бы передъ могучею волею дорогаго ей повелителя. И когда, наконецъ повелитель этотъ палъ, подавленный негодованіемъ всей Европы, онѣ остался въ памяти націи любимымъ героемъ, какимъ-то высшимъ существомъ, котораго она продолжала окружать, и послѣ его кончины, своимъ обожаніемъ. Солдатъ старой гвардіи, хижина, въ которой сохраняется, какъ святыня, портретъ челоуѣка въ трехугольной шляпѣ и съромъ сюртукѣ, громкія имена битвъ, — вотъ тѣ образы, которыми можно было всегда пробудить сильное сочувствіе публики. Какой поразительный контрастъ, когда мы сравнимъ съ этимъ глубокую ненависть, которою проникнута была страна къ правительству Бурбоновъ! Она не дожидалась даже, чтобъ оно имѣло время обнаружить вполне свою политическую систему, и мысль о необходимости его сверженія сдѣлалась любимой мыслию большинства націи съ самаго водворенія его на престолѣ. . .

Происходило это отъ того, говорятъ обыкновенно, что для Франціи дороже всего великія начала, выработанныя ею въ революцію. Она отстаивала Наполеона, потому что онѣ былъ выраженіемъ этихъ началъ, и ненавидѣла Бурбоновъ, потому что они были явнымъ ихъ отрицаніемъ. Но о какихъ началахъ

идеть тутъ рѣчь? Если о политической свободѣ, о которой мечтали, и за которую погибли во время революціи нѣкоторые благородные умы, то никакъ нельзя думать, чтобъ она воплотилась въ правительственной системѣ первой имперіи. Политическій гнетъ, водворенный ею, можетъ найти себѣ подобіе, въ прошедшей исторіи Франціи, развѣ во времена Лудовика XIV и Лудовика XV, да и то еще сравненіе будетъ не въ ея пользу. Впрочемъ, далека отъ насъ мысль отрицать, что Наполеонъ не выражалъ собою начала, выработанныя французскою революціею истекшаго столѣтія; мало того, мы твердо убѣждены, что ни въ комъ начала эти не выразились такъ полно, такъ вѣрно, такъ послѣдовательно, и въ этомъ отношеніи онъ могъ вполне назваться представителемъ націи и справедливо сдѣлаться ея героемъ. Мы хотимъ только сказать, что въ ряду этихъ началъ, свобода занимала самое жалкое мѣсто, и винить въ этомъ не Наполеона: въ этомъ отношеніи онъ оставался только какъ нельзя болѣе вѣренъ инстинктамъ своей націи. При какихъ условіяхъ, въ самомъ дѣлѣ, воспитался характеръ французскаго народа и сложился окончательно въ исходѣ прошлаго столѣтія? Здѣсь не мѣсто, разумѣется, вдаваться подробно въ историческія разсужденія, но мы хотимъ только припомнить нѣкоторыя основныя черты его развитія. Великое несчастье Франціи состояло въ томъ, что въ прошедшемъ ея не выработалось той почвы, на которой, какъ мы видимъ это въ Англіи, могли бы создаться общіе интересы, могли бы сгладиться сословныя различія. Сословія не были связаны ничѣмъ; каждое изъ нихъ существовало отдѣльно, сохраняя всѣ свои особенности, свою нетерпимость и эгоистическія стремленія. Въ сущности, народа, какъ единаго цѣлага, одушевляемаго общими интересами, не существовало; въ одномъ государствѣ было нѣсколько государствъ, раздѣляемыхъ между собою самою искреннею ненавистью. Королевская власть приняла на себя тяжелый трудъ политическаго созиданія и единства. Въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, съ неутомимою энергіею стремилась она къ исполненію этой задачи, но исполнила ее, цѣною страшныхъ жертвованій со стороны націи. Жертвованія эти, главнымъ образомъ, состояли въ томъ, что всѣвольности, всѣзачатки политической свободы, которыя могли бы современемъ дать сильный ростъ, были погублены или въ зародышѣ или среди своего развитія. Исторія возвышенія королевской власти во Франціи есть въ то же время исторія вымиранія всѣхъ либеральныхъ учрежденій

въ ея средѣ; генеральныя и провинціальныя штаты, парламенты теряютъ все болѣе и болѣе значенія, и централизація административная, распространяясь надъ страню, дѣлаетъ одинаково неполноправными, въ государственномъ отношеніи, всѣ сословія. Позволительно, мы думаемъ сказать, что въ исходѣ XVIII вѣка, Франція была одною изъ наименѣ либеральныхъ странъ въ западной Европѣ. Не пользуясь долго свободою, масса націи потеряла и привычку къ ней; потребности политической свободы составляли удѣлъ разѣ лишь нѣсколькихъ избранныхъ людей, жили еще въ рядахъ магистратуры или литературномъ мірѣ, да и то жили болѣе какъ смутное представленіе въ головѣ, нежели въ нравахъ... Но въ какомъ же положеніи находилось большинство народа? Неужели въ немъ остыла всякая жизнь, и онъ сдѣлался трупомъ? Нисколько, но только жизнь эта приняла особенное направленіе. Мы сказали сейчасъ, что въ заботахъ своихъ о созиданіи единства, на мѣстѣ хаоса враждовавшихъ интересовъ во Франціи, королевская власть не совершенно исполнила свою задачу. Сначала она смѣлою рукою давила французское дворянство, отнимала у него мало-по-малу его права и приучала его преклоняться передъ королевскою властью. Это было время наибольшихъ успѣховъ королевской власти, когда она пользовалась огромною популярностью въ странѣ; сила ея расла не по днямъ, а по часамъ, и она встрѣчала себѣ ревностное содѣйствіе въ рядахъ какъ средняго, такъ и низшаго сословія. Но королевская власть остановилась, въ исполненіи этой задачи, на половинѣ пути; какъ это случается обыкновенно, она ограничилась только одною стороною дѣла. Она возвышалась надъ всѣмъ, и все было одинаково неполноправно въ отношеніи къ ней; права сословія, различныя учрежденія, въ которыхъ коренились начала политической свободы, все рухнуло предъ ея могуществомъ. Но тутъ она и остановилась. Въ то время, какъ равенство политическое прошло съ одинаковою силою по всѣмъ сословіямъ, въ то время, какъ нечего было имъ въ этомъ смыслѣ завидовать другъ другу, ибо ни одно изъ нихъ не имѣло голоса въ государствѣ, равенство гражданское сдѣлало весьма мало шаговъ впередъ, ибо для королевской власти оно не имѣло такого важнаго значенія. Мало того, королевская власть старается сохранить и развить его: отнявши у аристократіи всякое политическое значеніе, она поддерживаетъ, увеличиваетъ ея гражданскія привилегіи, окружаетъ ее почестями и льготами въ ущербъ другимъ сословіямъ; между

ними—этими старинными врагами—образуется тѣсная связь. И это нисколько не удивительно, ибо аристократія уже не опасна ей. Почти то же проеиходитъ и съ среднимъ сословіемъ. Куда дѣлись его муниципальныя права, его городскія вольности, которыя еще въ XII вѣкѣ обѣщали столь пышный цвѣтъ? Осталось ли у него что-нибудь, чтѣ бы давало ему какую-нибудь самостоятельность передъ центральной властью? Все было имъ утрачено, но чѣмъ болѣе теряло оно, тѣмъ ревностнѣе старалось сдѣлаться оно сословіемъ въ дурномъ значеніи этого слова. Матеріальное благосостояніе его растетъ съ каждымъ днемъ, по богатствамъ оно можетъ сравниться съ самыми богатыми аристократическими фамиліями, оно занимаетъ важныя общественныя должности, служить своими совѣтами королевской власти, ходитъ въ пурпуровыхъ мантияхъ и горностаѣ, отдѣляется рѣзко отъ низшаго народа, и съ презрѣніемъ смотритъ на него. Возьмемъ Сень-Симона, этого великаго живописца нравовъ французскаго общества въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Не встрѣтимъ ли мы почти на каждой страницѣ у него доказательствъ этой открытой, непримиримой, ожесточенной борьбы между аристократіей и среднимъ сословіемъ,—борьбы, въ которой одна сторона избирала орудіемъ своимъ презрѣніе, а другая оплачивала ей ненавистью? О низшихъ классахъ народа нѣтъ у Сень-Симона и рѣчи: для него народъ не существуетъ. Но другіе, безчисленные памятники не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ того злобнаго чувства, съ которымъ поселянинъ и низшіе разряды горожанъ смотрѣли на среднее сословіе, старавшееся провести между ихъ ничтожествомъ и своимъ собственнымъ завиднымъ положеніемъ какъ можно болѣе рѣзкую черту. Таково было состояніе націи, когда французская революція пришла насильственнымъ путемъ завершить то, чего королевская власть не умѣла исполнить мирнымъ образомъ. Разрывъ между народомъ и властью начинается собственно съ послѣдней половины царствованія Лудовика XIV. Когда народъ увидѣлъ, что власть эта вдругъ остановилась въ томъ образѣ дѣйствій, который былъ ей предначертанъ всею предшествовавшей ея исторіей, естественно задалъ онъ себѣ вопросъ, зачѣмъ эта остановка, когда не доставало, кажется, только одного смѣлаго удара, чтобы завершить начатое дѣло, зачѣмъ сохраненіе этихъ сословныхъ и тягостныхъ для массы привилегій, чѣмъ объяснить, наконецъ, эту связь между привилегированными сословіями и королевскою властью, бывшими въ непрерывной борьбѣ,—связь,

направленную противъ народа, бывшаго всегда надежнѣйшею опорой королевской власти? Можно утвердительно сказать, потому, что всѣ силы націи, какъ онѣ были воспитаны всѣмъ ея прошедшимъ, устремились въ одну сторону: въ ней жило ничѣмъ непреодолимое стремленіе къ гражданскому равенству, къ уничтоженію всѣхъ гражданскихъ отличій, отъ которыхъ большинство ея страдало такъ долго и такъ много, и стремленіе это заглушало всѣ прочія потребности, всѣ либеральныя, и давно уже, впрочемъ, вымершія въ немъ инстинкты. Какое широкое поле для королевской власти, еслибъ она умѣла заранѣе уяснить себѣ это положеніе дѣлъ и понять свои настоящіе интересы!

Но королевская власть не поняла ихъ, и дѣло окончилось однимъ изъ страшнѣйшихъ переворотовъ, о которыхъ когда-либо упоминается въ исторіи. Въ самомъ началѣ этого переворота среднее сословіе, въ которомъ, относительно, было наиболѣе распространено образованіе и существовали нѣкоторыя либеральныя тенденціи, нѣкоторыя потребности политической свободы, думало, что наступило для него время занять первое мѣсто въ государственномъ организмѣ. «*Le tiers-etat doit être tout*», сказала оно устами одного изъ достойнѣйшихъ своихъ представителей. Оно думало даровать странѣ либеральную конституцію, и, не находя для нея нужныхъ элементовъ въ ея собственной средѣ, старалась скроить ее какъ можно вѣрнѣе по англійскому образцу. Но было ли продолжительно его самообольщеніе? Событія не замедлили вскорѣ доказать, что среднее сословіе — не только не *все*, какъ утверждалъ Сийесъ, но въ сущности ровно ничего. На сцену выступаетъ скоро масса націи, она сметаетъ всѣ преграды, которыя стоятъ на ея пути, и конвентъ, своею страшною дѣятельностью, популярностью, которою онъ пользовался въ народѣ, уяснилъ очень скоро и какъ нельзя лучше настоящій смыслъ французской революціи. Полное презрѣніе къ свободѣ! Конвентъ не только попираетъ ея права, но извратилъ истинное ея пониманіе, не страшась величать ея именемъ акты самаго оскорбительнаго деспотизма. Уничтоженіе всѣхъ общественныхъ отношеній, преслѣдованіе не однихъ тѣхъ, которые явно выдѣлялись изъ массы націи, но даже тѣхъ, которые были только подозрѣваемы въ томъ, что не совсѣмъ охотно подчиняются общему уровню; равенство полное и безусловное во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ; деспотическая власть, которой не было видано, и повторе-

нія которой желательнo было бы не видать въ исторіи, но которая нисколько не тяготила народа, ибо все воспитаніе его было такого рода, что власть, рубившая съ плеча всѣ права, если только они были непротивны большинству, деспотически душившая самыя законныя потребности, во имя той идеи «общественнаго спасенія и блага», которой служили когда-то и Лудовикъ XI, и Генрихъ IV, и кардиналъ Ришелье, была всегда по душѣ ему. И прибавьте къ этому непрерывный рядъ войнъ, побѣдоносные переходы французской арміи изъ одной страны въ другую, это удовлетвореніе самой постоянной и одной изъ самыхъ чувствительныхъ сторонъ въ народномъ характерѣ,—и нужно ли удивляться послѣ этого огромной популярности конвента? Демократическое общество, лишенное всякой самодѣятельности, подъ управленіемъ всемогущей власти, опирающейся на всепоглощающую централизацію,—вотъ послѣднее слово развитія французской націи, какъ оно выразилось въ эпоху революціи: все равно, воплотится ли власть эта въ одномъ лицѣ, или «будетъ имя ея—легіонъ». И вскорѣ дѣйствительно воплотилась она въ одномъ лицѣ. Общество при немъ получило даже еще болѣе опредѣленную фizioномію, характеръ его еще болѣе уяснился, потому что эпоха конвента была все-таки эпоха смутная, и только при Наполеонѣ, не измѣняя своего основнаго характера, черты ея принимаютъ спокойный видъ. Въ сущности, конвентъ и Наполеонъ—синонимы. Несмотря на кажущееся различіе, духъ и принципы ихъ управленія были одни и тѣ же. Нельзя не обратить особеннаго вниманія на то обстоятельство, что дѣятели революціи 1789 года, извѣстные своимъ либеральнымъ направленіемъ, мечтавшіе о томъ, чтобы внести свободныя начала въ политическое устройство ихъ отечества, до конца жизни остались непримиримыми врагами Наполеона. Но въ комъ, напротивъ, встрѣчалъ онъ себѣ самое ревностное содѣйствіе? Въ членахъ конвента, въ безусловныхъ поклонникахъ демократіи. Гара, Фуше, Трельяръ, Камбасаресъ, Тибодо, Грегуаръ, Карно, и наконецъ Бареръ, тотъ самый Бареръ, который предложилъ когда-то: «que la terreur soit mise à l'ordre du jour», всѣ они были ревностными слугами Наполеона. Нельзя было бы объяснять эту черту въ жизни прежнихъ членовъ конвента низостью ихъ характера, тѣмъ, что они измѣнили своимъ убѣжденіямъ: подобныя объясненія, опирающіяся на мелкія, второстепенныя причины, всегда близоруки и не доказываютъ ровно ничего. Нѣкоторые изъ названныхъ нами людей вовсе

не были безчестны, и, главное, они вовсе не измѣняли своимъ убѣжденіямъ. Въ сущности, они находили при Наполеонѣ все то, чему служили они при конвентѣ; то-есть обезпеченіе того гражданскаго равенства и тѣхъ общественныхъ реформъ, которыя были такъ дороги массѣ народа. Уничтоженіе сословій, привилегій, чрезвычайныхъ трибуналовъ, допущеніе всѣхъ гражданъ безъ различія къ государственнымъ должностямъ, равенство предъ закономъ и въ отношеніи налоговъ, равенство въ правѣ наслѣдованія, могучая власть, которая охраняетъ эти блага, съ презрѣніемъ попирая свободу,—вотъ что представлялъ конвентъ, и вотъ что также выражалъ собою Наполеонъ. Въ этомъ смыслѣ властелинъ Франціи справедливо утверждалъ, что гражданскій кодексъ (Code civil) вмѣщаетъ въ себѣ и упрочиваетъ всѣ побѣды революціи. Удивляться ли послѣ этого, что память Наполеона осталась такъ дорога массѣ французскаго народа? Удивляться ли, что имя его на нашихъ глазахъ пользовалось еще несслыханнымъ обаяніемъ во Франціи? Удивляться ли—прибавимъ при этомъ удобномъ случаѣ—необычайной славѣ Беранже, который, преклоняясь ницъ передъ массою, воспѣвая на разные лады славу и величіе Наполеона, воспѣвая равенство, клеймя аристократію и *ancien régime*, сдѣлался вполнѣ народнымъ поэтомъ Франціи, и чуть было не приобрѣлъ себѣ репутаціи поэта либеральнаго?...

Извиняемся передъ читателями за это длинное отступленіе. Оно было нужно намъ, чтобъ уяснить, по возможности осязательнѣе, жалкое положеніе во Франціи партіи либеральной,—партіи, отстаивавшей политическую свободу. Партія эта была всегда въ меньшинствѣ, она постоянно занимала опасное мѣсто, съ одной стороны, между правительствомъ, готовымъ дѣйствовать самымъ произвольнымъ образомъ, всѣ преданія котораго побуждали его къ неограниченной диктатурѣ;—съ другой, между народомъ, который ничѣмъ такъ не дорожилъ, какъ равенствомъ, и нисколько не задумывался при всякомъ удобномъ случаѣ и безъ малѣйшаго сожалѣнія жертвовать этому равенству свободою. Въ 1789 году, при самомъ началѣ революціи, партія эта какъ будто достигла торжества, но вскорѣ разсѣялась или погибла въ страшныхъ переворотахъ, которыми рабская демократія ознаменовала свои успѣхи. До самаго возвращенія Бурбоновъ, о ея приверженцахъ не было и рѣчи, точно такъ какъ не было рѣчи о свободѣ; страна очень спокойно уживалась безъ нея. Со вступленіемъ на престолъ Бурбоновъ либеральная

партія воскресла; какъ обыкновенно случается съ тѣми, которые горячо и страстно преданы какой-нибудь идеѣ, она была увѣрена, что это вторичное торжество ея условливается не какими-нибудь случайными, преходящими обстоятельствами, но естественно вытекаетъ изъ характера націи и изъ всего ея прошедшаго. И какъ могло бы быть, кажется, иначе? Во французскую революцію, говорили поборники либерализма, стремились къ преобладанію два начала—политическая свобода и демократія. Послѣдняя изъ нихъ восторжествовала, долгое время пользовалась преобладаніемъ, но должна была убѣдиться, какъ не прочно это преобладаніе, если оно не опирается на правильную, разумную свободу; теперь настала очередь для успѣшнаго развитія другаго начала,—начала политической свободы. Въ этомъ отношеніи Бурбоновъ можно было, казалось бы, также назвать представителями революціи. Либеральная партія шла даже далѣе: по ея мнѣнію все историческое развитіе Франціи имѣло свою окончательную цѣлью то конституціонное устройство, которое, теперь, благодаря ея усиліямъ, возникало въ странѣ. Съ этой точки зрѣнія объясняла она всю исторію Франціи: постоянно обращая взоры на Англію, она твердо вѣрила, что между обоими государствами существуетъ глубокая аналогія въ политическомъ отношеніи. Тщетное и поразительное заблужденіе! Либеральная партія должна была вскорѣ убѣдиться, что политическая свобода, торжество которой она привѣтствовала съ такими пламенными надеждами, весьма ненадежно прививается въ странѣ, среди борьбы партій, которыя вовсе не дорожили ею и утратили ея истинный смыслъ. Правительство безпрерывно раздражало націю устарѣлыми притязаніями, и по привычкѣ, по преданіямъ стремилось къ неограниченной диктатурѣ; что касается до народа, то онъ видѣлъ въ Бурбонахъ и ихъ приверженцахъ заклятыхъ враговъ тѣхъ общественныхъ пріобрѣтеній, того гражданскаго равенства, которыя были ему дороже всего въ мірѣ. Напрасно, либеральная партія указывала имъ на свободныя учрежденія, свободное общественное мнѣніе, какъ на единственное поле, на которомъ антипатія и несогласія ихъ могутъ разрѣшиться мирнымъ и законнымъ путемъ, не подвергая опасности государственное устройство. Казалось, подобный образъ дѣйствій вовсе не представлялъ непреодолимыхъ трудностей: теперь, когда можно разсуждать безъ раздраженія о томъ отдаленномъ отъ насъ времени, очевидно, что правительство Бурбоновъ угрожало большинству

нація скорѣе своими притязаніями, чѣмъ дѣйствительно какими-нибудь серьезными покушеніями на гражданскій порядокъ, возникшій изъ революціи. Оно не имѣло ни силы, ни средствъ измѣнить его. Если мы внимательно прослѣдимъ, что же было имъ разрушено или искажено въ этомъ порядкѣ, то увидимъ, что отвѣтъ почти на все будетъ отрицательный. Въ Англіи, народу приходилось не разъ бороться съ не меньшими препятствіями, съ не меньшими трудностями, но какъ народъ свободный, въ рукахъ котораго свободныя учрежденія были не игрушкою только, а настоящимъ орудіемъ, онъ умѣлъ преодолѣвать эти трудности безъ кровавыхъ потрясеній, умѣлъ всякій разъ убѣждать правительство, чтобъ оно вступило на законный путь. Во Франціи этого не было по двумъ причинамъ: вопервыхъ, либеральныя учрежденія составляли нѣчто отвлеченное, нація не прониклась ихъ сознаніемъ. Но кромѣ того, была еще другая важная причина: въ обществѣ затронуто было самое сильное, можетъ-быть даже единственно сильное въ немъ чувство, чувство равенства. Оно спокойно переносило гнетъ Наполеона, когда тотъ не грозилъ только, но дѣйствительно и открыто, всею силою своей власти, давилъ политическую свободу, но оно сдѣлалось крайне щекотливо, какъ только возникъ вопросъ о безопасности гражданскихъ правъ, пріобрѣтенныхъ имъ. Въ массѣ націи, какъ мы уже сказали прежде, сверженіе Бурбоновъ сдѣлалось самою любимою мечтою: политическая свобода, которую такъ ревностно отстаивала либеральная партія, играла среди всего этого самую жалкую роль, и только въ небольшомъ кружкѣ ея приверженцевъ возбуждала страстную къ себѣ привязанность.

Не ясно ли, какую затруднительностью отличалось положеніе либеральной партіи среди упомянутой нами борьбы? Не ясно ли, какія сомнѣнія должны были пробудиться въ ней, въ рѣшительную минуту, когда дѣло дошло до открытаго разрыва между Бурбонами и націею? Она сознавала безразсудство политики реставраціи, она боролась съ этою политикою, но когда борьба приняла форму поголовнаго возстанія, она вдругъ остановилась въ нерѣшительности, и это весьма понятно. Либеральная партія ласкала себя надеждою, что вопросъ между Бурбонами и націею можетъ разрѣшиться законнымъ путемъ, она привыкла видѣть въ Англіи многочисленныя примѣры этой законной, но тѣмъ не менѣе могущественной оппозиціи, и надѣялась, что въ собственномъ ея отечествѣ найдется для нея до-

статочно элементовъ. Она слишкомъ была проникнута правдами, вторыя А. Токвиль выразилъ когда-то слѣдующими словами: «Свойство самое рѣдкое, даже въ свободныхъ націяхъ, и безъ котораго, между тѣмъ, никакая свобода не прочна, есть способность законнаго и индивидуальнаго сопротивленія; страсть къ борьбѣ не оружіемъ, а къ борьбѣ судебной, твердая и спокойная рѣшимость дѣйствовать противъ власти всѣмъ, что часто противъ воли она оставила существовать въ законахъ. Между вооруженнымъ возстаніемъ, которое часто бросаетъ невыгодную тѣнь на защищаемое дѣло, и рабскою покорностью находится это постоянное и терпѣливое приближеніе къ закону, служащее единственнымъ оружіемъ, достойнымъ цивилизованныхъ народовъ.» Во французскомъ народѣ именно не достаетъ этого свойства, которое такъ высоко цѣнить знаменитый писатель. На насиліе онъ готовъ отвѣчать также насиліемъ, и въ этой грубой борьбѣ все болѣе и болѣе затмевается чувство законности, а вмѣстѣ съ нимъ и естественное его слѣдствіе — чувство свободы. Либеральная партія не могла не сознавать сверхъ того, какъ не прочно ея торжество въ странѣ, какими опасностями окружены конституціонныя учрежденія. Что грозитъ имъ въ будущемъ, если дѣло дойдетъ до всеобщаго переворота? Не приведетъ ли возстаніе опять къ диктатурѣ одного лица, которое, явившись подъ именемъ притирителя и успокоителя, опутаетъ страну тягостными цѣпями? Сколько самыхъ законныхъ сомнѣній и опасеній должно было пробудиться въ сознаніи этихъ людей, и у кого достанетъ духу не сочувствовать имъ и не отдать имъ должной справедливости?...

Гизо нисколько не скрываетъ, въ своихъ запискахъ, колебаній конституціонной партіи въ страшные дни июльской революціи. Онъ прямо говоритъ, что событіе это застало ее врасплохъ, и она нисколько не опредѣлила заранѣе своего образа дѣйствій? «Различіе мнѣній было не менѣе сильно, какъ и различіе людей, говоритъ онъ. Одни хотѣли продолжить сопротивленіе до послѣднихъ предѣловъ законнаго порядка, но не далѣе. Другіе рѣшились на перемѣну династіи, не требуя ничего болѣе отъ революціи и льстя себя надеждою, что на этомъ, или почти на этомъ, можно будетъ остановиться. Нѣкоторые, наконецъ, безсознательные революціонеры желали и въ законахъ и учрежденіяхъ всякаго рода реформъ, условливаемыхъ, думали они, интересомъ и желаніемъ народа. Остальные явно стремились

къ республикѣ, и считали обманомъ или неудачею всякій другой исходъ борьбы, которую народъ выдерживалъ во имя свободы.» Надо, впрочемъ, сказать заранѣе, что послѣднихъ, то есть стремившихся къ республикѣ, было весьма мало въ рядахъ либеральной партіи. Что же касается до большинства ея, то, несмотря на разногласіе, господствовавшее въ его средѣ, можно сказать, что въ сущности, оно желало одного—сохраненія конституціоннаго порядка и либеральныхъ учреждений. Оно боялось сверженія Бурбоновъ, если сверженіе это повлекло бы за собою гибель названныхъ нами учреждений, но еслибы сохраненіе ихъ было обезпечено, то оно съ радостью готово было переменить старую династію на другую, болѣе расположенную къ нимъ. Либеральная партія стремилась къ этой цѣли въ іюльскіе дни съ необыкновенною энергіею и стойкостью. Вражда партій не замедлила, разумѣется, обвинять ее въ томъ, что она упала духомъ, или даже, сказать проще, струсила; но для безпристрастнаго человѣка очевидно, что, не выходя съ оружіемъ на улицу, надо было тѣмъ не менѣе обладать большою храбростью, чтобы посреди возставаго и воспламененнаго народа отстаивать свои убѣжденія и дѣйствовать, безъ всякой уступки, сообразно съ ними. «Вечеромъ, 28 іюля, говоритъ авторъ, когда мы собрались въ весьма небольшомъ количествѣ у г. Одрі-Пуираво, въ салонъ нижняго этажа, окна котораго были открыты, работники, молодые люди, дѣти, сражавшіеся всякаго рода, окружали домъ, наполняли дворъ, загоразивали двери, говорили съ нами въ окна, готовясь защищать насъ, если, какъ распространился слухъ, солдаты и полицейскіе агенты пришли бы насъ арестовать, но въ то же время требуя отъ насъ немедленнаго согласія на ихъ революціонные планы и разсуждая вслухъ о томъ, что они сдѣлаютъ съ нами, если мы сейчасъ же не согласимся на то, чего они желаютъ.» Подобныя сцены происходили почти каждый часъ во все время борьбы, и никто не скажетъ, чтобы положеніе приверженцевъ конституціонной партіи было такъ безопасно, какъ хотятъ увѣрять яростные приверженцы республики. И если съ другой стороны, они успѣли въ своихъ планахъ, то вовсе не вслѣдствіе какихъ-то мнимыхъ интригъ, а потому, что, по крайней мѣрѣ въ главныхъ основаніяхъ, имъ было извѣстно, какое дѣло должны защищать они, тогда какъ республиканская партія, какъ мы увидимъ это сейчасъ, не имѣла да и не могла имѣть ни опредѣленныхъ принциповъ, ни опредѣленнаго образа дѣйствій. Не

въ нашемъ намѣреніи разказывать подробно весь ходъ борьбы: въ іюльскіе дни и исходъ ея: подробности этихъ событій такъ хорошо извѣстны всякому образованному читателю, что едва ли могли бы мы сообщить ему что-либо новое. Съ самаго начала, либеральная партія сгруппировалась около герцога Орлеанскаго, будущаго короля Лудовика-Филиппа, и старалась вручить ему управленіе государствомъ. Позволяемъ себѣ привести здѣсь слѣдующее сужденіе г. Гизо объ этомъ замѣчательномъ чловѣкѣ:

«Многіе не повѣрятъ мнѣ, а между тѣмъ я не колеблюсь утверждаю, что герцогъ Орлеанскій не былъ честолюбцемъ. Чловѣкъ благоразумный и умѣренный, несмотря на дѣятельность своего ума и подвижную живость своихъ впечатлѣній, онъ съ давнихъ поръ предвидѣлъ обстоятельства, могущія возвести его на престолъ, но не искалъ ихъ. и болѣе страшился, чѣмъ ожидалъ ихъ съ нетерпѣніемъ. Послѣ долгихъ бѣдствій и изгнанія и недавняго испытанія Ста дней, его преимущественно занимала одна мысль: онъ не хотѣлъ снова и по необходимости быть замѣшаннымъ въ тѣ ошибки, которыя могла совершить старшая линія его дома и не хотѣлъ нести за нихъ отвѣтственность. Онъ давалъ, 31 мая 1830 года, балъ въ Пале-Рояльъ своему зятю, королю неаполитанскому, только-что пріѣхавшему въ Парижъ. На балъ присутствовали Карлъ X и вся королевская фамилія; все было великолѣпно, общество—блестящее, одушевленное. «Ваше высочество, сказалъ герцогу Орлеанскому г. Сальванди, проходя мимо его, — это совершенно неаполитанскій праздникъ: мы танцуемъ на волканѣ.» «— Что подѣ нами волканъ, отвѣчалъ герцогъ, въ этомъ я убѣжденъ столько же, сколько и вы; по крайней мѣрѣ вина въ этомъ не моя; мнѣ нечего упрекать себя въ томъ, что я не страшился открыть королю глаза, но что дѣлать! онъ ничего не хочетъ слушать. Богъ знаетъ, гдѣ они очутятся черезъ шесть мѣсяцевъ! Но за то я знаю очень хорошо, гдѣ буду я. Что бы ни случилось, я и мое семейство останемся въ этомъ дворцѣ. Какая бы ни грозила опасность, мы не тронемся отсюда. Я не хочу отдѣлять участи моей и моей семьи отъ участи страны. Вотъ мое неизмѣнное рѣшеніе.» Рѣшеніе это гораздо болѣе, чѣмъ всякое другое, руководило образомъ дѣйствій герцога Орлеанскаго во все время реставраціи; онъ одинаково не хотѣлъ быть ни заговорщикомъ, ни жертвою. Въ то время я совершенно не зналъ его, до самаго 1830 года я видѣлъ его всего два раза и то мимоходомъ; трудно, конечно, опредѣлить съ точностью различные чувства, господствовавшія тогда въ его душѣ, но имѣвши честь, въ продолженіи столькихъ лѣтъ, служить ему, я остаюсь убѣжденнымъ, что еслибы завистло отъ него упрочить реставрацію, то безъ малѣйшаго колебанія, какъ для самого себя и своего семейства, такъ и для Франціи, онъ предпочелъ бы безопасность этого будущаго тѣмъ случайностямъ, которыя могли быть порождены новою революціею.»

Планы либеральной партіи были осуществлены ею тотчасъ по окончаніи борьбы. Лудовикъ-Филиппъ сидѣлъ на престолѣ.

Новый король был уже давно извѣстенъ своимъ свободнымъ образомъ дѣйствій и преданностью началамъ конституціоннаго порядка; такимъ образомъ не только ничего не было разрушено изъ того дѣла, которому служила либеральная партія, но оно, повидимому, получило еще болъшую прочность. Не всѣ, однако, въ равной степени радовались этому счастливому разрѣшенію вопроса; многіе были убѣждены, что обращеніе къ грубой силѣ, хотя она и служила на этотъ разъ поддержкой законнаго порядка противъ произвола, не представляло никакихъ ясныхъ надеждъ въ будущемъ. «Я тоже въ числѣ побѣдителей, — грустный между побѣдителями,» говорилъ Ройе-Колларъ. Вопросъ скорѣ зашелъ, разумѣется, о томъ, нужно ли произвести какія измѣненія въ конституціонной хартіи, влечетъ ли неминуемо за собою перемѣна династіи перемѣну въ существовавшемъ государственномъ устройствѣ. Это было, безспорно, одинъ изъ самыхъ знаменательныхъ вопросовъ того времени, ибо въ разрѣшеніи его вполне выразились образъ мыслей, убѣжденія и планы какъ партіи либеральной, такъ и противоположной ей республиканской партіи. Либералы хотѣли произвести какъ можно менѣе перемѣнъ въ хартіи, и со стороны ихъ это весьма понятно: имъ всего дороже была свобода, и они были твердо убѣждены, что свобода эта достаточно гарантируется тѣми правами, которыми пользовалась нація въ силу конституціоннаго уложенія. Многіе думаютъ, что всякій переворотъ во Франціи совершается во имя возможно болъшаго расширенія свободы, вслѣдствіе того, что общество будто бы тяготится тѣсною предоставленныхъ ему правъ. Но либеральная партія нисколько не заблуждалась въ этомъ отношеніи насчетъ своей націи: она, напротивъ, понимала очень хорошо, что нація страдаетъ скорѣ отъ противоположнаго недостатка, что страстное желаніе Француза направлено лишь на то чтобы на свою долю участвовать во власти, что Французы не дорожатъ и не умѣютъ пользоваться свободой, и тягостное сознаніе этой неспособности выражается въ нихъ тѣмъ, что они стремятся постоянно разрушить старое и занести на бумагу новое, велерѣчивое провозглашеніе своихъ правъ. Либеральная партія рѣшилась держаться какъ можно крѣпче существовавшей уже прежде конституціи, не подвергать ее опасностямъ народнаго броженія, и допустить только тѣ измѣненія, которыя настоятельно и во чтѣ бы то ни стало требовались массою народа. Но какого же рода были эти измѣ-

ненія? За что, именно, большинство націи и республиканская партія жарче всего возвышали свой голосъ? Требованіе ихъ разсѣиваетъ всякія сомнѣнія насчетъ истиннаго характера июльской революціи: уничтоженіе наслѣдственности перскаго достоинства—вотъ ихъ единодушный лозунгъ въ это время! Вотъ первый крикъ ихъ тотчасъ по окончаніи борьбы! Другое требованіе, пониженіе ценза, было тоже сильно, но гораздо менѣе перваго, такъ что палата депутатовъ успѣла удержать избирательное право въ рядахъ тѣхъ классовъ, которые нѣскольکو боаѣе другихъ могли и умѣли имъ пользоваться. Если же спросить откровенно большинство націи, въ какомъ же смыслѣ была расширена свобода, во имя которой будто бы сдѣлана была революція, какихъ же именно новыхъ льготъ домогалось оно, — то вѣроятно не очень скоро и легко даю бы оно отвѣтъ на эти вопросы. Дѣло въ томъ, что переворотъ былъ чисто демократическій, что вовсе не потребность политической свободы, а демократическая зависть къ людямъ, имѣвшимъ участіе въ государственной власти, руководила тѣми массами, которыя съ оружіемъ выступили на улицу, и, оставаясь вѣрною сама себѣ, масса потребовала прежде всего отмѣны тѣхъ учреждений, которыя оскорбляли ея демократическое чувство равенства.

Впрочемъ, съ этихъ поръ, то-есть когда окончательно былъ рѣшенъ вопросъ о томъ, подвергнется или нѣтъ пересмотру хартія, начинается непримиримый разрывъ между партіями либеральной и демократической. Самъ Гизо указываетъ на это въ своей книгѣ. Мы долго говорили до сихъ поръ о первой изъ нихъ: справедливость требуетъ разсмотрѣть, теперь, каковы были убѣжденія, потребности и силы представителей демократіи...

Впрочемъ, мы нисколько не думаемъ скрывать, какъ было шатко положеніе либеральной партіи во Франціи. Очевидно, что она находилась тамъ въ меньшинствѣ. Извинительно заблужденіе тѣхъ, которые думали, что еще сохранились въ обществѣ различные элементы, изъ которыхъ можно было создать непоколебимое, прочное конституціонное устройство,—устройство, даже, на подобіе англійскаго; но все-таки это было не болѣе, какъ заблужденіе. Общество французское, какъ оно вышло изъ революціи, было въ политическомъ отношеніи вполнѣ нивелировано, и съ этой стороны, демократическая партія справедливо была увѣрена въ своей силѣ, ибо сочувствіе массы было на ея сторонѣ. Но въ какомъ видѣ представляется намъ эта масса?

Способна ли была она пользоваться своимъ могуществомъ и принять въ руки государственное управленіе? Вопросъ о судьбахъ демократіи — одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ нашего времени. Невозможно отрицать, что почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ, въ однихъ быстрѣе, въ другихъ медленнѣе—она стремится къ полному преобладанію. Рано или поздно, но ей суждено будетъ восторжествовать надъ всѣми враждебными ей элементами и сдѣлаться господствующею формою въ европейскомъ государственномъ устройствѣ. И несмотря на это, трудно найти въ современномъ намъ обществѣ какой либо либеральный умъ, который смотрѣлъ бы съ сочувствіемъ на быстрые ея успѣхи, и не содрогался бы при мысли о ея конечномъ торжествѣ. Но какъ понимать это непріязненное къ ней расположеніе? является ли оно слѣдствіемъ глубокаго сознанія, что демократія сама по себѣ не способна ни къ какому прочному развитію, что при ней никогда не водворится въ странѣ благосостоянія, что она не приноситъ съ собою ничего, кромѣ анархіи или деспотизма? Нисколько,—это было бы страннымъ заблужденіемъ и къ тому же живой примѣръ, который мы имѣемъ предъ своими глазами, примѣръ Америки, могъ бы достаточно опровергнуть его. Скажемъ прямо, тѣ опасенія, о которыхъ говоримъ мы, порождены не демократіею вообще, а демократіею, какъ она создалась въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ, и преимущественно во Франціи. Нельзя отрицать, что демократическое устройство, не допускающее между гражданами ни различій въ политическихъ правахъ ни политическихъ корпорацій, представляетъ болѣе, чѣмъ всякое другое, затрудненій для обезпеченія необходимыхъ условій, дающихъ обществу возможность развиваться и ограждающихъ порядокъ внутри страны и личную свободу гражданъ. Граждане предоставлены тамъ самимъ себѣ, каждый изъ нихъ, если можно такъ выразиться, стоитъ порознь и самъ за себя отвѣчаетъ. Такое состояніе общества можетъ породить анархію, совершенное презрѣніе къ закону, необузданное проявленіе только своихъ собственныхъ интересовъ и своей собственной воли; во вторыхъ, оно можетъ привести къ деспотизму одного лица, которое, видя, что общество не можетъ управляться само собою, что оно раздирается только смутами, — является общимъ спасителемъ и примирителемъ и водворяетъ желаемый порядокъ, утверждая вмѣстѣ съ нимъ свою неограниченную власть. Истинно демократическія учрежденія, основанныя на началѣ равенства, могутъ при-

вѣдѣть только къ народу, въ которомъ образованіе и до-
вольство распространились до самыхъ низшихъ классовъ,
къ народу, который уже научился быть свободнымъ,
который усвоилъ себѣ привычки самоуправленія, въ кото-
ромъ выработалось сознаніе общаго, земскаго дѣла, и это
общее дѣло сдѣлалось частнымъ дѣломъ каждаго гражданина.
Примѣръ Американскихъ Штатовъ служить достаточнымъ
доказательствомъ этого мнѣнія. Правда, въ образованіе ихъ
вошли условія, вовсе не существовавшія въ Европѣ; почва
этой страны была молодая, свѣжая почва, на которой не тяго-
тѣли тысячи враждебныхъ между собою преданій, и люди, при-
шедшіе туда сѣять сѣмена гражданскаго и политическаго
устройства, могли не стѣснять ничѣмъ своей свободной воли. Но
явленіе это далеко не разрѣшаетъ вопроса, почему демокра-
тическое устройство ознаменовалось такими успѣхами въ Сое-
диненныхъ Штатахъ. Поселившіеся въ нихъ граждане вовсе не
были застрахованы ни отъ обычныхъ слабостей, ни отъ обыч-
ныхъ страстей человѣческаго рода. Зло не было имъ чуждо,
какъ и всѣмъ остальнымъ смертнымъ, и могло повлечь за собою
всѣ тѣ безпорядочныя явленія, которыя мы видѣли въ другихъ
обществахъ: личный интересъ каждаго гражданина могъ заглу-
шить въ немъ мысль объ общемъ благѣ, могли возникнуть не-
сѣгласія, раздоры, могла возникнуть анархія и необходимое ея
слѣдствіе, деспотизмъ. Но въ Сѣверной Америкѣ не происхо-
дитъ ничего подобнаго: порядокъ нарушается рѣдко, свобода
не подвергается никакимъ опасностямъ, и каждый гражданинъ
пользуется вполнѣ и личною безопасностью, и самыми широ-
кими правами. Разгадка этого удивительнаго явленія заключается
отчасти въ федеральномъ устройствѣ, но вѣсего болѣе въ томъ,
что если почва, принявшая это общество, была юна, то самое
общество было далеко не юно. Въ свободной Англіи, въ корпо-
ративномъ устройствѣ ея оно уже издавна и глубоко проник-
лось привычками самоуправленія, усвоило себѣ тѣ свободныя
нравы, которые сдѣлались корнемъ демократическихъ свободныхъ
учрежденій. Очевидно, что это глубокое сознаніе свободы роди-
лось не вдругъ, не вслѣдствіе торжественнаго, абстрактнаго опре-
дѣленія правъ человѣка, не вслѣдствіе той или другой хитро-соста-
вленной конституціи, а было результатомъ историческаго вос-
питанія, дѣломъ жизни, а не теоріи, и каждый пришлецъ въ
новую землю, вступая впервые на ея необозримыя луга, уже
приносилъ его съ собою, какъ драгоцѣннѣйшее свое достояніе.

Нужно ли, послѣ всего сказаннаго нами выше, доказывать, что во Франціи происходитъ противоположное явленіе, — что вся прошедшая исторія тамошняго общества имѣетъ характеръ отрицательнаго уравнинія, и не заключаетъ никакихъ положительныхъ началъ свободы? Истина такъ очевидна, что не требуетъ особенныхъ объясненій. Напрасно думала страна, что воспрянувши къ новой жизни въ 1789 году, она успѣетъ безъ затрудненій упрочить либеральныя учрежденія въ своей средѣ. Свобода требуетъ предварительнаго, историческаго воспитанія и не является къ обществу по первому его зову. «Она похожа, говоритъ одинъ французскій писатель, на необыкновенное нѣжное и деликатное чувство, которое трудно возвратить, какъ скоро оно утрачено». Французскому обществу не достааетъ именно того, чѣмъ условливался и условливается успѣхъ демократіи въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, — не достааетъ свободныхъ нравовъ, не достааетъ охоты и привычки къ управленію своими собственными дѣлами, которое оно готово ежеминутно сложить на плеча какой-либо посторонней власти. Вотъ почему для всѣхъ людей истинно либеральнаго образа мыслей было такъ страшно торжество демократіи во Франціи съ исхода XVIII вѣка. Они видѣли, что на политическое поприще выступаетъ масса, лишенная всякаго политическаго смысла, громко провозглашавшая свою государственную волю и готовая лежать во прахъ предъ всякимъ баловнемъ судьбы, не имѣвшая никакого уваженія къ личности, никакого чувства законности, считавшая только волю большинства единственнымъ, непреложнымъ закономъ, предъ которымъ должны замолчать всякія права. «Демократія нашего времени — зависть», сказалъ Прудонъ. Не думаемъ, чтобы такое опредѣленіе шло вообще къ демократіи, но твердо убѣждены, что оно весьма вѣрно характеризуетъ демократію французскую, какъ она проявлялась, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ. Какъ только это чувство зависти затрогивалось во французскомъ обществѣ, оно поднималось какъ одинъ человекъ; во всѣхъ остальныхъ вопросахъ, въ которыхъ чувство это не играло роли, и слѣдовательно въ вопросахъ, касавшихся политической свободы, — оно представляло зрѣлище печальной апатіи и бездѣйствія. Обыкновенная, ежедневная политическая жизнь сосредоточивалась только въ нѣсколькихъ партіяхъ, съ жаромъ борющихся между собою за власть, между тѣмъ какъ масса націи ничѣмъ

не заявляла своей государственной дѣятельности. Франція представляла собою то же самое зрѣлище, которое изображено на известной картинѣ Каульбаха: наверху, въ облакахъ, Гунны и Римляне ведутъ ожесточенный бой, все тамъ движеніе и жизнь; внизу, напротивъ, царить гробовое спокойствіе и массы людей покоятся вѣчнымъ, непробуднымъ сномъ ...

Закоренѣлые приверженцы реставраціи разчитывали на этотъ закоснѣлый индифферентизмъ большинства французскаго народа къ политическимъ вопросамъ. «Парижане сильно не въ духѣ, говорилъ одинъ почтальионъ въ Фонтенбло, на другой день послѣ обнародованія знаменитыхъ королевскихъ повелѣній: и палаты, и журналы и свобода книгопечатанія—все отмѣнено.»— «Въ самомъ дѣлѣ? отвѣчалъ ему другой. Ну что жъ, тѣмъ лучше. Для меня былъ бы: только хлѣбъ по двѣ копейки, да вино по четыре — объ остальномъ я не забочусь.» Князь Полиньякъ сдѣлалъ такое замѣчаніе на поляхъ бумаги, на которой былъ записанъ этотъ анекдотъ: «Дѣло въ томъ, что хартія для народа сводится къ тремъ главнымъ пунктамъ: — имѣть работу, по дешевой цѣнѣ хлѣбъ, да не платить много налоговъ.» — Къ несчастію, кажется, что князь Полиньякъ не очень ошибался, въ этомъ отношеніи, въ характерѣ своей націи; но повторяемъ, что уже сказали прежде, онъ не понималъ только одного. Если бы чрезвычайныя, стѣснительныя мѣры, обрушившіяся на Францію, появились въ другое время и при другомъ правительствѣ, онѣ, вѣроятно, привели бы въ глубокое отчаяніе небольшой кругъ свободно-мыслящихъ людей, но не произвели бы революціи, какъ это случилось въ 1830 году. Франція видала не такія еще беззаконія, не такія вопіющія нарушенія права, и оставалась, несмотря на то, спокойною. Но мѣры эти принадлежали правительству Бурбоновъ, то-есть правительству, которое въ мнѣніи народа, было живымъ отрицаніемъ всѣхъ демократическихъ его стремленій, союзникомъ аристократіи, желавшимъ создать изъ нея снова особое сословіе— и дерзкій шагъ его не прошелъ ему даромъ. Восстаніе началось какъ будто бы во имя свободы, но не свобода, а оскорбленное чувство демократическаго равенства было главною его пружиною. То было внезапнымъ, неожиданнымъ взрывомъ долго скоплавшагося негодованія: отдѣлаться во что бы то ни стало отъ ненавистной фамиліи Бурбоновъ—вотъ что было преобладающимъ желаніемъ французской націи. Но кромѣ этой отрицательной потребности, какія же жили въ ней еще потребности

положительныя въ это время? какіе были планы, какія были политическія идеи, къ достиженію которыхъ она страшилась? Отвѣтъ на вопросы эти представляетъ тѣмъ болѣе важности, что только въ томъ случаѣ, если бы идеи и потребности эти были ясно сознаны и опредѣлены, можно было бы винить либеральную партію въ томъ, что она не умѣла оцѣнить ихъ и всѣми силами старалась имъ противоудѣйствовать.

Скажемъ прямо, политическія потребности массы народа и демократическихъ представителей ея, въ это время, отличались крайнею смутностью и несправедливостью. За доказательствами этого мнѣнія мы могли бы обратиться не къ г. Гизо, ибо свидѣтельства его можно было бы заподозрить въ пристрастіи, а къ панегиристу демократіи, г. Луи-Блану, яркими красками, въ своей *Histoire de dix ans*, изобразившему ея дѣятельность въ эту эпоху. Въ чемъ же состояли желанія народа въ это время? Народъ, какъ мы уже говорили выше, желалъ уничтоженія наследственности церскаго достоинства, желалъ поголовной подачи голосовъ; о томъ, способенъ ли онъ ею пользоваться, не приходило въ голову раболѣпнымъ его поклонникамъ, ибо всякое сомнѣніе въ его правоспособности показалось бы имъ ни чѣмъ неизгладимымъ нечестіемъ: народъ желалъ еще славы, блеска оружія, похода на рейнскія провинціи; изрѣдка раздавалось даже имя императора, это столь драгоценное ему имя... Но всѣ желанія эти, повторяемъ, представлялись ему весьма смутно: онъ ясно понималъ только одно, что нужно обезопасить гражданскія свои права, разрушить тотъ порядокъ, который дѣйствительно или мнимо угрожалъ имъ. «Народъ почуялъ запахъ пороха, говорить г. Луи-Бланъ, чего же нужно было больше? Онъ принималъ серьезное участіе въ борьбѣ и былъ *равнодушенъ только къ побѣдѣ*». И въ другомъ мѣстѣ прибавляетъ онъ: «Народъ волновался и цѣною своей крови требовалъ чего-нибудь не лучшаго, а чего-нибудь новаго.» Предводители демократической партіи отличались еще менѣе опредѣленнымъ политическимъ смысломъ. Тотъ же самый писатель, на котораго мы указывали сейчасъ, произноситъ объ нихъ сужденіе, могущее показаться насмѣшкою, если бы не были хорошо извѣстны его жаркія къ нимъ симпатіи: «Политическая наука, умѣнье управлять дѣлами, общественное положеніе, извѣстность — были имъ совершенно чужды. Въ этомъ была ихъ слабость, — но въ этомъ же самомъ состояла ихъ сила. Они могли достигнуть всего, ибо ничѣмъ не

дорожили. Убѣжденія ихъ отличались непоколебимостью, ибо нужно много учиться и много жить — чтобы проникнуться со-мнѣніемъ.» То были, какъ видно изъ словъ г. Луи-Блана, такъ называемыя *немосредственныя* натуры, для которыхъ вѣра въ истину, или въ то, что они считали истиною, замѣнила всякаго рода научныя свѣдѣнія. О социализмъ, о перерожденіи человѣчества правительственными декретами, не было тогда еще серьезной рѣчи. Правда, одинъ изъ представителей сенсиминизма, гражданинъ Базаръ счелъ своимъ долгомъ явиться къ Лафайету и узнать его намѣренія и образъ мыслей насчетъ этого вопроса: «Случай теперь удобный, сказалъ онъ ему. Зачѣмъ останавливаться? Захватите всю власть и пусть Франція будетъ призвана вами къ возрожденію!» — «Г. Лафайетъ, замѣчаетъ по этому поводу г. Луи-Бланъ съ неопѣненною наивною, — слушалъ съ удивленіемъ этого человѣка, который, несмотря на свою молодость, поражалъ его своимъ умственнымъ превосходствомъ. Никогда еще въ ушахъ его не раздавались такія смѣлыя рѣчи, — никогда мысль его не проникала въ такую глубину....» Смѣемъ думать съ своей стороны, что Лафайетъ изумлялся вовсе не отъ благоговѣнія къ Базару. Но какъ бы то ни было, Франція на этотъ разъ не подверглась перерожденію и исполненіе этой задачи досталось уже на долю самого г. Луи-Блана въ памятный годъ февральской революціи.

Г. Гизо представляетъ, въ своей книгѣ, любопытный документъ, по которому можно судить о состояніи умовъ демократической партіи въ 1830 году. Это записка, поданная ему однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ ея представителей, и которую мы приводимъ здѣсь, ибо она можетъ служить прекраснымъ поясненіемъ немногихъ словъ, сказанныхъ нами о тогдашнемъ демократическомъ движеніи во Франціи. Нечего и говорить, что документъ этотъ вполне достовѣрный: въ этомъ можно было бы убѣдиться, даже безъ свидѣтельства г. Гизо, по тому веле-рѣчивому тону и тѣмъ пріемамъ, которые постоянно встрѣчаются въ подобнаго рода произведеніяхъ:

«Трудно понять положеніе дѣлъ. Прежде всего и немедленно надо быть національнымъ и смѣлымъ. Всякія пренія будутъ безконечны и истощать только самыхъ сильныхъ. Палата депутатовъ никуда не годна: это уже обнаружилось и скоро обнаружится еще лучше. Правительство, каково бы оно ни было, должно дѣйствовать какъ можно быстрее. Насъ понуждаютъ, и чрезъ три дня мы не будемъ въ состояніи, можетъ быть, остановить тѣхъ, которые назади насъ и хотятъ идти впе-

редъ.... Пусть палата будетъ немедленно распущена; пусть заклеиваютъ реставрацію, ея приверженцевъ и образъ дѣйствій, и идутъ смѣло на Рейвъ; пусть перенесутъ туда нашу границу и продолжаютъ войну посредствомъ возбужденія національностей; война будетъ питаться тѣмъ, что ее вызвало. Нужно только рѣшиться принять инициативу; правительство тогда соберетъ, пополнитъ армию, удержитъ ее подъ своимъ вліяніемъ, свяжетъ ее съ революціею: то будетъ значить возвысить голосъ передъ Европою, предостеречь, увлечь ее съ собою. *Ориентировать націю, опереться на нее необходимо, и не представляетъ никакой опасности; пока еще не нужно дѣлать реформъ въ отношеніи собственности; слѣдовательно, нечего опасаться междоусобныхъ распрей. Лишь только это будетъ сдѣлано, какъ исчезнутъ всякія затрудненія: правительство достигнетъ высшаго, прочнаго и безопаснаго положенія, стоить ему только захотѣть....»*

Мы рассмотрѣли взаимное положеніе либеральной и демократической партіи: стремленія ихъ были такъ различны, что столкновеніе и борьба между ними представлялись въ будущемъ неизбѣжными. Остается взглянуть, какимъ характеромъ ознаменовалась эта борьба въ первые годы царствованія Лудовика-Филиппа.

Ев. Феоктистовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ПРЕДАНИЯ И ПЬЕСЫ УРАЛЬСКИХЪ КАЗАКОВЪ ¹

III.

ХАРКО.

— Былъ ли у насъ на Яикѣ Разинъ? спросилъ я Ивана Никитича Чакрыгина.

— Разинъ? Должно полагать, что былъ, отвѣчалъ старикъ. Потомъ немного подумавъ, сказалъ:

— То-ись въ самомъ-то городѣ нашемъ, пожалуй, и не былъ, а былъ на Низу, у Гурьева; тамъ у него главный притонъ былъ. А городъ нашихъ козаковъ въ ту пору былъ иль-бо на Голубомъ-Городищѣ, на островѣ Кошъ-Яикѣ, близъ Илека рѣки, иль-бо на Кирсановомъ-Яру, гдѣ теперь Кирсановскій форпостъ. Съ Кирсанова Яра на рѣку Чаганъ, то-ись на теперешнее мѣсто, городъ нашъ перенесенъ послѣ Разина, по благословенію Алексѣя Митрополита. Слыхалъ?

— Слыхалъ (2)!

— Ну, и ладно. А въ разину пору тутъ, то-ись, гдѣ теперь Уральскъ, была глушь и заросль.

— Почему ты все это знаешь?

— Почему? Слухомъ земля полнится. Старики такъ изъ рода въ родъ передавали.

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 7.

(2) См. ниже *Видѣніе*.

— Старики могли ошибаться, могли перезабывать и перепутать обстоятельства, замѣтилъ я.

— А пѣсню-то куда дѣнешь? сказалъ старикъ. — Сказка складка, пѣсня былъ.

— Какую пѣсню?

— А вотъ какую.

И старикъ, не дожидаясь, чтобъ я просилъ его, сталъ читать мнѣ на распѣвъ слѣдующую пѣсню:

« У насъ-то было на батюшкѣ, на тихимъ Дону,
 Во славномъ было во городѣ у насъ во Черкаскѣ (1),
 Жила-была у насъ тутъ благочестивая вдова.
 Не имѣла-то она, братцы, безкорыстнаго грѣха.
 А нынче вдова себѣ сына родила...
 Пошла слава по всему нашему тихому Дону.
 Тутъ сѣзжались всѣ попы, дьяки, архидьяконы,
 Нарекали ему имечко Степанушкою.
 Степанушка у насъ, братцы, сталъ на возрастъ,
 Какъ младъ-ясенъ соколъ сталъ взлетѣть.
 Доселева Степанушка въ Круги къ намъ не хаживалъ,
 Крѣпку думушку съ козаками не думывалъ.
 А нынче Степанушка въ Кругу стоять,
 Съ козаками крѣпку-думушку онъ думаетъ.
 Возговорилъ Степанушка таковы слова:
 « Ой, вы, гой еси, козаки братцы, добры молодцы!
 Послушайте вы, козаченьки, своего атаманушки,
 Меня Степанушку, сына Тимоѣевича, Разина.
 Сядемте мы, ребятушки, въ свой легкій корабличекъ,
 Побѣжимте мы, ребятушки, въ сине море,
 Станемте, ребятушки, разбивать бусы-кораблики:
 Татарскіе, армянскіе, всѣ басурманскіе,
 Безъ того только безъ сиза орла, безъ осударева.
 Поѣдемте, ребятушки, къ царю съ повинною.
 Повеземте съ собой, братцы, топоръ плаху.
 Повеземте, братцы, царю дары драгоцѣнные:
 Сребро, золото и каменя самоцѣтные.
 Тутъ насъ станеть царь благодарить-жаловать,
 И станеть насъ царь крѣпко спрашивать.
 Мы скажемъ царю всю правду-истинну.»
 Тутъ возговоритъ православный царь таковы слова:
 « Ужь, вы, гой еси, молодые корабельщички,

(1) Иные козаки, вмѣсто *Черкаска*, упоминаютъ въ этой пѣснѣ городъ *Владимиръ*. *Авт.*

Степана Разина вы согласнички!

Скажите мнѣ все правду-истинну:

Гдѣ вы были, гдѣ вы ѣздили? •

Тутъ возговорили молодые корабельщички,

Степана Разина все согласнички:

• Ужъ ты, батюшка нашъ, православный царь!

Мы скажемъ тебѣ все правду-истинну:

Мы гдѣ были, мы гдѣ ѣздили.

Ужъ мы были, ужъ мы ѣздили въ синемъ морѣ,

Разбивали мы на синемъ-морѣ бусы-кораблички:

Татарскіе, армянскіе, все басурманскіе,

Безъ того только безъ сиза орла, безъ осударева.

Ты прости насъ, батюшка, во всѣхъ винахъ.

Ты пусти насъ, батюшка, на Яикъ рѣку.

Мы заведемъ на рѣкѣ Яикъ славный Яикъ-городъ.

Заведемъ мы его между двухъ рѣчушекъ:

При первой рѣчкѣ при Яикѣ быстринимъ,

При другой рѣчкѣ при Чаганѣ тихимъ. •

Потомъ побывали они во городѣ Гурьевѣ,

Изъ Гурьева пошли они на матушку Волгу рѣку,

Съ Волги рѣки пошли они на Узень рѣку,

Съ Узень рѣки переправились за Яикъ рѣку,

Прошли-то они, изошли всю орду азіятскую:

Киргизскую, трухменскую, кызылбацкую.

— Слышишь, Степанъ Тимофеевичъ и его согласнички, молодые корабельщички, собирались заводить городъ промежъ быстраго Яика и промежъ тихаго Чагана. Значить, мѣсто было пустое, незанятое, сказалъ старикъ.

— Однако, Разинъ зналъ это мѣсто, замѣтилъ я.

— Еще бы ему не знать! возразилъ старикъ. — Въ этомъ и сумнѣнья не нужно имѣть. Степанъ Тимофеевичъ всю вселенную могъ знать, какъ свои пять пальцевъ: онъ былъ *съ прибылью*.

— Съ чѣмъ?

— Съ *прибылью*, говорятъ!

— Что такое: *съ прибылью*? Вотъ этого-то слова я не понимаю.

— Экой ты какой! Простаго русскаго слова не понимаешь, а еще книжки пишешь. Это значить, попросту *врождець*, что чертями повелѣваетъ. Понялъ?

— Понялъ.

— Ну, и ладно! сказалъ старикъ.—Еще надо и то въ толкъ взять, что есть когда не самъ Разинъ, то его сподручники

могли и вдоль и поперекъ искрестить нашъ Яикъ, разузнать, гдѣ какія рѣчки, проточки, раскопать всѣ, можно сказать, мышны норки: на то они и сподручники Разина. Одинъ, думаю, Харко исходилъ, извѣздилъ всю нашу земелюшку изъ конца въ конецъ.

— Кто такой Харко? спросилъ я.

— Ну, и славно! Харку-то не знаешь, а вѣдь по немъ, добромъ молодцѣ, и форпостъ Харкинскій прованъ, сказалъ старикъ.

— Будто? спросилъ я.

— Не будто, а на самомъ дѣлѣ такъ, сказалъ старикъ.

— Вѣрю, вѣрю, сказалъ я. — А кто же такой Харко? Расскажи-ка.

— Съ великимъ удовольствіемъ! сказалъ старикъ. — Слушай.

«Харко, сударь мой, былъ сподручникъ Разина, первый, можно сказать, герой по немъ. Послѣ того, какъ Разина со всѣмъ порѣшили, Харко съ двѣнадцатью человѣками, съ своими, значить, причетниками, и удалился съ Волги на Яикъ.

«Въ тѣ поры наши казаки, извѣстно тебѣ, жили на Кошъ-Яикѣ, иль-бо на Кирсановомъ яру; значить далеко отъ моря, верстѣ безъ малаго семьсотъ будетъ. Хоша казаки наши изъ предковъ всѣмъ владали Яикомъ, однако далеко на низъ рѣдко спускались, по той самой причинѣ, что красной рыбы было не въ приборъ и около города. Ну, и выходитъ, что по теперешней нашей низовой линіи была пустыня. А гдѣ пустыня, тамъ, извѣстно дѣло, и орда: безъ этого быть нельзя. Говорится: безъ дурака городъ не стоитъ. На подобіе сему, можно сказать: безъ орды пустыня не бываетъ. Пустыня значить пустое мѣсто, а орда, знамо дѣло, пустой человѣкъ, никакого толка нѣтъ. Ну, одно къ другому и идетъ. Казаки наши хоша не въ частымъ бываньи хаживали въ походы супротивъ басурмановъ, гоняли басурмановъ отъ Яика, однако нѣтъ-нѣтъ да и прикочуетъ кака-либо орда къ Яику; знаешь, чтобы лутами казачьими поживиться. Такъ было и въ ту пору. Прикочевала къ Яику и съѣла около Маринкина городка (1) одна орда, а казаки наши и не чуютъ. Этою ордой повелѣвала дѣвка, воинъ-дѣвка. У этой

(1) Такъ-называется одно урочище, гдѣ, по преданію, имѣла пребываніе жена Лжедмитрія Марина, послѣ бѣгства ея изъ Астрахани, въ 1614 году. Объ этомъ будетъ разказано въ особой главѣ, подъ рубрикой: *Маринкинъ Городокъ. Аст.*

дѣвки и гвардія была изъ дѣвокъ. Въ старину такіа оказіи были не въ диковину.

«Харко съ своими приспѣшниками пробирается къ нашимъ козакамъ, на Кошъ-Яикъ; но дѣвка-воинъ преградила ему дорогу. Хоша воинъ-дѣвка была и дѣвка, попросту баба, однако дѣло свое знала, не хуже мужчины. Созвала она совѣтъ и говоритъ своимъ гвардейкамъ и всей сущей ордѣ:

«— Намъ и безъ того отъ нихъ (то-ись отъ козаковъ нашихъ) житья нѣтъ, а какъ еще этотъ дьяволъ (сирѣчь Харко) съ своими причетниками соединится съ ними: тогда совсѣмъ пропадемъ; тогда, говоритъ, не поживишься отъ нихъ клочкомъ травы иль беремемъ дровъ, тогда, говоритъ, не дадутъ они намъ и воды напиться изъ своего заповѣднаго Яика. Надо, говоритъ, во чтѣ бы то ни стало, не допускать до нихъ Харку.

«Сказала это, и стала свое дѣло дѣлать.

«Тѣмъ временемъ и Харко держитъ совѣтъ съ своими; говорить къ нимъ таковую рѣчь:

«— Погуляяц мы съ батюшкой нашимъ, Степаномъ Тимошееичемъ, по святой Руси и по всему вольному свѣту довольно-таки. Многo погубили мы всякаго народа, и крещенаго и некрещенаго, гдѣ по дѣлу, а гдѣ и не по дѣлу. Знамо, некрещенымъ туда и дорога, а за крещеныхъ доведется когда-нибудь отвѣтъ отдать на судѣ страшномъ. Теперь, братцы, настало время удобное, можно загладить, сколько ни-на-есть, грѣхи наши тяжкіе. Давайте, говоритъ, очищать расейскія границы отъ орды поганой. Давайте, братцы, доканаемте эту орду, чтобъ она и воздухомъ здѣшнимъ не дышала! Этимъ самымъ дѣломъ, говоритъ, мы сдѣлаемъ три хорошихъ дѣла: перво дѣло—отпущеніе грѣхамъ получимъ, второ дѣло—расейскія границы отъ орды очищимъ, третье дѣло — яицкихъ козаковъ хлопотъ избавимъ.

«Сказалъ это, и сталъ свое дѣло дѣлать.

«Воинъ-дѣвка кибитки свои и весь скарбъ отправила отъ Яика къ степь, къ Кара-Кулю, въ безопасное мѣсто, а сама съ гвардейками вышла супротивъ Харка. Гвардеекъ у ней было ста два человекъ, а у Харка, и съ его буйною головой, всего на все тринадцать человекъ. Но Харко былъ травленный волкъ: онъ не пошелъ на нее открытымъ боемъ, а пустился на хитрости.

«Дѣвка съ гвардейками наступала на Харка, а Харко отступалъ. Такимъ манеромъ короводились они нѣсколько дней. На-

послѣдокъ Харко улучилъ темную ночь, обрядилъ двоихъ или троихъ своихъ согласничковъ въ бирючьи (волчьи) шкуры и велѣлъ имъ подкрасться къ конскому табуну гвардеекъ и броситься въ него. Обряженные въ бирючьи шкуры подползли на четверинкахъ къ табуну да и завыли, словно бирюки,—на все были дотошники,—а потомъ и бросились въ самую серединку табуна. Лошади шарахнулись, и какъ былъ табунъ, такъ весь и понесся въ степь, въ разныя стороны. Лошадямъ, знамо дѣло, лиха бѣда только чего испугаться; а тамъ ихъ самъ чортъ не удержитъ.

«Въ лагерѣ у гвардеекъ сдѣлалась суматоха страшная, а Харко того только и ждалъ. Не медля ни секунды, онъ, съ остальными своими молодцами и нагрянулъ на гвардеекъ, да и пошелъ ихъ душить. Къ утру онъ всѣхъ ихъ пошабашилъ. Не отвертѣлась и предводительша: ее убилъ своею рукой Харко.

«Покончивши дѣло съ гвардейками и ихъ предводительшей, Харко пошелъ за Яикъ искать ихнюю кочевку. Добрался и до кочевки. Тамъ, сударь мой, много было золотой казны и цвѣтнаго платья всякаго. Все это добро Харко забралъ и раздувалъ по своимъ согласничкамъ. Тамъ же, въ кочевкѣ-то, застали они сколько-то дѣвокъ, дѣвки были все молоденькія, иныхъ побили, а иныхъ, что были покрасивѣе, взяли по себѣ...

«Пожили они тутъ сколько-то времени, отдохнувши, и стали собираться въ путь-дорогу. Харко свою дѣвку бросилъ, живую пустилъ на всѣ четыре стороны; порѣшить ее совѣтъ жалко стало: вѣдь такъ ли, сякъ ли, а все-таки она жила у него замѣстъ жены. Совѣтовалъ то же сдѣлать и своимъ причетникамъ, чтобъ и они дѣвокъ своихъ бросили, а-тѣ не послушались: жалко было разстаться съ дѣвками; больно ужъ по сердцу пришли. Тогда Харко говорить своимъ согласничкамъ:

«— Всѣ мы люди свободные, козаки вольные, приказывать вамъ не смѣю, а совѣта моего не слушаетесь. Ваше дѣло, воли съ васъ не сымаю. Ступайте, куда хотите, а я вамъ, послѣ этого, не товарищъ!

«Согласнички говорятъ:

«— Теперь дѣвки намъ не помѣха, а когда будетъ нужно—бросимъ.

«Харко говорить:

«— Когда будетъ нужно, тогда будетъ поздно.

«Согласнички спрашиваютъ:

«— Какъ такъ?

«Харко говорить:

«— Эти дѣвки не семьянины: онѣ, думаю, на своемъ вѣку, и сами не мало нюхали человѣчей крови. Мы же гнѣздо ихнее разорили: не забудутъ онѣ этого, и рано ли, поздно ли порѣшать, доканаютъ васъ,—не мытьемъ, такъ катаньемъ, проклятыя, доймутъ. Эй! послушайте меня: бросьте!

«Сподручники смѣются и говорятъ:

«— Доселева, Харкушка, мы чли тебя за храбреца, а теперь видимъ, ты трусу празднуешь. Вспомни, давно ли мы, двѣнадцать человѣкъ, побили дѣвокъ болѣе двухъ сотъ. Ну, статочное ли дѣло, чтобы двѣнадцать дѣвокъ осмѣлились супротивничать намъ, такимъ молодцамъ?

«Харко говорить:

«— Открыто поле особь статья, постель особь статья. Слышали, чай, сказаніе библейское, про Олоферна, а если не слышали, такъ я скажу. Олофернъ былъ не вамъ чета, однако отмахнула же ему голову жена слабая...

«Подручники Харка только засмѣялись, да промежь себя говорятъ:—«трусу празднуетъ! трусу празднуетъ!»

«Харко осердился и поѣхалъ прочь.

«Согласнички его поѣхали сами по себѣ. Выбрали они себѣ мѣстечко на Красномъ яру, гдѣ теперь Красноярскій форпостъ, и тутъ устроили станъ.

«Харко, одинъ, остановился ниже этого мѣста, верстахъ въ пятнадцати, и тоже устроилъ себѣ станъ, но не на землѣ, а на деревѣ. Тамъ онъ свилъ себѣ гнѣздо, словно Соловей-разбойникъ, и зажилъ въ милу душу. Идти къ нашимъ козакамъ, на Кошъ-Яикъ, пораздумалъ; ждалъ, что будетъ отъ его согласничковъ, думалъ, не образумятся ли, не разведутся ли съ дѣвками-то.

«Пожили они на новыхъ мѣстахъ сколько-то времени, самую малость однако: Харко самъ по себѣ, а согласнички его сами по себѣ. Вотъ, сударь мой, въ одну ночь, на самой на зорѣ, притащился къ Харкѣ съ Краснаго Яра одинъ изъ его согласничковъ, весь, бѣдняжка, израненъ, еле-еле дышетъ, да тихо, жалобно, чуть слышно и говорить:

«— Сбылись слова твои, атаманушка: сгубили насъ змѣи скоропи...

«Сказалъ это, да тутъ же и духъ свой испустилъ.

«Харко тое жь секунду спрыгнулъ съ гнѣзда своего, вскочилъ на бураго коня, что у дерева привязанъ былъ, и помчался къ

Красному Яру. На восходѣ солнышка, онъ былъ уже тамъ, и засталъ дѣвокъ: тѣ, бестіи, дуванъ дуванятъ, значитъ, дѣлать по себѣ добро убитыхъ молодцовъ. Лишь только узрѣли они его, такъ и одурѣли на мѣстѣ. Какъ тигра, съ пѣной у рта, Харко бросился на дѣвокъ съ саблей въ рукѣ; да вдругъ и остановился.—«Этого для васъ мало, бестіи!» сказалъ Харко, да и давай живьемъ вязать дѣвокъ; всѣхъ перевязалъ, да и положилъ, словно осетровъ на багреньи, врядь, одну подлѣ другой. Славно! Осмотрѣлъ и согласничковъ своихъ: а тѣ, бѣдняжки, всѣ измясничины донельзя, узнать даже не можно, кто Карпъ, кто Иванъ: такъ, бестіи, постарались. Събздилъ и за тѣмъ, что у его дерева умеръ. Потомъ вырылъ двѣнадцать могилъ, положилъ въ нихъ убитыхъ согласничковъ, а подлѣ каждого изъ нихъ положилъ по дѣвкѣ-душегубкѣ: эти, бестіи, были живыя, кричали, визжали, просили Харку, чтобъ онъ добилъ ихъ; да не на того напали: «Что торопитесь? успѣете еще околѣть», говоритъ Харко, и дѣло свое дѣлаеть. Потомъ, сударь мой, опустилъ въ могилу къ каждому согласничку по ношѣ серебра, по ношѣ золота, по саблѣ, по ружью, по копью, по парѣ пистолей, и все это, не торопясь, чинъ-чиномъ, зарылъ. Напоследъ всего на могилѣ каждого согласничка посадилъ по лѣсной яблонѣ. Покончимши это дѣло, Харко сказалъ:

«— Не пропадай казна эта даромъ: дайся казна эта тому молодцу, кто, на своемъ вѣку, убьетъ двѣнадцать дюжинъ басурмановъ или-бо басурманокъ!

«Сказалъ это, да и удалился въ свое тепло гнѣздо.»

— Ну, а что кладъ? Дался ли кому? спросилъ я.

— Нѣтъ! Казаться казался, а не дался, сказалъ старикъ.

Тутъ онъ мнѣ разказалъ, когда кому и при какихъ обстоятельствахъ казался Харкинъ кладъ, но «исторію» объ этомъ я опускаю здѣсь, а приведу подъ рубрикой *Клады*.

— Что жъ сдѣлалось съ Харкой? спросилъ я старика.

— Богъ вѣсть, сказалъ старикъ. — Пожилъ онъ сколько-то времени на Яикѣ, потѣшился въ милу душу надъ басурманами, которы къ Яику подходили, да и удалился куда-то въ другія мѣста.

По преданіямъ, сохранившимся въ устахъ народа въ разныхъ мѣстностяхъ Уральскаго войска, жизнь и подвиги удальца

Харка, во время пребыванія его на Яикѣ, рисуются въ слѣдующей картинѣ.

Устроилъ Харко себѣ гнѣздо на высокомъ деревѣ, стоявшемъ на правомъ берегу Яика, и съ гнѣзда своего наблюдалъ за Ордынцами. Но здѣсь, кстати, я приведу отрывокъ, не то пѣсни, не то сказки, какъ угодно, такъ и назовите. Жаль, конца нѣтъ. Но что дѣлать? По пословицѣ: «на нѣтъ и суда нѣтъ»,

• Увилъ ухитилъ Харкушко
 Себѣ тепло гнѣздушко,
 На высокомъ семиствольномъ осокорѣ.
 И зажилъ въ немъ словно во палатушкахъ.
 Подъ навѣсомъ у корня сокорь-дерева,
 И день и ночь стоялъ наготовѣ
 Богатырскій конь осѣданный.
 Другой заводной конь, вороненькій,
 Гулялъ на лугу стреноженный.
 Питался храбрый Харкушко
 Отъ своихъ трудовъ праведныхъ:
 Рыбы, дичи, всякой живности,
 Не въ приборъ было у молодца.
 Но исторія наша не о томъ гласить,
 Чѣмъ удалый Харкушко питался:
 Исторія сказать должна,
 Какъ надъ ордой онъ потѣшался.
 Сидитъ, бывало, Харкушко
 Въ своемъ тепломъ гнѣздушкѣ,
 Понюхиваетъ, бывало, Харкушко
 Изъ рога табачекъ съ вязовой золкою.
 Глядитъ-поглядываетъ, бывало, Харкушко,
 Своими соколиными глазками,
 Въ степь широкую, пустынную:
 Не идутъ ли, не ѣдутъ ли Киргизы бритоголовые,
 Мира крещенаго враги лютые.
 Вотъ видитъ удалой Харкушко:
 Вечеркомъ, при закатѣ солнца краснаго,
 Ёдетъ отъ Каракуля толпа нарядная,
 Толпа двуконная, шумливая, егозливая:
 То киргизскіе хвастливые батыри,
 Родовъ: Адайскаго, Тазларскаго, Черкаскаго.
 Намѣреніе ихъ злое, басурманское:
 Ёдутъ они искать брода не глубокаго,
 Ёдутъ искать перелаза не широкаго,
 Гдѣбъ легче было и вольготнѣе
 Перелѣзть Яикъ рѣченьку,

Потомъ идти къ матушкѣ Волгѣ рѣкѣ,
Грабить, разорять селенія расейскія,
Иль-бо улусы калмыцкіе, нагайскіе.
Для Киргизовъ все единственно,
Кого бѣ не разорять, кого бѣ не грабить,
Лишь бы добычу имѣть богатую.
Но и для Харкушки все единственно,
До кого бѣ тамъ Киргизы ни грабились,
На кого бѣ ни точили ножи свои булатные,
На кого бѣ ни припасали арканы крученые,—
У Харкушки намѣреніе благое,
Благое намѣреніе, христіанское:
Разбить, избить киргизскихъ батырей,
Отбить у нихъ охоту дурацкую—
Топтать зелены луга казацкіе,
Мутить, сквернить воды ящкія,
Пугать, гонять рыбу красную,
Рыбу красную, пужливую, прихотливую.
Подъѣзжаютъ Киргизы къ Яикъ-рѣкѣ,
Становятся Киргизы по край кряжа,
Того кряжа високаго, индерскаго,
По край луга зеленаго,
Того луга заповѣднаго.
Разстилаютъ по землѣ бѣлы войлочки,
Всѣ персидскіе, хивинскіе коврички.
Разставляютъ свои легкія джуламеечки.
Коней, стреноженныхъ и спутанныхъ,
Пущаютъ пастись въ зеленый лугъ,
Въ зеленый лугъ не кошennyй, не тронутый,
Пущаютъ безъ часовыхъ, безъ караульщиковъ.
Разводятъ огонечки веселые,
Наводятъ котелочки чугунные,
Варятъ мясо кобыляцкое,
Тѣхъ кобылъ ворованныхъ.
Сидятъ Киргизы за ужиномъ:
Жрутъ маханъ, похваливаютъ,
Пьютъ кумызъ, побрякиваютъ.
О голенища пальцы повиытирываютъ,
Черезъ бороды слюнами подзвизкиваютъ.
Пьютъ, жрутъ, прохлаждаются,
Надеждой будущихъ удачъ потѣшаются.
Любо, весело Киргизамъ кумызничать.
Времячко стоитъ благодатное, весеннее,
Ноченька стоитъ тихая, прохладная,
Комаровъ и мошекъ въ заводѣ нѣтъ.

Не чуютъ, не вѣдаютъ киргизскіе батыри,
 Что стережетъ ихъ удалой Харкушко;
 Дождается Харкушко темной ноченьки,
 Спускается съ своего тепла-гнѣзда,
 И плывеъ Харкушко за Яикъ рѣку;
 Переплывши Яикъ рѣченьку,
 Ужомъ ползеть къ киргизскому лагерю...

Старику, передававшему мнѣ эти вирши, память измѣнила: онъ не могъ продолжать, но исторія Харка не прерывается. Она продолжается въ слѣдующемъ видѣ:

Замѣтивъ Киргизовъ, подѣхавшихъ къ Яику и остановившихся на ночлегъ, смѣльчакъ Харко переплываетъ рѣку Яикъ и, какъ ужъ, подползаетъ къ киргизскому стану. Покуда Киргизы сидятъ около огней, покуда бесѣдуютъ, ужинаютъ, Харко начинаетъ считать ихъ по головамъ. Пересчиталъ. Всѣхъ Киргизовъ оказывается, напримѣръ, тридцать человекъ. Хорошо. Харко также тихо, какъ приползъ, отползаетъ прочь отъ киргизскаго лагеря, прячется подальше въ кусты, и ждетъ, когда Киргизы улягутся, уснутъ. Обезпеченные пустынною и необитаемостію береговъ Яика, Киргизы не принимаютъ никакихъ мѣръ предосторожности; а это Харкѣ и на руку: меньше, слѣдовательно, ему хлопотъ. Полночь. Киргизы уснули. Харко выходитъ изъ засады и отправляется... Къ Киргизамъ въ лагерь? думаете. Нѣтъ! Харко остороженъ и терпѣливъ. Нападать одному, притомъ пѣшему, да въ добавокъ еще ночью, на огромную толпу, и безразсудно, и опасно. Харко не тревожитъ сонъ Киргизовъ. Онъ идетъ въ луга, ловить киргизскихъ лошадей всѣхъ до одной, плавить ихъ на самарскую сторону и загонять въ густой лѣсъ, далеко отъ Яика. Потомъ отправляется къ себѣ въ тепло-гнѣздо и преспокойно ложится спать. «Утро вечера мудренѣе», говоритъ Харко и засыпаетъ.

Поутру Киргизы встаютъ и поражаются страхомъ: лошадей нѣтъ! кидаются въ луга и видятъ: слѣдъ пошелъ на самарскую сторону. Киргизы по себѣ знаютъ, что въ пѣшемъ состояніи преслѣдовать вора, угнавшего лошадей, бесполезно. Съ проклятіемъ и бранью, Киргизы покидаютъ негостепріимный берегъ Яика, забираютъ съ собою кой-какія вещи получше, поцѣннѣе, напримѣръ сѣдла, оправленные въ серебро и камни, персидскіе ковры и т. п., остальное все или передаютъ огню, или бросаютъ въ воду, и *плывимъ боемъ* отправляются туда, откуда такъ недавно пріѣхали веселые, довольные, на рѣзвыхъ

и статныхъ аргамакахъ. Обремененные ношами, Киргизы шагъ-за-шагомъ, длинною вереницею, тянутся по степи къ Кара-Кулю, и не чуютъ, что позади ихъ собирается гроза. Харко жадно смотритъ съ гнѣзда своего на это печальное шествіе, ядовито улыбается и пересчитываетъ Киргизовъ: разъ, два... десять... двадцать... тридцать.

— Всѣ, говоритъ Харко. — Ступайте-ка, соколики, прогуляйтесь. До Кара-Куля шестьдесятъ верстѣ, не скоро добредете, успѣю еще догнать, вотъ только позавтракаю, да силами запасусь.

Съ этими словами, онъ спускается съ дерева, закидываетъ въ Яикъ плавную сѣть, чрезъ минуту вытаскиваетъ на берегъ или тупоносаго осетра, или остроносую севрюгу, разводитъ огонь, наводитъ котель, варитъ *щербу* (уху), и когда щерба поспѣетъ, кушаетъ, не торопясь, съ пшеничными сухариками.

Харко покушалъ, съ часъ времени повалился на травкѣ, понѣжился, понюхалъ табачку, и потомъ уже пускается за Яикъ. Конь у Харка смышленный, приученный, словно хорошая подружейная собака. Харко подводитъ коня къ берегу, говоритъ ему: *айда!* причеъ ударяетъ его слегка по спинѣ ладонью, и конь смѣло идетъ въ воду и плыветъ на ту сторону. Харко одною рукою ухватится за хвостъ коня, а другую держитъ надъ головой своею, чтобы не обмочить пищаль и рогъ съ порохомъ. Черезъ минуту Харко на бухарской сторонѣ; садится на коня и скачетъ по слѣдамъ Киргизовъ. На полпути къ Кара-Кулю, среди открытой степи, гдѣ нѣтъ ни одного кустика, ни одного овражка, Харко является передъ Киргизами. Утомленные долгою ходьбой и озадаченные нечаяннымъ появленіемъ храброго, нѣсколько звѣрообразнаго врага (физиономія у Харка была не изъ сладенькихъ), Киргизы только взвизгнуть и одурѣютъ на мѣстѣ. Не давая Киргизамъ ни на мгновение оправиться, Харко съ ужаснымъ крикомъ бросается на нихъ и начинаетъ ихъ или колоть пикой, или стрѣлять изъ пищали, какъ вздумается, или какъ укажетъ случай и положеніе врага. Всѣхъ передушить, забереть цѣнные ихъ вещи и возвращается въ свое теплое гнѣздо.

Случается подобная исторія не разъ, не два. Киргизы около тѣхъ мѣстъ, гдѣ свито у Харки гнѣздо, не показываются. Харкѣ скучно безъ занятія. Онъ отправляется или вверхъ, или внизъ по Яику, и устраиваетъ себѣ временное жилище, но непременно на деревѣ. Гдѣ нѣтъ высокихъ деревьевъ, онъ *напалм-*

васть (наставляеть) дерево, и вѣтъ на немъ гнѣздо. И вездѣ, гдѣ только появляются, бывало, Киргизы, Харко *шутитъ съ ними шуточки не маленькія*.

Случалось, что Харко одного изъ Киргизовъ оставить въ живыхъ, чтобы тотъ шелъ въ Орду и повѣстилъ, *что-де къ Яику ходить не приказано*.

Надоѣлъ Харко Киргизамъ. Тѣ не разъ пытались захватить его какъ-нибудь въ расплохъ въ гнѣздѣ, но никогда имъ это не удавалось. Харко въ высшей степени былъ остороженъ; а когда спалъ, то чуткій и ученый конь его всегда, при приближеніи Киргизовъ, за нѣсколько верстъ, подавалъ хозяину знакъ и фырканиемъ и ржаньемъ. И Харко заблаговременно снимался съ тепла гнѣзда и удалялся въ глухія мѣста.

Киргизы пускались и на хитрости, чтобы овладѣть особой Харка или убить его; но Харко всегда, бывало, перехитритъ Киргизовъ.

Разъ Киргизы, пустивъ лошадей на паству, одну изъ нихъ, самую рѣзвую, сивую, заковали въ желѣзы, чтобы Харко не могъ угнать ее въ числѣ другихъ, а ключъ отъ замка завернули въ гриву коня, съ тою цѣлю, чтобы тотъ изъ Киргизовъ, кто, во время тревоги, первый поймаетъ этого коня, имѣлъ ключъ подъ рукой. Но Харко, лежа въ травѣ, близъ киргизскаго лагера, слышитъ ихъ рѣчи и уговоры, и смѣется. Когда Киргизы уснули, первымъ дѣломъ Харка было завладѣть сивою лошадыю: поймалъ ее, лебедушку, досталъ изъ гривы ключъ, отожкнулъ желѣзы, и дѣло пошло какъ по маслу. Утромъ Киргизы увидѣли себя въ дуракахъ, и, какъ тараканы изъ вымораживаемой избы, разбрелись по степи. Харко, само собой разумѣется, *укокошилъ* ихъ всѣхъ, не оставилъ и на племя.

Въ другой разъ, оставшись, по милости Харка, безъ лошадей и отойдя на нѣкоторое разстояніе отъ Яика, Киргизы сбросали съ себя дорогіе шелковые халаты и навалили изъ нихъ цѣлую груду. Одинъ изъ Киргизовъ, чѣмъ-ни-самый смѣлый и сильный батырь, запрятался въ кучу халатовъ, съ предательскимъ намѣреніемъ — схватить Харка врасплохъ, когда тотъ слѣзетъ съ коня и станетъ брать халаты. Но Харко, выѣхавъ въ степь, для разчета съ Киргизами, первымъ долгомъ пересчиталъ Киргизовъ, разбредшихся по сторонамъ, и тотчасъ смекнулъ, что одного врага, противу прежняго числа, нѣтъ. «А, хитрите, бестіи!» сказалъ Харко. Съ этими словами онъ осторожно подѣхалъ къ кучѣ халатовъ; приложился по ней

изъ пищали и выстрѣлилъ: халаты запылали, а батырь, смертельно пораженный *жеребьемъ* (1), взвизгнулъ и духъ испустилъ. Затѣмъ началась расправа и съ другими: ни одинъ не уцѣлъ своего аула.

Конечно, не всегда и не всѣ Киргизы, завидя Харка, предавались отчаянію и страху. Случалось, что храбрые изъ нихъ дѣлали Харкѣ отпоръ, но что могли гнѣшіе, незащищенные никакими мѣстными преградами и не имѣющіе ружей съ европейскими замками, что могли сдѣлать такіе люди Харкѣ, гарцовавшему передъ ними на отличномъ скакунѣ и притомъ вооруженному исправною пищалью? Само собою, храбрые батыри, такъ же точно такъ и не храбрые, одинъ за другимъ, валились и падали отъ руки Харка.

Такимъ образомъ, на всѣхъ пунктахъ теперешней нашей низовой линіи, Харко искоренялъ, донималъ Киргизовъ, и наконецъ совѣмъ донялъ. *Шайтанъ!* (дьяволъ) сказали Киргизы про Харка, и не смѣли уже показываться близъ Яика.

Харкѣ, говорить преданіе, сдѣлалось скучно жить безъ дѣла, и онъ удалился. Что съ нимъ подѣялось — преданіе молчитъ. Но то урочище, гдѣ у него было свито на осокорѣ *тепло шъдо*, прозвалось въ народѣ *Харкинымъ*.

Въ послѣдствіи, когда яицкіе козаки заселили низовья Яика, а это было въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, и между прочимъ построили на томъ урочищѣ форпостъ, форпостъ этотъ наименованъ и доднесь именуется *Харкинымъ*.

IV.

В И Д Ъ Н І Е

—... Задумали наши козаки перенести свой городъ съ Кирсанова Яра къ рѣчкѣ Чагану, говорилъ Иванъ Никитичъ Чакрыгинъ.—Мѣсто, вишь, на Кирсановомъ Яру было неудобно: зимой снѣгомъ заносило, а лѣтомъ отъ песку житья не было. Задумали они это дѣло, снарядили небольшую партію посыльщиковъ да и послали спросить совѣта у старѣйшихъ, что жили на морѣ, на Камынь-островѣ.

(1) Продолговатый кусокъ свинца, замѣняющій пулю. *Авт.*

— Развѣ на Камынинѣ островѣ жили въ тѣ поры казаки? спросилъ я.

— Какъ же! Исконибѣ тамъ жили казаки-лыцари, самыя то-ись старики-старожилые, которымъ въ городѣ было душно, и которые, между нами будь сказано, любили просторъ и раздолье, а ужъ есть ли что просторнѣе и раздольнѣе батюшки синя-моря Каспикаго? Може етаться, на Яикѣ, въ верху, и поселеній настоящихъ не было, а на морѣ, на островахъ, да на буграхъ, навѣрное были козацьи притоны. И нельзя не быть, касатикъ: вѣдь въ старыя годы, казаки наши частенько развѣзжали по морю, какъ въ пѣсняхъ поется, «во легкыхъ стругахъ за добычею, разбивали бусы-кораблики, все армянскіе, татарскіе, басурманскіе:» этимъ только и жили, что грѣха таить. Такъ какъ же на Камынь-островѣ, иль-бо на другомъ какомъ, не жить нашимъ козакамъ? И въ пѣснѣ про Яикушку-Горыныча, знаешь, поется:

... На островѣ Камынинѣ,
Братцы, старики живутъ.
Старики живутъ старожилые,
Имъ же по девяносту лѣтъ...

— Пстой, пстой, Иванъ Никитичъ! перебилъ я.—Въ этой пѣснѣ говорится про *стариковъ-старожилыхъ*. Може-статься, они жили на Камынь-островѣ *ради Бога*, то-есть спасали свои души.

(При сихъ словахъ Иванъ Никитичъ улыбнулся: замѣчаніе мое насчетъ стариковъ, спасавшихъ души, показалось старику до крайности смѣшнымъ и наивнымъ.)

— Но нѣтъ ли такой пѣсенки, продолжалъ я,—гдѣ бы прямо говорилось, что на Камынь-островѣ иль-бо на другомъ какомъ жили не старики-старожилые, а казаки-лыцари?

Старикъ подумалъ и сказалъ:

— Какъ не быть! Есть! Вотъ одна такъ и вертится на языкѣ, да, чтобъ ее намочило, забылъ, какъ съ конца-то начинается. Поди-ты, вотъ, такъ и вертится... чтобъ ее... Пстой, пстой! Вспомнилъ.

И старикъ началъ нараспѣвъ читать слѣдующую пѣсню:

«Выметывалъ нашъ Яикушка
На синемъ-морѣ Камынь-островъ.
На островѣ Камынь казаки живутъ,
Козаки живутъ, люди вольные.

Разбивали они на синемъ морѣ
 Бусы,-корабли, всѣ легкія лодочки.
 Разбили одну лодочку съ золотой казной,
 Снимали съ золотой казной красну-дѣвицу,
 Красну дѣвицу, раскрасавицу, дочь купецкую.
 И начали дѣлить золоту казну пуховою шляпой.
 На конѣ клали раскрасавицу, красну дѣвушку.
 И начали между себя трести жеребій.
 Досталась атаманушкѣ красна дѣвушка.
 Возговорить атаманушка таковы слова:
 « На бою-то я, атаманушка, самый первый былъ;
 На паю на дуванѣ я послѣдній сталъ:
 Досталась мнѣ, атаманушкѣ, красна дѣвушка. »
 Возговорить красна дѣвушка таковы слова:
 « Ужь ты, гой еси, козачій атаманушка!
 У меня на правой рукѣ есть золото кольцо,
 Золото кольцо, оно во пять сотъ рублей;
 Поднизочка есть на мнѣ, атаманушка, во всю тысячу.
 Самой-то мнѣ, красной дѣвушкѣ, мнѣ цѣны нѣту.
 Сотку тебѣ, атаманушка, шелковый коверъ. »

— Вотъ тебѣ и лыцари, коли хочешь знать! сказалъ старикъ.—Эти, чай, не очень заботились о душѣ, прибавилъ старикъ, засмѣявшись. Потомъ продолжалъ:

« Да что объ этомъ толковать! Наши праотцы, какъ орлы поднебесные, перепархивали съ мѣста на мѣсто, когда и куда хотѣли, и жили тамъ, гдѣ лучше и вольготнѣе. Хоша непостоянно, временно, а надерживались-таки козаки около устьевъ Яика, по островамъ морскимъ, да по буграмъ черневымъ. Такъ было, значить, и въ ту пору, когда наши задумали переносить городъ. Вотъ къ нимъ-то, къ этимъ, значить, Камынинскимъ старикамъ-лыцарямъ, Кирсановскіе козаки и поѣхали за совѣтомъ. Тогда, сударь мой, не какъ нынче, тогда все дѣлали собча, всѣмъ войскомъ.

«Побыли наши козаки сколько-то времени на Камынь-островѣ у старѣйшихъ, усовѣтовались съ ними насчетъ этого дѣла, то-ись насчетъ переноса города, и поплыли назадъ къ устьямъ Яика. Лишь только въѣхали они въ Золотинскій проранъ, на встрѣчу имъ попался старецъ, плыветь въ маленькой лодочкѣ, одинъ-одинехонекъ, гребеть на одно весельце. Старецъ такой древній, важный, благолѣпный, въ бѣломъ клобукѣ съ крестомъ на лбу. Съѣхались козаки и старецъ; поздоровались. Козаки говорятъ:

« — Отче святой! Задумали мы перенести городъ съ мѣста на другое. Начинать ли намъ это дѣло? Дай совѣтъ.

«Старець спросилъ ихъ, куда они хотятъ перенести городъ. Козаки указали на Чаганъ рѣку. Тогда старецъ говорить имъ:

« — Не былъ я на томъ мѣстѣ, а знаю, что оно хорошо, къ поселенію удобно, лугами и всякими угодьями богато. Только вѣдайте, чада, говорить старецъ, на томъ мѣстѣ городу вашему придется испытать разныя коловратности: будутъ у васъ тамъ труси, мятежи, кровопролитныя брани и всякія сумятицы и неурядицы. Станутъ васъ тамъ нудить насчетъ креста и бороды, станутъ заводить у васъ солдатскія очереди, богопротивныя легіоны и разныя неполезныя для васъ штаты, а въ едино время появится между вами такой набѣглый царь... Вотъ изъ-за него-то вы много пострадаете, много крови прольете, много примете горечи. Однако, современемъ, все затихнетъ, и вы узрите покой...

«Козаки говорятъ:

« — Ничего, святой отче, къ трусямъ, мятежамъ и кровопролитнымъ бранямъ намъ не привыкать-стать: на томъ и живемъ. Намъ и прежде коваривали: «на крови-де Яикъ зачался, на крови-де и кончится. — Да мы на это мало смотримъ. А на очереди, да на легіоны и шлевать-то не хотимъ: все перемелется, мука будетъ. Ты только благослови насъ, отче!

« — Богъ васъ благословить! сказалъ старецъ и осѣнилъ козаковъ крестомъ, да и поплылъ путемъ-дорогой.

« И козаки поплыли своимъ путемъ-дорогой. Много ли, мало ли отплыли они отъ того мѣста, гдѣ съ старцемъ-то повстрѣчались, остановились, да и говорятъ про-межь себя: «Что же, братцы, мы не спросили старца-то: кто онъ такой? Вернемтесь! Сказали это, да и вернулись назадъ. А старецъ плылъ уже въ морѣ. Однако они скоро его догнали, и спрашиваютъ:

« — Прости насъ, отче, давая мы не спросили тебя, — кто ты такой? Повѣдай намъ.

« — Алексѣй Митрополитъ! говорить старецъ.

«Лишь только онъ это выговорилъ, какъ въ тоѣ жь секунду поднялось отъ воды густое облако, и скрыло и лодку, и святителя. Отъ такихъ словъ, козаки пришли въ ужасъ неописанный. Козаки не пришли еще въ себя отъ страха и ужаса, не отубили, какъ облако прорѣдѣло, разсѣялось, и ни лодки, ни

святителя не видать стало, одно гладкое, какъ стекло, море. Значить: *видѣніе было*.

«Такое-то, сударь мой, чудо повстрѣчалось съ нашими козаками. Не откладывая дѣла въ даль, козаки, въ то же лѣто, поднялись съ Кирсанова Яра и перебрались къ рѣкѣ Чагану. Подѣлали плоты, посадили на нихъ женъ, дѣтей, нагрузили имуществомъ и всякимъ скарбомъ, что можно было взять, отслужили Господу-Богу молебень, пропѣли канунъ Алексѣю Митрополиту, и пустились внизъ по Яику; а лошадей и всю животину погнали берегомъ. Чего не могли взять, то все сожгли, и теперь на Кирсановомъ Городищѣ тьма-тьмущая углей, чай, и ты видѣлъ.

«Изъ строенія козаки взяли только одну церковь чернаго дѣса. Бережненько разобрали ее по бревенкамъ да по дощечкамъ, и сплавили на плоту. Церковь была во имя Казанской Божіей Матери. Постановивши на новомъ мѣстѣ церковь, козаки, по приговору всего обчества и по благословенію духовныхъ чиновъ, сдѣлали къ ней, въ память чуднаго видѣнія, придѣлъ во имя Св. Алексѣя Митрополита. Этотъ придѣлъ и по-днесь существуетъ. Церковь эта стояла на берегу Яика, что теперь Старица, между нынѣшнимъ Архангельскимъ соборомъ и Петропавловскою церковью, и прозывалась *Кирсановскою*. Въ Шилихинъ пожаръ она сгорѣла. Козаки опять выстроили на томъ мѣстѣ деревянную церковь и, въ отлику отъ другихъ церквей, все-таки называли ее Кирсановскою. Въ годъ Волконскаго и новая сгорѣла. Тогда уже выстроили каменную, на другомъ, на теперешнемъ мѣстѣ. Но эта, каменная-то церковь, просто называется Казанскою, а память о Кирсановской въ народѣ забылась.»

V.

ШИЛИХИНЪ ПОЖАРЪ.

..... — Кстати, Иванъ Никитичъ, разкажи-ка что-нибудь о Шилихиномъ пожарѣ, сказалъ я старику, когда онъ кончилъ преданіе о *Видѣніи*. — Я часто слышу: «Шилихинъ пожаръ», «въ Шилихинъ пожаръ», «до Шилихина пожара». Вотъ и ты сейчасъ сказалъ, что Кирсановская церковь сгорѣла въ Шилихинъ пожаръ. Но отчего онъ названъ такъ и давно ли случился? вотъ этого не знаю.

— Изволь, косатикъ! сказалъ старикъ.—Исторія не долга.

Потомъ началъ такъ:

«Шилихинъ пожаръ, сударь мой, случился очень давно, до Пугача лѣтъ за двадцать пять, иль-бо и больше еще. Такъ родителъ мой сказывалъ мнѣ. А пустила этотъ пожаръ одна старуха, по прозванью Шилиха: оттого-то онъ и слыветъ въ народѣ *Шилихинымъ*. И тому, сударь мой, есть причина.... Да ужь разказывать ли тебѣ все-то: ты пожалуй, и не повѣришь?» спросилъ меня старикъ.

— Что ты говоришь? вскричалъ я, — какъ это можно! Пожалуста, говори, говори! Каждое твое слово я готовъ на носу зарубить. Пожалуста, Иванъ Никитичъ, говори, говори!

Старикъ продолжалъ:

«И прежде, и послѣ Шилихина бывали пожары, весь городъ, почитай, превращали въ уголья; вотъ хоть бы къ примѣру сказать, тому лѣтъ полста съ хвостикомъ въ годъ Волконскаго князя (1), ужаснѣющій былъ пожаръ, весь, почитай, городъ сгорѣлъ, а послѣ того годовъ черезъ пятнадцать еще былъ преужаснѣющій пожаръ, тоже весь городъ сгорѣлъ; однако ихъ просто называютъ: «первый большой пожаръ», «второй большой пожаръ», а не называютъ, вѣдь, по имени, отъ кого начались. Ну, а Шилихинъ пожаръ слыветъ такъ не безъ причины.

«Шилиха — не объ ней будь сказано — была отъ всего свѣта злѣющая-презлѣющая колдунья; только, окаянная, въ то и жила, что добрыхъ людей портила. Бывало, ни одна свадьба не пройдетъ безъ того, чтобы Шилиха не испортила молодыхъ иль-бо не сдѣлала какой пакости хозяевамъ, есть когда только хозяева не упросятъ ея, не задарятъ что-ни-лучшими подарками. Такая была скверная, чтобъ ей и въ аду-то не было ни дна, ни покрывки! Занимались, въ старину, этимъ дѣломъ, нечего грѣха таить, и мужчины; но тѣ дѣлали все-таки съ пощадой; есть-когда и «заговарятъ», бывало, однако, черезъ нѣкоторое время, опять «отговарятъ». Мужчина тамъ какой бы ни былъ, а супротивъ женщины все-таки имѣетъ честь и совѣсть. А Шилиха, чтобъ ей и въ аду-то мѣста не было, все дѣлала на смерть. Ужъ отъ природы ли она была такая злѣющая, иль ужъ такой уговоръ у ней былъ съ дьяволомъ, дьяволъ ее знаетъ; только, всѣмъ вѣдомо, не было отъ нея, лиходѣйки, никакой вольготы тѣмъ, кого на своемъ вѣку портила. И мужчины-воржецы побав-

(1) Въ 1807 году.

вались входить съ нею въ споръ: всѣхъ, вишь, была она сильнѣе насчетъ чертовщины. Не стану разказывать тебѣ, косатикъ, о дѣлахъ ея богомерзкихъ: противны они; а разкажу одинъ только случай насчетъ того, какъ Шилиха сильна была нечистою силой. Родитель мнѣ сказывалъ объ этомъ, а онъ слышалъ отъ своего родителя, а его родитель самъ былъ тому свидѣтель.

«Разъ, на одной свадьбѣ, заспорилъ съ Шилихой одинъ знахарь, какой-то забъзжій молодецъ, изъ Стародуби, говорили, тоже по этой части былъ ходокъ, Дѣичемъ звали. Хотѣлъ, видно онъ осмѣять Шилиху, а себя превозвысить, анъ грибъ съѣлъ. Это было еще въ ту пору, когда Шилиха была молода, когда она еще медь-брагу тянула и съ мужескимъ поломъ зналась..... Тогда, въ молодости-то сирѣчь, она была, говорятъ, помягче, на подарки да на мужеской полъ была падка, а настоящей вѣдьмой-то кеевской сдѣлалась уже въ старости. Воронъ ворона видитъ издалека, говоритъ пословица. Скоро они, Дѣичь и Шилиха, снюхались, сдружились. Случилось на ту пору одному именитому козаку свадьбу играть: сына, вишь, женилъ. Вотъ онъ не пожалѣлъ казны и задарилъ Шилиху съ Дѣичемъ что-ни-лучшими подарками, и позвалъ ихъ на свадьбу — Дѣича дружкой, а Шилиху свахой. Хорошо.

«Идетъ чинъ-чиномъ честная пирь-бесѣдушка. Всѣ гости навеселѣ. Подпили и друженька съ свахонькой. Всѣ пьютъ, ѣдятъ, прохлаждаются, и рѣчи межъ себя ведутъ хорошія. Только Шилиха и Дѣичь — чтобъ ихъ одрало — ведутъ рѣчи не хорошія; по ихнему-то, може, и хорошія, да по нашему-то не хорошія, не потребныя: ведутъ они, сударь мой, рѣчи о чертовщинѣ. Говорили, говорили они, да и заспорили. Дѣичь говорить:

«— Не родился еще на свѣтъ тотъ человекъ, чтобы супротивъ меня могъ стоять: Кто бы чтѣ *ни заговорилъ*, я *отговорю*; но коли я чтѣ *заговорю*, никто не *отговоритъ*!

«Шилиху таковая похвальба задѣла, видно, за живое. Вскочила она съ мѣста, и говорить:

«— Чѣмъ намъ, добрый мѣлодецъ, хвастаться да переко-ряться, давай, лучше попробуемъ!

«— Давай! говорить Дѣичь.

«Господи, какъ только слышали таковыя слова, такъ и исполошились всѣ. Тутъ кажній подумалъ, какъ бы на немъ воржецы-то не вздумали содѣять пробу. До кого ни коснись, всякій струсить.

«Шилиха замѣтила, что гости въ тревогу произошли, и говорить:

«— Не бойтесь, гости любезные! Коли я гдѣ сама присутствую, коли я на свадьбѣ сама свахой: я не сдѣлаю никакого лиха. Бойтесь меня заочно.

«Этимъ она, прибавилъ разкащикъ, навѣтки давала, чтобы, вишь, всё ее чтили да подарками ублаговоряли. Хорошо. Гости успокоились. Потребовали Шилиха и Дѣичъ двѣ рѣдьки, очистили ихъ и поставили на столъ, вострымъ концомъ къ верху.

«— Начинай! говоритъ Дѣичъ.

«— Нѣтъ, ты начинай! говоритъ Шилиха. — Ты мужчина, а я женщина; ты же первый похвалился; такъ первый и начинай.

«— Хорошо! говоритъ Дѣичъ: — которая твоя рѣдька? Бери!

«Шилиха взяла одну рѣдьку и подвинула къ себѣ. Дѣичъ взялъ другую рѣдьку и подвинулъ къ себѣ.

«Дѣичъ сталъ что-то про себя шептать, а Шилиха улыбается. Дѣичъ шепчетъ, а рѣдька Шилихина начинаетъ мало-по-малу темнѣть-темнѣть, чернѣть-чернѣть; напоследѣ сдѣлалась, какъ уголь, черна.

«Гости смотрятъ и дивуются.

«Дѣичъ поднялъ голову, и посмотрѣлъ на всѣхъ такъ-то весело-весело. Шилиха въ лицѣ измѣнилась, сдѣлалась сумрачна.

«— Кончилъ? спрашиваетъ Шилиха Дѣича.

«— Кончилъ! говоритъ Дѣичъ и улыбается.

«— Смотри! говоритъ Шилиха, и начинаетъ что-то шептать.

«Шилиха шепчетъ, а рѣдька ея начинаетъ мало-по-малу бурѣть-бурѣть, бѣлѣть-бѣлѣть, — а напоследокъ совсѣмъ побѣлѣла, какъ прежде была.

«Гости смотрятъ, и пуще прежняго дивуются.

«Шилиха подняла голову, и посмотрѣла на всѣхъ такъ-то весело-весело. Дѣичъ въ лицѣ измѣнился, сдѣлался сумраченъ.

«— Что скажешь? спрашиваетъ Шилиха Дѣича, и улыбается.

«— Ничего! говоритъ Дѣичъ. — Теперь ты начинай.

«— Хорошо! говоритъ Шилиха, и начинаетъ шептать.

«Шилиха шепчетъ, а рѣдька Дѣича мало-по-малу начинаетъ темнѣть-темнѣть, чернѣть-чернѣть; напоследѣ сдѣлалась, какъ уголь, черна.

«Гости смотрятъ, и пуще прежняго дивуются.

«— Кончила? спрашиваетъ Дѣичъ Шилиху.

«— Кончила! говоритъ Шилиха и улыбается.

«— Смотри! говоритъ Дѣичъ, и начинаетъ шептать.

«Дѣичъ шепчетъ, а рѣдка его начинаетъ мало-по-малу бурѣть-бурѣть, бѣлѣть-бѣлѣть, — напоследѣ совсѣмъ побѣлѣла, какъ прежде была.

«Дѣичъ поднялъ голову, и посмотрѣлъ на всѣхъ такъ-то весело-весело. Шилиха въ лицѣ измѣнилась, сдѣлалась сумрачна.

«— Что скажешь? спрашиваетъ Дѣичъ Шилиху.

«— Ничего! говоритъ Шилиха. — Разрѣжь свою рѣдку, и посмотри.

«Дѣичъ разрѣзалъ рѣдку и устаурился на Шилиху: середка рѣдки была черна, какъ уголь. Немного погода, Дѣичъ схватилъ Шилихину рѣдку и разрѣзалъ: Шилихина рѣдка была вся бѣла, какъ снаружи, такъ и внутри.

«Дѣичъ сидитъ ни живъ, ни мертвъ; только бурколами на всѣхъ поводитъ.

«Шилиха улыбается и говоритъ Дѣичу:

«— Давя ты сказалъ, а теперъ я скажу: Не родился еще на свѣтъ тотъ человекъ, кто бы могъ супротивъ меня стоять: кто-бы что ни *заговорилъ*, я *отговорю*; но коли я что *заговорю*, никто, во вѣки вѣковъ, не *отговорить*.

«Вотъ она така была дошлая, эта Шилиха, сказалъ Иванъ Нинитичъ. Въ молодости своей, я опять скажу, въ молодости своей она была еще туда-туда, по крайности на подарки, на угощенье, да на молодецкія приманки шла, а подъ старость въ то только и жила, непотребная, чтобы добрымъ людямъ гадить. Напоследѣ насталь часъ, его же никто не преиде.

«Жила Шилиха съ снохой, а сынъ былъ гдѣ-то на службѣ царской. Эта, бѣдная, сноха-то сирѣчь, сколько приняла маяты и назолы, воззясь съ свекровью-колдуньей, только Богу одному извѣстно.

«Двѣ недѣли Шилиха томилась, а не издыхала. Напоследѣ кто-то посовѣтоваль снохѣ, чтобы конекъ у избы поднять...»

— Это зачѣмъ? спросилъ я.

— Какъ зачѣмъ? спросилъ въ свою очередь старикъ. — Безъ этого ни одинъ колдунъ не можетъ умереть, продолжалъ старикъ. — Когда колдунъ умираетъ, въ это время окружаетъ его цѣлый сонмъ чертей; они заграждаютъ дорогу ангелу; а душу изъ тѣла, такъ въ Святомъ Писаніи сказано, — душу изъ тѣла, кака бы тамъ душа ни была, праведная ли, грѣшная ли, все едино, — душу изъ тѣла, окромя Ангела Господня, никакой чертъ не смѣетъ вынуть. Послѣ уже, какъ ангель-то вынетъ душу, черти-то и отобьютъ ее, есть-когда она грѣшная, а коль-

ми паче еретицкая; отобьютъ, подцѣпятъ на багры да и поколябятъ во тьму кромѣшную. Вотъ для этого-то самаго дѣла и поднимають у избы конекъ, чтобы дать ангелу мѣсто пробраться въ избу.

«Сноха такъ и сдѣлала. Дождалась вечера, пошла на подволоку и приподняла немного конекъ у избы, а сама схватила скорехонько ведры да и побѣжала по воду, чтобы, знаешь, не видать, какъ свекровь-то окачурится. Но не дошла еще сноха до Яика, какъ домъ ихъ въ одинъ моментъ загорѣлся со всѣхъ четырехъ угловъ. Ударили въ сполохъ, сбѣжался народъ, а подойти къ дому никто не можетъ: какая-то невидимая сила всѣхъ отталкиваетъ. Народъ въ страхъ и ужасъ смотритъ на пожаръ. Вдругъ изъ трубы вылетаетъ огненный змій въ видѣ бѣса триклятаго, что на Страшномъ Судѣ пишется: съ когтями, съ рогами, съ хвостомъ — какъ быть бѣсу; въ когтяхъ держитъ самоё Шилиху и летитъ съ нею черезъ городъ. А колдунья Шилиха вертится словно березка на огнѣ, да ручищами своими цѣпляется за крыши домовъ; за который домъ уцѣпится, тотъ и загорится; за который уцѣпится, тотъ, сударь мой, и загорится, и загорится. Такимъ манеромъ чертъ пронесся съ Шилихой черезъ весь городъ, и весь городъ загорѣлся.

«За башней, гдѣ теперь зимній базаръ, было озеро, — въ ту пору городъ нашъ былъ маленькій. Въ томъ озерѣ бѣсъ и Шилиха исчезли. А городъ нашъ все-таки сгорѣлъ до тла. Вотъ отчего пожаръ тотъ и названъ *Шилихинымъ*. Случился онъ въ день Св. Благовѣрныхъ Князей Бориса и Глѣба. Съ тѣхъ поръ и дондесъ въ день этотъ служатъ у насъ молебны и ходятъ *вокругъ города*.»

То старина, то и дѣянье:
 Морю Каспію на утѣшенье,
 Быстрому Яику слава до моря,
 Добрымъ людямъ на послушанье,
 Уральскимъ козакамъ на потѣшенье.

І. Желѣзновъ.

СЕМЕЙНОЕ СЧАСТІЕ¹

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

VI.

Дни, недѣли, два мѣсяца уединенной деревенской жизни, прошли незамѣтно, какъ казалось тогда; а между тѣмъ на цѣлую жизнь достало бы чувствъ, волненій и счастія этихъ двухъ мѣсяцевъ. Мои и его мечты о томъ, какъ устроится наша деревенская жизнь, сбылись совершенно не такъ, какъ мы ожидали. Но жизнь наша была не хуже нашихъ мечтаній. Не было этого строгаго труда, исполненія долга самопожертвованія и жизни для другаго, чтò я воображала себѣ, когда была невѣстой; было, напротивъ, одно себялюбивое чувство любви другъ къ другу, желаніе быть любимымъ, безпричинное, постоянное веселье и забвеніе всего на свѣтѣ. Правда, онъ иногда уходилъ заниматься чѣмъ-то въ своемъ кабинетѣ, иногда по дѣламъ ѣздилъ въ городъ и ходилъ по хозяйству; но я видѣла, какого труда ему стоило отрываться

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 7.

отъ меня. И самъ онъ потомъ признавался, какъ все на свѣтѣ, гдѣ меня не было, казалось ему такимъ вздоромъ, что онъ не могъ понять, какъ можно заниматься имъ. Для меня было то же самое. Я читала, занималась и музыкой, и мамашей, и школой; но все это только потому, что каждое изъ этихъ занятій было связано съ нимъ и заслуживало его одобреніе; но какъ только мысль о немъ не примѣшивалась къ какому-нибудь дѣлу, руки опускались у меня, и мнѣ такъ забавно казалось подумать, что есть на свѣтѣ что-нибудь кромѣ его. Можетъ-быть это было нехорошее себялюбивое чувство; но чувство это давало мнѣ счастье и высоко поднимало меня надъ всѣмъ міромъ. Только онъ одинъ существовалъ для меня на свѣтѣ, а его я считала самымъ прекраснымъ, непогрѣшимымъ человѣкомъ въ мірѣ; поэтому я и не могла жить ни для чего другаго, какъ для него, какъ для того, чтобы быть въ его глазахъ тѣмъ, чѣмъ онъ считалъ меня. А онъ считалъ меня первою и прекраснѣйшею женщиною въ мірѣ, одаренною всѣми возможными добродѣтелями; и я старалась быть этою женщиною въ глазахъ перваго и лучшаго человѣка во всемъ мірѣ.

Одинъ разъ онъ вошелъ ко мнѣ въ комнату, въ то время, какъ я молилась Богу. Я оглянулась на него и продолжала молиться. Онъ сѣлъ у стола, чтобы не мѣшать мнѣ, и раскрылъ книгу. Но мнѣ показалось, что онъ смотритъ на меня, и я оглянулась. Онъ улыбнулся, я размѣялась, и не могла молиться.

— А ты молился уже? спросила я.

— Да. Да ты продолжай, я уйду.

— Да ты молишься, надѣюсь?

Онъ, не отвѣчая, хотѣлъ уйдти; но я остановила его. «Душа моя, пожалуйста, для меня, прочти со мною молитвы.» Онъ сталъ рядомъ со мною, и, неловко опустивъ руки, съ серьезнымъ лицомъ, запинаясь, сталъ читать. Изрѣдка онъ оборачивался ко мнѣ, искалъ одобренія и помощи на моемъ лицѣ.

Когда онъ кончилъ, я засмѣялась и обняла его.

— Все ты, все ты! Точно мнѣ опять десять лѣтъ становится, сказалъ онъ краснѣя и цѣлуя мои руки.

Нашъ домъ былъ одинъ изъ старыхъ деревенскихъ домовъ, въ которыхъ, уважая и любя одно другое, прожило нѣсколько родственныхъ поколѣній. Ото всего пахло хорошими честными семейными воспоминаніями, которые вдругъ, какъ только я вошла въ этотъ домъ, сдѣлались какъ будто и моими воспоминаніями. Убранство и порядокъ дома велись Татьяною Семеновною по

старинному. Нельзя сказать, чтобы все было изящно и красиво; но отъ прислуги до мебели и кушаньевъ всего было много, все было опрятно, прочно, акуратно и внушало уваженіе. Въ гостиной симметрично стояла мебель, висѣли портреты, и на полу разстилались домашніе ковры и полосухи. Въ диванной находились старый рояль, шифоньерки двухъ различныхъ фасонъ, диваны и столики съ латунью и инкрустаціями. Въ моемъ кабинетѣ, убранномъ стараніемъ Татьяны Семеновны, стояла самая лучшая мебель различныхъ вѣковъ и фасонъ, и между прочимъ старое трюмо, на которое я сначала никакъ не могла смотрѣть безъ застѣнчивости, но которое въ послѣдствіи, какъ старый другъ, сдѣлалось мнѣ дорого. Татьяны Семеновны не слышно было, но все въ домѣ шло какъ заведенные часы, хотя людей было много лишннихъ. Но всѣ эти люди, носившіе мягкіе безъ каблуковъ сапоги (Татьяна Семеновна считала скрипъ подошвъ и топотъ каблуковъ самую непріятною вещью на свѣтѣ), всѣ эти люди казались горды своимъ званіемъ, трепетали передъ старою барыней, на насъ съ мужемъ смотрѣли съ покровительственною лаской, и, казалось, съ особеннымъ удовольствіемъ дѣлали свое дѣло. Каждую субботу регулярно въ домѣ мылись полы и выбивались ковры, каждое первое число служились молебны съ водосвятиемъ, каждое тезоименитство Татьяны Семеновны, ея сына (и мое—въ первый разъ въ эту осень) задавались пиры на весь околотокъ. И все это неизмѣнно дѣлалось еще съ тѣхъ поръ, какъ помнила себя Татьяна Семеновна. Мужъ не вмѣшивался въ домоводство и только занимался полевымъ хозяйствомъ и крестьянами, и занимался много. Онъ вставалъ даже и зимою очень рано, такъ что, проснувшись, я уже не заставала его. Онъ возвращался обыкновенно къ чаю, который мы пили одни, и почти всегда въ эту пору послѣ хлопотъ и непріятностей по хозяйству, находилась въ томъ особенномъ веселомъ расположеніи духа, которое мы называли *дикимъ восторгомъ*. Часто я требовала, чтобы онъ разказалъ мнѣ что дѣлалъ утромъ, и онъ разказывалъ мнѣ такіе вздоры, что мы помирали со смѣху; иногда я требовала серіознаго разказа, и онъ, удерживая улыбку, разказывалъ. Я глядѣла на его глаза, на его движущіяся губы, и ничего не понимала, только радовалась, что вижу его и слышу его голосъ.

«Ну что же я скажаль?» повтори, спрашивалъ онъ. Но я ничего не могла повторить. Такъ смѣшно было, что *онъ мнѣ*

разказываетъ не про себя и про меня, а про что-то другое. Точно не все равно, что бы тамъ ни дѣлалось. Только гораздо послѣ, я стала немного понимать и интересоваться его заботами. Татьяна Семеновна не выходила до обѣда, пила чай одна, и только черезъ пословъ здорововалась съ нами. Въ нашемъ особомъ, сумазбродно счастливомъ міркѣ, такъ странно звучаль голосъ изъ ея другаго степеннаго порядочнаго уголка, что часто я не выдерживала и только хохотала въ отвѣтъ горничной, которая, сложивъ руку на руку, мѣрно докладывала, что Татьяна Семеновна приказали узнать, какъ почивали послѣ вчерашняго гулянья, а про себя приказали доложить, что у нихъ всю ночь бочекъ болѣлъ, и глупая собака на деревнѣ лаяла, мѣшала поживать. «А еще приказали спросить, какъ понравилось нынѣшнее печенье, и просили замѣтить, что не Тарасъ нынче пекъ, а для пробы, въ первый разъ, Николаша, и очень дескать недурно, крендельки особенно, а сухари пережарилъ.» До обѣда мы были мало вмѣстѣ. Я играла, читала одна, онъ писалъ, уходилъ еще; но къ обѣду, въ четыре часа, мы сходились въ гостиной, мамаша выплывала изъ своей комнаты, и являлись бѣдныя дворянки, странницы, которыхъ всегда человекъ два-три жило въ домѣ. Регулярно каждый день мужъ, по старой привычкѣ, подаваль къ обѣду руку матери; но она требовала, чтобъ онъ подаваль мнѣ другую, и регулярно каждый день мы тѣснились и путались въ дверяхъ. За обѣдомъ предсѣдательствовала матушка же, и разговоръ велся лично-разсудительный и нѣсколько торжественный. Наши простые слова съ мужемъ пріятно разрушали торжественность этихъ обѣденныхъ засѣданій. Между сыномъ и матерью иногда завязывались споры и насмѣшки другъ надъ другомъ; я особенно любила эти споры и насмѣшки, потому что въ нихъ-то сильнѣе всего выражалась нѣжная и твердая любовь, которая связывала ихъ. Послѣ обѣда, татап садилась въ гостиную на большое кресло и растирала табакъ, или разрѣзывала листы новополученныхъ книгъ, а мы читали вслухъ или уходили въ диванную къ клавибордамъ. Мы много вмѣстѣ читали это время, но музыка была нашимъ любимѣйшимъ и лучшимъ наслажденіемъ, всякій разъ вызывая новыя струны въ нашихъ сердцахъ и какъ будто снова открывая намъ другъ друга. Когда я играла его любимыя вещи, онъ садился на дальній диванъ, гдѣ мнѣ почти не видно было его, и изъ стыдливости чувства, старался скрывать впечатлѣніе, которое производила на него музыка; но часто, когда онъ не жи-

даль этого, я вставала отъ фортепіанъ, подходила къ нему и старалась застать на его лицѣ слѣды волненія, неестественный блескъ и влажность въ глазахъ, которые онъ напрасно старался скрыть отъ меня. Мамашъ часто хотѣлось посмотрѣть на насъ въ диванной, но вѣрно она боялась стѣснить насъ, и иногда, будто не глядя на насъ, она проходила черезъ диванную съ мнимо-серіознымъ и равнодушнымъ лицомъ; но я знала, что ей не зачѣмъ было ходить къ себѣ и такъ скоро возвращаться. Вечерній чай разливала я въ большой гостиной, и опять всѣ домашніе собирались къ столу. Это торжественное засѣданіе при зеркалѣ самовара, и раздача стакановъ и чашекъ, долгое время смущали меня. Мнѣ все казалось, что я недостойна еще этой чести, слишкомъ молода и легкомысленна, чтобы повертывать грань такого большого самовара, чтобы ставить стаканъ на подносъ Никитѣ и приговаривать: «Петру Ивановичу, Марьѣ Миничнѣ, спрашивать сладко ли?» и оставлять куски сахара нянѣ и заслуженнымъ людямъ.—«Славно, славно, часто приговаривать мужъ,—точно большая,» и это еще больше смущало меня.

Послѣ чая мама раскладывала пасьянсъ или слушала гаданье Марьи Миничны; потомъ цѣловала и крестила насъ обоихъ, и мы уходили къ себѣ. Большею частію, однако, мы просиживали вдвоемъ за полночь, и это было самое лучшее и пріятное время. Онъ разказывалъ мнѣ про свое прошедшее, мы дѣлали планы, философствовали иногда и старались говорить все потихоньку, чтобы насъ не услышали на вѣрху, и не донесли бы Татьянѣ Семеновнѣ, которая требовала, чтобы мы ложились рано. Иногда мы, проголодавшись, потихоньку шли въ буфетъ, доставали холодный ужинъ черезъ протекцію Никиты и съѣдали его при одной свѣчѣ въ моемъ кабинетѣ. Мы жили съ нимъ точно чужіе въ этомъ большомъ старомъ домѣ, въ которомъ надъ всѣмъ стоялъ строгій духъ старины и Татьяны Семеновны. Не только она, но люди, старыя дѣвушки, мебель, картины внушали мнѣ уваженіе, нѣкоторый страхъ и сознаніе того, что мы съ нимъ здѣсь немножко не на своемъ мѣстѣ, и что намъ надо жить здѣсь очень осторожно и внимательно. Какъ я вспоминаю теперь, то вижу, что многое—и этотъ связывающій неизмѣнный порядокъ, и эта бездна праздныхъ и любопытныхъ людей въ нашемъ домѣ,—было неудобно и тяжело; но тогда самая эта стѣсненность еще болѣе оживляла нашу любовь. Не только я, но и онъ не показывалъ вида, что ему что-нибудь не нравится. Напротивъ, онъ даже какъ будто прятался самъ отъ того, что было дурно.

Маменькинъ лакей Дмитрій Сидоровъ, большой охотникъ до трубки, регулярно каждый день послѣ объѣда, когда мы бывали въ диванной, ходилъ въ мужнинъ кабинетъ брать его табакъ изъ ящика; и надо было видѣть, съ какимъ веселымъ страхомъ Сергѣй Михайлычъ на цыпочкахъ подходилъ ко мнѣ, и, грозя пальцемъ и подмигивая, показывалъ на Дмитрія Сидоровича, который никакъ не предполагалъ, что его видятъ. И когда Дмитрій Сидоровъ уходилъ, не замѣтивъ насъ; отъ радости, что все кончилось благополучно, какъ и при всякомъ другомъ случаѣ, мужъ говорилъ, что я прелесть, и цѣловалъ меня. Иногда это спокойствіе, всепрощеніе и какъ будто равнодушіе ко всему не нравилось мнѣ, я не замѣчала того, что во мнѣ было то же самое, и считала это слабостью. «Точно ребенокъ, который не смѣетъ показать свою волю!» думала я.

— Ахъ мой другъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, когда я разъ сказала ему, что меня удивляетъ его слабость, — развѣ можно быть чѣмъ-нибудь недовольну, когда такъ счастливъ, какъ я? Легче самому уступать, чѣмъ гнуть другихъ, въ этомъ я давно убѣдился; и нѣтъ того положенія, въ которомъ бы нельзя было быть счастливымъ. А намъ такъ хорошо! Я не могу сердиться; для меня теперь нѣтъ дурнаго, есть только жалкое и забавное. А главное — *le mieux est l'ennemi du bien*. Повѣришь ли, когда я слышу колокольчикъ, письмо получаю, просто когда проснусь, мнѣ страшно становится. Страшно, что жить надо, что измѣнится что-нибудь; а лучше теперешняго быть не можетъ.

Я вѣрила, но не понимала его. Мнѣ было хорошо, но казалось, что все это такъ, а не иначе должно быть и всегда со всѣми бываетъ, а что есть тамъ, гдѣ-то, еще другое, хотя не большее, но другое счастье.

Такъ прошло два мѣсяца, пришла зима съ своими холодами и метелями, и я, несмотря на то, что онъ былъ со мной, начинала чувствовать себя одинокою, начинала чувствовать, что жизнь повторяется, а нѣтъ ни во мнѣ, ни въ немъ ничего новаго, а что напротивъ мы какъ будто возвращаемся къ старому. Онъ началъ заниматься дѣлами безъ меня больше чѣмъ прежде, и опять мнѣ стало казаться, что есть у него въ душѣ какой-то особый міръ, въ который онъ не хочетъ впускать меня. Его всегдашнее спокойствіе раздражало меня. Я любила его не меньше чѣмъ прежде, и не меньше чѣмъ прежде была счастлива его любовью; но любовь моя остано-

лась и не росла больше, а кромѣ любви, какое-то новое безпокойное чувство начинало закрадываться въ мою душу. Мнѣ мало было любить послѣ того, какъ я испытала счастье по-любить его. Мнѣ хотѣлось движенія, а не спокойнаго теченія жизни. Мнѣ хотѣлось волненій, опасностей и самопожертвованія для чувства. Во мнѣ былъ избытокъ силы, не находившій мѣста въ нашей тихой жизни. На меня находили порывы тоски, которую я, какъ что-то дурное, старалась скрывать отъ него, и порывы неистойвнн нѣжности и веселости, пугавшіе его. Онъ еще прежде меня замѣтилъ мое состояніе и предложилъ ѣхать въ городъ; но я просила его не ѣздить и не измѣнять нашего образа жизни, не нарушать нашего счастья. И точно, я была счастлива; но меня мучило то, что счастье это не стоило мнѣ никакого труда, никакой жертвы, когда силы труда и жертвы томили меня. Я любила его и видѣла, что я все для него; но мнѣ хотѣлось, чтобы видѣли всѣ нашу любовь, чтобы мѣшали мнѣ любить, и я все-таки любила бы его. Мой умъ и даже чувство были заняты, но было другое чувство молодости, потребности движенія, не находившее удовлетворенія въ нашей тихой жизни. Зачѣмъ онъ мнѣ сказалъ, что мы можемъ ѣхать въ городъ, когда только я захочу этого? Не скажи онъ мнѣ этого, можетъ-быть я поняла бы, что томившее меня чувство есть вредный вздоръ, вина моя, что та жертва, которую я искала, была тутъ передо мной, въ подавленіи этого чувства. Мысль, что я могу спастись отъ тоски, только переѣхавъ въ городъ, невольнн приходила мнѣ въ голову; и вмѣстѣ съ тѣмъ, оторвать его отъ всего, что онъ любилъ, для себя, мнѣ было совѣстно и жалко. А время уходило, снѣгъ заносилъ больше и больше стѣны дома, и мы все были одни и одни, и все тѣ же были мы другъ передъ другомъ; а тамъ, гдѣ-то въ блескѣ, въ шумѣ волновались, страдали и радовались толпы людей, не думая о насъ и о нашемъ уходившемъ существованіи. Хуже всего для меня было то, что я чувствовала, какъ, съ каждымъ днемъ, привычки жизни заковывали нашу жизнь въ одну опредѣленную форму, какъ чувство наше становилось несвободно, а подчинялось ровному, безстрастному теченію времени. Утромъ мы бывали веселы, въ обѣдъ почтительны, вечеромъ нѣжны. Добро!.. говорила я себѣ, это хорошо дѣлать добро и жить честно, какъ онъ говорить; но это мы успѣемъ еще, а есть что-то, на что у меня только теперь есть силы. Мнѣ не того нужно было, мнѣ нужна была

борьба; мнѣ нужно было, чтобы чувство руководило нами въ жизни, а не жизнь руководила чувствомъ. Мнѣ хотѣлось подойти съ нимъ вмѣстѣ къ пропасти и сказать: вотъ шагъ, я брошусь туда, вотъ движеніе, и я погибла,—и чтобъ онъ, блѣднѣя на краю пропасти, взялъ меня въ свои сильныя руки, подержалъ бы надъ ней, такъ что у меня бы въ сердцѣ захолоуло, и унесъ бы куда захочетъ.

Это состояніе подѣйствовало даже на мое здоровье, и нервы начинали у меня разстраиваться. Одно утро мнѣ было хуже обыкновеннаго; онъ вернулся изъ конторы не въ духѣ, чтò рѣдко бывало съ нимъ. Я тотчасъ замѣтила это и спросила, чтò съ нимъ? но онъ не хотѣлъ сказать мнѣ, говоря, что не стѣбитъ того. Какъ я послѣ узнала, исправникъ призывалъ нашихъ мужиковъ и, по нерасположенію къ мужу, требовалъ отъ нихъ незаконнаго и угрожалъ имъ. Мужъ не могъ еще переварить всего этого такъ, чтобы все было только смѣшно и жалко, былъ раздраженъ, и оттого не хотѣлъ говорить со мною. Но мнѣ показалось, что онъ не хотѣлъ говорить со мною оттого, что считалъ меня ребенкомъ, который не можетъ понять того, чтò его занимаетъ. Я отвернулась отъ него, замолчала и велѣла попросить къ чаю Марью Миничну, которая гостила у насъ. Послѣ чаю, который я кончила особенно скоро, я увела Марью Миничну въ диванную и стала громко говорить съ нею о какомъ-то вздорѣ, который для меня былъ вовсе незанимателенъ. Онъ ходилъ по комнатѣ, изрѣдка взглядывая на насъ. Эти взгляды почему-то теперь такъ дѣйствовали на меня, что мнѣ все больше и больше хотѣлось говорить и даже смѣяться; мнѣ казалось смѣшно все, чтò я сама говорила, и все, чтò говорила Марья Минична. Ничего не сказавъ мнѣ, онъ ушелъ совсѣмъ въ свой кабинетъ, и затворилъ за собою дверь. Какъ только его не слышно стало, вся моя веселость вдругъ исчезла, такъ что Марья Минична удивилась и стала спрашивать, чтò со мною? Я, не отвѣчая ей, сѣла на диванъ, и мнѣ захотѣлось плакать. И что онъ это передумываетъ? думала я. Какой-нибудь вздоръ, который ему кажется важень, а попробуй сказать мнѣ, я покажу ему, что все пустяки. Нѣтъ, ему нужно думать, что я не пойму, нужно унижать меня своимъ величавымъ спокойствіемъ, и всегда быть правымъ со мною. За то и я права, когда мнѣ скучно, пусто, когда я хочу жить, двигаться, думала я, а не стоять на одномъ мѣстѣ и чувствовать, какъ время идетъ черезъ меня. Я хочу идти впередъ, и съ

каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, хочу новаго, а онъ хочетъ остановиться и меня остановить съ собой. А какъ бы ему легко было! Для этого не нужно ему везти меня въ городъ, для этого нужно только быть такимъ какъ я, не ломать себя, не удерживаться, а жить просто. Это самое онъ совѣтуетъ мнѣ, а самъ онъ не просто. Вотъ что!

Я чувствовала, что слезы подступаютъ мнѣ къ сердцу, и что я раздражена на него. Я испугалась этого раздраженія и пошла къ нему. Онъ сидѣлъ въ кабинетѣ и писалъ. Услышавъ мои шаги, онъ оглянулся на мгновеніе равнодушно, спокойно, и продолжалъ писать. Этотъ взглядъ мнѣ не понравился; вмѣсто того, чтобы подойти къ нему, я стала къ столу, у котораго онъ писалъ, и раскрывъ книгу, стала смотрѣть въ нее. Онъ еще разъ оторвался и поглядѣлъ на меня.

— Маша! ты не въ духѣ? сказалъ онъ.

Я отвѣтила холоднымъ взглядомъ, который говорилъ: «нечего спрашивать! что за любезности?» Онъ покачалъ головой и робко, нѣжно улыбнулся, но въ первый разъ еще моя улыбка не отвѣтила на его улыбку.

— Что у тебя было нынче? спросила я: — отчего ты не сказалъ мнѣ?

— Пустяки! маленькая непріятность, отвѣчалъ онъ.—Однако теперь я могу разказать тебѣ. Два мужика отправились въ городъ...

Но я не дала ему досказать.

— Отчего ты не разказалъ мнѣ тогда еще, когда за чаемъ я спрашивала?

— Я бы тебѣ сказалъ глупость, я былъ сердитъ тогда.

— Тогда-то мнѣ и нужно было.

— Зачѣмъ?

— Отчего ты думаешь, что я никогда ни въ чемъ не могу помочь тебѣ?

— Какъ думаю? сказалъ онъ, бросая перо.—Я думаю, что безъ тебя я жить не могу. Во всемъ, во всемъ, не только ты мнѣ помогаешь, но ты все дѣлаешь. Вотъ хватилась! засмѣялся онъ. — Тобой я живу только. Мнѣ кажется все хорошо только оттого, что ты тутъ, что тебя надо...

— Да, это я знаю, я милый ребенокъ, котораго надо успокоивать, сказала я такимъ тономъ, что онъ удивленно, какъ будто въ первый разъ что увидѣлъ, посмотрѣлъ на меня.—Я не

хочу спокойствія, довольно его въ тебѣ, очень довольно, прибавила я.

— Ну, вотъ видишь ли въ чемъ дѣло, началъ онъ торопливо, перебивая меня, видимо боясь дать мнѣ все выговорить:—какъ бы ты разсудила его?

— Теперь не хочу, отвѣчала я. Хотя мнѣ и хотѣлось слушать его, но мнѣ такъ пріятно было разрушить его спокойствіе.— Я не хочу играть въ жизнь, я хочу жить, сказала я,—также какъ и ты.

На лицѣ его, на которомъ все такъ быстро и живо отражалось, выразилась боль и усиленное вниманіе.

— Я хочу жить съ тобой ровно, съ тобой...

Но я не могла договорить: такая грусть, глубокая грусть выразилась на его лицѣ. Онъ помолчалъ немного.

— Да чѣмъ же не ровно ты живешь со мной? сказалъ онъ:— тѣмъ что я, а не ты, вожусь съ исправникомъ и пьяными мужиками...

— Да не въ одномъ этомъ, сказала я.

— Ради Бога пойми меня, мой другъ, продолжалъ онъ, — я знаю, что отъ тревогъ намъ бываетъ всегда больно, я жилъ и узналъ это. Я тебя люблю, и слѣдовательно не могу не желать избавить тебя отъ тревогъ. Въ этомъ моя жизнь, въ любви къ тебѣ: стадо-быть и мнѣ не мѣшай жить.

— Ты всегда правъ! сказала я, не глядя на него.

Мнѣ было досадно, что опять у него въ душѣ все ясно и покойно, когда во мнѣ была досада и чувство, похожее на раскаяніе.

— Маша! Чтѣ съ тобой? сказалъ онъ.—Рѣчь не о томъ, я ли правъ или ты права, а совсѣмъ о другомъ: чтѣ у тебя противъ меня? Не вдругъ говори, подумай, и скажи мнѣ все, чтѣ ты думаешь. Ты недовольна мной, и ты вѣрно права, но дай мнѣ понять, въ чемъ я виноватъ.

Но какъ я могла сказать ему мою душу? То, что онъ такъ сразу понялъ меня, что опять я была ребенокъ передъ нимъ, что ничего я не могла сдѣлать, чего бы онъ не понималъ и ея предвидѣлъ, еще больше взволновало меня.

— Ничего я не имѣю противъ тебя, сказала я.—Просто мнѣ скучно и хочется, чтобы не было скучно: Но ты говоришь, что такъ надо, и опять ты правъ!

Я сказала это и взглянула на него. Я достигла своей цѣли, спокойствіе его исчезло, испугъ и боль были на его лицѣ.

— Маша, заговорилъ онъ тихимъ, взволнованнымъ голосомъ.—Это не шутки то, что мы дѣлаемъ теперь. Теперь рѣшается наша судьба. Я прошу тебя ничего не отвѣчать мнѣ и выслушать. За что ты хочешь мучить меня?

Но я перебила его.

— Я знаю, ты будешь правъ. Не говори лучше, ты правъ, сказала я холодно, какъ будто не я, а какой-то злой духъ говорилъ во мнѣ.

— Еслибы ты знала, что ты дѣлаешь! сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ.

Я заплакала, и мнѣ стало легче. Онъ сидѣлъ подлѣ меня и молчалъ. Мнѣ было и жалко его, и совѣстно за себя, и досадно за то, что я сдѣлала. Я не глядѣла на него. Мнѣ казалось, что онъ долженъ или строго, или недоумѣвающе смотрѣть на меня въ эту минуту. Я оглянулась: кроткій, нѣжный взглядъ, какъ бы просящій прощенія, былъ устремленъ на меня. Я взяла его за руку и сказала:

— Прости меня! Я сама не знаю, что я говорила.

— Да; но я знаю, что ты говорила, и ты правду говорила.

— Что? спросила я.

— Что намъ надо въ Петербургъ ѣхать, сказалъ онъ.—Намъ тутъ теперь дѣлать нечего.

— Какъ хочешь, сказала я.

Онъ обнялъ меня и поцѣловалъ.

— Ты прости меня, сказалъ онъ.—Я виноватъ передъ тобою.

Въ этотъ вечеръ я долго играла ему, а онъ ходилъ по комнатѣ и шепталъ что-то. Онъ имѣлъ привычку шептать, и я часто спрашивала у него, что онъ шепчетъ, и онъ, всегда подумавъ, отвѣчалъ мнѣ именно то, что онъ шепталъ: большею частію стихи и иногда ужасный вздоръ, но такой вздоръ, по которому я знала настроеніе его души.

— Что ты нынче шепчешь? спросила я.

Онъ остановился, подумалъ, и улыбнувшись отвѣчалъ два стиха Лермонтова:

..... А онъ безумный просить бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой!

«Нѣтъ, онъ больше чѣмъ человѣкъ; онъ все знаетъ! подумала я; какъ не любить его!»

Я встала, взяла его за руку и вмѣстѣ съ нимъ начала ходить, стараясь попадать ногу въ ногу.

— Да? спросилъ онъ улыбаясь, глядя на меня.

— Да, сказала я шопотомъ; и какое-то веселое расположеніе духа охватило насъ обоихъ, глаза наши смѣялись, и мы шаги дѣлали все больше и больше, и все больше и больше становились нацыпочки. И тѣмъ же шагомъ, къ великому негодованію Григорія и удивленію мамыши, которая раскладывала пасьянсъ въ гостиной, отправились черезъ всѣ комнаты въ столовую, а тамъ остановились, посмотрѣли другъ на друга, и расхохотались.

Черезъ двѣ недѣли, передъ праздникомъ, мы были въ Петербургѣ.

VII.

Наша поѣздка въ Петербургъ, недѣля въ Москвѣ, его, мои родные, устройство на новой квартирѣ, дорога, новые города, лица, все это прошло какъ сонъ. Все это было такъ разнообразно, ново, весело, все это такъ тепло и ярко освѣщено было его присутствіемъ, его любовью, что тихое деревенское житье показалось мнѣ чѣмъ-то давнишнимъ и ничтожнымъ. Къ великому удивленію моему, вмѣсто свѣтской гордости и холодности, которую я ожидала найти въ людяхъ, всѣ встрѣчали меня такъ неподдѣльно-ласково и радостно (не только родные, но и незнакомые), что, казалось, они всѣ только обо мнѣ и думали, только меня ожидали, чтобъ имъ самимъ было хорошо. Тоже неожиданно для меня, и въ кругу свѣтскомъ и казавшемся мнѣ самымъ лучшимъ; у мужа открылось много знакомыхъ, о которыхъ онъ никогда не говорилъ мнѣ; и часто мнѣ странно и неприятно было слышать отъ него строгія сужденія о нѣкоторыхъ изъ этихъ людей, казавшихся мнѣ такими добрыми. Я не могла понять, зачѣмъ онъ такъ сухо обращался съ ними и старался избѣгать многихъ знакомствъ, казавшихся мнѣ лестными. Мнѣ казалось, чѣмъ больше знаешь добрыхъ людей тѣмъ лучше, а всѣ были добрые.

— Вотъ видишь ли, какъ мы устроимся, говорилъ онъ передъ отъѣздомъ изъ деревни:—мы здѣсь маленькіе Крезы, а тамъ мы будемъ очень не богаты, а потому намъ надо жить въ городѣ только до Святой, и не ѣздить въ свѣтъ, иначе запутаемся; да и для тебя я не хотѣлъ бы....

— Зачѣмъ свѣтъ? отвѣчала я:—только посмотримъ театры,

родныхъ, послушаемъ оперу и хорошую музыку, и еще раньше Святой вернемся въ деревню.

Но какъ только мы пріѣхали въ Петербургъ, планы эти были забыты. Я очутилась вдругъ въ такомъ новомъ счастливомъ мірѣ, такъ много радостей охватило меня, такіе новые интересы явились передо мной, что я сразу, хотя и безсознательно, отреклась отъ всего своего прошедшаго и всѣхъ плановъ этого прошедшаго. «То было все такъ, шутки; еще не начиналось; а вотъ она настоящая жизнь! Да еще что будетъ?» думала я. Безпокойство и начало тоски, тревожившія меня въ деревнѣ, вдругъ, какъ волшебствомъ, совершенно исчезли. Любовь къ мужу сдѣлалась спокойнѣе, и мнѣ здѣсь никогда не приходила мысль о томъ, не меньше ли онъ любить меня? Да я и не могла сомнѣваться въ его любви, всякая моя мысль была тотчасъ понята, чувство разделено, желаніе исполнено имъ. Спокойствіе его исчезло здѣсь, или не раздражало меня болѣе. Притомъ, я чувствовала, что онъ, кромѣ своей прежней любви ко мнѣ, здѣсь еще и любитъ меня. Часто послѣ визита, новаго знакомства, или вечера у насъ, гдѣ я, внутренне дрожа отъ страха ошибиться, исполняла должность хозяйки дома, онъ говаривалъ: «Ай да дѣвочка! славно! не робѣй. Право хорошо!» И я бывала очень рада. Скоро послѣ нашего пріѣзда онъ писалъ письмо къ матери, и когда позвалъ меня приписать отъ себя, то не хотѣлъ дать прочесть, что написано было; вслѣдствіе чего я разумѣется, потребовала и прочла. «Вы не узнаете Маши, писалъ онъ, и я самъ не узнаю ея. Откуда берется эта милая, граціозная самоувѣренность, *афабельность*, даже свѣтскій умъ и любезность. И все это просто, мило, добродушно. Всѣ отъ нея въ восторгѣ, да я и самъ не налюбуюсь на нее, и ежели бы можно было полюбить бы еще больше.

«А! такъ вотъ я какая!» подумала я. И такъ мнѣ весело и хорошо стало, показалось даже, что я еще больше люблю его. Мой успѣхъ у всѣхъ нашихъ знакомыхъ былъ совершенно неожиданный для меня. Со всѣхъ сторонъ мнѣ говорили, что я тамъ особенно понравилась дядюшкѣ, тутъ тетушка безъ ума отъ меня, тотъ говоритъ мнѣ, что мнѣ нѣтъ подобныхъ женщинъ въ Петербургѣ, та увѣряетъ меня, что мнѣ стоитъ захотѣть, чтобы быть самою *изысканною* женщиной общества. Особенно кузина мужа, княгиня Д., немолодая свѣтская женщина, внезапно влюбившаяся въ меня, болѣе всѣхъ говорила мнѣ лестныя вещи, кружившія мнѣ голову. Когда въ первый

разъ кузина пригласила меня ѣхать ни балъ и просила объ этомъ мужа, онъ обратился ко мнѣ и, чуть замѣтно, хитро улыбаясь, спросилъ: хочю ли я ѣхать? Я кивнула головою въ знакъ согласія, и почувствовала, что покраснѣла.

— Точно преступница признается, чего ей хочется, сказалъ онъ, добродушно смѣясь.

— Да вѣдь ты говорилъ, что намъ нельзя ѣздить въ свѣтъ, да и ты не любишь, отвѣчала я, улыбаясь и умоляющимъ взглядомъ глядя на него.

— Ежели очень хочется, то поѣдемъ, сказалъ онъ.

— Право, лучше не надо.

— Хочется? очень? снова спросилъ онъ.

Я не отвѣчала.

— Свѣтъ еще не большое горе, продолжалъ онъ,—а свѣтскія неосуществленныя желанія, это и дурно и не красиво. Непремѣнно надо ѣхать, и поѣдемъ, рѣшительно заключилъ онъ.

— Правду тебѣ сказать, сказала я,—мнѣ ничего въ мирѣ такъ не хотѣлось, какъ этого бала.

Мы поѣхали, и удовольствіе, испытанное мною, превзошло всѣ мои ожиданія. На балѣ еще больше, чѣмъ прежде, мнѣ казалось, что я центръ, около котораго все движется, что для меня только освѣщена эта большая зала, играетъ музыка, и собралась эта толпа людей, восхищающихся мною. Всѣ, начиная отъ парикмахера и горничной и до танцоровъ и стариковъ, проходившихъ черезъ залу, казалось, говорили мнѣ, или давали чувствовать, что они любятъ меня. Общее сужденіе, составившееся обо мнѣ на этомъ балѣ и переданное мнѣ кузиной, состояло въ томъ, что я совсѣмъ не похожа на другихъ женщинъ, что во мнѣ есть что-то особенное, деревенское, простое и предельное. Этотъ успѣхъ такъ польстилъ мнѣ, что я откровенно сказала мужу, какъ бы я желала въ нынѣшнемъ году сѣздить еще на два, на три бала, «и съ тѣмъ чтобы хорошенько насытиться ими,» прибавила я, покрививъ душою.

Муж охотно согласился, и первое время ѣздилъ со мною съ видимымъ удовольствіемъ, радуясь моимъ успѣхамъ, и казалось, совершенно забывъ, или отрекшись отъ того, чтó говорилъ прежде.

Въ послѣдствіи онъ видимо сталъ скучать и тяготиться жизнью, которую мы вели. Но мнѣ было не до того, ежели я и замѣчала иногда его внимательно-серіозный взглядъ, вопросительно устремленный на меня, я не понимала его значенія. Я такъ была отуманена

этой, внезапно возбужденною, какъ мнѣ казалось, любовью ко мнѣ во всѣхъ постороннихъ, этимъ воздухомъ изящества, удовольствій и новизны, которымъ я дышала здѣсь въ первый разъ, такъ вдругъ исчезло здѣсь его, подавлявшее меня, моральное вліяніе, такъ пріятно мнѣ было въ этомъ мірѣ, не только сравняться съ нимъ, но стать выше его, и за то любить его еще больше и самостоятельнѣе чѣмъ прежде, что я не могла понять, что непріятнаго онъ могъ видѣть для меня въ свѣтской жизни. Я испытывала новое для себя чувство гордости и самодовольства, когда, входя на балъ, всѣ глаза обращались на меня, а онъ, какъ будто совѣстясь признаваться передъ толпою въ обладаніи мною, спѣшилъ оставить меня и терялся въ черной толпѣ фраковъ. «Постой! часто думала я, отыскивая глазами въ концѣ залы его незамѣченную, иногда скучающую фигуру, стой! думала я, пріѣдемъ домой, и ты поймешь и увидишь, для кого я старалась быть хороша и блестяща, и что я люблю изъ всего того, что окружаетъ меня нынѣшній вечеръ.» Мнѣ самой искренно казалось, что успѣхи мои радовали меня только для него, только для того, чтобы быть въ состояніи жертвовать ему ими. Одно, чѣмъ могла быть вредна для меня свѣтская жизнь, думала я, была возможность увлеченія однимъ изъ людей, встрѣчаемыхъ мною въ свѣтѣ, и ревность моего мужа; но онъ такъ вѣрилъ въ меня, казался такъ спокоенъ и равнодушенъ, и всѣ эти молодые люди казались мнѣ такъ ничтожны въ сравненіи съ нимъ, что единственная, по моимъ понятіямъ, опасность свѣта не казалась страшна мнѣ. Но несмотря на то, вниманіе многихъ людей въ свѣтѣ доставляло мнѣ удовольствіе, льстило самолюбію, заставляло думать, что есть нѣкоторая заслуга въ моей любви къ мужу, и дѣлало мое обращеніе съ нимъ самоувѣреннѣе и какъ будто небрежнѣе.

— А я видѣла, какъ ты что-то очень оживленно разговаривалъ съ Н. Н., однажды возвращаясь съ бала, сказала я, грозя ему пальцемъ и называя одну изъ извѣстныхъ дамъ Петербурга, съ которою онъ дѣйствительно говорилъ въ этотъ вечеръ. Я сказала это, чтобы расшевелить его; онъ былъ особенно молчаливъ и скученъ.

— Ахъ, зачѣмъ такъ говорить? И говоришь ты, Маша! пропустилъ онъ сквозь зубы и морщась, какъ будто отъ физической боли. — Какъ это нейдетъ тебѣ и мнѣ! Оставь это другимъ; эти ложныя отношенія могутъ испортить наши настоящія, а я еще надѣюсь, что настоящія вернутся.

Мнѣ стало стыдно, и я замолчала.

— Вернутся, Маша? Какъ тебѣ кажется? спросилъ онъ.

— Они никогда не портились и не испортиются, сказала я, и тогда мнѣ точно такъ казалось.

— Дай-то Богъ, проговорилъ онъ, — а то пора бы намъ въ деревню.

Но это только одинъ разъ сказалъ онъ мнѣ, остальное же время мнѣ казалось, что ему было такъ же хорошо какъ и мнѣ, а мнѣ было такъ радостно и весело. Если же ему и скучно иногда, утѣшала я себя, то и я поскучала для него въ деревнѣ; если же и измѣнились нѣсколько наши отношенія, то все это снова вернется, какъ только мы лѣтомъ останемся одни съ Татьяной Семеновной въ нашемъ Никольскомъ домѣ.

Такъ не замѣтно для меня прошла зима, и мы противъ нашихъ плановъ даже Святую провели въ Петербургѣ. На Фоминной, когда мы уже собирались ѣхать, все было уложено, и мужъ, дѣлавшій уже покупки подарковъ, вещей, цвѣтовъ для деревенской жизни, былъ въ особенно нѣжномъ и веселомъ расположеніи духа. Кузина неожиданно пріѣхала къ намъ и стала просить остаться до субботы, съ тѣмъ чтобъ ѣхать на раутъ къ графинѣ Р. Она говорила, что графиня Р. очень звала меня, что бывшій тогда въ Петербургѣ принцъ М. еще съ прошлаго бала желалъ познакомиться со мной, только для этого и ѣхалъ на раутъ и говорилъ, что я самая хорошенькая женщина въ Россіи. Весь городъ долженъ былъ быть тамъ, и однимъ словомъ ни на чтò бы не было похоже, ежели я бы не поѣхала.

Мужъ былъ на другомъ концѣ гостиной, разговаривая съ кѣмъ-то.

— Такъ чтò жъ ѣдете, Мари? сказала кузина.

— Мы послѣзавтра хотѣли ѣхать въ деревню, нерѣшительно отвѣчала я, взглянувъ на мужа. Глаза наши встрѣтились, онъ торопливо отвернулся.

— Я уговорю его остаться, сказала кузина, — и мы ѣдемъ въ субботу кружить головы. Да?

— Это бы разстроило наши планы, а мы уложились, отвѣчала я, начиная сдаваться.

— Да ей бы лучше нынче вечеромъ съѣздить на поклонъ принцу, съ другаго конца комнаты сказалъ мужъ раздраженно сдержаннымъ тономъ, котораго я еще не слыхала отъ него.

— Ахъ! онъ ревнуетъ, вотъ въ первый разъ вижу, засмѣялась кузина. — Да вѣдь не для принца, Сергѣй Михайловичъ, а для

всѣхъ насъ я уговариваю ее. Какъ графиня Р. просила ее прѣхать!

— Это отъ нея зависить? холодно проговорилъ мужъ, и вышелъ.

— Я видѣла, что онъ былъ взволнованъ больше чѣмъ обыкновенно; это меня мучило, и я ничего не общала кузинѣ. Только-что она уѣхала, я пошла къ мужу. Онъ задумчиво ходилъ взадъ и впередъ, и не видалъ и не слыхалъ, какъ я на цпочкахъ вошла въ комнату.

«Ему ужъ представляется милый Никольскій домъ, думала я, глядя на него, и утренній кофе въ свѣтлой гостиной и его поля, мужики и вечера въ диванной и ночные таинственные ужины. Нѣтъ! рѣшила я сама съ собой, всѣ балы на свѣтъ и лезть всѣхъ принцевъ на свѣтъ отдамъ я за его радостное смущеніе, за его тихую ласку.» Я хотѣла сказать ему, что не поѣду на рауть и не хочу, когда онъ вдругъ оглянулся и, увидавъ меня, нахмурился и измѣнилъ кротко задумчивое выраженіе своего лица. Опять пронизательность, мудрость и покровительственное спокойствіе выразились въ его взглядѣ. Онъ не хотѣлъ, чтобъ я видѣла его простымъ человѣкомъ; ему нужно было полубогомъ на пьедесталѣ всегда стоять передо мной.

— Чтò ты мой другъ? спросилъ онъ, небрежно и спокойно оборачиваясь ко мнѣ.

Я не отвѣчала. Мнѣ было досадно, что онъ прячется отъ меня, не хочетъ оставаться тѣмъ какимъ я любила его.

— Ты хочешь ѣхать въ субботу на рауть? спросилъ онъ.

— Хотѣла, отвѣчала я, — но тебѣ это не нравится. Да и все уложено, прибавила я.

Никогда онъ такъ холодно не смотрѣлъ на меня, никогда такъ холодно не говорилъ со мной.

— Я не уѣду до вторника, и велю разложить вещи, проговорилъ онъ, — поэтому можешь ѣхать, коли тебѣ хочется. Сдѣлай милость поѣзжай. Я не уѣду.

Какъ и всегда, когда онъ бывалъ взволнованъ, онъ неровно сталъ ходить по комнатѣ и не глядѣлъ на меня.

— Я рѣшительно тебя не понимаю, сказала я, стоя на мѣстѣ и глазами слѣдя за нимъ, — ты говоришь, что ты всегда такъ спокоенъ (онъ никогда ни говорилъ этого). Отчего ты такъ странно говоришь со мной? Я для тебя готова пожертвовать этимъ удовольствіемъ, а ты какъ-то иронически, какъ ты никогда не говорилъ со мной, требуешь, чтобъ я ѣхала.

Ну что жь! Ты *жертвуешь* (онъ особенно ударилъ на это слово), и я жертвую, чего же лучше. Борьба великодушія. Какого же еще семейнаго счастья?

Въ первый разъ еще я слышала отъ него такія ожесточенно-насмѣшливыя слова. И насмѣшка его не пристыдила, а оскорбила меня, и ожесточеніе не испугало меня, а сообщилось мнѣ. Онъ ли, всегда боявшійся фразы въ нашихъ отношеніяхъ, всегда искренній и простой, говорилъ это? И за что? За то, что точно я хотѣла пожертвовать ему удовольствіемъ, въ которомъ не могла видѣть ничего дурнаго, и за то, что за минуту передъ этимъ я такъ понимала и любила его. Роли наши перемѣнились, онъ—избѣгалъ прямыхъ и простыхъ словъ, а я искала ихъ.

— Ты очень перемѣнился, сказала я вздохнувъ. Чѣмъ я провинилась передъ тобой? Не раугъ, а что-то другое старое есть у тебя на сердцѣ противъ меня. Зачѣмъ неискренность? Не самъ ли ты такъ боялся ея прежде. Говори прямо, что ты имѣешь противъ меня? Что-то онъ скажетъ думала я, съ самодовольствомъ вспоминая, что нечѣмъ ему было упрекнуть меня за всю эту зиму.

Я вышла на середину комнаты, такъ что онъ долженъ былъ близко пройти мимо меня, и смотрѣла на него. Онъ подойдетъ, обниметъ меня, и все будетъ кончено, пришло мнѣ въ голову, и даже жалко стало, что не придется доказать ему, какъ онъ не правъ. Но онъ остановился на концѣ комнаты и поглядѣлъ на меня.

— Ты все не понимаешь? сказалъ онъ.

— Нѣтъ.

— Ну такъ я скажу тебѣ. Мнѣ мерзко, въ первый разъ мерзко, то, что я чувствую, и что не могу не чувствовать. Онъ остановился, видимо испугавшись грубаго звука своего голоса.

— Да что жь? съ слезами негодованія въ глазахъ, спросила я.

— Мерзко, что принцъ нашелъ тебя хорошенькою, и что ты изъ-за этого бѣжишь ему на встрѣчу, забывая и мужа, и себя, и достоинство женщины, и не хочешь понять того, что долженъ за тебя чувствовать твой мужъ, ежели въ тебѣ самой нѣтъ чувства достоинства; напротивъ ты приходишь говорить мужу, что ты *жертвуешь*, то-есть «показаться его высочеству для меня большое счастье, но я *жертвую* имъ».

Чѣмъ дальше онъ говорилъ, тѣмъ больше разгорался отъ

звукѣ собственнаго голоса, и голосъ этотъ звучалъ ядовито, жестко и грубо. Я никогда не видала и не ожидала видѣть его такимъ; кровь прилила мнѣ къ сердцу, я боялась, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувство незаслуженнаго стыда и оскорбленнаго самолюбія волновало меня, и мнѣ хотѣлось отомстить ему.

— Я давно ожидала этого, сказала я, — говори, говори.

— Не знаю, чего ты ожидала, продолжалъ онъ, — я могъ ожидать всего худшаго, видя тебя каждый день въ этой грязи, праздности, роскоши и глупаго общества; и дождался... Дождался того, что мнѣ нынче стыдно и больно стало, какъ никогда; больно за себя, когда твой другъ, своими грязными руками, залѣзъ мнѣ въ сердце и сталъ говорить о ревности, моей ревности, къ кому же? къ человѣку, котораго ни я, ни ты не знаемъ. А ты какъ нарочно хочешь не понимать меня и хочешь жертвовать мнѣ, чѣмъ же?.. Стыдно за тебя, за твое униженіе стыдно!.. Жертва! повторилъ онъ.

А! такъ вотъ она власть мужа, подумала я. Оскорблять и унижать женщину, которая ни въ чемъ не виновата. Вотъ въ чемъ права мужа, но я не подчинюсь имъ.

— Нѣтъ, я ничѣмъ не жертвую тебѣ, проговорила я, чувствуя, какъ неестественно расширяются мои ноздри, и кровь оставляетъ лицо. — Я поѣду въ субботу на раутъ, и непременно поѣду.

— И дай Богъ тебѣ много удовольствія, только между нами все кончено! прокричалъ онъ въ порывѣ уже не сдержаннаго бышенства. — Но больше уже ты не будешь мучить меня. Я былъ дуракъ, что... снова началъ онъ, но губы у него затряслись, и онъ съ видимымъ усиленіемъ удержался, чтобы не договорить того, что началъ.

Я боялась и ненавидѣла его въ эту минуту. Я хотѣла сказать ему многое и отомстить за всѣ оскорбленія; но ежели бы я открыла ротъ, я бы заплакала и уронила бы себя передъ нимъ. Я молча вышла изъ комнаты. Но только-что я перестала слышать его шаги, какъ вдругъ ужаснулась передъ тѣмъ, что мы сдѣлали. Мнѣ стало страшно, что точно на вѣки разорвется эта связь, составлявшая все мое счастіе, и я хотѣла вернуться. Но достаточно ли онъ успокоился, чтобы понять меня, когда я молча протяну ему руку и посмотрю на него? подумала я. Пойметъ ли онъ мое великодушіе? Что ежели онъ назоветъ притворствомъ мое горе? Или съ сознаниемъ правоты и съ гордымъ спокойствіемъ приметъ мое раскаяніе и проститъ меня? И за

что, за что? онъ, котораго я такъ любила, такъ жестоко оскорбилъ меня?..

Я пошла не къ нему, а въ свою комнату, гдѣ долго сидѣла одна и плакала, съ ужасомъ вспоминая каждое слово бывшаго между нами разговора, замѣняя эти слова другими, прибавляя другія добрыя слова и снова съ ужасомъ и чувствомъ оскорбленія вспоминая то, что было. Когда я вечеромъ вышла къ чаю, и при С., который былъ у насъ, встрѣтилась съ мужемъ, я почувствовала, что съ нынѣшняго дня цѣлая бездна открылась между нами. С. спросилъ меня, когда мы ѣдемъ? Я не успѣла отвѣтить.

— Во вторникъ, отвѣчалъ мужъ,—мы еще ѣдемъ на раутъ къ графинѣ Р. Вѣдь ты ѣдешь? обратился онъ ко мнѣ.

Я испугалась звука этого простаго голоса и робко оглянулась на мужа. Глаза его смотрѣли прямо на меня, взглядъ ихъ былъ золь и насмѣшливъ, голосъ былъ ровень и холодень.

— Да, отвѣчала я.

Вечеромъ, когда мы остались одни, онъ подошелъ ко мнѣ и протянулъ руку.

— Забудь пожалуста, что я наговорилъ тебѣ, сказалъ онъ.

Я взяла его руку, дрожащая улыбка была у меня на лицѣ, и слезы готовы были потечь изъ глазъ, но онъ отнялъ руку и, какъ будто боясь чувствительной сцены, сѣлъ на кресло довольно далеко отъ меня. «Неужели онъ все считаетъ себя правымъ?» подумала я, и готовое объясненіе и просьба не ѣхать на раутъ остановились на языкѣ.

— Надо написать матушкѣ, что мы отложили отъѣздъ, сказалъ онъ, — а то она будетъ беспокоиться.

— А когда ты думаешь ѣхать? спросила я.

— Во вторникъ послѣ раута, отвѣчалъ онъ.

— Надѣюсь, что это не для меня, сказала я, глядя ему въ глаза, но глаза только смотрѣли, а ничего не говорили мнѣ, какъ будто чѣмъ-то заволочены они были отъ меня. Лицо его вдругъ мнѣ показалось старо и неприятно.

Мы поѣхали на раутъ, и между нами, казалось, установились опять хорошія дружелюбныя отношенія; но отношенія эти были совсѣмъ другія чѣмъ прежде.

На раутѣ я сидѣла между дамами, когда принцъ подошелъ ко мнѣ, такъ что я должна была встать, чтобы говорить съ нимъ. Вставая я невольно отыскала глазами мужа, и видѣла, что онъ съ другаго конца залы смотрѣлъ на меня и отвер-

нулся. Мнѣ вдругъ такъ стало стыдно и больно, что я болѣзненно смутилась и покраснѣла лицомъ и шеей подъ взглядомъ принца. Но я должна была стоять и слушать, что онъ говорилъ мнѣ, сверху оглядывая меня. Разговоръ нашъ былъ не долго, ему негдѣ было сѣсть подлѣ меня, и онъ вѣрно почувствовалъ, что мнѣ очень неловко съ нимъ. Разговоръ былъ о прошломъ балѣ, о томъ, гдѣ я живу лѣто, и т. д. Отходя отъ меня, онъ изъявилъ желаніе познакомиться съ моимъ мужемъ, и я видѣла, какъ они сошлись и говорили на другомъ концѣ залы. Принцъ вѣрно что-нибудь сказалъ обо мнѣ, потому что въ серединѣ разговора, онъ улыбаясь оглянулся въ нашу сторону.

Мужъ вдругъ вспыхнулъ, низко поклонился, и первый отошелъ отъ принца. Я тоже покраснѣла, мнѣ стыдно стало за то понятіе, которое долженъ былъ получить принцъ обо мнѣ и особенно о мужѣ. Мнѣ показалось, что всѣ замѣтили мою неловкую застѣнчивость въ то время, какъ я говорила съ принцемъ, замѣтили его странный поступокъ; Богъ знаетъ какъ они могли объяснять это; ужъ и не знаютъ ли они нашего разговора съ мужемъ? Кузина довезла меня домой, и дорогой мы разговорились съ ней о мужѣ. Я не утерпѣла и разказала ей все, что было между нами по случаю этого несчастнаго раута. Она успокоивала меня, говоря, что это ничего незначащая, очень обыкновенная размолвка, которая не оставитъ никакихъ слѣдовъ; объяснила мнѣ съ своей точки зрѣнія характеръ мужа, нашла, что онъ очень несообщителенъ и гордъ сталъ; я согласилась съ ней, и мнѣ показалось, что я спокойнѣе и лучше сама теперь стала понимать его.

Но потомъ, когда мы остались вдвоемъ съ мужемъ, этотъ судъ о немъ, какъ преступленіе, лежалъ у меня на совѣсти, и я почувствовала, что еще больше сдѣлалась пропасть, теперь отдѣлявшая насъ другъ отъ друга.

VIII.

Съ этого дня совершенно измѣнилась наша жизнь и наши отношенія. Намъ уже не такъ хорошо было наединѣ какъ прежде. Были вопросы, которые мы обходили, и при третьемъ лицѣ намъ легче говорилось, чѣмъ съ глазу на глазъ. Какъ только

рѣчь заходила о жизни въ деревнѣ или о балѣ, у насъ какъ будто мальчики бѣгали въ глазахъ, и неловко было смотрѣть другъ на друга. Какъ будто мы оба чувствовали, въ какомъ мѣстѣ была пропасть, отдѣлявшая насъ, и боялись подходить къ ней. Я была убѣждена, что онъ гордъ и вспыльчивъ, и надо быть осторожниѣе, чтобы не задѣвать его слабости. Онъ былъ увѣренъ, что я не могу жить безъ свѣта, что деревня не по мнѣ, и что надо покоряться этому несчастному вкусу. И мы оба избѣгали прямыхъ разговоровъ объ этихъ предметахъ, и оба ложно судили другъ друга. Мы уже давно перестали быть другъ для друга совершеннѣйшими людьми въ мѣрѣ, а дѣлали сравненія съ другими, и втайнѣ судили одинъ другаго. Я сдѣлалась нездорова передъ отъѣздомъ, и вмѣсто деревни, мы переѣхали на дачу, откуда мужъ одинъ поѣхалъ къ матери. Когда онъ увѣжалъ, я уже достаточно оправилась, чтобъ ѣхать съ нимъ, но онъ уговаривалъ меня остаться, какъ будто боясь за мое здоровье. Я чувствовала, что онъ боялся не за мое здоровье, а за то, что намъ не хорошо будетъ въ деревнѣ; я не очень настаивала и осталась. Безъ него мнѣ было пусто, одиноко, но когда онъ пріѣхалъ, я увидала, что и онъ уже не прибавлялъ къ моей жизни того, что прибавлялъ прежде. Прежнія наши отношенія, когда бывало всякая не переданная ему мысль, впечатлѣніе, какъ преступленіе, тяготили меня, когда всякій его поступокъ, слово, казались мнѣ образцомъ совершенства, когда намъ отъ радости смѣяться чему-то хотѣлось, глядя другъ на друга, эти отношенія такъ незамѣтно перешли въ другія, что и мы не хватились, какъ ихъ не стало. У каждого изъ насъ явились свои отдѣльные интересы, заботы, которыя мы уже не пытались сдѣлать общими. Насъ даже перестало смущать то, что у каждого есть свой отдѣльный, чуждый для другаго мѣръ. Мы привыкли къ этой мысли, и черезъ годъ мальчики даже перестали бѣгать въ глазахъ, когда мы смотрѣли другъ на друга. Исчезли совершеннѣе его припадки веселія со мной, ребячество, исчезло его всепрощеніе и равнодушіе ко всему, прежде возмущавшія меня, не стало больше этого глубокаго взгляда, который прежде смущалъ и радовалъ меня, не стало молитвъ, восторговъ вмѣстѣ, мы даже не часто видѣлись, онъ былъ постоянно въ разъѣздахъ, и не боялся, не жалѣлъ оставлять меня одну; я была постоянно въ свѣтѣ, гдѣ мнѣ не нужно было его.

Сценъ и размолвокъ больше не бывало между нами, я стара-

лась угодить ему, онъ исполнялъ всё мои желанія, и мы будто любили другъ друга.

Когда мы оставались одни, что случалось рѣдко, я не испытывала съ нимъ ни радости, ни волненія, ни замѣшательства, какъ будто я сама съ собой оставалась. Я знала очень хорошо, что это былъ мужъ мой, не какой-нибудь новый, неизвѣстный человѣкъ, а хорошій человѣкъ,—мужъ мой, котораго я знала, какъ самое себя. Я была увѣрена, что знала все, что онъ сдѣлаетъ, что скажетъ, какъ посмотритъ; и ежели онъ дѣлалъ или смотрѣлъ не такъ, какъ я ожидала, то мнѣ уже казалось, что это онъ ошибся. Я ничего не ждала отъ него. Однимъ словомъ, это былъ мой мужъ и больше ничего. Мнѣ казалось, что это такъ и должно быть, что не бываетъ другихъ и между нами даже не было никогда другихъ отношеній. Когда онъ уѣзжалъ, особенно первое время, мнѣ становилось одиноко, страшно, я безъ него чувствовала сильнѣе значеніе для меня его опоры; когда онъ пріѣзжалъ, я бросалась ему на шею отъ радости, хотя и черезъ два часа совершенно забывала эту радость, и нечего мнѣ было говорить съ нимъ. Только въ минуты тихой, умѣренной нѣжности, которыя бывали между нами, мнѣ казалось, что что-то не то, что что-то больно мнѣ въ сердцѣ, и въ его глазахъ, мнѣ казалось, я читала то же. Мнѣ чувствовалась эта граница нѣжности, за которую теперь онъ какъ будто не хотѣлъ, а я не могла переходить. Иногда мнѣ это грустно было, но некогда было задумываться надъ чѣмъ-то бы ни было, и я старалась забыть эту грусть неясно чувствуемой переменъ въ развлеченіяхъ, которыя постоянно готовы были мнѣ. Свѣтская жизнь, сначала отуманившая меня блескомъ и лестью самолюбію, скоро завладѣла вполне моими наклонностями, вошла въ привычки, наложила на меня свои оковы, и заняла въ душѣ все то мѣсто, которое было готово для чувства. Я никогда уже не оставалась одна сама съ собой, и боялась вдумываться въ свое положеніе. Все время мое, отъ поздняго утра и до поздней ночи, было занято и принадлежало не мнѣ, даже ежели бы я не въѣзжала. Мнѣ это было уже не весело и не скучно, а казалось, что такъ, а не иначе, всегда должно было быть.

Такъ прошло три года, во время которыхъ отношенія наши оставались тѣ же, какъ будто остановились, застыли и не могли сдѣлаться ни хуже, ни лучше. Въ эти три года въ нашей семейной жизни случились два важныя событія, но оба не измѣнили моей жизни. Это были рожденіе моего перваго ребенка

и смерть Татьяны Семеновны. Первое время, материнское чувство съ такою силой охватило меня и такой неожиданный восторгъ произвело во мнѣ, что я думала, новая жизнь начнется для меня; но черезъ два мѣсяца, когда я снова стала выѣзжать, чувство это, уменьшаясь и уменьшаясь, перешло въ привычку и холодное исполненіе долга. Мужъ напротивъ со времени рожденія нашего перваго сына, сталъ прежнимъ, кроткимъ, спокойнымъ домоѣдомъ, и прежнюю свою нѣжность и веселье перенесъ на ребенка. Часто, когда я въ бальномъ платьѣ входила въ дѣтскую, чтобы на ночь перекрестить ребенка, и заставала мужа въ дѣтской, я замѣчала какъ бы укоризненный и строго внимательный взглядъ его, устремленный на меня, и мнѣ становилось совѣстно. Я вдругъ ужасалась своего равнодушія къ ребенку, и спрашивала себя: неужели я хуже другихъ женщинъ? Но что жъ дѣлать? думала я, я люблю сына, но не могу же сидѣть съ нимъ цѣлые дни, мнѣ скучно; а притворяться я ни за что не стану. Смерть его матери была для него большимъ горемъ; ему тяжело было, какъ онъ говорилъ, послѣ нея жить въ Никольскомъ, а хотя мнѣ и жалко было ея, и я сочувствовала горю мужа, мнѣ было теперь пріятнѣе и спокойнѣе въ деревнѣ. Всѣ эти три года мы провели большею частью въ городѣ, въ деревню я ѣздила только разъ на два мѣсяца, и на третій годъ мы поѣхали за границу.

Мы проживали лѣто на водахъ.

Мнѣ было тогда двадцать одинъ годъ, состояніе наше, я думала, было въ цвѣтущемъ положеніи, отъ семейной жизни я не требовала ничего сверхъ того, что она мнѣ давала; всѣ, кого я знала, мнѣ казалось, любили меня; здоровье мое было хорошо, туалеты мои были лучшіе на водахъ, я знала, что я была хороша, - погода была прекрасна, какая-то атмосфера красоты и изящества окружала меня, и мнѣ было очень весело. Я не такъ была весела, какъ бывала въ Никольскомъ, когда я чувствовала, что я счастлива сама въ себѣ, что я счастлива потому, что заслужила это счастье, что счастье мое велико, но должно быть еще больше, что все хочется еще и еще счастья. Тогда было другое; но и въ это лѣто мнѣ было хорошо. Мнѣ ничего не хотѣлось, я ничего не надѣялась, ничего не боялась, и жизнь моя, казалось мнѣ, была полна, и на совѣсти, казалось, было покойно. Изъ числа всей молодежи этого сезона, не было ни одного человѣка, котораго бы я чѣмъ-нибудь отличала отъ другихъ, или даже отъ стараго князя К., нашего посланника, ко-

торый ухаживалъ за мной. Одинъ былъ молодой, другой старый, одинъ бѣлокурый Англичанинъ, другой Французъ съ бородкой, всѣ они мнѣ были равны, но всѣ они были мнѣ необходимы. Это были все одинаково безразличныя лица, составлявшія радостную атмосферу жизни, окружавшую меня. Одинъ только изъ нихъ, итальянскій маркизъ Д., больше другихъ обратилъ мое вниманіе своею смѣлостью въ выраженіи восхищенія передо мною. Онъ не пропускалъ никакого случая быть со мною, танцовать, ѣздить верхомъ, быть въ казино, и т. д., и говорить мнѣ, что я хороша. Нѣсколько разъ я изъ оконъ видѣла его около нашего дома, и часто непріятный пристальный взглядъ его блестящихъ глазъ заставлялъ меня краснѣть и оглядываться. Онъ былъ молодъ, хорошъ собой, элегантенъ, и, главное, улыбкой и выраженіемъ лба похожъ на моего мужа, хотя и гораздо лучше его. Онъ поражалъ меня этимъ сходствомъ, хотя въ общемъ, въ губахъ, во взглядѣ, въ длинномъ подбородкѣ, вмѣсто прелести выраженія доброты и идеальнаго спокойствія моего мужа, у него было что-то грубое, животное. Я полагала тогда, что онъ страстно любитъ меня, и съ гордымъ соболѣзнованіемъ иногда думала о немъ. Я иногда хотѣла успокоить его, перевести его въ тонъ полудружеской тихой довѣренности, но онъ рѣзко отклонялъ отъ себя эти попытки и продолжалъ непріятно смущать меня своею невыражавшеюся, но всякую минуту готовою выразиться, страстью. Хотя и не признаваясь себѣ, я боялась этого человѣка, и противъ воли часто думала о немъ. Мужъ мой былъ знакомъ съ нимъ, и еще больше чѣмъ съ другими нашими знакомыми, для которыхъ онъ былъ только мужъ своей жены, держалъ себя холодно и высокомерно. Къ концу сезона я заболѣла, и двѣ недѣли не выходила изъ дома. Когда я въ первый разъ послѣ болѣзни вышла вечеромъ на музыку, я узнала, что безъ меня пріѣхала давно ожидаемая и извѣстная своею красотой леди С. Около меня составился кругъ, меня встрѣтили радостно, но еще лучше кругъ составленъ былъ около пріѣзжей львицы. Всѣ вокругъ меня говорили только про нее и ея красоту. Мнѣ показали ее, и дѣйствительно она была прелестна, но меня непріятно поразило самодовольство ея лица, и я сказала это. Мнѣ этотъ день показалось скучно все, что прежде было такъ весело. На другой день леди С. устроила поѣздку въ замокъ, отъ которой я отказалась. Почти никто не остался со мной, и все окон-

чательно переменялось въ моихъ глазахъ. Все и всё мнѣ показались глупы и скучны, мнѣ хотѣлось плакать, скорѣй кончить курсъ и ѣхать назадъ въ Россію. Въ душѣ у меня было какое-то нехорошее чувство, но я еще себя не признавала въ немъ. Я сказала слабую и перестала показываться въ большомъ обществѣ, только утромъ выходила изрѣдка одна пить воды, или съ Л. М., русскою знакомой, ѣздила въ окрестности. Мужа не было въ это время; онъ поѣхалъ на нѣсколько дней въ Гейдельбергъ, ожидая конца моего курса, чтобъ ѣхать въ Россію, и изрѣдка пріѣзжалъ ко мнѣ.

Однажды леди С. увлекла все общество на охоту, а мы съ Л. М. послѣ обѣда поѣхали въ замокъ. Покуда мы шагомъ въѣзжали въ коляскѣ по извилистому шоссе, между вѣковыми каштанами, сквозь которые дальше и дальше открывались эти хорошенькія элегантныя баденскія окрестности, освѣщенные заходящими лучами солнца, мы разговорились серьезно, какъ мы не говорили никогда. Л. М., которую уже я давно знала, въ первый разъ представилась мнѣ теперь хорошою умною женщиною, съ которою можно говорить все, и съ которою пріятно быть другомъ. Мы говорили про семью, дѣтей, про пустоту здѣшней жизни, намъ захотѣлось въ Россію, въ деревню, и какъ-то грустно и хорошо стало. Подъ вліяніемъ этого же серьезнаго чувства, мы вошли въ замокъ. Въ стѣнахъ было тѣнисто, свѣжо, вверху по развалинамъ играло солнце, слышны были чьи-то шаги и голоса. Изъ двери, какъ въ рамѣ виднѣлась эта прелестная, но холодная для насъ, Русскихъ, баденская картина. Мы сѣли отдохнуть, и молча смотрѣли на заходящее солнце. Голоса слышались явственнѣе, и, мнѣ показалось, что назвали мою фамилію. Я стала прислушиваться, и невольно разслышала каждое слово. Голоса были знакомые; это былъ маркизь Д. и французъ; его пріятель, котораго я тоже знала. Они говорили про меня, и про леди С. Французъ сравнивалъ меня и ее, и разбираалъ красоту той и другой. Онъ не говорилъ ничего оскорбительнаго, но у меня кровь прилила къ сердцу, когда я разслышала его слова. Онъ подробно объяснялъ, что было хорошаго во мнѣ, и что хорошаго въ леди С. У меня ужъ былъ ребенокъ, а леди С. было девятнадцать лѣтъ, у меня коса была лучше, но за то у леди станъ былъ граціознѣе, леди большая дама, тогда какъ ваша, сказалъ онъ, такъ себя, одна изъ этихъ маленькіхъ русскихъ княгинь, которыя такъ часто начинаютъ появляться здѣсь. Онъ заключилъ тѣмъ, что я прекрасно

дѣлаю, не пытаюсь бороться съ леди С., и что я окончательно похоронена въ Баденѣ.

— Мнѣ ея жаль.

— Ежели только она не захочетъ утѣшиться съ вами, прибавилъ онъ съ веселымъ и жестокимъ смѣхомъ.

— Ежели она уѣдетъ, я поѣду за ней, грубо проговорилъ голосъ, съ итальянскимъ акцентомъ.

— Счастливыи смертныи! онъ еще можетъ любить! засмѣялся Французъ.

— Любить! сказалъ голосъ, и помолчалъ. — Я не могу не любить! безъ этого нѣтъ жизни. — Дѣлать романъ изъ жизни, одно что есть хорошаго. И мой романъ никогда не останавливается въ серединѣ, и этотъ я доведу до конца.

— *bonne chance mon ami*, проговорилъ Французъ.

Дальше уже мы не слышали, потому что они зашли за уголь, и мы съ другой стороны услышали ихъ шаги. Они сходили съ лѣстницы, и черезъ нѣсколько минутъ вышли изъ боковой двери и весьма удивились, увидавъ насъ. Я покраснѣла, когда маркизъ Д. подошелъ ко мнѣ, и мнѣ страшно стало, когда, выходя изъ зѣмка, онъ подаль мнѣ руку. Я не могла отказать, и мы сзади Л. М., которая шла съ его другомъ, пошли къ коляскѣ. Я была оскорблена тѣмъ, что сказалъ про меня Французъ, хотя втайнѣ сознавала, что онъ только назвалъ то, что я сама чувствовала; но слова маркиза удивили и возмутили меня своею грубостью. Меня мучила мысль, что я слышала его слова, и несмотря на то, онъ не боится меня. Мнѣ гадко было чувствовать его такъ близко отъ себя; и не глядя на него, не отвѣчая ему и стараясь держать руку такъ, чтобы не слышать его, я торопливо шла за Л. М. и Французомъ. Маркизъ говорилъ что-то о прекрасномъ видѣ, о неожиданномъ счастьи встрѣтить меня, и еще что-то, но я не слушала его. Я думала въ это время о мужѣ, о сынѣ, о Россіи; чего-то мнѣ совѣстно было, чего-то жалко, чего-то хотѣлось, и я торопилась скорѣй домой, въ свою одинокую комнату въ *Hôtel de Bade*, чтобы на просторѣ обдумать все то, что только сейчасъ поднялось у меня въ душѣ. Но Л. М. шла тихо, до коляски было еще далеко, и мой кавалеръ, мнѣ показалось, упорно уменьшалъ шагъ, какъ будто пытаюсь останавливать меня. «Не можетъ быть!» подумала я, и рѣшительно пошла скорѣе. Но положительно онъ удерживалъ меня и даже прижималъ мою руку, Л. М. завернула за уголь дороги, и мы были совершенно одни. Мнѣ стало страшно.

— Извините, сказала я холодно и хотѣла высвободить руку, но кружево рукава зацѣпилось за его пуговицу. Онъ пригнувшись ко мнѣ грудью, сталъ отстегивать его, и его пальцы безъ перчатки тронули мою руку. Какое-то новое мнѣ чувство не то ужаса, не то удовольствія морозомъ пробѣжало по моей спинѣ. Я взглянула на него съ тѣмъ, чтобы холоднымъ взглядомъ выразить все презрѣніе, которое я къ нему чувствую; но взглядъ мой выразилъ не то, онъ выразилъ испугъ и волненіе. Его горячіе, влажные глаза, подлѣ самаго моего лица, страстно смотрѣли на меня, на мою шею, на мою грудь, его обѣ руки перебирали мою руку выше кисти, его открытыя губы говорили что-то, говорили, что онъ меня любитъ, что я все для него, и губы эти приближались ко мнѣ, и руки крѣпче сжимали мои и жгли меня. Огонь пробѣгалъ по моимъ жиламъ, въ глазахъ темнѣло, я дрожала, и слова, которыми я хотѣла остановить его, пересыхали въ моемъ горлѣ. Вдругъ я почувствовала поцѣлуй на своей щекѣ, и вся дрожа и холодѣя, остановилась и смотрѣла на него. Не въ силахъ ни говорить, ни двигаться, я, ужасаясь, ожидала и желала чего-то. Все это продолжалось одно мгновеніе. Но это мгновеніе было ужасно! Я такъ видѣла его всего въ это мгновеніе. Такъ понятно мнѣ было его лицо: этотъ виднѣвшійся изъ-подъ соломенной шляпы крутой низкій лобъ, похожій на лобъ моего мужа, этотъ красивый прямой носъ, съ раздутыми ноздрями, эти длинные остро-припомаженные усы и борода, эти гладко выбритыя щеки и загорѣлая шея. Я ненавидѣла, я боялась его, такой чужой онъ былъ мнѣ; но въ эту минуту такъ сильно отзывались во мнѣ волненіе и страсть этого ненавистнаго, чужаго человѣка! Такъ непреодолимо хотѣлось мнѣ отдаться поцѣлуямъ этого грубаго и красиваго рта, объятіямъ этихъ бѣлыхъ рукъ съ тонкими жилами и съ перстнями на пальцахъ. Такъ тянуло меня броситься очертя голову въ открывшуюся вдругъ, притягивающую бездну запрещенныхъ наслажденій...

«Я такъ несчастна, думала я, пускай же еще больше и больше несчастій собирается на мою голову.»

Онъ обнялъ меня одною рукой и наклонился къ моему лицу. «Пускай, пускай еще и еще накапливается стыдъ и грѣхъ на мою голову.»

— Je vous aime, прошепталъ онъ голосомъ, который былъ такъ похожъ на голосъ моего мужа. Мой мужъ и ребенокъ вспомнились мнѣ, какъ давно бывшія дорогія существа, съ которыми

у меня все кончено. Но вдругъ въ это время изъ-за поворота послышался голосъ Л. М., которая звала меня. Я опомнилась, вырвала свою руку и не глядя на него, почти побѣжала за Л. М. Мы сѣли въ коляску, и я тутъ только взглянула на него. Онъ снялъ шляпу и спросилъ что-то улыбаясь. Онъ не понималъ того невыразимаго отвращенія, которое я испытывала къ нему въ эту минуту.

Жизнь моя показалась мнѣ такъ несчастна, будущее такъ безнадежно, прошедшее такъ черно! Л. М. говорила со мной, но я не понимала ея словъ. Мнѣ казалось, что она говоритъ со мной только изъ жалости, чтобы скрыть презрѣніе, которое я возбуждаю въ ней. Во всякомъ словѣ, во всякомъ взглядѣ мнѣ чудилось это презрѣніе и оскорбительная жалость. Поцѣлуй стыдомъ жегъ мнѣ щеку, и мысль о мужѣ и ребенкѣ была мнѣ невыносима. Оставшись одна въ своей комнатѣ, я надѣялась обдумать свое положеніе, но мнѣ страшно было одной. Я не допила чаю, который мнѣ подали и сама не зная, зачѣмъ? съ горячечною поспѣшностію стала тотчасъ же собираться съ вечернимъ поѣздомъ въ Гейдельбергъ къ мужу. Когда мы сѣли съ дѣвушкой въ пустой вагонъ, машина тронулась, и свѣжій воздухъ пахнулъ на меня въ окно, я стала опоминаться и яснѣе представлять себѣ свое прошедшее и будущее. Вся моя замужняя жизнь со дня переѣзда нашего въ Петербургъ вдругъ представилась мнѣ въ новомъ свѣтѣ и укоромъ легла мнѣ на совѣсть. Я въ первый разъ живо вспомнила наше первое время въ деревнѣ, наши планы, въ первый разъ мнѣ пришелъ въ голову вопросъ: какія же были его радости во все это время? И я почувствовала себя виноватою передъ нимъ. Но зачѣмъ онъ не остановилъ меня, зачѣмъ лицемѣрилъ передо мной, зачѣмъ избѣгалъ объясненій, зачѣмъ оскорбилъ? спрашивала я себя. Зачѣмъ не употребилъ свою власть любви надо мной? Или онъ не любилъ меня? Но какъ бы онъ ни былъ виноватъ, поцѣлуй чужаго человѣка вотъ тутъ стоялъ на моей щекѣ, и я чувствовала его. Чѣмъ ближе и ближе я подѣзжала къ Гейдельбергу, тѣмъ яснѣе воображала мужа, и тѣмъ страшнѣе мнѣ становилось предстоящее свиданіе. Я все, все скажу ему, все выплачу передъ нимъ слезами раскаянія, думала я, и онъ проститъ меня. Но я сама не знала, что такое «все» я скажу ему, и сама не вѣрила, что онъ проститъ меня.

Но только-что я вошла въ комнату къ мужу и увидѣла его спокойное, хотя и удивленное лицо, я почувствовала, что мнѣ

нечего было говорить ему, не въ чемъ признаваться и не въ чѣмъ просить его прощенія. Невысказанное горе и раскаяніе должны были оставаться во мнѣ.

— Какъ это ты вздумала? сказалъ отъ:—а я завтра хотѣлъ къ тебѣ ѣхать. Но всмотрѣвшись ближе въ мое лицо онъ какъ будто испугался.—Что ты? что съ тобой? проговорилъ онъ.

— Ничего, отвѣчала я, едва удерживаясь отъ слезъ.—Я совѣмъ пріѣхала. Поѣдемъ хоть завтра домой въ Россію.

Онъ довольно долго молча и внимательно посмотрѣлъ на меня.

— Да разкажи же, что съ тобой случилось? сказалъ онъ.

Я невольно покраснѣла и опустила глаза. Въ глазахъ его блеснуло чувство оскорбленія и гнѣва. Я испугалась мыслей, которыя могли придти ему, и съ силой притворства, которой я сама не ожидала въ себѣ, я сказала:

— Ничего не случилось, просто скучно и грустно стало одной, и я много думала о нашей жизни и о тебѣ. Ужь такъ давно я виновата передъ тобой! За что ты ѣдишь со мной туда, куда тебѣ не хочется? Давно ужъ я виновата передъ тобой, повторила я, и опять слезы мнѣ навернулись на глаза.— Поѣдемъ въ деревню, и навсегда.

— Ахъ! мой другъ, уволь отъ чувствительныхъ сценъ, сказалъ онъ холодно:—что ты въ деревню хочешь, это прекрасно, потому что и денегъ у насъ мало; а что навсегда, то это мечта. Я знаю, что ты не уживешь. А вотъ чаю напейся, это лучше будетъ, заключилъ онъ вставая, чтобы позвонить человѣка.

Мнѣ представлялось все, что онъ могъ думать обо мнѣ, и я оскорбилась тѣми страшными мыслями, которыя приписывала ему, встрѣтивъ невѣрный и какъ будто пристыженный взглядъ, устремленный на меня. Нѣтъ! онъ не хочетъ и не можетъ понять меня! Я сказала, что пойду посмотрѣть ребенка и вышла отъ него. Мнѣ хотѣлось быть одной и плакать, плакать, плакать...

IX.

Давно нетопленный пустой николевскій домъ, снова ожилъ, но не ожило то, что жило въ немъ. Мамаши уже не было, а мы одни были другъ противъ друга. Но теперь, намъ не только не нужно было одиночество, оно уже стѣсняло насъ. Зима прошла, тѣмъ хуже для меня, что я была больна и оправилась

только послѣ родовъ втораго моего сына. Отношенія наши съ мужемъ продолжали быть тоже холодно-дружелюбныя, какъ и во время нашей городской жизни, но въ деревнѣ каждая половина, каждая стѣна, диванъ, напоминали мнѣ то, чѣмъ онъ былъ для меня, и то, что я утратила. Какъ будто непрощенная обида была между нами, какъ будто онъ наказывалъ меня за что-то и дѣлалъ видъ, что самъ того не замѣчаетъ. Просить прощенія было не за что, просить помилованія не отчего: онъ наказывалъ меня только тѣмъ, что не отдавалъ мнѣ всего себя, всей своей души какъ прежде; но и никому и ничему онъ не отдавалъ ее, какъ будто у него ея уже не было. Иногда мнѣ приходило въ голову, что онъ притворяется только такимъ, чтобы мучить меня, а что въ немъ еще живо прежнее чувство, и я старалась вызвать его. Но онъ всякій разъ какъ будто избѣгалъ откровенности, какъ будто подозрѣвалъ меня въ притворствѣ и боялся, какъ смѣшнаго, всякой чувствительности. Взглядъ и тонъ его говорили: все знаю, все знаю, нечего говорить, все, что ты хочешь сказать, и то знаю. Знаю и то, что ты скажешь одно, а сдѣлаешь другое. Сначала я оскорблялась этимъ страхомъ передъ откровенностію, но потомъ привыкла къ мысли о томъ, что это не неоткровенность, а отсутствіе потребности въ откровенности. У меня языкъ не повернулся бы теперь вдругъ сказать ему, что я люблю его, или попросить его прочесть молитвы со мной или позвать его слушать, какъ я играю. Между нами чувствовались уже извѣстныя условія приличія. Мы жили каждый порознь. Онъ съ своими занятіями, въ которыхъ мнѣ не нужно было и не хотѣлось теперь участвовать, я съ своею праздностію, которая не оскорбляла и не печалила его какъ прежде. Дѣти еще были слишкомъ малы и не могли еще соединять насъ.

Но пришла весна, Катя съ Соней пріѣхали на лѣто въ деревню, домъ нашъ въ Никольскомъ стали перестраивать, мы переѣхали въ Покровское. Тотъ же былъ старый покровскій домъ съ своею террасой, съ подвижнымъ столомъ и фортепіянами, въ свѣтлой залѣ, и моею бывшею комнатою съ бѣлыми занавѣсками и моими, какъ будто забытыми тамъ, дѣвичьими мечтами. Въ этой комнаткѣ были двѣ кровати, одна бывшая моя, въ которой я по вечерамъ крестила раскидавашагося пухлаго Кокосу, а другая маленькая, въ которой изъ пеленокъ выглядывало личико Вани. Перекрестивъ ихъ, я часто останавливалась посерединѣ тихой комнатки, и вдругъ изо всѣхъ угловъ

отъ стѣнъ, отъ занавѣсокъ поднимались старыя, забытыя, молодя видѣнія. Начинали пѣть старые голоса дѣвическія пѣсни. И гдѣ эти видѣнія? гдѣ эти милыя, сладкія пѣсни? Сбылось все то, чего я едва смѣла надѣяться. Неясныя сливающіяся мечты стали дѣйствительностію; а дѣйствительность стала тяжелою, трудною и безрадостною жизнію. А все то же: тотъ же садъ виденъ въ окно, та же площадка, та же дорожка, та же скамейка, вонъ тамъ надъ оврагомъ тѣ же соловьиныя пѣсни несутся отъ пруда, тѣ же сирени во всемъ цвѣту, и тотъ же мѣсяць стоитъ надъ домомъ; а все такъ страшно, такъ невозможно измѣнилось! Такъ холодно все то, что могло быть такъ дорого и близко! Такъ же какъ и въ старину мы тихо вдвоемъ, сидя въ гостиной, говоримъ съ Катей, и говоримъ о немъ. Но Катя сморщилась, пожелтѣла, глаза ея не блестятъ радостію и надеждою, а выражаютъ сочувствующую грусть и сожалѣніе. Мы не восхищаемся имъ по старому, мы судимъ его, мы не удивляемся, зачѣмъ и за что мы такъ счастливы, и не по старому, всему свѣту хотимъ разказать то, чтò мы думаемъ; мы какъ заговорщицы, шепчемъ другъ съ другомъ, и сотый разъ спрашиваемъ другъ друга, зачѣмъ все такъ грустно переизмѣнилось? И онъ все тотъ же, только глубже морщина между его бровей, больше сѣдыхъ волосъ въ его вискахъ, но глубокой внимательный взглядъ постоянно заволоченъ отъ меня тучей. Все та же и я, но нѣтъ во мнѣ ни любви, ни желанія любви. Нѣтъ потребности труда, нѣтъ довольства собой. И такъ далеки и невозможны мнѣ кажутся прежніе религіозные восторги и прежняя любовь къ нему, прежняя полнота жизни. Я не поняла бы теперь того, чтò прежде мнѣ казалось такъ ясно и справедливо: счастье жить для другаго. Зачѣмъ для другаго? когда и для себя жить не хочется?

Я совершенно бросила музыку съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ переѣхала въ Петербургъ; но теперь старое фортепіано, старыя ноты снова пріохотили меня.

Одинъ день мнѣ не здоровилось, я осталась одна дома; Катя и Соня поѣхали съ нимъ вмѣстѣ въ Никольское, смотрѣтъ новую постройку. Чайный столъ былъ накрытъ, я сошла внизъ и ожидая ихъ, сѣла за фортепіано. Я открыла сонату quasi una fantasia, и стала играть ее. Никого невидно и неслышно было, окна были открыты въ садъ; и знакомые, грустно торжественные звуки раздавались въ комнатѣ. Я кончила первую часть и совершенно безсознательно, по старой привычкѣ, оглянулась

въ тотъ уголъ, въ которомъ онъ сиживаль бывало, слушая меня. Но его не было; стулъ, давно не сдвинутый, стоялъ въ своемъ углу; а въ окно видѣлся кустъ сирени, на свѣтломъ закатѣ, и свѣжесть вечера вливалась въ открытыя окна. Я облокотилась на фортепјано, обѣими руками закрыла ими лицо и задумалась. Я долго сидѣла такъ, съ болью вспоминая старое, невозвратимое, и робко придумывая новое. Но впереди какъ будто уже ничего не было, какъ будто я ничего не желала и не надѣялась. Неужели я отжила! подумала я, съ ужасомъ приподняла голову, и чтобы забыть и не думать, опять стала играть и все то же *andante*. Боже мой! подумала я, прости меня, ежели я виновна, или возврати мнѣ все, чтѣ было такъ прекрасно въ моей душѣ, или научи, чтѣ мнѣ дѣлать? какъ мнѣ жить теперь? Шумъ колесъ послышался по травѣ и передъ крыльцомъ, и на террасѣ послышались осторожные, знакомые шаги и за- тихли. Но уже не прежнее чувство отозвалось на звукъ этихъ знакомыхъ шаговъ. Когда я окончила, шаги послышались за мною, и рука легла на мое плечо.

— Какая ты умница, что сыграла эту сонату, сказалъ онъ.

Я молчала

— Ты не пила чай.

Я отрицательно покачала головой и не оглядывалась на него, чтобы не выдать слѣдовъ волненія, оставшихся на моемъ лицѣ.

— Они сейчасъ прїѣдутъ; лошадь зашалаила, и онѣ сошли пѣшкомъ отъ большой дороги, сказалъ онъ.

— Подождемъ ихъ, сказала я, и вышла на террасу, надѣясь, что и онъ пойдетъ за мною; но онъ спросилъ про дѣтей и пошелъ къ нимъ. Опять его присутствіе, его простой добрый голосъ разувѣрилъ меня въ томъ, что что-то утрачено мною. Чего же еще желать? Онъ добръ, кротокъ, онъ хорошій мужъ, хорошій отецъ, я сама не знаю, чего еще не достаетъ мнѣ. Я вышла на балконъ и сѣла подъ полотно террасы, на ту самую скамейку, на которой я сидѣла въ день нашего объясненія. Ужь солнце зашло, начинало смеркаться, и весенняя темная тучка висѣла надъ домомъ и садомъ, только изъ-за деревьевъ видѣлся чистый край неба съ потухавшею зарей и только-что вспыхнувшюю вечернею звѣздочкой. Надо всѣмъ стояла тѣнь легкой тучки, и все ждало тихаго весенняго дождика. Вѣтеръ замеръ, ни одинъ листъ, ни одна травка не шевелилась, запахъ сирени и черемухи, такъ сильно какъ будто весь воздухъ цвѣлъ, стоялъ въ саду и на террасѣ, и наплывами, то вдругъ ослабѣвалъ, то уси-

ливался, такъ что хотѣлось закрыть глаза и ничего не видѣть, не слышать, кромѣ этого сладкаго запаха. Георгины и кусты розановъ еще безъ цвѣта, неподвижно вытянувшись на своей вскопанной черной рабatkѣ, какъ будто медленно росли вверхъ по своимъ бѣлымъ обструганнымъ подставкамъ; лягушки изо всѣхъ силъ, какъ будто напоследкахъ передъ дождемъ, который ихъ загонитъ въ воду, дружно и пронзительно трещали изъ-подъ оврага. Одинъ какой-то тонкій непрерывный водяной звукъ стоялъ надъ этимъ крикомъ. Соловьи перекликались въ перемежку, и слышно было какъ тревожно перелетали съ мѣста на мѣсто. Опять нынѣшнюю весну одинъ соловей пытался поселиться въ кустѣ подъ окномъ, и когда я вышла, слышала, какъ онъ перемѣстился за аллею и оттуда щелкнулъ одинъ разъ и затихъ, тоже ожидая.

Напрасно я себя успокоивала, и я ждала и жалѣла чего-то. Онъ вернулся сверху и сѣлъ подлѣ меня.

— Кажется, помочить нашихъ, сказалъ онъ.

— Да, проговорила я, и мы оба долго молчали.

А туча безъ вѣтра все опускалась ниже и ниже; все становилось тише, пахучѣе и неподвижнѣе, и вдругъ капля упала и какъ будто подпрыгнула на парусинномъ навѣсѣ террасы, другая разбилась на щепнѣ дорожки; по лопуху шлепнуло, и закапалъ крупный, свѣжій, устляющійся дождикъ. Соловьи и лягушки совсѣмъ затихли, только тонкій водяной звукъ, хотя и казался дальше изъ-за дождя, но все стоялъ въ воздухѣ, и какая-то птица, должно быть забившись въ сухіе листья, недалеко отъ террасы, равномерно выводила свои двѣ однообразныя ноты. Онъ всталъ и хотѣлъ уйти.

— Куда ты? спросила я, удерживая его. — Здѣсь такъ хорошо.

— Послать зонтикъ и калоши надо, отвѣчалъ онъ.

— Не нужно, сейчасъ пройдетъ.

Онъ согласился со мной, и мы вмѣстѣ остались у перилъ террасы. Я оперлась рукою на склизкую мокрую перекладину и выставила голову. Свѣжій дождикъ неровно кропилъ мнѣ волосы и шею. Тучка свѣтлѣя и рѣдѣя проливалась надъ нами; ровный звукъ дождя замѣнился рѣдкими каплями, падавшими сверху и съ листьевъ. Опять внизу затрещали лягушки, опять встрепенулись соловьи, и изъ мокрыхъ кустовъ стали отзываться, то съ той, то съ другой стороны. Все просвѣтлѣло передъ нами.

— Какъ хорошо! проговорилъ онъ, присаживаясь на перилы и рукой проводя по моимъ мокрымъ волосамъ.

Эта простая ласка, какъ упрекъ, подѣйствовала на меня, мнѣ захотѣлось плакать.

— И чего еще нужно человѣку? сказалъ онъ. — Я теперь такъ доволенъ, что мнѣ ничего не нужно, совершенно счастливъ!

«Не такъ ты говорилъ мнѣ когда-то про свое счастье, подумала я. Какъ ни велико оно было, ты говорилъ, что все еще и еще чего-то хотѣлось тебѣ. А теперь ты спокоенъ и доволенъ, когда у меня въ душѣ какъ будто невысказанное раскаянье и невыплаканныя слезы.»

— И мнѣ хорошо, сказала я, — но грустно именно отъ того, что все такъ хорошо передо мной. Во мнѣ такъ не связно, неполно, все хочется чего-то; а тутъ такъ прекрасно и покойно. Неужели и у тебя не примѣшивается какая-то тоска къ наслажденію природой, какъ будто хочется чего-то невозможнаго, и жаль чего-то прошедшаго?

Онъ принявъ руку съ моей головы и помолчалъ немного.

— Да, прежде и со мной это бывало, особенно весной, сказалъ онъ, какъ будто припоминая. — И я тоже ночи просиживалъ, желая и надѣясь, и хорошія ночи!... Но тогда все было впереди, а теперь все сзади; теперь съ меня довольно того, что есть, и мнѣ славно, — заключилъ онъ такъ увѣренно небрежно, что какъ мнѣ ни больно было слышать это, мнѣ повѣрилось, что онъ говоритъ правду.

— И ничего тебѣ не хочется? спросила я.

— Ничего невозможнаго, отвѣчалъ онъ, угадывая мое чувство. — Ты вотъ мочишь голову, прибавилъ онъ, какъ ребенка лаская меня, еще разъ проводя рукой по моимъ волосамъ, — ты завидуешь и листьямъ, и травѣ за то, что ихъ мочить дождикъ, тебѣ бы хотѣлось быть и травой, и листьями, и дождикомъ. А я только радуюсь на нихъ, какъ на все на свѣтѣ, что хорошо, молодо и счастливо.

— И не жаль тебѣ ничего прошлаго? продолжала я спрашивать, чувствуя, что все тяжеле и тяжеле становится у меня на сердцѣ.

Онъ задумался и опять замолчалъ. Я видѣла, что онъ хотѣлъ отвѣтить совершенно искренно.

— Нѣтъ! отвѣчалъ онъ коротко.

— Неправда! неправда! заговорила я, оборачиваясь къ нему и глядя въ его глаза. — Ты не жальешь прошлаго?

— Нѣтъ! повторилъ онъ еще разъ, — я благодаренъ за него, но не жалью прошлаго.

— Но развѣ ты не желалъ бы воротить его? сказала я.

Онъ отвернулся и сталъ смотрѣть въ садъ.

— Не желаю, какъ не желаю того, чтобъ у меня выросли крылья, сказалъ онъ. — Нельзя!

— И не поправляешь ты прошедшаго? не упрекаешь себя или меня?

— Никогда! Все было къ лучшему.

— Послушай! сказала я, дотрогиваясь до его руки, чтобъ онъ оглянулся на меня. — Послушай, отчего ты никогда не сказалъ мнѣ, что ты хочешь, чтобы я жила именно такъ, какъ ты хотѣлъ, зачѣмъ ты давалъ мнѣ волю, которою я не умѣла пользоваться, зачѣмъ ты пересталъ учить меня? Ежели бы ты хотѣлъ, ежели бы ты иначе велъ меня, ничего, ничего бы не было, сказала я голосомъ, въ которомъ сильнѣй и сильнѣй выразилась холодная досада и упрекъ, а не прежняя любовь.

— Чего бы не было? сказалъ онъ удивленно, оборачиваясь ко мнѣ: — и такъ ничего нѣтъ. Все хорошо. Очень хорошо, прибавилъ онъ улыбаясь.

«Неужели онъ не понимаетъ, или еще хуже, не хочетъ понимать,» подумала я, и слезы выступили мнѣ на глаза. — Не было бы того, что ничѣмъ не виноватая передъ тобой, я наказана твоимъ равнодушіемъ, презрѣніемъ даже, вдругъ высказалась я. — Не было бы того, что безъ всякой моей вины, ты вдругъ отнял у меня все, что мнѣ было дорого.

— Что ты, душа моя! сказалъ онъ, какъ бы не понимая того, что я говорила.

— Нѣтъ, дай мнѣ договорить: — Ты отнял отъ меня свое довѣріе, любовь, уваженіе даже; потому что я не повѣрю, что ты меня любишь теперь, послѣ того, что было прежде. Нѣтъ, мнѣ надо сразу высказать все, что давно мучитъ меня, опять перебила я его. — Развѣ я виновата въ томъ, что не знала жизни, а ты меня оставилъ одну отыскивать... Развѣ я виновата, что теперь, когда я сама поняла то, что нужно, когда я, скоро годъ, бьюсь, чтобы вернуться къ тебѣ, ты отталкиваешь меня, какъ будто не понимая, чего я хочу, и все такъ, что ни въ чемъ гнѣзю упрекнуть тебя, а что я и виновата и несчастна! Да, ты

хочешь опять выбросить меня въ ту жизнь, которая могла сдѣлать мое и твое несчастіе.

— Да чѣмъ же я показаль тебѣ это? съ искреннимъ испугомъ и удивленіемъ спросилъ онъ.

— Не ты ли еще вчера говорилъ, да и безпрестанно говоришь, что я не уживу здѣсь, и что намъ опять на зиму надо ѣхать въ Петербургъ, который ненавистенъ мнѣ? продолжала я.— Чѣмъ бы поддержать меня, ты избѣгаешь всякой откровенности, всякаго искренняго, нѣжнаго слова со мной. И потомъ, когда я паду совсѣмъ, ты будешь упрекать меня и радоваться на мое паденіе.

— Постой, постой, сказалъ онъ строго и холодно, — это не хорошо, что ты говоришь теперь. Это только доказываетъ, что ты дурно расположена противъ меня, что ты не...

— Что я не люблю тебя? говори! говори! досказала я, и слезы полились у меня изъ глазъ. Я сѣла на скамейку и закрыла платкомъ лицо.

«Вотъ какъ онъ понялъ меня!» думала я, стараясь удерживать рыданія, давившія меня. «Кончена, кончена наша прежняя любовь,» говорилъ какой-то голосъ въ моемъ сердцѣ. Онъ не подошелъ ко мнѣ, не утѣшилъ меня. Онъ былъ оскорбленъ тѣмъ, что я сказала. Голосъ его былъ спокоенъ и сухъ.

— Не знаю, въ чемъ ты упрекаешь меня, началъ онъ,— ежели въ томъ, что я уже не такъ любилъ тебя, какъ прежде.....

— Любилъ! проговорила я въ платокъ, и горькія слезы еще обильнѣе полились на него.

— То въ этомъ виновато время и мы сами. Въ каждой порѣ есть своя любовь... Онъ помолчалъ. — И сказать тебѣ всю правду? ежели уже ты хочешь откровенности. Какъ въ тотъ годъ, когда я только узналъ тебя, я ночи проводилъ безъ сна, думая о тебѣ, и дѣлалъ самъ свою любовь, и любовь эта расла и расла въ моемъ сердцѣ, такъ точно и въ Петербургъ и за границей, я не спалъ ужасныя ночи и разламывалъ, разрушалъ эту любовь, которая мучила меня. Я не разрушилъ ея, а разрушилъ только то, что мучило меня, успокоился, и все-таки люблю, но другою любовью.

— Да ты называешь это любовью, а это мука, проговорила я,—зачѣмъ ты мнѣ позволилъ жить въ свѣтѣ, ежели онъ такъ вреденъ тебя казался, что ты меня разлюбилъ за него?

— Не свѣтъ, мой другъ, сказалъ онъ.

— Зачѣмъ не употребилъ ты свою власть, продолжала я,—не

связалъ, не убилъ меня? Мнѣ бы лучше было теперь, чѣмъ лишиться всего, что составляло мое счастье, мнѣ бы хорошо, не стыдно было.

Я опять зарыдала и закрыла лицо.

Въ это время Катя съ Соней, веселая и мокрая, съ громкимъ говоромъ и смѣхомъ вошли на террасу; но увидавъ насъ, затихли и тотчасъ же вышли.

Мы долго молчали, когда онъ ушелъ; я выплакала свои слезы, и мнѣ стало легче. Я взглянула на него. Онъ сидѣлъ, облокотивъ голову на руку, и хотѣлъ что-то сказать въ отвѣтъ на мой взглядъ, но только тяжело вздохнулъ и опять облокотился.

Я подошла къ нему и отвела его руку. Взглядъ его задумчиво обратился на меня.

— Да, заговорилъ онъ какъ будто продолжая свои мысли.— Всѣмъ намъ, а особенно вамъ, женщинамъ, надо прожить самимъ весь вздоръ жизни, для того, чтобы вернуться къ самой жизни; а другому вѣрить нельзя. Ты еще далеко не прожила тогда этотъ прелестный и милый вздоръ, на который я любовался въ тебѣ; и я оставлялъ тебя выживать его и чувствовалъ, что не имѣлъ права стѣснять тебя, хотя для меня уже давно прошло время.

— Зачѣмъ же ты проживалъ со мною и давалъ мнѣ проживать этотъ вздоръ, ежели ты любишь меня? сказала я.

— Затѣмъ, что ты и хотѣла бы, но не могла бы повѣрить мнѣ; ты сама должна была узнать, и узнала.

— Ты разсуждалъ, ты разсуждалъ много, сказала я.—Ты мало любилъ.

Мы опять помолчали.

— Это жестоко, что ты сейчасъ сказала, но это правда, проговорилъ онъ, вдругъ приподнимаясь и начиная ходить по террасѣ,—да, это правда. Я виноватъ былъ! прибавилъ онъ, оставливаясь противъ меня.—Или я не долженъ былъ вовсе позволить себѣ любить тебя, или любить проще, да.

— Забудемъ все, сказала я робко.

— Нѣтъ, что прошло, то ужъ не воротится, никогда не воротись, и голосъ его смягчился, когда онъ говорилъ это.

— Все вернулось уже, сказала я, на плечо кладя ему руку.

Онъ отвелъ мою руку и пожалъ ее.

— Нѣтъ, я не правду говорилъ, что не жалѣю прошлаго; нѣтъ, я жалѣю, я плачу о той прошедшей любви, которой ужъ нѣтъ и не можетъ быть больше. Кто виноватъ въ этомъ? не

знаю. Осталась любовь, но не та, осталось ея мѣсто, но она вся выболѣла, нѣтъ ужъ въ ней силы и сочности, остались воспоминанія и благодарность; но...

— Не говори такъ... перебила я.—Опять пусть будетъ все, какъ прежде... Вѣдь можетъ быть? да? спросила я, глядя въ его глаза. Но глаза его были ясны, спокойны и не глубоко смотрѣли въ мои.

Въ то время, какъ я говорила, я чувствовала уже, что невозможно то, чего я желала, и о чемъ просила его. Онъ улыбнулся спокойно, кротко, какъ мнѣ показалось, старческою улыбкой.

— Какъ еще ты молода, а какъ я старъ, сказалъ онъ.—Во мнѣ уже нѣтъ того, чего ты ищешь; зачѣмъ обманывать себя? прибавилъ онъ, продолжая также улыбаться.

Я молча стала подлѣ него, и на душѣ у меня становилось спокойнѣе.

— Не будемъ стараться повторять жизнь, продолжалъ онъ,— не будемъ лгать сами передъ собою. А что нѣтъ старыхъ тревогъ и волненій, и слава Богу! Намъ нечего искать и волноваться. Мы ужъ нашли, и на нашу долю выпало довольно счастія. Теперь намъ ужъ нужно стираться и давать дорогу вотъ кому, сказалъ онъ, указывая на кормилицу, которая съ Ваней подошла и остановилась у дверей террасы.—Такъ-то милый другъ, заключилъ онъ, пригибая къ себѣ мою голову и цѣлуя ее. Не любовникъ, а старій другъ цѣловалъ меня.

А изъ саду все оилнѣй и слаще поднималась пахучая свѣжесть ночи, все торжественнѣе становились звуки и тишина, и на небѣ чаще зажигались звѣзды. Я посмотрѣла на него, и мнѣ вдругъ стало легко на душѣ; какъ будто отняли у меня тотъ больной нравственный нервъ, который заставлялъ страдать меня. Я вдругъ ясно и спокойно поняла, что чувство того времени невозвратно прошло, какъ и самое время, и что возвратить его теперь не только невозможно, но тяжело и стѣснительно бы было. Да и полно, такъ ли хорошо было это время, которое казалось мнѣ такимъ счастливымъ? И такъ давно, давно уже все это было!...

— Однако пора чай пить! сказалъ онъ, и мы вмѣстѣ съ нимъ пошли въ гостиную. Въ дверяхъ мнѣ опять встрѣтилась кормилица съ Ваней. Я взяла на руки ребенка, закрыла его оголившіяся красныя ножонки, прижала его къ себѣ, и, чуть прикасаясь губами, поцѣловала его. Онъ какъ во снѣ зашевелилъ на, чонкою съ растопыренными, сморщенными пальцами, яное

крылъ мутныя глазенки, какъ будто отыскивая или вспоминая что-то; вдругъ эти глазенки остановились на мнѣ, искра мысли блеснула въ нихъ, пухлыя, оттопыренныя губки стали собираться и открылись въ улыбку. «Мой, мой, мой!» подумала я съ счастливымъ напряженьемъ во всѣхъ членахъ, прижимая его къ груди и съ трудомъ удерживаясь отъ того, чтобы не сдѣлать ему больно. И я стала цѣловать его холодныя ножонки, животикъ и руки и чуть обросшую волосами головку. Мужъ подошелъ ко мнѣ, я быстро закрыла лицо ребенка и опять открыла его.

— Иванъ Сергѣичъ! проговорилъ мужъ, пальцемъ трогаю его подъ подбородочекъ. Но я опять быстро закрыла Ивана Сергѣича. Никто кромѣ меня не долженъ былъ долго смотрѣть на него. Я взглянула на мужа, глаза его смѣялись глядя въ мои, и мнѣ въ первый разъ послѣ долгаго времени легко и радостно было смотрѣть въ нихъ.

Съ этого дня кончился мой романъ съ мужемъ; старое чувство стало дорогимъ, невозвратимымъ воспоминаніемъ, а новое чувство любви къ дѣтямъ и къ отцу моихъ дѣтей положило начало другой, но уже совершенно иначе счастливой жизни, которую я еще не прожила въ настоящую минуту....

Графъ Л. Толстой.

ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО О ПОЛИЦІИ

И лѣтопись окончена моя!..

А. Пушкинъ.

I.

Статья моя *О полиціи или полиціи* возбудила нѣсколько частныхъ упрековъ и замѣчаній со стороны друзей моихъ и знакомыхъ. Не имѣя возможности защищаться передъ каждымъ изъ нихъ порознь, я обращаюсь къ посредству печатнаго слова, по пословицѣ: чѣмъ ушибся, тѣмъ и лѣчись. Еще болѣе побуждаетъ меня къ этому непріятная мысль, что подобныя же замѣчанія, быть-можетъ, готовятся мнѣ и со стороны людей незнакомыхъ. Чѣмъ дожидаться, лучше предупредить.

Не принадлежа къ числу людей, считающихъ себя непорочными, я всегда готовъ сознаться въ своей ошибкѣ, когда мнѣ ее укажутъ. Такъ желалъ бы я поступить и въ настоящемъ случаѣ, и если только справедливо сдѣланное мнѣ замѣчаніе, что статья моя вмѣсто желанной пользы принесла одинъ только вредъ, то я молча склоняюсь передъ фактомъ. Но человѣку дана способность не терять надежды, и я все еще надѣюсь, что друзья мои не правы. Не можетъ быть, чтобъ изъ сердца, въ которомъ накопилось столько антипатіи къ произволу и безпорядку, и которое такъ жаждетъ мира и правды, чтобъ изъ этого сердца, хотя бы и въ минуту увлеченія, излетѣло слово, враждебное

миру и порядку; не можетъ быть, чтобы подобное слово могло проскользнуть на страницы журнала, объявившаго непримиримую вражду всякой неправдѣ и насилію... Нѣтъ, одно изъ двухъ: или я не умѣю выражаться, или меня не поняли мои добрые знакомые.

Крѣпостное право уже не существуетъ по имени: оно осуждено голосомъ болѣе сильнымъ, чѣмъ мой слабый голосъ. Еслибъ оно не существовало и на дѣлѣ, то вооружаться противъ него заднимъ числомъ было бы смѣшно: лежачаго не бьютъ. Но, какъ извѣстно, оно не только существуетъ, не только крѣпко держится на ногахъ, но еще подымаетъ голосъ во имя науки и права, во имя любви къ общему благу. Въ то самое время, когда верховная власть произносила рѣшительное осужденіе крѣпостному праву, въ честь ему, во всеуслышаніе, раздавались хвалебные гимны не только со стороны поклонниковъ патріархальныхъ началъ, но даже со стороны представителей науки — магистровъ законовѣдѣнія! Но положимъ, что эти гимны возбудили только смѣхъ и давно забыты всѣми: положимъ, что они остались безвредны, не произведя ни малѣйшаго раздраженія въ сердцахъ, переполненныхъ надеждою: положимъ слѣдовательно, что ихъ нельзя назвать преступнымъ противодѣйствіемъ волѣ, для всего народа священной... Но за что же признавать вредными голоса тѣхъ, кто, наоборотъ, пріивѣтствуетъ эту волю съ радостію и увлеченіемъ?

Скажутъ, пожалуй, что увлеченіе всегда вредно и портитъ дѣло. Я позволяю себѣ не соглашаться съ этимъ и думаю, что безъ увлеченій Минина и Пожарскаго, безъ московскихъ увлеченій 1812 года, безъ севастопольскихъ и тому подобныхъ увлеченій, отечество наше не ушло бы далеко. Теперь, когда дѣло идетъ о защитѣ интересовъ всего русскаго народа, а не одного города, когда къ защитѣ этой громко призываетъ насъ голосъ, которому мы обязаны повиноваться, — теперь, мнѣ кажется, еще болѣе позволительно увлеченіе. Я даже думаю, что въ настоящее время не увлеченіе преступно, а равнодушіе.

Увлеченіе увлеченію рознь. Какой-нибудь Готтентотъ, присутствуя при мукахъ рожденія своего дитяти, готовъ порѣшить дѣло живо, посредствомъ собственноручнаго цезарскаго сѣченія; но человекъ мало-мальски образованный, человекъ-християнинъ, прежде чѣмъ думать о такой операциі, поспѣшитъ къ помощи науки и опыта, станетъ съ сердечнымъ трепетомъ слѣдить за рукой врача, всячески помогая ему и умоляя не

повредить ни матери, ни младенцу... И Готтентоть и христiянинъ, оба дѣйствуютъ въ этомъ случаѣ съ увлеченiемъ; но у одного оно дико и необузданно, у другаго—полно безпредѣльнаго желанiя благополучнаго окончанiя родовъ. Смѣю думать, что я не Готтентоть; по крайней мѣрѣ никто изъ добрыхъ знакомыхъ, нынѣ укоряющихъ меня въ увлеченiи, не рѣшится сказать, что оно похоже на готтентотское. Въ статьѣ, о которой идетъ рѣчь, я дѣйствительно увлекся чувствомъ безграничной благодарности къ лицу, рѣшившемуся уничтожить крѣпостное право, и чувствомъ глубокаго отвращенiя ко всѣмъ видамъ этого права. Но этими же самими чувствами преисполнена теперь вся Россiя, и я думаю, что съ моей стороны не было ни особенной заслуги, ни особенной вины въ громкомъ выраженiи того, что каждый про себя думаетъ и чувствуетъ. Я даже не сказалъ ничего новаго въ этой статьѣ; истина въ ней высказанная — не моя истина: каждый крестьянинъ отлично понимаетъ, что крѣпостное право не будетъ уничтожено съ устраненiемъ произвола одной только помѣщичьей власти; онъ понимаетъ, что ему не будетъ легче, если вмѣсто одного помѣщика у него будутъ ихъ цѣлыя десятки и сотни на каждомъ шагу.

Но какъ бы то ни было, всего менѣе ожидалъ я упрека въ недостаткѣ уваженiя къ власти. Грустно мнѣ защищаться противъ этого упрека; грустно думать, что у насъ, до сихъ поръ, не хотятъ видѣть всю бездну различiя между нападенiемъ на злоупотребленiя властей и нападенiемъ на самую власть.

Но дѣлать нечего, надо защищаться. Не стану напоминать друзьямъ моимъ, что въ той самой статьѣ, которая подверглась ихъ осужденiю, есть нѣсколько словъ, совершенно устраняющихъ сказанный упрекъ; приведу только слѣдующiя слова о значенiи власти, сказанныя мною въ прежнихъ статьяхъ: «Закону необходимы внѣшнiе органы, какъ необходимы они и человѣку для проявленiя разума и воли. Такимъ органомъ закона является внѣшняя власть. Но власть эта, какъ и всякая сила, тогда только приноситъ пользу, когда, сдержанная въ своемъ естественномъ стремленiи, становится послушною разумной волѣ. Плотина останавливаетъ стремленiе потока, шлюзы направляютъ его на мельничное колесо, — и страшная прежде сила, безъ разбора гнувшая и уносившая все на пути своемъ, является благодѣтельной посредницей между человѣкомъ и его цѣлью. Точно такъ и законъ, утверждая между людьми правду и добро, по-

средствомъ внѣшней силы, прежде всего старается оградить ее приличными предѣлами и сдѣлать послушною своимъ высокимъ цѣлямъ. Будучи осмыслена такимъ образомъ, сила эта, вызванная къ дѣйствию, становится въ одно и то же время страшною для однихъ и спасительною для другихъ, и люди окружаютъ почтеніемъ двуликій образъ ея...»

Не въ этихъ ли строкахъ слышится мое неуваженіе въ власти? Не въ тѣхъ ли наконецъ, гдѣ я (въ статьѣ *Два слова о полиціи*) указываю, какъ на образецъ, на то общество, въ которомъ достаточно предъявленія палочки полицмена, чтобъ остановить всякое нарушеніе порядка среди самой многочисленной толпы, посреди лицъ, какого бы то ни было высокаго званія и чина? Неужели друзья мои не понимаютъ, что люди, открыто нападающіе на источникъ злоупотребленія властью, выказываютъ гораздо болѣе уваженія къ самой власти, чѣмъ тѣ, которые благоговѣнно ползаютъ и пресмыкаются передъ этими злоупотребленіями и возводятъ ихъ на степень закона?

Откуда же упреки и замѣчанія моихъ добрыхъ знакомыхъ? Неужели нападеніе мое на вотчинныя привычки, хотя бы и въ области администраціи и суда, есть нападеніе на власть, воззвание къ безначалію? Неужели къ такому замѣчанію могло подать поводъ скромное, хотя и горячо высказанное желаніе, чтобы судъ былъ судомъ нелицепріятнымъ, чтобы лица, власть имѣющія, отказались отъ началъ вотчиннаго права, нерѣдко вносимаго ими въ служебную сферу? Чѣмъ же предосудительно такое желаніе послѣ открытаго осужденія этого права всѣмъ міромъ? И развѣ въ немъ, въ этомъ желаніи, а не въ сказанныхъ началахъ, слѣдуетъ искать поводовъ къ раздраженію и неуваженію власти? Боже мой, какъ легко взводится у насъ обвиненіе!

Кто же не знаетъ, что человѣкъ, потерявшій надежду, способенъ на всякую крайность, и что наоборотъ, въ комъ горитъ еще хоть искра надежды, въ комъ есть хоть капля вѣры въ правду, тотъ еще въ состояніи молиться и ждать? И за то, что мы сами вѣримъ, и надѣемся, и возбуждаемъ теплую вѣру въ другихъ, друзья наши называютъ насъ красными! Благо попалось слово, которымъ сразу можно заклеить человѣка и зажечь ему ротъ... Но, не слишкомъ ли злоупотребляютъ у насъ этимъ словомъ? Мы, по крайней мѣрѣ, твердо увѣрены, что въ настоящую минуту, въ Россіи, благодаря возбужденнымъ въ ней надеждамъ, нѣтъ людей, которые бы заслуживали это на-

званіе. Но если ужь непременно нужно окрестить кого-нибудь этимъ французскимъ прозвищемъ, то, по всей справедливости, оно можетъ относиться только къ тѣмъ, кто, по неразумному расчету, вздумалъ бы останавливать благородное движеніе, данное державною рукою нашему отечеству, а вовсе не къ тѣмъ, кто, заглядывая впередъ, хлопочетъ, чтобы движеніе это въ торжественномъ своемъ шествіи не встрѣчало никакихъ заборовъ.

«Но развѣ вы не понимаете, говорятъ намъ, что именно въ настоящую минуту, въ минуту преувеличенныхъ ожиданій, внѣшняя, полицейская власть, какова она ни есть, должна быть усилена, и уваженіе къ ней должно быть внушаемо всѣми способами?..» О, напротивъ, мы очень хорошо понимаемъ эту мысль, но она приводитъ насъ въ содроганіе... Правда, мы убѣждены, что отечеству нашему, въ настоящую минуту, очень и очень пригодилось бы уваженіе къ полицейской власти, но мы не вѣримъ въ прочность того уваженія, которое не истѣкаетъ изъ сердца, а прививается всѣми способами...

Но Боже мой, зачѣмъ смущать свое воображеніе въ то самое время, когда всѣ ждуть радостей, однихъ только радостей и ликованій? Зачѣмъ говорить съ такою недовѣрчивостью о народѣ, который въ продолженіи всей своей исторіи, столько вѣковъ, хлопоталъ только объ одномъ—о созданіи власти, самой могущественной власти, какая только представлялась человѣческому воображенію? Возможно ли подозрѣвать этотъ народъ въ неумѣннѣ повиноваться велѣніямъ той власти, которую самъ онъ призвалъ тысячу лѣтъ назадъ, которую потомъ въ минуту ея отсутствія самъ возстановилъ въ лицѣ Михаила, за которую онъ положилъ голову въ лицѣ Сусанина, за которую често умиралъ столько разъ, столько вѣковъ, за которую и въ настоящую минуту онъ готовъ?.. Нужно ли договаривать нашу мысль, нужно ли доказывать, что Русскіе не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ несчастнымъ народомъ, у котораго власть держится только эспинасовскими мѣрами? Откуда же эти общія сомнѣнія и опасенія? Нѣтъ, господа, будемъ справедливы: русскій народъ постоянно стремится къ *источнику* власти и закона, твердо вѣритъ въ его цѣлебную силу и жаждетъ найти въ немъ живительную крѣпость; но вся бѣда въ томъ, что водопроводы, предназначенные утолять эту жажду, не всегда были чисты.

Нѣтъ, господа, не *подрывать*, а *возстановлять* уваженіе къ

властямъ мы страстно желаемъ. Оно подорвано не нами. Не мы выдумали произволь, насиліе и взятки; не мы сочинили пословицу: «до Бога высоко, до царя далеко». Мы, напротивъ, хотимъ, чтобы царская правда была какъ можно ближе къ народу, всѣми видима и ощущаема; мы хотимъ, чтобы представители закона въ народѣ были достойными представителями закона и не заслоняли его свѣтлаго лица своею личностью, его благихъ вельній—своимъ произволомъ, словомъ, чтобы у насъ исчезли всѣ остатки идолопоклонства. И если друзья наши стануть доказывать, что такое желаніе вредно для общаго блага и для успѣховъ того великаго дѣла, къ совершенію котораго призвано теперь наше отечество, то... мы отказываемся отъ ихъ дружбы, какъ бы тяжело для насъ это ни было. Въ настоящую торжественную минуту, когда разрѣшается вопросъ, отъ котораго зависитъ все будущее здоровье и сила Россіи, когда Властелинъ ея, передъ которымъ могли бы трепетать самые сильные защитники крѣпостныхъ порядковъ, обращается къ своимъ подданнымъ съ ласковою просьбою не препятствовать, а помогать ему въ великомъ дѣлѣ,—въ настоящую минуту слѣдуетъ считать не Русскимъ всякаго, кто можетъ и не хочетъ помогать Ему, и преступнымъ, кто вздумалъ бы противодѣйствовать Его святому дѣлу. Что же касается до насъ, то мы хотимъ оставаться вѣрными имени Русскаго и съ честью носить это имя до конца.

II.

Обращаемся къ другимъ замѣчаніямъ, менѣе для насъ оскорбительнымъ и относящимся прямо къ полиціи. Нѣкоторые изъ друзей нашихъ замѣтили, что, несмотря на частые толки наши насчетъ власти, подвергающей гражданина слѣдствію и суду, и насчетъ необходимости отдѣлить эту власть отъ полиціи, они все еще не хорошо понимаютъ, въ чемъ дѣло, и чего мы добиваемся. Нечего дѣлать, приходится повторять одно то же. Постараемся однако быть, по возможности, краткими и вразумительными.

Порядочный человѣкъ никогда не станетъ обвинять кого-либо голословно, по первому подозрѣнію или догадкѣ, по первой вѣспышкѣ гнѣва: такихъ людей обыкновенно называютъ клевет-

никами. Но, какъ бы то ни было, клевететь ли частный человекъ на ближняго, или обвинять его по праву, во всякомъ случаѣ обвиненіе его предъ судомъ есть не болѣе какъ *жалоба*, которую должно доказать. Предположимъ теперь, что доказательствъ никакихъ не требуется, и каждому предоставлена власть дѣлать оцѣнку собственному своему обвиненію и принимать противъ обвиняемаго какія вздумается мѣры... вы приходите въ ужасъ, любезные читатели, отъ этого предположенія, не правда ли? А друзья наши увѣряютъ, что они не могутъ понять что тутъ ужаснаго! Обратимся однако къ полиціи. Полиція, какъ извѣстно, учреждается въ интересахъ общества и частныхъ лицъ, слѣдовательно ни въ какомъ случаѣ не должна имѣть *предъ судомъ* болѣе правъ, чѣмъ имѣеть ихъ общество и частныя лица. Право наблюдать за порядкомъ, останавливать всякое нарушеніе спокойствія, хлопотать объ открытіи преступленій, доводить о таковыхъ открытіяхъ до свѣдѣнія суда, всѣ эти права принадлежать одинаково и полиціи и всѣмъ частнымъ лицамъ. Но частный человекъ не всегда можетъ воспользоваться этими правами по недостатку средствъ и досуга. Вотъ эти-то средства и вручаются полиціи, какъ ближайшему другу общества, для его защиты. Здѣсь и оканчивается власть полиціи; здѣсь же и границы ея обязанностей. За эту границу слѣдуетъ уже область судебной власти въ обширномъ смыслѣ этого слова, которая начинается свои дѣйствія съ *рѣшенія* вопроса: достаточно ли представлено полиціей подозрѣній, догадокъ и фактовъ, чтобы начать *преслѣдованіе* заподозрѣннаго лица, назначить надъ нимъ формальное слѣдствіе и принять въ отношеніи его какія-либо стѣснительныя для его свободы мѣры? Въ образованныхъ странахъ, учрежденія которыхъ запечатлѣны христіанскимъ уваженіемъ къ человѣческой личности, вопросъ этотъ считается вопросомъ *судебнымъ* и разрѣшается не административною, а судебною властью. Въ Англіи, напримѣръ, дѣйствія полиціи и обвинительной власти разграничены слѣдующимъ образомъ: Если преступленіе совершается въ глазахъ полиціи, она его останавливаетъ, виновныхъ задерживаетъ и отсылаетъ къ суду. Если виновный не повинуется, она употребляетъ противъ него физическую силу. Если же совершитель преступленія неизвѣстенъ или только подозрѣвается, то англійская, то-есть преимущественно лондонская полиція тотчасъ пускается въ розыски и употребляетъ всѣ силы своего ума для того, чтобы совершенно обнаружить преступленіе:

это ей по большей части удается, потому что она только этихъ и занимается. По мѣрѣ того, какъ собираемыя полиціей свѣдѣнія и факты накаплиются, она передаетъ ихъ низшей инстанціи суда, въ графствахъ—мировому суду, а въ городахъ такъ называемому полицейскому суду, который, несмотря на это названіе, есть судъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Безъ разрѣшенія этой инстанціи полицейскіе агенты не въ правѣ сами принять никакихъ принудительныхъ мѣръ противъ подозрѣваемого лица. Когда подозрѣваемый задержанъ наконецъ, и полицейскіе агенты представили всѣ собранныя о немъ свѣдѣнія (предварительное дознаніе), мировой или полицейскій судъ открываетъ надъ нимъ судебное (уголовное) слѣдствіе, которое производится въ присутствіи адвокатовъ обвиняемаго. Допросы производятся обвинителемъ, то-есть или полицейскимъ агентомъ, или частнымъ лицомъ, взявшимъ на себя роль обвинителя, или наконецъ короннымъ адвокатомъ, но правильность ихъ можетъ быть оспариваема адвокатомъ обвиняемой стороны, который въ правѣ самъ предлагать вопросы свидѣтелямъ. Впрочемъ обвиняемый можетъ и вовсе не отвѣчать на вопросы: никто не имѣетъ права принуждать его къ тому. Такимъ образомъ слѣдствіе производится не судьей, не непосредственно, но обѣими противными сторонами, только подъ наблюденіемъ судьи, рѣшающаго всѣ споры между адвокатомъ обвиняемаго и обвинителемъ. При такомъ порядкѣ пристрастіе при допросахъ не мыслимо, и обвиняемому дѣйствительно предоставлены всѣ способы къ оправданію. Когда слѣдствіе окончено, обвиняемый долженъ стать или *обвиненнымъ*, или свободнымъ отъ брошенныхъ на него подозрѣній. Вопросъ этотъ, на основаніи произведеннаго слѣдствія, разрѣшается такъ называемымъ большимъ присяжнымъ судомъ (*great jury*). Видите ли, сколько процедуръ и церемоній! Но вы очень ошибаетесь, если полагаете, что онѣ кончены: обвиненный еще не осужденъ, а только преданъ суду *ассизовъ*, который *вновь повлрываетъ* все слѣдствіе, вновь передопрашиваетъ евидѣтелей *лично*, и тогда только присяжные суда ассизовъ, присяжные въ тѣснѣйшемъ значеніи, рѣшаютъ, виновенъ ли обвиненный или нѣтъ, а судъ присуждаетъ его къ соотвѣтственному наказанію.

Такой порядокъ соблюдается въ Англій во всѣхъ дѣлахъ уголовныхъ, не исключая и политическихъ. Для сужденія же проступковъ маловажныхъ, существуетъ другой порядокъ. Такъ какъ проступки этого рода совершаются или на глазахъ по-

лиціи, или въ присутствіи постороннихъ свидѣтелей, то нарушители порядка или отсылаются въ судъ прямо съ улицы самою полиціей, или вызываются судомъ по жалобѣ просителя. Слѣдствіе и судъ въ этихъ случаяхъ производятся *однимъ и тѣмъ же судьей, въ продолженіи одного и того же засѣданія*, словесно и публично.

Читатель, надѣюсь, пойметъ наконецъ, въ чемъ заключается разница между *предварительнымъ* дознаніемъ и *уголовнымъ* слѣдствіемъ, между *уголовнымъ* и *полицейскимъ* или *сокращеннымъ* судомъ. Всѣ эти слова, правда, существуютъ и въ нашемъ законодательствѣ (см. XV т. Св. Зак.), но на практикѣ, какъ извѣстно, не различаются никакъ. Причины очень понятны: полиція наша обязана производить и предварительное и уголовное слѣдствіе сама, а потому и производить *одно уголовное*, приступая къ нему прямо по первому подозрѣнію или слуху. Открыто или нѣтъ преступленіе, но слѣдствіе произведено, полиція не въ правѣ оставлять его подъ спудомъ и отправлять въ судъ на рѣшеніе. Посредствомъ одной этой отсылки дѣла, передаются суду безъ дальнѣйшихъ околичностей всѣ прикосновенныя къ дѣлу лица, потому что судъ, не имѣя права разбирать, слѣдовало или не слѣдовало предавать ихъ суду, прямо пишетъ рѣшеніе и *подводитъ* статьи закона. Если проступокъ маловаженъ, то наша полиція оставляетъ дѣло у себя и рѣшаетъ его сама, не отсылая въ судъ. Въ этомъ и заключается у насъ все сокращеніе полицейскаго судопроизводства.

Но обратимся къ Франціи. Здѣсь обвинительная власть составляетъ отдѣльное вѣдомство и носитъ особое названіе: *Le ministère public*. Власть эта сосредоточена въ рукахъ прокуроровъ; никакой чиновникъ, никакой генераль въ этой странѣ не можетъ распорядиться преслѣдованіемъ кого-либо и назначеніемъ уголовного слѣдствія. Прокуроръ дѣйствуетъ совершенно самостоятельно, и одинъ только судъ можетъ измѣнить или вовсе уничтожить его распоряженіе. Но и прокуроръ только *обвиняетъ*, а передаетъ суду все-таки судъ (*chambre des mises en accusation*). Слѣдствіе по требованію прокурора производится слѣдственнымъ судьей (*juge d'instruction*), и по окончаніи представляется въ комитетъ, состоящій изъ трехъ судей окружнаго суда, который обсуждаетъ, есть ли серіозный поводъ для преданія обвиняемаго уголовному суду. «Въ случаѣ положительнаго рѣшенія, императорскій прокуроръ тотчасъ

передаетъ дѣло генеральному прокурору, который въ теченіи десяти дней рапортуетъ о немъ спеціально назначенному для отдаванія подѣ судѣ департаменту (*chambre des mises en accusation*). Послѣдній, въ теченіи трехъ дней, окончательно отдаетъ подѣ судѣ. Съ этой минуты заподозрѣнный, который и передѣ слѣдователемъ, и передѣ первымъ комитетомъ, и здѣсь, все еще оставался *заподозрѣннымъ*, становится *обвиняемымъ*, *подсудимымъ* (1).»

Такое тонкое различіе между подозрѣніемъ и обвиненіемъ, такая деликатность къ подозрительнымъ лицамъ непонятны въ странахъ азіатскихъ, гдѣ съ человѣкомъ привыкли обходиться какъ съ вещью. Въ этихъ странахъ подозрѣніе, обвиненіе, судѣ, наказаніе, все сливается въ одинъ актъ, въ одно движеніе воли. Станетъ ли, на примѣръ, Турокъ долго церемониться съ человѣкомъ, который имѣлъ несчастіе возбудить его подозрѣніе? Взять его, посадить, отпороть—вотъ и вся недолга, вотъ вамъ и всѣ юридическія тонкости. Но, благодареніе Богу, мы, Русскіе, живемъ въ Европѣ, а не въ Азій, и общество наше сознало наконецъ необходимость этихъ юридическихъ тонкостей, безъ которыхъ нельзя ему, не красѣя, называться христіанскимъ обществомъ. Къ сожалѣнію только, не всѣ, занимающіеся проектами объ улучшеніи нашего быта, понимаютъ, въ чемъ заключаются эти тонкости. Мы говоримъ конечно не о профессорахъ и ученыхъ, которые рѣдко пишутъ проекты, и, къ сожалѣнію, еще рѣже къмъ-либо выслушиваются. Мы говоримъ о людяхъ практическихъ и чиновныхъ, которые, благодаря своей опытности и навыку, — качествамъ, болѣе, чѣмъ когда-либо, драгоценнымъ въ настоящую минуту, — имѣютъ возможность обратить вниманіе озабоченнаго правительства на свои предназначенія.

Намъ посчастливилось прочесть нѣкоторые изъ этихъ проектовъ, и мы не можемъ не отдать справедливости многимъ прекраснымъ мыслямъ, въ нихъ выраженнымъ. Видно, что духъ времени неотразимо дѣйствуетъ и на практиковъ, гордившихся доселѣ своимъ презрѣніемъ къ научнымъ истинамъ. Такъ на примѣръ, во всѣхъ проектахъ, которые удалось намъ прочесть, ясно выражена потребность радикальнаго преобразованія полиціи, а въ нѣкоторыхъ говорится даже объ отдѣленіи отъ нея судебной власти. Но, къ сожалѣнію, ни въ од-

(1) Н. Щербань. *Русскій Вѣстникъ* 1858 г., іюнь, книжка 2-я, стр. 282.

номъ изъ нихъ не опредѣлено, съ такою же ясностію, границъ этого отдѣленія. И всему причиной та сбивчивость понятій о правѣ отдачи подѣ слѣдствіе и судѣ, о которой мы только что говорили. Во всѣхъ сказанныхъ проектахъ безъ исключенія, это право попрежнему предоставлено исполнительной полиціи, и не выражено ни малѣйшаго сознанія о томъ, что такое соединеніе подрываетъ основную мысль преобразования и оставляетъ полицію въ прежней силѣ. Все дѣло ограничивается въ этихъ проектахъ перестановкою прежнихъ обязанностей полиціи и однимъ формальнымъ раздѣленіемъ ея на три части: *исполнительную, слѣдственную и судебную*, при чемъ первенство и сила остаются за исполнительной частію. Такое преобразование, во всякомъ случаѣ, можетъ клониться лишь къ облегченію исполнительной полиціи, а не къ обезпеченію общества. Всѣ усилія направлены лишь къ тому, чтобы первую изъ этихъ полицій, именно исполнительную, облегчить сколько возможно, не ослабляя *главной* ея силы—права обвиненія, то есть назначенія уголовного слѣдствія и права ареста. Судѣ остается попрежнему силою подчиненною и пассивною, а произволѣ попрежнему удѣломъ исполнительной полиціи, *по призыву которой* будутъ являться слѣдственная и судебная власти для того только, чтобъ имѣть честь снять съ нея бремя черновой работы (писанія допросовъ, очныхъ ставокъ и подыскиванія статей законовъ). Спрашивается: чтѣ выиграетъ общество, если обвиненіе, задержаніе и преданіе суду будутъ попрежнему совершаться по усмотрѣнію полицейскихъ чиновниковъ въ самыя горячія минуты ихъ дѣятельности? А нѣкоторые изъ проектовъ были бы полезны, еслибы только составители ихъ обратили вниманіе на то, что право отдачи подѣ слѣдствіе и подѣ судѣ по существу своему есть право судебное, потому что простирается на такія деликатныя вещи какъ свобода, спокойствіе и честь человѣка. Пустякъ, кажется, тонкая незамѣтная черта, а послѣдствія громадны. Оставьте право отдачи подѣ слѣдствіе и подѣ судѣ на долю исполнительной полиціи, и она, какъ бы вы ее ни переворачивали и не раздѣляли, нисколько не измѣнитъ прежняго характера, подавляющаго личную свободу; передайте же это право судебной власти (разумѣется, настоящей судебной власти, самостоятельной и независимой отъ какой бы то ни было полиціи), подчините эту власть одной гласности и авторитету присяжныхъ, и полиція тотчасъ станетъ тѣмъ, чѣмъ она быть

должна, то-есть другомъ народа. Нѣсколько штриховъ, еще два-три слова, и все преобразование будетъ кончено. Скажите только полиціи, что все ея дѣйствія должны ограничиться охраненіемъ общественнаго спокойствія и открытіемъ преступленій, что все остальные обязанности или вовсе съ нея снимаются и передаются общественному самоуправленію и суду, или исполняются ею по требованію суда. Къ послѣднимъ должны относиться: обыскъ, задержаніе и препровожденіе виновныхъ въ судъ. Прочія требованія суда, какъ-то вызовъ свидѣтелей, истца и отвѣтчика, могутъ исполняться самимъ судомъ, помимо полиціи. Можно, пожалуй, прибавить еще одну черту, освободить полицію отъ исполненія уголовныхъ приговоровъ. Эту обязанность весьма мрачнаго свойства можетъ-быть не слѣдовало бы оставлять въ рукахъ полиціи, которая, повторяемъ, должна быть другомъ народа и заслужить его довѣріе для того, чтобъ онъ самъ помогалъ ей открывать преступленія. Желательно также, чтобы наружная полиція, въ отличіе отъ судебной, называлась *охранительною*, а не исполнительною полиціей: такое названіе постоянно напоминало бы ей существенную цѣль ея обязанностей. Въ Англии исполненіе правосудія и смертной казни лежитъ на шерифахъ, которые назначаются изъ самыхъ богатыхъ помѣщиковъ, подобно нашимъ предводителямъ. Это придаетъ исполненію закона торжественность, святость и неподкупность; это не мѣшало бы сдѣлать и у насъ, но только тогда, когда уголовныя наказанія наши, съ уравненіемъ народныхъ правъ, примутъ болѣе благообразную форму, и когда уѣздные предводители станутъ предводителями всего земства.

Въ упоминаемыхъ нами проектахъ нѣкоторые предлагаютъ учрежденіе слѣдственныхъ приставовъ, въ подражаніе французскимъ *judes d'instruction*. Мы же думаемъ, что такое учрежденіе, при нашемъ навѣкѣ къ произволу и злоупотребленію власти, не принесетъ никакой пользы и даже будетъ вредно. Вѣдь слѣдственные пристава у насъ не новость: они давно существуютъ въ обѣихъ столичныхъ и во многихъ губернскихъ полиціяхъ. Въ какой мѣрѣ они полезны, мы не будемъ говорить: не наше дѣло; но въ какой мѣрѣ они пріятны для общества, можно судить изъ того, что еще недавно въ одной изъ столицъ, какой-то слѣдственный приставъ, въ теченіи цѣлаго мѣсяца, требовалъ къ себѣ ежедневно для допроса *всѣхъ мастеровыхъ* какой-то фабрики, по дѣлу о *намыреніи* одною

изъ нихъ украсть *лопату*. Фактъ этотъ разказывалъ намъ на дняхъ одинъ изъ полицеймейстеровъ, и мы сами могли бы указать тысячи подобныхъ примѣровъ. Нѣтъ, мы увѣрены, при устройствѣ слѣдственной части для насъ гораздо полезнѣе было бы обратиться за примѣромъ къ Англии, тѣмъ болѣе что у насъ уже существуетъ кое-что похожее на англійскій порядокъ дѣлопроизводства, а именно: временныя отдѣленія земскихъ судовъ и депутаты, находящіяся при слѣдствіи въ видѣ адвокатовъ обвиняемыхъ. Это кое-что, безъ сомнѣнія, далеко не то, что въ Англии, но какъ намекъ на возможность лучшаго, оно можетъ послужить точкой отправленія для законодателя. Судебное слѣдствіе именно у насъ необходимо совершенно изъять изъ круга *личныхъ* обязанностей какой бы то ни было полиціи: оно должно производиться въ слѣдственномъ судѣ. Для производства судебного слѣдствія нѣтъ никакой надобности посылать *каждый разъ* особыхъ чиновниковъ на мѣсто происшествія: осмотрѣть и захватить улики на горячихъ слѣдахъ—дѣло предварительнаго дознанія; допросъ же и очныя ставки дѣлаются и теперь въ части или въ присутствіи временнаго отдѣленія.

Для насъ непонятна также мысль нѣкоторыхъ проектовъ о необходимости учрежденія отдѣльныхъ *сословныхъ* полицій. Такія учрежденія ведутъ лишь къ большей замкнутости сословій, превращаютъ ихъ въ касты, возвращаютъ сѣмена сословной вражды. Великое дѣло освобожденія крестьянъ, безъ сомнѣнія, поднято нынѣ съ противоположною цѣлью—съ цѣлью предупредить эту вражду. Для чего же навязывать при этомъ русскому народу чуждую его духу феодальную систему взаимовраждующихъ сословныхъ корпорацій? Исторія идетъ впередъ вѣрными шагами; движенія эти нельзя остановить никакими плотинами, никакимъ внѣшнимъ закономъ, и вся задача минуты состоитъ въ томъ, чтобы заблаговременно снимать всѣ лежащія на пути развитія преграды, а не въ томъ, чтобы усиливать эти преграды новыми бревнами. Сословныя касты, и привилегіи безвозвратно осуждены исторіей и должны современемъ исчезнуть совершенно во всей Европѣ. Но это не значитъ, чтобъ исчезли въ обществѣ классы, и общество превратилось въ безразличную массу: классы останутся, потому что останется различіе способностей, занятій, собственности и умственнаго развитія. Но классы не то что сословія; въ классахъ нѣтъ границъ и заборовъ законныхъ,

а потому нѣтъ и вражды: дорога открыта всякому. Кромѣ этихъ высшихъ причинъ неудобства сословныхъ судовъ и полицій, существуютъ другія, второстепенныя неудобства. Среди горячаго развитія промышленности, кредита и всякой экономической дѣятельности, куда какъ непріятно дѣловому человеку, принесшему жалобу въ судъ, услышать отвѣтъ: «это не подлежитъ нашему вѣдѣнію, ступайте въ такой-то сословный судъ»; еще непріятнѣе, если этотъ послѣдній судъ отпривить просителя въ другой, тотъ въ третій и т. д., смотря потому, какихъ именно сословій и какое количество лицъ замѣшано въ дѣло.

Напротивъ, нѣкоторые проекты, что полицейскіе чиновники должны быть независимы отъ сословнаго, духа совершенно основательно. Они должны служить равно всѣмъ классамъ общества и, какъ бы они не назначались, должны быть вполне самостоятельны и отвѣтственны. Формы, инстанціи, отчетности и тому подобныя нѣмецкія хитрости ничего не помогутъ и только лишатъ чиновниковъ энергіи и самостоятельности. Въ настоящее время, какъ извѣстно, чиновники связаны длинною цѣпью подчиненности и подавлены цѣлымъ океаномъ отчетностей, но это нисколько не останавливаетъ произвола, а напротивъ подкрѣпляетъ его: останавливается только дѣло, замедляется жизнь. Въ настоящее время чиновникъ на самое горячее, вопіющее требованіе можетъ хладнокровно отвѣчать, что онъ не въ правѣ ничего сдѣлать безъ разрѣшенія начальника. Каждый прикрывается волею начальника, и весь чиновный міръ, связанный непрерывною цѣпью іерархическаго контроля, легко покрываетъ другъ друга, зная, что общество и частное лицо безсильно передъ его корпораціей, и что жалоба на чиновника въ судъ невозможна. На жалобу эту чиновнику стобитъ только отвѣчать, что онъ дѣйствовалъ по личному приказанію начальника. А гдѣ конецъ личному приказанію и начальству?.. Такой порядокъ, особенно въ дѣлахъ, затрагивающихъ личные интересы, составляетъ страшное общественное зло и служитъ источникомъ ничѣмъ непреодолимыхъ злоупотребленій. Слѣдовало бы буквально измѣнить этотъ порядокъ наоборотъ; слѣдовало бы устроить такъ, чтобы каждый чиновникъ, каждая власть стояли на собственныхъ ногахъ и отвѣчали сами за себя. Каждый долженъ знать сферу своихъ обязанностей и относящіяся къ нимъ законы, и слѣдовательно можетъ дѣйствовать въ этой сферѣ какъ ему угодно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ

онъ долженъ знать, что не только лицо, обиженное имъ, но всякій посторонній свидѣтель его злоупотребленій имѣютъ право позвать его, во имя общества, къ суду, не спрашивая на то позволенія начальства, а судъ, въ свою очередь, не стѣсняясь никакими отношеніями къ властямъ, станетъ судить его безъ замедленія, съ справедливостью, ничѣмъ не отвратимую. Словомъ, каждая власть, каждый чиновникъ, служа не лицу своего начальника, а закону, передъ симъ послѣднимъ и отвѣчаетъ въ судъ. И никакая власть, при такомъ порядкѣ, не будетъ страшна: убѣжать отъ злоупотребленій некуда, и нѣтъ надобности опутывать чиновника сѣтью инстанцій и расплосать канцеляріи. Чиновникъ получить свободу и твердость въ дѣйствіяхъ, инициативу для всякаго добраго дѣла; передъ нимъ открывается широкое поприще самодѣтельности; не боясь никакихъ канцелярскихъ крючковъ, никакой нахмуренной брови, онъ дѣйствуетъ смѣло, зная, что благородное побужденіе и честный поступокъ не будутъ поставлены ему въ вину за одно упущеніе формы, и помня, съ другой стороны, что никакое заступничество благодѣтелей, никакая ссылка на сильное лицо не спасутъ его отъ послѣдствій злоупотребленія власти. Чиновникъ долженъ знать что дѣлаетъ: если онъ получилъ незаконное приказаніе, и начальникъ настаиваетъ на его исполненіи, подчиненный можетъ выйти въ отставку и потомъ, какъ частный человекъ, жаловаться суду на насиліе и злоупотребленіе начальничьей власти; а исполнилъ—отвѣчаетъ самъ. Это великое правило существуетъ въ нѣкоторой степени даже въ нынѣшней императорской Франціи (1). При такомъ порядкѣ и турецкая власть въ чиновникахъ не страшна, и слѣдовательно нѣтъ надобности назначать полицейскихъ чиновниковъ по выбору, особенно сословному. Но очень важно обращать вниманіе на общественные классы, изъ которыхъ будутъ назначаться эти чиновники. Слѣдуетъ устроить такъ, чтобы судьи и полицейскіе чиновники не были чужды общинѣ и не лежали на ней бременемъ пришлой дружины, а напро-

(1) Франція всѣ лучшія учрежденія свои заимствовала, какъ извѣстно, изъ Англіи, и это нисколько не помѣшало ей сохранить свою національность; но духъ централизаціи помѣшалъ ей сохранить чистоту заимствованныхъ идей. Во Франціи предварительное слѣдствіе надъ чиновниками, по жалобамъ частныхъ лицъ, принадлежитъ суду, но отдача подъ судъ требуетъ предварительной оцѣнки государственнаго совѣта
Асм.

тивъ, были бы заинтересованы побужденіемъ служить честно и искать добраго мнѣнія о себѣ у общины. Задача очень трудная на первый взглядъ, но разрѣшается весьма легко, если вникнуть въ начала, выработанныя по этому вопросу англійскимъ законодательствомъ. Институтъ мировыхъ судей въ Англии есть безспорно самое безукоризненное учрежденіе, которому могутъ позавидовать всѣ прочія государства: мировые суды — дѣйствительно краеугольный камень государственнаго устройства Англии. Желающихъ познакомиться съ этимъ учрежденіемъ ближе, отсылаемъ къ извѣстному германскому юристу Гнейсту и къ *Политическому Обзорнiю Русскаго Вѣстника*, за прошедшій годъ № 19. Напомнимъ только, что сущность этого учрежденія состоитъ въ томъ, что мировые судьи назначаются правительствомъ, изъ числа *мѣстныхъ* коренныхъ жителей земскаго округа или городской общины, имѣющихъ недвижимую собственность извѣстной цѣнности и преимущественно изъ лицъ ученаго и образованнаго званія, живущихъ на мѣстѣ. Каждое изъ означенныхъ лицъ, кто только хочетъ, получаетъ отъ короны грамоту на почетное званіе мирового судьи, но чтобы вступить въ дѣйствительную службу и получить право на отправленіе должности, желающій обязанъ имѣть особое утвержденіе. Мировые судьи жалованья не получаютъ, и потому въ округѣ или въ городѣ число ихъ можетъ быть неограниченно, смотря по количеству желающихъ. Всѣ они составляютъ корпорацію и съ общаго согласія сами выбираютъ себѣ участки, то-есть кварталы или станы для своей дѣятельности. Каждый изъ нихъ, взятый отдѣльно, несетъ обязанности полицейскаго судьи (1), охраняетъ порядокъ (*pac regis*), разбираетъ мелочныя жалобы и проч. Дѣла болѣе важныя разсматриваетъ комитетъ, большой или малый, смотря по роду дѣла, состоящій изъ нѣсколькихъ сосѣднихъ мировыхъ судей, и въ большемъ комитетѣ необходимо присутствіе присяжныхъ. Мировой судья есть лицо совершенно самостоятельное. Къ служенію обществу онъ побуждается не жалованьемъ и чинами, которыхъ въ Англии не имѣется, а интересомъ высшимъ, — жела-

(1) Въ Англии мировой судья соединяетъ въ себѣ административную, и полицейскую, и судебную власти. Онъ играетъ, такъ сказать, роль ближайшаго друга народа. Въ другихъ странахъ такая дружба была бы опасна. Но въ Англии сила гласности предупреждаетъ всякую опасность. *Авт.*

нѣмъ изучить народныя нужды, приобрести любовь и довѣренность своей общины и быть современемъ выбрану въ парламентъ. Въ Англіи богатая молодежь, поступающая даже въ военную службу, считаетъ нужнымъ побыть прежде въ должности мирового судьи.

Въ другихъ странахъ, — въ странахъ, управляемыхъ бюрократіею, смѣшеніе такихъ разнородныхъ обязанностей, было бы опасно. Французы, на примѣръ, никакъ не могутъ оцѣнить вполне институтъ мировыхъ судей Англіи и вмѣняютъ ему въ недостатокъ именно то, что составляетъ его исключительное достоинство. Воспитанники централизаціи и радикальныхъ теорій, они неспособны довѣриться учрежденіямъ, покоящимся на началахъ полнаго самоуправленія и на преемственномъ опытѣ. Впрочемъ и намъ, Русскимъ, трудно отрѣшиться отъ крѣпостныхъ понятій и выработать власть, которая, вмѣщая въ себя столько разнородныхъ обязанностей какъ власть мировыхъ судей Англіи, не имѣла бы ничего начальственнаго и не смахивала на нынѣшнюю помѣщичью нашу власть. Вотъ почему многіе защитники учрежденія у насъ мировыхъ судей рисуютъ идеалъ сихъ послѣднихъ по образцу французскихъ «*juges de paix*» (то-есть чиновниковъ, исключительно занимающихся примирительнымъ судомъ), держась безусловно идеи раздѣленія полицейской власти отъ судебной. Мы не вполне раздѣляемъ это воззрѣніе, хотя сами подали едва ли не первый голосъ за такое раздѣленіе. Дѣло въ томъ, что эта идея не приложима къ дѣламъ мало-важнымъ, и особенно въ деревнѣ. Но и вообще смыслъ ея состоитъ не педантическомъ отдѣленіи суда отъ полиціи, а въ самостоятельности суда и независимости его отъ администраціи. Поэтому когда сельско-полицейская власть находится не въ рукахъ бюрократіи, а устраивается на основаніи самоуправленія, то исчезаетъ поводъ къ строгому разграниченію полицейской и судебной власти на этой степени. Сущность англійскаго *selfgovernment* въ томъ и состоитъ, что мировые судьи, дѣйствуя въ однихъ случаяхъ порознь, въ другихъ сообща, замѣняютъ собою всѣ земскія власти, и слѣдовательно все земское управленіе лежитъ на корпораціи самыхъ зажиточныхъ и образованныхъ членовъ общины, добровольно взявшихъ на себя тяжесть общественнаго служенія и имѣющихъ въ томъ ближайшій интересъ.

Начало, положенное въ основаніе этого великаго учрежденія,

легко примѣнить и у насъ, особенно теперь (и только теперь), когда уничтожается крѣпостное право, и сословіе землевладѣльцевъ, разомкнувшись для принятія въ себя новыхъ членовъ изъ всѣхъ прочихъ сословій, станетъ въ дружелюбныя отношенія къ земледѣльцамъ. Дворянство наше, скажемъ мы, перифразируя выраженіе князя Черкаскаго, должно поспѣшить искупить прежніе грѣхи помѣщичьей власти, принятіемъ на себя трудныхъ, но тѣмъ не менѣе лестныхъ и для него самого благотворныхъ обязанностей мировыхъ судей. Я не думаю выражать этимъ желаніе, чтобъ учрежденіе это цѣликомъ перенесено было на русскую землю. Форма дается жизнью, вырабатывается народнымъ характеромъ, и будучи перенесена на чужую почву, одна безъ внутренняго содержанія, становится мертвымъ механизмомъ, уродливымъ кафтаномъ съ чужаго плеча, связывающимъ естественныя движенія народа. Но нѣтъ ничего болѣе естественнаго и болѣе законнаго, какъ искать у себя элементовъ и началъ, которыя обезпечивали бы благосостояніе общества въ степени не меньшей, если не большей чѣмъ у другихъ цивилизованныхъ народовъ.

Мы твердо увѣрены, что учрежденіе мировыхъ судей, на основаніи указанныхъ началъ, принесло бы у насъ несомнѣнную пользу и было бы выгодно для правительства. Во первыхъ мировой судья жалованья не получаетъ, потому что имѣетъ состояніе. Во вторыхъ мировой судья, принадлежа къ мѣстному земству, знаетъ мѣстные обычаи, характеръ народа, знаетъ каждаго жителя въ лицо. Честное служеніе и способности выдвигаютъ его впередъ, снискиваютъ ему извѣстность и общее уваженіе. Его выбираютъ въ предводители уѣзда, губерніи, назначаютъ судьей, прокуроромъ, губернаторомъ, чѣмъ хотите, потому что онъ подготовленъ къ каждому званію, ко всякой должности. Среди мировыхъ судей будутъ лица всѣхъ сословій, слѣдовательно они не могутъ быть поборниками исключительныхъ сословныхъ интересовъ. Они будутъ составлять, такъ сказать, лучшіе соки мѣстнаго земства. Учрежденіе ихъ въ настоящую минуту предупредить рѣзкій переходъ власти въ общее достояніе прочихъ сословій, потому что зажиточные и образованные землевладѣльцы, изъ среды которыхъ будутъ назначаться мировые судьи, долго еще будутъ почти всѣ изъ дворянъ. Наконецъ, что также важно, власть ихъ должна сдерживаться присяжными, принадлежащими ко всѣмъ слоямъ собственниковъ. Такимъ путемъ образуется постепенно взаим-

ная связь между властью и народомъ и естественныя гарантіи порядка. При такихъ гарантіяхъ порядокъ и довѣріе народа къ властямъ и высшимъ классамъ несомнѣнно укрѣпятся.

Вотъ общія, бѣглыя черты того прочнаго, разумнаго полицейскаго порядка, который въ состояніи оживить мѣстную жизнь, обезпечить спокойствіе, столь драгоценное для каждаго, и правосудіе, въ которомъ такъ настоятельно нуждаются всѣ у насъ. При этомъ порядокъ легко было бы умереть съ увѣренностію, что дѣти наши пристроены прочно, и будущность ихъ обезпечена отъ всѣхъ случайностей произвола. На томъ свѣтѣ мы съ восторгомъ встрѣтили бы праотца нашего Гостомысла и не безъ гордости сказали бы ему: «велика и обильна земля русская, и порядокъ въ ней есть!»

Но прежде чѣмъ умирать, мы желали бы сказать еще нѣсколько словъ тѣмъ изъ друзей нашихъ, которые, въ справедливой заботливости о прочномъ положеніи властей, по чему-либо убоются нашего порядка. Мы знаемъ — и въ этомъ убѣждаетъ насъ всемірная исторія — что люди не легко расстаются съ правомъ владѣть другими людьми. Но пусть успокоятся они: съ потерей личныхъ правъ надъ человекомъ нисколько не теряется прочность и могущество властей, и въ этомъ порукою та же исторія. Личность нашу мы получили отъ Бога, и Ему одному подобаешь владѣть ею; но взамѣнъ этого владѣнія, намъ предоставлено другое, болѣе широкое поприще власти. Если запрещено намъ владѣть нашимъ братомъ, *дни котораго сочтены не нами*, за то предоставлено полное право владѣть его сердцемъ. Власть, основанная на этомъ правѣ, какъ извѣстно, самая могущественная власть, которую ничто на землѣ поколебать не можетъ; рядомъ съ нею существуетъ другая, столь же непобѣдимая, — власть разума. Людямъ съ благородною жаждою власти предстоитъ выбирать изъ нихъ любую...

С. Громека.

Мартъ, 1859.

ВЕСНА

(Изъ Гейне.)

Липа вся подъ снѣжнымъ пухомъ,
Вѣтеръ ходитъ по полянамъ,
Облака нѣмая въ небѣ
Облекаются туманомъ.

Лѣсъ безжизненъ, доль пустыненъ,
Все вкругомъ темно, уныло.
Стужа въ полѣ, стужа въ сердцѣ;
Сердце сжалось и застыло.

Вдругъ качнулись вѣтви липы,
Съ нихъ пушинки полетѣли...
Весь обсыпанъ, грустно молвишь:
«Дождался опять метели!»

Но взглядишь—и сердце вздрогнетъ:
То не снѣгъ, не иней льдистый;
То цвѣтовъ весеннихъ бѣлыхъ
Рой пушистый, рой душистый.

Чары чудныя свершились!
Дышитъ маемъ зимній холодъ,
Снѣгъ сталъ вешними цвѣтами—
И опять ты сердцемъ молодъ!

Мих. Михайловъ.

СОВРЕМЕННАЯ

ЛѢТОПИСЬ

РУССКАГО ВѢСТНИКА

Ан.

ТОМЪ ДВАДЦАТЫЙ

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Каткова и К^о.

—
1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
опное число экземпляровъ. Москва, 18-го марта 1859 года.

Ценсоръ А. Драшусовъ

ОГЛАВЛЕНІЕ

СОВРЕМЕННОЙ ЛѢТОПИСИ ДВАДЦАТАГО ТОМА.

МАРТЪ: КНИЖКА ПЕРВАЯ.

Экономическая корреспонденція. <i>Густава де-Молиари.</i>	3
Изъ Америки. <i>Г. Матилля.</i>	21
Нѣсколько словъ о публичныхъ лекціяхъ г. Фалевича о дренажѣ. <i>И. П. Калайдовича.</i>	36
О пріютахъ для бездомныхъ нищихъ въ Лондонѣ. <i>В. П. Боткина.</i>	38
Внутреннія извѣстія.	56
Политическое Обзорѣніе.	65
Объясненіе.	104

МАРТЪ: КНИЖКА ВТОРАЯ.

Нужды и желанія промышленности: III. О паровомъ плугѣ г. Кендзи и пароконномъ г. Моля. <i>Ф. И. Вараксина.</i> —IV. О необходимости застрахованія скота въ Россіи. <i>А. И. Левашова.</i>	109
Изъ Берлина. <i>Б. И. Утина.</i>	123
Христіанъ Фридрихъ Вурмъ. Некрологъ. <i>Д. И. Каченовскаго.</i>	136
Объ адвокатурѣ въ гражданскомъ процессѣ. <i>И. С—ва.</i>	144
Внутреннія извѣстія.	155
Политическое Обзорѣніе.	160
Литературное извѣщеніе	191

АПРѢЛЬ: КНИЖКА ПЕРВАЯ.

Русскій государственный долг	193
Экономическая корреспонденція. <i>Густава де-Молинали</i>	223
Многострадальная опера. (1) <i>В. В. Стасова</i>	234
Библиографическая замѣтка. (Письмо къ редактору). <i>Ц.</i>	245
Алексисъ Токвиль. Некрологъ. <i>Е. М. Θεокτισова</i>	251
Извѣстiя съ Кавказа	256
Внутреннiя извѣстiя.	264
Политическое Обзорѣнiе.	273

АПРѢЛЬ: КНИЖКА ВТОРАЯ.

Изъ Берлина. <i>Б. П. Утина</i>	324
Слѣдственная часть въ градскихъ полицiяхъ. <i>П. Орлова</i>	328
Воспоминанiе о Сергѣѣ Тимофеевичѣ Аксаковѣ. (Читано въ засѣданiи Общества Любителей Русской Словес- ности 6 мая 1859 года). <i>М. П. Лонгинова</i>	336
Библиографическiя указанiя. <i>П. В. Сушкова</i> ,	341
Кредитъ и крѣпостное право. <i>П. П. Х. Буше</i>	347
Политическое Обзорѣнiе.	364
Внутреннiя извѣстiя.	360
Извѣщенiе	380

(1) Въ заглавiи этой статьи вкралась, въ нѣсколькихъ экземплярахъ
опечатка: *многострадательная* вмѣсто *многострадальная*.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЬТВИСЬ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

Брюссель, 10 марта 1859.

Приступаю теперь къ обзорѣнїю другихъ экономическихъ вопросовъ, которые занимали общественное вниманіе въ послѣдніе мѣсяцы истекшаго года и о которыхъ я не успѣлъ говорить въ послѣднемъ моемъ письмѣ, занявшись вопросомъ о войнѣ и мирѣ. Вамъ извѣстно, что въ прошломъ сентябрѣ происходилъ въ Брюсселѣ конгрессъ литературной собственности. Конгрессъ этотъ, на которомъ присутствовало множество ученыхъ и литературныхъ знаменитостей, не говоря уже о густомъ легионѣ издателей и книгопродавцевъ, не вполне удовлетворилъ тому, чего отъ него ожидали. Многіе находятъ, что самый принципъ литературной собственности не подвергся въ его средѣ достаточно глубокому обсужденію. Тѣмъ не менѣе однакожъ конгрессъ несомнѣнно оказалъ большую услугу, возбудивши этотъ важный вопросъ и подвергнувши его новому, тщательному изслѣдованію. Между любопытными сочиненіями, которыя были вызваны засѣданіями конгресса, я укажу на *Сборникъ узаконеній о литературной собственности въ различныхъ странахъ, съ приложеніемъ международныхъ конвенцій, заключенныхъ для ея обезпеченія*, составленный г. Жюлемъ Делаленомъ (1). Обращу также особенное ваше вниманіе на ученныя *Изслѣдованія о литературной собственности во Франціи и въ Англїи*, г. Эдуарда Лабуле, профессора въ Collège de France, съ приложеніемъ трехъ рѣчей, произнесенныхъ въ англійскомъ парламентѣ сэръ-Нуномъ Тальфордомъ и переведенныхъ г. Полемъ Лабуле. Г. Прудонъ, удалившійся теперь въ Бельгію, гдѣ онъ ведетъ скромную и тихую жизнь, какъ будто бы онъ хочетъ заставить забыть о страшномъ шумѣ, который онъ надѣлалъ десять лѣтъ тому назадъ, также занялся вопросомъ о литературной собственности, по поводу засѣданій конгресса. Онъ напечаталъ объ этомъ предметѣ двѣ статьи въ одномъ изъ еженедѣльныхъ

(1) Un vol. in-8°. Paris, impr. Delalain.

брюссельскихъ журналовъ; статьи эти обратили на себя вниманіе. Нѣтъ нужды говорить вамъ, каковъ взглядъ на литературную собственность публициста, прославившаго себя знаменитымъ афоризмомъ: *la propriété c'est le vol*. Наконецъ, одинъ изъ редакторовъ *Journal des Débats*, человекъ съ умомъ серьезнымъ и привлекательнымъ, который недавно былъ похищенъ у литературы преждевременною смертію, г. Ригб, напечаталъ отчетъ о засѣданіяхъ конгресса; было бы достаточно одного этого отчета, что бы передать потомству воспоминаніе объ этомъ международномъ собраніи. Съ другой стороны, вопросъ о литературной собственности сдѣлался предметомъ обсуждения въ политико-экономическихъ обществахъ Парижа и Брюсселя и подалъ поводъ къ интереснымъ преніямъ въ ихъ средѣ. Вы видите изъ этого, что если конгрессы и не всегда разрѣшаютъ тѣ вопросы, которые подвергнуты ихъ разсмотрѣнію, то по крайней мѣрѣ заставляютъ другихъ заниматься ими.

Принадлежитъ ли писателямъ и артистамъ естественное право исключительной собственности на ихъ творенія? Обязано ли по этому обществу гарантировать за ними неограниченное пользованіе этимъ правомъ и *во времени и въ пространствѣ*, точно такъ, какъ оно гарантируетъ пользованіе матеріальною собственностью? Или же, напротивъ, писатели и артисты могутъ только на извѣстный срокъ и въ извѣстныхъ предѣлахъ пространства извлекать выгоды изъ произведеній своего труда? Но въ такомъ случаѣ, какъ же обозначить этотъ срокъ и эти предѣлы? Вотъ главные вопросы, подлежавшіе обсужденію конгресса. Посмотримъ, какъ онъ разрѣшилъ ихъ.

Конгрессъ не захотѣлъ уподобить собственность литературную и артистическую собственности вещественной, касательно срока пользованія ею *во времени*; онъ не допустилъ равенства между ними въ этомъ отношеніи. Матеріальная собственность обезпечивается на неопредѣленное время; что же касается до собственности литературной и артистической, то, по мнѣнію конгресса, она должна быть обезпечена только на пятьдесятъ лѣтъ, считая съ года смерти автора.

Такимъ образомъ конгрессъ установилъ рѣзкое различіе между двумя родами собственности, касательно времени пользованія ими; что касается до пространства, въ предѣлахъ котораго собственность должна быть признаваема, онъ совершенно уравнилъ ихъ. Онъ выразилъ желаніе, чтобы между всѣми цивилизованными народами были заключаемы конвенціи, съ цѣлью сдѣлать литературную и артистическую собственность вполне международною и уничтожить иностранную контрафакцію. Примѣромъ для подражанія представилъ онъ въ этомъ отношеніи Францію, гдѣ декре-

томъ 28 мая 1852 года право собственности иностранныхъ писателей и артистовъ было признано безъ условія взаимности. Не возможно было поступить либеральнѣе въ этомъ отношеніи.

Конгрессъ пошелъ далѣе: не ограничиваясь желаніемъ, чтобы международное обезпеченіе твореній литературныхъ и художественныхъ было расширено, онъ выразилъ въ то же время требованіе, чтобы произведенія этихъ двухъ благородныхъ отраслей человеческого труда были изъяты отъ фискальныхъ и протекціонныхъ запрещеній, которыя затрудняютъ обменъ ихъ между различными странами. Согласно заключеніямъ доклада, который былъ представленъ конгрессу однимъ изъ его отдѣленій, онъ принялъ систему свободной торговли для всѣхъ произведеній литературы и искусства, даже безъ условія взаимности въ этомъ отношеніи (1).

(1) Вотъ отрывки изъ упомянутого нами сейчасъ доклада:

•Члены комиссіи такого мнѣнія, что свобода торговли должна быть разсматриваема, какъ естественное слѣдствіе права собственности, столько же для литературныхъ произведеній, какъ и для произведеній промышленности.

•Дѣйствительно, международное признаніе литературной и артистической собственности не имѣло бы большой практической важности, еслибы право автора на его твореніе не влекло за собою права безпрепятственно ввозить эти произведенія въ другія страны и продавать ихъ. Предположимъ, на примѣръ, что какой-нибудь бельгійскій писатель печатаетъ сочиненіе на французскомъ языкѣ. Въ силу декрета 28 марта 1832 года и въ силу конвенціи, заключенной между Бельгіей и Франціей, собственность эго столь же священна во Франціи какъ и въ Бельгіи. Въ странахъ этихъ не допускается контрафакція его книги. Прекрасно. Но предположимъ, что французскій тарьеръ имѣлъ бы характеръ запретительный относительно литературныхъ и артистическихъ произведеній; очевидно, что для автора было бы весьма мало выгоды въ томъ, что собственность его пользуется признаніемъ на французскомъ рынкѣ. Конечно, контрафакція его книги не была бы тамъ допущена, но и онъ самъ не могъ бы продавать свое твореніе, развѣ онъ сдѣлалъ бы особое изданіе для Франціи, — что возможно только для весьма небольшого числа произведеній.

•Очевидно, поэтому, что свобода торговли художественными и литературными произведеніями нераздѣльно связана съ правомъ собственности на нихъ. Всякая помѣха въ ихъ обменъ и обращенія неминуемо уменьшила бы цѣнность собственности и уничтожила бы смыслъ конвенцій, заключенныхъ между различными странами для ея обезпеченія.

•Вслѣдствіе этого, господа, комиссія ваша, согласная въ этомъ случаѣ, къ крайнему своему удовольствію, съ комитетомъ для организаціи конгресса, выразила единодушное желаніе въ пользу пониженія или совершенной отиѣны тѣхъ преградъ, которыя уменьшаютъ цѣнность артистическихъ и литературныхъ произведеній. Несогласіе въ ея средѣ возникло только по вопросу, въ какой формѣ должно быть выражено это желаніе. Одинъ изъ членовъ предложилъ совершенное уничтоженіе упомянутыхъ преградъ; другой требовалъ однообразнаго пониженія ихъ; остальные, наконецъ, настаивали на необходимости соблюдать въ этомъ отношеніи строгую взаимность, но комиссія ваша не сочла своимъ долгомъ присоединиться ни къ одному изъ

Такимъ образомъ конгрессъ *ограничилъ* права собственности относительно времени, но призналъ за нею *неограниченныя* права и полную свободу мѣны относительно пространства.

Система ограниченія восторжествовала не безъ борьбы; борьба была даже очень жаркая. Во главѣ защитниковъ этой системы стоялъ г. Воловскій, ученый профессоръ торговаго и промышленнаго законодательства въ парижской консерваторіи искусствъ и ремеслъ; во главѣ приверженцевъ собственности неограниченной, находился г. Жюль Симонъ, краснорѣчивый профессоръ философіи. Надо было развести противниковъ, иначе борьба продолжалась бы еще теперь... Большинство приняло сторону г. Воловскаго, но меньшинство не покорилось ему и хотеть снова поднять "этотъ вопросъ на новомъ конгрессѣ".

Главный аргументъ противниковъ безсрочнаго пользованія собственностью, состоитъ въ томъ, что авторъ всякаго литературнаго, научнаго или артистическаго произведенія, обязанъ весьма

этихъ предложеній. Она не хотѣла требовать безусловнаго уничтоженія всѣхъ таможенныхъ пошлинъ на книги и артистическія произведенія, дабы не нарушить фискальныхъ правъ правительствъ, хотя вообще эта отрасль дохода весьма не производительна. Она не хотѣла также требовать однообразія и взаимности пошлинъ, изъ боязни, чтобы подобное требованіе не было ложно понято. Вслѣдствіе того, какъ бы ни было желательно, по ея мнѣнію, чтобы всѣ народы приняли въ отношеніи другъ къ другу самыя либеральныя постановленія касательно обиха и обращенія литературныхъ и артистическихъ произведеній, она не считаетъ взаимность за необходимое условіе, — не думаетъ, напримѣръ, что Бельгія должна отвергать китайскія произведенія, на томъ только основанія, что Китайцы, изъ чувства преувеличеннаго вѣдворія къ таланту своихъ собственныхъ писателей и артистовъ или по какимъ-либо другимъ причинамъ, не допустить на своихъ рынкахъ соперничества литературныхъ и артистическихъ произведеній Бельгіи.

- Комиссія ваша такого мнѣнія, что надо быть либеральнымъ даже въ отношеніи къ тѣмъ народамъ, которые безусловно вѣрнутъ въ запретительную систему, ибо отъ разиноженія произведеній ума и искусства можно ожидать только выгоды, появляются ли эти произведенія внутри страны или приходятъ изъ за границы. Предположивши даже, что кака-либо нація убѣждена въ необходимости искусственнаго охраненія для своей національной литературы и артистическихъ произведеній, неразумно было бы платить ей тою же монетою; ибо это значило бы не понимать своихъ собственныхъ интересовъ; — невозможно, напримѣръ, отвѣчать на запрещеніе лучшихъ произведеній Рубенса и Ванъ-Дейка точно таковыми же запрещеніемъ произведеній Мольера, Корнеля и Расина. Комиссія отвергла поэтому всякую мысль о взаимности въ этомъ отношеніи, ибо мысль эта могла бы быть истолкована въ смыслѣ варварскаго ученія о возмездіи. Она того мнѣнія, — и надѣется, что вы его раздѣлите съ нею, — что невозможно отказываться отъ извѣстнаго и истиннаго, подвергая извѣстное и истинное запрещенію, на томъ только основаніи, что они возникли по ту, а не по эту сторону какой-нибудь границы, что необходимо облегчать всѣми средствами общеніе между народами и размѣнъ благородныхъ произведеній ума и искусства. -

многимъ обществу; что трудясь надъ какою-либо драматическою пьесою, романомъ или ученымъ трактатомъ, онъ постоянно вдохновляется тѣмъ, что уже сдѣлано было его предшественниками; что несправедливо было бы признать за нимъ право безграничной собственности надъ произведеніемъ, элементы котораго не созданы исключительно имъ однимъ; достаточно, поэтому, чтобы онъ временно пользовался исключительными выгодами отъ своего творенія, и чтобы твореніе, это, по истеченіи извѣстнаго срока, снова принадлежало обществу, участвовавшему вмѣстѣ съ авторомъ въ его созданіи. При этомъ указываютъ также на «естественное право воспроизведенія», на право каждаго воспроизводить или снимать копии съ литературныхъ или артистическихъ твореній, обращающихся въ публикѣ; на то, что не слѣдуетъ жертвовать совершенно правами общества въ пользу правъ авторскихъ, но, ограничивши срокъ пользованія собственностью, воздать должное тѣмъ и другимъ.

Аргументъ этотъ произвелъ сильное впечатлѣніе на конгрессъ, но онъ встрѣтилъ сильныя возраженія. Главный его недостатокъ состоитъ въ томъ, что его можно одинаково приложить какъ къ вещественной, такъ и къ невестественной собственности. Предположимъ, напримѣръ, что дѣло идетъ о собственности поземельной. Развѣ челоуѣкъ, воздѣлывающій еще нетронутую почву, ничѣмъ не обязанъ обществу? Развѣ могъ бы онъ заниматься этимъ трудомъ, создающимъ собственность, если бы другіе, прежде его, не изобрѣли земледѣльческихъ орудій и различныхъ способовъ воздѣлыванія почвы? Развѣ, въ этомъ смыслѣ, онъ не обязанъ своимъ предшественникамъ наравнѣ съ писателемъ? Почему же не ограничить и его права собственности? Съ другой стороны, если литературной собственности противопоставляютъ право свободнаго воспроизведенія, то почему же не противопоставить собственности поземельной права свободнаго прохода или проѣзда? Очевидно, слѣдовательно, что если ограничить интеллектуальную собственность, основываясь на правахъ общества, то въ то же самое время надо ограничить и собственность матеріальную. Аргументъ этотъ сильно отзывается коммунизмомъ, и если, напримѣръ, онъ вполне понятенъ въ устахъ г. Луи-Блана (1), то вовсе не слѣдуетъ пользоваться имъ экономисту.

Другой аргументъ тоже произвелъ сильное впечатлѣніе на кон-

(1) Въ знаменитомъ сочиненіи своемъ *Объ организаціи труда* г. Луи-Бланъ много распространяется объ интеллектуальной собственности, которую онъ не признаетъ точно такъ же, какъ и собственность матеріальную, и по тѣмъ же самымъ причинамъ.

грессъ. Аргументъ этотъ былъ развитъ съ большою ловкостью г. Прудонъ въ тѣхъ статьяхъ, о которыхъ я упоминалъ выше, и состоитъ въ раздѣленіи произведеній человеческой дѣятельности на двѣ категоріи,—на произведенія *свободныя* (*liberales*) и *служебныя* (*serviles*). Г. Прудонъ полагаетъ, что свободныя произведенія, которыми осуществляются идеи истины, добра и справедливости, не могутъ служить предметомъ купли и продажи и не допускаютъ никакого вознагражденія; доставлять же выгоду можетъ только трудъ служебный, то-есть тотъ, который не выходитъ изъ области полезнаго. Если это раздѣленіе занятій и справедливо, то никакъ нельзя согласиться съ примѣненіемъ, которое дѣлаетъ изъ него г. Прудонъ; допустивъ это примѣненіе, къ какому заключенію придемъ мы? Не къ тому ли, что не только артистъ, ученый, литераторъ, не должны получать вознагражденія за свои труды, но не должны получать его также судья, адвокатъ, священникъ? Одно изъ двухъ: или занятіе свободными производствами будетъ принадлежать только людямъ богатымъ, что не совсѣмъ либерально, или тѣ, которые занимаются ими, должны будутъ въ то же самое время заниматься и трудомъ служебнымъ, для того, чтобы имѣть средства существованія. Нечего говорить, что г. Прудонъ не останавливается передъ подобнаго рода послѣдствіями. Онъ указываетъ на Корнеля, чинившаго башмаки, на Руссо, переписывавшаго ноты. Но убѣдительно ли эти примѣры? Знаменитый основатель политической экономіи, Адамъ Смитъ, усуня принципъ раздѣленія труда, развѣ не приготовилъ тѣмъ самымъ безпрекословнаго возраженія г. Прудону? Возможно ли заниматься съ успѣхомъ искусствомъ, наукою, литературою, предаваясь въ то же время матеріальному труду? Подобное соединеніе совершенно несходныхъ профессій не будетъ ли вредить той и другой изъ нихъ? Кто способенъ быть вмѣстѣ великимъ поэтомъ и хорошимъ сапожникомъ? Замѣчая, впрочемъ, что теорія его не совсѣмъ ладитъ съ практикой, г. Прудонъ допускаетъ вознагражденіе за произведенія свободнаго труда, но вознагражденіе самое незначительное,—2000 франковъ въ годъ, никакъ не больше. Пусть такъ; согласимся на 2000 франковъ въ годъ! Но какъ ни маловажно это вознагражденіе, развѣ оно не противорѣчитъ принципу безмездности свободныхъ профессій? И кто же, потомъ, будетъ присуждать это вознагражденіе? Правительство? Но не очутятся ли тогда свободныя профессіи на жалованьи у правительства, которое, конечно, не дастъ ничего литераторамъ и артистамъ, не совсѣмъ ему угоднымъ. Теорія г. Прудона, въ окончательномъ результатѣ, вручаетъ правительству монополію на умственную дѣятельность.

Конгрессъ, признавъ литературную собственность, счелъ нужнымъ уклониться отъ строгой послѣдовательности въ примѣненіи

этого начала относительно времени. Впрочемъ мнѣнія защитниковъ безорочной литературной и артистической собственности не остались совершенно безъ вліянія: въ практическомъ отношеніи были достигнуты нѣкоторые немаловажные результаты. Такъ, напримеръ, конгрессъ выразилъ мнѣніе о необходимости продлить срокъ пользованія литературною собственностью, и хотя рѣшеніе это находится въ противорѣчій съ аргументаціей большинства ораторовъ, однако оно не замедлитъ обнаружить вліяніе на правительства. Въ Бельгіи уже назначена коммиссія, по закрытіи конгресса, для изготвленія новыхъ законодательныхъ мѣръ по этому вопросу. Коммиссія эта состоитъ изъ самихъ членовъ комитета для организациі конгресса, и проектъ, выработанный ею, основывается на принятыхъ имъ рѣшеніяхъ. Еслибы примѣръ этотъ встрѣтилъ повсюду подражаніе, вопросъ объ интеллектуальной собственности сдѣлалъ бы большой шагъ впередъ.

Поведемъ теперь рѣчь о другомъ вопросѣ, который все еще возбуждаетъ столь же упорную, сколько и слѣпую противъ себя оппозицію, но который быстрыми шагами приближается къ разрѣшенію: я разумію вопросъ о свободѣ торговли и таможенныхъ реформахъ. Вопросъ этотъ, дѣйствительно, подвигается впередъ. Правительство во Франціи, не отваживаясь еще на отмену запрещенія, обѣщанную на 1861 годъ, приняло нѣсколько мѣръ, заслуживающихъ общаго вниманія. Впервыѣ, оно продлило до 30 сентября 1859 года постановленія о свободномъ ввозѣ хлѣба и твердо рѣшилось не возобновлять подвижной лѣстницы пошлинъ. По всей вѣроятности она будетъ замѣнена постоянною и умѣренной пошлиною. Кроме того правительство понизило пошлину на многіе сырые продукты, на строительный лѣсъ и лѣсъ для столярнаго дѣла, кунжутъ, мѣдъ, листовую сталь, разныя медицинскія снадобья и т. п. Это сокращеніе пошлинъ очевидно служитъ первымъ шагомъ къ пониженію тарифа на мануфактурныя произведенія. Такъ поступалъ сэръ-Робертъ Пиль, и дѣйствительно, путь этотъ единственно рациональный. Надо сначала освободить какую-нибудь промышленность отъ исключительныхъ стѣсненій, причиняемыхъ ей запретительною системою, а потомъ уже можно будетъ, съ меньшими для нея потрясеніями, лишить ее тѣхъ выгодъ—мнимыхъ или дѣйствительныхъ—которыя она заимствуетъ отъ этой системы. Облегчивши производителя, можно будетъ безъ большихъ трудностей облегчить и потребителя. Въ Голландіи несравненно болѣе широкая и радикальная реформа представлена на разсмотрѣніе законодательной власти, г. Ванъ-Боссе, министромъ финансовъ и бывшимъ президентомъ голландскаго комитета международной ассоціациі для таможенныхъ реформъ. Г. Ванъ-Боссе предлагаетъ понизить, за малыми исклю-

ченіями, пошлнны голландскаго тарифа до 5% максимум, и въ то же самое время онъ смѣло налагаетъ руку на всю старую голландскую колоніальную систему. Въ силу этой системы, высокія дифференціальныя пошлнны установлены въ Явѣ для покровительства ввоза продуктовъ метрополи въ колонію и вывоза продуктовъ колоніи въ метрополию. Пошлнны бываютъ или въ 12%, или въ 25%, смотря по тому, откуда и куда идутъ товары. Всѣ эти чрезмѣрно-высокія пошлнны будутъ понижены. Maximum всѣхъ пошлннъ на ввозъ и вывозъ въ нидерландскихъ владѣніяхъ на Индійскомъ Океанѣ понизится до 6%, за исключеніемъ только немногихъ статей, какъ напримѣръ спиртныхъ напитковъ, табаку и проч., для которыхъ по прежнему будутъ существовать довольно высокія ввозныя пошлнны. Между теперешнею и новою системою назначено переходное время въ четыре года, въ продолженіе котораго пошлнны будутъ понижаемы постепенно. Что касается до ввоза хлопчато-бумажныхъ тканей, то переходное время это продлится для нихъ до десяти лѣтъ. Не правда ли, что это рѣшительный шагъ по пути свободной торговли? Въ Португаліи, король объявилъ въ рѣчи своей при открытіи палаты, что въ тарифѣ будутъ сдѣланы существенныя измѣненія въ смыслѣ свободы торговли. Объявленіе это имѣетъ особенную важность, ибо протекціонисты любили ссылаться до сихъ поръ на знаменитый трактатъ Метена, заключенный въ началѣ прошлаго столѣтія между Англіей и Португаліей. Въ силу этого трактата, подписаннаго лордомъ Метеномъ въ 1703 году и дѣйствовавшаго до 1831 года, Португалія обязывалась допускать ввозъ англійскихъ шерстяныхъ тканей, съ пониженіемъ одной трети съ пошлннъ общаго своего тарифа, а Англія съ своей стороны давала точно такія же льготы португальскимъ винамъ. Протекціонисты утверждаютъ, что коммерческій и промышленный упадокъ Португаліи начинается со времени заключенія этого роковаго трактата. Напрасно доказываютъ имъ, что упадокъ Португаліи начался еще цѣлымъ столѣтіемъ прежде, когда Голландцамъ удалось подорвать португальскую торговлю въ Индіи; напрасно указываютъ имъ на Испанію, находящуюся въ столь же жалкомъ положеніи, какъ и Португалія, несмотря на то, что въ ней существуетъ запретительный тарифъ: протекціонисты остаются глухи на всѣ эти доводы. Но если трактатъ лорда Метена, спросимъ мы въ свою очередь, былъ такъ губителенъ для Португаліи, если расширеніе свободы торговли является какою-то зловѣщею катастрофою въ исторіи этой страны, то развѣ народонаселеніе не сохранило бы объ этомъ тягостнаго воспоминанія,—воспоминанія, въ родѣ того, которое до сихъ поръ живетъ еще въ его средѣ, напримѣръ, о лиссабонскомъ землетресеніи? Не возстало

ли бы общественное мнѣніе съ непримиримою враждою противъ свободы торговли и рѣшился ли бы самъ король идти противъ него, торжественно объявляя о таможенной реформѣ? Очевидно, слѣдовательно, какъ безсильны всѣ эти ссылки на трактатъ лорда Метена. *Requiescat in pace*. Даже, въ Марокко, свобода торговли сдѣлала нѣкоторые успѣхи: вслѣдствіе трактата, заключеннаго съ Англіей, тахішумъ ввозныхъ пошлинъ пониженъ до 10%. Наконецъ, торговые трактаты, заключенные съ Китаемъ и Японіей, открыли страны отдаленнаго Востока европейской и американской торговлѣ. Можно сказать, поэтому, что 1858 годъ не былъ бесплоденъ для дѣла свободной торговли. Конечно, замѣтно еще кое-гдѣ противодѣйствіе великимъ ея началамъ: въ Соединенныхъ Штатахъ либеральный тарифъ 1857 года подвергается сильнымъ нападкамъ со стороны протекціонистовъ: для пораженія его, они прибѣгаютъ къ софизму *post hoc propter hoc*, (послѣ того, стало-быть вслѣдствіе того), такъ остроумно опровергнутому Фридерикомъ Бастіа, и безъ зазрѣнія совѣсти приписываютъ ему всѣ дѣйствія, причиненныя послѣднимъ кризисомъ. Можетъ-быть и удастся имъ поднять тарифъ, но съ другой стороны, нельзя не замѣтить того важнаго обстоятельства, что мысль о совершенномъ уничтоженіи таможенъ и замѣненіи этихъ косвенныхъ налоговъ прямыми, сдѣлала въ послѣднее время большіе успѣхи въ Соединенныхъ Штатахъ. На таможи нападали тамъ сначала, какъ на орудіе правительственной системы; на нихъ нападаютъ теперь какъ на учрежденіе фискальное, — такъ, что успѣхи протекціонистовъ въ этой странѣ могутъ вызвать радикальное имъ противодѣйствіе, особенно, если будущій покровительственный тарифъ, какъ и слѣдуетъ этого ожидать, не осуществитъ надеждъ своихъ поборниковъ. Въ Англіи замѣчено нѣкоторое движеніе между хозяевами кораблей противъ существующихъ навигаціонныхъ законовъ, опять таки вслѣдствіе софизма: *post hoc propter hoc*. Фрахты, очень рѣдкіе и очень дорогіе во время восточной войны и по заключеніи мира, теперь, послѣ кризиса, находятся въ обиліи и подешевѣли. Отсюда, горькія жалобы всѣхъ владѣльцевъ судовъ и ихъ мольбы о восстановленіи монополіи. Но жалобы эти нигдѣ не встрѣчаютъ себѣ сочувствія; кораблевладельцы не могутъ склонить въ свою пользу никакую отрасль земледѣльческаго или промышленнаго труда, освободившуюся отъ мнимыхъ благодѣяній покровительственной системы, и отчужденіе, въ которомъ находятся они, доказываетъ ясно, какъ сильно утвердилась свобода торговли въ Англіи.

Да и могло ли быть иначе? Опытъ оказался рѣшительно, непогрѣшимо, въ пользу новыхъ торговыхъ постановленій, а Англичане обыкновенно преклоняются передъ опытомъ. Благодѣтель-

ное вліяніе реформы можно засвидѣтельствовать безчисленными доказательствами. Недавно министр земледѣлія и торговли во Франціи обратился къ англійскимъ земледѣльцамъ съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ касательно отмѣны хлѣбныхъ законовъ. Отвѣты единогласно показали, что реформа эта, въ началѣ столь страшная для многихъ, открыла собою новую эру благоденствія и преуспѣянія для англійскаго земледѣлія. Объемъ пахатныхъ земель увеличился; доходъ тѣхъ, которые живутъ землею, землевладѣльцевъ, фермеровъ, простыхъ землепашцевъ и поденщиковъ, возросъ, и въ то же самое время масса предметовъ продовольствія, которыми могутъ располагать потребители, умножилась въ огромной пропорціи. И какиимъ же образомъ, чужеземная конкуренція произвела всѣ эти блага? Она принудила землевладѣльцевъ и фермеровъ покинуть устарѣвшіе рутинные инструменты и способы обработки, и заставила ихъ обратиться къ усовершенствованнымъ способамъ и новымъ орудіямъ. Вотъ, на примѣръ, отвѣтъ одного англійскаго земледѣльца на вопросы, предложенные французскимъ министромъ.

Вопросъ. Какія были слѣдствія отмѣны хлѣбныхъ законовъ для англійскаго земледѣлія?

Отвѣтъ. Отмѣна хлѣбныхъ законовъ способствовала быстроумноженію различныхъ улучшеній въ земледѣліи. Землевладѣльцы дали возможность фермерамъ производить съ меньшими издержками, заботясь въ то же время объ улучшеніи ихъ земель и жилищъ. Съ своей стороны, фермеры почувствовали необходимость сократить свои издержки, усилить свое производство и для достиженія этой цѣли они ввели у себя улучшенное хозяйство (high farming) и новыя, усовершенствованныя машины.

Итакъ, отмѣна хлѣбныхъ законовъ вмѣсто того, чтобы разорить англійское земледѣліе, сдѣлала его болѣе цвѣтущимъ, нежели когда-нибудь, *побудивъ его къ прогрессу*; фактъ этотъ несомнѣненъ и, кажется, достаточно убѣдителенъ. Но это еще не все. Въ первыхъ числахъ января, лондонскій *Economist* издалъ прибавленіе, въ которомъ изложены результаты великихъ реформъ Роберта Пила, и изложеніе это не оставляетъ ни малѣйшихъ сомнѣній насчетъ благотѣльныхъ результатовъ новѣйшей англійской политики. Ограничусь заимствованіемъ изъ него нѣсколькихъ цифръ. При господствѣ запретительной системы, въ періодъ времени отъ 1805 до 1842 года, вывозъ изъ Соединеннаго Королевства не возвышался болѣе какъ на сумму отъ 33.077.144 до 47.381.023 фунт. стерл. При водвореніи же свободной торговли, съ 1842 по 1857 годъ, онъ возросъ отъ 47.381.023 до 122.066.107 фунт. стерл. Возвышеніе его для нѣкоторыхъ странъ было дѣйствительно громадно. Такъ, на примѣръ, для Соединенныхъ Шта-

товъ вывозъ возросъ отъ 5.013.000 (1843) до 19.182.000 фунт. стерл. (1857); для Франціи отъ 2.534.000 до 6.199.000; для Египта отъ 246.000 до 1.899.000; для Восточной Индіи отъ 6.404.000 до 13.060.000, и наконецъ для Австраліи отъ 1.302.000 до 11.626.000 фунт. стерл., слѣдовательно почти вдесятеро. Что касается до Россіи, то не достигая такой пропорціи, повышеніе было все-таки значительно. Оно простиралось отъ 1.895.000 до 3.098.000 фунт. стерл. Ввозъ товаровъ ознаменовался соответственными ему успѣхами. Успѣхи эти особенно поразительны касательно предметовъ продовольствія и нѣкоторыхъ суровыхъ матеріаловъ, необходимыхъ для промышленности. Среднее число ввоза пшеницы и муки въ ¹⁸⁴³/₁₈₄₄ достигало только до 1.222.000 кварталеровъ, а въ ¹⁸⁵⁸/₁₈₅₇ оно возвысилось до 4.633.000 кварталеровъ; среднее число ввоза остальныхъ хлѣбовъ и муки изъ нихъ было сначала 1.010.000 кварталеровъ, оно возросло потомъ до 9.241.000. Таковы цифры для жизненныхъ припасовъ; взглянемъ теперь на матеріалы. Ввозъ необработанной хлопчатой бумаги возвысился отъ 673.000.000 до 969.000.000, пеньки отъ 735.000 до 1.401.000 центнеровъ, льну и льнянаго семени отъ 470.000 до 1.051.000 кварталеровъ, кожи и шкуръ отъ 588.000 до 1.016.000 штукъ, невыдѣланнаго шелку отъ 3.476.000 до 12.077.000 фунтовъ, шерсти отъ 49.243.000 до 129.749.000 фунтовъ, наконецъ пиленнаго и непиленнаго дерева отъ 1.307.000 до 2.495.000 шаржей. Цифры эти достаточно показываютъ, какое чудное развитіе получила англійская промышленность, подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ реформы. Я могъ бы привести еще множество другихъ, еслибы только не боялся утомить вашихъ читателей. Но вотъ еще одна цифра, которая заслуживаетъ особаго упоминанія, именно цифра, показывающая, въ какихъ размѣрахъ увеличился вывозъ пряжи и бумажныхъ тканей, этой главной отрасли англійской промышленности. Въ 1843 году объявленная цѣнность вывезенной пряжи и тканей доходила до 23.447.000 фунт. стерл., а въ 1858 году она возросла до 42.797.000 фунт. стерл.; цифра эта равняется ежегодному среднему числу всего вывоза Соединеннаго Королевства отъ 1805 до 1842 года, или равняется суммѣ всей торговли Россійской имперіи. Не чудно ли это, въ самомъ дѣлѣ? Въ изложеніи *Экономиста* (прошу извиненія, что не могу оторваться отъ этой таблицы; по моему мнѣнію, нѣтъ романа, который былъ бы занимательнѣе этихъ длинныхъ и однообразныхъ столбцовъ цифръ, гдѣ переведены на точный, математическій языкъ тѣ блестящіе успѣхи, которыми великій народъ обязанъ свободѣ), въ изложеніи *Экономиста*, повторяю можно найти много неопровержимыхъ отвѣтовъ на жалобы корабельчича, точно также и какъ отвѣтовъ, не менѣе неопровержи-

мыхъ протекціонистамъ-филантропамъ или величающимъ, но крайней мѣрѣ, себя этимъ именовъ. Кораблевладельцы указываютъ съ воплями на умноженіе чужеземныхъ грузовъ въ мореходномъ движеніи Соединеннаго Королевства. Конечно, оно было весьма значительно. Въ 1843 году, иностранный флагъ участвовалъ во внѣшней морской торговлѣ Англіи лишь только на 2.642.000 тоннъ ввоза и вывоза; въ 1857 на долю иностранныхъ флаговъ приходилось 9.484.000 тоннъ. Возвышеніе, конечно, значительно, но произошло ли оно въ ущербъ англійскому купечеству? Нисколько. Англійскій купеческій флотъ, съ своей стороны, очень много воспользовался тѣмъ движеніемъ, которое реформы сэръ-Роберта Пилла сообщили торговлѣ, а слѣдовательно и мореходному движенію въ Соединенномъ Королевствѣ. вмѣсто цифры 7.181.000 тоннъ ввоза и вывоза въ 1843 году, мы находимъ въ 1857 году цифру 13.694.000 тоннъ. Что же касается до объема англійскаго купеческаго флота, который въ 1843 году заключалъ въ себѣ 20.983 судна, 2.588.389 тоннъ и 213,977 человекъ экипажа, то въ 1857 году онъ состоялъ изъ 37.088 кораблей, 5.531.887 тоннъ и 287.357 человекъ экипажа. Очевидно, слѣдовательно, что если иностранные грузы возрастали въ быстрѣйшей пропорціи чѣмъ англійскій, то англійскій купеческій флотъ вовсе не пострадалъ отъ реформы. Еще одну цифру въ заключеніе. Извѣстно, что успѣхи благосостоянія въ низшихъ классахъ измѣряются потребленіемъ припасовъ, не составляющихъ предмета необходимой потребности. Въ 1843 году, при существованіи пошлины, среднимъ числомъ въ 1 фунтъ 5 шиллинговъ 2 пенса за центнеръ, потребляемаго сахару приходилось по 17 фунтовъ на человѣка, а въ 1857 году, при пошлинѣ въ 13 шилл. 5 пенсовъ съ центнера, потребленіе возвысилось до 35³/₄ фунтовъ. Благодаря этому усилившемуся потребленію, происходящему въ одно и то же время отъ пониженія пошлинъ и отъ повсемѣстнаго распространенія довольства, которое произведено финансовыми и коммерческими реформами, доходы казны возрастаютъ, вмѣсто того чтобъ уменьшаться: они возвысились отъ 5.071.000 фунтовъ стерл. (въ 1843 году) до 5.640.000 (въ 1858 году). То же самое было и съ потребленіемъ чая. Въ 1843 году, при пошлинѣ въ 2 шилл. 2¹/₄ пенс. съ фунта, ежегодно потреблялось круглымъ числомъ 1 фун. 8 унц. на человѣка; въ 1857 году, при пошлинѣ въ 1 шилл. 5¹/₂ пенс., потребленіе чая возвысилось до 2 фунт. 7 унц. на человѣка, и доходы казначейства, несмотря на пониженіе пошлины, благодаря, главнымъ образомъ, усилившемуся потребленію чая, поднялись отъ 4.407.000 до 4.774.000 фунтовъ стерлинговъ.

Не правда ли, что факты эти убѣдительны, что этотъ опытъ не допускаетъ возраженія? Невозможно предполагать, чтобъ эти

факты остались безъ всякаго вліянія на умы, тѣмъ болѣе, что истина ихъ повсюду подтверждается аналогическими фактами. Вотъ уже десять лѣтъ, какъ большая часть европейскихъ народовъ, слѣдуя, хотя издали, примѣру Англии, произвели частныя измѣненія въ своихъ тарифахъ. И что же, оправдались ли у нихъ мрачныя іереміады защитниковъ запретительной системы? Была ли потрясена промышленность распространеніемъ свободы торговли, и очутились ли рабочіе безъ дѣла, на улицѣ? Вамъ извѣстно, что нигдѣ не случилось ничего подобнаго. Напротивъ, таможенные реформы повсюду сообщили несравненно сильнѣйшее движеніе, даже тѣмъ отраслямъ промышленности, которыя, по увѣренію протекціонистовъ, должны были неминуемо быть потрясены ими.

Вотъ чему обязана свободная торговля своими успѣхами въ общественномъ мнѣніи. Въ Бельгіи образовалась ассоціація, о которой, если не ошибаюсь, уже сообщалъ русскимъ читателямъ мой учный другъ и сотрудникъ вашъ, г. Капустинъ, съ цѣлію споспѣшествовать, съ помощію дѣятельной пропаганды, этому повороту общественнаго мнѣнія. Бельгійская ассоціація для таможенной реформы открыла, уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, четвертый походъ свой въ пользу этого дѣла, и она могла убѣдиться съ живѣйшимъ удовольствіемъ, какіе успѣхи сдѣлало оно съ нѣкотораго времени. Дѣйствительно, хотя министерство состоитъ изъ старинныхъ приверженцевъ свободной торговли, но оно опасается открыто выступивши на путь реформъ и отстранить отъ себя гентскихъ протекціонистовъ, которые составляютъ опору его парламентскаго большинства. Но подобная политика *status quo* не можетъ продолжаться при теперешнемъ расположеніи общественнаго мнѣнія, которое все болѣе и болѣе выражается въ пользу свободы торговли. Я не премину сообщитъ вамъ о главнѣйшихъ происшествіяхъ нашей четвертой кампаніи, когда борьба эта, которая предпринимается въ интересахъ свободы и прогресса, и которая не будетъ стоить никому ни крови, ни слезъ, придетъ къ желанному концу.

Къ несчастію, во Франціи общественное мнѣніе несравненно болѣе заражено протекціонистскими предрасудками, чѣмъ въ Бельгіи. У насъ правительство отстаетъ въ этомъ вопросѣ отъ общественнаго мнѣнія; во Франціи, напротивъ, общественное мнѣніе не поспѣваетъ за правительствомъ. Откуда происходитъ это? Отъ двухъ причинъ: вопервыхъ, отъ устарѣлыхъ, анти-англійскихъ предрасудковъ, еще сильно коренящихся въ массахъ, и которыми протекціонисты не замедлили воспользоваться. Вторыхъ, отъ недостатка экономическаго образованія и пропаганды. Неслыханное дѣло, что въ отечествѣ Тюрго, Ж.-Б. Сея и Фредерика Бастіа существуетъ только двѣ каведры политической эконо-

номіи. Недавно, значительнѣйшіе жители Монпелье сдѣлали вкладчину, чтобы на собственный счетъ основать третью кафедру; они предназначали для нея одного изъ самыхъ замѣчательныхъ и вѣстѣ съ тѣмъ самыхъ умѣренныхъ представителей небольшой фаланги французскихъ экономистовъ, г. Фредерика Пасси. Но высшій совѣтъ народнаго просвѣщенія отказалъ въ дозволеніи основать во Франціи эту третью кафедру политической экономіи, и подѣ какимъ же предлогомъ? Потому, утверждало большинство членовъ этого совѣта, что другіе захотѣли бы того же самаго, и между профессорами началась бы разногласица, — одни, напримѣръ, отстаивали бы свободу торговли, другіе протекціонную систему, возникли бы распри, а распри эти могли бы сдѣлаться опасными для общественнаго спокойствія. Рѣшеніе, вполне достойное высшаго совѣта народнаго просвѣщенія Китайской имперіи!

Несмотря однако на препятствія, съ которыми должна бороться во Франціи пропаганда политической экономіи, наука эта пристально изучается небольшимъ кругомъ избранныхъ людей, и вопросъ о свободѣ торговли, болѣе чѣмъ всякій другой вопросъ, возмущаетъ сочувствіе французскихъ экономистовъ. Если онъ не можетъ быть разъясняемъ изустно, то разъясняется, по крайней мѣрѣ, въ книгахъ и журналахъ. На дняхъ, напримѣръ, въ книжной лавкѣ Гильомена и К°. появилось сочиненіе, бросающее самый яркій свѣтъ на происхожденіе французскаго тарифа: это *Экономическій опытъ о таможенныхъ тарифахъ* г. Аме, директора таможенъ и косвенныхъ сборовъ въ городѣ Бордо (1), то-есть въ городѣ, который преимущественно стоитъ за свободу торговли. Сочиненіе это представляетъ такую краснорѣчивую защиту ея началъ, какой давно уже не появлялось въ литературѣ. Вамъ покажется, быть-можетъ, страннымъ, что книга такого рода написана главнымъ начальникомъ таможни; но опять-таки, не надо забывать, что г. Аме занимаетъ должность эту въ городѣ Бордо, гдѣ господствуетъ всеобщее расположеніе къ свободѣ торговли. Къ тому же, кто можетъ такъ основательно судить о недостаткахъ тарифа, какъ не директоръ таможни?

Сочиненіе г. Аме есть не болѣе, какъ историческій разказъ о томъ, какъ образовался во Франціи запретительный тарифъ, разказъ чрезвычайно безпристрастный и умѣренный, но который приводитъ къ такому заключенію, что тарифъ этотъ обязанъ своимъ происхожденіемъ войнѣ и не предназначался существовать по наступленіи мирнаго времени; что если онъ существуетъ до сихъ поръ, то единственно въ силу того политическаго значенія, ко-

(1) *Etude économique sur les tarifs des douanes*, par M. Amé, un vol. in 8° 1859.

торое получили покровительствуемые имъ интересы. Книга эта стоить того, чтобы подробно анализировать ее. Но я и такъ уже злоупотребляю мѣстомъ, которое вы мнѣ отвели въ своемъ журналѣ. Ограничусь извлеченіемъ изъ нея нѣкоторыхъ особенно выдающихся фактовъ.

Тарифъ, существовавшій во Франціи до революціи, былъ очень умѣренный въ сравненіи съ теперешнимъ тарифомъ. Онъ былъ обязанъ своимъ происхожденіемъ Кольберу, котораго совершенно ложно считаютъ основателемъ запретительной системы. Кольберъ учредилъ таможенный союзъ между различными провинціями во внутренности Франціи, которыя прежде были раздѣлены таможенными заставами; онъ началъ такимъ образомъ дѣло торговаго объединенія, довершенное въ послѣдствіи революціею. Первый тарифъ, изданный имъ для соединенныхъ такимъ образомъ провинцій (1664), былъ весьма умѣренъ; за то второй, направленный преимущественно противъ голландской торговли и промышленности (1667), былъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ довольно стѣснителенъ, а въ послѣдствіи постепенно все болѣе получалъ запретительный характеръ. Подъ вліяніемъ, впрочемъ, идей фیزیократовъ, свобода торговли сдѣлала уже значительные успѣхи въ то время, какъ вспыхнула революція. Съ Англіею былъ заключенъ торговый трактатъ (1786), и хотъ трактатъ этотъ, имѣвшій силу весьма не долго, подалъ поводъ къ живымъ жалобамъ со стороны мануфактуристовъ, однако онъ причинилъ имъ болѣе безпокойства, чѣмъ настоящаго вреда. Учредительное собраніе выказало большое расположеніе къ свободѣ торговли, и тарифъ 1791 года, который издало оно, установивши таможенное единство всѣхъ французскихъ провинцій, отличался весьма умѣреннымъ характеромъ. Къ несчастію, вскорѣ возгорѣлась война между Франціею и Англіею, и съ той и другой стороны старались подкрѣпить бомбы и ядра морскими и коммерческими запрещеніями. Англія прибѣгла къ морской блокадѣ, къ праву осмотра и конфискаціи на морѣ; Франція дѣйствовала орудіемъ запрещенія на сухомъ пути. Такимъ образомъ, 9-го октября 1793 года, конвентъ воспретилъ ввозъ во Францію всѣхъ товаровъ, изготовленныхъ въ Англіи, или въ странахъ, подчиненныхъ англійскому владычеству. Пеня двадцатилѣтняго заключенія въ цѣпяхъ была объявлена не только противъ гѣхъ, кто прямо или косвенно способствовалъ ввозу или продажѣ запрещенныхъ товаровъ, но также противъ составителей простыхъ ярлыковъ или афишъ, называвшихъ не англійскіе товары англійскими. Всякій, уличенный въ томъ, что употреблялъ для себя англійскіе товары, вносился въ списокъ *подозрительныхъ*, и подвергался соотвѣтственному за это наказанію. Дѣ-

ректорія слѣдовала по пути, проложенному конвентомъ, а Наполеонъ учрежденіемъ континентальной блокады далъ колоссальныя размѣры этой запретительной системѣ, служившей орудіемъ войны. Декретами, подписанными въ Берлинѣ (21 ноября 1806) и въ Миланѣ (23 ноября 1807), онъ запретилъ всякія сношенія и всякую торговлю съ Англіею. Въ то же самое время, онъ облагалъ огромными пошлинами всѣ колоніальныя товары, которые, со времени войны, только Англичане могли доставлять Франціи. Сахаръ и кофе платили 4 франка за килограмъ, перецъ 6 фран., какао 10 фран., корица, мушкатный орѣхъ 20 франковъ. Съ другой стороны, желая подорвать въ пользу льняной и шерстяной промышленности промышленность хлопчатобумажную, которая по преимуществу почиталась англійскою, императоръ не только запретилъ бумажныя ткани, но обложилъ даже хлопокъ чрезмѣрными пошлинами (декретомъ 5 августа 1810 года пошлина на левантскій хлопокъ возвысилась до 400 франк. за 100 килогр.; на хлопокъ Соединенныхъ Штатовъ 600 франк., бразильскій и другіе 800 франк.). Грустно сказать, что многія коммерческія палаты не задумались привѣтствовать эти варварскія мѣры. Палата эльбефская, на примѣръ, доходила въ восхваленіи ихъ до днѣпрамба. «Отъ оконечностей Средиземнаго моря до крайнихъ предѣловъ Балтійскаго, восстала она, возвышаются преграды, которыя снова отбрасываютъ къ англійскимъ берегамъ продукты этой страны. Повсюду горитъ мстительное пламя, превращающее въ пепелъ ткани, которыя были внесены преступнымъ корыстолюбіемъ въ страну, отвергающую ихъ, и такимъ-то образомъ, въ этомъ всеобщемъ *auto-da-fe* искупаются на материкѣ меркантильныя преступленія гордыхъ Британцевъ.» (*Мониторъ*, 1 января 1811.) Вамъ извѣстно, впрочемъ, что всѣ эти запретительныя системы, всѣ эти *auto-da-fe*, на которыхъ, въ присутствіи оборванныхъ народонаселеній, превращались въ пепелъ превосходныя англійскія ткани, нисколько не разорили «гордыхъ Британцевъ» въ «отмщеніе за ихъ меркантильныя злодѣянія». Они только много способствовали къ гибели самого Наполеона, ибо сдѣлали его владычество ненавистнымъ для континентальныхъ народовъ, которымъ онъ хотѣлъ силою навязать свою систему.

Какъ бы то ни было, система эта, возникшая во время войны, должествовала бы, казалось, прекратиться съ наступленіемъ мира. Но подъ сѣнью запретительныхъ тарифовъ, возникли уже интересы, которые, пріобрѣта въ новомъ политическомъ устройствѣ Франціи преобладающее вліяніе, соединились для того, чтобъ и по наступленіи мира сохранить *военное положеніе торговли*, созданное революціей. Правда, были уничтожены нѣкоторыя самыя варварскія постановленія таможеннаго кодекса временъ ре-

волюціи и империі, тѣ, напримѣръ, которыя касались колоніальныхъ товаровъ и хлопка, но за то, вскорѣ, тарифъ сдѣлался еще болѣе стѣснительнымъ въ другихъ отношеніяхъ. Землевладельцы требовали хлѣбныхъ законовъ, чтобъ оградить себя отъ наплыва хлѣба изъ Одессы; мануфактуристы требовали запрещенія всѣхъ статей, которыя могли бы соперничать съ ихъ произведеніями. Правительство Бурбоновъ должно было подчиниться требованіямъ коалиціи этихъ интересовъ. Протестовало только незначительное меньшинство во имя интересовъ массы, которыми жертвовали такъ нецеремонно. Г. Войе-д'Аржансонъ замѣтилъ по поводу хлѣбныхъ законовъ, что въ гербаріи его находится двадцать два вида растений, которыя жители Вогезовъ собирали въ лугахъ во время голода 1816 года. «По преданію своихъ отцовъ, говорилъ онъ, они были знакомы съ употребленіемъ этихъ травъ; растенія эти, нарванные въ то время, о которомъ я вамъ упомянулъ сейчасъ, едва ли еще успѣли высохнуть теперь, когда мы разсуждаемъ, должно ли бороться законодательнымъ путемъ съ пониженіемъ цѣны на хлѣбъ.» Другой депутатъ, г. Ру, изъ Марселя, мрачными красками рисовалъ картину дѣйствій марсельскаго народонаселенія, въ ту эпоху, когда континентальная блокада прервала сношенія этого города съ Россіею. «Въ продолженіи этого времени, сказалъ онъ, хлѣбъ бѣлъ дороже, чѣмъ въ теченіи всѣхъ двадцати четырехъ столѣтій, протекшихъ съ основанія города; всѣ сношенія съ другими странами были прерваны; средства продовольствія были совсѣмъ не обезпечены... Народонаселеніе уменьшилось на одну треть; сорокъ тысячъ человѣкъ, то-есть почти половина всѣхъ жителей, оставшихся въ городѣ, получали вспомошествованіе отъ благотворительныхъ учрежденій; перепись ихъ была сдѣлана правительствомъ. Несмотря на эту помощь, правда весьма скудную, бѣдные, не будучи въ состояніи доставать себѣ хлѣба, слишкомъ дорогаго для нихъ, бродили по деревнямъ, глодали листья или убѣдительно вымаливали себѣ въ бойняхъ крови зарѣзанныхъ животныхъ, отчего распространялись, разумѣется, болѣзни.» Наконецъ, г. Бежаменъ-Констанъ, не обращая вниманія на яростныя восклицанія владѣльцевъ большихъ помѣстій, краснорѣчиво клеймилъ законъ, предназначенный для того, чтобы повысить въ цѣнѣ хлѣбъ, съ единственною цѣлью доставить какъ можно болѣе дохода землевладельцамъ. «Умоляю васъ, восклицалъ онъ посреди безпрестанно прерывавшихъ его кликовъ, воспользоваться послѣднею, представляющеюся намъ возможностью, чтобъ остановиться въ этомъ энтузіазмѣ къ повышенію цѣнъ. Поймите въ вашемъ собственномъ интересѣ, какъ опасно, при наступленіи всякаго мѣстнаго голода, заставлять думать, что онъ произведенъ мѣрами,

на которыхъ настояли владѣльцы большой собственности въ этой палатѣ. (*Ропотъ; восклицанія съ правой стороны: «это не прилично!»*) Я могъ бы вдаться здѣсь въ большія подробности, но такъ какъ запальчивость, овладѣвшая землевладѣльцами, прерываетъ меня каждую минуту, то я не могу объяснить такъ, какъ бы мнѣ этого хотѣлось; ограничусь только сожалѣніемъ о томъ, что вы возвышаете цѣну продукта, который производитъ ваша земля, и которымъ наполнены ваши житницы. (*Опять крики: «къ порядку! это зажательная рѣчь!»*) Думаю, что вамъ не выгодно принимать на себя всю ненависть, которую возбудитъ этотъ законъ. . . . Здѣсь голосъ оратора былъ заглушенъ криками разъяренныхъ членовъ правой стороны, и законъ былъ принятъ значительнымъ большинствомъ голосовъ. Но каковъ же былъ первый результатъ этой привилегіи? Она навлекла на Францію очень тяжкія возмездія со стороны другихъ государствъ и распространила по всей Европѣ запретительную систему. Баронъ Панье остроумно опредѣлялъ это положеніе слѣдующими словами: «Каждая нація такъ-сказать окружила себя окопами на высотахъ; но рано или поздно, надо будетъ, наконецъ, покинуть это положеніе и сойдти въ долину.» Г. Панье не ошибался, и предсказанія его начинаютъ уже сбываться. Впрочемъ, и тутъ все-таки не Франція подала добрый примѣръ: въ то время, какъ Англія, по стопамъ людей, подобныхъ Госкиссону и Роберту Пилю, смѣло спускалась въ долину, въ то время, какъ другія націи слѣдовали за нею, Франція попрежнему упорно держалась на высотахъ. При іюльскомъ правительствѣ, тѣ же самые интересы, которые были причиною повышения тарифа, соединились для охраненія его, и правительство, несмотря на либеральныя свои тенденціи, не почло себя довольно сильнымъ, чтобы бороться съ этою коалиціею. Вторая республика также отступила передъ реформою тарифа. Императорское правительство готово, кажется, исполнить это великое дѣло, передъ которымъ остались безсильны его предшественники, и оно уже взялось за него. Предложивши, впрочемъ, проектъ закона объ отмѣнѣ запрещеній, оно нашлось вынужденнымъ отсрочить разсмотрѣніе его, ибо не чувствовало достаточной опоры въ общественномъ мнѣніи. При такомъ настроеніи умовъ, не должно ли было бы правительство, вмѣсто того чтобы поставлять преграды пропагандѣ экономическихъ доктринъ, всѣми силами, напротивъ, содѣйствовать ей? Пропаганда эта не должна ли была служить ему полезною союзницею? Еслибы преподаваніе политической экономіи входило въ программу французскаго университета, еслибы позволены были свободные курсы этой науки, вѣдь университетскихъ стѣнъ, не легче ли было бы осуществлять экономическія реформы, которыя опирались бы такимъ образомъ

на избранный кругъ общества? Принуждено ли было бы правительство отлагать осуществленіе благотѣльныхъ реформъ, потому только, что имъ противятся нѣкоторые привилегированные интересы, опирающіеся на народныя предрасудки и общее невѣжество? Къ несчастью, правительства обращаютъ гораздо болѣе вниманія на неудобства для нихъ экономическаго образованія массъ, нежели на выгоды его, несомнѣнная даже съ правительственной точки зрѣнія. Они заражены еще въ этомъ отношеніи предрасудками, которыхъ не успѣло разрушить вторженіе социализма, этого ядовитаго плода съ древа незнанія.

Густавъ де-Молинари.

ИЗЪ АМЕРИКИ.

Нью-Йоркъ, февраля $\frac{1}{10}$ 1859.

Я начну мою американскую хронику нѣсколькими словами о Канадѣ, потому что Канада имѣетъ много общаго съ нами: тотъ же языкъ, тѣ же учрежденія, тотъ же климатъ, то же племя; я могъ бы прибавить та же форма правленія, ибо, хотя канадскія провинціи находятся подъ правительствомъ монархическимъ, оно въ нихъ до такой степени умѣренно и ограничено, что въ сущности и въ этомъ отношеніи болѣе сходство между обѣими странами. Въ Канадѣ только-что открыли три желѣзныя дороги: одну на востокъ, другую на западъ, третью въ центрѣ провинціи. Американцы завистливо слѣдятъ за этими успѣхами, которые, благодаря монархической формѣ правленія, происходятъ въ Канадѣ скорѣе, нежели въ Соединенныхъ Штатахъ. Съ другой стороны правительство метрополиіи хочетъ какъ будто прировнять политическія учрежденія Канады къ устройству Соединенныхъ Штатовъ. Это можно видѣть изъ одного примѣра, относящагося къ очень недавнему времени. Меры городовъ и селеній назначались прежде въ Канадѣ правительствомъ; теперь оно предоставило избраніе ихъ народу, который недавно въ первый разъ воспользовался этимъ новымъ правомъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что монархическое правительство дѣлаетъ республиканскія нововведенія, которыхъ никто не просилъ у него. Въ сущности это мудрая политика въ данномъ случаѣ: такъ какъ постоянно открыто свободное сообщеніе между этими двумя странами, и такъ какъ онѣ не отдѣлены другъ отъ друга ни таможенными, ни военными линіями, то въ нихъ не могутъ быть упрочены слишкомъ разнородныя политическія учрежденія. Не дѣлать того, что дѣлаетъ нынѣ англійское правительство, значило бы заставить Канаду требо-

вать присоединенія къ Сѣверо-Американскимъ Штатамъ. У насъ почти не сомнѣваются въ томъ, что это присоединеніе совершится при первой войнѣ между Англійей и Соединенными Штатами. Кстати о присоединеніи: два острова изъ группы Острововъ Товарищества, изъявили желаніе присоединиться къ нашей республикѣ. Сколько слышала она просьбъ такого рода! Есть, правда, партія, которой расширение территоріи доставило бы величайшее удовольствіе, но другіе думаютъ не безъ основанія, что территорія наша и такъ уже чуть ли не слишкомъ обширна. Въ настоящее время перестали говорить о присоединеніи Мексики; европейскія державы имѣютъ другіе планы насчетъ этой несчастной страны. Но не странно ли въ высшей степени, что хотя Испанія объявила во всеуслышаніе твердую рѣшимость ни въ какомъ случаѣ не продавать Кубы, въ совѣщаніяхъ американскаго народа преспокойно занимаются обсужденіемъ средствъ къ исполненію проекта о покупкѣ этого острова? Можно упрекнуть теперешнее правительство Соединенныхъ Штатовъ въ недостатокъ благородства. Оно постоянно тревожитъ менѣе могущественныя государства и не даетъ имъ покоя; но представьте себѣ, что въ камерахъ Соединенныхъ Штатовъ стали бы разсуждать о приобрѣтеніи Ямайки, или Корсики: что сказала бы Англія или Франція о подобной демонстраціи? Гаити недалеко отъ Кубы; овладѣвъ этою послѣднею, ѣ трудно будетъ захватить и Гаити,—такъ думаютъ нѣкоторые, движимые безразсудною жадностію. Тутъ, говорятъ, уже нечего опасаться вмѣшательства какой-нибудь европейской державы. Но вѣрно ли это? Если въ Европѣ ведутъ войны для поддержанія полигическаго равновѣсія, то допустить ли Европа, чтобы это равновѣсіе было нарушено въ другихъ странахъ? Соединенная эскадра Англіи, Франціи и Италіи, стоящая теперь въ Мексиканскомъ заливѣ, есть безъ сомнѣнія демонстрація противъ притязаній Америки. Сообщу кстати нѣсколько новостей о Гаити. Имперія уже не существуетъ. Глава ея былъ принужденъ бѣжать на англійскомъ суднѣ, которое доставило его въ Ямайку. Онъ по всей вѣроятности увезъ съ собою часть своего имѣнія. Была провозглашена республика. Она просуществуетъ нѣсколько времени, чтобы потомъ опять уступить мѣсто другой формѣ правленія, и, кто знаетъ, можетъ-быть Фаустинъ I возвратится въ Гаити, несмотря на свои преклонныя лѣта (1): вѣдь Санта-Анна вступалъ же нѣсколько разъ въ Мексику и пожалуй вступитъ еще разъ.

Ни съ чемъ нельзя сравнить такъ удачно канпризы калейдо-

(1) Фаустинъ I не возвратится уже въ Гаити. Когда нашъ корреспондентъ отиралялъ письмо свое къ намъ, до него еще не доходило извѣстіе о кончинѣ бывшаго гаитскаго императора. *Ред.*

скопа, какъ съ дѣлами Мексики: сегодняшній президентъ свергнутъ завтра другимъ, котораго власть точно такъ же непрочна.

У Соединенныхъ Штатовъ возникли несогласія съ Парагваемъ. Туда отправлена эскадра, которая подверглась на пути многимъ неблагоприятнымъ случайностямъ. Нѣтъ еще извѣстій о ея прибытіи на мѣсто назначенія, но думаютъ, что если она явится съ намѣреніемъ начать войну, то встрѣтитъ не одно серьезное затрудненіе. Я говорилъ вамъ сейчасъ о главныхъ островахъ американскаго средиземнаго моря и о находящейся въ немъ иностранной эскадрѣ. Ея присутствіе и другія причины распространили слухъ, — будто бы европейскія державы, видя, что Мексика и испанскіе острова могутъ достаться Соединеннымъ Штатамъ, рѣшились помѣшать этому, образовавъ изъ нихъ монархію, во главѣ которой будетъ стоять одинъ изъ членовъ испанскаго королевскаго дома. Публика принимаетъ эти слухи серьезно, и уже видятъ время, когда англо-саксонское племя будетъ отдѣлено отъ южной Америки государствомъ, поддерживаемымъ Европою. Что же случилось съ ученіемъ Монро?

Но чтó такое ученіе Монро? могутъ спросить нѣкоторые читатели; вопросъ весьма позволительный, ибо теорія, о которой мы говоримъ, уже довольно устарѣла, но такъ какъ о ней часто говорятъ, то будетъ можетъ-быть не лишнимъ напомнить ее нѣсколькими словами.

Въ 1823 году г. Рошъ (Rusch), министръ Соединенныхъ Штатовъ въ Лондонѣ, извѣстилъ г. Монро, который былъ тогда президентомъ, что Россія, Австрія, Пруссія и Франція положили возстановить испанское господство въ Новомъ Свѣтѣ. Англія не раздѣляла этихъ намѣреній и совѣтовала Соединеннымъ Штатамъ черезъ своего перваго министра, лорда Каннинга, противодействовать этому проекту. Монро объявилъ европейскимъ державамъ, что Американцы сочтутъ опасною для общественнаго мира всякую попытку съ ихъ стороны провести свои политическіе виды на западномъ полушаріи. « Наши южные братья имѣютъ съ нами одни и тѣ же интересы, и если ихъ предоставить самимъ себѣ, они будутъ дѣйствовать съ нами за одно. Мы не можемъ смотрѣть равнодушно на вмѣшательство Европы въ дѣла нашего континента, въ какой бы то ни было формѣ. Мы никогда не вмѣшивались въ дѣла колоніи какой-либо европейской державы, и никогда не будемъ этого дѣлать. Чтó же касается до тѣхъ американскихъ государствъ, которыя провозгласили свою независимость и удержали ее, и которыя были признаны нами на основаніи важныхъ соображеній и согласно съ справедливостію, то мы сочли бы всякое вмѣшательство со стороны какой-либо изъ европейскихъ державъ, съ цѣлію угнетать ихъ или какимъ-нибудь образомъ стѣснять ихъ самостоятельность, за изъявленіе непріязненности къ Соединеннымъ Штатамъ. »

Въ декабрь 1824 года Монро возвратился къ этому вопросу и задумалъ примѣнить высказанныя имъ прежде начала къ политическому устройству Новаго Свѣта. «Континентъ отъ одного моря до другаго, говорилъ онъ, принадлежитъ намъ, и мы намѣрены устроить по своему огромное пространство западныхъ земель, надъ которыми папа имѣетъ столь неограниченную власть, и которыя онъ отдалъ вѣрнымъ сынамъ церкви.»

Провозглашеніе этихъ началъ открыло новую эру въ исторіи Америки; оно предвѣщало образованіе американской системы, которая должна была сдѣлаться для всего этого материка тѣмъ же, что политическая система Европы для Стараго Свѣта.

Много можно было бы сказать о самой доктринѣ Монро и—припоминая попытки присоединеній, которыхъ мы были свидѣтелями, экспедиціи Флибустьеровъ, которыя допускаются, притязанія на островъ Кубу—спросить себя: осталась ли эта система вѣрною себѣ и не провозгласили ли Соединенные Штаты независимости американскаго континента для того, чтобъ имъ однимъ господствовать на немъ? Можно было бы также спросить, всегда ли это ученіе было примѣняемо къ Европѣ, и напомнить признание правъ Венгрии во время ея возмущенія и болѣе близкій случай, остендскій конгрессъ. Но это завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Доктрина Монро была такъ-сказать предана забвенію, сдѣлалась мертвою буквою; Въ настоящее время есть партія, которой хотѣлось бы воскресить это ученіе, хотя она нисколько не расположена слѣдовать ему въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно окажется неудобнымъ для нея. Этой партіи хотѣлось бы объявить, что американскій материкъ не только закрытъ для колонизаціи и преобразованій со стороны Европы, но что даже ея покровительство настоящему *status quo* на немъ не можетъ быть допущено. Вотъ цѣль, отъ достиженія которой зависитъ будто бы сохраненіе американскихъ учрежденій.

Съ особеннымъ интересомъ читали здѣсь отзывы важнѣйшихъ европейскихъ журналовъ о посланіи г. Боканана. Эти статьи важны не только потому, что въ нихъ выражаются мнѣнія, господствующія въ Европѣ, но еще и потому, что они свидѣтельствуютъ объ успѣхахъ Соединенныхъ Штатовъ въ политическомъ могуществѣ. Можно припомнить, не восходя къ слишкомъ отдаленнымъ временамъ, что въ Европѣ смотрѣли на рѣши президентовъ Соединенныхъ Штатовъ, какъ теперь смотрятъ на слова какого-нибудь президента Мексики или вице-короля Канады. Это положеніе дѣлъ перемѣнилось въ особенности послѣ 1848 г. и открытія Калифорніи. Пріемъ Кошута въ Америкѣ со всеми демонстраціями, сопровождавшими его, дѣло Коста въ Смирнѣ и рѣшительный образъ дѣйствій капитана Пиграма, письмо, написанное

по этому поводу г. Вебстеромъ къ г. Гюльзemannу, волненіе, которое предшествовало клеитонъ-бульверскому трактату и слѣдовало за нимъ, предложеніе г. Марси объ уничтоженіи каперскихъ свидѣтельствъ, самая смѣлость остендскаго манифеста—все это способствовало возвышенію Америки въ ряду націй.

Соединенные Штаты—страна совершенно своеобразная, и дѣйствительно представляетъ для Европейца Новый Свѣтъ.

Одинъ Нѣмецъ, крайній консерваторъ, вышелъ разъ при мнѣ на берегъ въ Нью-Йоркѣ. На одной площади происходила пушечная пальба. «Что такое?» спросилъ онъ.—«Это изъясненіе сочувствія ирландскому возстанію, подобное тѣмъ изъясненіямъ, которыя были у насъ въ честь Венгріи, Швейцаріи, Французской республики, и которыя никогда не переведутся (на дняхъ было еще одно по случаю провозглашенія черной республики въ Гаити).» «Да развѣ правительство допускаетъ это?»—«Отчего же нѣтъ; оно допускаетъ всякую демонстрацію даже противоположнаго характера. Оно не только допускаетъ, но даже вовсе не заботится объ этомъ.» «Даешь оно свои пушки и порохъ?»—«Нѣтъ; всякій покупаетъ порохъ въ первой попавшейся лавкѣ, количество его ограничивается лишь волей покупателя; а пушки имѣютъ право держать всякій: ступайте по этой улицѣ, и вы увидите магазины, наполненные пушками всѣхъ калибровъ.» Нѣмецъ хотѣлъ ѣхать въ ту же минуту назадъ, но ему отсовѣтовали, и онъ остался; а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ увидитъ столько народныхъ демонстрацій всякаго рода, не нарушающихъ однако общественнаго порядка, что привыкнетъ къ нимъ какъ и всѣ, и не будетъ больше обращать на нихъ вниманія.

Теперь занимаются собираніемъ матеріаловъ, нужныхъ для произведенія народной переписи на текущей годъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Ихъ народонаселеніе въ настоящее время по крайней мѣрѣ равняется народонаселенію Франціи и значительно превышаетъ англійское. По числу жителей Соединенные Штаты занимаютъ второе мѣсто послѣ Россіи, хотя разница между ними еще велика. Народонаселеніе Соединенныхъ Штатовъ въ 1850 г. было: 23,191,876; въ 1854—26,500,000: въ 4 года оно возрасло на 3,308,124; можно полагать, что въ послѣднее десятилѣтіе прибавилось 10,000,000; что составило бы въ итогѣ 36,500,000. Наши мануфактуры, горные промыслы, земледѣльческіе продукты и цѣнность нашей поземельной собственности возвысилась въ гораздо большей пропорціи, чѣмъ въ какой бы то ни было странѣ Европы. Въ 1850 году наши мануфактуры и горный промыселъ цѣнились по официальному исчисленію въ 1,013,336,463 доллара, земледѣльческіе продукты въ 1,600,000,000; собственность движимая и недвижимая въ 9,000,000,000. Но съ тѣхъ поръ наша терри-

торія значительно рѣшилась, и возвышеніе цѣнности промышленныхъ и земледѣльческихъ заведеній и поземельной собственности почти не исчислимо. Новыя области были населены народомъ неугомымъ въ трудѣ. Города и селенія какъ будто изъ земли выросли тамъ, гдѣ десять лѣтъ тому назадъ не было слѣдовъ присутствія челоуѣка; въ другихъ городахъ болѣе давняго происхожденія, собственность почти вездѣ тоже возвысилась въ цѣнѣ; въ иныхъ мѣстахъ разниа баснословная. Чѣмъ же сдѣлаются Соединенные Штаты черезъ десять лѣтъ, если ничто не будетъ препятствовать ихъ развитію! Но не надо забывать, что здѣсь всякій работаетъ, что всякій употребляетъ въ дѣло свои капиталы, что у насъ естъ духъ предпріимчивости, которому нѣтъ равнаго въ мірѣ, что здѣсь извѣстны только два класса людей, люди работающіе и люди не работающіе, и что послѣднихъ такъ мало, что они не могутъ входить въ расчетъ и что, наконецъ, такой челоуѣкъ, если и встрѣчается гдѣ-нибудь, далеко не составляетъ предмета всеобщаго уваженія. Итакъ, можно по справедливости сказать, что въ Соединенныхъ Штатахъ всякій содѣйствуетъ успѣхамъ и благосостоянію націи. Чтò же касается до изобрѣтеній, то нѣтъ на свѣтѣ страны, которая бы такъ изобиловала ими, какъ Соединенные Штаты, и прибавляла бы столько усовершенствованій къ чужимъ изобрѣтеніямъ.

Въ послѣднее время кругъ Американскихъ Штатовъ увеличился принятіемъ въ число ихъ области Орегонъ. Эта мѣра встрѣтила однакоже сильную оппозицію, основанную на томъ, что территория Орегона не заключаетъ въ себѣ числа жителей, требуемаго конституціей, а также и потому, что боятса значительныхъ издержекъ, которыя влечетъ за собою политическое, судебное и административное устройство новой территоріи. Тутъ всегда богатая пожива искателямъ мѣсгъ. Но Россія должна радоваться тому, что страны, лежащія на обращенномъ къ ней берегу Тихаго Океана, съ которыми она будетъ находиться въ непрерывныхъ сношеніяхъ благодаря постоянной навигаціи, получаютъ болѣе правильное устройство. Выгода будетъ обоюдная.

Въ послѣднюю сессію конгресса прибыли въ Вашингтонъ депутаты отъ четырехъ территорій, съ просьбою принять ихъ въ число штатовъ, такъ какъ они имѣютъ требуемое народонаселеніе. Эти территоріи, изъ которыхъ каждая обширнѣе иного королевства: Дакота, Аризона, Сіерра-Невада и Калона. Организация новой области—всегда событіе для Американцевъ, которые тотчасъ же бросаются туда и приносятъ съ собою свойственный имъ духъ дѣятельности и предпріимчивости. Общественное мнѣніе сейчасъ же овладѣваетъ вопросомъ, о немъ разсуждаютъ въ публичныхъ курсахъ и въ нашихъ безчисленныхъ журналахъ.

На дняхъ лейтенантъ Моури, одинъ изъ депутатовъ Аризоны, говорилъ объ этой территоріи въ засѣданіи нью-йоркскаго географическаго общества, при многочисленной публикѣ. Позвольте мнѣ извлечь изъ его рѣчи нѣкоторыя данныя; онѣ могутъ интересовать многихъ вашихъ читателей, потому что относятся къ странѣ новой и нелишенной, я думаю, значенія для Русскихъ.

Аризона вдвое обширнѣе Нью-Йоркскаго штата и заключаетъ въ себѣ три значительнѣйшія рѣки на западѣ отъ Миссиссипи: Гилу, Западный Колорадо и Рио-Гранде. Естественнымъ исходомъ для ея продуктовъ служить Калифорнскій заливъ. Вотъ почему Соединеннымъ Штатамъ нужно пріобрѣсти мексиканскую провинцію Сонору. На западѣ отъ Рио-Гранде находится рядъ плоскихъ возвышенностей, пересѣкаемыхъ двумя горными хребтами. На пространствѣ 300 миль тянутся превосходнѣйшія пастбища. Рѣка Санта-Крусъ иногда высыхаетъ, но долина ея чрезвычайно плодородна, такъ же какъ и долина Санъ-Педро. Тукакъ единственное сколько-нибудь значительное мѣстечко во всей области, и въ немъ только 200 жителей. На сѣверѣ отъ Санта-Крусъ лежатъ очень богатые серебряные рудники. Индійцы разводятъ кукурузу по берегамъ рѣкъ въ сѣверной части территоріи. Нѣкоторыя изъ ихъ племенъ дружелюбны къ иностранцамъ, другія враждебны имъ. Черезъ среднюю и западную часть Аризоны проходитъ большая дорога отъ Сенъ-Луи до Санъ-Франсиско. Почта не разъ уже ходила отъ долины Миссиссипи до береговъ Тихаго Океана, и туземцы, въ которыхъ впрочемъ много помѣси, никогда не тревожили ея. Всего болѣе слѣдуетъ остерегаться племени Анаховъ, и отъ нихъ не будетъ опасности только въ томъ случаѣ, если правительство пришлетъ войска, которыя бы сдерживали ихъ. Но сдѣлать это трудно, ибо американская армія никогда не достигала комплекта 14,000, и это число многіе находятъ слишкомъ великимъ, потому что окладъ простаго солдата обходится по полдоллару въ день и долженъ быть уплачиваемъ наличными деньгами и безъ задержки.

Рудники Аризоны, говорятъ, самые богатые въ цѣлой Америкѣ. Въ нихъ находятъ золото и серебро въ очень многихъ мѣстахъ, гдѣ существовалъ горный промыслъ, еще во время испанскаго владычества. Теперешнее народонаселеніе Аризоны, считая людей всѣхъ породъ (бѣлыхъ тамъ немного), не превышаетъ 35,000. Нѣтъ сомнѣнія, что если территорія Аризоны сдѣлается штатомъ, то испано-мексиканское народонаселеніе совершенно уступитъ мѣсто Американцамъ, какъ бы незначительно ни было ихъ число.

Auri sacra fames сильнѣе чѣмъ когда-либо; искатели благородныхъ металловъ ожидаютъ только одного слова конгресса, чтобы

нахлынуть на это новое эльдорадо, на эту чульную страну, силами которой не умѣютъ пользоваться ея теперешніе жители. Съ присоединеніемъ Аризоны къ Американскимъ Штатамъ откроется на будущее время обширный рынокъ для продуктовъ сѣвера. Торговля оживится, какъ это случилось послѣ открытія рудниковъ Калифорніи, и едва ли не оправдаются слова Гумбольдта, который предсказывалъ, что различіе между золотомъ и серебромъ исчезнетъ, когда выйдутъ на свѣтъ сокровища Аризоны и Соноры.

Количество золота, ежегодно добываемаго въ мѣрѣ оцѣнивается въ 200.000.000 долларовъ: 100.000.000 въ Австраліи, 65.000.000 въ Калифорніи, 20.000.000 въ Россіи и 15.000.000 въ другихъ странахъ. Допуская, что эта оцѣнка нѣсколько преувеличена, можно все-таки смѣло предположить, на основаніи многочисленныхъ извѣстій, получаемыхъ нами съ запада, что приведенная цифра будетъ скоро превзойдена. Статистика золота въ Соединенныхъ Штатахъ даетъ за послѣднее двадцатилѣтіе слѣдующій результатъ:

Въ Калифорніи добыто цѣною на	820.000.000	долларовъ.
— Сѣверной Каролинѣ	12.000.000	—
— Георгіи	1.500.000	—
— Кавказѣ	250.000	—
— Орегонъ и Вашингтонъ	250.000	—
<hr/>		
Итого 840.000.000 долларовъ.		
Виргинія, Тенесси, Южная		
Каролинѣ, Алабама и др. даля	60.000.000	
<hr/>		
Общій итогъ 600.000.000		

Если же все, что разказываютъ о сокровищахъ нашего Запада, правда, то можно ожидать, что эти цифры удвоятся. Калифорнія даетъ теперь по милліону въ недѣлю; другіе источники въ Соединенныхъ Штатахъ въ скоромъ времени будутъ давать половину этой суммы, что составитъ въ годъ 75 милліоновъ, то-есть половину цѣнности собираемой у насъ ежегодно хлопчатой бумаги.

Извѣстія изъ Ута неудовлетворительны: войны нѣтъ, и повидимому все успокоивается, но все-таки неустройство продолжается. Судъ присяжныхъ былъ введенъ, какъ вездѣ въ Соединенныхъ Штатахъ, но такъ какъ большинство тамошняго народонаселенія состоитъ изъ Мормоновъ, то и большинство присяжныхъ принадлежитъ къ этой сектѣ, вслѣдствіе чего нѣтъ правосудія. Американскіе чиновники жалуются на это, но исходъ изъ этого порядка вещей только одинъ: объявить страну въ военномъ положеніи, чего сдѣлать нехотятъ; итакъ нужно терпѣть. Скоро настанетъ время, когда, вслѣдствіе иммиграціи, американскій элементъ возьметъ перевѣсъ.

Двѣ великія половины англо-саксонскаго племени, Англія и Соединенные Штаты, спорятъ теперь, но мирнымъ образомъ, о

побѣдѣ, послѣдствія которой будутъ значительнѣе послѣдствій побѣдѣ, одерживаемыхъ на полѣ битвы. И та и другая сторона старается захватить въ свои руки торговлю на Тихомъ Океанѣ. Счастлива та, которая одолѣетъ; но не на одномъ только Пацамскомъ перешейкѣ долженъ рѣшиться этотъ вопросъ: онъ долженъ рѣшиться на самомъ материкѣ Сѣверной Америки, который въ скоромъ времени будутъ пересѣкать желѣзныя дороги во всю его ширину и въ нѣсколькихъ направленіяхъ. Правительство составило проектъ трехъ дорогъ: одна будетъ идти на югъ, чрезъ Новую Мексику при Эль Пазо или Альбукеркѣ; другая въ центрѣ черезъ Соутъ-Пасъ; третья на сѣверѣ, отъ начала Верхняго озера, чрезъ территорію Орегона, къ Тихому Океану. Конгрессъ занимается этимъ вопросомъ. Расходъ постройки всѣхъ трехъ дорогъ цѣнится въ 500.000.000 долларовъ. Желѣзныя дороги Соединенныхъ Штатовъ, предполагаемыя, начатыя и оконченныя, простираются на 44.417 миль; 28.238 миль уже открыты. Общая цѣнность всѣхъ этихъ 44.417 миль будетъ въ 1.058.485.958 долларовъ. Нечего ожидать отъ казны помощи для постройки: казна наша истощена и дѣлаетъ займы за займами. Покуда въ конгрессѣ разсуждаютъ объ этихъ дорогахъ, о средствахъ построить ихъ, о ихъ направленіи, англійское правительство принимается за дѣло въ своихъ сѣверныхъ владѣніяхъ. Предполагаемая имъ желѣзная дорога должна проходить по всей британской территоріи, начиная отъ Верхняго озера. Она откроетъ плодородныя долины рѣкъ Сачеванъ и Красной, будетъ доходить до золотыхъ приисковъ на Фрезеръ Риверъ и откроетъ путь товарамъ Тихаго Океана черезъ озера къ Квебеку.

Почтовая навигація между Америкой и Европой производится теперь весьма неправильно. Правительство не даетъ денегъ: оно хочетъ, чтобы всѣ издержки покрывались платою за письма. Но доказано, что при конкуренціи судовъ Кунардъ и Англійской линіи это невозможно. Линія Кунардъ поглощаетъ почти всѣ письма, и этимъ она обязана своей необыкновенной акуратности, достоинству своихъ судовъ, превосходству экипажей и строгой морской дисциплинѣ, которую нельзя довольно хвалить. Говорятъ, что конгрессъ собирается принять мѣры, чтобы поднять почтовую навигацію и освободить Соединенные Штаты отъ англійской монополіи, которая всюду стѣсняетъ ихъ. Но это будетъ не легко ибо велико число людей находящихъ свою выгоду въ поддержаніи настоящаго порядка вещей. Далѣе слѣдуетъ удовлетворить требованіямъ политической партіи, на которую опирается власть, и наконецъ недостааетъ главнаго двигателя всего, денегъ; чтобы достать ихъ, намѣреваются, говорятъ, измѣнить тарифъ: его хотѣтъ сдѣлать болѣе охранительнымъ. Возвысятъ пошлины на ввозъ

товаровъ; это принесетъ пользу казнѣ и мануфактурѣ на минуту. Подъ вліяніемъ новаго тарифа мануфактуры поднимутся, потому, когда онъ пойдутъ хорошо, тарифъ опять уменьшатъ и снова разрушатъ искусственно-воздвигнутое зданіе промышленности.

Другое средство, предлагаемое для увеличенія доходовъ государства: возвыситъ плату за пересылку писемъ и журналовъ. Нигдѣ въ мірѣ корреспонденція и чтеніе журналовъ не распространены до такой степени, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Простое письмо отъ Атлантическаго океана до Каменистыхъ горъ стоитъ только 3 сента. Далѣе этой границы, напримѣръ отсюда до Санъ-Франсиско или до Портланда на Тихомъ Океанѣ, оно стоитъ десять сентовъ. Но за письмо изъ Нью-Йорка въ Миннесоту, въ Канзасъ, въ Сенъ-Луи, въ Новый Орлеанъ, въ Гальвестонъ въ Техасъ на Мексиканскомъ заливѣ, платятъ не болѣе трехъ сентовъ. Не можетъ быть болѣе дешевой почты. Эта дешевизна придала корреспонденціи дѣятельность, которую заглазно нельзя себѣ представить. Что же касается до журналовъ, то пересылка ихъ стоитъ только одинъ центъ въ первой полосѣ, и 3 во второй. Отмѣненіе и возвышеніе этого почтового тарифа было бы мѣрой крайне непопулярною. Будемъ надѣяться, что его не измѣнятъ, и что конгрессъ найдетъ другое средство покрыть свои расходы. Послѣдняя администрація была одна изъ самыхъ расходныхъ, какую помнятъ Соединенные Штаты. Журналы пугаютъ банкротствомъ. Но правительство Соединенныхъ Штатовъ не можетъ обанкрутиться, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что въ настоящее время оно приостановило платежи.

Число несчастій на морѣ, считая пароходы, корабли и суда всякаго рода, дошло въ этомъ году до 1418 случаевъ. Изъ нихъ 1142 постигли американскія суда. Совершенно погибло 390 судовъ; случаевъ столкновеній 132; пожаровъ 85, изъ нихъ 9 произошли отъ воспламененія извѣстки, 3 отъ воспламененія угля; 4 отъ неизвѣстныхъ причинъ.

По оцѣнкѣ потерь въ 1858 году приходится на пароходы	6,553,900	долл.
“ “ “ “ “ “ на корабли	9,373,025	-
“ “ “ “ “ “ на баржи	2,600,500	-
“ “ “ “ “ “ на бригги	1,354,570	-
“ “ “ “ “ “ на шкуны	1,746,215	-

Итого 21,628,210 долл.

Истекшій годъ замѣчательнъ не столько, можетъ-быть политическими событіями, которыхъ былъ свидѣтелемъ, сколько безпримѣрнымъ спокойствіемъ, господствовавшимъ въ обоихъ полушаріяхъ, на великихъ путяхъ торговли и денежныхъ оборотовъ. Если бросимъ взглядъ назадъ до перваго января 1858 года, то найдемъ Америку и Европу оглушенными такъ-сказать ударомъ,

который былъ нанесенъ торговлѣ и промышленности бѣдственнымъ и неожиданнымъ кризисомъ предыдущаго года. Купцы, банкиры, земледѣльцы, ремесленники, работники, все пострадало отъ этой громадной катастрофы, объему которой нельзя указать границъ. Начало 1858 года застало Нью-Йоркъ, другіе большіе города Соединенныхъ Штатовъ и вообще всю страну въ такомъ состояніи, которое можно сравнить съ состояніемъ людей, только что претерпѣвшихъ землетрясеніе и еще спрашивающихъ себя, дѣйствительно ли спасли они жизнь, утративъ все свое имущество. Въ самомъ дѣлѣ время было тяжелое. Множество великолѣпныхъ зданій, начатыхъ при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ и оставшихся неоконченными, свидѣтельствовали о всеобщемъ страхѣ. Эти зданія полуотстроенныя производили болѣе грустное впечатлѣніе, нежели развалины. Бедрость исчезла, мы стояли на границѣ отчаянія. Сначала думали, что такое бѣдствіе должно скоро кончиться, но оно кончилось только тогда, когда никого не пощадяло. Однако въ февралѣ нью-йоркскіе банкиры сдѣлали послѣднее усиліе и снова начали по-немногу производить свои платежи. Это былъ первый шагъ; за нимъ слѣдовали другіе, еще медленные и робкіе, какъ слѣдовало ожидать, ибо такой страшный ударъ не могъ не потрясти всего общества. Лѣтомъ дѣла шли чрезвычайно тихо; ввозъ постоянно уменьшался; торговыми интересами руководила мудрая политика, которая предписывала дѣлать менѣе покупокъ; за границей банкиры, наученные горькимъ опытомъ, сдѣлались невыразимо осторожны. Капиталисты хотѣли лучше оставаться въ бездѣйствіи, нежели бродить въ потьмахъ со своими капиталами. На Западѣ, во внутреннихъ штатахъ, на берегахъ Тихаго Океана положеніе дѣлъ было не лучше, нежели на Атлантическомъ. Однако великолѣпныя жатвы распространили радость и не мало содѣйствовали улучшенію дѣлъ. Осенью Нью-Йоркъ сдѣлался центромъ звонкой монеты страны. Подвалы банковъ были буквально наполнены деньгами, и все-таки ихъ не рѣшались употреблять въ дѣло. Наконецъ однакоже страхъ не могъ устоять противъ соблазнительной надежды на выгодныя спекуляціи. Деньги снова стали обращаться въ изобиліи. Въ концѣ истекшаго года наши финансовыя и торговыя дѣла были лучше и надежнѣе, чѣмъ передъ кризисомъ. Эти признаки возвращающагося счастья простираются и на менѣе возвышенные промышленныя интересы. Въ Штатахъ Новой Англіи снова слышится всюду музыка мельницъ, мастерскихъ и ремесленныхъ заведеній всякаго рода. Великій Западъ снова дышитъ живительнымъ воздухомъ; центральные штаты отбрасываютъ уныніе, югъ посылаетъ къ намъ лучи торговой теплоты, которые вызываютъ довѣріе къ будущему и побуждаютъ оставить тяжелыя воспоминанія. Прав-

да, мы вступаемъ въэтотъ годъ съ явнымъ дефицитомъ въ бюджетъ, но никто не сомнѣвается въ томъ, что государство удовлетворитъ своимъ обязательствамъ; гарантіи, которыя оно представляетъ, позволяютъ ему дѣлать займы; надѣются, что оно прибѣгнетъ къ этому средству, а не будетъ стараться покрыть свой дефицитъ мѣрами, въ родѣ повышенія платы за письма.

Зимомъ всего болѣе занимаются школами: это время экзаменовъ. Экзамены такъ-называемыхъ нормальныхъ школъ только-что кончились. Нигдѣ необходимость имѣть такія школы для людей посвящающихъ себя учительской дѣятельности, не чувствовалась живѣе, чѣмъ у насъ. Ибо умѣніе учить есть своего рода искусство, о которомъ есть нѣсколько мнѣній.

Во многихъ странахъ европейскаго материка были заведены нормальныя школы и пошли повидимому хорошо; но у нихъ есть общій недостатокъ, состоящій въ томъ, что онѣ готовятъ всѣхъ будущихъ школьныхъ учителей по одному образцу и лишаютъ ихъ индивидуальности, что очень дурно. Независимо отъ этихъ школъ у насъ есть ассоціаціи школьныхъ учителей въ каждомъ штатѣ, графствѣ и округѣ. Учителя собираются въ опредѣленное время и разсуждаютъ обо всемъ, что касается ихъ дѣятельности и опыта, сдѣланныхъ ими на практикѣ.

Эти ассоціаціи, совершенно свободныя, доступны всякому, кто интересуется воспитаніемъ, приносятъ много пользы. На дняхъ въ одномъ соединенномъ штатѣ два засѣданія были употреблены на разсмотрѣніе вопроса, какъ всего лучше держать учениковъ во время уроковъ. Спрашивали мнѣнія медиковъ. Другой разъ разсуждали о средствахъ дать дѣвочкамъ практическое воспитаніе, которое сдѣлало бы ихъ способными помогать своимъ матерямъ, когда вернутся домой. Словомъ, все, что имѣетъ близкое или далекое отношеніе къ вопросамъ о воспитаніи и ученіи, совершенно свободно и весьма внимательно обсуживается здѣсь. Много толкуютъ о соединеніи въ школахъ обоихъ половъ. Мнѣнія объ этомъ различны. Въ Соединенныхъ Штатахъ уже давно существуютъ школы, куда ходятъ мальчики и дѣвочки, и учатся у однихъ и тѣхъ же учителей въ одинъ и тѣ же часы. Но это дѣлается только въ заведеніяхъ, гдѣ ученики не живутъ, а приходятъ только на время уроковъ; обширное зданіе раздѣляется на двѣ половины, въ одной мальчики, въ другой дѣвочки. Уроки даются въ залахъ, также раздѣленныхъ пополамъ перегородкой въ 6 или 7 футовъ вышины. Учитель съ своей кафедры видитъ и правую и лѣвую половину, но ученики различныхъ половъ не могутъ видѣть другъ друга. Всѣ эти предосторожности неизвѣстны, какъ само собою разумѣется, въ деревенскихъ школахъ. Но вопросъ, предлагаемый людьми замѣчательными, состоитъ въ слѣдующемъ: не желательно ли, что-

бы начиная отъ первоначальныхъ училищъ до высшихъ школъ и академій дѣти обоого пола воспитывались вмѣстѣ, какъ еслибъ они жили въ семействѣ, подъ отеческимъ кровомъ. Развѣ они не вмѣстѣ получаютъ религіозное воспитаніе въ церквахъ? Мальчики оставили бы свои рѣзкія и иногда грубыя манеры, встрѣчаясь въ школахъ съ дѣвочками, а дѣвочки привыкли бы вести себя какъ взрослые въ отношеніи къ мальчикамъ. Мысль воспитывать ихъ порознь произошла отъ заблужденія, породившаго монастырскія училища. Вотъ одинъ изъ главныхъ современныхъ вопросовъ. Изложеннаго нами мнѣнія держатся многія замѣчательныя лица обоого пола въ Англіи и здѣсь. Кстати о школахъ: мы прочли недавно съ живѣйшею радостью благородныя и трогательныя слова, произнесенныя вашею Императрицей при открытіи школы въ С. Петербургѣ. Они были переданы нашими журналами, и вы можете себя представить, съ какимъ восторгомъ наша публика приняла ихъ.

Кромѣ публичныхъ библіотекъ доступныхъ безвозмездно всѣмъ и каждому, у насъ есть въ Нью-Йоркѣ и во всѣхъ большихъ и малыхъ городахъ Союза библіотеки для разныхъ ремесленниковъ: для архитекторовъ, механиковъ, моряковъ и т. п. Въ настоящее время занимаются составленіемъ библіотеки для портнихъ и другихъ работницъ, хотятъ, чтобы протрудившись цѣлый день надъ тяжелою и неблагодарною работою, онѣ могли рѣ приличномъ и удобномъ мѣстѣ заняться пріятнымъ и полезнымъ чтеніемъ и слушать курсы, читаемые съ цѣлью усовершенствовать ихъ нравственное, умственное и физическое состояніе и дать имъ средства улучшить свой бытъ. Очень многіе принимаютъ участіе въ этомъ новомъ заведеніи; журналистика всюду содѣйствуетъ ему; и издатели, и авторы не забудутъ, что полки этой библіотеки ожидаютъ хорошихъ книгъ.

Всѣ наши ученые общества обнаруживаютъ великую дѣятельность. Они засѣдаютъ въ разныхъ мѣстахъ, и у нихъ есть свои библіотеки, къ которымъ доступъ весьма легокъ. У каждаго изъ нихъ есть свои залы, въ которыхъ читаются публичные курсы о предметахъ, относящихся къ занятіямъ общества, о географіи, этнологіи, древностяхъ, исторіи, медицинѣ, гомеопатіи, правѣ и т. д. Нѣкоторые изъ этихъ курсовъ совершенно безвозмездны; къ другимъ доступъ получается за ничтожную плату, такъ что нѣтъ ни одного вечера, когда нельзя было бы пойти слушать одну или нѣсколько лекцій, касающихся современныхъ вопросовъ.

Вотъ примѣръ: надняхъ журналы обвиняли одного доктора, очень известнаго и пользующагося общимъ уваженіемъ въ томъ, что онъ, употребленіемъ изобрѣтеннаго имъ самимъ инструмента,

причинилъ смерть одному изъ своихъ пациентовъ, принадлежавшему къ высшимъ классамъ общества. Медицинская академія овладѣваетъ этимъ вопросомъ, его обсуживаютъ со всѣхъ сторонъ публично (здѣсь все дѣлается публично), и большинство оправдываетъ медика. Но общественное мнѣніе не удовлетворилось. Сейчас же открывается публичный курсъ объ этомъ частномъ случаѣ и объ употребленіи *пробонга*, такъ назывался инструментъ, о которомъ шло дѣло. Вотъ еще другой примѣръ. Народъ приходитъ въ волненіе, услышавъ, что молоко коровъ, которыхъ кормятъ остатками ячменя, употребляемаго въ пивоварняхъ, вредно для здоровья. Вотъ медику или химику превосходный случай выказаться. Онъ пріобрѣтетъ популярность и практику. Скоро открывается публичный курсъ, нѣсколько публичныхъ курсовъ. Вопросъ разсматривается со всѣхъ сторонъ.

Въ Штатахъ множество школъ гомеопатіи, между Американцами найдутся милліоны людей, глубоко уважающихъ эту науку. Какъ бы Мольеръ воспользовался этимъ, еслибъ онъ жилъ въ наше время! Есть даже доктора, практикующіе вмѣстѣ и аллопатіей и наукой Ганнемана. Эти господа, съ успѣхомъ гоняющіеся за двумя зайцами, спрашиваютъ своихъ пациентовъ, по которой изъ двухъ методъ хотятъ они дѣлаться. Гомеопатія имѣетъ то преимущество, что соединяетъ въ одно медицину и фармацію. Врачъ носитъ съ собою въ маленькомъ сафьянномъ ящичкѣ стекляночки, наполненныя почти незамѣтными пилюлями. Сверхъ того гомеопатъ избавленъ отъ долгаго и расходнаго ученія.

Есть разрядъ людей, на который теперь обращаютъ особенное вниманіе: это пьяницы, — именно тѣ, которые желали бы возвратиться къ умѣренному образу жизни, но находятся въ такихъ обстоятельствахъ, что не могутъ достигнуть этого. Чтобъ облегчить имъ исправленіе, хлопочутъ объ устройствѣ для нихъ особаго убѣжища на казенный счетъ.

Я не могу сообщить вамъ ничего новаго относительно успѣховъ прикладныхъ наукъ, кромѣ развѣ того, что теперь въ Соединенныхъ Штатахъ все болѣе и болѣе распространяется употребленіе пожарныхъ трубъ, приводимыхъ въ движеніе посредствомъ паровъ, и что ихъ огромная важность сильно чувствуется въ большихъ городахъ. Прежде пожарныя трубы возились на лошадахъ, которыя для этого день и ночь стояли запряженныя; теперь трубы двигаетъ паръ; онѣ постоянно топятся и при первомъ сигналѣ оставляютъ свои мѣста, съ небольшимъ числомъ людей, нужныхъ для поддерживанія огня и направленія трубы. Одна такая труба замѣняетъ четыре ручныхъ и требуетъ гораздо меньше прислуги. Движенія насоса происходятъ съ необыкновенною быстротой, а вода поднимается выше самыхъ огромныхъ зданій.

Наши ученые очень желали бы ввести десятичную систему монеты, которая была бы удобна для Соединенныхъ Штатовъ, для Англiи и для ея владѣній. У правительства просили новыхъ вспомошествованій для изслѣдованія этого вопроса, но денегъ въ казнѣ нѣтъ.

Наши телеграфическія линіи протягиваются все далѣе и далѣе; онѣ идутъ на западъ до Ливенворта въ Канзасъ на разстояніи 2000 миль, и депеши доходятъ туда съ такою быстротой, какъ при разстояніи въ 50 миль.

Любовь къ искусствамъ чрезвычайно распространяется, и если здѣсь еще мало встрѣчается оригинальности въ произведеніяхъ, то по крайней мѣрѣ научаются лучше цѣнить прекрасныя произведения европейскія, или лучше сказать, европейскаго континента. Въ Нью-Йоркѣ много частныхъ и общественныхъ собраній картинъ. Между частными первое мѣсто принадлежитъ галереѣ Дюссельдорфа.

Такіе же успѣхи замѣчаются въ музыкѣ, и многіе города желаютъ основать музыкальныя академіи. Академія въ Филадельфiи превосходна и ничего не оставляетъ желать относительно удобства, размѣровъ и вкуса. Она построена очень выгодно въ акустическомъ отношеніи

Мы недавно лишились В. Г. Прескотта, знаменитаго историка Филиппа II, Фердинанда и Изабеллы испанскихъ и т. д. Не будучи совершенно слѣпымъ, Прескоттъ страдалъ озъ разстройства глазнаго нерва, которое не позволяло ему ни читать, ни писать; секретарь читалъ ему сочиненія, изъ которыхъ онъ надѣялся извлечь нѣкоторыя данныя для своего труда, и онъ диктовалъ замѣтки свои секретарю. Потомъ секретарь перечитывалъ замѣтки автору, который приводилъ въ порядокъ, подраздѣлялъ, и группировалъ ихъ. Когда это было кончено, секретарь перечитывалъ первую группу замѣтокъ, и Прескоттъ писалъ по нимъ главу; онъ писалъ самъ на черныхъ таблицахъ маленькимъ рѣзцомъ съ алмазною оконечностью. Секретарь переписывалъ и перечитывалъ эту рукопись, чтобы подвергнуть ее новымъ поправкамъ, покуда наконецъ глава считалась конченною. Можно себѣ представить, сколько потребно было времени, чтобы написать такимъ образомъ томъ! Первые два тома исторiи Филиппа II стоили автору шесть лѣтъ труда. Секретарь Прескотта будетъ продолжать этотъ послѣдній драгоценный трудъ. Гумбольдтъ, на вопросъ о сравнительномъ достоинствѣ произведеній покойнаго ученаго, ставилъ его изслѣдованія объ Испанiи и ея государяхъ гораздо выше его *Записанiя Перу и Мексики*; въ послѣднихъ, говорилъ онъ, одинъ недостатокъ: Прескоттъ не видалъ этихъ двухъ странъ собственными глазами.

До сихъ поръ нынѣшняя зима была нехолодна; выпало весьма мало снѣгу; владельцы саней въ отчаяніи; кондукторы омнибусовъ радуются, потому что снѣгъ затрудняетъ ѣзду на колесахъ. Когда снѣгу выпадаетъ мало, они распускаютъ его, посыпая дорогу солью. На дняхъ это дѣлалось въ большихъ размѣрахъ: возы соли высыпались на главныхъ улицахъ и превратили ихъ въ болото разсола.

Г. МАТИЛЬ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПУБЛИЧНЫХЪ ЛЕКЦІЯХЪ Г. ФАЛЕВИЧА О ДРЕНАЖѢ.

Рядъ публичныхъ лекцій, открытыхъ въ концѣ прошлаго года въ разныхъ мѣстахъ Петербурга и, безспорно, составляющихъ одно изъ лучшихъ явленій настоящей современной жизни, начался чтеніемъ въ Вольномъ экономическомъ обществѣ лекцій о дренажѣ.

Блистательные успѣхи дренажа въ сельскомъ хозяйствѣ Западной Европы не могли не обратить на себя вниманія Вольнаго экономическаго общества. Чтобы познакомить наше общество съ такимъ важнымъ изобрѣтеніемъ, какъ дренажъ, то-есть осушеніе почвы посредствомъ глиняныхъ трубокъ, Вольное экономическое общество пригласило К. И. Фалевича, инженера, изучавшаго устройство дренажа за границей, читать объ этомъ предметѣ публичныя лекціи, и дабы слушаніе этихъ лекцій сдѣлать доступнымъ для всѣхъ, допустило бесплатный входъ.

Утѣшительно было видѣть, какъ 20 ноября, въ день открытія публичныхъ лекцій о дренажѣ, многочисленные слушатели толпами спѣшили занять мѣста въ залѣ Вольнаго экономическаго общества. Нельзя не видѣть въ этомъ живаго стремленія къ приобрѣтенію полезныхъ практическихъ знаній. Хотя г. Фалевичъ объявилъ собравшейся публикѣ, что лекціи о дренажѣ, по специальности своей, не могутъ заключать въ себѣ общаго интереса, или широкихъ взглядовъ на жизнь, и составлять лишь разсужденіе о полезномъ предметѣ, у насъ еще совершенно новомъ, тѣмъ не менѣ лекціи его, во все продолженіе курса, привлекали любознательныхъ слушателей.

Весьма любопытны сообщенныя г. Фалевичемъ свѣдѣнія о распространеніи дренажа въ Западной Европѣ. Съ 1850 г. въ Ан-

глин, которой принадлежит и честь изобрѣтенія дренажа (англійское слово *drainage* означаетъ сухость, а глаголь *to dry* осушать), дренировано 575.000 десятинъ, въ Бельгiи 34.000 десятинъ, въ Пруссiи 46.000 десятинъ. Цѣнность устройства дренажа составляетъ отъ 40 до 100 р. на десятину, а чистая прибыль отъ 15 до 20% съ употребленнаго на дренажъ капитала.

Всѣхъ лекцiй г. Фалевича было одиннадцать. Онѣ касались слѣдующихъ предметовъ: условiй плодородiя почвы, причинъ излишней сырости грунта, несовершенства прежнихъ способовъ осушенiя почвы, данныхъ для проектированiя дренажа, устройства дренажа съ видоизмѣненiями его въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ, фабрикацiи дренажныхъ трубокъ, стоимости и выгодъ дренажа, примѣровъ устройства дренажа въ иностранныхъ государствахъ и въ Россiи, и, наконецъ, того, въ какой степени успѣхи дренажа въ Западной Европѣ могутъ быть приложимы къ Россiи.

Главные выгоды дренированiя полей заключаются въ томъ, что дренажъ, осушая почву, представляетъ болѣе времени для работъ, способствуетъ скорѣйшему созрѣванiю хлѣбовъ, и даетъ болѣе обильный урожай. При устройствѣ дренажа почва становится рыхлѣе, корни растений глубже въ нее укореняются и потому даже въ засуху меньше страдаютъ.

Впрочемъ дренажное осушенiе можетъ быть введено только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ цѣнность четверти ржи не менѣе 3 р.; въ прочихъ же мѣстахъ выгоды дренажа сомнительны.

Кромѣ указанныхъ выгодъ, дренажъ важенъ и въ гигиеническомъ отношенiи: осушая почву, онъ улучшаетъ климатъ. Достаточно упомянуть о лихорадкѣ и особомъ болотномъ худосочи, поражающемъ цѣлыя поколѣнiя, чтобы признать всю пользу дренажа, который, уничтожая излишнюю и вредную сырость, прекращаетъ губительную причину развитiя названныхъ болѣзней. Въ особенности для Петербурга, построеннаго на болотѣ, осушенiе окрестностей еще важнѣе въ гигиеническомъ, чѣмъ въ экономическомъ отношенiи. Сюда и высшею служебною дѣятельностью, и главными учебными заведенiями, и развитiемъ коммерцiи привлекаются члены знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ фамилiй, это сокровище государства, по выраженiю г. Фалевича. Сдѣлать климатъ Петербурга болѣе здоровымъ значитъ спасти для Россiи много дорогихъ ей силъ.

Упомянемъ, наконецъ, о весьма важномъ вопросѣ, высказанномъ г. Фалевичемъ въ своихъ лекцiяхъ, именно о необходимости преподаванiя воспитанникамъ всѣхъ инженерныхъ училищъ науки сельскаго хозяйства. Богатства Россiи, сокрытыя въ ея нѣдрахъ и водахъ и остающiяся неизвѣстными для самихъ землевладѣль-

мевъ, представляютъ собою обширное поприще для будущаго дѣйствія техниковъ, которые распознаніемъ состава почвы, благо-разумнымъ распредѣленіемъ водъ, употребленіемъ ихъ, какъ самыхъ дешевыхъ двигателей въ механикѣ, будутъ содѣйствовать увеличенію массы сельскихъ произведеній, отъ количества и дешевизны которыхъ такъ много зависитъ народное благосостояніе. Такими новыми дѣятелями всего удобнѣе могутъ быть, по мнѣнію г. Фалевича, воспитанники нашихъ инженерныхъ училищъ, которымъ стоить только примѣнить сообщаемыя имъ познанія къ сельскому хозяйству. Мнѣніе это г. Фалевичъ подкрѣпляетъ тѣмъ, что въ курсъ лучшихъ заграничныхъ инженерныхъ училищъ введено преподаваніе агрономіи.

Окончивъ 12 февраля курсъ своихъ лекцій, г. Фалевичъ выразилъ справедливое убѣжденіе, что слушатели его достаточно познакомились съ устройствомъ и выгодами дренажа, который, не препятствуя необходимой влагѣ питать землю, даетъ лишь выходъ излишней вредной массѣ воды. Описавъ весь вредъ этой воды и необходимость ея удаленія, г. Фалевичъ вновь подтвердилъ ту истину, что, какъ въ мірѣ нравственномъ, такъ и въ мірѣ физическомъ, застой производитъ смерть, а движеніе есть жизнь всего существующаго.

Цѣль настоящихъ строкъ заключается въ томъ, чтобы познакомить читателей съ содержаніемъ прочитанныхъ въ Петербургѣ лекцій о дренажѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ поблагодарить, какъ Волное экономическое общество за его постоянное стремленіе къ распространенію между гражданами полезныхъ и необходимыхъ свѣдѣній, такъ равно и г. Фалевича, добросовѣстно, съ полнымъ умѣньемъ и усердіемъ исполнившаго возложенное на него порученіе.

И. КАЛАЙДОВИЧЪ.

ПРЮТЫ ДЛЯ БЕЗДОМНЫХЪ НИЩИХЪ ВЪ ЛОНДОНѢ.

Мы хотимъ обратить вниманіе читателей на одинъ фактъ англійской журналистики, или вѣрнѣе сказать, англійской общественной жизни. Фактъ самъ по себѣ очень простъ. Наканунѣ прошедшаго Рождества въ *Times* напечатана была статья о «бездомныхъ нищихъ въ Лондонѣ», и черезъ три недѣли къ издателю этой газеты прислано было отъ разныхъ лицъ болѣе 8000 фун. стерлинговъ, то-есть 56.000 р. сер., и пожертвованія до сихъ поръ продолжаютъ. Какъ ни простъ самъ по себѣ этотъ

фактъ, но онъ едва ли бы могъ случиться въ другой странѣ Европы. Французскіе журналы приписали его единственно вліянію, какое имѣетъ *Times* въ Англіи. Но отчего такое вліяніе? Чѣмъ приобрѣтено, чѣмъ поддерживается оно? Прежде всего надобно сказать, что англійская жизнь и англійскіе журналы такъ между собой слиты, что раздѣлить ихъ нѣтъ никакой возможности. Во всѣхъ другихъ странахъ Европы журналы составляютъ болѣе прихоть, роскошь общественной жизни. Въ Англіи они не лакомство, а насущный хлѣбъ, безъ котораго не можетъ жить ни одинъ Англичанинъ, какъ скоро существованіе его чуть-чуть обезпечено. Въ Германіи читаютъ газеты только ради политическихъ извѣстій. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стѣдуетъ только взять въ руки любую нѣмецкую газету: посмотрите, охватываетъ ли она сколько-нибудь ежедневную, частную жизнь Нѣмца? Напротивъ, въ печати Нѣмецъ является какъ въ гостиную, причесаннымъ, приглаженнымъ, однимъ словомъ, является какъ въ гости, считая великимъ неприличіемъ говорить о своей домашней жизни. Тѣмъ болѣе еще во Франціи. Въ самую блестящую свою эпоху, съ 1830 до 1851 года, французскія газеты были исключительно политическими газетами. Какъ публичная, общественная жизнь во Франціи связана съ большимъ этикетомъ, съ соблюденіемъ многихъ условныхъ приличій, которымъ непременно должна покоряться всякая личность, какъ Французы суть заклятые враги всякой оригинальности и непременно требуютъ подчиненія общему однообразному уровню, такъ и журналистика ихъ выражаетъ этотъ однообразный уровень, приличный, этикетный, болѣе или менѣе изящный или изысканный. Въ этомъ же заключается и причина, почему такъ много бываетъ внутренней пустоты подъ этою приличною и этикетною наружностью. Боязнь прослыть смѣливымъ заставляетъ всякаго тщательно скрывать отъ публики свободныя движенія своей личности, а напротивъ, показываться только своею рутинною стороною. Это распространилось даже и на самый языкъ: всѣ знаютъ, до какой степени связанъ онъ своими риторическими условіями, дѣлающими его столь несвободнымъ и бѣднымъ для перевода съ другихъ языковъ.

Въ Англіи, напротивъ, журналистика есть прежде всего домашнее дѣло. Приученные слишкомъ двумя вѣками къ публичной жизни, Англичане, можетъ-быть, даже и незамѣтно для самихъ себя, обратили ее въ обыденную свою жизнь. Дѣйствительно, для Англичанъ публичная жизнь стала совершенно обыкновеннымъ, домашнимъ дѣломъ. Вслѣдствіе того же и газеты въ Англіи сдѣлались домашнимъ дѣломъ и именно средствомъ доводить до общественнаго мнѣнія все, что только каждый сочтетъ

нужнымъ довести до его свѣдѣнія. Газета *Times*, какъ самая распространенная въ Англіи, представляетъ въ этомъ отношеніи прелюбопытный характеръ. Чего тутъ не найдется! Всякій идетъ туда, какъ въ общественное заведеніе, съ своими мнѣніями, жалобами, замѣтками, недоразумѣніями, сомнѣніями, по какому бы то ни было предмету. Англичанинъ считаетъ неприкосновенною святынею только частную жизнь: нравы и законъ неприступно ограждаютъ ее отъ всякаго на нее посягательства. Надобно сказать, что нѣтъ народа, у котораго страсть къ писанію писемъ для публики была бы такъ распространена, какъ у Англичанъ. Для нихъ писать письма такая же необходимость какъ дышать, и это во всѣхъ классахъ общества. Всякій, кому пришла въ голову какая-либо мысль, по какому бы ни было предмету, немедленно считаетъ нужнымъ передать ее на обсужденіе общественнаго мнѣнія въ видѣ письма къ издателю газеты. Еслибы дѣло касалось политическихъ или административныхъ предметовъ, то, конечно, тутъ не было бы ничего особеннаго. Напротивъ, Англичанинъ все привыкъ доводить до общественнаго мнѣнія. Если трактирщикъ вмѣсто слѣдуемаго ему одного рубля, взялъ два, или даже полтора, Англичанинъ тотчасъ пишетъ объ этомъ письмо въ *Times*, прилагая счетъ трактирщика и адресъ его, и бѣда жалкому трактирщику! Англичане въ этомъ случаѣ соблюдаютъ удивительную кругоую поруку, и всякій сочтетъ долгомъ не заглядывать въ указанное заведеніе. Забавно иногда читать оправдательныя письма хозяевъ отелей или трактировъ, обыкновенно взваливающихъ всю вину на прислугу или конторщика, и предлагающихъ возратить потребителю излишне взятыя съ него деньги. Иногда переписка завязывается изъ ничтожнѣйшей суммы, изъ двухъ или трехъ шиллинговъ, но эта аристократическая, богатая нація смотритъ на эту бездѣлицу весьма серіозно, ибо надобно отдать честь Англичанамъ: какова бы ни была ихъ закулисная внѣшняя политика, но у себя дома, въ Англіи, они свято чтутъ справедливость, и ни въ какой странѣ не распространено такъ между всеми классами чувство справедливости и законности, какъ въ Англіи. Разумѣется, воры, плуты и мошенники находятся вездѣ, и въ Англіи нѣтъ въ нихъ недостатка, но мы говоримъ здѣсь объ общественной честности вообще, о чувствѣ справедливости и законности, разлитыхъ во всѣхъ классахъ Англіи. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только подолѣе пожить въ любомъ изъ государствъ Европы, даже не исключая Германіи, и потомъ пріѣхать въ Англію... Здѣсь именно прежде всего поразить васъ честность и правдивость, выражающаяся на лицахъ этихъ островитянъ. Это можетъ показаться страннымъ для нашихъ англофобовъ, но это такъ. Разумѣется, тамъ, гдѣ можно безнаказанно

взять лишнее, конечно и между Англичанами найдутся такіе, которые возьмутъ его не хуже Итальянца или Француза, но мы говоримъ здѣсь не о жадности къ приобрѣтенію, свойственной вообще человѣческой природѣ, а о большемъ или меньшемъ чувствѣ честности, законности и справедливости, развитомъ между европейскими націями. Можно съ достовѣрностію полагать, что публичность, распространенная въ Англии до такой поразительной степени, преимущественно способствовала этому. Не даромъ Англичане называютъ общественное мнѣніе и органъ его—журналистику, верховною силою въ государствѣ.

Такъ какъ въ Англии смотрятъ на газеты прежде всего, какъ на средство все доводить до всеобщаго свѣдѣнія, или другими словами, до общественнаго мнѣнія, то вслѣдствіе этого положеніе газетъ и самый характеръ ихъ очень мало походятъ на журналистику остальной Европы. Въ продолженіи всего прошлаго мѣсяца, на примѣръ, въ *Times* печатались письма къ издателю о реформѣ, чего бы вы думали? англійскихъ обѣдовъ. Дѣло шло о самой неблестательной сторонѣ англійской жизни, о кухнѣ. Незвѣстные корреспонденты подписывались цифрою своихъ годовыхъ доходовъ, доводя до свѣдѣнія публики, сколько у нихъ дѣтей, нянекъ, служанокъ и т. п., и всѣ единодушно жаловались на то, что провизии тратится много, а обѣдаютъ они дурно. Иные нападали на вѣчное однообразіе англійскихъ обѣдовъ, на обычай ставить на столъ всѣ блюда вмѣстѣ, отчего они простываютъ. «Нѣтъ», возражалъ одинъ корреспондентъ, причина нашихъ дурныхъ обѣдовъ заключается въ томъ, что наши жены плохія хозяйки, ничего не понимаютъ въ кухонномъ дѣлѣ, и, къ несчастію, эта сторона совѣтъ пренебрежена въ ихъ воспитаніи.» Были корреспонденты, прилагавшіе реестры отличнѣйшимъ обѣдамъ, въ которыхъ они участвовали, и при этомъ наставленіе какъ давать хорошіе обѣды, убирать столъ и т. д. Многіе рекомендовали подавать обѣдъ *à la russe*, то-есть не ставить его весь на столъ, а обносить обѣдающихъ каждымъ блюдомъ отдѣльно. Но возбужденный вопросъ, кажется, не имѣлъ успѣха, и корреспонденція прекратилась, не приведя ни къ какому результату. Все это, разумѣется, весьма незначительные факты, взятые нами потому, что попались намъ на глаза, но уже и эти незначительные факты показываютъ совершенно оригинальный характеръ англійской журналистики. Прежде всего газеты въ Англии всѣ усилія свои употребляютъ на то, чтобъ быть точными и достовѣрными въ сообщаемыхъ ими извѣстіяхъ, и отъ корреспондентовъ своихъ требуютъ самаго основательнаго знанія дѣла. Вотъ почему иностранныя корреспонденціи газеты *Times* такъ высоко стоятъ въ мнѣніи Европы. Надобно замѣтить также, что ни въ какой странѣ

такъ не распространены точныя и положительныя свѣдѣнія о другихъ странахъ, какъ въ Англии: въ этомъ убѣдится всякій, кто сколько-нибудь поживетъ въ Лондонѣ и посѣтитъ его *debating clubs*, гдѣ часто предметами преній служатъ то или другое государство Европы.

Эти такъ-называемые «клубы преній», устроены большею частию на манеръ кофейныхъ или кабинетовъ для чтенія. Извѣстный такого рода клубъ Wild (1), находится на верху кабинета для чтенія, въ которомъ получаютъ газеты всей Европы. Это довольно большая комната, у стѣны стоитъ высокое кресло для предсѣдателя (*chairman*), которымъ обыкновенно бываетъ хозяинъ заведенія. Надъ кресломъ прибитъ большой листъ бумаги, гдѣ пишется предметъ преній и непремѣнныя правила, состоящія изъ двухъ пунктовъ: 1) всякій желающій принять участіе въ преніяхъ можетъ говорить только одинъ разъ, и не болѣе 15 минутъ; 2) въ преніяхъ не должно касаться религиозныхъ убѣжденій. Но первый пунктъ соблюдается только въ томъ случаѣ, когда много бываетъ желающихъ говорить, или когда говорящій плохо говоритъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ начинающійся стукъ и шумъ слушателей скоро напомнятъ неудачному оратору, что пора кончить. Хорошо говорящаго напротивъ готовы слушать хоть цѣлый часъ. Вообще Англичане любятъ и умѣютъ говорить, и рѣдкій не умѣетъ расположить свою рѣчь съ замѣчательною ясностію и послѣдовательностію. За входъ ничего не платятъ, и доходъ хозяина состоитъ въ потребленіи приходящими чая, грога, пива, табаку и т. п. Пренія открываются обыкновенно въ 8 часовъ вечера и продолжаются до 12. Предметы преній выставляются дня за два, написанные крупными буквами у наружной двери заведенія, и состоятъ обыкновенно изъ вопросовъ, занимающихъ въ эту минуту публику. Спокойствіе и порядокъ, съ какими ведутся эти пренія, по истинѣ замѣчательны. Это совершенно тѣ же формы, какія соблюдаются въ парламентѣ. Пренія обыкновенно оканчиваются собираніемъ голосовъ, которые выражаются поднятіемъ рукъ. Каждый говорящій обращается къ предсѣдателю. Вотъ, между прочимъ, какимъ путемъ въ Англии формируются мнѣнія, и уясняются вопросы. Большею частию приходящіе въ эти заведенія идутъ сюда вовсе не съ цѣлю говорить рѣчи, а для того, чтобы выпить чаю или грога и послушать другихъ, и часто невольно сами вовлекаются въ пренія. Вотъ отчего въ Англии нѣтъ почвы ни для какихъ крайнихъ социальныхъ мнѣній, созрѣвающихъ только въ тѣсныхъ, одинокихъ

(1) Г. Вайльдъ, содержатель этого клуба, — членъ парламента.

кружкахъ, избѣгающихъ противорѣчій и смотрящихъ на человѣческую природу изъ узкаго окошечка своихъ ограниченныхъ понятій. Какъ не пожалѣть, что подобныхъ заведеній не существуетъ нигдѣ въ Европѣ! Правда, что въ Парижѣ до февральской революціи было нѣчто подобное подъ названіемъ *Атеней*. Но о политическихъ вопросахъ тамъ говорить не дозволялось, да и кромѣ того само заведеніе имѣло видъ залы для лекцій, съ высокою кафедрою посреди, на которую входили желающіе говорить; съ мѣста же говорить не дозволялось. Но за то въ Парижѣ существовало множество тайныхъ сходокъ, укрывавшихся отъ глазъ полиціи. Гдѣ-нибудь въ шестомъ или седьмомъ этажѣ, въ комнату подъ самую кровлю, по темной грязной лѣстницѣ, сходились по вечерамъ работники и разные люди, и вели свои бесѣды о политическихъ и социальныхъ предметахъ. Тутъ уже не бывало да и не могло быть ни противорѣчій, ни преній: сюда допускались только *свои* и тѣ, которыхъ приводили *свои*; всѣ говорили въ одномъ направленіи; возраженій и критики не терпѣли; то, что мы видѣли въ Парижѣ въ февральскую революцію, вышло изъ этихъ тайныхъ собраній. Увы! для этихъ бѣдныхъ и темныхъ людей Франція и народъ ея состояли только изъ Парижа и парижскихъ работниковъ.

Но возвратимся къ Англіи. Всѣмъ извѣстно, что Англичане раздѣлены на политическія партіи, и, несмотря на то, неминуемое презрѣніе постигло бы всякую партію, еслибъ она въ своихъ рѣчахъ или газетахъ вздумала достигать своихъ цѣлей искаженіемъ фактовъ. Въ борьбѣ между партіями, поэтому, дѣло всегда идетъ только о толкованіи самихъ фактовъ, о ихъ относительномъ значеніи. Въ Англіи всякій журналъ, всякая газета старается прежде всего быть какъ можно правдивѣе, сообщать самыя точныя свѣдѣнія, и до того простирается въ этомъ отношеніи добросовѣстность напримѣръ газеты *Times*, что она не затрудняется печатать письма, обличающія ошибки, или неточность ея «руководящихъ» статей, чего не дѣлала никогда, да и не сдѣлаетъ ни одна французская газета изъ опасенія потерять свой авторитетъ. При этой страсти къ писанію писемъ, какаа распространена въ Англіи, и при огромномъ количествѣ людей, извѣздившихъ всѣ уголки міра, нѣтъ возможности здѣсь распространиться какому-либо неточному свѣдѣнію о чемъ бы то ни было. Тѣмъ или другимъ путемъ, но вѣрныя свѣдѣнія тотчасъ восстанавливаются. Прошлымъ лѣтомъ *Times*, озадаченная извѣстіемъ, которое привезъ русскій курьеръ изъ Пекина, о заключеніи Англіею и Франціею трактата съ Китаемъ, напечатала статью, въ которой сама сознавалась, что не понимаетъ, какимъ путемъ русскій курьеръ могъ такъ скоро привезть это извѣстіе;

предполагала неслыханные пути сообщенія, телеграфическую линію между Кяхтой и Москвою и т. п. И черезъ день же появилось въ *Times* письмо, указывающее на ошибку, и въ которомъ изложены были точныя свѣдѣнія о краѣ и о пути, которыми могло дойти это извѣстіе. Если справедливо, что цивилизація народа прежде всего условливается большимъ или меньшимъ количествомъ точныхъ и положительныхъ свѣдѣній, распространенныхъ между всеми классами, то нѣтъ сомнѣнія, что Англія есть сама образованная страна въ Европѣ; и великая популярность *Times* заключается прежде всего не въ той или другой политической доктринѣ этой газеты, а въ постоянномъ стремленіи быть какъ можно правдивѣе и сообщать какъ можно болѣе точныхъ и положительныхъ свѣдѣній. Вотъ что приобрѣло этой газетѣ то всеобщее довѣріе и уваженіе, которыя ставятъ ее выше всѣхъ другихъ органовъ, и вотъ почему статья ея о «бездомныхъ бѣднякахъ въ Лондонѣ» тотчасъ обратила на себя всеобщее вниманіе. Сообщаемъ ее вполнѣ, какъ образцовое произведеніе въ своемъ родѣ по трогательной простотѣ изложенія:

«Такъ какъ, вѣроятно, многіе изъ нашихъ читателей проведутъ сегодняшній вечеръ (канунъ Рождества) въ гостяхъ, то конечно и безъ нашего пособія вспомнать они объ истощенныхъ людяхъ, спящихъ у дверей домовъ, подъ защитою навѣсовъ, или подъ сводами мостовъ. Поздній часъ ночи—время неудобное для обманщиковъ и притворныхъ нищихъ, и горемыки, высматривающіе гдѣ бы пригрѣться, когда настаетъ глубокая осень, и дуетъ холодный вѣтеръ, принадлежать къ особому классу людей, который рѣдко проситъ милостыни и еще рѣже воруетъ. Многіе вѣроятно замѣтили, какъ люди эти постепенно исчезаютъ зимой, но случается однакожь, что не всѣ исчезаютъ они, потому что въ самыя суровыя ночи встрѣчаются иногда группы по два и по три человѣка, которыхъ ужасная нищета трогаетъ даже полицію, и она не мѣшаетъ имъ дремать у дверей домовъ. Увы! Это члены многочисленнаго класса, извѣстнаго подъ названіемъ бездомныхъ бѣдныхъ, и пусть тѣ, которые захотятъ имѣть понятіе о томъ, какъ они живутъ и страдаютъ, проведутъ только одинъ часъ въ Филдъ-Ленскомъ приютѣ для бѣдныхъ. Дорога къ этому приюту идетъ грязными улицами, гдѣ небольшіе, обветшалые дома набиты множествомъ семействъ, и бродятъ въ лохмотьяхъ группы дѣтей, которыхъ только по ихъ движеніямъ можно отличить отъ наваленныхъ кучъ, въ которыхъ они копаются, отыскивая себѣ или пищи, или какого-нибудь обломка, за который кто-нибудь дастъ имъ кусокъ хлѣба. Въ такомъ сосѣдствѣ стоитъ большое, выкрашенное бѣлою краской зданіе, освѣщенное внутри, что отличаетъ его отъ

около домовъ, гдѣ рѣдко и только по временамъ замѣтно слабое мерцаніе свѣчи сквозь разбитыя и бумагой заклеенныя стекла. Вамъ не нужно сказывать, что это чисто выкрашенное зданіе есть «пріютъ». Задолго до сумерокъ несчастные искатели его крова начинаютъ собираться къ нему и смотрѣть на его дверь съ тѣмъ сосредоточеннымъ стремленіемъ, которое свойственно только людямъ, не имѣющимъ уже ни на что никакой надежды, кромѣ милосердія. Когда начинается темнѣть, стекаются они сюда, — старики 60 и 70 лѣтъ, мальчики и даже дѣти, но всѣ равно бѣдственные, хилые, истомленные, насквозь промоченные дождемъ. Они сидятъ на мокрой землѣ въ молчаніи, которое говоритъ сильнѣе самыхъ громкихъ ихъ жалобъ; если же и говорятъ они, то шопотомъ, ибо нужда и страданія ослабили ихъ голосъ, и тяжело видѣть, съ какою уничиженною почтительностію сторонятся они съ дороги тѣхъ немногихъ прохожихъ, которымъ случается идти тутъ. Постепенно накапливаются они, толпа возрастаетъ челоуѣкъ до ста, и тогда молчаніе нарушается или глухимъ кашлемъ высокихъ, исхудалыхъ привидѣній, очевидно находящихся на послѣдней степени увяданія, или почти дѣтскимъ хрипѣніемъ, обнаруживающимъ воспаленіе въ легкихъ, или мучительнымъ для слуха визгливымъ, удушливымъ кашлемъ. Это бродяги, кирпичники, земледѣльцы, у которыхъ не было работы съ лѣта: иные только-что вышли изъ больницъ и еще слишкомъ слабы для работы; тутъ старики и малые ребята, промышляющіе метеніемъ улицъ: сироты во всѣхъ видахъ нищеты и одиночества.

«Это еще только одна малая часть лондонскихъ бездомныхъ бѣдныхъ: взрослые люди и мальчики безъ друга и мѣста во всей этой обширной столицѣ, гдѣ бы приклонить голову, бедуины Англіи, живущіе, никто не знаетъ, какъ и гдѣ, которые въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ горькой нужды, а можетъ-быть и преступленія, борются жизнью, пока доползаютъ до какой-нибудь ямы, чтобъ умереть, и полежавши дня три въ приходскомъ сараѣ для мертвыхъ, съ трогательною надписью на груди: «неизвѣстный» передаются медикамъ и тамъ пропадаютъ. Какъ скоро соберется нѣкоторое количество горемыкъ, двери пріюта отворяются и остаются открытыми, пока небольшія отдѣленія наполняются до полного числа 300; затѣмъ двери снова затворяются передъ остальнымъ множествомъ бездомныхъ, приходящихъ слишкомъ поздно. Нищета и лишенія взрослыхъ людей, хотя они точно также страдаютъ отъ холода и голода, кажутся менѣе жестокими передъ нищетою и лишеніями малыхъ дѣтей, которыми, увы! наполняется почти половина пріюта. Возьмите первыхъ, какіе попадутся вамъ на глаза, и заставьте ихъ разказать о себѣ. Вотъ подходятъ четверо исхудалыхъ, маленькихъ мальчиковъ, су-

щія дѣти, всѣ моложе 14 лѣтъ, всѣ круглые, пошнуптые сироты, живущіе на улицахъ безъ пристанища и друга на всемъ странномъ мѣрѣ. На одномъ пара панталонъ изъ толстаго паруснаго полотна, въ лохмотьяхъ, и остатки насквозь проношенной куртки со взрослога человѣка, висящія на его маленькомъ тѣлѣ; грязь и царапины обезображиваютъ все его тѣло; глаза его опухли, лицо раздуто и лихорадочно; хотя онъ и считается говорунуемъ своего кружка, но едва можетъ перевести духъ отъ воспалени въ легкихъ. Они цѣлыхъ два дня бродили по окрестностямъ, собирая зеленый кустарникъ, чтобы продать его на Рождество. Кака-то леди дала имъ на дорогѣ пени, на который купили они себѣ немножко хлѣба и поровну раздѣлили его межъ собой. Кустарника набрать имъ не удалось; ночь провели они въ полѣ подъ дорожнымъ плетнемъ, добрали опять до Лондона и пришли къ пріюту, но онъ былъ уже полонъ и запертъ. Одинъ изъ нихъ пошелъ по улицамъ отыскивать пищи, а трое остальныхъ легли спать у дверей. Двое изъ нихъ были только недавно брошены родителями, но двое другихъ уже нѣсколько времени жили на улицахъ. Маленькій говорунъ, въ теченіи четырехъ лѣтъ, кое-какъ добывалъ себѣ пропитаніе, нося свертки, держа лошадей, сторожа зеленна Ковентъ-гарденскомъ рынкѣ, или мясо у мясниковъ, когда оно выставляется лѣтомъ на ночную прохладу, но онъ никогда не воровалъ. Пока этотъ ребенокъ разказываетъ свою печальную повѣсть, приходитъ другой и проситъ впустить его въ пріютъ. Ему только 13 лѣтъ: это неуклюжій, тупой малый; нищета и лишения, кажется, оцѣнили въ немъ развитіе ума и тѣла. Мать его умерла, когда онъ былъ еще малымъ ребенкомъ, отецъ былъ торговцемъ и тоже умеръ, когда ему было десять лѣтъ; съ братомъ своимъ, который утонулъ въ морѣ, были они выгнаны изъ дому и жили на улицахъ Лондона. Онъ едва можетъ разказать, какъ просуществовалъ три послѣдніе года. Иногда носилъ онъ свертки или мелъ улицы (1), добывая нѣсколько полу-пени, тогда покупалъ себѣ хлѣба и платилъ одинъ пенни за ночлегъ. Иногда онъ ничего не могъ добыть себѣ, тогда бродилъ по улицамъ, и ночь проводилъ гдѣ-нибудь у дверей; случалось, что какой-нибудь бѣднякъ, или бѣдная женщина, немногимъ богаче его самого, клалъ его съ собой на ночь или на двѣ, и дѣлили съ нимъ по утру свой скудный, горемычный завтракъ. Такъ жилъ онъ, если только это можно назвать жизнью, добывая въ день по два пени за работу въ поляхъ; лѣтомъ бродя съ разными бѣдняками, которые давали ему пристанище за смотрѣнье за ихъ малолѣтними дѣтьми, пока

(1) Въ Лондонѣ, въ грязную погоду, для удобства переходовъ черезъ улицы обыкновенно стоятъ бѣдняки или мальчишки съ метлами и подметають переходъ.

сами они таскали хмѣль въ поляхъ. Но въ послѣднее время и эти средства прекратились. Его любимымъ убѣжищемъ была арка позади соррейскаго театра, пока открытый и вытасенный оттуда полиціей, всегда весьма бдительной на открытія подобныхъ нарушителей порядка, онъ перешелъ къ Ковентъ-Гардену, существуя тѣмъ, что могъ отыскать на улицѣ, и проводя ночи въ пустыхъ коробахъ и телѣгахъ. Два дня назадъ пришелъ онъ въ пріютъ, гдѣ одна бѣдная женщина дала ему чашку кофе, который онъ выпилъ съ корешкомъ петрушки, найденнымъ имъ на рынкѣ. Истомленный голодомъ и болѣзнію, съ такой болью въ груди, что онъ едва можетъ, по его выраженію «перетаскивать» дыханіе, пришелъ онъ наконецъ къ Фильдъ-ленскому пріюту. Для него этотъ пріютъ имѣлъ весь комфортъ «дома», единственнаго «дома», какой онъ зналъ въ теченіи трехъ долгихъ лѣтъ. Вотъ еще нѣсколько уличныхъ мальчиковъ постепенно пришли сюда, всего восьмеро; всѣ дѣти, всѣ давнымъ давно брошенные сироты. Одинъ изъ нихъ добылъ 2½ пенни, купилъ себѣ на пенни хлѣба, на пенни кофе, а полпенни оставилъ себѣ на хлѣбъ для завтра. Другой, необыкновенно красивый мальчикъ, тоже уличный метельщикъ, недавно пришелъ изъ Бристоля, питаясь дорогой ягодами терновника и по временамъ добывая себѣ работу тасканьемъ моркови. Мать его, единственная родня, какую онъ зналъ въ жизнь свою, умерла четыре года назадъ отъ рака въ ногѣ, у него тоже готовится подобная болѣзнь, и онъ сильно уже хромаетъ. Ходилъ онъ въ больницу полѣчить свою ногу, которая очень болитъ: ему наказали покоить ее, держать въ теплѣ, и прикладывать къ ней пластырь всякую ночь. Хорошій совѣтъ бездомнымъ, брошеннымъ дѣтямъ, метельщикамъ улицъ, не имѣющимъ пропитанія, достаточнаго для существованія. Вотъ входитъ грязный, нищенскій мальчикъ, и разказъ его такъ замѣчателенъ, что мы не можемъ не передать его. Отецъ и мать его живы, и семья ихъ состоитъ изъ 12 дѣтей. Два старшіе его брата почти постоянно въ тюрьмѣ, потому что «платочки», т.-е. воруютъ платки, за которые платятъ имъ по 2½ пенса за каждый, а за очень хорошій по 3 пенса. Старшая сестра его, ей только 15 лѣтъ, воровала въ дѣтствѣ, а 11 лѣтъ была уже «публичною»; она тоже много сидѣла въ тюрьмѣ, а теперь сидитъ въ исправительномъ заведеніи. Отецъ, мать и остальные дѣти живутъ слѣдующимъ образомъ: вся семья встаетъ въ два часа утра, и изъ грязнаго своего подвала, въ которомъ живетъ, отправляется на улицы сидрять объявленія и афиши съ заборовъ и стѣнъ. Соединенныя усилія всего семейства, употребленныя такимъ образомъ, могутъ въ зимнее время набрать до разсвѣта около 25 фунтовъ бумаги, которую продаютъ за 7 ¼ пенни. Но и эти скудные крохи могутъ добываться

только въ долгія зимнія ночи; лѣтомъ отецъ достаетъ себѣ немного работы, и семья разсѣвается и бродитъ по полямъ, питаясь какъ могутъ... Но бесполезно слѣдить за каждымъ изъ этихъ тяжелыхъ разказовъ: у каждаго изъ дѣтей есть своя, сжимающая сердце, повѣсть—иначе они не попали бы сюда. Перейдемъ въ женскій пріютъ. Онъ составляетъ отдѣленіе того же благотворительнаго заведенія, хотя, по извѣстнымъ причинамъ, находится въ полумилѣ отъ мужскаго пріюта, на другой сторонѣ Фильдъ-Лена, гдѣ всѣ италіянскіе органщики получаютъ отъ своихъ хозяевъ грязное и гадкое помѣщеніе, и гдѣ слѣдовательно всюду тяготѣетъ нужда и самая грязная бѣдность. Здѣсь, возлѣ извощичьяго двора, находится пріютъ; крутая деревянная лѣстница ведетъ посѣтителя къ чисто выкрашенной и хорошо освѣщенной комнатѣ, футовъ въ 40 длины и въ 20 вышины, по обѣимъ сторонамъ которой на полу расположены по 25 маленькихъ постели. Разница между мужскимъ и женскимъ пріютами состоитъ преимущественно въ томъ, что въ женскомъ спать не на голомъ полу, а на соломенныхъ матрацахъ и подъ грубыми одѣялами; кромѣ того еще, по милости одной благотворительной госпожи, каждый день дается здѣсь по чашкѣ кофе, а на счетъ пріюта по маленькому хлѣбу утромъ и вечеромъ. Пріютъ отворяется безнадежнымъ жертвамъ, какъ только настаютъ сумерки, ибо добрая администрація пріюта знаетъ, какъ опасно этимъ истощеннымъ голодомъ и всѣми покинутымъ дѣвочкамъ оставаться ночью на улицахъ. Часовъ въ 7 поэтому онѣ—исключая тѣхъ, которыя работаютъ въ жидовскихъ швейныхъ заведеніяхъ—почти всѣ уже собрались и сидятъ, взрослые и дѣти, двумя длинными рядами, просушивая (печь стоитъ по среди комнаты) свои грязныя лохмотья. Видъ ихъ такой голодный и истомленный, что разрывается сердце, когда смотришь какъ онѣ въ нѣмомъ истощеніи и отчаяніи задумчиво склоняются на полъ. На первый взглядъ всѣ онѣ кажутся среднихъ лѣтъ, но это только вслѣдствіе истощенія и искаженія ихъ молодыхъ тѣлъ, потому что большинство изъ нихъ моложе 20 лѣтъ, и многія почти дѣти. Тихо и тяжело ступая, постепенно приходятъ другія, по двѣ, по три, въ своихъ изношенныхъ платьяхъ, слишкомъ легкихъ и холодныхъ даже для лѣта, едва прикрывающихъ ихъ блѣдныя, тощія формы. Последнія приходяція работали въ швейныхъ заведеніяхъ, гдѣ за непрерывную работу, отъ 8 часовъ утра до 8 часовъ вечера, онѣ могутъ добывать себѣ 2 $\frac{1}{2}$ пенса въ день, съ своими нитками, иглами и снурками, и платя каждая одинъ пенсъ въ недѣлю *за помѣщеніе въ комнату, гдѣ работаютъ.*

«Въ самомъ дѣлѣ почему этотъ народъ не идетъ въ рабочіе дома? Неужели бы онѣ не захотѣли, еслибъ могли? Обратимся къ этой дѣвушкѣ, которая вошла послѣ всѣхъ. Ей 16 лѣтъ, хотя

на видъ кажется 30. Она была служанкой въ двухъ мѣстахъ и отъ обонхъ получила хорошіе атестаты, но принуждена была оставить послѣднее мѣсто по причинѣ продолжительной болѣзни и поступить въ больницу. По выходѣ оттуда она не могла найти себѣ мѣста, заложила все свое платье, нѣсколько недѣль терпѣла всѣ лишения и голодъ и наконецъ вынуждена была просить помощи «у соединенныхъ благотворительныхъ обществъ», была въ совѣтѣ правленія, гдѣ ей сказали, что помѣщеніе было полно, и что для нея ничего нельзя сдѣлать; такимъ образомъ она принуждена была уйдти и слѣдующіе день и ночь бродила по улицамъ, утромъ пошла къ судѣ, который сказалъ ей, что положеніе ея тяжело, но что онъ ничего не можетъ сдѣлать для нея. Еслибъ она дала грубый отвѣтъ какому-нибудь изъ полицейскихъ офицеровъ, такъ неправильно называемыхъ «помогающими» (relieving officers), то судья это, каковъ бы онъ ни былъ, сдѣлалъ бы что-нибудь для нее, и дѣвушка нашла бы себѣ убѣжище хоть въ тюрьмѣ. Бѣдное существо достало тогда себѣ швейную работу за упомянутую нами обильную плату, но ея тощія руки такъ потѣли отъ истощенія, что марали сорочки, и ей отказали; послѣ нѣсколькихъ дней и ночей голоднаго скитанія кто-то указалъ ей на пріютъ, гдѣ она находится теперь, почти оглохшая отъ простуды, которую она получила, проводя ночи у дверей домовъ. Здѣсь есть еще другая дѣвочка, моложе 13 лѣтъ, тоже безъ родныхъ и друзей, которая, какъ и всѣ прочія, прошла черезъ всю обычную рутину голода и лишеній, пока наконецъ дали ей здѣсь ночной пріютъ. Тутъ еще дѣвочка 15 лѣтъ: она съ сестрой своей работала куклы, и обѣ могли добывать 5 и 6 шиллинговъ въ недѣлю; но потомъ работы не стало, сестра ея куда-то ушла и уже не приходила, и теперь для нея единственнымъ убѣжищемъ служить пріютъ, изъ котораго она утромъ уходитъ бродить по улицамъ, пока въ сумерки снова не отворятъ ей ея жилища.

•Есть здѣсь еще одна особа, порядочная женщина по манерамъ и воспитанію, дочь морскаго офицера; она говоритъ по французски, понимаетъ по нѣмецки, можетъ учить музыкѣ, и въ ея лицѣ, какъ оно ни исхудало и ни истощено, можно еще разглядѣть то, что нѣкогда было красотою. О ней очень мало извѣстно, потому что она молчитъ о своихъ родственникахъ и своей прежней жизни, но изъ того немногаго, что можно было узнать, видно, что какой-то джентльменъ былъ причиною ея настоящаго горькаго положенія. Она и маленькій сынъ ея находятъ здѣсь ночной кровъ, принимаемый тѣмъ съ большею признательностью, что бѣдная леди, если можно только ее назвать такъ, прошла почти всѣ степени лондонской бѣдности, начиная отъ грязнаго курятника, куда впускаютъ женщинъ въ Ислингтонѣ, до сараевъ, въ которые загоняютъ ихъ въ Ламбесѣ.

• Но бесполезно повторять здѣсь подобные горькіе разказы, отъ переполненныхъ бѣдствій которыхъ болѣзненно содрогнутся наши читатели. Воротимся еще разъ въ мужской пріютъ. Теперь пробило уже 9 часовъ вечера, и всѣ рады коекъ заняты пришельцами; тѣ, которые пришли слишкомъ поздно, а такихъ всегда бываетъ отъ 40 до 50, должны спать на улицахъ, какъ сотни разъ дѣлали тѣ, которые попали теперь въ пріютъ. Между 300 пришельцевъ не слышно ни одного слова, каждый умылся и легъ на свою койку, каждый получилъ съ признательностію маленький хлѣбъ, который съѣденъ прежде нежели раздавальщикъ успѣлъ одѣлать всѣхъ. Настаетъ чтеніе молитвъ, въ которомъ всѣ участвуютъ. Затѣмъ каждый снимаетъ свое лохмотное платье, хотя по истинѣ не понятно, какъ они снимаютъ, и еще болѣе, какъ они потомъ надѣваютъ его; положивъ его возлѣ себя на полъ, скорчиваются они подъ своими жесткими одѣлами и засыпаютъ. Сторожъ не спитъ всю ночь, но въ немъ здѣсь нѣтъ ни малѣйшей нужды; между этими бѣдными, тощими формами здѣсь рѣдко даже движеніе: истощенные голодомъ и усталостію они спятъ, словно имъ нѣтъ никакой надобности въ остальномъ мірѣ, словно грядущій день освѣтитъ не ту же самую жизнь одиночества и нищеты.

• Таковъ правдивый и по истинѣ краткій отчетъ о нашихъ бѣдомныхъ бѣдныхъ, и таковъ пріютъ для покинутыхъ всѣми. Учрежденія болѣе человѣколюбиваго нежели такіе пріюты—не существуетъ на землѣ. Но ни одно почтенное или духовное лицо не рѣшается говорить о нихъ, потому что разказъ объ отвратительной бѣдности въ Лондонѣ тяжелъ для ушей, привыкшихъ къ *взлѣчному*, да и притомъ тѣ, которые нуждаются въ такихъ пріютахъ, не негры, а такіе же бѣлые, какъ и мы. Эти пріюты не имѣютъ ежегодныхъ митинговъ, въ которыхъ могутъ выставить интересныхъ «черныхъ» и доказать, какъ души ихъ были спасены съ тратою почти 1000 фунтовъ за каждую. Бѣдность, которой помогаютъ эти пріюты, и пороки, которые предотвращаютъ они, слишкомъ не живописны и слишкомъ дѣйствительны. Такіе пріюты могутъ просить о вспоможеніи вслѣдствіе крайней нужды своей, точно также, какъ страданія бѣдныхъ взываютъ къ нимъ самимъ. Настаетъ Рождество со всѣми его благотворительными складчинами и приношеніями; въ эти дни особенно сердце должно быть открыто, и рука щедра къ тѣмъ, у которыхъ нѣтъ пристанища, и которыхъ Провидѣніе посѣтило жестокими несчастіями, какія мы старались описать здѣсь. Въ такую пору, помня о себѣ, вспомнимъ и о другихъ, вспомнимъ о тѣхъ бѣдныхъ, малыхъ сиротахъ, набирающихъ зеленый кустарникъ для рождественскихъ праздниковъ, не приносящихъ имъ никакой радости, и дадимъ лепту отъ

нашего изобилія на человѣколюбивое дѣло, которое, при своихъ ограниченнѣхъ средствахъ, все-таки исполняетъ долгъ свой, спасая несчастныхъ отъ голода и давая кровь нашимъ бездомнымъ бѣднякамъ.»

Вотъ какія картины бѣдности представляетъ самый вліятельный органъ гласности въ Англіи. Онъ не увлекается ложнымъ патриотизмомъ или ложнымъ самодовольствіемъ или ложною боязнью вооружить бѣдныхъ противъ богатыхъ, и не только не старается отгнать печальную картину, но напротивъ того умышленно сгущаеетъ краски, чтобы произвести болѣе сильное впечатлѣніе на читателя. И впечатлѣніе было произведено: несмотря на множество существовавшихъ въ Лондонѣ пріютовъ, учреждены новыя, и обильно потекли пособія въ этомъ громадномъ городѣ, равномъ по народонаселенію Сардиніи или Бельгіи, куда сходятся люди изъ всѣхъ странъ свѣта, и гдѣ поэтому по необходимости должно скопиться много нищеты и несчастій. Стоя съ ними лицомъ къ лицу, Англичане не теряютъ бодрости, не складываютъ молча рукъ своихъ и не ограничиваются одними вздохами о неосуществленныхъ идеалахъ. Увы! идеалы существуютъ только въ легковѣрномъ воображеніи наивныхъ мечтателей, которымъ кажется такъ возможнымъ перестроить общество по придуманной ими теоріи, а желать возможнаго, подвигаться впередъ, исправляя старое, дѣлая сдѣлки съ прошедшимъ, завѣщаннымъ и вѣками, и вѣчными законами, и свойствами человѣческой природы, кажется такимъ пошлымъ, «отсталымъ» путемъ. Вопросъ о бѣдныхъ въ Англіи постоянно подвергался и подвергается самымъ глубокимъ изысканіямъ, и, какъ всегда бываетъ въ Англіи, гдѣ общество съ давнихъ поръ привыкло заботиться о себѣ, изысканія эти дѣлаемы были не правительствомъ, а частными людьми и преимущественно газетами, которыя поручали эти изслѣдованія дѣльнымъ и свѣдущимъ людямъ. Много въ этомъ отношеніи сдѣлано было газетами *Times* и *Morning Chronicle*. Хотѣмъ не менѣе надобно сказать, что къ числу національных пороковъ Англичанъ принадлежитъ одинъ, который поражаетъ иностранца, посѣщающаго Англію: это презрѣніе къ бѣдности. Надобно прибавить, что нигдѣ общество не дѣлаетъ столько для своихъ бѣдныхъ какъ въ Англіи, но и нигдѣ бѣдность не имѣетъ такого ужаснаго вида, какъ среди этого великолѣпнаго Лондона, среди этихъ людей, одѣтыхъ съ изысканною чистоплотностію, тщательно вымытыхъ и выбритыхъ, съ лицами, дышащими довольствомъ и самоуваженіемъ. Любопытно подмѣчать брюзгливую гримасу, которая является на этихъ самодовольныхъ лицахъ при взглядѣ на нищету. Надобно также сказать, что при всеобщемъ довольствѣ и богатствѣ страны, нищета составляетъ здѣсь только рѣдкое исключеніе, если принять въ соображеніе почти трехъ-

милліонное народонаселеніе Лондона (включая сюда всѣ его окрестности), куда естественно стекаются бѣдные съ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ Англіи. Подавать милостыню на улицахъ вовсе не въ обычаѣ Англичанъ. Презирая праздность и лѣнь болѣе всего на свѣтѣ, они особенно боятся быть обманутыми, боятся, вмѣсто пособія дѣйствительной нуждѣ и нищетѣ, не поощрить лѣни и праздности. Въ англійскомъ обществѣ чрезвычайно развита благотворительность, хотя взятый отдѣльно Англичанинъ можетъ показаться грубымъ и жестокимъ въ сравненіи съ южнымъ, романскимъ человѣкомъ; нервы его далеко не такъ впечатлительны и деликатны: это уже обыкновенное свойство или недостатокъ энергическихъ и твердыхъ характеровъ, руководящихся преимущественно разсудкомъ, а не мгновенными движеніями сердца. Въ понятіи всякаго Англичанина все это совершенно освобождаетъ его отъ подачи милостыни; кромѣ того, по національному характеру своему, Англичане вообще не любятъ давать деньги даромъ, и особенно давать тамъ, гдѣ можно и не дать. Кромѣ того они знаютъ, что въ Лондонѣ есть промышленныя компаніи, нанимающія нищихъ и малолѣтнихъ дѣтей для возбужденія большаго состраданія, и наживающихъ тѣмъ деньги. И такъ много въ этомъ отношеніи бываетъ обмана и подлога, что дѣйствительно трудно отгадать, гдѣ обманъ и гдѣ настоящая нужда. Въ этихъ обстоятельствахъ преимущественно заключается причина, почему такъ трудно подвинуть Англичанина на частную благотворительность. При этомъ можемъ замѣтить мы, что ни у какого народа, кромѣ развѣ восточныхъ, частная благотворительность на улицахъ и дорогахъ не представляетъ такого всенароднаго обычая, какъ у насъ Русскихъ, и преимущественно въ нашемъ низшемъ и купеческомъ сословіяхъ.

Мы сказали выше, что статья *Times* о бездомныхъ бѣдныхъ въ Лондонѣ, произвела такое впечатлѣніе, что къ 25 января прислано было къ ея издателю болѣе 8 тыс. фунт. стерл. Объявляя объ этомъ *Times* видитъ въ этомъ фактѣ, обнаруживающей значительную перемену, происшедшую въ чувствахъ и привычкахъ англійскаго общества. Ничто такъ не трудно, говоритъ газета по этому случаю, какъ дѣйствительно-вѣрное сравненіе одного вѣка съ другимъ. Насъ, людей XIX вѣка, особенно можно обвинить въ томъ, что мы хвалимъ самихъ себя. Но еслибы мы даже и дѣйствительно виноваты были въ самохвальствѣ, неужели самый фактъ этотъ не означаетъ чего-нибудь? Неужели каждому вѣку такъ свойственно хвалить самого себя? Напротивъ, никогда этого не было слыхано, никогда этого не дѣлалось до нашего вѣка. Всѣ прошлые вѣка обыкновенно восхваляютъ вѣка, имъ предшествовавшіе, называя самихъ себя выродившимися и падшими: ни одинъ

вѣкъ иначе не выражался о себѣ. Въ гомерическія времена, напримеръ, міръ уже позорно ниспалъ съ своего прежняго величія, и люди не могли уже бросать громадныхъ скалъ, какъ прежде: это считалось геройствомъ въ тѣ времена. Римляне постоянно восхваляли добродѣтели своихъ предковъ. Цинцинатъ оставлялъ свой плугъ для предводительства войскомъ: тогда-то была настоящая простота; ни пышности, ни роскоши; все было мудро и первобытно. Въ слѣдовавшихъ вѣкахъ міръ постоянно падалъ, но любопытный фактъ въ томъ, что теперь старики не восхваляютъ уже времени своей юности; нѣтъ, теперь говорятъ они: «съ тѣхъ поръ все улучшилось». Такого рода критическое воззрѣніе есть замѣчательный признакъ нашего времени, и едва ли случалось нѣчто подобное въ прежніе вѣка, исключая развѣ начало такой эпохи, какъ реформація. Намъ поражаетъ такого рода критическое воззрѣніе, когда мы слышимъ его отъ скромнаго и степеннаго стараго возраста, привыкшаго обыкновенно протестовать противъ предполагаемыхъ улучшеній и тщеславія настоящаго поколѣнія. Если въ фактѣ этомъ есть что-то небывалое, — то какъ мы должны понимать его? Намъ кажется, что самое естественное пониманіе его будетъ состоять въ томъ, что фактъ дѣйствительно таковъ; если наши дѣдушки и бабушки говорятъ, что они видятъ улучшеніе, такъ просто потому, что они видятъ его; если же въ прежнія времена отрицали его, такъ просто потому, что или его въ дѣйствительности не было, или оно было только въ незначительной степени. Струя благотворительности, которая потекла недавно по столбцамъ нашей газеты по поводу указанія самыхъ обыкновенныхъ случаевъ нищеты, безспорно доказываетъ несравненно большую впечатлительность въ общественномъ чувствѣ, нежели какая была прежде. Она обнаруживаетъ существованіе значительной массы народа, которая уже имѣетъ привычку *давать*, которая по своему душевному сосоянію подготовлена къ тому, чтобы *давать*, какъ скоро настоящимъ образомъ обратятся къ ней. Правда, иногда *давать* вовсе не условливается привычкою, а бываетъ великимъ, мгновеннымъ усиленіемъ, чѣмъ-то въ родѣ сильнаго взрыва, или внутренняго землетрясенія: добрый духъ, такъ сказать, разрываетъ человека, выходя изъ него въ видѣ гиней. Наши старомодные высшіе классы, которые представляютъ и поддерживаютъ духъ прошлаго вѣка, особенно склонны къ такого рода даванію. Здѣсь не мѣсто входить въ частности, но всѣ тѣ, которые имѣли дѣла по благотворительности, знаютъ, въ чемъ состоитъ тутъ самый затруднительный пунктъ. Для иныхъ, которые впрочемъ весьма добрые люди по своему, давать деньги есть настоящій вулканическій процессъ; они смотрятъ на даваніе какъ на актъ, противный конституціи и ста-

туту. А если и рѣшаются давать, то какъ бы покоряясь чему-то неизбежному, чему нельзя противиться. Но благотворительность, которая съ такою готовностію отвѣтила на нашъ недавній призывъ, уже обнаруживаетъ естественную склонность души къ подаенію, обнаруживаетъ привычку, всегда готовую дѣйствовать, какъ скоро представится къ тому удобный случай. Это уже состояніе души, которая смотритъ на даеніе, не какъ на эксцентрическое исключеніе изъ естественнаго правила, но какъ на правило собственное. Теперь всѣ одинаково понимаютъ человѣческую нужду и нищету, понимаютъ ихъ какъ одинъ изъ законовъ общественной системы. Но прежде люди, и не то чтобы вовсе лишеныя чувства, смотрѣли на эти вещи просто какъ на факты, факты несомнимые, неизбежные и т. п. Попробовать же дѣйствительно схватиться съ ними, войти въ борьбу съ неизбежностью—этого никогда не случилось со всѣми этими достойными людьми, исключая развѣ какого-нибудь филантропа. Сложи руки, смотрѣли они на истребленія, производимыя болѣзнями и нищетою, безъ малѣйшей мысли о томъ, что положеніе этихъ достойныхъ людей вовсе не было положеніемъ простаго зрителья одной изъ самыхъ неблагопріятныхъ сторонъ міра, въ которомъ они живутъ. Пятьдесятъ лѣтъ назадъ солдатъ получалъ 1000 ударовъ плетью за самую ничтожную вину; общество смотрѣло на это, не видя въ этомъ никакой жестокости; судьи, товарищи и зрители не чувствовали при этомъ ни малѣйшаго негодованія, и тѣмъ менѣе ужаса. И не то, чтобы народъ былъ въ самомъ дѣлѣ жестокъ, но онъ смотрѣлъ на это, какъ на обыкновенное, привычное дѣло: оно было закономъ и обычаемъ. Ихъ идеи о справедливости были въ уровень съ ежедневными фактами. Въмѣсто того, чтобы повѣрять эти факты внутреннимъ принципомъ справедливости, они не разсуждали, а принимали свѣтъ такимъ, какимъ находили его. Все это измѣнилось теперь. Общество теперь смотритъ на зло, какъ на нѣчто такое, съ чѣмъ надо бороться и справиться, и уже не хочетъ оставаться страдательнымъ зрителемъ. Дѣйствующій, разыскивающий, дѣловой, разумный духъ благотворительности водворился въ общество, онъ не оставляетъ людей въ покоѣ, а подвигаетъ ихъ на дѣло: сначала предлагая вопросы самому себѣ, потомъ спрашивая другихъ людей, вывѣдывая подробности случаевъ, затѣмъ устраивая планы и способы воззванія, собирая людей, систематизируя усилія, соединяя силы. Когда устроилась наша система благотворительности, легко могло стать, что *механический* духъ болѣе или менѣе пробрался въ нее. Но дѣло въ томъ, что люди не соглашаются теперь смотрѣть на человѣческую бѣдность просто какъ на неразрѣшимую задачу, какъ на нѣчто такое, о чемъ

было уже все передумано и высказано. Имъ нужно теперь схватиться съ этимъ фактомъ,—конечно, они не въ силахъ овладѣть имъ и уничтожить его,—но схватиться для того, чтобъ они много могли сдѣлать, развивая великую экономію пособія, корни котораго такъ глубоко вложены въ нашей нравственной и физической природѣ. Принимая значительныя пожертвованія, сдѣланныя въ такое короткое время въ пользу лондонскихъ приютовъ, мы считаемъ ихъ признакомъ дѣйствительнаго общественнаго прогресса».

И прогрессъ этотъ конечно существуетъ, если о немъ свидѣтельствуетъ такой суровый судья англійскаго общества, какъ *Times*, котораго уже никакъ нельзя заподозрить въ лести своей странѣ. Напротивъ, никто не высказываетъ столько рѣзкихъ истинъ Англій, какъ эта газета, пользующаяся именно вслѣдствіе этого величайшею популярностію. Да и вообще надо отдать справедливость англійской литературѣ: мужественность, прямота, иронія и сарказмъ, съ какими она указываетъ на темныя стороны Англій, не имѣетъ примѣра ни въ одной европейской литературѣ. Если Европа знаетъ темныя стороны Англій, то благодаря ей же собственнымъ писателямъ. Польза, какую принесло это направленіе для Англій, неисчислима; если же оно и повредило ей въ Европѣ, то развѣ въ мнѣніи такихъ людей, которые знаютъ ее по книжонкамъ французскихъ социалистовъ, то-есть по источнику самому мутному и невѣжественному, ибо Французы вообще, съ весьма рѣдкими исключеніями, отдѣленные отъ ней своимъ одностороннимъ образованіемъ, не знаютъ и не могутъ знать ее отъ своей прирожденной ненависти къ ней. Въ ненависти своей они забываютъ даже и то, что самыя лучшія учрежденія ихъ—суть не болѣе, какъ дурное подражаніе англійскимъ учрежденіямъ. Плохо той странѣ, которая не можетъ смотрѣть на себя критически! Да и много надо имѣть мужества, много любви къ правдѣ, чтобы передъ всѣми обнаруживать раны и болѣзни свои. Въ старыя годы скрывать ихъ считалось національнымъ достоинствомъ, даже доказательствомъ любви къ отечеству, какъ будто скрывать отъ другихъ собственные пороки значить быть добродѣтельнымъ. Ни одна страна въ мірѣ не подвергалась такому неумолимому процессу анализа и критики отъ сыновъ своихъ, какъ Англія, и дай Богъ, чтобы каждый изъ насъ любилъ Россію, какъ Англичанинъ любитъ свою Англію. Но онъ не любитъ указывать на свѣтлыя стороны своего отечества, онъ ихъ и безъ того знаетъ,—его занимаютъ больше всего его темныя стороны; о нихъ любить онъ писать, говорить, кричать на весь міръ, потому что онѣ беспокоятъ, мучатъ, заботятъ его. Сколько, напримѣръ, и въ парламентѣ, и въ газетахъ наговорено

было въ последнее время дурнаго объ англійскомъ флотѣ! Его обвиняли не только въ недостаточности, но во всяческой негодности, а кто же не знаетъ, что англійскій флотъ все-таки первый флотъ въ мірѣ? Дѣло въ томъ, что надо привыкнуть къ преувеличенности, къ какой вообще бываютъ склонны политическія партіи и возбужденное національное чувство, чтобъ уметь отдѣлять существенное отъ несущественнаго въ ихъ рѣчахъ и газетахъ. А въ этомъ-то отдѣленіи всего легче ошибаться иностранцамъ, не привыкшимъ ни къ политическимъ нравамъ, ни къ отъыкамъ партій, ни къ учрежденіямъ Англій. Смѣшно сказать, но по большей части все наше знаніе Англій ограничивается только тѣмъ, что тамъ много бѣдныхъ. Да еслибы любая изъ странъ Европы была подвергнута такому же анатомическому процессу всяческихъ критическихъ изслѣдованій, какому постоянно подвергается Англія, любопытно знать, много ли бы живаго и крѣпкаго уцѣлѣло въ странѣ этой? Гдѣ тѣ страны, которыя также мужественно борются съ обременяющимъ ихъ всяческимъ зломъ, какъ Англія борется съ бѣдностью, этою—увъ!—неизбѣжною болѣзнію всякаго общества? Отчего, пріѣзжая въ Англію, вооруженный всяческими предубѣжденіями противъ нея, путешественникъ, узнавши ее, оставляетъ ее полный удивленія и глубокаго уваженія къ ней? Вотъ этотъ бы вопросъ желали мы предложить тѣмъ, которые указываютъ на Англію, какъ на исключительную страну пауперизма и нищеты, какъ будто бы другія страны Европы изъяти отъ этого несчастія.

В. Боткинъ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІА

Высочайшимъ указомъ, даннымъ правительствующему сенату 10 января 1855 года, предоставлено было государственному казначейству чрезвычайныя по военнымъ обстоятельствамъ издержки покрывать временными выпусками государственныхъ кредитныхъ билетовъ, съ тѣмъ чтобы не позже какъ черезъ три года по заключеніи мира приступлено было къ изытію изъ обращенія временно выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ.

Нынѣ истекло трехлѣтіе съ заключенія мира.

Сего марта 13 послѣдовалъ Высочайшій указъ правительствующему сенату, объявляющій объ открытіи внутренняго четырехпроцентнаго займа. Вотъ слова Высочайшаго указа:

• Указомъ 20-го іюля 1857 года признали Мы полезнымъ уменьшить проценты на вносимые въ банковыя установленія вклады, дабы дать празднымъ капиталамъ направленіе, соответственное пользамъ государства; цѣль эта достигнута, промышленность оживилась, и значительные капиталы, оставшіеся безъ дѣйствія въ банкахъ, поступили въ оборотъ на разныя предпріятія. Между тѣмъ доходы вкладчиковъ, которые не пожелали требовать капиталовъ своихъ изъ кредитныхъ установленій, уменьшились четвертою частью, чѣмъ многіе поставлены въ затруднительное положеніе. Желая предоставить банковымъ вкладчикамъ возможность болѣе выгоднаго и столь же вѣрнаго помѣщенія капиталовъ, Мы утвердили разсмотрѣнное установленнымъ порядкомъ представленіе министра финансовъ о выпускѣ четырехпроцентныхъ государственныхъ непрерывно-доходныхъ билетовъ, по назначенной Нами формѣ. Образцы сихъ билетовъ министерство финансовъ представить въ правительствующій сенатъ, для опубликованія. На семъ основаніи всѣмъ желающимъ обезпечить себя полученіемъ на капиталъ свой дохода по четыре со ста въ годъ, разрѣшается пріобрѣтать означенные билеты, какъ на наличныя деньги, такъ и на билеты государственныхъ кредитныхъ установленій. Утвердивъ составленныя министромъ финансовъ правила о государственныхъ четырехпроцентныхъ непрерывно-доходныхъ билетахъ и препровождая правила сіи (1) въ правительствующій сенатъ, повелѣваемъ сдѣлать распоряженіе къ приведенію оныхъ въ исполненіе.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

« А Л Е К С А Н Д Р Ъ . »

Въ Высочайшемъ указѣ, данномъ на имя г. министра финансовъ 20 сего марта, изображено:

• Для подкрѣпленія размѣннаго фонда экспедиціи кредитныхъ билетовъ признавъ за нужное, согласно съ представленіемъ вашимъ, заключить, чрезъ посредство здѣшняго банкирскаго дома Томсонъ, Бонаръ и комп. и берлинскаго Ф. Март. Магнуса, вѣш-

(1) Сообщаемъ главныя статьи правилъ о государственныхъ непрерывно-доходныхъ билетахъ: «Достоинство государственныхъ непрерывно-доходныхъ билетовъ опредѣляется въ 250, 500, 1.000, 5.000, 10.000, и 100.000 руб.. Они приносятъ непрерывнаго дохода по четыре на сто въ годъ. Означенные билеты, по желанію пріобрѣтателя, выдаются на имя лица или мѣста, или же безъ означенія оныхъ, т.-е. на предъявителя. Подписка на государственныхъ непрерывно-доходные билеты открывается въ банкахъ: заемномъ и коммерческомъ и его конторахъ, а также въ сохранныхъ казнахъ и прика-

ній заемъ въ двѣнадцать милліоновъ фунтовъ стерлинговъ (12 милл. фунт. стерл.), на условіяхъ, которыхъ основанія Нами утверждены, повелѣваемъ вамъ учинить слѣдующія распоряженія:

1) Заемъ сей внести въ государственную долговую книгу, подъ названіемъ трехпроцентнаго займа.

2) Билеты государственной комиссіи погашенія долговъ для сего займа выдать на предъявителя (au porteur) не менѣе ста и не болѣе тысячи фунтовъ стерлинговъ каждый.

3) На билеты сіи платить по три процента въ годъ, начиная съ 19 апрѣля (1 мая) сего года.

Къ каждому билету присовокупить 20 купоновъ, для полученія, по предъявленіи оныхъ въ Лондонѣ, у банкировъ И. Томсонъ, Т.

захъ общественнаго призрѣнія, съ предоставленіемъ министру финансовъ допустить, въ послѣдствіи, подписку и въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ казначействахъ. Въ уплату, при подпискѣ, могутъ быть вносимы какъ наличныя деньги, такъ и билеты кредитныхъ установленій, съ присоединеніемъ и процентовъ, начисляя сіи послѣдніе и въ такомъ случаѣ, когда капиталъ обращался въ кредитномъ установленіи менѣе шести мѣсяцевъ. Срокъ подписки на государственные непрерывно-доходные билеты опредѣляется шестимѣсячный, считая со дня состоянія Высочайшаго о томъ указа, съ предоставленіемъ министру финансовъ, въ послѣдствіи, продлить сей срокъ, по его усмотрѣнію. Подписавшіеся на полученіе помянутыхъ билетовъ снабжаются свидѣтельствомъ, на которомъ отмѣчается годъ, мѣсяцъ, число выдачи, номеръ, кредитное учрежденіе, выдавшее свидѣтельство, сумма в. о.са, количество и достоинство билетовъ, а если билетъ требуется имънной, то выставляется имя вкладчика, или мѣста, или же того, на чье имя билетъ долженъ быть написанъ. По окончаніи срока подписки, т.-е. не ранѣе 1-го октября сего года, вкладчики предъявляютъ выданныя имъ свидѣтельства въ томъ мѣстѣ, гдѣ подписались, и получаютъ, взявъ ихъ, государственные непрерывно-доходные билеты. Непрерывный доход по означеннымъ билетамъ уплачивается предъявителю билета въ государственной комиссіи погашенія долговъ, и въ уѣздныхъ казначействахъ всѣхъ губернскихъ городовъ ежегодно, въ два срока, съ 1-го мая по 1-го іюня и съ 1-го ноября по 1-го декабря. Непрерывный доходъ по означеннымъ билетамъ производится и въ мирное и въ военное время, безъ всякаго различія къ дружественной или непріязненной націи принадлежить владѣлецъ билета. Общее запрещеніе на имѣніе не распространяется на капиталъ, заключающійся въ государственномъ непрерывно-доходномъ билетѣ. Запрещеніе на сей капиталъ можетъ быть допущено тогда только, когда владѣлецъ предъявитъ оный въ залогъ по подрядамъ и другимъ сдѣлкамъ съ казною, или въ обезпеченіе иска, или предоставить на удовлетвореніе своихъ кредиторовъ, или наконецъ при спорѣ между наследниками о правахъ каждаго на оный. Въ сихъ случаяхъ помянутый капиталъ подлежитъ общимъ законамъ о залогахъ, о взысканіяхъ и раздѣлѣ наследства. Государственные непрерывно-доходные билеты принимаются въ залогъ казенными мѣстами по нарицательной цѣнѣ, т.-е. рубль за рубль; между частными же людьми—по взаимному соглашенію. Равнообразно непрерывно-доходные билеты допускаются къ учету, въ коммерческомъ банкѣ и его конторахъ, въ томъ размѣрѣ, который установленъ для 4% билетовъ комиссіи погашенія долговъ (то-есть по 70 на 100 р.) По истеченіи двадцати лѣтъ со дня утвержденія настоящихъ правилъ, правительство объявитъ способъ и порядокъ выкупа билетовъ.

Банаръ и комп., и въ Берлинь, у банкира Ф. Март. Магнуса, на сроки 19 апрѣля (1 мая) и 20 октября (1 ноября), причитающихся на сіи сроки процентовъ.

4) Платежъ таковыхъ процентовъ производитъ за каждые протекшіе полгода, съ 19 апрѣля (1 мая) по 20 мая (1 іюня) и съ 20 октября (1 ноября) по 19 ноября (1 декабря).

5) По прошествіи перваго десятилѣтія, на билеты, остающіеся въ обращеніи, имѣютъ быть выданы новые купоны и талоны.

6) На погашеніе сего займа, съ 1859 г., назначается особый, не смѣшиваемый съ другими займами, фондъ погашенія, который долженъ составлять ежегодно полтора процента съ нарицательнаго капитала займа. Фондъ сей, который будетъ увеличиваться присовокупленіемъ въ послѣдствіи процентовъ, какіе будутъ причитаться на погашенные билеты, имѣетъ быть обращаемъ на выкупъ билетовъ по биржевому ихъ курсу; наконецъ

7) Если кто изъ владѣльцевъ билетовъ сего займа пожелаетъ оныя переписать на російскія деньги, то для сего разчета опредѣляется цѣна шестьсотъ сорокъ рублей за сто фунтовъ стерлинговъ, и билетъ съ тѣмъ вмѣстѣ долженъ быть обращенъ въ именной, безъ купоновъ, а проценты по оному имѣютъ быть выдаваемы здѣсь въ комиссіи погашенія долговъ, въ вышеозначенные полугодовые сроки.»

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

« АЛЕКСАНДРЪ ».

Трудно перечислить всѣ благія послѣдствія, которыя можетъ ожидать Россія отъ исполненія приведенныхъ выше двухъ Высочайшихъ указовъ 13 и 20 марта.

Ближайшіе результаты могутъ быть выражены такъ: увеличится состоятельность нашихъ кредитныхъ установленій и нашихъ кредитныхъ билетовъ.

Извѣстно, что наши кредитныя установленія принимаютъ вклады съ обязательствомъ возвращенія ихъ черезъ семь дней по предъявленіи билета и, получивъ на такихъ условіяхъ капиталы, раздаютъ ихъ въ ссуды на 15, на 28 лѣтъ, на 33 года и даже на 56 лѣтъ. Возможность такого оборота основана на увѣренности, что большая часть вкладовъ помѣщается на продолжительные сроки, и что нельзя ожидать востребованія ихъ въ значительномъ количествѣ. Но такая увѣренность не можетъ вполне обезпечивать. Какъ бы она ни была основательно выведена изъ опыта прошедшаго времени, и какъ бы продолжительно ни было время, служащее основаніемъ опыта, она все-таки имѣетъ непогрѣшимую силу лишь относительно прошедшаго, но не заключаетъ въ себѣ вполне удовлетворительныхъ ручательствъ относительно будущаго. Въ

будущемъ могутъ встрѣтиться такія обстоятельства, которыхъ не было въ прошедшемъ, и надобно сказать, что чѣмъ правильнѣе денежная система, то-есть чѣмъ болѣе деньги страны получаютъ всемірный характеръ, и чѣмъ живѣе въ странѣ движеніе промышленности и торговли, тѣмъ чаще могутъ встрѣчаться поводы къ востребованію вкладовъ разомъ въ очень значительныхъ количествахъ. Переводъ извѣстной части вкладовъ въ непрерывно-доходные билеты комиссіи погашенія долговъ освободитъ кредитныя установленія отъ страха востребованія этой части вкладовъ и слѣдовательно увеличитъ состоятельность ихъ, а состоятельность кредитныхъ установленій особенно важна теперь, когда предстоитъ рѣшеніе крестьянскаго вопроса.

Вклады въ наши кредитныя установленія бываютъ двоякаго свойства. Одни вносятся съ намѣреніемъ постояннаго вѣрнаго помѣщенія за умѣренный процентъ интереса. Для этихъ вкладовъ интересъ въ 3% былъ слишкомъ малъ; это побуждало капиталы искать другаго помѣщенія, черезъ что неестественно возрастала цѣна на акціи и недвижимую собственность. Указъ 13 марта возстановляетъ для нихъ интересъ въ 4%, и притомъ безъ ущерба для кредитныхъ установленій, которыя освобождаются отъ риска ежеминутнаго востребованія этихъ капиталовъ. Другой разрядъ вкладовъ составляютъ капиталы, которые вносятся въ кредитныя установленія временно, до присканія болѣе выгоднаго помѣщенія, и если справедливость требовала сказать, что для капиталовъ перваго рода интересъ 3% былъ слишкомъ малъ, то та же справедливость говоритъ, что для вкладовъ втораго рода даже и интересъ 3% слишкомъ великъ, и что они могутъ довольствоваться интересомъ 2% и даже 1½%. Извѣстно, что многіе заграничныя банки не только ничего не платятъ за вклады этого рода, но даже берутъ вознагражденіе за сбереженіе ихъ, но въ Россіи, по обширности страны и по медленности оборотовъ, число этихъ временныхъ вкладовъ можетъ быть болѣе или менѣе постоянное, и потому платежъ интересовъ по нимъ не можетъ быть слишкомъ обременителенъ для кредитныхъ установленій, лишь бы интересы эти были умѣренные.

Уменьшеніе процентовъ по вкладамъ облегчитъ кредитныя установленія во время предстоящаго кризиса, изъ котораго они имѣютъ выйти совершенно состоятельными. Тому же могло бы содѣйствовать возстановленіе 5% интереса по ссудамъ, заключеннымъ до 1857 года и не пересроченнымъ, а равно и по новымъ ссудамъ, на что кредитныя установленія имѣютъ неотъемлемое право. Экономическіе интересы страны нисколько не страдаютъ отъ этого возвышенія процента; оно лишь только воздержитъ помѣщиковъ отъ легкомысленныхъ займовъ, дѣлаемыхъ для усиленія средствъ жизни, а не съ цѣлю производительныхъ

затратъ. Для полезныхъ предпріятій и покупокъ будетъ выгодно занимать капиталы по 5%; а проживать занимаемые у опекунскихъ совѣтовъ капиталы, значить потреблять то, что сберегъ вкладчикъ: такое употребленіе ссудъ есть потребленіе народнаго капитала, и потому полезнѣе затруднять, нежели облегчать его.

Если та часть открываемаго нынѣ внутренняго 4% займа, которая будетъ внесена билетами кредитныхъ установленій, усилить состоятельность сихъ послѣднихъ, то другая часть внутренняго займа, которая будетъ внесена кредитными билетами, а равно и весь заемъ внѣшній, послужатъ къ изытію кредитныхъ билетовъ изъ обращенія, и къ превращенію части внутренняго не процентнаго долга (кредитныхъ билетовъ, обязательныхъ въ приемъ) въ процентный внутренній и внѣшній долгъ (облигаціи комиссіи погашенія долговъ, не имѣющія обязательнаго курса). Послѣдствія этой стороны новыхъ правительственныхъ мѣръ будутъ имѣть еще большую важность.

Изытіе излишнихъ билетовъ изъ обращенія освободитъ Россію отъ дороговизны, искусственно произведенной избыткомъ денежныхъ знаковъ и потому не приносящей никакихъ выгодъ производителямъ, но крайне-тягостной для всѣхъ потребителей, въ особенности же для чиновниковъ, получающихъ жалованье деньгами, и для самой казны, которая продаетъ по вольнымъ цѣнамъ мало, а покупаетъ по вольнымъ цѣнамъ очень много.

Оно освободитъ далѣе Россію отъ оптического обмана, который побуждаетъ къ лихорадочной предпримчивости, основанной не на дѣйствительномъ, а на мнимомъ увеличеніи капиталовъ въ странѣ, и что еще хуже къ усиленному расточительному потребленію. Тяжкая война не могла увеличить средства страны, не могла содѣйствовать сбереженію и умноженію дѣйствительныхъ капиталовъ. Между тѣмъ мы видимъ не только усиленный приливъ капиталовъ къ разнаго рода предпріятіямъ, мы видимъ не только дешевизну капиталовъ, въ Россіи не бывающую и для Россіи невозможную, но мы видимъ еще значительное увеличеніе потребленія по всѣмъ почти статьямъ ввозныхъ товаровъ, служащихъ не орудіями производства, а предметами потребленія. Вся Россія находилась слѣдовательно въ послѣднее время въ положеніи расточителя, проживающаго болѣе нежели сколько получаетъ, и растрчивающаго то, что было сбережено въ прежніе годы имъ самимъ и его предками. Этой пагубной расточительности можетъ положить конецъ лишь изытіе кредитныхъ билетовъ изъ обращенія.

Наконецъ оно приведетъ въ прежнее равновѣсіе нашъ отпускъ съ нашимъ ввозомъ и оживитъ именно тѣ отрасли нашей промышленности, которыя издавна существуютъ въ Россіи и доставляютъ ей естественные предметы для вывоза. Всѣ эти отрасли промыш-

ленности, имѣющія большее право на бережный уходъ, нежели новыя промышленныя предпріятія, сильно пострадали отъ уменьшившагося вывоза, а вывозъ уменьшился сравнительно съ ввозомъ вслѣдствіе дешевизмы денегъ, превышавшей упадокъ вексельнаго курса и вздорожаніе звонкой монеты внутри страны. Въ дѣйствительности деньги подешевѣли гораздо болѣе и гораздо болѣе вздорожали всѣ продукты и всѣ виды имущества, нежели насколько упалъ вексельный курсъ. Это дѣлало выгоднымъ, вывозить изъ Россіи деньги, а вывозъ денегъ долженъ былъ вытѣснить съ нашего отпускнаго рынка тѣ товары, которыми мы прежде торговали съ иноземными государствами. Такимъ образомъ коренныя статьи нашего отпуска лишились сбыта; терпѣли именно тѣ отрасли промышленности, которыя въ Россіи наиболѣе естественны и наиболѣе выгодны, и на которыя наиболѣе основано благосостояніе классовъ, несущихъ у насъ на себѣ всю тягость налоговъ. Положеніе этихъ многочисленныхъ классовъ народонаселенія и этихъ преимущественно выгодныхъ намъ отраслей промышленности улучшится, и всѣ они оживутъ, когда изытіе бумажныхъ денегъ изъ обращенія дастъ естественный ходъ нашимъ торговымъ оборотамъ.

Направляемое мудрымъ правительствомъ, изытіе кредитныхъ билетовъ изъ обращенія облегчитъ бѣдствія кризиса, неизбѣжно намъ предстоявшаго. Заключение внѣшняго займа на фунты стерлинги, а не на рубли серебромъ, не облегчающее выдачи векселей на иностранныя биржи, показываетъ, что при внѣшнемъ займѣ не имѣлось въ виду искусственное возвышеніе вексельнаго курса, выгодное лишь для заграничныхъ негоціантовъ, ввозящихъ товары въ Россію. Уже судя по этому способу заключенія внѣшняго займа можно полагать, что звонкая монета, которую онъ доставитъ, не будетъ употреблена ни на искусственное возвышеніе вексельнаго курса, ни на искусственное поощреніе ввоза въ ущербъ вывозу, и что слѣдовательно открытіе свободнаго размѣна будетъ отсрочено до полученія удовлетворительныхъ результатовъ отъ внутренняго займа. По теоріи, внутренній заемъ долженъ предшествовать внѣшнему. Сперва непроцентныя бумажныя знаки должны быть замѣнены процентными облигаціями (непрерывно-доходными билетами), и лишь потомъ, когда начнется естественный приливъ звонкой монеты изъ-за границы, и вывозъ получитъ перевѣсъ надъ ввозомъ, лишь только тогда можетъ быть открыта размѣнная касса, и можетъ потребоваться усиленіе ея звонкою монетой, посредствомъ внѣшняго займа. Такъ говоритъ теорія; на практикѣ, вѣроятно, оказались потребности, о которыхъ не можетъ судить публика, и которыя побудили наше правительство приступить уже теперь къ внѣшнему займу. Но, повторяемъ, заключеніе его на фунты стерлинги даетъ уже

уразумѣть, что онъ предназначенъ не для выѣшной торговли. Число временно выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ, подлежащихъ изъятію на основаніи указа 10 января 1853 года, простирается до 400 милліоновъ; они вытѣснили изъ Россіи звонкую монету; они вытѣснили бы изъ Россіи и тѣ 50 милліоновъ, которые доставить выѣшній заемъ, и убавились бы только на сумму, вытѣненную на нихъ, и тогда Россія заплатила бы лишь издержки перевоза этихъ денегъ взадъ и впередъ и банкирскую комиссію. Нуженъ слѣдовательно не размѣнъ этихъ 400 милліоновъ на звонкую монету, размѣнъ невозможный уже по громадности этой цифры, а замѣнъ 400 милліоновъ кредитныхъ билетовъ облигациями внутренняго займа.

Когда это совершится, когда значительная часть вкладовъ кредитныхъ установленийъ будетъ уплачена непрерывно - доходными билетами, тогда начнется естественное развитіе силъ Россіи, тогда кредитъ можетъ совершить великое дѣло улучшенія быта крестьянъ, тогда можно будетъ и открыть размѣнную кассу и сдѣлать наши кредитные билеты настоящими кредитными билетами, обязательными въ приемъ лишь для казны, а не для частныхъ лицъ. При возможности обмѣнять кредитные билеты на 4%-ныя облигации и кромѣ того еще при возможности употреблять ихъ по уплатамъ, вносимымъ въ казну, наконецъ при правильномъ ходѣ кризиса, приготавливашагося вѣками и облегчаемаго мудростію правительства нашего времени, публика очень скоро почувствуетъ благодѣтельность этого рациональнаго перехода отъ бумажныхъ денегъ, имѣющихъ обязательный курсъ, къ кредитнымъ или банковымъ билетамъ, которымъ не присвоено обязательнаго курса. Смѣемъ думать, что переходъ этотъ всего вѣрнѣе обезпечилъ бы и успѣшность внутренняго займа, искренно желаемую всѣми людьми благомыслящими и понимающими дѣло, и изъясняемъ нашу твердую вѣру, что Россія можетъ совершить это великое дѣло. Будетъ ли для Россіи трудно то, что удалось Австріи? А извѣстно, что Австрія съ 1 января сего года не имѣетъ билетовъ съ обязательнымъ курсомъ.

Для предупрежденія побѣга арестантовъ по законамъ нашимъ употреблялись два средства: наложеніе кандаловъ и бритье головы. 175-ю статьей устава о содержащихся подъ стражей постановлено было: содержащимся въ острогахъ и тюрьмахъ, какъ закованымъ, такъ и незакованнымъ въ кандалы, для удержанія отъ побѣговъ брить половины головы, черезъ каждый мѣсяць одинъ разъ. Исключеніе дѣлалось для женщинъ, для лицъ изъятыхъ по закону отъ тѣлесныхъ наказаній, для осужденныхъ на временное заключеніе въ наказаніе за преступленія и проступки и для неисправныхъ должниковъ, содержащихся подъ стражею. Такимъ образомъ, подсудимые, до признанія вины ихъ по судебному приговору, періодически подвергались бритью головы, —

мѣръ, которую законъ ставилъ въ одинъ разрядъ съ тѣлесными наказаніями.

Бритье головы было первоначально обычаемъ установившимся по распоряженію властей въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, на примѣръ въ Московской губерніи: однако не ранѣе 1825 года мѣра эта получила значеніе положительнаго закона и обязательную силу во всей Имперіи. Командиръ отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, ссылаясь на примѣръ Московской губерніи, представлялъ о введеніи этой мѣры повсемѣстно на томъ основаніи, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ по многимъ уѣзднымъ городамъ и этапамъ остроги и тюремныя зданія находятся въ самомъ ветхомъ положеніи. Представленіе это было внесено начальникомъ главнаго штаба на уваженіе комитета министровъ, который, согласно съ мнѣніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, полагалъ: распространить эту мѣру на всѣхъ арестантовъ, на которыхъ не наложены кандалы, для удержанія ихъ отъ побѣговъ, впредь до лучшаго устройства тюремныхъ помѣщеній. Императоръ Александръ утвердилъ это положеніе, распространивъ оное и на арестантовъ, содержащихся въ кандалахъ. По приведеніи въ дѣйствіе этого закона, возникъ, вслѣдствіе представленія отъ нѣкоторыхъ губернаторовъ въ 1827 году, вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли примѣнять его и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ тюрьмы уже устроены со всею надлежащею прочностью; но комитетъ министровъ, имѣя въ виду, что и наложеніе оковъ не признано Высочайшею волею достаточнымъ средствомъ для предупрежденія побѣговъ, положилъ: «брить головы арестантамъ и въ тюрьмахъ, прочно устроенныхъ», ибо неоднократно случалось, что побѣги происходили и изъ таковыхъ тюремъ. (П. С. З. № 30,211 и 209.)

Но на бритье головъ арестантамъ по всей Россіи надлежало каждый годъ тратить немаловажную сумму. Для бритья употреблялись по закону цирюльники внутренней стражи, подъ наблюденіемъ и отвѣтственностью батальонныхъ командировъ и начальниковъ инвалидныхъ командъ, и за бритье каждого арестанта платилось по 3 коп. сер. изъ суммъ, на содержаніе арестантовъ положенныхъ, такъ что въ большихъ городахъ расходъ на этотъ предметъ простирался до нѣсколькихъ сотъ (въ столицахъ иногда до 800) рублей въ годъ. При такихъ издержкахъ и при обременительности бритья головы для содержащихся подъ стражей оно все-таки не вполне достигало своей цѣли, потому что не предупреждало ни возможныхъ случаевъ оплошности, ни побѣговъ, а только способствовало въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ отысканію бѣжавшихъ. Такимъ образомъ, правительство мало-по-малу убѣждалось въ бесполезности общаго бритья головъ арестантамъ, и въ одно изъ столицъ возбужденъ былъ законодательнымъ порядкомъ вопросъ объ отменѣ этой мѣры, получившей нынѣ разрѣшеніе. Мнѣніемъ государственнаго совѣта, Высочайше утвержденнымъ 10 ноября 1838 года, бритье головы вовсе отменено для содержащихся подъ стражею, и оставлено въ силѣ лишь въ отношеніи къ ссыльнымъ, лишеннымъ всѣхъ правъ состоянія.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Самымъ яркимъ политическимъ явленіемъ въ послѣднее время были безспорно пренія, происходившія въ нижней палатѣ англійскаго парламента по поводу билля о реформѣ. Телеграфъ уже предувѣдомилъ насъ о результатѣ этихъ преній: *поправка* лорда Джона Росселя принята, билль погибъ, министерство разбито, и намѣрено, распустивъ парламентъ, пойти на судъ странъ. Судьба англійскаго кабинета, въ настоящее тревожное время, когда подняты такіе громадные международные вопросы, живо интересовала всю Европу, и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали, чѣмъ кончится дѣло, удержится ли нынѣшнее правительство, или власть перейдетъ въ другія руки, и тогда какой новый оттѣнокъ приметъ политика Англій. Но уже вскорѣ можно было предвидѣть, что исходъ дѣла не будетъ благопріятенъ для правительства: вопросъ состоялъ только въ томъ, пересядетъ ли министерство на сторону оппозиціи, или лордъ Дерби распуститъ парламентъ. Внѣшній интересъ дѣла, вопросъ министерскій, заглушалъ для остальной Европы внутренній интересъ его, вопросъ о реформѣ. Къ тому же не такъ-то и легко было слѣдить за развитіемъ этого внутренняго вопроса. Англійское устройство запечатлѣно, во всѣхъ своихъ подробностяхъ глубочайшею оригинальнію; оно все произошло изъ исторіи, оно не сочинено, не наложено, оно все выросло изъ матеріи земли, и потому невозможно безъ серьезнаго и тщательнаго изученія слѣдить за развитіемъ относящихся къ нему вопросовъ. Пренія, которыя длились семь ночей въ палатѣ общинъ, и изъ которыхъ могъ бы составиться огромный томъ мелкой печати, требуютъ много труда и много времени даже для быстраго прочтенія; въ этихъ рѣчахъ общія идеи тѣсно и неразрывно связаны съ фактическими особенностями дѣла. Въ нихъ нѣтъ тѣхъ общихъ мѣстъ, которыя такъ легки и такъ пріятны для празднаго ума. Но сколько идей, сколько блестящихъ дарованій, сколько зрѣлыхъ политическихъ понятій, болѣе или менѣе широкихъ, болѣе или менѣе одностороннихъ, но всегда почерпнутыхъ изъ глубины жизни и исполненныхъ ея силы, ея характеристической самобытности! Въ этихъ преніяхъ слышались не простыя

слова, но борьба живыхъ силъ, борьба дѣйствительныхъ общественныхъ началъ. Эти семь ночей были семь великихъ битвъ, и если ими не было рѣшено дѣло, то разъяснены были всѣ элементы его, все было сказано въ ту и другую сторону, все поднято и взвѣшено, и теперь остается ожидать лишь того рѣшительнаго мгновѣнія, той благопріятной минуты, когда одинъ творческій актъ соберетъ въ должной мѣрѣ всѣ элементы. Настоящая минута не была для этого благопріятна, и нынѣшнему министерству не удалось найти точку равновѣсія всѣхъ требованій и интересовъ. По прошествіи двадцати семи лѣтъ послѣ первой реформы многое въ Англіи значительно измѣнилось, общество далеко подвинулось впередъ, возникли новыя условія жизни; то, что въ 1832 году было трудно уловить даже мыслию, стало теперь сильною дѣйствительностію, требующею полнаго вниманія. Реформа 1832 года имѣла въ виду средніе классы, и она успѣшно совершила свое дѣло; главное политическое могущество въ странѣ отошло отъ аристократіи и сдѣлалось достояніемъ среднихъ классовъ, которые служатъ посредствующими звеньями между верхними и нижними слоями общественной пирамиды. Теперь требуется дальнѣйшій шагъ на этомъ пути, дальнѣйшее расширеніе политической льготы, и это требованіе носитъ различный характеръ и высказывается съ различными степенями энергіи, начиная отъ требованія всеобщей подачи голосовъ, или такъ называемаго *manhood suffrage*, до самаго умѣреннаго пониженія ценза. На какой ступени въ этой лѣстницѣ требованій слѣдуетъ остановиться, чтобы реформа не исказилась, не утратила своихъ началъ, но въ то же время и дѣйствительно двинулась впередъ, дѣйствительно удовлетворила истиннымъ потребностямъ страны? Какъ найти эту истинную мѣру? Каждый неосторожный шагъ, малѣйшая ошибка въ расчетъ могутъ имѣть несчастливыя послѣдствія и отозваться какими-нибудь неожиданными измѣненіями въ самыхъ высшихъ и благороднѣйшихъ интересахъ страны. Все это многосложное политическое устройство, такъ повидимому запутанное и причудливое, есть порожденіе жизни; эта видимая путаница и кажущаяся случайность есть то же, что и кажущаяся случайность въ явленіяхъ природы, которыя тѣмъ не менѣ такъ удивительно гармонируютъ между собою и въ своемъ повидимому неизслѣдимомъ безпорядкѣ, въ своей повидимому неразрѣшимой запутанности, разнообразно повторяютъ одни и тѣ же вѣчные, простые и непреложные законы. И въ обществѣ всякая перемѣна къ лучшему должна произойти на основаніи этихъ простыхъ законовъ, но не легко прочесть ихъ указанія въ разнообразіи даннаго факта, не легко исполнить эти указанія. Въ этомъ многообразіи элементовъ и ихъ сочетаній, какіе

могутъ быть устранены или измѣнены безъ вреда для цѣлаго, какіе должны быть измѣнены, какіе не могутъ быть измѣнены въ интересъ цѣлаго? Всякая реформа для англійскаго народа есть все то же, что какое-нибудь новое промышленное предпріятіе для богача. Кому нечего терять, тому рискъ ничего не значить: кому нечего проиграть, тотъ можетъ только выиграть. Но положеніе народа, обладающаго самыми громадными богатствами въ мірѣ, самую могущественною цивилизаціею и безпримѣрною свободою въ своемъ общественномъ устройствѣ, естественно усиливаетъ его къ осторожности и мнительности, естественно усиливаетъ стремленія охранительныя. Хорошо было бы произвести то или другое улучшение, хорошо было бы добыть какую-нибудь новую выгоду; но если съ этимъ можетъ быть сопряженъ хотя малѣйшій рискъ, если потребуется какое-нибудь измѣненіе въ существующемъ порядкѣ, то невольно рождается вопросъ, не будетъ ли задѣта какая-нибудь живая вѣтвь органическаго цѣлаго, служащая путемъ живительныхъ соковъ, не утратится ли, не ослабѣетъ ли какое-нибудь начало, котораго бездѣйствіе будетъ послѣ глубоко и горько ощущаться, не внесется ли какой-нибудь новый элементъ, который въ послѣдствіи можетъ губительно возобладать надъ цѣлымъ составомъ. При всякой новой мѣрѣ каждый интересъ общественной жизни подаетъ здѣсь свой голосъ, высказываетъ отъ себя все, что только можетъ высказать, заявляетъ, въ какой степени можетъ быть онъ задѣтъ, и въ какой степени переменна въ его положеніи можетъ отзываться въ цѣломъ устройствѣ.

Въ настоящее время требованія реформы не были повсемѣстны, и даже не были слишкомъ громки. Несмотря на сильную агитацію, которую производилъ г. Брайтъ, страна оставалась совершенно спокойною и довольно равнодушною къ этому вопросу. Это равнодушіе не могло не отразиться на рѣшеніяхъ правительства. Лордъ Дерби и его друзья, принявъ вмѣстѣ съ властію обязательство представить билль о реформѣ, не могли не таготиться этимъ обязательствомъ. Предводительствуя консервативною партіею, опираясь на нее, они по преимуществу должны были чувствовать себя органами свойственныхъ ей стремленій; въ цѣлой странѣ и въ цѣломъ парламентѣ они преимущественно должны были блюсти конституцію, предоставляя другимъ заботиться о необходимыхъ измѣненіяхъ. Равнодушіе страны могло только поощрить ихъ охранительныятенденціи, и министры, соглашая призываніе своей партіи съ обязательствомъ произвести реформу, естественно дали въ своихъ рѣшеніяхъ перевѣсъ первому надъ послѣднимъ. Они приговорили билль, который былъ разчитанъ не столько на то, чтобы двинуть далѣе дѣло реформы, сколько можетъ-быть на то, чтобы при-

остановить ея ходъ или даже измѣнить ея направленіе. Реформа по своему первоначальному направленію должна главнымъ образомъ идти къ тому, чтобы распространить до нѣкоторыхъ предѣловъ избирательную льготу на рабочіе классы; задача состоитъ теперь въ томъ, чтобы усилить въ общемъ представительствѣ страны интересъ рабочихъ классовъ. Новый билль дѣйствительно расширилъ до нѣкоторой степени избирательную льготу, но не въ ту сторону, въ какую ожидалось расширение; новый билль допускаетъ къ парламентскимъ выборамъ до 300.000 новыхъ лицъ, не пользующихся этою льготою, но беретъ ихъ не изъ той среды, которая внесла бы новые элементы въ политическое представительство; онъ распространяетъ кругъ избирателей, но распространяетъ преимущественно въ интересахъ землевладѣльческихъ. По новому биллю значительно прибавилась бы только сила этихъ послѣднихъ элементовъ, а расширение льготы въ смыслѣ интересовъ промышленныхъ и городскихъ, слишкомъ незначительно и исчезаетъ передъ первымъ, такъ что новая реформа была бы въ этомъ смыслѣ уклоненіемъ отъ пути первой реформы. Новый билль изводитъ изъ графствъ, гдѣ господствуютъ землевладѣльческіе интересы, значительное количество независимыхъ элементовъ, которые могли ограничивать тамъ эти интересы, и приобщаетъ эти элементы къ бургамъ, гдѣ напротивъ они могутъ подавать голосъ съ гораздо меньшею независимостію, и гдѣ сверхъ того, они могутъ слѣяться орудіемъ опять тѣхъ же землевладѣльческихъ интересовъ. На первый взглядъ избирательный цензъ значительно пониженъ, но пониженіе собственно касается только графствъ, гдѣ теперь цензъ стоитъ на 50 фунт. стерл., а по новому биллю онъ долженъ упасть до 10 фунт. паровнѣ съ бургами: это по видимому то же самое, что предлагалъ въ прошломъ году г. Локъ-Кингъ, одинъ изъ радикальныхъ членовъ палаты. Но допустивъ такое пониженіе ценза въ графствахъ, министерство приняло мѣры, чтобы это пониженіе не ослабило представительства землевладѣльческихъ интересовъ, а напротивъ послужило бы только къ его усиленію. Билль достигаетъ этого, заставляя многихъ владѣльцевъ, мало заинтересованныхъ поземельною собственностію, живущихъ по городамъ, а потому совершенно независимыхъ отъ вліянія сельскихъ джентльменовъ, подавать голосъ въ бургахъ. По существующему положенію, мелкіе владѣльцы, обозначаемые цифрою 40 шиллинговъ, хотя бы ихъ собственность находилась въ чертѣ бурга, подаютъ свой голосъ съ народонаселеніемъ графства, а не бурга. По новому биллю, наоборотъ, они должны подавать голосъ тамъ, гдѣ лежитъ ихъ собственность, въ бургѣ, а не въ графствѣ. Этимъ съ одной стороны у графствъ отнимается часть самыхъ независимыхъ избирателей, ко-

торые въ бургахъ вовсе не будутъ такъ независимы, потому что тамъ по большей части они живутъ, тамъ нанимаются въ услуженіе, и, разумеется, будутъ подавать голосъ въ ту сторону, въ какую подаютъ ихъ хозяинъ, ихъ *employer*. Съ другой стороны, въ мелкихъ бургахъ окрестные большіе землевладѣльцы, пользуясь этимъ постановленіемъ, могутъ дѣлать сколько угодно мелкихъ *фрмиolders* въ 40 шиллинговъ, которые увеличатъ собою число избирателей въ бургахъ и будутъ подавать голосъ въ указанномъ направленіи. Здѣсь явное уклоненіе отъ реформы 1832 года. Теперешнее положеніе избирательной льготы основано въ графствахъ и бургахъ на различныхъ началахъ: въ графствахъ преимущественно на началѣ собственности, въ бургахъ исключительно на началѣ найма (оссурансу) и мѣстожителства. Но по новому биллю эти основанія приводятся къ одному знаменателю въ обоюродныхъ мѣстностяхъ. Графства и бурги перестаютъ различаться между собою особенностями избирательнаго ценза; тамъ и тутъ выборы должны происходить на основаніи одной и той же квалификаціи. Это устраняетъ нѣкоторыя весьма ощутительныя неудобства въ нынѣшней системѣ, но за то и вноситъ другаго рода неудобства, можетъ-быть еще болѣе существенныя. Эта мѣра отнимаетъ особенную фizioномію какъ у графствъ, такъ и у бурговъ, а главное, разрываетъ тѣ органическія связи, которыя образуются между ними вслѣдствіе самаго различія ихъ. Бурги и графства будутъ находиться другъ подле друга безъ всякаго внутренняго различія, которое оправдывало бы ихъ внѣшнее раздѣленіе. Коль скоро тамъ и тутъ будутъ одни и тѣ же условія для избирательной льготы, коль скоро исчезнетъ это внутреннее различіе, то не будетъ никакого основанія оставаться имъ порознь. Почему тогда бурги, заключающіе въ себѣ сравнительно съ графствами меньшее народонаселеніе, будутъ отдѣляться отъ нихъ и подавать голосъ особю? Не поведетъ ли это къ требованію раздѣлить всю страну, относительно парламентскихъ выборовъ, на участки равныя по числу избирателей, то-есть на такъ-называемыя *электоральные дистрикты*? Возможность такого послѣдствія, хотя бы и отдаленнаго, произвела не благопріятное дѣйствіе на всѣ партіи, не исключая и министерской. Эта статья билля, вносящая однообразіе въ условія избирательной льготы, заставила двухъ министровъ, гг. Вальполя и Генли, выйти въ отставку, вызвала сильныя протесты, какъ со стороны торіевъ, такъ и виговъ, какъ со стороны консерваторовъ, такъ и либераловъ. Мысль объ *электоральныхъ дистриктахъ* могла улыбнуться лишь нѣкоторымъ радикаламъ, джентльменамъ, сидящимъ въ палатѣ *below the gangway*. Какъ проникла эта мысль въ торійскій билль? Кто былъ преимущественно проводникомъ ея? Кромѣ г. Дизраэли, который

сильно защищалъ ее, едва ли не главнымъ виновникомъ этой мысли былъ лордъ Станли, который, несмотря на то, что онъ сынъ графа Дерби и принадлежитъ къ торійскому кабинету, чуть ли не болѣе всѣхъ прочихъ правительственныхъ лицъ, не исключая и виговъ, склоняется къ радикальнымъ отгѣнкамъ.

При первомъ извѣстїи о томъ, что гг. Вальполь и Генли вышли изъ кабинета, можно было подумать, что они послѣдовали въ этомъ случаѣ слишкомъ охранительнымъ тенденціямъ своей партїи; оказывается напротивъ: если бы въ кабинетъ восторжествовало ихъ мнѣніе, и билль о реформѣ былъ составленъ на тѣхъ началахъ, которыя предлагалъ г. Вальполь, то билль этотъ имѣлъ бы гораздо болѣе вѣроятїи успѣха; онъ столько же могъ разчитывать на поддержку виговъ, какъ и торїевъ. Г. Вальполь предлагалъ понизить цѣвъ въ графствахъ до 20 фунтовъ, а въ бургахъ до 6, не отнимая у городскихъ *фримолдеровъ* права подавать голосъ въ графствѣ. Но никакъ нельзя сказать, чтобы въ правительственномъ биллѣ не было ничего, служащаго къ расширенїю льготы въ прямомъ смыслѣ реформы. Онъ вноситъ новое начало, которое до сихъ поръ не достаточно принималось въ разчетъ для избирательной льготы, именно такъ - называемую личную собственность, (*personal property*); въ противоположность собственности вещественной (*real property*), состоящей въ землѣ и домахъ, между тѣмъ какъ личная собственность состоитъ въ деньгахъ, въ обладанїи акціями, фондами, и книжками сберегательныхъ кассъ. Билль предоставляетъ право избирательнаго голоса всякому, кто имѣетъ до 60 фунтовъ въ сберегательныхъ кассахъ или до 10 фунтовъ процента съ государственныхъ фондовъ, съ остъ-индскихъ и нѣкоторыхъ другихъ акцій. Принципъ очень хорошъ, но примѣненїе его въ биллѣ бесплодно для рабочихъ классовъ, не потому только, чтобы между рабочими мало было людей, обладающихъ этими суммами, а главное потому, что рѣдкіе люди изъ рабочихъ классовъ будутъ употреблять свои маленькіе капиталы такимъ образомъ, какъ поставлено въ биллѣ. Кто изъ рабочихъ скопилъ себѣ 60 фунтовъ, тотъ постарается помѣстить эти деньги какъ можно болѣе производительнымъ образомъ. Въ Англіи распространяется теперь обычай принимать рабочихъ пайщиками въ фабричныя предпрїятїя. Рабочій, внося свои сбереженія въ капиталъ фабрики, гдѣ онъ самъ же и работаетъ, можетъ разчитывать на гораздо болѣшїй приростъ, чѣмъ тотъ скудный процентъ, который можетъ ему давать сберегательная касса. Въ банкъ сбереженій (*savings bank*) всякій кладетъ деньги только на храненїе, а не на приростъ. Какъ только откроется возможность выгодно помѣстить эти деньги, всякій поспѣшитъ взять ихъ изъ банка, а вынудивъ изъ банка деньги, рабочій потеряетъ право голоса на выборахъ, и слѣдовательно

чтобъ удержатъ за собою голосъ, онъ долженъ обречь свои 60 фунтовъ на почти-безплодное лежанье въ банкѣ, онъ долженъ какъ бы отказаться отъ пользованія ими. Г. Брайтъ на митингѣ въ Бермингамѣ замѣтилъ, что человекъ, пользующійся избирательною льготою на основаніи 60 фунтовъ въ сберегательной кассѣ, потеряетъ эту льготу, если вздумавъ наприимѣръ жениться: онъ возьметъ отсюда эти деньги, чтобъ обзавестись хозяйствомъ; новое положеніе сдѣлаетъ его еще болѣе надежнымъ гражданиномъ, а онъ однако утратитъ свое политическое право. Лордъ Станли съ своей стороны справедливо замѣтилъ, что и землевладелецъ можетъ очутиться въ такомъ же положеніи; онъ можетъ также, изъ самыхъ лучшихъ видовъ, продать свою собственность и утратить право голоса. Но тѣмъ не менѣе едва ли возможно, съ цѣлью расширить льготу, постановлять условіемъ такое безплодное употребленіе собственности, какъ помѣщеніе денегъ въ сберегательной кассѣ. Что же касается до 10 $\phi.$ дохода съ фондовъ, то этотъ процентъ предполагаетъ уже слишкомъ значительный капиталъ, около 300 $\phi.$ или около 2000 р. с., которыя, если бы и собралъ рабочій человекъ, то постарался бы прискаты для нихъ какое-нибудь болѣе выгодное помѣщеніе.

Впрочемъ мы не намѣрены теперь пускаться въ подробности билля. Мы отлагаемъ обзоръ этихъ громадныхъ преній до другаго раза, и для того, чтобы читателямъ нашимъ могли быть понятны подробности этихъ преній, мы предварительно предложимъ нѣкоторыя необходимыя свѣдѣнія. Тѣмъ болѣе считаемъ нужнымъ это сдѣлать, что въ краткомъ изложеніи новаго билля, которое было представлено нашимъ читателямъ въ предыдущей книжкѣ *Русскаго Вѣстника* (въ *Политическомъ Обзорѣ* за чертою), вкрались нѣкоторыя погрѣшности, происшедшія оттого, что писавшій не имѣлъ еще тогда передъ собою англійскаго текста билля. Теперь же мы ограничимся министерскою стороною вопроса. Когда, 1-го марта, г. Дизраэли внесъ впервые билль, можно было уже предвидѣть, какое сильное сопротивленіе встрѣтитъ онъ въ палатѣ. Правительство старалось по возможности приладить свой билль къ требованіямъ всѣхъ партій, но ему не удалось удовлетворить ни одной, а напротивъ, билль во всѣхъ партіяхъ возбуждиль рѣшительное неудовольствіе. Ни одна партія, даже министерская, какъ сказали мы выше, не могла бы согласиться принять билль вполнѣ и безъ всякихъ измѣненій. Правительство отчасти и разчитывало на это. Оно хотѣло удержать свой консервативный характеръ; люди, составляющіе теперь правительство, вовсе не поборники реформы; за исключеніемъ, можетъ-быть, одного лорда Станли, всѣ прочіе мало видятъ надобности въ измѣненіи существующаго положенія; въ ихъ глазахъ

нѣкоторые замѣненія къ лучшему не уравниваютъ тѣхъ затрудненій, тѣхъ неудобствъ, которыя могутъ произойти вслѣдствіе всякой реформы. Вотъ почему они замыслили такой билль, который показалъ бы только, что правительство не уклонилось отъ своего обязательства, что оно не уклонилось поднять вопросъ. Оно желало только, чтобы палата допустила билль ко второму чтенію, то-есть приняла его въ принципъ, а затѣмъ правительство готово было подвергнуть его тѣмъ измѣненіямъ, которыя палата нашла бы необходимымъ внести въ него при комитетскомъ обсужденіи. Какъ видно изъ преній, правительство готово было уступить въ комитетъ многіе спорные пункты, и такимъ образомъ билль, можетъ-быть, сталъ бы дѣйствительнымъ биллемъ реформы, хотя бы и слишкомъ умѣренной; но все то, что было бы въ немъ дѣйствительною реформою не лежало бы на отвѣтственности правительства, а было бы дѣломъ цѣлой палаты. Казалось даже, что такимъ путемъ всего удобнѣе было раздѣлаться съ этимъ горячимъ и труднымъ вопросомъ. Нынѣшнее правительство отличается примирительнымъ и уступчивымъ характеромъ, оно легче всякаго другаго могло бы пойти на соглашенія. Нѣкоторые изъ парламентскихъ вождей, а особенно лордъ Пальмерстонъ, были бы даже очень рады, еслибы нынѣшнему министерству удалось провести билль о реформѣ; этимъ оно очистило бы поприще для будущаго кабинета, потому что никакому кабинету нѣтъ особенной охоты брать на себя отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ. Но не такъ думалъ старый реформеръ, вождь виговъ — лордъ Джонъ Россель. Онъ воспользовался тѣми недостатками билля, которые кололи глаза всѣмъ, онъ рѣшился ухватиться за нихъ и не допустить билля до втораго чтенія; онъ не могъ вытерпѣть, чтобы дѣло реформы, которое, казалось, было завѣщено ему, чтобы билль о парламентской реформѣ, который дважды уже пытался онъ вносить въ палату, когда былъ во главѣ правительства, чтобы это дѣло совершенно было руками его противниковъ, чтобы съ биллемъ реформы навсегда соединилось имя торіевъ. Онъ былъ заранѣе увѣренъ, что министерство предложить билль недостаточный и слабый, онъ зналъ, что ему не представится удобнѣйшаго случая свергнуть кабинетъ Дерби, и снова поднять поникшее знамя виговъ. Вопросъ о реформѣ, вырванный изъ рукъ противниковъ, долженъ былъ, казалось, перейти прямо въ его руки, вмѣстѣ съ правительственною властію. Кому, какъ не лорду Джону пришлось бы заняться составленіемъ кабинета, когда бы пало министерство Дерби, разбитое на билль о реформѣ? Лордъ Джонъ Россель объявилъ, что какъ скоро канцлеръ казначейства двинетъ билль для втораго чтенія, онъ, съ своей стороны предложитъ *попросить* предложеніе канцлера казначейства. Полнимъ

это напнимъ читателямъ. Движеніе всякаго билля совершается въ палатѣ слѣдующимъ образомъ: сначала испрашивается разрѣшеніе палаты внести билль, билль кладется на столъ палаты, читается въ первый разъ, и происходятъ первыя пренія, еще не рѣшающія судьбы билля. Ко второму чтенію билль допускается вслѣдствіе новаго предложенія со стороны правительства, или члена, внесшаго билль. Происходящія при этомъ пренія рѣшаютъ судьбу билля въ его принципѣ; за тѣмъ остается третье чтеніе, для котораго палата превращается въ комитетъ, гдѣ обсуждаются отдѣльныя части и подробности билля. Но предложеніе о второмъ чтеніи можетъ встрѣтить сопротивленіе, которое выражается въ видѣ *поправки* (amendment). Предложеніе, сдѣланное 20 марта канцлеромъ казначейства, состояло въ слѣдующемъ: «что билль о народномъ представительствѣ будетъ читанъ *нынѣ* во второй разъ». Сущность этого предложенія заключается въ словѣ *нынѣ*, такъ что если бы это предложеніе было отвергнуто, то слѣдствіемъ было бы только то, что чтеніе не могло бы совершиться въ этотъ день, но правительству оставалась бы еще возможность возобновить это предложеніе послѣ, въ другой какой-нибудь день. Вотъ почему въ парламентской тактикѣ рѣдко употребляется прямой способъ отверженія билля. Противники билля прибѣгаютъ къ другому, не столь прямому, но гораздо болѣе дѣйствительному способу, предлагая, чтобы второе чтеніе билля было произведено черезъ шесть мѣсяцевъ, то-есть тогда, когда парламентъ уже не заседаетъ. Это значитъ вовсе отвергнуть билль. Лордъ Джонъ Россель не хотѣлъ, чтобы билль былъ отвергнутъ вовсе. Протестуя противъ его принципа, онъ находилъ въ биллѣ подробности, съ которыми онъ вполне согласенъ и которымъ желалъ полного успѣха, а потому онъ избралъ другой употребляемый въ этихъ случаяхъ путь. Онъ заявилъ, что когда канцлеръ казначейства предложитъ второе чтеніе своего билля, онъ потребуетъ съ своей стороны, чтобы текстъ этого предложенія былъ измѣненъ. Въ предложеніи канцлера казначейства, имѣющемъ слѣдующій видъ: «что билль о народномъ представительствѣ будетъ нынѣ читанъ во второй разъ» лордъ Джонъ Россель предложилъ выпустить всѣ слова, которыя слѣдуютъ послѣ частицы *что*, и на мѣсто ихъ внести составленную имъ резолюцію. Резолюція лорда Джона Росселя состояла въ слѣдующемъ: «что палата полагаетъ, что не согласно ни съ справедливостію, ни съ политическими требованіями поступить такимъ образомъ, какъ предлагаетъ этотъ билль, съ избирательною льготою, какою пользовались до сихъ поръ *фригальдеры* въ Англіи и въ Валлисѣ, и что никакое постановленіе объ избирательной льготѣ не удовлетворитъ ни эту палату, ни цѣ-

люю страну, если не распространить права подачи голосовъ въ городахъ и бургахъ далѣ чѣмъ задумано въ предложенномъ биллѣ».

Наканунѣ того же засѣданія, когда было сдѣлано это роковое предложеніе, г. Робакъ убѣждалъ лорда Джона Росселя и г. Дизраэли согласиться между собою, и поступить съ биллемъ о реформѣ такъ, какъ въ прошломъ году было поступлено съ индійскимъ биллемъ. Г. Робакъ, согласно съ большинствомъ палаты, находилъ билль, въ томъ видѣ какъ онъ предложенъ, невозможнымъ; но онъ не желалъ, чтобы правительство потерпѣло поражение, онъ никакъ не желалъ, чтобы власть досталась лорду Джону Росселю, или, что еще хуже, лорду Пальмерстону. Онъ убѣждалъ лорда Джона Росселя не вносить *поправки*, а г. Дизраэли убѣждалъ взять назадъ билль, разбить его на отдѣльныя резолюціи и, по обсужденіи ихъ палатою, внести новый билль, составленный на ихъ основаніи.

«Какой, говорилъ онъ, будетъ результатъ, если благородный лордъ настоятъ на своемъ предложеніи? Предложеніе это можетъ пройти только въ случаѣ союза между благороднымъ лордомъ и тѣми достопочтенными джентльменами, которые сидятъ теперь на скамьяхъ оппозиціи. Палата пересадилъ сюда этихъ достопочтенныхъ джентльменовъ, а теперь предлагаютъ намъ сдѣлать то, что снова водворить ихъ на прежнихъ мѣстахъ... Я спрашиваю почтенныхъ джентльменовъ, я спрашиваю страну, готовы ли они въ это время, когда въ Европѣ дѣла приняли такой грозный видъ, готовы ли они снова отдать судьбы этой страны въ руки тѣхъ, у кого отняли ихъ въ прошедшемъ году? Всякое разстройство въ правительствѣ Англіи въ эту минуту можетъ повести къ страшнымъ бѣдствіямъ въ Европѣ. Распущеніе палаты общинъ можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ европейскую войну. Европа мало знаетъ, мало понимаетъ Англію. Распущеніе парламента заставитъ ее подумать, что у насъ разстроились всѣ партіи, что мы всѣ разбились на малыя группы, и что нѣтъ силы въ англійскомъ общественномъ мнѣніи. Теперь лишь одно общественное мнѣніе Англіи хранить миръ Европы, но какъ скоро Европа утратитъ вѣру въ силу общественного мнѣнія Англіи, завтра же наступитъ въ Европѣ страшное сматеніе, завтра же польется кровъ въ Европѣ. Повинуясь этимъ гнетущимъ меня соображеніямъ, я прошу благороднаго лорда не слѣдовать принятому имъ пути. Теперь на плечахъ его лежатъ судьбы этой страны...»

Но лордъ Джонъ Россель не внялъ этимъ увѣщаніямъ. Онъ высказалъ напротивъ, что именно въ такое-то тревожное время и не слѣдуетъ оставлять иностранную политику въ слабыхъ, по его мнѣнію, рукахъ лорда Мальмсбери. Да и г. Дизраэли никакъ не

рѣшился бы пойти тѣмъ путемъ, какой указывалъ правительству г. Робакъ.

Итакъ 21 числа начался этотъ рядъ парламентскихъ битвъ, который продолжался до 1 апрѣля. Правительство съ самаго начала, въ лицѣ лорда Станли, объявило, что оно принимаетъ этотъ вопросъ, какъ вопросъ министерскій. Напрасно члены различныхъ отбѣнокъ, напрасно оппозиція, и лордъ Пальмерстонъ во главѣ ея, убѣждали министерство не придавать такого значенія этому дѣлу, и, въ случаѣ, если будетъ принята резолюція лорда Джона Росселя, не оставлять министерской скамьи или не распускать парламента, а составить новый билль согласно съ рѣшеніемъ палаты. Министерство, съ своей стороны, давало знать, что оно пойдетъ на всѣ уступки въ комитетѣ, но что оно не можетъ, не теряя своего достоинства, ни взять назадъ билля, ни заранѣе обязаться произвести тѣ или другія измѣненія въ комитетѣ. Въ последнемъ засѣданіи 1 апрѣля, о которомъ мы еще не получили подробнаго отчета въ англійскихъ журналахъ, г. Робакъ въ послѣдній разъ убѣждалъ правительство обязаться заранѣе внести въ билль тѣ перемѣны, какихъ потребуетъ палата въ комитетскихъ засѣданіяхъ, какъ-то: пониженіе избирательнаго ценза въ бургахъ до 6 фунтовъ, и предоставленіе *фригольдерамъ* бурговъ права подавать попрежнему голосъ въ графствахъ. Г. Дизраэли былъ непреклоненъ, онъ объявилъ, что правительство будетъ готово ко всѣмъ возможнымъ уступкамъ, но что никакихъ опредѣленныхъ обязательствъ принять на себя не можетъ. Послѣ этой рѣшительной рѣчи канцлера казначейства, нельзя уже было сомнѣваться въ результатѣ раздѣленія голосовъ. Резолюція лорда Джона Росселя была принята большинствомъ 39 голосовъ. Палата была почти въ полномъ сборѣ; всѣхъ членовъ было на лицо 620 человекъ. Это было генеральное сраженіе, и министерство потерпѣло поражение, послѣ котораго ему остается или выйти въ отставку, или распустить парламентъ. Г. Дизраэли объявилъ, что правительство беретъ себѣ нѣсколько дней сроку для того, чтобы принять окончательное рѣшеніе. Телеграфъ, какъ уже сказано, извѣстилъ насъ, что послѣ многихъ совѣщаній, и съ согласія королевы, лордъ Дерби рѣшается распустить парламентъ, но послѣднія, полученные нами извѣстія, прибавляютъ, что королева, давая свое согласіе, изъявила желаніе, чтобы правительство попробовало еще разъ объясниться съ палатой и предложило бы ей изъяснить правительству свое довѣріе или недовѣріе.

Лорда Джона Росселя сильно упрекали и теперь еще упрекаютъ за его поступокъ, который имѣлъ такія важныя послѣдствія. Въ этомъ поступкѣ видятъ духъ партій и личное честолюбіе. Дѣйствительно, лордъ Джонъ Россель славится своимъ тактиче-

скимъ искусствомъ; онъ не такой человекъ, чтобы не воспользоваться случаемъ сбить съ ногъ своихъ противниковъ и выхватить власть изъ ихъ рукъ. Онъ былъ увѣренъ въ успѣхъ своей резолюціи, и было бы странно думать, чтобы этотъ парламентскій боецъ отказался отъ случая возстановить свое значеніе и послѣ долгаго удаленія отъ власти возвратиться къ ней въ качествѣ перваго министра. Но оставляя въ сторонѣ личные свойства и личные побужденія лорда Джона, самый принципъ борьбы партій имѣетъ великое политическое значеніе. Правительство сознаетъ, что оно есть только одна сторона, что противъ него есть другая сторона, которая сама была уже или будетъ правительствомъ. Обѣ партіи сторожатъ зорко другъ за другомъ и не спускаютъ другъ другу никакой оплошности, никакой ошибки, никакого ложнаго шага. Палата рѣшаетъ споръ между ними, и всѣ усилія борющихся партій направлены къ тому, чтобы овладѣть мнѣніемъ палаты, и что еще важнѣе, овладѣть главнымъ источникомъ силы—общественнымъ мнѣніемъ за дверьми палаты. Никакія битвы, хотя бы и воспѣтыя Гомеромъ, не могутъ имѣть такого великаго интереса, не могутъ производить такого благороднаго впечатлѣнія, какъ эта колоссальная борьба ума съ умомъ передъ лицомъ всего міра.

Здѣсь ватискъ пламенный, а тамъ отпоръ суровый,
Пружины смѣлыя гражданственности новой.

Общественное мнѣніе въ Англій слѣдило за преніями съ непрерывно возрастающимъ участіемъ и волненіемъ. Журналы рукоплескали бойцамъ, или произносили строгій судъ надъ ними, и особенно строгимъ судьей былъ постоянно самый вліятельный органъ англійскаго общественнаго мнѣнія, *Times*. Журналъ этотъ не становится ни на ту, ни на другую сторону; онъ имѣетъ свой особенный взглядъ на реформу; онъ не поддерживалъ ни министерскаго билля, ни резолюціи лорда Джона Россела. Онъ, впрочемъ, былъ заранѣе увѣренъ въ пораженіи министерства. Во все продолженіе преній былъ онъ не только строгимъ судьей, но и рѣзкимъ, беспощаднымъ порицателемъ. Тѣмъ не менѣе, на канунъ рѣшительнаго дня, вотъ что было сказано въ этомъ журналѣ объ общемъ характерѣ преній:

«Замѣчательное отличіе этихъ великихъ преній состоитъ въ томъ, что несмотря на свою необыкновенную продолжительность, несмотря на то, что предметъ этихъ преній не возбуждалъ непосредственно никакого энтузіазма, интересъ ихъ поддерживался во всей своей жизненности отъ самаго начала до послѣдняго часа. Нельзя приписать это особому свойству вопроса, который подлежалъ разсмотрѣнію палаты. При всемъ глубокомъ значеніи

этого вопроса, никто не предполагалъ, чтобъ эти пренія могли повести насъ къ тѣмъ громаднымъ, потрясающимъ переменамъ въ политической системѣ, какими сопровождались пренія о томъ же предметѣ въ 1832 году. Только развѣ г. Брайтъ и его друзья имѣютъ въ своихъ мысляхъ такого рода переменны, и они не скрываютъ своего мнѣнія, что перемены эти необходимо произойдутъ, по крайней мѣрѣ лѣтъ черезъ пять времени. Всѣ прочія партіи повидимому согласны въ томъ, что хотя парламентская реформа можетъ быть произведена весьма полезнымъ образомъ и должна быть скоро произведена теперь, когда вопросъ окончательно установился, тѣмъ не менѣе однако ни въ представительствѣ народа, ни въ правительственной системѣ нѣтъ никакихъ губительныхъ злоупотребленій. Если распределение парламентскихъ мѣстъ между различными избирательными пунктами такъ неравномѣрно и не соотвѣтственно, что не можетъ обойтись безъ преобразования, то никто не скажетъ, чтобы палата общинъ, въ своемъ нынѣшнемъ составѣ, не была превосходнымъ и вѣрнымъ рефлекторомъ истиннаго общественнаго мнѣнія. Итакъ, если не предвидится никакихъ удивительныхъ переворотовъ въ нашей системѣ, если никакое глубокое чувство не было затронуто предметомъ этихъ преній, то чему же должны мы приписать то всеобщее участіе, которое, безъ сомнѣнія, сопровождало эти продолжительныя пренія? Частію, конечно, должны мы приписать это ихъ критическому значенію относительно положенія министерства; частію неизвѣстности, висящей надъ результатомъ раздѣленія голосовъ; но болѣе всего, какъ мы увѣрены, участіе это возбуждено общимъ превосходствомъ произнесенныхъ рѣчей, и силѣ, съ которою ведены были пренія. Давно уже не было преній столь поучительныхъ или столь плодотворныхъ, и можно даже полагать, что самыя аномаліи этого парламентскаго дѣла много способствовали такому замѣчательному результату. Въ то время, какъ консерваторы находились въ положеніи реформеровъ, а реформеры въ положеніи консерваторовъ, каждая партія должна была опираться на преданія и аргументы своихъ противниковъ, и слѣдствіемъ этого были поразительныя для наблюдателя гармонія и умѣренность. Сверхъ того, такъ какъ каждый говорившій держалъ въ умѣ гораздо больше, чѣмъ сколько заключалось въ предложенной резолюціи, то необходимымъ слѣдствіемъ этого было то, что рѣчи имѣли характеръ болѣе общихъ разсужденій или дискурсивнаго изложенія. Къ концу, передъ нами открылось великое публичное обсужденіе устройства англійскаго парламента, которое ведено было нѣкоторыми изъ самыхъ блистательныхъ умовъ и ораторовъ, существующихъ нынѣ въ Европѣ. »

Международныя отношенія нѣсколько разъяснились въ послѣднее время, — по крайней мѣрѣ государства условились между собою въ той формѣ, которая принята ими для рѣшенія возникших недоразумѣній, споровъ и притязаній: 30-го апрѣля долженъ открыться конгрессъ, и главныя государства почти согласились уже на его предварительную программу.

На этотъ поворотъ итальянскаго вопроса указывала уже отчасти переменна, которую всѣ замѣчали въ политическомъ барометрѣ Франціи, въ теченіи послѣдняго мѣсяца; уже нѣсколько недѣль онъ показывалъ «переменную погоду». Главные антагонисты все еще стоятъ на перекресткѣ между миромъ и войною, но больше надеждъ на то, что они поворотятъ на мирную дорогу. Извѣстіе о конгрессѣ застало ихъ въ разгарѣ военныхъ приготовленій: австрійскіе инженеры начали уже подводить мины подъ мостъ въ Буфалоро, находящійся на границѣ; piemontская армія, усиленная волонтерами изъ всѣхъ частей Италіи, получила характеръ общенациональной дружины, готовой защищать національное дѣло. Нуженъ былъ только сигналъ для войны, — и вмѣсто того всѣ заговорили о мирѣ. Военные клики сдѣлались уже нѣсколько запоздалыми и стали выслушиваться безъ вниманія. Въ этихъ кликахъ есть всегда много самоувѣреннаго, возбужденнаго, юношески-опрометчиваго; общество можетъ сочувствовать имъ только въ томъ случаѣ, когда само находится въ возбужденномъ состояніи; но едва только оно успокоится хотя немного, для него становятся непонятны всѣ выраженія самонадѣянности и ненужной отваги. Поэтому мы не станемъ повторять теперь читателямъ всего, что было сказано въ послѣднія двѣ недѣли австрійскими большими и малыми журналами. Все это поэзія страннаго тона, которая не въ состояніи возбудить восторгъ, и которая блѣднѣетъ передъ спокойнымъ голосомъ, говорящимъ о прочномъ дѣлѣ умиротворенія народовъ: съ послѣднимъ соединена возможность внутреннихъ реформъ, столь необходимыхъ для всѣхъ государствъ Европы.

Обстоятельства значительно измѣнились. Вмѣсто извѣстій о томъ, какой австрійскій батальонъ подвинулся на два или на три марша, какой французскій корабль прибылъ для нагрузки войскъ, сколько отлито новыхъ пушекъ, какой генералъ назначенъ къ такому-то отряду, какой ганноверскій или виртембергскій депутатъ сказалъ воинственную рѣчь, сколько лошадей куплено для такой-то арміи, — вмѣсто всѣхъ этихъ извѣстій, иностранныя журналы заняты теперь почти исключительно вопросомъ о конгрессѣ. Всѣ пытаются угадать вѣрнѣе другихъ, гдѣ соберется конгрессъ, кто будетъ участвовать въ немъ, и о чемъ будутъ разсуждать уполномоченные.

Конечно, географическая сторона конгресса является второсте-

ненно; но и здѣсь почти каждый журналъ, основываясь «на самыхъ вѣрныхъ источникахъ», назначаетъ особый городъ. Сначала говорили о Берлинѣ, потомъ о Лондонѣ, далѣе о Женевѣ, Брюсселѣ, Ахенѣ, наконецъ теперь говорятъ о Баденъ-Баденѣ или Мангеймѣ, вѣроятно вслѣдствіе ихъ пріятнаго климата. Само собою разумѣется, что всѣ эти географическія передвиженія нисколько не измѣняютъ сущности вопроса; дѣло только въ томъ, чтобы конгрессъ не собрался ни въ Парижѣ, ни въ Вѣнѣ. Послѣдній городъ случайно игралъ нѣсколько разъ роль дипломатическаго центра; императоръ Наполеонъ III успѣлъ отнять у него эту привилегію, такъ сильно напоминающую объ эпохѣ 1815 года; другія государства, конечно, не захотятъ возвратиться ни къ этимъ воспоминаніямъ, ни къ тому мѣсту, съ которымъ они связаны; у cadaго съ мыслью о Вѣнѣ соединено представленіе о дипломатическихъ недочетахъ, которыми такъ ловко умѣла воспользоваться Австрія. Открытіе конгресса во всякомъ другомъ городѣ будетъ привѣтствовано съ радостью всѣми народами, которыхъ сношенія такъ сильно страдаютъ отъ продолжительнаго «вооруженнаго мира».

По всѣмъ признакамъ видно, что первое рѣшительное предложеніе о созваніи конгресса сдѣлано Россіей; *Мониторъ* объявилъ объ этомъ прямо и прибавилъ, что Россіи принадлежитъ инициатива въ великомъ дѣлѣ цивилизаціи и мира; нѣкоторые нѣмецкіе журналы видятъ мотивъ конгресса въ желаніи Россіи отомстить Австріи и потребовать ее на судъ Европы; *Morning Post* упрекаетъ министерство Дербі въ томъ, что оно уступило Россіи честь первой мысли о конгрессѣ и не сдѣлало само этого предложенія; наконецъ *Times* говоритъ, что конгрессъ явился результатомъ посольства лорда Коули и слѣдовательно вызванъ Англіею.

Но всѣ сомнѣнія по этому вопросу устранены отвѣтомъ графа Мальмсбери на запросъ лорда Кларендона въ засѣданіи палаты лордовъ 28 марта. Рѣчь англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ представляетъ, такъ сказать, всю исторію зарожденія конгресса и отношеніе къ нему посольства лорда Коули:

«Вы помните, милорды, что въ концѣ прошлаго мѣсяца лордъ Коули отправился въ Вѣну. Находясь еще въ Парижѣ, онъ получилъ полное согласіе и одобреніе своему посольству со стороны французскаго правительства, и онъ покинулъ Парижъ, вполне знакомый съ идеями и видами этого правительства относительно такъ-называемаго италіянскаго вопроса. Лордъ Коули отправился въ Вѣну безо всякихъ официальныхъ инструкцій. Ему предстояло узнать, въ какихъ пунктахъ австрійское правительство согласно съ французскимъ, и нельзя ли, посредствомъ добрыхъ услугъ со

стороны Англіи, возстановить отношенія между Австрією и Францією, которыя, къ сожалѣнію, находились въ критическомъ положеніи. Прибывши въ Вѣну, онъ дѣйствовалъ тамъ съ искусствомъ и тактомъ, которые онъ обнаруживалъ во всякомъ посольствѣ, порученномъ ему. Онъ увидѣлъ, что по нѣкоторымъ пунктамъ англійское посредничество могло согласить правительства французское и австрійское; по другимъ пунктамъ графъ Буоль объявилъ, что онъ готовъ войти въ сношенія съ правительствами Англіи и Франціи въ видахъ устраненія опасностей, грозившихъ Итали и Европѣ, и въ видахъ возстановленія мира. Исполняши такимъ образомъ свое чрезвычайно полезное и плодотворное посольство, лордъ Коули возвратился въ Парижъ. По прибытіи туда, 16 марта, онъ узналъ, что, въ его отсутствіе, правительства французское и русское вошли между собою въ соглашеніе, и что, съ согласія Франціи, Россія намѣрена предложить пяти главнымъ державамъ Европы конгрессъ для разсмотрѣнія и рѣшенія возникшихъ вопросовъ. Правительство ея величества получило 18 марта оиціальное извѣщеніе россійскаго посланника о намѣреніи Россіи, и на слѣдующій же день отвѣчало въ Петербургъ о своей готовности принять предложеніе Россіи, съ нѣкоторыми условіями, которыя тогда же были указаны. Слѣдовательно мы предупредили оиціальное предложеніе, которое было сдѣлано потомъ Россією. Баронъ Бруновъ извѣстилъ меня 23 марта, что Россія сдѣлала это предложеніе пяти главнымъ державамъ, и что она приняла условія, сдѣланныя правительствомъ королевы. Послѣ этого каждое изъ пяти государствъ изъявило свое согласіе на конгрессъ.»

Слово о конгрессѣ было встрѣчено единодушнымъ сочувствіемъ. Общественное мнѣніе Европы высказалось рѣшительно въ пользу мира и увидѣло въ конгрессѣ единственно возможный исходъ изъ того напряженнаго состоянія, въ которомъ находятся обѣ враждующія стороны; только австрійскія газеты съ крайнимъ недовѣріемъ смотрятъ на созваніе конгресса и въ своемъ воинственномъ азартѣ видятъ въ немъ только проволочку, которая не дозволяетъ Австрійцамъ немедленно доказать свою храбрость и силу. Всѣ правительства главныхъ державъ приняли безусловно предложеніе о конгрессѣ; одна только Австрія, которая въ послѣдніе годы постоянно отличалась печальною самостоятельностью мнѣній, поставила условіемъ, чтобы при этомъ принять былъ въ основаніе протоколъ, подписанный въ Ахенѣ, 15-го ноября 1818 года.

Въ этомъ протоколѣ, въ статьѣ 4-й, читаемъ слѣдующее: «Если государства, подписавшія настоящій актъ, признаютъ необходимыми собранія самихъ монарховъ или ихъ уполномоченныхъ, для разсужденія о дѣлахъ общаго интереса, по скольку они от-

носятся къ предмету ихъ теперешнихъ переговоровъ, то время и мѣсто совѣщаній будетъ каждый разъ опредѣлено предварительно; въ случаѣ, если на подобныхъ собраніяхъ будутъ рѣшаться вопросы, тѣсно связанные съ интересами другихъ державъ Европы, эти собранія могутъ имѣть мѣсто только по формальной просьбѣ государствъ, которыхъ касаются сказанные вопросы; при чемъ полагается необходимымъ условіемъ, что эти послѣднія государства получаютъ право участія въ конгрессѣ.»

Какъ видно, Австрія имѣла въ виду это послѣднее условіе: дѣло идетъ о пересмотрѣ трактатовъ ея съ итальянскими государствами, слѣдовательно на конгрессъ необходимо призвать уполномоченныхъ Неаполя, Тосканы и Модены; большинство будетъ на сторонѣ Австріи.

Но дѣйствительно ли необходимо участіе всѣхъ исчисленныхъ государствъ въ предстоящемъ конгрессѣ? Не достаточно ли для рѣшенія вопроса собранія уполномоченныхъ отъ главныхъ державъ Европы?

Вопервыхъ, протоколъ ахенскій, вопреки толкованію Австріи, не можетъ служить прямымъ основаніемъ необходимости составить конгрессъ изъ всѣхъ государствъ, причастныхъ дѣлу конгресса. Въ приведенной нами статьѣ прямо сказано, что она относится къ вопросамъ, рѣшавшимся въ Ахенѣ, — *en tant qu'ils (intérêts) se rapportent à l'objet de leurs délibérations actuelles*; основанія же тогдашнихъ переговоровъ формулированы такимъ образомъ: консервативныя начала, на которыхъ зиждется существующій порядокъ въ Европѣ, Парижскій трактатъ 1814 года и Вѣнскій конгрессъ 1815 года. Въ настоящее время едва ли эти основанія имѣютъ безусловную силу: въ Италіи нужно болѣе создавать новое, чѣмъ сохранять существующее теперь устройство. Правда, слышатся мнѣнія о необходимости поддержать актъ Вѣнскаго конгресса; но такая необходимость ограничивается вопросомъ территоріальнымъ, то-есть въ настоящемъ случаѣ относится къ владѣнію Ломбардіей и Венеціей. Но этимъ задача будущаго конгресса далеко не исчерпывается. Дѣло идетъ о лучшемъ устройствѣ Италіи, объ условіяхъ ея развитія; цѣль конгресса— уничтожить всѣ затрудненія, которыя вызваны послѣдними событіями на полуостровѣ. «Недавніе поступки Франціи и Сардиніи вовсе не такого рода, чтобъ ими обезпечивалась лучшая судьба Италіи, говоритъ *Times*; но мы надѣемся, что теперь, когда судьба этихъ несчастныхъ государствъ передана въ руки всей Европы, главные державы, преимущественно Англія и Пруссія, возвысятъ свой голосъ во имя человеколюбія и разумнаго правительства.» Конгрессъ можетъ дѣйствовать для этой цѣли отрицательно, уничтоживъ трактаты Австріи съ небольшими итальянскими государ-

ствами, и положительно, сдѣлавъ правительствамъ Италіи представленіе о необходимости извѣстныхъ реформъ. Вопросъ идетъ о невмѣшательствѣ одного государства во внутреннія дѣла другихъ державъ, и о коллективномъ вмѣшательствѣ въ эти дѣла со стороны всего международнаго союза, въ лицѣ главныхъ его представителей.

Если мы обратимся къ исторіи дипломатіи, то увидимъ, что всѣ международные вопросы рѣшались только главными державами, представляющими интересы всей Европы. Международное право признаетъ своимъ основаніемъ юридическое равенство всѣхъ государствъ, но не считаетъ необходимымъ одинаковое участіе всѣхъ въ рѣшеніи международныхъ вопросовъ. Одинъ писатель говоритъ по этому случаю: «Всегда будетъ противно природѣ вещей, чтобы великое и могущественное государство не имѣло болѣе вліянія и болѣе вѣса въ исторіи, чѣмъ государство слабое; оно не можетъ довольствоваться одинаковымъ съ другимъ вліаніемъ, если не хочетъ отказаться отъ самого себя и уничтожить себя нравственно. Даже въ такомъ союзѣ, какъ Германскій, представляющемъ только одинъ народъ, котораго интересы въ сущности одинаковы, даже здѣсь во всѣхъ важныхъ дѣлахъ преобладаютъ и должны преобладать только самыя сильныя государства; можетъ ли быть иначе въ союзѣ, обнимающемъ многія народности, которыя столь различны въ своихъ цѣляхъ и стремленіяхъ, въ своихъ учрежденіяхъ и нравахъ, во всей своей жизни? Въ политическомъ быту признано, что изъ неравенства самостоятельныхъ силъ вытекаетъ сознаніе и приложеніе права, но только подъ условіемъ, чтобы народы слѣдовали своему развитію при самой полной нравственной свободѣ.»

Многіе ждали, что Сардинія вступить въ конгрессъ, какъ его членъ, и недавняя поѣздка графа Кавура въ Парижъ подтвердила такую догадку. Но Австрія, черезъ свои офиціальныя журналы, протестовала противъ этого. «Сардинія, говоритъ *Ostdeutsche Post*, можетъ быть приглашена на одномъ основаніи съ Тосканой, Неаполемъ и Пармой въ то время, когда переговоры на конгрессѣ будутъ касаться Сардиніи; но съ перваго разу нельзя допустить ее въ ареопагъ *великихъ державъ*, точно такъ же, какъ не допускаются въ него Швеція, Баварія, Испанія. Австрія дала свое согласіе на конгрессъ великихъ державъ; слѣдовательно, если захотятъ насильственно ввести въ него Пиемонтъ, она станетъ считать себя свободною отъ даннаго ею общанія.» Въ этомъ случаѣ, въ словахъ австрійской газеты есть своя доля правды. Сардинія участвовала въ Парижскомъ конгрессѣ, но это объясняется ея участіемъ въ восточной войнѣ; извѣстно, что

на первыя засѣданія даже Пруссія не была допущена. Парижскій конгрессъ явился вслѣдствіе войны, и его характеръ, какъ европейскаго судилища, былъ второстепенный. Если принять въ основаніе только этотъ прецедентъ, то и Турцію придется причислить къ великимъ державамъ, на что, конечно, не согласится и графъ Кавуръ. Поэтому не удобнѣе ли основаться на прежнихъ прецедентахъ и остановиться на существующей пентархіи? Притомъ Сардиніи, вмѣстѣ съ другими итальянскими государствами, предоставляется совѣщательный голосъ на конгрессѣ, какъ объявилъ въ парламентъ лордъ Мальмсбери. Этотъ голосъ можетъ имѣть весьма сильное вліяніе, когда онъ принадлежитъ такому министру, какъ графъ Кавуръ, и станетъ защищать дѣло цивилизаціи.

Нечего опасаться несправедливости и коалиціи со стороны членовъ конгресса. Гарантія противъ этого состоитъ въ томъ, что всѣ вопросы рѣшатся единогласно, какъ это было во всѣхъ конгрессахъ. Принципъ большинства принятъ былъ только на конференціяхъ, рѣшавшихъ не главный вопросъ, а лишь его приложение; такъ дѣйствовали государства на конференціяхъ по поводу болгарскаго вопроса или дунайскихъ княжествъ; основанія же Парижскаго конгресса были приняты единогласно.

Судя по послѣднимъ полученнымъ извѣстіямъ, рѣшено составить конгрессъ только изъ пяти главныхъ государствъ. Представителемъ каждаго изъ нихъ будетъ министръ иностранныхъ дѣлъ и съ нимъ еще одинъ уполномоченный; называютъ даже по именамъ всѣхъ членовъ; отъ Россіи будутъ князь Горчаковъ и баронъ Бруновъ, отъ Франціи графъ Валевскій и баронъ Тувенель, отъ Англіи лорды Мальмсбери и Коули, отъ Пруссіи баронъ Шлейницъ и графъ Пурталесъ, отъ Австріи графъ Буоль и баронъ Гюбнеръ.

Мы сказали, что цѣль конгресса—устройство итальянскихъ дѣлъ—можетъ быть достигнута средствами отрицательными и положительными. Такъ, прежде всего, необходимо избавить Италію отъ произвольнаго вмѣшательства Австріи, которое предоставлено ей нѣкоторыми трактатами.

Эти трактаты принадлежатъ къ числу такъ-называемыхъ секретныхъ, — хотя, конечно, только самые наивные люди могутъ вѣрять въ ихъ тайственность. Австрійское правительство не хотѣло однако обнародовать ихъ: въ 1856 году оно дало позволеніе вѣнскому профессору Нейману напечатать собраніе трактатовъ Австріи: мысль прекрасная, исполненная очень добросовѣстно ученымъ издателемъ, которому по этому случаю были открыты многіе государственные архивы. Но трактаты, о которыхъ идетъ рѣчь, не были въ числѣ дозволенныхъ къ напечатанію. Это наивное

секретничанье, впрочемъ, ни къ чему не послужило: трактатъ 1847 г. съ Моденою напечатанъ въ *Corranu* Мургарда, а трактаты 1813 г. съ Тосканой и Неаполемъ были также опубликованы въ журналахъ. Изъ нихъ самый интересный и типичный трактатъ 1847 года 24 декабря. Онъ не великъ, а потому мы приведемъ его здѣсь вполнѣ, по тексту Мургарда (*Murhard, Recueil*, XI. 354):

Ст. 1. Во всѣхъ случаяхъ, когда итальянскія владѣнія императора австрійскаго или герцога моденскаго подвергнутся нападенію извнѣ, высокія договаривающіяся стороны обязуются подать другъ другу помощь и содѣйствіе всѣми зависящими отъ нихъ средствами, по первому приглашенію одной изъ сторонъ.

2. Такъ какъ герцогство Моденское входитъ въ оборонительную линію итальянско-австрійскихъ владѣній, то герцогъ уступаетъ императору австрійскому право подвигать императорскія войска на территорію моденскую и занимать всѣ крѣпости, находящіяся на ней, всякій разъ, когда того потребуетъ интересъ общей защиты или военное благоразуміе (*prudence militaire*).

3. Если внутри владѣній герцога моденскаго произойдутъ такіа событія, которыя заставятъ опасаться нарушенія порядка и спокойствія, или если подобныя буйныя движенія достигнуть размѣра настоящаго возстанія, и для подавленія его недостаточны будутъ средства правительства, — то императоръ австрійскій обязуется, по первой просьбѣ, дать военное вспомошествованіе, необходимое для поддержанія и восстановленія спокойствія и законнаго порядка.

4. Герцогъ моденскій обязуется не заключать военной конвенціи ни съ какимъ другимъ государствомъ безъ предварительнаго согласія императора австрійскаго.

5. Особою конвенціею немедленно будетъ опредѣлено все, что касается до издержекъ на содержаніе войскъ одной изъ договаривающихся сторонъ, когда эти войска будутъ дѣйствовать на территоріи другой стороны.

Обративъ вниманіе особенно на 2-ю и 4-ю статью этого трактата, нельзя не увидѣть, что ими весьма сильно ограничивается независимость и самостоятельность Модены, а статья 3-я представляетъ собою странное явленіе договора государя противъ своихъ подданныхъ. Подобное условіе повторяется въ 1-й статьѣ трактата Австріи съ Тосканой и въ трактатѣ съ Неаполемъ. Въ послѣднемъ (12 іюля 1815) сказано: «въ Неаполѣ не можетъ быть совершена никакая перемяна, которая не согласна съ монархическимъ началомъ и противорѣчитъ принципамъ, принятымъ Австріею въ управленіи ея итальянскими провинціями». Въ трактатѣ съ Тосканой (13 іюня 1815) статьямп 4-ю и 6-ю постановлено, что, въ случаѣ какой бы то ни было войны въ Италіи, Тоскана обязана выставить 6.000 войска и подчинить его австрійскому главнокомандующему.

Это не просто договоры о союзѣ и о внѣшней защитѣ, здѣсь дѣло идетъ о самомъ широкомъ правѣ вмѣшательства во внутреннія дѣла другаго государства. Только крайняя боязнь революціонныхъ движеній въ Италіи побуждала, вѣроятно, другія государства оставлять безъ протеста подобныя условія; теперь, когда въ самой Италіи доказано Пиемонтомъ, что лучшее противодѣйствіе всѣмъ революціямъ лежитъ въ хорошемъ правительствѣ, что, при первомъ народномъ возстаніи, Австріи было не до защиты союзниковъ, что слѣдовательно ея трактаты не достигаютъ цѣли, а могутъ только подать поводъ къ насилію съ одной стороны и къ возстанію съ другой, что наконецъ гарантія спокойствія не въ солдатахъ и даже не въ генералахъ, а въ самомъ обществѣ, теперь международный союзъ можетъ смѣло кассировать трактаты, которые висятъ Дамокловымъ мечомъ надъ всѣмъ развитіемъ народа. Само моденское правительство, если только въ немъ есть сознаніе собственнаго достоинства, должно воспользоваться предстоящимъ конгрессомъ, чтобъ избавиться отъ такихъ обязательствъ, на которыя оно согласилось въ минуту слабости, подъ влияніемъ страха, въ неспокойномъ и ненормальномъ состояніи. Ни одно правительство, уважающее себя, не можетъ согласиться на такія условія, на какія согласилось правительство моденское. Это не нужное, бесполезное униженіе. Въ минуту дѣйствительной опасности, когда колеблется тронъ, оно не спасаетъ отъ паденія; въ обыкновенное же время даетъ сосѣдней державѣ оскорбительное право контролировать каждый шагъ, вмѣшать развитію, налагать обязанности на неосторожное правительство, проводить роковую черту недовѣрія между нимъ и народомъ. Въ довершеніе всего австрійскій императоръ нанесъ рѣшительный *coup de grace* тѣмъ правительствамъ, которыя такъ поспѣшно повѣрили, что австрійскіе штыки могутъ избавить ихъ отъ обязанности заботиться о благѣ народномъ: онъ великодушно согласился отказаться отъ своихъ трактатовъ, не спросивъ даже объ этомъ тѣхъ, до кого дѣло касалось. Поучительный примѣръ и урокъ для всѣхъ государствъ, которыя выказываютъ охоту покровительствовать и принимать покровительство.

А права Австріи въ указанныхъ нами трактатахъ весьма значительны, и дѣйствительно было отъ чего отказываться. Австрія получила право, для своихъ военныхъ цѣлей или по военнымъ соображеніямъ, занимать своими войсками территорію моденскую; она обязала герцогство не заключать, безъ ея согласія, конвенцій, однимъ словомъ, поставила Модену въ вассальное отношеніе. Весьма естественно, что вслѣдствіе этого Австрія пріучилась смотрѣть на небольшія италіянскія государства какъ на собственное владѣніе. *Allgemeine Zeitung* доказываетъ, что Тоскана и Мо-

дена составляютъ *patrimonium, вотчину* Габсбургскаго дома, и употребляя выраженіе этой газеты, *gerade so ein Eigenthum Oesterreichs wie es die Lombardei ist* (точно также составляетъ собственность Австріи, какъ и Ломбардіи). У Австрийцевъ такъ вкоренилось убѣжденіе о правѣ собственности на Модену и Тоскану, что *Wiener Zeitung*, говоря объ указанныхъ нами трактатахъ, перифразируетъ слова Вольтера такимъ образомъ: «еслибъ эти трактаты не существовали, то ихъ нужно было бы выдумать»; безъ нихъ Вѣнскій конгрессъ оставался бы мертвою буквою; не налагая своей руки на Модену и Тоскану, Австрія не могла бы удержать за собою Ломбардію. *Oesterreichische Zeitung* сравниваетъ эти государства съ южно-американскими республиками; безъ высокаго покровительства Австріи они стали бы жертвою анархіи. Нѣмецкіе легисты, усердные защитники Австріи, воскрешаютъ отжившее понятіе о вотчинномъ государствѣ, *Patrimonial-Staat*, по которому государство есть частная собственность государя, и личное положеніе послѣдняго опредѣляетъ международный бытъ его владѣній. по этой теоріи ГанOVERЪ долженъ находиться въ подчиненномъ отношеніи къ Брауншвейгу, Греція къ Баваріи, а Англія также въ особой политической связи съ ГанOVERомъ.

Впрочемъ, за исключеніемъ отъявленно-австрийскихъ органовъ гласности, нѣмецкіе журналы высказываются по большей части противъ унижительныхъ австро-италианскихъ трактатовъ. Вотъ какъ разсуждаетъ объ этомъ берлинская *National-Zeitung*: «Можемъ ли мы признать, что трактаты съ Тосканой, Моденой и Пармой дѣйствительно суть необходимыя слѣдствія общеевропейскаго трактата 1815 года? Можемъ ли мы согласиться, что Австрія, при заключеніи ихъ, исполняла свои обязанности въ отношеніи къ Европѣ? Нисколько. Мы не только должны отвѣчать отрицательно на эти вопросы, но даже утверждаемъ, что всѣ три трактата несовмѣстны съ содержаніемъ и духомъ Вѣнскаго конгресса. Этотъ конгрессъ прежде всего постановилъ, въ отношеніи къ Италіи, независимость всѣхъ государствъ полуострова; но мы не думаемъ, чтобъ эпитетъ «независимыхъ» прилагался къ такимъ государствамъ, которыя, подобно Моденѣ и Пармѣ, лишены права заключать военныя конвенціи съ другими державами, кромѣ Австріи, которыя допускаютъ, безо всякаго зова съ ихъ стороны, произвольное вступленіе австрийскихъ войскъ; мы не думаемъ также, чтобы кто-либо сталъ называть Тоскану независимою послѣ того, какъ она обязалась, въ случаѣ какой бы то ни было войны въ Италіи, подчинить свои войска австрийскому главнокомандующему. Насъ спросятъ, пожалуй: развѣ государство не имѣетъ права отказаться отъ своей самостоятельности въ пользу другаго государства? Но хотя бы такой теоретическій

вопросъ былъ рѣшенъ утвердительно, все-таки въ настоящемъ случаѣ приложеніе его невозможно. Подобный отказъ со стороны трехъ итальянскихъ государей во всякомъ случаѣ не согласенъ съ началами и гарантіями, высказанными въ 1815 году; притомъ свобода заключать трактаты подчинена столькимъ историческимъ условіямъ, что невозможно даже предположить права отказаться отъ самостоятельности.»

Въ виду всеобщаго неодобренія, высказаннаго по поводу австро-итальянскихъ трактатовъ, можно предугадывать, какой судъ произнесетъ надъ ними конгрессъ. *Times* говоритъ положительно, что сама Австрія готова отказаться отъ нихъ. «Что касается до отдѣльныхъ трактатовъ, сказано въ англійскомъ журналѣ, заключенныхъ съ итальянскими государствами, то Францъ-Юсифъ объявилъ, что для него эти трактаты были только тягостью и стѣсненіемъ, и что онъ готовъ принять другой планъ, чтобъ опредѣлить положеніе этихъ государствъ на болѣе удовлетворительномъ основаніи.»

Но это не все. Есть другіе вопросы, возникшіе на почвѣ Италіи и настоятельно требующіе рѣшенія. Какъ извѣстно, папское правительство предложило Франціи и Австріи вывести ихъ войска изъ Рима. Папа объявилъ потомъ, что такое предложеніе сдѣлано только съ цѣлю предотвратить столкновеніе двухъ враждебныхъ армій на территоріи, находящейся подъ управленіемъ римскаго первосвященника, но что папа не увѣренъ въ своей безопасности, въ случаѣ удаленія чужихъ войскъ. «Конечно, сказалъ Пій IX кардиналамъ, я не препоясанъ ни мечомъ Гедеона, ни мечомъ Иисуса Навина; я не могу сказать поэтому, что я чувствую себя столь же сильнымъ, какъ воинственные свѣтскіе государи. Намѣстникъ апостольскій, я знаю, что моя обязанность быть княземъ мира. Впрочемъ я вѣрю въ правоту своего дѣла, въ покровительство промысла и въ миролюбивыя чувствованія народа.» Можетъ-быть, при настоящемъ положеніи дѣлъ, папское правительство было бы готово измѣнить свое первое рѣшеніе; но желаніе уже разъ заявлено, и другія правительства не позволятъ отступать назадъ. Въ числѣ основныхъ положеній конгресса, сформулированныхъ Англіею, поставленъ вопросъ о выводѣ войскъ изъ Римской Области и даже о внутреннемъ управленіи этой области. Станутъ ли дѣйствовать главныя государства, какъ они дѣйствовали въ 1831 году, или прибѣгнуть къ другимъ мѣрамъ, еще неизвѣстно. Въ приведенной выше рѣчи графа Мальмсбери сказано: «Естественно, что намъ слѣдуетъ, въ вопросѣ о реформѣ или о другихъ предметахъ, не предписывать условія итальянскимъ государствамъ и народу, а только предлагать имъ то, что мы найдемъ лучшимъ для ихъ собственнаго блага и для

безопасности Европы. » Оговорка, сдѣланная папою, показываетъ, что очищеніе Рима отъ иностранныхъ войскъ едва ли совершится окончательно, и *Times* говоритъ по этому поводу: « Императоръ австрійскій готовъ удалить свои войска изъ Папской Области въ то же время, какъ изъ нея выйдутъ войска французскія. Но если, вслѣдствіе этой мѣры, святѣйшій отецъ станетъ опасаться революціонной партіи, то Австрія безъ зависти станетъ смотрѣть на возвращеніе французскихъ войскъ въ Римъ, лишь бы только это было сдѣлано добросовѣстно и единственно съ цѣлью поддержать папу. » Такимъ образомъ, Австрія уступитъ Франціи исключительное право заботиться о безопасности главы католицизма. Засѣданія конгресса покажутъ, на сколько основательны надежды на сговорчивость Австріи. .

Нельзя ручаться, чтобы на этихъ засѣданіяхъ не возникли еще другіе вопросы; подыметъ ихъ, вѣроятно, графъ Кавуръ; адвокатъ Италіи на парижскомъ конгрессѣ, онъ представитъ, конечно, и новому общеевропейскому собранію тѣ условія, которыя необходимы для развитія италіанской народности; на немъ лежитъ теперь эта обязанность: конгрессы собираются не часто, и нужно пользоваться ими, чтобъ раскрыть передъ всею Европою положеніе Италіи и средства помочь ей. Въ англійской палатѣ общинъ, въ засѣданіи 25 марта, высказано было мнѣніе, которое должно возбудить самое глубокое сочувствіе графа Кавура и возбудитъ въ немъ надежды на будущее. Г. Вайтсайдъ, въ своей рѣчи о биллѣ реформы коснулся положенія Италіи, чтобъ упрекнуть лорда Пальмерстона. « Кто причиною всего неустройства, которое существуетъ тамъ? Благородный лордъ, членъ за Тивертонъ. (*« Нтъ, нтъ »* и *рукоплекскія*.) Я такъ думаю: когда, въ 1848 году, австрійское правительство предложило благородному лорду сдѣлать независимую Ломбардію, когда британскій посланникъ лордъ Понсонби уговаривалъ его принять это великолѣпное предложеніе, какое только можетъ-быть сдѣлано великою военною державою, то-есть независимость Ломбардіи и отдѣльное управленіе Венеціи, подъ контролемъ австрійскаго правительства (*слушайте, слушайте*), благородный лордъ призналъ за лучшее отвергнуть это предложеніе, и я могу упрекнуть его въ недостатокъ соображенія (*смѣхъ*). Когда потомъ онъ изъявилъ свое согласіе, австрійскій посланникъ отвѣчалъ ему: « Теперь поздно; кровь уже пролита, и вы не можете ожидать послѣ побѣды того, что могли получить, въ эпоху нашего пораженія. » Г. Вайтсайдъ представилъ на это всѣ документы, дополнивъ ихъ потомъ еще въ засѣданіи 28 марта. Лордъ Пальмерстонъ объявилъ, что предложеніе Австріи состояло въ томъ, чтобъ изъ Ломбардіи образовать отдѣльное герцогство, соединенное съ Австрійскою имперіею и

управляемое австрійскимъ эрцгерцогомъ. На первый разъ графъ Кавуръ былъ бы и этимъ доволенъ!

Morning Herald, органъ торійской партіи, воспользовался признаніемъ лорда Пальмерстона и не упустилъ случая отомстить ему за его нападки на министерство. Партія виговъ пустила въ ходъ мысль о неспособности лорда Мальмсебри представлять Англию на конгрессѣ, объ его неумѣннхъ провести и поддержать интересы британскаго народа; косвенно указывалось при этомъ на лорда Пальмерстона, котораго внѣшняя политика возбуждала энтузіазмъ въ былое время. Органъ нынѣшняго министерства, изложивши промахъ благороднаго лорда въ дѣлѣ о Ломбардіи, заключаетъ такимъ образомъ: «Мы спрашиваемъ, это ли министръ, которому страна въ эпоху кризиса можетъ довѣрить переговоры на конгрессѣ, имѣющемъ цѣлью рѣшеніе италіянскаго вопроса? Ему предлагали независимость Ломбардіи, а онъ пренебрегъ ею, и эта ошибка поставила теперешнюю политику въ критическое положеніе. Было время, когда лордъ Пальмерстонъ пожертвовалъ независимостью Ломбардіи, которую предлагала ему Австрія, можемъ ли мы надѣяться, чтобы его политическое поведеніе было болѣе счастливо въ подобныхъ же обстоятельствахъ?»

Графъ Кавуръ могъ бы не безъ удовольствія прислушаться также къ голосу французскихъ журналовъ. *Constitutionnel*, отвѣчая на увѣренія австрійскихъ органовъ гласности въ томъ, что Австрія облагодѣтельствовала Ломбардію, присоединивъ ее къ своимъ владѣніямъ, говоритъ: «И что же? народъ, который, по вашимъ словамъ, призвалъ васъ, и который, по вашему, былъ осыпанъ благодѣніями мудраго правительства, этотъ народъ послѣ сорока-пяти-лѣтняго владычества Австріи, находится въ лихорадочномъ безпокойствѣ, въ политическомъ возбужденіи; вы сами сравниваете его съ бочкою пороха, которую можетъ взорвать одна искра отъ сигары. Если вопреки нашему убѣжденію, это произошло не отъ злоупотребленія власти, не отъ неловкихъ притѣсненій и честолюбія, то что же это такое? Подобные кризисы не являются безъ причины. Австрійскіе журналы кричатъ о строптивости и о неблагодарности Италіи; но опытъ долженъ былъ научить ихъ, что обыкновенно люди не бываютъ неблагодарны безъ разчета и безъ побужденій. Каковы же эти побужденія? Но каковы бы они ни были, Франція считала своею обязанностью обратить вниманіе на ненормальное положеніе, которое могло угрожать ей внутренней безопасности. Вообще несприятно жить въ сосѣдствѣ вулкановъ.» *Journal des Débats*, который вообще былъ противъ всякаго поощренія національному движенію въ Ломбардіи, теперь высказываетъ сочувствіе къ Италіи. Г. Джонъ Лемуанъ, недавно перепечатавшій описаніе своего

путешествія по Италіи, написалъ нѣсколько словъ, исполненныхъ глубокой симпатіи къ этой странѣ; онъ упрекаетъ тѣхъ либераловъ, которые думаютъ отдѣлаться отъ вопроса нѣсколькими фразами: «свобода, говоритъ онъ, похожа на хорошенькую невѣсту безприданницу; за нею всѣ ухаживаютъ, но никто не предлагаетъ ей руки своей». Онъ оправдываетъ Италіянцевъ въ ихъ недостаткахъ, сравнивая этотъ народъ съ человѣкомъ, котораго много лѣтъ держали бы въ потемкахъ, съ связанными ногами, и потомъ сказали бы ему: ступай и смотри.

Нѣмецкіе журналы, хотя до сихъ поръ и не признаютъ Италіянцевъ способными къ разумной политической жизни, однако дошли уже до того, что не считаютъ владычества Австрійцевъ въ Италіи необходимымъ для чести Германіи. Это уже шагъ впередъ. Вообще италіянскій вопросъ послѣ 1856 года сдѣлалъ значительные успѣхи; если еще не найдено его послѣднее рѣшеніе, то по крайней мѣрѣ всѣмъ стала извѣстна темная сторона вопроса, тѣ недостатки, которые связываютъ Италію по рукамъ и по ногамъ и не даютъ ей двигаться впередъ. Графъ Кавуръ съ справедливою гордостью указываетъ на свою долю участія въ этомъ дѣлѣ; усилія Сардиніи могли бы имѣть болѣе положительные результаты, еслибъ ихъ не парализовала Австрія. Въ депешѣ отъ 17 марта графъ Кавуръ формулируетъ слѣдующимъ образомъ вредное вліяніе Австріи на Италію: «Австрія успѣла уже сдѣлаться полною владычицей всѣхъ центрально-италіянскихъ государствъ посредствомъ своихъ трактатовъ съ Пармою, Моденою и Тосканію, посредствомъ занятія Романьи, которому не предвидится конца, по собственному признанію вѣнскаго и римскаго дворовъ, и посредствомъ возводимыхъ Австріею укрѣпленій. Пусть прекратится это, пусть владычество австрійское войдетъ въ предѣлы, указанные ей формальными трактатами, пусть Австрія уничтожитъ свои военныя сооруженія, — и тогда Сардинія, хотя и будетъ оплакивать несчастную судьбу народонаселенія по ту сторону Тичино, однако ограничится (какъ много разъ совѣтовала Англія) мирною пропагандою, съ цѣлью объяснить общественному мнѣнію Европы италіянскій вопросъ и приготовить данныя для его будущаго рѣшенія.» Какъ видно, графъ Кавуръ очень умѣренъ въ своихъ желаніяхъ въ настоящемъ, потому что твердо вѣритъ въ будущность Италіи; общественное мнѣніе во многихъ странахъ Европы уже готово къ болѣе рѣшительнымъ требованіямъ.

Но возвратимся къ конгрессу. Мы указали на его общія основанія и тѣ вопросы, о которыхъ пять главныхъ державъ условились разсуждать на предстоящемъ собраніи. Къ нимъ присоединено еще новое условіе — прекращеніе вооруженій со стороны Австріи и Сардиніи. Какъ видно изъ объявленія графа Мальм-

сбери, англійское правительство еще прежде сдѣлало о томъ предложеніе обоимъ враждующимъ государствамъ. Австрія и Сардинія объявили, что онѣ даютъ формальное обѣщаніе не дѣлать перваго нападенія; что же касается до прекращенія вооруженій, то австрійскіе журналы доказываютъ невозможность согласиться на такое условіе.

Отвѣтъ на предложеніе Англій изложенъ графомъ Кавуромъ въ депешѣ, адресованной сардинскому посланнику въ Лондонъ, маркизу д'Адзелио, 17 марта. Эта депеша есть вмѣстѣ опроверженіе депеши графа Буоля, о которой мы говорили въ послѣдній разъ. Сардинскій министръ доказываетъ, что всѣ военныя мѣры Австріи были приняты гораздо раньше, чѣмъ Піемонтъ рѣшился на вооруженія: рѣчь короля Виктора-Эммануила произнесена была 10-го генваря, а еще за семь дней до того Австрія усилила свою италіянскую армію цѣлымъ корпусомъ; Сардинія рѣшилась на заемъ гораздо послѣ Австріи; наконецъ контингенты піемонтскіе были созданы уже послѣ того, какъ Австрія поставила всю свою италіянскую армію на военную ногу. Оправдавшись такимъ образомъ въ необходимости для Сардиніи принять мѣры собственной защиты, графъ Кавуръ чрезвычайно искусно представляетъ контрастъ между основными принципами двухъ государствъ. Читатели помнятъ, что графъ Буоль обвиняетъ Италію въ стремленіи къ конституціоннымъ формамъ и Сардинію въ потворствѣ подобнымъ стремленіямъ. Графъ Кавуръ очень ловко воспользовался такимъ обвиненіемъ. «Графъ Буоль, говоритъ онъ, указываетъ на лучшее средство помочь настоящему положенію дѣлъ: пусть главныя государства Европы заставятъ Сардинію измѣнить ея учрежденія. Пусть задушатъ свободу въ Піемонтѣ, — и Ломбардія, Венеція и остальные государства полуострова будутъ спокойны. Мы не можемъ не сознаться, что мысль, которая лежитъ въ основаніи этой части австрійской депеши, совершенно вѣрна; но не можемъ согласиться съ ея заключеніемъ: мы убѣждены въ томъ, что отмѣна либеральныхъ учрежденій Піемонта не только не поведетъ къ спокойствію, но что Италіяны, приведенные въ отчаяніе, бросятся скорѣе въ революцію. Австрію не можетъ не раздражать глубоко слишкомъ поразительный контрастъ, существующій между Піемонтомъ и провинціями, находящимися подъ игомъ австрійскимъ, равно какъ и другими государствами полуострова. Примѣръ Сардиніи, — доказывающей, вопреки увѣреніямъ графа Буоля, что Италіяны способны къ либеральному и прогрессивному правительству, — дѣлаетъ въ ихъ глазахъ еще болѣе ненавистною систему, опирающуюся на военное начало, на тѣлесныя наказанія, на тяжкіе налоги, на разорительныя финансовыя мѣры, на пожертвованіе въ пользу духовенства самыми священными правами государства

и гражданъ. Свобода въ Пиемонтѣ—мы сознаемся въ томъ—составляетъ опасность и угрозу для Австріи. Чтобы отстранить ихъ, есть два средства: или уничтожить либеральное начало въ Пиемонтѣ, или распространить свое владычество на всю Италію, чтобы преградить путь заразы и охранить отъ нея другія государства, которыя собственными силами не могутъ подавить народныхъ требованій. Австрія избрала второе средство, но съ тѣмъ, чтобы въ послѣдствіи, косвенными путями, осуществить и первое. Уже и теперь она окружила Пиемонтъ желѣзнымъ кругомъ. *Morning Post*, напечатавшій впервые депешу графа Кавура, справедливо замѣчаетъ, что въ ней сардинскій министръ «неопровержимыми доводами и хладнокровно уничтожаетъ всѣ неосновательныя и заносчивыя обвиненія графа Буоля». Пальмерстоновскій журналъ замѣчаетъ при этомъ, что лордъ Мальмсбери долженъ бы внушить Австріи необходимость первой начать свои разрушенія, такъ какъ она первая начала вооружаться.

Австрія до сихъ поръ не соглашается на это, и такой отказъ начинается тревожить всѣхъ, кто ждетъ съ нетерпѣніемъ конгресса. Впрочемъ едва ли Австрія будетъ серьезно противиться желанію Европы. Ей нужно выиграть только время, чтобы увѣриться въ расположеніи Германіи къ своему дѣлу. Но Германія, кажется, высказалась достаточно. Напрасно графъ Буоль, желая польстить уніонистамъ, сталъ употреблять въ своихъ депешахъ слово *Германія* вмѣсто *Германскій Союзъ*; напрасно теперь пускаетъ онъ въ ходъ мысль о томъ, что на конгрессѣ должна участвовать *Германія*, какъ шестая великая держава. Все это ни къ чему не повело. Въ Германіи вскрылись различные элементы, изъ которыхъ состоитъ она; одни государства примкнули къ Пруссіи, другія хотѣли сгруппироваться около Баваріи, находящейся подъ сильнымъ австрійскимъ влияніемъ. Правда, съ перваго раза въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ государствахъ пробудилось желаніе поднять знамя единства Германіи; но мало-по-малу первый пылъ охладѣлъ, и всѣ стали спрашивать себя: дѣйствительно ли затронуть общегерманскій вопросъ? Образъ дѣйствій Пруссіи имѣлъ въ этомъ отношеніи рѣшительное влияніе; во Франкфуртѣ австрійскій посланникъ Рехбергъ формально рассорился съ прусскимъ посланникомъ Бисмаркомъ, назначеннымъ теперь въ Петербургъ. Дѣло шло о вооруженіи германскихъ крѣпостей и о запрещеніи вывода лошадей. Извѣстно, что въ прошломъ году Австрія заключила секретный трактатъ съ герцогомъ баденскимъ, по которому гарнизонъ Раштадта долженъ былъ состоять изъ однихъ австрійскихъ войскъ; Пруссія воспользовалась теперь положеніемъ Сейма объ усиленіи гарнизоновъ въ общегерманскихъ крѣпостяхъ и ввела въ Раштадтъ свои войска. Съ другой стороны,

по настоянію Пруссіи, запрещенъ выводъ лошадей изъ всѣхъ государствъ, составляющихъ Таможенный Союзъ (Zollverein), а такъ какъ Австрія не входитъ въ составъ его, то ей стало невозможно покупать лошадей въ Баваріи и Саксоніи. При такомъ явномъ несогласіи между двумя главными государствами Германіи, остальнымъ приходилось избирать какой-либо лагерь. Тогда, по словамъ корреспондента *Times* въ Баваріи и Виртембергѣ обнаружилась реакція противъ австрійскаго вліянія; стали вспоминать, что Австрія есть естественный врагъ всякаго умственнаго развитія и всякой политической свободы; напротивъ либеральныя учрежденія Пруссіи дали ей огромный перевѣсъ и возбуждали къ ней симпатію.»

Иначе и быть не могло. Неизвѣстно, на какомъ основаніи Австрія могла разчитывать на содѣйствіе Пруссіи, особенно при нынѣшнемъ министерствѣ. Стоило только обратиться къ воспоминаніямъ 1849 года, чтобъ увидѣть всю неосновательность надеждъ графа Буоля. Тогда во главѣ прусскихъ государственныхъ людей стоялъ Радовицъ, личный другъ короля, горячо вѣровавшій въ первенство Пруссіи, и въ числѣ ближайшихъ къ нему людей, единомышленныхъ съ нимъ, находился нынѣшній министръ иностранныхъ дѣлъ баронъ Шлейницъ. Программа Радовица извѣстна; по мнѣнію его, германская федерація 1815 года была дѣломъ Австріи, направленномъ противъ Франціи и Пруссіи; необходимо замѣнить ее другимъ устройствомъ, которое, гарантируя независимость второстепенныхъ государствъ, давало бы перевѣсъ Пруссіи; около послѣдней должны группироваться всѣ германскія государства, которыя готовы образовать единство Германіи; Австрію слѣдуетъ исключить изъ этого союза. Читатели помнятъ, конечно, что эта программа встрѣтила самаго сильнаго противника въ г. фонъ-Мантейфель, что король, бывшій прежде на сторонѣ Радовица, склонился потомъ къ сохраненію status quo, и что Ольмюцкая конвенція снова обезпечила перевѣсъ за Австрію. Но баронъ Шлейницъ не измѣнилъ программъ; ему поручено было въ 1849 году изложить ее всѣмъ европейскимъ дворамъ, такъ-сказать развить ее въ дипломатической сферѣ, и вѣрный сотрудникъ Радовица исполнилъ свое дѣло съ чрезвычайною энергіею, со всею силою внутренняго убѣжденія. Могъ ли онъ теперь, снова призванный къ управленію внѣшнюю политикою Пруссіи, дѣйствовать вопреки своимъ задушевымъ идеямъ и пожертвовать великимъ значеніемъ Пруссіи въ угоду Австріи? Уже въ первыхъ депешахъ своихъ онъ высказалъ ясно, что на Пруссіи лежатъ два рода обязанности: будучи членомъ Германскаго Союза, она въ то же время великая европейская держава, членъ другаго болѣе широкаго, международнаго союза. Г. фонъ-Шлейницъ видѣлъ въ дѣлѣ между

Сардинію и Австрію не германскій вопросъ, а общеевропейскій, и сталъ дѣйствовать на пользу общаго мира въ тѣсномъ союзѣ съ Англіею. Вопреки желанію Австріи связать свое дѣло съ общегерманскимъ, баронъ Шлейниць доказывалъ ей на каждомъ шагѣ, что она по правдѣ-то вовсе не Германія, и только напрасно своими промислами во Франкфуртѣ силится занять въ ней первое мѣсто, которое по праву принадлежитъ Пруссіи. Правительству нужно было дѣйствовать съ особенною осторожностію; ему приходилось считаться съ стремленіемъ къ германскому единству, не охладить партіи *готской* (Gothaer) и въ то же время искусно выгородить австрійскіе интересы изъ общаго дѣла Германіи. Нынѣшнее министерство вело себя съ необыкновеннымъ тактомъ; оно приняло всѣ мѣры для защиты Германскаго Союза отъ нападений со стороны Франціи, и въ то же время дѣйствовало заодно съ Англіею въ роли посредника.

Прусскіе журналы постоянно выражали ту же самую мысль, которая руководила министерствомъ. Теперь, послѣ того, какъ нынѣшнее правительство отмѣнило фальшивыя корреспонденціи и обязательныя статьи, которыми занимался прежде графъ Мантейфель, послѣ недавняго преобразования заведенной имъ центральной *Presstelle*, журналы могли съ достоинствомъ поддерживать правительство, будучи увѣрены, что никто не заподозритъ ихъ въ неискренности; съ своей стороны правительство могло услышать свободный, независимый голосъ общества, и, конечно, не безъ удовольствія встрѣтило въ немъ прямой отвѣтъ на свои мысли и глубокую симпатію къ своимъ дѣйствіямъ. Какъ извѣстно, лучшіе журналы прусскіе суть *Kölnische Zeitung* и *National-Zeitung*. Послѣдняя съ особенною силою ратовала противъ австрійскаго вліянія. «Можно ли требовать, говорить этотъ журналъ, чтобы Германія своею кровью освятила и запечатлѣла политику конкордата и связь Австріи съ папою? Пусть только подумаютъ о томъ, что произойдетъ, когда, послѣ побѣды, одержанной германскимъ народомъ, предоставлено будетъ Австріи заключеніе мира? Что ожидаетъ тогда гражданскую и духовную свободу Германіи? Если дѣйствительно мы должны выступить на поле брани, то это должно быть за дѣло Германіи, а не папизма, во имя величія нашего народа, а не для униженія и рабства его. Сдѣлала ли что-нибудь Австрія съ своими *unitis viribus* для нашей народной чести, для усиленія Германіи или для ея внутренняго развитія?» *Фоссова Газета*, пользующаяся въ Пруссіи большою популярностію, выражается не менѣе рѣзко: «Пока Австрія будетъ стараться разъединить небольшія германскія государства съ Пруссіею, пока она станетъ позволять себѣ политическія козни въ Италіи, заключать конкор-

даты, оставлять Евреевъ на степенн паріевъ, и не дать равныхъ правъ католикамъ и протестантамъ, до тѣхъ поръ нечего и думать объ искреннемъ согласіи между Пруссією и Австрією.» Къ сожалѣнію, не имѣя возможности получать *Kölnische Zeitung*, случайно не попавшую въ реестръ журналовъ, выписываемыхъ нашимъ почтамтомъ, мы не можемъ привести въ точности ея выраженій, но, судя по переводамъ, сдѣланнымъ во французскихъ журналахъ, видно, что эта газета высказалась тоже очень сильно противъ Австріи.

Когда такимъ образомъ неосновательные расчеты австрійскаго министерства были обмануты, оставалось прибѣгнуть къ другому средству. Графъ Буоль хотѣлъ дѣйствовать противъ Пруссіи точно такъ же, какъ баронъ Шлейницъ дѣйствовалъ противъ Австріи, то-есть образовать военный союзъ германскихъ государствъ помимо Пруссіи. Въ *Allgemeine Zeitung* явилась статья, явно внушенная вѣнскимъ министерствомъ. «Зачѣмъ смотримъ мы постоянно на Пруссію, говоритъ эта статья, и отсюда ждемъ рѣшенія? Развѣ инициатива должна непременно принадлежать большимъ государствамъ? Мы, Баварцы, можемъ теперь дать перевѣсъ всему дѣлу. Нужно только, чтобы правительство, въ случаѣ нападенія, отдало свои войска въ распоряженіе Австріи. Чѣмъ рискуемъ мы при этомъ? Конечно, французское правительство не оставитъ безъ вниманія такого враждебнаго дѣла съ нашей стороны и станетъ угрожать баварскимъ провинціямъ по ту сторону Рейна, но въ этомъ случаѣ весь Германскій Союзъ обязанъ дать отпоръ Франціи, если только союзъ дѣйствительно существуетъ». Вся статья разчитана на то, чтобы затронуть въ Баварцахъ чувство самолюбія и пробудить въ нихъ снова желаніе стать во главѣ второстепенныхъ германскихъ государствъ; извѣстно, что Баварія уже не разъ обнаруживала стремленія къ этому, и что бамбергскія конференціи во время восточной войны были плодомъ этой мысли. Но для того, чтобы играть руководящую роль и поддерживать германское равновѣсіе, сдѣлаться центромъ тяжести между Пруссією и Австрією, Баваріи не достаеетъ весьма важнаго условія, полной независимости; ей остается одно: становиться на сторонѣ того, чье вліяніе въ данное время слабѣе; ея союзы служатъ политическимъ барометромъ, указывающимъ, кто имѣетъ перевѣсъ въ Германіи; теперь Баварія въ союзѣ съ Австрією, значитъ, перевѣсъ на сторонѣ Пруссіи. Дальше этого Баварія до сихъ поръ была не способна идти, и въ ней нѣтъ элементовъ для того, чтобы группировать около себя германскія государства и вести ихъ къ опредѣленной цѣли. Отдавая свои войска въ полное распоряженіе Австріи, она совершенно потеряла бы сочувствіе сѣверной Германіи и свое значеніе, какъ само-

стоятельнаго государства. На такой рѣшительный шагъ Баварія не могла отвѣтиться.

Да еслибы даже она и рѣшилась открыто стать подъ высокую руку Австріи, такая безплодная жертва не повела бы ни къ чему; италіанскій вопросъ все-таки не сдѣлался бы германскимъ. «Въ Баваріи забываютъ, говорить *Kölnische Zeitung*, что, для войны Германіи съ Франціею, нужно прежде всего согласіе Пруссіи. Для такой войны мало одного союзнаго контингента Пруссіи; необходимо, чтобы вся прусская армія выступила на поле битвы, а эта армія гораздо больше всѣхъ союзныхъ контингентовъ Германіи, потому что объ Австріи нечего говорить; ей будетъ довольно дѣла въ Италіи. А конечно, нельзя надѣяться, чтобы фантастическая политика Баваріи способна была призвать къ оружію прусскій народъ». Итакъ, нечего думать о Германіи безъ Пруссіи; безъ Австріи она мыслима, но что останется отъ нея, когда Пруссія станетъ слѣдовать своей особенной политикѣ?

Антагонизмъ или по крайней мѣрѣ различный цвѣтъ двухъ лагерей обозначился столь явно, что общіе политическіе вопросы стали разсматриваться съ двухъ точекъ зрѣнія — сѣверно-германской и южно германской. Въ этомъ отношеніи весьма замѣчательна на дняхъ вышедшая брошюра, подъ заглавіемъ *Германія и италіанскій вопросъ*. Она такъ хорошо представляетъ теперешнее политическое положеніе германскихъ государствъ, что мы считаемъ необходимымъ привести изъ нея нѣсколько мѣстъ.

Авторъ начинаетъ съ того положенія, что отдѣленіе второстепенныхъ и третъестепенныхъ германскихъ государствъ отъ Пруссіи было бы величайшимъ несчастіемъ для всего Союза, совершенно то же, чѣмъ былъ Рейнскій Союзъ, только въ другой формѣ. А между тѣмъ Пруссія осталась совершенно спокойною при угрожающемъ положеніи Франціи, тогда какъ въ остальной Германіи народомъ овладѣло безпокойство и даже раздраженіе. Причину такого явленія должно искать во внутреннемъ состояніи германскихъ государствъ, въ томъ отношеніи, въ какомъ народъ стоитъ къ правительству. Сильнѣе всего высказалось въ настоящее время чувство національности въ Баваріи и Ганноверѣ, именно въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ мысль объ единствѣ Германіи встрѣчала всегда самое сильное сопротивленіе. Какая же причина тому? Она таится во внутреннихъ событіяхъ этихъ державъ. «Въ Баваріи уже нѣсколько мѣсяцевъ тянется министерскій кризисъ, которому не предвидится конца; это положеніе способно привести въ возбужденное состояніе и раздражить самую благоразумную палату и самый спокойный народъ, такъ что и безъ опасенія европейской войны произошелъ бы взрывъ. Въ Ганноверѣ отношенія сложились нѣсколько иначе: здѣсь большинство не палаты,

а народа стоитъ противъ правительства, которое въ своихъ аристократическихъ и реакціонныхъ стремленіяхъ, кажется, рѣшилось перещеголять бывшее прусское министерство графа Мантейфеля. Тѣ же или подобныя реакціонныя тенденціи господствуютъ болѣе или менѣе въ Виртембергѣ, Саксоніи, Гессенѣ и проч. Повсюду народъ смотритъ съ уныніемъ на свое политическое положеніе, и нападаютъ угрозы попадаютъ прямо въ это глубокое недовольство народа. Всѣ спрашиваютъ себя: какаѣ судьба постигнетъ насъ, если забушуетъ страшная война въ Европѣ, въ Германіи? Гдѣ тѣ защищающія, честныя патриотическія силы, которыя укажутъ путь Германіи во время этихъ бурь и спасутъ ее? Гдѣ, спрашиваютъ особенно на югѣ, гдѣ гарантіи того, чтобы не возвратились плачевныя времена Рейнскаго Союза? Развѣ тотъ или этотъ министръ не повторялъ много разъ своего уваженія къ наполеоновской системѣ внутренней политики? Для контраста съ этою мрачною картиною, авторъ представляетъ довольство Пруссіи при новомъ министерствѣ; онъ сознаетъ, что австрійскіе интересы не всегда тождественны съ общегерманскими, и что Пруссія не могла согласиться на безусловный союзъ съ Австрією. Но на ней лежитъ обязанность не отталкивать отъ себя второстепенныхъ государствъ, а напротивъ стать во главѣ ихъ для защиты общаго отечества; предоставить Австріи инициативу въ этомъ дѣлѣ, первую роль на сеймѣ, было бы, по мнѣнію автора брошюры, роковою ошибкою съ точки зрѣнія не только европейской политики, но еще гораздо болѣе съ точки зрѣнія внутренней германской политики».

По всему видно, что вся лучшая, мыслящая часть Германіи возлагаетъ теперь всѣ свои надежды на Пруссію; Австрія собираетъ плоды своего конкордата, полицейскаго надзора и реакціоннаго направленія. Если въ послѣднее время чувство негодованія, возбужденное вообще французскою правительственною системою, нѣсколько охладѣло, тому виною тѣ германскія государства, которыя сами болѣе или менѣе придерживаются французской системы, и во главѣ ихъ Австрія. Понятно слово порицанія, которое готово вырваться у всякаго при видѣ произвола и беззаконія въ чужой странѣ; чувствуется потребность для каждаго Нѣмца отвести душу осужденіемъ того, что возмущаетъ человѣка даже вчужь: но какое горькое чувство должно овладѣть передовыми людьми Германіи, когда они, оглянувшись кругомъ, видятъ у себя то же самое? сколько сердечной боли должны испытать они, когда вблизи, въ ихъ собственномъ домѣ, растутъ отпрыски отъ того вредоноснаго корня, который ужаснулъ ихъ издалека? Нѣтъ нужды; эти люди все-таки съюгъ доброе сѣмя, которое не пропадетъ даромъ, лишь бы только ничто

не мѣшало дать ему здоровые ростки. «Въ общемъ несочувствіи, говоритъ *National-Zeitung*, и недоувѣріи къ Франціи нѣтъ недостатка въ Германіи; нужно только остерегаться, чтобы неразумными требованіями не охладить доброй воли. Первое условіе согласія состоитъ въ томъ, чтобы перестали германскому народу представлять въ ложномъ свѣтѣ интересы Германіи, только съ точки зрѣнія австрійскихъ притязаній.»

Мы упомянули выше о конституціонномъ кризисѣ въ Баваріи. Въ этой странѣ, какъ извѣстно, съ давнихъ поръ существуетъ непримиримая ненависть между палатами, или лучше сказать, всюю націею, и министерствомъ, во главѣ котораго находится г. фонъ-деръ-Пюрдтенъ. Нѣскольکو разъ палаты выражали неодобреніе министерской политикѣ; это вело обыкновенно къ тому, что онѣ закрывались, а министерство продолжало по прѣжнему пользоваться своею властію: замѣчательное свидѣтельство того, какъ странно понимаются еще до сихъ поръ въ различныхъ частяхъ Германіи конституціонныя учрежденія! Въ послѣднее время, въ Баваріи опять повторилось то же самое явленіе, о которомъ мы упоминали сейчасъ: министерство представило бюджетъ, который подвергнулся сильнымъ нападкамъ со стороны оппозиціи, — особенно нападкамъ за чрезмѣрные, ежегодные расходы для вспомошествованія полуофициальнымъ журналамъ. Многіе ораторы справедливо возставали противъ этого печальнаго обыкновенія, доказывая, что оно только подрываетъ кредитъ правительства и бесплодно раздражаетъ общественное мнѣніе. «Чѣмъ способнѣе народъ уживаться со свободою печати, воскликнулъ при этомъ одинъ изъ членовъ палаты, г. Эдель, тѣмъ народъ этотъ свободнѣе, и чѣмъ болѣе можетъ сносить правительство ея голосъ, не предаваясь тревожнымъ опасеніямъ, тѣмъ оно сильнѣе, ибо это служитъ вѣрнымъ признакомъ, что между имъ и народомъ существуетъ тѣсная связь. Германская журналистика пользуется, относительно, большою свободою въ обсужденіи матеріальныхъ интересовъ, и сами правительства извлекаютъ для себя выгоды изъ ея совѣтовъ. Если бы и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ предоставлено было больше свободы, если бы право говорить принадлежало не однимъ чиновнымъ лицамъ, которые убѣждены, что только тотъ изъ нихъ исполняетъ настоящимъ образомъ свою обязанность, кто говоритъ угодное и пріятное правительственнымъ особамъ, то отъ этого произошло бы несомнѣнная польза для всѣхъ и каждаго. Всѣ укору свободѣ книгопечатанія вертятся на томъ, что ею нарушается миръ, спокойствіе; но въ наше время миру угрожаютъ не столько демократы, сколько поборники близорукаго произвола.» Не со стороны только свободы книгопечатанія, но и въ отношеніи къ внѣшней политикѣ, въ отношеніи къ жалкой роли, которую играла Ба-

варія въ вопросѣ о герцогствахъ, сыпались нападенія на министерство. «Когда я разсматриваю политику министерства, замѣтилъ депутатъ палаты, извѣстный въ ученomъ мѣрѣ профессоръ Лассо, мнѣ хочется повторить слова испанскаго писателя: «гнѣвъ—орудіе духовное, и кто при извѣстныхъ дѣйствіяхъ не воодушевляется гнѣвомъ, тотъ—осель». «Посреди этого разгара политическихъ страстей, министерство вдругъ внесло предложеніе объ утвержденіи суммъ на военныя издержки, по поводу теперешнихъ европейскихъ событій: оппозиція, тотчасъ остановилась въ своемъ непріязненномъ образѣ дѣйствій, и требованія министерства были утверждены единогласно. Баварскія палаты поспѣшили, впрочемъ, немедленно за тѣмъ представить королю адресъ, въ которомъ они объясняли, что рѣшеніе, принятое ими, не слѣдуетъ принимать за знакъ довѣрія къ министерству, что несогласіе между ними существуетъ, напротивъ, въ томъ же видѣ, какъ и прежде, и что только любовь къ отечеству заставила палаты измѣнить на этотъ разъ свой образъ дѣйствій. Въ словахъ брошюры, приведенныхъ нами выше, упоминается о министерскомъ кризисѣ въ Баваріи.

Несмотря на различное настроеніе умовъ въ сѣверной и южной Германіи, нота *Монитера*, обращенная къ германскимъ государствамъ, произвела повсюду въ этой странѣ одинаковое впечатлѣніе. Прежде всего нужно замѣтить, что рѣчь французскаго правительства отличается вообще множествомъ самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, смотря по той державѣ, къ которой она обращена. Что можетъ быть, напримѣръ, уклончивѣе, миролюбивѣе, любезнѣе того тона, которымъ оно ведетъ обыкновенно бесѣду съ Англіею, — касается ли эта бесѣда вопроса о политическихъ изгнанникахъ или не менѣе горячаго для французскаго правительства вопроса объ италіанскихъ дѣлахъ? Тонъ его, напротивъ, въ отношеніи къ Германіи отличается сухостью и рѣзкостью даже тогда, когда оно по видимому употребляетъ всѣ усилія, чтобы склонить общественное мнѣніе этой страны въ свою пользу. Статья *Монитера* начинается, какъ и слѣдовало ожидать, увѣреніями, что французское правительство воодушевлено самыми миролюбивыми планами въ отношеніи къ Италіи и не хочетъ рѣшать многочисленныя затрудненія, господствующія въ этой странѣ, иначе какъ съ согласія главнѣйшихъ державъ Европы. «Несмотря на все это, говоритъ органъ французскаго правительства, часть Германіи предается самымъ неразумнымъ опасеніямъ. При одномъ простомъ предположеніи, которое ничѣмъ не оправдывается и во всемъ находитъ себѣ опроверженіе, пробуждаются предразсудки, распространяется недовѣрчивость, срываются съ цѣпи страсти: въ палатахъ и журналистикѣ нѣкоторыхъ государствъ Союза пропо-

вѣдуется нѣчто въ родѣ крестоваго похода противъ Франціи. Ее обвиняють въ томъ, что она питаетъ честолюбіе, отъ котораго она отказалась, готовится къ побѣдамъ, въ которыхъ она не нуждается, и стараются подобными *клеветами*, пробудить въ Европѣ опасеніе мнимыхъ вторженій, о которыхъ не было даже и мысли.» Снявъ такимъ образомъ съ французскаго правительства всякую отвѣтственность за тревогу, распространившуюся по Германіи, *Мониторъ* отзывается слѣдующимъ образомъ о тѣхъ, кто были, по мнѣнію этого журнала, ея виновниками: «Люди, которые увлекають такимъ образомъ на ложный путь германскій патріотизмъ, ошибаются во времени. Про нихъ можно сказать, что они ничему не научились и ничего не забыли. Они заснули въ 1813 году, и пробуждаются, послѣ полувѣковаго сна, со страстями и чувствами, уже погребенными въ исторіи и не имѣющими смысла въ теперешнее время. Это *мечтатели*, которые, во что бы то ни стало, хотять защищать то, на что никто не думаетъ нападать.» Французское правительство объявляетъ затѣмъ, что оно сочло бы себя въ правѣ оскорбиться, еслибы не нѣсколько только партій, а вся Германія раздѣляли подобный образъ мыслей въ отношеніи къ нему. И каковъ смыслъ всего этого движенія? спрашиваетъ офиціальный его органъ. Не тотъ ли, чтобъ оспаривать право Франціи проявлять свое вліяніе въ Европѣ и защищать ея собственные интересы, даже со всевозможною умѣренностью? «Подобное притязаніе — будемъ опять говорить словами *Монитера* — было бы оскорбительно, еслибы могло быть серьезно. Жизнь такой великой націи, какъ Франція, не можетъ быть заключена въ ея предѣлахъ; она обнаруживается во всемъ мірѣ тѣмъ благотѣльнымъ вліяніемъ, которымъ она пользуется столько же для національнаго своего могущества, сколько и для блага цивилизаціи. Нація теряетъ свое положеніе, какъ скоро она отказывается отъ этой роли.» Слѣдуетъ за тѣмъ апологія императора Наполеона, который «умѣлъ восторжествовать надъ всѣми предрасудками» и представлялъ непрерывно доказательства миролюбиваго своего расположенія. Чтò было бы, восклицаетъ *Мониторъ*, еслибы, вступая на престолъ, онъ не отказался отъ раздражительныхъ воспоминаній, которыхъ такъ много въ прошедшемъ? Въмѣсто того, чтобъ успокоить Европу, онъ потрясъ бы ее, искупая цѣною ея независимости и безопасности воспоминанія 1814 и 1815 годовъ. Но онъ не сдѣлалъ этого, ибо не хотѣлъ этого сдѣлать. «Впрочемъ, продолжаетъ *Мониторъ*, что касается до Франціи, то она не тронулась этими смутными слухами и несправедливыми нападками. Она не возлагаетъ на всю Германію отвѣтственность за заблужденіе или недоброжелательство тѣхъ манифестацій, которыя возбуждены скорѣе *мелкою враждою*, чѣмъ настоящими

опасеніями. Германскій патріотизмъ, когда онъ не затмѣвается предубѣжденіями, умѣетъ очень хорошо отличить свои обязанности отъ предразсудковъ, увлекающихъ его на ложный путь. Странѣ этой нечего опасаться отъ насъ за свою независимость. Французскій офиціальный органъ кончаетъ похвалою Пруссіи, которая присоединилась къ Англіи въ возникшихъ политическихъ затрудненіяхъ, « въ то время, какъ нѣкоторые агитаторы старались возбудить и образовать коалицію въ Германіи противъ Франціи. Умѣренный образъ дѣйствій берлинскаго кабинета, прибавляетъ онъ, конечно, несравненно выгоды для Германіи, чѣмъ изступленіе тѣхъ, которые, взывая къ злопамятству и предразсудкамъ 1813 года, могутъ, пожалуй, раздражить во Франціи національное чувство. Французскій народъ столько же щекотливъ въ своей чести, сколько умѣренъ въ своей силѣ, и если угроза раздражаетъ его, то дружелюбное слово можетъ умиротворить этотъ народъ. »

Въ то время, какъ судьбы Италіи занимаютъ такъ сильно общественное мнѣніе въ Европѣ, любопытно слѣдить за тѣмъ, какъ отражается это на самихъ италіанскихъ государствахъ. Къ несчастію, судить объ ихъ настоящемъ положеніи чрезвычайно трудно, ибо тяжелый, правительственный гнетъ умерщвляетъ тамъ всякую мысль при самомъ зарожденіи ея и останавливаетъ проявленіе самыхъ законныхъ, самыхъ справедливыхъ желаній общества. Находятся даже люди, которые объявляютъ прямо, что никакія улучшенія въ Римѣ и Неаполѣ невозможны, что только радикальнныя мѣры могутъ пробудить въ нихъ новую жизнь: мысль эта развита въ упомянутомъ выше сочиненіи г. Джона Лемуана, появившемся недавно подъ заглавіемъ: *Affaires de Rome*. « Въ сочиненіи этомъ, говоритъ г. Прево-Парадоль, авторъ поставилъ правильно вопросъ, но не посмѣшилъ его разрѣшеніемъ. Пусть онъ успокоится, вопросъ не будетъ разрѣшенъ и самимъ конгрессомъ. Конгрессъ употребитъ всѣ средства, и, конечно, онъ окажетъ большую заслугу въ этомъ отношеніи, чтобы, не посягая на независимость папскаго правительства, сдѣлать его болѣе сноснымъ для народа, но долженъ будетъ предоставить времени окончательное разрѣшеніе задачи ». Мы понимаемъ эти слова въ томъ смыслѣ, что трудности, съ которыми должны бороться всѣ попытки реформъ въ Римской области и Неаполѣ, заключаются не въ измѣненіи только правительственной системы, не въ уничтоженіи только чужеземной опоры деспотизму, но почти столько же въ самомъ обществѣ, на которомъ, что бы ни говорили, отразились весьма печально нѣсколько столѣтій невыносимо дурнаго управленія. Чувство законности, привычки самоуправле-

ніа сильно потрясены въ немъ; ихъ не видать почти нигдѣ, но за то, если гдѣ они проявляются, хотя въ слабой степени, они невольно привлекаютъ къ себѣ вниманіе. Это происходитъ, между прочимъ, теперь въ Тосканѣ. Страна эта, если сравнить ее съ другими странами полуострова,—мы не говоримъ конечно о Пьемонтѣ,—находилась до сихъ поръ относительно въ лучшемъ положеніи. Правительство великаго герцога не отличалось большою мягкостью, но и не позволяло себѣ тѣхъ безразсудныхъ, деспотическихъ мѣръ, о которыхъ приходится слышать непрерывно въ другихъ итальянскихъ государствахъ; народъ не страдалъ подъ бременемъ невыносимо тяжкихъ налоговъ; печать, наконецъ, пользовалась нѣкоторыми льготами; по крайней мѣрѣ, во Флоренці печаталось то, чего невозможно было и подумать напечатать въ Неаполѣ или Папскихъ Владѣніяхъ. Неудивительно, что эти сравнительно благоприятныя обстоятельства развили нѣсколько въ публикѣ чувство мѣры и законности, которое не было заглушено даже въ смутную эпоху 1848 года. Оно пробуждается, между прочимъ, очень сильно и теперь. Волненіе, порожденное во всей западной Европѣ итальянскимъ вопросомъ, находитъ, кажется, сильный отголосокъ въ Тосканѣ. Общественное мнѣніе энергически возстало здѣсь противъ австрійскаго вліянія, тѣмъ болѣе сильнаго въ Тосканѣ, что тамошній великій герцогъ, какъ извѣстно, находится въ близкихъ родственныхъ сношеніяхъ съ австрійскимъ царствующимъ домомъ. Требования общества были выражены какъ нельзя лучше въ брошюрѣ, появившейся недавно подъ заглавіемъ: *Тоскана и Австрія*, и составленіе которой приписываютъ нѣкоторымъ лицамъ, пользующимся самою почетною репутаціею во Флоренці. Въ брошюрѣ этой изображается поразительными красками гибельное вліяніе вѣнскаго политическаго, но и въ отношеніи нравственнаго и матеріальнаго. Обнародованіе ея въ настоящее время, когда вся Италія находится въ напряженномъ состояніи, имѣетъ особенную важность: оно должно было неминуемо побудить правительство великаго герцога къ рѣшительному образу дѣйствій въ томъ или другомъ смыслѣ,—побудить его къ союзу съ либеральною партіей или сдѣлать еще тѣснѣе связь между нимъ и Австріей. Такъ и случилось. Тосканское правительство съ упорствомъ продолжаетъ слѣдовать по прежнему пути, и между нимъ и большинствомъ мыслящей публики началась борьба, не лишенная интереса: съ одной стороны мы видимъ произвольное закрытіе типографіи, въ которой печаталась брошюра, конфискацію всѣхъ отпечатанныхъ экземпляровъ, преслѣдованіе тѣхъ авторовъ, на которыхъ падаетъ подозрѣніе правительства; съ другой, напротивъ, оппозицію твердую и непреклонную, но не

выходящую изъ предѣловъ законности. Особенно замѣчательно то, что всѣ безъ изъятія тосканскіе адвокаты подписали протестъ противъ незаконнаго закрытія типографіи и конфискаціи экземпляровъ упомянутой брошюры. Великій герцогъ отвѣчалъ на это закономъ о стѣсненіи свободы книгопечатанія. Желательно, конечно, чтобы борьба эта не приняла гораздо опаснѣйшихъ размѣровъ, желательно тѣмъ болѣе, что, по словамъ даже самыхъ хладнокровныхъ наблюдателей дѣлъ въ Тосканѣ, умы находятся въ сильномъ напряженіи, и въ воздухѣ слышится тотъ же запахъ, что и въ началѣ 1848 года. Множество волонтеровъ отправляются оттуда почти каждый день въ Пьемонтъ; они идутъ съ пѣснями, ихъ провожаютъ друзья и родственники, отовсюду раздаются крики: «да здравствуетъ Италия!» Не то ли же самое происходило и въ 1848 году, когда движеніе началось съ самыхъ умѣренныхъ манифестацій, а кончилось диктатурою Монтанелли? Обязанность благоразумнаго правительства не возбуждать умы, а благовременнымъ удовлетвореніемъ законныхъ потребностей стараться успокоить ихъ.

Но если на сѣверѣ Италіи замѣчаемъ нѣкоторое движеніе, какое спокойствіе за то господствуетъ въ южныхъ ея предѣлахъ! Не надо впрочемъ понимать это слово: спокойствіе, въ слишкомъ обширномъ смыслѣ. Даже корреспондентъ газеты *le Nord*, который, кажется, немного сродни доктору Панглосу, находившему, что *tout est pour le mieux dans le meilleur des mondes possibles*, считаетъ необходимымъ сознаться, что путешествіе по неапольскимъ улицамъ въ позднюю пору не совсѣмъ пріятно. Недавняя амнистія освободила вмѣстѣ съ политическими преступниками несмѣтное количество воровъ и разбойниковъ, съ тою только разницею, что въ то время какъ политическіе преступники были отправлены въ Америку, разбойники и воры нисколько не были понуждаемы покинуть любезное для нихъ отечество. Но помимо этой маленькой непріятности, общественная жизнь народа не проявляется рѣшительно ничѣмъ. Король находится теперь въ Казертѣ, и состояніе его здоровья возбуждаетъ самая серіозная опасенія. Врачи объявили его положеніе безнадежнымъ. Не только никто изъ придворныхъ, но самые близкіе члены королевской фамиліи не находятъ къ нему доступа. Королева управляетъ въ сущности всѣми дѣлами. Тотъ же самый корреспондентъ *le Nord* сообщалъ недавно любопытныя свѣдѣнія объ опекѣ, въ которой находится наследникъ престола, герцогъ Калабрскій и его супруга. Они не имѣютъ возможности видѣться съ своими родственниками, выходить изъ дворца, прогуливаться въ публикѣ, имѣть сношенія съ кѣмъ бы то ни было, кромѣ приставленныхъ къ нимъ четырехъ лицъ, трехъ генераловъ и одного іезуита. Об-

шеству предоставляется, такимъ образомъ, широкое поле для догадокъ, къ чему ведутъ всѣ подобныя мѣры, значеніе которыхъ получаетъ тѣмъ болѣе вѣсу, что состояніе здоровья короля ни для кого не составляетъ тайны...

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Г. Мельниковъ, напечатавшій въ журналахъ нѣсколько разказовъ подъ псевдонимомъ Андрея Печерскаго, обратился въ минувшемъ февралѣ съ письмомъ въ редакцію *Русскаго Вѣстника*, требуя объясненія, почему два его разказа, помѣщенные въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за 1857 годъ, продаются въ Петербургѣ особыми оттисками, спрашивая, не контрафакція ли это типографіи, носящей фирму Каткова и К^о, и побуждая принять мѣры для удовлетворенія его за убытки, которые могла причинить ему эта контрафакція. Сдѣлавъ нужныя справки, редакторъ *Русскаго Вѣстника* немедленно отвѣчалъ ему письмомъ, которое приводимъ здѣсь in extenso, потому что въ этомъ письмѣ содержится полное объясненіе случая, возбуждившаго въ г. Мельниковѣ подозрѣніе, случая, впрочемъ, совершенно яснаго, такъ что подобное подозрѣніе было бы необъяснимо въ человѣкѣ, знакомомъ съ дѣломъ книгопечатанія, еслибы онъ не слишкомъ увлекся неосновательнымъ, хотя можетъ-быть и добросовѣстнымъ желаніемъ получить удовлетвореніе за мнимые убытки:

«М. Г., вы обратились ко мнѣ, требуя объясненія факта, который привелъ васъ въ недоумѣніе. Къ сожалѣнію, не дождавшись моего объясненія, вы поспѣшили сами объяснить его какъ предосудительный поступокъ типографіи, носящей мое имя, — какъ контрафакцію.

«Экземпляры двухъ вашихъ разказовъ, которые, какъ вы замѣтили, продаются въ с.-петербургскихъ книжныхъ лавкахъ, не отдѣльные оттиски, а статьи, вырѣзанныя изъ книжекъ *Русскаго Вѣстника*. Случилось же это слѣдующимъ образомъ. Въ 1857 году, *Русскій Вѣстникъ* выходилъ въ числѣ 4800 экземпляровъ. Къ маю мѣсяцу все это количество экземпляровъ было разобрано, а между тѣмъ подписка продолжалась, и редакция сочла нужнымъ объявить полугодовую подписку на 12 книжекъ, начиная съ 1 іюля. Къ 4.800 полныхъ экземпляровъ было прибавлено, съ 13 нумера, еще 700 экземпляровъ, что въ совокупности составляло 5.500. Изъ числа этихъ прибавочныхъ полугодовыхъ экземпляровъ разошлось 300, и съ № 17 заводъ уменьшенъ на 400 экземпляровъ. Въ началѣ прошлаго года эти 400 лишнихъ экземп-

яровъ четырехъ книжекъ (13, 14, 15 и 16) были куплены книгопродавцемъ Свѣшниковымъ. Онъ, какъ теперь оказывается, нашелъ для себя удобнымъ разбить эти экземпляры на отдѣльныя статьи, по крайней мѣрѣ оказалъ эту честь вашимъ двумъ статьямъ, изъ которыхъ одна была напечатана въ 13 номерѣ, а другая въ 16. Стоить взглянуть на эти брошюры. чтобъ убѣдиться, что они вырѣзаны изъ книжекъ журнала: объ этомъ свидѣлствуетъ и титрованіе и счетъ страницъ. Сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ такого узаконенія, которое препятствовало бы книгопродавцу продавать книги по частямъ. Во всякомъ случаѣ, это не касается ни меня, ни моей типографіи. Если вы считаете такую продажу дѣломъ незаконнымъ или предосудительнымъ, то можете отнестись за объясненіемъ къ книгопродавцу Свѣшникову въ Москвѣ.

«Прошу васъ принять и пр.»

28 февраля 1859.

Москва.

Дѣйствительно, дѣло было ясно: на страницахъ этихъ мнимыхъ особыхъ оттисковъ, такъ встревожившихъ г. Мельникова, стоитъ названіе журнала и счетъ страницъ тѣхъ книжекъ, откуда онѣ вырѣзаны. Редакція каждаго журнала печатаетъ большее или меньшее количество запасныхъ экземпляровъ своего изданія; въ редакціи каждаго журнала остается большее или меньшее количество разбитыхъ экземпляровъ. Лишніе или разбитые экземпляры уступаются книгопродавцамъ, которые дѣлаютъ изъ пріобрѣтенныхъ книжекъ такое употребленіе, какое находятъ для себя выгоднымъ, не отдавая въ томъ отчета ни редакціи, ни автору. Г. Мельникову оставалось бы только сознаться въ своей излишней подозрительности, но онъ предпочелъ сдѣлать въ своей газетѣ слѣдующую странную выходку, и не раскрывая передъ публикою всѣхъ обстоятельствъ дѣла, пригласилъ ее выслушать нѣсколько двусмысленныхъ намековъ. Вотъ эта выходка, напечатанная въ фельетонѣ *Русскаго Дневника* (№ 59):

«Въ 1857 году помѣщены были мною въ *Русскомъ Вѣстникѣ* повѣсть *Старые Годы* и разказъ *Медвѣжій Уюль*. Ни полного собранія моихъ сочиненій, ни одного котораго либо отдѣльными книжками я до сего времени не печаталъ. Между тѣмъ, въ Москвѣ, въ Петербургѣ и въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ появились въ продажѣ *Старые Годы* и *Медвѣжій Уюль*, въ видѣ вырѣзанныхъ изъ *Русскаго Вѣстника* листковъ, брошюрованныхъ въ особой оберткѣ. По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, число такихъ брошюръ находятся въ продажѣ до 400; онѣ продаются по 1 р. сер. каждая.

«Я не давалъ никому права на подобную продажу и потому шокорнѣйше прошу гг. книгопродавцевъ и покупателей смотрѣть на эти брошюры, какъ на пущенныя въ продажу не только безъ согласія, но даже и безъ вѣдома ихъ автора.

«Я не протестую противъ редакціи *Русскаго Вѣстника*, продавашаго оставшіяся за распролажею 400 экземпляровъ тѣхъ номеровъ, въ которыхъ были помѣщены эти статьи, я не протестую и противъ покуп-

ки московскимъ книгопродавцемъ Свѣшниковымъ различные экземпляры *Русскаго Вѣстника*, но протестую противъ появленія моихъ сочиненій въ отдѣльномъ видѣ. Каждая купленная имъ книжка *Русскаго Вѣстника* стоитъ 68 коп. (съ пересылочной даже цѣной); зачѣмъ же онъ продавалъ на вырѣзку одѣ мои статьи по 1 руб.?

«Со стороны редакціи *Русскаго Вѣстника* въ этомъ дѣлѣ, какъ я совершенно убѣдился, нѣтъ контрафакціи. Противу поступка г. Свѣшникова нѣтъ положительнаго закона.

«Но, обращаясь къ суду общественнаго мнѣнія, выражаю слѣдующее: нарушаетъ или не нарушаетъ права литературной собственности этотъ поступокъ?»

«За симъ я объявляю, что хотя и общалъ редакціи *Русскаго Вѣстника* помѣстить въ этомъ журналѣ романъ мой *Свадьба уходомъ* и другія статьи, но послѣ продажи г. Свѣшниковымъ моихъ сочиненій не считаю себя обязаннымъ исполнить мое обѣщаніе: названный романъ и другія статьи, назначенныя для *Русскаго Вѣстника*, будутъ выпечатаны, думаю, въ *Современникѣ*, частію въ *Русскомъ Дневникѣ*»

Г. Мельниковъ поднимаетъ вопросъ о литературной собственности. Находя, что книгопродавецъ Свѣшниковъ правъ передъ закономъ, онъ протестуетъ противъ его поступка передъ общественнымъ мнѣніемъ. Г. Мельниковъ находитъ, что книгопродавецъ Свѣшниковъ нарушаетъ право литературной собственности и нарушаетъ именно тѣмъ, что пользуется по своему усмотрѣнію этимъ правомъ, законно имъ приобрѣтеннымъ. Книгопродавецъ прибрѣлъ въ собственность книги, и какъ передъ закономъ, такъ и предъ общественнымъ мнѣніемъ, имѣетъ право продавать ихъ, и вообще поступать съ ними, какъ знаетъ.

Но г. Мельниковъ не доволенъ поступкомъ г. Свѣшникова и потому считаетъ себя свободнымъ отъ какого-то обязательства, будто бы принятаго имъ передъ редакціей *Русскаго Вѣстника*.

Силлогизмъ г. Мельникова состоитъ въ слѣдующемъ: книгопродавцу не воспрещается продавать свою собственность, какъ онъ знаетъ; но способъ, какимъ книгопродавецъ продаетъ свои книги, не пріятенъ г. Мельникову; слѣдовательно г. Мельниковъ считаетъ себя свободнымъ отъ обязательства напечатать въ *Русскомъ Вѣстникѣ* какія-то свои статьи и какой-то свой романъ, которые, будто бы, онъ обязался помѣстить въ этомъ журналѣ.

Г. Мельниковъ, дѣйствительно, еще въ 1857 году, предлагалъ редакціи *Русскаго Вѣстника* замысленный имъ разказъ или, какъ онъ теперь называетъ, романъ. Въ концѣ прошедшаго года онъ еще разъ заявилъ свое предложеніе. Редакція благодарила его и просила выслать то, что готово изъ этого труда. Но она не придавала никакого особаго значенія этому обѣщанію, не думала заявлять его передъ публикой, и если г. Мельниковъ считалъ себя почему-либо обязаннымъ помѣстить въ *Русскомъ*

Вѣстникъ свой романъ, то редакція этого журнала ни передъ публикою, ни передъ нимъ не принимала обязательства напечатать его. Можетъ быть, что когда романъ былъ бы готовъ, редакція не нашла бы возможнымъ воспользоваться имъ. Печатное объявленіе г. Мельникова о будущихъ судьбахъ его романа могло имѣть интересъ развѣ только для редакціи, а не для публики, которая ничего не знала объ этомъ романѣ и не изъявляла нетерпѣнія видѣть его въ печати. Но и по отношенію къ редакціи г. Мельникову вовсе не нужно было искать предлога, чтобъ уклониться отъ того, что онъ называетъ своимъ обязательствомъ; ему уже извѣстно по опыту, какъ мало притязательна была редакція *Русскаго Вѣстника*, относительно его общаній, и какъ мало она была расположена давать имъ силу обязательствъ. Если романъ будетъ хорошъ, какъ мы и ожидаемъ, то мы съ неменьшимъ удовольствіемъ прочтемъ его на страницахъ всякаго другаго журнала.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ

А. И. ГЛАЗУНОВА,

на Кузнецкомъ мосту въ домъ Торлецкаго,

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ ТОЛЬКО-ЧТО ОТПЕЧАТАННАЯ КНИГА:

Руководство къ изученію садоводства и огородничества, сост. Э. Ө. Рего, Адъ-юнкть-профессоромъ Горыгорѣцкаго Земледѣльческаго Института. Въ 3-хъ частяхъ. Второе исправленное и дополненное изданіе. Съ 5-ю таблицами литографированныхъ рисунковъ, 1 томъ, въ большую 8-ю долю листа, напечатанный на веленовой бумагѣ. М. 1859. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3. р. с.

Первая часть содержитъ: Общія правила садоводства и огородничества. Вторая часть: Огородничество. Третья часть: Садоводство.

У КНИГОПРОДАВЦА
Ө. О. СВЪШНИКОВА,

КОММИССИОНЕРА ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА И МО-
СКОВСКАГО ПОЧЕТИТЕЛЬНАГО О ТЮРЬМАХЪ КОМИТЕТА,

въ Москвѣ, въ книжныхъ магазинахъ:

*Университетскому, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Университетской ти-
пографіи, и на Никольской улицѣ, близъ Казанскаго Собора, подъ №№ 4 и 5.*

МИНУТЫ УЕДИНЕННЫХЪ РАЗМЫШЛЕНІЙ ХРИСТІЯНИНА Кирилла епископа мелитопольскаго, настоятеля восточной мис-
сіи въ Іерусалимѣ. Изд. 2. Спб. 1859 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер.
1 р. 75 к.

О ПОДРАЖАНІИ ХРИСТУ, Өомы Кемпійскаго, съ портретомъ
автора и изображеніемъ Господа нашего Іисуса Христа, пере-
водъ Сперанскаго. М. 1859 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р. с.

НАПОМИНАНІЕ готовящимся къ исповѣди. Спб. 1859 г. Ц.
10 к., съ пер. 35 к.

СОБРАНІЕ важнѣйшихъ памятниковъ по исторіи древняго рус-
скаго права. И. Лазаревскаго и Я. Утина. Спб. 1859 г. Ц. 80 к.
съ пер. 1 р. 10 к.

СПОСОБЪ АМЕРИКАНЦА РЕРИ, какъ укрощать озлобленныхъ
лошадей (доступный для всѣхъ), съ приложен. семи рисунковъ.
Спб. 1859 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

ИСТОРИЯ СУДЕБНЫХЪ ИНСТАНЦІЙ и гражданскаго апел-
ляціоннаго судопроизводства отъ Судебника до Учрежденія о гу-
берніяхъ. Соч. Ө. Дмитріева. М. 1859 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р.
75 к.

ПРАВДА о крѣпостномъ правѣ. В. К. Иванова. Спб. 1859
г. Ц. 50., съ пер. 75 к.

ОПЫТНЫЙ МАЛЯРЪ и стекольщикъ, съ политипажами. Соч.
Н. Матвѣевскаго. Изд. 2-е., значительно исправленное и допол-
ненное. Спб. 1859 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА всѣхъ странъ земли, Отто Гю-
бнера, съ показаніемъ пространства, формы и главы правленія,
народонаселенія, государственнаго расхода и долговъ, цѣнности,
бумажныхъ денегъ и обращающихся банковыхъ билетовъ, числен-
ности войска, военнаго и купеческаго флота, привоза и вывоза,

таможеннаго сбора, главнѣйшихъ произведеній, цѣнъ монетъ, мѣръ, вѣса, длины и емкости для жидкихъ и сыпучихъ тѣлъ, протяженія желѣзныхъ дорогъ и телеграфныхъ линий, замѣчательныхъ городовъ, издано В. Безобразовымъ и А. Есаковымъ. Спб. 1859 г. Ц. 25 к., съ пер. 50 к.

РУССКІЕ САТИРИЧЕСКІЕ ЖУРНАЛЫ 1769—1774 годовъ. Эпизодъ изъ исторіи русской литературы прошлаго вѣка. Соч. А. Аоанасьева. Спб. 1859 г., Ц. 50 к., съ пер. 2 р.

РУКОВОДСТВО къ сохраненію здоровья и воспитанію чело-вѣка, письма о тѣлесномъ и душевномъ воспитаніи, о достиженіи возможно-счастливаго состоянія чело-вѣка во всякомъ возрастѣ, полѣ и при всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Необходимая книга для всякаго образованнаго вообще, и въ особенности для врачей, родителей и воспитателей. Составлен. по сочин. К. Г. Резенберга, В. Добронравовымъ, въ четырехъ частяхъ. Спб. 1858 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

РУКОВОДСТВО къ садоводству и огородничеству. А. Муратов, дѣйствит. члена Росс. общ. любит. садов. и комитета алимент. растений, съ 38 рисунками. М. 1859 г., Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

НОВОРОССІЙСКІЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ. Изд. А. Богдановскаго и А. Георгіевскаго. Одесса. 1859 г. Ц. съ пер. 3 р. 50 к. с.

О ТОПЛЕНІИ ТОРФОМЪ и о новомъ способѣ хлѣбопеченія и варенія пицци, въ примѣненіи къ казармамъ и другимъ общественнымъ заведеніямъ. Н. Крита. Спб. 1859 г., Ц. 50 к., съ пер. 75 к. с.

ВО ВНОВЬ ОТКРЫТОМЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ

А. СМІРДИНА (СЫНА) и К^о.

На Никольской улицѣ, въ домѣ графа Шереметева,
въ Москвѣ.

Поступили въ продажу:

ИСТОРИЯ СУДЕБНЫХЪ ИНСТАНЦІЙ и гражданскаго апелляціоннаго судопроизводства отъ Судебника до Учрежденія о губерніяхъ. Соч. Ѳ. Дмитріева. М. 1859 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ОПЫТЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ русскаго языка. Учебное пособие для преподавателей. Часть I. Этимологія. Часть II. Синтаксисъ. Составлено Ѳ. Буслаевымъ. М. 1858 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

УЧЕБНАЯ КНИГА РУССКОЙ ИСТОРИИ. Соч. Сергѣя Соловьева. М. 1859 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

ЛАОКООНЪ, или о границахъ живописи и поэзіи. Соч. Лессинга. Переводъ Е. Эдельсона. М. 1859 г., 204 стр. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

О ДВИЖЕНІЯХЪ ВЫСШИХЪ РАСТЕНІЙ. С. Рачинскаго. М. 1859 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

РУССКІЕ САТИРИЧЕСКІЕ ЖУРНАЛЫ 1769—1774 годовъ. Эпизодъ изъ истории русской литературы прошлаго вѣка. Соч. Аванасьева. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р. М. 1859 г.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ СЕНКОВСКАГО (барона Брамбеуса), съ портретомъ автора. Спб. 1858—59 г. За полное изданіе, состоящее изъ 9 т., 10 р., съ пер. 12 р. 50 к. Вышли 1, 2, 3, 4 и 5 т.

ОСИПЪ ИВАНОВИЧЪ СЕНКОВСКІЙ (баронъ Брамбеусъ). Біографическія записки его жены. Спб. 1859 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

СБОРНИКЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ СТАТЕЙ, посвященныхъ русскими писателями памяти покойнаго книгопродавца Смирдина. Изд. с.-петербургскихъ книгопродавцевъ въ пользу семейства А. Ф. Смирдина и на сооруженіе ему памятника. Спб. 1858 и 59 г. Вышли 4 т. Ц. 4 р., съ пер. 5 р.

ПЬСНИ БЕРАНЖЕ, переводы В. Курочкина, 2-е дополн. изд. съ портретомъ автора, на веленовой бумагѣ. Спб. 1858 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

СТИХОТВОРЕНІЯ ПОЛЕЖАЕВА. Второе изданіе. М. 1859 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

При магазинѣ находятся конторы: полнаго собранія сочиненій русскихъ авторовъ, изданія А. Смирдина, дѣтскихъ книгъ, альбомовъ, рисунковъ и картинъ, изданіе В. Генкеля, а также принимается подписка на всѣ журналы и газеты, выходящіе въ Россіи.

ВЪ КОНТОРЪ ТИПОГРАФІИ КАТКОВА и Ко

въ Армянскомъ переулкѣ.

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

РИМСКІЯ ЖЕНЩИНЫ. Историческіе разказы по Тациту. П. Кудрявцева. М. 1856 г. Цѣна въ Москвѣ и С.-Петербургѣ 2 р. 50 к. съ пер. 3 р.

СУДЬБЫ ИТАЛІИ отъ паденія Западной Римской Имперіи до возстановленія ея Карломъ Великимъ. Соч. П. Кудрявцева. М. 1850. Цѣна 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. 50 к.

ОСАДА ЛЕЙДЕНА въ 1573 и 1574 г. Эпизодъ изъ исторіи войнъ за независимость Нидерландовъ. Соч. П. Кудрявцева. М. 1855. Цѣна 50 к., съ пер. 75 к.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по античному отдѣленію Эрмитажа. Соч. академика Стефани. М. 1856. Ц. 70 к., съ пер. 1 р.

ТРИ ОТКРЫТІЯ въ естественной исторіи пчелы. К. Ф. Рулье. М. 1857 г. Ц. 70 к., съ пер. 1 р.

ПАПСТВО и СВЯЩЕННАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРІЯ въ XIV и XV столѣтіи (до Базельскаго собора). Соч. Генриха Вызинскаго. М. 1857 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

РАЗБОРЪ КОМЕДІИ ГРАФА СОЛЛОГУБА ЧИНОВНИКЪ. Н. Ф. Павлова. М. 1857. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

БЮГРАФЪ-ОРИЕНТАЛИСТЪ. Н. Ф. Павлова. М. 1857. Ц. 50 к. съ пер. 75 к.

СѢВЕРЪ и ЮГЪ. Романъ. Переводъ съ англійскаго. М. 1857. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА, или жизнь негровъ въ невольничьихъ штатахъ сѣверной Америки. Романъ г-жи Бичера Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1858. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 р.

ДВѢ СЕСТРЫ. Романъ Е. Нарской. Въ двухъ томахъ. М. 1858. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

УЗКІЙ ПУТЬ. Романъ въ двухъ частяхъ. соч. Криницкаго. М. 1858. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА. Романъ Ю. Жадовской. М. 1857. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ЗОЛОТУХА, ея исторія, значеніе, отличительные признаки, причины и леченіе вообще. Доктора С. Смирнова. М. 1856. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 коп.

УРОСКОПІЯ. Руководство къ изслѣдованію почечнаго отдѣленія, помощію химіи и микроскопа, въ приложеніи къ распознаванію болѣзней. Докт. С. Смирнова. М. 1852. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

ОСНОВАНІЯ КЛИМАТОЛОГІИ, или популярное изложеніе научныхъ свѣдѣній, относящихся къ теченію временъ года и измѣненіямъ погоды. Соч. І. Ж. Гузо. Переводъ съ французскаго. М. 1839. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Гг. книгопродавцамъ дѣлается обычная уступка.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

НУЖДЫ И ЖЕЛАНІЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ (1).

III.

О ПАРОВОМЪ ПЛУГѢ Г. КЕНДЗИ И ПАРОКОННОМЪ Г. МОЛЛЯ.

Примѣненіе пара, какъ двигателя, распространяясь все болѣе и болѣе въ мануфактурной промышленности и оказывая уже значительныя услуги въ усадебномъ хозяйствѣ, еще до сихъ поръ не приносило значительной пользы хозяйству внѣ усадебъ, полеводству, обработкѣ земли и уборкѣ произведеній. Можно надѣяться, что и то и другое скоро осуществится.

Много было придумано до сихъ поръ разныхъ аппаратовъ и машинъ для употребленія при паханіи земли; но ни одна изъ нихъ не достигла практическаго примѣненія. Особенно въ Англии, странѣ движенія паромъ, много хлопочуть объ этомъ вопросѣ. Королевское общество въ Лондонѣ объявило премію въ 500 фун. стерлинговъ, и прошлымъ лѣтомъ былъ даже назначенъ конкурсъ паровыхъ плуговъ.

Обрабатываютъ землю подъ растенія двояко: 1) конными пахатными орудіями: плугами, скарификаторами и т. п.; 2) ручными заступами, мотыками и другими. Послѣдними работа обходится несравненно дороже, но за то она значительно совершеннѣе.

Принявъ за основаніе которую-нибудь изъ этихъ системъ, изобрѣтатели старались примѣнить ихъ къ обработкѣ земли посредствомъ пара. Одни предпочитали подражать плужной пашнѣ: такъ устроены плуги Ушера, лорда Виллогби, Вильяма, Фолера, Фискера, Бойдела, Борреля, Коллинсоль-Галля, Туксфорда. Другіе, какъ напримѣръ братья Барратъ, Роменъ (изъ Калифорніи), Бауеръ и Кендзи придерживались системы ручной обработки. Вотъ краткое описаніе всѣхъ этихъ орудій.

Въ плугѣ Ушера къ локомотиву (2) придѣланы сзади на вращающейся оси плуги, которыхъ назначеніе вспахивать землю.

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 1. Статьи, печатаемыя подъ этою рубрикою, доставляются въ редакцію г. Кокоревымъ.

(2) Локомотивъ и локомобиль — паровыя машины, поставленныя на платформѣ съ колесами, какъ у повозокъ. У первой стержень поршня пароваго цилиндра соединенъ съ одной изъ осей колесъ, а потому вся машина можетъ помощію пара перемѣнять мѣсто. У второй стержень поршня пароваго цилиндра соединенъ съ маховымъ колесомъ, которое передаетъ дѣйствіе паровой силы. Самая же машина можетъ перемѣнять свое мѣсто съ помощію животныхъ двигателей.

По способу лорда Виллогби на оконечностяхъ пашни ставятся два локобиля, которые попеременно притягиваютъ къ себѣ, посредствомъ воротовъ и проволочнаго каната, нѣсколько соединенныхъ плуговъ.

Система Вилльама почти та же, что и лорда Виллогби, съ небольшими измѣненіями.

Паровой плугъ Фолера состоитъ изъ локобиля, который устанавливается на срединѣ одной изъ сторонъ прямоугольнаго параллелограма, назначеннаго для пашни; по угламъ параллелограма ставятся якорныя тѣлѣжки съ блоками. Два проволочные каната, начинаясь отъ шпиля (trieur) у локобиля, проходятъ сначала въ ближайшіе къ машинѣ блоки, а потомъ въ отдаленные и, напоследокъ, концами своими прикрѣпляются къ двойному многолемешному плугу. Плугъ этотъ состоитъ изъ двухъ деревянныхъ рамъ, соединенныхъ подъ извѣстнымъ угломъ; въ соединеніи рамъ утверждены пара колесъ въ родѣ передка; на рамахъ прикрѣплены по четыре обыкновенныхъ плуга сошниками къ передку. При дѣйствіи одна половина плуговъ пашетъ, а другая приподнята. Канатъ, навиваясь на шпиль, тащитъ плугъ (отъ одной стороны параллелограма къ другой), который вспахиваетъ вдругъ четыре пласта, или полосу шириною въ 1 арш. 6 вершковъ, глубиною 4 вершка.

Когда плугъ дойдетъ до другой стороны, то два отдаленные блока и плугъ переставляютъ ближе къ локобилю, на ширину вспаханной полосы; плугъ переворачивается, т. е. одна половина спускается, а другая поднимается, канатъ начинаетъ навиваться въ противоположную сторону и вспахивается новая полоса и т. д. (1).

Способъ Фискера имѣетъ одинаковое основаніе съ предыдущимъ; только, вмѣсто проволочныхъ канатовъ, употребляются пеньковые.

Боррель, Коллинсонъ-Галль и Туксфордъ устроили локомотивы съ подвижными рельсами, по системѣ Бойделя, которые можно назвать настоящими паровыми лошадьми (Steamhorse). Къ этимъ локомотивамъ прикрѣпляютъ на дѣляхъ плуги, бороны и пр.

Братья Барратъ къ локомотиву, съ широкими ободами у колесъ, придѣлали позади взрывающій аппаратъ; онъ получаетъ движеніе отъ паровой машины и состоитъ изъ вала, къ коему прикрѣпленъ рядъ заступовъ, или кирокъ, числомъ 9, которыя, углубляясь въ землю и поднимаясь, взрываютъ ее на глубину до 11 вершковъ.

(1) Представленный прошлымъ годомъ на выставку въ Честерѣ, этотъ плугъ получалъ нѣкоторыя усовершенствованія.

Плугъ Ромена напоминаетъ систему Ушера. Позади локомотива придѣланы на вращающейся оси ножи и лопатки, обрабатывающія землю.

Паровой землекопатель Бауера состоитъ изъ локомотива, къ коему сзади придѣланы шесть или болѣе широкихъ заступовъ; посредствомъ системы рычаговъ они исполняютъ дѣйствіе копанія земли, подобно рукамъ человѣка. Позади этихъ лопатъ устроенъ родъ желѣзныхъ граблей, имѣющихъ назначеніе замѣнить дѣйствіе бороны.

Машина Кендзи описана ниже.

Нѣкоторыя изъ этихъ машинъ я видѣлъ во время моего путешествія за границей, въ натурѣ, другія въ моделяхъ или чертежахъ, и полагаю, что ни отъ одной изъ нихъ нельзя ожидать такой практической пользы, какъ отъ изобрѣтеннаго во Франціи пароваго плуга Кендзи.

Хотя, можетъ-быть, практика и покажетъ, какія въ устройствѣ его нужно сдѣлать улучшенія; но уже и въ то время, когда я его видѣлъ въ дѣлѣ, онъ работалъ вполне удовлетворительно.

Опыты дѣлались въ Венсенскомъ лѣсу, близъ Парижа, гдѣ машина производила разработку нови на почвѣ песчано-глинистой (1), изъ-подъ расчищеннаго дубоваго и другаго листовнаго лѣса. Работа шла хорошо. Толщина срубленныхъ деревьевъ, близъ самой поверхности земли, доходила до 3 вершковъ; пни и корни не были выкорчеваны; они не послужили препятствіемъ къ дѣйствію машины и были ею всѣ выкопаны на поверхность, равно какъ и камни значительной величины. Нѣкоторые изъ нихъ доходили объемомъ до 400 кубическихъ вершковъ; одинъ камень, длиною около 14 вершковъ, а средней окружности 1 аршинъ 3 вершка, раскололся пополамъ и вытащенъ на поверхность; изъ любопытства я его нарочно вымѣрялъ. Болѣе толстые пни были расколоты на нѣсколько частей.

Пространство, обработанное паровымъ плугомъ Кендзи, имѣетъ видъ, какъ будто бы оно было вскопано заступомъ, и даже очертанія участка отдѣланы съ изумительною отчетливостію.

Паровой плугъ, или землекопатель Кендзи, устройствомъ походитъ и на локомотивъ, и на локомобиль. Вслѣдствіе равъединенія копающаго механизма отъ пароваго цилиндра, получается паровой двигатель, который, черезъ передаточный ремень на маховомъ колесѣ, можетъ приводить въ дѣйствіе молотилки, вѣлки, соломо-рѣзки и прочія хозяйственныя машины.

Машина имѣетъ передній и задній ходъ; при послѣднемъ, во

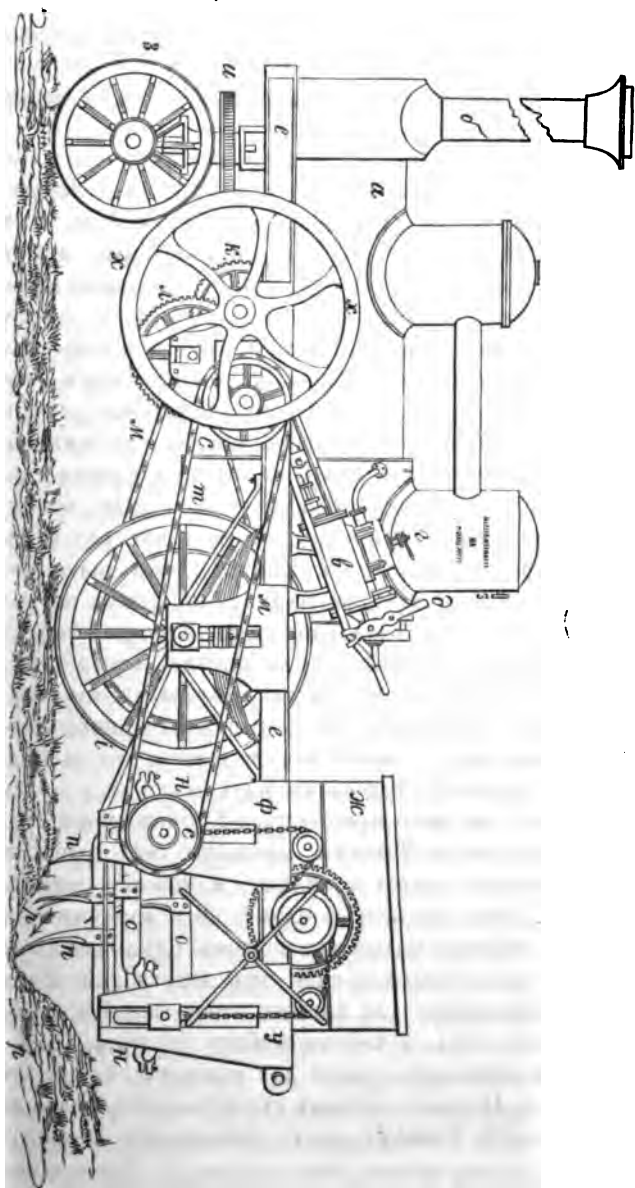
(1) На твердо-глинистой почвѣ машина работаетъ еще съ большимъ успѣхомъ.

время производства работы, копающій аппаратъ поднимается и не дѣйствуетъ. Движенія ея свободны; управлять машиной чрезвычайно легко; вообще, механизмъ представляетъ одно изъ самыхъ остроумныхъ приложений механики. Паровой плугъ по обыкновеннымъ дорогамъ идетъ свободно, съ значительною скоростью.

Вотъ объясненіе чертежа пароваго плуга (онъ уменьшенъ въ 40 разъ):

Паровикъ *a* особенной экономической системы; труба *b* для выхода дыма. Паровые цилиндры *c* по одному на каждой сторонѣ паровика. Краны *d* для впуска пара въ цилиндры. Рукоятка *e* давать машинѣ передній или задній ходъ. Прочная желѣзная рама, *e e*, на которой укрѣпленъ паровикъ *a* и весь механизмъ машины. Желѣзный ящикъ *ж* для воды и горючаго матеріала. Переднія колеса *з* (передокъ), которымъ посредствомъ зубчатаго колеса *и* и особаго механизма, не означеннаго на рисункѣ, даютъ направленіе; заднія колеса *і* съ очень широкимъ ободомъ; они получаютъ движеніе отъ пароваго паршня посредствомъ системы колесъ *к* и *л* и безконечной цѣпи *м м*; Дѣйствующій или землекопающій аппаратъ *н о п*: онъ состоитъ изъ *о о* желѣзныхъ брусьевъ, на коихъ утверждены сошники *п*. Брусья *о о* концами своими соединены съ колѣнчатыми осями *н н* и поэтому сошники *п п* имѣютъ вращательное движеніе по направленію стрѣлки *р*. При такомъ устройствѣ, сошники помогаютъ движенію всей машины впередъ, а дѣйствіе ихъ на почву ясно обозначено на рисункѣ. Движеніе всего аппарата получается также прямо отъ поршня чрезъ систему колесъ *к л с с* и безконечной цѣпи *т*. Механизмъ *у ф*, посредствомъ коего весь вскапывающій аппаратъ *н о п* очень скоро можетъ быть поднять въ верхъ (отдѣленъ отъ земли), что много способствуетъ удобству при обработкѣ, напримѣръ если бы встрѣтился на пути большой камень, то, дойдя до него, поднимаютъ аппаратъ *н о п* и пройдя, продолжаютъ работу съ математическою точностію. *х* маховикъ.

Машина въ 8 силъ имѣетъ пять брусковъ *о о*, и 20 сошниковъ, которые обрабатываютъ полосу земли, шириной въ 2 аршина 4 вершка. Она проходитъ въ минуту 14 аршинъ 4 вершка; въ это время коленчатые валы *н н* дѣлаютъ по 70 оборотовъ, и слѣдовательно пространство земли въ 32 квадратныхъ аршина вскапывается (70+20) 1400 ударами; понятно, что самая твердая почва можетъ быть разрыхлена совершенно. Глубина пашни, которую я видѣлъ, была 8 вершковъ, но можно пахать и глубже. Десятина же, полагая непрерывную работу машины, можетъ быть

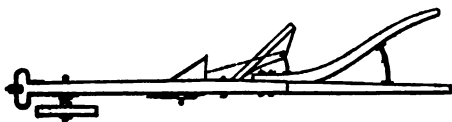
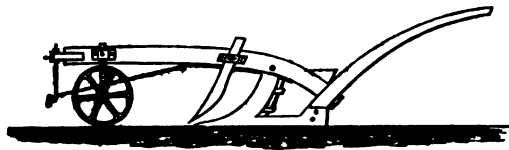
обработана въ 12 часовъ. Благодаря хорошему устройству паровика, машина потребляетъ самое незначительное количество топлива; на каждую силу въ часъ сжигаетъ 9 фунтовъ каменнаго угля; потому, на машину въ 8 силъ, на 12 часовъ работы нужно 22 пуда каменнаго угля, или около 50 пудъ годовалыхъ дровъ; смѣшанныхъ же (хвойныхъ и лиственныхъ) около $\frac{1}{7}$ части кубической сажени.

Цѣна пароваго плуга компаніи Кендзи и Гарри: въ 8 силъ, захватывающаго полосу земли шириной 2 аршина 4 вершка, глубиной отъ 8 до 12 вершковъ и обрабатывающаго въ день 1 десятину (1)—4000 руб. сер.; въ 12 силъ, ширина полосы 3 аршина, глубина до 14 вершковъ, количество работы—въ день 2 десятины 5000 руб. сер.

Въ Венсенскомъ мѣсу, для сравненія, подымалась новь, въ 4 лошади, плугомъ профессора земледѣлія консерваторіи ремеслъ и искусствъ, г. Моля. Нужно отдать справедливость, земля была вспахана хорошо, ширина пласта 6 вершковъ, глубина 3 вершка. Конечно, значительные пни и корни были предварительно выкорчеваны. Плугъ г. Моля, въ одно и то же время, вспахалъ въ половину менѣе противъ машины; въ достоинствѣ обработанныхъ участковъ нѣтъ никакого сравненія; оно далеко на сторонѣ пароваго плуга: земля, вспаханная паровымъ плугомъ на глубину 8 вершковъ, такъ была взрыхлена и обработана, что казалась какъ бы приготовленною подъ посѣвъ; тогда какъ плугъ г. Моля, при всемъ его совершенствѣ, оставлялъ землю въ правильныхъ пластахъ, требовавшихъ еще значительной обработки, чтобы привести землю въ такое же состояніе, въ какомъ находилась она послѣ вспашки паровымъ плугомъ.

Плугъ г. Моля еще мало извѣстенъ, не только у насъ, въ Россіи, но даже и въ самой Франціи; однакоже онъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ плуговъ, какіе я видѣлъ, и потому считаю должнымъ сказать о немъ нѣсколько словъ. Онъ заслуживаетъ особеннаго вниманія нашихъ сельскихъ хозяевъ. Соединяя въ себѣ всѣ качества хорошаго пахатнаго орудія, онъ легокъ, малосложенъ и дешевъ, что весьма важно для нашего отечества. Въ видахъ распространенія его у насъ, я нарочно снялъ чертежи, помѣщаемые здѣсь; на нихъ изображенъ плугъ для среднихъ почвъ, съ деревяннымъ отваломъ. Первый чертежъ представляетъ боковой видъ; второй—планъ плуга. Размѣръ плуга уменьшенъ въ чертежѣ въ 50 разъ.

(1) Хотя машина можетъ работать въ день и 15 часовъ, но я три часа полагаю на остановки, повороты и проч.

Я нѣсколько разъ былъ на фермѣ Вожуръ у г. Молля, и всякій разъ меня восхищали, какъ отчетливая работа плуга, такъ и легкость, съ какою работали лошади, хорошія, но очень обыкновенныя, не отличавшіяся особенною физическою силой. Любопытны были бы сравнительные опыты, съ динамометромъ, надъ плугами гг. Молля, Говарда и Гриньонскимъ; я убѣжденъ, что первый требуетъ наименьшей силы влеченія. Эти свѣдѣнія, по моему мнѣнію, необходимы для соображенія при оцѣнкѣ работы пароваго плуга Кендзи.

Работы въ Венсенскомъ лѣсу возбудили во мнѣ желаніе познакомиться съ изобрѣтателемъ, и я въ подробности осмотрѣлъ мастерскія г. Кендзи. Онъ работаетъ надъ устройствомъ пароваго плуга, уже съ 1853 года; опыты надъ первымъ, вышедшимъ изъ его мастерскихъ, въ 4 силы, не дали удовлетворительнаго результата. Императоръ Наполеонъ III оказалъ покровительство паровому плугу Кендзи и, несмотря на не совсѣмъ лестные отзывы, заказалъ изобрѣтателю машину въ 6 силъ; но и эта была съ недостатками. Заказана вновь въ 8 силъ, которая, можно надѣяться, принесетъ пользу сельскому хозяйству.

Я видѣлъ всѣ три машины, и на видъ разница въ механизмѣ очень незначительна; но въ сущности она такъ важна, что результатъ выходитъ огромный; а чтобы достигъ такого результата, сколько употреблено времени, трудовъ и средствъ? Такова участь большей части изобрѣтеній.

Сожалѣю очень, что въ настоящее время, въ подтвержденіе моихъ словъ, не могу привести офіціальное донесеніе комиссіи, назначенной для испытанія плуга Кендзи, по распоряженію правительства. Оцѣнивая достоинство этого изобрѣтенія, правительство отдало въ награду изобрѣтателю, для разработки, на очень выгодныхъ условіяхъ, нѣсколько сотъ десятищъ земли; для исполненія чего г. Кендзи, съ компаньйономъ своимъ, г. Гарри, приступилъ къ постройкѣ нѣсколькихъ машинъ.

Паровой плугъ Кендзи съ выгодною можетъ быть употребленъ для земляныхъ работъ, срыванья горъ и т. п.; 8-ми сильный замѣнить, при 12-часовой работѣ, по меньшей мѣрѣ 130 человекъ, предполагая, что одинъ работникъ можетъ вскопать въ 12 рабочихъ часовъ пространство земли въ 18 квадратныхъ сажень на глубину 8 вершковъ. Наклонъ поверхности земли, доступной при работѣ машиной, 1 вершокъ на 1 аршинъ. Въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ машина Кендзи можетъ принести очень большія выгоды, особенно при посѣвѣ свекловицы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дрова дешевы, а руки дороги (1).

Ф. Варакинъ.

IV.

О НЕОБХОДИМОСТИ ВСЕОБЩАГО ЗАСТРАХОВАНІЯ СКОТА ВЪ РОССИИ.

Какъ пища необходима для каждаго человека, такъ земледѣліе нужно для всякаго государства; въ Россіи же, по многимъ исключительно ей свойственнымъ причинамъ, оно важнѣе чѣмъ гдѣ-либо, но къ сожалѣнію именно въ Россіи оно процвѣтаетъ гораздо меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ. Объ этомъ уже много было говорено и писано, а потому, не касаясь множества предметовъ, препятствующихъ у насъ успѣхамъ этой главной народной промышленности, не повторяя того, что болѣе или менѣе уже извѣстно каждому, я хочу только обратить вниманіе благонамѣренныхъ соотечественниковъ нашихъ, обладающихъ средствами творить добро, на такой предметъ, котораго необходимость, при очевидности ея, кажется, у насъ еще недовольно сознается. Этотъ важный предметъ есть застрахованіе скота отъ падежей, столь часто свирѣпствующихъ въ нашихъ хлѣбородныхъ губерніяхъ.

Кто не знаетъ, какая тѣсная связь существуетъ между скотоводствомъ и земледѣліемъ? Домашнія животныя помогаютъ человеку обрабатывать землю, которая взамѣнъ питаетъ ихъ своими плодами; а пища животныхъ, превращаясь въ навозъ, въ свою очередь удобряетъ землю; поля же тѣмъ болѣе даютъ корма животнымъ и прибыли человеку, чѣмъ болѣе получаютъ удобрения.

(1) Въ видахъ общей пользы предлагаю гг. сельскимъ хозяевамъ свои услуги для выписки машины Кендзи и доставки ея въ одинъ изъ русскихъ портовъ. Адресъ ко мнѣ: Въ Москву, въ домъ В. А. Кокорева, близъ Покровскихъ казармъ, съ передачею Федору Ивановичу Варакину.

Вотъ тотъ, премудро устроенный кругъ, въ которомъ земледѣлецъ только и можетъ трудиться съ пользою для себя и для страны своей; безъ достаточнаго количества скота для обработки и удобренія пашни, весь трудъ его будетъ напрасень.

Между тѣмъ, какъ ни далеко еще земледѣіе наше отъ тѣхъ успѣховъ, которые можетъ оно сдѣлать при другихъ условіяхъ, но скотоводство у насъ еще менѣе удовлетворительно.

Конечно, въ обширныхъ предѣлахъ Россіи, много есть еще богатныхъ степей, гдѣ скотъ, разводимый въ значительномъ количествѣ, почти весь годъ питается даровымъ подножнымъ кормомъ, а дѣвственная почва, безъ удобренія, даетъ хорошіе урожаи; но обиліе этихъ отдаленныхъ странъ приноситъ мало пользы не только скудному сѣверному краю, но даже средней полосѣ, гдѣ земля, безъ удобренія, далеко не вознаграждаетъ тяжелаго труда земледѣльца. А такъ какъ эту полосу составляютъ самыя населенныя губерніи, то, безъ преувеличенія можно сказать, почти три четверти Россіи (по числу жителей) бѣдствуютъ отъ неурожаевъ, за недостаткомъ скота.

Безпрестанные падежи, въ губерніяхъ Тульской, Орловской, Калужской, Рязанской, Курской, Воронежской, Тамбовской и др., лишаютъ хозяевъ возможности разводить скотъ, ибо цѣны дѣлаются въ два и три раза дороже обыкновенныхъ, такъ что не только крестьянамъ, но даже и помѣщикамъ онѣ бываютъ недоступны; притомъ опасность потерять такъ дорого купленную скотину, когда свирѣпствуетъ зараза въ окрестности, удерживаетъ каждаго отъ покупки.

Не стану подробно исчислять всѣ причины частыхъ падежей скота; ихъ очень много; назову только главныя, дознанныя мною на опытѣ. Извѣстно, что худой кормъ, плохой присмотръ, неудобное помѣщеніе вредно дѣйствуютъ на здоровье всѣхъ домашнихъ животныхъ, а такъ какъ рогатый скотъ, по своей природѣ, воспримчивѣе прочихъ къ болѣзнямъ, то на немъ и становятся они повальными, заразительными. Гурты, прогоняемые изъ дальнихъ степей для продовольствія столичныхъ и другихъ значительныхъ городовъ, въ свою очередь почти ежегодно заносятъ къ намъ заразу, которая, подобно пожару, быстро распространяется, по недостатку карантинныхъ предосторожностей; между тѣмъ какъ одно только строгое исполненіе ихъ доселѣ признается дѣйствительнымъ средствомъ противъ распространенія чумы рогатаго скота.

Взглянемъ же на скотоводство средней Россіи въ нынѣшнемъ его положеніи. По моимъ собственнымъ многолѣтнимъ наблюденіямъ извѣстно мнѣ достоверно, что крестьянское семейство, со-

стоящее изъ мужа съ женою да нѣсколькихъ стариковъ и малолѣтковъ, считается у насъ исправнымъ, то-есть зажиточнымъ, ежели имѣетъ одну корову, одну телку, пару лошадей и нѣсколько овецъ, но такихъ семействъ едва ли наберется половина въ каждомъ казенномъ и помѣщичьемъ селеніи; многіе держатъ только одну корову и одну лошадь на тягло, а нѣкоторые не имѣютъ и того. Обыкновенная пропорція крестьянской пашни на тягло, въ каждомъ изъ трехъ полей, бываетъ отъ 1½ до 2 десятины, требующихъ для поддержанія своей растительной силы ежегодно до 300 хорошихъ возовъ удобренія; но даже у зажиточнаго крестьянина, при вышеозначенномъ количествѣ скота, не наберется болѣе 50 возовъ, а бѣдный не вывезетъ и 30. Удивительно ли, что, при всемъ стараніи крестьянина, земля годъ отъ года становится бесплоднѣе, что хлѣба ему не достаетъ на собственное пропитаніе? Между тѣмъ, при достаточномъ удобреніи, съ того же самаго участка пашни, онъ могъ бы легко имѣть, за прокормленіемъ себя и семейства, четвертой десятой ржи и столько же овса на продажу. У помѣщиковъ, за исключеніемъ немногихъ, скотоводство почти въ столь же маломъ размѣрѣ, по отношенію къ величинѣ ихъ полей. Напримѣръ, владѣлецъ 500 десятины земли, на коей живутъ 100 крестьянъ, обрабатывающихъ ему отъ 60 до 80 десятины въ каждомъ изъ трехъ полей, обыкновенно держитъ отъ 40 до 60 штукъ рогатаго скота, нѣсколько лошадей и незначительное число овецъ, отъ которыхъ, при скудномъ зимнемъ кормѣ и не рѣдко случающемся недостаткѣ соломы на подстилку, едва наберется у него на 10 десятины плохого удобренія. Навозъ и черезъ 20 лѣтъ не придется на одну и ту же десятину: очевидно, что земля не можетъ усиливаться, а должна постепенно терять свое плодородіе, такъ что и въ благопріятный годъ урожай иногда не вознаграждаетъ обработки. А въ нашей мѣстности чтобы земля не истощалась, необходимо класть навозъ по крайней мѣрѣ на половину поля, засѣваемого озимью, и для того въ хозяйствѣ показаннаго мною размѣра потребно держать не менѣе 200 головъ скота.

Все это я говорю о тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, по милости Божіей, нѣсколько лѣтъ сряду падежей не было; обыкновенно же, послѣ такого несчастія, въ первый годъ ни у крестьянъ, ни у господъ скота не бываетъ вовсе, и поля остаются вовсе безъ удобренія. стало-быть и все хозяйство не только не подвигается впередъ, но еще пятится назадъ; а кому изъ хозяевъ не извѣстно, какимъ медленнымъ путемъ возвращается почва утраченное разъ плодородіе, хотя было бы сподручно и капиталъ на это употребить и другими благопріятными обстоятельствами воспользоваться?

Грустно подумать, что это бѣдствіе тяготѣетъ надъ милліо-

нами людей, самаго полезнаго, трудолюбиваго сословія, несмотря на то что помочь этому бѣдствію было бы очень не трудно. Стоить только учредить всеобщее, для всѣхъ обязательное застрахованіе скота, и земледѣлецъ забудетъ свое горе, обведедѣтся скотинкою, падежь не разоритъ его; успѣшно, весело пойдетъ его работа, и дастъ она ему и странѣ пользу несомнѣнную.

Мнѣ скажутъ, можетъ-быть, что есть уже акціонерное общество для застрахованія скота. Но гдѣ же оно? Мы не видимъ его дѣйствій, даже не случалось намъ читать и отчетовъ о его дѣятельности: мы только видимъ иногда это названіе въ газетныхъ извѣстіяхъ о цѣнности различныхъ акцій. Правда, слышали мы, что нѣкоторые помѣщики наши хотѣли застраховать свой скотъ и получили отказъ, потому будто бы, что общество не принимаетъ на свой страхъ отдѣльныя стада, и только въ такомъ случаѣ обязывается страховать обывательскій скотъ, когда цѣлый уѣздъ изъявитъ на то согласіе; но какая возможность частнымъ лицамъ достигнуть этого согласія въ дѣлѣ новомъ, коего польза еще не вполне оцѣнена и высшимъ классомъ хозяевъ нашихъ? Отъ простолюдина нельзя и требовать безпрекословнаго принятія такого предложенія, въ которомъ видитъ онъ для себя только новые расходы, а ему не легко добывать копѣйку и на самыя необходимыя свои потребности.

Очевидно, что въ этомъ случаѣ нужно содѣйствіе правительства, которое бы закономъ вмѣнило въ обязанность всѣмъ обывателямъ, сельскимъ и городскимъ, какого бы кто ни былъ званія, непременно застраховать весь свой скотъ (1). А такъ какъ при многочисленности застрахованныхъ предметовъ, самая малая премія достаточно уже обезпечиваетъ случайность потери, то налогъ этотъ не будетъ тягостенъ; особливо ежели страховое общество составитъ въ видахъ общей пользы, а не частной корысти акціонеровъ, то-есть ежели учредится такъ-называемое взаимное застрахованіе, гдѣ каждый страхователь есть уже вмѣстѣ съ тѣмъ и акціонеръ, получающій вмѣсто дивиденда на свою долю ярлыкъ, который принимается отъ него къ зачету при будущемъ застрахованіи его стада.

Я не беруеь опредѣлять заранѣе, какимъ способомъ лучше исполнить это важное предпріятіе, но ежели Богу угодно, чтобы оно осуществилось, то безъ сомнѣнія найдутся люди, свѣдущіе

(1) При этомъ необходимы два условія: во-первыхъ, чтобы застрахованіе было обязательно только въ томъ случаѣ, если владѣльцы не менѣе половины головъ рогатаго скота изъявятъ на то свое желаніе, и во-вторыхъ, чтобы застрахованіе не составляло монополіи, то-есть чтобы оно или было предпринимаяемо самими страхующими (взаимное страхованіе), или нѣсколькими обществами, дѣйствующими на основаніи вполне свободной конкуренціи. *Ред.*

въ подобныхъ дѣлахъ (1): они сами придумаютъ, какъ устроить механизмъ предпріятія и привести его въ дѣйствіе. Цѣль моя — только выказать необходимость такого учрежденія, безъ котораго наше сельское хозяйство не можетъ идти впередъ при нашихъ условіяхъ, и я намѣренъ только указать на тѣ благотворныя послѣдствія, которыхъ оно будетъ началомъ. Конечно, не мнѣ одному часто приходится на умъ, что стало бы съ нашими столицами, съ главными центрами нашей фабричной промышленности, ежели бы у насъ не было тѣхъ пустынныхъ степей, которыя продовольствуютъ ихъ мясомъ. Другія страны не имѣютъ этого пособія, но мяса вездѣ довольно. Въ Англіи фермеры не могли бы платить ту высокую цѣну, какую даютъ землевладѣльцамъ, не могли бы ни употреблять столь значительныхъ капиталовъ, коими движется ихъ усовершенствованное хозяйство, ни получить выгоды для себя, ежели бы не держали того огромнаго количества скота, которое они ежегодно откармливаютъ на убой и снова разводятъ. Россія легко могла бы продовольствовать мясомъ всю Европу, ежели бы у насъ приходилось на каждую десятину воздѣланной земли столько же скота, какъ тамъ; а хлѣба и дѣвать бы не куда было; между тѣмъ при теперешнемъ объемѣ нашего скотоводства, простонародіе въ Россіи почти не ѣстъ мяса, и хлѣба своего во многихъ мѣстахъ не достаетъ самимъ земледѣльцамъ на половину года.

Къ полезному дѣлу застрахованія скота можно присоединить другое, не менѣ полезное, и почти столь же необходимое страхованіе селеній отъ пожаровъ (2) и полей отъ града, саранчи и прочихъ опустошеній, не зависящихъ отъ произвола человѣческаго. Эти несчастія безвинно каждый годъ повергаютъ въ нищету многія тысячи поселянъ, и безъ того хорошо знакомыхъ съ нуждою: каково же положеніе тѣхъ, на кого они всѣ разомъ обрушатся, какъ это нерѣдко случается? Страшно и подумать!.. Неужели суждено вѣчно страдать этимъ вѣчнымъ труженикамъ, когда есть возможность облегчить ихъ страданія благотѣльнымъ учрежденіемъ всеобщаго застрахованія?

По приблизительному соображенію, самая ничтожная плата по всѣмъ этимъ страхованіямъ во всей Россіи составитъ громадныя суммы. За всѣми расходами по управленію дѣлами общества, по вознагражденію страхователей за понесенные убытки, за выда-

(1) Мы не замедлимъ сдѣлать гласными тѣ свѣдѣнія, которыя нами отчасти уже собраны, отчасти собираются по этому предмету, а покаместъ просимъ свѣдущихъ людей сообщать намъ свои соображенія, которыя будутъ напечатаны нами. *Ред.*

(2) Я разумно помѣщичьихъ, ибо въ казенныхъ, кажется, оно уже давно устроено.

чею въ дивидендѣ акціонерамъ отъ 6 до 8 процентовъ на складочный капиталъ (если таковой будетъ собранъ посредствомъ акцій), много денегъ еще можетъ оставаться въ запасъ ежегодно. Если же застрахованіе будетъ взаимное для цѣлой губерніи, то дивиденда потребуетъ меньше, и запасы общества взаимнаго застрахованія увеличатся. А сколько добра можно сдѣлать на эти деньги?.. Вопервыхъ, намъ необходимы ветеринарныя училища, при которыхъ должно быть образцовое скотоводство, приспособленное къ различнымъ мѣстностямъ нашего отечества, и разсадники племенной скотины, которыхъ еще у насъ не существуетъ. Вторыхъ нужны образцовыя хозяйства (съ начала въ каждой губерніи, современемъ и въ каждомъ уѣздѣ), гдѣ бы могли бѣдные молодые дворяне даромъ, или за дешевую плату, изучать основательно сельское хозяйство: изъ нихъ долженъ образоваться не существующій у насъ еще классъ управителей, а въ послѣдствіи арендаторовъ, которые намъ скоро потребуются; здѣсь же крестьянскія дѣти могутъ обучаться полезнымъ ремесламъ садовниковъ, огородниковъ, пчеловодовъ, машинистовъ и проч., ибо при образцовомъ хозяйствѣ должна быть и мастерская для приготовления самыхъ дешевыхъ, но прочныхъ машинъ, пожарныхъ инструментовъ и всякихъ снарядовъ, потребныхъ въ сельскомъ быту намъ.

Съ учрежденіемъ всеобщаго застрахованія скота, осуществились бы скоро многія улучшения въ нашемъ скотоводствѣ, которое при благоприятныхъ обстоятельствахъ можетъ въ короткое время значительно усилиться. Тогда не только въ городахъ, но и въ значительныхъ селеніяхъ, явятся знающіе свое дѣло ветеринары, въ которыхъ доселѣ недостатокъ такъ великъ, что мы все почти не имѣемъ никакихъ средствъ доставить помощь нашимъ домашнимъ животнымъ въ ежедневно случающихся обыкновенныхъ болѣзняхъ, и по необходимости лѣчимъ ихъ сами, чѣмъ попало, или призываемъ деревенскихъ, безтолковыхъ коноваловъ и другихъ знахарей, которые по большей части дѣлаютъ имъ вредъ, а не пользу. Хорошіе ветеринары, съ одной стороны, могутъ излѣчивать многія болѣзни, похищающія, за недостаткомъ правильнаго пособія, множество животныхъ ежегодно; съ другой, своими совѣтами и примѣромъ будутъ содѣйствовать распространенію здравыхъ понятій объ уходѣ за скотомъ и приличномъ его содержаніи. Во время падежей, тѣ же ветеринары съ прочими агентами страховаго общества, будутъ принимать надлежащія карантинныя мѣры къ прекращенію заразы, не давая ей распространяться, какъ теперь, по всей окрестности.

Вѣроятно тогда базарные торгаши не будутъ скупать за безцѣнокъ и рѣзать, тайкомъ на мясо, больную скотину, а шкуры съ

нея развозить по городамъ и селеніямъ ; не будетъ падалъ, бросаема въ рѣки, передавать заразу прибрежнымъ селеніямъ, или, не зарытая, валяться по полямъ и оврагамъ ; дворныя собаки не будутъ таскать домой кости дохлой скотины ; владыцы зараженнаго стада не будутъ скрывать появленія болѣзни, они сами объявятъ о томъ, дабы не лишиться вознагражденія. Такимъ образомъ и зараза далеко не будетъ столь губительна какъ теперь ; а сколько примѣровъ, что повальные болѣзни скота переходили на людей, которые, по невѣжеству своему, не соблюдали должной предосторожности !..

Но, по мнѣнію моему, самая важная польза, какую принесетъ застрахованіе, заключается въ томъ, что каждый хозяинъ, будучи обезпеченъ отъ потери, употребитъ послѣднія деньги свои на покупку скота, ему необходимаго, постарается завести хорошую скотину, которая дастъ ему же больше прибыли ; онъ будетъ лучше кормить ее, лучше смотрѣть за нею. Тогда явятся у насъ удобныя скотныя дворы, въ которыхъ теперь большой недостатокъ ; и мы будемъ разводить кормовыя растенія ; да еще придумаемъ сами такія улучшенія, какія намъ теперь и во снѣ не снятся.

Вѣдь собственная выгода изобрѣтательнѣе самой нужды, которая болѣе сжимаетъ, чѣмъ расширяетъ умъ человѣка ; это намъ объясняетъ старая басня, о *Солницѣ* и *Вѣтрѣ*, которые спорили между собою о томъ, кто изъ нихъ скорѣе заставитъ путника снять плащъ, коимъ онъ былъ закутанъ. Вѣтеръ какъ ни усиливался сорвать его, но не могъ, а Солнце лишь пригрѣло, и чело-вѣкъ самъ его скинулъ.

Хотя каждый изъ насъ понимаетъ и теперь, что хлѣбопашество наше гибнетъ безъ скотоводства, но мы не рѣшаемся употреблять значительныя капиталы на покупку разомъ такого количества скота, какое намъ потребно для удобренія отошавшихъ полей нашихъ, за тѣмъ что капиталъ этотъ долженъ погибнуть съ первымъ падежемъ, котораго каждый ожидаетъ ежедневно (1).

Непріятно терять и собственный капиталъ, а терять заемный весьма опасно. Вотъ почему теперь, ежели мы и покупаемъ скотину, то стараемся купить самую дешевую, чтобы ма тѣ деньги, которыя слѣдуетъ заплатить за десять хорошихъ коровъ, получить, ежели можно, тридцать, или болѣе, хотя онъ въ сущности не стоить и десяти, но у насъ еще, по старой привычкѣ, все дѣлается на авось и какъ-нибудь ; или утѣшаемъ себя тою мыслию, что

(1) У меня въ мнѣніи въ теченіи двадцати лѣтъ четыре раза былъ падежъ коровъ и два раза дохли лошади, — у другихъ это случалось чаще.

навозу мы получимъ отъ тридцати штукъ все же больше, чѣмъ отъ десяти, пока онѣ живы, а когда подохнутъ, плохой скотины какъ-то меньше бываетъ жиль, чѣмъ хорошей. А при возможности застрахованія, каждый смѣло будетъ употреблять въ дѣло не только свой, но и заемный капиталъ, который тогда уже не пропадетъ.

Въ особенности теперь должно намъ хорошенько обдумать это полезное дѣло, и дружно приняться за него, теперь когда настало время великихъ преобразованій, когда уже проснулся духъ предпримчивости. Вездѣ все движется, ежедневно составляются компаніи для разныхъ предпріятій, гораздо менѣе необходимыхъ и выгодныхъ. Неужели дѣло это и теперь не состоится? и слабый голосъ мой будетъ *гласомъ вопіющею въ пустынь*? Ужели наша литература не разъяснитъ этого предмета во всей подробности, наши патріоты не окажутъ ему содѣйствія; а наши богачи, не знающіе куда дѣвать свои милліоны, ужели не захотятъ пустить часть ихъ въ столь вѣрный оборотъ, для своей и всеобщей пользы?...

А. ЛЕВАШОВЪ.

Сельцо Ратово, близъ г. Тулы.

ИЗЪ БЕРЛИНА.

19го/31 марта 1859 года.

Италянскій вопросъ, отодвинувшій вездѣ въ западной Европѣ внутреннюю политику на второй планъ, породилъ въ короткое время цѣлую литературу. Въ брошюрахъ и памфлетахъ объ этомъ вопросѣ и здѣсь недостатка нѣтъ. Рѣшаюсь остановиться на одной изъ такихъ брошюръ, какъ болѣе замѣчательной и имѣющей не эфемерное только значеніе. Брошюра эта вышла подъ заглавіемъ: *Preussen und die italienische Frage* и появилась теперь вторымъ изданіемъ. Не очень довѣрчиво взяли мы за нее сначала. Какъ знать, не одна ли это изъ безчисленныхъ книгопродавческихъ спекуляцій, разчитывающихъ на интересъ дня! Кромѣ того, опять, вѣроятно, надоѣвшіе толки объ единствѣ Германіи и о томъ, что Австрія, хотя всегда душила въ Германіи всякое прогрессивное движеніе, все же отчасти принадлежитъ къ *deutsches Vaterland*. Съ этими избитыми фразами нѣмецкихъ публицистовъ мы однако, противъ ожиданія, не встрѣтились въ названной брошюрѣ. Написанная въ анти-австрійскомъ духѣ, она, напротивъ, старается умѣрить воинственный жаръ южно-германскихъ чувствъ. Эпиграфомъ своимъ она взяла памятное для Россіи слово князя

Шварценберга, сказанное имъ по поводу венгерской компани: «Мы удивимъ мѣръ нашею неблагодарностію». Авторомъ этой брошюры считали сначала Генриха фонъ-Арнима, депутата крайней либеральной партіи, который былъ въ 1848 г. прусскимъ посланникомъ въ Парижѣ. Но когда г. Арнима интерпеллировали въ палатѣ по этому поводу, онъ отказался отъ нея и назвалъ ее не политичною. Такой приговоръ, относившійся къ рѣзкому тону, которымъ говоритъ брошюра объ Австріи, еще только сильнѣе возбудилъ интересъ къ незнакомому автору. Теперь, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что сказанная брошюра написана профессоромъ правъ въ Гальскомъ университетѣ, Карломъ Витте, тѣмъ самымъ, котораго въ юности считали чѣмъ-то въ родѣ новаго Пикъ-де-ла-Мирандоля, и который, хотя не оправдалъ чрезмѣрныхъ надеждъ, возлагавшихся на него, какъ на чудо учености, знаетъ Италію очень хорошо и за многіе годы, проведенные въ ней, платитъ ей самымъ искреннимъ сочувствіемъ. Вообще же сочувствіе къ угнетеннымъ національностямъ не составляетъ преобладающей черты въ нѣмецкомъ характерѣ. Мы однажды возвращались въ Римъ съ загородной прогулки съ однимъ нѣмецкимъ путешественникомъ, человѣкомъ образованнымъ. «Вѣрите мнѣ, замѣтилъ онъ, здѣсь нужно исключительно предаться эстетическимъ наслажденіямъ. Современный бытъ народа здѣсь, конечно, очень жалокъ и неестественъ. Что папское правительство въ томъ много виновато, также не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Но вѣдь я пріѣхалъ сюда насладиться голубымъ небомъ, побродить по музеямъ Ватикана и по дворцамъ, посмотрѣть на Колизей и на форумъ. На современныхъ Римлянъ я смотрю также, какъ художникъ. Что мнѣ за дѣло, что большая часть народа здѣсь обнищала! Развѣ нищета и грязь мѣшаютъ мнѣ любоваться прекраснымъ типомъ здѣшнихъ мужчинъ и женщинъ? Переселите ихъ, положимъ, въ какой-нибудь Брауншвейгъ, они тамъ, вѣроятно, будутъ пользоваться большимъ благосостояніемъ и будутъ, безъ всякаго сомнѣнія, управляться лучше. Нищихъ тамъ будетъ меньше между ними. Но вѣдь ни вы, ни я безъ особой нужды въ Брауншвейгъ не поѣдемъ!» Подобныя эстетическія воззрѣнія на современную Италію, конечно, не суть исключительное достояніе однихъ только нѣмецкихъ путешественниковъ. Но такими воззрѣніями отзывались здѣсь толки объ Италіи даже въ томъ случаѣ, когда толковавшіе были далеко не партизанами австрійской политики. И вотъ почему интересна названная выше брошюра, въ которой слышится голосъ человѣка, вовсе не сентиментальнаго, но проникнутаго чувствомъ справедливости въ отношеніи къ Италіи.

Рѣшится напомнить своимъ соотечественникамъ, что образо-

ванность, которою они такъ гордятся, была, въ средніе вѣка, въ источникѣ своемъ привозною изъ Италіи, это въ настоящемъ случаѣ было по крайней мѣрѣ не лишнее. Конечно, кто посѣщаль среднюю и въ особенности южную Италію, и кто хотя немного знакомъ съ исторіею италіянскаго движенія 1848 и 1849 годовъ, тотъ не станеть возлагать слишкомъ большія надежды на скорое возрожденіе всего италіянскаго народа. Современное, полуязыческое, давно уже безжизненное католичество и долгій періодъ деспотизма, во всѣхъ его видахъ, не могли не оставить глубокихъ слѣдовъ на характерѣ страны и народа. Но отказывать поэтому Италіи въ будущности все-таки нельзя. «Ни одинъ изъ христіанскихъ народовъ, говоритъ г. Витте, не превзошелъ Италію въ той дани, которую она принесла въ общую сумму европейской культуры. Гдѣ поле благородной духовной дѣятельности, на которомъ мы не встрѣчались бы прежде всего съ италіянскими именами? Всякому приходитъ тотчасъ на память безчисленное множество такихъ именъ. Стоитъ вспомнить папство въ лучшую его эпоху, сколько гениальныхъ художниковъ, сколько государственныхъ людей, политическихъ писателей, сколько поэтовъ и гениальныхъ физиковъ!.. А кто считаетъ всего важнѣе ближайшую практическую сферу, тотъ пусть вспомнитъ, что основныя понятія, правящія торговымъ міромъ, какъ-то *дисконто*, *сальдо*, *банко*, *ломбардъ*, наконецъ лучшее торговое счетоводство—италіянскаго происхожденія.» Но, можетъ-быть производительныя силы италіянскаго народа навсегда уже истощились? И этого не хочетъ допустить авторъ. Мысль, которую онъ по этому поводу высказываетъ, и которая, вѣроятно, болѣе всего не пришлась по вкусу его соотечественникамъ, есть слѣдующая: несмотря на всѣ національныя противоположности, «италіянскій народъ имѣеть общее съ нѣмецкимъ извратившееся стремленіе къ обособленію; но стремленіе это извратилось не вслѣдствіе врожденныхъ обоемъ народамъ причинъ, а вслѣдствіе историческаго несчастія. Мѣстное и племенное обособленіе и у другихъ европейскихъ народовъ исчезло не безъ борьбы. Въ Германіи и Италіи,—таковъ былъ историческій рокъ,—связующая политическая сила не могла развиться въ то время, когда она образовалась у другихъ, болѣе счастливыхъ народовъ. Власти средневѣковаго міра, императорство и папство, принадлежали одна Германіи, другая Италіи. Ни та, ни другая власть не способны были сдѣлаться національными центрами. Императорство было неспособно къ этой роли потому, что оно съ самаго начала и до новѣйшаго времени пошло по эксцентрической, чуждой германскому духу дорогѣ. Папство же, по существу своему, бессильно стать во главѣ какого-либо національнаго государства, основаннаго не на канони-

чексомъ правѣ. Такимъ образомъ и Германіи, и Италіи, приходится прежде чѣмъ отыскать естественный и народный центръ и обратиться около него, освободиться сначала отъ ложныхъ центровъ. Оба народа еще не рѣшили этой задачи. Кто отчаивается въ счастіи и величіи Италіи, тотъ долженъ отчаиваться въ счастіи и величіи Германіи.» Если, несмотря на то, Германія достигла высокой степени культуры, если почва ея прекрасно обработана, если промышленная дѣятельность ея развита, если общій уровень образованія и народной нравственности въ ней стоитъ выше, чѣмъ въ большей части другихъ странъ, то всѣми этими благами Германія, по мнѣнію автора, обязана протестантизму. Такимъ образомъ проливается нѣсколько успокоительныхъ капель на обиженное тою параллелью германское сознаніе, которое съ нѣкотораго времени, въ вопросахъ національностей, стало крайне обидчиво.

Одно изъ самыхъ любопытныхъ выраженій здѣсь общественнаго мнѣнія, по поводу италіянскаго вопроса, можно было видѣть на карнавальномъ праздникѣ у Кроля, на который собралось около двухъ тысячъ челоуѣкъ, исключительно мужескаго пола. (Вся же полиція при такомъ стеченіи народа состояла изъ трехъ, четырехъ шутцмановъ.) Праздникъ имѣлъ отъ начала до конца сатирической характеръ. Онъ открылся тронною рѣчью, въ которой главный распорядитель, извѣстный комикъ, изъяснилъ, зачѣмъ онъ созвалъ свой парламентъ, то-есть публику, и въ какомъ состояніи находится внѣшняя и внутренняя политика его царства безумія. Затѣмъ пошелъ цѣлый рядъ сценическихъ представленій. Вслѣдъ за исторіей Мортары дань была балетнымъ фарсомъ, въ которомъ главными дѣйствующими лицами являлись одинъ фантастическій и воинственный императоръ, и въ свитѣ его только-что пріѣхавшій въ Парижъ Сулукъ, и нѣсколько красавицъ. Всѣ разсуждаютъ объ италіянскихъ дѣлахъ. Приличіе не позволяеть намъ разказать содержаніе этого фарса. Внѣшнее же сходство фантастическаго императора съ Наполеономъ было такъ велико, и цинизмъ всей пьесы таковъ, что французское посольство рѣшилось было жаловаться. Не знаемъ, впрочемъ, насколько этотъ печатный слухъ справедливъ. Также плохо вѣрится намъ другое газетное извѣстіе, будто посольство получило въ отвѣтъ, что оно можетъ судебнымъ порядкомъ преслѣдовать это дѣло. Какъ бы то ни было, но подобный праздникъ въ настоящее время едва ли былъ бы возможенъ въ какой-либо другой столицѣ, кромѣ Лондона. Оказывается, что масса общества очень намѣрена пользоваться большею противъ прежняго свободою. Впрочемъ, главнымъ предметомъ нападокъ и насмѣшекъ все еще служитъ старый régime. Такъ на одномъ изъ частныхъ театровъ, то-есть принадлежащихъ частнымъ компаніямъ и независимыхъ

въ управленіи своемъ отъ театральной дирекціи, дается уже нѣсколько мѣсяцевъ съ большимъ успѣхамъ одна комическая пѣса. Она имѣетъ совершенно мѣстный характеръ и изобилуетъ намеками. Дѣло происходитъ передъ Рождествомъ, когда каждый долженъ разрѣшить не легкій вопросъ, что ему подарить роднымъ. Постранствовавши по разнымъ магазинамъ и заготовивши для всѣхъ родныхъ и близкихъ по какой-нибудь вещицѣ, куплетчикъ наконецъ обращается къ публикѣ: «Что же подаримъ мы нашимъ старымъ депутатамъ? Они такъ для насъ трудились! Неужели мы будемъ неблагодарны и оставимъ ихъ безъ подарка? Вотъ зайдемте сюда въ магазинъ фарфоровыхъ вещей. Здѣсь есть фарфоровый Китаецъ: на все онъ киваетъ головой, со всѣмъ и всегда согласенъ. Купимъ этого Китайца: это самый приличный подарокъ для старыхъ депутатовъ!»

Такого куплета нельзя будетъ сложить про новыхъ депутатовъ. Достаточно одного взгляда на палату, чтобъ убѣдиться, какъ она измѣнилась. Нѣтъ, это не прежняя похоронная служба! Конечно, въ самомъ началѣ сессіи довольно долго длился періодъ благодарственныхъ и поздравительныхъ адресовъ, вѣжливостей и формальностей всякаго рода. Но послѣ, когда кончились и болѣе необходимыя предварительныя работы, какъ-то образование, изъ среды полнаго собранія, отдѣленій и комиссій для различныхъ категорій дѣлъ и повѣрка уполномочій депутатовъ, пренія въ палатѣ получили живой интересъ. Они сосредоточены до сихъ поръ на бюджетѣ, составляющемъ слишкомъ 131 миллионъ талеровъ, и на той огромной массѣ петицій, съ которыми отдѣльныя лица, общества и корпораціи обратились со всѣхъ концовъ въ палату. Число такихъ петицій, то-есть жалобъ на управленіе, и просьбъ, удовлетвореніе которыхъ требуетъ частныхъ измѣненій или дополненій въ законодательствѣ, простирается на этотъ разъ до восьми сотъ. Каждая петиція, смотря по содержанію, разсматривается сначала въ одной изъ комиссій и затѣмъ съ мнѣніемъ ея, то-есть признаетъ ли она петицію дѣльною и стоящею вниманія, докладывается полному собранію. Тутъ только начинаются общія пренія, результатомъ которыхъ бываетъ соглашеніе съ мнѣніемъ комиссіи или постановленіе новаго рѣшенія. При преніяхъ правительство въ лицѣ министровъ высказываетъ свой взглядъ на дѣло и даетъ нужныя объясненія. Все это и многое другое весьма подробно обозначено въ правилахъ парламентскаго дѣлопроизводства, надзоръ за соблюденіемъ которыхъ есть одна изъ главныхъ обязанностей президента палаты. Нормы, опредѣляющія порядокъ занятій огромнаго представительнаго собранія, безъ сомнѣнія, весьма важны. Эти нормы для прусской палаты постановлены въ реакціонное время, и главныя ихъ основанія заим-

ствованы изъ прежнихъ французскихъ камеръ. Но если депутатовъ этихъ камеръ упрекали въ реторическомъ стремленіи производить блестящія рѣчи, часто безъ пользы для самого дѣла и съ уклоненіемъ отъ него, то упрекъ, дѣлаемый и теперешней прусской палатѣ, что она слишкомъ уже боязливо держится своего порядка дѣлопроизводства, также не лишенъ нѣкотораго основанія. Происходитъ это, можетъ-быть, оттого, что палата, состоя въ большинствѣ своемъ изъ людей дѣльныхъ и либеральныхъ и помня судьбу всѣхъ либеральныхъ национальныхъ собраній въ 1848 г., старается избѣгнуть одного только упрека, — упрека въ излишнемъ резонерствѣ. Наиболее оживляетъ всегда пренія старикъ Финке. Трудно себя представить человѣка, который говорилъ бы безъ приготовленія съ большою легкостію, и у котораго въ отвѣтъ противнику былъ бы всегда наготовѣ большой запасъ острыхъ словъ, не въ ущербъ дѣлу. Это leader въ полномъ смыслѣ слова. Фракція, во главѣ которой онъ стоитъ, самая многочисленная, и хотя поддерживаетъ министерство, но далеко не во всемъ съ нимъ соглашается и даетъ, такимъ образомъ, поводъ къ необходимой для всякаго общественнаго дѣла борьбѣ мнѣній. Останавливаться, впрочемъ, на этой фракціи мы не намѣрены; еще менѣе на сидящихъ насупротивъ реакціонной и католической фракціяхъ. Но рядомъ съ послѣднею, немного правѣе, сидитъ группа депутатовъ, которая насъ интересуетъ. Когда какой-нибудь депутатъ изъ этой небольшой группы поднимется и начнетъ говорить, вы слышите въ его нѣмецкой рѣчи польскій акцентъ. Эта группа представляетъ собою тѣ два милліона польскаго населенія, которое живетъ въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи и имѣетъ своимъ центромъ Познань. Послѣдніе выборы въ Познани, какъ извѣстно, заставили о себѣ много говорить. Но только недавно дѣло это вполне разъяснилось.

Положеніе польскаго населенія въ Пруссіи, если несравненно лучше, чѣмъ въ Австріи, тѣмъ не менѣе далеко не нормальное. Прусскіе Поляки, обвиняемые западно-славянскими племенами въ томъ, что они крайне исключительны въ своихъ стремленіяхъ, и плохо раздѣляютъ съ ними ихъ общіе интересы, съ другой стороны должны были бороться до сихъ поръ противъ несомнѣннаго, со стороны прусскаго правительства, стремленія германизировать ихъ путемъ образованія, суда и управленія. Значить, поводовъ для столкновеній между польскимъ населеніемъ и прусскими властями довольно въ обыкновенное время, а при выборахъ въ палату такія коллизіи и въ самыхъ нѣмецкихъ провинціяхъ не въ диковину. Въ Познани же на этотъ разъ дѣло доходило до вызова на дуэль полицеймейстера города Познани, однимъ польскимъ дворяниномъ, и до явнаго разрыва между епископомъ Стефановичемъ и оберъ-

президентомъ познанской провинціи фонъ-Путкамеромъ. Окончательный результатъ былъ тотъ, что польскіе кандидаты вездѣ и въ Познани одержали верхъ надъ нѣмецкими, и что число депутатовъ-Поляковъ въ палатѣ въ сравненіи съ прежнимъ возрасло. Затѣмъ они и юридически торжествовали побѣду. Именно, когда дѣло о разрывѣ между епископомъ и оберъ-президентомъ, оглашенное и въ мѣстныхъ, и въ берлинскихъ газетахъ, дошло наконецъ до рассмотрѣнія высшаго правительства, министръ внутреннихъ дѣлъ объявилъ себя въ пользу епископа. На формальное представленіе Стефановича, съ просьбою разрѣшить, были ли его дѣйствія при выборахъ незаконными маневрами, какъ то утверждала свѣтская власть, министръ печатно отвѣчалъ, что онъ не нашелъ этого. То-есть другими словами, президентъ провинціи получилъ урокъ, какъ опасно вступать въ борьбу съ католическимъ духовенствомъ даже въ протестантскомъ государствѣ. Пруссаки же увѣряютъ, что результатъ выборовъ въ Познани не имѣлъ бы для нихъ значенія, еслибы они могли забыть, что польскіе кандидаты одержали верхъ вслѣдствіе соединенія съ реакціонною нѣмецкою партіей. Последняя, видя, что ей не сдобровать, сосредоточивала свои голоса на польскихъ кандидатахъ только затѣмъ, чтобы не дать ихъ либеральнымъ кандидатамъ. Такимъ образомъ къ враждѣ народностей здѣсь примѣшались еще страсти политическихъ партій. Если заговорить съ Пруссакомъ о познанскихъ Полякахъ, онъ непременно начнетъ высчитывать всѣ прусскія благодѣянія: «Гдѣ же имъ лучше? Развѣ могутъ они желать для себя лучшей школы гражданскаго и политическаго образованія, чѣмъ та, которую доставляетъ имъ теперь Пруссія? Всѣ права ихъ обезпечены; требованія свои и желанія они выражаютъ въ относительно-свободной печати; они пользуются тою гражданскою свободой, до которой мы достигли путемъ напряженной исторической жизни и постепенныхъ усилій; они засѣдаютъ рядомъ съ нами, въ нашихъ законодательныхъ собраніяхъ. Чѣмъ же еще они недовольны?»—«Германизациею», отвѣчаете вы. На это вамъ опять возражаютъ: «Знаемъ мы это, только скажите пожалуйста, что бы стали дѣлать ратующіе за *всякую* народность, еслибы—представимъ себѣ на одинъ мигъ—Нѣмцы вдругъ всѣ исчезли съ лица земли? Обошлись бы и безъ Нѣмцевъ, скажете вы?—Безъ всякаго сомнѣнія, хотя мы вовсе не намѣрены исчезать ради неисторическихъ экспериментовъ другихъ народностей. Но дѣло въ томъ, что западные слависты черпаютъ весь запасъ аргументовъ въ пользу своихъ незрѣлыхъ теорій изъ ненависти къ Нѣмцамъ, а далѣе-то чтоже? Далѣе вѣдь нужно было бы дѣлать что-нибудь положительное, нужно было бы и на поприщѣ гражданственности заявить чѣмъ-нибудь свою самостоятельность. То, что

вы называете германизацію, есть,—по крайней мѣрѣ въ Пруссіи,—естественное и необходимое вліяніе одной болѣе развитой народности на другую, менѣе развитую. Знаемъ мы и общую мысль западныхъ славистовъ о будущей формѣ ихъ быта: она выражается неславянскимъ словомъ «федерация». Но въ томъ то и сила, что федерация предполагаетъ уже самый зрѣлый для политической жизни народъ. А 1848 годъ, что кромѣ разрозненности и неусобицъ показалъ онъ опять между Славянами? Вы скажете, что и насъ 48 годъ выказалъ не въ очень красивомъ свѣтѣ, но вѣдь это для Славянъ не утѣшеніе. Къ тому же намъ удалось приобрѣсть конституцію, которой дѣйствительность отнынѣ уже не подлежитъ сомнѣнію. А что касается въ особенности Познанцевъ, то мы ихъ не любимъ еще и потому, что подчинившись своему фанатическому духовенству, они стали ультрамонтанами.»

Комментировать подобныя мнѣнія завело бы насъ слишкомъ далеко; замѣтимъ только, что ждаты, при господствѣ такихъ мнѣній, со стороны Прусака, убѣжденія въ равноправности польской народности съ его собственною народностью нельзя. Тѣмъ не менѣе конституція признаетъ равноправность всѣхъ прусскихъ подданныхъ, независимо отъ религіи и народности. Поэтому мы думаемъ, что если не вслѣдствіе сочувствія, то въ собственномъ интересѣ польскіе депутаты въ палатѣ будутъ поддерживать новое министерство. Разчетъ простой: чѣмъ больше конституціонныя начала утвердятся въ Пруссіи, тѣмъ шире будетъ общая полноправность, безъ различія вѣры и народности, и слѣдовательно тѣмъ болѣе простора будетъ имѣть и польская народность для самобытнаго развитія и для защиты своей отъ германизаціи. Такое время уже началось отчасти. Поляки могли недавно составить изъ своихъ депутатовъ и изъ членовъ верхней палаты отдѣльную политическую фракцію, какъ слышно, хорошо организованную, и имѣющую въ главѣ своей, если не ошибаемся, старика графа Дзялинскаго, личность весьма почтенную. Петиція, съ которою они выступили, дабы министерство позаботилось, «чтобы со стороны мѣстнаго правительства прекращены были систематическія стремленія къ германизаціи», принята была въ палатѣ депутатовъ большинствомъ голосовъ.

Кромѣ дѣлъ, поступившихъ въ палату въ видѣ петицій, само министерство внесло въ самомъ началѣ сессіи два законодательныхъ проекта, о необходимости которыхъ мы упоминали уже въ прошломъ письмѣ. Это—проекты о введеніи поземельной подати для старинныхъ дворянскихъ имѣній и о гражданскомъ бракѣ,—проекты, которые теперь изъ комиссіей уже скоро перейдутъ въ полное собраніе. Еслибы первый періодъ законодательнаго трехлѣтія ограничился только принятіемъ этихъ двухъ законовъ, то

и тогда онъ былъ бы весьма плодотворнымъ, потому что означенные законы заключаютъ въ себѣ несомнѣнное прогрессивное измѣненіе дѣйствующаго права. Вообще законодательную дѣятельность не слѣдуетъ измѣрять только численно. Въ настоящее время, достаточно уже утвердилось убѣжденіе, что счастье не въ многозаконіи. Чѣмъ больше законовъ, тѣмъ смутнѣе становится юридическое сознаніе, пока наконецъ народъ, которому всѣ законодательства запрещаютъ отговариваться невѣдѣніемъ права, подпадаетъ подъ самую ужасную изъ всѣхъ опеку, подъ опеку стряпчихъ и дѣльцовъ. Римляне это очень хорошо знали, когда устами одного гениальнаго человѣка изрекли: *Corruptissima respublica plurimae leges!*

Остановимся на проектѣ о введеніи гражданскаго брака. Изъ всѣхъ частей законодательства, можетъ-быть, самая трудная именно та, которая узаконяетъ способы заключенія браковъ, облегчаетъ или затрудняетъ ихъ. Вытекая изъ всего нравственнаго быта народа, законодательство о бракахъ само служить лучшимъ выраженіемъ особенностей народнаго развитія въ данный моментъ времени. Поэтому, если наступаетъ потребность въ измѣненіи этой части права, то смѣло можно сказать, что общество въ своемъ развитіи сдѣлало новый шагъ, и наоборотъ. И языческій и новый міръ это подтверждаютъ. Чтѣ общаго, напримѣръ, между древними строго-религіозными формами римскаго брака и Августовымъ закономъ *lex Julia et Papia Poppaea!* Это крайніе предѣлы, внутри которыхъ лежитъ все общественное развитіе Рима. Когда основы римскаго общества покачнулись, когда конкубинатъ сдѣлался общимъ правиломъ, а законный бракъ исключеніемъ, тогда явилась для законодателя необходимость принуждать къ браку, хотя не прямо, но посредствомъ разныхъ невыгодъ по праву наслѣдованія для холостяковъ и для людей бездѣтныхъ. Возьмемъ средніе вѣка. Нигдѣ феодализмъ не былъ въ большей силѣ и не повелъ къ большому разграниченію сословій, какъ въ Германіи. Оттого и понятіе о сословномъ равенствѣ всгупающихъ въ бракъ лицъ (*Ebenbürtigkeit*, слово, не переводимое вполнѣ ни на одинъ языкъ) имѣетъ въ Германіи несравненно обширнѣйшій смыслъ, чѣмъ въ другихъ европейскихъ государствахъ, гдѣ вопросъ о подобномъ равенствѣ возникаетъ лишь при бракахъ владѣтельныхъ особъ. И эта нѣмецкая *Ebenbürtigkeit*, противъ которой напрасно боролись весьма рано уже нѣмецкіе юристы, выросшіе на римскомъ правѣ, называя ее не совсѣмъ разумнымъ обычаемъ, была еще во времена Фридриха Великаго такъ сильна, что король-философъ, другъ Вольтера, долженъ былъ внести ее въ свое уложеніе. Уложеніе же это составляетъ еще нынѣ, во многихъ частяхъ, дѣйствующій въ Пруссіи гражданскій кодексъ. Оттого еще

не такъ давно былъ въ Пруссіи судебный случай, что высшая инстанція отказала въ правѣ наслѣдованія недвижимымъ имѣніемъ дѣтямъ, признаннымъ незаконнорожденными, на томъ основаніи, что самый бракъ ихъ родителей, вслѣдствіе недостающей *Ebenbürtigkeit* со стороны матери недворянки, оказался, по стараніямъ родственниковъ, не дѣйствительнымъ (по смерти уже одного изъ супруговъ). Случай этотъ надѣлалъ много шума, но судьи, къ какой бы интерпретаціи ни прибѣгали, не присвоили себѣ законодательной власти, не могли рѣшить иначе, какъ по существующему праву. Дабы это право не было *неправомъ* относительно нашего времени, новый проектъ закона выбрасываетъ *Ebenbürtigkeit* за бортъ. Впрочемъ онъ дѣлаетъ это только мимоходомъ. Главное же его назначеніе состоитъ въ предоставленіи возможности вступать въ незаконный бракъ лицамъ, которыя находятся въ распадѣнн съ церковью, или которыя при вступленіи въ бракъ признають лишь необходимость однихъ гражданскихъ формъ. Извѣстно, что нынѣ существуютъ двѣ системы гражданскаго брака. По системѣ Наполеонова кодекса, гражданская форма есть единственная и исключительно необходимая для того, чтобы бракъ имѣлъ законную силу, что, впрочемъ, не исключаетъ послѣдующаго освященія его въ церкви, если новая чета того пожелаетъ. Или же, напротивъ, совершенно предоставляется на волю вступающихъ въ бракъ лицъ, хотятъ ли они вѣнчаться въ церкви, или объявить передъ лицомъ закона свою волю: бракъ въ томъ и другомъ случаѣ имѣетъ равнозаконную силу. Этотъ послѣдній, такъ-называемый факультативный гражданскій бракъ введенъ въ Англіи въ 1837 году и предложенъ теперь Бетманомъ-Гольвегомъ для Пруссіи.

Мы уже замѣтили, что гражданскій бракъ въ Пруссіи на первое время не можетъ разчитывать на большую популярность у прекраснаго пола. Тѣмъ не менѣе введеніе его представлялось единственнымъ выходомъ изъ настоящаго, довольно затруднительнаго положенія. Случаевъ столкновенія между свѣтскою и церковною властью, по этому поводу, было въ послѣднее время множество. Но развѣ, замѣтятъ, такіа столкновенія возможны въ протестантскомъ государствѣ? Развѣ не помнятъ, напримѣръ, въ Пруссіи случая, что когда одна, если не ошибаюсь, магдебургская консисторія сдѣлала не совсѣмъ справедливое представленіе, Фридрихъ Великій нарисовалъ на немъ перомъ ослиную голову, и постановилъ слѣдующую краткую резолюцію: *das Konsistorium ist ein Esel!* Съ тѣхъ поръ, однако, несмотря на такой гербъ, и въ особенности со времени 1848 года протестантское духовенство во всей Германіи, обнаруживая католическія тенденціи, подняло голову и, замѣшанное въ политическую жизнь, само стало политической партіею. Эта партія имѣетъ общіе интересы съ фео-

далами, которые при многихъ вопросахъ стоятъ весьма охотно за обломки каноническаго права. Такъ, напримѣръ, здѣшнее министерство представило недавно въ верхнюю палату проектъ закона, по которому *minimum* наказаній, въ случаѣ осужденія за лихвенные проценты, значительно понижался. Министерство тутъ было руководимо политико-экономическимъ правиломъ, что не слѣдуетъ вообще стѣснять частный кредитъ посредствомъ опредѣленія законнаго роста, и что наказаніе за лихвенные проценты есть анахронизмъ. Вопросъ этотъ не въ первый уже разъ былъ обсуждаемъ, и правительство, дѣйствуя заодно съ палатою депутатовъ, намѣрено постепенно исключить изъ уголовнаго кодекса всякое запрещеніе въ этомъ смыслѣ. Но герренгаузъ, какъ въ прошломъ году не поддавался на подобныя требованія, такъ и теперь отвергнулъ ихъ, на томъ будто основаніи, что еслибы эта новая мѣра прошла, то землевладѣльцамъ несравненно труднѣе было бы занимать подъ залогъ своихъ имѣній капиталы, и что пришлось бы во всякомъ случаѣ платить за заемъ ихъ гораздо дороже. Увѣряютъ, впрочемъ, что герренгаузъ, недовольный ни министерствомъ, ни палатою депутатовъ, только немного фрондируетъ и не представитъ серіозныхъ препятствій другимъ реформамъ, требуемымъ цѣлою страной. Въ проектѣ закона о гражданскомъ бракѣ министерство знало, какъ взяться за это собраніе прусскихъ quasi-перовъ. Именно вторую часть этого проекта составляетъ уменьшеніе числа тѣхъ законныхъ случаевъ, по которымъ допускается разводъ. Вся феодально-богословская партія будетъ стоять за эту послѣднюю часть новаго закона, но дѣло въ томъ, что въ проектѣ содержится параграфъ, по которому законъ этотъ можетъ быть принятъ или отвергнутъ только въ цѣломъ его составѣ.

Наиболѣе интересное засѣданіе палаты, при которомъ намъ случилось присутствовать, было занято вопросомъ о *диссидентахъ*. Уже въ самомъ началѣ парламентскаго сезона и въ газетахъ, и въ отдѣльныхъ брошюрахъ разказана была возмутительная повѣсть тѣхъ гоненій и преслѣдованій, которымъ подвергались религіозныя общества диссидентовъ (*freie Gemeinden*) «при благополучно устраненномъ министерствѣ» какъ выразился г. Финке. Особенно замѣчена была брошюра, написанная диссидентскимъ пасторомъ Улихомъ, который, говоря о нетерпимости господствующей церкви, звавшей на помощь противъ диссидентовъ полицію, держался строго фактическаго изложенія и писалъ безъ всякой горечи. Въ общемъ же собраніи рѣчь зашла о диссидентахъ вслѣдствіе доклада петиціонной комиссіи, разсматривавшей нѣсколько поступившихъ въ палату диссидентскихъ жалобъ. По конституціи всѣ религіозныя общества, безъ различія исповѣда-

ній, пользуются одинаковымъ правомъ отправлять свое общественное богослуженіе. Но прошлое министерство, заодно съ господствующею церковію, подводило диссидентскія общества подъ статьи закона о запрещенныхъ политическихъ союзахъ.

Прежде всего обратился съ рѣчью къ палатѣ г. Бетманъ-Гольвегъ, какъ министръ просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ. Онъ одинъ изъ лучшихъ ораторовъ въ теперешней палатѣ. Его рѣчь не отличается тѣмъ юморомъ, который постоянно слышится въ словахъ г. Финке, ни тѣмъ цвѣтистымъ слогомъ, которымъ выражается профессоръ-депутатъ Симонсъ, ни тою, немного софистическою изворотливостію мысли, которая составляетъ особенность вождя и оратора католической партіи, г. Рейхеншпергера. Строго-логическая, сжатая, такъ что нельзя выбросить изъ нея ни одного слова, рѣчь Бетмана-Гольвега всегда полна глубокаго смысла и достоинства. Оттого, когда онъ начинаетъ говорить, всѣ депутаты обращаются къ министерскому столу съ усиленнымъ вниманіемъ и боятся проронить слово, точно сами ждутъ себя поученія отъ министра просвѣщенія. Признавая религиозную терпимость въ самомъ широкомъ смыслѣ, онъ сказалъ, что считаетъ необходимымъ и потому еще въ особенности оградить диссидентовъ, что только тогда, когда они будутъ пользоваться полною свободою исповѣданія; самое ученіе ихъ еще довольно смутное, прояснится, оцѣдленно выскажется, и дастъ возможность судить, съ какими обществами государство имѣетъ дѣло. «Христіанская религія, замѣтилъ онъ, какъ въ первые дни свои, такъ и нынѣ, не нуждается въ другомъ оружіи, кромѣ духовнаго. А чтобы государство, давая въ школахъ средства образованія *всему* народу, не насилвало за это благодѣяніе ничьей совѣсти, на волю родителей-диссидентовъ будетъ предоставлено, желаютъ ли они, чтобы дѣти ихъ въ школахъ учились наравнѣ съ другими въ религиозныхъ классахъ, или же предпочитаютъ дать имъ домашнее религиозное образованіе». Громкія восклицанія: *браво!* покрыли его слова. Но тѣмъ дѣло не кончилось,—ни старая реакціонная, ни католическая фракція не могли на томъ успокоиться. Взошелъ на трибуну Рейхеншпергеръ. «Я не буду, сказалъ онъ,—мы передаемъ лишь сущность его рѣчи,—говорить въ духѣ нетерпимости, или излагать предъ вами догматы моего католическаго исповѣданія. Я не желаю, чтобы кого-нибудь въ нашемъ отечествѣ преслѣдовали за его религиозныя убѣжденія, каковы бы они ни были: убѣжденія эти составляютъ дѣло совѣсти каждаго. Я не стану поэтому дальше спрашивать о какихъ-либо догматахъ диссидентовъ. Но я долженъ обратить ваше вниманіе на одинъ вопросъ: конституція даетъ всѣмъ религиознымъ

обществамъ право свободнаго исповѣданія и общественнаго богослуженія, но спрашивается, могутъ ли диссидентскія общества считаться *религіозными*? И я вовсе не требую, чтобъ они были религіозными въ строго-католическомъ смыслѣ. Я довольствуюсь въ этомъ отношеніи смысломъ самымъ обыкновеннымъ, житейскимъ. Возьмемъ для этого хоть то опредѣленіе религіи, которое даетъ наиболѣе распространенный въ Германіи энциклопедическій словарь Брокгауза. (Онъ раскрываетъ его и читаетъ.) Итакъ, всякая религія, на основаніи самаго общаго опредѣленія, невозможна безъ вѣры въ живаго Бога, въ судію добра и зла. Теперь посмотримъ, есть ли такая вѣра у диссидентовъ. Раскроемъ диссидентскія брошюры: въ нихъ мы вездѣ читаемъ, что «религія есть одна изъ формъ духовнаго міросозерцанія». Конечно, находились люди, которые рѣшались утверждать, что безъ религіи иногда можно быть хорошимъ гражданиномъ, ученымъ, художникомъ, военнымъ, чѣмъ угодно, но никто еще не утверждалъ, чтобы безъ вѣры можно было быть религіознымъ человекомъ...» Не будемъ слѣдить за ораторомъ, ни за тѣми, которые поднялись ему возражать. Замѣтимъ только, что противъ такого поставленія вопроса у протестантизма, въ защиту диссидентовъ, дѣйствительно нѣтъ аргументовъ. Вѣдь не можетъ же протестантъ обратиться къ католической церкви, или даже къ своей собственной, съ тѣми словами, съ которыми Фаустъ обращается къ Гретхенъ, когда та начинаетъ беспокоиться о религіи друга.

Единственный выходъ, остававшійся палатѣ, для защиты диссидентовъ, состоялъ въ признаніи, что диссиденты еще не успѣли, при постоянныхъ гоненіяхъ, формулировать своего, отступающаго отъ господствующей церкви, исповѣданія. Она и воспользовалась имъ, и окончательно большинствомъ голосовъ приняла предложеніе г. Бетмана-Гольвега.

Б. Утинъ.

ХРИСТИАНЪ ФРИДРИХЪ ВУРМЪ.

Некрологъ.

Наука международного права понесла недавно тяжкую, не вознаградимую потерю: 2 февраля 1859 года скончался въ Гамбургѣ знаменитый публицистъ Вурмъ. Имя покойнаго, извѣстное всей Европѣ, знакомо читателямъ *Русскаго Вѣстника*; оно стояло высоко въ ряду публицистовъ и слышалось въ стѣнахъ нашихъ университетовъ, на лекціяхъ и диспутахъ. Кто только слѣдилъ за вопросами внѣшней европейской политики въ теченіи послѣднихъ 23 лѣтъ, неизбѣжно встрѣчалъ это имя въ газетахъ и журналахъ. Вурмъ былъ, можно сказать, живымъ органомъ общественнаго мнѣнія, постояннымъ и проницательнымъ наблюдателемъ дипломатіи, вѣрнымъ и безпристрастнымъ заступникомъ международныхъ интересовъ. Поэтому смерть его имѣетъ значеніе не для одной Германіи, но для всего просвѣщеннаго міра. Давно проникнутый уваженіемъ къ ученымъ заслугамъ покойнаго, авторъ этихъ строкъ въ послѣднее время имѣлъ честь лично познакомиться съ Вурмомъ, а потому считаетъ своею обязанностью сообщить публикѣ болѣе подробныя свѣдѣнія о жизни и характерѣ знаменитаго публициста. Не ручаясь за полноту этихъ фактовъ и наблюденій, онъ можетъ однакоже ручаться за ихъ достоверность.

Жизнь Вурма, не богатая громкими событіями, интересна во многихъ отношеніяхъ. Она доказываетъ съ одной стороны силу и разнообразіе его дарованій, съ другой отражаетъ въ себѣ много бурь, много увлеченій нашего времени. Замѣчательнѣе всего въ ней то, какими путями былъ приведенъ Вурмъ къ изученію международного права. Политическіе вопросы охватили его не вдругъ; онъ долго колебался въ выборѣ науки: его занимала сначала филологія, потомъ исторія; онъ сдѣлался публицистомъ только послѣ юнкерской ревелюціи, когда окончательно поселился въ Гамбургѣ. Этимъ объясняется его разносторонность, обширная эрудиція и глубокое знакомство съ древними классиками. Судьба повидимому играла имъ, но играла не безъ цѣли: всѣ перевороты въ его жизни были направлены къ тому, чтобы постепенно сообщить ему качества, необходимыя для публициста и къ сожалѣнію довольно рѣдкія въ наше время, а особенно у насъ въ Россіи. Передаемъ читателямъ факты, записанные нами со словъ само: о Вурма или тѣхъ людей, которымъ были извѣстны событія его жизни.

Вурмъ родился въ 1803 году въ Тюбингенѣ. Отецъ его былъ богословъ и преподавалъ въ гимназіи древніе языки. Ему хотѣлось,

чтобы сынъ шелъ по его слѣдамъ и слушалъ лекціи въ богословскомъ факультетѣ. Не чувствуя въ себѣ особеннаго призванія къ теологіи, Вурмъ повиновался волѣ старика, но, какъ слѣдовало ожидать, увлекся древнимъ міромъ, обратилъ вниманіе на лингвистику и такимъ образомъ уже въ молодости прибрѣлъ глубокія свѣдѣнія въ еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ. Классическіе писатели, казалось, приковали его къ себѣ навсегда. Но случай скоро отвлекъ его отъ любимыхъ занятій на новую дорожку. Путешествуя по Швейцаріи, онъ встрѣтился съ однимъ Англичаниномъ, о которомъ стоить сказать здѣсь нѣсколько словъ. Тотъ Англичанинъ, по имени Гривсъ, былъ когда-то богатъ, разорился и, собравъ послѣдніе остатки своего состоянія, отправился странствовать по Европѣ. Казненному судьбою Британцу хотѣлось посвятить себя на какое-нибудь общепольное и человѣколюбивое дѣло. Поприще для этого рода подвиговъ, какъ извѣстно, очень широко, Англичанинъ думалъ не долго и, при первой встрѣчѣ съ Песталоцци, увлекся педагогикою, принялся воспитывать бѣдныхъ дѣтей и умеръ учителемъ въ какой-то сельской школѣ. Изъ этихъ немногихъ словъ видно, какъ долженъ былъ подѣйствовать на Вурма подобный человѣкъ. Подъ его вліяніемъ, будущій публицистъ отправился въ Англію и получилъ мѣсто наставника въ Эпсомѣ, въ одномъ частномъ заведеніи. Пребываніе въ Англіи произвело въ немъ совершенный переворотъ; онъ увидѣлъ передъ собою народъ, надѣленный въ высшей степени практическимъ смысломъ, чувствомъ свободы и инстинктомъ самоуправленія; его идеи измѣнились; его занятія приняли болѣе *положительный* характеръ. Отъ Грековъ и Римлянъ онъ перешелъ къ вопросамъ экономическимъ и социальнымъ, чему, кажется, много способствовало знакомство съ Робертомъ Оуеномъ. Опыты этого реформатора, по словамъ Вурма, заинтересовали его до такой степени, что онъ собирался ѣхать въ Америку, чтобы наблюдать ихъ результаты. Это намѣреніе впрочемъ не сполнилось и конечно къ лучшему. Вурму представилась другаго рода дѣятельность. Его вызвали въ Гамбургъ для изданія журнала, цѣль котораго состояла въ томъ, чтобы знакомить германскую публику съ англійскою жизнью и литературою. Въ послѣдствіи Вурмъ сдѣлался редакторомъ *Критическихъ листовъ* (kritische Blätter der Börsehalle), а съ 1833 г. профессоромъ академической гимназіи. Июльская революція сосредоточила его вниманіе на политическихъ и особенно на германскихъ вопросахъ. Отсюда легко было перейти къ вопросамъ международнымъ, которые по самому положенію Гамбурга имѣютъ большое и притомъ практическое значеніе для этого чисто-коммерческаго города. Трудно поселиться здѣсь и остаться равнодушнымъ къ интересамъ торговли и

морскаго права; благосостояніе Гамбурга тѣсно связано съ охраненіемъ мира и морскаго равновѣсія, съ успѣхами сношеній и общегражданскаго оборота; войны разрывы между державами, стѣснительныя мѣры противъ навигаціи прежде всего отражаются въ этомъ центральномъ портѣ Европы. Отсюда понятно, почему именно гамбургскіе публицисты всегда ратовали за свободу размѣна, были жаркими фритредерами и защитниками либеральныхъ началъ нейтралитета: стоить только вспомнить «старога Бюша» и его грозныя памфлеты противъ директоріи, англійскаго каперства и континентальной системы, адвоката Якобсена, Меню-Пельса и др. Всѣ эти писатели проникнуты однимъ духомъ; всѣ въ равной мѣрѣ негодуютъ на морскую тиранію, требуютъ независимости флага, неприкосновенности груза, отмены монополій, осмотра, произвольныхъ обысковъ на чужихъ корабляхъ, всѣ настаиваютъ на необходимости всеобщаго морскаго права, указываютъ на гарантіи для охраненія торговли. Изъ нихъ особенно замѣчателенъ Бюшъ: онъ былъ собственно профессоръ математики; дѣятельность его какъ публициста была вызвана уже въ послѣдніе годы жизни обстоятельствами, въ которыхъ находилась Европа послѣ французской революціи. Видя страданія торговли среди безконечныхъ войнъ, Бюшъ оставилъ свои отвлеченныя формулы, началъ изучать политическую экономію и международное право и написалъ нѣсколько сочиненій по тому и другому предмету, очень любопытныхъ даже для настоящаго времени. Гамбургскіе граждане, въ простотѣ своихъ купеческихъ сердець, не понимали этой ревности почтеннаго профессора къ ихъ благу, даже удивлялись, за чѣмъ онъ ходитъ на биржу, что заставляетъ его мѣшаться не въ свои дѣла, и только послѣ смерти старика отдали ему справедливость, т. е. поставили въ честь его довольно посредственный и очень дешевый памятникъ.

Вурмъ былъ большимъ почитателемъ и, можно сказать, послѣдователемъ Бюша. Оба они были въ одинаковой степени преданы дѣлу свободной торговли, оба заботились, сколько отъ нихъ зависѣло, о благосостояніи Гамбурга, о пробужденіи въ немъ умственной жизни, о преобразованіи городскаго устройства. Впрочемъ, несмотря на это, разница между ними довольно значительна. Именно, Бюшъ былъ меньше приготовленъ къ работамъ публициста; судя по его памфлетамъ, видно, что это былъ благородный человѣкъ, но отнюдь не историкъ, не юристъ, не дипломатъ. Напротивъ сочиненія Вурма доказываютъ обширныя свѣденія, огромную начитанность, глубокое изученіе внѣшней политики европейскихъ государствъ. Читая эти сочиненія, не трудно убѣдиться (и такое убѣжденіе высказывали многіе), что авторъ при благоприятныхъ обстоятельствахъ могъ бы съ успѣхомъ за-

нимать мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ или одинъ изъ важнѣйшихъ дипломатическихъ постовъ.

Первыя статьи по международному праву были написаны Вурмомъ для *Государственной лексикона* Роттека и Велькера. Уже въ нихъ высказывается тотъ практическій духъ, которымъ отмѣчены всѣ его произведенія: теорія здѣсь занимаетъ немного мѣста; все вниманіе автора обращено на исторію и критику. Его полемика до такой степени сильна, что едва ли кто-нибудь могъ съ нимъ состязаться и отразить приводимые имъ доводы. Онъ, обыкновенно поражалъ противниковъ собственнымъ ихъ оружіемъ. Въ примѣръ можно привести его письма о судоходствѣ по Дунаю, мемуаръ о Шлезвигъ-Голштейнѣ и исторію восточной войны. Здѣсь непоследовательность и колебанія политики лорда Пальмерстона изображены наглядно. Вурмъ доказываетъ свои положенія примѣрами, говоритъ словами нотъ и мемуаровъ и слѣдитъ за примѣненіемъ извѣстныхъ началъ къ практикѣ. Говоримъ безъ преувеличенія, его свѣдѣнія въ дипломатической исторіи Европы неизмѣримы; въ этомъ отношеніи онъ не оставилъ себѣ преемника. Съ помощію обширныхъ связей и корреспонденціи, онъ былъ вполне au courantъ всѣхъ вопросовъ, занимавшихъ кабинеты и дворы; его рабочая комната въ Гамбургѣ служила въ полномъ смыслѣ слова дипломатическою обсерваторіею, на которой онъ былъ самымъ неутомимымъ, самымъ способнымъ наблюдателемъ. Трудно было обмануть его зоркій глазъ призраками и блудящими огнями; рѣдко ускользалъ отъ его пронизательнаго ума личный интересъ, прикрытый громкими фразами и видимымъ уваженіемъ къ международному праву. Съ необыкновеннымъ искусствомъ онъ ловилъ интригу, преслѣдовалъ ея ходъ и предсказывалъ развязку.

Почти вся жизнь Вурма была посвящена ученой дѣятельности. Только въ 1848 г. общее движеніе увлекло его на политическую арену. Избранный депутатомъ въ національное собраніе, онъ переселился на нѣсколько мѣсяцевъ во Франкфуртъ и принималъ дѣятельное участіе въ преніяхъ, особенно по вопросамъ внѣшней политики. Единство Германіи было любимою его мечтою, ради которой онъ былъ готовъ принести большія жертвы, даже отказаться на время отъ политической свободы. «Спротивленіе великихъ державъ и недостатокъ государственныхъ людей, по его словамъ, служили въ это время главными препятствіями къ соединенію нѣмецкаго племени.»

1848-й годъ оставилъ на душѣ Вурма тягостныя воспоминанія; они отчасти записаны имъ въ книгѣ *die Diplomatie, das Parlament und der deutsche Bundesstaat*. Онъ возвратился въ Гамбургъ разочарованнымъ, недовольнымъ, и съ этого времени окончатель-

но предался своимъ кабинетнымъ трудамъ. Огорченіе его усилилось съ потерей любимой жены, которая своимъ поэгическимъ характеромъ услаждала его жизнь, и дѣлила съ нимъ всѣ стреленія. Оставшись вдовцомъ, Вурмъ не имѣлъ уже развлеченій въ семействѣ, не зналъ отдыха и не отходилъ отъ книгъ. Этииъ объясняется, почему его здоровье такъ сильно разстроилось въ послѣднее время.

Незадолго до своей смерти, Вурмъ женился во второй разъ. Этотъ бракъ обѣщаль ему спокойствіе, но къ сожалѣнію у него открылась скоро нервная болѣзнь, нажитая трудами и тревогами прежнихъ лѣтъ. Она обнаружилась прежде всего ослабленіемъ зрѣнія и за тѣмъ разстройствомъ всего организма. Еще прошлою зимою пишущій эти строки засталъ Вурма очень слабымъ. И-томъ его здоровье нѣсколько оправилось отъ морскаго воздуха, подѣ влияніемъ путешествія и пребыванія въ Килѣ, но осенью ему опять сдѣлалась хуже. Привычка къ труду ускорила его смерть; онъ не могъ жить безъ занятій и продолжалъ диктовать женѣ свои сочиненія. Особенно занимала его исторія Англіи съ 1815 года, которую онъ давно готовилъ къ печати, и которая уже была объявлена. Въ какой степени ему удалось подвинуть ее къ окончанію, намъ неизвѣстно. Но мы слышали отъ самого Вурма, что онъ готовилъ къ изданію еще нѣсколько сочиненій, относящихся непосредственно къ международному праву. Между ними исторія трактатовъ о торгѣ неграми была почти написана. Кроме того въ портфель Вурма хранятся драгоценныя матеріалы для исторіи проектовъ о вѣчномъ мирѣ и для вопроса о посредничествѣ. Наконецъ вопросъ объ осмотрѣ кораблей и верификаціи флаговъ занималъ его нѣсколько лѣтъ. Очень вѣроятно, что въ его бумагахъ найдутся отрывочныя замѣтки по этому предмету. Желательно, чтобы кто-нибудь изъ знатоковъ международнаго права принялся за ихъ редакцію и далъ имъ сколько-нибудь систематическую форму. Даже неоконченные труды этого замѣчательнаго публициста заслуживаютъ памяти и сохраненія.

Мы не имѣемъ мѣста въ этомъ некрологѣ для критическаго обзоренія сочиненій Вурма. Они разбросаны въ разныхъ политическихъ журналахъ, именно въ *Лексиконъ* Роттека, въ журналѣ политическихъ наукъ, издаваемомъ въ Тюбингенѣ въ нѣмецкомъ трехмѣсячномъ обзорѣнн *Deutsche Vierteljahrsschrift*, въ періодическомъ изданіи Брокгауза *Gegenwart* и въ другихъ. Отдѣльныхъ книгъ онъ издалъ немного, потому что предпочиталъ англійскую форму, извѣстную подѣ названіемъ *essays*. Къ концу жизни онъ думалъ собрать ихъ въ одноцѣлое и далъ имъ общее заглавіе: «*Völkerrechtliche Aufsätze*». Эти статьи, нисыма о судоходствѣ по Дунаю (двѣ брошюры: первая *англ.*

лась въ 1835, вторая въ прошломъ году), о зундской по-
шлинѣ, брошюра объ отношеніи ганзейскихъ городовъ къ тамо-
женному союзу, мемуары о Шлезвигъ-Голштейнѣ и о сборахъ
въ Штадѣ (послѣдній напечатанъ въ *Blue Books* англійскаго
парламента за 1858 г.), можно считать лучшими его произведе-
ніями. Замѣчательны также руководящія и критическія статьи въ
Börsenhalle и *Аугсбургской Газетѣ*, памфлеты, относящіеся къ
исторіи германскаго союза и дипломатической исторіи восточнаго
вопроса. Последняя, несмотря на недостатки, свойственные тру-
дамъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о современныхъ, еще не уяснив-
шихся событіяхъ, тѣмъ не менѣе заслуживаетъ внимательнаго
изученія. Все это въ совокупности составляетъ довольно значи-
тельную массу. Желательно, чтобы компетентный судья извлекъ
изъ нея и собралъ самыя капитальныя, самыя цѣнныя произве-
денія.

Остается сказать нѣсколько словъ о личности Вурма. Всѣ знавшіе
его соглашались, что въ немъ много привлекательнаго; кто разъ
видѣлъ эту подвижную, выразительную, нѣсколько насмѣшливую,
проницательную фizioномію, тотъ никогда не забывалъ ее. Въ
разговорѣ Вурма не было того, что называютъ общими мѣстами.
Онъ, конечно, не созданъ былъ для салоновъ, но тѣмъ ярче бли-
сталъ въ интимной бесѣдѣ, въ кругу друзей: здѣсь рѣчь его,
пересыпанная блестящими анекдотами и остроумными замѣча-
ніями, текла непринужденно. Онъ рѣдко одушевлялся, но всегда
говорилъ съ достоинствомъ и сознаніемъ. Автору этого очерка
случалось его видѣть въ ученыхъ обществахъ и на митингахъ
здѣсь онъ обыкновенно занималъ одно изъ видныхъ мѣстъ. При-
выкши къ парламентскимъ формамъ въ Англии, онъ умѣлъ искусно
вести пренія, поддерживать интересъ предмета и приковывать
вниманіе. Публичныя лекціи, читанныя имъ въ Гамбургѣ, привле-
кали много слушателей: Онъ выбиралъ для своихъ чтеній всякій
годъ какой-нибудь современный вопросъ и обсуживалъ его съ
историко-критической точки зрѣнія. Такъ въ 1858 году предме-
томъ его лекцій были событія въ Индіи.

Особенно отличался Вурмъ знаніемъ языковъ, древнихъ и новыхъ.
На многихъ изъ нихъ онъ говорилъ и писалъ (между прочимъ
по-англійски и по-голландски). Всѣ книги, выходившія въ Европѣ
и Америкѣ, по части исторіи, политики и международныхъ сно-
шеній, были ему извѣстны. Его богатая бібліотека принадлежитъ
къ числу замѣчательныхъ частныхъ бібліотекъ въ Европѣ по го-
сударственнымъ наукамъ. Она заключаетъ въ себѣ множество
драгоцѣнныхъ дипломатическихъ документовъ и рѣдкихъ пам-
флетовъ.

Что касается до политическихъ убѣжденій Вурма, они были

либеральны и умѣренны. Продолжительное пребываніе въ Англіи и неудачи 1848 года поселили въ немъ вражду къ революціямъ и недовѣріе ко всякимъ насильственнымъ мѣрамъ. Онъ былъ прогрессистомъ въ полномъ смыслѣ слова, но при этомъ вовсе не доктринеромъ. Опасенія его насчетъ преобладанія Россіи въ Европѣ никогда не доходили до исключительной руссофобіи, какъ у нѣкоторыхъ нѣмецкихъ профессоровъ. Онъ радовался послѣднимъ успѣхамъ нашего отечества и отъ души желалъ ему идти по пути цивилизаціи. Съ просвѣщеніемъ Россіи, по его словамъ, тѣсно соединено спокойствіе Европы. Восточный колоссъ можетъ быть грознымъ до тѣхъ поръ, пока его силы обращены на сосѣдей; но когда они направлены на внутреннюю культуру, на завоеваніе гражданственности, онъ возбуждаетъ вмѣсто страха сочувствіе Европейца. Въ самомъ дѣлѣ, каждый шагъ русскаго общества въ дѣлѣ прогресса и свободы даетъ новую гарантію въ пользу неприкосновенности чужихъ территорій, невмѣшательства и независимости національностей. Вурмъ вмѣстѣ со многими другими боялся Россіи какъ поработенной, страдательной крѣпостной массы, которую первый честолюбецъ можетъ обратитъ на истребленіе цивилизаціи и противъ которой слабая, раздѣленная Европа не въ силахъ бороться; но когда ему возражали, что изъ этой массы можетъ развиваться свободное политическое тѣло, его скептицизмъ ослабѣвалъ. Съ удивленіемъ слушалъ онъ разказы о молодомъ русскомъ поколѣніи, любознательномъ, чуждомъ предрасудковъ, не питающемъ ни малѣйшей ненависти къ Европѣ, но и свободномъ отъ ея историческихъ преданій. Ему хотѣлось бы взглянуть на этотъ загадочный народъ, въ которомъ смѣшиваются такіе разнородные элементы, который выказывается въ отдѣльныхъ лицахъ то дикимъ, то образованнымъ до утонченности, является то съ узко-національными понятіями, то съ духомъ космополитизма. Но о путешествіи въ преклонныя лѣта, при слабомъ здоровьѣ Вурма, трудно было думать. Не имѣя возможности предпринять его, онъ старался по крайней мѣрѣ сблизиться съ тѣми Русскими, которые пріѣзжаютъ за границу съ ученою цѣлію, и, сколько могъ, помогалъ имъ совѣтами, письмами и указаніями. Пишущій эти строки считаетъ долгомъ засвидѣтельствовать передъ своими соотечественниками о томъ, какъ много онъ обязанъ содѣйствію Вурма въ путешествіи. То же могутъ сказать другіе изъ нашихъ профессоровъ, бывшіе въ Гамбургѣ (1). Повидимому, трудно было ожидать отъ

(1) Дѣйствительно, мы всегда будемъ вспоминать съ благодарностью о радушномъ гостепріимствѣ Вурма и объ интересныхъ бесѣдахъ съ нимъ; его собственная бібліотека и бібліотека коммерческаго общества были всегда

этого человѣка горячаго участія въ дѣлѣ, ему чуждомъ, но къ удивленію мы находимъ больше симпатіи къ русскому просвѣщенію въ тѣхъ людяхъ, которые высказывали независимый взглядъ на вопросы внѣшней политики, чѣмъ въ украшенныхъ офиціальными друзьями нашихъ и въ лицахъ, получающихъ отъ Россіи жалованье, и потому обязанныхъ служить ей.

Оставляя до другаго времени разборъ сочиненій Вурма, спѣшимъ заключить этотъ бѣглый, наскоро написанный очеркъ. Остается прибавить нѣсколько строкъ изъ послѣдняго полученнаго мною письма Вурма отъ 2 декабря 1858. Въ нихъ видно предчувствіе близкой смерти и высказано желаніе успѣха молодому поколѣнію. «Вы говорите о моихъ послѣднихъ трудахъ по международному праву и объ исторіи Англій. Но кто поручится, что они будутъ окончены? Силы мои слабѣютъ съ каждымъ днемъ; я едва ли поправлюсь. Обязанность развивать науку переходить отъ насъ къ другимъ, болѣе свѣжимъ поколѣніямъ, они должны довершить то, что мы начали...»

Въ послѣднее время Вурмъ очень былъ занятъ проектомъ объ основаніи международного журнала. Необходимость свободнаго органа, предназначеннаго для обсужденія европейскихъ вопросовъ, казалась ему настоятельною въ нынѣшнее время. Онъ писалъ объ этомъ къ Роберту Молю и изложилъ свои идеи въ рѣчи къ лон-

открыты для насъ. Къ воспоминаніямъ моего ученаго друга прибавлю два слова. Изъ сочиненій Вурма укажу на статью объ отдѣленіи Лифляндіи отъ Ганзейскаго союза, напечатанную въ *Historische Zeitung* 1846 года и очень интересную для исторіи морскаго права: Лифляндія отдѣлилась вслѣдствіе изданія стѣснительнаго навигаціоннаго акта Любекскаго. Изъ разговоровъ Вурма о политическихъ дѣятеляхъ, припомню оригинальную характеристику лорда Пальмерстона: «это кошка, которую съ какой высоты ни брось, она всегда стаетъ на четыре лапы; но при этой ловкости, у него не до таеъ знанія и убѣжденій». Во время моего свиданія съ Вурмомъ, въ журналахъ слышались обвиненія на Россію въ томъ, что она будтобы возмутила Индію; Вурмъ не вѣрилъ этому: «Россія, говорилъ онъ, не любитъ даромъ тратить свои силы, а Индія возстала бы и безъ ея участія». Мысль о единствѣ Германіи и о тѣсномъ союзѣ ея съ Англіею была любимою мыслію Вурма; иногда онъ впадалъ даже въ увлеченіе, напримѣръ видѣлъ истыхъ Нѣмцевъ даже въ Ютландіи, потому что простой народъ сохранилъ тамъ въ своемъ языкѣ членъ *der, die, das*. Вслѣдствіе открытой переписки съ Дитцелемъ, который швырнулъ своимъ крайнимъ направленіемъ, Вурмъ не могъ получить мѣста профессора въ Тюбингенѣ, и это огорчило его. Международнымъ правомъ Вурмъ занимался съ любовью, но для публичныхъ лекцій долженъ былъ избирать предметы изъ исторіи; одинъ разъ задумалъ было онъ читать Гамбургцамъ общія начала нейтралитета, но вмѣсто обычныхъ трехъ сотъ слушателей въ его аудиторіи собралось не болѣе сорока человѣкъ. Рѣдко случалось мнѣ встрѣтить въ ученѣмъ столько скромности и уваженія къ чужимъ трудамъ; «я не юристъ, говорилъ съ улыбкою Вурмъ, а теологъ и занимаюсь исторіею какъ дилетантъ».

М. Клаустианъ.

донскому юридическому обществу. По мнѣнію лучшихъ публицистовъ, ему должна была принадлежать редація: дѣйствительно, едва ли кто-нибудь болѣе способенъ былъ стоять во главѣ подобнаго предприятия, едва ли кто-нибудь приобрѣлъ на это больше правъ. Немногіе изъ современниковъ служили наукѣ международнаго права съ такою пользою и съ такимъ безкорыстіемъ, какъ Вурмъ. Желательно, чтобъ его девизъ: *immer wahr!* былъ девизомъ новыхъ публицистовъ, чтобъ они защищали съ такою же энергіею права народовъ, цивилизацію и свободу, чтобы мысль о необходимости мира и посредничества, высказанная имъ въ послѣднемъ сочиненіи о репрессаліяхъ (*Deutsche Vierteljahrsschrift*, October 1858), не была забыта его преемниками.

Д. Каченовскій.

Лондонъ, 12 февраля 1859.

ОБЪ АДВОКАТУРѢ ВЪ ГРАЖДАНСКОМЪ ПРОЦЕССѢ (1).

Въ первой декабрьской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* за прошлый годъ помѣщено письмо г. Х. Д. о пользѣ учрежденія при Санкт-петербургской управѣ благочинія временной комиссіи для разбора дѣлъ между рядчиками или нанимателями и рабочими или мастеровыми.

Это письмо справедливо обращаетъ вниманіе читателей на учрежденіе, котораго послѣдствія до сего времени оправдываютъ прекрасную цѣль правительства, и которое даруетъ всему классу столичныхъ работниковъ въ возникающихъ спорахъ скорый и легкій судъ, не требующій большихъ издержекъ.

Доказательства самаго лучшаго результата разсматриваемаго учрежденія слишкомъ очевидны, если принять въ соображеніе, что въ комиссіи, открывшей свои засѣданія 31 іюля 1858 года, изъ поступившихъ въ нее 520 дѣлъ, по 1 января 1859 года, окончено 378 дѣлъ, а изъ нихъ миролюбивымъ соглашеніемъ 224 дѣла, и только 4 жалобы подано на рѣшенія комиссіи.

Но въ письмѣ, помѣщенномъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, между прочимъ выражена мысль, что для усовершенствованія порядка

(1) Печатаемъ эту статью, съ главными мыслями которой мы рѣшительно несогласны, для того, чтобы опроверженіемъ ихъ содѣйствовать разъясненію важнаго вопроса о необходимости адвокатуры для правильнаго суда, не только уголовного, но и гражданскаго. *Audiat et altera pars.* Мы утѣрены, что возраженія посыплются на эту статью со всѣхъ сторонъ. Покаместъ сопровождаемъ ее лишь немногими подстрочными замѣчаніями. *Ред.*

судебнаго производства въ комиссіи необходимо учредить стряпчихъ или адвокатовъ; при этомъ авторъ въ другомъ мѣстѣ письма высказываетъ еще свое убѣжденіе, что «выгодность посредничества стряпчихъ особенно въ дѣлахъ того рода, которыя подвѣдомы комиссіи, кажется такъ ясна, такъ осязательна, что нельзя и придумать что бы можно возразить противъ подобнаго учрежденія». Соглашаясь съ общимъ взглядомъ автора на полезность учрежденія комиссіи, мы не можемъ вполне одобрить предполагаемое имъ улучшеніе.

Главнымъ поводомъ къ посредничеству стряпчихъ, или адвокатовъ, въ производствѣ дѣлъ комиссіи, авторъ письма полагаетъ между прочимъ ея затрудненія и потерю времени, происходящія отъ того, что «большая часть людей, являющихся или вызываемыхъ къ ея разбору, не имѣетъ никакого юридическаго образованія, даже никакихъ юридическихъ понятій вообще». Такимъ образомъ самъ авторъ признаетъ необходимымъ распространеніе юридическихъ понятій между людьми, прибѣгающими къ суду. Неужели учрежденіе адвокатовъ въ гражданскихъ дѣлахъ и частныхъ спорахъ можетъ споспѣшествовать распространенію юридическихъ знаній въ массѣ народа, когда эти знанія составляютъ нѣкоторымъ образомъ монополію одного сословія стряпчихъ, котораго выгода связана съ исключительнымъ обладаніемъ юридическими свѣдѣніями, и котораго существованіе вообще уничтожитъ у многихъ побужденіе пріобрѣтать свѣдѣнія этого рода? (1) Если сверхъ того принять въ разчетъ, что одному изъ адвокатовъ, въ гражданской тяжбѣ, приходится защищать неправую сторону, нельзя не убѣдиться, что понятія о законѣ и справедливости не только не будутъ уясняться, при производствѣ дѣлъ съ помощію стряпчихъ, но напротивъ будутъ запутываться ловкою и часто софистическою ихъ діалектикой (2).

(1) Уже съ этимъ первымъ возраженіемъ невозможно согласиться; съ точки зрѣнія автора, слѣдовало бы, для распространенія полезныхъ знаній въ народѣ, уничтожить всѣ спеціальныя профессіи: не нужны ни механики, ни инженеры, ни архитекторы, потому что, занимаясь исключительно предметами своихъ занятій, они препятствуютъ распространенію въ народѣ свѣдѣній по ихъ искусству или наукѣ. Нѣкоторыя особы, неблагопріятно расположенныя къ адвокатурѣ, находили вредъ ея въ томъ, что она открываетъ народу слишкомъ легкій путь къ изученію законовъ. *Ред.*

(2) Этого опасенія не будутъ раздѣлять съ авторомъ люди, которые довольно упражнялись въ чтеніи бумагъ и документовъ, составляемыхъ безграмотными тяжущимися или не менѣе ихъ безграмотными и словообильными повѣренными. Неужели грамотный не выражается яснѣе, чѣмъ безграмотный, свѣдущій не объясняется понятнѣе, чѣмъ несвѣдущій, и адвокатъ, представляющій ручательство въ знаніи и честности, будетъ такъ же запутывать дѣла, какъ отставной чиновникъ, предлагающій въ газетахъ свои услуги для сочиненія всякаго рода бумагъ? *Ред.*

Мы здѣсь не касаемся вопроса, въ какой степени адвокатура можетъ составлять полезное учрежденіе въ западной Европѣ, гдѣ она естественно проистекла изъ самаго историческаго хода развитія общества, не отвергаемъ и вообще ея пользы въ уголовномъ судѣ, гдѣ преслѣдуется нарушение закона, общественнаго права, гдѣ государство само въ необходимости открыть виновнаго и дѣйствіемъ закона возстановить нарушенное право. Обвиненное лицо требуетъ защиты; важность же уголовного процесса должна смутить преступника, рѣчь его слаба; страсти человѣческія, недостатокъ нравственнаго развитія затемнили и запутали его разсужденіе, обстоятельства, смягчающія вину, ему не представляются вовсе, или представляются ложно: что же можетъ быть со стороны государства справедливѣе и великодушнѣе предоставленія обвиненному защитника? Но что такое адвокатъ въ гражданскомъ дѣлѣ? Это, подѣ гарантіей правительства, защитникъ моего частнаго интереса передъ такимъ же частнымъ интересомъ другаго лица. Какое дѣло государству до моего интереса (лишь бы право не было сознательно нарушено), когда законъ самъ предоставляетъ мнѣ на волю отказаться отъ этого интереса, пренебречь имъ, предоставить его другому, хотя этотъ другой — мой противникъ, когда мы оба передъ закономъ равны, когда для государства нѣтъ никакого существеннаго различія, я ли потерю свой интересъ, или другая сторона? Слѣдовательно на государствѣ не лежитъ собственно обязанности защищать мои выгоды, а оно какъ бы принимаетъ на себя эту обязанность вездѣ, гдѣ только существуетъ учрежденіе адвокатуры для гражданскихъ процессовъ; оно даетъ передъ судомъ и другою тяжущейся со мною сторонѣ адвоката. Какъ? Въ одномъ и томъ же дѣлѣ, гдѣ съ одной стороны все право, а съ другой никакого, два защитника, и оба подѣ равнымъ покровительствомъ государства? Но оставя это пока, спрашиваемъ, возможно ли двумъ сторонамъ дать совершенно равносильныхъ представителей ихъ правъ? Очевидно нѣтъ. Въ этомъ не обезпечитъ никакое правительство и никакой выборъ; разумѣется, богатый найдетъ себѣ почти всегда болѣе искуснаго и извѣстнаго адвоката, нежели бѣдный. Между кѣмъ же тогда происходитъ споръ? Между двумя часто неравными бойцами. Происходитъ, за условленную плату, что-то въ родѣ юридической дуэли, гдѣ побѣда должна остаться за тѣмъ, кто лучше вооруженъ всѣми хитростями и уловками формы тяжёбнаго судопроизводства, формы необходимой къ каждому законодательствѣ только для охраненія сущности права (3).

(3) Снисходя къ смущенію преступника, къ недостатку нравственнаго въ

Посмотримъ на учрежденіе адвокатуры еще съ другой стороны. Въ уголовномъ процессѣ, собственно говоря, нѣтъ противниковъ. Государство не есть противникъ обвиненнаго. Въ самомъ дѣлѣ, случилось убійство или другое преступленіе, государству нѣтъ никакой выгоды, чтобы подозрѣваемый въ немъ былъ дѣйствительно обвиненъ. Для правительства, напротивъ, гораздо отраднѣе была бы увѣренность, что напимѣръ смерть, приписанная убійству, произошла отъ несчастнаго случая или, если и дѣйствительно совершилось убійство, что оно сопряжено было съ наивозможно-меньшею степенью умышленности или нравственной испорченности со стороны преступника; но госу-

немъ развитія, авторъ допускаетъ въ уголовномъ судѣ защитника, но въ гражданскомъ процессѣ учреждая адвокатуру, государство, которому не должно быть никакого дѣла до частнаго интереса, принимаетъ, по мнѣнію автора, на себя какъ бы обязанность защищать частныя выгоды. Авторъ ужасается, что государство даетъ въ одномъ и томъ же дѣлѣ, — гдѣ съ одной стороны все право, а съ другой никакого. — двухъ защитниковъ! Но неужели публичная власть не обязана заботиться о томъ, чтобы *всѣ* тяжущіеся пользовались судомъ равнымъ, чтобы *всѣмъ* были открыты всѣ средства къ судебной защитѣ? Развѣ публичная власть въ правѣ отказать отъ доставленія и облегченія этихъ средствъ, отъ улучшенія и упрощенія судопроизводства, подъ тѣмъ предлогомъ, что въ каждомъ процессѣ есть и истецъ и отвѣтчикъ, и что одинъ изъ нихъ можетъ оказаться въ послѣдствіи *неправымъ*? Развѣ государственная власть, открывая тяжущимся возможность находить добросовѣстныхъ и свѣдущихъ адвокатовъ, предѣлѣшаетъ тѣмъ самымъ сущность каждаго судебного спора? Если провести послѣдовательно мысль, высказанную авторомъ, то правительство не должно бы имѣть никакого попеченія о правильномъ отправленіи гражданскаго правосудія, дабы не пріявлять на себя косвенной защиты какого-либо неправого истца или отвѣтника! Между богатымъ и бѣднымъ, продолжаетъ авторъ, бой будетъ неравенъ, ибо первый почти всегда найдетъ болѣе искуснаго и извѣстнаго адвоката, вооруженнаго всѣми хитростями и уловками формы тяжёбнаго судопроизводства. Защитникамъ адвокатуры казалось до сихъ поръ, что потребность адвокатуры объясняется именно стремленіемъ замѣнить площадныхъ, продажныхъ стряпчихъ нравственными людьми и учеными юристами. Они думали, что институтъ образованныхъ и испытанныхъ адвокатовъ, состоящихъ подъ контролемъ своей корпораціи и общественнаго мнѣнія, внесетъ въ судебную практику свѣтъ науки и чистоту нравственнаго достоинства. Но если хатайство будетъ заключаться только въ хитростяхъ и уловкахъ, тогда адвокатура будетъ мертвою буквою, одною вывѣскою; адвокатъ только по названію будетъ отличаться отъ изгнаннаго изъ службы писца. Вѣроятно, ни одинъ здравомыслящій человекъ не пожелаетъ преобразования, которое совершится на бумагѣ, а не на дѣлѣ. Тѣ, которые знаютъ, сколько услугъ въ западной Европѣ оказала и оказываетъ адвокатура бѣднымъ тяжущимся, какъ превосходно тамъ устроено такъ-называемое *судебное пособіе*, конечно не скажутъ, чтобы сиротство и нищета не находили опоры у корпуса адвокатовъ. Да и можно ли имѣть такое низкое мнѣніе о судѣ, что его можно обойдти хитростями и уловками! Такой печальный взглядъ на правосудіе убѣждаетъ лишь въ несовершенствѣ нашего юридическаго воспитанія. *Ред.*

дарство не можетъ желать оставаться въ такомъ обольщеніи, а должно стремиться къ раскрытію строгой истины. Для этой дѣли оно избираетъ форму спора, въ которомъ одинъ изъ адвокатовъ (прокуроръ) развиваетъ все основанія обвиненія; другой же — все доводы его несправедливости или по крайней мѣрѣ наименьшей виновности (*circonstances atténuantes*) подозрѣваемаго, чтобы изъ такого всесторонняго разбирательства дѣла наконецъ открылась истина. Адвокатъ-защитникъ можетъ быть убѣжденъ въ виновности своего кліента и при всемъ томъ не кривить душою, выставляя на видъ обстоятельства, уменьшающія его вину. Преступленіе противно разумной природѣ челоуѣка, и такъ какъ онъ по большей части доходитъ до него не иначе какъ вслѣдствіе самыхъ сильныхъ, часто извнѣ дѣйствующихъ искушеній, то почти во всякомъ дѣлѣ встрѣчаются обстоятельства, облегчающія вину. Тутъ слѣдовательно споръ обоихъ адвокатовъ не есть дѣйствительный споръ, а только логическая форма, служащая къ лучшему изслѣдованію истины, нѣчто въ родѣ діалогической формы, какую употребляли Сократъ и Платонъ при разрѣшеніи философскихъ вопросовъ.

Совершенно другое дѣло въ процессѣ гражданскомъ. Все виды его можно подвести подъ двѣ категоріи: 1) гражданскій процессъ *добросовѣстный съ обѣихъ сторонъ*, при которомъ каждая сторона увѣрена въ своей правотѣ, но одна изъ нихъ въ заблужденіи; 2) гражданскій процессъ *злонимьерный съ одной стороны*, которая намѣревается воспользоваться оплошностію или незнаніемъ другой. Очевидно, что только первая категорія представляетъ, въ полномъ смыслѣ слова, процессъ гражданскій, въ которомъ и неправая сторона не заслуживаетъ ни наказанія, ни даже порицанія; вторая же категорія, собственно говоря, носить на себѣ только маску гражданскаго процесса; тутъ одна изъ сторонъ не только не права, но и виновна, и если не преслѣдуется закономъ, то потому лишь, что юридически, въ большей части случаевъ, нельзя доказать ея виновность; слѣдовательно во всякомъ гражданскомъ процессѣ всегда предполагать должно заблужденіе одной стороны. Отчего же такое заблужденіе возможно? Отъ незнанія законовъ или, говоря общѣе, отъ недостаточности юридическаго развитія, или отъ ослѣпленія личными интересами. Но теперь обѣ тяжущіяся стороны избираютъ себѣ адвокатовъ. У этихъ не можетъ уже существовать ни той, ни другой причины къ заблужденію; въ огромномъ большинствѣ случаевъ, слѣдовательно, одинъ изъ нихъ непремѣнно будетъ сознательно защищать неправое дѣло. Такимъ образомъ почти всякій гражданскій процессъ съ адвокатомъ *есть необходимо процессъ злонимьерный* и, допуская адвокатуру въ гражданскомъ судопроизводствѣ, мы

послѣдовательно приходимъ къ такому заключенію, что, предполагая судей совершенно способныхъ и безпристрастныхъ, должно бы собственно при всякомъ гражданскомъ процессѣ подвергать проигравшаго его адвоката уголовному суду, какъ чловѣка, оказавшаго явное покушеніе на отнятіе права другаго лица. Если же какое-нибудь учрежденіе приводитъ насъ къ подобному нелѣпому выводу, то спрашивается: можетъ ли оно быть защищаемо, а тѣмъ болѣе можно ли желать его введенія тамъ, гдѣ его еще нѣтъ? Если предположить совершенно честныхъ, благонамѣренныхъ и знающихъ дѣло адвокатовъ, то ни для одного гражданского процесса двухъ адвокатовъ невозможно было бы найдти (4). Слѣдовательно самый возвышенный идеалъ гражданской адвокатуры есть ея уничтоженіе, ибо если только одна сторона нашла себѣ адвоката, то, собственно говоря, и судить уже нечего: эта сторона и есть правая, и тутъ адвокатъ потерялъ уже свой характеръ защитника, а сдѣлался судьей; настоящій же судья уже лишній, и если такой адвокатъ добровольно признанъ судьей третейскимъ, то разрѣшеніе спора и достигнуто. Но затруднительность согласить двѣ спорящія стороны въ выборѣ судьи, въ одномъ лицѣ, заставляетъ, въ большей части случаевъ, прибѣгать къ другой формѣ третейскаго суда, въ которой одинъ судья замѣняется тремя, такимъ образомъ что каждая изъ сторонъ вы-

(4) Еслибы каждый гражданскій процессъ имѣлъ характеръ злонамѣренности, то гражданское судопроизводство было бы бесполезнымъ учрежденіемъ; тогда можно бы ограничиться полицейскою расправою и уголовнымъ судомъ. Но напрасно авторъ полагаетъ, чтобы рѣшеніе гражданскихъ дѣлъ было такъ легко и просто. Въ самыхъ просвѣщенныхъ государствахъ появляются въ теоріи и на практикѣ различныя ученія, *доктринны*, по многимъ предметамъ гражданского права. При развитіи народной дѣятельности, гражданскіе процессы возбуждаютъ весьма сложные вопросы, на которые воззрѣнія самыхъ опытныхъ юристовъ могутъ быть неодинаковы. Предполагая въ каждомъ процессѣ злонамѣренность, авторъ весьма послѣдовательно изъ этого ложнаго начала дѣлаетъ слѣдующій нелѣпый, какъ онъ самъ выражается, выводъ, что проигравшаго гражданскій процессъ адвоката слѣдовало бы предавать уголовному суду. Къ счастью, наше законодательство, еще въ 1828 году, отвергло такое грубое понятіе о свойствахъ гражданского процесса; законъ 2 іюня 1828 г., уничтоживъ штрафъ, который взыскивался съ судей за ихъ рѣшенія, отмененныя высшимъ мѣстомъ, ясно указалъ, что каждый судья, и слѣдственно каждый юристъ, можетъ имѣть свой взглядъ на дѣло, и что было бы противно всѣмъ началамъ справедливости наказывать чловѣка за мнѣніе его по юридическому вопросу. И потому, трудно допустить съ авторомъ такое идеальное совершенство законодательства, чтобы ни для одного гражданского процесса невозможно было найдти двухъ адвокатовъ; каждая сторона непременно найдеть защитника: такъ не лучше ли, чтобъ этотъ защитникъ былъ юристъ, извѣстный своимъ знаніемъ и способностями, а не невѣжественный дѣлецъ, ускользающій отъ всякаго надзора, презрѣнное, но неизбежное, при недостаткѣ честныхъ и свѣдущихъ людей, орудіе въ судебномъ производствѣ? *Ред.*

бираетъ своего судью, а они уже выбираютъ третьяго. На какихъ условіяхъ долженъ быть учрежденъ третейскій судъ, чтобы достигнуть желаемаго совершенства? Должны ли быть судьи присяжные? съ установленною платой безъ опредѣленнаго вознагражденія? съ правомъ принесенія на нихъ со стороны тяжущихся жалобы или безъ этого права? Обязано ли правительство принимать на себя отвѣтственность и контроль надъ судьями гражданскими, чтобы они были достойны той довѣренности, въ какую облакаются частнымъ лицомъ? или предоставить избраніе ихъ на произволъ каждаго неограниченно, т.-е. безъ указанія правительствомъ на тѣхъ, которые должны или могутъ быть предпочтены? Все это вопросы, отъ правильнаго и разумнаго рѣшенія которыхъ зависитъ большее или меньшее достоинство третейскаго суда и достиженіе въ немъ такого учрежденія, какимъ представляется намъ, до сихъ поръ, стоящій уже на степени замѣчательнаго совершенства институтъ адвокатовъ и присяжныхъ въ уголовномъ судѣ Англіи или Франціи. Предѣлы и цѣль нашей статьи не позволяютъ намъ войти въ подробное разсмотрѣніе этого предмета.

Нѣкоторые могутъ возразить, что и въ третейскомъ судѣ одинъ изъ выбранныхъ судей точно такъ же будетъ по необходимости недобросовѣстенъ, какъ и одинъ изъ адвокатовъ. Совѣмъ нѣтъ: вопервыхъ потому, что выбранный одною стороною судья вовсе не обязуется, во что бы то ни стало, защищать неправую сторону, и можетъ даже подать голосъ противъ нея, или, лучше сказать, онъ беретъ на себя вовсе не чью-либо защиту, а только судъ, выраженіе своего убѣжденія; а вовторыхъ, если такой третейскій судья взялся за дѣло, положимъ и съ предубѣжденіемъ въ пользу избравшей его стороны, то все-таки эту обязанность онъ на себя принимаетъ не по разсмотрѣніи и обсужденіи спора, а прежде того; для него разсмотрѣніе обстоятельствъ и есть уже судъ. Изъ этого слѣдуетъ, что и въ томъ случаѣ, когда онъ избранъ неправою стороною, въ его согласіи принять участіе въ дѣлѣ нѣтъ недобросовѣстности, между тѣмъ какъ нельзя не признать ея въ адвокатѣ неправаго дѣла (5).

Далѣе, если въ добросовѣстномъ гражданскомъ дѣлѣ мы признаемъ ошибку одней стороны, ослабленіе ея своимъ интересомъ,

(5) Третейскій судъ есть средство обходиться безъ содѣйствія законной судебной власти. Какъ якорь спасенія, онъ можетъ представляться лишь тому, кто отчаявается въ возможности правосудія. Въ нашихъ головахъ такъ крѣпко застыли представленія о судебномъ неустройствѣ, о крючкахъ-приказныхъ и безтолковыхъ присутствующихъ, что заводя рѣчь объ улучшеніи судопроизводства, мы тотчасъ же сбиваемся съ пути и начинаемъ мечтать о томъ, нельзя ли намъ какъ-нибудь обойтись совѣмъ безъ принудительнаго суда. Такое направленіе мыслей очень характеризуетъ наше теперешнее общественное состояніе. *Ред.*

что же ей нужно? развѣ защитникъ? Ей нужно убѣжденіе въ ошибкѣ, нуженъ судья: чѣмъ онъ образованнѣе, чѣмъ болѣе въ уровень съ своею обязанностію, тѣмъ менѣе полезенъ между нимъ и тяжущимся посредникъ, являющійся въ лицѣ адвоката, котораго личная выгода заключается въ поддержаніи заблужденія. Пронравшая процессъ сторона считаетъ всякій приговоръ въ гражданскомъ дѣлѣ, непризнанный ею, за насиліе, которое съ безпристрастной точки зрѣнія можетъ быть тогда только допущено, когда одно упорство противъ очевидности заставляетъ несправедливо тяжущагося настаивать на отысканіи не существующаго его права. Разъ убѣжденный, я самъ оставляю свое притязаніе, и цѣль суда достигнута: какого лучшаго исхода желать? Эта цѣль поставляется главнѣйшею обязанностію гражданского судьи (6). Въ той же книжкѣ *Русскаго Вѣстника*, гдѣ помѣщено письмо, которое вызвало наши размышленія, разказанъ такой любопытный случай во французской уголовной практикѣ: «Въ одномъ процессѣ, гдѣ обвиняемый былъ кругомъ виноватъ, и вся его прежняя жизнь была самая черная, а преступленіе, по своей гнусности, возбуждало общее отвращеніе — когда дошла очередь говорить защитнику, онъ всталъ, поклонился присяжнымъ и не произнесъ ни одного слова, печально сѣлъ на свое мѣсто.» Обвиненный былъ осужденъ. Что сказали бы вы, еслибы въ гражданскомъ процессѣ вашъ адвокатъ, признавая вашу неправоту, сдѣлалъ подобную шутку? Какъ убѣдились бы вы въ несправедливости своего дѣла изъ печальной физиономіи вашего защитника? Не указывать ли это на глубокое различіе, существующее между характерами адвокатуръ уголовного суда и гражданского процесса? Наше законодательство, въ каждой тяжбѣ, во всѣхъ инстанціяхъ, допускаетъ и облегчаетъ свободное ея прекращеніе

(6) Быть-можетъ, въ то время, когда подъ сѣнью деревьевъ, судья, бесѣдуя съ добродушными тяжущимися, могъ разяснять имъ патріархально неосновательность ихъ притязаній, — посредство адвоката было бесполезно. Но нынѣ, когда тяжбы весьма далеки отъ этой первоначальной простоты, адвокатъ не посредникъ, а представитель тяжущагося; онъ пользуется всѣми законными средствами для охраненія вѣрннго ему интереса и становится недостойнымъ своего призванія, если, съ точки зрѣнія автора, умышленно поддерживаетъ заблужденіе своего кліента. Ближайшее знакомство съ европейскою адвокатурою могло бы удостовѣрить автора, что весьма часто адвокаты содѣйствуютъ къ примиренію тяжущихся; поощреніе къ продолженію несправедливыхъ тяжбъ, корыстныя наставленія, возбужденіе неосновательныхъ споровъ, эти отвратительныя язвы неустроеннаго общества, существуютъ именно тамъ, гдѣ тяжущіеся находятся подъ вліяніемъ людей, не дорожащихъ своею честію, не получившихъ никакого образованія и не пользующихся никакимъ уваженіемъ. Возвысьте положеніе адвоката, внушите ему чувство собственнаго достоинства, и тогда, вмѣсто недобросовѣстныхъ покровительныхъ, вы установите дѣятелей полезныхъ, просвѣщенныхъ, достойныхъ довѣрія правительству и общества. *Ред.*

миромъ, по обоюдному согласію тяжущихся; адвокатура же несомнѣнно можетъ послужить къ тому препятствіемъ. Прекращеніемъ тяжбы мы однако приходимъ къ идеалу, къ самой простой, чистой и совершенной формѣ гражданскаго процесса, къ примирительному разбирательству.

Посмотримъ наконецъ, какихъ улучшеній авторъ разсматриваемаго нами письма ожидаетъ отъ учрежденія адвокатовъ или стряпчихъ, съ цѣлю посредничества въ дѣлахъ временной комиссіи для разбора дѣлъ между рядчиками или нанимателями? Впервые, говоритъ онъ, «стряпчій предварительно объясняется съ просителями, и если просьба не подлежитъ комиссіи или несправедлива, то онъ имѣетъ полную возможность отклонить или направить просителей.» Но если мы пригласили доктора для распознанія какой-нибудь болѣзни, хотя и мнимой, много ли найдется въ этомъ сословіи такихъ, которые возьмутся доказывать, что съ нашей стороны была ошибка, что ихъ призвали напрасно, и что имъ не за что давать денегъ? Какое же побужденіе будетъ стряпчому доказывать преждевременно, лишая себя платы за трудъ, что я долженъ потерять мой искъ, когда его польза, а часто и хлѣбъ насущный связаны съ утвержденіемъ меня въ мысли, что мнѣ выгодно начать дѣло? Ему открывается новая практика, новый процессъ, и мы спрашиваемъ, какой адвокатъ будетъ пользоваться наибольшою извѣстностью: тотъ ли, который будетъ отсылать просителей, или тотъ, который будетъ выигрывать наибольшее количество несправедливыхъ и слѣдовательно труднѣйшихъ процессовъ? «Вовторыхъ, говоритъ авторъ, судья получить возможность рѣшить дѣло скоро, безъ особаго изнуренія, безъ непріятностей со стороны грубыхъ и невѣжественныхъ просителей и перейти безъ задержки къ слѣдующимъ дѣламъ.» Нужно ли опровергать подобныя соображенія? Развѣ такое облегченіе занятій судейскихъ достигается учрежденіемъ адвокатовъ? Напротивъ съ адвокатами они усложняются, тогда отъ судей требуется еще болѣе труда и познаній; и можно ли ставить дѣлю государственнаго учрежденія облегченіе дѣятельности судьи въ обращеніи съ грубыми и невѣжественными просителями, когда не просители и публика существуютъ для судей, а напротивъ судьи для охраненія права, отнимаемаго у членовъ общества? Да если все дѣло только въ томъ, чтобъ облегчить судей, то зачѣмъ тутъ прибѣгать къ адвокатамъ? Не гораздо ли проще, увеличивъ число судей, изъ одного суда сдѣлать два, если его мало для большаго количества поступающихъ дѣлъ? Къ тому же не надо забывать, что съ учрежденіемъ адвокатуры, совокупность дѣятельности судей и адвокатовъ все же составитъ большую сумму труда, чѣмъ трудъ однихъ судей, и въ послѣднемъ результатѣ получится не упрощеніе механизма, а усложненіе, ибо въ машину вставляется

новое колесо, а это, по непреложнымъ правиламъ механики, доволительно въ томъ только случаѣ, когда тѣмъ достигается какое-либо существенное улучшение въ дѣйстви машины. Адвокатура въ гражданскомъ процессѣ этого не представляетъ, какъ мы старались доказать выводами всей нашей статьи (7). Неужели же это учрежденіе оправдалось бы перенесеніемъ части тяжести съ судебныхъ плечъ на плечи адвоката? Авторъ самъ представляетъ примѣръ двухъ мастеровъ, какъ онъ полагаетъ Французовъ, «которыхъ отвѣты были ясны и вполне удовлетворительны, а обращеніе ихъ въ отношеніи къ судьямъ показывало со стороны ихъ совершенное пониманіе ихъ юридическаго положенія и требованій закона.» Мы увѣрены, что эта степень развитія совершенно доступна и русскому человѣку. Главнымъ изъ средствъ распространенія юридическихъ познаній и самымъ могучимъ, на что указываетъ и авторъ письма, представляется конечно словесное судопроизводство и гласность его. Обстоятельства одни могутъ показать ближе, въ какомъ новомъ учрежденіи нуждается народъ, если онъ хотя и медленно, но за то вѣрно подвигается по безконечному пути человѣческаго усовершенствованія.

Высказавъ наше мнѣніе объ адвокатурѣ въ гражданскомъ процессѣ, мы должны и въ правѣ ожидать многихъ возраженій. Вопросъ этотъ животрепещущъ при условіяхъ, въ которыхъ находится въ эту минуту Россія. Предлагаемъ на обсужденіе или возраженіе слѣдующія *положенія*, вытекающія изъ сущности нашей статьи:

1) Въ уголовномъ процессѣ собственно нѣтъ двухъ сторонъ съ противоположными интересами, тогда какъ въ гражданскомъ есть два противника, изъ которыхъ одинъ долженъ непременно проиграть.

Сообразно ли учрежденіе адвокатуры съ такимъ характеромъ гражданскаго процесса?

2) Въ гражданскомъ судѣ только одна сторона можетъ имѣть добросовѣстнаго адвоката, и въ такомъ случаѣ адвокатъ этотъ получаетъ характеръ третейскаго судьи.

Какому изъ двухъ учрежденій адвокатурѣ или третейскому суду, отдать преимущество въ дѣлахъ гражданскихъ, такъ какъ одно изъ этихъ учрежденій дѣлаетъ лишнимъ другое?

3) Строгая послѣдовательность требовала бы преданія уголов-

(7) Нужно ли отвѣчать автору, что судья не можетъ рѣшить дѣла, не выслушавъ и объясненій, доказательствъ, представляемыхъ тяжущимися? Если, вмѣсто тяжущихся или безграмотныхъ ихъ повѣренныхъ, обстоятельства дѣла и доводы будутъ излагаемы грамотными и толковыми адвокатами, то естественно трудъ судьи долженъ уменьшиться, а не увеличиться. Всякій впрочемъ согласится, что, при ученыхъ адвокатахъ, отъ судьи потребуется больше познаній и дарованій; но объ этомъ, кажется, не слѣдуетъ соврушаться.

ному .суду адвоката неправой стороны, въ случаѣ потери ею тяжбы, за безнравственное и умышенное покушеніе нарушить право, принадлежащее справедливой сторонѣ.

Какъ согласить такое требованіе строгой и абсолютной справедливости съ обязанностію, налагаемою самимъ государствомъ на адвокатовъ, имъ же поставленныхъ, нарушать эту справедливость въ половинѣ всѣхъ случаевъ, ввѣряемыхъ имъ защитить?

4) Тажущіеся имѣютъ право ожидать огражденія отъ злонамѣренности стряпчихъ, если были увлечены софистическими доказательствами послѣднихъ къ напрасному началію дѣла.

Въ чемъ можетъ состоять такое огражденіе со стороны государства?

5) Естественное неравенство друкъ адвокатовъ, какъ бы они оба ни были приготовлены къ исполненію своихъ обязанностей, представляетъ, для правоп стороны, неизбѣжный рискъ потерять дѣло, если ея адвокатъ былъ слабѣе адвоката противной стороны.

Возможно ли устранить это неудобство въ случаѣ учрежденія адвокатуры въ гражданскихъ дѣлахъ?

6) Положеніе бѣднаго лишаетъ его возможности предоставить адвокату значительное вознагражденіе, тогда какъ богатый въ силахъ хорошо заплатить ему.

Какъ предупредить это зло, присущее гражданской адвокатурѣ, зло, которое падаетъ всею своею тяжестью на членовъ общества, наиболѣе требующихъ защиты со стороны государства?

7) Примирительное разбирательство есть идеалъ гражданского судопроизводства, какъ идеалъ гражданскихъ отношеній есть совершенное уничтоженіе тяжбъ и исковъ.

Учрежденіе адвокатовъ, по свойству своему, не вызываетъ ли для выгоды и поддержанія этого сословія, всякаго рода процессы и не поставляетъ ли оно тѣмъ самымъ препятствія свободному примиренію?

Итакъ, всегда ли, при существованіи адвокатовъ, въ рѣшеніи дѣла достигается истина? Если нѣтъ, то подлежитъ еще рѣшенію горячій вопросъ: въ какой мѣрѣ обезпечены въ достиженіи правды тѣ народы, которымъ данъ почтенный институтъ адвокатуры, и можно ли сказать, что на лѣстницѣ гражданского развитія онъ лучшее или единственное средство возстановленія справедливости, и что умъ человѣческой и духъ народности не могутъ уже придумать ничего выше въ этомъ отношеніи? Народность русская еще только вступаетъ въ права свои, и мы надѣемся, что она способна сама изобрѣсти себѣ учрежденіе, -основанное на ея духѣ, не заимствованное слѣпо, безусловно изъ быта другихъ народовъ, и удовлетворяющее всѣмъ потребностямъ окончательнаго благоустройства Россіи!

Н. С—въ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ

Вслѣдствіе изъявленнаго дворянствомъ желанія улучшить и упрочить бытъ своихъ крѣпостныхъ людей, высочайшими Его Императорскаго Величества рескриптами повелѣно: въ губерніяхъ, гдѣ находятся крѣпостные люди, учредить особыя, изъ среды дворянъ, комитеты для составленія проектовъ положеній объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ, съ тѣмъ чтобы составленные комитетами проекты были препровождены къ министру внутреннихъ дѣлъ, для представленія на высочайшее усмотрѣніе. Въ послѣдствіи Его Императорское Величество высочайше соизволилъ: предоставить губернскимъ комитетамъ, по составленіи въ каждомъ комитетѣ проекта, избрать, по своему усмотрѣнію, и прислать въ С.-Петербургъ двухъ членовъ для представленія высшему правительству всѣхъ тѣхъ свѣдѣній и объясненій, кои оно признаетъ нужнымъ имѣть при окончательномъ разсмотрѣніи каждаго проекта; и для предварительнаго разсмотрѣнія поступающихъ изъ губернскихъ дворянскихъ комитетовъ проектовъ образовать при состоящемъ въ непосредственномъ высочайшемъ вѣдѣніи и подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Величества главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу, особую комиссію изъ членовъ сего комитета: дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ: Ланскаго и графа Панина, генерала отъ инфантеріи Муравьева и генераль-адъютанта Ростовцова. Нынѣ нѣкоторые изъ губернскихъ комитетовъ кончили свои занятія, и составленные ими проекты внесены министромъ внутреннихъ дѣлъ въ учрежденную при главномъ комитетѣ комиссію. Государь Императоръ, въ постоянной заботливости объ успѣшномъ ходѣ работъ по крестьянскому дѣлу, изволилъ принять во вниманіе, что поступающіе изъ губернскихъ комитетовъ проекты требуютъ подробнаго, тщательнаго разбора и сличенія между собою, дабы, по совокупномъ обсужденіи всѣхъ заключающихся въ нихъ предположеній, составить, на основаніи Высочайше указанныхъ началъ, проектъ общаго положенія объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ, съ надлежащимъ примѣненіемъ всего общаго положенія къ особымъ условіямъ разнообразныхъ мѣстностей Имперіи. По важности, обширности и разнородности предметовъ сего труда, Его Императорское Величество

изволилъ признать необходимымъ возложить исполненіе онаго на особыя редакціонныя комиссіи, составивъ ихъ изъ чиновъ подлежащихъ вѣдомствъ и призвавъ къ участию въ работахъ комиссій опытныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ помѣщиковъ разныхъ мѣстностей Россіи. Въ сихъ видахъ Государь Императоръ высочайше соизволилъ повелѣть: 1) для составленія систематическихъ сводовъ изъ всѣхъ проектовъ губернскихъ дворянскихъ комитетовъ и для начертанія проектовъ общаго положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, и другихъ законоположеній, до этого предмета относящихся, учредить двѣ редакціонныя комиссіи; 2) председателемъ и непосредственнымъ начальникомъ обѣихъ редакціонныхъ комиссій назначить члена главнаго комитета по крестьянскому дѣлу генералъ-адъютанта Ростовцова; 3) редакціонныя комиссіи составить изъ членовъ: а) избранныхъ, съ высочайшаго соизволенія Его Императорскаго Величества, изъ опытныхъ помѣщиковъ и б) назначенныхъ отъ министерствъ: внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и государственныхъ имуществъ и II отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи; въ обѣихъ комиссіяхъ быть непремѣнными членами: управляющему дѣлами комиссіи главнаго комитета по крестьянскому дѣлу дѣйствительному статскому совѣтнику Жуковскому и состоящему при этой комиссіи коллежскому совѣтнику Соловьеву; и 4) работы редакціонныхъ комиссій, по мѣрѣ окончанія оныхъ, вносить въ комиссію, учрежденную при главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу, которая и представляетъ такія работы, съ своими заключеніями, въ главный комитетъ. При этомъ порядкѣ, возложенныя на редакціонныя комиссіи работы не могутъ быть ими кончены и представлены главному комитету по крестьянскому дѣлу прежде поступленія въ сіи комиссіи и разсмотрѣнія въ оныхъ проектовъ всѣхъ вообще губернскихъ дворянскихъ комитетовъ, изъ коихъ нѣкоторые представлять свои проекты не ранѣе конца нынѣшняго года.

Въ именномъ Его Императорскаго Величества высочайшемъ указѣ, данномъ Правительствующимъ Сенату сего 23 февраля, изображено: «Оклады оброчныхъ податей съ государственныхъ крестьянъ, за отведенныя въ ихъ пользованіе земли, оставались безъ измѣненія въ продолженіе слишкомъ 37 лѣтъ, и только нѣкоторыя губерніи отнесены были, въ 1823 году, въ высшіе, соот-

вѣтственно своему благосостоянію, классы. Между тѣмъ, съ того времени произведенія земли и трудъ возвысились значительно въ цѣнѣ, а промыслы умножились, такъ что нынѣ средства крестьянъ, по обилію извлекаемыхъ ими изъ земель выгодъ, не соответствуютъ уже болѣе размѣрамъ установленныхъ окладовъ податей. Принятое дѣленіе губерній на классы также не согласуется, для нѣкоторыхъ изъ нихъ, съ переменами, происшедшими въ хозяйственныхъ условіяхъ и промыслахъ. По симъ причинамъ, желая привести доходы казны въ соразмѣрность съ увеличившеюся цѣнностію земли. Мы приказали министрамъ государственныхъ имуществъ и финансовъ, представить Намъ соображенія о постепенномъ уравниніи оброчной подати за государственной земли съ возросшими выгодами отъ пользованія ими. Согласно поднесенному Намъ по сему предмету докладу обоихъ министровъ, по надлежащемъ собраніи на мѣстахъ свѣдѣній о способахъ крестьянъ, повелѣваемъ: I) Въ губерніяхъ, состоящихъ на подушномъ окладѣ, опредѣлить, съ 1859 года, оклады оброка съ государственныхъ крестьянъ, на слѣдующихъ основаніяхъ: а) Въ Самарской уравнивать въ платежахъ оброка уѣзды: Бугульминскій, Бугурусланскій и Бузулукскій съ прочими уѣздами, назначивъ 2 р. 86 к. съ души, вмѣсто платимыхъ нынѣ 2 р. 58 к. ж) Оренбургскую губернію перевести изъ 2 класса въ 1-й, назначивъ въ оной оброкъ въ 2 р. 86 к. съ души, вмѣсто 2 р. 58 к. в) Въ Пермской губерніи установить оброкъ, вмѣсто 2 р. 58 к. по 2 р. 86 к. съ души, за исключеніемъ уѣздовъ Чердынскаго и Соликамскаго. г) Въ губерніяхъ: Вятской, Казанской, Астраханской, Полтавской и Черниговской увеличить размѣръ оброчной подати на 5%, а именно: въ Вятской и Казанской, за исключеніемъ въ первой Орловскаго уѣзда, въ которомъ оброкъ оставить въ прежнемъ размѣрѣ, взимать 3 р. съ души, вмѣсто 2 р. 86 к.; въ Астраханской, въ Царевскомъ уѣздѣ — 3 р., вмѣсто 2 р. 86 к., въ прочихъ уѣздахъ 2 р. 71 к., вмѣсто 2 р. 58 к.; въ Полтавской же и Черниговской 2 р. 41 к., вмѣсто 2 р. 29 к. съ души. д) Въ Таврической назначить слѣдующіе оклады оброчной подати: съ русскихъ поселянъ 2 р. 71 к., вмѣсто 2 р. 58 к., а съ Татаръ, надѣленныхъ казенною землею, 2 р. 41 к., вмѣсто 2 р. 29 к. е) Въ Херсонской и Вологодской назначить оброкъ по 2 р. 71 к. съ души, вмѣсто нынѣ платимыхъ 2 р. 58 к., за исключеніемъ въ послѣдней уѣздовъ Сольвычегодскаго, Яренскаго и Устьесольскаго. II) Въ губерніяхъ Тобольской и Томской, за исключеніемъ въ первой сѣверныхъ округовъ Тобольскаго, Березовскаго и Туринскаго, а въ послѣдней Нарымскаго отдѣленія Томскаго округа, взимать оброкъ съ русскихъ поселянъ, вмѣсто 2 р. 29 к., по 2 р. 58 к. съ души, но съ тѣмъ, чтобъ означенно

измѣненіе въ платежахъ ввести съ 1861 года, не распространяя его на Татаръ и осѣдлыхъ инородцевъ. III) Въ губерніяхъ Архангельской и Олонецкой, а также и въ Бессарабской области оставить на сей разъ оклады оброчной подати безъ измѣненія. IV) Въ губерніяхъ окадастрованныхъ, въ которыхъ оброчная подать взимается по раскладкѣ съ земли и промысловъ, а равно въ Ярославской и Костромской, гдѣ кадастровыя оцѣнки уже кончены, предоставить министру государственныхъ имуществъ установить оброчные платежи, согласно съ данными отъ Насъ указаніями, соотвѣтственно сдѣланнымъ измѣненіямъ въ оброчной подати по прочимъ губерніямъ. Правительствующій сенатъ не оставитъ сдѣлать надлежащее распоряженіе къ исполненію по сему предмету.»

Государственный совѣтъ, по представленію министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, Высочайше утвержденнымъ 16 марта мнѣніемъ положилъ: 1) Евреямъ купцамъ 1-й гильдіи дозволяется приписываться, на общемъ основаніи, въ купечество 1-и же гильдіи ко всѣмъ вообще городамъ Россійской Имперіи и внѣ черты ихъ теперешней осѣдности, съ тѣмъ, чтобы правомъ симъ пользовались: во 1-хъ, тѣ Евреи, кои, состоя до изданія настоящаго постановленія, въ 1-й гильдіи, пробывли или пробудутъ въ оной не менѣе 2 лѣтъ, а во 2-хъ, тѣ Евреи кои, по запискѣ въ 1-ю гильдію послѣ изданія сего положенія, будутъ состоять въ оной не менѣе 5-ти лѣтъ. Приписавшіеся на семъ основаніи къ городамъ, внѣ черты постоянной осѣдности Евреевъ находящимся, купцы 1-й гильдіи изъ Евреевъ пользуются всѣми правами, коренному русскому купечеству по сей гильдіи присвоенными, по торговлѣ, подрядамъ, откупамъ, по устройству фабрикъ и заводовъ, по учрежденію банкирскихъ конторъ и приобрѣтенію недвижной собственности въ Имперіи, исполняя и всѣ лежащія на купцахъ 1-й гильдіи повинности. Правило сіе не распространяется на Евреевъ, состоящихъ подъ слѣдствіемъ, судомъ, или подъ надзоромъ полиціи, равно какъ и на тѣхъ, кои опорочены судебнымъ приговоромъ, или оставлены по суду въ подозрѣніи. Приписывающіеся на семъ основаніи Евреи купцы 1-й гильдіи не должны пользоваться никакими изъ льготъ, присвоенныхъ въ пользу жителей тѣхъ городовъ, къ которымъ они будутъ приписаны. 2) Перечисляющіеся въ означенные выше города Евреи купцы 1-й гильдіи могутъ переходить туда съ членами своихъ семействъ, въ одномъ съ ними капиталѣ записанными. 3) Евреямъ купцамъ, на этомъ основаніи переселяющимся въ города Россійской Имперіи, находящіеся внѣ черты постоянной ихъ

осѣдлости, дозволяется брать съ собою прикащиковъ и домашнюю прислугу изъ Евреевъ же, въ опредѣленномъ числѣ, соблюдая въ семъ отношеніи слѣдующія правила: а) переселяющіеся въ обѣ столицы С.-Петербургъ и Москву Евреи купцы должны въ особыхъ прошеніяхъ, подаваемыхъ ими мѣстнымъ военнымъ генералъ-губернаторамъ, объяснить, какое именно число прикащиковъ и прислуги изъ Евреевъ имъ необходимо имѣть при себѣ по переселеніи въ означенныя столицы и по какимъ именно уваженіямъ; разрѣшеніе сихъ просьбъ и назначеніе этого числа предоставляется ближайшему усмотрѣнію генералъ-губернаторовъ, по принадлежности; б) приписывающіеся же къ прочимъ за тѣмъ городамъ Имперіи Евреи купцы могутъ брать съ собою изъ своихъ единовѣрцевъ не болѣе одного прикащика или конторщика и четырехъ обоего пола служителей на каждое семейство переселяющагося Еврея купца. Относительно прикащиковъ и домашней прислуги изъ Евреевъ наблюдается: во 1-хъ, чтобы они, также какъ и выше постановлено о самихъ хозяевахъ, не состояли подъ слѣдствіемъ, судомъ, или надзоромъ полиціи и не были опорочены судебнымъ приговоромъ или оставлены по суду въ подозрѣніи, и во 2-хъ, чтобъ они не были употребляемы къ управленію, или наблюденію за подрядами, взятыми Евреями купцами во внутреннихъ губерніяхъ. 4) Въ случаѣ выбытія, по какимъ бы то ни было причинамъ, переселившихся на вышеизложенныхъ основаціяхъ Евреевъ купцовъ изъ 1-й гильдіи, они обязаны возвратиться съ своими семействами и состоящими при нихъ изъ ихъ единовѣрцевъ прикащиками и служителями, въ мѣста постоянной осѣдлости Евреевъ: не пріобрѣтшіе въ тѣхъ городахъ, къ коимъ они были по переселеніи причислены, недвижимой собственности, въ теченіи года, а пріобрѣтшіе оную не далѣе 2-хъ лѣтъ; по прошествіи сихъ сроковъ они высылаются въ мѣста прежняго ихъ жительства по распоряженію полиціи. Но тѣ изъ Евреевъ, кои послѣ приписки къ городамъ, внѣ черты постоянной ихъ осѣдлости находящимся, пробудутъ въ оныхъ съ объявленіемъ капитала по 1-й гильдіи, десять лѣтъ, получаютъ право постоянного жительства въ тѣхъ городахъ, на общемъ основаніи, хотя бы потомъ и выбыли изъ 1-й гильдіи. Такимъ же правомъ пользуются вдова и дѣти Еврея купца 1-й гильдіи, умершаго прежде истеченія упомянутаго десятилѣтняго срока, когда они, по смерти его, продолжали вносить повинности по 1-й гильдіи до истеченія десяти лѣтъ, со времени ихъ перечисленія. Право собственности и распоряженія имуществомъ, пріобрѣтеннымъ въ упомянутыхъ городахъ, не отъемлется отъ Евреевъ и тогда, когда они послѣ переселенія въ оныя будутъ оставаться въ 1-й гильдіи менѣе десяти лѣтъ. 5) Пріѣзжающимъ въ Россію изъ-за границы

Евреямъ иностраннымъ подданнымъ, извѣстнымъ по общественному своему положенію и обширнымъ торговымъ оборотамъ, дозволяется по усмотрѣнію и особому каждый разъ разрѣшенію министровъ, внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ и финансовъ, производить въ Имперіи торговлю и учреждать банкирскія конторы на основаніи общихъ узаконеній о правахъ иностранныхъ гостей, съ полученіемъ торговаго свидѣтельства по 1-й гильдіи.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Вопросъ о войнѣ возвращается съ прежнею силою. Намъ кажется, что онъ никогда и не удалялся, онъ постоянно висѣлъ и виситъ надъ Европою. Разнаго рода ноты и манифесты, офиціальныя и полуофиціальныя, ничего не значатъ и ничего не измѣняютъ; это лишь поверхностная сторона явленій, болѣе скрывающая, нежели открывающая истинныя очертанія дѣла. Никто не бережетъ этихъ изъявленій въ ихъ прямомъ смыслѣ, они принимаются только къ свѣдѣнію, въ числѣ прочихъ матеріаловъ, изъ которыхъ общественное мнѣніе само должно составлять свои понятія для обсужденія текущихъ дѣлъ. Двигатели событій и ихъ слова, и не только слова, но и ихъ искреннія мнѣнія, часто не имѣютъ между собою ничего общаго и идутъ въ разныя стороны. Въ мірѣ часто катастрофы происходятъ неожиданно для своихъ виновниковъ, и во всякомъ случаѣ оказываютъ въ своихъ ближайшихъ или отдаленнѣйшихъ послѣдствіяхъ много такого, что не входило въ ихъ планы, что было чуждо ихъ мысли и что быть-можетъ противно ихъ цѣлямъ. Каковы бы ни были цѣли, планы и мнѣнія тѣхъ, кто поднялъ въ настоящее время италіанскій вопросъ, развитіе его пойдетъ своимъ неизбѣжнымъ роковымъ путемъ, который предопредѣляется не произволеніемъ какого-нибудь кабинета, не образомъ мыслей и настроеніемъ чувствованій какого-нибудь potentata, но великою совокупностію всѣхъ политическихъ обстоятельствъ и отношеній, хотя бы и не прямо прикосновенныхъ къ этому вопросу. Никакая предусмотрительность не можетъ заранѣе разчитать, что и въ какой мѣрѣ явится одною изъ дѣйствующихъ причинъ въ событіи. Въ настоящемъ случаѣ не нужно впрочемъ доискиваться какихъ-нибудь потаенныхъ или дальнихъ причинъ, которыя, не-

смотря на всѣ офіціальныя изъявленія и на всѣ искреннія старанія дать дѣлу иной оборотъ, могутъ вызвать катастрофу. Гораздо труднѣе ожидать, что дѣло обойдется и безъ катастрофы, гораздо труднѣе думать, что недоразумѣнія уладятся мирнымъ образомъ при тѣхъ вооруженіяхъ, которыя непрерывно продолжаются съ обѣихъ сторонъ, при томъ возбужденномъ настроеніи, которое сообщаютъ они умамъ и интересамъ, и главное при той запутанности интересовъ, дѣйствующихъ въ Европѣ,—запутанности, благодаря которой иногда то содѣйствуетъ изо всѣхъ силъ войны, что изо всѣхъ силъ стремится къ миру, и наоборотъ.

Между двумя военными державами, стоящими теперь другъ противъ друга во враждебномъ положеніи, дошло до того, что война можетъ казаться не только неизбѣжнымъ, но уже почти начавшимся дѣломъ. Обѣ онѣ, и особенно Австрія, несутъ уже всѣ тягости войны, еще не разбѣнявшись ни однимъ выстрѣломъ. Для заинтересованныхъ сторонъ такое положеніе нестерпимо, и малѣйшая случайность можетъ превратить это напряженное военное положеніе, эту войну безъ сраженій, въ формальную войну, которой та и другая сторона могутъ наконецъ желать уже не изъ какихъ-либо видовъ, а просто какъ ближайшій исходъ изъ нестерпимаго положенія. Это фактъ, въ которомъ исчезаютъ виды, планы и сознательныя намѣренія виновниковъ его. Военныя приготовленія производятъ одуряющее дѣйствіе; силы военной державы напрягаются все болѣе и болѣе, и нельзя предусмотрѣть тотъ мигъ, когда напряженіе дойдетъ до послѣдней возможности, и держава, точно такъ же какъ и человекъ въ подобномъ положеніи, устремится *impotens sui*, не владея собою, по роковому спуску. Въ стародавнихъ схоластическихъ трактатахъ логики очень мѣтко обозначалось различіе между причинами духовными и физическими: первыя дѣйствуютъ, не истощаясь до конца въ своемъ дѣйствіи, всегда сохраняя себя, всегда удерживая въ себѣ возможность дальнѣйшаго дѣйствія, а физическія причины дѣйствуютъ безъ остатка и исчезаютъ въ своемъ дѣйствіи. Огонь, говорили старые мыслители, жжетъ во всю свою мочу; въ немъ не остается ничего, что не изливалось бы непосредственно и вполне въ его дѣйствіи. Такъ точно дѣйствуетъ и всякая энергія, которая до изступленія овладѣваетъ человекомъ; въ такую же физическую энергію превращается и политической организмъ, когда его силы напрягутся безъ остатка. Опасность войны не прерывалась ни на минуту, и можетъ-быть, въ то самое время, когда употреблялись всѣ усилія, чтобы замясть ее, она лишь возрастала, потому что вооруженія съ обѣихъ сторонъ не прерывались; съ каждою новою пушкою, съ каждымъ новымъ солдатомъ, съ каждымъ новымъ маршемъ, съ каждымъ рублемъ, истраченнымъ на арсеналь-

няя работы, опасность не убывала, а прибывала. Не рѣшаемъ, переступлена ли та черта, за которую прекращается всякое самообладаніе, и дѣйствія принимаютъ роковой характеръ; но вѣрно то, что дѣла не отдалялись отъ этой черты, а все быстрѣе и сильнѣе шли въ этомъ направленіи. Намъ кажется, что главный результатъ европейской политики, дѣйствующей въ пользу мира, могъ бы состоять только въ томъ, чтобы явственнѣе опредѣлить характеръ готовящейся войны. Дѣйствительно, хорошо было бы уже и то, еслибы, какъ случилось намъ замѣтить прежде, сфера войны была строго очерчена, и чтобы приняты были возможныя мѣры для контроля надъ ея послѣдствіями. Трудно ожидать, чтобы Австрія добровольно отказалась отъ своихъ преданій, отъ своей политики, отъ своихъ началъ, отъ самой себя. Очень естественно, что она упирается противъ конгресса; она изыскиваетъ всѣ способы, чтобы помѣшать ему состояться, придумываетъ разные предлоги, чтобы затруднить его, предлагаетъ невозможныя условія и тѣмъ все болѣе и болѣе отсрочиваетъ его, и съ каждымъ мгновеніемъ уменьшаетъ возможность рѣшить вопросъ мирнымъ образомъ. Она удерживаетъ, она даже возвышаетъ высокомерный тонъ великой державы; новый Голиаѳъ, она усиливаетъ тонъ пресрѣнія, говоря о своемъ слабостѣ, невинномъ противникѣ, объ этомъ Пиемонтѣ съ пращею въ рукахъ. Очень естественно, что, собравши всѣ свои силы и готовая къ бою, Австрія захочетъ лучше испытать жребій битвъ, чѣмъ добровольно и безъ выстрѣла сдать свою крѣпость. Въ напряженіи своихъ силъ она чувствуетъ себя готовою къ войнѣ. Дѣло конгресса можетъ состоять только въ томъ, чтобы вынудить противниковъ къ точному и опредѣленному заявленію ихъ взаимныхъ притязаній, чтобы исключить изъ возникашаго между ними неудовольствія все, что имѣетъ значеніе общаго вопроса и потому подлежитъ рѣшенію общаго совѣта Европы, и такимъ образомъ ввести распрю въ возможно тѣснѣйшіе предѣлы.

Австрія не можетъ настаивать на сохраненіи своихъ трактатовъ съ италіанскими государствами; она должна и безъ войны отказаться отъ нихъ. Эти трактаты—вопіющее злоупотребленіе, которое не можетъ быть терпимо при современномъ положеніи общественнаго мнѣнія Европы. Никакая держава не можетъ отстаивать подобнаго злоупотребленія, никакая держава не можетъ быть ни такъ сильна, ни такъ безумна, чтобы идти нанерекоръ цѣлому міру. Еслибы всѣ затрудненія состояли только въ томъ, чтобы прекратить явное вмѣшательство Австріи во внутреннія дѣла италіанскихъ государствъ, то затрудненія эти легко могли бы быть улажены и на конгрессѣ. Въ этомъ отношеніи не могло бы быть разногласія между европейскими державами. Даже гер-

манскія государства должны бы были въ этомъ случаѣ подать голосъ противъ притязаній Австріи, еслибъ она продолжала упорствовать. Но европейскія державы должны имѣть съ тѣмъ вмѣстѣ увѣренность, что съ ослабленіемъ австрійскаго вліянія въ Италіи, не усилится тамъ преобладаніе Франціи. Нельзя ожидать, чтобъ эта борьба двухъ вліяній въ Италіи совершенно прекратилась, и чтобъ Италія приобрѣла полную независимость, пока сама Австрія принадлежитъ къ числу италіанскихъ государствъ, пока она остается въ обладаніи ломбардо-венеціанскими провинціями. Надобно Австріи совершенно переродиться, совершенно переменить свою натуру, чтобъ ея сосѣдство не было вредоносно для малыхъ общинъ, жаждущихъ независимости, благоустройства и гражданскаго успѣха, а добровольнаго перерожденія Австріи, конечно, труднѣе ожидать, нежели войны. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли, не выходя изъ предѣловъ всякаго вѣроятія, надѣяться, что сосѣдство Австріи станетъ пріятно, полезно, или по крайней мѣрѣ, не вредно для слабыхъ, неустроенныхъ обществъ? — Но какъ сдѣлать, чтобъ Австрія вовсе отказалась отъ своихъ владѣній въ Италіи? Можетъ ли Европа, не нарушая справедливости, требовать отмены трактата, который запечатлѣла она торжественною клятвою, и который положенъ въ основаніе всего нынѣшняго распредѣленія политическихъ силъ? Справедливость не была бы нарушена только въ такомъ случаѣ, еслибы можно было подвергнуть пересмотру весь трактатъ, а не одну какую-нибудь статью въ немъ, еслибы вся Европа добровольно согласилась возвратиться къ основаніямъ этого трактата, и передѣлать существующій на этихъ основаніяхъ порядокъ. Но ожидать этого невозможно. Если же нельзя изгнать Австрію изъ Италіи, если нельзя мирнымъ образомъ отнять у нея Ломбардію и Венецію, то нѣтъ, намъ кажется, препятствія требовать, чтобъ она поставила себя въ разумныя отношенія къ этимъ областямъ. Можно, намъ кажется, требовать, чтобъ Австрія измѣнила свою систему по отношенію къ италіанскому народонаселенію, которое приковано къ ней противъ своей воли силою трактата, составленнаго и утвержденнаго безъ его спроса. Аргументъ о невмѣшательствѣ не можетъ въ этомъ случаѣ имѣть никакого приложенія; Австрія не можетъ обратить этотъ аргументъ противъ Европы, которая требуетъ, чтобъ она не вмѣшивалась во внутреннія дѣла мелкихъ сосѣднихъ государствъ. Если каждая независимая національность должна быть предоставлена самой себѣ, чтобъ она управлялась сама собою и слѣдовала въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ такой системѣ, какую сама признаетъ за лучшую; если нельзя допустить, чтобы одно государство вмѣшивалось во внутреннія дѣла другаго: то изъ

этого никакъ не слѣдуетъ, чтобъ Европа не могла потребовать реформы въ положеніи Ломбардо-венеціанскаго королевства. Здѣсь рѣчь идетъ объ опредѣленіи отношеній между національностью, которая насильно лишена своей политической независимости и подчинена другому государству въ силу международного распоряженія, которымъ заключилась эпоха страшныхъ войнъ, потрясшихъ Европу отъ одного конца до другаго, въ которомъ отпечаталось все грубое насиліе вызвавшихъ его событій,—которое, наконецъ, ни мало не вытекало ни изъ жизни, ни изъ внутреннихъ потребностей этой національности, отданной во власть чуждаго государства. Но пусть это международное распоряженіе остается въ своей силѣ, пусть сѣверная Италия будетъ принадлежностью австрійскаго скипетра, пока въ Италиі не созрѣютъ силы, которыя могутъ позвать къ общему центру всѣ итальянскіе элементы, пусть до тѣхъ поръ остается этотъ фактъ, въ ожиданіи тѣхъ могущественныхъ событій, которыя измѣнятъ трактатъ безъ пересмотра; но есть основаніе и есть право требовать, чтобы Австрія, удерживая свое политическое владычество надъ итальянскими областями, предоставила имъ всевозможную внутреннюю самостоятельность, чтобъ она дала имъ тѣ льготы, которыхъ требуетъ и народонаселеніе этихъ областей, и духъ времени.

Мы не можемъ не коснуться здѣсь одного весьма важнаго документа, обнародованнаго недавно въ европейскихъ журналахъ. Документъ этотъ есть *меморандумъ*, представленный сардинскимъ правительствомъ великобританскому. Содержаніе этой записки обозначено въ самомъ ея началѣ. «Правительство ея британскаго величества, одушевленное доброжелательною заботливостію объ участи Италиі, съ цѣлью предотвратить причины, могущія произвести значительныя смуты въ Европѣ, пригласило правительство его величества короля сардинскаго объяснить, въ чемъ, по его мнѣнію, заключаются жалобы Италианцевъ на Австрію, какъ по причинѣ ея господства въ тѣхъ провинціяхъ, которыми она владѣетъ въ силу трактатовъ, такъ и вслѣдствіе ея отношеній къ государствамъ центральной Италиі, ненормальное положеніе которыхъ признано всѣми кабинетами.» Согласно этой программѣ, графъ Кавуръ сначала излагаетъ положеніе дѣлъ въ Ломбардіи, и Венеціи, а потомъ характеризуетъ то зло, которое причиняетъ Австрія государствамъ центральной Италиі; въ заключеніи, онъ собираетъ въ нѣсколькихъ пунктахъ все вышеизложенное. Представимъ сначала эти заключительныя пункты, въ которыхъ выражаются требованія Италиі, какъ ихъ истолковываетъ Пиемонтъ. «По мнѣнію туринскаго кабинета, сказано въ запискѣ, опасности войны или революціи могутъ быть отклонены, итальянскій вопросъ можетъ

быть, по крайней мѣрѣ навремя, усилить лишь при слѣдующихъ условіяхъ: Если отъ Австріи будетъ получено, не въ силу трактатовъ, но во имя началъ человѣчества и вѣчной справедливости, національное отдѣльное правительство для Ломбардіи и Венеціи; если будетъ потребовано отъ нея, чтобы согласно съ буквою и духомъ Вѣнскаго трактата, прекратилось ея владычество надъ государствами центральной Италиі, чтобы слѣдовательно были разрушены отдѣльные форты, воздвигнутые вокругъ Піаченцы, чтобы уничтожена была конвенція 24 декабря 1847 года, чтобы прекратилось занятіе Романьи, чтобы начало невмѣшательства было признано и уважено ею; если герцоги моденскій и пармскій будутъ приглашены дать своимъ народамъ учрежденія, сходственныя съ существующими въ Піемонтѣ, а великій герцогъ тосканскій будетъ приглашенъ возстановить конституцію, на которую онъ добровольно согласился въ 1848 году; если отъ папы будетъ получена отдѣльная администрація въ провинціяхъ по сую сторону Апеннинъ, согласно предложеніямъ, сообщеннымъ въ 1856 году кабинетамъ лондонскому и парижскому. Да возможетъ Англія достигнуть исполненія этихъ условій. Италия, облегченная и умнротворенная будетъ, благословлять ее, и Сардинія, которая столько разъ призывала ея содѣйствіе и помощь своимъ несчастнымъ соплеменникамъ, будетъ питать къ ней вѣчную благодарность».

Для поясненія этихъ пунктовъ мы обратимся къ живому и ясному изложенію записки, и сначала коснемся той ея части, гдѣ рѣчь идетъ о центральной Италиі. Вѣнскій трактатъ далъ Австріи преобладаніе въ Италиі; она владѣетъ тамъ болѣе многочисленными странами, чѣмъ каждое изъ независимыхъ государствъ верхней и центральной Италиі. «Впрочемъ, говоритъ туринскій кабинетъ, еслибъ Австрія держалась въ предѣлахъ, назначенныхъ ей трактатомъ, остальная Италия могла бы участвовать въ успѣхахъ, которые совершились въ Европѣ послѣ войнъ чмперіи, и составлять съ Піемонтомъ оплотъ противъ иноземныхъ вліяній. Но Австрія постаралась съ первыхъ же годовъ, послѣдовавшихъ за реставраціей, всѣми бывшими въ ея распоряженіи средствами, пріобрѣсти на полуостровѣ преобладающее вліяніе. Ставя себя защитницей всѣхъ италіанскихъ правительствъ, какъ бы ни были они дурны, вмѣшиваясь съ помощію неотразимыхъ силъ каждый разъ, когда какой-либо народъ старался достигнуть улучшеній и реформъ въ собственномъ своемъ управленіи, она успѣла распространить свое нравственное владычество далеко за предѣлы своихъ владѣній... Герцогства Моденское, Пармское и Тосканское стали совершенно какъ бы ленами Австрійской имперіи. Владычество Австріи надъ двумя первыми

обнаружилось въ конвенціи 24 декабря 1847 года. Эта конвенція, давая ей право занимать ихъ своими войсками, не только въ томъ случаѣ, когда бы того требовали интересы Пармы и Модены, но и всякій разъ, когда бы понадобилось ей самой для ея военныхъ операций, дѣлаетъ Австрію безусловною обладательницею всей восточной границы Сардиніи, отъ Альпъ до Средиземнаго моря. И нельзя сказать, чтобъ это была тщетная угроза, воображаемая опасность: не болѣе трехъ лѣтъ тому назадъ, когда еще раздавались протестаціи парижскаго конгресса, высказанныя Сардиніею и поддержанныя Англіею, противъ чуждаго вмѣшательства въ дѣла Италіи, австрійскія войска подъ пустымъ предлогомъ заняли не только Парму, но и самыя отдаленныя части этого герцогства и расположились на вершинахъ Апеннинъ, откуда они господствуютъ надъ всѣмъ берегомъ, принадлежащимъ Сардиніи. Австрія до такой степени считаетъ себя въ правѣ дѣлать все, что ей угодно въ владѣніяхъ пармскихъ, что въ противность трактатамъ, которые предоставляютъ ей право держать гарнизонъ только въ цитадели Піаченцы, она построила и вооружаетъ теперь отдѣльные форты, имѣющіе своимъ назначеніемъ превратить Піаченцу въ обширный укрѣпленный лагерь, гдѣ можетъ найти себѣ убѣжище огромная армія. Связь, соединяющая Тоскану съ Австріей, если не такъ очевидна, то тѣмъ не менѣе дѣйствительна и сильна. Неизвѣстно, существуютъ ли у нихъ тайные договоры; но достоверно то, что съ одной стороны тосканское правительство знаетъ, что оно можетъ во всякое время и во всѣхъ обстоятельствахъ разчитывать на вооруженную помощь Австріи противъ своего народа, а съ другой стороны Австрія знаетъ, что можетъ занять Тоскану, если того потребуетъ какая-либо стратегическая надобность. Что касается до Римскихъ владѣній, то Австрія поступала еще проще. Она занимала ихъ каждый разъ, какъ только политическія смуты давали ей къ тому предлогъ. Съ 1831 года она три раза переступала По, и ставила гарнизоны въ городахъ Романы. Последнее занятіе, простирающееся далѣе чѣмъ всѣ прежнія, до самой Анконы, длится болѣе десяти лѣтъ. Хотя въ настоящее время папское правительство пожелало, чтобъ иностранныя войска вышли изъ его владѣній, мы не думаемъ однако, чтобъ эта мѣра могла положить конецъ ненормальному порядку вещей въ Папскихъ Владѣніяхъ. Удаление войскъ, безъ радикальныхъ реформъ во всѣхъ отрасляхъ управленія, оставить открытое поприще для революціи. Это значило бы замѣнить иноземныя силы анархіей, которая снова потребуетъ иноземныхъ силъ. Такое обширное развитіе могущества Австріи въ Италіи, помимо условій трактатовъ, представляетъ для Пьемонта важную опасность, противъ которой его правительство

не можетъ не протестовать. Австрія, безусловно господствуя надъ теченіемъ рѣки По, отъ Пави до Адриатическаго моря, воздвигая на нашихъ границахъ первоклассную крѣпость, имѣя возможность занимать по своему произволу горы, которыя должны были бы служить намъ оплотомъ, заставляетъ насъ содержать наши военныя силы въ размѣрахъ разорительныхъ, несоответственныхъ нашимъ финансовымъ средствамъ.

Мы видимъ, что туринскій кабинетъ въ своемъ *меморандумѣ* не сказалъ ничего новаго объ этой политикѣ преобладанія и захвата, которой слѣдуетъ Австрія въ Италіи. Съ той же самой точки зрѣнія смотрять на эту политику и государственные люди Англии, для которыхъ назначался этотъ *меморандумъ*; почти то же самое, какъ мы видѣли, было съ разныхъ сторонъ высказано въ англійскомъ парламентѣ. Это общая точка зрѣнія, и нельзя иначе смотрѣть на положеніе Италіи и на отношенія къ ней Австріи. Перемѣна въ этомъ положеніи необходима, и туринскій кабинетъ слѣдующимъ образомъ оцѣниваетъ тѣ послѣдствія, которыя перемены бы изъ этой перемены:

«Еслибъ Австрія, продолжаятъ онъ, уступая этимъ справедливымъ требованіямъ, предоставила совершенную независимость прочимъ государствамъ полуострова, то положеніе центральной Италіи не замедлило бы значительно улучшиться. Правительства этихъ странъ, не опираясь на австрійскія арміи, должны были бы по необходимости дать удовлетвореніе самымъ законнымъ потребностямъ своихъ народовъ. Но въ интересъ порядка и самой власти надобно, чтобъ эти неизбежныя уступки не были вынуждены народными возстаніями, а потому необходимо, чтобы въ то же самое время, когда будетъ провозглашено начало невмѣшательства со стороны Австріи, государи центральной Италіи значительно измѣнили политическую систему, которою они такъ давно руководствуются подъ сѣнію австрійскихъ штыковъ. Туринскій кабинетъ убѣжденъ, что всякая опасность революціи въ Пармѣ и Моденѣ прекратится сама собою, когда имъ будутъ дарованы тѣ же самыя учрежденія, которыя въ продолженіи одиннадцати лѣтъ господствуютъ въ Пиемонтѣ. Опытъ этой страны¹ показываетъ, что система благоразумно-либеральная, при добросовѣстномъ примѣненіи, можетъ дѣйствовать въ Италіи самымъ удовлетворительнымъ образомъ, обезпечивая въ одно и то же время общественное спокойствіе и развитіе гражданственности. Что же касается до Тосканы, то туринскій кабинетъ считаетъ необходимымъ возстановленіе конституціи 1848 года, которой присягнулъ великій герцогъ, и которая была отмѣнена именно въ то самое время, когда, согласно съ ея же основаніями, великій герцогъ былъ возстановленъ на тронѣ, съ котораго былъ низвергнутъ

революціоннымъ движеніемъ. Что же касается до Папскихъ Владѣній, то туринскій кабинетъ долженъ сознаться, что здѣсь дѣло представляетъ гораздо больше трудностей. Двойной санъ папы дѣлаетъ почти невозможнымъ водвореніе конституціонной системы въ его владѣніяхъ.

Относительно Папскихъ Владѣній сардинскій меморандумъ предлагаетъ то же самое, что на парижскомъ конгрессѣ предлагалъ сардинскій уполномоченный, именно, совершенно отдѣлить въ административномъ отношеніи римскія провинціи, лежащія между Адриатическимъ моремъ, рѣкою По и Апенниннами, и водворить въ нихъ тѣ муниципальныя и областныя учрежденія, которыя въ своемъ принципѣ признаны были самимъ папою, по возвращеніи его изъ Гаэты. Къ этому проекту меморандумъ присовокупляетъ еще необходимость учредить въ Римѣ консульту, которой члены назначались бы провинціальными совѣтами. Этой консультѣ подлежали бы всѣ вопросы, касающіеся общихъ интересовъ государства.

Всѣ эти планы могли бы очень удобно войти въ программу конгресса и быть улажены мирнымъ образомъ. Главное въ томъ, чтобы пресѣчь незаконное преобладаніе Австріи въ Италіи, и побудить ее отказаться отъ системы вмѣшательства и захвата, на которую не даетъ ей ни малѣйшаго права Вѣнскій трактатъ. Если она захочетъ отстаивать свое право на эту политику, то она должна уже будетъ опираться не на общіе трактаты, не на законъ, не на начало справедливости,—все это противъ нея; она должна въ подобныхъ притязаніяхъ опираться лишь на силу оружія. А потому ей нечего будетъ толковать о неприкосновенности трактатовъ и святости законовъ, когда ей предъявятъ на концѣ штыка тѣ требованія, на которыя она не соглашается добровольно.

Но если на конгрессѣ было бы легко повести рѣчь о строгомъ приложеніи начала невмѣшательства, то гораздо труднѣе, гораздо нецелотливѣе была бы другая часть вопроса, которая касается собственно австрійскихъ владѣній въ Италіи. Меморандумъ туринскаго кабинета находитъ эту часть вопроса не менѣе существенною и важною для успокоенія Италіи. Онъ въ рѣзкихъ чертахъ изображаетъ тѣ злоупотребленія, тѣ насилія, тотъ деспотизмъ, которыми ознаменовало себя въ разныя времена австрійское владычество въ Ломбардіи и Венеціи. Но туринскій кабинетъ соглашается, что дурныя правительства существуютъ въ мірѣ и кромѣ Австріи. Можно прибавить еще то, чего не говоритъ меморандумъ, именно то, что въ послѣдніе годы австрійское правительство старалось вести себя какъ здѣсь, такъ и вообще, благоприличнѣе прежняго, что прежніе возмутительные скандалы не

повторялись уже въ этихъ областяхъ. Но тѣмъ не менѣе, австрійское владычество, какъ справедливо утверждаетъ сардинскій *меморандумъ*, ненавистно для народонаселенія Ломбардіи и Венеціи. Оно ненавистно какъ чужеземное иго, которое своею тяжестью подавляетъ національную жизнь. Будь это владычество умѣреннѣе и воздержнѣе, руководствуясь оно лучшею системою, болѣе соотвѣтственно духу времени и общественной свободѣ, он не могло бы быть такъ тяготивительно. Чѣмъ менѣе сталкивалась бы съ нимъ народная жизнь, чѣмъ менѣе всгрѣчала бы она, на всѣхъ путяхъ своихъ, австрійскихъ чиновниковъ, австрійскихъ іезуитовъ, австрійскихъ солдатъ, тѣмъ менѣе было бы поводовъ къ ненависти, тѣмъ возможнѣе было бы соглашеніе и примиреніе. Къ сожалѣнію, австрійское правительство, въ своемъ исключительномъ положеніи относительно италіянскихъ областей (и однихъ ли только италіянскихъ?), слѣдуетъ внушеніямъ того враждебнаго и ненавистнаго духа, который вездѣ обнаруживается гибельными послѣдствіями, вездѣ дѣйствуетъ разрушительно, даже въ самыхъ цѣльныхъ политическихъ организаціяхъ, гдѣ правительство и подданные принадлежатъ къ одной національности и должны были бы составлять одно неразрывное цѣлое. «По мѣрѣ того, какъ австрійское правительство прилагало все болѣе и болѣе систему административной централизаціи, говорить туринскій кабинетъ, неудовольствіе народа возрастало. Теперь, когда эта система достигла своего апогея, когда централизація въ Австріи превосходитъ даже французскую, когда всякая мѣстная самостоятельность погасла, когда самый смиренный гражданинъ за всякою мелочью долженъ относиться къ чиновникамъ, къ которымъ онъ не имѣетъ ни уваженія ни довѣрія, антипатія и ненависть къ правительству стали повсемѣстны.»

Нельзя не согласиться съ туринскимъ кабинетомъ, что подобная система не можетъ имѣть благихъ послѣдствій и не можетъ привлечь къ правительству народныя сочувствія. Картина печальная, но увѣ! вовсе не составляющая исключительной принадлежности ни Ломбардіи, ни вообще Австріи. Для того, чтобъ явственнѣе характеризовать эту систему, туринскій кабинетъ долженъ былъ прибѣгнуть къ сравненію, и сравнилъ ее, съ чѣмъ же? съ системою, господствующею во Франціи. Какимъ же образомъ Франція придетъ освобождать Ломбардію отъ той системы, которой держится сама, которая пустила въ ней такіе глубокіе корни, и отъ которой не свободно никакое проявленіе ея жизни? Вотъ почему вмѣшательство Франціи возбуждаетъ опасенія въ Европѣ. Всѣ очень хорошо знаютъ, что еслибы на мѣстѣ Австріи была Франція, что еслибы тѣ же самыя италіянскія области были подвластны ей, а не Австріи, то въ нихъ господствовала бы та же

самая система и возбуждала противъ себя немалую антипатію въ народѣ.

Сардинскій меморандумъ касается еще одной, весьма важной причины антипатіи, которую австрійское правительство нажило себѣ уже въ недавнее время. Это конкордатъ, заключенный имъ съ Римомъ, — конкордатъ, который повредилъ Австріи не только въ Италиі, но можетъ-быть еще болѣе въ самой Германіи. Какое несчастное внушеніе побудило Австрію совершить этотъ шагъ, котораго вовсе не требовали ея преданія, и безъ котораго могла бы обойтись ея политика?

« Въ продолженіи нѣкотораго времени, говоритъ туринскій кабинетъ, твердый и независимый образъ дѣйствій австрійскаго правительства, относительно римскаго двора, умѣрялъ дурное дѣйствіе иноземнаго владычества. Обитатели Ломбардіи и Венеціи чувствовали себя освобожденными отъ власти, которую церковь имѣетъ въ другихъ странахъ полуострова надъ гражданскою жизнью, даже въ самомъ святилищѣ семействъ. Это было для нихъ вознагражденіемъ, которому они придавали великую цѣну. Оно было отнято у нихъ послѣднимъ конкордатомъ, который, какъ извѣстно, предоставляетъ духовенству большее вліяніе, болѣе обширныя привилегіи, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, даже въ Италиі, за исключеніемъ Папскихъ Владѣній. Уничтоженіе мудрыхъ началъ, внесенныхъ въ отношенія государства къ церкви Маріею Терезіею и Іосифомъ II, отняло окончательно всякую нравственную силу у австрійскаго правительства во мнѣннй Италянцевъ. Вслѣдствіе изложенныхъ причинъ, провинціи ломбардо-Венеціанскія представляютъ самое печальное зрѣлище, не имѣющее ничего себѣ подобнаго въ исторіи, зрѣлище цѣлаго народа, который принялъ относительно тѣхъ, кто управляетъ имъ, положеніе открыто враждебное. Стоить только проѣхать Ломбардію и Венеціанскія области для убѣжденія, что Австрійцы не живутъ, а стоятъ лагеремъ въ этой странѣ. Всѣ дома, начиная съ самой смиренной хижины до пышныхъ палатъ, заперты для агентовъ правительства. Въ общественныхъ мѣстахъ, въ театрахъ, въ кофейныхъ домахъ и на улицахъ, вездѣ оказывается совершенное раздѣленіе между ними и мѣстными жителями. Можно подумать, что страна эта занята непріятельскою арміею, которая возбуждаетъ противъ себя ненависть своею наглостію и спѣсью. »

Картина дѣйствительно печальная, но вовсе не безпримѣрная, вовсе не такъ одинокая въ исторіи, какъ полагаетъ туринскій кабинетъ. Къ несчастію, есть въ исторіи не мало примѣровъ, что правительства, даже и не чужеземныя, ставили себя въ такое же положеніе относительно своихъ подданныхъ, въ какомъ австрійское правительство находится къ своимъ италянскимъ провинціямъ.

Графъ Кавуръ, авторъ этой записки, соглашается, что положеніе Ломбардіи и Венеціи имѣетъ свое законное основаніе въ трактатахъ, хотя оно и противорѣчитъ началамъ истинной справедливости. Онъ мало надѣется на то, чтобы дипломатія своими усилиями могла побудить Австрію отказаться отъ трактата, который предоставляетъ ей власть надъ Ломбардіею и Венеціей. Но онъ думаетъ, что безъ измѣненія Вѣнскаго трактата не можетъ быть рѣшенъ италіанскій вопросъ окончательнымъ и прочнымъ образомъ. «Придется, говоритъ онъ, довольствоваться палліативными средствами. Европа должна будетъ безстрастно присутствовать при скорбномъ зрѣлищѣ, представляемомъ Ломбардіею и Венеціей, пока революція, которая таится тамъ подъ щепломъ, воспользовавшись благоприятными обстоятельствами, не сокрушитъ насильственно того ига, которое наложено на эти страны завоеваніемъ. Это зрѣлище однако же было бы не такъ прискорбно, и положеніе Ломбардіи и Венеціи было бы сноснѣе, еслибы Австрія захотѣла быть вѣрною обѣщаніямъ, которыя дала она Италіанцамъ, когда въ 1814 году возбуждала ихъ возстать противъ французскаго владычества, и если бы, согласно прокламаціи главнокомандовавшаго въ то время войсками генерала Бельгарда, она водворила по сю сторону Альпъ національную администрацію съ туземною арміею, начальствуемою италіанскими офицерами, и учрежденія, основанныя на представительныхъ началахъ. Это было бы палліативное средство, которое однако дало бы возможность народу, привыкшему къ страданіямъ, терпѣливѣе ожидать лучшей участи, и отдалило бы опасности, которыя справедливо заботятъ общественное мнѣніе въ Европѣ. Дипломатія, совѣтуя вѣнскому кабинету слѣдовать по указанному пути, совершитъ дѣло доброе и благоразумное, хотя мы не очень надѣемся, чтобы она могла достигнуть предполагаемыхъ результатовъ. Сорока-пяти-лѣтній опытъ даетъ достаточное основаніе думать такимъ образомъ. Австрія разчитываетъ только на силу для поддержанія своего владычества въ Италіи.»

Справедливо, что дипломатія не легко можетъ добиться подобныхъ результатовъ; справедливо, что Австрія скорѣе рѣшится на войну, по крайней мѣрѣ измучить всякую дипломатію, прежде чѣмъ рѣшится на эти уступки. Пока вопросъ ограничивается лишь отношеніями Австріи къ государствамъ центральной Италіи, онъ имѣетъ всѣ дипломатическія свойства, идетъ прямо въ руки дипломатіи и можетъ быть предметомъ всякаго рода конференцій и конгрессовъ; но какъ скоро къ нему примѣшивается вопросъ о Ломбардіи, вопросъ объ этихъ областяхъ, которыми Австрія отчасти владѣла еще до Вѣнскаго конгресса, дѣло все болѣе и болѣе затрудняется и обнаруживаетъ стороны совершенно непривыч-

ныя для дипломатіи. Тѣмъ не менѣ мы думаемъ, что при благопріятныхъ обстоятельствахъ было бы возможно поднять въ международномъ совѣтѣ вопросъ о внутреннемъ, болѣе самостоятельномъ, болѣе удовлетворительномъ для народа управленіи италіанскихъ провинцій. Желанія этихъ народонаселеній, какъ передаетъ ихъ туринскій кабинетъ въ своемъ *меморандумѣ*, не заключаютъ въ себѣ ничего чрезмѣрнаго, ничего эксцентрическаго; все совершенно законно, все совершенно согласно съ здравыми понятіями объ общественномъ благоустройствѣ, — и желаніе національной администраціи, которая существовала бы не для самой себя, а для общества, и была бы лишь органомъ его самоуправленія, и желаніе лучшихъ учреждений. Еслибъ Австрія была натура здоровая, то она сама должна была бы придти къ этимъ разумнымъ началамъ, и въ ихъ заявленіи не могла бы видѣть чего-либо враждебнаго для истиннаго порядка или для монархическаго устройства. Но Австрія не есть какая-либо живая національность; Австрія есть отвлеченное политическое начало, которое мертвымъ гнетомъ лежитъ на многихъ народностяхъ, подавляя въ нихъ всякую жизнь и всякую возможность самостоятельнаго развитія. Это гнетущее начало не безъ основанія думаетъ, что жизнь и развитіе тѣхъ различныхъ народностей, которыя подъ нимъ связаны, могутъ погубить его, что это механическое единство распадется само собою, когда изъподъ него выйдутъ разнообразныя элементы, такъ безпощадно имъ подавленные. Между этимъ началомъ и жизнью идетъ естественная борьба, и надобно что-нибудь необыкновенное, что-нибудь выходящее изъ всѣхъ обычныхъ понятій дипломатіи для вразумленія или измѣненія этого начала. Но какъ бы то ни было, заявленіе разумныхъ требованій общественнаго устройства было бы не бесполезно; оно послужило бы великимъ примѣромъ для будущаго и указаніемъ для настоящаго; оно во всякомъ случаѣ значительно способствовало бы къ разъясненію элементовъ возникшаго вопроса и къ явственному опредѣленію его характера. Къ сожалѣнію, эти разумныя требованія, которыя почти превышаютъ силу обычныхъ дипломатическихъ средствъ, заявляются такимъ образомъ, что съ самаго начала уничтожается всякая возможность, даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, рѣшить дѣло мирнымъ, удовлетворительнымъ образомъ. Эти важныя улучшения въ администраціи италіанскихъ провинцій, это самоуправленіе, эти представительныя учрежденія, эта туземная армія, начальствуемая италіанскими офицерами, — все это лишь палліативныя средства, все это лишь временная сдѣлка, только усыпляющая, а не разрѣшающая вопросъ. Предположимъ, что Австрія послѣ великихъ усилій сдастся наконецъ на эти требованія: можетъ ли

она по крайней мѣрѣ успокоиться въ совершении этого важнаго истинно-разумнаго дѣла, можетъ ли она приобрести этимъ увѣренность, что дѣло улажено, вопросъ рѣшенъ, и что она съ своей стороны сдѣлала все для его благополучнаго разрѣшенія? Нѣтъ, ей говорятъ, что все это только пустяки, что опасность будетъ только отсрочена. Какая же возможность соглашаться на уступки, которыя ничего не рѣшаютъ и не ведутъ ни къ какому примиренію, — уступки, которыя почти превосходятъ средства дающаго, а принимающаго ни мало не удовлетворяютъ? Гдѣ же основаніе для соглашенія? Возможно ли съ такими видами заявлять требованія, исполненіе которыхъ не предписывается никакимъ положительнымъ закономъ, а предоставляется лишь благоусмотрѣнію и совѣсти? Не значить ли это ставить требованія такъ, чтобъ они не могли быть исполнены, не значить ли это желать во что бы то ни стало войны, и дѣлать заранее невозможнымъ мирное рѣшеніе? Очень естественно, что италіанскій патріотизмъ желалъ бы собрать воедино разбросанныя части своей національности и выдвинуть ее, какъ могущественное политическое цѣлое, въ европейскую систему. Но дѣйствительность не представляетъ для этого ясныхъ элементовъ. Въ Италіи не выработалось еще начало, которое могло бы восторжествовать надъ всѣми трудностями соединенія. Къ чему же въ трезвья и законныя требованія вносить идеалъ будущаго, зачѣмъ же примѣшивать къ нимъ то, что во мнѣніи всѣхъ, даже самихъ Италіанцевъ, есть не болѣе какъ мечта? Не портится ли отъ этого несчастнаго придатка все смѣшеніе, не размыкается ли предлагаемое рѣшеніе въ пустую, безотвѣтную и тревожную даль? Вотъ почему общественное мнѣніе Европы съ недоувѣріемъ встрѣтило стремленія туринскаго кабинета, вотъ почему въ эгихъ стремленіяхъ видигъ оно неразрѣшимую смѣсь справедливаго и истиннаго съ фальшивыми увлеченіями, потребностей разумной свободы съ честолюбивыми мечтами и властолюбивыми замыслами. Вотъ почему Европа такъ недоувѣрчиво смотритъ на вмѣшательство Франціи, и предрекаетъ Италіи только перемѣну властителей, а въ униженіи Австріи предвидитъ лишь возвышеніе соревнующей ей Французской имперіи.

Итакъ, для удовлетворительнаго рѣшенія вопроса по сию пору оказывается мало задатковъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Вопросъ могъ бы только тогда приблизиться къ рѣшенію, когда бы ясно и твердо опредѣлилось его значеніе. Въ томъ ли его значеніе, чтобъ Италія была свободна отъ посторонняго вмѣшательства и могла бы внутри себя устроиться удовлетворительнымъ образомъ? Эта цѣль была бы достигнута, еслибъ Австрія отказалась отъ своихъ сепаратныхъ договоровъ съ италіанскими

государствами и отъ всякаго вмѣшательства въ ихъ внутреннiя дѣла. Достиженіе этой цѣли было бы окончательно обезпечено, еслибъ Австрія рѣшилась дать Ломбардіи самостоятельное, отдѣльное національное управление, согласное съ потребностями народонаселеній и духомъ времени. Все это дѣло не легкое, но понятное и возможное; во всякомъ случаѣ заявленіе такихъ требованій, безъ всякихъ дальнѣйшихъ видовъ и замысловъ, окончательно склонило бы общественное мнѣніе на сторону Сардиніи, и Австрія не могла бы противиться общему приговору Европы. Но теперь, всё подъ этими требованіями подозрѣваютъ присутствіе возбужденныхъ страстей, которымъ они служатъ только предлогомъ. И какъ, въ самомъ дѣлѣ, требовать, чтобъ Австрія согласилась дать Ломбардіи и самостоятельное устройство, и туземную армію, когда, вырывая у нея эти уступки, объявляють ей, что въ Ломбардіи все-таки будетъ тлѣть революція, и что этими уступками воспользуются лишь какъ орудіемъ противъ самой Австріи? Мудрено ли, что Австрія, какъ замѣчаетъ сардинскій *меморандумъ*, разчитываетъ только на силу для поддержанія своего владычества въ Италіи?

Въ то время, когда туринскій кабинетъ представилъ свой меморандумъ великобританскому правительству, оно вступило въ ту блистательную борьбу, которая окончилась такимъ неблагопріятнымъ для него исходомъ. Но туринскій кабинетъ могъ быть заранѣе увѣренъ, что судьба кабинета Дерби нисколько не измѣнитъ политики Англіи. Еслибъ этотъ меморандумъ, вмѣсто рукъ графа Мальмсбери, попалъ въ руки графа Кларендона, существенный результатъ былъ бы все одинъ и тотъ же. Общая политика страны не должна зависѣть ни отъ случайностей лицъ, ни отъ случайностей партій, и дѣйствительно, въ Англіи она представляетъ именно такую независимую систему, служащую выраженіемъ общественнаго мнѣнія и признанныхъ интересовъ дѣлой страны. Мы видѣли, какъ единогласно высказывались въ парламентѣ всё отгѣнки партій по общеевропейскимъ вопросамъ. Въ этомъ отношеніи всё партіи парламента солидарны между собою. Удержится ли кабинетъ Дерби, или составится кабинетъ Росселя, система англійской политики пойдетъ своимъ путемъ, и если въ ней окажутся какія-либо существенныя перемѣны, то перемѣны эти будутъ внесены въ нее не случайностями лицъ, а теченіемъ событий.

Впрочемъ консервативный характеръ министерства Дерби можетъ, по крайней мѣрѣ издали, представлять большія ручательства за сохраненіе европейскаго мира. Но главное, что можетъ давать ему особую цѣну въ общественномъ мнѣніи, есть добросовѣстная рачительность, съ какою люди этого кабинета приле-

жали къ своему дѣлу, та неутомимая заботливость, съ какою они блюли интересы страны. Ничего не упущено изъ виду, никакая опасность, даже мнимая, не осталась не предусмотрѣнною. Правительство зорко смотрѣло во всѣ стороны, не позволяло себѣ ни одного неосторожнаго шага, не давало себѣ задремать ни надъ какою мелочью; въ адмиралтействѣ идуть циклопическія работы, строятся и передѣлываются корабли, отливаются новыя пушки, недавно изобрѣтенныя г. Армстронгомъ, который за это возведенъ въ званіе баронета, и которому для этой цѣли отданъ въ управленіе литейный заводъ; всѣ функціи публичной службы совершаются съ полною отчетливостію, быстротою и точностію. Вотъ права, на которыя опираются графъ Дерби и его товарищи, выходя съ своими противниками на судъ страны. Кабинету предлежали два пути послѣ пораженія, понесеннаго имъ въ нижней палатѣ: слѣдовало или отказаться отъ должности, или распустить парламентъ. Былъ еще и третій путь, на который съ презрѣніемъ указывали ему нѣкоторые изъ его противниковъ, но онъ съ гордостію отказался отъ этого пути. Путь этотъ—взять назадъ отвергнутый билль, и, оставаясь при должности, составить новый, согласный съ резолюціей палаты, какъ было въ прошломъ году поступлено съ индійскимъ биллемъ. Но кабинетъ находилъ невозможнымъ для своего достоинства продать такимъ образомъ свое существованіе, онъ не хотѣлъ оставаться, какъ говорится въ Англіи, правительствомъ *on sufferance*. Графъ Дерби, приступая къ составленію своего кабинета, могъ заранѣе быть увѣренъ, что въ нижней палатѣ, гдѣ сосредоточивается главная сила правительства, не будетъ онъ имѣть большинства. Нынешній составъ этой палаты образовался подъ вліяніемъ совѣтъ другихъ видовъ и въ интересѣ противоположной партіи, которая была тогда во главѣ управленія. Въ настоящее время консервативный кабинетъ надѣется, что парламентскіе выборы будутъ имѣть другой характеръ, болѣе благопріятный для консервативнаго министерства; онъ разчитываетъ, что новый парламентъ дастъ ему возможность организоватьъ сильнѣе. Трудно рѣшить въ какой мѣрѣ основательны его ожиданія. Но члены кабинета, принадлежащіе къ нижней палатѣ, въ своихъ посланіяхъ къ избирателямъ, оставляя въ сторонѣ вопросъ о реформѣ, предъявляютъ на видъ лишь интересъ внѣшней политики, критическое положеніе которой требуетъ въ Англіи сильнаго правительства, и выражаютъ надежду, что страна поддержитъ ихъ, что новая палата дастъ имъ достаточное большинство.

Но если члены кабинета не говорятъ ничего о реформѣ, то адреса ихъ противниковъ имѣютъ ее главною своею темою. Лордъ Джонъ Россель обозначилъ уже главные пункты билля о реформѣ, кото-

рый онъ готовъ внести въ парламентъ. Всѣ стараются оправдать передъ странюю свое участіе въ парламентскомъ рѣшеніи 31 марта.

Въ *Times*, журналѣ, не принадлежащемъ собственно ни къ какой партіи, появилась слѣдующая оцѣнка обѣихъ партій, которыя судятся теперь передъ странюю: «Либералы, сказано въ *Times*, могутъ воскликнуть: *прогрессъ*, и это слово найдетъ отголосокъ въ народѣ. Консерваторы должны бы восклицать: *консерватизмъ*, но они не рѣшатся на это. Они не могутъ проповѣдывать, — какъ проповѣдывала когда-то подобная партія въ Пруссіи, — что великая задача правительства состоитъ въ сохраненіи привилегированныхъ сословныхъ интересовъ, да еще съ маленькимъ отъѣнкомъ движенія назадъ. Такое объявленіе погубило бы английскихъ консерваторовъ. Они принуждены отказаться отъ своихъ естественныхъ преданій, и проводить свои виды или косвенными путями или прикрывая ихъ другими цѣлями. Консерваторы были особенно осторожны въ своихъ дѣйствіяхъ; они хотѣли, чтобъ о деревѣ судили по его плодамъ, а не по корню. Безъ сомнѣнія, странѣ нужно хорошее правительство, и консерваторы имѣли цѣлью дать намъ его. Надо отдать имъ справедливость. Они достигли извѣстнаго успѣха. Они очень тонко подмѣчали недостатки своихъ противниковъ, и благоразумно избѣгали ихъ. Они были не только внимательны, но и вѣжливы въ отправленіи своей должности, благоразумно либеральны во многихъ своихъ видахъ и нисколько не исключительны въ своихъ сношеніяхъ. Они не нашли себѣ враговъ своимъ офиціальнымъ высококомѣриемъ, они работали хорошо и прилежно, и ихъ назначенія, кромѣ одного или двухъ несчастныхъ исключеній, были безспорно хороши. Большое мѣсто у нихъ состояло въ томъ, что они дѣлали все слишкомъ точно, подобно людямъ, которымъ нужно загладить свой характеръ или закрыть какое-нибудь пятно; но все-таки они дѣлали свое дѣло, при помощи своихъ противниковъ.

«Либералы избрали совершенно противоположной путь. Ихъ принципы, послѣ полуѣвковой борьбы, кажется, укоренились въ общественномъ мнѣніи, и либералы такъ понадѣялись на нихъ, что забыли объ обязанности прилагать ихъ къ дѣлу. Они были сильны, но растратили свою силу въ своихъ ссорахъ. Они зазнались въ своемъ положеніи народныхъ любимцевъ и оттолкнули народъ своимъ равнодушіемъ и самодовольствомъ. У нихъ было большинство въ палатѣ, большинство за дверьми палаты, и большинство на случай новаго воззванія къ народу; но они не сохранили этихъ выгодъ, не показавши тѣхъ хорошихъ качествъ, которыми пріобрѣтены эти выгоды. Поэтому когда они проповѣдывали правила хорошаго правительства, консерваторы старались

прилагать эти правила къ дѣлу. Если у одной партіи были истинныя вѣрованія, то другая показывала истинную практичность. Однимъ словомъ, это было старинное прогнворѣчіе между вѣрою и дѣлами, выраженное въ политикѣ.

Послѣ битвы, въ которой министерство понесло поражение, между партіями въ обѣихъ палатахъ происходило торжественное объясненіе. Графъ Дерби въ великолѣпной рѣчи представилъ аполлогію своего правительства. Чгобъ объяснить теперешнее положеніе министерства, онъ въ оживленномъ очеркѣ обозрѣлъ парламенгскую исторію со времени смерти сэръ. Роберта-Пиля. Въ частомъ повтореніи министерскихъ кризисовъ онъ готовъ видѣть нѣкоторые опасные признаки. Правда, обѣ великія партіи не существуютъ уже въ прежнемъ видѣ. Графъ Дерби соглашается, что прошли безвозвратно тѣ времена, когда палата общинъ была раздѣлена на двѣ партіи, изъ которыхъ каждая безусловно подчинялась своимъ руководителямъ. Онъ не показываетъ вида, что жалѣетъ объ этихъ прошедшихъ временахъ, однако не замѣтно и того чгобъ онъ совершенно примирился съ отсутствіемъ этихъ большихъ, хорошо дисциплинированныхъ партій, которыми отличался прежній парламентъ, и которыя усвоили парламентарному правительству названіе правительства партій. Онъ, по крайней мѣрѣ, утѣшаетъ себя тѣмъ, что консервативная партія держится еще довольно твердо и можетъ служить надежною опорою для правительства, которое выходитъ изъ ея рядовъ. Чго же касается до либеральныхъ членовъ парламента, то между ними графъ Дерби находитъ полный разладъ. Это замѣчаніе справедливо; въ этомъ согласятся съ нимъ и его противники, но, признавая фактъ, они даютъ ему совсѣмъ иное толкованіе. Очевидно, сказалъ ему въ отвѣтъ лордъ Гранвилль, чго тѣмъ людямъ, которые, покорствуя своимъ принципамъ, стоятъ на дорогѣ и двигаются впередъ только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ по вынужденію, — очевидно, чго этимъ людямъ гораздо легче держаться другъ друга, нежели тѣмъ, которые принимаютъ своимъ общимъ началомъ движеніе и прогрессъ: очень естественно, чго такого рода люди не всегда бываютъ согласны въ выборѣ пути.

Съ своей стороны скажемъ мимоходомъ нѣсколько словъ относительно этого вопроса о партіяхъ, который часто теперь приходится на мысль публицистовъ, какъ въ самой Англій, такъ и на материкѣ. Парламентарную систему обыкновенно связываютъ съ существованіемъ противоположныхъ партій. Это справедливо; но парламентарная система никогда не дѣйствовала такъ успѣшно, такъ могущественно, такъ блестятельно и такъ согласно съ общимъ духомъ англійской конституціи какъ въ послѣднія времена.

когда узы, скрѣплавшія двѣ старыя великія партіи, дѣйствительно ослабли, и партіи разстроились. Самыя имена торіевъ и вигговъ, которыми прежде знаменовались два строго противоположные парламентскіе лагеря, померкли и потеряли свое значеніе. Въсто этихъ именъ, которыя въ настоящее время могутъ относиться лишь только къ дробямъ, по необходимости употребляются другія, менѣе опредѣленныя названія консерваторовъ и либераловъ для означенія общихъ партій, и подъ этими названіями группируются отѣнки, которые вовсе не хотятъ и не могутъ сливаться въ одну сплошную массу. Принципъ партій не теряетъ своей силы, и дѣйствительно онъ необходимъ для политическаго движенія; но измѣнился характеръ партій, и измѣнился не къ худшему, а къ лучшему. Въсто этихъ архаическихъ типовъ, которыми запечатлѣны сплошныя и твердыя массы прежнихъ великихъ партій, мы видимъ на каждой сторонѣ парламента живое разнообразіе элементовъ, которое каждый разъ, при каждомъ новомъ вопросѣ, группируется новымъ, иногда вовсе неожиданнымъ образомъ. Сынъ графа Дерби, нынѣшній министръ колоній, лордъ Станли, какъ кажется, смотритъ на это дѣло иначе, чѣмъ его отецъ.

Въ рѣчи своей, произнесенной недавно по поводу билля о реформѣ, лордъ Станли сказалъ въ отвѣтъ на упрекъ лорда Джона Росселя, что правительство не имѣетъ большинства въ палатѣ: «Трудно опредѣлить, что значитъ въ настоящее время имѣть большинство въ палатѣ. Порядокъ вещей, возобладавшій въ послѣдніе годы,—и я съ своей стороны вовсе не сѣтую на это,—клонится къ тому, чтобы правительство этой страны полагалось все менѣе и менѣе на безразличныхъ и разъ навсегда заручившихся приверженцевъ, а все болѣе и болѣе на свойство предлагаемыхъ имъ мѣръ.» «Вотъ почему, какъ замѣчаетъ лордъ Станли въ той же рѣчи, «никогда, въ былыя времена, въ палатѣ общинъ великіе публичные вопросы не обсуждались съ меньшимъ ожесточеніемъ, съ меньшею примѣсю личныхъ интересовъ и интересовъ партій, чѣмъ въ эти послѣдніе годы.» Впрочемъ отзывъ самого лорда Дерби о послѣднихъ преніяхъ, происходившихъ въ палатѣ общинъ и имѣвшихъ для его кабинета столь неблагопріятный результатъ, свидѣтельствуешь, что и въ его мнѣніи парламентъ, за отсутствіемъ сплошныхъ партій, не утратилъ своего достоинства. «Милорды, говорилъ онъ, я обязанъ передъ палатою общинъ сказать, что во время моего продолжительнаго парламентскаго поприща, которое простирается свыше тридцати семи лѣтъ, я не знавалъ преній, которыя отъ начала до конца представляли бы такой неослабвующій интересъ, которыя были бы ведены съ большимъ искусствомъ, наконецъ съ меньшимъ ожесточеніемъ, съ меньшею ѣдкостью, несмотря на то, что рѣчь

шла о дѣлѣ, которое могло возбуждать самыя смѣлыя чувствованія, какъ личныя, такъ и политическія. Я думаю, милорды, что то искусство, тотъ тонъ и умѣренность, съ какими ведены были эти пренія, приносятъ высокую честь обѣимъ сторонамъ палаты; эти пренія могутъ выдерживать сравненіе съ тѣми преніями, о которыхъ дошли до насъ преданія отъ тѣхъ временъ, когда, какъ сказываютъ, жили и дѣйствовали политическіе гиганты, и уже несомнѣнно со всѣми тѣми живыми преніями, которыя происходили на нашей памяти, и въ которыя мы съ вами, милорды, вносили свою долю. » Самое присутствіе лорда Станли въ торійскомъ кабинетѣ его отца свидѣтельствуетъ, что и консервативная партія вовсе не представляетъ такой сплошной однородной массы, какими были прежнія партіи, что духъ исключительности, который прежде составлялъ ихъ характеръ, исчезъ безвозвратно; лордъ Станли во многихъ отношеніяхъ примыкаетъ къ самымъ передовымъ либеральнымъ отѣнкамъ. Онъ вполне человѣкъ новаго времени, и въ немъ не слышится никакихъ отголосковъ прошедшаго; а между тѣмъ онъ членъ кабинета, который связанъ съ торійскими преданіями и носитъ вообще консервативный характеръ. Самый способъ, какимъ министерство хотѣло провести свой билль о реформѣ, служить въ этомъ отношеніи интереснымъ свидѣтельствомъ. Билль былъ составленъ самымъ консервативнымъ образомъ и даже, какъ утверждали его противники, имѣлъ немножко ретроградное направленіе; но въ то же время консервативные элементы этого билля были такъ поставлены и такъ расположены, что этотъ законъ могъ послужить переходомъ почти къ радикальнымъ измѣненіямъ въ существующей системѣ. Но важно особенно то, что консервативное правительство открывало охотно свой билль для всѣхъ измѣненій въ либеральномъ смыслѣ, какія могли бы быть предложены въ комитетѣ. Оно какъ бы называлось, какъ бы само запрашивалось на эти измѣненія. Видно было, что министерство не хотѣло брать на свою отвѣтственность такія распоряженія, которыя были бы несогласны съ преданіями его партіи, и желало дать какъ бы только канву для реформеровъ по призванію. Двѣ противоположныя стороны навсегда останутся въ парламентѣ какъ его неотъемлемая принадлежность; но элементы, входящіе въ составъ той и другой стороны, не теряютъ теперь своей личной самостоятельности и личной отвѣтственности; членъ самыхъ крайнихъ рядовъ консервативной партіи идетъ, не задумываясь, вогировать съ членами самыхъ крайнихъ либеральныхъ отѣнковъ въ тѣхъ вопросахъ, гдѣ ихъ политическія убѣжденія приходятъ въ соприкосновеніе; это не помѣшаетъ имъ расходиться на всѣхъ прочихъ пунктахъ.

Но мы должны прервать эти замѣчанія и снова перейти къ вопросу о мирѣ и войнѣ, къ вопросу о конгрессѣ, на которомъ сосредоточивается теперь все вниманіе Европы.

Безспорно, конгрессъ представляетъ собою весьма важный шагъ къ примиренію; но не должно забывать, что конгрессъ не создаетъ новыхъ элементовъ, что на немъ должна необходимо отразиться вся запутанность и сложность вопросовъ, что усилія дипломатіи, ея *suprêmes efforts* могутъ только объяснить уже существующія отношенія и найти возможное примиреніе для различныхъ интересовъ и задачъ. Идеальный взглядъ на дипломатію, конечно, долженъ сопровождаться разочарованіемъ; если отъ конгресса или вообще отъ дипломатическаго акта мы будемъ требовать послѣдняго слова, достиженія идеала, то наши требованія никогда или почти никогда не найдутъ полнаго удовлетворенія. Идеалисты въ дипломатіи не хотятъ слышать ни о какой полумѣрѣ; имъ нуженъ послѣдній выводъ, безусловное *да*, или безусловное *нѣтъ*. У каждаго образовалась теперь своя *Italia possibile*, которую конгрессъ обязанъ создать во что бы то ни стало. Если онъ не сдѣлаетъ этого, то идеалисты предпочитаютъ всякой частной мѣрѣ войну, то-есть желаютъ предоставить случаю рѣшеніе вопроса. Но война необходима только тогда, когда наличные элементы совершенно не въ состояніи организовать въ какой бы то ни было формѣ, когда необходимо вызвать новыя силы, новые элементы, которые помѣряются съ прежними силами и элементами, и покажутъ, на чьей сторонѣ больше живучести, что принесется въ жертву, и что останется дѣятелемъ для будущаго.

Въ дипломатіи, равно какъ и въ жизни, рѣдко совершаются такія закланія или триумфальныя шествія; различные интересы и цѣли народовъ и обществъ одарены извѣстною степенью упругости; они уступаютъ понемногу, спасая себя до нѣкоторой степени; идутъ на сдѣлку, возможную въ данное время. «Здравый смыслъ и опытъ прошедшаго, справедливо говоритъ г. Прево-Парадоль, достаточно убѣждаютъ насъ въ томъ, что миръ можетъ быть сохраненъ посредствомъ одного изъ тѣхъ отступленій, къ которымъ къ счастью приобыкла Европа, посредствомъ одной изъ тѣхъ сдѣлокъ, которыя абсолютно не удовлетворяютъ никого, но дозволяютъ всѣмъ казаться удовлетворенными.» Можно надѣяться, что таковъ будетъ результатъ и предстоящаго конгресса; мы понимаемъ при этомъ, что приведенныя слова относятся не къ одной только формѣ, а къ самой сущности вопроса. Положеніе Италіи возбуждаетъ всеобщую симпатію; этотъ народъ, лишенный политической жизни, имѣетъ право требовать, чтобъ ему дана была возможность заявить себя и свою національность, чтобы смять былъ съ него тяжелый гнетъ туземнаго и иностраннаго произвола, чтобъ ему открыто было поприще для собственнаго раз-

вѣтѣ. А между тѣмъ, на его теперешнемъ бытѣ выросло множество такихъ условий, которыя пустили глубокіе корни, съ которыми необходимо считаться и которыя не могутъ быть сняты никакимъ одновременнымъ актомъ, будетъ ли то общеевропейскій конгрессъ или общеевропейская война. Политическіе идеалисты избираютъ своимъ девизомъ «все или ничего»; по ихъ мнѣнію, конгрессъ обязанъ или создать единую независимую Италію, или не залѣчивать наболѣвшей раны, а предоставить все войнѣ или революціи. Въ этомъ смыслѣ высказываются многіе французскіе и австрійскіе органы гласности. Напротивъ, люди практическіе думаютъ, что гораздо лучше остановиться на приобрѣтеніи того, что возможно, потребовать отъ Австріи того, что она можетъ уступить, не насиловать ее преждевременно, не доводить ее до крайняго напряженія, которое можетъ придать ей силы, не откладывать результата вѣрнаго въ виду другаго болѣе рѣшительнаго, но менѣе несомнѣннаго. Таково общее мнѣніе Англичанъ.

По всему видно, что Австрія вѣрится болѣе въ войну, и не надѣется, чтобы тѣ данныя, на которыхъ конгрессъ можетъ основать свои рѣшенія, повели къ благоприятному для нея результату. Графъ Буоль въ своихъ нотахъ постоянно затрудняетъ созваніе конгресса; онъ готовъ принять его только съ такими условіями, которыя парализируютъ всякій живой интересъ конгресса; еслибъ Европа приняла эти условія, то она лишила бы себя возможности подвинуть сколько-нибудь рѣшеніе вопроса и осудила бы себя на формальное признаніе status quo, которое всѣми признано невыносимымъ. Австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ смотритъ на отношенія Австріи къ Италіи съ какой-то личной, страстной точки зрѣнія, становится ожесточеннымъ обвинителемъ Сардиніи, самымъ яростнымъ адвокатомъ второстепенныхъ италіанскихъ владѣтелей, и не хочетъ допустить, чтобы Пьемонтъ сталъ между этими владѣтелями и народомъ. Австрія требуетъ, чтобы конгрессъ только освятилъ существующіе трактаты, чтобы Сардинія прекратила свои вооруженія, и чтобы для обсужденія вопросовъ внутреннихъ, касающихся италіанскихъ государствъ, были призваны эти государства, на основаніи ахенскаго протокола 1818 года. Таково смыслъ ноты графа Буоля къ г. Балабину отъ 21 марта.

Мы уже замѣчали прежде, что предстоящій конгрессъ имѣетъ другія задачи, чѣмъ тѣ, которыя имѣлъ Ахенскій конгрессъ. Онъ есть скорѣе прямой результатъ протокола 14 апрѣля 1856 года. Замѣчательно, что уже тогда графъ Буоль не соглашался съ мнѣніемъ другихъ уполномоченныхъ. Извѣстно, что на Парижскомъ конгрессѣ графъ Кларендонъ предложилъ постановить правиломъ, чтобы 8-я статья парижскаго трактата была обобщена, и чтобы

всѣ государства обязались, въ случаѣ возникшихъ между ними недоразумѣній, не прибѣгать прямо къ войнѣ, а обращаться ко посредничеству другихъ державъ. Уполномоченные всѣхъ государствъ, присутствовавшіе на конгрессѣ, изъявили свое полное согласіе на предложеніе графа Кларендона; одинъ только графъ Буоль замѣтилъ, что оно можетъ вести къ такимъ доктринамъ, которыхъ нельзя допустить, и отклонилъ согласіе своего правительства, находя, что вопросъ о посредничествѣ есть вопросъ раздражающій и способный нарушить общее согласіе. Такимъ образомъ и въ 1856 году, тотчасъ послѣ войны, и теперь, наканунѣ войны, Австрія не хочетъ мирнаго рѣшенія вопроса. Она скорѣе готова прибѣгнуть къ оружію: война можетъ создать новые элементы въ ея пользу, элементы же существующіе, общественное мнѣніе всей Европы слишкомъ рѣшительно высказывается противъ нея. Напрасно думаютъ, что главное австрійское оружіе состоитъ въ дипломатіи; ея дипломатія состоитъ въ томъ, чтобы возбудить войну, и Австрія вела всегда войны, хотя и не посредствомъ своихъ собственныхъ армій, и всегда подъ конецъ прильпалась къ побѣдителю. Такъ будетъ, вѣроятно, и теперь; по мѣрѣ того, какъ остальные государства будутъ высказывать рѣшительное желаніе мира, Австрія прибавитъ своей несговорчивости и возбудитъ дѣйствительно войну, если найдетъ къ своимъ услугамъ достаточное число союзныхъ войскъ.

А слово за миръ слышится такъ же часто, какъ и прежде, несмотря на то, что прежнія надежды поколебались сильно. Только въ австрійскихъ журналахъ и въ нѣкоторыхъ полуофіціальныхъ французскихъ проповѣдуется безнадежность настоящей дипломатической задачи. *Journal des Débats* говоритъ такъ о расположеніи умовъ во Франціи: «Франція единодушно желаетъ мира, потому что до сихъ поръ не видитъ достаточнаго повода, чтобы отказаться отъ него; столь же единодушно приняла бы она войну, если только эта война будетъ необходима для ея чести. Правда, желаніе почетнаго мира высказывается особенно живо въ тѣхъ классахъ нашего общества, которые пользуются благосостояніемъ; но причина такого явленія состоитъ въ томъ, что эти классы понимаютъ лучше всю цѣну мира, и особенно въ томъ, что, вѣрно понимая прошедшее, они яснѣе видятъ будущее. Однимъ словомъ, въ этихъ классахъ не менѣе патриотизма, чѣмъ въ остальномъ народонаселеніи; но они обладаютъ болѣе свѣдѣніями, а потому ихъ мнѣнія должны имѣть больше вѣсу.»

Въ Англіи точно также, несмотря на всѣ ухищренія австрійской политики съ цѣлью затруднить мирный исходъ вопроса, повсюду

видно нерасположеніе къ войнѣ; графъ Дерби ставитъ въ заслугу правительству, которое онъ представляетъ, сохраненіе европейскаго мира, а лордъ Пальмерстонъ, имѣя въ виду статью во главѣ правительства, даетъ обѣщаніе содѣйствовать миру и поддерживать посредническую политику Англии. Сочувствуя положенію Италіянцевъ, общественное мнѣніе въ этой странѣ видитъ возможность достигнуть чего-нибудь путемъ мирнымъ и не доврѣяетъ какой-либо лучшей будущности, которая могла бы выработаться войною. Вотъ что говорить объ этомъ *Times*:

• Мнѣнія и чувства огромнаго большинства Англичанъ—за Италію и за Италіянцевъ. Еслибъ одного желанія в слова съ нашей стороны было достаточно, чтобы создать независимость полуострова отъ Монъ-Сени до Реджіо,—это желаніе это слово заявлено, сказано: Италія должна существовать для Италіянцевъ, *Italia for Italians*. Но мы должны смотрѣть на вопросъ съ своей точки зрѣнія. Мы открыто и прямо говоримъ, въ чемъ состоитъ цѣль, къ которой должна стремиться Европа во имя всеобщаго спокойствія и во имя справедливости въ отношеніи къ Италіи. Пока италіанскій полуостровъ или большая часть его предоставлены деспотической расправѣ туземныхъ поповъ и иностранныхъ войскъ, пока существуютъ всѣ послѣдствія, необходимо вытекающія изъ такого порядка вещей,—до тѣхъ поръ честолюбіе иностранныхъ воинственныхъ государей всегда найдетъ благовидный предлогъ для европейской войны, до тѣхъ поръ неудержимыя страсти революціонной партіи всегда отыщутъ поводъ къ жалкимъ и безплоднымъ крайностямъ, которыя не приносили для Италіи ничего, кромѣ новаго усиленія австрійскихъ гарнизоновъ. Мы не вѣримъ, чтобы италіанскому дѣлу было полезно присутствіе завоевательной французской арміи; мы не вѣримъ также, чтобы представителемъ его было небольшое скопище безразчетныхъ и удалыхъ изгнанниковъ, типомъ которыхъ служатъ Мадзини. Если оппозицію видамъ этихъ господъ и негодованіе къ ихъ дѣйствіямъ принимать за оппозицію италіанскому дѣлу, то мы должны поставить себя въ число его противниковъ. Но это несправедливо. Каждый Англичанинъ, истинно любящій свое отечество и вѣрный поборникъ свободы, обязанъ отказать отъ всякаго соучастія съ позорнымъ образомъ дѣйствій заговорщиковъ. Мы считаемъ подобную партію на полуостровѣ злѣйшимъ врагомъ италіанской независимости. Мы не хотимъ знать этихъ рыцарей книжала, плохихъ союзниковъ во всякомъ дѣлѣ, мы не вѣримъ и той формѣ свободы, которую предлагаютъ Италіи на концѣ французскаго штыка. Тотъ, кто даетъ такую свободу, сдѣлается господиномъ, а принимающимъ будутъ даны только другія цѣпи. Необхо-

димо предоставить Италію самой себѣ. Если Англія успѣетъ въ этомъ, если весь полуостровъ, за исключеніемъ Ломбардіи и Венеціи, какъ призванныхъ за Австрію Вѣнскимъ трактатомъ, будетъ оставленъ Италианцамъ; если этому народу дана будетъ возможность исполнить задачу своей независимости: то мы окажемъ великую услугу Италиі. Больше этого мы не можемъ сдѣлать, *дальше этого мы не можемъ идти.*

Въ другой статьѣ своей, тотъ же журналъ еще яснѣе формулируетъ тѣ приобрѣтенія, на которыя можно разчитывать при настоящемъ положеніи дѣлъ. «Единственный способъ, которымъ Европа можетъ плодотворно вмѣшаться въ дѣло Италианцевъ, состоитъ въ томъ, чтобы предоставить ихъ самимъ себѣ. Еслибъ императоръ Французовъ честно и добросовѣстно соединилъ свои усилія съ нашими на этомъ поприщѣ, двѣ трети италинскаго полуострова разомъ стали бы свободны или по крайней мѣрѣ независимы. Тогда его имя было бы соединено въ воспоминаніи съ именами величайшихъ благодѣтелей италинскаго племени. Мы, Англичане, говоримъ, что мы готовы подать руку для ограниченія Австрійцевъ въ предѣлахъ ихъ собственной провинціи, но мы не станемъ участвовать въ нападении на нихъ въ чертѣ этихъ границъ. На всемъ остальномъ полуостровѣ Италианцы должны быть предоставлены самимъ себѣ не на словахъ только, а на дѣлѣ. Такой результатъ не соответствуетъ, можетъ-быть, желанію пылкихъ Италианцевъ, но онъ гораздо лучше всего, чего можно ожидать отъ столкновения Франціи съ Австріею, въ интересахъ самихъ Италианцевъ, а мы имѣемъ въ виду только эти интересы. Мы готовы привѣтствовать въ Италиі независимый народъ; а еслибы можно было предоставить весь полуостровъ, за исключеніемъ Ломбардо-Венеціанскаго королевства, самому себѣ, мы были бы готовы *отложить на неопредѣленное время* всѣ споры о дѣлахъ этой провинціи.»

Замѣчательно, что французскій публицистъ говоритъ почти тѣмъ же языкомъ, какъ и англійскій журналъ. «Мы желаемъ, говоритъ г. Прево-Парадолъ въ *Journal des Débats*, чтобы нынѣшнія затрудненія были разрешены посредствомъ сдѣлки, тѣмъ болѣе, что этимъ путемъ гораздо успѣшнѣе, чѣмъ войною, можно улучшить прочно судьбу Италиі, которая внушаетъ намъ самую искреннюю симпатію. Есть люди, которые думаютъ отнять у насъ право говорить о нашемъ сочувствіи къ Италиі, потому что мы не считали обязанностью Франціи пожертвовать ей самыми дорогими своими интересами. Многие думаютъ, что свобода Италиі должна быть куплена цѣною частной войны Франціи съ Австріею. Еслибы мы были увѣрены въ этомъ, то мы готовы были бы согласиться съ ними;

но развѣ можно обвинить насъ въ слѣпотѣ и измѣнѣ за то, что мы не вѣрили, будто Европа расположена, сложа руки, смотрѣть на сражающихся? Не въ правѣ ли мы сказать, что до сихъ поръ всѣ факты за насъ? Каждый разумный народъ, прежде чѣмъ рѣшится на великушныя жертвы, обязанъ спросить себя: предпринимаемое для другихъ на заставляетъ ли его забыть то, чѣмъ онъ обязанъ самому себѣ, не рискуеть ли онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ дѣломъ, которому желаетъ служить, и своими интересами, самыми высокими и самыми законными? Всеобщая война есть крайность, до которой народъ можетъ быть доведенъ только въ томъ случаѣ, когда самыя важныя причины дѣлають миръ несомвѣстнымъ съ его безопасностію и честью. • Дѣйствительно, *Journal des Débats* съ перваго раза не обольщался надеждою, будто все дѣло рѣшится войсками французскими; теперь, когда италіанскій вопросъ сдѣлался обще-европейскимъ, одинъ изъ редакторовъ этого журнала былъ въ правѣ сказать, что его предсказанія сбылись, что ни Англія, ни Германія не дозволили бы одной Франціи рѣшить дѣло Италіи.

Слишкомъ явное вмѣшательство Франціи, можетъ-быть, даже нѣсколько повредило возможности мирнаго исхода дѣла, хотя впрочемъ оно придало ему больше значенія. *Journal des Débats* прямо высказываетъ это; г. Прево-Парадоль обращаетъ вниманіе на то недовѣріе, которое возбуждаетъ повсюду французское правительство; никто не хочетъ вѣрить въ его чистое безкорыстіе, всѣ подозрѣвають какой-нибудь скрытый, честолюбивый планъ. • Грустно и горько видѣтъ намъ, говоритъ г. Прево-Парадоль, то недовѣріе, которое возбуждаетъ въ Европѣ малѣйшее движеніе Франціи, и мы смотримъ на это недовѣріе, какъ на печальное наслѣдство нашихъ долгихъ войнъ и нашего завоевательнаго духа. Повѣрьте, для насъ самое прискорбное въ трактатахъ 1815 года заключается не въ томъ или другомъ условіи, а въ глубокомъ недовѣрїи, которое внушило эти трактаты и сохраняетъ ихъ; вотъ невидимая часть ихъ; мы желали бы уничтоженія ея и можемъ достигнуть этого только умѣренностію и справедливостію. Какъ бы то ни было, это недовѣріе безспорно существуетъ; оно высказалось, несмотря на мирныя объявленія французскаго правительства; что же было бы, еслибы слова и поступки правительства способны были увеличить его? •

И въ самомъ дѣлѣ, несмотря на вѣроятное безкорыстіе Франціи въ вопросѣ италіанскомъ, подозрительность овладѣла общественнымъ мнѣніемъ почти во всей Европѣ. Извѣстно, что *Times* зараженъ давно этою подозрительностію въ отношеніи къ императору Французовъ. Этотъ журналъ припоминаетъ дѣйствія Наполеона I въ Италіи и спрашиваетъ: • Развѣ не можетъ случиться, что Французы, разъ овладѣвши этою прекрасною странною, захо-

тять удержать свое завоеваніе? Теперешній императоръ Французовъ вовсе не человекъ самоотверженія... Французы очень хорошо умѣютъ организовать страну, выигранную силою оружія. Посмотрите, что стало съ Италіей, когда принцъ Евгенийъ былъ въ Миланѣ, а Іоакимъ въ Неаполѣ! Французы могутъ дать свободу, независимость,—назовите какъ угодно,—но они даютъ въ самой непріятной формѣ и не даромъ. Когда Италія была свободною и французскою, гдѣ находились всѣ произведенія италіянскаго искусства и памятники прошедшей славы Италиі? Въ парижскихъ музеяхъ. Какова была исторія италіянскихъ конскриптовъ? Сегюръ свидѣтельствуетъ, что 100.000 этихъ дѣтей юга похоронены въ снѣгахъ Россіи, когда Наполеону I пришла фантазія идти на Москву. Мы говоримъ это не изъ національнаго предразсудка и не изъ желанія порицать французскихъ завоевателей того времени. Народъ употребляетъ для своихъ цѣлей и пользуется для своихъ выгодъ всѣмъ, что онъ пріобрѣтаетъ силою меча. Дайте власть нынѣшнему императору Французовъ, и онъ будетъ поступать точно такъ же, какъ поступалъ его дядя. Развѣ императоръ Францъ не обѣщаль италіянскому народу въ 1814—15 годахъ быть его любящимъ отцомъ? Пусть эти дѣти соберутся вокругъ него и играютъ въ свободу на его отеческихъ колѣняхъ, и они будутъ въ самомъ дѣлѣ свободны. Лучшимъ поясненіемъ этихъ словъ послужилъ безобразный треугольникъ между Мантуей, Вероной и Пескьерой. Еслибы мы были Италіянами, любящими свое отечество, то не вѣрили бы ни на волосъ ни Французамъ, ни Австрійцамъ. Исторія италіянскаго полуострова, съ того времени, какъ древніе Римлянекончили такъ плохо, свой вѣкъ представляетъ длинную иллюстрацію басни объ оленѣ, охотникѣ и лошади. Англійскій журналъ думаетъ, что гораздо полезнѣе для Италиі преобразование Римской области, чѣмъ изгнаніе Австрійцевъ: «австрійскій солдатъ держитъ штыкъ, а римскій попъ направляетъ его».

Еще болѣе рѣзко высказала Германія свое недовѣріе къ Франціи. *Allgemeine Zeitung* прямо обвиняетъ эту страну въ томъ, что вопросъ италіянскій принялъ такіе размѣры. Въ словахъ этого журнала высказывается германскій взглядъ на Италію: Нѣмцы убѣждены въ томъ, что италіянская народность отжила свое время, одряхла и не способна къ жизни: «судорожныя конвульсіи Италиі суть слѣдствія національнаго паденія, внѣшніе симптомы того процесса разложенія, который происходитъ въ большей или меньшей степени во всѣхъ народахъ романскаго племени». Это внутреннее разложеніе совершается уже давно, но въ настоящее время оно приняло особенно злокачественный характеръ вслѣдствіе медицинскихъ заботъ Франціи: «Всему

сѣту извѣстно, что въ Тюльери до того раздражали большое мнѣсто Европы, что воспаление распространилось повсюду. Поэтому конгрессъ, который обратитъ вниманіе только на Италію и не положить конецъ подстрекательствамъ изъ Тюльери, рѣшить свою задачу въ половину.» *Allgemeine Zeitung* предлагаетъ созвать особый конгрессъ изъ государей Германіи, «которой придется заплатить гонораръ неспризанному врачу Европы рейнскими провинціями.» Для избѣжанія такой уплаты, необходимо принять мѣры защиты противъ Франціи и убѣдить ее не слишкомъ заботиться о чужихъ интересахъ.

Въ сѣверной Германіи также недоброжелательно смотрятъ на приготовленія Франціи къ войнѣ и признаютъ необходимымъ защищать Австрію; въ этомъ рѣшеніи гораздо меньшую роль играетъ сочувствіе къ этой странѣ, чѣмъ боязнь завоевательныхъ намѣреній императора Французовъ. Къ Австріи напротивъ почти всюду высказывается болѣе или менѣе сильная антипатія. Всѣ упрекаютъ ее преимущественно за конкордату, и эти упреки слышатся даже отъ друзей ея, и даже въ самой Австріи министръ внутреннихъ дѣлъ г. Бахъ теряетъ свою популярностъ, какъ виновникъ конкордата. *Frankfurter Journal* говоритъ по этому случаю: «Италіянцы жалуются на то, что австрійское оружіе столь могущественно въ Италиі, а мы, Германцы, жалуемся на то, что италіанское духовенство столь могущественно въ Австріи. Конкордату есть стѣна, отдѣляющая эту страну отъ Германіи. Австрія готова открыть свои границы для ввоза германскихъ произведеній промышленности, но она желала бы остановить германскія идеи на благородномъ разстояніи. Австрія хочетъ теперь избѣжать войны съ Франціею, но она должна вспомнить, что самая опасная война есть та, которая предпринимается противъ цивилизаціи и развитія народовъ.»

По всему видно, что Австрія разчитывала на большую симпатію къ себѣ въ Германіи; особенно чувствительно было для нея поведеніе Пруссіи. Австрійскіе журналы стали обвинять Пруссію въ томъ, что она совершенно раздѣляетъ виды Франціи, изложенныя въ брошюрѣ г. Лагерроньера. Раздраженіе дошло до такой степени, что австрійское правительство запретило своимъ журналамъ нападки на Пруссію и задерживало выходившіе нумера почти ежедневно. Мы говорили уже о томъ положеніи, какое приняла Пруссія въ италіанскомъ вопросѣ. Она рѣшилась дѣйствовать въ качествѣ великой европейской державы и принять на себя посредничество вмѣстѣ съ Англіею; въ случаѣ, если это посредничество не будетъ имѣть успѣха, Пруссія станетъ защищать Германскій Союзъ отъ нападений, но отказывается отъ полной солидарности съ Австріею.оборотъ, который принялъ вопросъ о конгрессѣ въ послѣднее время, заставляетъ опасаться

войны, и *National-Zeitung* сдѣлала косвенный вопросъ правительству, приготовилось ли оно къ оборонительной войнѣ. «Когда въ прежнее время, сказано въ этомъ журналѣ, созывался конгрессъ для отвращенія войны, то это совершалось чрезвычайно скоро, и программа конгресса не стоила никакого труда: она заключала въ себѣ совершенно опредѣленные пункты, которые могли возбудить войну. Когда хотятъ драться, то нужно знать изъ-за чего; странно, когда, совершенно подготовившись къ войнѣ, спрашиваютъ себя и ищутъ основаній войны. Это зрѣлище теперь передъ нашими глазами: созванъ конгрессъ, вѣроятно для избѣжанія войны, но никто не опредѣлилъ съ точностію, о чемъ будутъ толковать и въ чемъ слѣдуетъ согласиться. Мы не видимъ никакой заботы о мирѣ, а между тѣмъ предложеніе объ отсрочкѣ конгресса указываетъ на опасность войны. Конгрессъ необходимъ не для того, чтобъ отклонить войну, а для того, чтобъ условиться о войнѣ.» Прусское правительство отвѣчало на этотъ запросъ въ своемъ полуофіціальномъ журналѣ *Preussische Zeitung*. Этотъ отвѣтъ сдѣланъ 11-го апрѣля, и потому имѣетъ особенный интересъ, какъ указаніе на теперешнее положеніе дѣлъ. Не отрицая существующей опасности, прусское правительство объявляетъ, что еще не все средства примиренія истощены. «Новая попытка въ этомъ смыслѣ сдѣлана теперь королевскимъ правительствомъ. Поэтому все еще есть надежда на то, что еще можно найти сдѣлку (*Vermittelung*) для рѣшенія весьма сложнаго вопроса, поднятаго теперь, особенно если обратить вниманіе на ясныя и не разъ повторенныя объявленія Франціи объ ея желаніи мира.» Правительство Пруссіи принимаетъ однако все мѣры для исполненія обязанностей этой страны, какъ государства германскаго и европейскаго.

Наканунѣ этого объявленія, и французское правительство издало въ *Монитеръ* новый манифестъ свой къ Германіи. Офіціальный французскій журналъ увѣряетъ, что Франціи нечего скрывать, что она и въ мысляхъ не имѣла нападать на Германію, что напротивъ въ Италіи она поддерживаетъ только принципъ національности. «Франція не можетъ нападать въ Германіи на то, что она поддерживаетъ въ Италіи. Ея политика, не признающая никакихъ честолюбивыхъ завоеваній, имѣетъ въ виду только удовлетворить и обезпечить то, чего требуетъ международное право, благо народовъ и интересъ Европы. И въ Германіи и въ Италіи она желаетъ, чтобы національности, признанныя трактатами, могли сохраниться и даже укрѣпиться, потому что она видитъ въ нихъ одну изъ существенныхъ основъ порядка въ Европѣ. Представлять Францію враждебною германской національности было бы не только ошибкою, но и бессмыслицей. Въ теченіи десяти

лѣтъ императорское правительство постоянно употребляло все свое вліяніе, чтобы устранять возникавшіе недоразумѣнія и рѣшать ихъ справедливо и законно.» Въ Испаніи, говоритъ *Мониторъ*, оно постоянно поддерживало конституціонную власть королевы; въ Швейцаріи рѣшило вопросъ нештательскій; въ Италіи совѣтовало всѣмъ умѣренность; въ Неаполѣ старалось о реформахъ; въ вопросѣ о герцогствахъ внушало Даніи уступчивость; въ дунайскихъ княжествахъ содѣйствовало установленію порядка, основаннаго на національныхъ интересахъ. «Франція сумѣетъ уважать въ Германіи то, къ чему хочетъ возбудить уваженіе въ Италіи. Мы не видимъ никакой опасности въ національныхъ движеніяхъ Германіи, которая, при федеративной организаціи, стремится къ единству и уже положила основаніе ему въ торговомъ таможенномъ союзѣ. Все, что развиваетъ въ сосѣднихъ странахъ отношенія, создаваемые торговлею, промышленностью, прогрессомъ, все это полезно для цивилизаціи, а все, что расширяетъ цивилизацію, возвышаетъ Францію.» Последнія слова *Монитера* явно разчитаны на самую живую струну Германцевъ и, вѣроятно, произведутъ благопріятное впечатлѣніе. Въ первый разъ иностранное государство косвенно признаетъ единую Германію, о которой такъ много мечтаютъ внутри ея. Вопросъ поставленъ съ большимъ искусствомъ: или Германія должна повиниться въ своихъ стремленіяхъ къ единству, или признать законными такіе же стремленія Италіянцевъ. Еще шагъ на этомъ пути, еще два-три формальныхъ обѣщанія,—и Германцы забудутъ свои старые счеты съ Франціею и примирятся съ нею. Пусть сохраняютъ они статью *Монитера*; можетъ-быть, черезъ пятьдесятъ лѣтъ придется воспользоваться ею, когда роль теперешней Ломбардіи вздумаетъ играть какой-нибудь Эльзась или другая провинція.

Обращая вниманіе на внѣшнюю политику Франціи, *Мониторъ* забываетъ, что гарантія ея можетъ быть только во внутреннемъ ея устройствѣ, и что вліяніе Франціи, при теперешнемъ ея положеніи, внушаетъ повсюду опасенія; еслибъ это вліяніе не разбивалось о сосѣдній берегъ, оно было бы слишкомъ тягостно; въ началѣ 1858 года въ Бельгіи, Швейцаріи, Пиемонтѣ уже начали издаваться самыя непопулярныя законы, по указанію того правительства, которое такъ заботится о народностяхъ. Въ последнее время были минуты, когда дѣйствительно трудно было сказать, кто далѣе пошелъ на пути репрессивныхъ мѣръ, Франція или Австрія. Постоянныя стѣсненія произвели то, что слухи дажео вымышленныхъ стѣсненіяхъ во Франціи получаютъ вѣроятіе. Возьмемъ недавній примѣръ. Въ журналахъ напечатано было извѣстіе отомъ, что корреспонденты *Allgemeine Zeitung* высланы полиціею изъ Парижа за свои статьи, весьма неелестныя для Франціи. Слухъ этотъ ока-

зался несправедливымъ, *Allgemeine Zeitung* напечатала опроверженіе его; а между тѣмъ съ перваго раза всѣ повѣрили ему,—потому что онъ въ мнѣніи всѣхъ согласовался съ теперешнею правительственною системою во Франціи. Эта система далеко не тайна для всѣхъ, и, какъ бы ни былъ длиненъ списокъ благодѣяній Франціи, представляемый *Монитеромъ*, общественное мнѣніе Европы не успокоится, пока не увидитъ измѣненія самой системы. Только то государство можетъ разчитывать на прочное вліяніе и значеніе въ международной сферѣ, котораго характеръ возбуждаетъ симпатію. Англія нерѣдко поступала несправедливо въ своихъ внѣшнихъ сношеніяхъ, а между тѣмъ всѣ либеральныя правительства второстепенныхъ государствъ ищутъ себѣ въ ней опору. Франція поступала иногда самоотверженно и великодушно, а между тѣмъ только въ случаѣ крайности обращаются къ ней за помощью. Австрія слаба въ Италіи не потому, что она нѣмецкое государство, а потому, что она представляетъ собою начало застоя и реакціи; цифра квадратныхъ миль и народонаселеніе въ государствѣ, безспорно, имѣетъ важное значеніе, но нельзя отрицать великой силы того духа, который оживляетъ эту цифру. Франція поставила себя въ такое положеніе, что ей приходится постоянно оправдываться, да и то еще съ сомнительнымъ успѣхомъ; Англія не имѣетъ надобности оправдывать себя; Австрія потеряла всякую надежду оправдаться.

Посмотрите на ея журналы. Они наполняются постоянно только судорожными нападками на Сардинію, на Пруссію, на Францію; они не надѣются убѣдить кого-либо, а словно лѣзутъ на драку. А между тѣмъ все это почтенные офіціальные органы гласности; у каждаго изъ нихъ есть свой мундиръ извѣстнаго министерства. Вообще австрійскіе журналы представляютъ весьма интересное явленіе; мы поговоримъ о ней въ слѣдующей книжкѣ, а теперь извлечемъ изъ нихъ только одну цифру: военное положеніе, въ которомъ находится Австрія съ начала нынѣшняго года, стоить ей миллиардъ франковъ; это такъ сильно разстроило и безъ того не процвѣтавшіе финансы австрійскіе, что теперь національный банкъ опять приостановилъ размѣнъ банковыхъ билетовъ, и серебро цѣнится въ Вѣнѣ на 11% дороже банковыхъ билетовъ. *Oesterrichische Zeitung* справедливо замѣчаетъ, что Франція уже давно ведетъ съ Австріею *финансовую* войну и открыла кампанію 1 января, въ тотъ самый день, когда австрійскій національный банкъ началъ—было свои уплаты.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗВѢЩЕНІЕ.

Намъ пріятно извѣстить читателей о выходѣ въ свѣтъ *Повѣстей и разказовъ* Евгеніи Туръ (1). Въ первыхъ двухъ выпускахъ помѣщены повѣсти: *Ошибка* и *На рубежѣ*. Последняя изъ нихъ была напечатана въ нашемъ журналѣ, а *Ошибка*—первое произведение талантливой писательницы,—появилась въ 1849 году на страницахъ *Современника* и сразу составила ей почетную репутацію. Повѣсть эта сдѣлалась съ тѣхъ поръ библиографическою рѣдкостью, и вѣроятно многіе будутъ рады тому, что она снова появляется въ печати. Считаемъ излишнимъ говорить о достоинствахъ таланта Евгеніи Туръ: онъ давно уже оцѣненъ образованною публикою. Вслѣдъ за первыми выпусками послѣдуютъ вскорѣ, какъ намъ извѣстно, и другіе.

(1) Продается въ книжныхъ лавкахъ Базунова и Свѣшниковъ. Цѣна за два вышедшіе тома, 2 р. сер., съ пересылкою 2 р. 50 коп. сер.

ВЪ КОНТОРЪ ТИПОГРАФІИ КАТКОВА и Ко

въ Армянскомъ переулкѣ.

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

РИМСКІЯ ЖЕНЩИНЫ. Историческіе разказы по Тациту. П. Кудрявцева. М. 1856 г. Цѣна въ Москвѣ и С.-Петербургѣ 2 р. 50 к. съ пер. 3 р.

СУДЬБЫ ИТАЛІИ отъ паденія Западной Римской Имперіи до возстановленія ея Карломъ Великимъ. Соч. П. Кудрявцева. М. 1850. Цѣна 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. 50 к.

ОСАДА ЛЕЙДЕНА въ 1573 и 1574 г. Эпизодъ изъ исторіи войнъ за независимость Нидерландовъ. Соч. П. Кудрявцева. М. 1855. Цѣна 50 к., съ пер. 75 к.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по античному отдѣленію Эрмитажа. Соч. академика Стефани. М. 1856. Ц. 70 к., съ пер. 1 р.

ТРИ ОТКРЫТІЯ въ естественной исторіи пчелы. К. Ф. Рулье. М. 1857 г. Ц. 70 к., съ пер. 1 р.

ПАПСТВО и СВЯЩЕННАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРІЯ въ XIV и XV столѣтіи (до Базельскаго собора). Соч. Генриха Вызинскаго. М. 1857 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

РАЗБОРЪ КОМЕДИИ ГРАФА СОМЛОГУБА «ЧИНОВНИКЪ». Н. Ф. Павлова. М. 1857. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

БИОГРАФЪ-ОРИЕНТАЛИСТЪ. Н. Ф. Павлова. М. 1857. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

СѢВЕРЪ и ЮГЪ. Романъ. Переводъ съ англійскаго. М. 1857. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА, или жизнь негровъ въ невольничьихъ штатахъ сѣверной Америки. Романъ г-жи Бичеръ Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1858. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 р.

ДВѢ СЕСТРЫ. Романъ Е. Нарской. Въ двухъ томахъ. М. 1858. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

УЗКІЙ ПУТЬ. Романъ въ двухъ частяхъ. соч. Криницкаго. М. 1858. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА. Романъ Ю. Жадовской. М. 1857. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Евгениі Туръ. Выпускъ I. На рубежъ. Выпускъ II. Ошибка. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Гг. книгопродавцамъ дѣлается обычная уступка.

СОВРЕМЕННАЯ ЛЭТОВИСЬ

РУССКІЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДОЛГЪ.

Теперь, когда принимаются нашимъ правительствомъ важныя мѣры, полагающія основаніе обезпеченію общественнаго благосостоянія, потрясеннаго послѣдствіями тяжелой войны, считаемъ своевременнымъ прослѣдить вкратцѣ исторію русскаго государственнаго долга со времени учрежденія комиссіи погашенія долговъ, то-есть съ 1817 года по 1857 годъ (1). Мы считаемъ необходимымъ говорить о государственномъ процентномъ долгѣ въ связи съ государственнымъ безпроцентнымъ долгомъ, или государственнымъ бумажными знаками, замѣняющими собою звонкую монету.

Въ 1817 году вписано въ государственную долговую книгу:

1. Изъ голландскаго срочнаго займа пришедшаяся на долю Россіи, по трактату 3 мая 1815 года, сумма 50.600.000 голландскихъ гульденовъ, съ обязательствомъ уплачивать ежегодно по 500.000 гульденовъ въ часть капитала и по 5% на остающійся капитальный долгъ. Это такъ-называемый первый срочный пятипроцентный голландскій заемъ. На серебряныя рубли въ 1817 году онъ составлялъ (считая по 57 коп. въ гульденѣ) 28.842.000 руб. сер.

2. Безсрочнаго долга по 6% изъ разныхъ источниковъ 162.245.675 руб. ассигнаціями, а по теперешнему счету на серебро (3½:1) 46.355.907 руб. сер.

3. Срочнаго внутренняго долга сохраннымъ казнамъ на тогдашнихъ процентахъ по 6 со ста до 18.408.359 руб. сер.

Ассигнацій находилось въ обращеніи 836.000.000, или по теперешнему счету на серебро (3½:1) 238.857.000 руб. сер.

Кромѣ сего заемному банку были должны государственное казначейство и разныя казенныя мѣста около 20.000.000. Долгъ этотъ былъ сдѣланъ для разныхъ потребностей казначейства и вообще общественной службы, а потому долженъ быть тоже разсматриваемъ какъ государственный долгъ.

Всего слѣдовательно Россія вынесла изъ отечественной войны долгу, обнаруженнаго ко времени открытія комиссіи погашенія долговъ:

(1) За 1858 годъ еще не обнародованъ отчетъ министра финансовъ совѣту кредитныхъ установленій.

5% голландскаго.	28.842.000	р.	с.
6% безсрочнаго.	46.355.907	—	—
6% срочныхъ.	18.408.359	—	—
Безпроцентныхъ ассигнацій.	238.857.000	—	—
6% долгъ заемному банку примѣрно	20.000.000	—	—
	<u>352.465.266</u>	—	—

Въ это число не вошли еще нѣкоторые долги по подрядамъ военныхъ департаментовъ, а равно и нѣкоторые изъ долговъ казеннымъ мѣстамъ, какъ-то духовнымъ училищамъ, приказамъ общественаго призрѣнія, департаменту удѣловъ, заемному банку, за капиталы, взятые у этихъ мѣстъ въ 1812 году. Но такъ какъ ассигнаціи приведены здѣсь въ полномъ числѣ, какое было въ началѣ 1817 года, а въ безсрочномъ 6% долгѣ заключается первый внутренній 6% заемъ для извлеченія ассигнацій, простиравшійся до 30.000.000 р. асс. и давшій возможность извлечь изъ обращенія слишкомъ 38.000.000 р. асс., то цифра 352 миллионъ можетъ почитаться приблизительно вѣрною.

Дабы опредѣлить долю, приходящуюся изъ этого долга собственно на издержки, причиненныя наполеоновскими войнами, слѣдуетъ исключить изъ 352 миллионъ серебромъ приблизительно 300 миллионъ рублей ассигнаціонныхъ за ассигнаціи, бывшія въ обращеніи до начала войнъ съ Наполеономъ, и за долгъ кредитнымъ установленіямъ, что, по курсу $3\frac{1}{2}$, составитъ на серебро 85.714.285. Слѣдовательно можно приблизительно полагать за вѣрное, что наполеоновскія войны стоили Россіи долгу не болѣе 267 миллионъ рублей на серебро, если только считать ассигнаціонный рубль по курсу 1839 года, то-есть по отношенію $3\frac{1}{2}:1$. Если же считать по курсу 1817, то-есть по отношенію 4,2:1, то сумма еще значительно уменьшится, а именно, она будетъ около 227 миллионъ. Но при этомъ счетѣ банкротство государства относительно ассигнацій было бы признано за совершившееся по 1 за 4,2, тогда какъ оно совершилось собственно говоря по 1 за 3,5.

Надобно замѣтить, что этими обѣими цифрами (267 милл. по позднѣйшему курсу ассигнацій, 227 милл. по курсу 1817 года) опредѣляется лишь только тотъ долгъ, который вслѣдствіе войнъ съ Наполеономъ палъ на потомство. Говоря о дебетѣ наполеоновскихъ войнъ, надобно различать дебетъ ихъ относительно своего времени и дебетъ ихъ относительно потомства. Послѣдній уплачивался и уплачивается изъ государственнаго дохода слѣдовавшихъ за войною годовъ; первый вовсе не былъ заплаченъ, вслѣдствіе невозвратной потери ассигнаціями цѣны, и слѣдовательно составляетъ дебетъ государственнаго банкротства. Дебетъ относительно потомства, дебетъ, признанный государствомъ и уплачиваемый имъ, приблизительно вѣрно опредѣляется суммою 267 миллионъ рублей сер. По дебету относительно публики, современной войнамъ, то-есть дебету неуплаченному, или дебету банкротства, былъ

гораздо больше. Чтобы найти итогъ обоихъ дебетовъ, надобно взять сумму, которую мы приняли выше за сумму государственнаго долга, накопившагося до начала войнъ съ Наполеономъ, то-есть сумму 300 милл. асс., и переложить эту сумму на серебро по курсу 1805 года, именно по 1,3: 1. Это дастъ намъ 230 милліоновъ руб. сер. Общій итогъ долговъ 1817 года 352 милліона слѣдуетъ также переложить на курсъ 1805 года, исключивъ изъ этого переложенія голландскій долгъ, котораго не касалось банкротство. Вслѣдствіе такого переложенія, итогъ 352 милліоновъ превращается въ громадную цифру 900 милліоновъ. Изъ этой цифры слѣдуетъ вычесть сумму 230 милліоновъ прежняго долга, и остающаяся за тѣмъ цифра 670 милл. р. с. будетъ представлять собою дѣйствительный дебетъ наполеоновскихъ войнъ; то-есть это будетъ та цифра, до которой восходилъ бы долгъ, сдѣланный въ эпоху наполеоновскихъ войнъ, еслибъ ассигнаціи удержались на курсъ 1805 года по 1,3 за 1. Но извѣстно, что государству не удалось обойтись безъ банкротства. Ассигнаціи упали въ цѣнѣ; займовъ своевременно не было сдѣлано, и въ 1824 году уже благоразуміе требовало отказаться отъ обязательства платить за ассигнаціи монетою по нарицательной цѣнѣ ихъ. Кредиторы, потерявшіе на ассигнаціяхъ часть своихъ капиталовъ, были неизвѣстны. Имъ, этимъ неизвѣстнымъ и безчисленнымъ кредиторамъ, пришлось поплатиться за издержки наполеоновскихъ войнъ, и благодаря ихъ потерямъ, на потомство пало не 670 милліоновъ прибавки къ долгу, а только 267 милліоновъ; если же считать 300 милліоновъ долга прежнихъ лѣтъ по курсу 1805 года, то долга прибавилось не болѣе какъ 122 милліона.

Впрочемъ, дебетъ 670 милліоновъ есть, собственно говоря, не фактической, а юридической дебетъ. При исчисленіи его, мы приняли за основаніе курсъ 1805 года, то-есть мы противоположили время 1805—1817 годовъ предшествовавшему времени и спросили себя, сколько прибавилось бы государственнаго долга, еслибы государство въ 1817 году было въ точности столько же состоятельно, сколько оно было въ 1805 году. Цифра, которую мы получили, означаетъ слѣдовательно дебетъ двѣнадцатилѣтняго періода по отношенію къ кредиторамъ государства, мысленно перенесеннымъ въ 1805 годъ; мы признали за ними, какъ право, то фактическое положеніе дѣлъ, которое имѣло мѣсто въ 1805 году. Но фактически государственная казна получила отъ выпуска ассигнацій менѣе. Цифра 670 милліоновъ поступила бы въ казну сполна лишь только въ томъ случаѣ, еслибы весь выпускъ ассигнацій произведенъ былъ въ 1805 году, то-есть въ то время, когда рубль серебра ходилъ 1 р. 30 к. ассигнаціями. Въ дѣйствительности же государство выпустило въ это время лишь незначительную часть новыхъ ассигнацій, а главная масса была выпу-

цена въ послѣдующіе годы, когда ассигнаціи ходили уже гораздо дешевле, и когда онѣ слѣдовательно доставляли казнѣ гораздо меньшее количество рублей серебромъ. Если считать приблизительно, то выпускъ ассигнацій доставилъ государственному казначейству дѣйствительныхъ рублей серебромъ:

Въ 1806 году.	18 милл.
— 1807 —	34 —
— 1808 —	50 —
— 1809 —	25 —
— 1810 —	15 —
Съ 1811 по 1817 годъ.	65 —
<hr/>	
Итого 207	—

Такъ какъ здѣсь нѣтъ еще ни голландскаго долга, ни внутреннихъ процентныхъ долговъ сохранимъ казнамъ и заемному банку, ни тѣхъ 4 милліоновъ р. с., которые были приблизительно выручены за проданныя съ 1810 по 1817 годъ государственныя имущества, то можно приблизительно считать 320 милл. р. с. за сумму, дѣйствительно издержанную казначействомъ сверхъ бюджетныхъ доходовъ и пожертвованій въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ съ 1805 по 1817 годъ. Сумма очень умеренная, составляющая среднимъ числомъ съ небольшимъ 25 милліоновъ рублей сер. въ годъ! Нѣтъ сомнѣнія, что не только въ видѣ процентнаго долга, но даже въ видѣ прямаго налога, эта сумма была бы менѣе отяготительна для націи, нежели выпускъ ассигнацій слишкомъ на 500 милліоновъ и тотъ хаосъ, который былъ произведенъ этимъ выпускомъ.

Семь лѣтъ, съ 1817 по 1824 годъ, замѣчательны борьбою съ курсомъ ассигнацій и правильными финансовыми усиліями поднять его. Эти усилія повели сначала къ внутреннимъ, потомъ къ вѣшнимъ займамъ, что было совершенно правильно, и мы увидимъ, что, несмотря на эти займы, общій итогъ долговъ, въ теченіи этихъ семи лѣтъ, увеличился на незначительную цифру, но за то ассигнаціи поднялись на 15%, что составило для государства 15% ежегоднаго барыша со всѣхъ его доходовъ.

Въ 1818 году былъ открытъ второй внутренней 6% заемъ для извлеченія ассигнацій, простиравшійся въ номинальной суммѣ сверхъ 80.000.000 р. асс.

Въ 1820 году заключенъ, черезъ банкировъ Беринга и Гоппе, первый вѣшній безсрочный 5% заемъ въ 40 милліоновъ рублей на серебро, отчасти для подкрѣпленія казначейства, отчасти для комиссіи погашенія долговъ.

Въ 1822 году, черезъ банкира Ротшильда въ Лондонѣ, заключенъ второй вѣшній безсрочный 5% заемъ въ 43 милліона рублей на серебро, также отчасти для подкрѣпленія казначейства, отчасти для комиссіи погашенія долговъ.

Сожженіе ассигнацій между тѣмъ продолжалось, и внутренней

срочный долгъ уменьшался. Къ тому времени, когда въ 1824 году было прекращено сожженіе ассигнацій, состояніе всѣхъ государственныхъ долговъ было слѣдующее:

По 1-му срочному голландскому займу, за уплатою части капитала, оставалось голландскими гульденами 47.600.000, или считая по 57 коп. за гульдѣнъ . . .	27.132.000	р.	с.
6% безсрочныхъ долговъ разнаго происхожденія . . .	74.413.953	—	—
6% срочныхъ русскимъ кредитнымъ установленіямъ . . .	11.929.562	—	—
3% по двумъ вѣнскимъ займамъ, за уплатою части капитала	79.677.200	—	—
Безпроцентныхъ ассигнацій 595.776.310 р., или считая по 3 р. 50 к. на серебряный рубль	170.221.828	—	—
Долгъ заемному банку (не вписываемый въ долговую книгу).	20.470.000	—	—
Всего.	383.844.543	—	—

Если вычестъ 352 милліона изъ 383 милліоновъ, получимъ 31 милліонъ,—цифру, означающую увеличеніе государственнаго долга въ промежутокъ отъ 1817 до 1824 года. Но эта цифра не показываетъ дѣйствительнаго отношенія долга двухъ годовъ. Чтобы сдѣлать точный разчетъ 1824 года съ 1817 годомъ, то-есть чтобы показать, какъ велика была заслуга годовъ 1817—1824, надобно опредѣлить общій дебетъ государственнаго банкротства. Для этого слѣдуетъ изъ общаго итога долговъ 1817 года, переложенныхъ на серебро по курсу 1805 года, вычестъ итогъ долговъ 1817 года, переложенныхъ на серебро по курсу 1817 года. Остатокъ будетъ означать банкротство по курсу 1 за 4,2, то-есть банкротство въ томъ его видѣ, какой оно имѣло бы, еслибъ окончательно совершилось по курсу 1817 года: $900 - 298 = 602$. За тѣмъ принимая, какъ приблизительно и слѣдуетъ, $3\frac{1}{2}$ за курсъ 1824 года, мы находимъ, что въ промежутокъ времени отъ 1817 до 1824 года, признанный ассигнаціонный долгъ 1817 года (то-есть вся та часть долга, которая считается на ассигнаціонные рубли), составлявшій по курсу 1817 года на серебро 269 милліоновъ рублей, увеличился въ пользу кредиторовъ на $\frac{1}{5}$ долю, вслѣдствіе улучшенія курса ассигнацій отъ 4,2 до $3\frac{1}{2}$, или на 54 милліона. Въ 1824 году долгъ этотъ значилъ уже не 269, а 323 милліона р. с., и слѣдовательно 1824 годъ заплатилъ за 1817 годъ въ кассу банкротства 54 милліона. Банкротство уменьшилось съ 602 милліоновъ на 548 милліоновъ. Такова сумма, отчасти дѣйствительно, отчасти юридически пропавшая на государствѣ у всѣхъ тѣхъ, черезъ чьи руки переходили ассигнаціи съ 1805 по 1817 годъ, когда курсъ началъ исправляться. Итакъ въ 1817 году, считая по курсу этого года, было долга 298; въ 1824 году, по курсу 1824 года, было долга 383 милліона. Прибавка въ 85 милліоновъ. Но это былъ чистый выигрышъ, потому что ассигнаціи получили постоянный курсъ, для публики открылась возможность заключенія прочныхъ

сдѣлокъ, цѣнность государственныхъ доходовъ возрасла на 15%, и вѣншній кредитъ государственной казны возвысился.

Дѣйствительно за 1824 годомъ слѣдуютъ четыре года, которые представляютъ какъ единственный свѣтлый пунктъ въ исторіи нашего государственнаго долга въ текущемъ столѣтїи.

Къ концу 1828 года государственный долгъ представлялся въ слѣдующемъ видѣ:

По 1-му срочному голландскому займу, за уплатою части капитала, оставалось голландскими гульденами 45.200.100, или считая по 57 коп. за гульденъ.	25.707.000 р. с.
6% безсрочныхъ разнаго происхожденія.	74.244.687 — —
6% срочныхъ русскими сохраннымъ казнамъ.	9.760.841 — —
3% по двумъ вѣншнимъ займамъ, за уплатою части капитала.	69.662.320 — —
Безпроцентныхъ ассигнацій.	170.221.828 — —
6% долгъ заемному банку.	24.000.659 — —
В с е г о	373.597.315 — —

Итакъ въ четыре года, отъ 1825 по 1828 годъ, Россія уплатила государственнаго долга до 10 милліоновъ. Но съ тѣхъ поръ долгъ начинаетъ возрастать съ прогрессивною быстротой. Россія опять вступаетъ въ эпоху войнъ и военнаго напряженія.

Въ 1830 году вписанъ въ государственную долговую книгу заемъ, сдѣланный въ 1828 и 1829 годахъ, черезъ банкировъ Гоге и К° въ Голландіи, на сумму 42 милліоновъ голландскихъ гульденовъ для издержекъ на военныя дѣйствія на Востокъ. Заемъ этотъ называется вторымъ срочнымъ голландскимъ займомъ. Облигаціи его приносятъ 5%; на проценты и погашеніе употребляется 6% капитальной суммы долга, вслѣдствіе чего выкупъ, начавшись съ 1% номинальной суммы, усиливается ежегодно на 5% противъ предшествующаго года.

Въ 1831 году заключенъ былъ третій пятипроцентный безсрочный заемъ въ 20 милліонъвъ рублей у банкировъ Гоге и К° въ Амстердамъ. Вырученная отъ него сумма была употреблена на военныя издержки.

Въ 1833 году, вслѣдствіе неурожаевъ, а равно и для подкрѣпленія казначейства, заключенъ четвертый пятипроцентный безсрочный заемъ въ 20 милліонъвъ рублей серебромъ у банкировъ Гоге и К° въ Амстердамъ.

Оба эти займа, третій и четвертый пятипроцентные безсрочные, заключены съ правомъ со стороны правительства производить ежегодно тиражъ для выкупа облигацій по нарицательной цѣнѣ, если биржевыя цѣны выше нарицательной; если же биржевая цѣна ниже нарицательной, то правительство обязано ежегодно употреблять капиталъ погашенія на покупку облигацій по биржевой цѣнѣ.

Въ эти же годы, съ 1829 по 1833, значительно возросъ и вну-

тренній срочный долгъ, но такъ какъ долгъ сохраннымъ казнамъ и государственному заёмному банку подчиняется условіямъ нашихъ кредитныхъ установленій, а кредитныя установленія съ 1830 года стали дѣлать ссуды по 5%, то этотъ срочный долгъ превратился изъ шестипроцентнаго въ пятипроцентный, и слѣдовательно коммиссія погашенія долговъ и казначейство получили значительное облегченіе. Кромѣ того съ 1831 введены были процентные билеги государственнаго казначейства (серіи), срокомъ первоначально на 4 года и съ выдачею за годъ $4\frac{22}{100}$ %. Всѣхъ государственныхъ долговъ къ концу 1833 года было:

По 1-му и 2-му срочнымъ голландскимъ займамъ, за уплатою части капитала, оставалось 82.572.000 голландскихъ гульденовъ, а считая гульденъ въ 57 коп. серебромъ 47.066.040 р. с.

5% срочнымъ русскимъ сохраннымъ казнамъ.	32.872.305	—	—
5% долгъ заёмному банку.	54.857.726	—	—
6% безсрочныхъ разнаго происхожденія.	72.726.918	—	—
5% безсрочныхъ по 4 внѣшнимъ займамъ, за уплатою части капитала	107.391.840	—	—
Безпроцентныхъ ассигнацій	170.221.828	—	—
Три первыя серіи билетовъ государственнаго казначейства на 30 милл. ассигн.	8.571.428	—	—
В с е г о.		493.708.085	— —

Къ концу слѣдующаго пятилѣтія (1834—1838) государственные долги русскаго правительства представлялись въ слѣдующемъ видѣ:

По двумъ срочнымъ голландскимъ займамъ, за уплатою части капитала, оставалось 77,191.000 голл. гульденовъ, или на наши деньги 43.998.870 р. с.

5% срочныхъ сохраннымъ казнамъ.	42.049.773	—	—
5% долгъ заёмному банку.	85.310.075	—	—
6% безсрочныхъ.	72.726.918	—	—
5% безсрочныхъ по четыремъ внѣшнимъ займамъ, за уплатою части капитала.	105.046.720	—	—
Безпроцентныхъ ассигнацій	170.221.228	—	—
Серіи IV—VII билетовъ государственнаго казначейства на 40 милл. ассигн.	11.428.571	—	—
В с е г о.		530.782.735	— —

Съ 1839 года начинается новая эпоха въ исторіи русскихъ денегъ, нынѣ приближающаяся къ своей развязкѣ. Все это дѣло такъ тѣсно связано съ исторіей государственнаго долга, что мы принуждены прервать рядъ представляемыхъ нами цифръ и поговорить эпизодически о свойствѣ и судьбѣ нашихъ кредитныхъ билетовъ.

Манифестомъ перваго іюля 1839 серебряный рубль признанъ былъ за единственную монетную единицу. Въ то же время запрещенъ былъ лажъ на серебро и ассигнаціи. Для того, чтобы

поддержать въ смыслъ это запрещеніе, необходимо было совершенно сравнять звонкую монету съ ассигнаціями. Этого до сихъ поръ не было: ассигнаціямъ были присвоены нѣкоторыя преимущества передъ звонкою монетою при платежахъ въ казну. Въ 1839 году были устранены эти искусственныя мѣры, установленныя прежде для поддержанія запроса на ассигнаціи, а въ послѣдствіи неестественно и къ общему стѣсненію усиливавшія запросъ на нихъ. Но этого было недостаточно. Мало было отмѣнить исключительныя правила, клонившіяся къ тому, чтобы поднимать относительную цѣну ассигнацій сравнительно съ серебромъ. Такая отмѣна не могла бы еще установить неизмѣнно-постоянный курсъ ассигнацій на серебро. Лажъ уменьшился бы вслѣдствіе таковой отмѣны; большихъ колебаній и измѣненія лажа не было бы: но малый лажъ и малыя колебанія во взаимномъ отношеніи ассигнацій и серебра были неизбежны, пока не была открыта публикѣ возможность замѣнять по мѣрѣ надобности звонкую монету бумажными знаками, болѣе удобными для обращенія. Съ этою цѣлю учреждена была депозитная касса, назначеніе которой состояло въ пріемѣ сначала звонкой монеты, а потомъ звонкой монеты и золотыхъ и серебряныхъ слитковъ, и въ выдачѣ, вмѣсто нихъ, билетовъ. Депозитная касса была открыта съ 1 января 1840 года при коммерческомъ банкѣ. Билеты ея, выдававшіеся на серебро, получили названіе *депозитныхъ*. Они представляли собою то количество серебра и золота, которое лежало вмѣсто нихъ въ кассѣ и всегда было готово для обмѣна на выданные билеты. Открытіе депозитной кассы, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ законовъ, требовавшихъ для нѣкоторыхъ платежей въ казну исключительно ассигнацій, сдѣлало лажъ невозможнымъ. Этимъ объясняется тотъ видимому загадочный фактъ, что лажъ, такъ долго существовавшій, совершенно прекратился съ 1839 и 1840 годовъ.

Состояніе депозитной кассы показало между тѣмъ, что русская публика ощущала надобность въ бумажныхъ денежныхъ знакахъ. Въ депозитную кассу добровольно несли звонкую монету и слитки, дабы въ замѣнъ ихъ получать депозитные билеты. Въ годъ открытія депозитной кассы принято звонкой монеты 25.623.037 р. Въ 1841 году касса стала принимать слитки, и число билетовъ ея къ 1842 году возрасло до 36.949.544 р., къ 1-му же сентября 1843 года, когда депозитная касса была закрыта, она успѣла выпустить билетовъ уже на 49.136.138 р. Всѣ эти билеты были, какъ сказано выше, фундированы звонкою монетою и слитками рубль за рубль. Размѣнъ билетовъ на звонкую монету происходилъ безостановочно. Слѣдовательно можно заключить, что денежное обращеніе Россіи нуждалось, въ 1843 году, въ 50 милліонахъ рублей серебра бумажныхъ знаковъ, сверхъ находившихся уже въ рукахъ публики 170 милліоновъ (сер.) ассигнацій. Публика требовала для

нуждъ денежнаго обращенія до 220 милліоновъ р. с. бумажныхъ знаковъ.

Такое положеніе дѣлъ давало возможность дозволить учрежденіе вольныхъ банковъ, но оно давало также возможность самой казнѣ выпустить въ добавокъ къ ассигнаціямъ бумажные знаки, фундированные уже не рубль за рубль. Последнее было исполнено учрежденіемъ такъ-называемыхъ кредитныхъ билетовъ. По первоначальному намѣренію, кредитные билеты должны были имѣть всѣ свойства такъ-называемыхъ *банковыхъ нотъ*. Чтобы число ихъ не могло превзойти дѣйствительную потребность, и чтобы выпускъ ихъ не повлекъ за собою удешевленія денегъ, предположено было открыть постоянный и легкій для публики размѣнъ ихъ на звонкую монету.

При соблюденіи этого условія, постоянство цѣнности кредитныхъ билетовъ было бы дѣйствительно вполне обезпечено. Потребность въ бумажныхъ знакахъ съ каждымъ годомъ можетъ подвергаться измѣненію. Никто не въ состояніи опредѣлить заранѣе, какъ велика будетъ эта потребность. Она зависитъ отъ тысячи случайностей, и обнаружить ея можетъ только самый ходъ дѣлъ. Если уменьшится она, то больше билетовъ будетъ предъявлено къ размѣну; если она увеличится, ихъ будетъ предъявлено менѣе. Постоянный, безпрепятственный размѣнъ всегда удержитъ количество банковыхъ билетовъ на той цифрѣ, которая необходима для нуждъ народнаго обращенія. Но съ другой стороны при постоянномъ, безпрепятственномъ размѣнѣ нѣтъ никакого повода устанавливать для банковыхъ билетовъ обязательный курсъ, эту принадлежность бумажныхъ денегъ, эту главную причину всѣхъ бѣдствій, причиняемыхъ бумажными деньгами. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ заключается различіе между настоящими банковыми, или кредитными билетами и бумажными деньгами, или ассигнаціями? Не въ томъ ли, что обращеніе банковыхъ, или *кредитныхъ* билетовъ основано на довѣрїи къ нимъ, на *кредитѣ*, а обращеніе ассигнацій на законѣ? Болѣе существеннаго различія между банковыми, или кредитными билетами и бумажными деньгами, или ассигнаціями, нѣтъ и быть не можетъ. И тѣ и другія суть бумаги, не приносящія процентовъ. Въ этомъ состоитъ ихъ сходство и то общее свойство ихъ, что они приносятъ выгоду лицу или мѣсту, ихъ выпускающему. Но для публики можетъ быть выгодно употребленіе ихъ лишь только въ томъ случаѣ, когда они принимаются ею добровольно. Вслѣдствіе разнообразныхъ удобствъ, которыя находитъ публика въ бумажныхъ знакахъ, она охотно употребляетъ ихъ вмѣсто звонкой монеты. Если ихъ выпускается столько, сколько публика добровольно принимаетъ, то публика охотно оставляетъ свои капиталы въ рукахъ того лица или мѣста, которое выпускаетъ ихъ, и которое пользуется ея кредитомъ; она отдаетъ свои капиталы этому лицу или мѣсту безъ процентовъ въ

отплату за то, что бумажные знаки облегчаютъ обращение. Добровольный характеръ этой сдѣлки несомнѣнно доказываетъ, что она обоюдно выгодна. Если же бумагамъ, ~~не~~ приносящимъ процентовъ, ~~присвоивается~~ обязательный курсъ или обязательное хождение наравнѣ съ звонкою монетой, то выгодность этихъ бумагъ для публики начинаетъ подвергаться сомнѣнію, и даже нельзя избѣжать, чтобъ ихъ не было выпущено больше, чѣмъ сколько нужно, то-есть нельзя избѣжать того случая, что публикѣ придется отказываться уже недобровольно отъ процентовъ на извѣстную долю своихъ капиталовъ, которая не была бы отдана ею въ отплату за удобства, доставляемыя бумажными знаками, еслибъ эти бумажные знаки не были обязательны въ приемъ. Въ этомъ заключается сущность различія между настоящими кредитными билетами, выпускаемыми банкомъ для услуги публикѣ, и ассигнаціями, или бумажными деньгами, которыхъ приемъ предписывается публикѣ закономъ. Кредитный или банковый билетъ есть такая непроцентная бумага, которой не присвоено обязательнаго курса; ассигнація есть такая непроцентная бумага, которой присвоенъ обязательный курсъ. Вотъ точное опредѣленіе этихъ двухъ родовъ непроцентныхъ бумагъ. Перваго рода бумаги всегда выгодны и тому, кто выпускаетъ ихъ, и публикѣ, принимающей ихъ; втораго рода бумаги могутъ быть публикѣ и выгодны, и невыгодны, а такъ какъ лицо или мѣсто, выпускающее ихъ, само подлежитъ всему тому, чему подлежитъ публика, и даже подлежитъ въ большей мѣрѣ нежели любое отдѣльное лицо, взятое изъ публики, то втораго рода бумаги могутъ быть даже самому лицу или мѣсту, ихъ выпускающему, и выгодны, и невыгодны, то-есть въ случаѣ невыгодности ихъ для публики, теряетъ не только публика, но и тотъ, кто выпускаетъ невыгодныя для публики бумаги, или теряютъ всѣ.

Этимъ объясняется всеобщее нерасположеніе всѣхъ образованныхъ націй и всѣхъ образованныхъ правительствъ къ бумажнымъ знакамъ, обязательнымъ въ приемъ, или, что то же, имѣющимъ обязательный курсъ. Обязательный курсъ, это повидимому маленькое слово снабжено страшною силой, превращающею вещь полезную въ вещь пагубную, дѣлающею изъ банковаго или кредитнаго билета ассигнацію.

Считаемъ нужнымъ настаивать на этомъ существенномъ основаніи различія между кредитнымъ билетомъ и ассигнаціей, тѣмъ болѣе, что теперь, въ виду обширныхъ финансовыхъ мѣръ, принимаемыхъ нашимъ правительствомъ, разъясненіе этихъ вопросовъ не можетъ болѣе возбуждать никакихъ опасеній. Есть мнѣніе, что одного постоянного размѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету достаточно для того, чтобы кредитные билеты не превращались въ ассигнаціи. На это мы отвѣтимъ, что всякая

вещь бываетъ хороша только въ томъ случаѣ, когда вполнѣ соотвѣтствуетъ своему понятію, что принимая признакъ вещи, какова бы ни была его важность, за сущность вещи, мы всегда рискуемъ впасть въ ошибку и упустить вещь. Понятія вырабатываются наукою, они не позволяютъ обращаться съ собою произвольно; они господствуютъ, какъ законъ, надъ явленіями жизни. Если понятіе вѣрно, то ни къ чему не поведетъ укрывать изъ него что-либо, а надобно ему подчиниться. Въ дѣлѣ, насъ занимающемъ, понятіе банковаго билета заключается въ томъ, что онъ не можетъ имѣть обязательнаго курса; это *conditio sine qua non* настоящаго банковаго или кредитнаго билета, коренное основаніе его отличія отъ ассигнаціи. Постоянный размѣнъ на звонкую монету есть только слѣдствіе этого существеннаго условія. Непроцентная бумага, не имѣющая обязательнаго курса, не будетъ никѣмъ принимаема, и слѣдовательно вовсе не можетъ имѣть курса, если ее нельзя размѣнивать на звонкую монету. Отсутствіе обязательнаго курса банковыхъ билетовъ необходимо условливаетъ собою размѣнъ ихъ на звонкую монету, дѣлаетъ размѣнъ неизбѣжнымъ. Ибо, что кромѣ размѣна, обезпечило бы добровольный пріемъ банковаго билета? Обезпеченіе всѣмъ достояніемъ государства не можетъ поддержать курсъ бумаги, которой не присвоенъ обязательный курсъ; исторія представляетъ множество примѣровъ, что это обезпеченіе не было въ силахъ поддержать даже курсъ такихъ бумагъ, которымъ былъ приданъ закономъ обязательный курсъ: извѣстно, что всѣ ассигнаціи всѣхъ народовъ законъ обезпечивалъ всѣмъ достояніемъ государства. Итакъ постоянный размѣнъ банковыхъ билетовъ есть, правда, необходимая принадлежность ихъ, но эта принадлежность ихъ есть только слѣдствіе той существенной первичной принадлежности ихъ, которая заключается въ добровольномъ, необязательномъ пріемѣ ихъ публикою. Размѣнъ есть принадлежность производная, принадлежность не первичнаго, а вторичнаго свойства, являющаяся сама собою, какъ скоро твердо установлено основное свойство банковаго билета, составляющее его сущность, его понятіе. Но принимать вторичное свойство за первичное, признавать первое, не признавая втораго, значитъ жертвовать понятіемъ вещи, значитъ не хотѣть самой вещи, а хотѣть лишь чего-то только подобнаго ей.

Мнѣніе, что кредитные билеты, обязательные въ пріемѣ, но всегда размѣнные на звонкую монету, на самомъ дѣлѣ нисколько необязательны, потому что всякій имѣетъ право получать вмѣсто нихъ тотчасъ же звонкую монету, есть парадоксъ, который легко опровергнуть. Даже еслибы можно было надѣлать такое несмысленное множество размѣнныхъ кассъ, чтобы въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ происходитъ передача денегъ изъ рукъ въ руки, было по раз-

мѣнной кассѣ, то все-таки получатель былъ бы обремененъ необходимостію идти въ размѣнную кассу и терять время, котораго онъ не потерялъ бы, еслибы не былъ обязанъ принять отъ плательщика кредитныя бумаги вмѣсто звонкой монеты, нужной ему. Слѣдовательно, даже при этомъ не осуществимомъ предположеніи, обязательный курсъ ставить плательщика въ положеніе болѣе выгодное, а получателя въ положеніе менѣе выгодное, нежелательно справедливо. Но въ дѣйствительности бываетъ гораздо хуже. Представьте себѣ, что человекъ *А* долженъ человеку *Б*, живущему за три тысячи верстъ отъ размѣнной кассы, какую-нибудь довольно значительную сумму денегъ, напримѣръ 10.000 рублей, и что *Б* нуждается именно въ звонкой монетѣ для своихъ оборотовъ по вѣшной торговлѣ. Пользуясь обязательнымъ курсомъ кредитныхъ билетовъ, *А* отдастъ ему свой долгъ, разумѣется не звонкою монетою, а билетами, которые и сохранять у себя и пересылать легче. Чтò же принужденъ будетъ дѣлать *Б*? Ему придется переслать полученные имъ билеты маклеру того города, гдѣ есть размѣнная касса, заплатить маклерскій куртажъ, страховыя за пересылку денегъ взадъ и впередъ, въсѣмъ за пересылку звонкой монеты, и сверхъ того ему придется еще потерять проценты съ своего капитала, за все время, въ продолженіи котораго капиталъ его будетъ странствовать, то-есть въ данномъ случаѣ вѣроятно не менѣе какъ за 45 дней. Приблизительно можно полагать, что *Б* потеряетъ на этой исторіи не менѣе 2% съ своего капитала, а это будетъ ему очень чувствительно. И надобно замѣтить, что спросъ на звонкую монету бываетъ именно въ пограничныхъ мѣстахъ, которыя, за немногими исключеніями, напримѣръ у насъ за исключеніемъ Петербурга, обыкновенно бываютъ наиболѣе удалены отъ мѣстъ нахождения размѣнныхъ кассъ.

Изъ этого разсужденія ясно оказывается, что наши государственныя кредитныя билеты съ самаго учрежденія своего были ничто среднее между настоящими банковыми билетами и бумажными деньгами. Исторія ихъ состоитъ въ слѣдующемъ:

Они были первоначально выпущены въ очень ограниченномъ количествѣ и только 50-ти рублеваго достоинства; они ходили наряду съ старинными ассигнаціями и новыми депозитными билетами. Но съ 1-го іюня 1843 года кредитными билетами были замѣнены ассигнаціи и депозитные билеты, и было введено пять новыхъ сортовъ кредитныхъ билетовъ въ 1, 3, 5, 10 и 25 рублей; въ послѣдствіи къ нимъ присоединены 100-рублевые билеты. Размѣнный фондъ по манифесту 1 іюня 1843 года долженъ былъ равняться $\frac{1}{6}$ части суммы билетовъ, выпущенныхъ на вымѣнъ ассигнацій и для усиленія наличности кассъ кредитныхъ установленій. Это отношеніе размѣннаго фонда къ числу билетовъ

было совершенно удовлетворительное, такъ какъ ассигнацій на ходило издавна въ обращеніи одно и то же количество, а потребности кредитныхъ установленій зависятъ отъ запроса на ссуды. Оно было тѣмъ болѣе удовлетворительно, что депозитная касса должна была вся перейти въ размѣнный фондъ, а вновь поступающіе вклады звонкою монетою и слитками должны были оставаться въ размѣнномъ фондѣ въ суммѣ, *соотвѣтствующей стоимости илѣ.* (§§ 36—41 манифеста, перешедшіе и въ Сводъ Законовъ Т. XI, Ч. II, Уст. Кред. ст. 1126—1132 изд. 1857 г.) Въ первые годы число кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ въ обращеніе, немногимъ превышало сумму изъятыхъ изъ обращенія ассигнацій и депозитныхъ билетовъ. Срокъ для обмѣна тѣхъ и другихъ былъ опредѣленъ пятилѣтній и истекъ въ 1848 году. Вотъ цифры, показывающія взаимное отношеніе числа обращавшихся кредитныхъ билетовъ къ состоянію размѣннаго фонда:

Размѣннаго фонда въ звонкой монетѣ, слиткахъ и облигаціяхъ русскихъ и иностранныхъ.	1847 г.	1848 г.	1849 г.	1850 г.
Обращалось кредитныхъ билетовъ.	147.165.513	146.838.909	136.969.739	137.215.341
	289.585.621	306.628.672	300.317.244	301.578.170

Эти цифры показываютъ, что увеличеніе числа кредитныхъ билетовъ въ 1848 году до 306 милліоновъ повело въ слѣдующемъ году къ уменьшенію размѣннаго фонда на 10 милліоновъ рублей, и что размѣнный фондъ сталъ возрастать, лишь послѣ того какъ въ 1849 году число кредитныхъ билетовъ убавилось на 6 милліоновъ, но и тутъ убавкѣ кредитныхъ билетовъ на 6 милліоновъ соотвѣтствовало увеличеніе размѣннаго фонда не болѣе какъ на одну четверть милліона, или въ точности на 245.602 р. Изъ этого слѣдуетъ, что въ періодъ съ 1848 по 1850 годъ Россія могла выносить кредитныхъ билетовъ очень немного болѣе 300 милліоновъ, и что цифра 306 милліоновъ уже превышала потребности народнаго обращенія. Въ 1851 году число обращавшихся кредитныхъ билетовъ возрасло до 303.797.128 р.; размѣнный фондъ въ то же время дошелъ до 139.431.660. Отношеніе было благоприятное; стало-быть запросъ на бумажные знаки усилился. Къ концу 1852 оставалось кредитныхъ билетовъ въ обращеніи уже 311.375.581 р., размѣнный же фондъ состоялъ въ 146.794.848, но размѣнъ сталъ уже нѣсколько затруднителенъ для публики, и потому состояніе размѣннаго фонда не можетъ быть разсматриваемо какъ доказательство того, что цифра 311 милліоновъ не превышала потребности. Напротивъ сличеніе съ предыдущими годами приводитъ скорѣе къ убѣжденію, что въ 1852 году было выпущено уже излишнее количество кредитныхъ билетовъ.

Какіе же сдѣлаемъ мы выводы изъ приводимыхъ цифръ? Коли-

чество ассигнацій неизмѣнно стояло отъ 1824 до 1839 года на 170 милліонахъ. Это количество было недостаточно, и на ассигнаціи былъ большой спросъ. Спросъ этотъ увеличивался, правда, благодаря разнымъ искусственнымъ мѣрамъ, но и по отбѣвѣ этихъ мѣръ въ 1839 году, приливъ металловъ къ депозитной кассѣ показалъ, что дѣйствительно требовались публикою бумажные знаки въ большемъ количествѣ, нежели сколько было ассигнацій. Депозитныхъ билетовъ было выдано почти 50 милліоновъ. Итъ 170+50, вотъ цифра, засвидѣтельствованная выпускомъ депозитныхъ билетовъ. Народное обращеніе нуждалось не менѣ какъ въ 220 милліонахъ бумажныхъ знаковъ. Кредитные билеты показали, что и эта цифра была недостаточна. Но какъ скоро число кредитныхъ билетовъ дошло до 306 милліоновъ, барометръ раз-

	Въ 1853 г.
Въ теченіи года выпущено въ народное обращеніе кредитныхъ билетовъ	Рублей сер. 38.519.700
Возвращено изъ народнаго обращенія за выданную звонкую монету кредитныхъ билетовъ	—
Затѣмъ къ 1-му января слѣдующаго года кредитныхъ билетовъ находилось въ народномъ обращеніи	333.443.000
Размѣнаго фонда къ концу предыдущаго года состояло:	
а) Въ звонкой монетѣ и слиткахъ	123.797.300
б) Въ публичныхъ фондахъ	16.014.900
в) Въ суммахъ, вырученныхъ за проданные публичные фонды.	6.472.500
Всего	146.794.800
Къ тому въ теченіи года поступило:	
а) Звонкою монетою: за выпущенные кредитные билеты, за депозитные билеты, за вышедшіе по тиражамъ и проданные публичные фонды, за серебряные слитки и въ обезпеченіе кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ для с.-петербургской сохранной казны, заемнаго банка и государственнаго казначейства	33.977.000
б) Новью приобрѣтенными публичными фондами.	12.550.000
Всего	46.527.000
Изъ сего числа въ теченіи года отпущено:	
а) Звонкою монетою, выданною за кредитные билеты и купленные публичные фонды, и серебряными слитками.	26.202.800
б) Публичными фондами, вышедшими по тиражамъ и проданными.	5.325.000
Всего	31.528.000
Затѣмъ къ слѣдующему году размѣнаго фонда состояло:	
а) Въ звонкой монетѣ и слиткахъ.	131.481.800
б) Въ публичныхъ фондахъ.	23.838.000
в) Въ суммахъ, вырученныхъ за проданные публичные фонды.	6.041.400
Всего	161.362.200

мѣтнаго фонда показываетъ быстрое паденіе. Показаніе улучшается лишь по изъятіи 6 милліонѡвъ въ 1849 году, и затѣмъ число кредитныхъ билетовъ, остающихся въ обращеніи, колеблется между цифрами 300, 301, 303. Эти цифры имѣютъ слѣдовательно для Россіи значеніе важнаго эмпирическаго вывода относительно того количества кредитныхъ билетовъ, которое не въ тягость русской публикѣ вслѣдствіе тѣхъ особенностей, которыми отличается денежное обращеніе въ Россіи. Извѣстно, что въ другихъ странахъ, гдѣ обращеніе быстрѣе, требуется менѣе бумажныхъ знаковъ. Въ Англии, напримѣръ, количество банковыхъ билетовъ не превышаетъ 230 милліонѡвъ р. с.

Дальнѣйшее движеніе размѣтнаго фонда и выпуска кредитныхъ билетовъ видно изъ нижеслѣдующей таблицы:

1854 году.	Въ 1855 году.	Въ 1856 году.	Въ 1857 году.
мѣй сер.	Рублей сер.	Рублей сер.	Рублей сер.
8.964.276	215.101.501	287.640.638	74.141.150
—	—	—	18.123.988
6.337.021	509.181.397	689.279.844	735.297.006
1.481.856	123.170.554	113.062.809	122.838.117
3.838.979	27.208.104	24.051.930	23.714.218
6.041.437	1.412.328	902.590	—
1.362.272	151.790.985	138.017.329	146.552.335
3.512.913	54.865.088	68.905.468	28.603.232
1.079.887	110.493	—	—
1.592.800	54.975.581	—	—
1.824.215	64.972.833	59.130.160	30.300.428
1.710.762	3.776.405	1.240.302	1.394.358
1.534.977	68.749.238	60.370.462	31.694.786
1.170.553	113.062.809	122.838.117	119.140.921
1.208.104	24.051.930	23.714.218	22.319.850
1.412.328	902.590	—	—
1.790.985	138.017.329	146.552.335	141.460.771

Въ первые два года этого пятилѣтія возрастаніе количества обращающихся кредитныхъ билетовъ основано было на выдачѣ кредитныхъ билетовъ за слитки и на предоставленіи кредитнымъ установленіямъ 20 милліоновъ кредитныхъ билетовъ для усиленія оборотнаго капитала этихъ установленій. Изъ этихъ 20 милліоновъ, указомъ 9 марта 1849 г., было предоставлено кредитнымъ установленіямъ 10 милліоновъ, а указомъ 17 декабря 1853 года еще 10 милліоновъ. Другихъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ не было, и потому количество ихъ держалось еще въ границахъ; размынный фондъ состоялъ въ 1853 году при 333 милліонахъ билетовъ въ 161 милліонъ рублей, въ 1854 году при 356 милліонахъ въ 131 милліонъ рублей, то-есть въ 1854 году размынный фондъ уже уменьшился на 10 милліоновъ. Но съ 1855 начался выпускъ кредитныхъ билетовъ для усиленія средствъ государственнаго казначейства, и начало быстро измѣняться отношеніе размыннаго фонда къ кредитнымъ билетамъ, находившимся въ обращеніи. Къ 1858 году количество кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ въ обращеніе, возрасло наконецъ до громадной цифры 735.297.008 р., то-есть на 400 милліоновъ болѣе, чѣмъ сколько ихъ было въ 1853 году, а размынный фондъ уменьшился противъ конца 1853 года на 20 милліоновъ.

Возвратимся къ общему исчисленію государственныхъ долговъ. Мы видѣли, что наполеоновскія войны и ихъ послѣдствія увеличили государственный долгъ Россіи до 383 милліоновъ рублей. Четырехлѣтіе мира и бережливости отъ 1824 до 1828 года уменьшило его почти на 10 милліоновъ. Съ тѣхъ поръ опять начинаются военныя усилія Россіи, и долгъ начинаетъ возрастать. Съ 1828 по 1833 годъ долгъ увеличился на 120 милліоновъ, съ 1833 по 1838 годъ — на 37 милліоновъ. Въ слѣдующее за сямъ десятилѣтіе (1839—1848) долгъ увеличился слишкомъ на 190 милліоновъ; въ томъ числѣ около 40 милліоновъ пошло на желѣзную дорогу, остальные же 150 милліоновъ на обыкновенныя государственныя издержки. Всего же съ 1829 по 1848 годъ государственный долгъ увеличился на 347 милліоновъ. Цифра замѣчательная, если даже и исключить изъ нея 40 милліоновъ, назначенные на желѣзную дорогу! Пятнадцать лѣтъ страшныхъ войнъ съ Наполеономъ требовали, какъ мы видѣли, сверхъ бюджетныхъ издержекъ не болѣе какъ 320 милліоновъ рублей, слѣдовательно значительно менѣе сравнительно съ этимъ двадцатилѣтіемъ, изрѣдка прерывавшимся войнами, и при томъ счастливыми войнами, но за го стлчавшимся такимъ размноженіемъ военныхъ силъ, какого до тѣхъ поръ не знала Россія. Но перейдемъ къ подробностямъ.

Въ 1841 году для возмѣщенія государственному казначейству апасныхъ суммъ, употребленныхъ въ теченіе многихъ предшествовавшихъ лѣтъ на разныя чрезвычайныя расходы, открытъ

былъ въ Амстердамѣ, черезъ банкировъ Гоппе и К^о, такъ-называемый первый 4% заемъ въ 25 милл. р. съ погашеніемъ по тиражу.

Въ 1842 году для издержекъ на построение с.-петербургско-московской желѣзной дороги открыть, черезъ посредство банкировъ Штиглица и К^о, второй 4% заемъ въ 8 милліоновъ рублей съ погашеніемъ по тиражу.

Въ 1843 году на продолженіе работъ той же дороги открыть также черезъ Штиглица и К^о третій 4% заемъ въ 8 милліоновъ рублей, а въ 1844 году черезъ нихъ же четвертый 4% заемъ въ 12 милліоновъ рублей.

Наконецъ въ 1847 году торговому дому Штиглицъ и К^о поручено было вновь реализовать 4% облигациі суммую до 14 милліоновъ рублей, составившія пятый 4% заемъ. Онъ былъ реализованъ лишь до суммы 11.236.000 руб. и приостановленъ въ февралѣ 1848 года, вслѣдствіе политическихъ происшествій въ западной части европейскаго материка.

Къ концу 1848 года государственный долгъ представлялся въ слѣдующемъ видѣ:

По двумъ срочнымъ голландскимъ займамъ оставалось капитала	
63.821 000 голланд. гульденовъ или	36.377.970
5% срочный долгъ сохраннымъ казнамъ	55.978.969
5% срочный долгъ заемному банку	210.550 850
6% безсрочныхъ	73.909 514
По четыремъ 5% безсрочнымъ внѣшнимъ оставалось капитала	98.240.340
По пяти 4% безсрочнымъ внѣшнимъ займамъ	62.169.000
Безпроцентныхъ кредитныхъ билетовъ	306.628.672
Билетовъ государственнаго казначейства серіи V—XIX	45.000.000
	<hr/>
Всего	888.855.315

Изъ того слѣдуетъ исключить дебетъ размѣннаго фонда 146.838.909

Затѣмъ не считая не прѣявленныхъ ассигнацій и депозитныхъ билетовъ (ихъ приблизительно можно полагать до 300.000 р.) 722.016.406

Вслѣдъ за эпохой напряженнаго развитія вооруженной силы наступила эпоха вооруженнаго вѣшателства. Съ 1849 года государственный долгъ началъ возрастать еще въ большихъ размѣрахъ. Въ четыре года, съ начала 1849 по конецъ 1852, онъ достигъ суммы около 903 1/2 милліоновъ. А именно:

По двумъ срочнымъ голландскимъ займамъ оставалось капитала 57.149.000 голланд. гульденовъ или	32.574.930 р. с.
5% срочныхъ сохраннымъ казнамъ	110.867.035 —
5% долгъ заемному банку къ концу 1851 года	265.445.393 —
6%, 5% и 4% безсрочныхъ, которые показаны съ 1851 года въ отчетахъ министра финансовъ одною общеою цифрой 4 1/2% заключеннаго въ 1849 году у банкировъ Беринга и К ^о въ Лондонѣ суммою въ 5.500.000 ф. ст., оставалось на рубли серебромъ	223.861.476 —
Безпроцентныхъ кредитныхъ билетовъ	34.320.000 —
Серіи V—XXIV билетовъ государственнаго казначейства	311.375.581 —
	57.000.000 —
	<hr/>
Всего	1035.444.433 —

Дебетъ размѣннаго фонда, подлежащій исключенію 146.794.846 —

Остается долга 888.649.589 р. с.

Эту цифру слѣдуетъ еще дополнить цифрою капитала, занятаго по особымъ высочайшимъ повелѣніямъ у заемнаго банка въ продолженіе 1852 года. Ссуды, дѣлаемыя заемнымъ банкомъ на осно-

ваніи особуыхъ высочайшихъ повелѣній, до 1851 года показывались въ отчетахъ министра финансовъ отдѣльно отъ прочихъ ссудъ, производимыхъ заемнымъ банкомъ (то-есть отъ ссудъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ). Но съ 1852 всѣ ссуды показываются въ одномъ общемъ итогѣ, хотя каждый годъ сообщается о числѣ состоящихъ въ залогъ имуществъ. Поэтому о числѣ ссудъ, производимыхъ заемнымъ банкомъ по особымъ высочайшимъ повелѣніямъ, можно заключать съ 1852 года лишь только приблизительно по общему движенію ссудъ заемнаго банка. Въ 1851 году общая сумма капиталовъ, оставшихся въ ссудахъ, была 312.074.607; въ томъ числѣ было ссудъ, выданныхъ по особымъ высочайшимъ повелѣніямъ, 265.445.393, и ссудъ подъ залоги 46.629.214. Заложено было крестьянъ 637.736 душъ, домовъ 965, фабрикъ и заводовъ 80. Въ 1852 году заложанныхъ крестьянъ было 634.651, домовъ 968, фабрикъ и заводовъ 79. Слѣдовательно можно полагать, что цифра ссудъ подъ залоги не только не могла возрасти, сравнительно съ 1851 годомъ, а напротивъ еще должна была понизиться. Общая же сумма ссудъ дошла въ 1852 году до 326.456.474, то-есть возрасла на 14.381.867. Поэтому можно полагать, что казенные долги заемному банку возрасли приблизительно на 15 милліоновъ, и стало-быть общая цифра государственнаго долга, срочнаго и безсрочнаго, процентнаго и непроцентнаго, была не менѣе 903 $\frac{1}{2}$ милліоновъ. А это значитъ, что въ четыре года оказалось увеличеніе долга слишкомъ на 180 милліоновъ, или по 45 милліоновъ въ годъ, тогда какъ во время войнъ съ Наполеономъ тратилось сверхъ бюджетныхъ средствъ среднимъ числомъ лишь по 25 милліоновъ съ небольшимъ.

Переходимъ теперь къ послѣднему пятилѣтію.

Высочайшимъ указомъ 8 іюня 1853 года разрѣшено министру финансовъ заключить черезъ посредство коммерческаго дома банкира барона Штиглица въ С.-Петербургѣ заемъ въ 50 милліоновъ рублей подъ названіемъ пятаго пяти-процентнаго. Условія означеннаго займа нѣсколько отличаются отъ условій прежнихъ займовъ. На погашеніе, начиная съ 1857 года, долженъ быть назначаемъ особый фондъ въ 2% съ нарицательнаго капитала займа ежегодно, съ цѣлю выкупа билетовъ по курсу, пока цѣна ихъ не возвысится свыше пари. Черезъ двадцать лѣтъ правительство предоставило себѣ право произвести уплату за имѣющіе оставаться въ обращеніи билеты по нарицательному ихъ достоинству. Этимъ означается, что въ 1874 году будетъ объявлено пониженіе процентовъ по этому займу съ тѣмъ, что не желающіе согласиться на имѣющее быть объявленнымъ пониженіе процентовъ получаютъ уплату рубль за рубль.

Высочайшимъ указомъ 27 февраля воспрещенъ вывозъ россійской золотой монеты.

Въ томъ же 1854 году курсъ облигацій 3-го и 4-го пяти-процентныхъ займовъ (1831 и 1833 годовъ) упалъ ниже пари, а такъ какъ на основаніи условій этихъ займовъ погашеніе по нимъ производится посредствомъ тиража, если биржевой курсъ превышаетъ нарицательное достоинство билетовъ, и посредствомъ

выкупа билетовъ по биржевымъ цѣнамъ, если биржевыя цѣны ниже нарицательнаго достоинства, то въ 1854 году, вмѣсто тиража, выкуплено билетовъ третьяго и четвертаго 5% займовъ на 1.203.000 рублей нарицательнаго достоинства.

Упадокъ курса русскихъ облигацій на европейскихъ биржахъ затруднилъ заключеніе процентныхъ займовъ. Для покрытія военныхъ издержекъ правительство рѣшилось прибѣгнуть къ выпуску кредитныхъ билетовъ.

Высочайшимъ указомъ 10 января 1855 года, въ видахъ подкрѣпленія государственной казны, дабы, какъ сказано въ указѣ, «безъ установленія новыхъ и возвышенія существующихъ налоговъ, преподать оной возможность удовлетворять всѣмъ настоящимъ потребностямъ», предоставлено государственному казначейству предстоящія чрезвычайныя издержки покрывать *временными* выпусками кредитныхъ билетовъ:

1) Съ тѣмъ, чтобы выпускъ билетовъ производимъ былъ въ случаѣ лишь дѣйствительной необходимости, по предварительномъ всякій разъ испрошеніи на то высочайшаго разрѣшенія.

2) Чтобы при каждомъ выпускѣ вносима была изъ государственнаго казначейства въ экспедицію кредитныхъ билетовъ шестая часть выпускаемой въ билетахъ суммы звонкою монетою, для присоединенія къ размѣнному фонду кредитныхъ билетовъ.

3) Чтобы черезъ три года по заключеніи мира, а если окажется возможность, то и ранѣе, приступлено было къ постепенному изыятію изъ обращенія выпущенныхъ временно кредитныхъ билетовъ.

Но такъ какъ внесеніе шестой доли звонкою монетою въ размѣнный фондъ требовало звонкой монеты, и такъ какъ звонкая монета требовалась также и по граничнымъ платежамъ правительства и купечества, то указомъ 26 ноября 1855 года разрѣшено министру финансовъ заключить черезъ домъ барона Штиглица заемъ въ 50 милліоновъ рублей подъ названіемъ шестаго пятипроцентнаго. Билеты этого займа выданы на предьявителя въ 500 р. каждый; проценты уплачиваются какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Амстердамѣ и Гамбургѣ, по опредѣленному курсу. На погашеніе, начиная съ 1858 года, долженъ быть назначаемъ особый фондъ въ 2% съ нарицательнаго капитала займа ежегодно, съ цѣлю выкупа билетовъ по курсу, пока цѣна ихъ не возвысится свыше пари. По прошествіи 20 лѣтъ правительство предоставило себѣ право произвести уплату или понизить проценты. Извѣстно, что облигаціи этого займа имѣють лучший курсъ, нежели облигаціи прежнихъ займовъ.

Въ 1855 году цѣна пятипроцентнымъ билетамъ была также ниже пари, а потому на основаніи условій 3-го и 4-го пятипроцентныхъ займовъ, вмѣсто тиража, выкуплено билетовъ этихъ двухъ займовъ на 1.303.500 нарицательнаго достоинства.

По заключеніи мира послѣдовали одна за другою слѣдующія мѣры: Высочайшимъ указомъ 5 апрѣля 1857 года повелѣно разрѣшенные указомъ 10 января 1855 года временныя выпуски государственныхъ кредитныхъ билетовъ прекратить.

Высочайшимъ указомъ 12 апрѣля 1857 года разрѣшенъ снова вывозъ за границу російской золотой монеты, моремъ и сухопутно, какъ по всей Имперіи, такъ и по царству Польскому и великому княжеству Финляндскому.

Высочайше утвержденнымъ 10 іюня 1857 г. мнѣніемъ государственнаго совѣта увеличенъ размѣръ ссудъ изъ коммерческаго банка и конторъ его подъ залогъ облигацій правительства и облигацій, гарантированныхъ правительствомъ. Подъ такковыя облигаціи постановлено выдавать впредь (вмѣсто прежняго размѣра отъ 60 до 90 %), смотря по роду оныхъ, отъ 70 до 95% (1).

(1) Такъ сказано въ отчетѣ министра финансовъ. Въ Сводѣ же Законовъ изд. 1857 г. въ примѣчаніи къ статьѣ 144 уст. кред. сказано, что подъ 4 % билеты выдается по 70 за 100, подъ 4 1/2 % по 75 за 100, подъ 5 % по 80 за 100 и подъ 6 % по 90 за 100.

	Въ 1853 годѣ
Въ теченіе года внесено въ государственную долговую книгу:	
Въ разрядъ долговъ срочныхъ, по высочайшимъ указамъ, занятыхъ у сохранныхъ казенъ	Рублей сер. 21.118.33
Въ разрядъ долговъ безсрочныхъ:	
а) 3-го 6% займа, по Высочайше утвержденному положенію Кавказскаго комитета.	55.000
б) по открытому, на основаніи высочайшаго указа 8-го іюня 1854 года, пятому 5% займу	—
в) по открытому на основаніи высочайшаго указа 26-го ноября 1853 г., 6-му 5% займу.	—
Уплачено по долгамъ срочнымъ:	
Голландскими гульденами.	1.817.00
Рублей серебромъ.	2.160.00
По безсрочнымъ:	
Рублей серебромъ.	2.823.00
Фунтовъ стерлинговъ.	110.00
За сими измѣненіями, къ слѣдующему году состояло долговъ срочныхъ внѣшнихъ:	
а) по старому голландскому займу на часть Россіи, голландскими гульденами.	32.600.00
б) по второму голландскому займу, голландскими гульденами.	22.732.00
Внутреннихъ срочныхъ руб. сер.	131.578.00
Безсрочныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ р. с.	221.093.00
Фунтовъ стерлинговъ.	5.470.00
Всего государственныхъ долговъ, срочныхъ и безсрочныхъ, внѣшнихъ и внутреннихъ, на серебро . .	417.746.00
Въ теченіи года поступило въ комиссію погашенія долговъ, для платежей по долгамъ срочнымъ и безсрочнымъ и на другіе расходы	29.706.00
Въ капиталъ выкупа состояло къ слѣдующему году по займамъ:	
6% и 1-му и 2-му 5%.	45.198.00
3-му и 4-му 5%.	167.00
5-му 5%.	—
4 %	306.00
Особо отложенный капиталъ заключается въ.	6.157.00

Высочайшимъ указомъ 20 июля 1857 года уменьшены проценты, платимые кредитными установленіями за вносимые въ нихъ вклады и взимаемые ими по ссудамъ подъ залогъ недвижимыхъ имѣній. Эта мѣра приведена въ исполненіе начиная съ ноября 1857 года. О ея значеніи и слѣдствіяхъ подробно говорено въ статьѣ г. Ламанскаго, помѣщенной въ предыдущей книжкѣ *Русскаго Вѣстника*.

Къ тому же ноябрю мѣсяцу относится быстрое паденіе вексельнаго курса и не менѣе быстрое возвышеніе курса русскихъ облигацій на с.-петербургской биржѣ. Мы имѣли уже случай говорить объ этихъ явленіяхъ и о ихъ связи съ выпускомъ временныхъ кредитныхъ билетовъ и съ пониженіемъ процентовъ, платимыхъ кредитными установленіями.

Общее движеніе государственнаго долга, записаннаго въ государственную долговую книгу, въ продолженіе пятилѣтія отъ 1853 по 1857 годъ, видно изъ слѣдующей таблицы:

1854 году.	Въ 1855 году.	Въ 1856 году.	Въ 1857 году.
блѣй сер. 1.256.716	Рублей сер. 14.263.673	Рублей сер. 15.212.585	Рублей сер. 4.613.134
—	—	—	—
1.000.000	—	—	—
—	50.000.000	—	—
884.000	1.953.000	2.025.000	2.101.000
497.046	2.784.473	21.955.158	3.157.692
103.482	2.903.732	2.775.636	2.998.061
110.000	110.000	110.000	110.000
100.000	31.600.000	31.100.000	30.600.000
348.000	19.895.000	18.370.000	16.769.000
338.045	156.817.244	150.074.672	151.530.113
990.012	314.996.280	312.220.643	309.222.582
060.000	4.950.000	4.840.000	4.730.000
45.039	533.273.782	521.987.810	518.334.007
5.115	34.378.331	37.318.981	37.498.936
9.480	49.911.761	52.303.429	53.212.650
63.689	46.432	267.146	275.591
—	—	—	1.000.000
23.750	234.640	229.380	261.210
85.714	4.285.714	4.285.714	4.285.714

Для исчисленія общей суммы государственнаго долга, процентнаго и непроцентнаго, эту таблицу слѣдуетъ дополнить:

1) Серіями государственнаго казначейства, XXV—LV, составляющими 93 милліона р. с.

2) Кредитными билетами, число которыхъ по вышеприведенной (стр. 206) таблицѣ составляло 735.297.006 р. с.

3) Долгомъ заемному банку, который хотя показанъ за эти годы нераздѣльно съ прочими ссудами заемнаго банка, но на выше показанныхъ основаніяхъ (стр. 210) можетъ быть приблизительно опредѣленъ не менѣе какъ въ 320 милліоновъ рублей сер.

Со всего счета слѣдуетъ сложить:

1) Размѣнный фондъ, состоявшій къ концу 1857 года изъ 141.460.771 р.

2) Особо отложенный капиталъ комиссіи погашенія долговъ, состоявшій изъ 4.285.714 р.

Въ результатъ оказывается всего долгу около 1320 милліоновъ, а прибавки противъ конца 1852 года около 617 милліоновъ. Если же взять конецъ 1848 года, начало эпохи вооруженнаго вмѣшательства, то прибавка долга составитъ безъ малаго 800 милліоновъ. Въ первые четыре года этого тяжелаго для Россіи девятилѣтія долгъ возрасталъ на 45 милліоновъ ежегодно, въ послѣднія пять лѣтъ онъ возрасталъ слишкомъ на 123 милліона въ годъ.

Повторимъ еще разъ общіе выводы въ круглыхъ числахъ:

Съ 1824 по 1828	долгъ уменьшился	приблизительно на 10 милл.			
— 1829 — 1838	—	возросъ	—	—	157 —
— 1839 — 1848	—	—	—	—	180 —
— 1849 — 1857	—	—	—	—	617 —

То-есть:

Съ 1824 по 1828	долгъ уменьшался	ежегодно на $2\frac{1}{3}$ милл. р. с.			
— 1829 — 1838	—	возрасталъ	—	—	$15\frac{7}{10}$ — —
— 1839 — 1848	—	—	—	—	18 — —
— 1849 — 1857	—	—	—	—	$68\frac{2}{3}$ — —

Общій итогъ всѣхъ обязательствъ былъ приблизительно

Къ концу 1828 года	373 милл.	р. с.		
— 1838	— 530	—	—	
— 1848	— 722	—	—	
— 1857	— 1320	—	—	

Но тяжесть послѣдней цифры для страны всего болѣе увеличивается вслѣдствіе того, что въ составъ этой цифры входитъ 735 милліоновъ долга непроцентнаго, обращающагося въ странѣ въ видѣ бумажныхъ денегъ.

Много уже разъ было говорено въ нашей литературѣ о вредныхъ послѣдствіяхъ излишняго выпуска кредитныхъ билетовъ и

превращения ихъ въ бумажныя деньги. *Русскій Вѣстникъ* посвѣтилъ посвятить этому предмету должное вниманіе, какъ скоро сожженіе 60 милліоновъ кредитныхъ билетовъ показало, что правительство готово принять противъ этого несчастнаго плода войны возможные мѣры. Но къ сожалѣнію, вопросъ этотъ, требовавшій спокойнаго разсмотрѣнія, сдѣлался предметомъ празднои полемики, — не той животворной полемики, въ которой борются между собою спорныя взгляды, и которая ведетъ къ выработкѣ новаго взгляда, или безусловно-высшаго, или въ практическомъ отношеніи болѣе примѣнимаго, но той ребяческой полемики, которая не имѣетъ ничего общаго ни съ жизнью вообще, ни съ самимъ дѣломъ, а основана лишь на совершенномъ разобщеніи съ жизнью, на совершенномъ невѣдѣніи дѣла. Въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (1) не было высказано ничего неслыханнаго; были сдѣланы поясненія и замѣчанія, которыхъ все достоинство заключалось въ ихъ своевременности и практической важности; выставлены одни только общія начала, а о томъ, что можетъ подлежать сомнѣнію и спору, что можетъ быть рѣшено такъ или иначе, еще не было рѣчи. Лишь въ послѣдствіи мы предполагали перейти къ спорнымъ и труднымъ частямъ вопроса. Но къ нашему удивленію мы принуждены были вступить съ петербургскими газетами въ полемику.

Полемика эта останется навсегда свидѣтельствомъ той низкой степени, на которой стояла еще въ 1858 году наша газетная литература, конечно не вслѣдствіе общей недостаточности русскаго образованія, а вслѣдствіе монопольнаго характера, еще присвоеннаго ей. Двѣ наиболѣе распространенныя изъ петербургскихъ ежедневныхъ газетъ допустили въ столбцы свои, безъ всякой оговорки со стороны редакцій, статьи, на которыя и возражать было совѣстно. Рѣдко можно встрѣтить людей, такъ безцеремонно разсуждающихъ въ частномъ обществѣ о предметѣ, имъ неизвѣстномъ, какъ разсуждали авторы этихъ статей, съ молчаливаго дозволенія редакцій, передъ всею Россіей, настоящею и будущею, и разсуждали о предметѣ, который, по его важности для благосостоянія страны, долженъ бы былъ составлять одну изъ первѣйшихъ заботъ каждой редакціи политической газеты. Явленіе очень характеристическое и оригинальное, которое было бы крайне плачевнымъ явленіемъ, если бы въ публикѣ господствовало такое же невѣдѣніе и равнодушіе относительно важнѣйшихъ вопросовъ внутренней политики, какое показали редакціи этихъ газетъ! Но, по счастью, уровень общества стоитъ у насъ

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* за 1858 годъ. № № 10 (*Важная финансовая мѣра*), 15 (*Экономисты-самоучки*), 17 (статья г. Гагемейстера во *Внутреннихъ Извѣстіяхъ*), 24 (*Обзоръ исторіи русскіихъ ассигнацій*) и въ другихъ мѣстахъ

несравненно выше уровня этой газетной литературы (1). Въ нашемъ обществѣ есть серьезные интересы, есть искреннее желаніе добра и общественной пользы. Серьезные органы литературы могутъ обращаться къ обществу съ болѣе серьезною рѣчью, нежели къ своимъ литературнымъ собратіямъ, и можно надѣяться, что не далеко время, когда и литература принуждена будетъ переродиться, стать серьезнѣе и скромнѣе, наконецъ болѣе дорожить своею честію.

Странная полемика однакожь, о которой мы говорили, заставляла и насъ и другихъ, принявшихъ въ ней участіе, ограничиться разсмотрѣніемъ одной изъ сторонъ дѣла, и говорить почти исключительно о соотношеніи между временнымъ выпускомъ кредитныхъ билетовъ и пониженіемъ вексельнаго курса. Между тѣмъ дѣло это имѣло другія, гораздо болѣе важныя стороны.

Временный выпускъ 400 милліоновъ кредитныхъ билетовъ былъ не что иное какъ временный заемъ, и притомъ заемъ безпроцентный. Эта мѣра имѣетъ слѣдовательно двѣ стороны. Ее можно разсматривать вопервыхъ какъ заемъ вообще, и потомъ какъ безпроцентный заемъ. Въ первомъ отношеніи можетъ казаться, что временный выпускъ кредитныхъ билетовъ, какъ всякій

(1) Къ крайнему сожалѣнію, не однѣ газеты поставлены въ особое положеніе монополіей; упадокъ нашей литературы отзывается повсюду. Вотъ на выдержку два примѣра изъ двухъ ежемѣсячныхъ изданій, выходящихъ большими книгами и нуждающихся слѣдовательно въ значительномъ числѣ подписчиковъ. После того какъ уже былъ возбужденъ вопросъ о бумажныхъ деньгахъ, мы нашли въ одномъ изъ нихъ объясненіе различія между нашими кредитными билетами и бумажными деньгами, сдѣланное очень свысока и аксиоматически, и заключающееся въ томъ, что будто бы кредитные билеты не что иное какъ такъ называемый *текущій долгъ*, *dette flottante*, (то-есть билеты государственнаго казначейства), и что будто бы этимъ они отличаются отъ бумажныхъ денегъ. Не показываетъ ли это объясненіе, что сочинившій его вовсе не знаетъ, что такое билеты государственнаго казначейства, въ публикѣ попросту называемые серіями, билеты, составляющіе дѣйствительно *текущій долгъ*, но приносящіе проценты и потому не имѣющіе ничего общаго съ кредитными билетами? Въ другомъ журналѣ напали мы на разсужденіе еще болѣе куріозное. Авторъ задалъ себѣ вопросъ: *труденъ ли выкупъ крестьянскихъ земель*, и по этому поводу старается до казать выгоду, чего бы вы думали! Не изытія кредитныхъ билетовъ изъ обращенія, а новаго выпуска ихъ для разрѣшенія крестьянскаго вопроса. И какъ онъ доказываетъ свою тему? Онъ употребляетъ доказательство отъ подобнаго. Для выгоднаго предпріятія, говоритъ онъ, выгодно занять деньги, если своихъ пѣтъ: когда я даю вексель, съ тѣмъ чтобы прожить занятыя деньги, я дѣйствую расточительно; но я поступаю благоразумно, когда даю вексель, съ тѣмъ чтобы производительно употребить занятыя деньги. Отсюда слѣдуетъ, что невыгодно выпускать кредитные билеты неосмотрительно, напримѣръ для войны, а напротивъ того не только выгодно, но даже и должно выпускать кредитные билеты на *честное, благо-родное дѣло* (слова автора, очевидно разчитанныя на большой эфектъ). Вся сила аргумента, какъ читатель видитъ, держится на параллели между векселемъ и кредитнымъ билетомъ; авторъ и не подозреваетъ, что ихъ раз-

заемъ, былъ полезенъ странѣ, избавивъ ее отъ увеличенія налоговъ. Съ перваго взгляда кажется, что бумажныя деньги облегчаютъ временное бремя, налагаемое на страну чрезвычайными обстоятельствами, подобными напримѣръ тяжкой войнѣ. Страна какъ бы незамѣтно для себя несетъ это бремя, и потомъ, по минованіи трудныхъ обстоятельствъ, можетъ на свободѣ привести въ порядокъ свои дѣла. Но ясный взглядъ на дѣло заставляетъ усомниться въ дѣйствительности этого средства, которое носить на себѣ характеръ, приближающійся къ чудесному. Было ли бы трудно вести войны, еслибы можно было безопасно прибѣгать къ этому легкому и крайне-простому средству? Отчего же всѣ націи такъ боятся, такъ избѣгаютъ войнъ, и отчего войны наименѣе популярны между націями, имѣющими наиболѣе матеріальныхъ средствъ для того, чтобы безъ особеннаго отягощенія переносить издержки, причиняемая войною? Война требуетъ значительныхъ денежныхъ тратъ; никакое чудо не можетъ сдѣлать эти траты нечувствительными; непременно онѣ должны пасть на кого-нибудь всюю своею тяжестію. Разница состоитъ только въ томъ, что чрезвычайные расходы можетъ производить страна или изъ своихъ наличныхъ средствъ, или изъ средствъ

дѣлаетъ цѣлая бездна. Онъ не знаетъ того, что извѣстно каждому простому человѣку, не отуманенному фразерствомъ; онъ не знаетъ или не хочетъ знать, что по векселю надобно платить проценты, и что подѣ вексель можно занять деньги лишь у желающаго дать ихъ займы, тогда какъ кредитныя билеты и процентовъ не приносятъ, и въ пріемѣ обязательны. Авторъ просто-на-просто смѣшалъ кредитныя билеты съ государственными процентными облигаціями, которыя дѣйствительно могли бы быть сравнены съ векселями, и то впрочемъ въ томъ лишь случаѣ, еслибы въ векселяхъ не былъ въ точности опредѣляемъ день платежа. При такомъ незнаніи самыхъ элементарныхъ вещей, авторъ упоминаемой нами статьи смѣло беретъ за рѣшеніе вопроса, требующаго величайшей опытности и обширнѣйшихъ соображеній, и, безъ малѣйшаго сомнѣнія въ своихъ силахъ и способностяхъ, поучаетъ публику о крестьянскомъ вопросѣ тономъ знатока и съ самоувѣренностію передового человѣка. Однимъ почеркомъ пера онъ отнимаетъ состояніе у однихъ и милостиво жалуетъ его другимъ. Можно ли, спрашиваемъ, смотрѣть на такія явленія, не сострадая русской литературѣ? Невѣжество и всякаго рода странности всегда будутъ встрѣчаться на свѣтѣ; человѣку несвѣдущему всегда можетъ взбрести на умъ какая-нибудь вздорная мысль, и если самолюбіе его приняло неестественное развитіе, то вздорная мысль можетъ показаться ему великимъ открытіемъ. Если онъ притомъ болтливъ и скоръ на слова, то въ немъ можетъ возникнуть желаніе протрубить объ этомъ открытіи на весь міръ. Онъ можетъ даже, если угодно, разчитывать на нѣкоторый успѣхъ между людьми неопытными, между недорослями разныхъ званій, между кадетами и гимназистами, еще не кончившими своего образованія. Все это возможно, все это случалось и будетъ случаться на свѣтѣ, но можно ли признавать нормальнымъ состояніе литературы, въ которой подобные случаи могутъ развиваться со всею роскошью и даже подчинять себѣ цѣлыя журналы, издаваемые для публики, состоящей, конечно, изъ людей взрослыхъ?

будущаго времени ; то-есть настоящее поколѣніе можетъ или принять на себя всю тяжесть бремени , или переложить это бремя съ себя на потомство, или наконецъ тяжесть бремени можетъ быть распределена по какимъ-либо долямъ между настоящимъ поколѣніемъ и потомствомъ. Всего справедливѣе, чтобы каждое время отвѣчало само за себя , чтобы поколѣніемъ живущимъ не было отягощаемо другое поколѣніе , еще не живущее и можетъ-быть обреченное на большія неизбѣжныя траты. Всего справедливѣе покрывать чрезвычайныя расходы чрезвычайными налогами, лишь бы только эти чрезвычайныя налоги падали на гражданъ въ точной соразмѣрности съ ихъ средствами. Правда , единовременныя потребности военнаго времени могутъ быть такъ велики , что рѣшительно невозможно удовлетворить имъ посредствомъ налога, но тѣмъ не менѣе собственная выгода страны , даже выгода относительно ближайшаго будущаго, требуетъ , чтобы къ займамъ было приступаемо лишь послѣ того, какъ средство чрезвычайнаго налога окажется недостаточнымъ. И въ частномъ и въ общественномъ хозяйствѣ разчетливость совѣтуетъ покрывать чрезвычайныя расходы по возможности сокращеніемъ потребления, а не тратою капитала. Временныя лишенія забываются, когда пройдетъ трудное время; между тѣмъ какъ растрата капитала уменьшаетъ навсегда состояніе и слѣдовательно навсегда налагаетъ необходимость лишеній. Поэтому трудное время оставляетъ тѣмъ менѣе слѣдовъ въ странѣ, чѣмъ рѣшительнѣе страна налагала на себя временныя лишенія, и чѣмъ болѣе удавалось ей производить траты изъ годоваго народнаго дохода. А чрезвычайныя налоги имѣютъ слѣдствіемъ именно сокращеніе народнаго потребления и слѣдовательно содѣйствуютъ неприкосновенному сбереженію народнаго капитала. Напротивъ того, займы насчетъ будущаго позволяютъ странѣ потреблять въ трудное время столько же, сколько она обыкновенно потребляетъ, а между тѣмъ уменьшаютъ народный капиталъ , и чрезъ это лишаютъ страну на значительное число лѣтъ извѣстной доли дохода. Къ тому же хозяйство, производящее чрезвычайныя издержки изъ своего годоваго дохода, бываетъ всегда бережливѣе въ этихъ чрезвычайныхъ издержкахъ, нежели хозяйство, рѣшающееся на растрату своего капитала. Все это ведетъ къ тому финансовому правилу, что благоразумнѣе прибѣгать къ чрезвычайнымъ налогамъ нежели къ займамъ. Но если благоразуміе побуждаетъ по возможности воздерживаться вообще отъ займовъ, обременяющихъ будущее, то еще болѣе побуждаетъ оно воздерживаться отъ такой формы займовъ, какъ выпускъ бумажныхъ денегъ. Заемъ этого рода тоже приноситъ будущее въ жертву настоящему, онъ возлагаетъ на будущее обязанность превратить непроцентныя бумаги въ процентный долгъ и слѣ-

довательно обременяетъ будущее всѣмъ своимъ итогомъ, но въ то же время онъ составляетъ и для настоящаго одинъ изъ самыхъ тягостныхъ и самыхъ опасныхъ по своимъ послѣдствіямъ налоговъ.

Непроцентный заемъ можетъ быть сдѣланъ лишь внутри страны, и притомъ или въ видѣ принудительнаго займа, или въ видѣ выпуска бумажныхъ знаковъ, которымъ присвоивается принудительное обращеніе наряду съ монетой. Принудительные займы безъ обязательства платить проценты считаются въ наше время мѣрою несправедливою, и къ нимъ не прибѣгаютъ современные намъ правительства Европы. Но въ древнемъ Римѣ этотъ способъ займовъ былъ въ большомъ употребленіи, и притомъ въ лучшее время древняго Рима, въ эпоху самнитскихъ и пуническихъ войнъ. Сообразно съ оцѣнкою своего имущества, каждый гражданинъ вносилъ на военныя потребности такъ-называемый *трибутъ*; взносъ трибута былъ столько же обязательенъ, какъ и плата податей, но при первой возможности казначейство выплачивало обратно суммы, собранныя въ качествѣ трибута; на казнѣ лежала обязанность возвратить гражданамъ весь трибутъ сполна, впрочемъ безъ процентовъ. Таково единственное извѣстное намъ изъ исторіи обширное примѣненіе способа непроцентнаго принудительнаго займа, легко объясняемое недостаткомъ въ древности капиталовъ, которые бы искали себѣ помѣщенія изъ процентовъ, и совершенною невозможностію внѣшнихъ займовъ. Въ наше время этотъ способъ признанъ слишкомъ обременительнымъ и совершенно вышелъ изъ употребленія. Нельзя впрочемъ отрицать, что если такой заемъ распределяется на основаніи правильной оцѣнки между всѣми гражданами, то выдача процентовъ становится дѣломъ ненужнымъ, потому что она повела бы къ полученію съ каждаго гражданина, въ видѣ налога, той самой суммы, которую ему слѣдовало бы получить потомъ обратно въ видѣ процентовъ. При томъ равенствѣ всѣхъ гражданъ относительно налога, какое существовало въ Римѣ съ самыхъ древнихъ временъ, и служило однимъ изъ коренныхъ основаній спокойнаго и законнаго хода внутренней исторіи римскаго государства, непроцентность принудительныхъ займовъ не имѣла въ себѣ ничего несправедливаго и обременительнаго. Если вникнуть пристальнѣе, и сравнить римскій способъ, оставленный въ наше время и по теперешнимъ пснятіямъ слишкомъ обременительный, со способомъ непроцентнаго займа посредствомъ выпуска бумажныхъ денегъ, изобрѣтеннымъ въ новѣйшія времена для облегченія плательщиковъ податей, то нельзя не видѣть, что этотъ послѣдній способъ во всѣхъ отношеніяхъ менѣе удовлетворителенъ нежели первый. Выпускъ бумажныхъ денегъ есть тоже заемъ, и тоже заемъ непроцентный, дѣлаемый прави-

тельствомъ. Казна занимаетъ, выпуская бумажныя деньги. Если же есть занимающій, то долженъ быть и дающій взаймы. Государство, посредствомъ выпуска бумажныхъ денегъ, пріобрѣтаетъ капиталы, оно пріобрѣтаетъ настоящіе, дѣйствительные капиталы, и покрываетъ этими капиталами чрезвычайныя издержки; оно не прибѣгало бы къ бумажнымъ деньгамъ, еслибы капиталы, доставляемые ими, не были для государства дѣйствительными капиталами. Но всякій капиталъ есть не что иное какъ сбереженный плодъ труда, и слѣдовательно чьи-нибудь сбереженія, чье-нибудь состояніе непремѣнно поступаютъ въ руки государства, въ обмѣнъ на бумажныя деньги, а такъ какъ по бумажнымъ деньгамъ не платится процентовъ, то слѣдовательно тѣ люди, чьи сбереженія или чье состояніе, непосредственно или посредственно, поступаютъ въ руки государства, непремѣнно лишаются соразмѣрной части своихъ доходовъ. Это слѣдовательно такой же въ сущности принудительный непроцентный заемъ, какъ римскій *трибутъ*, съ тѣмъ только различіемъ, что римскій трибутъ раскладывался между всѣми гражданами соразмѣрно ихъ средствамъ, слѣдовательно рационально и справедливо, а раскладка принудительнаго непроцентнаго займа посредствомъ бумажныхъ денегъ предоставляется слѣпому случаю, который распределяетъ тяжесть займа неравномѣрно, нераціонально и несправедливо. И еще болѣе: свойство займа посредствомъ выпуска бумажныхъ денегъ таково, что онъ не только переводитъ извѣстную часть капиталовъ изъ рукъ частныхъ людей въ руки государства, лишая эту часть капиталовъ способности принести доходъ, но и независимо отъ того производитъ всеобщее перемѣщеніе богатствъ между частными людьми, вслѣдствіе чего одни частныя люди случайно бѣднѣютъ, а другіе случайно богатѣютъ на ихъ счетъ (такъ напримѣръ кредиторы бѣднѣютъ, а должники богатѣютъ). Правда, что все это происходитъ незамѣтно, что дѣйствительная причина всѣхъ этихъ случайностей остается замаскированной, и частныя бѣдствія, ею причиняемая, представляются глазамъ людей непосвященныхъ подъ образомъ обыкновенныхъ несчастій, происходящихъ по неизвѣстной причинѣ. Такой скрытый характеръ ущерба, причиняемаго бумажными деньгами, и былъ поводомъ къ тому заблужденію финансистовъ, что будто бы выпускъ бумажныхъ денегъ переносится публикою легче нежели какой бы то ни было открытый налогъ. Но тѣмъ не менѣе очевидно, что и при этомъ скрытомъ займѣ ущербъ частнаго благосостоянія неминуемъ; очевидно также, что ущербъ происходитъ совершенно случайно, безо всякой соразмѣрности съ средствами частныхъ лицъ, несущихъ его, и происходитъ лишь только отчасти къ выгодѣ государства, а еще въ большей мѣрѣ къ выгодѣ частныхъ лицъ, пользующихся случай-

ними обстоятельствами и богатѣющихъ безъ всякаго права на то и безъ всякой заслуги относительно государства или общества (1). Прибавимъ, что всего труднѣе спастись отъ ущерба людямъ бѣднымъ, которые могутъ очень долго оставаться въ заблужденіи насчетъ измѣнившагося значенія номинальной цѣны денегъ, и что эти люди имѣютъ однакоже право на преимущественное огражденіе ихъ интересовъ со стороны государства, особенно тамъ, гдѣ на нихъ лежитъ главная тяжесть податей. Если государство имѣетъ коренною своею цѣлію ограждать личность и имущество каждаго члена своего отъ всякаго произвола и отъ всякихъ случайностей, зависящихъ отъ человѣческой воли, то нельзя сомнѣваться въ томъ, что открытый принудительный заемъ гораздо согласнѣе съ понятіемъ государства, нежели скрытый принудительный заемъ посредствомъ выпуска бумажныхъ денегъ. Но не только съ понятіемъ государства трудно согласить этотъ финансовый способъ, онъ несовмѣстимъ и съ финансовыми интересами государства. Избытокъ бумажныхъ денегъ производитъ дороговизну: мы думаемъ, что эта экономическая истина съ полною убѣдительностію разъяснена полемикою, имѣвшею мѣсто въ нашей литературѣ прошлаго года. Дороговизна же всего болѣе бываетъ чувствительна государственной казнѣ; для государственнаго хозяйства она несравненно болѣе обременительна нежели для частнаго хозяйства; она ложится тяжкимъ бременемъ на государственный бюджетъ и на всѣхъ тѣхъ людей, которые состоятъ на государственной службѣ. Съ другой стороны избытокъ бумажныхъ денегъ вводитъ страну въ постоянный обманъ относительно дѣйствительныхъ средствъ ея; онъ прямо ведетъ ее къ растратѣ народнаго богатства, къ неестественному усиленію потребления насчетъ дохода будущихъ лѣтъ, и слѣдовательно уменьшаетъ въ будущемъ народный доходъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ неминуемо затрудняетъ введеніе новыхъ или усиленіе прежнихъ налоговъ. Дороговизна настоятельно требуетъ расширенія бюджета, а помѣха, дѣлаемая бумажными деньгами успѣхамъ народнаго благосостоянія, закрываетъ тѣ источники, изъ которыхъ можно было бы почерпать средства для расширенія бюджета. Дефицитъ не страшенъ, когда быстро возрастаетъ народное благосостояніе, когда быстро увеличивается сумма народныхъ сбереженій. Но противъ дефицита нѣтъ средствъ, и когда народный капиталъ не прибавляется, а растрачивается, и когда уменьшаются средства людей, несущихъ налоги. Такимъ образомъ не только относительно народнаго, но и относительно государственнаго хозяйства выпускъ

(1) Сюда напрямѣръ относятся черезыѣрные барыши откупщиковъ истекшаго четырехлѣтія. Они обязаны своимъ обогащеніемъ временному выпуску кредитныхъ билетовъ.

бумажныхъ денегъ оказывается крайне невыгоднымъ способомъ принудительнаго займа. Повторимъ еще разъ: производя хаосъ въ настоящемъ, потрясая частныя имущественныя отношенія, онъ не освобождаетъ будущихъ поколѣній отъ тяжести долга, и вдобавокъ неизбѣжно разстроиваетъ государственныя финансы.

Поэтому-то съ такою радостію встрѣтили всѣ свѣдущіе и благомыслящіе люди вѣсть объ открытіи у насъ внутренняго четырехпроцентнаго займа. Кризисъ былъ неизбѣженъ; отвратить его не могла никакая человѣческая сила. Его можно было только отсрочивать, но всякая отсрочка увеличивала опасность будущаго. Чѣмъ скорѣе и чѣмъ чище мы разчитаемся съ истекшимъ пятилѣтіемъ, тѣмъ выгоднѣе будутъ наши счеты. Твердость и рѣшительность въ этомъ дѣлѣ будутъ вознаграждены сторицею.

Бремя государственнаго долга Россіи не такъ велико, чтобы можно было очень серьезно опасаться за будущее. Коммисія погашенія долговъ получила въ 1857 году изъ государственнаго казначейства 37½ милліоновъ рублей; въ государственную долговую книгу было вписано долговъ 518 милліоновъ. Изъ долговъ, не вписанныхъ въ государственную долговую книгу, по билетамъ государственнаго казначейства и по долгамъ заемному банку, уже производится платѣжъ процентовъ, а эти обѣ статьи составляютъ вмѣстѣ около 413 милліоновъ рублей. Если консолидировать затѣмъ весь остальной долгъ 590 милліоновъ, чтобы совершенно упрочить государственный кредитъ и открыть свободное поприще для частнаго кредита и частныхъ банковъ, и если считать на интересы вмѣстѣ съ погашеніемъ по 5% со всей суммы, то требуется для коммисіи погашенія долговъ прибавка менѣе 30 милліоновъ рублей къ суммамъ, теперь отпускаемымъ въ ея распоряженіе. Россія можетъ еще нести это бремя, направляя всѣ усилія на развитіе своего внутренняго благосостоянія и благоустройства и на устраненіе препятствій, задерживавшихъ доселѣ успѣхи экономической жизни ея, и употребляя свои средства производительно, а не видахъ честолюбія, въ своемъ, а не въ чужомъ интересѣ. Вся Европа повторяетъ, что Россія непобѣдима въ своихъ предѣлахъ. Лежа на материкѣ, она равно неприступна, какъ Великобританія на своемъ островѣ. Не естественно ли Россіи пользоваться этою неприступностію своего положенія, чтобы, среди невозмутимаго мира, заботиться о внутреннихъ улучшеніяхъ, безъ которыхъ не возможно развитіе ея природныхъ силъ, предоставляя другимъ государствамъ вести изнурительныя войны и тратить на внѣшнія дѣла избытокъ силъ и излишки богатства? Не зависитъ ли отъ такого образа дѣйствія самое значеніе и кредитъ Россіи въ Европѣ?

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ (1).

Отъ вопроса о таможенныхъ близокъ переходъ къ заставной пошлинѣ. Вамъ извѣстно, что наши города покрываютъ большую часть своихъ издержекъ при помощи этихъ внутреннихъ таможенъ, которымъ преимущественно подлежатъ продукты, потребляемые простымъ народомъ. Высшіе классы, такимъ образомъ, уплачиваютъ самую значительную часть городскихъ расходовъ, несмотря на то, что расходами этими поддерживается главнымъ образомъ безопасность, благоустройство и великолѣпіе кварталовъ, населенныхъ зажиточными сословіями. Этимъ устанавливается поразительное неравенство. Въ Бельгіи, поэтому, общественное мнѣніе сильно расположено въ пользу пониженія заставной пошлины. То же самое и во Франціи. Къ несчастію, пошлина эта могла бы быть отмѣнена только въ такомъ случаѣ, еслибъ она была замѣнена прямымъ налогомъ, а такая мѣра, по всему вѣроятію, встрѣтила бы весьма дурной пріемъ со стороны зажиточнаго мѣщанства; пришлось бы также сократить муниципальные расходы, что—увъ!—въ теперешнее время кажется дѣломъ столь же непрактическимъ и несбыточнымъ, какъ и сокращеніе расходовъ правительственныхъ. Вотъ почему вопросъ о реформѣ заставной пошлины вовсе не подвигается впередъ. Во Франціи онъ сдѣлалъ даже шагъ назадъ, вслѣдствіе присоединенія парижскихъ предмѣстій къ столицѣ. Послѣ этого присоединенія, сборъ пошлины распространяется до самыхъ укрѣпленій города. Парижъ, который за исключеніемъ пространства подъ Сеной, занимаетъ теперь поверхность 3.288 гектаровъ и имѣетъ народонаселеніе въ 1.174.346 жителей, будетъ имѣть 3.800 гектарами и 351.189 жителями больше, то-есть всего будетъ имѣть 7.088 гектаровъ и 1.525.535 жителей. Бюджетъ его, который состоитъ изъ 72 милліоновъ франковъ (не включая сюда издержекъ на чрезвычайныя работы, произведенныя въ послѣднее время), и составляетъ главнымъ образомъ изъ заставной пошлины, простирающейся до 47 милліоновъ, значительно увеличится: въ непродолжительномъ времени онъ достигнетъ, безъ всякаго сомнѣнія, 100 милліоновъ. Что же надо думать о присоединеніи предмѣстій къ столицѣ? Съ экономической точки зрѣнія,—съ которой я только и могу смотрѣть здѣсь на этотъ предметъ,—нельзя не сожалѣть о немъ. Конечно, нѣкоторыя отрасли администраціи, находящіяся въ плохомъ состояніи въ подгородныхъ общинахъ, могутъ улучшиться,—однако улучшеніе это вовсе не будетъ такъ значительно,

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 5.

какъ думаютъ. Ошибочно полагать, что стоить только расширить какую-нибудь отрасль администраціи, чтобъ усовершенствовать ее и сдѣлать ее болѣе экономическою. Ошибочно думать, — не во гнѣвъ будь сказано защитникамъ завоевательной политики, — будто бы большія государства управляются лучше и болѣе экономическимъ образомъ, чѣмъ государства малыя. *Est modus in rebus*. Администрація, точно такъ же какъ предпріятія торговля и промышленныя, имѣетъ экономическія границы, преступать которыя невыгодно. Съ другой стороны, Парижъ образуетъ въ центрѣ Франціи маленькое государство, имѣющее несравненно болѣе важности, чѣмъ многія второстепенныя государства Германскаго Союза, и государство это отдѣлено отъ остальной страны внутреннею таможеню, столь же сложною, какъ и таможня вишняя. Не досадно ли видѣть, что эта внутренняя таможня расширяетъ свои предѣлы насчетъ свободной окрестной территоріи? Предположимъ, что эта страсть къ захвату сосѣднихъ округовъ распространится во Франціи, что ею проникнутся всѣ большіе центры народонаселенія, — какія же будутъ ея послѣдствія? Снова возникнетъ, къ великому вреду торговли, устройство внутреннихъ таможенъ, почти въ томъ же видѣ, въ какомъ существовало оно до 1789 года. Будемъ же остерегаться политики расширенія своихъ предѣловъ, даже внутри страны! — Взамѣнъ этого, пріятно указать на счастливыя перемены, происшедшія въ управленіи Алжиріей, съ тѣхъ поръ какъ она досталась въ руки принца Наполеона (1). Начать съ того, что съ алжирской журналистики былъ снятъ намордникъ, и вопреки мрачному пророчеству старыхъ чиновниковъ и защитниковъ военнаго управленія, она нисколько не поспѣшила злоупотреблять своею свободою. Каждый день, напротивъ, старалась она сообщить полезное направленіе общественному мнѣнію, и если на совѣты ея будетъ обращено вниманіе, то прежде десяти лѣтъ Алжирія вступитъ въ соперничество съ самыми богатыми и цвѣтущими англійскими колоніями. Между журналами, наиболѣе заботящимися о распространеніи тамъ здравыхъ экономическихъ понятій, укажу на *Algérie nouvelle*, который издается замѣчательнымъ экономистомъ г. Клеманомъ Дювернуа. *Algérie nouvelle* особенно борется съ системою правительственной опеки и старается убѣдить колонистовъ въ необходимости для нихъ, по англійскому обычаю, самимъ заботиться о своихъ дѣлахъ. Недавно напечатала она по этому поводу статью, которая

(1) Извѣстно уже, что принцъ Наполеонъ сложилъ съ себя званіе министра Алжиріи и колоній, которое перешло къ г. Шоселу-Лоба. Хотя новый министръ еще ничѣмъ не заявилъ своей дѣятельности, но по нѣкоторымъ признакамъ можно предполагать, что при немъ въ Алжиріи многое будетъ опять поставлено на старую ногу. *Ред.*

миѣ кажется образцовою, и изъ которой я позволю себѣ представить нѣсколько выдержекъ вашимъ читателямъ :

« Алжирцы хотять быть свободны, и они совершенно правы.

« Они хотять принимать участіе въ управленіи общественными дѣлами, и опять таки они правы.

« Они требуютъ, чтобы государство не вмѣшивалось въ ихъ дѣла, не регламентировало бы промышленности, не слѣдило бы за каждымъ ихъ движеніемъ, и не мы, конечно, будемъ винить за это Алжирцевъ.

« Но если они хотять быть свободными, то должны показать себя достойными свободы.

« Если хотять они отдѣлаться отъ опеки, которая мѣшаетъ имъ дышать свободно, надо, чтобы они выказали умѣнье дѣйствовать самостоятельно и управлять своими движеніями.

« Словомъ, они должны вызывать къ жизни частную инициативу.

« Въ теченіе двадцати лѣтъ въ Алжиріи всѣмъ управляетъ администрація.

« Она проложила дороги, устроила порты, организовала земледѣліе, она превратила колонистовъ, въ военно-поселенцевъ, окружила такими условіями собственность, что всѣ интересы находятся въ ея рукахъ. Нельзя посадить ни одного дерева, если на то нѣтъ разрѣшенія начальства, нельзя построить ни одного дома, если того не желаетъ администрація: къ чему же привели всѣ эти усилія государственной опеки? Мы видимъ только жалкую колонизацію, жалкую до такой степени, что даже умы просвѣщенные сомнѣваются въ возможности колонизировать Алжирію, да видимъ еще кипы бумагъ, отъ которыхъ можетъ помутиться голова самаго законренѣлаго бюрократа. Ежегодно накаплиются во множествѣ связки бумагъ, назначаются слѣдствія за слѣдствіями, комиссіи за комиссіями и что же выходитъ изъ всего этого? Ровно ничего, развѣ только новыя бумаги, новыя слѣдствія, новыя комиссіи, столь же безплодныя, какъ и всѣ предыдущія...

« И наконецъ, послѣ трудной и долгой беременности, гора родитъ мышъ: въ теченіи двадцати восьми лѣтъ едва ли двѣсти тысячъ колонистовъ переселились въ Алжирію, тогда какъ ежегодно они прибываютъ въ количествѣ пачисотъ тысячъ въ Соединенные Штаты.

« Нѣтъ сомнѣнія, что бѣольшая часть ответственности за это жалкое положеніе ложится на прежнюю администрацію, и исторія потребуетъ у нея строгаго отчета за милліоны, потраченные даромъ на алжирской почвѣ. Къ счастью, представляется теперь Алжирцамъ, если только они хотять того, возможность измѣнить положеніе этого дѣла.

« Но для этого надо, вопервыхъ, чтобы они отказались отъ вспо-

моществованій, покровительства, правительственныхъ милостей. Надо имъ убѣдиться, что просить чего-либо у государства значитъ въ сущности просить у самого себя, ибо у государства нѣтъ другихъ денегъ, кромѣ денегъ, получаемыхъ отъ гражданъ; гражданину, слѣдовательно, несравненно выгоднѣе самому распорядиться своими расходами.

• Итакъ дѣлать самому частными своими средствами или въ добровольной ассоціаціи съ другими гражданами, все то, что можетъ быть сдѣлано безъ вмѣшательства государства, вотъ первое условіе для людей, которые хотятъ быть свободными.

• Второе условіе не менѣе важно. При господствѣ прежней администраціи журналистика находилась въ тискахъ. Она не могла высказать никакой правды, не подвергалась самымъ тяжкимъ опасностямъ; колонисты не дерзали и помышлять о выраженіи своихъ мыслей въ столбцахъ журналовъ, ибо писать значило становиться въ ряды нововводителей, недовольныхъ, людей, которые, какъ извѣстно, достойны только петли.

• Новая администрація разорвала въ этомъ отношеніи всякую связь съ прошедшимъ; она не считаетъ нужнымъ смотрѣть на независимые органы журналистики, какъ на своихъ враговъ, и старается, напротивъ, узнать правду.

• Пусть же колонисты воспользуются благими намѣреніями администраціи! Пусть ни одно явленіе, сколько-нибудь важное въ отношеніи земледѣльческомъ, промышленномъ или административномъ, не промелькнетъ безъ того, чтобы не найти себя отголоска въ журналистикѣ. Пусть уяснятся и получаютъ гласность потребности каждой общины, и въ не продолжительномъ времени правительство приобрѣтетъ себѣ надежнаго спутника въ дѣлѣ реформъ.

• Если и послѣ того правительство не станетъ дѣйствовать, тогда колонисты будутъ имѣть право жаловаться; но если они по прежнему будутъ молчать о своихъ нуждахъ, желаніяхъ, бѣдствіяхъ, если по прежнему будутъ осаждать администрацію различнаго рода просьбами, то пусть же и обрушится на нихъ однихъ отвѣтственность за теперешнее положеніе. »

Не правда ли, что такому языку можно апплодировать обѣими руками, не правда ли, что къ нему не мѣшаетъ прислушиваться всюду, даже въ Бельгій, и, пожалуй, прибавите вы отъ себя, даже въ Россіи. *Algérie nouvelle* требуетъ также для Алжиріи свободы торговли, и въ этомъ отношеніи, она идетъ далѣе нежели *Journal des Débats*, который ограничивается тѣмъ, что желаетъ присоединенія Алжиріи къ Франціи въ коммерческомъ отношеніи. Г. Клеманъ Дювернуа напечаталъ объ этомъ предметѣ брошюру подъ заглавіемъ: *Зачѣмъ въ Алжиріи таможи?* вполне достойную того

пера, которому принадлежит приведенная нами сейчасъ статья. Въ настоящее время Алжирія покупаетъ на 100 милліоновъ товаровъ за границую, продаетъ же она только на 50 милліоновъ. Какое же можно придумать болѣе дѣйствительное средство, чтобы возвысить ея благосостояніе и быстро уменьшить, слѣдовательно, тѣ пожертванія, которыхъ она стоить Франціи, какъ не позволить ей продавать по самой дорогой цѣнѣ свои собственныя произведенія, и покупать по цѣнѣ самой дешевой тѣ изъ нихъ, которыя необходимы ей для ея собственнаго потребленія? Ежегодно, Алжирія стоитъ 60 милліоновъ Франціи. Но даруйте ей свободу торговли, и не только она перестанетъ быть ей въ тягость, она еще покроетъ часть издержекъ на завоеваніе и колонизацію. Конечно, приверженцы запретительной системы во Франціи громко возопили бы, еслибы правительство послѣдовало этому мудрому совѣту, и вотъ почему, несмотря на г. Клемана Дювернуа, несмотря на журналъ его *Algérie nouvelle*, въ Алжиріи еще долго будутъ существовать таможи.

Algérie nouvelle занимается не только пропагандой въ пользу свободы торговли, но ей приходится еще ломать копыя въ пользу свободы труда. Такъ, напримѣръ, г. де-Шансель, подпрефектъ въ Блیدا, замѣтивши, что бѣлые колонисты имѣютъ безразсудство предпочитать гражданское устройство Соединенныхъ Штатовъ военному алжирскому устройству, составилъ проектъ о ввозѣ въ колонию «свободныхъ негровъ». Нечего и говорить, что эти свободные негры «лишь только они придутъ въ портъ, будутъ раздѣлены на бригады и размѣщены начальствомъ на годовой постой къ промышленникамъ и плантаторамъ». Этотъ планъ «свободной иммиграціи», которымъ, подъ фальшивымъ видомъ найма, водворилось бы въ Алжиріи рабство, встрѣтилъ сильное сопротивленіе въ журналѣ г. Дювернуа, и смѣемъ надѣяться, сопротивленіе не безуспѣшное: вмѣсто свободы торговли, которой такъ трудно достигнуть, новая колонія сохранитъ, по крайней мѣрѣ, свободу труда.

Надежда эта подкрѣпляется тѣмъ рѣшеніемъ, которое получилъ недавно вопросъ объ иммиграціи мнимо-свободныхъ негровъ въ другія французскія колоніи. Вамъ уже извѣстно, что вслѣдствіе печальнаго дѣла *Charles et Georges*, назначена была коммиссія для изслѣдованія этого вопроса, и иммиграція негровъ съ африканскаго берега во французскія колоніи была воспрещена. Рѣшеніе это, прекратившее, по крайней мѣрѣ оффициально, родъ торговли которымъ возобновлялось, подъ видомъ свободного найма, невольничество, невольничество можетъ-быть даже худшее, чѣмъ въ древности, дѣлаетъ честь французскому правительству. *Наемники* въ сущности ничто иное, какъ невольники, купленные на берегу

и перепродаваемые потомъ въ колоніяхъ на пять, на семь, или на четырнадцать лѣтъ (1), и именно вслѣдствіе того, что они принадлежатъ плантатору только на срокъ, а не на всю жизнь, онъ несравненно менѣе щадитъ ихъ и заботится о нихъ.

Не слѣдуетъ однако скрывать, что запрещеніе это усилить затруднительное положеніе колонистовъ. У нихъ существуютъ, какъ уже было замѣчено мною въ прошлогодней моей корреспонденціи, только два средства, чтобы выйти изъ затрудненій, созданныхъ уничтоженіемъ невольничества: это—улучшить способъ воздѣлыванія земли, замѣняя физическій трудъ въ болѣе и болѣе трудомъ механическимъ, или установить въ то же время дѣйствительно свободную иммиграцію, приложивши къ труду ипотекарную систему, принятую въ нѣмецкихъ банкахъ. До тѣхъ поръ, старинныя колоніи, въ которыхъ существуетъ невольничество, будутъ терпѣть отъ недостатка рукъ, и естественное развитіе ихъ благосостоянія будетъ замедляться самымъ невыгоднымъ для нихъ образомъ. Еще одинъ фактъ, по поводу этого печальнаго вопроса о рабствѣ. Голландія намѣрена освободить невольниковъ, которые принадлежатъ ей въ колоніяхъ ея въ западной Индіи. Число ихъ около 50.000, и сумма, которую нидерландское казначейство истратитъ для ихъ выкупа, простирается до 13.588.670 флориновъ, треть которыхъ будетъ выплачена наличными деньгами, а остальная двѣ трети банковыми облигациями. Советую вамъ сообщить вашимъ читателямъ хоть въ краткомъ обзорѣ рапортъ, представляемый по этому поводу г. Рокуссономъ: вы почерпнете отсюда, конечно, нѣсколько мыслей и для разрѣшенія великаго вопроса, стоящаго теперь на очереди въ Россіи. Невольно всякій остановится на мысли, что если цивилизованные народы съ огромными пожертвованіями стремятся къ освобожденію, въ другомъ полушаріи, людей другаго племени, другаго цвѣта, и которые съ давнишнихъ временъ осуждены на рабство, то тѣмъ болѣе необходимо освободить въ Европѣ, въ своей собственной средѣ, людей одинаковаго съ нами племени, одинаковаго цвѣта, бывшихъ когда-то свободными и доказавшими тогда, что они достойны пользоваться свободой. Въ эпоху, которая славится уничтоженіемъ невольничества негровъ, позволительно ли думать о сохраненіи рабства бѣлыхъ?

(1) Въ Африкѣ, читаемъ мы, по этому поводу въ *Punch Magazine*, свобода составляетъ исключеніе, а рабство—правило. Король распоряжается въ странѣ по произволу жизни и собственности своихъ подданныхъ. Они не болѣе какъ вещь, и живутъ и умираютъ какъ ему угодно. Въ семействѣ мужъ полный властелинъ и жена повинуется ему. Онъ тоже въ родѣ царя въ маленькомъ царствѣ, него слуги—его подданные. Власть его надъ женою и дѣтьми безгранична. Онъ даже имѣетъ право продавать своихъ родствен-

Обратимся теперь къ краткому перечню экономическихъ сочиненій, достойныхъ обратить на себя вниманіе. Въ Бельгіи, — гдѣ подобныя сочиненія — увы! — крайне рѣдки, съ удовольствіемъ можно указать на книгу, исполненную самыхъ поучительныхъ свѣдѣній и фактовъ. Заглавіе ея: *По поводу вопроса о благотворительности и о релігіозныхъ ассоціаціяхъ въ Бельгіи* г. Эд. Дюкпетіо, генералъ-инспектора тюремъ и благотворительныхъ заведеній. Вопросъ этотъ имѣетъ для насъ особенную важность; при народонаселеніи въ $4\frac{1}{2}$ милліона жителей, въ спискахъ нашихъ благотворительныхъ бюро числится не менѣе милліона бѣдныхъ. Къ несчастію, рѣшеніе этого важнаго вопроса зависитъ отъ борьбы партій. Католическая партія требуетъ «свободы благотворительности», имѣя въ виду увеличить вліяніе и средства релігіозныхъ ассоціацій, посредствомъ приношеній, которыя были бы дѣлаемы съ благочестивою цѣлью. Либеральная партія отвергаетъ подобную свободу, именно изъ опасенія тѣхъ выгодъ, которыя извлекли бы изъ нея ея политическіе противники. Ни та, ни другая партія не задали себѣ вопроса, въ какой степени свобода заводитъ благотворительныя учрежденія можетъ быть вредна или полезна для бѣдныхъ. Они оставили этотъ главный вопросъ въ сторонѣ; но г. Дюкпетіо извлекъ его на свѣтъ. Онъ представилъ въ своей книгѣ законы о благотворительности различныхъ народовъ, сравнилъ результаты ихъ и выводъ, сдѣланный имъ, оказывается въ пользу свободы. Но такъ какъ либеральная партія достигла власти именно вслѣдствіе побѣды, одержанной ею по вопросу о благотворительности, то новый министръ юстиціи сдѣлалъ выговоръ г. Дюкпетіо; за то, что въ книгѣ своей онъ осмѣлился выразить мнѣніе, противное мнѣнію министерства. Изъ этого не слѣдуетъ, какъ видите, чтобы наша либеральная партія была всегда партіею свободы; это просто-на-просто мѣшокъ съ фальшивымъ ярлыкомъ. Какъ бы то ни было, выговоръ, кажется, не повредилъ книгѣ г. Дюкпетіо; напротивъ, она быстро разошлась въ двухъ изданіяхъ, и хотя она немного смахиваетъ на компіляцію, но тѣмъ не менѣе успѣхъ ея вполне заслуженъ. Бельгія можетъ считаться страной, въ которой сравнительно наиболѣе занимаются статистикою. Не въ моемъ намѣреніи конечно порицать это, ибо мнѣ хорошо извѣстна важность статистики для политиче-

скихъ, ибо они тоже его собственность, которую онъ можетъ отчуждать, закладывать и даже дарить.... По настоящему, на Гвинейскомъ берегу не существуетъ свободныхъ людей, ибо племена находятся въ непрерывной междоусобной борьбѣ, и король, который нынче сидитъ на престолѣ, можетъ сдѣлаться завтра рабомъ своего сосѣда. По количеству невольниковъ судятъ о богатствѣ страны. Человѣкъ тамъ въ родѣ ходячей монеты; цѣнность его мѣняется на рынкѣ, смотря по тому, что сильнѣе, — запросъ или предложеніе.

ской экономіи: она собираетъ факты, изъ которыхъ мы выводимъ законы, или другими словами, она доставляетъ шерсть, изъ которой мы выдѣлываемъ наше сукно. Но шерсть эта не всегда хорошаго свойства, особенно когда правительство принимаетъ на себя ея поставку; она пропитана пескомъ, соломою, и надо долго трудиться надъ ея очисткою, прежде чѣмъ пустить ее въ дѣло. Собирателямъ статистическихъ данныхъ не достаетъ главнымъ образомъ хоть сколько-нибудь точнаго понятія о сравнительномъ значеніи фактовъ и свѣдѣній, ими сообщаемыхъ. Они наполняютъ напримѣръ огромные томы, стоящіе имъ чрезвычайно дорого, цифрами, показывающими въ малѣйшихъ подробностяхъ движеніе внѣшней торговли, и не обращаютъ въ то же время никакого вниманія на движеніе торговли внутренней. Они представляютъ съ точно такою же подробностью цѣну всѣхъ товаровъ и всѣ колебанія этихъ цѣнъ, и не говорятъ ни слова о высотѣ и колебаніяхъ заработной платы. Какъ бы то ни было, нашъ министръ внутреннихъ дѣлъ издалъ съ содѣйствіемъ центральной статистической комиссіи, особенно занимающейся такого рода трудами, два тома *Статистическихъ документовъ* о народонаселеніи, количествѣ преступленій, обученіи, промышленности, путяхъ сообщенія и пр., въ Бельгійскомъ королевствѣ. Если матеріальное и нравственное положеніе небольшой нашей страны интересуетъ вашихъ читателей, я изложу вамъ пожалуй на двадцати страницахъ in-8°, всю сущность этой тысячи страницъ in-4°, которая даритъ намъ такъ либерально офіціальная статистика, насчетъ бюджета. Указываю также на *Отчетъ о занятіяхъ конгресса для литературной и артистической собственности въ Бельгии*, появившійся въ двухъ томахъ, съ текстомъ законовъ всѣхъ государствъ о правахъ авторовъ и т. д. Во Франціи, два замѣчательнѣйшія сочиненія по политической экономіи въ послѣднее время принадлежатъ къ переводамъ: одно изъ нихъ *О финансовомъ управленіи во Франціи*, г. Карла Гокка, директора управленія косвенныхъ сборовъ и президента таможенной комиссіи въ Австріи; другое—*О политической экономіи въ средніе вѣка*, г. Чибраріо, сенатора и бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ сардинскаго правительства. Сочиненіе г. Гокка—чрезвычайно ясное и обстоятельное изложеніе административнаго и финансоваго механизма Франціи. Въ немъ перечислены всѣ узаконенія, касающіяся администраціи, и присоединены о значеніи и свойствахъ каждой ея отрасли весьма интересныя подробности. Приводимъ на выдержку нѣкоторыя главы: министерство финансовъ, его основаніе, атрибуты и устройство;—объ участи чиновниковъ, производствѣ дѣлъ, о средствахъ обезпечить права казны, о публичной счетности;—о прямыхъ сборахъ;

—налоги на жизненные припасы и другіе косвенные сборы;—общее управленіе публичнаго долга;—публичныя кредитныя учрежденія;—монетная система и проч. Оглавленіе это можетъ вамъ дать понятіе о практической пользѣ книги, которая давно должна была бы появиться въ самой Франціи, но такъ какъ тамъ не подумали объ этомъ, то переводчикъ, г. Лежангиль, хорошо сдѣлалъ, отыскавши ее въ Австріи. Что касается до сочиненія г. Чибраріо, то оно полно любопытныхъ свѣдѣній объ эпохѣ, которую, лѣтъ тридцать тому назадъ, пустили въ моду г. Викторъ Гюго и другіе романтики, но въ которой они не видали ничего, кромѣ артистической и живописной стороны. Экономическая сторона среднихъ вѣковъ не менѣе любопытна, и книга г. Чибраріо служитъ тому доказательствомъ. Я еще разъ позволю себѣ возвратиться къ ней. — Г. Куртуа-сынъ напечаталъ третье изданіе своего сочиненія: *О биржевыхъ операціяхъ: ручная книга по части публичныхъ фондовъ и обществъ, которыхъ акціи продаются на французскихъ биржахъ*. Это хорошее *vade mecum* для всякаго капиталиста. — Я долженъ упомянуть также объ *Историческомъ и критическомъ обзорѣ французскаго законодательства о торговлѣ хлѣбомъ и административныхъ мѣрахъ, принимавшихся во времена дороговизны* г. Ривьера, адвоката. Эта книга вызвана минутой, и цѣль ея — бороться съ возстановленіемъ подвижной лѣстницы, ссылаясь на исторію стѣсненій, такъ долго тяготѣвшихъ надъ хлѣбною торговлею; г. Ривьеръ доказываетъ, что самое лучшее для администраціи, если она хочетъ обезпечить продовольствіе народонаселенія, это *laissez faire*, освободить хлѣбную торговлю: авось администрація внимлетъ голосу г. Ривьера! Вотъ, наконецъ, брошюра г. Феликса Белли *О прорытіи Панамскаго перешейка каналомъ черезъ Никарагу*. Вамъ извѣстно, что г. Феликсу Белли, простому французскому журналисту, суждено было если не совершить это великое предпріятіе, то, по крайней мѣрѣ, подготовить его. Уѣхавши изъ Парижа, въ августѣ 1857 года, съ рекомендательнымъ письмомъ отъ бюро общества политической экономіи, г. Феликсъ Белли успѣлъ заключить съ обоими правительствами Никараги и Коста-Рики договоръ объ уступкѣ ему канала между двумя океанами, черезъ р. Санъ-Хуанъ и озеро Никарагу. Въ силу этого договора, подписаннаго 1 мая 1858 года, каналъ уступленъ г. Феликсу Белли на девяносто девять лѣтъ, и въ теченіи всего этого времени оба правительства не имѣютъ права уступить то же предпріятіе кому-либо другому. Съ своей стороны, компанія обязалась привести каналъ къ окончанію въ теченіи шести лѣтъ, — если не будетъ задержки со стороны правительствъ, и открыть его на одинаковыхъ правахъ для флаговъ всѣхъ націй, устано-

вивши по возможности однообразную и самую умеренную таксу. Такса эта, говорится въ договорѣ, опредѣляется отнынѣ въ 10 фр. съ морской тонны (1000 килограммовъ), и въ 60 фр. съ чело-вѣка. Компания никогда не можетъ ее повысить, но она предоставляетъ себѣ право въ послѣдствіи уменьшить ее, если интересы всемірной торговли будутъ совпадать въ этомъ отношеніи съ ея собственными интересами. Компания даетъ обоимъ государ-ствамъ — Никарагѣ и Коста-Рикѣ — 8% съ воловаго дохода съ своего предпріятія (4 со 100 каждому), но выговоривши: 1) что начиная съ перваго платежа суммы прекратится въ обихъ этихъ государ-ствахъ всякая монополія по части финансовъ; что не можетъ быть впредь устанавливаема монополія ни на туземныя произведенія стра-ны, ни на какую отрасль торговли и промышленности (за исклю-ченіемъ военныхъ снарядовъ); и 2) что въ теченіи всего времени, на которое простирается трактатъ, таможенныя пошлины при ввозѣ и вывозѣ не будутъ превышать 3% цѣнности товаровъ. Кроме этихъ условій, касающихся общихъ интересовъ, компания выговорила въ свое пользованіе по одной милѣ земли на каждомъ берегу канала, на всемъ протяженіи его, со всѣми могущими на-ходиться въ ней рудниками. — По мнѣнію г. Томе де Гамона, глав-наго инженера компаніи, всѣ издержки на прорытіе небольшого пространства земли, длиною около 25 кил., отдѣляющаго заливъ Салина въ Тихомъ Океанѣ отъ озера Никараги, и кроме того на превращеніе въ каналъ рѣки Санъ-Хуанъ, которая вытекаетъ изъ Никарагскаго озера и впадаетъ въ Атлантическій Океанъ, не будутъ превышать 90 милліоновъ, и въ самомъ крайнемъ случаѣ, дойдутъ до 120 милліоновъ франковъ. По разчетамъ же г. Белли, самый ма-лый доходъ съ предпріятія будетъ въ 50 милліоновъ франковъ, слѣдовательно, оно будетъ чрезвычайно выгодно для акціонеровъ. Что же касается до пользы, которую принесетъ оно всемірной торговлѣ, — то польза эта неизмѣрима. Такъ, напримѣръ, раз-стояніе отъ Нью-Йорка до Санъ-Франсиско сократится на 3,600 миль, отъ Нью-Йорка до Кантона на 3,400, отъ Лондона до Санъ-Франси-ско на 3,500, отъ Лондона до Сиднея на 2,200, отъ С.-Петербур-га до Ситхи на 3,200 миль. Остаеся, слѣдовательно, самымъ рев-ностнымъ образомъ желать успѣха предпріятію г. Белли (кото-рый, какъ вы знаете изъ журнальныхъ извѣстій, отправился не-давно въ центральную Америку), точно такъ же какъ предпріятію г. Лессепа. Всѣ согласны въ томъ, что эти оба предпріятія мо-гутъ быть поставлены въ числѣ самыхъ великихъ и самыхъ пре-красныхъ предпріятій нашего времени и, несмотря на то, все-таки читается наперерывъ небольшой памфлетъ г. Фредерика де-Ро-нинка, кораблевладельца въ Гаврѣ, написанный съ цѣлью отврат-ить мелкихъ капиталистовъ отъ всякаго въ нихъ участія. Я ска-

заявляя, что брошюра эта, враждующая съ двумя предпріятіями, весьма популярными, читается на перерывъ. Чѣмъ объяснить это? Во первыхъ тѣмъ, что памфлетъ г. Роннинка исполненъ ума и здраваго смысла; во вторыхъ тѣмъ, что гг. Лессенсъ и Белли не совсѣмъ избѣгли несчастной привычки «захваливать» предпріятіе, преувеличивать его выгоды, — привычки, которая уже много вредила дѣламъ подобнаго рода и во Франціи и въ другихъ странахъ. Г. Лессенсъ полагаетъ, напримѣръ, въ числѣ источниковъ дохода съ своего предпріятія, расчистку 24,000 гектаровъ въ пустынѣ, торговлю арабскими лошадьми и рыбную ловлю — въ каналѣ! «Лишь только прочиталъ я въ сочиненіи г. Лессенса, на 112 стр., говоритъ г. де-Ронникъ, слѣдующія слова: «Токъ, образуемый дѣйствіемъ двухъ шлюзныхъ преградъ, привлечетъ въ каналъ множество рыбы, какъ изъ Чермнаго, такъ изъ Средиземнаго моря,» и т. д. — Я пересталъ смотрѣть на предпріятіе съ серьезной точки зрѣнія, и въ головѣ моей, подъ вліяніемъ приведеннаго сейчасъ параграфа, создалась аллегорія въ восточномъ вкусѣ:

«Именно потому, что маленькія рыбки готовы отправиться въ каналъ, привлекаемая дѣйствіемъ двухъ шлюзныхъ преградъ, не только изъ Чермнаго и Средиземнаго морей, но даже изъ устья Сены, — я готовъ изо всѣхъ легкихъ кричать имъ такимъ образомъ:

« — Остерегайтесь! не попадитесь! вы будете пойманы на удочку! на васъ разчитываютъ, какъ на источникъ богатыхъ доходовъ! въ книгѣ прямо объ этомъ говорится....

« Но увы! — маленькія рыбки не знаютъ грамоты, онѣ туги на ухо; къ тому же гаврскіе журналы одною рукою зажали бы мнѣ ротъ, а другою стали бы барабанить объ объявленіяхъ, и тогда я узналъ бы на опытъ, что значить хотѣть того, чего имъ не угодно. Утѣшимся же и будемъ повторять про себя басню:

«Les oisillons, las de l'entendre,
Se mirent à jaser aussi confusément
Que faisaient les Troyens, quand la pauvre Cassandre
Ouvrait la bouche seulement.
Nous n'écoutons d'instincts que ceux, qui sont les nôtres,
Et ne croyons le mal, que quand il est venu (1).»

Столь же остроуменъ г. де-Ронникъ, когда онъ критикуетъ проектъ г. Белли. Особенно подвергаются его насмѣшкамъ кора-

(1) Птичата, наскучивши его слушать, стали болтать такъ же громко, какъ болтали Троянцы, лишь только бѣдная Кассандра раскрывала ротъ. Мы внимаемъ только нашимъ собственнымъ инстинктамъ и начинаемъ вѣрить бѣдѣ тогда только, когда она уже наступила.

бли, «нагруженные индиго», о которыхъ говорить въ своей брошюрѣ основатель компании для прорытія Панамскаго перешейка и 50% доходу, общаемые имъ акціонерамъ въ странѣ, въ которой, прибавляетъ г. Белли, средній процентъ съ торговли никогда не опускается ниже 100%. — «Если такъ, возражаетъ г. Роннинкъ, пускайте лучше, о добродѣтельные акціонеры, капиталы ваши въ торговлю центральной Америки, чѣмъ топить ихъ въ каналъ. Вы будете по крайней мѣрѣ на 50% въ барышѣ». — Вся брошюра написана этимъ тономъ. Слѣдуетъ ли заключить изъ этого, что предпріятія гг. Фердинанда Лессепа и Феликса Белли не заслуживаютъ того сочувствія, которымъ они пользовались? Слѣдуетъ ли изъ этого, что гг. Белли и Лессепъ хотѣли обмануть публику насчетъ настоящаго значенія ихъ предпріятій? Нисколько; оба они люди весьма почтенные, и г. Белли, который мнѣ особенно хорошо извѣстенъ, внушаетъ полную довѣренность; искренно надо желать, слѣдовательно, чтобы планы, задуманные ими, удались. Но съ другой стороны не мѣшаетъ иногда нападать, даже съ нѣкоторою рѣзкостью, на страсть къ преувеличенію, страсть, свойственную зачинщикамъ всякихъ предпріятій, — большихъ и малыхъ. Не худо въ такое время, когда «птичата» такъ часто разочаровывались, внушать антрепренерамъ строгое уваженіе къ истинѣ. Г. де-Роннинкъ исполнилъ эту задачу съ необыкновеннымъ умомъ и ловкостью, и нельзя не поблагодарить его за это, желая въ то же время успѣха предпріятіямъ г. г. Лессепа и Белли.

ГУСТАВЪ ДЕ-МОЛИНАРИ.

МНОГОСТРАДАТЕЛЬНАЯ ОПЕРА.

Позвольте мнѣ занести на страницы *Современной Литературы Русскаго Вѣстника* нѣсколько фактовъ и размышленій объ одномъ современномъ, и, могу сказать, *общемъ дѣлѣ*: они, правда, относятся къ искусству, то-есть къ такому предмету, который очень мало любятъ всѣ вообще наши журналы, и даже какъ можно больше стараются объгнать его, но несмотря на то, онъ все-таки очень важенъ и никоимъ образомъ не долженъ быть оставленъ въ сторонѣ.

Вы знаете изъ журналовъ, что 26 января сгорѣлъ нашъ Театръ-циркъ, то-есть тотъ театръ, на которомъ давалась русская опера. Вы можетъ-быть также слышали или читали, что въ этомъ пожарѣ сгорѣли не только всѣ декорацин, костюмы, репертуарная биб-

лютека этого театра, и т. д., но и всё *ноты* (полныя партитуры и отдѣльныя партіи) всѣхъ 17 оперъ, дававшихся на этомъ театрѣ. Но вотъ чего вы можете-быть не знаете: это именно того, что въ числѣ сгорѣвшихъ предметовъ сгорѣла и вся опера *Русланъ и Людмила*, и что нынѣшнее уничтоженіе этой оперы имѣетъ совершенно другое значеніе, чѣмъ уничтоженіе всѣхъ остальныхъ, потому что влечетъ за собою такія послѣдствія, которыхъ не можетъ имѣть уничтоженіе ни одной изъ всѣхъ остальныхъ оперъ, дававшихся на Театрѣ-циркѣ. Объ этомъ-то мнѣ и кажется нужнымъ говорить теперь.

Опера *Русланъ и Людмила* настоящая *страдалница* между всѣми произведеніями русскаго искусства: съ самаго появленія на свѣтъ ее постоянно преслѣдуютъ такія неудачи, несчастія и гоненія, которыхъ никогда не испытывало у насъ ни одно другое художественное произведеніе. Исторію этой оперы стоить разказать. Надо начать съ того, что когда Глинка еще только задумалъ свою оперу, онъ никакъ не могъ сладить съ самымъ простымъ дѣломъ: найти себѣ либреттиста. Многіе принимались за выбранный имъ сюжетъ, и ни одинъ не оканчивалъ либретто, то по той, то по другой случайной причинѣ. Изъ всего этого вышелъ точно какой-то небывалый рисунокъ, дѣланный десяткомъ разныхъ рисовальщиковъ, изъ которыхъ одинъ нарисовалъ руку, другой ногу, одинъ ухо, другой глазъ.

Потомъ, во все время сочиненія оперы, постоянно тиранили Глинку самымъ неумолимымъ образомъ чрезвычайно-грустныя обстоятельства интимной его жизни, которыхъ онъ не могъ ни избѣжать, ни пересилить.

Потомъ, когда несмотря на все это, опера была кончена, вышло, что она приходилась совершенно не въ пору по публикѣ. Отъ Глинки ожидали одного, а онъ давалъ совсѣмъ другое: думали, что онъ создастъ новую оперу въ родѣ прежней *Жизнь за Царя*, съ которою успѣли уже помириться, и вмѣсто того является вдругъ передъ публику музыка совершенно новая, совершенно неожиданная, идущая наперекоръ прежнимъ преданіямъ и вкусамъ. Могла ли она понравиться, особливо въ первое время? Вмѣсто того, чтобы нравиться, она могла только привести всѣхъ въ удивленіе и еще болѣе въ скуку. Но сверхъ того, самое первое представленіе не удалось отъ причинъ чисто вишнихъ. Передъ самымъ почти представленіемъ заболѣла пѣвица Петрова. Она была талантливейшая изъ всѣхъ пѣвицъ, какія у насъ бывали; голосъ необыкновенной красоты, страстность исполненія, глубокіе художественные инстинкты дѣлали ее рѣдкимъ музыкальнымъ явленіемъ, и потому не удивительно, что она была самая рѣшительная любимица публики. Въ новой оперѣ на долю ея приходились тѣ нумера, кото-

рые почти одни и могли понравиться большинству. И вдругъ, такая исполнительница не участвуетъ въ первомъ представленіи! Можно себѣ представить, на сколько еще непріятнѣе было впечатлѣніе, произведенное оперою на массу публики, ни вкусомъ, ни привычкою, ни музыкальнымъ образованіемъ не приготовленную къ новой музыкѣ Глинки. Спустя нѣсколько представленій, Петрова появилась на сценѣ, увлекла всѣхъ, но счеты съ оперою были уже сведены у публики, и окончательный приговоръ произнесенъ.

Потомъ, ученые музыканты, друзья (въ родѣ друзей Іова) стали требовать отъ Глинки, чтобъ онъ сократилъ, обрѣзалъ свою оперу со всѣхъ концовъ: по ихъ словамъ, это было единственное средство пріобрѣсти благоволеніе негодующей публики, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствительно поправить неудачную оперу. Глинка, какъ ни былъ проникнутъ сознаніемъ великости только-что конченнаго имъ дѣла, но не сумѣлъ встрѣтить ни гнѣвъ публики, ни совѣты друзей своихъ такъ, какъ встрѣтили и то и другое характеры сильные, опиравшіеся на самихъ себя, каковы были напримѣръ Бетговенъ или Бахъ. Глинкѣ нанесена была такая рана, которая не зажила у него до самой смерти: онъ сдѣлался равнодушнѣе ко всему, онъ совершенно упалъ духомъ и не только позволялъ дѣлать со своею оперою то, чего хотѣли другіе, но еще и самъ наложилъ святотатственную руку на свое собственное произведеніе.

Потомъ пріѣхали Италіянцы и выгнали русскую оперу изъ Петербурга въ Москву. *Русланъ* мало понравился и тамъ, особливо тогда, когда всѣ головы были наполнены новыми въ то время *Пиратами* и *Лучіями* и ихъ драгоцѣнными для всѣхъ исполнителями. Кромѣ того, черезъ нѣсколько лѣтъ, въ пожарѣ московскаго театра сгорѣли всѣ великолѣпныя декорации и костюмы *Руслана*, переданные съ петербургскаго театра на московскій.

Потомъ, когда послѣ смерти Глинки, въ 1857 году, стали устраивать въ честь его филармоническій концертъ, весь составленный изъ однихъ сочиненій Глинки, узнали, что нельзя давать лучшихъ частей *Руслана*, потому что *потеряны всѣ партіи военной оркестровки*, написанной для оперы, подъ наблюденіемъ самого Глинки, барономъ Раллемъ, съ необыкновеннымъ мастерствомъ и тщаніемъ. Еще съ 1844 года эти партіи оставлены были въ рукахъ того военнаго оркестра, который призывался для представленій *Руслана* и *Людмилы*. Теперь наскоро пріобрѣдали (и даже очень удовлетворительно) новую военную оркестровку для нумеровъ, нужныхъ въ концертѣ, но тѣмъ не менѣе, прежней все-таки больше не было.

Потомъ, въ 1857 же году, Булоховъ попробовалъ дать въ свой

бенефисъ весь второй актъ *Руслана*. Это такой подвигъ, который долженъ стоять въ исторіи нашей музыки. Нужно было много настоящаго пониманья и любви къ Глинкинской музыкѣ, много преданности своему дѣду, чтобы рѣшиться на такой шагъ, совершенно противорѣчившій всѣмъ вкусамъ и требованіямъ. Будоховъ отлично выполнилъ свою *Балладу Финна*, это музыкальное произведеніе, стоящее на ряду со всѣмъ, что есть самаго гениальнаго въ музыкѣ. Петровъ явился въ чудесной своей сценѣ Фарлафа, какъ и во всѣхъ своихъ роляхъ, оригинальнѣйшимъ и талантливѣйшимъ исполнителемъ Глинкинской музыки. Но результатъ этой попытки былъ все-таки печальный: втораго акта *Руслана* послѣ бенефиса больше не повторали.

Потомъ, годъ спустя, другой русскій художникъ сдѣлалъ подвигъ еще болѣе смѣлый: Петровъ рѣшился взять всю оперу *Русланъ и Людмила* для своего бенефиса въ концѣ 1858 года, и этотъ энергическій поступокъ, эта энергическая рѣшимость почти насильно напомнить забывчивой публикѣ объ одномъ изъ величайшихъ нашихъ предметовъ славы, еще болѣе предыдущаго принадлежатъ исторіи нашего искусства, и какъ смѣлый протестъ художника, и какъ нѣмой укоръ тому, что у насъ совершается въ художественномъ дѣлѣ.

Какого труда и усилій должно было стоять театру возобновеніе такой трудной и многосложной оперы, послѣ того какъ она оставалась пятнадцать лѣтъ не тронутою! Что касается до Петрова, то если не былъ здѣсь оцѣненъ поступокъ его, по крайней мѣрѣ болѣе чѣмъ когда-нибудь былъ оцѣненъ его талантъ: въ этой оперѣ онъ можетъ-быть выше, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ роляхъ своихъ, несмотря на краткость роли Фарлафа. Еслибы была возможность снимать фотографію съ музыкальнаго исполненія, ее нужно было бы непременно снять съ роли Петрова въ *Русланъ и Людмилъ* и сохранить для будущаго времени понятіе о томъ, какъ можетъ и должна выполняться роль Фарлафа. Прочіе исполнители также старались сдѣлать все, что были въ состояніи. Надо сказать, что въ числѣ ихъ двое (г-жа Лилеева и г. Артемовскій) были избраны и приготовлены самимъ Глинкой, еще во время первой постановки оперы, и что при нынѣшней, г-жа Леонова пользовалась, для изученія роли Ратмира, совѣтами и указаніями А. Г. Петровой; значитъ въ ихъ исполненіи сохранились до нѣкоторой степени еще всѣ глинкинскія преданія.

Но передача оперы не зависитъ отъ однихъ пѣвцовъ—это еще одна только половина, — другая половина вся лежитъ въ оркестрѣ, то-есть въ дирижерѣ. Съ этой стороны, въ послѣдней постановкѣ оперы, не только не сохранились глинкинскія преданія,

но точно приложено было все стараніе, чтобы нельзя было узнать оперу, и чтобы она явилась въ совершенно другомъ видѣ, чѣмъ думалъ Глинка.

Извѣстно, что въ музыкальномъ исполненіи отъ измѣненія движенія совершенно измѣняется смыслъ и фязіономія сочиненія до такой степени, что самую знакомую вещь услышишь точно что-то чужое, незнакомое. Въ нынѣшнемъ же исполненіи *Руслана* не было (кромя увертюры и немногихъ другихъ частей оперы) почти ни одного движенія, вѣрно взятаго: всѣ были измѣнены до невѣроятности, по большей части всегда страшно ускорены (1). О какихъ бы то ни было отгѣнкахъ исполненія не было вовсе и помину. Однакоже и движенія и отгѣнки строго обозначены были по метроному самимъ Глинкой. Но хотя бы ихъ и не было обозначено, художественный инстинктъ и чувство должны подсказывать дирижеру, какой характеръ, смыслъ, движеніе принадлежатъ каждой части сочиненія. Это въ особенности важно потому, что противъ дирижерской палочки ничего не могутъ никакіе исполнители, кромѣ, разумѣется, всемогущихъ Итальянцевъ, сколько бы ни понимали порученную имъ оперу. Вслѣдствіе того, въ нынѣшнемъ исполненіи *Руслана* было столько нестерпимаго искаженія, что нѣсколько любителей музыки и почитателей Глинки имѣли даже намѣреніе записать по метроному, во время одного изъ представленій *Руслана и Людмилы*, взятыя нынче движенія, и сравнить ихъ, въ публичномъ печатномъ протестѣ, съ тѣми движеніями, которыя назначилъ самъ Глинка. Этотъ протестъ долженъ былъ коснуться и небрежно-допущенной нынче на театрѣ весьма плохой военной оркестровки, которая предназначена была замѣнить прежнюю чудесно-художественную оркестровку барона Раля.

Но кромѣ этихъ столь важныхъ недостатковъ, на послѣднюю постановку *Руслана* легла еще болѣе тяжелая отвѣтственность: опера была урѣзана такимъ безцеремоннымъ и не позволительнымъ образомъ, какимъ могла бы быть казнена развѣ какая-нибудь самая ничтожная италіянская опера. Въ построеніи музыкальнаго сочиненія царствуютъ свои законы, точно такъ же, какъ въ построеніи всякаго вообще художественнаго произведенія; отрывать или обрѣзывать части этого организма, то же самое, что напри-

(1) Въ особенности надо указать на слѣдующія важнѣйшія обезображенія музыки Глинки: окончаніе 3-го акта (квартетъ C-Dur), имѣющій характеръ плавной торжественности, — овъ гимнъ надежды и счастья послѣ благодатнаго появленія Финна, — былъ выполненъ точно вертлявый, ничтожный вальсъ; патетическая панникада по Людмилѣ, могучій и геніальный хоръ *Погибнетъ, погибнетъ*, чудная *Баллада Финна*, финаль 4-го акта, антракты 2-го и 4-го актовъ — всѣ летѣли на почтовыхъ. Точно капельмейстеръ торопился поскорѣе уйти изъ театра.

мѣръ у живаго человѣка отрѣзывать руку, или отъ руки пальцы. Наперекоръ этимъ простымъ и общеизвѣстнымъ истинамъ, большая часть самыхъ высокихъ, самыхъ капитальныхъ вещей въ оперѣ была обезображена самымъ непростительнымъ урѣзываніемъ, сдѣланнымъ такъ противохудожественно, что можно подумать, что его дѣлалъ такой человѣкъ, который не имѣлъ ни малѣйшаго понятія ни о музыкѣ, ни о законахъ ея формъ. Выброшено было вонъ все то, что было высшаго, значительнѣйшаго и глубочайшаго въ лучшихъ частяхъ оперы (1).

Оперное или вообще театральное начальство во всемъ этомъ невинно: эти художественные вопросы и подробности не могутъ и не должны входить въ кругъ его административной дѣятельности. Оно, съ своей стороны, заслуживаетъ только глубочайшей и искреннѣйшей благодарности за всегдашнюю готовность способствовать появленію великаго произведенія Глинки на нашей сценѣ. Оно въ этомъ случаѣ всегда дѣлало и дѣлаетъ свое дѣло какъ не надо лучше, и отъ него требовать больше нечего.

Итакъ, вотъ какимъ новымъ истязаніямъ подверглась опера *Русланъ и Людмила* при послѣдней своей постановкѣ!

Но все-таки ее по крайней мѣрѣ давали. И вдругъ—новое бѣдствіе, пожаръ!—пожаръ, въ которомъ сгораетъ и партитура, и декорация, и костюмы! пожаръ, въ которомъ сгорѣла надолго, быть-можетъ Богъ знаетъ на сколько времени, возможность новаго явленія нашей художественной *страдалицы* на сценѣ.

Положимъ, что въ театрѣ спишутъ, и даже въ скоромъ времени, полный экземпляръ партитуры *Руслана*; по счастью, сгорѣвшій экземпляръ не былъ еще совершеннo единственнымъ. (Въ Петербургѣ есть три другихъ рукописныхъ экземпляра: у В. П. Энгельгардта почти весь оригиналъ собственной руки Глинки, у Д. В. Стасова полная копія, подаренная ему Глинкой, и у г. Стелловскаго, которому принадлежитъ право изданія оперы; четвертый экземпляръ находится въ Берлинской публичной библіотекѣ, которой подаренъ также самимъ Глинкой). Но это еще нисколько

(1) Вотъ что выбросили самаго важнаго: всю середину первой интродукціи съ прелестною пѣснью Баяна (заключающею поэтическое пророчество о будущемъ явленіи великаго русскаго поэта Пушкина); всю середину антракта передъ 2-мъ актомъ; всю вторую половину сцены Головы (черезъ что эта сцена вышла столько же обезображенною, сколько и ненужною въ общей экономіи оперы); всю безподобную середину удивительнаго квартета въ концѣ 3-го акта, всю середину въ хорѣ *Погибнетъ*, котораго послѣ этой *операции* и при невѣроятномъ темпѣ вовсе узнать нельзя; все оригинальное окончаніе *Лизинки*; всю середину въ прелестномъ романсѣ *Она мнѣ жизнь*; весь хорикъ, слѣдующій за романсомъ, и т. д.

не доказываетъ, что оперу будутъ снова давать. Отъ кого ожидать теперь новаго подвига, подобнаго подвигамъ Булохова и Петрова? Кто рѣшится поднять опять на ноги эту оперу, которая стоитъ столько тяжкихъ трудовъ и работъ приготовленія, и которую такъ мало всѣ любятъ, до которой нѣтъ никому почти дѣла?

Съ *Жизнью за Царя* будетъ, конечно, совсѣмъ иначе: эту оперу сначала долго презирали, не находили въ ней ничего кромѣ *мужицкой музыки*, но теперь уже давно все измѣнилось, она вошла давно уже во всѣ права признанной, уважаемой, если не любимой оперы. Ея патриотическое направленіе сдѣлало то, что она стоитъ на афишѣ непременно во всѣ торжественные дни въ году, и къ ней поневолѣ уже всѣ привыкли; у многихъ началось привычкой, а кончилось и пониманіемъ и любовью. Значить, при такихъ обстоятельствахъ, безъ *Жизни за Царя* обходиться теперь нельзя; эту оперу непременно поставятъ, сейчасъ же, раньше всякой другой оперы.

Русланъ и Людмила — совсѣмъ другое дѣло. Патриотическаго направленія въ ней нѣтъ, художественное ея совершенство, музыкальныя ея сокровища еще остаются для массы точно заколдованною тайной, и вообще говоря, ее давно уже привыкли считать оперой, которая неизмѣримо ниже *Жизни за Царя*, оперой совершенно неудачною, чрезвычайно скучною и только что *перехитреною* оперой, немногія прекрасныя части которой не въ состояніи выкупить основную внутреннюю негодность. Зачѣмъ же будутъ снова давать такую оперу? Это была бы слишкомъ дорогога и ненужная роскошь.

И однакоже, казалось бы, что можетъ быть проще, какъ чувствовать всю великость, все необыкновенное значеніе *Руслана и Людмилы*, всю безпредѣльную пропасть, которая отдѣляетъ ее отъ всего, что дается на нашемъ театрѣ, всю глубокую разницу, которая лежитъ между нею и даже *Жизнью за Царя!*

Жизнь за Царя—превосходное художественное произведеніе, чрезвычайно самостоятельное и новое среди всей остальной европейской музыки, со значительнымъ совершенствомъ и великою талантливостью въ частяхъ своихъ. Въ этомъ нѣтъ и не можетъ быть сомнѣнія. Но это произведеніе Глинки, еще юноши, еще далеко не достигшаго того, къ чему онъ былъ способенъ, далеко еще не проявившаго всей ширины и роскоши своей фантазіи, всего ослѣпительнаго великолѣпія своей творческой силы. Между обѣими операми точно такая же разница, какъ между обѣими ихъ увертюрами: увертюра *Жизни за Царя* нѣсколько безцвѣтна и безхарактерна, несмотря на чудесныя части и подробности, всего больше грѣшитъ сентиментальнымъ, постоянно мнорнымъ настроеніемъ, которое Глинка считалъ въ то время не-

премьнною принадлежностью русской національности. Увертюра *Руслана* могучая, свѣтлая, полная силы и страсти, поэтической глубины и стремительнаго полета, богатырства и волшебства, здоровья и жизни. Посмотрите, какая уже разница лежить между самыми сюжетами двухъ оперъ!

Конечно, это безконечное разнообразіе и совершенное несходство одной оперы съ другою есть первое и рѣшительнѣйшее доказательство глубокости и истинности таланта Глинки, который самъ себя не повторялъ, а со всякою новою вещью являлся *рѣшительно-новымъ*, *неузнаваемымъ*; тотъ народъ, у котораго есть такія двѣ оперы, какъ *Жизнь за Царя* и *Русланъ и Людмила*, долженъ безконечно ими гордиться и быть счастливымъ, что у него былъ художникъ, произведшій такія два созданія, но тѣмъ не менѣе сравненіе этихъ двухъ произведеній и возможно и необходимо, для того чтобы видѣть каждое изъ нихъ въ настоящемъ свѣтѣ.

Въ *Жизни за Царя* исключительно патріотической сюжетъ, выбранный подъ влияніемъ того вкуса, который царствовалъ у насъ въ романахъ и пьесахъ 30-хъ годовъ (*Юрій Милославскій*, *Рука Всевышняго отечество спасла* и т. д.), и притомъ такой односторонній и неблагодарный сюжетъ, который непремьнно заставлялъ дать всей оперѣ жалобный и тоскливый колоритъ. Собственно говоря, вся опера назначена для прославленія *пассивнаго* самопожертвованія: но это даетъ матеріала на одну только сцену и на нѣсколько фразъ внѣ ея, все прочее придѣлано и приложено какъ антуражъ. Дѣйствующихъ лицъ собственно только двое: Сусанинъ и отрядъ Поляковъ, схватывающихъ и влекущихъ его; всѣ прочія лица ровно ничего не значатъ въ оперѣ, совершенно вставные, всѣхъ болѣе Ваня, который отъ начала и до конца оперы ничего другаго не дѣлаетъ, какъ только плачетъ и жалуется. Великолѣпная сцена польскаго бала есть вставной дивертисментъ, ненужный для оперы и невѣрный по задуманью и по безличности; еще болѣе великолѣпный эпилогъ оперы есть тоже вставка, вовсе не драматическая. Неискусство составленія либретто могло бы быть легко извинено, по той же причинѣ, по которой мы извиняемъ неискусство всѣхъ существующихъ либреттъ: каждое изъ нихъ должно подвергнуться обвиненіямъ, точно такимъ же, какъ приведенныя мною, а часто и болѣшимъ еще. Гораздо неизвинительнѣе отсутствіе всякихъ характеровъ въ оперѣ (кромя Сусанина), и всякаго дѣйствія между дѣйствующими лицами. Это все наложило неизгладимую печать и на музыку, которая и такъ уже несла гнетъ сюжета съ болѣзненнымъ и сентиментальнымъ колоритомъ въ большинствѣ своихъ подробностей. Однако же, несмотря на совокупность такихъ невыгодныхъ обстоятельствъ, Глинка все-таки создалъ оперу, въ которой многія части

чисто гениальны. Это всего больше относится къ хору эпилога *Славься, славься, святая Русь!* Не только у насъ, но ни у одного народа Европы нѣтъ народнаго гимна, который могъ бы идти въ какую-нибудь самую отдаленную параллель съ этимъ великимъ созданиемъ, полнымъ неизъяснимаго величія, силы и глубочайшей красоты. Всѣ остальные народные гимны точно букашки передъ этимъ колоссомъ.

Такихъ недостатковъ сюжета и задачи, какъ у *Жизни за Царя*, нѣтъ у *Руслана*. У этой оперы содержаніе чисто эпическое, оно лишено наставительнаго и пассивнаго лиризма *Жизни за Царя*, но за то тѣмъ болѣе выиграло въ богатствѣ колорита, въ силѣ, въ разнообразіи, въ красотѣ, въ жизни. Глинка далъ оперѣ совершенно новое значеніе, совершенно новый колоритъ, котораго не было въ игривой и очень легкой сказкѣ Пушкина. Но иначе и не бываетъ у великихъ художниковъ: сюжеты замѣняются ими у другаго автора не для того, чтобы повторять ихъ, или придѣлать къ нимъ иллюстрацію, а чтобы воплотить ихъ въ своей собственной формѣ, создать новое общее и новыя части, новыя характеры и новыя подробности дѣйствія, исключительно свойственныя натурѣ автора; чужой сюжетъ служитъ ему только первымъ побужденіемъ, исходною точкою, общемою главною нитью и больше ничего. А потому, въ *Русланъ и Людмила* Глинки все другое чѣмъ у Пушкина: и Людмила, и ея женихъ, и колоритъ волшебства, подъ покровомъ котораго совершается все дѣйствіе оперы, и разнообразные поэтическія мѣстности, на которыя перенесены одинъ за другимъ всѣ дѣйствующія лица. Только оставивъ далеко въ сторонѣ Пушкина, почти позабывъ его, могъ Глинка совершить тѣ чудеса искусства, которыя осуществились въ *Русланъ и Людмила*, только при этомъ переработанномъ на свой ладъ сюжетѣ могъ его талантъ размахнуть всю силу широкихъ крыльевъ своихъ.

Послѣ созданія *Руслана*, у Глинки есть только два соперника въ оперномъ мірѣ: Глюкъ и Моцартъ. Въ нашемъ столѣтіи онъ стоить совершенно одиноко, вдали отъ тѣхъ неполныхъ или фальшивыхъ, узкихъ или ограниченныхъ цѣлей и формъ, для которыхъ и *отъ* которыхъ создались всѣ прочія оперы нашего времени. Правда, Глинка почти совершенно лишенъ способенъ къ сценичности. Но этимъ самымъ недостаткомъ страдаютъ Глюкъ и Моцартъ (кромѣ комическихъ его оперъ). За то онъ столько же драматиченъ, сколько они оба. Часто смѣшиваютъ эти двѣ стороны творчества — драматичность и сценичность, между тѣмъ какъ онисущественно разнятся и часто не совмѣщаются въ одномъ и томъ же авторѣ (примѣровъ тому довольно), и потому упрекаютъ Глинку самымъ легкомысленнымъ образомъ въ

отсутствіи сценическаго дѣйствія, считая, что это смертельная Ахиллессова пята въ талантѣ Глинки, и не замѣчая, что этотъ недостатокъ вознагражденъ у него самою глубокою и полною драматичностью частей и подробностей. Совершенно полныхъ талантовъ нѣтъ на свѣтѣ, и дѣло состоитъ не въ томъ, чтобы подводить каждаго автора подъ одну мѣрку и высчитывать, чего, у него не хватаетъ въ ростѣ до общей сажени, а въ томъ, чтобы уразумѣвать особенность его составнаго характера и фizioноміи, ясно видѣть, что имъ принесено въ общую сокровищницу искусства и таланта. Невольно спросишь также: отчего же отсутствіе сценичности поставляется Глинкѣ въ такое преступленіе и недостатокъ, между тѣмъ какъ созданія Глука и Моцарта никѣмъ не считаются умалившимися отъ того, что имъ, при огромной драматической способности, природа не дала такого же таланта сценическаго: у нихъ точно такая же безсвязность дѣйствія въ оперѣ, точно такія же длинныя аріи и ансамбли, гдѣ тому или другому лицу бывають принесены въ жертву всѣ остальные лица (вспомнимъ только арію каталога, квартетъ, терцетъ 1-го дѣйствія, конецъ секстета 2-го дѣйствія, аріи Церлины и Донны Анны и т. д. въ *Донъ-Жуанъ*; почти всѣ аріи, дуэты, терцеты и квартеты въ операхъ Глука). Это знаютъ всѣ, которые понимаютъ настоящую музыку. Тѣ же, которые музыки не понимаютъ и довольствуются итальянскою оперой, никогда и не воображали ѳирекать эту послѣднюю въ рѣшительнѣйшемъ отсутствіи сценичности, можетъ быть именно потому, что въ ней заключается еще также совершенное отсутствіе и драматизма, и музыки.

Неизвѣстно будущее, неизвѣстны новыя дороги, по которымъ искусство можетъ пойти, двинутое могучею рукой будущиxъ талантовъ (являвшися до сихъ поръ попытки къ водворенію *сценичности* на оперной сценѣ всего удовлетворительнѣе осуществлялись только въ комической оперѣ; внѣ ея онѣ приводили до сихъ поръ почти исключительно только къ мелодрамамъ и внѣшнимъ матеріальнымъ эффектамъ). Но какое бы ни было это будущее, великія прежнія созданія никогда не перестанутъ блистать яркими и животворными свѣтилами. Одно изъ самыхъ могучихъ и величественныхъ между ними *Русланъ и Людмила*. Неужели же, несмотря на свою великую натуру, несмотря на то великое будущее, которое его несомнѣнно ожидаетъ, это созданіе долго еще не избѣгнетъ той унижительной и мученической судьбы, которая до сихъ поръ преслѣдовала его? Неужели эта опера должна теперь, послѣ пожара петербургскаго Театра-цирка, снова на нѣсколько десятковъ лѣтъ скрыться въ мракъ театральныхъ архивовъ и ожидать новыхъ подвиговъ самопожертвованія, подобныхъ подвигамъ, совершеннымъ на нашихъ глазахъ и почти безплодно, Булоховымъ и Петровымъ? И

если какимъ нибудь чудомъ для *Руслана* настанетъ наконецъ иная судьба, чѣмъ то несчастье, которое до сихъ поръ ее не покидаетъ, если эта опера станетъ наконецъ на нашей сценѣ и въ общемъ мнѣніи на томъ несокрушимомъ пьедесталѣ, который ей принадлежитъ, неужели же слушающая публика должна будетъ опять зависть отъ капризовъ того или другаго держжера, должна будетъ узнавать оперу въ искаженномъ видѣ невѣрнаго исполненія и притомъ тѣ только части и отрывки, которыя дирижеру заблагоразсудится дать услышать, а не все то, *что* сочинилъ и *какъ* сочинилъ авторъ? Чтѣ бы сказала эта же самая публика, еслибы, по причинѣ каприза, по соображенію какого бы то ни было профессора, ей стали показывать только половину или три четверти картины Брюллова или Иванова, а все остальное завѣсили бы, увѣрая, что прочаго не стоить или не должно смотрѣть для выигранія эффекта? Я думаю, всѣ сказали бы, что всякое художественное произведеніе (тѣмъ болѣе великое) есть принадлежность народа, а не профессора, и потребовали бы, чтобъ имъ показывали всю картину, какой бы судъ ни пришлось произносить потомъ о ней. Почему же и въ музыкальномъ дѣлѣ нельзя избавиться отъ ненужной опеки и излишне-нѣжной попечительности? Образованность и твердость общественнаго мнѣнія въ музыкальномъ дѣлѣ одні могутъ совершить этотъ переворотъ.

Но какое тогда будетъ время! Тогда будетъ уже понато у насъ, что Глинка для насъ то же, что Глукъ и Моцартъ для Германіи; что мы должны гордиться его *Русланомъ и Людмилой*, какъ однимъ изъ самыхъ высшихъ до сихъ поръ произведеній искусства; что эта опера (вмѣстѣ съ немногочисленными другими произведеніями послѣдней эпохи Глинки) есть основаніе будущей самостоятельной русской школы; что съ такимъ произведеніемъ должно обращаться съ болѣшимъ почтеніемъ, чѣмъ это дѣлалось въ наше время, и что подъ предлогомъ необходимости выиграть 30 или 40 минутъ, не должно смѣть варварски обрѣзывать ее; что эта опера должна утвердиться на нашей оперной сценѣ и никогда не сходить съ нея, для того чтобъ быть постоянно предъ глазами новыхъ возрастающихъ поколѣній; что это народное произведеніе должно быть постановлено у насъ съ такимъ же точно блескомъ, роскошью, тщательностью (начиная отъ хоровъ и до военной оркестровки), съ такою же художественною и даже археологическою вѣрностью, съ какими ставятся въ Англіи трагедіи Шекспира, въ Германіи трагедіи Софокла, оперы Глука и Моцарта; наконецъ, что Глинка, создавшій *Руслана и Людмилу*, принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которымъ ставятъ монументы. Какое это будетъ тогда время!

В. Стасовъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

(Письмо въ редакцію.)

Въ послѣдней книжкѣ журнала, издаваемого подъ именемъ *Теоретическаго Свѣдѣнія*, при Московской Духовной Академіи, за прошлый годъ, напечатана статья: «Обличеніе на книгу: *О возможности соединеніи церкви российской съ западною.*» Въ подстрочномъ примѣчаніи къ этой статьѣ сказано, что она принадлежитъ А. Н. Муравьеву.

Книга, на которую написано это «обличеніе», дѣйствительно дикая; составлена человѣкомъ, какъ видится, далеко не изучившимъ предмета, о которомъ онъ взялся разсуждать; исполнена вопіющихъ несообразностей; и въ этомъ смыслѣ, дѣйствительно, заслуживала обличенія. Но не о ней рѣчь. Рѣчь о томъ, какъ составлено самое это «обличеніе»; какіе аргументы тутъ пущены въ ходъ; что выставляется прежде всего, для пораженія обличаемаго автора. Но заставимъ говорить саму статью. Вотъ ея начало:

«Въ минувшемъ году явилась въ Лейпцигѣ, гдѣ съ нѣкотораго времени начали печататься на русскомъ языкѣ враждебныя противъ насъ сочиненія, новая книга, подъ названіемъ: *О возможности соединеніи церкви российской съ западною.* Это явленіе тѣмъ любопытнѣе, что книга сія не есть сочиненіе какого-либо изъ отщепенцевъ нашихъ, бѣжавшихъ изъ отечества и навсегда водворившихся за границую, подъ рясою іезуитскою. Нѣтъ, ее написалъ и издалъ въ свѣтъ одинъ русский князь, воспитанный іезуитами, *преспokoйно* (слушайте, слушайте!) *проживающій въ своемъ помѣстьи*, который, несмотря на столь явное нарушеніе законовъ гражданскихъ и церковныхъ (слушайте, слушайте!), почитаетъ себя членомъ нашей церкви и *не чуждымъ нашего гражданства*; дѣйствительно, это весьма необычайное явленіе!»

Не правда ли, м. г., что, по прочтеніи этихъ замѣчательныхъ строкъ, воскликните и вы, вмѣстѣ съ почтеннымъ г. А. Н. Муравьевымъ, но уже не объ обличаемой книгѣ, а о самомъ этомъ обличеніи: «дѣйствительно, это весьма необычайное явленіе!»

Но позвольте васъ угостить еще.

Черезъ три страницы послѣ выписаннаго мною начала, почтенный г. А. Н. Муравьевъ приводитъ изъ обличаемой книги слѣдующую мысль:

«На западѣ, въ совѣтахъ первосвященника, выходки писателей нашихъ противъ католицизма принимаются только какъ частныя

мнѣнія, ибо единства въ сихъ сужденіяхъ нѣтъ; а какъ въ этомъ ихъ вѣроятно руководить непреодолимое невѣдѣніе (*ignogance invincible*), которое, по церковнымъ правиламъ, не лишаетъ спасенія, то и благоразумный намѣстникъ Христовъ выжидаетъ той минуты, когда небесному промыслу разсудится просвѣтить упорныхъ.»

Мысль, какъ видите, точно безобразная, сама по себѣ. Но вотъ какъ отвѣчаетъ на нее почтенный г. А. Н. Муравьевъ.

«Это весьма утѣшительно для Россіи», говорить онъ: «и можетъ-быть успокоительно для князя; но весьма любопытно было бы знать, *довольствуется ли* на исповѣди такимъ казуистическимъ толкованіемъ *духовникъ его*, если только кающійся искренно открываетъ ему свой настоящій образъ мыслей? Во всякомъ случаѣ, теперь, когда уже обнародовано имъ самимъ его исповѣданіе вѣры чрезъ его же книгу, *любопытно знать, допустить ли его духовникъ до приобщенія, послѣ такихъ обличеній на православіе? Вопросъ этотъ можетъ касаться и мѣстнаго епископа.*»

Какъ тонко, не правда ли?

М. г.! я полагаю, что приведенныя мною строки не должны остаться безызвѣстными русскому читающему міру. Конечно, къ нимъ никакихъ пояснительныхъ добавленій не нужно. Онѣ понятны безъ всякихъ комментаріевъ. Но онѣ должны быть обнародованы, какъ замѣчательный фактъ въ лѣтописяхъ нашего просвѣщенія: пусть будетъ заявлено всѣмъ и каждому, когда, гдѣ и къмъ, и въ какихъ обстоятельствахъ литературы были напечатаны эти многознаменательныя строки. Будущій историкъ литературы не забудетъ, безъ сомнѣнія, отмѣтить ихъ, какъ обстоятельство характеристическое по отношенію къ настоящему времени вообще, и какъ обозначительную черту, характеризующую въ частности того автора, который начерталъ эти строки. Выбираю, м. г., вашъ журналъ, какъ одинъ изъ многоуважаемыхъ мною и наиболѣе читаемый публикою. Надѣюсь, м. г., что вы мнѣ не откажете въ сочувствіи и удовлетворите моей просьбѣ.

Почтенный г. А. Н. Муравьевъ чувствовалъ самъ все великолѣпіе словъ, имъ сказанныхъ; мало того: онъ счелъ даже долгомъ самъ указать на нихъ своимъ читателямъ. Заботливо старается онъ отклонить всякое сомнѣніе, какое могло бы еще возникнуть въ простодушныхъ читателяхъ относительно удивительныхъ обнаруженій, имъ сообщенныхъ. Пожалуй, въ самомъ дѣлѣ, найдутся люди, нравственно развитые, которые почтутъ все это просто только за наивную выходку, невольню и безъ всякаго умысла скользнувшую изъ подъ пера, не понимая и возможности чего-нибудь другаго. Нѣтъ, почтенный г. А. Н. Муравьевъ спѣшитъ предупредить читателей.

«Такъ какъ меня во многихъ мѣстахъ, говоритъ онъ, обвиняетъ князь, какъ автора *Римскихъ Писемъ* (а многіе знаютъ, кто ихъ написалъ), то это не все ли равно, что называть меня по имени: посему, и мнѣ позволительно, въ моемъ возраженіи, намекать, кто онъ, для предосторожности другихъ.»

Видите, г. Муравьевъ очень хорошо понимаетъ, что дѣлаетъ, онъ взвѣшивалъ слова, когда писалъ «обличеніе». И не правда ли, онъ вполне убѣдилъ васъ, что это въ самомъ дѣлѣ все равно, что бой между критикомъ и авторомъ, дѣйствительно, съ обѣихъ сторонъ совершенно равный, что оружіе у того и другаго совершенно одинаковое? Видите, въ книгѣ, вызвавшей обличеніе, обвиняется авторъ *Римскихъ Писемъ*; а многіе знаютъ, кто этогъ авторъ; итакъ, на этомъ-то основаніи и г. Муравьевъ считаетъ позволительнымъ намекать, кто авторъ обличаемой книги, и... и написать выше приведенныя строки! Въ этихъ строкахъ вѣдь онъ только намекаетъ на имя автора, и больше ничего? Не правда ли? Бой, въ самомъ дѣлѣ, равный!

Но нѣтъ, мнѣ становится грустно. Я сказалъ, что слова г. Муравьева не требуютъ комментарія, и конечно, это вполне вѣрно относительно васъ и большинства вашихъ читателей. Но тѣмъ не менѣе, сейчасъ приведенное объясненіе г. Муравьева показываетъ мнѣ, что я долженъ взять слово свое назадъ. Искренно ли объяснилъ г. Муравьевъ побудительную причину къ своимъ словамъ, или нѣтъ, все равно. Но во всякомъ случаѣ, объясненіе его даетъ видѣть, что въ нашемъ обществѣ, и притомъ въ той сферѣ, гдѣ, казалось бы, нравственныя правила должны быть въ особенности строго понимаемы и высоко цѣнимы, къ величайшему сожалѣнію, могутъ отыскиваться люди, и пожалуй не малое число, для которыхъ самыя первыя, самыя элементарныя понятія о нравственности—тарабарская грамота. Конечно, вы не предположите, что я здѣсь хочу раскрывать эти элементарныя понятія, и не потребуете отъ меня этого. Но надѣюсь, вы позволите здѣсь, для вразумленія извѣстнаго класса людей, употребить хоть примѣръ, и притомъ наиболее близкій къ настоящему.

Вообразимъ, что между мной и какимъ нибудь авторомъ существуетъ печатный споръ о чемъ бы то ни было,—ну хоть, чтобы примѣръ былъ какъ можно ближе къ дѣлу,—о правилахъ нравственности. Положимъ, потому, что, въ спорѣ, противникъ мой, защищая какую-нибудь мысль, саму по себѣ несправедливую, переименовалъ мои когда-то сказанныя ему слова. Итакъ, представимъ теперь, что я, въ отвѣтъ своему противнику, употребляю слѣдующій аргументъ. «Да помилуйте, знаете ли кто это говоритъ?—человѣкъ, заведомо преданный такому гнусному пороку, за который полагается равно и церковное и гражданское нака-

заніе.» Я выразилъ бы кстаги тутъ удивленіе, что мой противникъ *преспокойно поживаетъ и не чуждъ гражданскаго общества.*

Но впрочемъ, что жъ я говорю? къ чему распространяюсь? — Увы, я увѣренъ, что известный сортъ людей вполне меня оправдалъ бы; я очень хорошо знаю, что есть у иныхъ такой кодексъ правилъ, по которому отвѣтъ мой поставленъ былъ бы даже въ особенную услугу просвѣщенію. «Почему жъ и не сказать», замѣтили бы мнѣ: «да какъ же и не напечатать именно такого отвѣта? Вѣдь вашъ противникъ обвиняетъ васъ, какъ автора известной книги, а многіе знаютъ, что вы этотъ авторъ. Почему жъ и вамъ не намекнуть, знаете, *для предосторожности другмъ...* Да какъ же и не сказать, *кто онъ*, и не обвинить его, — конечно совсѣмъ въ другомъ уже, а не въ искаженіи только вашихъ словъ, но это все равно. Васъ обвиняютъ, ну, и вы тоже вѣдь обвиняете же, а не что другое, — равенство совершенное!» Не понимая, что тутъ самымъ явнымъ образомъ попирается даже простая языческая нравственность, многіе почтутъ подобный отвѣтъ даже подвигомъ высоконравственнымъ. Въ безднѣ невѣжества, не постигая, что христіанская истина не отрицаетъ, но напротивъ утверждаетъ и возвышаетъ законъ любви, многіе увидятъ тутъ, пожалуй, даже дѣло богоугодное, святой порывъ ревности о вѣрѣ, защиту христіанской истины. Да, м. г., многіе еще, очень многіе у насъ не досрели до разумнія той повидимому самой простой вещи, что антропофагія ни въ какомъ случаѣ не защита и не слава, но напротивъ всегда оскорбленіе и величайшій вредъ христіанской истинѣ.

А между тѣмъ, достопочтенный А. Н. Муравьевъ дѣйствительно жалуется, что противникъ его невѣрно передалъ слова, когда-то отъ него слышанныя, и силится убѣдить читателей, что онъ, А. Н. Муравьевъ, приписываемыхъ ему словъ никогда не произносилъ. Но должно согласиться, при всемъ уваженіи нашемъ къ столь почтенному и по многимъ отношеніямъ известному писателю, каковъ А. Н. Муравьевъ, мы не находимъ доводовъ его вполне убѣдительными. «Хотя при этомъ», такъ изъясняется г. Муравьевъ о фальсификаціи, въ которой онъ обвиняетъ своего противника: «хотя при этомъ, для большаго увѣренія, поставлено имъ въ скобкахъ латинское слово *sic*, однако я не могу согласиться на такой отвѣтъ съ моей стороны, потому что онъ не имѣетъ никакого смысла.» Соглашается ли теперь г. Муравьевъ самъ съ своимъ отвѣтомъ, или нѣтъ, и находитъ ли онъ теперь въ немъ смыслъ, — это вопросъ другой. Но ссылаюсь на всѣхъ безпристрастныхъ читателей, убѣдительно ли представленное имъ доказательство въ томъ, что онъ этого отвѣта не произносилъ?

«Отвѣтъ не имѣть никакого смысла!» Но по совѣсти, я не вижу основанія, почему жь бы г. Муравьевъ и не могъ дать отвѣта, который «не имѣть никакого смысла»?—Воля ваша, это не со-всѣмъ послѣдовательно.

А кстати, о послѣдовательности. Не знаемъ, имѣть ли досто-почтенный А. Н. Муравьевъ офиціальное полномочіе и призваніе слѣдить и открывать *нарушенія законовъ гражданскихъ*, о кото-рыхъ онъ такъ глубокознаменательно замѣтилъ въ своей статьѣ, и даже провозглашать о нихъ во всеуслышаніе. Потому, мы не можемъ судить, въ какой степени онъ правъ съ этой стороны. Если достопочтенный А. Н. Муравьевъ имѣть такую оффицію, то разумѣется, тутъ и толковать нечего. Онъ дѣлаетъ свое дѣло. Всякій имѣть свое призваніе, и если А. Н. Муравьевъ исполня-етъ свое, которое онъ выбралъ, которое ему по душѣ, и къ ко-торому онъ привыкъ: то, каково бы ни было оно само по себѣ, во всякомъ случаѣ удивляться тутъ нечему. Все это очень есте-ственно. Но мы знаемъ, по крайней мѣрѣ, что въ сферѣ собственно церковной А. Н. Муравьевъ вовсе не имѣетъ подобнаго офиці-ального призванія: надѣюсь, уважаемый авторъ *Обличенія* самъ согласится, что онъ не облеченъ никакою іерархическою властью. Итакъ, любопытно было бы знать, какъ достопочтен-ный А. Н. Муравьевъ понималъ свои отношенія къ церковной власти, когда начертывалъ свои, извѣстные намъ, указанія на *нарушеніе законовъ церковныхъ*? Какъ, въ частности, опредѣляетъ онъ свои отношенія къ тѣмъ, неизвѣстнымъ для насъ, *духовнику и мѣстному епископу*, которымъ даетъ онъ такіе тонкіе намеки и внушенія? Хочетъ ли онъ черезъ это дать понять, что онъ счита-етъ, нѣкоторымъ образомъ, за собою право вязать и рѣшить, что онъ въ этомъ смотреть на себя какъ бы на законодателя, а на другихъ только какъ на исполнителей? Но сколько намъ из-вѣстно изъ другихъ сочиненій того же самаго г. А. Н. Муравь-ева, по собственному его признанію, не только самая эта свя-щенная власть, но даже право простаго назиданія церковной вла-сти въ сферѣ исполненія ею священнослужебныхъ обязанностей, едва ли можетъ быть признано за частнымъ лицомъ съ такимъ значеніемъ въ церкви, какое имѣетъ онъ, то-есть г. Муравьевъ? Мы полагаемъ, что упоминаемый нами почтенный писатель самъ согласится, что это въ своемъ родѣ тоже непослѣдовательно. И любопытно было бы знать,—скажу, перифразируя собственныя его слова,—какъ объясняетъ онъ самъ себѣ это странное разно-гласіе словъ съ поступками, вѣры съ дѣломъ? Да, «любопытно было бы знать», опять скажу словами самого г. Муравьева: «удовольствуется ли казуистическимъ толкованіемъ, какое будетъ для этого придумано, духовникъ его, если только кающійся» и проч. и проч., зри выше, до конца выписки

Но довольно. Полагаю, что я сказалъ все, что нужно. Заключу свое письмо слѣдующимъ размышленіемъ. Съ недавняго времени, въ извѣстномъ классѣ людей, начинаютъ проноситься отзывы о казанскомъ духовномъ журналѣ *Православный Собесѣдникъ*, который, въ послѣднюю пору, столь справедливо привлекъ къ себѣ особенное уваженіе и расположеніе общества. Отзывы эти дышать крайнимъ недовольствомъ. Духовный журналъ заговорилъ о порокахъ не обиняками, а прямо; коснулся не того, что слишкомъ далеко или слишкомъ блѣдно, но того, что въ особенности ярко и въ особенности живо въ нашемъ обществѣ; обратился за уврачеваніемъ духовныхъ язвъ не къ требованіямъ какихъ-либо экскуцій, а воззвалъ къ чувствамъ христіанской любви и братства. Въ извѣстномъ кружкѣ это не понравилось. Тамъ показалось, что такимъ направленіемъ унижается духовный журналъ, что идею о *прогрессѣ* или *гуманности*, оскорбляется его достоинство...

Мы были смущены, были поражены, внимая этимъ слухамъ... Прогрессъ, гуманность, — христіанское человеколюбіе, братство — (ибо что жъ иное должны значить эти слова?) — какъ, думали мы, неужели эти слова, это направленіе могутъ унижать кого-нибудь, могутъ считаться оскорбленіемъ кому-нибудь, а тѣмъ болѣе — духовному журналу?.. Но чѣмъ же лучше, какъ не словами любви низложить порокъ, разсѣять лжеученіе?.. Мы не хотѣли вѣрить, не умѣли понять...

Но теперь мы вѣримъ, и теперь мы понимаемъ. Съ точки зрѣнія извѣстнаго образа мыслей дѣйствительно это должно казаться униженіемъ и оскорбленіемъ. А вотъ такія идеи и такія слова, какія мы вычитали и показали изъ статьи г. Муравьева, — то ли дѣло! Вотъ это, видно, истинное возвышеніе и истинное достоинство, да притомъ, и для того святаго дѣла, которому статья хочетъ служить защитой!

Истинно жаль, что журналъ, который мы привыкли уважать въ другихъ отношеніяхъ, за его серьезное направленіе, рѣшилъ унижить себя помѣщеніемъ этихъ строкъ г. Муравьева. Это самое уваженіе къ журналу заставляетъ насъ надѣяться, что подобное явленіе съ нимъ не повторится...

Примите, м. г., увѣреніе и проч.

31 марта 1859.

Ц.

АЛЕКСИСЪ ТОКВИЛЬ.

НЕКРОЛОГЪ.

Въ то время, какъ всеобщее вниманіе обращено на борьбу, которая начинается въ огромныхъ, можетъ-быть, размѣрахъ, въ то время, какъ одна изъ наиболѣе симпатическихъ націй, съ свойственнымъ ей увлеченіемъ и пыломъ, снова поднимается для защиты своей независимости, трудно отвлечь это вниманіе отъ поглащающаго его зрѣлища какимъ бы то ни было постороннимъ явленіемъ. Мы убѣждены, однако, что смерть А. де-Токвиля грустно поразила всѣхъ мыслящихъ и образованныхъ людей въ Европѣ. Это былъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ достойнѣйшихъ и глубокомысленнѣйшихъ публицистовъ нашего времени: онъ написалъ немного, но каждое изъ его твореній производило глубокое впечатлѣніе на общество, и всѣ они пользуются до самаго послѣдняго времени успѣхомъ, который будетъ постоянно возрастать: посреди борьбы политическихъ партій, посреди пробованія различныхъ политическихъ формъ, общество не разъ, конечно, обратится къ сочиненіямъ писателя, въ которыхъ начала государственной жизни были изслѣдованы съ замѣчательною глубиною и ясностью.

Сообщимъ, сначала, нѣсколько біографическихъ извѣстій объ умершемъ писателѣ. Алексисъ-Шарль-Генрихъ де-Токвиль родился 29 іюля 1805 года, въ Вернелѣ, въ департаментъ Сены и Оазы, и происходилъ по матери отъ знаменитаго Малерба. По окончаніи курса наукъ, въ 1826 году, онъ былъ принятъ въ число адвокатовъ при Парижскомъ судѣ, а въ 1830 году занялъ мѣсто между судьями въ Версалѣ. Въ слѣдующемъ году, онъ предпринялъ, вмѣстѣ съ своимъ другомъ, также извѣстнымъ ученымъ, г. Густавомъ де-Бомономъ, путешествіе въ Соединенные Штаты, съ цѣлію изучить въ этой странѣ тюремную систему. По возвращеніи своемъ, онъ напечаталъ въ 1835 году сочиненіе свое: *La démocratie en Amérique*, которое сразу доставило ему европейскую извѣстность: соотечественники поставили его на ряду съ Монтеスキе, — высочайшая похвала, которой могъ онъ отъ нихъ удостоиться. Названный нами трудъ былъ переведенъ почти на всѣ европейскіе языки, за исключеніемъ развѣ только русскаго, и имѣлъ до сихъ поръ во Франціи четырнадцать изданій. Въ 1837 году г. де-Токвиль занялъ мѣсто г. Ларомигьера въ Академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, а въ 1841, когда смертью графа де Сессака открылась вакансія во Французской академіи, онъ былъ избранъ въ ея члены. Съ 1839 года по 1848 годъ, онъ пред-

ставлялъ въ тогдашней палатѣ городъ Валонь; онъ сидѣлъ тамъ въ рядахъ умѣренной оппозиціи, той оппозиціи, которая имѣла цѣлью только предостерегать правительство, а не стремилась къ его разрушенію. По обширнымъ познаніямъ своимъ, г. де-Токвиль считался однимъ изъ полезнѣйшихъ членовъ палаты депутатовъ; дѣятельно участвуя въ многочисленныхъ коммиссіяхъ, назначавшихся для изслѣдованія самыхъ разнообразныхъ предметовъ, вопроса о невольничествѣ, о тюремной системѣ, морскихъ силахъ Алжиріи и другихъ, онъ говорилъ обо всемъ съ полнымъ знаніемъ дѣла.

Подъ конецъ июльской монархіи, онъ совершенно отдѣлился отъ министерства Гизо, которое, въ странномъ ослѣпленіи и не обращая вниманія ни на какія предостереженія, шло прямо къ гибели и вело къ ней съ собою всю страну. Въ засѣданіи палаты депутатовъ 27 января 1848 года, то-есть менѣе, чѣмъ за мѣсяцъ до революціи, произнесъ онъ знаменитую рѣчь, въ которой заранѣе предугадалъ, что ожидаетъ существовавшій тогда политическій порядокъ. « Не знаю, ошибаюсь ли я, сказалъ онъ,— но мнѣ кажется, что настоящее состояніе общественнаго мнѣнія способно возбудить только безпокойство и прискорбіе. Что касается меня, откровенно признаюсь палатѣ, что впервые, въ теченіи пятнадцати лѣтъ, испытываю я опасенія за будущее. Утверждаютъ, что опасности нѣтъ, потому что нѣтъ мятежа на улицѣ, что революція не вспыхнетъ до тѣхъ поръ, пока не наступитъ матеріальное броженіе на поверхности общества. Подобное мнѣніе, утверждаю прямо, вполне ошибочно. Конечно, не видно еще явнаго безпорядка, но безнорядокъ давно уже господствуетъ въ умахъ. Развѣ не чувствуете вы, можетъ-быть безсознательно, но тѣмъ не менѣе вѣрнымъ инстинктомъ, что снова почва дрожить въ Европѣ? Развѣ не чувствуете вы... какъ бы выразиться? революціоннаго вихря въ воздухѣ? » Послѣ того какъ революція дѣйствительно случилась и провозглашена была республика, Токвиль былъ избранъ въ члены учредительнаго собранія большинствомъ 170.714 голосовъ. Въ эту эпоху своей дѣятельности, онъ долженъ былъ испытать на самомъ себѣ то же самое, что повторилось съ большинствомъ знаменитѣйшихъ его соотечественниковъ. Общество находилось въ состояніи анархіи; крайніе республиканцы стремились захватить диктатуру въ свои руки и указывали на социалистовъ, какъ на враговъ общественнаго порядка; социалисты отплачивали тою же монетою республиканцамъ и думали о преобразованіи собственности на новыхъ основаніяхъ; невѣжественная чернь въ городахъ и селахъ, испытанная всякаго рода лишеніями и бѣдствіями, готова была поднаться ежеминутно на голосъ льстивыхъ своихъ пророковъ. Дѣло шло не о томъ уже,

чтобъ отстаивать свободу, а о томъ, чтобъ охранить основныя начала, на которыхъ держится общество; и среди этихъ обстоятельствъ, людямъ, даже самымъ либеральнымъ, вся жизнь которыхъ протекла въ служеніи политической свободѣ, приходилось не разъ дѣйствовать орудіемъ насилія. Повторяемъ, Токвиль также не избѣгнулъ этой участи. Онъ постоянно подавалъ голосъ съ правою стороною, въ 1849 году былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и въ этомъ качествѣ имѣлъ несчастье взойти на трибуну, чтобы защищать римскую экспедицію. Отношенія его къ Лудовику-Наполеону никогда, впрочемъ, не были слишкомъ близки, и, 2 декабря 1851 года, онъ, одинъ изъ первыхъ, протестовалъ противъ *coup d'état*. Съ тѣхъ поръ Токвиль совершенно удалился отъ политической дѣятельности и предался научнымъ занятіямъ. Плодомъ ихъ было появленіе въ 1856 году извѣстнаго сочиненія: *L'ancien régime et la révolution*, надѣлавшаго столько шума во всей Европѣ и сильно занимавшаго даже наше общество; это была только первая часть труда, надъ которымъ онъ не переставалъ трудиться до самаго конца жизни. Онъ умеръ на югѣ Франціи, въ городѣ Каннѣ, на 53 году отъ рожденія.

Теперь слѣдовало бы сказать нѣсколько словъ о сочиненіяхъ Токвиля. Къ сожалѣнію, это не совсѣмъ легко, въ предѣлахъ небольшой статейки, имѣющей форму некролога. Позволимъ себѣ указать только на одну ихъ сторону, весьма замѣчательную по нашему мнѣнію. Очень часто Токвиля причисляютъ къ партіи людей, которые извѣстны въ его отечествѣ подъ именемъ *доктринеровъ*, и съ извѣстной стороны, мнѣніе это имѣетъ, какъ будто, нѣкоторое основаніе. Онъ былъ ученикомъ Ройе-Коллара, главы и знаменитѣйшаго представителя этой партіи; онъ постоянно находился въ рядахъ защитниковъ конституціонной монархіи, не скрывалъ своего сочувствія къ англійскимъ учрежденіямъ и давалъ въ нихъ высокое мѣсто аристократіи. Но несмотря на все это, мы убѣждены, что Токвиль занимаетъ между политическими писателями своего отечества совершенно особенное, оригинальное положеніе, такъ что его нельзя съ полною основательностію причислить ни къ одной изъ существующихъ тамъ партій. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоить только вспомнить то время, когда онъ выступилъ къ дѣятельности и высказалъ теорію, которымъ оставался вѣренъ въ теченіи всей жизни. Въ эпоху тридцатыхъ годовъ, между лучшими людьми Франціи было распространено твердое убѣжденіе въ непоколебимой прочности существовавшаго тамъ конституціоннаго устройства. По мнѣнію ихъ, въ обществѣ существовало, кромѣ демократіи, еще много другихъ крѣпкихъ элементовъ, которые были въ состояніи вы-

держивать съ нею борьбу; демократія не внушала большіхъ опасеній, ибо вся прежняя исторія показывала, кажется, что она не болѣе какъ одинъ изъ этихъ элементовъ, и не въ состояніи, безъ содѣйствія другихъ, основать никакого прочнаго порядка. Между судьбами Франціи и Англіи проводилась близкая параллель и доказывалось, что для первой изъ этихъ странъ наступила послѣ 1830 года точно такая же пора законнаго и мирнаго развитія, какъ наступила для послѣдней изъ нихъ послѣ 1688 года. Токвиль не поддавался однако этому самообольщенію и не увлекся внѣшними признаками сходства. Проводя аналогію между тѣмъ, что онъ видѣлъ въ Соединенныхъ Штатахъ, и тѣмъ, что происходило въ его собственномъ отечествѣ, онъ высказалъ прямо, что демократія во Франціи давно уже поборола всѣ преграды, лежавшія на ея пути, что ничѣмъ нельзя остановить ея преобладаніе, что она составляетъ основу французскаго общества. Но сознаніе ея силы нисколько не помѣшало ему однако выставить на свѣтъ всѣ гибельныя ея недостатки. Токвиль умѣлъ цѣнить демократическія и республиканскія учрежденія въ Соединенныхъ Штатахъ; онъ удивлялся могучему развитію и прочности ихъ въ этой странѣ и приписывалъ причину этого успѣха тѣмъ особеннымъ условіямъ, среди которыхъ воспиталось американское общество, и которыя не существовали для общества европейскаго. Демократія тамъ съ самаго ранняго времени была тѣсно связана со свободою—величайшая задача, достиженія которой мы не видимъ почти нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. Во Франціи, напротивъ, тѣмъ далѣе развивалась демократія, тѣмъ болѣе и болѣе расторгала она всякую связь съ свободою, такъ что во французскомъ обществѣ мы видимъ на ряду съ нивелирующими; демократическими тенденціями почти совершенное отсутствіе всякой самостоятельности и личной зависимости. Токвиль былъ убѣжденъ, что излѣченіе этихъ недостатковъ, если не совершенно невозможно, то представляетъ, по крайней мѣрѣ, необычайныя трудности. Рукою мастера изобразилъ онъ печальную будущность, ожидающую французскую демократію, и въ 1835 году, то-есть, въ то время, когда ничто, казалось, не угрожало процвѣтанію конституціонныхъ учреждений, онъ нарисовалъ слѣдующую картину окружавшаго его общества, которая теперь, послѣ всего, что мы видѣли и видимъ, можетъ показаться пророчествомъ:

«Современники наши колеблются непрерывно между двумя враждебными страстями: потребностью быть руководимыми и желаніемъ оставаться свободными. Не будучи въ состояніи уничтожить ни одинъ изъ этихъ непримиримыхъ инстинктовъ, они силятся доставить удовлетвореніе каждому изъ нихъ. Имъ хотѣлось бы власти единой, всемогущей, охранительной, но которая

была бы избрана всеми гражданами. Они ухитряются совмѣстить централизацію и господство народа (*souveraineté du peuple*). Это нѣсколько облегчаетъ ихъ. Они готовы оставаться подъ опекою, утѣшая себя мыслию, что все-таки эта опека поставлена ими самими. Каждый гражданинъ позволяетъ связать себя, ибо онъ видитъ, что не одинъ человекъ и не одно какое-нибудь сословіе, а цѣлый народъ держитъ конецъ веревки. По этой системѣ, граждане выходятъ изъ рабства только для того, чтобы назначить своего повелителя, и снова возвращаются къ нему. Въ наше время многіе очень легко мирятся на этой сдѣлкѣ между административнымъ деспотизмомъ и самодержавіемъ народа, и думаютъ, что достаточно оградили индивидуальную свободу, отдавши ее подъ надзоръ и власть всего общества.

Названное нами выше сочиненіе Токвиля: *De la démocratie en Amérique*, гдѣ онъ впервые изложилъ подробно свои мысли, произвело сильное впечатлѣніе на общество, но не было оцѣнено совершенно по достоинству. Этому вредило, какъ мы указали сейчасъ, то время, въ которое оно появилось въ свѣтъ. Соображенія автора отличались необыкновенною глубиною, меткимъ и безпощаднымъ анализомъ, но предсказанія его казались слишкомъ мрачными, слишкомъ преувеличенными. Въ сущности, онъ несравненно вѣрнѣе, чѣмъ Гизо, Тьерри и другіе знаменитые писатели одной съ ними школы, судилъ французское общество, но Гизо и Тьерри имѣли за себя дѣйствительность и блестящую перспективу, которая, казалось, ожидала конституціонную монархію. Событія не замедлили доказать, на чьей сторонѣ было болѣе проницательности. Февральская революція и событія, послѣдовавшія за нею, вмѣстѣ съ торжествомъ демократіи, обнаружили въ ней именно тотъ характеръ, который былъ когда-то такъ полно изображенъ знаменитымъ писателемъ. Тогда Токвиль рѣшился уяснить еще болѣе то, что говорилъ онъ прежде. Знаменитое сочиненіе его: *L'ancien régime et la révolution* находится въ тѣсной связи съ сочиненіемъ его объ Америкѣ. Прежде онъ предугадывалъ, теперь онъ говорилъ навѣрное; прежде онъ старался только уловить основныя черты въ характерѣ французской демократіи, теперь онъ изслѣдовалъ, какимъ образомъ создались онѣ исторически. Нужно ли говорить, сколько потеряли наука и общество отъ того, что сочиненіе это осталось неоконченнымъ?..

Произведенія Токвиля упрекали часто въ томъ, что они проникнуты какимъ-то холоднымъ, безотраднымъ чувствомъ: точно видишь врача у постели больного, — врача, который внимательно слѣдитъ за ходомъ о болѣзни, замѣчаетъ симптомы, слѣдитъ за біеніемъ пульса, но какъ будто не проникнуть никакимъ инымъ чувствомъ, кромѣ строгаго сознанія своего долга. Упрекъ этотъ основанъ

чисто на виѣшности: можно ли по справедливости отнести его къ человѣку, который всю жизнь посвятилъ служенію странѣ, принесъ ей въ жертву всё лучшіе дары своего духа и даже въ последнее время, когда обстоятельства приняли такой мрачный оборотъ, не переставалъ усиленно трудиться для нея, избравъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми лучшими людьми Франціи, своимъ девизомъ грустныя, но благородныя слова: *Fais que dois, advienne que pourra?*...

Въ бытность нашу, въ прошломъ году, въ Парижѣ, намъ не разъ случалось видѣть знаменитаго писателя. Наружность его была весьма замѣчательна. Онъ былъ небольшого роста, очень худъ, черты смуглага лица отличались необыкновенною тонкостью, и нижняя губа, выдававшаяся нѣсколько впередъ, придавала ему саркастическое выраженіе. Казалось, Токвиль отличался еще цвѣтущимъ здоровьемъ, а между тѣмъ въ немъ уже развивался недугъ, который долженъ былъ привести его къ преждевременной кончинѣ...

Ев. Ѳеоктистовъ.

ИЗВѢСТІЯ СЪ КАВКАЗА.

Не имѣя возможности представить въ этой книжкѣ нашего журнала подробный обзоръ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ за прошедшую зиму, мы спѣшимъ внести въ нашу Лѣтопись извѣстіе о важномъ успѣхѣ въ исторіи кавказской войны, — о взятіи Веденя войсками генералъ-лейтенанта (нынѣ графа) Евдокимова.

Наступательныя дѣйствія на Ведень начались 20 декабря прошлаго года, двумя отрядами: однимъ, направленнымъ отъ Бердыкеля, и другимъ — изъ крѣпости Воздвиженской. Прежде всего было занято ущелье, образуемое рѣкою Басса. Къ 1 января изъ него выведено болѣе 800 семействъ, изъявившихъ безусловную покорность. 15 января взятіемъ сильно укрѣпленнаго непріятелемъ аула Таузень, который находится на узлѣ дорогъ въ Ичкерію, Андію, Чарбили и Шатой, открыта дорога къ Веденю, что заставило непріятеля покинуть всё свои укрѣпленія на Доргинъ-Дукѣ. Дѣйствіями 6, 7 и 8 февраля очищена отъ непріятеля прямая дорога отъ Таузени на Ведень; войска стянулись на позицію у аула Джантемиръ-юртъ, лежащаго въ двухъ верстахъ ниже Веденя на правомъ берегу лѣваго притока Хулхулау. 17 марта начато обложеніе Веденя, а 1 апрѣля онъ взятъ и занятъ нашими войсками. Вотъ какъ генералъ Евдокимовъ описываетъ это дѣло:

• Укрѣпленный аулъ Ведень, бывший въ послѣдніа 14 лѣтъ резиденціею Шамиля, лежитъ на правомъ берегу лѣваго притока Хулхулау, при выходѣ онаго изъ лѣсистаго и почти неприступнаго ущелья. Западная и восточная стороны аула, огражденныя отвѣсными обрывами овраговъ, укрѣплены сверхъ того брустверами изъ плетней и туровъ, засыпанныхъ землею; мѣстами же устроены палисады. Сѣверная сторона, обращенная къ веденской полянѣ, укрѣплена двумя толстыми параллельными брустверами изъ глины, въ разстояніи отъ 3 до 5 шаговъ одинъ отъ другого; наружный брустверь одѣтъ плетнемъ и увѣнчанъ въ два ряда турами (1½ аршина въ діаметрѣ), засыпанными глиною и каменьями; промежутокъ между брустверами блиндированъ бревенчатою настилкою, устланною фашинами въ семь рядовъ и засыпанною сверху землею. На сѣверо-восточномъ и сѣверо-западномъ углахъ устроены туръ-бастіоны такихъ же профилей, фланкирующіе овраги и ровъ передняго фаса. Въ разстояніи отъ 40 до 50 сажень отъ сѣвернаго фаса укрѣпленія, узкое пространство между оврагами перерѣзано другимъ широкимъ и глубокимъ рвомъ, который фланкируется съ редута № 1-го. Съ западной стороны Веденя тянется гребень высотъ, постепенно понижающійся отъ вершины горы Лена-Кортъ и отдѣленный отъ аула оврагомъ. Вершины этого гребня были заняты шестью отдѣльными редутами весьма сильныхъ профилей, вмѣщавшими каждый отъ 500 до 600 человекъ гарнизона. На сообщеніяхъ между редутами были возведены еще промежуточные постройки. Редуты № 1-й и 2-й были вооружены каждый полевымъ орудіемъ (1). Сильнѣйшій изъ всѣхъ редутовъ былъ нижній, лежавшій на одной высотѣ съ сѣвернымъ фасомъ Веденя. Редутъ этотъ, обороняемый Андійцами, состоялъ изъ трехъ отдѣльных, весьма неправильныхъ построекъ, соединенныхъ между собою крытыми ходами. Фасы этихъ построекъ, окруженные широкими и глубокими рвами, состояли изъ глиняныхъ брустверовъ (мѣстами до 8 шаговъ толщиною), одѣтыхъ снаружи толстымъ плетнемъ и увѣнчанныхъ въ два ряда турами (до 2 аршинъ въ діаметрѣ), засыпанными глиною и каменьями. Съ внутренней стороны брустверовъ были устроены блиндажи для жительства гарнизона.

• По самымъ умѣреннымъ показаніямъ, 14 наибовъ, защищавшихъ Ведень, имѣли въ сборѣ слишкомъ 7000 человекъ Тавлицевъ; половина изъ нихъ составляла гарнизонъ аула, а другая была разбита по редутамъ.

• Ключомъ непріятельской позиціи былъ Андійскій редутъ. Съ потерей его непріятель терялъ возможность держаться успѣшно

(1) Въ ночь съ 27 на 28 число непріятель вывезъ орудіе изъ редута № 1-го

въ аулѣ: съ другой же стороны, съ занятіемъ этого редута, осаждающія войска могли быть расположены съ большею сосредоточенностью, и получалась возможность отдѣлать особую колонну для занятія горы Мена-Кортъ; причеиъ было бы отрѣзано единственное, оставшееся свободнымъ, сообщеніе непріятеля съ Андіею, На этомъ основаніи, первую задачу въ предпринимаемой осадѣ я положилъ себѣ занятіе Андійскаго редута.

• Для обложенія и осады Веденя, подѣ общею командою помощника моего, генераль-майора Кемферта, я назначилъ 13½ батальйоновъ, раздѣленныхъ на три осадныя колонны и два резерва.

Правая колонна флигель-адъютанта полковника Черткова, изъ 3-хъ батальйоновъ Куринскаго полка, какъ я уже доносилъ, 18 марта обложила Ведень съ западной стороны и открыла траншею, чтобы приблизиться къ оврагу лѣваго притока Хулхулау. На берегу этого оврага я считалъ нужнымъ заложить батарею, которая бы могла обстрѣливать картечнымъ огнемъ западную покатость гребня, на которомъ были устроены редуты, чтобы такимъ образомъ не допускать гарнизонъ аула поддерживать редуты.

• Средняя колонна генераль-майора барона Розена, изъ 2½ батальйоновъ (1), должна была подойти на возможно близкое разстояніе къ Андійскому редуту съ фронта и заложить противъ него брешь-батарею.

• Лѣвая колонна генераль-майора Ганецкаго, изъ 4-хъ батальйоновъ и 4-хъ орудій (2), имѣла назначеніе обложить Ведень съ восточной стороны и отрѣзать непріятелю ближайшія и лучшія дороги въ Андію и Ичкерію. Крутизна восточной покатости хребта, на которомъ были расположены непріятельскіе редуты, не позволяла съ этой стороны производить траншейныя работы и заложить батареи.

• Въ резервъ между правою и среднею колоннами, въ оврагѣ лѣваго притока Хулхулау, были поставлены: 1-й батальйонъ Грузинскаго гренадерскаго и 1-й батальйонъ Бѣлостокскаго пѣхотнаго полка; на сообщеніи средней колонны съ лѣвою, въ видѣ резерва, были поставлены два батальйона Бѣлевскаго пѣхотнаго полка, на развалинахъ Дыхны-Ведень.

• Завѣдывавшій работами въ правой колоннѣ, адъютантъ его императорскаго высочества великаго князя Николая Николаевича

(1) 1-й батальйонъ Кабардинскаго полка, 1-й батальйонъ Тевгинскаго полка, 3 роты 2-го стрѣлковаго батальйона.

(2) 2½ батальйона Ряжскаго полка; 3-й батальйонъ, двѣ стрѣлковыя роты и охотничья команда Кабардинскаго полка, и сводный дивизионъ 21-й артиллерійской бригады.

Старшаго, гвардіи штабсъ-капитанъ Шванебахъ, 26 марта довелъ траншеи на разстояніи 50 шаговъ отъ берега оврага, а 27 числа устроилъ тутъ батарею (№ 16) на четыре батарейныхъ и два горныхъ орудія (1); за нею въ нѣкоторомъ разстояніи была устроена батарея (№ 7) на двѣ полупудовыя мортиры.

«Средняя колонна открыла работы въ ночь съ 22 на 23 число. Завѣдывавшій работами въ этой колоннѣ, адъютантъ его императорскаго высочества великаго князя Николая Николаевича Старшаго, гвардіи штабсъ-капитанъ Чемерзинъ повелъ траншею изъ оврага лѣваго притока Хулхулау (въ разстояніи 250 саж. отъ сѣверо-западнаго туръ-бастіона) и 27 числа заложилъ брешъ-батарею (№ 4) на 6 батарейныхъ орудій (2), въ разстояніи 164 саженой отъ Андійскаго редута; за нею были расположены въ траншеяхъ: батарея (№ 3) на 3 полупудовыя мортиры и батарея (№ 5) на 2 чугунныя 2-хъ-пудовыя мортиры. Въ ночь съ 26 на 27 марта, штабсъ-капитаномъ же Чемерзинымъ заложена была траншея противъ фронта Андійскаго редута между двумя оврагами, въ разстояніи 187 с. отъ редута; въ этой траншеѣ устроены были батареи (№ 1 и 2) на два батарейныхъ орудія, одинъ 10-фунтовый единорогъ и одну мѣдную 2-хъ-пудовую мортиру. Отъ послѣдней траншеи подступы подведены были по западной покатости гребня, гдѣ расположенъ Андійскій редутъ, и въ ночь, съ 30 на 31 марта, заложена была передовая траншея, вооруженная горнымъ единорогомъ, въ разстояніи 60 шаговъ отъ редута. Въ эту же ночь кабардинскіе охотники, подъ командою подпоручика Коленко, подползали къ самому редуту и, осмотрѣвъ расположеніе непріятельскихъ построекъ, измѣрили глубину и ширину рва.

«Лѣвая колонна заняла, 22 марта, опредѣленное ей мѣсто при выходѣ праваго притока Хулхулау изъ Хорочоевскаго ущелья. Для обезпеченія лагернаго мѣста, генераль-майоръ Ганецкій устроилъ нѣсколько засѣкъ и вырубилъ лѣсъ, на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ бивуака. 23 и 24 числа, во время рубки, непріятельскія партіи дѣлали нападенія на работавшихъ; но оба нападенія отбиты съ урономъ для Горцевъ.

«Въ теченіи 12 дней, съ 20 марта по 1 апрѣля, въ разныхъ перестрѣлкахъ съ непріателемъ, мы потеряли: убитыми 9 человекъ нижнихъ чиновъ; ранеными: одного штабъ-офицера (Ряжскаго полка майоръ Бахтинскій), 4-хъ оберъ-офицеровъ (артиллеріи капитанъ Арсеньевъ и поручикъ Макаровъ; Ряжскаго полка капитанъ Куринъ и Кабардинскаго подпоручикъ Терентьевъ) и

(1) 4-хъ батарейныхъ № 4-го батареи и 2-хъ горныхъ № 4-го батареи 20-й артиллерійской бригады.

(2) Батарейной № 4-го батареи 20-й артиллерійской бригады.

68 нижнихъ чиновъ; сверхъ того убито и тяжело ранено 20 лошадей.

31 марта были окончены и вооружены всѣ батареи, и 1 апрѣля я рѣшился штурмовать Андійскій редутъ. Съ 6 часовъ утра былъ открытъ огонь по редуту изъ 16 орудій (12 батарейныхъ, одинъ 10-фунтовый единорогъ и три горныхъ единорога) и 8 мортиръ (три 2 пуд. и пять $\frac{1}{2}$ пуд.). Артиллерія дѣйствовала превосходно. Къ часу пополудни въ главной построюкѣ редута была пробита брешь, но я, руководствуясь моимъ всегдашнимъ правиломъ—достигать предположенныхъ результатовъ съ возможно-меньшими потерями, приказалъ продолжать канонаду до 6 часовъ вечера, чтобы поставить непріятеля въ рѣшительную невозможность защищаться въ редутѣ.

Около часа пополудни, на вершинѣ горы Леня-Кортъ, показалось три значка непріятельской кавалеріи и толпа пѣхоты, чело-вѣкъ въ 500; въ послѣдствіи оказалось, что это былъ Шамиль, пріѣхавшій изъ аула Эрсеной. Съ полчаса имамъ наблюдалъ за успѣхомъ нашей канонады; потомъ спустилъ пѣхоту въ Ведень, а съ кавалерією уѣхалъ.

Для штурма редута я назначилъ, подъ командою полковника Баженова, три батальюна (1), а въ резервъ за нимъ слѣдовали два батальюна (2), подъ командою полковника Берхмана. Въ 6 часовъ пополудни, по данному сигналу, всѣ батареи обратили свой огонь на аулъ, а полковникъ Баженовъ атаковалъ редутъ. Изъ трехъ выходовъ, устроенныхъ между батареями № 1-го и передовою траншеєю, Тенгинцы и двѣ штуцерныя роты бросились на редутъ съ фронта, а Кабардинцы, обогнувъ въ то же время редутъ съ тыла, атаковали построюку. Хотя къ 6 часамъ вечера Андійскій редутъ, въ который было брошено слишкомъ 1.000 ядеръ, гранатъ и бомбъ, представлялъ собою почти груду развалинъ, но часть защитниковъ его, скрываясь подъ обрушившимися блиндажами, встрѣтила атакующихъ залпомъ; въ то же время изъ сѣверо-восточнаго угла аула былъ открытъ батальонный огонь, а съ непріятельскаго редута № 2-го сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ картечью. Но огонь этотъ конечно не могъ остановить храбрыхъ. 3-я стрѣлковая рота Тенгинскаго полка (подъ командою подпоручика Данибекова) въ нѣсколько секундъ вбѣжала на вершину брешни, и появившіеся на ней фанатики, съ

(1) Три роты 1-го батальюна и 5-я стрѣлковая рота Тенгинскаго полка; 3-й батальюнъ, съ двумя стрѣлковыми ротами и стрѣлковою командою Кабардинскаго полка; 2 роты 20-го стрѣлковаго батальюна.

(2) 3-й батальюнъ Рязскаго и 2-й батальюнъ Бѣлевскаго пѣхотныхъ полковъ.

обнаженными шашками, заплатили жизнью за свою отчаянную решимость.

• Одновременно съ началомъ атаки я приказалъ полковнику Черткову, съ батальйономъ и двумя горными орудіями, показать видъ движенія въ ущелье лѣваго притока Хулхулау. Этотъ маневръ, какъ я и ожидалъ, произвелъ самое рѣшительное дѣйствіе. Въ 9 часовъ вечера домъ Шамиля былъ зажженъ, вслѣдъ за нимъ запылали многія другія сакли и незанятыя нами редуты; вся же покатость горы Леня-Кортъ, обращенная къ Веденю, покрылась множествомъ костровъ отступавшаго непріятеля. Къ 10 часамъ вечера, ни въ аулѣ, ни въ редутахъ, не осталось ни одного непріятеля, такъ что въ 11 часу охотники наши заняли редутъ № 2, найдя его совершенно пустымъ. До 50 непріятельскихъ труповъ найдено было на другой день утромъ въ аулѣ. Штурмъ этотъ стоилъ намъ самой ничтожной потери: убито два рядовыхъ; ранено: одинъ оберъ-офицеръ (флигель-адъютантъ, капитанъ баронъ Корфъ, пулею въ ногу) и 23 человека нижнихъ чиновъ.»

По полученіи вышеизложеннаго извѣстія, кавказскій главнокомандующій генералъ-адъютантъ князь Барятинскій отдалъ войскамъ лѣваго крыла слѣдующій приказъ:

• Господь Богъ за великіе труды и подвиги ваши наградилъ васъ побѣдой: неодолимыя доселѣ преграды пали, Ведень взятъ, и завоеванная Чечня повергнута вся къ стопамъ великаго Государя.

• Слава генералу Евдокимову! Спасибо храбрымъ сподвижникамъ его!»

17-го апрѣля данъ на имя генерала Евдокимова высочайшій рескриптъ слѣдующаго содержанія:

• Графъ Николай Ивановичъ! Двухлѣтніе безпримѣрные труды храбрыхъ войскъ лѣваго крыла Кавказской линіи, побѣдоносно увѣнчались взятіемъ сильно укрѣпленнаго аула Веденя. Овладеніе этимъ мѣстомъ, которое, въ теченіе четырнадцати лѣтъ, было пребываніемъ главнаго предводителя непокорныхъ намъ горскихъ племенъ, упрочиваетъ приобрѣтенные оружіемъ нашимъ успѣхи во вновь завоеванной странѣ,—и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ была доселѣ главная опора враждебной намъ силы, воздвигается нынѣ штабъ-квартира Куринскаго пѣхотнаго полка. Относя столь отличное выполненіе предводительствуемыми вами войсками предначертанной для нихъ цѣли военныхъ дѣйствій къ боевой вашей опытности и превосходной воинской распорядительности, Я пожаловалъ васъ, указомъ сего числа капитулу орденовъ даннѣмъ, за взятіе Веденя, кавалеромъ ордена Святаго Великомученика и Побѣдоносца Георгія третьей степени, и въ возданіе долговременной, отличной боевой службы вашей на Кавказѣ, и важныхъ воинскихъ заслугъ, сему краю оказанныхъ, возвелъ васъ

указомъ сего же числа, правительствующему сенату даннымъ, въ графское Россійской имперіи достоинство, съ нисходящимъ потомствомъ.

«Пребываю къ вамъ навсегда благосклоннымъ и искренно доброжелательнымъ.»

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ.»

Въ тотъ же день послѣдовала слѣдующая высочайшая грамота главнокомандующему кавказскою арміею и намѣстнику кавказскому, князю Барятинскому:

«Будучи призваны Нами къ предводительствованію доблестными войсками кавказской арміи, вы самымъ блистательнымъ образомъ оправдали довѣріе Наше, благоразумными и твердо принятыми мѣрами положивъ прочныя основанія къ постепенному покоренію издавна враждебныхъ намъ горскихъ племенъ Кавказа. Руководимые вами вожди кавказскихъ войскъ внесли много новыхъ громкихъ именъ въ лѣтописи кавказской славы, и, нынѣ, двухлѣтніа мужественныя усилія войскъ лѣваго крыла Кавказской линіи доставили новое торжество оружію нашему взятіемъ укрѣпленнаго аула Веденя, главнаго мѣстопребыванія предводителя непокорныхъ намъ Горцевъ. Въ изъявленіе душевной къ вамъ признательности, за отличные труды ваши на пользу ввѣреннаго вамъ края, и совершеннаго Нашего къ вамъ благоволенія, Всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ кавалеромъ Императорскаго ордена Нашего Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра первой степени съ мечами надъ орденомъ, коего знаки, при семъ препровождая, повѣщаемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію.

«Пребываемъ къ вамъ Императорскою милостію Нашею навсегда благосклонны.»

На подлинной собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ.»

Взятіе Веденя громко отзовется въ горахъ; съ новою силою будетъ повторяться горская поговорка о всемогуществѣ Русскихъ: «Русскіе все могутъ, что захотятъ, развѣ только души не вложить въ мертваго». Паденіе главнаго аула Шамилева произведетъ огромное впечатлѣніе на воображеніе этихъ восточныхъ людей и настроить ихъ къ миролюбію.

Война, предпринятая съ цѣлю обезпечить спокойное обладаніе Закавказьемъ, приближается повидимому къ своему окончанію. Утѣшительно будетъ видѣть успѣхи мирной цивилизаціи, водворяющейся въ аулахъ Кавказа, залѣчивающей раны, нанесенныя этому краю неизбежною войною, и смывающей съ русскаго народа обagrившую его кровь эгихъ дѣвственныхъ племенъ, въ которыхъ отнынѣ мы будемъ видѣть нашихъ ближнихъ, нашихъ соотечественниковъ. Мы отнюдь не смѣшаемъ великаго съ малымъ, когда на ряду со взятіемъ Вѣденя упомянемъ объ учрежденіи пяти школъ въ округахъ мирныхъ Горцевъ и о разрѣшеніи присоединить къ 15 казеннымъ воспитанникамъ изъ Горцевъ, находящимся въ настоящее время въ Ставропольской гимназіи, еще *пятьдесятъ* воспитанниковъ. Лѣтъ семь или восемь тому назадъ сдѣланы первыя попытки къ опредѣленію Горцевъ въ Ставропольскую гимназію. Лишь по особенно сильнымъ убѣжденіямъ рѣшились отцы отдавать своихъ дѣтей въ русское училище. Многіе, отдавши своихъ дѣтей и считая ихъ на вѣки погибшими, хотѣли бѣжать въ горы для отмщенія Русскимъ за разлуку съ дѣтьми своими. Нынѣ же на послѣднемъ конкурсѣ между воспитанниками Ставропольской гимназіи, происходившемъ 18 октября прошлаго года (день основанія гимназіи), первая награда единогласно присуждена воспитаннику VII класса изъ почетныхъ Горцевъ, Абазицу Адиль-Гирею Кешеву за сочиненіе *О сатирическомъ направленіи русской литературы при Петрѣ, Екатеринѣ и въ настоящее время*, а вторая награда воспитаннику VI класса, также изъ почетныхъ Горцевъ, Осетину Иналуко-Тхостову за сочиненіе на тему: *Кавказъ по Марлинскому, Пушкину и Лермонтову* (1). Наградами были для г. Кешева *Полное собраніе сочиненій Гоюля*, изд. Кулиша, для г. Тхостова — *Исторія царствованія Петра Великаго*, Устрялова.

(1) Подробности объ этомъ конкурсѣ можно найти въ *Журналь Министерства Народнаго Просвѣщенія* за февраль 1859 года.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ

Въ *Коммерческой Газетѣ* напечатано слѣдующее офиціальное объявленіе: «Высочайшимъ указомъ 20 марта сего года, на имя министра финансовъ послѣдовавшимъ, повелѣно: для подкрѣпленія разнѣннаго фонда экспедиціи кредитныхъ билетовъ заключить, чрезъ посредство банкировъ Томсонъ Бонаръ и комп. и Ф. Март. Магнусъ, внѣшній заемъ въ 12 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Срокъ подписки на этотъ заемъ въ Лондонѣ и Берлинѣ назначенъ былъ 28 апрѣля (10 мая). Между тѣмъ война, загорѣвшаяся въ Италіи между Австріею и Сардиніею, и умышенно распространенные неосновательные слухи о принятіи въ оной участія и Россіей, навели панической страхъ на европейскія биржи, и государственныя бумаги всюду упали въ цѣнѣ, а потому заемъ не могъ бы нынѣ состояться на предложенныхъ выгодныхъ основаніяхъ. Какъ же не особая нужда государственнаго казначейства побудила правительство къ означенному займу, а только намѣреніе онаго усилить металлическій фондъ экспедиціи государственныхъ кредитныхъ билетовъ, то министръ финансовъ, съ высочайшаго разрѣшенія Его Императорскаго Величества, приостановилъ совершеніе займа до болѣе благопріятнаго времени, о чемъ и даль знать банкирамъ въ Лондонѣ и Берлинѣ съ тѣмъ, чтобы всѣ обязавшіеся уже участвовать въ ономъ были освобождены отъ принятыхъ ими на себя обязанностей, а сдѣлавшимъ предварительно денежныя взносы оныя были, по востребованію, возвращены.»

Условія этого займа изложены такъ въ *Журналѣ Акціонеровъ*: 10 мая (нов. ст.) имѣютъ быть внесены 15% или 150 фунт. стер. за каждую облигацію въ 1000 фунтовъ стер., при чемъ въ полученіи означенной суммы будутъ выданы письменныя свидѣтельства; 20 іюня уплачивается 7% или 70 фунтовъ стерл. на каждые 1000 фунтовъ стерл. и получается облигація въ 100 фунтовъ стерл.; 10 августа платятся 13% или 130 фунт. стер. на каждые 1000 фунт. стер. съ полученіемъ 2-хъ облигацій по 100 фунт. стер.; то же 20 сентября, 13% на 1000 фунт. стер. за 2 облигаціи по 100 фунт. стер.; 5 ноября по внесеніи 7% или 70 фунт. стер. на 1000 фунт. стер. выдается одна въ 100 ф. стер. облигація. Остальнойъ взносъ производится 20 декабря сего года, при чемъ представляются свидѣтельства о первоначальной уплатѣ,

и затѣмъ получаютъ 4 послѣднія облигаціи, каждая въ 100 ф. ст. Слѣдовательно всѣхъ облигацій будетъ выдано подписчику 10 штукъ на общую сумму въ 1000 фунт. стерлингъ. Въ случаѣ упущенія котораго-либо изъ вышеозначенныхъ сроковъ вноса, прекращается право на уплаченный вкладъ, и выданныя по сему свидѣтельства уничтожаются. Полная оплата дѣлается съ вознагражденіемъ учета по 3% за годъ. Купонъ въ 1 фунт. стер. 10 шилл., коему наступитъ срокъ 1 ноября, имѣетъ быть принимаемъ въ счетъ платежей слѣдующихъ послѣ вышеозначеннаго числа. Далѣе въ договорѣ опредѣляется, что, въ случаѣ войны или другихъ важныхъ политическихъ обстоятельствъ, подъ вліяніемъ которыхъ русскіе $4\frac{1}{2}$ -процентные фонды понизятся на лондонской биржѣ на 94% (1), остальные платежи по новому займу отлагаются, безъ ущерба для подписчиковъ, до времени прекращенія причинъ упадка курса фондовъ. Если означенныя обстоятельства окажутся продолжительными, то, по истеченіи 8 мѣсяцевъ, то-есть 31 декабря, подписчикамъ предоставляется получить отъ російскаго правительства облигаціи по количеству уплаченной ими суммы, и освободиться отъ всѣхъ дальнѣйшихъ платежей.

Нельзя много горевать о томъ, что этотъ внѣшній заемъ не состоялся: одновременность его съ займомъ внутреннимъ (4% билеты непрерывнаго дохода) даже вредила послѣднему. По извѣстіямъ изъ Петербурга, тамошняя биржа подписалась-было на 15 милліоновъ рублей въ счетъ этого займа; сумму эту должно было бы перевести на Берлинъ или Лондонъ, отчего неминуемо долженъ былъ пострадать вексельный курсъ, и звонкая монета еще съ большою силою устремились бы за-границу, золотая—законными путями, серебряная—противозаконными.

Современная экономическая потребность Россіи состоитъ не въ томъ собственно, чтобы разнѣнная касса усиливалась звонкою монетою, а въ томъ, чтобы звонкая монета, въ огромномъ количествѣ вывезенная изъ Россіи, сама собою начала приливать въ Россію. Требуется, чтобы было выгодно не вывозить деньги изъ Россіи, а ввозить ихъ въ Россію, или что то же, чтобы было выгоднѣе везти товары отъ насъ, нежели къ намъ. А этого можно достигнуть лишь уменьшеніемъ количества денежныхъ знаковъ, находящихся въ обращеніи. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ банки получили широкое развитіе и имѣютъ большое вліяніе на торговлю, одно лишь возвышеніе учетнаго процента ведетъ къ ввозу монеты. Денежныхъ знаковъ начинаетъ менѣе поступать въ публику, трудность займа возрастаетъ, и публика помогаетъ сама себѣ. У насъ коммерческой банкъ производитъ слишкомъ незначительные

(1) 16 (18) апрѣля російскіе $4\frac{1}{2}$ % фонды понизились въ Лондонѣ на 88.

обороты и отнюдь не имѣеть всеобщаго вліянія на денежное обращеніе въ Россіи. Къ тому же вслѣдствіе пониженія процен- товъ въ кредитныхъ установленіяхъ, общій процентъ интереса подвергся даже неестественному пониженію. У насъ слѣдова- тельно не коммерческій банкъ можетъ успѣшно дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, а кредитныя установленія, производящія ссуды подъ недвижности и движимости и принимающія вклады. Они могутъ имѣть большое вліяніе при регулированіи нашей денежной си- стемы, отчасти временнымъ прекращеніемъ ссудъ, отчасти требова- ніемъ звонкой монеты отъ желающихъ вносить вклады.

Но вліяніе коммерческаго банка и кредитныхъ установленій можетъ быть въ этомъ дѣлѣ только подсобнымъ вліяніемъ. Глав- ное же условіе успѣха заключается въ томъ, чтобы бумаж- ные знаки, вытѣснившіе собою звонкую монету, нашли себѣ ши- рокій истокъ въ обмѣнѣ на билеты непрерывнаго дохода. Чѣмъ въ большихъ размѣрахъ будетъ происходить этотъ обмѣнъ, тѣмъ болѣе облегчится естественный приливъ звонкой монеты изъ-за границы, и тѣмъ менѣе будетъ имѣть расположенія скрываться та звонкая монета, которая еще находится теперь въ Россіи.

Что же нужно, чтобы увеличилась привлекательность билетовъ непрерывнаго дохода для публики?

Въ разрѣшеніи этого вопроса заключаются очевидно судьбы настоящаго кризиса, и нѣтъ сомнѣнія, что разрѣшеніе его осо- бенно въ теперешнюю минуту возгорающейся европейской войны крайне трудно. Мы не считаемъ себя въ силахъ отвѣчать на этотъ вопросъ съ практической стороны, но думаемъ, что не бесполезно будетъ коснуться теперь въ нѣсколькихъ словахъ общей стороны дѣла, ограничиваясь теоретическою точкою зрѣнія.

Прежде всего и болѣе нежели что-либо другое можетъ вредить успѣху внутренняго займа пониженіе курса на русскіе госу- дарственные фонды и другія движимыя цѣнности. Пониженіе это, недавно оказавшееся на петербургской биржѣ, было отголоскомъ лондонской биржи; оно было вызвано сомнѣніями насчетъ по- ложенія, которое приметъ Россія въ открывшейся европейской войнѣ. Поэтому для воавышенія курса на фонды и слѣдовательно для успѣха внутренняго займа прежде всего необходимо совер- шенное разъясненіе этого положенія. Если русскіе фонды не поднимутся на лондонской биржѣ, то они не могутъ на много подняться и на нашихъ внутреннихъ биржахъ. А пока въ фон- дахъ и другихъ бумагахъ, на кредитъ Россіи основанныхъ, можно помѣщать капиталы изъ 4½ процентовъ, а можетъ-быть и выгоднѣе, до тѣхъ поръ, конечно, четырехпроцентные билеты непрерывнаго дохода не могутъ привлекать публику.

Далѣе. Излишекъ бумажныхъ денегъ хотя крайне тяготитъ со- бою денежный рынокъ, тѣснить звонкую монету и производить

дороговизну, однакоже отдѣльныя лица, временно имѣющія въ своихъ рукахъ лишнія деньги, все-таки стараются о томъ, чтобъ эти лишнія деньги залеживались у нихъ какъ можно менѣе, и постоянно надѣются на успѣшность этихъ стараній. Почти каждый изъ нихъ, въ отдѣльности ввѣтый, готовъ довольствоваться низкими процентами лишь на краткій срокъ, и надобно согласиться, что такое желаніе очень естественно въ Россіи, гдѣ капиталовъ мало. Отсюда стремленіе капиталовъ къ временному помѣщенію въ совѣтахъ, и неохота ихъ обречь себя на неподвижность въ продолженіи двадцати лѣтъ при помѣщеніи въ билетахъ непрерывнаго дохода. Напротивъ того въ странахъ, избыточествующихъ капиталами, капиталисты охотно довольствуются низкимъ процентомъ. Поэтому чѣмъ болѣе былъ бы облегченъ переводъ билетовъ непрерывнаго дохода за границу, тѣмъ болѣе помѣщеніе капиталовъ въ билетахъ непрерывнаго дохода принимало бы для русскихъ капиталистовъ характеръ кратковременнаго помѣщенія. Для казны такое облегченіе было бы не обременительно, такъ какъ она занимаетъ по 4%, то-есть на $\frac{1}{2}\%$ ниже того курса, по которому могъ бы состояться внѣшній заемъ, еслибы не возгорѣлась война. Правда, что по $4\frac{1}{2}\%$ казна заняла бы звонкую монету, здѣсь же по 4% она получить ассигнаціи, но это различіе уравнивается половиною процента, и какъ намъ кажется, было бы очень возможно допустить способъ выдачи процентовъ по обоимъ займамъ, равно выгодный для рентьеровъ. Это несомнѣнно упрочило бы продажную цѣну билетовъ непрерывнаго дохода въ будущемъ.

Затѣмъ упроченію курса билетовъ непрерывнаго дохода могъ бы сильно содѣйствовать тиражъ билетовъ, производимый начиная съ самаго перваго года до тѣхъ поръ, пока билеты не будутъ стоять *pari*.

Но упроченіе курса въ будущемъ не можетъ теперь вполне удовлетворить желаніямъ русской публики. Военное время во всякомъ случаѣ отсрочить возможность продавать билеты непрерывнаго дохода по выгодному курсу за границей. Между тѣмъ, во время войны, даже при полномъ кредитѣ къ правительству, курсъ государственныхъ и государствомъ гарантированныхъ бумагъ неизбежно будетъ стоять нѣсколько ниже прежняго, и слѣдовательно будетъ выгодно предпочитать прежнія бумаги новымъ 4% билетамъ непрерывнаго дохода. Чтобы конкурировать съ другими бумагами, билеты непрерывнаго дохода должны быть снабжены какими-нибудь преимуществами, напримѣръ разсрочкою вносовъ съ выгоднымъ учетомъ въ случаѣ полной оплаты прежде срока, выдачею процентовъ за годъ впередъ при подпискѣ, раннимъ срокомъ теченія процентовъ и т. п.

Впрочемъ степень привлекательности билетовъ непрерывнаго

дохода главнѣйше зависятъ отъ своего антипода, отъ степени непривлекательности кредитныхъ билетовъ. Окруживъ билеты непрерывнаго дохода разными выгодами, можно было бы безъ опасенія увеличить невыгоды кредитныхъ билетовъ и уже не подвергнуться укору въ несправедливости. Назначить напримѣръ срокъ, послѣ котораго кредитные билеты были бы обязательны въ приемъ лишь для казны, а не для частныхъ людей, было бы несправедливо, если обменъ кредитныхъ билетовъ на билеты непрерывнаго дохода былъ бы разорителенъ для частныхъ людей. Но противъ такой мѣры трудно было бы сказать что-нибудь, при удовлетворительномъ обезпеченіи интересовъ частныхъ лицъ выгодными условіями, присвоенными билетамъ непрерывнаго дохода, и при нѣкоторомъ предварительномъ распространеніи звонкой монеты по странѣ.

Мы говорили уже въ предпоследней книжкѣ *Русскаго Вѣстника* о безпольности и даже вредѣ открытія разнѣнной кассы среди теперешняго положенія дѣлъ. Разнѣнъ повелъ бы только къ вывозу звонкой монеты за границу, къ искусственному пониженію вексельнаго курса, къ усиленію привоза и уменьшенію вывоза. Тѣмъ не менѣе однакожь совершенное почти отсутствіе звонкой монеты въ обращеніи требуетъ постепеннаго пособія кризису посредствомъ какой-нибудь вспомогательной мѣры. Безъ отмены обязательности кредитныхъ билетовъ въ приемъ между частными лицами, трудно, по нашему мнѣнію, надѣяться на полный успѣхъ внутренняго займа и на окончательное регулированіе нашей денежной системы. Но чтобъ отмена эта не слишкомъ тяжело почувствовалась, для этого представляется необходимымъ нѣкоторая прибавка звонкой монеты въ обращеніи, прибавка, распределенная по разнымъ мѣстностямъ страны такъ, чтобы на мѣста, наиболѣе отдаленныя отъ границъ и вообще отъ внѣшней торговли, пришелся наибольшій прибавочный выпускъ звонкой монеты. Трудно сказать, какимъ путемъ всего удобнѣе было бы разсѣять по странѣ монету, прежде чѣмъ наступилъ бы срокъ прекращенія обязательности приема кредитныхъ билетовъ. Открывать разнѣнъ значитъ давать незаслуженную премію первопришедшему. Выдавать звонкою монетою подрядчикамъ значитъ давать имъ премію, на которую они не имѣютъ права, такъ какъ при торгахъ они имѣли въ виду дороговизну и разчитывали на полученіе уплаты бумажками. Всего справедливѣе было бы, намъ кажется, предоставить эту небольшую премію тѣмъ лицамъ, которыя наиболѣе пострадали отъ дороговизны, именно гражданскимъ чиновникамъ. Выдача известной доли чиновничьяго жалованья звонкою монетою могла бы послужить, если мы не ошибаемся, хорошимъ средствомъ для равномернаго распространенія звонкой монеты въ разныхъ частяхъ Россіи.

Съ 1858 г: усилено квартирное довольствіе служащихъ по военно-сухопутному вѣдомству. Нынѣ, 17 апрѣля, послѣдовалъ высочайшій указъ военному министру, увеличивающій и прочіе предметы ихъ содержанія и вмѣстѣ съ тѣмъ полагающій начало обезпеченію существованія въ отставку какъ заслуженныхъ чиновъ, такъ и семействъ ихъ, учрежденіемъ эмеритальной кассы.

Вотъ слова высочайшаго указа:

«Улучшеніе содержанія генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ всей нашей арміи составляло предметъ постоянныхъ заботъ Блаженныя памяти Родителя Нашего.

«Исполняя столь же близкое и Нашему сердцу желаніе, Мы признали возможнымъ увеличить содержаніе служащихъ въ войскахъ, на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ:

1) Прибавить жалованье всѣмъ чинамъ отъ прапорщика до генерала включительно, по вновь утвержденной табели.

2) Назначить столовые деньги младшимъ штабъ-офицерамъ, ротнымъ и эскадроннымъ командирамъ и начальникамъ инвалидныхъ командъ, по особому росписанію.

3) Независимо отъ чиновъ, получающихъ нынѣ отъ казны фуражное довольствіе, присвоить такое: въ кавалеріи—командирамъ дивизионовъ и эскадроновъ и всѣмъ строевымъ оберъ-офицерамъ; въ гвардейской и армейской пѣхотѣ — командирамъ неотдѣльныхъ батальоновъ и начальникамъ стрѣлковъ, въ составѣ полковъ находящимся, а въ линейныхъ батальонахъ, исполняющихъ полевую службу, — младшимъ штабъ-офицерамъ и адъютантамъ.

4) Генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и класснымъ чинамъ всѣхъ войскъ и управленій Кавказской линіи, пользовавшимся доселѣ усиленными окладами жалованья только за время экспедицій, предоставить новые усиленные оклады постоянно, наравнѣ съ служащими въ войскахъ, за Кавказомъ расположенныхъ.

5) Берейторамъ въ войскахъ гвардіи и арміи, чиновникамъ для обученія музыкантовъ въ гвардіи, а также цейхвартерамъ и унтеръ-цейхвартерамъ артиллерійскаго и инженернаго вѣдомствъ, прибавить жалованье соразмѣрно съ окладами военныхъ чиновъ.

6) Увеличить содержаніе чиновъ аудиторіатскаго и военно-медицинскаго вѣдомствъ, по вновь утвержденнымъ росписаніямъ, опредѣливъ изъ новыхъ увѣличенныхъ окладовъ жалованья какъ срочныя прибавки симъ чинамъ за выслугу пятилѣтій, такъ и пенсіи при отставкѣ чинамъ военно-медицинскаго вѣдомства.

7) Улучшить положеніе офицеровъ въ отношеніи казенной прислуги, назначивъ на каждого деньщика, сверхъ опредѣленныхъ отъ казны жалованья и провіанта, еще одежду по примѣру нестроевыхъ нижнихъ чиновъ.

8) Производство содержанія по увеличеннымъ окладамъ начать съ 1 мая сего 1859 года; одежду же деньщикамъ отпускать съ 1 января будущаго 1860 г.

«Вмѣстѣ съ улучшеніемъ содержанія на службѣ, желая положить основаніе къ обезпеченію существованія въ отставкѣ заслуженныхъ чиновъ военно-сухопутнаго вѣдомства и семействъ ихъ учрежденіемъ особой эмеритальной кассы, изъ коей въ послѣдствіи могли бы быть назначаемы дополнительныя пенсіи и пособія къ опредѣленнымъ по положенію изъ государственнаго казначейства. Мы признали полезнымъ начать одновременно, то-есть съ 1 мая сего года, и предположенный въ означенную кассу вычетъ шести процентовъ; а чтобы благодѣтельная мѣра учрежденія эмеритурныя могла быть распространена на всѣхъ служащихъ въ военномъ вѣдомствѣ, безъ всякаго уменьшенія настоящаго ихъ содержанія, Мы назначили необходимую сумму, для обращенія въ эмеритальную кассу, въ видѣ прибавки шести процентовъ къ тѣмъ окладамъ содержанія, которые не увеличены на основаніи сего указа.»

Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета гг. министровъ, кievскому военному, подольскому и волинскому генералъ-губернатору князю Васильчикову предоставлено, по его ближайшему усмотрѣнію, всѣ состоящія въ городѣ Кіевѣ губернскія учрежденія вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, кромѣ приказа общественнаго призрѣнія и комитета о тюрьмахъ, соединить въ одно общее губернское управленіе относительно дѣлопроизводства ихъ канцелярій, съ тѣмъ чтобъ означенныя учрежденія, по своей цѣли, степени и объему ихъ власти и обязанности, сохранили существующія о нихъ постановленія, и освободить кievское губернское правленіе отъ разсмотрѣнія судебныхъ и другихъ дѣлъ, согласно его предположенію, кромѣ дѣлъ о корчемствѣ, въ отношеніи коихъ сохранить порядокъ, нынѣ существующій. Измѣненіе формъ дѣлопроизводства въ общемъ губернскомъ управленіи и преобразование канцеляріи кievскаго гражданскаго губернатора предоставлено ближайшему усмотрѣнію генералъ-губернатора, не вмѣняя ему въ обязанность испрашивать на это предварительное разрѣшеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ поручено министру внутреннихъ дѣлъ соображенія его сообщить генералъ-губернатору, для надлежащаго его, въ случаѣ надобности, руководства. Кіевскую строительную и дорожную комиссію положено присоединить къ общему губернскому управленію, на основаніяхъ составленнаго главноуправляющимъ путями сообщенія и публичными зданіями по сему предмету предположенія, которое и препроводить къ генералъ-губернатору.

Генераль-губернатору разрѣшено также соединить, по своему усмотрѣнію, въ Киевской губерніи, магистраты съ уѣздными судами. Уѣзднымъ судамъ Киевской, Подольской и Волынской губерній предоставлено право совершать крѣпостные акты на сумму до 600 руб. Наконецъ генераль-адъютанту князю Васильчикову 1-му разрѣшено въ концѣ текущаго года войти съ представленіемъ объ отпускѣ на усиленіе средствъ уѣздной полиціи суммы въ такомъ размѣрѣ, который въ то время будетъ оказываться дѣйствительно необходимымъ.

Въ № 11 *Сенатскихъ Ведомостей* опубликованы новыя правила для взиманія въ таможенныхъ сбора за складку товаровъ въ казенныхъ помѣщеніяхъ. Эти правила изданы на пять лѣтъ и примѣняемы ко всѣмъ таможнямъ:

За первые три дня складки платы не полагается; за остальное время сборъ назначается за каждые три мѣсяца (хотя бы товаръ пролежалъ мѣсяцъ), исключая перваго мѣсяца, за который взимается половина назначенной платы.

За складку на открытыхъ мѣстахъ (не облагавшуюся прежде никакимъ сборомъ) должно быть платимо по $\frac{1}{2}$ коп. сер. съ пуда брутто; за складку въ погребахъ, пакгаузахъ и подъ навѣсами (вмѣсто прежней платы по $\frac{2}{7}$ коп.) будетъ взиматься по 2 коп. съ пуда, кромѣ болѣе цѣнныхъ товаровъ, за которые (вмѣсто прежнихъ $\frac{6}{7}$ коп.) будетъ взиматься по 4 к. съ пуда.

Членъ государственнаго совѣта, московскій военный генераль-губернаторъ, генераль-адъютантъ, генераль отъ инфантеріи графъ *Закревскій* высочайше уволенъ отъ должности московскаго военнаго генераль-губернатора, съ оставленіемъ въ званіи генераль-адъютанта (16 апр.).

Членъ государственнаго совѣта, генераль-адъютантъ, генераль отъ кавалеріи, графъ *Строгановъ* 1 всемилоостивѣйше назначенъ московскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ, съ оставленіемъ въ прочихъ занимаемыхъ имъ должностяхъ и званіяхъ (17 апр.).

Въ *Русскомъ Дневникѣ* № 63 напечатана слѣдующая корреспонденція изъ Нижняго-Новгорода:

Засѣданія общаго присутствія комитета о земскихъ повинностяхъ были только восемь разъ, 18, 23, 24, 25, 26, 27, 28 февраля и 4 марта; но въ такое краткое время сдѣлано много, и много полезнаго, для всей губерніи. Члены комитета, видя, что каждое ихъ мнѣніе, каждое предположеніе, по безпристрастномъ обсужденіи, находитъ полное сочувствіе въ начальникѣ губерніи, не могли не взглянуть строже на свою обязанность защищать интересы своего края. Не выставить въ комитетѣ всякую потребность мѣстности, всякое неудобство постановленій, встрѣчающееся при примѣненіи ихъ къ дѣлу, каждый членъ считалъ бы недобросовѣстнымъ, и результаты такого направленія очень очевидны. Не говоря уже о предположеніяхъ, составленныхъ комитетомъ, касающихся правильнаго и полезнаго расходованія суммами и обезпеченія благосостоянія обывателей, *издержки земства на будущее трехлѣтіе сокращены на очень значительную сумму.* Но лучше, чѣмъ всякая

наша статья, покажетъ пользу благороднаго направленія въ бѣшемъ обществѣ собраніи комитета о земскихъ повинностяхъ, и то, кому этимъ направленіемъ собраніе обязано, рѣчь, произнесенная г. губернскимъ предводителемъ дворянства Н. П. Болтынымъ на обѣдѣ, имъ данномъ г. начальнику губерніи. Вотъ она :

- Ваше превосходительство! Черезъ каждые три года собираютъ насъ здѣсь, для разсмотрѣнія смѣтъ предполагаемыхъ издержекъ по земству на будущее трехлѣтіе. Участіе гг. предводителей дворянства въ этомъ важномъ дѣлѣ, по существующимъ у насъ узаконеніямъ, ограничивается только правомъ первоначальныхъ предположеній, а не наблюденіемъ за исполненіемъ ихъ. Вслѣдствіе такой неполноты нашихъ правъ, мы до сего времени имѣли только возможность быть безсильными свидѣтелями того, въ какихъ огромныхъ размѣрахъ растрчивались земскія суммы на общественныя потребности, не принося земству никакой существенной пользы. Всякій разъ, при подобныхъ сѣздахъ, одушевляемье желаніемъ общественной пользы, мы старались выставлять на видъ губернскому начальству о всѣхъ злоупотребленіяхъ по расходованію общественными суммами земства, и всякій разъ во втрѣчаніи въ немъ никакого участія къ положенію губерніи, никакой заботы объ общественномъ благѣ, не выдали никакихъ мѣръ, которыя бы принимало оно къ огражденію отъ подобныхъ злоупотребленій на будущее время. Грустныя послѣдствія такого порядка дѣла прошлаго времени теперь перелѣглавами нашими. Но безсильное негодованіе наше на расточителей суммъ земства и постоянный неуспѣхъ нашъ оградить интересы общественныя отъ злоупотребленій не могли не отразиться на насъ самихъ; въ насъ неволью родилось горькое убѣжденіе въ томъ, что не пришло еще то славное время, когда правда и истина, а не произволь и сила, должны будутъ управлять всѣми правосудіемъ. Такое убѣжденіе повергло насъ въ какую-то апатию, и мы неволью уже стали привыкать хладнокровнѣе смотрѣть на то, какъ трудовыя копѣйки наши, собранныя на общественныя потребности, растрчивались почти на воздухъ. Теперь мы проснулись, и этимъ пробужденіемъ обязаны вашему превосходительству. Вы, какъ просвѣщенный и благонамѣренный начальникъ, тотчасъ же поняли и оцѣнили наше фальшивое положеніе въ этомъ дѣлѣ, и сами вызвали насъ на откровенное объясненіе о нуждахъ земства. Видя живое участіе, которое вы приваляли въ этомъ важномъ общественномъ дѣлѣ, такъ близко касающемся каждого изъ насъ, мы съ полнымъ довѣріемъ къ вашему превосходительству, откровенно высказали предъ вами все, что до сихъ поръ тяжелымъ камнемъ лежало у насъ на сердцахъ. Какъ опытный врачъ, вы сейчасъ же нашли и вѣрныя средства для исцѣленія нашего недуга. Первоначальныя смѣты понижены на значительную цѣну, и въ будущемъ, при приведеніи въ исполненіе этихъ смѣтъ, мы твердо убѣждены, что цѣнность ихъ еще значительно сократится, а прочность воздвигаемыхъ сооруженій утронится. Теперь мы будемъ уже не безмолвными свидѣтелями того, какъ безъ пользы, по одному только произволу, растрчивались суммы земства. И, вѣроятно, высшее начальство право наблюденія, просимое нами и частно вашимъ превосходительствомъ въ настоящее время намъ предоставленное, по представленію вашему, за нами укрѣпить положительнымъ закономъ. Этого требуетъ общественная польза. Въ первый еще разъ возвратимся мы въ наши дома не убитые сознаніемъ своего безсилія, а съ сознаніемъ добросовѣстно исполненнаго нами долга. И этими отрадными минутами, такъ дорогими для каждого честно служащаго человѣка, мы все-таки обязаны вашему превосходительству! Итакъ, гг., предлагаю выпить за здоровье уважаемаго нами начальника губерніи, Александра Николаевича Муравьева.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Мы оставили нашихъ читателей посреди толковъ о конгрессѣ, который созывала Европа, чтобы предотвратить грозившую войну; прошло не много дней, и уже всѣ эти толки стали анахронизмомъ, и уже никто не задаетъ себѣ вопроса: будетъ ли война? Война уже началась, жребій брошенъ, роковой шагъ совершенъ,— тѣмъ болѣе роковой, что онъ совершенъ какъ бы въ припадкѣ изступленія, въ слѣпомъ безуміи, въ увлеченіи, потерявшемъ всякое самообладаніе. Шагъ этотъ безвозвратенъ, и не найдется такого магическаго слова, которое могло бы задержать потокъ событій, обещающій и грозящій измѣнить порядокъ вещей, установившійся въ Европѣ послѣ страшныхъ войнъ, потрясеній и ломки. Никто не можетъ предвидѣть, чѣмъ кончится этотъ новый кризисъ, и въ какомъ видѣ выйдутъ изъ него политическія силы Европы; никто не можетъ разчитать, какіе элементы войдутъ въ борьбу, какое направленіе и какіе размѣры приметъ она въ послѣдствіи. Нѣтъ сомнѣнія, какъ бы ни былъ великъ и мучителенъ этотъ кризисъ, исторія возьметъ свое, и Европа выйдетъ изъ него обновленною, и господствующій въ ней порядокъ вещей освободится отъ многихъ недуговъ, которые таились въ немъ, дѣлали его сомнительнымъ, и задерживали или искажали развитіе человѣческихъ дѣлъ. Нельзя безъ содроганія присутствовать при наступленіи подобныхъ кризисовъ; нельзя не сочувствовать энергическимъ усиліямъ предотвратить или отсрочить эти грозныя событія, которыя должны стоить столько крови и страданій; которыя сгубятъ столько цвѣтущихъ интересовъ, уничтожатъ такъ много зрѣющихъ начатковъ народнаго благосостоянія, и можетъ-быть надолго остановить его успѣхи. Но если нельзя легкомысленно привѣтствовать наступленіе такихъ критическихъ событій, то съ другой стороны еще менѣе слѣдуетъ отчаиваться въ ихъ исходѣ, и еще менѣе можно проклинать заранѣе то, что произойдетъ и явится на свѣтъ по минованіи бури. Новый порядокъ вещей во всякомъ случаѣ будетъ удивлительнѣе и прочнѣе того, который подвергается теперь кризису, и когда Европа перейдетъ его, никто конечно, кромѣ людей, лишенныхъ жизни и мысли, не будетъ съ сожалѣ-

ніемъ оглядываться на невозвратимое прошедшее. По сведеніи счетовъ окажется, какъ это всегда бываетъ, что въ общей сложности выигрышъ будетъ значительнѣе проигрыша, что временная задержка въ развитіи экономическихъ интересовъ будетъ сторницею возмѣщена новыми лучшими условіями для ихъ развитія. Подъ политическими постройками въ нынѣшней Европѣ много таится связанныхъ и подавленныхъ силъ, еще не вовсе лишенныхъ жизни и мучительно жаждущихъ жизни; въ этихъ постройкахъ такъ много условнаго, неестественнаго и насильственнаго,—и жизнь, подавленная политическою необходимостію, на которой основано теперешнее положеніе Европы, мститъ за себя тѣмъ зломъ, которымъ искривляется и задерживается развитіе всемірной цивилизациі. Жизнь, придавленная въ одномъ углу, отзывается стѣсненіемъ жизни на всѣхъ ея открытыхъ путяхъ; всякая неестественность и насиліе, положенныя въ основу угла, не остаются безъ послѣдствій и приносятъ свои плоды. Посреди великихъ заботъ о гражданскихъ и политическихъ реформахъ, посреди великихъ интересовъ цивилизациі слышится часто, то тамъ, то тутъ, фальшивая нота, напоминающая, что въ этомъ развитіи забыть безразсудно одинъ интересъ,—интересъ подземный и темный, но тѣмъ не менѣе живучій и сильный, неговорчивый и упорный, не слушающій никакихъ убѣжденій, не склонный къ самопожертвованію, отстаивающій свое существованіе до послѣдней возможности;—это интересъ племенной крови, интересъ народностей. Онъ дѣйствуетъ безотчетно и слѣпо, но за то и со всѣмъ могуществомъ безотчетнаго инстинкта. Пока этотъ инстинктъ не потерялъ своей жизни,—а отнять у него жизнь нельзя безъ страшныхъ насилій,—онъ будетъ непрерывно протестовать, будетъ подрывать всякую жизнь, обезсиловать всякую силу, и дѣлать сомнительнымъ всякое развитіе. Власть, основанная на этомъ подавленномъ инстинктѣ, будетъ волею-неволею постоянно находиться въ ложномъ положеніи, въ мысляхъ ея постоянно будутъ призраки, въ ней постоянно будутъ развиваться пагубныя наклонности, и дѣйствіе ея будетъ принимать направленіе, вредное какъ для нея, такъ и для цѣлаго. Самая свобода, которая не найдетъ средства замирить этотъ инстинктъ и дать ему должное удовлетвореніе, будетъ невольно измѣнять себя и лишать себя правильнаго роста. Чтобы дѣло европейской цивилизациі могло идти съ полнымъ успѣхомъ, чтобы прекратилась наконецъ необходимость существованія такихъ фальшивыхъ политическихъ тѣлъ, каковы Австрія или Турція, вопросъ о народностяхяхъ долженъ быть заявленъ, интересъ этотъ долженъ быть выслушанъ, и разъ навсегда долженъ быть поконченъ расчетъ съ нимъ; иначе вмѣсто того, чтобы служить живою силою развитія,

онъ будетъ вѣчнымъ препятствіемъ на всѣхъ путяхъ, вѣчною задержкой для всѣхъ интересовъ, вѣчнымъ прокладіемъ для всѣхъ начинаній.

Есть народности, въ которыхъ изсякла внутренняя сила жизни, которыя сохраняютъ только вѣшніе признаки самостоятельности, и живутъ въ катакомбахъ прошедшаго, лишеныя вѣры въ себя, лишеныя творчества мысли. Эти народности исчезаютъ сами собою при первомъ соприкосновеніи съ высшею цивилизаціей. Пройдутъ два-три поколѣнія, и люди отжившаго племени, окруженные другою мощною жизнью, будутъ сами стыдиться своего происхожденія, звуковъ своего языка, преданій своего прошедшаго, особенностей своего быта. Напрасны будутъ всѣ усилія поддержать отжившую народность; они развѣ только ускорятъ ея вырожденіе. Если еще что можетъ гальванизировать ее, такъ развѣ только система насилія, стѣсненій и гоненій. Гдѣ еще не вовсе отлетѣлъ духъ, гдѣ еще теплится хоть малая искра жизни, тамъ эта система можетъ произвести чудеса; она раздуетъ эту искру, она послужитъ къ энергическому возрожденію того, что можетъ-быть, предоставленное самому себѣ, погасло бы тихо и незамѣтно. Чѣмъ крѣпче національность, чѣмъ болѣе въ ней живучести, тѣмъ опаснѣе всякая система, направленная къ ея подавленію. Какъ бы ни казалось могущественнымъ государственное единство, построенное на подавленныхъ, но еще живыхъ и упругихъ народностяхъ, оно носитъ въ себѣ смертельный недугъ. Только совершенное безпристрастіе можетъ дать государственной власти правильное, безопасное и разумное положеніе относительно этихъ жизненныхъ силъ. Чѣмъ менѣе будетъ оно вмѣшиваться въ ихъ дѣла, чѣмъ менѣе будетъ прибѣгать къ искусственнымъ поощреніямъ одной народности въ ущербъ другой, чѣмъ болѣе будетъ предоставлять оно самой жизни рѣшеніе ея задачъ, тѣмъ удовлетворительнѣе и благонадежнѣе будетъ съ одной стороны организація государства, съ другой — организація жизни и взаимныя отношенія народностей, которымъ суждено жить подъ одною государственною властію. Пусть умираетъ само собою то, что лишено жизни, и пусть то, что обладаетъ внутреннимъ могуществомъ, не теряетъ его, не ослабляется въ своемъ дѣйствіи отъ искусственныхъ поддержекъ со стороны.

Въ Европѣ нѣтъ народности, которая отличалась бы такою жадностію, какъ народность германская. Прошедшее исполнено немилосердныхъ примѣровъ всякаго рода насилій, къ какимъ прибѣгало это племя, для того чтобы подавлять и поглощать сопредѣльныя народности. Завоеванія, покоренія, истребленія одного племени другими были въ порядкѣ вещей въ первобытныя темныя времена. Что совершилось въ тѣ времена хаотическаго броженія эле-

ментовъ, то невозвратимо, того не передѣляетъ никакая сила, не возобновляя тѣхъ же сценъ насилія и хаоса. Но первобытныя завоеванія и покоренія не могутъ служить ни образцомъ, ни оправданіемъ для современныхъ системъ, которымъ слѣдуетъ германская народность по отношенію къ остаткамъ другихъ народностей, раздробленныхъ исторіею и попавшихъ въ зажору германскихъ государствъ. Еслибы господствующая народность дѣйствовала только силою своей цивилизаціи, обаяніемъ своего примѣра, еслибы она ограничивалась только общественными средствами, не вооружалась поддержкою правительствъ, еслибы въ новыхъ утонченныхъ формахъ не повторялись явленія грубаго варварства, еслибы не пускались въ ходъ разнообразныя коварныя ухищренія, нарушающія всякую справедливость, попирающія всякое нравственное чувство, то въ торжествахъ расширяющейся народности не было бы ничего возмутительнаго; дѣло ограничивалось бы только плодотворнымъ соперничествомъ разнообразныхъ элементовъ и естественными побѣдами тѣхъ, которые обладаютъ большею внутреннею силою. Но таковы ли отношенія германскихъ государствъ къ народнымъ элементамъ, которые подчинилъ имъ жребій исторіи? Это смутная повѣсть, исполненная дѣлъ, запечатлѣнныхъ духомъ не нашего времени и однакоже непрерывно совершаемыхъ среди идей и стремленій нашего времени,— повѣсть темная, почти незнакомая Европѣ. Тѣ изъ европейскихъ народовъ, которые имѣютъ общественное мнѣніе, и могутъ высказать свой голосъ и заявлять свои интересы, свои симпатіи и антипатіи передъ лицомъ цѣлаго міра, по натурѣ своей чужды тѣмъ притѣсненнымъ и подавленнымъ народностямъ, надъ которыми совершались дѣла насилія; а съ той стороны, откуда могли бы они, по племенному сродству, ожидать сочувствія, нравственной поддержки, и если не политическаго, то общественнаго пособія, которое дало бы имъ какую-нибудь возможность выдерживать борьбу съ сильнымъ противникомъ, вооруженнымъ не одними законными, но и незаконными средствами, — съ той стороны постоянно висѣла туча недоразумѣній. У насъ ли не могли находить себѣ отзывъ интересы народностей, намъ соплеменныхъ, — у насъ ли, гдѣ существуетъ несокрушимое государственное единство, гдѣ вопросъ этотъ ничего не колеблетъ, ничего не отрицаетъ, не вызываетъ никакихъ темныхъ воспоминаній, никакихъ возмездій, гдѣ онъ можетъ производить лишь самое охранительное дѣйствіе, — у насъ ли, гдѣ, наоборотъ, побѣжденныя народности иногда чуть ли не пользуются еще большимъ значеніемъ, чѣмъ народность господствующая? И однакоже отзыва не было, — не было по неразвитости нашего общества, которое лишено было всякаго мнѣнія, всякаго самосознанія, всякой спо-

способности чему-нибудь сочувствовать и что-либо высказывать, по неясности господствовавших у насъ понятій, а главное потому, что понятія, которыми руководствовалась наша жизнь, выработались не изъ жизни, ничему въ ней не соответствовали, ни къ чему истиннѣ не прилагались, и только носились надъ нею обманчивымъ туманомъ, не разъясняли, а затемняли ее, не руководствовали, а только сбивали съ пути. Дѣйствительно, вмѣсто всякаго сознанія, въ нашемъ обществѣ были только блѣдныя отраженія чужихъ понятій, чужаго склада мыслей, чужихъ интересовъ, и часто мы становились безсознательнымъ орудіемъ противъ самихъ себя, противъ того, что могло бы составлять наше величіе, нашу силу и славу. Чуждая намъ жизнь, нерѣдко враждебная намъ въ развитіи своихъ интересовъ, насылала на насъ арміи мысленныхъ призраковъ, которые вѣрнѣе поработали, разорjali и губили насъ, чѣмъ дѣйствительная вооруженная сила, которую мы умѣли отражать со славою. Удальцы наполеоновской великой арміи гибли въ снѣгахъ и въ кровавыхъ битвахъ на нашихъ равнинахъ: а эти мысленные призраки, враги несравненно опаснѣйшіе, жили, благоденствовали и плодились у насъ, господствовали въ нашихъ совѣтахъ, населяли наши дома, управляли нашими дѣлами, и изъ-за нихъ мы не видѣли и не знали окружающей дѣйствительности, шли налѣво, когда должно идти направо, и направо, когда должно идти налѣво, ошибались въ нашихъ силахъ и въ нашихъ опасностяхъ, спотыкались на всѣхъ нашихъ путяхъ и вредили самимъ себѣ, какъ не могли бы вредить намъ злѣйшіе изъ нашихъ враговъ.

Много толковали, какой изъ европейскихъ державъ принесла наиболѣе выгодъ послѣдняя война, которая кончилась потерей нашего флота и разрушеніемъ нашей могущественной крѣпости въ Черномъ морѣ. Правда, потери, понесенныя нами, очень тяжки, но онѣ съ избыткомъ окупаются тѣми великими выгодами, которыя въ другомъ отношеніи принесла намъ эта война, такъ что едва ли не для насъ преимущественно оказываются благоприятными ея послѣдствія. Между этими послѣдствіями одно изъ самыхъ значительныхъ есть, безъ сомнѣнія, то, что положеніе наше въ Европѣ опредѣлилось фактически разумнѣе и яснѣе. Самъ собою рухнулъ тотъ неестественный союзъ, который былъ созданъ совпаденіемъ условій, вынужденныхъ обстоятельствами, но не соответственныхъ истиннымъ требованіямъ нормальнаго порядка вещей, и который тяготѣлъ болѣзненнымъ гнетомъ столько же на нашихъ собственныхъ дѣлахъ, какъ и на дѣлахъ Европы. Мы служили орудіемъ чужихъ интересовъ, и всѣмъ матеріальнымъ вѣсомъ своимъ въ Европѣ тянули въ пользу правительства, которыя всегда являлись лишь роковою необходимостію

исторіи, всегда были лишь простымъ фактомъ, не заключающимъ въ себѣ никакой внутренней необходимости, никакого внутреннего права,—въ пользу государствъ, которыя, какъ показали событія 1848 и 49 годовъ, могутъ быть снесены съ лица земли за одинъ бурный день. Такова по преимуществу Австрія, и мы должны благодарить Провидѣніе, какъ за великое благо, что коварный образъ дѣйствія этой искусственной державы въ послѣднюю войну порвалъ правительственный союзъ ея съ нами. Отнынѣ мы не будемъ уже служить атлетическою поддержкой для этого хилаго тѣла; наши собственные интересы обозначаются яснѣе, наши понятія становятся яснѣе; и наши дѣйствія внутри и внѣ будутъ правильнѣе и вѣрнѣе. Впрочемъ, какъ это всегда бываетъ, освобождая себя и приобрѣтая великія истинныя выгоды вслѣдствіе расторгненія этого ненавистнаго союза, мы тѣмъ не причиняемъ никакого существеннаго ущерба интересамъ Германіи. Напротивъ, истинно понимая свои интересы, Германія должна радоваться ослабленію того начала, которое представляетъ собою Австрія. Чѣмъ сильнѣе Австрія, тѣмъ слабѣе Германія, Германія истинная, а не та, искусственная и фальшивая, которая находитъ себѣ выраженіе въ нынѣшнемъ германскомъ сеймѣ, гдѣ первенствуетъ Австрія. Въ послѣднее время много было рѣчи по поводу италіанскаго вопроса, о томъ вредѣ, который Австрія причиняетъ Италіи своими сепаратными трактатами съ правительствами ея мелкихъ государствъ, отчуждая ихъ отъ народа и ставя во враждебныя отношенія къ подданнымъ. Всѣ европейскія державы были согласны относительно этого неестественнаго порядка вещей, въ этой коалиціи италіанскихъ правительствъ всѣ признавали главное зло, которымъ страдаетъ Италія, и предполагавшійся конгрессъ имѣлъ свою цѣлю положить конецъ этому систематическому вмѣшательству одного государства въ дѣла другихъ. Но не то ли же систематическое вмѣшательство, не ту ли же организованную коалицію правительствъ представляетъ собою германскій сеймъ, учрежденный по австрійской идеѣ? Благодаря ему и вообще благодаря существованію Австріи и развитію австрійской системы, Германія лишена истиннаго единства, между ея правительствами и народами постоянно возникаютъ недоразумѣнія, и, при всемъ своемъ высокомъ умственномъ развитіи, страна эта находится въ жалкомъ политическомъ положеніи. Для благосостоянія и успѣховъ, для внутренней силы Германіи нужно не приращеніе территоріи австрійской или даже прусской, не иноплеменные провинціи, которыя служатъ лишь пассивнымъ орудіемъ къ подавленію живаго роста самой же германской національности. Организмъ Германіи будетъ только цѣлнѣе, могущественнѣе и здоровѣе, когда онъ освободится отъ тѣхъ

политических комбинацій, которыя живутъ въ немъ особыми чуждыми организмами. Новый порядокъ вещей, которому положила начало послѣдняя война, разрывъ союза, соединявшаго три великія сопредѣльныя державы, отзывается уже и теперь нѣкоторыми благотѣльными послѣдствіями въ самой Германіи. Пруссія, очевидно, вступаетъ на новый лучший путь, и будетъ все болѣе и болѣе пріобрѣтать народныя симпатіи въ остальной Германіи. Новое правительство этой страны, покидая во внутреннихъ дѣлахъ систему изворотовъ и лжи, которой слѣдовала политика прежняго кабинета, будетъ навѣрное, слѣдовать лучшей политикѣ и въ отношеніи къ цѣлой Германіи. Правда, не такъ легко и не такъ скоро Пруссія можетъ освободиться отъ нѣкоторыхъ политическихъ преданій, отъ нѣкоторыхъ навыковъ, наконецъ отъ нѣкоторыхъ элементовъ въ ея составѣ, могущихъ только исказить и задерживать развитіе германской народности. Но все, намъ кажется, идетъ къ этому доброму концу, вопреки, можетъ-быть, близорукимъ желаніямъ многихъ нѣмецкихъ патріотовъ, официальныхъ и неофициальныхъ. Тотъ духъ, которымъ отнынѣ хочетъ руководствоваться Пруссія, явственнѣе и разумнѣе опредѣлитъ отношенія господствующей національности въ ней къ иноплеменнымъ элементамъ, вошедшимъ въ ея составъ. Во всякомъ случаѣ при свѣтѣ гласности и при серьезномъ народномъ представительствѣ становится невозможною та система возмутительнаго макиавеллизма, въ какую не рѣдко впадала политика прусскаго правительства по отношенію къ его иноплеменнымъ подданнымъ. Многимъ выдумкамъ кабинета Мантейфеля могла бы позавидовать даже Австрія.

Недавно въ прусской палатѣ депутатовъ одинъ изъ представителей Познанскаго княжества, г. Нѣголевскій, обратился къ правительству съ запросомъ, который смутилъ и поразилъ палату и отозвался бы громкимъ негодованіемъ въ цѣлой Европѣ, еслибы дѣло шло не о Познанскомъ княжествѣ, а о Ломбардіи, не о славянской народности, а о какой-нибудь италіанской или греческой. Дѣло вотъ въ чемъ:

Въ прошломъ году, около августа мѣсяца, въ княжествѣ Познанскомъ вдругъ разными лицами польскаго народонаселенія всѣхъ общественныхъ слоевъ, помѣщиками, учителями и даже дворниками, получена была по почтѣ, въ запечатанномъ конвертѣ, какая-то зажигательная прокламація, изданная демократическими выходцами въ Лондонѣ. Въ этой прокламаціи содержались между прочимъ безсмысленныя и недостойныя выходки противъ Россіи и противъ ея царя, который начинаетъ для нея новую эпоху развитія и успѣховъ, и на котораго съ упованіемъ обратились взоры всѣхъ, какъ въ Россіи, такъ и въ цѣломъ славян-

своимъ міръ. Нѣкоторые лица получили эту прокламацію во многихъ экземплярахъ для распространенія въ окружающей средѣ. Отъ правительства послѣдовали строгія распоряженія по полиціи слѣдить за народными манифестаціями, которыя, казалось, должны были начаться вслѣдъ за распространеніемъ этого воззванія; въ четырехъ циркулярахъ, быстро послѣдовавшихъ одинъ за другимъ, правительство указывало на возмутительныя и опасныя тенденціи, будто бы тащіяся въ польскомъ народонаселеніи, и намекало на какую-то таинственную связь между поднятымъ въ Россіи крестьянскимъ вопросомъ и элементами предполагаемой польской агитаціи; на почтѣ предписано было задерживать и вскрывать письма, адресованныя въ Лондонъ, на имя г. Свентославскаго, темнаго, никому неизвѣстнаго автора этой прокламаціи, неизвѣстнаго даже въ демократическихъ кружкахъ польской эмиграціи. Къ счастью, лица, получивши эту прокламацію, спѣшили возвратить ее на почту съ отмѣткою, что они не принимаютъ подобной нелѣпности, а писемъ на имя г. Свентославскаго не оказалось на почтѣ. Случай этотъ могъ бы служить самымъ лучшимъ свидѣтельствомъ въ пользу народонаселенія края и возвысить довѣріе къ нему со стороны правительства; а правительство, наоборотъ, въ упомянутыхъ выше циркулярахъ усиливало тонъ подозрѣнія и недовѣрія, какъ будто общество виновато, если какіе-нибудь взбалмошные люди вздумаютъ разсылать нелѣпыя прокламаціи. Но это бы еще ничего, въ сравненіи съ тѣмъ, какъ дѣйствительно происходило дѣло. А происходило оно такимъ образомъ: Возмутительная прокламація, разосланная въ Познанскомъ княжествѣ, напечатана была въ самой же Познани, по распоряженію правительственныхъ агентовъ, съ соблюденіемъ глубочайшей тайны; документъ этотъ набирался въ типографіи довѣреннымъ наборщикомъ, при запертыхъ дверяхъ, и наконецъ онъ былъ разосланъ не какими-нибудь эмиссарами изъ Лондона, а королевскими чиновниками. Дѣйствительно, въ Лондонѣ, какіе-то бродяги, состоящіе можетъ-быть на жалованьи какъ *agens provocateurs*, сочинили какую-то прокламацію; но тѣ экземпляры, которые распространялись между мирными жителями, были не что иное, какъ своего рода замысловатая контрафакція. Полицейскія власти перепечатали точь-въ-точь этотъ документъ, съ возможнымъ соблюденіемъ всѣхъ орфографическихъ и типографскихъ особенностей, и разослали его не между своими агентами, какъ это иногда тамъ водится, съ цѣлію дать имъ образчикъ того, что они должны преслѣдовать, а какъ сказано выше, между людьми всѣхъ званій и, притомъ, въ значительномъ числѣ экземпляровъ. Эта новаго рода контрафакція, то же что и фальшивыя ассигнаціи: какъ ни искусна поддѣлка, а зоркій и опытный глазъ всегда найдетъ какой-нибудь

обличительный признак. Признаковъ этихъ найдено достаточно, дѣдо это было поднато, вся эта темная махинація была завлечена со всеми подробностями въ парламентъ г. Нёголевскимъ. Запросъ его поддерживали не одни польскіе, но и нѣмецкіе депутаты, въ числѣ 42, между которыми находились лучшіе люди прусскаго парламента, какъ-то: гг. фонъ-Финке, Симсонъ, Рёне, Летте, Грабовъ, фонъ-Аммонъ, Шубертъ, Пиндеръ, фонъ-Зенгеръ, Фейтъ. «Замѣчательно то, такъ заключилъ г. Нёголевскій свою обличительную рѣчь, произнесенную въ засѣданіи 11 апрѣля, замѣчательно то, что четыре циркуляра правительства быстро слѣдовали одинъ за другимъ, именно въ то самое время, когда Императоръ Александръ прибылъ въ Варшаву; и по отъѣздѣ Императора циркуляры эти тотчасъ же прекратились. Удивительно также, что хотя прокламація появилась безъ обозначенія типографіи, гдѣ она напечатана, не было произведено никакого слѣдствія. Точное слѣдствіе обнаружило бы связь, въ какой прокламація эта находилась съ полицей-президентомъ фонъ-Береншпрунгомъ, а также и съ самимъ оберъ-президентомъ фонъ-Путткаммеромъ. 24 іюля оберъ-президентъ фонъ-Путткаммеръ обращалъ вниманіе чиновниковъ своего вѣдомства на эту прокламацію и приглашалъ ихъ бдительно наблюдать за нею. Хотя въ газетахъ появлялись указанія относительно свойствъ этой прокламаціи, однако не было произведено никакого слѣдствія. Очевидно, что прокламація эта имѣла своею цѣлію подѣйствовать на правительство сосѣдней страны и попытаться остановить его на пути реформъ и улучшеній... Я исполнилъ мой долгъ, сказалъ г. Нёголевскій, — предоставляю правительству исполнить свой. Предстоящее слѣдствіе покажетъ, какое было въ этомъ производствѣ раздѣленіе труда.»

Нынѣшнее прусское правительство, конечно, чуждо той системы, которой слѣдовало министерство Мэнтейфеля, знаменитаго учредителя фальшивыхъ газетныхъ корреспонденцій, отиѣненныхъ нынѣшнимъ министерствомъ, тотчасъ по вступленіи его въ управленіе дѣлами. Правительство потребовало отъ познанскихъ властей отчета по этому дѣлу. Г. фонъ-Путткаммеръ всю вину сваливаетъ на одного изъ своихъ чиновниковъ, который самовольно разослалъ экземпляры прокламаціи, напечатанные будто бы только для руководства полицейскихъ агентовъ, не объяснивъ однако, зачѣмъ для этой цѣли потребовалась такая пропасть экземпляровъ, отъ 300 до 400, тогда какъ въ подобныхъ случаяхъ прежде печаталось не болѣе 40 экземпляровъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ объявилъ, что чиновникъ, на котораго показываютъ познанскія власти, подвергнутъ строгому слѣдствію, и результаты будутъ въ свое время сообщены палатѣ.

Этотъ случай можетъ служить примѣромъ того, къ какому недостойнымъ продѣлкамъ могутъ вести ложныя правительственныя системы, и какой неизчислимый вредъ причиняють онѣ, подрывая всякое уваженіе и довѣріе къ правительству. Впрочемъ, въ Пруссіи такія явленія не могутъ быть нормальными; тамъ они не болѣе какъ переходящая случайность, которая, можно надѣяться, не будетъ болѣе повторяться. Въ Германіи, и можно сказать даже въ цѣлой Европѣ, главнымъ притономъ этого духа неправды служить Австрія; духъ этотъ составляетъ ея сущность, и иначе дѣйствовать она не можетъ.

Но перейдемъ къ знаменательнымъ событіямъ, которыя въ эти дни такъ громко огласились въ цѣломъ мірѣ. Въ то самое время, когда всѣ европейскіе кабинеты хлопотали объ устройствѣ конгресса, который долженъ былъ предотвратить бѣдствія войны,—на другой день, послѣ того какъ въ обѣихъ палатахъ англійскаго парламента высказывались съ обѣихъ сторонъ разныя предположенія, опасенія и надежды касательно сохраненія мира,—Австрія совершила тотъ шагъ, который положилъ конецъ всѣмъ толкамъ о мирѣ и открылъ войну.

Въ продолженіи переговоровъ объ устройствѣ конгресса тюрингійскій кабинетъ велъ себя съ большимъ искусствомъ и какъ нельзя приличнѣе. Онъ былъ сговорчивъ, и повидимому обнаруживалъ полную готовность къ соглашенію для сохраненія мира. Иначе держала себя Австрія; съ самаго начала и до конца, она обнаруживала ни съ чѣмъ несообразное высокомеріе, неуступчивость и придиричливость. Задѣтая въ своихъ основныхъ началахъ, она металась изъ стороны въ сторону, ко всему привязывалась, изъ всего поднимала споръ. Конгрессъ не сулилъ ей радостей. Австрія не могла не предвидѣть, что конгрессъ этотъ потребуетъ отъ нея уступки того, въ чемъ полагаетъ она свою честь и силу. Она чувствовала, что конгрессъ могъ обойтись ея завѣтнымъ началамъ не дешевле войны. Ей пришлось бы раскрывать передъ лицомъ міра тайны своей системы, подвергать свою политику суду общественнаго мнѣнія; а судиться передъ этимъ трибуналомъ,—это одно было бы уже для нея самымъ чувствительнымъ поразеніемъ, это одно стоило бы для ней всей матеріальной стороны вопроса. «Австрія знаетъ, сказано въ *Morning Post*, что ея система не можетъ выдержать критики, что она не можетъ допустить гласнаго обсужденія. Австрія заключила съ Римомъ трактатъ въ интересѣ нетерпимости и грубой силы, съ другими итальянскими государями условилась о притѣсненіи и всякой неправдѣ; она не смѣетъ повергнуть условія этихъ трактатовъ на разсмотрѣніе болѣе просвѣщенныхъ государствъ. Для нея есть только одно убѣдительное доказательство,—*ultima ratio regum*. Единственная кон-

стипундія, которую можетъ она выносить, имѣеть три отрасли: нѣкогую, кавалерію и артиллерію....»

Вотъ какъ происходила исторія переговоровъ по поводу не удавшагося конгресса: на предложеніе Россіи Австрія отвѣчала этою 23 марта, адресованною на имя нашего посланника при вѣнскомъ дворѣ, г. Балабина. Въ этой нотѣ графъ Буоль, не отказываясь отъ конгресса, полагаетъ, что главная цѣль его должна состоять только въ томъ, чтобы внушить Сардиніи измѣнить ея вѣдѣнію политику. Относительно другихъ вопросовъ онъ находилъ нужнымъ соображаться съ постановленіями Ахенскаго протокола 1818 года, и наконецъ указывалъ на необходимость предварительно обезоружить Сардинію. Князь Горчаковъ отвѣчалъ на эту ноту депешей отъ 25 марта. Русскій министръ обращаетъ вниманіе на предложеніе графа Буоля касательно предварительнаго обезоруженія Сардиніи: «Мы увѣрены, говоритъ князь Горчаковъ, что послѣ внимательнаго обсужденія, правительство императора австрійскаго признаетъ само, что подобное условіе, отвергая всякую взаимность, несовмѣстно съ справедливою оцѣнкою обоюднаго положенія двухъ государствъ.» Предлагая Австріи отказаться отъ предварительнаго обезоруженія Сардиніи, князь Горчаковъ находитъ достаточную гарантію въ обѣщаніи обѣихъ спорящихъ сторонъ не нападать другъ на друга и отодвинуть свои войска на одинаковое разстояніе отъ Тичино. Взглядъ этотъ на обезоруженіе, высказанный нашимъ кабинетомъ, при самомъ началѣ переговоровъ, былъ совершенно вѣренъ. Иного обезоруженія не возможно было постановлять предварительнымъ условіемъ для созванія конгресса. Очевидно, что Австрія поднимая вопросъ о предварительномъ обезоруженіи Сардиніи, а потомъ объ общемъ обезоруженіи, хотѣла только запутать дѣло и затруднить созваніе конгресса. Обезоружиться? Но какъ сдѣлать это? Какую положить нормальную мѣру для каждаго государства? Кто положить эту мѣру? Кто будетъ блюсти за ея добросовѣстнымъ исполненіемъ? Сколько времени потребовалось бы на это? И какъ представить себѣ, чтобы споряція стороны, исполненныя взаимной вражды и ненависти, скрежеща зубами и бросая другъ на друга взгляды, полные вызова, стали снимать съ себя оружіе, не опираясь еще ни на какое соглашеніе и имѣя въ виду только сомнительный успѣхъ будущихъ переговоровъ? Замѣчательно, что въ послѣдствіи, когда англійское правительство позволяло себѣ нѣкоторыя пристрастныя выраженія въ пользу Австріи и изъявляло нѣкоторое недоувѣріе къ вмѣшательству Россіи, подавшей первую мысль о конгрессѣ, — въ засѣданіи 18 апрѣля, одинъ изъ вождей оппозиціи въ верхней палатѣ, бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Кларендонъ, выразился совершенно точно также по вопросу о предвари-

тельномъ обезоруженіи. «Австрія, сказалъ онъ, предложила всеобщее обезоруженіе. Если взять дѣло отвлеченно, то что можетъ быть лучше подобнаго предложенія? Но принимать его какъ условіе для созванія конгресса, было бы крайне неблаго-разумно. Еслибъ Австрія отозвала всѣ тѣ войска, которыя она недавно послала въ Италію, и еслибы Пиемонтъ поступилъ такимъ же образомъ, то конечно результатъ былъ бы благодѣтельный. Но, милорды, дѣло зашло слишкомъ далеко для этого. Ни одна изъ враждующихъ сторонъ не увѣрена достаточно въ результатѣ конгресса, чтобы подвергнуться предварительному обезоруженію. Мнѣ кажется, было бы лучше войти въ соглашеніе о томъ, чтобы не передвигать войска съ тенерешнихъ позицій, и не позволять себѣ взаимныхъ нападений до тѣхъ поръ, пока конгрессъ не разсудитъ о спорныхъ предметахъ.»

Что же касается до неумѣрнаго требованія, съ котораго начала Австрія и которымъ кончила, чтобы Сардинія одна положила оружіе, то о немъ не могло быть серьезной рѣчи. Напротивъ, еслибы Сардинія не получила мѣста въ конгрессѣ, то она не была бы обязана обезоруживаться даже и въ томъ случаѣ, когда бы это было постановлено правиломъ для Франціи и Австріи. Лордъ Пальмерстонъ въ засѣданіи нижней палаты, того же числа, совершенно справедливо замѣтилъ слѣдующее по этому вопросу:

«Сардинія могла бы сказать: если вы хотите, чтобы я положила оружіе наравнѣ съ Франціею и Австріею, и если вопросъ объ этомъ будетъ обсуждаемъ въ конгрессѣ, то я должна получить доступъ въ этотъ конгрессъ на одинаковыхъ съ ними правахъ. Я не вижу серьезной опасности для пяти державъ допустить Сардинію къ обсужденію этого вопроса; если на нее налагаются тѣ же обязательства, какія на Францію и Австрію, то справедливость требуетъ, чтобы она сама участвовала въ преніяхъ о всеобщемъ обезоруженіи (*слушайте!*); а еслибы встрѣтились какія-либо непреодолимые препятствія къ допущенію Сардиніи, то не слѣдуетъ налагать на нее обязательство положить немедленно оружіе, — обязательство, которое должно относиться только къ членамъ конгресса. . . »

«Интересъ спорящихъ державъ, сказалъ лордъ Джонъ Россель въ томъ же засѣданіи, требуетъ не полагать оружія до тѣхъ поръ, пока спорные вопросы не разрѣшатся, ибо онѣ имѣютъ полное право сказать: конгрессъ можетъ кончиться мирно, но можетъ также кончиться и войною, и было бы безразсудно лишать намъ самихъ себя средствъ вести эту войну. Мнѣ кажется поэтому, что прежде въ Европѣ существовало лучшее обыкновеніе, разсматривать сначала, въ чемъ заключается предметъ спора; не вдаваясь, конечно, въ частности, условиться, по крайней мѣрѣ насчетъ

главныхъ пунктовъ, прямо и ясно проложить дорогу къ миру, а потомъ уже скавать: теперь, какъ скоро существуетъ соглашеніе, можно положить оружіе. Если принять систему предварительнаго обезоруженія, каждая держава будетъ стараться сохранить оружіе, увѣряя всѣхъ, что она обезоруживается; если же державы согласились между собою, вооруженіе становится тягостью для государства, и государство само должно естественно, заботиться о добросовѣстномъ исполненіи того, къ чему обязалось.»

Россія предложила конгрессъ, и, какъ мы уже видѣли, Англія посилѣшила съ полною готовностію воспользоваться этимъ предложеніемъ. Теперь, когда конгрессъ не состоялся, и неожиданный шагъ, совершенный Австріей, положилъ конецъ всѣмъ толкамъ о мирномъ соглашеніи, графъ Дерби и его товарищи вдругъ измѣнили свой взглядъ на конгрессъ, и о предложеніи Россіи стали говорить тономъ нѣкотораго недоуверія. Но это не болѣе какъ тактика, къ которой долженъ былъ прибѣгнуть кабинетъ въ своемъ теперешнемъ положеніи передъ судомъ страны. Ниже намъ придется поговорить еще объ этой тактикѣ, а теперь будемъ продолжать нашъ разказъ о ходѣ переговоровъ. Лондонскій кабинетъ, воспользовавшись предложеніемъ Россіи о конгрессѣ, опредѣлилъ въ четырехъ пунктахъ, что и въ какой мѣрѣ должно быть предметомъ пренія на конгрессѣ. Эти четыре пункта, принятые Россіей и Франціей, были сообщены Англіей 28 марта австрійскому правительству. Вотъ эти четыре пункта: 1) найти средство упрочить миръ между Австріей и Сардиніей; 2) разсмотрѣть вопросъ объ очищеніи Римской Области отъ иностранныхъ войскъ и о необходимыхъ реформахъ въ италіанскихъ государствахъ; 3) замѣнить чѣмъ-нибудь трактаты между Австріей и италіанскими государствами, 4) не касаться территоріальныхъ распределеній трактатовъ 1815 года. Но формулируя эти четыре предложенія, лордъ Мальмсбери сдѣлалъ очень важную ошибку; затронувъ безъ надобности вопросъ о предварительномъ обезоруженіи. Онъ прибавилъ, что, въ случаѣ принятія Австріей этихъ предложеній, Англія вмѣстѣ съ Франціей согласится на обезоруженіе Сардиніи, гарантируя ей за это исполненіе всѣхъ данныхъ ей обѣщаній. Это добавленіе было совершенно излишне, неудобноисполнимо, запутывало вопросъ, и давало Австріи новый поводъ къ уверткамъ. Графъ Буоль отвѣчалъ на это нотою отъ 31 марта на имя лорда Августа Локхота, въ которой онъ дѣлалъ свои замѣчанія на предложенные четыре пункта; замѣчанія эти измѣняли ихъ значеніе и ослабляли ихъ силу. Воспользовавшись замѣчаніемъ лорда Мальмсбери касательно обезоруженія Сардиніи, австрійскій министръ прибавилъ къ четыремъ пунктамъ еще пятый: соглашеніе объ одновременномъ обезоруженіи великихъ державъ,

Нота мотивируетъ этотъ пунктъ невозможностію рѣшать дѣла на конгрессѣ посреди шума оружія. Но главнымъ образомъ Австрія настаиваетъ на обезоруженіи Сардиніи: «Австрія не можетъ, говоритъ графъ Буоль, явиться на конгрессъ, пока Сардинія не обезоружится и не распуститъ своихъ волонтеровъ. *По исполненіи этихъ условій*, императорское правительство готово дать формальное увѣреніе въ томъ, что Австрія не станетъ нападать на Сардинію *во время совѣщаній конгресса*, если только Сардинія будетъ уважать территорию Австріи и ея союзниковъ.»

Достаточно этого пятого пункта, присовокупленнаго Австріей, и тѣхъ выраженій, въ какихъ онъ былъ предложенъ, чтобы убѣдиться, какъ мало серьезнаго значенія придавала Австрія мысли о конгрессѣ. Все это можно было бы принять за шутку, еслибы шутка допускалась въ дипломатіи. Требуя, чтобы Сардинія обезоружилась, австрійскій министръ великодушно обѣщаетъ ей, что во время засѣданій конгресса на ея предѣлы не будетъ сдѣлано нападений. Еще бы во время засѣданій конгресса! Если обѣщаніе это имѣетъ какой-нибудь смыслъ, то развѣ только тотъ, что Австрія, по окончаніи конгресса, сочтетъ себя вправѣ напасть на обезоруженную Сардинію. Что же касается до замѣчаній, сдѣланныхъ австрійскимъ министромъ на англійскія предложенія, то они относятся ко 2 и 3 пунктамъ: соглашеніе обыводѣ войскъ изъ Папской Области должно быть предоставлено тремъ заинтересованнымъ государствамъ, а принятіе или непринятіе реформъ, которыя можетъ посовѣтовать конгрессъ, должно зависеть отъ воли самихъ итальянскихъ правительствъ; спеціальныя трактаты Австріи съ этими державами будутъ явлены ею не иначе какъ при условіи, чтобы всѣ государства, участвующіе въ конгрессѣ, представили свои трактаты съ Италіею; по соглашенію съ своими контрагентами, Австрія представить свои соображенія о томъ, полезенъ ли и до какой степени полезенъ пересмотръ сказанныхъ трактатовъ.

Получивъ эти объясненія, и передавъ ихъ Франціи, Англія нѣсколько иначе формулировала свои четыре пункта; условіе о неприкосновенности трактата 1815 года было выкинуто; 3-й и 4-й пунктъ выражены такъ: нельзя ли ввести реформы во внутреннемъ управленіи Римской Области и другихъ итальянскихъ государствъ, управленіе которыхъ представляетъ недостатки, постоянно причиняющіе народное недовольство и волненіе, и въ чемъ должны состоять эти реформы; 4-й замѣнить трактаты Австріи съ герцогствами посредствомъ федераціи итальянскихъ государствъ, съ цѣлію взаимной защиты внутренней и вѣншей.

Что же касается до обезоруженія Сардиніи, то Англія обратилась къ Франціи съ вопросомъ, возьмется ли она вмѣстѣ съ Ан-

глой, гарантировать Сардинію въ исполненіи данныхъ ей обща- ній. Отвѣтъ былъ отрицательный, и тогда Австрія предложила всеобщее обезоруженіе до открытія конгресса. Мы уже замѣтили выше, какъ не удобоисполнимо это требованіе, которое оче- видно было только хитрою уверткою. Не было никакой возмож- ности привести въ исполненіе такую всеобщую важную мѣру въ нѣсколько дней; къ тому же обсужденіе подробностей этой мѣры само потребовало бы особыхъ совѣщаній; это могло быть лишь предметомъ конгресса, а отнюдь не предварительнымъ его условіемъ. Оставалось только признать принципъ обезоруженія и поставить его въ числѣ предметовъ, подлежащихъ обсужденію въ первыхъ же засѣданіяхъ конгресса. Франція такъ и посту- пила; она признала обезоруженіе въ принципѣ и предложила об- судить этотъ вопросъ на конгрессѣ. Оставалось рѣшить, слѣду- етъ ли требовать отъ Сардиніи согласія на принципъ всеобщаго обезоруженія? Франція обѣщала употребить всѣ усилія, чтобы склонить Сардинію; но съ условіемъ, чтобы это государство, равно какъ и прочія итальянскія государства, имѣли не просто совѣщательный, но и делиберативный голосъ на конгрессѣ, по примѣру конгресса Тропау-Лайбахскаго 1821 года. Сардинія сама отвѣчала въ томъ же смыслѣ англійскому правительству: она объявила, что не можетъ обезоружиться, потому что не имѣетъ никакого ручательства въ своей безопасности. Въ замѣнъ этого, Сар- динія обѣщала, если только Австрія прекратитъ новыя присылки войскъ въ Италію, не призывать своихъ резервовъ подъ знамена и не двигать своихъ войскъ съ занимаемыхъ ими позицій.

Нельзя не замѣтить, что графъ Кавуръ употребилъ всѣ усилія, чтобы удержать Шемонтъ на той высотѣ, на которую стала эта держава, благодаря энергическому, неугомонному, ни передъ чѣмъ не отступающему честолюбію своего министра. Сардинія, это малое, второстепенное или даже третъестепенное государ- ство, которое прежде не имѣло никакого значенія въ Европѣ, успѣла въ послѣднее время занять мѣсто въ ряду великихъ дер- жавъ. Она, вмѣстѣ съ пятью державами, участвовала въ париж- скомъ конгрессѣ; за всѣми событіями въ ея предѣлахъ, за прени- ями въ ея палатахъ, общественное мнѣніе цѣлой Европы слѣдило съ напряженнымъ вниманіемъ. Сардинія уже привыкла къ этой блестящей роли, стоящей ей страшныхъ усилій, громадныхъ по- жертвованій, тяжкихъ налоговъ. Она жила не по состоянію, но она чувствовала себя представительницею цѣлой Италіи; она жила не по состоянію, но разчитывала на богатое наслѣдство. Она ставила всѣ свои средства на карту, въ надеждѣ сдѣлаться, не для виду только, но и на дѣлѣ, первокласною державой. Нельзя было останавливаться, когда уже сдѣлано столько пожертвованій. Мо-

жно съ увѣренностію сказать, что во всей этой исторіи, которая теперь разрѣшилась войною, главною дѣйствующею силою, главною пружиною былъ графъ Кавуръ. Онъ дѣйствовалъ издалека, и все съ необыкновенною ловкостію сводилъ къ одному концу, все направлялъ къ одной цѣли. Нынѣшнія событія заключались уже, какъ въ сѣмени, въ рѣшеніи Сардиніи участвовать въ восточной войнѣ; политика графа Кавура относительно тюркскійскаго двора вся была разчитана на предположенный результатъ, онъ устроилъ бракъ принца Наполеона съ принцессой Клотильдой; онъ, можно сказать, далъ направленіе французской политикѣ и успѣлъ постепенно такъ затянуть ее въ итальянскія дѣла, что отступленіе для ней стало невозможностію. Съ другой стороны онъ искусно дразнилъ Австрію, сосредоточивалъ и разжигалъ соперничество двухъ великихъ державъ, которыя враждебно сталкивались въ итальянскомъ вопросѣ, и давалъ этому соперничеству все болѣе и болѣе опредѣленную форму. Австрія выходила изъ себя, видя, какъ это крошечное государство принимало въ отношеніи къ ней тонъ великой державы, и, что еще досаднѣе, почти признавалось въ этомъ качествѣ другими великими державами. Въ тѣхъ несогласіяхъ, которыя возникали между Франціей и Австріей по устройству восточныхъ дѣлъ, тайнымъ основаніемъ былъ безъ сомнѣнія итальянскій вопросъ, а не эти дѣла; обѣ державы поминутно сталкивались между собою, раздражались другъ противъ друга, потому что у той и у другой былъ на умѣ интересъ, въ которомъ онѣ издавна сталкивались, и на которомъ неминуемо, рано или поздно, долженъ былъ произойти разрывъ между ними. Но возвратимся къ исторіи неудавшагося конгресса.

Австрія продолжала настаивать на предварительномъ обезоруженіи. Тогда Англія, желая примирить требованія обѣихъ сторонъ, предложила слѣдующее: принять общее и одновременное обезоруженіе какъ принципъ и поручить обсужденіе его не конгрессу, а особой комиссіи, военной или гражданской. Комиссію эту предлагалось составить изъ шести членовъ: по одному отъ главныхъ пяти державъ и отъ Сардиніи. Какъ только соберется эта комиссія и начнетъ свои дѣйствія, тотчасъ же можетъ собраться и конгрессъ для обсужденія политическихъ вопросовъ. По примѣру Лайбахскаго конгресса 1821 года, положено допустить въ засѣданія конгресса представителей всѣхъ итальянскихъ государствъ.

Это предложеніе Англіи было принято 20 апрѣля Франціею, Россіею, Пруссіею. Но уже наканунѣ Австрія совершила тотъ шагъ, который положилъ конецъ всѣмъ переговорамъ на конгрессѣ. Австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ 19 апрѣля отправилъ

къ графу Кавуру ультиматумъ, на который требовалъ отвѣта черезъ три дня: «я прошу вашего превосходительства, писалъ графъ Буоль, серьезно подумать о содержаніи этого письма и отвѣчать мнѣ *да* или *нѣтъ*: согласно ли сардинское правительство немедленно привести свою армію въ мирное положеніе и распустить италіянскихъ волонтеровъ?»

Прошло три дня, и піемонтское правительство отвѣчало на этотъ ультиматумъ, поразившій всю Европу, что оно уже заявило тѣ уступки, на которыя можетъ согласиться, и ничего не можетъ измѣнить въ нихъ. 26 апрѣля Австрійцы перешли границу Сардиніи....

Вѣсть объ этомъ событіи произвела особенно сильное впечатлѣніе въ Англии. Негодуя на рѣзкую наглость, съ какою Австрія вдругъ прервала ультиматумомъ общіе переговоры о мирномъ соглашеніи, тамъ все еще надѣялись объяснить это недоуразумѣніемъ, и, сближая числа, предполагали, что Австрія потому только рѣшилась на этотъ поступокъ, что еще не знала о соглашеніи Сардиніи обезоружиться на условіяхъ, принятыхъ всѣми прочими державами 20 апрѣля, то-есть на другой день послѣ того какъ адъютантъ генерала Пиулая, поскакалъ въ Туринъ съ депешою графа Буоля. Но всѣ эти предположенія и надежды были напрасны. Австрія не могла долѣе выдерживать того крайняго напряженія силъ, въ которомъ она находилась. Она уже не владѣла собою: такъ на торрадѣ свирѣпѣеть быкъ, дразнимый краснымъ сукномъ и копылами ловкихъ матадоровъ, и бросается безъ памяти впередъ. Графъ Кавуръ, дѣйствительно, показалъ себя въ этомъ дѣлѣ ловкимъ торреромъ: какъ-то удастся ему наконецъ свалить своего освирѣпѣлаго противника?.. Но вѣсть о переправѣ австрійскихъ войскъ черезъ Тичино окончательно вооружила общественное мнѣніе противъ Австріи. Всѣ, даже самые консервативные элементы, всѣ тѣ, которые сердились или сѣтовали на сардинскія притязанія, на французскіе властолюбивые замыслы, всѣ тѣмъ болѣе вознегодовали теперь противъ державы, которая, вмѣсто того, чтобъ искать себѣ защиты подъ охраною общественнаго мнѣнія и истощать всѣ средства къ сохраненію мира, нарушила его такъ стремительно и буйно. Кабинетъ Дерби пришелъ въ совершенное смущеніе. Положеніе его, и безъ того критическое, стало болѣе чѣмъ сомнительно. Разбитые на вопросъ о внутренней реформѣ, которой ожидала страна, консервативные министры надѣялись поддержать себя въ ея мнѣніи характеромъ своей внѣшней политики. Общественное мнѣніе высказалось рѣшительно противъ войны; всѣ страстно желали сохраненія мира, всѣ протестовали противъ всякаго движенія, которое могло бы безъ крайней необходимости вызвать войну, и правительство разчитывало по-

правильное свое положение передъ избирателями тѣмъ убѣжденіемъ, что оно преимущественно передъ всякимъ другимъ кабинетомъ можетъ сохранить спокойствіе Европы. Оно не ожидало, что фактическое нарушение мира послѣдуетъ со стороны Австріи, и что эта держава своею неожиданною выходкою положить конецъ всѣмъ тѣмъ хлопотамъ, которыми кабинетъ Дерби хотѣлъ придать себѣ значеніе во мнѣніи страны; оно не ожидало, что Австрія, которая всегда дѣйствовала такъ осторожно и расчетливо, забудется до такой степени, что сама такъ явно оправдаетъ дѣйствія своихъ противниковъ. Въ засѣданіи 18 апрѣля, когда происходилъ парламентскій разговоръ о положеніи европейскихъ дѣлъ, члены правительства, лордъ Мальмсбери, г. Дизраэли, наконецъ самъ лордъ Дерби, высказались было довольно ясно въ пользу Австріи, полагая, что въ ея лицѣ можетъ пострадать Германия, и что война противъ этой державы поведетъ къ потрясенію всей Европы и къ расторгненію трактатовъ, на которыхъ основано ея *statu quo*. Протестуя противъ тѣхъ началъ, на которыхъ основано государственное устройство Австріи, заявляя свою антипатію къ образу ея правленія, къ системѣ, которою она руководствуется въ своемъ управленіи, они думали, что сохраненіе ея внѣшняго значенія въ предѣлахъ, установленныхъ трактатами, есть необходимое условіе для сохраненія спокойствія Европы. Лордъ Мальмсбери коснулся даже племеннаго сродства. «Между обоими правительствами, говорилъ онъ, нашимъ и австрійскимъ есть существенное различіе. Австрійское правительство есть существенно-деспотическое, а наше существенно-свободное». Но указывая на это существенное различіе между Австріею и Англіей, лордъ Мальмсбери счелъ нужнымъ оправдать свои заботы о поддержкѣ Австріи единствомъ происхожденія. «Мы, говорилъ онъ, одного и того же тевтонскаго корня, обоюдное географическое положеніе наше таково, что между нами не можетъ быть никакого соперничества, и въ слѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ симпатіи наши склоняются на сторону австрійскаго народа.» Изъ этихъ словъ мы видимъ, что лордъ Мальмсбери успѣлъ сдѣлать совершенно новое открытіе. Онъ открылъ то, чего бы никто не могъ вообразить, — новый, неизвѣстный доселѣ народъ посреди Европы. Австрійскій народъ! Кто когда-нибудь слыхалъ о такомъ народѣ, и къ кому относятся племенные симпатіи лорда Мальмсбери? Мы, благодаря нашему славянскому происхожденію, и тому, что большинство австрійскаго народонаселенія состоитъ изъ Славянъ, можемъ, пожалуй, считать себя предметомъ племенныхъ симпатій лорда Мальмсбери. Конечно, подъ этимъ мнѣніемъ австрійскимъ народомъ онъ разумѣлъ германскій народъ. Но кто

не знаетъ, что германское народонаселеніе Австріи составляетъ лишь весьма незначительное меньшинство, и что эта держава, основанная на подавленныхъ народностяхъ, въ то же время остается совершенно чуждою всѣмъ идеямъ, всѣмъ стремленіямъ, всѣмъ началамъ германской народности, что между этою страной и Германіею существовала всегда карантинная линія, черезъ которую не могла проникать германская мысль, что Австрія не только устранялась отъ общенія съ живыми элементами германской народности, но и была въ цѣломъ мірѣ самымъ враждебнымъ для нихъ началомъ? Что внесла Австрія, собственно Австрія, въ умственный и нравственный капиталъ Германіи? Ничего, кромѣ духовнаго и политическаго порабожденія, ничего кромѣ своихъ макиавеллическихъ зловредныхъ тенденцій, ничего кромѣ своего конкордата съ Римомъ, конкордата, отъ котораго германской народности приходится чуть ли даже не хуже, чѣмъ самой италіанской.

Г. Дизраэли сказалъ въ свою очередь: «Война въ Италіи не то, что война въ какомъ-нибудь углу. Война эта можетъ сдѣлаться и вѣроятно сдѣлается обще-европейскою войною. Адриатическое море не можетъ взволноваться, не взволновавши въ свою очередь Рейна. Триестскій портъ не италіанскій только портъ, онъ составляетъ часть Германскаго Союза, и нападеніе на него будетъ сочтено нападеніемъ не на Австрію только, но и на Германію».

Г. Гладстонъ не пропустилъ безъ вниманія этихъ словъ, сказанныхъ канцлеромъ казначейства о триестскомъ портѣ, и протестовалъ противъ всякаго вмѣшательства Англии въ эту войну по такому сомнительному поводу. Впрочемъ лордъ Мальмсбери, равно какъ и г. Дизраэли, соглашались въ необходимости измѣнить положеніе Италіи. «Австрія, говорилъ первый, не ограничилась устройствомъ своихъ собственныхъ дѣлъ, и вмѣсто того чтобы заниматься улучшеніями въ быту своего собственнаго народа, сочла нужнымъ вмѣшиваться въ дѣла прочихъ италіанскихъ государствъ и потеряла вслѣдствіе этого популярность не только въ Италіи, но и въ Англии... Въ частной жизни нѣтъ ничего непріятнаго и непопулярнаго должности полицейскаго агента. Австрія приняла на себя эту роль въ Италіи. Чтѣ касается Сардиніи, чувства наши къ ней совершенно другаго рода. Мы не одного и того же племени и происхожденія, и поэтому между нами не существуетъ племеннаго сочувствія. Но за то между нашимъ и ея правительствомъ такое сходство, они отличаются столь одинаковымъ характеромъ, что въ Англии всегда было распространено искреннее сочувствіе къ преуспѣнію Сардиніи. Мы всегда дивились тому, какъ она снискала себѣ свободу, и представила собою живое опроверженіе столь часто повторяемаго мнѣнія, будто бы Италія не способна къ конституціонному правленію. Но съ нѣ-

которыхъ поръ, милорды, Сардинія какъ бы забыла, что призваніе ея дѣйствовать въ Италиі примѣромъ, что она должна служить тамъ образцомъ для прочихъ государствъ. Она какъ бы забыла, что воинская слава можетъ быть удѣломъ, но не должна быть цѣлю конституціоннаго правительства. Она какъ бы забыла, что всякая побѣда, которая не вызвана принципомъ самоохраненія, окажется побѣдою бесплодною и вовлечетъ ее въ затруднительныя отношенія къ другимъ странамъ... То будетъ не простая война, то будетъ не распря между рыцарскими націями въ отдаленной странѣ, подобно войнѣ происходившей въ Крыму. Войною въ Италиі поднимутся элементы, которые едва ли могутъ скоро успокоиться. Она возбудитъ надежды людей, лишенныхъ всякаго патріотизма, которые будутъ искать въ ней осуществленія своихъ собственныхъ отчаянныхъ плановъ. Она вызоветъ всѣхъ нечѣпныхъ теоретиковъ и всѣ нечѣпныя теоріи республиканцевъ, всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ; всѣ будутъ разчитывать на эту войну; изгнанные государи будутъ стараться извлечь изъ нея выгоду для себя; никакой человѣческой умъ, какъ бы ни была велика его опытность, не можетъ предвидѣть, когда и какъ кончится эта война. Да позволено мнѣ будетъ, милорды, въ качествѣ министра страны, столь же великой, какъ и каждая изъ враждующихъ теперь державъ, умолять ихъ правителей подумать еще разъ, какую великую отвѣтственность принимаютъ они на себя, какъ велики будутъ бѣдствія отъ колебанія или нежеланія ихъ согласиться на тѣ мѣры, которыя могутъ предотвратить войну. Намъ лично остается одно лишь утѣшеніе: мы не упустили сдѣлать ни одного шага, не пренебрегли никакою мѣрой для предотвращения бѣдствій, и если бѣдствія эти случатся, то да проститъ Всемогущій Богъ тѣхъ, кто были ихъ виновниками!

Эти слова относились, конечно, къ обѣимъ враждующимъ сторонамъ; но преимущественно, безъ сомнѣнія, были разчитаны на Сардинію и отчасти на Францію. Понятно, какую досаду и негодованіе долженъ былъ почувствовать консервативный министръ, когда въ послѣдствіи получена была вѣсть объ ультиматумѣ Австріи. Лордъ Мальмсбери сказалъ тогда графу Аппони: «Господинъ посланникъ, вы знаете по-англійски: откройте же лексиконъ и отыщите самое рѣзкое слово; оно вполне выразитъ нашъ образъ мыслей о поведеніи Австріи.»

Г. Дизраэли высказывался между прочимъ такъ о положеніи европейскихъ дѣлъ, желая показать безпристрастіе политики, принятой имъ и его товарищами по этому вопросу: «Положеніе, занятое Австріею въ Италиі въ 1815 году, было болѣе создано замѣчательными государственными людьми, на кото-

рыхъ пала тогда задача европейскаго устройства, чѣмъ было слѣдствіемъ собственнаго ея домогательства. Въ системѣ политическаго равновѣсія считалось тогда весьма важнымъ, чтобъ Австрія получила преобладающее вліяніе на Италію. Тогда же родилась мысль, что Сардинія, не обнаружившая достаточно силы въ эпоху революціонныхъ войнъ, должна пріобрѣсти большее могущество и большее вліяніе. Вотъ два главныхъ начала трактатовъ 1815 года относительно Италіи; нѣтъ слѣдовательно ничего ошибочнѣе какъ предполагать, что когда рѣчь коснется трактатовъ 1815 года, то дѣло идетъ только объ интересахъ одной Австріи... Говоря однако вообще, продолжалъ канцлеръ казначейства, какихъ бы ни желали мы перемѣнъ въ Италіи, мы всегда были такого мнѣнія, что слѣдуетъ стремиться къ осуществленію ихъ не войною или революціями, но вліяніемъ общественнаго мнѣнія, которое съ каждымъ годомъ становится могущественнѣе, и содѣйствіемъ тѣхъ державъ, которыхъ положеніе въ Европѣ даетъ имъ средства употребить съ пользою свою силу... Мнѣ не вѣрится, чтобы въ настоящемъ положеніи дѣлъ нашлась какая-либо держава, которая изъ тщеславія стала бы возжигать войну. Есть сила, которая не призвана къ участию въ конгрессѣ, но которая могущественнѣе всѣхъ государей и конгрессовъ,—это сила общественнаго мнѣнія. Я не думаю, чтобы въ наше время сила эта могла подвергнуться безразсудному оскорбленію. Сэръ, мнѣ кажется, что общественное мнѣніе будетъ оскорблено, если среди обстоятельствъ, въ которыхъ мы находимся относительно италіянскаго вопроса, нельзя будетъ найти иного разрѣшенія ему, кромѣ разрѣшенія мечомъ...»

Канцлеръ казначейства не ошибся, общественное мнѣніе было дѣйствительно оскорблено, и дѣйствительно одна изъ державъ прибѣгла къ посредству меча для разрѣшенія вопроса, который всѣ старались уладить мирнымъ образомъ. И если кто-либо долженъ подвергнуться строгому суду оскорбленнаго общественнаго мнѣнія, то вслѣдъ за этою державою отвѣчать передъ этимъ трибуналомъ придется самому же канцлеру казначейства съ его товарищами. То, въ чемъ они думали видѣть свою силу, чѣмъ думали спасти себя въ общественномъ мнѣніи, то теперь обратилось противъ нихъ. Они сдѣлали важную ошибку; желая сохранить миръ, они не туда направили свои усилія; они слишкомъ потворствовали Австріи, слишкомъ были деликатны съ нею, и возбудили въ ней надежды на поддержку Англіи, тогда какъ имъ слѣдовало бы въ самомъ началѣ настоятельно и строго потребовать отъ нея необходимыхъ уступокъ, въ которыхъ бы она не рѣшилась отказать Англіи. Чтò значило это посольство лорда Коулея, которое выставляетъ теперь лордъ Дерби, какъ свою заслугу? ка-

кую силу могли имѣть эти частные разговоры, эти любезности между англійскимъ дипломатомъ и графомъ Буолемъ? Лордъ Пальмерстонъ не безъ основанія замѣтилъ въ томъ же засѣданіи, что еслибы посольство лорда Коулея получило болѣе формальный и оффиціальныи характеръ, то, по всему вѣроятію, переговоры эти имѣли бы иной исходъ.

Вообще въ это парламентское засѣданіе, которое только однимъ днемъ предшествовало объявленію войны, но въ которомъ еще высказывались надежды на сохраненіе мира, и шла рѣчь о конгрессѣ, иностранная политика Англій обнаружила уже довольно значительно раздвоеніе: министерская сторона усилила, выше мѣры, тонъ своихъ консервативныхъ тенденцій, и несмотря на все желаніе показать себя безпристрастнымъ посредникомъ распри, слишкомъ явно склонялась въ пользу той державы, которая, по ошибочному мнѣнію министровъ, менѣе прочихъ была расположена нарушить миръ. За то оппозиція во всѣхъ своихъ отгѣнкахъ, уже въ этомъ засѣданіи, рѣшительнѣе и явотвеннѣе обнаружила свои симпатіи въ другую сторону, и заботясь о сохраненіи мира, яснѣе сознавала, что средствомъ къ тому могло быть нѣчто другое, а не потворство австрійскимъ притязаніямъ.

Односторонность, въ которую завлеклась политика министерства, нашла себѣ самое рѣзкое выраженіе въ рѣчи самого графа Дерби, который въ этомъ засѣданіи почти вовсе отрицалъ самые элементы италіянскаго вопроса. Онъ отрицалъ всякій поводъ къ войнѣ и не хотѣлъ видѣть его даже въ сепаратныхъ договорахъ Австріи съ италіянскими государями, хотя договоры эти и осужденны всѣмъ образованнымъ міромъ, всѣми партіями въ англійскомъ парламентѣ, самимъ министерствомъ, и наконецъ имъ самимъ въ томъ числѣ. Рѣчь свою первый министръ заключилъ слѣдующимъ патетическимъ воззваніемъ, въ которомъ оппозиція поспѣшила увидѣть пристрастіе къ Австріи, чтобы повредить кабинету Дерби въ его теперешнемъ критическомъ положеніи.

«Англія, сказалъ онъ, сильно заинтересована въ сохраненіи мира. Она готова сдѣлать для того всевозможныя пожертвованія, но въ самыхъ интересахъ этого мира, она не можетъ согласиться на роль, которая поставила бы ее въ безпомощное и незащитное положеніе. Если вспыхнетъ война, то каковы бы ни были ея послѣдствія, нейтралитетъ нашъ долженъ быть до извѣстной степени вооруженнымъ нейтралитетомъ; онъ долженъ дать намъ возможность пристать къ той, какой бы то ни было, сторонѣ, на которую честь, интересы и достоинство нашего отечества будутъ указывать какъ на наиболѣе заслуживающую нашего содѣйствія. Надѣюсь, что въ этомъ образѣ дѣйствій

правительство встрѣтитъ единодушную опору, и въ парламентѣ, и въ странѣ, ибо, конечно, это самая рациональная политика, какой мы только можемъ слѣдовать. Будемъ молить Бога, чтобъ Онъ избавилъ насъ отъ необходимости выступать на столь опасный путь! Будемъ молить Бога, чтобы въ совѣтахъ Европы восторжествовала умѣренность, мудрость и уступчивость! Будемъ молить Бога, чтобы буря эта миновала, не разразившись въ тѣхъ страшныхъ размѣрахъ, которыхъ мы имѣемъ столько причинъ опасаться. Но я увѣренъ, какъ я замѣтилъ уже прежде, что сохраненіе мира зависитъ отъ единодушнаго присоединенія парламента къ тѣмъ принципамъ, которые такъ краснорѣчиво и искусно объяснены моимъ благороднымъ другомъ и благороднымъ лордомъ, членомъ оппозиціи; они приобрѣтутъ еще болѣе нравственной силы, когда Европа убѣдится, что Англія не останется слабымъ и беззащитнымъ зрителемъ событій, могущихъ затронуть ея достоинство и честь, что тяжкая отвѣтственность обрушится на ту державу, которая, безъ вызова и крайней необходимости, стремится, для удовлетворенія своихъ честолюбивыхъ плановъ, повергнуть Европу во всѣ бѣдствія продолжительной и кровавой борьбы.»

Въ рѣчахъ оппозиціи высказывалось, напротивъ, направленіе, благоприятное для Сардиніи. Тогда рѣчь шла еще только о конгрессѣ, о способахъ уладить дѣло мирнымъ образомъ, и всѣ соглашались въ справедливости требованій Сардиніи быть представленною на конгрессѣ, всѣ болѣе или менѣе высказывались противъ высокомерныхъ и нелѣпыхъ притязаній австрійскаго правительства. Г. Мильнезъ въ нижней палатѣ справедливо замѣтилъ, что конгрессъ безъ участія Сардиніи не будетъ имѣть смысла и будетъ безплоденъ. «Безъ участія Сардиніи, говоритъ онъ, италіанскій народъ будетъ смогрѣть на конгрессъ какъ на сборище иностранцевъ, которые сойдутся для того, чтобы располагать по своему произволу его жизнію и собственностію Италіанцевъ я, что еще дороже для нихъ, ихъ національностію и свободою. Они не подчинятся свободно рѣшеніямъ такого конгресса, и пришлось бы побуждать ихъ къ тому насильно. А напротивъ, цѣль конгресса должна состоять въ томъ, чтобъ освободить Италію отъ порядка, основаннаго на насиліи...»

Но истиннымъ коррелягомъ рѣчи перваго министра были слова, сказанныя адмираломъ Дункомбомъ:

«Мы слышали о конгрессѣ. Сардинія желаетъ занять мѣсто въ немъ. Въ письмѣ къ англійскому правительству, графъ Кавуръ основываетъ право Сардиніи на томъ, что она *пользуется довѣріемъ несчастныхъ народовъ, которыхъ судьба должна рѣшиться.* Сардинія пользуется довѣріемъ несчастныхъ народовъ, кото-

рыхъ судьба должна рѣшиться, а между тѣмъ пять главныхъ державъ, поступая тираннически, говорятъ, что Сардинію не слѣдуетъ допускать на конгрессъ ходатайствовать за дѣло Италіи. *(Слушайте, слушайте.)* Англійское правительство уронитъ себя, если не настоитъ на томъ, чтобы Сардинія получила мѣсто на конгрессѣ, и Сардинія совершенно въ правѣ не обезоруживаться, пока не получитъ этого мѣста. Не дать ей голоса и заставить обезоружиться было бы дѣломъ величайшаго, несмысленнаго угнетенія и тиранніи со стороны пяти великихъ державъ. *(Слушайте, слушайте.)* Положеніе Италіи было бѣдствіемъ для образованной Европы. Я увѣренъ, что Италію нельзя удовлетворить ничѣмъ, кромѣ независимости и единства. *(Слушайте, слушайте.)* Австрія была проклятіемъ для Италіи. Это длится издавна, и всѣ были увѣрены, что англійское правительство плашеть по дудкѣ Австріи. Ему нужно совершенно отдѣлаться отъ Австріи, прежде чѣмъ обезпечивать миръ Италіи. Можно разрушить этотъ миръ конгрессомъ; можно исключить Сардинію; но нельзя достигнуть мира и благосостоянія Италіи, пока нога Австріи будетъ тамъ *(слушайте, слушайте)*. Англія можетъ сдѣлать многое. Ей не нужно начинать войну. Пусть она употребитъ только свое нравственное вліяніе и скажетъ Австріи: «Ваше бывшее и настоящее управление Италіей составляетъ для васъ только источникъ горя. Дайте ей конституцію, если ужъ вы рѣшились остаться въ Италіи, но для васъ было бы гораздо лучше вовсе удалиться и предоставить самой Италіи устроить свои дѣла.» *(Слушайте слушайте.)* Я увѣренъ, что было бы благоразумно дать такой совѣтъ, но если правительство станетъ идти ощунью и останавливаться на полдорогѣ, то война будетъ неизбѣжна, и именно вслѣдствіе политики, принятой правительствомъ. *(Слушайте, слушайте.)*

Ошибка министерства была очевидна, и оппозиція не могла не воспользоваться ею передъ судомъ страны, когда на другой или на третій день пришло извѣстіе объ ультиматумѣ Австріи и нарушеніи мира. Лордъ Джонъ Россель, который по всему вѣроятію будетъ преемникомъ графа Дерби, когда судъ страны окажется неблагоприятнымъ для его кабинета, высказался передъ своими избирателями въ Сити въ двухъ огромныхъ рѣчахъ по предмету вѣншей политики, точно такъ, какъ прежде развивалъ онъ передъ ними свои виды по внутреннему вопросу парламентской реформы. Онъ прямо напалъ на заключительныя слова лорда Дерби, сказанныя имъ въ засѣданіи 18 апрѣля. «Лордъ Дерби объявилъ, — такъ говорилъ его противникъ, — что мы должны держаться вооруженнаго нейтралитета; подождемъ немного, сказалъ лордъ Дерби, чтобъ увидѣть, кто правъ, а тогда мы можемъ пристать къ той или другой сторонѣ. Къ несчастію, дѣло въ томъ, что лордъ

Дерби и г. Дизраэли не совсѣмъ безпристрастны; они выказали слишкомъ большую склонность къ Австріи. Если, упорствуя въ этой политикѣ, лордъ Дерби отдастся дѣлу Австріи, я сильно протестую противъ такой политики. Что касается до меня, то я стою за миръ. Въ прежнія континентальныя войны всѣ стороны хлопотали о томъ, сколько онѣ могутъ вытянуть изъ Англіи въ формѣ займовъ или субсидій; изучая исторію, я убѣдился, что всѣ ссоры кончались, когда государства оставались безъ денегъ. Поэтому, если мы не дадимъ средствъ, если мы не пристанемъ ни къ одной изъ сторонъ,—война не продлится, и воюющіе волею или неволею должны будутъ искать какого-нибудь способа заключить миръ. Сверхъ того у Англіи и безъ того много дѣла: народъ англійскій находитъ неудовлетворительною свою систему представительства и хочетъ исправить ее; неужели слѣдуетъ оставить въ сторонѣ это важное дѣло ради вмѣшательства въ дѣла Италиі? Повторяю, я стою за миръ; если мы избѣгнемъ войны, наши матеріальныя средства не уменьшатся, и слѣдовательно наша торговля не будетъ парализована. Но если мы не примемъ участія въ войнѣ, то я не вижу причины, почему бы канцлеру казначейства не уменьшить налоговъ, которые теперь такъ сильно отягощаютъ всѣ классы подданныхъ ея величества. »

• Представители консервативной партіи, говорилъ въ другой митингъ лордъ Джонъ Россель, сильно преувеличивая односторонность, въ которую впало правительство, —восхваляли образъ дѣйствій Австріи, находили извиненія для неаполитанскаго правительства и порицали усилія италіянскаго народа. (*Крики: « мѣтъ! » и одобреніе.*) Можете быть увѣрены, что если они замышляютъ принять участіе въ войнѣ, то честь, интересы и достоинство страны, по мнѣнію ихъ, будутъ склонять насъ въ пользу Австріи, противъ тѣхъ, которые борются съ этою державою. Но въ теченіи сорока лѣтъ Австрія не ограничивалась только управленіемъ странъ, доставшихся ей въ силу побѣдъ или трактатовъ, она распространяла вліяніе свое, вліяніе деспотическаго правительства и мрачной религіи, на всю Италію. (*Одобреніе.*) За исключеніемъ Ломбардіи, Венеціи и другихъ мѣстъ, принадлежащихъ Австріи, насчитывается болѣе двадцати милліоновъ Италіянцевъ. Прилично ли же нашей свободной странѣ, прилично ли истымъ Англичанамъ употреблять свой флотъ и армію на то, чтобы способствовать угнетенію этихъ двадцати милліоновъ людей? (*Громкое одобреніе.*) Говорю поэтому — и радуюсь, видя ваше согласіе со мною, — что честь, интересы, а слѣдовательно и достоинство нашей страны, — ибо оно тѣсно связано съ тѣмъ и съ другимъ, — не заставляютъ насъ принимать участіе въ предстоящей борьбѣ. (*Громкое одобреніе.*) Конечно, мы связаны трактатами; но мнѣ кажется, что

единственный трактатъ, о которомъ могъ возникнуть вопросъ—а по всему вѣроятію, вопросъ о немъ возникнетъ,—есть трактатъ нашъ съ другими державами касательно охраненія нейтралитета Бельгій, въ случаѣ, еслибы нейтралитетъ ея былъ нарушенъ. Еслибы явилось откуда-либо намѣреніе завоевать Бельгію, то трактаты и добросовѣстность побудили бы насъ отстаивать независимость этой страны. Мы должны быть въ готовности исполнять всѣ добросовѣстныя обязательства; но я увѣренъ, что если Европа убѣдится въ этой готовности, если она убѣдится, что честь и интересы нашей страны не позволятъ намъ смотрѣть сложа руки на вторженіе въ Бельгію, то Бельгій нечего страшиться нападенія, нечего беспокоиться за свою независимость. *(Одобреніе.)* Вотъ почему я думаю, что вмѣсто объявленія вооруженнаго нейтралитета, при существованіи котораго другія державы имѣли бы право сдѣлать намъ запросъ о дальнѣйшихъ нашихъ намѣреніяхъ, намъ нужно ограничиться только заботами о собственной защитѣ, объ улучшеніи всѣхъ существующихъ средствъ для обороны. Слѣдуетъ показать рѣшительное намѣреніе не принимать участія въ войнѣ, но лишь только державы обнаружатъ склонность къ миру, употребить все вліаніе для достиженія этой цѣли, для охраненія благосостоянія Европы и всего человѣчества. Надѣюсь, что мой образъ мыслей достаточно ясенъ. Онъ не сходенъ съ образомъ мыслей правительства касательно вопросовъ о реформѣ и вѣдшихъ нашихъ сношеній, но несравненно болѣе обезпечиваетъ благосостояніе и свободу страны. Сохраняя миръ и заботясь о торговлѣ и народномъ благосостояніи, Англія обнаружитъ свое вліаніе несравненно сильнѣе, чѣмъ еслибы она поспѣшила пристать къ той или другой странѣ. *(Одобреніе.)* Думаю, слѣдовательно, что прежде всего должно помышлять намъ о своихъ внутреннихъ интересахъ, объ улучшеніи акта о реформѣ и въ предстоящей европейской войнѣ держаться не вооруженнаго, а прямого, честнаго и мирнаго нейтралитета.

Разумѣется, какъ мы видимъ, лордъ Джонъ Россель въ своей полемикѣ не желалъ сохранять полное безпристрастіе относительно своихъ противниковъ. Лордъ Дерби говоритъ о нейтралитетѣ вооруженномъ лишь до извѣстной степени; не хорошо только то, что слова его подали поводъ противникамъ заключать, что этотъ вооруженный нейтралитетъ будетъ предрасположенъ склониться пристрастно въ пользу одной изъ враждующихъ сторонъ. Что же касается до нейтралитета, вооруженнаго до нѣкоторой степени, но строгаго и безъ всякой затаенной мысли, то нѣтъ сомнѣнія, что Англія будетъ держаться его столько же при кабинетѣ Дерби, сколько и при кабинетѣ Росселя. Говорить же лордъ Джонъ Россель о необходимости улучшить и

привести въ порядокъ существующія оборонительныя средства, чтобы быть въ полной готовности отразить всякое нападеніе и вообще поддерживать достоинство страны. Такое нейтральное положеніе Англіи всего желательнѣе теперь для Европы. Она не должна безъ самой крайней необходимости вмѣшиваться въ борьбу, и только оставаясь совершенно свободною отъ всякихъ обязательствъ въ какую бы то ни было сторону, но и не пугая ни той ни другой стороны, она можетъ могущественно содѣйствовать къ разрѣшенію поднятыхъ теперь европейскихъ вопросовъ. Какой бы кабинетъ ни управлялъ дѣлами Англіи, общественное мнѣніе этой страны, надобно надѣяться, заставить его дѣйствовать въ этомъ направленіи. Надобно желать только, чтобы не встрѣтилось какихъ-нибудь случайностей, которыя внесли бы новыя элементы въ начинающуюся борьбу, дали бы ей новый характеръ и снова подвергли бы вопросу политику нейтральныхъ державъ. Намекъ лорда Джона на Бельгію имѣетъ весьма важное значеніе. Сила этого намёка направлена впрочемъ противъ Австріи, которая владѣетъ Венеціей вслѣдствіе своихъ уступленныхъ притязаній на Бельгію, составлявшихъ нѣкогда достоиніе австрійской короны. Австрія не преминетъ поднять этотъ вопросъ.

Лордъ Дерби успѣвши оправдаться отъ упрековъ, которымъ онъ подвергся со стороны своего противника. Случай къ тому представился на обѣдѣ лорда мера. «Милордъ меръ, говорилъ онъ, вы удостоили провозгласить тостъ за наше здоровье, какъ за министровъ короны, и мы дѣйствительно занимаемъ еще этотъ постъ. Но, тѣмъ не менѣе, въ настоящее время мы находимся въ положеніи армейскаго офицера, который посаженъ подъ арестъ и не знаетъ, придется ли ему получить обратно свою шпагу, прежде чѣмъ военный судъ, къ которому онъ апеллировалъ, не возвратитъ ему ее и не дастъ ему права снова носить ее съ честію и достоинствомъ.» Въ обширной и искусной рѣчи графъ Дерби, надѣясь получить обратно свою шпагу, оправдывалъ свою политику и старался показать, что она соблюдала полное безпристрастіе относительно обѣихъ сторонъ. Онъ говорилъ, что симпатіи, которыя англійское правительство всегда питало къ Сардиніи, какъ къ государству съ свободными учрежденіями, не могли однако оправдать честолюбіе ея политики и духъ наступательной пропаганды, овладѣвшей ею въ послѣднее время. Но за то онъ и не пощадилъ рѣзкихъ выраженій для изъясненія своего негодованія на послѣдній поступокъ Австріи, который назвалъ онъ преступнымъ. «Австрія, сказалъ онъ, если она исполнитъ свою угрозу, приметъ на себя страшную отвѣтственность, падающую на всякую страну, которая первая оставитъ мирный путь дипломатіи и подвергнетъ спорный вопросъ гроз-

ному рѣшенію меча. Онъ энергически протестовалъ противъ толкованій, которымъ подверглись слова его, сказанныя въ палатѣ, со стороны лорда Джона Россела, и отпался отъ всякаго пристрастія къ Австріи, которое находили въ нихъ, отъ всякой преднамѣренности употребить вооруженный нейтралитетъ Англии въ пользу этой державы. Но въ своихъ усиліяхъ защититься отъ своихъ противниковъ и представить свою политику въ благопріятномъ свѣтѣ передъ общественнымъ мнѣніемъ, глава кабинета готовъ былъ сложить вину за неудавшіяся переговоры на Россію, предложившую конгрессъ. Онъ увѣрялъ, что простое посредничество Англии могло бы успѣшнѣ уладить дѣло, и что посольство лорда Коулея будто уже совсѣмъ увѣнчалось успѣхомъ, когда была предложена мысль о конгрессѣ, возбуждавшая снова много новыхъ вопросовъ. Но лордъ Дерби не терялъ надежды на успѣхъ переговоровъ, даже когда Австрія начала войну, переступивъ сардинскую границу: онъ еще надѣялся уладить дѣло мирнымъ образомъ, дипломатизируя посредствомъ телеграфа! Не такого ли свойства были и надежды его относительно поѣздки лорда Коулея? Неужели можно назвать неофициальную поѣздку лорда Коулея въ Вѣну посредничествомъ, которое могло бы увѣнчаться успѣхомъ? Гдѣ основаніе думать, что эти оффиціозные переговоры могли придти къ какому-нибудь прочному результату? Не подвергались ли, напротивъ, пересудамъ и перетолкамъ тѣ самые четыре пункта, которые были предметомъ посольства лорда Коулея и потомъ предложены были Англійей для обсужденія на конгрессѣ? Не странно ли думать, что при томъ раздраженіи, въ какомъ находились обѣ спорящія стороны, при тѣхъ притязаніяхъ, которыя они такъ упорно отстаивали, прибѣгая къ громаднымъ вооруженіямъ и напряженнымъ усиліямъ, такое нерѣшительное посредничество могло рѣшить дѣло удовлетворительнымъ образомъ? Вопросъ такъ разросся и такъ ожесточился, что другаго рѣшенія нельзя было предвидѣть, кромѣ торжественнаго акта всеобщаго конгресса или войны, и Россія, предложившая конгрессъ, указала единственный способъ мирнаго рѣшенія. Если же конгрессъ не состоялся, то вся вина падаетъ теперь на Австрію. Кто виноватъ, что держава эта не могла или не хотѣла подвергнуть свое дѣло суду общественнаго мнѣнія, кто виноватъ, что она боится свѣта и обсужденія, кто виноватъ, что конституція ея, какъ сказано въ *Morning-Post*, состоитъ только изъ трехъ частей: пѣхоты, артиллеріи и кавалеріи? Если конгрессъ не удался, то тѣмъ не менѣе Россія можетъ съ гордостію удерживать за собою честь этого предложенія. Конгрессъ не удался, но онъ изобличилъ ту темную державу, которая не дала ему состояться; онъ показалъ, что весь ядъ этого

вопроса, который разражается теперь войною, заключался въ этой державѣ; онъ сложилъ на нее всю отвѣтственность за войну, отвѣтственность, которую до сихъ поръ общественное мнѣніе раздѣляло между ею и Франціей.

Австрія, сказано въ *Times*, тотчасъ по полученіи извѣстія объ ея ультиматумѣ, опередила своихъ враговъ. Она удивила Францію, не спѣша надѣвавшую свои доспѣхи, и бросилась на Сардинію, подобно силачу, который бросается на слабого крикуна, когда тотъ разсыпается въ угрозахъ противнику, не чая близкаго присутствія его. Это и смѣливо и смѣло. Австрія располагаетъ теперь войною; войска ея могутъ переправиться черезъ рѣку; она въ состояніи, быть-можетъ, разсѣять италіанскую армію; остатки ея она можетъ загнать въ три главныя сардинскія крѣпости, унижить Пиемонтъ занятіемъ его столицы, можетъ показать жителямъ Турина на опытѣ, каковы обычныя страданія народонаселенія Ломбардіи. Но развѣ это все? Развѣ тѣмъ и ограничится все, что необходимо исполнить Австріи? Нисколько. Сдѣлавши все это, она только подастъ сигналъ къ настоящей войнѣ; она совершитъ только поступъ безсмысленнаго насилія. Она не только возбудитъ нерасположеніе къ себѣ консервативныхъ державъ Европы, но нарушитъ единственныя основанія, на которыхъ они могли бы подать ей помощь. Какъ скоро генераль Гюлай очутится въ Туринѣ,—куда дѣнутся трактаты 1815 года? Лишь только Австріи овладѣютъ Сардиніей, какъ фамилія Бонапартовъ, которая теперь не совсѣмъ открыто противится этимъ трактатамъ, вступитъ во всѣ права воюющей стороны. Какое право будемъ мы имѣть сказать Сардиніи и ея союзникамъ: «Остановитесь тутъ,—не идите дальше»? Первый австрійскій пикетъ, перешедшій чрезъ Тичино, сорветъ печать со всѣхъ этихъ трактатовъ, въ силу которыхъ Австрія обладаетъ теперь италіанскими провинціями; первая австрійская пушка, выстрѣлившая на сардинской почвѣ, будетъ салютомъ свободы италіанскаго полуострова. Подобная война не можетъ окончиться однимъ быстрымъ переходомъ, хотя бы и успѣшнымъ. Своими владѣніями въ Италіи Австрія обязана взаимному соперничеству европейскихъ державъ, договаривавшихся въ 1815 году въ Вѣнѣ; переходя Тичино, она расторгаетъ единственное свое право и вручаетъ рѣшенію оружія судьбу своего владѣчества въ Италіи. Нѣтъ, это не политика мудрой державы. Возвысившись договорами, брачными союзами, связями, она пользуется теперь своимъ военнымъ превосходствомъ, чтобы отбросить въ сторону всѣ узаконенныя свои права, все вручить силѣ и праву побѣды, котораго нужно еще добиться. Все это такъ отзывается отчаяніемъ, въ которомъ умолкаетъ разсудокъ, что рука ея, мы надѣмся, опустится прежде чѣмъ на-

несетъ ударъ. Если же надежда эта будетъ обманута, тогда останется ждать только одного: Европа, готовая до начала этого пагубнаго вторженія, торговаться, даже слишкомъ торговаться за Италію, неудовлетворится ничѣмъ инымъ, какъ удаленіемъ Австрійцевъ за Альпы.

Еще рѣшительнѣе высказался въ тоже время *Morning Post*. «Политика Англій, сказано въ этомъ журналѣ, который поддерживаетъ всегда политику лорда Пальмерстона и служить ей органомъ, должна быть нейтральною; но если Англія принуждена будетъ обнажить свой мечъ, то она не должна поддерживать ни Австрію, ни Францію, а должна пытаться отдать Италію Италианцамъ.»

«Императоръ австрійскій, сказано въ *Daily News*, одномъ изъ либеральныхъ органовъ англійской журналистики, идетъ противъ чувства образованнаго міра и вызываетъ войну. Попирать идею копытомъ боеваго коня — въ этомъ состояла величайшая утѣха фамиліи Франца-Іосифа въ теченіи вѣковъ, и онъ оказывается достойнымъ своихъ предковъ. Слѣпы тѣ, кто не видитъ, что дѣло идетъ о вѣчной борьбѣ свободы съ тиранніею. Всякій Англичанинъ будетъ слѣдовать за Сардиніей своими симпатіями и молитвами. Пусть сражающіеся за свою независимость знаютъ и чувствуютъ, что наши сердца съ ними. Пусть будутъ они увѣрены, что если долгъ не позволяетъ намъ стать на ихъ сторонѣ *дългомъ*, общій судъ нашей свободной націи осуждаетъ ихъ враговъ и, что бы ни случилось, ни одинъ англійскій мечъ не выйдесть изъ ноженъ для продолженія австрійской тиранніи въ Италіи. Пусть никто не обманывается словами нашихъ министровъ: народъ англійскій покроетъ позоромъ и низвергнетъ всякій кабинетъ, у котораго достанетъ дерзости поставить имя и могущество Англій на сторонѣ деспотизма.»

Но, въ доказательство какъ теперь всѣ партіи сливаются въ одинъ голосъ и какъ мало разницы въ тонѣ между консервативными органами и либеральными, приведемъ слова *Morning Herald*, журнала, который особенно поддерживаетъ графа Дерби и служить главнымъ органомъ его кабинета. «Не зачѣмъ оттѣнять ту тяжкую ошибку, въ которую впало австрійское правительство своею роковою поспѣшностью. По разнымъ причинамъ Австрія сдѣлалась не популярною во многихъ частяхъ Европы, и ея поведеніе во время крымской войны должно было бы внушить ей крайнюю осторожность. Пока Австрія была готова дѣйствовать безпристрастно и умѣренно, она находила друзей; но теперь, когда она вынула мечъ изъ ноженъ, ея правительство не должно удивляться тому, что иное чувство одушевляетъ правительство и народъ въ Англій и въ другихъ странахъ. Благодѣянія міра

чувствуются и оцѣнены всѣми, и всякая попытка нарушить миръ вызываетъ всеобщее порицаніе. Австрія первая вызвала борьбу, и ея правительство не должно удивляться тому, что за его преступленіе падеть на его голову страшное наказаніе.»

Англійскіе журналы наполняются теперь рѣчами, которыя провозносятся на митингахъ кандидатами въ палату общинъ. Всѣ онѣ свидѣтельствуютъ о рѣшительномъ настроеніи общественнаго мнѣнія, и будущая политика англійскаго правительства окончательно вырабатывается и опредѣляется теперь при участіи всей страны. Никогда еще громогласное слово г. Брайта въ пользу мира не было такъ кстати и не дѣйствовало такъ удачно какъ теперь на бермингамскихъ выборахъ, гдѣ онъ одерживалъ легкую побѣду надъ своимъ соперникомъ. «Если англійскій народъ былъ за войну, говорилъ онъ, то мой голосъ пронесся бы какъ пустой вѣтеръ, и никто не сталъ бы слушать его. Преступленіе народа лежало бы на немъ самомъ, наказаніе упало бы на него; но моя рука не участвовала бы въ этомъ дѣлѣ (*рукоплексканія*). Въ этомъ спорѣ Англія не имѣетъ другаго интереса, кромѣ общаго интереса человѣческаго благосостоянія во всѣхъ частяхъ свѣта; я утверждаю, что министръ, который выставлялъ бы на войну хотя одного англійскаго солдата или уштрабилъ хотя одинъ англійскій корабль, — министръ, который потратилъ бы на это англійскія деньги или пролилъ англійскую кровь,—я утверждаю, что такой министръ былъ бы измѣнникомъ своему отечеству. (*Рукоплексканія*).»

«Еслибы народное представительство, говорилъ онъ еще, сводя рѣчь къ реформѣ, было лучше распредѣлено между народомъ, никогда не случались бы кровопролитныя войны; тысячи и миліоны денегъ, добытыя трудомъ и потомъ народа, не были бы потрачены на нечестивыя распри, сохранились бы въ странѣ, въ жилищахъ народа, въ его сундукахъ, въ его карманахъ; послужили бы къ тому, чтобъ улучшить жилища, одѣянія, возвысить образованіе и нравственность. (*Одобреніе*.) И весь этотъ людъ, который толкуетъ теперь объ опасностяхъ крайняго образа мыслей, понялъ бы, что нѣтъ опаснѣе тѣхъ мнѣній, которыя были въ ходу въ послѣдніе шестьдесятъ лѣтъ, и въ силу которыхъ правительство мотало и сорило промышленность народа.»

Г. Брайтъ далъ полный просторъ своему негодованію на дипломатическія тайны, на секретность, въ которую правительство часто бываетъ принуждено облекать свои переговоры съ иностранными державами. Онъ не хочетъ знать, почему это дѣлается; онъ ставитъ въ вину своему правительству то, что оно должно дѣлать по отношенію къ другимъ державамъ, которымъ непонятна эта полная гласность, составляющая въ Англии необходимое усло-

віе правительственной дѣятельности. «Правительство у насъ, восклицалъ г. Брайтъ, дѣйствуетъ не спрашиваясь народа. Въ иностранныхъ дѣлахъ народъ у насъ знаетъ также много, что дѣлаетъ у насъ правительство, какъ еслибы онъ былъ народомъ Франціи, или Австріи... Никто не повѣритъ, чтобы искусные итальянскіе земледѣльцы и мирные жители австрійскихъ владѣній желали повергнуться въ бѣдствія войны; но руководимые правительствами, надъ которыми не имѣютъ контроля, страны эти могутъ потерпѣть всевозможныя бѣдствія. То же можетъ случиться и съ нашею страной, если общественное мнѣніе не будетъ слѣдить внимательно за каждымъ шагомъ власти.»

Сейчасъ прочли мы интересныя рѣчи, сказанныя г. Осборномъ въ Дуврѣ и г. Эдвиномъ Джемсомъ въ мерилебонскомъ округѣ Лондона. Г. Осборнъ былъ членомъ прежняго правительства, и слова его служатъ выраженіемъ той политики, которой держится теперь лордъ Пальмерстонъ.

«Я согласенъ съ лордомъ Aberдиномъ, говорилъ г. Осборнъ, который сказалъ: «когда война перестанетъ быть необходимою, она становится преступленіемъ». Не опредѣляя слишкомъ подробно намѣреній Сардиніи, не изслѣдуя слишкомъ микроскопически побужденій Франціи, я сочувствую Италіи (*рукоплесканія*); какъ частный человекъ, я сочувствую этимъ двадцати пяти милліонамъ людей, которые томятся подъ желѣзною пятою деспотизма; но какъ представитель Англичанъ, платящихъ налоги, я никогда не буду адвокатомъ военной пропаганды. (*Рукоплесканія*.) Нужно подумать прежде о благодѣяніяхъ у себя дома; и моя рука не толкнетъ наше отечество въ другую войну, кромѣ войны для собственной обороны. (*Продолжительныя рукоплесканія*.) Я сочувствую Италіи въ глубинѣ моей души и желаю, чтобы Господь даровалъ успѣхъ ея патріотамъ; но въ то же время я никогда не попрошу васъ поддерживать меня для того, чтобы я вынудилъ у правительства какую-либо мѣру, которая вовлекла бы насъ въ континентальную войну, а еще менѣе въ войну для защиты деспотизма и тиранин (*громкія рукоплесканія*). Естественная союзница для нашего отечества есть Франція, кто бы ни былъ на ея престолѣ. (*Слушайте, слушайте*.) Нашъ естественный союзъ не съ королями и императорами Французовъ, или съ президентами республики, а съ французскимъ народомъ. (*Громкія рукоплесканія*.) Я желалъ бы поддержанія того союза и добраго согласія, которые существовали доселѣ между Франціею и Англіею (*слушайте, слушайте*); но даже для того, чтобы купить этотъ союзъ, я не захотѣлъ бы участія въ континентальной войнѣ. (*Слушайте*.)»

Г. Эдвинъ Джемсъ, извѣстный защитникъ Бернара, выбирался въ Мерилебонъ, гдѣ онъ одержалъ блистательную побѣду надъ

своими соперниками, въ томъ числѣ надъ лордомъ Станли, котораго кандидатура провозглашена была между прочимъ и тамъ услужливыми друзьями противъ его воли.

«Я принадлежу, говорилъ г. Эдвинъ Джемсъ, къ числу тѣхъ людей, которые думаютъ, что политика Англіи должна быть политикою невмѣшательства (*громкія рукоплесканія*), а не политикою вооруженнаго нейтралитета. Мы не должны вооружаться для того, чтобы дѣйствовать, мы не должны вооружаться свыше той мѣры, какая необходима для нашей защиты. Англія должна принять положеніе достоинства и невмѣшательства и должна оставаться въ этомъ положеніи, пока не увидитъ, какъ разыграется война. Она должна оставаться просто пассивною зрительницею этого страшнаго столкновенія; она должна опираться на общественное мнѣніе, на вліяніе своего могущества, и не обнажать меча ни въ какомъ случаѣ. (*Громкія рукоплесканія*.) Чему учить насъ исторія, что говоритъ она о вмѣшательствѣ Англіи въ войны? Каковъ былъ результатъ тѣхъ войнъ, въ которыя Питтъ втянулъ Англію? Субсидии въ пользу Австріи и Пруссіи. Когда Англія ввязывается въ войну, ей всегда приходится платить издержки (*слушайте, слушайте! и смѣхъ*). Какой же политикѣ должны мы теперь слѣдовать? Владычество Австріи въ Италіи, со времени вѣнскаго трактата, изнуряло эту страну. Почти каждый квадратный аршинъ ея отъ Ломбардіи до южныхъ предѣловъ находился подъ австрійскимъ господствомъ и тираніею. Послѣ вѣнскаго конгресса, раздробившаго Италію въ пользу Австріи, какъ поступала Австрія, еще недовольная этимъ? Не успѣли засохнуть чернила на актѣ конгресса, какъ она заключила секретный трактатъ съ Неаполемъ и настаивала на томъ, чтобы Неаполь управлялся по началамъ деспотизма, одушевлявшимъ австрійскій дворъ. (*Слушайте, слушайте*.) И весь неаполитанскій деспотизмъ, со времени подписанія трактата и до нынѣшняго дня, главнымъ образомъ опирается на трактатъ, который сдѣлалъ изъ Неаполя позорное орудіе, простаго янычара австрійскаго двора. Неаполитанское правительство наполнило свои тюрьмы лѣдями, которые были заживо похоронены въ нихъ, а если и выходятъ оттуда, то уже безсильные и дряхлые, смотрящіе безсмысленно и тупо на солнечный свѣтъ. (*Громкія рукоплесканія*.) Австрія господствовала надъ Италіею и грозила каждому италіянскому государству, которое пыталось домогаться свободы. Англія ли будетъ своимъ вліяніемъ поддерживать Австрію? (*Нѣтъ, нѣтъ!*) Нѣтъ, и я увѣрснъ, что страна скажетъ «нѣтъ», что палата общинъ скажетъ «нѣтъ», и что голосъ Англіи раздастся не во имя поддержанія одного деспотизма противъ другаго, а во имя воз-

рожденія Италіи. Я утверждаю, что желаніе Англіи въ этомъ по-
просѣ будетъ поддержано силою, большею чѣмъ сила оружія,
именно силою общественнаго мнѣнія. (*Рукопелесканія.*) Никто не
можетъ сказать, каковъ будетъ результатъ этой кровавой распри,
послѣ перваго выстрѣла и послѣ перваго удара, которыми рази-
маются Франція и Австрія. Если Австрія потерпитъ поражение и
скроется въ своихъ крѣпостяхъ, какъ вы думаете, не выѣзжаетъ
ли Германскій Союзъ? Если Французы будутъ разбиты, то вѣрите
ли вы безопасности французскаго престола даже на одній часъ?
Никто не рѣшится сказать, что какаа-нибудь династія можетъ хоть
одни сутки оставаться безопасною въ Парижѣ послѣ пораженія
французскихъ войскъ. (*Слушайте, слушайте.*) При такихъ обстоя-
тельствахъ, Англія должна оставаться молчаливою зрительницею.
Результатомъ войны можетъ быть для Италіи приобрѣтеніе того,
чего она никогда не имѣла, но къ чему постоянно стремилась,
свободы и конституціоннаго устройства. (*Рукопелесканія.*) При
этомъ столкновеніи всѣ будутъ искать опоры въ силѣ обще-
ственнаго мнѣнія Англіи, то-есть въ свободномъ выраженіи мыс-
лей ея свободнаго народа и ея свободной печати. Этою силою
укрѣпились основы нашего конституціоннаго престола. Эта сила
разбила цѣпи рабства въ нашихъ колоніяхъ. Эта сила будетъ ра-
дугой для Европы, когда надъ нею повиснетъ грозная туча. На
эту силу должна опираться Англія, чтобы защитить угнетеннаго
отъ угнетателя и поддержать неприкосновенными политическія
льготы и благосостояніе всѣхъ народовъ Европы. (*Рукопелесканія.*)

Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ *Times* напечатано письмо
лорда Шафтсбери къ издателю. Лордъ Шафтсбери женатъ на
падчерицѣ лорда Пальмерстона. Онъ одинъ изъ самыхъ вліятель-
ныхъ членовъ палаты лордовъ и изъ главныхъ двигателей ан-
глійскаго библейскаго общества, и съ своей точки зрѣнія ко-
снулся вопроса, занимающаго теперь всѣхъ. Этотъ взглядъ на
австрійскую политику съ религіозной точки зрѣнія не лишень
интереса, и мы сообщаемъ читателямъ письмо лорда Шафтсбери:
«Послѣ того, какъ Сардинія приняла предложенія, сдѣланныя ей
посредническими державами, Англіею и Пруссіею, послѣ того,
какъ она обнаружила полную готовность сохранить миръ, она
подверглась низкому и жестокому нападенію со стороны австрій-
скаго императора. Не можетъ существовать ни малѣйшаго сомѣ-
нія, на чьей сторонѣ будутъ надежды и пожеланія англійскаго
народа. Сардинія объявила себя и постоянно была защитницею
гражданской и религіозной свободы въ Италіи. Она вызвала Валь-
денцевъ изъ нищеты и страданій, и дала мѣсто церквямъ ихъ въ
Туринѣ и Генуѣ; она дозволяетъ свободное проповѣданіе слова
Божія и публично и въ частномъ быту; есть ли на всемъ маге-
рикѣ Европы другое мѣсто, гдѣ бы распростираніе Евангелія

было такъ свободно, такъ неволебранно, находило бы себѣ такую опору въ государственныхъ властяхъ? Политика Пиемонта состояла въ томъ, чтобы противиться притязаніямъ римской церкви,—нѣтъ, болѣе!—она состояла въ томъ, чтобы домогаться всѣми законными средствами уничтоженія свѣтскаго характера папской власти. Австрія, напротивъ, ставила препоны всему, что могло оказаться добрымъ и благодѣтельнымъ для Италіи. Болѣе всего въ мірѣ ненавистны ей гражданская и религиозная свобода. Озаботилась ли она когда-нибудь, чтобы спасти благородный принципъ? Она, главная, можетъ-быть единственная опора папской тирании и отвратительнаго управления въ Средней Италіи. Протестанты въ Венгріи и другія ея владѣнія могутъ засвидѣтельствовать ея ханжество. Строгое запрещеніе, наложенное ею на Евангеліе, конфискація всего склада этой священнон книжки въ 1853 году, высылка ея за границу, «посреди, какъ сказано въ отчетѣ библейскаго общества, неутѣшныхъ слезъ и вздоховъ сотенъ тысячъ народа», доказываетъ, что Австрія не имѣетъ правъ на симпатію британской націи. По случаю горестнаго отсутствія парламента, общественное мнѣніе не имѣетъ средствъ заявить себя. Но имѣетъ и порознь, какъ бы то ни было, и гдѣ бы то ни было, будемъ молигъ Всевышняго, чтобы «дѣло правоты и законности, дѣло религіи» восторжествовало благословеніемъ Его въ странахъ, съ давнихъ поръ страждущихъ отъ невѣжества и угнетенія!»

Къ сожалѣнію, вскорѣ по Европѣ пронесся слухъ, будто Россія намѣрена энергически вмѣшаться въ войну. Сначала въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ журналахъ, и именно въ *National Zeitung*, появилось извѣстіе, будто Россія заключила наступательный трактатъ съ Франціей. Но съ особенною силой и съ особеннымъ упорствомъ настаивалъ на этомъ извѣстіи органъ *лондонскаго города*, *Times*, который получилъ это извѣстіе отъ своего парижскаго корреспондента. Оно произвело панику въ торговомъ мірѣ, и страшно встревожило общественное мнѣніе. Въ *Times* было сказано, что Россія заключила съ Франціей не одинъ, а даже два трактата, изъ которыхъ однимъ будто бы обязывалась помогать ей своими флотами въ Балтійскомъ и Средиземномъ моряхъ, а другимъ объявить войну Австріи черезъ двѣ недѣли по открытіи военныхъ дѣйствій.

Къ счастью, нашъ кабинетъ не замедлилъ объясниться. Русскій посланникъ удостовѣрилъ англійское правительство, что никакихъ подобныхъ трактатовъ, сколько-нибудь направленныхъ противъ Англій, не существуетъ между Франціей и Россіей, и въ *Morning Herald*, министерскомъ органѣ, было напечатано рѣшительное опроверженіе извѣстія, сообщеннаго въ

Times. «Мы получили удостовѣреніе, сказано въ полуофициальномъ сообщеніи этой газеты, что никакого трактата, никакой конвенціи не было подписано между Франціей и Россією. Русскіе лишь просто обѣщались выставить 50.000 человекъ для наблюденія на границѣ австрійской Галиціи, и вѣроятно изъ этого только факта вышелъ ложный слухъ, распространившій уныніе въ нашихъ торговыхъ кругахъ и причинившій разореніе многимъ сотнямъ лицъ.» Вотъ причина, почему общественное мнѣніе въ Англіи такъ протестуетъ противъ секретности дипломатическихъ сдѣлокъ. Въ настоящее время соглашенія между правительствами не могутъ оставаться совершенною тайною; о нихъ распространяются въ публикѣ фразные слухи, часто преувеличенные и нелѣпые, причиняющіе потрясенія и разоренія, между тѣмъ какъ гласность предупреждала бы эти несчастія. Публика все-таки знаетъ, что происходило между правительствами, но узнаетъ не прежде а уже послѣ того вреда, который причиненъ секретностію.

Наконецъ г. Дизраэли передъ своими избирателями въ Бокингамѣ, и г. Фицъ-Джеральдъ, второй государственный секретарь иностранныхъ дѣлъ, представили публикѣ успокоительныя объясненія по этому дѣлу. Г. Фицъ-Джеральдъ прочелъ своимъ слушателямъ письмо князя Горчакова, писанное въ отвѣтъ на запросъ англійскаго правительства. Въ этомъ письмѣ сказано: «Я не утверждаю, чтобы между Россією и Францією не было писаннаго обязательства, но могу васъ удостовѣрить самымъ положительнымъ образомъ, что это соглашеніе не содержитъ въ себѣ ничего, что могло бы въ какомъ-нибудь смыслѣ быть истолковано, какъ основаніе союза, враждебнаго Европѣ. Если лорда Мальмебери будутъ спрашивать объ этомъ предметѣ, онъ можетъ до вѣрчиво отвѣчать согласно съ вышесказаннымъ, и я даю вамъ мое личное удостовѣреніе, что показаніе, которое онъ сдѣлаетъ, не будетъ опровергнуто событіями.»

Согласно съ этими успокоительными увѣреніями, въ *Journal de Saint-Petersbourg* напечатано слѣдующее официальное сообщеніе, которое не можетъ не порадовать каждаго Русскаго: «Мы уполномочены объявить самымъ положительнымъ образомъ, что не существуетъ никакого трактата наступательнаго и оборонительнаго между Россією и какою бы то ни было державою. Въ то время, когда вся Европа дѣлаетъ вооруженія морскія и сухопутныя въ огромномъ размѣрѣ, Императоръ долженъ былъ приготовить мѣры предусмотрительности. Политика Его Величества, при теперешнихъ обстоятельствахъ, сохраняетъ полную свободу дѣйствія, и мы не имѣемъ надобности прибавлять, что она руководствуется чувствомъ достоинства его престола и интересами его страны.»

Слава Богу, далеко отъ насъ то время, когда мы отдавали наши нравственные и матеріальныя силы въ распоряженіе другихъ странъ, и еще славилась такимъ великодушіемъ. Достоинство нашей короны и интересы нашего народа, вотъ что отнынѣ будетъ руководствовать нашею политикою. Мы не будемъ орудіемъ чужихъ плановъ и чужихъ интересовъ; Россія сохранитъ свободу своихъ дѣйствій, и принимая необходимыя при грозящемъ столкновеніи мѣры предусмотрительности, будетъ дѣйствовать въ своемъ собственномъ интересѣ, руководимая лишь истинными потребностями своей исторической жизни. Напрасно думаютъ нѣкоторые, что народы въ своей политикѣ должны приносить великодушныя жертвы и забывать свои интересы; напротивъ, только при соблюденіи своихъ интересовъ народъ можетъ оказывать истинную пользу всѣмъ прочимъ народамъ. Если же народъ дѣйствуетъ въ чужомъ интересѣ, то дѣйствія его, въ послѣднемъ результатѣ, будутъ вредны не только для него самого, но и для человѣчества. Мы можемъ съ полнымъ сочувствіемъ повторить слова, сказанныя въ одномъ письмѣ, обнародованномъ въ *le Nord*, письмѣ, которое по всѣмъ признакамъ писано лицомъ, имѣющимъ полное право свидѣтельствовать о характерѣ нынѣшней политики нашего кабинета: «Русскій народъ вѣрится Провидѣнію и мудрости государя, который твердою и вѣрною рукою ведетъ его къ исполненію его судьбы; Россія знаетъ, что для этой цѣли ей необходимъ миръ...» «Но, какъ сказано въ этомъ же замѣчательномъ письмѣ, отъ миролюбнаго чувствованія до забвенія прошедшаго—разстояніе огромное.» Россія не желаетъ изумлять Австрію ни своимъ мщеніемъ, ни своимъ великодушіемъ; она не имѣетъ надобности прибѣгать къ выходкамъ мелочной мстительности. Но, наученная уроками прошедшаго, Россія въ отношеніи къ Австріи будетъ держать себя, какъ слѣдуетъ странѣ самостоятельной, имѣющей свои великіе интересы, и не обязанной жертвовать ими для Австріи. Можно смѣло сказать, что такое положеніе Россіи, спокойное и свободное, будетъ для Австріи гораздо опаснѣе, чѣмъ самая война. Дѣятельное вмѣшательство Россіи могло бы поднять всю Европу, и косвеннымъ образомъ послужить къ поддержанію искусственнаго организма Австріи. Но предоставляя свободный ходъ неумолимой логикѣ событій, сознавая, что интересы австрійскіе, которые питаются лишь тлѣніемъ и смертію, не имѣютъ ничего общаго съ интересами Россіи, что австрійскія опасности могутъ быть только благомъ для нашей страны, исполненной здоровья и будущности, что намъ не страшно, а напротивъ плодотворно развитіе жизни и живыхъ народностей, и что мы можемъ смѣло подавать имъ сочувственный голосъ и дружескую руку, — этимъ однимъ мы нанесемъ Австріи самый рѣшительный ударъ.

При настоящихъ complicationъ, естественно всѣ обращаются съ вопросомъ: какое положеніе приметъ Германія, и потомъ станетъ ли Пруссія дѣйствовать за одно съ остальными германскими государствами, или ея образъ дѣйствій будетъ совершенно независимъ?

Война начата Австрією, цѣль ея — освобожденіе Италіи, театромъ войны, по всѣмъ вѣроятіямъ, будетъ Ломбардія. На сколько же, при такихъ условіяхъ, австро-италианскій вопросъ можетъ касаться Германекаго Союза? Въ манифестѣ объ объявленіи войны, Австрія указываетъ на солидарность своего дѣла съ дѣломъ Германіи: «Мы надѣемся, говоритъ императоръ, не одиноко стоять въ предстоящей борьбѣ. Земля, на которой мы сражаемся, облита также кровью нашихъ братьевъ германскаго народа; на ней воздвигнуть одинъ изъ оборонительныхъ постовъ этого народа, поддерживаемый до настоящаго времени; на ней коварные враги Германіи начинали по большей части свои затѣи (ihre Spiel), когда дѣло шло о разрушеніи ея могущества внутри. Чувство подобной опасности проносится и теперь во всѣхъ областяхъ Германіи, отъ хижины до трона, отъ одной границы до другой. Я говорю, какъ членъ Германскаго Союза; я указываю на общую опасность и напоминаю о тѣхъ славныхъ дняхъ, когда Европа была одолжена своимъ освобожденіемъ всеобщему пламенному одушевленію.»

Въ этомъ манифестѣ затронуты двѣ струны, которыя всегда найдутъ отголосокъ въ сердцѣ Германца: 1813 годъ и идея объ единствѣ Германіи. Но Австріи меньше всего пристало подымать эти воспоминанія и возбуждать эти надежды. Слава австрійскаго оружія болѣе чѣмъ сомнительна; кому не извѣстно, что Австрійцы отличались всегда только искусствомъ владѣть оружіемъ, благоразумно отступать и благоразумно стоять въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нельзя было ожидать нападеній? Но всѣ эти невзгоды военныя не составляютъ еще величайшаго несчастія для народа и самаго тяжелаго упрека, который можно сдѣлать ему. Воспоминаніе о борьбѣ съ Наполеономъ I дорого для Германіи не во имя побѣдъ, одержанныхъ подъ знаменемъ одноглаваго прусскаго и двуглаваго австрійскаго орла, а во имя того, что въ 1813 году дѣйствовалъ народъ германскій, дѣйствовалъ заодно, во имя общаго, хотя и фиктивнаго, отечества. Всѣхъ одушевляла мысль, что когда минуетъ пора сражаться за отечество, настанетъ другая пора — жить для отечества, приобрести для Германіи силу не побѣдами надъ такъ-называемыми внѣшними врагами, которые въ сущности не враги а друзья, — а приобретеніями внутри страны во имя ея нравственной свободы и разумной жизни. Казалось, конституціонныя формы были пригодны для осуществленія та-

кихъ желаній; но на сколько осуществились онѣ и въ особенности на сколько Австрія содѣйствовала разумной свободной жизни Германіи? Достаточно указать на общія дѣйствія Австріи въ отношеніи къ сейму, чтобъ увидѣть, что презирующая въ немъ Австрія лежала постоянно тяжелымъ гнетомъ на всей либеральной Германіи; почти годъ за годъ, по внушенію своего председателя, сеймъ издавалъ постановленія, стѣснявшія народную жизнь: въ 1819 году приняты мѣры строгости противъ университетовъ и печати; въ 1820 году особый актъ стѣснилъ свободу и публичность преній въ палатахъ, въ 1831 году запрещено подавать коллективныя просьбы объ общегерманскихъ дѣлахъ; въ 1832 году запрещены народныя собранія и кокарды; въ 1834 году правительствамъ германскимъ не дозволено расширять конституціонныя права народа, и запрещено много книгъ, и такъ далѣе. Однимъ словомъ, германскій сеймъ не только не представлялъ единства Германіи, не только не удовлетворялъ благородныхъ патріотовъ, а напротивъ былъ лишнею тягостью, лишнимъ гнетомъ. Австрія дѣйствовала въ Германіи точно такъ же, какъ и въ Италіи. Довольно вспомнить ея политику въ вопросѣ гессенъ-кассельскомъ: съ своими сателлитами, Баварією и Виртембергомъ, Австрія стала на сторонѣ незаконнаго министерства Гассенпфлуга противъ конституціонныхъ палатъ, а сколько стѣснительныхъ ценсурныхъ мѣръ, сколько сословныхъ привилегій явились на свѣтъ подъ диктовку Австріи!

Австрія представляетъ собою гнетущій элементъ въ Германіи; она необходима лишь съ точки зрѣнія германскихъ князей, для обособленія ихъ интересовъ отъ интересовъ народа. Всякій разъ, когда Пруссія пыталась противодействовать Австріи, Баварія и Виртембергъ поддерживали ея вліяніе; существованію второстепенныхъ германскихъ владѣній условливается только равновѣсіемъ или соперничествомъ Австріи и Пруссіи, и этого равновѣсія домогаются всѣ державы, которыя желаютъ status quo. Напротивъ всѣ либеральные элементы въ Германіи обращаются къ Пруссіи, и въ 1849 году народъ охотно принялъ ея исключительное преобладаніе. Извѣстно, что въ этомъ году, въ Берлинѣ, подписанъ былъ протоколъ 23 мая уполномоченными Пруссіи Баваріи, Саксоніи и Ганновера: главныя государства Германіи начертали проектъ Германской имперіи, съ исключеніемъ изъ нея Австріи. Замѣчательны въ этомъ актѣ слѣдующія постановленія: во главѣ имперіи поставленъ ея правитель (Reichsvorstand), и это званіе соединено съ прусскою короной; собраніе князей (Fürsten-Collegium) должно было состоять только изъ шести голосовъ; сеймъ предполагалось составить изъ двухъ палатъ: Staatenhaus (палата государствъ) и Volkshaus (народная палата); въ первомъ 167 членовъ,

которые избираются наполовину правительствомъ, наполовину народомъ на шесть лѣтъ; члены народной палаты избираются народомъ на четыре года и проч. Читая всѣ документы, относящіеся къ исторіи Германіи въ 1848—1850 годахъ и напечатанные Самверомъ въ его *Recueil des traités*, нельзя не удивляться, какіе успѣхи сдѣлала мысль о свободѣ и единствѣ Германіи въ то время, когда Австрія не существовала фактически. Но едва только искусственно была оживлена Австрія, какъ вмѣстѣ съ нею воскресли всѣ ретроградныя стремленія сейма: уже въ 1851 году онъ издалъ распоряженіе, въ силу котораго всѣ германскія государства должны привести свои конституціи въ уровень съ ихъ положеніемъ въ 1820 году; тотчасъ же въ Мекленбургѣ и Ганноверѣ восстановлены феодальныя хартіи рыцарства и дворянства; и только одинъ государь не измѣнилъ своихъ обѣщаній народу, герцогъ саксенъ-кобургъ-готскій, который оказался единственнымъ представителемъ либеральныхъ идей. Какую бы ретроградную мѣру ни приняла Австрія, эта мѣра распространялась по Германіи: за австрійскимъ конкордатомъ послѣдовалъ баварскій, за австрійскимъ уничтоженіемъ конституціи—неуваженіе къ этой формѣ баварское, кассельское, ганноверское и иныхъ.

Но, можетъ-быть, защищая произволъ и насиліе внутри Германіи, Австрія своимъ вліяніемъ на сеймъ поддерживаетъ ея вѣнскую силу и могущество. Нисколько. И здѣсь вопросъ шлезвигскій подвинулся сколько-нибудь лишь при временномъ замираніи Австріи; съ тѣхъ поръ сеймъ выказалъ въ дипломатіи только канцелярскую способность и отсутствіе всякой живой силы. А что сказать о роли Германіи въ восточной войнѣ? Австрія отстаиваетъ только себя, она содержитъ на общегерманскій счетъ крѣпость Ульмъ, она пытается пробраться къ устьямъ Дуная, въ Италію, и все это опираясь на Германію. И что странно, Германія готова вѣрить, что необходимо проливать германскую кровь, гдѣ она пролита уже одинъ разъ, и даже въ 1848 году многіе, усердно заботясь о нѣмецкой національности, готовы были давить италіянскую народность въ пользу Австріи. Г. Джонъ Лемуанъ въ своихъ *Этюдахъ* очень остроумно замѣчаетъ о такомъ противорѣчьи: «Подумаешь, что была просто ученая борьба двухъ школъ, и что профессора исторіи одержали верхъ надъ профессорами философіи.»

Какъ бы то ни было, Пруссія уже два раза малодушно уступала первенство Австріи; теперь для нея настаетъ рѣшительное время, и если она снова отдастъ Германцевъ въ жертву австрійскихъ интригъ, то потеряетъ много въ сочувствіи лучшихъ представителей Германіи. Настоящее положеніе Австріи нѣсколько похоже на положеніе ея въ 1848 году, и Пруссіи не трудно нане-

сти ей чувствительный ударъ. Въ *Breslauer Zeitung* напечатано даже извѣстіе, что Пруссія готова поддерживать Австрію, съ условіемъ, чтобы послѣдняя согласилась на реформу сейма, то есть чтобы въ немъ имѣли голосъ представители отъ народа. По всемъ вѣроятіямъ, это извѣстіе несправедливо; но оно интересно, какъ выраженіе желанія, подсказывающаго Пруссіи политику не внѣшнюю, а внутренне-германскую. Гораздо скорѣе можно ожидать, что Пруссія станетъ подражать Англіи и Россіи и останется нейтральною. Статьи полуофіціального журнала *Preussische Zeitung*, объявленія барона Шлейница, все показываетъ, что Пруссія до сихъ поръ сохранила полную независимость и отвергала постоянно всякую солидарность свою съ Австріею. Но, отказываясь дѣйствовать за-одно съ Австріею, Пруссія тѣмъ съ большею ревностію заботится о томъ, чтобы не охладить Германцевъ своимъ равнодушіемъ къ защитѣ общаго отечества; все, сдѣланное ею до настоящаго времени, вполнѣ согласно съ постановленіями сейма и доказываетъ совершенное безпристрастіе Пруссіи. Обращаясь къ этимъ постановленіямъ сейма, мы находимъ слѣдующіе законы, которые должны быть приложены къ настоящему случаю:

Въ актѣ 1820 года въ статьѣ 46-й сказано: «Когда членъ Союза, имѣющій владѣніе внѣ Союза, начинаетъ войну въ качествѣ европейской державы, Союзъ остается совершенно чуждъ этой войнѣ, которая не касается ни его отношеній, ни обязанностей». Статья 47-я говоритъ далѣе: «Въ случаѣ, если будетъ сдѣлано нападеніе на такое государство въ его внѣ-союзныхъ владѣніяхъ, Союзъ принимаетъ мѣры защиты или активно участвуетъ въ войнѣ не иначе, какъ послѣ признанія существующей опасности для союзной территоріи, и это признаніе совершается въ постоянномъ совѣтѣ по большинству голосовъ». Согласно этимъ двумъ статьямъ, Германія не обязана собственно помогать теперь Австріи, и Пруссія могла бы оставаться спокойною зрительницею войны, пока театромъ ея не грозитъ сдѣлаться территорія германская. Но въ южно-германскихъ государствахъ, и еще болѣе въ Ганноверѣ, общественное мнѣніе высказало слишкомъ явное недовѣріе къ Франціи и опасеніе за неприкосновенность рейнскихъ провинцій. Поэтому Пруссія рѣшилась предложить сейму такъ-называемое *Kriegsbereitschaft*, военное положеніе; эта мѣра, по объявленію *Preussische Zeitung*, принята совершенно независимо отъ Австріи, единственно съ цѣлью безопасности Союза. Тотъ же актъ 1820 года въ статьѣ 38-й постановляетъ: «Когда предложеніе одного изъ членовъ Союза или другіе безспорные факты указываютъ на опасность нападенія, направленного противъ какого-либо союзнаго государства или цѣлаго Союза, тогда сеймъ долженъ раз-

смотреть немедленно, действительно ли существует опасность и постановить свое опредѣленіе въ кратчайшій срокъ. Пруссія поступила согласно съ этимъ, и сеймъ опредѣлялъ сначала мобилизацію, а потомъ *Marschbereitschaft* (походное положеніе).

Объявленіе, сдѣланное по этому случаю барономъ Шлейницомъ, 28 апрѣля, въ палатѣ представителей, показываетъ взглядъ прусскаго правительства на свое отношеніе къ италіянскому вопросу. Въ виду всеобщихъ вооруженій, сказалъ баронъ Шлейницъ, правительство давно уже обдумывало необходимыя мѣры; только въ послѣднее время возбужденныя надежды на миръ удерживали его отъ выполненія его намѣренія. Но нѣсколько дней тому назадъ исчезла надежда на собраніе конгресса, и правительство нельзя уже медлить долѣе. Проникнутое сознаниемъ объ обязанности заботиться вмѣстѣ и о собственной безопасности и о безопасности Германіи, правительство, послѣ общихъ мѣръ, не ограничилось тѣмъ, что поставило на военную ногу три корпуса прусской арміи, но предложило сейму поставить на ту же ногу союзные контингенты; это предложеніе было тотчасъ принято. Правительство рѣшилось строго держаться существующихъ постановленій и не отклонилось отъ нихъ въ своемъ предложеніи сейму, которое имѣетъ характеръ оборонительный, соответствующій характеру сейма. Оно приготовилось вмѣстѣ съ другими членами Германскаго Союза противъ всякаго нападенія. Прежде всего, правительство руководится въ своей политикѣ тѣмъ началомъ, что интересы Германіи суть также интересы Пруссіи. То же основаніе обороны было выставлено уполномоченнымъ Пруссіи на сеймѣ во Франкфуртѣ; вся союзная армія — болѣе 300.000 — теперь находится въ готовности; союзныя крѣпости вооружены; на границѣ Рейна должно стоять около 175.000 войска. Послѣ объявленія войны, Пруссія усилила свои вооруженія: всѣ девять корпусовъ прусскаго контингента поставлены на военную ногу; извѣщая объ этомъ палату представителей 2 мая, прусскій военный министръ выразилъ обѣщаніе, что весьма скоро министерство дастъ палатѣ подробныя объясненія о настоящемъ положеніи политики.

Какого рода будутъ эти объясненія? Въ послѣднее время призжалъ въ Берлинъ одинъ изъ австрійскихъ принцевъ, и говорили, что военнымъ паролемъ на военномъ парадѣ было слово «Новара»; въ Берлинѣ разнесся слухъ о трактатѣ Россіи съ Франціей, и произвелъ самое неблагоприятное впечатлѣніе; защитники Австріи *quand même* воспользовались этимъ трактатомъ, чтобъ оправдать внезапный переходъ черезъ Тичино. Въ южной Германіи энтузіазмъ къ Австріи и ненависть къ Франціи усиливаются съ каждымъ днемъ. Положеніе Пруссіи весьма

затруднительно; ей приходится стоять между Австріею и Германіею, и въ этомъ случаѣ лучшею опорой для нея можетъ послужить Англія. Величайшимъ благомъ для Европы было бы теперь, еслибы всѣ главныя державы, за исключеніемъ уже вступившихъ въ борьбу, остались ея спокойными зрителями и съ полнымъ безстрашіемъ во всякое время способны были остановить пролитіе крови, сказать слово мира. «Обязанность главныхъ державъ, говоритъ *Morning Herald*, употреблять всѣ усилія для сохраненія мира; если эти усилія окажутся безуспѣшными, то державы обязаны ограничить борьбу до послѣдней крайности. Если бы Россія заключила трактатъ съ Франціею, то она придала бы характеръ европейской войны столкновенію этой державы съ Австріею.»

Война объявляется за независимость Италіи,—какимъ же образомъ Италія отвѣчаетъ на этотъ дорогой ей кликъ? Можно ли думать, что она останется спокойною въ то время, какъ на поляхъ битвы будутъ рѣшаться ея судьбы? Странно было бы предполагать это, и, дѣйствительно, уже непрерывно доходятъ до насъ извѣстія о движеніи, начинающемся на полуостровѣ, и преимущественно въ сѣверныхъ областяхъ его. Мы говорили въ предыдущей книжкѣ нашего журнала о настроеніи общественнаго мнѣнія въ Тосканѣ, выразившемся по поводу одной политической брошюры, составленіе которой приписывалось самымъ значительнымъ, по положенію своему, лицамъ въ герцогствѣ. Брошюра была захвачена, типографія, въ которой печаталась она, закрыта, но правительство крайне ошиблось, думая, что въ теперешнее время можно такими мѣрами заглушить голосъ общественнаго мнѣнія. Въ брошюрѣ *Тоскана и Австрія* не проповѣдывалось никакихъ революціонныхъ теорій, никакого неуваженія къ власти, въ ней требовалось только, чтобы государство приняло болѣе самостоятельное положеніе и не слѣдовало рабски въ вопросахъ внѣшней и внутренней политики за вѣнскимъ кабинетомъ. Какъ сильно желаніе это укоренилось въ публикѣ, видно изъ всѣхъ послѣдующихъ событій: начиная съ Флоренціи, во всѣхъ городахъ и даже селахъ стали составляться списки, въ которые лица различнаго званія вносили свои имена, чтобы выразить сочувствіе мыслямъ, изложеннымъ въ брошюрѣ. Число этихъ именъ возросло вскорѣ болѣе чѣмъ до 10.000,—между ними имена самой знатной аристократіи встрѣчались наряду съ именами простолюдиновъ. То были признаки, по которымъ благоразумное правительство не могло бы ошибиться на счетъ настоящаго положенія дѣлъ, но оно упорствовало въ своемъ прежнемъ образѣ дѣйствій и должно, конечно, винить только само себя, если обстоятельства приняли неблагоприятный для него оборотъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ гово-

рять подробно о послѣднихъ событіяхъ въ Тосканѣ, ибо они извѣстны намъ пока лишь по телеграфу. Знаемъ только, что всѣ, безъ различія, военные чины подписали просьбу великому герцогу, въ которой они настаивали на необходимость оборонительнаго и наступательнаго союза съ Пиемонтомъ. Просьба эта была вручена ему военнымъ министромъ. Леопольдъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ и пригласилъ маркиза Лайлатико, принадлежащаго къ знаменитой фамилии Корсини, составить новое министерство: онъ объявилъ, при этомъ, маркизу, что не намѣренъ ни отречься отъ престола, ни присоединить войска свои къ сардинскимъ, а предоставитъ Тоскану ея собственной судьбѣ, если она будетъ настаивать на своемъ желаніи. Тоскана осталась вѣрна этому желанію, — не измѣнилъ также своему рѣшенію и герцогъ Леопольдъ. Онъ выѣхалъ изъ Флоренціи 27 апрѣля (н. ст.) и направился въ Болонью. Замѣчательно, что событіе это не ознаменовалось никакими насильственными или буйными поступками: великій герцогъ покинулъ столицу свою среди бѣлаго дня, въ сопровожденіи почетнаго конвоя; солдаты и народъ, оглашавшіе улицы, кликами въ честь Италіи, не нанесли ему ни малѣйшаго оскорбленія, — все, словомъ, произошло самымъ мирнымъ образомъ. Тотчасъ по отъѣздѣ герцога, образовалось временное правительство изъ трехъ лицъ, и провозглашена была диктатура Виктора Эммануила, который однако не принялъ этой диктатуры, а отправилъ во Флоренцію двухъ комиссаровъ лишь для военныхъ распоряженій, г. Буонкомпанья и извѣстнаго защитника Венеціи, генерала Углоа.

Извѣстія изъ Пармы говорятъ объ отъѣздѣ герцогини въ Болонью, а потомъ о возвращеніи ея опять въ свои владѣнія. Вѣроятно, мы скорѣ узнаемъ подробно о причинахъ столь кратковременнаго путешествія. Носатся слухи, будто бы папа намѣренъ отправиться въ Гаэту, гдѣ онъ находилъ уже себѣ пристанище въ 1848 и 1849 годахъ. Это показываетъ, что кардиналъ Антонелли не слишкомъ полагается на дѣйствительность тѣхъ мѣръ, которыя, по частнымъ извѣстіямъ, онъ придумалъ для поддержанія порядка въ Римскихъ владѣніяхъ. Дѣло шло, именно, о возстановленіи такъ-называемыхъ *центуріоновъ*: подъ этимъ именемъ, скорѣ послѣ 1815 года, извѣстна была особенная армія, состоявшая изъ всякой сволочи, изъ отъявленныхъ преступниковъ и бродягъ, которая должна была охранять *порядокъ* противъ покушеній партіи *карбонаріевъ*. Центуріоны навели ужасъ на римскія провинціи, и память о нихъ не исчезла тамъ еще до сихъ поръ. Надо думать, что наступившія событія избавятъ тамошнихъ жителей отъ несчастія встрѣтиться еще разъ лицомъ къ лицу съ этими рыцарями тишины и благочинія. Чтò касается до Неаполя, то положеніе дѣлъ въ этой странѣ можетъ быть еще

по прежнему опредѣлено двумя словами: король угасаетъ ежедневно, и всѣ партіи находятся въ страстномъ ожиданіи и собираютъ силы, готовясь вступитъ въ отчаянную борьбу.

Обѣ стороны приготовились къ войнѣ. Австріи, какъ увѣряютъ, стоить содержаніе ея арміи ежедневно до 300.000 гульденовъ. Во Франціи контингентъ 1858 года увеличенъ до 140.000; правительство объявило, что оно имѣетъ для войны въ наличности 300 милліоновъ франковъ и сверхъ того рѣшилось заключить заемъ въ 500 милліоновъ. Эти два предложенія законодательному собранію подали поводъ членамъ оппозиціи высказать свое мнѣніе. Гг. Оливье, Плишонъ и Жюль Фавръ жаловались на то, что имъ сдѣлали вопросъ о войнѣ уже тогда, когда война объявлена; они упрекали правительство въ неискренности, и правительству пришлось выслушать нѣсколько горькихъ истинъ. Читая рѣчь г. Жюля Фавра, переносишься мыслію въ эпоху парламентскихъ преній во Франціи; правда, графъ Морни и г. Барошъ останавливали порывы оратора своими замѣчаніями, но все-таки онъ могъ высказать мнѣніе той партіи, которую представляетъ. Къ чести французскаго правительства должно сказать, что въ *Монитеръ* не только напечатаны всѣ рѣчи оппозиціонныхъ членовъ, но онѣ не сокращены и даже изложены гораздо подробнѣе, чѣмъ рѣчи членовъ, защищавшихъ правительство. Замѣчательно, что только одинъ г. Плишонъ выказался противъ войны; напротивъ г. Жюль Фавръ замѣтилъ, что вести только оборонительную войну недостойно Франціи; выставивши всѣ ужасы австрійской тиранніи въ Италиі, ораторъ настаиваетъ на томъ, что война можетъ окончиться только изгнаніемъ Австрійцевъ изъ Ломбардіи. Франція можетъ быть могущественна только при свободѣ и возрожденіи Италиі. Разбивать цѣпи рабства, изгонять владѣтелей, которые могутъ удерживаться въ странѣ только силою, вотъ въ чемъ состоитъ призваніе Франціи. Между правительствомъ и мною невозможно никакое сближеніе, пока Франція находится подъ гнетомъ теперешней системы; но я буду за-одно съ правительствомъ, чтобы устоять противъ чужеземцевъ. Мы еще возвратимся къ этимъ рѣчамъ, въ которыхъ выразился вполне воинственный духъ французскаго народа, а теперь замѣтимъ, что оба проекта законовъ были приняты *единогласно*, 247-ю наличными членами.

La France a le triste privilège de se reposer pendant la guerre, сказалъ г. Жанфре. Императоръ могъ спокойно уѣхать изъ Парижа къ арміи, будучи увѣренъ, что его диктатура въ настоящее время не возбудитъ особыхъ нападокъ и будетъ переноситься терпѣливо. *Leges silent inter arma*; даже въ Сардиніи вся власть передана королю и принцу Кариньянскому, и съ единодушнаго согласія обѣихъ палатъ приостановлены нѣкоторыя конституціонныя гарантіи. Въ настоящее время императоръ Французовъ уже

въ Пиемонтѣ, во главѣ своей стотысячной арміи; король сардинскій въ Генуѣ; императоръ австрійскій также принимаетъ начальство надъ своею второю арміею и увѣщаетъ солдатъ «связать побѣду съ незапятнанными знаменами Австріи». Австрійцы, перешедшіе въ трехъ мѣстахъ границу и занявшіе Верчелло, Арону и всю линію по берегу Сези, кажется оставили свое намѣреніе идти прямо на Туринъ; всѣ ожидаютъ большаго рѣшительнаго сраженія на равнинѣ около Александріи и Нови, на этой классической почвѣ кровавыхъ битвъ. Въ Сѣверной Италіи существуетъ теперь только Австрія и Сардинія, или, правильнѣе сказать, господствуетъ только война: Австрійцы заняли Модену, Сардинцы Массу и Каррару; король сардинскій послалъ военныхъ комиссаровъ въ Тоскану. Надо ожидать національнаго движенія и въ другихъ частяхъ Италіи.

Теперь, наканунѣ рѣшительныхъ битвъ, любопытно послушать, какъ Англичане судятъ о военныхъ силахъ своихъ противниковъ и какъ думаютъ они о предстоящей кампаніи. Вотъ что говоритъ объ этомъ *Times*:

«Французскій солдатъ не превосходитъ, пожалуй, нѣмецкаго. Французы не могутъ конечно, сравниться съ Англичанами въ стойкости, въ терпѣніи, тѣхъ качествахъ, которыя, при одинаковой храбрости, рѣшаютъ судьбу сраженій, но въ отношеніи быстроты они не имѣютъ себѣ равныхъ. Легкость, съ которою войска ихъ были переправлены теперь на поле военныхъ дѣйствій, должна служить образцомъ для нашихъ полководцевъ. Солдатъ заранѣе обученъ даже тому, какъ расположиться ему въ вагонѣ, куда ему дѣвать свое ружье и ранецъ. Можно быть увѣреннымъ, что для соединенія французскихъ войскъ въ Туринъ и Генуѣ не будетъ упущено ничего, что только могутъ совершить энергія, знаніе и искусство. Но не маловажны также и трудности, съ которыми должны бороться войска императора Наполеона. Время года неблагопріятно; Монъ-Сени покрыты еще снѣгомъ; главныя силы французской арміи двинулись впередъ, недостаточно приготовившись; въ комиссаріатѣ чувствуется недостатокъ; страна, по которой должны проходить они, бѣдна, прошлогодняго хлѣба осталось мало, а жатва нынѣшняго года не начнется прежде трехъ мѣсяцевъ. Война будетъ не въ состояніи, слѣдовательно, питаться войною. Лудовикъ Наполеонъ долженъ будетъ везти припасы за собою или платить за нихъ изъ тѣхъ суммъ, которыя опредѣлены французскимъ собраніемъ. Надо прибавить къ этому болѣзни, неизбежныя при столь быстрыхъ переходахъ, и можно предсказывать заранѣе, что походные госпитали будутъ наполнены народомъ, за долго прежде чѣмъ войска вступятъ въ равнины Пиемонта. Но съ другой стороны представляется гораздо лучшая картина. Въ рукахъ Французовъ море. Можно положительно утверждать, что если-

бы у нихъ не существовало другаго перехода въ Италию, какъ черезъ Альпы, то Австрійцы, занявши всю страну, могли бы уничтожать каждую французскую дивизию порознь, по мѣрѣ того, какъ она спускалась бы съ горъ. Но Генуя и портъ ея, почти неприступные, принадлежатъ Сардинцамъ, или, сказать лучше, Французамъ. Французскія войска прибываютъ ежедневно, и чрезъ нѣсколько дней, они образуютъ армию, которую, послѣ того, какъ соединится она съ Сардинцами въ Алессандріи, было бы опасно наступающему неприятелю оставлять у себя въ тылу. Если что-либо особенно доказываетъ воинскіе таланты Франціи, такъ это перевозка арміи моремъ. Во время русской кампаніи, у насъ были *Тималаи* и *Язоны*, у нихъ же только небольшія торговля суда, и несмотря на то, на какомъ-нибудь бригѣ, занимавшемся перевозкою яицъ изъ Сентъ-Мало въ Шоргеми, они ухитрились помѣщать до 150 человекъ и отправляли его за двѣ тысячи миль, въ Севастополь. Теперь у нихъ огромное количество транспортных судовъ, а разстояніе отъ Тулона до Генуи простирается едва до 300 миль. Не сомнѣваемся, поэтому, что чрезъ нѣсколько дней 50.000 Французовъ присоединятся къ Сардинцамъ въ Алессандріи, и тогда будетъ уже трудно австрійскому главнокомандующему идти на Туринъ. Не думая предсказывать событія, мы убѣждены однако, что если до 1 мая (нов. ст.) не придетъ извѣстія о появленіи Австрійцевъ предъ столицею Пьемонта, они ограничатся, по всей вѣроятности, тою оборонительною кампаніею, для которой ихъ положеніе представляетъ столько удобствъ.»

Еще любопытнѣе взглянуть на финансовыя средства воюющихъ странъ. *Times* прямо говоритъ, что они банкроты, и удивляется, какъ они рѣшились взяться за самое расходистое дѣло, потому что, прибавляетъ *Times*, по счастью ни одно предпріятіе не обходится человеку такъ дорого, какъ предпріятіе—убивать себя подобныхъ людей. Французскіе 3% фонды упали съ 68 на 61. Новый французскій 3% займъ въ 500 милліоновъ франковъ открытъ по 60½ за 100, и можно еще сомнѣваться, будетъ ли онъ имѣть такой же успѣхъ на биржѣ, какой онъ имѣлъ въ Законодательномъ Сословіи. Кредитъ Австріи упалъ до того, что въ глазахъ биржи Австрія стоитъ уже ниже Турціи. Австрійскіе 5% фонды продаются по 49 за сто; турецкіе 6% фонды новаго займа по 76. Разница въ пользу Турціи, стало-быть въ Европѣ уже оказался другой *больной человекъ*: по крайней мѣрѣ таковъ голосъ биржи, которая въ этихъ дѣлахъ рѣдко ошибается. Мы уже извѣщали, что австрійскій національный банкъ прекратилъ платежи звонкою монетой. Правительство заключило съ нимъ теперь сдѣлку, по которой, подъ залогъ новыхъ облигацій, не находящихъ для себя покупат-

телей, банкъ выдаетъ правительству 133 милліона австрійскихъ гульденовъ и получаетъ право выпустить для покрытія этой суммы временно 133 милліона гульденовъ бумажныхъ денегъ пятигульденнаго достоинства. Еще эти деньги не отпечатаны въ типографіи, а серебро получило уже лажа 37%. Что же будетъ, когда всѣ эти 133 милліона разойдутся по странѣ? Австрія быстрыми и вѣрными шагами идетъ къ банкротству. Она начинаетъ войну тѣмъ, чѣмъ другія государства и сама она прежде оканчивала изнурительныя войны. Въ нынѣшнемъ столѣтіи Австрія два раза объявляла себя несостоятельною относительно своихъ бумажныхъ денегъ. Одинъ разъ она заплатила по 1 за 5; другой разъ по 2 за 5. Но въ оба раза банкротство было слѣдствіемъ войны, а не сопровождало начала ея, какъ будетъ теперь, если не обманываютъ насъ всѣ видимые признаки. Нецеремонно обращаясь съ своими подданными по части бумажныхъ денегъ, Австрія какъ бы намѣренно разрушаетъ и кредитъ своихъ процентныхъ облигацій въ Европѣ. Австрійское правительство рѣшилось на слѣдующую мѣру: Подать съ дохода, собираемаго нынѣ въ Австріи, имѣть нѣсколько степеней; доходы, принадлежащіе къ 3 классу, платятъ $\frac{1}{20}$ подати. Теперь къ этому классу отнесены всѣ владѣльцы 5% фондовъ, все равно, живутъ ли они въ Австріи или нѣтъ, подданные ли они австрійскіе или нѣтъ. Этотъ новый способъ обложенія податями не только своихъ, но и чужихъ подданныхъ, есть въ сущности не что иное какъ произвольное пониженіе процента, опредѣленнаго кондиціями займа, и слѣдовательно вопіющее нарушеніе этихъ кондицій. По займу, по которому Австрія обязалась платить 5 процентовъ, она платитъ теперь уже только $4\frac{1}{4}$ процента, а остальную $\frac{1}{4}$ беретъ съ кредиторовъ своихъ какъ налогъ, наказывая ихъ за то, что они имѣли неосторожность сдѣлаться кредиторами Австріи.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

ИЗЪ БЕРЛИНА.

10 апрѣля 1859 года

Не такъ давно посѣтилъ я здѣшнее исправительное заведеніе, уже впрочемъ не въ первый разъ. Я бывалъ тамъ и въ прошломъ году, и тогда же счастливый случай доставилъ мнѣ возможность видѣться съ вообще довольно недоступнымъ г. Вихерномъ, главнымъ основателемъ этого заведенія. Съ тѣхъ поръ я видѣлъ подобныя заведенія въ Бруксалѣ, близъ Гейдельберга, и въ Швейцаріи. Но чтобы поговорить съ вами о весьма замѣчательномъ берлинскомъ исправительномъ заведеніи, я ждалъ офиціального отчета, дабы не полагаться въ сужденіи своемъ единственно на словесныя данныя. Отчетъ этотъ однако до сихъ поръ не являлся, и я все-таки рѣшаюсь теперь сообщить то, что мнѣ извѣстно.

Вопросъ о реформѣ тюремнаго устройства до сихъ поръ сильно занимаетъ общественное мнѣніе въ Европѣ. Послѣ международнаго, пенитенціарнаго конгресса въ Брюсселѣ въ 1847 г., вопросъ объ этой реформѣ не переставалъ обсуждаться въ Англии на ежегодныхъ митингахъ общества для распространенія социальной науки (National Association for the promotion of social science), въ Германіи на благотворительныхъ конгрессахъ во Франкфуртѣ, изъ которыхъ, сколько намъ извѣстно, самый замѣчательный былъ въ 1857 г. Другимъ доказательствомъ того интереса, который постоянно возбуждается вопросомъ о тюрьмахъ, служитъ огромное число сочиненій по этому вопросу за самое послѣднее время. Не преувеличивая, можно сказать, что, послѣ труда Фюсслина о системѣ одиночнаго заключенія (1855 г.), въ прошломъ году въ одной Германіи почти каждый мѣсяць появлялось нѣсколько такихъ сочиненій. Изъ болѣе замѣчательныхъ въ этомъ родѣ явленій назовемъ сочиненія Корвина, Шлаттера и Гегеле, которые всѣ трое содержались, вслѣдствіе баденскаго возстанія, въ Бруксалѣ и, по освобожденіи, издали, подобно Сильвіо Пелико, свои *prigioni*. Слѣдуетъ кромѣ того назвать вышедшія въ прошломъ году сочиненія Эберга и Миттермайера. Изъ всѣхъ этихъ, конечно, весьма различныхъ по достоинству сочиненій, видно одно, именно, что вопросъ о такомъ или другомъ устройствѣ тюремъ вступилъ, въ настоящее время, въ Ев-

ропѣ въ новый періодъ своего развитія, въ періодъ положительно-добытыхъ опытовъ. Результатъ же этихъ опытовъ пока тотъ, что прежняя система одиночнаго заключенія, хотя не внушаетъ болѣе тѣхъ насмѣшекъ, которыя она вызвала у Диккенса, и тѣхъ опасеній, которыя высказалъ Карлейль, но не возбуждаетъ болѣе и тѣхъ односторонно-восторженныхъ толковъ, которыми такъ богаты были тридцатые и сороковые голы. Для того, чтобы система одиночнаго заключенія могла быть дѣйствительнымъ средствомъ къ исправленію преступника, нужны такія условія при примѣненіи ея, которыя можно предполагать въ очень немногихъ государствахъ. Во всякомъ случаѣ эта система представляется далеко не универсальнымъ средствомъ противъ всѣхъ общественныхъ золъ. Мы думаемъ, что всякое тюремное заключеніе есть величайшее зло, которое въ весьма рѣдкихъ случаяхъ находится въ соразмѣрности съ самымъ тяжкимъ преступнымъ дѣніемъ. Конечно, мы допускаемъ, что есть разница между камертинскою темницей, въ которой умеръ голодною смертію Югурта, въ которой лежалъ потомъ въ цѣпяхъ Св. Петръ и которую еще показываютъ въ Римѣ, между oubliette средневѣковаго замка, между острогомъ и между современною пенитенціарною тюрьмой. Но мы далеки отъ того, чтобы восхищаться самымъ совершеннымъ по теоріи тюремнымъ устройствомъ.

«Но что же дѣлать съ преступниками?» — вопросъ, который ставитъ въ затрудненіе всякое современное общество. «Вѣдь не всё же нарушаютъ законъ потому, что общество не дало имъ образованія, не вкоренило въ нихъ любви къ труду и не научило ихъ производительнымъ знаніямъ?» — Совершенно согласны; только все-таки не слѣдуетъ забывать того отвѣта, который далъ одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ криминалистовъ нашего времени одному изъ лучшихъ изслѣдователей общественныхъ законовъ. Когда старикъ Миттермайеръ получилъ отъ Кетле его *Естественную исторію общества*, въ которой содержится нѣсколько статистическихъ изслѣдованій о преступленіяхъ, онъ отвѣчалъ ему, между прочимъ: «Результаты моихъ долгихъ размышленій о причинахъ преступленій совпадаютъ съ вашими. Да, это грустная истина, до которой вы дошли въ вашемъ трудѣ, что само общество приготовляетъ многія преступленія и бываетъ виною ихъ. Эта истина въ особенности находитъ свое подтвержденіе въ статистикѣ повторительныхъ впаденій въ преступленіе.» — Этого не слѣдуетъ забывать при оцѣнкѣ всякаго тюремнаго устройства. Не слѣдуетъ забывать его весьма относительнаго достоинства даже въ томъ случаѣ, когда персоналъ, служащій при тюрьмахъ; исполненъ истинно-человѣческими чувствами, и когда, какъ во мно-

гихъ мѣстахъ въ Европѣ, учредились уже общества попечительства объ освобождаемыхъ изъ заключенія. Мы убѣждены, что лучшее средство, къ которому можетъ прибѣгнуть государство многоземельное, помышляющее объ измѣненіи системы наказаній, есть устройство земледѣльческихъ колоній для преступниковъ, но разумѣется, не по образцу Кайенны, гдѣ убійственный климатъ, и не въ такихъ отдаленныхъ мѣстахъ, чтобы достиженіе до мѣста назначенія было само по себѣ уже равносильно тягчайшему наказанію. Впрочемъ, необходимыя предварительныя условія всякой реформы въ этомъ смыслѣ суть: 1) устраненіе обыкновеннаго полицейскаго произвола во время слѣдствія и 2) сохраненіе въ уголовномъ кодексѣ *единой* системы наказаній, вмѣсто двухъ системъ, для лицъ изъятыхъ и неизъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній. Мечтать же о дѣйствительности какой-либо реформы, безъ исполненія этихъ двухъ предварительныхъ условій, будетъ маниловскою фантазіей.

Итакъ, помня весьма относительное достоинство даже лучшаго тюремнаго устройства, скажемъ нѣсколько словъ о замѣчательномъ пенитенциарномъ заведеніи въ Берлинѣ. Но мы должны прежде сдѣлать еще небольшое отступленіе. Между тѣмъ какъ въ Англіи господствуетъ теперь, какъ намъ это извѣстно изъ нѣсколькихъ статей *Times*, далеко не сентиментальное настроеніе общественнаго мнѣнія по поводу пенитенциарнаго устройства, и въ то время, какъ во Франціи, послѣ многихъ и дорогихъ опытовъ примѣненія пенитенциарной системы, она вдругъ, безъ всякаго повода, по одному простому циркулярному предписанію министра внутреннихъ дѣлъ къ префектамъ, и къ немалому изумленію академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, была въ 1853 г. отмѣнена, спрашивается, въ какомъ состояніи находится практически эта система на родинѣ, гдѣ духъ квакерства вызвалъ ее къ жизни? — По достовѣрнымъ извѣстіямъ изъ Америки, тамъ происходитъ теперь все бѣльшее сближеніе между пенсильванскою системой одиночнаго заключенія и оборнскою системой общаго труда, при строгомъ молчаніи и при отдѣленіи преступниковъ только на ночь. Съ одной стороны въ тюрьмахъ, гдѣ господствовала исключительно пенсильванская система, нѣтъ уже такой строгой изолировки, какъ прежде. Съ другой стороны и оборнская система, принятая въ большей части Штатовъ, допустила нѣкоторыя модификаціи. Впрочемъ узнать о дѣйствительномъ внутреннемъ управленіи исправительныхъ заведеній, для путешественника и для иностранца очень не легко; ему все показываютъ съ лицевой стороны, а если къ тому же путешественникъ не привыкъ отдыхать, по счастливому выраженію Монтаня, *sur l'oreiller du doute*, то онъ рискуетъ остаться при чувствѣ

высочайшаго довольства видѣннымъ. Печатнымъ же отчетамъ, приходящимъ изъ Америки, нельзя вполне вѣрить. Въ этомъ отношеніи весьма интересно, что сообщаетъ одинъ изъ лучшихъ берлинскихъ врачей, извѣстный по судебной медицинѣ, докторъ Берендъ, въ только-что изданномъ имъ сочиненіи (*Geschichte der Gefängnisreform. Vereinigte Staaten; Gross-Britanien; Irland. 1859*). Онъ обратился письменно въ Филадельфію къ тамошнему попечительному о тюрьмахъ обществу съ просьбою сообщить ему тѣ отчеты о состояніи тюремъ, которые не поступили въ продажу. Вскорѣ это общество съ чрезвычайною любезностію и предупредительностію выслало ему огромную массу изданныхъ имъ сочиненій и отчетовъ, не только печатныхъ, но даже рукописныхъ. Разсматривая однако внимательнѣе свою посылку, г. Берендъ убѣдился, что весь полученный матеріалъ касается опытовъ, сдѣланныхъ въ тюрьмахъ съ пенсильванскою системою. Это бы ничего и даже было бы въ порядкѣ вещей, такъ какъ въ Филадельфіи господствуетъ эта система. Но въ разныхъ отчетахъ, которые онъ получилъ, содержались полемическіе отвѣты на изданія другаго общества, защищающаго оборнскую систему, къ тому же отвѣты далеко не побѣдоносные. А между тѣмъ свѣдѣній о тѣхъ фактахъ, о которыхъ именно шла полемика, ему не прислали. Онъ обратился затѣмъ къ американскому посольству въ Берлинъ съ просьбою написать въ Нью-Йоркъ, чтобъ ему выслали все недостающее. Извѣстныя посольства имѣютъ не только на подобное требованіе, но и въ случаѣ болѣе скромныхъ желаній, всегда готовымъ одинъ и тотъ же казенный отвѣтъ. «Это до насъ не касается.» Американское посольство, напротивъ, очень предупредительно взялось за дѣло, и черезъ нѣсколько времени докторъ былъ уже въ полномъ распоряженіи всего матеріала, касающагося состоянія сѣверо-американскихъ тюремъ. Изслѣдованіе его, впрочемъ, подтверждаетъ то общее убѣжденіе, которое въ настоящее время господствуетъ въ Европѣ относительно американскихъ тюремъ. Въ управленіи тюрьмами централизація необходима для того, чтобы можно было судить о результатахъ дѣйствій той или другой принятой системы. Этой централизаціи въ Америкѣ нѣтъ, и потому результаты и опыты, до которыхъ дошли въ томъ или другомъ штатѣ, являются слишкомъ изолированными. Кромѣ того, конечно, важнѣе всего то начало, по которому дѣйствуетъ извѣстное исправительное заведеніе. И потому небольшая женевская тюрьма, разчитанная на кантонъ въ нѣсколько квадратныхъ миль, поучительнѣе, чѣмъ огромный острогъ, въ которомъ физически и нравственно гибнетъ нѣсколько сотъ чело-вѣкъ. Но все же нельзя сомнѣваться, что болѣе или меньшій масштабъ, по которому устроено заведеніе, дѣло далеко не без-

различное. Въ большихъ тюрьмахъ и въ Америкѣ недостатка нѣтъ: но именно результаты этихъ большихъ тюремъ представляются наименѣе удовлетворительными. Самое же большое зло въ управленіи американскими тюрьмами состоитъ въ назначеніи директоровъ и смотрителей единственно по видамъ политической партіи, стоящей въ главѣ.

Берлинская исправительная тюрьма устроена по системѣ одиночнаго заключенія, съ необходимыми ея архитектурными условіями, какъ-то: лучеобразно-устроенными флигелями и такими же двориками для прогулокъ, съ церквю и школой, въ которой каждый узникъ видитъ только пастора или учителя, но не видитъ сосѣда. Система одиночнаго заключенія, какъ общее начало, заслуживаетъ, мы думаемъ, предпочтенія предъ всякою другою. Тѣ писатели, которые противъ нея такъ вооружаются, и которымъ она кажется такъ страшна, забываютъ одно весьма важное обстоятельство. Говоря о тяжести уединнаго заключенія, они забываютъ, какъ страшна должна быть для преступника, еще не совсѣмъ потерявшаго чувство человѣческаго достоинства, — а такихъ большинство, — жизнь въ сообществѣ съ другими преступниками. Проводить цѣлый день въ такомъ сообществѣ, безъ возможности когда-либо уединиться, это до того должно быть ужасно, что, кажется, можно лишиться разсудка. Притомъ вспомнимъ, что бѣлая часть совершеннолѣтнихъ преступниковъ имѣютъ семейства. Что же они внесутъ въ свои семейства послѣ пребыванія въ такомъ обществѣ, уже не говоря о тѣхъ связяхъ и знакомствахъ, которыя здѣсь заключаются и которыя, по освобожденіи и при встрѣчѣ въ послѣдствіи, едва ли поведутъ къ добру! А что сказать о несовершеннолѣтнихъ? Но разумѣется, необходимое условіе всякаго одиночнаго заключенія, это — занятія. Если человѣкъ не безъ образованія имѣлъ несчастье совершить преступленіе, то слѣдуетъ позволить ему умственный трудъ и дать необходимыя для того средства: при лучшихъ европейскихъ исправительныхъ тюрьмахъ, и въ томъ числѣ при берлинской, находятся небольшія, но весьма тщательно составленныя бібліотеки. Въ такихъ бібліотекахъ мы видѣли, кромѣ книгъ духовнаго содержанія, сочиненія историческія, описанія путешествій, популярныя изданія по естественнымъ наукамъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы нашли даже дешевыя литературныя журналы. Для людей же безъ всякаго образованія, поступающихъ въ берлинское пенитенциарное заведеніе, существуетъ, кромѣ школы, ремесленный трудъ. Каждый узникъ занимается, первоначально подъ руководствомъ или одного изъ смотрителей или же посторонняго мастера, какимъ-нибудь ремесломъ, и оттого, когда вы входите въ это заведеніе, вамъ кажется, что вы вступили въ какую-то фабрику съ

невидимымъ населеніемъ. Вы слышите работу сапожника, токаря, столяра, слесаря, и дѣйствіе разныхъ станковъ.

Въ отдѣльныхъ келіяхъ заключено до пяти сотъ человѣкъ. Къ этому уединенному заключенію подбираются тѣ преступники, отъ которыхъ еще можно ждать исправленія. Общихъ признаковъ, какой преступникъ способенъ исправиться, разумѣется, ни теорія, ни законодательство не могутъ выставить. Это *quaestio facti*. Но руководствуются при этомъ, съ одной стороны, возрастомъ провинившагося—одиночному заключенію подвергаются люди не старше сорока лѣтъ, а изъ старшихъ лишь тѣ, которые сами предпочитаютъ такой способъ заключенія,—съ другой, свойствомъ самого преступленія. Для закоренѣлыхъ же преступниковъ и для людей, впавшихъ повторительно въ преступленіе, существуетъ въ этомъ же заведеніи отдѣленіе для общаго заключенія: въ немъ въ настоящее время всего человѣкъ 60.

Но въ особенности важна берлинская исправительная тюрьма тѣмъ, что при ней находится еще особое учрежденіе, *Filialanstalt*, въ которое поступаютъ люди, для коихъ уединенное заключеніе оказывается въ физическомъ или нравственномъ отношеніи пагубнымъ. Тамъ же они употребляются на полевые работы, и работаютъ собща, съ обязанностію хранить во время работы молчаніе. Впрочемъ, насъ увѣрили, и мы въ томъ прежде были увѣрены, что нѣтъ возможности очень строго наблюдать за сохраненіемъ молчанія.

Насъ поразило, до какого мастерства доходятъ нѣкоторые работники. Такъ, на примѣръ, въ одной келіи мы видѣли рѣзные вещи изъ дуба, которымъ назначено украшать стѣны не одной столовой и мебель не одного кабинета; а работникъ, до поступления въ исправительное заведеніе, не имѣлъ понятія объ этомъ художественномъ ремеслѣ. Одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ фабрикантовъ рѣзной мебели служитъ при заведеніи подрядчикомъ. Онъ посылаетъ своихъ людей учить узниковъ, посылаетъ свой матеріалъ и послѣ беретъ вещи себѣ, выдѣлая работнику одну пятую часть ихъ цѣнности. Что при этомъ, какъ при большей части современныхъ экономическихъ отношеній въ этомъ родѣ, господствуетъ, вѣроятно, эксплуатація, мы также не сомнѣваемся. Насъ увѣрили, что прошлымъ лѣтомъ фабрикантъ этотъ отправилъ въ Россію два корабля съ своими издѣліями. И многіе, любясь на рѣзную мебель какого-нибудь кабинета, конечно, не подозревали, гдѣ работали отдѣльныя ея составныя части.

Первоначальное устройство этого заведенія, говорили намъ, обошлось въ полмилліона талеровъ. Мы полагаемъ, что эта сумма положительно не вѣрна, потому что бруксальская пенитенціарная тюрьма, разчитанная на гораздо меньшее преступное населеніе

и построенная несравненно проще, обошлась въ 700,000 талеровъ. Во что обходится ежегодное содержаніе берлинскаго Zellengefängniss, и сколько изъ этой суммы зарабатывается самымъ населеніемъ тюрьмы—такъ какъ изъ заработка оставляется самому узнику только опредѣленная часть,—при отсутствіи пока печатныхъ отчетовъ, съ достовѣрностію сказать нельзя. Нашли мы, впрочемъ, нѣкоторыя данныя, не относительно разсматриваемаго нами заведенія, а относительно всѣхъ вообще расходовъ на управленіе прусскими тюрьмами, въ докладѣ комиссіи нынѣшней палаты, разсматривавшей смѣту расходовъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Всѣ расходы на тюрьмы и исправительныя заведенія на 1859 г. простираются въ Пруссіи до 2,215,208 талеровъ, доходы же составляютъ сумму въ 538,788 тал. Доходъ имѣетъ своимъ источникомъ заработка заключенныхъ; онъ покрывалъ въ 1849 г. третью часть расходовъ, а въ настоящее время равняется едва ихъ четвертой части. Но исключительно съ экономической точки зрѣнія на состояніе тюремъ смотрѣть нельзя: исправительное заведеніе строится съ другою цѣлю, чѣмъ фабрика, и достоинство его опредѣляется не суммою его ежегодной производительности.

Главное, при осуществленіи всякой исправительной системы заключенія, зависитъ отъ того персонала, которому вручены надзоръ надъ заведеніемъ и управленіе имъ. И въ этомъ-то именно отношеніи берлинская исправительная тюрьма представляетъ замѣчательную особенность. Осматривая въ первый разъ заведеніе и вида на всѣхъ служащихъ прусскій голубой чиновничій мундиръ, мы думали, что всѣ эти инспекторы, смотрители и наставники суть обыкновенные чиновники. Но отъ г. Вихерна мы послѣ узнали, что всѣ люди, которые служатъ этому заведенію, связаны между собою узами ордена братавства. Самъ г. Вихернъ членъ этого братавства. Каждый распорядитель, наблюдатель или инспекторъ, по увѣренію г. Вихерна, вовсе не изъ нужды принялъ такое мѣсто. Каждый изъ нихъ, по своему положенію и знаніямъ, довольно обезпеченъ, чтобы имѣть кусокъ хлѣба и не въ непосредственной службѣ государству. Всѣхъ членовъ этого братавства при берлинскомъ исправительномъ заведеніи 40, всего же на все, то-есть съ тѣми, которые заняты, въ другихъ частяхъ Германіи около 300. Братавство это не устроено по образцу католическихъ орденовъ, и отличается отъ нихъ тѣмъ, что каждый членъ его имѣетъ свое семейство, и что выступленіе изъ братавства совершенно свободно. Высокая цѣль, связующая всѣхъ членовъ, есть практическое осуществленіе дѣлъ христіанской нравственности. Намъ остались въ особенности памятными слѣдующія слова г. Вихерна: «Справедливость должна быть удовлетворена; но въ то время, когда преступникъ исключается на опредѣленный

срокъ изъ общества, изъ среды самого общества являются люди, жертвующіе своею свободою, чтобы научить содержимыхъ тѣмъ ремесламъ, которые составятъ для нихъ въ послѣдствіи источникъ независимаго труда и честнаго куска хлѣба. Сообщая это, мы удерживаемся отъ всякихъ оцѣнокъ самого общества. Одно отъ него въ восторгѣ, другіе же видятъ въ немъ лишь одно изъ многочисленныхъ доказательствъ католическихъ стремленій современнаго протестантизма. Цѣль у этого общества, во всякомъ случаѣ, безкорыстная и нравственная, а какъ оно дѣйствуетъ,— покажетъ время.

Б. Утинъ.

СЛѢДСТВЕННАЯ ЧАСТЬ ВЪ ГРАДСКИХЪ ПОЛИЦІЯХЪ.

Post tenebras, spero lucem...

Недавно возбужденъ у насъ вопросъ, отчего слѣдствія, производимыя градскими полиціями, бываютъ, по большей части, такъ неполны и неправильны, что нерѣдко преступленія не обнаруживаются, а виновные остаются безъ должнаго наказанія, и при какомъ устройствѣ слѣдственной части можно ожидать большаго успѣха.

Вопросъ этотъ давно лежалъ на душѣ у всѣхъ, для кого дорого общественное спокойствіе, и кто имѣлъ случай близко ознакомиться съ слѣдственной частью въ полиціяхъ. Безспорно, прокуроры и стряпчіе, какъ ближайшіе свидѣтели слѣдственнаго судопроизводства, не безъ пользы откликнутся на возбужденный вопросъ. Но мы не безъ основанія думаемъ, что разработка подобнаго предмета посредствомъ литературной гласности можетъ привести къ болѣе вѣрному результату: ибо тамъ, гдѣ officialное лицо не всегда можетъ откровенно высказаться передъ своимъ начальствомъ, тѣ же самые слѣдователи-практики, не стѣсняемые никакою формальностію, смѣло укажутъ на прямую причину несостоятельности слѣдственной части и, такимъ образомъ, передавая на судъ специалистовъ свои замѣтки, купленнымъ долговременнымъ опытомъ, возбуждать публичныя возраженія, изъ коихъ и наука, и правительство вынесутъ ясный взглядъ на данный предметъ и прямымъ путемъ придутъ къ цѣли улучшенія слѣдственной части вообще. Въ литературѣ само собою выдѣляется все замѣчательное и дѣльное, между тѣмъ какъ въ officialной перепискѣ, при всей доброй волѣ, трудно бываетъ отрыть дѣло посреди хлама бумагъ.

Сочувствуя искренно настоящему вопросу, мы считаемъ долгомъ положить свою лепту въ общее дѣло разработки столь важнаго, въ видахъ общественной пользы, предмета и, сколько позволяютъ намъ опытъ и силы, указать на главныя причины несостоятельности слѣдственной части въ градскихъ полиціяхъ (исключительно въ провинціяхъ), и на тѣ способы, кои, по крайнему нашему разумѣнію, могли бы содѣйствовать желаемому успѣху.

Слѣдствіе и судъ производятся *непублично*, но приговоры суда объявляются и исполняются *гласно*. Производство слѣдствія и всѣ мѣры, къ нему относящіяся, по общему порядку, хотя лежатъ на обязанности полиціи (т. XV Св. Зак. Угол. изд. 1857 г., кн. 2, ст. 2); но, вмѣстѣ съ тѣмъ, та же полиція не должна начинать слѣдствія, если нѣтъ къ тому достаточнаго законнаго повода (тамъ же, ст. 34 и 35). Слѣдствіемъ необходимо приводить въ извѣстность, съ равною заботливостію, какъ обвиняющія, такъ и оправдывающія подсудимаго обстоятельства (тамъ же, ст. 175). Подсудимому, во все время производства слѣдствія, предоставляется право представлять все, что можетъ служить къ его оправданію (тамъ же, ст. 144). При такихъ благодѣтельныхъ условіяхъ закона, справедливо ли устранять гласность при производствѣ слѣдствій о преступленіяхъ, и, облекая дѣло въ сухія формы, стѣснять подсудимаго, неопытнаго или безграмотнаго, лишеніемъ его сторонней защиты, въ лицѣ избраннаго адвоката? Само собою разумѣется, что подсудимый, оробѣвшій отъ своего невѣдѣнія и оставленный на произволъ собственныхъ шаткихъ соображеній, смущенный страхомъ не заслуженнаго, или заслуженнаго наказанія, дастъ такіе отвѣты при слѣдствіи, которые увлекутъ самаго безпристрастнаго судью къ заключенію болѣе или менѣе неправильному. А потому, естественно, виновный или совершенно избѣгнетъ заслуженнаго по закону наказанія, или подпадетъ подъ вліяніе приговора, несоответственнаго началамъ строгаго правосудія.

Недавнее разрѣшеніе допускать повѣренныхъ къ рукоприкладству подъ выписками по дѣламъ уголовнымъ ясно показало пользу гласности въ разсматриваніи дѣлъ о преступленіяхъ. Сколько же облегченія нашли бы суды при произнесеніи правительнаго приговора, еслибы слѣдственныя дѣла представлялись ихъ разсмотрѣнію, произведенныя подъ личнымъ наблюденіемъ адвокатуры со стороны подсудимыхъ? Ни пристрастныя дѣйствія слѣдователей, ни двусмысленность показаній подсудимаго, ни судебныя его передопросы не могли бы уже имѣть здѣсь мѣста; стало-быть, всякое нарушеніе закона, подлежащее наказанію, приведено было бы именно въ такую ясность, какая необходима

для произнесенія приговора, основаннаго лишь на истинныхъ и незыблемыхъ началахъ правосудія.

Быть-можетъ, нѣкоторые возражать, что мы еще не имѣемъ такихъ адвокатовъ, которые могли бы быть полезными защитниками правъ подсудимаго и умѣли бы добросовѣстно пользоваться гласностію. Вотъ въ томъ-то и дѣло. Наши повѣренные, большею частію, забывая святость своего призванія, употребляютъ во зло данныя имъ силы и средства, и вмѣсто того чтобы трудъ свой посвящать на защиту дѣлъ правыхъ, унижаютъ себя личными корыстными видами, употребляя для достиженія своихъ цѣлей всякаго рода пронырства и униженія. Съ другой стороны, получая плату отъ тяжущихся, повѣренные наши по необходимости находятся у нихъ въ зависимости и, слѣдовательно, не могутъ дѣйствовать по личному убѣжденію. Притомъ, большею частію, повѣренными въ дѣлахъ у насъ дѣлаются люди, ознакомившіеся по навыку лишь съ канцелярскими формами, безъ основательнаго понятія даже о Сводѣ Законовъ. Отчего же не взять намъ образецъ съ тѣхъ государствъ, гдѣ адвокатура доведена до совершенства? Напримѣръ, почему адвокаты въ Пруссіи пользуются популярнымъ уваженіемъ? — Потому, что они независимы отъ тяжущихся и, подъ названіемъ юстицъ-коммиссаровъ, причислены къ категоріи государственныхъ чиновниковъ. Главное же, отчего, подобно Риму, которому принадлежитъ первоначальное опредѣленіе званія адвокатовъ, — не назначить и у насъ особенный для нихъ экзамень? Въ такомъ случаѣ, многіе, занимающіеся нынѣ свободно хожденіемъ по дѣламъ, оказались бы совершенно недостойными; и напротивъ, тѣ, за которыми правительство признало бы право на званіе адвоката, были бы полезными защитниками правъ подсудимаго при слѣдствіи и судѣ. Да и при послѣднемъ условіи, необходимо между ними сдѣлать различіе, опредѣляющее предѣлы ихъ занятій степенью инстанціи, смотря по заслугамъ, способностямъ и познаніямъ каждаго. Такъ, во Франціи, Англіи, Саксоніи и проч. существуютъ адвокаты разныхъ именованій, по различію судебныхъ мѣстъ. Подобное различіе зависитъ отъ испытанія и имматрикуляціи которыми опредѣляется и право заниматься практикою въ тѣхъ судебныхъ мѣстахъ, для коихъ пробныя ихъ дѣла были одобрены. Въ такомъ смыслѣ образовавшаяся въ Россіи корпорація адвокатовъ могла бы принести громадную пользу не только для облегченія судопроизводства, но и для сокращенія дѣлъ. Достигнуть же этой цѣли, при твердой волѣ, весьма незатруднительно: вопервыхъ можно было бы не дозволить никому безъ экзамена ходатайства по дѣламъ; вовторыхъ всѣ сословія допустить къ экзамену на полученіе званія адвоката; втретьихъ,

получившему званіе адвоката присвоить особыя права, кои бы, по степени знанія его, опредѣляли предѣлы его занятій и вмѣстѣ съ тѣмъ давали бы ему особое общественное значеніе. Смѣло думаемъ, что при такой оргинизаціи адвокатуры, и у насъ явятся достойные адвокаты и прокураторы.... Во Франціи, Англіи и Италіи должность адвоката принадлежитъ къ почетнѣйшимъ въ государствѣ, и были примѣры, что знаменитые *Avocats à la cour royale de Paris*, и *Counsels* поступали изъ этого званія прямо въ первыя государственныя должности. Почему же не надѣяться, что, при извѣстныхъ условіяхъ, при развитіи цивилизаціи вообще, и наши адвокаты пойдутъ далеко?... Бывали же примѣры, что и въ Россіи являлись великіе люди изъ блинниковъ.... А блинниковъ такихъ въ обширной матушкѣ-Россіи еще найдется много; стоить попристальнѣе взглянуть на людей, какъ смотрѣли на нихъ великіе, и дать имъ свободный ходъ, чтобъ они могли служить на пользу странѣ своей, не встрѣчая препятствій и стѣсненій.

Обратимся къ положительному разсмотрѣнію другихъ причинъ несостоятельности слѣдственной части въ полиціяхъ.

Дабы приготовить слѣдствіе въ такомъ видѣ, чтобы судебное мѣсто не могло встрѣтить никакого затрудненія или сомнѣнія при постановленіи приговора (т. XV. кн. 2. ст. 140), необходимо слѣдователю, во все продолженіе слѣдствія, имѣть въ виду законы о доказательствахъ и уликахъ. Всѣ дѣйствія его должны быть направлены къ одной цѣли: изыскать, получить, представить къ дѣлу и сѣхранить всѣ свѣдѣнія, нужныя судѣ, для произнесенія правильнаго приговора, о преступленіи и преступникѣ. Для достиженія этой цѣли необходимо въ слѣдователѣ добросовѣстное желаніе открыть истину. Чтобъ осуществить желаніе, нужно имѣть знаніе законовъ, взглядъ, сметку, навыкъ достигать цѣли способами, непротивными закону. Дѣйствія слѣдователя, въ этомъ случаѣ, должны быть предпринимаемы въ такомъ порядкѣ, какого требуетъ представившійся къ слѣдствію поводъ, особенное свойство каждаго уголовного случая, степень доказательствъ и уликъ и тотъ результатъ, къ которому они должны вести. Много ли у насъ теперь слѣдователей вообще, и начальниковъ полицій въ особенности, которые совмѣщали бы въ себѣ подобныя качества? Прибавьте къ этому, что надъ ними постоянно виситъ мечъ Дамокловъ, ст. 139, 165, 267 (кн. 2, т. XV и т. II общ. учр. губ. ст. 589, 739, 742 и 4169). Слѣдователямъ приходится заботиться объ одной лишь формалистикѣ, которая, по крайней мѣрѣ, избавляетъ ихъ отъ отвѣтственности передъ начальствомъ. Городничіе наши, по заслугамъ воинскимъ, большею частію, люди достойные правительственнаго вниманія; но, поступая въ эти должности безъ всякаго предварительнаго знакомства съ существу-

ющими административными и судебными постановленіями, они дѣлаются невольными рабами своихъ письмоводителей, приставовъ и надзирателей. Даже при честности, при сочувствіи къ пользамъ общественнымъ, они находятся въ неизбѣжной зависимости отъ послѣднихъ. Щедрины, Мельниковы, Писемскіе и т. д. достаточно показали намъ свойства подобныхъ чиновниковъ.... Это или писцы и кандидаты губернскихъ правленій, или люди, о которыхъ сказалъ г. Вендиктовъ:

Просили бы объ васъ пригожія сестрицы....
Колдунья-бабушка, или полновѣсный братъ...

Первые получаютъ мѣста становыхъ и частныхъ приставовъ, секретарей, письмоводителей, благодаря *пожертвованіямъ*; вторые—благодаря случаямъ, ходатайствамъ... Тѣ и другіе, большею частію, лишены необходимыхъ качествъ, требующихся для ихъ правленія. Какого же направленія ожидать должно отъ такихъ чиновниковъ, и, тѣмъ болѣе, найдеть ли въ нихъ военный человекъ, городничій, должное содѣйствіе къ правильному управленію дѣлами полиціи? Естественно, при такой обстановкѣ полицейской организаціи, самый добросовѣстный и усердный городничій будетъ считать себя счастливымъ, если избѣгнетъ шести простыхъ и трехъ строгихъ выговоровъ въ годъ, которые, по закону, ведутъ виновнаго къ суду уголовному, а иногда, *за уклоненіе отъ формъ* въ производствѣ уголовныхъ слѣдствій, даже къ лишенію всѣхъ правъ состоянія...

Обвиняемаго должны допрашивать производящіе слѣдствіе, а не канцелярскіе служители (Т. XV, кн. 2, ст. 168). Вопросы и отвѣты должны быть кратки и ясны, безъ околичностей и обстоятельствъ, къ дѣлу не принадлежащихъ (тамъ же, ст. 182). Изложеніе словъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они были говорены дававшимъ показаніе, охраняетъ точный ихъ смыслъ; притомъ, сохраненіе точныхъ выраженій слѣдователя и допрашивателя необходимо, съ одной стороны, для того чтобы судья могъ видѣть, понятно ли и сообразно ли съ цѣлію допроса выражался слѣдователь, съ другой, для удержанія всѣхъ отбѣнокъ показанія подсудимаго. Если начальникъ полиціи не обладаетъ всѣми качествами слѣдователя, то какого результата ожидать можно отъ его письмоводителя, пристава или надзирателя, которые, не получающаго должнаго образованія, вообще необходимаго для полицейскаго чиновника, едва ли бываютъ въ состояніи правильно изложить на бумагѣ собственную мысль, не только показаніе другаго лица? Очевидно, въ такомъ случаѣ, слѣдствіе направляется по произволу, въ ущербъ правосудію; или же, что еще горестнѣе, по видамъ интересовъ личныхъ...

Предположимъ даже, что слѣдствіе ведется правильно. Но для ускоренія производства, личный осмотръ, обыскъ, выемка, по-

важный обыскъ и тому подобныя, болѣе или менѣе по своему виду, неважныя части слѣдствія не рѣдко поручаются квартальнымъ надзирателямъ или другимъ лицамъ. Последніе, безъ всякаго личнаго проникновенія въ дѣло собственнымъ умомъ, озабочиваясь лишь механическимъ исполненіемъ даннаго порученія и не зная ни предыдущаго, ни послѣдующаго, представляютъ слѣдователю форменную бумагу, которая, очень часто, измѣняетъ ходъ всего слѣдствія и, такимъ образомъ, сбивая слѣдователя съ принятаго имъ пути, по которому онъ доходилъ уже до обнаруженія истины, обращаетъ его дѣйствія къ новымъ разысканіямъ, во всякомъ случаѣ требующимъ потери времени.

Конечно, здѣсь могли бы оказать существенную пользу стряпчіе; но они, впервыхъ, приглашаются только для нахождения по дѣламъ, болѣе важную значающую (т. XV, кн. 2, ст. 146); вовторыхъ, протестъ ихъ такъ безсиленъ при производствѣ слѣдствій, что, при ложномъ направленіи слѣдователемъ своихъ дѣйствій, онъ приобщается только къ дѣлу, безъ всякаго полезнаго вліянія на ходъ дѣла. А еслибы стряпчій и сталъ настаивать съ энергіей на своемъ мнѣніи, то, пока онъ взываетъ къ закону черезъ прокурора, слѣдствіе или кончится, или получитъ такое невыгодное направленіе, которое подъ игомъ присяжныхъ показаній нельзя уже будетъ исправить, или которое потребуетъ для того столько времени, что исчезнутъ всѣ признаки горячихъ слѣдовъ преступленія. Наконецъ кто идетъ у насъ въ уѣздныя стряпчіе?

То же можно сказать и о требованіи къ слѣдствію депутатовъ (тамъ же ст. 149, 151, 152 и 153). По нашему мнѣнію, депутаты столь же мало полезны при слѣдствіи, сколько и присутствіе стряпчихъ, въ томъ видѣ, какъ это существуетъ подъ рутинною нынѣшняго порядка. Всякій депутатъ обязанъ защищать подвѣдомственнаго ему подсудимаго; но много ли найдется такихъ, которые были бы безпристрастны къ своему кліенту и имѣли бы въ виду одну истину? Если депутатъ человекъ дѣльный; то онъ собьетъ слѣдователя съ пути истиннаго, и, если не личнымъ вліяніемъ, то черезъ сношенія съ стряпчимъ замедлитъ по произволу ходъ слѣдствія; если же онъ съ познаніями ограниченными, какъ и слѣдователь, то, опираясь на свое право наблюдать за правильнымъ производствомъ слѣдствія, во всякомъ случаѣ только запутаетъ слѣдствіе неумѣстными требованіями. А время между тѣмъ идетъ безостановочно, и, отъ потери времени, преступленіе застилается мракомъ, подъ которымъ истина болѣе и болѣе дѣлается неясною, а стало-быть, и преступникъ, окрѣпнувъ въ своемъ упорствѣ, получить вѣрный способъ ускользнуть отъ заслуженнаго имъ возмездія за свой проступокъ. Депутаты никогда не въ силахъ сдѣлать то, что можетъ сдѣлать публичность.

Есть ли средства избѣжать всѣхъ этихъ неудобствъ? Разумѣется есть. Не ужели нельзя давать заслуженнымъ воинамъ-калекамъ мѣста по ихъ силамъ и способностямъ, гдѣ бы они могли быть столько же полезными, сколько и предъ лицомъ непріятеля? Нѣтъ сомнѣнія, мы тоже убѣдимся, что полиція не домъ инвалидовъ, и обратимъ на полицію такой взглядъ, какой имѣлъ на нее уже нашъ великій преобразователь. Петръ Великій, придавалъ особенное значеніе заботамъ о полиціи, и онъ же первый созналъ потребность у насъ въ адвокатахъ (Воинск. проц. ч. 1, гл. V. п. 1).

Изъ какого народа составляются у насъ полицейскія команды? Изъ гарнизонныхъ солдатъ 2-го разряда неспособныхъ. Чтò это за люди? Отданные въ солдаты въ зачетъ будущихъ наборовъ, или, поступившіе въ рекруты по суду, выбывшіе изъ исправительныхъ отдѣленій арестантскихъ ротъ гражданскаго и военнаго вѣдомствъ, а не рѣдко даже бродяги, не помнящіе родства... Такие полицейскіе солдаты могутъ ли быть охранителями общественнаго спокойствія, надежными сотрудниками власти полицейской? Разумѣется, гдѣ необходимы вѣрность, скромность, теплое сочувствіе благому намѣренію, они за стаканъ водки, за гривенникъ продадутъ всякое правосудіе, тогда какъ, отъ буквальнаго и точнаго исполненія ими воли слѣдователя, зависитъ не рѣдко не только самое слѣдствіе, но и открытіе виновнаго. Полиціи нужны команды изъ людей способныхъ, молодыхъ, испытанной нравственности, грамотныхъ.

Далѣе, обратимъ вниманіе на положеніе квартальныхъ надзирателей, письмоводителей полиціи, и, даже, частныхъ приставовъ (конечно, въ провинціяхъ). Частные пристава, занимая высшую ступень въ составѣ уѣзнаго полицейскаго управленія, получаютъ жалованья въ годъ 300 руб. асс. На такое содержаніе возможно ли опредѣлить чиновника, сознающаго свое достоинство? Поэтому-то и поступаютъ на подобныя должности недоучившіеся семинаристы или подъячіе безъ всякой грамотности, неспособные уже рѣшительно ни къ какой службѣ, для которыхъ достиженіе такой должности составляетъ *pec plus ultra* общественнаго значенія и личной заслуги...

Напротивъ того, передайте эти важныя, по значенію и цѣлямъ своимъ, должности въ руки людей образованныхъ, специалистовъ; возмысьте ихъ собственное сознаніе обезпеченнымъ содержаніемъ, тогда, вѣрьте, и у насъ явятся полицейскіе чиновники, которые не будутъ стоять у притоки въ передней какого-нибудь мужика-милліонера, и слѣдственная часть полиціи пойдетъ прямымъ путемъ, не давая повода къ возбужденію вопросовъ о ея несостоятельности.

Кромѣ всего изложеннаго, необходимо обратитъ должное вни-

маніе на составъ полицій, который, при существующей ихъ организаціи, требуетъ особыхъ, современныхъ условій. Напримѣръ, полицією въ городахъ (т. II учр. губ. Часть I ст. 4105 и 4108) завѣдываетъ городничій съ ратманами, приставами и надзирателями. Намъ кажется, было бы ближе къ цѣли, еслибы, оставя на обязанности городничихъ, этихъ заслуженныхъ инвалидовъ, одно внѣшнее управленіе городомъ и часть собственно-исполнительную, оформить въ лицѣ ихъ полицію въ видѣ нынѣшнихъ городническихъ правленій. Частныхъ же приставовъ отдѣлить отъ полицій, какъ уже излишнихъ, и образовать, вмѣсто ихъ, исключительно слѣдственныхъ городовыхъ чиновниковъ, съ личнымъ окладомъ жалованья, квартирными деньгами по чинамъ и опредѣленіемъ суммъ на канцелярскіе и непредвидѣнные расходы, назначивъ подобные оклады частію изъ земскихъ сборовъ и городскихъ доходовъ, частію же изъ государственнаго казначейства, подъ личною въ этихъ расходахъ отчетностію слѣдственныхъ чиновниковъ, до извѣстной цифры. Чиновники эти, состоя въ распоряженіи суда, должны были бы находиться, въ нѣкоторой степени, подъ вліяніемъ мѣстнаго уѣзднаго стряпчаго, котораго и надлежитъ уполномочить правительственнымъ довѣріемъ, чтобъ онъ, наблюдая за правильностію и быстротою въ производствѣ слѣдствій (ст. 165 т. XV кн. 2), могъ, въ случаѣ необходимости, направлять дѣло къ надлежащему пути, письменно и устно, съ безусловнымъ требованіемъ отъ слѣдственнаго чиновника точнаго исполненія по сдѣланнымъ имъ указаніямъ. Всякое отступленіе, такимъ образомъ, отъ этого порядка призоветъ то или другое лицо къ отвѣту уже самымъ кратчайшимъ путемъ; а слѣдственно, устранить всякій произволъ въ медленности или въ неправильномъ направленіи дѣла (1).

(1) Намъ кажется, что по недостатку людей и по неимѣнію средствъ для увеличенія жалованья (такъ какъ было бы необходимо для большей части должностей двадцатикратное увеличеніе жалованья), у насъ можно опредѣлить особыхъ слѣдственныхъ чиновниковъ только въ столицахъ и большихъ городахъ (имѣющихъ напримѣръ болѣе 25 тысячъ жителей). Въ малыхъ же городахъ, по нашему мнѣнію, было бы лучше всего соединить городскую слѣдственную часть съ уѣздною и устроить ее на основаніи начала самоуправленія, предоставивъ ее мировымъ судьямъ. Что касается до участія адвокатовъ въ слѣдствіи и до гласности слѣдствія, то это великое обезпеченіе законности осуществимо лишь на томъ условіи, чтобы чиновникъ, которому поручается слѣдствіе, получилъ характеръ не слѣдователя, а обвинителя, и имѣлъ съ защитникомъ подсудимаго совершенно равныя права и равное положеніе передъ судьей. Разногласія между обвинителемъ и защитникомъ должны быть разрѣшаемы судьей, въ присутствіи котораго должно происходить то, что называется и по нашему закону формальнымъ слѣдствіемъ. Такъ дѣло это устроено въ Англии и Америкѣ. Безъ этого условія адвокатъ при слѣдствіи не принесетъ надлежащей пользы, и слѣдователь будетъ только возлагать на него вину во всѣхъ своихъ неудачахъ. *Ред.*

Правда, эта усиленная обязанность, возлагаемая на стряпчихъ, потребуетъ отъ нихъ болѣе самостоятельной дѣятельности; за то, принимая въ соображеніе, что стряпчіе, знакомясь съ дѣломъ предварительно, значительно облегчатъ себя въ повѣркѣ судебныхъ приговоровъ, нельзя не сознаться, что порядокъ этотъ сохранилъ прочіе правительственныя пользы и общественный интересъ, нежели нынѣ существующее вліяніе стряпчихъ на производство слѣдствій; притомъ, возвышая значеніе ихъ при слѣдствіи, онъ дастъ имъ именно тотъ характеръ, какой они должны имѣть по самой цѣли ихъ назначенія.

Затѣмъ, при допущеніи публичности и адвокатовъ, уже естественно, не будетъ предостоять надобности и въ требованіи къ слѣдствію депутатовъ: уѣздные стряпчіе, строго наблюдая за правильностію слѣдствія со стороны правительства, удалятъ всякое подозрѣніе въ нарушеніи слѣдователемъ усвоеннаго закономъ порядка, или въ допущеніи какихъ-либо пристрастныхъ дѣйствій.

Вотъ тѣ невыгоды, какія затрудняютъ слѣдственную часть въ градскихъ полиціяхъ, и тѣ мѣры, съ осуществленіемъ коихъ, какъ мы думаемъ, можно бы ожидать большаго успѣха въ устройствѣ этой части. Не сомнѣваемся, найдутся люди, которые съ большою отчетливостію укажутъ на средства къ улучшенію слѣдственной части и откроютъ ближе путь къ усовершенствованію полицій вообще. Мы первые порадуемся всякому полезному возраженію, сознавая вполнѣ, что чѣмъ оживленнѣе будетъ полемика, тѣмъ чище и свѣтлѣе проявится истина; и чѣмъ дѣятельнѣе начнется разработка данной тѣмы, тѣмъ ближе будетъ правительство къ осуществленію своихъ великихъ цѣлей преобразованія администраціи и судебной части.

Николай Орловъ.

Сельцо Прибытки,
Скопинскаго уѣзда.

ВОСПОМИНАНІЕ О СЕРГѢѢ ТИМОФЕЕВИЧѢ АКСАКОВѢ.

(Читано въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности
6 мая 1859 года).

30 апрѣля во всѣхъ кругахъ московскаго общества сообщали другъ другу вѣсть, печальную всякаго, кто узнавалъ ее: въ этотъ день, въ 3 часу по полуночи, скончался патріархъ нашей литературы, Сергѣй Тимофеевичъ Аксаковъ. Долговременная, мучительная болѣзнь его была извѣстна всѣмъ и оставляла мало надежды на его выздоровленіе, но несмотря на то, какъ-то не

хотѣлось вѣрить, что все уже кончено, что не стало человѣка, который съ такою энергіею воли боролся такъ долго съ страданіями физическими, не хотѣлось вѣрить, что прервалась жизнь, драгоценная не для одной его семьи, не для однихъ его друзей, но для всякаго, кому дороги русская мысль и русское слово.

Подъ впечатлѣніемъ искренней скорби, возбужденной недавно утратою, хотимъ мы сказать нѣсколько словъ въ память покойнаго, котораго сердечно любили и высоко почитали какъ писателя и какъ человѣка.

С. Т. Аксаковъ родился въ Уфѣ, 20 сентября 1791 года. Въ концѣ 1799 года онъ поступилъ въ Казанскую гимназію и оттуда перешелъ студентомъ въ Казанскій университетъ при самомъ его основаніи, въ концѣ 1804 года. Окончивъ курсъ, въ 1807 году, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и служилъ до 1812 года въ комиссіи составленія законовъ. Съ 1812 по 1826 годъ онъ жилъ въ оренбургской деревнѣ, пріѣзжая по временамъ въ Петербургъ и Москву, гдѣ жили многіе изъ друзей его, а съ 1826 года онъ сдѣлался окончательно московскимъ жителемъ. Здѣсь, въ Москвѣ, провелъ онъ болѣе тридцати лѣтъ своей жизни, здѣсь въ короткое время составилъ онъ себѣ своими сочиненіями общую извѣстность, здѣсь приобрѣлъ онъ многочисленныхъ друзей, и горячо любилъ онъ Москву, гдѣ его окружали общая любовь и уваженіе.

Литературное поприще и авторская извѣстность Аксакова представляютъ собою что-то чрезвычайно оригинальное и рѣдкое. Страсть къ чтенію и ученію была ему внушена съ дѣтскихъ лѣтъ матерью, женщиною высокаго ума и замѣчательнаго образованія. Первые его литературные опыты относятся еще ко времени пребыванія въ гимназіи и университетѣ; но преобладающею его страстію было драматическое искусство. Занимаясь имъ постоянно и усердно и пользуясь наставленіями мастеровъ этого дѣла, онъ достигъ высокой степени совершенства въ чтеніи и былъ однимъ изъ лучшихъ актеровъ - любителей и чтецовъ, какихъ только можно представить. Смолоду онъ былъ большимъ поклонникомъ Шишкова. Театральныя знакомства еще въ то время свели его съ міромъ литературнымъ: первая болѣе серьезная попытка его на авторскомъ поприщѣ имѣла цѣль чисто сценическую. Мы говоримъ о переводѣ Лагарпова *Филоклетта* (М. 1815), предпринятомъ для прощальнаго бенефиса Шушерина. Послѣ того Аксаковъ помѣщалъ стихи и статьи въ прозѣ въ *Вѣстникъ Европы*, перевелъ 10-ю сатиру Буало (М. 1821), но все это не было исключительнымъ для него занятіемъ и ничѣмъ не отличалось отъ уровня тогдашней посредственности, навонявшей старинные журналы. Позднѣе Аксаковъ также проводилъ

время въ кругу, преимущественно посвятившемъ себя театру, а не собственно литературѣ, въ обществѣ Шаховскаго, Загоскина, Кокошкина, Писарева. Критическія статьи его въ *Московскомъ Вѣстникѣ* и потомъ въ *Молодѣ* также имѣли предметомъ болѣе театр, чѣмъ литературныя произведенія. Кромѣ того когда-то онъ перевелъ для сцены *Школу Мужей* и *Скупана* Мольера, но комедіи эти напечатаны не были. Словомъ, до 40 годовъ ничто не предвѣщало въ немъ того истиннаго художника, того превосходнаго стилиста, какимъ явился онъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ и какимъ оставался до конца своей жизни, когда никакія тяжкія страданія не могли охладить въ немъ живости поэтическаго призванія.

Первый, кто оцѣнилъ и полюбилъ новое направленіе таланта Аксакова, былъ другъ его Гоголь, восхищавшійся отрывками изъ его *Хроникъ* въ рукописи, когда высокое вдохновеніе, посѣтившее автора, было еще тайной для публики. Начало *Семейной Хроникъ* было помѣщено въ *Московскомъ Сборникѣ* 1846 года (стр. 403) и обратило на себя вниманіе нѣкоторыхъ знатоковъ дѣла. Но публика познакомилась съ истиннымъ талантомъ Аксакова только при появленіи *Записокъ объ уженъ рыбы* (М. 1847). Живость описаній природы и прелесть разказа въ этой книгѣ не могли не поразить читателей и были причиной того, что, несмотря на специальность предмета, она имѣетъ постоянный успѣхъ и съ тѣхъ поръ имѣла еще два изданія (М. 1854 и 1856). Второе сочиненіе Аксакова было тоже специальное, это *Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи* (М. 1852), вскорѣ вышедшія вторымъ изданіемъ (М. 1852), а черезъ нѣсколько лѣтъ третьимъ (М. 1857). Тутъ было для художника болѣе простора: царство птицъ со всѣмъ разнообразіемъ наружнаго ихъ вида, привычекъ, особенностей; лѣса, степи, озера, болота, ими обитаемая, весь этотъ малоизвѣстный и поэтическій міръ ожилъ подъ перомъ Аксакова, какъ бы какимъ-то волшебствомъ. Читалъ его увлекательную книгу, вы постигали тайны этого міра, чувствовали, что онъ оживленъ передъ вами человекомъ, который съ нимъ сжился и знаетъ его не по одному изученію и наблюденію, но и при помощи того поэтическаго пониманія природы, которое дается въ удѣлъ немногимъ. Третья книга Аксакова также говорила объ охотахъ разнаго рода; это *Разказы и воспоминанія охотника* (М. 1855). Она появилась въ то время, когда имя автора уже было достаточнымъ ручательствомъ за успѣхъ въ публикѣ, которая нашла въ ней тѣ высокія достоинства, какія была въ правѣ ожидать, и раскупила ее такъ, что черезъ годъ потребовалось новое изданіе (М. 1856).

Между тѣмъ, во время появленія названныхъ нами книгъ, стали

печататься въ *Москвитяинѣ* статьи Аксакова въ другомъ родѣ, который у насъ долженъ былъ сдѣлаться также какъ бы исключительнымъ его достояніемъ, новою областію, завоеванною имъ по неоспоримому праву таланта и своеобытности. Рядъ этихъ произведеній начался *Біографіей Заюсина* (*Москвит.* 1853) и статью *Яковъ Емельяновичъ Шушеринъ* (*Москвит.* 1854). Родъ этихъ произведеній есть какой-то особый родъ разказовъ, гдѣ собственныя воспоминанія и впечатлѣнія автора такъ тѣсно связаны съ изображеніями личностей и происшествій, которыми онъ описываетъ, что трудно опредѣлить, то ли или другое преобладаетъ въ разказѣ, представляющемъ такимъ образомъ удивительную соразмѣрность частей, рѣдкую художественную цѣльность и гармонию. Эта изумительная способность сливаться съ избраннымъ предметомъ истиннымъ или вымышленнымъ, но такимъ образомъ, что читатель, чувствуя постоянное присутствіе художника, не можетъ провести рѣзкую границу между тѣмъ, гдѣ кончается истина, и гдѣ начинается творчество фантазіи, составляетъ особенность таланта и прелесть произведеній Аксакова. Не удивительно, что, при такой оригинальности и силѣ дарованія, творенія его, написанныя чуднымъ русскимъ языкомъ, согрѣтыя теплотою чувства, проникнутыя благородными свѣтлыми мыслями, выражающія какую-то младенческую ясность души, сдѣлались драгоценными всему читающему міру. Торжествомъ его таланта было появленіе *Семейной хроники и воспоминаній* (М. 1856). Мы не будемъ распространяться объ огромномъ успѣхѣ этого превосходнаго произведенія: оно въ памяти у всѣхъ; въ нѣсколько мѣсяцевъ не осталось въ продажѣ ни одного экземпляра, и потребовалось новое изданіе (М. 1856). Послѣ выхода *Хроники*, Аксаковъ издалъ *Дѣтскіе годы Багрова-внука* (М. 1858), и помѣщалъ въ журналахъ рядъ статей подѣ заглавіемъ *Литературныя и театральныя воспоминанія*, которыя съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ другихъ вышли въ свѣтъ отдѣльною книгою, названною *Разныя сочиненія* (М. 1858). Въ *Русской Бесѣдѣ* (1859, кн. I) помѣщена *Встрѣча съ мартинистами*, послѣдняя статья его, напечатанная при его жизни.

Послѣднія сочиненія Аксакова писаны въ промежуткахъ тяжкихъ болѣзненныхъ припадковъ, обратившихся въ жестокою хроническую болѣзнь, которая прекратила его прекрасную жизнь. Нельзя не изумляться силѣ его духа, нельзя не удивиться передъ его покорностію волѣ Провидѣнія; читая эти страницы, въ нихъ видишь ту же ясность души, то же величавое спокойствіе художника, которыми отличался онъ и прежде. Многіе не могли не быть тронутыми, слушая, какъ старшій сынъ его, за мѣсяць до его кончины, читалъ въ публичномъ засѣданіи нашего Обще-

ства отрывокъ изъ повѣсти своего умирающаго отца, вѣрнаго своему поэтическому призванію на смертномъ одрѣ, въ предсмертныхъ мученіяхъ пріѣтствующаго еще съ прощальною улыбкою молодость, любовь, весиу, природу, все, чѣмъ красенъ Божій міръ, что такъ зналъ и любилъ тотъ, про кого можно сказать съ поэтомъ:

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ.

Мы сказали уже, что въ произведеніяхъ Аксакова трудно провести границу между истиною и вымысломъ. Вообще онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, въ которыхъ почти невозможно отличить писателя отъ человѣка. И какъ писатель, и какъ человѣкъ, онъ былъ одинаково чтимъ и любимъ всѣми, хоть сколько-нибудь знавшими его. Какъ ни превосходны его произведенія, но не будь авторомъ ихъ такой *человѣкъ*, едва ли бы достигъ этотъ авторъ того почета, который выражался ему въ литературѣ при всякомъ случаѣ. Во всякомъ литературномъ собраніи вспоминали о немъ о первомъ; всякое литературное предпріятіе дорожило его мнѣніемъ; всякій литераторъ считалъ и долгомъ и удовольствіемъ быть у него, только-что пріѣдетъ въ Москву; лучшие писатели обращались къ нему, какъ къ безпристрастнѣйшему судѣ. Благородство чувствъ и помысловъ, участіе ко всему благому и честному, неподкупная правдивость, сердечное радушіе, готовность ободрить всякій благородный трудъ, отчужденіе отъ всякой исключительности и духа партій, жизнь безупречная, всегда согласная въ поступкахъ съ словами, безпредѣльная доброта,—вотъ что влекло къ нему можетъ-быть болѣе чѣмъ его авторскія дарованія, вотъ отчего съ нимъ бывало такъ легко, такъ привольно сердцу съ первой съ нимъ встрѣчи. Онъ былъ гордостью нашей литературы и по своимъ сочиненіямъ и по личному характеру; онъ былъ украшеніемъ русскаго общества, какъ одинъ изъ благороднѣйшихъ его представителей. Какъ христіанинъ, какъ гражданинъ, какъ семьянинъ, какъ человѣкъ — онъ можетъ служить образцомъ настоящаго Русскаго человѣка, въ лучшемъ и высокомъ его значеніи.

Около полутора года длилась послѣдняя болѣзнь Аксакова, переносившаго ее съ истинно-христіанскимъ терпѣніемъ. Когда прошедшею осенью онъ переѣхалъ съ дачи во вновь нанятый для него домъ на Кисловкѣ, онъ спросилъ: «какая у насъ приходская церковь?» Ему отвѣчали: Бориса и Глѣба. «Въ этомъ домѣ я и умру, сказалъ онъ; въ этомъ приходѣ отпѣвали Писарева, тутъ и меня будутъ отпѣвать.» Предчувствіе не обмануло его.

Въ воскресенье, 3 мая, церковь Св. Бориса и Глѣба наполни-

ласъ множествомъ народа; многочисленныя друзья покойнаго, почти всѣ здѣшніе литераторы и ученые, наконецъ люди всѣхъ званій пришли проститься съ бездыханнымъ тѣломъ, которое оживлялъ безсмертный духъ, оставившій неизгладимыя и благотворныя слѣды посѣщенія своего въ здѣшнемъ мірѣ. Всѣ прощались съ чѣмъ-то роднымъ, дорогимъ сердцу. Гробъ Аксакова на рукахъ былъ принесенъ въ Симоновъ монастырь и внесенъ въ ворота при пѣніи торжественной пѣсни: «Христосъ воскрес!» Весеннее солнце освѣщало едва зазеленѣвшія деревья и поля; въ воздухѣ чувствовалось первое дыханіе весны, оживляющей природу, съ обновленіемъ которой скрылся отъ насъ навѣкъ тотъ, кто такъ умѣлъ любить и понимать чудную красоту великаго Божьяго міра.

Могила Аксакова находится недалеко отъ восточной стѣны трапезы Никольской церкви Симонова монастыря. Въ нѣсколькихъ шагахъ лѣвѣ похороненъ поэтъ Веневитиновъ, могилѣ котораго приходили поклониться многіе изъ бывшихъ на похоронахъ Аксакова.

Такая общая скорбь, какая выказалась на похоронахъ Аксакова, лучше всякихъ похвальныхъ словъ. Дай Богъ всякому, кончивъ жизненный путь, оставить по себѣ такое чистое имя, такую добрую славу и столькожъ людей, которые бы такъ искренно повторяли: «вѣчная память!»

Михаилъ Лонгиновъ.

Москва.
3 мая 1859 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ УКАЗАНІЯ.

Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Книга четвертая: октябрь—декабрь 1858 г.

Въ ноябрьской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* 1858 г. мы пространно говорили о первыхъ трехъ книгахъ возобновленныхъ *Чтеній* Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Поговоримъ теперь о четвертой за минувшій годъ. Мы не будемъ входить въ оцѣнку всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ ней, и остановимся лишь на тѣхъ, которыя или имѣютъ всеобщій современный интересъ для большинства публики, или даютъ поводъ къ дополненіямъ съ нашей стороны.

Изображенія военныхъ дѣйствій первой арміи въ 1812 г. (донесеніе императору Барклай-де-Толли).

Описаніе достопамятныхъ происшествій въ московскихъ монастыряхъ во время нашествія непріятеля въ 1812 г.

Отчетъ гр. Веронцова государю императору, по возвращеніи съ корпусомъ изъ Франціи.

Военный министръ и главнокомандующій первою арміею въ 1812, Барклай-де-Толли (позже князь) перенесъ въ теченіе отечественной войны много огорченій, обидъ, пересудовъ, по милости своихъ завистниковъ. Онъ окруженъ былъ тайными соглاداتами и смѣлыми вѣстовщиками. Всѣ его виды, предназначенія, предпріятія, не только были перетолковываемы и разглашаемы въ обѣихъ (1-й и 2-й) арміяхъ; но даже иногда доходили и до непріятельскаго стана: описывая движеніе нашихъ войскъ отъ Смоленска къ Руднѣ, Барклай говоритъ въ своемъ донесеніи: «въ славномъ кавалерійскомъ дѣлѣ 27 числа (іюля) нашелся на квартирѣ генерала Себастьяни дневной приказъ, удостовѣрившій насъ, что непріятель извѣстился о намѣреніи нашемъ и отступалъ съ умысломъ.» Главнокомандующій второю арміею не всегда единодушно съ нимъ дѣйствовалъ, и Барклай на каждомъ почти шагѣ встрѣчалъ противорѣчія и затрудненія. Съ принятіемъ же княземъ М. А. Кутузовымъ-Смоленскимъ обѣихъ армій подъ свое начальство, недоразумѣнія, происки, пререканія усилились до крайней степени. Такъ, упоминая о своей болѣзни, Барклай присовокупилъ: «сіе было слѣдствіемъ не только *всего похода* и усилій, исполненныхъ мною въ Бородинскомъ дѣлѣ, но еще болѣе *досады и обиды*, коимъ подвергался я ежечасно.»

Въ общественномъ мнѣніи предшественникъ и потомъ преемникъ князя Кутузова, слыветъ нашимъ Фабіемъ-Медантелемъ. Стройное и грозное отступленіе русскихъ войскъ, въ виду непріятеля, сбереженіе нашихъ, несравненно меньшихъ численностью, силъ и утомленіе со дня на день умалывшихся полчищъ непріятеля усвоило глубоко-разумному полководцу придаточное имя римскаго военачальника. Сами Французы, въ томъ числѣ Сегюръ, адъютантъ Коленкура, отдавали полную справедливость искусству движеній его въ разныхъ, не зависѣвшихъ отъ него по обстоятельствамъ, направленіяхъ. Изъ донесенія его императору Александру I видно однако, что онъ неоднократно былъ готовъ сразиться съ арміями Наполеона. Такъ онъ объясняетъ:

«Мое намѣреніе было сражаться при Витебскѣ, и я могъ предпринять оное, ибо: 1. Непріятель не собралъ еще всѣхъ своихъ силъ: онъ единственно имѣлъ въ своемъ распоряженіи 3-й корпусъ подъ начальствомъ маршала Нея, 4-й подъ начальствомъ вице-короля итальянскаго, часть 1-го, находившагося около Сѣнна, два кавалерійскіе корпуса подъ начальствомъ

короля неаполитанскаго и гвардію. 2. Потому, что храбрость и мужество, оказанныя арміею въ сраженіяхъ 13 и 14 числа, были для меня вѣрнымъ ручательствомъ въ приобрѣтеніи победы.»

Но въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ:

«Изъ одного ложнаго стремленія къ славѣ, предавать судьбу имперіи власти снѣпаго рока, не значило ли бы измѣнять отечеству? Не нужны мечтанія о славныхъ маршахъ тогда, какъ цѣль войны — истребленіе непріятеля, поработившаго Европу. Сія цѣль не могла иначе быть достигнута, какъ продолженіемъ войны.»

Изображеніе военныхъ дѣйствій обнимаетъ только время отъ движенія первой арміи изъ Дриссы до 22 сентября, когда герой Бородина оставилъ армію по болѣзни. Вотъ заключеніе донесенія:

«Сіе краткое изображеніе военныхъ дѣйствій достаточно объясняетъ, какимъ образомъ непріятель былъ предупрежденъ во всѣхъ его замыслахъ, удержанъ по возможности въ быстрыхъ его движеніяхъ и приведенъ къ степени, въ коей *непрямлю* долженъ былъ подвергнуться *совершенному истребленію*. Потеря Москвы совершилась случайно и причинена обстоятельствами, коихъ исправленіе вышло уже изъ моей власти. Впрочемъ, несомнѣнно, что сему городу слѣдовало сдѣлаться могилою Наполеона, если'бы не выпустили его изъ Московской губерніи.»

Я сличилъ это печатное донесеніе съ моимъ спискомъ, и не встрѣтилъ въ нихъ никакой разности; только въ числѣ лицъ, названныхъ на стр. 6-й (изъ которыхъ Барклай многихъ генераловъ и флигель-адъютантовъ выслалъ изъ арміи), пропущено имя маркиза Паулучи, и въ строкѣ 12-й на той же стр. сверху *ложный и интригантъ*, да вмѣсто слова *изъ лести* поставлено «изъ снисхожденія»; а въ 16-й тамъ же вмѣсто *лицемѣрамъ* поставлено «лицамъ», и еще на стр. 15-й выпущено одно *неудобопечатаемое* слово. Его впрочемъ можно бы замѣнить словами «повѣренный» въ смыслѣ повѣренныхъ въ комедіяхъ, или пособникомъ, сватомъ.

Отдавая отчетъ, не только во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, но и въ самыхъ планахъ, князь Барклай какъ не превозносилъ успѣховъ, такъ не скрывалъ и неудачъ нашихъ. Смысль и откровенность его отзывовъ о многихъ, нынѣ уже историческихъ лицахъ, открываютъ такія характеристическія черты, которыми воспользуются современемъ исторія и біографія.

Описаніе происшествій въ московскихъ монастыряхъ указываетъ на множество утратъ во всѣхъ обителяхъ (17 муж. и 9 жен.), на жестокости и безчинства въ нихъ непріятеля, на истязанія и убійства.

Отчетъ князя М. С. Воронцова (тогда еще графа) объясняетъ состояніе, нравственность и грамотность корпуса, съ которымъ онъ пробылъ три года во Франціи съ 1815 по 1818 годъ; распоряженія его по всѣмъ видамъ управленія ввѣреннымъ ему войскомъ;

уничтоженіе строгихъ въ немъ наказаній; увеличеніе средствъ къ приличному содержанію офицеровъ; заведеніе при полкахъ школъ взаимнаго обученія по Ланкастеровой системѣ и сбереженіе денежныхъ суммъ.

Отчетъ кн. Воронцова былъ отправленъ съ похода отъ 20 дек. 1818 изъ Лукау. Писалъ его старшій адъютантъ (нынѣ сенаторъ) А. И. Казначеевъ. Сличивъ печатное (съ моего списка) со спискомъ, которымъ ссудилъ меня г. Казначеевъ, я замѣтилъ только: на стр. 1. въ стр. 8 снизу поставлено, вмѣсто съ 1805 г.— «1815»; на стр. 71, *вм. изъ Берлина*, «изъ Бремена»; на стр. 74, *вм. цѣлыя, половинныя* (дистанціи) «цѣлымъ полкомъ», и *вм. употребленіе въ войнахъ* «истребленіе въ войскахъ». Остальныя же разнословія заключаются въ словахъ и нисколько не измѣняютъ смысла выраженій и точности содержанія. А явныя описки, напримѣръ: «не спрашивалъ» вмѣсто: *не испрашивалъ*, «притязаній» *вм. истязаній*, всякій читатель поправитъ по смыслу рѣчи, безъ указаній.

Начертаніе къ двойственному умноженію пользы, съ расширеніемъ предполовъ отъ стороны Китая. Труды бывшаго въ Сибири генералъ-губернаторомъ Якобіа

Записка о Чукотскомъ народѣ, обитающемъ около береговъ Ледовитаго моря и проч.

Начальствовавшій морскою секретною экспедиціею (астрономическою) флота капитанъ 1-го ранга Белингсъ, въ путешествіе свое отъ губы Св. Лаврентія до Якутска, ознакомился съ дикою Чукчей, и собранныя о ней свѣдѣнія передалъ бывшему въ должности иркутскаго генералъ-губернатора Пилю. Отсюда мѣстныя распоряженія и переписка послѣдняго съ сенатомъ относительно привлеченія Чукчи въ подданство Россіи. Эта переписка продолжалась съ 1791 по 1799 включительно и губернаторомъ Нагелемъ и военнымъ губернаторомъ Ледцано. Изъ нея узнаемъ между прочимъ, что Американцы «съ жалостію просили Белингса, чтобъ они защищены были отъ нападенія Чукчъ, кои почти ежегодно, на байдарахъ приходя на ихъ землю, истребляютъ ихъ убійствомъ, имѣніе ихъ грабятъ, и женъ и дѣтей берутъ въ плѣнъ».

Трудъ Якобіа заключаетъ въ себѣ широко-задуманныя предположенія о расширеніи нашихъ границъ, съ одной стороны до Аральскаго моря, съ другой до рѣки Амура. При этомъ онъ имѣлъ въ виду и стѣсненіе Персіи, и открытіе доступа къ Индіи, и распространеніе нашей торговли не только съ Китаемъ, Бухарой и Хивой, а и съ Японіей и съ Кореей. Наконецъ онъ помышлялъ и о Калифорніи, этомъ золотомъ днѣ въ наше время. Думая о завоеваніяхъ, Якобі изложилъ подробно всѣ нужныя для

этой цѣли соображенія, какъ опытный полководецъ. Разбирая «трактаты между Россією и Китаемъ» (одинъ заключенъ Головиннымъ (1), другой графомъ Владиславичемъ), онъ доказываетъ «древнія права Россіи» на земли, о которыхъ мечталъ, тѣмъ, что «за рѣкою Аргунью и по Амуру селенія изстари были русскія; городъ Албазинъ лежалъ внизъ по Амуру; даже онаго къ устью сей рѣки прочія селенія, равно и въ маломъ разстояніи на правомъ же берегу существовалъ Аргунскій острогъ».

Авторъ совершилъ свой *пророческій* трудъ уже не на службѣ, а въ опалѣ. За что? оправданъ или обвиненъ? долго ли томился преслѣдованіями? не знаю. Но судя по чувствамъ патріотическимъ, по просвѣщенію, по стремленіямъ его *Начертанія*, не вѣрится, чтобъ онъ погрѣшилъ противъ чести. Не зависть ли и клевета согнали государственнаго человѣка съ поприща служебнаго? «Въ скучное время (заключаетъ Якоби), трудъ сей пріятнѣйшимъ мнѣ былъ усажденіемъ».

Я называлъ его пророческимъ, и дѣйствительно это такъ: сколько сбилось изъ предположеній и гаданій Якобіа? Торговля съ Бухарой и Хивой все больше и больше развивается. Киргизы намъ вовсе не страшны. Аральское море ужъ намъ не недоступно. Дербентъ, Баку и т. д. наши, Амуръ нашъ. Теперь возникла благая мысль объ устроеніи электрическаго телеграфа отъ Москвы (стало-быть и отъ Петербурга и отъ всей Европы) до береговъ Ледовитаго океана, черезъ всю Сибирь. Переселеніе же за Байкалъ нѣсколькихъ тысячъ «оштрафованныхъ солдатъ» (которымъ не было исхода изъ позорнаго ихъ положенія, и которые на новомъ мѣстѣ, въ новой жизни обновятся и духомъ) оживитъ отдаленныя страны и образуетъ современемъ въ нихъ сильное козачье войско. Но чтобы прогивопоставить дикимъ племенамъ силу нравственную, необходимо привлечь въ этотъ край предприимчивыхъ вольныхъ переселенцевъ, а въ войско—офицеровъ образованныхъ. Воспитанники университетовъ, семинарій, гимназій и другихъ учебныхъ заведеній легко и скоро пополнили бы недостатокъ въ просвѣщенныхъ людяхъ. Нужно лишь предоставить имъ, при денежныхъ пособіяхъ, и преимуществъ относительно производства въ первый чинъ, не столько по правамъ рожденія, сколько *по воспитанію*. Не говоря уже о семинаристахъ и вообще о лицахъ духовнаго происхожденія (о дѣтяхъ священно- и церковно-служителей, не бывшихъ въ семинаріяхъ), которые, за невозможностію какъ-нибудь пристроиться по духовному вѣдомству, закономъ обязаны

(1) Федоромъ Алексѣевичемъ, околичнымъ и намѣстникомъ, съ которымъ былъ также послѣдомъ стольникъ и воевода Иванъ Евстафьевичъ Власовъ.

избрать родъ жизни послѣ трехъ лѣтъ безпомощнаго скитальничества, сколько студентовъ и гимназистовъ гибнетъ въ бѣдности отъ недостатка вакантныхъ, по гражданской службѣ, должностей!

Дай-то Богъ графу Муравьеву-Амурскому успѣшно содѣйствовать естественному заселенію этого отдаленнаго края! Не пойдутъ ли туда бездомные изъ мѣщанъ и мѣщанокъ, а современемъ и земледѣльцы съ непривольныхъ и тѣсныхъ мѣстъ цѣлыми семьями?

Говоря о Сибири, я вспомнилъ и кстати скажу нѣсколько словъ о книгѣ одного Сибиряка. Нѣкто Василій Паршинъ служилъ въ Иркутской губерніи, путешествовалъ за Байкаломъ и въ Нерчинскѣ случайно нашелъ старую рукопись о дѣлахъ Русскихъ на Амурѣ. Онъ пополнилъ свою находку нѣсколькими списками съ давнихъ свитковъ о крѣпости Албазинѣ, собралъ мѣстные преданія отъ потомковъ храбрыхъ Албазинцевъ и жителей Нерчинска, и составилъ *Исторію города Албазина*, къ которой присокупилъ и офіціальные, изъ нерчинскаго архива, бумаги. Общее заглавіе книги Паршина: *Пользка въ Забайкальскій край*. Рукопись, найденная имъ, оказалась, правда, «выпискою изъ періодическихкихъ сочиненій знаменитаго Миллера», который путешествовалъ по Сибири, и имѣлъ подъ руками историческіе свитки, еще неповрежденные. Онъ писалъ, какъ говоритъ Паршинъ, прямо съ актовъ, и на нѣкоторыхъ изъ нихъ остались отмѣтки, сдѣланныя его рукою. Паршинъ, какъ сказано, во многомъ дополнилъ Миллера. Книга Паршина напечатана въ Москвѣ, въ 1842, въ типографіи Степанова. Трудъ дѣльный; а многіе ли знаютъ о немъ? Вотъ что значить быть человѣкомъ неизвѣстнымъ, бѣднымъ, безъ связей, безъ покровителей! Нерѣдко, я думаю, приходилъ ему на память въ Москвѣ стихъ Сибиряка-поэта (Мерзлякова):

Ни роду нѣтъ, ни племени въ чужой мнѣ сторонѣ!

Въ 1851 онъ издалъ еще книгу: *Описаніе пути отъ Иркутска до Москвы*. Паршинъ уже умеръ.

Мнѣніе адмирала Мордемова «о способахъ, коими Россіи удобнѣе можно пригласить къ себѣ постепенно кавказскихъ жителей».

Кавказъ считается у насъ разсадникомъ храбрыхъ воиновъ, училищемъ опытнаго знанія военнаго дѣла. Графъ Мордемовъ съ другой точки взглянулъ на Кавказъ. Имѣя въ виду не столько славу русскаго оружія, сколько тѣ неизчислимыя жертвы государства людьми и деньгами; какихъ требуетъ отъ

народа непрерывная и безконечная война съ Горцами, онъ совѣтовалъ въ 1816 году правительству обратиться къ мѣрамъ мирнымъ; сблизиться съ ними торговлею; родить въ нихъ новыя нужды, вкусы, привычки и т. п. Послѣдствіемъ этого мнѣнія было учрежденіе мѣновыхъ дворовъ и отпускъ крымской соли изъ Керчи Черкесамъ и Абхазамъ.

Письмо адмирала Мордвинова къ графу Аракчееву по дѣлу о контрактахъ на поставку сусупутнаго провіанта Перетцомъ и Злобинымъ.

По принятію у насъ искони правилу защищать *казну* во что бы ни стало, при всякихъ спорахъ, тяжбахъ, разчетахъ съ нею частныхъ лицъ, рѣдко кто выходилъ съ побѣдою изъ неравнаго боя. Казна отъ начала иска или спора, во всѣхъ случаяхъ, ограждена и стряпчими казенныхъ и гражданскихъ дѣлъ, и губернскими прокурорами, и казенными и государственными имуществомъ палатами, и удѣльными конторами, и начальниками губерній, словомъ, всѣми властями, отъ земскихъ судовъ и до министровъ. Во времена графа Гурьева, бывшаго министромъ финансовъ, правило: *защищать казну во что бы то ни стало* укоренилось въ чиновничьемъ и чиновномъ людѣ до того, что если даже, при разчетахъ какого-нибудь вѣдомства съ подрядчикомъ, поставщикомъ, откупщикомъ и т. д., ясно обнаруживалось съ одной стороны право послѣдняго на полученіе изъ казны известной суммы, а съ другой, подтверждалось и право казны на взысканіе съ него большей или меньшей части той суммы, то дѣло не кончалось простымъ вычетомъ меньшаго изъ большаго долга, нѣтъ, подрядчикъ долженъ былъ сперва вполне удовлетворить казну; а послѣ уже хлопотать о вырубкѣ своихъ убытковъ, «гдѣ и какъ слѣдуетъ по законамъ». Такихъ примѣровъ много по всѣмъ вѣдомствамъ. Такъ разчитывалась казна при проведеніи шоссе, при разныхъ постройкахъ, при устройствѣ водяныхъ сообщеній. Такъ былъ доведенъ до крайности на нѣкоторое время недавно умершій Варгинъ, поставщикъ въ 1812—1814 (и позже) разныхъ потребностей для арміи. Такъ разсматривалось въ государственномъ совѣтѣ и дѣло, по которому Мордвиновъ написалъ свое краснорѣчивое мнѣніе въ 1816 г. «Но мнѣнія (заключаетъ онъ), подаваемая въ совѣтъ, не разсматриваются, не опровергаются и потому никакой пользы не приносятъ, сколько бы оныя до государственнаго блага ни касались. Каждый членъ довольствуется утвержденіемъ прежде поданнаго имъ мнѣнія, съ *удержаніемъ права непогрѣшимости.*» По этой-то причинѣ, то-есть не довольствуясь собственнымъ сознаніемъ непогрѣшимости своей, графъ Мордвиновъ и обратился къ всемогущему Аракчееву.

Мнѣніе адмирала Чичагова о продовольствѣи столицы.

Военныя обстоятельства, торговый союзъ державъ материка противъ Великобританіи (континентальная система), тревожное состояніе нашего правительства, слѣдившаго за подвигами и замыслами Наполеона, и происходившіе оттого выпуски ассигнацій для усиленія средствъ казначейства, все это, кромѣ другихъ домашнихъ причинъ, возвысило, въ теченіи немногихъ лѣтъ, цѣны на жизненныя потребности въ Петербургѣ и въ разныхъ мѣстахъ. Въ мнѣніи своемъ адмиралъ Чичаговъ между прочимъ доказывалъ, что лучшая мѣра къ устраненію дороговизны продовольственныхъ припасовъ—полная свобода промышленности, ненарушимость правъ народныхъ, отсутствіе всякаго вмѣшательства со стороны правительства въ дѣла торговли, преобразование полиціи, въ той цѣли, чтобы она «сколь можно менѣе была лояна и сколь можно болѣе свѣдуща».

Мнѣніе вице-адмирала Шшикова «о мельницѣ, понадобившейся въ казну и за которую владѣлецъ проситъ дорого».

Мнѣніе адмирала Мордвинова «по случаю препорученія коммиссіи составленія законовъ: изложить правила для отобранія частной собственности въ пользу общественной».

Вотъ какъ сильно вліяніе времени, обстановки и навыка на людей, что даже и два почтенныхъ государственныхъ мужа въ царствованіе императора Александра I не поняли потребности въ ясномъ, твердомъ законѣ о порядкѣ отчужденія частной собственности, и оба полагали, что «экспроприація» должна завистъ непосредственно отъ самодержавной власти!.

Въ узаконеніяхъ нашихъ и понынѣ не вполне еще разъяснены всѣ случаи занятія частныхъ имуществъ (временно ли, или безповоротно), недостаточно указаны порядокъ ихъ отчужденія и мѣры вознагражденія владѣльцевъ за убытки, не вполне удовлетворительны правила для составленія описей и оцѣнокъ, особенно же при работахъ предварительныхъ: при нивелированіи мѣстности, прорубкѣ просѣковъ въ лѣсахъ, спускѣ воды и т. д. Въ возмозможныя времена рыцаря «безъ страха и упрека» графа К. Ѳ. Толя, во времена непрестанно-строгаго преслѣдованія малѣйшихъ неправильностей, нерадѣнія и т. п. по части, ему ввѣренной, мнѣ довелось быть вице-директоромъ департамента путей сообщенія и публичныхъ зданій. Директоромъ тогда былъ А. П. Десятиннъ, воспитанникъ, можно сказать, принца Ольденбургскаго, герцога Виртембергскаго и приглашенныхъ въ Россію изъ чужихъ краевъ инженеровъ: Бетанкура, Деволана, Потье, Базена, Карбоньера, Дестрема. Техническія свѣдѣнія, многолѣтняя опытность въ дѣлахъ, всесторонняя образованность, высокая нравственность, неутомимая дѣятельность доставили ему всеобщее уваженіе. Позже

онъ былъ товарищемъ главноуправляющаго путей сообщения и публичныхъ зданій. По смерти графа Карла Федоровича, онъ управлялъ этою важною частию до назначенія графа Касинмихела на мѣсто благороднаго Толя. Девятининъ умеръ въ бѣдности и въ опалѣ. Между тѣмъ, управляя временно департаментомъ (по случаю поѣздки директора за границу), я задумалъ было составить предположенія относительно отчужденія имущества. По объясненіи съ графомъ Толемъ, программа была принята такая: собрать и привести въ систематическій порядокъ все, разбѣянное въ Сводѣ Законовъ по столь важному вопросу (нынѣ, при возникающей сѣти желѣзныхъ въ Россіи дорогъ, онъ еще важнѣе), измѣнить, дополнить или откинуть нѣкоторыя изъ существующихъ правилъ по отчужденію имущества и написать новый на этотъ конецъ уставъ по указаніямъ опыта, въ духѣ коренныхъ законоположеній и съ цѣлію обезпечить права лицъ и сословія на безобидное вознагражденіе за отчуждаемую отъ нихъ собственность и за убытки ихъ при предпріятіяхъ казны или на правахъ казны; оградить ихъ отъ произвола и неопытности составителей описи и оцѣнки имущества и утратъ, поощрить сколько можно добровольныя соглашенія между пріобрѣтателемъ (казной, компаніей) и невольнымъ продавцомъ (помѣщикомъ, общиной, городомъ). Но такой трудъ, при повседневныхъ служебныхъ занятіяхъ, требовалъ много времени; а между тѣмъ судьба отвела меня въ другую сторону (въ Минскъ); графъ Толь умеръ, Девятининъ сошелъ съ поприща своей дѣятельности, и благое намѣреніе наше не осуществилось. Не обратитъ ли этотъ разказъ на возбужденный вопросъ вниманіе нашихъ законовѣдцевъ, политико-экономовъ, инженеровъ, помѣщиковъ, заводчиковъ и компаній? Они могли бы конечно предложить полезныя соображенія по этому предмету.

Завѣщаніе императрицы Екатерины II, по дѣлу Артемія Волинскаго, 1765 года.

М. Н. Лонгиновъ сообщилъ редактору *Чтеній* это наставленіе Екатерины своимъ потомкамъ. Оно списано съ подлинника, бывшаго у Жуковскаго въ 1837 году. Записка о несчастномъ Волинскомъ напечатана въ *Смѣси* 2 книжки *Чтеній* 1858, стр. 115—134. О ней упомянуто въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (№ 21 1858). Сказавъ: «Сыну моему и всѣмъ моимъ потомкамъ совѣтую и поставляю читать сіе Волинскаго дѣло отъ начала до конца, дабы они видѣли и себя остерегали отъ такого беззаконнаго примѣра въ производствѣ дѣлъ», Екатерина, между прочимъ, говоритъ, что «Волинскій былъ гордъ и дерзостенъ въ своихъ поступкахъ, однако не измѣнникъ»; что всѣ допрошенные лица до пытки утверждали его невинность; а «всякій пытаннй въ горлякъ; и самъ уже не

знаеть, что говорить; что если Волынский и отзывался объ Антѣ Іоанновнѣ не прилично, то подобныя малости не отнимали у ней ни на вершокъ величества. Заключение же имѣеть такой смыслъ, что если кто изъ «дражайшихъ ся потомковъ» пренебрежетъ этимъ наставленіемъ, такъ ему можно только пожелать, а не пророчествовать счастья на свѣтѣ и особливо въ Россіи.

Н. Сушковъ.

КРЕДИТЪ И КРѢПОСТНОЕ ПРАВО (1).

II. Проекты гг. Ржевскаго, Гомбергга, Френкеля и Кисловскаго.

Выкупъ усадбъ и земли, предназначаемой въ пользованіе крестьянъ, составляетъ, по нашему мнѣнію, неизбѣжный исходъ крестьянскаго вопроса. Обширная, явившаяся у насъ литература о реформѣ крѣпостнаго права въ Европѣ не оставляетъ въ этомъ почти никакого сомнѣнія. Раньше или позже, намъ придется взяться за мѣру, которую проводятъ, или провели въ Даніи, Пруссіи, Австріи и въ большей части остальной Германіи.

Но между тѣмъ какъ выкупъ крестьянами чего бы то ни было повинностей ли, оскѣлости или земли посредствомъ выпуска облигацій, постепенно извлекаемыхъ изъ обращенія, очень просто, проекты, напечатанные объ этомъ уредметѣ въ журналахъ, отличаются нѣкоторою замысловатостію.

Еще въ мартѣ 1858 года помѣщена была въ *С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* статья г. Ржевскаго, который совѣтовалъ произвести операцію выкупа, при посредствѣ акціонерной ком-

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 2. Почтенный авторъ имѣеть всѣ основанія удивляться и даже стѣновать, что статья эта, о скорѣйшемъ доставленіи которой мы просили его по телеграфу, напечатана не въ № 3, какъ бы слѣдовало, а въ № 8, черезъ два съ половиною мѣсяца послѣ доставленія ея въ редакцію. Причиною такого замедленія были обстоятельства, отъ редакціи не зависящія. Тѣ же самыя обстоятельства отнимаютъ у насъ теперь вообще надежду служить, по мѣрѣ силъ нашихъ, какъ мы желали и считали долгомъ своимъ передъ русскимъ обществомъ разъясненію крестьянскаго вопроса. Не въ первый уже разъ приостанавливае дорожную для насъ дѣятельность по важнѣйшему изъ современныхъ отечественныхъ вопросовъ, мы не стѣнемъ много распространяться о помощи, которую оказала литература этому дѣлу;. Но не можемъ не напомнить, при этомъ случаѣ нашимъ читателямъ, какъ мало распространены были у насъ еще годъ тому назадъ здравыя понятія объ этой великой реформѣ, о безвредности ея для помѣщичьихъ интересовъ и естественной и необходимой цѣли ея—выкупѣ. Если понятія перемѣнились

паніи; позднѣе, въ октябрѣ, явились проекты гг. Гомберга и Френкеля въ газетѣ *Le Nord* и г. Кисловскаго (въ видѣ извлеченія) въ № 12 *Журнала для Землевладельцевъ*. Разумѣется, главный интересъ составленныхъ предположеній заключается не въ цифрахъ, приводимыхъ авторами, а въ основаніяхъ и методахъ выкупа.

Г. Ржевскій принимаетъ за основаніе *свободное условіе* между владѣльцами и крестьянами относительно вознагражденія, опредѣляемаго помѣщикамъ. Коль скоро состоялись сдѣлки, акціонерное товарищество принимаетъ на себя уплату крестьянскаго долга преимущественно тѣмъ владѣльцамъ, которые согласятся на самыя низкія цѣны, и выдаетъ одну треть вознагражденія наличными деньгами, вырученными отъ распродажи акцій, другую акціями, а третью облигаціями. Крестьяне становятся такимъ образомъ должниками компаніи; поступающіе отъ нихъ

во всѣхъ сферахъ нашего общества, отъ низшей до высшей, то чему приписать эту перемену какъ не литературѣ? Уваженіе къ началамъ, защищаемымъ нами, побуждаетъ насъ упомянуть и о томъ, что чѣмъ далѣе идетъ дѣло, тѣмъ болѣе, судя по всему, что известно намъ, оно приближается къ тѣмъ основнымъ положеніямъ, которыя были высказаны нами въ самой первой замѣткѣ нашей по крестьянскому вопросу, напечатанной въ № 4 *Русскаго Вѣстника* за прошлый годъ.

Мы не оставляемъ впрочемъ намѣренія печатать въ своемъ журналѣ тѣ статьи по крестьянскому вопросу, которыя, прошедши черезъ всѣ требующіяся пылѣ формальности, не потеряютъ интереса или характера. Но затруднительныя условія, въ которыхъ находится московская журналистика по отношенію къ крестьянскому вопросу, не позволяютъ намъ имѣть постоянный крестьянскій отдѣлъ въ нашей современной лѣтописи. По поводу закрытія этого отдѣла, считаемъ необходимымъ еще разъ оговориться относительно характера его.

Многіе изъ нашихъ читателей приписывали намъ мысли и предположенія, высказывавшіяся въ статьяхъ, которыя мы печатали въ этомъ отдѣлѣ подъ рубрикою *статей сообщенныхъ*. Они не обратили должнаго вниманія на неоднократно объявленія наши, что мы намѣревались открыть въ нашемъ журналѣ широкое поле, на которомъ могли бы высказываться мнѣнія, даже самыя противоположныя, лишь бы они не были направлены противъ самой сущности реформы,—дарованія полноправности русскимъ крестьянамъ. Мы отнюдь не цесемъ отвѣтственности за все, что было высказано въ статьяхъ, которыя мы успѣли напечатать подъ этою рубрикою статей сообщенныхъ. Нашъ собственный взглядъ былъ излагаемъ лишь въ той части нашего крестьянскаго отдѣла, которая подписывалась: *Отъ Редакціи*, и лишь только на эту часть, а равно на наши примѣчанія и замѣтки, слѣдуетъ обращать вниманіе, чтобы судить о нашемъ собственномъ направленіи въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ и улучшеніи ихъ быта. Направленіе это, правда, еще осталось только слегка намѣченнымъ; перемежавшійся характеръ нашей дѣятельности по крестьянскому вопросу не позволилъ намъ развить вполне наши взгляды. Но выпить насъ въ этомъ было бы неосновательно, и во всякомъ случаѣ нельзя принимать за развитіе нашихъ собственныхъ взглядовъ тѣ статьи, которыя мы помѣщали подъ рубрикою *статей сообщенныхъ*. *Ред.*

взносы позволяютъ въ 33 года извлечь изъ обращенія всѣ выпущенные товариществомъ кредитные знаки.

Намъ кажется, что проектъ этотъ вызываетъ довольно сильныя возраженія.

Вопервыхъ едвали сдѣлки между крестьянами и помѣщиками могутъ сохранить характеръ *совершенно* добровольныхъ условій; это противорѣчитъ отчасти *сущности крѣпостнаго права*. При оцѣнкѣ повинностей и имуществъ, подлежащихъ выкупу, сколько намъ извѣстно, вездѣ старались установить постоянныя, опредѣленныя нормы вознагражденія, и когда эти нормы были приняты, предоставлялось иногда на волю сторонъ, въ особенности обязанной, избрать тотъ или другой способъ вознагражденія (если только могло быть мѣсто для выбора). Установленіе цѣнъ по условію повлечетъ за собою или вынужденныя уступки, или же произвольныя требованія высокой платы.

Исторія крѣпостнаго права показываетъ, что добровольныя соглашенія между земледѣльцами и землевладѣльцами имѣли мѣсто въ одной Англіи, и конечно потому, что эманципація обошлась безъ насильственнаго переворота и безъ государственнo-экономической реформы. Тамъ, гдѣ признана необходимость преобразования, и гдѣ нѣтъ въ виду развязки вопроса, внѣ круга государственной дѣятельности, тамъ не можетъ быть и рѣчи о выжиданіи времени совершения частныхъ договоровъ. Притомъ, если мы указали на Англію, то конечно не какъ на образецъ самаго разумнаго выхода изъ крѣпостнаго права для Россіи (1).

Вовторыхъ, акціонерная компанія предполагаетъ всегда коммерческое предпріятіе, разчитывающее на шансы частно-экономическихъ прибылей. Здѣсь же, то-есть въ выкупѣ крестьянскихъ повинностей и имуществъ посредствомъ системы медленнаго погашенія, не можетъ быть мѣста для спекуляціи, потому что банки рентовые и крестьянскіе дѣйствуютъ съ правильностію машины. Итакъ излишекъ прибыли, заманчивой для акціонеровъ, всегда будетъ слѣдствіемъ низкой поземельной оцѣнки, связанной съ высокимъ процентомъ, платимымъ крестьянами до окончательнаго погашенія займа. Если акціонерами будутъ

(1) Почтенный авторъ, касаясь мелькомъ вопроса объ обязательномъ выкупѣ, не могъ вполне развить мысль свою по этому важному предмету. Мы не имѣемъ по этому поводу возражать ему и защищать мысль, уже не одианъ разъ заявленную нами, о предпочтительности добровольнаго выкупа сравнительно съ выкупомъ обязательнымъ. Но такъ какъ намъ по всей вѣроятности уже долго не придется возвращаться къ этому вопросу, то для предупрежденія недоумѣній, мы считаемъ нужнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о томъ, что мы разумѣемъ подъ добровольнымъ соглашеніемъ. Предпочитать добровольный выкупъ обязательному побуждаетъ насъ уваженіе къ праву собственности, убѣжденіе, что законодательство должно какъ мо-

помѣщики, которые сохранять свои акціи въ карманѣ, то ихъ потеря въ цѣнѣ уравнивается процентными прибылями; если же акціи поступать въ руки постороннихъ, то всё выгоды отъ высокихъ процентовъ достанутся на долю капиталистовъ. Вотъ

жно болѣе воздерживаться отъ вмѣшательства въ сферу частнаго права. Экспроприація въ видахъ общей пользы должна по нашему мнѣнію, ограничиваться случаями самой крайней необходимости. Но добровольное соглашеніе можетъ относиться лишь къ оцѣнкѣ угодій, и мы никакъ не думали утверждать, чтобы все дѣло освобожденія крестьянъ могло совершиться у насъ, какъ въ Англіи, путемъ добровольныхъ сдѣлокъ. Напротивъ, мы считаемъ нужнымъ особенно настаивать на томъ, что мы считаемъ выкупъ угодій по добровольной обоюдной оцѣнкѣ совершенно невозможнымъ, если бы одна изъ двухъ договаривающихся сторонъ была поставлена въ такое положеніе, которое не давало бы ей полной свободы и самостоятельности при ея переговорахъ съ другою стороною. Если мы говоримъ въ пользу добровольнаго соглашенія, то само собою разумѣется, что мы желаемъ *дѣйствительно добровольнаго* соглашенія. Безъ этого вся рѣчь о добровольномъ выкупѣ была бы или лицемеріемъ или фразерствомъ. Мы ничего такъ не опасаемся, какъ того, чтобы мысль наша, которую намъ не привелось достаточно развить, не была перетолкована въ смыслѣ и вкусѣ людей, видящихъ въ добровольномъ выкупѣ благовидное средство отложить все дѣло въ длинный ящикъ, задержать исторію и успѣхи Россіи и отсрочить надолго ея обновленіе, несмотря на то, что обновленіе Россіи стало нынѣ очевидною необходимостію ея жизни. Дабы оградить себя отъ подобныхъ лжетолкованій, не можемъ не указать здѣсь вкратцѣ на тѣ условія, которые, по нашему мнѣнію, необходимы для того, чтобы соглашеніе крестьянъ съ помѣщиками могло дѣйствительно имѣть характеръ добровольнаго соглашенія. Вотъ эти условія: 1. Право крестьянъ на выкупъ *по крайней мѣрѣ* усадьбы, цѣлыми обществами и отдѣльными дворами, по опредѣленной оцѣнкѣ, обязательной для помѣщика. (Говоримъ: *по крайней мѣрѣ*, потому что обязательный для помѣщика выкупъ усадьбы есть необходимый *minimum* правъ крестьянина, какъ это опредѣлено и въ Высочайшихъ рескриптахъ, но этотъ *minimum*, какъ всякій *minimum*, опредѣляетъ лишь наименьшее, то-есть то, чего не дать нельзя, но не исключаетъ большаго, если дающій находитъ удобнымъ не ограничивать своихъ обязанностей этимъ наименьшимъ, то-есть въ данномъ случаѣ, если губернское дворянство рѣшилось бы не ограничивать обязательный для помѣщика выкупъ одною усадьбою, а распространить его и на извѣстную часть полевой земли; такое распространеніе обязанности было бы нарушеніемъ права крестьянъ въ томъ только случаѣ, если бы прикрывало собою попытку навязать крестьянамъ больше земли нежели сколько имъ нужно, и за цѣну несправедливую.) 2. Право крестьянъ на пользованіе *дѣйствительно* достаточнымъ (то-есть приближающимся къ теперешнему) количествомъ полевыхъ угодій на опредѣленныхъ условіяхъ, обязательныхъ для помѣщика. (Условныя повинности, вмѣстѣ съ платою за выкупъ усадьбы, не должны превышать среднюю повинность, отбываемую крестьянами нынѣ. Въ противномъ случаѣ выкупъ усадебъ былъ бы невозможенъ для большей части крестьянъ; всѣмъ извѣстно, что крестьяне уже платятъ теперь все что только они могутъ платить: предлагать имъ выкупъ усадьбы на условіи увеличенія повинностей значитъ дѣлать предложеніе, о которомъ можно заранѣе сказать, что оно будетъ сдѣлано напрасно и никѣмъ, за незначительными исключеніями, не будетъ принято.) 3. Гражданская полноправ

почему намъ кажется излишнимъ выпускать два вида кредитныхъ бумагъ—акціи и облигаціи (1).

Встрѣгихъ, сомнительно также, чтобы помѣщики много выиграли отъ возложенія на нихъ обязанности слѣдить лучше всякихъ чиновниковъ за исправностію платежей отъ крестьянъ.

ность крестьянъ и действительная защита ея со стороны хорошо организованнаго суда. Наконецъ само собою разумѣется, что добровольному соглашенію долженъ предшествовать вольный торгъ, а для возможности вольнаго торга необходимо, чтобы каждая изъ торгующихся сторонъ могла торговаться съ кѣмъ хочетъ, то-есть чтобы помѣщики могли вступать въ соглашеніе не только съ своими, но и съ чужими крестьянами, а крестьяне не только съ своимъ, но и съ чужимъ помѣщикомъ. При отсутствіи или ограниченіи одного изъ этихъ условій, соглашеніе, если бы оно и состоялось, могло бы только по формѣ быть добровольнымъ, а въ сущности неизбѣжно было бы вынужденнымъ. Вотъ краткія указанія на то, какъ мы понимаемъ и съ самаго начала понимали это дѣло, и вотъ объясненіе, почему, говоря въ пользу выкупа, мы постоянно выражали и не перестаемъ выражать наше искреннее сочувствіе основаніямъ, изложеннымъ въ Высочайшихъ рескриптахъ, на переکورъ тѣмъ, которые тщетно старались привести выкупные проекты въ противорѣчіе съ рескриптами. *Ред.*

(1) Мы не думаемъ, чтобъ участіе акціонерныхъ обществъ въ дѣлѣ выкупа было въ такой мѣрѣ бесполезно, если только не замѣшается въ это дѣло монополія. Чтобы не ходить далеко, укажемъ на слѣдующія соображенія:

1. Акціонерное общество могло бы облегчать необходимую для облигацій гарантію правительства. Полторы тысячи милліоновъ гарантированныхъ облигацій легли бы тяжкимъ бременемъ на государство и крайне затруднили бы соблюденіе бюджета. Напротивъ правильность финансовою системы была бы гораздо болѣе обезпечена, если бы государство гарантировало 75% облигацій и взяло бы наиримѣръ около 5% акціи, а 20% остались бы на страхъ акціонеровъ.

2. Для начала хозяйства на новомъ основаніи, помѣщикамъ потребуются довольно большія суммы въ наличныхъ деньгахъ. Если вся выкупная сумма будетъ выдана имъ въ облигаціяхъ, то огромное большинство помѣщиковъ принуждено будетъ прибѣгнуть къ продажѣ облигацій, а одновременная продажа поведетъ къ упадку курса облигацій и всѣхъ русскихъ фондовъ. Поэтому необходимо, чтобъ извѣстная доля капитала была выдана помѣщикамъ наличными деньгами, а для достиженія того не предвидится другаго средства кр мѣмъ участія акціонернаго общества. По нашему мнѣнію, помѣщики могли бы получить 10% наличными, 15% акціями негарантированными и 75% гарантированными облигаціями.

3. Для успѣшнаго окончанія крестьянскаго дѣла недостаточно простой обмѣнъ обязательствъ, а важно привлечь къ земледѣлію действительныя капиталы, и притомъ именно въ самомъ началѣ преобразованія. Для этого также есть одно средство—учрежденіе акціонерныхъ выкупныхъ обществъ.

4. Акціонерныя компаніи потребуютъ разумѣется вознагражденія за свои капиталы и услуги, но еще вопросъ, чья услуга обойдется помѣщикамъ и крестьянамъ дешевле, услуга ли капиталистовъ или услуга казеннаго управленія. Противъ чрезмернаго барыша акціонерныхъ компаній есть очевидное средство въ свободной конкуренціи, которая не позволяетъ барышамъ возвышаться сверхъ мѣры, определяемой обстоятельствами мѣста и

Мы считаемъ излишнимъ касаться остальныхъ мыслей въ планѣ г. Ржевскаго: общаго поручительства міра, ответственности послѣдняго за каждаго изъ крестьянъ должниковъ, облегченій, которыхъ требуетъ авторъ, по заключенію разнаго рода сдѣлокъ между крестьянами, помѣщикомъ и обществомъ.

Перейдемъ теперь къ проектамъ гг. Гомберга и Френкеля и г. Кисловскаго.

Эти два плана имѣютъ много общаго между собою; оба они основаны на теоріи накопленія сложныхъ процентовъ, которая столько разъ отуманивала людей надеждою дожить до уплаты государственныхъ долговъ или увидѣть царство всеобщаго благосостоянія на землѣ. Мы позволимъ себѣ сдѣлать небольшое отступленіе по поводу этого «самовѣрнѣйшаго средства».

Въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка прославился Прайсъ своею системою погашенія государственныхъ долговъ. Сущность ея состояла въ слѣдующемъ: Занимайте сколько вамъ угодно; получая 75 руб., признавайте себя должникомъ 100 (то есть надписывайте облигаціи на 100), условьтесь только платить меньшій процентъ съ занятой суммы и назначьте эти сбереженія для уплаты займа, — долги ваши будутъ исчезать незамѣтно. Такъ напримѣръ: займите 100 милл., признайте себя должникомъ 133 $\frac{1}{3}$ милл. рублей, и тогда вѣрители ваши потребуютъ отъ васъ не 5%, а 4% съ надписанныхъ 100 рублей. Милліонъ, уступленный вамъ на процентахъ, погаситъ долгъ въ 36 лѣтъ, если вы употребите эту сумму на выкупъ облигацій, и если забывая о томъ, что по извлеченнымъ облигаціямъ нечего

времени. Извѣстно, что американскіе банки отдають свои капиталы взаймы за 1 $\frac{1}{8}$ % и даже еще менѣе сверхъ того, что сами платятъ вкладчикамъ, между тѣмъ какъ наши кредитныя установленія берутъ въ свою пользу 10%.

5. Дѣло выкупа не такъ просто, и операція эта не можетъ сама собою идти съ правильностью машины, какъ говоритъ почтенный авторъ. Съ самаго начала представляется трудная задача цовѣрки, дѣйствительно ли соглашеніе было добровольно, и дѣйствительно ли уступаемая угодья стоятъ опредѣленной за нихъ суммы. Институтъ свободныхъ хлѣбопашцевъ разбился у насъ о подводный камень этой цовѣрки, произведившейся чиновниками. Всѣ знаютъ также, съ какими издержками сопряженъ залогъ имѣній въ кредитныхъ установленіяхъ, и на сколько труднѣе заложить имѣніе въ казенномъ мѣстѣ, нежели напримѣръ застраховать домъ въ частной компаніи. За тѣмъ остается еще болѣе трудная задача—сборъ оброка. Отъ агентовъ акціонерной компаніи, въ которой участвуютъ сами помѣщики, нельзя ожидать тѣхъ послабленій, которые могутъ быть допущены чиновниками, и обыкновенно составляютъ главнѣйшую причину накопленія недоимокъ, а съ другой стороны обиженный крестьянинъ скорѣе найдетъ судъ на агента компаніи нежели на короннаго чиновника.

Мы думаемъ поэтому, что мысль объ акціонерныхъ выкупныхъ компаніяхъ, дѣйствующихъ на основаніи свободной конкуренціи, заслуживаетъ всякаго вниманія. *Ред.*

платить процентовъ, вы будете вносить ихъ попрежнему въ кассу, занимающуюся погашеніемъ.

Такимъ образомъ, при строгой системѣ погашенія, самые громадные долги должны исчезнуть очень скоро и тѣмъ скорѣе, чѣмъ значительнѣе будетъ сумма мнимо-сбереженныхъ процентовъ или капиталъ, опредѣленный на уплату.

Эта обольстительная теорія увлекла многихъ государственныхъ людей, въ томъ числѣ знаменитаго Питта (сына); она главнымъ образомъ содѣйствовала надѣленію Англій должомъ въ 5000 милл. руб. серебромъ. Очарованіе исчезло бы мгновенно, еслибы дѣло представили въ менѣе обаятельныхъ, но правдивыхъ формахъ, и сказали просто: разсрочьте платежъ вашихъ долговъ на 36 лѣтъ или на 41 годъ, платите честно и исправно, не дѣлайте новыхъ займовъ, и вы расквитаетесь по прошествіи этого времени съ своими кредиторами.

У насъ теорія сложныхъ процентовъ приняла совершенно инныя формы, которыя не лишены интереса.

Сожалѣя всегда о чужомъ горѣ, о разстройствѣ финансовъ въ Европѣ, о пролетаріатѣ и пауперизмѣ въ Англій и Франціи, не зная этихъ бѣдъ въ настоящемъ, мы хотимъ застраховать себя отъ нихъ въ будущемъ.

Графъ Мордвиновъ, о которомъ въ Россіи сохранилась память какъ объ одномъ изъ благороднѣйшихъ государственныхъ дѣлателей, мечталъ о накопленіи въ губернскихъ банкахъ такихъ капиталовъ, процентами которыхъ можно было бы покрывать всѣ финансовыя расходы и разныя другія потребности общественныя.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, г. Смирновъ начерталъ планъ, оставляющій въ тѣни патріотическіе помыслы покойнаго графа. Г. Смирновъ помышляетъ объ образованіи мірскихъ капиталовъ, проценты съ которыхъ онъ предназначаетъ:

А. Для удовлетворенія потребностямъ общественнымъ. Сюда относятся:

- 1) Взаимныя застрахованія *полей, скота и строеній.*
- 2) Устройство общей риги и другихъ общихъ хозяйственныхъ строеній, приобрѣтеніе молотильни, вѣялки, саморѣзки и проч., которыми могли бы пользоваться всѣ члены общины поочередно или сообща.
- 3) Устройство прудовъ, колодезей, дренажа, осушеніе болотъ, расчищеніе луговъ и всякое физическое улучшеніе угодій.
- 4) Улучшеніе дорогъ, устройство мостовъ и пр.
- 5) Школы, библіотеки, больницы и богадѣльни въ округѣ.
- 6) Безпроцентныя и, въ крайнихъ случаяхъ, безвозвратныя ссуды нуждающимся членамъ общины.

Когда (то-есть если) за удовлетвореніемъ всѣхъ этихъ общинныхъ потребностей, проценты мірской кассы представляютъ возможность, то ими покрываются:

- 1) пунктовые (?) и другіе земскіе сборы,
- 2) денежные и государственныя повинности.

В. Для удовлетворенія потребностямъ частнымъ.

Мірской капиталъ достигаетъ своего идеала, когда онъ сверхъ всего вышесказаннаго удовлетворитъ своими процентами и первыя частныя потребности общины. Эту отдаленную цѣль (да, очень отдаленную!) можно только *гадательно* имѣть въ виду. При томъ должно замѣтить, что достиженіе ея полезно *только* при условіи всеобщности.

Такимъ образомъ. проектъ г. Смирнова состоитъ въ томъ, чтобы всѣ наши крестьяне превратились въ капиталистовъ, *rentiers*. По остроумному замѣчанію одного изъ современныхъ писателей, къ этому идеалу стремятся также помыслы Французовъ, которые видятъ двѣ главныя цѣли въ жизни: *la gloire et la rente*, славу и ренту. Но несмотря на эти стремленія, великая нація до сихъ поръ не нашла еще экономиста, который предложилъ бы планъ, какимъ образомъ обратить весь народъ въ капиталистовъ. Утописты, вмѣсто того, чтобы предложить *une solution*, въ родѣ придуманной г. Смирновымъ, только враждовали противъ капитала (1).

Ни графу Мордвинову, ни г. Смирнову конечно не приходило на мысль, что накопленіе въ банкахъ десятковъ тысячъ милліоновъ рублей (а безъ этого процентовъ было бы недостаточно для уплаты государственныхъ податей, для удовлетворенія общественнымъ и частнымъ потребностямъ крестьянъ) невозможно, *безъ извлеченія этой суммы изъ рукъ народа*. Одно изъ двухъ: громадные капиталы, упомянутые нами, должны или составлять собственность фантастическихъ кредитныхъ учреждений, и числиться по книгамъ ихъ какъ *ссуды*, данныя народу; или же принадлежать послѣднему. Еслибъ эти банки сошли съ облаковъ на землю, то быть-можетъ остался бы одинъ собственникъ, банкъ, все же остальное народонаселеніе обратилось бы въ должниковъ, болѣе или менѣ несостоятельныхъ.

Мы увѣрены, что г. Смирновъ намъ не повѣритъ и скажетъ, что

(1) Статья г. Смирнова помѣщена въ № 4 *Сельскаго Благоустройства* 1858 г. Я не ставлю этому журналу въ укоръ помѣщеніе статьи, основныя начала которой опровергнуты не только наукою (наука въ глазахъ *Сельскаго Благоустройства* не пользуется уваженіемъ), но и практикою. Въ такое время, какъ наше, необходимо, чтобы высказывались и мнѣнія запоздалыя, тѣмъ болѣе если они внушены желаніемъ добра. *Лет.*

мы преувеличиваемъ, но если онъ говоритъ серьезно, то полагаю на всѣ указанныя имъ внутреннія издержки общинъ, на подати и на необходимое потребленіе общинниковъ не болѣе 10 рублей на человека, мы получимъ на 60 милл. народа расходъ въ 600 милл. р., то-есть, считая по 4% на 100, процентъ съ 15,000 милл. руб. Притомъ капиталъ этотъ будетъ производителенъ только тогда, когда онъ будетъ состоять въ ссудѣ подъ залогъ движимыхъ и недвижимыхъ имѣній. Если подъ залогъ 5 милл. душъ роздано у насъ около 400 мил., то очевидно, что пришлось бы заложить все до послѣдней трапки, для того чтобы затратить такіа громадныя средства.

Мы сдѣлали это небольшое отступленіе потому, что оба проекта гг. Гомберга и Френкеля и г. Кисловскаго основаны на томъ же принципѣ, то-есть на мысли о капитализаціи посредствомъ сложныхъ процентовъ. Оба грѣшатъ блестящими обѣщаніями: первый сулитъ помѣщикамъ, или какъ глухо сказано, *aux ayant droit*, то-есть имѣющимъ на то право, двойное вознагражденіе; второй обѣщаетъ акціонерамъ, при окончаніи операціи, тройной капиталъ, значащійся въ акціяхъ. Если кредитъ не обладаетъ волшебною силой, то тотъ, кому придется ушачивать эти громадныя суммы, очевидно не останется въ барышахъ.

Вотъ въ чемъ заключается главное содержаніе плана гг. Гомберга и Френкеля:

По опредѣленіи вознагражденія, слѣдуемаго помѣщикамъ крестьянскихъ общинъ, послѣдніа, согласившись относительно итога вознагражденія съ владѣльцемъ, подписываютъ въ его пользу на эту сумму облигаціи, по которымъ обязываются вносить 6% назначая въ томъ числѣ 1% для погашенія въ теченіи пятидесяти лѣтъ. Облигаціи общинныя поступаютъ въ центральное управленіе, которое замѣняетъ ихъ своими облигаціями и выдаетъ помѣщикамъ на каждые 100 рублей въ общинныхъ облигаціяхъ 75 рублей своихъ облигацій, а $\frac{1}{4}$ долю общинныхъ облигацій удерживаетъ въ своей кассѣ, какъ собственность вкладчиковъ. Проценты и прибыли, выручаемые отъ этой $\frac{1}{4}$ доли, раздаются какъ дивиденды лицамъ, имѣющимъ на то право (то-есть помѣщикамъ). Владѣльцы облигацій центральнаго установленія будутъ получать въ теченіи пятидесяти лѣтъ только одни проценты. Однопроцентное же погашеніе, розданное въ ссуды, составитъ въ пятьдесятъ лѣтъ капиталъ, превышающій стоимость облигацій въ два раза. Одна половина его пойдетъ на выкупъ облигацій, а другая составитъ новое вознагражденіе и поступитъ въ руки лицъ, имѣющихъ на то право, то-есть помѣщиковъ.

Вотъ подробный разчетъ:

Община подписываетъ облигацій на 100.000 рублей.

Погащеніе по 1% въ годъ, раздаваемое въ ссуду по 5%, составитъ въ 50 лѣтъ 209.348.

За общинныя облигаціи на 100.000 центральное установленіе выдаетъ своихъ облигацій на 75.000, и платитъ по нимъ 3.750 рублей, а получаетъ ежегодно:

съ 100.000 процентовъ	5.000
погащенія	1.000
Всего	6.000

Отчисляя $\frac{1}{4}$ долю на случай недоимокъ для исправнаго платежа по облигаціямъ, то-есть 1.500, получимъ остатокъ 4.500. Слѣдовательно 750 рублей избытка.

Затѣмъ гг. Гомбергъ и Френкель предлагаютъ уплатить ипотекарныя долги поземельныхъ владѣльцевъ облигаціями центральнаго установленія, съ тѣмъ однакоже, что помѣщики сохраняютъ право удержать послѣднія, уплативъ свой долгъ инымъ образомъ.

Проценты и погащеніе по общиннымъ облигаціямъ вносятся вмѣстѣ съ податями и переходятъ въ руки центральнаго управленія, которому будутъ даны законныя средства для взысканій.

Выгоды этого плана, по словамъ его составителей, состоятъ въ слѣдующемъ:

- 1) Отъ государства не требуется никакой жертвы.
- 2) Поземельные владѣльцы получаютъ въ настоящемъ и въ будущемъ справедливое и щедрое вознагражденіе (*seront heureux de recevoir dans le présent et s'assurer pour l'avenir une juste et large compensation*).
- 3) Крестьяне вступаютъ немедленно въ пользованіе всѣми сдѣланными имъ уступками, и получаютъ возможность съ непрерывно возрастающею легкостію исполнять свои обязательства.
- 4) Капиталы, находящіеся въ рукахъ центральнаго установленія, дадутъ средства для исполненія общепользныхъ предпріятій и для содѣйствія всѣмъ мѣрамъ, клонящимся къ успѣхамъ и благоденствію общества.

Мы старались передать сущность проекта съ дипломатическою точностію, не прерывая изложенія полемикою. Выскажемъ теперь наши сомнѣнія.

Уже прежде насъ одинъ изъ рецензентовъ проекта въ *le Nord* 27-го октября, справедливо замѣтилъ, что двойной капиталъ не возьмется самъ собою, и получится только потому, что 5% долгъ погашается 1% не въ 50, а въ 35 лѣтъ (по нашему счету на 37 году), слѣдовательно крестьянамъ придется платить пятнадцать лишнихъ лѣтъ.

Въ отвѣтъ на возраженіе г-на М. въ *de Nord* сказано было, что двойной капиталъ составитъ справедливое вознагражденіе для помѣщиковъ, за ожидаемое въ будущемъ увеличеніе цѣнности уступленной имъ земли. Мы не знаемъ, кому принадлежать эти слова: господину ли Гомбергу, или другому, во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія, что корреспондентъ *Indépendance Belge* былъ безусловно правъ, называя подобное основаніе для опредѣленія крестьянскихъ платежей опаснымъ элементомъ въ разчетахъ.

Разовьемъ эти мысли нѣсколько подробнѣе, и коснемся еще одной не тронутой стороны, — насильственной капитализаціи.

Первый и главный вопросъ въ томъ: справедливо ли двойное вознагражденіе въ пользу имѣющихъ на то право, *aux ayant droit*, какъ выражается проектъ? Еслибы допустить, что каждый покупатель обязанъ вознаградить продавца за возрастаніе цѣнности проданнаго предмета, то ни одна продажа не была бы возможна; пришлось бы допустить вознагражденіе въ пользу государства за возвышеніе цѣнности земель и пр., вслѣдствіе сдѣланныхъ правительствомъ реформъ; пришлось бы потребовать вознагражденія отъ банкировъ за возвышеніе курсовъ публичныхъ фондовъ и т. д. въ пользу гг. *ayant droit*, то-есть лицъ, имѣющихъ на то право. Что, еслибы наконецъ наивная община сказала: Право на ту сумму, на которую возрасла цѣнность вашего имѣнія, принадлежитъ мнѣ. Еслибъ я ушла, то земля ваша стоила бы можетъ быть менѣ чѣмъ въ Киргизъ-Кайсацкихъ степяхъ?

Итакъ о вознагражденіи за шансы будущаго не можетъ быть рѣчи. Остается сдѣлать оцѣнку справедливую въ настоящемъ. Если разложить плату по облигаціямъ на пятьдесятъ лѣтъ, и обшачать поземельному владѣльцу или лицамъ, имѣющимъ на то право, по истеченіи этого срока, новое вознагражденіе, равное полученному (не считая процентовъ съ $\frac{1}{4}$ доли капитала, раздаваемого въ качествѣ дивидендовъ), то добросовѣстность потребуетъ соразмѣрнаго уменьшенія оцѣнки.

Положимъ, что права и имущества, предоставленныя какой-либо общинѣ крестьянъ, стоятъ въ настоящее время 100.000 руб. Взять съ крестьянъ эту сумму разъ въ облигаціяхъ, а потомъ еще разъ деньгами, какъ предлагаютъ гг. Гомбергъ и Френкель, значитъ заставить должника уплатить двойную капитальную сумму. Поэтому простая справедливость требуетъ установить, въ видахъ будущаго обшчаннаго платежа, вознагражденіе не въ 100.000, а менѣе, положимъ въ 80.000, изъ коихъ только $\frac{3}{4}$, то-есть 60.000, будутъ выданы облигаціями центрального установленія, которыя могутъ быть размѣнены *pari*. Такимъ образомъ, ради отдаленнаго обогащенія неизвѣстнаго потомства, поземельному владѣльцу придется пожертвовать въ настоящемъ возможно-

стію располагать $\frac{1}{10}$ слѣдующаго ему вознагражденія. Спрашиваемъ: найдетъ ли онъ для себя выгоднымъ лишиться въ настоящемъ доли капитала, столь необходимой для преобразованія хозяйства? Итакъ, одно изъ двухъ: система 50-лѣтняго погашенія пятипроцентнаго долга однимъ процентомъ будетъ несправедлива и обременительна или для крестьянъ (если имъ придется платить истинную оцѣнку два раза), или для помѣщиковъ (если, какъ справедливо, при оцѣнкѣ будутъ приняты во вниманіе будущіе платежи).

Рецензентъ проекта въ *le Nord* искалъ выхода изъ этого ложнаго, имъ же указаннаго положенія, предоставленіемъ общинѣ права на долю излишне накопившагося капитала (сверхъ того, что необходимо для выкупа облигацій). Онъ предлагалъ изъ накопившейся по его разчету (разнящемуся нѣсколько отъ разчета гг. Гомберга и Френкеля) суммы въ 2.718 милл. рублей (при выкупѣ въ 1.000 милл.) употребить 1.000 милл. на погашеніе облигацій, 500 милл. на премію владѣльцамъ, 718 милл. на образованія земскаго банка и 500 милліоновъ на составленіе общиннаго капитала.

Какъ ни обольстительна картина, нарисованная авторомъ, несравненно болѣе гуманнымъ, чѣмъ составители проекта, однакоже мы видимъ въ ней такую же золотую мечту, какъ у Прайса, графа Мордвинова и у г. Смирнова. Всѣ эти богатства, растущія какъ бы изъ земли, должны быть накоплены и сбережены, и притомъ принудительнымъ образомъ. Рецензентъ называетъ ихъ самъ: *épargne forcée et facile en même temps*. Если сбереженіе легко, то едва ли нужно принуждать къ нему, ибо оно и безъ того будетъ сдѣлано въ милліонахъ частныхъ хозяйствъ совершенно незамѣтно, безъ всякаго посторонняго насилія. Если же нѣтъ, — а мы именно думаемъ, что въ настоящее время у крестьянъ не будетъ лишковъ для составленія разныхъ банковыхъ и общинныхъ капиталовъ въ пользу потомства, — то операція будетъ крайне тягостна. Представьте себѣ, что для составленія 1.718 милл. рублей капитала, въ теченіи пятидесяти лѣтъ, будутъ употребляться средства, которыми взыскиваются недоимки, продажа движимости, отдача въ работы и пр., и вы согласитесь, что гораздо лучше подумать о настоящемъ и поискать средствъ для облегченія участи живущаго поколѣнія, чѣмъ принести его въ жертву отдаленному фантастическому будущему, о которомъ позаботится въ свою очередь потомство.

Прибавимъ наконецъ, что проектъ гг. Гомберга и Френкеля грѣшитъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ. Авторы предполагаютъ, что въ Россіи существуетъ ипотекарная система, далѣе они поручаютъ правительству сборъ вознагражденія и поставляютъ

въ то же время въ обязанность центральному кредитному установленію заботу о взысканіи недоимокъ; они не даютъ никакого значенія ликвидаціи дѣлъ центральнаго установленія, а это далеко не второстепенный вопросъ, потому что расчетъ съ поземельными владѣльцами можетъ бросить на рынокъ огромное количество кредитныхъ представительныхъ знаковъ, на нѣсколько сотъ, быть-можетъ на 1.000 милл. рублей.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о проектѣ г. Кисловскаго.

Г. Кисловскій, полагая среднюю цѣну десятины в: 40 рублей и назначая по двѣ десятины на душу, опредѣляетъ ежегодный взносъ съ души по 5 рублей 60 коп., въ теченіи шестидесяти лѣтъ; то-есть со включеніемъ погашенія, ежегодную плату по 7%. Этими 7%, съ цѣны продажной земли:

1) уплачиваются въ шестьдесятъ лѣтъ долги помѣщиковъ кредитнымъ установленіямъ;

2) выкупаются облигаціи, приносящія 5% и погашаемыя $\frac{1}{2}\%$ въ пятьдесятъ семь лѣтъ;

3) акціи, приносящія 5% и погашаемыя $\frac{1}{2}\%$ въ шестьдесятъ лѣтъ.

Затѣмъ остается еще огромный остатокъ, который даетъ акціонерамъ 3 рубля на 1 рубль!

Еслибъ облигаціи и акціи приносили всего 5%, а два процента назначались для погашенія, то сумма, необходимая для выкупа, была бы внесена въ двадцать пять лѣтъ, положимъ даже въ тридцать, отдѣляя $\frac{1}{2}\%$ на расходы по управленію.

Такимъ образомъ тридцать лѣтъ пришлось бы платить крестьянамъ *даромъ*, для составленія въ пользу акціонеровъ капитала, который конечно будетъ несравненно огромнѣе миллиарда, даннаго эмигрантамъ.

Г. Высотскій, излагая въ *Журналѣ для Землевладѣльцевъ* проектъ г. Кисловскаго и разбирая планъ этотъ, выѣтъ съ предположеніями гг. Ржевскаго и Сумарокова, сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній, изъ коихъ нѣкоторыя, какъ намъ кажется, произошли отъ недоразумѣній. Такъ рецензентъ указываетъ на существованіе усадебныхъ земель, которыя стоятъ до 4.000 руб. за десятину (!), и говоритъ далѣе, что гг. Ржевскій и Кисловскій не обратили вниманія на то, что количество земли, потребное для обезпеченія быта крестьянина, не одинаково не только въ губерніи или уѣздѣ, но даже и въ двухъ сосѣднихъ селеніяхъ; наконецъ замѣчаетъ, что при переводѣ банковаго долга отъ 70 до 80 руб. за душу на кредитное общество, помѣщику пришлось бы получать только самую ничтожную сумму. Еслибъ имѣнія не были заложены, и помѣщики получили бы за выкупаемыхъ крестьянъ съ

землю $\frac{3}{4}$ цѣны на половину наличными деньгами и на половину облигаціями, то однихъ наличныхъ денегъ, по $27\frac{1}{2}$ руб. на душу, потребовалось бы 328 милл. руб., да облигацій на столько же. При такой массѣ бумажныхъ знаковъ въ рукахъ сотни тысячъ лицъ, не всегда оборотливыхъ и производительныхъ, цѣна на эти знаки очень и очень бы понизилась.

Очевидно, что г. Высотскій не совсѣмъ кстати привелъ исключительно высокія цифры цѣнности усадебъ: за 4.000 руб. можно купить десятину земли во многихъ городахъ; приводя крайности, рецензентъ забылъ о существованіи среднихъ чиселъ, и не подумалъ о томъ, что частности принимаются въ расчетъ не въ начертаніи общаго плана, а при его выполненіи. Наконецъ, еслибы съ переводомъ банковаго долга на общество, владѣлецъ избавился отъ обязанности вносить слѣдующее отъ него платежъ въ кредитное установленіе, потому что взносы будутъ лежать на крестьянахъ, то, кажется, эту выгоду нельзя назвать фиктивною; потому что 80-рублевый банковый долгъ падалъ прежде на все имѣніе, а теперь онъ падалъ бы только на часть его—на крестьянъ и на выдѣленную имъ землю.

Справедливѣе другое замѣчаніе относительно выпуска облигацій въ обращеніе. Г. Высотскій цѣнить вознагражденіе не дешево; онъ полагаетъ цѣнность крестьянскихъ повинностей и будущихъ надѣловъ по душевому разчету «безъ принудительныхъ мѣръ (!)» въ 200 руб. сер. отъ души, а для 12 милл. крестьянъ (авторъ прибавляетъ $1\frac{1}{2}$ милліона душъ къ офиціальнымъ свѣдѣніямъ) 2.400 милл. рублей. Нѣтъ сомнѣнія, что г. рецензентъ увлекся числами: *едва ли* можно принять такую оцѣнку за среднюю норму для Россіи; быть-можетъ она вѣрна для имѣнія г. Высотскаго, но мы смѣемъ увѣрить его, что напримѣръ въ губерніяхъ Черниговской и въ Бѣлоруссіи, можно *безъ принужденія* купить цѣлыя имѣнія, полагая по 150 руб. за душу, и даже въ губерніи Кіевской, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, цѣны въ 200 руб. относились недавно къ ходячимъ цѣнамъ за цѣлыя имѣнія. Не раздѣляя впрочемъ ариметическихъ увлеченій г. Высотскаго, нельзя не сознаться, что выпускъ облигацій, по справедливой оцѣнкѣ, можетъ простираться на сумму отъ 1.000 до 1.500 милл. рублей. Возможна ли такая финансовая операція, при настоящемъ положеніи вещей? не упадетъ ли курсъ кредитныхъ бумагъ? Нельзя ли удовлетворить помѣщиковъ безъ финансоваго и экономическаго разстройства? Вотъ вопросы, на которые мы попытаемся дать отвѣтъ.

III. Выкупъ.

Предыдущія изслѣдованія наши показали, что выкупъ повинностей, усадебъ и земли, предназначаемой для обезпеченія крестьянъ, не можетъ дать повода къ организаціи акціонерныхъ банковъ. Дѣло не въ томъ, чтобы получить барыши и надѣлать ими акціонеровъ, а во первыхъ, въ установленіи кредитныхъ операцій, которыя облегчили бы для крестьянъ уплату, а для владѣльцевъ—возможность получить капиталъ, пропорціональный цѣнности повинностей и надѣловъ, и во вторыхъ, въ сохраненіи непоколебимаго довѣрія къ кредитнымъ бумагамъ, которыя могутъ возникнуть, при совершеніи названныхъ нами операцій.

Какимъ образомъ могутъ быть достигнуты эти важныя цѣли? Чтобы дать опредѣленный отвѣтъ, рассмотримъ:

- а) предметы выкупа,
- б) способы вознагражденія,
- с) порядокъ крестьянскихъ платежей.

Предметы выкупа суть слѣдующіе:

- а) повинности обязаннаго лица,
- б) усадьба или осѣдность,
- с) надѣлъ землею.

Эти три элемента представляются въ видѣ:

а) личныхъ повинностей: оброкъ двороваго челоѵка, совершенно отдѣльный и независимый отъ усадьбы и земли;

б) личныхъ повинностей, связанныхъ съ усадебною осѣдлостію: здѣсь уже является вещественный залогъ, болѣе или менѣе значительный;

с) личныхъ повинностей, соединенныхъ нераздѣльно съ усадьбою и съ надѣломъ землею: здѣсь осѣдность и земля составляютъ главный предметъ выкупа и главное его обезпеченіе.

Такимъ образомъ, на каждой послѣдующей ступени, личные повинности уходятъ на болѣе отдаленный планъ. Между тѣмъ какъ на первой ступени источникъ для уплаты вознагражденія заключается въ промышленномъ трудѣ; между тѣмъ какъ на второй ступени платежъ производится изъ прибылей ремесленника, фабричнаго или купца, изъ доходовъ труда, болѣе или менѣе технически, изъ выручекъ отъ затратъ капитала: на послѣдней ступени выкупъ принимаетъ значеніе поземельнаго.

Разгруппировка крестьянъ на эти три категоріи составляет принадлежность обдуманной и рациональной реформы.

Свободный личный трудъ и усадьба безъ пахотнаго поля не подлежатъ условіямъ общиннаго владѣнія; земля напротивъ, по мѣстности, можетъ подлежать или не подлежать имъ. Въ губерніяхъ великорусскихъ общинное владѣніе укоренилось, какъ народный обычай; на западъ Россіи оно неизвѣстно. Поэтому было бы слишкомъ смѣло подводить подъ однѣ общія нормы то, что выработано историческою жизнію въ разныхъ частяхъ нашего отечества. Самые предметы выкупа, по существу своему, убѣждаютъ насъ въ томъ, что значеніе міра должно быть слабѣе тамъ, гдѣ усадьбы существуютъ безъ земли, или гдѣ рѣчь идетъ о личномъ оброкѣ (1).

(1) Мы совершенно согласны съ авторомъ, что усадьбы не могутъ быть подчинены условіямъ общиннаго владѣнія, и прибавимъ, что было бы опасно прилагать къ нимъ даже и условія общинной собственности, то-есть выкупа на мірской счетъ. Усадьбы—это самый подвижный элементъ въ сельскомъ хозяйствѣ; чѣмъ свободнѣе переходъ ихъ изъ рукъ въ руки, тѣмъ успешнѣе можетъ устроиться сельское хозяйство сообразно мѣстнымъ условіямъ, и тѣмъ легче будетъ ему пользоваться переменными обстоятельствомъ, случающимися въ каждомъ развивающемся и преуспевающимъ промыслѣ. Къ тому же усадьбы наши, особенно въ Великороссіи, размѣщены, подъ влияніемъ крѣпостнаго права, самымъ неестественнымъ образомъ. Для того чтобы онѣ могли скорѣе размѣститься выгодно и рационально, для этого требуется совершенное облегченіе всѣхъ видовъ передачи ихъ изъ рукъ въ руки, а это возможно лишь при владѣніи на правѣ личной собственности. Кто скажетъ, что полезно было бы закрѣпить теперешнее размѣщеніе усадьбъ и расселеніе деревень? А не будетъ ли закрѣпленіемъ теперешняго нераціональнаго положенія дѣлъ въ этомъ отношеніи, если усадьбы будутъ состоять, не говоримъ уже въ мірскомъ владѣніи, но даже въ мірской собственности, и если слѣдовательно не каждый крестьянскій дворъ, а только цѣлый міръ будетъ имѣть право отчуждать ихъ? Наконецъ, считаемъ нужнымъ обратить общественное вниманіе еще на то крайне важное обстоятельство, что у насъ нѣтъ рѣзкаго различія между городами и деревнями. Многія села занимаютъ у насъ городскими промыслами въ большей мѣрѣ, нежели сосѣдніе уѣздные города. Всѣ эти промыслы возникли естественно, по указаніямъ мѣстныхъ и племенныхъ условій, и вносятъ въ себѣ зародыши широкаго развитія въ будущемъ. Они нуждаются для своего преуспеянія въ началѣ личной собственности, которое есть по преимуществу городское начало. Именно вслѣдствіе совершеннаго сходства между нашими уѣздными городами и селами, вслѣдствіе того, что наши уѣздные города лишь благодаря административнымъ распоряженіямъ выдѣлились изъ общей массы селъ, именно вслѣдствіе этихъ особенностей нашего быта должны мы остерегаться отъ проведенія рѣзкой юридической черты между усадьбой въ городѣ и усадьбой въ деревнѣ. На этотъ пунктъ не было еще обращено у насъ должнаго вниманія. Онъ одинъ достаточенъ для того, чтобы убѣдить въ необходимости соблюдать, согласно съ Высочайшими рескриптами, различіе между усадьбой и полевою землей при начертаніи правилъ относительно освобожденія крестьянъ и будущаго устройства быта ихъ.

Ред.

Разсмотримъ теперь способы вознагражденія.

Намъ кажется не практичнымъ избрать одну форму вознагражденія, потому что лица, имѣющія на то право, находятся не въ одинаковомъ экономическомъ положеніи. Одни предпочли бы полученіе наличнаго капитала, для того чтобы сдѣлать прибыльными затраты; другіе—постоянную денежную ренту, доходъ хотя умеренный, но непрерывный; третьи—доходъ высшій, но срочный въ теченіи 25—37 лѣтъ; наконецъ четвертые—пожизненную ренту, болѣе или менѣе значительную, смотря по возрасту лицъ, которымъ слѣдуетъ вознагражденіе.

Почти во всѣхъ указанныхъ нами случаяхъ необходимо посредничество кредитныхъ установленій, потому что непосредственныя сдѣлки между обязанными и ихъ прежними владѣльцами могутъ имѣть мѣсто только при выкупѣ личныхъ повинностей дворовыми людьми, или усадебной осѣдлости, не связанной съ землевладѣніемъ, или наконецъ при полной и немедленной ушатѣ всего вознагражденія цѣлою деревнею. Нечего доказывать, что подобныя явленія не составятъ общаго правила.

Итакъ допустимъ, что выручка суммъ, слѣдуемыхъ помѣщику, будетъ поступать постепенно, и что, до окончательной расплаты, крестьянамъ придется платить 5% съ долговаго капитала, независимо отъ процентовъ, предназначаемыхъ для погашенія и на содержаніе кредитныхъ установленій, въ тѣхъ случаяхъ когда выкупъ будетъ имѣть мѣсто.

Принимая въ разчетъ указанные выше экономическія потребности владѣльцевъ, банки наши могутъ предложить помѣщикамъ разнообразныя условія, и, при этомъ, какъ мы увидимъ изъ послѣдующаго, выпускъ облигацій (представляющихъ собою сумму крестьянскаго долга) далеко не будетъ общимъ правиломъ.

Кредитныя установленія могутъ по желанію лицъ, имѣющихъ право на вознагражденіе:

Вопервыхъ, записать слѣдуемый имъ капиталъ въ банковую книгу съ обязательствомъ выдавать непрерывный доходъ.

Вовторыхъ, уплатить долги, сдѣланные помѣщиками въ кредитныхъ установленіяхъ, изъ суммъ, слѣдуемыхъ имъ въ вознагражденіе. Эта мѣра можетъ быть принята не только по желанію владѣльцевъ, но по распоряженію правительства, еслибъ остающаяся въ рукахъ помѣщика земля не составляла достаточнаго обезпеченія по выданной ссудѣ, или еслибы возникли опасенія насчетъ загроможденія рынка облигаціями. Наконецъ нельзя отказать и частнымъ вѣртелямъ въ правѣ на полученіе облигацій по нарицательной цѣнѣ, взаменъ долговыхъ обязательствъ, которыя выданы имъ отъ помѣщиковъ.

Втретьихъ, передать владѣльцамъ въ полное распоряженіе слѣ-

двѣя имъ облигаціи. Получившіи эти кредитныя бумаги въ правѣ распродать ихъ по рыночной цѣнѣ.

Вчетвертыхъ, предоставить владѣльцамъ право получать изъ банка на извѣстные сроки, на 1, 2, 3 года деньги, вмѣсто облигацій, съ тѣмъ что кредитное установленіе, удерживая послѣднія у себя, и получая по нимъ проценты, будетъ взимать еще ежегодный учетный процентъ до возврата наличности, и обратной выдачи облигацій владѣльцу. Для приобрѣтенія суммъ, необходимыхъ для этой операціи, банкъ выпуститъ свои срочные билеты съ назначеніемъ по нимъ рыночныхъ процентовъ. При высокому курсу учетный процентъ будетъ малъ, и наоборотъ. Во всякомъ случаѣ можно надѣяться, что банки получаютъ деньги, и въ трудныя времена, не выше какъ за 7 процентовъ, а обыкновенно за меньшее пожертвованіе.

Выгода этой сдѣлки состоитъ въ томъ, что поземельные владѣльцы (въ Австріи помѣщики продавали свои облигаціи съ убыткомъ: облигаціи нѣкоторыхъ областей и теперь (1) теряютъ до 16%) будутъ въ состояніи выждать болѣе благоприятныя времена для сбыта, теряя не 16% вдругъ, а $\frac{1}{2}$, 1, много 2% въ годъ. Если, при полученіи наличности, они имѣли въ виду выгодную затрату капитала, то, прибавляя къ 5% еще учетный, они сдѣлаютъ операцію, сходную съ ипотечарнымъ займомъ въ 6 или 7%, потому что право на капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ, останется за ними.

Кредитныя установленія могутъ

Впятыхъ, предложить владѣльцамъ 6% или 7%-ренту на 25 или 37 лѣтъ, смотря по сроку, назначенному для погашенія, и по величинѣ послѣдняго. Операція эта выгодна будетъ для тѣхъ, которые нуждаются въ большемъ временномъ доходѣ, для воспитанія дѣтей и пр.; или же

Вшестыхъ, обѣщать пожизненный доходъ, соразмѣрный съ лѣтами имѣющаго право на его полученіе. Мы думаемъ, что на такое условіе нашлись бы охотники между бѣдными владѣльцами, не имѣющими дѣтей и близкихъ родственниковъ; оно помогло бы имъ перенести экономическій кризисъ, неизбежно связанный съ реформою крѣпостнаго права.

Указанные нами способы вознагражденія владѣльцевъ, какъ легко замѣтить съ перваго взгляда, допускаютъ превращеніе такъ-называемаго непрерывнаго 5% дохода или въ пожизненный, или въ наличность на извѣстное время, или въ облигаціи и пр.; но само собою разумѣется, что ренты пожизненныя или срочныя и ликвидація долговъ помѣщика облигаціями составляютъ дѣло поконченное; отъ нихъ не можетъ быть перехода къ другимъ формамъ.

(1) Статья эта писана въ декабрѣ мѣсяцѣ прошлаго года. *Ред.*

Въ этомъ разнообразіи заключается, по нашему мнѣнію, самое вѣрное ручательство въ поддержаніи курса облигацій. Допустимъ на примѣръ, что сумма вознагражденія составитъ 1500 милл. рублей. Не согласятся ли владѣльцы получать на $\frac{1}{3}$ суммы непрерывную ренту? Не пойдетъ ли другая треть на погашеніе банковыхъ и частныхъ долговъ? Не обратится ли хотя $\frac{1}{50}$ доля въ пожизненные и срочныя ренты? Много ли тогда будетъ выпущено облигацій, и много ли останется ихъ на нашихъ рынкахъ? При пониженіи курса облигацій отъ большаго ихъ предложенія не будутъ ли онѣ притекать въ банки и замѣняться временными процентными билетами, которые привлекутъ къ нашимъ рынкамъ свободные капиталы, не только отечественные, но и заграничныя и понизятъ плату за пользованіе ими? Совѣтуя примѣнить къ системѣ выпуска способъ заключенія временныхъ займовъ, *dette flottante*, мы предлагаемъ это не для такой эпохи, когда деньги бываютъ дешевы, а когда онѣ бываютъ дороги; и думаемъ, что разность въ процентахъ установитъ равновѣсіе между спросомъ и предложеніемъ относительно свободныхъ капиталовъ.

Скажутъ, что мы предлагаемъ владѣльцамъ условія невыгодныя: или продажу облигацій по рыночной цѣнѣ, иногда ниже ихъ нарицательной цѣнности, или же приплачиваніе ежегоднаго процента за пользованіе капиталомъ наличнымъ, соответствующимъ величинѣ вознагражденія. Не имѣтъ ли владѣлецъ права на полную уплату? Безъ сомнѣнія. Но если обстоятельства поставляютъ его и его сосѣдей въ необходимость, въ одно время, приступить къ продажѣ одного и того же товара въ большой массѣ, то конечно никто не виноватъ въ пониженіи цѣнъ, кромѣ самыхъ обстоятельствъ и неосмотрительности людей, пропустившихъ время постепенной и болѣе выгодной продажи. Напротивъ, наши предположенія составлены именно съ цѣлю поддержать цѣнность облигацій, обезпечить владѣльцу, по возможности, вступленіе въ обладаніе полнымъ вознагражденіемъ, ему назначеннымъ. Мы оставляемъ за нимъ право получить или непрерывную ренту, которая связывается, по нашему плану, съ владѣніемъ извѣстнымъ имѣніемъ, или облигаціи для распродажи, или пользованіе капиталомъ вознагражденія въ наличности на время, если онъ этого хочетъ, съ тѣмъ однакоже условіемъ, что наличность выдается ему съ учетнымъ процентомъ. Развѣ это невыгодно?

Мы предвидимъ впрочемъ и возраженія противъ нашихъ главныхъ положеній.

Скажутъ, что мы желаемъ поощрить растрату капиталовъ, совѣтуя ввести ренты пожизненные и срочныя, которыя поведутъ къ обнищанію потомства нынѣшняго дворянства. Но этотъ упрекъ относится и къ обществамъ застрахованія жизни, которыя приня-

мають капиталы съ обязанностію уплачивать пожизненный доходъ. Мы спросимъ съ своей стороны у приверженцевъ подобнаго мнѣнія: лучше ли отдать свои деньги въ невѣрныя руки, для того чтобы получить большій процентъ, необходимый для существованія, или же условиться съ банкомъ относительно пожизненнаго дохода? Лучше ли получать большій доходъ временный и необходимый, или же дѣлать долги и умереть въ крайности? Впрочемъ всѣ подобныя споры составляютъ пустое словопреніе: въ такомъ дѣлѣ какъ расчетъ, основанный на соображеніи, а не на игрѣ, не на возбужденіи страсти, можно положиться вполне на частную предусмотрительность. Скажутъ: мы обѣщаемъ вознагражденіе помѣщикамъ, выдачу имъ капитальной суммы, и не требуемъ уплаты капитала отъ крестьянъ. Да, но въ такомъ случаѣ облигаціи будутъ представлять заемъ, приносящій непрерывный процентъ до тѣхъ поръ, пока крестьяне не пожелаютъ выкупить выдѣленное имъ имущество вполне.

Мы рассмотрѣли формы, которыя можетъ принять установленное вознагражденіе, намъ остается рассмотреть порядокъ его уплаты обязанными. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ рѣшить: долженъ ли быть выкупъ обязательнымъ или свободнымъ, а потомъ лучше ли сохранить за крестьянскими платежами характеръ уплаты по банковому долгу, или же податныхъ взносовъ, въ видѣ временнаго добавочнаго налога, пропорціональнаго величинѣ крестьянскихъ платежей? Затѣмъ слѣдуетъ опредѣлить, кто долженъ принять на себя гарантію процентовъ, платимыхъ по облигаціямъ, кредитныя ли установленія, или государство. Мы отдаемъ преимущество, во первыхъ, свободному выкупу, полагая, что онъ будетъ въ интересѣ крестьянъ и помѣщиковъ; во вторыхъ, формѣ податнаго платежа, какъ болѣе надежнаго, и третьихъ, гарантіи процентовъ со стороны государства. Послѣднія два обстоятельства поддержали бы въ значительной степени цѣнность кредитныхъ бумагъ. Но уравненіе платежей съ податями вызываетъ необходимость въ мѣрахъ, опредѣляющихъ отвѣтственность плательщиковъ и вещественныхъ обезпеченій, находящихся въ рукахъ послѣднихъ.

Согласно съ принятыми нами категоріями статей, подлежащихъ выкупу, мы думаемъ, что необходимо удержатъ строгое различіе между выкупомъ личныхъ повинностей и личнаго имущества и между выкупомъ общиннаго владѣнія землею.

При выкупѣ личныхъ повинностей, напримѣръ, дворовыхъ людей, можно установить подать, достаточную для образованія суммы выкупа и для покрытія дефицитовъ отъ частной несостоятельности того или другаго лица. При соразмѣрности подати съ доходами отъ промысловъ, такой дефицитъ едва ли будетъ великъ.

Гдѣ предметъ выкупа личная повинность съ усадьбою, но безъ полевой земли, тамъ есть уже вещественное обезпеченіе, и оно прежде всего должно отвѣчать за добавочный налогъ. Въ случаѣ накопленія недоимки, владѣльцу усадьбы слѣдуетъ предоставить право продать свой участокъ и поселиться на казенныхъ земляхъ, или же избрать другаго рода осѣдлость. Наконецъ, еслибы владѣлецъ усадьбы, обремененной недоимкой, ничего не предпринялъ съ своей стороны, то придется продать его участокъ съ публичнаго торга. При продажѣ усадьбы не мѣшаетъ постановить за правило, что пріобрѣтеніе ея помѣщикомъ до уплаты полнаго, лежащаго на ней долга, возможно только при взносѣ долговой суммы, будетъ ли эта покупка сдѣлана прямо, или изъ постороннихъ рукъ.

Остается наконецъ выкупъ крестьянами повинностей и усадебъ, вмѣстѣ съ землею.

Здѣсь отвѣтственность должна быть различна при владѣніи землею общинномъ и личномъ. Въ первомъ случаѣ отвѣтственность въ платежѣ падаетъ на цѣлую общину. Она сама распоряжается въ сборѣ и взносѣ слѣдующаго добавочнаго налога; во второмъ необходимо опредѣлить отношеніе несостоятельнаго къ общинѣ, какъ къ юридическому управленію. Община принимаетъ на себя ручательство въ томъ, что надѣлъ, сдѣланный ея членами, имѣетъ извѣстную цѣнность и обязывается уплачивать за него недоимку до времени продажи участка несостоятельнаго должника съ публичнаго торга. Преимущественное же право на пріобрѣтеніе участка имѣютъ крестьяне той же самой или другой деревни, и если предложенная ими цѣна соответствуетъ бывшей оцѣнкѣ усадьбы, или выше ея, то участокъ остается за такими покупателями, въ противномъ случаѣ онъ достается тому, кто дастъ высшую цѣну. Если никто не дастъ оцѣночной суммы, то помѣщикъ обязывается взять имущество по опредѣленной оцѣнкѣ, но если усадебныя строенія пришли въ ветхость отъ небреженія хозяина, то потеря распределяется поровну между общиною, которая не приняла своевременныхъ мѣръ для взысканія недоимки, и помѣщикомъ. Несостоятельный же крестьянинъ обязанъ избрать себѣ или осѣдлость на казенныхъ земляхъ, или иные способы существованія.

Общее ручательство въ исправномъ платежѣ недоимокъ длится до тѣхъ поръ, пока выкупъ не окончится вполне; но каждому предоставляется право освободиться отъ ручательства взносомъ полной оцѣнки своего участка и ежегоднымъ платежемъ небольшого страховаго процента, служащаго для составленія запаснаго фонда. Мы надѣемся, что противники общиннаго владѣнія въ западныхъ губерніяхъ и въ Малороссіи замѣтятъ различіе между общиннымъ ручательствомъ и общиннымъ владѣніемъ землею. Безъ круговой

поруки невозможно и думать о выкупѣ, какимъ бы то ни было способомъ, съ участіемъ ли, или безъ участія государства (1).

Мѣры взысканія, о которыхъ мы упомянули, очень строги. Было бы безчеловѣчно не принять въ разчетъ обстоятельствъ случайныхъ, тяготящихся надъ обязаннымъ, и не облегчить его положенія въ случаяхъ предусмотрѣнныхъ и точно опредѣленныхъ закономъ. Откуда же возьмутся въ такомъ случаѣ средства для покрытія недостающаго?

Средства эти могутъ состоять:

1) Въ избыткѣ отъ подати, которою будутъ обложены обязанные по доходамъ и промысламъ, до окончанія разчета.

2) Изъ средствъ, собранныхъ обществами для выкупа дворовыхъ людей и усадебныхъ осплостей, не имѣющихъ при себѣ земли. Учрежденіе подобныхъ обществъ, въ формѣ кредитныхъ товариществъ, какъ предлагалъ это нѣкогда Д. П. Журавскій, возбудило бы новую незнакомую намъ нравственную жизнь.

3) Наконецъ, еслибы оставался дефицитъ, то въ такомъ случаѣ пришлось бы установить особую временную *income-tax*, всеобщую подать съ объявленныхъ доходовъ. Къ этой мѣрѣ прибѣгала Англія для поправленія финансовъ; она была бы умѣстна у насъ, для облегченія расчетовъ по крестьянскому вопросу; мы не предлагаемъ ее для самаго выкупа.

Намъ остается сказать: кто приметъ на себя завѣдываніе операціями выкупа? кто возьмется за организацію кредитныхъ установленій, обязанныхъ выпускать облигаціи, уплачивать постоянныя и временныя ренты, другими словами, въ чьихъ рукахъ банки наилучшимъ образомъ выполнять свое назначеніе, въ рукахъ ли правительства, или частнаго лица?

Въ дѣлѣ столь простомъ и механическомъ, какъ тѣ операціи, о которыхъ мы говорили выше, нечего думать о частномъ коммерческомъ предпріятіи. Банки могутъ быть или земскимъ кредитнымъ товариществомъ, или, скорѣе всего, правительственнымъ учрежденіемъ, потому что государство будетъ близко заинтересовано въ предстоящихъ имъ операціяхъ. Желательно только,

(1) Мы совершенно противнаго мнѣнія о круговой порука при уплатѣ податей. Мы знаемъ по опыту, что круговая порука въ этомъ дѣлѣ ведетъ лишь къ безпечности и намѣренному обнищанію, а затѣмъ къ кабальной зависимости обнищавшихъ отъ своихъ богатыхъ сосѣдей. Мы знаемъ также по опыту, что круговая порука отнюдь не обезпечиваетъ правильнаго взноса податей. Мы знаемъ наконецъ къ опыту, что круговая порука ведетъ за собою, какъ необходимое свое послѣдствіе, строгіе законы о припискѣ къ общинамъ и увольненіи отъ общины, а это не что иное какъ одинъ изъ видовъ прикрѣпленія, то-есть той крѣпостной зависимости, отъ которой Россія хочетъ и должна освободиться. Не вся Россія состоитъ и теперь изъ крѣпостныхъ, и если во всей Россіи благосостояніе не дѣлаетъ успѣховъ, то одна изъ главныхъ причинъ того—круговая порука, связывающая свободу движенія всѣхъ до одного податныхъ русскихъ людей. Ред.

чтобы землевладельцы имѣли вліяніе на распорядительную часть по кредитнымъ оборотамъ. Вознагражденіе принадлежитъ владельцамъ, имъ же слѣдуетъ предоставить долю заботы объ охраненіи своихъ выгодъ (1).

Пусть теперь читатель самъ рѣшитъ вопросъ: нельзя ли, при томъ устройствѣ приказовъ, о которомъ мы говорили въ первой нашей статьѣ, поручить имъ дѣло самаго выкупа крестьянскихъ повинностей?

Представляя наши соображенія на судъ читателей, мы сочтемъ нашу цѣль вполнѣ достигнутою, если мы успѣли убѣдить многихъ невѣрующихъ въ возможности выкупа крестьянскихъ повинностей, усадебъ и земли посредствомъ выпуска облигацій; если намъ удалось разсѣять опасенія, возбужденныя мыслию о наводненіи рынка кредитными бумагами.

Прибавимъ въ заключеніе, что положеніе финансовъ въ Австріи въ 1848—49 годахъ не было лучше чѣмъ у насъ, и однакоже Австрія не побоялась выпустить облигаціи, которыя стоятъ теперь, смотря по провинціямъ, отъ 3 до 16 процентовъ ниже пари, и стояли бы гораздо выше, еслибъ имъ сообщили не провинціальныи, а государственный характеръ (2).

P. S. Статья моя была окончена, когда явился во 2-й декабрьской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* новый *Опытъ о выкупѣ земли* г. В. Ржевскаго. Мы сходимся въ мысляхъ относительно значенія приказовъ и необязательности выкупа, а разнимся въ предложенныхъ приемахъ и способахъ осуществленія дѣла. Главное разногласіе наше заключается въ томъ, что я вопервыхъ, считаю невозможнымъ добровольное соглашеніе между крестьяниномъ и помѣщикомъ относительно цѣны выкупаемаго предмета (3), и во вторыхъ, допускаю круговую поруку. О послѣдней необходимо сказать пару словъ. Круговая порука, въ смыслѣ ответственности за оцѣнку имущества, и за исправность взысканія, необходима,

(1) Трудность состоитъ именно въ пріисканіи средствъ, обеспечивающихъ эту необходимую долю вліянія и заботы. Мы видимъ, что даже правленія акціонерныхъ компаній принимаютъ у насъ характеръ бюрократическихъ мѣстъ, довольно своевольныхъ и еще болѣе безпечныхъ. Если правленія компаній не поддаются вліянію акціонеровъ и гласности, и не возбуждаютъ въ акціонерахъ живаго участія въ дѣлахъ общества, то не слѣдуетъ ли рѣшительно подумать, какъ бы оградить операцію выкупа отъ бюрократическаго властолюбиваго индифферентизма? *Ред.*

(2) Повторяемъ, что авторъ писалъ эту статью въ декабрѣ мѣсяцѣ прошлаго года; за анахронизмы публика не должна ввинить автора. *Ред.*

(3) Мы не ясно понимаемъ это различіе между необязательностью выкупа и добровольнымъ соглашеніемъ и просили бы автора разъяснить это недомѣніе, еслибы не боялись ввести его опять въ несприятное положеніе челоуѣка, которому приходится сказать не сегодня, а завтра или послѣзавтра, то что было бы кстати сегодня. *Ред.*

особенно при общинномъ владѣніи; но въ смыслѣ общаго совокупнаго платежа при выкупѣ личной собственности, конечно не рациональна, и подобной поруки я не отстаиваю. Община и во Франціи понуждается такъ-называемою *garnison collective*.

Н. Бунге.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ

По признанной необходимости измѣнить существующія нынѣ основанія производства ссудъ изъ кредитныхъ установленій подъ залогъ населенныхъ имѣній, составлены, съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія, новыя правила для сихъ ссудъ не по числу душъ означенныхъ имѣній, а по количеству удобной земли. Нынѣ Его Императорское Величество, въ 16 день апрѣля сего года, Высочайше повелѣть изволилъ: впредь до окончательнаго разсмотрѣнія помннутыхъ новыхъ правилъ, ссуды изъ заемнаго банка, сохранныхъ казенъ и приказовъ общественнаго призрѣнія подъ населенныя имѣнія, равно перезалогъ сихъ имѣній приостановить.

Въ *Вѣдомостяхъ С.-Петербургской Городской Полиціи* напечатано: «Правила для торговли въ Россіи иностранными облигаціями, акціями и другими подобными кредитными бумагами хотя въ Сводѣ Законовъ не опредѣлены, но признано возможнымъ принять въ руководство, что всѣ иностранные публичные фонды, т. е. облигаціи или билеты, на которыхъ обозначено, что они принадлежатъ къ иностранному государственному займу, могутъ безпрепятственно обращаться въ Россіи; а потому и разрѣшена продажа оныхъ въ частныхъ конторахъ, съ правомъ публиковать о нумерахъ билетовъ, вынутыхъ по жребію для погашенія, или посредствомъ тиража, т. е. лотереи, за исключеніемъ однако промесовъ, выданныхъ частными лицами на всякаго рода облигаціи и легко допускаящихся обманъ.»

Въ поясненіе замѣтимъ, что тиражемъ называется выниманіе облигацій государственнаго займа, по которымъ должна быть произведена капитальная уплата по номинальной цѣнѣ облигаціи. Напротивъ, лотереей называется выниманіе облигацій, по которымъ назначается капитальная уплата съ выигрышемъ. Цѣна облигацій перваго рода бываетъ основана на кредитѣ; цѣна облигацій втораго рода бываетъ основана на азартѣ, который есть слабость человѣческая, служащая, къ сожалѣнію, еще доселѣ источникомъ доходовъ и барышей для многихъ правительствъ, какъ напримѣръ неаполитанскаго, австрійскаго и др. Поэтому есть очень большое различіе между тиражемъ вообще и лотереей.

Къ вѣдшему распространенію торговыхъ сношеній Россіи съ Бухарою, 20 марта высочайше повелѣно привозимые изъ Бухары, хлопчатую бумагу и шелкъ-сырецъ изъять вовсе отъ платежа карантиннаго сбора, учрежденнаго уставомъ для пограничныхъ и портовыхъ карантинновъ, и товары, отправляемые изъ Имперіи въ Бухару, освободить вовсе отъ платежа отпускной пошлины и карантиннаго сбора, тѣмъ же уставомъ опредѣленнаго.

Государственный совѣтъ высочайше утвержденнымъ 12 января мѣсяцемъ своимъ положилъ: 1) частнымъ лицамъ дозволяется, сверхъ мѣстностей, поименованныхъ въ ст. 2388, 2420, 2429, 2431 и 2554 Уст. Горн. (Св. Зак. Т. VII изд. 1857 г.), отыскивать и обрабатывать золотосодержащія розсыпи на казенныхъ и общественныхъ земляхъ и во всѣхъ вообще губерніяхъ Имперіи, за исключеніемъ лишь Персской, въ которой промыселъ сей совершается только въ Чердынскомъ уѣздѣ. 2) При производствѣ сего промысла, кромѣ постановленій, изложенныхъ въ ст. 2430—2553-й Уст. Горн. для отысканія и обработки золотыхъ розсыпей въ Восточной и Западной Сибири, соблюдаются нижеслѣдующія правила: а) Золотопромышленникъ, приступая по дозволенію свидѣтельству, выданному отъ министерства финансовъ, къ отысканію золотоносныхъ розсыпей, долженъ объявить объ отправленіи поисковой партіи, мѣстному волостному правленію и потомъ, когда будетъ открытъ имъ благонадежный пріискъ, сдѣлать, согласно ст. 2446 Уст. Горн., въ надлежащемъ земскомъ судѣ явку, съ соблюденіемъ всѣхъ предписанныхъ на сей предметъ въ томъ уставѣ правилъ; получивъ за тѣмъ изъ сего суда копію съ этой явки, золотопромышленникъ посылаетъ отъ себя, въ установленный ст. 2454 того же устава 40-дневный срокъ, списки съ оной, по принадлежности, къ горному начальству и въ мѣстную палату государственныхъ имуществъ. Земскій же судъ, съ своей стороны, обязанъ, съ первою почтою (подъ опасеніемъ взысканія по учрежденіямъ губернскимъ), донести о каждой записанной въ шнуровой книгѣ явкѣ, какъ палатѣ государственныхъ имуществъ, такъ и горному начальству. б) При отводѣ горнымъ чиновникамъ промышленнику площади къ пріиску въ казенной или общественной дачѣ, кромѣ депутата со стороны мѣстнаго управленія государственныхъ имуществъ, должны непремѣнно находиться понятые изъ ближайшихъ селеній, которымъ промышленникъ платитъ за время пребыванія ихъ при отводѣ, а равно за дни, употребленные ими на проездъ къ пріиску и обратно, по 40 к. сер. въ сутки. в) Золотопромышленникъ обязанъ производить развѣдки розсыпей безъ вреда полямъ и лугамъ; въ случаѣ же, если подъ заявленные пріиски поступятъ пахотныя и сѣнокосныя мѣста, какъ крестьянскія, такъ и въ оброчномъ содержаніи состоящія, то золотопромышленники обязаны заключать съ крестьянами и оброкосодержателями надлежащія условія о вознагражденіи за пользование этими угодьями во все время продолженія работъ, по взаимному соглашенію, но ни въ какомъ случаѣ не ниже платы, опредѣленной въ п. 4-мъ ст. 2429 Уст. Горн. (ежегодно за десятину луговой земли по 3 р., за десятину пашенной, не приготовленной еще распашкою подъ посѣвъ, по 1 р. 35¼ к., а за десятину приготовленной уже подъ посѣвъ, по той же цѣнѣ, и сверхъ того одновременно, собственно за

распашку, по 4 р.). Въ случаѣ порчи неотведенныхъ ему земель, золотопромышленникъ обязанъ сдѣлать вознагражденіе по соглашенію съ крестьянами, оброкосодержателями и мѣстнымъ управленіемъ государственныхъ имуществъ. Ежегодная плата за каждую отошедшую подъ прискъ десятину должна поступать въ распоряженіе сельскихъ обществъ, такъ какъ казенныя земли, состояція въ пользованіи государственныхъ крестьянъ, даны въ надѣлъ симъ обществамъ и распределяются сходомъ; крестьяне же, въ пользованіи коихъ состояли земли, подъ прискъ отошедшія, могутъ требовать отъ общества отвода другихъ участковъ, независимо отъ вознагражденія за посѣвъ или приготвленіе земли къ оному. г) Еслибы подъ присками оказались крестьянскія жилища или другія какія-либо строенія, то промышленникъ обязанъ войти въ соглашеніе съ хозяевами таковыхъ строеній о сносѣ ихъ на собственный его счетъ, съ вознагражденіемъ притомъ за всѣ убытки, отъ того произойти могущіе, и, по полученіи согласія владѣльцевъ, испросить отъ палаты государственныхъ имуществъ разрѣшеніе. Это правило относится только до отдѣльныхъ крестьянскихъ строеній, но не до цѣлыхъ, или частей селеній, подъ которыми земля не можетъ быть отводима подъ приски, безъ предварительнаго высшимъ начальствомъ обсужденія сего обстоятельства. д) Развѣдки и разработку золота въ лѣсахъ производить съ вѣдома и при наблюденіи мѣстнаго лѣснаго управленія, не дѣлая лѣсамъ никакого вреда, а именно: наблюдать всѣ предосторожности отъ огня, дабы не произошло въ лѣсахъ пожара, и отвѣтствовать за вредъ, оттого происшедшій; не повреждать деревъ безъ необходимой надобности и о поврежденномъ лѣсѣ объявлять, и платить по установленной таксѣ, за строевой лѣсъ попенныя, а за дровяной посаженные деньги; если же о сѣмъ не объявится, то, при открытіи лѣснымъ начальствомъ, виновный подвергается взысканію вдвое; не впускать въ лѣва никакого скота, кромѣ необходимаго для работъ числа лошадей, которыхъ пасти на мѣстахъ, по отводу лѣсничаго, въ ближайшемъ отъ развѣдокъ разстояніи, съ платою за пастьбу по цѣвѣ, какая опредѣлена будетъ по взаимному соглашенію; за пастьбу же скота въ другихъ не указанныхъ мѣстахъ и особенно, гдѣ имѣется молодая поросль, отвѣтствовать на основаніи лѣсныхъ узаконеній, и наконецъ, рывины, которыя сдѣланы будутъ при розысканіи, заравнивать. е) Потребный при развѣдкѣ и разработкѣ приска лѣсъ получать промышленникамъ изъ казенныхъ или общественныхъ дачъ, смотря по удобству, по билетамъ, выдаваемымъ отъ лѣсничихъ за попенныя деньги, которыя обращаются въ доходъ лѣсной, или въ пользу общества, по принадлежности. ж) Наемъ крестьянъ къ работамъ на приски производить по обоюдному соглашенію нанимателей съ наемниками. Исправное очищеніе податей крестьянами, нанимающимися на приски, должно быть совершаемо въ томъ порядкѣ, какой существуетъ при выдачѣ крестьянамъ паспортовъ на отлучки. Въ отношеніи отдачи золотопромышленникамъ въ работы неплательщиковъ податей, надлежитъ руководствоваться правилами, изложенными въ ст. 619-й уст. подат. (Св. зак. томъ V изд. 1857 г.) Всѣ дальнѣйшія распоряженія, какъ-то: объ учрежденіи надзора со стороны горнаго вѣдомства за разработкою присковъ, о порядкѣ доставленія съ нихъ добываемаго металла, сдачи таковаго на монетный дворъ для сплава и опробованія и объ удовле-

творенія слѣдующими за оный деньгами, предоставитъ министру финансовъ сдѣлать въ свое время, по мѣрѣ помянутыхъ открытій. Частный золотой промыселъ въ Чердынскомъ уѣздѣ Пермской губерніи, входящій въ составъ Уральскаго Горнаго Округа, подчиняется вѣдомству тамошняго горнаго правленія. Всѣ расходы по управленію золотыми промыслами въ упомянутыхъ губерніяхъ относятся насчетъ денежной подати, взимаемой во ст. 2.545 Уст. Гор. съ частнаго золота.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, въ 11 день марта сего 1859 года, высочайше повелѣть соизволилъ: дозволить лицамъ, ищущимъ высшихъ медицинскихъ степеней въ нашихъ университетахъ, писать и защищать диссертациа, по собственному ихъ лицъ усмотрѣнію, на латинскомъ, русскомъ, или на одномъ изъ употребительнѣйшихъ у насъ европейскихъ языковъ.

Государь Императоръ, по положенію главнаго правленія училищъ, въ 24 день минувшаго марта, высочайше повелѣть соизволилъ: 1) Учредить въ Дерптскомъ университетѣ должность проректора, для управленія студентами, на слѣдующихъ основаніяхъ: а) Проректоръ избирается совѣтомъ университета изъ числа ординарныхъ профессоровъ на четыре года и, по представленію попечителя округа, утверждается въ семь званіи министромъ народнаго просвѣщенія. За исправленіе сей должности производится ему добавочнаго жалованья по 400 р. въ годъ, изъ экономической суммы университета. б) Къ вѣдомству проректора принадлежать всѣ дѣла по нарушенію студентами правилъ дисциплины и благочинія. Сверхъ сего, къ нему обращаются студенты, въ случаѣ нанесенныхъ имъ обидъ, для полученія законнаго удовлетворенія. в) Всѣ дѣла производятся проректоромъ сокращеннымъ порядкомъ, словесно, и рѣшенія его, въ отношеніи къ студентамъ, считаются окончательными, если наказаніе ограничивается выговоромъ, или заключеніемъ въ карцеръ, не болѣе пяти дней. Дѣла же, по коимъ присуждаются болѣе значительныя наказанія, передаются проректоромъ въ университетскій судъ, съ приложеніемъ протоколовъ, если таковые были составлены, или съ словеснымъ объясненіемъ сущности дѣла. Если обвиненный находится подъ арестомъ, то передача эта производится не далѣе слѣдующаго дня. г) Въ случаѣ болѣзни или законнаго отсутствія проректора мѣсто его занимаетъ второй, избранный для этого званія кандидатъ, который, за время исправленія проректорской должности, пользуется и присвоеннымъ ей добавочнымъ жалованьемъ. 2) Возвысить оклады жалованья штатныхъ частныхъ преподавателей Дерптскаго университета до 500 р., а экзекутора и оберъ-педеала до 450 р. въ годъ каждому, съ отнесеніемъ опредѣляемой прибавки къ штатнымъ окладамъ сихъ чиновниковъ на экономическую сумму университета.

Для увѣковѣченія торжественнымъ воздвиженіемъ народнаго памятника тысячелѣтія существованія государства Россійскаго, открыта съ высочайшаго соизволенія повсемѣстная по Имперіи подписка для добровольныхъ на сей предметъ денежныхъ пожертвованій отъ всѣхъ сословій.

Нынѣ, по высочайшему Государя Императора повелѣнію, объявляется въ Россіи конкурсъ на сочиненіе означеннаго проекта памятника на изложенныхъ ниже основаніяхъ: 1) Памятникъ по наружному виду долженъ соответствовать историческому своему значенію. 2) Онъ долженъ состоять предпочтительно изъ ваяльныхъ изображеній, соединенныхъ изящными архитектурными сооруженіями. 3) На памятникъ имѣютъ быть представлены отдѣльными ваяльными изображеніями шесть эпохъ исторіи русской:

Рюрикъ—основаніе государства Русскаго, 862 годъ по Р. Х.

Владиміръ—введеніе христіанства въ Россію, 988 годъ

Дмитрій Донской—начальное освобожденіе отъ ига татарскаго 1380 г.

Іоаннъ III—основаніе единодержавія царства Русскаго, 1491.

Михаилъ Феодоровичъ—возстановленіе онаго избраніемъ на престолъ Дома Романовыхъ, 1613.

Петръ Великій—преобразование Россіи и основаніе Имперіи Россійской, 1721,

а надъ ними, въ преобладающемъ видѣ, изображеніе вѣры православной, какъ главнаго основанія нравственнаго возвеличенія русскаго народа. Впрочемъ составители проекта могутъ и не стѣсняться симъ указаніемъ, лишь бы памятникъ выражалъ главную мысль сооруженія онаго—ознаменованіе постепеннаго, въ теченіе тысячи лѣтъ, развитія государства Россійскаго, и чтобы соответствовалъ условіямъ нижеозначеннымъ. 4) Проектъ на возведеніе памятника имѣетъ быть сопровожденъ пояснительнымъ онаго описаніемъ, съ указаніемъ свойства и хода работъ и съ приблизительнымъ опредѣленіемъ времени и расходовъ, для оныхъ потребныхъ. За симъ, по тому проекту, который будетъ избранъ для сооруженія памятника, детальныя чертежи, рисунки и смѣты должны быть представлены составителемъ проекта не позже, какъ чрезъ три мѣсяца по востребованію. 5) Цѣнность памятника не должна превышать 500 т. р. сер., и самый проектъ долженъ быть соображенъ съ возможностью исполненія онаго въ два года, такъ чтобы, согласно съ высочайшею Государя Императора волею, памятникъ могъ быть открытъ 26 августа 1862 года. 6) Срокъ для представленія проекта опредѣляется шестимѣсячный, то-есть къ 1 ноября сего 1859 года. 7) Памятникъ назначено возвести въ Новѣгородѣ, въ Кремлѣ, между Софійскимъ соборомъ и губернскими присутственными мѣстами, на площади, имѣющей до 6.000 квад. саж., но нѣсколько неправильной, такъ что къ одной сторонѣ мѣсто, избранное для памятника, будетъ отстоять отъ ближайшаго зданія (угла дома митрополита) только на двадцать сажень, съ прочихъ же сторонъ вдвое и втрое болѣе. Сообразно сему, памятникъ долженъ бы быть въ планѣ продолговатымъ, высотой же не превышать восьми сажень. 8) За тотъ изъ доставленныхъ на конкурсъ проектовъ, который избранъ будетъ для постройки памятника, сочинителю назначается денежное вознагражденіе въ 4.000 р.

сер., изъ коихъ двѣ тысячи выдадутся ему вслѣдъ за избраніемъ проекта, а остальные двѣ тысячи—по представленіи и одобреніи деталь-ныхъ чертежей, рисунковъ и смѣты. Второй по достоинству проектъ, изъ числа представленныхъ къ конкурсу, получаетъ премію въ тысячу р. сер. Прочіе всѣ проекты возвращаются по принадлежности. 9) Всѣ художники, русскіе или въ Россіи проживающіе, приглашаются къ участию въ семь конкурсовъ. Они могутъ доставить свои проекты въ С.-Петербургъ, на имя главноуправляющаго путями сообщенія и публичными зданіями, не позже исхода октября мѣсяца; при чемъ желающіе сохранить имя свое втайнѣ могутъ обычнымъ въ семь случаевъ порядкомъ означить оное въ отдѣльномъ запечатанномъ конвертѣ, съ девизомъ, помѣщаемомъ и на проектѣ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ теперь извѣстій съ театра войны; но телеграфъ какъ будто издѣвается надъ этимъ нетерпѣніемъ, и вмѣсто ожидаемаго извѣстія о какой-нибудь великой битвѣ, съ докучливымъ безстрастіемъ разноситъ разныя такія вѣсти, которыхъ и въ другое болѣе спокойное время публика согласилась бы ждать безъ особеннаго нетерпѣнія. Телеграфъ передаетъ только то, что есть, и не его вина, если по вторженіи Австрійцевъ въ піемонтскія владѣнія не произошло до сихъ поръ ничего рѣшительнаго. Всѣ думали, что Австрія поспѣшила открыть войну для того, чтобы быстрымъ и энергическимъ движеніемъ смять піемонтскую армію, предупредить ея соединеніе съ французскою, которая далеко не такъ удобно и легко могла явиться на помощь союзникамъ, какъ легко и удобно могли повидимому Австрійцы завладѣть самою столицею Піемонта. Вышло однако не такъ: Австрійцы не воспользовались выгодами стороны начинающей, и для того, чтобы дѣло находилось въ такомъ видѣ, въ какомъ оно находится теперь, австрійскому правительству вовсе бы не было, кажется, надобности торопиться начатіемъ войны. Австрійскія войска дѣйствовали нерѣшительно и медленно, между тѣмъ какъ Французы, и моремъ и сушею, съ удивительною быстротою присоединились къ своимъ союзникамъ, и австрійскія войска сочли лучшимъ отступить назадъ за рѣку Сезію, и изъ наступательнаго

положенія перейти въ оборонительное. Впрочемъ едва ли и имѣла Австрія въ виду такой смѣлый и рѣшительный натискъ, какого ожидали всѣ въ Европѣ по полученіи перваго извѣстія объ открытіи военныхъ дѣйствій. На это дѣло можно смотрѣть гораздо проще и объяснять его гораздо согласнѣе съ преданіями австрійскаго правительства и австрійской военной чести. Не давно въ прусскомъ парламентѣ одинъ изъ депутатовъ, г. фонъ-Финке, объяснялъ, не безъ основанія, поспѣшность, съ какою Австрія объявила войну, отчаяннымъ положеніемъ ея финансовъ. Ей было не въ мочь содержать свои войска, и она естественно предпочла прокармливать эту араву на берегахъ Сесинъ въ пиемонтскихъ владѣніяхъ. И дѣйствительно, австрійская армія въ этомъ отношеніи не положила охулки на свою руку; соблюдая интересъ казны, она кормилась исправно на чужой землѣ, и всѣ мѣста, гдѣ только появлялись ея храбрые отряды, дочиста ограблены и разорены. У жителей отнимали скоть и всякое продовольствіе, съ городовъ брали огромныя контрибуціи. Въ *Allgemeine Zeitung* доказываютъ, что Австрія имѣла при этомъ болѣе возвышенную цѣль, цѣль педагогическаго свойства. Она хотѣла научить пиемонтекое народомаселеніе, *was Krieg ist*, то-есть, что значитъ война. Впрочемъ, пока въ Европѣ судятъ и толкуютъ объ этихъ дѣйствіяхъ австрійской арміи, между тѣмъ какъ Сардинія и Франція въ виду такого способа веденія войны, принятаго ихъ противникомъ, налагаютъ въ возмездіе эмбарго на австрійскія суда, корреспонденты австрійскихъ журналовъ восхищаются свою публику прелестными описаніями мирныхъ, почти идиллическихъ сценъ, происходившихъ на берегахъ Сесинъ: какъ нѣжно обращались эти храбрые воины съ жителями, какъ заботливо старались они обходить поля, чтобы не вытоптать посѣвовъ, какъ кипѣла торговля въ городахъ, какъ оживлены были улицы, гдѣ являлись эти легіоны,—являлись вовсе не разрушительными силами войны, а какими-то вѣстниками благополучія и мира. Спрашивается только, къ чему можетъ послужить эта безстыдная и наглая ложь, и какую пользу, какое значеніе, можетъ имѣть для общественнаго мнѣнія эта журналистика, искусственная и подкупная? Но мы теперь пока оставляемъ театръ войны, откуда въ скоромъ времени будемъ имѣть возможность предлагать нашимъ читателямъ подробныя и точныя свѣдѣнія въ письмахъ нашего корреспондента, который теперь отправляется на самый театръ войны (1).

(1) Известный нашъ литераторъ Н. В. Бергъ, котораго записки объ осадѣ Севастополя читались съ такимъ интересомъ, будетъ постоянно присылать въ редакцію *Русскаго Вѣстника* свои письма съ театра итальянской войны.

Мы должны обратить теперь вниманіе на политическое положеніе Европы. Воюющія стороны много уже высказывались въ дипломатической періодъ вопроса, и наконецъ, вмѣстѣ съ открытіемъ войны, всѣ три державы, Австрія, Франція и Сардинія, издали свои манифесты.

Австрійскій манифестъ, за неизмѣнимъ австрійскаго народа, которому недавно изъявлялъ свое племенное сочувствіе лордъ Мальмсбери, обращенъ къ вѣрнымъ народамъ, благоденствующимъ подъ скипетромъ австрійскаго императора. «Монимъ народамъ», восклицаетъ императоръ Францъ-Иосифъ во главѣ своего манифеста. Почему же, если скипетръ австрійскаго императора простирается на многіе народы, почему же Австрія можетъ считать себя представительницею германской національности и считаться другимъ за германское государство? Откуда же мысль о какой-то австрійской національности? откуда же недоразумѣніе, воображающее, что Австрійская имперія есть выраженіе какого-то особаго цѣлаго народа? Почему же обращаются съ ней какъ съ государствомъ, основаннымъ на такого рода цѣльной національности, почему же она сама ведетъ себя внутри и внѣ въ этомъ духѣ, почему страны, подлежащія австрійскому скипетру, являются не болѣе какъ провинціями одного цѣлаго государства, когда Австрія и быть не можетъ цѣльнымъ государствомъ? Почему же народы, живущіе подъ австрійскимъ скипетромъ, должны подчиняться германской народности, составляющей въ ней относительно весьма слабый элементъ? Одно что-нибудь: или не народы, а одинъ австрійскій народъ, который отысканъ лордомъ Мальмсбери, или многіе, другъ отъ друга независимые народы, какъ долженъ былъ сказать императоръ австрійскій, обращаясь къ своимъ подданнымъ, которые не поняли бы его, еслибъ онъ вздумалъ обращаться къ нимъ какъ къ одному народу. Императоръ австрійскій лучшій авторитетъ въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ лордъ Мальмсбери, и мы въ этомъ случаѣ можемъ повѣрить ему, хотя въ цѣломъ манифестѣ его, кромѣ этого пункта, почти ничему нельзя повѣрить, почти ничего нельзя признать за истину и дѣло. А если австрійское единство покрываетъ собою многія народности, то не должна ли каждая изъ этихъ отдѣльныхъ народностей имѣть право на самостоятельное существованіе, на самобытное развитіе, и государственное единство Австріи не должно ли по своей натурѣ имѣть форму федераціи, форму союза отдѣльныхъ народныхъ организмовъ, изъ которыхъ каждый пользовался бы полнымъ внутреннимъ самоуправленіемъ? Австрійское государственное единство, Австрія, можетъ получить смыслъ не иначе, какъ давъ у себя полный просторъ этому началу самоуправленія. Болѣе чѣмъ какое-либо другое государство въ Европѣ, она нуждается въ живой и полной самостоятельности своихъ частей. Но съ другой стороны это отвлеченное единство

государственной власти, простирающейся на многія разнохарактерныя народности, весьма естественно и весьма легко превратилось въ исключительный династическій интересъ, который оперся на германскій элементъ, какъ на господствующую народность, поставилъ себя ко всѣмъ другимъ во враждебныя отношенія, и сталъ приютомъ самаго темнаго духа, источникомъ самой макіавеллической политики, началомъ самой возмугительной и всеподавляющей системы.

Императоръ Францъ-Іосифъ извѣщаетъ свои вѣрныя народы, что онъ повелѣлъ своей вѣрной и храброй арміи положить конецъ враждебнымъ посягательствамъ со стороны Сардиніи противъ священныхъ правъ его короны, что онъ съ спокойною совѣстію можетъ возносить взоръ свой къ Богу Всемогущему и ожидать Его приговора, что онъ свое рѣшеніе передаетъ безпристрастному обсужденію современнаго міра и потомства; что же касается до сочувствія его вѣрныхъ народовъ, то въ этомъ онъ не сомнѣвается нисколько. Онъ припоминаетъ прошедшее, ту борьбу, которую за десять лѣтъ передъ симъ велъ онъ съ тѣмъ же врагомъ, какъ надъ этимъ врагомъ одержана была имъ достославная побѣда, и какъ великодушно была послѣ простерта ему рука примиренія. Онъ пощадилъ пораженнаго врага, онъ не огнялъ у него ни одного вершка земли, даже не потребовалъ обезпеченія не предпринимать снова подобныхъ покушеній. «Я думалъ видѣть это обезпеченіе, говорилъ онъ, въ рукѣ, простертой мною для примиренія и принятой въ этомъ смыслѣ.» Несмотря на это, по собственному мнѣнію императора Франца-Іосифа, «безпримѣрное въ исторіи великодушіе», врагъ продолжалъ свою коварную агітацію, направленную, прибавляетъ онъ, «противъ спокойствія и блага моего Ломбардо-Венеціанскаго королевства».

Какъ различно смотрятъ люди на одинъ и тотъ же предметъ! По мнѣнію императора австрійскаго, замыслы Піемонта были направлены противъ истиннаго блага его вѣрнаго и любезнаго ему Ломбардо-Венеціанскаго королевства; а Піемонтъ съ своей стороны ничего другаго не хочетъ, ничего другаго не ищетъ кромѣ блага Італіи и блага Ломбардіи и Венеціи; Піемонтъ убѣжденъ, что Ломбардо-Венеціанское королевство изнемогаетъ подъ бременемъ самаго антипатическаго управленія, самой тягостной политической системы, которую недавно въ такихъ живыхъ краскахъ изображалъ графъ Кавуръ въ своихъ рѣчахъ, въ своихъ циркулярахъ въ своемъ меморандумѣ. Изъ австрійскаго манифеста выходитъ, что Австрія ополчилась, напрягла всѣ свои силы, начала войну, расточила свои деньги и будетъ проливать свою кровь для блага этихъ неблагодарныхъ Ломбардцевъ. Сколько блага для нихъ и какъ они мало цѣнятъ его! Впрочемъ, австрійскій

императоръ объявляетъ, что онъ съ терпѣніемъ переноситъ эти новыя посягательства своего врага, и что терпѣніе это не истощалось даже и въ то время, когда онъ долженъ былъ принять мѣры противъ злокозненныхъ возбужденій какъ въ странахъ, сопредѣльныхъ съ его италіянскими владѣніями, такъ и въ нихъ самихъ. Онъ изясняетъ далѣе, съ какимъъ благодушіемъ и готовностію принялъ онъ мысль о конгрессѣ и полюбовномъ соглашеніи, какъ Австрія была сговорчива и уступчива, и какъ злобно упорствовалъ врагъ ея, и какъ конгрессъ не состоялся вслѣдствіе притязаній Сардиніи. Наконецъ, ему угодно было повелѣть, чтобы Сардинія немедленно обезоружилась и распустила шайки своихъ волонтеровъ; ея ожесточеніе и упорство были такъ велики, что она не повиновалась, и тутъ наконецъ терпѣніе Австріи должно было истощиться, и я, говоритъ австрійскій императоръ, повелѣлъ моей арміи вступить въ Сардинію. «Я сознаю, продолжаетъ онъ, все значеніе этого шага, и никогда правительственные заботы не падали на меня такою тяжестію, какъ въ настоящую минуту. Война есть бичъ человѣчества, съ волненіемъ сердца вижу я, какъ грозить она тысячамъ моихъ вѣрныхъ подданныхъ въ ихъ жизни и собственности; я глубоко чувствую, какимъ тяжкимъ испытаніемъ будетъ война для моей имперіи именно въ настоящее время, когда она вышла на путь правильного внутренняго развитія и нуждается для этого въ сохраненіи мира.»

Слова эти могли бы имѣть большое значеніе, еслибы смыслъ ихъ былъ совершенно ясенъ, еслибы этотъ путь внутренняго развитія, на который, по увѣренію императора, вышла Австрія въ послѣднее время, не подвергался сильному сомнѣнію. Въ чемъ состояло это внутреннее развитіе, куда было направлено, въ какомъ духѣ совершалось? Къ сожалѣнію, въ Австріи властвуютъ можетъ-быть еще съ большею силою всѣ тѣ начала, которыя сообщили ей такую антипатическую фізіономію и вызываютъ противъ нея укоры даже со стороны тѣхъ партій, которыя вовсе не одушевлены идеями прогресса и развитія. Даже тугіе реакціонеры прусской верхней палаты не рѣшаются изъявлять безусловное сочувствіе австрійской политикѣ. Отчего же это происходитъ? Не оттого ли, что это воображаемое внутреннее развитіе шло не тѣмъ путемъ, какого требуетъ самая натура этого государства, составленнаго изъ такихъ разнообразныхъ элементовъ? Реформы, которыя производило австрійское правительство, либо ограничиваются только наружными прикрасами, которыя во только не улучшаютъ политическихъ и общественныхъ условий жизни, а напротивъ еще болѣе портятъ ихъ лицемеріемъ и ложью; либо вносятъ начала, которыя не только не приближаютъ австрійскаго устройства къ целиной цѣли его развитія, а на-

противъ все болѣе и болѣе отдаляютъ отъ нея. Прежняя система, при всей своей грубости и насиліи, не была такъ опасна для самостоятельной жизни особыхъ народностей, которыя составляютъ Австрію. Теперь духу этой системы приданы болѣе дѣйствительныя средства; онъ простирается дальше и глубже, и всѣ внутреннія реформы австрійскаго правительства направлены были къ тому, чтобы какъ можно болѣе централизовать народонаселенія и области. Система централизаціи прилагается теперь въ Австріи въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ: у Кроатовъ, которые спасли Австрійскую монархію, когда она, казалось, безвозвратно погибала, отнято въ награду за то ихъ особое управленіе и мѣстное устройство; община, этотъ основной элементъ государственнаго устройства, передѣлывается повсюду въ Австріи, подводится подъ одинъ уровень и централизуется по проекту великаго централизатора, одного изъ нынѣшнихъ министровъ, барона Баха. Этотъ новопожалованный баронъ представляетъ собою *демократическій* элементъ въ императорскомъ австрійскомъ правительствѣ. Въ 1848 году онъ былъ адвокатомъ и однимъ изъ передовыхъ людей въ рядахъ демагогіи; въ настоящее время, ставъ министромъ въ одномъ изъ самыхъ деспотическихъ правительствъ Европы, онъ представляетъ собою выразительный символъ того, какъ въ сущности близки между собою деспотизмъ и демократія въ нѣкоторыхъ своихъ направленіяхъ. Служа органомъ австрійскаго правительства, г. фонъ-Бахъ очень удобно прилагаетъ къ дѣлу тѣ централизаціонныя планы, которые очерпнулъ онъ изъ своихъ демократическихъ убѣжденій, и въ то же время постановляетъ правила о лучшемъ способѣ подвергать тѣлеснымъ наказаніямъ женщинъ. Въ меморандумѣ своемъ графъ Кавуръ указывалъ на тѣлесныя наказанія, которымъ подвергаются женщины, какъ на одну изъ причинъ ненависти ломбардо-венеціанскаго народонаселенія къ Австрійцамъ. Слова эти не были фразою; справедливость ихъ подтверждена недавно оффиціальнымъ документомъ, напечатаннымъ въ турпшскихъ газетахъ. Это приказъ миланскаго городского управленія; вотъ его содержаніе: «По поводу недавно сдѣланнаго запроса министръ юстиціи, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и министромъ финансовъ, опредѣляетъ, что для наказанія осужденныхъ и обвиняемыхъ женщинъ розгами, будутъ употребляться женщины же, — жены тюремщиковъ или прислужницы при тюрьмахъ, наиболѣе способныя къ этому дѣлу, съ платою по 20 крѣйц. за каждую экзекуцію...» «Все въ этомъ документѣ, сказано въ *Times* одинаково драгоцѣнно: вонервыхъ изъ новаго, содержащагося въ немъ распоряженія легветъ, что огвратительныя тѣлесныя наказанія женщинъ не всегда до сихъ поръ приводились въ испол-

неніе женщинами же, а восторжъ очаровательно зрѣлище, представляемое цивилизованному міру тремя главными министрами одной изъ первоклассныхъ европейскихъ державъ, серьезно рѣшающими вопросъ о томъ, что мужинъ надо съчь даромъ, а женинъ за 20 копѣекъ. Въ Пиемонтѣ австрійскій императоръ видитъ не просто политическаго врага, но начало революціонное. Онъ указываетъ своимъ народамъ, которыхъ ставитъ въ образецъ династической вѣрности для всѣхъ народовъ міра, на Пиемонтъ, какъ на союзника партіи, домогающейся всеобщаго переворота, а на Австрію, какъ на благодѣтельную силу, которая спасаетъ лучшее и высшее благо человѣчества отъ зловредныхъ замысловъ этой партіи. По его мнѣнію, Провидѣніе назначило Австрію на то, чтобы блескомъ меча ея разгонять тѣни, распространяемыя революціею по лицу земли: таковы подлинныя выраженія манифеста. Что Сардинія хочетъ, какъ утверждаетъ императоръ австрійскій, присоединить къ себѣ Ломбардію, — полагать и высказывать это онъ имѣетъ право и можетъ-быть имѣетъ основаніе. Но о союзѣ Сардиніи съ революціонною партіею сказано вѣроятно для большей силы и красоты слога, равно какъ и о блескѣ австрійскаго меча, разгоняющаго тѣни революціи, между тѣмъ какъ Австрія и все австрійское въ мірѣ есть, напротивъ, главный источникъ революціонныхъ бурь. Австрійскій императоръ укорялъ Сардинію за союзъ съ революціею въ то самое время, когда другой потентатъ, въ комъ по преимуществу воплотился духъ революціи, глава той партіи, которая будто бы находится въ союзѣ съ Сардиніею, пресловутый Мадзини, издалъ свой манифестъ, въ которомъ онъ еще гораздо сильнѣе громитъ Сардинію, предостерегаетъ отъ нея всѣхъ италіанскихъ демократовъ и республиканцевъ, какъ отъ самаго опаснаго врага. Мадзини не ошибся: Сардинія дѣйствительно, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, представляла собою начала, которыя при успѣшномъ развитіи могутъ упразднить всякую революцію, отнять у нея смыслъ, силу и всякій предлогъ для существованія; между тѣмъ какъ австрійская система отъ начала порождала и поддерживала въ силѣ тѣ элементы, изъ которыхъ развивается революція: гдѣ австрійская система, тамъ и зародышъ революціи; одно съ другимъ нераздѣльно, какъ двѣ стороны одной и той же вещи. Относительно Франціи, австрійскій императоръ говоритъ, что она, для поддержки Сардиніи, вмѣшивается въ отношенія Апеннинскаго полуострова, правильно устроенныя по уставамъ международнаго права. Но если Австрія имѣла право съ своей точки зрѣнія заключать наступательныя и оборонительныя трактаты съ италіанскими государствами и даже вмѣшиваться въ ихъ внутреннія дѣла, если Австрія считала себя въ

правѣ распоряжаться судьбами этого полуострова по своему усмотрѣнію, то этимъ самымъ она даетъ и Франціи точно такое же право помогать своимъ союзникамъ въ Италіи и устранять италіянскія дѣла согласно съ своими видами или выгодами; тутъ стало-быть, дѣло не въ правѣ, а въ силѣ, и такъ какъ Австрія первая обнажила мечъ, то на ея отвѣтственности остается и формальное нарушеніе международнаго права, и всѣ послѣдствія войны. Австрійскій манифестъ изъясляетъ увѣренность, что Австрія будетъ стоять не одна въ этой войнѣ, что она найдетъ себѣ сильную и дѣятельную помощь со стороны Германіи. Манифестъ затрогиваетъ щекотливое и такъ часто взбалмошное чувство германской народности, и увѣряетъ, что италіянскія владѣнія Австріи составляютъ истинный оплотъ Германіи, и что всѣ враги Германіи прежде всего направляютъ свои враждебныя покушенія противъ этого оплота. Мы имѣли уже случай въ предыдущей книжкѣ приводить эти слова австрійскаго манифеста, которыя дѣйствительно были разчитаны не дурно для произведенія нужнаго эффекта въ Германіи, гдѣ разыгравшійся патриотизмъ такъ все рветъ и мечетъ, и гремитъ національными пѣснями Арндта и Беккера, этими *марсельезами* нѣмецкаго издѣлія.

Если Австрія упрекаетъ Францію въ нарушеніи уставовъ международнаго права, то и Франція не остается у нея въ долгу. Императоръ Французовъ прямо начинаетъ свой манифестъ съ того, что Австрія своимъ вторженіемъ въ Сардинію нарушила трактаты. Обѣ стороны равно отправляются отъ трактатовъ, и обѣ считаютъ себя равно правыми. Тѣмъ не менѣе, дѣйствительно, судьба хотѣла, чтобъ Австрія, которая въ своихъ притязаніяхъ опиралась единственно на букву трактатовъ, явилась ея первою нарушительницей. Теперь участіе Франціи въ войнѣ, начатой Австріею, не противорѣчитъ условіямъ международнаго права. Вторженіе Австрійцевъ въ предѣлы союзной державы Франція имѣла полное право принять за объявленіе войны. Французскій манифестъ, задавая вопросъ, что могло побудить Австрію къ такому рѣшительному шагу, когда вся Европа старалась уладить вопросъ дипломатическими способами, отвѣчаетъ, что Австрія увлеклась тѣми самыми присвоительными стремленіями, въ которыхъ она упрекала Сардинію. «Австрія, говоритъ императоръ Французовъ, довела дѣла до такой крайности, что приходится либо ей простереть свое владычество до Альповъ, либо Италіи стать свободною до Адриатическаго моря; ибо всякій уголъ въ этой странѣ, остающійся независимымъ, грозитъ опасностію ея владычеству.» Императоръ удостовѣряетъ, что Франція не ищетъ завоеваній, что она уважаетъ трактаты, если только ихъ не нарушаютъ въ

ущербъ ей, что она уважаетъ территоріи и права нейтральныхъ державъ, но громко изъявляетъ свое сочувствіе къ италіянскому народу, который стенаетъ подъ чужеземнымъ игомъ. Императоръ Французовъ, такъ же какъ и австрійскій императоръ, касается революціонныхъ элементовъ; но употребляя этотъ аргументъ въ свою пользу, онъ ставитъ его особымъ, оригинальнымъ образомъ. «Франція, говоритъ онъ, показала, какъ она ненавидитъ анархію; она рѣшилась дать мнѣ власть достаточно сильную для того, чтобы низложить виновниковъ смутъ и несправимыхъ людей, принадлежащихъ къ старымъ партіямъ, которыя только и дѣлаютъ, что водятся съ нашими врагами; но она вслѣдствіе этого не отреклась отъ своей цивилизующей роли. Ея естественными друзьями были всегда тѣ, которые желаютъ улучшенія человечеству, и если она обнажаетъ свой мечъ, то не для покоренія, а для освобожденія.»

Все это очень хорошо сказано, и также хорошо было сказано неоднократно прежде. Но прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на замѣчательное сочетаніе мыслей. Властитель Франціи какъ бы сознается, что власть, которою онъ пользуется, можетъ возбуждать сомнѣнія касательно цивилизующей роли Франціи. Онъ говоритъ: Франція дала мнѣ эту сильную власть; но поступивъ такъ, она еще не отказалась отъ своей цивилизующей роли. Этимъ онъ какъ бы признаетъ, что власть его есть только какъ бы необходимое зло для Франціи, не отнимающее у нея однако возможности дѣйствовать въ международной полетикѣ благотворнымъ образомъ. Неяснымъ остается лишь отзывъ его объ этихъ партіяхъ, которыя ведутъ дружбу съ врагами Франціи. Есть ли это намекъ на приверженцевъ бурбонской династіи, воспоминаніе о старыхъ эмигрантахъ, которые въ войны революціи и имперіи сражались противъ Франціи, подъ чужеземными знаменами? Въ настоящее время, ничего подобнаго не видно, и намекъ этотъ можетъ-быть основанъ на данныхъ, которыя публикѣ неизвѣстны. Императоръ Французовъ, такъ же какъ и австрійскій, говоритъ о своемъ мечѣ: блескъ австрійскаго меча разгоняетъ тѣни революціи, а шпага Франціи обнажается не для покоренія, а для освобожденія народовъ. Но если блескъ австрійскаго меча есть лишь плохая фигура рѣчи, то въ звучной фразѣ французскаго императора есть доля истины, которой нельзя не признать. Дѣло въ томъ, что французскій мечъ, какъ и всякій мечъ, любитъ покорять и поработать; но судьба его такая, что онъ и противъ воли своей служить въ концѣ концовъ орудіемъ освобожденія. Онъ служитъ этимъ орудіемъ, потому что отличается удивительною способностію возбуждать въ отпоръ себѣ дремлющія силы національности, на которую падаютъ его

удары. Самъ по себѣ этотъ добрый мечъ только бы то и дѣлалъ что покорялъ и порабощалъ; это его назначеніе, какимъ бы девизомъ онъ ни украшалъ себя; но чѣмъ сильнѣе проявляется его завоевательное назначеніе, тѣмъ глубже возбуждается жизнь, въ силу реакціи противъ него. Освобожденіе совершается, благодаря этой реакціи жизни противъ завоевательнаго меча, который, поражая внѣшнія силы народовъ, часто подавляющія въ нихъ живую силу внутренняго развитія, вызываетъ эту лучшую силу, сотрясаетъ ихъ организмъ, возбуждаетъ въ нихъ энергическое чувство своего назначенія, и такимъ образомъ освобожденіе является какъ дѣйствіе, вызванное завоевательнымъ мечомъ, но тѣмъ не менѣе противоположное ему и нисколько не заключающееся въ его природѣ. Завоевательныя, или что все то же военныя стремленія существуютъ, и при всемъ развитіи гражданственности имѣютъ еще основаніе существовать; нельзя отрицать также, что въ Европѣ эти стремленія находятъ себѣ органъ преимущественно во французскомъ народѣ. Но развитіе гражданственности въ настоящее время достигло до той степени, при которой завоевательныя стремленія не могутъ выдерживать свой характеръ, не могутъ вести къ тѣмъ всемірнымъ порабощеніямъ, о какихъ свидѣтельствуетъ намъ исторія былыхъ временъ; они входятъ только какъ элементъ въ общее движеніе жизни и служатъ послушно ея цѣлямъ, даже тогда, когда не сознаютъ ихъ, в даже тогда, когда не желаютъ ихъ. Если можно не безъ основанія сомнѣваться въ томъ, чтобы французскій мечъ могъ самъ собою дать независимость тѣмъ, за кого онъ обнажается; то нельзя, кажется намъ, сомнѣваться въ его благотворно-возбудительномъ и освобождающемъ дѣйствіи для тѣхъ, противъ кого должны быть направлены его удары. О возбужденіи живаго національнаго чувства въ Италіи позаботились уже Австрійцы и сами Французы во времена республики и первой имперіи. Французскій мечъ оказалъ уже эту услугу Италіи въ то время, когда покорялъ ее, и когда Австрійцы являлись въ свою очередь освободителями Италіи отъ Французовъ. Какимъ освободительнымъ блескомъ сверкалъ французскій мечъ въ рукахъ Наполеона, когда онъ воевалъ подъ знаменами республики въ Италіи! Но кто не знаетъ, какія были послѣдствія этого блеска и какой тайный духъ жилъ въ этихъ знаменахъ и управлялъ движеніями этого меча. Недавно вышли записки извѣстнаго дипломата того времени, графа Міо де-Мелито. Онъ свидѣтельствуетъ о томъ духѣ, въ какомъ дѣйствовалъ знаменитый республиканскій генералъ, завоевавшій себѣ въ послѣдствіи тронъ Франціи и всю Европу въ придатокъ. « Не думаете ли вы, говорилъ въ 1797 году генералъ Бонапарте (онъ находился тогда именно въ томъ самомъ мѣстечкѣ

Монтебелло, гдѣ, какъ сей часъ сообщилъ намъ телеграфъ, произошло первое сраженіе между союзниками и Австрійцами), не думаете ли вы, что я торжествую въ Италіи для того, чтобы основать въ ней республику? Какая мысль!... Это химера, которою тѣшатся Французы, но которая пройдетъ, какъ и многія другія химеры. Имъ нужна слава, пища для ихъ суетности; а свобода? Они ничего не смыслятъ въ ней... Пусть директорія попытается отнять у меня начальство, и она увидитъ, кто господинъ. Націи нуженъ вождь,—вождь, украшенный славою, а не правительственная теорія и рѣчи идеологовъ, въ которыхъ Французы ничего не понимаютъ. Дайте имъ погремушки, и этого имъ достаточно; они будутъ тѣшигся ими и дадутъ себя вести куда угодно, лишь бы только ловко скрывать отъ нихъ цѣль, куда ихъ ведешь. • Вотъ исповѣдь самого завоевателя, вотъ что было на душѣ его, и вотъ какъ онъ самъ понималъ освободительное дѣйствіе меча своего. Освобожденіе пришло, но не съ той стороны. Что же касается до Австрійцевъ, то они, въ свою очередь, не какъ освободители, но какъ поработители Италіи содѣйствовали развитію ея національнаго чувства, и можетъ-быть угладили пути для ея независимости, потому что можетъ-быть и дѣйствительно, всѣ разногласія италіанской жизни, мѣшавшія ей слиться въ одно національное цѣлое, готовы теперь умолкнуть послѣ этой долгой и мучительной школы. Если Италія, послѣ нынѣшней войны, дѣйствительно освободится, то этимъ она будетъ обязана тѣмъ внутреннимъ силамъ, которыя могли образоваться въ ней съ теченіемъ времени послѣ многихъ катастрофъ. По изгнаніи Австрійцевъ, ей придется сдѣлать еще одно великое усиліе, чтобы поставить себя въ надлежащія отношенія къ союзнику, который предлагаетъ ей теперь свою великодушную помощь. • Цѣль этой войны, говорить въ своемъ манифестѣ императоръ Французовъ, состоитъ въ томъ, чтобы возвратить Италію ей самой, а не въ томъ, чтобы она только переимѣнила своихъ обладателей, и мы будемъ имѣть у нашихъ границъ дружественный народъ, который будетъ намъ обязанъ своею независимостію. • Нѣтъ ни малѣйшаго основанія сомнѣваться въ искренности чувства, продиктовавшаго эти слова. Въ самомъ дѣлѣ, было бы не только придиричиво, но и нелѣпо думать, что Франція въ настоящее время, подъ предлогомъ помощи Сардиніи, помышляетъ о грубомъ завоеваніи Италіи. Къ тому же Франція вовсе не нуждается въ расширеніи своей территоріи. Она можетъ желать развѣ лишь первенства и преобладанія въ системѣ европейскихъ государствъ. Вопросъ можетъ быть только о томъ, въ какой мѣрѣ дѣйствуетъ теперь это желаніе въ политикѣ французскаго правительства и въ побужденіяхъ императора Наполеона III. Наконецъ вопросъ можетъ быть постав-

лень совершенно независимо отъ сознательныхъ цѣлей и личныхъ побужденій. Есть законъ вещей, который сильнѣе всякихъ личныхъ побужденій. Франція можетъ дѣйствовать съ полнымъ безкорыстіемъ для освобожденія Италіи отъ австрійскаго ига. Но, какъ говорить императоръ, на границахъ Франціи будетъ народъ, который будетъ обязанъ ей своею независимостію. Что же изъ этого слѣдуетъ? Если Италія должна пріобрѣсти единство и стать страной свободною, то это новое могущественное цѣлое, которое войдетъ въ систему европейскихъ государствъ, не можетъ и не должно находиться въ обязательно-дружественныхъ отношеніяхъ къ другому могущественному государству. Мы никакъ не должны переносить на народы или на государства тѣ чувства, которыя могутъ имѣть силу и смыслъ только въ сердцѣ отдѣльнаго человѣка. Это значило бы смѣшивать понятія, и вмѣсто одной вещи говорить о другой. Говоря напримѣръ о неблагодарности Австріи, мы можемъ имѣть въ виду не народъ австрійскій, который впрочемъ и не существуетъ, а австрійскаго императора. Что же касается до самого государства, то оно не должно и не можетъ руководствоваться ничѣмъ инымъ, кромѣ потребности собственнаго существованія. Вѣчная благодарность, которая осталась бы на обязанности Сардиніи, еслибъ это не было только фразою, была бы тяжелою цѣпью. До сихъ поръ Сардинія, несмотря на малость своей территоріи, на малочисленность своего народонаселенія, была государствомъ самостоятельнымъ, и развитіе его управлялось внутреннимъ закономъ его существованія. Возвысится ли независимость Сардиніи, если къ этому внутреннему закону присоединится обязательное чувство къ другому государству? А также возвысится ли общее чувство независимости въ Европѣ, если вліяніе и совѣтъ Франціи будутъ господствовать въ Италіи и, можетъ-быть, располагать ея силами? Можно надѣяться, что такихъ неблагоприятныхъ результатовъ не произойдетъ ни для Италіи, ни для Европы. За то, какъ бы сомнительною ни казалась будущность Италіи, нынѣшняя война должна имѣть положительно добрые результаты для Германіи, и можетъ-быть для самой Австріи. Все повидимому созрѣло къ тому, чтобы въ центральной Европѣ произошли давно ожидаемыя, давно подготавлиемыя исторіею политическія измѣненія. Германская народность потому такъ много и говоритъ о себѣ, что она не пользуется полнымъ здоровьемъ; потому она такъ волнуется, мятется, давитъ другихъ и надѣбдаетъ всѣмъ, что до сихъ поръ она, какъ и сама Италія, не пришла къ должному единству, не устроилась правильнымъ образомъ. Мысль о единствѣ Германіи давно уже носится надъ этою страной, и лучшая будущность для нея, равно какъ и прочное обезпеченіе системы европейскаго

равновѣсія, будетъ зависть отъ полнаго осуществленія этой мысли. Нынѣшняя война, если ей суждено имѣть важныя послѣдствія, должна сообщить германскимъ дѣламъ сильный толчокъ въ этомъ направленіи. Но чѣмъ полнѣе и вѣрнѣе установится въ Германіи политическое единство, тѣмъ полнѣе и вѣрнѣе должна преобразоваться Австрія. Чѣмъ крѣпче и удовлетворительнѣе организуется политическое единство Германіи, тѣмъ здоровѣе будутъ ея народныя инстинкты, тѣмъ менѣе будетъ въ ней этой болѣзненной жадности, тѣмъ менѣе будетъ переносить она неудовлетворенную потребность своей внутренней народной организаціи на дѣло насилія противъ другихъ народностей, тѣмъ менѣе будетъ въ ней этого стремленія подавлять, поглощать, германизировать. Устроенная и организованная, германская народность, необходимая какъ центръ тяжести европейскаго равновѣсія, дастъ возможность самобытнаго развитія славянскимъ и другимъ народностямъ Восточной Европы, которыя теперь насильственно задержаны и подавлены нѣмецкимъ гнетомъ. Можетъ-быть не всѣ эти элементы, ищущіе самостоятельнаго развитія, выдержатъ въ одинаковой степени пробу жизни; можетъ-быть нѣкоторые изъ нихъ изсякнутъ и увянутъ на первой порѣ; но при естественномъ теченіи жизни между ними произойдутъ такія комбинаціи, которыя будутъ способны къ жизни и развитію. Эти элементы слишкомъ новы, мало извѣстны Европѣ, мало входятъ въ ея политическіе разсчеты и соображенія. Истинная историческая пора славянскаго племени еще не начиналась, но можетъ-быть пробилъ теперь тотъ часъ, когда она должна занять слѣдующее ей мѣсто. До сихъ поръ мысль объ этихъ разрозненныхъ, затертыхъ народностяхъ, не заявившихъ ясно своего характера, вносила лишь смуту въ соображенія политическихъ людей, или по крайней мѣрѣ ничего не говорила ихъ уму. Никто на Западѣ ничего не ожидаетъ отъ нихъ, не видитъ, не знаетъ ихъ, и какъ мы слышали недавно, важные государственные люди говорятъ о какомъ-то австрійскомъ народѣ, принимая по всему вѣроятію славянскіе и другіе элементы, составляющіе эту монархію, какъ бы за какіе-то отпрыски германскаго корня.

Любопытно положеніе Германіи и особенно Пруссіи по отношенію къ настоящему кризису. Пруссіи предстоитъ теперь сдѣлать важный шагъ на пути своего историческаго призванія. Къ ней обращаются теперь взоры германскихъ патріотовъ, когда рѣчь идетъ о политическомъ единствѣ Германіи. Мы не думаемъ однако; чтобъ она съ полнымъ и яснымъ сознаніемъ могла приступить къ рѣшенію этой трудной задачи. Если что-нибудь важное совершится въ этомъ направленіи, то мы этимъ будемъ обязаны тому роковому сдѣленію причинъ и дѣйствій, которое

составляет исторію. Во всякомъ случаѣ нельзя не замѣтить, что въ Пруссіи дальновидѣе, яснѣе и разумнѣе всѣхъ прочихъ партій смотритъ на дѣло та, которая находится теперь во главѣ управления. Пруссія намѣрена соблюдать строгій, но вооруженный нейтралитетъ, и только въ томъ случаѣ обнажить мечъ, когда опасность будетъ грозить истиннымъ интересамъ Германіи. Вопросъ заключается теперь только въ томъ, гдѣ начинаются истинные интересы Германіи. Теперь, кромѣ безтолковыхъ и рьяныхъ крикуновъ въ союзной Германіи, никто не сливаетъ австрійскихъ интересовъ съ германскими; всѣ однако полагаютъ, что въ австрійскихъ интересахъ болѣе или менѣе замѣшанъ интересъ цѣлой Германіи. А потому вопросъ возвращается съ прежнею силой: когда при дальнѣйшемъ ходѣ войны сочтутъ необходимымъ вмѣшаться въ нее Германія съ Пруссіей? Собственно къ Австріи въ Пруссіи нѣтъ ни малѣйшаго сочувствія, даже юнкерская партія совѣстится принимать въ ея дѣлахъ слѣшкомъ явное сердечное участіе; только одни ультрамонтаны, которыхъ, слава Богу, въ Пруссіи немного, рѣшаются говорить объ Австріи съ этимъ сердечнымъ сочувствіемъ. Всѣ однако считаютъ весьма естественнымъ признавать за Австріей существенную и значительную долю германскихъ силъ и интересовъ; всѣ еще думаютъ, что Австрія составляетъ въ большей или меньшей степени силу Германіи. Время и событія не замедлятъ показать, что если существованіе Австріи можетъ быть полезнымъ для чего-нибудь, то вовсе не для силы Германіи. Современемъ, когда Германія достигнетъ цѣли своихъ патріотическихъ стремленій, когда утвердится ея политическое единство, тогда окажется, что сильная Австрія будетъ пригодна между прочимъ для того, чтобы держать силы единой Германіи въ должныхъ предѣлахъ. Нынѣшніе нѣмецкіе патріоты, которые ратуютъ теперь за Австрію, не подозреваютъ, какъ могутъ они въ послѣдствіи ошибиться въ своемъ разчетѣ. Неподаромъ во внутренней экономіи германской жизни Австрія оказывала всегда вредное и гибельное дѣйствіе для истинныхъ ея интересовъ; неподаромъ сильная Австрія была всегда внутреннимъ недугомъ Германіи. Дальнѣйшій ходъ событій можетъ показать, что чѣмъ болѣе прибрѣла Австрія, тѣмъ болѣе потеряла Германія, и Германія, поддерживая Австрію и работая для ней, можетъ-быть безсознательно работаетъ надъ собственнымъ ограниченіемъ, которое современнымъ можетъ казаться столько же нужнымъ какъ и ея усиленіе. Австрія не можетъ оставаться германскимъ государствомъ. Вся аномалія ея устройства и политики происходитъ оттого, что государство является въ ней постоянно какимъ-то завоевательнымъ, чуждымъ, враждебнымъ началомъ относительно разнообраз-

ныхъ народовъ, ее составляющихъ. Вотъ главная причина того мрачнаго и антипатическаго характера, какимъ отличается эта держава; отсюда все зло. И можетъ ли быть иначе, если государство, въ которомъ считается около сорока милліоновъ народонаселенія, и въ этомъ числѣ нѣтъ пятой доли настоящихъ Нѣмцевъ, называетъ себя тѣмъ не менѣе государствомъ германскимъ, и не только принадлежитъ къ Германскому Союзу, но и занимаетъ въ немъ первенствующее мѣсто? Дилемма очевидная: или Австрія должна отказаться отъ своего германскаго характера и принадлежать Германскому Союзу лишь въ той мѣрѣ и въ томъ смыслѣ, въ какомъ датскій король считается его членомъ, какъ обладатель Шлезвигъ-Голштейна, или она должна ежеминутно ожидать насильственной смерти изнутри либо извнѣ. Къ сожалѣнію, въ Германіи еще не знаютъ этой необходимости. Искраженный въ своихъ инстинктахъ нездоровый патріотизмъ не хочетъ еще понять, что Австрія не Германія, и что если германскій элементъ въ Австріи является началомъ насилія и зла, и служитъ основою правительству, которое по самой своей натурѣ не можетъ не быть дурнымъ, то съ другой стороны эта держава, вовсе не германская: эта держава, находящаяся постоянно въ ложномъ положеніи и постоянно обреченная на то, чтобъ имѣть дурное правительство и быть источникомъ самой зловредной политики, эта держава стоитъ во главѣ Германіи, властвуетъ надъ нею, распоряжается ея судьбами, стѣсняетъ ея жизнь и задерживаетъ ея развитіе. Повторимъ: сила Германіи не умалится, а напротивъ возвысится, когда исторія, вопреки близорукимъ и скареднымъ нѣмецкимъ патріотамъ, освободитъ Германію отъ Австріи, а Австрію освободитъ отъ Германіи. Вся тайна политическаго возрожденія Германіи, вся тайна ея могущества состоитъ въ исключеніи изъ нея Австріи, и наконецъ въ единствѣ Германіи.

Прусское правительство приняло, какъ мы замѣтили выше, самую рациональную политику при теперешнемъ положеніи европейскихъ дѣлъ. Во все продолженіе переговоровъ, оно вело себя съ полнымъ безпристрастіемъ, умѣренно и съ большимъ тактомъ. Переговоры не удались, Австрія начала войну, но прусское правительство, ни мало не увлекаясь фальшивымъ патріотизмомъ, который шумѣлъ вокругъ него, сохранило полное самообладаніе, и своимъ энергическимъ образомъ дѣйствій удержало правительства остальной Германіи отъ необдуманныхъ рѣшеній, которыя быстро разнесли бы пожаръ во всѣ концы Европы. Оно рѣшилось держаться Англии, съ которою находится теперь въ самомъ тѣсномъ союзѣ. Отношеніе свое къ открывшейся войнѣ Пруссія опредѣлила съ двухъ точекъ зрѣнія: какъ одна изъ великихъ европейскихъ державъ и какъ держава германская. Цѣлью своей

политики, какъ державы европейской, она поставила, согласно съ Англїей, сохраненіе европейскаго равновѣсія. Пока этому равновѣсію не будетъ угрожать серьезная опасность, она не обнажить меча и не вмѣшается въ войну. Какъ держава германская, она считаетъ своимъ долгомъ принять только оборонительное положеніе. Дѣла Австріи въ Италіи она не считаетъ дѣлами германскими, тѣмъ болѣе, что и постановленіе самого германскаго сейма 1818 года не считаетъ германскимъ дѣломъ войну, которая еще не перешагнула за Альпы. Относительно же германскаго сейма Пруссія приняла тонъ совершенной самосодѣтельности и полной свободы дѣйствій. Она не послѣдуетъ рѣшенію большинства всѣхъ этихъ мелкихъ государствъ, имѣющихъ на немъ голосъ, а напротивъ предлагаетъ имъ слѣдовать тѣмъ началамъ, которыя она приняла для своей политики. На ярыя требованія Ганновера выставить теперь же противъ Франціи три observationalные корпуса представитель Пруссіи во Франкфуртѣ, г. Узедомъ, отвѣчалъ очень прохладительнымъ тономъ, и предложеніе это было отвергнуто. Только одинъ герцогъ Нассавскій никакъ не могъ удержать своего пыла, обнажилъ свой мечъ и ускакалъ въ Австрію, гдѣ онъ числится на службѣ въ какомъ-то военномъ чинѣ. Комиссія, наряженная отъ прусскаго парламента для разсмотрѣнія проекта закона о займѣ, который правительствомъ нашло нужнымъ заключить для военныхъ приготовленій, требуемыхъ теперешнимъ положеніемъ дѣлъ, совершенно одобрила принятый образъ дѣйствій, равно какъ и финансовыя основанія займа. Дѣйствительно этотъ финансовый законъ выдерживаетъ самую строгую критику и былъ единогласно принятъ въ обоихъ палатахъ въ послѣднее засѣданіе передъ закрытіемъ парламента. Разсмотрѣніе финансовыхъ предположеній прусскаго кабинета въ комиссіи палаты депутатовъ дало поводъ министру финансовъ сообщить комиссіи свѣдѣнія о теперешнемъ состояніи прусскихъ финансовъ, состояніи, которое можетъ быть названо вполнѣ удовлетворительнымъ. Несмотря на то, что Пруссія пережила въ послѣднее десятилѣтіе опасную эпоху волненій, за которою послѣдовало военное время, сильно истощившее если не военныя, то финансовыя силы страны, прусскій бюджетъ не только освободился отъ дефицита, но оказалась возможность составить значительные запасы отъ излишка доходовъ сравнительно съ расходами. Въ 1857 году къ запасному государственному фонду было приобщено около 1.068.000 талеровъ; отъ 1858 года осталось до 5 милліоновъ талеровъ. Вообще средства, собранныя въ государственномъ казначействѣ въ послѣдніе три года мира, на столько значительны, что они позволяютъ привести всю прус-

скую армию въ военное положеніе, не прибѣгая къ займу. Но содержаніе арміи на военномъ положеніи потребуетъ чрезвычайныхъ средствъ, и потому правительство просило, чтобы ему разрѣшено было заключить заемъ въ 40 милліоновъ талеровъ, и сверхъ того употребить на военные же издержки часть займа, уже прежде заключеннаго съ согласія палатъ для сооруженія желѣзныхъ дорогъ и простирающагося до 10.900.000. При теперешнихъ обстоятельствахъ трудно было бы производить работы на желѣзныхъ дорогахъ въ предположенномъ размѣрѣ, а по всему вѣроятію окажется необходимость и совсѣмъ приостановить ихъ. Суммы, которыя вслѣдствіе того останутся въ распоряженіи правительства, предполагается обратить на покрытіе военныхъ издержекъ. Совокупный итогъ этихъ двухъ займовъ превосходитъ всѣ займы, которые дѣлала Пруссія въ послѣднее десятилѣтіе. Ни военные издержки 1848 и 1849 годовъ, ни мобилизація арміи въ 1850 году, ни большой заемъ для восточной желѣзной дороги, ни вооруженія во время восточной войны не простирались до этой цифры. Изъ этого мы видимъ, что и прусскій кабинетъ и прусскія палаты придаютъ настоящимъ событіямъ большую важность, нежели какую имѣли для Пруссіи всѣ предшествовавшія великія событія послѣдняго десятилѣтія. Ожидаются событія болѣе великія, и согласно съ этимъ дѣлаются небывалыя усилія.

Но какое различіе между усиліями Пруссіи и Австріи! Австрійскія финансовыя средства не показали ни малѣйшей упругости подъ давленіемъ настоящихъ событій. Не говоримъ уже о зашасахъ и сбереженіяхъ, о которыхъ не можетъ быть и помину, но австрійское правительство не нашлось въ возможности обратиться ни къ средствамъ плательщиковъ податей, ни къ капиталамъ, въ странѣ находящимся. Оно не ожидало успѣха ни отъ увеличенія налоговъ, ни отъ займовъ, а прибѣгло къ отчаянному средству; оно нашлось вынужденнымъ приступить въ самомъ началѣ войны къ выпуску 133 милліоновъ гульденовъ бумажныхъ денегъ и къ обесчигыванію своихъ кредиторовъ на одну двадцатую долю слѣдовавшихъ имъ процентовъ, и лишь только послѣ этой мѣры былъ обнародованъ рядъ постановленій, увеличивающихъ налоги, при чемъ очевидно имѣлось въ виду не столько увеличить средства казначейства, сколько сдѣлать для него нечувствительнымъ предстоящій и отчасти уже наступившій упадокъ цѣнности бумажныхъ денегъ, которыми вносятся налоги: это видно между прочимъ изъ того, что общее возвышеніе налоговъ не простирается на таможенныя пошлины, которыя нынѣ предписано взимать не иначе какъ звонкою монетой. Обязательный курсъ бумажныхъ денегъ не распространенъ еще на итальянскія провинціи, хотя уже поговариваютъ, что и эта мѣра будетъ приштага правитель-

ствою. Покамѣсть на италіянскія провинціи возложена обязанность подписаться на принудительный заемъ въ 75 милліоновъ гульденовъ, имѣющіе поступить звонкою монетой. Онъ будетъ приносить по 5% на сто, и проценты по этому займу австрійское правительство обѣщаетъ платить звонкою же монетой. Заемъ этотъ, говорятъ австрійскія газеты, предписывается съ тою цѣлю, чтобъ уравнять италіянскія провинціи, гдѣ не ходятъ бумажныя деньги, съ другими частями имперіи, которыя понесутъ тяжесть выпуска новыхъ денежныхъ знаковъ на 133 милліона гульденовъ. Повышеніе налоговъ (на сумму сверхъ 40 милліоновъ гульденовъ для всей имперіи) распространяется тѣмъ не менѣе и на италіянскія провинціи, и будетъ для нихъ тѣмъ тяжелѣе, что деньги будутъ тамъ не дешевѣть, а сильно дорожать. Можно сказать вообще, что всѣ эти мѣры носятъ на себѣ явственный отпечатокъ отчаяннаго положенія, въ которомъ находится Австрія: это самая крайняя, послѣдняя мѣра, за которыми уже ничего не остается кромѣ разоренія и банкротства. Финансовыя мѣры, предложенныя прусскимъ правительствомъ и нынѣ принятыя палатами, составляютъ прямую противоположность тому, на что рѣшается, очертя голову, правительство Австріи. Въ комиссіи палаты представителей при разсмотрѣніи финансовыхъ предположеній правительства, былъ возбужденъ вопросъ, не слѣдуетъ ли отсрочить назначенное по бюджету 1859 года увеличеніе жалованья чиновникамъ, и министерство вмѣстѣ съ комиссіею палаты отвѣтило на этотъ вопросъ отрицательно: несмотря на громадныя издержки, предстоящія государству, жалованье будетъ увеличено въ 1859 году. Предполагаемый заемъ будетъ заключенъ безъ пособія со стороны прусскаго банка, пользующагося еще нѣкоторыми привилегіями относительно своихъ банковыхъ нотъ. Поэтому заемъ, требуемый правительствомъ, никакъ не поведетъ къ увеличенію массы обращающихся непроцентныхъ бумагъ. Наконецъ, для покрытія процентовъ, по двумъ займамъ, составляющимъ сумму приблизительно въ 50 милліоновъ, пріисканы источники, почти вдвое превосходящіе потребность. Считая по 5% со ста, то-есть приблизительно по столько процентовъ, за сколько занимаетъ теперь Франція, не обезпечивающая кредиторовъ своихъ указаніемъ на источники для платежа процентовъ, заемъ въ 50 милліоновъ потребуетъ 2½ милліона процентовъ. Финансовый отчетъ, представленный прусскимъ министромъ финансовъ, открываетъ надежду на полученіе 4.367.000 талеровъ, которые можно будетъ употребить для платежа процентовъ и погашенія. Не предоставляя ничего случаю, предусматривая все худшее, что только можетъ случиться, финансовое управленіе Пруссіи совершенно обезпечиваетъ правильное состояніе финансовъ и

ихъ независимость отъ хода войны. Сокращеніе государственныхъ доходовъ, неизбежное при всеобщей европейской войнѣ, будетъ уравновѣшено сокращеніемъ государственныхъ расходовъ по статьямъ экстраординарныхъ потребностей. На военныя издержки будутъ употреблены остатки предыдущихъ лѣтъ и тѣ суммы, которыя получатся черезъ оба упомянутые выше займа. Платежъ процентовъ и погашеніе по этимъ займамъ будутъ покрываемы изъ новыхъ источниковъ, которые будутъ, какъ мы сейчасъ сказали, неменѣе 4.367.000, тогда какъ на проценты потребуется никакъ не болѣе $2\frac{1}{2}$ милл. Мы не будемъ входить здѣсь въ мелкія подробности относительно этихъ новыхъ источниковъ прусскихъ государственныхъ доходовъ. Скажемъ только, что въ число 4.367.000 талеровъ входитъ 768.000 талер., поступающихъ въ распоряженіе казначейства безъ всякаго обремененія страны, лишь вслѣдствіе финансовыхъ распоряженій касательно назначенія суммъ, поступавшихъ до сихъ поръ по закону въ запасныя капиталы государства, а 768.000 талеровъ,—это почти одна треть всей суммы, требующейся для платежа процентовъ. Остальные 3.599.000 талеровъ будутъ доставлены прибавкою 25% къ существующимъ теперь прямымъ налогамъ съ доходовъ и къ податямъ помольной и бойной. Эта прибавка войдетъ впрочемъ въ законную силу лишь съ того мѣсяца, который будетъ слѣдовать за тѣмъ мѣсяцемъ, когда окажется необходимымъ мобилизовать всю прусскую армию, и, что еще важнѣе, прибавка эта не можетъ быть разсматриваема, при самой мнительной недовѣрчивости къ будущему, иначе какъ кратковременное обремененіе для страны. Министерство и палаты рѣшились на увеличеніе податей, побуждаемые не необходимостію, а благоразумно-осторожнымъ желаніемъ упрочить состояніе государственныхъ финансовъ и совершенно устранить отъ будущаго всякій рискъ и всякую опасность. Финансовый періодъ 1858 года заключился для Пруссіи самымъ блистательнымъ образомъ; онъ далъ въ результатъ громадныя остатки, доходящіе до 5 милліоновъ талеровъ. Половина этихъ остатковъ достаточна для платежа процентовъ по новозаключаемымъ займамъ, и потому невозможно сомнѣваться, что первый благопріятный для финансовъ Пруссіи годъ дастъ возможность не только возвратиться къ прежнимъ податямъ, но и ожидать преемства ординарныхъ доходовъ надъ расходами, несмотря на то, что ординарные расходы увеличатся суммою процентовъ и погашенія по новому долгу.

Въ засѣданіе палатъ, которымъ заключилась парламентская сессія, и въ которое былъ принятъ этотъ законъ, высказались по поводу текущихъ событій политическія мнѣнія всѣхъ партій.

Нельзя сказать, чтобъ эти пренія производили очень благопріятное впечатлѣніе. Неопредѣленность въ общемъ положеніи Германіи и Пруссіи, неопредѣленность, составляющая главную причину всѣхъ общественныхъ и политическихъ недуговъ этой страны, смутно слышалась во всѣхъ рѣчахъ. Никакъ нельзя сказать, чтобъ эти рѣчи, при многихъ умныхъ соображеніяхъ и взглядахъ, отличались тою зрѣlostію сознанія, тою практическою мудростію, которая свидѣтельствуетъ о правильномъ развитіи народной жизни и умѣетъ связывать прошедшее съ будущимъ. Это большею частію, либо общія мысли, либо запутанныя, сбивчивыя, противорѣчащія самимъ себѣ понятія, либо хитросплетенія, внушаемая ложно направленнымъ патріотизмомъ или систематическою односторонностію образа мыслей, который развился не на вольномъ просторѣ жизни, а въ отвлеченной и искусственной сферѣ, и запечатлѣнъ духомъ педантизма, наивнаго въ своемъ коварствѣ, и коварнаго въ своей наивности. Эти рѣчи, а особенно тѣ, которыя произнесены были въ такъ-называемой палатѣ... не знаемъ какъ лучше перевести... въ палатѣ господъ, сеньйоровъ, или въ верхней палатѣ, преисполнены хитрыхъ намековъ, разныхъ прѣльщеній, придуманныхъ для того, чтобы произвести эффектъ на великую соседственную страну, то-есть на насъ. Можно сказать, что рѣчи главныхъ ораторовъ этой палаты и не имѣли другаго назначенія какъ послужить политическою демонстраціей относительно Россіи, и измѣнить направленіе ея политики, которая кажется не совсѣмъ выгодною для интересовъ этихъ господъ. Всѣ они съ глубокимъ чувствомъ меланхоліи вспоминаютъ о дорогомъ покойникѣ—священномъ союзѣ: восхваляютъ великія благодѣянія, какими ознаменовано было продолжительное его существованіе, и осыпаютъ Австрію упреками за ту неблагодарность, которая нанесла смертный ударъ священному союзу. Этими упреками, какъ искусные мастера, они стараются отгнать свои аргументы и возвысить ожидаемый эффектъ. Они охотно обвиняютъ Австрію, которая, какъ прибавляютъ они, подвергается за то теперь карающему мечу Немезиды; но съ тѣмъ вмѣстѣ они проводятъ тонкую мысль о томъ, какъ пріятно забывать оскорбленія, какъ пріятно дѣйствовать по внушенію великодушія, и какъ необходимо жертвовать удовлетвореніемъ преходящаго чувства мести для общей пользы, для высшаго и прочнаго блага. Священный союзъ, по мнѣнію одного изъ этихъ сеньйоровъ, г. Белова, былъ благотворною силою для общественнаго развитія народовъ; онъ будто бы воспиталъ и выросилъ общественный духъ, и будто бы съ его ослабленіемъ чуть-чуть не подвергается опасности политическая свобода во всѣхъ концахъ міра. Онъ хвалитъ Пруссію за то, что

она въ восточной войнѣ не послѣдовала за Австріей, а осталась вѣрною духу священнаго союза. «На тронѣ Пруссіи, говоритъ онъ, возсѣдалъ король, который умѣлъ забывать личныя оскорбленія. Въ рукѣ Россіи, говоритъ онъ далѣе, заключается великое рѣшеніе. Русскій, говоритъ г. Беловъ, памятливъ: онъ помнитъ добро, также какъ и зло, то-есть Россія любитъ Пруссію и ненавидитъ Австрію. Чувство это распространено повсюду отъ дворца до хижины. Пруссія несетъ на себѣ обязанность предостеречь Россію, когда она рѣшится вступить на опасныя пути. Возвратится ли Россія къ политикѣ императрицы Екатерины, которая была не слишкомъ разборчива въ средствахъ? Рѣшится ли Россія подать руку друзьямъ Гарибальди? Намекъ тонкій: друзья Гарибальди—это Сардинія и Франція. Опасный путь, отъ котораго предостерегаетъ Россію прусскій политикъ, есть положеніе, которое принимаетъ она въ италіанскомъ вопросѣ и пріязненные отношенія ея къ Франціи. По его мнѣнію, Россіи слѣдовало бы возвратиться къ священному союзу, то-есть всѣми своими силами стоять за призракъ германскихъ интересовъ,—интересовъ, которые въ сущности столько же вредны для Россіи, сколько и для самой Германіи. Ту же мысль проводятъ и прочіе ораторы, и разумѣется съ особенною тонкостію и ловкостію тотъ старый софистъ, испытанный въ изворотахъ мысли и слова, г. Шталь, который профессорствуетъ въ Берлинскомъ университетѣ, и засѣдаетъ въ берлинской палатѣ сенъйоровъ. «Если бы Австрія, говоритъ онъ, въ восточную войну приняла другое положеніе, то, можетъ-быть, не было бы теперь италіанскаго вопроса.» Отсюда онъ выводитъ, какъ было бы хорошо, еслибы священный союзъ былъ восстановленъ. Онъ прибѣгаетъ даже къ мистическому сближенію именъ. Тѣ самыя три имени, которыя подписаны подѣ трактатомъ 1815 года: Францъ, Фридрихъ Вильгельмъ и Александръ, носятъ и нынѣ государя трехъ великихъ державъ, заключившихъ священный союзъ. Нѣтъ сомнѣнія, что союзъ этотъ былъ выгоденъ для нѣкоторыхъ интересовъ; онъ былъ выгоденъ для исключительныхъ династическихъ интересовъ Пруссіи и Австріи и для той системы, которая была основана на этихъ исключительныхъ интересахъ. Можетъ-быть, въ то время, когда былъ заключенъ этотъ трактатъ, онъ былъ необходимъ и вообще для Европы; пусть союзъ этотъ, какъ говоритъ г. Шталь, былъ не случайностію, а историческою необходимостію; пусть даже онъ былъ специально выгоденъ и для самой Россіи. Но времена мѣняются; что было необходимо или выгодно въ одно время, то становится излишнею и вредною случайностію въ другое. Г. Шталь, писавшій о философіи права и поучающій съ кафедры о законахъ историческаго развитія, долженъ былъ бы знать, что времена, когда государства считали

необходимымъ связывать себя частными трактатами, прошли невозвратно; что эти глухіе трактаты, которые заключались между правительствами навѣчныя времена, эти наслѣдія прошлаго вѣка, теперь являются нестерпимымъ анахронизмомъ, невозможностію, пагубой столько же для правительствъ, сколько и для народовъ, сколько для государствъ, столько и для обществъ, сколько для свободы, столько и для порядка. И въ практикѣ, и въ теоріи, государства пришли къ убѣжденію, что они должны сохранять полную свободу своихъ дѣйствій и не находиться въ вѣчно обязательныхъ отношеніяхъ къ другимъ государствамъ на какомъ-нибудь отвлеченномъ основаніи. Высшій и единственный законъ, которымъ должно управляться государство въ отношеніяхъ своихъ къ другимъ государствамъ, долженъ быть не чѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ его собственной жизни, формулой его собственного существованія. Если было время, когда Россія считала полезнымъ для себя, и стало-быть полезнымъ для цѣлаго, союзъ съ Австріей и Пруссіей; то наступило, можетъ-быть, другое время, когда для ея интересовъ полезнѣе союзъ, хотя бы и съ друзьями Гарибальди, какъ выражается тонкій политикъ прусской палаты. Пусть эти господа сѣтуютъ на теперешнюю политику Россіи; ихъ сѣтованіе—лучшій признакъ, что эта политика идетъ добрымъ и вѣрнымъ путемъ. Если сочетаніе обстоятельствъ и выгоды нашего отечества требуютъ въ настоящее время сближенія съ Франціей, должны ли мы отказываться отъ интереса жизни въ угоду мертвому и отвлеченному принципу, который лежалъ въ основаніи прежняго тройственного союза? И вотъ почему считаемъ мы расторгненіе этого союза за одно изъ благихъ послѣдствій восточной войны. Россія вовсе не питаетъ никакой ненависти къ Австріи, какъ воображаетъ себя ораторъ прусской палаты, а напротивъ, очень довольна тѣмъ, что Австрія своею неблагоприятною политикой сама разорвала этотъ союзъ, и освободила Россію отъ его обязательствъ. Неблагодарность Австрія, за которую такъ мило упрекаютъ ее наши прусскіе друзья, гораздо полезнѣе для Россіи, чѣмъ, можетъ-быть, самая благодарность. Г. Беловъ говоритъ, что, ненавидя Австрію, Россія любитъ Пруссію, что Русскій памятливъ на добро и на зло. Россіи нѣтъ никакого побужденія питать любовь къ Пруссіи; она находится съ нею въ добрыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ, и этого довольно. Какое особенное благодѣяніе оказала намъ Пруссія, которое будто бы записано въ памяти нашего сердца, и за которое будто бы мы, отъ дворца до хижины, питаемъ нѣжнѣйшую привязанность къ Пруссіи? Согласны, что Австрія была неблагодарна,—но какое благо сотворила намъ Пруссія? развѣ она помогла намъ въ восточную войну? развѣ во время этой напряженной борьбы,

когда нашимъ германскимъ союзникамъ представлялся самый удобный случай хотя однажды дать намъ почувствовать пользу союза съ ними, развѣ Пруссія сдѣлала по крайней мѣрѣ какую-нибудь демонстрацію въ нашу пользу? Нейтралитетъ, при томъ нейтралитетъ не совсѣмъ надежный, — вотъ все, что дала намъ тогда Пруссія. Тревоги и угрожающія демонстраціи — вотъ все, что мы встрѣчали со стороны Германіи!

Государства, повторимъ, не могутъ и не должны оставаться въ глухихъ частныхъ союзахъ между собою. Только при этомъ условіи возможенъ великій всеобщій международный союзъ; только при этомъ условіи возможны плодотворныя и живыя сочетанія политическихъ единицъ. Каждый новый союзъ одного государства съ другимъ долженъ быть дѣломъ жизненнаго интереса. Самымъ лучшимъ примѣромъ тому можетъ служить союзъ, который въ послѣдніе годы существовалъ между Англією и Франціей. Пруссіе политики ссылаются теперь на Англію и ставятъ ее въ образецъ. Прекрасно, отчего не воспользоваться этимъ образцомъ? Англія вступила въ союзъ съ Франціей, несмотря на противоположность политическихъ началъ, которыми управляются обѣ эти страны, несмотря на вѣковыя антипатіи и народныя предрасудки. Союзъ этотъ былъ выгоденъ для нея, и она держалась его, пока онъ былъ ей выгоденъ. Но никогда изъ этого союза не помышляла она дѣлать священнаго обязательства, и теперь, когда сложились новыя обстоятельства, когда въ политику обѣихъ странъ вошли новыя элементы, Англія вовсе не дѣйствуетъ въ союзѣ съ Франціей. Наша политика должна имѣть свою единственную цѣлю благо русскаго народа и развитіе всѣхъ тѣхъ интересовъ, которые могутъ содѣйствовать его преуспѣянію. Только бы мы не служили слѣпымъ орудіемъ чужихъ стремленій, интересовъ и плановъ, только бы мы руководствовались чувствомъ нашей собственной жизни, тѣмъ, что ей нужно, что ей пригодно, что можетъ исполнить ее, и что можетъ быть исполнено ею, — вотъ вся цѣль, вся задача нашей политики! Съ кѣмъ бы ни пришлось заключить намъ союзъ по внушенію этого чувства, это рѣшительно все равно, и въ этомъ отношеніи императоръ австрійскій не можетъ имѣть никакого предпочтенія передъ друзьями Гарибальди и даже хотъ бы передъ самимъ Гарибальди.

Старый сѣнистъ-пелантъ не удовольствовался этими вкрадчивыми намеками, онъ вздумалъ пугать насъ. Г. Шталь отыскалъ въ хаосѣ своего арсенала то ржавое оружіе, которое, бывало, употреблялось съ такимъ успѣхомъ въ водобныхъ случаяхъ. Онъ вызвалъ призракъ революціи, и затѣявъ этотъ маневръ, онъ совершилъ его по всѣмъ правиламъ искусства.

Точкою отправленія взялъ онъ принципъ національности; въ этомъ принципѣ видитъ онъ источникъ революціи и въ нынѣшнемъ императорѣ Французовъ ея союзника. Тотъ самый императоръ Французовъ, котораго назадъ тому не очень много лѣтъ, тотъ же самый г. Шталь прославлялъ, какъ побѣдителя революціи, какъ спасителя Европы, тотъ самый императоръ Французовъ, который умѣлъ такъ высоко поднять надъ всѣмъ интересъ власти, какъ только могли пожелать мыслители, подобные г. Шталю,—онъ самый сталъ теперь въ его глазахъ союзникомъ революціи, орудіемъ анархіи и врагомъ принципа власти. Нѣтъ ничего возмутительнѣе этой презрѣнной ткани софизмовъ и коварныхъ словозавитій, которыми исполнена рѣчь реакціоннаго оратора. «Право національности, говоритъ онъ, провозглашено теперь точно такъ же, какъ было провозглашено въ 1848 году, именно въ такомъ смыслѣ, что оно совершенно разрушаетъ принципъ власти!» Говоря эти слова, онъ однако припомнилъ, что есть на свѣтѣ Шлезвигъ-Голштейнъ, что еще очень недавно вся Германія сходила съ ума по вопросу о нѣмецкой національности, будто бы притѣсняемой въ этихъ герцогствахъ. Онъ припомнилъ это, и поспѣшилъ оговориться: «Что касается до Шлезвигъ-Голштейна, продолжалъ онъ, то мы имѣемъ относительно этихъ герцогствъ старинныя узаконенныя права; сверхъ того мы не признавали за ними права самовольно освобождаться отъ власти ихъ государя.» Какъ это громко, какъ злокозненно и хитро, и вмѣстѣ какъ пустозвонно! Повидимому, все сказано этими словами, повидимому, проведена самая рѣзкая черта между шлезвигъ-голштейнскимъ вопросомъ, который въ прошломъ году истомилъ страшную скукой всю Европу, и нынѣшнимъ итальянскимъ вопросомъ. Повидимому, это два совершенно различные вопроса, не имѣющіе между собою ни одной общей точки: тамъ узаконенный порядокъ, здѣсь революція. Но достаточно одного здраваго взгляда, чтобъ обратить въ ничто всю эту коварную путаницу. Оба вопроса совершенно тождественны въ сущности: тамъ и тутъ одно и то же начало; тамъ и тутъ интересъ національности. Если же сравнить оба вопроса съ точки зрѣнія законности и здраваго смысла, то преимущество, безъ всякаго сомнѣнія, останется за итальянскимъ. Германская народность въ обоихъ герцогствахъ никогда не была притѣняема, никогда не была угнетена. Тамъ мощное населеніе пользовалось всѣми гражданскими и политическими правами подданныхъ датской короны; сумма этихъ правъ несравненно значительнѣе, чѣмъ тѣ, которыми пользуются сами Нѣмцы въ своихъ національныхъ государствахъ, большихъ и мелкихъ, конституціонныхъ и неконституціонныхъ. Весь споръ вращался только на разныхъ мелкихъ привилегіяхъ, которыя, по

своей исключительности, не могли быть даже понятны для остальной Европы, да и въ самой Германіи, не страдай она недугомъ національности, не могли бы найти себѣ много отзыва, кромѣ сочувствія въ допотопномъ ганноверскомъ рыцарствѣ. И несмотря на то, вся Германія, и Пруссія, и Австрія, и Ганноверъ, и за ними вся эта тьма мелкихъ государствъ готова была предпринять безобразную войну противъ Даніи. То ли происходило въ Италіи? Вся Европа заклеивала позоромъ политику и способъ управленія Австріи въ Италіи... Но зачѣмъ ходить далеко? Вотъ что было сказано въ самомъ же прусскомъ парламентѣ объ австрійской системѣ въ Италіи: «Въ 1814 году, такъ говорилъ г. фонъ-Финке, Австрійцы были приняты въ Италіи, какъ освободители ея отъ французскаго ига, когда еще жила въ Италіи память о кроткомъ управленіи Маріи Терезіи. Но какъ послѣ того Австрія вела себя въ Италіи? Нельзя не припомнить преслѣдованій, какимъ подвергались Италіянцы, любившіе свое отечество, нельзя не припомнить, что тамъ употреблялись тѣлесныя наказанія въ слѣдствіяхъ но политическимъ проступкамъ, что италіянскихъ патриотовъ умерщвляли въ Мункачѣ и Шпильбергѣ. Правительство изъ Вѣны съ бюрократическимъ педантизмомъ вторгалось во всѣ даже мельчайшія подробности жизни. Правительства Пармы, Модены и Тосканы находились постоянно подъ вліяніемъ австрійскимъ. Ихъ обязали открыть свои владѣнія для австрійскихъ войскъ. Неаполь не могъ ввести у себя никакого другаго устройства, которое сколько-нибудь отличалось бы отъ господствующаго въ Ломбардіи. Съ 1822 г. въ Неаполѣ владычествовала отвратительная система, которая осуждена всею Европой. Даже святой отецъ,—и это не худо замѣтить членамъ, сидящимъ на скамьяхъ ценгра,—былъ только Россіею защищенъ отъ пригазаній Австріи, посагавшей захватить часть его владѣній. Что касается до Сардиніи, то не Австрія ли препятствовала Суворову въ 1799 году возвратити королю Виктору-Эммануилу его владѣнія? Нельзя не припомнить также о срытіи Алессандріи... Все это конечно не можетъ возбудить въ Германіи сочувствія къ Австріи... Все это очень сильно и убѣдительно, и враги Австріи не могутъ сказать противъ нея ничего сильнѣе этихъ словъ. И что же? Тотъ же самый ораторъ, въ той же самой рѣчи, доказываетъ, что Германія должна всеми своими силами ополчиться за Австрію, когда война дойдетъ до рѣки Минчіо. Этого мало. Послушайте, что говоритъ онъ вслѣдъ за вышеприведенными словами: «Все это, сказалъ онъ, конечно не можетъ возбудить въ Германіи сочувствія къ Австріи», и продолжаетъ такъ: «Германія вовсе не нуждается въ томъ, чтобъ Австрія держала въ Ломбардіи 70.000 штыковъ, которые можно бы было съ большею пользою употребить въ Шлезвигъ-Голштейнѣ и Дунайскихъ княжествахъ.»

Вотъ яркій образчикъ этой германоманіи, этого болѣзненнаго, безсмысленнаго, эксцентрическаго и наивнаго патріотизма! Какимъ образомъ и по какому праву могла бы Австрія употребить 70.000 штыковъ въ Шлезвигъ-Голштейнѣ или Дунайскихъ княжествахъ? И эти люди, сходя съ ума на извращенномъ принципѣ національности, въ то же самое время осмѣливаются упрекать другихъ за выраженія самаго законнаго, самаго естественнаго и здраваго національнаго чувства!

Самъ г. Шталь счелъ нужнымъ выказать свое безпристрастіе относительно Австріи. Онъ очень хорошо понималъ, что защищать въ настоящее время австрійскую систему, когда только-что передъ цѣлымъ міромъ были обнажены всѣ ея прелести, было бы дѣломъ отчаяннымъ, которое могло бы только испортить эффектъ его аргументовъ. «Нельзя отрицать, говорилъ онъ, что значительная доля вины падаетъ на австрійскую систему управленія, и хотя я не имѣю притязанія судить эту систему, однако долженъ сознаться, что Пруссія не имѣетъ причины противодействовать италянскимъ требованіямъ и слѣпо стоять за Австрію.» Но отдавъ этотъ необходимый долгъ, ораторъ особымъ маневромъ, который можетъ впрочемъ обмануть только людей, не внимающихъ въ смыслъ, и легко оглушаемыхъ словами, входитъ прямо въ роль адвоката австрійскаго дѣла. Онъ доказываетъ, что Австрія совершенно законнымъ образомъ начала войну. «Конгрессъ не удался, сказалъ онъ, но это не можетъ быть поставлено въ упрекъ Австріи. Надобно взять въ разчетъ ея финансовое положеніе; при томъ же Австрія имѣла въ поведеніи Пьемонта законный поводъ къ войнѣ. Австрія сдѣлала даже больше, чѣмъ могла, изъяснивъ съ самаго начала свое согласіе на конгрессъ. Но когда ея условія не были приняты, или когда ей были предложены такія условія, которыхъ она не могла принять, она имѣла право начать войну.» Исторія переговоровъ у всѣхъ еще въ свѣжей памяти, и было бы непонятно, какъ этотъ ораторъ рѣшился посреди Европы извращать всѣмъ извѣстное дѣло, еслибъ онъ не разчитывалъ на посторонній эффектъ и не направлялъ всѣхъ своихъ средствъ къ этой цѣли. Но онъ имѣетъ слишкомъ низкое понятіе о насъ, Русскихъ, если надѣется такъ легко подѣйствовать на наше воображеніе и такую явную ложью сбить насъ съ толку.

Во всякомъ случаѣ дѣло очевидно: недовольство, ропотъ, наконецъ негодованіе Италиі, Пьемонта, имѣли самое естественное, самое законное основаніе въ австрійской системѣ. Война есть плодъ этой системы, и Австрія не только формально начала войну, но и сдѣлала ее роковою необходимостію. Какъ же сказать, что Пьемонтъ является союзникомъ революціи, когда онъ протестовалъ именно противъ тѣхъ самыхъ злоупотребленій, какія осуж-

дены цѣлою Европой, и отъ которыхъ не могутъ отпереться даже единомышленники Австріи? Но лукавое лжеумствованіе берлинскаго ригора не ограничилось этими намеками. Оно забыло всякую мѣру, оно выступило изъ береговъ какъ рѣка въ половодь, и цокатило направо и налѣво свои грязныя воды. Съ какою дерзостію разчитывалъ г. Шталь на легковѣріе и податливость тѣхъ, на кого хотѣлъ подѣйствовать своими не очень тонкими намеками! Какъ кажется, говорить онъ, уже не намекая, а прямо указывая на *С.-Петербургскія Вѣдомости*, гдѣ помѣщаются теперь корреспонденціи и извѣстія изъ славянскихъ земель, одинъ русскій журналъ усвоилъ себѣ также эту мысль о національности. Кажется, что и на Востоку государственные люди думаютъ, что могутъ воспользоваться революціею какъ орудіемъ для своихъ цѣлей. Не худо вспомнить старую сказку о договорѣ, который человекъ заключилъ съ дьяволомъ. Дьяволъ исполнялъ его волю, а на послѣдокъ пришелъ къ нему за душою. Такъ въ прошломъ столѣтіи король французскій помогалъ революціи въ Америкѣ, думая, что она не коснется его самого. Но извѣстны послѣдствія тѣхъ идей, которыя принесъ оттуда Лафайетъ. Можетъ-быть и случится то, что славянское царство подъ владычествомъ Россіи явится новымъ могуществомъ въ Европѣ. Но спрашивается, что станетъ тогда съ внутреннимъ положеніемъ дѣль? Съ чего бы ни начались революціонныя идеи, съ провозглашенія ли началъ свободы и равенства, или съ принципа національности, исходъ во всякомъ случаѣ будетъ одинаковъ. Весь историческій порядокъ Европы будетъ охваченъ пожаромъ. Пусть Франція и Сардинія утверждаютъ, что они въ состояніи обуздать революцію; нынѣшняя война все-таки есть не что иное, какъ тотъ самый процессъ, который длился сорокъ лѣтъ, процессъ карбонаризма противъ Австріи и италіянскаго порядка. Какъ все въ этихъ словахъ добросовѣстно, тонко и глубоко-мысленно! Какой новый взглядъ на исторію Франціи и французскую революцію! Революція принесена во Францію Лафайетомъ. Вся бѣда произошла отъ того, что Америка отложила отъ метрополи, и Франція принимала въ этомъ участіе. Возмутительный намекъ, конечно, не достигнетъ своей цѣли, и государственные люди на Востоку не позволятъ такъ нахально издѣваться надъ собою риторамъ, подобнымъ г. Шталю. Онъ рѣшился даже высказать отважную и блестящую мысль о славянскомъ царствѣ въ Европѣ подъ верховнымъ владычествомъ Россіи. Можно обсуживать эту мысль съ разныхъ сторонъ, можно вѣрить и не вѣрить въ ея осуществленіе, можно считать ее за необходимый постулатъ исторіи или за невозможную утопію,—какъ кому угодно; но что значать эти зловѣщія слова: «что станетъ тогда съ внут-

реннимъ положеніемъ дѣль?» Что значить этотъ лукавый намекъ на какія-то тайныя опасности, которыхъ однако ораторъ не умѣлъ опредѣлять, и не умѣлъ именно потому самому, что опредѣлять было нечего. Славянское царство уже существуетъ подъ владычествомъ Россіи; сама Россія есть это славянское царство. Не думаетъ ли берлинскій политикъ, что для блага Россіи слѣдуетъ ее германизировать? Если существуютъ славянскія народности, и если исторія не стерла ихъ съ лица земли и не передала ихъ вѣчному безсилію, въ какомъ находятся теперь племена финскія въ Россіи и кельтическое племя во Франціи и въ Великобританіи съ Ирландією; если славянская народность, какъ напротивъ доказано исторією, могла и можетъ имѣть самостоятельное существованіе, могла и можетъ организоваться политически и заявила задатки исторической жизни, то почему же мысль о славянскомъ царствѣ подъ владычествомъ Россіи употреблена г. Шталемъ какъ пугало для «государственныхъ людей на Востокъ»? Онъ могъ бы еще пугать ею государственныхъ людей на Западѣ, но ужь никакъ не на Востокѣ. Г. Шталю, равно какъ и всѣмъ людямъ одного съ нимъ образа мыслей, и вообще нѣмецкимъ патріотамъ не нравится никакое проявленіе жизни на Востокѣ, въ предѣлахъ этой славянской народности. Россія имъ нравится, Россію они чествуютъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой она, отказываясь отъ собственныхъ интересовъ, отъ собственной жизни, отъ собственного развитія, служила бы только орудіемъ для этихъ уродливо-построенныхъ германскихъ государствъ. Ненавидя и презирая ее въ душѣ, они желали бы видѣть въ ней всегда лишь громадную массу, движимую инстинктами чуждой жизни. Все, что только можетъ произойти живаго въ нашемъ отечествѣ, все, что только можетъ обѣщать ему успѣхи въ исторической жизни, все это имъ не по сердцу, и всему этому они стараются вредить изъ своихъ темныхъ закоулковъ. Нѣтъ для Россіи враговъ опаснѣе этихъ людей, которые прикидываются ея друзьями. И еслибы политика ея не руководствовалась внутреннимъ вѣрнымъ инстинктомъ, то она могла бы идти довольно безошибочно, принимая только въ обратномъ смыслѣ совѣты государственныхъ людей, подобныхъ г. Шталю съ компаніей.

Революція—вогь слово, къ которому прибѣгають эти люди для того, чтобы поразить паническимъ страхомъ тѣ правительства, которыя, слѣдуя своему назначенію, совершаютъ реформы и улучшения въ жизни своихъ народовъ. Г. Шталъ видитъ въ нынѣшнемъ кризисѣ продолженіе того, какъ онъ выражается, процесса, который велъ карбонаризмъ противъ Австріи. Это не совсѣмъ не вѣрно, но что отсюда слѣдуетъ? Дѣйствительно та система, ко-

торую представляет собою Австрія, и вообще деспотизмъ, неразрывно связана съ революціею. Въ прусской палатѣ депутатовъ того же числа г. Симсонъ сказалъ между прочимъ: «Мы не должны забывать, что сильныя корни прусскаго могущества находятся въ Германіи, а корни германскаго могущества въ Пруссіи. Пруссія и Германія, это двѣ противоположности, которыя не исключаютъ одна другую, а напротивъ взаимно себя условливаютъ, какъ понятія свободы и монархіи... Пруссія, продолжаетъ онъ, никогда не можетъ перестать быть страной германскою, точно такъ же, какъ Австрія никогда не можетъ быть страной вполнѣ германскою.» Все это очень вѣрно и хорошо сказано. Мы привели эти слова не только для того, чтобы показать отношенія Пруссіи или Австріи къ Германіи. Въ нихъ встрѣтили мы совершенно справедливыя и совершенно точныя выраженія того отношенія, въ какомъ находятся между собою понятія свободы и монархіи. Дѣйствительно, монархическое начало не только не исключаетъ свободы, но напротивъ одно безъ другаго, въ истинномъ своемъ значеніи, существовать не можетъ. Необходимо нужно, чтобы была единая власть надъ народомъ, и только единая власть можетъ быть надежнымъ и вѣрнымъ обезпеченіемъ свободы. Но система насилія и деспотизмъ имѣютъ своимъ неизбѣжнымъ коррелятомъ революцію, которая есть то же насиліе и ведетъ къ тому же деспотизму только въ другой формѣ. Ито, и другое есть беззаконіе; гдѣ одно наверху, тамъ другое внизу. Въ нѣдрахъ деспотизма таится революція, въ нѣдрахъ революціи таится деспотизмъ. Въ какой мѣрѣ правительственная система очищаетъ себя отъ беззаконія, въ такой мѣрѣ она очищаетъ себя отъ революціи, ибо то и другое есть одно и то же. Полнаго совершенства нѣтъ въ человѣческихъ дѣлахъ; но довольно знать, въ какое направленіе поставлена правительственная система, имѣетъ ли она свою постоянною цѣлю обезпеченіе всѣхъ истинныхъ потребностей человѣческой природы, руководствуется ли правительство своимъ истиннымъ призваніемъ, идетъ ли оно по пути улучшеній и благихъ реформъ: этого довольно, чтобы оно могло постоянно торжествовать надъ духомъ революціи и поражать анархію въ зародышѣ. Этого не хочетъ знать г. Шталь, или, по крайпей мѣрѣ, считаетъ полезнымъ для своихъ цѣлей скрывать эту истину, которая все болѣе и болѣе переходитъ теперь въ общее сознаніе, и становится къ аеугольнымъ камнемъ политической мудрости правителей. Само нынѣшнее прусское правительство, которое, повидимому, прониклось духомъ этой истины, и вышло твердою ногой на путь разумной и твердой политики, становится теперь предметомъ такихъ же точно маневровъ, какіе употребляетъ г. Шталь съ товарищами противъ нашего отечества. Злонамѣренныя голоса то

шопотомъ, то громко разносятъ по Германіи нелицеприятность къ Пруссіи и опасенія ея либеральной политики; они разносятъ подозрѣнія, что она питаетъ властолюбивыя завоевательныя планы относительно Германіи. Въ палатѣ депутатовъ г. Симсонъ счелъ нужнымъ коснуться этихъ темныхъ навѣтовъ. «Территориальное распредѣленіе германскихъ государствъ, сказалъ онъ, лучше всего обезпечивается словомъ, сказаннымъ съ прусскаго трона, хотя и не публично: Пруссіи предстоятъ въ Германіи лишь нравственныя завоеванія. Всячески стараются заподозрить и выставить, какъ опасность для Германіи, то свободное движеніе, которое началось теперь въ Пруссіи; но я думаю, что именно тѣ правительства особенно громко говорятъ объ этомъ, которыя дѣлаютъ это съ цѣлю отвлечь вниманіе отъ ихъ внутреннихъ дѣлъ. Съ другой стороны находятъ также, что наше устройство недостаточно консолидировано; но то, что сдѣлано въ продолженіи цѣлаго десятилѣтія, не можетъ быть передѣлано въ одинъ годъ...»

Итакъ мы видимъ, что маневры, употребляемые противъ нашего отечества прусскими реакціонерами, вовсе не есть новость; это оружіе дѣйствительно уже ржавое, и Пруссія въ свою очередь служить предметомъ, на которомъ изощряются этого рода маневры.

Одинъ изъ польскихъ депутатовъ графъ Цѣшковскій говорилъ въ свою очередь. Умѣренный, благоразумный, но твердый тонъ его рѣчи очень выгодно отдѣлялся отъ напыщенныхъ восторговъ нѣмецкаго патріотизма. Въ то время, когда даже лучшіе изъ нѣмецкихъ патріотовъ, одержимые демономъ своего національнаго чувства, готовы были поднять небо и землю для его удовлетворенія, въ то время, когда они грозили войною и пожаромъ цѣлому міру, въ то время, какъ слова ихъ дышали пламенемъ, и когда, впрочемъ лучшей изъ нихъ, г. фонъ-Финке восклицалъ: «мы глубоко погрузимъ мечъ нашъ въ сердце нашихъ враговъ» и упрекалъ правительство за его равнодушіе и холодность къ австрійскому дѣлу,—одинъ изъ польскихъ представителей Познанскаго княжества, графъ Цѣшковскій, въ выраженіяхъ, исполненныхъ достоинства и приличія, изъявлялъ правительству свое сочувствіе къ его благоразумной политикѣ. Безъ сомнѣнія, въ словахъ польскаго депутата слышалось національное чувство, но въ этомъ чувствѣ не было ничего, что не заслуживало бы полной симпатіи. «Еслибы», сказалъ онъ, голоса польскихъ членовъ палаты и не имѣли большаго вѣса въ ея рѣшеніяхъ, то имъ нельзя отказать въ нравственномъ вліяніи. Въ прежнихъ случаяхъ, Поляки молчали; тогда имъ не къ чему было присоединять свое слово и свои пожеланія; теперь же, когда возникъ вопросъ о національ-

ныхъ интересахъ, Поляки не должны устраняться отъ заявленія своего голоса; они должны сказать или *да*, или *нѣтъ*. Они должны были бы сказать *нѣтъ*, еслибы потребовалось подать руку Австріи для подавленія Италіи. Но правительство желаетъ противнаго. Оно хочетъ поставить Пруссію только въ оборонительное положеніе, и его политика совершенно согласна съ принципомъ національности; и Поляки говорятъ *да*. За Австрію Поляки не подали бы голоса. Наши соплеменники дважды спасали Австрію: одинъ разъ Собьскій, другой разъ императоръ Николай. Благодарность австрійскаго дома вошла въ пословицу. Изъ нѣжнаго и почтительнаго чувства къ Австріи, король прусскій не принялъ императорской германской короны, на которую онъ могъ бы имѣть право, и какую благодарность, получилъ за это отъ Австріи? (*Рукоплесканія съ правой, то-есть, либеральной стороны*) Поляки, не желая споспѣшествовать Австріи въ притѣсненіи Италіи, показываютъ этимъ, что они держатся вовсе не пессимистской политики. Пессимисты именно стали бы желать всеобщаго пожара... Г. Симсонъ, говорившій послѣ графа Цѣшковскаго, не преминулъ коснуться польской національности. «Одинъ взглядъ на карту, говорилъ онъ, показываетъ, что національность никогда не была преобладающимъ или исключительнымъ началомъ въ образованіи государствъ; что нѣтъ такого государства, которое было бы одною цѣльною націей, и только націей. Что же собственно касается до польской національности, то мы никогда не будемъ оспаривать у Поляковъ права поддерживать свою національность, пока они остаются польскими Пруссакими. Но они на вѣки вѣковъ потеряютъ нашу симпатію, если захотятъ быть прусскими Поляками.» (*Браво съ правой стороны.*)

Г. Симсонъ принадлежитъ къ лучшимъ людямъ прусскаго парламента. По всему вѣроятію, совѣтъ свой Полякамъ даетъ онъ отъ души и въ добромъ смыслѣ; но гораздо полезнѣе, гораздо нужнѣе былъ бы добрый совѣтъ для его соплеменниковъ. Онъ не можетъ не знать, чего не достааетъ для установленія удовлетворительныхъ отношеній Пруссіи къ ея иноплеменнымъ элементамъ. Наканунѣ того самаго засѣданія, въ которомъ говорилъ графъ Цѣшковскій и отвѣчалъ ему г. Симсонъ, въ палатѣ депутатовъ происходили пренія о польскомъ языкѣ, который, какъ жаловались познанскіе члены, подвергается систематическому преслѣдованію. Особая коммиссія разбирала ихъ жалобы; коммиссія признала справедливость приведенныхъ ими фактовъ; въ палатѣ никто не могъ возразить имъ ничего серіознаго и основательнаго, и что же? дѣло осталось безъ всякаго результата. Коммиссія рѣшила, и палата одобрила ея рѣшеніе, что дѣйствительно польскій языкъ подвергается многимъ стѣсненіямъ, но такъ какъ нельзя доказать,

что стѣсненія эти имѣютъ систематическій характеръ, то и надо предоставить дѣло волѣ Божьей.

Какъ же послѣ этого жителямъ Познани быть, какъ говорить г. Симсонъ, *польскими Пруссаками*? Кто виноватъ, что они не могутъ чувствовать себя иначе, какъ *пруссими Поляками*? Кто возбуждаетъ въ нихъ этотъ антагонизмъ, на который потомъ сѣтуютъ тѣ, кто такъ фанатически и коварно распаляетъ и поддерживаетъ его? Народъ можетъ еще отказаться отъ политической отдѣльности, но нельзя ожидать, чтобъ онъ, по доброй волѣ, отказался отъ своего языка, этого послѣдняго убѣжища и послѣдней печати его жизненнаго духа. Можетъ ли онъ съ удовольствіемъ видѣть, какъ предпринимаются всевозможныя махинаціи противъ его жизни? А если есть что-нибудь на свѣтѣ систематическое, то это, конечно, тѣ махинаціи, посредствомъ которыхъ распространяется германизация.

Мудрено ли, что Пруссія чувствуетъ Познань, какъ свое больное мѣсто? Но причина болѣзни кроется не въ познанскомъ народонаселеніи, а въ томъ духѣ злой пропаганды, которымъ доселѣ еще одержима германская народность, благодаря своему собственному неестественному положенію.

Мы не можемъ пройти молчаніемъ одного оригинальнаго замѣчанія, которое было брошено въ томъ же засѣданіи г. Бланкенбургомъ. Онъ опасается, чтобы война между Франціею и Австріею не кончилась союзомъ между ними. Онъ думаетъ, что противники, сорвавъ сердце войною, тѣмъ тѣснѣе могутъ потомъ сблизиться и тѣмъ крѣпче пожать другъ другу руку. Онъ опасается, чтобъ италянская война не была вторымъ актомъ той драмы, которой первый актъ происходилъ въ Крыму. «Надѣюсь, говорилъ онъ, что Пруссія не упуститъ ничего, чтобы развести тѣ руки, которыя соединились надъ развалинами Севастополя, по крайней мѣрѣ постарается, чтобъ онѣ не соединились еще крѣпче. Если союзъ этихъ рукъ будетъ слишкомъ крѣпокъ, то политическая система Европы подвергнется опасности. Я сохраняю увѣренность, что Пруссія будетъ дѣйствовать энергически съ цѣлію не допустить италянскій вопросъ до такого печальнаго исхода, чтобы Франція и Австрія подали другъ другу руку надъ развалинами Мантуи. Этимъ бы заключился второй актъ той драмы, первый актъ которой разыгрался подъ Севастополемъ. Когда начнется третій актъ, тогда никакого уже выбора для Пруссіи не будетъ. Тогда не будутъ спрашивать ея, хочетъ ли она или не хочетъ; тогда она принуждена будетъ дѣйствовать.»

Смѣемъ думать, что опасенія г. Бланкенбурга, по крайней мѣрѣ по отношенію къ первому акту воображаемой имъ драмы, крайне преувеличены. Надъ развалинами Севастополя руки, поданныя

другъ другу, не соединились такъ крѣпко, чтобы союзъ ихъ могъ быть опасностію для Европы или ущербомъ для самостоятельныхъ интересовъ и достоинства Россіи. Россія не думаетъ вмѣшиваться въ чуждую ей войну, не думаетъ быть орудіемъ чуждой политики, не хочетъ затыгивать себя ни въ какіе глухіе союзы, не хочетъ быть придаткомъ къ чуждой жизни, а хочетъ жить сама.

Засѣданіе, о которомъ мы говоримъ, было послѣднимъ въ нынѣшней сессіи. Правительство еще разъ могло убѣдиться, что оппозиція въ обѣихъ палатахъ состоитъ почти исключительно изъ феодальной партіи; въ вопросѣ о займѣ эта партія вотировала въ пользу предложеній министерства, такъ что проекты законовъ были приняты единогласно.

На другой день происходило закрытіе палатъ, и принцъ регентъ произнесъ при этомъ тронную рѣчь, въ которой высказалъ удовольствіе по поводу согласія, господствовавшаго между палатами и министерствомъ. Только законы о гражданскомъ бракѣ и о поземельныхъ налогахъ необходимо было отложить до слѣдующей сессіи. Поблагодаривъ палаты за единодушіе по всѣмъ вопросамъ, касавшимся чести и достоинства Пруссіи, принцъ-регентъ высказалъ еще разъ направленіе внѣшней политики Пруссіи. «Господа, сказалъ онъ, Пруссія рѣшилась охранять юридическій бытъ Европы, европейское равновѣсіе. Она имѣетъ право и обязанность стоять за безопасность, защиту и національные интересы Германіи. Она не выпуститъ изъ своихъ рукъ заботу объ этихъ благахъ. Пруссія ожидаетъ отъ всѣхъ сочленовъ германскаго сейма, что они крѣпко сомкнутся около нея при рѣшеніи этой задачи и съ довѣріемъ встрѣтятъ ея готовность стать за общее отечество. Господа, я отпускаю васъ къ вашимъ домашнимъ пенатамъ въ очень важную минуту.»

Отъ прусскихъ палатъ, въ которыхъ правительство пользуется лестною привилегіею быть гораздо либеральнѣе оппозиціи, перейдемъ къ блѣдной тѣни представительнаго начала во французскомъ Законодательномъ Сословіи. И здѣсь поднятъ былъ вопросъ о денежныхъ средствахъ для войны, о займѣ въ 500 милліоновъ франковъ; и здѣсь единогласно принято было предложеніе правительства. Но ораторы оппозиціи, вмѣсто теорій объ отжившихъ союзахъ, выступили съ упреками правительству за то, что оно переложило вопросъ о мирѣ и войнѣ на обсужденіе Сословія уже тогда, когда дѣло было рѣшено окончательно, когда французскія войска уже перешли за границу; до тѣхъ поръ правительство не спрашивало ни совѣта, ни мнѣнія страны, «которая узнавала изъ иностранныхъ газетъ новости, ее интересующія,» какъ сказалъ г. Плишонъ. «Я вотировалъ въ пользу увеличенія контингента, продолжалъ

онъ, потому что наши войска перешли границу, и затронута честь нашего знамени; теперь уже поздно разсуждать. Но еслибы можно было поднять вопросъ о томъ, на сколько лежало въ интересахъ Франціи затянуться въ войну, я вотировалъ бы противъ. Я увѣренъ, что въ палатѣ огромное большинство высказалось бы за одно со мною.» Но ожиданія г. Плишона не оправдались: огромное большинство протестовало противъ такой увѣренности и требовало, чтобъ онъ говорилъ только отъ своего имени. А отъ своего имени г. Плишонъ могъ высказать только самый странный взглядъ на войну. Онъ считаетъ ее революціонною, подобно г. Шталю, смѣшиваетъ національное движеніе съ анархическимъ, и даже грозитъ Франціи безпорядками внутри. «По моему мнѣнію, сказалъ ораторъ, эта война грозитъ не только безопасости внѣшней, но и спокойствію внутри страны. Нельзя дѣйствовать по началу революціи въ Италіи и оставаться консерваторомъ въ Римѣ и во Франціи; когда возбуждаютъ революціонный духъ на одномъ пунктѣ, онъ пробудится на всѣхъ другихъ пунктахъ.» Здѣсь голосъ оратора былъ заглушенъ выраженіемъ неудовольствія на всѣхъ скамьяхъ палаты, и г. Барошъ безъ труда могъ отразить нападенія такого оратора, который самъ признался, что онъ стоитъ «на противоположномъ политическомъ полюсѣ съ г. Оливье», представителемъ радикальной партіи. Эти политическіе полюсы — самое опасное и невыгодное мѣсто для дѣйствія; они слишкомъ далеки отъ центра тяжести, и съ нихъ легко сбить каждаго, кто вздумалъ бы утвердиться на этихъ крайнихъ точкахъ политической мысли. Г. Плишонъ имѣлъ въ виду высказать нѣсколько горькихъ истинъ правительству, — онъ имѣлъ на то право; но зачѣмъ было подымать непремѣнно этотъ грозный призракъ революціи, которымъ можно пугать только слабое и дѣтски-боязливое общество? Неужели въ нынѣшнемъ французскомъ правительствѣ трудно было найти болѣе серіозные недостатки и нужно было искать чего-то въ родѣ ахиллесовой пяты? По всему видно, что г. Плишонъ принадлежитъ къ людямъ старой школы; его мысль останавливается только на двухъ крайнихъ пунктахъ: на революціи и на волѣ императора; онъ хотѣлъ защитить миръ только страхомъ революціи, а кончилъ обращеніемъ къ умѣренности императора, «которая можетъ окружить имя Наполеона III ореоломъ истинной славы.»

Гораздо важнѣе была рѣчь другаго члена оппозиціи, г. Жюля Фавра, который стоитъ нѣсколько дальше отъ политическихъ полюсовъ. Онъ спрашивалъ у правительства отъ имени палаты объясненія причины и цѣли войны, онъ обвинялъ правительство въ неискренности. «Оно желало войны и приготовило ее, на немъ же должна лежать и вся отвѣтственность за войну.» Ораторъ

переходить потомъ къ объясненію цѣли, которую должна имѣть Франція. «Правительство французское, говоритъ онъ, услышало жалобы Италіянцевъ и отвѣчало имъ. Это была политика, связанная съ нашими преданіями, потому что Франція не можетъ быть могущественною, пока Италія не возродится и не будетъ свободою. Разбивать рабскія цѣпи, изгонять властителей, которые умѣютъ удерживаться только насиліемъ, вотъ въ чемъ состоитъ призваніе Франціи!... Что касается до цѣли войны, то она не можетъ состоять ни въ чемъ иномъ, кромѣ освобожденія Италіи. Мечъ Франціи обнаженъ для этой цѣли, и онъ не долженъ опускаться до тѣхъ поръ, пока хотя одинъ Австріецъ останется на полуостровѣ. Если въ моихъ словахъ есть преувеличеніе, пусть отвѣтятъ мнѣ на одинъ вопросъ: желаютъ ли возстановить наспровергнутые троны покорныхъ слугъ Австріи? стануть ли проливать кровь Римлянъ для возстановленія правительства кардиналовъ, если оно будетъ уничтожено? По моему мнѣнію, это невозможно. Правительству даже нѣтъ нужды объясняться по этому вопросу. Пусть только оно отвѣтитъ молчаніемъ на слѣдующую дилемму: оставить на произволъ Италію и Пиемонтъ, или освободить Италію, то-есть изгнать Австріевъ. Если правительство не отвергаетъ послѣдней политики, это значитъ, что оно принимаетъ ее. Осудить Францію исключительно на оборонительную войну значило бы сдѣлать изъ нея союзницу Австріи, значило бы укрѣпить австрійское могущество и оставить Италію въ жертву реакціи... Въ отношеніи къ внутренней политикѣ между мною и правительствомъ невозможна никакая сдѣлка, пока Франція будетъ находиться подъ игомъ теперешней системы, но я буду заодно съ правительствомъ въ вопросѣ внѣшней политики.»

Въ этихъ словахъ г. Жюля Фавра выразилось настроеніе почти всѣхъ Французовъ. Корреспондентъ *Times*, описывая отъѣздъ императора изъ Парижа къ арміи, съ изумленіемъ говоритъ о безпредѣльномъ восторгѣ толпы, объ этихъ кликахъ «vive la guerre», которые слышатся теперь во всей Франціи, и о непонятномъ успѣхѣ новаго національнаго займа: вмѣсто 500 милліоновъ подписка дошла до двухъ съ половиною милліардовъ франковъ! «Увы, говоритъ корреспондентъ, мы не находимъ отвѣта на всѣ странныя противорѣчія во французскомъ народѣ; намъ остается преклонить голову, тяжело вздохнуть и признаться, что это странный народъ. О немъ г. Прудонъ могъ справедливо сказать: *je jure de defendre les institutions du pays, et, au besoin, de les combattre.*» Отъ одного конца Франціи до другаго всѣми овладѣло теперь опьяненіе отъ будущихъ побѣдъ. Журналы сообщаютъ самыя восторженныя корреспонденціи съ театра войны. Французская армія—это главный, вѣчно живой нервъ Франціи; за ея войсками

слѣдуютъ ея литераторы, художники, актеры; знамя Франціи— ея военное знамя, и гдѣ развѣвается оно, гдѣ раздаются звуки военной трубы, туда сгремятся всѣ нравственныя силы Франціи, которыя могутъ выступить наружу при настоящемъ положеніи дѣлъ.

Все вниманіе Франціи сосредоточено теперь на берегахъ По; все государство приняло еще болѣе обыкновеннаго видъ военнаго лагеря, всякая внутренняя жизнь пріостановлена еще болѣе обыкновеннаго. Законодательное собраніе распущено; императрица, по акту регентства, не имѣетъ права издать какой-либо новый сенатусконсультъ въ отсутствіе императора. Нѣтъ возможности услышать даже и тѣ рѣдкіе голоса оппозиціи, которыми правительство позволяло иногда высказаться и на которые отвѣчало иногда офиціальнымъ тономъ. Такимъ тономъ отличаются отвѣты г. Бароша и графа Морни на послѣднія слова рѣчи г. Жюля Фавра, приведенныя нами выше. Г. Барошъ замѣтилъ, что Франція не находится подъ игомъ теперешней системы, что напротивъ она возвысилась при этой системѣ. Графъ Морни напомнилъ, что нынѣшнее правительство было провозглашено огромнымъ большинствомъ народа. На остальные вопросы не послѣдовало никакого отвѣта.

Но если правительственныя лица отличаются болшею частію краснорѣчивымъ молчаніемъ въ палатѣ, за то французскіе администраторы кратко, но точно высказываютъ свои убѣжденія и поддерживаютъ неутомимо систему нынѣшняго правительства. Новый министръ внутреннихъ дѣлъ, герцогъ Ариги-Падуанскій въ циркулярѣ къ префектамъ говоритъ: «имя, которое я ношу, есть символъ вѣрности; преданія моего рода указываютъ образъ моихъ дѣйствій, и я останусь имъ вѣренъ.» Эти преданія состоятъ въ томъ, что новый министръ родомъ Корсиканецъ и слѣдовательно двоянѣ преданъ императору. «Разногласія партій, говоритъ онъ, должны сгладиться; всѣ, желающіе сохраненія порядка, величія и благоденствія Франціи, соберутся около императорской династіи; она составляетъ замѣкъ того свода, которымъ завершается общественное зданіе.» Вслѣдствіе этого, новый министръ въ первые дни своего управленія сдѣлалъ нѣсколько предостереженій журналамъ, началъ судебное преслѣдованіе брошюры г. Абу о римскомъ вопросѣ и даже задержалъ на почтѣ одинъ номеръ журнала *le Nord*.

Что касается до Италиі, то съ театра войны до насъ доходятъ самыя различныя слухи, смотря по различію источниковъ: свѣтъ и тѣнь падаютъ совершенно противоположно изъ двухъ лагерей. *Times* началъ рядъ писемъ своихъ корреспондентовъ изъ обѣихъ армій и открылъ ихъ письмомъ изъ австрійской главной квартиры; дол-

жно надѣяться, что эти письма будутъ служить лучшимъ источникомъ правильныхъ свѣдѣній о томъ, что совершается на берегахъ Сези и Тичино.

Что касается до расположенія умовъ въ Италіи, то, какъ видно, большинство націи подаетъ свой голосъ въ пользу Піемонта, и въ этомъ движеніи нисколько не участвуетъ демагогическая партія. Манифестъ Мадзини не произвелъ никакого впечатлѣнія, онъ прошелъ совершенно незамѣченнымъ, и обстоятельство это, наравнѣ со многими другими, достаточно свидѣтельствуеетъ въ пользу италіянскаго народонаселенія.

Въ Сардиніи народное движеніе разыгрывается, конечно, съ особенною силою. Если вѣрить французскимъ извѣстіямъ, то всѣ сословія слились тамъ въ одною общемъ чувствѣ ненависти къ Австрійцамъ и желаніи не останавливаться ни передъ какими жертвоваціями для блага отечества. Никогда, говорятъ корреспонденты французскихъ журналовъ, характеръ народонаселенія этой страны не высказывался съ такимъ одушевленіемъ, какъ при появленіи французскихъ войскъ въ Туринѣ и Генуѣ и высадкѣ императора Наполеона въ последнемъ изъ этихъ городовъ. Восторженнымъ кликамъ не было конца; женщины усыпали улицы цвѣтами; толпами сопровождали онѣ проходившіе полки, громко возбуждая ихъ къ битвѣ на жизнь и смерть. Слухи, распространяющіеся ежедневно о страшныхъ пригѣсненіяхъ, которыми ознаменовываютъ Австрійцы пребываніе свое въ занятыхъ ими провинціяхъ Піемонта, возбуждастъ все болѣе и болѣе воинственное настроеніе общества. Люди зажиточные не останавливаются на передъ какими жертвами: такъ, на примѣръ, недавно туринская военная коммиссія потребовала 400 лошадей, годныхъ для артиллеріи, предлагая достаточное за нихъ вознагражденіе, — черезъ нѣсколько дней лошадей представлено было болѣе тысячи, и никто не взялъ за нихъ никакой платы. Англійскія корреспонденціи изображаютъ состояніе страны чертами менѣе грандіозными, но въ этой англійской прозѣ какъ будто болѣе слышится правды, болѣе проглядываетъ натура. По англійскимъ извѣстіямъ, низшіе классы піемонтскаго народонаселенія тяготеютъ обременительными налогами и не очень сочувствуютъ самолюбивымъ стремленіямъ туринскаго кабинета. Но средніе классы, и по англійскимъ извѣстіямъ, показываютъ несомнѣнные признаки патриотическаго воодушевленія. Равнымъ образомъ несомнѣнно и то, что виновникъ всего этого движенія, теперешій герой Сардиніи, графъ Кавуръ, становится все болѣе и болѣе неутомимымъ, по мѣрѣ того, какъ возрастаютъ затрудненія всякаго рода. Въ настоящее время управляетъ онъ заразъ четырьмя министерствами: иностранныхъ, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и воен-

нымъ, и никогда еще, говорятъ, всѣ министерства эти не обнаруживали столько энергической дѣятельности. Нужно прибавить, что въ послѣднее время присоединилось сюда еще управление Тосканой, гдѣ образовалось недавно министерство, въ трудахъ котораго, въ качествѣ пиемонтскаго комиссара, принимаетъ дѣятельно участіе бывший пиемонтскій посланникъ при Флорентійскомъ дворѣ, г. Буокомпани. Мы уже говорили о томъ, что въ странѣ этой произошелъ переворотъ, вслѣдствіе котораго великій герцогъ успѣшилъ отправиться въ Австрію, а власть поручена была временному правительству, состоящему изъ трехъ почетнѣйшихъ гражданъ Флоренціи. «Тоскана, говоритъ *Times*, представила рѣдкій образецъ революціи, не стоившей ни капли крови.» Дѣйствительно, мирный характеръ переворота, строгое сохраненіе тишины и порядка въ странѣ, въ которой народонаселеніе было сильно раздражено постояннымъ вмѣшательствомъ Австрійцевъ во внутренніе дѣла, и неисполненіемъ ни одного изъ обѣщаній, данныхъ въ 1848 году, имѣютъ значеніе. Они свидѣтельствуютъ, кажется, о способности народонаселенія къ политической дѣятельности. Порядокъ не былъ ни разу нарушенъ въ Тосканѣ и послѣ удаленія герцога; страна занята только одною мыслию—приготовиться какъ можно дѣятельнѣе къ предстоящей борьбѣ, и въ исполненіи этой задачи генералъ Уллоа обнаруживаетъ необыкновенную энергію. Военныя приготовленія идутъ успѣшно еще и потому, что казна находится въ довольно цвѣтущемъ состояніи: въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ, нельзя не помянуть добромъ прежнее правительство. Тосканское правительство при Леопольдѣ II, систематически стѣсняя высшіе гражданскіе интересы, постоянно заботилось о матеріальномъ благосостояніи, и благодаря этимъ заботамъ, страна эта стояла много выше прочихъ италіянскихъ государствъ.

Движеніе, такъ быстро охватившее Тоскану, отозвалось было и въ другихъ частяхъ Сѣверной Италіи, но еще пока не имѣло тамъ успѣха. Такъ, напримѣръ, герцогиня пармская успѣшила добровольно выѣхать изъ своихъ владѣній, но черезъ нѣсколько дней снова возвратилась въ нихъ. Возвращеніе это приписываютъ двумъ причинамъ: вопервыхъ, значительная часть пармскаго войска выразила сильное сочувствіе къ правительницѣ, а вотორыхъ австрійское начальство въ сосѣднихъ областяхъ принудило ее почти силою не покидать своей страны. Если герцогиня пармская обнаружила нѣкоторое малодушіе, то за то вѣнскій кабинетъ можетъ быть вполне доволенъ поведеніемъ вѣрнѣйшаго своего союзника герцога моденскаго. Известно, что съ титуломъ герцога соединяетъ онъ другой, несравненно болѣе лестный въ его глазахъ, титулъ австрійскаго фельдмаршала: онъ про-

нижнуть до глубины души высокими обязанностями этого званія и постоянно соображаетъ съ ними и внѣшнюю и внутреннюю свою политику. При первомъ извѣстїи о непрїязненныхъ дѣйствїяхъ на поляхъ Пїемонта, онъ также проникнулся воиственнѣйшимъ жаромъ и поспѣшилъ объявить въ осажденномъ положенїи свою собственную столицу. Подозрѣвая, впрочемъ, что насильственная эта цѣра можетъ не принести ожидаемыхъ отъ нея результатовъ, и народонаселеніе все-таки найдетъ средства выразить свое сочувствїе въ Сардинїи, герцогъ моденскїй поспѣшилъ призвать себѣ на помощь австрїйскїя войска. Нетерпѣніе его видѣть ихъ было такъ сильно, что онъ самъ выѣхалъ имъ на встрѣчу; при возвращенїи его въ городъ, между Австрїйцами и жителями Модены тотчасъ же произошла кровавая стычка, и обстоятельство это достаточно свидѣтельствуешь, что при первой возможности, при первыхъ неудачахъ австрїйской арміи, народонаселеніе герцогства не замедлитъ объявить себя въ пользу Пїемонта.

Вѣроятно никогда и никакое правительство не находилось еще въ столь затруднительномъ положенїи, въ какомъ находится въ настоящее время правительство папы. Нельзя сомнѣваться, что свѣтлѣйшіе кардиналовъ совершенно на сторонѣ Австрїи; а между тѣмъ оно находится подъ защитою французскихъ войскъ, и должно жить въ добромъ согласїи съ своими защитниками, въ искренности которыхъ оно имѣетъ достаточно причинъ сомнѣваться. Мы не хотимъ сказать этимъ, чтобъ императоръ Наполеонъ имѣлъ каки-нибудь враждебныя намѣренїя противъ Рима: въ манифестѣ своемъ онъ прямо выразилъ желаніе охранять и поддерживать вѣность римскаго первосвященника, и мы охотно вѣримъ, что такое дѣйствительно его намѣренїе. Но положеніе французскаго правительства таково, что при всемъ добромъ желанїи, оно можетъ совершенно невольно, не нынче, завтра, измѣнить имъ. Оно можетъ отвѣчать за самый Римъ, гдѣ присутствїе французскихъ войскъ будетъ постоянно сдерживать народное движеніе, хотя и это не совсемъ легкая задача: такъ, напримѣръ, недавно огромныя толпы народа привѣтствовали восторженными кликами французскаго главнокомандующаго въ этомъ городѣ, оглашали воздухъ патріотическими чѣснами, словомъ, всевозможными средствами выражали: сочувствїе свое къ событіямъ, происходящимъ въ Пїемонтѣ. Генералъ Гюйонъ издалъ прокламацію, въ которой говорилось, что подобныя сборища и подобныя выраженїя чувствъ народонаселенїя не будутъ терпимы впредь; но если прокламація не подѣйствуетъ на публику, если попрежнему, что весьма естественно, дѣло освобожденїя Италїи будетъ возбужать въ Римѣ почти всеобщїй энтузіазмъ, какъ придется дѣйствовать тамъ французамъ? Прибѣгнуть ли они къ грубой силѣ, для того что-

бы подавать движеніе, въ которомъ сочувствіе къ нимъ самимъ играетъ такую важную роль? Но если положеніе Французовъ въ столицѣ католическаго міра окружено столькими, всякаго рода, затрудненіями, то оно становится еще болѣе страннымъ по отношенію къ римскимъ провинціямъ. Тамъ можно ожидать съ минуты на минуту серьезнаго возстанія. Очевидно, слѣдовательно, что желаніе императора Наполеона охранять власть папы можетъ остаться только желаніемъ: римскій первосвященникъ до тѣхъ поръ будетъ пользоваться свободой своихъ дѣйствій, пока не выкажетъ явнаго сопротивленія дѣлу, начавшемуся теперь въ Италіи, но лишь только онъ открыто возстанетъ противъ него, какъ встрѣтится лицомъ къ лицу съ противодѣйствіемъ, котораго не будетъ въ силахъ преодолѣть ни самъ онъ, ни охраняющія его чужеземныя войска. Между тѣмъ, кардиналъ Антонелли сильно хлопочетъ о томъ, чтобы римскому правительству предоставлено было право сохранять въ начавшейся войнѣ строгій нейтралитетъ. Франція до сихъ поръ не отвѣчала еще на ноту, въ которой было выражено это требованіе, что же касается до Австріи, то она выказала недавно самымъ рѣзкимъ образомъ свое неуваженіе къ независимости и самостоятельности папскаго правительства. Австрійскіе военачальники дѣйствуютъ въ римскихъ областяхъ, какъ будто на собственной своей почвѣ, не стѣсняясь нисколько основными, общепринятыми правилами международнаго права: городъ Анкона объявленъ былъ ими въ осадномъ положеніи, маякъ потушенъ, вслѣдствіе чего, скажемъ мимоходомъ, два русскіе корабля потерпѣли аварію, гарнизонъ увеличенъ, и приступлено къ распространенію укрѣпленій въ такихъ размѣрахъ, что это должно было отозваться крайними бѣдствіями на матеріальномъ благосостояніи тамошнихъ жителей. При первомъ извѣстіи о столь безцеремонномъ образѣ дѣйствій, муниципальныя власти города Анконы, посланники французскій и сардинскій въ Римѣ представили энергическіе протесты папскому двору, и папа принужденъ былъ отвѣчать протестомъ на неуваженіе къ его правамъ, какъ независимаго государя. Правда, Австрійцы постыжились исправить свою ошибку и возстановили прежнее положеніе дѣлъ, но непріятное впечатлѣніе было уже произведено.

Что касается до Неаполя, то тамошнее правительство умѣетъ оставаться оригинальнымъ среди какихъ бы то ни было обстоятельствъ. Въ настоящее время, напримѣръ, оно приняло планъ держать подданныхъ своихъ въ совершенномъ невѣдѣніи касательно событій, происходящихъ въ сѣверныхъ областяхъ Италіи. Всѣ журналы запрещены строжайшимъ образомъ; телеграфъ недоступенъ для употребленія частныхъ лицъ, и единственный

источникъ, которымъ проникаютъ кое-какіе смутные, сбивчивые слухи въ Неаполь, это—многочисленные путешественники, пріѣзжающіе въ страну по дѣламъ или для развлечения. Правительство принимаетъ нѣрѣдко забавныя мѣры для предотвращения грозящей опасности: такъ, на примѣръ, недавно у всѣхъ солдатъ вырѣзаны были карманы въ панталонахъ, чтобъ имъ негдѣ было прятать революціонныя брошюры и прокламаціи, особенно распространяющіяся въ войскѣ. Швейцарцы, пользующіеся непримиримою ненавистью народонаселенія, дезертируютъ уже толпами, несмотря на всѣ старанія удержать ихъ. Съ другой стороны, бѣгутъ также и сами жители, преимущественно молодые люди, желающіе волонтерами принять участіе въ войнѣ за независимость. Въ Мессинѣ, говоритъ корреспондентъ газеты *Times*, на берегу моря бродятъ по ночамъ бѣглецы, выжидающіе удобнаго случая на ладѣ переѣхать на какой-нибудь иностранный корабль, который могъ бы перевезти ихъ на мѣсто военныхъ дѣйствій.

Среди этого напряженнаго тягостнаго положенія дѣль, 23 мая н. ст. скончался король Фердинандъ и на престолъ вступилъ подъ именемъ Франциска II, герцогъ Калабрскій, старшій сынъ его отъ перваго брака съ принцессою сардинскою. Извѣстно, что покойный король былъ главною опорою правительственной системы, такъ долго господствовавшей въ Неаполѣ; но нельзя сказать положительно, что система эта окончится вмѣстѣ съ его смертію. Францискъ II ничѣмъ еще не заявилъ своего образа мыслей и своихъ намѣреній; привыкшій къ строгому, безмолвному повиновенію, онъ лишенъ былъ всякой дѣятельности при жизни своего отца. Но всѣмъ извѣстно, что онъ былъ воспитанъ и окруженъ съ ранней молодости иезуитами, что онъ нигдѣ и ни малѣйшемъ образомъ не обнаружилъ самостоятельности характера и вотъ почему извѣстіе о вступленіи его на престолъ принято, вѣроятно, въ Неаполѣ, съ апатическимъ недоумѣніемъ, ибо обществу совершенно неизвѣстно, чего можетъ ожидать оно отъ новой власти. Смерть короля произвела уже перемѣну въ дипломатическомъ положеніи Неаполя, и теперь Англія и Франція назначаютъ туда своихъ посланниковъ.

ИЗВѢЩЕНІЕ.

Редакторъ бывшей польской газеты *Слово*, І. П. Огрызко, проситъ насъ объявить о мѣрахъ, которыя онъ принялъ для удовлетворенія своихъ подписчиковъ, вслѣдствіе прекращенія своего изданія, по причинамъ, отъ него независящимъ.

Владѣя въ Петербургѣ типографіею и желая, по мѣрѣ силъ и возможности, быть полезнымъ польской литературѣ, г. Огрызко предпринимаетъ новое изданіе *Собранія польскихъ законовъ*, извѣстнаго подъ названіемъ *Volumina Legum*, заключающаго въ себѣ законы и сеймовыя постановленія съ 1347 по 1780 годъ, и изданнаго въ первый разъ въ Варшавѣ орденемъ Піаровъ. Г. Огрызко предлагаетъ подписчикамъ своимъ, взаменъ прекратившейся газеты *Слово*, это изданіе, чрезвычайно важное для исторіи Польши и Литвы.

Съ тѣмъ вмѣстѣ считая священною для себя обязанностію возвратитъ полученныя за журналъ *Слово* деньги тѣмъ изъ подписчиковъ, которые не пожелали бы получить за эти деньги экземпляръ *Volumina Legum*, г. Огрызко предлагаетъ слѣдующее:

1) Всѣмъ подписчикамъ или уполномоченнымъ отъ нихъ будутъ возвращаемы деньги, отъ нихъ полученныя, въ полномъ количествѣ, въ конторѣ редакціи, состоящей въ С.-Петербургѣ, у Аларчина моста, въ домѣ Харламова. Выдача денегъ производится ежедневно, за исключеніемъ дней воскресныхъ и праздничныхъ, отъ 10 часовъ утра до часу по-полудни.

2) Подписчики, желающіе получить деньги, или взаменъ денегъ *Volumina Legum*, по почтѣ, благоволятъ увѣдомить редакцію, куда и кому должны быть высланы деньги или означенное *Собраніе*. При возвращеніи денегъ по почтѣ, будутъ единственно удержаны издержки на пересылку ихъ; расходъ же на пересылку *Volumina Legum* редакція принимаетъ на свой счетъ.

3) Тѣ, которые подписывались на журналъ *Слово* въ с.-петербургскомъ почтамтѣ или у книгопродавцевъ: Базунова или другихъ въ Петербургѣ, Гебетнера и К^о въ Варшавѣ, Идзиковскаго въ Кіевѣ, Завадскаго въ Вильнѣ, благоволятъ такимъ же образомъ увѣдомить редакцію, что желаютъ они получить: деньги или *Volumina Legum*.

4) Если подписавшіеся на полгода или на три мѣсяца, пожелаютъ получить *Volumina Legum*, то должны въ дополненіе внесенныхъ ими денегъ, уплатить часть, недостающую до суммы 17 р. сер., то-есть 8 р. 50 к., или 12 р. 75 к. сер.

Редакція не требуетъ немедленной доплаты этихъ денегъ и предлагаетъ высылать оныя по 4 р. 25 к. сер. по выходѣ каждаго

двухъ томовъ. Такимъ образомъ по выходѣ томовъ 1 и 2, подписавшіеся на три мѣсяца, доставивъ 4 р. 25 к. сер., получаютъ томы 3 и 4; по выходѣ томовъ 3 и 4, подписчики полугодовые и трехмѣсячные получаютъ, по доставленіи части денегъ, томы 5 и 6; по доставленіи послѣдней части денегъ, получаютъ томы 7, 8, 9 и 10.

5) Редакція проситъ всѣхъ подписчиковъ трехмѣсячныхъ, полугодовыхъ, а равно и годовыхъ, сообщить ей о желаніи своемъ въ возможной скорости и не позднѣе 20 іюня ст. ст.

Подписная цѣна на *Voluntiva Legum* для тѣхъ, которые не были подписчиками на журналъ *Слово*, назначается въ 20 р. сер. Въ настоящее время собраніе это, состоящее изъ 8 томовъ in folio, продается по 150 р. сер. за экземпляръ. Изданіе г. Огрызко будетъ состоять изъ 10 томовъ убористой печати въ восьмую долю листа; изъ нихъ 8 томовъ будутъ соответствовать 8-ми томамъ изданія Піаровъ; томъ 9 будетъ заключать въ себѣ указатель, составленный г. Островскимъ, а 10 указатель Ваги. Будутъ приняты мѣры для окончанія печатанія въ теченіе четырнадцати мѣсяцевъ.

420^ч

ВО ВНОВЬ ОТКРЫТОМЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

А. СМЕРДИНА (СЫНА) и К^о.

На Никольской улицѣ, въ домѣ графа Шереметева,

въ Москвѣ,

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

СОЧИНЕНІЯ В. БѢЛИНСКАГО. Часть I. М. 1859 года, 534 с.
Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.

СОЧИНЕНІЯ А. С. ПУШКИНА. 6 томовъ. Спб. 1858 г. Ц. 7 р.,
съ пер. 10 р. Вышли 2, 3 и 4 т., на остальные выдается билетъ.

СОЧИНЕНІЯ А. ОСТРОВСКАГО. 2 тома. Спб. 1859 г. Ц. 3 р.,
съ пер. 3 р. 75 к.

ИСТОРИЯ РОССИИ съ древнѣйшихъ временъ. Соч. Сергѣя Со-
ловьева. Томъ девятый, содержащій въ себѣ Исторію Россіи
въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. М. 1859 г. 501 с. Ц. 2 р.,
съ пер. 2 р. 50 к. За всѣ девять томовъ ц. 20 р. 50 к., съ пер.
25 руб.

УКРАИНСКІЕ НАРОДНЫЕ РАЗКАЗЫ, Марка Вовчка. Перев.
И. С. Тургенева. Спб. 1858 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

БУНТЪ СТЕНЬКИ РАЗИНА. Соч. Н. И. Костомарова. Спб.
1859 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

ВЕСНА. Литературный Сборникъ на 1859 г. Спб. 1859 г. 374 с.
Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

ПОВѢСТИ И РАЗКАЗЫ ЕВГЕНІИ ТУРЬ. 2 тома. М. 1859 г.
Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ДЛЯ ЛЕГКАГО ЧТЕНІЯ, томъ девятый. Содержаніе: Тернистый
путь, ром. Т. Ч. (А. Марченко). Шесть стихотвореній Бориса,
М. Михайлова. Пикникъ въ Флоренціи, разказъ А. Майкова. Бе-
съѣда журналиста съ подписчиками, драматическая сцена. Два
зайца, С. Колбасина. Фонарь, повѣсть А. Писемскаго. Спб.
1859 г. Ц. 1 р. съ пер. 1 р. 25 к. За всѣ 9 томовъ 9 р., съ пер.
11 руб.

АДАМЪ МИЦКЕВИЧЪ. Изъ очерковъ новѣйшей польской лите-
ратуры П. Дубровскаго. Съ портретомъ Мицкевича по фотогра-
ф. снимку. Спб. 1859 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ОПИСАНІЕ ВОЙНЫ между Россією и Швецією, въ Финляндіи,
въ 1741, 1742 и 1743 годахъ. Н. Шиловскій. Спб. 1859 г.
Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ОБЪЯСНЕНІЕ 1000 иностранныхъ словъ, употребляющихся
въ русскомъ языкѣ. Сост. и изд. А. С. М. 1859 г. Ц. 75 к., съ
пер. 1 р.

ЛУЧИ и ТѢНИ. Сорокъ пять сонетовъ. Д. фонъ-Лизендера. М.
1859 г. Ц. 70 к., съ пер. 90 к.

РОМАНЫ и ПОВѢСТИ В. Крестовскаго. 6 том. Спб. 1839 г. Ц. 6 р., съ пер. 7 р.

ТЫСЯЧА ДУШЪ, романъ въ 4 частяхъ, Алексѣя Писемскаго Спб. 1839 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

ПЕРВЫЙ ШАГЪ на морь. Разказъ стараго моряка. Изд. И. фонъ-Шанцъ. Кронштадтъ. 1839 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

СОЧИНЕНІЯ Э. И. ГУБЕРА, изданныя подь редакціею А. Г. Тихменева. Съ портретомъ и биографіею автора. Томъ I. Мелкія стихогворенія, многія изъ нихъ изданы въ первый разъ. Изданіе Смирдина сына и К. Спб, 1839 г. 474 стр, Ц. 1 р. 50 к., съ пер-2 р. Второй томъ печатается. Цѣна за 2 т. 3 руб. съ перес. 4 руб.

ЗАПИСКИ ОХОТНИКА. Сочиненіе Ивана Тургенева. Изданіе второе, безъ перемѣнъ. Спб. 1839 г. 2 части. Ц. 3 р. съ пер. 3 р. 50 коп.

ПОВѢСТИ И РАЗКАЗЫ Д. ГРИГОРОВИЧА. М. 1859 г. 6 частей. Ц. 5 руб. съ перес. 6 р. Части 1, 2 и 3 вышли, на остальные выдается билетъ.

ТАИНСТВЕННЫЯ СИЛЫ, или нѣкоторыя черты изъ царствованія императора Павла I. Историческій романъ въ трехъ частяхъ. Соч. Р. Зогова. Спб. 1839 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 руб.

УКРАИНЕЦЪ, издаваемый Михаиломъ Максимовичемъ. Книжка первая. М. 1839 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

ШИЛЛЕРЪ въ переводѣ русскихъ писателей, изд. подь редакц. Н. В. Гербеля. Драматическія сочиненія, томъ 5-й. Спб. 1839 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

КНИГА МИШУРЫ. Сочиненіе В. Текерея. Перевелъ съ англійскаго Л. Голенищевъ-Кутузовъ. М. 1839 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

ОЧЕРКИ И РАЗКАЗЫ, И. Т. Кокорева въ 3 част. М. 1858 г. Ц. 3 р., съ перес. 4 руб.

КНЯЗЬ ЛУПОВИЦКІЙ или пріѣздъ въ деревню. Комедія въ 2 дѣйствіяхъ, съ прологомъ. Константина Аксакова. Лейпцигъ. 1837 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

РУССКІЙ РАСКОЛЬ СТАРООБРЯДСТВА, разсматриваемый въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и гражданственности въ XVII вѣкѣ и въ первой половинѣ XVIII. Опытъ историческаго изслѣдованія о причинахъ происхожденія и распространенія русскаго раскола. Соч. А. Щапова. Казань. 1839 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Гг. многогородные благоволятъ адресовать свои требованія за всѣми вообще русскими книгами, къъ бы оны не были изданы и публикованы: въ Москву, въ книжный магазинъ А. Смирдина сына и К., на Никольской, въ домъ гр. Шереметева, Анатолю Федоровичу Черенину.

ОДНО ВЪ ДРУГОМЪ

ПОВѢСТЬ ФЕРНАНА КАВАЛЬЕРО

(Съ испанскаго.)

ПРЕДИСЛОВІЕ

Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія въ Испаніи появлялись въ разныхъ журналахъ повѣсти и разказы подѣ псевдонимомъ Фернана Кавальеро. Эти разказы пользуются между соотечественниками автора большою и заслуженною популярностію. Кавальеро единственный испанскій писатель, съ успѣхомъ посвятившій свой талантъ разработкѣ романа въ новѣйшемъ смыслѣ этого слова, романа, отражающаго организацию современнаго общества, группирующаго въ изящныя картины его разнообразныя, борющіеся между собой элементы. Правда, новѣйшая испанская литература представляетъ нѣсколько историческихъ романовъ; но ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ той живости красокъ, того пониманія настоящаго испанскаго быта и сочувствія къ нему, какія встрѣчаемъ у Кавальеро. Авторъ весьма скоро сдѣлался народнымъ писателемъ Испаніи.

А между тѣмъ по происхожденію онъ не принадлежитъ Испаніи. Подѣ псевдонимомъ Кавальеро пишетъ женщина, по отцу Нѣмка, дочь гамбургскаго негоціанта Боля, извѣстнаго знатока литературы и древно-

стей Испаніи. Съ другой стороны, она Испанка по матери и выросла въ Кадиксъ, гдѣ она узнала и полюбила Андалузскій народъ, такъ типически воспроизведенный ею въ ея разказахъ. Наконецъ ея высокое положеніе въ обществѣ (она была замужемъ за герцогомъ де-Ривасъ, и ей поручено воспитаніе дѣтей королевы) дало ей возможность также подробно изучить нравы испанской аристократіи.

Талантливая писательница съ тонкимъ женскимъ тактомъ сумѣла воспользоваться всеми выгодами своего положенія. Ея разказы блестятъ юмористическою наблюдательностію жительницы сѣвера, освобожденной европейскимъ образованіемъ отъ мѣстныхъ предрассудковъ и крайностей. Они согрѣты всею симпатіею, которою можетъ быть одушевлена истинная Испанка къ нравамъ, предавіямъ, къ почтенной старинѣ своего отечества. Созданныя ею типы современнаго испанскаго общества очерчены смѣло и живо, и вся его физиономія отчетливо рисуется передъ нами при чтеніи разказовъ Фернана Кавальеро. Физиономія странная и привлекательная, чуждая и какъ будто знакомая, особенно намъ, Русскимъ, невольно обращающимся къ своему отечеству при зрѣніи этого поразительнаго сочетанія первобытной патріархальности и цивилизаціи, утонченности и грубости! Но стоить только присмотрѣться поближе, чтобы убѣдиться, что аналогія только кажущаяся, а подъ нею кроется глубокой контрастъ. Если у насъ сквозь тонкій лоскъ недавно пріобрѣтенной образованности безпрестанно пробивается дикая грубость, завѣщанная намъ вѣками коснѣнія и невѣжества, въ Испаніи, наоборотъ, и среди грустныхъ симптомовъ усыпленія и упадка во всемъ слышатся отголоски старинной, могучей цивилизаціи, широкой, славно-прожитой исторіи. Чувство собственнаго достоинства, выражающееся въ аристокритически-изящныхъ формахъ даже у лицъ, занимающихъ самое скромное положеніе, гуманность и вѣжливость въ личныхъ отношеніяхъ разныхъ классовъ общества, глубокое уваженіе ко всему завѣщанному старинною, все это и въ самыхъ обыкновенныхъ сценахъ ежедневной жизни напоминаетъ намъ, что мы стоимъ на исторической почвѣ, сохранившей еще и для будущаго много производительныхъ силъ.

Самъ Фернанъ Кавальеро называетъ свои повѣсти нраво-описательными, *novelas de costumbres*. И дѣйствительно, авторъ съ особеннымъ мастерствомъ и любовью изображаетъ нравы простаго народа и вообще типы, взятые изъ глубины національной испанской жизни. Читатели могутъ убѣдиться въ этомъ уже изъ предлагаемой нами повѣсти; во впечатлѣніе ставовится еще полнѣе, когда вы прочтете цѣлый рядъ картинныхъ разказовъ Кавальеро. Вся испанская жизнь рисуется передъ вами; эти повѣсти — лучший комментарий для изученія теперешней Испаніи; никакія самыя подробныя описанія не дадутъ такого вѣрнаго понятія о странѣ, какъ эти живые разказы, которые переносятъ васъ въ семью бѣднаго Испанца на площади Севильи, на берега Гадалькивира,

гдѣ слышатся любовныя рѣчи и кипятъ бурныя страсти. Эта повседневная, будничная испанская жизнь, — lo que va de ayer á hoy, по выраженію Кальдерона; но сколько въ ней характеристическихъ особенностей, сколько оригинальной прелести!

Въ настоящее время въ Мадридѣ издается собраніе повѣстей Фернана Кавальеро; каждой изъ нихъ предшествуетъ предисловіе, въ которомъ объясняются характеристическія особенности автора, и почти въ одинъ голосъ всѣ испанскіе критики называютъ его испанскимъ Вальтеромъ-Своттомъ. Повѣсть *Una en otra*, которую мы предлагаемъ теперь съ переводомъ, принадлежитъ къ числу первыхъ произведеній автора; эпиграфъ, избранный Кавальеро, лучше всего показываетъ, какую задачу предложилъ онъ себѣ; этимъ эпиграфомъ взяты слова Эмиля Сувестра: *voyez la société pour la peindre; c'est une galerie où vous trouverez de quoi couvrir votre album.*

Въ концѣ февраля 1844 года, выѣзжала изъ Мадрида по Севильской дорогѣ огромная почтовая карета; ее съ трудомъ тащили восемнадцать лошадей прекрасной андалузской породы, которыя налегкѣ, подъ руководствомъ искуснаго всадника, удивляли бы всѣхъ своею быстротою и огнемъ, но едва могли тащить этотъ неуклюжій замокъ на колесахъ, вѣроятно въ насмѣшку названный дилижансомъ: это драгоценное изобрѣтеніе новѣйшаго времени скорѣе можно было назвать подвижнымъ фаланстеромъ.

Купе было занято какимъ-то депутатомъ и двумя чиновными господами. Внутри кареты помѣщалась старая дама съ дочерью, а подлѣ нихъ пожилой господинъ, маленькій и толстый, съ крошечными безпокойными глазками, съ синимъ носомъ, съ красноватымъ и самодовольнымъ лицомъ.

Насупротивъ нихъ сидѣлъ мужчина, одѣтый бѣдно, весь въ черномъ, съ серьезнымъ и простодушнымъ выраженіемъ лица, видимо священникъ, да еще двое молодыхъ людей; одинъ изъ нихъ казался иностранцемъ. Чтобы познакомиться со всѣми этими лицами, стоить только прислушаться къ ихъ разговору.

Въ Испаніи люди отличаются общительностію и радушіемъ. Здѣсь не встрѣтишь надменной осторожности, происходящей отъ

излишняго самолюбія; здѣсь живетъ, такъ сказать, на распаху. Всякій заговариваетъ съ своимъ сосѣдомъ, совершенно ему незнакомымъ, и никто не боится черезъ это уронить свое достоинство. Молчаливость и несообщительность, вмѣсто того чтобы внушать почтеніе, возбуждаютъ только насмѣшки и неурядицу.

Когда лошади тронулись, старая дама перекрестилась; господинъ, сидѣвшій противъ нея, снялъ свою черную шапочку и промашеъ вполголоса нѣсколько латинскихъ словъ. Одинъ изъ молодыхъ людей зажегъ сигару; другой снялъ *сомбреро* (1) и замѣнилъ его греческою фескою, а толстый пожилой господинъ сказалъ молодой дѣвушкѣ:

— Сдѣлайте милость, сеньорита, облокотитесь на меня, не бойтесь, вы меня не обезпоятъ; напротивъ, мнѣ это будетъ пріятно,—вѣдь хоть я и старъ, но глаза всегда молоды. На моей памяти ѣзжали въ Севилью въ каретѣ, запряженной мулами,—тащились двѣ недѣли; теперь доѣдешь въ четыре дня, но васъ такъ встрясетъ, что придется отдыхать по крайней мѣрѣ недѣлю, такъ и выйдетъ все на одно. Конечно, если попадется такая сосѣдка какъ вы, такъ захочется, чтобы путешествіе не имѣло конца. Не такъ ли, господа? А позвольте спросить, куда вы ѣдете, сеньора?

— Мы ѣдемъ въ Севилью, а оттуда въ Кадиксъ, отвѣчала старая дама.—Доктора предписали моей дочери морскія ванны. У меня въ Кадиксѣ сестра замужемъ за казначеемъ таможи, оттого я и выбрала этотъ приморскій городъ, хотя онъ и подальше другихъ отъ Мадрида.

— А чѣмъ же больна ваша дочь?

— Она сильно выросла, и выросла вдругъ: это имѣло слѣдствіемъ нервное расстройство, которое, по словамъ докторовъ, можетъ перейти въ сухотку...

— Что за вздоръ! сказалъ старый господинъ,—это все выдумки докторовъ; они сами не знаютъ, что говорить; отдайте ее замужъ! Это лучшее лѣкарство для всѣхъ барышень, и сеньорита... Позвольте узнать имя ваше?

— Каста, сухо отвѣчала молодая дѣвушка.

— Къ вашимъ услугамъ, прибавила мать.

— Да, продолжалъ старикъ,—я говорю, что сеньориту Касту нужно поскорѣ пристроить, за женихами дѣло не станеть, за это я ручаюсь. А вашу милость какъ зовутъ?

— Моникой Мендіета, къ вашимъ услугамъ.

— Дай Богъ вамъ много лѣтъ здравствовать. Вы вдова?

(1) *Сомбреро*, шляпа съ широкими полями.

— Ахъ, да, сеньйоръ! Мой мужъ былъ сборщикомъ податей на Канарскихъ островахъ, онъ тамъ и умеръ съ годъ тому назадъ.

Дама вынула изъ кармана платокъ и стала утирать слезы.

— Господь помилуй его душу! Но что жъ дѣлать, сеньйора, мертвому могила, а живому пирушка.

— Ахъ, сеньйоръ, это легко сказать, но...

— Чтò, чтò? вы собираетесь плакать по умершемъ? Полноте! не думайте больше объ этомъ. Я самъ вдовецъ, но вспоминаю про жену, голько для того, чтобы заказывать обѣдни за упокой ея души. Не правда ли, отецъ курать, продолжалъ онъ обращаясь къ господину въ черной одеждѣ (я полагаю, что вы священникъ),—не правда ли, что это лучше всего?

— Конечно, отвѣчалъ тотъ, — особенно если вы заказываете обѣдни съ живою вѣрой и искреннимъ благочестіемъ.

— Гмъ! проговорилъ толстый господинъ, — у васъ, кажется, черезчуръ романическія понятія! вы ѣдете въ Севилью?

— Нѣтъ, сеньйоръ, я останусь въ Хаенѣ, а оттуда поѣду въ окрестности Гранады.

— Вы долго пробыли въ Мадридѣ?

— Три мѣсяца.

— А по какому случаю вы туда ѣздили?

— По тому случаю, что меня лишили прихода и обвинили въ карлизмѣ, за то что я сказалъ въ одной изъ своихъ проповѣдей, что всякій, кто читаетъ запрещенныя книги, подвергается анаемѣ и отлучается отъ церкви.

— Вы были совершенно правы, промолвила донья-Моника.

— Напротивъ! поспѣшно прервалъ толстый господинъ, —охота себя компрометировать и связываться съ этими писателями? это все народъ безпокойный, въ карманѣ пусто, а дерзости пропасть, во все вмѣшиваются теперъ. Повѣрьте мнѣ, отецъ курать, служите свои обѣдни, кушайте супъ, а свѣтъ пусть вертится по своему!

— Однако, сеньйоръ, мой долгъ, моя совѣсть...

— Чтò тутъ за совѣсть! Все пустяки! Говорить про совѣсть почти то же, что толковать про филантропію! посмотрите-ка на меня: у меня нѣтъ мнѣній, нѣтъ правилъ, я этимъ горжусь. Пропади они, эти мнѣнія и правила,—они тотъко погубили Испанію. А вы видите, какой я здоровый, веселый, спокойный. Сеньйоръ, позвольте у васъ попросить огня, прибавилъ онъ, обращаясь къ одному изъ молодыхъ людей.—Надѣюсь, что сигарный дымъ не обезпокоитъ сеньйориту Касту? Да?

— Мнѣ все равно, курите ли вы или нѣтъ, отвѣчала дѣвушка, не взглянувъ даже на стараго волокиту.

— Отличныя, кажется, у васъ сигары! Дорого вы за нихъ заплатили? продолжалъ: старикъ.

— Мнѣ ихъ подарилъ одинъ родственникъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Значить дешево! Вы ѣдете въ Кадиксъ?

— Нѣтъ, сеньйоръ, я останусь въ Севильѣ.

— Въ Севильѣ? Кто не видалъ Севильи, тотъ не видалъ дива, говорить пѣсня. Вы путешествуете для удовольствія?

— Нѣтъ, я ѣду служить прокуроромъ въ одномъ изъ судовъ.

— Молоды вы, сеньйоръ, для такого мѣста; впрочемъ, я этимъ не хочу сказать, чтобы вы не сумѣли отлично исполнить всѣ свои обязанности. Есть у васъ знакомые въ Севильѣ?

— Я тамъ родился и многихъ тамъ знаю.

— Я для того спрашиваю, чтобы предупредить васъ, что, если вамъ съ кѣмъ-нибудь нужно будетъ посоветоваться по дѣламъ службы, вамъ лучше всего обратиться къ моему адвокату; онъ настоящій Ликургъ, ученѣе волшебника Мерлина; отличный человѣкъ, хотъ и адвокатъ; богатъ, старъ какъ Маѳусаллъ; его зовутъ донъ Хусто Барае.

— Я не премину къ нему обратиться, онъ мнѣ родной дядя.

— Какъ? Неужели вы тотъ самый малютка Ксаверій, котораго я такъ часто качалъ на своихъ колыскахъ? Боже мой, какъ время-то идетъ! Нѣтъ, это мы уходимъ, что всего хуже. Вѣдь кажется васъ посылали въ университетъ, въ Сантъ-Яго?

— Да, сеньйоръ; а по выходѣ изъ университета, я выпросилъ у дяди, который мнѣ также опекунъ, позволенія путешествовать по Франціи.

— И онъ вамъ позволилъ?

— Конечно.

— Вотъ глупость-то сдѣлалъ мой пріятель! Если я не ошибаюсь, сестра ваша замужемъ за депутатомъ, и живетъ теперь въ Мадридѣ?

— Да, сеньйоръ.

— А, такъ вотъ почему вы получили мѣсто прокурора. Конечно, конечно! Очень радъ за васъ. Дядюшка вашъ больше не практикуетъ; а жаль, право! Онъ таки дорого цѣнилъ свои совѣты, но ужъ за то конечно былъ лучшимъ адвокатомъ во всей Севильѣ.

Разговоръ еще долго тянулся въ томъ же тонѣ. Толстый господинъ нѣсколько разъ старался завести рѣчь съ молодымъ человѣкомъ, сидѣвшимъ напротивъ него; но тотъ все смотрѣлъ въ окно, и повидимому не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на все, что говорилось вокругъ него. Изрѣдка только онъ обмѣнивался нѣсколькими словами по-французски съ молодымъ Ксаверіеихъ, съ которымъ онъ казалось былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

Наконецъ, теряя надежду 'втянуть его въ разговоръ, толстый господинъ прямо обратился къ нему:

— Сеньйоръ, мое имя Іуда Тадео Барбо, я богатый хересскій землевладелецъ, и занимаюсь сельскимъ хозяйствомъ, къ услугамъ вашимъ. А васъ какъ зовутъ?

Французъ не отвѣчалъ.

— Онъ вѣрно не разслыхалъ, сказалъ донъ Іуда Ксаверію Бареа.

Тотъ, обращаясь къ другу, перевелъ ему вопросъ стараго болтуна.

— Этотъ господинъ принадлежитъ къ полиціи что ли? надменно спросилъ Французъ.

Бареа передалъ этотъ отвѣтъ дону Іудѣ.

— Я, я принадлежу къ полиціи! воскликнулъ тотъ.—Къ полиціи! Нѣтъ, сеньйоръ, продолжалъ онъ, обращаясь къ молодому Французу и возвышая голосъ, по привычкѣ многихъ Испанцевъ, которые не могутъ себѣ представить, чтобы кто-нибудь не понималъ ихъ языка, а все воображаютъ, что ихъ не разслыхали.— Мнѣ, принадлежать къ полиціи! когда всѣ воры и разбойники въ нашемъ околоткѣ знаютъ, что они у меня найдутъ вѣрное убѣжище! Ради Бога, любезный прокуроръ, милый мой Ксаверій, растолкуйте ему, что я не принадлежу къ полиціи! Что бы сказали въ Хересь, въ Пуэртъ, въ Кадиксъ, гдѣ всѣ меня знаютъ еслибъ услышали такое предположеніе? Пусть онъ спроситъ на Маиренской ярмаркѣ, гдѣ за cadaго жеребенка моего завода даютъ по десяти тысячъ реаловъ; пусть онъ спроситъ на площади въ Мадридѣ, Севильѣ или Кадиксѣ, гдѣ за моихъ быковъ платятъ по пяти тысячъ реаловъ; пусть только спроситъ: кто такой донъ Іуда Тадео Барбо? Похожъ я на полицейскаго чиновника, похожъ я на человѣка, получающаго плату отъ кого бы то ни было, даже отъ правительства? А? можетъ-быть у васъ во Франціи полицейскіе чиновники имѣютъ по пятисотъ мѣшковъ серебра въ своихъ ларяхъ, по двадцати тысячъ мѣръ пшена въ своихъ амбарахъ, по тысячи бочекъ хереса въ своихъ погребахъ, по десяти тысячъ штукъ скота?...

Донъ Іуда еще много продолжалъ въ томъ же духѣ; подробное исчисленіе всѣхъ его богатствъ не произвело никакого впечатлѣнія на Испанцевъ, но молодой иностранецъ тотчасъ же измѣнилъ свой тонъ.

— Извините меня, сеньйоръ, сказалъ онъ,—это была шутка, и мнѣ было бы очень жаль, еслибы вы приняли ее за насмѣшку. Я не зналъ, съ кѣмъ имѣю честь говорить.

— Ну, если шутка, такъ Богъ съ ней, возразилъ донъ Іуда, совершенно успокоенный.—Я самъ охотникъ до шутокъ. Однако

скажите мнѣ, Кастита, чему это вы смѣетесь, вотъ уже цѣлыя четверть часа?

— Развѣ нельзя смѣяться въ длинжансѣ, сеньйоръ донъ Іуда Тадео Барбо? отвѣчала Каста, не переставая смѣяться.

— Въ самомъ дѣлѣ, чего она хохочетъ? спросилъ Французъ у молодого Барба, который самъ съ трудомъ удерживался отъ смѣха.

— Такъ я же вамъ скажу, прервалъ донъ Іуда, который понялъ вопросъ,—вы должны знать, что есть рыба съ большою головою и толстымъ животомъ, которую, къ несчастію моему, зовутъ *Барбо*, точно такъ же какъ и меня. Это-то и показалось сеньйоритѣ чрезвычайно мило и забавно. Однако, Кастита, чѣмъ те *Барбо* хуже какого-нибудь другаго имени? Какъ? Опять? Ну, смѣйтесь, смѣйтесь, я очень радъ, что мое имя васъ такъ потѣшаетъ. Вы видите, господа, продолжалъ онъ, пожимая плечами,—вотъ онѣ,—женщины, жонщины! и плачутъ, и смѣются, сами не зныя отъ чего. Вотъ, бывало, моя покойная жена подниметъ шумъ на весь домъ, начнетъ меня ревновать, и сама реветъ какъ теленокъ, а я—только уйду изъ комнаты и затворю за собою дверь. Знаю я эти слезы! Повѣрьте мнѣ, любезнѣйшій прокуроръ, никогда не вступайте въ бракъ! вспомните, что нашъ Господь и Спаситель все претерпѣлъ, кромѣ брачной жизни да старости. Счастливыи вы человѣкъ, отецъ курать, для васъ не опасны всѣ хитрости Еввиныхъ дочерей!.. Говорятъ, неожиданно прибавилъ онъ,—Гранада чудная страна, богатая и плодоносная.

— Она, въ особенности, богата рудниками, отвѣчалъ курать.

— Рудниками! презрительно повторилъ донъ Іуда.—Эти рудники чистое надувательство.

— Позвольте мнѣ замѣтить вамъ, возразилъ курать, — что ваши слова не что иное, какъ общее мѣсто, которое, подобно многимъ другимъ, часто повторяется! какъ аксіома. Вамъ вѣроятно извѣстно, какой доходъ принесли нѣкоторые изъ рудниковъ нашей провинціи. Въ моемъ городкѣ нѣсколько лишь, въ томъ числѣ и я, составили компанію для разработки рудниковъ, и, несмотря на скудость нашихъ средствъ, мы добились неожиданнаго успѣха. Мы уже получали отличный металл; средства наши истощились, и я теперь ищу акціонеровъ; если только намъ удастся собрать нѣсколько тысячъ реаловъ, то мы можемъ ручаться за огромные барыши. Нашъ рудникъ состоитъ подъ покровомъ Пресвятой Богоматери *de la Esperanza* и носить ея имя.

— Эсперанса? сказалъ донъ Іуда,—я потерялъ пять тысячъ реаловъ на акціяхъ подобной же компаніи, которая прозывалась *a Positiva*, и съ тѣхъ поръ далъ себѣ слово, что въ другой разъ меня на эту штуку не поддѣнутъ.

Между тѣмъ, дилижансъ остановился передъ ночтовымъ гостиницей, и всѣ сѣли за обѣдъ. У одного конца стола поѣщались депутатъ и два чиновника; донъ Іуда сѣлъ между матерью и дочерью; противъ нихъ расположились молодые люди съ кураторомъ и многіе другіе путешественники, прѣбавшіе на имперіалѣ дилижанса. Между ними можно было замѣтить хладнокровнаго Англичанина, одѣтаго съ ногъ до головы въ какую-то клѣтчатую шотландскую матерію, и молодаго челоуѣка небольшого роста, тоненькаго и блѣднаго, съ огромною бородой и бабенбардами; его длинныя мягкіе волосы падали до самыхъ плечъ. Этотъ молодой челоуѣкъ старался принимать невозмутимо серьезный видъ, составлявшій странную противоположность съ почти дѣтскими чертами его лица; кромѣ того онъ держалъ себя такъ надменно и гордо, какъ будто бы не привыкъ вращаться въ кругу обыкновенныхъ смертныхъ.

— А! воскликнулъ онъ важно и спокойно при видѣ донъ Іуды:— А! донъ Іуда Тадео, а не Искаріотъ! возлюбленный мой соотечественникъ! я не зналъ, что и вы ѣдете съ нами, и что только стѣны этого несноснаго дилижанса лишаютъ меня удовольствія васъ видѣть!

— Вы возвращается въ Хересъ? отвѣчалъ донъ Іуда, — тѣмъ хуже для Хереса!

— Вы все тотъ же донъ Іуда Тадео, а не Искаріотъ, попрежнему милый и учтивый, какъ ежъ! Чтѣ жъ дѣлать! Мы всѣ созданія Божіи!

— И созданія дѣлъ своихъ, донъ Педро де-Торресъ.

— И дѣлъ нашихъ предковъ, донъ Іуда Тадео, а не Искаріотъ! Мой родъ беретъ свое начало отъ хересскаго завоеванія, а вы...

— Знаю, знаю, поспѣшно прервалъ его донъ Іуда,—я знаю, что вы происходите изъ стариннѣйшаго рода, но мнѣ кажется, что вамъ, съ вашими понятіями, не слѣдовало бы нисколько этимъ дорожить.

— Ужъ конечно, я этимъ и не дорожу; я только при случаѣ вспоминаю, кто я такой, когда вижу, какъ важничаютъ иные выскочки. Въ 1255 году Фортунъ де-Торресъ, одинъ изъ моихъ предковъ, защищалъ твердыни Хереса противъ мавританскихъ королей; многочисленныя непріатели обступили его, но онъ ни за что не захотѣлъ выдать знамени, которое держалъ. Мавры отсѣкли у него руки, онъ ухватился за знамя зубами и ногами и выпустилъ его только тогда, когда умеръ подъ ударами, сыпавшимися на него со всѣхъ сторонъ! Вотъ этимъ можно гордиться! Такая родословная—чистое золото, все остальное, сеньйоръ Барбо, — позлащенная мѣдь!

— А хороши же вы, милостивый государь, съ досадою возразилъ

донъ Іуда, вы, энтузіастъ, бѣшеный республиканецъ, вы здѣсь, въ гостиницѣ, въ публичномъ мѣстѣ, хвастаете своею родословной. Это право прелюбопытно! Или можетъ-быть вы получили какой-нибудь крестикъ или чмокъ, и вслѣдствіе этого измѣнили свой образъ мыслей?

Педро де-Торресъ взглянулъ на него съ величественнымъ презрѣніемъ.

— Вы скоро увидите, проговорилъ онъ,—что я попрежнему и болѣе прежняго поклоняюсь свободѣ и равенству. Я ѣду въ Хересъ основать фаланстеръ по примѣру безсмертнаго Фурье.

— Основать... что? спросилъ донъ Іуда.

— Фаланстеръ, отвѣчалъ Торресъ.

— Это что такое? какой-нибудь новый республиканскій союзъ, въ родѣ той шайки, которая собралась было подъ вашимъ начальствомъ?

— Нѣтъ, это—мирная демократія, отвѣчалъ Торресъ спокойно.

— Вы хотите основать что-нибудь мирное? Не повѣрю, пока не увижу самъ.

— Да, да, донъ Іуда Тадео, а не Искаріотъ; я теперь стою за гармонию.

— Вы всегда были большой охотникъ до гармоніи, но когда вы ѣздили въ оперу, то, кажется, не ради музыки, а больше насчетъ пѣвицъ!

— Можетъ-быть; но теперь рѣчь не о томъ, а о фаланстерѣ. Тамъ все сообща и все распредѣлено поровну, помѣщеніе, работа, жены, дѣти, деньги...

— Деньги! закричалъ донъ Іуда.—Чортъ побери вашъ фаланстеръ.

— Вы увидите, продолжалъ Торресъ, не обращая вниманія на это восклицаніе.—Это дивное произведеніе новѣйшей фалантропій, воспламенитъ даже васъ, и вы сами захотите участвовать...

— Боже меня упаси! воскликнулъ донъ Іуда.—Ни за что на свѣтѣ и ноги моей тамъ не будетъ. Однако, донья Моника, ваша милость ничего не вѣтъ? Кушайте, кушайте, надо же чѣмъ-нибудь силы свои поддержать, хоть бы для того, чтобъ оплакивать мужа. Вотъ этой капустѣ слѣдовало бы остаться въ огородѣ. Эй, мыль! Уголь, что ли здѣсь вздорожалъ? Кастита, выпейте рюмочку вина, вы все пьете одну воду. Нѣтъ ничего хуже для желуда. Вода портитъ даже казенныя дороги, какъ же ей не испортитъ желудка!

— Такъ вы не любите воду? сказала Моника.

— Какъ ему не любить! отвѣчалъ Педро де-Торресъ: —какъ сельскому хозяину не любить воды! Какой-то прохожій нашелъ

подлѣ рѣки потонувшего земледѣльца. «Вотъ, говоритъ онъ, первый земледѣлецъ, который пострадалъ отъ воды!»

— Да и точно, сказалъ донъ Іуда,—у насъ каждый лучъ солнца, точно пѣвка, высасываетъ всѣ соки изъ земли, такъ что зимою много нужно дождей, чтобъ ее опять смочить; не знаю, какъ на другихъ *полуостровахъ*, но на нашемъ, сухая зима совершенное разореніе.

Педро де-Торресъ, несмотря на свою обычную важность, разразился громкимъ хохотомъ.

Очевидно, донъ Іуда, привыкшій слышать, что Испанію называютъ *полуостровомъ*, воображалъ, что это общее названіе въ родѣ страны, государства и т. д.

— Сеньйоръ Барбо, сказалъ Педро де-Торресъ,—на французскомъ полуостровѣ слишкомъ много дождя; на германскомъ полуостровѣ слишкомъ часто идетъ снѣгъ; на англійскомъ полуостровѣ много туману и мало солнца. Однимъ словомъ, у каждаго полуострова свои невыгоды.

— Знаешь ли ты этихъ двухъ военныхъ? вполголоса спросилъ молодой Французъ у Ксаверія Бареа.

— Да, я ихъ встрѣчалъ, отвѣчалъ тотъ, также тихо.—Старшій изъ нихъ генералъ Пеньяфіель; онъ возвращается въ Испанію изъ Парижа; онъ туда уѣхалъ послѣ Вергарскаго союза, въ которомъ не захотѣлъ участвовать. Другой же, его сынъ, донъ Фернандо Пеньяфіель: онъ не разстается съ отцомъ.

— Я никогда не видалъ, возразилъ Французъ,—двухъ мужчинъ до того красивыхъ и до такой степени похожихъ другъ на друга. Любопытно видѣть, глядя на нихъ, чѣмъ былъ отецъ, и чѣмъ со временемъ будетъ сынъ.

— А по какой причинѣ вы удостоили Мадридъ своимъ драгоценнымъ присутствіемъ, сеньйоръ донъ Іуда Тадео, а не Искаріотъ? спросилъ Педро де-Торресъ.

— А вамъ какое дѣло, гражданинъ земнаго шара, такъ кажется вы подписывали свои проклятыя воззванія? въ сердцахъ отвѣчалъ донъ Іуда.

— Потише, потише, любезный соотечественникъ! Вашей милости не слѣдуетъ горячиться, послѣ такого обѣда оно опасно, особенно при совершенномъ отсутствіи той части тѣла, которая обыкновенно отдѣляетъ голову отъ плечъ!

— Говорятъ, отвѣчалъ донъ Іуда,—что всѣ остроты теряютъ свою прелесть, если они повторяются. А вотъ ужъ лѣтъ десять какъ вы повторяете свое вѣчное: «донъ Іуда Тадео, а не Искаріотъ!» Кажется, ужъ эта шутка успѣла бы всѣмъ надоесть, еслибы даже была когда-нибудь остроумна. И для чего это прибавлять объясненіе къ моему имени? Вѣдь всѣ знаютъ, что

я названъ Іудою не въ честь Искаріота, а въ честь Святаго апостола Іуды, роднаго брата апостола Іакова, который празднуется 28 октября, и проповѣдывалъ христіанство въ *Потаміи*.

Донъ Іуда говорилъ про Месопотамію.

Всѣ засмѣялись, и донъ Педро сказалъ:

— Чѣмъ же васъ прогнѣвалъ *Месо*?

— Месо? повторилъ донъ Іуда въ недоумѣніи.—Что это вы у меня спрашиваете?

— За что это вы его исключили изъ числа живыхъ?

— Я? да вы, кажется, съ ума сошли, сказалъ донъ Іуда, качая головою.

— За что, продолжалъ Торресъ,—вы такъ жестоко съ нимъ поступаете? Вы, можетъ-быть, думаете, что онъ такой же республиканецъ, какъ я?

— Да что это вы ко мнѣ пристааете? нетерпѣливо отвѣчалъ донъ Іуда.—Говорятъ вамъ, что я его отъ-роду не видалъ. А лучше скажите, какое вы имѣете право меня называть двумя именами, однимъ положительнымъ, другимъ отрицательнымъ?

— Такое же право, какое имѣете вы меня называть, если угодно, Петръ де-Торресъ, а не Жестокій, или Петръ Торресъ, а не Великій.

— Великій? воскликнулъ донъ Іуда:—вотъ пришлось бы кстати! Точно такъ же, какъ будто бы меня прозвали донъ Іуда худощавый ха, ха, ха, ха!

Настала минута молчанія; курать воспользовался ею и робко заговорилъ про свой рудникъ, сталъ совершенно искренно хвалить качество добываемаго металла, и общалъ, при нѣкоторомъ вспомоществованіи, скоро пустить его въ ходъ.

— Страсть къ этимъ спекуляціямъ, слава Богу, проходитъ, чопорно проговорилъ депутатъ, который носилъ очки, чтобы казаться постарше.—Фра Херундіо сдѣлалъ изъ своего дона Фрутоса донъ-Кихота рудокопень.

— Почтеннѣйшій соотечественникъ, сказалъ Торресъ, — не хотите ли взять акцію пополамъ со мною?

— Покорно благодарю, возразилъ донъ Іуда;—я ненавижу всѣ компаніи и всѣ рудокопни: я потерялъ пять тысячъ реаловъ въ этой проклятой *Позитива*.

— Это оттого, что вы недоверчивы, какъ воръ, и жадны до денегъ какъ всѣ тѣ, кому деньги въ диковинку. Не дадите ли вы мнѣ займы нѣсколько тысячъ реаловъ? Въ такомъ случаѣ я бы самъ взялъ акцію.

— Я денегъ не даю займы никому, даже родному отцу, сказалъ донъ Іуда.

— Это девизъ вашего герба?

— Нѣтъ, сеньйоръ, отвѣчалъ донъ Іуда въ сердцахъ,—это право вашего покойнаго отца, который былъ такой же дворянинъ какъ вы (хотя, не будучи республиканцемъ, не такъ этимъ хвасталъ), а все говорилъ, что если другу дашь денегъ займы, то потеряешь и деньги, и друга.

— Извините, великодушный соотечественникъ, возразилъ Торресъ,—вы забыли прибавить, что мой отецъ не *давалъ займы*, потому что *дарилъ*. А вѣдь вашъ батюшка имѣлъ случай въ этомъ удостовѣриться.

— Хорошо, хорошо, прервалъ донъ Іуда,—однако кончилось тѣмъ...

— Кончилось тѣмъ, прервалъ его Торресъ—что онъ разорился, и вездѣ встрѣтилъ неблагодарность. Вы вѣроятно это хотѣли сказать?

— Эти господа *залубой крови* (1), пробормоталъ донъ Іуда,—гордятся всѣмъ, даже своею бѣдностію.

— Какъ греческія статуи своею наготой, донъ Іуда, сказалъ Педро де-Торресъ съ истиннымъ достоинствомъ. — Вы знаете народную поговорку: «Служи обидѣвшему богачу, но не разбогатѣвшему бѣдняку». Ваши деньги, донъ Іуда, могутъ уйдти такъ же быстро, какъ онѣ пришли; но половина моего майората, которую я не могъ продать, перейдетъ къ моему потомству.

— Отчего же вы такъ хлопочете объ уничтоженіи майоратствъ? спросилъ донъ Іуда.

— Потому, отвѣчалъ Торресъ, опять принимая высокопарно-хвастливый тонъ,—что всѣ частные интересы должны уничтожаться передъ высокими началами; потому что благо общее для меня важнѣе всѣхъ личныхъ выгодъ: этого, конечно, вы не можете помнить. Однако взгляните на этого Англичанина: съ своимъ невозмутимымъ молчаніемъ и своими клѣтками, онъ мнѣ напоминаетъ страницу, перечеркнутую и перемаранную во всѣ стороны.

Между тѣмъ Ксаверій Барера, сидѣвшій молвъ курата, говорилъ ему:

— Сеньйоръ курать, я еще не издержалъ всѣхъ денегъ, присланныхъ мнѣ на путешествіе; ихъ осталось довольно, чтобы взять одну изъ вашихъ акцій.

— Очень радъ, очень радъ, отвѣчалъ священникъ,—двѣ акціи у меня купили друзья въ Мадридѣ, третью я надѣюсь, почти навѣрное, пристроить въ Хаенѣ; ваша четвертая. Съ этимъ мы можемъ продолжать начатыя работы.

(1) Голубою кровью называютъ Испанцы аристократическую кровь.

Ксаверій вынулъ кошелекъ и отсчиталъ золотомъ двѣ тысячи реаловъ, цѣну акціи.

— Ксаверій, Ксаверій, вы, кажется, съ ума сошли? закричалъ донъ Іуда,—какъ можно отдавать деньги безъ обезпеченія, безъ документовъ, не требуя даже расписки?

— Онъ отлично дѣлаетъ, сказала Каста.

— Въ сайомъ дѣлъ, промолвилъ курать, — сеньйоръ донъ Іуда точно правъ. Я толку не знаю въ этихъ дѣлахъ; спрячьте ваши деньги, сеньйоръ прокуроръ. Я вамъ доставлю въ Севилью всѣ бумаги и документы, и тогда вы мнѣ пришлете деньги.

— Нѣтъ! сказалъ Ксаверій Бареа,—прошу васъ оставить деньги у себя, и не станемъ больше про это говорить.

— Сеньйоръ прокуроръ можетъ попасть прямо въ царство небесное, бормоталъ донъ Іуда,—это меня не удивитъ. Но дѣла такъ не дѣлаются, Кастита. Всѣ мы люди смертные...

— Если господину курату нуженъ поручитель, сказалъ Педро де-Торресъ,—я готовъ поручиться за него.

— Лучше уплачивать свои долги, замѣтилъ донъ Іуда,—чѣмъ ручаться за другихъ.

— Я вамъ развѣ долженъ что-нибудь, господинъ Гарнагонъ второй? сказалъ Торресъ.

— Мнѣ? Боже меня упаси! отвѣчалъ донъ Іуда. — Всѣ такіе, какъ вы, вѣтренники и моты, называютъ Гарнагонами людей порочныхъ и солидныхъ. Но, кстати, я хотѣлъ спросить васъ: не намѣрены ли вы продать свою мызу *Большаго Осла*, которая рядомъ съ моею землею?

— Нѣтъ.

— Когда вы захотите ее спустить, вслѣдъ за всѣми другими, то вспомните обо мнѣ.

— Я всегда вспоминаю про васъ, когда рѣчь идетъ о *Большомъ Осла!*

— Очень радъ: я вамъ тутъ же предлагаю за нее половину цѣны: это много, для майората!

— Покорно благодарю!

Торресъ вынулъ изъ кармана сигарочницу, и сталъ подчивать сигарами всѣхъ окружающихъ. Многіе учтиво поблагодарили его; Англичанинъ же вытаращилъ глаза въ недоумѣніи и, молча, сдѣлалъ отрицательный знакъ.

— Не угодно ли сигару, донъ Іуда Тадео, а не Искаріотъ?

— Благодарю васъ.

— Возьмите, право! Настоящія гаванскія сигары!

— Я курю однѣ папиросы.

— Выкурите хоть одну сигарочку, на пробу.

— Еще разъ благодарю васъ.

— Вы хотите меня обидѣть, возлюбленный соотечественникъ?

— А вы, несноснѣйшій изъ соотечественниковъ, хотите меня принудить, что ли, курить ваши сигары?

— Я васъ только прошу попробовать хоть одну сигарочку: вы увидите, что въ ней нѣтъ ни тѣни республиканства, мотовства или аристократизма...

— Та, та, та, нетерпѣливо перервалъ донъ Іуда.

— Меня трудно переупрямить: утѣшите меня, возьмите сигару!

— Ну такъ давайте! да перестаньте болтать!

Педро де-Торресъ положилъ сигару на тарелку, она стала переходить изъ рукъ въ руки, и наконецъ дошла до Касты, которая поставила ее передъ доноу Іудою.

— Этотъ молодой человекъ, вполголоса сказалъ Французъ своему пріятелю Бареа, — представляетъ странное соединеніе разныхъ противоположностей. Замѣть его молоденькое лицо и стариковскую бороду, его важныя манеры и природную шутливость, его хвастовство и его добродушіе; его республиканскія правила и аристократическія претензіи.

— Я его знаю, отвѣчалъ Ксаверій Бареа, — онъ добрый и простой малый, а корчитъ Робеспьера и хочетъ прослыть доноу-Хуаномъ. Его погубило дурное общество и полуобразование.

— Любезнѣйшій соотечественникъ, говорилъ между тѣмъ Педро де-Торресъ, — дайте наконецъ отдохнуть ушамъ вашей сѣдки, и выпейте со мною за благоденствіе моего «аланстера»!

— Я не пью за такія глупости, отвѣчалъ донъ Іуда, — а выпью въ честь Хереса, моей родины. Знаете ли, господа, одинъ мой пріятель много путешествовалъ по чужимъ краямъ, и, возвратясь домой, сказалъ мнѣ: «Другъ Варбо! земля — качанъ капусты, а Хересъ — кочерыжка!»

— Я, сказалъ депутатъ, — пью за благоденствіе нашей Испаніи, за миръ, торговлю и земледѣліе!

— Отлично сказано! воскликнулъ донъ Іуда: — а выпью съ вашею милостью; однако, я вамъ скажу, пока вы будете терпѣть этихъ республиканцевъ, ихъ шайки, «аланстеры и тайныя общества, и пока вы будете оставлять полную свободу карлистамъ, вы ничего не сдѣлаете въ Испаніи. Можетъ ли подвигаться соха, когда одинъ волъ тащитъ направо, а другой налево? Вотъ, еслибъ я былъ министромъ, я бы скоро покончилъ со всѣмъ этимъ народомъ: республиканцевъ я бы всѣхъ заперъ въ ихъ *фаланстеры*, а другихъ всѣхъ засадилъ бы въ хересскій домъ сумасшедшихъ. Онъ, слава Богу, довольно великъ. Мнѣ въ Мадридѣ говорили, что возвратился генералъ Пеньяфѣль, а у этого генерала...

— Есть сынъ, прервалъ младшій изъ двухъ военныхъ медленно и съ удареніемъ произнеся на каждое слово, — сынъ, который носить

хорошо заостренную шпагу и готовъ отрѣзать лямкѣ всякому, кто осмѣлится непочтительно говорить объ его отцѣ.

Вилка и ножъ выпали изъ дрожащихъ рукъ дома Іуды.

— Это генералъ Пенья-иель съ сыномъ, сказала ему на ухо донья Моника, — можно выразить свое мнѣніе, донъ Іуда, но никогда не слѣдуетъ называть лицъ.

— Конечно, конечно, со вздохомъ проговорилъ донъ Іуда, — а настоящій олухъ. Да, каково же! Я, миролюбивѣйшій изъ смертныхъ, безъ правилъ и безъ мнѣній (мнѣнія и правила погубили Испанію), а чуть было не связался съ такими важными лицами! Да вамъ бы слѣдовало меня предупредить, донья Моника, вамъ бы слѣдовало мнѣ наступить на ногу, несмотря на мои моволи.

Тутъ явился кондукторъ. Всѣ встали и пошли усаживаться въ дилижансъ; только у самыхъ дверей донъ Іуда обернулся назадъ и еще разъ взглянулъ на сигарку, предложенную ему домою Педро де Торресъ и оставшуюся на столѣ.

Отъ Поля Валери къ Ксаверію Барел.

Вотъ уже около мѣсяца, какъ я живу среди этой новой Оиванды; я здѣсь не теряю времени, а даже могу сказать, что до сихъ поръ не зналъ ему цѣмъ, особенно въ вашей Испаніи, которая балуетъ и нѣжитъ, какъ богатая, щедрая мать. Я уже достаточно подвинулъ предварительныя работы для предпріятія, вѣрнѣе мнѣ моими товарищами инженерами.

Здѣшній край прекрасенъ; но мнѣ онъ кажется розовымъ гробомъ, въ которомъ я заключенъ, и изъ котораго я могу сообщаться съ остальнымъ человѣчествомъ только посредствомъ писемъ. Итакъ, любезный другъ, умоляю тебя писать мнѣ часто и много; чтобы придать болѣе убѣдительности этой просьбѣ, я ее выражу вашимъ особеннымъ, живописнымъ языкомъ; увѣряю тебя, что ты своими письмами совершишь два дѣла милосердія: наставишь невѣдущаго и утѣшишь скорбящаго.

Я намѣреваюсь, въ свободныя минуты, написать кой-что объ Испаніи; съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, я убѣдился, какъ сблизивъ всѣ наши понятія о вашемъ отечествѣ, и всѣ описанія, которыя существуютъ у насъ.

Да, правъ былъ французскій романистъ, не захотѣвшій ѣхать въ Испанію и говорившій, что если онъ увидитъ эту страну, то ему болѣе нельзя будетъ ее описывать! Ясно, что наши писатели дѣлаютъ изъ вашего отечества край полуфантастическій, полу-

средневѣковой, то-есть нѣчто совершенно небывалое и неправдоподобное: или же говорятъ про Испанію, какъ про страну дикую необразованную, безъ значенія и безъ фizioноміи, которую слѣдовательно не стоитъ даже описывать. Они очень ошибаются; но не нужно забывать, что Теофиль Готье, г. Кюстинъ и другіе, которыхъ слово у насъ законъ, видѣли Испанію только мелькомъ, и могли только схватить нѣкоторыя поверхностныя черты, а не изучить ее вполнѣ.

Однако тутъ богатая нища для наблюденія: стоитъ только по смотрѣть вокругъ себя. Напримѣръ, мой милый Ксаверій, наше путешествіе, наши обѣды за общимъ столомъ, не составляютъ ли они сами по себѣ живую и оригинальную картину? Вспомни этого разбогатѣвшаго барина, насильно проталкивающегося въ общество равнодушное и невнимательное, которое надъ нимъ смѣется, но не отворачивается отъ него; этого молодого дворянина, который, безъ убѣжденій, безъ честолюбія, отрекается отъ своего сана, *смисходитъ* до народа, дѣлается республиканцемъ изъ прихоти, отъ праздности, отъ духа противорѣчія, и соединяетъ въ себѣ двѣ разнородныя гордости, аристократическую и демократическую, не имѣя ни достоинства первой, ни энергіи второй. Эту молодую дѣвушку, граціозную безъ кокетства, полную достоинства безъ надменности, безъ жеманства и безъ притворной скромности.... А не типическія ли лица эти два благородные и вѣрные ролясты, столь величественные въ своемъ несчастіи? Этотъ простодушный и довѣрчивый курать, этотъ напыщенный депутатъ, такъ глубокомысленно говорящій пошлости.... вѣдь это все обрачики теперешняго испанскаго общества! А ты самъ, соединяющій со всѣми твоими прекрасными природными дарами выгоду современнаго образованія и опытъ долгихъ путешествій, ты, представитель новаго поколѣнія, не испортиваго ни своего сердца, ни своего ума!

Съ тѣхъ поръ, какъ я живу здѣсь, въ постоянномъ столкновеніи съ народомъ, я убѣдился, что въ немъ-то и живетъ вся поэзія древней Испаніи, вдохновившая стихотворцевъ и летописцевъ. Повѣрія народа, его характеръ, его чувства, все тутъ носитъ какой-то поэтической и самобытный отпечатокъ.

Народный языкъ, въ особенности, можно сравнить съ гириандю цвѣтовъ. Онъ весь составленъ изъ чудныхъ сравненій, изъ поговорокъ, то острыхъ и шуточныхъ, то величественно религиозныхъ, изъ самыхъ поэтическихъ стиховъ и напѣвовъ. Андалузскій народъ изященъ во всемъ, въ своей осанкѣ, въ своей одеждѣ, въ своемъ языкѣ, въ своихъ чувствахъ.

Желалъ бы я описать его, какимъ я его вижу, чтобы дать о немъ понятіе моимъ соотечественникамъ! Но для этого, любез-

ный Ксаверій, мнѣ нужна твоя помощь; безъ нея мнѣ невозможно будетъ достигъ своей цѣли. Твой дядя, этотъ старый адвокатъ, вѣрно, на своемъ вѣку видѣлъ столько и великихъ, и малыхъ происшествій, что отъ него много кой-чего можно узнать. Адвокаты знаютъ всю подноготную не хуже духовниковъ.

Ты когда-то говорилъ мнѣ, что желаешь усовершенствоваться своей французскій слогъ, вотъ тебѣ и случай для этого. Передавай мнѣ всѣ разказы твоего дяди, а я буду поправлять твои письма. Не упускай ни малѣйшей подробности: чѣмъ обстоятельнѣе будутъ твои разказы, тѣмъ они будутъ драгоценнѣе для меня. Такимъ образомъ я соберу свѣдѣнія и матеріалы, которые увезу съ собою во Францію.

Не забудь меня извѣстить о нашихъ спутникахъ, если ты ихъ когда-нибудь встрѣтишь. Надѣюсь, что ты ихъ увидишь, въ особенности твоего *vis-à-vis* (и напиши мнѣ, какъ передать это выраженіе по-испански). Я это говорю, любезный Ксаверій, потому, что мнѣ показалось, что ты вовсе не разделяешь мнѣнія донна Іуды Тадео, назвавшаго прелестную Каститу восковою куклой.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю писемъ отъ тебя, и надѣюсь на твою снисходительность, точно такъ же, какъ ты можешь рассчитывать на мою дружбу.

П. ВАЛЕРИ.

Отъ Ксаверія Барра къ Полю Валери.

Любезный Поль! я на дняхъ получилъ твое письмо, и очень радъ, что ваши работы такъ успѣшно подвигаются.

Я охотно соглашаюсь на твое предложеніе; не то, чтобъ я находилъ особенное удовольствіе въ изученіи народнаго быта, на который, между нами будь сказано, ты смотришь съ ослѣпленіемъ влюбленнаго, превознося до небесъ всѣ его достоинства, и не замѣчая его недостатковъ. Но я имѣю двѣ сильныя причины исполнить твою просьбу: во-первыхъ, мнѣ пріятно сдѣлать тебѣ удовольствіе, а во вторыхъ, мнѣ очень хочется при твоей помощи усовершенствоваться во французскомъ языкѣ. Итакъ, я вдругъ дѣлаюсь писателемъ или разказчикомъ, да въ добавокъ на не совсѣмъ знакомомъ мнѣ языкѣ. Конечно, тебѣ часто прійдется надо мною смѣяться, поэтому я прошу тебя отвѣчать мнѣ по-испански, чтобы, по крайней мѣрѣ, я могъ тебѣ отплатить тѣмъ же.

Повсѣмъ правиламъ, мнѣ слѣдовало бы начать съ описанія теперешней Севилли, въ которой я съ трудомъ узналъ прежнюю Се-

вмѣю, оставшуюся въ моихъ дѣтскихъ воспоминаніяхъ. Трудно рѣшить, къ лучшему или къ худшему переизмѣнилась она. Ты, и всѣ люди исключительно руководствующіеся воображеніемъ и чувствомъ, вѣрно про нее скажутъ то же самое, что ты, помнит-ся, говорилъ про переукрашиваніе старинныхъ церквей. Мѣстный колоритъ, народная физіономія все болѣе исчезаютъ, благодаря этому новому Прокусту, котораго называютъ *просвѣщеніемъ*. Но такое возрѣніе встрѣтитъ противникъ со всѣхъ сторонъ: болѣе шипитъ слишкомъ проникнуто новѣйшими потребностями комфорта и ставить выше всего матеріальное благосостояніе. Я когда-то разсуждалъ объ этомъ съ однимъ знакомымъ, человѣкомъ *просвѣщеннымъ* (какъ говорится здѣсь); онъ долго смотрѣлъ на меня молча, и потомъ сказалъ: «Ради Бога! не употребляйте такихъ доводовъ въ серіозномъ разговорѣ; вотъ, еслибъ вы выразили эти мысли стихами, я бы ихъ могъ прочесть съ удовольствіемъ».

Одна дама, съ которой я друженъ, сказывала мнѣ, что русский князь *Долгоровскій*, осматривая Испанію, воскликнулъ съ восторгомъ: «Боже мой! что за жалость, если Испанія утратитъ свою народность!»— Вообразите себѣ, говорила мнѣ дама, что здѣсь всѣ на него разсердились.—Какъ! говорили: этотъ козакъ, этотъ Москвичъ, хочетъ насъ отдѣлать отъ всей Европы! онъ хочетъ, чтобы мы служили забавой путешественникамъ, въ то время, какъ они сами наслаждаются всѣми выгодами нравственнаго и матеріальнаго прогресса? Я напрасно старалась имъ доказать, что это слово, въ устахъ такого извѣстнаго человѣка, было самою лучшею похвалою Испаніи, потому что онъ ставилъ нашу народность выше всѣхъ пріобрѣтенныхъ преимуществъ болѣе образованныхъ государствъ,—меня никто и слушать не хотѣлъ».

Это тебѣ дастъ понятіе о настоящемъ положеніи нашего общества. Въ нравственномъ отношеніи мы наравнѣ со всѣми; въ матеріальномъ, мы ото всѣхъ отстали. Мы похожи на юношу, у котораго умъ и способности рано пробудились, между тѣмъ какъ его тѣло, изнуренное болѣзнію или ранами, не могло еще достигъ настоящаго развитія.

Я же, любезный другъ, стараюсь избѣгать обѣихъ крайностей, и признаюсь тебѣ, что я вовсе не прочь отъ извѣстнаго комфорта, даже если за него нужно поплатиться нѣкоторыми древностями. Въ этомъ мы не сходимся съ дядей; не оттого, какъ ты легко можешь себѣ представить, чтобы онъ былъ поэтъ или мечтатель, но просто потому, что старикамъ не можетъ нравиться ничто новое, потому, что, проживъ лѣтъ восемьдесятъ, онъ слишкомъ прививался къ своимъ привычкамъ; потому, наконецъ, что въ такіа лѣта (гдѣ нѣтъ больше надеждъ, а остаются одни воспо-

минанія) прошедшее становится дороже всего. Дядя мой проклинает все новое, въ особенности новыхъ адвокатовъ, называя ихъ болтунами, честолюбцами, которые забываютъ священныя занятія, сопряженныя съ ихъ званіемъ, и замѣняютъ ихъ другими, вымышленными и бесполезными: вовсе не дѣло адвокатовъ вмѣшиваться въ правительственныя дѣла; государствомъ, по его мнѣнію, могутъ править только люди съ большими капиталами, потому что ихъ собственныя выгоды связаны съ порядкомъ и благосостояніемъ государства. Они же, по своему положенію, менѣе подвержены честолюбію, которое теперь сдѣлалось единственнымъ и жалкимъ двигателемъ высшей власти въ Испаніи: власть эта упала такъ низко, что жадная толпа оспариваетъ ее другъ у друга не для того, чтобы возвысить ее до прежняго священнаго величія, а только изъ личныхъ своихъ выгодъ.

Не забудь, любезный Поль, что все это говорить мой дядя, осьмидесятилѣтній старикъ; я же не придерживаюсь такихъ крайнихъ и преувеличенныхъ мнѣній.

Однако, мнѣ нечего тебѣ описывать Севилью, которую ты увидишь своими глазами, и на которую вѣроятно будешь смотреть болѣе хладнокровно и безпристрастно, чѣмъ я, всегда готовый растрогаться воспоминаніемъ или увлечся полезнымъ нововведеніемъ.

Дядя мой, съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ дѣла, живетъ въ небольшомъ домикѣ, имъ самимъ выстроеннымъ въ одномъ изъ самыхъ отдаленныхъ кварталовъ, около церкви св. Іоанна Акрсаго. Этотъ домикъ онъ убралъ съ любовію, чтобы провести въ немъ свои послѣдніе дни; домъ дяди по собственнымъ его словамъ, похожъ на англійскій сессеръ, то-есть, онъ заключаетъ въ себѣ въ небольшомъ пространствѣ и маленькомъ видѣ всѣ удобства и комфорта, который только можно достать въ Севильѣ.

Небольшой дворикъ весь вымощенъ мраморомъ: въ него ведетъ изящный порталъ, посреди журчитъ фонтанчикъ, выливающийся изъ пирамиды, величиною съ сахарную голову; вокругъ горшки (не больше шоколадной чашки) съ резедою, анютиными глазками, фіалками. За домомъ большой садъ, который для дядюшки земной рай, а для тетушки Ноевъ ковчегъ. Прелестная виноградная лоза образуетъ навѣсъ передъ входомъ дома. Тетушка обыкновенно покрываетъ грозди сѣтками, изъ мѣдной проволоки, чтобы защищать ихъ отъ беспощадныхъ шмелей. Кромѣ того, отъ времени до времени устраиваются походы противъ этихъ несносныхъ насѣкомыхъ, и мнѣ уже не разъ приходилось въ нихъ участвовать. Впереди идетъ дядя, Нимвродь шмелей, съ тростью неимовѣрной длины; за нимъ тетушка несетъ зажженный факелъ и огромное количество пакли. Шествіе заключается

уморительнымъ гальего (1), вооруженнымъ какою-то палицей, въ родѣ той, съ которой изображаютъ Геркулеса.

Лишь только они завидятъ виноградную грозду, незащищенную сѣткой, дядюшка зажигаетъ пукъ пакли, прикрѣпленный къ концу его трости; виноградъ, подобно Содому, мигомъ обхваченъ огнемъ и пламенемъ, и земля покрывается горами умирающихъ непріателей. Тутъ-то доходить очередь до вышесказаннаго: гальего; онъ нападаетъ на нихъ съ своею палицей, какъ Самсонъ на Филистимлянъ, какъ святой Іаковъ на Мавровъ; послѣ ужаснѣйшаго кровопролитія герои возвращаются домой и отдыхаютъ на лаврахъ.

Въ саду ты увидишь, тутъ фіалки, окруженыя кочанами капусты, точно заколдованныя царевны, которыхъ стерегутъ безобразныя карлики; тамъ чудныя померанцы, этихъ аристократовъ между деревьями, съ блестящими листьями и бѣлыми какъ снѣгъ цвѣтами; подъ деревьями тетушка разстилаетъ какія-то цыновки, чтобы собирать падающіе цвѣтки и продавать ихъ въ лавочку. Огромныя тузовыя деревья представляли бы свѣжее и тѣнистое убѣжище, еслибъ слуга не получилъ приказанія обирать всѣ листья для тетушкиныхъ шелковичныхъ червей. Въ красивомъ бассейнѣ плаваютъ красныя и золотистыя рыбки, и тутъ же, въ водѣ, лежатъ, для свѣжести, разныя овощи, приготовленныя къ обѣду. Здѣсь ты увидишь чудный миртъ, на которомъ заливается соловей... ему вторить, не слишкомъ благозвучно, бѣлое стадо гусей; тамъ, на высокомъ лаврѣ, щебечетъ дроздъ, а внизу почтенная курица громкимъ голосомъ возвѣщаетъ публикѣ, что она снесла яйцо къ дядюшкиному ужину.

Когда вспомню про всѣ эти противоположности, соединенныя на небольшомъ пространствѣ, я не могу не улыбнуться при мысли, что, описывая это жилище, я тебѣ, можетъ-быть, представилъ самую вѣрную картину теперешней Севильи.

Дядя обѣдаетъ въ два часа и до четырехъ справляетъ сіесту: часомъ въ пять я прихожу къ нему и остаюсь съ нимъ до обычнаго часа прогулки. Я стараюсь какъ можно болѣе разспрашивать его. Къ счастью, онъ не скучаетъ моими разспросами. У него такая отличная память, онъ разказываетъ такъ подробно и краснорѣчиво, съ такимъ жаромъ и увлеченіемъ, что, слушая его, я бы конечно забылъ про гулянье, еслибъ не... Отчего тебѣ не сказать всего, любезный другъ? отчего мнѣ не признаться тебѣ, что я такъ аккуратно посѣщаю гулянье потому только, что надѣюсь встрѣтить Касту? Ты не можешь вообразить, какую пользу ей при-

(1) Гальего (Galle go) житель Галиціи, испанской провинціи.

несло путешествие, и лѣто, проведенное въ Севильѣ. Ея болѣзненная блѣдность совершенно исчезла; она граціозна, оживлена; здѣсь она обратила на себя всеобщее вниманіе и ее навъываютъ не иначе, какъ «преlestною Мадриленьей».

Меня представили администратору; (1) у него въ домѣ часто собирается многочисленное общество, играютъ, поютъ, танцуютъ; а главное... она бываетъ тамъ!

Къ несчастью, я здѣсь встрѣтилъ также нашего спутника дону Іуду Тадео; кажется у него здѣсь дѣла и онъ еще нѣскольکو времени пробудетъ въ Севильѣ.

Проходя мимо кафе дель-Турко, я видѣлъ также дону Педро де-Торресъ, проповѣдующаго свои демократическія теоріи, и, для того, чтобы привлечь къ себѣ приверженцевъ, угощающаго на свой счетъ цѣлую толпу зѣвакъ.

Я встрѣтилъ, въ домѣ маркизы ***, генерала Пеньяфиеля съ сыномъ; всѣ съ ними носятъ, ухаживаютъ за ними, и оказываютъ имъ глубокое уваженіе и почетъ, которому могли бы позавидовать самыя могущественныя сановники. Меня это порадовало, не смотря на то, что я не раздѣляю ихъ убѣжденій; нѣтъ ничего утѣшительнаго для сердца, какъ этотъ почетъ, воздаваемый несчастію; это самая благородная и лучшая изъ оппозицій!

Отъ того же къ тому же.

Я очень радъ, что ты остался доволенъ моимъ письмомъ, любезный Поль; ты говоришь, что съ нетерпѣніемъ ждешь другаго, гдѣ бы я началъ тебѣ передавать разказы моего дяди; и потому, я сегодня начну съ нихъ, безъ дальнѣйшихъ предисловіи.

Третьяго дня, мы какъ-то разговорились о счастіи и несчастіи, и дядя мнѣ сказалъ:

— Странно видѣть, какъ несчастье привязывается къ инымъ семействамъ, и преслѣдуетъ ихъ изъ рода въ родъ. Неужели вина какого-нибудь предка должна тяготѣть надъ всѣмъ его потомствомъ? Неужели тутъ есть какое-то роковое предопредѣленіе? Объясняй это какъ хочешь, съ христіанской или съ языческой точки зрѣнія, я тебѣ передаю фактъ. Я, съ самой молодости, зналъ такое семейство, предназначенное къ горю и несчастію; передо мною разыгралась эта длинная и печальная драма: по временамъ, я даже самъ въ ней принималъ участіе. Она во мнѣ

(1) Правителю области.

оставила такое ужасное впечатлѣніе, что я не люблю про нее вспоминать.

Ты можешь себѣ представить, Поль, что я сталъ приставать къ дядѣ, чтобы онъ сообщилъ мнѣ эту горестную и необыкновенную повѣсть. Мнѣ скоро удалось упросить его, и я былъ такъ радъ возможности исполнить наконецъ твою просьбу, что дядя вѣрно остался доволенъ напряженнымъ вниманіемъ и участіемъ, съ которымъ я его слушалъ.

« Я былъ еще очень молодъ, началъ дядя,—мнѣ только-что минуло двадцать лѣтъ,—когда отецъ мой, большой любитель охоты, повезъ меня съ собою въ деревеньку Досъ-Германосъ, милая за двѣ отсюда. Мы остановились въ знакомой ему гостинницѣ и онъ послалъ меня за однимъ охотникомъ по ремеслу, который обыкновенно его сопровождалъ, когда онъ ходилъ съ ружьемъ.

Я хорошо зналъ этого человѣка; онъ часто бывалъ у насъ въ Севильѣ и привозилъ къ намъ жену, которую матушка очень любила.

Дядя Антоніо Ортега былъ маленькій, худощавый человѣчекъ; онъ говорилъ мало, двигался медленно, однако былъ неутомимъ, и ему ничего не значило пройти миль восемь въ сутки. Въ немъ замѣчалось какое-то оцѣпененіе и нравственное и физическое, составлявшее рѣзкую противоположность съ живымъ, общительнымъ нравомъ его жены. Тетушка Хуана была еще меньше и худѣ мужа; она соединяла кротость и нѣжность голубки съ умомъ и смѣтливостью любого студента; всегда веселая и дѣятельная, полная участія ко всѣмъ, она вездѣ находила друзей; всѣ ея любили и нуждались въ ея присутствіи. Оба они были отличнѣйшіе люди, добрые, благородные, истинно-набожные. Я ихъ зналъ много лѣтъ; и ни разу, среди самыхъ ужасныхъ обстоятельствъ, они не измѣнили себѣ, не измѣнили всѣмъ этимъ добродѣтелямъ. Впрочемъ, ты самъ ихъ узнаешь изъ моего разказа.

Когда я подошелъ къ дому дяди Антоніо, я встрѣтилъ у входа молодую дѣвушку, закутанную въ мантилью изъ желтаго сукна, обшитую чернымъ бархатомъ: въ то время женщины носили такія мантильи вмѣсто платковъ, которые онъ надѣваютъ теперь.

Она прислонилась къ двери и мантилейю закрывала себѣ лицо, можно было разглядѣть только ея лобъ и ея глаза, такіе же юрныя, какъ бархатъ ея мантильи. Ея маленькія, щегольски обу- тыя ножки, были перекрещены такъ, что одна изъ нихъ только амымъ кончикомъ касалась земли. Она и руки запрятала подъ антилю.

Эта поза придавала ей какое-то кокетливо-надменное выраженіе, довольно обыкновенное между испанскими женщинами.

Когда я приблизился, она не пошевелинулась и не сказала ни слова; а только окинула меня быстрымъ взглядомъ, такимъ могучимъ и величественнымъ, что ему могла бы позавидовать самодержавная королева.

— Вашъ батюшка?... началъ я.

— Его нѣтъ дома.

— Гдѣ же онъ?

— Не знаю.

— Когда онъ вернется?

— Не знаю.

— Мнѣ нужно съ нимъ поговорить.

— Такъ поищите его.

— Гдѣ же мнѣ его искать?

— А я почему знаю!

— Послушайте, сказалъ я нѣсколько обиженный ея небрежнымъ тономъ,—я не для того пришелъ, чтобы у него что-нибудь просить.

— Да его нѣтъ дома ни для тѣхъ, которые просятъ, ни для тѣхъ, которые дарятъ.

Я отвернулся отъ нея и хотѣлъ было удалиться, когда подошла я мать. Тетушка Хуана была совершенная противоположность дочери; я никогда не встрѣчалъ женщины болѣе радушной, привѣтливой, готовой услужить всякому.

— Добро пожаловать, донъ Хустито, закричала она издали, какъ только увидѣла меня. — Вашъ батюшка также пріѣхалъ? Вы вѣрно вмѣстѣ собираетесь на охоту? Боже мой! а Антоніо еще не вернулся! Онъ, бѣдняжка, ушелъ далеко; онъ пошелъ къ рѣкѣ, за куропатками; но онъ скоро будетъ назадъ. А покаместъ, ваша милость у меня отдохнетъ. Аника, что это ты не попросила сеньора войти въ домъ?

Но когда мать обернулась, Аника уже исчезла.

Тетушка Хуана остановилась въ недоумѣніи, оглядывалась на право и налѣво.

— Вотъ какъ! проговорила она наконецъ.—А вѣдь все виновать этотъ чортъ Серрано; онъ ее притѣсняетъ хуже монастырскаго устава.

— Кто же этотъ Серрано, тетушка Хуана?

— Да женихъ, женихъ, донъ Хусто. Прости Господь его согрѣшенія! Онъ ревнивѣ Магомета.

— Такъ она выходитъ замужъ?

— Эти дѣвки всѣ замужъ хотятъ. Но отецъ ея не соглашается, да и я также.

— Отчего же?

— Оттого, что онъ хочетъ ее увезти въ Саару, въ Сиерру де-Ронда, а намъ жаль съ нею разстаться.

— Да это недостаточная причина, тетушка Хуана, чтобъ имъ не позволить жениться, если они любятъ другъ друга. Нѣтъ ли другаго какого препятствія?

— Нѣтъ, сеньйоръ. Онъ славный малый, молодъ, красивъ, изъ хорошей семьи, и состояніе есть. Все какъ слѣдуетъ.

— Да въ такомъ случаѣ, тетушка Хуана, за чѣмъ же дѣло стало?

— А за тѣмъ, отвѣчала тетушка Хуана,—что ея отецъ не хочетъ; а дядя Антонио, съ виду такой смиренный, если заберетъ что нибудь въ голову, то дѣлается упорнѣе мула.

— Тетушка Хуана! они обойдутся безъ его согласія.

— Я это ему и говорю; но, знаете ли, что онъ мнѣ отвѣчаетъ? что я все дѣвчонкѣ потакаю! Да вотъ и онъ! Иди скорѣй, Антонио, что это ты насилу ноги передвигаешь! Ну, живѣй, пошевеливайся же. Видишь, тутъ донъ Хустито. А! шесть куропаточекъ! что за прелесть! Вотъ, возьмите, донъ Хустито, вашей милости на ужинъ.

Въ эту минуту, любезный другъ, въ то время, какъ я такъ заинтересовался почтенными супругами, и ихъ милою дочкой, дверь отворилась и вошелъ... отгадай кто?... Донъ Іуда Тадео Барбо. Не могу тебѣ выразить, до какой степени мнѣ было неприятно его посѣщеніе.

Дядя его принималъ, какъ стариннаго знакомаго; но видно было, что онъ не желалъ продлить свиданія съ этимъ человѣкомъ, неуклюжимъ поприродѣ, грубымъ въ обращеніи, но незамѣчающимъ этого.

— Какъ мнѣ жаль, донъ Хусто, сказалъ онъ,—что вы закрыли свою лавочку! Я не нахожу адвоката, который бы меня удовлетворилъ, и наконецъ рѣшился попросить совѣта у вашей милости, какъ у стараго пріятеля.

— Я готовъ къ вашимъ услугамъ, отвѣчалъ дядя.

— Вы должны знать, почтеннѣйшій другъ мой, продолжалъ донъ Іуда,—что въ Хересѣ живетъ нѣкій шутъ, игрокъ, мотъ, республиканецъ, сорви-голова, который меня избралъ предметомъ своихъ проклятыхъ шутокъ. Я было попробовалъ оплачивать ему тѣмъ же, но такъ какъ всѣ сорванцы и молокососы на его сторонѣ, то я всегда остаюсь въ дуракахъ, и ему удалось изъ меня сдѣлать посмѣшище на весь міръ.

— Однако, сеньйоръ донъ Іуда, отвѣчалъ дядя,—чѣмъ я тутъ могу помочь вамъ? Я могу только посоветовать вамъ не обращать вниманія на такой вздоръ.

— Не обращать вниманія! повторилъ донъ Іуда,—погодите, погодите, я разкажу вамъ, какъ было дѣло. Вы сами увидите; если ваши восемьдесятъ годовъ не совсѣмъ заморозили кровь

въ вашихъ жилахъ, то конечно вы не скажете, что на это не стоить обращать вниманія!

Я долженъ сказать вамъ, что я недавно получилъ крестъ Карла III. Намедни, въ воскресенье, я отправляюсь въ кате, надѣвъ крестъ. Къ несчастію, первый мнѣ попадается на встрѣчу этотъ проклятый Педро де-Торресъ!—Это что такое? кричитъ онъ мнѣ издали,—это что такое, любезный соотечественникъ донъ Іуда Тадео, а не Искаріотъ? (онъ меня постоянно такъ называетъ)! Съ какихъ поръ ваша милость украшаетъ крестомъ свое почтенное брюхо?

Я дрожалъ отъ бѣшенства и отъ страха, чтобъ онъ не вздумалъ въ присутствіи всей публики поднять какую-нибудь глупую исторію, но, чтобы не показаться ему запуганнымъ, я отвѣчалъ:

— Съ тѣхъ поръ какъ дьяволъ меня вздумалъ преслѣдовать.

— Такъ ваша милость суевѣрна? этого еще не доставало, чтобы довершить мѣру вашего тупоумія! Однако, я покорнѣе прошу вашу милость, сообщить намъ, за какія добродѣтели вы удостоились этого креста?

— Я никому не обязанъ отдавать отчета въ своихъ добродѣтеляхъ, отвѣчалъ я, — но, кажется, вы, который такъ долго жили во Франціи, должны бы знать, что его величество Лудовикъ Филиппъ даетъ кресты за разведеніе и откармливаніе скота. И такъ какъ ваша милость родомъ изъ Хереса, вамъ должно бы быть извѣстно, что я первый скотоводъ, что мои быки... мои жеребята...

А! Э! И! О! У! отвѣчалъ онъ, и при каждомъ восклицаніи дѣлалъ гримасу, одну ужаснѣе другой: А не даютъ ли крестовъ за разведеніе и откармливаніе индѣекъ? Въ такомъ случаѣ, моя скотница могла бы заявить свои права. О Карлъ III! Если бъ ты зналъ, что случилось съ твоимъ орденомъ! Ну, давайте-ка еядо игрушку, позвольте разглядѣть!..

— Оставьте меня въ покоѣ, сказалъ я ему въ сердцахъ.—Мы здѣсь не въ какомъ-нибудь *фаланстерилъ*, гдѣ всѣ люди равны; здѣсь человекъ, котораго правительство удостоило знакомъ отличія, имѣетъ преимущество передъ тѣмъ, которому воспретили въѣздъ въ столицу (вы вѣрно знаете что его выслали изъ Мадрида). Я надѣялся этимъ его осадить, но ошибся; онъ мнѣ отвѣчалъ съ такимъ же мѣднымъ лбомъ:

— Мое изгнаніе, почтеннѣйшій соотечественникъ, дѣлаетъ мнѣ болѣе чести, нежели вамъ вашъ смѣшной орденъ, который васъ ставитъ на одну доску со всеми людьми низкими, тщеславными, раболѣпными и зависимыми.

— Я! я, человекъ низкій, раболѣпный! воскликнулъ я внѣ себя

— Я, человекъ зависимый, когда у меня больше милліона наличнаго капитала! Да что это вы раскудахтались? Да знаете ли вы, что я сдѣлалъ? Я, Іуда Тадео Барбо, хотя у меня ни одного предка не убили Мавры, я, который никому не колю глаза своими пергаментами я, который ни на кого не смотрю свысока (развѣ на тѣхъ, которые не платятъ долговъ)? Такъ слушайте же, милостивый государь, человекъ независимый: когда король Фердинандъ VII былъ проездомъ въ Хересь, въ 1823 году, ему рассказали про одну мою лошадь; которая ужь конечно была лучшая лошадь во всей Андалузїи; онъ захотѣлъ ее увидѣть, и разумѣется, похвалилъ ее. Мнѣ это передали, съ тѣмъ, чтобъ я ее предложилъ его величеству; но я велѣлъ сказать королю, самому королю въ порфирѣ и коронѣ, что лошадь мнѣ самому отлично служить. Вотъ какъ я поступилъ! А вы бы это сдѣлали, при всей вашей дерзости?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ нахально, — для этого нужно родиться торгашемъ, а я родился дворяниномъ.

Трудно описать тебѣ, любезный Поль, какое впечатлѣніе эта грубая и пошлая выходка дона Іуды произвела на моего дядю, старика, пропитанными всѣми благородными монархическими и рыцарскими чувствами древней Испанїи. Онъ не могъ подавить нетерпѣливаго движенія, и сказалъ:

— Однако, сеньйоръ донъ Іуда, что мнѣ-то тутъ дѣлать? Въ чемъ могутъ вамъ пригодиться мои совѣты? Какое дѣло законамъ до этой перестрѣлки шуктами и грубостями?

— То, что я вамъ разказалъ, отвѣчалъ донъ Іуда, — было только предисловіемъ, послушайте далѣе. Нѣсколько дней тому назадъ, я былъ въ оперѣ: давали Сомнамбулу, и, не знаю какъ, мною также овладѣлъ сонъ. Но вдругъ меня разбудилъ всеобщій хохотъ. Я открываю глаза, занавѣсъ поднять. Я встаю, смѣхъ удваивается. Что такое? спрашиваю я у сосѣда, который смотрѣлъ человекомъ солиднымъ.

— Возьмитесь за голову, отвѣчалъ онъ.

Я поднимаю руку, и что же нахожу? огромную гренадерскую шапку изъ бумаги! Донъ Хусто! на ней большими буквами было написано:

«Іуда Тадео, а не Искаріотъ. Награжденный покойнымъ Карломъ III за красоту своихъ быковъ и ословъ.»

— И при томъ я слышу хохотъ со всѣхъ сторонъ, въ партерѣ, въ ложахъ, въ райкѣ. Ваша милость можетъ вообразить мой стыдъ, мое негодованіе! Я сорвалъ несчастную шапку и отправился прямо въ ложу къ алькальду. Все напрасно! Алькальдъ чуть было не разсмѣялся мнѣ въ лицо! Вслѣдствіе этого, я рѣшился не жалѣть денегъ, а потребовать удовлетворенія судеб-

нымъ порядкомъ: вотъ объ этомъ я и хотѣлъ посоветоваться съ вами.

— Донъ Іуда, отвѣчалъ дядя,—вамъ лучше поискать другаго адвоката, помоложе и поживѣе меня; я же могу только вамъ посоветовать забыть все прошлое, а въ будущемъ, не подвергать себя подобнымъ шуткамъ.

— Премилый совѣтъ! воскликнулъ донъ Іуда,—вы что-то очень состарѣлись, донъ Хусто, вы хорошо сдѣлали, что бросили дѣла. Итакъ, вы меня отсылаете ни съ чѣмъ, какъ этотъ дуракъ алькальдъ, который, должно быть, побоялся связаться съ республиканцемъ. Онъ слыветъ за *умѣреннаго*! Да всѣ они одинаковы, всѣхъ и умѣренныхъ, и крайнихъ, и республиканцевъ, и карлистовъ, всѣхъ слѣдовало бы сжечь на одномъ кострѣ! Оттого-то я и не держусь никакихъ мнѣній, ни правилъ, и этимъ горжусь!

— Я вамъ указалъ, промолвилъ дядя, — единственное благо-разумное средство, для челоуѣка вашихъ лѣтъ, отдѣлаться отъ преслѣдованій какого-нибудь вѣтреника.

— Теперь я знаю, что мнѣ остается дѣлать, отвѣчалъ донъ Іуда.—Я отрѣжу когти у этой хищной птицы. Увѣряю васъ, что онъ больше не будетъ мнѣ надѣдать. Впрочемъ, прибавилъ онъ, берясь за шляпу,—очень стоило мнѣ приходить сюда, и просить совѣта у васъ!

Тотъ же къ тому же.

Мнѣ очень жаль, любезный другъ, что тебя такъ раздосадовало внезапное появленіе донъ Іуды, прервавшее мой разказъ.

Мнѣ самому оно пришлось не кстати, но я тебѣ описываю все, по мѣрѣ того какъ что происходитъ. Такъ какъ ты по видимому заинтересовался нашими друзьями изъ Досъ Германосъ, я тебѣ немедленно передамъ продолженіе дядюшкина разказа:

«Прошелъ годъ послѣ той поѣздки, про которую я тебѣ говорилъ. Однажды утромъ, въ контору отца вошли дядя Антонио, и тетушка Хуана, оба въ глубокомъ траурѣ.

Входя въ комнату, бѣдная женщина горько заплакала, а мужъ ея опустилъ голову, чтобы скрыть свои слезы.

— Что это? спросилъ отецъ, идя къ нимъ на встрѣчу.

— Какъ? сказала тетушка Хуана,—ваша милость не знаетъ?

— Нѣтъ, что же такое? однако пойдемъ, продолжалъ отецъ, желая избавить ихъ отъ любопытныхъ взглядовъ окружающихъ, и повелъ ихъ въ комнаты матери. Я послѣдовалъ за ними.

Матушка усадила и напоила водой бѣдную женщину; когда нѣсколько упокоился порывъ ея горя, она намъ сообщила слѣдующее, безпрестанно прерывая свой разказъ слезами и рыданіями:

«Вотъ уже годъ, говорила она, — какъ наша дочь наконецъ добилась согласія отца, вышла замужъ за своего возлюбленнаго и вмѣстѣ съ нимъ уѣхала въ Саару.

Мы часто имѣли объ ней извѣстія; она жила совершенно счастливо, дѣла ихъ шли хорошо, они завели лавочку, для которой зять нашъ закупалъ запасы въ Севильѣ. Моя бѣдная Аника была беременна. Разъ утромъ, она сидитъ за прилавкомъ и шьетъ дѣтское бѣлье; вдругъ къ ней входитъ нищій. Онъ былъ страшенъ! Да, сеньйоръ, мнѣ его описывали столько разъ, что я могла бы вамъ его нарисовать.

Онъ былъ высокъ ростомъ; волосы его торчали во всѣ стороны, какъ щетина кабана. Его впалые глаза и сплюснутый носъ дѣлали его похожимъ на жабу. Онъ былъ весь въ лохмотьяхъ: его ноги, красныя и опухлыя, были завернуты въ тряпки, запачканныя кровью. Онъ остановился передъ нашею дочерью, широко растворилъ ротъ и испустилъ какое-то дикое, неслсное рычаніе: она съ ужасомъ увидѣла, что у него не было языка. Какимъ образомъ онъ лишился языка, этого никто не знаетъ до сихъ поръ. Сдѣлали ли ему операцію по случаю рака или другой болѣзни? Былъ ли онъ раненъ на войнѣ? Было ли то наказаніе? или месть? Одному Богу извѣстно!

При видѣ его, Аника такъ испугалась, что осталась недвижна на своемъ стулѣ, но когда несчастный повторилъ свое жалобное рычанье, она поспѣшно вскочила и побѣжала въ заднюю комнату, торопливо и съ шумомъ отперла сундукъ, въ которомъ хранила деньги, получаемыя отъ покупателей, и вынула монету, чтобы дать ее нищему; но когда она вернулась въ лавочку, нищій уже исчезъ.

Это удивило мою дочь, она отворила дверцы прилавка, вышла на порогъ и посмотрѣла на улицу, но не увидала никого.

— Онъ, словно, сквозь землю провалился, подумала она, — впрочемъ, можетъ быть, зашелъ къ какой-нибудь сосѣдкѣ.»

Она вернулась и сѣла на свое мѣсто, но оттого ли, что наружность этого человѣка въ самомъ дѣлѣ имѣла что-то ужасное, или вслѣдствіе ея положенія, ей все мерещилось, какъ страшное видѣніе, изуродованное лицо нищаго.

Она провела цѣлый день въ какомъ-то лихорадочномъ беспокойствѣ, безпрестанно задавая себѣ вопросъ: «да куда жъ, однако, исчезъ, этотъ человѣкъ?»

Подъ вечеръ вернулся ея мужъ. Никогда, конечно, она такъ не радовалась его приходу, никогда она такъ живо не чув-

ствовала счастья имѣть подлѣ себя такого бодрого и снѣлаго молодца, одною рукою правившаго своими мулами, а другою поддерживающаго нѣсколько пудовъ.

Въ домѣ, рядомъ съ главнымъ входомъ былъ еще другой, ведущій въ узенькій и длинный проходъ, выходящій на дворъ, гдѣ находились стоила и конюшня. Въ комнатѣ за лавкой, служившей также и кухней, была лѣстница на верхъ, въ мезонинъ, раздѣленный на двѣ половины: одна половина была спальная супруговъ, другая чердакъ.

Когда зять мой наоринилъ муловъ, онъ сѣлъ ужинать съ женою, но ужинъ, противъ обыкновенія былъ какъ-то печаленъ.

Моя бѣдная дочь только и думала, только и говорила что о нищемъ. Она была такъ разстроена, что при малѣйшемъ шумѣ вздрагивала, и нугливо оглядывалась кругомъ, прижимаясь къ мужу.

— Аника, ты съ ума сошла, говорилъ онъ улыбаясь, — развѣ ты въ первый разъ видишь бѣдняка, нѣмага и изуродованнаго? Этотъ нищій можетъ напугать твоего ребенка, когда онъ родится, но право странно, что его такъ болтаетъ взрослая женщина!

— Да онъ исчезъ такимъ непонятнымъ образомъ, сказала дочь.

— Онъ исчезъ только съ твоихъ глазъ. Очевидно, что онъ отправился къ кому-нибудь изъ сосѣдей, или зашелъ отдохнуть въ какой-нибудь сарай. Пойдемъ спать, милая моя, завтра ты сама забудешь про этого несчастнаго.

Они ушли на верхъ и легли въ постель. Зять мой очень усталъ и заснулъ тотчасъ же.

Съ тѣхъ поръ, какъ дочь стала ждать своихъ родовъ, у ней постоянно горѣла лампада на столѣ, не далеко отъ двери. Бѣдняжка не могла заснуть; она внутренно повторала всѣ свои молитвы и окончивъ ихъ, опять пересчитывала съ начала она все видѣла передъ собою ужасное лицо нищаго, а въ ушахъ ея раздавалось страшное его рычанье. Такъ прошло часа три. Въ деревнѣ воцарилось глубокое молчаніе: всѣ отдыкали послѣ работы.

— Пѣтухи не поютъ, думала Аника, — а должно быть теперь часовъ двѣнадцать. Боже мой! когда я дождусь дня! когда проглянетъ Божье солнце!

Вдругъ, ей послышался легкій шорохъ за дверью: вся кровь прихлынула ей къ сердцу. Она прижалась къ мужу и судорожно ухватилась за его руку.

Зять только охнулъ съвозъ сонъ, и, не просыпаясь, повернулся на другую сторону.

Въ эту минуту, дверь тихо растворилась, и дочь моя, отъ ужаса, увидѣла страшную голову нищаго. Онъ медленно оглянулся вокругъ, посмотрѣлъ на кровать, и вдругъ задулъ лампаду.

Аника услышала приближающіеся шаги; чувство самосохраненія вдругъ пробудилось въ ней съ удвоенною силой. Она быстро спустилась съ кровати и побѣжала къ двери. Она услышала ударъ. Пресвятая Матерь Божія! То былъ ударъ кинжала, пронзившій сердце ея мужа. Аника закричала и гранулась объ полъ. Убійца ее замѣтилъ и сдѣлалъ шагъ впередъ, но въ эту минуту, мой несчастный зять, среди предсмертныхъ мукъ, бросился съ постели и закричалъ: Господи, помилуй мою душу! Я умираю!»

Тутъ, несчастная мать принуждена была остановиться, рыданія заглушали ея голосъ. Дядя Антоніо закрывалъ себѣ лицо своимъ сомбреро. Мать моя заливалась слезами.

— Что за злодѣй! воскликнулъ мой отецъ.—Что за извергъ! Не могъ ли онъ ихъ обокрасть, не убивая ихъ?

«Къ несчастію, отвѣчала бѣдная мать, — они перенесли весь день въ свою комнату, и мой зять не далъ бы себя обокрасть, не защищаясь. Злодѣй, продолжала она, — обернулся къ своей жертвѣ и опять бросилъ ее на кровать, между тѣмъ дочь успѣла выбѣжать изъ комнаты; она бросилась внизъ съ криками отчаянія, побѣжала по улицѣ и, наконецъ, безъ чувствъ упала у дверей какой-то сосѣдки.

Ея крики разбудили жителей деревни, всѣ сбѣжались, вооруженные чѣмъ попало, палками, ружьями, косами или ножами. Такимъ образомъ они могли схватить убійцу, который повторяя свое страшное рычанье, уже не жалобное, а грозное, защищался кинжаломъ, обограннымъ еще теплою кровью.

Между тѣмъ, моя несчастная дочь, среди страшныхъ мученій, родила двухъ дѣвочекъ-близнецовъ, и умерла тотчасъ же потомъ; эти бѣдные ангелочки явились на свѣтъ въ горестную минуту!»

Несчастная закрыла лицо руками, мы сами, были такъ глубоко потрясены, что не имѣли духу ее утѣшать.

— Извините, сказала наконецъ бѣдная мать, — я васъ утомила и разстроила своимъ длиннымъ разказомъ. Дѣло въ томъ, продолжала она, обращаясь къ отцу, — что у насъ есть до васъ просьба. Убійцу повели въ Ронду, гдѣ его стали судить. Дней десять тому назадъ: къ намъ пришла незнакомая женщина, то была его жена.

— Какъ? жена этого злодѣя? спросилъ отецъ.

— Да, сеньйоръ. Она пришла насъ просить дать ей свидѣтельство, составленное адвокатами и подписанное тремя писцами, въ которомъ мы объявили бы, что прощаемъ ея мужа; это необходимо для его защиты.

— И вы желаете?... сказалъ отецъ.

— Чтобы ваша милость намъ написали эту бумагу, отвѣчала гетушка Хуана.

— И вы соглашаетесь его простить? спросилъ отецъ, обращаясь къ старику.

— Да какъ же, сеньйоръ, отвѣчалъ дядя Антонио, — развѣ можно отказать въ прощеніи?

— А то, прибавила тетушка Хуана, — какъ же мы станемъ молить Бога, чтобъ онъ намъ простилъ такъ же, какъ мы прощаемъ врагамъ!

Тотъ же къ тому же.

Я былъ принужденъ, любезный другъ мой, послать тебѣ недоконченнымъ послѣднее мое письмо. Миѣ очень пріятно, что ты нашелъ его занимательнымъ, и что оно заставило тебя полюбить нашу тетушку Хуану и ея мужа.

Правду говорятъ, что современные филантропы безъ нужды углубляются въ изученіе грязи общества, его темныхъ сторонъ, чтобъ откопать и выставить напоказъ всѣ его пороки, которые слѣдовало бы скрывать изъ уваженія къ человѣческому достоинству; а когда, противъ обыкновенія, имъ случается описывать добродѣтель, то всегда она играетъ самую жалкую роль, падаетъ жертвою порока. Они воображаютъ, что приносятъ большую пользу обществу этимъ утомительнымъ перечнемъ всѣхъ видовъ низости и подлости! Странная мысль! Но главное, это несправедливость. Можно сказать утвердительно и не боясь ошибиться, что гораздо больше скрытыхъ добродѣтелей, чѣмъ скрытыхъ пороковъ, на томъ основаніи, что зло, какое бы оно ни было, не пройдетъ незамѣченнымъ, надѣляетъ много шума, добро же творится неслышно. Накормите несчастнаго человѣка, умирающаго съ голода: никто объ этомъ не узнаетъ. Но случись, что тотъ же человѣкъ васъ обокрадетъ, всѣ стануть говорить объ этомъ; и мало того, — вы встрѣтите описаніе этого случая въ отдѣлѣ *интересныхъ извѣстій*, въ какой-нибудь газетѣ.

Еслибы существовали судилища, чтобы награждать добро, они безъ сомнѣнія больше бы имѣли дѣла, чѣмъ тѣ, которыхъ назначеніе наказывать зло. Гете, котораго, конечно, никто не упрекнетъ въ излишнемъ оптимизмѣ, и тотъ гдѣ-то сказалъ: «Отчего вы съ такимъ трудомъ отыскиваете добро, когда оно у васъ подъ рукой? Пожелайте его найти, и вы его найдете.»

Грустный разказъ моего дяди наполнилъ все послѣднее письмо мое, и я ничего не могъ сказать тебѣ о томъ, что касается лично до меня.

Но мнѣ нужно твое участіе, особенно же теперь, когда я страдаю и чувствую необходимость излить свою душу въ душу друга. Милый мой Поль, я въ одинъ и тотъ же день былъ счастливѣйшимъ и несчастнѣйшимъ изъ смертныхъ.

Но, для большей ясности моего разказа, я опишу тебѣ сперва *жизнь*, въ которой участвовало все здѣшнее общество, и въ томъ числѣ и я.

Жизнь,—это то, что вы называете англійскимъ именемъ *пикникъ*, пиръ, на который каждый является съ своею лептой.

Этого рода увеселенія вовсе не по моему вкусу, и я за свою нелюбовь къ нимъ заслужилъ прозвище пуританца.

Было рѣшено, что мы, въ одно прекрасное воскресенье, на лодкахъ отправимся въ Санъ-Хуанъ де-Алфареке, маленькую деревню на берегу рѣки, недалеко отсюда.

И такъ вчера, въ воскресенье, мы выѣхали часовъ въ десять утра. Я находился въ одной лодкѣ съ Кастой и съ ея матерью: эта лодка была послѣдняя. Но только что мы отчалили отъ берега, какъ увидѣли донъ Іуду, который махалъ руками и кричалъ чтобы мы его взяли къ себѣ. Нечего было дѣлать, нужно было вернуться и дать ему мѣсто въ нашей лодкѣ.

— Дѣло въ томъ, кричалъ онъ, — что на моихъ рукахъ, какъ вамъ известно, лежитъ забота о десертѣ. Кондиторъ не знаетъ, какъ доставить его въ Санъ-Хуанъ, и мнѣ нужно было самому позаботиться обо всемъ. Ѣдемъ же теперь, Ѣдемъ, наша лодка довольно полна. Гребни же, амфибія, водоземное животное! Въдь выразился я правильно, сеньйоръ прокуроръ? Смотрите, вотъ бѣжитъ еще какой-то несчастный запоздалый: не внемлите его крикамъ, прошу васъ, не подавайте вида, что вы его замѣтили. Слышите, дегтярный кафтанъ! Здравствуйте, сударыни. Кастита, я у ногъ вашей милости. Но можете ли вы немного посторониться и дать мнѣ мѣсто около себя?

— Къ сожалѣнію, отвѣтила Каста, — это невозможно. Развѣ вы не видите, что всѣ мѣста заняты?

Ты долженъ знать, что Каста сидѣла между матерью и твоимъ другомъ.

— Вижу, вижу! воскликнулъ донъ Іуда.—Крѣпость окружена; съ одной стороны ее осаждаютъ, съ другой отстаиваютъ. Ха! ха! ха! Сяду же я напротивъ и буду наблюдательнымъ корпусомъ.

Онъ меня этимъ сразилъ, но нечего было дѣлать. Съ какимъ удовольствіемъ я этого нахала швырнулъ бы въ рѣку!

У пристани насъ встрѣтили молодые люди, распорядители праздника, и повели насъ въ приготовленный для этого случая домъ. Онъ былъ невеликъ; однако столовая внизу, а зала наверху,

съ террасой и чуднымъ видомъ на рѣку, были довольно просторны. Я вышелъ на террасу.

— А вотъ и Севилья! невольно воскликнулъ я,—Севилья, одно имя которой волнуетъ поэта, историка, художника. Севилья, съ чуднымъ своимъ соборомъ, въ мавританской своей одеждѣ, точно перекрещенная красавица султанша! Севилья съ своими чудными воспоминаніями, съ благоуханіемъ своихъ померанцовыхъ рощей!

Одинъ изъ молодыхъ людей стоявшихъ подлѣ меня, сказалъ :

— И скоро останутся ей только одни воспоминанія ; потому что современное варварство съ какимъ-то остервененіемъ уничтожаетъ всѣ древніе ея памятники, желаетъ во чтобы то не стало стереть все, что въ ней есть особеннаго. Не спасся отъ ихъ преслѣдованій крестъ цеха красильщиковъ, возвышавшійся на старой Аламедѣ...

— Какой въ немъ былъ прокъ? сказалъ донъ Іуда; они прекрасно сдѣлали.

— Вы вѣроятно не знаете, что это историческій памятникъ времени дона Педро Жестокаго, возразилъ молодой человекъ, — и что въ каждой другой странѣ на него смотрѣли бы съ благоговѣніемъ? Подъ разными предлогами уничтожены также великолѣпный крестъ цеха слесарей, финиціанская арка близъ замка...

— И хорошо сдѣлали, сказалъ донъ Іуда,—это значитъ у красавицы вырывать былые волосы.

Молодой человекъ пожалъ плечами и продолжалъ, не отводя глазъ отъ Севильи:

— Бѣдная старуха, нѣкогда могущественная и славная царица, и гордость Испаніи! На тебѣ, матери столькихъ героевъ, вполне разразилось цыганское проклятіе: «Подпадешь ты подъ власть малыхъ дѣтей!» — Да! по ночамъ слышны твои стоны въ пѣньи соловьевъ, слышны твои вздохи въ шорохѣ листьевъ, колеблемыхъ легкимъ вѣтеркомъ, слышенъ твой плачъ въ журчаньи фонтановъ.

— Какъ, Севилья плачетъ? воскликнулъ донъ Іуда.—Ха! ха! ха! и слезы ея текутъ въ канавки? Ха! ха! ха!

— Вы не въ состояніи понять, что такое поэзія, сказала Каста, поворачиваясь къ нему спиною.

— Что такое поэзія? возразилъ донъ Іуда: — я готовъ дать пиастръ тому, кто мнѣ это объяснитъ. Я на поэзію смотрю точно такъ же, какъ на прославленное, сладкое пѣніе птицы «еникса, о которой всѣ говорятъ и которую никто не видалъ.

Становилось жарко; дамы вошли въ залу, сняли черные тюлевые вуали и накололи себѣ цвѣтовъ въ волосы. Каста убрала

свою голову вѣткой плюща и нѣсколькими пунцовыми розанми. Боже мой, Поль, какъ она была хороша!

Кто съѣзъ за карточные столы, кто за шахматы. Донъ Иуда принялся забавлять молодыхъ дѣвушекъ разными фокусами и штуками. Каста вышла на террасу и сѣла въ тѣни на каменную скамью. Тутъ же сидѣла старая дама, углубленная въ разговоръ съ администраторомъ. Я съѣзъ подлѣ Касты, и мнѣ было невыразимо хорошо; мнѣ казалось, что мы одни, забыты всѣмъ свѣтомъ.

— Что за чудный видъ! сказалъ я,—какъ очарователенъ Сантъ-Хуанъ! Не кажется ли вамъ, что здѣсь цвѣты, соловьи, солнце, все соединяется, чтобъ улыбаться счастливой любви? Но все то, что насъ окружаетъ, что восхищаетъ насъ, если все это счастливыхъ дѣлаетъ еще счастливѣе, несчастныхъ должно сдѣлать еще несчастнѣе, должно еще болѣе растравлять раны ихъ сердца!

— Къ чему, сказала Каста,—говорить о какомъ-то небываломъ блаженствѣ или совершенномъ отчаяннѣ? Не лучше ли мечтать о жизни, которая бы текла тихо, какъ эта рѣка?

— Для меня, Каста, отвѣтилъ я, — нѣтъ выбора, и я встану съ этой скамьи счастливѣйшимъ или несчастнѣйшимъ изъ людей.

Она слегка покраснѣла, оборвала лепестки розы, которую держала въ рукѣ, поднесла ее къ губамъ и сказала:

— Дайте мнѣ пиастръ.

— Пиастръ! сказалъ я, доставая свой кошелекъ,—и зачѣмъ?

— Мы сейчасъ, въ орла и рѣшетку, узнаемъ вашу судьбу.

— Каста! Каста! воскликнулъ я, — отчего вы притворяетесь, что не понимаете меня? Для того ли, чтобы пощадить меня, не привести меня въ отчаяннѣ отказомъ?

— Я не сказала ни да, ни нѣтъ, — отвѣтила она съ лукавою и очаровательной улыбкой.

— Это невыносимо! воскликнулъ я, вскакивая съ своего мѣста.

Она удержала меня за вѣтку сирени, которую я держалъ въ рукѣ.

— Бойтесь ли вы отказа отъ моей матери? сказала она; — напрасно! Бѣдная мать не гонится за богатствомъ.

Я на силу могъ удержаться, чтобъ не упасть на колѣни передъ нею. Эти добрыя, простые, задушевные слова ея уяснили и опредѣлили наше положеннѣ. Я ни слова не отвѣтилъ ей, но только поднесъ къ губамъ и поцѣловалъ вѣтку сирени, къ которой она прикоснулась, чтобъ удержать меня.

Представь себѣ, другъ мой, оперную залу и слушателей, съ глубокимъ вниманнѣмъ, не переводя дыханнѣ, слѣдующихъ за дивными мелодиями Россини; что-бы они должны были почувствовать, еслибы вдругъ, посреди этой небесной гармоннѣ, съ трескомъ рухнулса потолокъ? то же самое испыталъ я, когда вдругъ,

надъ самымъ моимъ ухомъ раздался пронзительный голосъ донъ Іуда.

— Гдѣ же скрывается моя красавица Кастита? Она не видана ни одной изъ моихъ штукъ. Выберите карту, Кастита... замѣйте ее хорошенько... положите ее опять въ колоду, и тасуйте хоть до завтрашняго дня, я все таки карту вашу узнаю тотчасъ же, потому только, что до нея прикоснулись ваши пальчики. Что касается до васъ, другъ прокуроръ, вы теперь можете снять осаду съ крѣпости; къ вамъ на смѣну подоспѣли свѣжія силы. Въ люди вы были на очереди, теперь же пора и другимъ уступить мѣсто. Я старъ; но глаза всегда молоды.

— Смотрите, донъ Іуда, сказалъ администраторъ, обрадованный случаемъ освободиться отъ докучности старой дамы; — не играйте роль той собаки, которая сама не ѣла и другимъ ѣсть не давала.

— Ваша поговорка, сеньйоръ, вовсе къ дѣлу не идетъ, возразилъ донъ Іуда, — а я вамъ отвѣчу другою: «Старому когу молоденькая мышка».

Одинъ изъ молодыхъ людей, распоряжающихся обѣдомъ, подошелъ къ дону Іудѣ и сказалъ ему: — Мы сейчасъ садимся за столъ и майордомъ поручилъ мнѣ сказать вамъ, что сласти и пирожныя еще не прибыли.

— Не беспокойтесь, возразилъ донъ Іуда самоувѣренно; — и садитесь за столъ; будьте увѣрены, что сласти придутъ во время.

Мы сѣли за столъ. Отъ времени до времени донъ Іуда бросалъ беспокойный взглядъ въ окошко на дорогу, но никто не показывался и онъ бормоталъ сквозь зубы: проклятые гальегги!

Обѣдъ подходилъ къ концу; уже подали фрукты, когда на улицѣ у дверей дома послышались шумъ и бѣготня.

— Вы ли это, проклятые гальегги, чертовы черепахи? закричалъ донъ Іуда.

— Да, сеньйуръ... да сеньйуръ... отвѣтили четыре голоса, которые по выговору своему можно было тотчасъ же признать за голоса гальеговъ.

— Такъ входите же, наконецъ, ради всѣхъ святыхъ на небѣ, неповоротливыя колоды...

Темнокожій гальего, весь въ поту, воунуль въ полуотворенную дверь свою огромную голову, въ пестрой шерстяной шапочкѣ, и сказалъ: — Сеньйуръ, то, что мы привезли, не можетъ войти въ дверь.

Донъ Іуда съ видомъ ужаса всталъ изъ-за стола. Все общество послѣдовало его примѣру; одни побѣжали къ дверямъ, другіе столпились у оконъ.

Посреди общаго веселаго смѣха слышался голосъ донъ Иуды, бранящаго гальеговъ и старающагося придумать средство внести въ дверь цѣлую гору сластей, которую стоитъ описать по-подробнѣе, потому что, не выдавши ея, невозможно составить себѣ о ней понятія. Пять или шесть пироговъ, различной формы и величины, въ видѣ пирамиды, возвышались одинъ надъ другимъ; а на самомъ верху, на миנדальномъ пьедесталѣ, стояла необыкновенно смѣшная сахарная фигура, имѣющая, показалось мнѣ, претензію представлять богиню побѣды; въ одной рукѣ она держала исписанную бумажку, въ другой огромное сердце изъ розоваго сахара, проткнутое безобразною стрѣлой изъ перьевъ, выщипанныхъ вѣроятно у курицы кондитора.

На уступахъ этой необыкновенной пирамиды, кондиторъ расположилъ и выставилъ на показъ всевозможные образчики своего искусства. Сахарныя канарейки въ натуральную величину, набитыя анисовыми конфетами, разные фрукты, свѣжіе и вареные въ сахарѣ, цвѣты, звѣзды, прозрачныя бутылочки, полныя разноцвѣтныхъ ликеровъ и т. д.; не пожалѣлъ онъ также лентъ и бумажныхъ цвѣтовъ, какихъ-то небывалыхъ формъ. Эта египетская пирамида не могла умѣститься ни на одномъ блюдѣ или подносѣ; и по этому ее воздвигнули на доскѣ, которую, на крѣпко къ ней привязанныхъ палкахъ, несли гальеги.

— Какой оселъ плотникъ строилъ этотъ домъ? кричалъ донъ Иуда: и вмѣсто двери прорубилъ такую щель?

Весь эффектъ, на который разчитывалъ донъ Иуда при появленіи своего пирожнаго, пропалъ безвозвратно; въ довершеніе несчастія вокругъ сахарной горы собралась цѣлая толпа дерзкихъ ребятшекъ, нападенія которыхъ не всегда удавалось отражать гальегами бранью и толчками.

— Нечего дѣлать, сударь, сказалъ одинъ изъ нихъ, — велите либо стѣну прорубить, либо пирогъ разрѣзать. Чтò, пострѣлъ, ты до ленты добираться, вотъ я тебя!

Мальчикъ уже былъ далеко; онъ пожиралъ грушу, и въ знакъ торжества, махалъ похищенной лентою.

— Чтòжь, сударь, на чтò вы рѣшитесь? спросилъ другой; — намъ пора въ городъ: намъ мѣшкать нельзя. — Этотъ чертенокъ утащилъ птицу и цвѣтокъ. Берегись, берегись! отучу я тебя отъ воровства!

Ребенокъ уже успѣлъ взлѣзть на самый верхъ высокаго забора; онъ приколовъ цвѣтокъ къ своему оборванному старому сомбреро, а самъ съ птицей въ рукѣ во все горло кричалъ: кикирики!

— Они хотятъ возвращаться въ городъ, кричалъ донъ Иуда, — чтò дѣлать, Боже мой, чтò дѣлать? Такъ и быть, нужно на двое

раздѣлить пирогъ, чтобы какъ-нибудь внести его въ домъ прежде, чѣмъ эти черти всего не растащили по кускамъ. За дѣло, ребята, и прежде всего, достаньте мнѣ сверху фигурку, чтобы я могъ поднести ее, кому слѣдуетъ.

Одинъ изъ гальеговъ сталъ на цыпочки, досталъ фигурку съ огромнымъ ея сердцемъ и маленькой записочкой, и передалъ ее дону Іудѣ. Тотъ, съ этою карикатурою въ рукѣ, любезно обратился къ Кастѣ; но ужасъ изобразился на его лицѣ, когда онъ взглянулъ на записку.

— Что это значить? воскликнулъ онъ, — кто вложилъ эту бумажку въ руку фигурки? Говорите, бездѣльники, отвѣчайте! Вы на смѣхъ захотѣли меня поднять, злодѣи. Вы подкуплены коими врагами, я въ этомъ убѣжденъ! Вы подкуплены республиканскою партіей, дѣйствуете по наущеніямъ ея главы! Убирайтесь къ чорту! вы ни гроша не получите отъ меня.

Гальегги съ открытыми ртами и видомъ глубочайшаго удивленія и недоумѣнія выслушали эту грозную выходку; но когда услышали послѣднія, ясныя и страшныя для нихъ слова, они подняли жалобный вой.

Мальчишки, вида, что пирогъ остался безъ защитниковъ, ринулись на него съ такою силою и такими криками радости, что донъ Іуда сперва остолебѣлъ отъ ужаса, а потомъ испустилъ такой пронзительный, отчаянный вопль, что мы всѣ невольно зажали себѣ уши: это было рѣшительно вавилонское столпотвореніе.

Наконецъ мы расплатились съ гальегами и кое-какъ внесли въ домъ образцовое твореніе кондитора, много пострадавшее отъ жестокой осады; и все, наконецъ, утихло и пришло въ порядокъ.

Прежде чѣмъ продолжать далѣе, я долженъ разказать тебѣ, что до такой степени разсердило и вывело изъ себя дона Іуду.

Сеньйоръ Барбо съ великимъ трудомъ и стараніемъ сочинилъ любезную надпись нарочно для Касты, и намѣревался передать ей ее вышеупомянутымъ образомъ.

Очень довольный собою, онъ съ надписью своею отправился къ кондитору, и заставилъ сына его, отличавшагося красивымъ почеркомъ, списать ее. Вотъ она:

Конфеты — сладки, но, въ сто кратъ
Улыбка Касты слаще.

На мѣсто этого изящнаго комплимента, донъ Педро, какъ, не извѣстно, съумѣлъ подсунуть слѣдующее четырехстишіе:

Зачѣмъ сластей такъ много?
Повѣрь мнѣ, о Іуда,
Ужъ Кастѣ станеть тошно
Лишь взглянетъ на тебя!

Послѣ обѣда, все общество отправилось гулять; я поспѣшилъ предложить руку свою Кастѣ и мы пошли вдоль берега рѣки по дорожкѣ, вьющейся между оливковыми деревьями. Боже мой! какъ можно находить, что оливы унылы? Мы вошли въ померанцовую рощу, гдѣ благоуханіе, пѣніе соловьевъ, все соединялось, чтобы заставить меня и Касту забыть, что мы на землѣ, а не паримъ на небѣ, какъ вольныя птицы.

Мы подходили къ Валпаресу, этому очаровательному мѣстечку, гдѣ все, до самаго имени его, поэтично.

Домъ стоитъ на скатѣ горы, и садъ за нимъ возвышается уступами, покрытыми цвѣтами; разныя тропинки сходятся къ гроту, въ глубинѣ котораго, въ тѣни и тишинѣ, скрывается источникъ.

Всѣ вошли въ него, чтобы напиться; Каста и я остались послѣ всѣхъ и тоже хотѣли уйти, когда звукъ далеко негармоническаго голоса дона Іуды заставилъ насъ остановиться; по внезапному, невольному движенію мы оба спрятались за кустъ, какъ бы нарочно разстилающій свои вѣтви, чтобы скрыть насъ отъ взглядовъ всѣхъ.

По тропинкѣ шли донъ Іуда и дама, опиравшаяся на его руку.

— Вы болѣе слѣпы, чѣмъ ночи, говорилъ онъ;—неужели, донья Моника, вы не видите того, что видятъ всѣ; а именно, что прокурорчикъ влюбленъ въ вашу дочь, ухаживаетъ за нею, а что та не скрываетъ своего расположенія къ нему.

— А еслибы это и было, возразила донья Моника,—онъ хорошій молодой человѣкъ; его всѣ любятъ и уважаютъ, онъ...

— Другихъ достоинствъ не имѣетъ, сеньйора, перебилъ ее донъ Іуда,—кромѣ того, что одѣвается по модѣ и затыгивается въ рюмочку. Средствъ къ жизни у него нѣтъ, кромѣ мѣста, которое не приноситъ ему больше осьми тысячъ реаловъ; и получилъ онъ его только по милости девера своего, члена конгресса, и вѣроятно потеряетъ, когда деверю этому выйдетъ срокъ. Хорошая партія для Каститы, нечего сказать!

— Однако, сеньйоръ, возразила донья Моника,—Ксаверій Бареа очень достойный человѣкъ.

— Достойный, достойный! повторилъ донъ Іуда;—кто видѣлъ его достоинства, кто ихъ звѣшивалъ? Это такое же пустое слово, какъ и знатность дона Педро.

— Онъ имѣетъ хорошія связи въ Мадридѣ, продолжала донья Моника,—богатаго дядю въ Севильѣ.

— Богатаго? что за вздоръ! Вѣдь вамъ извѣстно, что такое называется богатствомъ въ Севильѣ; тамъ, какъ въ царствѣ слѣпыхъ, царь тотъ, у кого одинъ глазъ. Сеньйора, ваша дочь неопытное дитя и не умѣетъ себя держать въ свѣтѣ; ваше дѣло отгонять отъ нея этихъ комаровъ, которые только другимъ мѣшаютъ, и портятъ дѣло.

Они прошли мимо.

Ты можешь себѣ представить мое бѣшенство и негодованіе. Каста разразилась громкимъ смѣхомъ.

— Прочучу же я этого нахала! воскликнулъ я.

— И очень много черезъ это выиграете, возразила Каста.—Онъ узнаетъ только, что мы его подслушивали, и что станете вы дѣлать съ старикомъ съдымъ и дряхлымъ?

— Онъ злоупотребляетъ этимъ преимуществомъ. Къ тому же, Каста, онъ влюбленъ въ васъ, ухаживаетъ за вами, и когда любите, какъ я васъ люблю, Каста, то неволью испытываешь ревность...

— Къ дону Іудѣ? спросила она смѣясь, и всплеснула руками.

— Да, Каста, возразилъ я,—даже къ дону Іудѣ.

— Право, сказала она не переставая смѣяться, — Отецъ былъ ничто передъ вами.

— Вы безжалостны, Каста, отвѣтилъ я;—знаете ли вы, что гораздо безчеловѣчнѣе не отнимать всякой надежды у человека, который васъ любитъ, и потомъ мучить его, чѣмъ разомъ отказать ему.

— Полно, полно! Ксаверій, не говорите, ради Бога, такимъ трагическимъ тономъ, терпѣть я его не могу. Даю вамъ слово, что отгоню отъ себя не *комара*, но докучливаго *шмеля*.

— Въ самомъ дѣлѣ, Каста? сжальтесь надо мной, не обманывайте меня!

— Будьте вы мнѣ вѣрны, если хотите, чтобъ я сжалилась надъ вами.

Съ этими словами она пустилась бѣжать, чтобы догнать свою мать.

Я былъ такъ взволнованъ, что мнѣ не хотѣлось тотчасъ же присоединиться къ остальному обществу и я нѣсколько времени еще бродилъ одинъ. Когда я возвратился въ Валпаресу, я всѣмъ засталъ на терасѣ передъ домомъ.

Каста сидѣла на скамьѣ подлѣ матери. Она впоследствии рассказала мнѣ весь свой разговоръ съ ней, и я тутъ же передалъ тебѣ его.

Какъ только мать увидѣла ее, она подозвала ее и заставила сѣсть подлѣ себя.

— Боже мой, маменька! сказала Каста, что значить эта внезапная нѣжность.

— Не въ нѣжности дѣло, сеньорита, а въ томъ, что я замѣчаю, что вы очень извѣтренничались, съ тѣхъ поръ, какъ мы въ Севильѣ. Вы слишкомъ обнажаете свои плѣчи и это мнѣ вовсе не нравится. Не могу я одобрить также того, что вы гуляете подъ ручку и безпрестанно разговариваете съ Ксаверіемъ Бареа.

— Боже! маменька, почему же?

— Потому, что онъ слишкомъ лвно ухаживаетъ за тобою. Это уже замѣтили много почтенныхъ особъ, и твоя репутація непременно отъ этого пострадаетъ.

— Однако, сеньйора, я не вижу, какъ репутація моя можетъ пострадать отъ того что я нравлюсь Ксаверію Барера, и онъ отыскиваетъ во мнѣ...

— Доброе имя дѣвушки веегда страдаетъ, когда она поощряетъ любовь человека которой не можетъ быть партией для нея.

— И почему же не можетъ? Потому что онъ бѣденъ? Чтò за важность?

— Ты ребенокъ и говоришь, какъ ребенокъ. Прочти комедію Хороситы: *Любовь съ жижиль*.

— Милая маменька! я убѣждена, что сеньйоръ Хоросита написалъ эту комедію по наущенію какой-нибудь матери, жадной до денегъ.

— Полно, Каста, не ребячься. Отличная партія представляется для тебя, и я надѣюсь, что ты оцѣнишь счастье, посланное тебѣ Богомъ, и вспомнишь, какъ тѣсны наши обстоятельства.

— Блестящая партія, говорите вы?

— Да, дочь моя: ты будешь жить въ роскоши, будешь держать лошадей, и у тебя будетъ свой капиталъ въ пятьдесятъ тысячъ піастровъ.

— Господи! Господи! сказала Каста съ видомъ лукаваго удивленія, — гдѣ вы откопали такого удивительнаго жениха, кто онъ такой?

— Это донъ Іуда Барбо.

Каста разразилась такимъ громкимъ смѣхомъ, что мать ея, видя, что къ нимъ приближается донъ Іуда, сказала ей съ нетерпѣніемъ:

— Перестань же, Каста, смѣхъ твой неприличенъ.

Но всѣ старанія Касты, чтобъ удержаться отъ смѣха были напрасны.

— Чтò за наказанье! съ отчаяніемъ шептала донья Моника.

Солнце клонилось къ западу, и такъ какъ сумерки здѣсь очень непродолжительны, мы возвратились въ Санъ-Хуанъ, гдѣ собирались еще нѣсколько часовъ танцовать.

Каста взяла мать свою подъ руку. Донъ Іуда подошелъ къ нимъ и изъявилъ желаніе помѣститься между матерью и дочерью.

— Нѣтъ, сеньйоръ, нѣтъ, сказала Каста.

— Почему же нѣтъ, сеньйорита? спросилъ донъ Іуда.

— Потому что вы слишкомъ будете похожи на коробъ съ закругленными ручками, отвѣтила Каста.

Дону Іудѣ пришлось удовольствоваться рукой матери: я слѣдовалъ за ними въ нѣкоторомъ разстояніи.

Каста роняла то зонтикъ, то платокъ, то цвѣтокъ изъ бунета, чтобы доставить мнѣ удовольствіе ихъ поднимать. Она нагибала къ себѣ вѣтки оливы, удерживала ихъ, сколько могла, а потомъ выпускала ихъ, и онѣ возвращались ко мнѣ какъ вѣстники мира и любви.

Она не захотѣла танцевать и сѣла подлѣ окна со спущенною гардиной. Я прошелъ въ садъ и расположился за гардиной, такимъ образомъ, что я могъ видѣть ее и говорить съ ней, а самъ былъ скрытъ отъ взглядовъ всѣхъ. Къ горю моему, къ ней подѣлъ донъ Іуда.

Мать скоро задремала.

— Если не ошибаюсь, Кастита, сказалъ донъ Іуда, — матушка ваша передала вамъ мое предложеніе, и оно васъ разсмѣшило.

— Немножко, отвѣтила Каста.

— Чтò же смѣшнаго въ томъ, возразилъ старый волокита, — что я хочу жениться на васъ, хочу сдѣлать васъ самой богатой и счастливою женщиной въ Андалусіи.

— Еще бы мнѣ это не казалось смѣшнымъ! отвѣтила она.

— Клянусь душой! сказалъ донъ Іуда, — ваша откровенность мнѣ нравится! И будетъ ли мнѣ позволено спросить, почему именно это смѣшно?

— По той простой причинѣ, что вы могли бы быть моимъ отцомъ или дѣдомъ.

— Вы этимъ хотите сказать, что находите меня слишкомъ старымъ? спросилъ донъ Іуда съ сардоническою улыбкой.

— Быть-можетъ вы и неслишкомъ стары, но я то чересчуръ молода, и выходитъ оно на одно. Знаете ли, донъ Іуда, что въ аду празднуется съ особеннымъ торжествомъ тотъ день, когда старикъ женится на молоденькой дѣвочкѣ; черти ликуютъ въ этотъ день.

— Это значитъ, что вы мнѣ отказываете?

— Кажется, это ясно, донъ Іуда.

— Послушайте, Кастита, я вашей милости разкажу сказку, и думаю, что вы ее вѣкъ не забудете:

Одинъ бѣдный гальего услышалъ какъ-то, что для того, чтобы разбогатѣть, нужно отправиться въ Мексику; тамъ піастровъ такое множество, что только нужно нагибаться, чтобы ихъ подбирать. Съ этою сладкою надеждой мой гальего и отправился въ путь. По прибытіи его, случилось, что у пристани въ песокъ онъ увидѣлъ піастръ. Но при видѣ его, онъ только плюнулъ и сказалъ: «а, вы ужъ начинаете меня преслѣдовать?» и пошелъ далѣе. Другаго же піастра онъ не нашелъ. Поняли ли вы меня, Кастита?

— Я поняла, сказала Каста, — что я гальего, а вы золотой піастръ. Согласна; но позвольте вамъ замѣтить, что ради піастровъ я ни-

когда не отправлюсь въ Америку; привлечь меня туда можетъ только совершенно другое: ея лѣса, цвѣты, рѣки, чудная природа.

— Та! та! та! та! сказалъ донъ Іуда, — что за громкія слова! ужъ не поэтъ ли вы?

— Сердцемъ, да, отвѣтила она, и потомъ какъ бы вдохновенная неожиданною мыслью, продолжала:

— Впрочемъ, зачѣмъ мнѣ скрываться передъ вами? да, я поэтъ, но только не говорите никому объ этомъ. Я не хочу, чтобы настоящее мое имя было извѣстно прежде, чѣмъ оно покроется славой. Нѣкоторыя сочиненія мои уже напечатаны подъ именами моихъ друзей. Такъ, стихотворенія Мартинеса де-ла-Роса принадлежать не ему, а мнѣ.

Самое глубокое удивленія, почти ужасъ выразился на лицѣ донъ Іуды.

— Вы пишете, печатаете книги? воскликнулъ онъ.

Каста, восхищенная успѣхомъ своей хитрости, продолжала:

— Написала я также нѣсколько комедій и драмъ; онѣ имѣли большой успѣхъ и слывуть за лучшія въ нашемъ репертуарѣ. Такъ *Развлеченія узника*, которыя приписываютъ герцогу де Ривасъ, сочинены не имъ, а мною.

— Женщина писательница! Пресвятая Богородица! Кто бы могъ это подумать! Да знаете ли вы, Кастита, что это уродство, что для женщины произвести на свѣтъ книгу то же самое, что для мужчины произвести на свѣтъ ребенка? Кто бы могъ это ожидать отъ васъ, хорошенькой и молодой, женственной и скромной? женщину писательницу невозможно себя представить иначе, какъ старую, уродливую, непріятную; женское ли это дѣло?

— Это все предрасудки, донъ Іуда; повѣрьте мнѣ, геній не имѣетъ пола; это сказалъ Бюффонъ и повторилъ въ послѣдствіи отецъ Масдю.

Донъ Іуда поднялъ руки, какъ бы для того, чтобы зажать себѣ уши.

— Послушайте, донъ Іуда, продолжала Каста, — вы вѣроятно слышали о моемъ Теллѣ?

— Мигуэлъ! какомъ Мигуэлѣ? Мигуэлъ архитекторъ?

— Нѣтъ; о моемъ Теллѣ, моемъ историческомъ романѣ, о моемъ лучшемъ произведеніи.

— И не видалъ и не читалъ, отвѣтилъ донъ Іуда.

— Въ такомъ случаѣ я расскажу вамъ его содержаніе, и вы подивитесь моей учености.

— Я раздѣляю мнѣніе Наполеона: великій Наполеонъ цѣнилъ въ женщинѣ только ея плодовитость, поучительнымъ тономъ сказалъ донъ Іуда.

— То-есть то-же что вы цѣните въ своихъ коровахъ и кобылахъ, прервала его Каста;— но тѣмъ не менѣе, сдѣлайте мнѣ удовольствіе меня выслушать.

Каста хотѣла ввѣсить его, надоѣсть ему, чтобы заставить его бѣжать, отстать отъ нея.

— Вильгельмъ Телль, заговорила она былъ знатный вельможа и жилъ въ Шотландскихъ горахъ; онъ не захотѣлъ поклониться шляпѣ англійскаго генерала Мальбрука, повѣшенной имъ на высокий шестъ. Это дало поводъ къ тридцатилѣтней войнѣ; герой мой остался побѣдителемъ и былъ провозглашенъ царемъ Англій подъ именемъ Вильгельма Завоевателя. Онъ запатналъ свою славу лавною своей жены, прекрасной Анны Болень. Чтобы искупить это преступленіе онъ послалъ въ Палестину своего сына Ричарда, Львиное Сердце. На возвратномъ пути онъ попался въ плѣнъ за свою ревность къ Лютеру, Кальвину, Вольтеру и Руссо, которые тогда были правительственные лица во Франціи, ресубликанцы, приговорившіе къ смерти святого короля Лудовика XIV. Тогда-то царь донъ Педро Жестокій, для избѣжанія такихъ же безпорядковъ, ввелъ инквизицію въ своемъ государствѣ, čím онъ и заслужилъ свое прозвище!

Ты не можешь себѣ представить милый Поль, до какой степени была смѣшна эта сцена, серіозность и увѣренность, съ которыми Каста несла весь этотъ вздоръ, тѣмъ болѣе, что соединяя наобумъ всякія историческія имена и случаи, знакомые ей по операмъ, повѣстямъ и разговорамъ, она знала, конечно, что разказъ ея не вѣренъ, но однако не подозрѣвала, до какой степени онъ несообразенъ и лишенъ всякаго смысла.

Донъ Иуда съ ужасомъ смотрѣлъ на нее; его поразили не анахронизмы Касты, но ея ученость.

— Я вижу, сеньорита, сказалъ онъ, — что развѣ одинъ изъ семи мудрецовъ Греціи можетъ сравниться съ вами и быть достойнымъ вашей руки. Чтò бы сказалъ Ксаверій Бараа, прибавилъ онъ въ полголоса,—еслибъ онъ узналъ объ этой смѣшной вашей склонности?

— Онъ пришелъ бы въ восхищеніе, полюбилъ бы меня безъ памяти; отвѣтила Каста;—какъ всѣ люди со вкусомъ, онъ любитъ искусства и литературу. Онъ однажды говорилъ при мнѣ, что Фемида десятая муза!

Когда я услышалъ, что Каста приписываетъ мнѣ такое странное изреченіе, я не могъ удержаться, и громко расхохотался.

— Мнѣ кажется, что я слышу смѣхъ въ саду, сказалъ донъ Иуда.

—Вездѣ смѣются, возразила Каста,—одни мы съ вами не раздѣляемъ общей веселости. Право, можно подумать, что разговор мой надоѣлъ вамъ.

Донья Моника между тѣмъ проснулась, взглянула на дочь и сладко улыбулась, вида, что она разговариваетъ съ дономъ Іудой.

Пришло время возвращаться. Каста, закутанная въ капюшонъ и мантилью, была принуждена сѣсть въ лодкѣ между матерью и дономъ Іудой.

При блѣдномъ свѣтѣ луны, мимо глазъ моихъ пронеслись тѣ же мѣста, которыя утромъ я видѣлъ такъ ярко освѣщенныя солнцемъ. Даже музыка въ послѣдней лодкѣ только какъ слабое эхо долетала до моего слуха.

— Каста, сказалъ я, подходи къ ней въ ту минуту, когда у пристани донъ Іуда закуриваетъ сигару, — вы не забудете меня?

Она только улыбулась мнѣ въ отвѣтъ.

Вотъ какъ кончился для меня этотъ день, начавшійся такъ радостно. Позавидуй мнѣ и пожалѣй обо мнѣ, но главное, прости мнѣ, что я въ этомъ письмѣ не говорилъ тебѣ ни о чемъ другомъ, кромѣ себя. За то я общаюсь тебѣ, что будущее мое посланіе будетъ касаться только однихъ воспоминаній моего дяди.

Тотъ же тому же.

Вѣрный своему слову, я безъ всякихъ предисловій приступаю къ разказу дяди.

Четыре года послѣ упомянутаго мною посѣщенія добрыхъ супруговъ, въ 1800 году, показались первые признаки страшной эпидеміи, опустошившей нашъ край. Отецъ мой уже умеръ, я былъ женатъ и при видѣ опасности переѣхалъ съ семействомъ въ Досъ-Германось.

Первымъ моимъ дѣломъ по прибытіи туда было отправиться къ тетущкѣ Хуанѣ

Уже было темно. Никогда, племянникъ, не забуду я очаровательной картины, представившейся моимъ взорамъ, когда я вошелъ къ ней.

На колѣняхъ тетущки Хуаны сидѣли обѣ ея внучки, уже почти раздѣтыя; старуха заставляла ихъ повторять за собой молитвы. Я въ жизнь свою не видѣлъ ничего очаровательнѣе этихъ дѣтей. Онѣ были совершенно похожи одна на другую. Черныя ихъ кудри рассыпались по плечамъ, и окаймляли ихъ нѣжныя личики; большіе черные глаза ихъ внимательно смотрѣли на бабушку, розовыя губки лепетали молитвы, маленькія ручки ихъ были скрещены на груди, а голыя ножки были такъ миниатюрны, что въ головѣ невольно рождалось сомнѣніе, могутъ ли онѣ на нихъ стоять.

Послѣ того, какъ они помолились за родителей, за упокой ихъ души, тетка Хуана еще нѣсколько времени въ полголоса твердила молитвы, обращая взгляды то на дѣтей, то на образъ Пресвятой Богородицы, какъ бы поручая ихъ ея защитѣ.

Между тѣмъ, глаза дѣтей закрылись, длинныя рѣсницы ихъ опустились; головки ихъ граціозно упали на грудь бабушки. Они заснули.

Я не могъ оторвать взглядовъ моихъ отъ этой очаровательной картины. Ни одно твореніе искусства никогда не произвело на меня такого впечатлѣнія.

Тетушка Хуана поцѣловала дѣтей въ лобъ и отнесла ихъ въ спальную.

Я подошелъ къ ней.

— Я подслушивалъ, тѣтушка Хуана, сказалъ я — и слышалъ, какъ вы молились.

— Надѣюсь, отвѣтила добрая женщина, — что насъ и Богъ услышалъ.

— Какъ очаровательны ваши внуки! Какую картину вы составляли всѣ вмѣстѣ!

— Двѣ розы въ старомъ глиняномъ горшкѣ, съ улыбкой отвѣтила тетушка Хуана. — Взгляните на нихъ, ваша милость, продолжала она, взявъ въ руку лампу и направляясь къ спальнѣ.

Въ комнатѣ было жарко, и дѣвочки сбросили одѣяло и лежали, обнявъ одна другую. Я съ восхищеніемъ смотрѣлъ на нихъ.

— Перекрестите ихъ, ваша милость, сказала тетушка Хуана. — Никогда не нужно смотрѣть на ребенка, не перекрестивши его. Какая-то будетъ ихъ судьба? продолжала она вздыхая: родители ихъ передали имъ красоту, не передали ли они имъ также несчастье?

— Что за странное опасеніе, тѣтушка Хуана! почему бы вамъ не надѣяться, что они будутъ такъ же счастливы, какъ вы и дядя Антонио!

— На все воля Божья, сказала бѣдная старушка. — Однако не смотрите слишкомъ долго на нихъ. Говорятъ, что когда слишкомъ долго смотришь на спящаго ребенка — это ему вредитъ.

Повторяю тебѣ, племянникъ, эти слова старухи, прибавилъ мой дядя, прикладывая палецъ къ носу, — потому что, когда впоследствии стали такъ много говорить о магнетизмѣ, я не разъ вспоминалъ объ этомъ народномъ повѣрьи.

На другой день я привелъ жену къ тѣтушкѣ Хуанѣ, чтобы познакомить ее съ очаровательными дѣтьми. Ихъ звали Пасъ и Лусъ (1) Лусъ была жива и страстна; Пасъ, кротка и тиха.

— Я никогда не видала, говорила тѣтушка Хуана, — двухъ су-

1) Paz — мѣръ, Luz — свѣтъ.

ществъ, столь схожихъ лицомъ, а между тѣмъ столь различныхъ характеромъ. Когда Лусъ хохочетъ во все горло, Пасъ только улыбается; когда Лусъ кричитъ и сердится, Пасъ только тихо плачетъ. Лусъ безпрестанно шумитъ, бѣгаетъ, Пасъ не слышать и не видать. Лусъ подбиваетъ сестру на всякія шалости, Пасъ ее удерживаетъ. Лусъ живая птичка, Пасъ нѣжный цвѣтокъ. По всему этому, дѣдъ ихъ, который не можетъ наглядѣться на нихъ, называетъ ихъ свѣтъ дневной и миръ небесный.»

Я внимательно слѣдилъ за разказомъ дяди, когда вдругъ, къ великой моей досадѣ, въ комнату вошелъ слуга, и сказавъ, что за мной пришелъ посланный отъ судьи, и что онъ проситъ меня явиться къ нему въ судъ. Какъ видишь, милый другъ, мнѣ несчастье на разказы дяди.

— Я полагаю, сказавъ мнѣ судья какъ только я вошелъ, — что вы знаете, что вчера, по причинѣ доноса присланнаго мнѣ, одно лицо было взято подъ стражу. Быть-можетъ, вы знаете людей, замѣшанныхъ въ эту исторію. Подсудимый, молодой человекъ изъ Хереса и его зовутъ дономъ Педро де Торресъ; онъ пользуется дурною славой, и уже одинъ разъ былъ высланъ изъ Мадрида. Донощика зовутъ дономъ Іудой Талео Барбо; онъ богатый агрономъ изъ Хереса, человекъ весьма почтенный.

Ты можешь себѣ представить мое негодованіе!

— Ваша милость, сказавъ я судѣ, — не должны обращать вниманія на этотъ доносъ, внушенный низкими чувствами мщенія человекъ ничтожному, неимѣющему ни какихъ политическихъ мнѣній и убѣжденій. Донъ Педро принадлежитъ къ одному изъ первыхъ семействъ въ Хересѣ, и я могу васъ увѣрить, что онъ человекъ вовсе не опасный.

— Тѣмъ не менѣе, возразилъ судья, — обвиненіе ясно и точно. Педро де Торресъ не довольствуется тѣмъ, что въ кофейныхъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ, во всеуслышанье говоритъ самыя возмутительныя и поджигательныя рѣчи. Въ его домѣ собирается общество очень подозрительное. Серіозны ли его намеренія или нѣтъ, но этого допустить нельзя.

Въ эту минуту въ судъ явился Педро де Торресъ. Судья далъ знать также дону Іудѣ, чтобъ онъ пришелъ.

Выраженіе лицъ этихъ двухъ людей было тоже, какъ всегда.

Донъ Іуда казалось вовсе не стыдился своей подлости, и съ обычною самоувѣренностью смотрѣлъ на всѣхъ; съ своей стороны, донъ Педро высокобриѣ чѣмъ когда либо поднималъ голову, и, несмотря на не совсѣмъ пріятное свое положеніе, былъ невозмутимо-спокоенъ.

По какому праву на меня наложили арестъ? спросилъ онъ, об-

ращался къ судѣ. — Развѣ произволъ и деспотизмъ уже дошли у насъ до этого? Развѣ мы живемъ въ мусульманской странѣ?

— Сеньйоръ, сказалъ судья, — вы находитесь здѣсь не для того, чтобъ допрашивать, но для того чтобы отвѣчать на вопросы, опредѣленные законами нашего государства. По этому извольте отвѣчать на обвиненія, основанныя на показаніяхъ этого сеньйора.

Судья указалъ на дона Іуду.

Невозможно описать взгляда, исполненнаго гордаго презрѣнія, который Педро де Торресъ бросилъ на дона Іуду.

— А что говоритъ этотъ *человѣкъ*? спросилъ онъ.

Когда донъ Іуда услышалъ, что его назвали *человѣкомъ*, онъ вышелъ изъ себя.

— Сеньйоръ говоритъ, продолжалъ судья, — что вы окружаете себя бродягами и беспорядочными людьми и возмущаете ихъ противъ правительства, говоря, что царство равенства и свободы близко; что они во сто разъ лучше людей, управляющихъ ими, и поэтому не должны слушаться ихъ, а занять ихъ мѣсто; что очередь должна дойти до каждаго.

— Точно, сказалъ донъ Педро, — я это говорилъ; я никогда отъ своихъ словъ не отказываюсь. Подобно Фурье, Прудону и другимъ великимъ людямъ, я всею душою люблю народъ, и горжусь этимъ чувствомъ. Еслибы что-нибудь могло меня убѣдить въ томъ, что я ошибаюсь, что не должно стараться измѣнить положенія народа, то конечно это бы былъ этотъ *человѣкъ* (и онъ презрительнымъ движеніемъ плеча указалъ на дона Іуду).

— Что вы хотите этимъ сказать? воскликнулъ донъ Іуда, дрожа отъ бѣшенства.

— Я хочу сказать, возразилъ Торресъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ, — что сфера, въ которой родились вы, гораздо болѣе вамъ приходится, чѣмъ та, въ которую вы втерлись.

— Что это значить? съ трудомъ могъ выговорить разъяренный донъ Іуда.

— Это значить, съ тою же флегмой продолжалъ донъ Педро, — что отецъ вашъ не иначе говорилъ съ моимъ отцемъ, какъ стоя и съ непокрытою головою; а что вы по мѣшкамъ съ мукой выливали въ люди, и по этой самой причинѣ осмѣливаетесь доносить на его сына.

— Сеньйоръ, возразилъ донъ Іуда, посягнувъ отъ злости, — я предвижу, что слѣдствіемъ вашего поведенія и моего будетъ то, что ваши дѣти будутъ говорить съ моими такъ, какъ по словамъ вашей милости, мой отецъ говорилъ съ вашими.

— Въ жилахъ дѣтей моихъ, сказалъ донъ Педро, — будетъ тѣмъ достаточно благородная кровь, я съумѣю внушить имъ достато-

чно независимыя чувства, чтобъ они не побоялись съ самою королевой говорить сидя, и лицомъ къ лицу. Какъ же вы хотите, чтобъ они унижались передъ какою-нибудь рыбой Барбо?

Тутъ вступился судья, и, такъ какъ Педро де-Торресъ ни слова не сказалъ въ свою защиту, приказалъ ему выѣхать изъ Севильи и отправиться въ Хуельву.

Донъ Иуда ожидалъ его у выхода.

— Прощайте, сеньйоръ де-Торресъ, скавалъ онъ ему съ злобною улыбкою;—желаю вамъ попутнаго вѣтра! *Граждамми землаю шара* нигдѣ не можетъ быть изгнанникомъ; онъ вездѣ дома.

— До свиданія, донъ Иуда, на этотъ разъ не Тадео, а Искариотъ, совершенно хладнокровно возразилъ Педро де-Торресъ.—Собѣтую вамъ идти впередъ по новому вашему поприщу, въ надеждѣ, что мудрое наше правительство наградитъ васъ новымъ крестомъ.

Тотъ же къ тому же.

Надѣюсь, милый другъ мой, что сегодня ты будешь доволенъ мною, и что наконецъ мнѣ удастся передать тебѣ въ подробности прерванный разказъ моего дяди.

Вчера я отправился къ нему. Добрый старикъ пожертвовалъ своимъ послѣ-обѣденнымъ сномъ, и принялся за свой разказъ.

« Въ 1814 году, меня посѣтила опасная болѣзнь. Я уже выздоравливалъ и въ креслѣ своемъ сидѣлъ на солнцѣ (это было зимою), когда однажды вошла ко мнѣ тетушка Хуана. Я очень обрадовался ей: никто, во время всей моей болѣзни, не освѣдомлялся обо мнѣ и не посѣщалъ меня.

— Тетка Хуана, сказалъ я ей,—а какъ поживаютъ ваши милыя внучки?

— Лусъ, донъ Хусто, отвѣтила старуха,—слава Богу здорова и сильна; Пасъ сложена нѣжно и слаба, хоть она не страдаетъ ни отъ чего особенно; нашъ докторъ, очень ученый человѣкъ, какъ вѣроятно извѣстно вашей милости...

— Да, да, отвѣтилъ я, — этотъ тотъ самый донъ Каспаръ, который утверждаетъ, что нужно пускать кровь человѣку, если онъ увидитъ во снѣ, что онъ упалъ или ушибся.

— Онъ самый, донъ Хусто; впечатлѣннѣи, говорить онъ, тѣ же, во снѣ какъ и на яву, а иногда и сильнѣе. Итакъ, хотѣла я вамъ сказать, донъ Каспаръ полагаетъ, что Пасъ склонна къ болѣзни въ сердцѣ. Поэтому, онъ прописалъ ей совершенное спокойствіе; напряженія и волненія, говорить онъ, могутъ быть ей очень

вредны; приказалъ онъ намъ также ни въ чемъ ей ни противорѣчить, во всемъ давать ей волю. Къ счастью, у нея ангельскій нравъ, а то бы мы ее непременно избаловали. Мы ее на рукахъ носимъ; другаго дѣла у нея нѣтъ, какъ шить и вышивать. Все домашнее хозяйство на рукахъ у Лусъ; но у нея, какъ бы не сглазить, дѣло кипитъ въ рукахъ; она высокая, здоровая дѣвушка, цвѣтушая, какъ весна.

— И есть у нихъ женихи? спросилъ я.

— Ахъ, сеньйоръ! возразила тетушка Хуана,—нѣтъ солнца безъ лучей, нѣтъ дѣвушки безъ любви. Какже, донъ Хусто, есть женихи, и это-то именно, тяжелымъ камнемъ лежитъ у меня на сердцѣ. Чтобъ объяснить вашей милости въ чемъ дѣло, я разкажу вамъ, чтò произошло сегодня утромъ.

Я передамъ тебѣ въ подробности разказъ дяди о теткѣ Хуанѣ, потому что онъ поразилъ меня своею наивною граціозностію, и на вѣкъ остался у меня въ памяти:

«Ты знаешь, что на полпути между Севильею въ Досъ Германосъ, дорога спускается въ маленькую долину, къ самому берегу ручейка, быстро и мутнаго зимою, но лѣтомъ до того тихаго и прозрачнаго, что видны всѣ камушки на днѣ его; онъ вовсе не былъ бы замѣтнымъ, еслибы въ немъ не отражались и не горѣли лучи солнца. Вправо отъ него, на пригоркѣ, возвышается мавританскій замокъ, пожалованный царемъ донъ Педро донъ Маріѣ де-Падилья, и до сихъ поръ носящій ея имя; насупротивъ этого величаваго историческаго памятника, въ самой долинѣ, стоитъ вента (1), раскрашенная какъ арлекинъ желтою, голубою и красною краскою. Деревенскій житель находитъ здѣсь все, что ему нужно по его умѣренному вкусу: воду, вино, хлѣбъ; зимою апельсины, лѣтомъ виноградъ.

Пройдя венту, дорога идетъ вверхъ по песчаной горѣ до самой *Вуена Виста* (прекрасный видъ), высокой точкѣ, достойной своего имени, потому что съ нея открывается чудный видъ на Севилью, на ея померанцовыя рощи и рѣку. По описанной нами дорогѣ, въ тотъ самый день утромъ, медленно подвигались впередъ три почтенныя особы, съ незапамятныхъ временъ такъ же тѣсно связанные между собою, какъ пальцы на рукѣ.

То были старичокъ сухой и сморщенный, какъ сухая груша: старушка живая и подвижная, какъ бѣлка и наконецъ почтенная ослица, флегматическая и тяжеловѣсная, но не потерявшая еще силы и подвигающаяся впередъ не спотыкаясь, шагомъ тихимъ и мѣрнымъ, какъ движеніе маятника. О рыси и галопѣ она вѣро-

(1) Постоялый дворъ, трактиръ.

ятно имѣла понятіе въ своей молодости, но теперь уже давно успѣла о нихъ забыть.

День былъ такъ тихъ и теплый, воздухъ былъ такъ пропитанъ благоуханіями, что, впивая его въ себя, человекъ отдыхалъ, и нервы его успокаивались.

Старушка, сидѣвшая позади мужа на сѣдлѣ, заснула, убаюканная однообразнымъ и спокойнымъ шагомъ ослицы; она быть можетъ проспала бы долго, еслибъ ее внезапно не разбудилъ голосъ ея спутника.

— Вы, кажется, воображаете, многозначительнымъ тономъ проговорилъ онъ,—что глаза мнѣ даны Богомъ не для того, чтобы видѣть, а только такъ, для украшения?

— Конечно нѣтъ; для этого они не довольно хороши, отвѣтила его жена.

— Однако ты не думаешь, что они даромъ мнѣ даны?

— Даны они тебѣ для того, чтобы видѣть.

— А! прекрасно! я только это желалъ узнать отъ тебя.

— А что значитъ эта бессмысленная выходка? Очень нужно было будить меня, да къ тому же такимъ страшнымъ голосомъ: точно труба въ день страшнаго суда.

— Я хотѣлъ предупредить тебя, Хуана, въ томъ, что ничто отъ меня не ускользаетъ.

— Да, ничего, кромѣ утокъ и перепеловъ, когда ты за ними охотишься!

— Не хитри со мною, плутовка, не притворяйся, что ты меня не понимаешь. Повторяю тебѣ еще разъ, я все вижу и все слышу.

— А я начинаю терять терпѣніе. Воспослѣдуетъ ли что-нибудь за твоими предсловіями и намеками, или это гора, собирающаяся родить мышь?

— Ты прикидываешься душой, чтобы меня бѣсить; никому я не желаю имѣть дѣло съ тобою. Ты хочешь, чтобы я тебѣ жеваное все клалъ въ ротъ: такъ знай же, что прогулки Марко Русса по моей улицѣ и звукъ гитары Мануила Діаса мнѣ вовсе не нравятся.

— А я чѣмъ виновата, что они поютъ и гуляютъ по улицѣ, которая не твоя, а королевская! Ты кажется забылъ, что тебѣ самому когда-то было двадцать лѣтъ, и ты самъ гулялъ по улицамъ, гдѣ жили хорошенькія дѣвушки.

— Гулялъ я только по твоей улицѣ, Хуана; ты это такъ же хорошо знаешь, какъ я. Но вы, женщины, не можете рзвнодушно смотрѣть на влюбленныхъ: вы сейчасъ и растаете, какъ пѣльница при видѣ бочки съ виномъ.

— Чтожь, бѣды въ этомъ нѣтъ, если молодые люди нравятся другъ другу.

— И вы полагаете, что мой совѣтъ совершенно лишній въ этомъ дѣлѣ?

— Спросить его у тебя, когда придетъ время.

— Не придетъ же оно никогда! Скажи дѣвочкамъ, чтобъ онѣ выкинули эту дурь изъ головы, чтò я этого не хочу.

— А почему не хочешь? Что можешь ты сказать противъ Мануэла Діаса, такого славнаго малаго, поддерживающаго мать и малолѣтнихъ сестеръ и братьевъ?

— Да, и нарващаго въ тюрьму или на висѣлицу? Онъ идетъ по дурной дорогѣ, промышляетъ контрабандой. Это мнѣ не нравится.

— Скажите пожалуйста! Развѣ промышлять контрабандою смертнй грѣхъ?

— Онъ крадетъ, жена! обкрадываетъ правительство.

— А развѣ правительство не беретъ съ насъ налоговъ и податей? Развѣ ты не знаешь пословицы, что «тому кто обокрадетъ вора, на пять лѣтъ отпускаются грѣхи»?

— Я не стану отвѣчать на твои лукавые доводы. Вы, женщины, способны запутать мысли въ головѣ человѣка, какъ мотокъ шелка. Я тебѣ скажу только одно: не хочу я зятя контрабандиста, и дѣло съ концомъ.

— А въ чемъ же ты упрекнешь Марко Руиса, погонщика ословъ? зарабатываетъ онъ свой хлѣбъ честнымъ трудомъ, и ослы его лучшіе въ деревнѣ.

— Согласенъ, ослы прекрасны; но такъ какъ я дочь свою отдаю не за ословъ, а за него, то ни они, а онъ долженъ мнѣ понравиться.

— Богъ съ тобою, Антонио Ортега! Да ты, кажется, съ ума сошелъ! Да на тебя труднѣе угодить, чѣмъ на какого-нибудь герцога! Солить, что ли, ты собираешься нашихъ внучекъ? Скажешь ли ты мнѣ по крайней мѣрѣ, чтò тебѣ не нравится въ Марко Руисѣ?

— Не хочу я вступать въ родство съ нимъ и его семействомъ: всѣ эти люди носятъ прозвище Каиновъ, потому что одинъ изъ предковъ ихъ убилъ своего брата. Марко забіяка и по малѣйшему поводу готовъ взяться за ножъ; не по сердцу онъ мнѣ; а теперь довольно, ни слова больше. Ты знаешь, что слово мое законъ.

Тетушка Хуана, хотя живая и смѣлая въ своихъ отвѣтахъ, не думала возставать противъ свято-соблюдаемаго въ ея странѣ правила, что мужъ глава, а жена ноги. Поэтому ей не пришлось въ голову прекословить ему: къ тому же она была добра, кротка, нѣжно любила мужа; она сознавала, что отчасти онъ былъ правъ, и поэтому сказала только:

— Я вижу, что сегодня отъ тебя толку не добьешься; ты кисле незрѣлаго лимона! Невозможно разсуждать съ тобою.

— Я вовсе этого и не желаю, отвѣтилъ дядя Антонію.

Они замолчали.

Но тетушка Хуана, затронутая за живое послѣдними словами мужа, нѣсколько минутъ спустя въ полголоса запѣла:

Богъ, звѣрей всѣхъ создавая,
Создалъ ежа, не желая:
Вотъ отчего у звѣрка
Вышла такъ шерстка мягка.

Дядя Антонію, гордый своею побѣдой и тѣмъ, что послѣднее слово осталось за нимъ, не захотѣлъ отстать отъ жены, и дребезжащимъ, слабымъ голосомъ затянулъ послѣдній куплетъ этой пѣсни:

Поздно ли, рано ль жениться—
Костью лихой подавиться:
Съ тѣмъ изъ ребра создана
Евва, Адама жена.

Затѣмъ, они такъ углубились въ свои мысли, что не замѣтили, какъ небо покрылось тучами; и только тогда, когда солнце совершенно скрылось за ними и сталъ накрапывать дождь, они встрепенулись и увидѣли, что погода очень измѣнилась. Тетушка Хуана быстро соскочила съ ослицы, набросила себѣ свою юбку на голову и побѣжала по направленію венты, стоявшей недалеко оттуда. Вѣтеръ, дувшій ей въ спину и помогавшій ей бѣжать, поднималъ ея нижнюю юбку, такъ что ноги ея, вполнѣ заслужившія народное прозваніе *деревянныхъ колоды*, болѣе обыкновеннаго были выставлены на показъ.

— Хуана! съ негодованіемъ кричалъ ей дядя Антонію,—безстыдница! подвязки твои видны!... Хуана, жена!

Нужно замѣтить, что ни души не было вблизи, и поэтому тетушка Хуана продолжала бѣжать, не обращая вниманія на возгласы мужа.

Дядя Антонію, потерявъ надежду возбудить въ женѣ своей чувство стыдливости, сталъ работать ногами и руками, чтобы заставить Фрегату (такъ звали ослицу, хотя она моря никогда не видала) идти быстрѣе. Онъ опустилъ поля своего сомбреро и поверхъ его повязался платкомъ, чтобъ его не унесло вѣтромъ. Онъ завернулся въ плащъ и шагомъ продолжалъ свой путь, все время бормоча сквозь зубы: безстыдница! проклятая ослица! Къ каждой ногѣ твоей привязано по десяти пудовъ, а у госпожи твоей вмѣсто ногъ крылья. Отъ тебя, чортова Фрегата, кромѣ навоза толку нѣтъ никакого, и обѣ вы посланы мнѣ Богомъ въ наказаніе за мои грѣхи!

Между тѣмъ тетка Хуана добѣжала до венты, гдѣ уже собралось нѣсколько прохожихъ, укрывшихся здѣсь отъ дождя. Прежде

всѣхъ, бросился въ глаза теткѣ Хуанѣ человѣкъ среднихъ лѣтъ, высокій и здоровый. Одѣтъ онъ былъ хорошо, хотя просто и безъ роскошнаго щегольства, отличающаго Андалузцевъ. Доброе и веселое лицо его располагало въ его пользу; по его выговору замѣтно было, что онъ гальего.

То былъ Хуанъ Мена, главный работникъ въ богатомъ имѣніи близъ Досъ-Германосъ. Господинъ щедро награждалъ его за дѣятельность и распорядительность; онъ всячески помогалъ ему, и Хуанъ Мена успѣлъ составить себѣ независимое положеніе, а главное, приобрести репутацію хорошаго человѣка.

Когда вошла тетушка Хуана, онъ радушно привѣтствовалъ ее. Всѣ любили добрую старушку за ея услужливость, веселый и пріятный нравъ.

— Тетушка Хуана! было первое его слово,—вы одинъ? Гдѣ же дядя Антоніо?

— Онъ сейчасъ будетъ здѣсь, отвѣтила она;—посмотрите, вотъ онъ ѣдетъ на своей ослицѣ; съ нихъ вода льетъ какъ изъ ведра, точно плакучія ивы.

— Выпейте рюмочку, тетушка Хуана, рюмочку анисовки, чтобы согрѣться, сказалъ Хуанъ Мена, поднося ей рюмку.

— Говорятъ, отвѣтила тетка Хуана, поднося къ губамъ своимъ рюмку,—что отъ первой отказываться не слѣдуетъ, а вторую принимать не должно.

Въ эту минуту вошелъ въ комнату дядя Антоніо, мокрый и въ самомъ дурномъ расположении духа.

— Дядя Антоніо, сказалъ Мена (подобно всѣмъ своимъ соотечественникамъ, имѣвшій несчастную страсть отпускать любезности, что вовсе ему не удавалось, и подражавшій Андалузцамъ, какъ въ баснѣ недовкій оселъ изящной собачкѣ), дядя Антоніо, что это вы голову повѣсили какъ мокрая курица? Отчего вы такъ боитесь воды? Развѣ вы сахарный?

— У васъ хорошій мулъ, сеньйоръ Хуанъ Мена, вамъ легко смѣяться. Но желалъ бы я знать, что бы вы сказали, если бы вамъ пришлось путешествовать съ старою женою и старою ослицею! Онѣ вдвоемъ способны ангела вывести изъ терпѣнія! Самъ Іовъ не выдержалъ бы этой пытки. Онѣ привели меня въ такое отчаяніе, что я готовъ себѣ голову разбить объ стѣну.

— Берегитесь, хозяинъ, сказала тетка Хуана, обращаясь къ содержателю венты,—сейчасъ разлетится ваша стѣна; нѣтъ сомнѣнія, что голова его крѣпче ея.

— Счастливы вы, сеньйоръ Хуанъ Мена! продолжалъ дядя Антоніо, выжимая свой мокрый сомбреро,—счастливы вы, что нѣтъ у васъ ни старой ослицы, ни жены, ни дѣтей!

— Не вѣрьте ему, господа, сказала тетка Хуана;—онъ души

не чаешь въ своихъ внучкахъ, не наглядится на нихъ, какъ царь на свою корону.

— И онъ правъ, клянусь душой! отвѣтилъ Хуанъ Мена;—нѣтъ двухъ звѣздъ на небѣ, нѣтъ двухъ розъ въ садахъ, которыя бы можно было сравнить съ ними. И если вы тяготитесь одною изъ нихъ, то я, Хуанъ Мена, готовъ ее взять у васъ; я это говорю громко и отъ своего слова не откажусь, дядя Антоніо.

На лицахъ Антоніо и Хуаны выразилось радостное изумленіе; они не мечтали о такой блестящей партіи для одной изъ внучекъ.

Дядя Антоніо выразительно взглянулъ на жену, какъ бы желая ей сказать:

— Убирайся ты съ своимъ Каиновымъ отродьемъ и бездѣльникомъ контрабандистомъ!

Онъ хотѣлъ отвѣтить Хуану Менѣ, но жена предупредила его.

— Ваша милость должна узнать, что *она* объ этомъ думаютъ; что же касается до Антоніо и до меня, то мы съ радостію дадимъ свое согласіе.

Дождь прошелъ: можно было снова пуститься въ путь.

Дядя Антоніо старался свою жену убѣдить въ томъ, что свадьбу эту нужно устроить какъ можно скорѣе.

— Когда дверь заперта, сказала тетушка Хуана, лучше обойти какъ-нибудь кругомъ, нежели ломать ее. Помни, что кротость дѣйствительнѣе силы. Предоставь это дѣло мнѣ; ложка меда бьетъ полезнѣе цѣлой бочки уксуса.

Между тѣмъ они черезъ ворота Св. Франциска въѣхали въ Севилью.

По андалузскому обычаю, прохожіе, то и дѣло, отпускали остроты на ихъ счетъ. Не отвѣчать на нихъ было выше силъ живой и говорливой тетушки Хуаны, и эта страсть жены заставляла невыразимо страдать важнаго, всегда хранящаго свое достоинство, дядю Антоніо.

— Вотъ грядутъ Маѳусамъ, его жена и Валаамова ослица; а мы-то ихъ уже похоронили, сказала цыганка.

— Вспомни, дочь моя, что Валаамова ослица говорила; по этому держи языкъ за зубами, если ты не хочешь, чтобы тебя приняли за нее, отвѣтила тетушка Хуана.

— Посмотрите, сказалъ каменьщикъ,—на эту новую, необыкновенную троицу!

— Но не составляющую, однако, такого нераздѣльнаго единства, какъ въ тебѣ, сынъ мой, уродство, глупость и дерзость, возразила тетушка Хуана.

— Нѣтъ, говорилъ дядя Антоніо,—свѣтъ не производилъ такой вздорной старухи! Не срами своихъ сѣдыхъ волосъ, жена! Не-

ужели, тараторка, ты будешь отвѣчать на всѣ глупости, которыя услышишь?

— А зачѣмъ же мнѣ данъ языкъ? возразила его жена;—неужели же мнѣ оставлять безъ употребленія этотъ чудный даръ Божій?

— Еслибы Богъ зналъ, какъ ты во зло употребляешь его дары! со вздохомъ сказалъ дядя Антоніо.

— Эта несчастная ослица изнемогаетъ подъ тяжестью своей ноши, сказалъ студентъ;—нѣсколько столѣтій сидятъ на спинѣ ея.

— За то тебѣ, сынъ мой, возразила тетка Хуана,—должно быть легко жить на свѣтѣ; пустая голова плечь не ломить.

Дядя Антоніо, въ негодованіи своемъ, принялся бить ослицу, чтобы заставить ее идти скорѣе.

— За чтó, донъ Педро Жестокій, вы наказываете это животное, сказалъ тотъ же студентъ,—оно ничего не сдѣлало.

— А что важнѣе, быстро подхватила тетушка Хуана,—оно ничего не сказало: всѣмъ бы осламъ не мѣшало брать съ него примѣръ.

— Да замолчишь ли ты, сорока, трещотка? воскликнулъ выведенный изъ терпѣнія дядя Антоніо.

— Полно, Антоніо, не сердись; я ни слова больше не скажу, буду нѣма, какъ рыба.

— Еслибы только я могъ на это надѣяться! со вздохомъ сказалъ дядя Антоніо.

Они доѣхали до собора. Тетушка Хуана слѣзла съ осла, надѣла платокъ на голову и вошла, чтобы поклониться образу Пресвятой Богородицы, въ богатой часовнѣ Св. Фернанда. Дядя Антоніо отправился въ гостинницу, чтобы пристроить тамъ свою ослицу.

Помолившись, тетушка Хуана отправилась ко мнѣ и рассказала мнѣ о предложеніи Мены. Окончивъ свой разказъ, бѣдная старуха прибавила, что ей очень страшно, потому что она никогда не видала мужа въ такомъ дурномъ и несговорчивомъ расположеніи духа; онъ видимо рѣшился поставить на своемъ, а она предвидѣла, что внушки ея станутъ сильно противиться желаніямъ своего дѣда.

— Я, говорила она,—съ своей стороны буду всячески ихъ уговаривать; но чтó станешь дѣлать съ двумя восемнадцатилѣтними, влюбленными сердечками? Чтó бы вамъ, домъ Хусто, поговорить съ ними! Вы такъ краснорѣчивы, вы и судей въ совтѣ умѣете переубѣдить! Объясните имъ, что дѣдъ ихъ правъ, а что даже еслибъ онъ не былъ правъ, имъ слѣдуетъ покориться его воли.

Вскорѣ затѣмъ, мы поѣхали въ деревню.

Ты не можешь себѣ представить, племянникъ, какъ очаровательно стали внушки дяди Антоніо. Лусъ была высокаго роста и

сложена; какъ Діана; блестящіе, черные ея глаза смотрѣли бодро и рѣшительно. Коралловыя ея губки, когда улыбались, выказывали два ряда бѣлыхъ перловъ; походка ея, всѣ движенія были горды и величественны.

Пасъ была не высока ростомъ; какъ бы вслѣдствіе утомленія, тонкій ея станъ нагибался впередъ; голова ея, какъ бы подъ тяжестью чудныхъ ея волосъ, склонялась на одну сторону; глаза ея имѣли мягкій блескъ бархата. Тѣмъ не менѣе онѣ очень походили одна на другую, какъ ручеекъ походитъ на потокъ, тихая звѣзда на блестяще солнце, сильный звукъ трубы на слабый его отголосокъ въ горахъ.

Повинуясь желанію тетки Хуаны, я пустилъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, чтобъ убѣдить ихъ покориться воли своихъ родителей. Лусъ гордо закинула свою хорошенькую головку и отвѣтила мнѣ, что если Хуанъ Мена не найдетъ другой жены кромѣ нея, то ему вѣкъ придется остаться холостымъ. Пасъ залилась слезами и сказала мнѣ, что она пойдетъ въ монастырь, если ее захотятъ разлучить съ Мануиломъ Діасомъ.

— Вы видите, донъ Хусто? сказала мнѣ тетка Хуана: вы слышите этихъ неоперившихся птенцовъ? имъ бы сидѣть подъ крыломъ матери, слушаться ея—нѣтъ, умничаютъ, хотятъ сами лѣзть, не понимаютъ, что крылья у нихъ коротки. Я всегда знала, что вотъ за этою козой не угонишься; ее нужно держать въ ежевыхъ рукавицахъ; но и эта тихоня туда же лѣзетъ: казалось, она воды не замутитъ, а теперь преспокойно ослушивается своихъ родителей. Но не стану же я имъ потакать! Я въ оба глаза буду смотрѣть за ними, не дамъ имъ слова сказать съ своими любезными!

— Дѣдъ не хочетъ, сказала Лусъ,—чтобъ я вышла за мужъ за Марко Руиса, потому что одинъ изъ его предковъ убилъ своего брата: убилъ онъ его нечаянно, донъ Хусто. Но положилъ даже, что сдѣлалъ онъ это нарочно, что онъ былъ злодѣй; развѣ изъ этого слѣдуетъ, что и Марко долженъ быть злодѣемъ? Послушайте, что случилось: отецъ моего дѣда однажды поѣхалъ куда-то на ослѣ; ему пришлось переѣзжать черезъ ручей, и оселъ его остановился, чтобы напиться. Предокъ мой, между тѣмъ, смотрѣлъ на воду, въ которой, какъ въ зеркалѣ, отражалось солнце: случилось, что въ эту самую минуту на него набѣжала тучка:—ахъ, Боже мой! съ ужасомъ воскликнулъ мой предокъ,—оселъ мой выпилъ солнце! Съ тѣхъ поръ всѣ стали его называть *солнцепійца*; прозвище это распространилось на все его семейство, и теперь еще дѣда, бабушку и насъ называютъ *солнцепійцами*.

— Не вѣрьте ей, ваша милость, не вѣрьте ей, донъ Хусто! она все лжетъ. Безстыдница! на смѣхъ поднимаетъ своего предка!

— Полно, бабушка, вы сами знаете, что я говорю правду. А теперь рассудите, донъ Хусто: развѣ изъ того, что предокъ мой былъ простякъ, непременно слѣдуетъ, что и дѣдъ мой и мы должны быть простяками?

— Я вамъ говорила, донъ Хусто, что эта стрекоза способна хотъ кого съ ума свести. Чтѣ за дерзость, Боже мой! и чтѣ за неблагодарность! А дѣдъ и всѣ въ деревни называютъ иль Божій свѣтъ и миръ небесный. Нечего сказать, заслуживаютъ онѣ эти названія. Съ тѣхъ поръ, какъ онѣ влюбились, ихъ узнать нельзя. Лусъ, Лусъ! не выводи меня изъ терпѣнія! У меня руки начинаютъ чесаться!

— Донъ Хусто, робко сказала Пасъ,—мнѣ не позволяютъ ходить за мужъ за Мануила Діаса, а онъ такой славный и такъ меня любитъ!.. И все оттого, что онъ иногда занимается контрабандой!

— Бездѣлица! замѣтила тетушка Хуана.

— Я слышала, продолжала Пасъ,—что въ Мадридѣ, и другія большихъ городахъ, много есть знатныхъ господъ, которые тоже занимаются контрабандой и обязаны ей своимъ богатствомъ.

— На это, сказала старушка,—я тебѣ отвѣчу то, чтѣ отвѣтила мадридская дѣвушка, когда прохожій, видя, что человекъ ведетъ на висѣлицу, спросилъ у нея, за что его казнятъ: «А за то, что онъ воровалъ понемножку.» Знай же, что богатому спускается не то, что бѣдняку, а главное, дурочка, помни, что въ дѣлахъ совѣсти дѣдъ твой непреклоненъ.

Въ тотъ вечеръ дядя Антоніо отправился на охоту, съ тѣмъ, чтобы возвратиться домой только черезъ нѣсколько дней. И вотъ чтѣ произошло въ его отсутствіи.

Въ тотъ же самый вечеръ тетушка Хуана, усѣвшись подлѣ печи съ своими внучками, читала молитвы. По окончаніи ихъ, она зѣвнула нѣсколько разъ и скоро погрузилась въ крѣпкій сонъ.

Прозвительный свистъ раздался подлѣ окна. Лусъ привстала съ своего мѣста; но въ эту минуту ея бабушка сквозь сонъ очень кстати проговорила: *Sicut erat in principio, et nunc: et semper.*

Лусъ опять сѣла на свое мѣсто, нетерпѣливо поглядывая по сторонамъ и закусывая себѣ губы.

Нѣсколько минутъ спустя звонкій голосъ запѣлъ:

Я крѣпкій дубъ могу сломить
И тополь стройный я сгибаю,
Быка сердитаго смиряю,
Тебя жь мнѣ, дѣва, не склонять.

Лусъ встала, на дыпочкахъ подошла къ окну и безъ шума отворила его.

Луна освѣтила ея свѣжее личико и блестящіе глаза. Оживленный разговоръ завязался между ней и человѣкомъ, прислонившимся къ желѣзной рѣшеткѣ окна.

Этотъ человѣкъ, высокій и стройный, съ гордою поступью, высокимъ лбомъ и спѣсивою улыбкой, былъ Марко Руисъ, погонщикъ муловъ.

— Осьмой день ты не показываешься у окна, сказалъ онъ.

— Дѣдъ не позволяетъ.

— Отчего? Клеймо, что ли, у меня на лицѣ, или онъ подозреваетъ, что въ жилахъ моихъ течетъ мулатская кровь?

— Нѣтъ; онъ не доволенъ тѣмъ, что ты при малѣйшемъ поводѣ готовъ взяться за ножъ.

— У васъ вѣреть, у насъ ножъ. И это все?

— Нѣтъ; онъ говоритъ, что ты дурной породы; что одинъ изъ твоихъ предковъ убилъ своего брата, и что поэтому вы носите прозвище Камновъ.

— Дѣдъ твой самъ не знаетъ, что говоритъ. Все это вздоръ. И даже еслибъ это и была правда, какое намъ дѣло до того, что дѣлали наши предки?

— Я это знаю; но что намъ дѣлать?

— Вѣрно то, что онъ хочетъ отдать тебя замужъ за Хуана Мену. Я это вижу изъ того, что Хуанъ сталъ такъ часто заходить къ вамъ. Вѣдь я правъ, признайся? Дѣдъ твой поставитъ на своемъ, и ты, невѣрная, выйдешь замужъ за него!

— Ты шутишь или съ ума сошелъ? Чтобъ я вышла за этого гальего!... Благодарю покорно!

— Но если это случится... Лусъ, я и ему и тебѣ дамъ себя знать!

— Угрозы? еслибы тебя услыхалъ дѣдъ, онъ еще больше бы утвердился въ своемъ мнѣніи о тебѣ.

— Это все оттого, что я тебя люблю, Лусъ: что я не хочу потерять тебя; что я ревнивъ, что я не хочу никому тебя уступить.

— И я буду твоей, непременно буду, потому что я этого хочу; потому что я тебя люблю, а не потому, чтобы я боялась твоихъ угрозъ; слышишь?

Между тѣмъ, Пасъ, въ глубокомъ раздумьи, съ опущенною головою сидѣвшая подлѣ спящей старушки, услышала слѣдующую, известную народную пѣсню, спѣтую чистымъ, нѣжнымъ, грустнымъ голосомъ:

Ты выходишь за другаго —
 Что жь? Двѣ службы въ одинъ день!
 Когда будешь ты вѣнчаться,
 Меня будутъ хоронить,
 Горе мнѣ!

Когда гости соберутся
 Въ тѣсный рядъ вокругъ тебя,
 Надо мной тогда зажгутся
 Три восковыя свѣчи,
 Горе мнѣ!

И, гуляя по кладбищу,
 На могилу ты вступишь,
 Я проснусь, я откликнусь:
 Ты зачѣмъ меня сгубила?
 Горе мнѣ!

Услыхавъ первыя строфы, Пасъ заплакала; потомъ она стала колебаться, и когда голосъ замолкъ, она уже стояла у открытаго окна. Луна освѣщала ея блѣдное лицо, мокрое отъ слезъ.

Молодой человѣкъ, гибкій и высокій, съ тонкими и красивыми чертами лица, ожидалъ ее: то былъ Мануилъ Діась.

— Ты не хочешь говорить со мной, Пасъ? сказалъ онъ.

— Мнѣ это запрещено, Мануилъ.

— Запрещено! Отчего!

— Оттого, что ты промышляешь контрабандой.

— Чтò же въ томъ? Развѣ твой дѣдъ не знаетъ, что я этии поддерживаю мать, братьевъ и сестеръ?

— Знаетъ; но онъ говоритъ, что цѣль не оправдываетъ средства, Мануилъ.

— Хорошо, я брошу контрабанду; но только отвори мнѣ всегда окошко, Пасъ; я безъ этого жить не могу.

— Какъ! ты бросишь контрабанду? навсегда? Боже мой! Я не смѣю этому вѣрить: дѣдъ мой говоритъ, что контрабанда, какъ игра, можетъ завлечь человѣка, что когда пристрастишься къ ней, отстать отъ нея почти невозможно.

— Вѣришь ты моему слову?... я даю тебѣ его. На то, что я успѣлъ заработать, я куплю себѣ воловъ и телегу, и начну новую жизнь.

— Въ самомъ дѣлѣ, Мануилъ, съ сегодняшняго дня?

— Нѣтъ, не съ сегодняшняго. Я обѣщала хозяйну помочь ему провезти четыре воза съ табакомъ, которые онъ скрываетъ не далеко отсюда, и я сдержу свое слово; онъ разчитываетъ на меня.

— Табакъ? Боже мой! Мануилъ, Мануилъ! ради всего святаго, останься!

— Я долженъ исполнить свое обѣщаніе, Пасъ; это тебѣ доказываетъ, что я умѣю держать слово, и должно тебя успокоить для будущаго.—Говорятъ, что къ тебѣ сватается Хуанъ Мена?

— Чтò жъ? вѣдъ ты знаешь, что я тебя люблю.

— Но если онъ станетъ приставать къ тебѣ?

— Я его знать не хочу.

— Пась, Пась! ты такъ кротка, такъ мягка! Тебя уговорять, заставить!

— Не бойся этого: къ тому же, въ чемъ могутъ они тебя упрекнуть, если ты бросишь контрабанду?

Между тѣмъ, какъ молодыя дѣвушки разговаривали, каждая у своего окна, тетушка Хуана неловко повернула шею, проснулась, потеряла себѣ затылокъ, глаза, и широко раскрыла ихъ; она увидала внучекъ своихъ не подлѣ себя, а каждую у своего окна, или скорѣе за окномъ, потому что только кончикъ одной ноги ихъ слегка прикасалась къ полу, а весь корпусъ выдавался впередъ, и рука придерживала раму, чтобъ имѣть возможность закрыть ее при малѣйшей тревогѣ.

Матери въ испанскомъ простонародьи, нѣжныя, страстныя въ своей любви къ дѣтямъ, убѣждены, что ни одно наставленіе ихъ не можетъ принести надлежащей пользы, если оно не будетъ запечатлѣно добрымъ толчкомъ.

По этому, когда тетушка Хуана увидала, что происходитъ вокругъ нея, она сказала себѣ: хорошо, хорошо! поплатитесь вы мнѣ за это, плутовки! и на цыпочкахъ подкралась къ Лусѣ, которая только тогда замѣтила ея присутствіе, когда рука бабушки тяжело опустилась на ея плечо.

Лусѣ быстро закрыла окно, обратилась къ бабушкѣ, которую она переросла цѣлою головой, поймала ея руку, поднятую для вторичнаго удара и сказала:

— Бабушка, вы только натрудите себѣ руку. За что изволите вы меня наказывать?

— И ты еще смѣешь спрашивать, безстыдница, когда я тебя поймала у окна!

— Я смотрѣла на луну, бабушка; свѣтитъ она сегодня, какъ солнце. Полюбуйтесь и вы ею! сказала Лусѣ, широко раскрывая окошко.

Тетушка Хуана высунула голову, но не увидала никого.

— И ты надѣешься обмануть меня, красотка моя? знаю, что твой Марко Руисъ быстръ какъ олень сказала она внучатъ. Потому она обратилась къ Пасѣ; но та, услыжавъ голосъ бабушки, вернулась на свое мѣсто, и сидѣла, понуривъ голову.

— Взгляните на нее! сказала старуха,—ужь чего кажется невнише этого цыпенка, а и тотъ вздумалъ меня обманывать.

Съ этими словами тетушка Хуана подняла руку; но Пасѣ бросила на нее умоляющій взглядъ и сказала:

— Бабушка, онъ сказалъ мнѣ, что бросить контрабанду.

Рука старухи опустилась, и она отвѣтила:

— Что жь... въ такомъ случаѣ, ты дѣло это обдѣлай съ своимъ дѣдомъ.

На слѣдующій день, въ деревню пришелъ отрядъ солдатъ: офицеру, командовавшему имъ, отвели квартиру въ томъ самомъ домѣ, гдѣ я жилъ.

Я пригласилъ этого офицера къ себѣ ужинать.

— Я присланъ сюда, сказалъ офицеръ, — для того, чтобъ остановить нѣсколько возовъ табаку, которые, какъ намъ дали знать, хотѣли провезти въ прошлую ночь.

Я вздрогнулъ; я чуялъ несчастіе, и съ волненіемъ спросилъ, остановлена ли контрабанда.

— Не только контрабанда, но и контрабандисты, отвѣтилъ офицеръ.

У меня руки опустились.

— Нѣтъ возможности, продолжалъ офицеръ, — сладить съ контрабандой, въ странѣ, гдѣ контрабандисты храбры до того, что не только не страшатся опасности, но даже любятъ ее; это люди смысленные, искусные, неутомимые, знающіе страну, какъ свои пять пальцевъ, гордящіеся своимъ ремесломъ. Тѣмъ не менѣе, мнѣ очень жаль одного изъ пойманныхъ; онъ человекъ очень молодой, и очевидно чувствуетъ стыдъ и раскаяніе. Съ той минуты, какъ его схватили, онъ опустилъ голову и ни слова не проговорилъ. Какъ только мы привели преступниковъ въ ратушу, за нами въ комнату вошла женщина болѣзненнаго вида, съ выраженіемъ отчаянія на лицѣ, и бросилась къ моимъ ногамъ. По воплю, вырвавшемуся изъ груди ея, тотчасъ же можно было отгадать, что это его мать. Дѣвочка лѣтъ двѣнадцати и два маленькіе мальчика слѣдовали за ней и громко рыдали. Что же касается до молодого человека, когда онъ увидѣлъ мать, онъ не былъ болѣе въ силѣ скрыть свое отчаяніе, и, закрывъ лицо руками, упалъ на землю. Я спѣшилъ удалиться отъ этой горестной картины, потому что помочь этимъ бѣднымъ людямъ я не могу.

— И что предстоитъ ему? спросилъ я.

— Лѣтъ восемь или десятьтюремъ.

— Онъ погибъ, воскликнулъ я. — Что станетъ съ его несчастною матерью, малолѣтними братьями и сестрой!

— Я здѣсь ничего не могу сдѣлать, отвѣтилъ офицеръ, — мое дѣло исполнить приказаніе начальства, и отвезти преступниковъ въ Севилью.

— Боже мой, сеньйоръ! сказалъ я, самъ не зная, что говорю, — нѣтъ ли средства спасти его?

— Единственное средство, отвѣтилъ офицеръ, — самому мнѣ сдѣлаться преступникомъ, забыть свой долгъ. Развѣ вы не знаете, что, если я позволю ему бѣжать, я самъ подвергнусь наказанію еще болѣе строгому, чѣмъ то, которое навлекъ на себя этотъ контрабандистъ?

ТОТЪ ЖЕ КЪ ТОМУЖЕ.

Последнее письмо мое, любезный Поль, было такъ длинно, и я такъ усталъ, писавши его, что не успѣлъ коснуться въ немъ своихъ собственныхъ дѣлъ и новаго горя, постигшаго меня; я увѣренъ въ твоёмъ участіи, и потому сообщу тебѣ теперь объ этомъ горѣ, прежде стану чѣмъ продолжать разказъ моего дяди.

Мнѣ невозможно было каждую ночь разговаривать съ Кастой, и по этому я всегда въ сумерки проходилъ по ея улицѣ. Такъ какъ теперь лѣто и она живетъ въ нижнемъ этажѣ дома, то она оставляетъ окно свое открытымъ. Проходя мимо него, я кладу въ отверстіе рѣшетчатой ставни записку, свернутую трубочкой: въ тоже время и тѣмъ-же способомъ Каста бросаетъ на улицу письмо и я поднимаю его, проходя далѣе.

Нѣсколько дней тому назадъ я, какъ всегда, препроводилъ письмо свое въ комнату Касты; но напрасно искалъ я и ждалъ отвѣта; зная, что ей не всегда возможно писать мнѣ, я потерялъ надежду и удалился, не обративъ вниманія на маленькаго мальчика, сидѣвшаго подъ окномъ и пустившагося бѣжать при моемъ появленіи.

Часъ спустя, я, по обыкновенію, отправился на вечеръ.

Я былъ не въ духѣ: мнѣ было досадно, что я не получилъ письма отъ Касты, досадно, что донъ Иуда не перестаетъ преслѣдовать ее своимъ вниманіемъ и любезностями. Роль *синяго чулка* (bas-bleu, какъ говорите вы, французы) разыгранная Кастой, чтобъ избавиться отъ его докучливости, какъ кажется, не излечила его отъ упорной его страсти; впрочемъ, мнѣ кажется, что настаиваетъ онъ теперь только изъ самолюбія и изъ желанія сдѣлать неприятность другимъ. Какъ бы то ни было, онъ какъ тѣнь преслѣдуетъ ее, не смущаясь переносить ея насмѣшки, и видимо не теряетъ надежды.

Я удалился на балконъ: мнѣ нужны были тишина и темнота.

Каста приблизилась ко мнѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что хочетъ поискать на фортепіано какой то романсъ. Пока она перелистывала ноты, она не глядя на меня и въ полголоса сказала мнѣ:

— А письмо мое?

— Я его не нашелъ.

— Боже мой! Я по обыкновенію бросила его на улицу.

— Бѣгу его искать.

— Подождите, пока я отойду отсюда.

Въ эту минуту, съ торжествующимъ, сіяющемъ лицомъ, вошелъ донъ Іуда, и проходя по комнатѣ, уронилъ нѣсколько стульевъ, наступилъ на хвостъ собачонки хозяйки дома, и чуть съ ногъ не сбилъ двухъ, трехъ изъ присутствующихъ. Первымъ его дѣломъ было подойти къ администратору: онъ передалъ ему исписанную бумажку, говоря, что какой-то незнакомецъ только что вручилъ ее ему, что это вѣроятно какая нибудь забавная шутка и что онъ проситъ его прочитать ее вслухъ.

— Я готовъ побиться объ закладъ, отвѣтилъ администраторъ что это описаніе какаго нибудь праздника въ Санлукарѣ, Пуертѣ или Кадисѣ, гдѣ вашихъ коней и быковъ перевозносятъ до небесъ. Не такъ ли? Посмотримъ.

Въ комнатѣ воцарилась молчаніе, и администраторъ громко прочелъ:

«Когда любишь истинно, не трудно переносить всякія испытанія. Мы молоды, жизнь еще длинна, будемъ ждать. Ждать не трудно, когда ждешь счастья! У меня былъ розанъ, на которомъ долго не было цвѣтовъ: но какъ мнѣ весело, тѣмъ не менѣе, было поливать его, ставить на солнце, ухаживать за нимъ! Не бойся ничего; старый, несносный и злой.... (здѣсь стоятъ начальныя буквы имени) мнѣ отвратителенъ, какъ жаба. Матушка непремѣнно образумится: богатство, этотъ блестящій призракъ, можетъ ослѣпить ее только на короткое время. Хорошая матушка желаетъ только, чтобъ я была счастлива, а счастлива я могу быть только съ тобой.»

Ты конечно узналъ въ этомъ письмѣ затерянную записку Касты, похищенную мальчишкой, по наущенію дона Іуды; во время чтенія, Каста, какъ бы желая найти защиту, придвинулась къ матери, и съ трудомъ удерживала слезы. Я же почувствовалъ, что поблѣднѣлъ, какъ полотно; пальцы мои судорожно сжимались; но что дѣлать? Обстоятельства не позволяли мнѣ ни дѣйствовать, ни говорить.

Что же касается дона Іуды, то предоставляю тебѣ самому вообразить внезапное измѣненіе на лицѣ его, сіяющемъ отъ удовольствія возбужденнаго низкимъ мщеніемъ, когда администраторъ прочелъ фразу, безъ сомнѣнія относившуюся къ нему.

Хотя именъ въ письмѣ небыло, но улыбки дона Іуды, его многозначительные взгляды на Касту, объяснили бы все, даже еслибы дѣло не было ясно изъ видимаго смущенія бѣдной Касты. Но онъ пересталъ смѣяться, когда услышалъ слово: старый; широко раскрылъ глаза, когда его назвали несноснымъ и злымъ; когда же дѣло дошло до сравненія съ жабой, онъ не выдержалъ и воскликнулъ:

— Безстыдница!

При видѣ его негодоваиія, смѣхъ прервалъ наконецъ неловкое молчаніе, царствовавшее въ комнатѣ. Дамы закрывали себѣ рты платками, и донья Моника, начинавшая понимать въ чемъ дѣло, бросала грозные взгляды на дочь.

— Отдайте мнѣ эту бумагу, сказалъ донъ Іуда, дрожа отъ ярости.

— Нѣтъ, отвѣтилъ администрадоръ, поднося записку къ свѣчѣ и сжигая ее. — Здѣсь названо нѣсколько именъ, и хотя они мнѣ не извѣстны, однако другимъ они могутъ быть знакомы; къ тому же, я привыкъ уважать эти нѣжныя, невинныя изліянія молодыхъ сердець; къ чему ихъ разглашать? Они, какъ фіалки, любятъ тѣнь и тишину.

— Но кромѣ *нѣжныхъ изліній*, какъ называетъ ихъ ваша милость, въ этомъ письмѣ есть много грубыхъ непристойностей, и я не вижу, отчего ихъ слѣдуетъ уважать.

— Еще причина, чтобъ уничтожить это письмо; пусть останется неизвѣстнымъ тогъ человекъ, къ которому онѣ относятся. Увѣрю васъ, донъ Іуда, я бы никогда не прочелъ этого письма, если бы могъ подозрѣвать его содержаніе. Я подумалъ, что это какая нибудь шутка, но не воображалъ, что это грубая нескромность. Я бы очень желалъ извиниться передъ лицами, которымъ по праву принадлежитъ это письмо, въ моемъ невольномъ вмѣшательствѣ въ ихъ дѣла.

Я былъ внѣ себя! Долго сдерживалъ я свое негодование противъ этого отвратительнаго человекъ; но теперь огласка, сдѣланная имъ, давала мнѣ право дать волю накипѣвшей во мнѣ злобѣ.

Я подстерегъ его у выхода.

— Милостивый государь, сказалъ я ему: вы ничто иное, какъ нахаль, дерзкая проныра. Вы знаете, кто писалъ письмо; знаете, къ кому оно было писано.

Донъ Іуда съ безпокойствомъ оглянулся кругомъ; но вблизи никого не было; на лицѣ его выразился страхъ, и онъ старался извиниться тѣмъ, что не зналъ, чье это было письмо.

— Благодарите Бога, сказалъ я, тряхнувъ его за плечо,—за то, что я довольно хладнокровенъ, и достаточно благовоспитанъ, чтобы не поколотить человекъ слишкомъ стараго, слишкомъ неловкаго, и слишкомъ трусливаго, который не въ состояніи защититься. Но да будетъ вамъ извѣстно, что я отброшу въ сторону всякую умѣренность, если узнаю, что черезъ васъ Каста будетъ имѣть еще хоть малѣйшую непріятность.

— Не безпокойтесь, сеньйоръ; не извольте тревожиться, донъ Ксаверій: я завтра же їду въ Хересь. Вы понимаете, что я не могу желать соединиться съ дѣвушкой, письмененно назвавшей меня жабой.

На другой день, сеньйоръ Барбо уѣхалъ на пароходѣ *Быстрый*: желаю, чтобъ этотъ послѣдній оправдалъ свое названіе, и не оставивалъ своего бѣга, пока не доѣдетъ съ нимъ до антиподовъ.

Освободившись такимъ образомъ, и надѣюсь на всегда, отъ этого несноснаго чудака, я теперь могу спокойное продолжать разказъ моего дяди. Вотъ что, на дняхъ, услыхалъ я отъ него.

— Въ 1822-омъ году отправился я въ Досъ - Германосъ на охоту.

Прошло восемь лѣтъ, и много совершилось перемѣнъ въ семействѣ, несчастья котораго я вѣлся тебѣ разказать.

Кроткая Пасъ долго и горько оплакивала погибшаго для нея жениха, но наконецъ покорила желаніямъ своихъ родителей и вышла за мужъ за Хуана Мену.

Лусъ, противъ воли родителей, обвѣчалась съ Марко Рунсомъ.

Тетушка Хуана и дядя Антоніо продолжали быть вторымъ исправленнымъ и дополненнымъ изданіемъ Филимона и Бавкиды.

Пасъ, всегда тихая и скромная, нѣжная и слабая, была идоломъ своего мужа, заботливо ухаживавшаго за нею, окружавшаго ее всѣмъ тѣмъ, что въ этомъ сельскомъ уединеніи можно было назвать роскошью.

Домъ ихъ былъ просторенъ и удобенъ, и внутренній дворъ переполненъ цвѣтами и вьющимися растеніями. Приемная комната отличалась отъ обыкновенныхъ комнатъ въ зажиточныхъ деревенскихъ домахъ только своею чистотой и опрятностью. Простой каменный полъ блестялъ какъ мраморный. Стѣны, гардины на окнахъ были бѣлыя какъ снѣгъ; соломенные плетенныя стулья стояли вдоль стѣнъ. На самомъ видномъ мѣстѣ, противъ окна, на полочкѣ изъ краснаго дерева стоялъ образъ Богородицы, окруженной ангелами; по обѣимъ сторонамъ его были поставлены двѣ большія вазы съ цвѣтами.

Пасъ въ простомъ, бѣломъ съ лиловыми полосами платьѣ, съ кисейнымъ, вышитымъ ею самой платкомъ на шеѣ, сидѣла на низкомъ стулѣ у полуотвореннаго окна, съ работой въ рукахъ.

Она покраснѣла, когда увидѣла меня: она жила такъ тихо, такъ мало видѣла людей, что сохранила всю прежнюю свою застѣчивую скромность.

Она заговорила со мной о своемъ мужѣ, и въ словахъ ея слышалось нѣжность, смѣшанная съ уваженіемъ и благодарностью.

Между разговоромъ я рѣшился спросить у нея: — А Мануэлъ Діасъ? вспоминаете ли вы еще иногда о немъ?

Легкая краска распространилась на ея блѣдномъ лицѣ, какъ на раковинѣ, изъ которой извлекаютъ жемчугъ, скрытый въ ней, и она отвѣтила:

— Вспоминаю только въ церкви, чтобъ молиться о немъ.

— Онъ умеръ? спросилъ я.

— Для меня, да! отвѣтила она, и потомъ прибавила:

— Представьте себѣ, донъ Хусто, этого несчастнаго увѣрили, что мой мужъ донесъ на него, и онъ уѣхалъ съ этою мыслью. Мой мужъ! мой добрый Хуанъ, которы поддерживалъ его мать во время ея болѣзни, на свой счетъ похоронилъ ее! Донесъ же на него одинъ изъ контрабандистовъ, и свалилъ вину свою на моего мужа.

— Что за мерзость! воскликнулъ я.

Въ эту минуту, въ комнату вошелъ Хуанъ Мена съ своимъ сыномъ.

— А вотъ и мой Диего, сказалъ онъ послѣ первыхъ привѣтствій, подводя ко мнѣ красиваго мальчика лѣтъ шести-семи.

— Онъ похожъ на мать, не правда-ли? И хорошо дѣлаетъ, потому что я красотой похвастаться не могу.

— Нѣтъ, нѣтъ! воскликнула Пасъ,—онъ во всемъ долженъ походить на отца. Во всемъ, слышишь, Диего?

Ребенокъ покраснѣлъ. Онъ кивнулъ головой, какъ бы въ знакъ согласія, и потомъ взглянулъ на отца съ невыразимою нѣжностью.

Приятно было видѣть этого ребенка, окруженнаго и какъ бы освѣщеннаго нѣжностью своихъ родителей: у отца, эта нѣжность казалась сильною и дѣятельною какъ лучъ солнца; у матери, нѣжною и мягкою какъ свѣтъ луны.

— У насъ только одно горе, продолжалъ Хуанъ Мена,—положеніе нашей бѣдной сестры Лусъ. Маркосъ Ругизъ всегда отравлялъ ей жизнь свою ревностью; но по крайней мѣрѣ, онъ зарабатывалъ себѣ хлѣбъ, и жена его и дѣти не страдали отъ голода. Но съ тѣхъ поръ, какъ онъ ослѣпъ...

— Какъ, ослѣпъ? воскликнулъ я.

— Увы, да, сеньйоръ, и слѣпота его неизлечимая: у него темная вода. Съ тѣхъ поръ, Богу одному извѣстно, что она переноситъ. Нѣтъ страшнѣе болѣзни душевной, чѣмъ ревность. Мы дѣлаемъ для нихъ все, что можемъ. Но Лусъ горда, какъ царица и ничего не хочетъ принимать отъ меня. Пасъ должна прибѣгать къ разнымъ хитростямъ, чтобы помогать ей; и для этого необходимо содѣйствіе матушки Хуаны. Но, подивитесь, ваша милость, ея твердому и бодрому духу! Каждый день, идетъ-ли дождь, воетъ ли вѣтеръ, она отправляется въ городъ, за двѣ мили отсюда, и съ бездѣльнымъ барышемъ перепродаетъ табакъ. И вообразите себѣ, что мужъ ея изъ ревности хочетъ заставить ее бросить и это послѣднее, единственное средство къ существованію. Каждый вечеръ по возвращенію ея, онъ ссорится съ нею, бранитъ ее.... Мы это знаемъ отъ сосѣдей; она же никогда не жалуется. Вотъ какова ея жизнь.

— Это не жизнь, а испытаніе, сказала Пасъ, утирал себѣ глаза.

— Иногда, продолжалъ Хуанъ Мена — тайкомъ отъ нея угощали ея дѣтей: не такъ ли, Діего? Не далѣе какъ вчера, мы съ Діего пошли посмотрѣть на нашихъ козъ, я и сказалъ пастуху: дай намъ кружку молока, у тебя будетъ сегодня поменьше сыра. Когда мы возвратились домой, я просилъ служанку пойти взять сахару, рису, и сварить большой горшокъ молочной каши. Потомъ я послалъ Діего за старшими двоюродными братьями, самъ же отправился за меньшими къ матушкѣ Хуанъ, которая любитъ ихъ какъ всѣ бабушки. Когда всѣ они собрались у меня, я каждому изъ нихъ далъ деревянную ложку, поставилъ на скамью горшокъ съ кашей, и сказалъ: ну, теперь, дѣти мои, кушайте на здоровье! но смотрите, чтобъ въ горшкѣ ничего не оставалось. Какъ они были счастливы! не такъ ли, Діего?

— А какъ намъ было весело! не такъ ли, папенька?

— Я позвалъ Пасъ; но жена моя заплакала, когда увидала съ какою жадностью дѣти глотали кашу. Вы не знаете, какая она добрая, моя Пасъ, этотъ миръ небесный, низшедшій на мой домъ!.... да и люблю же я ее, донъ Хусто, такъ люблю, что готовъ поклоняться ей. Счастье ея дороже мнѣ всего, и чтобъ ей и моему Діего было хорошо, я готовъ вѣкъ трудиться въ потъ лица своего.

Насмотрѣвшись на эту ясную картину семейнаго счастья, я отправился къ Лусъ. Я увидѣлъ Марко. Его большіе черные глаза были открыты и безжизненны, какъ глаза автомата. Его взглядъ какъ будто бы сосредоточился во внутрь, онъ какъ будто бы непрестанно созерцалъ всѣ призраки, созданные его недоверчивымъ, подозрительнымъ воображеніемъ. Грустно было на него смотрѣть.

— Такъ вы ничего не видите? сказалъ я ему.

— Ничего, сеньйоръ, отвѣчалъ онъ глухимъ голосомъ. — Для меня все темно — даже *свѣтъ дневной* отъ меня скрылся.

— Вы несчастливы? спросилъ я у Лусъ, когда она меня проводила до воротъ.

— Возможно ли счастье, отвѣчала она, — когда видишь передъ собою тридцатилѣтняго человѣка, у котораго Господь отнял жизнь, не давъ ему въ замѣнъ покоя могилы?

— Онъ васъ мучаетъ, Лусъ? Онъ ревнивъ?

— Кто это смѣетъ сказать? воскликнула она, нахмуривъ брови и гордо взглянула на меня.

— Я не смѣлъ продолжать.

Эти двѣ молодыя, прекрасныя женщины, мало по малу, вслѣдствіе природныхъ своихъ даровъ и также обстоятельствъ, стали

представительницами двухъ совершенно отдѣльныхъ, даже противоположныхъ типовъ.

Пасъ, блѣдная, нѣжная, тихая и робкая напоминала тѣхъ томныхъ и воздушныхъ средневѣковыхъ красавицъ, одѣтыхъ въ бархатъ и горностаи, заключенныхъ въ неприступные замки, которыхъ англійскіе художники такъ хорошо умѣютъ изображать въ своихъ кипсекахъ; между тѣмъ какъ Лусъ, высокая и величавая, съ твердою и легкою поступью, съ лицомъ, загорѣвшемъ на солнцѣ и членами окрѣпшими отъ усиленной работы, съ гордо закинутою головою, не согнутою даже горемъ, болѣе похожа была на статую амазонки, вылитую изъ золотистой бронзы гениальною рукою какого нибудь преемника Бенвенуто-Челлини.

Разъ утромъ я сидѣлъ на дворѣ передъ своею мызою и любовался виноградною лозой, живописно вьющеюся по ея фасаду и образуящею вокругъ оконъ самыя изящныя арабески изъ листьевъ и сучьевъ. Я слышалъ, какъ работникъ, только что возвратившійся изъ Севильи, говорилъ главному надсмотрщику:

— Правда, сеньйоръ Мигель, я сегодня вернулся позже обыкновеннаго; но это потому, что меня задержали въ Гадаирской вентѣ (гостиницѣ).

— Кто же тебя задержалъ?

— Да какой-то незнакомый человекъ, который меня закидалъ вопросами; я насилу отъ него могъ отдѣлаться.

— Какого рода былъ этотъ человекъ?

— Одѣтъ онъ очень плохо; весь въ лохмотьяхъ, и на одной ногѣ какой то красный знакъ. Впрочемъ онъ молодъ и красивъ собою.

— Что же онъ тебѣ говорилъ?

— Онъ сперва у меня спросилъ, бываю ли я въ Досъ-Германосъ. Я отвѣчалъ, что бываю.

— Есть у васъ тамъ знакомые?

— Какъ же, я тамъ часто бываю.

— Знаете вы семейство тѣтушки Хуаны Ортега?

— И очень!

— Одна изъ ея дочерей вышла замужъ за Марко Руиса?

— Да; а другая за мызника Хуана Мену.

Незнакомый человекъ вздрогнулъ, какъ будто бы его укусила змѣя.

— Такъ оно точно правда! пробормоталъ онъ сквозь зубы.

Когда я услышалъ эти слова (продолжалъ дядя) у меня кровь застыла въ жилахъ. Мнѣ не оставалось сомнѣнія! Человекъ, говорившій съ моимъ работникомъ, былъ Мануиль Діасъ; который теперь возвращался съ каторги по истеченіи назначеннаго срока, и былъ увѣренъ въ томъ, что его выдалъ Хуанъ Мена! Несчастный!

Восемь лѣтъ онъ сдерживалъ свой гнѣвъ и свою ревность; восемь лѣтъ онъ влачилъ цѣпи, терпѣлъ позоръ, голодь, усталость, имѣя постоянно передъ глазами низость своего врага и счастье соперника; и наконецъ, вернувшись на родину, прежде всего услышалъ подтвержденіе своихъ подозрѣній; удостовѣрился, что любимая имъ женщина сдѣлалась наградою подлой измѣны, жертвою которой онъ палъ! Я пришелъ въ ужась.

Работникъ продолжалъ:

— Я сказалъ ему: что вы тутъ бормочете про *домось*, пріятель?

— Ничего.

Потомъ онъ продолжалъ:

— Знаете вы семейство Мануила Діаса?

— Каторжника?

Онъ опять сдѣлалъ судорожное движеніе, такъ, что зашатался и столъ и скамьи.

— Да. Что его мать?

— Умерла.

Человѣкъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, и не сказалъ ни слова!

— Вы кажется нездоровы? спросилъ я его.

— Нѣтъ, ничего, отвѣчалъ онъ, — тошнога; сейчасъ пройдетъ.

Но... скажите мнѣ, гдѣ его сестра?

— Его сестра? повторилъ я и расхохотался.

— Его сестра! крикнулъ онъ, схвативъ меня за плечи, и трясъ меня изо всей силы.

— Эй! закричалъ я. — Васъ бѣшеная собака укусила, что ли, или вы бѣлены объѣлись? Какое вы имѣете право меня допрашивать? А я развѣ обязанъ вамъ отвѣчать, особенно когда рѣчь идетъ о какихъ нибудь распутныхъ и безстыдныхъ дѣвчонкахъ?

Онъ меня выпустилъ, и весь посинѣлъ; губы его дрожали; онъ испустилъ какое-то дикое рычанье и выбѣжалъ изъ комнаты.

Мы съ хозяиномъ посмотрѣли ему вслѣдъ.

— Онъ пьянъ? сказалъ я.

— Или сумасшедшій, возразилъ хозяинъ.

Нѣсколько минутъ спустя онъ вернулся—онъ казался нѣсколько спокойнѣе.

Я хотѣлъ было уйти, но онъ меня удержалъ.

— Ради Бога, сказалъ онъ, — еще одинъ вопросъ: что стало съ его братьями?

— Одинъ пошелъ въ солдаты, другой пропалъ безъ вѣсти — уже давно объ немъ ничего не слыхать.

— Благодарю васъ! проговорилъ онъ глухимъ голосомъ.

— Вы идете въ Дось-Германось? спросилъ я.

— Да, сказалъ онъ — мнѣ тамъ нужно расплатиться за старинный долгъ.

Онъ попросилъ у хозяина ружье, и далъ ему въ залогъ серебрянный образокъ; хозяинъ согласился, подумавъ, что онъ бонится идти безъ оружія, чтобъ у него не украли денегъ, которыми онъ хочетъ заплатить долгъ.

Нѣсколько времени мы шли рядомъ. Вдругъ онъ у меня спросилъ, не продалъ ли Хуанъ Мена своего виноградника подлѣ Ойо дель Негро?

— Нѣтъ, сказалъ я, — онъ даже купилъ другой, — рядомъ. Онъ каждый день бываетъ тамъ.

Тутъ мы разстались. Онъ сказалъ, что завидѣлъ издали зайца, и побѣжалъ за нимъ. Мнѣ кажется, что этотъ человекъ сумасшедшій.

— О Боже мой, помоги мнѣ прійти во время, воскликнулъ я, и побѣжалъ къ Пасъ.

Она, по обыкновенію, спокойно сидѣла у окна.

— Гдѣ вашъ мужъ, Пасъ? закричалъ я ей издали.

— Въ своемъ виноградникѣ, донъ Хусто, отвѣчала она тихимъ мягкимъ голосомъ.

— Я иду туда, Пасъ; мнѣ нужно съ нимъ переговорить тотчасъ же. Найду ли я мула въ конюшнѣ?

Пасъ приподняла голову и посморѣла на меня съ удивленіемъ.

— Хуанъ скоро вернется, сказала она — теперь еще рано.

— Дайте мнѣ мула, лошадь! Скорѣй, скорѣй! Мнѣ нужно съ нимъ переговорить.

— Боже мой! сказала Пасъ, все также спокойно, — что вы такъ спѣшите, донъ Хусто?

— Пасъ! воскликнулъ я — вотъ уже восемь лѣтъ, какъ Манушля Диаса отправили на каторгу. Сегодня сюда пришелъ какой-то человекъ: онъ спрашивалъ про Хуана Мена, котораго называлъ предателемъ, доносчикомъ: у этого человека ружье....

— О Пресвятая, Премилостивая Дѣва Марія! закричала Пасъ, — идите, идите, донъ Хусто; я пойду съ вами.

Несчастная хотѣла встать, но силы измѣнили ей, и она опять упала на стулъ, блѣдная, какъ смерть.

Въ эту минуту отворилась дверь: вошло нѣсколько людей; — они несли на рукахъ ребенка, покрытаго кровью!

— Боже милосердый! воскликнула Пасъ, падая на колѣни передъ ребенкомъ: Кровь....

— Это кровь моего отца! проговорилъ мальчикъ задыхающимся голосомъ.

— И твой отецъ?....

— Убить!

— Кѣмъ же?

— Не знаю; какой-то человекъ вышелъ изъ за роши, и сказалъ:

«Хуанъ Мена, всякому сроку приходитъ конецъ, всякому долгу приходитъ уплата!» Онъ прицѣлился: «Не убивай моего сына!» закричалъ ему отецъ. Онъ выстрѣлилъ....

Несчастная женщина съ раздирающимъ крикомъ упала лицомъ на землю.

— Ты не знаешь этого человѣка? спросилъ я у мальчика.

— Нѣтъ! отвѣчалъ онъ: но черезъ сто лѣтъ, среди сотни людей, я узнаю убійцу моего отца. И я его встрѣчу; да, я его встрѣчу! Вѣдь онъ самъ сказалъ: «всякому сроку приходитъ конецъ, всякому долгу приходитъ уплата!»

Мало по малу разсѣялось одъпеніе, наведенное ужасомъ и испугомъ на бѣднаго ребенка; его замѣнило горе; онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ, заплакалъ, зарыдалъ, сталъ судорожно рвать свою рубашку, крича сквозь слѣзы: видите, видите! это кровь моего отца! Кровь моего отца... Моего отца!

У бѣдной Пастъ не хватило силъ нравственныхъ и физическихъ, чтобъ вынести этотъ ужасный ударъ; она вскорѣ умерла.

Дядя самъ былъ такъ потрясенъ грустными воспоминаніями, что не могъ продолжать, и сдѣлалъ мнѣ знакъ оставить его одного.

ОТЪ ТОГО ЖЕ КЪ ТОМУ ЖЕ.

Вотъ уже болѣе мѣсяца, какъ я къ тебѣ не писалъ! Твои жалобы на мое долгое молчаніе вдвойнѣ пріятны для меня: я вижу въ нихъ и участіе друга, и лестное вниманіе слушателя, заинтересованнаго моими разказами. Дѣло въ томъ, что я былъ не въ состояніи заняться чѣмъ бы то ни было: ты меня поймешь, когда я тебѣ скажу что Каста уѣхала! Сезонъ морскаго купанья приближается, и мать увезла ее въ Кадиксъ. Говорить ли тебѣ, что Севилья, недавно еще казавшаяся мнѣ царицей городовъ, увѣнчанною миртами и оливами, мнѣ кажется теперь печальною вдовой, увѣнчанною кипарисомъ? Ты бы улыбнулся съ величественнымъ презрѣніемъ, услышавъ такія пошлыя слова; нельзя понять тоски любви и разлуки, когда самъ не испыталъ ея.

Сверхъ того, моя добрая тетушка была больна, и дядя не отходилъ отъ ея постели. Ты не можешь себѣ представить, какъ они любятъ другъ друга. Замѣть, что нигдѣ нельзя встрѣтить столько счастливыхъ супружествъ какъ въ Испаніи, гдѣ всѣ женятся по любви. Здѣсь очень рѣдко бываетъ разводъ, хотя государственные и церковные законы допускаютъ его въ извѣстныхъ случаяхъ. Здѣсь супруги никогда почти не живутъ порознь, даже въ самой глу-

бокой старости. Здѣсь между ними не можетъ быть денежныхъ счетовъ; всё дѣла сообща; не существуетъ различія между моимъ и твоимъ. Здѣсь, въ случаѣ супружеской невѣрности (случаевъ весьма рѣдкихъ), обыкновенно предпочитаютъ прощеніе огласкѣ, потому что, вмѣстѣ съ брачнымъ благословеніемъ, религія какъ будто бы вливаетъ въ сердца чувство сильнѣе и святѣе всѣхъ узъ крови.

Ты мнѣ скажешь, что я такъ восхваляю супружескую жизнь оттого, что люблю Касту. Можетъ-быть. Я смѣло могу сказать, что еслибы мнѣ предложили ее любовницей, я бы отказался. Я хочу видѣть въ ней жену, подругу на всю жизнь, передъ лицомъ Бога и людей, тогда только я могу назвать ее *своею*.

Однако довольно объ этомъ; боюсь утомить тебя своими жалобами и описаніемъ своихъ чувствъ. Возвратимся къ дядѣ.

Онъ продолжалъ свой разказъ слѣдующимъ образомъ:

«Повѣсть, которую ты слышишь отъ меня, до такой степени наполнена трагическими происшествіями, тѣсно сплетенными между собою, что она можетъ показаться тебѣ неправдоподобною. Увы! это не вымыселъ, а горестная истина! Но повѣрь мнѣ, сынъ мой, что дѣйствительныя страданія и несчастія нерѣдко далеко превышаютъ все то, что могло бы изобрѣсти самое пылкое воображеніе. Чтобы сдѣлать возможнымъ все то, о чемъ я тебѣ разказываю, нужна необузданная энергія жителей юга, ихъ пылкія чувства, и хорошия и дурныя, еще не охлажденные просвѣщеніемъ, нуженъ сохранившійся во всей силѣ первобытный инстинктъ, влекущій ихъ къ личной расправѣ. Обида врѣзается въ самую глубину ихъ сердца какъ знакъ горячаго желѣза; этого слѣда не могутъ изгладить ни время, ни усилія разсудка; вѣруя въ правосудіе Божіе, они знаютъ, что жертвуютъ неутомимой жаждѣ мести не только здѣшнюю жизнь, но и жизнь будущую. Къ несчастію, законы судятъ одно только преступленіе, а бы желалъ, чтобъ они принимали въ соображеніе и его причины.

Но возвращаюсь къ моему разказу:

Нѣскольکو времени спустя, выходя изъ дому, чтобъ отправиться въ присутствіе, я услышалъ за воротами какіе-то странные крики, стоны, рыданія... я остановился въ недоумѣніи и ужасѣ.

Крики приближались, и вскорѣ я увидѣлъ женщину, за которой въ нѣкоторомъ разстояніи слѣдовали другія, повидимому не смѣвшія приблизиться. Эта женщина, блѣдная какъ смерть, съ дикимъ взглядомъ, съ распущенными съдыми волосами, то била себя въ грудь, то поднимала глаза и руки къ небу, какъ бы умоляя его о защитѣ, то опускала ихъ въ безнадежномъ отчаяніи. Когда она прошла мимо меня, ея крики уже перешли въ глухой,

какъ бы предсмертный стонъ.—Толпа шла за ней въ глубокомъ, мрачномъ молчаніи: въ простонародьи умѣютъ уважать несчастье.

— Что это такое? спросила меня служанка, которая также вышла къ воротамъ.

Одна изъ женщинъ проговорила, заливаясь слезами:

— Ея сына только-что приговорили къ смерти!

Я опять вошелъ къ себѣ; ужасное зрѣлище меня потрясло до глубины души.

Какое же было мое изумленіе, когда вскорѣ потомъ, ко мнѣ ввалилась цѣлая толпа народа подъ предводительствомъ алькальда деревни Досъ-Германосъ!

— Что вамъ угодно, сеньйоры? спросилъ я. — Чѣмъ могу я быть вамъ полезенъ?

— Мы пришли, сеньйоръ донъ Хусто, отвѣчали мнѣ,—попросить вашу милость составить намъ прошеніе, которое мы всѣ подпишемъ и представимъ въ судъ....

— Чего же вы хотите?...

— Чтобъ отмѣнили приговоръ, произнесенный судьями. Они повелѣли, чтобы преступника казнили на самомъ мѣстѣ преступленія.... Мы не хотимъ казни въ Досъ-Германосъ! это былъ бы позоръ для всѣхъ насъ; наша деревня была бы обезчещена навѣки. Объясните имъ, что невинные не должны страдать за виновнаго; и прибавьте, что мы всѣ рѣшились бросить свои жилища и переселиться на другое мѣсто, если приговоръ будетъ исполненъ.

— Да кого же хотятъ казнить? спросилъ я. — Какое онъ совершилъ преступленіе?

— Развѣ вы не знаете? Развѣ вы не видали этой несчастной?

— Какой несчастной?

— Его матери!

— Чьей же?

— Марко Руиса!

— Что же онъ сдѣлалъ, Боже милостивый!

— Онъ убійца!

— Кого онъ убилъ? кого?

— Жену, бѣдную Лусъ!

Я упалъ на стулъ и закрылъ лицо руками.

Передо мной промелькнули вдругъ эти два чудныя созданія, такъ щедро одаренныя природой; обѣ погибли жертвою любимаго человѣка!

Я видѣлъ ихъ четырехлѣтними дѣвочками, прекрасными какъ ангелы, спокойно спящихъ, не подозрѣвавшихъ ужаснаго происшествія, предшествовавшаго ихъ рожденію, не подозрѣвавшихъ и страшнаго будущаго ожидавшаго ихъ! Я ихъ видѣлъ въ семнад-

пать лѣтъ прелестными дѣвушками, равными красотою и граціею, любящими и вѣрующими въ счастье, отдающимися съ полною довѣренностью этимъ двумъ людямъ, которые ихъ также любили и сдѣлать ихъ палачами!

А въ глубинѣ этой картины, бѣдная тетушка Хуана, которую природа создала спокойною и безмятежною, какъ свѣтлый солнечный лучъ, какъ веселый, прозрачный ручеекъ, извивающійся по цвѣтущей долинѣ; бѣдная тетушка Хуана, которая такъ дружелюбно смотрѣла на жизнь, и которую жизнь раздавила своею желѣзною стопой!

Я долженъ былъ или возмущаться противъ судьбы, какъ язычникъ, или какъ христіанинъ преклоняться передъ рѣшеніемъ Провидѣнія, какъ бы непомятно оно ни было для меня. Я выбралъ послѣднее.

Успокоившись немного, я сталъ спрашивать о причинахъ этого несчастія; вотъ что я узналъ:

Ревность, давно снѣдавшая Марко Рунса, не только сдѣлала его жестокимъ и несправедливымъ, но, наконецъ, совершенно помрачила его разумъ.

Ему было только тридцать лѣтъ; онъ страстно любилъ свою жену, и жена его была такъ прекрасна! Все возбуждало въ немъ недоувѣрчивость и сомнѣніе; ничто не могло убѣдить его, потому что ревность ослѣпляла его нравственно, точно такъ же, какъ болѣзнь помрачала его физическое зрѣніе. Природа одарила его силой, энергіей, желѣзною волей и вся эта сила, эта энергія связаны и сдержанныя обстоятельствами, душили его.

Однажды онъ сказалъ женѣ:

— Я не хочу, чтобы ты ходила въ городъ.

Она пожала плечами.

— Не умирать же вамъ всѣмъ съ голоду! проговорила она, и пошла.

Въ этотъ день сосѣди видѣли, что Марко точилъ ножъ.

Поздно вечеромъ жена вернулась.

Она дала поужинать дѣтямъ и легла въ постель. Она такъ устала, что скоро заснула; но мужъ ея не спалъ!

Около полуночи, Марко вынулъ ножъ, спрятанный подъ подушкой.

Онъ нагнулся къ женѣ, чтобы удостовѣриться, что она спитъ.

— Ты не пойдешь больше въ городъ! глухо проговорилъ онъ, и твердою рукою вонзилъ ножъ въ ея грудь.

— Не стануть больше любоваться твоею красотой, даже послѣ твоей смерти! продолжалъ онъ, и разсѣкъ сверху до низу ея прелестное личико.

Она не пошевелилась, даже не вскрикнула. У Марко рука не дрогнула, онъ попалъ прямо въ сердце.

Смерть бѣдной Лусь была такъ же тиха, одинока, безмолвна, какъ ея жизнь; она также осталась тайной между Богомъ и ею.

Марко Руисъ съѣлъ у изголовья провату, и долго сидѣлъ такимъ образомъ.

Настало утро; дѣти выбѣжали въ однихъ рубашонкахъ поиграть у воротъ. Сосѣди разговаривали, пѣли, смѣялись.

Марко Руисъ все не шевелился.

— Дѣти! сказала тетушка Хуана, подходя къ воротамъ. — Идите сюда, дѣтки мои! Вотъ я вамъ принесла хлѣбъ побольше арбуза, и арбузъ побольше васъ всѣхъ. Пойдемъ завтракать. — А гдѣ же ваша мать?

— Въ своей комнатѣ.

— Какъ, она еще не вставала? Лусь! Лусь! Чтѣ это ты сегодня такъ вздумала лѣниться?

— Чтѣ же Лусь? спросила бѣдная мать, увидя Марко Руиса, спокойно сидящаго у постели.

— Она угасла, какъ свѣтъ дневной угасъ для меня! отвѣчалъ Марко странно звучащимъ голосомъ.

Тетушка Хуана бросилась къ постели. Чтѣ за зрѣлище ее ожидало.

— Боже милостивый! воскликнула она, и упала на колѣ, прошептавъ:

— Каинъ! Каинъ!

«Само собою разумѣется, продолжалъ дядя послѣ довольно долгаго молчанія, которое я и не хотѣлъ и не могъ прервать, что Марко Руисъ былъ схваченъ и приговоренъ къ смерти. Ты можешь также себѣ представить, въ какомъ положеніи отнесли домой бѣдную старуху: ея сердце также было поражено смертельнымъ ударомъ! Мнѣ и теперь тяжело останавливаться на такихъ ужасныхъ воспоминаніяхъ.

«Однако, прежде чѣмъ умереть, эта отличная женщина написала мнѣ письмо, которое я сокраню до конца жизни, какъ выраженіе ея чистой и вызвышенной души, какъ послѣднее слово ея печальнаго существованія. Возьми его и прочти; но съ тѣмъ, чтобы возвратитъ мнѣ его завтра же, я это письмо храню какъ драгоценность, и не хочу съ нимъ разставаться!

Вотъ тебѣ, любезный Поль, копія съ письма тетушки Хуаны.

«Сеньйоръ донъ Хусто!

«Письмо это пишетъ за меня нашъ пономарь, Господь его награди! Помня вашу всегдашнюю доброту ко мнѣ, я рѣшаюсь обратитъ къ вамъ съ послѣднею просьбою: на прилагаемые при семъ шесть реаловъ заказать обѣдню Пресвятому Спасителю, чтобъ онъ даровалъ мнѣ мирную кончину. Я бы желала, чтобъ

отслужили обѣдню въ пятницу, въ день Епо Преславной Смерти; я надѣюсь, что въ этотъ день Господь меня призоветъ къ себѣ.

«Желала бы я также, сеньйоръ донъ Хусто, достойно поблагодарить васъ за всѣ ваши милости ко мнѣ, и, передъ смертію проститься. Въ первый разъ прощаніе съ вами мнѣ будетъ отъ радно!»

«Какъ я ни крѣпилась, донъ Хусто, чтобы не потонуть въ этомъ потоки крови и слезъ, залившимъ всю мою жизнь, я наконецъ изнемогла! Послѣдній ударъ меня покончилъ: убійство моей бѣдной Лусъ и мнѣ вырыло могилу! Съ тѣхъ поръ, какъ умеръ мой Антонио, донъ Хусто, я уже разучилась смѣяться; но я все жила, плача и молясь. Бѣдный Антонио! съ тѣхъ поръ, какъ ему измѣнили силы и зрѣніе, съ тѣхъ поръ какъ ему больше нельзя было ходить на охоту, онъ сталъ тосковать и чахнуть, какъ птичка въ клеткѣ; онъ угасъ незамѣтно, какъ свѣтъ дневной, когда наступаетъ ночь...

«Передъ тѣмъ, какъ умереть, онъ сказалъ мнѣ: «Хуана, ты видишь, что случилось; а увидишь, что будетъ еще гораздо хуже: не къ добру эти два человѣка полюбили нашихъ дѣвочекъ!—Тебѣ это докажетъ, что воля отца всегда священна, даже когда онъ не такъ уменъ, какъ тѣ, которые ему должны повиноваться; небо всегда ему внушаетъ все лучшее для нихъ!»

«Я зарыдала.

— Не плачь, Хуана, сказалъ онъ мнѣ,—но молись. Я самъ буду тамъ молиться за тебя. Молитва одна соединяетъ живыхъ съ умершими.

«И послѣ этихъ словъ, онъ заснулъ вѣчнымъ сномъ.

«Онъ оставилъ меня одну на бѣломъ свѣтѣ! Я осталась послѣднею изъ всего нашего рода... некому мнѣ глаза закрыть! Чужая, незнакомая рука опуститъ меня въ могилу!

«Я буду молиться Господу за тѣхъ, которые мнѣ причинили столько зла, но я не забуду и благодѣтелей своихъ, въ особенности васъ, донъ Хусто: еще отъраднѣе благодарить нежели прощать.

«Дай Богъ вамъ много лѣтъ, донъ Хусто. Жизнь хороша хотя я, съ своей стороны, не желала бы опять начать свой вѣкъ. Смерть мнѣ не страшна, да къ тому же, что мнѣ дѣлать здѣсь одной, когда всѣ мои милые далеко отъ меня?»

«Поклонитесь отъ меня вашей супругѣ, попросите ее помолиться обо мнѣ Пречистой Дѣвѣ, которая такъ часто утѣшала меня въ горѣ. Пресвятая Матерь Божія! И Она осталась одна!

«Вы видите, донъ Хусто, что я все такая же трещетка, какъ говорилъ мой Антонио; я болтаю даже теперь, когда уже одну ногу занесла въ могилу.

• Пономарь списалъ всю бумагу.

• Вспоминайте иногда про меня, и молитесь о бѣдной старушкѣ,

Тетушкѣ Хуанѣ. •

Отъ того же, къ тому же.

Кадиксъ.

Я не могъ жить безъ нея; я слишкомъ страдалъ, любовный Полю; я взялъ отпускъ, и вотъ уже недѣля, какъ я здѣсь.

Прѣзжай взглянуть на Кадиксъ, другъ мой; прѣзжай взглянуть на эту недвижимую, бѣлую громаду камней, окруженную синими волнами океана. Пусть здѣшніе жители повторяютъ, что Кадиксъ теперь ничто иное, какъ выбѣленная гробница; имъ можно отвѣчать, что Кадиксъ, подобно фениксу, возрождается изъ своего пепла.

Кадиксъ имѣеть свою особенную, и необыкновенно привлекательную фizioномію. Сквозь иностранный лоскъ, украшающій его, просвѣчиваетъ андалузскій юморъ, блестятъ южная живость и грація.

Цѣлыхъ два дня, мнѣ не удавалось увидѣть Касту; театры, гулянье, купальни, все мнѣ казалось пусто, потому что нигдѣ я не встрѣчалъ ея. На третій день, одинъ молодой человекъ, съ которымъ я познакомился здѣсь, повелъ меня въ казино. Я былъ грустенъ, встревоженъ, раздосадованъ: можешь себѣ представить, какое пріятное впечатлѣніе на меня произвела встрѣча съ дономъ Іудой, на котораго я наткнулся у самаго входа!.. Я сперва хотѣлъ тотчасъ же уйти; но потомъ подумалъ, что у него не хватитъ наглости заговорить со мной послѣ того, что между нами произошло; однако я ошибся. Лишь только онъ меня завидѣлъ, какъ закричалъ:

— Какими судьбами вы здѣсь? Съ какихъ поръ, любовный другъ! Добро пожаловать, дражайшій прокуроръ! Впрочемъ понимаю, понимаю: куда ѣдетъ король, туда отправляется и дворъ. Однаковы должны знать, дружочекъ, что отсутствующіе всегда въ убыткѣ. Разлука многое измѣняетъ: у сеньориты Касты теперь другой женихъ. И, могу сказать, женихъ не дюжинный; ужъ намъ съ вами не приходится съ нимъ тягаться: онъ богатъ какъ я, и такъ же молодъ и шеголеватъ, какъ вы. У него панталоны натянуты еще глаже чѣмъ у васъ; отдаю голову на отсѣченіе, что штрипки у него изъ желтой кожи; у него сапоги еще блестяще чѣмъ у васъ, волосы еще круче завиты, проборъ еще прямѣе проведенъ, и бакенбарды (терпѣть я не могу этихъ бакенбардъ!) еще громаднѣе. Онъ сынъ Перуанца, у котораго огромные руд-

ники въ Квито, и больше денегъ, чѣмъ вамъ когда-нибудь случилось видѣть. Итакъ, другъ прокуроръ, послушайтесь моего совѣта: направо кругомъ и отправляйтесь въ Севилью подписывать приговоры.

Что мнѣ было дѣлать, и что отвѣчать этому грубому нахалу, который, конечно, слишкомъ трусилъ передо мною, чтобъ имѣть намѣреніе оскорбить меня, и говорилъ мнѣ такія неслыханныя вещи, самъ не понимая ихъ значенія? Меня душила злоба.

— Сеньйоръ, сказалъ я ему, вамъ самимъ не худо бы отправиться на лѣво кругомъ, и оставить меня въ покоѣ.

— Не горячитесь, любезный прокуроръ. Я хотѣлъ вамъ оказать услугу; я думалъ, что вамъ пріятно знать напередъ, на что вы идете; предостереженіе никогда не бываетъ лишнее. Я вамъ по дружбѣ говорю правду. Чортъ побери, что это вы такъ вдругъ въ абмицію ударились, будущій правитель Севильи? Или вы получили наследство во сто тысячъ пиастровъ? Вотъ она благодарность! Правду говорятъ, что неблагодарными полонъ адъ.

— Говорятъ также, что онъ вымощенъ благими намѣреніями, донъ Іуда. Оставимъ этотъ разговоръ.

— Да выслушайте же, выслушайте меня наконецъ, я вотъ что еще хотѣлъ вамъ сказать: врядъ ли наша разборчивая невѣста выйдетъ замужъ за своего новаго поклонника. Папенька милліонеръ не слишкомъ обрадуется такой невѣсткѣ-безприданницѣ, дочери какого-то управителя. Я готовъ держать пари, что онъ мѣтитъ на дочку испанскаго гранда! Вѣдь Американцы съ ума сходятъ по этимъ глупымъ титуламъ! Итакъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, сеньйорита Каста останется не при чемъ; тогда-то мы насмѣемся, другъ прокуроръ, тогда-то намъ будетъ потѣха! Ха, ха, ха!

Я готовъ былъ броситься на него и задушить его, но тутъ онъ вдругъ обернулся къ другимъ гостямъ о чемъ-то разговаривающимъ, и спросилъ:

— Что это вы говорите про стихотворенія Мартинеса де ла-Роса? знаете ли вы, что это за стихотворенія?

— Лирическія, отвѣчалъ кто-то.

— Нѣтъ, извините, они не лирическія, возразилъ донъ Іуда.

— Какъ же вы ихъ назовете? спросилъ другой съ изумленіемъ.

— Они—поддѣльныя, отвѣчалъ донъ Іуда.

— Какъ поддѣльныя? раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Да, господа; я это знаю изъ вѣрнаго источника. Вотъ вамъ примѣръ дерзости этихъ писателей, которые все толкуютъ, что они сыны музъ, вдохновлены какимъ-то Полономъ... Эти стихотворенія были написаны дѣвочкою семнадцати лѣтъ которая, конечно, видитъ не дальше своего носа... Ну, что вы на это скажете?

— Повылуите, сеньйоръ? въ своамъ ли вы умѣ? сказагь одинъ изъ присутствующихъ.

— Я это знаю такъ положительно, продолжалъ донъ Іуда,— что надняхъ, у одного изъ пріятелей сеньйора Мартинеса де ла Роса, увидѣвъ на столѣ книгу его стихотвореній, я написалъ на первомъ листкѣ: «Грѣхъ не на его душѣ».

Иные расхохотались, другіе сердились, третьи готовы были повѣрить дону Іудѣ, видя увѣренность, съ которою онъ говорилъ. Не знаю, чѣмъ кончился бы споръ, еслибъ его не прервалъ какой-то знакомый дона Іуды, сказавъ ему:

— Донъ Іуда, недавно васъ тутъ кто-то спрашивалъ.

— Меня? сказагь донъ Іуда.

— Да, васъ, отвѣчалъ тотъ:— молодой человекъ, худенькій и блѣдный, съ огромною бородою. Онъ, кажется, только-что пріѣхалъ изъ Уэльвы.

Донъ Іуда измѣнился въ лицѣ: фзисіономія его вытянулась вдругъ, глаза какъ-то выпучились; ты, вѣрно, догадался, что этотъ молодой человекъ былъ никто иной, какъ Педро де-Торесъ.

— Скажите этому господину, проговорилъ донъ Іуда, ухватясь за шляпу и направляясь къ двери,— что я уѣхалъ въ Пуерто,— меня тамъ ждутъ, чтобы сговориться со мною о цѣнѣ осьми быковъ, для будущаго праздника.

— И, можетъ-быть, васъ поджидаетъ тамъ какая-нибудь красотка? сказали нѣкоторые изъ гостей, знавшіе его слабость.

— Какъ знать? все можетъ быть, отвѣчалъ сеньйоръ Барбо у самой двери,—я, конечно, старъ, но глаза всегда молоды. До свиданія, господа!

Избавившись наконецъ отъ этого несноснаго болтуна, я почувствовалъ, что моимъ сердцемъ овладѣли тысяча новыхъ мученій. Я никого не разспрашивалъ о Кастѣ; мнѣ казалось святотатствомъ вмѣшиваться ея имя въ пустой разговоръ съ полужнакомыми людьми. Но теперь я рѣшился; мнѣ хотѣлось видѣть ее еще разъ, а потому бѣжать. Мнѣ хотѣлось сказать ей:

«Каста, вы мнѣ измѣнили; дай Богъ, чтобы другой васъ любилъ такъ сильно, такъ нѣжно, какъ я!»

Итакъ, я спросилъ у моего спутника, не знаетъ ли онъ этихъ дамъ.

— Какъ не знать! отвѣчалъ онъ,—онѣ очень дружны съ моею сестрою.

— И вы ихъ часто видите?

— Я всякій вечеръ встрѣчаю ихъ на бульварѣ.

А я-то ихъ искалъ въ театрѣ!

Я пригласилъ моего товарища отобѣдать со мною въ казино, чтобы не разставаться съ нимъ и имѣть предлогъ отправиться съ нимъ на бульваръ.

Мы пришли туда часовъ въ восемь.

Ты не можешь себѣ представить, любезный Поль, какъ восхитителенъ этотъ бульваръ въ лѣтнюю ночь, когда на небѣ блистають звѣзды, а на землѣ прелестныя женщины; когда свѣжій морской вѣтерокъ насъ ласкаетъ какъ поцалуи матери; когда волны, позлащенные луной, увѣнчанныя серебряною пѣной, рѣзвятся и пляшутъ вокругъ утесовъ, какъ веселыя дѣти вокругъ своей няни, когда умолкаетъ шумный день, и какъ будто бы прислушивается къ таинственному шопоту ночи. И когда тутъ встрѣтишь любимую женщину, нѣжную, любящую, постоянную, непоколебимую, тогда, о мой Поль! бульваръ дѣлается земнымъ раемъ!

Этотъ Барбо солгалъ. Каста вовсе не обращаетъ вниманія на миллионера, который за нею ухаживаетъ. Конечно, ея мать желала бы, чтобъ она за него вышла замужъ, тѣмъ болѣе, что онъ, говорятъ, премилый молодой человекъ, и вѣроятно составитъ блистательную карьеру. Но Каста тверда и непоколебима; она не понимаетъ супружескаго счастья безъ любви, и она любитъ меня!

Я ее вижу по вечерамъ на бульварѣ, куда она приходитъ съ сестрою моего пріятеля. Но мнѣ всего осталось восемь дней; послѣ того, мнѣ нужно будетъ вернуться въ Севилью. Но я уношу въ своемъ сердцѣ вѣру въ настоящее и надежду на будущее.

Продолженіе письма, нѣсколько дней спустя.

Я совсѣмъ забылъ отдать это письмо на почту, любезный другъ. Люди въ счастіи всегда заняты исключительно собою; однако, прежде, чѣмъ запечатать свое письмо, я присоединяю къ нему посланіе отъ донна Іуды, которое я только что получилъ.

« Милостивый Государь Любезный прокуроръ.

« Я знаю, что вы очень дружны съ генералъ-комендантомъ, вѣроятно потому, что учились съ нимъ вмѣстѣ (въ мое время, такіе высокіе чиновники не знали съ людьми низшаго разряда), и слѣдовательно, никто лучше васъ не можетъ за меня поручиться, не можетъ объяснить его превосходительству, какія ужасныя несправедливости я претерпѣваю.

« Можете ли вообразить, что я получилъ приказъ отъ генералъ-коменданта, написанный въ самыхъ оскорбительныхъ выраженіяхъ: меня называютъ заговорщикомъ, измѣнникомъ, опаснымъ человекомъ, который подкупленъ мароккскимъ императоромъ! Меня

обвиняють въ томъ, будто бы я обѣщалъ награжденіе войскамъ стоящимъ въ Санъ-Рокъ и Алхесирасъ, съ тѣмъ чтобъ они не отправлялись въ Африку. Съ какой стати я дамъ такое обѣщаніе Конечно, вы знаете, что я не способенъ такимъ образомъ сорить деньгами,—въ этомъ вы смѣло можете присягнуть.

• Да скажите же генералъ-коменданту, и повторите ему тысячу разъ, что я человекъ безъ мнѣній, безъ правилъ. Я этимъ горжусь: мнѣнія погубили Испанію. Я не карлистъ, я не умѣренный, я не радикалъ; но ужъ всего меньше мароккистъ. Это, должно быть, новая партія, недавно образовавшаяся, и, клянусь честью, что я про нее ничего не знаю. Бѣдная Испанія! этого еще ей не доставало! Отдаю голову на отсѣченіе, что это выдумка проклятыхъ республиканцевъ.

• Приказъ генералъ-коменданта объявляетъ меня арестованнымъ, и запрещаетъ выѣзжать изъ города. Я даже не могу бывать на своихъ мызахъ! А теперь время жатвы, и я знаю, что мошенники управители меня безсовѣстно обкрадываютъ.

• Слыханое ли дѣло, поступать такимъ образомъ съ кавалеромъ ордена Карла III, съ первымъ скотоводомъ въ Андалузіи! Мои быки вездѣ славятся своею силою, храбростію, свирѣпостію; но ихъ хозяинъ, слава Богу, отличается совсѣмъ противоположными качествами.

• Вы не можете себѣ представить, какъ всѣ изумлены моимъ арестомъ, особенно, когда я говорю, что меня подозрѣваютъ въ мароккизмѣ. Никто ничего не понимаетъ, а я меньше всѣхъ.

• Увѣрьте же нашего почтеннаго и многоуважаемаго генералъ-коменданта, что я надежный патріотъ, истинный христіанинъ, отъявленный врагъ этой магометанской партіи (чтобы чортъ ее побралъ!). Что я не имѣлъ никакихъ сношеній съ этимъ дурацкимъ императоромъ, про котораго теперь слышу въ первый разъ.

• Любезный Ксавирито, я знаю, что на бѣломъ свѣтѣ ничего даромъ не дѣлается (да и дуракъ тотъ, кто станетъ хлопотать безо всякой пользы для себя). Если вы мнѣ поможете выпутаться изъ этого неприятнаго дѣла, я вамъ пришлю великолѣпнаго жеребца, лучшаго въ моемъ заводѣ, на память отъ вашего стариннаго друга

Иуды Тадео Барбо.

Вотъ мой отвѣтъ:

• Приказъ генералъ-коменданта поддѣланъ, и арестъ вашъ не болѣе какъ шутка. Вы можете отправляться куда вамъ угодно, и никто не станетъ мѣшаться въ ваши дѣла. Дай Богъ, чтобъ и вы не вмѣшивались впредь въ дѣла вашихъ ближнихъ.

Честь имѣю пребыть, и т. д.

К. Барео.

Ты догадываешься конечно, что это месть дона Педро де-Торресъ; но если даже донъ Иуда будетъ его подозрѣвать, ему врядъ ли удастся доказать что-нибудь противъ него. Непонятно только, какимъ образомъ Торресъ могъ достать бумагу со штемпелемъ генераль-комендантства.

Отъ того же, къ тому же.

Севилья.

«Я опять вернулся сюда болѣе спокойнымъ, но такимъ же несчастнымъ, какъ уѣхалъ. Положеніе Касты и ея матери въ самомъ дѣлѣ ужасное. Онѣ не имѣютъ ничего, кромѣ пенсіи, да и та выплачивается имъ очень неаккуратно. Да, точно, моя любовь эгоистична; состоянія у меня нѣтъ никакого, я только что начинаю служить: что же я могу предложить Кастѣ, въ замѣнъ тѣхъ жертвъ, которыя она мнѣ принесетъ? Скрѣпя сердце, я рѣшился ей самой высказать все это; а знаешь ли, что мнѣ отвѣчала моя безцѣнная Каста? Что у нея есть тетка, которая ждала пятнадцать лѣтъ и не выходила замужъ за любимаго человѣка, и что рѣдко встрѣтишь женщину счастливѣе ея.

Мнѣ такъ необходимо чѣмъ-нибудь разсѣяться, что я намѣренъ усерднѣе чѣмъ когда-либо разспрашивать дядю, тѣмъ болѣе, что тебя такъ занимаютъ его разказы.

Вчера, я опять приступилъ къ нему съ просьбой сообщить мнѣ еще что-нибудь изъ своихъ воспоминаній, которыя онъ умѣлъ сохранить съ такою живостію и ясностію.

— Я тебѣ разкажу случай очень недавній, отвѣчалъ мнѣ дядя,—мнѣ сегодня что-то не хочется напрягать свою память:

Года четыре тому назадъ, началъ онъ, ко мнѣ явился дядя Многоходъ.

Дядя Многоходъ былъ Серрано, (житель горы Сьеры) изъ Арасены; человѣкъ лѣтъ шестидесяти, сильный, высокій ростомъ, бодрый и веселый. Прозвище свое онъ получилъ вслѣдствіе своего ремесла; онъ былъ погонщикомъ муловъ и извощикомъ. Муловъ онъ держалъ отличныхъ, и на нихъ привозили въ Арасену разные товары и запасы для лавочекъ, а въ Севилью возилъ соленую рыбу, и другія мѣстныя произведенія. Съ незапамятныхъ лѣтъ, онъ каждую зиму снабжалъ нашъ домъ ветчиною и колбасами; а лѣтомъ и осенью привозилъ намъ персики и груши, такъ что меня не удивило его посѣщеніе. Но я удивился, увидя съ нимъ молодую дѣвушку лѣтъ семнадцати. Черты ея лица были такъ тонки и нѣжны, цвѣтъ лица такой свѣжій, что можно было бы принять ее за ребенка, еслибы въ гордомъ, глубокомъ взглядѣ

ея черныхъ глазъ не высказывалась женщина, Испанка, которая считаетъ себя королевой, не потому что она прекрасна молода, увлекательна, но потому, что она женщина.

— Вотъ какъ! дядя Многоходъ, сказалъ я ему, — сегодня ваши мулы привезли ношу полегче колбасъ, по красивѣе вашихъ груш, понѣжнѣе персиковъ...

— Да, прервалъ старикъ, да и хлопотъ-то мнѣ больше съ нею одною, чѣмъ со всѣмъ остальнымъ товаромъ! Вотъ въ чемъ дѣло, донъ Хусто; эта дѣвочка мнѣ крестница. Родители ея люди съ состояніемъ, живутъ въ Арасентѣ, другихъ дѣтей кромѣ нея у нихъ нѣтъ; такъ они и не знаютъ, куда ее посадить, чѣмъ побаловать. Отецъ въ ней души не чаеъ и ни въ чемъ не можетъ ей отказать; да и не онъ одинъ, всѣ по ея дудкѣ пляшутъ, въ томъ числѣ и вашъ покорнѣйшій слуга. Вотъ вздумалось ей поѣхать въ Утреру, погостить у тетки, родной сестры ея отца; я ее и повезъ. Пробыла она тамъ мѣсяцъ; а послушайте, что произошло въ это время: мы насчетъ этого и пришли посоветоваться съ вѣшею милостію.

Вотъ что я узналъ изъ разказовъ старика и его крестницы.

Пастора, или *Горный Цѣптокъ*, какъ прозвали ея въ Утрерѣ, прѣехала гостить къ теткѣ.

Разъ вечеромъ, она сидѣла у воротъ съ двоюродными сестрами и другими дѣвучками. Мимо нихъ проходило много красивыхъ молодцовъ съ легкою поступью, смѣлымъ взглядомъ и въ живописной одеждѣ Андалузцевъ. Всѣ они смотрѣли на хорошенькую Пастору; но она отъ нихъ отворачивалась, и на ея свѣжемъ личикѣ выражалось болѣе пренебреженіе чѣмъ стыдливость.

— Что это! сказала одна изъ двоюродныхъ сестеръ: — Пастору на всѣхъ хмурится. Послушай, Пастору! въ Арасентѣ вѣрно всѣ молодые люди прекраснѣе ангеловъ?

— Я на нихъ и не смотрѣла, отвѣчала Пастора.

— Ты хочешь въ монастырь идти? сказала другая дѣвучка.

— Или ты мѣтишь на какого-нибудь маркиза? прибавила третья.

— Нѣтъ, сказала старшая изъ сестеръ, — я отгадала въ чемъ дѣло; я знаю, на кого смотритъ Пастора.

— Что такое? воскликнула Пастора, и, отъ нетерпѣнія или отъ испуга, щеки ея покрылись яркимъ румянцемъ. — На кого это я смотрю? Я не знаю такого человѣка...

— Да, на кого? на кого? говори! закричали дѣвучки со всѣхъ сторонъ.

— На человѣка, который самъ ни на кого смотрѣть не хочетъ онъ всего разъ въ жизнь поднялъ глаза, и взглянулъ на Пастору.

— Да! да! Діего Молчаливый, который пришелъ изъ Досъ-Гу

наность! Да, честь и слава тебѣ, Пастора, если ты добилась взгляда отъ него; но врядъ ли ты когда-нибудь отъ него дождешься улыбки! Его отца зарѣзали, а мать умерла съ горя; онъ былъ еще ребенкомъ, но это несчастье такъ потрясло его, что онъ остался вялымъ, безсловеснымъ и неповоротливымъ какъ черепашка.

— Развѣ вы не знаете, сказала двоюродная сестра, — что огонь можетъ расплавить и камни?

— А любовь можетъ размягчить самого Діега.

— Да, сожги его, Пастора, сожги; это стоить труда: онъ молодецъ, красавецъ...

— Вы не понимаете что говорите, прервала Пастора. — Я не знаю Діега Молчаливаго, и онъ меня не знаетъ... Оставьте меня въ покоѣ, а не то я разсержусь.

Нѣсколько дней спустя, они собрались на праздникъ Богоматери Утѣшительницы. Изображеніе этой Богоматери находилось въ часовнѣ, среди оливковой рощи недалеко отъ Утреры.

Преданіе гласитъ, что настоящая икона, находящаяся въ Хересѣ, была привезена какими-то мореплавателями; одинъ изъ нихъ, по имени Адорно, принадлежалъ къ знаменитому роду графовъ де-Монте-Хиль. Среди ужасной бури, въ то время какъ у плавающихъ не оставалось болѣе надежды на спасеніе, они всѣ собрались на палубѣ и стали молиться Пресвятой Дѣвѣ. Волны вдругъ утихли, стали разступаться, и среди нихъ появилась икона Матери Божией, которая тихо подплыла къ кораблю. Мореплаватели приняли ее съ благоговѣніемъ, и, причаливъ къ берегу, отвезли въ Хересъ. Быки, запряженные въ телегу умерли, только-что довели святую икону.

Ей выстроили часовню въ монастырѣ Св. Доминга; украшенія алтаря всѣ изъ серебра, равно какъ и колесница съ быками, служащая пьедесталомъ Богоматери. Въ Хересѣ ей усердно поклоняются; и это набожное усердіе, это чистое пламя, согрѣвающее и освѣщающее сердца, горитъ постоянно. Утрерская Богоматерь, въ память чуда, совершеннаго ею, держитъ въ рукахъ корабль.

Пастора вмѣстѣ съ другими, отправилась на богомолье; ей достался старый черный оселъ, по прованію могино.

Могино употребилъ всѣ старанія, чтобы дать понять своимъ хозяевамъ, до какой степени ему не нравится эта утренняя прогулка, но напрасно. Его осѣдали, и такъ подтянули подпругу, что онъ невольно раскинулъ ноги и сталъ лягать во всѣ стороны. Пастора, легкая какъ птичка, вспрыгнувъ на сѣдло, и Могино, повѣсивъ голову и опустивъ уши, бросилъ послѣдній, грустный взглядъ на стойла, и вздохнувъ побрелъ вслѣдъ за караваномъ.

Доѣхали до рощи; лошадей привязали къ деревьямъ, а осламъ,

какъ животнымъ смиреннымъ, позволили пастись на свободѣ. Могино вмѣстѣ съ другими, занялся зеленою травкой; но, нѣсколько времени спустя, онъ поднялъ голову, посмотрѣлъ вокругъ, удостовѣрился, что его хозяевъ нѣтъ по близости, и что всѣ вошли въ часовню, повернулся и преспокойно, не говоря дурнаго слова, отправился домой.

Между тѣмъ, Пастора и ея спутники отслушали молебень, помолились какъ слѣдуетъ, пообедали на душистой травѣ; день прошелъ среди пѣсень и смѣха, и всѣмъ стало жаль, когда солнце, опускаясь къ небосклону, проникло своими косвенными лучами въ оливковую рощу, ослѣпляя всѣхъ своимъ огненнымъ блескомъ.

— Пойдемъ, пора намъ домой, сказали матери, — ночь идетъ проворнѣе нашихъ ословъ; она насъ захватитъ на полдорогѣ.

Мушныи отправились отыскивать ословъ.

— Эй, могино! могино! Проклятый оселъ, куда ты запропастился?

— Нѣтъ его!

— Боже мой! говорили женщины. — Что дѣлать? Какъ же Пастора вернется домой?

Всѣ мушныи, пріѣхавшіе верхомъ, привезли съ собою на лошади либо мать, либо жену, либо сестру.

— Послушайте, сеньйоры, вдругъ сказалъ мальчикъ. — Діего молчаливый также здѣсь, и никого не привезъ съ собою; онъ не любитъ одолжать другихъ.

— Діего, Діего, закричали молодые люди, подбѣгая къ нему: — Неужели тебѣ пріятнѣе ѣхать одному, чѣмъ вести такую красавицу, какъ Пастору. Ея оселъ пропалъ, посади ее съ собою.

Молодой человекъ, къ которому они обращались, такъ смутился, что его щеки покрылись яркимъ румянцемъ, и онъ отвѣчалъ невѣрнымъ голосомъ:

— У меня лошадь не смирная.

Одинъ изъ молодцовъ отошелъ на нѣсколько шаговъ, а потомъ со всего разбѣгу, вспрыгнувъ на лошадь. — Добрый конь, отлично выѣзженный, не пошевелился.

— Полно, не упрямясь, замѣтилъ товарищъ, — авось она разве селитъ твою кислую рожу.

— Дорого бы я далъ, чтобъ быть на твоёмъ мѣстѣ! проговорилъ другой.

— Тебѣ придется отслужить молебень Мадоннѣ-Утѣшительницѣ, за то, что она тебѣ послала такое утѣшеніе, сказалъ третій. Да и за что ему такое счастье?

— Тебѣ бы слѣдовало лошадь свою озолотить за такую услугу!

Среди всѣхъ этихъ шутокъ, Пастору усадили на лошадь. Она, и не подозрѣвая сопротивленія Діего и его мучительнаго сму-

щенія, спокойно оправива свое платье, одною рукою взялась за платокъ, привязанный къ хвосту лошади, а другою обвила станъ Діего; сердце его сильнѣе забилося подъ прикосновеніемъ этой руки.

Отправились въ путь, и вскорѣ прекрасная лошадь Діего опередила всѣхъ.

Діего Мена, извѣстный въ Утрерѣ подъ прозваніемъ *Молчаливаго*, достигъ уже двадцатилѣтняго возраста, а все не могъ отдѣлаться отъ ужаснаго впечатлѣнія, которое произвело на него совершившееся при немъ убійство; это страшное происшествіе казалось, навело на него какое-то оцѣпѣніе, притупило въ немъ всѣ чувства, кромѣ ужаса и отчаянія.

И до сихъ поръ, ничто не прерывало этого безпрестаннаго созерцанія собственнаго горя; онъ вездѣ чувствовалъ себя одинокимъ.

Діего былъ похожъ на дерево, побитое жестокимъ морозомъ; оно почернѣло, опустилось, листья опали; кажется, что въ немъ изсякли всѣ источники жизни.

Но при первомъ прикосновеніи молодой прелестной дѣвушки, полной жизни и огня, онъ оправился и расцвѣлъ какъ бы подъ мягкимъ дуновеніемъ весны. Солнце любви согрѣло своими лучами бѣдное дерево, раскинулись листья, распустились цвѣты, въ немъ заиграла свѣжая молодая жизнь.

Долгое время они ѣхали молча.

Наконецъ Діего спросилъ:

— Вы долго пробудете здѣсь?

— Около мѣсяца.

— Немного же!

— Отцу это покажется долго.

— Вѣроятно есть и другіе, которые васъ ждутъ не дождутся!

— Нѣтъ, никому еще меня ждать.

— Развѣ у васъ нѣтъ жениха?

— У меня? нѣтъ.

— Ваши земляки, должно быть, слѣпы.

— Можетъ быть, я глуха!

— Вы вѣрно очень разборчивы?

— И да, и нѣтъ.

— Это не отвѣтъ, а два противоположныхъ отвѣта.

— А васъ это занимаетъ?

— Можетъ-быть.

— Ужь это вовсе не отвѣтъ.

— Вы, видно привыкли скоро говорить *нѣтъ*?

— А вы, видно, не умѣете добиться, чтобы вамъ скоро отвѣчали *да*.

- Находясь въ неизвѣстности, можно ли надѣяться?
 — Незвѣстность—преддверіе рая.
 — Вы меня знаете?
 — Да, я знаю васъ, и вы меня.
 — Кто же вамъ это сказалъ?
 — Другъ, который никогда не обманываетъ.
 — Этотъ другъ говоритъ мнѣ, что я понравиться не могу; я такъ грустенъ постоянно!
 — Въ такомъ случаѣ, я съ своею веселостью не могла бы нравиться людямъ печальнымъ.
 — Увы! это было бы лучше для меня.
 — А для меня было бы хуже.
 — Развѣ вы хотите мнѣ нравиться?
 — Развѣ звѣзды не хотятъ блистать?
 — Хотите быть моею звѣздой?
 — Я ничего не *хочу*: я остаюсь чѣмъ была.
 — Нѣтъ, я васъ не могу выбрать безъ вашего согласія.
 — Согласія не просятъ, а заслуживаютъ.
 — Какимъ образомъ?
 — Это не говорится, а отгадывается.

Они доѣхали до деревни.

— Послушайте, проговорилъ Діего съ волненіемъ,—въ сѣняхъ дяди Бласа есть окошко на улицу, вы его отворите?

— Увидимъ.

— Не болѣе какъ надежда?

— Вотъ еще! Вамъ этого мало? сказала Пастора, спрыгнувъ съ лошади. — Благодарю васъ, Діего; ваша лошадь отлично бѣжитъ.

— Слишкомъ быстро, Пастора.

Она сдѣлала ему знакъ рукою и убѣжала въ домъ.

Діего удалился, на душѣ у него вдругъ стало свѣтло.

Нѣсколько времени спустя, дядя Многоходъ пріѣхалъ за своею крестницею.

Дядя Многоходъ былъ весельчакъ, шутникъ и хохотунъ. Онъ скоро разузналъ отъ другихъ дѣвушекъ про сердечныя дѣла Пасторы.

— Что это, Пастора, сказалъ онъ ей однажды, — о чемъ это вы все толкуете съ Діего Мена?

На лицѣ Пасторы показалась и улыбка и легкое движеніе досады.

— Вы волшебникъ, отвѣчала она,—или у васъ глаза, какъ у кошки; вы можете разсмотрѣть въ темнотѣ, кто подойдетъ къ окошку, и кто его отворить?

— А вы думаете можетъ быть, что у васъ шапка-невидимка, и что вы скрыты отъ всѣхъ глазъ? Впрочемъ ты у меня всегда не

любила болтать, Пастора. Да скажи, что же тутъ удивительнаго, если Діево Молчаливому полюбилась наша Пастора, нашъ горный цвѣтокъ, красавица на весь край?

— Красавица! что это вы надо мной смѣтаетесь, крестный?

— Развѣ ты не красавица, крошка моя?

— Нѣтъ.

— Да вѣдь ты нравишься Діево?

— Вы знаете, крестный, что не по хорошу милъ, а по милу хорошъ.

— Ладно; значить, нравишься?

— Боже мой! крестный, что это вы меня мучаете такими разспросами?

— Да все изъ участія, изъ любви къ тебѣ, дочь моя. Я уже освѣдомился: Діево малый хорошій; нечѣмъ его попрекнуть. Скажи ему, что я берусь переговорить съ твоимъ отцомъ...

— Нѣтъ, крестный, нѣтъ; это невозможно, отвѣчала Пастора.

— Какъ? Что такое? Что невозможно? спросилъ въ изумленіи дядя Многоходъ.

Въ Испаніи, особливо въ народномъ быту, любовь между молодыми людьми такъ естественно ведетъ къ женитьбѣ, что старикъ не зналъ, какъ понять слова крестницы.

— Вы знаете, отвѣчала Пастора,—что его отецъ умеръ такою ужасною смертью...

— Знаю, знаю, прервалъ старикъ.—Да что намъ до этого? Какое намъ дѣло знать, какъ умеръ отецъ, теперь идетъ рѣчь о томъ, какъ женить сына.

— Да онъ поклялся, продолжала Пастора, не устраивать своей жизни, не жениться и не быть счастливымъ, не знать минуты спокойствія, пока не исполнитъ сыновней обязанности, пока не найдетъ и не накажетъ убійцы отца.

— Полно, полно! прервалъ дядя Многоходъ,—что за пустяки. Значить, онъ далъ обѣщаніе никогда не жениться! Гдѣ ему теперь найти этого убійцу? Вотъ уже прошло двадцать лѣтъ, какъ его никто не видалъ, и имени его никто не знаетъ. Ужъ конечно, онъ или умеръ, или сидитъ гдѣ-нибудь въ тюрьмѣ. И неужели Діево надѣется узнать его, видѣвши его всего разъ, мелькомъ, когда ему было семь лѣтъ? Ну ужъ, Пастора, твой женихъ не въ своемъ умѣ.

— Что же дѣлать, крестный? Невозможно его переубѣдить; онъ говоритъ, что связанъ своимъ словомъ, своею честью. Онъ тоскуетъ и груститъ, а все-таки стоитъ на своемъ.

— Такъ мы и пришли, повторилъ дядя Многоходъ,—посоветоваться съ вашею милостію; не можете ли вы поговорить съ Діево, и отворотить его отъ этого безумнаго намѣренія? Васъ онъ мо-

жесть-быть и послушается, онъ знаетъ, какъ васъ любили и уважали его родители. Вѣдь онъ себя погубить, и хуже того, погубить также мою бѣдную Пастору; ему одно спасеніе—жениться: это отвлечетъ его отъ грустныхъ мыслей, которыя, до сихъ поръ, не давали ему покоя. Попросите какого-нибудь богослова отпустить ему клятву, которую онъ произнесъ, будучи ребенкомъ, въ порывѣ горя. Вы, по своему обыкновенію, сдѣлаете доброе дѣло, да къ тому же высушите росинку на этомъ цвѣточкѣ, прибавилъ онъ нѣжно трепля своею морщинистою рукою личико крестницы, покрывшееся слезами.

Я обѣщаль употребить всѣ свои старанія, чтобы помочь итъ горю.»

Дядя усталъ, и не могъ продолжать; я отправился на гулянье. Въ эту минуту только-что прибылъ пароходъ изъ Кадикса. Кто-то меня позвалъ: я обернулся, и—вообрази мою радость!—увидѣлъ того пріятеля, про котораго тебѣ писалъ недавно, и который долженъ былъ мнѣ привезти извѣстіе о Каствѣ!

— Я пріѣхалъ, сказалъ онъ мнѣ,—по случаю процесса, который долженъ рѣшиться нынѣшнюю недѣлю въ судѣ. Очень радъ, что встрѣтилъ тебя у самой пристани: я много кой-чего имѣю тебѣ сообщить. Я знаю, что ты горюшь нетерпѣніемъ разузнать про извѣстную особу; но я не стану про нее говорить, пока не будемъ дома. Довольно тебѣ знать, что она здорова. А покамѣсть, я разкажу тебѣ случай, которому нечаянно былъ свидѣтелемъ; дѣйствующія лица, большею частію, тебѣ знакомы.

И онъ разказалъ мнѣ слѣдующее:

«Нѣсколько дней тому назадъ, я зашелъ въ одинъ кафе, пользующійся не самою лучшею репутаціей. Первый мнѣ бросился въ глаза Педро де-Торресъ, сидѣвшій за столомъ, съ огромною сигарой въ зубахъ, и окруженный нѣсколькими людьми, довольно подозрительной наружности. Я стоялъ у окна и разговаривалъ съ однимъ знакомымъ, когда, вдругъ, дверь отворилась настежь, и вошелъ твой пріятель, донъ Іуда Тадео Барбо.

Какъ онъ нѣмѣнился! Его толстый животъ опустился, какъ парусъ, не надуваемый вѣтромъ; лицо пожелтѣло, какъ лимонъ; двойной подбородокъ еще болѣе отвисъ, и падалъ на шею вѣлыми, дряблыми складками. Сомбреро, обыкновенно ухорски заомленный назадъ, на этотъ разъ былъ надвинутъ на самые глаза; твердымъ шагомъ прошелъ онъ по всему кафе, и остановился передъ дономъ Педро де-Торресъ, стараясь придать своей тупой физиономіи возможности грозное выраженіе.

— Чтò это значитъ, благородный соотечественникъ? воскликнулъ Педро де-Торресъ, опрокидываясь на спинку стула,—я зналъ

вашу милость толстымъ и веселымъ Санхо-Панса, а теперь я васъ вижу рыцаремъ Печальнаго Образа?

— И вы меня спрашиваете! отвѣчалъ донъ Іуда:—вы, который были моимъ палачомъ, мучителемъ, чуть меня въ гробъ не свели? Развѣ вамъ неизвѣстно, что, когда я узналъ про вашъ низкій, безсовѣстный поступокъ, со мною сдѣлался ударъ, и, еслибы мнѣ не поставили, тотчасъ же, одиннадцать пивокъ, меня бы не было теперь въ живыхъ!

— Такъ поставьте себѣ двѣнадцатую, сказала Педро де-Торресъ,—у васъ и теперь кровь слишкомъ горяча.

— Вы, вы мнѣ портите кровь, воскликнулъ донъ Іуда.— Господа, прибавилъ онъ, обращаясь ко всемъ окружающимъ,—послушайте, какъ безсовѣстно со мною поступили!

И, вслѣдъ за тѣмъ, донъ Іуда разказалъ все то, о чемъ я тебѣ писалъ напередни.

Всѣ расхохотались.

— Чтò за симпатія между нами! сказала донъ Педро.—Меня выслали изъ столицы, васъ схватили! Право, трогательно!

— Дѣло въ томъ, закричалъ донъ Іуда,—что вы подлый обманщикъ, вы разбойникъ, убійца! И вы думаете, что вамъ это пройдетъ даромъ? Нѣтъ, донъ Педро де-Торресъ, на это есть законы, за такіе поступки посылаютъ на каторгу. Вы увидите, позволительно ли употреблять такія средства, чтобы безчестить почтенное имя, чтобы возмущать спокойствіе человѣка порядочнаго, солиднаго, съ милліономъ наличнаго капитала!

— Бѣдность внушаетъ мнѣ болѣе уваженія, чѣмъ ваши миліоны, возразилъ Педро де-Торресъ торжественнымъ тономъ, хладнокровно выпуская дымъ своей сигары.—Вы можете другихъ ослѣплять своимъ золотомъ, на меня не подѣйствуетъ презрѣнный металлъ. Я смѣюсь надъ нимъ и надъ вами!

— Смѣйтесь, смѣйтесь! Но знайте, что дѣло не останется такъ, я въ томъ клянусь!

Одинъ изъ друзей Педро де-Торресъ съ страшною бородой и бакенбардами подошелъ къ дону Іудѣ и сказалъ ему, на смѣшанномъ испанско-италіанскомъ языкѣ:

— Если вамъ нуженъ свидѣтель, я къ вашимъ услугамъ. На пистолетахъ или на шпагахъ?

— Да вы также съ ума, кажется, сошли? закричалъ донъ Іуда.— Стану я съ нимъ драться! Стану я подвергать опасности свою жизнь, когда онъ и то чуть-чуть было меня не убилъ! Да я и стрѣлять-то не умѣю. Позвольте спросить васъ, ужъ не подкупили ли васъ мои наслѣдники? Похожъ я на какого-нибудь бреттера, головорѣза? Я человѣкъ почтенный и солидный, первый скотоводъ въ Андалузїи! Чтò бы сказала королева, епископъ,

да и всѣ порядочные люди, еслибъ я вздумалъ драться? Богъ съ вами, милостивый государь, предлагайте свои услуги такимъ же сорванцамъ, какъ вы, а меня оставьте въ покоѣ.

— Всѣ доносчики трусы! съ удареніемъ проговорилъ Педро де-Торресъ.

— Кто здѣсь доносчикъ? спросило нѣсколько голосовъ.—Вонъ, вонъ доносчика!

— Я отправляюсь прямо къ судѣ, сеньйоръ де-Торресъ, сказалъ донъ Іуда.

— Вонъ, вонъ доносчика! закричали друзья Педро де-Торресъ.

— Чортъ побери! въ бѣшенствѣ вскрикнулъ донъ Іуда.—Мы здѣсь между Кафрама, что ли?

— Сами вы Кафръ! Вонъ, вонъ доносчика!..

Я видѣлъ, что тутъ выйдетъ какая-нибудь исторія, и, хотя я вообще не питаю сочувствія къ твоему пріятелю дону Іудѣ, мнѣ стало жаль его; я взялъ его подъ руку и увелъ изъ кафе; на улицѣ онъ разразился угрозами и проклятіями дону Педро и его сообщникамъ. »

Между тѣмъ, мы дошли домой, и, къ великой моей радости, пріятель наконецъ согласился разказать мнѣ про Касту.

•Нѣсколько дней тому назадъ, сестра моя была у доньи Монники, которая очень огорчена послѣдними извѣстіями, полученными съ Канарійскихъ острововъ: нѣтъ надежды, чтобы ей продолжали выплачивать пенсію мужа. Вошелъ молодой Миранда, который, ты знаешь, сватался за Касту. Онъ былъ еще наряднѣе, щеголеватѣе обыкновеннаго; вмѣстѣ съ нимъ вошелъ чело-вѣкъ пожилыхъ лѣтъ, небрежно одѣтый и съ довольно пошлою фizioномією.

Миранда представилъ его дамамъ; это былъ его отецъ.

Послѣ первыхъ привѣтствій, старикъ Миранда сказалъ, обращаясь къ доньѣ Моникѣ:

— Полагаю, сеньйора, что это сеньйорита ваша дочь?

— Къ услугамъ вашимъ, отвѣчала донья Моника.

Каста не поднимала глазъ съ своего шитья.

— Я не охотникъ до длинныхъ разговоровъ, продолжалъ Перуанецъ;—я люблю идти прямо къ дѣлу. Итакъ, безъ дальнихъ предисловій, я объявляю вамъ, что пришелъ просить руки вашей дочери для моего молодца. Васъ это удивляетъ? да что жъ дѣлать! чело-вѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Я, конечно, желалъ для него другой партіи; я на него имѣлъ иные виды; да вотъ онъ не хочетъ, сталъ чахнуть и блѣднѣть. Чортъ возьми! Онъ у меня единственный сынъ, и когда я его вижу грустнымъ и больнымъ, я не умѣю говорить *млъть!*

Пока старикъ Миранда разглагольствовалъ такимъ образомъ, Каста то краснѣла, то становилась блѣдною какъ полотно.

Донья Моника, видѣ себя отъ радости, отвѣчала нѣсколькими любезными словами и съ безпокойствомъ поглядывала на дочь, которая сидѣла молча, и все не поднимала глазъ съ работы.»

Между молодыми Испанками, воспитанными въ свѣтѣ, конечно, врядъ ли можно встрѣтить ту дѣтскую невинность, ту робкую скромность, ту преувеличенную осторожность, которыми отличаются сѣверныя дѣвушки. У Испанки слишкомъ живой умъ, слишкомъ пылокое воображеніе, энергичный характеръ, слишкомъ глубоки чувства, чтобъ ей ужиться въ этой стѣснительной атмосферѣ. Ей бы показалось смѣшнымъ и страннымъ играть роль наивнаго ребенка, она и не пойметъ, чтó можетъ быть привлекательнаго въ такомъ притворствѣ; она не захочетъ низойти до него, какъ царевна не захочетъ унизиться нарядившись пастушкой.

Но, вмѣсто этого туманно-розоваго покрывала, въ которое облекаются сѣверныя дѣвы, у Испанки другая защита—гордость. Гордость не дѣлаетъ ея недоверчивою, сосредоточенною, она только возвышаетъ ее.

Изъ гордости Испанка пренебрегаетъ кокетствомъ, она знаетъ, что оно ей не нужно, чтобы покорять сердца; гордость лучше всего ручается за ея добродѣтель. И потому, ни одна женщина не понимаетъ, лучше Испанки женскаго достоинства. Поэтому, также нѣтъ мужчинъ болѣе страстныхъ, болѣе нѣжныхъ, болѣе почтительныхъ, болѣе постоянныхъ, чѣмъ Испанцы.

«Сынъ мой, сказалъ старый Миранда, посмотрѣвъ на Касту,—противъ нея лично я ничего не могу сказать; стоить только на нее взглянуть, чтобы понять твой выборъ. Донья Моника, если насъ не ослѣпляетъ пристрастіе, мы можемъ надѣяться, что наши внуки будутъ прехорошенькіе. Чтó это вы шьете, Кастита?»

— Холстинковое платье, отвѣчала она.

— Полно, полно, бросьте работу, сказалъ будущій ея свекоръ.—Впередъ вамъ не придется больше шить; ваша милость не будетъ больше носить холстинковыя платья...

— Я люблю холстинку, сеньйоръ, и буду всегда ее носить.

— А если вашему мужу не понравится? если онъ захочетъ, чтобы вы всегда ходили въ шелку?

— Этого не можетъ случиться, сказала Каста твердымъ голосомъ,—потому что я не намѣрена выходить замужъ.

Услыша этотъ рѣзкій и рѣшительный отвѣтъ, сеньйоръ Миранда остановился въ недоумѣніи; сынъ его тревожно и тоскливо смотрѣлъ на Касту; бѣдная мать поблѣднѣла и воскликнула: «Каста, Каста!» А моя сестра сказала ей на ухо: «Ради Бога, Каста, не рѣшайся такъ поспѣшно; подумай сперва!»

Каста спокойно продолжала шить, и не поднимала головы.

— Это что такое? воскликнулъ наконецъ сеньйоръ Миранда.— Моему сыну отказываютъ? Моему сыну! Моему сыну, лучшему жениху, первому молодцу въ Кадиксѣ, воспитанному въ Лондонѣ и Парижѣ, камеръ-юнкеру ея величества, моему единственному наслѣднику...

— Который слѣдовательно, прервала Каста съ лукавою улыбкой,—носить золотой ключъ, отворяющій всѣ двери? Не такъ ли?

— Сеньйорита! прервалъ старикъ Миранда въ сердцахъ,—позвольте спросить, какіе у васъ виды? Какого вы себя поджидаете жениха? Инфанта дона Франсиско, или инфанта дона Эрико?

— Я не имѣю такихъ высокихъ притязаній, спокойно отвѣчала Каста,—я хочу только быть счастливою.

Услышавъ этотъ отвѣтъ, молодой Миранда всталъ и проговорилъ съ достоинствомъ:

— Довольно, батюшка, пойдемъ.

— Конечно, конечно, сынъ мой, нечего намъ тутъ оставаться! Мало ли ты встрѣтишь красивыхъ дѣвушекъ, которыя почтутъ себя счастливыми имѣть тебя мужемъ! Такого жениха какъ ты не такъ-то легко встрѣтить. Не огорчайся, не огорчайся, я тебѣ получше найду невѣсту...

Когда они ушли, бѣдная донья Моника дала волю своему горю; она разразилась слезами и жалобами на дочь. Каста вмѣстѣ съ моею сестрой напрасно старались ее успокоить.

— Матушка, говорила Каста, — неужели вы хотите, чтобъ я поступила безсовѣстно, чтобы вышла замужъ за этого человѣка, между тѣмъ какъ люблю другаго? Неужели вы хотите, чтобъ я была несчастна навѣки, выйдя замужъ за человѣка, котораго не люблю?

Въ эту минуту горести и смущенія, неожиданно появился донъ Иуда Тадео, онъ какъ будто бы съ неба упалъ.

— Ave Maria! сказала Каста съ удивленіемъ и нѣкоторою досадою.—Какимъ же образомъ вошла ваша милость?

— Господи помилуй, Кастита, что вы меня встрѣчаете такъ не гостепріимно? Какъ я вошелъ? Да ужь, конечно, черезъ дверь, какъ всякій смертный человѣкъ; въ ту самую минуту какъ выходилъ Перуанецъ съ сыномъ. Однако, Боже мой, что же здѣсь случилось? Что съ вами, дорогая моя донья Моника? Развѣ съ вами случилась непріятность, какъ со мною?

— Да, сеньйоръ, и виною всему моя дочь, отвѣчала донья Моника внѣ себя,—моя дочь, донъ Иуда, которая скоро сведетъ меня въ гробъ.

— Полно, полно, донья Моника, не извольте такъ тревожиться. А вотъ меня такъ точно чуть было не уморили! А все этотъ

мошенникъ, Педро де-Торресъ, чтобы чортъ его побралъ со всѣми его друзьями!..

— Можете вообразить, донъ Иуда, что эта глупая и упрямая дѣвочка...

— Можете вообразить, донья Моника, что этотъ безсовѣстный негодяй...

— Вздумала испортить всю свою будущность!

— Вздумалъ фальшивымъ приказомъ засадить меня въ крѣпость на цѣлый мѣсяцъ!

— Дѣвушка безо всякаго состоянія!

— Почтеннаго, солиднаго человѣка!

— Да нужно быть слѣпою...

— Да нужно быть отъявленнымъ плутомъ...

— Наплачется же она всю свою жизнь.

— Да и онъ также, надѣюсь.

— Она раскается, но будетъ поздно.

— Именно то же я сказалъ этому бородачу.

— Донъ Иуда! можете вообразить, что она отказала молодому Миранду!

— Миранду! отказала! повторишь донъ Иуда, и трость выпала у него изъ рукъ. — Впрочемъ, прибавилъ онъ, нагибаясь и поднимая ее, — чему жъ я удивляюсь? Вѣдь она отказала и мнѣ?

Каста подошла къ дону Иудѣ и сказала ему, намекая на ихъ разговоръ въ Санъ-Хуанѣ:

— Мнѣ хочется разказать вамъ про другаго гальего, гораздо глупѣе и безразсуднѣе того, про котораго вы мнѣ говорили: послѣ того, какъ онъ нашелъ пѣстръ и не захотѣлъ взятьего, онъ наткнулся на золотую монету, да и ту оставилъ и пошелъ дальше.

— Это доказываетъ, сеньйорита, отвѣчалъ донъ Иуда, — что кѣ инымъ людямъ судьба благоволитъ не по заслугамъ: это доказываетъ, что ваша милость не умѣетъ благоразумно пользоваться своимъ счастьемъ; вѣдь въ самомъ дѣлѣ, не безразсудство ли, такъ увлечься какимъ-нибудь чиновничкомъ и изъ-за него отказывать самымъ лучшимъ женихамъ! Да я всегда зналъ, что женщина ученая, которая книги вздумаетъ писать, никуда не годится и вести себя не сумѣетъ съ толкомъ. Она, какъ всѣ писатели, все *славы* добивается! Да что такое слава? Они сами не знаютъ, а все за нею гоняются и называютъ золото презрѣннымъ металломъ, какъ этотъ мошенникъ Педро де-Торресъ, который свое имѣніе промоталъ. Презрѣнный металлъ! Положимъ еще, они бы говорили про мѣдь, про мелкую монету... А золото—презрѣнный металлъ! Ха, ха, ха! Презрѣнный металлъ! Да есть ли въ этомъ капля здраваго смысла!

— Что это вы тутъ толкуете про книги, про ученость, про

славу? сказала донья Моника, обиженнымъ тономъ.—Я васъ не понимаю. Поняла я только, что вы предерзко обвиняете мою дочь въ безразсудствѣ за то, что она не хочетъ выйти замужъ по расчету, и любить отличнаго молодого человѣка, полнаго достоинствъ и ума, противъ котораго ничего нельзя сказать, развѣ только, что онъ не богатъ. Эта любовь — несчастіе, но вовсе не безразсудство, и никто, кромѣ матери, не имѣетъ причины и права на нее жаловаться.

— А-а! проговорилъ донъ Іуда,—такъ вотъ откуда вѣтеръ подулъ? Ваша милость одобряете безумную прихоть сеньйориты Касты? Прекрасно! Да видно, вы всегда придерживались этой системы, всегда потакали дочкѣ! Вотъ вамъ и послѣдствія такого воспитанія! Богъ съ вами, Кастита, съ вашими причудами и вашею адскою гордостью!

— Я только однимъ горжусь, донъ Іуда, отвѣчала Каста, — тѣмъ, что, несмотря на мою молодость и неопытность, я умѣю отличать истинныя достоинства отъ внѣшняго блеска; Мартинесъ де ла Роса говоритъ, что въ этомъ и состоитъ истинная философія, прибавила она съ обычною плутовскою улыбкой.

— Философія! Спаси и охрани меня Пресвятая Дѣва! воскликнулъ донъ Іуда, хватаясь за шляпу и поспѣшно убѣгая.

ОТЪ ТОГО ЖЕ КЪ ТОМУ ЖЕ.

Получилъ я твое письмо, любезный Поль, и вижу, что ты не ожидалъ моего послѣдняго посланія. Ты говоришь, что мой разказъ дѣлается *too rich*, какъ выражаются Англичане, что онъ слишкомъ обилень проществіями, слишкомъ сложенъ, набросанъ слишкомъ рѣзкими чертами. Но это не моя вина, и не вина дяди. Ты бы желалъ, чтобы повѣсть заключалась письмомъ тетушки Хуаны, которое тебя такъ растрогало; но вѣдь дядя разказываетъ мнѣ истинную исторію, онъ не заботится объ эффектахъ или о литературной округленности разказа; онъ хотѣлъ только мнѣ доказать, что въ иныхъ семействахъ несчастіе дѣлается какъ будто бы наследственнымъ, и передается изъ рода въ родъ. Еслибъ я писалъ романъ, я бы все расположилъ и повернулъ по своему вкусу, но я только передаю тебѣ все то, что слышу, и ничего не убавляю и не прибавляю отъ себя.

Послѣ того, что я тебѣ написалъ о Кастѣ, ты поймешь, любезный другъ, что моя любовь къ ней дошла до боготворенія, но что, вмѣстѣ съ тѣмъ, я нахожусь въ ужасномъ положеніи. Я себя

могу утѣшать только отдаленными и невѣрными надеждами. Тяжело мнѣ приходится, милый Поль, я близко къ совершенному отчаянію.

Я пишу тебѣ теперь, отчасти для того, чтобы себя насильно отвлечь отъ грустныхъ мыслей.

Дядя продолжалъ свой разказъ слѣдующимъ образомъ :

« Недѣли двѣ послѣ приведеннаго мною разговора, дядя Многоходъ уѣхалъ отсюда въ Арасену вмѣстѣ съ Диего Мена.

Была весна, и они выѣхали около шести часовъ вечера, по большой эстремадурской дорогѣ.

Солнце сѣло, и послѣ жаркаго, знойнаго дня, надъ землею распространилась какая-то благоуханная прохлада; все утихло и успокоилось.

Длинный рядъ муловъ двигался медленнымъ, правильнымъ шагомъ; бубенчики, повѣшенные у нихъ на шеѣ, однообразно звенѣли, имъ вторилъ тонкій, пронзительный голосъ кузнечика. Эти однообразные звуки, въ полѣ, среди ночной тиши имѣли что-то неизвѣстимо поэтическое. Кузнечиковъ очень любятъ въ Андалузїи, ихъ продаютъ въ клеточкахъ въ цвѣточныхъ лавкахъ; на хорошо убранномъ балконѣ, лѣтомъ, непременно должны быть навѣсъ изъ холста, цвѣты въ изобилїи, большой фарфоровый сосудъ съ студеною, прозрачною водою, и кузнечикъ, воспѣвающий солнце и теплоту.

Впереди, на одномъ изъ муловъ, ѣхалъ молодой слуга дяди Многохода. Онъ былъ отличный наѣздникъ, и, растянувшись во всю длину на своемъ мулѣ, такъ что голова его лежала на головѣ животнаго, онъ напоминалъ древніе камни, которые съ одной стороны представляютъ ослиную голову, а съ другой лицо короля Мидаса. Онъ звонкимъ голосомъ распѣвалъ какую-то народную пѣсню.

Дядя Многоходъ спокойно сидѣлъ на своемъ мулѣ; ноги его, покрытыя черными суконными штиблетами, болтались по сторонамъ, и онъ флегматически курилъ сигару. Рядомъ съ нимъ ѣхалъ Диего Мена и досадовалъ на медленный шагъ поѣзда.

— Не горячитесь, говорилъ ему старикъ, — конечно, ваша прекрасная лошадь могла бы проскакать десять миль въ шесть часовъ, но дальше бы она не пошла; а намъ нужно проѣхать миль двадцать. Вотъ мои мулы не торопятся, но зато и не устаютъ; они и дорогу-то знаютъ навзрусть, нигдѣ, на самомъ трудномъ мѣстѣ, не оступятся; вы на нихъ можете положиться.

Уже стемнѣло, когда они доѣхали до Паханосы. Тутъ они свернули съ большой дороги и поѣхали по узкой тропинкѣ, до такой степени заросшей кустарникомъ, что едва-едва можно было ее разглядѣть подъ ногами муловъ.

Мало-по-малу окружающій ландшафтъ становился диче и уединеннѣе, почва каменистѣе; воцарилось совершенное молчаніе; легкій, весенній вѣтерокъ былъ не въ силахъ шевелить твердыми, колючими листьями остролиста.

Ничего не можетъ быть пріятнѣе, среди торжественной ночной тиши, какъ неожиданный звукъ журчащаго ручейка, пробивающагося сквозь камни. Бѣдняжка! онъ выбѣгаетъ изъ горъ, на мгновенье только красуется на солнцѣ, среди цвѣтовъ, и все спѣшить, спѣшить, увлекаемый судьбою, пока наконецъ пропадетъ въ бездонномъ морѣ!

Они проѣхали цѣлую ночь безъ отдыха, и часовъ въ десять утра остановились у одинокой венты, единственнаго человѣческаго жилища по всей дорогѣ. Она выстроена въ ущельи между двумя небольшими горами. Впереди чудная долина, все больше и больше расширяющаяся, по которой вьется серебряный ручей, вдали виднѣтся городокъ Кастильо де ласъ Гардасъ; за домомъ живописная группа деревьевъ, среди которыхъ возвышается величественная сосна.

Наши путешественники были не очень чувствительны къ красотамъ природы; накормивъ и напоивъ своихъ муловъ, они сами позавтракали хлѣбомъ и колбасами, выпили глотокъ вина и легли спать.

Первый проснулся Діего Мена, часа въ два послѣ обѣда; видя, что товарищи все еще спятъ, онъ тихо вышелъ и сѣлъ передъ вентой. Не вдалекѣ отъ него, на кучѣ срубленныхъ вѣтокъ дикаго розмарина, сидѣла дѣвочка лѣтъ семи или осьми: она срывала бѣлые цвѣты розмарина и украшала ими головку, какъ царскимъ вѣнцомъ. По воздуху распространялось дивное благоуханіе, которому позавидовали бы самые модные будуары. Діего спросилъ у дѣвочки, откуда этотъ запахъ.

— Матушка топить печь, отвѣчалъ ребенокъ;—вѣрно, горитъ жимолость или розмаринъ. Развѣ ваша милость не знаетъ, какой запахъ у розмарина? А онъ такъ чудно пахнетъ, продолжала болтушка,—потому что изъ него течетъ кровь нашего Спасителя. У его цвѣточковъ пять лепестковъ, а на каждомъ красное кровавое пятно, это раны нашего Господа Иисуса Христа. Видите, сказала она, приближаясь къ Діего и подавая ему цвѣтокъ,—посмотрите, посмотрите! Ровно пять.

Діего взявъ цвѣтокъ и долго въ раздумьи смотрѣлъ на него: точно, на каждомъ лепесткѣ ясно изображалась кровавая рана. Странное дѣло! этотъ невинный, душистый цвѣточекъ какъ-то страшно дѣйствовалъ на его воображеніе, наполняя его трепетомъ и ужасомъ; а маленькая дѣвочка смотрѣла на него съ любовью, съ веселою дѣтскою улыбкою.

— Счастлива ты, проговорилъ наконецъ Діего, — ты видѣла раны только на цвѣточкахъ! Еслибъ ты ихъ видѣла на груди твоей матери, что бы ты сдѣлала съ тѣмъ, кто ее убилъ?

Малютка посмотрѣла на него съ недоумѣніемъ, но потомъ отвѣчала:

— Господь простилъ всѣмъ; мы также должны прощать.

— Ты не любишь своей матери! проговорилъ Діего, быстро вставая и отворачиваясь отъ нея.

— Больше, чѣмъ ваша милость своего отца, отвѣчала разобиженная дѣвочка, и отошла прочь.

Въ эту минуту у входа гостиницы появился дядя Многоходъ, потягиваясь и протирая глаза.

— Этотъ Николай, сказалъ онъ, — спитъ, какъ убитый: я его уже три раза будилъ! Вставай, любезный, говорю, будь молодцомъ. А онъ мнѣ въ отвѣтъ: «Не хочу быть молодцомъ, хочу спать!» Пошевеливай, пошевеливай, Николай, время уходитъ, а дороги не убавляется!

Четверть часа спустя, длинная, черная цѣпь муловъ опять потянулась, какъ огромная змѣя по извилистой дорожкѣ, обросшей дубами, каштанами, орѣшникомъ и пробковыми деревьями. Растительность становилась все роскошнѣе, все чаще и чаще попадались ручейки, окаймленные олеандрами, образующими надъ ними ярко-розовую палатку, какъ бы для того, чтобы сохранить свѣжесть воды. Ничего не можетъ быть красивѣе, среди строгаго, величественнаго ландшафта, этихъ нѣжныхъ деревъ, расположенныхъ самыми живописными группами и украшающихъ горы и скалы цвѣтущею гирляндой.

Наконецъ, прѣхавъ деревеньку Валь де Флоресъ и мѣстечко ла Игера, они прибыли въ Арасену. Арасена выстроена полукругомъ у подошвы высокой скалы, на которой, во времена Мавровъ, возвышалась сильная крѣпость. Теперь тамъ устроили кладбище; на немъ, между остатками живыхъ, покоятся и развалины воинственнаго замка. Его мѣсто замѣнила церковь.

— Видите ли эту гору, возвышающуюся до облаковъ? говоритъ дядя Многоходъ. — Это наше кладбище; мы здѣсь мертвыхъ не *опускаемъ* въ землю, а поднимаемъ ихъ. Тамъ когда-то Мавры выстроили крѣпость, такую огромную, что всѣ жители города могли въ нее укрыться отъ христіанъ. Вотъ, однажды христіанскій полководецъ подступилъ къ крѣпости, и предложилъ Маврамъ сдаться. А ихъ глава отвѣчалъ со смѣхомъ, что онъ согласенъ, и будетъ ждать ихъ къ ужину. Услыша это, христіане разсердились и валились за оружіе, а полководецъ только имъ крикнулъ: «Такъ идемъ же ужинать!» (*A la cena!*) — *A la cena!* повторяли всѣ, и приступомъ взяли крѣпость. Въ память этого они и назвали

городъ *A la sea*; а ужь потомъ съ годами, имя исказилось, и вышла *Арасена*.

По мѣрѣ того, какъ Діего Мена приближался къ мѣсту назначенія, робость его возрастала; онъ совсѣмъ растерялся, и мало бращалъ вниманія на историческія свѣдѣнія, которыми любилъ похвастать дядя Многоходъ.

— Такъ вы думаете, сказалъ отъ,—меня хорошо примутъ?

— Вотъ прекрасно! отвѣчалъ тотъ.—Еще бы васъ гдѣ-нибудь дурно приняли! Другъ мой, если жить съ людьми, не годится быть такимъ робкимъ и неувѣреннымъ въ себѣ; вы этимъ самому себѣ вредите. Еще бы они не остались довольны вами! Они ужь знаютъ черезъ меня, что вы человѣкъ молодой, красивый, не бѣдный, изъ почтеннаго семейства: чего имъ желать лучше Діего Молчаливаго?

— Да меня и не зовутъ Діего Молчаливымъ, сказалъ молодой человѣкъ.—Мое имя Діего Мена.

— Все равно, отвѣчалъ старикъ,—мое имя Курро Морена, а всѣ меня зовутъ дядей Многоходомъ. Ну, полно! Чтѣ это вы голову повѣсили. Преободритесь, и помните, что вы женихъ, какіхъ мало.

— Дядя Многоходъ, вы на меня смотрите слишкомъ снисходительно.

— А Пастора?

— Пастора!... да, она меня любитъ, а любовь слѣпа, вы знаете.

— Полно, полно скромничать, Діего. Я отвѣчаю за успѣхъ; перестаньте ребячиться и будьте повеселѣе.

Дядя Многоходъ тотчасъ же извѣстилъ о своемъ пріѣздѣ семейство Пасторы, и вскорѣ потомъ, наши путешественники, пріодѣвшись пощеголеватѣе, какъ того требовали обстоятельства, отправились къ ней въ домъ.

Дядя Многоходъ шелъ впереди съ торжествующимъ видомъ; красота и благородная осанка Діего привлекали вниманіе всѣхъ тѣхъ, кто имъ попадался на встрѣчу. Онъ же былъ смущенъ, какъ пятнадцатилѣтняя дѣвушка.

— Дядя Многоходъ, говорилъ одинъ изъ прохожихъ,—не взялся бы за сватовство, еслибы не зналъ напередъ, что женихъ ему сдѣлаетъ честь!

— Дядя Многоходъ, говорилъ ему другой, — дѣвушки будутъ вамъ служить молебны, какъ Святому Антонію, если вы часто станете привозить такой товаръ.

— Дядя Многоходъ, прибавилъ какой-то молодой человѣкъ,—въ слѣдующій разъ привезите намъ невѣстъ, а не жениховъ.

— Распорядись такъ, чтобъ имъ самимъ сюда захотѣлось, отвѣчалъ веселый старикъ.

Между тѣмъ, они дошли до жилища родителей Пасторы. Домъ былъ просторный и красивый; направо отъ входа была зала съ двумя каморками; вокругъ стѣнъ стояли соломенные стулья съ высокими спинками, въ глубинѣ тяжелый столъ орѣхового дерева, почернѣвшій и лоснящійся отъ времени, на немъ стояла большая лампа съ восемью рожками; она блестѣла какъ золото. Противъ входа съ улицы, нѣсколько ступенекъ вели въ кухню, самую жилую комнату въ домѣ. Вся задняя ея стѣна была занята отромнымъ каминомъ; въ немъ висѣло множество окороковъ и колбасъ разнаго рода, которые тамъ коптились. Боковая дверь вела на внутренней дворъ, гдѣ находились пекарня, прачешная, бѣльица и другія хозяйственныя принадлежности.

Они застали все семейство въ сборѣ, въ томъ числѣ и алькальда. Увидя столько новыхъ лицъ, бѣдный Діего еще больше оробѣлъ. Пастора спряталась за мать и раздѣляла его смущеніе, не потому, чтобъ она была застѣнчива по природѣ, но любовь любить тайну, какъ соловей любить ночь; во всѣхъ слояхъ общества стыдливая любовь пугается толпы, робѣетъ передъ любопытнымъ взоромъ, сердится на неловкій намекъ.

Однако, Діего и Пастора обмѣнялись взглядомъ, и имъ обоимъ стало легче на душѣ.

— А гдѣ же мой кумъ? спросилъ Многоходъ, которому прежде всего хотѣлось представить молодого челоуѣка будущему тестю.

— Онъ сейчасъ вернется, отвѣчала его жена; — его не было дома, когда вы намъ дали знать о своемъ пріѣздѣ, мы васъ не ожидали такъ скоро.

— Да, у меня былъ проворный проводникъ, отвѣчалъ дядя Многоходъ, подмигнувъ на Діего.

Въ эту минуту послышался топотъ лошади, и тотчасъ же потомъ вошелъ мущина, еще молодой, съ охотничьею сумкой въ одной рукѣ и ружьемъ въ другой.

— Вотъ вамъ будущій вашъ сынъ, Хосе Рамосъ, торжественно и самодовольно проговорилъ дядя Многоходъ. — Надѣюсь, вы не скажете, что у Пасторсилы не хорошъ вкусъ.

— Добро пожаловать къ намъ, отвѣчалъ Хосе Рамосъ, и взявъ за руку Пастору, онъ прибавилъ, — вотъ моя дочь, она ваша, потому что любитъ васъ. Она мнѣ дороже всего на свѣтѣ! Да благословить васъ Богъ, какъ васъ благословляетъ отецъ вашъ.

Діего, растроганный этими словами, сдѣлалъ шагъ впередъ, приподнялъ голову и, преодолая свое смущеніе, взглянулъ на горюющаго. Взглядъ его остановился на немъ, и не могъ болѣе отъ него оторваться. Лицо Діего покрылось смертельною блѣдностію, глаза какъ-то странно расширились; въ нихъ изобразилась ужась.

— Да скажите же что-нибудь, шепнулъ ему дядя Многоходъ. —

Вы ужь черезчуръ робки. Они подумаютъ, что у васъ языкъ отнялся.

Діего Мена остался недвижимъ; страшно было на него смотреть.

— Господи помилуй меня! нетерпѣливо воскликнулъ дядя Многоходъ, видя, что всѣ въ изумленіи столпились вокругъ нихъ.— Господи помилуй! Чтò это ты видишь въ нашемъ добромъ, миломъ, почтенномъ сосѣдѣ Хосе Рамосъ; что сталъ вдругъ какъ окаменѣлый.

— Я вижу, проговорилъ Діего глухимъ голосомъ и все не сводя грознаго взгляда съ отца Пасторы, — я вижу убійцу моего отца!

Всѣ невольно вскрикнули, потомъ воцарилось глубокое молчаніе.

— Чтò вы осмѣлились сказать? воскликнулъ наконецъ дядя Многоходъ.—Вы съ ума сошли! Вы говорите въ бреду?

— Выгоните вонъ этого безсовѣстнаго клеветника, закричала жена Хосе Рамоса.

— Я, клеветникъ? судорожно проговорилъ Діего. — Взгляните на него! посмотрите! онъ не смѣетъ опровергнуть моихъ словъ!

Хосе Рамосъ стоялъ, съ опущенною головой, опершись на свое ружье.

— Діего, сказалъ дядя Многоходъ, желая увести его.—Ты не знаешь, чтò говоришь, ты похожъ на сумашедшаго. Неужели ты воображаешь, что можешь узнать человѣка, котораго видѣлъ только на мгновенье, когда самъ былъ крошечнымъ ребенкомъ?

— Вѣдь я и тогда говорилъ, воскликнулъ Діего, все болѣе и болѣе теряя власть надъ собой:—я говорилъ тогда, что черезъ столѣтъ, среди сотенъ народа, я узнаю убійцу моего отца! А онъ самъ сказалъ, отвѣчайте, не правда ли, что вы сказали, прицѣпиваясь къ груди моего отца: «Всякому сроку конецъ, всякому долгу уплата!»

Лишь только Діего выговорилъ эти слова, ружье, на которое опирался Хосе Рамосъ, упало на полъ, и онъ самъ упалъ бы, еслибъ его не поддержалъ старый кумъ.

— Вы видите, продолжалъ Діего, съ возрастающимъ жаромъ,— онъ не можетъ отвѣчать на обвиненіе. Сеньйоръ алькальдъ, во имя закона приглашаю васъ арестовать его. Вы всѣ будьте свидѣтелями, что онъ сознается въ своемъ преступленіи. Не такъ ли, убійца Хуана Мена, ты не отрицаешь своей вины?

Хосе Рамосъ былъ не въ силахъ отвѣчать.

— Во имя истиннаго Бога, я, сынъ Хуана Мена, спрашиваю тебя: ты убилъ моего отца?

Хосе Рамосъ сдѣлалъ усиліе, приподнялъ свое блѣдное лицо, скрестилъ руки и проговорилъ твердымъ голосомъ:

— Я убилъ его!

— Пресвятая Дѣва Марія! вскрикнула его жена и закрыла лицо руками.

— Да, бѣдная женщина! Тебя обманули. Но ты знаешь, я не добивался твоей руки. Я долго отказывался, когда твой отецъ мнѣ предлагалъ, мнѣ, бѣдному слугѣ, быть его зятемъ. Только тогда, когда я узналъ, что ты чахнешь отъ любви ко мнѣ, что твоя жизнь въ опасности, я рѣшился жениться на тебѣ, и далъ себѣ слово составить твое счастье. Я сдѣлалъ, что могъ, но не отъ меня зависѣло изгладить все прошлое, а прошлое было: преступленіе и каторга!

— Каторга! преступленіе! милосердное небо! прошептала жена, и почти безъ чувствъ упала на стулъ.

Женщины окружили ее.

— О, уведите меня, уведите меня, дайте мнѣ скрыться подъ землей! сказала она имъ.

Ее увели почти безъ чувствъ.

Но, какъ молодая львица, Пастора, опомнившись послѣ первой минуты ужаса, подбѣжала къ отцу и зажала ему ротъ рукою.

— Молчите, молчите, батюшка! воскликнула она.—Вы клеветаете на себя, вы губите себя! Вы, мой нѣжный, добрый всѣми уважаемый отецъ! Нѣтъ, никогда, никогда, вы не могли совершить преступленіе... Ты лжешь, ты лжешь, низкій клеветникъ, не онъ убилъ твоего отца!

— Дочь! дочь моего сердца! сказалъ Хосе Рамось,—я не могу лгать! Да, я его убилъ, увлеченный отчаяніемъ! Потому что онъ, его отецъ, погубилъ меня, погубилъ все мое семейство; онъ отнял у меня женщину, которую я любилъ страстно, безгранично! Но съ тѣхъ поръ, я не имѣлъ покоя ни днемъ, ни ночью. Въ бѣсѣдахъ моихъ съ Богомъ, я говорилъ Ему, что не имѣю права на свое счастье, я не надѣялся на его прочность. Я зналъ, что у меня на душѣ лежитъ тяжкій долгъ, который, рано или поздно мнѣ придется заплатить. Время настало, я готовъ. Пойдемъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ алькальду, — ведите меня, куда слѣдуетъ, отдайте меня подъ судъ, какъ убійцу.

— Нѣтъ, нѣтъ! закричала Пастора,—вы его не уведете. Нѣтъ, это невозможно, невозможно!.. Этого не будетъ, я прежде умру. Развѣ вы не знаете, что онъ лучшій человекъ въ мірѣ, отецъ всѣхъ бѣдныхъ, образецъ всѣхъ добродѣтелей? Если онъ лишилъ жизни того, кто у него отнял все, то который изъ двухъ виновнѣе? Кто кому причинилъ болѣе зла? Онъ попалъ на каторгу по несправедливости; развѣ онъ обезчещенъ черезъ это? Я смою знаки цѣпей своими ласками и слезами!—Пастора упала на колѣни и покрывала слезами и поцѣлуями ноги отца.

— Дочь моя, сказалъ онъ, поднимая ее и прижимая къ сердцу,— О дочь! ты была единственнымъ моимъ счастьемъ, моею радостью, моею гордостью, я бы желалъ тебя возвысить до звѣздъ небесныхъ, а теперь я тебя запятнаю своимъ безчестіемъ!

— Діего, Діего! закричала сквозь рыданія несчастная дѣвушка.

— Діего, сказалъ въ свою очередь ея крестный отецъ, со слезами на глазахъ,— сжальтесь надъ нею! возьмите назадъ свое обвиненіе, скажите, что васъ обмануло сходство. Вы видите, какъ всѣ здѣсь его любятъ и уважаютъ: умоляю васъ, ради самага Бога, откажитесь отъ своихъ словъ!

Но Діего Мена уже не владѣлъ собою; въ немъ пробудилась вся прежняя ненависть, вся жажда мести, на время усыпленная любовью.

— Я поклялся отомстить за убійство отца! отвѣчалъ онъ глухимъ голосомъ.

— Діего, воскликнула Пастора, падая передъ нимъ на колѣни,—если ты такъ любилъ своего отца, ты долженъ понять, какъ я люблю моего! Я знаю, что ты перестрадалъ: неужели ты хочешь меня обречь на страданія еще въ тысячу разъ ужаснѣе? Діего, солги изъ жалости, изъ великодушія, если мой отецъ изъ благородства не хочетъ лгать.

— Развѣ онъ сжался надъ своею невинною жертвою? сквозь зубы проговорилъ Діего, и отвернулся отъ нея.

— Довольно, дочь моя! воскликнулъ Хосе Рамось, поднимая Пастору.—Жизнь не стоить униженія.

— Такъ иди же, закричала Пастора, вставая и выпрямляясь во весь ростъ; она и въ горести была прекрасна и величественна какъ Лакедемонка:—Ступай же! радуйся и торжествуй: ты промѣнялъ святое счастье любви на удовлетвореніе своей мести! Ступай! Ты не хотѣлъ надъ нами сжалиться, такъ пусть же и Богъ и люди будутъ безжалостны къ тебѣ!

Въ этотъ самый вечеръ былъ отданъ подъ судъ Мануэль Діасъ, извѣстный подъ именемъ Хосе Рамоса.

При первомъ же допросѣ онъ объявилъ свое истинное имя и признался въ своемъ преступленіи. Онъ разказалъ, что послѣ убійства Хуана Мены, онъ нѣкоторое время скрывался въ горахъ, питаясь одними желудями. Однажды онъ нашелъ на берегу рѣчки, сильно разлившейся послѣ дождя, тѣло утопленника. Въ его сомбреро былъ паспортъ на имя Хосе Рамоса, бѣднаго поденщика, отправлявшагося искать работы въ Арасену. Онъ взялъ этотъ паспортъ, а на мѣсто его положилъ свой. Тѣло нашли, и похоронили подъ именемъ Мануэла Діаса, бывшаго каторжника; между тѣмъ Мануэль Діасъ прибылъ въ Арасену подъ именемъ Хосе Рамось, поступилъ въ домъ къ будущему своему тестю,

гдѣ онъ отличнымъ своимъ поведеніемъ заслужилъ всеобщее уваженіе и, самъ того не желая и не подозрѣвая, нѣжную любовь дочери своего хозяина.

Избавь меня, племянникъ, отъ тягостныхъ подробностей. Достаточно тебѣ знать, что Мануиль Діасъ, обвиненный въ умысленномъ убійствѣ, совершенномъ надъ безоружнымъ человѣкомъ, и признавшійся въ своемъ преступленіи, былъ приговоренъ къ смерти и казнень.

Когда его повезли въ Севилью, дочь его, которую въ семействѣ стерегли, боясь вспышекъ ея безумнаго гора, какъ-то успѣла вырваться изъ-подъ присмотра родныхъ, и пѣшкомъ побѣжала за отцомъ; старый дядя Многоходъ нашелъ ее на полдорогѣ полумертвую отъ горя и усталости.

Онъ увидѣлъ себя принужденнымъ повести ее въ Севилью; я принялъ ее въ свой домъ. Но, несмотря на всѣ наши попеченія, на всѣ наши старанія сколько-нибудь успокоить и утѣшить ее, она не могла оправиться отъ своего горя. Ужасное потрясеніе причинило ей нервные припадки, которые вскорѣ перешли въ падающую болѣзнь. Трудно было бы узнать теперь въ бѣдной страдалицѣ, дочери *казненнаго преступника*, прежнюю красавицу Пастору,—горный цвѣтокъ!

Что касается до Діего, угрызения совѣсти и позднее сожалѣніе объ утраченной любви окончательно разстроили разумъ его, и прежде нѣсколько поврежденный. Ты можешь его видѣть въ Санъ-Маркосъ (1). Онъ все твердитъ, что его насильно хотятъ сдѣлать палачомъ. Смотрители его бьютъ, любопытные надъ нимъ смѣются: уже сбылось отчасти проклятіе, произнесенное Пасторой надъ несчастнымъ, захотѣвшимъ въ гордомъ своемъ ослѣпленіи сдѣлаться орудіемъ правосудія Божія!

Отъ того же къ тому же.

Поль, милый Поль, если ты думаешь, что есть на свѣтѣ человѣкъ счастливѣе меня, ты ошибаешься. Черезъ полчаса я отправляюсь въ Кадиксъ. Я ничего больше не могу тебѣ сказать, я задыхаюсь отъ радости.

Прилагаемое письмо объяснитъ тебѣ все. Прощай, крѣпко обнимаю тебя,—я бы желалъ обнять весь міръ!

Ксаверій.

(1) Домъ умалишенныхъ въ Севильѣ.

Письмо дона Бернардина Буэно къ Ксаверію.

Почтеннѣйшій сеньйоръ!

Мѣсяцевъ восемь тому назадъ, мы вмѣстѣ ѣхали въ дилижансѣ. Вы вѣрно вспомните, что всѣ насмѣхались надъ рудниками, про которые я говорилъ; вы одни взяли на нихъ акцію.

Я не хотѣлъ вамъ говорить о нашемъ предпріятіи, пока не осуществятся мои надежды.

Онѣ осуществились наконецъ; мы имѣемъ въ рукахъ огромное количество металла, по приблизительному разчету на нѣсколько милліоновъ.

Мы уже получили наличными деньгами значительную сумму, изъ которой на вашу долю слѣдуетъ четыреста тысячъ реаловъ; вы можете ихъ вытребовать у банкира Н. въ Гранадѣ.

Такъ какъ я лично не нуждаюсь въ богатствѣ, тона свою часть намѣреваюсь выстроить часовню Пресвятой Дѣвы.

Мнѣ поручили предложить вамъ милліонъ реаловъ за половину акціи. Васъ просятъ отвѣчать немедленно на это предложеніе.

Я же, съ своей стороны, прошу васъ сказать нашимъ спутникамъ, если вы ихъ встрѣтите, что, конечно, многіе ошиблись, возлагая свои надежды на рудники, но что иногда эти надежды оправдываются. Въ особенности же скажите имъ, что никто не ошибается, довѣряя слову честнаго человѣка.

Честь имѣю пребыть, и проч.

Бернардинъ Буэно.

БОБЪ РОКЪ

Эпизоды изъ временъ освобожденія Техаса въ 1832 году (1)

СОЧИНЕНІЕ ЧАРЛЬЗА СИЛЬСФИЛДА

Преріи близъ Джасинто.

Мадера и хересь, шамбертень и лафитъ, разказы и пренія о выигранныхъ и проигранныхъ закладахъ, о цѣнахъ на хлопчатую бумагу и невольниковъ, о банковыхъ и казначейскихъ системахъ мало-по-малу разгорячили умы. Но до сихъ поръ шумное и веселое расположеніе духа собесѣдниковъ и тонъ бесѣды ихъ не выходили изъ предѣловъ строгой благопристойности. Красноносый *major-domo* только-что успѣлъ внести и разставить на столъ новую смѣну бутылокъ, какъ вдругъ съ нижняго конца стола раздался рѣшительный голосъ:

- Мы не хотимъ!
- Не хотите? возразилъ рѣзкій, почти грубый голосъ.
- Не хотимъ! съ твердостію повторилъ первый.

(1) Въ предисловіи къ изданному въ Штуттартѣ въ 1845—1847 годахъ полному собранію сочиненій Сильсфильда, авторъ объявляетъ, что на исключеніемъ только *Der Legitime und die Republikaner*, изданнаго перва въ Филадельфій подѣ названіемъ: *Tokeah or the white Rose*, вторая половина котораго однако совершенно передѣлана въ посѣдствіи на нѣмецкій языкъ, и одного очерка изъ его *Transatlantische Reiseskizzen*, напечатаннаго въ нью-йоркскомъ журналѣ *The Mirror*,

Эти два голоса подѣйствовали, какъ первый порывъ бури передъ наступающею грозой. Въ одно мгновеніе, глаза всѣхъ устремились въ ту сторону, откуда раздались восклицанія. Но ничего нельзя было различить: облака табачнаго дыма заслонили и прикрывавшихъ, и спорщиковъ.

— Кто это? спросилъ шопотомъ одинъ изъ сидѣвшихъ у верхняго конца стола.

— Позвольте, господа, узнать въ чемъ дѣло? спросилъ другой.

— Да помилуйте! раздался опять первый голосъ. — Мой почтеннѣйшій сосѣдъ утверждаетъ, что Техасъ долженъ присоединиться къ южнымъ штатамъ.

— Конечно, такъ и слѣдуетъ, вскричало нѣсколько голосовъ.

— Не думаю, возразилъ первый спокойнымъ и насмѣшливымъ тономъ.

Смѣлость и въ особенности насмѣшливый тонъ этихъ словъ, обращенныхъ къ цѣлому собранію знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ владѣтелей края, произвели немалое удивленіе.

— Кто это? что это за человѣкъ? послышался со всѣхъ сторонъ ропотъ негодованія, и особенно съ верхняго конца стола.

— А почему же не быть этому присоединенію? спросилъ опять чей-то голосъ.

— А почему же быть ему, сэръ?

— Техасъ составляетъ нераздѣльную часть Луизианы.

— Прощу извинить! Взгляните на донесеніе комиссаровъ при составленіи актовъ о покупкѣ Луизианы (1) и уступкѣ Флориды, и вы увидите, что Франціи никогда и въ голову не приходило выражать какія бы то ни было притязанія на Рио-дель-Норте (2), и что Испанія только для спокойствія своего удовлетворила требованія ваши уступкою вамъ Флориды. Кажется, вы во всѣхъ отношеніяхъ должны быть вполне удовлетворены?

подъ заглавіемъ: *A night on the banks of the Tennessee*, всѣ остальные его сочиненія писаны имъ для нѣмецкой публлки, изданы въ Германіи на нѣмецкомъ языкѣ, и потому должны считаться оригинальными произведеніями нѣмецкой литературы; всѣ же изданія его сочиненій, появившіяся въ последнее время въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Англіи и Франціи, слѣдуетъ считать переводами. Предлежащій разказъ заимствованъ изъ 14-го и 15-го тома упомянутаго штуттгартскаго изданія съ нѣкоторыми сокращеніями. Въ этомъ разказѣ, какъ и во всѣхъ сочиненіяхъ Сильсфильда, встрѣчается много мѣстныхъ американскихъ названій и выраженій; мы поясняемъ нѣкоторыя изъ нихъ въ выноскахъ.

Переводчикъ.

(1) Купленной Соединенными Штатами у Франціи въ 1803 г. за 15,000,000 долларовъ.

(2) Рио-дель-Норте протекаетъ чрезъ Техасъ и впадаетъ въ Мексиканскій заливъ.

— Онъ не гражданинъ, снова послышался ропотъ.

— Да кто онъ такой? спрашивали другіе.

— Во всякомъ случаѣ отчаянная голова, говорили третьи.

— А кто, раздался опять прежній рѣзкій голосъ, — кто населилъ Техасъ? Кому, какъ не намъ, южнымъ штатамъ, его сосѣдямъ, обязанъ онъ своею независимостію?

— А, это другой вопросъ, полковникъ Окли. Но мнѣ кажется, что сосѣдство и ваше желаніе не могутъ въ этомъ случаѣ одни рѣшить дѣло.

— А что же рѣшить его, генералъ Бернсло? вскричало нѣсколько голосовъ.—Кто рѣшить?, что? сѣверные штаты? Неужели мы должны подчиняться предписаніямъ сѣвера?

— Старой бабы Адамса? кричали одни.

— Или скучнаго Вебстера? или педанта Эверетта? подхватили другіе.

— Ни того, ни другаго, произнесъ генералъ,—а чувству справедливости, которое говоритъ: мы не имѣемъ никакого права на Техас!

— Вы вдругъ сдѣлались отчаянно справедливы, генералъ Бернсло, со смѣхомъ вскричали нѣсколько голосовъ.

— Не хуже стараго Адамса, прибавили другіе.

— А вы несправедливы, возразилъ генералъ.

— Не хуже *маленькаго летающаго Голландца* вскричалъ, смѣясь, одинъ изъ его сосѣдей.

Послѣдняя выходка противъ этой знаменитости Бѣлаго дома возбудила такое всеобщее сочувствіе, что обѣ враждующія стороны разразились громкимъ смѣхомъ.

— Ну, что вамъ въ этомъ Техасѣ, господа? произнесъ кто-то болѣе спокойнымъ тономъ.—Хотите вы совсѣмъ погубить свою торговлю хлопчатною бумагою? Или вы думаете такъ же легко выслетаться въ Техасъ, какъ въ Джаксонъ (1), или въ Индиэнь-Порчезъ (2)? По мнѣ онъ хотъ сквозъ землю провалился. Мѣшаетъ только нашей торговлѣ.

— Правда, правда! подтвердили нѣкоторые.

— Или вы хотите, прибавилъ другой,—навязать на себя новую шайку ссыльныхъ, игроковъ, бродягъ, убійцъ и всякой отчаянной сволочи, едва избавившись отъ старой? Хотите видѣть повтореніе сценъ виксбургскихъ (3)?

(1) Мѣстопребываніе правительства штата Миссиссипи.

(2) Часть штата Миссиссипи, лежащая на сѣверъ отъ Начеза и, какъ известно, недавно передъ тѣмъ купленная у Индійцевъ. *Indian Purchase* означаетъ буквально: индійская покупка.

(3) Намекъ на *судъ Лича*, случившійся тамъ за нѣсколько лѣтъ передъ 1832 годомъ.

— Тсъ! полковникъ Крекеръ! удерживали нѣкоторые.

Но полковникъ не слушалъ.

— Этого только намъ не доставало! продолжалъ онъ, горячася
— ужасно нуженъ намъ этотъ народецъ! Тамъ вѣдь все одна
сволочь.

— Тсъ! раздалось снова, и вслѣдъ за тѣмъ съ различныхъ
сторонъ послышались недовольный ропотъ; потомъ воцарилось
гробное молчаніе.

Вдругъ это молчаніе было прервано слѣдующими, хотя очень
учтиво, но вмѣстѣ съ тѣмъ твердо и рѣшительно произнесен-
ными словами:

— Полковникъ Крекеръ! прошу васъ покорнѣе объяснить
мнѣ тѣ выраженія, которыя вамъ угодно было употребить, гово-
ря о Техасѣ.

Всѣ лица приняли серьезное выраженіе, сигары исчезли, и, при
свѣтѣ восемнадцати свѣчъ въ серебряныхъ канделябрахъ, всѣ
увидѣли молодого человѣка, который медленно подошелъ къ Кре-
керу и остановился передъ нимъ.

Съ перваго взгляда нельзя было не узнать въ немъ джентль-
мена. Средній ростъ, спокойствіе движеній, пріятность и нѣкото-
рая сжатость формъ изобличали въ немъ человѣка, умѣющаго вла-
деть собою.

Полковникъ Крекеръ, небрежно развалившійся въ креслѣ,
невольно выпрямился, измѣряя говорящаго съ ногъ до головы.

— Съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

— Я полковникъ Морзъ изъ Техаса.

— Полковникъ Морзъ изъ Техаса? вскричало нѣсколько голо-
совъ:—полковникъ Морзъ изъ Техаса?

— Полковникъ Морзъ изъ Техаса? повторилъ полковникъ Кре-
керъ, тихо подымаясь съ своего мѣста.

— Тотъ, который отличался при фортѣ Веласко? вскричалъ
генералъ.

— Потомъ при Санъ-Антоніо? прибавилъ полковникъ Окли.

— И потомъ въ послѣднемъ рѣшительномъ сраженіи?

— Тотъ самый, возразилъ молодой человѣкъ.

— А, это другое дѣло, скавалъ, улыбаясь, полковникъ Крекеръ.

— Изъ уваженія къ вамъ, полковникъ Морзъ, съ удовольстви-
емъ отказываюсь отъ высказаннаго мною мнѣнія и смотрю на
васъ, какъ на исключеніе. Вы джентльменъ, истинный джентль-
менъ.

— Благодарю, сухо возразилъ послѣдній, — но я прошу васъ
распространить вашу милость также на тѣ сто двѣдцать чело-
вѣкъ, которые сражались при Веласко, на двѣсти при Санъ-Ан-
тоніо, на пятьсотъ при фортѣ Голаеъ, также какъ и на тѣ пять-

сотъ пятьдесятъ человекъ, которые дрались въ послѣднемъ рѣшительномъ сраженіи. Словомъ, прошу васъ сдѣлать для всѣхъ ихъ такое же исключеніе, какъ и для меня.

— Соглашаюсь и на это, сказалъ Крееръ, кусая губы.

— Теперь мы удовлетворены, возразилъ, улыбаясь, техасскій полковникъ. — А чтобы за любезность вашу доставить и вамъ удовольствіе, скажу теперь откровенно, даже честно увѣряю, что дѣйствительно у насъ въ Техасѣ много сволочи.

— Bravo, bravo, полковникъ! вскричали всѣ.

— Сволочи бездна, продолжалъ увѣрять полковникъ.

— Однако, знаете, полковникъ, сказалъ Окли, — что вы, какъ Техасецъ, больше дѣлаете уступокъ, нежели по мнѣнію моему нужно; что вы слишкомъ....

— Откровенно, хотите вы сказать, полковникъ Окли? перебилъ молодой человекъ. — Да, откровенно вамъ говорю, что у насъ множество сволочи, искателей всякаго рода приключеній, ссыльныхъ, игроновъ, убійцъ; а все-таки ихъ не столько, сколько было бы нужно.

— Какъ такъ? вскричали всѣ со смѣхомъ.

— Не слишкомъ много, клянусь честно! Сволочь эта очень пригодилась намъ; больше, можетъ-быть, нежели всѣ ваши спокойные, мирные, почтенные граждане.

— Что за дьявольщина? вскричали опять всѣ, смѣясь.

— Прошу не прогибаться, полковникъ Морзъ, сказалъ Окли, — вы говорите, если не парадоксамъ, то загадкамъ.

— Дѣйствительно загадками, прервалъ генералъ тономъ, который явно выказывалъ желаніе дать разговоръ другой, менѣе рѣвкій или опасный оборотъ.

— Откровенно говоря, продолжалъ онъ, — намъ бы слѣдовало сердиться на любезнаго нашего хозяина за то, что онъ намъ не представилъ такого дорогаго гостя; но другъ нашъ, капитанъ Морри, вообще такъ молчаливъ....

— Я вошелъ, когда вы сидѣли уже за столомъ, генералъ, и это....

— Извиняетъ васъ достаточно, перебилъ генералъ. — Но какъ же вы, сынъ одной изъ лучшихъ нашихъ мериландскихъ семей, попали въ Техасъ? Я слышалъ объ одномъ Морзѣ, но эти слухи подтвердились очень недавно. Какъ попали вы въ Техасъ? Мнѣ кажется сынъ судьи Морза могъ бы и въ Штатахъ....

— Найдти уголокъ для очага, не правда ли, генералъ?

— Да, отвѣчалъ послѣдній.

— Да, какъ попали вы въ Техасъ, полковникъ? закричали всѣ. Этотъ вопросъ, правда, не слишкомъ лестный для Техаса, былъ предложенъ съ видомъ такого участія и простосердечія, и при-

томъ людьми съ такимъ вѣсомъ и значеніемъ, что полковникъ нашъ нисколько не оскорбился. Помѣстившись въ креслахъ, придвинутыхъ *майордомомъ*, онъ отпилъ изъ налитаго ему стакана.

— Какъ попалъ я въ Техасъ? повторилъ онъ серьезно.

— Да, какъ попали вы въ Техасъ, полковникъ?

I.

• Отправился я туда въ сопровожденіи одного своего пріятеля, или, вѣрнѣе сказать, былъ отправленъ духомъ предпримчивости одной изъ компаній нашихъ просвѣщенныхъ Нью-Йоркцевъ, *якобы* тожъ, все вниманіе которыхъ было тогда обращено на Техасъ. Другими словами, я имѣлъ счастье или несчастье, называйте какъ хотите, приобрести одно изъ тѣхъ свидѣтельствъ, которыя выдавались такъ-называемою галвестонъ-бейскою и тегасскою компаніею; въ этомъ свидѣтельствѣ объявлялось всѣмъ и каждому, что мистеръ Эдвардъ Моръ, вашъ покорный слуга, внесъ въ кассу означенной компаніи тысячу долларовъ, вслѣдствіе чего ему предоставляется право выбрать себѣ во владѣніяхъ означенной пространство земли въ десять тысячъ акровъ (1), владѣть ею съ правомъ неотъемлемой собственности, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы при выборѣ этихъ десяти тысячъ акровъ онъ не стѣснялъ другихъ, въ той же мѣрѣ законныхъ и болѣе давнихъ правъ владѣнія. »

— Очень хорошо! вскричало нѣсколько голосовъ. — Дальше, дальше!

• Десять тысячъ акровъ земли въ прекраснѣйшей странѣ свѣта, продолжалъ полковникъ, и подъ такимъ небомъ, передъ которымъ мериандское могло бы назваться адомъ, такая приманка, противъ которой трудно было устоять, особенно при тогдашнемъ настроеніи умовъ, когда спекуляціи были въ такомъ ходу, или, вѣрнѣе, обратились въ эпидемическую болѣзнь; когда наши свободные и просвѣщенные сограждане съ такою же увѣренностію разчитывали на милліоны акровъ въ Техасѣ, какъ на сотни тысячъ городовъ во Огайо, въ Индіанѣ, въ Иллинойѣ, Мичиганѣ, на десятки тысячъ желѣзныхъ дорогъ и на такое же количество банковъ. Это была спекулятивная лихорадка, отъ которой исцѣлились нѣсколько лѣтъ позже, и надѣюсь, что не менѣе, какъ на слѣдующія десять или пятнадцать лѣтъ. Я, какъ и надо было ожи-

(1) Слишкомъ 3700 десятинъ нашей мѣры.

дать, вдался въ эту спекуляцію, и, вслѣдствіе этого, съ пріятелемъ своимъ, который владѣлъ такимъ же количествомъ земли на бумагѣ, и съ частію своего гардероба, отправился въ обѣтованную землю. Ъхалъ я съ намѣреніемъ предварительно осмотрѣть и выдѣлить свой участокъ, продать его, если онъ мнѣ не понравится, въ противномъ случаѣ возвратиться въ Мерилендъ, забрать все свое движимое имущество и окончательно поселиться на пріобрѣтенной землѣ.

• Въ Балтиморѣ мы сѣли на отплывавшую туда шкуну *The catcher*, и послѣ трехнедѣльнаго плаванія благополучно прибыли въ Гальвестонскій заливъ.

• Берега Гальвестонскаго залива, въ который впадаетъ Рио-де-Бразось, не такъ страшны на видъ, какъ берега Луизианы и устье Миссиссипи, по очень простой причинѣ: ихъ вовсе не видно. Не видно ни устья, ни земли. Передъ послѣднею тянется островъ, на протяженіи почти шестидесяти миль, въ видѣ чудовищной сплюснутой ящерицы. Онъ носитъ названіе: *острова Гальвестона*; на немъ нѣтъ ни холма, ни долины, ни кола, ни двора, даже ни одного дерева, исключая трехъ уродливыхъ выростковъ на западномъ концѣ, которые однако, при совершенной плоскости и низменности почвы, виднѣются издалика. Дѣйствительно, трудная была бы задача безъ этихъ трехъ деревцовъ найти устье. Самые опытные моряки испытываютъ здѣсь не малыя затрудненія; ибо такъ какъ земля едва выдается изъ моря, то она, при самомъ легкомъ волненіи воды, опять въ немъ исчезаетъ. Къ тому же колыхающаяся зелень травъ такъ похожа на зелень прибрежной воды, что нуженъ самый зоркій и опытный глазъ, чтобъ отличить одну отъ другой, и мы обязаны единственно этимъ деревцамъ, что нашли дорогу къ устью. Прѣзжая около десяти миль вдоль берега острова, мы только съ помощію ихъ не терли направленія, пока не выѣхалъ къ намъ на встрѣчу лоцманъ, который принялъ тогда уже на себя управленіе шкуной. Но не легко намъ было перебраться черезъ береговья отмели; нѣсколько разъ мы задѣвали за нихъ, а два раза совсѣмъ садились на мель, такъ что только съ помощію соединенныхъ усилій нашихъ тридцати, или лучше сказать, шестидесяти рукъ удалось намъ попасть въ устье рѣки. Перетащивъ шкуну черезъ послѣднюю самую опасную косу, мы, съ пріятелемъ моимъ и еще двумя пассажирами, сѣли въ лодку и отправились впередъ; мы были уже близки къ берегу, какъ вдругъ прибой опрокинулъ нашу лодку, и всѣхъ насъ потопилъ въ водѣ. Къ счастью, вода была здѣсь не глубока, а иначе дорого бы мы заплатили за наше любопытство; теперь отдѣлялись мы однимъ испугомъ и до костей промокли въ морской водѣ. •

— Запейте испугъ, полковникъ Морзъ! перебилъ его красноносый *major-domo*,—запейте!

Подковникъ, улыбаясь, послѣдовалъ его совѣту и продолжалъ:

• Выбравшись на берегъ, мы постояли нѣсколько времени, но намъ казалось, что мы все еще плаваемъ по открытому морю. Земля эта какъ-то вовсе не походила на землю. Въ жизнь свою никто изъ насъ не видывалъ подобнаго берега. И дѣйствительно, не видно было ни берега, ни земли; по крайней мѣрѣ мы не были въ состояніи отличить ни того, ни другаго отъ моря. Только морская пѣна, которая, осаждалась на травѣ безконечною, бѣлою полосой, тянулась передъ нашими глазами, намекала на что-то въ родѣ предѣла.

• Представьте себѣ необозримую равнину, на сто или болѣе миль раскинутую передъ вашими глазами, равнину безъ малѣйшаго возвышенія или углубленія, покрытую самою нѣжною муравною, которая колеблется отъ малѣйшаго дуновенія вѣтерка; равнину, ничѣмъ не прерываемую, ни деревомъ, ни кусточкомъ, ни холмикомъ, и вы можете составить себѣ слабое понятіе о впечатлѣніи, произведенномъ на насъ поразительнымъ и необыкновеннымъ видомъ этой страны.

• Правда, въ десяти или двѣнадцати миляхъ къ сѣверу и сѣверо-западу видѣлись мѣстами темныя массы, которыя, какъ мы узнали въ послѣдствіи, были не что иное, какъ группы деревъ; но намъ онѣ представлялись тогда островами. Дѣйствительно, группы или клумбы эти, которыхъ встрѣчается множество на обширныхъ преріяхъ Техаса, называются очень характеристически *островами*, на которые онѣ и походятъ какъ двѣ капли воды.

— Странная земля! насмѣшливо замѣтилъ полковникъ Крекерь,

• Стоящій нѣсколько въ сторонѣ незначительный блокгаузъ (1), на которомъ гордо развѣвался флагъ Мексиканской республики, убѣдилъ насъ наконецъ, что мы находимся на твердой землѣ, продолжалъ разкащикъ, не обративъ вниманія на это замѣчаніе.

• Блокгаузъ этотъ, единственное въ то время строеніе, украшавшее или безобразившее собою гальвестонскую гавань, имѣлъ нѣсколько назначеній. Онъ представлялъ собою главную таможенную резиденцію директора таможни и акцизныхъ сборовъ, военного и гражданскаго интенданта и коменданта, казарму квартирующей тамъ роты мексиканскихъ войскъ, главную квартиру ихъ начальника, капитана, и наконецъ гостиницу, трактиръ и питей-

(1) Block-house называется въ Америкѣ строеніе изъ необдѣланныхъ бревенъ. Подъ этимъ же названіемъ разумѣются также нѣбольшія укрѣпленія изъ бревенъ.

ный домъ. Рядомъ съ каррикатурнымъ изображеніемъ мексиканскаго орла красовалась ромовая бутылка, и надъ вывѣскою съ надписью: *brandy, whisky* (1) и *accomodation for man and beast* (2), гордо, какъ бы покровительствуя всему этому, развѣвался республиканскій флагъ. Передъ блокгаузомъ расположена была вся команда, или такъ-называемая рота, состоявшая изъ двѣнадцати крошечныхъ, сухопаренькихъ человечковъ, которыхъ я всѣхъ взялся бы разогнать своимъ хлыстикомъ. Ни одинъ изъ нихъ не превышалъ ростомъ нашихъ двѣнадцати-или; тринадцати-лѣтнихъ мальчиковъ и далеко не былъ такъ плотенъ, но за то у всѣхъ были страшные усы, бороды, испаньйолки, словомъ, лица ихъ въ полномъ смыслѣ слова были покрыты волосами и, вдобавокъ, глубокими морщинами. Они сидѣли вокругъ старой доски и такъ усердно играли въ карты, что едва обратили на насъ вниманіе. За то начальникъ ихъ съ большою любезностію вышелъ къ намъ на встрѣчу.

Надобно отдать справедливость здравому смыслу капитана Коттона, нѣкогда редактора *Мексиканской газеты*. Теперь военный и гражданскій интендантъ гальвестонской гавани, директоръ таможи, инспекторъ гавани, а также трактирщикъ и цѣловальникъ и, вдобавокъ ко всему этому, напѣ землякъ, онъ гораздо больше гордился своими превосходными испанскими и французскими винами, доставшимися кочечно ему безпошлинно, нежели своими почетными титулами и должностями, которыхъ у него было больше, нежели солдатъ. Во всю жизнь мнѣ не случилось видѣть такихъ жалкихъ воиновъ, какъ эти тщедушные карлики; они представлялись мнѣ какими-то гномами, перенесенными невѣдомымъ волшебникомъ на эту заколдованную землю. Мы не могли отвести отъ нихъ глазъ, и чѣмъ дольше смотрѣли на нихъ, тѣмъ чуднѣе они казались; наконецъ они сдѣлались намъ какъ-то страшны, а съ ними и вся эта земля, представлявшаяся намъ безконечнымъ бильярднымъ полемъ. Дѣйствительно, странное и необыкновенное ощущеніе испытываете вы, когда, послѣ трехнедѣльнаго плаванія, вѣзжаете въ гавань, которая не есть гавань, и становитесь на землю, которую также нельзя назвать землею. Намъ все еще казалось, что она каждую минуту готова исчезнуть подъ нашими ногами. Остальные спутники, которые въ это время также вышли на берегъ, смотрѣли на все, такъ же какъ и мы, съ изумленіемъ и недоумѣніемъ, и вдругъ устремились къ блокгаузу, съ поспѣшностію, явно обнаруживавшею, что и ими овладѣлъ такой же страхъ. Когда мы осмотрѣлись въ блокгаузѣ,

(1) Пѣнное вино, хлѣбная водка.

(2) Помѣщеніе для людей и скота.

все это неизгнѣримое пространство водъ и луговъ представилось намъ однимъ нераздѣльнымъ цѣлымъ, изъ котораго нантъ блокгаузъ выдавался подобно утесу. Въ самомъ дѣлѣ, тогда только мы почувствовали облегченіе, когда очутились опять на палубѣ нашей шкуны.

«Тридцать миль, которыя намъ слѣдовало проплыть по рѣкѣ Бразосъ, отъ устья ея до города Бразорин, отняли у насъ цѣлыми три дня. Въ первый день мы плыли посреди безконечныхъ луговъ; на второй день приблизились къ островамъ (1). Луга обратились въ паркъ: съ правой и лѣвой стороны изъ необозримой дали выплывали передъ нами великолѣпнѣйшія группы деревь, но ни единого слѣда присутствія человѣка въ этомъ величественномъ паркѣ. Безпредѣльный океанъ зеленѣющихъ луговъ и острововъ!

«Но этотъ океанъ луговъ и острововъ поражаетъ душу пришельца еще несравненно сильнѣе, нежели океанъ водъ. Мы видѣли это на нашихъ спутникахъ, искателяхъ земли, какъ и мы, съ тою разницею, что они, не снабженные приличнымъ количествомъ звонкой монеты для покупки земли, пришли безъ свидѣтельствъ, съ намѣреніемъ взять ее даромъ. Впрочемъ это вовсе не были сантиментально-путешествующіе Йорики, а напротивъ, большею частію отчаянные сорванцы, которые въ теченіи трехнедѣльнаго нашего плаванія предавались неукротимому буйству. Но здѣсь, всѣ они безъ исключенія вдругъ отрезвились, стали серьезны, степенны, даже важны. Самые необузданные изъ нихъ, въ особенности двое, подобныхъ которымъ едва ли свѣтъ производилъ, сдѣлались нѣмы, и не произносили уже ни одного изъ тѣхъ грубыхъ, гнусныхъ, даже богохульныхъ выраженій, которыя такъ часто возмущали насъ въ морѣ. Они совершенно походили на людей, которые, съ благочестивыми набожными мыслями, только-что вступаютъ въ храмъ Божій; торжественно-благоговѣйное выраженіе изобразилось на всѣхъ лицахъ. И дѣйствительно, мы вступили какъ бы въ преддверіе храма Господня: истинному храму уподоблялась окружавшая насъ дивно-величественная природа. Все такъ таинственно, безмолвно, торжественно, величественно! Лѣса и нивы, луга и зелень — все такъ свѣжо, чисто, какъ будто только-что вышло изъ рукъ вѣчнаго Зидителя! Нѣтъ слѣда грѣшной руки человѣка: неоскверненный, чистый Божій міръ!

«Проплывъ пятнадцать миль отъ устья рѣки Бразоса, мы вѣхали въ первый лѣсъ. Величественныя сикоморы и пеканы образовали

(1) Подъ словомъ «островъ», въ продолженіи всего этого разказа надобно разумѣть группы деревь или отдѣльныя рощицы посреди луговыхъ степей.

съ обѣихъ сторонъ сводъ надъ рѣкою. Къ довершенію красоты картины показалось стадо оленей и огромная стая рябчиковъ; тѣ и другіе однакожь, нѣсколько уже напуганные, увидѣвъ насъ, мгновенно скрылись.

• Свойство и составъ почвы, какъ вы легко можете себѣ представить, обратили на себя главное наше вниманіе. На берегу моря мы нашли ее нѣсколько песчаную, слегка покрытую плодороднымъ черноземомъ, но безъ всякихъ признаковъ болотистости; дальше слой плодороднаго чернозема становился постепенно толще, достигалъ толщины отъ одного до четырехъ, восьми, двѣнадцати, пятнадцати, а при Бразоріи даже двадцати футовъ сверхъ песчаной и глинистой подпочвы. Но до сихъ поръ мы не находили еще ничего, что имѣло бы подобіе холма или камня; да и въ самомъ дѣлѣ, на разстояніи ста миль въ окружности, трудно было бы отыскать камень, величиною хоть бы съ голубиное яйцо. За то не было недостатка въ деревѣ для постройки домовъ и устройства заборовъ, и это насъ снова утѣшило. Надежды наши росли съ каждымъ шагомъ впередъ. »

— Должно быть это та страна, въ которой брошенные съ вечера въ землю подковные гвозди за ночь превращаются въ подковы, замѣтилъ, смѣясь, полковникъ Крекеръ.

Морзъ продолжалъ:

• По пріѣздѣ нашемъ въ Бразорію надежды наши претерпѣли одно значительное пораженіе.

• Бразорія, лежащая около тридцати миль выше впаденія рѣки Бразосъ въ Галвестонскій заливъ, была въ то время, то-есть въ 1832 году, значительнымъ городомъ, разумѣется для Техаса. Въ ней было больше тридцати домовъ, въ томъ числѣ три каменныхъ; всѣ они были выстроены буквально на американскій ладъ. Улицы были также въ любимомъ нашемъ вкусѣ, то-есть были отбиты по шнуру и пересѣкались подъ прямыми углами. Выборъ мѣстоположенія имѣлъ только то неудобство, что весною, во время разлива, все мѣсто потоплялось водою. Однако, при неистощимой плодородности почвы, добрые Бразоріянне мало обращали вниманія на это неудобство. Хотя это было еще только въ первыхъ числахъ марта, но мы нашли уже тамъ свѣжій картофель или, скорѣе, пататы, ибо почва Техаса имѣетъ ту особенность, что производимый ею картофель, при первомъ сборѣ, имѣетъ полусладкій, а при второмъ совершенно сладкій вкусъ или превращается въ пататы. Мы нашли также зеленые бобы, горохъ и прекраснѣйшіе артишоки, которые когда-либо услаждали вкусъ самаго требовательнаго гастронома. Но мы нашли и еще одну вещь, которая мнѣ и пріятелю моему понравилась гораздо меньше, именно: сдѣлали открытіе, что свидѣтельства наши не совсѣмъ

оказались тѣми вѣрными якорями, на которыхъ мы надѣялись утвердить ковчегъ нашей жизни въ гавани Техаса. До насъ начали доходить сомнительные слухи, которые по прибытіи Виліама Аустина, сына извѣстнаго полковника Аустина, превратились въ роковую достовѣрность. Онъ далъ намъ прочесть акты мексиканскаго конгресса, которые ясно убѣдили насъ, что свидѣтельства наши имѣли не большіе цѣны, какъ всякая другая описанная бумажка.»

Слушатели становились все внимательнѣе. Полковникъ продолжалъ:

«Въ 1824 году мексиканскій конгрессъ, съ цѣлью привлечь чужеземныхъ выходцевъ, издалъ постановленіе, которымъ рѣшено было содѣйствовать переселенію чужестранцевъ, преимущественно въ Техасъ. Въслѣдствіе этого постановленія были приглашены особые подрядчики или, какъ ихъ называли на мѣстномъ языкѣ, *эмпредсарин*, которые обязывались, въ теченіи извѣстнаго времени, переселить въ Техасъ на свой счетъ, и безъ всякихъ надержекъ со стороны правительства, извѣстное число чужеземцевъ. Правительство, съ своей стороны, обязывалось выдѣлить на каждую сотню семействъ этихъ переселенцевъ до пяти квадратныхъ часовъ земли, и выдать на владѣніе ими законныя свидѣтельства и документы, съ тѣмъ однакоже непремѣннымъ условіемъ, чтобы переселенцы эти были католическаго вѣроисповѣданія. Поэтому и выдѣлъ земель и выдача документовъ должны были производиться не раньше, какъ по представленіи ими ясныхъ доказательствъ, что они дѣйствительно католики. Эти *эмпредсарин*, какъ ихъ называли, въ сущности же не болѣе какъ маклеры, въ награду за свои труды, должны были получить особые земельныя участки.

«Наши нью-йоркскіе, гальвестонъ-бейскіе и техаоскіе компаньоны и высокопочтенные *леди* очень благоразумно умолчали объ этомъ странномъ условіи при продажѣ намъ десяти тысячъ акровъ. Эту землю, объясняли они, предоставило имъ мексиканское правительство будто бы съ единственнымъ условіемъ: населить ее въ теченіе года иностранными выходцами. Такъ, по крайней мѣрѣ, гласили ихъ словесныя и письменныя увѣренія, такъ гласили и свидѣтельства. Вѣря послѣднимъ, мы пустились на сумасбродный поискъ земель. Итакъ ясно было, что насъ этими свидѣтельствами, попросту сказать, надули; ясно стало и то, что благочестивое католическое мексиканское правительство не хотѣло имѣть никакого дѣла съ нами еретиками, проклятыми *макками*; а вмѣстѣ съ тѣмъ изъ этой двойной ясности выходила еще и третья, не менѣе очевидная, а именно: благочестивое католическое правительство хотѣло сыграть съ нами, или скорѣе съ на-

шимъ Союзомъ, штуку, которая могла бы подѣйствовать хотя и медленно, но тѣмъ не менѣе гибельно, и которую каждый истинный Американецъ не только былъ въ правѣ, но и обязанъ, по возможности, отстранить отъ своей земли, то-есть Союза.»

— Браво, полковникъ! закричали одни.

— Это сказалъ истинный Американецъ! прибавили другіе.

«Очевидно, продолжалъ Моръ, при составленіи проекта заселенія Техаса, мексиканское правительство имѣло другіе, болѣе дальновидные планы, возникшіе не въ мексиканскихъ, а въ болѣе опасныхъ головахъ: за этимъ скрывались братія манушки римскаго духовенства. Техасъ долженъ былъ сдѣлаться не только нѣкотораго рода наружнымъ укрѣпленіемъ политическаго зданія союза Мексиканскихъ Штатовъ, но и передовымъ постомъ противъ нашего еретическаго Союза, и съ своимъ смѣшаннымъ населеніемъ вообще образовать собою для католической церкви родъ летучаго отряда, который въ случаѣ надобности могъ бы наступательно дѣйствовать противъ насъ и вносить смуты и раздоръ въ нашъ мирный религіозный бытъ. Римская курія въ то время очень много занималась нами и нашимъ Союзомъ. Дѣятельность ея агентовъ и духовенства была необыкновенная; ихъ благочестивыя козни и интриги проглядывали повсемѣстно. Во многихъ частяхъ сѣвера, даже въ Нью-Йоркскомъ штатѣ, появились монастыри и семинаріи, и такъ быстро и съ такими огромными средствами, что возбуждено было всеобщее недоумѣніе и удивленіе. Никто не могъ понять, откуда явились эти денежные средства. Хотя американскій народъ и сжегъ, по свойственному ему вѣрному инстинкту, эти разсадники гнуснѣйшаго умственнаго рабства, и такимъ образомъ очистилъ сѣверъ отъ этихъ настькомыхъ, но за то они тѣмъ въ большемъ количествѣ развелись на югѣ. Они распространились въ Луизианѣ, во всѣхъ юго-западныхъ штатахъ, и не оставалось сомнѣнія, что Техасу суждено было играть роль въ этомъ сложномъ планѣ. Насъ хотя и мало занимали эти черныя соображенія, но нашимъ новымъ техасскимъ пріятелямъ, болѣею частію умнымъ людямъ, приходилось много потерпѣть отъ этого зловреднаго отродья; а потому они не преминули представить намъ это дѣло въ такомъ видѣ, что наша гордость и чувство патриотизма невольно возмутились.»

«Могли ли мы, граждане свободнѣйшей, просвѣщеннѣйшей, величайшей въ Америкѣ націи, допустить, чтобы соседнее правительство, которое въ сущности намъ обязано своимъ существованіемъ, и которое мы могли бы опять ниспровергнуть нѣсколькими батальонами, давало намъ законы и предписывало, во что намъ вѣрить и во что не вѣрить? Не должны ли мы были употребить всѣ усилія, чтобы противодѣйствовать этимъ рабскимъ

законамъ, вызваннымъ коварною чуждою политикою, и обратить готовившійся намъ ударъ на головы тѣхъ, которые намѣревались нанести его? На этотъ вопросъ возможенъ былъ одинъ только отвѣтъ. Давши его, мы рѣшились на одно: остаться, что бы изъ этого ни вышло. Теперь мы даже обрадовались, что почтеннѣйшая гальвестонъ-бейская и тегасская компанія сыграла съ нами подобную штуку своими свидѣтельствами; даже оправдывали ее, понявъ, что съ этою продѣлкой она соединяла цѣль, благопріятную для насъ и для нашихъ Штатовъ. Еслибы члены почтенной компаніи объявили себя эмпрессаріями мексиканскаго правительства, съ единственнымъ только уполномоченіемъ, даннымъ имъ вышеупомянутымъ актомъ конгресса, то ни одинъ американскій негръ, а тѣмъ менѣе гражданинъ, не рѣшился бы и ногой коснуться Тегаса; ибо какому благоразумному человѣку могло бы придти въ голову сдѣлаться католикомъ, позволить надѣть на себя ярмо, одинаково сковывающее, одинаково убивающее и духъ и тѣло? Наши Нью-Йоркцы предвидѣли это и, какъ говорится, покрывши немножко душою, продавая намъ тегасскія земли, на которыя они имѣли такое же право, какое святѣйшій папа, со всѣми своими кардиналами, имѣлъ на бывшія мексиканскія и перуанскія королевства. Они знали хорошо, что если мы поселимся въ этой странѣ, то насъ уже не легко будетъ оттуда выжить, и что мы сумѣемъ отстаять и утвердить свои права на приобретенную землю. Эта истинно-американская политика, которая, однимъ легкимъ уклоненіемъ совѣсти, должна была способствовать намъ къ приобретенію неистощимо богатыхъ земель, а дядь Саму (1) къ приобретенію двухъ новыхъ членовъ къ его семейству, тогда еще состоявшему изъ двадцати четырехъ членовъ, — не только примирила насъ съ нашею, въ нѣкоторой степени нечестною гальвестонъ-бейскою и тегасскою компаніею, но и заставила забыть, въ надеждѣ на предстоящія приключенія, наши тысячи долларовъ. Тѣмъ менѣе мы отказывались отъ надежды на наши двадцать тысячъ акровъ, что новые наши пріатели, все земляки, смѣясь увѣряли насъ, что вѣдь и они не сдѣлались католиками, и что, мимоходомъ сказать, такое же имѣютъ желаніе сдѣлаться католиками, какъ и неграми; что имъ до всего этого и горя мало, и что уже тысячи нашихъ земляковъ отправлены бостонскими, нью-йоркскими, филадельфскими, бальтиморскими и нью-орлеанскими, тегасскими компаніями въ эту страну, утвердилась въ ней, и что никому и во снѣ не приснилось повѣрять грѣхи свои ушамъ, ко-

(1) *Uncle Sam*, то-есть дядя Самуилъ, — прозвище, данное Американцамъ и происшедшее отъ U. S., начальныхъ буквъ *United States* (Соединенные Штаты).

торымъ до этого нѣтъ никакого дѣла. Въ заключеніе они прибавили, что все надобно предоставить времени, что намъ ничего лучшаго не остается дѣлать, какъ закупить мустанговъ, которые продаются за безцѣнокъ, овнакомиться съ краемъ, а остальное предоставить Богу и свободному, самодержавному народу. Последнія слова были конечно произнесены тихо. Благоразуміе поступить было невозможно, а потому мы прежде всего закупили себѣ мустанговъ.

• Мустанги небольшія дикія лошади, обыкновенно не выше семи четвертей. Они были ввезены нѣкогда Испанцами, и размножившись до невѣроятности въ теченіи трехсотлѣтняго владычества послѣднихъ, кочуютъ огромными стадами по преріямъ Техаса и въ особенности Когагуилы. Въ Техасѣ же въ настоящее время число ихъ замѣтно уменьшилось. Ихъ ловятъ съ помощію такъ-называемаго *лассо*, употребленіе котораго, хотя извѣстное, я намѣренъ описать подробно. Бывши часто очевидцемъ подобнаго рода охоты, я, безъ сомнѣнія, могу живѣе изобразить вамъ эту интересную ловлю.

• Этотъ лассо не что иное, какъ гибкій арканъ, длиною отъ трехъ до четырехъ саженой, сплетенный изъ воловьихъ ремней, шириною въ палецъ; одинъ конецъ его прикрѣпляется къ сѣдельной лукѣ, другой же, съ петлей, находится въ рукѣ охотника. Завидѣвъ стадо мустанговъ, охотникъ прежде всего старается съ своими товарищами обогнать его и потомъ подѣхать къ нему какъ можно ближе. Рѣдко, почти никогда, не удается этимъ животнымъ уйдти отъ опытнаго охотника. Приблизившись на три или на четыре сажени, вѣрную рукою накидываетъ онъ петлю на шею выбраннаго имъ мустанга. Накинувъ петлю, всадникъ быстро поворачиваетъ свою лошадь; петля вмгъ стягиваетъ горло мустанга, всадникъ быстро поворачиваетъ въ противоположную сторону, и этимъ внезапнымъ движеніемъ такъ сильно рванетъ лассо, что запыхавшееся животное падаетъ ошеломленное навзничъ и дѣлается неспособнымъ ни къ малѣйшему сопротивленію. Тогда оно остается безъ дыханія, почти безъ жизни, верѣдко мертвымъ или сильно изувѣченнымъ, и во всякомъ случаѣ съ чувствомъ, которое въ продолженіи всей его жизни не даетъ ему забыть лассо. Пойманное такимъ образомъ, животное никогда не можетъ безъ содроганія смотрѣть на лассо; при взглядѣ на него оно дрожить всѣмъ тѣломъ; самый свирѣпый изъ мустанговъ, при одномъ прикосновеніи лассо, дѣлается кроткимъ какъ овечка.

• Пойманнаго мустанга укрощаютъ неменѣе варварскимъ образомъ. Ему завязываютъ глаза, кладутъ въ ротъ страшно тяжелыя удила, потомъ садится на него всадникъ, вооруженный ог-

ромными шпорами, дюймовъ шесть длиною, и заставляет его скакать во весь опоръ. Еслибы мустангъ попробовалъ стать на дыбы, то достаточно одного, даже не слишкомъ сильнаго дѣрганія этими мучительными удилами, чтобы разодрать ему ротъ и облить его кровію. Я видѣлъ самъ, какъ эти варварскія удила ломали зубы какъ спички. Животное стонетъ, реветъ отъ страха и боли, и, несмотря на эти стоны и ревъ, его вытѣкаютъ нѣсколько разъ самымъ безжалостнымъ образомъ до тѣхъ поръ, пока оно не придетъ въ совершенное изнеможеніе. Тогда только даютъ ему отдохнуть съ четверть часа, и потомъ снова гоняютъ столько же. Если мустангъ во время этой отчаянной ѣзды упадетъ отъ изнеможенія, то его, какъ негоднаго, прогоняютъ или убиваютъ, въ противномъ же случаѣ мѣтатъ раскаленнымъ желѣзомъ и пускаютъ опять въ преріи. Съ этого времени поника мустанга уже не представляетъ особенныхъ затрудненій; онъ лишается своей необузданной дикости, но за то въ него вселяется такая злоба, такое коварство, что трудно вообразить. Я увѣренъ, что мустангъ самое коварное, самое злое твореніе изъ всѣхъ лошадиныхъ породъ на земномъ шарѣ; онъ только и думаетъ о томъ, какъ бы сыграть какую-нибудь злую шутку съ своимъ хозяиномъ. Мнѣ самому едва не пришлось испытать это вскорѣ послѣ покупки моего мустанга. Предпринявъ поѣзду въ Болнваръ, мы должны были переправиться черезъ рѣку Бразосъ. Входя предпоследнимъ въ лодку, я беззаботно ткнулъ за собою на поводъ своего мустанга, и только-что хотѣлъ ступить въ лодку какъ вдругъ внезапный толчекъ и возгласъ «mind your beast» (1), заставилъ меня отскочить въ сторону. Счастье мое, что я не заглядылся, иначе легко могъ бы полатиться жизнью. Дѣло въ томъ, что мой мустангъ внезапно отскочилъ назадъ, такъ же быстро сталъ на дыбы, и бросился на меня съ такимъ остервененіемъ и силою, что пробилъ копытами лодочный помостъ. Въ жизнь свою я не видывалъ ничего бѣшенѣе этого животнаго. Оно скрежетало зубами, глаза горѣли зловѣщимъ огнемъ и ненавистію, ржаніе его походило на сатаминскій смѣхъ. Я былъ объятъ ужасомъ. Следовавшій за мною спутникъ преспокойно напнулъ на него лассо, и мустангъ мой какъ будто имъ въ чемъ не бывало: въ ту же минуту сталъ смотрѣть на насъ такъ невнимно, такъ добродушно, что мы все невольно захохотали. Я, впрочемъ, чувствовалъ сильное желаніе застрѣлить его на мѣстѣ, несмотря на страсть мою къ лошадямъ.

• Съ этимъ-то животнымъ и въ сопровожденіи своего пріятеля я предпринялъ нѣсколько поѣздокъ въ Болнваръ, Маріонъ, Ко-

(1) Берегитесь своей лошади.

лумбію, Анагуакъ, — все маленькіе городки, заключающіе въ себѣ отъ трехъ, шести, десяти до двадцати домовъ. Мы посѣщали и плантаціи, сначала тѣ, которыя были намъ рекомендованы, а потомъ и всякія другія, какія только попадались на пути нашемъ. Странствуя такимъ образомъ, мы разъ остановились на одной изъ этихъ плантацій. Она была расположена около мили въ сторонѣ отъ дороги, ведущей отъ Гаррисбурга въ Санъ-Фелипе-де-Аустинъ, и принадлежала нѣкому мистеру Нилю.

Мистеръ Ниль не больше трехъ лѣтъ какъ поселился въ этой странѣ, и въ теченіи этого времени занимался исключительно скотоводствомъ, однимъ изъ самыхъ пріятныхъ, выгодныхъ и спокойныхъ промысловъ, которому всякій джентльменъ можетъ предаться въ Техасѣ, не унижая своего достоинства. Стада его состояли приблизительно изъ семи сотъ или восьми сотъ штукъ рогатаго скота и пятидесяти или шестидесяти лошадей, все мустанговъ. Плантація была какъ почти всѣ, видѣнныя нами въ началѣ своего устройства. Домъ, построенный изъ необтесанныхъ бревенъ въ томъ *залѣскомъ* (1) вкусѣ, который такъ распространился на нашемъ юго-западѣ, былъ просторенъ и даже спокоенъ. Онъ былъ расположенъ около опушки острова между двумя гигантскими сикоморами, которыя защищали его отъ вѣтра и солнца. Передъ нимъ тянулись, на необозримое пространство, безконечныя преріи, съ своими колышущимися травами и цвѣтами. Позади дома возвышался, во всемъ невыразимомъ величій своемъ, одинъ изъ первобытныхъ лѣсовъ Техаса, снизу до верху переплетенный виноградными лозами; эти лозы, обвивая стволы деревъ на сто или болѣе футовъ въ вышину, покрывали весь островъ своими отпрысками. Острова эти составляютъ одну изъ прелестнѣйшихъ особенностей Техаса, и такъ безконечно разнообразны въ своихъ формахъ и роскоши своихъ породъ, что можно прожить десятки лѣтъ въ этой странѣ и постоянно открывать въ нихъ новыя прелести. Острова эти представляются то въ видѣ круга, то въ видѣ параллелограммовъ, шести- и восьми-угольниковъ, то будто развертываются и принимаютъ видъ гигантской змѣи. Утонченнѣйшій устроитель парковъ пришелъ бы въ отчаяніе, стараясь подражать этимъ до безконечности разнообразнымъ и живописнымъ формамъ. Утромъ и вечеромъ, покрытые легчайшими атомами испареній, подобными голубой шелковой ткани, прорѣзанные и позлащенные первыми и послѣдними лучами солнца, они представляютъ такую поразительную картину,

(1) Залѣсцами, Backwoodsmen, назывались прежде всѣ живущіе въ западу отъ Аллеганскихъ или Апаллакскихъ горъ, въ настоящее же время такъ называютъ вообще всѣхъ тѣхъ, которые поселились въ большомъ разстояніи отъ главныхъ городовъ или на новопріобрѣтенныхъ земляхъ.

которая можетъ привести въ восторгъ самую не-поэтическую душу.

«Другая, истинно идилическая, черта этой благословенной земли заключается въ искреннемъ, радушиемъ гостепрѣимствѣ ея обитателей. Даже въ тѣ дома, куда мы не имѣли рекомендацій, я разумѣю не только письменныя, но и просто словесныя порученія и поклоны, мы входили совершенно безъ церемоній, и насъ принимали такъ же запросто, какъ старыхъ знакомыхъ. Эта черта такъ сильно господствуетъ во всѣхъ плантаціяхъ, принадлежащихъ южнымъ Американцамъ, что я во все время моего многолѣтняго пребыванія въ Техасѣ не встрѣтилъ ни одного исключенія. Но если я гдѣ и встрѣчалъ его, то-есть гдѣ я долженъ былъ платить за гостепрѣимство, такъ это у выходцевъ изъ среднихъ штатовъ или Новой Англіи. Замѣчательно также и то обстоятельство, что всѣ гостиницы и трактиры содержатся тамъ исключительно *янками*, или гражданами изъ среднихъ штатовъ. Сынъ благородной Виргиніи или обѣихъ Каролинъ и здѣсь слишкомъ гордъ, чтобы брать возмездіе за свое гостепрѣимство.

«Хозяинъ нашъ былъ веселый Кентеккіецъ, и во всѣхъ отношеніяхъ дѣлалъ честь мѣсту своего происхожденія. Мы были приняты въ высшей степени радушно; за это намъ пришлось платить только новостями, привезенными нами изъ дому. Едва ли вы можете представить себѣ ту до болѣзненности доходящую жадность, съ какою земляки наши на чужбинѣ выслушиваютъ разказы о родинѣ. Жадная внимательность эта дѣйствительно имѣетъ въ себѣ что-то лихорадочное и не только у мужчинъ, но и у женщинъ и дѣтей. Кто хочетъ составить себѣ понятіе объ этой, истинно болѣзненной привязанности гражданъ нашихъ къ своему отечеству, тотъ пусть отправится въ Техасъ или другую чужую сторону, и встрѣтится съ поселившимися тамъ земляками. Мы прѣехали послѣ обѣда, и утреннее солнце слѣдующаго дня застало насъ еще посреди цѣлаго семейства въ разговорахъ и преніяхъ. Едва мы успѣли уснуть нѣсколько часовъ, какъ уже опять разбудили насъ любезные наши хозяева. Они собирались поймать нѣсколько десятковъ штукъ рогатаго скота и отослать на рынокъ въ Нью-Орлеанъ. Эта ловля, нѣчто въ родѣ охоты, всегда бываетъ интересна и рѣдко опасна. Мы, конечно, не заставили просить себя два раза, поспѣшно встали, одѣлись, позавтракали и сѣли на своихъ мустанговъ.»

Новость ли и живость разказа, или особенная форма и тонъ его, какъ будто нарочно созданные для американскаго уха, были причиной, только все общество, видимо увлеченное, собралось теперь вокругъ разказчика.

Онъ на минуту остановился, и потомъ продолжалъ:

II.

• Намъ нужно было проѣхать четыре или пять миль, чтобы достигнуть до того мѣста, гдѣ должна была начаться ловля. Животныя частію паслись, частію лежали развались на травѣ, стадами отъ тридцати до пятидесяти штукъ. Прекраснѣйшій скоть, какой только мнѣ когда-нибудь удавалось видѣть: статный, длинноногій, ростомъ гораздо выше нашего и несравненно красивѣе на видѣ. Рога также длиннѣе и издали скорѣе похожи на олени, чѣмъ на рога обыкновеннаго рогатаго скота. Хотя эти животныя зиму и лѣто проводятъ на лугахъ, и предоставлены самимъ себѣ, однакоже никогда не дичають. Только почуя близость волковъ или медвѣдей, они дѣлаются свирѣпы и даже опасны. Тогда они, всѣмъ стадомъ, несутся отчаянными прыжками въ ту сторону, гдѣ притаился хищный звѣрь, и встрѣтятся съ нимъ въ это время чрезвычайно опасно. Надобно вамъ сказать, что скоть этотъ не подверженъ никакимъ болѣзнямъ; о болѣзняхъ же печени, которыя въ стадахъ Луизіаны производятъ такіа опустошенія, тамъ и не знаютъ. Даже кормленіе солью дѣлается лишнимъ, потому что вездѣ въ изобиліи находятся соленики.

• Намъ было шесть всадниковъ: мистеръ Ниль, мой пріятель, я и три негра. Задача наша состояла въ томъ, чтобы прежде всего загнать скоть къ дому, потомъ поймать арканомъ извѣстное число, назначенное для продажи, и тотчасъ же отправить въ Бразорію. Я ѣхалъ на своемъ мустангѣ. Мы приблизились на четверть мили къ первому стаду, состоявшему изъ пятидесяти или шестидесяти штукъ. Скоть не трогался. Обѣхавъ его, мы старались обогнуть и второе стадо; и это оставалось спокойнымъ. Продолжая такимъ образомъ подвигаться впередъ и обогнувъ послѣднее и крайнее стадо, мы разомкнулись, чтобы полукругомъ охватить всѣ стада и погнать ихъ къ дому. До сихъ поръ мустангъ мой велъ себя прекрасно; бодро и весело галопируя впередъ, онъ не сдѣлалъ ни одной изъ своихъ злобныхъ выходовъ. И что же? Не успѣли мы разомкнуться на двѣсти шаговъ, какъ вдругъ проснулся въ немъ бѣсъ. Около тысячи шаговъ отъ насъ паслись мустанги этой плантаціи. Лишь только онъ ихъ завидѣлъ, какъ началъ бѣшено метаться во всѣ стороны, такъ что я, хотя и довольно искусный наѣздникъ, едва не выпалъ изъ сѣдла. Однако я кое-какъ еще держался. Къ несчастію, я надѣлъ на мустанга свою американскую узду вмѣсто мексиканской, вопре-

ки совѣтамъ мистера Нилъ и, что всего хуже, оставилъ дома свой лассо, которымъ бы только и могъ въ настоящую минуту укротить бѣшеное животное; безъ лассо же въ преріяхъ съ мустангомъ ничего не сдѣлаешь. Все мое наѣздничество не помогло мнѣ; какъ бѣшенный быкъ бросился онъ къ стаду; не добѣжавъ до него, остановился, уставилъ голову между передними ногами, и такъ неожиданно лягнувъ задними, что я не успѣлъ опомниться, какъ перелетѣлъ черезъ его голову и очутился на травѣ, самъ не знаю какъ. Въ одно мгновеніе наступилъ онъ разомъ обѣими передними ногами на поводъ, стащилъ съ себя уздечку и, дико заржавши, бросился къ стаду.

«Съ бѣшенствомъ поднялся я изъ высокой травы. Ближайшій сосѣдъ мой, негръ, прискакалъ ко мнѣ на помощь, просилъ, чтобы я на время оставилъ мустанга, и говорилъ, что ловчій Антони поймаетъ его послѣ; но, разсерженный, я его не слушалъ. Нестово закричалъ я ему, чтобы онъ слѣзъ и отдалъ мнѣ свою лошадь. Напрасно умолялъ меня негръ оставить мое намѣреніе и послать мустанга ко всѣмъ чертямъ; я не хотѣлъ слушать, вскопчилъ на его мустанга и помчался за бѣглецомъ. Между тѣмъ прискакалъ самъ мистеръ Нилъ и кричалъ мнѣ изо всей мочи, чтобы я, ради самого неба, остался, что я самъ не знаю, чему подвергаюсь, преслѣдуя въ преріяхъ убѣжавшее животное; что луговые степи Техаса совсѣмъ не то, что какой-нибудь лугъ Виргиніи или Каролины. Я ничего не слышалъ, не хотѣлъ ничего слышать; штука, сыгранная со мною этою бестіей, отняла у меня всякое благоразуміе; какъ бѣшенный, я поскакалъ вслѣдъ за бѣглецомъ.

«Мустангъ подскакалъ къ стаду лошадей; подпустивъ меня къ себѣ шаговъ на триста и давши мнѣ время приготовить лассо, который къ счастью былъ прикрѣпленъ къ сѣдлу, онъ ускакалъ снова. Я пустился за нимъ; опять онъ остановился на минуту и опять поскакалъ дальше. Я за нимъ все съ большимъ и большимъ ожесточеніемъ. На разстояніи полмили, онъ снова остановился, и когда я подѣхалъ шаговъ на двѣсти или на триста, опять ускакалъ съ дикимъ торжествующимъ ржаніемъ. Я поѣхалъ тише, мустангъ также умѣрилъ бѣгъ свой; когда я начиналъ ѣхать скорѣе, тогда и мустангъ бѣжалъ съ большею быстротой. Разъ десять онъ подпускалъ меня шаговъ на двѣсти и потомъ опять уносился. Правду сказать, давно была бы пора бросить эту отчаянную охоту и предоставить ее человѣку, болѣе опытному; но кто находился когда-нибудь въ подобныхъ обстоятельствахъ, тотъ пойметъ, что тогда обыкновенно теряется всякое благоразуміе. Въ какомъ-то опьяненіи я слѣдовалъ за мустангомъ. Повременамъ онъ подпускалъ меня къ себѣ все ближе и ближе, и потомъ

вдругъ уносился съ дикимъ, неистовымъ ржаніемъ, въ которомъ какъ будто слышался насмѣшливый хохотъ. Это-то ржаніе меня въ особенности и бѣсило, ослѣпляло и оглушало; оно было такъ злобно и отдавалось такимъ дикимъ торжествомъ въ ухахъ моихъ, что я все болѣе раздражался. Наконецъ я потерялъ всякое терпѣніе, хотѣлъ сдѣлать послѣднюю попытку и потомъ вернуться домой. Онъ остановился около одного изъ такъ - называемыхъ острововъ, и преспокойно сталъ щипать траву на опушкѣ. Я хотѣлъ объѣхать этотъ островъ, прокрасться между деревьями и накинуть лассо на мустанга, или по крайней мѣрѣ, погнать его къ плантаціи. Мнѣ казалось, что мой планъ былъ обдуманъ очень искусно, и потому, объѣхавъ островъ и перерѣзавъ его, я выѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ думалъ найти своего мустанга. Но, какъ осторожно я ни пробирался къ опушкѣ, нигдѣ не видно было и слѣда этой хитрой твари. Наконецъ я выѣхалъ совсѣмъ изъ острова, но мустанга моего какъ не бывало. Пославъ ему проклятія, я далъ своему коню шпоры и поскакалъ обратно, какъ мнѣ казалось, по направленію къ плантаціи.»

Полковникъ перевелъ духъ и продолжалъ:

«Хотя мнѣ ужъ и не видно было плантаціи, и стада мустанговъ и скота даже исчезли, но это меня не пугало. Я былъ почти увѣренъ, что держусь того самаго направленія, по которому мнѣ надобно было ѣхать; мнѣ казалось даже, что и самый этотъ островъ я видѣлъ изъ дому. Къ тому же я находилъ вездѣ такое множество лошадиныхъ слѣдовъ, что мнѣ и въ голову не приходила возможность заблудиться. Итакъ, я беззаботно подвигался впередъ.

«Проѣхавъ такимъ образомъ около часа, я началъ беспокоиться: посмотрѣлъ на часы,—было уже часъ пополудни, а мы выѣхали ровно въ девять утромъ. Итакъ я былъ четыре часа на лошади, и если изъ этого положить полтора часа на объездъ и загонъ скота, то на мою собственную безумную охоту приходилось два съ половиною часа. Изъ этого надобно было заключить, что я удалился отъ плантаціи дальше, нежели думалъ. И аппетитъ уже начиналъ напоминать о себѣ. Надобно вамъ замѣтить что время было къ концу марта, день былъ ясный и свѣжій, какъ наши мериландскіе майскіе дни. Хотя солнце и ярко свѣтило на небѣ, но это было для меня почти бесполезно, и я не имѣлъ возможности сообразить положеніе дома, потому что утро было пасмурно и туманно, а наканунѣ мы прибыли на плантацію, къ несчастію, довольно поздно, тотчасъ сѣли за столъ и проболтали цѣлый вечеръ и всю ночь. Это обстоятельство усилило мое безпокойство, и я невольно вспомнилъ убѣдительныя просьбы негра и крики мистера Нила. Но все еще я утѣшалъ себя мыслию, что

во всякомъ случаѣ я не могъ находиться дальше десяти или пятнадцати миль отъ дома; надѣялся съ каждою минутою увидѣть стада, и по нимъ найти направленіе къ плантаціи. Но это утѣшительное настроеніе духа было не продолжительно; наступило опять безпокойство, ибо я ѣхалъ еще цѣлый часъ, и все-таки никакого слѣда стада или плантаціи. Я уже терялъ терпѣніе, даже сердился на бѣднаго мистера Нила: зачѣмъ не послалъ онъ вслѣдъ за мною котораго-нибудь изъ своихъ лѣнивцевъ-негровъ, или своего ловчаго? Но тутъ я вспомнилъ, что Антони отправился въ Анагуакъ и не могъ возвратиться раньше двухъ дней. Однакоже проклятый Кентекіецъ могъ бы подать мнѣ хоть сигналъ однимъ или нѣсколькими выстрѣлами! Я остановился, началъ прислушиваться: ни звука; повсюду царствовала глубокая тишина, даже птицы въ островахъ молчали. Казалось, вся природа покоилась; на меня же этотъ покой наводилъ страшное уныніе. Все пространство, какое только могъ обнять взоръ, представляло одно колышущееся, волнуемое море травъ; здѣсь и тамъ группы деревьевъ, но нигдѣ никакого слѣда человѣческаго присутствія. Вдругъ одинъ изъ ближайшихъ острововъ обратилъ на себя мое вниманіе: мнѣ показалось, что это былъ тотъ самый, которымъ я такъ любовался при выходѣ изъ дому. Онъ извивался какъ змѣя, готовая сдѣлать прыжокъ. Тогда я видѣлъ его въ шести или семи миляхъ вправо отъ плантаціи; теперь мнѣ стоило повидимому только взять влѣво, чтобы попасть домой. Бодро двинулся я впередъ, постоянно держась того направленія, гдѣ, по мнѣнію моему, долженъ былъ находиться домъ; ѣхалъ часъ, проѣхалъ другой, неумоимо подаваясь впередъ.

«Такимъ образомъ ѣхалъ я нѣсколько часовъ, по временамъ останавливаясь, прислушиваясь, не раздастся ли выстрѣлъ или крикъ: ничего не было слышно. Новое, неожиданное явленіе, значительно усилило напротивъ мое безпокойство: въ тѣхъ мѣстахъ, по которымъ мы ѣхали, отправляясь изъ дома, травы были гуще и цвѣтовъ между ними было меньше; луга же, по которымъ я теперь ѣхалъ, походили скорѣе на цвѣтникъ, въ которомъ почти не видно было земли. Самый пестрый, самый разноцвѣтный коверъ, роскошь и красоту котораго вообразить себѣ невозможно: милліоны прекраснѣйшихъ луговыхъ розъ, туберозъ, далій, астръ, роскошнѣе и великолѣпнѣе которыхъ не въ состояніи произвестъ ни одинъ ботаническій садъ на всемъ земномъ шарѣ. Мустангъ мой едва могъ продираться сквозь этотъ хаосъ цвѣтовъ. Изумленный, я остановился на мгновеніе передъ дивнымъ великолѣпнѣе этой картины: мнѣ казалось, что вдали множество радугъ, разстилаемая по лугу, дрожали одна надъ другою. Но чувство мое было не радостное. Оно было слишкомъ близко къ мучительному

страху, который скоро долженъ былъ совершенно овладѣть мною. Прѣзжая опять мимо одного острова, я вдругъ увидѣлъ такую картину, такое великолѣпное зрѣлище, которое далеко превосходило все, что я когда-нибудь видѣлъ въ этой странѣ чудесъ.

• Прямо передо мною ярко сіяла сплошная, громадная масса, холмъ, гора изъ блестящаго, чистѣйшаго серебра! Солнце только-что выходило изъ-за тучъ, и когда косвенные лучи его озарили это необыкновенное явленіе, я остановился въ нѣмомъ изумленіи и неподвижно глядѣлъ въ какомъ-то страхѣ. Но еслибы мнѣ предлагали всѣ сокровища міра, я не былъ бы въ состояніи объяснить это непостижимое, истинно непостижимое явленіе. То блистало оно какъ серебряный холмъ, то какъ замокъ съ зубцами и башнями, то опять возвышалось какимъ-то волшебнымъ колоссомъ, но постоянно представлялось какъ будто изъ массивнаго серебра, и было великолѣпно выше всякаго описанія. Что это такое? Въ жизнь свою я не видалъ ничего подобнаго! Зрѣлище это смутило меня. Невольно во мнѣ мелькнула мысль, что здѣсь участвуетъ нечистая сила, что я нахожусь на заколдованной землѣ, и что надо мной потѣшается какой-нибудь злой духъ. Теперь не оставалось уже никакого сомнѣнія, что я заблудился и попалъ въ какія-то новыя, невѣдомыя страны. При этой страшной истинѣ нахлынулъ на меня потокъ мрачныхъ мыслей: все, что я слышалъ о заблудившихся, пропавшихъ безъ вѣсти, живо представилось моему воображенію; тѣмъ болѣе, что это были не вымышленные разказы, а истинныя событія, переданныя мнѣ людьми, достойными довѣрія. Я вспомнилъ при этомъ, что меня всякій разъ серьезно убѣждали, никогда не отваживаться на выѣздъ въ преріи безъ провожатаго или безъ компаса. Меня увѣряли, что даже мѣстные жители никогда не рѣшались на это, ибо заблудившійся, не вида вокругъ себя ничего, кромѣ однообразной, безпредѣльной равнины, лишень всякой возможности соображенія. Цѣлые дни и недѣли можетъ онъ блуждать посреди этого океана луговъ, въ этомъ лабиринтѣ острововъ, не находя никакого изъ него выхода. Конечно, заблудиться лѣтомъ и осенью менѣе опасно, потому что въ островахъ тогда можно въ изобиліи найти разные плоды, вѣрное средство избѣжать по крайней мѣрѣ голодной смерти. Въ то время вездѣ множество превосходнаго винограда, сливъ, персиковъ; но теперь только-что наступила весна. Я находилъ, правда, въ островахъ виноградныя лозы, персиковыя и другія фруктовыя деревья, плоды которыхъ мнѣ такъ хвалили, но для меня они едва только отцвѣли. Попадалась мнѣ и разная дичь, но не имѣя при себѣ оружія, я могъ считать себя осужденнымъ на голодную смерть среди богатѣйшей страны земнаго шара. Эта ужасная мысль приходила

мнѣ однако не въ томъ послѣдовательномъ порядкѣ, какъ я передаю ее теперь; она представлялась мнѣ скорѣе смутно, неясно, а вмѣстѣ съ тѣмъ молніею пронизывала мозгъ. Всякій разъ, какъ она овладѣвала мною, я чувствовалъ въ себѣ какъ будто остріе ножа, которое производило во мнѣ боль и содроганіе.

— Это должно быть ужасное состояніе, вздрагивая, замѣтилъ полковникъ Окли.

• Потомъ слѣдовали болѣе утѣшительныя мысли. Вѣдь я уже четыре недѣли въ этой странѣ, говорилъ я себѣ, проѣзжалъ большую ея часть по всеѣмъ направленіямъ, и всегда черезъ луга. Я не подумалъ при этомъ, что вѣдь и вся эта страна не что иное, какъ одна луговая степь. Притомъ я возилъ съ собою компасъ и ѣздилъ всегда не одинъ. Вотъ почему, безъ всякой мысли объ опасности, не слушая увѣщаній и предостереженій, я такъ безразсудно бросился вслѣдъ за этою дикою тварью, не сообразивъ, что четыре недѣли едва достаточны, чтобъ ознакомиться съ странною въ окружности двадцати миль, и тѣмъ менѣе съ странною, пространствомъ втрое болѣе всего Нью-Йоркскаго штата. Но я все еще утѣшалъ себя; все еще я не имѣлъ яснаго понятія о настоящей величинѣ опасности; порывы сангвиническаго темперамента упорно противились всякой мысли о гибели, мнѣ угрожавшей. Я считалъ невозможнымъ, въ нѣсколько часовъ заблудиться до такой степени, чтобы мистеръ Ниль или негры его не отыскали и не догнали меня по слѣдамъ моимъ. Какое-то чудное успокоеніе навѣяло на меня самое солнце, которое скрывалось въ это время за островами, подернутыми туманомъ. Странная причина успокоенія! Воспитанный въ семейномъ кругу и съ дѣтства привычный во всемъ къ правильности и порядку, я находилъ совершенно естественнымъ, и даже необходимымъ, ночевать дома, или, по крайней мѣрѣ, подъ кровомъ. Я до того сроднился съ этою привычкою, что мнѣ казалось рѣшительно невозможнымъ провести ночь подъ открытымъ небомъ. Мысль о близости пріюта такъ утвердилась во мнѣ, что я невольно далъ шпоры своему мустангу, въ полной увѣренности, что сейчасъ изъ тумана вынырнетъ передо мною домъ мистера Нила, и въ окнахъ засверкаетъ привѣтный огонекъ. Каждую минуту я ждалъ, что услышу лай собакъ, мычаніе скота, смѣхъ дѣтей. И дѣйствительно я вдругъ увидѣлъ передъ собою домъ; воображенію моему ясно представился освѣщенный парлоръ (1). Я поѣхалъ скорѣе; но подѣхавъ ближе къ тому, что казалось мнѣ домомъ, опять увидѣлъ островъ; а то, что я принималъ за огни, были свѣтящіеся червячки; преж-

(1) Parlour, буквально, комната для бесѣды, или гостиная.

де массаи сверкали они во мракъ острова, а теперь, при наступающей темнотѣ, голубоватые огоньки ихъ начали блестѣть со всѣхъ сторонъ и на окружающихъ лугахъ. Этотъ свѣтъ вскорѣ разлился по всему пространству, и мнѣ казалось, что я очутился въ морѣ бенгальскихъ огней. Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе опьяняющее всѣ чувства, какъ подобное странствование въ темную мартовскую ночь по бесконечно одинокимъ лугамъ. Надо мною темно-синій сводъ неба и мириады ярко горящихъ звѣздъ; у ногъ океанъ магическаго свѣта отъ миллионовъ свѣтащихся червячковъ! Я какъ будто находился въ новомъ, очарованномъ мирѣ, могъ различить каждую травку, каждый цвѣтокъ, каждое дерево; но все это представлялось мнѣ въ волшебномъ, сверхъестественномъ свѣтѣ. Луговая розы, туберозы, далия, астры, герани и виноградныя лозы получили жизнь, начали приходиться въ движеніе, собираться въ хороводъ. Всѣ растенія, всѣ цвѣты начали вокругъ меня какую-то фантастическую пляску. Вдругъ издали изъ этого огненнаго моря долетѣлъ ко мнѣ громкій и протяжный звукъ. Я остановился, сталъ прислушиваться; въ смущеніи осматривался вокругъ; но ничего уже не было слышно. Я поѣхалъ дальше. Снова раздался тотъ же протяжный звукъ, но на этотъ разъ какъ-то жалобно и уныло. Я остановился въ недоумѣніи, началъ прислушиваться; но все было тихо, и я поѣхалъ дальше. Но вотъ въ третій разъ послышались тѣ же унылые звуки; это былъ голосъ випорвила (1), который пѣлъ свою ночную пѣсню въ одномъ изъ острововъ. Когда наконецъ въ четвертый разъ раздавался въ тишинѣ ночи жалобный его напѣвъ, ему отвѣчала рѣзвая катидада (2). О, въ какой восторгъ пришелъ я, услышавъ ночныхъ пѣвцовъ моей незабвенной родины! Мгновенно воображенію моему представился милый домашній кровъ, хижины негровъ, плантація моего отца, журчаніе и плескъ рѣчки, протекающей около хижинъ нашихъ негровъ. Я такъ предался этому обману чувствъ, или скорѣе, онъ такъ всего увлекъ меня, что я прищпорилъ мустанга, въ полной увѣренности, что передо мною находится домъ отца. Къ тому же островъ, въ которомъ раздавалось это ночное пѣніе, въ магическомъ волшебномъ свѣтѣ (о того былъ похожъ на лѣсную опушку, окружающую домъ отца моего, что я, пробѣжавъ не менѣе получаса, остановился, слѣзъ съ мустанга и позвалъ Харона Томми. Харонъ Томми былъ перошникъ, и отъ меня получилъ свое классическое прозвище. Рѣчка, протекающая черезъ отцовскія плантація, довольно глубока, и

(1) Whipoorwill, виргинскій козодой (*caprimulgus virginensis*).

(2) Виргинскій соловей.

только нѣсколько мѣсяцевъ въ году можно переправляться черезъ нее въ бродъ. Я позвалъ разъ, другой, третій, четвертый; напрасно, отвѣта не было. Звалъ еще нѣсколько разъ, и пропалъ.

«Сладкій сонъ, мучительное пробужденіе! Невозможно описать тѣ чувства, которыя овладѣли мною: все такъ подавляло меня, такъ разрушительно дѣйствовало на существо мое; мозгъ, казалось, переворачивался въ головѣ моей, голова вертѣлась на плечахъ. Я еще не былъ въ такой степени утомленъ усталостію, голодомъ и жаждою, чтобы чувствовать истощеніе силъ; но опасеніе, страхъ, чудныя и необыкновенныя явленія до того огумнили меня и произвели такое головокруженіе, что я шатался, какъ пьяный. Лишенный всякой возможности мыслить, я стоялъ и устремилъ неподвижныя взоры на этотъ голубой, огненный міръ; какъ долго я смотрѣлъ, самъ не знаю. Наконецъ я сдѣлалъ то, что обыкновенно дѣлаютъ другіе, какъ я могъ замѣтить въ продолженіи четырехнедѣльнаго моего тамъ пребыванія: взялъ карманный ножъ, который, по счастью, былъ при мнѣ, вырылъ въ землѣ ямку, положилъ въ нее конецъ лассо, затопталъ опять ямку, надѣлъ другой конецъ съ петлей на шею мустанга, и, снявъ съ него сѣдло и уздечку, пустилъ его щипать траву, а самъ легъ въ сторонѣ. Этотъ способъ привязывать мустанговъ покажется вамъ, можетъ-быть, страннымъ, но онъ все-таки самый естественный и удобный въ странѣ, гдѣ вы часто, на разстояніи пятидесяти миль въ окружности не видите дома, и на двадцать пять миль ни куста, ни дерева.

• Но заснуть я не могъ, потому что съ разныхъ сторонъ слышался вой, который я вскорѣ призналъ за вой волковъ и кагуаровъ. Подобная ночная музыка никогда и нигдѣ не можетъ быть пріятна; здѣсь же, среди этого огненного океана, загадочнаго волшебнаго міра, вой этотъ казался мнѣ такъ ужасенъ, что понижывалъ меня до мозга костей, и я боялся сойти съ ума. Всѣ фибры и нервы мои пришли въ страшное волненіе, и я не знаю, чѣмъ бы все это кончилось, еслибы по счастью я не вспомнилъ, что со мною были моя сигарочница и свертокъ *скрипиія дульциссимусъ* (1), неоцѣненное сокровище въ эту минуту; оно не замедлило опять нѣсколько успокоить мое разстроенное воображеніе.

• Клянусь, еслибы дивно-благородный сэръ Вальтеръ не оказалъ другой заслуги человѣческому роду, то одна эта должна была бы посвятить его на вѣчныя времена въ покровители всѣмъ

(1) Лучшій сортъ виргинскаго табаку, употребляемый Американцами для жеванія.

молодымъ искателямъ приключеній! Нѣсколько хорошихъ *gambas* (какъ большой куряльщикъ, я имѣлъ при себѣ огниво) произвели во мнѣ какое-то благодѣтельное ослѣпленіе, въ которомъ я наконецъ и уснулъ.»

На этомъ мѣстѣ всѣ слушатели перевели духъ съ такимъ видомъ, какъ будто они и сами получили облегченіе.

Дѣйствительно въ разказѣ этомъ заключалось нѣчто такое, отчего даже плантаторы, испытавшіе уже не одну мрачную сторону человѣческой жизни, могли придти въ смущеніе, даже страхъ.

Осушивъ свой стаканъ, полковникъ продолжалъ:

III.

«Когда я проснулся, уже наступилъ день. Сѣнь исчезъ, а съ нимъ и всѣ мрачныя мысли; я чувствовалъ сильный аппетитъ, но былъ еще свѣжъ и бодръ. Рѣшившись какъ можно спокойнѣе взвѣсить свое положеніе и выбрать направленіе, какое слѣдовало мнѣ принять, я осѣдлалъ прежде всего своего мустанга, вырылъ изъ земли конецъ аркана, устроилъ какъ слѣдуетъ лассо, потомъ сѣлъ и поѣхалъ. Какой-то злой духъ издѣвался надо мною въ теченіи всего прошедшаго дня и заставилъ меня дорого заплатить за оплошность; я надѣялся, что онъ по крайней мѣрѣ сегодня будетъ ко мнѣ милостивѣе и дальше не продолжитъ вчерашней своей злой шутки. Въ этой надеждѣ приступилъ я къ дальнѣйшему странствованію; проѣзжалъ мимо дивно прекрасныхъ острововъ изъ великолѣпныхъ pekanовыхъ, сливовыхъ и персиковыхъ деревьевъ. Острова эти, какъ и вообще тѣхасскіе лѣса, имѣютъ ту особенность, что въ нихъ древесныя породы произрастаютъ не въ смѣси съ другими, а сплошными дубравами. Рѣдко встрѣтите вы островъ съ двумя древесными породами. Какъ вообще лѣсныя животныя сближаются съ подобными себѣ, такъ тамъ и въ мірѣ растений, дубъ растетъ съ дубомъ, слива съ сливой, pekanъ съ pekanомъ. Одна только виноградная лоза неразлучна со всѣми; она сплетаетъ ихъ всѣхъ своими нѣжными, но крѣпкими побѣгами. Я вѣзжалъ въ нѣкоторые изъ этихъ острововъ. Такъ какъ они обыкновенно не велики, и нѣтъ въ нихъ ни кустовъ, ни подлѣска, а почва покрыта, какъ ковромъ прелестнѣйшею зеленью, то они представляются такими свѣжими, чистыми, что я, входя въ нихъ, всякій разъ невольно осматривался въ изумленіи. Мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы природа, предоставленная самой себѣ, могла сохранить такую необыкновенную чистоту. Невольно я озирался и искалъ слѣ-

довъ руки человѣка, художника; но не видѣлъ ничего кромѣ стада оленей, которые въ невинной простотѣ смотрѣли на меня своими крохотными глазами, и убѣгали только при моемъ приближеніи. Чего бы я теперь не далъ за лоть пороху, за унцію свинцу и за кентеккскій рифль (1)! Во всякомъ случаѣ видъ животныхъ развлекалъ меня и придавалъ мнѣ нѣкотораго рода бодрость, тѣлесную и душевную свѣжесть, которыя побуждали меня преслѣдовать оленей. Казалось, и мустангъ мой испытывалъ что-то подобное: онъ начиналъ весело прыгать, скакать, и ржаніе его бодро раздавалось въ утренней прохладѣ.

• Такъ я продолжалъ подвигаться впередъ, а время между тѣмъ летѣло. Утро прошло, приближался полдень; солнце стояло уже высоко на безоблачномъ небѣ. Аппетитъ напоминалъ о себѣ съ большою силою и скоро превратился въ настоящій голодъ, который томилъ, мучилъ, пожиралъ меня. Какая-то рѣзь во внутренностяхъ, подобная грызенію рака, постепенно производила во мнѣ мучительно-болѣзненное ощущеніе. Я чувствовалъ въ себѣ усы, клещи этого рака, какъ они роются во внутренности моей, грызутъ и подтачиваютъ нѣжнѣйшія части моего организма. Слыш мои, которыя утромъ, при моемъ пробужденіи, были такъ свѣжи и бодры, замѣтно стали ослабѣвать: мною овладѣвало какое-то утомленіе; я чувствовалъ безвкусіе, всеобщее расслабленіе.

• Если голодъ невыразимо мучилъ, то жажда подвергала жесточайшей пыткѣ, и я испытывалъ адскія мученія. Но эта мучительная жажда, также какъ и голодъ, чувствовалась всегда не долго; утомленіе также проходило, и всякій разъ послѣ подобнаго припадка наступалъ промежутокъ времени, въ который я испытывалъ облегченіе. Въ эти тридцать или болѣе часовъ, въ которые я ничего не ѣлъ, мои отъ природы крѣпкіе нервы были скорѣе въ напряженіи, чѣмъ въ разстройствѣ; но я очень хорошо понималъ, что подобное напряженіе не могло продолжаться, не разстроивъ меня; дѣйствительно начали уже показываться признаки этого разстройства. Присутствіе духа и надежда, которыя вообще все еще поддерживали меня, начали ослабѣвать, и мѣсто ихъ заступили какая-то робость и отсутствіе мыслей. Въ этомъ состояніи мнѣ представлялись такія ужасныя, неопредѣленныя видѣнія, что сознаніе мое совершенно помрачилось, и я, какъ пьяный, висѣлъ на своемъ мустангѣ. Но эти предвѣстники, эти полубомороки были все еще непродолжительны, и я снова приходилъ въ себя, давалъ коню шпоры и быстрѣе спѣшилъ впередъ.

• Но кто постигнетъ мучительное состояніе, весь ужасъ сознанія совершеннаго моего одиночества, который овладѣвалъ мною

(1) Rifle, штуцеръ.

при каждомъ такомъ пробужденіи? Какъ стремительно, жадно, бессмысленно, почти безумно озирался я кругомъ! Съ какимъ невыразимымъ усиліемъ напрягалъ зрѣніе, и ничего не видѣлъ, кромѣ вѣчнаго, нескончаемаго океана луговъ и острововъ!...

«Возможно ли передать эти ощущенія!

«Я былъ близокъ къ отчаянію; мой страхъ былъ такъ великъ, что я плакалъ, какъ дитя, и молился. Да, теперѣ сталъ я молиться и, странно, въ это самое время мнѣ показалось, что какой-то голосъ зоветъ меня и упрекаетъ, зачѣмъ я раньше не обратился къ Тому, который одинъ можетъ помочь въ этомъ безвыходномъ положеніи? Тогда я сталъ молиться, и такъ пламенно, съ такимъ увлеченіемъ, какъ не молился никогда. О, какое дѣтски-набожное вѣрованіе овладѣло мною, когда, окончивъ молитву, я поднялъ глаза къ Тому, который такъ видимо царствовалъ въ этомъ дивномъ мірѣ! Я вѣрилъ, что молитва моя была услышана. Вѣра моя была такъ велика, что я всталъ съ спокойнымъ духомъ и началъ осматриваться вокругъ себя, въ полномъ убѣжденіи, что найду то, чего ищу. Осматриваюсь и, представьте себѣ мое изумленіе, мой восторгъ, вижу совершенно вблизи, меньше нежели въ десяти шагахъ, слѣды лошади, слѣды всадника! При этомъ открытіи изъ груди моей вырвался радостный крикъ. Это восклицаніе, высшее выраженіе восторженной благодарности за услышанную молитву, казалось, должно было проникнуть въ самыя небеса. По мнѣ пробѣжала какъ будто электрическая искра. Мгновенно возвратились все мои силы и твердость духа. Какая-то невидимая сила влекла меня соскочить съ лошади и облобызывать землю, которая носила на себѣ эти слѣды. Слезы радости брызнули изъ глазъ моихъ, когда я въ восторгѣ опустилъ поводья мустанга и поскакалъ съ такою поспѣшностію, какъ будто вдали ожидала и манила меня возлюбленная моего сердца. Никогда я такъ горячо не благодарилъ Провидѣніе, какъ въ эти минуты. Я вѣхалъ и молился, и во время этой молитвы глазамъ моимъ представало все величіе моего Создателя. Какъ побѣдоносно выступало оно изъ дивныхъ Его твореній! Теперѣ я устремилъ взоръ еще съ большимъ вниманіемъ на все окружавшее меня, чтобы вполнѣ проникнуться Имъ и божественною Его природою, истинно божественною природою! Человѣкъ, который стоитъ на этой землѣ и не проникнется вполнѣ величіемъ и всемогуществомъ Творца своего, долженъ быть бессмысленнымъ животнымъ. Теперѣ, когда оканчивались мои страданія, когда блеснулъ лучъ спасенія, я желалъ, какъ будто при разставаніи, вполнѣ насладиться дивнымъ Его твореніемъ. Какъ величественно, какъ безпредѣльно простиралось оно передо мною! И эти травы, какъ спокойно колыхались онѣ на лугахъ, раскинутыхъ на сотни миль во все стороны! Истинное по-

добіе океана, съ плавающими на немъ островами! При золотистыхъ лучахъ полуденнаго солнца эти острова казались, дѣйствительно, движущимися или плавающими; между тѣмъ какъ вдали и по сторонамъ волнующіяся цвѣточныя поляны, теряясь въ дальнемъ зѣврѣ, казалось, сливали небо и землю въ одно дивное цѣлое... Такъ представлялись глазамъ моимъ луга по направленію къ западу. Къ югу эта картина имѣла видъ, еще болѣе волшебный. Тамъ прозрачныя покрывала, какъ будто затканныя золотомъ и лазурью, завѣшивали, казалось, болѣе отдаленныя группы острововъ, давая имъ повременамъ темно-бронзовый колоритъ, который отъ легкаго движенія воздуха мгновенно вспыхивалъ самымъ яркимъ великолѣпіемъ красокъ. Какъ бы торжествуя, пробивались лучи солнца при каждомъ такомъ вѣтеркѣ. Эти воздушныя покрывала и колоссальныя группы деревъ, дрожа въ неизмѣнно прозрачной атмосферѣ, плыли, казалось, вамъ на встрѣчу. Невъразимо великолѣпное зрѣлище! Передо мною безконечный коверъ луговъ и цвѣтовъ: міриады луговыхъ розъ, туберозъ, мимозъ этого милаго, мечтательно-нѣжнаго растенія, которое при вашемъ приближеніи приподнимается съ своими вѣтками и листьями, какъ будто смотритъ на васъ, и потомъ вдругъ откидывается съ такимъ повидимому страхомъ, что вы въ изумленіи останавливаетесь, и, кажется, ожидаете, что оно произнесетъ вамъ свои жалобы. Какое чудное и необыкновенное растеніе! Прежде нежели копыта мустанга коснулись мимозы, я увидѣлъ, какъ она встрепенулась; въ пяти шагахъ отъ меня она уже вздрогнула, потомъ, какъ будто со страхомъ и упрекомъ, стыдливо взглянула на меня, и вдругъ откинулась назадъ. Это вздрагиваніе и скиманіе вѣтокъ и листьевъ происходитъ отъ сотрясенія, сообщаемаго мимозѣ ея длинными горизонтальными корнями, при наступленіи на нихъ чловѣка или животнаго. Дѣйствительно, странное вздрагиваніе! какъ будто и въ самомъ дѣлѣ оно происходитъ отъ страха. Когда вы уже отъѣдете на нѣкоторое разстояніе, тогда только она опять приподнимается, но дрожа и трепеща, подобно нѣжной дѣвѣ, которая, отъ прикосновения дерзкой руки, въ смѣтеніи и краснѣн, опускаетъ головку и руки, и приходитъ лишь въ себя, когда дерзкій удалился.

« Въ положеніяхъ, подобныхъ моему, мы бываемъ особенно воспримчивы и расположены къ сентиментальности. Повѣрьте, наши ростбѣны, вмѣстѣ съ сокомъ и мясомъ четвероногихъ, изъ которыхъ они приготовляются, придають намъ не мало и безчувственности ихъ. Но, въ теченіе этихъ сорока или болѣе часовъ, я ни ростбѣны ничего другаго не бралъ въ ротъ, и вотъ отъ чего эти нѣжныя ощущенія и чуткое настроеніе. Въ послѣдствіи они, болѣею частью, уступили мѣсто впечатлѣніямъ другаго рода; но во всеѣ

силѣ осталось одно: я называлъ бы его откровеніемъ моего Господа Бога. Это чувство святаго глубоко проникло въ мою душу и останется въ ней неизгладимымъ до конца жизни. Я, такъ сказать, обрѣлъ новаго, живаго Бога, котораго я прежде не зналъ, ибо прежній мой Богъ былъ Богъ мудрыхъ міра сего; но этотъ, котораго я узрѣлъ среди безпредѣльной пустыни, мой создатель, явившійся мнѣ во всемъ величіи своихъ твореній. Тамъ только предсталъ Онъ передъ моими глазами, и образъ его я буду носить въ себѣ до самой смерти!..»

Здѣсь генералъ пожалъ руку молодому человѣку. Послѣдній продолжалъ:

«Возвращаюсь къ счастливо-найденному мною слѣду. Прѣхавши по немъ около часа, я вдругъ въ сторонѣ вижу другой слѣдъ; онъ шелъ параллельно къ тому, по которому я ѣхалъ. Невозможно описать моего восторга при видѣ этого втораго слѣда, который утвердилъ меня въ моей увѣренности. Мнѣ казалось теперь невозможнымъ не найти выхода изъ этихъ ужасныхъ луговъ. Правда, нѣсколько странно было повидимому, чтобы два всадника съѣхались на этомъ безпредѣльномъ лугу и вмѣстѣ продолжали свой путь. Но какъ бы то ни было, конскіе слѣды были передъ моими глазами, шли все рядомъ, и не допускали никакого сомнѣнія въ недавнемъ присутствіи всадниковъ. Да и самая свѣжесть слѣдовъ показывала, что всадники эти проѣхали еще очень недавно. Не удастся ли мнѣ еще догнать ихъ? Мысль эта побуждала меня слѣдовать какъ можно скорѣе. Я поѣхалъ со всею быстротою, какая только была возможна при цвѣтахъ и травѣ, вышиною въ аршинъ; но хоть я и проскакалъ такимъ образомъ часовъ около трехъ, всадниковъ однакоже все еще не было. Я могъ обозрѣвать пространство на десять миль вокругъ себя, но нигдѣ не видѣлъ ничего похожаго на всадниковъ. Нѣсколько острововъ лежало передо мною; въ одномъ изъ нихъ блистала какая-то серебристая масса, феномень, подобный тому, который я видѣлъ наканунѣ; но теперь не привлекалъ меня уже никакой феноменальный блескъ. За одного изъ отыскиваемыхъ мною всадниковъ я отдалъ бы всѣ феномены, всѣ серебряные рудники вселенной. Наконецъ я долженъ же ихъ настичь, думалъ я, вѣдь слѣды передо мною, стало быть должны привести меня къ нимъ, если только я не потеряю этихъ слѣдовъ. Величайшая моя забота состояла въ томъ, чтобы со мною не случилось этого несчастія. Сосредоточивъ всѣ духовныя свои силы въ зрѣніи, я поѣхалъ шагомъ. Такимъ образомъ прошло еще часа два; день уже склонялся къ вечеру; слѣды же все еще были передо мною, и это меня успокоивало. Но силы мои начали видимо слабѣть, утомленіе замѣтно увеличиваться; внутреннія боли возвращались чаще и съ большею

силою; я чувствовалъ вялость и безвкусіе во рту, внутри холодъ, какую-то дреблю въ желудкѣ и тяжесть во всѣхъ членахъ; кровь охладѣвала въ жилахъ; припадки обморока дѣлались чаще и сильнѣе; собственно голода и жажды я теперь уже не чувствовалъ, а только, какъ я уже сказалъ, видимое уменьшеніе силъ и съ нимъ всеобщую слабость органовъ. Это чувство слабости значительно усиливало мой страхъ. У меня начинало темнѣть въ глазахъ, въ ушахъ шумѣло, поводъ холодною тяжестію лежалъ въ рукѣ моей; во всемъ тѣлѣ я чувствовалъ какую-то болѣзненную раздражительность; мнѣ казалось, что ночь наступаетъ надо мною и надъ всѣмъ бытіемъ моимъ.

«Между тѣмъ я все ѣхалъ и ѣхалъ. Наконецъ я долженъ же найти-какой нибудь выходъ, и эти дуга должны же имѣть гдѣ нибудь конецъ! Правда, весь южный Техасъ не что иное, какъ одна луговая степь, но въ этой степи есть все-таки рѣки, и вблизи этихъ рѣкъ я неминуемо долженъ встрѣтить жильѣ; мнѣ стоило только проѣхать пять или шесть миль по теченію одной изъ этихъ рѣкъ, чтобы навѣрное увидѣть дома и плантаціи. Утѣшая себя такимъ образомъ и пристально глядя, не увижу ли котораго-нибудь изъ всадниковъ, я замѣтилъ вдругъ третій слѣдъ, параллельный тѣмъ двумъ, по которымъ я ѣхалъ. Теперь вдругъ снова оживились мои надежды, которыя въ теченіи послѣднихъ часовъ начинали угасать. Я былъ совершенно увѣренъ, что нашелъ наконецъ выходъ; три всадника непремѣнно ѣхали по опредѣленному направленію, которое должно было вести къ извѣстному мѣсту. Куда, мнѣ было все равно, лишь бы къ людямъ. «Къ людямъ, къ людямъ!» кричалъ я въ восторгѣ, понуждая своего мустанга къ быстрѣйшему бѣгу.

«Солнце вторично скрылось за высокими древесными вершинами западныхъ острововъ; опять настала ночь, которая такъ быстро наступаетъ въ южныхъ странахъ; но три всадника все еще не показывались. Я боялся, въ возрастающей темнотѣ, потерять слѣды ихъ, и потому, когда сумерки превратились уже въ совершенную ночь, остановился передъ однимъ изъ острововъ, накинулъ петлю лассо на шею мустанга, привязалъ другой конецъ къ древесному суку, и бросился на траву.

«Курить уже я не могъ: сигары казались мнѣ такъ же безвкусны, какъ и *дульциссимусъ*; спать я тоже былъ не въ состояніи. Если иногда и овладѣвалъ мною сонъ, то всякій разъ онъ прерывался судорожнымъ вздрагиваніемъ. Ничего не можетъ быть ужаснѣе, какъ измученному утомленіемъ, слабостію голодомъ, жаждою и страданіями искать сна и не находить его! Казалось, что множество клещей и орудія пытки терзали мою внутренность. Пока я ѣхалъ, мученія эти были, сравнительно, все еще

сносны; но теперь они сдѣлались совершенно нестерпимы. И какіе страшные призраки окружали меня! Во всю жизнь свою я не забуду этой ночи!...

«Съ разсвѣтомъ я поднялся, но долженъ былъ употребить много времени на осѣданіе моего мустанга. Сѣдло уже было для меня такъ тяжело, что мнѣ стоило большаго труда поднять его. Прежде я накладывалъ его двумя пальцами, а теперь едва могъ это сдѣлать со всѣмъ напряженіемъ силъ моихъ. Еще большаго труда стоило мнѣ натянуть подпругу; сладивши съ нею наконецъ, я кое-какъ влѣзъ на коня и поѣхалъ такъ скоро, какъ только было возможно для меня и для моего мустанга. Вы легко можете себѣ представить, что и онъ не менѣе былъ утомленъ этою двухсуточною ѣздою: къ моему впрочемъ счастью, потому что въ противномъ случаѣ онъ сбросилъ бы меня при первомъ прыжкѣ въ сторону. Даже теперь я едва былъ въ состояніи держаться въ сѣдлѣ, и свѣшивался какъ автоматъ со спины лошади, которая повидимому мало обращала вниманія на узду и шпоры.

«Проѣхавъ такимъ образомъ часъ или два, я, въ величайшемъ испугѣ, увидѣлъ, что три слѣда, по которымъ я ѣхалъ, вдругъ исчезли. Въ страшномъ недоумѣніи я смотрѣлъ какъ безумный; испугъ мой превратился въ ужасъ; между тѣмъ слѣдовъ какъ не бывало. Я все еще не вѣрилъ глазамъ своимъ; глядѣлъ, сталъ снова отыскивать, возвращался назадъ, заѣзжалъ впередъ, осматривался во всѣ стороны, разыскивалъ съ большимъ вниманіемъ, сосредоточилъ всѣ духовныя и тѣлесныя силы въ органѣ зрѣнія: слѣды исчезли. Они дошли до того мѣста, на которомъ я остановился, и вдругъ пропали; дальше никакихъ признаковъ. Всадники доѣхали до этого мѣста; куда же они дѣвались? Должно быть здѣсь они отдыхали, потому что трава была истоптана на пятьдесятъ или шестьдесятъ футовъ въ окружности. Отыскивая и осматриваясь такимъ образомъ, я вижу въ травѣ что-то бѣлое. Слѣзая, подхожу, — поднимаю... Боже милосердый! это та самая бумажка, въ которой былъ у меня завернуть *ирингія дульциссимусъ*, и которую я бросилъ въ прошедшую ночь! Я находился на мѣстѣ своего ночлега! Описавъ кругъ, я ѣхалъ по собственнымъ своимъ слѣдамъ!»

— Это дѣйствительно ужасно! вскричали всѣ въ одинъ голосъ.

«Да, ужасно! медленно и содрогаясь, продолжалъ полковникъ. Я стоялъ какъ пораженный громомъ, неспособный ни къ какой мысли. Страшное открытіе до того меня ошеломило, что я, въ тупомъ отчаяніи, какъ чурбанъ, повалился около своего мустанга, ничего не желая, кромѣ скорой смерти. Ударъ по головѣ, который избавилъ бы меня отъ жизни, казался мнѣ теперь величайшимъ благодѣяніемъ.

« Не знаю, сколько времени я лежалъ. Должно быть долго, ибо, когда я кое-какъ поднялся, солнце стояло уже низко на западѣ. Въ неистовствѣ я прокидналъ его вмѣстѣ съ лугами. О, что бы я сдѣлалъ въ этомъ бѣшенствѣ, еслибы у меня были силы! Но трехдневный постъ въ луговыхъ степяхъ укротить хоть какую необузданную свирѣбность, — увѣряю васъ. Я до того былъ разбитъ и тѣломъ и духомъ, что не могъ удержать въ памяти ни проклятій, ни какой другой мысли, и никакъ не могъ объяснить себѣ, какимъ образомъ попалъ на свой собственный слѣдъ. Конечно, въ послѣдствіи это объяснилось; слѣды эти, принятые мною за чужіе, были мои собственные. Безъ признаковъ мѣстности, безъ указателя дороги я потерялъ направление, и, вмѣсто того, чтобы ѣхать впередъ, незамѣтно возвращался назадъ. Я находился, какъ узналъ послѣ, въ преріи при рѣкѣ Джасинто, одной изъ прекраснѣйшихъ прерій въ Техасѣ, въ длину и ширину около семидесяти миль. Настоящій земной рай! такъ же прекрасенъ и такъ же легко вводитъ въ искушеніе! Даже самые опытные охотники не отваживаются пускаться безъ компаса въ этотъ міръ луговъ и острововъ, едва узнанный человѣкомъ. Какъ же мнѣ было найти изъ него выходъ, мнѣ, только-что кончившему курсъ ученія, двадцати-двухъ-лѣтнему неопытному юношѣ? Положеніе мое дѣйствительно было ужасно. Страшное открытіе убило во мнѣ всѣ силы; съ величайшимъ трудомъ держался я на мустангѣ, и наконецъ, потерявъ всякую энергію и волю, совершенно предоставилъ себя на его произволъ. Теперь для меня было все равно, что бы со мною ни случилось. Наматавъ на руку поводъ, я ухватился, что было силы, за сѣдло и гриву, и далъ полную свободу мустангу. О, зачѣмъ я раньше не сдѣлалъ этого? Вѣроятно я не впалъ бы въ такое безвыходное положеніе; животный инстинктъ, безъ сомнѣнія, привелъ бы мустанга къ какой-нибудь плантаціи. Но въ томъ-то и состоитъ особенность нашихъ необдуманыхъ поступковъ: первый изъ нихъ всегда влечетъ за собою цѣлый рядъ другихъ, влечетъ такъ неудержимо, что мы уже не можемъ остановиться, чтобы безстрастно обсудить свое положеніе. Сдѣлавъ первое неблагоразуміе, я бессмысленно, какъ безумный, пустился скакать по всѣмъ направленіямъ. Но увы! еслибы сегодня же очутился на моемъ мѣстѣ кто-нибудь другой, то готовъ держать сто противъ одного, что онъ не счастливѣе меня вышелъ бы изъ этой чертовщины.

« Отъ этихъ ужасныхъ часовъ у меня осталось въ памяти только то, что мой мустангъ, обнюхавъ нѣсколько разъ въ воздухѣ, вдругъ поскакалъ въ противоположную сторону съ такою быстротою, что я только съ величайшимъ трудомъ былъ въ состояніи удержаться въ сѣдлѣ; ибо теперь я чувствовалъ во всѣхъ

членахъ такую ужасную боль, что каждый шагъ лошади былъ для меня истинною пыткой, и я не разъ покушался вынестись изъ рукъ гриву и сѣдло и спуститься на землю. Не знаю, какъ долго такимъ образомъ влечилъ меня мустангъ, и когда я потомъ съ наступленіемъ ночи слѣзъ съ него; вѣроятно я обязанъ лассо, что животное обходилось со мною такъ терпѣливо. Какъ провелъ я ночь, одному Богу извѣстно. Я былъ неспособенъ ни къ какой мысли, и если пробовалъ останавливаться на одной какой-нибудь, то чувствовалъ въ мозгу такую боль, что его какъ будто ворочали щипцами. Все болѣло во мнѣ: члены, органы, все тѣло,—какъ будто меня колесовали. Руки мои страшно исхудали, щеки ввалились, глаза почти совсѣмъ скрылись въ своихъ впадинахъ; какой-то идиотическій, полусумашедшій смѣхъ вырывался у меня всякій разъ, когда я дотрогивался до своего лица; дѣйствительно я былъ близокъ къ сумашествію. Утромъ, когда я всталъ, я былъ едва въ состояніи держаться на ногахъ, такъ истощила меня четырехдневная ѣзда, услія, страхъ и отчаяніе. Утверждаютъ, что здоровый человекъ можетъ пробыть девять дней безъ пищи. Если это возможно, то развѣ въ комнатѣ или въ темницѣ, но ужъ никакъ не въ тегасской луговой степи; увѣренъ, что я не прожилъ бы и пяти дней. Какъ очутился я опять на своемъ мустангѣ, до сихъ поръ для меня загадка. Вѣроятно я слѣзъ на него въ то время, когда онъ, измученный усталостію, лежалъ еще на травѣ; иначе право не могу себѣ объяснить, какимъ образомъ я на него попалъ. Какъ бы то ни было, я очутился на немъ, благодаря лассо, котораго я инстинктивно; какъ утопающій, ни на мгновеніе не выпускалъ изъ рукъ.

«Теперь все такъ хаотически смѣлось передъ моими глазами, что были минуты, когда я воображалъ себя уже не въ здѣшнемъ мірѣ. Мнѣ чудились великолѣпные города, очаровательнѣе которыхъ не можетъ создать фантазія гениальнѣйшаго живописца: съ колоннадами, куполами и достигающими до звѣздъ башнями; прелестнѣйшія озера изъ расплавленнаго золота и серебра; несущіеся въ воздухѣ сады съ роскошнѣйшими цвѣтами и деревьями, съ дивно-разнообразными плодами! Но я даже не былъ въ состояніи протянуть руку къ этимъ заманчивымъ плодамъ: такъ отяжелѣли всѣ мои члены. Каждый шагъ лошади причинялъ мнѣ невыразимую боль; малѣйшее движеніе, сотрясеніе, было для меня истинною пыткой; внутренности мои жгли меня, какъ раскаленные угли, и я чувствовалъ въ себѣ терзанія скорпіоновъ; ротъ и языкъ у меня высохли; легкія какъ будто сморщились; руки и ноги повидимому уже не принадлежали къ моему тѣлу, а казались какими-то придѣланными ко мнѣ орудіями пытки.

«Едва могу припомнить, и то не ясно, что вдругъ меня уда-

рило что-то по головѣ, по ушамъ; былъ это дѣйствительно ударъ или звуки,—не могу сказать. Мнѣ представлялось, что я слышу что-то въ родѣ стоновъ, хрипѣнія, глухо доходящаго до моихъ ушей, можетъ-быть моего собственнаго, можетъ-быть и чужаго. Чувство и сознание меня теперь почти совсѣмъ оставили. Только очень темно представляется мнѣ, что я несся мимо листьевъ, вѣтвей, трескъ и ломаніе которыхъ раздавались въ ушахъ моихъ. Съ послѣднимъ судорожнымъ усиліемъ держался я за что-то; что это было,—сѣдло ли, грива ли, или что другое,—тоже не знаю. Наконецъ и эта опора выскользнула изъ рукъ моихъ, силы меня оставили, и я упалъ.

«Я потерялся въ хаосъ ощущеній:

«Ударъ, громъ пушечнаго выстрѣла, завываніе, гулъ, шумъ Ниагарскаго водопада,—круженіе, стремглавъ влекущее меня къ центру земнаго шара,—тѣмы бѣснующихся чудовищъ, обступающихъ меня со всѣхъ сторонъ, ихъ угрозы, нападенія!... И вслѣдъ за этимъ божественныя мелодіи небесныхъ сферъ, лучезарныя, свѣтлыя видѣнія, открывающія взорамъ моимъ рай...»

«... Опять жгучая боль, которая, будто кипя, пылая, прошла чрезъ горло и зажгла внутренность; мнѣ представилось, что я весь вспыхнулъ яркимъ пламенемъ. Что-то какъ будто опять воспламенило во мнѣ улетѣвшую искру жизни; легкія во мнѣ расширились; будто огненная струя пробѣжала по моимъ членамъ и жиламъ и устремилась въ голову, въ глаза. Они открылись...»

Полковникъ замолчалъ; взоры всѣхъ съ напряженнымъ вниманіемъ обратились къ нему. Генералъ вскочилъ.

— Полковникъ Морзъ! что съ вами? вы изнурены.

— Немного, отвѣчалъ Морзъ, тяжело переводя духъ.— Воспоминаніе...»

— Утомляетъ васъ разказъ? спросилъ генералъ.

— Это мѣсто, да... впрочемъ прошло.

Онъ взялъ предложенный стаканъ и выпилъ.

Наступило глубокое молчаніе.

IV.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ продолжалъ:

«Я посмотрѣлъ вверхъ, вокругъ себя, и увидѣлъ, что нахожусь на берегу узкой, но глубокой рѣки. Около меня стоялъ мой мустангъ и рядомъ съ нимъ человекъ, который, скрестивъ руки, въ одной изъ нихъ держалъ охотничью флягу. Больше я ничего не могъ видѣть; отъ слабости я не могъ приподняться. Адскій

огонь пожиралъ мои внутренности; мокрая одежда, прилипнувшая къ моему тѣлу, была для меня какимъ-то усладительнымъ утoleniемъ.

«— Гдѣ я? могъ я только прохрипѣть.

«— Гдѣ ты, незнакомецъ? гдѣ ты? Около Джасинто, и что ты около него, а не въ немъ, такъ это, полагаю, не твоя вина,—не твоя, чортъ возьми! Но ты около Джасинто и на сушѣ, хотя самъ и не сухъ.

«Въ смѣхѣ этого человѣка, грубомъ и насмѣшливо враждебномъ, было что-то невыразимо-отталкивающее и до такой степени отвратительное, что я почувствовалъ боль въ ушахъ, и каждое слово, касавшееся моего слуха, терзало меня ужаснѣйшимъ образомъ. Еслибы мнѣ предлагали полсвѣта за то, чтобы я привѣтливо взглянулъ на этого человѣка, то я не могъ бы сдѣлать этого: такой ужасъ и отвращенiе навелъ на меня этотъ ужасный смѣхъ.

«Не знаю, почему этотъ дикiй пронзительный смѣхъ подѣйствовалъ на меня такъ невыразимо отвратительно: состоянiе ли нервовъ моихъ, до крайности раздраженныхъ, было тому причиною, или другое какое-нибудь обстоятельство; знаю только и рѣшительно утверждаю, что при послѣднихъ словахъ, болѣзненно поразившихъ мой слухъ, ужасный характеръ этого существа предсталъ передо мною съ такою поразительною ясностию, съ такою отчетливостию обрисовался передъ моими глазами, какъ никогда во всю жизнь мою мнѣ не представлялся ни одинъ характеръ, не исключая самыхъ близкихъ моихъ знакомыхъ и даже друзей. Я зналъ, что онъ спасъ мнѣ жизнь, что онъ вытащилъ меня изъ рѣки, въ которую я упалъ черезъ голову мустанга, когда послѣднiй, въ бѣшенствѣ отъ жажды, бросился въ воду; что безъ него я неминуемо утонулъ бы, даже еслибы рѣка и не была такъ глубока, что онъ же, съ помощiю *эмски*, изъ смертельнаго обморока привелъ меня въ чувство. Но еслибъ онъ десять разъ спасъ мнѣ жизнь, то и тогда я не былъ бы въ силахъ преодолѣть невыразимое къ нему отвращенiе. Я не могъ даже взглянуть на него.

«— Какъ видно, тебѣ не хотѣлось бы встрѣтиться со мною въ другой разъ? прозвищесь онъ, злобно усмѣхаясь.

«— Не хотѣлось бы? Болѣе четырехъ сутокъ я не видѣлъ челоуѣческой души; и во все это время не было у меня во рту ни крошки, ни капли.

«— Ха, ха, ха! врешь! заревѣлъ онъ съ хохотомъ:—сейчасъ только выпилъ изъ моей фляги, то-есть не то, чтобы выпилъ, а все же мой виски не миновалъ твоей глотки. Да ты откуда? Вѣдь мустангъ-то не твой?

«— Мистера Нилл, отвѣчалъ я.

«— Чей? спросилъ онъ еще разъ съ испытующимъ взглядомъ.

«— Мистера Нилл.

«— Вижу по тавру. Но какъ же ты отъ мистера Нилл попалъ сюда на Джасинто? Вѣдь до плантаціи Нилл будетъ отсюда добрыхъ семьдесятъ миль. Ужъ не удралъ ли ты съ его мустангомъ?

«— Я заблудился; и больше четырехъ сутокъ ничего въ ротъ не бралъ.

«Больше я ничего не могъ произнести; слабость и отвращеніе сковали уста мои. Способъ выраженія этого человѣка обнаруживалъ такую одичалость, какой мнѣ никогда не случалось видѣть.

«— Четыре дня не бралъ ничего въ ротъ, въ техасской луговой степи, гдѣ кругомъ острова! произнесъ онъ съ хохотомъ.— А, вижу, вы джентльменъ, вижу. Во время оно я самъ былъ чѣмъ-то въ этомъ родѣ. А вы думали, что наши техасскіе луга похожи на ваши, тамъ, въ колоніяхъ, или тамъ, въ Штатахъ? Ха, ха, ха!... И вы не умѣли найдтиса? продолжалъ онъ смѣясь.— Развѣ вы не видѣли пчелъ въ воздухѣ, земляники въ травѣ?

«— Пчелъ? земляники? повторилъ я.

«— Ну да, пчелъ, которыя водятся въ дуплахъ; между двадцатью дуплами всегда есть одно полное, понимаете? полное меду. И вы не видѣли пчелъ? Быть-можетъ, вы даже и не знаете, что это за животное? Чего добраго! онѣ будутъ немножко поменьше дикихъ гусей или индѣекъ. Ну а землянику-то знаете? знаете также, что она растетъ не на деревьяхъ?

«Все это говорилъ онъ, закинувъ голову назадъ, смѣясь и издѣваясь.

«— Да еслибъ я и видѣлъ пчелъ, то какъ бы я могъ безъ топора достать медъ ихъ? вѣдь я заблудился.

«— Какъ это вы заблудились?

«— Мой мустангъ... убѣжалъ...

«— А, понимаю, понимаю. Вы поскакали за нимъ; бестія заупрямилась, какъ это всегда бываетъ, — завела васъ. Понимаю, понимаю; что же вы теперь хотите? что намѣрены дѣлать?

«Все еще человѣкъ этотъ говорилъ съ закинутою головою, какъ бы боясь моего взгляда.

«— Я чувствую себя слабымъ, страшно изнуреннымъ, почти умирающимъ. Хочу къ людямъ, въ домъ, подъ кровъ.

«— Къ людямъ? произнесъ этотъ человѣкъ съ насмѣшливою улыбкою:—къ людямъ? проворчалъ онъ, отойдя нѣсколько шаговъ въ сторону.

«Я едва былъ въ состояніи повернуть голову, но движеніе его поразило меня, и я сдѣлалъ надъ собою усиліе. Онъ вытащилъ изъ-за пояса длинный ножъ, на который онъ теперь смотрѣлъ,

вертя его въ рукахъ. Теперь только я могъ ближе рассмотреть его. Трудно себѣ вообразить человеческое лицо ужаснѣ этого. Черты его были дико до невѣроятности; налитые кровью глаза вращались въ своихъ впадинахъ, какъ огненные шары. Все въ немъ изобличало сильнѣйшую внутреннюю борьбу. Трехъ секундъ онъ не могъ простоять на одномъ мѣстѣ; бросался то впередъ, то назадъ, то въ сторону. Терзаемый какими-то внутреннимъ безпокойствомъ, онъ безсознательно продолжалъ вертѣть ножомъ какъ сумашедшій. Безъ сомнѣнія, внутри его происходила борьба, которая должна была рѣшить: существовать ли мнѣ на землѣ, или нѣтъ. Я былъ впрочемъ совершенно спокоенъ; въ положеніи моемъ смерть не имѣла ничего ужаснаго. Да и самая жизнь моя... не держалась ли она уже на волоскѣ? Видъ родины, образы родителей, сестеръ и братьевъ мелькнули еще разъ передъ моими глазами; потомъ взоръ мой невольно обратился ко Всевышнему. Я молился.

«Онъ отступилъ еще дальше; я старался, сколько могъ, не выпускать его изъ виду. Вдругъ взорамъ моимъ представился опять тотъ величественный феноменъ, который я видѣлъ въ тотъ день, какъ заблудился. Гигантская серебристая масса возвышалась въ разстояніи двухъ сотъ шаговъ отъ меня. Незнакомецъ исчезъ за нею, но черезъ минуту, тихо и шатаясь, вышелъ опять оттуда. По мѣрѣ того, какъ онъ приближался, я могъ рассмотреть его со всею подробностію. Онъ былъ высокаго роста, худой, тощій, но сильнаго сложенія. Лицо его, сколько позволяла видѣть давно небритая борода, потемнѣло отъ солнца и непогоды; оно скорѣе походило на лицо Индѣйца, и только борода изобличала бѣлое его происхожденіе. Глаза его, какъ и прежде, въ одинаковой степени были ужасны, и чѣмъ дольше я на нихъ смотрѣлъ, тѣмъ страшнѣе они казались. Какъ будто фуріи ада свирѣпствовали въ этихъ глазахъ. Волосы въ безпорядкѣ торчали на лбу, на вискахъ и затылкѣ. Вся его внѣшность была полнымъ выраженіемъ внутренняго отчаянія. Голова была обвѣзана изорваннымъ платкомъ, покрытымъ темно-бурыми пятнами. Камзолъ изъ оленьей кожи, нижнее платье и *мокассы* были покрыты такими же пятнами; очевидно это была кровь. Онъ заткнулъ за поясъ свой длинный охотничій ножъ, съ грубою деревянною рукояткою, и держалъ въ рукѣ кентекскую винтовку.

«Должно быть лицо мое и глаза выражали отвращеніе, хоть я и употреблялъ все стараніе, чтобы казаться спокойнымъ. Посмотрѣвъ на меня съ боку, онъ проворчалъ.

« — Кажется вамъ не слишкомъ-то пріятно мое сообщество. Неужели у меня такой отчаянный видъ? Развѣ... такъ ясно написано на лбу моемъ?...

«— Что же у васъ можетъ быть написано на лбу?»

«— Что? что? Такъ выпытываютъ только дураковъ и дѣтей.

«— Да я ничего не выпытываю, но, какъ христіанинъ, какъ соотечественникъ, прошу, умоляю васъ...

«— Христіанинъ! прервалъ онъ меня съ презрительнымъ хохотомъ:—соотечественникъ! вскричалъ онъ, сильно ударивъ штудеромъ въ землю.—Вотъ мой Христосъ, вотъ мой спаситель! закричалъ онъ, быстро поднимая его и осматривая кремень и курокъ.—Онъ избавляетъ отъ всѣхъ страданій; это вѣрный другъ!... Пхе! можетъ-быть и васъ онъ спасетъ, успокоитъ.

«Послѣднія слова онъ произнесъ отвернувшись, какъ будто говоря самъ съ собою:

«— Успокоитъ его... какъ и *тоже*... Пхе! однимъ больше или меньше... Можетъ-быть этотъ прогонитъ проклятое привидѣніе.»

«Слова эти были обращены къ штудеру.

«— Не выдашь меня ни въ какомъ случаѣ, продолжалъ онъ,—одно движеніе, и...

«Говоря это, онъ приложился и навелъ дуло прямо на мою грудь. Я ждалъ безъ трепета, безъ всякаго чувства, страха. На порогѣ смерти исчезаютъ всѣ ея ужасы; слабый смертельно, я уже стоялъ на этомъ порогѣ. Не нужно было и выстрѣла: легкій ударъ прикладомъ погасилъ бы разомъ во мнѣ послѣднюю искру жизни. Спокойно, даже равнодушно смотрѣлъ я въ отверстіе дула.

«— Если вы можете оправдаться передъ Богомъ моимъ и вашимъ творцомъ и судьбою... дѣлайте, что хотите!

«Голосъ умирающаго должно-быть произвелъ на него сильное впечатлѣніе, потому что онъ дѣйствительно былъ пораженъ. Отвелъ штудеръ и смотрѣлъ на меня, вытараща глаза и раскрывъ ротъ.

«— И этотъ тоже съ своимъ Богомъ! бормоталъ онъ.—Передъ Богомъ! моимъ и вашимъ твор...цомъ и су...д...іею! Онъ едва былъ въ состояніи выговаривать слова эти, и, когда повторилъ ихъ, то они, казалось, давили, стягивали ему горло.

«— Е...го и мо...нимъ су...д...іею! простоналъ онъ опять. — Есть ли Богъ? есть ли Творецъ? Судія?

«Между тѣмъ какъ онъ стоялъ и бормоталъ такимъ образомъ, глаза его остановились неподвижно.

«— Богъ! повторилъ онъ тѣмъ же протяжнымъ, вопросительнымъ тономъ.—Творецъ! Судія! Не дѣлайте этого! закричалъ онъ вдругъ.—То, что вы намѣрены сдѣлать, не принесетъ вамъ счастья!... Я любить!... Господи, помилуй и умилосердись надо мною!... Бѣдная жена! бѣдные мои дѣти!

«Послѣднія слова были произнесены съ ужасомъ, и исторглись со стономъ, изъ самой глубины груди. Винтовка выпала у

него изъ рукъ, и онъ, какъ бѣшенный, ударилъ себя въ грудь и голову. Человѣкъ этотъ вселялъ въ меня неописанный ужасъ: терзаемый фуріями совѣсти, онъ дико метался во всѣ стороны. Должно-быть онъ испытывалъ адскія муки; казалось, злой духъ бѣсновался въ немъ.

«Вдругъ онъ бросился ко мнѣ и едва слышно, шопотомъ, спросилъ:

«— Вы ничего во мнѣ не видите?

«— Что же я могу въ васъ видѣть?

«Онъ подошелъ еще ближе.

«— Взгляните на меня хорошенько; всмотритесь, если можете, внутрь меня. Ничего вы тамъ не видите?

«— Я ничего не вижу, отвѣчалъ я.

«— А, понимаю, не можете видѣть. Вы, полагаю, не въ такомъ настроеніи, чтобы быть шпиономъ; нѣтъ, нѣтъ, не въ такомъ настроеніи. Когда, эдакъ, четыре дня и четыре ночи не попадетъ ничего въ ротъ, такъ пройдетъ охота шпионствовать. Испыталъ это и я, ничего не ѣвши двое сутокъ. Нѣтъ, нѣтъ, это не шутка; не шутка, старый товарищ! говорилъ онъ, обращаясь къ штуцеру и опять хватаясь за него.

«— Говорять же тебѣ, оставь меня въ покоѣ! Довольно съ тебя; довольно сдѣлалъ!

«Сказавъ это, онъ отвернулся, спустилъ курокъ, но ружье осѣклось.

«— Что это? вскричалъ онъ, осматривая замокъ и полку,—не заряжено? *Май! май!* Какъ это я... Не слушаешься меня, потому что я тебя не покормилъ, старый товарищ! не кормилъ съ тѣхъ поръ какъ... Ахъ! лучше бы тогда я тебя не покормилъ! Можетъ-быть... это знакъ голосъ свыше... Пора тебѣ отдохнуть. Молчи, старая собака! не введешь меня въ искушеніе! слышишь?

«Все это онъ говорилъ своему штуцеру въ какомъ-то жару, рѣзко, отрывисто, судорожно. Потомъ онъ обратился ко мнѣ:

«— Такъ вы утомлены, слабы, до смерти утомлены, изнурены? Конечно, должно-быть, такъ. Смотри на васъ подумаешь, что въ всю жизнь голодали.

«— Слабъ до смерти, прохрипѣлъ я.

«— Хорошо, возьмите и выпейте еще глотокъ *эмски*; это подкрѣпитъ васъ. Но постойте, прибавлю немножко воды.

«Сказавъ это, онъ подошелъ къ рѣкѣ, зачерпнулъ нѣсколько разъ рукою воды, пропустилъ ее въ горлышко бутылки, поднесъ ее къ моимъ устамъ и налилъ мнѣ въ ротъ этой живительной влаги.

«Самый кровожадный Индеецъ становится опять человѣкомъ,

когда ему случится совершить человеколюбивое дѣло. И это страшное существо совершенно преобразилось. Голосъ его звучалъ уже не такъ грубо и не возбуждалъ прежняго отвращенія; все въ немъ смягчилось.

— Такъ вамъ хочется куда-нибудь въ домъ, подъ кровлю?

— Да, ради самого Бога! Я четыре дня ничего въ ротъ не бралъ. Жевалъ только табакъ, и то одинъ разъ.

— Можете вы мнѣ удѣлать немного? одинъ кусъ?

— Все, что имѣю.

— Я досталъ изъ кармана табачнику съ *дульциссимус*: онъ выхватилъ его у меня изъ рукъ, и съ жадностію волна вонзилъ въ него свои зубы.

— Ай, лучшаго сорта! самаго лучшаго сорта! ворчалъ онъ про себя.— Ай, молодой человекъ! или старикъ?.. Вы старикъ? сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать два года.

— Онъ взглянулъ на меня, качая головой.

— Трудно повѣрить. Ну, да вѣдь четыре дня въ преріяхъ и ни крошки во рту... не мудрено. Но знаете, незнакомецъ, еслибъ этотъ кусокъ табаку былъ у меня пять дней тому назадъ, то... то... О! еслибъ у него былъ только кусокъ табаку, можетъ-быть... Кусокъ табаку часто много значить! Ни одного мнѣ такъ не было жаль, какъ... О! еслибъ у него былъ только одинъ кусокъ табаку! только одинъ!..

— Въ этихъ несвязныхъ и непомятныхъ словахъ слышалось какое-то стenanіe, и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нихъ было что-то дикое и ужасное.

— Я хочу вамъ сказать, незнакомецъ, вскричалъ онъ опять угрожающимъ голосомъ,—хочу вамъ сказать... Ахъ, что я говорю?.. Видите ли тамъ жизненный дубъ (1)? видите? Это патриархъ! Почтеніе, могучѣе, величественнѣе его едва ли вы найдете во всѣхъ этихъ степяхъ. Видите его?

— Вижу.

— Видите его? видите? закричалъ онъ вдругъ опять дикимъ голосомъ.—Какое вамъ дѣло до патриарха, и до того, что подъ нимъ? Никакого вамъ дѣла нѣтъ. Оставьте ваше любопытство, уймите его! совѣтую вамъ! Не смѣйте и подступаться къ патриарху!..

— У него вырвалось проклятiе, слишкомъ ужасное, чтобъ уста христіанина могли повторить его.

— Тамъ привидѣніе, кричалъ онъ,—привидѣніе подъ нимъ, которое можетъ ужаснуть васъ. Уйдите лучше подальше.

— Да я и не хочу къ нему; охотно удаюсь. Мнѣ и въ голову

(1) Вѣчнозеленый или живой дубъ, *Quercus virens*.

не приходило идти туда. Я больше ничего не хочу, какъ только узнать дорогу къ ближайшему дому; все равно къ плантаціи, или трактиру.

«— А, это дѣло, къ ближайшему трактиру. Я покажу вамъ ее,—дорогу къ ближайшему трактиру. Покажу, покажу...—Покажу... ворчалъ онъ про себя.

«— А я васъ вѣчно буду благодарить какъ спасителя моей жизни, прохрипѣлъ я.

«— Спасителя жизни! спасителя жизни! вскричалъ онъ съ дикимъ хохотомъ:—спаситель жмзми!.. Пхе! еслибы вы знали, какой я спаситель жизни... Пхе! что значить спасти одну жизнь, когда... Однако я хочу, хочу спасти васъ, хочу... Можетъ-быть тогда оставить меня проклятое привидѣніе... Оставь же меня хоть разъ въ покоѣ!.. Не хочешь?... не хочешь?..

«Все это проговорилъ онъ, обращаясь къ дубу, первыя слова дико, съ угрозой, послѣднія съ умоляющимъ видомъ. И въ одинъ мигъ пришелъ онъ опять въ неистовство, сжалъ кулаки, оставался съ минуту неподвижнымъ, потомъ вдругъ бросился къ гигантскому дереву и исчезъ подъ густымъ навѣсомъ серебристыхъ мховъ, которые свѣшивались со всѣхъ сучьевъ и вѣтвей. Скоро однако онъ опять вышелъ оттуда, веда на арканѣ осѣдланнаго мустанга.

«— Садитесь! крикнулъ онъ мнѣ.

«— Я не могу даже встать.

«— Ну такъ я вамъ помогу.

«Сказавъ это, онъ подошелъ ко мнѣ, посадилъ меня правою рукой, такъ я сталъ легокъ, на моего мустанга, лѣвою схватилъ конецъ моего лассо, вскочилъ на спину своей лошади и повлекъ за собою моего мустанга и меня. Пока мы поднимались по возвышающемуся постепенно откосу рѣчнаго берега, движенія моего спутника становились болѣе и болѣе странными. То съ какимъ-то безпокойствомъ вертѣлся онъ на сѣдлѣ своемъ, повременамъ бросая на меня дикіе взгляды; то вдругъ останавливался, боязливо всматриваясь въ мшистыя бороды *патріарха*; снова бросалъ на меня дико-испытующій взглядъ; обдумывалъ, казалось, что-то, вздыхалъ, стоналъ, озирался по сторонамъ, какъ будто ища выхода изъ лѣса; потомъ опять дѣлалъ шагъ впередъ, начиналъ опять стонать, вздрагивалъ. Казалось, что видъ таинственнаго дуба страшно его мучилъ; видно было, что онъ приближался къ нему съ ужасомъ и вмѣстѣ съ боязнію, какъ будто бы подъ этимъ дубомъ было зарыто его сокровище.

«Вдругъ онъ съ ожесточеніемъ далъ коню шпоры и поскакалъ во весь опоръ. Къ счастью, въ страшномъ своемъ смятеніи, онъ

выпустилъ изъ рукъ конецъ лассо, иначе первый скачокъ моего мустанга выбросилъ бы меня изъ сѣдла, и сломалъ бы мои изможденные члены. Я продолжалъ ѣхать за нимъ тихимъ шагомъ.

— Зачѣмъ вы не ѣдете? что вы все смотрите на патріарха? развѣ вы никогда не видали жизненнаго дуба? закричалъ онъ на меня съ страшною бранью. Но, какъ будто боясь моего отвѣта, нѣ опять поскакалъ; пробѣжавши однако шаговъ двѣсти, снова становился и оглянулся. И когда патріархъ исчезъ за нѣсколькими колоссальными сикоморами, тогда только онъ вздохнулъ свободнѣе.

• — А гдѣ же былъ Антони? спросилъ онъ вдругъ, видимо облегченный.

• — Какой Антони?

• — Антони, ловчій мистера Нила.

• — Побѣхалъ въ Анагуакъ.

• — Побѣхалъ въ Анагуакъ! повторилъ онъ:—о! въ Анагуакъ! простоналъ онъ.— Я также туда... но... но...

• Онъ отвернулся, содрогаясь.

• — Вѣдь нѣтъ ужъ *его*? не видно уже?..

• — Кого это?

• — А? кого?.. кого? бормоталъ онъ:—кого?

• Я очень хорошо понималъ, кого онъ разумѣетъ, но остерегался назвать его, чтобы снова не возбудить къ себѣ недовѣрчивости. Въ состояніи, въ какомъ я находился, исчезаетъ всякое любопытство. Молча мы продолжали подвигаться впередъ.

• Долго мы ѣхали такъ, не говоря ни слова другъ съ другомъ. Впрочемъ мой спутникъ говорилъ безпрестанно самъ съ собою, но такъ какъ мой мустангъ слѣдовалъ за нимъ въ разстояніи десяти шаговъ, то до меня долетали лишь неясные звуки. Повременамъ онъ бралъ въ руки штуцеръ, говорилъ съ нимъ то сердитымъ, то ласковымъ голосомъ, прикладывался, отставлялъ опять, и снова дико хохоталъ. Потомъ онъ свѣшивался съ сѣдла, и какъ будто искалъ чего-то на землѣ. Ища такимъ образомъ, онъ повременамъ боязливо оглядывался, и тогда бросалъ на меня испытующій взглядъ, желая убѣдиться, не наблюдаю ли я за нимъ. Потомъ, казалось, онъ ловилъ и хваталъ что-то въ воздухѣ, и при этихъ странныхъ движеніяхъ, чуть не падая, свѣшивался съ своего мустанга. Когда онъ потомъ разражался глухимъ, адскимъ хохотомъ, за которымъ опять слѣдовали стоны, раздрающіе душу, то я молилъ Бога положить конецъ этому тягостному путешествію.

• Мы ѣхали около двухъ часовъ: послѣдняя искра жизни, воспаленная во мнѣ разведеннымъ *виски*, готова была совершенно

погаснуть; съ минуты на минуту я ожидалъ, что упаду съ лошади. Вдругъ я увидѣлъ грубый плетень, вѣрный признакъ челявческаго жилища, и слабый радостный крикъ вырвался изъ груди моей; я пробовалъ, но напрасно, дать коню шпоры.

«Спутникъ мой оглянулся, посмотрѣлъ на меня своими дико-вращающимися глазами, и проговорилъ угрожающимъ голосомъ:

«— Нетерпѣливы, любезный! нетерпѣливы! вижу; вы думаете можетъ-быть теперь..?»

«— Я умру, если сейчасъ не...

«Больше я не могъ ничего произнести.

«— Пхе! Умру, умру. Не такъ-то скоро умирають... Однако правда, въ самомъ дѣлѣ, чортъ возьми! Вѣдь можетъ случиться...

«Онъ соскочилъ съ сѣдла и бросился къ моему мустангу. И дѣйствительно, было уже время: не имѣя уже силъ держаться въ сѣдлѣ, я упалъ къ нему на руки.

«Нѣсколько капель *сыски* снова привели меня въ чувство, онъ посадилъ меня передъ собою на своего мустанга, а мою лошадь повлекъ за конецъ лассо. Мы проѣхали еще поле, засѣянное пататами и просомъ, мимо острова изъ персиковыхъ деревъ, и наконецъ увидѣли передъ собою блокгаузъ.»

— Хотѣлось бы только знать, къ чему все это ведетъ, ворчалъ полковникъ Крекеръ,—долго тянется этотъ разказъ.

— Такъ долго, что мы забыли вино наше, смѣясь замѣтилъ полковникъ Окли.

— По моему мнѣнiю, господа, произнесъ генералъ,—это лучшее доказательство величайшей занимательности разказа. Полковникъ Морзъ, смѣемъ ли просить васъ продолжать?

Морзъ кивнулъ головой и потомъ продолжалъ:

V.

«Я ослабѣлъ до такой степени, что онъ принужденъ былъ взять меня на руки, какъ маленькаго ребенка, отнести въ хижину и положить на лавку. Но несмотря на быстрый упадокъ всѣхъ жизненныхъ силъ, я и теперь еще живо припоминаю все, что представлялось тогда глазамъ моимъ: хозяйевъ, комнату, утварь, словомъ все, что окружало меня. Должно-быть, это *сыски* до такой степени возбудило всѣ духовныя силы въ умирающемъ моемъ тѣлѣ. Знаю только то, что никогда, во всю мою жизнь, наружныя предметы не представлялись мнѣ съ такою ясностію, какъ въ то

время. Все, что происходило вокругъ меня со времени моего пробужденія отъ страшнаго предсмертнаго кризиса, произвело такое живое впечатлѣніе на мои нервы и чувства, что я какъ теперь все это вижу передъ собою: вижу страшнаго своего спутника, жалкій *bloomsaut*, раздѣленный стѣнами на двѣ половины: въ одной кухня, въ другой жилая комната, въ которой вмѣсто оконъ отверстія, заклеенныя масляною бумагой, а плотно утоптанной земляной полъ поросъ по краямъ травою, въ аршинѣ вышины. Въ одномъ углу комнаты кровать, въ другомъ нѣчто въ родѣ поставца, а между этими двумя углами снуеть взадъ и впередъ невыразимо-гнусная фигура хозяина, который пробирался вдоль стѣны какъ кошка, готовая сдѣлать прыжокъ. Рыжіе волосы, красные свиные глаза, отвратительный ротъ до ушей, собачій взглядъ, обращенный постоянно къ землѣ, съ злобно-ядовитымъ выраженіемъ, которое вполнѣ соответствовало этой крадущейся кошачьей поступи: все это такъ живо сохранилось въ моей памяти, что я, при первомъ взглядѣ на этого человѣка, узналъ бы его изъ милліона другихъ.

• Не привѣтствуя насъ ни словомъ, ни взглядомъ, онъ принесъ бутылку и два стакана, и молча поставилъ ихъ на столъ, сколоченный изъ трехъ досокъ, вѣроятно остатковъ отъ какого-нибудь шкафа или ящика, потому что на нихъ еще сохранились мѣстами краска, три начальныя буквы какого-то имени и цифра года; доски эти были прибиты гвоздями къ четыремъ столбамъ, врытымъ въ землю.

• Спутникъ мой не мѣшалъ этимъ приготовленіямъ хозяина, но въ то же время слѣдилъ зоркимъ взглядомъ за всѣми его отвратительными движеніями. Вдругъ онъ наполнилъ одинъ изъ стакановъ и, осушивъ его залпомъ, сказалъ:

• — Джонни!

• Хозяинъ не отвѣчалъ.

• — Этотъ джентльменъ четыре дня ничего не ѣлъ.

• — Вотъ какъ? возразилъ Джонни, не подымая глазъ и продолжая сновать изъ угла въ уголъ.

• — Четыре дня, говорятъ тебѣ, — слышишь? четыре дня не ѣлъ. Принеси ему сейчасъ же чаю, хорошаго крѣпкаго чаю! Я знаю, вы добыли самару, чаю и рому. Сейчасъ принеси ему чаю, а черезъ часъ хорошаго говяжьяго супу. Да смотри, чтобы чай былъ готовъ сію минуту, а супъ никакъ не позже, какъ черезъ часъ! понимаешь? А этотъ *смак* я оставляю себѣ, да подай бистеку и пататъ. Слышишь? скажи это своей Самбо.

• Джонни будто и не слышалъ и, попрежнему, сновалъ изъ угла въ уголъ; при каждомъ послѣднемъ шагѣ онъ подпрыгивалъ какъ кошка.

« — Есть деньги. Понимаешь, Джонни? Есть, любезный! началъ опять мой спутникъ, вынимая изъ-за пояса довольно туго набитый кошелекъ.

« Джонни искоса посмотрѣлъ на кошелекъ: невозможно выразить этого взгляда! Вдругъ онъ бросился къ моему спутнику и, злобно усмѣхаясь, впился въ него своими ядовитыми глазами.

« Такъ стояли они другъ противъ друга, не произнося ни слова. Адская усмѣшка снова пробѣжала по отвратительному лицу Джонни. Спутникъ мой задыхался.

« — Есть деньги! вскричалъ онъ вдругъ, ударивъ прикладомъ штуцера въ землю.—Понимаешь, Джонни? Деньги, а въ случаѣ нужды и винтовка!

« Сказавъ это, онъ налилъ другой стаканъ и опять осушилъ его разомъ.

« Въ эту минуту Джонни тихо выскользнулъ изъ комнаты, такъ тихо, что спутникъ мой замѣтилъ его выходъ только по стуку щеколды. Едва замѣтивъ это, онъ подошелъ ко мнѣ, не говоря ни слова, взялъ меня на руки и бережно положилъ на постель.

« — Вы распоряжаетесь какъ дома, проворчалъ вошедшій опять Джонни.

« — Какъ привыкъ; всегда такъ дѣлаю въ харчевняхъ, возразилъ мой спутникъ, наливая и осушая преспокойно третій стаканъ.— Сегодня джентльменъ будетъ спать на твоей постели; а ты съ своею Самбо можешь переночевать пожалуй хоть въ свиномъ хлѣбѣ,—котораго у васъ нѣтъ.

« — Бобъ! вскричалъ Джонни въ бѣшенствѣ.

« — Такъ меня зовутъ,—Бобъ Рокъ.

« — Да, теперь, прошипѣлъ Джонни съ адскою усмѣшкой.

« — Такъ же какъ тебя зовутъ Джонни Доунъ, сказалъ Бобъ со смѣхомъ.—Гмъ, Джони! кажется, знаемъ другъ друга... или не знаемъ?

« — Кажется, знаемъ, отвѣчалъ Джонни, скрежеща зубами.

« — Знаемъ другъ друга и вдоль и поперекъ, насквозь знаемъ, продолжалъ Бобъ со смѣхомъ.

« — Какъ же. Вѣдь вы знаменитый Бобъ изъ Содомы, въ Георгіи.

« — Содомы въ Алабамѣ, Джонни, поправилъ его Бобъ смѣясь.— Содомы въ Алабамѣ, любезный!... Содомы находится въ Алабамѣ, продолжалъ онъ, снова наполняя и осушая свой стаканъ. — Неужели ты этого не знаешь? а вѣдь былъ цѣлый годъ къ Колумбъ, да еще въ самыхъ скверныхъ должностяхъ.

« — Лучше бы замолчали, Бобъ, прошипѣлъ Джонни, бросивъ на меня убійственный взглядъ.

« — Пхе! Ничего онъ тебѣ не сдѣлаетъ, не выболтаетъ, ручаюсь

тебѣ. Въ преріяхъ у него прошла охота къ этому. Лишь бы не другой кто, а этотъ не опасень... Но Содома находится въ Алабамѣ, любезный, началъ онъ опять.—Колумбъ въ Георгіи. А разделяетъ ихъ другъ отъ друга рѣка Чатагучіе. О, Чатагучіе! Что это за веселая была жизнь на Чатагучіе!... Но все на свѣтѣ превратно, говаривалъ, бывало, мой старый учитель. Увы! Теперь они выбили дно у бочки, и выпроводили Индѣйцевъ подальше, за Миссиссипи. А знатная была жизнь! Не правда ли?

«Опять онъ налилъ и опять выпилъ.»

«Разговоръ двухъ собесѣдниковъ вполне обрисовалъ ихъ характеръ. Подробности ихъ бесѣды для всякаго другаго заключали бы въ себѣ весьма мало утѣшительнаго: если знакомство ихъ началось въ этомъ отвратительномъ мѣстѣ, то это все равно, что они познакомились бы въ аду. На всемъ юго-западѣ не было мѣста, которое по гнусному разврату могло бы сравниться съ Содомою, какъ назывался, и очень вѣрно, этотъ городъ. Онъ находится, или по крайней мѣрѣ находился нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Алабамѣ, въ индѣйскихъ областяхъ, притонѣ всѣхъ убійць и бѣглецовъ запада и юго-запада; тамъ, подъ индѣйскимъ управленіемъ, они находили безопасность и защиту отъ преслѣдованія закона. Страшны были злодѣянія, совершавшіяся тамъ ежедневно! Не проходило дня безъ убійствъ и грабежей. Среди бѣлаго дня шайки убійць, вооруженныхъ ножами, кинжалами, штуцерами, переправлялись черезъ Чатагучіе, съ крикомъ и гамомъ врывались въ Колумбъ, убивали всѣхъ, кто попадался имъ подъ руку, вламывались въ дома, буйствовали, грабили, убивали, не щадя ни пола, ни возраста. Потомъ, обремененные добычею, съ дикимъ веселіемъ и неистовымъ ликованіемъ, возвращались они черезъ рѣку въ свой разбойничій притонъ, нагло издѣваясь надъ законами. Нечего было и думать о преслѣдованіи или о правосудіи, потому что Содома находилась подъ индѣйскимъ управленіемъ, и даже нѣкоторые изъ индѣйскихъ начальниковъ дѣйствовали заодно съ убійцами. Это послѣднее обстоятельство и послужило наконецъ поводомъ къ изгнанію Индѣйцевъ за Миссиссипи. Такая мѣра, какъ вамъ извѣстно, донельзя раздражила плаксивость нашихъ старыхъ политическихъ бабъ, и нашла себѣ чрезвычайно много противниковъ между нашими добрыми янки. Впрочемъ янки въ этомъ случаѣ были не болѣе какъ отголоски такихъ же добрыхъ друзей нашихъ въ Великобританіи, которымъ конечно не было пріятно видѣть, какъ ихъ союзниковъ, такъ-сказать, вырываютъ изъ нашей среды. О, британская гуманность! Какимъ милосердіемъ, какою возвышенностію дышетъ она, какъ посмотримъ на нее поближе! Но сохрани и избави насъ, Боже, отъ этой христіанской англійской гуманности! Къ счастью, въ желѣзной душѣ

Джаксона не было и искры этого британскаго милосердія. Индійцевъ выпроводили за Миссиссипи, и съ тѣхъ поръ, какъ вамъ извѣстно, исчезли и злодѣи, и убійцы, и даже самая Содомъ; а Колумбъ растеть и процвѣтаетъ, и вышелъ изъ него прекрасный, почтенный городъ, не уступающій никакому другому городу на западѣ.»

— Правда! вскричало нѣсколько голосовъ, — совершенная правда!

• Но возвратимся къ нашимъ двумъ собесѣдникамъ, продолжалъ полковникъ. Воспоминаніе о совершенныхъ ими подвигахъ, казалось, замѣтно расположило обоихъ къ большей довѣрчивости. Джонни принесъ и себѣ стаканъ, и оба они стали бесѣдовать шопотомъ, съ большимъ жаромъ и увлеченіемъ. Но я не могъ понять ихъ разговоръ: это была какая-то смѣсь нарѣчія игроковъ и воровъ. Я слышалъ только, какъ мой покровитель нѣсколько разъ вскрикивалъ свирѣпымъ голосомъ: «нѣтъ, нѣтъ, ни за что не соглашусь!» Потомъ опять слова и предметы сливались въ неясные звуки и очерки.

• Наконецъ чья-то довольно грубая рука растолкала меня; но я уже ничего не видѣлъ. Тогда только стало яснѣе передъ моими глазами, когда влили мнѣ въ ротъ нѣсколько ложечекъ чаю. Возлѣ меня сидѣла мулатка; она-то и поила меня чаемъ. Лицо ея при этомъ было сначала не слишкомъ привѣтливо; но когда я проглотилъ нѣсколько ложечекъ чаю, въ ней стало обнаруживаться что-то похожее на женское сочувствіе.

• Въ сердцѣ женщины, какого бы она ни была цвѣта, молодой человѣкъ непременно найдетъ струну звучащую, хоть и не всегда нѣжно. Съ каждою ложкой, которую мулатка вливала мнѣ въ ротъ, она становилась привѣтливѣе. Вы не можете себѣ представить, какое невыразимое ощущеніе испытывалъ я при этомъ питьѣ! Съ каждымъ глоткомъ я чувствовалъ, что въ меня вливалась новая струя жизни, и распространялась по всѣмъ моимъ жиламъ. Я не въ силахъ выразить сладость этого ощущенія.

• Она снова опустила меня на подушку, но при этомъ поступала со мною уже гораздо бережливѣе, нежели прежде.

• — Gog! Gog! запищала она: — какой онъ бѣдный молодой человѣкъ! Но черезъ часъ масса ѣсть немножко супъ.

• — Супъ? къ чему это супъ? сердито заворчалъ Джонни.

• — Онъ ѣсть супъ; я варить супъ, пропищала опять мулатка.

• — И худо тебѣ будетъ, Джонни, если она не сваритъ! худо будетъ, говорю тебѣ! вскричалъ Бобъ.

• Джонни пробормоталъ что-то; но я уже ничего не слышалъ: мною снова овладѣлъ легкій сонъ.

• Черезъ нѣсколько времени явилась мулатка съ супомъ. Если

чай освѣжилъ меня, то супъ еще болѣе возбуждиль во мнѣ угасавшія жизненныя силы. Я осязательно чувствовалъ, какъ онъ вливалъ новую жизнь въ жилы мои, нервы и во весь организмъ. Я былъ уже въ состояніи сидѣть въ постели.

«Пока мулатка кормила меня, я видѣлъ, какъ Бобъ пожиралъ свой бѣстекъ. Передъ нимъ лежалъ кусокъ такой величины, что его стало бы человекъ на шесть; можно было подумать, что и онъ не ѣлъ по крайней мѣрѣ трое сутокъ. Онъ отрѣзывалъ куски, величиною почти въ кулакъ, кидалъ ихъ въ ротъ безъ хлѣба, и заѣдалъ неочищенными пататами. Рѣдко случалось мнѣ видѣть подобную жадность. При этомъ онъ осушалъ стаканъ за стаканомъ.

«Виски, казалось, воодушевлялъ его, выводилъ изъ мрачнаго настроенія и располагалъ къ какой-то странной веселости. Онъ все говорилъ больше съ самимъ собою нежели съ Джонни, и казалось, воспоминанія его были пріятныя, потому что онъ часто раздражался громкимъ смѣхомъ и съ самодовольствомъ кивалъ головою. Нѣсколько разъ обвинялъ онъ Джонни въ кошачьемъ лукавствѣ и называлъ его подлымъ, трусливымъ, коварнымъ висьльникомъ.

«— Правда, я и самъ висьльникъ, говорилъ онъ смѣясь, — но висьльникъ храбрый, открытый, честный, а ты, Джонни... ты....

«Джонни вскочилъ и обѣими руками зажалъ ему ротъ, за что однако получилъ такой толчокъ, что отлетѣлъ къ двери, ударился объ нее и вылетѣлъ вонъ съ проклятіями.

«Только-что я началъ засыпать, какъ Бобъ, приложивъ палецъ къ губамъ, тихо подкрался къ двери, послушалъ, и потомъ подошелъ къ моей постели.

«— Мистеръ! сказалъ онъ мнѣ на ухо.—Мистеръ, не бойтесь!

«— Боятся? чего же мнѣ бояться?

«— Чего? Того... возразилъ онъ лаконически.

«— Чего же мнѣ бояться? повторилъ я снова.—За жизнь свою? Развѣ вы не здѣсь, вы, который спасли ее, и которому стоило сдѣлать только маленькое движеніе однимъ пальцемъ, чтобы погасить ее какъ свѣчку?

«Бобъ поднялъ голову.

«— Это правда, сказалъ онъ; — вы можетъ-быть и правы. Но знаете ли, наши плантаторы часто ловятъ буйволовъ и рогатый скотъ, съ тѣмъ чтобъ ихъ сперва откормить, а потомъ убить.

«— Но вы мой спаситель, мой соотечественникъ, мой едино-вѣрецъ,—а я не скотина.

«— Нѣтъ, не скотина, быстро возразилъ Бобъ,—нѣтъ!... Но все же.... все же....

«Онъ вдругъ сдѣлался мраченъ, и, казалось, припоминалъ что-то.

«— Послушайте, прошепталъ онъ, — играете ли вы въ карты или кости?»

«— Я никогда не игралъ.

«— Если я могу вамъ совѣтовать, то и не играйте никогда! особенно здѣсь не играйте! понимаете?... Ахъ еслибы не эта проклятая игра!... Не играйте! слышите? Не играйте!

«Онъ повернулъ голову къ двери, прислушался, подошелъ къ столу, чтобы налить себѣ виски; но бутылка оказалась пустою.

«— Джонни! закричалъ онъ, бросая долларъ на столъ:—опять сухой путь!

«Джонни просунулъ голову въ дверь.

«— Бобъ! будетъ съ васъ.

«— Какъ? ты смѣешь сказать, что будетъ съ меня! ты! закричалъ Бобъ, вскакивая и выхватывая ножъ.

«Джонни, какъ кошка, отпрыгнулъ назадъ и скрылся. Однакоже черезъ нѣсколько минутъ вошла мулатка и принесла полную бутылку. Чтò происходило дальше, я уже не слышалъ, потому что снова овладѣлъ мною благодѣтельный сонъ.

«Сквозь сонъ я слышалъ громкій споръ, который прерывался толчками и ударами; но меня разбудилъ не шумъ этотъ, а голодъ. Открывши глаза, я увидѣлъ мулатку, которая сидѣла у моей постели и отгоняла москитосовъ. Замѣтивъ, что я проснулся, она вышла и черезъ нѣсколько минутъ возвратилась съ остаткомъ супа. При этомъ она обѣщала приготовить черезъ два часа такой прекрасный бѣфстекъ, какой когда-либо жарился на ея сковородѣ; а въ ожиданіи его уговаривала меня уснуть опять. Я такъ и сдѣлалъ, но не прошли еще эти два часа, какъ я уже снова проснулся: такъ быстро совершалось во мнѣ пищевареніе. Желудокъ мой работалъ какъ жерновъ, но я уже не испытывалъ прежней боли, а, напротивъ, какое-то необыкновенно пріятное ощущеніе. Не могу выразить, съ какимъ аппетитомъ и удовольствіемъ я съѣлъ приготовленный для меня бѣфстекъ: наслажденіе, съ какимъ я ѣлъ этотъ кусокъ мяса, помирило меня отчасти съ страшными мученіями четырехдневнаго поста. Но мулатка, вѣроятно не разъ уже видѣвшая подобные случаи, позволила мнѣ съѣсть только небольшой кусокъ; въ замѣнъ этого она принесла мнѣ стаканъ превосходнаго пуншу. Мнѣ казалось, что во всю жизнь свою я не пивалъ ничего подобнаго. На вопросъ мой, откуда она достала ромъ, сахаръ и лимоны, она отвѣчала, что сама торгуетъ этимъ товаромъ; что Джонни выстроилъ только домъ, да и то довольно плохой, а что все хозяйство было устроено на ея деньги, и что сверхъ того она занимается этою торговлей; что лимоны она получила отъ сквайра, или какъ его называютъ, алькальда, который раздастъ ихъ даромъ цѣлыми мѣшками.

« Мало-по-малу женщина эта становилась все разговорчивѣе. Она жаловалась на Джонни, говорила, что онъ страшный игрокъ, и даже хуже того; что у него перебивало уже много денегъ, но что онъ опять ихъ проигрывалъ и даже не одинъ разъ принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ; что она сошлась съ нимъ въ нижнемъ Начезѣ, откуда ему также пришлось бѣжать.

« — Да и Бобъ не лучше; напротивъ.... прибавила она, сдѣлавъ при этомъ движеніи рукою по горлу, какъ будто перерѣзывая его:—онъ дѣлалъ самыя ужасныя злодѣйства. Теперь онъ напился пьянъ, избилъ Джонни и страшно буйствовалъ. Онъ лежитъ теперь на крыльцѣ, а Джонни спрятался. Но вамъ бояться нечего.

« — Бояться, моя милая, добрая женщина? Чего же мнѣ бояться?

« Молча посмотрѣла она на меня съ минуту и потомъ сказала, что еслибъ я зналъ, что она знаетъ, то вѣрно бы боялся, что она ни за что не хочетъ больше жить съ этимъ гнуснымъ Джонни, а постарается какъ можно скорѣе сыскать себѣ другаго товарища, только не знаетъ гдѣ его найти.

« При этихъ словахъ она взглянула на меня. Этотъ взглядъ, какъ и все въ ней, имѣло нѣчто такое, что мнѣ вовсе не нравилось. Старая грѣшница видна была въ каждой чертѣ ея лица: отвратительный, грубо-чувственный образъ, на которомъ пороги и развратъ оставили рѣзкіе, глубокіе слѣды.

« Я всѣми силами старался ее увѣрить, что усердіе, мнѣ оказанное, заслуживаетъ полную мою признательность, и что я не премину вознаграждать ее достойнымъ образомъ.

« Она говорила еще нѣсколько времени, но я уже не могъ слышать, потому что опять задремалъ.

« На этотъ разъ дремота моя превратилась въ глубокой сонъ.»

VI.

« Проспавши часовъ шесть или семь, я почувствовалъ, что меня кто-то толкаетъ въ плечо; но я не могъ тотчасъ проснуться. Наконецъ толчки до того усилились, что я громко вскрикнулъ. Не столько боль отъ ухватившей меня желѣзной руки заставила меня вскрикнуть, сколько испугъ. Передо мною стоялъ Бобъ. Распухшіе глаза его, налитые кровью, дико вращались въ своихъ впадинахъ, какъ будто терзаемые адскими демонами; искаившійся и широко раскрытый ротъ былъ ужасенъ; во всемъ существѣ его изображалось помѣшательство чловѣка, только-что со-

вершившаго страшное злодѣяніе. Онъ стоялъ передо мною какъ убійца надъ трупомъ умерщвленнаго имъ брата. Я невольно откинулся въ ужасъ.

«— Ради Бога! что съ вами?»

«Онъ сдѣлалъ знакъ, чтобъ я молчалъ.

«— У васъ лихорадка, мой другъ! вскричалъ я снова,—у васъ *ана!* (1)

«— Лихорадка! простоналъ онъ, и по немъ пробѣжала холодная дрожь.—Да, лихорадка, только не та, о которой вы думаете; лихорадка.... избави васъ Богъ отъ подобной лихорадки!...

«Говоря это, онъ дрожалъ всеѣмъ тѣломъ.

«— Неужели ты никогда уже не угомо́нишься!... И хоть на мгновение не оставишь меня въ покоѣ!... Неужели ничто уж не поможетъ!... простоналъ онъ, прижимая кулакъ къ сердцу.— Ничто!... Ничто!... Проклятая ты!... О! заревѣлъ онъ: —еслибъ я зналъ, что вы съ вашимъ Богомъ, и Творцомъ, и Судіею, о которомъ вы вчера такъ разглагольствовали.... кланусь! я бы...

«— Не произносите такихъ ужасныхъ клятвъ! Мой и вашъ Богъ безъ клятвъ видитъ и слышитъ васъ. Я не попъ слезливый, но это богохульство мерзко и возмутительно!

«— Правда, правда! дурная привычка. Но повторяю вамъ... да... да... ради Бога!... Что бишь я хотѣлъ сказать?

«— Вы хотѣли сказать о лихорадкѣ.

«— Нѣтъ, не то, не то... А, теперь вспомнилъ, что я хотѣлъ сказать... Но лучше не скажу... — Знаю, что не вы *его* вызвали. Вѣдь и прежде не имѣлъ онъ покоя, — ужъ цѣлую недѣлю не имѣлъ покоя... не давалъ мнѣ отдыха... все гналъ меня какъ *тою*... какъ бишь *его* имя? который своего... брата своего... убилъ... все гналъ меня къ *патріарху*... все къ *патріарху*...

«Слова эти онъ произнесъ, или скорѣе пробормоталъ, отрывистого и тихимъ голосомъ. Очевидно онъ не хотѣлъ, чтобъ я ихъ слышалъ.

«— Странно! продолжалъ онъ: —вѣдь не одного же застудилъ я, но никогда ничего подобнаго со мною не было. Бывало мнѣ и горя мало: тотчасъ же забывалъ ихъ. А теперь насталъ разчетъ за всѣхъ разомъ. Нѣтъ ужъ мнѣ покоя, нѣтъ отдыха! Ужаснѣе всего въ открытыхъ стенахъ; тамъ онъ такъ живо стоитъ передо мною... старикъ съ серебристою бородою и въ блестящемъ одѣяніи, и позади его привидѣніе... Доведетъ онъ меня до отчаянія, этотъ ужасный призракъ!... —Да не удастся же ему этого сдѣлать со мною... не удастся!.. закричалъ онъ опять дикимъ голосомъ.

(1) Мексиканская лихорадка.

« Я притворился будто не слышу.

« — Что вы тамъ говорите о привидѣннѣхъ? крикнулъ онъ вдругъ на меня.

« — Я ничего не говорю, совершенно ничего, отвѣчалъ я, стараясь его успокоить.

« Глаза его дико вращались; онъ сжималъ кулаки и опять разжималъ ихъ, какъ тигръ свои когти.

« — Не говорите ничего, слышите, ничего! Совѣтую вамъ... ничего! пробормоталъ онъ опять нѣсколько тише.

« — Я ничего не говорю, другъ мой, ничего; говорю только, чтобы вы обратились къ Богу, къ Творцу вашему.

« — Богъ... Богъ!.. Да это не тотъ ли старикъ въ блестящей одеждѣ, съ длинною бородою, за которымъ стоитъ привидѣннѣе? Не хочу имѣть съ нимъ никакого дѣла... Пусть онъ оставитъ меня въ покоѣ! Я хочу покоя! Хочу... хочу... Хочу, хочу!.. стоналъ онъ. — Знаете что? сказалъ онъ совершенно другимъ голосомъ. — Вы должны оказать мнѣ услугу.

« — Не одну, а десять; все, что въ силахъ моихъ. Скажите только, что мнѣ дѣлать, и все будетъ сдѣлано. Я вамъ обязанъ жизнью.

« — Вы, джентльменъ, вижу, — христiанинъ. Вы можете, вы должны....

« Онъ тяжело переводилъ духъ; опять имъ овладѣло безпокойство.

« — Вы должны ѣхать со мною къ сквайру, къ алькальду.

« — Къ сквайру, къ алькалу? Зачѣмъ же къ алькальду?

« — Увидите, услышите зачѣмъ; увидите, услышите. Мнѣ надо ему кое-что сказать, кое-что шепнуть на ухо.

« Онъ тяжело вздохнулъ, замолчалъ на минуту и боязливо оглянулся во всѣ стороны.

« — Кое-что, прошепталъ онъ, — чего никто другой не долженъ слышать.

« — Да вѣдь у васъ есть Джонни; не лучше ли вамъ взять Джонни?

« — Джонни! произнесъ онъ съ злобнымъ смѣхомъ, Джонни! О, этотъ негодяй вдесятеро хуже меня, а я большой негодяй. Я злодѣй, говорю вамъ, большой злодѣй; но злодѣй открытый, честный, который всегда открыто, прямо, лицомъ къ лицу... до этого послѣдняго раза... а Джонни! Онъ готовъ свою мать родную.... О, подлая, трусливая, коварная собака этотъ Джонни.

« Не нужно было большихъ увѣреній; все это дѣйствительно было написано на лицѣ Джонни, а потому я и не возражалъ.

« — Но зачѣмъ же вамъ нужно, чтобы я былъ у сквайра?

« — Зачѣмъ нужно? А зачѣмъ люди бываютъ нужны передъ судьей? Онъ судья, — судья въ Техасѣ; хоть и мексиканскій судья, но выбранъ нами Американцами; Американецъ, какъ я и вы. Это судья правосудіа.

«— Когда же мнѣ?...»

«— Сейчасъ же; какъ можно скорѣе. Не могу ужъ выносить больше... Всю эту недѣлю испытываю адскія муки. Онъ не даетъ мнѣ минуты покоя: преслѣдуетъ и гонитъ меня, то къ *патріарху*, то назадъ, то опять къ нему. Ужаснѣе всего въ преріяхъ: тамъ стоитъ старикъ въ блестящей одеждѣ, а за нимъ привидѣніе; обоихъ какъ рукой достать. Страшно преслѣдуютъ они меня; нѣтъ мнѣ минуты покоя. Даже и бутылка ужъ не помогаетъ; ни ромъ, ни *смски*, ни *бранди* не избавляютъ меня отъ нихъ, не отгоняютъ ихъ отъ меня; клянусь Торнелемъ, не отгоняютъ!... Чудно просто! вчера пилъ, думалъ было напиться, отогнать ихъ; не тутъ то было, не отогналъ. Пришли оба, подняли меня; долженъ былъ вслѣдъ за ними, ночью. Не дали мнѣ спать; долженъ былъ подъ *патріарха*.

«— Какъ? Должны были отправиться подъ патріарха, подъ жизненный дубъ? вскричалъ я въ ужасѣ. — И вы были ночью тамъ подъ дубомъ?»

«— Тянуло къ *патріарху*, простоналъ онъ.—Я оттуда теперь... Оттуда... Оттуда... Я твердо рѣшился...»

«— Бѣдный, бѣдный человѣкъ! произнесъ я, невольно содрогаясь.

«— О, да, бѣдный человѣкъ! простоналъ онъ тѣмъ же страшно доврчивымъ тономъ.—Говорю вамъ, нѣтъ ужъ мнѣ покоя, рѣшительно нѣтъ. Вотъ теперь ужъ ровно недѣля, какъ побѣжалъ было въ Санъ-Фелипе. Казалось, что я уже вотъ вижу Санъ-Фелипе, что я уже близко отъ него; взглянулъ и, какъ бы вы думали, гдѣ я очутился?... Подъ патріархомъ!...

«— Бѣдный, бѣдный человѣкъ! вскричалъ я опять.

«— Да, да, бѣдный человѣкъ! повторилъ онъ съ раздражающимъ душою стономъ.—Бѣдный человѣкъ, гдѣ бы я ни былъ, что бы ни дѣлалъ, и ночью и днемъ!... Хотѣлъ было и въ Анагуакъ; побѣжалъ. Вѣхалъ цѣлый день. Вечеромъ—какъ вы думаете, гдѣ я очутился?... Опять подъ *патріархомъ*!...

«Было что-то таинственное, демоническое въ тонѣ, съ какимъ онъ произносилъ эти слова; безуміе убійцы такъ громко, такъ страшно-внятно говорило въ его глазахъ, горѣвшихъ какъ будто адскимъ огнемъ. Съ ужасомъ отворачивался я отъ него, и невольно снова обращался къ нему съ состраданіемъ. Я не могъ отказать ему въ сочувствіи.

«— Такъ вы были уже сегодня подъ жизненнымъ дубомъ?»

«— Да, да, былъ; и привидѣніе погрозило мнѣ и сказало: «Бобъ! Я не оставляю тебя въ покоѣ, пока ты не пойдешь къ алькальду и не откроешь ему...»

«— Въ такомъ случаѣ я отправлюсь вмѣстѣ съ вами къ алькальду, сказалъ я, подымаясь въ постель,—и даже сейчасъ, если хотите,

« — Что такое? Куда это вы? загнусилъ вдругъ Джонни, вкравшійся въ это время въ комнату. — Съ мѣста вы не сойдете, пока не заплатите.

« — Джонни! сказалъ Бобъ, и схватилъ за плечи сообщника своего, который былъ ниже его цѣлою головою, поднялъ его какъ ребенка, и такъ крѣпко опустилъ на землю, что у того подкосились ноги.

« — Джонни! Этотъ джентльменъ мой гость, понимаешь? а вотъ тебѣ деньги. Да смотри ты у меня, Джонни! Говорятъ тебѣ смотри!

« — Такъ вы намѣрены?... вы хотите?... завизжалъ Джонни.

« — Что я хочу, до того тебѣ нѣтъ дѣла,—нѣтъ, рѣшительно, никакого дѣла; а потому совѣтую тебѣ замолчать и отвязаться отъ меня.

« Джонни молча отошелъ и скрылся въ углу, какъ собака, которой дали пинка ногою; мулатка же, казалось, не намѣрена была уступить такъ скоро. Уставивъ руки въ бока, она смѣло выступила впередъ.

« — Нѣтъ, не возьмете вы отсюда этого джентльмена, завизжала она;—не возьмете. Онъ еще слабъ и не можетъ выдержать поѣздки верхомъ; смотрите, едва держится на ногахъ.

« Она говорила правду: лежа въ постели, я чувствовалъ себя довольно сильнымъ, но вставши, я дѣйствительно едва былъ въ состояніи держаться на ногахъ.

« Бобъ повидимому колебался; но это продолжалось не болѣе минуты. Вдругъ онъ поднялъ мулатку, какъ она ни была толста и откормлена, на футъ отъ земли, подобно тому, какъ онъ это сдѣлалъ съ ея товарищемъ, отнесъ ее, несмотря на ея визги, къ двери, которую отворилъ толчкомъ ноги, и, посадивъ ее на порогъ, сказалъ:

« — Молчать! Крѣпкаго, хорошаго чаю вмѣсто твоего мерзкаго языка, и кусокъ хорошо изжареннаго свѣжаго бѣстека вмѣсто твоей протухлой, сгнившей особы! Вотъ твое дѣло, старое ты, гнусное вмѣстилище порока и разврата! Это подкрѣпитъ джентльмена.

« Определенность и рѣшительность въ словахъ и дѣйствіяхъ этого человѣка, при другихъ обстоятельствахъ, не были бы лишены интереса; даже и въ ту минуту онъ невольно поселяли во мнѣ какое-то уваженіе къ нему. Онъ былъ дѣйствительно, какъ самъ выражался, злодѣй,—но злодѣй открытый и прямой.

« Я хотѣлъ выйти изъ комнаты, чтобъ умыть лицо и руки и присмотрѣть за своимъ мустангомъ; но Бобъ не допустилъ меня до этого. Онъ заставилъ Джонни принести воды и полотенце, а потомъ велѣлъ ему приготовить обомъ мустанговъ. На жалоб-

ный его вопросъ: «если же мустанги убѣжали и нельзя будетъ поймать ихъ?» онъ отвѣчалъ отрывисто:

«— Чтобы черезъ четверть часа они были готовы; не смѣютъ они убѣжать! Безъ увертокъ! Понимаешь? Безъ штукъ! Ты знаешь меня.

«Надо полагать, что Джонни зналъ его, потому что не прошло и четверти часа, какъ мустанги были уже осѣдланы и ждали насъ у дверей хижины.

«Завтракъ, состоявшій изъ чая, свѣжаго масла, пшеничнаго хлѣба и прекраснаго бистека, такъ подкрѣпилъ меня, что я былъ въ состояніи сѣсть на мустанга, хотя и чувствовалъ еще боль во всѣхъ членахъ. Мы поѣхали шагомъ. Утро было ясное, воздухъ прозрачный и пріятно освѣжающій. Дорога, или скорѣе тропинка, шла опять черезъ луга, которые съ одной стороны, по направленію рѣки, окаймлялись первобытными лѣсами, съ другой, простирались подобно океану на необозримую даль, отъ-няясь безчисленнымъ множествомъ островковъ. Намъ попадалось пропастъ дичи, которая выскакивала почти изъ-подъ ногъ нашихъ мустанговъ; хотя Бобъ и имѣлъ съ собою ружье, но онъ ничего, казалось, не видѣлъ, а все разговаривалъ съ самимъ собою. Онъ повидимому приводилъ въ порядокъ то, что намѣренъ былъ сказать судья, потому что произносилъ довольно связно цѣлыя фразы, изъ которыхъ я узналъ много такого, что, при тогдашнемъ моемъ настроеніи, очень желалъ бы пропустить мимо ушей. Но нельзя было не слышать: онъ кричалъ какъ бѣшеный, а когда переставалъ, то привидѣніе, казалось, возникало передъ нимъ снова. Тогда онъ, какъ безумный, устремлялъ взоръ на одну точку, вздрагивалъ, стоналъ; лихорадочная дрожь, сумашествіе убійцы овладѣвали имъ. Вы можете себѣ представить, какъ я обрадовался, когда передъ глазами моими показались наконецъ изгороди плантаціи.

«Она повидимому была довольно значительна; большой деревянный домъ изобличалъ довольство, даже роскошь. Онъ стоялъ посреди группы хинныхъ деревьевъ, которыя давали достаточную тѣнь и прохладу, несмотря на то, что повидимому были посажены недавно; по ихъ высотѣ я давалъ имъ лѣтъ десять, но послѣ узналъ, что они посажены не болѣе четырехъ лѣтъ тому назадъ. Вправо отъ дома стоялъ одинъ изъ царей нашего растительнаго міра, *жизненный дубъ*, самое прекрасное, самое благородное, самое крѣпкое дерево въ Техасѣ, даже можно сказать на всемъ земномъ шарѣ. И дѣйствительно трудно себѣ представить что-нибудь болѣе величественное, болѣе внушающее благоговѣніе, какъ это исполинское дерево, съ его серебристыми чешуями и бороодообразными мхами, наложенными на него столѣтіями! По

лѣвую сторону дома раскидывалось до двухъ сотъ акровъ хлопчатобумажныхъ полей, тянувшихся до самаго Джасинто, который на этомъ мѣстѣ дѣлалъ крутой поворотъ. Такимъ образомъ плантація была расположена на полуостровѣ, и притомъ чрезвычайно живописно: настоящая идиллія. Передъ домою необозримая луговая степь, тянувшаяся на двадцать, на пятьдесятъ, даже на сто миль къ западу. И здѣсь и тамъ архинелагъ острововъ, колеблющихся и блестящихъ въ прозрачной атмосферѣ; между ними стада пасущагося рогатаго скота и мустанговъ; направо и налѣво хлопчатобумажныя поля и острова. За домою видны были хозяйственные постройки и негритянская деревушка. Надъ всѣмъ этимъ царствовала глубокая тишина; это безмолвіе, изрѣдка прерываемое лаемъ двухъ собакъ, придавало плантаціи, погруженной въ какую-то фантастическую задумчивость, что-то торжественное, поразившее, казалось, даже и Боба. Онъ остановился около рѣшетки, посмотрѣлъ съ сомнѣніемъ на домъ, какъ человѣкъ, стоящій у опаснаго порога, черезъ который ему страшно переступить.

«Въ такомъ положеніи оставался онъ нѣсколько минутъ. Я не произносилъ ни слова, и никакъ не рѣшился бы заговорить и тѣмъ прервать внутренней голосъ, который привелъ его сюда: я считалъ бы это святотатствомъ. Но за то какъ тяжело было у меня на сердцѣ при этой неподвижности Боба!

«Внезапнымъ движеніемъ, выразившимъ такую же внезапную рѣшимость, онъ распахнулъ рѣшетчатые ворота, и мы пробѣжали между двухъ садовъ, обсаженныхъ апельсинными, банановыми и лимонными деревьями; эти сады, отдѣляясь отъ проѣзда штaketными заборами, примыкали къ двору, гдѣ видны были другія ворота съ колокольчикомъ. Мы позвонили, и явился негръ, который отперъ намъ ворота.

«Онъ, казалось, очень хорошо зналъ Боба, потому что кивнулъ ему головою, какъ старому знакомому, и сказалъ, что сквайръ имѣлъ въ немъ надобность и уже нѣсколько разъ объ немъ спрашивалъ. Меня онъ просилъ слѣзть съ лошади, сказалъ, что скоро будетъ готовъ завтракъ, а что за лошадьми нашими присмотрать. Я объявилъ негру, что пріѣхалъ не какъ гость къ сквайру, а какъ спутникъ Боба, которому нужно переговорить съ его господиномъ. Правду сказать, моя наружность вовсе не соответствовала роли гостя; одежда моя была перепачкана, мѣстами изорвана, да и самъ я былъ не въ такомъ настроеніи, чтобъ искать гостепріимства техасскаго гранда.

«Негръ нетерпѣливо покачалъ курчавою головою:

«— Масса все-таки слѣзть, сейчасъ завтракъ подавать, а лошади присмотрѣть.

• Бобъ прервалъ его.

• — Намъ не нужно твоего завтрака. Я хочу говорить съ сквайромъ.

• Сквайръ еще лежать въ постель, возразилъ негръ.

• — Такъ скажи ему, чтобъ онъ всталъ; скажи, что Бобу нужно говорить съ нимъ о важномъ дѣлѣ.

• Негръ бросилъ на Боба взглядъ, который сдѣлалъ бы честь любому джентльмену англійскаго герцога.

• — Масса еще спать. Онъ не встать для десять Бобъ.

• — Но мнѣ нужно сказать ему что-то важное, что-то очень важное, увѣрялъ Бобъ настойчиво и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то бо-
дливо.

• Негръ покачалъ опять курчавою головою.

• — Очень важное, говорю тебѣ, Птоли! продолжалъ Бобъ ласкательнымъ и въ то же время раздражительнымъ тономъ, протягивая руку къ курчавой головѣ:—дѣло идетъ о жизни и смерти.

• Негръ нагнулся и сдѣлалъ прыжокъ къ двери.

• — Масса не встать, пока не выспаться. Птоли не дуракъ будить для Бобъ. Масса не встать для десять жизни и смерти.

• Во всякое другое время я бы расхохотался надъ аристократическимъ негромъ аристократа сквайра, но теперь эта сцена шлепа въ себѣ что-то мучительное; вовсе было не до смѣха.

• — Когда встанетъ сквайръ? спросилъ я.

• — Черезъ часъ или два.

• Я посмотрѣлъ на часы: они стояли; но негръ сказалъ, что теперь семь часовъ. Конечно довольно рано для утренняго визита, который не общалъ ничего интереснаго, но и довольно поздно для того, чтобы техасскій сквайръ покоился еще въ постели. Нечего дѣлать, надо было покориться необходимости. Я старался вразумить Боба, что для дѣла дѣйствительно еще рано, и что намъ придется вооружиться терпѣніемъ и ждать, или же воротиться назадъ.

• — Ждать! ждать съ этою адскою мукою и привидѣніемъ! бормоталъ Бобъ.—Не могу ждать; поѣдемъ назадъ.

• — Мы поѣдемъ назадъ, и черезъ два часа возвратимся опять, сказалъ я негру.

• — Изволить масса остаться; Бобъ одинъ ѣхать; сквайръ радъ будетъ масса, уговаривалъ негръ, бросивъ на Боба многозначительный и подозрительный взглядъ, который вѣрно заставилъ бы меня остаться, еслибъ обязанность моя къ этому несчастному не внушала мнѣ, что это была бы самая черная неблагодарность. Итакъ мы поѣхали опять въ харчевню Джонни.

• Легкая и покойная ѣзда освѣжила меня, и хотя она продолжа-

лась туда и обратно менѣе двухъ часовъ, однако возбудила мой аппетитъ въ такой степени, что я почувствовалъ потребность позавтракать въ другой разъ. Вообще вы никакъ не можете себѣ представить волчій аппетитъ, который овладѣваетъ человѣкомъ послѣ верховой ѣзды въ преріяхъ, а въ особенности послѣ такого продолжительнаго голоданія. Человѣкъ дѣлается ненасытнымъ, желудокъ настоящимъ жерломъ, все къ себѣ притягивающимъ, все поглощающимъ. Я едва могъ дожидаться, чтобы мулатка принесла бифштекъ. Мой аппетитъ, казалось, очень радовалъ Боба. Дружески-грустная улыбка пробѣгала по лицу его, когда мутный взоръ его падалъ на меня; но никакими увѣщаніями я не могъ уговорить его, чтобы и онъ съѣлъ что-нибудь.

«— Натощакъ, шепталъ онъ мнѣ,—слѣдуетъ дѣлать то, что я намѣренъ дѣлать, и не буду я ѣсть до тѣхъ поръ, пока не скину съ себя бремени.

«Такъ сидѣлъ онъ, съ неподвижными мускулами въ лицѣ, устремивъ глаза на одну точку. Еслибы въ это время вошелъ кто-нибудь посторонній, то онъ вѣрно принялъ бы Боба за лѣсное привидѣніе. Страданія несчастнаго были слишкомъ ужасны, и было бы жестоко продолжать ихъ, а потому, подкрѣпивъ себя пищею, я сталъ торопить Боба. Мы съѣли на лошадей и поѣхали.

«На этотъ разъ я былъ уже въ состояніи ѣхать скорѣе; меньше чѣмъ въ три четверти часа мы были опять передъ домоу алькальда.»

— Кажется, голоданіе имѣло и пріятную свою сторону, насмѣшливо замѣтилъ опять полковникъ Крекеръ.

— Не хотите ли и вы попробовать? спросилъ генералъ. Разкащикъ, казалось, не слышалъ; онъ продолжалъ:

А л ь к а л ь д ь .

VII.

«Насъ ввели въ парлоръ, меблированный довольно изящно для Техаса. Тамъ сидѣлъ сквайръ, съ сигарою во рту. Онъ только-что позавтракалъ, потому что тарелки и блюда, изъ которыхъ вняла были нетронуты, стояли еще на столѣ. Онъ, какъ видно, былъ не расточителенъ на любезности, и не отличался любопытствомъ нашихъ янковъ: отвѣчая на наши привѣтствія, онъ едва взглянулъ на насъ.

При первомъ взглядѣ на него, тотчасъ можно было узнать въ немъ уроженца западной Виргиніи или Тенесси, потому что тамъ

только произрастаютъ эти допотопныя, исполинскія существа. Даже сидя, онъ былъ выше негра, который разставлялъ тарелки и приборы. При этомъ онъ имѣлъ совершенно-геркулесовское сложеніе западныхъ Виргинцевъ: огромную грудь, массивныя плечи, крупныя черты лица, пронизательные сѣрые глаза; вообще вся фигура его заключала въ себѣ то, что могло внушать уваженіе грубымъ *заллсцамъ*.

• Онъ устремилъ на Боба долгій, испытующій взглядъ; меня же, казалось, онъ приберегалъ къ концу; ибо, хотя негръ уже приготовилъ все для завтрака, и я взялъ уже себѣ стулъ, но все еще не удостоивался ближайшаго его разсмотрѣнія. Я впрочемъ долженъ сказать, что онъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ и самосознаніемъ, и представлялъ собою истиннаго алькальда.

• Бобъ остановился, опустивъ на грудь голову, повязанную окровавленнымъ платкомъ. Видно было, что онъ проникнуть благоговѣйнымъ почтеніемъ къ сквайру. Наконецъ послѣдній сказалъ:

«— А, вы опять здѣсь, Бобъ? Давно ужъ васъ не видѣли; мы думали, что вы ужъ забыли насъ. Право, думали, что вы совсѣмъ отъ насъ убрались. Да, да, Бобъ. Не сняли бы съ себя головы изъ-за этого: терпѣть не могу игроковъ, ненавижу ихъ, любезный, хуже *вомочки*. Мерзкая эта вещь игра; не одного погубила временно и вѣчно; погубила и васъ, Бобъ.

• Бобъ не отвѣчалъ.

«— А могли бы на прошедшей недѣлѣ быть намъ полезны; да и вообще могли бы быть полезнымъ человѣкомъ. Изъ васъ могъ бы еще выйти драгоценный членъ гражданскаго общества, если бы только могли бросить эту пагубную страсть. На дняхъ пріѣхала моя падчерица, и мы поневолѣ должны были послать за Юэлемъ, чтобъ онъ убить серну и настрѣлялъ нѣсколько дюжинъ кудиковъ.

• Бобъ все еще не отвѣчалъ.

«— Ну, теперь ступайте въ кухню, и скажите, чтобы вамъ дали ѣсть.

• Бобъ молчалъ и не трогался съ мѣста.

«— Что, вы не слышите? Идите въ кухню и прикажите подать себѣ ѣсть. Птоли!—обратился онъ къ негру:—скажи, чтобы Вени принесла ему пинту рому.

«— Не надо мнѣ вашего рому. Я не хочу пить, проворчалъ Бобъ.

«— Такъ и есть, такъ и есть, возразилъ судья лаконически. — А пожалуй, продолжалъ онъ, — пожалуй вы въ самомъ дѣлѣ уже выпили, и даже больше чѣмъ нужно. У васъ такой видъ, какъ будто готовы живьемъ проглотить дикую кошку.

«Бобъ заскрежеталъ зубами, чего однакоже судья, казалось, не слышалъ.

«— А вы? обратился онъ наконецъ ко мнѣ. — Чортъ побери, Птоли! Что же ты стоишь? Развѣ ты не видишь, что человекъ хочетъ завтракать? Гдѣ же кофе? А можетъ—быть вы любите больше чай?

«— Благодарю васъ, алькальдъ, я только-что позавтракалъ.

«— Ну, этого не замѣтно. Ужъ не больны ли вы? Откуда вы? Что съ вами случилось? Ужъ не ~~бѣ~~ или у васъ? Какъ вы попали къ Бобу?

«Тогда только онъ пристально посмотрѣлъ на меня и потомъ на Боба. Повидному, онъ соображалъ, что могло быть причиною моего посѣщенія и сообщества моего съ Бобомъ. Результатъ этихъ фیزیомическихъ наблюденій, казалось, не былъ благоприятенъ ни для меня, ни для Боба.

«— Вы все узнаете, судья, успѣвши я отвѣтить ему.—Я многимъ обязанъ Бобу; онъ спасъ мнѣ жизнь.

«— Спасъ жизнь? Бобу вы обязаны спасеніемъ вашей жизни? вскричалъ алькальдъ, недоверчиво качая головою.

«— Да, дѣйствительно я обязанъ ему жизнию: я былъ уже на краю гибели, когда онъ меня нашелъ. Я заблудился въ луговыхъ степяхъ Джасинто, блуждалъ четыре дня, умирая съ голоду. Вчера нашелъ меня Бобъ и вытащилъ почти мертваго изъ Джасинто.

«— Ужъ не хотѣли ли вы. . .

«— Нѣтъ, нѣтъ! прервалъ я его:—мой мустангъ, измученный жаждою, какъ бѣшеный бросился со мною въ рѣку, и я, совершенно обезсиленный, упалъ въ нее.

«— Такъ? сказалъ алькальдъ.—Такъ васъ Бобъ спасъ? Правда это, Бобъ? Хорошо; это меня радуетъ, Бобъ; очень меня радуетъ. Ахъ, еслибы только вы могли развязаться съ своимъ Джонни! Я говорю, Бобъ, этотъ Джонни погубитъ васъ. Бросьте его лучше.

«Все это онъ говорилъ обдуманно, съ разстановкой, прихлебывая временами изъ стакана и пуская клубы дыма.

«— Да, Бобъ, началъ онъ снова;—еслибы вы могли развязаться съ этимъ Джонни!

«— Ужъ поздно! проворчалъ Бобъ.

«— Не знаю, почему было бы поздно; никогда не поздно оставить порочную, грѣховную жизнь; никогда, любезный!

«— Полагаю, все-таки поздно! возразилъ Бобъ почти грубо.

«— Полагаете, что поздно? спросилъ алькальдъ, пристально смотря на него.—А почему такъ полагаете? Возьмите стаканъ. Птоли, стаканъ. И скажите мнѣ, любезный, почему было бы поздно?

«— Не хочу пить, сквайръ; я не чувствую жажды, возразилъ Бобъ.

«— Не о жаждѣ говорятъ. Ромъ не противъ жажды. Ромъ, употребленный умеренно, подкрѣпляетъ сердце и душу, изгоняетъ черныя мысли; но надобно пить его умеренно.

«Говоря это, алькальдъ наполнилъ свой стаканъ и выпилъ его до половины.

«— Но говоримъ не о жаждѣ, началъ онъ снова, — а о томъ, что поздно; почему было бы поздно?

«И опять онъ пристально посмотрѣлъ на Боба.

«— Не ромъ, проворчалъ послѣдній,—а другое лежитъ у меня на сердцѣ.

«— Другое лежитъ на сердцѣ? перебилъ его алькальдъ, отдувая отъ себя облака дыма.—У васъ лежитъ другое на сердцѣ? Хорошо, Бобъ; что же это такъ тяжело лежитъ у васъ на сердцѣ? Возьмите сигару, обратился онъ ко мнѣ.—Послушаемъ, что у него лежитъ на сердцѣ. Или хотите говорить со мною наединѣ? Сегодня, правда, воскресенье, а въ воскресенье дѣла должны отдыхать, любезный; но такъ какъ это вы, Бобъ, и у васъ тяжело на сердцѣ, то посмотримъ.

«— Я нарочно взялъ съ собою этого джентльмена, чтобъ онъ былъ свидѣтелемъ, и чтобъ онъ слышалъ, сказалъ Бобъ, и взялъ сигару.

«Хотя алькальдъ и не предлагалъ Бобу сигары, но преспокойно взялъ свѣчу и поднесъ ее къ нему, чтобы тотъ закурилъ.

«Бобъ закурилъ, потянулъ нѣсколько разъ, посмотрѣлъ сомнительно на алькальда, и выбросилъ сигару изъ окна.

«— Не нравится мнѣ, сквайръ; ничто ужъ мнѣ не нравится; все опротивѣло.

«— Ахъ, Бобъ! еслибы только могли бросить вѣчную вашу игру и пьянство! Вотъ онъ, ваши лихорадки, ваши припадки аим, ваша гибель!

«— Нѣтъ, сквайръ, ничто ужъ не поможетъ; надобно сбросить съ себя... Долго боролся, долго боролся самъ съ собою. Думалъ сладить, одолѣть, не могу. Не одного уже я... подъ седьмое ребро... но этотъ...

«— Что съ вами? сказалъ алькальдъ, выбросивъ также свою сигару изъ окна, и онъ началъ всматриваться въ Боба съ нѣсколько судейскою миной.—Что тамъ еще? Къ чему эти рѣчи о седьмыхъ ребрахъ? Надѣюсь, это не изъ походовъ вашихъ въ Содомъ и въ нижнемъ Начезѣ? Здѣсь они неумѣстны; мы не любимъ подобныхъ забавъ.

«— Пхе! Еще меньше любятъ ихъ тамъ въ Начезѣ. Еслибы любили, то Бобъ не былъ бы въ Техасѣ.

« — За то кости ваши висѣли бы теперь тамъ на какомъ-нибудь деревѣ, или валялись во рву. Знаете это, Бобъ, знаете. Чѣмъ меньше говорить объ этомъ, тѣмъ лучше. Но общали здѣсь быть другимъ человѣкомъ, такъ и не станемъ раскапывать старья исторіи.

« — Хотѣлъ, хотѣлъ, застоналъ Бобъ;—но не могъ. Теперь ничто ужъ не поможетъ. Надобно свалить съ себя, да, надобно избавиться... Не будетъ мнѣ легче, пока не повѣсятъ...

« Въ нѣмомъ изумленіи смотрѣлъ я на Боба. Но алькальдъ взялъ другую сигару, закурилъ ее, и сказалъ совершенно спокойнымъ тономъ:

« — Не будетъ легче, пока не повѣсятъ? Ну хорошо; а зачѣмъ же вы хотите быть повѣшеннымъ? Конечно, это давно бы слѣдовало сдѣлать; если только не лгутъ всѣ газеты Георгіи, Алабамы, Миссиссипи, то вы по крайней мѣрѣ двадцать разъ заслужили веревку, то-есть тамъ, въ Штатахъ. Но мы въ Техасѣ, подъ мексиканскимъ правленіемъ; здѣсь намъ нѣтъ никакого дѣла до того, въ чемъ вы провинились тамъ, лишь бы вы здѣсь не затѣяли чего-нибудь. Гдѣ нѣтъ истца, тамъ нѣтъ и отвѣтчика.

« — Гмъ!.. Есть истецъ, угрюмо возразилъ Бобъ.—Есть истецъ, говорю вамъ, прибавилъ онъ, понизивъ голосъ и содрогаясь.

« — Истецъ? А кто же бы могъ быть этотъ истецъ? спросилъ алькальдъ, взглянувъ на меня.

« — Кто истецъ? пробормоталъ Бобъ.—Кто истецъ? повторилъ онъ, бессмысленно взглядывая то на судью, то на меня.

« Онъ остановился и сказалъ съ нѣкоторымъ чувствомъ самосознанія:

« — Сквайръ, вышлите негра! Чтò нужно сказать свободному бѣлому человѣку, гражданину, того не должны слышать черныя уши.

« — Птоли, выйди отсюда! сказалъ алькальдъ; потомъ онъ обратился опять къ Бобу:

« — Ну, что, что же вамъ нужно, или чтò хотите сказать мнѣ? Но замѣйте, никто васъ не принуждаетъ. Да и вообще моя добрая воля, что я слушаю: сегодня воскресенье.

« — Знаю, пробормоталъ Бобъ,—знаю это, сквайръ. Но незнаю покоя; все перепробовалъ: ѣздилъ и въ Санъ Фелипе-де-Аустинъ и въ Анагуакъ; ничто не помогло. Куда бы ни шелъ, привидѣніе не отступаетъ отъ меня и гонитъ меня назадъ, къ проклятому *патріарху*.

« — Къ патріарху? спросилъ судья.

« — Да, къ патріарху! простоналъ Бобъ.—Знаете патріарха?.. стоитъ не далеко отъ брода на Джасинто?

« — Знаю, знаю, возразилъ судья.—А что васъ гонитъ къ патріарху?

«— Чтò меня гонить? бормоталъ про себя Бобъ.—Чтò гонить того... того, кто...

«— Того, кто..? спросилъ алькальдъ тише.

«— Того, кто, продолжалъ Бобъ тѣмъ же тихимъ голосомъ,— того, кто... другому... посадилъ въ грудь унцію свинцу... лежитъ тамъ, подь патриархомъ... этотъ, кого я...

«— Кого вы..? опять тихо спросилъ судья.

«— Ну... кого я застудилъ.

«Послѣднiя слова Бобъ произнесъ съ нетерпѣливымъ движенiемъ и какъ будто выжимая ихъ изъ себя.

«— Застудили? спросилъ алькальдъ болѣе сильнымъ, почти грубымъ голосомъ.—Вы его? Кого?

«— Ну, кого! Зачѣмъ же не даете мнѣ кончить? Вы все съ своею болтовней... проворчалъ Бобъ съ досадою.

«— Совсѣмъ становитесь ядовиты, Бобъ! прервалъ его судья, начавшiй также терять терпѣнiе. Въ тонѣ его слышны были такая терпкая досада, и вмѣстѣ съ тѣмъ такое хладнокровiе, что мнѣ даже сдѣлалось страшно, и я невольно оцупывалъ шею, не приставленъ ли ужъ и мнѣ ножъ къ горлу: этотъ тонъ заставлялъ всего бояться. Во всю жизнь я не слышалъ, чтобы такъ рассуждали объ убiйствѣ. Я слушалъ, съ напряженнымъ вниманiемъ стараясь вслушаться; ужъ не обманули ли меня разстроенные мои нервы и взволнованныя чувства? Можетъ-быть дѣло шло о неискусно убитомъ медвѣдѣ или пантерѣ?

«Должно быть дѣйствительно такъ, подумалъ я на мгновение. На лицѣ алькальда не было замѣтно ни малѣйшаго волненiя: какое ремесленно-равнодушное, какое мясницкое выраженiе изображалось на немъ! Съ другой стороны лицо Боба: страхъ, отчаянiе и дикая свирѣпость, съ какими выдавливались изъ него признанiя, отрывками, какъ бы противъ воли, какъ будто онъ былъ одержимъ злымъ демономъ; страшныя муки, исказившiя его черты; глаза, то вращающiеся, будто терзаемые адскими фурiями, то страшно неподвижныя, какъ будто при видѣ ужаснаго призрака! Все въ немъ дышало неестественнымъ ужасомъ.

«Вся моя премудрость оказалась здѣсь бесполезною, все мое знанiе людей—ничтожнымъ. Судья продолжалъ курить попрежнему, такъ же спокойно, какъ будто дѣйствительно дѣло шло о неискусно зарѣзанномъ теленкѣ или быкѣ. Я былъ погруженъ въ нѣмое изумленiе отъ этой безчувственности, которая превосходила все, чтò мнѣ случалось видѣть или слышать въ этомъ родѣ.

«Вѣроятно алькальдъ прочиталъ на моемъ лицѣ эти мысли; посмотрѣвъ на меня пристально съ минуту, онъ съ насмѣшливою улыбкою прервалъ молчанiе:

«— Я вижу, что вы нездѣшнiй; если вы думаете найти въ

странѣ нашей такъ-называемое хорошее общество, то вы право раньше разочаруетесь, нежели бы вамъ хотѣлось. У насъ здѣсь нѣтъ благовоспитанныхъ джентльменовъ Нью-Йорка или Бостона, да и не нужны они намъ; можемъ и безъ нихъ обойтись. Еще слава Богу, пройдетъ довольно времени, пока найдутъ къ намъ ваши ньюйоркскіе, лондонскіе и парижскіе фашёнабли, чтобъ учить насъ хорошимъ, или лучше сказать дурнымъ своимъ манерамъ, безъ которыхъ они, можетъ-быть, и сами ни на волосъ не были бы лучше этого несчастнаго, котораго вы здѣсь видите передъ собою. Право, черти у насъ не такъ черны и ангелы у васъ не такъ бѣлы, какъ кажутся. Вы здѣсь приобретете совершенно иную премудрость, нежели какую почерпнули изъ вашихъ книгъ.

«— Продолжайте, любезный! обратился онъ опять спокойно къ Бобу.—Вѣдь все это, полагаю, не что иное, какъ одна изъ обыкновенныхъ вашихъ бредней.

«Бобъ отрицательно покачалъ головою. Алькальдъ пристально посмотрѣлъ на него съ минуту, и потомъ сказалъ ласковымъ, ободрительнымъ голосомъ:

«— Такъ, вы говорите, подъ патріархомъ? А какъ попалъ онъ туда?

«— Самъ оттащилъ его подъ патріарха и зарылъ его, возразилъ Бобъ.

«— Оттащили его сами? Какъ же это случилось, что его туда оттащили?

«— Потому что онъ самъ не могъ идти, съ полунціей свинца въ груди.

«— А эти полунціи свинца вы, Бобъ, оставили у него въ груди? Хорошо, если это былъ Джонни; въ такомъ случаѣ оказали странѣ услугу, а насъ избавили отъ расхода на веревку.

«Бобъ снова покачалъ головою.

«— Не онъ, хотя Джонни и.... но слушайте: теперь ровно десять дней, какъ вы расплатились со мною; заплатили мнѣ двадцать долларовъ пятьдесятъ.

«— Правда, Бобъ! двадцать долларовъ, пятьдесятъ сентовъ; и уговаривалъ васъ при этомъ, чтобъ оставили эти деньги у меня до тѣхъ поръ, пока не набралась бы сотня другая долларовъ, или столько, чтобы можно было купить земли четвертую или восьмую часть *ситіо*; но вамъ что ни совѣтуй, все напрасно.

«— Напрасно! повторилъ Бобъ.—Давно меня путаетъ дьяволъ, который уже рѣшился овладѣть мною. Попуталъ меня, и я захотѣлъ отправиться въ Санъ-Фелипе къ Мексиканцамъ: хотѣлъ попробовать тамъ счастья, да кстати и съ докторомъ по-совѣтоваться.

«— На что вамъ докторъ? Давно могли бы избавиться отъ лихорадки; стоило бы только недѣли на двѣ бросить пьянство; лихорадки здѣсь вовсе не такъ опасны. Но съ вами, Бобъ, истинное наказаніе; вы дикая, буйная, очень буйная голова; да при этомъ еще и сообщество ваше съ Джонни... Но теперь мы положимъ конецъ проказамъ этого Джонни; всѣ сосѣди согласны. Ну, хорошо, такъ вы были на дорогѣ въ Санъ-Фелипе?»

«— Да, былъ на дорогѣ въ Санъ-Фелипе, и вотъ какъ я ѣду такъ своею дорогою, злой духъ или злой рокъ мой, полагаю одинъ изъ нихъ,—повелъ меня мимо дома Джонни. Хоть у меня и было желаніе выпить, но я не слѣзъ съ лошади... Не слѣзъ съ лошади, продолжалъ онъ; — но глядя сквозь ставни въ комнату, вижу за столомъ сидитъ человѣкъ, а передъ нимъ бѣстекъ съ пататами на тарелкѣ и стаканъ вина. При видѣ этомъ я почувствовалъ аппетитъ, но все-таки не слѣзъ. Не хотѣлось. Но пока я вотъ такъ смотрю и размышляю, подкрался ко мнѣ этотъ сатана Джонни, и шепчетъ мнѣ, что у него въ домѣ человѣкъ, съ которыми можно кое-что сдѣлать, лишь бы только ловко взяться за это; что у него на поясъ кисеть съ деньгами, туго набитый чудесный кисеть, какой только можно себя представить; что еслибы мы вздумали, такъ ради шутки, поиграть въ кости, такъ вѣрно и онъ присоединится къ намъ.

«— Мнѣ не совсѣмъ хотѣлось, продолжалъ Бобъ,—и я раздумывалъ и соображалъ довольно долго. А Джонни все продолжалъ соблазнять меня и уговаривалъ такъ таинственно, упрашивалъ такъ вкрадчиво, что я наконецъ слѣзъ съ лошади, а когда, слѣзая, услышалъ я, какъ у меня зазвенѣли въ карманѣ доллары, то и самъ разохотался, и весело вошелъ въ комнату.... Вошелъ весело, продолжалъ онъ съ дикимъ смѣхомъ;—подали вино; я пилъ стаканъ за стаканомъ. Явился и бѣстекъ съ пататами; но я съѣлъ только нѣсколько кусковъ. Едва успѣлъ я проглотить ихъ и выпить стакана три или четыре вина, какъ Джонни принесъ карты и кости. «Ура, Джонни, карты и кости, Джонни! У меня въ карманѣ двадцать, пятьдесятъ, Джонни! Сыграемъ, Джонни, сыграемъ! Только чуръ не напиваться, Джонни! Потому что я тебя знаю, Джонни!» А Джонни улыбается лукаво, и шевелитъ костями и картами; мы начинаемъ игру. Играемъ и пьемъ при этомъ; но я пью больше Джонни, и съ каждымъ стаканомъ все больше разгорячаюсь, а доллары мои убавляются. Я разчитывалъ на проѣзжаго, полагалъ, что присоединится къ намъ, и что намъ придется пощипать его; а онъ сидитъ себѣ, ѣстъ и пьетъ, какъ будто ему до всего этого нѣтъ никакого дѣла. Чтобы разохотить его, я еще больше сталъ горячиться, но ничто не помогало: онъ продолжалъ спокойно ѣсть и пить. Не про-

шло и полчаса, какъ у меня въ карманѣ было уже, совсѣмъ пусто; мои двадцать, пятьдесятъ, отправились къ чорту, или, все равно, къ Джонни. У меня позеленѣло въ глазахъ, сквайръ! Рѣдко со мною бывало такъ. Проигрывалъ во сто разъ больше, проигрывалъ сотни тысячи долларовъ; но эти сотни и тысячи не стоили мнѣ сотой, тысячной доли тѣхъ трудовъ, какіе я употребилъ на пріобрѣтеніе этихъ двадцати, пятидесяти. Вы знаете, я цѣлымъ два мѣсяца лежалъ въ лѣсахъ и лугахъ, подстерегая дичь; належалъ себѣ лихорадку. Лихорадка-то у меня осталась, а не осталось денегъ, чтобы прогнать ее. Я такъ былъ взбѣшенъ, что готовъ былъ сдѣлаться съ кагуаромъ; въ этомъ-то бѣшенствѣ я бросился на Джонни, а онъ... онъ только злобно усмѣхался, звени моими долларами. За это онъ получилъ отъ меня такого тумака въ голову, что вѣрно бы на цѣлую недѣлю потерялъ охоту смѣяться, еслибы не отскочилъ въ сторону. Однако приковылялся опять ко мнѣ; я отъ него, а онъ за мною, да дѣлаетъ мнѣ какіе-то знаки и шепчетъ мнѣ: «Бобъ, Бобъ! что ты переродился что ли? Сталъ такимъ трусомъ, что ужъ ничего и не замѣчешь, не видишь полнаго кисета?» сказалъ онъ, украдкой показывая глазами на кисетъ, который висѣлъ на поясѣ у провѣзжаго. «Вѣдь его можно пріобрѣсть за полунціи свинцу,» продолжалъ онъ со смѣхомъ.

— Такъ Джонни сказалъ это? спросилъ алькальдъ.

— Конечно сказалъ, подтвердилъ Бобъ.—Сказалъ; но я не хотѣлъ ничего слышать: такъ былъ взбѣшенъ за эти двадцать долларовъ! я сказалъ ему: «Если тебѣ такъ понравился этотъ кисетъ, такъ отнимай его самъ у провѣзжаго, а моими руками жаръ не загребай! Отстань отъ меня, и будь ты проклятъ!» Въ бѣшенствѣ я далъ шпоры своему мустангу и ускакалъ.

Ускакалъ, продолжалъ Бобъ. — Въ головѣ у меня все кружилось, все стучало, какъ въ мельницѣ. Эти двадцать, пятьдесятъ свинцомъ давили сердце мое. Къ вамъ я не хотѣлъ, да и не смѣлъ: зналъ, что будете бранить меня...

— Не сталъ бы бранить, Бобъ! А еслибъ и бранилъ, такъ для вашей же пользы. Вызвалъ бы передъ себя Джонни, созвалъ бы судъ присяжныхъ изъ двѣнадцати сосѣдей, возвратилъ бы вамъ ваши двадцать, пятьдесятъ, а Джонни выпроводилъ бы вонъ изъ Техаса или, еще лучше, на тотъ свѣтъ.

•Хотя слова эти были произнесены съ прежнимъ равнодушіемъ, но въ нихъ въ то же время слышалось такое добросердечіе, такое отеческое участіе, что они внушили мнѣ лучшее мнѣніе о деликатной совѣсти моего добраго судьи. И на Боба, казалось, слова эти подѣйствовали благотѣльно: онъ видимо былъ тронуть, и съ глубокимъ вздохомъ взглянулъ на алькальда.

« — Поздно ужъ, пробормоталъ онъ, — поздно, сквайръ!

« — Еще не поздно, возразилъ судья; — но продолжайте.

« — Хорошо, началъ опять Бобъ; — ѣду я; день склонялся къ вечеру; я повернулъ къ пальметтовому полю, знаете? на другомъ берегу Джасинто.

« Судья утвердительно кивнулъ головою.

« — Поѣхалъ я по полю, вдругъ слышу лошадиный топотъ. Слышу лошадиный топотъ, продолжалъ онъ, — и какъ услышалъ его, что-то необыкновенное почувствовалъ я въ душѣ; такъ странно мнѣ стало, такъ странно, какъ еще не бывало въ жизни. Даже страшно мнѣ стало; ледяная дрожь пробѣжала по мнѣ. Точно будто десять тысячъ демоновъ визжали мнѣ въ уши. Я потерялъ сознание и память, не зналъ даже, гдѣ нахожусь. Глазамъ моимъ все только представлялся полный кисеть и мои двадцать, пятьдесятъ. Ничего кромѣ этого не видѣлъ и не слышалъ... Нѣтъ, слышалъ, слышалъ голосъ. Этотъ вотъ голосъ зоветъ меня, спрашиваетъ: «Откуда, землякъ и куда?» — Откуда и куда! проворчалъ я; — откуда и куда! къ чорту! говорю я: — можете и вы туда отправиться и дать ему вѣсточку. «Отнесите сами, сказалъ смѣясь незнакомецъ; мнѣ не подорогъ.» Пока онъ говорилъ это, я поднялъ глаза и вижу, что это тотъ самый проѣзжій, съ кисетомъ. Хотя я и зналъ, что это былъ онъ, но все-таки взглянулъ на него. «Вы не тотъ ли самый, сказалъ онъ, котораго я видѣлъ тамъ, въ харчевнѣ?» — А хоть бы и тотъ, вамъ какое дѣло? говорю я ему. — Никакого, кажется! «Конечно мнѣ до этого нѣтъ дѣла.» — Ну, такъ поѣзжайте своею дорогой, говорю я, — и скажите, что были здѣсь. «Поѣду, поѣду, говоритъ. Не сердитесь! говорить: слово не стрѣла, говоритъ. Кажется, это вашъ проигрышъ такъ разсердилъ васъ, говоритъ. Я на вашемъ мѣстѣ, право, не ставилъ бы своихъ долларовъ на карты и кости.» Меня страшно взбѣсило, что онъ упрекнулъ меня моимъ проигрышемъ; я едѣлся такъ золь и ядовитъ, говорю вамъ, какъ дикая кошка, но все еще удерживалъ себя. Однако стала подниматься желчь; я чувствовалъ это: мною овладевала злость. — Хорошій вы человекъ, говорю, — нечего сказать! Упрекать другаго его проигрышемъ! Вы просто низкій человекъ. Я хотѣлъ, видите, взбѣсить его и потомъ съ нимъ поссориться. Но онъ не желалъ ссоры, и съ кротостію, даже съ смиреніемъ сказалъ: «Ничѣмъ я васъ не упрекаю; сохрани меня Богъ, чтобъ я упрекалъ васъ вашимъ проигрышемъ! Напротивъ, мнѣ очень жаль васъ: не смотрите вы человекъ, который въ состояніи проигрывать много долларовъ. Вы смотрите человекъ, котораго труженикомъ, которому тяжело достаются деньги.» — Да, труженикъ, повторилъ я за нимъ: — конечно, тажкимъ трудомъ добываю деньги. Мы остановились, и были

тогда у верхней окраины Кенбрека, близь опушки, на берегу Джасинто. Я пригнѣдился къ нему ближе, а дьяволъ видно ко мнѣ.— Конечно грузеникъ, говорю я,—и все проигралъ, все, нѣтъ даже и сента на кусъ табаку! • Только-то? сказалъ онъ. Ну, этому горю можно еще помочь. Хоть я и не жую табаку, и самъ не богатъ, имѣю жену и дѣтей и нуждаюсь въ каждомъ сентѣ, но помочь земляку—долгъ гражданина; дамъ вамъ денегъ и на табакъ и на *дрэмъ* (1). • Говоря это, онъ вынулъ изъ кармана кошелекъ, въ которомъ была у него мелкая монета. Кошелекъ былъ довольно туго набитъ; въ немъ могло быть долларовъ двадцать; мнѣ казалось, будто сатана выглядываетъ изъ кошелька и улыбается мнѣ.—Пополамъ! говорю я. • Нѣтъ, нельзя; у меня жена и дѣти, и все это принадлежитъ имъ; но полдоллара...—Пополамъ, говорю я,—или... • Или? • повторилъ онъ, и сказавъ это, онъ положилъ кошелекъ опять въ карманъ и взялся за винтовку, которая висѣла у него черезъ плечо. • Не заставляйте, говорить, меня защищаться. Не дѣлайте этого! говорить. Не принесетъ вамъ счастья то, что вы намѣрены сдѣлать. • Но я уже не слышу и не вижу ничего. Десять миллионовъ демоновъ овладѣли мною.—Пополамъ! кричу я, и пока я еще кричу, онъ привскакиваетъ на сѣдлѣ, опрокидывается назадъ и падаетъ съ лошади. • Я убить!.. успѣлъ онъ только прохрипѣть. Боже, умилосердись надо мною!.. Бѣдная жена, бѣдны мои дѣти!.. •

• Бобъ замолчалъ; у него занялся духъ; холодный потъ крупными каплями выступалъ на лбу его. Страшно неподвижно смотрѣлъ онъ въ уголъ комнаты.

• Поблѣднѣлъ и алькальдъ. Я попробовалъ встать, но покачнулся назадъ, и еслибы не столъ, то вѣрно упалъ бы. Воцарилось мрачное молчаніе. Наконецъ судья глухо проговорилъ:

• — Ужасное, ужасное дѣло! Отецъ, мать, дѣти, однимъ ударомъ! Бобъ, вы ужасный злодѣй! ужасный злодѣй!

• — Ужасный злодѣй! простоналъ Бобъ. — Пуля пробила ему грудь!

• — Можетъ-быть у васъ нечаянно спустился курокъ? сказалъ судья тихо, почти съ боязнію.—Можетъ-быть это была его собственная пуля?

• Бобъ отрицательно покачалъ головою.

• — Нѣтъ! ясно, какъ теперь вижу его передъ своими глазами, слышу, какъ онъ говорить: • Не дѣлайте этого, не заставляйте меня защищаться, чтобы вамъ или мнѣ не пришлось послѣ рас-

(1) Небольшая порція водки.

каиваться!» Но я спустилъ курока: дѣволъ толкнулъ меня. А его пуля лежитъ еще въ камышахъ.

«— Когда онъ лежалъ такъ передо мною, продолжалъ Бобъ съ стеновомъ,—ею мною... не могу сказать вамъ, что со мною дѣлалось. Это не первый, котораго я убилъ, но всѣ кисеты, всѣ кошельки въ мѣрѣ отдалъ бы я за то, чтобы злодѣйство это не совершалось. Нѣтъ! это долженъ быть послѣдній! долженъ, долженъ быть послѣдній! Нѣтъ мнѣ покоя! нѣтъ покоя!.. Особенно въ лугахъ: тамъ ужаснѣе всего! Ничего нѣтъ ужаснѣе, клянусь вамъ!.. Не пускайте меня въ луга!... Все таяетъ меня къ патриарху... Должно-быть я его притащилъ къ патриарху, зарылъ его подъ нимъ своимъ охотничьимъ ножомъ... Я тамъ нашель его.

«— Нашли его тамъ? пробормоталъ судья.

«— Тамъ. Не знаю, какъ онъ туда попалъ, должно-быть я самъ притащилъ его, потому что нашель его тамъ. Но я ужъ ничего не видѣлъ, слышалъ только слова: «Боже, умилосердись надо мною! Бѣдная жена, бѣдныя мои дѣти!» *То, что я сдѣлалъ, не принесетъ мнѣ счастья!* простоналъ онъ опять.—*Не принесетъ!* вижу.... вижу.... всегда и вездѣ слова эти звучать въ ухахъ моихъ.

«Судья всталъ и скорыми шагами началъ ходить взадъ и впередъ, погруженный въ глубокое размышленіе. Вдругъ онъ остановился.

«— Что вы сдѣлали съ его деньгами?

«— Онъ все стоялъ передъ моими глазами, пробормоталъ Бобъ.—Я хотѣлъ ѣхать въ Санъ-Фелипе, кошелекъ его положилъ себѣ въ карманъ, а кисетъ зарылъ вмѣстѣ съ нимъ; зарылъ и бутылку рому и бѣстекъ съ хлѣбомъ, что онъ взялъ съ собою на дорогу. Цѣлый день ѣхалъ. Вечеромъ, слѣзъ съ лошади, хотѣлъ войти въ харчевню: какъ бы вы думали, гдѣ я очутился?

«Алькальдъ и я вытаращили глаза на Боба.

«— Подъ патриархомъ! Духъ убитаго не пустилъ меня въ Санъ-Фелипе, онъ гналъ меня къ патриарху, и тутъ не давалъ мнѣ покоя до тѣхъ поръ, пока я не вырылъ его и не зарылъ снова.

«Судья покачалъ головою.

«— На другой день я попробовалъ поѣхать въ другую сторону. Надо было купить табаку: весь вышелъ. Поѣхалъ въ Анагуакъ черезъ преріи. Ну, въ преріяхъ на меня напалъ такой ужасъ, что и сказать не могу. Куда ни оборочусь, передо мною стоитъ высокій старикъ, съ серебристою бородой, въ свѣтомъ одѣяніи. Такъ представляю себѣ Бога, коли есть Богъ. А рядомъ съ нимъ былъ грозный призракъ убитаго. И погнали они меня оба, и такъ гнали, что я до крови взра-

нилъ мустанга, бѣжа отъ нихъ. Во что бы ни стало, хотѣлъ добраться до Анагуака; надѣялся тамъ выбросить все это изъ головы. Скакалъ, говорю вамъ, не на животогъ, а на смерть къ Анагуаку, цѣлый день скакалъ. Вечеромъ остановился, ищу глазами соляныя копи, и, какъ бы вы думали, гдѣ я опять очутился?.. Опять-таки подъ патриархомъ! Опять его вырылъ, осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ и опять зарылъ.

« — Плохо дѣло! сказалъ алькальдъ.

« — Очень плохо! подхватилъ Бобъ.—Ничто не помогаетъ, говорю вамъ... не дадите вы мнѣ покоя... ничто мнѣ не поможетъ! Не будетъ легче, пока меня не повѣсятъ.

•Послѣ этого страшнаго слова, Бобъ видимо почувствовалъ облегченіе, и, какъ бы это ни казалось страннымъ, признаюсь, и мнѣ стало легче. Невольно я кивнулъ одобрительно головою. Одинъ судья оставался спокойнымъ.

« — Да, сказалъ онъ,—да. Такъ вы думаете, что вамъ не будетъ легче, пока васъ не повѣсятъ?

« — Да, быстро подхватилъ Бобъ,—пока не повѣсятъ на томъ же патриархѣ, подъ которымъ онъ зарылъ.

•Алькальдъ взялъ сигару, закурилъ ее и потомъ сказалъ:

« — Хорошо; если вы этого требуете, то мы посмотримъ, что можно для васъ сдѣлать. Завтра велю созвать сосѣдей.

« — Благодарю васъ, сквайръ, пробормоталъ Бобъ, видимо облегченный.

« — Велю созвать присяжныхъ, повторилъ алькальдъ, — а потомъ увижу, что для васъ можно сдѣлать. Можетъ-быть, вы и сами одумаетесь.

•Я былъ совершенно озадаченъ этими словами, и въ недоумѣніи смотрѣлъ на алькальда. Но онъ, казалось, не замѣтилъ этого.

« — Можетъ-быть найдется другое средство избавиться вамъ отъ жизни, если ужъ она такъ тяжела для васъ, продолжалъ онъ, вынимая изо рта сигару.—Можете выбирать, не отягчая вашей совѣсти.

•Бобъ сомнительно покачалъ головою; невольнo и я сдѣлалъ то же самое.

« — Во всякомъ случаѣ посмотримъ прежде, что скажутъ добрые люди, прибавилъ алькальдъ.

•Бобъ всталъ, подошелъ къ алькальду, и, прощаясь, протянулъ ему руку. Но тотъ не далъ ему руки, и, обратившись ко мнѣ, сказалъ:

— Полагаю, вамъ лучше остаться здѣсь?

•Бобъ съ сердцемъ повернулся:

« — Этотъ джентльменъ долженъ вѣхать со мною.

« — Для чего это? спросилъ судья.

JUN 20 1938

